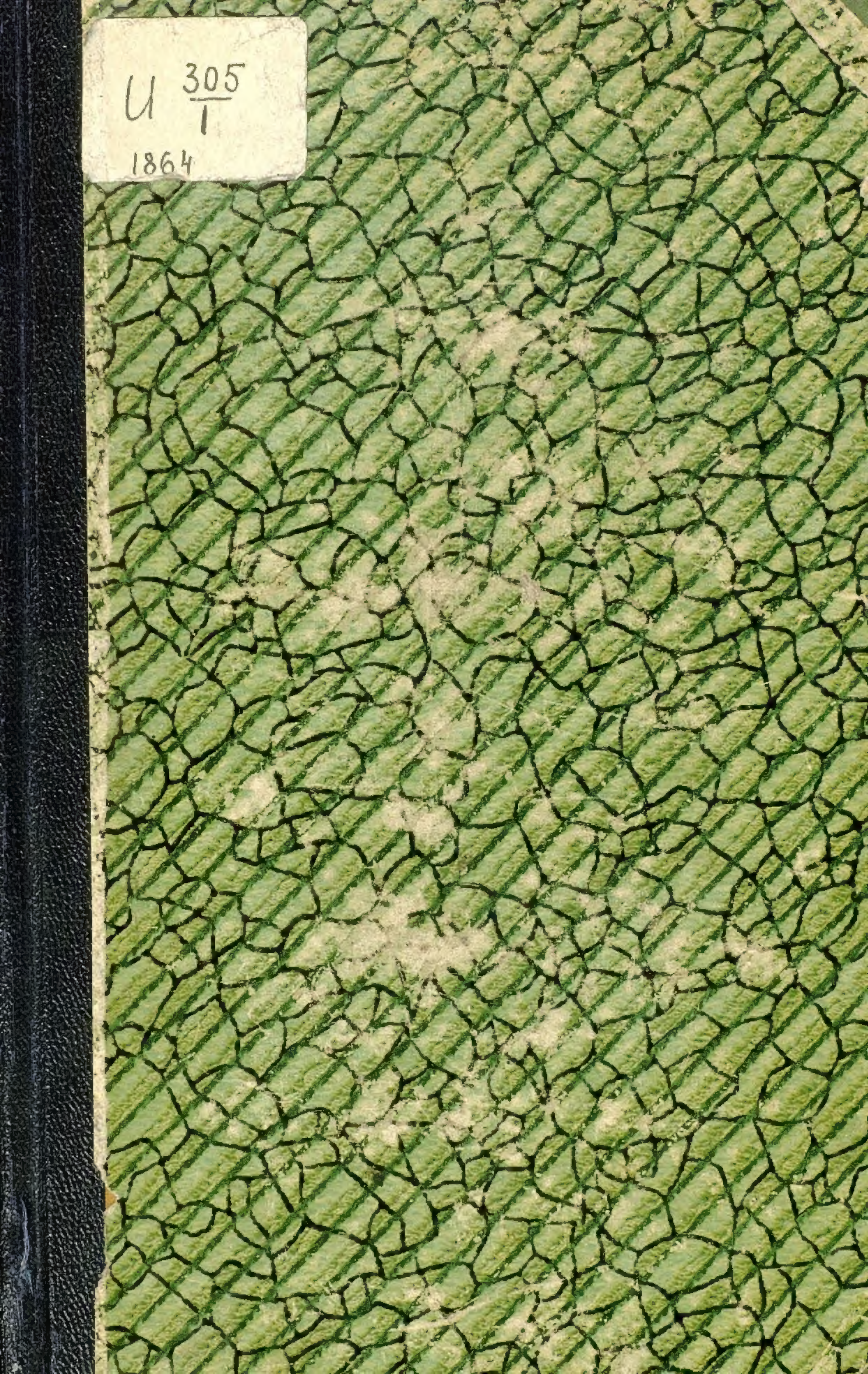
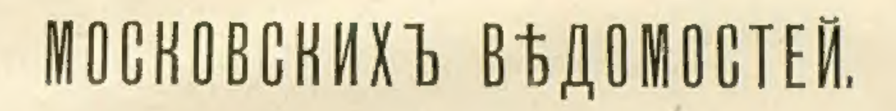
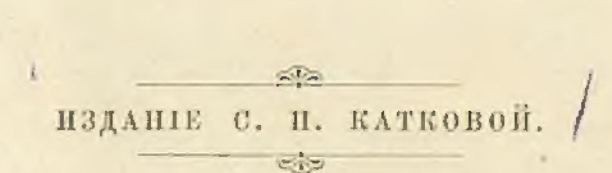

И 305/1
1864

М. Н. КАТКОВЪ.

СОБРАНІЕ
ПЕРЕДОВЫХЪ СТАТЕЙ

МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.

1864 годъ.

ИЗДАНІЕ С. П. КАТКОВОЙ.

МОСКВА.
1897.

Типографія В. В. Чичерина,
прот. Марьиной слоб., за Камеръ-Коллежскимъ валомъ, соб. домъ, 2 ст. Моск. уѣзда.

1864 годъ.

Указатель статей[1]).

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА.

Общіе вопросы [2]).

Военное дѣло.

Еврейскій вопросъ.

Кавказъ.

Крестьянское дѣло.

Морское дѣло.

Москва.

Печать.

Польскій вопросъ.

---

[1]) Цифры означаютъ номера *Московскихъ Вѣдомостей*, а буквы А, Б, В, означаютъ первая, вторая или третья статья въ данномъ номерѣ. Содержаніе нѣкоторыхъ статей могло быть обозначено лишь приблизительно.

[2]) Общіе вопросы касающіеся Россіи, затрогиваются также въ нѣкоторыхъ статьяхъ, помѣщенныхъ подъ другими рубриками.

Почтовое дѣло.

Прибалтійскій край.

Пути сообщенія.

Религія.

Западный и Юго-западный край.

Сельское хозяйство.

Самоуправленіе.

1. Городское.

2. Земское.

Сословія.

Судебное дѣло.

Учебное дѣло.

Финансовые вопросы.

Финляндія.

Разные вопросы.

ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.

Общіе вопросы.

Сѣверо-Американская междуусобная война.

Всесвѣтная революція.

Слухи о Священномъ Союзѣ.

Свиданіе Императоровъ Александра II и Наполеона III.

Франко-Италіянская конвенція.

Шлезвигъ-Гольштейнскій вопросъ.

Обозрѣніе иностранной политики.

Польскій вопросъ.

Папа и Россія.

1864 годъ.

№ 1.

Москва, 31-го декабря.

Отъ проницательности петербургскихъ газетъ не укрылось, что *Московскія Вѣдомости* стали въ сравненіи съ ними органомъ консервативнымъ. *Московскія Вѣдомости* не восторгаются отъ каждаго проекта долженствующаго осчастливить Россію; не ясно ли что онѣ ударились въ крайность, что онѣ проповѣдуютъ *statu quo?* Мы сдѣлаемъ петербургскимъ газетамъ для новаго года маленькое удовольствіе: онѣ до нѣкоторой степени правы.

Реформа! Преобразованіе! Почему эти привлекательныя слова, за разрѣшеніемъ крестьянскаго вопроса, перестали ласкать нашъ слухъ, почему мы не приходимъ въ восторгъ отъ многочисленныхъ проектовъ различныхъ вѣдомствъ, и даже относимся къ нимъ съ недовѣрчивостію? Почему?

Въ преобразованіяхъ необходимо различать двѣ вещи: руководящее чувство и практическое исполненіе. Еслибы можно было ограничиться обсужденіемъ однихъ руководящихъ побужденій, то въ большей части случаевъ намъ пришлось бы засвидѣтельствовать у насъ истинный прогрессъ. Наука, гуманность, доброжелательство, явственно отпечатлѣны въ основаніяхъ огромнаго множества проектовъ настоящаго времени. Благодаря въ особенности рѣшенію крестьянскаго вопроса, направленіе нашего общества, даже въ менѣе образованныхъ слояхъ его, значительно измѣнилось въ послѣдніе годы къ лучшему; нечего и говорить, что это направленіе должно быть особенно сильно и въ тѣхъ образованныхъ лицахъ, которымъ ввѣрено дѣло управленія. Указывать на успѣхъ въ этомъ отношеніи не значитъ льстить кому бы то ни было.

Но практическая политика требуетъ болѣе опредѣленнаго содержанія чѣмъ общее и такъ-сказать отвлеченное доброжелательство; она нуждается, какъ по исполнительной, такъ и по законодательной части, въ многочисленныхъ дѣятеляхъ, которые должны стоять на твердой почвѣ, имѣть въ виду дѣйствительныя потребности и средства, на столько знать и чувствовать существующій бытъ народа, чтобы могла быть увѣренность въ правильномъ примѣненіи общихъ началъ и въ томъ, что это примѣненіе подѣйствуетъ въ желаемомъ смыслѣ на жизнь. Все это истины неоспоримыя, а для Россіи въ настоящую минуту онѣ имѣютъ тѣмъ большее значеніе, что находящіеся теперь въ ходу проекты преобразованій объемлютъ собой всѣ сферы народной и государственной жизни. Ни одна изъ этихъ сферъ не можетъ и не должна обойдтись безъ формы; это очевидно. Но именно потому-то, предстоящія намъ реформы въ ихъ совокупности неминуемо должны дать направленіе всей будущей русской исторіи и опредѣлить ея дальнѣйшее движеніе. Мы должны знать что̀ мы дѣлаемъ. Наше поколѣніе держитъ въ своихъ рукахъ историческую будущность русскаго народа. Наша задача такъ колоссальна, что по неволѣ становится жутко.

А между тѣмъ какъ легко, какъ формально смотрятъ на дѣло преобразованій иные изъ нашихъ прогрессистовъ? Лишь былъ бы прогрессъ, — а какой прогрессъ, - это многихъ изъ нихъ нисколько не интересуетъ. Они восхищаются или забавляются самымъ процессомъ преобразованій, а о содержаніи реформъ не спрашиваютъ. Прогрессъ совсѣмъ превратился бы для нихъ въ формальное канцелярское дѣло, въ отписку, въ очистку нумера, еслибъ они не были воодушевлены какимъ-то необыкновенно восторженнымъ чувствомъ бла-

гожелательства. Въ этомъ надобно отдать имъ справедливость. Но увы! мы видимъ на опытѣ какъ мало помогаетъ имъ это поэтическое чувство.

И въ проектахъ устройства гимназій г. Воронова видно, что составитель былъ исполненъ наилучшими намѣреніями, что онъ желалъ добра и процвѣтанія гимназій, что онъ безпокоился о недостаткахъ воспитанія и обученія, словомъ видно, что онъ человѣкъ благожелательный. А между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что осуществленіе проекта отстаиваемаго г. Вороновымъ нанесло бы такой чувствительный ударъ русскому народному просвѣщенію, что въ виду принятія его *bon gré, mal gré,* остается всѣми силами отстаивать *statu quo.* Не дуренъ также и проектъ, нѣсколько разъ предлагавшійся исправленію и нѣсколько разъ предлагавшійся внимательному обсужденію журналистики, — проектъ о начальныхъ училищахъ. Онъ составленъ — это видно ясно — подъ вліяніемъ мысли, что образованіе весьма необходимо и весьма полезно для государства и общества; въ немъ видно желаніе снабдить этимъ образованіемъ наше крестьянское населеніе, хотя бы насильно. Но оказалось, что этотъ проектъ даже и невозможенъ. Не говоря уже объ отводѣ десятинъ земли и обязательной работѣ, онъ требовалъ бездѣлицы, — ежегодной издержки въ 12 милліоновъ рублей сер.;—тогда какъ весь бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія едва доходитъ до 6 милліоновъ, и эта сумма, очевидно, не можетъ и не должна быть увеличиваема.

Такимъ проектамъ какъ не предпочесть настоящее положеніе дѣла? Оно по крайней мѣрѣ исключаетъ возможности, что въ близкомъ будущемъ, когда усовершенствуются способы выработки и обсужденія законодательныхъ проектовъ, произойдетъ поворотъ къ лучшему съ меньшимъ рискомъ ошибки и съ меньшею опасностью серіозныхъ потерь.

Мы не хотимъ впрочемъ касаться въ этой замѣткѣ, высшихъ общественныхъ интересовъ, каковы напримѣръ вопросы о положеніи духовенства, о народномъ образованіи. Чѣмъ выше, то и болѣе подлежитъ спору. Мы намѣрены указать на вопросы низшаго порядка, гдѣ представляется болѣе очевидныхъ и безспорныхъ выводовъ.

Успѣшность или неуспѣшность исполненія особенно осязательны въ вопросахъ хозяйственныхъ. Потеряннаго рубля не воротишь. Поэтому мы нѣсколько остановимся на нѣкоторыхъ изъ совершаемыхъ въ этой сферѣ реформъ.

И въ этой сферѣ, точно также какъ въ другихъ, настроеніе прогрессивное, не пугается ни многочисленности, ни колоссальности задачъ. Наоборотъ настроеніе консервативное побуждаетъ браться только за то, что необходимо нужно, не задаваясь множествомъ дѣлъ, а исполняя ихъ по возможности одно за другимъ и притомъ въ размѣрахъ по возможности скромныхъ.

Вотъ напримѣръ двѣ задачи: упрочить цѣнность кредитнаго рубля, освободивъ ее отъ колебаній вредныхъ для торговли, это— одна задача, скромная, ограничивающаяся необходимымъ; другая задача — смѣлая, рискованная, зависящая отъ множества непредвидимыхъ обстоятельствъ, неизбѣжно сопряженная съ затрудненіями кризиса— состоитъ въ возстановленіи цѣнности кредитнаго рубля. Мы полагаемъ, что только первая изъ этихъ задачъ раціональна, а во второй вовсе нѣтъ надобности. Но даже тѣ, кто не согласенъ съ этимъ мнѣніемъ, должны признать наиболѣе правильнымъ такой ходъ дѣла, чтобы лишь по совершенномъ исполненіи первой задачи было приступлено къ исполненію второй. Итакъ, можно ли не жалѣть, что скромная задача показалась мало заманчивою нашимъ дѣятелямъ, что большинство вліятельныхъ людей увлеклись желаніемъ искусственно возстановить курсъ кредитнаго рубля? Если государственный банкъ выдалъ золота и векселей всего на 120 милліоновъ, то чистой потери на операціи возстановленія кредитнаго рубля было никакъ не менѣе 10 милліоновъ рублей, которые были бы сбережены при болѣе скромномъ и консервативномъ образѣ дѣйствій.

Относительно цѣнности кредитнаго рубля еще подлежало вопросу, что лучше, возстановлять ли ее или просто упрочить. Но сколько задачъ несомнѣнно полезныхъ, за которыя однакоже браться вредно? Чего лучше напримѣръ, еслибъ удалось исполосовать всю Россію желѣзными дорогами, и еслибы каждую дорогу удалось построить не такъ какъ строятся желѣзныя дороги въ Америкѣ, а какъ построена наша Николаевская? Это было бы счастье, но еслибы мы начали строить разомъ въ десяти мѣстахъ Россіи монументальныя желѣзныя дороги, то, разумѣется, не достроили бы

ни одной. Кто не знаетъ, что даже то увлеченіе, которое выразилось въ учрежденіи Главнаго Общества, оказалось вреднымъ? Это Общество не построило намъ южной дороги, а между тѣмъ другія компаніи не могли взяться за южную дорогу, уступленную Главному Обществу, и удобное время было упущено.

Укажемъ еще на исторію съ банками.

Въ исторіи финансовыхъ учрежденій рѣдко встрѣчаются явленія, подобныя ликвидаціи оборотовъ сохранныхъ казенъ опекунскихъ совѣтовъ. Банкъ, производившій громадные обороты въ теченіи столѣтія, пользовавшійся особымъ уваженіемъ со стороны правительства, которое оставляло его внѣ зависимости отъ государственнаго казначейства, заслужившій неограниченное довѣріе самыхъ низшихъ классовъ народа, вдругъ исчезаетъ съ лица земли. Реформа радикальная! Нѣтъ сомнѣнія что безсрочныя вклады ставили сохранную казну въ опасное положеніе, и что нужно было превратить ихъ въ срочные; нѣтъ сомнѣнія, что вслѣдствіе избытка кредитныхъ билетовъ, въ сохранныхъ казнахъ накопились капиталы, остававшіеся безъ движенія; все это такъ,—но по устраненіи замѣченныхъ недостатковъ, заведеніе, теперь стертое съ лица земли, было бы навѣрно сохранено, если бы въ рѣшеніи судьбы его болѣе участвовалъ консервативный голосъ интересовъ замѣшанныхъ въ дѣлѣ. Этотъ консервативный голосъ сталъ бы можетъ-быть съ нѣкоторою неумѣренностію настаивать на томъ, что внезапнаго разбора капиталовъ при довѣріи къ банку трудно ожидать, что огромными массами кредитныхъ билетовъ, скопившихся въ сохранныхъ казнахъ, лучше было бы воспользоваться государственному казначейству, для постройки желѣзныхъ дорогъ или для другихъ несомнѣнно полезныхъ и доходныхъ назначеній, чѣмъ выбрасывать ихъ на денежный рынокъ и тѣмъ вызывать безполезныя и раззорительныя предпріятія. Можетъ-быть, повторяемъ, оказалась бы нѣкоторая неумѣренность и теоретическая неправильность въ этихъ указаніяхъ, но можно навѣрное сказать, что консервативный голосъ никогда не указалъ бы на пониженіе процентовъ и на новый выпускъ кредитныхъ билетовъ для воспособленія казеннымъ банкамъ при ликвидціи вкладовъ, и что если-бы консервативный голосъ интересовъ былъ услышанъ, то какой бы дальнѣйшій ходъ ни приняло это дѣло, все-таки на вѣрное сохранныя казны не были бы подорваны, вкладчики не бросались бы туда за своими капиталами, и не были бы принуждены помѣщать ихъ въ разныя рискованныя акціонерныя предпріятія, гдѣ значительная ихъ часть погибла съ явнымъ вредомъ для страны. Были и тогда выгодныя предпріятія въ родѣ постройки южной желѣзной дороги, въ родѣ постройки Нижегородской дороги, но предпріятія эти были уже уступлены, и въ рукахъ Главнаго Общества сдѣлались столь же рискованными, какъ и любая акціонерная компанія изъ самыхъ гнилыхъ. Правительство нѣсколько разъ имѣло по контракту право конфисковать все дѣло Главнаго Общества. Оно не воспользовалось своимъ правомъ; оно принуждено было сдѣлать рядъ тяжелыхъ единовременныхъ и постоянныхъ уступокъ, которыя отзовутся на долгое время необходимостію включать по нѣскольку милліоновъ руб. сер. въ бюджетъ для гарантіи дохода акціонерамъ. И въ то время когда Главное Общество было готово отступиться отъ южной желѣзной дороги, русскія акціонерныя компаніи тратили свои деньги на гнилыя предпріятія, невыгодныя для акціонеровъ и не имѣющія государственнаго значенія!

Вотъ еще одна особенность нашихъ преобразованій, побуждающая нерѣдко стоять за *statu quo*. У насъ существуютъ теперь десятки коммиссій, разрабатывающихъ различные вопросы. Коммиссіи эти составляются разными вѣдомствами изъ чиновниковъ, охотно допускаемъ это, образованныхъ и опытныхъ; чиновники эти вырабатываютъ громадные проекты, и представляютъ обширные томы изслѣдованій. Но какова должна быть точка зрѣнія этихъ коммиссій, уже по самому составу ихъ? Это точка зрѣнія не просто бюрократіи, а бюрократіи отдѣльнаго вѣдомства. Можетъ ли быть съ пользой допущена такая точка зрѣнія въ вопросахъ сложныхъ и важныхъ, гдѣ техническая сторона переплетается съ политическою до такой степени, что ихъ раздѣлить не возможно? Вопросы въ родѣ судебной и земской реформы — эти вопросы не сродни, напримѣръ, вопросу о банковой системѣ или вопросу о желѣзныхъ дорогахъ. Они требуютъ не только техническаго изученія, но и правильной широкой точки зрѣнія на весь существующій порядокъ вещей и на всѣ элементы народной жизни.

Прочтите отдѣльный проектъ земскихъ учрежденій, отдѣльный проектъ судопроизводства и судоустройства, отдѣльный проектъ городоваго устройства или устройства полиціи. Каждый порознь можетъ быть очень хорошъ; но если поставить ихъ вмѣстѣ, что выйдетъ? На каждой страницѣ вы найдете самыя лучшія идеи: о самоуправленіи, о гласномъ и устномъ судопроизводствѣ, о присяжныхъ и т. п. Идеи и цѣли—внѣ спора. Но то же ли слѣдуетъ сказать о средствахъ? Не очевидно ли, что судебная и земская реформы должны идти рука объ руку, что онѣ должны соотвѣтствовать нашимъ общественнымъ даннымъ, что въ противномъ случаѣ нельзя не опасаться чтобы не наплодилась у насъ куча присутственныхъ мѣстъ съ чиновниками, которымъ, для предохраненія ихъ отъ грѣхопаденія въ видѣ взяточничества, будетъ отпускаться широкое жалованье, не соотвѣтствующее ни ихъ дѣйствительнымъ услугамъ, ни средствамъ страны?

Труды и проекты отдѣльныхъ коммиссій поступаютъ, правда, для совокупнаго разсмотрѣнія въ государственный совѣтъ, но кто не знаетъ какъ бываетъ на практикѣ трудно перерабатывать совершенно готовые проекты, и какъ это въ особенности трудно для многолюднаго собранія? Впрочемъ, какъ извѣстно, не всѣ проекты восходятъ этимъ путемъ, обезпечивающимъ до нѣкоторой степени приведеніе ихъ къ одному знаменателю. Исключеніе составляютъ многія мѣры по военной части, о которой мы также позволимъ себѣ упомянуть.

Въ настоящую минуту преобразовывается въ самыхъ коренныхъ основаніяхъ наше военное устройство, и нѣтъ сомнѣнія, что съ точки зрѣнія военнаго вѣдомства, этимъ преобразованіемъ устраняются многіе важные недостатки прежней системы. Положимъ даже, что новое во всѣхъ отношеніяхъ лучше стараго съ спеціяльно-военной точки зрѣнія. У насъ до сихъ поръ, напримѣръ, было „за исключеніемъ гвардіи, гренадеръ и кавказской арміи, *только* 72 дѣйствующихъ пѣхотныхъ полка"; тогда какъ Франція имѣетъ 106 пѣхотныхъ полковъ, а Австрія—97. Въ настоящемъ году цифра пѣхотныхъ полковъ у насъ почти удвоена, и притомъ такимъ образомъ, что это увеличеніе состава будетъ постоянною принадлежностію и мирнаго времени, съ тою разницей, что до половины всѣхъ людей арміи будутъ увольняемы на время отпусковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ установлены *правильные* рекрутскіе наборы, съ сокращеніемъ срока службы, для образованія большаго запаса отпускныхъ чиновъ, которымъ армія и будетъ пользоваться при переходѣ на военное положеніе. Планъ широкій! Безспорно одно: еслибы государственная задача Россіи заключалась въ непрерывныхъ переходахъ войскъ отъ мирнаго на военное положеніе, то исполненіе всего этого плана представляло бы капитальныя выгоды въ сравненіи съ прежнею системой. Но не менѣе безспорно и то, что съ точки зрѣнія мирныхъ гражданскихъ интересовъ военное преобразованіе должно представляться иначе, чѣмъ съ военной. Безспорно также и то что такая коренная реформа, заходящая въ самыя нѣдра народной жизни, никакъ не можетъ быть вполнѣ удовлетворительно обсуждена съ исключительно-военной точки зрѣнія.

Спеціализація интересовъ отдѣльныхъ вѣдомствъ ведетъ иногда къ весьма страннымъ явленіямъ. Кому не извѣстенъ изъ офиціяльныхъ журналовъ споръ шедшій между нашимъ горнымъ и артиллерійскимъ вѣдомствами относительно поставки металловъ на оружейные заводы и чугунныхъ орудій въ артиллерію? Подъ вліяніемъ этого спора, мы даже заказывали въ Швеціи нѣсколько сотъ орудій, и правду сказать, получили оттуда издѣлія отнюдь не превосходнаго качества. Кому неизвѣстно также, что морское вѣдомство, послѣ долгихъ преній съ вѣдомствомъ государственныхъ имуществъ, отказалось отъ пріема казенныхъ лѣсовъ и стало покупать лѣсъ у частныхъ лицъ и преимущественно за границей?

Упомянемъ въ заключеніе еще о бережливости, составляющей такую очевидную потребность для нашихъ финансовъ. Это всѣми признается, и несмотря на всѣ заботы о сокращеніи издержекъ, мы видимъ одно движеніе въ постоянномъ направленіи: расходы на содержаніе различныхъ управленій высшихъ и низшихъ военныхъ и гражданскихъ, непрерывно увеличиваются, и вызываютъ новые долги или новые налоги, въ такое время когда идетъ громадное экономическое явленіе,—разчетъ помѣщиковъ съ крестьянами, значительно увеличивающій обязательства государства. Расточительность есть всегдашняя принадлежность финансовъ государства, дѣлающаго значительные займы. Опытъ всѣхъ странъ показываетъ, что дабы противодѣйствовать рас-

точительности, есть одно средство—не отступать отъ *statu quo* безъ крайней необходимости.

№ 2.

Москва, 2-го января.

Намъ очень пріятно начать и вести въ столбцахъ нашей газеты разговоръ по такому важному вопросу, какъ вопросъ о нашей денежной системѣ, съ такимъ собесѣдникомъ какъ Д. П. Шиповъ, котораго статью мы печатаемъ въ этомъ самомъ нумерѣ. Мы оказываемъ гостепріимство этой статьѣ съ полнымъ радушіемъ, и признаемся, даже не безъ маленькаго эгоистическаго разчета. Почтенный авторъ этой статьи предостерегаетъ кого слѣдуетъ отъ ошибочнаго мнѣнія, что для рѣшенія упомянутаго вопроса довольно „одного кабинетнаго сужденія и одного теоретическаго приговора.“ Высказывая это предостереженіе, онъ имѣетъ въ виду именно насъ и заявляетъ это съ прямотой, за которую мы искренно благодаримъ его. Съ сущностію предостереженія его никто не можетъ быть болѣе насъ согласенъ. Мы не знаемъ ничего безсмысленнѣе теоретическихъ приговоровъ пренебрегающихъ эмпирическими данными по такимъ вопросамъ, которые касаются эмпирическихъ вещей. Мы тысячу разъ говорили въ нашихъ изданіяхъ о необходимости сполна оцѣнивать „условія жизни“, прежде нежели рѣшаться на какія-либо мѣры. Мы очень часто и очень рѣшительно высказывались противъ теорій и теоретиковъ въ дѣлѣ практической политики. Но между тѣмъ какъ иные обвиняютъ насъ за эти мнѣнія во враждебныхъ покушеніяхъ даже на свободу человѣческой мысли, другіе продолжаютъ взводить на насъ совершенно противоположное обвиненіе, называя наши сужденія кабинетными, наши приговоры теоретическими, и повторяя на всѣ лады, что мы не хотимъ знать условій жизни. Мы не знаемъ за собой ни той, ни другой вины, и признаемся, очень желали бы прекращенія толковъ о нашихъ будто бы теоретическихъ приговорахъ и кабинетныхъ сужденіяхъ. Если мы ошибаемся, то къ намъ приложимо только одно изъ двухъ объясненій ошибки, предлагаемыхъ г. Шиповымъ. Теоретики, говоритъ онъ, ошибаются, или не зная дѣла, или смотря съ высоты умозрѣнія на практическій ходъ его. Если мы ошибаемся, то отнюдь не потому чтобы мы смотрѣли съ высоты умозрѣнія на практическій ходъ дѣла, а только потому что *не знаемъ дѣла*, и вотъ тутъ-то возражатель можетъ подать намъ помощь, за которую мы будемъ ему чрезвычайно признательны. Мы не только не уклоняемся отъ возраженій, мы вызываемъ ихъ, и съ величайшею готовностью будемъ печатать ихъ, если только они будутъ состоять не въ теоретическихъ разсужденіяхъ и приговорахъ, а въ указаніи на укрывшіяся отъ нашего вниманія частныя условія и подробности дѣла или на практическіе способы устраненія тѣхъ неудобствъ и затрудненій, отъ которыхъ страдаетъ теперь экономическая жизнь Россіи.

Мы позволимъ себѣ просить только объ одномъ,—чтобы нашъ возражатель удостоивалъ вниманія то что̀ мы пишемъ. Тѣ мнѣнія о денежномъ кризисѣ, которыя высказываются теперь въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, были прежде излагаемы въ *Русскомъ Вѣстникѣ* и издававшейся при немъ *Современной Лѣтописи*. Кто хочетъ справедливо судить о нашихъ мнѣніяхъ, тотъ долженъ брать ихъ въ совокупности. Будетъ очевидно несправедливо выставлять противъ насъ тотъ или другой взглядъ, какъ требованіе жизни, нами не изучаемой и мало извѣстной намъ, когда мы можетъ-быть первые въ русской литературѣ высказали этотъ взглядъ и настойчиво твердили о немъ публикѣ. А между тѣмъ именно это и случилось съ г. Шиповымъ. Онъ говоритъ о потрясеніяхъ, которыя могутъ произойдти отъ уменьшенія количества кредитныхъ билетовъ, и приводитъ слова Карамзина, что вдругъ уменьшить количество бумажекъ также вредно, какъ вдругъ умножить. Но если память не обманываетъ насъ, мы сами ссылались именно на Карамзина, когда говорили о потрясеніяхъ, съ которыми было бы сопряжено возстановленіе полной цѣнности кредитнаго рубля. Наше разногласіе съ г. Шиповымъ заключается только въ томъ, что мы употребляли терминъ, который, какъ намъ кажется, точнѣе опредѣляетъ дѣло. Вмѣсто того чтобы говорить объ опасности уменьшенія количества бумажекъ, мы говорили объ опасности возстановленія цѣнности кредитнаго рубля. Этимъ мы опредѣляли мѣру опаснаго уменьшенія количества бумажекъ. Не всякое уменьшеніе опасно; нѣкоторое уменьшеніе необходимо, чтобы могла держаться у насъ

звонкая монета. Опасно значительное уменьшеніе,—такое, какое нужно для возстановленія полной цѣнности кредитнаго рубля. Карамзинъ точно также выразилъ бы свою мысль, еслибы ему пришлось примѣнять ее къ теперешнему положенію дѣлъ.

Мы говорили пространно о юридическихъ и экономическихъ основаніяхъ въ пользу того что̀ можно называть банкротствомъ на нѣсколько процентовъ. Мы употребляли даже это выраженіе, не видя въ немъ ничего зловѣщаго, и старались доказать, что въ подобномъ банкротствѣ заключается единственное средство смягчить неизбѣжно предстоящій намъ кризисъ. Этого мало: мы придавали этому вопросу такое значеніе, что позволили себѣ даже проектировать ту денежную единицу, въ которую долженъ превратиться консолидированный кредитный рубль. Послѣ разныхъ колебаній, мы остановились на томъ планѣ, который и теперь намъ кажется самымъ удобнымъ. Этотъ планъ состоитъ въ томъ, чтобы кредитный рубль былъ совершенно уравненъ съ прусскимъ талеромъ, чтобы размѣнная монета 72 пробы осталась въ томъ же отношеніи къ кредитному рублю, въ какомъ она находится теперь, а серебро прежней пробы и золото получили высшій курсъ сообразный содержанію драгоцѣннаго металла.

Г. Шиповъ, можетъ-быть, спроситъ насъ, почему мы совсѣмъ перестали говорить объ этомъ планѣ въ послѣднее время. Онъ, можетъ-быть, скажетъ намъ, что изъ нашего молчанія всѣ были въ правѣ заключать объ измѣненіи нашихъ взглядовъ. Но какой былъ бы смыслъ разсуждать о нашемъ прежнемъ планѣ, когда правительство рѣшило возстановить полную цѣнность кредитнаго рубля? Эти разсужденія не могли бы принести никакой практической пользы, и ихъ нельзя было бы излагать, не сопровождая зловѣщими предсказаніями на счетъ исхода операціи размѣна. Мы ограничились тѣмъ, что̀ находили полезнымъ. Мы указали (въ іюнѣ мѣсяцѣ) на затрудненія, которыя мы тогда предвидѣли, и которыя дѣйствительно оказались; мы надѣялись вызвать этимъ указаніемъ обсужденіе ряда мѣръ, которыя могли бы отчасти отвратить, отчасти смягчить эти затрудненія, и которыя были нами перечислены. Но зная, что возстановленіе полной цѣнности кредитнаго рубля было заявленною цѣлью правительства, мы полагали, что всѣ тѣ мѣры, о которыхъ мы надѣялись возбудить пренія, должны были согласоваться съ этою общею цѣлью.

Вотъ объясненіе нашего образа дѣйствій. Но мы очень рады, что замѣтка г. Шипова даетъ намъ поводъ заявить, что исходъ операціи размѣна, много разъ предсказанный въ нашихъ статьяхъ, могъ только утвердить насъ въ прежнихъ взглядахъ. Прежде, когда опытъ не былъ произведенъ, можно было говорить только на основаніи теоріи, и мы на основаніи теоретическихъ соображеній говорили, что изъятіемъ 100 милліоновъ кредитныхъ билетовъ нельзя возстановить ихъ цѣнности, что однимъ внѣшнимъ займомъ нельзя дѣйствовать безъ существеннаго ущерба интересамъ страны, что нужно изъять не менѣе 250 милліоновъ, но что такое изъятіе произведетъ страшное потрясеніе и повлечетъ за собой безчисленныя банкротства. Теперь мы можемъ сказать то же самое, но ужь съ большею убѣдительностію. Что̀ прежде говорила теорія, то теперь говоритъ опытъ. Теперь ясно, что седьмымъ займомъ нельзя было возстановить цѣнность кредитнаго рубля: было изъято 70 милліоновъ, а набѣгъ на размѣнную кассу нисколько не уменьшился. Теперь ясно также, что внѣшнимъ займомъ мы не могли достигнуть цѣли, состоявшей въ томъ, чтобы водворить звонкую монету въ Россіи: мы только изъяли 70 милліоновъ кредитныхъ билетовъ; но эта цѣль была бы достигнута съ меньшими убытками, если бы эти 70 милліоновъ были собраны внутреннимъ займомъ и были преданы уничтоженію безъ предварительной церемоніи обмѣна ихъ на звонкую монету, которая единственно для этой цѣли и пріѣзжала въ Россію. Наконецъ, теперь ясно, какими потрясеніями сопровождалось бы дѣйствительное и прочное возстановленіе цѣнности кредитнаго рубля, когда изъятіе сравнительно незначительнаго количества 70 милліоновъ повело къ такому острому ощущенію безденежья, что на него не перестаютъ жаловаться. Все это говоритъ теперь опытъ, купленный дорогою цѣной, а потому, повторяемъ, намъ очень пріятно было встрѣтить въ статьѣ г. Шипова, хотя и въ формѣ возраженія, указаніе на ту мысль, которой мы придавали и придаемъ особенное значеніе,—на мысль, что намъ вовсе не нужно возстановлять цѣнность кредитнаго рубля, а нужно только упрочить ее.

Но упрочить ее нужно, и этой цѣли теперь, послѣ многолѣтней искусственной под-

держки курса, нельзя достигнуть безъ изъятія нѣкоторой части кредитныхъ билетовъ изъ обращенія. Эту часть, которую слѣдуетъ изъять, опредѣлить можно лишь приблизительно, или лучше сказать, можно лишь доказать присутствіе ея, то-есть присутствіе избытка, но никто не возьмется опредѣлить, какъ велика должна быть она. При полномъ возстановленіи цѣнности кредитнаго рубля она была бы на 60 милліоновъ больше чѣмъ при уравненіи цѣнности кредитнаго рубля съ цѣнностью прусскаго талера; но и при послѣднемъ планѣ невозможно открыть размѣнъ, не обмѣнявъ части кредитныхъ билетовъ на процентныя бумаги, потому что иначе нельзя было бы выпустить, напримѣръ, ни одной серіи билетовъ государственнаго казначейства, не причиняя колебаній въ цѣнахъ на всѣ предметы, и вмѣстѣ съ тѣмъ не поощряя привоза и не стѣсняя вывоза. Мы говоримъ, что количество кредитныхъ билетовъ подлежащихъ изъятію не можетъ быть въ точности опредѣлено; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы нельзя было опредѣлить цифру внутренняго займа, нужнаго для изъятія избытка кредитныхъ билетовъ. При теперешнемъ положеніи банковыхъ дѣлъ нельзя требовать, чтобы подписчики займа дѣлали взносы исключительно кредитными билетами. Вслѣдствіе тѣхъ же обстоятельствъ, цѣлью внутренняго займа должно быть не только изъятіе нѣкоторой доли кредитныхъ билетовъ изъ обращенія, но и отвержденіе безсрочныхъ вкладовъ, составляющее не менѣе важную потребность минуты. Соединеніе этихъ двухъ цѣлей облегчаетъ дѣло. Взносы внутренняго займа должны поступать отчасти наличными деньгами, то-есть кредитными билетати, отчасти переводомъ по книгамъ банка черезъ списываніе подлежащихъ взносу суммъ съ свидѣтельствъ безсрочныхъ вкладовъ. Кредитные билеты, поступающіе такимъ образомъ, подлежали бы сожженію и убавили бы собой избытокъ; между тѣмъ какъ взносами по свидѣтельствамъ были бы отверждаемы безсрочные вклады. А такъ какъ, вопервыхъ, отвержденіе безсрочныхъ вкладовъ можетъ произойдти безъ малѣйшаго потрясенія народнаго хозяйства, а вовторыхъ при возможности дѣлать взносы по усмотрѣнію, кредитными ли билетами или свидѣтельствами банка, публика никакъ не взнесетъ кредитныхъ билетовъ больше чѣмъ сколько ихъ есть въ излишкѣ, то заемъ этого рода не можетъ причинить никакихъ серіозныхъ затрудненій. Малъ избытокъ, — больше отвердится вкладовъ, и положеніе банка болѣе упрочится; великъ избытокъ, — меньше будетъ убавка безсрочныхъ вкладовъ и больше будетъ взносовъ кредитными билетами. Итакъ отъ не большой ошибки въ цифрѣ внутренняго займа не можетъ быть большой опасности. Повидимому, при возстановленіи полной цѣнности кредитнаго рубля, цифра должна бы быть отъ 150 до 200 милліоновъ, а при уравненіи кредитнаго рубля съ прусскимъ талеромъ, — отъ 75 до 100 милліоновъ. Само собой разумѣется, что назначеніе цифры внутренняго займа должно зависѣть отъ величины размѣннаго фонда: чѣмъ больше размѣнный фондъ, тѣмъ меньше можетъ быть внутренній заемъ, и на оборотъ. Наконецъ цифра внутренняго займа можетъ быть уменьшена, если есть надежда на пополненіе размѣннаго фонда внѣшнимъ займомъ. Но къ сожалѣнію, въ этихъ обоихъ отношеніяхъ обстоятельства наступившаго года будутъ неблагопріятны для насъ. Нашъ размѣнный фондъ заключаетъ въ себѣ звонкой монеты, если не ошибаемся, около 55 милліоновъ рублей, — а въ западной Европѣ звонкая монета сильно дорожаетъ вслѣдствіе постояннаго вывоза ея въ Египетъ и Индію для уплатъ за хлопокъ. Эти оба обстоятельства увеличиваютъ размѣръ необходимаго внутренняго займа.

Объяснивъ свой взглядъ, позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько частныхъ замѣчаній по поводу возраженій почтеннаго г. Шипова.

Мы говорили и теперь говоримъ, что упадокъ вексельнаго курса въ прошломъ ноябрѣ случился главнѣйшимъ образомъ отъ избытка кредитныхъ билетовъ. Капризъ и паника участвовали въ этомъ происшествіи лишь въ незначительной степени, а торговый балансъ не участвовалъ ни на волосъ. Спросите знающихъ людей, и они вамъ скажутъ, что звонкая монета вывозилась отъ насъ вовсе не за товаръ, а отчасти за казенные платежи, отчасти за облигаціи седьмаго займа, которыхъ перешло въ Россію изъ-за границы по меньшей мѣрѣ на 30 милліоновъ рублей; другія статьи, напримѣръ расходы путешественниковъ, не имѣли особеннаго значенія именно въ нынѣшнемъ году, хотя вообще должны влечь за собой вывозъ звонкой монеты, если почему-либо не могутъ быть покрыты вывоза-

ми товаровъ. Протекціонисты полагаютъ, что возвышеніе тарифа могло бы удержать у насъ звонкую монету полученную по седьмому займу. Мы очень желали бы узнать, какое вліяніе могъ имѣть тарифъ на какую-либо изъ упомянутыхъ трехъ статей. Привозъ, конечно, уменьшился бы при болѣе высокомъ тарифѣ, но соразмѣрно съ этимъ уменьшился бы и отпускъ. Положимъ однакоже, что отпускъ остался бы безъ уменьшенія. Развѣ за излишекъ баланса купцы не взяли бы облигацій седьмаго займа, когда они находили для себя выгоднымъ нарочно вывозить звонкую монету чтобы купить на 30 милліоновъ облигацій седьмаго займа. Что же касается путешественниковъ, то ихъ привлекаетъ привольность и дешевизна заграничной жизни, а возвышеніе тарифа во всякомъ случаѣ увеличило бы дороговизну въ Россіи. Мы спрашиваемъ, убавилось ли бы вслѣдствіе того число охотниковъ жить за границей?

И такъ, тарифъ не остановилъ бы вывоза звонкой монеты за границу и не предотвратилъ бы упадка вексельнаго курса. Звонкая монета вывозилась отъ насъ не вслѣдствіе торговаго баланса, по крайней мѣрѣ не вслѣдствіе того торговаго баланса, на который можетъ имѣть вліяніе тарифъ; она вывозилась главнѣйшимъ образомъ вслѣдствіе того, что при избыткѣ денежныхъ знаковъ, на нашемъ денежномъ рынкѣ не было мѣста для звонкой монеты, а отчасти и вслѣдствіе того что биржевые люди были увѣрены въ невозможности возстановить цѣнность кредитнаго рубля посредствомъ одного седьмаго займа и потому спѣшили переводить свои капиталы за границу чтобъ извлечь выгоду изъ ожидавшагося упадка курса. Все это мы говоримъ не на основаніи теоріи, а на основаніи положительныхъ свѣдѣній о ходѣ дѣлъ на петербургской биржѣ, и увѣрены, что всѣ образованные купцы подтвердятъ наши слова. Вексельный курсъ упалъ главнѣйшимъ образомъ вслѣдствіе того что избытокъ кредитныхъ билетовъ былъ больше чѣмъ седьмой заемъ. Для кого ноябрьская биржевая катастрофа была неожиданностію, тотъ обязанъ своими ошибками той пагубной *теоріи*, противъ которой мы постоянно возставали,—теоріи будто послѣ ликвидаціи банковъ, количество кредитныхъ билетовъ уже не превосходило потребности въ оборотныхъ знакахъ.

Но если мы говоримъ и говорили, что вексельный курсъ упалъ вслѣдствіе избытка кредитныхъ билетовъ, то мы никогда не объясняли промышленнаго и коммерческаго застоя этимъ же избыткомъ. Избытокъ денежныхъ знаковъ не можетъ непосредственно причинять застоя, напротивъ всѣмъ извѣстно, что выпуски бумажныхъ денегъ всегда ведутъ за собой оживленіе промышленности, правда оживленіе искусственное, лихорадочное, изнурительное, непремѣнно разрѣшающееся кризисомъ, но все-таки оживленіе. Застой имѣетъ у насъ другія непосредственныя причины. Застой отпускной торговли и вслѣдствіе того стѣсненное положеніе земледѣлія произошли отъ искусственной поддержки вексельнаго курса, дѣлавшей для иностранцевъ невыгоднымъ покупать наши вздорожавшіе продукты. Застой промышленности, производящей для внутренняго потребленія, произошелъ отчасти отъ американской войны, отчасти отъ всеобщаго теперь у насъ недостатка въ оборотномъ капиталѣ, наконецъ отчасти оттого, что мы принялись за такое множество промышленныхъ и торговыхъ дѣлъ, которое намъ не по силамъ. Мы указываемъ на главнѣйшія причины, но отнюдь не думаемъ исчерпать этими словами все разнообразіе чрезвычайно сложныхъ условій, входящихъ какъ элементы въ то явленіе, которое теперь у насъ называютъ застоемъ дѣлъ.

Еслибы насъ спросили, въ чемъ по нашему мнѣнію заключается средство противъ застоя, мы отвѣтили бы, что прежде всего намъ нужна трезвость въ предпріятіяхъ, а вовторыхъ нужна бережливость. Трезвость взгляда охранитъ насъ отъ тѣхъ ошибокъ, которыя мы надѣлали во время акціонерной лихорадки, и укажетъ намъ на предпріятія вѣрныя, несомнѣнно выгодныя и прочныя. На ряду съ промышленною трезвостію, бережливость будетъ содѣйствовать пополненію нашего народнаго капитала, значительно сокращеннаго восточною войной и послѣдовавшимъ за нею непомѣрнымъ увеличеніемъ роскоши и вообще потребленія. Пусть мы почувствуемъ себя стѣсненными; намъ это будетъ полезно. Намъ надобно сжаться, сдѣлаться скупѣе, чтобы поправилось наше народное хозяйство. Бережливость, хотя бы и вынужденная, лучше поможетъ намъ выйдти изъ затрудненій чѣмъ всѣ искусственныя мѣры, которыя могутъ быть придуманы теоретиками.

Мы коснулись только главныхъ пунктовъ статьи нашего почтеннаго оппонента. Дальнѣйшую бесѣду съ нимъ мы отлагаемъ до другаго раза и были бы очень рады, еслибъ онъ оживилъ ее вторичнымъ обращеніемъ къ публикѣ *Московскихъ Вѣдомостей.*

№ 3.

Москва, 3-го января.

Истекшій годъ былъ свидѣтелемъ удивительныхъ превратностей. Сравните въ какомъ положеніи засталъ онъ Россію, и въ какомъ положеніи онъ сдалъ ее своему преемнику. Тогда Россія находилась въ крайнемъ униженіи; она казалось, утратила значеніе первоклассной державы; она подвергалась невыносимымъ оскорбленіямъ и угрозамъ; всякое дѣйствіе противъ нея считалось дозволительнымъ, всякій умыселъ возможнымъ, всякое предположеніе сбыточнымъ. Были сомнѣнія въ прочности ея внутренняго состава; были ожиданія, что она разрушится отъ собственнаго безсилія. Мы помнимъ, какъ въ законодательныхъ собраніяхъ Европы торжественно возвѣщалось, что все внутри Россіи объято пожаромъ революціи. Мы помнимъ, что и въ самомъ дѣлѣ какіе-то подземные комитеты заявляли у насъ свое существованіе чудовищными прокламаціями, Богъ знаетъ откуда вылетавшими. Мы не можемъ не помнить (это было еще такъ недавно!) сомнительное настроеніе умовъ и недовѣріе, съ которымъ всѣ озирались вокругъ, чего-то ожидая, чего-то опасаясь. Мы не можемъ не помнить, какой духъ распространялся у насъ повсюду, всѣми путями единственной у насъ организаціи, — и чрезъ литературу подъ надзоромъ многоэтажной цензуры, и чрезъ учебныя заведенія подъ самымъ сложнымъ бюрократическимъ управленіемъ... наконецъ, какъ сказано выше, всѣми путями. Съ какимъ терроромъ дѣйствовалъ этотъ духъ! Какъ поникли всѣ живыя силы общества, всѣ дѣйствительные интересы страны, даже простой здравый смыслъ людей! Какое повсюду было уныніе! Всякое слово внушаемое вѣрою въ величіе и будущность Россіи, казалось сумасбродствомъ, или безсмысленнымъ хвастовствомъ. Были русскіе люди, которые единственное спасеніе полагали въ малодушныхъ уступкахъ, въ безславіи, въ позорѣ,—въ самоуничтоженіи....

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Въ какомъ положеніи находится теперь Россія? Мы не будемъ говорить сами; мы — Русскіе, мы можемъ быть пристрастны; мы можемъ болѣе или менѣе ошибиться въ оцѣнкѣ. Мы предоставимъ говорить другимъ. „Въ „числѣ результатовъ, принесенныхъ событіями минувшаго года“, сказано въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ газеты *Times* по поводу праздника въ петербургскомъ Англійскомъ Клубѣ, въ честь князя А. М. Горчакова „всего болѣе замѣчательно „то, что Россія заняла свое прежнее мѣсто относительно западныхъ державъ... „Польское возстаніе пробудило въ русскомъ народѣ глубокое патріотическое „чувство; оно представило Россіи случай „стать передъ Англіей и Франціей съ поднятымъ челомъ, съ смѣлымъ взглядомъ „и ѣдкимъ словомъ на устахъ, къ величайшему торжеству ея собственнаго народа, и быть-можетъ къ восхищенію значительной части европейской публики.... „Русскіе доказали свою способность противостоять не только такъ-называемой европейской революціи, но и союзу могущественныхъ и хорошо организованныхъ государствъ. Они вынудили у насъ сознаніе что мы не намѣрены поддерживать „нашихъ увѣщаній силою оружія. Они привели въ ясность то обстоятельство, что „безъ европейской коалиціи Франція не „въ силахъ тронуть ихъ въ Польшѣ, и „они увѣрены, что снова возымѣли свое „давнее преобладаніе надъ совѣтами Австріи.“ „Невозможно“, заключаетъ между прочимъ упомянутая газета, „невозможно „отказать въ нѣкоторомъ чувствѣ уваженія и удивленія къ народу, обнаруживающему такой духъ, какой обнаруживаютъ „теперь Русскіе.“ Мы не придаемъ никакой особенной цѣны этимъ восхваленіямъ русскаго народа, точно также какъ не считали заслуживающими вниманія тѣ порицанія, которыми еще такъ недавно забрасывали Россію иностранныя газеты. Но эти слова, доносящіяся до насъ съ отдаленнаго запада, свидѣтельствуютъ о перемѣнѣ, происшедшей въ европейскомъ положеніи Россіи, и о впечатлѣніи, которое она производитъ теперь въ Европѣ. Эта перемѣна произошла единственно вслѣдствіе того, что Россія поступила не такъ, какъ хотѣли заставить ее поступить, что

она оперлась на свои собственныя силы, что она довѣрилась своему собственному чувству и смыслу.

Благотворный толчокъ разсѣялъ туманъ, разогналъ призраки, и Россія почувствовала себя тѣмъ что̀ она дѣйствительно есть. Мы пережили тѣ счастливыя въ исторической жизни минуты, которыя должны быть нормальнымъ состояніемъ у насъ,— минуты, въ которыя чувствовалось полное единеніе между правительствомъ и народомъ и животворное взаимнодѣйствіе между ними. Не тяжкая европейская война, не побѣды купленныя раззореніемъ и кровію, нѣтъ!—только проблескъ, одинъ проблескъ этого чувства, и положеніе дѣлъ измѣнилось мгновенно, будто силою чаръ. Вмѣстѣ съ такою быстротою и поразительною перемѣной въ европейскомъ положеніи Россіи, какъ все измѣнилось внутри ея! какъ все оживилось! какой благодатный духъ пробудился повсюду! Какъ подъ вліяніемъ этого духа легко и успѣшно стали уравниваться затрудненія, вызванныя великою крестьянскою реформой, какъ стали успокоиваться и улаживаться встревоженные и разстроенные интересы! Дай Богъ, чтобъ это настроеніе продлилось; дай Богъ чтобы причины, производящія такое животворное дѣйствіе, водворились и упрочились навсегда въ нашемъ отечествѣ!

Откуда возникло мнѣніе о какой-то розни, о какомъ-то разладѣ между основными началами нашей народной жизни? Въ дѣйствительныхъ условіяхъ, мы знаемъ, нѣтъ никакой розни, никакого разлада. А между тѣмъ рознь чувствуется, разладъ сказывается. Вся сила, стало-быть, заключается въ мнѣніи. Мнѣніе можетъ не соотвѣтствовать дѣйствительнымъ условіямъ, но оно тѣмъ не менѣе есть сила и можетъ дѣйствовать какъ сила. Что̀ же причиною фальшиваго мнѣнія о возможности какого-то разлада между основными началами нашей народной жизни?

Дѣло въ томъ, что въ Европѣ общественное мнѣніе давно уже стало главною ареной, на которой дѣйствуютъ и мѣряются между собою всѣ общественныя силы и интересы. Нѣкоторые полагаютъ, что вся сила и все благо Россіи заключаются въ „молчаніи", въ отсутствіи общественнаго мнѣнія и болѣе или менѣе правильныхъ заявленій его. Мы не будемъ противъ этого спорить; положимъ, что это вѣрно. Итакъ, мы безмолвствуемъ; итакъ, у насъ нѣтъ общественнаго мнѣнія; итакъ, у насъ только случайно, и стало-быть не правильно слышатся заявленія общественныхъ интересовъ и національнаго чувства. Но при этомъ торжественномъ молчаніи, при этомъ величественномъ сумракѣ, покрывающемъ нашу жизнь, Европа шумитъ всѣми своими голосами, шумитъ неугомонно, и пользуется всѣми средствами той могущественнѣйшей силы, которая называется человѣческимъ словомъ; всякій интересъ заявляетъ и отстаиваетъ себя; тамъ обо всемъ имѣются мнѣнія, тамъ есть мнѣнія и о Россіи и о русскихъ дѣлахъ: тамъ, разумѣется, русскія дѣла обсуждаются не съ той точки зрѣнія, которая и полезна, и пригодна для русскаго народа; тамъ, во всякомъ случаѣ, къ русскимъ дѣламъ прилагаются понятія совершенно имъ чуждыя. А между тѣмъ мнѣніе есть сила, какая бы то ни было, только сила, и сила великая, и сила эта дѣйствуетъ могущественно. За неимѣніемъ собственнаго мнѣнія, мы невольно подчиняемся чужимъ мнѣніямъ о насъ; мы вовлекаемся въ сферу чуждыхъ намъ идей и понятій, и въ ней вращаемся. Мы живемъ и дѣйствуемъ въ Россіи, но очень часто въ нашихъ сужденіяхъ и дѣйствіяхъ мы соображаемся съ чужими, фальшивыми, и иногда прямо враждебными намъ мнѣніями. Мы привыкаемъ такимъ образомъ забывать о своей странѣ, о своемъ народѣ; мы привыкаемъ обходиться безъ своего собственнаго мнѣнія, и конфузимся, и не знаемъ куда дѣться, и негодуемъ, и удивляемся, когда вдругъ послышится намъ что-нибудь похожее на общественное мнѣніе въ Россіи. Оно звучитъ для насъ дикою разладицей; въ немъ все кажется намъ недозволительнымъ варварствомъ. И вотъ мы такимъ образомъ живемъ посреди Россіи, но смотримъ на всѣ предметы въ ней чужими глазами, и чувствуемъ себя въ ней чужими.

Да, много добраго завѣщалъ намъ истекшій годъ. Многое пробудилъ онъ въ насъ, на многое открылъ намъ глаза. Русское общественное мнѣніе доказало на дѣлѣ свое существованіе; оно заявило себя въ трудныя минуты, заявило себя силой способною дѣйствовать и могущественно, и благотворно. На первыхъ же порахъ, при своей неумѣлости, при своихъ скудныхъ средствахъ, оно успѣло выгодно помѣряться съ громадными организованными средствами европейской агитаціи. Пожелаемъ же на

новый годъ, чтобы сила эта не осталась втунѣ, чтобъ она продолжала дѣйствовать въ томъ же смыслѣ и духѣ, чтобъ обстоятельства были ей благопріятны, чтобъ она могла выростя и укрѣпиться для блага Россіи, а стало-быть и Европы.

Но намъ не надобно плошать, не надобно ослабѣвать въ нашихъ заботахъ, не надобно засыпать въ нашемъ торжествѣ. Врагъ не дремлетъ, и подстерегаетъ насъ. Мы должны держаться выше его угрозъ, но не поддаваться его льстивымъ увѣтамъ. Малѣйшее ослабленіе нашего національнаго духа, малѣйшее чувство возникающей розни и разлада въ нашей жизни, возвратитъ съ пущею силой всѣ наши опасности. Было первое испытаніе, и мы его выдержали успѣшно; не примнутъ послѣдовать другія,—и да поможетъ намъ Богъ выдержать ихъ также успѣшно!

— —

№ 4.

Москва, 4-го января.

Русскій Инвалидъ объявилъ, что прекращаетъ начатую имъ самимъ бесѣду съ нами о казенныхъ газетахъ. Если ему не нравится предметъ бесѣды,—зачѣмъ же онъ начиналъ ее? Если ему не нравимся мы въ качествѣ собесѣдниковъ,—зачѣмъ же онъ, прерывая бесѣду, все-таки продолжаетъ ее, дѣлая насъ самихъ ея предметомъ? По обычаю древнихъ Пароянъ, отступая, онъ бросаетъ въ насъ тучу стрѣлъ. Обсужденіе общаго вопроса, онъ превращаетъ въ какое-то личное дѣло, въ какую-то странную ссору. Онъ упрекаетъ насъ въ „ненависти“ (sic) къ нему, и очевидно думаетъ, что мы заговорили о казенныхъ, или, лучше сказать, *полуофиціяльныхъ* изданіяхъ, съ цѣлію досадить или повредить ему. Въ его выходкахъ все дышетъ какимъ-то сильно возбужденнымъ инстинктомъ самосохраненія. А между тѣмъ—какъ далеки были мы отъ побужденія враждовать противъ *Русскаго Инвалида*, или злоумышлять противъ его редакціи! Отнюдь не ожидали мы, чтобы наше объясненіе могло превратиться въ вопросъ о *Русскомъ Инвалидѣ* и *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Мы говорили вообще объ изданіяхъ полуофиціяльныхъ, содержимыхъ казною, либо получающихъ казенныя субсидіи, либо пользующихся какими-нибудь правительственными привилегіями, либо имѣющихъ *приписную* публику,—и менѣе чѣмъ на всякое другое изданіе въ этомъ родѣ мѣтили мы на *Русскій Инвалидъ*. Мы говорили о принципѣ, а не о фактѣ. Принципъ можетъ быть дуренъ; а фактъ, благодаря той или другой случайности, можетъ быть хорошъ. Нынче *Русскій Инвалидъ* издается г. Романовскимъ; годъ тому назадъ онъ былъ въ рукахъ г. Писаревскаго: принципъ одинъ и тотъ же, но въ фактѣ есть различіе, и намъ всегда пріятно заявить это различіе, въ какія бы отношенія ни угодно было *Русскому Инвалиду* поставить себя къ намъ. Намъ скажутъ, что г. Писаревскій издавалъ *Русскій Инвалидъ* на другихъ основаніяхъ, именно на правѣ аренды. Но г. Писаревскій получилъ это право не вслѣдствіе открытаго состязанія, также не вслѣдствіе пріобрѣтеннаго имъ въ публикѣ кредита; его образъ мыслей никому не былъ извѣстенъ; ему отдано было это изданіе,—эта значительная общественная сила,—единственно по распоряженію правительственнаго вѣдомства. И вотъ, единственно въ силу того принципа, о которомъ идетъ рѣчь, былъ выдвинутъ новый литературный дѣятель, и онъ сталъ было до нѣкоторой степени общественною силой... Въ истекшемъ году, началось было ежедневное изданіе того же направленія и духа, какими отличалась газета г. Писаревскаго: мы разумѣемъ *Очерки*. Но эти *Очерки* были изданіе частное, не имѣвшее готовой публики, и оно не могло существовать и нѣсколькихъ мѣсяцевъ; оно скончалось естественною смертію за неимѣніемъ публики, тогда какъ *Современное Слово*, можетъ-быть, продолжало бы еще и теперь существовать, благодаря своему зачатію въ нѣдрахъ казеннаго изданія, завербовавшаго ему публику. Еслибъ издатель велъ свое дѣло нѣсколько искуснѣе, то очень вѣроятно, что газета его ускользнула бы и отъ насильственной смерти, которая вскорѣ постигла ее.

Русскій Инвалидъ находитъ, что мы въ нашей аргументаціи прибѣгали къ какимъ-то „ухищреніямъ“, и что всѣ наши ухищренія не въ силахъ доказать, что правительственныя лица не должны имѣть вліянія на общественное мнѣніе. Но мы никогда не думали развивать такой странный тезисъ. Мы, напротивъ, старались доказать, и притомъ вопреки *Русскому Инвалиду*, что находящимся въ правительствѣ лицамъ отнюдь не слѣдуетъ наглухо замыкаться въ офи-

ціяльной сферѣ, что имъ слѣдуетъ чувствовать себя живыми членами общества. *Русскій Инвалидъ* указываетъ на англійскихъ государственныхъ людей, которые будто бы, за правительственною дѣятельностію, не принимаютъ никакого участія въ литературѣ. Но мы, напротивъ, напомнили ему, что англійскіе государственные люди очень охотно занимаются литературою; и дѣйствительно, бо́льшая часть значительныхъ государственныхъ людей Англіи ознаменовали себя болѣе или менѣе важными трудами по разнымъ частямъ, и это обстоятельство могло только возвышать ихъ достоинство. Вообще люди значительные въ нашемъ обществѣ могли бы оказывать величайшія заслуги отечеству живымъ, личнымъ участіемъ въ общественныхъ интересахъ. Это ихъ нравственный долгъ, это ихъ честь. Пора намъ перестать мыслить и говорить по-французски; пора намъ перестать жить нашею умственною и нравственною жизнію заграницей; пора искать и находить элементы для умственной и нравственной жизни у себя дома; пора намъ вносить въ общественный оборотъ весь имѣющійся у насъ капиталъ теоретическаго и практическаго знанія, свѣтскаго образованія, житейскаго опыта, соединеннаго съ разнообразными общественными положеніями; пора не одними офиціяльными способами заботиться о русскомъ словѣ, такъ чтобы дѣятельная сила его не оставалась въ исключительномъ распоряженіи Богъ знаетъ какихъ людей, Богъ знаетъ откуда пришедшихъ и Богъ знаетъ чего добивающихся. Еслибы всѣ наши государственные люди, управлявшіе или управляющіе дѣлами, были возвращены обществу, еслибъ имена ихъ не были только офиціяльною силой, еслибы вообще ихъ дѣятельность была и виднѣе, и слышнѣе — какъ много выиграла бы страна и какъ много выиграли бы они сами! Имя какого-нибудь борзописца становится силою и переходитъ изъ устъ въ уста, а лица, имѣющія дѣйствительное значеніе, оказавшія бо́льшія или меньшія заслуги отечеству, опытныя въ дѣлахъ, или представляющія собою важные и существенные интересы страны, остаются извѣстными только либо въ офиціяльныхъ сферахъ, либо въ тѣсномъ кругу своихъ знакомыхъ, и имена ихъ ничего не говорятъ обществу.

Но всякая вещь есть единство многихъ разнородныхъ качествъ. Запахъ и вкусъ, звукъ и цвѣтъ, характеризующіе одну и ту же вещь,—качества самыя разнородныя и несоизмѣримыя. Чѣмъ выше гражданственность и образованіе, тѣмъ явственнѣе и рѣшительнѣе обозначаются различныя качества составляющія принадлежность одного и того же лица въ обществѣ. Правительственное лицо только тогда можетъ дѣйствовать удовлетворительно, когда его офиціяльныя качества не смѣшиваются, по произволу, съ неофиціяльными. Только при строгой раздѣльности между казенными и частными средствами, между офиціяльною и неофиціяльною дѣятельностію, между правительственнымъ полномочіемъ и личною свободой, одно и то же лицо можетъ успѣшно и благотворно дѣйствовать и въ той, и въ другой сферѣ. Вмѣшательство офиціяльнаго элемента въ неофиціяльный сопровождается всегда вредными послѣдствіями какъ для того, такъ и для другаго. Можно утвердительно сказать, что никогда систематическое смѣшеніе одного съ другимъ не проходило безнаказанно; всегда оно оставляло послѣ себя какой-нибудь глубокій и существенный вредъ, и всегда приходится исторіи тяжко расплачиваться за него рано или поздно.

Русскій Инвалидъ хочетъ открытаго и прямаго дѣйствія. Онъ протестуетъ противъ двусмысленныхъ отношеній между правительственнымъ лицомъ и частнымъ изданіемъ. Но что́ же можетъ быть двусмысленнѣе этихъ изданій—на половину офиціяльныхъ, на половину неофиціяльныхъ, — изданій, въ которыхъ частныя мнѣнія проводятся въ публику на казенный счетъ, неофиціяльныя статьи получаютъ офиціяльныхъ читателей, и какое-либо вовсе *необязательное* направленіе идей получаетъ форсированный ходъ? Что́ можетъ быть двусмысленнѣе имѣющихся у насъ офиціяльныхъ изданій съ неофиціяльнымъ отдѣломъ? Какъ фактъ, они могутъ быть удовлетворительны; какъ случайность, они могутъ быть терпимы; но какая нужна рѣшимость для того чтобы возводить подобный фактъ въ принципъ, чтобы систематизировать подобную случайность!

По непонятной несообразительности, *Русскій Инвалидъ* увѣряетъ, что онъ только офиціяльныя вещи печатаетъ на казенный счетъ, а статьи своего неофиціяльнаго отдѣла печатаетъ на счетъ своихъ подписчиковъ. Какъ-будто офиціяльный и неофиціяльный отдѣлъ одной и той же газеты

суть два разныя изданія, только печатаемыя въ одной типографіи; какъ будто это не одинъ и тотъ-же листъ; какъ-будто не все равно, изъ праваго или изъ лѣваго кармана оплачиваются строки выше или ниже извѣстной черты! Странный разчетъ! Но деньги деньгами. Еще важнѣе денегъ то правительственное значеніе, которое дается листку, бо́льшая часть котораго не имѣетъ, не можетъ и не должна имѣть правительственнаго, то-есть обязательнаго значенія. Не все ли это то же, что дѣлать частную газету правительственнымъ органомъ? Не значитъ ли это давать, посредствомъ правительственной силы, форсированный курсъ мнѣніямъ, въ ущербъ другимъ столь же дозволительнымъ мнѣніямъ? Не значитъ ли это искусственно создавать направленіе, которое можетъ-быть не имѣетъ „внутренней правды“ или не имѣетъ основанія въ дѣйствительности? Не значитъ ли это вносить въ дѣло двусмысліе, и стало-быть фальшь, и стало-быть сѣмя вредныхъ послѣдствій? Въ натурѣ вещей черта между неофиціальнымъ и офиціальнымъ какъ нельзя болѣе явственна: не уважать этой черты, забывать ее, не значитъ ли дѣйствовать вопреки натурѣ вещей? А каково же возводить смѣшеніе столь разнородныхъ началъ въ силу правила!

Намъ кажется, что все это понимается само-собою безъ всякихъ „ухищреній“. Можетъ ли это быть предметомъ спора? Что же касается до того или другаго факта, напримѣръ до нынѣшняго *Русскаго Инвалида*, то, повторяемъ, мы никогда и не думали спорить о его достоинствѣ,—мы напротивъ пользовались всякимъ случаемъ отдать справедливость его достоинствамъ. Въ мірѣ не все дѣлается по правиламъ, міръ полонъ исключеній, и мы относили *Русскій Инвалидъ* къ весьма счастливымъ исключеніямъ. Кто не согласится, что если ужь непремѣнно нужно давать форсированный курсъ какому-либо органу, то лучше давать его *Русскому Инвалиду*, который издается подъ непосредственнымъ надзоромъ и отвѣтственностію всѣми достойно уважаемаго правительственнаго лица, нежели напримѣръ *Биржевымъ Вѣдомостямъ*, отъ направленія которыхъ отрекается правительственное вѣдомство, которое даетъ имъ въ то же время и форсированный курсъ, и обязательныхъ читателей.

Мы очень сожалѣемъ, что *Русскій Инвалидъ*, съ самаго начала, понялъ этотъ вопросъ совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы сочли нужнымъ заговорить о немъ. Онъ понялъ вопросъ какъ дѣло спеціально касающееся его, и вздумалъ защищаться. Чтобъ отплатить намъ тою же воображаемою монетою, онъ поднялъ вопросъ о *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Общее правило всякой порядочной бесѣды; о чемъ бы ни шла рѣчь, собесѣдники составляютъ исключеніе. А *Русскій Инвалидъ* прибѣгнулъ къ странному аргументу, чтобы принудить насъ къ отступленію: онъ напомнилъ намъ, что и *Московскія Вѣдомости*—также казенное изданіе, и что онѣ пользуются нѣкоторою привилегіею, состоящею въ обязательномъ печатаніи казенныхъ объявленій; онъ попрекнулъ насъ выгодами, которыми, по его разчету, должны мы пользоваться вслѣдствіе этого обстоятельства. Можетъ ли быть что-нибудь страннѣе подобной аргументаціи? Положимъ, что разсчеты *Русскаго Инвалида* вѣрны; положимъ, что мы пользуемся огромными выгодами вслѣдствіе преимущества, предоставленнаго *Московскимъ Вѣдомостямъ*: ослабляетъ ли это силу нашихъ доводовъ, не придастъ ли это имъ напротивъ особенную силу? Вопросъ объ освобожденіи крестьянъ былъ соединенъ съ личными интересами для каждаго помѣщика, и однакоже предполагалось, что помѣщики могли обсуждать его. Не странно ли было бы сказать тѣмъ изъ помѣщиковъ, которые еще до реформы, освободившей крестьянъ, привѣтствовали эту мѣру и заявляли ея необходимость, — не странно ли было бы возражать имъ: „молчите! вы идете противъ принципа собственнаго существованія! вы—владѣльцы крѣпостныхъ душъ, и между тѣмъ поднимаете голосъ противъ крѣпостнаго права“. Никому, казалось бы, не могло придти въ голову такое странное возраженіе,—а между тѣмъ *Русскій Инвалидъ*, находя, что и наше изданіе пользуется своего рода преимуществомъ, упрекаетъ насъ за то, что мы подняли вопросъ, съ которымъ по его мнѣнію, связаны наши интересы. Онъ поставилъ намъ на видъ матеріальное процвѣтаніе, какъ онъ выразился, *Московскихъ Вѣдомостей*, вслѣдствіе принадлежащей имъ привилегіи. Но какое же отношеніе имѣетъ это обстоятельство къ поднятому вопросу?

Мы очень сожалѣемъ, что *Русскій Инвалидъ* вызвалъ насъ на такія объясненія, и совершенно согласны съ нимъ что они не имѣютъ интереса для публики. Да падетъ

же на него вся отвѣтственность за эти объясненія!

Какія бы привилегіи ни соединялись съ фирмою *Московскихъ Вѣдомостей*,—мы не пользуемся никакими. Эта фирма предоставлялась не намъ, а всякому извѣстному и незаподозрѣнному лицу, которое пожелало бы взять ее. Не возьми ея мы, она досталась бы другимъ. Требовалось только сполна исчерпать цѣнность, какую можетъ имѣть эта фирма. Цѣнность эта не была назначена произвольно. Нынѣшніе владѣльцы фирмы *Московскихъ Вѣдомостей* пріобрѣли ее не по протекціи, не келейнымъ образомъ, не по какому-либо предпочтенію; они пріобрѣли ее вслѣдствіе открытаго состязанія, на которое могъ явиться всякій, и на которое дѣйствительно явились многіе, явились между прочимъ лица хорошо знакомыя съ условіями литературнаго предпріятія и со всѣми обстоятельствами *Московскихъ Вѣдомостей*. Явились люди, достаточно способные и взвѣсить всѣ шансы, и какъ слѣдуетъ воспользоваться ими. Публичное состязаніе исчерпало всю ту цѣнность, которую имѣетъ фирма *Московскихъ Вѣдомостей*. Какой же смыслъ упрекать насъ въ привилегіи, которую могъ пріобрѣсти всякій, и которой цѣнность исчерпана единственнымъ въ подобныхъ случаяхъ средствомъ—свободною конкурренціей? Положимъ, что мы пользуемся отъ этой привилегіи „матеріальнымъ процвѣтаніемъ", какъ выражается *Русскій Инвалидъ*; но какое же имѣетъ онъ право ставить намъ на видъ это „матеріальное процвѣтаніе", если оно куплено за полную цѣну, самымъ законнымъ изъ всѣхъ возможныхъ способовъ пріобрѣтенія, съ соблюденіемъ всѣхъ гарантій благопріятныхъ для продающаго, неблагопріятныхъ для покупающаго? И почему же думаетъ *Русскій Инвалидъ*, что мы пожалѣли бы объ этой привилегіи, еслибы правительство рѣшило собрать въ одинъ центральный, чисто-офиціяльный органъ, все офиціяльное, отъ правительственныхъ распоряженій до казенныхъ объявленій, и такимъ образомъ эманципировало бы нашу печать отъ всего казеннаго и отъ всѣхъ привилегій, такъ чтобы всѣ дозволительныя мнѣнія, всѣ дозволительныя направленія, могли развиваться каждое въ силу своей „внутренней правды", какъ выразился *Русскій Инвалидъ*, или въ силу дѣйствительно существующихъ въ обществѣ интересовъ? Смѣемъ увѣрить его, что никто болѣе насъ не былъ бы радъ этому; но мы спѣшимъ успокоить *Русскій Инвалидъ*: наши интерессы ни мало не пострадали бы отъ этого. Требуется только, чтобы въ неофиціяльной сферѣ не оставалось уже никакихъ офиціяльныхъ поддержекъ, которыя нарушаютъ естественное теченіе жизни, создаютъ фальшивыя силы, неспособныя противиться злу, но способныя стать энергическимъ орудіемъ зла, если оно какъ-нибудь закрадется въ дѣло. Правительственныя лица, какъ и всякія другія, могутъ симпатизировать болѣе одному чѣмъ другому дозволительному мнѣнію; но только тогда положеніе печати можетъ быть признано удовлетворительнымъ и нормальнымъ, только тогда она можетъ стать истинно полезною силой, когда каждое изъ дозволительныхъ направленій или мнѣній будетъ равно обезпечено и не будетъ стѣсняемо ни прямо, ни косвенно примѣсью правительственнаго элемента и казенныхъ средствъ къ дѣлу личныхъ симпатій и антипатій. Этого требуетъ справедливость, этого требуетъ польза общества, этого требуетъ правильное и здравое развитіе мнѣній; ибо искусственная и несправедливая поддержка, давая силу тому что не имѣетъ внутренней силы, можетъ производить только разстройство и замѣшательство. Въ сущности, она дастъ силу только дурному, а доброму подобныя пособія нейдутъ въ прокъ; они не увеличиваютъ, а уменьшаютъ силу. Значительная доля зла, которымъ страдаетъ наше образованіе, фальшивыя направленія, которыя возникали въ нашей литературѣ и пріобрѣтали вліяніе, были плодомъ различныхъ нарушеній естественнаго теченія жизни. Можно доказать это съ полною очевидностію, и мы еще не разъ возвратимся къ этому интересному предмету, не смотря на то, что *Русскій Инвалидъ* отказывается отъ бесѣды съ нами.

Прекращая свою бесѣду съ нами, онъ подвергаетъ сомнѣнію добросовѣстность вызванныхъ имъ самимъ показаній нашихъ о дѣлѣ близко насъ касающемся, и не считаетъ нужнымъ объяснить, какое онъ имѣетъ основаніе для своихъ сомнѣній. Тотъ не долженъ начинать рѣчь, кто не хочетъ кончить ее. Кто позволяетъ себѣ заявить сомнѣніе въ добросовѣстности чьихъ-либо показаній, тотъ долженъ немедленно доказать почему онъ такъ думаетъ, тотъ не имѣетъ права прервать рѣчь подъ тѣмъ предлогомъ, что продолжать ее было бы

„неинтересно". Это—элементарное правило общежитія....

№ 5.

Москва, 7-го января.

Все избранное парижское общество стеклось 11-го января въ Бурбонскій дворецъ; кто не могъ достать билета, принужденъ былъ *дѣлать хвостъ* съ ранняго утра на сильномъ морозѣ передъ входомъ въ зданіе законодательнаго сословія, чтобы проникнуть въ залу, гдѣ долженъ былъ говорить г. Тьеръ о внутренней политикѣ французской имперіи. Трибуна сенаторовъ, трибуна дипломатическаго корпуса были биткомъ набиты какъ никогда прежде. Между посѣтителями обращалъ на себя вниманіе принцъ Наполеонъ, который, скажемъ кстати, много аплодировалъ знаменитому оратору. Читатели найдутъ ниже главнѣйшія мѣста этой рѣчи, которой всѣ ожидали съ такимъ любопытствомъ. Лица присутствовавшія при ея произнесеніи почти согласны въ похвалахъ ораторскому искусству, съ которымъ она была сказана. „Я часто имѣлъ случай, въ прежнія времена, слушать г. Тьера, говоритъ парижскій корреспондентъ, *Крестовой Газеты*, но никогда краснорѣчіе его не производило на меня такого впечатлѣнія." „Г. Тьеръ превзошелъ самъ себя", пишутъ другіе корреспонденты. „Его тонкій голосъ пронизывалъ всю залу, когда онъ говорилъ о льготахъ, которыя должны быть даны Франціи", прибавляютъ третьи. Только англійскіе корреспонденты остались равнодушны среди увлеченія своихъ собратій. Отдавая справедливость ораторскому искусству г. Тьера, корреспондентъ газеты *Times* не находитъ однако же чтобы г. Тьеръ превзошелъ самъ себя; напротивъ, онъ намекаетъ на старческое многословіе этой рѣчи, показавшейся Парижанамъ чуть не событіемъ въ исторіи политическаго краснорѣчія. Интересно, что англійскій взглядъ и относительно содержанія рѣчи рѣзко отдѣлился отъ взгляда континентальнаго. „Это не простая рѣчь, это полная лекція о политической свободѣ, ея видахъ и судьбахъ", говорятъ нѣмецкіе корреспонденты, желая похвалить оратора. „Мы не помнимъ, чтобы гдѣ-нибудь въ политическомъ собраніи говорились рѣчи, съ притязаніемъ исчерпать предметы столь разнообразные и многочисленные", говоритъ газета *Times* не въ похвалу, а въ укоръ оратору.

Въ самомъ дѣлѣ это не рѣчь, а лекція. Не только въ англійскомъ парламентѣ, но даже на митингахъ не могло бы быть мѣста для подобной рѣчи. Ее можно было бы услышать развѣ въ публичномъ собраніи какого-нибудь ученаго общества, напримѣръ для развитія общественныхъ наукъ. Это черта характеристическая, ни въ какомъ случаѣ не свидѣтельствующая въ пользу политическаго значенія рѣчи г. Тьера. Идеи дѣло хорошее, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы какое-либо законодательное собраніе могло дѣйствовать успѣшно, еслибы занялось развитіемъ политическихъ идей, вмѣсто того чтобы заниматься дѣлами политическими. Не въ этомъ ли заблужденіи на счетъ своей задачи заключался одинъ изъ главныхъ недостатковъ французскихъ политическихъ собраній? Какъ тщательно взвѣшивались этими собраніями разныя политическія теоріи! А къ чему все это повело? Конституціи были болѣе или менѣе красивы, симметричны, послѣдовательны, но въ этихъ фразахъ болѣе или менѣе блестящихъ, не было никакихъ элементовъ дѣйствительной силы и прочности. Впрочемъ нельзя не замѣтить, что и кругъ политическихъ идей нашего времени нисколько не расширился вслѣдствіе этихъ продолжительныхъ преній о правахъ человѣка и о лучшей формѣ правленія; напротивъ, они только запутали и затемнили ихъ.

Въ учредительныхъ собраніяхъ, которымъ предстояла неизбѣжная задача такъ или иначе устроить государственныя власти и ихъ взаимныя отношенія, еще было извинительно пускаться въ теоріи и начинать свои выводы съ самаго начала, или даже, какъ выражается *Times*, не много повыше самаго начала. Г. Тьеръ не имѣетъ этого извиненія. Нельзя въ нѣкоторой степени не согласиться съ газетой *Times*, что если рѣчь г. Тьера не простая экзерциція, то это не что иное какъ попытка вызвать движеніе, которое должно вытребовать то, о чемъ, по выраженію г. Тьера, народъ теперь позволяетъ своимъ представителямъ почтительно просить правительство императора.

Г. Тьеръ пугаетъ императорское правительство перспективой народныхъ требованій. Онъ предсказываетъ, что эти требованія будутъ въ скоромъ времени *въ третій разъ* высказаны, и разумѣетъ при томъ послѣдніе дни первой имперіи и послѣдніе

дни реставраціи. Конечно, не безъ разчета, онъ нѣсколько разъ упоминаетъ въ своей рѣчи о тронахъ рушившихся во Франціи. Хотя выраженія, которыя онъ употребляетъ отличаются сдержанностью, но все-таки нельзя согласиться съ тѣми толкователями его рѣчи, которые утверждаютъ, что говоря о будущихъ *требованіяхъ* націи, онъ намекалъ на будущіе выборы представителей въ законодательное сословіе, а вовсе не на возможность революціи, какъ понялъ слова его отвѣчавшій ему государственный министръ г. Руэ. Но г. Руэ понялъ, кажется, вѣрно, не смотря на возраженія г. Жюля Фавра, который отрицалъ въ словахъ г. Тьера смыслъ приданный имъ государственнымъ министромъ, но самъ, въ заключеніи своей рѣчи, не преминулъ тоже погрозить правительству голосомъ націи. Парижане имѣютъ полное право потирать руки, приговаривая: *la marée monte*. Очень можетъ-быть, что имперія и не обратила бы вниманіе на доводы иного рода, но вотъ что̀ странно: г. Тьеръ самъ говоритъ, что революція, потрясая общественный порядокъ, побуждаетъ общество покупать его себѣ цѣной свободы. Если же революція заставляетъ общество забывать о свободѣ, лишь бы власть избавила его отъ анархіи, то какъ можно въ интересахъ свободы дѣлать намеки, хотя бы самые благовоспитанные и тонкіе, на возможность революціи? Не значитъ ли это вредить дѣлу свободы? Не значитъ ли это свидѣтельствовать, что возстановленный порядокъ еще не довольно проченъ? Удивительное положеніе французской оппозиціи: не пугая правительство, она ничего не получитъ, а если же будутъ шибко пугать, то пожалуй запугаетъ и испортитъ все дѣло.

Г. Руэ напомнилъ г-ну Тьеру, какъ онъ самъ называлъ себя революціонеромъ въ 1847 году и какъ онъ ошибся считая себя застрахованнымъ отъ революціи. Нѣтъ сомнѣнія, что г. Тьеръ никогда не былъ и не будетъ настоящимъ революціонеромъ. Но бѣда въ томъ, что г. Тьеръ, какъ и почти всѣ французскіе либералы, какіе бы умѣренные взгляды они ни имѣли на дѣла практической политики, никакъ не могутъ освободиться отъ того кореннаго политическаго заблужденія, что Франція должна держаться началъ 1789 года, и считать революцію основаніемъ своего государственнаго устройства. Какъ будто бы возможна свобода въ обществѣ, которое считаетъ революцію принципомъ своего политическаго существованія! Г. Тьеръ съ гордостію говоритъ, что онъ человѣкъ 1789 года. Онъ видитъ въ первой революціи *la grande revolution*, славу французской исторіи, еще болѣе, онъ видитъ въ ней главное основаніе, и какъ бы душу французскаго государства. Онъ не довольствуется простымъ признаніемъ фактическихъ послѣдствій революціи; онъ возводитъ эти послѣдствія въ право. Есть три главные, основные принципа, говоритъ онъ: на первомъ мѣстѣ онъ называетъ верховную власть націи и уже на второмъ мѣстѣ ставитъ два другія начала: порядка и свободы. Г. Тьеръ желаетъ, чтобы нація какъ можно рѣже пользовалась своимъ верховенствомъ, всего желательнѣе, говоритъ онъ, чтобы нація никогда имъ не пользовалась, но тѣмъ не менѣе онъ выставляетъ верховенство націи, какъ принципъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ возводитъ въ принципъ и революцію. Въ этомъ есть теоретическая ошибка, имѣющая важныя послѣдствія въ практическомъ взглядѣ на дѣла,—та теоретическая ошибка, которая исказила всю политическую жизнь Франціи и которая заставляетъ Французовъ превозносить всеобщую подачу голосовъ. Революція есть фактъ, смѣняющій одну власть другою властью въ силу необходимости, а отнюдь не въ силу права. Зачѣмъ же провозглашать фактъ правомъ и полагать въ основу государственнаго устройства то фальшивое начало, которое обыкновенно называютъ *souveraineté du peuple*, а г. Тьеръ именуетъ *souveraineté nationale*, но которое отъ этой перемѣны названія нисколько не становится лучше? Ни одно монархическое правительство не можетъ признавать это начало, и г. Тьеру оно видимо не нравится; онъ трунитъ, насколько это возможно, надъ всеобщею подачей голосовъ. Она считается, замѣчаетъ онъ, великимъ началомъ, когда дѣло идетъ объ основаніи династій и выборѣ государей, но о ней говорятъ, что она безграмотна и невѣжественна, когда приходится поручить ей избраніе представителей, долженствующихъ засѣдать въ законодательномъ сословіи. Итакъ, г-на Тьера всеобщая подача голосовъ не прельщаетъ, но въ такомъ случаѣ, развѣ нѣтъ противорѣчія между этимъ скептическимъ взглядомъ на всеобщую подачу голосовъ и теоріей, что націи принадлежитъ верховная власть? развѣ всеобщая подача голосовъ не есть логическій выводъ изъ этой теоріи?

О всеобщей подачѣ голосовъ г. Тьеръ говоритъ обиняками. Съ меньшою уклончивостью высказывается онъ противъ того, что императоръ Французовъ, и теперешней конституціи, отвѣтственъ передъ націей. Эта отвѣтственность есть пустая фраза, получающая смыслъ только въ случаѣ революціи, а при правильномъ ходѣ дѣлъ служащая лишь предлогомъ къ тому, чтобы министры не были отвѣтственны. Министры отвѣчаютъ за свои дѣйствія передъ императоромъ, который въ свою очередь и за нихъ, и за себя отвѣчаетъ передъ націей. Но такъ какъ нація не имѣетъ никакихъ другихъ средствъ, кромѣ революціи, чтобы привлечь императора къ отвѣтственности, то пока нѣтъ революціи, императоръ въ сущности свободенъ отъ всякой отвѣтственности. Г-ну Тьеру это очень не нравится. Онъ хочетъ правды въ государственномъ устройствѣ. Такъ какъ императоръ на дѣлѣ свободенъ отъ отвѣтственности, то г. Тьеръ хочетъ, чтобъ это такъ и было признано, а чтобъ отвѣтственность въ замѣнъ того была возложена на министровъ. Но еслибы желаніе г. Тьера исполнилось, то признаваемая имъ теорія о верховенствѣ націи потеряла бы свою силу. По этой теоріи только сама нація ни передъ кѣмъ не отвѣчаетъ, и слѣдовательно императоръ непремѣнно долженъ отвѣчать передъ націей. Нельзя не согласиться, что эта отвѣтственность императора есть фикція, и что нѣтъ никакой пользы вносить фикціи въ государственное устройство. Нельзя также не согласиться, что въ этой фикціи заключается признаніе правъ націи дѣлать революцію, и что вводить въ конституцію подобныя начала очень странно. Но какъ выйдти изъ этихъ затрудненій, не пожертвовавъ теоріей о верховенствѣ націи.

Читая и перечитывая блистательную рѣчь г. Тьера, все болѣе и болѣе убѣждаешься, что не теоретическими построеніями началъ государственнаго права можно принесть пользу Франціи, а скорѣе совершеннымъ забвеніемъ тѣхъ теорій, которыя примыкаютъ къ такъ-называемымъ великимъ началамъ 1789 года. Франціи повидимому еще долго суждено быть для другихъ націй живымъ урокомъ, показывающимъ, что свобода не можетъ пустить корней въ почвѣ изрытой революціями. Г. Тьеръ говорилъ очень умно и очень умѣренно, но увы! его рѣчи и теперь, какъ прежде, произведутъ много шума, а пользы принесутъ мало.

№ 6.

Москва, 8-го января.

А.

Изъ всѣхъ мѣръ и патріотическихъ дѣйствій, вызываемыхъ положеніемъ вещей въ нашемъ западномъ краѣ, наименѣе можетъ подлежать какому-либо недоразумѣнію то, что клонится къ поддержанію православныхъ храмовъ и православнаго духовенства. Дѣло здѣсь такъ само по себѣ ясно и такъ настоятельно, что всякое адвокатство въ его пользу могло бы развѣ только ослабить его. Неукоснительныя пособія требуются здѣсь во имя православной церкви, во имя русской народности, во имя русскаго государства, наконецъ во имя столькихъ милліоновъ бѣднаго, темнаго, загнаннаго люда, оставшагося между костеломъ и церковью. Религіозная мысль и политическая мудрость, нравственное чувство и чувство народное, говорятъ здѣсь заодно и соединяютъ въ этомъ направленіи всѣ общественные интересы.

Кому озаботиться положеніемъ церквей и духовенства въ западномъ краѣ и первоначальнымъ обученіемъ народа, которое главнымъ образомъ должно сосредоточиваться въ рукахъ духовенства? Если церковь наша находилась и доселѣ еще находится здѣсь въ такомъ бѣдственномъ положеніи, что оказываются необходимыми самыя энергическія усилія для ея поддержанія, то не падаетъ ли отвѣтственность за это главнымъ образомъ на самую церковь, не слѣдуетъ ли поставить ей въ вину грустное положеніе православія въ западномъ краѣ? Неужели, можно бы спросить, неужели православная церковь не нашла въ себѣ достаточно усердія для того, чтобъ и поддержать, и умножить и украсить свои храмы въ тѣхъ мѣстахъ, которыя наконецъ возвращены ей послѣ долгаго плѣненія? Эти области уже давно вошли въ составъ Россійской Имперіи, русская народность есть господствующая въ нихъ народность, и православная церковь есть господствующая въ нихъ церковь. Ни особенныхъ усилій или трудовъ, а тѣмъ менѣе опасностей, не предстояло, повидимому, православной церкви для исполненія ея призванія въ этихъ мѣстахъ. Дѣло шло не объ отдаленныхъ странахъ, не о проложеніи новыхъ путей Христовой вѣрѣ, не о миссіонерскихъ экспедиціяхъ, требова-

лись заботы православной церкви объ ея собственной паствѣ, объ ея собственныхъ храмахъ въ предѣлахъ Россійской Имперіи, подъ охраною русскихъ законовъ: чѣмъ же объяснить такое небреженіе, въ которомъ находятся интересы православной церкви въ западномъ краѣ? Не служитъ ли это небреженіе печальнымъ свидѣтельствомъ объ упадкѣ духа въ самой церкви и о ея безсиліи?

Наша церковь не имѣетъ и не хочетъ имѣть свѣтской власти. У ней нѣтъ своего особаго государя, какого имѣетъ римская церковь въ лицѣ папы; въ государствѣ она не государство. Всякое притязаніе на свѣтскую власть чуждо основаніямъ и противно духу нашей церкви: все кесарево отдаетъ она кесарю, и въ этомъ заключается главная сила, отдѣляющая ее отъ латинской церкви. Но не имѣя притязанія на свѣтскую власть, она можетъ желать и требовать себѣ свободы. Относясь къ высшему порядку міроправленія, не принадлежащему къ царству міра сего, она въ то же время сила, призванная дѣйствовать и въ этомъ мірѣ, посреди всѣхъ его условій. Въ качествѣ великой общественной силы, она можетъ быть также самостоятельною и свободною, какъ и въ своей внутренней, собственно-церковной жизни; она, какъ и всякая общественная сила,— и болѣе чѣмъ всякая другая,—можетъ желать полной и обезпеченной свободы дѣйствія. Если она не хочетъ властвовать, то какъ и всякая общественная сила, она можетъ и должна имѣть свободу для того, чтобы нести отвѣтственность за свои дѣйствія и за свое положеніе. Въ силу исторической необходимости, общественная свобода была у насъ вездѣ пріостановлена и задержана; церковь раздѣляла въ этомъ отношеніи общую участь. Она утратила свои имѣнія, на которыхъ опирались ея матеріальная сила и значеніе; она утратила также то начало самопроизвольнаго движенія, безъ котораго никакая нравственная сила не можетъ дѣйствовать; она почти совсѣмъ утратила значеніе свободной, самоопредѣляющейся силы, а съ тѣмъ вмѣстѣ утратила и энергію, необходимую для дѣятельности. Сама она почти ничего не могла предпринимать. Положеніе духовенства, его школъ, ея отношенія къ другимъ общественнымъ силамъ,—все это подчинялось внѣшнимъ вліяніямъ и не зависѣло отъ ея собственныхъ, сознаваемыхъ ею потребностей, все это находилось внѣ ея собственнаго самостоятельнаго контроля. Вотъ почему на нашей церкви не лежитъ отвѣтственность за упадокъ ея учрежденій тамъ, гдѣ этотъ упадокъ замѣчается, за неудовлетворительное положеніе духовныхъ школъ, за равнодушіе и апатію духовенства, за водворившійся въ ней бюрократическій формализмъ, и даже за развитіе чуждаго ея духу *левитизма* со всѣми его вредными послѣдствіями какъ для церкви, такъ и для народной жизни вообще. На ней стало-быть не лежитъ отвѣтственность и за бѣдственное положеніе православія въ западномъ краѣ. Она молилась и священнодѣйствовала въ своихъ храмахъ, она исполняла духовныя требы своихъ дѣтей; но она не дѣйствовала какъ общественная сила, потому что не имѣла ни свободы, ни духа начинанія, ни средствъ для дѣйствія.

Всѣ заботы о потребностяхъ общественныхъ лежали у насъ на правительствѣ. На немъ стало-быть главнымъ образомъ лежали и заботы о поддержаніи православія въ западномъ краѣ. Что могло быть сдѣлано правительственными средствами, то болѣе или менѣе и дѣлалось. Прошедшее царствованіе было ознаменовано важнымъ событіемъ, положившимъ конецъ той фальшивой сдѣлкѣ между латинствомъ и православіемъ, которая извѣстна подъ именемъ уніи. Возникшее въ самомъ уніатскомъ духовенствѣ западнаго края стремленіе къ возсоединенію съ православною церковію, было поддержано правительствомъ, и дѣло возсоединенія совершилось легко. Оставалось только воспользоваться его плодами; но для этого оказались недостаточными правительственныя средства; для этого требовались новыя условія новыя силы; для этого требовалось пробужденіе духа жизни и начинанія въ людяхъ и общественныхъ интересахъ. До этого дѣло еще не доходило и возсоединенныя съ церковію, народонаселенія западнаго края доселѣ оставались безъ поддержки. Бѣдные храмы подгнивали и рушились; они были лишены необходимыхъ церковныхъ принадлежностей, даже богослужебныхъ книгъ. Вмѣстѣ съ православною церковію, въ такожъ же небреженіи находилась и самая народность русская, которая сосредоточивается здѣсь преимущественно въ крестьянскомъ сословіи. Коренной людъ есть въ этихъ мѣстахъ, за малыми исключеніями, людъ православ-

ный и русскій; но онъ находился въ униженіи и рабствѣ, и надъ нимъ господствовало землевладѣльческое сословіе, которое почти все исповѣдываетъ иную, непріязненную православной вѣру, и хранитъ притязанія враждебныя русскому государству. Какъ православныя русскія народонаселенія находились въ порабощеніи, такъ и самая церковь въ этихъ мѣстахъ; несмотря на титло господствующей церкви, находилась въ порабощеніи; какъ русская народность была унижена, такъ была унижена и православная церковь; скудна и жалка была доля русскаго люда въ этихъ мѣстахъ, скудно и жалко было положеніе въ этихъ мѣстахъ православной церкви. Одно другому служило символомъ, русская народность и православная церковь; положеніе одной служило характеристическимъ признакомъ положенія другой; и та и другая находились въ нищетѣ, презрѣніи и загонѣ. Могли ли эти бѣдныя, несчастныя, забитыя крестьянскія народонаселенія западнаго края поддерживать собственными средствами благолѣпіе своихъ храмовъ, особенно въ присутствіи богатыхъ и могущественныхъ польскихъ пановъ и латинскаго духовенства, которыя надъ ними тяготѣли? Помощь могла придти только изнутри Россіи, но русскія общественныя силы, какъ церковныя, такъ и свѣтскія, равно были бездѣйственны, и стало-быть помощь могла придти только изъ одного источника,—изъ государственнаго казначейства.

Но вопросъ о положеніи православія въ западномъ краѣ не есть вопросъ чисто церковный; онъ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, есть также и вопросъ государственный. Не одно христіанское чувство, но также и политическая мудрость, какъ замѣчено выше, заинтересованы въ этомъ дѣлѣ. Поддержаніе православія въ этихъ мѣстахъ было бы настоятельною необходимостью для Русскаго государства даже въ томъ случаѣ, еслибъ оно было свободно отъ всякихъ обязательствъ относительно охраны церковныхъ интересовъ, еслибы на немъ не лежала отвѣтственность взятой имъ на себя опеки. Даже при полномъ развитіи свободнаго общественнаго начинанія, даже при полной самостоятельности церковныхъ учрежденій, было бы необходимо большее или меньшее государственное участіе въ этомъ дѣлѣ. Дѣло это именно такого свойства, что оно до нѣкоторой степени требуетъ пособія обязательнаго, то-есть пособія изъ государственнаго казначейства. Нѣкоторая доля изъ суммъ государственныхъ сборовъ, обращенная на поддержаніе православныхъ храмовъ въ западномъ краѣ, есть дѣло большой государственной необходимости чѣмъ напримѣръ такъ-называемый „церковный налогъ“ въ Англіи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что всякій плательщикъ податей, дѣйствительно преданный русскому государству и желающій ему пользы, хотя бы онъ былъ и не православнаго исповѣданія, даже не христіанинъ, согласился бы въ необходимости пособія православнымъ храмамъ въ западномъ краѣ изъ государственныхъ суммъ.

На поддержаніе православныхъ храмовъ въ западномъ краѣ было особенно обращено вниманіе съ 1859 года. Сначала было отпущено изъ государственнаго казначейства пятьсотъ тысячъ на этотъ предметъ; но когда правительство ознакомилось больше съ состояніемъ церквей въ западномъ краѣ, когда раскрылись всѣ ихъ нужды, сумма эта оказалась крайне недостаточною, и отпущенъ былъ еще милліонъ.

Слава Богу, въ нашей администраціи нашлось лицо, которое повело это дѣло не только съ высокою добросовѣстностію, но съ горячимъ усердіемъ и энергіей личнаго дѣла. На отпущенныя суммы, и начиная съ 1859 года по настоящее время, осмотрѣно свыше восьми сотъ церквей, возобновлено и построено четыреста, и изъ нихъ уже болѣе половины сдано въ духовное вѣдомство. При небольшихъ ассигнованныхъ на этотъ предметъ средствахъ, такого результата можно было достигнуть лишь съ помощію величайшей бережливости и заботливости съ какими обыкновенно не дѣлаются казенныя дѣла. При осмотрѣ церквей, при оцѣнкѣ стоимости матеріяловъ, задѣльной платы и т. п., всегда приглашались христіане, и ни одинъ актъ, ни одна разцѣнка, какъ намъ сообщаютъ не составлялись иначе какъ по ихъ приговорамъ, и часто сами прихожане принимали на себя работы по устройству собственныхъ храмовъ. Одною изъ причинъ успѣха было отсутствіе формальностей, и главное—отсутствіе *прижимокъ* при выдачѣ суммъ по условіямъ. За этимъ неусыпно наблюдали на мѣстахъ довѣренныя отъ главнаго руководителя лица, выбранныя изъ числа офицеровъ генеральнаго штаба, достаточно знакомыя съ строительною частію,

благонамѣренныя и усердныя. Благодаря трудамъ этихъ офицеровъ, были собраны подробныя этнографическія и статистическія данныя, относящіяся какъ къ сѣверо-западному, такъ и къ юго-западному краю и послужившія матеріяломъ для великолѣпнаго изданія, которое представляетъ драгоцѣнное пособіе для изученія этого края, но можетъ украсить собою лишь немногія библіотеки. Оно напечатано въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, не свыше кажется ста, и не предназначено къ продажѣ. Это *Атласъ народонаселенія западно-русскаго края по вѣроисповѣданіямъ*, составленный при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, въ канцеляріи завѣдывающаго устройствомъ православныхъ церквей въ западныхъ губерніяхъ, П. Н. Батюшкова. Въ этомъ атласѣ, громадномъ по своимъ размѣрамъ съ возможною точностію обозначены вѣроисповѣданія западнаго края и показаны отношенія ихъ къ этнографическимъ элементамъ. Каждая церковь во всѣхъ девяти губерніяхъ обозначена особо.

Возобновленіемъ и постройкою храмовъ не ограничиваются потребности православія въ западномъ краѣ. И старые, и новые храмы требуютъ утвари, книгъ, облаченій; при церквахъ есть и вновь заводятся поселянскія школы; эти школы нуждаются въ учебныхъ пособіяхъ. Для всего этого надобно было обратиться къ добровольнымъ приношеніямъ. Живое участіе, съ которымъ поведено было это дѣло, ручалось за успѣхъ.

Государь Императоръ и Государыня Императрица, Государь Наслѣдникъ и всѣ члены Императорской Фамиліи, высшее общество въ Петербургѣ и лица купеческаго сословія въ Москвѣ покрыли своими пожертвованіями нужды болѣе двухъ тысячъ церквей западнаго края, кромѣ кіевскихъ, которыя не требовали пособія. По приглашенію высокопреосвященнаго митрополита Московскаго Филарета, приняли въ этомъ дѣлѣ участіе церкви и монастыри его епархіи. Предметы, отправленные на мѣста, не *застряли* въ консисторіяхъ и дошли благополучно до церквей, для которыхъ были предназначены. Независимо отъ пожертвованія для церквей поступали приношенія и въ пользу поселянскихъ школъ учебными пособіями, а для причта книгами духовно-нравственнаго содержанія. До сорока тысячъ книгъ собраны и уже почти всѣ получены на мѣстахъ.

Личное участіе — сила могущественная; только оно вноситъ жизнь въ дѣло, только оно оплодотворяетъ его. Но частная дѣятельность и личное участіе въ свободномъ общественномъ дѣлѣ имѣетъ особенное значеніе на высотѣ трона.

Мы не забудемъ того чувства, съ которымъ было принято пожертвованіе въ пользу русскихъ воиновъ и ихъ семействъ, присланное отъ Государыни Императрицы къ намъ, въ редакцію частной газеты, когда мы открыли подписку на этотъ предметъ при началѣ польскаго мятежа. Мы легко можемъ понять чувства духовенства и прихожанъ въ бѣдномъ западномъ краѣ при полученіи вкладовъ отъ русскихъ людей, во главѣ которыхъ, и заодно съ ними, какъ русскіе люди и дѣти православной церкви, находятся Государь Императоръ, снабдившій 50 церквей богослужебными книгами, и Государыня Императрица, принимающая особенное участіе въ этомъ дѣлѣ и надѣлившая всѣмъ необходимымъ по одной церкви въ каждомъ уѣздѣ трехъ губерній Витебской, Могилевской и Минской.

Кромѣ этого главнаго канала, которымъ текутъ пожертвованія въ пользу церквей западнаго края, снабдившія церковною утварью и книгами уже до 2.000 мѣстностей, — образовалось много мелкихъ, отдѣльныхъ каналовъ, благодаря учреждающимся церковнымъ братствамъ. Всякій можетъ легко вступить въ непосредственныя сношенія съ тѣмъ или другимъ православнымъ храмомъ западнаго края, и записаться въ число его братчиковъ; всякій такимъ образомъ можетъ, въ своей мѣстности, стать живымъ центромъ заботливости и попеченій о томъ или другомъ изъ православныхъ приходовъ или православныхъ храмовъ и пересылать въ избранную церковь свои посильныя приношенія и сборы.

Остается только желать, чтобы пробуждающійся духъ дѣйствія въ нашемъ обществѣ не оказался явленіемъ поверхностнымъ, чтобъ онъ укрѣплялся и входилъ въ силу, и чтобъ административная опека, снимая свою печать съ нашей жизни, открывала ему пути и сдавала ему одно за другимъ всѣ тѣ дѣла, которыя только онъ одинъ можетъ и оживить и повести съ успѣхомъ.

Б.

Тѣ изъ нашихъ либераловъ, которые любятъ основывать свои сужденія о русскихъ

дѣлахъ на мнѣніи иностранцевъ, могутъ, для своего успокоенія, прочесть въ газетѣ *Times* отъ 14 января письмо одного изъ политическихъ людей Англіи, члена парламента (за графство Эльгинъ), г. Грантъ Доффа объ его впечатлѣніяхъ въ Вильнѣ и Варшавѣ. Г. Грантъ Доффъ пріѣзжалъ по домашнимъ дѣламъ въ Петербургъ, былъ у насъ въ Москвѣ, и на обратномъ пути останавливался въ Вильнѣ и Варшавѣ для осмотра тамошнихъ тюремъ. Онъ представлялся генералу Муравьеву и графу Бергу, бесѣдовалъ съ ними и входилъ во всѣ подробности. Г. Грантъ Доффъ не принадлежитъ къ числу друзей Россіи; у него есть польскія привязанности и симпатіи. Русскіе люди изъ одного разряда съ тѣмъ господиномъ, который подавалъ французскому сенатору жалобу на варварство и жестокости русскихъ властей въ Вильнѣ, могутъ успокоиться; вотъ иностранный политическій человѣкъ свидѣтельствуетъ имъ, что ни въ Варшавѣ, ни въ Вильнѣ, подъ управой варварскихъ русскихъ властей, не дѣлается ничего похожаго на то, что дѣлалось въ Австріи и Италіи въ подобныхъ обстоятельствахъ.

№ 7.

Москва, 9-го января.

А.

Странное впечатлѣніе производятъ пренія во французскомъ законодательномъ сословіи. Какіе это сводятся тамъ счеты? Что̀ значатъ эти мертвецы вышедшіе изъ гробовъ, и чего они хотятъ? Что̀ это за партіи, говорящія отъ имени Франціи? Вотъ и г. Тьеръ явился на сцену: зачѣмъ же онъ явился, какія его притязанія? Повернуть назадъ нельзя, — это противно естественному ходу вещей, Да и къ чему? Та эпоха, которая зрѣла величіе и славу г. Тьера, уже миновала и не только миновала, но и дала свой плодъ. Нынѣшній порядокъ вещей есть ея послѣдствіе. Въ самомъ дѣлѣ, откуда же вышла нынѣшняя имперія Наполеона III? Она вышла изъ французской республики, она вышла изъ февральской революціи, которая вся заключалась въ нѣдрахъ іюльской монархіи. Одно изъ другаго выходило съ неизбѣжною послѣдовательностію: изъ іюльской революціи — февральская, изъ февральской — 2-е декабря. Февральская революція была произведена тѣми самыми факторами, которые дѣйствовали и въ іюльской монархіи и которые она, въ свою очередь, наслѣдовала отъ предыдущихъ эпохъ. Возвратиться ко временамъ г. Тьера значитъ получить въ перспективѣ того же г. Руэ, который теперь возражаетъ ему въ законодательномъ сословіи: зачѣмъ же имѣть въ перспективѣ то что̀ уже обрѣтается въ дѣйствительности? Да и какая между тѣмъ и другимъ разница? Разница, конечно, есть: г. Тьеръ въ свое время былъ во главѣ министерства, или во главѣ многочисленной и сильной оппозиціи, которая побивала министерство. Теперь онъ занимаетъ положеніе незначительное, теперь онъ почти ничтожество, теперь онъ принадлежитъ къ самой миніатюрной и самой пестрой изъ когда-либо существовавшихъ на свѣтѣ оппозицій. Вотъ разница: разница только въ положеніи г. Тьера. Но мы не видимъ никакой существенной разницы въ началахъ между тѣмъ порядкомъ вещей, который зрѣлъ величіе и славу г. Тьера, и тѣмъ, который зритъ его теперь въ паденіи. И г. Тьеръ, и его нынѣшніе противники съ одинаковымъ религіознымъ благоговѣніемъ обращаются къ принципамъ 89 года; они равно видятъ въ себѣ дѣтей „великой революціи“, представителей ея духа, хранителей ея преданій; отъ ней они равно отправляются, на ней равно основываются, и ею равно дышатъ. Какіе же между ними могутъ быть серіозные счеты? Они люди одной системы и одного духа. Мы знаемъ изъ исторіи, что позади іюльской монархіи была наполеоновская имперія, нашедшая себѣ столь краснорѣчиваго историка въ лицѣ г. Тьера; исторія показала намъ, что и впереди іюльской монархіи, съ ея регламентомъ политической свободы, находилась также наполеоновская имперія. И такъ все это въ сущности, одно и то же.

Одинъ изъ глубокомысленнѣйшихъ политическихъ умовъ во Франціи убѣдительно доказалъ, что и 89-й годъ, и „великая революція“, отъ которыхъ ведутъ свое лѣтосчисленіе и г. Тьеръ, и его противники, не суть что-либо новое относительно эпохи имъ предшествовавшей, относительно Франціи стараго порядка. Французская революція со всѣми своими принципами заключалась въ нѣдрахъ Франціи стараго порядка, была порождена ею и сама въ

свою очередь породила Наполеона съ его имперіей. Революція была дальнѣйшимъ продолженіемъ, дальнѣйшею фазой того самаго духа, который дѣйствовалъ въ старой Франціи подъ другими формами, подавляя, сглаживая и убивая всякую живую силу,—того же духа всеуничтожающей администраціи, той же всепоглащающей силы правительственнаго механизма. Можетъ ли на этой почвѣ установиться спокойное и твердое царство свободы, гдѣ не отвлеченные принципы слѣпо властвуютъ надъ жизнію, ломая ее во всѣхъ ея основахъ и возмущая ее во всѣхъ ея отправленіяхъ,—гдѣ напротивъ дается просторъ производительной силѣ жизни, гдѣ не убивается никакая дѣйствительная сила, а всякая идетъ въ дѣло, состязаясь и сообразуясь съ другими дѣйствительными интересами той же народной жизни? Можетъ ли въ духѣ систематическаго насилія сложиться твердое и свободное политическое устройство?

Іюльская монархія, съ своимъ политическимъ регламентомъ, было явленіе фальшивое, не заключавшее въ себѣ никакихъ элементовъ прочности. Еслибъ она что-нибудь значила, если бы въ ней было какое-нибудь жизненное начало, какая-нибудь доля истины, могла ли бы она пасть такъ безславно и такъ позорно? Что̀ такое этотъ французскій парламентаризмъ, которымъ кичится эпоха г. Тьера? Что̀ такое эти законодательныя собранія, въ которыхъ онъ подвизался? Что̀ такое эти партіи? Были ли это живыя народныя силы или фальшивыя порожденія искусственной комбинаціи, созданіе сочиненнаго регламента? Спорить не о чемъ: исторія произнесла свой приговоръ.

Приговоръ исторіи произнесенъ и надъ ролью, которую игралъ г. Тьеръ въ этой несчастной, такъ позорно окончившейся іюльской монархіи. Роль эта была не очень достойная. Не онъ ли стоялъ во главѣ этой оппозиціи, которая только затрудняла правительство, но не предложила и не провела ни одной существенно полезной реформы? Не онъ ли основывалъ свою популярность на томъ, что льстилъ дурнымъ чувствамъ французскаго тщеславія? Не его ли имя связано съ перенесеніемъ Наполеонова праха въ Парижъ, съ парижскими укрѣпленіями, съ союзомъ четырехъ державъ противъ Франціи? Онъ раздражалъ фальшивыя струны французскаго національнаго чувства, и чѣмъ болѣе удалось ему раздражить ихъ, тѣмъ болѣзненнѣе было то ощущеніе своей слабости, которое Франція испытала, когда вся Европа соединилась противъ нея, отвѣчая на задоръ г. Тьера своимъ четвернымъ союзомъ. Ища для себя эфемерной популярности, онъ лишилъ популярности династію, которой служилъ. Раздраженное національное чувство было оскорблено. Въ своемъ политическомъ безсиліи Франція стала обвинять династію. Пробудились воспоминанія о республикѣ и имперіи. Демагоги пользовались этимъ недовольствомъ и этими воспоминаніями для своихъ цѣлей, а г. Тьеръ съ компаніей говорили рѣчи въ палатѣ депутатовъ и не хотѣли знать ни того что̀ происходило вокругъ нихъ во Франціи, ни даже того что̀ дѣлали въ ихъ ближайшемъ сосѣдствѣ государственные люди Англіи, усиленно работавшіе, чтобъ устранить несправедливости законодательства, отъ которыхъ страдалъ народъ, и тѣмъ отвратить отъ своей страны опасность соціальнаго потрясенія. Имперія убила политическое значеніе г. Тьера, но какой искренній другъ Франціи пожалѣетъ о томъ? Если жалѣть, то развѣ о томъ, что люди подобные г. Тьеру могли сохранять такъ долго первенствующее политическое положеніе несмотря на очевидную безплодность своей дѣятельности и всѣ неудачи, которыми она сопровождалась.

Какъ политическій дѣятель, г. Тьеръ далъ самъ себѣ краснорѣчивый аттестатъ въ неспособности. Полагать ли, что онъ выше какъ политическій мыслитель?

Но кто изъ политическихъ людей во Франціи болѣе г. Тьера исповѣдываетъ ученіе административной централизаціи и правительственной опеки, то, что̀ во Франціи стали звать *гувернементализмомъ*? Не онъ ли одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ представителей этого духа, порожденнаго французскою исторіей и непримиримо враждебнаго всѣмъ инстинктамъ свободы и самоуправленія,—духа, которымъ хронически одержима эта страна и которымъ заразила она весь европейскій материкъ,—духа регламентовъ, духа отвлеченныхъ предписаній, насилующихъ жизнь, убивающихъ свободу?

Событія дали г. Тьеру двѣнадцати-лѣтній невольный досугъ для размышленія о свойствѣ тѣхъ началъ, которыми онъ руководился. Измѣнился ли онъ хоть сколько-нибудь? Каково было слово его послѣ того какъ закрылось для него поприще дѣлъ?

Кто не знаетъ духа, которымъ проникнута его *Исторія Консульства и Имперіи?* Сознательное измѣненіе колорита, превознесеніе того что̀ заслуживало бы строгаго осужденія, постоянное кокетничанье съ національными недостатками, — вотъ главныя черты этого псевдо-историческаго произведенія. Теперь г. Тьеръ, бросивъ музу Кліо, вступилъ вторично на ораторскую арену. Чѣмъ же онъ дебютируетъ? Всѣми дѣйствіями своими, всѣми своими сочиненіями, онъ доказалъ, что принадлежитъ къ тѣмъ Французамъ, которые, по выраженію Наполеона I, не имѣютъ и понятія о томъ что такое свобода, а между тѣмъ слово *свобода* не сходитъ у него съ языка. Но произнося это слово на каждомъ шагу, онъ остается вѣренъ своимъ политическимъ взглядамъ, съ которыми истинная свобода не совмѣстима. Событія ничему не научили его, и какъ во времена іюльской монархіи, такъ и теперь, для его мысли недоступна та простая истина, что при французской централизаціи невозможна политическая свобода. Онъ нападаетъ на имперію, но ея формы вѣрнѣе и истиннѣе чѣмъ іюльская конституція выражаютъ духъ французской революціи, которому онъ поклоняется. А наконецъ надобно вспомнить и то-что благодаря особымъ обстоятельствамъ, Франція обязана все-таки нынѣшнему правительству первымъ серіознымъ шагомъ на пути экономической свободы, той свободы, которой г. Тьеръ противодѣйствовалъ, когда могъ, дѣлами, и которой онъ противодѣйствуетъ теперь словомъ, къ счастію безсильнымъ. Онъ подписалъ поправку, направленную противъ свободной торговли; по поводу этой поправки на дняхъ предстоятъ интересныя пренія, въ которыхъ ораторы правительства явятся представителями либеральнаго начала.

Обращаемъ вниманіе читателей на куріозный эпизодъ объ административной централизаціи въ рѣчи г. Тьера. Централизація, говоритъ онъ, начало великое; это — душа Франціи; ею держится во Франціи порядокъ, на ней основано французское могущество. Это говоритъ тотъ самый человѣкъ, который проповѣдуетъ что во Франціи избытокъ свободы ведетъ къ деспотизму, а избытокъ порядка—къ революціямъ! Что революція хочетъ централизаціи, это понятно; что имперія, дочь революціи, пользуется централизаціей, это тоже въ порядкѣ вещей. Но когда человѣкъ, требующій для Франціи либеральной системы правленія, превозноситъ централизацію, то онъ этимъ лишь доказываетъ что его либеральная система въ сущности не что иное какъ революція и имперія. Еще удивительнѣе замѣчаніе г. Тьера, что на централизаціи основано военное могущество Франціи. Безъ централизаціи, говоритъ онъ, Франція не могла бы объявить войну въ мартѣ, а въ апрѣлѣ имѣть уже 200.000 войска за Альпами. Но о какой тутъ централизаціи идетъ рѣчь? Если о централизаціи въ управленіи войсками, то противъ централизаціи этого рода не можетъ быть ни малѣйшаго возраженія; ни одному разумному человѣку не приходило конечно въ голову считать полезнымъ такой порядокъ военнаго управленія, при которомъ войско было бы затруднено въ своихъ движеніяхъ. Коль скоро приказаніе отдано, то чѣмъ скорѣе оно можетъ быть исполнено, тѣмъ лучше. Быстрота, съ которою была начата итальянская война, объясняется однакоже не столько превосходствомъ устройства военной части во Франціи, сколько тѣми особенностями государственнаго устройства Французской имперіи, которыя г. Тьеръ желаетъ измѣнить. Если централизація нужна для военнаго могущества Франціи, то для него еще нужнѣе полновластіе императора. Когда г. Тьеръ управлялъ Франціей, централизація была въ полной силѣ, а Франція между тѣмъ была безсильна.

Б.

Мы получили первые нумера *Виленскаго Вѣстника* (*Kurjer Wilenski*) за наступившій годъ, и видимъ въ этомъ изданіи не совсѣмъ утѣшительный признакъ того неопредѣленнаго и двусмысленнаго положенія, въ которомъ еще находится этотъ край. *Виленскій Вѣстникъ* попрежнему издается на двухъ языкахъ, русскомъ и польскомъ. Зачѣмъ эта двойственность въ газетѣ правительственной? Западный край — русскій ли край или нѣтъ? Если нѣтъ, зачѣмъ же мы отстаиваемъ его, зачѣмъ же тамъ льется кровь, зачѣмъ же мы не отдаемъ его Полякамъ? Если же это край русскій, зачѣмъ же мы правительственнымъ способомъ создаемъ символъ, который поддерживаетъ фальшивую двойственность въ этомъ краѣ?

Мы не понимаемъ, почему бы въ Вильнѣ, Минскѣ, или хоть бы въ самомъ Кіевѣ или даже въ Москвѣ, не издаваться част-

нымъ газетамъ на польскомъ языкѣ; мы не понимаемъ какія могутъ быть затрудненія для частныхъ литературныхъ предпріятій на польскомъ языкѣ. Но мы точно также не понимаемъ, почему правительство должно издавать въ этомъ краѣ свой органъ на польскомъ языкѣ. Если языкъ присутственныхъ мѣстъ въ этомъ краѣ есть русскій, если языкъ казенныхъ школъ также есть русскій (мы не понимаемъ, почему преподаваніе закона Божія по римско-католическому вѣроученію должно составлять исключеніе),—то нельзя отыскать ни малѣйшаго основанія для объясненія почему необходимо издавать тамъ правительственную газету на какомъ-нибудь другомъ языкѣ, кромѣ чисто русскаго. Вотъ подобныя-то двусмыслія и поддерживаютъ смуту въ умахъ, свидѣтельствуя о какой-то странной нерѣшительности, неясности и неопредѣленности отношеній! Нѣтъ ни малѣйшей надобности стѣснять частныя предпріятія, нѣтъ ни малѣйшей пользы не допускать изданія чисто-польской газеты въ западномъ краѣ, тѣмъ болѣе что тамъ легко могутъ быть получаемы польскія газеты изъ Варшавы. За содержаніемъ и направленіемъ газеты можетъ слѣдить и правительство, и общество; польскій же языкъ частной газеты не можетъ означать ничего иного, кромѣ желанія тѣхъ или другихъ лицъ писать и читать на языкѣ, который имъ болѣе близокъ или болѣе пріятенъ, желанія законнаго, на которое имѣетъ право всякій въ благоустроенномъ обществѣ. Но будущій историкъ нашихъ временъ будетъ тщетно пытаться объяснить себѣ почему, даже въ 1864 году, въ Вильнѣ издается правительственная газета, гдѣ на казенный счетъ сочиняются и печатаются на польскомъ языкѣ разныя статейки и фельетоны.

№ 8.

Москва, 10-го января.

А.

Мы рѣдко представляли читателямъ выдержки изъ преній въ австрійскомъ имперскомъ совѣтѣ. Тотъ эпизодъ, который они найдутъ *ниже* подъ рубрикой *Австрія*, интересенъ не по своему практическому значенію,—онъ не имѣлъ никакого постановленія своимъ результатомъ,—онъ интересенъ какъ одно изъ многихъ указаній на коренной недостатокъ сочиненныхъ конституцій. То столкновеніе, которое происходитъ теперь въ Пруссіи, можетъ не сегодня, такъ завтра приключиться и въ Австріи. Это прямо говоритъ графъ Ауэршпергъ въ верхней палатѣ имперскаго совѣта, и говоритъ это съ тѣмъ чтобъ отстаивать права не той палаты, къ которой самъ принадлежитъ, а палаты нижней, которой, по его мнѣнію, должно быть вполнѣ предоставлено рѣшеніе финансовыхъ вопросовъ. Эти слова графа Ауэршперга встрѣтили сильное одобреніе въ вѣнской либеральной журналистикѣ; *Ostdeutsche Post* сказала даже, что за послѣдніе три года въ имперскомъ совѣтѣ не было преній болѣе важныхъ чѣмъ пренія 11-го января, состоявшія почти исключительно изъ произнесеннаго графомъ Ауэршпергомъ монолога. Но какъ бы ни былъ великъ восторгъ журналистики и нижней палаты, сотоварищи графа Ауэршперга едва-ли убѣдятся его рѣчами; по инстинкту самосохраненія, они будутъ стоять за свое участіе въ законодательствѣ, очень хорошо понимая, что предоставивъ бюджетъ въ исключительное вѣдѣніе враждебной имъ нижней палаты, они лишили бы себя всякаго значенія. Бюджетъ далъ бы нижней палатѣ возможность вынуждать по всѣмъ политическимъ вопросамъ согласіе верхней палаты и короны; но ни та, ни другая не могутъ находить ничего пріятнаго для себя въ подобномъ порядкѣ, и можно прибавить, что подобный порядокъ не представлялъ бы достаточныхъ гарантій для правильнаго хода государственныхъ дѣлъ.

Тѣмъ не менѣе однакоже графъ Ауэршпергъ правъ: столкновеніе двухъ палатъ непремѣнно должно случиться въ Австріи рано или поздно, и тогда австрійское правительство будетъ принуждено избрать такой же образъ дѣйствій, который избранъ теперь правительствомъ прусскимъ. Когда вопросъ о бюджетѣ подлежитъ совокупному рѣшенію короны и обѣихъ палатъ, какъ теперь въ Австріи и Пруссіи, то при разногласіи между палатами корона естественно получаетъ свободу дѣйствій, и конституція фактически отмѣняется. Положимъ, что нижняя палата урѣжетъ бюджетъ, а верхняя согласится съ проектомъ правительства и выскажется рѣшительно противъ урѣзываній сдѣланныхъ нижнею палатой:

какъ тутъ поступать правительству? Проекты обыкновенныхъ законовъ при разногласіи между палатами вовсе не могутъ быть утверждены и стало-быть все остается по прежнему. Но къ бюджету это не вполнѣ примѣнимо. Правительство можетъ быть вынуждено, въ интересахъ государства, согласиться съ одною изъ палатъ и на противорѣчіе другой палаты не обращать вниманія. Что же тогда выйдетъ? Конституція фактически отмѣненная не все ли это равно, что конституція нарушенная?

Какъ прусская, такъ и австрійская конституція не только заключаютъ въ себѣ возможность подобнаго столкновенія, но и подаютъ поводъ къ нему, а выхода изъ него не представляютъ, кромѣ подчиненія верхней палаты палатѣ депутатовъ,—подчиненія, при которомъ утратились бы выгоды двухкамерной системы, и верхняя палата потеряла бы причину продолжать свое существованіе. Интересно и поучительно вникнуть въ эту дилемму. При двухкамерной системѣ каждая изъ двухъ камеръ должна имѣть независимое положеніе. Такъ говоритъ здравый смыслъ. Но въ дѣйствительности эта аксіома оказывается неприложимою ни къ Австріи, ни къ Пруссіи: тамъ, если за каждою изъ двухъ камеръ оставить взаимную независимость, то неизбѣжно ихъ столкновеніе; если же для избѣжанія столкновеній дать нижней палатѣ преобладаніе, то утратится вся выгода, ради которой двухкамерная система существуетъ. Такимъ образомъ, избѣгать столкновеній значитъ отказаться отъ двухкамерной системы; держаться этой системы значитъ подвергать государство опасности столкновеній между первенствующими государственными властями. Такова дилемма заключающаяся въ австрійской и прусской конституціяхъ. На чемъ же основана эта дилемма и почему нѣтъ ея въ англійскомъ устройствѣ, которое считается образцомъ для двухкамерной системы?

Все дѣло въ томъ, что сочинители австрійской и прусской конституціи упустили изъ виду бездѣлицу. Они были совершенно правы, полагая, что двухкамерная система необходима въ центральномъ представительствѣ: она до такой степени необходима, что безъ нея центральное представительство теряетъ свою цѣну. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы всякая двухкамерная система была хороша; въ особенности изъ этого не слѣдуетъ, чтобы можно было ожидать чего-нибудь добраго отъ такой системы, при которой двѣ камеры враждебны одна другой. Вотъ эта-то малость и упущена изъ виду при сочиненіи конституцій обѣихъ великихъ державъ Германіи. Приглашаемъ читателей поразмыслить о причинахъ такой ошибки. Никто изъ сочинителей упомянутыхъ конституцій не желалъ, конечно, камеръ враждующихъ, но такъ какъ камеры были импровизированы, а не составлены изъ элементовъ уже существовавшихъ и извѣстныхъ, то никто и не могъ знать какими онѣ будутъ одушевлены взаимными чувствами. На дѣлѣ оказалось, чего никто не желалъ; камеры одна съ другой ужиться не могутъ, а между тѣмъ составъ ихъ неизмѣнно опредѣленъ конституціей. Въ Англіи, гдѣ камеры выросли изъ самой жизни, между ними есть живая связь, дѣлающая невозможнымъ чтобъ одна камера систематически враждовала съ другою. Не убѣдительный ли это урокъ, что искусство законодателя состоитъ не въ сочиненіи уставовъ и не въ придумываніи хитростей въ родѣ двухстепенныхъ или трехстепенныхъ выборовъ, а въ умѣньи пользоваться учрежденіями и элементами уже существующими и заявившими свое свойство?

Б.

Мы хотимъ сказать нѣсколько словъ въ дополненіе ко вчерашней замѣткѣ нашей о *Виленскомъ Вѣстникѣ*. Но прежде всего спѣшимъ оговорить досадную типографскую оплошность, вслѣдствіе которой попали въ печать нѣсколько наскоро написанныхъ и вычеркнутыхъ нами въ корректурѣ словъ, которыя невѣрно передаютъ нашу мысль. За вопросомъ: „западный край—русскій ли край или нѣтъ“ въ напечатанномъ слѣдуетъ: „если нѣтъ, то зачѣмъ же мы отстаиваемъ его и т. д. Этого нельзя сказать. Нѣтъ, мы должны были бы отстаивать этотъ край и въ томъ случаѣ, еслибъ онъ не былъ русскій по большинству своего народонаселенія. Мы должны отстаивать всякую часть русскаго государства, какой бы ни была она народности и какой бы языкъ ни употреблялся большинствомъ ея народонаселенія. Сила заключается въ томъ, что въ западномъ краѣ офиціяльнымъ языкомъ признается русскій, и вопросъ возвращается въ такомъ видѣ: если въ западномъ краѣ признается только одинъ офиціяльный языкъ, зачѣмъ же издается тамъ

правительственная газета на двухъ языкахъ.

Мѣстная газета, въ родѣ *Виленскаго Вѣстника*, не можетъ удовлетворять потребностямъ людей принадлежащихъ къ высшимъ общественнымъ классамъ, людей достаточныхъ, болѣе или менѣе образованныхъ и болѣе или менѣе прихотливыхъ по части чтенія. Помѣщики, желающіе слѣдить за политическими событіями или имѣть пріятное и полезное чтеніе, не будутъ довольствоваться подобною газетою. Имъ представляется обширный выборъ газетъ всякаго рода издаваемыхъ внутри и заграницей на всевозможныхъ языкахъ. Мѣстная газета какъ *Виленскій Вѣстникъ* можетъ читаться преимущественно лишь въ среднихъ и низшихъ общественныхъ классахъ, но хотя въ западномъ краѣ громадное большинство народонаселенія принадлежитъ къ русскому корню; однако надобно сообразить, что этотъ край долгое время былъ отчужденъ отъ русской народности и русскаго литературнаго языка; надобно сообразить, что тамъ и до сихъ поръ вліятельные классы состоятъ преимущественно изъ Поляковъ. Мы очень мало сдѣлали для распространенія въ тѣхъ мѣстахъ русскаго образованія и русскаго литературнаго языка. Извѣстно, что тамъ даже въ семействахъ православныхъ священниковъ употребляются польскіе молитвенники, на изданіе которыхъ нѣтъ никакой монополіи и которые стало-быть подручнѣе русскихъ; такъ и календарь въ ходу не русскій, а польскій, который и дешевле и болѣе приспособленъ къ мѣстнымъ потребностямъ, и какъ изданіе частное дѣятельнѣе ищетъ себѣ покупателей чѣмъ русскій, который составляетъ монополію Академіи Наукъ. Наконецъ, нельзя отрицать, что тамошній русскій людъ, при своемъ грубомъ мѣстномъ нарѣчіи, съ трудомъ могъ защищаться отъ литературнаго польскаго языка, употребляемаго вокругъ образованными классами; нельзя отрицать, что обстоятельства, въ которыхъ долгое время находился этотъ край, сами собою болѣе или менѣе ополячивали людей русской народности и вынуждали ихъ, при извѣстной степени грамотности и образованія, и говорить, и мыслить на польскомъ языкѣ. Теперь спрашивается, есть ли надобность искусственно усиливать эти естественныя послѣдствія обстоятельствъ посредствомъ газеты правительственной?

Впрочемъ, слѣдуетъ указать также и на значительную перемѣну произшедшую въ изданіи *Виленскаго Вѣстника* съ нынѣшняго года. Прежде въ немъ на русскомъ и польскомъ языкахъ излагались разныя матеріи, и отдѣлъ неофиціяльный, представлявшій наиболѣе занимательное чтеніе, излагался преимущественно по-польски. Теперь этого нѣтъ, и половина газеты излагается изъ строки въ строку и по-русски, и по-польски. Желающіе могутъ читать одно и тоже по-русски и по-польски. Перемѣна конечно значительная,—но, спрашивается: къ чему же эта напрасная трата казенной бумаги? Къ чему одно и тоже излагается въ газетѣ на двухъ языкахъ? Не пріобрѣтаетъ ли она, вслѣдствіе этого, характеръ какого-то страннаго символизма?

№ 9.

Москва, 11-го января.

А.

Каждый годъ приноситъ намъ какія-нибудь новыя полезныя изобрѣтенія. Безпрерывно расширяются предѣлы власти человѣка надъ природою, безпрерывно поступаютъ въ его распоряженіе новые элементы богатства и силы. Желѣзныя дороги, телеграфы.... но, да не подумаетъ читатель, что мы намѣрены пуститься въ исчисленіе и характеристику изобрѣтеній и открытій, усилившихъ, украсившихъ и обогатившихъ человѣческую жизнь. Мы заговорили объ этомъ только для того чтобы немедленно перейдти къ другому. Мы хотимъ только спросить себя, почему въ новѣйшее время такъ быстро и такъ могущественно растетъ власть человѣка надъ природой. Всѣ безспорно согласятся, что этимъ мы обязаны развитію положительныхъ знаній, и всѣ рукоплещутъ успѣхамъ естествовѣдѣнія. Но чему обязаны положительныя науки своимъ успѣхомъ, своими плодотворными для жизни результатами? Естественныя науки съ полною рѣшимостію отказались отъ отвлеченныхъ построеній, и взяли въ основаніе опытъ; онѣ слѣдуютъ такъ-называемому индуктивному методу, онѣ отыскиваютъ общіе законы явленій, посредствомъ тщательнаго изученія существующаго; онѣ не хотятъ знать никакихъ общихъ положеній кромѣ тѣхъ, которыя вырабатываются шагъ за шагомъ изъ мате-

ріяла, даннаго въ опытѣ. Общіе законы, посредствомъ которыхъ онѣ овладѣваютъ міромъ человѣческаго опыта, суть не что иное какъ общественные факты, какъ подведенныя подъ общую точку зрѣнія группы данныхъ явленій. Такъ поступаетъ положительное знаніе по отношенію къ природѣ; такимъ способомъ разумъ человѣческій плодотворно законодательствуетъ въ распоряженіи ея силами.

Разумъ человѣческій занимался не одно тысячелѣтіе созерцаніемъ идей и умозрительнымъ построеніемъ природы; но какъ ни велики подвиги его по этой части, какъ ни величественны созданныя имъ системы, какую бы великую цѣну ни имѣли онѣ какъ факты въ исторіи умственнаго развитія человѣчества, — онѣ, какъ извѣстно, ни на шагъ не подвинули людей въ законодательствѣ надъ міромъ окружающихъ явленій, ни на волосъ не прибавили къ его власти надъ явленіями и силами природы. Необходимо было пойдти въ противную сторону, необходимо было взяться съ полнымъ самоотверженіемъ за существующее для того чтобы овладѣть существующимъ. Прежде проходили вѣка, и человѣкъ оставался совершеннымъ младенцемъ въ окружающемъ мірѣ явленій; великіе умы, создавшіе удивительныя системы, ходили какъ слѣпые посреди вещей; напрасно налагали они на природу свои формулы, вещи ихъ не слушались. А теперь, какъ мы видимъ, каждый день свидѣтельствуетъ о какомъ-либо новомъ завоеваніи человѣка въ окружающемъ мірѣ.

Но если разумъ человѣческій пересталъ добиваться власти надъ природою посредствомъ умозрительныхъ построекъ, то еще не видно, что люди готовы были отказаться отъ умозрительныхъ созданій въ человѣческихъ обществахъ. Всѣ — большіе мастера хвалить естествовѣдѣніе и вообще положительныя науки, всѣ любятъ пользоваться ихъ результатами, но не всѣ любятъ пользоваться ихъ примѣромъ. Умозрѣніе и созерцаніе идей, это одно; но реальное познаніе, овладѣвающее живыми силами, пользующееся ихъ дѣйствіями, создающее новыя формы и комбинаціи, возвышающее, украшающее и исправляющее природу, — это другое. Это двѣ сферы не имѣющія ничего между собою общаго. Въ человѣческихъ обществахъ также — исправлять существующее, возвышать и преобразовывать жизнь есть одно дѣло; а созидать постройки на основаніи отвлеченныхъ идей и взглядовъ — дѣло совершенно иное. Что умозрительныя системы относительно природы, то въ человѣческихъ обществахъ регламентація жизни, посредствомъ сочиняемыхъ законовъ. И вотъ что̀ давно уже оказалось совершенно непригоднымъ по отношенію къ природѣ, то еще считается наилучшимъ способомъ по отношенію къ человѣческимъ обществамъ. Какъ старые схоластики нанизывали *королларіи* на *дефиниціи* и были увѣрены, что они такимъ способомъ законодательствуютъ надъ окружающею природой, такъ и до сихъ поръ доктринеры французской школы, всякихъ оттѣнковъ, остаются еще увѣрены, что они споспѣшествуютъ развитію жизни въ человѣческихъ обществахъ путемъ отвлеченныхъ созиданій налагаемыхъ на жизнь.

Возьмите отдѣльнаго человѣка: что̀ составляетъ его истинную силу, его вѣсъ, его характеръ? Отвлеченные ли принципы, которые сидятъ въ его головѣ въ видѣ затверженныхъ формулъ и фразъ, или то что̀ выработано имъ изъ своего опыта, изъ индивидуальныхъ стихій его природы, изъ дѣйствительной его жизни. Кто не согласится, что только та мысль и дѣйствуетъ въ человѣкѣ плодотворно, только та мысль и оказывается въ немъ силой, которая выработана изъ собственныхъ элементовъ его существованія? Все прочее только болѣзненно надмеваетъ голову; все прочее оказывается ложью, фальшивыми претензіями, которыя существенно портятъ людей. Не затверженныя съ чужаго голоса слова, а выработанныя собственнымъ мышленіемъ понятія, составляютъ силу человѣка; не напускныя, мнимыя чувствованія, создаваемыя воображеніемъ, даютъ цѣну его сердцу, а тѣ, которыя не прежде называютъ себя по имени, какъ обнаружатъ свое дѣйствіе во всемъ существѣ человѣка. Только тѣ общія правила не обманутъ человѣка въ минуту дѣйствія, которыя тѣсно связаны съ навыками и наклонностями, и знаютъ всѣ пути его организма. Только то, однимъ словомъ, есть не ложная сила въ человѣкѣ, только то составляетъ его истинный характеръ въ чемъ выражается его индивидуальность, что̀ выработалось въ немъ изъ глубины его природы, а не наложено на него только сверху.

Что̀ составляетъ достоинство и силу отдѣльнаго человѣка, то mutatis mutandis,

составляетъ достоинство и силу политической организаціи обществъ. Какъ задача воспитанія состоитъ не въ томъ, чтобы вносить въ головы готовыя формулы тяжкимъ хламомъ подавляющія производительность мышленія и не имѣющія связи ни съ сердцемъ, ни съ волею человѣка; такъ и задача законодательства въ политическихъ обществахъ состоитъ не въ томъ, чтобы вносить въ него симметрическія учрежденія и подводить жизнь подъ регламенты. Законодательство политическое дѣйствуетъ плодотворно и успѣшно, когда оно держится тѣхъ же самыхъ способовъ, посредствомъ которыхъ положительное знаніе законодательствуетъ въ природѣ. Оно дѣйствуетъ плодотворно и успѣшно, поскольку изучаетъ существующее и находитъ въ немъ элементы для своихъ созиданій; оно дѣйствуетъ плодотворно только тогда, когда не задается отвлеченными формулами, какъ бы онѣ ни *казались* вѣрны, и не руководствуется никакими готовыми рубриками; когда оно не налагаетъ законовъ, а открываетъ ихъ въ существующемъ, какъ естествоиспытатель не налагаетъ законовъ на природу, а открываетъ ихъ въ ней. Достоинство учрежденій состоитъ не въ томъ, каковы они сами по себѣ, взятыя отвлеченно: они должны быть только средствомъ, никогда цѣлію. Чѣмъ менѣе учрежденіе заботится о самомъ себѣ, тѣмъ бываетъ лучше. Оно хорошо только тогда, когда хорошо для потребностей жизни, а не для артистическаго созерцанія. Оно хорошо только тогда, когда въ немъ группируются дѣйствительно данныя силы; когда оно не стѣсняетъ ихъ регламентаціей какого бы то ни было свойства, хотя бы повидимому самаго либеральнаго, но полагаетъ всю свою задачу лишь въ томъ, чтобы служить прямымъ выраженіемъ потребностей жизни, оплодотворяя ее и давая ей просторъ. Учрежденія, создаваемыя подъ вліяніемъ какихъ бы то ни было формулъ, взятыхъ не изъ жизни, поражаютъ безплодіемъ существующія силы, и производятъ силы фальшивыя, отъ которыхъ добра не бываетъ. Гдѣ законодательство дѣйствуетъ не по отвлеченнымъ принципамъ, а на основаніи существующаго, съ полнымъ уваженіемъ къ его интересамъ, тамъ только и дѣйствуетъ оно либерально, и только въ тѣхъ политическихъ обществахъ гдѣ оно дѣйствуетъ такимъ образомъ свобода не есть пустое слово, а истина. Другой свободы въ политическихъ обществахъ не бываетъ и быть не можетъ. Она заключается не въ тѣхъ или другихъ учрежденіяхъ, сочиненныхъ въ канцеляріи или провозглашенныхъ учредительными собраніями, а въ тѣхъ элементахъ, изъ какихъ учрежденія создаются, и въ тѣхъ способахъ, какими они примѣняются къ жизни. Что, плодотворное знаніе въ наукѣ, то свобода въ политическихъ обществахъ.

Б.

Начало наступившаго года ознаменовано у насъ обнародованіемъ новыхъ учрежденій, которыя отнынѣ вводятся въ нашу земскую жизнь. Вчера въ нашей газетѣ напечатанъ былъ Высочайшій указъ Правительствующему Сенату о введеніи въ дѣйствіе новыхъ земскихъ учрежденій. Въ сегодняшнемъ нумерѣ нашихъ *Воскресныхъ Прибавленій* помѣщается вполнѣ самый уставъ этихъ учрежденій. Обсуждать ихъ теперь было бы и не умѣстно, и безплодно. Они — совершившійся фактъ, и отнынѣ сама жизнь будетъ для нихъ пробою. Она сама скажетъ, въ какой мѣрѣ согласуются они съ ея дѣйствительными расположеніями. Но, со введеніемъ въ жизнь этихъ учрежденій, для правительства возникаетъ новая, еще болѣе важная задача чѣмъ составленіе проекта этихъ учрежденій,—задача примѣненія ихъ къ жизни. Правительству дорого не учрежденіе, а благо той жизни и тѣхъ интересовъ, для которыхъ учрежденія создаются и приводятся въ дѣйствіе. Не жизнь оно будетъ пріурочивать къ учрежденіямъ, а учрежденія къ жизни. Оно не обвинитъ жизни, если бы въ томъ или другомъ отношеніи не оказалось удовлетворительныхъ результатовъ, а прежде всего посмотритъ нѣтъ ли въ самомъ учрежденіи чего-нибудь не соотвѣтствующаго жизни. Успѣхъ закона будетъ зависѣть отъ той податливости, отъ той готовности, согласоваться съ жизнію и уступать ея требованіямъ, которыми онъ будетъ одушевленъ въ своемъ примѣненіи. При этомъ условіи недостатки учрежденія, еслибы недостатки оказались, принесутъ великую пользу. При мудрой зоркости и либеральности примѣненія, оно и въ этомъ случаѣ сослужитъ плодотворную службу: оно исполнитъ назначеніе тѣхъ искусныхъ вопросовъ, которые естествоиспытатель предлагаетъ природѣ и на которые, при изо-

щренномъ вниманіи съ его стороны, она дастъ опредѣленные отвѣты, расширяющіе область плодотворнаго знанія въ наукѣ,— область свободы въ политическихъ обществахъ.

Мы не можемъ, однако, не указать на одно, по нашему мнѣнію, самое важное значеніе новаго закона. Онъ впервые призываетъ у насъ къ жизни *земство*, какъ великую, всеобъемлющую общественную силу. Это давно уже сообщаетъ новому закону высокую цѣну. Впервые теперь является у насъ цѣльное земство, свободное отъ существовавшей доселѣ организаціи по правамъ состоянія, и впервые является общественная группа *землевладѣльцевъ* Это великій шагъ. Регламентъ учрежденій можетъ измѣниться, они могутъ уступить свое мѣсто другимъ; но это останется. Останется земство, какъ типическая физіономія русскаго народа. Въ этомъ главная сила закона.

Да здравствуетъ же русское земство! Слава монарху призывающему его къ жизни!

№ 10.

Москва, 13-го января.

Земская управа или мировой съѣздъ? Такъ спрашивали себя, конечно, весьма многіе русскіе люди, принимающіе къ сердцу благо своего отечества, когда доходили до нихъ вѣсти о заготовлявшемся проектѣ земскихъ учрежденій. При словѣ мировой съѣздъ, уму представлялось учрежденіе, на долю котораго досталась чрезвычайно трудная обязанность и которое исполнило ее такъ успѣшно, какъ никто не ожидалъ,—учрежденіе недавнее, но испытанное, уже оказавшее несомнѣнныя услуги странѣ, и обнаружившее свою благодѣтельную силу можетъ-быть всего болѣе на тѣхъ односторонностяхъ, которыя отчасти были искуственно введены въ него изъ сферъ чуждыхъ земству, отчасти были слѣдствіемъ исключительныхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ происхожденіе мироваго института. Эти односторонности, которыя дѣйствовали бы разрушительно, еслибы явились въ иной формѣ, напримѣръ бюрократической, значительно смягчались и умѣрялись обстановкой мироваго института и хотя вызывали справедливыя жалобы, но не причиняли всѣхъ тѣхъ послѣдствій, которыхъ можно было опасаться. Много было и другихъ условій, необходимыхъ по обстоятельствамъ, но дававшихъ мировому институту не свойственный ему видъ: къ этимъ необходимымъ, но въ то же время не вполнѣ правильнымъ условіямъ относится напримѣръ несмѣняемость мировыхъ посредниковъ. Но живая сила института ослабляла вредное вліяніе подобныхъ неправильностей, и безпристрастный наблюдатель долженъ признать уѣздныя мировыя учрежденія однимъ изъ лучшихъ учрежденій Россіи. Нельзя не упомянуть также, что они учрежденіе, обстрѣленное, подвергавшееся не только свободной критикѣ, но и порицаніямъ самымъ безцеремоннымъ, и въ своихъ основаніяхъ выдержавшее съ честью весь этотъ напоръ. Едва ли какое другое учрежденія въ Россіи было бы въ состояніи сохранить свою репутацію въ такой передѣлкѣ, какой подвергались мировые посредники и мировые съѣзды съ первой минуты ихъ учрежденія. А надобно еще замѣтить, что исполняя новыя законоположенія, потревожившія интересы многихъ, они безвинно навлекали на себя гнѣвъ многихъ лицъ, безсознательно срывавшихъ сердце на исполнителяхъ закона, чтобы на комъ-нибудь дать волю своему чувству досады. Но какъ ни мало были расположены помѣщики щадить мировыхъ посредниковъ, какъ ни широкъ былъ просторъ, который печать имѣла возможность предоставить всѣмъ обвиненіямъ, порицаніямъ и даже придиркамъ, направленнымъ на уѣздныя мировыя учрежденія, вышла ли наружу хоть сотая доля того что̀ можетъ быть обнаружено относительно многихъ другихъ учрежденій, безъ особенныхъ усилій и безъ особеннаго интереса обличать и придираться? Уѣздныя мировыя учрежденія—единственный нашъ институтъ, котораго дѣйствія подлежатъ полной, ни чѣмъ не стѣсненной гласности, а вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ эта гласность получила еще желчный характеръ. И что же? Тѣ прискорбныя уклоненія, безъ которыхъ не обошлось это дѣло,—что значатъ они въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ было бы при другомъ устройствѣ этой части? Кому, какъ не мировымъ посредникамъ, обязаны мы спокойнымъ ходомъ реформы, тѣмъ ненарушимымъ миромъ, который царствуетъ теперь въ нашихъ селахъ, наконецъ тѣмъ взаимнымъ доброжелательствомъ, которое видимо возстановляется между нашими двумя сельскими сословіями? Вотъ какія мысли невольно возникали въ умѣ при словѣ *миро-*

вой съѣздъ по поводу размышленій о томъ что̀ будетъ внесено въ жизнь новыми земскими учрежденіями. Напротивъ, со словами *земская управа* не соединялось ничего опредѣленнаго.

Итакъ съ одной стороны передъ ними было учрежденіе безспорно удавшееся и представлявшее вѣрныя ручательства дальнѣйшаго успѣха. Съ другой стороны — безвѣстное будущее, за которое никто поручиться не можетъ. Вотъ тотъ контрастъ, который такъ сильно склонялъ къ желанію, чтобы земскія учрежденія примкнули къ мировымъ. Въ мировыхъ учрежденіяхъ привлекалъ успѣхъ, ихъ увѣнчавшій; въ предполагавшихся земскихъ управахъ пугала безвѣстность ожидавшей ихъ судьбы.

Къ этому присоединялся еще опытъ недавнихъ лѣтъ. Наряду съ мировыми учрежденіями мы въ послѣднее время видѣли другое, также новое учрежденіе — городскія думы. Хотя это учрежденіе, испытанное лишь въ двухъ столицахъ, и принесло, сравнительно съ прежнимъ, нѣкоторую пользу, но мысль, которая осуществилась въ городскомъ устройствѣ обѣихъ столицъ, стоитъ неизмѣримо ниже мысли положенной въ основаніе мировыхъ учрежденій, имѣющихъ не коллегіальный, а корпоративный характеръ. Общая дума, разбитая на сословія и состоящая изъ членовъ, которые могутъ дѣйствовать почти только въ коммиссіяхъ, страдаетъ двумя повидимому противоположными недостатками, неповоротливостью и вмѣстѣ поспѣшностью въ произнесеніи приговоровъ,—недостатками, которые не разъ обнаруживались въ Петербургѣ, гдѣ опытъ былъ продолжительнѣе чѣмъ въ Москвѣ. Но общая Дума все-таки сколько-нибудь улучшила городское хозяйство Петербурга, а что сказать о Думахъ Распорядительныхъ? Кому неизвѣстны петербургскія исторіи съ Распорядительною Думой? Въ Москвѣ дѣло еще до того не дошло, и мы не хотимъ тревожить московскую Распорядительную Думу зловѣщими предсказаніями, хотя не можемъ скрыть, что иные московскіе жители не замѣчаютъ большаго различія между московскою Распорядительною Думою, учрежденіемъ новымъ, и напримѣръ Управой Благочинія, учрежденіемъ, которое признается неудовлетворительнымъ и требующимъ преобразованія. А какъ бы, кажется, не прінскать людей для Распорядительной Думы въ Петербургѣ или Москвѣ, гдѣ людей такъ много, и гдѣ есть столько охотниковъ на каждое мѣсто? Не очевидно ли, что есть какой-нибудь недостатокъ въ самомъ устройствѣ Распорядительныхъ Думъ?

Этотъ опытъ заставлялъ еще болѣе задумываться надъ проектомъ земскихъ учрежденій, который въ первоначальномъ своемъ видѣ очень близко подходилъ, и по духу и по исполненію, къ плану городскаго устройства, испытанному въ Петербургѣ и Москвѣ. Естественно возникала мысль, что трудно будетъ устроить по уѣздамъ коллегіи въ родѣ распорядительныхъ думъ, когда и столичныя коллегіи этого рода, какъ старыя, такъ и новыя, далеко не заслужили себѣ лавровъ.

Такъ представлялось это дѣло, а потому понятны живость желанія чтобы законодательство при начертаніи устройства земскихъ управъ отклонилось отъ образца представляемаго распорядительными думами и обратило вниманіе на мировые съѣзды, учрежденіе гораздо болѣе удавшееся и, что особенно важно, удавшееся именно въ уѣздахъ. Только тогда, казалось, будетъ дѣйствительное самоуправленіе въ нашихъ уѣздахъ, когда все оно сосредоточится въ мировомъ съѣздѣ; только тогда земское дѣло перестанетъ быть канцелярскимъ дѣломъ, и не присутственное мѣсто будетъ заниматься въ присутственной камерѣ уѣзднаго города перепиской объ уѣздномъ благоустройствѣ, а живые люди, живущіе въ разныхъ пунктахъ уѣзда, и притомъ люди надежные, будутъ наблюдать за благоустройствомъ уѣзда и полагать свое честолюбіе въ заботѣ о немъ.

Не было ли однако же поспѣшности въ этихъ желаніяхъ? Если дѣйствительно сама жизнь требуетъ, чтобы мировые съѣзды были вмѣстѣ и земскими управами, то все чего на первый разъ можно ожидать отъ законодательства ограничивается воздержностью отъ такихъ предписаній, которыя стали бы поперекъ требованіямъ жизни. Законодательство погрѣшило бы, еслибы воспрепятствовало осуществленію требованій жизни, но оно можетъ-быть тоже погрѣшило бы, еслибы взялось само формулировать ихъ. Во всякомъ случаѣ благоразумнѣе со стороны законодательства не брать на себя исполненія того, что̀ можетъ быть свободно совершено самою жизнію, а въ вопросѣ о сліяніи земскихъ управъ съ мировыми съѣздами это тѣмъ благоразумнѣе, что сами мировые съѣзды—учрежденіе временное, еще подлежащее переработкѣ.

Высочайше утвержденное Положенiе 1-го января остановилось по этому вопросу именно на томъ предѣлѣ, на которомъ должно было остановиться. Въ Положенiи нѣтъ ни одного пункта, который воспрепятствовалъ бы уѣздному земству составить уѣздную управу тождественную съ мировымъ съѣздомъ, если только земство найдетъ это полезнымъ. Члены управы сравнены съ мировыми посредниками въ томъ отношенiи, что могутъ быть удаляемы отъ должности не иначе какъ по опредѣленiю правительствующаго сената (§ 117 Положенiя); они освобождены отъ обязанности жить въ уѣздномъ городѣ (§ 99); число ихъ можетъ быть измѣняемо по усмотрѣнiю уѣзднаго собранiя, отъ трехъ до шести, безъ предварительнаго разрѣшенiя губернской или центральной власти (§ 46), а такъ какъ уѣздныя собранiя имѣютъ право, сверхъ членовъ управы, выбирать уполномоченныхъ для исполненiя *разныхъ порученiй* (§ 59), то на практикѣ число членовъ управы можетъ быть увеличено и сверхъ шести. Словомъ, въ тѣхъ уѣздахъ гдѣ земство довольно своимъ мировымъ съѣздомъ, оно не встрѣтитъ никакого препятствiя превратить весь съѣздъ въ уѣздную управу. Положенiе 1-го января предоставляетъ земству полную свободу дѣйствiя, но воздержавшись отъ предписанiй, которыя могли бы стѣснить эту свободу, оно не пошло далѣе, и нельзя не признать, что оно поступило благоразумно. Гдѣ мировой съѣздъ, въ силу выборовъ, сдѣлается земскою управой, тамъ это будетъ слѣдствiемъ свободнаго рѣшенiя. Сама жизнь покажетъ чего она требуетъ, а между тѣмъ мировые посредники будутъ замѣнены мировыми судьями, и тогда законодательство будетъ въ состоянiи пойдти далѣе, уже руководясь несомнѣнными данными.

Наши уѣзды бѣдны не только людьми; они бѣдны и средствами. Если сокращенiе мировыхъ участковъ, причинившее такъ много тревоги, и не было настоятельною финансовою необходимостью, то нельзя отрицать, что сборъ на мировыя учрежденiя вызываетъ жалобы. Что же будетъ, когда къ этому сбору присоединится сборъ можетъ быть еще болѣе значительный на земскiя учрежденiя, губернскiя и уѣздныя? Даже съ точки зрѣнiя народнаго хозяйства нельзя желать, чтобы расходы на уѣздное управленiе увеличились также непомѣрно, какъ напримѣръ увеличились расходы на управленiе города Москвы. Что можетъ вынести большой городъ, то будетъ тяжко для уѣзда. Если же уѣздъ и не будетъ скупиться на жалованье членамъ управы, то кто поручится, что они будутъ ему стоить только одного жалованья? Развѣ жалованье обезпечиваетъ отъ злоупотребленiй? Противъ взяточничества одно средство — выбирать людей извѣстнаго общественнаго положенiя, но такихъ людей трудно будетъ заохотить къ засѣданiю въ управѣ. Между тѣмъ посредники, и такъ уже обязанные собираться на съѣздъ, могутъ взять на себя безъ отягощенiя отправленiе тѣхъ не многихъ дѣлъ, которыя будутъ лежать на уѣздной управѣ. По всему вѣроятiю, даже не потребуется увеличивать ихъ жалованье, и земскiя средства будутъ отягощены только назначенiемъ хорошаго жалованья для канцелярiи.

Такимъ образомъ простой разчетъ долженъ побудить земство во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это только возможно къ возложенiю функцiи земской управы на мировой съѣздъ. Нельзя сомнѣваться, что члены мировыхъ учрежденiй съ своей стороны будутъ содѣйствовать этому направленiю дѣла. Можетъ ли укрываться отъ нихъ неизмѣримая важность того института, который имъ ввѣренъ судьбой и котораго будущность во многомъ отъ нихъ зависитъ? Но для того чтобъ онъ занялъ подобающее ему мѣсто, онъ долженъ сдѣлаться органомъ полнаго уѣзднаго самоуправленiя. Только въ этомъ случаѣ будетъ упрочена его будущность, и онъ будетъ привлекать къ себѣ такiя силы, какiя нужны для его преуспѣянiя.

Въ средѣ гдѣ все шатко, мировыя учрежденiя тоже не могутъ не подвергаться нѣкоторому колебанiю. Новая полицiя, увлекаясь своимъ бюрократическимъ положенiемъ, составляющимъ необыкновенное явленiе въ жизни нашихъ уѣздовъ, позволяетъ себѣ заявлять притязанiя на вмѣшательство въ мировое вѣдомство, требующiя энергическаго отпора. Съ другой стороны сокращенiе мировыхъ участковъ открыло просторъ для произвола мѣстной администрацiи, находящагося въ очевидномъ противорѣчiи съ видами высшаго правительства. Прискорбно упоминать о такомъ случаѣ, какъ напримѣръ, выходъ въ отставку цѣлыхъ мировыхъ съѣздовъ, еще вчера признававшихся образцовыми. Дѣйствуя такимъ образомъ, мѣстныя власти плохо понимаютъ свое призванiе, состоящее въ томъ чтобы поддер-

живать мѣры правительства въ ихъ настоящемъ значеніи, а не бросать на нихъ невыгодную и невѣрную тѣнь. Власть должна уважать и оберегать существующее, особенно въ такихъ драгоцѣнныхъ его проявленіяхъ, которыя принадлежатъ къ лучшимъ украшеніямъ нашей публичной жизни.

№ 11.

Москва, 14-го января.

Законъ 1-го января имѣетъ особенную важность не столько по тѣмъ специяльнымъ учрежденіямъ (собраніямъ и управамъ), которыя онъ создаетъ, сколько по тѣмъ началамъ, которыя онъ вызываетъ въ нашей народной организаціи. Въ этихъ-то началахъ заключается его главное значеніе. До сихъ поръ Русскій народъ не имѣлъ совокупной организаціи; теперь онъ имѣетъ ее. До сихъ поръ мы имѣли отдѣльныя гражданскія состоянія, чуждыя другъ другу, раздроблявшія народъ или скрывавшія его единство, и препятствовавшія теченію его жизни; теперь положено начало живой и цѣльной общественной организаціи земства, основанной на одномъ всеобщемъ началѣ собственности. До сихъ поръ у насъ было замкнутое сословіе дворянъ-помѣщиковъ; теперь мы получаемъ вольную группу землевладѣльческихъ классовъ, къ которой будутъ принадлежать люди всѣхъ состояній при извѣстномъ размѣрѣ поземельной собственности и въ которой дворянство не просто придетъ въ соприкосновеніе съ другими сословіями, какъ въ городскихъ думахъ, но вступитъ въ органическую связь съ народомъ. Трудно исчерпать все содержаніе этихъ новыхъ въ нашемъ законодательствѣ понятій. Развитіе тѣхъ живыхъ силъ, которыя ими знаменуются, будетъ зависѣть отъ многихъ условій. Но эти силы уже выдвинуты, онѣ уже призваны къ жизни, въ этомъ-то, главнымъ образомъ, заключается важное значеніе новаго закона. Вчера мы коснулись характеристической черты новаго закона, именно его приспособительности, замѣчаемой въ немъ готовности къ плодотворнымъ для земства комбинаціямъ. Теперь мы хотимъ указать на одно важное заключающееся въ немъ начало, которое соотвѣтствуетъ самой настоятельной потребности нашей жизни.

Церковь, говорятъ, не отъ міра сего, и слѣдовательно ея священнослужители не должны принимать никакого участія въ дѣлахъ и интересахъ гражданскаго общества. Но еслибъ это было справедливо, то нельзя было бы остановиться на духовенствѣ, а слѣдовало бы то же самое утверждать о церкви вообще, то-есть обо всемъ собраніи вѣрующихъ. Однако люди, входящіе въ составъ церкви, то-есть принадлежащіе къ собранію вѣрующихъ, не только могутъ, но и должны входить въ составъ гражданскаго общества. Духовенство, какъ и все собраніе вѣрующихъ, входитъ въ составъ государства, и не можетъ чуждаться условій мірскаго порядка. Латинская церковь не знаетъ бѣлаго духовенства, и на всѣхъ своихъ священнослужителей налагаетъ общее обязательство безбрачія, какъ символъ мнимой отрѣшенности отъ условій земнаго существованія, и тѣмъ вноситъ начало неправды и нечистоты въ свою искусственную организацію; протестантизмъ вовсе не знаетъ монашества. Что же касается до православной церкви, то въ ея организаціи содержатся два элемента соотвѣтствующіе двоякому характеру: черное духовенство знаменуетъ ту часть церкви, которою она возвышается надъ условіями земнаго міра; въ лицѣ бѣлаго духовенства, церковь остается органическою частью гражданскаго общества. Монахъ—отшельникъ по добровольному обѣту; но въ лицѣ своихъ священнослужителей церковь живетъ посреди гражданскаго общества и причастна всѣмъ основнымъ интересамъ его жизни. Семейство, право собственности и все что непосредственно связано съ этими главными основаніями гражданскаго порядка столько же свойственно священнослужителю, сколько и міранину, ибо и священнослужитель есть также міранинъ. Находиться *внѣ* условій гражданскаго порядка не дозволяется никому и ничему, но возможно стать *выше* этихъ условій, и церковь, въ лицѣ своихъ иноковъ, находится выше ихъ. Церковь не отвергаетъ условій земнаго порядка, напротивъ она благословляетъ и скрѣпляетъ его своимъ духовнымъ авторитетомъ. Благодать не отрицаетъ закона, она даетъ болѣе чѣмъ даетъ законъ, она выше его, и стало-быть оставляетъ его за собою во всей его силѣ. Благодать не освобождаетъ отъ уплаты долга, она только даетъ болѣе чѣмъ требуетъ долгъ; она предначинаетъ высшую жизнь, но не извращаетъ естественнаго теченія жизни остающейся подъ закономъ. Посколько церковь въ лицѣ своихъ свя-

щеннослужителей входитъ въ гражданское общество и живетъ посреди его условій, по стольку она должна пользоваться правами гражданскаго общежитія. Принадлежа къ свѣтскому обществу, ея священно-служители должны занимать въ немъ достойное и почетное положеніе; это нужно для чести и достоинства самого общества. Священнослужитель, служа церкви, не можетъ нести собственно государственной службы, онъ не можетъ быть чиновникомъ, но онъ долженъ быть гражданиномъ и не разниться отъ другихъ относительно условій гражданской полноправности. Допущенный къ мірскому быту, онъ не можетъ быть устраненъ отъ гражданскихъ или политическихъ правъ, связанныхъ съ тѣмъ или другимъ общественнымъ положеніемъ. Духовное лицо, живущее въ мірѣ, не должно быть существомъ отчужденнымъ и униженнымъ.

Однако до сихъ поръ положеніе бѣлаго духовенства въ нашемъ обществѣ было странною аномаліей и заключало въ себѣ внутреннее противорѣчіе, которое дѣйствовало вредно на весь народный бытъ нашъ. Оно составляетъ у насъ особую породу, отчужденную отъ остальнаго общества, хотя и живущую въ его средѣ. Оно находится въ какомъ-то униженномъ положеніи, какъ бы подъ опекою, какъ бы въ состояніи несовершеннолѣтія и неполноправности. Въ гражданскихъ дѣлахъ и интересахъ, съ которыми оно соприкасается, оно не имѣетъ никакого голоса и вообще лишено всякаго политическаго значенія. Законъ 1-го января, призывающій къ жизни земство, призываетъ къ гражданской жизни и духовенство, которое должно составлять органическую часть земства. Отнынѣ бѣлое духовенство выходитъ изъ своего неестественнаго, отчужденнаго, униженнаго положенія; за нимъ признана гражданская, полноправность на общемъ основаніи права собственности. Духовныя лица допущены и къ земскимъ выборамъ, и къ участію въ земскихъ дѣлахъ. Этимъ распоряженіемъ законъ 1-го января снимаетъ преграду, державшую въ неестественномъ и вредномъ отчужденіи отъ общественныхъ дѣлъ столь значительный, столь важный, столь вліятельный общественный элементъ. Устраненіемъ этой преграды прекращается вредная аномалія въ нашей жизни, и полагается начало новымъ и лучшимъ въ нашемъ быту отношеніямъ, предначертаннымъ въ самой природѣ вещей. Трудно исчислить все обиліе важныхъ послѣдствій, которыя не замедлятъ развиться изъ этого начатка, если дальнѣйшія условія будутъ благопріятствовать развитію.

Священнослужители участвуютъ въ земскихъ выборахъ на основаніи находящейся въ ихъ владѣніи церковной земли, и избираютъ уполномоченныхъ для выбора гласныхъ въ уѣздное собраніе. По независимо отъ этого, священнослужители могутъ, по смыслу закона, принадлежать къ землевладѣльческимъ классамъ или къ городскимъ собственникамъ, и на основаніи установленнаго ценза непосредственно участвовать въ выборѣ гласныхъ. Наконецъ, священнослужители могутъ быть выбираемы въ гласные какъ уѣздныхъ, такъ и губернскихъ собраній.

Повторимъ: это постановленіе новаго закона о священнослужителяхъ, вводимыхъ въ земство, обильно важными послѣдствіями какъ для церкви, такъ и для общества. Оно дастъ надлежащее направленіе одному изъ самыхъ важныхъ вопросовъ нашей народной жизни.

Мы коснулись того пункта закона, который разрѣшаетъ священнослужителямъ быть представителями сельскихъ обществъ. Законъ старается устроить земское дѣло такъ чтобы крестьянскія сельскія общины, по возможности, составляли одно цѣлое съ землевладѣльческими классами, которые de facto состоятъ по преимуществу изъ дворянъ-помѣщиковъ. Съ этою цѣлію законъ постановляетъ условіемъ для крестьянскихъ обществъ выбирать своихъ гласныхъ или изъ собственной среды, или изъ числа личныхъ землевладѣльцевъ, а не изъ городскихъ сословій. Но къ числу лицъ, способныхъ служить представителями крестьянскихъ обществъ, законъ, какъ мы видѣли, справедливо отнесъ и священнослужителей.

№ 12.

Москва, 15-го января.

А.

Читатели наши, вѣроятно, обратятъ вниманіе на помѣщенное ниже извлеченіе изъ статьи о польскихъ крестьянахъ, статьи, о которой газета *Le Nord*, помѣстившая ее въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ нумеровъ, отзывается какъ о *трудѣ* (travail), заслуживающемъ особаго вниманія. Черезъ нѣсколько дней, въ воскресномъ прибав-

леніи къ нашей газетѣ, читатели найдутъ статью, которая касается того же предмета еще съ бо́льшими подробностями; они будутъ въ состояніи вполнѣ оцѣнить то положеніе, которое создалъ для крестьянскаго сословія патріотизмъ польскаго дворянства и всей польской „интеллигенціи“,— этотъ патріотизмъ, который такъ громко говоритъ о себѣ, который такъ высоко держитъ въ Европѣ свое знамя...

Патріотизмъ! Польскій патріотизмъ! Станемъ ли мы отрицать его? Конечно, нѣтъ; но мы постараемся опредѣлить его характеръ.

Какъ, въ самомъ дѣлѣ, назвать то чувство, которое побуждало Поляковъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ отдѣлять значительную часть своихъ доходовъ въ пользу своей таинственной *справы*, которое подвигло ихъ на отчаянную борьбу безъ оружія, безъ регулярной военной силы, которое заставляетъ ихъ переносить иногда съ мужествомъ голодъ и холодъ въ лѣсахъ, идти на вѣрную гибель? Поляки твердо увѣрены, что они въ 1863 году вписали блестящую, героическую страницу въ исторію своей націи. Что же однако?... Мы слышали нѣкогда разсказъ о томъ, какъ при занятіи какого-то аула въ Чечнѣ, одинъ Чеченецъ кинулся съ кинжаломъ на русскаго гренадера: солдатъ всадилъ ему штыкъ въ животъ, а тотъ, ухватясь за ружье одною рукой, чтобы приблизиться къ солдату, вонзилъ ему кинжалъ въ грудь. Этотъ Чеченецъ тоже палъ, и пожалуй палъ геройски, отстаивая свои лѣса и горы. Этого отрицать нельзя. Сравняютъ ли себя польскіе патріоты съ этимъ Чеченцемъ, или найдутъ унизительнымъ для себя это сравненіе? И однакожь нельзя не замѣтить, что кавказскіе горцы, въ продолженіе шестидесяти лѣтъ, отстаивающіе свои лѣсные аулы, а въ послѣднее время и *эмигрирующіе* подобно Полякамъ, имѣютъ не много побольше правъ говорить о своемъ патріотизмѣ нежели Поляки. Горцы не полагаютъ никакой особенной славы въ томъ что бьются за свои горы, и отстаиваютъ ихъ кровью. Они не знаютъ, что̀ такое политическій патріотизмъ, но въ нихъ живо племенное чувство, и когда то или другое горское племя борется съ нами, то люди, къ нему принадлежащіе, всѣ стоятъ за одно, отъ мала до велика, отъ богатаго до бѣднаго, чего вовсе нѣтъ въ Польшѣ. Польскій патріотизмъ отнюдь не общее чувство польскаго племени. Онъ вовсе не понятенъ польскимъ крестьянамъ, то-есть огромному большинству польскаго народа.

Возьмемъ теперь контрастъ къ простому племенному патріотизму,—возьмемъ патріотизмъ иного характера, политическій, сознательный, предусмотрительный. Нѣтъ страны въ Европѣ, которая была бы менѣе Англіи подвержена вооруженному нападенію; однако посмотрите какъ она встрепенется всякій разъ, чуть обнаружится малѣйшій признакъ опасности, какія жертвы приносятся, какія дѣлаются усилія, и эти усилія идутъ не только на приготовленія къ борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ, но еще болѣе на устройство внутреннихъ силъ, на развитіе матеріяльныхъ и нравственныхъ средствъ обороны.

Вотъ образчикъ патріотизма *сознательнаго* — того патріотизма, какимъ въ нашъ вѣкъ можетъ справедливо гордиться нація. Но тотъ патріотизмъ, который накидываетъ на глаза высшихъ классовъ націи повязку, который ничего не предусматриваетъ, ничего не взвѣшиваетъ, который побуждаетъ землевладѣльцевъ сгонять съ своихъ владѣній цѣлыя массы крестьянъ единоземцевъ и призывать на ихъ мѣсто сотни тысячъ иностранцевъ, отдавать имъ въ аренду цѣлыя области, который допустилъ то, что дворянство наканунѣ борьбы съ „сѣвернымъ коллосомъ“ вздумало обирать крестьянъ и становиться съ ними на ножи, который и въ самую минуту этой борьбы не научаетъ ни единодушію, ни дисциплинѣ,—такой патріотизмъ несетъ въ своихъ нѣдрахъ смертный приговоръ себѣ. Высшіе классы не успѣвшіе развить въ себѣ патріотическихъ инстинктовъ до сознанія своихъ политическихъ обязанностей, не призваны управлять судьбами своего отечества: единственная слава, которая ихъ ожидаетъ,—храбро умирать за призракъ того отечества, которое они сами же погубили своимъ непатріотическимъ образомъ дѣйствій.

Польскій патріотизмъ никогда не былъ народнымъ чувствомъ, и никогда не искалъ себѣ опоры въ немъ. Польскій народъ былъ забитъ и загнанъ; даже такой человѣкъ какъ Костюшко не смѣлъ говорить во имя польскаго патріотизма за освобожденіе польскихъ крестьянъ, не вошедшее и въ ту конституцію 3-го мая, которою польскіе паны гордятся какъ верхомъ своего либерализма. Польскіе паны и вообще

польская шляхта, доказавшіе не разъ свою готовность умирать за отечество, не хотѣли ни разу принести отечеству меньшую жертву,—отказаться отъ своего права притѣснять крестьянъ. Не слѣдуетъ ли изъ этого, что они умирали не за отечество, а за свою власть надъ нимъ? Не слѣдуетъ ли изъ этого, что ихъ отечество много выиграетъ, когда высвободится изъ-подъ этого патріотизма касты, называющей себя польскимъ народомъ и настоящаго польскаго народа не признающей?

Не польское дворянство, а русское правительство — мы говоримъ это съ убѣжденіемъ и гордостію — устроитъ и улучшитъ судьбу польскаго народа.

Б.

Закрытіе сессіи прусскаго парламента—новость важная, но до такой степени она казалась вещью всѣми ожидаемою, что намъ даже не сочли нужнымъ сообщить ее по телеграфу, и мы узнали о ней изъ петербургскихъ газетъ. Нынѣшняя сессія прусскаго парламента закрыта третьяго дня, 13-го (25-го) января. Вслѣдъ за тѣмъ, вѣроятно, будетъ распущена нижняя палата, и лѣтомъ будутъ произведены новые выборы. Министерство г. фонъ-Бисмарка повидимому надѣется, что событія, которыя совершатся до тѣхъ поръ, измѣнятъ настроеніе избирателей, и что новая нижняя палата будетъ лучше ладить съ верхнею палатой и съ министерствомъ. Благо вѣрующему! Причиной закрытія сессіи былъ отказъ въ займѣ на занятіе Гольштинiи и на экспедицію въ Шлезвигъ. Отказъ этотъ состоялся послѣ бурныхъ преній, съ которыми мы познакомимъ читателей въ ближайшихъ нумерахъ нашей газеты, а между тѣмъ обращаемъ ихъ вниманіе на помѣщенныя ниже пренія во французскомъ законодательномъ сословіи. Эти пренія чрезвычайно интересны. Демократическая оппозиція имѣла прекраснѣйшій случай наговорить бездну звонкихъ и ядовитыхъ фразъ о пролетаріатѣ,—тѣхъ фразъ, которыми она любила до сихъ поръ раздражать французскихъ рабочихъ и снискивала себѣ популярность между ними. И что же? Г. Жюль Симонъ растрогалъ слушателей до слезъ, разсуждая о важности семейной жизни для рабочихъ классовъ, но улучшенія въ ихъ бытѣ онъ ожидаетъ теперь преимущественно отъ возрастанія богатства капиталистовъ,—отъ этихъ капиталистовъ, которые еще недавно изображались врагами рода человѣческаго. Еще удивительнѣе, что и г. Даримонъ говорилъ почти совершенно такъ какъ подобаетъ говорить экономисту. Всѣ араторы-демократы заявили, что во взглядахъ французскаго рабочаго произошелъ совершенный переворотъ, и что теперь низшіе классы Франціи возлагаютъ всѣ свои надежды уже не на государство, а на то начало свободы которое прежде было постоянно отрицаемо французскими „друзьями народа.“ Что можетъ-быть лучшею похвалой имперіи? О французскихъ рабочихъ, судя по всему, эти господа говорятъ правду. Соціалистическія и коммунистическія теоріи, дѣйствительно, потеряли во Франціи весь свой кредитъ. Но вѣдь и прежде эти теоріи не возникали въ народѣ, а проникали въ него изъ того отдѣла высшихъ классовъ, который избралъ своимъ призваніемъ возбуждать несбыточныя надежды и неосуществимыя притязанія въ низшихъ классахъ французскаго народа. Если эти господа теперь притихли и измѣнили тонъ, то можно ли съ такою увѣренностію говорить о ихъ искренности, съ какою говоритъ напримѣръ *Indépendance Belge* въ приведенной ниже статьѣ? Не есть ли это уловка, чтобъ успокоить французскую публику, чтобы расположить ее къ оппозиціи и лишить императорское правительство той опоры, которую до сихъ поръ находило оно во всеобщемъ недовѣріи къ демократамъ и соціалистамъ?

В.

Мы не страдаемъ избыткомъ самолюбія; но мы имѣемъ настолько чувства самоуваженія, что не можемъ позволить себѣ входить въ какія бы то ни было прямыя и серіозныя объясненія съ нѣкоторыми изъ петербургскихъ журналовъ. Они могутъ пробавляться *Московскими Вѣдомостями* сколько имъ угодно; мы предоставляемъ имъ всячески разбирать и искажать наши мнѣнія, и выводить о насъ самихъ какія имъ угодно заключенія. Дурно ли, хорошо ли будутъ они о насъ думать, это рѣшительно все равно для насъ: серіозныхъ отвѣтовъ и объясненій они отъ насъ не дождутся. Кому угодно войдти съ нами въ какія-либо серіозныя объясненія, тѣхъ мы приглашаемъ или называть себя по имени такъ чтобы мы знали съ кѣмъ имѣемъ дѣ-

ло, или же избирать для объясненій такіе органы печати, съ которыми можно объясняться безъ ущерба для чувства собственнаго достоинства.

Въ № 25-го декабря, прошлаго года, по поводу петербургской корреспонденціи англійской газеты *Times*, мы коснулись извѣстнаго сорта нашихъ либераловъ, которыхъ Мѣрославскій такъ мѣтко назвалъ полу-Русскими, полу-Поляками, — людей, принадлежащихъ къ одному разряду съ тѣмъ господиномъ, который въ письмѣ къ французскому сенатору жаловался на русскія власти, усмиряющія мятежъ направленный противъ цѣлости Русскаго государства. Въ письмахъ иностраннаго корреспондента мы не могли не замѣтить слѣдовъ вліянія со стороны людей этого сорта. Мы упомянули между прочимъ о томъ, что у насъ изъ правительственныхъ архивовъ похищаются бумаги. Одна петербургская газета, какъ будто задѣтая этимъ за живое, съ яростію требовала у насъ отчета въ этихъ словахъ, и грозила намъ именемъ клеветниковъ, если мы не докажемъ кто воруетъ правительственныя бумаги. Но такъ какъ мы вовсе не желаемъ, чтобъ эта или какая-нибудь подобная газета имѣла о насъ доброе мнѣніе, то мы оставили безъ всякаго вниманія ея запросы. Однакоже до насъ доходятъ нѣкоторые простодушные вопросы съ другихъ сторонъ и въ другомъ смыслѣ; а сегодня мы получили письмо, въ которомъ насъ благодарятъ за открытіе новой позорной продѣлки."

Новая продѣлка! Кто же не знаетъ, какъ давно и какъ часто правительственные документы, не назначавшіеся для публики, появлялись въ заграничныхъ изданіяхъ? Кому неизвѣстенъ этотъ фактъ? Сколько же нужно наглости, чтобы назвать клеветою простое заявленіе всѣмъ извѣстнаго факта?

Но говоря о похищеніи правительственныхъ документовъ, по поводу англійской корреспонденціи изъ Петербурга, мы указали только на то что̀ значится въ ней самой. Въ этой корреспонденціи приведены мѣста изъ министерской записки, которая не была обнародована. Корреспондентъ оговаривается, что означенный документъ уже проникъ за границу. Документъ этотъ не былъ обнародованъ; стало-быть правительство не назначало его для публики. Какимъ же образомъ онъ могъ очутиться за границей? Или какимъ образомъ иностранный корреспондентъ могъ получить выписки изъ него.

Дурное или хорошее дѣло похищать бумаги изъ министерскихъ кабинетовъ и правительственныхъ архивовъ, пусть объ этомъ судитъ всякій съ своей точки зрѣнія. Но фактъ этотъ не есть чье-либо открытіе. Что документы похищаются изъ нашихъ правительственныхъ архивовъ, это всѣмъ извѣстно, — потому что они печатаются за границей. А кто похищаетъ эти бумаги, кто передаетъ ихъ Полякамъ или иностраннымъ корреспондентамъ, объ этомъ ближе знать петербургскимъ нежели московскимъ газетамъ.

№ 13.

Москва, 16-го января.

И для отдѣльныхъ людей, и для общества нѣтъ ничего опаснѣе смутныхъ и сбивчивыхъ понятій. Коль скоро понятія пріобрѣтаютъ значеніе и силу въ жизни, коль скоро люди начинаютъ руководствоваться идеями, то первый долгъ людей не принимать ихъ слѣпо, а подвергать критикѣ. Теперь въ большомъ ходу слово *либерализмъ*. Всякій старается отдать дань либерализму; всякій желаетъ казаться какъ можно болѣе либеральнымъ. Но, къ сожалѣнію нерѣдко выходитъ, что люди съ величайшимъ усердіемъ работаютъ въ направленіи, которое они считаютъ либеральнымъ, и которое не только не имѣетъ ничего общаго съ либеральнымъ направленіемъ, но и діаметрально противуположно ему.

Оказывать терпимость, не препятствовать, не вмѣшиваться,—вотъ направленіе либеральное, вотъ порядокъ идей, въ которыхъ оно выражается. Можно оспаривать и можно защищать это направленіе въ той или другой степени его развитія; но оспаривающіе и защищающіе должны знать,— одни что̀ оспариваютъ, другіе что̀ защищаютъ. Дѣятельно слѣдовать этому направленію значитъ имѣть цѣлію свободу жизни, требующую, чтобы всякая человѣческая сила развивалась собственною внутреннею энергіей. Политическая свобода ничего другаго не означаетъ какъ твердое, благонадежное обезпеченіе общественной и личной свободы со стороны государства. Либеральное правительство клонится къ тому чтобы предоставлять жизни естественное

теченіе, и прогрессъ этого направленія состоитъ въ томъ, чтобъ устранять изъ жизни все что препятствуетъ и мѣшаетъ ея естественному ходу, не допускать насилія, и отмѣнять тѣ законы и учрежденія, которыя представляютъ собою организованное вмѣшательство въ жизнь. Либеральному въ этомъ смыслѣ правительству соотвѣтствуетъ консервативное общество, то-есть общество исполненное крѣпкихъ силъ, способныхъ къ живой и плодотворной организаціи. При отношеніи разумномъ и правильномъ, чѣмъ либеральнѣе правительство, тѣмъ консервативнѣе общество.

Съ точки зрѣнія терпимости, свободы, либерализма, можно допускать напримѣръ въ обществѣ существованіе разныхъ вѣроисповѣданій и переходы отъ одного къ другому; можно допускать выраженіе всякаго рода мнѣній, можно допускать полную свободу изслѣдованія по всѣмъ частямъ человѣческаго вѣдѣнія. Все это понятно съ либеральной точки зрѣнія, все это согласно съ нею. Наконецъ, съ либеральной точки зрѣнія можно допускать даже нападки на существующій порядокъ вещей, терпѣть критику господствующаго вѣроученія, терпѣть болѣе или менѣе радикальныя оппозиціонныя партіи. Въ томъ или другомъ изъ такихъ допущеній можно находить крайности, неразумные излишки. Но все это находится въ одномъ и томъ же порядкѣ идей, все это идетъ въ одномъ и томъ же направленіи. Противъ упрековъ за допущеніе полной свободы мнѣній и вѣрованій либеральное направленіе можетъ отвѣчать, что свобода всего лучше способствуетъ дѣлу истины, что внутреннія силы жизни, не ослабляемыя подпорками и предоставленныя себѣ, всего успѣшнѣе преодолѣваютъ зло и предупреждаютъ его развитіе, лишь бы только не было какихъ-нибудь прямыхъ или косвенныхъ вмѣшательствъ въ дѣло свободы и жизни.

Но терпѣть, не препятствовать, не вмѣшиваться, ни на какомъ языкѣ не значитъ: помогать, поощрять, вмѣшиваться. Съ либеральной точки зрѣнія можно терпѣть зло, но мы не знаемъ съ какой точки зрѣнія можно поощрять его или пособлять ему. Съ либеральной точки зрѣнія можно напримѣръ допускать полную свободу вѣроисповѣданій, не препятствовать переходамъ отъ господствующей церкви ко всякой другой; но можно ли было бы назвать либеральнымъ образомъ дѣйствій такую политику, которая стала бы напротивъ разными комбинаціями способствовать успѣхамъ чуждаго вѣроисповѣданія въ ущербъ господствующему? Если можно понять въ добромъ смыслѣ терпимость ко всякимъ отрицательнымъ ученіямъ, то либеральное направленіе не пойметъ какимъ образомъ подобныя ученія могутъ быть вводимы въ общество правительственными средствами, преподаваться въ школахъ содержимыхъ на казенный счетъ, или излагаться въ изданіяхъ, находящихъ себѣ какую бы то ни было поддержку со стороны правительства, или даже просто выходящихъ въ свѣтъ съ его специяльнаго разрѣшенія. Политика вмѣшательства въ обратномъ смыслѣ не только несогласна съ либеральнымъ направленіемъ, но была бы совершеннымъ извращеніемъ его, была бы относительно его тѣмъ что̀ въ математикѣ называется величиною отрицательною.

Принципъ правительственнаго невмѣшательства не есть что-либо чуждое правительству, что-либо идущее на перекоръ ему, умаляющее или стѣсняющее его; напротивъ, этотъ принципъ есть сама правительственная мудрость; въ развитіи этого начала заключается весь прогрессъ и правительствъ, и обществъ. Государственная сила такъ велика, такъ вѣска и такъ многодѣйственна, что малѣйшее неосторожное склоненіе ея въ какую-либо сторону, малѣйшая искусственная примѣсь ея къ чему бы то ни было, не остается безъ глубокихъ послѣдствій, и рано или поздно непремѣнно вызываетъ какія-либо серіозныя затрудненія и замѣшательства. Никакая человѣческая мудрость не можетъ разчитать всѣхъ тѣхъ отзывовъ, которые могутъ послѣдовать въ сложной общественной организаціи и милліонахъ людей, въ силу одного какого-нибудь толчка, сообщеннаго тому или другому движенію незамѣтнымъ правительственнымъ вмѣшательствомъ. Даже то, что̀ кажется совершенно одобрительнымъ и полезнымъ можетъ въ своихъ послѣдствіяхъ совершенно измѣнить свою натуру, вслѣдствіе правительственной примѣси.

У насъ, между прочимъ, есть одно печальное наслѣдіе нашей прошедшей исторіи,—у насъ есть расколъ. Расколъ подвергался стѣсненіямъ и гоненіямъ, которыя не смягчили, не ослабили его, а только укрѣпили и усилили. Расколъ,—это великое бѣдствіе нашей церкви, — и родился

именно вслѣдствіе того, что къ дѣлу свободы и жизни, къ дѣлу церкви, примѣшалась стихія принудительная. Но теперь взглядъ на расколъ въ нашемъ обществѣ измѣняется. Теперь всѣ хотятъ смотрѣть на него съ либеральной точки зрѣнія. Давай Богъ! Чѣмъ болѣе терпимости можетъ быть оказано расколу, тѣмъ лучше. Терпимость замиритъ то зло, которое породило его, терпимость отниметъ у него ядъ, и если суждено когда-либо возстановленіе нарушеннаго церковнаго единства въ нашемъ народѣ, то оно всего вѣрнѣе и успѣшнѣе можетъ совершиться путемъ терпимости и свободы, предоставленной цѣлительнымъ силамъ жизни.

Можно спорить о степени свободы, которую слѣдуетъ предоставить расколу, можно спорить о благовременности тѣхъ или другихъ мѣръ въ либеральномъ смыслѣ; но во всякомъ случаѣ самый либеральный взглядъ на расколъ можетъ требовать только того чтобы его оставить въ покоѣ, не вмѣшиваться въ его дѣла, то-есть чтобы предоставить его собственнымъ его средствамъ и силамъ. Далѣе этого никакой либерализмъ идти не можетъ; далѣе этого возможно только извращеніе не только либерализма, но и здраваго смысла.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что съ точки зрѣнія не только либерализма, но и здраваго смысла, можно скорѣе допустить самую безусловную свободу расколу, нежели какое-либо правительственное пособіе ему. Полная свобода во всякомъ случаѣ можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ то, что у раскола была бы отнята пища для вражды противъ церкви и существующаго порядка вещей, а тѣмъ было бы отнято основаніе для самого существованія раскола, такъ что ему пришлось бы остаться ни при чемъ. Но всякое правительственное вмѣшательство въ дѣла раскола, всякое попечительство о его нравственномъ и умственномъ развитіи путемъ правительственной организаціи, можетъ повести лишь къ пагубнымъ послѣдствіямъ. Несравненно либеральнѣе и въ то же время консервативнѣе—предоставить раскольникамъ право содержать не только свои молельни, но и свои собственныя школы, имѣть своихъ собственныхъ наставниковъ, жить и учиться, какъ знаютъ, своимъ умомъ и своими средствами, — нежели создавать для нихъ особыя учрежденія, заводить для нихъ особыя казенныя школы и приставлять къ нимъ особыхъ учителей отъ министерства. Путемъ правительственнаго вмѣшательства непремѣнно будутъ внесены въ ихъ среду такіе элементы, которые въ соединеніи съ нею не преминутъ создать самую опасную фальшивую силу,—во всякомъ случаѣ положено будетъ начало радикальному отчужденію ихъ отъ православнаго общества. Благодаря успѣхамъ времени, старообрядцы уже значительно утратили прежнюю напряженность и неріязненность въ отношенія къ православному обществу; они легко сближаются съ православными, многіе охотно посылаютъ своихъ дѣтей въ общія школы. Но какихъ послѣдствій можно было бы ожидать если бы правительство само обвело чертою особую цивилизацію для раскольниковъ, само организовало для нихъ особыя школы? Мудрено ли, что тогда между ними вскорѣ появились бы всякаго рода вѣроучители и организаторы, которые сумѣли бы придать новое значеніе всѣмъ ихъ символамъ?

Если отъ свободы не будетъ лучше, то не будетъ и хуже. Много раскольниковъ уходило отъ преслѣдованій въ Турцію; они жили и живутъ тамъ на свободѣ, безъ всякаго благопопечительства и призора. Бѣды отъ нихъ нигдѣ не произошло; стало быть, нѣтъ серіозныхъ опасеній оставить ихъ безъ особеннаго призора и внутри Россіи, гдѣ напротивъ, при благопріятныхъ условіяхъ, есть еще надежда возвратить путемъ свободы коснѣющія въ расколѣ массы къ корню, отъ котораго оторвалъ ихъ предковъ духъ нетерпимости и насилія. Недостатокъ попечительства положительно лучше чѣмъ излишекъ его.

Изъ сказаннаго вовсе не слѣдуетъ, чтобы правительству ничего не оставалось дѣлать по отношенію къ вопросу, котораго мы сейчасъ коснулись. Для его попеченій и заботъ остается еще широкое поприще. Оно можетъ принимать самыя плодотворныя мѣры, внушаемыя политическою мудростію, мѣры направленныя къ тому, чтобъ облегчать сближеніе между раскольниками и православнымъ обществомъ, то-есть отыскивать и устранять все что̀ можетъ этому сближенію препятствовать. Вмѣсто того, напримѣръ, чтобы заводить спеціяльныя для раскольниковъ школы, лучше устроить дѣло такъ чтобы ничто не отпугивало ихъ посылать своихъ дѣтей въ общія школы и чтобы тамъ не заставляли дѣтей ихъ учиться тому чему они еще не хотятъ учиться.

А вотъ еще другой вопросъ: ниже, въ этомъ самомъ нумерѣ, помѣщается письмо присланное намъ изъ Малороссіи, съ сѣтованіями на украйнофильскія затѣи, о которыхъ не разъ доводилось намъ говорить. Будь у насъ предоставлена полная свобода всякому дѣлать, писать и издавать все что̀ угодно, безъ всякаго контроля и разрѣшенія, то никому бы и въ голову не пришло заботиться о томъ что̀ пригрезилось тому или другому мечтателю. Но такъ какъ у насъ все что̀ ни дѣлается въ обществѣ, дѣлается при большемъ или меньшемъ участіи правительства, то всякое ничтожество можетъ неожиданно получить серіозное значеніе и силу. Малороссъ Волынецъ высказываетъ въ своемъ письмѣ опасенія относительно украйнофильскихъ стараній пустить въ народъ Евангеліе на малороссійскомъ нарѣчіи. Повидимому, эти опасенія не согласны съ либеральною точкою зрѣнія. Рѣчь идетъ не о содѣйствіи; не о пособіи, а только о разрѣшеніи. Но, повторимъ, кто хочетъ руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ понятіями, тотъ долженъ тщательно провѣрять ихъ и отдавать себѣ ясный отчетъ въ нихъ. Гдѣ существуетъ необходимость получать разрѣшеніе, тамъ разрѣшеніе имѣетъ особый смыслъ, особую силу, а тѣмъ болѣе по отношенію къ такимъ предметамъ, какъ священныя книги. Разрѣшеніе Синода есть даже не просто разрѣшеніе, но благословеніе. Лучше предоставить всякому издавать что̀ угодно безъ всякаго разрѣшенія, нежели напутствовать сомнительное дѣло разрѣшеніемъ имѣющимъ со стороны правительства силу одобренія, со стороны церкви — силу благословенія. Разрѣшая, Синодъ благословляетъ, и народъ нѣкоторымъ образомъ обязывается принять то чего онъ конечно не принялъ бы, ни при какой свободѣ, безъ благословенія церкви или безъ особеннаго одобренія законныхъ властей.

№ 14.

Москва, 17-го января.

А.

Прусская палата депутатовъ отказала правительству въ согласіи на расходы, вызванные преобразованіемъ арміи,—то-есть потребовала, чтобы прусская армія была расформирована; кромѣ того палата депутатовъ отказала правительству въ согласіи на заемъ, оказавшійся нужнымъ вслѣдствіе шлезвигъ-гольштейнскихъ дѣлъ,—то-есть хотѣла принудить прусское правительство къ пассивной роли на все то время, пока будетъ распоряжаться этими дѣлами нѣмецкая демократія, господствующая теперь надъ правительствами большей части среднихъ и мелкихъ государствъ Германіи. Верхняя палата высказалась и по тому и по другому вопросу противъ палаты депутатовъ и въ пользу министерства, которое рѣшилось закрыть сессію въ твердой увѣренности, что прусскій народъ поддержитъ его. Г-на фонъ-Бисмарка называютъ феодаломъ и абсолютистомъ, хотя въ сущности о немъ нельзя сказать ни того, ни другаго. Но какой бы онъ ни былъ феодалъ или абсолютистъ, онъ не могъ бы дѣйствовать такъ рѣшительно, какъ онъ дѣйствуетъ, онъ не позволилъ бы себѣ такъ насмѣхаться надъ „представителями народа“, еслибы народъ былъ совершенно согласенъ съ своими представителями. Мы говоримъ это не на основаніи гадательныхъ предположеній. Секретъ дѣла раскрытъ самими „представителями народа.“ Наши читатели знаютъ, что одинъ изъ депутатовъ, г. Якоби, въ священномъ негодованіи на возмутительный образъ дѣйствій прусскаго правительства, пришелъ къ мысли, что представители народа должны отвергнуть весь бюджетъ, вслѣдствіе чего правительство лишилось бы права собирать подати. На это ему отвѣчали чрезвычайно разумно его же товарищи демократы, что это было бы очень хорошо, еслибы вслѣдствіе такого рѣшенія палаты народъ пересталъ платить подати, но такъ какъ нельзя ожидать чтобы народъ послѣдовалъ голосу своихъ представителей, то лучше воздержаться отъ рѣшительнаго шага, не ставить себя въ комическое положеніе и не обнаруживать своего безсилія. Итакъ, не на основаніи догадки, а на основаніи собственнаго свидѣтельства этихъ представителей народа, мы можемъ сказать, что они не разчитываютъ на энергическую поддержку народа въ своей борьбѣ съ правительствомъ. Если бы было иначе, то, повторяемъ, никакое министерство не могло бы пренебрегать ихъ голосомъ.

Прусское столкновеніе раскрываетъ чрезвычайно поучительныя политическія истины. Оно указываетъ на больную сторону не одной прусской, а многихъ континен-

тальныхъ „конституцій.“ Еще на дняхъ графъ Ауэршпергъ говорилъ въ австрійской верхней палатѣ, что рано или поздно въ Австріи должно произойдти нѣчто подобное. Онъ разумѣлъ разногласіе между нижнею и верхнею палатой по вопросу о бюджетѣ. Съ другой стороны, во Франкфуртѣ, на временномъ съѣздѣ депутатовъ разныхъ нѣмецкихъ парламентовъ, который собирался по поводу шлезвигъ-гольштейнскаго вопроса и о которомъ мы въ свое время сообщали читателямъ, повторилось другое явленіе характеризующее берлинскую палату депутатовъ: какъ въ Берлинѣ теперешнее демократическое большинство образовалось вслѣдствіе того что почти вся либеральная партія отстала отъ своихъ политическихъ вождей, такъ и во Франкфуртѣ рѣшенія съѣзда депутатовъ были приняты явившимися туда членами либеральныхъ партій въ парламентахъ среднихъ и мелкихъ государствъ Германіи, въ особенности же членами баварской палаты депутатовъ, на перекоръ мнѣнію главныхъ вождей либеральныхъ партій. Эти вожди остались на мели; ихъ армія дезертировала, точь въ точь какъ два года тому назадъ гг. Симсонъ, Финке, графъ Шверинъ были покинуты почти всѣми своими приверженцами. Въ Берлинѣ г. фонъ-Бисмаркъ вступилъ въ министерство именно вслѣдствіе раскола, происшедшаго въ либеральной партіи. Эта партія распалась на двѣ неравныя части. Государственные люди ея, тѣ ея члены, которые обладаютъ условіями необходимыми для участія въ правительствѣ, остались безъ приверженцевъ; это — штабъ безъ арміи. А вся масса партіи, имѣя въ своей главѣ лишь профессоровъ, журналистовъ и говоруновъ,—людей которыхъ никто не считаетъ и не можетъ считать, которые и сами не считаютъ себя государственными людьми, — вся эта масса перешла на сторону крайней партіи, принявшей наименованіе прогрессистовъ (Fortschrittspartei); это — армія безъ штаба. Мудрено ли что вслѣдствіе такого оригинальнаго раскола эта партія потеряла способность что-нибудь произвести въ политикѣ кромѣ безплодныхъ волненій и неисполнимыхъ приговоровъ, затрудняющихъ правительство, раздражающихъ націю и положительно вредящихъ веденію государственныхъ дѣлъ? Можно было бы думать, что это—случайность, бывшая въ Пруссіи слѣдствіемъ какихъ-нибудь особенныхъ обстоятельствъ. Но теперь оказывается, что это такая случайность, которая можетъ встрѣтиться и въ другихъ государствахъ Германіи. Она уже встрѣтилась на франкфуртскомъ съѣздѣ. Теперь г. Лорхенфельдъ и другіе вожди баварской либеральной партіи тоже не что иное какъ штабъ безъ арміи; ихъ армія тоже дезертировала и тоже присоединилась къ демократамъ. Г. Лерхенфельдъ вышелъ изъ залы засѣданій, когда франкфуртскій съѣздъ постановилъ избрать постоянный центральный комитетъ по шлезвигъ-гольштейнскому дѣлу, а приверженцы его остались въ залѣ и подали голосъ въ пользу избранія комитета. Вожди либеральной партіи пытались потомъ возстановить ее; они убѣждали своихъ прежнихъ политическихъ друзей подписать протестъ противъ нѣкоторыхъ постановленій съѣзда, но ихъ усилія были тщетны; подъ протестомъ почти никто не подписался. Партія видимо распалась. На долго ли? рѣшить не беремся. Но въ настоящую минуту въ Баваріи и во многихъ другихъ среднихъ государствахъ Германіи положеніе партій такое же какъ въ Пруссіи. Демократы имѣютъ рѣшительный перевѣсъ въ парламентахъ, но настоящей политической партіи не составляютъ, потому что не имѣютъ въ своей средѣ государственныхъ людей и не могутъ выставить серіозныхъ кандидатовъ на министерскія должности въ государствахъ сколько-нибудь значительныхъ.

Нужно ли говорить, что всѣ эти происшествія не служатъ отраженіемъ какихъ-либо серіозныхъ измѣненій въ настроеніи дѣйствительнаго общественнаго мнѣнія? Колоритъ журналовъ измѣнялся, это правда, соотвѣтственно измѣненіямъ въ парламентскихъ партіяхъ; иначе и быть не могло, потому что журналы примыкаютъ къ нимъ. Но по голосу журналовъ нельзя судить объ общественномъ настроеніи такой страны, какъ Германія или Франція. Въ Пруссіи почти вся журналистика на сторонѣ партіи прогрессистовъ, а между тѣмъ эта партія сама сознаетъ, что народъ продолжалъ бы платить подати, хотя бы палата депутатовъ и отвергла бюджетъ. Въ журналистикѣ, въ парламентскихъ партіяхъ произошли коренные перевороты; но эти перевороты не были вызваны измѣненіями въ народномъ настроеніи. Между тѣмъ какъ „народное представительство“ измѣнило свой колоритъ, въ народѣ, который это представительство должно представлять собой,

не произошло соотвѣтственныхъ тому перемѣнъ. Что же послѣ того представляетъ собой это представительство?

Что бы оно собой ни представляло, во всякомъ случаѣ оно не соотвѣтствуетъ той цѣли, для которой учреждено, и весьма поучительно вникнуть въ причины, благодаря которымъ это могло случиться. Повидимому прусская конституція составлена очень раціонально; избирательный законъ, повидимому, взвѣшиваетъ всѣ интересы и всѣмъ имъ, въ самой правильной соразмѣрности, даетъ вліяніе на выборъ депутатовъ. Право голоса соразмѣряется съ платимыми каждымъ податями; кто платитъ больше, тотъ и больше имѣетъ вліянія; сословности нѣтъ никакой; все феодальное устранено, а съ другой стороны устраненъ и тотъ демократизмъ, который хочетъ подвести всѣхъ гражданъ подъ одинъ уровень. Словомъ, въ теоретическомъ отношеніи нельзя придумать ничего раціональнѣе прусскаго избирательнаго закона. А на практикѣ оказалось, что этотъ повидимому безупречный избирательный законъ далъ Пруссіи представительство, котораго мысли и чувства далеко не совпадаютъ съ мыслями и чувствами представляемаго имъ народа. Вотъ самое блистательное доказательство того, какъ опасно въ политикѣ дѣйствовать на основаніи теоріи, даже самой правильной. Политическія учрежденія не должны возникать изъ теоріи, какова бы ни была эта теорія, ошибочная ли, или здравая. Что крайнія теоріи вредны, это безспорно; но нельзя сказать, чтобы можно было безъ риску полагать и здравыя теоріи въ основу политическихъ учрежденій. Тутъ мало одной здравой теоріи; тутъ нуженъ опытъ, учитель незамѣнимый въ политическихъ дѣлахъ.

Затрудненія, въ которыхъ находится теперь Пруссія, происходятъ отъ того что прусская конституція есть конституція сочиненная, а не выработанная изъ учрежденій уже существовавшихъ. Сочинители этой конституціи слишкомъ мало давали цѣны тѣмъ хотя бы и недостаточнымъ учрежденіямъ, которыя существовали въ Пруссіи, и слишкомъ надѣялись на тѣ политическія начала, которыя впрочемъ они основательно считали правильными. Дѣйствительно старинное прусское представительство — провинціальные чины—не могло удовлетворять новымъ потребностямъ. Дѣйствительно, плата налоговъ есть весьма справедливое основаніе для политическаго представительства. Но тѣмъ не менѣе прусскіе государственные люди сдѣлали великую ошибку, позволивъ оторвать себя отъ той дѣйствительной почвы, на которой развивалось прусское государственное устройство. Старинныя представительныя учрежденія были извѣстны. Ихъ недостатки были у всѣхъ на виду. Устраненіе этихъ недостатковъ могло бы быть совершенно съ полною надеждой на успѣхъ, безо всякаго риска. Всѣ могли бы быть увѣрены что дѣла пойдутъ лучше противъ прежняго, потому что устраненіе очевидныхъ недостатковъ не можетъ вести ни къ чему другому. А теперь что мы видимъ? Разомъ создано представительство, которое по теоріи должно было оказаться самымъ совершеннымъ изъ всѣхъ представительствъ, а на дѣлѣ не заслуживаетъ даже имени представительства, потому что представляетъ собой не столько прусскій народъ, сколько какіе-то кружки записныхъ политикановъ, не имѣющихъ никакого общественнаго положенія въ странѣ.

Намъ Русскимъ нѣтъ особенной надобности разыскивать, вслѣдствіе какихъ особенностей оказалась непримѣнимою въ Пруссіи та политическая теорія, которая положена въ основу прусской конституціи 1852 года. Мы указывали уже не разъ на существенные недостатки прусскаго представительства; теперь не можемъ не указать еще разъ на одну, особенно рѣзкую черту, придавшую прусскому представительству характеръ совершенно искусственный. Въ Пруссіи учреждены двухстепенные выборы. Первоначальные избиратели, *Urwähler*, то-есть тѣ лица, которыя собственно должны быть представлены, выбираютъ окончательныхъ избирателей, *Wahlmänner*, и только этимъ послѣднимъ предоставляется честь выбрать депутата. Законъ ожидалъ, что при такомъ порядкѣ выборы будутъ производиться обдуманнѣе, и что избраніе будетъ падать на людей болѣе достойныхъ, а на дѣлѣ оказалось, что эти *Wahlmänner*, выбирающіе депутатовъ, гораздо легче подвергаются случайнымъ вліяніямъ чѣмъ первоначальные избиратели, *Urwähler*. Законодательство думало устроить представительство болѣе консервативное, а вышло совсѣмъ на оборотъ. Выборами завладѣть стало гораздо легче чѣмъ овладѣть умами и сердцами прусскаго народа. Замѣчательный примѣръ исторической иро-

нiи, который не долженъ бы пройдти безъ пользы для другихъ нацiй!

Б.

Недавно пришлось намъ коснуться *полуофицiяльныхъ* изданiй, содержимыхъ или поддерживаемыхъ правительствомъ. Мы доказывали несостоятельность и самый вредъ подобныхъ изданiй. Да и доказывать, собственно говоря, было нечего: дѣло само собою очевидно для всякаго, кто захочетъ серiозно подумать о немъ. Однако насъ оспаривали и представляли на видъ, что подобныя изданiя могутъ служить однимъ изъ самыхъ удобныхъ орудiй для государственнаго управленiя. Теперь, какъ нарочно, по тому же самому дѣлу, подаетъ голосъ судья совершенно компетентный въ немъ,—государственный человѣкъ и первый министръ одной изъ великихъ державъ. Къ какому бы ни принадлежалъ знамени г. фонъ-Бисмаркъ, онъ, безъ сомнѣнiя, достаточно свѣдущъ въ потребностяхъ и условiяхъ государственнаго управленiя, тѣмъ болѣе что ему приходится управлять дѣлами посреди горячей борьбы съ оппозицiей и въ безпрерывныхъ счетахъ съ общественнымъ мнѣнiемъ. Если бы подобныя изданiя могли послужить годнымъ орудiемъ, то онъ не бросилъ бы это орудiе, а поспѣшилъ бы напротивъ воспользоваться имъ. Но вотъ что̀ онъ говоритъ: „оффицiозной (полуофицiальной) „журналистики у насъ нѣтъ. Принявъ министерство, я прежде всего озаботился объ „отмѣнѣ этой журналистики. Я находилъ, „что правительству не удобно принимать „отвѣтственность за каждое слово, помѣ„щенное въ *Stern-Zeitung*, а потому этой „газетѣ пришлось превратиться въ разжи„женный *Государственный Указатель*. Та„кой органъ былъ не нуженъ; и если пра„вительство хочетъ говорить гласно, за сво„ею отвѣтственностiю, то можетъ употре„бить для этого *Государственный Указа„тель*, но это еще не значитъ, чтобы пра„вительственныя лица должны были отка„заться отъ защиты своихъ дѣйствiй въ „частныхъ журналахъ, если эти послѣднiе „согласны на то.“

№ 15.

Москва, 18-го января.

Пренiя французскаго законодательнаго сословiя представляютъ на этотъ разъ несомнѣнный интересъ. Почти впервые со времени его учрежденiя пробудилась въ немъ нѣкоторая жизнь. Говоря это, мы имѣемъ въ виду вовсе не появленiе новыхъ либеральныхъ членовъ и между ними старыхъ знаменитостей въ родѣ г. Тьера. Въ этихъ элементахъ нѣтъ ничего новаго; въ нихъ нѣтъ зачатка жизни или возрожденiя; всѣ эти обрывки старыхъ партiй, начиная отъ гг. Геру и Гавена и оканчивая г. Тьеромъ, сами по себѣ могли бы служить только признаками начинающагося разложенiя, предвѣстниками паденiя, а не началомъ какого-либо возрожденiя. Если Францiи суждено политическое возрожденiе, то оно выйдетъ не изъ этой среды и не отъ этихъ людей. Въ старомъ французскомъ либерализмѣ, какихъ бы то ни было оттѣнковъ, нѣтъ спасенiя; Францiя уже испытала это. Если ей суждено начать лучшую политическую жизнь, то она найдетъ другiя основанiя для своихъ либеральныхъ учрежденiй. До сихъ поръ французскiй либерализмъ, во всѣхъ его видахъ, былъ въ сущности злѣйшимъ отрицанiемъ свободы. Онъ шелъ отъ абсолютизма отвлеченныхъ принциповъ, и дышалъ слѣпою враждою ко всему живому, органическому, индивидуальному, самопроизвольному, самородному. Централизацiя, правительственная опека, бюрократiя, вотъ въ чемъ полагалась вся сила политическаго устройства во Францiи, и либерализмъ состоялъ лишь въ томъ чтобъ отнимать у другихъ эти всѣмъ заправляющiя орудiя, захватывать ихъ въ свои руки съ помощiю ихъ пересоздавать Францiю по новымъ теорiямъ. Основные элементы народной жизни, сельскiе классы, были подавлены и лишены всякой силы. Все болѣзненно стянулось въ Парижъ, и вся эта лихорадочная политическая жизнь, которою жила Францiя, совершалась почти исключительно въ одной стихiи — въ городскихъ сословiяхъ, съ ихъ искусственными идеями, съ ихъ чиновничествомъ, съ ихъ спецiяльными профессiями, съ ихъ адвокатами и писаками. Все совершалось въ сферѣ правительственной организацiи, посредствомъ фальшивыхъ возбужденiй. Истинно земскiя силы были безмолвны и бездѣйственны; нигдѣ такъ много не говорилось о народѣ, нигдѣ такъ часто не провозглашались его права, и нигдѣ такъ мало не заявляли себя истинно народныя силы. Ничего органически не выростало изъ земли, все только фабриковалось, все, начиная

отъ бумажныхъ конституцій и кончая произведеніями французской поэзіи. Франція не была и не могла быть довольна такимъ положеніемъ; она безпрерывно мѣняла основанія своего политическаго устройства, переходя отъ одной революціи къ другой; отъ одного бумажнаго проекта къ другому. Область проектовъ не измѣрима; въ области отвлеченій нѣтъ ни малѣйшей причины на чемъ-нибудь основаться; въ свойствѣ отвлеченныхъ построеній заключается необходимость безпрерывныхъ переходовъ и ломки. Если Франція недовольна своимъ положеніемъ, то выйдти изъ него она можетъ не прежде какъ отказавшись отъ этого принципа отвлеченныхъ построеній и неразрывно соединенныхъ съ нимъ революцій, диктатуръ, всепоглащающей централизаціи, всеподавляющихъ регламентовъ. Она выйдетъ изъ него не прежде какъ освободившись отъ абсолютизма идей, въ кругу которыхъ такъ долго, такъ мучительно и такъ безплодно вращалась.

Отдавая въ нашей газетѣ отчетъ о тѣхъ засѣданіяхъ французскаго законодательнаго сословія, гдѣ снова появился на сцену политическихъ преній г. Тьеръ, мы высказали невольное впечатлѣніе, которое было возбуждено въ насъ этимъ появленіемъ. Что̀ высказывалось нами здѣсь, на крайнемъ востокѣ Европы, то самое вскорѣ было высказано и на крайнемъ западѣ: французскія политическія идеи, однимъ изъ главныхъ представителей которыхъ служитъ г. Тьеръ, одинаково почувствовались какъ здѣсь во глубинѣ Россіи, такъ и на сосѣднемъ съ Франціей островѣ. Но гораздо важнѣе то, что и въ самой Франціи эти негодныя начала деспотизма и диктатуры, украшенныя фальшивымъ лоскомъ либерализма, потеряли свой кредитъ, и что иныя идеи начинаютъ тамъ мало-по-малу овладѣвать умами. Если засѣданія законодательнаго сословія показались намъ такъ интересными, что мы сочли нужнымъ давать въ нихъ обстоятельные отчеты публикѣ, то именно потому что въ нихъ замѣчаются нѣкоторые признаки измѣняющагося настроенія политическихъ идей во Франціи. Замѣчательно то, что и самые члены оппозиціи, присланные въ законодательный корпусъ съ цѣлію досадить наполеоновскому правительству и заявить ему, что Франція тяготится тѣмъ пассивнымъ положеніемъ, въ которомъ она теперь находится, — замѣчательно, что и изъ нихъ люди, принадлежавшіе къ прежнимъ крайнимъ партіямъ, демократы и соціялисты стараго времени, совершенно измѣнили свой языкъ. Во Франціи еще такъ недавно къ либеральнымъ партіямъ причислялись даже соціалисты и коммунисты. Увы, еще такъ недавно, чтобы попасть въ вожаки, стяжать популярность и даже захватить въ свои руки бразды правленія, стоило только сочинить какой-нибудь новый планъ радикальной передѣлки человѣческаго общества и изложить его фразисто! Теперь все кончено; во Франціи нѣтъ ни соціялизма, ни коммунизма; ихъ нѣтъ нигдѣ; только объѣдки ихъ еще доѣдаются нашими нигилистами. Во Франціи, кромѣ смѣха, подобныя ученія уже ничего возбудить не могутъ. Кто хочетъ тамъ въ настоящее время дѣйствовать на общественное мнѣніе, тотъ долженъ пуще всего заботиться о томъ чтобы не прослыть за соціялиста. Даже и демократомъ слыть теперь не очень выгодно, хотя это слово еще и въ чести. Люди прежнихъ французскихъ крайнихъ партій стараются говорить въ духѣ здраваго либерализма, какъ въ политическомъ, такъ по большей части и въ экономическомъ отношеніи. Мы недавно указали на это замѣчательное явленіе. Чего бы ни добивалась нараждающаяся теперь оппозиція во Франціи, низложенія ли нынѣшней династіи или измѣненія нынѣшней правительственной системы, во всякомъ случаѣ, для того чтобъ имѣть успѣхъ, она должна отказаться отъ всякой солидарности съ прежними ученіями и деями волновавшими Францію. Кто хочетъ теперь пріобрѣсти какое-либо политическое значеніе въ странѣ, тому приходится волею или неволею отказываться отъ прежнихъ замашекъ, отъ прежняго склада мыслей и рѣчи.

Обращаемъ вниманіе читателей на поправку къ адресу предложенную нѣкоторыми членами преимущественно изъ оппозиціи и настаивающую на децентрализаціи; припомнимъ также умныя слова сказанныя по этому поводу маркизомъ Анделарромъ, и не менѣе замѣчательную рѣчь барона де-Вооса, касавшуюся одного изъ самыхъ вредныхъ и въ политическомъ, и въ экономическомъ отношеніи узаконеній, стѣсняющаго волю завѣщателя, — рѣчь которая была встрѣчена общимъ одобреніемъ палаты.

Какая разница между этими серіозными заявленіями насущныхъ потребностей и тѣ-

ми громозвучными фразами, въ которыхъ провозглашались „права человѣка"! Между тѣмъ и другимъ цѣлая бездна, и эту-то бездну должна перейдти Франція, чтобы найдти почву для твердаго и дѣйствительно свободнаго политическаго устройства. Франція, кажется, уже и перешла эту бездну,—по крайней мѣрѣ близка къ тому. Правда, въ умахъ остаются еще отзывы прежнихъ идей; еще бродятъ старыя дрожжи. И правительственные, и оппозиціонные ораторы, въ законодательномъ сословіи, одинаково ссылаются, будто на священный догматъ, на „великую и славную революцію", „*la grande et glorieuse revolution*." Возникаетъ ли вопросъ о законѣ общественной безопасности, который держитъ Францію въ осадномъ положеніи,—правительственные ораторы стараются освятить эту мѣру ссылкой на начала великой и славной революціи, а французскимъ либераламъ приходитъ на мысль не исключительный характеръ этой революціонно-диктаторской мѣры, не то что онъ внутренно несовмѣстимъ съ нормальнымъ, спокойнымъ, вездѣ желательнымъ порядкомъ вещей, а то что эта мѣра не соотвѣтствуетъ той славѣ, которую Франція стяжала путемъ своихъ революцій. Возникаетъ ли вопросъ о министерскихъ „предостереженіяхъ" даваемыхъ журналамъ,—эту мѣру находятъ неумѣстною во Франціи, которую революція сдѣлала страной свободы. Но всѣ эти отголоски стараго якобинства звучатъ теперь какъ остатки умершаго вѣрованія, какъ суевѣрныя привычки потерявшія смыслъ. Чувствуется, что жизненная сила уже покинула эти сферы, гдѣ она обнаруживалась въ явленіяхъ фальшивыхъ и болѣзненныхъ, и что она перемѣщается въ другія, гдѣ можетъ стать дѣйствительно силою жизни.

Маркизъ Анделарръ очень здравомысленно обозначилъ необходимое условіе децентрализаціи, въ которой нуждается Франція. Онъ не пустился въ пышныя развитія принципа самоуправленія; онъ указалъ только на одинъ пунктъ, и указалъ какъ нельзя болѣе мѣтко. Какія бы формы ни принимало мѣстное самоуправленіе, въ какихъ бы размѣрахъ ни развивалось оно, первое и самое необходимое условіе его состоитъ въ томъ, чтобъ оно было дѣйствительно „мѣстное." Теперь вся Франція управляется, по польскому выраженію, *наѣздомъ*. Система французскаго управленія, которая распространилась по всему материку Европы, есть система правительства *наѣзжаго*. Франція, какъ теперь, такъ и въ эпоху своего фальшиваго парламентаризма, равно управлялась и управляется какъ покоренная страна дружиною завоевателей. Въ этомъ-то и заключается вся сущность такъ-называемой „административной централизаціи", которая дѣлала Францію неспособною къ политической свободѣ, несмотря на всѣ либеральныя учрежденія, которыя фабриковались для ней въ Парижѣ разными учредительными собраніями. Система эта состоитъ въ томъ, чтобы страна повсюду управлялась администраторами пришлыми, чуждыми обществу, чуждыми мѣстности. Дѣло не въ томъ, какъ справедливо замѣчаетъ маркизъ Анделарръ, чтобы меры выбирались мѣстными думами, а въ томъ чтобъ они были изъ мѣстныхъ жителей.

Въ самомъ дѣлѣ, прежде чѣмъ еще можетъ пойдти рѣчь о тѣхъ или другихъ формахъ или размѣрахъ самоуправленія, необходимо признать его основу, его первѣйшее условіе. Коль скоро части страны суть ея органическія, равноправныя части, коль скоро вся страна не есть провинція въ отношеніи къ какому-нибудь господствующему гражданству, какъ покоренныя Римомъ области были его провинціями,—коль скоро страна во всѣхъ своихъ частяхъ есть одно и то же цѣльное государство,—то нѣтъ никакихъ основаній примѣнять къ ней порядокъ управленія посредствомъ *наѣзда*,—разумѣется если нѣтъ на то какихъ-нибудь особенныхъ, исключительныхъ причинъ. Гдѣ есть сепаратизмъ, тамъ не могутъ прилагаться начала нормальнаго порядка; но и тамъ исключительныя мѣры должны имѣть значеніе мѣръ исключительныхъ, а не порядка вещей нормальнаго. Если имѣется въ виду административная децентрализація страны, если имѣется въ виду мѣстное самоуправленіе и общественная свобода, то въ какой бы степени ни предполагалось примѣненіе этихъ началъ, надобно все-таки идти въ ихъ направленіи, а не въ направленіи противоположномъ. При нормальномъ положеніи страны, то-есть при такомъ положеніи, которое опирается не на революцію, не отъ революціи ведетъ себя, не къ революціи себя возводитъ,—не только органы самоуправленія, но и самые представители верховной власти могутъ быть назначаемы изъ мѣстныхъ элементовъ. Во Франціи, кромѣ революціоннаго навыка, нѣтъ другой

причины ставить и меровъ, и самихъ префектовъ изъ людей *наѣзжихъ*. Маркизъ Анделарръ ссылается на Англію и припоминаетъ мысли о самоуправленіи, которыя высказывалъ самъ императоръ, также ссылавшійся на Англію. Но въ Англіи, лорды-лейтенанты въ графствахъ назначаются въ это званіе не потому что они занимаютъ такую или другую степень въ административной іерархіи, не на бюрократическомъ основаніи, а по ихъ мѣстному и общественному значенію. Въ этомъ заключается главная сила, отличающая революціонный порядокъ, господствующій во Франціи, отъ англійскаго самоуправленія и политической свободы.

Отъ Франціи мы невольно переносимся мыслію къ нашимъ домашнимъ дѣламъ. У насъ измѣняются старые порядки; общественныя силы постепенно развязываются и получаютъ все бóльшую и бóльшую свободу. Общественная свобода и мѣстное самоуправленіе могутъ быть допускаемы въ той или другой степени, ихъ организація можетъ получать болѣе или менѣе удовлетворительныя формы; но коль скоро эти начала имѣются въ виду, то дѣла должны идти по направленію къ нимъ, а не отъ нихъ. Необходима тщательная провѣрка новыхъ понятій, вступающихъ въ силу, чтобы въ нихъ не закралась сбивчивость, которая не замедлитъ перейдти и въ практику. Не вдругъ, конечно, можетъ быть измѣнено старое; нельзя сѣтовать на то что еще держатся тѣ или другіе издавна существующіе порядки. Но, безъ сомнѣнія, желательно, чтобы разныя подробности нововведеній согласовались съ общимъ направленіемъ и цѣлію реформъ. Уѣздные исправники у насъ прежде выбирались дворянскими собраніями изъ мѣстныхъ помѣщиковъ; теперь они назначаются центральною администраціей. Если нечего особенно жалѣть прежнихъ выборныхъ исправниковъ, то можно пожелать, чтобы тѣмъ не менѣе исправники назначались изъ мѣстныхъ жителей, извѣстныхъ въ краѣ и знакомыхъ съ нимъ. Во всякомъ случаѣ, эти чиновники отнюдь не должны считать себя начальниками уѣзда. Слово „начальникъ“ вноситъ только смуту въ понятіе о дѣлѣ, а стало-быть и въ самое дѣло. По странной случайности, именно въ настоящую пору, когда администрація принимаетъ на дѣлѣ все болѣе и болѣе свойственный ей характеръ, входитъ въ употребленіе терминъ, который не употреблялся и въ то время, когда онъ болѣе соотвѣтствовалъ существовавшему порядку. Губернаторы предпочитаютъ называть себя „начальниками губерній“, хотя въ первоначальномъ актѣ учреждающемъ эту должность, какъ равно и въ высочайшихъ приказахъ, они называются просто губернаторами; а наконецъ и исправники почему-то не прочь приписывать себѣ титулъ „начальниковъ уѣзда.“

Кстати объ исправникахъ. Изнутри продолжаютъ доходить свѣдѣнія, что въ иныхъ мѣстахъ они начинаютъ вмѣшиваться въ дѣла мировыхъ посредниковъ и мировыхъ съѣздовъ, такъ что уѣздные предводители должны иногда дѣлать энергическія усилія, чтобы давать имъ отпоръ. Едва ли это хорошо...

№ 16.

Москва, 20-го января.

Департаментъ внѣшней торговли издаетъ въ продолженіи цѣлаго ряда лѣтъ подробныя свѣдѣнія о движеніи торговли и навигаціи, подъ заглавіемъ: *Государственная внѣшняя торговля въ разныхъ ея видахъ*. Это добрый обычай стараго времени, и надобно желать чтобъ этотъ добрый обычай уцѣлѣлъ въ круговоротѣ реформъ, и чтобы *Виды внѣшней торговли* издавались впередъ съ такою же тщательностью какъ прежде оберегаясь отъ вторженія опечатокъ. Можно было бы пожелать чтобъ они выходили не такъ поздно, если только поспѣшность не повредитъ внимательности редакціи: теперь это изданіе появляется черезъ годъ послѣ того времени, къ которому относится, а отъ этого значительно уменьшается интересъ сообщаемыхъ данныхъ. На дняхъ получили мы томъ *Видовъ внѣшней торговли* за 1862 годъ. Изъ помѣщеннаго въ началѣ тома обзора внѣшней торговли оказывается, что общій отпускъ по европейской и азіятской границамъ простирался въ 1862 году до 180.429.825 рублей, а общій привозъ (за исключеніемъ предметовъ выписанныхъ правительствомъ и разными обществами безпошлинно) до 152.869.978 руб. Въ 1861 году цифра отпуска была 117.179.985 руб., цифра привоза 167.111.131 руб. Итакъ отпускъ въ 1862 году увеличился на 3.249.840 руб., но значеніе этой цифры совершенно ослаб-

ляется тѣмъ, что въ 1862 году въ Финляндію вывезено изъ Россіи больше противъ 1861 года на 3.289.370 руб.; причиной увеличившагося вывоза былъ голодъ, обстоятельство временное; если же исключить Финляндію, то отпускъ остался въ той же силѣ какъ въ 1861 году, и слѣдовательно въ общемъ итогѣ улучшенія не было. Нельзя также не замѣтить, что если бы не американская война, то произошло бы даже пониженіе въ итогѣ отпуска. Отпускъ хлѣба, кожъ, сала, мѣди и поташа уменьшился, и это уменьшеніе едва ли уравновѣсилось бы другими статьями, еслибъ отсутствіе американскаго хлопка не увеличило въ западной Европѣ спроса на наши ленъ и пеньку. Упомянемъ еще, что отпускъ желѣза тоже увеличился, — доказательство что эта промышленность не нуждается въ покровительствѣ, которое такъ вредно для земледѣлія. Что касается до привоза иностранныхъ товаровъ, то онъ уменьшился въ 1862 году противъ 1861 года на 14.241.153 р. Значительное уменьшеніе послѣдовало въ хлопкѣ, бумажныхъ и шелковыхъ тканяхъ и въ краскахъ; довольно значительное уменьшеніе — въ винахъ: эти данныя указываютъ отчасти на бо́льшую бережливость высшихъ классовъ, опять на американскую войну, сократившую ввозъ хлопка какъ въ сыромъ, такъ и въ обдѣланномъ видѣ и спросъ на краски, требующіяся для фабричнаго дѣла. Во всякомъ случаѣ уменьшеніе привоза свидѣтельствуетъ, что для такъ-называемаго торговаго баланса нѣтъ ни малѣйшей надобности въ повышеніи тарифа. Наконецъ привозъ звонкой монеты уменьшился противъ 1861 года на 2.122.503 руб., а вывозъ увеличился на 23.507.615. Все это въ общемъ результатѣ показываетъ, что нѣтъ никакого основанія считать цифры 1862 года болѣе удовлетворительными чѣмъ цифры 1861 года. Особенно пострадала торговля въ южныхъ портахъ, гдѣ и отпускъ и привозъ значительно уменьшились. Причинъ такого хода дѣлъ много; несомнѣнно главнѣйшая изъ нихъ — избытокъ кредитныхъ билетовъ и повышеніе ихъ курса не соотвѣтствовавшее изъятію изъ обращенія.

Кромѣ этихъ общихъ данныхъ, *Виды внѣшней торговли за 1862 годъ* сообщаютъ много интересныхъ подробностей, между прочимъ — списокъ купцамъ производившимъ заграничную торговлю свыше 50.000 руб. Мы представляемъ ниже извлеченіе изъ этого списка — перечень купцовъ, которыхъ обороты по внѣшней торговлѣ простирались свыше милліона рублей. Полагаемъ, что читателямъ будетъ интересно взглянуть на этотъ перечень. Къ тому же онъ подаетъ поводъ къ серіознымъ размышленіямъ.

Общее впечатлѣніе производимое этимъ спискомъ непріятно для русскаго національнаго чувства. Онъ состоитъ почти весь безъ исключенія изъ иностранныхъ именъ. Можно ли имѣть сколько-нибудь выгодное мнѣніе о народѣ, который показываетъ такую неспособность къ международной торговлѣ? Есть въ Европѣ народы болѣе и менѣе цивилизованные, но даже изъ наименѣе цивилизованныхъ народовъ русскій народъ въ этомъ отношеніи составляетъ исключеніе. Не только въ Италіи, но даже въ Испаніи и Португаліи есть туземное купечество ведущее заграничный торгъ, а у насъ въ Россіи вся внѣшняя торговля находится въ чужихъ рукахъ. Теперь, когда международныя сношенія повсюду получаютъ большее развитіе чѣмъ прежде, это явленіе должно особенно бросаться въ глаза иностранцамъ и сильно вредить намъ въ общественномъ мнѣніи Европы. Какъ не считать Русскихъ варварами, когда они не имѣютъ даже смѣлости принимать лично участіе въ международной торговлѣ и добровольно отдаютъ себя въ опеку иностраннымъ гостямъ?

Это уничижительное положеніе чувствуется и русскимъ купечествомъ. Много велось толковъ о томъ, какъ пособить горю, много было взводимо обвиненій на иностранцевъ, которые будто бы монополизируютъ внѣшнюю торговлю и систематически отстраняютъ отъ нея русскихъ купцовъ. Инымъ не въ шутку представляется, что между иностранными конторами есть своего рода заговоръ не допускать Русскихъ до того дѣла, отъ котораго богатѣютъ иностранцы. Нѣтъ спора, что нѣкоторые обычаи, заведенные не только въ иностранныхъ конторахъ, но и въ русскихъ таможняхъ, болѣе удобны для иностранцевъ чѣмъ для Русскихъ; нѣтъ также спору, что иностранцамъ привычнѣе вести дѣло съ иностранцами же чѣмъ съ Русскими и что русскимъ конкуррентамъ иностранныя конторы не станутъ услуживать. Но тѣмъ не менѣе можно ли серіозно говорить о заговорѣ или стачкѣ въ такомъ

дѣлѣ какъ внѣшняя торговля Россіи, производимая слишкомъ на 300 милліоновъ по одной европейской границѣ?

Нынѣшнею осенью ходили слухи о намѣреніи русскихъ купцовъ составить въ Петербургѣ компанію для веденія заграничной торговли, дабы парализировать вліяніе иностранныхъ негоціантовъ. Мы не знаемъ въ какой мѣрѣ основательны были эти слухи, но почти навѣрное можемъ сказать, что подобная компанія стояла бы особнякомъ и едва ли бы имѣла успѣхъ. Надобно признать фактъ, что наше купечество стоитъ степенью ниже иностраннаго, и что наши фирмы, за немногими исключеніями, не могутъ равняться съ иностранными фирмами. Фактъ этотъ не оспоримъ, и въ немъ, а не въ заговорахъ или стачкахъ иностранныхъ контористовъ слѣдуетъ искать объясненія того, что наша внѣшняя торговля находится почти исключительно въ рукахъ иностранцевъ.

Но если этотъ фактъ неоспоримъ, то его причины — дѣло весьма спорное. Въ одной изъ петербургскихъ газетъ, помнится намъ, по поводу упомянутыхъ нами слуховъ, развивалась мысль, что иностранное вліяніе ложится тяжелымъ гнетомъ на нашу торговую предпріимчивость, но что отъ этого гнета трудно намъ освободиться, такъ какъ наши купцы не имѣютъ глубокаго экономическаго образованія, которое будто бы нужно для веденія торговыхъ дѣлъ. Намъ нужно-де возрастить новое поколѣніе купцовъ образованныхъ, и только тогда мы будемъ въ состояніи тягаться съ иностранными конторами. Мы полагаемъ, что биржевые люди не мало посмѣялись надъ этимъ объясненіемъ: они знаютъ другъ друга, и имъ очень хорошо извѣстно что глубокое экономическое образованіе есть повсюду рѣдкость въ торговомъ классѣ, а на нашихъ биржахъ и подавно. Дѣло не въ глубокомъ экономическомъ образованіи, и даже вообще не въ образованіи. Купцы англійскіе, нѣмецкіе, положимъ, образованнѣе нашихъ, но развѣ можно тоже сказать о Грекахъ, Армянахъ, Евреяхъ, которые однакоже ведутъ у насъ заграничную торговлю? Чѣмъ возлагать всѣ надежды на будущее поколѣніе и освобождать себя отъ заботъ о поколѣніи живущемъ, не лучше ли вникнуть въ тѣ обстоятельства, которыя ставятъ это живущее поколѣніе въ унизительное положеніе передъ иностранцами?

Для торговли нужны смѣтливость и предпріимчивость. Въ этихъ качествахъ Провидѣніе не отказало русскому народу. Если самый простой русскій промышленникъ, какой-нибудь ярославскій или владимірскій мужичокъ, удивляетъ насъ этими качествами, то возможно ли чтобъ ихъ не было въ русскомъ купечествѣ? Да и не видимъ ли мы, что купеческіе капиталы безпрестанно возникаютъ почти изъ ничего? Кромѣ развѣ Соединенныхъ Штатовъ, едвали гдѣ бываетъ такъ много богатыхъ купцовъ, самимъ себѣ обязанныхъ своимъ состояніемъ, какъ въ Россіи. Итакъ не въ умѣньи богатѣть и разживаться оказывается у насъ недостатокъ. Русскіе купцы обнаруживаютъ по этой части большое искусство. На каждомъ шагу мы встрѣчаемъ краснорѣчивѣйшія доказательства того. Мы видимъ очень много, даже слишкомъ много людей вышедшихъ въ купцы изъ ничего,— слишкомъ много сравнительно съ наслѣдственными купеческими домами, и въ этомъ то именно состоитъ слабая сторона нашего купечества. У насъ много новыхъ купеческихъ домовъ, но слишкомъ мало старинныхъ. У насъ легко составляются купеческіе капиталы, но скоро и растрачиваются, либо извлекаются изъ торговли и идутъ на другія помѣщенія. У насъ нѣтъ знаменитыхъ купеческихъ фирмъ, существующихъ изъ вѣка въ вѣкъ. Вотъ наша слабая сторона.

Происходитъ ли это отъ національнаго характера, или отъ причинъ временныхъ и устранимыхъ? На этотъ вопросъ отвѣчать не трудно. Всѣмъ извѣстно, какимъ образомъ растрачиваются купеческіе капиталы. Отецъ собираетъ капиталъ и оставляетъ его дѣтямъ, которые спѣшатъ выйдти изъ купеческаго сословія, поступаютъ на службу, дѣлаются помѣщиками. Какъ *parvenus*, они охотно пускаютъ пыль въ глаза и обыкновенно проматываютъ бо́льшую часть отцовскаго состоянія. Можно сказать, что вообще только старообрядцы составляютъ исключеніе; только ихъ дѣти не *лѣзутъ въ господа*; зато у старообрядцевъ и накопляются огромныя богатства. Въ православномъ купечествѣ тѣ родители, которыя хотятъ чтобы ихъ дѣти оставались при торговомъ дѣлѣ, боятся учить ихъ чему-нибудь. Есть повѣрье, что купеческій сынокъ, обученный по барски, непремѣнно броситъ торговлю и промотаетъ всѣ свои деньги. Инстинктъ самосо-

храненія вызываетъ въ купеческомъ сословіи то отвращеніе къ ученію, или лучше то опасеніе ученія, которыя ставятся въ вину нашему купечеству, но, какъ намъ кажется, не заслуживаютъ такого порицанія какое достается на ихъ долю. Въ каждомъ общественномъ классѣ должна быть привязанность къ своему занятію; эта привязанность есть черта хорошая; за нее нельзя осуждать русскаго купца, и если съ нею связана антипатія къ ученію, то не купцовъ надобно винить за то, а всю обстановку ихъ быта.

Кто не знаетъ какова эта обстановка? Кто не знаетъ, что образованному человѣку тягостно то униженное общественное положеніе въ которомъ еще недавно находилось, а отчасти и до сихъ поръ находится русское купечество? Купецъ-иностранецъ стоялъ особнякомъ; онъ былъ огражденъ тѣмъ, что онъ иностранецъ: съ нимъ обращались какъ съ *господиномъ*; его не подвергали тому уничиженію, которое невыносимо для человѣка образованнаго. Къ тому же, какъ иностранецъ, онъ и не имѣлъ претензіи, ни желанія выйдти въ русскіе дворяне. Поэтому иностранныя фирмы могли передаваться у насъ отъ отца къ сыну, и если исчезали, то либо вслѣдствіе банкрутства, либо вслѣдствіе выѣзда за границу. Но для русскихъ подданныхъ купеческое званіе не могло быть ничѣмъ инымъ какъ временною станціей. Мѣщанинъ дѣлался купцомъ; это было общественное повышеніе. Но затѣмъ предстояло дальнѣйшее повышеніе,—вступленіе въ государственную службу и переходъ въ дворянство. Съ этимъ повышеніемъ было связано такъ много интересовъ, что ихъ не могла перевѣсить привязанность къ тому занятію, которое было средствомъ къ первоначальному повышенію, и если не во второмъ, то въ третьемъ поколѣніи, семья выходила изъ купечества. При такомъ кочеваньи возможно ли существованіе большихъ торговыхъ домовъ, пользующихся всеобщимъ почетомъ и могущихъ равняться съ иностранными торговыми домами? А при отсутствіи уважаемыхъ и дорожащихъ своею репутаціей фирмъ, могъ ли повыситься умственный и нравственный уровень купеческаго сословія? Могла ли образоваться та умственная и нравственная атмосфера, которая оказываетъ на человѣка болѣе сильное воспитательное дѣйствіе чѣмъ самая лучшая школа?

Нѣтъ, не національный характеръ виной жалкаго состоянія нашего купечества, а тѣ сословныя отношенія, которыя унижаютъ его въ средѣ русскаго общества.

№ 17.

Москва, 21-го января.

А.

Сегодня, въ 7 часовъ вечера, скончался московскій военный генералъ-губернаторъ, Павелъ Алексѣевичъ Тучковъ. Простудившись на вечерѣ, который онъ давалъ у себя въ прошлый четвергъ, Павелъ Алексѣевичъ заболѣлъ жабой; болѣзнь вскорѣ усилилась, и помощь врачей оказалась не дѣйствительною. Сегодня утромъ Государь Императоръ освѣдомлялся о здоровьи одного изъ самыхъ преданныхъ и вѣрныхъ слугъ своихъ, и утромъ еще нельзя было предполагать, что горестная развязка внезапной болѣзни была такъ близка.

Павелъ Алексѣевичъ принадлежалъ къ лучшимъ государственнымъ дѣятелямъ у насъ. Человѣкъ высокой честности, онъ выше всего ставилъ требованія долга, и такъ глубоко былъ проникнутъ имъ, что неоднократно отказывался отъ государственныхъ должностей, единственно изъ опасенія что онѣ не будутъ ему по силамъ. Онъ былъ справедливъ и исполненъ доброжелательства; поддержать слабаго и помочь нуждающемуся было его душевною потребностію. Пять лѣтъ его генералъ-губернаторства останутся памятны для Москвы. Потеря Павла Алексѣевича—двойная потеря: не стало честнаго, полезнаго, умнаго государственнаго дѣятеля; не стало человѣка, заслужившаго всеобщее и искреннее уваженіе.

Б.

Вчера утромъ, какъ извѣстила насъ телеграмма, полученная ночью и напечатанная въ вышедшемъ сегодня № *Московскихъ Вѣдомостей*, въ Даніи уже заговорила пушка.. выражаемся такъ только для эффекта, потому что дѣло, по всему вѣроятію, ограничилось лишь нѣсколькими ружейными выстрѣлами. Датчане, оставляя кронверкъ въ Рендсбургѣ привѣтствовали этими выстрѣлами австрійскія войска, которыя шли заступить ихъ мѣсто. Крови пролито не бы-

ло, не оказалось ни убитыхъ, ни раненыхъ; но невольно спрашиваешь себя, не служатъ ли эти выстрѣлы отдаленнымъ предвѣстіемъ европейской войны, при тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находится теперь Европа? Шлезвигъ-Голштейнскій вопросъ, который такъ долго влачилъ свое существованіе въ нѣмецкихъ дипломатическихъ канцеляріяхъ, и въ прежнее время возбуждалъ только смѣхъ, теперь, благодаря особому положенію, въ которомъ находится Европа, вдругъ выдвинулся на первый планъ и получилъ серіозное значеніе. Международные вопросы и внутреннія политическія движенія, интересы великихъ державъ, интересы разныхъ партій, перепутались въ этомъ шлезвигъ-голштейнскомъ дѣлѣ до такой степени, что невозможно предвидѣть его исходъ. Въ немъ сталкивается Германія съ Даніей, въ немъ сталкиваются обѣ великія германскія державы съ средними и мелкими германскими государствами; въ немъ сталкиваются нѣмецкія національныя притязанія съ нѣмецкими же національными притязаніями, и нѣмецкая демократическая партія, волнующая Германію, съ демократическою же партіей, господствующею въ Даніи. Но всѣ эти столкновенія были бы бурею въ стаканѣ воды, еслибы не нѣкоторое двусмысліе въ положеніи другихъ великихъ державъ. Благодаря сложности и запутанности шлезвигъ-гольштейнскаго вопроса, благодаря столь многимъ разнороднымъ элементамъ, которые въ немъ сталкиваются, та или другая изъ европейскихъ державъ можетъ имъ воспользоваться для своихъ исключительныхъ видовъ. Среднія германскія государства, группируясь подъ разлагающимъ дѣйствіемъ, которое оказываетъ Франція на Германскій Союзъ, и увлекаемыя внутреннимъ національно-демократическимъ движеніемъ, ставятъ своею программою отдѣленіе Гольштейна и Шлезвига отъ Даніи подъ властію герцога Аугустенбургскаго, который вдругъ, изъ рѣшительныхъ противниковъ нѣмецкаго демократическаго движенія, сталъ его покорнымъ орудіемъ. Австрія и Пруссія, съ своей стороны, отвергая эту революціонную программу, требуютъ отмѣны ноябрьской конституціи, которая вводитъ Шлезвигское герцогство въ составъ Датской монархіи. Противъ сущности этихъ послѣднихъ требованій не протестуютъ остальныя великія державы, хотя Лондонскій протоколъ даетъ Германскому Союзу весьма сомнительныя права на эти требованія. Шлезвигъ никогда не принадлежалъ къ Германскому Союзу; вмѣшиваться въ дѣла Шлезвига Германія не имѣетъ никакихъ положительныхъ правъ, и только въ переговорахъ, предшествовавшихъ Лондонскому трактату, которымъ опредѣляется положеніе Голштейна, высказано въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ обѣщаніе обезпечить національность нѣмецкой части народонаселенія въ Герцогствѣ Шлезвигскомъ. Эти неопредѣленныя выраженія послужили основаніемъ для вмѣшательства и повлекли за собою рядъ нескончаемыхъ затрудненій для Даніи, а теперь изъ этихъ словъ раждается опасность даже для спокойствія Европы. Вотъ что значатъ международныя обязательства какого бы то ни было свойства! Вотъ какъ опасны эти конференціи и конгрессы, вносящіе чужеземный контроль во внутреннія дѣла государства! Россія—не Данія; но сколько затрудненій произошло для нея отъ нѣсколькихъ неопредѣленныхъ выраженій, внесенныхъ въ Вѣнскій трактатъ относительно польскаго края, наименованаго громкимъ титуломъ царства, и сколькихъ бѣдствій стоили эти выраженія самому польскому краю, бросивъ въ него сѣмена неосуществимыхъ надеждъ и отдавъ его во власть политическимъ интригамъ! Ожидало ли датское правительство, что нѣсколько неопредѣленныхъ словъ, допущенныхъ имъ въ пользу нѣмецкой національности въ Шлезвигѣ, будутъ имѣть для Даніи столь прискорбныя послѣдствія?

Но державы, участвовавшія въ Лондонскомъ трактатѣ, не протестуя противъ сущности заявляемыхъ Австріей и Пруссіей требованій, настаивающихъ на томъ чтобы Шлезвигъ не находился подъ одною съ остальными частями Датской монархіи конституціей, не одобряютъ однако насильственнаго образа дѣйствій, къ которому Австрія и Пруссія сочли себя вынужденными прибѣгнуть. Англія никакъ не хочетъ допустить войну между Германіей и Даніей; она настаиваетъ на полюбовномъ соглашеніи и предлагаетъ конференцію. Австріи и Пруссіи совѣтуетъ она воздержаться и дать датскому правительству требуемый имъ срокъ для обсужденія ихъ предложеній на сеймѣ, который оно созываетъ. Франція тоже протестуетъ противъ наступательнаго дѣйствія обѣихъ державъ, но она, очевидно, протестуетъ не въ интересѣ Даніи или сохраненія мира, а скорѣе въ поощреніе нѣмецкой революціонной партіи и группы

среднихъ германскихъ государствъ, которые находятся по этому дѣлу въ антагонизмѣ съ Австріей и Пруссіей. Международная конференція, предложенная Англіей, не состоялась, а надежда на полюбовное рѣшеніе дѣла въ датскомъ сеймѣ—надежда очень плохая. Въ Даніи, какъ выше замѣчено, господствуетъ демократическая партія, и сеймъ находится въ ея рукахъ. Если бы король, уступая державамъ, согласился на отмѣну ноябрьской конституціи, то въ Даніи, особенно при участіи чужестранной интриги, можетъ случиться революція, и династія подвергнется опасности. Датскій сеймъ, какъ можно думать, откажется отъ всякихъ сдѣлокъ съ Австріей и Пруссіей, и приметъ воинственный тонъ.

Недавно сообщенная въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* телеграмма извѣщала объ энергическихъ приготовленіяхъ, которыя дѣлаетъ Англія и о тридцатитысячномъ корпусѣ, который она отправляетъ въ Данію на случай событій. Это извѣстіе, если оно подтвердится, достаточно свидѣтельствуетъ о важности того значенія, который получаетъ шлезвигъ-гольштейнскій вопросъ. Замѣчательно, что всѣ соприкосновенные съ этимъ вопросомъ интересы заключаютъ въ себѣ странную запутанность и внутреннія противорѣчія. Англія, которая такъ энергически вступается въ это дѣло, испытываетъ въ свою очередь столкновеніе двухъ противоположныхъ, но одинаково серіозныхъ для нея интересовъ. Она—естественная союзница германскихъ державъ, но въ то же время она не совсѣмъ благопріятствуетъ видамъ германскихъ державъ, хотя бы и отдаленнымъ, на морское значеніе,—видамъ, которые въ ихъ глазахъ придаютъ главную цѣну обладанію Герцогствами.

Но дѣло усложняется еще болѣе прикосновенностію къ нему Россіи. Она остается спокойною и устраняется отъ вмѣшательства, хотя едва ли не болѣе всѣхъ прочихъ европейскихъ державъ имѣетъ право на вмѣшательство въ шлезвигъ-голштейнскій вопросъ. Отнять фамильныя права у Россійскаго Императорскаго Дома на герцогскія части Голштейна не можетъ никакая дипломатическая казуистика. Если Россія не торопится своимъ вмѣшательствомъ, то она и не отрекается отъ своихъ правъ. Имѣетъ ли она или не имѣетъ намѣренія настаивать на нихъ, но они тѣмъ не менѣе существенны, и съ ними неизбѣжно пришлось бы считаться, еслибы въ самомъ дѣлѣ могъ возникнуть серіозный вопросъ объ отторженіи герцогствъ отъ Даніи.

Нѣтъ сомнѣнія, что энергическое вмѣшательство Англіи предупредитъ столкновеніе между германскими и датскими войсками; нѣтъ также сомнѣнія, что каша, заваренная въ Германіи нѣмецкими профессорами и демократами, сама по себѣ не опасна для спокойствія Европы. Но при двусмысленномъ отношеніи Франціи къ этому вопросу и при его запутанности, онъ можетъ повести къ какимъ-нибудь серіознымъ замѣшательствамъ. Что же касается до Германіи, то Шлезвига она не пріобрѣтетъ, а можетъ быть потревожена на лѣвомъ берегѣ Рейна.

№ 18.

Москва, 22-го января.

Прусскіе депутаты получаютъ суточныя деньги, по три талера въ день, и повидимому очень дорожатъ этимъ доходомъ. Чтобы побольше поживиться отъ столь щедраго подаянія своей конституціи, они обыкновенно растягиваютъ пренія, къ великой досадѣ членовъ верхней палаты, которые, не получая жалованья, очень тяготятся продолжительностію своей сенаторской службы. Члены верхней палаты видятъ единственное спасеніе для себя въ томъ, чтобы депутатамъ либо вовсе не платили денегъ, либо платили ихъ круглою суммой независимо отъ продолжительности сессіи. Но тогда, отвѣчаютъ депутаты, мы будемъ слишкомъ спѣшить, чтобы поменьше истратить денегъ въ Берлинѣ, а отъ этого пострадаютъ наши занятія дѣлами: интересы отечества требуютъ, чтобы мы остались при суточныхъ деньгахъ и не торопились разъѣзжаться по домамъ. Вслѣдствіе такой контроверзіи, до сихъ поръ не могъ состояться законъ, опредѣляющій размѣры вознагражденія, которое должны получать прусскіе депутаты за свои заботы о благоденствіи Пруссіи. Конституція говоритъ, что депутаты получаютъ вознагражденіе, опредѣленное закономъ, но закона до сихъ поръ нѣтъ, и потому правительство, обязанное по конституціи выдавать депутатамъ деньги на ихъ содержаніе, съ другой стороны, за неимѣніемъ закона, опредѣляющаго размѣры содержанія, было бы въ правѣ укло-

ниться отъ исполненія этой обязанности, хотя ее и возложила на него конституція, и прекратить выдачу суточныхъ денегъ депутатамъ.

Теперь, когда прогрессисты нижней палаты порядкомъ досадили и министерству и верхней палатѣ, въ верхней палатѣ возникла мысль, что было бы не худо, еслибы правительство воспользовалось указаннымъ обстоятельствомъ и отняло на время у депутатовъ суточныя деньги. По этому поводу графъ Арнимъ-Бойценбургъ, одинъ изъ первенствующихъ членовъ верхней палаты, и что̀ въ этомъ случаѣ особенно важно, высказавшійся противъ упомянутой мысли, передалъ вкратцѣ тѣ побужденія, которыми руководствовались сочинители прусской конституціи при назначеніи вознагражденія членамъ нижней палаты. Тогда, сказалъ онъ, всѣ желали, чтобы въ нижней палатѣ засѣдало какъ можно больше чиновниковъ; полагали, что чиновники люди болѣе свѣдущіе чѣмъ другіе граждане, и что ихъ присутствіе будетъ особенно полезно въ палатѣ. Но такъ какъ чиновники нуждаются въ средствахъ къ жизни, то они не могли бы поступать въ депутаты, еслибы депутатамъ не было назначено казенное содержаніе. Вотъ почему внесено было въ конституцію постановленіе, что депутатамъ, во время сессіи, выдается содержаніе изъ казенныхъ денегъ. Теперь, прибавилъ графъ Арнимъ, опытъ показалъ всю ошибочность этихъ взглядовъ. Теперь стало очевиднымъ, что суточныя деньги—великое зло, и что привлеченіе чиновниковъ въ палату—то же зло. Но легко ли теперь измѣнить конституцію? Для этого нужно согласіе нижней палаты, а какъ убѣдить ея членовъ, чтобъ они отказались отъ казеннаго содержанія? Тѣмъ паче какъ убѣдить ихъ, чтобъ они согласились на отнятіе у чиновниковъ права засѣдать въ нижней палатѣ? Прогрессисты, затѣявшіе безсмысленную борьбу съ домомъ Гогенцоллерновъ, которому, каковъ бы онъ ни былъ, Пруссія обязана всѣмъ своимъ существованіемъ, очень хорошо знаютъ, что имъ легче находить рекрутовъ себѣ въ средѣ чиновничьей, чѣмъ въ средѣ земской, гдѣ живо чувствуется историческое значеніе прусской королевской фамиліи. Они не откажутся отъ драгоцѣнной для нихъ точки опоры, освобождающей ихъ отъ вліянія консервативныхъ элементовъ земства. Ввести законнымъ путемъ какія-нибудь существенныя улучшенія въ прусскую конституцію—рѣшительно невозможно, и нельзя не предвидѣть, что прусской коронѣ долго еще придется нести наказаніе за излишнее довѣріе, которое она оказывала своему чиновничеству, и за то недовѣріе къ земству, которое препятствовало своевременному приближенію земства къ совѣтамъ короны. Мы никакъ не думаемъ, чтобъ опасность угрожала дому Гогенцоллерновъ. Онъ выйдетъ несомнѣнно побѣдителемъ изъ этой борьбы съ пигмеями, которыхъ онъ самъ нарядилъ въ великановъ. Чиновники, представляющіе собой земство и получающіе по три талера въ день подачки, окажутся въ серіозную минуту безсильными передъ прусскимъ трономъ, передъ этимъ *rocher de bronze*, скалой изъ бронзы, какъ онъ издавна называетъ себя. Но пока не наступитъ серіозная минута, можетъ много накопиться затрудненій, много разлиться яда въ будничной практикѣ прусскаго конституціонализма.

Мы уже говорили однажды объ исторической ироніи по поводу прусской конституціи. Теоретики думали сдѣлать лучше, когда придумывали двухстепенные выборы; въ этой системѣ они видѣли гарантію хорошаго представительства: дѣйствительность посмѣялась надъ ними, и двухстепенные выборы наполнили палату людьми представляющими собой не только прусскую націю, сколько разныя политическія котеріи. Еще болѣе разительный примѣръ исторической ироніи виденъ въ той роли, которую играетъ теперь въ Пруссіи чиновничество. Оно считалось опорой престола; на него смотрѣли съ большею нѣжностью чѣмъ на самую націю; когда учреждали представительство, сдѣлали все возможное, чтобы дать въ немъ перевѣсъ чиновничеству. И что же? Теперь корона ищетъ націю, взываетъ къ націи и не можетъ найдти ее, а подъ личиной представителей націи находитъ чиновниковъ-прогрессистовъ, съ которыми нѣтъ сладу, потому что они живутъ въ искусственной атмосферѣ, вдали отъ примиряющей среды дѣйствительныхъ интересовъ.

Мы не безъ намѣренія стали приводить въ большей полнотѣ чѣмъ прежде пренія разныхъ палатъ западной Европы. Намъ кажется, что болѣе короткое знакомство съ этими преніями будетъ теперь особенно своевременно для нашей публики. Предметы преній нынѣшняго года въ многихъ

палатахъ близко подходятъ къ коренымъ вопросамъ государственнаго устройства и могутъ содѣйствовать разъясненію политическихъ понятій. Такъ напримѣръ, помѣщенныя ниже пренія прусской верхней палаты по вопросу о бюджетѣ представляютъ довольно полную характеристику взаимныхъ отношеній двухъ прусскихъ палатъ, знакомятъ съ затрудненіями двухкамерной системы и вмѣстѣ показываютъ какъ нужна верхняя камера для уравновѣшенія рѣшеній нижней камеры. Въ то же время эти пренія свидѣтельствуютъ, что такъ-называемая прусская *палата господъ*, обращаясь къ странѣ, говоритъ далеко не съ тѣмъ авторитетомъ, котораго можно было бы ожидать отъ нея въ виду серіозныхъ затрудненій, причиняемыхъ прусскому государству стремительнымъ напоромъ депутатовъ-прогрессистовъ. Ея ораторы высказываютъ негодованіе противъ образа дѣйствій нижней палаты и заявляютъ свою преданность королю, по повидимому, имѣютъ въ виду не только отстаивать *rocher de bronze*, сколько въ случаѣ опасности укрываться за нимъ.

Нѣчто подобное такому разсчету видно по крайней мѣрѣ въ судьбѣ постигшей предложеніе коммиссіи о томъ, чтобы правительство прекратило выдачу суточныхъ денегъ депутатамъ. Прусское правительство могло, не нарушая конституціи, воспользоваться отсутствіемъ закона, опредѣляющаго размѣры суточныхъ денегъ и прекратить ихъ выдачу. Для этого не требовалось согласія верхней палаты, но она могла бы поддержать въ этомъ отношеніи правительство, принявъ предложеніе коммиссіи. Что̀ же сдѣлала палата? Она отвергла предложеніе коммиссіи, хотя одинъ изъ ораторовъ, г. фонъ-Клейстъ-Рецовъ, предварялъ палату, что, отвергнувъ предложеніе коммиссіи, она испортитъ положеніе правительства. Въ самомъ дѣлѣ, отвергая предложеніе своей коммиссіи, палата высказалась косвенно въ пользу сохраненія суточныхъ денегъ, и если бы теперь правительство рѣшилось поступить такъ, какъ предлагала коммиссія палаты, то оно приняло бы на себя отвѣтственность, которую прямо отказалась принять на себя палата. А между тѣмъ огромное большинство верхней палаты убѣждено, что суточныя деньги причиняютъ вредъ, и что отмѣна ихъ значительно улучшила бы составъ прусскаго представительства.

Можно навѣрное сказать, что заносчивый образъ дѣйствій палаты депутатовъ въ значительной степени условливается недовѣріемъ верхней палаты къ своимъ связямъ съ страной. Еслибы члены верхней палаты могли болѣе полагаться на авторитетъ своего голоса, нижняя палата была бы принуждена стать къ нимъ въ иное положеніе чѣмъ теперь. Но прусская верхняя палата очевидно не имѣетъ глубокихъ корней въ странѣ. Она имѣетъ извѣстныя права въ силу конституціи, но эти права писанныя, а не коренящіяся въ народномъ бытѣ. Чѣмъ объяснить эту слабость верхней палаты если опять не тѣмъ, что прусское государство слишкомъ возвысило бюрократію надъ общественными силами? Служебное положеніе такъ много значило въ Пруссіи, что передъ нимъ меркло общественное положеніе. Все политическое вліяніе предоставлялось людямъ, выдвигаемымъ службой, и вотъ, когда государство задумало воспользоваться для своихъ цѣлей людьми высокаго общественнаго положенія, то оказалось, что ихъ вліяніе заѣдено бюрократіей, и что они могутъ служить лишь слабою опорой государственному устройству, на которое напротивъ они сами хотятъ опираться.

№ 19.

Москва, 23-го января.

Кончина Павла Алексѣевича Тучкова была для Москвы прискорбною неожиданностію. Онъ былъ еще въ полнотѣ силъ, болѣзнь, которой онъ былъ жертвою, была кратковременна, и накапунѣ его кончины никто не могъ предвидѣть, что она такъ близка. Возрастъ его былъ далеко непреклонный: онъ родился въ 1805 году, и 7-го апрѣля ему совершился бы только 61 годъ. Вполнѣ оцѣниваются люди только по утратѣ ихъ, и Москва вполнѣ почувствовала, какъ много потеряла она въ лицѣ этого просвѣщеннаго и достойнаго правительственнаго дѣятеля, который находился во главѣ ея администраціи въ продолженіи почти пяти лѣтъ. Нельзя не пожелать, чтобы люди близко знавшіе покойнаго довели до общаго свѣдѣнія все что̀ имъ самимъ извѣстно объ обстоятельствахъ его жизни и дѣятельности, объ отличавшихъ его характеристическихъ чертахъ, о его образѣ мыслей и сужденіяхъ по раз-

нымъ предметамъ его служебной дѣятельности и занимавшимъ его вопросамъ, особенно относящимся къ военной организаціи и предпринимаемымъ въ ней преобразованіямъ, за которыми онъ слѣдилъ съ особеннымъ вниманіемъ. Вообще, нельзя не желать чтобы люди, жившіе въ нашей средѣ не безплодно, много изъвѣдавшіе на своемъ вѣку и управлявшіе болѣе или менѣе обширною сферой общественныхъ интересовъ, оставляли по себѣ наслѣдіе въ воспоминаніяхъ общества, которому была посвящена ихъ дѣятельность. Взгляды и сужденія, которыя сложились и созрѣли въ человѣкѣ, вслѣдствіе долгой, разнообразной и полезной общественной дѣятельности, не должны пропадать безслѣдно. Это факты изъ жизни самого общества, это его собственная исторія, его капиталъ.

Павелъ Алексѣевичъ отличался, такъ еще рѣдкимъ у насъ, прочнымъ образованіемъ и просвѣщеннымъ взглядомъ на вещи: объ этомъ могутъ засвидѣтельствовать люди, даже не близко знавшіе его, которымъ случалось только говорить съ нимъ. Но онъ получилъ свое воспитаніе не въ кадетскомъ корпусѣ, не въ гимназіи; онъ не былъ въ университетѣ. Онъ воспитывался дома, въ своемъ семействѣ, и довершилъ свое образованіе не въ казенномъ заведеніи, а въ частной, еще мало оцѣненной по своему значенію, Школѣ Колонновожатыхъ, которая была обязана своимъ существованіемъ личной и безкорыстной энергіи одного изъ замѣчательныхъ, крѣпкихъ людей стараго времени, Муравьева, отца Николая Николаевича, взявшаго Карсъ, и Михаила Николаевича, управляющаго нынѣ Сѣверо-Западнымъ краемъ. Изъ той школы вышло не мало людей способныхъ, дѣльныхъ, съ солидными свѣдѣніями, отличившихся на разныхъ поприщахъ государственной службы болѣе или менѣе значительными заслугами. Примѣръ покойнаго Павла Алексѣевича и его товарищей по Школѣ Колонновожатыхъ всего убѣдительнѣе показываетъ, въ какой мѣрѣ основательна и справедлива та система, которая поставляетъ необходимымъ условіемъ для какихъ-либо политическихъ преимуществъ (хотя бы, напримѣръ, для права быть мировымъ судьею) формальныя аттестаціи объ оконченномъ въ казенномъ заведеніи курсѣ. На службу онъ поступилъ четырнадцати лѣтъ отъ роду, въ свиту Его Величества по квартирмейстерской части. Въ продолженіи своей службы, почти всѣ чины свои онъ получилъ за отличіе. Въ 1820 году онъ былъ переведенъ въ гвардейскій генеральный штабъ, и участвовалъ съ отличіемъ въ Турецкой кампаніи. Въ 1830 году, молодой двадцати-семилѣтній человѣкъ, не имѣвшій диплома и вышедшій изъ домашняго воспитанія, былъ приглашенъ на каѳедру преподавателя въ Школу Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ; и въ томъ же году былъ назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ гвардейскаго корпуса. Занимая этотъ постъ, онъ составилъ полную исторію Измайловскаго полка, за которую получилъ награду. Кстати припомнимъ, что въ послѣдствіи важныя топографическія работы, которыя были ему поручены, обратили на него вниманіе прусскаго правительства, и заслужили ему орденъ Краснаго Орла. Онъ участвовалъ въ польской кампаніи, и оставался въ военной службѣ въ званіи флигель-адъютанта до 1840 года, когда онъ вышелъ въ отставку. Спустя два или три года за тѣмъ, онъ вступилъ въ гражданскую службу, по министерству государственныхъ имуществъ, но въ томъ же году былъ зачисленъ въ генеральный штабъ и назначенъ директоромъ Военнаго Топографическаго Депо. Въ 1855 году онъ назначенъ былъ начальникомъ штаба средней арміи; въ 1856 году начальниковъ резервовъ армейской пѣхоты, а въ 1859 онъ сталъ военнымъ генералъ-губернаторомъ Москвы.

Мы не считаемъ себя въ правѣ, особенно теперь когда надъ усопшимъ не закрылась еще могила, входить въ оцѣнку его дѣятельности. Но мы не можемъ не припомнить, что при немъ было организовано и открыто въ Москвѣ ея новое общественное управленіе, и что онъ принималъ въ этомъ дѣлѣ самое живое и доброжелательное участіе. Мы не можемъ не упомянуть также о томъ, что при немъ было введено въ Москвѣ словесное разбирательство рабочихъ съ нанимателями и рядчиками,—учрежденіе такъ значительно облегчившее сдѣлки между этими классами, и успѣшному началу котораго онъ такъ много способствовалъ. Наконецъ, мы не можемъ не упомянуть еще объ одномъ довольно характеристическомъ обстоятельствѣ. Гдѣ общественное мнѣніе не имѣетъ вполнѣ правильнаго выраженія и гдѣ, поэтому самому, вмѣсто открытыхъ и гласныхъ, подлежащихъ общей повѣркѣ суж-

деній по дѣламъ общественнаго интереса, ходятъ болѣе или менѣе смутные слухи, тамъ правительственныя лица, находящіяся въ дѣятельномъ соприкосновеніи со множествомъ разнообразныхъ интересовъ, общественныхъ и личныхъ, неизбѣжно подвергаются, часто несправедливымъ нареканіямъ въ своихъ намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ; но вотъ положительный фактъ лично о Павлѣ Алексѣевичѣ, во все время его служенія въ Москвѣ, никогда не говорилось ничего дурнаго. Даже въ сужденіяхъ и отзывахъ людей чѣмъ-либо недовольныхъ никогда не было ничего оскорбительнаго для его личности.

Болѣе подробныя свѣдѣнія о жизни и служебной дѣятельности Павла Алексѣевича Тучкова мы не замедлимъ сообщить. Теперь, вмѣстѣ съ сожалѣніемъ о его утратѣ, Москву занимаетъ вопросъ о томъ, кто займетъ его мѣсто. Москва первопрестольная столица, въ ней начало Русскаго государства, въ ней основаніе престола русскихъ царей. Москва есть живое отрицаніе всякаго сепаратизма и всякой *шатости*, говоря выраженіемъ московской старины. Противъ Москвы нѣтъ надобности принимать какихъ-либо мѣръ государственной безопасности. Духъ ея таковъ, что нѣтъ надобности въ какомъ-нибудь бдительномъ Аргусѣ, который бы подозрительно слѣдилъ за всѣми проявленіями жизни въ ней: Москва есть средоточіе и источникъ всѣхъ охранительныхъ силъ Русской земли. Она нуждается только въ честной и дѣятельной администраціи, которая заботилась бы въ ней не столько объ охраненіи государственныхъ интересовъ, которые въ Москвѣ никогда не могутъ подвергаться опасности, сколько объ охраненіи общественныхъ льготъ, а также правъ и собственности людей, въ ней живущихъ. Первопрестольная столица, наша старая Москва, съ своими царственными воспоминаніями и преданіями, не можетъ также не имѣть гордаго сознанія, что стоять во главѣ ея управленія есть высокая честь, которая не всякому можетъ достаться.

№ 20.

Москва, 24-го января.

Въ чемъ состоитъ цѣль и задача каждаго парламента, каждаго національнаго представительства? Не въ томъ ли чтобы высказывать коронѣ желанія и чувства страны, воздерживать администрацію отъ увлеченій и сближать ее съ практическими интересами общества, давать наконецъ вѣрное направленіе законодательнымъ работамъ, указывая на дѣйствительные, опытомъ дознанные недостатки существующаго порядка, и ограждать отъ ошибокъ администрацію, зорко слѣдя за ея дѣйствіями и обличая малѣйшій ея промахъ? Лица для этого избираемыя должны близко знать нужды и потребности страны, представлять собой ея взгляды и чувства, словомъ быть дѣльными земскими людьми, а не проповѣдниками собственныхъ теорій и личныхъ мнѣній.

То ли видимъ мы во Франціи? Великій парламентскій моментъ совершился; пренія по поводу отвѣтнаго адреса кончились во французскомъ законодательномъ сословіи: чѣмъ же они ознаменовались? Сравнительно съ прежнимъ, эти пренія отличаются къ лучшему; вопросы были возбуждаемы болѣе живые; мнѣнія высказывались болѣе умѣренныя и здравыя; даже чувствовались иногда истинные инстинкты свободы. Мы охотно отдаемъ эту справедливасть французскому законодательному сословію, но еслибы кто вздумалъ, по старой модѣ, смотрѣть на французскую палату какъ на образецъ для подражанія, то это была бы вопіющая ошибка. Что такое это сословіе? Что оно представляетъ собой? Большинство, какъ извѣстно, выбрано правительствомъ; это не земскіе представители, а представители правительства. Они по большей части говорятъ: *да*, и этимъ ограничиваютъ свою законодательную дѣятельность. Они даже не охотно слушаютъ другъ друга. Когда говорятъ ораторы оппозиціи, они сидятъ смирно, слушаютъ съ любопытствомъ; а своему ближнему, оратору изъ большинства, не даютъ по большей части рта разинуть: вопросъ-де исчерпанъ, и говорить о немъ не къ чему. Но если члены большинства представляютъ собой не націю, а правительство, то можно ли сказать, что члены оппозиціи настоящіе представители? Повидимому, они ею избраны. Но что представляютъ они собой? Что говорятъ они? Увы, за самыми немногими исключеніями ихъ рѣчи состояли изъ общихъ мѣстъ, изъ громкихъ фразъ, изъ безпрестанныхъ воззваній къ *великимъ принципамъ 89 года*, которыя выдвигались, какъ

неотразимая батарея, то оппозиціей противъ правительства, то правительственными ораторами противъ оппозиціи.

Читатели найдутъ ниже отчетъ о первомъ изъ двухъ засѣданій по польскому дѣлу. Чтòже по этому поводу высказала оппозиція? Какія мѣры предложила? Какіе подала практическіе совѣты? Какія дѣйствительно государственныя мысли выразила? Еслибы надъ рѣчами гг. барона Давида и Пельтана во французскихъ газетахъ не было напечатано большими буквами „законодательное сословіе", мы должны бы были подумать что читаемъ *premier Paris* какой-нибудь *Opinion Nationale* или статейку г. Мазада: такое въ нихъ совершеннѣйшее отсутствіе всего того чего должно бы ожидать отъ людей, хотящихъ подавать совѣты коронѣ!

Каждая страна можетъ имѣть свои особые интересы, несовмѣстные съ интересами другой страны; интересы Франціи могутъ въ иныхъ случаяхъ быть противоположны интересамъ Россіи; Франція можетъ желать существованія на Вислѣ дружественнаго ей государства, въ тылу Германіи; это даже нерѣдко выражали ея государственные люди прошедшаго вѣка. Намъ, конечно, можетъ не нравиться это желаніе, но мы не удивились бы, найдя его въ рѣчи одного изъ представителей французскаго народа. Напротивъ, насъ именно то и удивляетъ что ни одинъ изъ ораторовъ оппозиціи, а ихъ было не мало, даже не намекнулъ на эту мысль, на эту единственную истинно государственную и практическую мысль, могущую съ точки зрѣнія Франціи оправдать постоянное вмѣшательство ея въ польскія дѣла. Вмѣсто этого чтò мы встрѣчаемъ? *Отечество Чингисхана*, *козакованье Европы*, *оплотъ противъ татарскихъ ордъ* и тому подобныя фразы лишенныя смысла и содержанія. Г. Давидъ предлагаетъ *mettre la Russie au ban de l'Europe*; чтò это значитъ на языкѣ простыхъ смертныхъ? Въ чемъ состоитъ осязательный смыслъ этой громкой фразы? Какимъ образомъ напримѣръ устранить значеніе Россіи хоть изъ шлезвигскаго вопроса? Г. Давидъ однимъ маніемъ своей руки исключаетъ Россію изъ числа европейскихъ государствъ, разрываетъ трактаты связывающіе ее со всѣми современными международными вопросами! *Comediente*!.. *tragediente*!.. вспоминаемъ мы невольно слова Пія VII по поводу другаго французскаго оратора, разрушавшаго на словахъ и церковь и религію: добрый г. Давидъ вѣдь не хочетъ войны съ Россіей; онъ только хочетъ признать Поляковъ воюющею стороной. Г. Пельтанъ бѣснуется еще больше, хотя стоитъ за предложеніе еще болѣе милостивое къ намъ; онъ требуетъ, чтобы были прерваны дипломатическія сношенія съ Россіей, но вымещаетъ снисходительность своего требованія такою заносчивостію рѣчи, что даже французская палата прерываетъ слова его. По нашему ужь, право, логичнѣе достопочтенный г. Геру, который вѣренъ своей безусловной преданности революціонному жонду и просто-на-просто предлагаетъ кинуться въ штыки на Россію. *Allons, marchons*, какъ характеризуетъ французскую націю одинъ изъ Диккенсовыхъ героевъ.

Постараемся стать на мѣсто французской оппозиціи и представить себѣ ея интересы. Она слаба въ палатѣ, она не сильно поддерживается и страной. Чтò же слѣдуетъ ей дѣлать? Прежде всего внушить къ себѣ уваженіе изученіемъ вопросовъ, которыхъ она касается, дѣльностію предлагаемыхъ ею мѣръ, практичностію совѣтовъ. При этихъ и только при этихъ условіяхъ правительство принуждено было бы, а можетъ-быть и пожелало бы воспользоваться ея совѣтами, и ея голосъ получалъ бы вѣсъ въ странѣ. Но какъ принимать за нѣчто серіозное людей ничтожныхъ числомъ, ничтожныхъ талантами (за малыми исключеніями) и заносчиво выступающихъ съ фельетонными спичами? Вотъ напримѣръ по польскому вопросу эти господа приготовляли свои рѣчи, когда польское дѣло уже погибло въ Европѣ; они хотѣли помочь ему: не слѣдовало ли имъ собрать какъ можно болѣе достовѣрныхъ фактовъ, но они не подумали оказать хоть эту услугу несчастной, ими гальванизируемой странѣ. Они говорили нисколько не лучше чѣмъ какъ пишутъ газетчики. Г. Пельтанъ объявляетъ напримѣръ что у него въ рукахъ документъ доказывающій что въ одномъ уѣздѣ, изъ числа взятыхъ оттуда въ рекруты 11 тысячъ, возвратилось лишь 300 человѣкъ. Но кто же виноватъ, если отставные солдаты не охотно идутъ туда, а остаются въ Россіи? Не лучше ли было бы приберечь „этотъ документъ" для спича въ какомъ-нибудь демократическомъ клубѣ? Г. Давидъ соревнуетъ г. Пельтану въ распространеніи небывалыхъ анекдотовъ о русскихъ жестокостяхъ. Этотъ просто-на-просто

повторяетъ давно опровергнутую старину. Мы впрочемъ отнюдь не сердимся на нихъ. Намъ очень легко перенести ихъ лживыя нападенія. Мы вполнѣ вознаграждены за безобразіе словъ благопріятнымъ дѣломъ. Оппозиція не могла сойтись ни на чемъ по польскому вопросу. Только одинъ г. Геру, душой и тѣломъ принадлежащій Полякамъ, осмѣлился говорить о войнѣ за Польшу. Всѣ другіе высказались за миръ и только предлагали какую-нибудь демонстрацію. Но и на выборѣ демонстраціи они не могли сойтись. Одни не могли разстаться съ мыслію о признаніи Поляковъ воюющей стороной, другіе увлеклись перспективой событій, которыя должны послѣдовать за прекращеніемъ дипломатическихъ сношеній съ Россіей. Словомъ, польское дѣло произвело совершенный хаосъ въ оппозиціи.

Надо имѣть много вѣжливости и снисхожденія чтобы рѣшиться возражать гг. Пельтану, Геру и Давиду или даже слушать ихъ съ признаками вниманія. Человѣкъ менѣе сдержанный, какъ напримѣръ г. фонъ-Бисмаркъ объявилъ однажды одному оратору похожему на гг. Пельтана и Давида, что онъ весьма удобно можетъ слушать его рѣчи изъ другой комнаты. Этимъ господамъ возражалъ однакоже самъ герцогъ де-Морни, главный посредникъ произшедшаго было между Россіей и Франціей сближенія. Но и въ рѣчи почтеннаго президента законодательнаго сословія о Россіи, что ни слово, то фальшивая нота. Невыразимо обидны намъ эти надежды нашихъ доброжелателей на нашу уступчивость, все еще показывающія, что въ самостоятельность Россіи они рѣшительно не хотятъ вѣрить. За тѣмъ, несмотря на все уваженіе къ французской цивилизаціи, намъ крайне обидны похвалы дѣлаемыя нашему политическому устройству съ французской точки зрѣнія, и указывающія на сходство нашихъ внутреннихъ политическихъ отношеній съ французскими. Герцогъ де-Морни отрекомендовалъ Россію благосклонности французской палаты, какъ страну весьма демократическую, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже болѣе демократическую чѣмъ сама Франція. Мы вполнѣ цѣнимъ желаніе сказать намъ комплиментъ, но не можемъ не замѣтить, что едва ли всѣ историческія условія нашей жизни могутъ сдѣлаться предметомъ благосклоннаго вниманія въ теперешней Франціи, и что мы чрезвычайно этому рады. Французскій демократизмъ пропитанъ ядомъ зависти и раздраженія; съ понятіемъ французской демократіи невольно связывается представленіе блузы, карманьйолы, и ненависти къ *ces chiens d'aristocrates*. Смѣемъ увѣрить достопочтеннаго герцога де-Морни, что ничего подобнаго нѣтъ у насъ. Мы точно совершаемъ историческое движеніе къ гражданской равноправности; у насъ точно начинало выростать нѣчто въ родѣ польскаго шляхетства, и герцогъ де-Морни правъ, что отнынѣ это прекратится. Но, помимо этого демократизма, этого притязанія на равенство, находившаго себѣ пріютъ въ средѣ дворянскаго сословія, помимо этого феодализма демократическаго, какъ его не совсѣмъ точно назвалъ герцогъ де-Морни, у насъ не было и нѣтъ ничего похожаго на французскую демократію, и ни богатство, ни знатное имя не составляютъ у насъ для бѣдныхъ людей предмета ненависти или зависти. Такова демократія русская, и въ этомъ отношеніи мы позволяемъ себѣ надѣяться, что стоимъ на лучшей дорогѣ чѣмъ Франція. Ни между старинной французской *noblesse* и нашимъ дворянствомъ, ни между французскою демократіей и нашимъ народомъ, ни вообще между Россійской имперіей и имперіей Французской нѣтъ ничего общаго.

№ 21.

Москва, 25-го января.

Г. Воловскій, извѣстный экономистъ, помѣстилъ недавно въ *Revue des deux Mondes* статью о финансахъ Россіи, гдѣ онъ отзывается въ выраженіяхъ очень лестныхъ о лицахъ управляющихъ русскими финансами и вообще говоритъ тономъ повидимому весьма умѣреннымъ, но въ то же время старается изобразить положеніе Россіи самыми мрачными красками. Финансы Россіи разстроены, и это разстройство происходитъ не отъ случайныхъ причинъ, которыя могутъ и не повториться, не отъ ошибокъ, которыхъ можно избѣжать въ будущемъ, а отъ коренныхъ, неустранимыхъ особенностей Русской земли и русской цивилизаціи: вотъ тема г. Воловскаго. Говоря о финансахъ Россіи съ цѣлью конечно не чисто-ученою, г. Воловскій не могъ не упомянуть и о русской военной силѣ. Повидимому, довольно коротко зна-

комый съ нашими дѣлами, онъ не говоритъ однакоже отъ своего имени; онъ ссылается на статистику г. Кольба и приводитъ его показаніе, что наша дѣйствующая регулярная армія, со включеніемъ и тѣхъ регулярныхъ войскъ, которыя дѣйствуютъ на Кавказѣ, не превышаетъ 385.000. Но онъ утверждаетъ эту цифру своимъ авторитетомъ, и благодаря тому, она дѣлаетъ теперь *туръ* по Европѣ. Всѣ повторяютъ эту цифру какъ нѣчто точное, основанное на тщательныхъ развѣдкахъ, и нѣтъ сомнѣнія, что пущенное такимъ образомъ свѣдѣніе о незначительности русскихъ военныхъ силъ можетъ имѣть нѣкоторое вліяніе на общественное мнѣніе Европы. Намъ кажется, поэтому, не лишнимъ представить, на основаніи несомнѣнныхъ офиціяльныхъ данныхъ, опроверженіе этого показанія.

Восточную войну мы начали экспромптомъ; мы вовсе не были приготовлены. Если въ нынѣшнемъ году суждено быть войнѣ, то наши враги найдутъ насъ въ иномъ положеніи. Что ошибка сдѣланная въ восточную войну теперь не повторится, это было бы и само по себѣ вѣроятно, такъ какъ недавній урокъ еще нельзя было забыть; но въ настоящемъ случаѣ нѣтъ надобности указывать на вѣроятность; тутъ говорятъ дѣла. Съ помощью простой ариеметики можно доказать г. Воловскому и всѣмъ, кто повторяетъ его слова, что его цифра слишкомъ вдвое меньше дѣйствительной. Онъ говоритъ о 385.000 со включеніемъ Кавказской арміи, а армію, которая можетъ стать фронтомъ къ западной Европѣ, полагаетъ въ 255.000, кромѣ казаковъ. Въ дѣйствительности же армія, обращенная фронтомъ къ нашей западной границѣ, будетъ заключать въ себѣ около 600.000, кромѣ казаковъ. Для убѣжденія въ вѣрности этой цифры, считаемъ нужнымъ войти въ подробности, которыя будутъ, конечно, интересны нашимъ читателямъ.

Съ окончаніемъ Восточной войны настали для Россіи шесть лѣтъ мира, въ теченіи которыхъ, согласно съ общимъ направленіемъ внутренней политики, военное вѣдомство уменьшало численность войскъ. Хотя экономія въ военномъ бюджетѣ далеко не шла пропорціонально этому уменьшенію, и военныя смѣты даже возрастали, * но чего стоитъ уже одно отсутствіе рекрутскихъ наборовъ въ теченіи шести лѣтъ для благоденствія страны! Въ этомъ направленіи, столь благодѣтельномъ для населенія, правительство слѣдовало даже въ послѣдніе годы, съ 1859 по 1862, когда на западѣ Европы установилась система вооруженнаго міра. Этой системы Россія не знала до начала прошлаго года!

Заставимъ говорить факты. Въ 1856 году списочное состояніе регулярныхъ войскъ было слѣдующее: 576 генераловъ, 31.954 офицера и 1.742.342 нижнихъ чиновъ. Къ 1 января 1862 года численность ихъ по спискамъ состояла: генераловъ и офицеровъ 28.130, нижнихъ чиновъ 857.997; кромѣ того, числилось по пѣхотѣ и другимъ частямъ 3.726 офицеровъ, и въ этомъ числѣ 462 генерала. Если къ этому числу прибавить 4.818 генераловъ и офицеровъ, и 302.961 нижнихъ чиновъ иррегулярныхъ войскъ, то къ январю 1862 года получимъ слѣдующія общія цифры:

Генераловъ и офицеровъ .	36.674
Нижнихъ чиновъ	1.160 958

Въ теченіи 1862 года сокращеніе численности войскъ продолжалось непрерывно. Штаты мирнаго и военнаго времени были сокращены, нѣкоторыя части упразднены, и общее уменьшеніе въ наличномъ составѣ достигло до 612 офицеровъ и 80.000 нижнихъ чиновъ, въ томъ числѣ до 56.000 строевыхъ. Численность регулярныхъ войскъ уменьшилась до 800.000.

Бо́льшая часть предположенныхъ въ 1862 году сокращеній была выполнена во второй половинѣ года; часть ихъ приводилась въ исполненіе даже въ январѣ 1863 года. Но возстаніе въ Польшѣ не позволило воспользоваться плодами этихъ мѣръ, и вмѣсто экономіи въ издержкахъ, исчисленной въ 5 милліоновъ, послѣдовали значительныя затраты, точную цифру которыхъ, по всей вѣроятности, мы скоро узнаемъ изъ офиціяльныхъ газетъ.

Съ января 1863 года начался переломъ въ дѣятельности военнаго вѣдомства. Уроки Восточной войны были памятны, и потому дипломатическая кампанія европейскихъ державъ сопровождалась рядомъ постановленій, приводившихъ регулярную армію, которою можно располагать на случай европейской войны, къ весьма значительному по численности составу. Чтобъ оцѣнить значеніе принятыхъ мѣръ, надобно припомнить

* Общій итогъ смѣты въ 1860 г. 98½ мил., въ 1861 г. 108 мил., въ 1862 г. 114½ мил., въ 1863 г. 115½ мил., (смѣта была утверждена въ 1862 году до польскаго мятежа).

общій составъ разсматриваемыхъ войскъ. Къ началу прошлаго года организація нашей пѣхоты опредѣлялась слѣдующимъ образомъ:

1. Отдѣльный гвардейскій корпусъ: 3 пѣхотныя дивизіи, каждая изъ 4-хъ полковъ двухбатальйоннаго состава и одного стрѣлковаго батальйона.

2. Отдѣльный гренадерскій корпусъ: 3 пѣхотныя дивизіи, каждая изъ 4-хъ полковъ двухбатальйоннаго состава и одного стрѣлковаго батальйона.

3. 18 пѣхотныхъ дивизій, каждая изъ 4-хъ полковъ трехбатальйоннаго состава и стрѣлковаго батальйона, всего 72 полка и 18 стрѣлковыхъ батальйоновъ. Изъ нихъ 10-я, 11-я, 12-я дивизіи составляли 1-й резервный, а 16-я, 17-я, 18-я дивизіи—2-й резервный корпусъ.

Каждый изъ полковъ 18 пѣхотныхъ дивизій имѣлъ еще 4-й резервный батальйонъ; батальйоны эти были совершенно отдѣлены отъ полковъ и составляли 6 резервныхъ дивизій, каждая въ 12 батальйоновъ. Къ резервнымъ частямъ слѣдуетъ отнести и 6 резервныхъ стрѣлковыхъ батальйоновъ.

Затѣмъ на западной границѣ имѣлись еще изъ мѣстныхъ войскъ: Лифляндскій стрѣлковый, два Кронштадтскіе, и 10 Финляндскихъ линейныхъ батальйоновъ.

Составу пѣхоты соотвѣтствовалъ составъ пѣшей артиллеріи. На каждую изъ трехъ гвардейскихъ, трехъ гренадерскихъ и 18 армейскихъ дивизій пѣхоты, приходилось по бригадѣ пѣшей артиллеріи; гвардейская и гренадерская бригады состояли изъ 3-хъ батарей, а армейскія изъ 4-хъ батарей каждая. Такимъ образомъ всѣхъ пѣшихъ батарей было 90 (восьми-орудійнаго состава). Шести резервнымъ дивизіямъ пѣхоты соотвѣтствовали сводныя резервныя артиллерійскія бригады, каждая изъ 3-хъ батарей. Для гвардейской и гренадерской артиллеріи было въ резервѣ для каждой по одной сводной батареѣ. Всего же резервныхъ батарей—20 (также восьми-орудійнаго состава).

Наша регулярная кавалерія состоитъ изъ семи кавалерійскихъ дивизій. Каждая изъ нихъ дѣлится на три бригады. Первыя бригады состоятъ изъ двухъ драгунскихъ, вторыя изъ двухъ уланскихъ, и третьи—изъ двухъ гусарскихъ полковъ. Такимъ образомъ, полковъ армейской кавалеріи имѣется—42. Часть ихъ, входящая въ составъ 1-й, 2-й, 3-й и 5-й кавалерійскихъ дивизій, имѣла четыре эскадрона дѣйствующихъ и два резервныхъ; полки же 4-й, 6-й и 7-й дивизій—четыре эскадрона дѣйствующихъ и одинъ резервный. Слѣдовательно, всего эскадроновъ армейской кавалеріи—234. Каждой кавалерійской дивизіи соотвѣтствуетъ конно-артиллерійская бригада изъ 2 батарей восьми-орудійнаго состава. На военное время предполагается формированіе третьей батареи, для чего въ мирное время содержатся четыре резервныя конно-артиллерійскія батареи, образующія резервную конно-артиллерійскую дивизію.

Кромѣ армейской кавалеріи, имѣется еще гвардейскій резервный кавалерійскій корпусъ изъ 10 полковъ регулярной кавалеріи пяти-эскадроннаго состава. При этой кавалеріи состоятъ 4 конныя батареи.

Весь предыдущій составъ пополняется 6-ю саперными, однимъ гвардейскимъ и однимъ гренадерскимъ батальйонами, резервнымъ и финляндскими полубатальйонами; а также семью парковыми бригадами.

Таковы регулярныя силы, которыми Россія могла бы располагать въ случаѣ европейской войны. Сдѣлаемъ приблизительный сводъ боевымъ частямъ этой арміи. Общій составъ ея опредѣлялся слѣдующими числами:

	Полки.	Батал.	Эскадр.	Батар.	Оруд.
Пѣхоты (не считая линейные батал.) . . .	96	366	—	—	—
Кавалеріи . .	52	—	284	—	—
Артиллеріи:					
Конной . . .	—	—	—	22	176
Пѣшей . . .	—	—	—	110	880
Итого . . .	148	366	284	132	1056

Но составъ отдѣльныхъ боевыхъ частей представляетъ не одинаковую численность. Экономія издержекъ достигается не однимъ уменьшеніемъ числа отдѣльныхъ самостоятельныхъ частей; она достигается въ значительной мѣрѣ сокращеніемъ личнаго состава и числа лошадей въ каждой отдѣльной части. Въ этихъ видахъ существуютъ особые штаты для мирнаго времени, не одинаковые для различныхъ частей. Боевая сила батальйона пѣхоты и стрѣлковъ, въ военное время, круглымъ числомъ 1000 человѣкъ, въ мирное время доходитъ для пѣхотнаго батальйона до 750, а для стрѣлковаго до 700, а по кадренному штату батальйона пѣхоты—до 550 человѣкъ. Точно также и въ кавалеріи убавляется число рядовъ во взводахъ для нѣкоторыхъ полковъ съ 18 на 15, для дру-

гихъ съ 18 на 10; боевая сила кавалерійскаго четырехъ-эскадроннаго полка, доходящая въ военное время до 800 человѣкъ, сокращается до 650 и даже до 450 человѣкъ, а число лошадей съ 680 до 570 и 390. Въ артиллерійскихъ батареяхъ сокращеніе падаетъ на лошадей: изъ 8 орудій по мирному времени бываетъ запряженныхъ 4, и вмѣсто положеннаго числа зарядныхъ ящиковъ (18—24) въ строй выходитъ только 8; число людей въ батареяхъ также сокращается, изъ 250 человѣкъ приблизительно боеваго состава убавляется до 90.

Польское возстаніе застигло нашу армію сокращенною по составу въ большей половинѣ ея частей, и размѣщенною по всему пространству имперіи, отъ западныхъ границъ до береговъ Волги. Только 3-я гвардейская дивизія, первыя 9 пѣхотныхъ дивизій, а также 13-я, 14-я и 15-я, съ ихъ артиллеріею, расположенныя по западной границѣ и берегамъ Чернаго моря, были поставлены на военное положеніе. Войска же гвардіи, расположенной близъ Петербурга, гренадерскаго корпуса, расквартированнаго около Москвы, 1-го и 2-го резервнаго корпусовъ, штабы которыхъ помѣщались въ Тамбовѣ и Воронежѣ,—были приведены въ кадренный составъ мирнаго времени. Такой же составъ былъ присвоенъ и батальйонамъ 6-ти резервныхъ дивизій, размѣщенныхъ по всей имперіи; батальйоны 2-й, 3-й и 5-й дивизій были приведены къ такому составу лишь приказомъ отъ 3-го августа 1862 года.

Такимъ образомъ всего 13 дивизій пѣхоты, слѣдовательно только 165 батальйоновъ, были поставлены на военную ногу; остальныя 17 дивизій, всего 195 батальйоновъ, вся кавалерія, бо́льшая часть артиллеріи, были въ самомъ мирномъ составѣ, и помѣщались въ довольно значительномъ разстояніи отъ западныхъ границъ.

Подобнымъ положеніемъ думали воспользоваться Поляки, имѣвшіе самыя подробныя свѣдѣнія о состояніи и расположеніи нашихъ военныхъ силъ. Они торопились увѣрить Европу, что Россія безсильна, что она не можетъ выставить достаточнаго войска даже для борьбы съ шайками; къ тому же прибавлялось, что армія деморализована, и что въ ней много приверженцевъ польскому дѣлу. Европа вѣрила этимъ показаніямъ, и правительства западныхъ державъ сдѣлали Россіи вызовъ, разчитывая на ея вынужденную уступчивость. Явились случайности, которыя заставляли опасаться за сохраненіе мира. Лѣтомъ прошлаго года въ Петербургѣ ожидали войны, а въ Варшавѣ видѣли въ ней единственный исходъ изъ кризиса. Военное вѣдомство начало усиливать боевой составъ арміи.

Первыя средства для пополненія рядовъ были даны сборомъ отпускныхъ и рекрутскимъ наборомъ, объявленнымъ въ высочайшемъ манифестѣ отъ 1-го сентября 1862 года, и произведеннымъ съ 15-го января по 15-е февраля прошлаго года; по этому набору, въ 5 человѣкъ съ 1000, со всей имперіи взято 95.516 рекрутъ. Но эти средства предназначались для укомплектованія войскъ по составу мирнаго времени. Лишь когда вспыхнулъ польскій мятежъ, начались мѣры клонившіяся къ увеличенію боевыхъ силъ. 19-го января пріостановлено по всѣмъ вообще войскамъ и командамъ увольненіе нижнихъ чиновъ въ безсрочный, временный и домовый отпуски; въ февралѣ рѣшено укомплектовать до полнаго состава войска гренадерскаго и 1-го резервнаго корпусовъ, а также 1-й, 2-й, 3-й и 5-й резервныхъ дивизій. Приказомъ отъ 28-го марта объявлено о сформированіи въ Новогеоргіевскѣ и Брестъ-Литовскѣ крѣпостныхъ полковъ четырехбатальйонаго состава, въ Замостьѣ полка двухбатальйоннаго, а въ Ивангородѣ крѣпостнаго батальйона. 3-го апрѣля изданъ приказъ о сформированіи въ полкахъ гренадерскаго корпуса третьихъ батальйоновъ, и объ обращеніи резервныхъ батальйоновъ 1-й, 2-й, 3-й и 5-й резервныхъ дивизій въ двухбатальйонные полки; 9-го апрѣля сдѣланъ призывъ офицеровъ, пѣхотныхъ и стрѣлковыхъ частей, изъ продолжительнаго и безсрочнаго отпусковъ, а 3-го мая призывъ офицеровъ гвардейской пѣхоты и гвардейской артиллеріи. Въ апрѣлѣ опредѣлено сформировать въ Кронштадтѣ—Кронштадскій, въ Свеаборгѣ—Свеаборгскій крѣпостный полкъ, четырехбатальйоннаго состава, а въ Выборгѣ—Выборгскій, трехбатальйоннаго; нѣсколько позднѣе Динабургскій и Бобруйскій крѣпостные батальйоны. 30-го апрѣля положено сформировать въ полкахъ гвардейскаго корпуса третьи батальйоны. 18-го іюня финляндскіе линейные батальйоны соединены въ четыре пѣхотные полка двухбатальйоннаго состава, и изъ нихъ образована новая дивизія:

Выборгскій . . . . Вильманстрандскій . Нейшлотскій. . . . Петровскій	22-я див.

Одновременно съ опубликованіемъ отвѣтовъ нашего правительства на депеши трехъ державъ, навязывавшія намъ извѣстные шесть пунктовъ, объявленъ Высочайшій манифестъ, отъ 27-го іюня, о рекрутскомъ наборѣ, съ 1-го ноября по 1-е декабря, по 10 человѣкъ съ 1000 со всей имперіи, кромѣ Виленскаго и Кіевскаго округа и Царства Польскаго. 27-го іюля призваны офицеры армейской кавалеріи изъ отпусковъ; 13-го августа едва сформированные полки 1-й, 2-й, 3-й и 5-й резервныхъ дивизій соединены въ составъ 12 новыхъ пѣхотныхъ дивизій, по 4 полка въ каждой, съ присвоеніемъ этимъ дивизіямъ нумеровъ съ 23 по 34 включительно; полкамъ даны особыя названія, и изъ резервныхъ они переименованы въ пѣхотные. Такимъ образомъ образовались пѣхотные полки:

Бѣломорскій. Онежскій. Двинскій. Печорскій.	23 див.	Старорусскій Новоторжскій Вяземскій. Малоярослав.	29 див.
Иркутскій. Енисейскій. Красноярскій Омскій.	24 див.	Ярославскій Шуйскій. Коломенскій. Серпуховскій	30 див.
Лифляндскій. Дерптскій. Ивангородск. Островскій.	25 див.	Пензенскій. Тамбовскій. Козловскій. Воронежскій	31 див.
Пермскій. Вятскій. Петрозавод. Устюжскій.	26 див.	Курскій. Рыльскій. Путивльскій Старооскол.	32 див.
Оренбургскій Уфимскій. Троицкій. Саратовскій.	27 див.	Бессарабскій. Херсонскій. Тираспольск. Бендерскій.	33 див.
Волжскій. Камскій Донской. Уральскій.	28 див.	Симферопол. Ѳеодосійскій. Керчь-Еник. Таганрогск.	34 див.

Наконецъ 13-го октября опредѣлено изъ батальйоновъ 4-й резервной дивизіи сформировать пѣхотные полки съ соединеніемъ ихъ въ 35-ю, 36-ю и 37-ю дивизіи и съ образованіемъ изъ нихъ 3-го резервнаго корпуса. Вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдняя, 6-я, резервная дивизія расформирована, и 12 батальйоновъ ея переданы въ вѣдѣніе корпуса внутренней стражи. Такимъ путемъ образованы полки:

Нѣжинскій. . . . . Болховскій. . . . . Моршанскій . . . . Зарайскій	35 див.
Можайскій. . . . . Звенигородскій. . . . . Дорогобужскій . . . . Каширскій.	36 див.
Новочеркаскій. . . . . Царицынскій. . . . . Самарскій . . . . Каспійскій.	37 див.

Рекрутскій наборъ, произведенный въ концѣ года, позволяетъ привести къ веснѣ настоящаго года всѣ эти новые полки отъ 22 до 37 дивизіи въ трехбатальйонный составъ по военному положенію.

За преобразованіемъ пѣхоты послѣдовало, 4-го ноября, преобразованіе пѣшей артиллеріи. На каждую пѣхотную дивизію положено содержать бригаду изъ трехъ батарей восьми-орудійнаго состава. Резервныхъ батарей положено имѣть 9, составляющихъ три резервныя бригады. Такимъ образомъ пришлось формировать 16 новыхъ бригадъ, которыя отъ военнаго состава отличаются лишь меньшимъ числомъ лошадей, имѣя только 4 орудія запряженными. Первыя же 18 бригадъ имѣютъ всѣ 8 орудій запряженными. Прибавимъ къ этому, что крѣпостные артиллерійскіе гарнизоны, приказомъ отъ 27-го іюня, значительно усилены въ крѣпостяхъ Царства Польскаго, въ Николаевѣ, Динаминдѣ, Свеаборгѣ и Кронштадтѣ.

Въ концѣ декабря послѣдовалъ приказъ, которымъ кавалерійскіе полки приводятся въ четырехъ-эскадронный составъ по военному времени (до 800 строевыхъ нижнихъ чиновъ и до 600 строевыхъ лошадей въ полку). Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ пятыхъ и, въ нѣкоторыхъ полкахъ, шестыхъ эскадроновъ образованы особые резервные эскадроны до 300 нижнихъ чиновъ и до 180 строевыхъ лошадей. Резервнымъ эскадронамъ, совершенно отдѣленнымъ отъ полковъ, поручено обученіе рекрутъ и снабженіе полковъ лошадьми.

Вотъ перечень мѣръ, принятыхъ къ усиленію численности войскъ, охраняющихъ границы Россіи съ Европой, тѣхъ войскъ, которыя обращены фронтомъ къ западу. Мы считаемъ необходимымъ пополнить его еще указаніемъ на развитіе численности Кавказской арміи. Событія въ Европѣ обыкновенно отражались и на ея составѣ; тѣмъ болѣе явленіе это будетъ повторяться теперь, когда Черное море перестало быть русскимъ озеромъ.

Въ составъ Кавказской арміи входятъ: 1) Одна гренадерская и три пѣхотныя ди-

визіи (19-я, 20-я, 21-я), въ каждой по 4 полка и по стрѣлковому батальйону; 2) Четыре драгунскіе полка; 3) 37 линейныхъ батальйонъ; 4) Четыре пѣшія артиллерійскія бригады, и 5) Два кавказскіе саперные батальйона. Кромѣ того— большая масса иррегулярныхъ войскъ, пересчитывать которыя мы не будемъ. Резервныя части, для Кавказской арміи, составляли особую резервную дивизію изъ 16 батальйоновъ пѣхоты и одного стрѣлковаго; кромѣ того была резервная линейная полубригада изъ двухъ резервныхъ линейныхъ батальйоновъ. Съ ограниченіемъ театра военныхъ дѣйствій на Кавказѣ, рѣшено было въ 1862 году произвести различныя сокращенія въ численности частей, и составъ ихъ къ январю 1863 года опредѣлился слѣдующимъ образомъ: Въ полкахъ 19-й дивизіи было по пяти батальйоновъ, въ остальныхъ по четыре, при чемъ четвертые въ кадренномъ составѣ. Драгунскіе полки имѣли по четыре эскадрона дѣйствующихъ и одинъ резервный. Но въ октябрѣ прошлаго года предписано привести четырехбатальйонные полки дивизій въ усиленный составъ (до 4.600 строевыхъ), а также измѣнить численность пятибатальйонныхъ полковъ 19-й дивизіи (до 5.700 строевыхъ). Пятые резервные эскадроны посажены на лошадей, и сформированы особые шестые безъ лошадей. Для каждой изъ четырехъ бригадъ артиллеріи положено сформировать по резервной батареѣ, и затѣмъ всѣ батареи привесть въ составъ военнаго времени. Наконецъ, приказомъ отъ 6-го ноября, изъ 16 батальйоновъ Кавказской резервной дивизіи и двухъ резервныхъ линейныхъ батальйоновъ велѣно сформировать 12 пѣхотныхъ полковъ трехбатальйоннаго состава, съ соединеніемъ ихъ въ три дивизіи: 38-ю, 39-ю и 40-ю. Полкамъ даны слѣдующія наименованія:

Черноморскій	38 див.
Таманскій	
Пятигорскій	
Владикавказскій	
Бакинскій	39 див.
Дербентскій	
Кубинскій	
Елисаветпольскій	
Имеретинскій	40 див.
Кутаисскій	
Гурійскій	
Абхазскій	

Всѣ эти полки будутъ сформированы также къ веснѣ будущаго года. Этимъ указаніемъ на увеличеніе состава Кавказской арміи можно ограничиться.

Подведемъ теперь итогъ тѣмъ боевымъ силамъ, тѣмъ дѣйствующимъ частямъ, которыя къ веснѣ настоящаго года будутъ стоять фронтомъ къ европейскимъ границамъ Россіи и могутъ быть къ нимъ стянуты въ непродолжительномъ времени. Не считая ни саперныхъ батальйоновъ, ни резервныхъ частей, ни Кавказской арміи, мы будемъ имѣть до 600.000 войска, къ которому можно прибавить еще 90.000 одинхъ Донскихъ казаковъ. Вотъ тотъ грузъ, который можетъ измѣнить балансъ „европейскаго равновѣсія“ къ сторонѣ Россіи. Вотъ наше вооруженіе, вызванное вмѣшательствомъ европейскихъ державъ. Да убѣдится же общественное мнѣніе Европы, что Россія далеко не такъ безсильна, какъ увѣряютъ Поляки и польскіе экономисты, и что, для ея же спокойствія, гораздо лучше было бы не вынуждать такихъ вооруженій, и да избавится Россія въ скорѣйшемъ времени отъ необходимости поддерживать такую дорогую и тягостную систему вооруженнаго мира.

№ 22.

Москва, 27-го января.

Говорятъ, что мы бѣдны. Статья г. Воловскаго о состояніи нашихъ финансовъ, помѣщенная въ *Revue des deux Mondes*, облетѣла Европу. Повсюду твердятъ, что состояніе финансовъ наиболѣе слабая сторона Россіи: легкомысленные враги готовы видѣть въ этомъ залогъ успѣха всякаго воинственнаго предпріятія противъ „колосса съ глиняными ногами“; даже г. Бодрильяръ, въ *Journal des Débats*, совѣтуетъ намъ всяческую уступчивость, приглашая впрочемъ и враговъ нашихъ не забывать въ своихъ разчетахъ грозную массу, *une masse formidable*, то-есть по-просту русскій народъ. Мы, Русскіе, очень хорошо знаемъ, что средствъ у насъ и много и мало: много на случай войны за неприкосновенность Русской державы; мало на ежедневныя будничныя потребности. Мы знаемъ также, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ и условіяхъ, Россія можетъ легко выйдти и изъ этихъ затрудненій, и что въ нихъ отнюдь нельзя видѣть какой-либо органическій порокъ. Но въ настоящую минуту, должно признаться, мы все-таки бѣдны.

И однакоже нельзя сказать, чтобы мы были очень бережливы. Давно уже хотѣли мы поговорить о новомъ обширномъ заведеніи, которое не по днямъ, а по часамъ растетъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Москвы и именуется Петровскою Земледѣльческою и Лѣсною Академіей. На дняхъ намъ случилось видѣть печатный проектъ новаго заведенія, устраиваемаго—таково требованіе современности — на самыхъ широкихъ основаніяхъ. Возникаетъ громадное заведеніе, подобнаго которому, какъ по обширности средствъ, такъ и по самому характеру, нѣтъ въ цѣломъ мірѣ. Какъ не желать успѣха новому заведенію? Но нельзя воздержаться и отъ нѣкоторыхъ замѣчаній. Если бы нѣсколько благотворительныхъ лицъ основали сельскохозяйственное заведеніе и, раскрывъ настежь его двери и окна, пригласили всѣхъ и каждаго, безъ опредѣленной цѣли и плана, пользоваться нравственными и матеріяльными богатствами широкаго заведенія, то скептики могли бы только сожалѣть, что благія намѣренія благотворителей приняли подобное направленіе и привели къ безплодному и расточительному плану. Дѣло становится серіознѣе, когда вспомнимъ, что новое заведеніе, обѣщающее затмить блескъ Семирамидиныхъ садовъ, воздвигается на казенный счетъ, требуетъ болѣе полумилліона для своего начальнаго устройства и обѣщаетъ значительно болѣе чѣмъ стотысячную ежегодную прибавку къ государственному бюджету. Не позволительно ли спросить, чѣмъ вызвано это громадное заведеніе, какой вопіющей потребности оно удовлетворяетъ, какую опредѣленную цѣль оно имѣетъ, и кого будетъ выпускать изъ своихъ стѣнъ?

Безъ сомнѣнія, при открытіи новой Академіи будетъ торжественное собраніе. Будущему оратору торжества мы рѣшительно совѣтуемъ начать свою рѣчь слѣдующимъ, не лишеннымъ эффекта, вступленіемъ: „Мм. гг., можетъ онъ сказать, славный французскій астрономъ Біо, знакомя ученую публику съ устройствомъ нашей знаменитой Пулковской обсерваторіи, представилъ увлекательную картину жизни ученыхъ, окруженныхъ въ избыткѣ всѣми пособіями науки, обезпеченныхъ въ матеріяльныхъ нуждахъ, образующихъ изъ себя колонію астрономовъ, находящуюся достаточно близко къ большому городу, чтобы пользоваться его удобствами, но вдали отъ его шума;—и заключилъ свое описаніе словами: „да это утопія, скажутъ мнѣ; созданное „воображеніемъ астрономическое Эльдора„до; между тѣмъ я ничего не выдумалъ: „это вѣрное изображеніе устройства Пул„ковской обсерваторіи“. Позвольте и мнѣ раскрыть предъ вами картину внутренней жизни другаго заведенія, назначеннаго не для того, чтобы слѣдить за движеніемъ отдаленныхъ міровъ, но чтобы стереть съ человѣка тяжелое призваніе въ потѣ лица снѣдать хлѣбъ свой. Свободные слушатели, не стѣсненные ни экзаменами, ни другими какими-либо формальностями старой рутины, стекаются вокругъ свободныхъ каѳедръ; вольною рукою берутъ они все что имъ пригодно изъ неисчерпаемой сокровищницы умственно и матеріяльно цвѣтущаго заведенія. Они живутъ въ изящныхъ домикахъ вокругъ величественнаго дворца науки, свободные отъ всякаго принужденія или надзора, охраняемые собственными добродѣтелями, и весело слушаютъ умныя рѣчи. Сюда пріѣзжаетъ умиленный помѣщикъ дивиться новѣйшимъ усовершенствованіямъ; приходитъ скромный огородникъ взглянуть какъ хозяйничаетъ наука. Да это эдемъ, скажутъ мнѣ; это Острова Блаженныхъ,—

> . . arva, beata
> Petamus arva, divites et insulas.

Но я говорю вамъ не объ Островахъ Блаженныхъ, я представилъ только вѣрную картину Петровской Академіи, неожиданно воздвигшейся въ центрѣ нашей страны, земледѣльческой по преимуществу“...

Но если геній фантазіи подсказываетъ намъ эту пышную рѣчь, то злой здравый смыслъ нашептываетъ другое. Если въ библіотекѣ Петровской Академіи будутъ находиться сочиненія Декарта, и какой-нибудь вольный общникъ ея,—такъ потомство назоветъ учащихся — отдыхая отъ прогулки по фермамъ, примется перелистывать его сочиненіе *О методѣ*, то онъ задумается на самомъ началѣ: „повидимому, здравый смыслъ есть вещь наилучшимъ образомъ распредѣленная въ мірѣ, ибо всякій считаетъ себя столь богатымъ по части здраваго смысла, что даже тѣ, чьи желанія во всѣхъ другихъ отношеніяхъ весьма трудно удовлетворить, обыкновенно не желаютъ здраваго смысла болѣе того, сколько его имѣютъ“. Философъ правъ, скажетъ нашъ агрономъ, и лучшее доказательство тому— академія; здравый смыслъ имѣетъ право на большій почетъ; люди слишкомъ мало

дорожатъ этимъ скромнымъ даромъ и слишкомъ часто забываютъ призвать его на совѣтъ, прельщаясь широкими планами и увлекательными затѣями. Нашъ агрономъ, размышляя о своей академіи, будетъ навѣрное расположенъ говорить панегирики здравому смыслу.

Пулковская обсерваторія—дѣйствительно знаменитое и полезное учрежденіе, и было бы хорошо, еслибы потребность высшей земледѣльческой академіи была сознана съ такою ясностью, съ какою представлялась необходимость замѣнить пришедшую въ упадокъ академическую обсерваторію заведеніемъ удовлетворяющимъ современному состоянію науки, и еслибы планъ новаго заведенія былъ выработанъ съ такимъ неторопливымъ вниманіемъ и изученіемъ, какъ планъ Пулковской обсерваторіи. Встрѣчаемъ ли мы что-нибудь подобное въ воздвигаемомъ нынѣ небываломъ заведеніи, долженствующемъ совмѣстить въ себѣ и ученую академію, и школу, и приложеніе въ обширныхъ размѣрахъ науки къ практикѣ, и образцовую ферму на коммерческомъ основаніи и многія другія затѣи?

Примѣръ Горыгорѣцкаго института, этого специяльнаго сельскохозяйственнаго заведенія, выпускавшаго преимущественно чиновниковъ для разныхъ вѣдомствъ, могъ бы, казалось, служить довольно нагляднымъ доказательствомъ, какъ мало значенія для нашего хозяйства имѣютъ наши высшія сельскохозяйственныя школы. Но, скажутъ намъ, къ кому же хозяева-практики обратятся за совѣтомъ; гдѣ увидятъ на дѣлѣ приложеніе новѣйшихъ усовершенствованій, какъ не въ ученомъ заведеніи, снабженномъ богатою фермою? Въ Москвѣ былъ и есть хуторъ при Земледѣльческой Школѣ, хуторъ именно назначавшійся для этой цѣли, но извѣстный болѣе какими-то исторіями довольно скандалезнаго свойства, чѣмъ принесенною имъ пользой. Высшая школа не удалась; ученая ферма не принесла пользы: ясно, что должно истратить милліонъ, воздвигнуть еще болѣе высокую школу и завести двѣ богатѣйшія фермы — и дѣло пойдетъ на ладъ. Между тѣмъ, если въ самомъ дѣлѣ есть потребность въ ученой фермѣ, что мѣшаетъ усовершенствовать существующій хуторъ? Если есть потребность въ публичныхъ курсахъ, что мѣшаетъ открыть ихъ при Университетѣ или при Обществѣ Сельскаго Хозяйства, вмѣсто того, чтобы рядомъ съ Университетомъ заводить новый факультетъ, отличающійся отъ естественнаго отдѣленія Университета только отсутствіемъ преподаванія математики и включеніемъ въ курсъ ветеринарной медицины, политической экономіи, лѣснаго законодательства и сельскохозяйственнаго строительнаго искусства? Если бы нужно было поощрить ученыхъ, занимающихся сельскимъ хозяйствомъ и соприкасающимися съ нимъ науками, то это могло бы быть достигнуто платою за публичные курсы, пособіями на изданіе сочиненій и т. п. Не знаемъ, на сколько окупитъ новое заведеніе потраченныя на него средства и какой процентъ съ капитала составитъ польза, которую оно будетъ приносить, но не можемъ скрыть нашего мнѣнія, что десятокъ тысячъ разумно употребленный привелъ бы къ тѣмъ же результатамъ, какихъ можно ждать отъ летящихъ нынѣ сотенъ.

Впрочемъ, эти сотни тысячъ пойдутъ не на одно сельское хозяйство. Съ ихъ помощію будетъ произведенъ опытъ въ области педагогіи. Новая Академія, судя по проекту ея устава, должна представить оригинальное явленіе въ педагогическомъ отношеніи. Казалось бы, что спеціальная школа назначается къ образованію спеціалистовъ. Но первый параграфъ устава явственно гласитъ, что новая школа съ ея академически-практическимъ характеромъ вовсе не имѣетъ въ виду заняться образованіемъ спеціалистовъ, а „учреждается для распространенія свѣдѣній по сельскому хозяйству и лѣсоводству.“ Какъ средства къ достиженію этой цѣли во второмъ параграфѣ указываются: лекціи и практическія занятія. Академія открываетъ свои богатства и не хочетъ знать, кто и какъ и зачѣмъ ими пользуется. Новая школа не имѣетъ учениковъ въ обыкновенномъ смыслѣ: она не экзаменуетъ вступающихъ и ни малѣйшимъ образомъ не интересуется вольными занятіями своихъ слушателей. Понятно, что при такомъ началѣ не можетъ быть и намека на какой-либо нравственный или учебный надзоръ и тѣмъ болѣе на что-нибудь подобное инспекціи. Всякій желающій, внеся 25 рублей, допускается и къ слушанію лекцій, и къ практическимъ занятіямъ (повидимому, составители проекта не предполагаютъ чтобы желающихъ оказалось много; иначе такое допущеніе къ практическимъ занятіямъ.

например, въ лабораторіяхъ, могло бы, пожалуй, оказаться не совсѣмъ удобнымъ на практикѣ). Выпускныхъ экзаменовъ въ обыкновенномъ смыслѣ тоже не предполагается въ ученой Академіи. Имѣя въ виду только распространять свѣдѣнія Академія не намѣрена выпускать учениковъ, по которымъ можно было бы судить о ея благотворномъ вліяніи. Впрочемъ желающіе могутъ подвергнуть себя испытанію изъ одного или нѣсколькихъ предметовъ, преподаваемыхъ въ Академіи. Выдержавшій такое испытаніе получаетъ свидѣтельство. Надо радоваться, что съ этимъ свидѣтельствомъ не соединено чиновъ или какихъ-либо особыхъ правъ службы, за исключеніемъ впрочемъ отдѣла, не скажемъ готовящаго, но въ которомъ желающимъ предлагаются средства готовить себя, въ лѣсничіе офицеры (по всей вѣроятности, этотъ отдѣлъ, для котораго назначается шестьдесятъ, несоединенныхъ ни съ какимъ обязательствомъ стипендій, и будетъ главною частью Академіи, обѣщающей обратиться въ заведеніе для приготовленія лѣсничихъ по новой методѣ, при помощи свободнаго пребыванія въ стѣнахъ, садахъ и лѣсахъ Академіи). Предлагая желающимъ сокровища свѣдѣній, благодѣтельная Академія предлагаетъ и деньги. Для бѣдныхъ, сказано въ проектѣ устава, утверждается двадцать пять стипендій по 250 р. (замѣтьте, стипендіи крупнѣе университетскихъ). Если слушатель Академіи имѣетъ дипломъ высшаго учебнаго заведенія, то ему достаточно представить только свидѣтельство о бѣдности, чтобъ имѣть право на стипендію; кончившіе курсъ въ гимназіяхъ, кромѣ того, должны подвергнуться нѣсколькимъ дополнительнымъ вопросамъ по русскому языку, математикѣ и физикѣ. Академія дерзнула посягнуть на нѣкоторое ограниченіе свободы стипендіатовъ. Установить обыкновенные экзамены для повѣрки занятій получающихъ стипендіи, составители проекта не рѣшились; тѣмъ болѣе что стипендіи Академіи назначены не для поощренія въ занятіяхъ, а раздаются въ качествѣ пособія для бѣдныхъ. Но стипендіатъ обязанъ ежегодно подвергаться, по каждой изъ наукъ избраннаго имъ отдѣла, какому-то частному испытанію по усмотрѣнію преподователя. Такому же правилу подчиняются и стипендіаты по отдѣлу лѣсоводства. Мы порадовались тому, что свидѣтельства, выдаваемыя Академіей, не даютъ права на чинъ. Но насъ ожидаетъ совершенное разочарованіе. Если Академическое свидѣтельство не сопряжено (за исключеніемъ отдѣла лѣсоводства) ни съ какими особыми правами, то обладателю такого свидѣтельства достаточно сдѣлать еще одинъ небольшой шагъ, чтобы получить права и притомъ весьма немаловажныя. Составители проекта не забыли прибсречь для своего заведенія сильную приманку. Академія, согласно проекту, имѣетъ право давать ученую степень магистра со всѣми преимуществами университетской, магистерской степени, и при томъ на правахъ Школы Правовѣдѣнія, то-есть мимо степени кандидата. Юноша, окончившій курсъ въ гимназіи, заявляетъ себя слушателемъ этой Академіи. Чрезъ три года подвергаетъ себя испытанію на свидѣтельство по одной изъ четырехъ спеціяльностей, на какія раздѣлены преподаваемыя въ Академіи науки, и получаетъ желанное свидѣтельство. Съ нимъ онъ является на магистерское испытаніе. Послѣднее состоитъ изъ экзамена по *одному* главному предмету отдѣла, экзамену, производимому по конспекту составленному самимъ экзаменующимся и одобренному совѣтомъ Академіи. Выдержавъ экзаменъ, счастливый искатель степени пишетъ диссертацію по нетрудному отдѣлу избранной науки;—и, вотъ, онъ магистръ съ девятымъ классомъ, правомъ на профессорское мѣсто и т. д. Промоція, какъ видимъ, очень быстрая. Для окончившаго курсъ въ Университетѣ дѣло — еще легче. Онъ не экзаменуется изъ тѣхъ наукъ, которыя слушалъ въ Университетѣ (аттестатъ Университета или Земледѣльческаго Института считается наравнѣ съ свидѣтельствомъ Академіи). Такимъ образомъ, напримѣръ, дѣйствительному студенту отдѣла естественныхъ наукъ для полученія степени магистра скотоводства придется проэкзаменоваться только изъ ветеринарной медицины и земледѣлія. Потомъ экзаменъ изъ скотоводства, небольшая диссертація и нашъ дѣйствительный студентъ—магистръ. Въ университетахъ магистерскій экзаменъ имѣетъ серіозное значеніе, и рѣдко кто достигаетъ этой степени ранѣе четырехъ или пяти лѣтъ по окончаніи полнаго университетскаго курса. Но, скажутъ намъ, и при внѣшней легкости требованій экзаменъ можетъ быть такъ серіозенъ, что увѣнчаны

будутъ только дѣйствительно достойные. Это правда; но плохо если дѣло будетъ зависѣть единственно отъ произвола экзаменаторовъ и отъ обычая, какой имѣетъ установиться болѣе или менѣе случайно. Представимъ себѣ, что въ Академію мало идетъ слушателей; тогда магистерство будетъ служить хорошею приманкой. А при легкости требованій экзаменаторамъ не легко будетъ остановить ловкаго молодого человѣка, который пожелаетъ скоро сдѣлать свою карьеру, чтобы потомъ раскланяться и съ Академіей, и съ сельскимъ хозяйствомъ.

Проектъ устава Академіи неопредѣленною шириной своею, отсутствіемъ указанія для кого собственно и для какой опредѣленной цѣли назначается заведеніе, требующее такихъ громадныхъ средствъ, показываетъ, что новое заведеніе возникло вовсе не вслѣдствіе ясно выразившейся потребности въ высшей сельско-хозяйственной академіи, а вслѣдствіе случайнаго соединенія обстоятельствъ. Извѣстно, какимъ образомъ иной разъ, возникаютъ у насъ обширныя учрежденія. Въ какомъ-нибудь изъ вѣдомствъ оказалась значительная экономическая сумма, накопившаяся въ теченіи многихъ лѣтъ. Этой суммѣ предстояло отойдти въ государственное казначейство, и экономія многихъ лѣтъ осталась бы безъ слѣда для вѣдомства, привыкшаго жить отдѣльною жизнію въ общей системѣ управленія. Пожертвовать значительную сумму на благое просвѣщеніе развѣ это не самое лучшее употребленіе накопленнаго капитала? Если бы г. Воловскій и другіе знали, какъ много денегъ у насъ такимъ образомъ *жертвуется* на весьма привлекательныя, но совершенно фантастическія цѣли, то понятіе этихъ господъ о русскихъ финансахъ измѣнилось бы къ лучшему. Они убѣдились бы, что съ нашимъ дефицитомъ легче справиться чѣмъ съ австрійскимъ.

№ 23.

Москва, 28-го января.

Едва ли о какомъ-либо предметѣ было у насъ въ послѣднее время такъ много всякихъ толковъ и пересудовъ, какъ о народномъ образованіи. Мнѣнія о проектахъ отбирались у множества лицъ, не только въ России, но и въ цѣлой Европѣ; изъ мнѣній составлялись новые проекты, которые въ свою очередь опять подвергались суду разныхъ мнѣній. Сколько намъ извѣстно, дѣло о народныхъ школахъ приближается теперь къ рѣшенію. Разработка этого вопроса, хотя нѣсколько и эксцентрическая, не могла не принести своей доли пользы: что̀ прежде казалось возможнымъ и полезнымъ, то по нѣкоторомъ обсужденіи оказалось вовсе непримѣнимымъ и не только не полезнымъ, но вреднымъ для распространенія первоначальнаго образованія въ народныхъ массахъ. Стало очевиднымъ, что *мнѣнія*, сами по себѣ, ничего не могутъ и ничего не должны *рѣшать* въ дѣлѣ народнаго образованія, которое не вслѣдствіе какихъ нибудь мнѣній, а по самой природѣ вещей, должно находиться въ непосредственной связи съ основными началами и дѣйствительными условіями народнаго быта. Пришли, если не къ убѣжденію, то къ заключенію, что *система казенныхъ народныхъ училищъ* совершенно не состоятельна, и что единственно полезный видъ правительственнаго участія въ дѣлѣ народнаго обученія есть *система поощреній и пособій* народнымъ школамъ, содержимымъ на частныя или общественныя средства. Въ развитіи этого *финансоваго* положенія о назначеніи изъ казны извѣстной суммы на поощренія и пособія школамъ должна была бы, какъ кажется, состоять главная сущность устава о народныхъ школахъ. Дѣйствительно, только такой способъ правительственнаго участія въ дѣлѣ народныхъ школъ и можетъ быть полезенъ, но онъ можетъ быть полезенъ лишь подъ условіемъ правильнаго примѣненія. „Принявъ въ дѣлѣ распространенія первоначальнаго ученія систему поощреній и пособій,“ проектъ, къ сожалѣнію, не раскрываетъ началъ, на основаніи которыхъ должно быть производимо пособіе. Да и самое это положеніе высказано какъ бы случайно и мимоходомъ, а не какъ основная мысль, изъ которой должны были бы вытекать всѣ подробности проекта.

Такъ какъ крестьянское населеніе подчинено у насъ разнымъ вѣдомствамъ, и сверхъ того вѣдомства училищное и духовное стоятъ совершенно особнякомъ относительно другъ друга, то естественнымъ послѣдствіемъ такого порядка вещей было то, что школы для первоначальнаго обученія были какими-то придатками къ управ-

леніямъ разныхъ вѣдомствъ. Въ поясненіяхъ къ проекту высказывается мысль, что вслѣдствіе такого положенія нашихъ народныхъ школъ возникъ *„антагонизмъ по дѣламъ учебнымъ*, какъ между отдѣльными правительственными вѣдомствами, такъ и между училищами правительственными и частными." Быть-можетъ, и дѣйствительно, въ высшей сферѣ разныхъ вѣдомствъ, надъ этими школами пролетали бури; но взаимныя отношенія между народными школами всѣхъ возможныхъ вѣдомствъ, правительственныхъ и частныхъ, были всегда совершенно спокойныя, не только безъ всякихъ признаковъ какой-либо вражды, но даже и соревнованія; каждая изъ этихъ школъ жила сама по себѣ, своею скромною жизнію, безъ всякой связи съ другими школами какъ своего, такъ и чужихъ вѣдомствъ. Бывали, правда, случаи, что иные семинаристы, исполнявшіе должности учителей въ школахъ казенныхъ селеній, обращались съ жалобами по начальству на грамотѣевъ изъ мѣщанъ и отставныхъ солдатъ, которые отвлекали крестьянскихъ дѣтей отъ посѣщенія казенныхъ сельскихъ школъ; но такія слабыя и наивныя попытки къ монополизированію обученія крестьянскихъ дѣтей — далеки, конечно, отъ чего-нибудь подобнаго, напримѣръ, тому, что̀ встрѣчаемъ въ Бельгіи, въ ожесточенной борьбѣ за право народнаго обученія между католическимъ духовенствомъ и партіей либераловъ. Если же нѣчто подобное, къ сожалѣнію, происходило и у насъ недавно въ югозападныхъ губерніяхъ, то это явленіе ни мало не связано съ условіями самой жизни, а есть порожденіе обстоятельствъ и вліяній совершенно чуждыхъ ея дѣйствительнымъ условіямъ.

Итакъ, мы дозволяемъ себѣ думать, что антагонизмъ по дѣламъ учебнымъ между нашими народными школами разныхъ вѣдомствъ и частныхъ лицъ есть не болѣе какъ призракъ. Въ проектѣ полагаютъ, что для прекращенія этого фантастическаго антагонизма и для направленія всѣхъ различныхъ органовъ образованія къ общей цѣли лучшею мѣрой было бы учрежденіе въ каждомъ уѣздѣ попечительныхъ училищныхъ совѣтовъ, составленныхъ изъ чиновниковъ разныхъ министерствъ и вѣдомствъ, и назначаемыхъ, по § 29 проекта, губернаторомъ, архіереемъ, попечителемъ учебнаго округа, управляющимъ палатою государственныхъ имуществъ и удѣльною конторой. Кромѣ этихъ лицъ, въ совѣтѣ могутъ быть членами и попечители школъ, которыхъ избирать предоставляется (§ 12) обществамъ. Мы не говоримъ о попечителяхъ школъ, потому что не знаемъ, что̀ это будутъ за люди; но что̀ касается до остальныхъ членовъ совѣта, то можно серіозно опасаться, чтобъ они въ училищную жизнь не внесли того антагонизма, который ей неизвѣстенъ, но который естественно развивается между представителями разныхъ вѣдомствъ.

Надъ уѣздными совѣтами предполагается, въ проектѣ, учредить совѣтъ губернскій изъ епархіальнаго архіерея, губернатора, директора училищъ, управляющихъ палатою государственныхъ имуществъ и удѣльною конторой. Мы согласны, что въ настоящую минуту нѣтъ другихъ средствъ составить губернскій совѣтъ; но въ рѣдкой губерніи подобный совѣтъ обойдется безъ внутреннихъ столкновеній и ссоръ, особенно если будетъ подчиненъ, какъ теперь предполагается, министерству народнаго просвѣщенія, ибо въ этомъ случаѣ директоръ училищъ, въ качествѣ посредника и докладчика, получитъ надъ своими сочленами фактическій перевѣсъ, который не будетъ имъ нравиться. Нельзя ли было бы подчинить губернскіе совѣты какому-нибудь нейтральному мѣсту, устроенному и поставленному на подобіе комитета Человѣколюбиваго Общества?

Но главный вопросъ, какъ мы уже сказали, сосредоточивается на томъ, какимъ образомъ разовьется въ уставѣ мысль о правительственныхъ пособіяхъ и поощреніяхъ обществамъ и частнымъ лицамъ, принимающимъ непосредственное участіе въ заводимыхъ ими народныхъ школахъ. Она выражается въ тѣхъ пунктахъ проекта гдѣ излагаются обязанности уѣздныхъ и губернскихъ училищныхъ совѣтовъ. На обязанности уѣзднаго совѣта лежитъ „представленіе губернскому училищному совѣту о тѣхъ училищахъ, учителяхъ и учительницахъ, которые заслуживаютъ пособія и поощренія"; въ кругъ обязанностей губернскаго совѣта входитъ: „назначеніе наградъ и пособій училищамъ изъ суммы, предоставленной въ распоряженіе совѣта министерствомъ народнаго просвѣщенія".

Какъ слышно, въ смѣту министерства народнаго просвѣщенія на 1864 г. предполагается внести сумму въ 100.000 рублей на народныя школы. Для той же цѣли,

предполагается ассигновать изъ казны, въ слѣдующіе два года, въ первый 200, а во второй 300 тысячъ рублей.

„Принявъ, въ дѣлѣ распространенія первоначальнаго ученія систему *поощренія и пособія*", проектъ предполагаетъ, что „не представляется никакой возможности, особенно при началѣ дѣла, вдаваться въ какія-либо подробности финансовыхъ соображеній, а еще менѣе подводить ихъ подъ общія условія предвидѣнія или какихъ бы то ни было нормальныхъ штатовъ и смѣтныхъ исчисленій-" Намъ кажется, что если здѣсь дѣйствительно были неумѣстны какіе-либо штаты и смѣты, то съ другой стороны едва ли можно совершенно отказаться отъ нѣкотораго предвидѣнія, какимъ образомъ будутъ расходоваться назначаемыя казною деньги, особенно если въ системѣ поощреній и пособій главными органами будутъ служить училищные совѣты, въ ихъ вышеупомянутомъ составѣ.

Мы позволимъ себѣ обратить вниманіе на свойство поощрительнаго пособія. Только то пособіе поощряетъ, котораго можно навѣрное ожидать и которое слѣдовательно не зависитъ отъ произвола. Назначьте малое но опредѣленное пособіе, и оно будетъ дѣйствовать поощрительнѣе чѣмъ щедрая награда достающаяся неожиданно и слѣдовательно не входящая въ разчетъ. Сельское общество, строящее школу, должно напередъ знать какую долю издержекъ приметъ на себя казна. Учитель, принимающійся за дѣло, долженъ знать въ точности на какую награду и на какую пенсію онъ можетъ разчитывать, обучивъ грамотѣ такое-то или такое-то количество мальчиковъ и дѣвочекъ. Если казна дѣлаетъ пожертвованіе, то желательно чтобъ она дѣлала его самымъ производительнымъ образомъ и придавала ему самую дѣйствительную силу. Но, повторяемъ, цѣна пособія становится въ десять разъ меньше, когда публика, вслѣдъ за уставомъ, должна отказаться отъ „предвидѣнія, какимъ образомъ будутъ расходоваться назначаемыя казной деньги."

Ст. 2-я п. XIV Положенія 1-го января предоставляетъ земскимъ учрежденіямъ участіе по дѣламъ, которыя будутъ имъ ввѣрены на основаніи особыхъ уставовъ, постановленій и положеній, и въ силу той же ст. п. VII, участіе въ попеченіи о народномъ образованіи. Это участіе могло бы выразиться также въ правѣ распоряжаться пособіями и поощреніями, которое проектъ устава о народныхъ школахъ предполагаетъ сосредоточить въ попечительныхъ уѣздныхъ и губернскихъ совѣтахъ. Но во всякомъ случаѣ, повѣрка тѣхъ распоряженій, которыя производили бы земскія власти при выдачѣ пособій училищамъ и лицамъ, непосредственно занимающимся преподаваніемъ, должна принадлежать не земскимъ, а правительственнымъ учрежденіямъ; ибо когда государственная казна выдаетъ на какой-нибудь опредѣленный предметъ деньги, то правительству слѣдуетъ имѣть наблюденіе за тѣмъ, чтобы деньги расходовались дѣйствительно на предназначенные предметы.

Впрочемъ, характеръ нашихъ земскихъ учрежденій еще не извѣстенъ, и пока еще нельзя сказать каковъ будетъ ихъ личный составъ и ихъ духъ. Мы имѣемъ теперь только одну должность свойства земскаго, и притомъ достаточно надежную. Это должность уѣзднаго предводителя, и намъ казалось бы, что присутствіе уѣзднаго предводителя въ уѣздномъ училищномъ совѣтѣ не могло бы причинить ему никакого вреда, и еслибъ оказало какое-нибудь дѣйствіе, то не иначе какъ полезное.

Въ заключеніе, невозможно не обратить вниманія на тотъ параграфъ проекта, въ которомъ говорится, что „въ начальныхъ народныхъ училищахъ преподаваніе совершается на русскомъ языкѣ, но при первоначальномъ изустномъ изложеніи допускаются мѣстныя нарѣчія." Намъ кажется, что если преподаватель дѣйствительно найдетъ необходимымъ пояснять значеніе нѣкоторыхъ русскихъ словъ переводомъ ихъ на мѣстное нарѣчіе, то онъ самъ прибѣгнетъ къ такому роду поясненій, безъ указанія на то въ статьѣ устава, которая можетъ лишь подавать поводъ къ двусмысленнымъ толкованіямъ и вызывать *искусственно* сомнѣнія, притязанія и споры, тамъ гдѣ они можетъ-быть, сами по себѣ, никогда бы и не появились. Какимъ образомъ въ *начальныхъ* училищахъ, обозначить предѣлы *первоначальнаго* изустнаго изложенія?

№ 24.

Москва, 29-го января.

А.

Во французскомъ законодательномъ сословіи было очень раціонально говорено про-

тивъ даровыхъ народныхъ школъ. Но эти пренія, о которыхъ наши читатели, вѣроятно, еще помнятъ, вызвали со стороны г. Эмиля де-Жирардена мѣткое возраженіе, съ которымъ французскіе ораторы не въ силахъ справиться. Г. Эмиль де-Жирарденъ не поклонникъ ни обязательнаго, ни дароваго ученья въ народныхъ школахъ. Но онъ спрашиваетъ, хорошо ли что высшее обученіе во Франціи даровое, а низшее нѣтъ. „Правительство, замѣчаетъ онъ, отвергаетъ безусловно-даровое ученье на самыхъ лучшихъ основаніяхъ. Но если, какъ оно говоритъ, и говоритъ совершенно справедливо, бюджетъ составляется преимущественно изъ денегъ простаго народа, то выходитъ, что люди бѣдные и безграмотные платятъ во Франціи за обученіе людей ученыхъ и богатыхъ. Неужели такъ и должно быть?“ Противъ этого возраженія сказать нечего. „Въ *Collége de France* вы пускаете даромъ, продолжаетъ тотъ же публицистъ: почему же не пускаете вы даромъ въ народную школу?“

У насъ за высшее и среднее обученіе взимается нѣкоторая, хотя и весьма умѣренная плата со всѣхъ тѣхъ, кто въ состояніи вносить ее. Такой порядокъ существуетъ уже около 25 лѣтъ въ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія. Въ другихъ вѣдомствахъ, въ особенности военномъ и духовномъ, принято начало совершенно дароваго ученья. Всего дороже обходятся казнѣ военно-учебныя заведенія, которыя не только даромъ обучаютъ, но даромъ и содержатъ дѣтей, иногда не лишенныхъ возможности платить за свое воспитаніе. Тутъ приносится большая жертва, но при ней имѣется въ виду потребность снабженія войскъ офицерами, потребность серіозная, впрочемъ не исключающая, какъ намъ кажется, возможности мало-по-малу вводить плату за ученіе съ тѣхъ кадетовъ, которыхъ родители въ состояніи платить за содержаніе своихъ дѣтей въ корпусѣ. Въ нашихъ духовныхъ училищахъ нѣтъ сбора за ученіе по крайней недостаточности большей части духовенства, но и тутъ первымъ серіознымъ условіемъ улучшенія духовныхъ училищъ было бы, по нашему мнѣнію, введеніе въ нихъ небольшой платы за ученіе. Это не встрѣтило бы большихъ препятствій. Итакъ мы въ этомъ отношеніи поставлены лучше Франціи. Упомянутый французскій публицистъ не могъ бы обратиться къ Россіи съ своимъ возраженіемъ.

Но тѣмъ не менѣе и мы должны сознаться, что тратимъ гораздо болѣе казенныхъ денегъ на вспоможеніе воспитанію высшихъ и среднихъ классовъ, чѣмъ на воспитаніе простаго народа. У насъ, также какъ и во Франціи, бюджетъ составляется изъ денегъ простаго народа. Дворянство, потомственное и личное, почетное гражданство и нѣкоторыя другія свободныя званія не платятъ почти никакихъ податей, и пользуются почти даромъ не только охраной, доставляемой государствомъ, но и государственными училищами, содержимыми по преимуществу на крестьянскія деньги. Вотъ почему справедливость требуетъ, чтобы народнымъ школамъ было дано наконецъ серіозное пособіе изъ государственныхъ средствъ. Государство тратящее болѣе 10 милліоновъ рублей на воспитаніе высшихъ и среднихъ классовъ народа, государство, взимающее эти деньги преимущественно съ низшихъ классовъ, обязано сдѣлать что-нибудь серіозное для народныхъ школъ, чтобы возстановить справедливость. Вотъ почему мы смѣемъ думать, что система поощренія и пособій, принятая какъ основаніе обсуждаемаго теперь проекта устава народныхъ училищъ, должна получить у насъ по возможности широкое развитіе.

Но слѣдуетъ ли обременять бюджетъ новымъ расходомъ на вспомоществованіе народнымъ училищамъ? Мы рѣшительно думаемъ, что не слѣдуетъ. Пособія народнымъ училищамъ не потребуются разомъ; они будутъ возрастать постепенно, по мѣрѣ успѣха этихъ училищъ. Было бы совершенно справедливо, и скажемъ болѣе,— было бы въ высшей степени благодѣтельно для русскаго просвѣщенія еслибы соразмѣрно съ возрастаніемъ расходовъ на пособія народнымъ училищамъ была постепенно возвышаема плата за ученье взимаемая съ достаточныхъ родителей изъ средняго и высшаго классовъ нашего общества. Вотъ настоящій источникъ для покрытія бюджета народныхъ школъ. Если мы обратимъ должное вниманіе на этотъ источникъ и воспользуемся имъ какъ слѣдуетъ, то хоть дѣти наши увидятъ училищную часть, построенную на справедливомъ основаніи, чего теперь къ сожалѣнію никакъ нельзя сказать. Они будутъ также свидѣтелями той самостоятельности русскихъ училищъ, которая невозможна въ училищахъ совершенно зависящихъ отъ казеннаго штата и которая составляетъ однакожъ неизбѣжное

условіе успѣшнаго хода училищныхъ дѣлъ.

Словомъ, справедливая политика должна клониться къ тому чтобъ уравновѣшивать употребленіе податныхъ денегъ на поддержку училищъ, заведенныхъ для различныхъ классовъ общества. Такъ какъ теперь низшіе классы очень обижены у насъ въ этомъ отношеніи, то общею цѣлію законодательства должно быть съ одной стороны оказаніе пособія народнымъ школамъ и съ другой стороны постепенное возвышеніе сбора за ученье въ школахъ среднихъ и высшихъ, такъ чтобъ эти школы мало-по-малу становились на свои ноги и опирались не на государственный бюджетъ, а на сочувствіе и поддержку публики.

Б.

Ниже, подъ рубрикою *Америка*, читатели найдутъ очень важное извѣстіе изъ Луизіаны. Представители этого штата на публичномъ митингѣ опредѣлили отмѣнить невольничество и присоединиться къ Союзу. Генералъ Банксъ, начальникъ союзныхъ войскъ въ области Залива, издалъ прокламацію о снятіи военнаго положенія съ штата Луизіаны и объ учрежденіи тамъ обычнаго правительства. Мѣра эта сопровождалась тѣмъ, еще небывалымъ въ Америкѣ обстоятельствомъ, что на публичный митингъ, которымъ она была вызвана, допущены были черные и цвѣтные люди. Мы уже не разъ имѣли случай извѣщать о желаніи и другихъ штатовъ, кромѣ Луизіаны, вернуться въ лоно Союза. Вообще, дѣло Сѣверянъ начинаетъ повидимому торжествовать; борьба приближается къ своему концу; вмѣстѣ съ тѣмъ рушится то *домашнее учрежденіе,* котораго такъ долго боялась коснуться рука законодателя. Средства Южанъ истощены, они не находятъ ни людей, ни денегъ, и въ справедливомъ опасеніи за будущее, ищутъ болѣе надежныхъ твердынь для послѣдней защиты, удаляются въ глубь своихъ областей, и столицу Конфедераціи переносятъ изъ Ричмонда въ Колумбію. Эти важные результаты произведены не побѣдами Сѣвера, не военнымъ счастіемъ, которое не разъ склонялось на сторону Юга, а временемъ и силою вещей. Кто не помнитъ, что отторженіе южныхъ штатовъ приготовлено было измѣнническою интригой? Предшественникъ г. Линкольна, президентъ Бьюкананъ, человѣкъ Юга, въ послѣдніе мѣсяцы своего президентства, вывелъ союзные гарнизоны изъ союзныхъ фортовъ, предписалъ расположить склады оружія и военныхъ припасовъ въ районѣ южныхъ штатовъ,—словомъ, пользуясь своею властію, онъ самъ дѣйствовалъ противъ республики, во главѣ которой былъ поставленъ, и приготовилъ всѣ средства для могущественнаго, торжествующаго возстанія. Интрига и измѣна увеличили сравнительныя средства Юга, но увеличили временно. Продолжительнаго дѣйствія не можетъ имѣть никакая интрига, и перевѣсъ средствъ Сѣвера теперь съ каждымъ днемъ оказывается все болѣе и болѣе.

Подъ тою же рубрикою, въ выдержкахъ изъ дипломатической переписки Соединенныхъ Штатовъ, читатели встрѣтятъ строки, что изъ всѣхъ значительныхъ государствъ Вашингтонское правительство находилось съ Россіею въ наиболѣе дружескихъ отношеніяхъ. Мы, безъ сомнѣнія, высоко цѣнимъ эту дружбу. Встрѣча, сдѣланная нашимъ морякамъ въ Нью-Йоркѣ и Вашингтонѣ запечатлѣлась въ памяти русскаго народа, и если мы не отвѣчали на эти заявленія такими же заявленіями, то это произошло не отъ недостатка въ желаніи выразить сочувствіе Американцамъ. Съ этимъ юнымъ, предпріимчивымъ народомъ насъ связываютъ и сближаютъ многія весьма важныя условія. Ни мы ему, ни онъ намъ ни въ чемъ зла не желаетъ. Въ послѣднее время судьба какъ бы умышленно скрѣпила нашу взаимную дружбу тождественными событіями: у нихъ сепаратизмъ южныхъ штатовъ, эманципація негровъ; у насъ польское возстаніе, отмѣна крѣпостнаго права. Что бы тамъ ни говорили, какъ бы ни склонялись въ пользу Южанъ *Times* и французскія газеты, какъ убѣдительно ни объясняли бы онѣ, что прокламація г. Линкольна о невольничествѣ была только военнымъ средствомъ, дѣло теперь говоритъ за себя. Народонаселенія южныхъ штатовъ сами постановляютъ прекратить невольничество и спѣшатъ присоединиться къ Союзу; а федералисты въ самомъ центрѣ сепаратизма находятъ возможнымъ замѣнить военное управленіе правильнымъ гражданскимъ порядкомъ.

№ 25.

Москва, 30-го января.

По поводу одного замѣчанія о городскихъ думахъ въ Петербургѣ и Москвѣ, выска-

заннаго недѣли двѣ тому назадъ въ одной изъ нашихъ статей, получили мы третьяго дня, на имя издателей этой газеты, довольно странное посланіе, за подписью девяти лицъ, принадлежащихъ къ числу гласныхъ Московской Общей Думы. Мы хотѣли было оставить это посланіе безъ всякаго вниманія, какъ не имѣющее серіознаго значенія и не представляющее никакого интереса для публики; но въ числѣ этихъ девяти лицъ, частію примыкающихъ къ литературнымъ кружкамъ, мы встрѣтили нѣсколько хорошо извѣстныхъ намъ именъ, и заключили, что это заявленіе, по крайней мѣрѣ со стороны нѣкоторыхъ изъ числа девяти, есть не болѣе какъ случайное недоразумѣніе; а такъ какъ это недоразумѣніе касается довольно важныхъ общественныхъ вопросовъ, то мы сочли нелишнимъ передать публикѣ самый документъ въ сопровожденіи нѣкоторыхъ, вызываемыхъ имъ замѣчаній. Имѣя въ виду только разъяснить недоразумѣніе относительно общественнаго вопроса, мы ограничиваемся публикаціей одного текста, опуская имена, тѣмъ болѣе что авторы письма на опубликованіи своихъ именъ не настаиваютъ. Мы желаемъ освободить вопросъ отъ всякой личной примѣси. Очень можетъ-быть, что лица, подписавшіяся подъ письмомъ, сами убѣдятся, по прочтеніи нашихъ объясненій, какъ мало имѣли они права на подобное заявленіе и благородно сознаютъ свою ошибку. Мы не желаемъ уколоть или упрекнуть кого-либо изъ нихъ; мы желаемъ только разъяснить дѣло, такъ чтобъ и они сами, если это будетъ имъ угодно, могли отдать себѣ болѣе ясный отчетъ въ немъ. Гласность, свобода мнѣній, общественныя права, все это еще слишкомъ новое у насъ дѣло; обо всемъ этомъ еще не успѣли установиться вполнѣ отчетливыя понятія даже въ добросовѣстныхъ и серіозныхъ умахъ, и при начинающейся у насъ болѣе широкой общественной жизни, всякаго рода интриганы, дѣйствующіе обыкновенно за кулисами, могутъ легко употреблять во зло эту неопредѣленность общественныхъ понятій, и смущать не только недалекихъ, но и умныхъ и серіозныхъ людей.

Вотъ полученное нами письмо, за подписью девяти:

„Мм. Гг. — Въ № 10 *Московскихъ Вѣдомостей*, въ передовой статьѣ, напечатано слѣдующее: „Что̀ сказать о думахъ распорядительныхъ? „Кому неизвѣстны петербургскія исторіи съ Распорядительною „Думой? Въ Москвѣ дѣло еще до того не „дошло, и мы не хотимъ тревожить Московскую Распорядительную Думу зловѣщими предсказаніями, хотя не можемъ „скрыть, что иные московскіе жители не „находятъ большаго различія между Распорядительною Думой, учрежденіемъ новымъ, и напримѣръ Управой Благочинія, „учрежденіемъ, которое признается неудовлетворительнымъ и требующимъ преобразованія. А какъ бы, кажется, не пріискать „людей для Распорядительной Думы въ Петербургѣ или Москвѣ, гдѣ людей такъ много, и гдѣ есть столько охотниковъ на каждое мѣсто? Не очевидно ли, что есть какой-нибудь недостатокъ въ самомъ устройствѣ Распорядительныхъ Думъ?“

„Произнося столь неблагопріятное сужденіе о Московской Распорядительной Думѣ, вы, безъ сомнѣнія, имѣли положительныя свѣдѣнія о такихъ злоупотребленіяхъ въ Распорядительной Думѣ, которыя низводятъ ее на степень присутственнаго мѣста, пользующагося самою неблаговидною извѣстностію. Въ этомъ убѣжденіи мы нижеподписавшіеся, какъ гласные, обязанные слѣдить за дѣйствіями Распорядительной Думы, обращаемся къ вамъ съ просьбою сообщить намъ тѣ факты и свѣдѣнія, которыя побудили васъ подвергнуть публичному осужденію едва сложившееся городское учрежденіе. Мы надѣемся воспользоваться вашими сообщеніями съ дѣйствительною пользою для общественнаго дѣла.

„Примите и проч. (за тѣмъ слѣдуетъ девять подписей). 27 января 1864 года.“

Вотъ это посланіе! Авторы его не сомнѣваются, что мы имѣемъ нѣкоторыя положительныя свѣдѣнія, и въ этомъ убѣжденіи они обращаются къ намъ съ просьбою передать имъ эти свѣдѣнія и факты. Люди, исполненные усердія къ общественному дѣлу, желающіе пресѣчь злоупотребленія во ввѣренномъ ихъ заботамъ учрежденіи, требуютъ у насъ положительныхъ свѣдѣній и фактовъ.

Положимъ, что увѣренность этихъ господъ не обманываетъ ихъ, и что у насъ дѣйствительно имѣются положительныя свѣдѣнія и факты. Но въ то время, когда они рѣшались обратиться къ намъ съ своею просьбою, какъ не подумали они, что просить такъ какъ они просятъ насъ можно лишь въ силу законнаго права? Мало ли что̀ у кого имѣется, и мало ли что̀ кому нуж-

но? Просить оффиціяльно, значитъ требовать; требовать же можно не того что у другихъ имѣется и что намъ понадобилось, а только того, на что мы имѣемъ несомнѣнное право. Кто проситъ недолжнаго, тотъ рискуетъ получить отказъ; кто выходитъ изъ своего права, тотъ подвергается непріятности быть отведеннымъ назадъ, въ надлежащія границы. Почтенные авторы приведеннаго письма заявляютъ о своихъ обязанностяхъ; но первая обязанность каждаго человѣка, даже и не обремененнаго заботами объ общемъ благѣ, обязанность, безъ которой никакое общественное дѣло хорошо идти не можетъ, состоитъ въ томъ чтобы знать въ точности границу своихъ правъ относительно другихъ людей, и крѣпко держаться ея. Имъ слѣдовало бы знать, что просить ex officio, или требовать доказательствъ можно только путемъ судебно-слѣдственной коммиссіи и суда. Имъ слѣдовало бы сообразить, что редакція газеты не имѣетъ своимъ назначеніемъ служить передаточнымъ мѣстомъ для свѣдѣній, которыя могутъ понадобиться какимъ-нибудь особамъ, пекущимся объ общественномъ благѣ. Въ редакцію газеты поступаютъ факты и свѣдѣнія для публичнаго заявленія, и что годится для такого заявленія, то она передаетъ публикѣ. Она не только не обязана, но во многихъ случаяхъ и права не имѣетъ сообщать получаемыя ею свѣдѣнія инымъ путемъ кромѣ печати. Воображать себѣ, что можно запускать руку въ архивы редакціи за полученіемъ желаемыхъ свѣдѣній есть верхъ наивности. У насъ подобныя притязанія могутъ объясняться лишь новостію вводимой въ нашу жизнь публичности.

Кто имѣетъ юридическія доказательства и хочетъ предъявить ихъ, тотъ идетъ ни въ редакцію журнала и не въ публику, а въ судъ или присутственное мѣсто. Но коль скоро существуетъ общественное мнѣніе, коль скоро существуетъ, говоря попросту, народная молва (а гдѣ она не существуетъ?), и коль скоро законъ дозволяетъ общественному мнѣнію, или народной молвѣ, не только переходить изъ устъ въ уста, но и заявляться въ печати; то никто не имѣетъ права стѣснять ея печатное выраженіе условіемъ юридическихъ доказательствъ. Если допущена гласность, то допущенъ и споръ. Вмѣсто ничѣмъ неоправдываемыхъ притязаній на полученіе изъ редакціи какихъ-либо фактовъ и свѣдѣній, сверхъ тѣхъ, которые она сочла удобнымъ провести въ печать, всякій можетъ возражать, оспаривать и опровергать. Съ другой стороны, лица заинтересованныя спорнымъ дѣломъ, или приставленныя къ нему по обязанности, могутъ вслушиваться, всматриваться и принимать соотвѣтственныя мѣры для исправленія своего дѣла, если то окажется нужнымъ.

Господа, почтившіе насъ письмомъ, не сомнѣваются, что у насъ имѣются положительныя свѣдѣнія; но они не сообразили того, что у насъ есть и еще кое-что,— что у насъ есть еще наша добрая воля дѣлать то, въ предѣлахъ законнаго порядка, что мы сами считаемъ за лучшее. Они прочли въ нашей газетѣ, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ жителей Москвы, Распорядительная Дума въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ напоминаетъ Управу Благочинія, и наше мнѣніе, что причину такого сближенія слѣдуетъ искать главнымъ образомъ въ самомъ устройствѣ Распорядительной Думы. Что же, по ихъ мнѣнію, требуетъ доказательствъ? То ли, что есть въ Москвѣ люди, не находящіе большой разницы между Распорядительною Думой и Управой Благочинія, или наше мнѣніе, что причину тому слѣдуетъ искать въ устройствѣ Распорядительной Думы? По всему вѣроятію, они желаютъ имѣть доказательства относительно перваго пункта. Положительныя свѣдѣнія и факты, которыхъ они желаютъ, должны доказать, что есть въ Москвѣ люди, говорящіе о Распорядительной Думѣ нѣчто похожее на то, что говорится объ Управѣ Благочинія. Пусть же эти господа оцѣнятъ наше добродушіе: мы исполнимъ ихъ желаніе, мы дадимъ имъ доказательства. Чтобъ исполнить ихъ желаніе, мы должны указать имъ на лица. Пусть же они поймутъ всю трудность нашего положенія, и всю цѣну приносимой нами жертвы: мы должны поименовать людей, которые можетъ-быть не хотятъ этого и быть-можетъ напомнятъ намъ съ негодованіемъ, что ссылаться можно только на тѣхъ, кто высказался публично, а не въ частныхъ сообщеніяхъ. Мы просили этихъ господъ оцѣнить наше добродушіе,—теперь просимъ ихъ оцѣнить наше благоразуміе. Мы не поименовали ихъ, а потому можемъ съ спокойною совѣстію, обратить ихъ другъ къ другу, и сказать имъ слѣдующее: имъ самимъ не менѣе насъ, если не болѣе, извѣстенъ тотъ фактъ, котораго они отъ насъ требуютъ — фактъ неблагопріятной

молвы о Распорядительной Думѣ; мы *положительно* знаемъ, что молва эта не чужда имъ, и что другъ отъ друга они могутъ получить и нѣкоторыя желаемыя ими свѣдѣнія, быть-можетъ превосходящія своимъ интересомъ все что̀ могли бы они найдти въ нашемъ архивѣ. Если кому-нибудь изъ нихъ будетъ угодно выйдти свидѣтелемъ противъ Распорядительной Думы, то мы охотно откроемъ столбцы наши для ихъ откровеній. Но мы отнюдь не хотимъ вынуждать ихъ, а представляемъ это ихъ собственной доброй волѣ. Что же касается до насъ лично, то мы, находя самое устройство Распорядительной Думы неудовлетворительнымъ, дѣйствительно сближающимъ его съ обыкновенными бюрократическими и коллегіяльными учрежденіями, не находимъ достаточно зрѣлыми ходящіе въ публикѣ толки относительно хода дѣлъ въ этомъ учрежденіи, для того чтобы можно было серіозно поднимать вопросъ объ этомъ предметѣ въ Общей Думѣ и предлагать ревизію, какой подвергалась С.-Петербургская Распорядительная Дума. Торопиться ни въ чемъ не слѣдуетъ. Пусть мнѣнія выскажутся яснѣе и громче, пусть печать дѣлаетъ свое дѣло, пусть неудобства учрежденія выступятъ на видъ еще рѣшительнѣе, пусть образуется руководящій опытъ, и опредѣлятся точнѣе взгляды самихъ членовъ Распорядительной Думы на условія ихъ собственной практики: для всего этого требуется время. Въ Московской Распорядительной Думѣ есть люди отличающіеся образованнымъ умомъ и здравыми понятіями о дѣлѣ общественнаго управленія. Намъ случалось провѣрять наши мнѣнія объ этомъ дѣлѣ сужденіями этихъ лицъ, и мы съ удовольствіемъ можемъ засвидѣтельствовать, что наши взгляды на общественное управленіе и организацію относящихся къ нему учрежденій раздѣляются ими.

Господамъ, обратившимся къ намъ съ просьбою, мы хотимъ указать еще на одно доказательство той неясности побужденій, которая водила ихъ перомъ. Они не допускаютъ возможности заявлять существованіе какого-либо мнѣнія о томъ или другомъ общественномъ учрежденіи, не представляя положительныхъ фактовъ и доказательствъ. Съ ихъ точки зрѣнія, нельзя стало-быть сказать, что о такомъ-то учрежденіи ходятъ неблагопріятные слухи, не имѣя подъ рукою готовыхъ свидѣтелей и юридическія доказательства. Очень хорошо! Но за ними оказывается должокъ: они отозвались объ Управѣ Благочинія, какъ объ учрежденіи, говоря ихъ словами, „пользующемся неблаговидною извѣстностью.“ По русски сказано плохо, но сказано ясно. Польза—дѣло хорошее, но едва ли можно чѣмъ-нибудь попользоваться отъ извѣстности, называемой ими „неблаговидною.“ Готовы ли эти господа представить положительные факты и свѣдѣнія въ подтвержденіе своего мнѣнія объ Управѣ Благочинія? Это учрежденіе отживаетъ свой вѣкъ, оно предназначается къ преобразованію; но изъ того, что Управа Благочинія предназначается къ преобразованію еще не слѣдуетъ, что побужденіемъ къ тому было мнѣніе, которое имѣютъ объ этомъ учрежденіи господа подписавшіеся подъ письмомъ. Слѣдуя ихъ собственному примѣру, у нихъ могутъ попросить, самымъ вѣжливымъ образомъ, положительныхъ фактовъ относительно „неблаговидной извѣстности“ Управы Благочинія.

Мы радуемся благимъ стремленіямъ на пользу общую, одушевляющимъ девятерыхъ гласныхъ Московской Общей Думы, которыхъ имена умолчали мы по весьма понятному чувству деликатности. Пусть они работаютъ и хлопочутъ объ общественномъ дѣлѣ; но мы еще болѣе желаемъ имъ мудраго умѣнья воздерживаться отъ вмѣшательства не въ свои дѣла. Каждый изъ гласныхъ призванъ къ участію въ обсужденіи предметовъ городскаго управленія, а не для контроля надъ чужими мнѣніями или печатью. Не только эти девятеро господъ, но и вся Дума въ совокупности своихъ ста восьмидесяти членовъ не имѣетъ ни призванія, ни права держать подобный контроль. Если о правительственныхъ учрежденіяхъ, о существующихъ законахъ, о принимаемыхъ разными вѣдомствами мѣрахъ, о государственномъ управленіи по разнымъ частямъ, о ходѣ дѣлъ въ Варшавѣ, въ Вильнѣ, въ Кіевѣ, допускаются въ нѣкоторой степени и гласность, и свобода сужденія, то можетъ ли быть, чтобъ управленіе общественное, въ которомъ все принадлежитъ публикѣ, было ограждаемо отъ общественнаго мнѣнія какими-либо особыми условіями? Печать не подлежитъ контролю Думы. Каждый членъ Думы совершенно свободенъ въ своихъ сужденіяхъ и мнѣніяхъ, не только по какимъ-нибудь общимъ вопросамъ, но и по ближайшимъ дѣламъ самой Думы. Члены какого бы то ни было представительнаго собранія не находятся между собой ни въ какой за-

висимости, ни въ какой солидарности, развѣ только по добровольному соглашенію; они ни въ чемъ не отвѣчаютъ ни другъ за друга, ни другъ передъ другомъ, и не могутъ быть контролируемыми своими сочленами въ своихъ мнѣніяхъ. Каждый членъ какого бы то ни было представительнаго собранія несетъ отвѣтственность только предъ своими избирателями, но и эта отвѣтственность вступаетъ въ силу не прежде какъ по истеченіи срока возложеннаго на него порученія. Не только Городская Дума, но даже никакое законодательное собраніе, нигдѣ въ цѣломъ мірѣ, не имѣетъ права контроля надъ законными дѣйствіями и мнѣніями своихъ членовъ.

Одинъ изъ издателей *Московскихъ Вѣдомостей* самъ принадлежитъ къ гласнымъ Думы. Но мы тѣмъ не менѣе объявляемъ господамъ девятерымъ, что удерживаемъ за собою полную свободу мнѣнія въ печати, не только относительно Распорядительной, но и Общей Думы, относительно каждаго изъ членовъ ея управленія и каждаго изъ ея гласныхъ, относительно ея устройства, относительно мнѣній, которыя будутъ въ ней высказываться, относительно приговоровъ, которые будутъ въ ней постановляться. Этою свободою и будемъ мы пользоваться, въ надеждѣ способствовать тѣмъ, сколько позволятъ намъ силы, общественному дѣлу.

Гласность и обсужденіе могутъ быть полезны не для тѣхъ учрежденій, которыя уже отжили свой вѣкъ; они только и могутъ быть полезны по отношенію къ учрежденіямъ, вступающимъ въ жизнь. Вопреки мнѣнію авторовъ письма, учрежденіе только что сложившееся должно быть по преимуществу открыто для самаго широкаго обсужденія. Молчаніе всего опаснѣе для новыхъ учрежденій. Имъ можетъ быть вредно и шушуканье. Но самый вѣрный залогъ для благонадежнаго развитія новыхъ началъ управленія есть проба возможно болѣе широкой и полной гласности.

№ 26.

Москва, 31-го января.

Графъ Россель, въ рѣчи, которую онъ произнесъ въ день открытія сессіи англійскаго парламента, и которой главныя и для русской публики наиболѣе интересныя мѣста читатели найдутъ ниже подъ рубрикой *Англія*, сказалъ, говоря о главномъ политическомъ вопросѣ настоящей минуты, о вопросѣ шлезвигъ-голштейнскомъ, что никакъ не въ состояніи понять образъ дѣйствій Пруссіи и Австріи. „Въ особенности необъяснима для меня и прискорбна, сказалъ онъ, поспѣшность, съ которою Австрія, обыкновенно самая консервативная изъ державъ, отвергла предложенія такихъ державъ, какъ Франція, Россія и Англія, и бросилась въ войну.“ Что касается Пруссіи, то графъ Россель, прочитавъ депешу г. фонъ-Бисмарка къ графу Бернсторфу отъ 31-го января, прибавилъ, что ключъ къ правильному истолкованію этой депеши дадутъ дальнѣйшія событія; слѣдовательно прямо заявилъ, что по его мнѣнію депеша не разъясняетъ дѣла. Когда англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ говоритъ открыто въ парламентѣ, что находитъ необъяснимымъ образъ дѣйствій той или другой державы, то этимъ много сказано. *Необъяснимый* въ этомъ случаѣ значитъ почти то же что *подозрительный*. Не упустимъ также изъ виду того различія, которое графъ Россель дѣлаетъ между Пруссіей и Австріей. Онъ особенно удивленъ и огорченъ образомъ дѣйствій Австріи. Отъ Пруссіи онъ скорѣе ожидалъ *объяснимыхъ* шаговъ. Какъ же удалось Пруссіи заинтересовать консервативную Австрію въ свое таинственное предпріятіе? Вотъ гдѣ главная загадка.

Въ шлезвигской экспедиціи дѣйствительно много удивительнаго. Вопервыхъ—неожиданное согласіе Пруссіи и Австріи послѣ недавнихъ препирательствъ по всѣмъ дѣламъ и важнымъ и самымъ малозначительнымъ. Вовторыхъ—быстрота, съ которою дѣйствуютъ эти державы, обыкновенно считавшіяся образцомъ медлительности и нерѣшительности. Въ этомъ смѣломъ и даже дерзкомъ образѣ дѣйствій ясно видна самонадѣянная рука г. фонъ-Бисмарка, этого оригинальнаго человѣка, развивающаго все бо́льшую и бо́льшую отвагу по мѣрѣ того, какъ возрастаютъ окружающія его трудности. Нити всего дѣла держитъ очевидно онъ; онъ привлекъ къ совокупному дѣйствію Австрію; онъ побудилъ ее забыть на время о консерватизмѣ, хотя консерватизмъ составляетъ коренное условіе существованія Австріи. Но въ чемъ заключается пружина этой сдѣлки? Необъяснимая, по словамъ лорда Рос-

селя, рѣшимость Австріи пренебречь совѣтами трехъ первенствующихъ державъ Европы не могла быть куплена дешевою цѣной. Надобно полагать, что при непопулярности теперешняго прусскаго правительства австрійскіе министры не подумали бы сближаться съ нимъ, еслибъ ихъ не побудили къ тому какіе-нибудь важные интересы. Итакъ, по всему вѣроятію, Австрія получила отъ Пруссіи какія-нибудь выгодныя обѣщанія. Очень можетъ быть что дѣло идетъ о гарантіи всѣхъ австрійскихъ владѣній со включеніемъ и Венеціи,—о гарантіи, имѣющей для Австріи чрезвычайную важность, а для Пруссіи едва ли сопряженной съ чрезвычайными трудностями, послѣ того какъ внутреннія дѣла Италіи пошли путемъ заставляющимъ сомнѣваться въ прочности королевства Виктора-Эммануила. Чѣмъ важнѣе, однако, обѣщанія, которыя Австрія могла получить отъ Пруссіи, тѣмъ болѣе основаній предполагать, что Пруссія съ своей стороны замышляетъ что-нибудь серіозное. Трудно думать, чтобы вся эта война съ Даніей была затѣяна г. фонъ-Бисмаркомъ лишь съ цѣлью удержаться въ министерствѣ. Императоръ Наполеонъ можетъ вести войны, чтобъ упрочить за собой престолъ Франціи. Викторъ-Эммануилъ можетъ въ крайнемъ случаѣ желать войны съ Австріей, чтобы чѣмъ-нибудь угомонить партію движенія. Если бы тронъ короля Вильгельма I колебался, то можно было бы ожидать, что онъ рѣшится на войну, дабы отвлечь вниманіе отъ внутреннихъ дѣлъ. Но никакъ нельзя думать, чтобы король Вильгельмъ согласился начать ненужную войну не въ интересѣ династіи, а въ интересѣ министерства. Къ тому же, если бы война съ Даніей была предпринята съ единственною цѣлью помочь министерству г. фонъ-Бисмарка въ борьбѣ съ прогрессистами, то не было бы надобности писать такія двусмысленныя депеши, какъ депеша г. фонъ-Бисмарка отъ 31-го января. Все ведетъ къ заключенію, что война съ Даніей затѣяна не спроста, и что прусскій премьеръ замышляетъ нѣчто серіозное. Истинная цѣль экспедиціи замаскирована чрезвычайно искусно,—въ этомъ нельзя не сознаться. Г. фонъ-Бисмаркъ умѣлъ воспользоваться всѣмъ чтобъ обезпечить себѣ свободу дѣйствій въ Шлезвигѣ. Польское возстаніе дало ему поводъ расположить къ себѣ Россію; перекоры съ Австріей и борьба съ нижнею палатой повидимому отнимаютъ у него средства къ энергическому дѣйствію, а это убѣжденіе ободрило Данію и вовлекло ее въ ловушку; наконецъ консервативность г. фонъ-Бисмарка придавала въ глазахъ Англичанъ вѣру его объявленіямъ, что онъ стоитъ за Лондонскій трактатъ 1852 года и спасаетъ датскаго короля отъ августенбургскаго претендента. Но теперь, когда прусскія войска уже вступили въ Шлезвигъ, г. фонъ-Бисмаркъ слегка приподнимаетъ маску и пишетъ загадочную депешу 31-го января.

„Дальнѣйшія событія, говоритъ графъ Россель, дадутъ ключъ къ вѣрному истолкованію этой депеши.“ По всему вѣроятію, дальнѣйшія событія послѣдуютъ очень быстро. Со дня на день мы ожидаемъ извѣстія о томъ, что датская армія отрѣзана отъ Ютландіи и моря, и принуждена сдаться. Въ военномъ отношеніи экспедиція ве дена ловко и повидимому послужитъ блистательнымъ заключеніемъ военной карьеры фельдмаршала Врангеля. Но что̀ будетъ за тѣмъ? Самъ г. фонъ-Бисмаркъ говоритъ въ своей депешѣ что за тѣмъ должны послѣдовать переговоры между державами подписавшими Лондонскій трактатъ. Съ этимъ совершенно согласно то предложеніе Россіи, Франціи, Англіи и Швеціи, о которомъ, какъ передаетъ намъ телеграмма, извѣстилъ сегодняшній нумеръ лондонской газеты *Morning Post*. Предложеніе состоитъ въ томъ, чтобы Шлезвигъ былъ очищенъ Датчанами и чтобы было заключено перемиріе. Пруссія и Австрія очевидно должны принять это предложеніе: оно согласно со всѣми ихъ заявленіями. Итакъ Шлезвигъ будетъ занятъ, и начнутся переговоры. Положеніе Пруссіи будетъ выгодное: она будетъ держать въ своихъ рукахъ яблоко раздора. Но допустятъ ли, могутъ ли допустить великія державы, чтобы Шлезвигъ оставался въ рукахъ однихъ австро-прусскихъ войскъ, во все время пока будутъ тянуться конференціи? Если г. фонъ-Бисмаркъ замышляетъ какое-нибудь территоріальное измѣненіе въ пользу Пруссіи, и если на этотъ счетъ есть соглашеніе между нимъ и графомъ Рехбергомъ, то Пруссія и Австрія не захотятъ допустить въ Шлезвигъ гарнизоны остальныхъ трехъ державъ. Сопротивленіе Австріи и Пруссіи по этому пункту было бы лучшимъ обличеніемъ ихъ замысловъ.

Кто желаетъ европейскаго мира, тотъ долженъ всѣми силами разстраивать всякую попытку измѣнить территоріяльное положеніе Европы. Можетъ ли теперь произойдти подобное измѣненіе, какъ бы оно ни было незначительно, безъ другихъ соотвѣтствующихъ измѣненій въ европейскомъ равновѣсіи? Если же пойдетъ рѣчь о европейскомъ равновѣсіи, то кто поручится что она кончится миролюбиво? Франція принудила всю Европу вооружиться, а когда на вооруженія положены такіе громадные капиталы, то естественно желаніе получить съ затраченныхъ капиталовъ какой-нибудь барышъ. Не даромъ повсюду въ Европѣ распространено ожиданіе важныхъ событій; не даромъ объ открывшейся нынѣ сессіи англійскаго парламента говорятъ англійскія газеты, что относительно иностранныхъ дѣлъ она будетъ принадлежать къ числу самыхъ важныхъ сессій за всѣ 27 лѣтъ царствованія королевы Викторіи; не даромъ также англійское правительство предписало пріостановить срытіе укрѣпленій въ Корфу, о чемъ извѣщаетъ насъ сегодня телеграфъ, а нужно ли прибавлять какъ Европѣ чувствительно все то, что происходитъ въ восточной половинѣ Средиземнаго моря?

Графъ Россель говоритъ, что Англія, Франція и Россія желаютъ мира. Что касается до насъ, то мы очень искренно желаемъ мира и очень сильно нуждаемся въ немъ. Съ нашей стороны было бы безуміемъ подавать поводъ къ европейской войнѣ. Но именно потому мы не можемъ быть уступчивыми, не можемъ оставлять безъ яснаго опроверженія тѣ ожиданія или намѣренія, которыя разчитаны на наше нежеланіе предпринимать войну. Польское возстаніе, источникъ бѣдствій для западныхъ областей нашей державы, принесло большую пользу Россіи, взятой какъ цѣлое. Почувствовавшаяся опасность пробудила народную энергію и заставила насъ вооружиться. Мы теперь можемъ ожидать событій не только съ большею увѣренностью въ свои силы—русскій народъ никогда, конечно, не сомнѣвался въ нихъ—но съ большею надеждой на то, что другія государства будутъ имѣть ихъ въ виду при составленіи разныхъ политическихъ комбинацій и плановъ. Отъ этого должно выиграть дѣло мира. Какъ держава сильно заинтересованная въ дѣлѣ мира, мы заинтерссованы въ поддержаніи *statu quo*,—всего болѣе разумѣется на Востокѣ Европы, но именно вслѣдствіе того и на ея Сѣверѣ. Успѣхи германскаго единства намъ не опасны; они даже желательны намъ, если только не будутъ происходить путемъ революціи и насилія. Но сегодня тутъ, завтра тамъ измѣнять территоріяльныя отношенія—крайне опасно. Г-ну фонъ-Бисмарку мы очень благодарны за его благоразуміе въ польскомъ вопросѣ; онъ хорошо взвѣсилъ прусскіе интересы и не принялъ участія ни въ искусственномъ запутываніи этого вопроса, ни въ подстрекательствѣ польскихъ страстей и притязаній. Мы готовы высоко цѣнить его тонкость, его дальновидность и рѣшительность въ германскихъ дѣлахъ вообще и шлезвигъ-гольштейнскомъ дѣлѣ въ особенности. Но слѣдуетъ ли изъ этого, чтобы мы равнодушно смотрѣли на его отвагу, когда она подвергаетъ опасности интересы европейскаго мира?

№ 27.

Москва, 1-го февраля.

А.

Въ Финляндскій сеймъ внесенъ проектъ новаго закона о печати. По этому проекту, печать въ Финляндіи освобождается не только отъ предварительной цензуры, но и отъ административнаго контроля и подчиняется единственно суду,—то-есть освобождается вполнѣ. Намъ пріятно вспомнить при этомъ, что освобожденіе печати не будетъ новою привилегіей Финляндіи; подобную же реформу правительство давно уже предположило и для русской печати. Еще третьяго года заготовлялся особою коммиссіей проектъ новаго закона о печати; въ прошломъ году, надъ тѣмъ же проектомъ, работала новая коммиссія, и какъ слышно, въ скоромъ времени новый проектъ будетъ внесенъ для обсужденія въ Государственный Совѣтъ.

Наше правительство, очевидно, желаетъ дать эту льготу равномѣрно всѣмъ подданнымъ Русской державы, и никакъ не устранять отъ нея тѣхъ, на комъ основана вся сила и значеніе Русской державы. Еще прежде чѣмъ рѣшено было созваніе Финляндскаго сейма, наше правительство было озабочено мыслію о прекращеніи того неправильнаго и вреднаго положенія, въ ко-

торомъ находится наша печать. Стало-быть мы, по крайней мѣрѣ въ проектѣ, имѣемъ даже нѣкоторое первенство по времени передъ нашими финляндскими согражданами. И самое обсужденіе обоихъ законовъ какъ для Финляндіи, такъ и для цѣлой Россіи, будетъ идти почти параллельно, — одного въ Государственномъ Совѣтѣ, другаго въ Финляндскомъ сеймѣ.

Несмотря на всѣ усилія сепаратистовъ въ Финляндіи, наше правительство не согласилось смотрѣть ихъ глазами на отношенія Финляндіи къ Россіи. Припоминаемъ читателямъ категорическое объясненіе, недавно напечатанное въ *Journal de St.-Pétersbourg* и сообщенное въ свое время въ нашей газетѣ. Изъ этого объясненія слѣдуетъ несомнѣнно, что наше правительство не допускаетъ и тѣни того нелѣпаго толкованія, которое хочетъ придать Финляндіи значеніе особаго, отдѣльнаго отъ Россіи государства. Наше правительство, согласно съ природою вещей и съ чувствомъ русскаго народа, видитъ въ Финляндіи лишь часть русскаго государства, пользующуюся административною автономіей, которая навсегда можетъ остаться за ней, да еще нѣкоторыми случайными преимуществами, результатомъ историческихъ обстоятельствъ и недоразумѣній, — преимуществами временными. Но коль скоро Финляндія не есть особое государство и не должна стремиться къ тому, чтобы стать особымъ государствомъ, то такой законъ, какъ законъ о печати, едва ли можетъ быть удовлетворительно постановленъ на основаніи обсужденій въ Финляндскомъ сеймѣ. Законъ, опредѣляющій свободу печати, не можетъ быть разный въ разныхъ частяхъ одного и того же государства. Печать не есть чисто мѣстный интересъ; она объемлетъ собою всѣ интересы. Законъ о печати есть одинъ изъ основныхъ элементовъ общаго государственнаго права. Если въ одной части государства онъ будетъ дѣйствовать такъ, а въ другой части того же государства иначе, то неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого разногласія въ столь существенномъ пунктѣ непремѣнно произойдутъ самыя серіозныя замѣшательства. Намъ кажется, что значеніе льготы не измѣнилось бы отъ того, если бы она произошла для Финляндіи изъ одного источника и однимъ путемъ съ остальною Россіей. Теперь нельзя предвидѣть какія основанія приметъ наше правительство для закона о печати въ цѣлой Россіи; но, по всему вѣроятію, основанія новаго закона о печати будутъ для всей Россіи не менѣе удовлетворительны, чѣмъ для отдѣльной Финляндіи. Что̀ можетъ удовлетворить Россію, то конечно можетъ удовлетворить и Финляндію. Что̀ безопасно для государственнаго интереса въ Финляндіи, то въ тысячу разъ безопаснѣе въ Россіи.

Нельзя, однако, не отдать справедливости истинно либеральному духу, который выразился въ проектѣ, вышедшемъ изъ рукъ финляндской администраціи и внесенномъ теперь въ сеймъ. Всѣ заботы составителей проекта направлены къ тому, чтобъ оградить честь и интересы частныхъ лицъ отъ злоупотребленій печати. Государственный интересъ признается въ Финляндіи совершенно безопаснымъ и не требующимъ никакихъ особыхъ мѣръ для огражденія его съ этой стороны. Право начинать періодическое изданіе предоставляется всякому финляндскому гражданину, — и въ этомъ отношеніи проектъ допускаетъ самую широкую свободу, которая приближается къ англійской. Правда, за финляндскою администраціей оставляется еще нѣкоторый контроль въ этомъ отношеніи, такъ что всякій желающій основать новое изданіе долженъ получить предварительное разрѣшеніе; но административному контролю предоставляется только одно право — право давать разрѣшенія. По финляндскому проекту, администрація обязана давать разрѣшеніе всякому финляндскому уроженцу проживающему на мѣстѣ, если онъ совершеннолѣтенъ, если онъ не утратилъ своихъ гражданскихъ правъ, если онъ не опороченъ судомъ. Вотъ единственныя ограниченія. Администраціи не предоставляется права входить въ разбирательство какихъ-либо иныхъ условій.

Только въ одномъ пунктѣ финляндскій законъ оказывается крайне нелиберальнымъ. Онъ даетъ свободу финляндскому уроженцу высказываться только на шведскомъ и еще на финскомъ языкѣ; но для русскаго языка онъ не допускаетъ свободы ни въ какой степени, ни въ какой мѣрѣ. Въ Финляндіи есть люди русскіе; въ Выборгской губерніи ихъ много; но если бы кто-нибудь изъ нихъ захотѣлъ издавать газету или журналъ по-русски, то посреди полной, почти безусловной свободы, которая предоставляется шведской и финской печати, русскій человѣкъ, съ своимъ русскимъ языкомъ, остается подъ цензурой, остается

единственно потому, что онъ Русскій и желаетъ говорить по-русски. Онъ остается несовершеннолѣтнимъ и неполноправнымъ. Чтобы стать существомъ самостоятельнымъ и свободнымъ, онъ долженъ обратиться или въ Шведа, или въ Финна. Вотъ какая выходитъ странность: званіе Русскаго въ предѣлахъ Русскаго государства становится символомъ гражданской неполноправности.

И есть еще люди, которые хмурятся, слыша о намѣреніи нашего правительства освободить печать въ нашемъ отечествѣ! Есть люди, которые, будто бы изъ консервативныхъ видовъ, указываютъ на неспособность и незрѣлость русскаго общества для политическихъ льготъ? Боже мой! Когда же разсѣется этотъ туманъ, который застилаетъ глаза даже благонамѣреннымъ людямъ! Намъ приходилось читать въ иныхъ журналахъ, не отличающихся особеннымъ консервативнымъ духомъ, тѣ же ссылки на незрѣлость русскаго общества. Только роковое недоразумѣніе съ одной стороны и самое злонамѣренное ухищреніе съ другой могутъ поддерживать эту грустную и пагубную мысль въ нѣкоторыхъ умахъ и общественныхъ кружкахъ у насъ.

Нѣтъ, если какой-либо народъ можетъ быть несомнѣнно признанъ политически зрѣлымъ, то народъ этотъ есть Русскій. Россія достигла теперь именно той поры, которая должна быть по преимуществу названа порою политической зрѣлости. Въ русской исторіи не было, и никогда уже не будетъ, момента болѣе благопріятнаго въ политическомъ отношеніи; только теперь и могутъ быть положены безопасно, вѣрно и прочно основанія для возраждающейся къ новой жизни Россіи. Историческіе моменты не повторяются,—не повторится и этотъ. Большей зрѣлости мы будемъ напрасно дожидаться,—большей зрѣлости не будетъ. Доказательство тому, что исторія совершила дѣло требуемой зрѣлости и не хочетъ долѣе ждать, доказательство тому—уже начинающіе возникать признаки разложенія... Пройдетъ минута, которая въ жизни народовъ не повторяется, и за нею послѣдуетъ неудержимое разложеніе. Нѣтъ, не большей зрѣлости можемъ мы ожидать въ будущемъ, а бóльшихъ затрудненій, бóльшихъ опасностей, появленія болѣзней общественныхъ, развитія фальшивыхъ интересовъ и разлагающихъ силъ. Уже не чувствуемъ ли мы вѣяніе этого духа разложенія и хищенія, который охватываетъ всѣ наши окраины? Не чувствуемъ ли мы, какъ заражаются центробѣжныя стремленія? Не чувствуемъ ли мы какъ въ самыхъ нѣдрахъ нашего общества вдругъ начали появляться, до сихъ поръ не слыханные, болѣзненные нравственные признаки? Не чувствуемъ ли мы какъ ядъ всесвѣтной революціи начинаетъ уже проникать въ наши нѣдра? Не чувствуемъ ли мы ея интриги и козни, ея злые захваты? Не заглядываетъ ли она въ наши школы, въ нашу бюрократію? Въ потьмахъ мы отъ нея не избавимся, нѣтъ,—въ потьмахъ она будетъ расти и множиться, и дойдетъ до того, что отъ нея нельзя будетъ избавиться безъ тяжкихъ и кровавыхъ усилій. Только людямъ ищущимъ пагубы Россіи, только людямъ злорадно разчитывающимъ на ея разложеніе, выгодны эти потемки; только имъ выгоденъ туманъ, застилающій наши глаза, только имъ выгодны наши внутреннія недоразумѣнія. А людямъ, искренно любящимъ Россію и желающимъ ей блага, грѣшно думать такъ, какъ выгодно думать лишь нашимъ врагамъ; грѣшно имъ такъ думать, — и имъ самимъ пришлось бы впослѣдствіи горько каяться, еслибы правительство уважило ихъ мнѣніе.

Намъ говорятъ: общество наше легкомысленно; вчера оно увлекалось однимъ мнѣніемъ, завтра будетъ увлекаться другимъ; мнѣнія его шатки и зыбки, и нельзя на нихъ надежно основаться. Но когда же можно было основывать что-нибудь на мнѣніяхъ? Можно ли основывать что-нибудь на мнѣніяхъ? Развѣ во мнѣніяхъ сила? Развѣ мнѣніями измѣряется политическое значеніе общества? Развѣ сонныя грезы, играющія въ усыпленномъ умѣ, могутъ служить пробой его силы и настроенія? Общество оцѣнивается не по мнѣніямъ, которыя случайно возникаютъ на его поверхности, вслѣдствіе бездѣйствія его силъ, вслѣдствіе бездѣйствія его существенныхъ интересовъ, вслѣдствіе того, что оно спитъ и не живетъ всею своею жизнію; нѣтъ, общество можно оцѣнивать только по силѣ и значенію тѣхъ интересовъ, на которыхъ оно стоитъ, и которые должны дѣйствовать для того чтобъ общественное мнѣніе было не игрою сонныхъ грезъ, а разумною силой, свѣтомъ освѣщающимъ жизнь. Мнѣнія сами по себѣ даютъ только мнимое; вся сила, все значеніе мнѣній заключается въ тѣхъ зиждительныхъ интересахъ человѣческаго общества и народной жизни,

которые въ нихъ выражаются. Но никогда и нигдѣ дѣйствительные интересы народной жизни, тѣ интересы, на которыхъ стоитъ общество, не заключали въ себѣ столько элементовъ здоровья и силы, какъ у насъ въ настоящую пору.

Гдѣ, напримѣръ, сильнѣе и крѣпче заинтересованъ народъ въ охраненіи верховной власти? Гдѣ она имѣетъ такое великое, безспорное, незыблемое значеніе? Гдѣ найдемъ такое всеобщее, глубокое убѣжденіе въ ея неприкосновенности и святости? Какая опека можетъ замѣнить этотъ великій интересъ народной жизни? Кто будетъ лучшимъ стражемъ этого интереса? Народныя ли силы, которымъ онъ будетъ ввѣренъ, или наемникъ, Богъ знаетъ откуда пришедшій и Богъ знаетъ что̀ держащій въ своемъ умѣ? Можетъ ли быть хоть тѣнь сомнѣнія въ существованіи этого интереса, воспитаннаго всею нашею исторіей? Можетъ ли быть какое-нибудь сомнѣніе въ существованіи другаго великаго интереса неразрывно связаннаго съ нашею народною жизнію, — интереса цѣлости и и единства государства, его величія, чести и силы? Неужели даже теперь, послѣ недавней пробы, нужно доказывать какъ всемогущъ этотъ интересъ въ русскомъ народѣ, во всѣхъ слояхъ русскаго общества, во всемъ что̀ чувствуетъ себя Русскимъ, во всемъ что̀ не измѣняетъ Россіи? Въ обществѣ нашемъ чувствовалось разстройство, вслѣдствіе громадности происшедшей реформы въ гражданскихъ и экономическихъ условіяхъ его быта: измѣнялись всѣ основы существованія; помѣщикъ чувствовалъ глубокое потрясеніе въ своемъ хозяйствѣ, тревожныя заботы и опасенія помрачали для него будущее; два коренные класса народа разчитывались между собою; всѣ частные интересы колебались и страдали; надъ всѣмъ тяготѣли общія финансовыя затрудненія. И что же? При первомъ отдаленномъ признакѣ опасности, при первомъ призывѣ отечества, все было забыто, и все слилось въ одну цѣльную, могущественную, поразившую міръ силу; помѣщикъ и крестьянинъ бросили свои счеты, все собралось вокругъ престола, съ однимъ челобитьемъ, съ одною мольбою, жертвовать всѣмъ для сохраненія чести и цѣлости отечества. Когда исторія представляла такой примѣръ въ такихъ обстоятельствахъ? А мы осмѣливаемся презирать наше общество, какъ неспособное и незрѣлое къ политической жизни. Ужь не прусскіе ли прогрессисты зрѣлѣе? И неужели можно думать, что когда-нибудь послѣ станутъ зрѣлѣе основные государственные интересы, безъ которыхъ не можетъ быть здоровой политической жизни? Неужели династическія и радикальныя партіи служатъ лучшимъ признакомъ зрѣлости? Увы! когда пролетитъ отмѣченная Провидѣніемъ пора народной жизни, тогда неизбѣжно наступитъ пора другихъ интересовъ, — интересовъ питающихся разложеніемъ, которые отнимутъ у народа способность пользоваться свободой, и отъ которыхъ жизнь можетъ освободиться только опасными кризисами и губительными катастрофами.

Б.

Тронная рѣчь и отвѣтный на нее адресъ — простая формальность въ англійскихъ парламентскихъ обычаяхъ, и пренія объ адресѣ обыкновенно оканчиваются въ палатѣ общинъ однимъ или двумя засѣданіями. Члены англійскаго парламента въ теченіе цѣлой сессіи могутъ запрашивать и получать нужныя свѣдѣнія, указывать полезныя мѣры, выражать желанія, предлагать новые билли, и имъ не для чего убивать цѣлые три мѣсяца на безплодныя словопренія, на изложеніе разныхъ теорій, которыя, волнуя страсти и прельщая публику фейерверкомъ риторства, не ведутъ ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Ниже, подъ рубрикою *Англія*, мы приводимъ, по недостатку мѣста, лишь скудныя извлеченія изъ рѣчей главныхъ ораторовъ, говорившихъ въ палатѣ общинъ 4-го февраля во время преній объ адресѣ; но считаемъ не лишнимъ указать здѣсь на два-три отдѣльные факта. Вообще двигать или проводить (to move) адресъ и помогать въ этомъ (to second), по обычаю, предоставляется всегда новымъ членамъ изъ правительственной партіи. Нынѣшній разъ проводилъ адресъ лордъ Р. Гровеноръ, а поддерживалъ его г. Гошенъ, членъ парламента за Лондонскій Городъ (Сити). Это послѣднее имя знакомо нѣкоторымъ изъ Москвичей: г. Гошенъ, одинъ изъ учредителей англійской компаніи Севастопольской желѣзной дороги и одинъ изъ главныхъ акціонеровъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ одинъ изъ директоровъ Англійскаго банка. Недавно г. Гошенъ былъ у насъ въ Москвѣ, гдѣ въ двухдневный срокъ своего

пребыванія, онъ успѣлъ осмотрѣть въ ней все что только могло интересовать его (особенно интересовали его тюрьмы), благодаря радушному содѣйствію здѣшняго полицейскаго начальства. Несмотря на свои молодые годы (чуть ли онъ не самый младшій, по лѣтамъ, членъ палаты общинъ), г. Гошенъ, своими блестящими способностями, своими финансовыми дарованіями, обращаетъ на себя вниманіе политическихъ людей, и въ немъ уже видятъ будущаго канцлера казначейства (министра финансовъ). Несмотря на то, что проведеніе и поддержка адреса есть въ Британскомъ парламентѣ простая формальность, и главную сторону преній объ адресѣ составляютъ рѣчи предводителей оппозиціи и отвѣты министровъ, г. Гошенъ произвелъ своею рѣчью впечатлѣніе въ палатѣ и заставилъ говорить о себѣ въ журналахъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ то мѣсто въ концѣ его рѣчи, гдѣ онъ, говоря о положеніи рабочихъ классовъ, указываетъ на средства возвысить уровень ихъ благосостоянія. Онъ не воздвигаетъ классъ на классъ, какъ сдѣлалъ бы это Французъ или какъ пытается дѣлать говорунъ Брайтъ въ самой Англіи; онъ не возбуждаетъ въ бѣдныхъ зависти и ненависти къ богатымъ: онъ утверждаетъ, что лучшее и единственное средство для борьбы съ бѣдностью—дальнѣйшее развитіе промышленной и торговой свободы. Англія не должна измѣнять своимъ началамъ; напротивъ, только оставаясь вѣрною имъ и развивая ихъ далѣе, продолжая идти своимъ путемъ, не уклоняясь ни на шагъ отъ него, она можетъ достигнуть тѣхъ результатовъ, которыхъ такъ напрасно ищутъ въ регламентаціи и опекѣ. Не въ избыткѣ свободы, составляющей гордость и силу Англіи, заключается зло, а напротивъ — въ существующихъ еще недостаткахъ и стѣсненіяхъ экономической свободы: правительственная опека не способна бороться со зломъ; она, напротивъ, усиливаетъ и развиваетъ его. Опровергая теорію, которая причину пауперизма приписываетъ существующей организаціи общества и системѣ парламентскихъ выборовъ, г. Гошенъ, какъ членъ великой либеральной партіи и какъ представитель города, въ которомъ особенно рѣзко выставляется контрастъ между богатствомъ и нищетою, признаетъ необходимость заняться улучшеніемъ экономическаго быта рабочихъ классовъ. „Многое уже, безъ сомнѣнія, сдѣлано въ этомъ отношеніи, сказалъ ораторъ. Хлѣбъ сталъ дешевле, воспитаніе доступнѣе и лучше, и финансовая дѣятельность правительства доказала, что въ парламентѣ не забыты нужды ни одного изъ классовъ англійскаго народа. *(Слушайте, слушайте!)* Но я надѣюсь, что скоро настанетъ день, когда начало экономической свободы, которое въ области собственно капитала и коммерціи дало уже такіе блистательные результаты приложено будетъ и къ труду, и когда стѣсненія, которымъ подлежитъ еще у насъ промышленность, будутъ съ нея окончательно сняты.“

Обращаемъ также вниманіе читателей на рѣчь г. Гранта Доффа, извлеченіе изъ которой приведено ниже. Этотъ, уже впрочемъ не новый членъ парламента, тоже недавно посѣщалъ Россію; онъ былъ въ Москвѣ, въ Вильнѣ, въ Варшавѣ. Въ рѣчи своей высказываясь противъ войны за цѣлость Датской монархіи, и въ пользу принца Августенбургскаго, которому онъ желалъ бы предоставить Гольштейнъ и южную половину Шлезвига, съ тѣмъ чтобъ остальная Данія стала частію общаго Скандинавскаго Союза, которому онъ пророчитъ будущность, г. Грантъ Доффъ оканчиваетъ рѣчь свою слѣдующими словами: „Зачѣмъ намъ гальванизировать умершія націи, и задерживать новыя народности ✓ призываемыя къ жизни? Намъ и безъ того много дѣла въ мірѣ!“ Подъ умершими націями, которыхъ не слѣдуетъ искусственно призывать къ жизни, дѣлается ли это революціоннымъ путемъ, интригою, заговоромъ и вооруженнымъ возстаніемъ, или же правительственными средствами и бюрократическими затѣями, подъ этими умершими націями ораторъ разумѣетъ, безъ сомнѣнія, и Польшу.

№ 28.

Москва, 3-го февраля.

Офиціяльная финляндская газета, *Finlands Allmänna Tidning*, приводя въ переводѣ письмо изъ Финляндіи, напечатанное въ № 16 нашей газеты, сравниваетъ автора этого письма съ тѣми „поборниками истины“, которые снабжаютъ извѣстіями о Финляндіи стокгольмскую газету *Nya Dagligt Allehanda*. Мы не знаемъ, подаютъ

ли финляндскіе порядки и финляндскіе чиновники какой-нибудь серіозный поводъ къ жалобамъ со стороны подданныхъ короля Карла XV, и заявляются ли подобныя жалобы въ упомянутой стокгольмской газетѣ. Сколько намъ извѣстно, такихъ случаевъ не встрѣчается, а посылаются въ Стокгольмъ изъ Финляндіи корреспонденціи политическаго характера, писанныя съ точки зрѣнія шведскихъ государственныхъ интересовъ, — словомъ, корреспонденціи, которыя нисколько не уравновѣшиваются корреспонденціями присылаемыми изъ Финляндіи въ Россію и обыкновенно весьма равнодушными къ русскимъ государственнымъ интересамъ. Мы должны сказать съ прискорбіемъ, что въ этомъ отношеніи шведскія газеты много счастливѣе русскихъ. Корреспонденты русскихъ газетъ находятся въ Финляндіи очевидно подъ болѣе зоркимъ наблюденіемъ нежели тѣ „поборники истины", которые сносятся съ Стокгольмомъ. Газета *Dagblad*, мы помнимъ это, производила въ началѣ этой зимы разысканія насчетъ корреспондента *Московскихъ Вѣдомостей* и объявляла своимъ читателямъ о результатѣ этихъ разысканій. Она дѣлала это съ добрымъ намѣреніемъ; она хотѣла спасти нашего корреспондента отъ нареканій и преслѣдованій за солидарность съ нашими ужасными мыслями о финляндскихъ сепаратистахъ. Мы не встрѣчали въ финляндскихъ газетахъ подобныхъ заявленій относительно корреспондентовъ стокгольмской *Nya Dagligt Allehanda*; никто не считалъ нужнымъ ограждать ихъ отъ публичнаго негодованія. Спѣшимъ, впрочемъ, оговориться, что этимъ мы отнюдь не хотимъ высказать какого-либо неудовольствія на то что финляндскіе корреспонденты шведскихъ газетъ могутъ свободно выражать свои мысли; мы только хотимъ сказать, что *Московскія Вѣдомости* стоятъ въ этомъ отношеніи не совсѣмъ на равной ногѣ съ *Nya Dagligt Allehanda*. Мы ничего не желаемъ помимо свободнаго обсужденія, и полагаемъ, что чѣмъ обсужденіе будетъ свободнѣе, тѣмъ оно будетъ спокойнѣе.

Офиціяльная финляндская газета замѣчаетъ съ прискорбіемъ, что мы напечатали безъ оговорки письмо изъ Финляндіи, помѣщенное въ № 16 нашей газеты. Она видитъ въ этомъ и легкомысліе съ нашей стороны, и недостатокъ почтительности и справедливости, и наконецъ наилучшее доказательство нашего нежеланія получить дѣйствительныя свѣдѣнія о Финляндіи и ея учрежденіяхъ. Мы принуждены сказать, что эти широкіе выводы почтенной газеты свидѣтельствуютъ только о ея увлеченіи, отчасти характеризующемъ то настроеніе, которое теперь господствуетъ въ Гельсингфорсѣ. Письмо изъ Финляндіи, о которомъ идетъ рѣчь, напечатано въ томъ отдѣлѣ нашей газеты, гдѣ помѣщаются *постороннія* статьи, нисколько не выражающія мнѣній редакціи. Мы не имѣли никакого права отказать въ гласности русскому человѣку, который писалъ къ намъ изъ края, гдѣ такъ широко развиваются теперь замыслы враждебные Россіи. *Filands Allmänna Tidning* напоминаетъ намъ о справедливости, но именно справедливость не позволила намъ отказать этому письму въ гостепріимствѣ, также точно какъ не позволитъ она намъ отказать въ гостепріимствѣ и возраженію на это письмо, если только это возраженіе будетъ написано тономъ приличнымъ и подтверждено доказательствами. Офиціяльная газета Финляндіи извѣщаетъ, что подобное возраженіе готовится; намъ очень пріятно узнать это, и еще пріятнѣе будетъ получить такое разъясненіе дѣла, которое совершенно опровергало бы обвиненія высказанныя въ письмѣ изъ Финляндіи въ № 16 *Московскихъ Вѣдомостей*. Мы даже немного пеняемъ на *Finlands Allmänna Tidning*, что эта почтенная газета не сказала ни одного слова съ своей стороны для разъясненія этого дѣла. Если дѣйствительно письмо, ожидающее опроверженія, написано съ „злонамѣреннымъ желаніемъ вредить" (illasinnad afsigt att skada), то было бы кажется естественно бросить хоть нѣсколько словъ для отвращенія вреда.

Мы охотно печатаемъ опроверженіе всякаго не вѣрнаго показанія появившагося въ нашей газетѣ. Но еслибъ мы позволили себѣ поступить „легкомысленно и несправедливо" съ подобнымъ опроверженіемъ, доставленнымъ изъ Финляндіи, и отказались принять его въ столбцы нашей газеты, то каждый Финляндецъ можетъ быть увѣренъ, что каковы бы ни были тѣ законы, которымъ будетъ подлежать русская печать, онъ найдетъ себѣ у насъ правосудіе. Русскій судъ и русская администрація не имѣютъ ни малѣйшаго интереса не уважить справедливое требованіе законной защиты со стороны Финляндца. Русскій

государственный интересъ требуетъ, чтобы русскія власти дѣйствовали въ этомъ отношеніи справедливо. Нарушеніе справедливости съ ихъ стороны было бы нарушеніемъ русскаго государственнаго интереса. Это дѣло очевидное, и даже гельсингфорсскій *Dagblad*, если захочетъ вникнуть въ это, согласится, что такъ должно быть. Но пусть же безпристрастные Финляндцы скажутъ таково ли будетъ положеніе Русскаго передъ финляндскимъ судомъ въ случаѣ процесса противъ какой-нибудь финляндской газеты. Пренія въ финляндскомъ сеймѣ показываютъ, что въ судебномъ сословіи Финляндіи есть ярые сепаратисты. Будетъ ли такой судья расположенъ судить справедливо въ процессѣ имѣющемъ политическій оттѣнокъ? Не будетъ ли онъ самъ партіей? Мы задаемъ этотъ вопросъ по поводу проекта финляндскаго закона о печати. Хорошее ли бы дѣло было, еслибы напримѣръ *Московскія Вѣдомости* могли скорѣе получить удовлетвореніе въ Парижѣ или Лондонѣ чѣмъ въ Гельсингфорсѣ? Скажутъ, зачѣмъ предполагать дурное. Но вѣдь законъ и пишется только въ предположеніи дурнаго. Мы спрашиваемъ, гдѣ гарантіи того, что политическій процессъ русскаго журналиста съ финскимъ будетъ рѣшенъ справедливо финляндскимъ судьей-сепаратистомъ? Еслибы Финляндія была въ самомъ дѣлѣ особеннымъ государствомъ, то въ случаѣ несправедливаго судебнаго рѣшенія дѣло могло бы быть улажено международнымъ порядкомъ. Во Франціи, напримѣръ, есть русскіе консулы, есть русское посольство, и всякій Русскій имѣетъ право искать у нихъ защиты; въ важныхъ случаяхъ защита будетъ исходатайствована и даже истребована. Честь и имущество частныхъ лицъ бываютъ не рѣдко предметомъ дипломатическихъ размолвокъ, но потребность каждаго государства жить въ дружескихъ сношеніяхъ съ другими обезпечиваетъ миролюбивый исходъ подобныхъ размолвокъ въ обыкновенныхъ случаяхъ. На этомъ основаніи предполагается что каждое государство расположено поступать справедливо съ подданными другаго государства. Тутъ побужденіемъ служитъ не простое чувство справедливости, которое бываетъ людьми нерѣдко нарушаемо, а очевидный важный государственный интересъ. Представимъ же себѣ, что Финляндія сдѣлась совершенно отдѣльнымъ и притомъ конституціоннымъ государствомъ подъ скипетромъ русскаго Императора. Правительство каждаго отдѣльнаго государства обязано имѣть въ виду исключительно интересы подданныхъ своего государства; финляндское конституціонное правительство имѣло бы тогда всѣ средства исполнить эту обязанность въ ущербъ русскимъ подданнымъ; оно было бы въ положеніи болѣе выгодномъ, чѣмъ правительства иностранныя; оно было бы совершенно свободно отъ всякаго вмѣшательства со стороны Россіи, отъ того давленія, которое производитъ дипломатія, подкрѣпляемая военными силами. Это было бы все равно, какъ еслибы напримѣръ Бельгія получила позволеніе дѣлать съ Франціей и Французами что́ ей угодно, и была обезпечена отъ войны со стороны Франціи. Удержались ли бы Бельгійцы отъ несправедливостей при такомъ привилегированномъ положеніи?

Тутъ могъ бы произойдти куріозный казусъ. Теперь шведскіе подданные живущіе въ Финляндіи не жалуются на то какъ съ ними обращались въ Финляндіи. Теперь шведскіе подданные ограждены международнымъ правомъ. Но предположимъ, что Финляндія—конституціонная страна соединенная съ Россіей, но не связанная съ нею ни чѣмъ кромѣ трона. Даже Шведы могутъ пострадать отъ того. Положимъ, что шведскій подданный подвергся бы тогда въ Финляндіи обидѣ. Къ кому обратился бы онъ прежде всего съ требованьемъ защиты? Разумѣется къ своимъ консуламъ и къ своему посольству въ Петербургѣ, а шведское посольство обратилось бы къ нашему министерству иностранныхъ дѣлъ съ требованіемъ удовлетворенія. Но если Финляндія особое государство, то какое средство имѣло бы наше министерство иностранныхъ дѣлъ доставить удовлетвореніе шведскому правительству? Оно принуждено было бы обратиться къ финляндскимъ властямъ съ просьбами и убѣжденіями. А что, еслибы просьбы и убѣжденія не подѣйствовали? Ничего другаго не осталось бы какъ послать войско для огражденія шведскихъ подданныхъ. Это безсмыслица, скажутъ намъ. Мы отвѣтимъ: но иначе быть не можетъ. Если Финляндія есть государство, если она состоитъ изъ людей, а не ангеловъ, то между финляндскимъ и русскимъ государствами непремѣнно возникнутъ несогласія и столкновенія и не будетъ никакого средства рѣшить ихъ кромѣ посыл-

ки войска. Неужели можно желать такого положенія дѣлъ чтобы при каждомъ разногласіи надобно было прибѣгать къ этой *ultima ratio?* Именно на эту неизбѣжную несообразность мы указывали въ тѣхъ нашихъ словахъ, которыя были приняты однимъ сеймовымъ ораторомъ за хвастовство матеріяльною силой.

Не тѣ ли желаютъ истинной пользы Финляндіи, кого сепаратисты считаютъ ея ненавистниками? Не тѣ ли напротивъ враги ея, кто ставитъ ее въ невозможное политическое положеніе? Мы видимъ повсюду въ Европѣ, что прежняя политическая самостоятельность разныхъ частей одного и того же государства устраняется въ силу требованій политическаго успѣха. Австрія либо распадется, либо Венгрія будетъ имѣть одно общее представительство съ ея коронными землями. То же самое будетъ и съ Шлезвигомъ относительно Даніи.

№ 29.

Москва, 4-го февраля.

А.

Въ прошломъ году мы могли несомнѣннымъ образомъ убѣдиться, что за ходомъ нашихъ внутреннихъ дѣлъ множество постороннихъ глазъ слѣдили бдительно, и что постороннія руки пытались вмѣшиваться въ нихъ разными способами, какіе только казались пригодными. Иностранные политики вели не просто офиціяльныя сношенія съ нашимъ дворомъ, но и приглядывались къ тому что̀ у насъ дѣлается.

Мы намѣрены указать на одинъ очень характеристическій фактъ, который можетъ послужить доказательствомъ, какъ хитры и вмѣстѣ дерзки тѣ иноземные интересы, которые слѣдятъ за ходомъ нашихъ дѣлъ и стараются имъ воспользоваться для своихъ цѣлей. Этотъ фактъ послужитъ новымъ доказательствомъ также и тому, какъ наглы и вмѣстѣ коварны ихъ внушенія, прямыя или косвенныя, и какая нужна намъ осторожность и зоркость, какъ необходимо намъ ясное сознаніе истинныхъ свойствъ нашего народа, нашего положенія и нашихъ силъ, для того чтобы отбить охоту у афериstовъ иноземной политики вмѣшиваться въ наши дѣла.

Какъ извѣстно, въ Европѣ всѣ были увѣрены, что русскій народъ исполненъ революціонныхъ элементовъ, и что отъ малѣйшей искры, брошенной въ его массу, могъ вспыхнуть страшный пожаръ. Поводовъ къ такому мнѣнію было много. Иностраннымъ политикамъ казалось, что правительство и народъ находятся у насъ между собою въ коренномъ разладѣ, что правительство не довѣряетъ народнымъ силамъ и чувствуетъ себя чуждымъ въ своей странѣ. Если русскимъ непростительно судить о своихъ внутреннихъ дѣлахъ на основаніи чужихъ понятій, то иностранцамъ весьма естественно судить о нашихъ дѣлахъ на основаніи своихъ собственныхъ понятій. Очень естественно, что многое въ нашемъ государственномъ устройствѣ дѣйствительно заимствованное нами со стороны и чуждое истинному типу нашей жизни, даетъ имъ основаніе для фальшивыхъ заключеній о сущности дѣла. Не приноситъ ли намъ самимъ каждый день новыя доказательства того, какъ мало соотвѣтствуютъ истиннымъ интересамъ нашей народной жизни многія управляющія нами понятія и воззрѣнія? Мы начинаемъ болѣе или менѣе отчетливо сознавать, что направленіе, которому въ послѣднее время слѣдовала наша исторія, совершило свой циклъ, что оно сдѣлало свое дѣло, и что теперь задача его состоитъ въ томъ, чтобъ уступить мѣсто другому направленію, которое возвратило бы домой нашъ разумъ изъ продолжительнаго скитанія по чужимъ краямъ. Новое лучшее направленіе освободитъ насъ отъ тѣхъ системъ и пріемовъ, которые казались намъ совершенно естественными и которые между тѣмъ представляютъ разительное несоотвѣтствіе съ дѣйствительными условіями и интересами нашей жизни.

Иностранные политики въ послѣднее время имѣли особенные поводы заключать о возможности какой-либо грозной для Россіи катастрофы. Они были поражены громадностію совершающихся у насъ реформъ. Особенно крестьянская реформа, безпримѣрная по своему объему и глубинѣ своего дѣйствія, должна была возбудить ихъ ожиданія въ этомъ смыслѣ. Враждебные Россіи интересы заранѣе радовались, ожидая неизбѣжной катастрофы. Европейская революція уже разчитывала на насъ какъ на свою вѣрную добычу; въ иностранныхъ газетахъ, подъ коварными восхваленіями либеральности и величія предпринимаемыхъ реформъ, то и дѣло проглядывало злорадное чувство, и всѣ были увѣрены, что Рос-

сія основательно *революціонизируется* какъ этою, такъ и другими связанными съ нею реформами. И въ самомъ дѣлѣ, начало польской революціи совпало съ совершеніемъ этой реформы. Все, что только находило свои выгоды во вредѣ и пагубѣ Россіи, подняло голову и приготовилось дѣйствовать.

Польскій мятежъ вспыхнулъ. Онъ казался только началомъ цѣлаго ряда катастрофъ, грозившихъ Россіи. Раздробить Русское государство, даже стереть его съ лица земли—казалось дѣломъ легкимъ. Мы помнимъ, какъ въ засѣданіяхъ Британскаго парламента, во время сужденій о польскихъ дѣлахъ, ораторы возвѣщали съ полною увѣренностію о революціи, которая будто бы уже охватила цѣлыя области внутри Россіи. Съ часу на часъ ожидалось, что колоссъ рухнетъ всею своею громадою. Ожиданія однако не оправдывались; колоссъ не падалъ. Оказалось нужнымъ усилить дѣйствіе, и вотъ въ это-то время иностранные благопріятели наши принялись неотступно осаждать наше правительство настояніями, прямыми или косвенными, на необходимости какихъ-либо либеральныхъ учрежденій. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ Европѣ нѣтъ политики болѣе тонкой, болѣе ловкой и располагающей бо́льшими средствами чѣмъ политика англійская. Подвергнуться ея операціямъ и стать предметомъ ея разчетовъ — дѣло очень невыгодное. Въ журналахъ и парламентскихъ рѣчахъ давались Россіи убѣдительные совѣты немедленно послѣдовать примѣру Австріи, и завести у себя другіе правительственные порядки. Составлялись для насъ цѣлые планы государственнаго преобразованія. Намъ давали почувствовать, что имѣется въ виду не столько польское дѣло, сколько правительственныя реформы въ самой Россіи. Такъ было особенно въ первую половину минувшаго года; такъ было въ ту пору, когда Россія казалась исполненною революціонныхъ стихій, и когда, повидимому, было легко довершить дѣло, которому помѣшалъ Парижскій трактатъ 1856 г.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и положеніе дѣлъ совершенно измѣнилось. И слѣпому стало ясно, что въ Россіи между верховною властью и народомъ существуетъ неразрывная связь, что анархическія и революціонныя стихіи, которыя замѣчали у насъ иностранные наблюдатели, суть явленія фальшивыя, порожденія чуждыхъ нашей жизни условій, искусственно возбуждаемыя на ея поверхности и противныя всѣмъ ея инстинктамъ; что напротивъ всѣ дѣйствительно существующіе въ русскомъ народѣ интересы исполнены высокаго охранительнаго духа, что правительство въ Россіи можетъ смѣло опираться на общественныя силы, что содѣйствіе ихъ не только не ослабляетъ, но укрѣпляетъ его. Вмѣсто безсмысленныхъ броженій, какихъ ожидали иностранные политики, во всѣхъ классахъ Русскаго народа обнаружилось могущественное охранительное движеніе, которое укрѣпило правительственныя дѣйствія, смутило коалицію державъ и возвратило европейскому положенію Россіи ту силу и значеніе, которыя принадлежатъ ему по праву. Нельзя было не убѣдиться, что для русскаго правительства земля можетъ служить неисчерпаемымъ источникомъ силы, и что отъ прикосновенія къ ней оно какъ Антей становится крѣпче. Нельзя было не убѣдиться, что Россія, вступая въ новый періодъ своего существованія и внося въ свое устройство начало свободы, становится могущественнѣе чѣмъ когда-либо прежде. Общественное мнѣніе Европы принуждено было отдать справедливость Русскому народу, къ которому еще такъ недавно относилось оно съ величайшимъ презрѣніемъ. Припоминаемъ читателямъ невольныя восклицанія, которыя раздались въ Европѣ при этомъ неожиданномъ появленіи Русскаго народа, и о которыхъ мы въ свое время сообщали въ нашей газетѣ. Нельзя не удивляться Русскому народу,—такъ писали въ иностранныхъ журналахъ, и именно въ левіаѳанѣ журнальнаго міра, въ газетѣ *Times*, — нельзя не удивляться его могущественному національному чувству, единодушію всѣхъ его классовъ, силѣ отпора, который онъ способенъ оказывать враждѣ, его чуткости въ дѣлѣ государственнаго интереса и безспорному, непоколебимому значенію, какое имѣетъ для него верховная власть.

И что же? Отдавъ эту невольную дань уваженія Русскому народу, наши иностранные благопріятели, которые предлагали намъ важныя государственныя реформы, въ то время когда подозрѣвали въ нѣдрахъ Русскаго общества революціонные элементы, вдругъ заговорили теперь совершенно инымъ языкомъ. Теперь, когда оказалось, что Русскій народъ отличается иными свойствами, они всячески стараются доказать,

что Россія не должна и думать о какихъ-либо серіозныхъ измѣненіяхъ въ существующемъ порядкѣ вещей. Припоминая и соображая все, нельзя безъ отвращенія читать не очень давно напечатанную въ *Times* статью, гдѣ развивается эта тема. Прежде, когда у насъ предполагался коренной разладъ между правительствомъ и народомъ, когда ожидалось дѣйствіе безсмысленныхъ стихій разрушенія, наши благопріятели убѣждали насъ въ способности нашей ко всѣмъ хитростямъ тѣхъ учрежденій, которыя имъ угодно было фабриковать для насъ,—теперь же, когда разсѣялась всякая тѣнь сомнѣнія относительно истинныхъ свойствъ русскаго народа, тѣ же самые доброжелатели доказываютъ нашу полнѣйшую неспособность и незрѣлость, и пишутъ будто подъ диктовку нашихъ домашнихъ публицистовъ. Какъ въ прошломъ году старались насъ мистифировать европейскою коалицiей, сбивать насъ съ толку въ нашихъ внутреннихъ дѣйствіяхъ, смущать насъ въ подавленіи мятежа, грозившаго раздробленіемъ Россіи,—такъ теперь стараются мистифироварь насъ аргументами, имѣющими цѣлію убѣдить насъ въ нашей совершенной негодности и неспособности. Съ удивительною наглостію, эти друзья наши хотятъ убѣдить насъ, что русское дворянство есть властолюбивое, строптивое, могущественное сословіе, исполненное духа темныхъ крамолъ, опасныхъ для верховной власти, и что всякая предоставленная ему льгота не преминетъ вызвать этотъ опасный духъ наружу,—что крестьянскія массы представляютъ собою не менѣе опасную демократическую силу,—и наконецъ, въ заключеніе, совѣтуютъ нашему правительству, прежде чѣмъ думать о какихъ-либо серіозныхъ улучшеніяхъ, заняться воспитаніемъ новаго поколѣнія людей, которое было бы способнѣе „понимать свои права и исполнять свои обязанности" чѣмъ нынѣшній Русскій народъ.

Когда появленіе Русскаго народа на сцену казалось выгоднымъ для нашихъ враговъ, они совѣтовали нашему правительству опереться на народныя силы. Теперь, когда Русскій народъ дѣйствительно появился и когда появленіе его оказалось невыгоднымъ для враждебныхъ намъ интересовъ, насъ стараются убѣдить, въ неспособности и негодности и незрѣлости Русскаго общества, и въ необходимости держать его въ черномъ тѣлѣ...

Б.

Вчера въ „Послѣдней Почтѣ" было сказано, что весь материкъ Шлезвига находится въ рукахъ Австріи и Пруссіи, и что компанія можетъ почитаться оконченною. Это можетъ оправдаться только въ такомъ случаѣ, если двѣ великія германскія державы, довольствуясь пріобрѣтеннымъ успѣхомъ и предоставляя дипломатіи дальнѣйшее разрѣшеніе затрудненій, не рѣшатся двинуть войскъ своихъ въ Ютландію и не воспрепятствуютъ части датскихъ войскъ перебраться на Альзенъ, островъ, принадлежащій, какъ извѣстно, къ Шлезвигу. Но вѣсть объ упорномъ сраженіи подъ Дюппелемъ, сообщенная намъ вчера по телеграфу, доказываетъ, что союзники не намѣрены безъ бою допустить удаленіе Датчанъ на острова. Съ другой стороны, отказъ, встрѣченный въ Вѣнѣ и Берлинѣ, какъ о томъ извѣщаетъ *Крестовая Газета*, отъ 13-го февраля, предложеніемъ Англіи, Россіи, Франціи и Швеціи о перемиріи на основаніи очищенія Датчанамъ всего Шлезвига, за исключеніемъ острова Альзена, тоже указываетъ на намѣренія Австріи и Пруссіи не останавливаться на ихъ теперешнихъ успѣхахъ. Поэтому ничего не будетъ мудренаго, если австро-прусскія войска пойдутъ далѣе къ сѣверу, преслѣдуя другую часть датской арміи, отступившую для защиты южной границы Ютландіи, и сдѣлаютъ попытку къ вторженію и въ эту, чисто датскую, часть государства, а равно и на островъ Альзенъ. Указывая на эти возможныя (и, по всему судя, вѣроятныя) затрудненія, французская журналистика начинаетъ понемногу раскрывать настоящіе виды, намѣренія, или по крайней мѣрѣ, симпатіи Франціи. Ниже, подъ рубрикою ***Франція***, помѣщены двѣ статьи, одна изъ ***France*** другая изъ *Journal des Débats*, въ которыхъ, а особенно въ послѣдней, хотя и тонко, но очень ясно развивается мысль, что распаденіе Датской монархіи—не бѣда; что образованіе единаго скандинавскаго государства было бы пожалуй, дѣло очень недурное; что наконецъ, и сами Датчане не прочь согласиться на какую-нибудь подобную комбинацію. Не вмѣшиваясь прямо въ борьбу, Франція хочетъ быть готовою на всякій случай. Слухи о предположенномъ отправленіи на Рейнъ обсерваціоннаго корпуса находятся въ непосредственной связи съ истиннымъ (закулиснымъ) отношеніемъ Франціи къ датскому

вопросу. Лондонская газета *International* прямо приписываетъ Франціи два намѣренія: основать Скандинавскую имперію, подъ скипетромъ короля Шведскаго, и возстановить Рейнскій союзъ. Извѣстіе это очень важно, и въ тоже время очень вѣроятно. Напрасно старались бы, поэтому, французскіе газеты отыскивать что-нибудь общее въ политикѣ Россіи и Франціи по отношенію къ датскому вопросу. Обѣ державы находятся, правда, въ выжидательномъ положеніи; но причины сдержанности у нихъ не одинаковы. Если въ интерессахъ Франціи сочинять новыя государства, то въ интересахъ Россіи охранять, по возможности, европейскій миръ и предотвращать общія столкновенія, которыя неминуемо возникнутъ, если будетъ серіозно нарушена цѣлость Датской монархіи.

№ 30.

Москва, 5-го февраля.

Всякія такъ- называемыя *исключительныя и чрезвычайныя* мѣры, и тѣмъ болѣе *военная диктатура*—несомнѣнно великое несчастіе для страны. Но было бы совершеннымъ малодушіемъ изъ боязни предъ энергическими мѣрами желать ослабленія власти, когда диктатура есть единственное средство держать край въ порядкѣ. Диктатуру сравниваютъ съ революціей. Мы слышимъ иногда изъ нашихъ же русскихъ различныхъ становъ и кружковъ голоса и вопли о бѣдствіяхъ, угрожающихъ всему нашему отечеству отъ одного его края до другаго, вслѣдствіе соціальнаго и экономическаго переворота, порождаемаго будто бы диктатурою въ нашемъ западномъ краѣ! Мы не отрицаемъ опасности, на которую притомъ указываютъ; мы видимъ всю ея серіозность, но не можемъ смѣшивать ее съ необходимыми принадлежностями диктатуры, направляющей свою энергію на подавленіе мятежа. Вѣдь диктатура есть, какъ извѣстно, такой порядокъ вещей, при которомъ не только не волнуется обычное теченіе общественной жизни, а напротивъ задерживается и замедляется нормальное развитіе общественныхъ и экономическихъ интересовъ страны. Можно ли поэтому серіозно разсуждать объ ограниченіи или прекращеніи диктатуры, ради опасенія, что диктатура не можетъ обойдтись безъ соціальнаго переворота? Впрочемъ не преувеличенъ ли и этотъ паническій страхъ? Не колтунъ ли и мякина эти принадлежности крестьянскаго быта западныхъ губерній, приводятъ въ ужасъ людей первныхъ? Или, быть можетъ, пугаетъ насъ возстановленіе въ западномъ краѣ крестьянскаго поземельнаго надѣла, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ долженъ былъ находиться, согласно существовавшимъ еще до 19 февраля 1861 года законоположеніямъ? Голосъ крестьянъ, впервые услышанный послѣ вѣковаго молчанія, дѣйствительно можетъ показаться при всей его слабости, громкимъ и грознымъ обличителемъ тяжкихъ притѣсненій, преслѣдованій и неправдъ, которыя испытывали крестьяне отъ польскихъ пановъ за свои хлопскіе обычаи, вѣру и языкъ. Положенія 1846 года, имѣвшія цѣлію ограничить произволъ пановъ надъ личностію и имуществомъ крестьянъ, оставались, въ значительной степени, и въ Литвѣ, какъ въ Польшѣ, одною мертвою буквой. Съ появленіемъ Высочайшаго манифеста 1857 года, этотъ произволъ въ распоряженіи крестьянскимъ надѣломъ и „пустками“ усилился еще болѣе. Кто не знаетъ, что освобожденіе крестьянъ *съ землею* было неожиданнымъ ударомъ для пановъ, и сдѣлалось потомъ главнѣйшею причиной мятежа? Къ чему скрывать отъ себя, что вѣрность Россіи польскихъ пановъ покупалась постоянно и во всѣ времена, цѣною рабства, въ которое отдавались русскіе крестьяне польскимъ помѣщикамъ?

При такихъ условіяхъ, возстановленіе крестьянскаго надѣла въ западныхъ губерніяхъ изъ того вида, въ который успѣли привести его польскіе паны въ продолженіе 15 лѣтъ, когда правительство регулированіемъ отношеній между двумя сословіями думало улучшить бытъ крестьянъ, представляется дѣломъ вполнѣ законнымъ, необходимымъ, и обезпечивающимъ порядокъ въ экономическихъ отношеніяхъ страны. Здѣсь подлежатъ примѣненію законы 1-го марта, 19-го февраля и прежнія постановленія объ инвентаряхъ, и если примѣненіе правильно, — а правильность примѣненія законовъ есть существеннѣйшая обязанность исполнителей,—то тутъ нѣтъ ничего революціоннаго, ничего похожаго на соціальный переворотъ. Припомнимъ къ тому же что паны, по приказанію мятежнаго зонда, сами обѣщали крестьянамъ всю ихъ землю. Не на себя ли должны паны жаловаться? Во всякомъ случаѣ

было бы несправедливо оставить крестьянъ на мели. Крестьянскій бытъ русскаго населенія въ западномъ краѣ едва лишь сталъ замѣтно улучшаться въ матеріяльномъ отношеніи, нравственный уровень этого сословія едва лишь началъ обнаруживать наклонность къ повышенію до сознанія обязанностей и правъ, въ гражданской и государственной жизни; въ эти минуты едва возраждающаяся жизнь края особенно нуждается въ такой существенной опорѣ, какъ сильное управленіе не поддающееся вліяніямъ интриги, тайныхъ козней и путливыхъ опасеній.

Мы не хотимъ этимъ сказать, чтобъ изъ диктаторскихъ мѣръ по крестьянскому вопросу не могли развиться сѣмена соціяльныхъ переворотовъ и всяческаго нарушенія существующихъ правъ; мы полагаемъ, что въ крестьянскомъ вопросѣ диктаторскія мѣры неумѣстны. Мы хотимъ только сказать, что подобное вмѣшательство не заключается въ самомъ свойствѣ диктатуры, необходимой для подавленія мятежа и для возстановленія спокойствія, и что если оно окажется, то причиной тому будетъ скорѣе общая обстановка,—та совокупность условій вліяющихъ на общій ходъ дѣлъ, которая можетъ дѣйствовать въ томъ же смыслѣ и во время совершенно мирное.

Впрочемъ и безъ этой примѣси, ее искажающей, военная диктатура есть бѣдствіе страны, и для каждаго Русскаго ничего не можетъ быть желательнѣе, какъ скорѣйшее прекращеніе такого исключительнаго положенія нашего западнаго края. Но мы не должны скрывать отъ себя трудности дѣла; мы должны ясно сознать, что изъ всѣхъ доселѣ дѣйствовавшихъ системъ управленія западнымъ краемъ нѣтъ ни одной, которая могла бы замѣнить собой военную диктатуру безъ самой серіозной опасности. Въ интересахъ человѣколюбія и даже въ интересахъ справедливости надобно желать чтобы суровость нынѣшнихъ мѣръ уступила мѣсто болѣе мягкой системѣ дѣйствій, но эта новая система дѣйствій не должна имѣть то самое основаніе, какъ прежняя либеральная система уступокъ и сдѣлокъ, которая, какъ теперь оказалось не сближала западнаго края съ Россіей, а отдаляла его отъ нея. Пока не имѣется въ виду новыхъ способовъ дѣйствія, до тѣхъ поръ надобно всѣми силами держаться диктатуры. Не лучше ли диктатура законная чѣмъ революціонная? Можно ли забыть, что лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, меньшинство польскаго населенія, эта малая горсть людей, успѣла также установить свою диктатуру, которая въ ея глазахъ, была уже не исключительнымъ, а нормальнымъ положеніемъ страны? Эта диктатура собирала подати и управляла страною съ произволомъ, которому люди, ужасающіеся теперь предъ строгостію законной власти, не могутъ отказать ни въ одномъ изъ свойствъ, отличающихъ самый звѣрскій и безсмысленный терроризмъ. Когда ни одно русское семейство не могло уснуть ни одной ночи спокойно въ городѣ Вильнѣ, и русскій людъ трепеталъ предъ силою невидимой и подземной диктатуры, тогда военную диктатуру генерала Муравьева каждый Русскій встрѣтилъ какъ свое спасеніе, и крестьяне убѣдились тогда, что Россія есть дѣйствительно ихъ настоящее отечество, что ихъ интересы также дороги и русскому правительству, и русскому обществу, какъ интересы остальныхъ частей государства и народа.

Не ослабленія власти, не прекращенія строгихъ, предупредительныхъ мѣръ противъ возобновленія мятежа, не отвержденія тѣхъ поземельныхъ надѣловъ, которыми польское дворянство успѣло незаконно и коварно обездолить крестьянское населеніе, не соглашенія съ Поляками о разграниченіи правъ различныхъ народностей на русской землѣ; нѣтъ, не той политики можемъ и должны мы желать, которая повела бы лишь къ повторенію того, что̀ уже поставило насъ однажды въ затруднительное положеніе и грозило распаденіемъ Русской державѣ: мы должны ожидать рѣшенія польскаго вопроса лишь отъ нашего внутренняго гражданскаго развитія. Что же касается до временной диктатуры, то мы должны понять наконецъ ея необходимость. Мы можемъ только желать, чтобъ она, пока будетъ необходима и не можетъ быть замѣнена ничѣмъ болѣе прочнымъ, сохранила во всѣхъ своихъ развѣтвленіяхъ, вмѣстѣ съ мужествомъ, и *честность.* Эта суровая и холодная добродѣтель труднѣе прививается, какъ извѣстно, нежели настойчивость и неуклонная точность въ исполненіи данныхъ приказаній, а между тѣмъ такое качество диктатуры только одно можетъ спасти ее отъ неизбѣжнаго извращенія въ стоглавую гидру, столь же бѣдственную для края, сколько презрительную и

ненавистную для истинно-патріотическаго чувства. Не менѣе было бы желательно также, чтобы при настоящихъ событіяхъ, было оказываемо возможно болѣе довѣрія русскимъ общественнымъ силамъ въ дѣлѣ утвержденія русской народности въ западномъ краѣ. Когда агенты диктатуры принимаютъ на себя задачу распространять образованіе и языкъ, или утверждать православіе, то едва ли изъ этого можетъ произойдти что-нибудь дѣйствительно полезное для страны, даже при всей энергіи и благонамѣренности дѣятелей. Подобные способы для утвержденія русской народности могутъ только оттолкнуть отъ всякаго живаго участія въ этомъ дѣлѣ тѣ силы, которыя естественно могли бы быть призваны къ нему. Довѣріе къ инстинктамъ народныхъ массъ, помимо довѣрія къ общественнымъ силамъ, которыя существуютъ въ верхнихъ слояхъ этихъ же самыхъ массъ, есть пустое слово, за которымъ чаще всего скрывается пристрастіе къ чиновничьимъ и полицейскимъ распоряженіямъ, или привычка разчитывать лишь на то что̀ находится въ нашей непосредственной зависимости и власти. Въ этомъ отношеніи представляется весьма страннымъ положеніе въ западномъ краѣ русскихъ помѣщиковъ. Надобно было ожидать, что русскіе помѣщики образуютъ изъ себя главную общественную силу, на которую могло бы опереться управленіе, что они явятся во главѣ всѣхъ распоряженій охраняющихъ порядокъ и спокойствіе въ краѣ, во главѣ всякаго движенія, имѣющаго цѣлію водвореніе русскаго языка, утвержденіе православной вѣры, улучшеніе народнаго быта... И однако же, никому не доводилось слышать о чемъ-либо подобномъ со стороны нашихъ русскихъ землевладѣльцевъ въ западномъ и югозападномъ краѣ. Говорятъ, что нѣкоторые помѣщики, пользовавшіеся значительнымъ вліяніемъ въ своей мѣстности, оставили даже свои имѣнія и переселились въ губернскіе города и столицы. Слышатся только жалобы на прекращеніе всѣхъ доходовъ съ имѣній, на совершенное экономическое разстройство, на оскорбленную народную гордость; распространеніе на русскихъ помѣщиковъ не только обязательнаго выкупа, но и контрибуціи, хотя и въ уменьшенномъ размѣрѣ, противъ помѣщиковъ польскаго происхожденія, возбудило, если вѣрить слухамъ, недовѣріе къ нимъ даже крестьянъ... Но объ этомъ мы не имѣемъ надобности распространяться. Читателямъ нашимъ извѣстно, что мы постоянно высказывались противъ принятія *общихъ* мѣръ, подводящихъ подъ одинъ уровень виноватаго и невиннаго. Мы говорили также, что земскій банкъ, учрежденный въ западномъ краѣ для русскихъ помѣщиковъ, могъ бы хоть сколько-нибудь оказать имъ справедливость.

№ 31.

Москва, 6-го февраля.

Нѣкоторыя газеты подшучиваютъ надъ тѣмъ что̀ онѣ называютъ „преслѣдованіемъ *Московскими Вѣдомостями* украинофиловъ;“ у страха глаза велики, говорятъ онѣ; украинофилы—такая ничтожная партія, что надъ нею можно развѣ только смѣяться: да и изъ ея среды вліятельнѣйшіе люди мечтаютъ лишь о самостоятельной литературѣ малороссійской. О чемъ же брюжжатъ *Московскія Вѣдомости*? заключаютъ наши противники. За что онѣ такъ не жалуютъ Украйну? говорятъ другіе.

Нѣтъ, мы любимъ Украйну, — любимъ какъ часть нашего отечества, какъ живую и дорогую часть нашего народа, какъ часть насъ самихъ, и потому-то намъ такъ ненавистна всякая попытка внести чувство *моего* и *твоего* въ отношенія Украйны къ Россіи. Мы любимъ Украйну со всѣми ея особенностями, въ которыхъ видимъ залогъ будущаго богатства и разнообразія въ общемъ развитіи нашей народной жизни. Мы не понимаемъ, мы не признаемъ никакого соперничества между украинскимъ и русскимъ. Мы видимъ въ этомъ самую фальшивую и вредную мысль. Мы любимъ Украйну, своеобычный характеръ ея дѣтей, поэзію ея преданій и мелодій; ея напѣвы также близки и родственны намъ, какъ и пѣсни оглашающія Волгу. Мы весьма далеки отъ того, чтобъ осуждать тѣхъ Украинцевъ, которые пристрастны къ своей родинѣ. Le patriotisme du clocher есть весьма почтенное чувство, но оно не должно исключать патріотизма болѣе широкаго; интересы *родины* не слѣдуетъ противопоставлять интересамъ *отечества.* А то ли мы видимъ со стороны такъ-называемыхъ украинофиловъ? Замѣчали ль тѣ, которые подтруниваютъ надъ нашими опасеніями, что украинофилы, обсуживая положеніе

малороссійскихъ губерній, говорятъ, что Россія ничего для нихъ не сдѣлала? Поражало ль противниковъ нашихъ это сопоставленіе интересовъ Россіи съ интересами Украйны? Насъ оно поражало. Это не тѣ жалобы, которыя приходится не рѣдко слышать и отъ Костромичей, и отъ Смольянъ на такія-то распоряженія, на экономическія затрудненія, на стѣсненія торговли, на недостатокъ хорошихъ путей сообщенія,—жалобы, въ которыхъ слышатся сѣтованія русскаго человѣка, что его отечество не пользуется всѣми тѣми благами, которыми онъ желалъ бы надѣлить его. Нѣтъ, въ жалобахъ украинофила звучитъ совсѣмъ особая нота; онѣ выражаютъ сожалѣніе и досаду, что на Украйнѣ нѣтъ желѣзной дороги, когда она уже есть между Москвою и Петербургомъ, и что украинскія деньги тратятся для удовлетворенія чуждыхъ ей интересовъ.

Вотъ на какой симптомъ не худо было бы обратить вниманіе нашимъ порицателямъ. Взвѣсивъ его, они не стали бы такъ равнодушно относиться и къ усиліямъ создать малороссійскій языкъ и литературу. Великое дѣло языкъ и литература! Что разошлось въ языкѣ и литературѣ, то разошлось въ духѣ, и того не свяжешь потомъ никакою матеріяльною силою. Только исторія создаетъ народъ, создаетъ языкъ литературный. А гдѣ исторія Украйны?.. Казачьи войны,—развѣ это исторія? Также точно какъ рядъ пѣсенъ воспѣвающихъ эти войны—развѣ литература? Когда Поляки говорятъ о своей національности—мы понимаемъ ихъ: мы видимъ долгую самостоятельную историческую жизнь и обширную литературу, обнимавшую и сферу воображенія, и сферу мысли. Правда, эта жизнь изсякла, эта литература лишилась почвы, но онѣ были, ихъ нельзя отрицать; напротивъ того что мы видимъ въ Украйнѣ? Хмѣльницкій замышляетъ создать ей отдѣльное существованіе и убѣждается въ невозможности своихъ замысловъ. Выговскій, Дорошенко и Мазепа пытаются отдѣлиться отъ Россіи, но съ тѣмъ чтобы пристать къ Польшѣ или даже къ Турціи. И вотъ эта исконная и живая часть русскаго народа соединяется окончательно съ своимъ корнемъ, составляетъ могущественное политическое тѣло, одинъ великій, исполненный силы народъ. Вмѣстѣ пережили они такіе историческіе моменты, какъ эпоха Екатерины, какъ двѣнадцатый годъ, какъ освобожденіе крестьянъ. Какимъ же образомъ могло случиться, что послѣ того, какъ единая, жизненная струя, то радостно, то болѣзненно пробѣгала столько временъ по всему организму русскаго государства,—вдругъ въ одной части, въ одномъ членѣ этого организма оказалась потребность создать самобытную литературу, и изъ особенностей мѣстнаго нарѣчія развить языкъ, какъ символъ особой національности? Это не въ природѣ вещей, это фальшь. Литература не есть кабинетная работа нѣсколькихъ ученыхъ и беллетристовъ; она дѣло внутренней жизни народа, живущаго самостоятельною и отдѣльною политическою жизнію.

Мы отнюдь не протестуемъ противъ свободы частныхъ дѣйствій со стороны украинской партіи, изъ уваженія къ личной свободѣ, предоставляя впрочемъ, и себѣ такую же свободу говорить и повторять всѣмъ, кто захочетъ слушать насъ, о лжи и вредѣ стремленій, которыя находимъ ложными и вредными. Пусть эти господа на собственныя деньги заводятъ школы и печатаютъ сочиняемыя ими книги: мы станемъ убѣждать, чтобы никто не ходилъ въ эти школы и не покупалъ этихъ книгъ. Мы, повторяемъ, готовы допустить это, но претендовать, какъ нѣкоторые желали бы, чтобы правительство на казенныя средства помогало распаденію Россіи, или создавало призракъ, который сталъ бы вампиромъ цѣлыхъ поколѣній,—это верхъ нелѣпости, это сумашествіе.

Нѣкоторые полагаютъ, что развитіе и усиленіе украинскаго начала послужитъ сильнымъ оплотомъ противъ польскихъ притязаній, — мысль благовидная, но совершенно ложная! Развѣ не видятъ эти господа, развѣ не показалъ опытъ, что украинофилы служатъ самымъ удобнымъ орудіемъ для польской интриги? Развѣ *панычи* въ свитахъ не получали лозунга отъ пановъ въ чамаркахъ? Развѣ Мѣрославскій не включалъ ихъ въ свою революціонную организацію? Пусть прочтутъ его программу, найденную въ домѣ Замойскаго. Правда, что этихъ *панычей* въ свитахъ, этихъ распространителей *золотыхъ грамотъ* немного, но къ нимъ примыкаетъ партія не совсѣмъ ничтожная, за которою стоитъ въ резервѣ страшилище всесвѣтной революціи. Самые умѣренные изъ этой партіи препираются съ *Россіей*, обсуживаютъ свои отношенія къ *Россіи*, установляютъ между собою

и *Россiей* какiя-то международныя отношенiя.

Пусть насъ считаютъ алармистами, пусть наши собраты по журналистикѣ ищутъ создать себѣ на нашъ счетъ популярность,— мы желаемъ имъ успѣха, но не перестанемъ указывать на опасность, хотя бы только еще зараждающуюся; мы лучше хотимъ быть похожи на того моряка, который, замѣтивъ на небѣ черное пятнышко, принимаетъ мѣры противъ бури, нежели на того, который начинаетъ убирать парусъ когда уже налетѣлъ шквалъ.

Признаемся откровенно: мы не придаемъ большаго значенiя мнѣнiямъ нашихъ товарищей по литературѣ въ вопросахъ политическаго свойства. Передъ подобнымъ трибуналомъ весьма вѣроятно, что мы проиграемъ нашъ процессъ противъ украинофиловъ, особенно при извѣстныхъ условiяхъ нашей печати, косвенно покровительствующихъ системѣ молчанiя, abstention: „мы не въ состоянiи возражать вамъ", отвѣтитъ противная партiя, и этого довольно, чтобы наши литературные искатели популярности вмѣстѣ съ прогрессистами канцелярiй очутились на ея сторонѣ. Но если бы процессъ нашъ разсматривался людьми земскими, чуждыми теорiй и сентиментальностей,—людьми, слова которыхъ были бы солидарны съ самымъ дѣломъ,— передъ такимъ собранiемъ наши украинофилы и всѣ другiе политическiе наши безобразники не осмѣлились бы и заикнуться,—мы твердо въ этомъ увѣрены.

№ 32.

Москва, 7-го февраля.

Читатели найдутъ ниже замѣтку Р. Г. Геймана, которая, судя по собственнымъ словамъ почтеннаго автора, должна служить какъ бы продолженiемъ публичной бесѣды, начавшейся было между нами и Д. Н. Шиповымъ по вопросу о кредитныхъ билетахъ. Намъ очень прiятно продолжать эту бесѣду, съ самимъ ли г. Шиповымъ или съ г. Гейманомъ: мы ничего такъ не желаемъ какъ разъясненiя дѣла, въ которомъ не имѣемъ другаго интереса кромѣ интереса истины и общей пользы. Но для того чтобъ изъ этой бесѣды что-нибудь вышло, нужна хоть самая малая доля послѣдовательности. Г. Шиповъ обрадовалъ насъ, высказавшись противъ кабинетныхъ теорiй; онъ избралъ для себя фактическую точку зрѣнiя, которою и мы дорожимъ особенно. На этой почвѣ можно спорить въ надеждѣ сойдтись, и въ этой надеждѣ мы начали нашу бесѣду съ г. Шиповымъ. Не можемъ не пожалѣть, что нашъ сегодняшнiй собесѣдникъ, почтенный Р. Г. Гейманъ, хотя и упоминаетъ въ лестныхъ выраженiяхъ о статьѣ г. Шипова напечатанной въ № 2 нашей газеты, но совершенно уклоняется отъ основныхъ взглядовъ г. Шипова на правильный способъ сужденiя о вопросѣ подлежащемъ рѣшенiю. Г. Шиповъ требуетъ фактовъ, указанiй дѣйствительности, уроковъ жизни. Онъ, конечно, не одобрилъ бы, еслибы мы вздумали судить о Россiи по иностраннымъ государствамъ. Какъ же мы должны были удивиться, когда увидѣли что г. Гейманъ, высказывая полное сочувствiе г. Шипову, въ то же время рѣшаетъ вопросъ о русскихъ кредитныхъ билетахъ *единственно* ссылками на Пруссiю и Францiю?

Вотъ какъ разсуждаетъ г. Гейманъ: въ Пруссiи приходится по $5^1/_2$ талеровъ бумажныхъ денегъ на жителя, а пространство Пруссiи 5100 кв. миль; но пространство Европейской Россiи въ 20 разъ больше Пруссiи, съ Сибирью же Россiя въ 69 разъ больше Пруссiи; изъ этого слѣдуетъ, что у насъ на жителя должно находиться въ обращенiи около 10 рублей. Почему же, позволимъ себѣ спросить, не 11, не 12, наконецъ не 20 рублей? Или наоборотъ почему не 9, не 8? Вѣдь до $5^1/_2$ талеровъ все еще было бы далеко. Г. Гейманъ приводитъ далѣе примѣръ Францiи. Тамъ количество обращающихся банковыхъ билетовъ со временъ первой имперiи никогда не превышало 900 миллiоновъ франковъ или 225 миллiоновъ рублей, что составляетъ по 6 рублей на *жителя, но г. Гейманъ* беретъ Францiю въ примѣръ *не относительно* количества обращающихся банковыхъ билетовъ, а относительно общаго количества денежныхъ знаковъ. Подчиняемся его волѣ, но что же изъ этого слѣдуетъ? Если бы даже было средство въ точности опредѣлить общее количество монеты находящееся въ той или другой странѣ, то какое примѣненiе можно было бы сдѣлать изъ этихъ цифръ къ вопросу о русскихъ кредитныхъ билетахъ? Мы не будемъ тревожить нашего почтеннаго собесѣдника въ его увѣренности, что во Францiи приходит-

ся на каждаго жителя по 33 р. с. денежныхъ знаковъ разнаго свойства. Пусть будетъ такъ, хотя это отнюдь не достовѣрно,—но еще разъ, что же изъ этого слѣдуетъ? Если во Франціи оказывается нужнымъ 33 р., разнаго рода денегъ на жителя, то почему въ Россіи нужно именно около 10 р.? Почему опять не 11 р., что было бы ровно втрое меньше? Или почему не 8 р., что было бы съ небольшимъ вчетверо меньше? Какъ угадать, что лучше? А вѣдь тутъ именно можно только угадывать; тутъ умозаключать не возможно. Мы принуждены прибавить, что на такой почвѣ невозможно спорить.

Количество денежныхъ знаковъ нужныхъ для обращенія зависитъ отчасти отъ пространства; если бы пространство, занимаемое Россіей, вдругъ сократилось, а торговые обороты остались бы въ томъ же самомъ видѣ какъ теперь, то денежныхъ знаковъ потребовалось бы меньше. Но еслибъ обороты усилились, еслибы распространилось хозяйство на деньги, еслибъ увеличилась бережливость, то спросъ на денежные знаки возросъ бы соотвѣтственно этимъ измѣненіямъ. За тѣмъ еслибы денежныя сдѣлки стали уступать мѣсто кредитнымъ сдѣлкамъ, то произошло бы обратное явленіе и потребность въ деньгахъ могла бы значительно уменьшиться. Все это такіе подвижные и не уловимые элементы, что опредѣлить ихъ нѣтъ никакой возможности иначе какъ путемъ опыта. Опытъ же говоритъ, что во Франціи требовалось доселѣ бумажныхъ денежныхъ знаковъ не болѣе 900 милліоновъ франковъ, въ Пруссіи не болѣе 100 милліоновъ талеровъ, въ Россіи не болѣе 300 милліоновъ рублей. Вотъ цифры основанныя на опытѣ. Всѣ другія цифры будутъ гадательныя.

Г. Гейманъ не ограничивается въ своей Замѣткѣ вопросомъ о количествѣ кредитныхъ билетовъ, нужныхъ у насъ для обращенія. Онъ касается еще вопроса о протекціонизмѣ, и мы принуждены сказать, касается тоже вполнѣ неожиданнымъ для насъ способомъ. Онъ сознается, что онъ горячій сторонникъ свободной торговли, что онъ *первый въ Россіи, лѣтъ десять тому назадъ дерзнулъ о ней публично говорить*. Это первенство относится, очевидно, къ публичнымъ лекціямъ и потому не отнимаетъ чести у тѣхъ лицъ, живыхъ и умершихъ, которыя у насъ въ Россіи говорили, писали и читали лекціи объ этомъ коренномъ ученіи политической экономіи. Ихъ честь остается неприкосновенною, хотя отъ нихъ и не требовалось особеннаго дерзновенія для того чтобы распространять между своими соотечественниками экономическія понятія. Но мы охотно вѣримъ, что въ аудиторіи, гдѣ профессоръ предполагалъ себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ фабрикантами, не менѣе жутко было разсуждать о свободной торговлѣ чѣмъ напримѣръ въ мануфактурномъ совѣтѣ. Тѣмъ неожиданнѣе узнать, что почтенный профессоръ, такъ мужественно воинствовавшій за свободную торговлю, теперь сдѣлался не протекціонистомъ, — это бы еще куда ни шло, — а меркантилистомъ, проповѣдникомъ ученія о торговомъ балансѣ. Это такая неожиданность, которая ставитъ насъ совсѣмъ втупикъ.

Теоретическій споръ между меркантилизмомъ и наукой Адама Смита рѣшенъ окончательно. Мы не имѣемъ ни охоты, ни времени, ни мѣста, возобновлять этотъ споръ въ столбцахъ нашей газеты. Это значило бы поднимать старину за сто лѣтъ и совершенно отдаляться отъ того вопроса, который подлежитъ разрѣшенію и имѣетъ величайшую практическую важность для настоящей минуты,—вопроса о томъ, есть ли у насъ въ обращеніи избытокъ кредитныхъ билетовъ. Прежде для разрѣшенія этого вопроса надобно было по необходимости прибѣгать къ теоріи; мы къ ней и прибѣгали, и на основаніи ея дѣлали предсказанія, которыя постоянно оправдывались дальнѣйшимъ ходомъ дѣлъ. Но какъ ни много говоритъ въ пользу теоріи осуществленіе ея предсказаній, теорія, все-таки остается теоріей, и ощупать ея руками невозможно. Между тѣмъ именно этотъ осязательный способъ доказательства особенно популяренъ. По счастію или лучше по несчастію, теперь накопилось совершенно достаточно такихъ данныхъ, которыя осязательно доказываютъ существованіе избытка кредитныхъ билетовъ. Мы переживаемъ восьмой годъ съ тѣхъ поръ какъ обнаружились ясные признаки этого явленія; разныя мѣры были противъ него принимаемы и ихъ послѣдствія вполнѣ опредѣлились. Въ опытахъ нѣтъ недостатка, и намъ остается извлечь изъ нихъ пользу. Вотъ почему мы съ особеннымъ удовольствіемъ встрѣтили предложеніе Д. П. Шипова перенести этотъ вопросъ изъ области теоріи на почву опытныхъ данныхъ. Вопросъ этотъ неизмѣ-

римо важенъ: кто принимаетъ живое участіе въ судьбахъ Россіи, тотъ не можетъ оставлять его безъ вниманія. А теперь именно нужно только вниманіе чтобы судить о немъ. Продолжительность разстройства денежной системы снабдила насъ такимъ множествомъ фактовъ, что теперь не нужно быть ученымъ экономистомъ, чтобы составить себѣ вѣрное сужденіе о дѣлѣ, отъ котораго въ такой высокой степени зависитъ общее благо всѣхъ подданныхъ Русскаго государства. Повторяемъ, теперь требуется только вниманіе, а затѣмъ здравый смыслъ выведетъ заключеніе.

По этому мы льстимъ себя надеждой, что люди не вѣрящіе въ существованіе избытка кредитныхъ билетовъ послѣдуютъ нашему приглашенію и примутъ участіе въ публичной бесѣдѣ, которую началъ съ нами Д. П. Шиповъ. Она должна продолжаться въ интересѣ дѣла, и мы еще разъ повторяемъ, что съ величайшею готовностью откроемъ для нея столбцы нашей газеты.

Для большей ясности считаемъ нужнымъ выставить главный спорный тезисъ.

Размѣнъ показалъ, что звонкая монета не можетъ держаться на нашемъ рынкѣ. По нашему мнѣнію, причина этого явленія заключается въ томъ, что нашъ рынокъ съ избыткомъ насыщенъ кредитными билетами. Это объясненіе подтверждается состояніемъ вексельнаго курса и внутреннихъ цѣнъ. Кто не согласенъ съ этимъ объясненіемъ, тотъ долженъ представить другое.

Наши оппоненты предлагаютъ это другое объясненіе. Хотя нерѣшительно, они намекаютъ, что звонкая монета уходитъ отъ насъ потому, что мы покупаемъ за границей больше чѣмъ отпускаемъ.

Мы согласны съ фактомъ что мы больше покупаемъ и меньше отпускаемъ чѣмъ слѣдовало-бы, но причину этого факта видимъ въ томъ, что звонкую монету, при избыткѣ кредитныхъ билетовъ, выгодно вывозить отъ насъ за границу, такъ какъ для нашего внутренняго обращенія съ избыткомъ достаточно кредитныхъ билетовъ.

Наши оппоненты полагаютъ что причина этого факта заключается скорѣе въ тарифѣ, который, какъ имъ кажется, несоразмѣрно покровительствуетъ привозу.

Мы отвѣчаемъ: если бы причина отлива звонкой монеты заключалась въ низкомъ тарифѣ, то звонкая монета вывозилась бы для покупки товаровъ, а всѣмъ извѣстно, что въ нынѣшнемъ году вывезено приблизительно 30 милліоновъ звонкой монеты для покупки облигацій седьмаго займа, несмотря на то что большія суммы были вывезены для уплаты издержекъ казны и тѣхъ Русскихъ, которые путешествуютъ за границей. Если за этими уплатами осталось еще около 30 мил., которые безъ всякой внѣшней понудительной причины искали убѣжища за границей, то не ясное ли дѣло, что безъ этой уплаты еще больше денегъ ушло бы туда для покупки процентныхъ бумагъ? Не слѣдуетъ ли изъ этого, что если бы тарифъ былъ поднятъ, то отливъ звонкой монеты не уменьшился бы, а только увеличился бы привозъ облигацій? Словомъ, не ясно ли что ни тарифъ, ни торговый балансъ не имѣютъ вліянія ни на вексельный курсъ, ни на вывозъ звонкой монеты.

№ 33.

Москва, 8-го февраля.

Не даромъ славянская рѣчь означаетъ однимъ и тѣмъ же словомъ языкъ и народъ. Никакое политическое разъединеніе, какъ бы оно ни было продолжительно, не можетъ изгладить то чувство единства, которое связываетъ людей говорящихъ на одномъ языкѣ. Мы видимъ это въ современномъ итальянскомъ движеніи, и можетъ-быть еще рѣзче въ томъ сознаніи общей народности, которое связываетъ между собою всѣхъ Нѣмцевъ, несмотря на ихъ политическое раздробленіе, несмотря на глубокую пропасть, которая раздѣляетъ ихъ въ религіозномъ отношеніи.

Эта связующая сила общаго языка, естественно, должна имѣть великое значеніе въ смыслѣ государственномъ. И дѣйствительно, мы видимъ, что повсюду, гдѣ исторія собрала въ одно государство разные народы или *языки*, оно довершаетъ свое дѣло, сливая въ одинъ народъ, въ одинъ языкъ разнородные входящіе въ него элементы силою общаго языка. Такъ Австрія и Пруссія дѣйствуютъ на подвластныхъ имъ Славянъ, Франція на Нѣмцевъ Эльзаса и т. д. Вездѣ правительства удерживаютъ не только въ высшихъ, но и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ преподаваніе на языкѣ господствующемъ, на языкѣ цѣлаго государства. Намъ можетъ быть непріятна такая политика Австріи относительно соплеменныхъ намъ Славянъ, а Нѣм-

намъ политика Франціи относительно Эльзаса; но съ своей точки зрѣнія, эти правительства совершенно правы, и дѣйствуютъ согласно съ интересами государства.

Но если политика Австріи была намъ непріятна, хотя она дѣйствуетъ на народы, отдѣленные отъ насъ въ государственномъ отношеніи, и чуждые намъ; то мы, къ несчастію, долгое время были уже слишкомъ равнодушны въ отношеніи къ подобному явленію, совершавшемуся у насъ дома, и притомъ среди народа, составляющаго часть насъ самихъ, народа чисто русскаго. Читатель уже догадался, что мы говоримъ о той несчастной вѣтви нашего народа, которая населяетъ возвращенныя отъ Польши губерніи. Теперь намъ непонятно то равнодушіе, съ которымъ прежде смотрѣли у насъ на ополяченіе края, гдѣ огромное большинство населенія чисто русское, и еще болѣе на ту поддержку, какую въ этомъ отношеніи оказывала Полякамъ администрація. Такое равнодушіе объясняется лишь тою апатіей, которая такъ долго тяготѣла надъ нами, убивала въ насъ всякое жизненное движеніе, и Богъ вѣсть къ чему повела бы, еслибы событія насъ не пробудили.

Если бы, со времени возвращенія къ Россіи западныхъ губерній, во всѣхъ гимназіяхъ и семинаріяхъ (католическихъ), было введено употребленіе русскаго языка по всѣмъ предметамъ; то въ нашихъ западныхъ губерніяхъ, можетъ-быть, не было бы польскаго вопроса. Но что̀ было на дѣлѣ? Во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, господствовалъ польскій языкъ, и чрезъ это не только Поляки сохраняли свою народность и связанныя съ нею сепаратистическія стремленія, но даже Русскіе и Литвины становились Поляками! Если бы польскій языкъ не былъ искусственно поддерживаемъ, то, конечно, рѣдкій Литвинъ захотѣлъ бы учиться ему, не имѣя въ немъ надобности; но, вслѣдствіе господствовавшей системы, всѣ Литвины, получавшіе образованіе, дѣлались Поляками!

Теперь многое измѣнилось къ лучшему. Въ гимназіяхъ западнаго края почти всѣ предметы преподаются на русскомъ языкѣ; польскій языкъ преподается только тѣмъ изъ воспитанниковъ, которыхъ родители того пожелаютъ. Мы слышали, что только весьма немногіе изъявляютъ такое желаніе: доказательство, что тамъ очень хорошо можно обойтись безъ польскаго языка. Но насъ смущаетъ слово *почти*, которое мы должны были употребить,—потому что все еще есть предметъ, преподаваемый по-польски,—тотъ предметъ, который дѣйствуетъ преимущественно на нравственную сторону человѣка; то ученіе, которое знакомитъ человѣка съ его обязанностями къ Богу и людямъ; законъ Божій для тамошнихъ жителей римско-католическаго исповѣданія. Это исключеніе намъ кажется до того важнымъ, что по нашему мнѣнію оно одно можетъ значительно ослабить, если не совершенно уничтожить, всѣ полезныя послѣдствія преподаванія остальныхъ предметовъ на русскомъ языкѣ. Всякій человѣкъ необходимо сочтетъ своимъ роднымъ языкомъ именно тотъ, на которомъ онъ привыкъ обращаться съ самыми сокровенными мыслями своими и молитвою къ Богу. Замѣтимъ притомъ, что этому вліянію подвергнутся преимущественно люди съ глубоко религіознымъ чувствомъ, слѣдовательно тѣ, которые были бы добрыми членами общества, если бы мы не отчуждали ихъ отъ себя.

Мы уже не разъ высказывали ту мысль, что въ западныхъ губерніяхъ намъ надобно всячески стараться о разъединеніи католицизма съ польскою народностію. Католицизмъ, самъ по себѣ, не можетъ возбуждать ненависть ни къ какой народности; но въ соединеніи съ элементомъ польщизны, онъ становится знаменемъ, подъ которымъ соединяется все враждебное Россіи. Отнимемъ же у нашихъ враговъ такое сильное орудіе,—и несбыточныя мечты незначительнаго польскаго населенія западнаго края рушатся сами собою. Пусть католики, протестанты и самые Евреи обучаются каждый своему закону по-русски; пусть въ ихъ храмахъ раздается слово проповѣдника по-русски; пусть всѣ они молятся по русскимъ молитвенникамъ, — и они перестанутъ чувствовать себя Поляками; послѣдняя нить, связующая ихъ съ этою народностію, будетъ порвана, и мы пріобрѣтемъ, вмѣсто враговъ, людей преданныхъ общему отечеству, потому что имъ нельзя уже будетъ считать себя не Русскими.

Не то ли же самое мы видимъ и въ другихъ государствахъ? Въ Англіи католики, даже Ирландцы, употребляютъ англійскій языкъ; точно также, во Франціи, протестанты столь же ревностные Французы, какъ и католики. Но могло ли бы это быть, еслибы въ Англіи католики были принуж-

дены употреблять языкъ кельтскій, а протестанты во Франціи — языкъ нѣмецкій? Намъ кажется, что отвѣтъ на этотъ вопросъ не подлежитъ сомнѣнію.

Да и у насъ въ этомъ отношеніи уже былъ сдѣланъ опытъ, и кажется удачный, — въ военно учебныхъ заведеніяхъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ.

Можетъ-быть намъ возразятъ нѣкоторые, что дозволеніе русской проповѣди въ костелахъ и изданіе католическихъ книгъ духовнаго содержанія на русскомъ языкѣ могутъ повлечь за собою совращенія православныхъ въ иновѣріе. Но оставляя въ сторонѣ всѣ другія соображенія, мы напомнимъ возражателямъ только то обстоятельство, что въ западномъ краѣ большинство православныхъ очень хорошо понимаютъ по-польски (тамъ даже въ семействахъ священниковъ православныхъ, говорятъ больше по-польски чѣмъ по-русски), и слѣдовательно если уже непремѣнно предполагать опасность, то точно такой же опасности совращенія можно ожидать и отъ польскихъ проповѣдей.

№ 34.

Москва, 10-го февраля.

Западный край въ послѣднее время, можно сказать, поглотилъ вниманіе и публики, и печати нашей. О немъ писалось и пишется ежедневно; всѣ заняты его настоящимъ положеніемъ и будущею его судьбой, а между тѣмъ, — странное дѣло? — о весьма значичельной доли его народонаселенія, о племени, заключающемъ въ себѣ около 1.200.000 душъ, составляющемъ свыше чѣмъ 11 процентовъ всего населенія края, о еврейскомъ населеніи племени, говорилось весьма мало, вскользь, мимоходомъ.

Кто не знаетъ, хотя по слухамъ, о значеніи еврейскаго народонаселенія въ Западномъ краѣ? Оно держитъ въ своихъ рукахъ всю мелкую промышленность этого края, всю его торговлю, всѣ капиталы; слышно, что и поземельная собственность начинаетъ въ Западныхъ губерніяхъ переходить въ руки Евреевъ. И вотъ, въ то же самое время, они лишены права по произволу избирать себѣ мѣсто жительства, и самъ законъ поддерживаетъ ту замкнутость, то отчужденіе и тотъ духъ касты, которые и безъ того слишкомъ развиты между Евреями. Нельзя не согласиться, что такое положеніе крайне ненормально. По крайней мѣрѣ выигрываетъ ли отъ этого край? выигрываетъ ли Россія? Сомнѣваемся. Мы бьемся изо всѣхъ силъ, чтобы снять польскій наростъ съ Бѣлоруссіи и Украйны, а не обращаемъ вниманія на то, что въ городахъ и мѣстечкахъ этого края не только наростъ, но и все тѣло—Евреи, что эти города и мѣстечки ихъ владѣнія. При $10^1/_2$ милліонахъ общаго населенія края, и населенія небогатаго, имѣющаго вообще мало потребностей, милліону промышленниковъ и торговцевъ нечего дѣлать, и они заѣдаютъ благосостояніе цѣлаго края.

Мы не хотимъ поднимать вопросъ о томъ въ какой степени было бы полезно открыть еврейскому племени, заключенному въ Западномъ краѣ, свободный выходъ въ другія части Имперіи, а еще менѣе считаемъ себя въ правѣ разрѣшать этотъ вопросъ; но не можемъ не замѣтить, что *закрѣпленіе* Евреевъ уже признано явленіемъ ненормальнымъ. Въ послѣднее время имъ открыты два пути изъ той обширной темницы, въ которой они заключены: предъявленіе капитала, дающаго права первой гильдіи, и ученая степень. Постановленія эти, вѣроятно, имѣли цѣлію допускать въ другія части Имперіи лишь лучшихъ людей изъ числа Евреевъ, — но за что же западный край осужденъ оставаться постоянно при худшихъ? Согласно ли съ интересомъ этого края, — а слѣдовательно и всего государства, — чтобы капиталы умственные и матеріяльные постоянно утекали изъ него, чтобъ онъ хронически страдалъ умственнымъ и денежнымъ малокровіемъ? Объ этомъ стоило бы подумать.

Да и не одно это. Если справедливо, что Евреи стремятся вонъ изъ отведеннаго имъ угла, — а, кажется, это мудрено отрицать, — то тѣмъ изъ нихъ, которые не имѣютъ капитала остается одно средство, — высшее образованіе. Чего же, повидимому, лучше! Вотъ средство возбудить между ними охоту къ образованію и увеличить вообще въ Россіи число просвѣщенныхъ людей. Такъ можетъ казаться съ перваго взгляда, — но въ дѣйствительности могутъ выйдти явленія неожиданныя. Вообще привлекать искусственнымъ образомъ людей къ высшему образованію —

едвали полезно. Пусть двери нашихъ университетовъ и академій открыты для всѣхъ, а также и для Евреевъ, но нельзя одобрить искусственныхъ приманокъ, создаваемыхъ для привлеченія людей въ высшія образовательныя заведенія, — приманокъ X класса, освобожденія отъ податнаго состоянія, и наконецъ права переселяться изъ одной губерніи въ другую. Взвѣшены ли относительно Евреевъ, напримѣръ, послѣдствія подобныхъ приманокъ? Что если эти приманки въ самомъ дѣлѣ окажутся успѣшными, если Евреи, за невозможностію выбраться изъ края, откуда выходъ имъ запертъ, хлынутъ въ наши университеты, и не имѣя капиталовъ, чтобы вступить въ торговлю, захватятъ большую часть такъ-называемыхъ либеральныхъ профессій, профессорскихъ каѳедръ и служебныхъ мѣстъ?

То и другое заключается въ границахъ возможнаго. Развѣ мы не видѣли еще недавно несоразмѣрно большое число Поляковъ во всѣхъ отрасляхъ государственной службы? Явленіе это было вызвано отчасти фальшивымъ положеніемъ голой шляхты, привлекаемой по старой привычкѣ къ занятіямъ непроизводительнымъ, а отчасти закономъ, который обязывалъ польскихъ дворянъ къ военной службѣ. Постараемся же избѣгнуть подобной ошибки въ отношеніи къ Евреямъ, ошибки, которая можетъ-быть тѣмъ болѣе опасна, что породитъ въ Евреяхъ неестественное и чрезмѣрное влеченіе къ университетскому образованію и переполнитъ всѣ наши либеральные профессіи этимъ элементомъ. Нужно ли это? полезно ли это? Не худо также припомнить, что Евреи, какъ это доказываетъ примѣръ Германіи, получивъ высшее образованіе, становятся самыми крайними раціоналистами.

Законодателю чрезвычайно трудно, даже невозможно, предусмотрѣть всѣ послѣдствія, могущія произойдти изъ проектируемаго постановленія. Необходимо зорко слѣдить за тѣми явленіями, которыя законъ производитъ въ жизни, и немедленно вноситъ въ него тѣ поправки, на которыя жизнь указываетъ. Безъ всякаго сомнѣнія, право свободнаго перехода изъ Западнаго края студентамъ изъ Евреевъ было даровано съ благимъ намѣреніемъ, — но вотъ однакожь каковы могутъ быть послѣдствія! Чѣмъ заставлять Евреевъ пролѣзать внутрь Имперіи черезъ узкую дверь университета, не лучше ли ужь просто отворить имъ настежь ворота? Относительно размѣщенія и расселенія жителей не лучше ли дать свободный ходъ экономическимъ условіямъ, нежели ставить искусственнымъ условіемъ степень образованія.

№ 35.

Москва, 11-го февраля.

Судьба всякаго дѣла зависитъ не только отъ тѣхъ элементовъ, которые существенно свойственны ему, но и отъ разныхъ постороннихъ условій, которыя имѣютъ на него вліяніе. Въ человѣческихъ дѣлахъ, могущественное вліяніе имѣютъ тѣ чувствованія, воззрѣнія и понятія, которыми дѣла сопровождаются и которыя къ нимъ примѣшиваются. Все зависитъ отъ того, совпадаютъ ли наши воззрѣнія съ дѣйствительностію, и въ какой мѣрѣ совпадаютъ, или же они вносятъ въ дѣло чуждый ему элементъ и производятъ черезъ то какую-нибудь комбинацію, заключающую въ себѣ внутреннее противорѣчіе, отъ котораго неизбѣжно страдаетъ и наконецъ гибнетъ самое дѣло. Въ жизни мы на каждомъ шагу встрѣчаемся съ подобными случаями. Возьмемъ что-нибудь покрупнѣе и появственнѣе для примѣра. Вотъ два человѣка, соединенные между собою полнымъ согласіемъ всѣхъ своихъ существенныхъ интересовъ; но между ними, какъ говорится, пробѣжала черная кошка, и вотъ, вопреки дѣйствительности, они мало-по-малу пріучаются смотрѣть другъ на друга какъ на соперниковъ, какъ на противниковъ, и, наконецъ, какъ на враговъ. Существенные элементы ихъ взаимныхъ отношеній не измѣняются, ихъ интересы остаются тѣ же самые, и по прежнему направлены въ одну и ту же сторону. Но къ нимъ примѣшивается роковое недоразумѣніе, и вотъ, въ группѣ этихъ интересовъ возникаетъ противорѣчіе, которое ведетъ ихъ къ разстройству и губитъ ихъ въ конецъ.

Всѣ слыхали объ ипохондрикахъ, о мнимобольныхъ, и всякому болѣе или менѣе случалось самому быть такимъ больнымъ. Никакого органическаго измѣненія не произошло, но человѣкъ тѣмъ не менѣе серіозно чувствуетъ себя больнымъ. Въ его рукѣ, въ его ногѣ, нѣтъ никакихъ элементовъ для чувства боли, а чувство боли

тѣмъ не менѣе развивается, и человѣкъ чувствуетъ боль, вносимую въ здоровый членъ его воображеніемъ. Эта воображаемая боль можетъ пріобрѣтать всѣ степени энергіи, и становится наконецъ непобѣдимою силой. Какая польза отъ того что въ дѣйствительности нѣтъ никакихъ поврежденій въ органѣ? Фальшиво внесенная въ него боль тѣмъ не менѣе дѣйствительно чувствуется, человѣкъ тѣмъ не менѣе страдаетъ, и мнимая болѣзнь тѣмъ не менѣе ведетъ его и можетъ вести къ послѣдствіямъ, можетъ быть еще болѣе пагубнымъ чѣмъ дѣйствительная болѣзнь.

Не такое ли же точно явленіе представляютъ сужденія наши, въ которыхъ данный фактъ освѣщается группою совершенно не относящихся къ нему понятій. Сужденіе бываетъ правильно и вѣрно только тогда, когда наши понятія вполнѣ соотвѣтствуютъ тому, о чемъ мы судимъ, когда въ нихъ сосредоточены существенные признаки факта, когда въ нихъ нѣтъ никакой чуждой имъ примѣси. Но очень часто мы судимъ о вещахъ несоотвѣтствующими имъ понятіями, и очень часто наши сужденія представляютъ явленіе весьма сходственное съ тѣми болѣзненными случаями, о которыхъ мы говорили выше. Исполненныя внутренняго противорѣчія, эти сужденія вносятъ смуту и разстройство въ нашу жизнь, въ отношенія людей между собою, въ ихъ интересы и ихъ дѣла. Вотъ почему, рѣшаясь судить и дѣйствовать по разсудку, мы должны оглядываться на наши понятія и испытывать ихъ силу, чтобы не попасть въ просакъ и не сдѣлать того, чего мы вовсе не хотимъ сдѣлать. Въ частной жизни каждый самъ отвѣчаетъ за послѣдствія своихъ фальшивыхъ сужденій; но въ общественной жизни они могутъ сопровождаться общественными бѣдствіями. Вотъ почему общественное мнѣніе, пробуждающееся и вступающее въ силу, должно быть очень осмотрительно и заботливо провѣрять запасъ своихъ понятій. Оно должно быть на сторожѣ противъ тѣхъ болѣзненныхъ и уродливыхъ комбинацій, въ которыхъ съ данными въ дѣйствительности условіями сочетаются понятія, выработанныя изъ иныхъ условій и не имѣющія съ ними ничего общаго. Общественное мнѣніе должно пріучаться къ трезвости и ясности взгляда, и болѣе всего опасаться, чтобы въ его воззрѣніяхъ не появлялись такъ-называемые субъективные цвѣта.

Недоразумѣнія обладаютъ неограниченною способностію разрастаться и плодиться. Недоразумѣніе, возникшее въ одномъ, непремѣнно вызываетъ свойственныя себѣ послѣдствія въ другомъ заинтересованномъ человѣкѣ, и отъ него съ новою силой возвращается къ первому, съ тѣмъ чтобъ снова и съ новымъ ядомъ совершить обратный путь. Между людьми разрастается наконецъ цѣлый лѣсъ недоразумѣній. Только твердая рѣшимость взглянуть на дѣло въ истинномъ свѣтѣ можетъ дойдти до корня недоразумѣній и, поразивъ его, пресѣчь эту зловредную плодучесть. Твердая рѣшимость есть признакъ мужества, зрѣлой воли и зрѣлаго ума; но освободиться отъ недоразумѣній люди могутъ тѣмъ легче и тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ менѣе недоразумѣнія имѣли времени укорениться и разростись въ ихъ средѣ.

Недоразумѣнія, которыми страдаетъ наше общественное мнѣніе, слава Богу, не имѣли еще времени слишкомъ глубоко укорениться и слишкомъ широко разростись. Судить объ общественныхъ предметахъ начали мы еще очень недавно, и несмотря на множество нелѣпостей, которыя появлялись въ нашей литературѣ, эти нелѣпости не могли получить значительной силы, и въ нашемъ общественномъ мнѣніи еще не могли образоваться непреодолимые навыки въ сочетаніи и примѣненіи понятій. Всѣ эти болѣе или менѣе нелѣпыя сужденія, которыя возникали на поверхности нашего общества, не имѣютъ въ немъ корней, и понятія, которыя въ нихъ входили, не могутъ даже и назваться понятіями. Это не понятія выработанныя жизненнымъ процессомъ собственной мысли, которыя могли бы стать страшною силою въ фальшивыхъ примѣненіяхъ и въ несвойственныхъ сочетаніяхъ, — это не понятія, а призраки понятій, налетавшіе съ разныхъ сторонъ, благодаря бездѣйствію собственной мысли, и готовые исчезнуть при ея первомъ серіозномъ движеніи. Мы несравненно легче можемъ выходить изъ нашихъ общественныхъ недоразумѣній чѣмъ другіе народы, которые гордятся передъ нами своею давностію и богатствомъ цивилизаціи. У другихъ европейскихъ народовъ, именно вслѣдствіе ихъ давней цивилизаціи, образовалось много воззрѣній, которыя составляютъ дѣйствительную силу и въ добрѣ и въ злѣ общественной жизни, а потому зло фальшивыхъ сочетаній не такъ легко

искореняется тамъ, гдѣ вошли въ него дѣйствительныя силы, какъ тамъ гдѣ оно ограничивается одною болтовнею съ чужаго голоса. Но мы не должны убаюкивать себя этою легкостію, не должны медлить: чѣмъ скорѣе раздѣлаемся мы съ нашими недоразумѣніями тѣмъ лучше, потому что, съ теченіемъ времени, отъ навыка и повторенія безсильное и ничтожное можетъ затвердѣть и войдти въ силу, отъ которой послѣ трудно будетъ отбиться. Къ тому же и самая тѣнь есть своего рода дѣйствительность: она дѣйствуетъ, скрадывая предметы, помрачая наше зрѣніе и сбивая насъ съ толку.

№ 36.

Москва, 12-го февраля.

Затруднительность положенія дѣлъ по датско-германскому столкновенію не мало увеличивается вслѣдствіе того что какъ на той, такъ и на другой сторонѣ враждебныя притязанія основаны на демократическомъ движеніи. въ Даніи съ нѣкотораго времени получили огромное вліяніе на дѣла люди, которыхъ главная сила состоитъ въ рѣшимости обращаться къ толпѣ и ея слѣпымъ страстямъ. Эти демагоги, какъ всегда бываетъ, очень мало интересовались тѣмъ, возможно ли или нѣтъ то, чего они требовали отъ короля и министерства. Они вовлекли датское правительство въ такую политику, которая легко можетъ кончиться совершеннымъ исчезновеніемъ Даніи изъ числа самостоятельныхъ государствъ, если только Европа не спасетъ датскую корону отъ угрожающей ей гибели. Слѣпота, съ которою копенгагенскіе политиканы пренебрегали требованіями германскихъ державъ, странная увѣренность въ неприступности данневиркской позиціи, которую, какъ оказалось, было очень легко обойдти, а защищать, не имѣя силъ вдвое большихъ чѣмъ тѣ, которыми могла располагать Данія, было невозможно, надежда на иностранную помощь, немного напоминающая надежду польскихъ инсургентовъ на то, что за нихъ поднимется вся Европа,—все это было бы необъяснимо, еслибы въ Копенгагенѣ не господствовала демократія. Съ другой стороны, со стороны германской, мы тоже видимъ демократію, считающую возможнымъ все то, чего только хочется или ей самой, или ея руководителямъ и льстецамъ. Права датскаго короля столько же мало существуютъ для нея, какъ и права старшей готторпской линіи; она не хочетъ знать ни общеевропейскихъ обязательствъ записанныхъ въ Лондонскомъ протоколѣ 1852 года, ни требованій европейскаго равновѣсія, ни той опасности, которая угрожаетъ Германіи со всѣхъ сторонъ, еслибъ она вздумала возстановить противъ себя всю Европу. Германской демократіи море по колѣна; она собирается войною на всѣхъ и на все,—на всѣ пять державъ, со включеніемъ Австріи и Пруссіи. Овладѣвшая въ Копенгагенѣ правительствомъ демократія требуетъ отъ него неисполнимыхъ вещей, а въ случаѣ неудачи грозится изгнать короля Христіана IX. Въ Германіи демократія, одержавшая верхъ надъ большею частію среднихъ и мелкихъ государствъ, принуждаетъ эти государства требовать того, чего не допуститъ даромъ ни одна изъ великихъ державъ, и принуждаетъ съ такою настойчивостью что многіе мелкіе и средніе государи Германіи повинуются вынужденію очевидно лишь изъ самосохраненія. Тутъ почти та же альтернатива что и въ Даніи: либо взяться за невозможное, либо рисковать своими тронами.

Само собой разумѣется, что благодаря тому, положеніе Австріи, а особенно Пруссіи очень выгодно. Эти державы находятся въ срединѣ между двумя безразсудными движеніями, идущими на вѣрную гибель. Не требуется ни большой ловкости, ни большихъ усилій чтобы попользоваться насчетъ обѣихъ сторонъ, такъ охотно подставляющихъ себя подъ удары. Г. фонъ-Бисмаркъ сказалъ въ одной изъ послѣднихъ своихъ рѣчей обращенныхъ къ прусской палатѣ депутатовъ, что онъ не сомнѣвается въ своей непремѣнной побѣдѣ надъ демократіей. Онъ былъ совершенно правъ—особенно если разумѣлъ демократію иностранную.

Датскій народъ безспорно очень храбрый и патріотическій народъ; онъ всегда хорошо сражался и вѣроятно будетъ и теперь хорошо сражаться, но издатели газетъ *Faedrelandet* и *Dagbladet* повидимому съумѣютъ сдѣлать безплодными и датскую храбрость, и дипломатическую помощь великихъ державъ. Помѣщенная ниже телеграмма извѣщаетъ о согласіи данномъ Австріей и Пруссіей на открытіе конференцій

по датско-германскому столкновенію. Если это извѣстіе и подтвердится, то еще нельзя будетъ сказать чтобъ опасность для Даніи миновала. Народныя страсти могутъ лишить датское правительство возможности воспользоваться посредничествомъ великихъ державъ. Благодаря копенгагенскимъ демагогамъ, очень можетъ случиться, что Австрія и Пруссія будутъ имѣть предлогъ къ продолженію занятія Шлезвига, а долговременное занятіе Шлезвига, по всему вѣроятію, поведетъ къ тѣсному соединенію Шлезвига съ Гольштейномъ и къ отторженію обоихъ отъ датской монархіи. Не подлежитъ, кажется, сомнѣнію, что Пруссія разчитывала на эту случайность. Едвали можно полагать чтобы Пруссія имѣла виды на присоединеніе Шлезвигъ-Гольштейна; гораздо скорѣе можно думать, что въ планы Пруссіи входитъ та комбинація, о которой говорится въ корреспонденціяхъ, сообщенныхъ нами вчера въ Послѣдней Почтѣ. Прусскій королевскій домъ считаетъ безспорно своею задачей соединеніе значительной части Германіи подъ своей гегемоніей. Пруссія уже дѣлала попытки на этомъ пути, но до сихъ поръ эти попытки не имѣли большаго значенія. Главная трудность состоитъ въ томъ чтобы придумать для теперешнихъ мелкихъ государей Германіи такое положеніе, которое могло бы и имъ быть пріятно и согласоваться съ требованіями возможно-тѣснаго политическаго соединенія ихъ государствъ съ Пруссіей. На государствахъ уже существующихъ нельзя испытывать разныя комбинаціи возможныя въ этомъ отношеніи, а между тѣмъ для Пруссіи чрезвычайно важно установить и показать образецъ той комбинаціи, которая вполнѣ соотвѣтствовала бы ея желаніямъ. Кто поручится, что разстраивая кандидатуру наслѣднаго принца Августенбургскаго, Пруссія хочетъ только привести его дѣло въ совершенную зависимость отъ своей воли и не исключаетъ мысли предложить ему, въ послѣдствіи, условія на которыя онъ принужденъ будетъ согласиться, чтобы хоть что-нибудь получить? Она сдѣлаетъ его на половину государемъ, на половину намѣстникомъ, и эти отношенія послужатъ прототипомъ для тѣхъ мелкихъ нѣмецкихъ государствъ, которыя будутъ принуждены подчиниться прусской гегемоніи. Нельзя, конечно, утверждать чтобы таковы именно были планы Пруссіи, но нельзя отрицать и того, что она держитъ себя довольно двусмысленно относительно этого загадочнаго претендента, о которомъ не даромъ говорятъ, что ему очень доброжелательствуетъ наслѣдный принцъ прусскій. Во всякомъ случаѣ подобная комбинація совершенно входила бы въ дальновидные планы прусской политики.

Но какъ должна смотрѣть на эти попытки Европа? Благоразуміе воспрещаетъ противодѣйствовать тому что̀ составляетъ неизбѣжную потребность положенія дѣлъ. Такую потребность нельзя не видѣть въ объединеніи Германіи. Нельзя также не видѣть, что при этомъ дѣлѣ главная роль должна выпасть на долю Пруссіи. Этого требуетъ самое дѣло, и это совершенно согласно съ общими интересами европейскаго міра, въ особенности же съ нашими русскими интересами. Но если повидимому и можно дать Пруссіи полную волю, пусть она ловитъ себѣ рыбу въ мутной водѣ демократическаго волненія, обуревающаго теперь Германію; то нѣтъ никакого основанія предоставлять ей Шлезвигъ-Гольштейнъ. Пруссія можетъ быть покойна: Общество Національнаго Единства ужь позаботится о томъ, чтобы для прусской политики было довольно обширное поле въ мелкихъ государствахъ Германіи. По всему видно, что для многихъ изъ этихъ государствъ скоро пробьетъ послѣдній часъ, если онъ не пробилъ уже. Шлезвигъ-Гольштейнское дѣло послужитъ сильнымъ толчкомъ въ этомъ отношеніи. Пусть же пользуется Пруссія этимъ дѣломъ въ чисто-внутреннихъ счетахъ Германіи, но не касается равновѣсія на Сѣверѣ Европы, не посягаетъ на цѣлость Датской монархіи и не вторгается въ права и фамильныя состязанія многочисленныхъ линій ольденбургскаго дома.

Пруссіи было бы не трудно управиться съ датскою демократіей, но пусть лучше она управляется съ демократіей въ Германіи, съ демократіей у себя дома. Тутъ будетъ дѣла не мало. Внутренній разладъ пустилъ въ Пруссіи глубокіе корни. Даже передъ Даніей и передъ Германскимъ Союзомъ, она могущественна теперь только потому, что дѣйствуетъ въ союзѣ съ Австріей. На свою руку она дѣйствовать не въ силахъ. Для этого ей надобно было бы прежде исправить свои внутреннія дѣла. Но какъ исправить ихъ? Мы начали говорить вчера о недоразумѣніяхъ и фаль-

шивыхъ комбинаціяхъ, часто отравляющихъ политическую жизнь народовъ. Пруссія можетъ служить образцомъ подобнаго недоразумѣнія, окрѣпшаго и такъ-сказать кристаллизовавшагося. Это недоразумѣніе, которое въѣлось въ плоть и кровь прусскаго государственнаго устройства и можетъ быть устранено уже не простымъ разъясненіемъ понятій, а лишь продолжительнымъ трудомъ исторіи, заключается въ отождествленіи интересовъ короны съ интересами бюрократіи. Долговременное устраненіе первенствующихъ элементовъ земства отъ доступа къ трону убило политическую жизнь земства, разъединило его съ трономъ, и теперь заставляетъ избирателей посылать въ палату депутатовъ не столько людей изъ общества сколько людей имѣющихъ служебное положеніе. Въ продолжительномъ политическомъ униженіи лицъ высокаго общественнаго положенія заключается одна изъ главныхъ причинъ того страннаго чиновническаго демократизма, который вступилъ теперь въ борьбу съ короной, въ борьбу не равную, но тѣмъ не менѣе крайне вредную для государства. При такомъ положеніи своихъ внутреннихъ дѣлъ Пруссія должна быть скромна въ своихъ сношеніяхъ съ великими державами.

№ 27.

Москва, 13-го февраля.

Сообщенные вчера по телеграфу слухи, что Пруссія и Австрія согласились участвовать въ конференціи по датско-германскому столкновенію, вызываютъ на размышленіе объ отношеніи двухъ западныхъ державъ къ тѣмъ вопросамъ, которые будутъ подлежать обсужденію на предстоящихъ конференціяхъ. Чего хочетъ Англія? Чего она опасается? Почему такъ хлопочетъ она о скорѣйшемъ мирномъ прекращеніи столкновенія? Какъ объяснить наконецъ, что Франція, которая привыкла вездѣ бывать впереди, тутъ скромно остается позади Англіи и спокойно ждетъ событій?

Безпокойство Англіи и безмятежность Франціи ясно указываютъ на различіе видовъ этихъ двухъ державъ, и такъ какъ у Англіи никакихъ видовъ на отступленіе отъ территоріяльнаго *statu quo* нѣтъ и быть не можетъ, то весь интересъ сосредоточивается на планахъ входящихъ въ разчеты Франціи. Такъ спокойно смотрѣть на датско-германское столкновеніе какъ смотритъ Франція можно только той великой державѣ, которая почему-нибудь надѣется на благопріятный для нея исходъ дѣла. Въ чемъ же можетъ состоять этотъ благопріятный для Франціи исходъ датско-германскаго столкновенія? Неужели Наполеонъ III, какъ думаютъ иные, имѣетъ въ виду ни больше не меньше какъ лѣвый берегъ Рейна? Конечно, нѣтъ. Теперешнее столкновеніе еще не такъ важно, чтобы можно было думать о подобномъ результатѣ. Онъ остается еще впереди, какъ отдаленная цѣль національнаго честолюбія. А на ближайшее время должно имѣться въ виду что-либо другое. Что̀ же это такое?

Если нѣмцы приходятъ въ негодованіе отъ того, что ихъ соплеменники находятся подъ владычествомъ чужеземцевъ, то имъ не должно быть непріятно, когда и другія національности, Венгерцы, Италіянцы и т. д., потребуютъ себѣ такой же независимости, какой Австрія и Пруссія отыскиваютъ теперь для нѣмецкихъ обитателей Шлезвига;—если автономія хороша для Герцогствъ, то она должна быть хороша и для Венеціи, и для Венгріи, и для Галиціи;—тѣсно сплоченная, подъ могущественнымъ руководствомъ Австріи и Пруссіи, Германія станетъ силой, съ которою придется считаться и противъ которой необходима уравновѣшивающая сила;—Скандинавская имперія на сѣверѣ и конфедерація Дунайскихъ государствъ на Югѣ могли бы доставить это равновѣсіе; они служили бы для Франціи надежною точкой опоры противъ Россіи и Германіи. Таковъ, по словамъ парижскаго корреспондента *Times*, рядъ мыслей, къ которому часто обращается теперь императоръ Французовъ, и котораго онъ не скрываетъ отъ своихъ приближенныхъ. „Трудно разумѣется, сказать, во что̀ разрѣшатся эти мысли, прибавляетъ корреспондентъ. Всѣмъ извѣстна нерѣшительность императора; но всѣмъ извѣстно также, что онъ никогда не покидаетъ идеи, которую давно лелѣетъ, развѣ когда осуществленіе ея окажется совершенно невозможнымъ.“

Повидимому все это очень близко къ дѣйствительности. Просимъ читателей обратить вниманіе на другое показаніе того же корреспондента, которое помѣщено ниже подъ рубрикой *Франція*,—на показаніе о закупкѣ оружія разными агентами Италіи. Подоб-

ныя же защиты дѣлаются и со стороны князя Кузы, о чемъ уже не разъ сообщали газеты и что также извѣстно нашимъ читателямъ. На югѣ Европы, по всѣмъ признакамъ, что-то замышляется и замышляется повидимому прежде всего противъ Австріи. Многое что еще недавно приписывалось такъ-называемымъ русскимъ интригамъ, теперь оказывается дѣломъ Франціи, и Англичане совершенно убѣдились въ этомъ. Подъ рубрикой *Турція* мы печатаемъ ниже любопытную статью англійскаго еженедѣльнаго изданія *Saturday Review;* изъ этой статьи видно, до какихъ размѣровъ, по мнѣнію Англичанъ, доходитъ французская агитація въ сѣверныхъ частяхъ Балканскаго полуострова. Впрочемъ и тутъ Франція едва ли имѣетъ въ виду ускорить событіе, за которымъ, по выраженію *Saturday Review*, должна послѣдовать, „борьба гигантовъ.“ Какъ на западѣ лѣвый берегъ Рейна составляетъ отдаленную цѣль, такъ точно отдаленную цѣль, или лучше отдаленный планъ перспективы составляетъ и смерть „больнаго человѣка,“ а непосредственно имѣется въ виду нѣчто ближайшее, — атака направленная не столько на Турцію сколько на Австрію, въ случаѣ войны между Австріей и Италіей.

Припомнимъ, что Викторъ-Эммануилъ привѣтствовалъ новый годъ выраженіемъ надежды что европейскія смуты дадутъ Италіи возможность достигнуть въ нынѣшнемъ году болѣе счастливыхъ результатовъ чѣмъ въ прошломъ. Припомнимъ также и то, что Данія уже заявляла о готовности Италіи принять ея сторону въ столкновеніи съ Германіей. Наконецъ припомнимъ что военныя силы Италіи все болѣе и болѣе возрастаютъ, и что при финансовомъ разстройствѣ Итальянское королевство не могло бы содержать колоссальныя силы, если бы не имѣло въ виду скораго употребленія ихъ въ дѣло. Все это вмѣстѣ достаточно указываетъ на опасность, которая угрожаетъ Австріи со стороны Италіи. Теперь когда Шлезвигъ отвлекъ значительную часть австрійскаго войска на крайній сѣверъ, борьба для Италіи облегчается, и трудно предполагать, чтобъ Италія не воспользовалась этою минутой, которая можетъ-быть долго потомъ не повторится.

Таковы комбинаціи, которыя Франція не только допускаетъ, но даже вызываетъ на югѣ Европы. Нужно ли говорить, что Англія смотритъ на нихъ съ крайнимъ недовѣріемъ?

На сѣверѣ еще болѣе поводовъ къ разногласію между двумя западными державами. И Англія, и Франція порицаютъ образъ дѣйствій Пруссіи и Австріи въ шлезвигъ-гольштейнскомъ дѣлѣ, но порицаютъ его съ противоположныхъ точекъ зрѣнія. Англія недовольна великими нѣмецкими державами, но еще болѣе недовольна средними нѣмецкими государствами. Франція наоборотъ. Еслибы предстоялъ ей выборъ, она скорѣе клонилась бы на сторону наслѣднаго принца Августенбургскаго чѣмъ на сторону Пруссіи и Австріи. Она кокетничаетъ съ національнымъ движеніемъ въ Германіи и готова поддерживать и подстрекать его. Ея миролюбіе не идетъ такъ далеко чтобъ ужасаться той перспективы, о которой говоритъ ниже нашъ вѣнскій корреспондентъ, — перспективы междуусобной войны въ Германіи. Можно навѣрное сказать что на конференціяхъ она не будетъ отстаивать ни Лондонскаго трактата, ни вообще цѣлости Датской монархіи. Поборница принципа національности, Франція не прочь согласиться, за приличное вознагражденіе, на совершенное отдѣленіе Гольштиніи и южнаго Шлезвига отъ Даніи, съ тѣмъ конечно чтобъ эти части составили отдѣльное государство, а не были присоединены къ Пруссіи. Англія, напротивъ, всячески будетъ отстаивать цѣлость Датской монархіи, не только вообще въ видахъ консервативныхъ, но еще изъ опасенія того что лишившись значительныхъ областей своихъ, Данія не будетъ въ состояніи продолжать отдѣльное существованіе. Въ Даніи есть скандинавская партія, имѣющая своимъ органомъ газету *Faedrelandet*. Эта партія дѣйствуетъ очень дерзко, и уже теперь позволяетъ себѣ наглыя выходки противъ короля и королевской фамиліи. Всякій ударъ, нанесенный Даніи со стороны Германіи, долженъ усиливать эту партію. Хотя слитіе Даніи съ Швеціей и Норвегіей должно встрѣтить серіозныя препятствія въ политическомъ устройствѣ этихъ странъ (власть короля, слабая въ Даніи, очень сильна въ Швеціи), однакоже скандинависты не останавливаются передъ этимъ препятствіемъ и надѣются превозмочь его. Ихъ обольщаютъ виды на политическое могущество новаго соединеннаго королевства, или, какъ хотятъ окрестить его въ Парижѣ, новой Скандинавской имперіи. Но это могущество будетъ состоять

преимущественно во флотѣ, а этого достаточно, чтобъ Англія всячески противодѣйствовала скандинавизму.

Какъ въ центрѣ Европы Англія стоитъ энергически за Австрію, такъ на сѣверѣ она должна стоять за Данію. Это политика, предписываемая самыми важными государственными интересами. Но такъ какъ судьба хотѣла всѣми способами запутать шлезвигъ-гольштейнскій вопросъ, то и къ англійской политикѣ примѣшался элементъ вносящій въ нее нерѣшительность и колебаніе. Государственные люди Англіи, съ государственной точки зрѣнія, считаютъ нужнымъ поддерживать Данію и энергически противодѣйствовать притязаніямъ Германіи. Такъ какъ это дѣло — не чета польскому вопросу, то государственные люди Англіи не могутъ считать достаточнымъ одно лишь словесное заявленіе. Поэтому за дипломатическими протестами должны бы послѣдовать военныя демонстраціи. Но королева Викторія не даетъ согласія ни на какое дѣйствіе враждебное Пруссіи...

Это внутреннее разногласіе въ англійскомъ правительствѣ, вмѣстѣ съ коренныmъ разногласіемъ видовъ англійскаго и французскаго правительства, ставитъ великія нѣмецкія державы въ выгодное положеніе, и вотъ почему они очень могли согласиться на конференцію по шлезвигъ-гольштейнскому дѣлу.

№ 33.

Москва, 14-го февраля.

Мы уже упоминали въ нашей газетѣ объ *Атласѣ народонаселеній Западно-Русскаго края по вѣроисповѣданіямъ*, составленномъ трудами гг. Батюшкова и Риттиха. Это великолѣпное изданіе напечатано въ маломъ числѣ экземпляровъ и въ продажу не поступаетъ. А потому мы надѣемся оказать нашимъ читателямъ услугу сообщеніемъ нѣкоторыхъ данныхъ, почерпнутыхъ нами изъ разсмотрѣнія этого важнаго труда.

Пространство, называемое Западнымъ Краемъ, очерчено съ двухъ сторонъ,—съ востока и запада,—большими водными линіями. Съ одной стороны Днѣпръ отдѣляетъ его отъ другихъ русскихъ земель, начиная съ самой южной оконечности до половины Могилевской губерніи; далѣе, къ сѣверу, ея восточная граница уклоняется на востокъ отъ теченія этой рѣки, и идетъ прихотливыми извилинами, обозначенными рукою офиціяльныхъ межевщиковъ. Что касается до западной границы этого края, то ее составляютъ Днѣпръ, Бугъ (Западный), Бобръ и Нѣманъ. Сѣверная и южная границы на Атласѣ проведены болѣе или менѣе произвольно: Западная Двина и Синюха суть лишь части этихъ границъ.

Независимо отъ самыхъ рѣкъ, частію судоходныхъ, частію сплавныхъ, Западный Край прорѣзывается въ разныхъ направленіяхъ рѣками Бугомъ, Припетью, Случемъ, Горынью, Стыремъ, Березиной, Сожью, и Виліею,—тоже отчасти судоходными, отчасти сплавными.

Почва Западнаго Края въ высшей степени разнообразна: начиная съ безплодныхъ песковъ сѣверозападной части Витебской губерніи до густаго чернозема Украйны и торфяныхъ тундръ Полѣсья. Сѣверная часть страны, говоря вообще, возвышенна, гориста и лѣсиста, мѣстами обильна озерками, и въ большей части Витебской, Ковенской и Виленской губерній живописна: Вильно, Троки, часть теченія Нѣмана и Виліи справедливо славятся въ этомъ отношеніи. Далѣе за Гродномъ, Новогрудкомъ и Минскомъ страна понижается, холмы почти исчезаютъ, и открывается широкая полоса лѣсистыхъ болотъ, постоянно покрытыхъ сизымъ туманомъ, и перерѣзанныхъ едва струящимися сонными рѣками. Это Полѣсье, — почти сплошное болото, простирающееся отъ западнаго Буга до Днѣпра и имѣющее ширины не менѣе 400 верстъ. Оно обнимаетъ южную часть Гродненской, бо́льшую часть Минской губерніи, захватываетъ сѣверный уголъ Кіевской и покрываетъ по крайней мѣрѣ половину (сѣверную) Волынской. Затѣмъ, далѣе къ югу, за Владиміромъ-Волынскимъ, Луцкомъ и Овручемъ, мѣстность начинаетъ возвышаться, лѣса рѣдѣютъ, холмы, отроги Карпатовъ, разбѣгаются по всѣмъ направленіямъ, и въ сосѣдствѣ Днѣстра образуютъ одну изъ прекраснѣйшихъ мѣстностей—не только въ Россіи, но можетъ-быть и въ Европѣ. Далѣе къ югу, мало-по-малу, мѣстность сглаживается, и начинаются неоглядныя степи Херсонской губерніи.

Вотъ очеркъ мѣстности. *Она изстари* была заселена двумя племенами,—русскимъ и литовскимъ. Сколько можно судить по говору и физіономіи жителей, по названію

урочищъ и тому подобнымъ признакамъ, Варшавская желѣзная дорога довольно близко проходитъ къ той линіи, которую можно было бы принять за границу между этими двумя племенами. Начиная отъ того мѣста, гдѣ дорога эта вступаетъ въ Витебскую губернію, этнографическая граница должна была бы взять нѣсколько влѣво, обойдти Вильно съ восточной стороны у Ошмянъ, потомъ близъ Гродна перейдти на противоположную сторону дороги, и пересѣчь ее снова у Бѣлостока.

Разумѣется литовское племя, разливавшееся нѣкогда по всей западной Руси и проникавшее до Чернаго моря, не могло не осѣсть въ разныхъ ея частяхъ. Дѣйствительно, свѣдѣнія представляемыя *Атласомъ* указываютъ на группы литовскаго племени, разбросанныя почти по всему пространству Западнаго Края, разумѣется, съ большею густотою по мѣрѣ сосѣдства съ стародавнимъ гнѣздомъ своимъ, и постепенно рѣдѣя по мѣрѣ отдаленія отъ него. Литовское племя составляетъ слишкомъ 80 процентовъ всего народонаселенія Ковенской губерніи и живетъ тамъ сплошною массой; почти такъ же густо населяетъ оно сѣверо-западную часть Виленской, между тѣмъ какъ въ Подольской и Кіевской его нѣтъ вовсе.

Вся численность этого племени не превышаетъ въ настоящую пору 1.367.450 человѣкъ,—цифра отнюдь не уменьшенная противъ дѣйствительности, но напротивъ, превышающая изчисленіе, сдѣланное Кеппеномъ.

Къ востоку отъ линіи желѣзной дороги осѣло почти сплошною массой племя чисто русское—Бѣлоруссы и Малоруссы. Эти двѣ отрасли русскаго корня, подвигаясь нѣкогда съ сѣвера и юга, сошлись и смѣшались на срединѣ пути, въ Полѣсьи, причемъ, по замѣчанію г. Кояловича, произошло странное филологическое явленіе: бѣлорусское и малорусское нарѣчія утратили часть своихъ особенностей и приблизились къ общему языку русскому. Независимо отъ этихъ двухъ великихъ, почти сплошныхъ группъ русскаго племени, занимающихъ свою исконную территорію, другія группы большей или меньшей плотности и обширности разбросаны по территоріи искони заселенной Литвою. Въ самой Ковенской губерніи, этой коренной Жмуди, насчитывается до 22 тысячъ Великоруссовъ, Бѣлоруссовъ и Малоруссовъ, особенно первыхъ.

Исторія уже оцѣнила значеніе и дѣйствіе *переселеній русскаго племени на сѣверъ, въ земли финскихъ народцевъ.* Новгородскіе рыбаки, звѣроловы, промышленники, бѣглецы, мало-по-малу обрусили сѣверное Заволжье. Точно также русскіе князья и бояре, отъѣзжавшіе за литовскій рубежъ, толпы старообрядцевъ, рекрутъ и дезертировъ Петровскаго времени, покидавшихъ свои полки, крестьянъ уходившихъ отъ крѣпостнаго права,—вся эта пестрая масса русскихъ людей, выходившихъ изъ коренной Россіи, приносившая живыя преданія русскихъ чувствъ, понятій и обычаевъ края подвластныя Польшѣ, должна была поддерживать и обновлять связь зарубежнаго русскаго народа съ коренною Русью,—связь метрополіи съ отторгнутыми отъ нея частями.

Миграція русская проникла еще далѣе къ западу, и нынѣ заявляетъ себя въ Августовской губерніи; и тамъ за сотни верстъ отъ своей колыбели, она сберегла чисто русское чувство, свято сохранила народную связь свою съ Русскимъ отечествомъ. Мы не говоримъ о русскомъ населеніи Люблинской губерніи, такъ какъ оно тамъ коренное, а не пришлое; но возвращаясь къ русскимъ колоніямъ среди литовскаго и польскаго народонаселенія, припоминая его сильное дѣйствіе въ сѣверномъ Заволжьи, въ Сибири, его стойкость въ Финляндіи (въ Выборгской губерніи), справедливо ли обвинять русское племя въ податливости и слабости относительно другихъ, прикосновенныхъ къ нему народностей? Всего, по *Атласу*, Русскихъ въ западныхъ губеніяхъ 6.895.830 ч. или около 65 проц. общаго населенія (10.659.712 ч.). Если же мы исключимъ Ковенскую и Виленскую губерніи, то въ остальныхъ чисто-русскаго племени будетъ до 80 проц. на общую массу жителей (8.970.285). Таково численное отношеніе западнаго края по племенамъ.

Взаимное отношеніе по вѣроисповѣданію довольно сходно съ племеннымъ. Вѣроисповѣданія разграничиваются почти тѣми же чертами какъ и національности. Сѣверозападный уголъ карты представляющій всѣ 9 губерній въ совокопности—*розовый* (католическій), остальная его часть *зеленая* (православная) и линія отдѣляющая *зеленую* сторону отъ *розовой* проходитъ близко отъ Варшавской желѣзной дороги къ востоку, изрѣдка переходя и на запад-

ную ея сторону. Разумѣется, *зеленыя* крапинки разбросаны по *розовой* землѣ, а *розовые* кружки раскиданы по *зеленой*.

Всматриваясь внимательно въ эти *розовые* кружки, мы найдемъ въ нихъ нѣкоторыя указанія. И больше, и гуще они вдоль и по близости линіи очерчивающей страну, гдѣ преобладаетъ латинство; кружковъ этихъ наиболѣе въ восточной части Виленской губерніи, въ ближайшихъ къ ней частяхъ Минской и въ Гродненской, вдоль польской границы. Это естественно. Далѣе, мы видимъ довольно густо-разбросанныя, хотя и мелкія розовыя точки въ губерніяхъ Кіевской, Волынской и особенно Подольской; это большею частію усадьбы пановъ, осѣдлости піонеровъ полонизма въ югозападной Руси; это Вишневецъ, Теофилполь, Тульчинъ, Умань,—старинныя владѣнія Вишневецкихъ, Потоцкихъ, Любомірскихъ и другихъ магнатовъ польскихъ или ополячившихся русскихъ;—это слободы дробной шляхты, образовавшейся большею частію изъ панской дворни;—это, наконецъ, тѣ костелы и монастыри, которые уже въ исходѣ XVIII вѣка католическая ревность разсыпала по Украйнѣ, какъ передовые посты своего замышляемаго завоеванія... Менѣе всего испещрено розовымъ кружкомъ Полѣсье, страна бѣдная и глухая, мало привлекавшая польскихъ пановъ и католическихъ миссіонеровъ. Имъ была несравненно дороже плодоносная и населенная Украйна. Глядя на это множество, хотя и мелкихъ кружковъ, разсыпанныхъ по пространству югозападной Руси, особенно Подоліи, становится удивительно, какъ они, будучи центрами систематической энергической пропаганды не слились между собою, не покрыли всей страны. Надо было много стойкости, много силы упора со стороны осажденныхъ и окруженныхъ отвсюду туземцевъ, чтобъ удержать свой природный *зеленый* цвѣтъ! Замѣтимъ также, что во всемъ западномъ краѣ *нѣтъ ни одного города*, который на *Атласѣ* гг. Батюшкова и Риттиха не былъ бы обведенъ болѣе или менѣе обширнымъ розовымъ кружкомъ.

Итакъ, православіе въ западномъ краѣ, вообще говоря, совпадаетъ съ русскою народностію. Однако выводъ этотъ только приблизительно вѣренъ. Въ таблицахъ при *Атласѣ*, подъ рубрикою *Русскихъ* находится 262.184 католиковъ, а подъ рубрикою *Поляковъ* — 38.715 православныхъ. Эти цифры намекаютъ на то, что католицизма не слѣдуетъ смѣшивать съ польщизной, и что Русскими могутъ быть и иновѣрцы.

№ 39.

Москва, 15-го февраля.

А.

Не разъ была высказываема въ нашей печати, и отчасти, въ нашемъ законодательствѣ мысль, что самою безыскусственною и наиболѣе удобною земскою единицей могъ бы служить у насъ *приходъ*. Въ приходѣ соединяются всѣ православные жители извѣстнаго участка, безъ различія званій, вѣдомствъ и состояній; всѣ обыватели связаны съ приходомъ весьма важными для нихъ интересами; вокругъ приходской церкви сгруппировались у насъ сами собою и школа, и торговый базаръ; здѣсь же находится не рѣдко и помѣщичья усадьба, и волостное управленіе, и тутъ же собирается мірская сходка. Къ этимъ центрамъ стянулись такимъ образомъ всѣ общественные интересы каждаго уголка въ Россіи. Наконецъ, приходъ существуетъ у насъ издавна, какъ синодальная единица. Всѣхъ этихъ условій слишкомъ достаточно для того чтобы ручаться за прочность и примѣнимость тѣхъ учрежденій, которыя, какъ ожидающія теперь законодательнаго утвержденія „приходскія попечительства,“ будутъ у насъ основаны на выработанныхъ самою жизнію условіяхъ и потребностяхъ. Когда законъ соразмѣряется съ наличными матеріяльными и нравственными фактами общества, то законодательство всегда можетъ разсчитывать, что принимаемыя имъ мѣры легко привьются къ жизни, и найдутъ себѣ свободное примѣненіе. Если въ Англіи—этой классической странѣ свободы и порядка—уставы приходскихъ попечительствъ поражаютъ посторонняго читателя своею плодовитостію, видимымъ безпорядкомъ и чрезвычайною дробностію спеціяльныхъ узаконеній, то намъ извѣстно, съ другой стороны, что мѣстная жизнь въ Англіи сама нисколько и ни въ чемъ не подавляется такими свойствами уставовъ; она не теряется въ нихъ, и не стремится всюду ускользать изъ-подъ силы закона, а подъ его опредѣленіями двигается свободно, какъ въ своихъ естественныхъ формахъ. Вопросы о благо-

устройствѣ приходской общины, сельскіе уставы судебный и полицейскій, имѣютъ право на вниманіе, на равнѣ съ другими законодательными вопросами, и можно полагать, что эти уставы по времени примкнутъ къ приходскому устройству. Намъ слѣдуетъ опасаться не избытка, или накопленія законодательныхъ мѣръ въ сферѣ приходской жизни, — у насъ въ этомъ отношеніи ничего еще пока не существуетъ,—а слѣдуетъ опасаться только того, что уставы, вырабатываемые для земскаго благоустройства въ канцеляріяхъ присутственныхъ мѣстъ, не будутъ соотвѣтствовать въ должной мѣрѣ дѣйствительнымъ потребностямъ и силамъ земскихъ и приходскихъ общинъ. Вотъ единственная причина почему теперь дѣйствительно надобно заботиться о возможной краткости нашихъ уставовъ и простотѣ нашихъ мѣръ, почему надобно желать чтобы законодательство, пока оно располагаетъ лишь своими теперешними способами, воздержалось по возможности отъ разнообразнаго примѣненія приходскихъ совѣтовъ къ дѣламъ земскимъ.

Но съ другой стороны, нельзя повидимому отрицать, что если въ видахъ весьма понятной осторожности, или изъ опасенія нарушить законодательными мѣрами установившіеся обычаи, сочиняемые для приходскихъ попечительствъ уставы не получатъ никогда характера обязательности, и связанной съ нею законной отвѣтственности для членовъ прихода или приходскихъ попечительствъ, то едва ли подобные уставы будутъ серіозно содѣйствовать укрѣпленію и развитію нашего земскаго организма и его различныхъ развѣтвленій. Нельзя не имѣть въ виду, что и у насъ должно будетъ наступить дальнѣйшее развитіе нашихъ приходскихъ учрежденій, когда для нихъ потребуются законодательныя финансовыя опредѣленія. Пока законодательство не касается или не считаетъ своевременнымъ, или наконецъ не имѣетъ возможности убѣдиться въ своевременности, этого, безспорно, самаго щекотливаго и наиболѣе чувствительнаго для гражданъ вопроса о *матеріальныхъ* средствахъ; пока оно не придаетъ своимъ уставамъ вслѣдствіе того никакой обязательной силы, оно всегда рискуетъ, что его мѣры не перейдутъ изъ области благожеланій въ прозаическую реальную жизнь, что оно будетъ двигаться въ несвойственныхъ ему сферахъ частной благотворительности, необязательныхъ дѣйствій. Не возлагающій на прихожанъ обязанностей и отвѣтственности уставъ будетъ имѣть тѣ же послѣдствія для благоустройства прихода, какія имѣютъ напримѣръ тѣ статьи сельскаго полицейскаго устава, въ которыхъ рекомендуется крестьянамъ стоять прилично въ церкви, не обижать прохожихъ, обращаться ласково съ проѣзжающими и проч.

Положимъ, что законодательство признаетъ необходимымъ обезпечить въ приходѣ: благоустройство и благосостояніе церкви, кладбища, причта, школы и участь бѣдныхъ въ предѣлахъ прихода. Вступая въ сферу подобныхъ отношеній и интересовъ, законодательство, очевидно, не можетъ уже ограничиваться однимъ приглашеніемъ жителей прихода къ подобнымъ заботамъ, не можетъ ограничиться въ рубрикахъ своихъ уставовъ одними лишь призывами къ доброхотнымъ пожертвованіямъ по влеченію сердца.

Но какъ все это ни справедливо, въ настоящую минуту намъ кажется рѣшительно неудобнымъ введеніе какихъ-либо обязательныхъ уставовъ въ имѣющую возникнуть жизнь приходскихъ попечительствъ. Теперь задача состоитъ лишь въ томъ чтобы разрѣшить и узаконить существованіе этого рода учрежденій, и тѣмъ удовлетворить важной потребности, вызванной измѣненіемъ въ сельскомъ быту.

Какимъ образомъ трактовались у насъ вышеисчисленные предметы приходскаго попечительства, или по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ? Частная благотворительность, личная иниціатива, нравственное вліяніе болѣе сильныхъ лицъ селенія или прихода; власть и средства помѣщика; жертвы богатыхъ владѣльцевъ, взаимныя соглашенія болѣе вліятельныхъ прихожанъ: вотъ источники для поддержанія существующаго устройства и состоянія нашихъ приходовъ. При этомъ власть епархіальнаго архіерея всегда была первенствующею и утверждающею всѣ распоряженія и дѣйствія частныхъ лицъ и обществъ; этою властью связывалось по закону, и еще сильнѣе, по обычаю, попечительство надъ предметами церковныхъ потребностей и интересовъ. Теперь если законодательство имѣетъ въ виду привлечь къ приходскимъ попечительствамъ, подъ наблюденіемъ епархіальнаго архіерея, лица наиболѣе въ нихъ заинтересованныя, то побужденія законодательства очевидны. Крестьянская реформа и самостоятельная

жизнь, къ которой призвано бывшее крѣпостное населеніе, не могли, конечно, не отразиться на состояніи прихода. Помѣщики, которыхъ отцы и предки устраивали по большей части приходскія церкви, и которые сами поддерживали, такъ или иначе, благоустройство церкви и благочиніе при богослуженіяхъ,—теперь нѣсколько отшатнулись отъ этихъ заботъ, вслѣдствіе своего изолированнаго положенія въ приходѣ. Существуютъ конечно и другія причины, по которымъ, съ одной стороны, труднѣе стало разчитывать на частную благотворительность, а съ другой—благоустройство прихода оказывается болѣе чѣмъ прежде неотложною потребностью свободнаго общества.

Этой ближайшей потребности должны удовлетворять на первый разъ проектируемыя нынѣ приходскія попечительства, и теперь кажется отнюдь не время разсуждать о томъ, что они должны быть, по существу своему, учрежденіями по преимуществу земскими, а не клерикальными. Если мы не ошибаемся, въ послѣдствіи времени въ нашихъ приходахъ будутъ существовать рядомъ попечительства земскія и церковныя.

Б.

Сегодня въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* напечатана протестація девяти лицъ, которыя, въ качествѣ гласныхъ Московской Общей Думы, обращались къ издателямъ *Московскихъ Вѣдомостей* съ коллективнымъ письмомъ уже извѣстнымъ публикѣ. Ихъ протестація первоначально назначалась въ нашу газету, но не была напечатана, потому что основывалась на несправедливомъ показаніи, которое было разъяснено и устранено. Главное обвиненіе состояло въ томъ, будто мы самовольно напечатали коллективное заявленіе девяти гласныхъ, но при личномъ объясненіи это обвиненіе оказалось невѣрнымъ, и стало быть протестація теряла смыслъ. Появленіе ея въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* можетъ свидѣтельствовать только о желаніи настаивать на показаніи завѣдомо невѣрномъ. Протестація эта въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* сопровождается объяснительнымъ письмомъ г. П. Самарина, которое также невѣрно въ своихъ показаніяхъ.

Такъ какъ это дѣло претендуетъ на характеръ общественнаго, то оно во всѣхъ своихъ основаніяхъ и подробностяхъ должно подлежать суду публики. Мы не хотимъ удовольствоваться формальнымъ объясненіемъ, и въ слѣдующемъ № нашей газеты представимъ полное изложеніе дѣла со всею откровенностью.

№ 40.

Москва, 17-го февраля.

Ниже представляемъ мы изложеніе фактовъ, относящихся къ извѣстному публикѣ заявленію девяти членовъ Московской Общей Думы. Такъ какъ дѣло это приняло характеръ общественнаго, то оно заслуживаетъ нѣкотораго вниманія публики и подлежитъ ея суду. Пусть непредубѣжденныя лица сообразятъ главныя обстоятельства дѣла, независимо отъ нашего разсказа, и рѣшатъ, могли ли мы дѣйствовать иначе. Характеръ нашей общественной дѣятельности извѣстенъ публикѣ давно,—пусть же всякій рѣшитъ, можно ли было по поводу нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ нами въ статьѣ, писанной для разъясненія общаго вопроса, каково устройство земскихъ учрежденій и городскихъ думъ,—словъ, не заключавшихъ въ себѣ никакого личнаго намека,—словъ, изъ которыхъ могъ бы извлечь ядъ только тотъ, кто предварительно внесъ бы его самъ въ нихъ,—можно ли было по поводу этихъ словъ, еслибъ они и въ самомъ дѣлѣ были несправедливы или преувеличены, замышлять общественную демонстрацію? Мы готовы вѣрить, что лица, участвовавшія въ этомъ заявленіи, не имѣли никакихъ затаенныхъ непріязненныхъ побужденій; но, какъ нѣкоторые изъ нихъ свидѣтельствовали намъ сами, заявленіе ихъ было предпринято съ цѣлію предупредить другую, дѣйствительно, непріязненную демонстрацію и скандалъ. Значитъ, въ основаніи всего этого дѣла все-таки были темныя интриги. Наконецъ, въ самомъ этомъ заявленіи девяти гласныхъ, какими бы добрыми намѣреніями ни были одушевлены они, могли ли мы не видѣть послѣдствіе той же интриги? Во всякомъ случаѣ могли ли мы видѣть въ подобномъ заявленіи частное дружелюбное письмо, ожидавшее отъ насъ, какъ намъ говорятъ, товарищескаго отвѣта? Кто когда-нибудь называлъ частнымъ письмомъ заявленіе писанное въ публичномъ мѣстѣ, выставленное для подписанія въ многочис-

ленномъ собраніи, заявленіе, которому дана уже была гласность прежде чѣмъ оно пришло въ наши руки, заявленіе писанное офиціяльнымъ тономъ, адресованное не къ лицу, а въ редакцію газеты? Оставить безъ должнаго отпора подобный случай, значило бы до нѣкоторой степени признать его законность, и такимъ образомъ дать въ послѣдствіи всякаго рода интриганамъ удобное орудіе дѣйствовать уже не вопреки своимъ намѣреніямъ, а въ полномъ согласіи съ ними.

По вопросу объ общественномъ управленіи мы имѣемъ опредѣленныя мнѣнія, которыя постоянно высказывали. Говоря о новыхъ земскихъ учрежденіяхъ, мы, въ поясненіе, коснулись уже существующихъ учрежденій того же самаго строя. Московская Дума не считаетъ за собою и одного года существованія, а потому ни въ какомъ случаѣ не могла бы служить примѣромъ ни въ дурномъ, ни въ хорошемъ отношеніи; но Петербургская имѣетъ исторію, и исторія эта убѣдительно подкрѣпляетъ наши соображенія относительно организаціи общественнаго управленія. Въ немногихъ мимоходомъ сказанныхъ нами (№ 7 *Московскихъ Вѣдомостей)* словахъ о Московской Распорядительной Думѣ не было никакого намѣренія обличать и обвинять. Имѣются или не имѣются у насъ какія-либо свѣдѣнія, это вопросъ, не имѣющій ничего общаго съ высказанными нами словами, которыя отвѣчаютъ только за непосредственно выражаемый ими смыслъ. Мы говорили только объ устройствѣ учрежденія и о невыгодныхъ, проистекающихъ изъ этого устройства послѣдствіяхъ. Упомянуто о жалобахъ, которыя вовсе не тайна, которыя вовсе не требовалось затаивать, и причина жалобъ приписана главнымъ образомъ устройству учрежденія. Чѣмъ менѣе подвергаются сомнѣнію личныя качества людей, находящихся во главѣ управленія, тѣмъ убѣдительнѣе говорятъ органическіе недостатки учрежденія. Нельзя признать то устройство удовлетворительнымъ, которое требуетъ напряженныхъ, и часто все-таки не достигающихъ цѣли усилій, для того чтобы дѣла шли по возможности правильно. Желательнѣе, напротивъ, такое устройство общественныхъ дѣлъ, которое давало бы людямъ возможность употреблять свои силы не съ одною только отрицательною, но и съ возможно большею положительною пользой,—такое устройство, въ которомъ плохіе люди не могли бы держаться, а дѣятели достойные могли бы приносить пользу вполнѣ соотвѣтственную тратѣ времени и силъ, посвящаемыхъ ими дѣлу. Общественное управленіе можетъ идти вполнѣ удовлетворительно не только при возможно большей автономіи своихъ учрежденій, но и при возможно большей самостоятельности каждаго изъ своихъ дѣйствующихъ членовъ. Порядокъ, основанный на бюрократическомъ механизмѣ, лишающемъ учрежденіе живой внутренней силы, отнимающемъ у каждаго дѣйствующаго члена возможность вести свое дѣло съ чувствомъ полной самостоятельности и личной отвѣтственности за его начало, продолженіе и конецъ, съ плодотворною энергіей хозяина, располагающаго всѣми необходимыми для дѣла условіями, такой порядокъ не можетъ соотвѣтствовать тѣмъ учрежденіямъ, которыя назначаются служить органомъ общественнаго самоуправленія. Мелочная зависимость и связанность дѣйствій убиваютъ въ учрежденіи духъ, и часто дѣлаютъ совершенно безполезными самыя лучшія усилія, часто обезсиливаютъ самыхъ энергическихъ дѣятелей.

Распорядительная дума соотвѣтствуетъ въ нововводимыхъ земскихъ учрежденіяхъ уѣзднымъ и губернскимъ управамъ, какъ общая дума соотвѣтствуетъ уѣзднымъ и губернскимъ собраніямъ. Но изъ какихъ бы элементовъ ни составлялась распорядительная дума, она все-таки построена въ духѣ нашихъ обыкновенныхъ присутственныхъ мѣстъ, и мы того же опасаемся за наши будущія земскія управы. Безжизненная коллегіальность, въ которой каждый членъ есть не болѣе какъ зубецъ машины, и нѣмецкій формализмъ удерживаютъ эти новые органы новаго общественнаго управленія въ старой, столь уже извѣстной намъ колеѣ, изъ которой пора бы какъ-нибудь и выйдти. Мы уже не говоримъ о характерѣ сношеній думы съ административными властями,—достаточно указать на типъ ея внутренняго дѣлопроизводства. Обстоятельство, совершенно не зависящее отъ свойствъ или воли присутствующихъ, служитъ часто источникомъ сильнаго раздраженія, совершенно безвинно падающаго на нихъ. Что, казалось бы, незначительнѣе того обстоятельства, что, въ силу коллегіяльности, для какого-нибудь контракта требуется подпись всѣхъ членовъ присутствія? А между тѣмъ практика свидѣ-

тельствуетъ о большихъ неудобствахъ, проистекающихъ отъ этого для публики, о значительной задержкѣ въ дѣлахъ, возбуждающей ропотъ и сѣтованія.

Говоря о Распорядительной Думѣ, мы упомянули объ управѣ Благочинія: за это могутъ упрекнуть насъ въ преувеличеніи, но не въ желаніи сказать что-нибудь очень обидное. Во главѣ Управы Благочинія очень часто находились лица, о которыхъ никто по совѣсти не можетъ сказать ничего кромѣ хорошаго, люди способные и честные, которые однако были безсильны къ очищенію канцеляріи и къ прекращенію справедливыхъ неудовольствій публики. Бюрократическій формализмъ требуетъ гораздо болѣе канцелярскаго люда чѣмъ сколько нужно по сущности дѣла. Пора намъ наконецъ не все обличать и обвинять, — пора серіозно подумать, можно ли подвергать обвиненію бѣдный канцелярскій людъ; мы должны наконецъ серіозно подумать, что не можетъ же человѣкъ, часто обязанный съ утра до вечера сидѣть въ присутственномъ мѣстѣ и стало-быть не имѣющій возможности заняться чѣмъ-нибудь другимъ, — обязанный въ то же время и одѣться прилично, и содержать семейство въ большомъ городѣ, гдѣ все дорого и все дорожаетъ, — не можетъ же онъ жить на 50, на 100 и даже на 250 рубл. въ годъ. Недавно, на митингѣ въ Бермингамѣ, г. Брайтъ скорбѣлъ объ участи сельскихъ батраковъ въ Англіи, которые, по его разчету, получаютъ въ годъ на брата отъ 150 до 200 рублей задѣльной платы, живя въ деревнѣ, свободные отъ всякихъ податей и рекрутской повинности, платя какихъ-нибудь 10 или 15 рублей въ годъ за свой коттеджъ съ огородомъ, наконецъ при ежедневно возрастающей дешевизнѣ всѣхъ предметовъ потребленія, вслѣдствіе коммерческой свободы. Не есть ли положеніе сельскаго батрака въ Англіи, объ улучшеніи быта котораго такъ теперь заботятся, состояніе привилегированное въ сравненіи съ положеніемъ мелкаго чиновника у насъ при вышесказанныхъ условіяхъ?

Вообще надобно желать не того чтобъ общественныя учрежденія, которыя вновь вводятся въ нашъ бытъ и которыя должны служить органами самоуправленія, были одною или даже многими ступенями выше существующихъ бюрократическихъ учрежденій, а того чтобъ они вовсе не принадлежали къ одному разряду съ ними, и чтобъ они представляли собою совершенно иной типъ учрежденій.

Замѣтимъ, что есть люди, которые сравниваютъ одно дѣйствующее учрежденіе съ другимъ, одно присутственное мѣсто съ другимъ присутственнымъ мѣстомъ, одну управу съ другою, и не находятъ между ними большаго различія, значитъ ли это наносить оскорбленіе учрежденію, и вызывать какой-либо протестъ офиціяльнаго свойства? Основательно или неосновательно подобное сравненіе, оно можетъ быть предметомъ полемики и споровъ, — если угодно частныхъ неудовольствій, — но ни въ какомъ случаѣ не можетъ вести къ какой-нибудь демонстраціи офиціяльнаго свойства. Спрашивается, можетъ ли интересъ города требовать, чтобъ учрежденіе, которое стóитъ ему слишкомъ восемьдесятъ тысячъ, было застраховано отъ сужденій общественнаго мнѣнія, хотя бы даже слишкомъ рѣзкихъ, и чтобы каждое слово о немъ сказанное въ печати сопровождалось юридическими доказательствами? Не слѣдуетъ ли напротивъ желать и въ интересѣ города, и въ интересѣ лучшихъ элементовъ самой Распорядительной Думы, чтобъ она не была недотрогой, а напротивъ была открыта для полной и возможно болѣе широкой гласности?

Можно пожалуй задать вопросъ, удобно ли человѣку, который самъ принадлежитъ къ составу думы, допускать въ издаваемой имъ газетѣ какія-либо неблагопріятныя сужденія о ней? Этотъ вопросъ можно рѣшать такъ или иначе, но онъ не имѣетъ никакого примѣненія къ настоящему случаю. По странной терминологіи, общая и распорядительная думы обѣ называются думами. Въ силу этой сбивчивой терминологіи, городъ имѣетъ двѣ думы, тогда какъ, казалось бы, довольно и одной; но дѣло въ томъ, что эти двѣ думы суть два совершенно различныя учрежденія, не находящіяся между собою въ солидарности. Распорядительная дума происходитъ не изъ нѣдръ общей думы; составлена она изъ иныхъ элементовъ, на иныхъ основаніяхъ, функціи ихъ не имѣютъ ничего общаго между собою. Распорядительная дума есть присутственное мѣсто, въ которомъ члены служатъ за жалованье по обычному порядку. Общая дума есть собраніе выбранныхъ городомъ людей, имѣющее своимъ назначеніемъ обсуждать дѣла по городскому управленію.

Что касается общей думы, то и въ ней никакъ нельзя видѣть корпорацію, имѣющую свои особыя, отдѣльныя отъ города дѣла и заботы. Какъ городское представительное собраніе, она должна полагать все свое достоинство въ полномъ отсутствіи всего что̀ могло бы обособлять ее относительно города. Члены ея, выбранные городомъ, должны заботиться не о какихъ-либо отдѣльныхъ отъ города интересахъ думы, которыхъ не должно быть, а единственно объ интересахъ города. Если бы то или другое въ устройствѣ самой общей думы, въ порядкахъ, въ ней заведенныхъ, или въ ея приговорахъ, по мнѣнію того или другаго изъ гласныхъ, не соотвѣтствовало интересамъ города, то его первая и главнѣйшая обязанность — высказывать свое мнѣніе всѣми способами и безъ всякой утайки. Нельзя не порадоваться, что въ послѣднемъ засѣданіи своемъ Московская Общая Дума, на основаніи доклада коммиссіи о пользахъ и нуждахъ общественныхъ, рѣшила открыть свои засѣданія для публики. Этимъ окончательно устраняется все что̀ могло бы стѣснять по отношенію къ происходящему въ ней свободу мнѣнія ея членовъ.

№ 41.

Москва, 18-го февраля.

Наши замѣчанія о Петровской Земледѣльческой Академіи не остались безъ возраженій. Прежде всего въ *Сѣверной Пчелѣ* поднялся обличительный голосъ, повидимому изъ нѣдръ самого Петровскаго-Разумовскаго, такъ какъ имя этой мѣстности отмѣчено подъ размашистою статьей г. Е. С—го, которой одна часть, по словамъ автора, написана фельетоннымъ, а другая серіознымъ слогомъ. Укоривъ насъ въ томъ, что мы толкуемъ, о чемъ насъ не спрашиваютъ, авторъ, исполненный либерализма, приравниваетъ насъ даже гоголевскимъ дядѣ Митяю и дядѣ Миняю (котораго поспѣшный авторъ называетъ Михеемъ), забывая, повидимому, что Академію въ такомъ случаѣ онъ изображаетъ въ видѣ рыдвана, застрявшаго на дорогѣ. Широкою кистію, предъ которою блѣднѣютъ наши слабыя краски, дополнивъ сдѣланное нами изображеніе будущей Академіи, обитатель Петровскаго рисуетъ яркую картину этого заведенія, которое для него и Академія, и театръ, и ферма, и говоритъ (въ серіозномъ отдѣлѣ своей статьи): „дай Богъ, чтобъ Академія никогда не готовила агрономовъ и лѣсничихъ, какъ готовятъ бифстексъ и котлеты, а иногда и спеціалистовъ, и давала каждому средство приготовить себя сообразно съ своимъ призваніемъ." Вскорѣ послѣ появленія этого громкаго голоса жителя Петровскихъ лѣсовъ или садовъ, мы прочли въ *Сѣверной Почтѣ* весьма благоразумную статью имѣющую въ виду опровергнуть наши замѣчанія. Авторъ этой статьи, въ сужденіяхъ своихъ выходящій, повидимому, отъ тѣхъ же принциповъ, которые руководили и нашими размышленіями, не только не дополняетъ представленной нами картины будущей Академіи, но даже называетъ ее вымысломъ. Но такъ какъ наше изображеніе основывалось на проектѣ устава, то авторъ спѣшитъ и уставъ этотъ отнести въ область вымысла, говоря, что онъ еще не обработанъ и безъ сомнѣнія подвергнется существеннымъ измѣненіямъ. Отложивъ въ сторону уставъ, почтенный авторъ утверждаетъ, что возникнетъ не громадное какое-либо учрежденіе, а скромная—quod dii ratum faciant—спеціяльная школа, съ меньшими даже затѣями, чѣмъ Горыгорецкій институтъ, съ маленькою фермой, безъ ненужной роскоши, съ удовлетвореніемъ только самыхъ необходимыхъ потребностей спеціяльнаго учебнаго заведенія. Какая противоположность между этимъ изображеніемъ и широкими ожиданіями автора первой статьи, живущаго однако въ Петровскомъ-Разумовскомъ!

Авторъ благоразумнаго заявленія, помѣщеннаго въ *Сѣверной Почтѣ*, упрекаетъ насъ въ томъ, что мы поторопились рѣшительнымъ заключеніемъ о планѣ Академіи, основываясь на необработанномъ уставѣ, но въ то же время самъ согласенъ допустить, что наши замѣчанія могутъ до нѣкоторой степени принести пользу будущему учрежденію. Онъ забываетъ только, что всѣ замѣчанія наши дѣлались въ предположеніи, что Академія возникаетъ на тѣхъ началахъ и въ томъ духѣ, какіе выражаются въ проектѣ устава. Если бы устраивалась спеціяльная сельско-хозяйственная школа, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, а не предпринимался громадный опытъ и притомъ даже не въ области сельскаго хозяйства, а болѣе въ области педагогіи, то и рѣчь была бы другая и на-

ши замѣчанія по преимуществу сосредоточились бы на экономической сторонѣ дѣла. Осторожный авторъ мало касается этой послѣдней стороны вопроса и вмѣстѣ съ тѣмъ проходитъ также молчаніемъ наши замѣчанія о магистерскихъ дипломахъ, какіе будетъ раздавать Академія при рукоплесканіяхъ автора первой замѣтки, неудержимаго въ своихъ откровенныхъ восторгахъ и въ нашемъ спорѣ играющаго до нѣкоторой степени роль enfant terrible Академіи.

Наконецъ, вотъ и попытка внести гармонію въ этотъ диссонансъ. Въ сегодняшнемъ нумерѣ нашей газеты читатели найдутъ третье возраженіе, написанное почтеннымъ директоромъ будущаго заведенія Н. И. Желѣзновымъ. Почтенный директоръ говоритъ, какъ и слѣдовало ожидать, благоразуміемъ и предусмотрительностію, но онъ тоже живетъ въ Петровскомъ, а тамъ въ воздухѣ утопія. Глубоко проникнутый убѣжденіемъ, что просвѣщеніе полезно, Н. И. Желѣзновъ начинаетъ свои доводы издалека и прежде всего устанавливаетъ оригинальную теорію государства, согласно которой „главная обязанность всякаго правительства состоитъ въ принятіи мѣръ содѣйствующихъ поступательному движенію государства на пути къ просвѣщенію“. На пути къ этой высшей цѣли, правительство, по мнѣнію автора, не должно останавливаться предъ значительностью издержекъ, даже еслибы мѣра, признаваемая полезною, предпринималась *въ видѣ опыта*. Понятно, что такая теорія правительства, поглощеннаго главнымъ образомъ заботами о воспитаніи народа, и безграничнаго кредита, открытаго, въ надеждѣ, вѣроятно, на неизчерпаемость казны, для всего, что только обѣщаетъ вести къ желанному просвѣщенію,—понятно, говоримъ, что такая теорія можетъ вполнѣ одобрить и даже прославить дорогой педагогическій опытъ, предпринимаемый подъ именемъ Петровской Академіи. Съ цѣлію, повидимому, подкрѣпить свои доводы, ученый авторъ упоминаетъ, что въ Англіи и Франціи были потрачены значительныя суммы на осушеніе различныхъ мѣстностей и потрачены притомъ въ высшей степени благоразумнымъ образомъ—въ формѣ ссудъ; указываетъ съ тою же, вѣроятно, цѣлью на примѣръ громаднаго сельско-хозяйственнаго института устроеннаго въ утопическомъ 1848 году во Франціи подъ именемъ Версальскаго Національнаго Института и закрытаго нѣсколько лѣтъ спустя (omen dii avertant); говоритъ о существованіи обширныхъ агрономическихъ заведеній въ Англіи и Франціи, устроенныхъ частными обществами на частныя средства, и не забываетъ прибавить, что у насъ подобныя предпріятія едва ли бы могли имѣть успѣхъ. Странное впечатлѣніе дѣлаютъ эти указанія почтеннаго автора! Повидимому какое-то зерно скептицизма и самоопроверженія присутствуетъ въ его умѣ сохраняющемъ инстинкты истины и заставляетъ его, высказавъ мысль, тотчасъ приводить другую ослабляющую и даже уничтожающую значеніе первой. Богатая фактическими данными, статья его въ тоже время представляетъ любопытную борьбу взглядовъ сталкивающихся между собою въ поучительномъ процессѣ самоопроверженія и избавляющихъ противника отъ необходимости подробнаго возраженія.

Благоразумный авторъ статьи, доставленной въ *Сѣверную Почту*, отказываетъ въ истинѣ той картинѣ Петровской Академіи, которая была набросана въ нашей замѣткѣ. Но пусть прочтетъ онъ живыя строки, помѣщенныя въ *Сѣверной Пчелѣ* и ученые доводы, заключающіеся въ статьѣ почтеннаго директора, и онъ убѣдится, что наше изображеніе представляетъ собою только слабые штрихи сравнительно съ рѣзкими очертаніями образа будущей академіи, какъ онъ рисуется въ ожиданіи нетерпѣливаго жителя Петровскаго и какъ онъ выясняется даже въ серіозной аргументаціи ученаго директора. Мы сказали, что новое заведеніе требуетъ полъ-милліона для своего устройства и обѣщаетъ болѣе чѣмъ стотысячный бюджетъ. Почтенный директоръ исправляетъ нашу неточность и дополняетъ, что заведеніе обойдется милліонъ и бюджетъ будетъ простираться до двухъ сотъ тысячъ. Мы сказали: Академія открываетъ свои богатства и не хочетъ знать, кто и какъ и зачѣмъ ими пользуется. „А какъ же по вашему?“ восклицаетъ обитатель Разумовскаго, находя что мы отлично выразили назначеніе Академіи. „Кого будетъ выпускать Академія?“ прибавляетъ онъ: „да всякаго кто войдетъ въ нее и потомъ захочетъ выйдти!... Человѣкъ имѣетъ законный видъ на проживаніе (sic), онъ не преступникъ, не мошенникъ—на какомъ же основаніи, по какому праву вы заградите ему всѣ (?)

пути къ образованію, почему вы лишите его возможности слушать лекцію?“ Мы заикнулись о недостаткѣ въ нравственномъ надзорѣ для сонма молодыхъ людей, которые будутъ жить при Академіи. „Скажите, пожалуйста, восклицаетъ житель садовъ, какая жалость! Какая безнравственность! Ну, какъ обойдтись безъ инспекціи!“ и остроумно замѣтивъ что театры тоже построены на казенный счетъ и на содержаніе ихъ тоже тратится много денегъ, а между тѣмъ никто не присматриваетъ за зрителями: „заплатилъ полтора цѣлковыхъ, сиди, слушай музыку“—указываетъ на общую для всѣхъ полицейскую инспекцію, которой слушатели Академіи подчинены на равнѣ со всѣми гражданами (рѣчь идетъ, повидимому, объ инспекціи становаго пристава, такъ какъ Академія находится, если не ошибаемся, въ уѣздѣ). Мы коснулись экзаменовъ. „Академія не установила обыкновенныхъ экзаменовъ, восклицаетъ неутомимый защитникъ новаго заведенія, потому что сознаетъ всю безплодность подобныхъ экзаменовъ... и предпочитаетъ имъ не подготовленную (не со стороны ли слушателей?) бесѣду профессора со слушателями. „И что же? Почти такое же мнѣніе о значеніи экзаменовъ высказываетъ и самъ ученый директоръ заведенія воздвигаемаго для наблюденій и опытовъ надъ дѣйствіемъ новыхъ недагогическихъ началъ. Вообще справедливость требуетъ замѣтить что почтенный г. Желѣзновъ, становясь повидимому въ срединѣ между *Сѣверной Пчелой* и *Сѣверною Почтой*, въ сущности стоитъ за *Пчелу* и противъ *Почты*. Статья его только тономъ подходитъ къ статьѣ *Почты*, а содержаніе ея совершенно другое и вполнѣ подтверждаетъ высказанное нами сужденіе. Даже фантастическая рѣчь, которую въ статьѣ нашей мы вложили въ уста будущему оратору Академіи, оказывается довольно близкою къ той, которую почтенный директоръ намѣренъ произнести при открытіи Академіи. Правда, ученый противникъ нашъ говоритъ, что никакъ не послѣдуетъ вашему совѣту, никакъ не будетъ гоняться за эффектами будто бы „обличающими въ говорящемъ чувство раздраженія (откуда оно?)“, и никоимъ образомъ не начнетъ рѣчи ссылкою на мнѣнія иностранца. „Рѣчи иностранца относительно Россіи, говоритъ онъ, часто нашептываются геніемъ фантазіи, а еще чаще завистью, недоброжелательствомъ и другими нечистыми божествами“ (отказываемся понять, какимъ образомъ доброжелательныя и въ высшей степени лестныя слова Біо о Пулковской обсерваторіи могли подать поводъ къ такому замѣчанію). Но безпристрастный читатель легко усмотритъ, что рѣчь почтеннаго директора вовсе не такъ много отличается отъ проектированной нами: не будутъ забыты даже красивые домики.

Есть впрочемъ одинъ пунктъ, относительно котораго доводы нашихъ почтенныхъ противниковъ можно назвать побѣдоносными. Они касаются мысли объ учрежденіи при университетахъ особаго сельско-хозяйственнаго отдѣленія. Къ сожалѣнію доводы эти нисколько не относятся къ намъ и если бы кто-нибудь высказалъ подобную мысль, мы первые готовы были бы возстать противъ нея самымъ рѣшительнымъ образомъ. Не понимаемъ, какимъ образомъ, какъ будто сговорясь между собою, всѣ три противника наши вычитали между строками нашей статьи какой-то планъ новаго подраздѣленія математическаго факультета чрезъ прибавленіе къ нему агрономическаго отдѣленія. Авторъ статьи, помѣщенной въ *Сѣверной Почтѣ*, думаетъ даже, что указаніе этого плана составляло главную цѣль нашихъ замѣтокъ. Между тѣмъ въ нашей статьѣ сказано только, что если есть потребность въ *публичныхъ лекціяхъ* сельскаго хозяйства, то для удовлетворенія ея никакой нѣтъ надобности рядомъ съ университетомъ воздвигать еще новый факультетъ, такъ какъ лекціи этого рода легко могутъ быть открыты при университетѣ (т.-е. въ залахъ университета) или при *Обществѣ Сельскаго Хозяйства* (ясно кажется, что рѣчь идетъ не объ агрономическомъ факультетѣ) подобно тому какъ при университетахъ (по ходатайству министерства финансовъ) открывались публичные курсы технической химіи и технологіи. Называя академію по отношенію къ теоретическому преподаванію факультетомъ, мы желали только выразить, что преподаваніе въ Академіи, какъ оно проектируется въ уставѣ, не соотвѣтствуетъ характеру спеціальной школы.

Наши возражатели желаютъ, помимо прямаго смысла нашихъ словъ, видѣть въ статьѣ нашей какую-то особую цѣль; авторъ замѣчаній, помѣщенныхъ въ *Сѣверной Почтѣ*, находитъ, что эта статья по духу и тону отличается отъ другихъ ста-

тей нашихъ, въ которыхъ ему угодно видѣть твердый здравый смыслъ; почтенный директоръ Академіи отдѣляетъ насъ даже отъ насъ самихъ (такой казусъ не въ первый разъ уже случается съ нами), и обращается къ намъ въ лицѣ какого-то писателя, котораго по временамъ зоветъ остроумнымъ, для чего-то какъ бы забывая, что передовыя статьи *Московскихъ Вѣдомостей* принадлежитъ редакціи этой газеты; что же касается до добродушнаго обитателя Разумовскаго, онъ просто называетъ статью нашу фельетонной, несмотря, какъ онъ выражается, на ея передовое мѣсто. Между тѣмъ не было ни малѣйшей надобности придумывать что-либо особое, чтобы понять духъ и цѣль нашей статьи. Дѣло преобразованія и созиданія трудное дѣло. Между отвлеченною мыслію и дѣйствительнымъ ея осуществленіемъ, между намѣреніемъ, хотя бы самымъ благимъ, и его исполненіемъ лежитъ цѣлая пропасть. Отвлеченный принципъ можетъ быть вполнѣ справедливъ, можетъ быть истиной въ родѣ того, что просвѣщеніе полезно, и между тѣмъ дѣйствіе, предпринятое во имя этого принципа, можетъ быть нелѣпо и даже вредно. Просвѣщеніе полезно, но изъ того не слѣдуетъ, чтобы былъ правъ тотъ ораторъ Конвента, который восклицалъ: „Вамъ, законодатели, вамъ, основатели республики, предстоитъ открыть великую школу. Ея помѣщеніе будетъ вся территорія Франціи. Старцы, юноши, мужи, женщины, невѣжды и ученые, всѣ мы будемъ учениками: учителемъ нашимъ будетъ природа, а то, чему намъ предстоитъ учиться, уже вложено въ нашихъ сердцахъ.“ Только тогда отвлеченный принципъ становится благотворною, созидающею силой, когда онъ отвѣчаетъ тому, что невидимо, но дѣятельно присутствуетъ въ элементахъ самой дѣйствительности. Съ этими элементами прежде всего должно считаться, замышляя преобразованіе, иначе оно останется только на бумагѣ, да въ воображеніи преобразователя. А преобразованій, улучшеній и созиданій на бумагѣ мы Русскіе должны бояться какъ огня именно потому, что мы къ нимъ такъ нерѣдко чувствуемъ нѣжную склонность. Намъ казалось, что составители устава Академіи, желая широкою рукою сѣять сельско-хозяйственное просвѣщеніе, мало позаботились объ элементахъ дѣйствительности, среди которыхъ воздвигается проектируемое учрежденіе. Если въ средѣ землевладѣльцевъ есть дѣйствительная потребность въ сельско-хозяйственныхъ знаніяхъ, то какая надобность учреждать, конечно на казенный счетъ, обширное заведеніе съ даровымъ почти ученьемъ, которое, какъ все даровое, всегда такъ мало цѣнится. При существованіи въ обществѣ дѣйствительной потребности въ сельско-хозяйственныхъ знаніяхъ и при правильномъ устройствѣ, безъ сомнѣнія могла бы процвѣтать и такая школа, въ которую учащіеся вносили бы довольно значительную плату, напримѣръ до трехъ сотъ рублей въ годъ, какъ это дѣлается во многихъ агрономическихъ школахъ за границею. Такое заведеніе, конечно, могло бы быть устроено на болѣе экономическихъ основаніяхъ, чѣмъ тѣ, на которыхъ воздвигнется богатая (казенными деньгами) Академія. Да и дѣло въ такомъ заведеніи пошло бы лучше: надобно было бы удовлетворить потребностямъ платящихъ, то-есть дѣйствительнымъ потребностямъ общества. А то вѣдь, по пословицѣ, *даровому коню въ зубы не смотрятъ*, тѣмъ паче, когда изъ него сыплются дипломы на 9-й классъ и на другія благополучія. Наши почтенные возражатели напрасно думаютъ, что мы вообще противъ всякихъ спеціяльныхъ школъ. При извѣстныхъ обстоятельствахъ мы даже не противъ казенныхъ спеціяльныхъ школъ, хотя не можемъ понять, почему люди такъ сильно заботящіеся объ успѣхахъ русскаго сельскаго хозяйства предпочитаютъ учрежденіе казенныхъ школъ тѣмъ мѣрамъ, которыми Англичане подняли сельское хозяйство въ Ирландіи. Мы только противъ фантастическихъ проектовъ и дорого стóящихъ опытовъ, хотя бы даже предпринятыхъ во имя благаго просвѣщенія. Опыты позволительно дѣлать лишь на свой собственный счетъ; въ этомъ—узда противъ увлеченій, къ которымъ люди такъ склонны. Податными деньгами никто не въ правѣ рисковать. Этому учитъ самый добрый здравый смыслъ, и смѣемъ увѣрить почтеннаго Н. П. Желѣзнова, злаго ничего нѣтъ даже и въ томъ мнѣніи, что не только вызывать, но и просто одобрять производство милліонныхъ опытовъ на казенныя деньги было бы очень дурно, пока государственые финансы борются съ дефицитомъ.

Въ заключеніе прибавимъ, что наши замѣчанія о имѣющихъ быть въ Академіи магистерскихъ испытаніяхъ привели въ не-

годованіе защитниковъ проекта, за исключеніемъ впрочемъ автора статьи, помѣщенной въ *Сѣверной Почтѣ*, который ничего не говоритъ объ этомъ предметѣ. Житель Разумовскаго съ негодованіемъ встрѣчаетъ наши до очевидности простыя замѣчанія, громко утверждаетъ, что экзамены въ Академіи, при кажущейся легкости, будутъ очень трудны (на магистра скотоводства тоже?), беретъ подъ свою защиту дѣйствительнаго студента, идущаго въ Академію за степенью магистра, и который, по его выраженію можетъ-быть кандидата не получилъ лишь потому, что не достало какого-нибудь балла изъ предмета очень далекаго отъ его спеціальности, и наконецъ, дѣлаетъ нѣсколько колкихъ замѣчаній на счетъ ненужныхъ затрудненій, съ которыми сопряжено магистерское испытаніе въ университетѣ. Почтенный директоръ, съ своей стороны, называетъ наши замѣчанія о магистерствѣ въ Академіи язвительнымъ обвиненіемъ, горячо вступается за честь несуществующаго еще совѣта Академіи и заключаетъ статью свою колкимъ замѣчаніемъ, которое, такъ какъ оно касается редакціи той газеты, гдѣ ученый авторъ помѣщаетъ свое возраженіе, — могло бы назваться неприличнымъ, если бы не подавало повода къ болѣе смѣшному чѣмъ серіозному истолкованію. Въ извѣстномъ романѣ Диккенса *Давидъ Копперфильдъ*, тетушка юнаго Давида часто обращалась къ нему съ словами: „Давидъ, ваша сестра Бетси этого бы не сдѣлала,“ хотя такой сестры никогда не существовало, а почтенная тетушка только съ увѣренностію ждала ея появленія на свѣтъ въ моментъ рожденія Давида. Исполненная живаго раздраженія защита несуществующаго совѣта отъ несуществующаго обвиненія въ несправедливой слабости магистерскихъ испытаній невольно напомнила намъ оригинальную тетушку Копперфильда.

№ 42.

Москва, 20-го февраля.

Разумною международною политикой можно почитать только ту, которая сообразуется съ даннымъ положеніемъ дѣлъ. Давать такой характеръ своей политикѣ вовсе не значитъ рабски покоряться существующему положенію: напротивъ, умѣя пользоваться событіями и вѣрно держа политическій тактъ, держава овладѣваетъ положеніемъ и господствуетъ надъ событіями, тогда какъ забѣгая впередъ, стараясь сочинить себѣ по своему вкусу положеніе дѣлъ, мы именно и рискуемъ ему покориться. Исторія представляетъ тому разительные примѣры. Мы, однако, не тронемъ ихъ. Мы хотимъ только, по поводу новой англійской Синей Книги, обратить вниманіе читателей на отношеніе русскаго правительства къ датско-германскому столкновенію. И въ Россіи, и за границей всѣ отдаютъ полную справедливость нынѣшней международной политикѣ Россіи и тому искусству, съ которымъ *ведутся теперь* наши *дипломатическія дѣла. Не говоря* уже о побѣдѣ, одержанной нами надъ дипломатическою коалиціей по польскимъ дѣламъ, во всѣхъ прочихъ, собственно международныхъ вопросахъ мы умѣемъ теперь найдти настоящую исходную точку, и избрать настоящій путь, котораго слѣдуетъ держаться. По вопросу о посвященныхъ монастыряхъ, мы поддерживаемъ православную церковь противъ князя Кузы, никакъ не становясь на сторону Грековъ, противъ болгарскихъ патріотовъ. По датскому вопросу, положеніе, котораго мы держимся, обрисовывалось самимъ ходомъ событій.

Посмотримъ, въ самомъ дѣлѣ, въ какомъ положеніи находится теперь датскій вопросъ, и какъ относятся къ нему европейскія державы? Германія, то-есть собственно второстепенныя нѣмецкія государства, не отказываются отъ своихъ видовъ на окончательное отторженіе отъ Датской монархіи, если не обоихъ Герцогствъ, то по крайней мѣрѣ Гольштейна. Въ этомъ отношеніи онѣ не расположены уступать великимъ германскимъ державамъ. Если на вюрцбургской конференціи не принято никакихъ рѣшительныхъ мѣръ, то лишь для того, чтобы не препятствовать военнымъ дѣйствіямъ; но какъ только война кончится, Германскій Сеймъ явится къ дѣлежу добычи. Поэтому участіе Сейма на предложенной Англіею конференціи весьма сомнительно, если только основаніемъ для этой конференціи дѣйствительно принятъ будетъ, какъ объ этомъ шла рѣчь въ англійскомъ парламентѣ, Лондонскій трактатъ 1852 года. Если же обойдется на конференціи безъ Сейма и рѣшатъ все безъ него, какъ въ 1851 и 1852 годахъ, то дѣло очень

можетъ дойдти теперь до междуусобной войны въ Германіи: такъ натянуты отношенія среднихъ нѣмецкихъ государствъ къ великимъ нѣмецкимъ державамъ.

Что касается до Австріи и Пруссіи, то расходясь, повидимому, во взглядахъ на конечный исходъ предпринятой ими войны, онѣ совершенно сходятся между собою на одномъ пунктѣ—на продолженіи военныхъ дѣйствій въ Даніи. Принимая предложеніе о конференціи, ни Австрія, ни Пруссія не соглашаются на перемиріе. Продолжая увѣрять европейскія державы въ своемъ уваженіи къ цѣлости Датской монархіи, и утверждая, что переходъ ютландской границы совершенъ вопреки даннымъ фельдмаршалу Врангелю инструкціямъ, союзники оставляютъ, однако, за собою Кольдингъ ради стратегическихъ соображеній. Положеніе Пруссіи обозначается при этомъ гораздо рѣзче чѣмъ положеніе Австріи. Несмотря на таинственность, которою старается Берлинскій кабинетъ окружить свои намѣренія, кое-что прорывается уже наружу. Принимая адресъ шлезвигской депутаціи, король Вильгельмъ прямо высказался въ пользу неразрывнаго соединенія Шлезвига съ Гольштейномъ, а относительно вопросовъ о престолонаслѣдіи и объ окончательномъ отдѣленіи Герцогствъ отъ Даніи отозвался, какъ сообщаютъ газеты, *неопредѣлительно*. Но самыя неопредѣленныя выраженія объ этихъ двухъ вопросахъ, при очень опредѣленномъ отношеніи къ первому вопросу, о неразрывномъ соединеніи Герцогствъ между собою, пріобрѣтаютъ весьма знаменательный характеръ.

Австрія, разумѣется, осторожнѣе въ своей политикѣ и въ своихъ дальнѣйшихъ видахъ, и именно потому, что положеніе ея опаснѣе. Кромѣ войны съ Италіей, съ каждымъ часомъ все болѣе и болѣе возможной (въ нетерпѣніи, Италія сама навязывается въ союзницы Христіану IX), Австріи грозитъ бѣда и на Востокѣ. Въ Венгріи замѣтно сильное броженіе умовъ, а Галицію уже пришлось объявить въ военномъ положеніи, причемъ Австрійская имперія подтвердила своимъ примѣромъ справедливость поговорки: *Чему посмѣешься, тому и послужишь*. Именно этимъ обстоятельствамъ многія газеты приписываютъ миролюбивое положеніе, принятое въ послѣднее время Вѣнскимъ кабинетомъ, то-есть скорое его согласіе на конференцію и умѣренность въ дальнѣйшихъ видахъ на датскій вопросъ.

Но каковы бы ни были эти дальнѣйшіе виды, великому ли герцогу Ольденбургскому прочитъ Пруссія Герцогства, или великія германскія державы думаютъ оставить ихъ въ *личномъ* соединеніи съ датскою короной, во всякомъ случаѣ чуть только Датское королевство потеряетъ Шлезвигъ, то-есть чуть только прервано будетъ *политическое* соединеніе этого герцогства съ Даніей, тотчасъ же независимость и цѣлость Датской монархіи обратятся въ пустое слово; Данія, ограниченная Ютландіей и островами, не будетъ въ состояніи продолжать свое независимое существованіе и должна будетъ соединиться съ Швеціей. Трудно было бы и такъ маленькому государству сохранить свою независимость, а тутъ еще въ самой Даніи есть сильная скандинавская партія, ожидающая только случая, чтобы произвести сліяніе. Въ Копенгагенѣ понимаютъ это очень хорошо; тамъ понимаютъ, что съ потерей Шлезвига, конецъ и независимости Даніи. О перемиріи и о конференціи Данія, сколько извѣстно, не хочетъ и слышать и напрасно будетъ Англія стараться склонить ее на это.

Изъ остальныхъ великихъ европейскихъ державъ, всѣхъ безучастнѣе, повидимому, относится къ вопросу Франція. Она все выжидаетъ, и будетъ выжидать до тѣхъ поръ, пока событія не представятъ ей удобнаго случая воспользоваться для своихъ территоріальныхъ видовъ общею неурядицей. Ей легко оставаться вполнѣ спокойною зрительницей совершающихся событій. Если все будетъ по прежнему, или *почти* по прежнему (потому что совсѣмъ по прежнему дѣла остаться не могутъ), Франція ничего не теряетъ; если же карта Европы измѣнится, исчезнетъ Данія и возстанетъ Скандинавская имперія, то Франція даже выигрываетъ, потому что новая имперія можетъ уравновѣшивать съ одной стороны Англію, съ другой Россію.

Не таково отношеніе къ датскому вопросу этихъ двухъ послѣднихъ державъ. И Россія и Англія прямо заинтересованы въ сохраненіи цѣлости Датской монархіи. Паденіе Даніи и образованіе Скандинавской имперіи, сильной своимъ соединеннымъ флотомъ, серіозно угрожаетъ и той и другой, хотя можетъ-быть Россіи еще болѣе, чѣмъ Англіи. Намъ рѣшительно не-

удобно, чтобы какая-нибудь сильная держава имѣла въ своихъ рукахъ выходъ изъ Балтійскаго моря. Притомъ нарушеніе цѣлости датской монархіи имѣетъ для Россіи и династическое значеніе. Россійскій императорскій домъ отказался, ради цѣлости Датской монархіи, отъ своихъ правъ на герцогскую часть Голштейна лишь въ пользу глюксбургской линіи, и наше правительство не можетъ допустить, чтобы права эти перешли на августенбургскую линію, трактатами устраненную отъ наслѣдства въ Герцогствахъ, или тѣмъ менѣе, чтобъ они достались одной изъ великихъ европейскихъ державъ.

Итакъ, нашъ интересъ заключается въ томъ, чтобы стоять за цѣлость датской монархіи. Но значитъ ли это, что мы должны очертя голову ринуться на борьбу со всей Германіей? Вопросъ о цѣлости Датской монархіи не менѣе нашего важенъ для Англіи; она это знаетъ, но, конечно, было бы очень желательно, если бы Швеція и Россія вмѣшались въ дѣло, а сама Англія осталась въ сторонѣ, чтобы не рискуя и не жертвуя ничѣмъ, пользоваться тѣмъ, что̀ сдѣлаютъ другіе—*чужими руками жаръ загребать*. Что̀ же бы вышло, еслибъ мы одни, или въ союзѣ съ одной Швеціей, вступились за цѣлость Датской монархіи, поддержаніе которой безспорно лежитъ въ нашихъ интересахъ? Мы перессорились бы со всѣми германскими державами, и привлекли бы навѣрное Францію на сторону среднихъ нѣмецкихъ государствъ, а лордъ Пальмерстонъ потиралъ бы себѣ руки втянувъ насъ въ распрю. Повторимъ вопросъ, какъ же слѣдовало поступить Россіи? Именно такъ, какъ она поступила. Положеніе, какое ей слѣдовало принять, указывалось ей самимъ ходомъ событій. Англія старается и хлопочетъ о цѣлости Датской монархіи; она проситъ насъ поддержать эту цѣлость: пускай же она покажетъ намъ примѣръ собою, а мы отъ нея ужъ не отстанемъ, потому что сами искренно заинтересованы въ охраненіи принципа Лондонскаго трактата. Въ депешѣ своей, отъ 12-го сентября минувшаго года, къ барону Бруннову, въ отвѣтъ на предложеніе успокоить Данію на счетъ ея неприкосновенности, нашъ вице-канцлеръ выразился, что если Англія найдетъ нужнымъ сама первая *успокоить* Данію на этотъ счетъ (здѣсь разумѣется обѣщаніе помощи), то встрѣтитъ со стороны русскаго посланника въ Копенгагенѣ полное содѣйствіе. Политика, которой держался князь Горчаковъ въ этомъ случаѣ, была самою мудрою политикой, и именно потому, что она указывалась самимъ положеніемъ дѣлъ и не требовала никакихъ фантастическихъ комбинацій.

Въ положеніи, принятомъ Россіею по датскому вопросу, обнаруживаются двѣ выгодныя стороны. Во-первыхъ, мы не ставимъ себя въ ложное и изолированное положеніе; во-вторыхъ, главная цѣль достигается вѣрнѣе, легче и успѣшнѣе. Россія, вмѣстѣ съ Англіей, дѣйствительно можетъ *успокоить* Данію, и успокоеніе это ничего намъ не будетъ стоить, потому что одной демонстраціи такихъ двухъ державъ, какъ Англія и Россія, совершенно достаточно будетъ, чтобы всѣ покушенія и посягательства прекратились разомъ, безъ борьбы, безъ пролитія крови.

№ 43.

Москва, 21-го февраля.

А.

Графъ П. Г. Шуваловъ помѣстилъ два года тому назадъ въ *Indépendance Belge* двѣ статьи посвященныя вопросу объ изъятіи или лучше о консолидаціи кредитныхъ билетовъ. Теперь онъ предлагаетъ эти статьи вниманію русской публики черезъ посредство нашей газеты. Открывая столбцы *Московскихъ Вѣдомостей* этому интересному сообщенію, мы считаемъ нужнымъ высказать и съ своей стороны нѣсколько замѣчаній объ остроумномъ планѣ графа Шувалова. Это будетъ тѣмъ своевременнѣе, что на дняхъ оглашенъ въ Петербургѣ другой планъ исправленія нашей денежной системы,—планъ комбинированный съ большимъ искусствомъ и большою смѣлостью. Мы поговоримъ въ непродолжительномъ времени о блестящемъ планѣ г. Леонгарда, заключающемъ въ себѣ, какъ намъ кажется, много вѣрныхъ финансовыхъ мыслей въ неразрѣшимомъ сплетеніи съ надеждами, смѣемъ думать совершенно фантастическими, на всемогущество финансовой техники. Какія бы чудеса ни была въ состояніи совершать техника, она не сдѣлаетъ изъ одного рубля двухъ рублей и не будетъ въ состояніи увеличить количество

обращающихся безпроцентныхъ денежныхъ знаковъ и въ то же время устранить вредныя послѣдствія того избытка ихъ, который ощущался прежде нежели ихъ количество было увеличено. По объ этомъ рѣчь впереди. Теперь скажемъ нѣсколько словъ о планѣ графа Шувалова.

Сущность этого плана состоитъ въ слѣдующемъ. Графъ Шуваловъ признаетъ, что для исправленія нашей денежной системы требуется изъятіе кредитныхъ билетовъ изъ обращенія. Онъ находитъ, что изъятіе кредитныхъ билетовъ посредствомъ размѣна на звонкую монету, получаемую черезъ внѣшній заемъ, неудобно, потому что при существованіи избытка кредитныхъ билетовъ звонкая монета не можетъ держаться внутри страны. Онъ утверждаетъ совершенно справедливо, что открытію размѣна долженъ предшествовать внутренній заемъ, то-есть обмѣнъ безпроцентныхъ кредитныхъ билетовъ на процентныя бумаги. До сихъ поръ графъ Шуваловъ излагаетъ общее мнѣніе всѣхъ тѣхъ экономистовъ, которые не отрицаютъ избытка кредитныхъ билетовъ въ нашемъ денежномъ обращеніи, но отселѣ начинается оригинальность. Не одобряя безусловно теоріи г. Чешковскаго, всѣмъ извѣстной и всѣми отвергнутой, графъ Шуваловъ считаетъ однакоже возможнымъ примѣнить проектированную г. Чешковскимъ систему процентныхъ бумажныхъ денегъ къ разрѣшенію предстоящей намъ теперь задачи, состоящей въ томъ чтобъ извлечь изъ обращенія излишекъ кредитныхъ билетовъ и избѣжать притомъ потрясенія экономическихъ отношеній.

Мы впрочемъ не совсѣмъ увѣрены въ томъ, правильно ли мы понимаемъ отношеніе графа Шувалова къ г. Чешковскому. Въ одномъ мѣстѣ (въ первой изъ двухъ своихъ статей) графъ Шуваловъ говоритъ, что Россія *при настоящихъ обстоятельствахъ* всего легче могла бы консолидировать кредитные билеты выпускомъ билетовъ въ родѣ тѣхъ которые предлагаетъ г. Чешковскій. Изъ этого мѣста можно заключить что графъ Шуваловъ смотритъ на этотъ способъ какъ на временное средство. Но въ другомъ мѣстѣ (во второй изъ двухъ статей помѣщенныхъ въ *Indépendance Belge*), упоминая о сторублевыхъ билетахъ приносящихъ 3,65% въ годъ, онъ говоритъ, что капиталъ по этимъ билетамъ не пришлось бы *никогда* уплачивать. Это подаетъ поводъ предполагать, что графъ Шуваловъ, не признавая всеобщей приложимости системы г. Чешковскаго, считаетъ ее однако же безусловно приложимою къ Россіи. Если такъ, то было бы невозможно согласиться съ графомъ Шуваловымъ.

Но не будемъ останавливаться на этихъ общихъ вопросахъ и перейдемъ къ практической сторонѣ плана. Для внутренняго займа были предложены два способа. Мы предлагали заемъ по подпискѣ. Другіе находятъ возможнымъ реализировать внутренній заемъ посредствомъ постепенной продажи новыхъ процентныхъ бумагъ изъ государственнаго банка. И при томъ и при другомъ способѣ имѣются въ виду процентныя бумаги, совершенно подходящія подъ разрядъ фондовъ, и не имѣющія обязательнаго курса. Публика подписывалась бы на нихъ или покупала бы ихъ добровольно. Графъ Шуваловъ рекомендуетъ третій способъ. Онъ предлагаетъ сдѣлать заемъ обязательнымъ для публики, объявивъ, что въ продолженіе извѣстнаго срока всѣ находящіеся въ обращеніи сторублевые кредитные билеты должны быть обмѣнены на новыя процентныя бумаги. Въ вознагражденіе публики графъ Шуваловъ предлагаетъ снабдить новыя бумаги обязательнымъ для казны курсомъ, то-есть придать имъ въ извѣстной степени права теперешнихъ серій. При этомъ условіи графъ Шуваловъ полагаетъ возможнымъ назначить по этимъ новымъ бумагамъ весьма умѣренный и слѣдовательно выгодный для казны процентъ, — именно тотъ процентъ, о которомъ фантазировалъ г. Чешковскій: 3 р. 65 коп. со ста рублей въ годъ, то-есть по копѣйкѣ въ день. Превративъ въ эти бумаги всѣ сторублевые кредитные билеты, можно было бы потомъ перейдти къ пятидесятирублевымъ и продолжать эту операцію, смотря по средствамъ казны, до тѣхъ поръ пока былъ бы совершенно изъятъ избытокъ кредитныхъ билетовъ.

Таковъ планъ, съ которымъ читатели могутъ ближе ознакомиться изъ статьи графа Шувалова, помѣщенной ниже. Сущность плана можно выразить въ трехъ предложеніяхъ:

1. Предписать обязательный обмѣнъ сначала сторублевыхъ, а потомъ и пятидесятирублевыхъ кредитныхъ билетовъ на серіи новаго выпуска.

2. Понизить процентъ на эти новыя серіи, и вмѣсто 4 р. 32 к. выдавать 3 р. 65 к. со ста рублей въ годъ.

3. Обязать казну принимать эти новыя серіи во всѣхъ платежахъ, какъ и прежнія серіи, но освободить частныхъ людей отъ обязанности принимать изъ казны по нарицательной цѣнѣ новыя серіи, которыя, поступивъ однажды въ обращеніе возвратятся въ казну.

Сужденіе объ этихъ предложеніяхъ совершенно зависитъ отъ отвѣта на вопросъ: будутъ ли новыя серіи ходить по нарицательной цѣнѣ на ряду съ старыми серіями? Если будутъ, то операція окажется успѣшною и справедливою. Если же не будутъ, то тѣ, у кого случайно окажутся сторублевые кредитные билеты во время изданія указа объ обязательномъ обмѣнѣ ихъ, подвергнутся несправедливой потерѣ извѣстной доли своего законно-пріобрѣтеннаго достоянія, а казна будетъ въ опасности, что нововыданныя ею серіи тотчасъ же возвратятся къ ней и что ей будетъ нечего съ ними дѣлать, такъ какъ у ней будетъ отнято право вторично навязывать ихъ публикѣ. Нельзя не имѣть также въ виду, что количество серій находящихся у насъ въ обращеніи дошло до крайнихъ предѣловъ, и что идти далѣе по этому пути сопряжено съ серіознымъ рискомъ Но съ другой стороны нельзя отрицать и того, что если бы предлагаемый графомъ Шуваловымъ опытъ удался, то имъ была бы доказана возможность понизить проценты на вновь выпускаемыя серіи, а это повело бы къ сокращенію государственныхъ расходовъ почти на милліонъ рублей, что составляетъ весьма значительную сумму. По отчету государственнаго банка за 1862 годъ количество листовъ сторублеваго достоинства въ продолженіи 1862 года уменьшилось на 122.045, суммой на 12.204.500 рублей. Если такое же движеніе продолжалось и въ 1863 году, то теперь легко можетъ оказаться сторублевыхъ билетовъ уже не болѣе какъ на 60 милліоновъ,—сумма все-таки чрезмѣрная для опыта. Нельзя ли было бы установить обмѣнъ сторублевыхъ билетовъ на такомъ основаніи, чтобы за каждый сторублевый билетъ выдавалось 75 рублей безпроцентными кредитными билетами, и 25 рублей новыми серіями учрежденными по проекту графа Шувалова?

Финансовое искусство состоитъ въ томъ, чтобы ловко пользоваться разными способами ведущими къ одной цѣли. Съ этой точки зрѣнія не слѣдуетъ оставлять безъ вниманія ни одного изъ представляющихся способовъ, не сопряженныхъ съ какою-либо опасностью. Исключительность была бы тутъ не на мѣрѣ. Но главными способами къ исправленію нашей денежной системы, какъ мы думаемъ, все-таки должно признать:

1. Пониженіе внутренней цѣнности кредитнаго рубля (по нашему мнѣнію, до прусскаго талера).

2. Внутренній заемъ, который при соблюденіи предыдущаго условія могъ бы простираться приблизительно до 100 милліоновъ рублей,—заемъ по подпискѣ съ разсрочкою взносовъ на 12 мѣсяцевъ, съ пріемомъ при взносахъ какъ кредитныхъ билетовъ, такъ и свидѣтельствъ банка на безсрочные вклады, и на конецъ съ условіемъ, что-бы всѣ поступающіе по взносамъ кредитные билеты подлежали уничтоженію, а безсрочные вклады списывались со счетовъ банка.

Такъ какъ мы придаемъ чрезвычайную важность этимъ двумъ способамъ, то не можемъ не остановиться на тѣхъ замѣчаніяхъ графа Шувалова, которыя направлены противъ внутренняго займа по подпискѣ.

Графъ Шуваловъ замѣчаетъ, что если облигаціи новаго займа будутъ для покупателей выгоднѣе облигацій прежнихъ займовъ, то всякій будетъ стараться продавать старыя облигаціи и покупать новыя. Это будетъ, прибавляетъ графъ Шуваловъ, оборотъ выгодный для публики, но вредный для правительства, слѣдовательно операція неудачна. Съ этимъ нельзя вполнѣ согласиться. Новый заемъ всегда объявляется на условіяхъ нѣсколько болѣе выгоднымъ для кредиторовъ, чѣмъ существующія биржевыя цѣны. Иначе заемъ не могъ бы состояться. Такъ напримѣръ, если пятипроцентные билеты ходятъ на биржѣ 95 за 100, то объявляя новый выпускъ пятипроцентныхъ билетовъ, надобно уступать ихъ по цѣнѣ ниже 95 за 100,—на сколько ниже, это зависитъ отъ величины новаго выпуска; если выпускъ не великъ, можно помѣстить его по 93, даже по 94 за сто; но если предполагается выпускъ значительный, то пришлось бы понизить цѣну до 90 и можетъ-быть болѣе. Но такую операцію еще нѣтъ основанія называть неудачною, то-есть нельзя сказать, что государство что-нибудь потеряло на этой операціи. Оно дало бы настоящую цѣну за капиталы имъ занятые. Еслибы

потомъ пятипроцентные билеты поднялись до *pari* и владѣльцы ихъ получили бы возможность взять 100 за бумагу купленную по 90, то это было бы выгодно кредиторамъ, но не было бы вредно и государству. Напротивъ, въ случаѣ послѣдующаго займа, нашлось бы много охотниковъ участвовать въ немъ, а вслѣдствіе того условія займа были бы выгоднѣе прежняго. Россія, руководствуясь вѣрнымъ инстинктомъ, была обыкновенно скупа на условія своихъ займовъ какъ внутреннихъ такъ и внѣшнихъ: это очень хорошо, потому что кредитъ Россіи долженъ основываться не на временныхъ приманкахъ, а на могуществѣ и прочности государства, и чтобы вознаградить съ лихвой нашихъ кредиторовъ за понесенныя ими въ послѣднее время потери, намъ стòитъ только заботиться о тѣхъ успѣхахъ внутренняго благоустройства, которыми можетъ быть укрѣплено наше государственное единство. Но не всѣ государства располагаютъ такими элементами несокрушимаго могущества какъ Россія, и напримѣръ Австрія не мало выиграла отъ того, что заключала въ послѣднее время займы на условіяхъ очень выгодныхъ для кредиторовъ; на биржахъ укоренился взглядъ, что принимая участіе въ австрійскомъ займѣ, можно заработать хорошій барышъ. Тѣмъ менѣе можно считать потерей предложеніе выгодныхъ условій по внутреннему займу.

Мы не можемъ также согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ графа Шувалова, что внутренній заемъ не можетъ совершиться въ Россіи обыкновеннымъ порядкомъ, вслѣдствіе того что у насъ нѣтъ большаго количества кредитныхъ билетовъ, лежащихъ безъ употребленія въ публичныхъ или частныхъ кассахъ. Еслибъ этимъ имѣлось въ виду сказать, что у насъ нѣтъ излишка кредитныхъ билетовъ въ обращеніи, то не было бы повода и говорить о займѣ, потому что при отсутствіи излишка, изъятіе кредитныхъ билетовъ не было бы нужно. Но самъ графъ Шуваловъ говоритъ, что излишекъ есть. Чтò же значитъ замѣчаніе, что теперешнее количество кредитныхъ билетовъ *необходимо* для обращенія, и что еслибы какою-нибудь рѣшительною мѣрой удалось мгновенно изъять изъ обращенія большое количество кредитныхъ билетовъ и уничтожить ихъ, то вѣроятнымъ послѣдствіемъ былъ бы опасный кризисъ, опаснѣе, быть-можетъ, нашего теперешняго положенія? Означаютъ ли эти слова, что изъятіе не должно быть произведено *мгновенно*? Противъ этого мы ничего не имѣемъ сказать: крутыхъ мѣръ надобно избѣгать во всемъ. Но мы не хорошо выразили въ какомъ смыслѣ графъ Шуваловъ называетъ обращающееся теперь количество кредитныхъ билетовъ *необходимымъ* и въ то же время признаетъ что есть излишекъ кредитныхъ билетовъ, имѣющій вліяніе на возвышеніе цѣнъ. Графъ Шуваловъ предлагаетъ мѣры для изъятія изъ обращенія излишка выпущенныхъ ассигнацій. Слѣдовательно онъ признаетъ излишекъ, а признавая излишекъ, можно ли сомнѣваться въ успѣшности внутренняго займа?

Невѣрящіе возможности внутренняго займа обыкновенно указываютъ на безденежье, на отсутствіе капиталовъ. Мы не станемъ вдаваться въ теоретическое опроверженіе этихъ указаній, и поставимъ на видъ лишь несомнѣнный фактъ: недавнюю продажу серій въ здѣшней конторѣ государственнаго банка. Какое же безденежье, когда серіи разбираются чуть не на расхватъ?

Б.

Обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на помѣщенныя ниже, въ *Послѣдней Почтѣ*, извѣстія изъ Нью-Йорка. Дѣло, очевидно, близится къ развязкѣ, и кровавое американское междуусобіе быстро идетъ къ тому результату, на который мы указывали въ одномъ изъ недавнихъ нумеровъ *Московскихъ Вѣдомостей*. Окончательная побѣда Сѣвера надъ Югомъ становится все очевиднѣе. *Желѣзный обручъ* Соединенныхъ Штатовъ все туже и туже затягиваетъ Южную Конфедерацію въ свои тиски, отовсюду огибаетъ и охватываетъ ее, проникая въ самую глубь отдѣлившихся штатовъ. Нѣтъ почти ни одного штата, изъ самыхъ невольничьихъ, который былъ бы совершенно свободенъ отъ федеральныхъ войскъ. Они грозятъ Чарльстону въ Южной Каролинѣ, и рано или поздно возьмутъ его, какъ взяли Виксбургъ на Миссисипи; они высаживаются въ Джаксонвиллѣ (Флорида) и распространяютъ панику на Саванну, въ Георгіи; они снаряжаютъ громадную экспедицію противъ Мобиля, въ Алабамѣ, и облагаютъ этотъ городъ съ суши и моря; они грозятъ самому Ричмонду и заставляютъ конфедератистовъ

подумать о перемѣщеніи столицы; они одерживаютъ побѣды въ Теннесси и Кентукки; все теченіе Миссисипи находится теперь въ ихъ рукахъ. Теперь, по извѣстіямъ изъ Нью-Йорка отъ 19-го февраля, отважные Янки проникли въ самое сердце Конфедераціи, во внутренность штата Миссисипи, одного изъ упорнѣйшихъ въ сепаратизмѣ и невольничествѣ. Федеральный генералъ Шерманъ двинулся изъ Виксбурга на востокъ, внутрь штата, и занялъ Джаксонъ, на рѣкѣ Пирлѣ, впадающей въ Мексиканскій заливъ. Не довольствуясь этимъ успѣхомъ, онъ двинулся далѣе, на сѣверъ отъ Джаксона, и занялъ городъ Язу (Yazoo), на рѣкѣ того же имени, впадающей у Виксбурга въ Миссисипи.

По тѣмъ же извѣстіямъ изъ Нью-Йорка, на которыя мы сослались выше, вашингтонскій конгрессъ утвердилъ проектъ закона о полномъ и безусловномъ освобожденіи невольниковъ на всей территоріи Соединенныхъ Штатовъ, безъ исключенія, и 24-го февраля должна была послѣдовать въ этомъ смыслѣ прокламація президента Линкольна. Мѣра эта преимущественно касается нѣкоторыхъ промежуточныхъ штатовъ (Border's States), сохранившихъ политическую вѣрность Союзу, но удерживавшихъ еще у себя *домашнее учрежденіе*, такъ какъ невольникамъ южныхъ штатовъ объявлена свобода въ принципѣ, и они ее немедленно получатъ на дѣлѣ, какъ только падетъ Конфедерація.

№ 44.

Москва, 22-го февраля.

Въ виду неотложной государственной потребности въ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ въ югозападномъ краѣ, и при невозможности разсчитывать на образованіе въ скоромъ времени акціонерныхъ компаній для этой цѣли, пріобрѣтаетъ особенное значеніе попытка сдѣланная на одесско-парканской дорогѣ. Успѣхомъ своимъ она главнѣйшимъ образомъ обязана тому счастливому случаю что на этотъ разъ состоялось столь желательное при всякихъ обстоятельствахъ соглашеніе между различными вѣдомствами. За тѣмъ для ускоренія дѣла, воспослѣдовало рѣшеніе открыть работы на одесско-парканскомъ участкѣ не дожидаясь окончательнаго образованія Высочайше утвержденнаго Общества для построенія одесско-кіевской желѣзной дороги. Военное министерство дало 2.300 работниковъ; министерство финансовъ ассигновало милліонъ рублей, главное управленіе путей сообщенія назначило строителей. И вотъ, благодаря этому соглашенію, въ прошломъ году началась работа на пространствѣ отъ Одессы до Парканъ; пріятно прибавить, что работа шла успѣшно и что къ началу настоящей весны правительство предложило развить еще болѣе эту систему постройки, соотвѣтствующую мѣстнымъ условіямъ края. Приказомъ военнаго министра, отъ 31-го января, за № 25, назначено сформированіе двухъ рабочихъ бригадъ, численностію въ 9100 работниковъ.

Одесско-парканская желѣзная дорога образуетъ южную оконечность проектированной одесско-кіевской линіи съ небольшою боковою вѣтвію на Парканы, для соединенія Одессы съ бассейномъ рѣки Днѣстра. Длина линіи 105 верстъ. Въ январѣ прошлаго года, завѣдываніе работами на линіи было поручено барону Унгернъ Штернбергу, какъ директору, назначенному отъ правительства. Для производства работъ были сформированы четыре роты подъ начальствомъ особаго штабъ-офицера; особенностью состава было то, что въ рабочія роты набирались штрафованные нижніе чины, 1-й статьи неспособныхъ, изъ сверхкомплекта батальйоновъ внутренней стражи,—люди, которые не приносили никакой пользы и только требовали издержекъ на свое содержаніе. Офицеры же и унтеръ-офицеры были избраны, какъ и слѣдовало, изъ самыхъ опытныхъ и соотвѣтствующихъ назначенію. Роты формировались по одной въ Херсонѣ, Екатеринославлѣ, Кіевѣ и Полтавѣ, и по Днѣпру на пароходахъ перевозились въ Одессу. Первая рота была на мѣстѣ 24-го апрѣля, остальныя прибыли въ іюнѣ. Работы по устройству дороги были начаты, и по офиціяльнымъ извѣстіямъ, напечатаннымъ въ № 12 *Военнаго Сборника* за прошлый годъ, къ концу сентября сооруженіе дороги находилось въ слѣдующемъ состояніи: земляныя работы были окончены на протяженіи 62 верстъ, и должны были окончиться къ январю на всей линіи, за исключеніемъ 10 верстъ; необходимое количество деревянныхъ поперечинъ заготовлено, локомо-

тивы и 140 товарныхъ вагоновъ, заказанные въ Берлинѣ отправлены и частію прибыли на мѣсто, товарная станція въ Одессѣ почти совершенно окончена. Къ концу года оказалась даже возможность устроить близь Одессы пробные поѣзды, о которыхъ въ свое время было объявлено въ печати. Успѣхъ не маловажный!

Что касается до рабочихъ нижнихъ чиновъ, то состояніе ихъ вполнѣ благопріятно обрисовывается слѣдующими данными. Они работали около 9 часовъ въ сутки, уроками, по два человѣка, за исключеніемъ старыхъ и слабыхъ, работавшихъ по три человѣка на урокъ; въ началѣ работъ между ними были распредѣлены 40 свѣдущихъ вольнонаемныхъ землекоповъ; вскорѣ солдаты пріобрѣли достаточный навыкъ, такъ что вырабатывали $^2/_3$ работы искуснаго вольнонаемнаго. Неисправность и ошибки взыскивались преимущественно лишеніемъ винной порціи, двухъ чарокъ въ день, что составляло самое чувствительное наказаніе. Работа и хорошее содержаніе несомнѣнно повліяли и на нравственность штрафованныхъ. Особыхъ проступковъ противъ порядка и дисциплины не встрѣчалось; бѣглыхъ, которыхъ насчитывалось въ іюнѣ 31, въ іюлѣ 15, въ августѣ было всего 5; изъ числа 51 бѣжавшихъ возвратилось 18 человѣкъ. Наиболѣе порочные люди собирались въ особо исправительное отдѣленіе, работавшее въ городѣ, гдѣ надзоръ за ними болѣе удобенъ; въ этомъ отдѣленіи было не болѣе 150 человѣкъ. Наконецъ особенно важно состояніе здоровья рабочихъ. Изъ 2292 человѣкъ, больныхъ было среднимъ числомъ около 32 человѣкъ; одержимыхъ незначительными недугами и поврежденіями, неизбѣжными на работахъ — также, среднимъ числомъ, около 32; умершихъ всего—3. Эти числа поразительны если сообразить, что рабочіе взяты изъ неспособныхъ, и если припомнить, что государственныя работы, производившіяся войсками до восточной войны, считались могилой для солдатъ. Такъ напримѣръ, въ 1841 году, при работахъ 18-ой дивизіи на московскомъ каналѣ, изъ 11189 умерло 470, т.-е. на 1000—42; въ 1843 году, 17-я дивизія потеряла на той же работѣ изъ 14685—731, или изъ 1000—49; въ 1846 году три полка работали въ Кіевѣ, и въ дивизіи изъ 15261 умерло 614 или на 1000—40, а средняя смертность простиралась до 37 на 1000.

Хорошее состояніе здоровья слѣдуетъ отнести къ распорядительности барона Унгернъ-Штернберга. Еще въ 1862 г. онъ убѣдился въ необходимости придать къ казенной одеждѣ шерстяныя фуфайки, бѣлье, сапоги, поршни (лапти), а къ казенному провіанту онъ добавлялъ ежедневно по $^3/_4$ ф. говядины и по $^1/_4$ фунта соленой рыбы; двѣ чарки водки, хорошій квасъ, увеличенная дача крупы и гороху дополняли содержаніе рабочаго. Солдаты, надъ которыми онъ производилъ близь Ревеля опытъ въ 1862 году, были свѣшены по прибытіи и черезъ 4 мѣсяца работы; вѣсъ ихъ увеличился среднимъ числомъ съ 170 на 184 фунта.

Таковы результаты этого опыта въ нравственномъ и гигіеническомъ отношеніи. Для сужденія съ хозяйственной точки зрѣнія, мы не имѣемъ еще достаточнаго количества данныхъ. Стоимость содержанія всего отряда, включая и содержаніе военнаго управленія этихъ ротъ, простиралась до 280.940 р. 30 к. въ годъ, изъ которыхъ 153.278 р. 23 к. отпущено отъ дирекціи желѣзной дороги. На этомъ основаніи *Русскій Инвалидъ* выводитъ во сколько обошелся казнѣ каждый рабочій изъ этихъ солдатъ. Если считать въ году 240 рабочихъ дней и положить, что выводится на работы по 1.900 человѣкъ въ день (остальные употребляются для присмотра за рабочими, домашняго расхода, вмѣстѣ съ убылью) то придется по 61 коп. въ каждый рабочій день на человѣка, въ томъ числѣ на долю казны—26 коп., а дирекціи 35 коп. Такъ разчитываетъ *Русскій Инвалидъ*, и находитъ что это очень выгодно для казны, такъ какъ „самая дешевая поденная плата вольнонаемнымъ землекопамъ простирается въ той мѣстности до 1 рубля 50 копѣекъ." Въ этомъ послѣднемъ мы позволимъ себѣ усомниться. Полтора рубля получаютъ въ той мѣстности, сколько мы знаемъ, поденные работники только въ рабочую пору. Для постоянной землекопной работы можно нанять опытныхъ *гробарей* изъ Курской губерніи гораздо дешевле. Если рабочій солдатъ обходится 61 к. въ день, то операцію едва ли можно назвать выгодною въ экономическомъ отношеніи.

Какъ бы то ни было, при хорошемъ содержаніи и управленіи, результаты ра-

ботъ въ 1863 году оказались благопріятными, и вслѣдствіи того рѣшено распространить систему постройки желѣзныхъ дорогъ солдатами. Въ нынѣшнемъ году въ Новороссійскомъ краѣ будутъ работать двѣ бригады, въ составъ коихъ войдутъ 2.300 человѣкъ нижнихъ чиновъ прежнихъ рабочихъ ротъ, 4.650 человѣкъ порочныхъ нижнихъ чиновъ батальйоновъ внутренней стражи, 650 порочныхъ морскаго вѣдомства, и 1.500 арестантовъ гражданскаго вѣдомства, судившихся за маловажные проступки и предназначенныхъ къ выводу изъ Великороссихъ губерній, всего — 9.100 человѣкъ. Офицеры и унтеръ-офицеры избираются изъ войскъ Одесскаго военнаго округа, по распоряженію командующаго округомъ, офицеры—изъ молодыхъ, привыкшихъ къ походной жизни, унтеръ-офицеры — изъ старослужащихъ. Директоръ желѣзной дороги обязывается, на прежнемъ основаніи, назначить нижнимъ чинамъ денежное добавочное содержаніе для улучшенія одежды, пищи и въ видѣ вознагражденія за трудъ. Изъ суммъ дирекціи выдаются офицерамъ добавочныя деньги, бригадному командиру—3.000 р., ротнымъ командирамъ и чинамъ штаба — по 600 р., остальнымъ по 300; унтеръ-офицерамъ по 25 р. Обѣ бригады подчинены генералъ-адъютанту Коцебу. Работы будутъ ведены, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, на Балту. Затѣмъ дальнѣйшее продолженіе Одесско-Кіевской линіи будетъ во многомъ зависѣть отъ Кіевскаго генералъ-губернатора.

Въ нѣкоторыхъ иностранныхъ газетахъ поднялись голоса порицающіе этотъ опытъ употреблять солдатъ на постройку желѣзныхъ дорогъ. Съ теоретической точки зрѣнія эти порицанія кажутся основательными: солдатъ берется не для работъ, а для службы. Но вопервыхъ рабочія роты сформированы изъ порочныхъ людей, а вовторыхъ еще спрашивается, не завидуютъ ли неоштрафованные солдаты этимъ штрафованнымъ, получающимъ улучшенное содержаніе и сверхъ того еще 4 коп. въ сутки заработанной платы. Нашъ русскій солдатъ не боится работы и очень дорожитъ всякимъ случаемъ заработать копѣйку. Если же неоштрафованные солдаты охотно пошли бы въ рабочія роты, то можно ли изображать въ видѣ несправедливости обязанность работать налагаемую на штрафованнаго?

№ 45.

Москва, 24-го февраля.

Мы начинаемъ сегодня печатать рядъ правительственныхъ актовъ, которымъ суждено имѣть въ исторіи Царства Польскаго болѣе важное значеніе чѣмъ имѣло какое-либо изъ событій совершавшихся тамъ въ теченіи нынѣшняго столѣтія. У польскаго хлопа не было доселѣ отечества, какъ недавно выразилась одна восьмидесятилѣтняя крестьянка въ Блендовой Кузницѣ при допросѣ: польскій хлопъ, сказала она, не можетъ сражаться за отечество, потому что его отечество—на томъ свѣтѣ *). Польша принадлежала небольшой части польскаго народа, которую нельзя назвать даже высшимъ сословіемъ,—которая скорѣе составляетъ особую расу, доселѣ господствовавшую надъ другою расой, расой хлоповъ, презрѣннымъ *быдломъ*, вовсе неимѣвшимся въ виду, когда Полякамъ приходилось говорить о польскомъ народѣ. Вслѣдствіе какихъ причинъ образовались отношенія, раздѣлившія польскій народъ на два племени, до такой степени чуждыя одно другому, это предметъ еще ожидающій разъясненія отъ историческихъ изслѣдованій. Но существованіе этихъ отношеній есть фактъ не подлежащій сомнѣнію и заключающій въ себѣ главную разгадку страннаго хода польской исторіи и польскихъ революцій. Русское правительство мало вмѣшивалось въ эти отношенія, — меньше чѣмъ сколько требовали даже интересы порядка. Между тѣмъ какъ въ Познани и Галиціи поселянинъ былъ огражденъ и въ личныхъ и въ поземельныхъ правахъ своихъ, отъ панскаго произвола, Царство Польское оставалось страной пановъ и холоповъ до послѣдней минуты. Господствующая раса жаловалась на русское правительство, что оно опирается будто бы на крестьянъ; въ этомъ мнимомъ вѣроломствѣ Москалей она находила новыя побужденія къ ненависти, но въ сущности Москали провинились только тѣмъ, что черезчуръ поддерживали власть враговъ своихъ и совсѣмъ выдавали имъ беззащитныхъ хлоповъ. Теперь прекращается этотъ порядокъ. Онъ прекращается среди мятежа еще не

*) См. замѣчательную брошюру, вышедшую на дняхъ въ Петербургѣ: Fictions et Réalités polonaises. Въ ней читатели найдутъ интересныя свѣдѣнія объ отношеніи обѣихъ польскихъ партій, бѣлой и красной, къ крестьянскому вопросу.

подавленнаго, — прекращается актомъ, который долженъ быть въ одно и то же время актомъ правильнаго и прочнаго законодательства и средствомъ защиты въ борьбѣ съ революціей. Этотъ двойственный характеръ по необходимости отпечатлѣнъ на законоположеніяхъ 19-го февраля 1864 года. Способъ рѣшенія крестьянскаго вопроса въ Царствѣ Польскомъ не могъ не условливаться тѣмъ положеніемъ, въ которое поставлена была законная власть дѣйствіями революціоннаго правительства, находившаго въ польскихъ помѣщикахъ безпрекословное повиновеніе. Положеніе было трудное, минута рѣшительная. Невозможно было допустить чтобы законная власть еще разъ сдѣлалась игрушкой мятежной шляхты. Необходимость требовала принять всѣ мѣры чтобы рѣшеніе крестьянскаго вопроса не обратилось въ средство возбуждать мирныя населенія противъ законнаго правительства. Надобно было вырвать дѣло изъ рукъ революціи, и мы можемъ сказать, что оно вырвано изъ рукъ ея. Справедливая оцѣнка принимаемой нынѣ мѣры должна будетъ признать что ея характеръ, предопредѣленный всею польскою исторіей, нисколько не зависѣлъ отъ произвола правительства.

Рядъ указовъ, подписанныхъ 19-го февраля сего года, основанъ на обширныхъ предварительныхъ работахъ, исполненныхъ съ необыкновенною быстротой немногими лицами, три года тому назадъ принимавшими дѣятельное участіе въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса въ Имперіи. Одинъ обзоръ работъ, начатыхъ осенью, а въ декабрѣ уже напечатанныхъ (онѣ не предназначены къ публичному обнародованію), свидѣтельствуетъ, что лица призванныя къ этому дѣлу монаршимъ довѣріемъ, могли почерпнуть силы для тяжкаго труда лишь въ чувствѣ патріотическаго долга. Нѣкоторыя изъ этихъ лицъ будутъ руководить и приведеніемъ въ дѣйствіе узаконеній удостоенныхъ нынѣ Высочайшаго утвержденія. Трудъ не менѣе тяжелый предстоитъ имъ и ихъ сотрудникамъ. Они будутъ нести бремя, которое можетъ быть облегчено лишь общимъ сочувствіемъ соотечественниковъ. Пусть же это сочувствіе проявится въ готовности раздѣлить предстоящіе труды, въ въ предложеніи содѣйствія со стороны людей чувствующихъ въ себѣ силы оказать помощь трудящимся. Отъ успѣшнаго исполненія новоизданныхъ законовъ зависитъ многое: умиротвореніе края, сближеніе польскаго народа съ русскимъ, честь русскаго имени. Колоссальность задачи, громадность отвѣтственности должны возвышать настроеніе исполнителей. Они должны помнить, что безъ неусыпной энергіи, безъ утонченной добросовѣстности въ такомъ дѣлѣ не можетъ быть успѣха.

Рядъ статей, которыя были напечатаны въ нашей газетѣ о крестьянахъ въ Царствѣ Польскомъ, облегчитъ читателямъ пониманіе новыхъ узаконеній. Помѣщаемый сегодня указъ объ устройствѣ крестьянъ заключаетъ въ себѣ общія опредѣленія. Всѣ усадьбы и земли, находящіяся въ настоящую минуту въ пользованіи крестьянъ, поступаютъ въ ихъ собственность. Всѣ повинности крестьянъ въ пользу помѣщика прекращаются, а равно прекращаются всѣ иски о прежнихъ недоимкахъ. Съ помѣщиковъ слагается обязанность оказывать крестьянамъ льготы и давать ссуды въ случаѣ чрезвычайныхъ бѣдствій. Въ вознагражденіе за отошедшую землю выдаются помѣщикамъ четырехпроцентныя бумаги, по которымъ проценты и погашеніе выплачиваются правительствомъ изъ общей казны Царства. Крестьяне платятъ только часть нужной для того суммы и съ этою цѣлью удваивается взимаемая съ нихъ подымная, шарварковая и ливерунковая подати. Другая часть получается съ временно-предоставляемаго казнѣ права пропинаціи (выдѣлки и продажи) питей на земляхъ поступающихъ въ собственность крестьянъ. Такимъ образомъ казнѣ Царства открывается возможность выплатить помѣщикамъ вознагражденіе не взимая съ крестьянъ полныхъ выкупныхъ платежей, что особенно важно, такъ какъ полные выкупные платежи послужили бы для революціонной партіи непремѣннымъ поводомъ къ агитаціи противъ правительства.

До сихъ поръ произволъ помѣщика былъ стѣсненъ только относительно крестьянъ имѣвшихъ въ пользованіи не менѣе трехъ морговъ (около $1^1/_2$ дес.) земли. Крестьянъ пользовавшихся мелкими участками или только одною усадьбой съ огородомъ, всѣхъ такъ-называемыхъ коморниковъ, халупниковъ, огрудниковъ помѣщикъ могъ сгонять съ земли по своему усмотрѣнію. Теперь всѣ поселяне становятся собственниками тѣхъ полей, огородовъ или усадьбъ, которыми они пользовались въ минуту изданія указа. Сверхъ того крестьянамъ предостав-

ляется отыскивать земли, которыми они пользовались при изданіи указа 26-го мая (7-го Іюня) 1846 года, если въ силу этого указа помѣщикъ не имѣлъ права отбирать эти земли отъ крестьянъ. Для предъявленія правъ на такія земли крестьянамъ данъ трехлѣтній срокъ.

Въ экономическомъ отношеніи польскій законъ объ устройствѣ крестьянъ интересенъ для насъ тѣмъ, что допускаетъ больше свободы чѣмъ русское положеніе о крестьянахъ. Чрезвычайно важно предоставленное крестьянину право продавать и закладывать свой участокъ. Это право ограничено только двумя условіями: вопервыхъ домъ и надворныя строенія не могутъ быть проданы отдѣльно отъ земли, и вовторыхъ покупателями должны быть непремѣнно крестьяне; впрочемъ и эти условія введены лишь на время. Такимъ образомъ въ польскихъ селахъ сохранится чрезвычайно важное различіе крестьянъ хозяевъ и крестьянъ работниковъ. Этотъ порядокъ неизмѣримо выше того, который господствуетъ у насъ, въ великороссійскихъ губерніяхъ, гдѣ каждый крестьянскій дворъ самостоятельно занимается полевымъ хозяйствомъ и въ средѣ крестьянъ искусственно поддерживается противоестественное равенство, не позволяющее образоваться тѣмъ промежуточнымъ степенямъ, которыя могли бы наполнить собой разстояніе раздѣляющее крестьянина отъ помѣщика. Въ Царствѣ Польскомъ крестьянинъ, умѣющій хорошо хозяйничать, будетъ имѣть возможность скупать участки у своихъ сосѣдей, плохихъ хозяевъ,—возможность которой нѣтъ у богатѣющаго крестьянина въ Россіи. Народное хозяйство должно очевидно выиграть отъ того, что участки могутъ сосредоточиваться въ рукахъ способныхъ и зажиточныхъ хозяевъ.

Такъ какъ господствующее у насъ запрещеніе крестьянамъ закладывать и отчуждать свои участки оправдывается единственно опасеніемъ пролетаріата, то нельзя не подивиться, что это опасеніе оказывается болѣе сильнымъ у насъ, гдѣ земель такъ много и пролетаріатъ такъ мало возможенъ, нежели въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ населеніе гуще и сельскій пролетаріатъ уже существуетъ въ дѣйствительности. Если въ Царствѣ Польскомъ можетъ быть допущена экономическая свобода, то кольми паче можетъ быть она допущена у насъ!

Прибавимъ еще, что новый законъ о польскихъ крестьянахъ считаетъ возможнымъ обойдтись безъ установленія круговой поруки, — другаго нашего учрежденія, дѣйствующаго невыгодно на крестьянскій бытъ.

Въ заключеніе выскажемъ надежду что если русское законодательство о крестьянахъ оказало существенное вліяніе на разрѣшеніе крестьянскаго вопроса въ Царствѣ Польскомъ, то опытъ большей экономической свободы, допущенный въ законѣ изданномъ для Царства Польскаго, въ свое время окажетъ воздѣйствіе на русское законодательство и поможетъ нашему сельскому быту освободиться отъ двухъ стѣснительныхъ условій, — неотчуждаемости крестьянскихъ участковъ и круговой поруки.

№ 46.

Москва, 25-го февраля.

Самою важною частію новаго положенія о крестьянахъ въ Царствѣ Польскомъ кажется намъ преобразованіе внесенное въ составъ и управленіе гмины. Гмина (община) есть клѣточка всего политическаго и административнаго организма Польши; она была краеугольнымъ камнемъ исключительнаго и безусловнаго господства шляхетскаго сословія надъ крестьянскимъ. Гмина организована законодательнымъ путемъ не ранѣе 1809 года, но декретъ герцога Варшавскаго облекъ только въ легальную форму то, что выработалъ и создалъ стародавній обычай, вступившій тогда въ борьбу съ нововведеніями даннаго Наполеономъ „конституціоннаго статута герцогства Варшавскаго“. Этимъ статутомъ крѣпостная зависимость отмѣнялась. Надобно было возстановить ее косвенными мѣрами, и главнѣйшею мѣрой былъ гминный уставъ. Было постановлено, что войтомъ (старшиной) гмины долженъ быть по праву владѣлецъ селеній, составляющихъ гмину, а если она состояла изъ селеній принадлежащихъ нѣсколькимъ владѣльцамъ, то они должны были избрать въ гминные войты одного изъ своей среды. Въ обоихъ случаяхъ войты имѣли право передавать свою должность арендаторамъ или нанятымъ ими людямъ, смѣщать ихъ и замѣнять новыми: обязанность войта считалась, слѣдовательно, однимъ изъ аттрибутовъ владѣльческаго права. Вслѣдствіе такихъ правъ и понятій въ

концѣ 1863 года бо́льшая часть гминъ (1.634 изъ числа 3.069) были управляемы не самими владѣльцами, а лицами получившими патримоніальную административную и даже отчасти судебную власть по полномочію.

Эта чрезмѣрность помѣщичьей власти и чрезмѣрность безгласности крестьянскаго сословія были такъ явны, такъ противны интересамъ и самой Польши и Россіи, что не могли не обращать на себя вниманія правительства, но всѣ попытки его измѣнить существующій порядокъ разбивались объ уклончивое сопротивленіе польскаго дворянства и преданной ему администраціи. Нуженъ былъ мятежъ съ его безумными притязаніями и посягательствами, чтобы правительство рѣшилось положить конецъ этой стачкѣ, благодаря которой крѣпостная зависимость, отмѣненная на бумагѣ, продолжала существовать на дѣлѣ въ самомъ зломъ своемъ видѣ,—безъ смягчающаго элемента заботы господина о крѣпостномъ принадлежащемъ ему по закону. Принявъ эту рѣшимость, правительство должно было начать съ того чтобъ отнять у помѣщика ту власть, въ силу которой онъ оставался господиномъ надъ хлопами,—власть гминнаго войта.

Очень большую важность имѣютъ въ этомъ отношеніи размѣры гмины. По прежнему порядку, тутъ допускалось полнѣйшее разнообразіе, а въ виду при этомъ имѣлось, чтобы предѣлы гмины по возможности совпадали съ предѣлами помѣстья. Высочайше утвержденный законъ 19 февраля оставляетъ гмины до времени въ прежнемъ ихъ очертаніи, но обѣщаетъ въ будущемъ переформировку гминъ (конечно, съ тѣмъ чтобъ уменьшить ихъ число). Гмина, по новому уставу, соотвѣтствуетъ нашей волости, но отличается отъ нея тѣмъ, что въ нее входятъ не только деревни, но и господскіе дворы. Изъ отдѣльныхъ деревень внутри гмины должны образоваться *сельскія общества*; какъ во главѣ гмины, обнимающей собой и сельскія общества и господскіе дворы, стоитъ выборный гминный войтъ, такъ во главѣ сельскаго общества, въ составъ котораго господскіе дворы не входятъ, стоитъ выборный же *солтысъ* (староста), имѣющій въ своемъ ближайшемъ завѣдываніи свое общество, но дѣйствующій въ предѣлахъ всей гмины въ качествѣ помощника гминнаго войта. Наконецъ какъ въ гминахъ, такъ и въ сельскихъ обществахъ завѣдываніе общественными дѣлами предоставлено общественнымъ сходамъ, или „громадамъ“, состоящимъ изъ домохозяевъ всякаго званія, владѣющихъ участкомъ не менѣе трехъ морговъ ($1^1/_2$ десят.) за исключеніемъ лишь мѣстныхъ мировыхъ судей (когда они будутъ учреждены), лицъ духовнаго званія и чиновъ мѣстной полиціи.

Такимъ образомъ право на рѣшеніе общественныхъ дѣлъ отнынѣ становится принадлежностію землевладѣнія безъ различія сословій. Съ другой стороны ксендзы, учителя, ремесленники и вся безземельная, безпокойная масса людей устранена отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ. Далѣе *всѣ безъ исключенія* лица живущія въ границахъ гмины подлежатъ ея юрисдикціи, ея суду, ея полиціи, ея хозяйственнымъ распоряженіямъ (представляемымъ *гминнымъ сходомъ*): узаконеніе чрезвычайно важное, могущее поставить помѣщика въ зависимость отъ крестьянъ. Вообще нельзя не сказать, что помѣщики будутъ поглощены крестьянскимъ элементомъ въ гминныхъ громадахъ, но нельзя и не видѣть, что эта демократизація гминнаго устройства составляла существенную необходимость настоящей минуты, дабы поднять духъ сельскаго люда и установить не на бумагѣ, а на дѣлѣ равенство всѣхъ обывателей Царства Польскаго передъ закономъ, провозглашенное еще Наполеономъ I. Къ тому же эта демократизація можетъ быть уравновѣшена другими политическими учрежденіями, которымъ начало уже положено установленіемъ уѣздныхъ и губернскихъ совѣтовъ.

Вотъ въ главныхъ чертахъ сущность новаго гминнаго устройства. Если уставы, не извлеченные изъ нѣдръ самой страны, оправдываемые однакожь и разумомъ и справедливостію и мѣстными интересами, могутъ дать плоды, проникнуть въ жизнь и обнаружить на нее свое дѣйствіе,—можно думать что вслѣдствіе новаго гминнаго устава тѣ *двѣ расы*, о которыхъ мы говорили вчера, раса шляхетская и раса крестьянская, мало-по-малу сплотятся и составятъ нѣчто единое, похожее на націю. Не беремся конечно рѣшать, къ чему поведетъ это сплоченіе польскихъ элементовъ, но очевидно то, что, вопреки воплямъ, которые, безъ сомнѣнія, раздадутся изъ непріязненнаго намъ лагеря, законы 19 февраля стремятся установить въ Польшѣ согласіе

сословій, и въ интересѣ края забываютъ о правилѣ: *divide et impera*.

№ 47.

Москва, 26-го февраля.

Носятся слухи, что новый уставъ гимназій еще разъ переработанъ и уже близокъ къ окончательному разсмотрѣнію законодательнымъ порядкомъ. Въ нѣкоторыхъ петербургскихъ журналахъ мы читали, что новая обработка этого устава сдѣлана въ духѣ классическаго ученія, и что такимъ образомъ голосъ защитниковъ классическаго образованія, которому грозила опасность конечнаго разрушенія, не остался безъ послѣдствій. Съ другой стороны есть слухъ, и мы имѣемъ всѣ причины считать его основательнымъ, который совершенно подавляетъ то радостное чувство, съ какимъ всякій, кто серіозно интересуется дѣломъ русскаго просвѣщенія, готовъ былъ бы привѣтствовать возвращеніе нашей педагогіи на прямой путь, указанный опытомъ вѣковъ и народовъ. Говорятъ, будто въ предполагаемыхъ новымъ проектомъ осмиклассныхъ гимназіяхъ будетъ введена съ шестаго класса система раздвоенія курсовъ на отдѣлы: классическій и реальный, послѣдній безъ древнихъ языковъ и основанный на изученіи такъ-называемыхъ реальныхъ наукъ, но дающій тѣмъ не менѣе право на вступленіе въ университетъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣли случая видѣть новый проектъ, и потому не можемъ говорить основываясь на полномъ знаніи дѣла. Повидимому, періодъ гласнаго обсужденія преобразованій, готовящихся для среднихъ учебныхъ заведеній, считается теперь оконченнымъ и вопросъ достаточно исчерпаннымъ. Какъ было легко въ началѣ, такъ трудно теперь получить точное свѣдѣніе о томъ, какая участь приготовляется для нашихъ гимназій, а слѣдовательно и для нашего просвѣщенія. Введеніе у насъ системы раздвоенія, или какъ называютъ во Франціи, системы *бифуркацій*—было бы новымъ, въ высшей степени смѣлымъ шагомъ въ исторіи разнообразныхъ реформъ, испытанныхъ нашими гимназіями, шагомъ, тѣмъ болѣе неожиданнымъ и рѣшительнымъ, что онъ находится въ прямомъ противорѣчіи съ тѣмъ принципомъ общаго образованія, который громко провозглашался въ объяснительной запискѣ къ прежнему проекту устава. Вотъ какъ своимъ вычурнымъ слогомъ выражалась объ этомъ *Объяснительная Записка*: „главная задача настоящаго проекта устава состоитъ въ томъ, чтобы поставить существенною цѣлью нашихъ училищъ *воспитаніе человѣка*, то-есть такое всестороннее и равномѣрное развитіе въ обучающемся юношествѣ всѣхъ умственныхъ, нравственныхъ и физическихъ силъ, при которомъ только возможны разумное, согласное съ человѣческимъ достоинствомъ воззрѣніе на жизнь и вытекающее изъ него умѣнье пользоваться жизнію“. Между тѣмъ, министръ Фортуль, основатель системы *бифуркаціи*, введенной во Франціи въ 1852 году и имѣющей относительно этой страны нѣкоторое оправданіе въ исторіи ея школъ, въ своемъ докладѣ именно указывалъ, что новая система должна смѣнить старую, согласно которой имѣлось въ виду „развивать не частныя наклонности отдѣльныхъ людей, но общія способности рода; приготовлять не разнообразныя орудія для различныхъ отправленій въ обществѣ и государствѣ, но нѣкоторый общій типъ изящнаго образованія.“ „Предположивъ *образовать людей*, прибавляетъ Фортуль о старой системѣ, она недостаточно обращала вниманія на то, чтобы сдѣлать ихъ способными къ различнымъ должностямъ въ государствѣ.“ И вотъ эта система, возбудившая во Франціи множество жалобъ, отвергаемая какъ вредная самыми компетентными людьми и въ настоящее время имѣющая отъявленнаго противника себѣ въ лицѣ нынѣшняго министра народнаго просвѣщенія, г. Дюрюи,—эта система, если вѣрить слухамъ, какимъ-то чудомъ, нежданно и негаданно обѣщаетъ какъ съ неба упасть на наши бѣдныя гимназіи и усложнить и безъ того уже лишенный необходимой простоты планъ нашего школьнаго устава. „Въ настоящее время, восклицаетъ одинъ нѣмецкій педагогъ въ своей *Исторіи воспитанія*, вышедшей въ прошедшемъ году, дѣло воспитанія въ Россіи воспринимаетъ совершенно новое нареніе, подъ вліяніемъ нѣмецкихъ началъ.“ Почтенному педагогу предстоитъ, кажется, разочарованіе: по волѣ судьбы, совершенно иныя начала готовятся руководить нашимъ смѣлымъ полетомъ.

Указавъ, какимъ образомъ установилась во Франціи сложная система *бифуркаціи*

лицеевъ, мы ближе всего ознакомимся съ характеристическими чертами той системы, которая должна въ рукахъ нашихъ педагоговъ изъ орудія образованія, готовящаго къ спеціальнымъ цѣлямъ, сдѣлаться могущественнымъ рычагомъ общаго образованія.

Декретомъ президента Французской республики, даннымъ 10-го апрѣля 1852 года, высшіе классы лицеевъ и коллегій раздѣлены на два отдѣленія: одно имѣетъ предметомъ „литературное образованіе и открываетъ доступъ на словесный и юридическій факультеты;“ другое „приготовляетъ къ коммерческому и ремесленному званію, къ спеціальнымъ школамъ и факультетамъ — математическому и медицинскому.“ Въ докладѣ министра просвѣщенія Фортуля подробно объяснялся мотивъ такого нововведенія, мысль котораго принадлежала Лудовику Наполеону, тогда президенту республики. Министръ его указызываетъ на то обстоятельство, что во Франціи существуетъ множество спеціальныхъ школъ, поступленіе въ которыя соединено съ строгими экзаменами и которыя, привлекая къ себѣ массу молодежи, даютъ тонъ всему обученію. Къ поступленію, напримѣръ, въ знаменитую Политехническую Школу ежегодно готовится множество молодыхъ людей, изъ которыхъ только малая часть достигаетъ цѣли. Родители желаютъ, чтобы среднія учебныя заведенія давали ихъ дѣтямъ возможность приготовиться ко вступительному экзамену въ эту или другія пользующіяся извѣстностью школы, а до послѣдней реформы планъ ученія въ лицеяхъ и коллегіяхъ не былъ приведенъ въ согласіе съ требованіями спеціяльныхъ школъ. Удовлетворить этимъ справедливымъ желаніямъ общества было необходимо, и вотъ естественнымъ образомъ масса учащейся молодежи распадалась на на отдѣльныя группы: одни готовились къ спеціяльнымъ школамъ, другіе продолжали общее образованіе. Составился весьма сложный порядокъ вещей, возникла путаница, для устраненія которой и для приведенія всего плана ученья въ систему прибѣгли къ *бифуркаціи*. Министръ спѣшитъ замѣтить въ своемъ докладѣ, что эта мѣра есть только возвращеніе къ системѣ, указанной еще въ эпоху консульства и слѣдовательно не есть какая-либо неиспытанная новизна. Для составленія программъ по новому плану была образована коммиссія, докладчикомъ которой былъ знаменитый химикъ Дюма. Первый вопросъ, на которомъ остановилась эта коммиссія, состоявшая главнымъ образомъ изъ представителей различныхъ спеціяльныхъ заведеній, и который она, съ своей стороны, спѣшила устранить, понимая всю тяжесть нравственной отвѣтственности, какая лежитъ на преобразователяхъ народнаго просвѣщенія, — слѣдующій: „эта система правильной бифуркаціи есть ли новизна, плодъ какой-нибудь дерзкой импровизаціи?“ Указывая на существующее уже фактически раздѣленіе, коммиссія прибавляетъ, что новая система вовсе не раздѣляетъ учениковъ, какъ полагаютъ, а напротивъ скорѣе соединяетъ тѣ отдѣльныя неправильныя ихъ группы, которыя допускались скорѣе изъ уступки неотвязчивымъ требованіямъ семействъ, чѣмъ вслѣдствіе потребностей преподаванія. Коммиссія, составленная почти исключительно изъ математиковъ и естествоиспытателей, въ то же время ясно понимала великое значеніе классическаго образованія и „давая, какъ она выразилась, каждой отрасли обученія принадлежащее ей значеніе“, классическое образованіе поставила на первомъ мѣстѣ; второе мѣсто отвела математикѣ, третье—физикѣ и механикѣ и послѣднее—естествовѣдѣнію. Чтобъ устранить по возможности зло раздвоенія и охранить существенный характеръ общаго образованія, коммиссія провела чрезъ всѣ классы того и другаго отдѣленія преподаваніе латинскаго языка, соединяя вмѣстѣ и словесниковъ и математиковъ въ классѣ переводовъ съ латинскаго. Преподаваніе въ общихъ классахъ продолжаетъ основываться почти исключительно на древнихъ языкахъ; самая математика сравнительно занимаетъ весьма второстепенное мѣсто.

Вотъ при какихъ условіяхъ и въ какомъ видѣ возникла во Франціи дѣйствующая нынѣ сложная система, требующая, какъ и всякій сложный механизмъ, самаго внимательнаго ухода. Неожиданно явившись среди нашихъ и безъ того уже разстроенныхъ гимназій, она могла бы только погубить ихъ совсѣмъ, а съ ними и все наше образованіе. Есть ли у насъ хотя что-нибудь подобное тѣмъ условіямъ, которыя вызвали новую систему во Франціи, и можно ли было бы хоть чѣмъ-нибудь оправдать введеніе ничѣмъ не вызванной сложной мѣры въ нашихъ заведеніяхъ, болѣе всего нуждающихся въ упрощеніи дѣйствующей си-

стемы и приведенія гимназическаго курса къ яснымъ и общепринятымъ началамъ серіознаго ученья? Далѣе, специяльныхъ школъ, которыми, какъ во Франціи, опредѣлялся бы общій характеръ обученія въ въ среднихъ заведеніяхъ, у насъ нѣтъ. Этотъ характеръ у насъ опредѣляется университетами, для поступленія въ которые требуется именно общее образованіе, и гдѣ вообще говоря поступающіе подвергаются одинаковому испытанію безъ различія факультетовъ. Ни одинъ университетъ не высказался противъ этого однообразія, а Московскій даже рѣзко объявилъ себя противъ всякаго нарушенія единства въ планѣ гимназическаго ученья, которое, по его мнѣнію, должно имѣть строго классическій характеръ. Итакъ ни одного изъ условій, объясняющихъ введеніе *бифуркаціи* во французскихъ гимназіяхъ, у насъ не существуетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, трудно понять почему составители новаго проекта сочли бы нужнымъ измѣнить весь складъ гимназическаго ученья у насъ и отступить отъ общеобразовательнаго характера этихъ заведеній, который съ такою изысканною помпой рекомендовался объяснительною запиской перваго проекта. Какая же причина можетъ, при простотѣ нашихъ условій и требованій, заставить избрать для нашихъ заведеній сложную и неудобоисполнимую систему, требующую чуть ли не двойнаго числа искусныхъ учителей (въ которыхъ у насъ такой недостатокъ), когда и въ самой Франціи она съ каждымъ днемъ приближается къ своей кончинѣ? Если *бифуркація* какъ средство, приготовляющее къ специяльнымъ профессіямъ, еще имѣетъ нѣкоторый смыслъ, то *бифуркація* съ цѣлью общаго образованія совершенная диковина.

Общее образованіе можетъ быть только одно, по самой сущности своей. Можно спорить, какимъ путемъ достигается это образованіе, какія знанія ближе всего приводятъ къ нему; можно, различно понимая характеръ этого образованія, учреждать различныя заведенія для его достиженія. Можно приспособлять общее образованіе къ требованіямъ опредѣленнаго класса учащихся; могутъ быть школы съ общимъ образованіемъ для купцовъ, для работниковъ: въ этомъ смыслѣ и только въ этомъ могутъ быть разные виды общаго образованія. Такихъ школъ не мало въ Англіи, гдѣ господствуетъ убѣжденіе что школа имѣетъ своимъ исключительнымъ назначеніемъ давать общее образованіе; фабрикантъ и рабочій образуется не въ школѣ, а на фабрикѣ, хотя фабрикантъ и рабочій могутъ ходить въ школу для пріобрѣтенія общихъ познаній. И такъ какъ въ Англіи установилось твердое и безспорное понятіе о томъ, что̀ должно разумѣть подъ именемъ общаго образованія, то даже въ школахъ для рабочихъ, какъ напримѣръ въ трехъ замѣчательныхъ коллегіяхъ въ Манчестерѣ, а также въ большинствѣ *mechanics' institutes* латинскій языкъ есть существенный предметъ преподаванія. Объ этомъ фактѣ сто̀итъ подумать противникамъ классическаго образованія. Но чтобы въ одномъ и томъ же заведеніи устраивать какія-то два общія образованія, это не слыхано и было бы, конечно, безпримѣрною странностью.

Очень трудно допустить предположеніе, что составители новаго проекта не столько имѣли въ виду устроить наше образованіе на прочномъ основаніи, сколько желали предпринять въ широкихъ размѣрахъ на пространствѣ нашего обширнаго отечества любопытный педагогическій опытъ съ цѣлью рѣшить наконецъ чрезъ сравненіе результатовъ споръ объ общеобразовательномъ значеніи реальныхъ наукъ и о пользѣ или безполезности классическаго образованія? Возможно ли, чтобы составители новаго проекта мечтали обратить наши школы въ педагогическія лабораторіи для взвѣшиванія и разложенія элементовъ образованія? Но еслибы подобное грандіозное предпріятіе было возможно, то нельзя не замѣтить, что и для производства опытовъ обсуждаемый нами проектъ бифуркаціи не годится. Въ немъ есть уклоненіе отъ основнаго правила опытныхъ изслѣдованій, уклоненіе, непонятное со стороны составителей проекта, предполагающаго основать общее образованіе, для значительной части учащагося юношества, на изученіи точныхъ наукъ. Замышляемый опытъ не былъ бы чистымъ опытомъ. Цѣль всякаго опыта отдѣлить изслѣдуемую силу отъ всѣхъ сопровождающихъ ее стороннихъ условій, такъ чтобъ изучаемое дѣйствіе не было результатомъ смѣшанной борьбы многихъ причинъ. Еслибы имѣлось въ виду устроить опытъ для сравненія двухъ системъ общаго образованія, то, по нашему мнѣнію, первоначальный планъ двухъ родовъ гимназій былъ бы предпочтительнѣе предполагаемой амальгамы двухъ направ-

леній. Какая же цѣль таинственной *бифуркаціи?*

Можно сдѣлать еще одно предположеніе: грустное предположеніе! Суровый ликъ классическаго педантства, который повидимому кажетъ, если вѣрить слухамъ, новый проектъ гимназій, обѣщающій болѣе сорока уроковъ латинскаго языка, не скрываетъ ли подъ собою веселыя черты знакомыхъ намъ литературно-реальныхъ гимназій перваго проекта? Старая мантія классицизма, наброшенная на будущія гимназіи, не облекаетъ ли собою новорожденное дитя россійской педагогической школы? Во всякомъ случаѣ нѣтъ надобности быть пророкомъ, чтобы предсказать неудачу попытки ввести у насъ классическое ученье при помощи сложной системы, которая сама въ себѣ несла бы зерно разложенія. Существованіе въ высшихъ классахъ реальнаго отдѣла безъ латинскаго языка, конечно, парализовало бы преподаваніе этого предмета въ низшихъ.

Недавно на одной изъ публичныхъ лекцій въ Москвѣ, профессоръ исторіи, въ остроумной бесѣдѣ излагая историческія судьбы женщинъ, сообщилъ слушателямъ слѣдующее куріозное правило мусульманской мудрости, основанной на Коранѣ. „Если ты находишься въ затрудненіи, то призови твоего друга, посовѣтуйся съ нимъ и сдѣлай какъ онъ тебѣ скажетъ; если у тебя нѣтъ друга, то выйди на улицу и пригласи перваго встрѣчнаго: посовѣтуйся съ нимъ и сдѣлай какъ онъ тебѣ скажетъ. Если ты никого не встрѣтишь, то позови твою жену, спроси ся совѣта; выслушай терпѣливо и внимательно все, что она тебѣ скажетъ, и сдѣлай совсѣмъ на оборотъ противъ того, что она тебѣ скажетъ.“ Неужели всѣмъ европейскимъ авторитетамъ, высказавшимся по поводу нашихъ педагогическихъ проектовъ, приведется розыграть роль мусульманской жены? Будемъ надѣяться, что слухи о сложной, ничѣмъ не вызванной бифуркаціи окажутся неосновательными. Будемъ надѣяться, что во всей имперіи гимназіи будутъ устроены на томъ же основаніи, отъ котораго не рѣшились бы отступить въ остзейскихъ губерніяхъ, въ Финляндіи, въ Царствѣ Польскомъ.

№ 48.

Москва, 27-го февраля.

Есть люди, находящіе для себя какое-то удовольствіе въ томъ, чтобъ отрицать въ русскомъ народѣ всякую силу начинанія, всякую способность самостоятельнаго дѣйствія. Общественное мнѣніе, говорятъ они,—да гдѣ же у насъ общественное мнѣніе? его никогда не бывало! Исторія наша? Это исторія правительственныхъ распоряженій: когда и чѣмъ нація заявила о своемъ существованіи?

Сколько требуется умственной косности и фальши, чтобы простирать отрицаніе до подобныхъ размѣровъ! Неужели ни московскій соборъ 1667 году, ни эпоха Петра, ни екатерининское время, ни двѣнадцатый годъ,—эти столь различные моменты нашей жизни, къ которымъ нація относилась съ столь различными чувствами, ничего не открываютъ нашимъ бюрократамъ и доктринерамъ? Неужели и въ 1612 году, когда у насъ совсѣмъ не было правительственнаго центра, и когда великое движеніе, освободившее Россію, выработалось на сходкахъ посадскихъ людей,—неужели и тутъ все для нихъ глухо и нѣмо? А взрывъ оскорбленнаго народнаго чувства въ прошломъ году,—тоже выдумка? Надо припомнить, однакожь, что десять мѣсяцевъ назадъ у насъ не было 600 тысячъ войска на западной границѣ: что же дало такой крутой поворотъ европейской политикѣ? Нѣтъ, пробудившаяся сила народнаго чувства и общественнаго мнѣнія въ Россіи была не маловажною поддержкой для правительства въ это тяжкое время. Какая, наконецъ, сила нанесла нашимъ демагогамъ,—этому явленію въ сущности безсмысленному и ничтожному, но неожиданно получившему значеніе благодаря своему вліянію въ нѣкоторыхъ сферахъ,—какая сила нанесла имъ такое рѣшительное пораженіе, что теперь многіе находятъ излишнимъ и смѣшнымъ заводить о нихъ рѣчь.

Весьма естественно, что при извѣстныхъ историческихъ условіяхъ, у насъ не могла развиться сильная общественная жизнь; но общество и теперь не безучастно относится къ государственнымъ вопросамъ, и мнѣнія его уже не остаются безъ вліянія на ихъ рѣшеніе. Это-то именно и не нравится нѣкоторымъ узкимъ умамъ;

въ этомъ они хотятъ видѣть какую-то опасность, и чтобы придать себѣ бодрость, отрицая то, чего боятся. Но трусость подаетъ худые совѣты, говоритъ старинная, хотя и не русская поговорка.

Мы думаемъ, что величайшая опасность наша состоитъ именно въ отрицаніи нашихъ общественныхъ силъ и недовѣріи къ нимъ,—не говоримъ уже о желаніи парализировать ихъ.

Не будемъ обманывать себя: время большихъ усилій въ Западномъ краѣ для насъ не миновало,—далеко не миновало. Мятежъ, по крайней мѣрѣ явный, подавленъ и едва ли въ состояніи поднять голову, даже еслибы съ открытіемъ весны онъ нѣсколько и оживился въ польскомъ краѣ; но кто же не убѣжденъ, что тайная агитація, что коварныя внушенія, интрига, лесть, клевета будутъ пущены въ ходъ, лишь только администрація немного пообслабнетъ?.... А можетъ-ли она постоянно находиться въ нынѣшнемъ напряженномъ состояніи? Это не въ природѣ вещей. Послѣ 1831 года, точно также какъ теперь, всѣ умы были возбуждены, принимались крутыя и рѣшительныя мѣры, были энергическія личности,—и чѣмъ же все кончилось?

Слабый успѣхъ русскаго дѣла въ Западномъ краѣ должно приписывать не чему-либо иному, а только тому, что дѣло это было ведено исключительно однѣми правительственными силами. Правительство, особенно русское, сильно; но вездѣ ли можно дѣйствовать съ успѣхомъ правительственными способами? Правительственные способы хороши только въ правительственной сферѣ, а во всѣхъ другихъ они оказываются не только недостаточными, но и опасными. Правительство само обращается къ націи въ затруднительныхъ случаяхъ,—а какія великія затрудненія предстоитъ намъ преодолѣть, чтобъ окончательно утвердиться въ Западномъ краѣ и упрочить его за собой! Для этого необходимо, чтобы живыя силы русскаго общества широкою струей лились туда, гдѣ происходитъ невидимая, но упорная борьба; чтобы борцы за наше дѣло чувствовали себя поддержанными сочувствіемъ и участіемъ всей Россіи, чтобы тѣ, за которыхъ идетъ борьба, видѣли дружественную, протянутую имъ, руку.

Сознаніе этой необходимости довольно сильно въ нашемъ обществѣ; но мы затрудняемся дать практическое приложеніе этому сознанію. Непривычные къ самостоятельному дѣйствію, мы ищемъ формъ, ждемъ регламентовъ. Подобно внезапно пробудившейся рати, наше долго дремавшее общество озирается вокругъ себя, протягиваетъ руки, и либо дѣйствуетъ въ разсыпную, либо останавливается съ безпокойствомъ, ища знамени.

Общественный инстинктъ съ необыкновеннымъ тактомъ подхватилъ вопросъ о церковныхъ братствахъ въ Западномъ краѣ. Началось приготовленіе различныхъ церковныхъ принадлежностей, покупка книгъ для церквей и школъ; начались даже частныя отправки того и другаго. Русскія женщины, въ Москвѣ по крайней мѣрѣ, принялись за дѣло горячо, съ любовію, съ ревностію. Но скоро всѣ стали замѣчать, что дѣло это требуетъ нѣкотораго единства, нѣкоторой совокупности усилій. Родилась мысль о необходимости какого-нибудь центра. Болѣе года тому назадъ заговорили объ этомъ—и центръ все еще не явился.

Какія этому причины?

Причинъ много, но каковы бы онѣ ни были, за отсутствіемъ центра не слѣдуетъ ослабѣвать дѣятельности. Было бы крайне странно откладывать усилія въ ожиданіи совокупности усилій. Наша ошибка очень часто состоитъ въ томъ, что мы придаемъ невѣрное значеніе единству, формѣ и правилу. Мы не привыкли просто и прямо принимать практическія указанія самой жизни, смотрѣть въ глаза дѣлу, и встрѣчая дѣйствительную потребность, тотчасъ же удовлетворять ей. Мы все ищемъ какихъ-нибудь формулъ для самыхъ простыхъ вещей, уставовъ заранѣе начертанныхъ, инструкцій составленныхъ a priori... Вы хотите посылать церковныя вещи и книги для школъ Западнаго края? И прекрасно. Вы знаете другъ друга; вы въ вашемъ пріятельскомъ кругу; вы вполнѣ увѣрены, что между вами нѣтъ людей злонамѣренныхъ: соберитесь же между собою, согласитесь относительно тѣхъ вещей, которыя вы посылать намѣрены. Мало этого; распространяйте вашу мысль: она почтенна, она полезна, и задерживать ее не слѣдуетъ; у васъ есть, безъ сомнѣнія, знакомые въ разныхъ частяхъ Россіи, знакомые, которымъ вы вполнѣ довѣряете, которые, можетъ-быть, также какъ и вы, ищутъ практическаго исхода своимъ добрымъ стремленіямъ: пишите имъ, приглашайте ихъ или дѣ-

лать какъ вы, или, что еще лучше, дѣйствовать черезъ васъ, и въ свою очередь приглашать своихъ знакомыхъ. Вотъ простой путь, по которому очень можно идти, безо всякихъ формулъ и инструкцій Не ждите центра для своей дѣятельности, и посвящайте себя самой дѣятельности. Съѣзжайтесь между собою, какъ съѣзжаетесь теперь, только вмѣсто безплодныхъ разговоровъ, сѣтованій и ожиданій, принимайтесь съ Богомъ за доброе дѣло, въ сознаніи своей правоты и общей пользы. Такимъ образомъ въ Россіи составится великое множество кружковъ для собиранія средствъ вспомоществованія церквамъ западнаго края. Кромѣ этихъ многочисленныхъ центровъ сбора пособій нужны центры для распредѣленія пожертвованій между церквами. Еслибы каждый кружокъ самъ выбиралъ себѣ церковь, то часто случалось бы, что въ одну церковь стекались бы пожертвованія многихъ кружковъ, а другая церковь оставалась бы въ нищетѣ. Поэтому необходимо, чтобы кружки собирателей пересылали свои пожертвованія не сами, а черезъ посредство извѣстныхъ лицъ. Такіе посредническіе пути уже отчасти обозначились: графини Блудова и Протасова, П. Н. Батюшковъ, редакціи нѣкоторыхъ газетъ уже занимаются распредѣленіемъ пособій. Пусть же дѣло ведется тѣмъ же порядкомъ, но съ большею бодростію. Въ послѣдствіи главные дѣятели могутъ соединиться и образовать центральное общество. Теперь заботиться о такомъ обществѣ было бы, кажется, преждевременно.

Только такое дѣйствіе бываетъ плодотворнымъ, которое начинается съ частныхъ стремленій и усилій, а не съ какого-либо заранѣе подготовленнаго общаго плана. Пусть прежде образуются отдѣльные малые центры, пусть въ нихъ горячо и усердно скажется общее дѣло,—и тогда изъ дѣйствительныхъ и живыхъ элементовъ само собою сложится болѣе обширное общество и отдѣльные центры общественной дѣятельности сблизятся и примкнутъ одинъ къ другому.

№ 49.

Москва, 2-го марта.

Русскій литературный языкъ не есть какое-либо племенное нарѣчіе: онъ выработался изъ двухъ главныхъ стихій—племенной русской и церковно-славянской. Въ разнообразіи простонароднаго говора, по частямъ, сохранились особенности первоначальной, племенной русской рѣчи, измѣнившейся въ литературномъ языкѣ, подъ могущественнымъ вліяніемъ церковнаго, принадлежащаго къ другой вѣтви славянскихъ языковъ, именно къ болгарской. Рѣченія и формы, вошедшія въ нашъ литературный языкъ изъ церковно-славянской рѣчи, составляютъ существенную часть его. Въ тѣхъ случаяхъ гдѣ у насъ, рядомъ съ русскою племенною формой, употребляется то же слово въ формѣ церковно-славянской, обѣ формы служатъ для выраженія различныхъ понятій или различныхъ оттѣнковъ одного и того же понятія; напримѣръ: *равный* и *ровный*, *нравъ* и *норовъ*, *прахъ* и *порохъ*, *хранить* и *хоронить*, *прекратить* и *укоротить*, *наградить* и *нагородить*, *власть* и *волость* и т. д.

Обыкновенно нашъ литературный языкъ считается нарѣчіемъ московскимъ. Дѣйствительно, въ Москвѣ народъ говоритъ ближе къ языку литературному, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; но это объясняется очень просто тѣмъ обстоятельствомъ, что Москва долго была государственнымъ центромъ, и письменный языкъ въ московскомъ народонаселеніи приблизилъ къ себѣ разговорную рѣчь болѣе чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Но и московскій говоръ имѣетъ свои особенности, отличающія его отъ языка письменнаго; такъ и въ Москвѣ говорятъ: *плóтитъ*, *ходютъ*, *стоютъ*, *сердúца*, *свивó*, вмѣсто: *платитъ*, *ходятъ* и т. д.

По остроумному замѣчанію В. И. Даля, „если подняться на золотыя маковки Бѣлокаменной, то можно окинуть глазомъ пространство во всѣ четыре стороны, гдѣ говорятъ иначе, и едва ли не во всѣ четыре стороны иначе. Видно тутъ, на распутіи, столкнулись всѣ нарѣчія наши, и изъ нихъ выработалось новое, которое, по закону господства духа надъ плотію, усвоило себѣ никѣмъ не оспариваемое первенство.“

Это первенство дѣйствительно не оспаривалось, и по здравому разсудку не могло быть оспариваемо и въ южной части нашего отечества, въ той части, гдѣ положено было первое начало русской державѣ и первое начало русскому письменному языку. Когда исторія отторгла эту часть единой Россіи (такъ-называемую Малороссію) отъ общаго отечества, и подчинила

ее иноязычной, польской власти; тогда языкъ того края подвергся сильному вліянію со стороны польскаго, но это вліяніе было совсѣмъ иного свойства чѣмъ вліяніе церковно-славянскаго языка, и на югѣ не образовался особый, самостоятельный языкъ. По возвращеніи къ Россіи южнаго края, его дѣти принялись за обще-русскій литературный языкъ, и даровитые писатели, родомъ оттуда, обогатили нашу литературу болѣе или менѣе значительными произведеніями. И не только въ предѣлахъ русской державы, но и на самыхъ крайнихъ предѣлахъ русской рѣчи, въ той части нашего народа, которая находится подъ владычествомъ Австріи и Венгріи, обнаружилось то же стремленіе.

Но вотъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, нѣкоторые литераторы, петербургскіе украйнофилы вздумали создавать новый *литературный* языкъ изъ народнаго говора, для котораго до сихъ поръ еще не установилась азбука. Мы помнимъ какъ петербургскіе украйнофилы всячески возбуждали въ Галичанахъ подобный же мѣстный патріотизмъ, и успѣли увлечь за собою нѣкоторыхъ изъ тамошнихъ писателей. Къ числу этихъ писателей принадлежитъ и редакторъ львовской газеты *Слово*, г. Дѣдицкій. Какая разница между языкомъ этой газеты три-четыре года тому назадъ, и теперь! Мы упоминаемъ,—о *Словѣ* по поводу указываемыхъ г. Троянскимъ, нашимъ вѣнскимъ корреспондентомъ, статей, помѣщенныхъ въ №№ 11—13 этой газеты, подъ заглавіемъ: „Отвѣтъ г. Палацкому на его мнѣніе о Русинахъ.“ Въ этихъ статьяхъ редакторъ *Слова* старается опровергнуть мнѣнія знаменитаго чешскаго историка, Палацкаго, высказанныя имъ въ статьѣ: „Вопросъ польскій въ наше время.“ Мы выпишемъ тѣ мѣста изъ статьи Палацкаго, которыя приводитъ и разбираетъ редакторъ *Слова*.

„Каждому ученику, говоритъ Палацкій, „извѣстно, что тѣ три края, Волынь, Подолія и Украйна,—не польскіе и искони „не были польскими; но особенно Украйна съ главнымъ городомъ Кіевомъ на Днѣпрѣ была уже за тысячу лѣтъ истинною „колыбелью всей русской державы, столицей первыхъ властителей русскихъ, Св. „Владиміра и его предковъ и потомковъ; „Кіевъ для каждаго Русскаго то же, что „и матушка Москва, которую онъ готовъ „отстаивать до послѣдней капли крови. „Только неслыханный въ дѣяніяхъ міра „погромъ, происшедшій отъ Чингисхана и „его потомковъ, покорившихъ себѣ неодолимою силою въ короткое время почти „всю Азію и половину Европы, могъ ослабить русскую силу на долгое время въ „такой мѣрѣ, что и менѣе могущественные сосѣды, какъ Литовцы, въ 1319 году, достигли временнаго перевѣса въ удѣлахъ русскихъ, такъ что позднѣе, черезъ „соединеніе Литвы съ Польшею, древній „Кіевъ подпалъ подъ власть польскую. Возвращеніе этого города и окрестнаго края „къ прежней державѣ есть, въ глазахъ „каждаго Русскаго, не кривда и насиліе, „а историческая справедливость.“

Далѣе говоритъ г. Палацкій: „Нѣкоторые Поляки утверждаютъ, что такъ какъ „Русины или Малоруссы не Москали, и не „хотятъ быть ими; то и правительство, будь „оно русское или польское, имъ одинаково мило или немило. Но подобный выводъ ни въ какомъ смыслѣ не имѣетъ достаточнаго основанія. Языкъ малорусскій „есть *нарѣчіе русское*, а никакъ не польское, и относится къ письменному русскому языку точно также, какъ словацкое нарѣчіе къ чешскому, хорватское къ „сербскому, тирольское или австрійское къ „нѣмецкому, провансальское къ французскому и т. д. Нельзя ни у кого оспаривать право писать на какомъ бы то ни было нарѣчіи или поднарѣчіи; но удобно ли „и желательно ли, чтобы литературы всѣхъ „племенъ и нарѣчій дробились до безконечности (особенно тамъ, гдѣ для этого „нѣтъ достаточнаго историческаго основанія)? Это—другой вопросъ.“

Эти два мѣста изъ статьи Палацкаго, исполненныя безпристрастія и здраваго смысла, подвергаетъ пространной критикѣ *Слово* съ исторической и филологической точки зрѣнія. Мы не станемъ пускаться въ разборъ тѣхъ разглагольствій, которыми эта газета хочетъ доказать существованіе особой народности *руской*, т.-е. малороссійской, въ отличіе отъ народности *россійской*; мы взглянемъ лишь нѣсколько ближе на филологическіе доводы г. Дѣдицкаго.

Вся аргументація его основана на томъ, что знаменитый Шафарикъ, въ своей *Славянской Народописи*, называетъ всѣ славянскія нарѣчія вмѣстѣ—*языкомъ* славянскимъ. Языкъ этотъ раздѣляетъ онъ на двѣ вѣтви, или молви—юговосточную и западную; каждую молвь на *рѣчи*; каждую

рѣчь на *нарѣчія*, а тѣ наконецъ на *разнорѣчія* и *поднарѣчія*. По этой системѣ, юго-восточная молвь распадается на три рѣчи: болгарскую, иллирскую и русскую, а последняя на три нарѣчія: великорусское, малорусское и бѣлорусское. Изъ этого дѣленія г. Дѣдицкій выводитъ, что Шафарикъ принимаетъ слово *нарѣчіе* за соотвѣтствующее словамъ: *народъ* и *народность*. Но еслибы редакторъ *Слова* потрудился заглянуть повнимательнѣе въ *Народописъ* Шафарика, то онъ нашелъ бы, на 2-й же страницѣ, что знаменитый славянистъ слово *языкъ* употребляетъ на равной степени съ названіемъ *племя*, а слово *рѣчь* (не *нарѣчіе*) съ названіемъ *народъ*. (Slova *jazyk* uzíváme na stejném stupni s názvem *kmen*; a slova *reč* s názvem *národ*.) Слѣдовательно *рѣчь* русская соотвѣтствуетъ у него понятію о русскомъ народѣ, и не есть только понятіе идеальное, или отвлеченное, какъ думаетъ г. Дѣдицкій. Подтвержденіе этому мы находимъ на 10-й страницѣ того же сочиненія, гдѣ Шафарикъ, исчисливъ нарѣчія русской рѣчи, уже прямо говоритъ: „Всѣ тѣ нарѣчія (великорусское, малорусское и бѣлорусское) связываетъ *одинъ* литературный языкъ.“

Итакъ, единственный авторитетъ, на который ссылается г. Дѣдицкій, говоритъ прямо противоположное тому, что ему приписывается *Словомъ*, и такимъ образомъ всѣ его выводы рушатся сами собою.

Но Шафарикъ былъ Чехъ, и потому г. Дѣдицкій, узнавъ ближе его мнѣніе, можетъ-быть станетъ отвергать и Шафарика; говорить же ему что-нибудь отъ нашего лица мы считаемъ излишнимъ: онъ называетъ насъ *служебниками правительственной россійской системы*, подобно тому какъ онъ намекаетъ очень тонко, что и г. Палацкій выступаетъ не съ самостоятельнымъ мнѣніемъ, но *подъ вліяніемъ* (*за вплывомъ—sic!*) россійскаго правительства! Мы конечно не будемъ останавливаться на такихъ выходкахъ, доказать которыя было бы г. Дѣдицкому еще труднѣе чѣмъ доказать, что по Шафарику терминъ *рѣчь* не соотвѣтствуетъ *народу*. Для насъ важны не личные вопросы, но самое дѣло, тоесть вопросъ объ общемъ русскомъ литературномъ языкѣ. А для окончательнаго разрѣшенія этого вопроса всего лучше посмотрѣть какъ ближайшіе соотечественники г. Дѣдицкаго понимаютъ его.

Извѣстно, что австрійское правительство, изъ политическихъ видовъ, всегда заботилось объ отдѣленіи галицкой литературы отъ обще-русской. Въ 1857 году издано въ Вѣнѣ *Дирекціею накладу школьныхъ книжекъ* руководство „для учителей и препарандовъ“ подъ заглавіемъ: *Книжка вспомогательная къ оупотребленію букваря и первой языкоучебной читанки школъ народныхъ каѳолическихъ въ державѣ австрійской*. Въ этой книгѣ на стр. 157 сказано на какомъ-то чудовищно-безграматномъ языкѣ слѣдующее: „Кто межи Великороссіянами и Русинами жаднаго на„родословнаго различія не признае, тотъ „такожь послѣдственно и плоды велико„россійской литературы за питоміи Руси„намъ австрійскимъ яко отечественніи по„давати буде. Но кто того, історіею до„веденнаго и судомъ наиученшихъ *испы„тателевъ* (sic) народословія яко сущест„венное признаннаго различія больше со„свѣдомъ, тотъ правда книгъ великорос„сійскихъ за примѣръ литературнаго язы„ка Русиновъ брати не буде и за иными „источниками оглядати ся буде.“

При такомъ воззрѣніи австрійскаго правительства, мы должны предположить, что учебныя книги, изданныя въ самомъ Львовѣ для австрійскихъ гимназій, писаны какимъ-нибудь особымъ языкомъ. У насъ теперь подъ рукою два такіе учебника, изданные во Львовѣ въ 1861 и 62 годахъ. Одинъ изъ нихъ—*Исторія церкви*, а другой—*Учебная книга каѳолическаго нравоученія*. Оба составлены уніятскимъ священникомъ г. Цыбыкомъ, катихитомъ львовской гимназіи.

Чтобы дать читателямъ ясное понятіе о языкѣ этихъ учебниковъ, выпишемъ нѣсколько строкъ изъ *Учебной книги каѳолическаго нравоученія*, стр. 269.

„Обязанности, которыя подданные должны наблюдать въ отношеніи къ своему Царю, суть слѣдующія:

1. Мати (имѣть) глубокое уваженіе къ нему, яко лицу священному, яко намѣстнику Божому (Божіему) на земли, возсѣдящему на престолѣ господнемъ (1 Пар. 29, 23), и признавати въ немъ власть божественную.

2. Питати къ нему въ душѣ своей благодарную сыновнюю любовь, яко къ отцу отечества, неусыпно бодрствующему надъ созданіемъ его благоденствія, и отеческимъ попеченіемъ своимъ объемлющему

всѣ нужды и потребы своихъ подданныхъ.. . . . .

3. Безпрекословно и охотно повиноватися велѣніямъ его, памятуючи изреченіе Апостола... . . . .

4. Возсылати о здравію (здравіи) и благоденствію (благоденствіи) его искренныи (искреннія) молитвы къ Богу, и почитаючи жизнь Царя драгоцѣнною для блага отечества, охотно жертвовати за ню (нее) своею собственною жизнію.

Теперь предоставляемъ читателямъ судить, можно ли этотъ языкъ назвать особымъ, существенно отличнымъ отъ общерусскаго? Не есть ли это чисто русскій языкъ съ нѣкоторыми ничтожными и совершенно излишними особенностями мѣстнаго говора, введенными авторомъ вѣроятно въ видахъ уступки австрійской программѣ,—особенностями, которыя большею частію встрѣчаются и въ другихъ, болѣе сѣверныхъ, мѣстностяхъ нашего отечества?

Мы внимательно разсматривали обѣ эти книги, и намъ почти вовсе не встрѣтилось польскихъ словъ, за исключеніемъ двухъ трехъ, какъ напримѣръ *пополохъ*, *обава* въ смыслѣ страха, и *троха*, которое впрочемъ употребляется и у насъ въ Тверской, Калужской, Тульской губерніяхъ. Тоже самое должно сказать о словахъ *що*, *яко*, вмѣсто *что*, *какъ*, о причастіяхъ на *чій* вмѣсто *щій*, и о нѣкоторыхъ другихъ грамматическихъ особенностяхъ. Въ словахъ: *норовственно*, *прекороченье* (прекращеніе), *надгорода* (награда), мы встрѣчаемъ формы, сохранившія первоначальное племенное русское полногласіе, измѣнившееся въ литературномъ языкѣ подъ вліяніемъ церковнаго. Всѣ эти формы намъ родственны, и никакъ не могутъ служить характеристикой какого-то особаго русскаго языка. Но если всѣ отличія заключаются только въ этихъ мелочахъ, то не лучше ли бы и галицкимъ литераторамъ, по крайней мѣрѣ независимымъ изъ нихъ, оставить эти незначительныя особенности, подобно тому, какъ эльзасскіе или швейцарскіе Нѣмцы, несмотря на свое политическое отдѣленіе отъ Германіи, пишутъ общенѣмецкимъ литературнымъ языкомъ, не употребляя своихъ мѣстныхъ провинціализмовъ? Отъ этого установилось бы болѣе живое и плодотворное общеніе и взаимодѣйствіе между нами и ими, отъ котораго мы всѣ были бы въ выигрышѣ.

Кстати объ учебникахъ г. Цыбыка. Если въ нашихъ западныхъ губерніяхъ будетъ введенъ русскій языкъ,—а это необходимо,—для преподаванія католикамъ закона Божьяго; то намъ тотчасъ же понадобятся русскіе учебники, по этому предмету. И вотъ мы уже имѣемъ такіе учебники, которые прямо, почти безъ всякихъ измѣненій, могутъ быть употреблены для этой цѣли.

Съ другой стороны, южно-русскимъ ученымъ не безполезно ближе и короче ознакомиться съ русскою литературою, о которой тотъ же Шафарикъ, въ той же *Народописи*, на стр. 17, отзывается въ слѣдующихъ словахъ:

„Современная русская литература, какъ „богатствомъ и разнообразіемъ, такъ и „изяществомъ своихъ произведеній, безспорно занимаетъ первое мѣсто между всѣ„ми славянскими литературами.“

Не понимаемъ, какъ искренній *народолюбецъ* можетъ желать отторженія 15 милліоновъ русскихъ людей отъ общей умственной жизни русскаго племени, если обратить вниманіе на то, какъ незначительны особенности южно-русскаго *литературнаго* языка, въ сравненіи съ особенностями народнаго говора даже въ ближайшихъ къ Москвѣ губерніяхъ.

Вотъ, напримѣръ, нѣсколько фразъ калужскаго говора изъ статьи г. Даля: *О нарѣчіяхъ русскаго языка*, напечатанной въ 4 выпускѣ его *Толковаго Словаря*: „Танъ логъ, а въ логу-то дромъ да бурьломъ, такой що й не пройдешь, и икона стаить уся вызлащена, какъ жаръ, и плахта (окладъ) на ней ясными камнями гарить, а басому хадить нельзя, земля, слышь, каляная, а у канецъ вершины (оврага) дверца желѣзная къ пагребу; а итти хатишь—снизаться (одѣться) надабить.“

Сравните теперь съ этимъ отрывкомъ калужскаго мѣстнаго говора языкъ „Просьбы русской молодежи къ преосвященнымъ епископамъ венгерской Руси, по какой-то иронiи судьбы напечатанной въ томъ же № *Слова*, гдѣ доказывается необходимость особой южно-русской народности и литературы. Выше мы видѣли, какимъ языкомъ пишутъ галицкіе ученые преподаватели; теперь посмотримъ, на какомъ языкѣ обращаются къ своимъ епископамъ русскіе студенты Пештскаго университета, *побуждаемые неугасаемою любовію къ своему милому русскому народу*. Вотъ эта просьба:

„Ваше преосвященство! Задача предположенная нами въ теперешнихъ обстоятельствахъ столь великаго значенія, что исполненіе и приведеніе ея въ практическую жизнь было бы основаніемъ неисчерпаемаго источника, орошающого своими струями жаждущую нашу народную ниву. Но имѣя предъ глазами настоящее жалкое положеніе наше и заключая отсюда на будущность молодежи русской на Пештянскомъ всеучилищѣ, если перестанетъ и милостивѣйше поданная намъ вашимъ высокопревосходительствомъ помощь, мы начинаемъ сомнѣватися въ осуществленіи помянутой задачи, и при томъ сомнѣніи вкрадываются въ сердца наши якая-то унылость и негодованіе на самыхъ себе.

„Чтобъ отстранити сомнѣніе въ исполненіи задачи нашей, мы, въ томъ убѣжденіи, что образованіе было всегда основаніемъ могущества всѣхъ пародовъ, и будучи побуждаемы неугасаемою любовію къ нашему милому русскому народу, согласились учредити, по примѣру студентовъ мадьярскихъ, въ нашемъ лонѣ общество къ спомоществованію бѣднѣйшихъ русскихъ студентовъ въ Пештѣ.

„Но поелику мы собственными, хотя для насъ значными жертвами нашими, не въ состояніи произвести большаго успѣха, и поелику мы и потвержденіе устава помянутаго общества просити намѣряемъ преимущественно на основаніи архипастырскаго благословенія: съ довѣріемъ сыновъ прибѣгаемъ къ вашему преосвященству, покорнѣйше моля, чтобы съ взглядомъ на священную цѣль благоизволили по богоспасаемой епархіи собираніе помощи допустити, о томъ возбуждающее архипастырское посланіе къ преподобному священству издати, а насъ о милостивѣйше сдѣланныхъ въ томъ отношеніи шагахъ благосклонно увѣдомити. Впрочемъ и пр."

Не наша ли это родная рѣчь, раздающаяся далеко за предѣлами нашего отечества, за Карпатами, въ Венгерской Руси? А венгерская Русь это тѣ же Малороссы какъ галицкіе и наши! Предоставляемъ самимъ читателямъ вывести отсюда заключеніе.

Но, спросятъ нѣкоторые, если дѣйствительно нѣтъ малороссійскаго литературнаго языка, то какимъ же языкомъ пишетъ самъ ревнитель особой малороссійской народности, г. Дѣдицкій? По крайней мѣрѣ у него можно бы надѣяться найдти этотъ языкъ во всей его чистотѣ. Увы! у него мы находимъ только гораздо болѣе провинціализмовъ чѣмъ у г. Цыбыка; главное же отличіе его рѣчи состоитъ въ томъ, что она испещрена безчисленнымъ множествомъ польскихъ словъ, которыхъ мы у г. Цыбыка почти вовсе не находимъ. Конечно, такія особенности какъ: „Вже рокъ минувъ" и т. п., не могли показаться и г. Дѣдицкому достаточными для осуществленія его мечты о созданіи особаго малороссійскаго языка, тѣмъ болѣе что всѣ эти особенности встрѣчаются и въ разныхъ мѣстахъ *великой* Россіи;—и вотъ онъ, малорусскій патріотъ, обратился за помощію къ языку тѣхъ самыхъ Поляковъ, противъ насилій которыхъ онъ въ своемъ же *Словѣ* съ такою похвальною ревностію защищаетъ и русскую народность, и чистоту восточнаго обряда своей церкви? Онъ пишетъ: *мусѣти*, *увага*, *навѣть*, *певность*, *небезпеченство*, *нешкодливый*, *освѣдчитися*, *вплывъ*, и пр.

Не грустно ли видѣть такое искаженіе русской рѣчи!

Нѣтъ, оставьте вашъ тщетный трудъ создавать новый русскій языкъ! Языки создаются не фантазіей, а исторіею; воспользуйтесь же тѣмъ, который она создала для цѣлаго, великаго русскаго народа, и который, по выраженію Шафарика, связываетъ *всѣ* его нарѣчія. Примите нашъ *щирый* совѣтъ, послѣдуйте примѣру венгерской Руси, а за вами, быть-можетъ, послѣдуютъ и наши украйнофилы...

№ 50.

Москва, 3-го марта.

А.

Въ № 43 *Московскихъ Вѣдомостей* мы помѣстили статью графа П. Г. Шувалова о способѣ консолидаціи кредитныхъ билетовъ и сочли нужнымъ высказать по ея поводу нѣсколько замѣчаній, которыми мы имѣли въ виду содѣйствовать разъясненію дѣла, интересующаго весьма многихъ изъ нашихъ читателей. Наши замѣчанія побудили графа Шувалова прислать къ намъ дополнительную статью, помѣщаемую ниже. Мы сопровождаемъ двумя словами съ своей стороны и эту вторую статью почтеннаго автора.

Графъ Шуваловъ говоритъ совершенно вѣрно, что выпускомъ кредитныхъ билетовъ для покрытія военныхъ потребностей былъ нарушенъ порядокъ: „въ самомъ дѣлѣ, прибавляетъ онъ, еслибы порядокъ не былъ нарушенъ, то Россія рѣшила бы задачу вести войну даромъ.“ Здравый смыслъ говоритъ, что вести войну даромъ невозможно, что для веденія войны нужны деньги. Здравый смыслъ говоритъ далѣе, что деньги государство можетъ получить или черезъ подати или посредствомъ займа. Подати, это—принудительное взысканіе денегъ съ подданныхъ и вообще съ жителей государства; заемъ, это сборъ добровольный, основанный на извѣстныхъ условіяхъ предлагаемыхъ государствомъ и принимаемыхъ его кредиторами. Каковы же могутъ быть эти условія? Они, очевидно, не могутъ заключаться въ томъ чтобы государство было свободно отъ обязанности платить проценты: на подобныхъ раззорительныхъ для кредитора условіяхъ никакой заемъ не могъ бы состояться. Добровольные займы ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть безпроцентными займами. Поэтому не подлежитъ сомнѣнію, что безпроцентный заемъ не можетъ быть явленіемъ правильнымъ и естественнымъ и не можетъ не нарушить порядка экономическихъ дѣлъ страны.

Но очевидность этой аксіомы затемняется тѣмъ обстоятельствомъ, что безпроцентный заемъ обыкновенно примыкаетъ къ бумажнымъ деньгамъ, уже находящимся въ обращеніи, то-есть производится посредствомъ выпуска новыхъ бумажныхъ денегъ въ присоединеніе къ тѣмъ, которыя уже обращаются.

Бумажныя деньги съ большимъ удобствомъ замѣняютъ собой звонкую монету; онѣ удобны для публики, потому что ихъ легче держать при себѣ и перевозить съ мѣста на мѣсто чѣмъ звонкую монету; онѣ выгодны для государства, потому что уменьшаютъ количество драгоцѣнныхъ металловъ, требующееся для денежнаго обращенія, и даютъ возможность извѣстную ихъ часть, находившуюся въ обращеніи, употребить на полезное назначеніе. Бумажный знакъ, представитель звонкой монеты, самъ по себѣ почти не имѣетъ никакой матеріяльной цѣны, а между тѣмъ онъ отправляетъ ту же самую службу и оказываетъ денежному обращенію тѣже самыя услуги, какъ и звонкая монета, имъ представляемая. Но это свойство остается за бумажнымъ знакомъ только до тѣхъ поръ, пока онъ дѣйствительно представляетъ собой звонкую монету, то-есть пока звонкая монета можетъ быть на него вымѣнена совершенно безпрепятственно, во всякое время.

Когда соблюдается въ строгости это правило, то бумажно-денежные знаки не только не могутъ упасть въ цѣнѣ, но по большому удобству, должны цѣниться не много выше звонкой монеты. Такъ и бываетъ съ билетами англійскаго банка; такъ было по временамъ и у насъ съ бумажными деньгами когда онѣ ходили съ небольшимъ лажемъ. При этомъ условіи денежное обращеніе страны устраивается сообразно ея дѣйствительнымъ потребностямъ. Вслѣдствіе того что звонкую монету можно обмѣнивать въ размѣнныхъ кассахъ на бумажные знаки, а бумажные знаки на звонкую монету, происходитъ самое правильное и естественное раздѣленіе денежнаго обращенія на двѣ доли, изъ которыхъ одна состоитъ въ звонкой монетѣ, а другая въ бумажныхъ ея представителяхъ: взаимное отношеніе этихъ долей опредѣляется условіями экономической жизни. У насъ напримѣръ до крымской войны, когда размѣнъ былъ свободенъ, бумажныхъ представителей монеты было около 300 милліоновъ, а остальная масса денежнаго обращенія заключалась въ звонкой монетѣ. Въ размѣнномъ фондѣ было тогда около 150 милліоновъ рублей, но опытъ многихъ лѣтъ показывалъ, что въ такой огромной суммѣ нѣтъ надобности, и что размѣнный фондъ могъ бы быть значительно уменьшенъ безъ малѣйшей опасности.

Графъ Шуваловъ, говоря объ *излишкѣ* въ теперешнемъ количествѣ обращающихся кредитныхъ билетовъ, замѣчаетъ, что нормальное ихъ количество должно быть соразмѣрно размѣнному фонду. Мы воспользуемся этимъ замѣчаніемъ, чтобы сказать нѣсколько словъ вообще о мнѣніи, что между количествомъ обращающихся кредитныхъ билетовъ и размѣннымъ фондомъ должна быть пропорціональность. Это мнѣніе довольно въ ходу у насъ; вслѣдствіе неточнаго пониманія одного изъ основаній установленной графомъ Канкриномъ системы кредитныхъ билетовъ, у насъ сложилось повѣрье будто для поддержанія размѣна достаточно чтобы размѣнный фондъ былъ не меньше одной шестой доли общаго количества выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ. Еслибъ это повѣрье имѣло какое-нибудь разумное основаніе, то государства могли

бы отмѣнить всѣ подати, и въ замѣнъ того печатать бумажныя деньги, отдѣляя одну шестую долю новонапечатанныхъ бумажекъ на покупку звонкой монеты. Кто не видитъ, что это вещь несбыточная? А между тѣмъ серіозные люди считали у насъ чѣмъ-то непреложнымъ это диковинное повѣрье о волшебной силѣ шестой доли! Дѣло въ томъ, что ни шестая, ни третья доля, ни даже половина не можетъ составить безусловно достаточное обезпеченіе бумажныхъ знаковъ при произвольномъ ихъ количествѣ. Вообще невозможно установить никакой соразмѣрности между размѣннымъ фондомъ и количествомъ обращающихся бумажныхъ знаковъ. Когда бумажныхъ знаковъ обращается мало, гораздо меньше нежели сколько нужно, то цѣнность ихъ можетъ поддерживаться даже безо всякаго размѣннаго фонда, но коль скоро обращеніе бумажныхъ знаковъ усиливается, то для этихъ добавочныхъ выпусковъ требуется обезпеченіе рубль за рубль. Если бы, напримѣръ, было опытомъ дознано, что Россія ни въ какомъ случаѣ не можетъ обойтись безъ 300 милліоновъ бумажныхъ знаковъ, то можно было бы оставить это 300 милліонное обращеніе безо всякаго покрытія, но дальнѣйшіе выпуски слѣдовало бы обезпечивать звонкою монетой рубль за рубль. Итакъ, излишекъ бумажныхъ знаковъ, если есть, можетъ быть опредѣляемъ посредствомъ сравненія не съ размѣннымъ фондомъ, а съ количествомъ бумажныхъ знаковъ необходимымъ для обращенія. Будь у насъ размѣннаго фонда гораздо меньше чѣмъ теперь, но будь при томъ кредитныхъ билетовъ въ обращеніи не болѣе 300 милліоновъ,—положеніе дѣлъ было бы безопасное, и размѣнъ могъ бы продолжаться, другими словами не было бы излишка. Теперь же, при 600 слишкомъ милліонахъ кредитныхъ билетовъ, размѣнный фондъ даже въ 200 милліоновъ былъ бы недостаточенъ для того, чтобъ основательнымъ образомъ открыть и обезпечить размѣнъ кредитнаго рубля на полновѣсный серебряный рубль.

Когда правительство выпускаетъ бумажные знаки безъ требованія со стороны публики, то-есть не въ обмѣнъ на звонкую монету, то оно выпускаетъ излишекъ, а когда въ обращеніи есть значительный излишекъ бумажныхъ знаковъ, то непремѣнно должна оказаться необходимость въ прекращеніи размѣна. Но съ прекращеніемъ размѣна, бумажные знаки, сохраняя свою номинальную цѣнность, утрачиваютъ часть своей дѣйствительной цѣнности,—той цѣнности, которая имѣетъ силу не только на внутреннемъ, но и на иностранномъ рынкѣ. Тогда начинается колебаніе цѣнности денежной единицы. Страна, въ которой это случается, теряетъ значительную долю тѣхъ выгодъ, которыя доставляетъ человѣческому обществу изобрѣтеніе денегъ. Хаосъ экономическихъ отношеній, вслѣдствіе того происходящій, ложится на такую страну тяжеле чѣмъ самые обременительные налоги. Долгъ, по наружному виду безпроцентный, обходится и правительству и всей странѣ дороже всякаго процентнаго долга. У насъ напримѣръ невозможность заниматься сельскимъ хозяйствомъ не подвергаясь риску, что пожалуй окажется вмѣсто барыша и убытокъ, происходитъ не отъ упраздненія крѣпостной зависимости, какъ обыкновенно полагаютъ, а отъ разстройства денежной системы: если издержки вольнонаемнаго хозяйства не вознаграждаются цѣной его продуктовъ, то причиной тому не отмѣна крѣпостнаго права, отъ которой всѣ ожидали возвышенія цѣнъ на сельскохозяйственные продукты, а стѣсненіе нашего отпуска оказывающее гнетъ и на внутренній рынокъ. Но эти экономическія дѣйствія могутъ возникнуть только вслѣдствіе излишка бумажныхъ знаковъ. Будь количество ихъ несоразмѣрно съ размѣннымъ фондомъ, но не будь излишка противъ протребности въ нихъ, эта несоразмѣрность не могла бы причинить никакихъ затрудненій.

Какъ же освободиться отъ излишка, если онъ есть? Не иначе какъ изъятіемъ или что̀ по послѣдствіямъ то же самое, пониженіемъ цѣнности денежной единицы. Уменьшить цѣнность кредитнаго рубля на 10%, это все то же что изъять десятую долю обращающихся кредитныхъ билетовъ. Что же касается до изъятія, то правила этой операціи совершенно ясны. Надобно возвратиться къ тому что̀ естественно и справедливо—превратить безпроцентный долгъ въ процентный. При этомъ превращеніи надобно быть до конца справедливымъ и совершить его посредствомъ добровольнаго займа съ платой процентовъ соотвѣтствующихъ рыночной цѣнѣ на занимаемые капиталы. Кромѣ того, приступая къ этой операціи, не должно выпускать изъ виду цѣль оя—возстановленіе размѣна. Бумажнымъ знакамъ нельзя придать прочную цѣнность никакимъ другимъ способомъ кромѣ размѣна,

и если взглянуть на дѣло прямо и безхитростно, то невозможно питать надежду, чтобы при вопросѣ о бумажныхъ знакахъ когда-нибудь *исчезъ металлическій вопросъ*. Бумаги, предлагаемыя графомъ Шуваловымъ, могутъ имѣть извѣстнаго рода успѣхъ какъ одинъ изъ временныхъ способовъ консолидаціи кредитныхъ билетовъ; эти бумаги, принося извѣстный процентъ, будутъ имѣть извѣстную цѣнность, но онѣ никогда не будутъ въ состояніи исполнить въ экономическихъ сдѣлкахъ все то, что исполняютъ настоящія деньги, имѣющія всемірную цѣнность,—то-есть звонкая монета и ея представители, размѣнные бумажные знаки.

Б.

Изъ Америки получены интересныя извѣстія, какъ читатели увидятъ ниже въ *Послѣдней Почтѣ*. Сѣверный генералъ Шерманъ оставилъ Джаксонъ въ Миссисипи, двинулся далѣе на востокъ, и давъ сраженіе сепаратистамъ, занялъ городъ Сельму въ Алабамѣ. Движеніе это имѣетъ важное значеніе; оно объясняетъ намъ и даетъ предугадывать многое. Сельма стоитъ въ самой серединѣ штата Алабамы, неподалеку отъ Монгомери, на пересѣченіи двухъ желѣзныхъ дорогъ, одной черезъ Джаксонъ къ Виксбургу (на Миссисипи) и далѣе въ Луизіану, и другой—въ Мобиль; притомъ, почти у самой Сельмы протекаетъ довольно значительная рѣка Алабама, впадающая у Мобиля въ Мексиканскій заливъ. Понятно, почему генералъ Шерманъ двинулся въ Алабаму и почему онъ отважился, съ частью войскъ своихъ, оставить такую важную позицію какъ Виксбургъ. Дѣйствовать съ суши на Мобиль, въ то время какъ сѣверная эскадра будетъ громить его съ моря, вотъ цѣль федеральнаго генерала, указанная ему, вѣроятно, изъ Вашингтона. Изъ Виксбурга до Сельмы прошелъ онъ гораздо больше чѣмъ сколько нужно пройдти до Мобиля; и достаточно будетъ, въ нужную минуту, одного знака, чтобъ онъ явился подъ стѣнами города. Мы знаемъ уже, что сильная федеральная эскадра, подъ начальствомъ адмирала Фаррагута, вышла изъ Новаго Орлеана и появилась у береговъ Алабамы; было даже извѣстіе, что она потерпѣла неудачу у Большаго Прохода, въ 45 миляхъ отъ Мобиля, и была отражена; но извѣстіе это получено было въ Европѣ черезъ Южные Штаты, и ему нельзя было вполнѣ довѣрять, тѣмъ болѣе что конфедератисты не имѣютъ въ водахъ Луизіаны и Алабамы такихъ морскихъ силъ, которыя могли бы помѣряться съ федеральною эскадрой. Точно также нельзя придавать большаго значенія и другому извѣстію, неблагопріятному для федералистовъ, о пораженіи, которое они претерпѣли въ Флоридѣ: высадка въ Джаксонвилѣ, о которой мы уже говорили, и для которой генералъ Гильморъ, принявшій надъ нею начальство, временно оставилъ Чарльстонъ, имѣла болѣе политическій чѣмъ собственно военный характеръ, и первая неудача не остановитъ Сѣверянъ въ ихъ намѣреніи. Междуусобная война въ Америкѣ, какъ и всякая другая война на свѣтѣ, велась съ перемѣннымъ счастіемъ. Сѣверяне терпѣли неудачи и даже подвергались страшнымъ пораженіямъ; но они не переставали идти все впередъ и впередъ, и разъ указавъ себѣ какую-нибудь цѣль, Новый ли Орлеанъ или Виксбургъ, они неуклонно стремились къ ней, пока не достигали ея. Судьба не дала имъ въ настоящую войну геніяльныхъ полководцевъ, но она надѣлила ихъ за то всепобѣждающимъ упорствомъ. Если эскадра Фаррагута потерпѣла неудачу у Мобиля, то она скоро оправится, появится снова у устья Алабамы, и городъ, взятый съ двухъ сторонъ, съ суши и съ моря, едва ли спасется отъ федералистовъ. Между тѣмъ Мобиль—пунктъ чрезвычайно важный: это второй хлопчатобумажный портъ республики, послѣ Новаго Орлеана. Владѣя Мобилемъ и Новымъ Орлеаномъ, федералисты господствовали бы надъ двумя изъ самыхъ обширныхъ и плодотворныхъ штатовъ надъ Алабамой и Миссиссипи.

Въ этомъ же нумерѣ, подъ рубрикою *Америка*, читатели найдутъ извлеченіе изъ распоряженія, сдѣланнаго генераломъ Банксомъ въ Луизіанѣ относительно работы негровъ на плантаціяхъ штата. Читатели увидятъ, что хотя этою мѣрою и прекращается невольничество, но, какъ и можно было ожидать, полная свобода не водворяется. Возникаетъ новое, совершенно оригинальное, экономическое положеніе, изъ котораго, какъ многіе думаютъ, выработается нѣчто похожее на крѣпостное состояніе. Впрочемъ надобно взять въ соображеніе, что распоряженіе генерала Банкса имѣетъ характеръ лишь временной мѣры на одинъ нынѣшній годъ, служа продолженіемъ системы, дѣйствовавшей въ прошломъ году. Когда объявлена была эманципація негровъ въ

Южныхъ Штатахъ, то тамъ, гдѣ она могла перейдти въ дѣйствительность, то-есть въ штатахъ, занятыхъ, подобно Луизіанѣ, федеральными войсками, страшно развилась праздность; негры ничего не хотѣли дѣлать и плантаціи глохли. Чтобъ избавить край отъ этого бѣдствія, федеральныя власти рѣшились обратиться къ обязательному, но хорошо вознаграждаемому труду, и установили его въ Луизіанѣ, сначала на одинъ 1863 годъ, а теперь и на нынѣшній 1864 г. Впрочемъ, положеніе негровъ, созданное распоряженіемъ генерала Банкса, соотвѣтствуетъ не столько крѣпостному состоянію въ собственномъ смыслѣ, сколько системѣ чиновничьей опеки и искусственной организаціи земледѣльческаго труда.

Нельзя также отрицать, что распоряженіе генерала Банкса имѣетъ и политическій характеръ, и кромѣ организаціи земледѣльческаго труда, имѣетъ въ виду и организацію предстоящихъ президентскихъ выборовъ: въ послѣднихъ пунктахъ своего приказа, онъ прямо говоритъ объ избирательныхъ ящикахъ и о подачѣ голосовъ. Но подобное распоряженіе и не могло быть чуждо политическаго характера. Прокламація г. Линкольна объ освобожденіи невольниковъ въ отдѣлившихся штатахъ была тоже политическимъ оружіемъ, равно какъ такимъ же оружіемъ послужитъ и рѣшенное недавно вашингтонскимъ конгрессомъ (для чего пришлось даже измѣнить конституцію республики) общее (условное) освобожденіе негровъ на всей территоріи Соединенныхъ Штатовъ, безъ исключенія.

Нельзя не признать аналогіи между двумя политическими возстаніями текущаго времени. Польское и американское междуусобіе, оба произведены измѣной и интригой, и вслѣдъ за кровавою борьбой, оба получаютъ одинаковый ударъ: освобожденіе хлоповъ на Вислѣ, освобожденіе негровъ въ Сѣверной Америкѣ!..

№ 51.

Москва, 4-го марта.

Европа оставила насъ въ покоѣ; война намъ не угрожаетъ; иностранные кабинеты насъ не муштруютъ; мы теперь одни съ нашими внутренними затрудненіями. Что же? Лучше ли намъ отъ этого? Благонадежнѣе ли наше положеніе? Сильнѣе ли мы? Успѣшнѣе ли можемъ мы теперь справляться съ нашими затрудненіями? Должно сознаться, что зло всегда становится тѣмъ глубже и опаснѣе, чѣмъ оно менѣе на виду. Внѣшняя опасность возбуждала наши силы, она дѣлала насъ чуткими, она дѣлала насъ зоркими, она примиряла наши разногласія, она сливала насъ въ одно могущественное чувство, она давала намъ высокія минуты энергическаго народнаго чувства. Теперь внѣшняя опасность удалилась, а вслѣдъ за ней не угаснетъ ли и вызванное ею чувство, не упадутъ ли и возбужденныя ею силы? Когда насъ презирали, когда насъ считали народомъ умершимъ, — на насъ дѣйствовали угрозами; но когда убѣдились, что нашъ народъ, въ крайнихъ случаяхъ, способенъ къ отпору, что внѣшняя опасность будитъ его и поднимаетъ на ноги, тогда призракъ внѣшней опасности мгновенно исчезъ; насъ оставили въ покоѣ, съ тѣмъ чтобы мы еще глубже чѣмъ прежде погрузились въ обычную апатію.

Въ чемъ заключается наше зло? Наше зло заключается въ нашей апатіи. У насъ нѣтъ личной предпріимчивости, нѣтъ частной инипіативы, нѣтъ самостоятельно дѣйствующихъ общественныхъ силъ; все дѣлается у насъ общею безразличною правительственною силою: вотъ что̀ представляется каждому при первомъ взглядѣ на нашу жизнь, вотъ что̀ ставятъ намъ въ упрекъ и свои и чужіе. Если эти упреки справедливы,—то чего могутъ желать наши недоброжелатели, и чего можемъ желать мы сами? Нашимъ недоброжелателямъ естественно желать, чтобы такое состояніе наше продлилось и упрочилось, а намъ самимъ естественно желать чтобъ оно прекратилось. Но наши недоброжелатели очень хорошо знаютъ чего имъ требуется, а мы, къ сожалѣнію, не всегда идемъ къ своей цѣли, и не всегда знаемъ чего хотимъ. У насъ образовалась привычка уничижать свой народъ, и мы дѣлаемъ это съ какою-то странною похвальбою, мы дѣлаемъ это съ какимъ-то болѣзненнымъ наслажденіемъ. Мы уничижаемъ свой народъ не только передъ другими великими историческими народами, но и предъ клочками разныхъ чуждыхъ народностей, вошедшихъ въ составъ нашего государства и занимающихъ его окраины. Всѐ и все лучше и способнѣе нашего народа. Но, странное дѣло! мы не отдаемъ себѣ отчета въ томъ, что наше зло именно и происходитъ оттого что мы

сами добровольно уничижаемъ себя и сами добровольно отказываемся отъ тѣхъ выгодъ, которыя прельщаютъ насъ у другихъ. Мы не видимъ у себя личной предпріимчивости и частной инипіативы, мы не видимъ у себя живаго и плодотворнаго развитія общественныхъ силъ,—и намъ это, конечно, не нравится, и мы восклицаемъ: „какъ все у насъ пустынно и мертво! какъ мало въ нашемъ народѣ инстинктовъ свободы и самостоятельной дѣятельности! какъ мало въ немъ условій живаго и плодотворнаго движенія! какъ мы скудны! какъ мы непроизводительны! какъ мало у насъ живыхъ силъ, энергическихъ дѣйствій, оригинальныхъ характеровъ! какъ поверхностно и ничтожно наше образованіе! какъ шатки наши мнѣнія!" Это обычная тема жалобъ и сужденій, которыя раздаются повсюду. Но ни теоретики, ни практики наши никакъ не догадываются, что эти замѣчаемыя ими явленія, которыя повидимому такъ огорчаютъ ихъ, не происходятъ и не могутъ происходить изъ жизни; они не догадываются, что эти печальныя явленія суть послѣдствія ихъ же собственныхъ понятій о своемъ народѣ; они не догадываются, что эти явленія порождены господствующими у насъ теоріями и ведущеюся согласно съ этими теоріями практикою. Люди, которые сѣтуютъ на скудость и безсиліе нашей народной жизни, сами въ то же время будутъ протестовать противъ того что̀ могло бы дать ей ходъ, возбудить и поднять ее. Напрасно ссылаются они на естественныя свойства нашего народа: всякій народъ есть народъ, какъ и всякій человѣкъ есть человѣкъ. Всякій народъ, какъ и всякій человѣкъ, обладаетъ своею долею силъ и можетъ жить и дѣйствовать въ ихъ мѣру; но чтобъ обнаруживать признаки жизни, для этого надо двигаться и дѣйствовать, для этого живой организмъ долженъ свободно владѣть своими членами. Скажите это тѣмъ людямъ, которыхъ у насъ такъ много и которые преклоняются предъ всякимъ проявленіемъ жизни у другихъ народовъ, — скажите имъ, что и у насъ можетъ быть то же что̀ у другихъ, если мы сколько-нибудь освободимъ нашу жизнь отъ тяготѣющихъ надъ нею, чуждыхъ ей и сковывающихъ ее, теорій, если мы внесемъ въ нее единственно плодотворное начало всякой дѣятельности, начало свободнаго соревнованія силъ, если мы каждой дѣятельности предоставимъ огражденное закономъ и обезпеченное развитіе, — они никакъ не поймутъ васъ и не захотятъ васъ слушать. Они будутъ отвѣчать вамъ по Луи-Блану или по Прудону, или будутъ ссылаться на грубость и невѣжество народа, какъ будто въ другихъ странахъ массы народа отличаются особеннымъ образованіемъ, какъ будто въ другихъ странахъ, издавна пользующихся болѣе или менѣе самостоятельнымъ развитіемъ общественной жизни, высшіе классы общества были всегда образованнѣе высшихъ классовъ нынѣшняго русскаго общества. Нѣтъ, дѣло не въ утонченности образованія, англійскіе *сквайры* прошлаго столѣтія отнюдь не были образованнѣе нынѣшнихъ русскихъ помѣщиковъ; вся сила заключается въ условіяхъ общественной организаціи и личной самостоятельности людей. Только предоставленная себѣ жизнь вырабатываетъ характеры; только она создаетъ и гражданственность, и истинное образованіе, и богатство.

Къ обычнымъ бюрократическимъ понятіямъ, засѣвшимъ у насъ съ давняго времени, присоединились на нашу бѣду въ послѣднее время разныя соціалистическія, коммунистическія и демократическія теоріи, которыя, также какъ и первыя, основаны на полномъ неуваженіи къ существующему, на недовѣріи къ свободѣ, къ исторіи, къ естественнымъ силамъ человѣческой жизни. Мудрено ли, что намъ ничто не спорится? Мудрено ли, что мы не предвидимъ исхода изъ нашей апатіи и даемъ всякому злу укрѣпляться и развиваться на нашей почвѣ? Мы на все смотримъ подозрительно, мы принимаемъ предосторожности противъ создаваемыхъ нашимъ воображеніемъ призраковъ, и дѣйствительно губимъ себя, упорно отказываясь, какъ мнимые больные, отъ движенія, пищи и свѣжаго воздуха. Нашимъ консерваторамъ чудятся революціонные элементы въ спокойныхъ и крѣпкихъ нѣдрахъ нашей земли, нашимъ либераламъ мерещится возобновленіе крѣпостнаго права,—и наши консерваторы, сами того не сознавая, способствуютъ фальшивому броженію, происходящему вслѣдствіе безмолвія и бездѣйствія общественныхъ интересовъ, а наши прогрессисты, изъ нелѣпыхъ опасеній вторичнаго пришествія крѣпостнаго права, и подъ вліяніемъ смутныхъ идей демократическаго соціализма, рады навѣки закрѣпостить крестьянъ въ общинномъ землевладѣніи, въ

круговой порукѣ, подъ деспотизмомъ мірской сходки и такъ-называемаго крестьянскаго самоуправленія.

Однако жизнь мало-по-малу беретъ свое; по крайней мѣрѣ, мы несомнѣнно заявляемъ свои стремленія и потребности вопреки господствующимъ системамъ и теоріямъ. Ни что такъ не радуетъ насъ, какъ появляющіеся признаки дружелюбныхъ отношеній и солидарности интересовъ между крестьянами и дворянами-землевладѣльцами, несмотря на сословную организацію, которая еще раздѣляетъ ихъ, несмотря на запутанные счеты, которые они еще ведутъ между собою. Свобода и благосостояніе крестьянъ можетъ упрочиться лишь тогда, когда во главѣ своей будутъ видѣть они людей независимыхъ, достаточно сильныхъ и достаточно просвѣщенныхъ, тѣсно связанныхъ съ ними и составляющихъ съ ними одно цѣлое; точно также благосостояніе и значеніе землевладѣльческихъ классовъ могутъ основываться лишь на ихъ непосредственной связи, на ихъ единствѣ съ народными массами. Только при такомъ условіи общественная организація наша можетъ устроиться благонадежно и прочно; только при такомъ условіи могутъ исправиться наши порядки, объ исправленіи которыхъ мы заботимся; только при подобныхъ условіяхъ можемъ мы наконецъ отдѣлаться отъ системъ, сковывающихъ нашу жизнь и лишающихъ ее плодотворнаго развитія.

Съ особеннымъ удовольствіемъ помѣщаемъ мы ниже два адреса отъ крестьянъ, какъ временно-обязанныхъ, такъ и государственныхъ, на имя крестецкаго (Новгородской губерніи) уѣзднаго предводителя дворянства, А. А. Татищева. Вотъ доброе предвѣстіе того новаго положенія, которое должны принять наши землевладѣльцы, какъ естественные защитники свободнаго сельскаго люда, какъ представители его интересовъ, какъ надежные охранители земскаго мира. А есть либералы, которые все еще думаютъ, что крестьянамъ лучше оставаться подъ палкою выборнаго старшины или старосты, подъ расправою мірской сходки, или подъ филантропическою опекою *наѣзжаго* оффиціала! Мы мало цѣнимъ, или, лучше сказать, мы мало понимаемъ тѣ элементы политическаго благоустройства, которые выработала наша исторія. Мы смотримъ по сторонамъ и не подозрѣваемъ, что у насъ есть наготовѣ условія гражданственности, благосостоянія и общественной свободы, какія найдутся не у всякаго народа. Пусть сравнятъ, напримѣръ, эти свободныя отношенія, въ которыя русскій крестьянинъ, по собственному чувству и разуму, становится къ предводителю дворянства, съ тѣмъ чувствомъ, которое испытываетъ теперь польскій крестьянинъ, освобождаясь отъ *именнаго войта*.

Но выше мы заговорили объ опасностяхъ, которыя намъ угрожали и быть-можетъ еще угрожаютъ, о внутреннихъ затрудненіяхъ, съ которыми мы продолжаемъ еще бороться. Противъ вооруженной вражды, нѣтъ сомнѣнія, должно дѣйствовать вооруженною силою; противъ мятежа и революціоннаго терроризма надобно дѣйствовать непреклоннымъ и грознымъ развитіемъ подавляющей власти. Но противъ зла тайнаго, отрицательныя средства недостаточны и часто бываютъ невозможны; противъ зла тайнаго, гнѣздящагося въ государствѣ, есть одно дѣйствительное средство — цѣлебная сила жизни, *vis medicatrix naturae*. Мы не будемъ въ состояніи положить конецъ враждебнымъ притязаніямъ, интригамъ и showкознямъ, направленнымъ противъ нашей государственной цѣлости; мы не будемъ въ состояніи изгнать духъ сепаратизма, мятежа и революціи изъ предѣловъ нашего отечества, пока не возвысится уровень нашей національной жизни. Мало пользы преслѣдовать или истреблять враждебные намъ элементы; при тѣхъ же условіяхъ они народятся вновь, если не въ томъ, такъ въ другомъ мѣстѣ, не въ томъ, такъ въ другомъ видѣ. Чтобъ истребить зло, необходимо устранить порождающія его условія. При свободномъ заявленіи и развитіи русскихъ общественныхъ интересовъ, при полноправности русскаго человѣка, ничьи враждебные притязанія и замыслы не будутъ возможны, и враждебные элементы сами собою измѣнятъ свой характеръ. Опасность и зло не во враждебныхъ намъ элементахъ, а въ тѣхъ условіяхъ, которыя поражаютъ безплодіемъ нашу народную жизнь...

№ 52.

Москва, 5-го марта.

Всѣ извѣстія изъ Царства Польскаго единогласно свидѣтельствуютъ о сильномъ,

рѣшающемъ и благотворномъ дѣйствіи, которое производятъ тамъ Высочайшіе указы 19-го февраля. Эта важная мѣра угодила въ самую сердцевину вопроса, который висѣлъ надъ этимъ несчастнымъ краемъ, волнуя, раззоряя и обагряя его кровію. Никакія побоища, никакія строгости военнаго положенія, никакія полицейскія распоряженія, не могли бы нанести столь рѣшительный ударъ нынѣшнему мятежу въ польскомъ краѣ, какъ это органическое преобразованіе, коснувшееся самыхъ глубокихъ основъ политическаго, общественнаго и экономическаго быта въ этомъ краѣ. Это послѣдній разчетъ съ польскою исторіей, это послѣдняя ликвидація ея банкротства. Послѣ роковаго слова, произнесеннаго на полѣ проигранной битвы однимъ изъ лучшихъ защитниковъ старой Польши, знаменитымъ Костюшкой: „finis Poloniae", — призракъ скончавшейся Польши еще продолжалъ смущать живыхъ людей напрасно и губить цѣлыя поколѣнія. Благодаря интригѣ, всегда привольно дѣйствующей тамъ, гдѣ публичныя дѣла лишены надлежащей публичности, призракъ умершей Польши удержалъ связь свою съ міромъ живущихъ, волнуя ихъ воспоминаніями, раздражая ихъ надеждами. На мѣсто Герцогства Варшавскаго появилось Царство Польское, съ особымъ государственнымъ устройствомъ, и съ тайными видами на возобновленіе прежнихъ границъ Рѣчи Посполитой и на ея возстановленіе. Катастрофа 1830 года отчасти измѣнила это положеніе дѣлъ, но старая Польша все еще продолжала жить, въ исключительномъ, уцѣлѣвшемъ послѣ всѣхъ погромовъ, положеніи польской шляхты. Старая Польша и была не что иное, какъ эта самая шляхта, составившая особый народъ въ народѣ и подорвавшая всѣ основы національной жизни своей страны. Пока оставался образъ польской шляхты, до тѣхъ поръ должны были продолжать свое пагубное существованіе притязательныя преданія старой Польши. Части прежняго Польскаго королевства, вошедшія въ составъ Австріи и Пруссіи, не получили никакой особой политической организаціи, и никакого притязательнаго титула; онѣ подчинились общему государственному праву той и другой страны; шляхетскія привилегіи и преданія изчезли въ тѣхъ мѣстахъ; рядомъ законодательныхъ мѣръ крестьяне Галиціи и Познани были окончательно освобождены, и крестьянскія земли, или лучше сказать крестьянскія повинности соединенныя съ обладаніемъ землею, юридически опредѣленныя, были окончательно выкуплены. Никакія интриги, никакая игра впечатлѣніями, не могли помѣшать этому дѣлу ни въ Галиціи, ни въ Познани; оно совершилось съ неуклонною законностію, полною рѣшимостію и послѣдовательностію. Если польскій вопросъ еще отзывался до послѣдняго времени въ Австріи и Пруссіи, то это именно были только отзывы, — отзывы покушеній и движеній, которыя зараждались и поддерживались въ нашей государственной области. Несмотря на рѣшимость Императора Николая I измѣнить положеніе дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ посредствомъ преобразованія быта крестьянъ, дѣло шло неуспѣшно, и положеніе сельскаго люда въ Царствѣ Польскомъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, становилось чуть ли не хуже. Нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ, въ общихъ заботахъ своихъ объ освобожденіи и улучшеніи быта земледѣльческихъ классовъ, имѣлъ постоянно въ виду польскихъ крестьянъ. Три законодательныя мѣры: постановленіе совѣта управленія 16-го декабря 1858 года, и высочайшіе указы 4-го мая 1861 года и 24-го мая 1862 года, были направлены къ этой цѣли. Но если, какъ сказано въ Высочайшемъ указѣ 19 февраля объ устройствѣ крестьянъ Царства Польскаго, законодательныя мѣры, принятыя въ Россіи, увѣнчались быстрымъ успѣхомъ, благодаря дѣятельной помощи, оказанной русскимъ помѣстнымъ дворянствомъ, и жертвамъ ими принесеннымъ, то законодательныя мѣры въ Царствѣ Польскомъ не встрѣтили „со стороны помѣстнаго сословія того содѣйствія, безъ котораго успѣхъ „предпринимаемыхъ мѣръ былъ невозможенъ." Какъ извѣстно, въ Царствѣ Польскомъ пущены были въ ходъ всѣ пружины интриги, чтобы задержать, отклонить и парализировать дѣйствіе этихъ законодательныхъ мѣръ. Въ то время какъ крестьянская реформа внутри Имперіи совершалась очень энергически, въ Варшавѣ происходили революціонныя демонстраціи, и законныя власти отступали передъ ними. Правительство, впрочемъ, не могло опираться въ этомъ краѣ на совершенно благонадежныя орудія; къ тому же оно было стѣснено въ своихъ дѣйствіяхъ нѣкоторыми двусмысленными международными условіями.

Наконецъ, событія разъяснили дѣло, и правительство, опираясь на весь русскій народъ, съ достоинствомъ и энергіей отклонило вмѣшательство иностранныхъ державъ, и приняло соотвѣтственный обстоятельствамъ образъ дѣйствій. Весьма естественно, что главною заботою его было освободить народныя массы отъ вліянія и устрашенія мятежниковъ: для этого ему стоило только возобновить или привести въ дѣйствіе задуманныя прежде и уже начатыя реформы, долженствовавшія освободить народъ въ польскомъ краѣ отъ этой системы злоупотребленій, угнетеній и притѣсненій, которая продолжала еще тяготѣть надъ нимъ, какъ наслѣдіе старой Польши. Но тѣмъ не менѣе крестьянская реформа въ этомъ краѣ не была ускорена революціей,—напротивъ она была задержана революціонными интригами. Приведеніе этой реформы въ исполненіе обусловлено, правда, возстаніемъ, но не должно быть понимаемо въ смыслѣ отпора мятежу; нѣтъ, это—исполненіе долга лежавшаго на правительствѣ,—долга, который оно давно чувствовало на себѣ. Если эта реформа положитъ конецъ польскимъ смутамъ, то она, безъ сомнѣнія, предотвратила бы ихъ, еслибъ обстоятельства не помѣшали ея совершенію въ то время, когда она была задумана. И вотъ мы припоминаемъ, что первая мысль совершаемой нынѣ въ Царствѣ Польскомъ реформы, возникла не только задолго до мятежа, но даже задолго до освобожденія крестьянъ внутри Имперіи. Мысль освободить польскихъ крестьянъ отъ *гминныхъ войтовъ* и прочнымъ образомъ опеспечить ихъ участь, была одною изъ первыхъ мыслей нынѣшняго царствованія,— и коснувшись ея, мы не можемъ не вспомнить о государственномъ человѣкѣ, только что похищенномъ смертію и искренно оплаканномъ всѣми его знавшими. Мы говоримъ о графѣ Д. Н. Блудовѣ.

Недостатокъ публичности есть одна изъ главныхъ причинъ того неуважительнаго мнѣнія, которое мы, Русскіе, имѣемъ о самихъ себѣ. Мы обращаемъ все наше вниманіе на то что̀ дѣлается въ чужихъ краяхъ, гдѣ публичныя дѣла совершаются съ свойственною имъ публичностію, и наши мыслящіе люди, вслѣдствіе того, живутъ въ фантастической стихіи, принимая воображаемое участіе въ чужихъ интересахъ, и не зная того, что̀ происходитъ въ дѣйствительной, окружающей ихъ, средѣ. Въ самомъ дѣлѣ, у насъ люди знаютъ только то что̀ касается ихъ лично, и только тѣхъ съ кѣмъ лично знакомы. Русскимъ людямъ государственные дѣятели своей страны менѣе извѣстны чѣмъ члены Сентъ-Джемскаго кабинета, или даже министры короля Виктора-Эммануила. Въ чувствованіяхъ и мнѣніяхъ русскихъ людей,— а чувствованія и мнѣнія составляютъ самую существенную стихію человѣческой жизни и человѣческаго общежитія,—нѣтъ мѣста для всего того что̀ дѣйствуетъ отъ имени Россіи и въ ея интересахъ. Имена нашихъ государственныхъ дѣятелей остаются для публики только звукомъ, не вызывающимъ опредѣленныхъ представленій, никакого живаго образа, и въ свою очередь дѣятельность нашихъ государственныхъ людей не находитъ себѣ плодотворной повѣрки въ общественномъ мнѣніи.

Эти мысли невольно легли подъ перо, при воспоминаніи о покойномъ графѣ Блудовѣ. Какое долгое и почетное поприще! А у многихъ ли возникаетъ въ умѣ какое-либо ясное представленіе при имени этого государственнаго дѣятеля, сошедшаго съ земнаго поприща? Да и тѣмъ, кто близко зналъ покойнаго и могъ цѣнить его личныя свойства, все ли и съ достаточною ли вѣрностію извѣстно изъ его государственной дѣятельности, которой была посвящена его жизнь? Долгая государственная дѣятельность съ ея заслугами, съ ея характеристическими особенностями, съ воззрѣніями и правилами, которыя выработались въ ней практикою, вошла ли въ умственный капиталъ общества, которому она была посвящена? Между тѣмъ развитіе чьей бы то ни было публичной дѣятельности поучительно даже въ своихъ ошибкахъ, недоразумѣніяхъ, уклоненіяхъ и недостаткахъ; болѣе чѣмъ всякая книга, оно можетъ способствовать политическому воспитанію общества.

А графъ Д. Н. Блудовъ былъ, во всѣхъ отношеніяхъ, замѣчательная личность. Знавшіе его лично навсегда сохранятъ живое воспоминаніе о его обширномъ и образованномъ умѣ, о его замѣчательной начитанности, о его удивительной памяти, о его русскомъ чувствѣ и прекрасной русской рѣчи, о любезныхъ качествахъ его сердца, о простотѣ и скромности его нравовъ, о его привѣтливости и радушіи, объ этой изящной *urbanitas*, которою отличалось обращеніе перваго сановника Импе-

ріи со всѣми кто къ нему ни приближался, безъ различія состояній и званій.

Но личныя воспоминанія о покойномъ графѣ Блудовѣ, возбужденныя предметомъ, котораго коснулись мы выше, снова приводятъ насъ къ тому же предмету. Мы припоминаемъ, что еще въ 1856 г., вскорѣ по вступленіи нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора на престолъ, онъ былъ дѣятельнымъ органомъ мысли Его Величества объ улучшеніи быта польскихъ крестьянъ. Этотъ эпизодъ государственной дѣятельности покойнаго графа Дмитрія Николаевича почти совершенно неизвѣстенъ публикѣ, но онъ представляетъ особенный интересъ именно въ настоящее время, когда въ Царствѣ Польскомъ совершается то, что было предметомъ его размышленій и заботъ еще за восемь лѣтъ предъ симъ, когда, въ качествѣ вице-предсѣдателя польскаго департамента Государственнаго Совѣта, онъ убѣдительно настаивалъ на необходимости серіозной и полной крестьянской реформы въ Царствѣ Польскомъ. Государь Императоръ поручилъ ему изученіе этого важнаго вопроса, и графъ Блудовъ, 28-го апрѣля 1856 года, обратился къ тогдашнему намѣстнику Царства Польскаго, князю Горчакову, съ отношеніемъ, содержаніе котораго было потомъ обсуждаемо въ совѣтѣ управленія Царства и потому стало отчасти извѣстно внѣ офиціяльныхъ сферъ. Въ этомъ замѣчательномъ документѣ графъ Блудовъ настаивалъ на необходимости ограничить власть гминныхъ войтовъ, устроить общественныя управленія, городскіе и сельскія, и преобразовать бытъ крестьянъ на основаніяхъ, постановленныхъ указомъ 1846 г.

Эта мысль, предложенная графомъ Блудовымъ, была тогда, къ несчастію, замята. Она не получила осуществленія, но она свидѣтельствуетъ, что нынѣшняя реформа въ Царствѣ Польскомъ, какъ замѣчено выше, не есть мѣра, навязанная правительству борьбою съ мятежомъ, и что въ своихъ основаніяхъ эта реформа была давно обдуманнымъ, давно подготовленнымъ шагомъ на томъ пути, на который съ самаго начала вступилъ Государь Императоръ, и на которомъ графъ Блудовъ былъ ему вѣрнымъ и убѣжденнымъ сотрудникомъ.

Итакъ, государственный человѣкъ, которому, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ того, досталась на долю высокая честь скрѣпить своею подписью, въ качествѣ предсѣдателя государственнаго совѣта, законъ освобождающій крестьянъ отъ крѣпостной зависимости внутри самой Имперіи, былъ уже въ 1856 г. предуготовительнымъ орудіемъ другаго освобожденія, которымъ обезпечивается участь слишкомъ трехъ милліоновъ польскихъ крестьянъ, и которое, вырывая съ корнемъ зло, положитъ, какъ надобно надѣяться, конецъ бѣдствіямъ, такъ часто терзавшимъ этотъ несчастный край.

19-го февраля 1861 г. графъ Блудовъ скрѣпилъ акты, относящіеся къ освобожденію крестьянъ внутри Имперіи. 19-го февраля 1864 года Государь Императоръ подписалъ указы объ окончательномъ устройствѣ быта крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ,—и черезъ нѣсколько часовъ, бытьможетъ нѣсколько минутъ за тѣмъ, графъ Блудовъ испустилъ послѣднее дыханіе...

„Для тѣхъ," пишутъ намъ въ одномъ частномъ письмѣ, указывая на это совпаденіе, „для тѣхъ, кто склоненъ видѣть въ „томъ, что обыкновенно зовется случаемъ „нѣчто болѣе чѣмъ случай, это совпаде„ніе знаменательно, и поучительно. Будто „слышишь, какъ этотъ благородный ста„рецъ, отходя, говоритъ: ***нынѣ отпущае„ши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, съ миромъ....***"

№ 53.

Москва, 6-го марта.

Высочайшіе указы 19-го февраля не могли вызвать особенной радости въ городскомъ населеніи Царства Польскаго; напротивъ ихъ должны были встрѣтить съ враждебнымъ чувствомъ горожане, такъ трудившіеся надъ возстаніемъ и такъ многимъ для него жертвовавшіе: горожанамъ нетрудно было понять, что указы 19-го февраля нанесутъ рѣшительный ударъ польской революціи. Какъ было и ожидать, чтобы напримѣръ Варшава обнаружила какое-нибудь сочувствіе великой правительственной мѣрѣ? Но за то народъ повсюду въ Царствѣ выслушиваетъ царское слово съ восторгомъ и одушевленіемъ; въ этомъ согласны всѣ русскія письма изъ разныхъ частей Царства, положительно утверждающія, что законы 19-го февраля вырвутъ польскихъ хлоповъ изъ-подъ вліянія жонда и его мятежныхъ сбирровъ. Этимъ извѣстіямъ, какъ мы сказали, почти единогласнымъ, противо-

рѣчатъ однакоже извѣстія получаемыя изъ польскихъ источниковъ: польскій народъ, говорятъ эти послѣднія извѣстія, принялъ указъ чрезвычайно равнодушно. Польскій народъ! О какомъ польскомъ народѣ говорятъ они? Развѣ хлопы народъ, по понятіямъ авторовъ этихъ извѣстій? Намъ приходятъ на память зажигательныя прокламаціи того времени, когда еще не было въ Варшавѣ жонда, и всѣ плакаты писались отъ имени *народа*: народъ хочетъ того-то и того-то; запрещаетъ вотъ это и т. д. Одна изъ этихъ прокламацій называлась „голосъ народа къ землевладѣльцамъ.“ Она призывала землевладѣльцевъ къ безотлагательному рѣшенію крестьянскаго вопроса „въ духѣ справедливости относительно бѣднаго и въ продолженіи столькихъ вѣковъ угнетеннаго *польскаго люда*.“ Прокламація, называвшая себя голосомъ народа, говорила о крестьянахъ въ третьемъ лицѣ. Она разсуждала объ устройствѣ великаго тѣла народа польскаго, но она называла крестьянъ людомъ, а не народомъ, и явственно отдѣляла отъ нихъ ту силу, которая о нихъ заботится—народъ. Нигдѣ кромѣ Польши нѣтъ такихъ куріозныхъ отношеній. Намъ трудно понять ихъ, а между тѣмъ въ нихъ именно заключается самая характеристическая черта польскаго общественнаго быта. Говоря о народѣ, Поляки именно народа-то и не разумѣютъ. Это видно во всей польской литературѣ, а равно и въ старинныхъ актахъ. Такъ и теперь съ польской точки зрѣнія можно сказать: польскій народъ не доволенъ указами 19-го февраля, хотя польскій сельскій людъ очень доволенъ ими. Недовольны помѣщики, недовольны ксендзы, недовольны чиновники и вообще горожане. Это безспорно, но по нашему по русски это еще не весь народъ.

Нельзя сомнѣваться что польскіе помѣщики подпимутъ небо и землю, чтобы дать ходъ своимъ жалобамъ на русское варварское правительство. Они утверждаютъ, что крестьянскія земли составляли точно также ихъ собственность какъ земли господскія, и что слѣдовательно предоставленіе крестьянскихъ земель въ собственность крестьянамъ есть нарушеніе права собственности, споліація, соціальная революція. Они громко кричатъ объ этомъ, и праздная публика европейскихъ столицъ непремѣнно будетъ повторять этотъ афоризмъ. Однако же въ сущности дѣло это вовсе не такое революціонное. Отдѣльность крестьянскихъ земель отъ помѣщичьихъ не выдумка русскаго правительства. Еще во времена Рѣчи Посполитой крестьянскія земли различались отъ господскихъ. На господскія или фольварочныя земли была наложена подать кварта, на крестьянскія—подать гиберна. За крестьяниномъ считалось извѣстное право на его участокъ; такъ напримѣръ если крестьянинъ оставлялъ свой участокъ на время, то ему дозволялось возвратиться въ продолженіи полутора года, и онъ имѣлъ право опять занять свой участокъ, даже въ томъ случаѣ когда кто-либо другой вступалъ въ пользованіе этимъ участкомъ. Право пользованія переходило по наслѣдству къ дѣтямъ мужескаго пола; только послѣ бездѣтныхъ-крестьянъ земля поступала къ помѣщику. Все это мы находимъ въ сочиненіи знатнаго польскаго ксендза Ѳадея Любомірскаго, котораго нельзя заподозрить въ желаніи уменьшить права польскихъ помѣщиковъ на ихъ крестьянъ. Сочиненіе ксендза Любомірскаго носитъ заглавіе: *Kolnicza ludność w Polsce od* XVI *do* XVIII *wieku*, и вышло въ 1862 году. Интересное извлеченіе изъ него входитъ въ число тѣхъ матеріяловъ, которые были собраны нынѣшнею осенью составителями проекта изданныхъ нынѣ высочайшихъ указовъ 19-го февраля.

Эти указы въ сущности возстановляютъ то первоначальное положеніе, въ которомъ находился польскій крестьянинъ въ то время, когда польская исторія еще не принимала шляхетскаго характера, сгубившаго ее. Тогда крестьянинъ имѣлъ извѣстное, хотя въ точности и неопредѣленное право на землю,—право, которое воскресаетъ теперь среди новой болѣе опредѣленной обстановки. Точно такъ же польскій крестьянинъ имѣлъ тогда и другое важное право возвращенное ему нынѣ, право выбирать себѣ ближайшее мѣстное начальство,—гминныхъ войтовъ и солтысовъ. Тотъ же ксендзъ Любомірскій свидѣтельствуетъ, что власть гминныхъ войтовъ не вездѣ въ Польшѣ успѣла совершенно слиться съ властью помѣщика. Въ Прикарпатскихъ уѣздахъ еще въ XVIII столѣтіи войты и солтысы назначались согласно стародавнимъ обычаямъ по выбору со стороны крестьянъ и были любимы народомъ.

Итакъ мы въ правѣ сказать, что вводимое нынѣ поземельное и общественное устройство крестьянскаго быта въ Царствѣ Польскомъ, въ главныхъ чертахъ своихъ,

не только не можетъ быть названо нарушеніемъ правъ, а напротивъ скорѣе есть возстановленіе правъ, нарушенныхъ несчастнымъ ходомъ польской исторіи.

У насъ очень распространена наклонность судить обо всемъ отвлеченно,—наклонность препятствующая прочной установкѣ общественнаго мнѣнія по многимъ важнымъ предметамъ, между прочимъ и по крестьянскому вопросу, русскому и польскому. Такъ какъ отвлеченныя сужденія трудно оспаривать, — для спора не бываетъ твердой почвы,—то ничего не остается какъ обратиться къ примѣру сосѣдей. Не можетъ же быть чтобы не только въ русской, но и въ прусской и въ австрійской Польшѣ разрѣшеніе крестьянскаго вопроса состояло въ нарушеніи начала собственности. Если не только въ Царствѣ Польскомъ, но и въ Познани и Галиціи, крестьянскія земли отошли отъ помѣщиковъ, то значитъ есть какое-нибудь серіозное основаніе, побудившее эти три государства избрать одинаковый образъ дѣйствія. Взглянемъ же какъ поступила Австрія въ Галиціи.

Тотчасъ по занятіи Галиціи патентомъ отъ 22 декабря 1772 г. было предписано привести въ извѣстность тогдашнее распредѣленіе земель, отдѣливъ крестьянскіе надѣлы отъ земель господскихъ (фольварочныхъ). Крестьянскіе надѣлы должны были оставаться въ вѣчномъ пользованіи крестьянъ. Но это правило не соблюдалось, а потому патентомъ отъ 10 февраля 1789 г. всѣ участки, состоявшіе къ 1 ноября 1786 года въ постоянномъ пользованіи крестьянъ, формально объявлены на вѣчныя времена *рустикальною*, то-есть крестьянскою землей. Впрочемъ и послѣ того польскіе помѣщики продолжали измѣнять крестьянскій надѣлъ въ свою пользу; въ особенности они воспользовались тревожнымъ временемъ наполеоновскихъ войнъ; потомъ австрійское правительство, въ видахъ уступки мѣстнымъ интересамъ, смотрѣло сквозь пальцы на дѣйствія галиційскаго дворянства, надѣясь привлечь его на свою сторону, и лишь революціонное движеніе, обнаружившееся въ польскихъ областяхъ около 1846 года, вызвало со стороны австрійскаго правительства нѣсколько серіозныхъ мѣръ въ пользу крестьянъ Галиціи. Такъ циркуляромъ 25 ноября 1846 года было велѣно считать нормальными крестьянскими землями тѣ, которыя состояли въ дѣйствительномъ пользованіи крестьянъ съ 1820 г. Въ томъ же 1846 году отмѣнены дальніе обозы, и приступлено къ регулированію барщинныхъ работъ. Наконецъ въ 1848 году съ 15 мая н. ст. совершенно прекратилась барщина на галиційской почвѣ. Нѣкоторыя повинности отмѣнены безъ вознагражденія; другія съ возмездіемъ по оцѣнкѣ, но съ оцѣнки сброшена $^1/_3$, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и нѣсколько больше. Оставшуюся за этою скидкой сумму помѣщики получили въ 5% билетахъ. Что касается до крестьянъ, то ихъ повинности сбавлены больше чѣмъ на одну треть; въ нѣкоторыхъ случаяхъ сбавка доходила до двухъ третей; въ другихъ было сбавлено 60% съ чистаго дохода, приносимаго землями надѣла. Года четыре тому назадъ всѣ работы по оцѣнкѣ окончены, и теперь крестьяне выплачиваютъ выкупъ, дѣлающій ихъ собственниками земли.

Изъ этого краткаго очерка видно, что главныя основанія устройства крестьянскаго быта одни и тѣ же въ Царствѣ Польскомъ и Галиціи. Изъ этого слѣдуетъ, что они избраны не произвольно.

№ 54.

Москва, 7-го марта.

Богъ велитъ миловать враговъ. Любите враговъ вашихъ, учитъ Евангеліе. Но любить враговъ отнюдь не значитъ любить вражду и питать ея причины. Пользовать больнаго отнюдь не значитъ поддерживать болѣзнь. У насъ было много толковъ о такъ-называемой примирительной политикѣ по отношенію къ польской національности въ западномъ краѣ. Обыкновенно этой проповѣди о примирительной политикѣ придаютъ сладкую физіономію гуманности, либеральности и великодушія. Но развѣ великодушно, развѣ гуманно поддерживать въ людяхъ притязанія, которыя удовлетворить мы не можемъ? Польская національность въ западномъ краѣ есть бездна неудовлетворимыхъ притязаній и непримиримой вражды; она столько же пагубна для Россіи, сколько и для тѣхъ людей, которые носятъ имя этой національности. Какъ же мириться съ нею? Именно изъ человѣколюбія, именно изъ доброжелательства къ самимъ Полякамъ, надобно желать, чтобы чувство польской національности, которое дѣлаетъ ихъ непримиримыми вра-

гами Россіи, утратило въ нихъ свою силу. Одно изъ двухъ: или мириться съ людьми и стараться о томъ, чтобы положить конецъ злу, которое ссоритъ ихъ съ нами; или, подъ фальшивымъ предлогомъ гуманности, поддерживать въ нихъ это зло и сѣять вражду, съ тѣмъ чтобы потомъ карать людей и губить живыя общественныя силы, когда сѣмена взойдутъ въ нихъ и дадутъ свой плодъ.

Вмѣстѣ съ гуманными либералами, которые откровенно провозглашаютъ русское государство химерой и которые готовы великодушно жертвовать имъ, не рѣдкость встрѣтить политиковъ-консерваторовъ, которые не понимаютъ другихъ мѣръ къ избавленію отечества отъ зла, кромѣ истребленія людей и общественныхъ силъ, которые имъ страдаютъ. Этимъ патріотамъ-политикамъ и въ голову не приходитъ, что людьми должно дорожить, а также и соединенными съ ними общественными силами, что всякое бѣдствіе, постигающее людей, есть уже само по себѣ величайшее зло, что для Россіи нѣтъ никакой радости въ томъ чтобы раззорять, истреблять и изгонять цѣлые общественные классы, и что, напротивъ, прямой и существенный интересъ ея требуетъ сбереженія живыхъ силъ, а потому освобожденія ихъ отъ заразы, которая губитъ ихъ, и вредитъ благосостоянію и развитію страны. И вотъ этого разряда консервативные политики, которымъ ни по чемъ предложить самыя Батыевскія и въ то же время самыя нелѣпыя и невозможныя мѣры противъ живыхъ людей, не поймутъ васъ, если вы скажете, напримѣръ, что въ школахъ, содержимыхъ русскимъ правительствомъ, въ русскомъ краѣ, преподаваніе должно совершаться на русскомъ языкѣ, и что изъ этого правила всего менѣе позволительно дѣлать исключеніе для преподаванія закона Божія, хотя бы и по римско-католическому догмату. Это покажется имъ чѣмъ-то страннымъ, даже чѣмъ-то не либеральнымъ; они готовы будутъ забыть даже то обстоятельство, что въ западномъ краѣ есть не одна сотня тысячъ *чисто русскихъ* людей, которые принадлежатъ къ латинской церкви, но которые тѣмъ не менѣе и могутъ и должны оставаться Русскими, и которымъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдъ учиться закону Божію по-польски; — они готовы будутъ забыть наконецъ, что католицизмъ и полонизмъ отнюдь не одно и то же понятіе, отнюдь не одна и та же сила, что нѣтъ ни разумнаго основанія, ни интереса отождествлять эти два различныя понятія и усиливать одно другимъ вопреки сущности вещей, и въ явный вредъ государству.

Исторія оцѣнитъ заслуги государственнаго человѣка, который въ концѣ своего долгаго поприща, призванный къ управленію обширнымъ краемъ, въ самый разгаръ крѣпко организованнаго мятежа, вспомоществуемаго иностранными правительствами и закупленною печатью, обнаружилъ столько патріотизма, энергіи и способовъ въ борьбѣ съ величайшими трудностями, и умѣлъ преодолѣть ихъ съ такою славою; исторія засвидѣтельствуетъ также, сколько политической зрѣлости обнаружило при этомъ русское общество, вовремя поддержавъ живымъ одобреніемъ и сочувствіемъ генерала Муравьева въ этой борьбѣ. Заслуги М. Н. Муравьева состоятъ не только въ томъ, что онъ сломилъ мятежъ, но еще болѣе въ томъ, что онъ нанесъ могущественный ударъ коренному злу, которымъ страдалъ этотъ край и которое издавна было источникомъ его бѣдствій. Онъ положилъ конецъ тому двусмысленному положенію вещей, которое дѣлало этотъ край ни русскимъ, ни польскимъ. Чтобы ни говорили порицатели и хулители его дѣйствій, несомнѣнно то, что именно благодаря его стойкости, непреклонности и энергіи, въ этомъ краѣ не пролилось столько крови, сколько навѣрное пролилось бы при другихъ обстоятельствахъ, при другомъ способѣ дѣйствій. На него возлагаютъ отвѣтственность за нѣкоторыя общія мѣры принятыя въ западномъ краѣ, каковы обязательный выкупъ крестьянскихъ земель и контрибуція, которая пала на всѣхъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ безъ изъятія: но эти мѣры были вызваны исключительными обстоятельствами, въ которыхъ находился край, и во всякомъ случаѣ не были распоряженіемъ мѣстной власти. Онъ былъ безпощаденъ къ мятежу, къ революціонному жонду; но чѣмъ рѣшительнѣе дѣйствовалъ онъ противъ этого зла, тѣмъ благотворнѣе были результаты его дѣйствій для края, даже для самихъ Поляковъ. Въ этомъ краѣ, искони русскомъ и населенномъ по преимуществу русскимъ народомъ, генералъ Муравьевъ не счелъ возможнымъ вступать въ какія бы то ни было сдѣлки съ польскою національностью, —и русская народность здѣсь, въ краткое время его

управленія, стала наконецъ правдою, стала дѣйствительностью. Всѣ, кому случалось проѣзжать въ послѣднее время черезъ Вильно, единогласно свидѣтельствуютъ, что край получилъ вполнѣ русскую физіономію. Слѣдуетъ при этомъ вспомнить, что генералъ-губернаторъ могъ дѣйствовать только тѣми способами управленія, какія находятся въ распоряженіи русскаго правительства. Вездѣ утвердилась тишина и полная безопасность. Православное духовенство ожило; все русское ободрилось и подняло голову. Повсюду теперь господствуетъ русскій языкъ. Въ селеніяхъ открыто около 400 народныхъ школъ. Городскія училища преобразовываются, и также преобразовываются еврейскія народныя училища. Языкъ преподаванія въ еврейскихъ школахъ—русскій. Евреи заговорили даже между собою по-русски, дѣти ихъ съ ревностію учатся русскому языку въ школахъ, и русскія книги разбираются ими на расхватъ. Книжная лавка, недавно открытая въ Вильнѣ и находящаяся въ завѣдываніи г. Гусева, астронома тамошней обсерваторіи, какъ намъ пишутъ, ведетъ свои дѣла очень бойко. Актеры изъ Поляковъ играютъ русскія народныя піесы, и театръ всегда полонъ.

Но, какъ бы то ни было, задача правительства въ западномъ краѣ—очень тяжелая: содѣйствовать торжеству русскаго начала тамъ, гдѣ почти все высшее и образованное общество состоитъ изъ людей причисляющихъ себя къ чуждой и притомъ непріязненной національности, — гдѣ русское начало живетъ только въ бѣдномъ духовенствѣ, да въ простомъ народѣ, запуганномъ, угнетенномъ и подавленномъ. Для того чтобъ окончательно укрѣпить нашу западную границу и успокоить Россію, для того чтобы навсегда покончить съ враждебными ей въ этомъ краѣ притязаніями, недостаточно ума и энергіи одного государственнаго человѣка. Все что можетъ сдѣлать способная и распорядительная власть, дѣлалось и дѣлается. Нужны были русскіе люди по всѣмъ частямъ управленія: генералъ-губернаторомъ края призвано болѣе 1000 чиновниковъ изнутри Россіи, и не его вина, если въ этомъ числѣ, между многими дѣльными и честными людьми, оказались люди падкіе до незаконной поживы, люди ни къ чему неспособные, а также совсѣмъ мирящіеся космополиты, такъ что начальству пришлось нѣкоторыхъ изъ числа наѣхавшихъ въ западный край чиновниковъ выпроваживать обратно. Потребность въ людяхъ тамъ все еще очень большая, и всякій честный и дѣльный человѣкъ принимается тамъ какъ дорогое пріобрѣтеніе, и всякій такой человѣкъ можетъ смѣло отправляться туда въ полной увѣренности, что нигдѣ нельзя принести теперь большей пользы добросовѣстною службою какъ въ западномъ краѣ въ настоящее время. Всякій найдетъ себѣ здѣсь и службу по нраву, и удовлетворительное положеніе. Особенно чувствуется здѣсь потребность въ учителяхъ. Достаточно сказать, что въ Виленскомъ учебномъ округѣ, въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, даже и теперь на 240 (примѣрно) учителей изъ Поляковъ оказывается только 80 Русскихъ и Нѣмцевъ; въ семи уѣздныхъ училищахъ процентъ польскихъ учителей такой же, а въ приходскихъ училищахъ почти всѣ учители изъ Поляковъ; всѣ женскія частныя учебныя заведенія и теперь еще содержатся Польками. Только въ устроенныхъ въ послѣднее время (главнымъ образомъ въ Виленской, Минской и Гродненской губерніяхъ, лишь отчасти въ Ковенской) народныхъ сельскихъ школахъ учители — Русскіе, но этихъ четырехсотъ школъ на весь край еще слишкомъ недостаточно, и отъ крестьянскихъ обществъ безпрестанно поступаютъ прошенія объ открытіи новыхъ. Дѣйствительно, школы въ настоящее время всего болѣе могутъ поднять нравственныя силы въ здѣшнихъ народонаселеніяхъ. Школы сдѣлаютъ болѣе чѣмъ военное положеніе, да и дешевле обойдутся государству. Говоря о народныхъ школахъ, которыя заводятся въ западномъ краѣ, одинъ мѣстный польскій помѣщикъ замѣтилъ весьма основательно: „Штыки усмирили насъ, а школы убьютъ“.

Замѣтимъ кстати, что оклады русскихъ учителей и надзирателей увеличены здѣсь на 50%, и опредѣляющіеся получаютъ двойные прогоны и не въ зачетъ полугодовой окладъ жалованья. Учителя имѣютъ казенное помѣщеніе, или получаютъ квартирныя деньги. Не считая добавочныхъ 50%, окладъ старшаго учителя въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ — 600 р. с., а въ самомъ Вильнѣ 650 р. с., такъ что учительское содержаніе доходитъ здѣсь почти до 1000 р. с. Даже учитель народной школы получаетъ въ Вильнѣ 250 р. с. и имѣетъ квартиру съ отопленіемъ; а по до-

ревнямъ — 150 р., также съ квартирой и отопленіемъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне, по усердію обязываются сверхъ того снабжать учителя хлѣбомъ.

Но одни правительственные способы, даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, все-таки недостаточны. Сколько бы ни наѣхало въ западныя губерніи способныхъ и дѣльныхъ людей, однихъ *наѣзжихъ* дѣятелей недостаточно. Рѣшительно необходимо, чтобы землевладѣльческіе классы здѣсь значительно пополнились чисто русскимъ элементомъ. Земли въ западномъ краѣ теперь дешевы и ищутъ покупателей; но у насъ, къ сожалѣнію, мало свободныхъ капиталовъ, а еще менѣе предпріимчивости и духа начинанія въ людяхъ; поэтому необходимы дѣятельныя правительственныя мѣры, которыя могли бы не только облегчить для русскихъ людей пріобрѣтеніе земли въ этомъ краѣ, но и возбудить въ нихъ желаніе къ тому.

Въ высшей степени важно также дать въ этомъ краѣ полный ходъ нѣкоторымъ начинающимся въ немъ попыткамъ свободной общественной организаціи. Мы разумѣемъ устройство „церковныхъ братствъ,“ которыя въ западномъ краѣ имѣютъ давнія преданія, относящіяся къ борьбѣ православія съ латинствомъ. Но, къ несчастію, мы такъ еще недовѣрчиво смотримъ на всякое свободное проявленіе жизни въ нашемъ обществѣ, что даже церковныя братства, въ глазахъ иныхъ консерваторовъ нашихъ, кажутся чѣмъ-то сомнительнымъ и даже опаснымъ. Странная участь русской народности! Русская народность считается у насъ господствующею народностію, православная церковь господствующею церковью; но малѣйшій признакъ жизни въ русскомъ обществѣ, малѣйшая попытка русскихъ людей сгруппироваться для совокупнаго дѣйствія даже противъ организованной измѣны и революціи, даже для поддержанія православія и русской народности противъ организованной пропаганды, — это кажется намъ чѣмъ-то страннымъ, чѣмъ-то неудобнымъ, даже опаснымъ. Мудрено ли, что при такомъ взглядѣ на самихъ себя мы кажемся себѣ народомъ лишеннымъ духа жизни и дѣйствія?...

№ 55.

Москва, 9-го марта.

Россія имѣетъ крайнюю нужду въ желѣзныхъ дорогахъ и вообще въ путяхъ сообщенія. Съ этимъ всѣ согласны и всѣ это чувствуютъ самымъ живымъ образомъ. Но въ то же время всѣ видятъ, что это дѣло у насъ какъ-то не спорится, и всякій по неволѣ говоритъ себѣ: видно мы въ самомъ дѣлѣ совсѣмъ бѣдны и безпомощны, когда у насъ не находится средствъ даже на такую вещь, которая нужна намъ до зарѣза. Впрочемъ не одна мысль о желѣзныхъ дорогахъ должна наводить уныніе на русскаго человѣка. Мы вообще сдѣлали въ текущемъ столѣтіи чрезвычайно мало успѣховъ сравнительно съ другими европейскими народами. Между тѣмъ какъ на Западѣ Европы благосостояніе подвигалось впередъ съ необыкновенною быстротой, и внѣшній видъ многихъ странъ преобразился до такой степени, что нельзя узнать ихъ, мы оставались почти все на одномъ мѣстѣ. У насъ увеличилась только роскошь, но общая картина нашего экономическаго быта очень мало измѣнилась къ лучшему. Мы въ Европѣ; мы — великая держава, а между тѣмъ мы все болѣе и болѣе отстаемъ отъ другихъ державъ. Если дѣло пойдетъ такъ и впредь, то разстояніе, отдѣляющее насъ отъ другихъ странъ Европы, будетъ съ каждымъ годомъ увеличиваться и о насъ будутъ въ правѣ сказать, что мы неспособны къ европейской цивилизаціи. Въ извиненіе нельзя указать на обширность нашей страны, на необходимость бороться съ огромными разстояніями: въ Сѣверной Америкѣ разстоянія также велики, а безлюдность въ тамошнихъ западныхъ территоріяхъ еще больше чѣмъ у насъ. Но въ Сѣверной Америкѣ проводятся желѣзныя дороги даже прежде чѣмъ успѣетъ населиться мѣстность и построится городъ, который онѣ предназначены связывать съ коммерческими центрами. Тамъ разстоянія не мѣшаютъ проведенію желѣзныхъ дорогъ, онѣ пролагаются по пустынямъ, и предприниматели не просятъ у правительства ни субсидій, ни гарантіи. Надобно также замѣтить, что въ Америкѣ нѣтъ старинныхъ капиталовъ, какъ въ Англіи, и что эмигранты, отправляющіеся на Западъ, бываютъ обыкновенно люди лишенные средствъ. Гдѣ же объясненіе нашей отсталости?

Иностранецъ, смотря на экономическое безсиліе нашей страны, будетъ расположенъ объяснять его азіатскимъ характеромъ народа, неспособностью трудиться, недостаткомъ предпріимчивости, расположеніемъ къ расточительности. Прибѣгнемъ ли и мы къ такому объясненію? Не знаемъ ли мы, что по крайней мѣрѣ великорусская вѣтвь нашего народа нисколько не страдаетъ упомянутыми качествами, что она и трудолюбива, и предпріимчива, и бережлива? Но чѣмъ тверже мы это знаемъ, тѣмъ загадочнѣе становится несомнѣнный фактъ нашего экономическаго безсилія.

Будущій историкъ, говоря объ этомъ загадочномъ фактѣ, укажетъ на него какъ на грандіозное доказательство той истины, которую проповѣдуетъ экономическая наука и которая такъ убѣдительна уже сама по себѣ,—той истины, что искусственныя мѣры вліянія на экономическую жизнь страны не могутъ вести ни къ чему другому кромѣ изнуренія этой жизни. Едва ли есть страна въ мірѣ, гдѣ экономическая жизнь была бы подчинена такимъ сильнымъ постороннимъ вліяніямъ какъ еще недавно у насъ. Крѣпостное право, протекціонизмъ почти равняющійся запретительной системѣ, монополія казенныхъ банковъ,—вотъ три главныя черты, на которыхъ, помимо условій политическихъ, преимущественно остановится вниманіе будущаго историка Россіи, когда онъ будетъ разсуждать о нашемъ несчастномъ экономическомъ положеніи въ половинѣ XIX столѣтія.

Крѣпостное право значитъ насильственное направленіе человѣческаго труда на работы, которыхъ выгоду нельзя учесть, и при томъ человѣческаго труда, лишеннаго энергіи вслѣдствіе отсутствія свободныхъ побужденій личнаго интереса. Крѣпостные работали вяло и работали нерѣдко надъ такими вещами, которыя не стоили даже вялаго крѣпостнаго труда. Теперь это измѣнилось. Каждый хозяинъ теперь принужденъ производить только то, что окупаетъ издержки производства. Отнынѣ человѣческій трудъ будетъ употребляться у насъ разумнѣе, то-есть будетъ производить вещи болѣе цѣнныя, а такъ какъ каждый работникъ будетъ работать съ большею бодростью, то вмѣстѣ съ качествомъ производимыхъ цѣнностей измѣнится къ лучшему и количество ихъ. Надобно только желать чтобы начало свободы труда получало все болѣе и болѣе признанія въ нашемъ законодательствѣ, и чтобы все болѣе и болѣе теряли у насъ практическое вліяніе на дѣла тѣ фантастическія опасенія, которыя примыкаютъ отчасти къ соціалистическимъ, отчасти къ такъ-называемымъ славянофильскимъ взглядамъ и отводятъ, какъ говорится, глаза у русскаго здраваго смысла. Чѣмъ свободнѣе будетъ трудъ въ выборѣ предмета и мѣста занятій, чѣмъ безпрепятственнѣе будетъ переходъ съ одного мѣста на другое и отъ одного дѣла къ другому дѣлу, тѣмъ обильнѣе, какъ по качеству, такъ и по количеству, должны быть результаты труда, то-есть тѣмъ значительнѣе долженъ быть ежегодный народный доходъ.

Но успѣхи народнаго богатства зависятъ не отъ одного возрастанія народнаго дохода: въ народномъ хозяйствѣ, точно также какъ и въ частномъ, прежде всего желательно, чтобы доходъ былъ какъ можно больше, но вовторыхъ желательно, чтобъ изъ дохода было какъ можно меньше истрачиваемо и какъ можно больше сберегаемо. Какъ частный, такъ и народный капиталъ слагается изъ сбереженій, то-есть изъ неизрасходованныхъ продуктовъ труда. Если одна часть народа потребляетъ все то, что производитъ другая, то народный капиталъ не можетъ возрастать. Въ этомъ отношеніи наша прежняя система казенныхъ банковъ дѣйствовала на народный капиталъ крайне разрушительно. Кредитныя установленія, бывшія главнымъ резервуаромъ сбереженій, раздавали эти сбереженія въ ссуду помѣщикамъ, закладывавшимъ свои имѣнія. Кто не знаетъ, какъ употреблялись эти ссуды? По большей части это было средствомъ расплатиться съ частными долгами и устроить комфортабельнѣе прежняго свой домашній *ménage*. Очень рѣдко, закладывая имѣніе, употребляли деньги такъ, что народный капиталъ не страдалъ отъ того; по большей части долгосрочная ссуда выдававшаяся изъ кредитныхъ установленій, вела къ тому, что капиталъ, сбереженный вкладчикомъ, уничтожался заемщикомъ. Посредничество кредитныхъ установленій содѣйствовало не сохраненію, а растратѣ народныхъ сбереженій. Эти установленія вообще имѣли какъ бы цѣлію услуживать заемщикамъ на счетъ вкладчиковъ, а не значило ли это услуживать расточителямъ въ ущербъ сберегателей и стало-быть подкапывать народное богатство? Въ странѣ,

гдѣ о судопроизводствѣ почти не заботились, и гдѣ вслѣдствіе того частный кредитъ почти вовсе не существовалъ, кредитныя установленія, пользуясь своею монополіей, насильственно понижали процентъ по вкладамъ, чтобы понизить его и по ссудамъ. Такимъ образомъ случилось, что казна ссужала деньги по 5%, когда изъ частныхъ рукъ невозможно было получать деньги иначе какъ за 10% интереса. Заемщикамъ это было безспорно пріятно, но мы спрашиваемъ выгодно ли это было для вкладчиковъ и справедливо ли было приносить вкладчиковъ въ жертву заемщикамъ? Чѣмъ ниже процентъ, получаемый по сбереженіямъ, тѣмъ меньше бываетъ охоты сберегать: кредитныя установленія, понижая процентъ, выдававшійся по вкладамъ, тѣмъ самымъ парализировали естественный ходъ народныхъ сбереженій. Вотъ почему народный капиталъ возрасталъ у насъ такъ медленно, что въ этомъ отношеніи всѣ народы Европы, даже самые отсталые, опередили насъ. Теперь, благодаря ликвидаціи казенныхъ банковъ, а также благодаря выкупной операціи, открылась возможность помѣщать капиталы съ такою же вѣрностью какъ прежде, и съ большимъ противъ прежняго доходомъ. На ликвидацію слышится очень много сѣтованій, и дѣйствительно, къ сожалѣнію, правда, что казенные банки перестали ссужать помѣщиковъ именно въ ту самую минуту, когда помѣщики перестали дурно употреблять занимаемыя ими деньги. Пока имѣнія закладывались, чтобы купить экипажъ или мебель, съѣздить за границу и т. п., казенные банки давали помѣщикамъ кредитъ; какъ только помѣщики задумали занимать деньги для улучшенія хозяйства, то имъ вовсе было отказано въ кредитѣ. Все это правда, и совпаденіе ликвидаціи казенныхъ банковъ съ крестьянскою реформой было, конечно, совпаденіемъ вообще неудачнымъ и для помѣщиковъ раззорительнымъ. Но если смотрѣть на ликвидацію съ точки зрѣнія народнаго капитала, то нельзя не видѣть, что ликвидація должна содѣйствовать его возрастанію,—съ одной стороны тѣмъ, что закрываетъ пути къ растратѣ народныхъ сбереженій, съ другой стороны тѣмъ, что открываетъ болѣе выгодныя чѣмъ прежде помѣщенія капиталовъ и слѣдовательно увеличиваетъ привлекательность бережливости.

Между тѣмъ, какъ казенныя банки противодѣйствовали накопленію народнаго капитала, протекціонизмъ отвлекалъ отъ естественнаго употребленія и тѣ немногіе капиталы, которые искали производительнаго помѣщенія. Протекціонизмъ обольщаетъ многихъ своимъ патріотическимъ оттѣнкомъ; какъ не радѣть отечественной промышленности, какъ отказываться даже отъ нѣкоторыхъ жертвъ для ея преуспѣянія? Но патріотическая сторона протекціонизма обманчива. Вы покровительствуете вотъ этой отрасли отечественной промышленности. Но на чей счетъ вы покровительствуете ей? Вопервыхъ насчетъ потребителей, которыхъ интересы вѣдь тоже отечественные интересы. Вы скажете: почему не принудить народъ къ пожертвованіямъ въ пользу того или другаго фабриканта, когда иначе нельзя развивать отечественную промышленность? Очень хорошо; эти пожертвованія еще куда бы ни шли, хотя надобно сознаться, что ежедневныя жертвы, переходя извѣстную мѣру, могутъ выгнать за границу значительную долю потребителей. Но протекціонизмъ не ограничивается тѣмъ, что усиливаетъ дороговизну; привлекая капиталы къ покровительствуемымъ отраслямъ промышленности, онъ положительно обижаетъ другія, тоже отечественныя, отрасли промышленности. Люди обыкновенно чувствуютъ особенную нѣжность къ тому, чему покровительствуютъ, а потому протекціонисты легко могутъ забывать, что напримѣръ сельское хозяйство тоже промыселъ отечественный. Но если глядѣть со стороны, то какъ покровительствуемыя, такъ и обижаемыя отрасли промышленности имѣютъ право на сочувствіе патріота, и послѣднія еще болѣе первыхъ. Такимъ образомъ патріотическій аргументъ совершенно утрачиваетъ силу, и дѣло остается въ полной власти прозаическаго здраваго смысла, который не можетъ не видѣть, что покровительствуя не существующему и обижая существующее, мы въ сущности не очень-то бережно обращаемся съ тѣмъ, что повидимому намъ такъ дорого. Протекціонизмъ смотритъ враждебно на иностранную промышленность, еслибъ ему удалось какъ-нибудь попользоваться около нея и поживиться ея капиталами, то онъ могъ бы еще поздравить себя съ успѣхомъ, но дѣло очевидное, что это невозможно, и что за свой протекціонизмъ каждая нація отвѣчаетъ своими боками. Намъ Русскимъ такая отвѣтственность должна быть вдвойнѣ чувствительна

вслѣдствіе скудости нашего народнаго капитала.

Протекціонисты обыкновенно говорятъ, что именно тѣ отрасли промышленности особенно полезны и выгодны, которыя нуждаются въ покровительствѣ. Какъ это ни мало вѣроятно, но на этотъ разъ мы не станемъ съ ними объ этомъ спорить. Мы заговорили о желѣзныхъ дорогахъ и путяхъ сообщенія, а эта тема ставитъ насъ въ такое выгодное положеніе, что мы можемъ надѣяться на общее согласіе. Необходимость путей сообщенія признаютъ всѣ, и протекціонисты и *фритредеры*. Протекціонисты даже обыкновенно ссылаются на отсутствіе желѣзныхъ дорогъ, когда доказываютъ, что нашъ промышленникъ нуждается въ покровительствѣ и защитѣ. Самые горячіе патріоты между протекціонистами согласятся, что отечеству можно обойдтись безъ филатуръ или рафинировальныхъ заводовъ, лишь бы не быть безъ шоссе и желѣзныхъ дорогъ. Итакъ по этому пункту господствуетъ единогласіе, и ни одинъ протекціонистъ не рѣшится утверждать, чтобы было полезно отвлекать на устройство новыхъ фабрикъ капиталы, которые иначе пошли бы на построеніе желѣзныхъ дорогъ. А между тѣмъ возвысьте тарифъ и посмотрите, въ какомъ тогда положеніи будетъ вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ. Если и теперь мало капиталовъ, которые могли бы пойдти на это назначеніе, то выборъ ихъ будетъ еще меньше, когда значительная ихъ доля обратится на учрежденіе новыхъ фабрикъ и заводовъ.

Мы въ правѣ сказать, что у насъ не было бы такого недостатка, какъ теперь, въ капиталахъ для построенія желѣзныхъ дорогъ, если бы меньше капиталовъ было растрачено на постройку заводовъ и фабрикъ, изъ которыхъ добрая половина уже теперь стоитъ въ развалинахъ.

№ 56.

Москва, 10-го марта.

Крестьянское дѣло еще весною прошлаго года вступило во второй періодъ своего развитія, — въ періодъ *обязательнаго* для крестьянъ разверстанія угодій. Задача трудная и щекотливая, — тѣмъ болѣе что разверстаніе угодій иногда сопровождается для крестьянъ необходимостію переселяться цѣлыми деревнями на новыя мѣста. Для помѣщика, при новыхъ условіяхъ хозяйства, возникающихъ вслѣдствіе прекращенія крѣпостнаго права, перенесеніе крестьянскихъ усадебъ есть нерѣдко вопросъ жизненной важности. Безъ этого условія, имѣніе во многихъ случаяхъ теряетъ всю свою цѣнность, и не только требуемыя новыми обстоятельствами улучшенія хозяйства оказываются невозможными, но и на старыхъ основаніяхъ хозяйство продолжаться не можетъ. Какъ во всемъ прочемъ, такъ и въ вопросѣ о разверстаніи угодій и перенесеніи крестьянскихъ усадебъ, самый лучшій путь есть путь добровольнаго соглашенія. Добровольныя сдѣлки могутъ быть безконечно разнообразны и вполнѣ выгодны для обѣихъ сторонъ. Намъ извѣстны многія такія сдѣлки, въ силу которыхъ крестьянамъ было столько же выгодно согласиться на перенесеніе своихъ усадебъ, сколько помѣщику перенести ихъ усадьбы. Но при разверстаніи обязательномъ оказывается необходимымъ дѣятельный и бдительный контроль со стороны мировыхъ властей. Мировому посреднику поставляется въ обязанность тщательно осмотрѣть новыя отводимыя помѣщикомъ угодья и паблюсти, чтобы земля не была худшаго качества противъ той, которою крестьяне доселѣ пользовались, и на основаніи которой заключена уставная грамота, а равно чтобы были соблюдены и многія другія условія. Дѣло, повторимъ, и трудное, и щекотливое. Перенесеніе усадебъ, въ случаѣ если оно требуется разверстаніемъ угодій, окончательно разрѣшается, по статьѣ 76 Мѣстнаго Положенія, мировымъ съѣздомъ, но не иначе какъ при единогласіи его членовъ. Однако затрудненія, возникающія изъ этой задачи, какъ видно, гораздо значительнѣе чѣмъ можно было предполагать. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ произошли по этому поводу серіозныя столкновенія между мировыми съѣздами и губернскими присутствіями. Явился вопросъ, не слѣдуетъ ли, въ противность вышеприведенному параграфу закона, стѣснить и ограничить въ этомъ важномъ пунктѣ юрисдикцію мировыхъ съѣздовъ. Губернскія присутствія въ губерніяхъ Симбирской, Орловской, Тульской, какъ намъ пишутъ оттуда, несмотря на ясное указаніе закона, стали принимать жалобы крестьянъ на *единогласныя* рѣшенія мировыхъ съѣздовъ, руководствуясь въ этомъ случаѣ 130 ст. Полож. о губ. и уѣздн. по кр. дѣл.

учрежден. Не довольствуясь этимъ, означенныя губернскія присутствія считаютъ необходимымъ даже опредѣлить срокъ для обжалованія рѣшенія мировыхъ съѣздовъ. Но формальное назначеніе срока было бы равносильно окончательной отмѣнѣ вышеприведеннаго постановленія, въ силу котораго *неединогласное* рѣшеніе съѣзда должно непосредственно, не дожидаясь какого-либо обжалованія, переходить на разсмотрѣніе губернскаго присутствія, а рѣшеніе съѣзда *единогласное* обжалованію подлежать не можетъ.

Нельзя не посѣтовать на обстоятельства, которыя вызвали этотъ вопросъ, угрожающій окончательнымъ разрушеніемъ мировыхъ учрежденій, этого почти единственнаго у насъ исключенія изъ всеобщаго бюрократическаго порядка. По смыслу этихъ учрежденій, мировые съѣзды не находятся въ бюрократической зависимости отъ губернскаго присутствія. И то и другое учрежденіе имѣетъ свой опредѣленный кругъ дѣйствій. Мировой съѣздъ входитъ въ губернское присутствіе не *донесеніями*, а *отношеніями*, какъ одностепенное мѣсто. Въ означенныхъ закономъ предѣлахъ мировой съѣздъ дѣйствуетъ самостоятельно, и только эта самостоятельность и даетъ ему значеніе. Въ случаѣ разногласія мнѣній на мировомъ съѣздѣ, дѣло по разверстанію и переселенію не считается рѣшеннымъ, и слѣдовательно, поступая въ губернское присутствіе, оно поступаетъ не для аппеляціоннаго пересмотра, а для разрѣшенія, котораго на мировомъ съѣздѣ, за разногласіемъ, не состоялось. Подвергнуть единогласное рѣшеніе мировыхъ съѣздовъ пересмотру губернскаго присутствія и опредѣлить срокъ для обжалованія, значило бы окончательно убить значеніе мироваго съѣзда.

Нельзя однако оставить безъ вниманія и тѣ обстоятельства, которыми губернскія присутствія, или лучше сказать губернаторы оправдываютъ свое вмѣшательство въ кругъ дѣятельности мировыхъ съѣздовъ. Въ иныхъ мѣстностяхъ мировые съѣзды, вслѣдствіе сокращенія участковъ и устраненія нѣкоторыхъ посредниковъ, получили, какъ увѣряютъ, будто бы слишкомъ однообразный характеръ. Чтожъ? если въ самомъ дѣлѣ наличный составъ нѣкоторыхъ мировыхъ съѣздовъ теперь уже не заключаетъ въ себѣ достаточнаго разнообразія элементовъ для всесторонняго обсужденія спорныхъ между помѣщиками и крестьянами вопросовъ, если это дѣйствительно такъ, и если губернскія власти находятъ это невыгоднымъ для хода дѣла,—то имъ остается сѣтовать на принятую ими въ послѣднее время мѣру, которою были устранены нѣкоторые элементы разногласія на мировыхъ съѣздахъ, — мѣру сокращенія участковъ. Нарушеніе основаній призваннаго къ жизни учрежденія всегда влечетъ за собою необходимость новыхъ нарушеній, пока наконецъ отъ призваннаго къ жизни учрежденія не останется только трупъ

Но, такъ или иначе, нельзя невойдти въ положеніе исполнительной власти, еслибъ она была принуждена разсылать военныя команды для усмиренія многолюдныхъ селеній и для насильственнаго водворенія ихъ гдѣ-нибудь въ болотахъ или мѣстахъ безводныхъ. Какъ ни желательно охраненіе мироваго института отъ посягательствъ на его самостоятельность, мысль о послѣдствіяхъ, какія могутъ произойдти отъ одновременнаго насильственнаго перемѣщенія цѣлыхъ народонаселеній въ уѣздѣ или мировомъ участкѣ, невольно рождаетъ серіозныя опасенія. Отвѣтственность за такія послѣдствія падетъ всею своею тяжестью на мировыхъ посредниковъ. Несправедливостію, или небрежнымъ исполненіемъ своей обязанности они не только уронятъ свой институтъ, но существенно повредятъ интересамъ всего землевладѣльческаго класса; они посѣютъ сѣмена вражды и смуты; они испортятъ будущность нашего сельскаго земства; они сдѣлаютъ необходимымъ бюрократическій контроль со всѣми его послѣдствіями. Умышленная и систематическая несправедливость отзовется неизбѣжно для всего землевладѣльческаго класса пагубными послѣдствіями. Да вотъ и доказательство на лицо: не вездѣ же рѣшенія мировыхъ съѣздовъ вызываютъ со стороны крестьянъ жалобы, не вездѣ даютъ губернскимъ властямъ основаніе для вмѣшательства; свѣдѣнія, получаемыя изъ разныхъ мѣстностей, свидѣтельствуютъ о противномъ. Но въ нѣкоторыхъ губерніяхъ произошли случаи, подавшіе губернскимъ присутствіямъ поводъ дѣйствовать вопреки статьѣ закона и даже настаивать на необходимости ея отмѣны. И вотъ злоупотребленія, случившіяся въ нѣкоторыхъ уѣздахъ или въ нѣкоторыхъ мировыхъ участкахъ, подвергаютъ опасности самыя основанія мироваго института, и окончательный разчетъ помѣщика съ крестьянами посту-

питъ такимъ образомъ подъ непосредственный контроль губернскихъ властей. Лучше ли это будетъ? Лучше ли отъ этого будетъ помѣщикамъ?

Но прежде чѣмъ обвинять мировыхъ посредниковъ или мировые съѣзды, прежде чѣмъ ограничивать ихъ самостоятельность отнятіемъ у нихъ права постановлять рѣшенія, не подлежащія обжалованію въ губернскомъ присутствіи, прежде чѣмъ въ происходящихъ между мировыми съѣздами и губернскими властями столкновеніяхъ принимать сторону послѣднихъ и всю вину возлагать на первыя, слѣдуетъ посмотрѣть, не лежитъ ли отвѣтственность и на губернскихъ властяхъ за неправильность или несправедливость какого-либо *единогласнаго* рѣшенія, состоявшагося на мировомъ съѣздѣ. Мировой съѣздъ состоитъ не изъ однихъ посредниковъ; въ числѣ лицъ присутствующихъ на мировомъ съѣздѣ есть членъ отъ правительства, назначаемый губернаторомъ. Чего же еще нужно губернскимъ властямъ? Рѣшенія мироваго съѣзда по дѣламъ о перенесеніи усадебъ считаются окончательными только при единогласіи мнѣній; значитъ, членъ отъ правительства, назначаемый губернаторомъ, всегда можетъ воспрепятствовать рѣшенію, и дѣло стало-быть можетъ поступать въ губернское присутствіе и безъ нарушенія законности. Губернскія власти желаютъ, повидимому, не того, чтобъ отнять у мироваго съѣзда всякій признакъ самостоятельности и подчинить его губернскому присутствію какъ низшую инстанцію высшей. Онѣ, конечно, заботятся единственно о томъ, чтобъ имѣть гарантію справедливости и законности рѣшеній съѣзда. Какъ надобно думать, онѣ опасаются, чтобы рѣшенія мировыхъ съѣздовъ не увлекались сословнымъ пристрастіемъ вслѣдствіе того, что мировые посредники принадлежатъ сами къ сословію помѣщиковъ, и что въ съѣздѣ предсѣдательствуетъ уѣздный предводитель дворянства. Но въ данномъ вопросѣ рѣшеніе съѣзда считается окончательнымъ только при единогласіи его членовъ, а въ числѣ его членовъ находится лицо, посаженное губернаторомъ. Чего же бы, кажется, болѣе?

Но какъ бы то ни было, если уже непремѣнно понадобилось бы допустить вмѣшательство губернскихъ властей въ рѣшенія мироваго съѣзда, то оно, говоря судебными терминами, можетъ претендовать не на аппелляціонный, а развѣ только на кассаціонный характеръ. При необходимости переселенія крестьянъ посредствомъ военной команды, губернатору можетъ быть предоставлена власть пріостанавливать исполненіе рѣшенія съѣзда въ томъ только случаѣ, когда какое-либо обстоятельство, относящееся къ разверстанію и переселенію и заявленное въ актѣ мироваго съѣзда, окажется несогласнымъ съ существующими въ натурѣ обстоятельствами и условіями. Всякая неточность и невѣрность въ показаніяхъ акта, состоявшагося на мировомъ съѣздѣ, можетъ дать исполнительной власти основаніе пріостановить или даже кассировать рѣшеніе и возвратить его въ мировое присутствіе для пересмотра. Этимъ, съ одной стороны, была бы сохранена юрисдикція мироваго съѣзда и было бы устранено вмѣшательство губернскихъ властей въ существо его рѣшеній, а съ другой, крестьянское дѣло было бы достаточно обезпечено отъ умышленныхъ или неумышленныхъ несправедливостей.

№ 57.

Москва, 11-го марта.

Печатая присланный намъ изъ Петербурга отвѣтъ г. Тернеру, не можемъ не присоединиться къ сущности этого отвѣта, хотя имѣемъ основаніе сомнѣваться въ правильности заключеній, дѣлаемыхъ авторомъ относительно мотивовъ г. Тернера. Статья его „Des contradictions dans la situation économiques de la Russie“, помѣщенная въ № 47 *Journal de St.-Pétersbourg*, не могла не произвести самаго грустнаго впечатлѣнія на читавшихъ ее. Она была понята какъ попытка отдѣлаться софизмами отъ серіознаго разсмотрѣнія вопроса, имѣющаго чрезвычайную важность и уже черезчуръ затянувшагося.

Г. Тернеръ знаетъ, что цѣнность кредитныхъ билетовъ зависитъ не отъ степени довѣрія къ нимъ, а отъ ихъ количества, и что эта цѣнность теперь падаетъ. Ему очень хорошо извѣстно, что остзейская компанія *Церера* получила привилегію освобождающую ее отъ обязанности вести счеты на кредитные билеты. Ему столько же хорошо извѣстно, что въ Финляндіи сочинена новая денежная единица (марка, въ которую преобразился нашъ четвертакъ) и придумано много другихъ хитро-

стей, чтобы приличнымъ маноромъ раскланяться съ кредитными билетами. Думаетъ ли г. Тернеръ, что и *Церера* и финляндскіе финансисты ошибаются? Если онъ такъ думаетъ, то зачѣмъ не заботится онъ о томъ, чтобъ освободить ихъ отъ грубой ошибки? Зачѣмъ онъ не совѣтуетъ имъ той осторожности, которою ему угодно угощать насъ? Наконецъ, зачѣмъ онъ такъ торжественно мистифируетъ насъ, зачѣмъ напечаталъ онъ свою статью въ *Jourlnal de S.-Pétersbourg*, зачѣмъ понадобилось ему извѣщать экономистовъ Европы, что у насъ полезно назначать коммиссіи и производить „широкія“ разысканія о томъ что̀ можно ощупать пальцами? *Est modus in robus*. Шутка хороша, когда на мѣстѣ.

Вотъ къ какимъ толкамъ подала поводъ статья г. Тернера. Что касается до насъ, то мы не считаемъ г. Тернера ни ярымъ бюрократомъ, ни беззастѣнчивымъ мистификаторомъ. Не принимая на себя задачи доискиваться мотивовъ статьи для насъ непонятной, мы думаемъ что въ этомъ случаѣ особенно примѣнимо правило, которое предписываетъ объяснять все сомнительное въ лучшую сторону, и потому отклоняемъ отъ себя неблагопріятныя для г. Тернера заключенія о его мотивахъ.

Но каковы бы ни были побужденія и намѣренія г. Тернера, нѣтъ возможности не дивиться содержанію его статьи. Онъ находитъ въ экономическомъ бытѣ Россіи, или, какъ онъ самъ поправляетъ себя, въ понятіяхъ объ экономическомъ бытѣ Россіи, множество противорѣчій, передъ которыми онъ пасуетъ. Нельзя не согласиться съ *Journal de S.-Pétersbourg*, что это очень скромно; но нельзя не пожалѣть, что эта скромность похожа теперь на то что̀ называется послѣ ужина горчицей. Скромность была бы умѣстнѣе въ то время когда г. Тернеръ писалъ въ пользу размѣна и запутывалъ разными парадоксами простой и ясный вопросъ о количествѣ обращающихся у насъ бумажныхъ денегъ. Коммиссія, которую теперь предлагаетъ г. Тернеръ, была бы очень кстати передъ открытіемъ размѣна. Но тогда г. Тернеръ не пасовалъ передъ противорѣчіями нашего экономическаго быта, и очень рѣшительно говорилъ въ пользу операціи размѣна. А между тѣмъ только тотъ могъ надѣяться на успѣхъ этой операціи, кто былъ увѣренъ, что въ количествѣ обращающихся у насъ бумажныхъ денегъ не было значительнаго избытка. Этотъ вопросъ былъ предметомъ продолжительнаго спора, и г. Тернеръ, имѣя въ виду всѣ доводы споривпшихъ, склонился на сторону отрицавшихъ присутствіе значительнаго избытка кредитныхъ билетовъ въ обращеніи. Вслѣдствіе того, г. Тернеръ считалъ дѣломъ возможнымъ открытіе размѣна. Неужели забыта теперь эта связь мыслей? Будь г. Тернеръ убѣжденъ, что количество денежныхъ знаковъ превышаетъ у насъ потребность, онъ не могъ бы совѣтовать открытіе размѣна. Операція размѣна была не что иное какъ повѣрка того чей взглядъ былъ вѣрнѣе, тѣхъ ли которые признавали существованіе избытка и потому видѣли несбыточность размѣна, или тѣхъ, которые отрицали избытокъ и ожидали, что операція размѣна увѣнчается успѣхомъ. До этой повѣрки еще было простительно спорить; но теперь повѣрка произведена, и ея результаты передъ нашими глазами. Какъ можно теперь еще изображать вопросъ объ избыткѣ не рѣшеннымъ?

Г. Тернеръ даетъ дѣлу такой видъ, что теперь будто бы всѣ торопятъ правительство, повторяя на разные лады, что *надобно что-нибудь сдѣлать*, а онъ, г. Тернеръ, желая отпарировать эту докучливую придирчивость, возбуждаетъ вопросъ объ учрежденіи коммиссіи для изслѣдованія обстоятельствъ, среди которыхъ правительство должно будетъ что-нибудь сдѣлать. Мы не знаемъ сколько голосовъ присоединилось или присоединится къ редакціи *Journal de St.-Pétersbourg*, пришедшей въ восторгъ отъ мысли о коммиссіи, передъ которою каждый будетъ имѣть возможность изложить всѣ свои фантазіи и всѣ свои претензіи. Большинство публики теперь очень хорошо понимаетъ, чего можно ожидать отъ коммиссій, изучающихъ разныя фантазіи и претензіи, и потому на большинство публики статья г. Тернера не могла произвести никакого, кромѣ крайне неблагопріятнаго дѣйствія. Но справедливость требуетъ замѣтить, что можно быть очень недовольну статьей г. Тернера и все-таки не торопить правительство, чтобъ оно сейчасъ же что-нибудь сдѣлало для приведенія нашей денежной системы въ порядокъ.

Никакого собиранія свѣдѣній не нужно чтобы начертать планъ для дѣйствій правительства, которыя должны клониться къ упроченію нашей денежной единицы. Для этого нужны только ясныя понятія и добросовѣстная внимательность къ тому что̀ у

каждаго изъ насъ передъ глазами. Учреждать коммиссію для этой цѣли было бы также странно какъ созывать ученыхъ для истолкованія словъ, напечатанныхъ на русскомъ кредитномъ билетѣ. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы разумные люди закрывали глаза на связь вопроса о кредитныхъ билетахъ съ другими вопросами. Пока есть сомнѣніе насчетъ общаго политическаго положенія дѣлъ, и пока не приведенъ въ ясность вопросъ о дефицитѣ, до тѣхъ поръ трудно рѣшаться на какую-нибудь серіозную мѣру относительно денежнаго обращенія. Въ практической политикѣ всякій вопросъ осложняется связью съ вопросами смежными, но съ затрудненіями этого рода нельзя бороться посредствомъ учрежденія коммиссій.

Вопросъ о денежной системѣ есть вопросъ настоятельный, но вопервыхъ онъ не можетъ быть разрѣшенъ отдѣльно отъ вопроса о дефицитѣ, и вовторыхъ благоразуміе не позволяло бы взяться за разрѣшеніе его, если бы могло быть опасеніе близкой войны. Публика не имѣетъ достаточныхъ данныхъ ни по первому, ни по второму изъ этихъ пунктовъ, и потому въ говорѣ публики о настоятельности мѣръ для упроченія денежной системы очевидно не можетъ быть ничего похожаго на докучливое требованіе, чтобы правительство забыло о прочихъ потребностяхъ государства и поспѣшило пожертвовать всѣмъ для одного вопроса, который, какъ онъ ни важенъ, все-таки не обнимаетъ собой всей государственной жизни. О такихъ ужасахъ какъ *pereat mundus* никто никогда не помышлялъ по поводу денежной системы.

№ 58.

Москва, 12-го марта.

Нынѣшній годъ, по всему вѣроятію, не обойдется въ Европѣ безъ событій,—событій очень серіознаго свойства,—и дай Богъ, чтобы мы были готовы встрѣтить ихъ должнымъ образомъ. Революціонная партія, распространившаяся повсюду, организованная и образующая какъ бы особую невидимую державу въ Европѣ, собираетъ свои силы и готовится дать въ разныхъ пунктахъ генеральное сраженіе. Базисомъ операцій этой всесвѣтной *партіи дѣйствія* служитъ та страна, которая, по своему общественному устройству, не боится революціи. Въ Англіи между правительствомъ и обществомъ нѣтъ такого промежутка, въ которомъ могли бы гнѣздиться элементы, столь же опасные для правительства, какъ и для общества. Англія—страна самоуправленія по преимуществу; все что имѣетъ въ ней какое-либо значеніе, какую-либо общественную силу, участвуетъ болѣе или менѣе въ правительственномъ дѣлѣ и охраняетъ основанія существующаго порядка. Потому-то всесвѣтные революціонные элементы, которые, пользуясь политическими льготами Англіи, отовсюду собираются на ея почвѣ, совершенно безвредны для нея самой, и этой застрахованности своей отъ революціи Англія много обязана могуществомъ своей политики и своимъ вліяніемъ на ходъ дѣлъ въ Европѣ. Все недовольное, все гонимое, все озлобленное находитъ здѣсь себѣ притонъ, живетъ здѣсь, составляетъ здѣсь свои планы и организуетъ свои дѣйствія. Здѣсь архимедовское *дай мнѣ гдѣ стать*, и всѣмъ извѣстно, какъ сильно дѣйствуетъ рычагъ, когда, въ случаѣ надобности, ухватится за него искусная и сильная рука министра британской короны. Благодаря этому обстоятельству, англійская политика, не издерживая ни одного шиллинга и не дѣлая ни одного выстрѣла, часто одерживаетъ значительныя побѣды и заставляетъ могущественныя державы подчиняться ея комбинаціямъ и поступать по ея планамъ. Лордъ Пальмерстонъ умѣетъ пользоваться горючими матеріялами, которые находятся у него подъ рукою; англійскіе государственные люди знаютъ въ точности всѣ замыслы и всѣ шаги людей революціи; всѣ сношенія этихъ людей извѣстны британскому правительству: за ними слѣдятъ зорко и неусыпно, и лордъ Пальмерстонъ не пренебрегаетъ никакимъ средствомъ для того, чтобы держать ихъ подъ своею рукой. Его безцеремонность въ этомъ отношеніи достигаетъ самыхъ крайнихъ предѣловъ. Дѣло съ г. Стансфельдомъ произвело въ самой Англіи сильное впечатлѣніе: этотъ г. Стансфельдъ, находящійся въ тѣснѣйшей дружбѣ и связяхъ съ г. Мадзини, главнымъ руководителемъ революціоннаго движенія въ Европѣ, принятъ лордомъ Пальмерстономъ въ составъ администраціи. Парламентская битва, въ которой кабинетъ чуть-чуть не потерпѣлъ пораженія, и отзывы какъ оппозиціонныхъ, такъ и независимыхъ органовъ гласности, свидѣтельствуютъ, что тактика

главы кабинета дошла въ этомъ случаѣ до скандала.

Очевидно, что между двумя западными державами разгорается теперь та подземная война, которую онѣ давно ведутъ между собою. Франція изолирована; между двумя германскими державами и Россіей установилось доброе согласіе, и въ политическомъ мірѣ идетъ даже рѣчь о возобновленіи Священнаго Союза. Очень естественно, что императоръ Наполеонъ III употребляетъ съ своей стороны всѣ усилія чтобъ обратить въ свою пользу нынѣшнія европейскія затрудненія и направить въ выгодномъ для себя смыслѣ элементы движенія въ Европѣ. Французское вліяніе поджигаетъ демократическую партію въ Германіи и скандинавскую партію въ Швеціи, не безъ вѣдома Франціи происходятъ въ Италіи воинственныя приготовленія, и конечно не безъ ся вѣдома организуется польско-венгерское движеніе во владѣніяхъ князя Кузы,—движеніе, о которомъ сообщаетъ сегодняшняя телеграмма, и которое имѣетъ во главѣ своей генераловъ Тюрри и Клапку. Тонъ, какимъ члены британскаго правительства выражаются объ императорѣ Французовъ, свидѣтельствуетъ о весьма напряженныхъ отношеніяхъ между обѣими державами. Обѣ онѣ ведутъ игру революціонными элементами,—съ тою только разницей, что Англія, благодаря особенностямъ своего устройства, держитъ ихъ въ своихъ рукахъ, не поддаваясь имъ сама, а императоръ Французовъ вынужденъ вести счеты и вступать въ сдѣлки съ элементами революціи, которая не дается ему въ руки, а хочетъ сама пользоваться имъ для своихъ цѣлей. Что выйдетъ изъ этой игры, это скажетъ будущее. Что же касается нашего отечества, то положеніе его обозначилось съ достаточною ясностію. Россія будетъ тѣмъ безопаснѣе и сильнѣе, чѣмъ менѣе будетъ подчинять свою политику видамъ той или другой державы. Ея сила въ совершенной независимости и національности ея политики. Если союзъ ея съ Франціей не оказался для нея выгоднымъ, то не оказалось бы выгоднымъ и всякое излишнее сближеніе съ другою западною державою. Мы не имѣемъ никакихъ причинъ довѣряться дружбѣ Англіи и оказывать ей особенное благорасположеніе. Всякій шагъ нашъ для сближенія съ тою или другою державой можетъ не усилить, а развѣ только ослабить насъ, точно также какъ глухой союзъ съ обѣими германскими державами не усилитъ, а ослабитъ насъ. Чѣмъ менѣе будемъ мы хлопотать о тѣсныхъ сближеніяхъ и союзахъ, тѣмъ менѣе будетъ опасности очутиться въ изолированномъ положеніи или стать игралищемъ революціонной интриги. Вся наша сила въ насъ самихъ,—и только на самихъ себя можемъ мы благонадежно опираться. Въ настоящихъ обстоятельствахъ отъ сближеній и союзовъ мы можемъ только проиграть; въ сближеніяхъ и союзахъ мы будемъ способствовать только чужимъ выгодамъ, а сами останемся въ проигрышѣ. Намъ нечего бояться европейскихъ потрясеній, если только мы не будемъ опираться на другихъ, а напротивъ будемъ держать другихъ въ почтительномъ отъ насъ разстояніи. Слишкомъ довѣрчивое сближеніе съ Англіей можетъ грозить намъ весьма серіозными опасностями. Мы можемъ быть вполнѣ увѣрены, что политика этой державы, какъ бы ни казалась она благорасположенною къ намъ, ни въ какомъ случаѣ не будетъ расположена дѣйствовать въ нашихъ интересахъ. Боже насъ сохрани слѣдовать въ чемъ нибудь ея внушеніямъ и совѣтамъ, не спросившись хорошенько прежде самихъ себя. Вражда ея конечно опасна, но вдвое и втрое опаснѣе ея дружба, основанная на излишнемъ довѣріи къ ея благорасположенію. Наши отношенія къ этой державѣ могутъ быть хороши и надежны только въ той мѣрѣ, въ какой мы будемъ основывать ихъ на ясно сознаваемыхъ собственныхъ интересахъ нашихъ.

№ 59.

Москва, 13-го марта.

Чѣмъ должно быть наше образованіе? Должно ли оно основываться на тѣхъ общихъ всему образованному міру началахъ, на которыхъ зиждется европейская цивилизація, или нашимъ бѣднымъ учебнымъ заведеніямъ суждено ринуться на новые пути по указаніямъ той новѣйшей педагогической школы, къ которой усердный *Голосъ* призываетъ симпатіи Россіи и которая скромно предлагаетъ себя въ руководители русскаго просвѣщенія, стараясь пріютиться у центра нашей учебной администраціи? Осмѣлимся ли мы, наконецъ, стать на одну почву съ образованными народами, и черпать, наравнѣ съ другими, изъ самаго источника европейской цивилизаціи;

или мы обречены въ угоду двумъ-тремъ бюрократамъ, желающимъ, чтобы мы опередили весь свѣтъ, претерпѣвать преобразованія, которыя будутъ по необходимости сопровождаться обличительною фразой: „мѣра сія не распространяется на Дерптскій университетъ и его округъ?"

Недѣли двѣ тому назадъ, по поводу разнесшихся слуховъ о новомъ проектѣ гимназическаго устава, въ основаніе котораго будто бы положена такъ-называемая система *бифуркаціи*, мы съ естественнымъ недоумѣніемъ спрашивали, съ какою цѣлью могла бы быть введена въ наши заведенія, такъ нуждающіяся въ простотѣ устройства, эта сложная система. Мы указывали на обстоятельства, объясняющія, если не оправдывающія введеніе этой системы во Франціи,—гдѣ притомъ она дѣйствуетъ, по возможности, безъ ущерба основному классическому образованію, чего, если вѣрить слухамъ, никакъ нельзя сказать о нашей,—и не рѣшились остановиться на грустномъ предположеніи, что новая система, которая должна парализовать классическое обученіе, имѣетъ цѣлью, подъ формою возвращенія къ классицизму, возвратиться къ тѣмъ литературно-реальнымъ учрежденіямъ, которымъ, думали мы, уже окончательно отведено мѣсто въ исторіи куріозовъ послѣдняго времени. Газета *Голосъ* спѣшитъ вывести насъ изъ недоумѣнія и въ обличительной статьѣ подтверждаетъ наше печальное предположеніе. Вопросъ о реформѣ ученья въ нашихъ среднихъ заведеніяхъ до сихъ поръ не принадлежалъ повидимому, къ числу вопросовъ, которые возбуждали горячій интересъ въ этой газетѣ. Въ то время, когда газеты наполнялись сужденіями объ этомъ предметѣ, въ *Голосѣ*, правда, помѣщались статейки, иной разъ съ куріозными заголовками въ родѣ „учиться или не учиться"; но авторы ихъ, кажется, и сами не имѣли серіознаго намѣренія высказать какія-либо опредѣленныя мнѣнія. Но вотъ, сказали мы теперь нѣсколько словъ о предполагаемой *бифуркаціи* и какъ будто какой-то таинственный жезлъ коснулся равнодушныхъ страницъ и извелъ живую струну обличенія, а вмѣстѣ и горячую защиту не только *бифуркаціи*, но и той россійской педагогической школы, „на сторонѣ которой, по мнѣнію *Голоса*, если не стоятъ уже, то непремѣнно станутъ крѣпкій здравый смыслъ и отзывающаяся на все живое симпатія русскаго народа." Мы не сказали бы ни слова въ отвѣтъ на обличенія *Голоса*, еслибъ это была просто журнальная полемика, но тутъ ожесточеніе газеты разоблачило планъ, о которомъ слѣдуетъ сказать два слова.

Указывая на пагубныя послѣдствія, какія должно повести за собою разрушеніе въ странѣ классическаго образованія, мы, по мнѣнію *Голоса*, имѣли въ виду *застращать* общественное мнѣніе призраками. Правдивая газета не откажетъ намъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что мы не имѣемъ ни нужды, ни интереса *обманывать* это мнѣніе. Не богатая доводами защита новѣйшей россійской школы педагогіи мало представляетъ любопытнаго, кромѣ комической ссылки на книгу „одного изъ лучшаго мыслителей Германіи", г. Егера *О гимнастикѣ у Грековъ*, книгу не имѣющую ни малѣйшаго отношенія къ плану учебнаго курса въ гимназіяхъ (по куріозному стеченію обстоятельствъ этотъ Коранъ новой школы, написанный однимъ юнымъ Нѣмцемъ почти на школьной скамьѣ и исполненный разныхъ безобразій по части политическаго и религіознаго значенія гимнастики, былъ у насъ, въ прежнее время, подъ безусловнымъ запрещеніемъ). Истинный и единственный интересъ статьи заключается въ томъ, что изъ нея можно видѣть какое значеніе, съ точки зрѣнія новой школы, должна имѣть предполагаемая система *бифуркаціи* для нашихъ гимназій.

Основываясь на слухахъ о значительномъ числѣ уроковъ по древнимъ языкамъ въ новомъ проектѣ гимназическаго курса и на журнальныхъ извѣстіяхъ о томъ, что новый проектъ составленъ будто бы въ духѣ классическаго образованія, мы сказали, что нѣтъ надобности быть пророкомъ, чтобы предсказать неудачу попытки ввести у насъ классическое ученіе при помощи сложной системы. Органъ новѣйшей школы петербургскихъ педагоговъ спѣшитъ снабдить эти слова двумя вопросными знаками, давая, повидимому, разумѣть, что эта школа и не думала о введеніи у насъ классическаго ученья, винимся, что не находясь въ секретѣ заготовляемой реформы, мы предполагали о ней наилучшее. Мы серіозно думали, что имѣется въ виду успѣшное введеніе классическаго образованія, и съ этой точки зрѣнія замѣтили, что существованіе въ высшихъ классахъ реальнаго отдѣла безъ латинскаго языка,

но съ правомъ поступленія въ университетъ, конечно, парализировало бы преподаваніе латинскаго языка въ низшихъ классахъ. Проницательный органъ спѣшитъ обличить насъ въ опасеніи за судьбу классическаго образованія и восклицаетъ, что нашелъ „ключъ, открывающій тайну ненависти *Московскихъ Вѣдомостей* къ бифуркаціи.“ „Чего бы тутъ, кажется, прибавляетъ онъ, опасаться за латинскій языкъ, если онъ имѣетъ такія неоцѣненныя свойства для общаго образованія... При этихъ свойствахъ латинскій языкъ и самъ постоитъ за себя.“ Смыслъ этихъ словъ уже черезчуръ ясенъ. „Пусть вывернется классическое образованіе, имѣющее, по вашему мнѣнію, такую чудодѣйственную силу, изъ тѣхъ условій, въ какія ставитъ его новая система,“ хочетъ сказать нашъ остроумный органъ педагогической школы, и далѣе спѣшитъ привести любимый доводъ этой школы о томъ, что классическое образованіе не имѣетъ корней въ нашей жизни. Итакъ вотъ секретъ, разглашенный такъ неожиданно: *бифуркація* предлагается въ тѣхъ видахъ, чтобы классическое образованіе, не имѣющее корней въ нашей жизни и не одобряемое великимъ г. Егеромъ, нашло себѣ могилу.

Но, дѣлая наше грустное предположеніе, мы именно хотѣли сказать, что бѣдное классическое образованіе не вывернется при бифуркаціи. Классическое образованіе не имѣетъ такой чудодѣйственной силы, которая позволила бы ему процвѣтать и приносить плоды, несмотря ни на какія неблагопріятныя обстоятельства. Напротивъ, чрезвычайно много трудностей надо побѣдить, чтобъ укрѣпить его на прочныхъ основаніяхъ въ нашихъ разстроенныхъ школахъ. Когда мы говорили о классическомъ образованіи и введеніи его у насъ, мы разумѣли искреннюю реформу, вызванную дѣйствительнымъ сознаніемъ его пользы, а не фальшивую систему, порожденную убѣжденіемъ, что оно не нужно и есть только необходимое зло стараго педантства, которому, къ сожалѣнію, пока еще приходится уступать. Мы благодарны *Голосу*, разсѣявшему наши недоумѣнья о томъ, какое значеніе имѣетъ *бифуркація* для новой школы педагоговъ. Повторяемъ, на бифуркацію они смотрятъ какъ на средство убить классическое образованіе.

Но именно это-то назначеніе новой системы, и даетъ намъ нѣкоторую надежду, что система эта не осуществится, такъ какъ, безъ сомнѣнія, центральное управленіе народнаго просвѣщенія въ Россіи далеко отъ мысли изгонять классическое образованіе изъ нашего отечества.

Наши противники классическаго образованія нерѣдко съ торжествомъ ссылаются на требованія общества, равнодушнаго къ латинскому языку. Было бы, разумѣется, странно поголовно спрашивать отцовъ, посылающихъ дѣтей въ гимназіи, стоятъ ли они за классическое образованіе или противъ него, и основывать на этомъ какое-либо заключеніе: отцы ввѣряютъ дѣтей своихъ школѣ не затѣмъ, чтобъ указывать планъ ученья, который въ школѣ долженъ быть лучше извѣстенъ. Да и гдѣ это общество наше могло пріобрѣсти педагогическую опытность? Развѣ у насъ общество имѣетъ какое вліяніе на устройство и характеръ учебныхъ заведеній? Развѣ у насъ народное образованіе предоставлено свободной частной дѣятельности, какъ, напримѣръ въ Англіи, гдѣ вовсе нѣтъ министерства народнаго просвѣщенія? У насъ школы чисто правительственныя учрежденія; гимназіи пользуются монополіей и безъ гимназическаго свидѣтельства нельзя даже поступить въ университетъ. Еслибы не было казенныхъ заведеній, тогда открылся бы просторъ педагогическимъ опытамъ, и можетъ-быть въ числѣ прочихъ возникли бы заведенія не менѣе фантастическія, какъ и общеобразовательныя (не реальныя) гимназіи г. Воронова, но время, конечно, взяло бы свое и, конечно, удѣлѣло бы лишь то, что способно къ прочному существованію. А при существующихъ нынѣ условіяхъ весь интересъ въ томъ, чтобы правительственныя мѣры и средства клонились не къ производству педагогическихъ экспериментовъ въ обширныхъ размѣрахъ, а служили къ утвержденію нашего просвѣщенія на общихъ всему образованному міру началахъ, оправданныхъ опытомъ вѣковъ и народовъ. Но вотъ о чемъ можно и должно спросить отцовъ: довольны ли они плодами нашего школьнаго ученья? Какой же отвѣтъ дадутъ они на этотъ вопросъ? „Мы приводимъ къ вамъ, скажутъ они, дѣтей нашихъ полныхъ юной жизни и свѣжести. Какъ возвращаете вы ихъ намъ?“ Общество требуетъ простаго и серіознаго ученья; общество требуетъ, чтобы заведенія наши выпускали дѣльныхъ людей, а не безплодныхъ фразеровъ, хотя бы самой новѣйшей

школы. Но могутъ ли вести къ серіозному ученью тѣ фантастическія отступленія отъ общепринятыхъ началъ, отступленія, на которыя такъ падки наши вѣтромъ подбитыя педагогическія школы и системы? Газета *Голосъ* стращаетъ насъ тѣмъ, что наше общество уже не ребенокъ, и что его нельзя застращать призраками. Не понимаемъ къ чему заговорила объ этомъ почтенная газета. Или она думаетъ, что русское общество какимъ-нибудь образомъ участвовало въ составленіи проекта о *бифуркаціи?*

№ 60.

Москва, 14-го марта.

Вѣсти изъ Кіева становятся благопріятнѣе. Пишутъ, что въ этомъ городѣ русскій духъ совершается въ очію. Слава Богу! Пора же наконецъ, по крайней мѣрѣ въ Кіевѣ, этой древней столицѣ нашей, „матери городовъ русскихъ“, по слову лѣтописца, пора здѣсь русскому духу чувствовать себя не загнаннымъ, робкимъ, стыдящимся себя пришельцемъ, а безспорнымъ и полнымъ хозяиномъ. Только того и требуется, чтобы русскій духъ чувствовалъ себя полнымъ хозяиномъ въ своемъ домѣ; только того и требуется, чтобы русская національность не роняла, а возвышала и укрѣпляла людей и въ ихъ собственномъ чувствѣ. Это — единственное средство восторжествовать надъ враждою, которая подъ насъ подкапывается, удержать за собою наше значеніе, оправдать нашу исторію не растерять ея наслѣдія и упрочить за собою величіе и славу нашего развитія въ будущемъ. Когда вражда поднимаетъ оружіе, надобно отразить ея ударъ, и вырвать у ней оружіе, но убить ее можно не иначе, какъ лишивъ ее всякой надежды, всякой цѣли, всякаго смысла. Сила не въ людяхъ, а въ духѣ, который ихъ соединяетъ, и чтобы раздѣлаться съ враждебнымъ намъ духомъ, нѣтъ иного средства какъ поднять свой собственный духъ и дать почувствовать его превозмогающую силу.

Мы готовы теперь всѣхъ Поляковъ считать поголовно врагами Россіи; мы готовы думать, что лишь за самыми малыми исключеніями, всѣ они сочувствовали и способствовали возстанію. Но нѣтъ сомнѣнія, что большинство этихъ людей были подъ гнетомъ обстоятельствъ, которыя не отъ нихъ зависѣли и съ которыми они не смогли бы совладать даже при всѣхъ усиліяхъ разсудка. Вспомнимъ терроризацію революціонной власти, вспомнимъ съ какою силою долженъ былъ дѣйствовать на этихъ людей призывъ ихъ національнаго чувства, съ его воспоминаніями и надеждами, не встрѣчавшими себѣ никакого противовѣсія въ той національности, среди которой поставила ихъ исторія. И страхъ, и стыдъ, и совѣсть,—все должно было дѣйствовать на нихъ, все естественно должно было не только отчуждать ихъ отъ Россіи, но и вовлекать ихъ во враждебные противъ нея замыслы. На что могли они опереться, чтобы противодѣйствовать этому увлеченію? Что могло удержать ихъ? Что въ ихъ сердцѣ или въ ихъ умѣ могло бы могущественно сказаться въ отпоръ этимъ влеченіямъ? Какое другое влеченіе могло бы подѣйствовать на нихъ съ большею силою? Они давали революціонному жонду деньги, они посылали дѣтей своихъ подъ его знамена: но вспомнимъ обстоятельства, и спросимъ себя, легко ли было бы имъ поступать иначе? Представимъ себѣ изъ числа ихъ человѣка, самаго равнодушнаго къ польскому національному призыву и вовсе не расположеннаго приносить какія-либо жертвы на алтарь историческихъ воспоминаній и политическихъ надеждъ (представить себѣ такого не трудно, потому что навѣрное элементы подобнаго свойства составляютъ большинство), и съ тѣмъ вмѣстѣ представимъ себѣ всю силу обстоятельствъ и весь гнетъ окружающей среды; вспомнимъ какъ скудно и безсильно бываетъ въ насъ самихъ въ обыкновенную пору чувство русской національности, среди которой эти люди поставлены, и сообразимъ, какъ неуважительно должна была она чувствоваться ими, какъ мало они могли быть увѣрены въ ея внутреннемъ могуществѣ. Мы сами не хотимъ вѣрить въ себя, сами не хотимъ знать себя: какъ же мы хотимъ, чтобы другіе были проникнуты чувствомъ вѣры въ наши народныя силы, въ наше историческое призваніе, въ несокрушимость нашего государственнаго зданія? Увы! одни ли Поляки были увлечены польскимъ патріотизмомъ? Должны ли мы скрывать отъ себя, что до той минуты, когда поднялись, наконецъ, изъ глубины наши народныя силы бездѣйственныя и дремлющія въ будничную пору, иные русскіе люди готовы были чувствовать себя Поляками чуть ли не болѣе

чѣмъ сами Поляки. Во всякомъ случаѣ, вспомнимъ одни ли Поляки платили вольную или невольную дань *жонду?*

Какъ польскіе, такъ и другіе враждебные намъ элементы, сильны не внутреннею силою; они сильны чувствомъ нашего собственнаго безсилія. Только это фальшивое чувство нашего безсилія вызывало, возбуждало, ободряло ихъ, и сообщало имъ характеръ силы, которой они не имѣютъ. Только это чувство нашего убожества и нашей скудости, которымъ мы услаждались и бередили въ себѣ какъ прокаженные бередятъ свои болячки, создаетъ тѣ опасности, съ которыми мы боремся и которыя насъ изнуряютъ. Въ правѣ ли мы винить Поляковъ за то, что они остаются Поляками, съ фальшивыми притязаніями и надеждами, когда мы сами не хотимъ быть Русскими во всей полнотѣ и силѣ этого слова, когда мы сами не имѣемъ достаточнаго довѣрія къ силамъ собственной нашей жизни и не умѣемъ или не хотимъ разомкнуть ея источники?

Мы не можемъ не порадоваться оживленію русскаго духа въ нашемъ Кіевѣ. Но мы еще болѣе желали бы, чтобъ это оживленіе не было только маскарадомъ. Для того чтобъ оживленіе русскаго духа было истиннымъ и плодотворнымъ оживленіемъ, необходимы серіозныя и существенныя мѣры вызываемыя мѣстными потребностями и условіями; а для того чтобъ оживленіе русскаго духа могло возымѣть полную силу въ разныхъ мѣстностяхъ нашего отечества, гдѣ ему приходится бороться съ духомъ сепаратизма, необходимо чтобы русское національное чувство поднялось и усилилось въ центрѣ, необходимо чтобы возвысился уровень нашей жизни, чтобъ она освободилась отъ недоразумѣній и фальши, которыя ее сковываютъ и лишаютъ движенія,—необходимо наконецъ, чтобы чувство несокрушимаго политическаго единства русскихъ владѣній выразилось съ несомнѣнною энергіей, и чтобъ оно обнаруживалось не въ минуты крайней опасности, но было постоянно дѣйствующею, связанною со всѣми общественными интересами, надъ всѣмъ господствующею силою.

Кстати. Въ одномъ изъ нумеровъ *Русскаго Инвалида* прочли мы нѣсколько выразительныхъ строкъ обращенныхъ къ Финляндцамъ, которые, какъ сообщаютъ въ этой газетѣ, усердно и повсемѣстно собираютъ пожертвованія въ пользу датскихъ воиновъ, сражающихся за единство своего отечества. *Русскій Инвалидъ* напоминаетъ нашимъ финляндскимъ согражданамъ (которые не прочь однако же считать насъ иностранцами), что если не худо сочувствовать датскимъ солдатамъ, то еще лучше сочувствовать русскимъ солдатамъ, которые, какъ замѣчаетъ упомянутая газета, „заслужили право „на величайшую благодарность всѣхъ сво„ихъ соотечественниковъ, въ томъ числѣ „и Финляндцевъ.“ *Русскій Инвалидъ* предостерегаетъ финляндскую молодежь отъ ихъ скандинавскихъ увлеченій. Мы вполнѣ сочувствуемъ побужденію, вызвавшему въ *Русскомъ Инвалидѣ* эти напоминанія и эти предостереженія, и искренно радуемся, что въ этомъ онъ предупредилъ насъ. Но мы опасаемся, чтобъ эти добрыя напоминанія не остались втунѣ. *Русскій Инвалидъ* выражаетъ желаніе, чтобы представители финляндскихъ сословій, находящіеся теперь въ сборѣ на своемъ сеймѣ, подѣйствовали отрезвляющимъ образомъ на молодежь. Это было бы конечно очень желательно; но едва ли мѣстное развитіе государственной жизни можетъ оказывать на умы такое дѣйствіе, какого ожидаетъ *Русскій Инвалидъ*, едва ли напротивъ не оказываетъ оно дѣйствія, совершенно противнаго этимъ ожиданіямъ. „Россія“, говоритъ *Русскій Инвалидъ*, „поступила съ завоеванною стра„ной съ великодушіемъ, которому не мно„го можно найдти примѣровъ, и излила на „нее благодѣянія, на которыя могли бы раз„читывать только коренные и вѣрные сы„ны ея.“ Мы сочувствуемъ этимъ словамъ; но, къ сожалѣнію, исторія весьма убѣдительными примѣрами доказываетъ, что въ политическомъ словарѣ слово благодарность не существуетъ, а великодушіе въ жизни народовъ имѣетъ совсѣмъ не то значеніе и не тѣ послѣдствія что въ жизни людей.

Еще кстати. Предъ нами находится недавно вышедшая французская книга, касающаяся Россіи: *Organisation sociale de la Russie, la noblesse, la bourgeoisie, le peuple*, par un diplomate. (Paris, Dentu, 1864.) Книга эта не лишена интереса. Въ *Journal de St.-Pétersbourg* прочли мы недавно лестный отзывъ о направленіи мыслей автора и о дѣльности сообщаемыхъ имъ свѣдѣній. Иностранныя, а особенно французскія сочиненія о нашемъ отечествѣ, какъ извѣстно, не отличаются вѣрностію свѣдѣній и дѣльностью замѣчаній, а потому въ ихъ числѣ эта книга выдается довольно выгоднымъ для себя образомъ. Авторъ ся ди-

пломатъ, повидимому жилъ въ Россіи и повидимому заботливо справлялся о нашихъ порядкахъ; онъ даже усиливался, хотя и безъ достаточнаго успѣха, прописывать въ точности русскія слова, которыя случается ему приводить въ своей книгѣ. Объ этой книгѣ, можетъ-быть, поговоримъ мы нѣсколько подробнѣе въ послѣдствіи, но теперь не можемъ не позаимствовать, изъ ней одно свѣдѣніе о Финляндіи, которое тѣмъ интереснѣе, что отличается совершенною новостью. Дипломатъ указываетъ на нѣкоторыя особенности въ положеніи Финляндіи относительно Россіи, и присовокупляетъ, что Россія, хотя осторожно и постепенно, но неослабно совершаетъ дѣло политическаго слiянія этого края съ собою. Авторъ сообщаетъ намъ „о значительныхъ результатахъ", достигнутыхъ въ этомъ направленіи. „Если въ Финляндіи, говоритъ онъ, общественный духъ не сталъ еще русскимъ, то онъ пересталъ быть шведскимъ. Даже, продолжаетъ онъ, употребленіе шведскаго языка,—послѣднее сопротивленіе побѣжденныхъ національностей,—исчезаетъ нечувствительно, и не далекъ тотъ день, когда русскій языкъ, нынѣ языкъ офиціяльный въ этомъ краѣ, станетъ тамъ единственно употребительнымъ языкомъ." Доброжелательный къ намъ французскій дипломатъ радуется за насъ этому результату, и видитъ въ этомъ серіозный успѣхъ нашъ. Русскій языкъ—языкъ офиціяльный въ Финляндіи, и не далекъ тотъ день, когда всѣ въ этомъ краѣ будутъ охотно и предпочтительно выражать на немъ свои мысли!... Добрый дипломатъ, какъ не поблагодарить его за это пріятное извѣстіе!

Но мы спѣшимъ возвратиться на минуту на противоположный край нашего отечества, и сказать слова два по случаю добрыхъ извѣстій изъ Кіева. Нѣтъ, не извѣстія о какихъ-либо сокрушеніяхъ и побіеніяхъ Поляковъ считаемъ мы добрыми и отрадными извѣстіями изъ западнаго края, а тѣ, которыя будутъ свидѣтельствовать все громче и громче, все убѣдительнѣе и убѣдительнѣе объ оживленіи и усиленіи русскаго начала въ тѣхъ мѣстахъ. Только такія извѣстія могутъ по истинѣ радовать всякаго Русскаго, только такіе результаты могутъ вывести насъ съ торжествомъ изъ затрудненій.

Мы беремъ смѣлость коснуться мимоходомъ одной весьма полезной въ этомъ смыслѣ мѣры, для прочнаго и дѣйствительнаго оживленія русскаго элемента. Всякій согласится, что положеніе православнаго духовенства въ тѣхъ мѣстахъ заслуживаетъ особеннаго вниманія. Именно теперь правительство озабочено улучшеніемъ его быта, въ особенности чрезъ предоставленіе угодій изъ мѣстныхъ государственныхъ имуществъ. Старожилы того края указываютъ на средство достигнуть желанныхъ въ этомъ отношеніи результатовъ безъ всякаго обремененія для казны. Это средство — государственныя имущества, которые сдаются въ аренду съ торговъ большею частію за безцѣнокъ, такъ что выгода отъ нихъ достается не казнѣ, а арендаторамъ изъ шляхтичей или Евреевъ. Казна ничего не потеряла бы, еслибы государственныя земли въ тѣхъ мѣстахъ отдавались, по установленной разцѣнкѣ, епархіальнымъ властямъ, съ предоставленіемъ имъ права распоряжаться ими и сдавать ихъ въ аренду по своему усмотрѣнію. При такомъ условіи, казенныя земли дали бы, по увѣренію людей знающихъ, по крайней мѣрѣ вдвое большій доходъ, который значительно усилилъ бы средства православнаго духовенства, между тѣмъ какъ казна не только ничего не потеряла бы, но напротивъ много выиграла бы, избавившись отъ излишнихъ издержекъ по управленію.

№ 61.

Москва, 16-го марта.

Р. Г. Гейманъ въ замѣткѣ, напечатанной въ № 32 нашей газеты, сказавъ, что у насъ находится въ обращеніи около 10 рублей кредитныхъ билетовъ на человѣка, утверждалъ, что это количество едва ли можетъ быть уменьшено. Что̀ хотѣлъ сказать этимъ почтенный авторъ какъ не то, что если находящееся теперь въ обращеніи количество кредитныхъ билетовъ не можетъ быть уменьшено, то значитъ въ обращеніи не должно быть менѣе 10 руб. кредитныхъ билетовъ на человѣка? Итакъ, мы въ правѣ сказать, что, по мнѣнію г. Геймана, 10 руб. кредитныхъ билетовъ на человѣка *по меньшей мѣрѣ необходимы* въ Россіи. Онъ отрицаетъ, чтобы не было нужно 11 р., 12 р. и т. д., но отрицаетъ, чтобы было достаточно 9 р., 8 р., и т. д. Правда, онъ употребилъ выраженіе *едва ли*, но эта смягчающая прибавка очевидно не имѣла особенно важнаго значенія въ гла-

захъ автора, потому что еслибы г. Гейманъ признавалъ, что количество кредитныхъ билетовъ можетъ и должно быть уменьшено противъ теперешней цифры, то онъ не имѣлъ бы повода вступать въ споръ съ нами. Но онъ именно хотѣлъ сказать, что количество обращающихся кредитныхъ билетовъ не можетъ быть уменьшено, что менѣе чѣмъ десять рублей на человѣка было бы мало для нашего денежнаго обращенія. Читатели видятъ, что тутъ цифра *десять* играетъ важную роль: именно не менѣе десяти рублей кредитныхъ билетовъ на человѣка нужно въ Россіи, по мнѣнію г. Геймана. Какъ же онъ доказывалъ это? Онъ сослался на Пруссію и Францію, гдѣ банковыхъ билетовъ обращается приблизительно по 6 руб. на жителя. Если въ этихъ странахъ обращается по 6 руб., то заключаетъ г. Гейманъ, въ Россіи при огромныхъ пространствахъ ея никакъ не можетъ требоваться менѣе 10 р. Мы уже замѣтили, что подобное заключеніе не есть умозаключеніе. Если въ Пруссіи обращается по 6 р. на жителя, то почему Россія должна имѣть по меньшей мѣрѣ 10 руб.; почему не 9, не 8 р. и т. д.? На чемъ основанъ выборъ цифры 10? Примѣръ Пруссіи и Франціи могъ бы еще имѣть значеніе, если бы авторъ хотѣлъ доказать, что у насъ требуется не менѣе 6 руб. на жителя. Правда, и это заключеніе нельзя было бы назвать точнымъ; противъ него можно было бы сказать: *comparaison n'est pas raison*; но все-таки совпаденіе прусской цифры съ французскою произвело бы впечатлѣніе. У г. Геймана нѣтъ этого извиненія. Чтобы доказать, что онъ не сдѣлалъ произвольнаго вывода, онъ долженъ былъ бы привести ту посредствующую посылку, въ силу которой цифра 6, имѣющая фактическое значеніе для Пруссіи и Франціи, должна возвыситься для Россіи не менѣе какъ до 10 р. Но очевидное дѣло, что такая посылка не существуетъ, а слѣдовательно и приведена быть не можетъ.

Вопросъ, о которомъ идетъ рѣчь, требуетъ точнаго отвѣта. Такъ какъ бумажныя деньги могутъ имѣть постоянную цѣнность и слѣдовательно приносить ту пользу, ради которой въ человѣческомъ обществѣ употребляются деньги, только въ томъ случаѣ, если безпрепятственно размѣниваются на звонкую монету, и такъ какъ недавній опытъ, произведенный въ колоссальныхъ размѣрахъ, показалъ, что размѣнъ нашихъ кредитныхъ билетовъ невозможенъ, ибо звонкая монета у насъ въ обращеніи рѣшительно не держится, то очевидна необходимость такой мѣры, которая сдѣлала бы возможнымъ размѣнъ. Если же есть избытокъ кредитныхъ билетовъ, то эта мѣра должна состоять въ изъятіи избытка изъ обращенія. Весь вопросъ слѣдовательно сосредоточенъ на томъ, чтобы рѣшить, есть ли избытокъ въ количествѣ обращающихся кредитныхъ билетовъ, или нѣтъ избытка. Какъ великъ избытокъ, это другой вопросъ; и хотя бы избытокъ былъ очень малъ, — все-таки нужно изъять его изъ обращенія. Кто хочетъ доказать безполезность и вредъ изъятія, тотъ долженъ доказать, что денежное обращеніе въ Россіи нуждается именно въ 10 руб. на человѣка, никакъ не меньше этой круглой суммы,—долженъ доказать, что напримѣръ $9^1/_2$ руб. на человѣка было бы мало. Полъ-рубля на человѣка составляетъ въ общемъ обращеніи слишкомъ 30 милліоновъ рублей, а это сумма довольно значительная даже для нашего времени, которому въ финансовыхъ вопросахъ море по колѣно, и милліоны ни по чемъ. Итакъ полъ-рубля на человѣка дѣлаетъ уже большую разницу, и г. Гейманъ только тогда докажетъ что изъятіе не нужно, когда путемъ заключеній достаточно точныхъ придетъ къ выводу, что не только 7, 8, 9 р., но даже $9^1/_2$ р. и даже $9^3/_4$ р. кредитныхъ билетовъ на человѣка было бы недостаточно въ Россіи. Если же онъ не въ состояніи придти къ такому опредѣленному выводу, то его доказательства будутъ лишены всякаго практическаго значенія.

Въ самомъ дѣлѣ, теперь обращается приблизительно по 10 р. кредитныхъ билетовъ на человѣка, но вексельный курсъ стоитъ слишкомъ на 10% ниже пари; сообразно этому кредитные билеты и на внутреннемъ рынкѣ упали въ цѣнѣ противъ золота и серебра приблизительно на 10%. Въ то же время дороговизна, на которую всѣ такъ жаловались, хотя уменьшалась (вслѣдствіе изъятія всего на все около 100 милліоновъ кредитныхъ билетовъ изъ народнаго обращенія), но все еще остается въ силѣ на тѣ предметы, которыхъ цѣны не зависятъ отъ всемірнаго рынка. Хлѣбъ подешевѣлъ; бо́льшая часть другихъ отпускныхъ товаровъ тоже подеше-

вѣли. Причиной тому было стѣсненіе отпуска усиленнымъ вызовомъ звонкой монеты. Застой въ отпускѣ долженъ былъ, разумѣется, сильно понизить цѣны на всѣ эти предметы внутри государства. Это въ порядкѣ вещей. Равнымъ образомъ понятно, что цѣна предметовъ привозимыхъ изъ-за границы не можетъ восходить далѣе дороже извѣстной мѣры, опредѣляемой вексельнымъ курсомъ. Но тѣ предметы, которые не привозятся къ намъ изъ-за границы и не отпускаются нами за границу, и которыхъ цѣна стало-быть зависитъ не отъ всемірнаго рынка, а отъ нашихъ внутреннихъ обстоятельствъ, всѣ эти предметы, за немногими легко объяснимыми исключеніями, очень мало подешевѣли противъ прошлаго года; сравнительно же со временемъ до коронаціи, когда избытокъ кредитныхъ билетовъ впервые обнаружилъ свое дѣйствіе, всѣ предметы, не входящіе въ число статей внѣшней торговли, продаются теперь значительно дороже. Не указываютъ ли эти высокія цѣны на то же самое, на что указываетъ и вексельный курсъ, — именно на присутствіе избытка кредитныхъ билетовъ въ нашемъ денежномъ обращеніи?

На что же ссылается г. Гейманъ. Онъ ссылается на то, что въ Пруссіи находится въ обращеніи банковыхъ билетовъ по 6 р. на жителя. Россія, говоритъ онъ, нуждается въ болѣе значительномъ количествѣ бумажныхъ денегъ, уже потому что пространство занимаемое Россіей очень велико. Черезъ нѣсколько дней послѣ появленія № 32 *Московскихъ Вѣдомостей*, гдѣ напечатана статья г. Геймана, мы получили письмо, въ которомъ представлено было нѣсколько убѣдительныхъ доводовъ въ пользу того, что пространство можетъ скорѣе уменьшать нежели увеличивать потребность въ бумажныхъ деньгахъ. Мы не можемъ признать полную силу за этими доводами, такъ какъ отъ пространства несомнѣнно зависитъ что у насъ значительная доля кредитныхъ билетовъ постоянно находится въ почтовой перевозкѣ изъ одного мѣста въ другое. Мы готовы также согласиться что недостатокъ кредита увеличиваетъ потребность въ бумажныхъ деньгахъ: у насъ каждое промышленное и торговое заведеніе должно держать въ кассѣ гораздо больше денегъ, нежели сколько нужно въ Пруссіи. Но съ другой стороны надобно принять въ разчетъ сравнительные размѣры нашего народнаго богатства: тѣмъ меньше въ странѣ капиталовъ, тѣмъ меньше нужно ей и денежныхъ знаковъ. Итакъ съ одной стороны есть нѣкоторое основаніе утверждать, что мы имѣемъ нужду въ большемъ количествѣ денежныхъ знаковъ чѣмъ Пруссія, но эти основанія въ значительной степени уравновѣшиваются другими обстоятельствами противоположнаго свойства. Какъ бы то ни было однакоже, подобныя соображенія никакъ не могутъ быть приведены въ точныя цифры, а потому рѣшительно безполезны для занимающаго насъ вопроса.

Г. Гейманъ не удовольствовался примѣромъ Пруссіи; онъ сослался еще на Францію, но не на то обстоятельство что тамъ обыкновенно обращается столько же бумажныхъ денежныхъ знаковъ какъ въ Пруссіи, то-есть по 6 р. на человѣка; а на то обстоятельство что общее количество бумажныхъ денежныхъ знаковъ и звонкой монеты доходитъ во Франціи до 33 р. на человѣка. Цифра очень эффектная! 33 слишкомъ втрое больше чѣмъ 10. Но объ этой цифрѣ надобно во-первыхъ сказать, что ее невозможно принимать за точную, а во-вторыхъ, что еслибъ она и была основана на точныхъ данныхъ, то изъ нея слѣдовало бы для нашего вопроса еще менѣе чѣмъ изъ количества обращающихся въ Пруссіи и Франціи бумажныхъ денежныхъ знаковъ. Припомнимъ, что требуется совершенно точный отвѣтъ. Требуется доказать, что у насъ необходимо не менѣе 10 р. кредитныхъ билетовъ на человѣка. А узнаемъ мы, что во Франціи обращается звонкой монеты и банковыхъ билетовъ до 33 р. на человѣка. Гдѣ же тотъ мостъ, по которому можно перейдти отъ одной изъ этихъ цифръ къ другой?

Мы принуждены вторично сказать, что сдѣланная г. Гейманомъ ссылка на Пруссію и Францію не можетъ имѣть ни малѣйшаго вліянія на разрѣшеніе того вопроса, о которомъ идетъ рѣчь, то-есть вопроса о присутствіи избытка. Но устраняя тѣ доводы, на которые опираются гг. Шиповъ и Гейманъ, чтобъ отвергнуть присутствіе избытка,—устраняя ихъ потому что они основываются на элементахъ подвижныхъ и неуловимыхъ, мы далеки отъ мысли, чтобы всѣ вообще элементы, могущіе служить къ разрѣшенію этого вопроса, были неуловимы. Г. Гейманъ упоминаетъ о царяхъ биржъ, которые основываясь на

этихъ элементахъ, опредѣляютъ если не безошибочно, то приблизительно количество денежныхъ знаковъ, необходимыхъ для обращенія въ *извѣстное время.* Мы должны признаться, что намъ неизвѣстно, чтобы цари биржъ часто занимались подобными вопросами; но иногда дѣйствительно банкирамъ приходится имѣть дѣло съ вопросомъ о денежномъ обращеніи, и тѣ изъ нихъ, которые слѣдуютъ вѣрнымъ соображеніямъ, зарабатываютъ себѣ тогда добрую копѣйку. Одинъ изъ такихъ рѣдкихъ случаевъ представился банкирамъ у насъ нынѣшнею осенью; но если они хорошо воспользовались имъ, то именно потому что твердо вѣрили въ то во что не хотятъ вѣрить гг. Гейманъ и Шиповъ, въ присутствіе избытка. Авторитетъ банкировъ,—по крайней мѣрѣ тѣхъ банкировъ, которые были веселы въ прошломъ ноябрѣ мѣсяцѣ — рѣшительно противъ нашихъ почтенныхъ оппонентовъ. Если былъ у насъ какой-нибудь банкиръ со взглядами гг. Геймана и Шипова или того „купца“, который пишетъ въ газетѣ *День*, то такой банкиръ теперь ужъ, конечно, десять разъ проклялъ эти взгляды, видя какъ его товарищи, слѣдовавшіе правильнымъ экономическимъ соображеніямъ, были награждены даровою десятипроцентною поживой на заграничныхъ римессахъ.

Для опытныхъ банкировъ вопросъ, о которомъ мы теперь споримъ, давно уже былъ дѣломъ безспорнымъ. Его элементы были ясны еще до прекращенія размѣна. Но тогда не было осязаемыхъ данныхъ, которыя есть теперь, послѣ того какъ обнаружилась въ главныхъ чертахъ исторія происходившей нынѣшнимъ лѣтомъ торговли деньгами.

Читатели не посѣтуютъ на насъ, если мы позволимъ себѣ остановиться еще на одномъ замѣчаніи или лучше сказать недоумѣніи г. Геймана. Какимъ образомъ, спрашиваетъ онъ, сто-рублевый кредитный билетъ, не приносящій процентовъ, ходитъ полною цѣной, то-есть по сту рублей, а пятипроцентный сто-рублевый билетъ продается по 95? Не значитъ ли это что спросъ на безпроцентные билеты больше чѣмъ на процентныя бумаги, и не доказательство ли это, что въ безпроцентныхъ билетахъ чувствуется у насъ нужда? Точно такіе же вопросы предлагались и другими, между прочимъ и тѣмъ „купцомъ“, который излагаетъ свою мудрость въ газетѣ *День*. Признаемся, со стороны купца особенно странны подобныя недоумѣнія. Ларчикъ просто открывался. Кредитные билеты вѣдь не что иное какъ деньги, а пятипроцентные билеты—товаръ, цѣна котораго измѣряется деньгами, то-есть кредитными билетами. Сторублевый кредитный билетъ вашъ кредиторъ обязанъ принять у васъ за сто рублей, а равнымъ образомъ и вы обязаны принять его за сто рублей отъ всякаго другаго Какъ же сторублевымъ билетамъ не ходить по сту рублей? Да наконецъ относительно чего могли бы они упасть въ цѣнѣ? Не относительно ли десятирублевыхъ или пятирублевыхъ билетовъ? Если же сравнивать цѣну кредитныхъ билетовъ съ цѣною звонкой монеты, то относительно звонкой монеты, какъ извѣстно, кредитные билеты дѣйствительно упали около 10%.

№ 62.

Москва, 17-го марта.

Читателямъ извѣстно, что депутаты нынѣшняго законодательнаго сословія, гг. Жюлль Фавръ и Гавенъ, избраны были вдвойнѣ, въ Парижѣ и въ другихъ мѣстахъ. Они предпочли быть представителями послѣднихъ, и такимъ образомъ въ 1 и 5 избирательныхъ округахъ Сенскаго департамента упразднились двѣ кандидатуры. Правительство оттягивало выборы до послѣдней возможности. Но вотъ день для нихъ, наконецъ, назначенъ, и всѣ съ нетерпѣніемъ, многіе даже съ тревогою, ожидали 20 марта. Ни для кого не было ни тайною, ни загадкою, что выбраны будутъ оппозиціонные кандидаты. Правительство, предугадывая результатъ, даже не выставило своихъ кандидатовъ. Слегка оно покровительствовало г. Пинару, въ 1-мъ, и г. Леви, въ 5-мъ округѣ. Г. Пинару рекомендовала всѣ полуофиціяльныя и *преданныя* газеты, и полиція разсылала бюллетени съ именами этихъ обоихъ кандидатовъ на дома къ избирателямъ. Но этимъ и ограничилась вся дѣятельность правительства въ положительномъ смыслѣ, хотя, какъ мы увидимъ ниже, въ отрицательномъ смыслѣ агенты его были нѣсколько дѣятельнѣе. Тѣмъ не менѣе, результатовъ рѣшительныхъ, съ значительнымъ большинствомъ голосовъ, никто, повидимому не

ожидалъ. Радикальнѣйшія изъ парижскихъ газетъ, какъ напримѣръ *Opinion Nationale*, выставляя г. Карно своимъ кандидатомъ въ 1-мъ округѣ, пугались имени г. Гарнье-Пажеса, и въ 5-мъ округѣ противопоставляли ему г. Теодора Бака. Между тѣмъ рабочіе, не удовлетворяясь этими радикальными кандидатурами, захотѣли имѣть въ законодательномъ сословіи своего представителя, то-есть депутата, не только выбраннаго ими, но и изъ ихъ среды. Но и между рабочими возникли несогласія: за изданнымъ ими манифестомъ послѣдовалъ контръ-манифестъ, и выставляемый первымъ кандидатъ оказался кандидатомъ только незначительной части парижскихъ работниковъ. Словомъ, разладъ казался общимъ, и всѣ ожидали, что выборы будутъ имѣть неопредѣленный и нерѣшительный характеръ.

Что же вышло? 20 и 21-го марта, огромнымъ большинствомъ, избраны были гг. Карно и Гарнье-Пажесъ, члены временнаго правительства республики въ 1848-мъ году! Это было почти для всѣхъ сюрпризомъ. Парижское общество встревожилось. Газеты стали сваливать другъ на друга отвѣтственность за результатъ выборовъ. *La France* прямо укоряетъ газеты *Siècle* и *Opinion Nationale* въ томъ, что онѣ своимъ неискреннимъ и неоткровеннымъ отношеніемъ къ этимъ двумъ кандидатамъ, способствовали ихъ выбору. *Opinion Nationale* очень наивно сознается, что результатъ превзошелъ ея ожиданія; что если она желала г-на Карно, то вовсе не желала г. Гарнье-Пажеса; что въ выборахъ 21-го марта нельзя не видѣть торжества идей 1848-го года. *La Presse* считаетъ результатъ послѣднихъ выборовъ пагубнымъ для свободы, пагубнымъ для мира, и уже въ близкомъ будущемъ провидитъ неизбѣжную войну. *La France*, стараясь смягчить значеніе выборовъ указываетъ на 4.888 голосовъ, полученныхъ ея *protégé*, г. Пинаромъ; но и эта газета, въ свою очередь, сознается, что результатъ послѣднихъ выборовъ пагубенъ дѣлу свободы, ибо зашелъ за ея предѣлы, и можетъ повести къ реакціи въ нѣдрахъ самого общества. Органъ г. де-Лагероньера утѣшаетъ себя только тѣмъ, что императоръ будетъ благоразумнѣе демократіи, и что онъ опираясь на свои 8 милліономъ избирателей, не послѣдуетъ примѣру всѣхъ предшествовавшихъ ему правительствъ, которыя въ критическія минуты прибѣгали обыкновенно къ *сопротивленію*, и ограничится на этотъ разъ — *управленіемъ*. Наконецъ *le Temps* преважно утверждаетъ, что выборы 21-го марта вполнѣ конституціонны и либеральны: они конституціонны по самому характеру и условіямъ избранія, а либеральны, потому что конституціонны. Правительство всячески хочетъ замаскировать свое пораженіе, и *Constitutionnel*, выставлявшій въ послѣдніе дни имя г. Пинара, утверждаетъ теперь, что онъ вовсе не считалъ и не выставлялъ его своимъ кандидатомъ.

Газета *Times*, отъ 23-го марта, вину послѣднихъ выборовъ отчасти приписываетъ самому правительству, безтактности и неосмотрительности его агентовъ. „Людей раздражаетъ не столько большое зло, сколько мелкія обиды, оскорбляющія достоинство человѣка“, справедливо замѣчаетъ эта газета. Припомнимъ случай бывшій съ г. Гарнье-Пажесомъ. Этотъ членъ временнаго правительства 1848 года выставилъ себя кандидатомъ въ 5-й округъ Сенскаго департамента и хотѣлъ собрать у себя друзей своихъ изъ числа избирателей этого округа. Префектъ далъ полицейское разрѣшеніе на это, но подъ условіемъ, чтобы каждый былъ приглашаемъ особымъ письмомъ, и притомъ за собственноручною подписью пригласителя. И все-таки, когда гостей собралось къ г. Гарнье-Пажесу 200 человѣкъ,—полиція не устояла на данномъ позволеніи, и разогнала собраніе. Вотъ другой случай: г. Бансель, человѣкъ образа мыслей гораздо болѣе умѣреннаго тѣмъ гг. Карно и Гарнье-Пажесъ, тоже выставилъ себя кандидатомъ (въ 5 округѣ), но нѣсколько опоздалъ исполнить всѣ требуемыя формальности, и префектъ отнялъ у него право кандидатуры. Г. Бансель подалъ жалобу въ судъ, который объявилъ себя не компетентнымъ. Время ушло, и голоса, которые могли бы пасть на г. Банселя, перешли на г. Гарнье-Пажеса. Еще болѣе вліянія имѣло здѣсь другое обстоятельство. Нынѣшнее правительство Франціи дѣлаетъ иногда слишкомъ мало, именно потому что старается всегда дѣлать слишкомъ много. Всеобщая подача голосовъ, которая составляетъ единственную силу императорскаго правительства, очень часто становится его слабостью. Всеобщая подача голосовъ, эта слѣпая безразличная сила открытая для всѣхъ вліяній, доступна во Франціи только

двумъ вліяніямъ, правительственной организаціи и организаціи революціонной. Чуть только гдѣ ослабляется напряженное дѣйствіе правительства, дѣйствуютъ заговорщики, и покоряютъ своему вліянію послушныя массы. Законныхъ политическихъ партій нѣтъ во Франціи. При отсутствіи общественной организаціи, остается одинъ путь—путь тайныхъ дѣйствій, путь мрака и интригъ. Въ провинціи сила правительства даетъ себя чувствовать всюду; тамъ префекты и меры могутъ распоряжаться съ большею энергіей; оттого тамъ выбираются, по преимуществу, оффиціяльные кандидаты. Въ Парижѣ сила правительства далеко не такъ чувствительна, префекты и меры здѣсь далеко не такъ всемогущи, и вотъ Парижъ выбираетъ не только оппозиціонныхъ кандидатовъ, но именно кандидатовъ самой крайней оппозиціи. Пользуясь стѣсненіемъ свободы, революціонныя партіи дѣйствуютъ тѣмъ свободнѣе, во мракѣ и тайными путями.

Революція и диктатура — вотъ два полюса, между которыми вращается политическая жизнь Франціи. Всеобщая подача голосовъ неизбѣжно ведетъ къ этой альтернативѣ. Зная заранѣе, что на выборахъ восторжествуетъ непремѣнно либо офиціяльный либо революціонный кандидатъ, — доброжелательный и независимый гражданинъ теряетъ охоту участвовать въ выборахъ. Число всѣхъ избирателей въ 1 и 5 округахъ Сенскаго департамента простиралось до 75.000 чел.; изъ нихъ 34.000, то-есть около половины, вовсе не участвовали въ выборахъ: пропорція огромная для такого города какъ Парижъ, гдѣ сосредоточена вся политическая жизнь Франціи! Въ 1 округѣ гдѣ г. Карно получилъ болѣе 13.000 голосовъ, г. Лабуле, уважаемый политическій писатель, членъ Института, получилъ всего 745 голосовъ! „Въ интеллектуальномъ отношеніи, пишетъ парижскій корреспондентъ *Times*, отъ 24-го марта, г. Карно не можетъ быть и сравниваемъ съ г-мъ Лабуле. Это признаетъ 90 человѣкъ изъ 100. Между тѣмъ, эти 90, горько осуждающіе теперь Парижанъ за то, что они выбрали Карно, именно и принадлежатъ къ числу тѣхъ, которые не потрудились пойдти къ меру за своимъ избирательнымъ бюллетенемъ". Но иначе и быть не можетъ при системѣ всеобщей подачи голосовъ. Лучшіе люди воздерживаются отъ участія въ выборахъ и вообще въ политической жизни; политическая жизнь глохнетъ, а вмѣстѣ съ нею глохнутъ мало-помалу всѣ силы и природныя богатства націи.

№ 63.

Москва, 18-го марта.

А.

19-го марта 1814 года, русскія войска, подъ предводительствомъ Императора Александра I, вступили съ торжествомъ въ Парижъ. Рядъ славныхъ, но изнурительныхъ войнъ былъ завершенъ; Европа вздохнула легко, освободившись отъ военнаго деспотизма Наполеона, и Россія съ гордостію повторяла стихъ пѣсни, ставшей народною:

„Ликуй, Москва! Въ Парижѣ Россъ!

Памяти объ этомъ великомъ событіи исполнится завтра ровно полвѣка. Немного уцѣлѣло участниковъ его и рѣдѣютъ ряды его современниковъ. Но память о немъ жива въ мірѣ, для котораго оно было началомъ обновленія и высшей гражданственности. Память эта еще болѣе дорога намъ, Русскимъ: мы первые возстали на общаго врага просвѣщеннаго міра; мы были во главѣ низложившихъ его; мы имѣли въ рукахъ своихъ судьбы Франціи и Европы— и не злоупотребили ни нашею славой, ни нашею силой. Итакъ да будетъ навсегда славенъ день торжества, которому наступила полувѣковая годовщина!

Б.

Посреди отверженцевъ всѣхъ цивилизацій и народностей, составляющихъ резервы такъ-называемой всесвѣтной революціи, людей оторвавшихся отъ всякой нравственной основы, ни къ чему не годныхъ и годныхъ на все, есть энтузіасты, есть великодушные сумасброды, воображающіе, что они служатъ великимъ идеямъ обновленія, которымъ суждено владычество надъ міромъ. Поддаваясь обману, который извращаетъ ихъ понятія и отравляетъ лучшіе инстинкты ихъ души, они увѣрены, пока жестокіе уроки не научатъ ихъ лучшему, что ихъ вожди господствуютъ надъ положеніемъ всемірныхъ дѣлъ, и что въ самомъ дѣлѣ космополитическая революція есть самобытная великая сила, которая идетъ

туда куда сама хочетъ, и ведетъ міръ за собою. Они трепетно отзываются на свистъ бандитовъ и спѣшатъ подъ ихъ знамена, готовые на всякія жертвы, и, увы! прежде всего принося въ жертву здравый смыслъ и святыню нравственнаго чувства. Переходя отъ обмана къ обману, они долго еще сохраняютъ гордую увѣренность, которая лихорадочно оживляетъ и опьяняетъ ихъ, что они орудіе самостоятельнаго и владѣющаго собою дѣла, заключающаго въ самомъ себѣ свои причины и цѣли. Бѣдныя обманутыя головы, они не подозрѣваютъ, что служатъ орудіемъ совершенно чуждаго имъ и презирающаго ихъ дѣла, что они суетятся, хлопочутъ, работаютъ, жертвуя честью, совѣстью, жизнію, на исполненіе плановъ, не имѣющихъ ничего общаго съ ихъ утопіями. Такъ-называемая космополитическая революція въ Европѣ, съ своею чернью и аристократіей, съ своими вождями и рядовыми, съ своими преступленіями и жертвами, враждуя противъ существующаго порядка вещей, служитъ безсознательнымъ орудіемъ для существующихъ правительствъ, въ ихъ взаимной борьбѣ между собою. Политическая интрига овладѣваетъ революціонною организаціей и направляетъ ее согласно съ своими цѣлями. Политическіе люди успѣли уже разсчитать всѣ способы этой революціонной организаціи, и прибрать ее къ рукамъ. Революціонные элементы въ рукѣ дѣльца—тоже что нарѣзные штуцера, Армстронговы пушки и *мониторы*. Это новоизобрѣтенныя орудія разрушенія.

Польскіе патріоты, дѣйствовавшіе по плану вождей всеобщей революціи, были увѣрены въ успѣхѣ. Планъ, которому они довѣрились и который сочинилъ для нихъ самъ Мадзини съ помощію Мѣрославскаго, предписывалъ употребить всевозможныя средства, чтобъ обмануть Европу. Несчастные! они хотѣли „одурачить“ Европу. Они сыпали милліоны, они подкупали журналистовъ и политическихъ людей, они подкупали и поили рабочихъ людей, они не скупились ни на деньги, ни на обманы. „Намъ, говорятъ они, надобно было увѣрить Европу, что возстаніе въ Польшѣ было дѣломъ не партіи, а дѣломъ народнымъ.“ Они обманывали другихъ, а обманули себя. Еслибъ они употребляли обманъ какъ военную хитрость, чтобъ отвести глаза врагу и пособить своему дѣлу искусственными способами, то имъ слѣдовало бы имѣть какую-нибудь увѣренность въ своемъ дѣлѣ. Но они знали, что польскаго народнаго дѣла нѣтъ; они знали что возстаніе было дѣломъ только партіи; они не могли не знать, что обманами можно отвести глаза, но ничего нельзя создать. Пусть Европа дѣйствительно вооружилась бы на освобожденіе польскаго народа,—какая польза была бы польскимъ патріотамъ отъ того, что Европа не нашла бы на указанномъ мѣстѣ никакого народа, который желалъ бы имѣть что-нибудь общее съ этими патріотами? Они еще болѣе обольщали себя чѣмъ обманывали другихъ, и ихъ самообольщеніемъ воспользовались другіе. Они послужили орудіемъ,—и стали жертвами.

Ниже, въ этомъ нумерѣ, читатели найдутъ документъ, переведенный изъ оффиціяльной варшавской газеты *Dziennik Powszechny*. Это показаніе данное въ слѣдственной коммиссіи однимъ изъ агентовъ революціоннаго польскаго жонда, Стрыцкимъ, который принималъ участіе въ покушеніи на жизнь маіора фонъ-Роткирха. По показанію Стрыцкаго, г. фонъ-Роткирхъ былъ приговоренъ къ смерти революціоннымъ трибуналомъ за то, что находился въ сношеніяхъ съ нашею газетой и сообщалъ намъ изъ Варшавы важныя свѣдѣнія проливавшія свѣтъ на польское возстаніе. Дѣйствительно, русская публика многимъ обязана честному исполненію принятой имъ на себя обязанности, тому патріотическому мужеству, съ которымъ онъ изобличалъ обманъ, ежеминутно подвергаясь смертной опасности. Опасность и не обошла его: онъ едва не поплатился жизнію за свое служеніе, которое враги, можетъ-быть лучше своихъ, умѣли оцѣнить по достоинству. Теперь, онъ, слава Богу, оправился, но кинжалъ, нанесшій ему рану, былъ отравленъ, и хотя скорая и дѣятельная помощь спасла г. фонъ-Роткирха отъ смерти, но послѣдствія раны будутъ можетъ-быть еще долго отзываться на его здоровьи. Революціонный жондъ видѣлъ въ немъ Нѣмца. Мы узнаемъ, что въ глазахъ убійцъ это было обстоятельствомъ отягчавшимъ его вину. Они почему-то считаютъ людей нѣмецкаго имени обязанными измѣнять Россіи въ пользу польской *справы*. Но они ошиблись: г. фонъ-Роткирхъ принадлежитъ къ числу истинно русскихъ людей, съ непоколебимымъ убѣжденіемъ преданныхъ Россіи, какъ своему

отечеству. Гдѣ дѣло идетъ объ интересахъ государства, тамъ всѣ вѣрные слуги его равны и не могутъ различаться по племенамъ. Между людьми, носящими не русское имя, мы встрѣчаемъ крѣпко убѣжденныхъ патріотовъ, глубоко преданныхъ Россіи, какими желательно было бы видѣть всѣхъ русскихъ людей, носящихъ несомнѣнно русскія имена. Въ предѣлахъ русскаго государства должны быть только русскіе люди, изъ какого бы племени ни происходили они и какія бы ни носили имена.

Г. фонъ-Роткирхъ сталъ нашимъ корреспондентомъ съ августа мѣсяца прошлаго года, именно съ того времени, когда въ Варшавѣ измѣнилась система управленія, и когда положенъ былъ конецъ такъ-называемой административной автономіи. Г. фонъ-Роткирхъ принялъ на себя обязанность нашего корреспондента, когда ближайшіе сотрудники наши, находившіеся въ Варшавѣ, возвратились оттуда, исполнивъ свое трудное и опасное порученіе съ высокою добросовѣстностію, замѣчательнымъ талантомъ и самопожертвованіемъ.

Польскіе патріоты видятъ главную причину своей неудачи въ настроеніи русской печати, котораго они не ожидали. Но они ошибаются, полагая что какія-нибудь случайныя обстоятельства были причиною неудачи ихъ дѣла. Въ дѣлѣ ихъ ничего не было кромѣ самообольщенія и обмана; что́ же въ немъ могло бы разчитывать на успѣхъ? Продлить самообольщеніе, продлить обманъ,—вотъ все, чего они могли бы достигнуть цѣною страшныхъ усилій и жертвъ. Болѣе крови, болѣе потрясеній и страданій,—вотъ все чего они могли бы добиться. Еслибъ имъ, въ соединеніи съ европейскими державами, такъ великодушно давшимися имъ въ обманъ, удалось обмануть Россію и вырвать у нея недостойныя уступки: къ чему бы привело это? Россія—не выдумка, она не химера, какъ вообразили себѣ польскіе патріоты со словъ русскихъ переметчиковъ. Всякая уступка, которую имъ удалось бы вырвать у нея, всякое униженіе, которому они подвергли бы ее, не преминули бы вызвать въ послѣдствіи соотвѣтственную расплату. Они могли бы причинить Россіи множество бѣдствій, но этимъ и ограничился бы весь успѣхъ ихъ дѣла. Оно ничего не могло бы выиграть отъ временнаго униженія и временныхъ бѣдствій, которыя постигли бы Россію; Россія перенесла бы всякія бѣдствія, и развитіе народныхъ силъ, которыя они возбудили бы въ ней, вознаградило бы ее въ послѣдствіи сторицею. Какая же польза была бы отъ того для польскихъ патріотовъ? Чѣмъ окупились бы всѣ ихъ лишенія и жертвы? Имъ не осталось бы на долю и того печальнаго, того ненавистнаго утѣшенія, съ которымъ озлобленное чувство, хотя бы и безъ пользы для собственнаго дѣла, видитъ гибель врага. Россія не можетъ погибнуть ни отъ какихъ испытаній. Это чувствуетъ всякій, не напрасно именующій себя Русскимъ. Есть же въ людяхъ чувство правды, которое явственно отличаетъ дѣйствительность отъ обмана. Изъ показаній самихъ польскихъ патріотовъ, мы видимъ, что они сами чувствовали ложь своего дѣла, посвящая ему въ то же время столько усилій и жертвъ. Нельзя безъ ужаса и омерзѣнія читать ихъ собственныя свидѣтельства объ этомъ систематическомъ оскорбленіи всего что̀ свято для человѣческой совѣсти, всего чѣмъ держится человѣческое общество. Нельзя безъ ужаса читать объ этихъ кровавыхъ попыткахъ, которыми польскіе патріоты старались привлечь массы сельскаго люда къ своему дѣлу, единственно только для того чтобъ обмануть Европу и прельстить ее декораціей народнаго всеобъемлющаго движенія. Сначала они надѣялись обмануть сельскій людъ обѣщаніемъ земли, потомъ они прибѣгли къ веревкѣ и ножу,—и вотъ эта народная *справа!* Лучшіе изъ польскихъ людей вовлеченные въ это отчаянное движеніе должны понять, что чѣмъ скорѣе изобличена ложь его, чѣмъ скорѣе положенъ конецъ ему, тѣмъ лучше для нихъ самихъ, и что для нихъ самихъ не можетъ быть ничего хуже того положенія, въ которомъ они являются и виновниками, и орудіями, и жертвами обмана.

№ 64.

Москва, 19-го марта.

На чемъ была основана увѣренность въ успѣхѣ размѣнной операціи? Единственно на томъ убѣжденіи что избытокъ обращающихся кредитныхъ билетовъ не очень великъ сравнительно съ потребностью въ нихъ. Кто могъ не одобрять размѣна? Только тотъ, кто зналъ что избытокъ весьма значите-

ленъ и не можетъ быть покрытъ седьмымъ займомъ доставившимъ около 90 милліоновъ рублей. Еслибы не было избытка, то можно ли было бы опасаться за результаты операціи размѣна? Невозможно. Вопросъ о тарифѣ тутъ ни при чемъ. До крымской войны правительство могло понижать тарифъ, какъ ему было угодно, нисколько не опасаясь за размѣнный фондъ. Противъ быстраго пониженія тарифа можно было сказать очень многое, въ особенности можно и должно было указывать на обязанность правительства щадить существующія промышленныя предпріятія, но никому не пришло бы въ голову возражать противъ пониженія тарифа ссылкою на то, что необходимо щадить размѣнный фондъ.

Съ другой стороны почему было необходимо прекратить размѣнъ? Потому что размѣнный фондъ очевидно не могъ удовлетворить требованію на звонкую монету. Но для какой надобности требовалась звонкая монета? Единственно для вывоза за границу. Съ какою же цѣлію везли ее за границу? Протекціонисты говорятъ, что ее везли для уплаты разницы между привозомъ и отпускомъ (такъ-называемаго *сальдо*), но это не вѣрно. Разница была несомнѣнно въ нашу пользу, такъ какъ отпускъ былъ больше привоза. Звонкую монету вывозили не для покрытія разницы или *сальдо*, а для платежей по государственному долгу, по заказамъ казны, по издержкамъ русскихъ путешественниковъ и сверхъ всего этого для покупки облигацій 7-го займа. Заемъ этотъ былъ заключенъ заграницей; это былъ заемъ внѣшній, а дѣйствительная потребность состояла въ томъ чтобы заключенъ былъ внутренній заемъ. Поэтому, какъ скоро открытіе размѣна дало свободу экономическимъ оборотамъ страны по внѣшнимъ сношеніямъ, тотчасъ же внѣшній заемъ сталъ самъ собой превращаться въ заемъ внутренній, и въ продолженіи короткаго времени около одной трети облигацій 7-го займа перешло изъ-за границы въ Россію.

Добровольное превращеніе внѣшняго займа во внутренній свидѣтельствуетъ о потребности во внутреннемъ займѣ. Чѣмъ же условливалась эта потребность? Единственно тѣмъ, что на внутреннемъ денежномъ рынкѣ чувствовалась потребность превратить избытокъ кредитныхъ билетовъ, имѣющихъ значеніе денегъ, въ процентныя бумаги, не имѣющія значенія денегъ. Не будь избытка, не было бы нужды во внутреннемъ займѣ; не будь нужды во внутреннемъ займѣ, облигаціи 7-го займа не имѣли бы влеченія переходить въ Россію; не имѣй этого влеченія облигаціи 7-го займа, звонкая монета не уходила бы изъ Россіи, и размѣнъ былъ бы возможенъ. Предъявленіе кредитныхъ билетовъ къ размѣну съ тѣмъ чтобы полученную за нихъ звонкую монету послать за границу и тамъ купить на нее облигаціи 7-го займа, означало не что иное какъ стремленіе избытка кредитныхъ билетовъ выйдти изъ обращенія и превратиться въ процентныя бумаги, то-есть въ цѣнности, не имѣющія характера ходячей монеты.

Итакъ размѣнъ не могъ продолжаться, потому что избытокъ кредитныхъ билетовъ былъ значительнѣе чѣмъ полагали тѣ, которые надѣялись на успѣхъ размѣнной операціи. Излишніе кредитные билеты имѣли естественное стремленіе превратиться въ такія цѣнности, которыя не ходятъ какъ деньги, а приносятъ доходъ. Тутъ не было ничьего произвола; это дѣлалось само собой, какъ напримѣръ сами собой устанавливаются цѣны на рынкѣ. Иные полагали, что сильное предъявленіе кредитныхъ билетовъ къ размѣну было слѣдствіемъ оппозиціи биржеваго купечества правительству, но еслибы было такъ, то вексельный курсъ, упавъ въ ноябрѣ, непремѣнно долженъ былъ бы потомъ подняться, а мы напротивъ видимъ, что онъ, хотя и медленно, продолжаетъ падать. Это не позволяетъ объяснять ноябрьскую катастрофу оппозиціей правительству. Тутъ дѣйствовалъ разчетъ гораздо болѣе чѣмъ капризъ, а за разчетъ никто не въ правѣ пенять на купца. Купцы, старавшіеся до катастрофы набрать какъ можно болѣе звонкой монеты и заграничныхъ векселей, разчитывали вѣрно; они получили барышъ за то что не вѣрили въ отсутствіе избытка и въ возможность размѣна. Но никакъ нельзя сказать, что они сильно воспользовались предстоявшею имъ возможностью обмѣнивать кредитные билеты на звонкую монету и заграничные векселя. Еслибъ они перевели больше денегъ за границу, то никакая сила не могла бы удержать теперь вексельный курсъ отъ повышенія. А между тѣмъ онъ не только не повышается, но падаетъ. Изъ этого слѣдуетъ, что биржевые люди, поживившись отъ размѣна, воспользовались имъ довольно умѣренно. Потеря, понесенная казной на размѣнѣ, произошла не отъ злокозненности биржевыхъ людей, а отъ того что

господствовавшее въ офиціяльныхъ кругахъ Петербурга убѣжденіе въ незначительности избытка кредитныхъ билетовъ оказалось не основательнымъ.

Распространенію этого убѣжденія не мало способствовали наши протекціонисты. Имъ казалось особенно полезнымъ и интереснымъ защищать выпускъ кредитныхъ билетовъ на военныя надобности, чтобы въ замѣнъ того порицать пониженіе тарифа, бывшее однимъ изъ важныхъ либеральныхъ актовъ нынѣшняго царствованія. Протекціонисты имѣли въ виду доказать что причиной всѣхъ золъ нами претерпѣваемыхъ было пониженіе тарифа (замѣтимъ мимоходомъ, чрезвычайно умѣренное); сравнительно съ этою ужасною мѣрой все возможное по ихъ мнѣнію не только безвредно, но даже полезно. Такъ какъ пониженію тарифа они предоставляли монополію всяческаго вреда, то они считали себя обязанными совершенно отрицать вредное вліяніе избытка кредитныхъ билетовъ. Мы отнюдь не хотимъ сказать, чтобы всѣ протекціонисты дѣйствовали въ этомъ случаѣ недобросовѣстно, но человѣкъ такъ устроенъ что обыкновенно оставляетъ безъ вниманія то, что ему не нравится или не подходитъ подъ его взгляды, и преувеличиваетъ значеніе того чѣмъ онъ самъ интересуется. Къ тому же разсужденія протекціонистовъ находятся въ связи съ громадными денежными интересами, которые, тоже не всегда, переходятъ въ притязанія направленныя противъ общей пользы, но очень часто сказываются лишь законною заботой о самосохраненіи. Все это имѣетъ однакоже своимъ послѣдствіемъ то, что съ протекціонистами очень трудно спорить, а еще труднѣе переубѣдить кого-нибудь изъ нихъ.

По счастію, однакоже, среди экономическихъ обстоятельствъ нынѣшняго лѣта представился фактъ, который, повидимому, долженъ былъ бы и у протекціонистовъ вынудить признаніе истины. Мы говоримъ о переходѣ въ Россію значительной доли облигацій седьмаго займа. Хотя Р. Г. Гейманъ въ статьѣ, помѣщенной ниже, отрицаетъ убѣдительную силу этого факта, но мы объясняемъ это лишь тѣмъ, что сами не довольно убѣдительно высказали сущность дѣла. Постараемся исправить этотъ недостатокъ.

Увѣряютъ, что кредитныхъ билетовъ въ обращеніи меньше чѣмъ сколько нужно. Мы спрашиваемъ: развѣ звонкая монета не могла бы замѣнить собой кредитные билеты? Если нужны кредитные билеты, то стало-быть нужна и звонкая монета, но еслибы звонкая монета была очень нужна, то развѣ стали бы вывозить ее за тѣмъ, чтобы привозить облигаціи седьмаго займа? Положимъ, что, какъ говоритъ г. Гейманъ, иностранные товары, благодаря тарифу, выгодно ввозить въ Россію, и что вслѣдствіе того мы отправляемъ за нихъ звонкую монету, несмотря на нашу нужду въ монетѣ, но почему же оказалось до того выгоднымъ ввозить пятипроцентныя облигаціи, что за нихъ выслано за границу прошлымъ лѣтомъ по меньшей мѣрѣ 30 милліоновъ звонкой монеты? Развѣ тарифъ покровительствовалъ тому? Тотъ куріозный „купецъ," который въ газетѣ *День* назвалъ совершенно неудачнымъ наше указаніе на этотъ замѣчательнѣйшій фактъ, говоритъ, что звонкую монету нельзя было не вывозить за границу когда ее можно было доставать такъ дешево въ банкѣ: звонкую монету можно было доставать дешево; но вѣдь это значитъ, что за нее платилось слишкомъ мало кредитныхъ билетовъ, то-есть что кредитные билеты цѣнились слишкомъ дорого, тогда какъ въ сущности они того не стоили. Но отчего же они не стоили? Оттого, что ихъ черезчуръ мало или оттого, что черезчуръ много? „Купецъ" не могъ напвнѣе проговориться.

Теперь посмотримъ, какую тутъ роль могъ бы играть тарифъ. Предположимъ, что произошло значительное повышеніе тарифа, и вслѣдствіе того уменьшился привозъ. Хотя съ уменьшеніемъ привоза обыкновенно уменьшается и отпускъ, но предположимъ, что отпускъ остался прежній. Что же тогда было бы? Тогда несомнѣнно остался бы въ нашемъ распоряженіи запасъ звонкой монеты. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Слѣдуетъ ли что этотъ запасъ остался бы у насъ въ обращеніи? Очевидно нѣтъ; напротивъ, нельзя сомнѣваться, что и этотъ запасъ былъ бы употребленъ на покупку облигацій седьмаго займа. Вѣдь предпочитали же мы эти облигаціи звонкой монетѣ выходившей изъ размѣннаго фонда; почему же не предпочли бы мы ихъ и той звонкой монетѣ, которую заплатили бы намъ иностранныя государства за перевѣсъ нашего отпуска надъ нашимъ привозомъ? Тарифъ можетъ сократить привозъ товаровъ, но не облигацій; а такъ какъ звонкая монета въ значительной степени шла отъ насъ для по-

купки облигацій, то стало-быть тарифъ не могъ бы противодѣйствовать отливу звонкой монеты. Неужели и это не убѣдительно?

Увѣряемъ г. Геймана и вообще всѣхъ гг. протекціонистовъ что въ пользу протекціонизма можно сказать очень многое, не прибѣгая къ парадоксу, будто возвышеніе тарифа въ силахъ исправить денежную систему. До тарифа оно нисколько не касается, а слѣдовательно и не можетъ быть тарифомъ исправлено. Денежная система придетъ въ порядокъ только въ ту минуту, когда можно будетъ открыть размѣнъ, съ тѣмъ чтобы никогда потомъ не запирать размѣнной кассы.

Г. Гейманъ говоритъ, что онъ *libreéchangiste modéré*. Мы осмѣлимся усомниться въ этомъ. Можно принимать ученіе о свободной торговлѣ или не принимамь его, но нельзя принимать его умѣренно, точно такъ какъ нельзя и не принимать его умѣренно. Умѣренность можетъ относиться не къ тому какъ мы принимаемъ ученіе о свободной торговлѣ, а къ тому какъ мы примѣняемъ его. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи всякій разумный человѣкъ будетъ говорить за умѣренность, потому что въ этомъ случаѣ умѣренность означаетъ уваженіе къ существующимъ интересамъ, огражденіе затраченныхъ капиталовъ, наконецъ исполненіе правительствомъ долга относительно людей имъ самимъ завлеченныхъ въ такія отрасли промышленности, которыя на своихъ ногахъ стоять не могутъ. Но говорить въ этомъ смыслѣ за умѣренность отнюдь не значитъ колебаться между протекціонизмомъ и свободною торговлей, или думать что протекціонизмъ можетъ хоть когда-нибудь быть дѣйствительно полезенъ. Экономисты увѣрены, что протекціонизмъ есть всегда зло, но не будучи въ состояніи одобрить покровительственный тарифъ, они очень могутъ и даже считаютъ необходимымъ временно терпѣть его. Одного только экономисты никакъ терпѣть не могутъ—возвышенія пошлинъ или введенія новыхъ ради покровительства. Тутъ экономистъ рѣшительно не способенъ на какую бы то ни было уступку.

№ 65.

Москва, 20-го марта.

Помѣщая въ нашей газетѣ замѣтку г. В. К. по поводу одной изъ нашихъ статей, мы благодаримъ почтеннаго автора за случай возвратиться къ важному вопросу, обратившему на себя его вниманіе. Замѣтка г. В. К. заключаетъ въ себѣ двоякую силу: вопервыхъ, она возражаетъ противъ *неопредѣленности* нашего взгляда на расколъ и на тотъ путь, котораго слѣдуетъ относительно его держаться; вовторыхъ, она развиваетъ *опредѣленный* взглядъ автора на это явленіе нашей народной жизни, и указанія на то, какъ слѣдуетъ поступать съ нимъ. Займемся прежде полемическими замѣчаніями относительно характера высказанныхъ нами мнѣній.

Почтенный авторъ упрекаетъ насъ за то, что мы, по его выраженію, „не съ достаточною ясностію указали на ту точку свободы, на которой безвредно, или положимъ даже съ пользою, можно остановиться въ отношеніи къ расколу.“ Онъ полагаетъ, что „неопредѣлительность“ нашего воззрѣнія по этому дѣлу можетъ быть „опасна для православія.“ Признаемся, мы не понимаемъ ни точки зрѣнія автора, ни смысла его требованій; не понимаемъ, какимъ образомъ опредѣлительность или неопредѣлительность нашихъ мнѣній въ такомъ вопросѣ, какъ отношенія правительства къ расколу, могутъ быть опасны, и притомъ опасны для православія; мы не понимаемъ, на какомъ основаніи можно требовать, чтобы частныя лица, не находящіяся при дѣлахъ, могли считать себя призванными давать опредѣленныя указанія, на какой точкѣ слѣдуетъ остановиться въ практическомъ рѣшеніи государственныхъ вопросовъ. Странный взглядъ, странныя требованія! Рѣчь идетъ не о какихъ-либо воззрѣніяхъ на существо православія,—воззрѣніяхъ, которыя могли бы казаться въ какомъ-либо отношеніи предосудительными; рѣчь идетъ о направленіи государственныхъ мѣръ относительно раскола. Г. В. К. составилъ себѣ совершенно опредѣленный взглядъ на расколъ и знаетъ въ точности, гдѣ слѣдуетъ остановиться въ снисходительности къ нему. Мы поздравляемъ его съ этимъ, и не видимъ ни малѣйшей опасности въ опредѣлительности его совѣтовъ и указаній, хотя бы они и казались намъ ошибочными. При ошибочности, они были бы опасны только въ томъ случаѣ еслибъ облекались во всеоружіе власти, еслибъ ихъ поддерживало правительство. Но не видя опасности въ точныхъ и опредѣлительныхъ указаніяхъ, мы еще менѣе считаемъ опас-

ными тѣ мнѣнія, которыя ограничиваются разъясненіемъ относящихся къ дѣлу понятій, не указывая, какъ и въ какой мѣрѣ слѣдуетъ примѣнять ихъ на практикѣ, часто весьма сложной и запутанной.

Мы желали бы разъ на всегда привести въ ясность цѣль, которая руководитъ нами при изложеніи нашихъ мнѣній по разнымъ общественнымъ вопросамъ, побужденія заставляющія насъ говорить, и духъ, въ которомъ должны быть принимаемы наши слова. Пользуясь возможностію высказываться по разнымъ предметамъ общаго интереса, мы далеки отъ претензіи имѣть какое-нибудь вліяніе на дѣла. Мы не имѣемъ никакого практическаго побужденія настраивать такъ или иначе побужденія другихъ, совѣтовать, склонять, отклонять, увѣщевать; мы не находимся ни въ какой связи съ властію, точно также какъ не находимся въ связи ни съ какимъ политическимъ честолюбіемъ; ни на чью волю не хотимъ мы дѣйствовать; никакія выгоды не соединяются для насъ съ тою или другою группой общественныхъ интересовъ. Мы высказываемъ эту нашу profession de f i не изъ скромности, ложной или истинной. Мы не хотимъ сказать, чтобы мы не цѣнили значенія той дѣятельности, которая досталась намъ на долю. Напротивъ, мы имѣемъ честолюбіе считать эту дѣятельность весьма важною и весьма значительною. Мы не считаемъ себя вправѣ судить, въ какой мѣрѣ удовлетворяемъ мы тому призванію, которое досталось намъ на долю; но мы остаемся ему вѣрны и дѣйствуемъ только въ его смыслѣ. Весь нашъ интересъ въ дѣлѣ общественныхъ вопросовъ направленъ къ сферѣ понятій отсюда исходятъ всѣ наши симпатіи и антипатіи. Мы дѣйствуемъ и хотимъ дѣйствовать только на понятія, только черезъ понятія. Ошибочны или не ошибочны бываютъ наши мнѣнія по разнымъ предметамъ, но мы высказываемъ только то, что представляется нашему уму съ полною ясностію. Что представляется намъ яснымъ, то побуждаетъ насъ говорить, и въ этомъ единственно заключается и цѣль наша, и весь лично принадлежащій намъ интересъ въ обсужденіи общественныхъ вопросовъ.

Въ статьѣ № 13, мы еще менѣе чѣмъ въ какой-либо другой, имѣли цѣлію настаивать на томъ или другомъ практическомъ рѣшеніи вопроса. Вся эта статья, отъ начала до конца, свидѣтельствуетъ, что цѣль наша была совсѣмъ иная. Мы не имѣли въ виду склонять правительство къ тому или другому пути; мы хотѣли только бросить свѣтъ на разные представляющіеся пути, затѣмъ чтобы судить какой куда ведетъ. Въ статьѣ, о которой идетъ рѣчь, мы предположили разъяснить себѣ, что такое либеральное направленіе. Мы не имѣли ни побужденій, ни надобности навязывать кому бы то ни было либеральное направленіе: всѣ и безъ насъ хотятъ быть либеральными, все и безъ насъ старается прежде всего зарекомендовать себя въ этомъ смыслѣ. Но намъ казалось нелишнимъ отдать себѣ, по возможности, ясный отчетъ, въ чемъ можетъ заключаться либеральное направленіе, и всегда ли соотвѣтствуетъ ему то что выдаетъ себя за таковое.

Стѣснять и покровительствовать — два способа дѣйствія не только различные, но и противоположные между собою; однако они принадлежатъ къ одной системѣ, они представляютъ собою двѣ противоположныя стороны одного и того же направленія, а потому они не разлучны между собою, такъ что гдѣ встрѣчается одинъ, тамъ непремѣнно встрѣчается и другой; гдѣ покровительство, тамъ и стѣсненіе; одному пособляется, другое стѣсняется. Система покровительства и стѣсненій можетъ имѣть разныя степени и виды, но гдѣ и въ какой мѣрѣ она можетъ быть полезна или вредна—рѣшать это отвлеченно нельзя. Во всякомъ случаѣ полезно только то что ко времени и къ мѣсту, что дѣлается въ мѣру, что соотвѣтствуетъ своей цѣли. Историческій опытъ свидѣтельствуетъ, что стѣсненія и преслѣдованія весьма часто не только не достигали своей цѣли, но косвенно обращались въ поощренія и пособія; и наоборотъ, излишнее покровительство, неблагоразумная опека убивала живыя силы вѣрнѣе всякихъ преслѣдованій и стѣсненій. Что такое благоразумная опека? Къ тому ли она направлена, чтобы дѣлать организмъ неспособнымъ къ самопроизвольному движенію и дѣйствію? Нѣтъ, добрая опека направлена къ тому, чтобъ укрѣплять силы, пріучать ихъ къ самостоятельности и дѣлать ихъ способными къ жизни и дѣйствію? Гдѣ опека соотвѣтствуетъ этому назначенію, тамъ она несомнѣнно полезна—и тамъ она старается дѣйствовать не какими-либо искусственными или насильственными способами, съ вершины какихъ-либо общихъ теорій, но вызывая собственныя си-

лы живаго организма и устраняя все что ихъ связываетъ. Такая опека ведетъ къ свободѣ, и ничего не можетъ быть либеральнѣе такой опеки. Она поступаетъ осторожно, съ полнымъ уваженіемъ къ существующему, съ полнымъ довѣріемъ къ жизни. Она старается сколь можно менѣе предосуждать. Она не подавляетъ жизни подъ предлогомъ подавленія зла, не уничтожаетъ пшеницы подъ предлогомъ очищенія ея отъ плевелъ. Въ свободномъ развитіи естественныхъ силъ жизни ищетъ она противодѣйствія злу, не дающаго разрастаться ему и пресѣкающаго его побѣги.

Отдѣльная мѣра ничего не значитъ; вся сила въ совокупности и связи мѣръ; вся сила въ общемъ направленіи Истинно либеральное направленіе есть въ то же время и охранительное направленіе. Предоставлять свободу жизни, уважать ея требованія, значитъ поступать по преимуществу охранительнымъ образомъ. Можно спорить о томъ, въ какихъ обстоятельствахъ и въ какой степени правительство можетъ допускать различные виды свободы; но всякій согласится, что, если требуется участіе правительства, то оно безъ всякаго сомнѣнія требуется для поддержанія и охраненія существующихъ началъ, а отнюдь не для усиленія того, что имъ враждебно. Странно было бы видѣть правительство, которое вмѣсто того чтобы стараться объ утвержденіи единства, старалось бы напротивъ, подъ предлогомъ либеральнаго направленія, способствовать тенденціямъ, которыя клонятся къ расторженію народнаго единства и къ ослабленію связи соединяющей части государственнаго цѣлаго. Странно было бы видѣть правительство, которое, подъ предлогомъ либеральнаго направленія, поддерживало бы своими способами враждебные элементы, существующіе въ государствѣ, и помогало бы имъ собираться и организовываться для успѣшнаго дѣйствія. Въ общей экономіи жизни, мы знаемъ, бываютъ необходимы и одностороннія системы, и отрицательныя ученія; безъ скептицизма не развивается никакое знаніе; сомнѣніе будитъ мысль, какъ нужда и бѣдствія напрягаютъ силы къ дѣятельности; въ человѣческомъ мірѣ, такъ какъ онъ есть, безъ искушеній зла, безъ его острыхъ и мучительныхъ уязвленій, не бываетъ ни матеріяльныхъ, ни нравственныхъ побѣдъ. Но странно представить себѣ правительство, которое, удерживая въ рукахъ своихъ опеку надъ жизнію, искусственно заготовляло бы между тѣмъ возбудительныя искушенія для умовъ. Странно было бы представить себѣ правительство, которое, пользуясь принадлежащими ему способами, старалось бы систематически возбуждать въ умахъ сомнѣнія, колебать вѣрованія и покровительствовать всякимъ отрицаніямъ. Понятна общественная свобода, при которой возможно появленіе книгъ, подобныхъ книгамъ Штрауса или Ренана, Луи-Блана или Прудона; но было бы непонятно, еслибы подобныя книги выходили изъ-подъ рукъ правительства и распространялись имъ въ публикѣ.

У насъ есть расколъ. Прежде расколъ подвергался преслѣдованію; теперь, при общемъ смягченіи правительственной системы, смягчились и мѣры относительно раскола. Однимъ можетъ это нравиться; другимъ не нравиться; но это фактъ, а фактъ прежде всего надобно признать. Трудно представить себѣ, чтобы при нынѣшнемъ ходѣ дѣлъ можно было поддерживать прежнія мѣры относительно раскола. Чтобы говорить о возможности той или другой мѣры, требуется имѣть въ виду наличныя условія необходимыя для ихъ осуществленія. Нашъ возражатель увѣренъ, что стѣснительныя противъ раскола мѣры непремѣнно увѣнчались бы успѣхомъ. Пусть такъ; однако, пока эти мѣры дѣйствовали, — а дѣйствовали онѣ не малое время, — успѣхомъ онѣ не увѣнчались. Возвратиться къ нимъ для того чтобъ еще разъ испробовать ихъ дѣйствіе,—это зависитъ не отъ насъ; возвратиться къ нимъ можно было бы лишь при возвращеніи къ прежнему порядку во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Если эти мѣры не удались въ то время, когда все способствовало имъ, могли ли бы онѣ увѣнчаться успѣхомъ теперь, когда все было бы въ разладѣ съ ними, все парализировало бы ихъ, все противодѣйствовало бы имъ? Во всякомъ случаѣ, фактъ то, что расколъ не подвергается въ настоящее время преслѣдованію. При существующемъ положеніи дѣлъ правительство не сочло нужнымъ удерживать и тѣ строгости, которыми законодательство старалось предупреждать совращенія въ расколъ. Что же отсюда слѣдуетъ? Такъ какъ желаніе возвратиться къ прежнему порядку было бы желаніемъ совершенно безплоднымъ, то остается желать, чтобъ всѣ органическія силы нашей народной жизни пріобрѣтали воз-

можно бо́льшую свободу и вмѣстѣ съ ней средства для противодѣйствія злу. Вмѣсто того чтобы фантазировать о невозможномъ, не лучше ли пожелать, чтобы для самой церкви открылись способы дѣйствовать съ большею энергіей, дѣйствовать глубже и плодотворнѣе?

Мы не беремъ на себя обязанности рѣшать, до какой точки можетъ простираться терпимость правительства относительно раскола; но мы можемъ утвердительно сказать, что какъ бы далеко не простиралась эта терпимость, она ни въ какомъ случаѣ не должна превращаться въ пособіе и поддержку расколу. Какъ бы либерально ни стали мы смотрѣть на расколъ, ни въ какомъ случаѣ нельзя представить себѣ, чтобы правительство могло принять его подъ свою опеку.

Г. В. К. затрудняется объяснить себѣ поводъ, заставившій написать насъ строки, которыя обратили на себя его вниманіе. Мы скажемъ ему, какой это поводъ. Возникла мысль заводить для раскольниковъ школы на казенный счетъ и устраивать ихъ правительственными способами. Вотъ что̀ вызвало наши строки. Мы находили и находимъ, что лучше предоставить раскольникамъ жить своимъ умомъ какъ они живутъ въ Турціи, какъ они жили въ старой Польшѣ, нежели устраивать дѣла ихъ правительственнымъ путемъ. Можно спорить о степени терпимости относительно раскола, но никакой споръ не возможенъ по вопросу о правительственныхъ учрежденіяхъ для организаціи раскола и воспитанія раскольниковъ. Вотъ все, что̀ мы хотѣли сказать; вотъ вся сила, и весь смыслъ нашей статьи, вызвавшей возраженія г. В. К.

Ни нашъ возражатель, ни мы, конечно, не желаемъ процвѣтанія раскола; и онъ и мы равно видимъ въ немъ зло, и равно желали бы видѣть его прекращеніе. Но мы думаемъ, что правительственными средствами нельзя положить ему конецъ; мы думаемъ, что гоненія, какъ палліятивные способы, только усиливаютъ болѣзнь и придаютъ ей злокачественность; мы думаемъ, что подобными мѣрами можно только на время запугать его проявленія, но тѣмъ сильнѣе ожесточить, озлобить и усилить его внутри. Г. В. К. думаетъ объ этомъ иначе, и мы охотно предоставляемъ ему свободу думать иначе, хотя и не убѣждаемся его доводами. Но при всемъ разногласіи нашемъ, онъ вмѣстѣ съ нами отступаетъ передъ мыслію о правительственномъ вмѣшательствѣ въ дѣла раскола, съ цѣлію прочнымъ образомъ обособить его и дать ему организацію посредствомъ школъ и другихъ пособій. Г. В. К. дивится этому, и не вѣритъ. Мы тоже дивимся, но вѣримъ. Подобныя явленія бывали и бываютъ. Кому извѣстно гдѣ наиболѣе поддерживается, гдѣ наилучшимъ образомъ процвѣтаетъ далайламайская религія? Всякій подумаетъ, что въ Тибетѣ, и—жестоко ошибется. Въ наилучшемъ положеніи находится эта религія въ нашемъ Забайкальскомъ краѣ. Предоставленная самой себѣ, она разрушалась и падала. Но благодаря поданному ей дѣятельному пособію, далайламайская религія въ Забайкальскомъ краѣ поднялась и укрѣпилась, собрала свою паству, и стала сильною организаціей. Тому, что̀ содержитъ въ себѣ истинную силу, постороннія пособія и поддержки болѣе вредятъ, чѣмъ приносятъ пользу; но они обнаруживаютъ творческое могущество, когда изливаются на мертвые организмы; постороннія пособія гальванизируютъ ихъ, и даютъ имъ фальшивую жизненность. Право на жизнь принадлежитъ только тому, что̀ обладаетъ своею собственною внутреннею силой жизни, но все то, что̀ питается наносными элементами, что̀ поддерживается внѣшнею силою, то всегда бываетъ явленіемъ фальшивымъ. И вотъ такими-то фальшивыми явленіями, такими-то фальшивыми силами часто населяется народная жизнь вслѣдствіе излишнихъ вмѣшательствъ и неблагоразумной опеки.

Г. В. К. увѣренъ, что если предоставить расколу свободу, то въ скоромъ времени большинство народа совратится въ расколъ. Онъ такъ думаетъ,—и въ то же время рѣшается утверждать, что система преслѣдованія и стѣсненій довела расколъ до послѣдней крайности и истощила всѣ его силы. Если бы послѣднее было справедливо, то какъ возможно было бы первое? Если преслѣдованіе и стѣсненіе довели расколъ до послѣдней крайности, то откуда же могла взяться въ немъ та страшная сила, которою угрожаетъ намъ г. В. К.? Шутка сказать: все крестьянство, все мѣщанство, бо́льшая часть купечества, словомъ, весь народъ за исключеніемъ нѣсколькихъ сотенъ тысячъ душъ готовъ, при первой возможности, броситься въ расколъ!... Желательно только знать въ ка-

кую раскольничью секту бросится народъ? Отчаянное положеніе дѣлъ! И однако почтенный возражатель нашъ восхваляетъ систему, вслѣдствіе которой цѣлый народъ готовъ ринуться массами въ расколъ при первой благопріятной возможности.

Почему нашему возражателю показалось, будто мы желаемъ свободы и даже полноправности именно для раскола? Почему онъ такъ понялъ смыслъ нашей статьи? Нѣтъ, не о свободѣ раскола надобно заботиться; надобно заботиться о церкви, о предоставленіи ей средствъ и полной свободы дѣйствій, объ устройствѣ ея школъ, объ образованіи и положеніи ея клира. Живая фантазія г. В. К. быстро препроводила его отъ той терпимости, которая можетъ-быть предоставлена расколу, къ полноправности, который будто бы мы требуемъ. Отъ свободы до политической полноправности, по нашему мнѣнію, еще далеко. Мы понимаемъ необходимость вѣротерпимости въ благоустроенномъ государствѣ; мы понимаемъ также возможность предоставить свободу совѣсти людямъ, возможность перехода въ другія вѣроисповѣданія; но при самой полной вѣротерпимости, при самой полной свободѣ совѣсти, мы понимаемъ, какъ затруднительно допустить политическую полноправность для иновѣрцевъ. Политическая полноправность есть не просто свобода; она заключаетъ въ себѣ большую или меньшую долю власти. Политическая полноправность непріязненныхъ вѣроисповѣданій имѣетъ смыслъ только при полномъ развитіи общественной свободы, при всевозможныхъ обезпеченіяхъ отъ произвольнаго вмѣшательства и злоупотребленій со стороны админитративныхъ властей. Въ Англіи, этой классической странѣ свободы, давно существовала полная религіозная свобода, но политическая полноправность, какъ для католиковъ, такъ и для диссидентовъ, допущена лишь очень недавно, и то послѣ упорной и долгой борьбы.

Мы разстаемся съ нашимъ почтеннымъ оппонентомъ до завтрашняго №, въ которомъ будетъ напечатано окончаніе его замѣтки.

№ 66.

Москва, 21-го марта.

Въ расколѣ, конечно, таится зло,—а ко злу нельзя относиться равнодушно, со зломъ нельзя мириться.

Какія бы мѣры ни придумывали мы противъ раскола, всѣ должны выходить изъ одного побужденія и клониться къ одной цѣли—поразить зло. Всякая примирительность, всякая терпимость относительно зла была бы грустнымъ признакомъ несостоятельности нашей народной жизни и грозила бы ей пагубой. Нѣтъ, не сквозь пальцы должны мы смотрѣть на расколъ, какъ предлагаетъ г. В. К., съ которымъ бесѣдовали мы вчера и доканчиваемъ начатую бесѣду сегодня. Къ чему такой неловкій способъ изучать расколъ и слѣдить за его движеніями? Зачѣмъ смотрѣть сквозь промежутки пальцевъ на явленія, которыя требуютъ полнаго вниманія? Зачѣмъ украдкою высматривать то, на что можно и должно смотрѣть прямо? Г. В. К. укоряетъ насъ въ стремленіи предоставить расколу излишнюю свободу, хотя первоначальнымъ побужденіемъ его возражать намъ была, какъ онъ выразился, неопредѣлительность нашихъ мнѣній объ этомъ предметѣ. Обвинивъ насъ за то, что мы не высказались отчетливо до какой степени можетъ простираться терпимость правительства къ расколу, онъ въ заключеніе обвиняетъ насъ напротивъ въ слишкомъ опредѣленномъ мнѣніи, въ силу котораго будто бы требуются для раскола всевозможныя льготы и совершенное уравненіе правъ съ господствующею церковію. Вотъ что называется конецъ съ концомъ не сошелся! А между тѣмъ мы, въ свою очередь готовы укорить нашего почтеннаго возражателя за то что онъ, несмотря на гнѣвный и рѣшительный тонъ своихъ сужденій о расколѣ, обнаруживаетъ въ сущности слишкомъ примирительный относительно его образъ мыслей. Хотя онъ и называетъ расколъ зломъ, и видитъ въ немъ непримиримаго врага церкви и пагубу народа,—хотя онъ и видитъ все это, — однако въ то же самое время предлагаетъ намъ смотрѣть на расколъ сквозь пальцы, оказывать ему терпимость и уживаться съ нимъ.

Какъ же однако завѣдомо уживаться со зломъ? Не будетъ ли терпимость ко злу дѣломъ постыднымъ и пагубнымъ? Но въ человѣческомъ мірѣ нѣтъ безусловнаго зла; самыя зловредныя явленія не состоятъ исключительно изъ одного зла. Если бы зло являлось безъ примѣси, еслибъ оно вездѣ обозначалось съ полною ясностію, то борьба съ нимъ была бы дѣломъ легкимъ. Мы замѣчаемъ его присутствіе по хаосу и сму

щенію, которое причиняетъ оно въ жизни; но недостаточно видѣть признаки зла, надо открыть его корень, надобно отыскать то мѣсто, гдѣ оно прикоснулось къ намъ, откуда началось оно, откуда пошло его дѣйствіе. Въ мірѣ нѣтъ ничего, что̀ было бы совершенно застраховано отъ зла, въ чемъ не происходили бы разстройства и смуты. Были бы суровые мыслители и мрачные строители обществъ, которые для избавленія жизни человѣческой отъ уклоненій и неправильностей, считали за лучшее воспрещать самую жизнь, то-есть лишать ея свободы. Но такія попытки влекутъ за собою худшее изо всѣхъ золъ: онѣ убиваютъ то что̀ хотятъ спасать.

Если мы желаемъ опредѣлить съ точностію наши отношенія къ расколу, то мы должны добраться до источниковъ смуты, мы должны коснуться начала, которое производитъ и поддерживаетъ ее. Ознакомившись съ нимъ, мы можетъ-быть приблизимся и къ рѣшенію практической задачи какъ поступить съ расколомъ или какъ избавиться отъ смутъ, которыя онъ вноситъ въ нашу жизнь.

Что̀ мы видимъ въ расколѣ? Всякій сколько-нибудь просвѣщенный человѣкъ усматриваетъ въ немъ грубое невѣжество. Это легко усматривается. Раскольники воображаютъ себя хранителями древняго, чистаго, православнаго обряда, и не хотятъ знать, что эти древности, которыхъ они держатся, были большею частію случайныя искаженія, позднѣйшаго времени. Немного требуется образованія и науки, немного требуется умственнаго развитія, для того чтобы понять, что всѣ эти особенности, которыя составляютъ повидимому сущность раскола, основаны на очевидныхъ искаженіяхъ буквы. Въ этомъ хламѣ, дѣйствительно, не усматривается никакой живой мысли, никакого организующаго начала. Естественно подивиться какимъ образомъ изъ ошибокъ писцовъ, изъ случайныхъ словоискаженій, изъ элементовъ чисто отрицательныхъ, могла образоваться столь положительная вѣра. Эту внутреннюю безсмыслицу раскола иностранцы ставятъ въ упрекъ нашему народу; да и мы сами, сѣтуя на смуты, производимыя имъ въ нашей народной жизни, не менѣе сѣтуемъ и на то, что въ этой смутѣ не оказывается никакихъ духовныхъ даровъ; что въ этомъ порожденіи нашей народной жизни нѣтъ ничего, кромѣ невѣжества и умственной грубости. Нѣтъ, это не есть даже заблужденіе, потому что заблужденіе предполагаетъ болѣе или менѣе дѣятельность ума, движеніе мысли; это большею частію простая безсмыслица и безграмотность. Довольно припомнить, что у раскольниковъ имѣетъ значеніе почти догмата начертаніе имени *Ісусъ*, происшедшее вслѣдствіе произвола или неграмотности писцовъ и очевидно менѣе соотвѣтствующее греческому начертанію, нежели возстановленное въ исправленныхъ книгахъ *Іисусъ*.

Но неужели въ самомъ дѣлѣ изъ такихъ ничтожныхъ причинъ могло развиться явленіе, которое держится такъ упорно и такъ широко захватило народную жизнь? Неужели очевидная безсмыслица можетъ имѣть такую силу, такъ крѣпко связывать людей, такъ сильно овладѣвать ихъ душою! Нѣтъ, какъ ни печально это явленіе, оно для внимательнаго наблюдателя—въ самой глубинѣ своего зла, откроетъ не столько скудость и слабость, сколько напротивъ силу народнаго духа.

Почтенный собесѣдникъ нашъ, какъ знатокъ въ исторіи раскола, не спускаетъ намъ промаха, и ловитъ насъ на словѣ. Мы замѣтили, что главною причиною, породившею расколъ, было принужденіе въ дѣлѣ совѣсти. Возражатель нашъ полагаетъ, что подъ принужденіемъ разумѣли мы исправленіе книгъ церковныхъ. Онъ восклицаетъ: „такое исправленіе, такое очищеніе называетъ она (то-есть наша *почтенная газета*) принужденіемъ.“ Г. В. К. дивится нашему неразумію, и чтобы вразумить насъ, прибѣгаетъ къ сравненію: „въ этомъ смыслѣ, учитъ онъ, нужно было также сказать, что не будь гражданскихъ и общественныхъ законовъ, воспрещающихъ убійство и воровство, не было бы ни убійцъ, ни воровъ“. Мы не понимаемъ въ какомъ-такомъ *этомъ* смыслѣ гражданскіе законы о воровствѣ и убійствѣ могутъ идти въ сравненіе съ исправленіемъ церковныхъ книгъ; мы еще менѣе понимаемъ какимъ образомъ почтенный критикъ нашъ могъ возымѣть мысль, что принужденіе, на которое мы намекнули, состоитъ въ исправленіи книгъ.

Исправленіе богослужебныхъ книгъ и возстановленіе чистоты православнаго обряда были безспорно существенною потребностію церкви; но обстоятельства времени мало благопріятствовали вполнѣ удо-

влетворительному рѣшенію этой задачи. Исправители, какъ извѣстно, не всегда соотвѣтствовали ея требованіямъ. Дѣло шло не такъ какъ оно пошло бы при другихъ лучшихъ условіяхъ. Не исправленія книгъ и обрядовъ, сами по себѣ, могли стать причиною смуты, но способъ какимъ это дѣло дѣлалось и какимъ оно налагалось на народъ. Наука тогда не процвѣтала на Руси; самая грамотность была рѣдкимъ исключеніемъ. Кто же въ то время могъ на Руси съ отчетливостію разобрать существенное съ случайнымъ и отличить искаженіе и наносную примѣсь? Но при невѣжествѣ и неграмотности, народъ былъ исполненъ непоколебимой преданности православію; онъ тяжкими жертвами отстаивалъ свое православіе, въ немъ онъ видѣлъ все свое спасеніе; онъ крѣпко держался всей совокупности даннаго; онъ боялся всякаго измѣненія; во всякомъ нововведеніи, хотя бы оно было въ сущности возстановленіемъ первобытной чистоты православныхъ обрядовъ, видѣлъ онъ покушеніе отнять у него самую сущность православія и совратить его въ латинство, съ которымъ онъ такъ долго и тяжко боролся. Еслибы преобразованія совершались менѣе настойчиво и болѣе соотвѣтственно съ средствами тогдашней науки, еслибы они совершались менѣе круто и съ большею постепенностію, а главное еслибъ они совершались безъ вынужденія и насилія, безъ раздраженія и озлобленія, безъ каръ и торжественныхъ проклятій, то они по всему вѣроятію не возбудили бы въ нашей народной жизни той печальной смуты, которая выразилась въ расколѣ и длится до сего дня.

Итакъ вотъ гдѣ первоначальное зло, изъ котораго произошла смута. Народъ не могъ принимать совершавшіяся исправленія съ полнымъ убѣжденіемъ въ ихъ вѣрности. Но съ другой стороны, была ли необходимость налагать вынудительно на совѣсть людей тѣ исправленія, которыя хотя и требовались церковнымъ благоустройствомъ, но которыя не составляли самой сущности церкви, такъ что церковь могла и безъ нихъ стоять? Было ли такъ важно, такъ существенно, такъ крайне необходимо для православнаго христіанина напримѣръ креститься трехперстнымъ или двуперстнымъ знаменіемъ, чтобы не соглашавшихся на то подвергать проклятію? Не только простые люди, но и духовные упорно держались двуперстнаго; но не утвердила ли ихъ въ этомъ упорствѣ та настоятельность, съ которою преобразователи побуждали колеблющихся отстать отъ одного и пристать къ другому? Не были ли виною раскола проклятія и отлученія отъ церкви за то что къ сущности церкви не касалось? Не выразился ли въ расколѣ протестъ раздраженной совѣсти, отстаивавшей свою свободу противъ вынудительнаго авторитета, въ которомъ ей чувствовалось нѣчто чуждое православію?

Что народъ былъ невѣжественъ, что онъ невѣжественъ и теперь, въ этомъ винить его нечего. По незнанію, человѣкъ можетъ придавать существенный смыслъ тому что̀ такого смысла не имѣетъ; но символъ котораго крѣпко держится совѣсть, придавая ему существенное значеніе, какого онъ не имѣетъ, можетъ быть терпимъ именно потому что самъ не имѣетъ существеннаго значенія. Святыня христіанства и истина православія не могутъ зависѣть отъ нѣкоторыхъ колебаній и разностей въ обрядахъ и символахъ. Духъ церкви можетъ только возвыситься, ея истина можетъ стать только свѣтлѣе, ея единство непоколебимѣе вслѣдствіе ясно сознаваемаго и принимаемаго различія между сущностью церкви и тѣми принадлежностями ея обряда, которыя сами по себѣ существеннаго значенія не имѣютъ, а потому могутъ быть и не быть не колебля церкви, не потрясая ея основъ, не нарушая ея единства.

Что мы находимся около той причины, отъ которой произошла печальная смута, оторвавшая отъ церкви множество народа, доказательствомъ тому служитъ одно событіе нашего времени. Духъ нетерпимости, жертвующій существеннымъ случайному, былъ порожденіемъ темныхъ временъ. Онъ противенъ православной церкви, и она доказала это, открывъ свои нѣдра для отпавшихъ сыновъ своихъ, не насилуя ихъ совѣсти, не вынуждая ихъ отказываться отъ того что̀ издавна было для нихъ святыней. Церковь предоставляетъ имъ свободу держаться тѣхъ обрядовъ, которыми они дорожатъ, и несмотря на разницу обряда признаетъ ихъ своими дѣтьми. И она дала имъ особые храмы, получившіе названіе единовѣрческихъ или новоблагословенныхъ.

Суждена ли будущность этимъ храмамъ, принесутъ ли они ту пользу, которую, безъ сомнѣнія, ожидала отъ нихъ мудрая, со-

здавшая ихъ мысль? Все зависитъ отъ того въ какихъ размѣрахъ разовьется начало, положенное въ основаніе этихъ храмовъ,—этотъ духъ терпимости, полагающій различія между существеннымъ и несущественнымъ. До сихъ поръ они, къ сожалѣнію, не оказали значительнаго дѣйствія; расколъ не поколебался, единовѣрческіе храмы не умножаются и число прихожанъ ихъ не возрастаетъ. Но отъ того ли это происходитъ, что мысль, руководившая созданіемъ этихъ храмовъ, не была вѣрною мыслію, или напротивъ потому что она еще не вполнѣ выразилась въ своемъ созданіи?

Г. В. К. нѣкоторымъ образомъ вызываетъ насъ на опредѣлительныя мнѣнія. Признаемся, мы опасаемся пускаться въ разсужденія о практическомъ рѣшеніи столь трудныхъ и важныхъ вопросовъ. Но начавъ рѣчь, по слѣланному намъ вызову, мы должны свести ее къ концу, хотя бы и подъ опасеніемъ сказать что-нибудь не совсѣмъ зрѣлое и одобрительное.

Намъ кажется, что единвѣрческіе храмы могутъ не прежде удовлетворять своему назначенію и достигать своей цѣли, какъ когда исчезнетъ всякое сомнѣніе въ ихъ полномъ единствѣ съ православными храмами. Въ настоящее время положеніе ихъ двусмысленно, и отъ того во мнѣніи народа, во мнѣніи раскольниковъ и въ чувствѣ самихъ единовѣрцевъ, храмы эти не имѣютъ того значенія, какое они должны были бы имѣть. Конечно, для всякаго просвѣщеннаго, знающаго и мыслящаго человѣка, обряды, составляющіе отличіе единовѣчерскаго богослуженія, не соотвѣтствуютъ первобытной чистотѣ православнаго обряда; однако тѣмъ не менѣе церковь признала это обстоятельство несущественнымъ. Что въ самомъ дѣлѣ значатъ эти обряды,—что значитъ и сугубая аллилуіа, и двуперстное знаменіе, передъ лицомъ того факта, что въ этихъ храмахъ, при этихъ обрядахъ, совершаются таинства православной церкви? Что значатъ эти различія, когда въ этихъ храмахъ священнодѣйствуетъ православное духовенство, и когда они находятся подъ одною съ православною церковью іерархіею? Но если единовѣрческіе храмы въ самомъ главномъ и самомъ существенномъ ничѣмъ не разнятся отъ православія, то они могутъ быть одинаково открыты какъ для раскольниковъ, такъ и для православныхъ. Только при этомъ условіи единовѣческіе храмы могутъ окончательно получить то значеніе, которое предполагаютъ дать имъ и могутъ приносить ту пользу, которая отъ нихъ ожидалась. Надобно чтобъ единовѣрцы могли вполнѣ чувствовать и признавать себя дѣтьми церкви, и чтобъ отношенія церкви къ нимъ имѣли характеръ несомнѣнной искренности. Только такимъ полнымъ уравненіемъ единовѣрія съ православіемъ можетъ быть нанесенъ рѣшительный ударъ тому злу, которое живетъ въ расколѣ и даетъ ему духъ.

Чѣмъ снисходительнѣе и великодушнѣе будетъ церковь относительно восприсоединяющихся къ ней отпавшихъ дѣтей ея, чѣмъ менѣе будетъ она оставлять въ нихъ чувства какого-либо отчужденія отъ ней, тѣмъ менѣе можетъ оставаться внутреннихъ причинъ для существованія раскола, по крайней мѣрѣ въ самой главной и многочисленной его сектѣ, — сектѣ, принимающей священство. Во всякомъ случаѣ прозелитизмъ раскола утратитъ всякую опасность, если православнымъ будетъ предоставлена полная свобода въ выборѣ того или другаго храма, и если перейдти изъ одного храма въ другой будетъ имѣть не болѣе значенія какъ перечислиться изъ одного прихода въ другой. На сколько поднялось бы значеніе единовѣрія, на столько упала бы сила раскола. Возвышеніе единовѣрія было бы въ сущности ни чѣмъ инымъ, какъ торжествомъ церкви надъ расколомъ. Нечего опасаться, чтобъ единовѣрческій обрядъ не слишкомъ усилился насчетъ чисто-православнаго, нечего опасаться, что единовѣрческіе храмы могутъ слишкомъ переполниться прихожанами изъ чисто-православныхъ храмовъ. Если бы и въ самомъ дѣлѣ такъ-называемый старый обрядъ единовѣрческихъ храмовъ оказалъ сильное притягательное дѣйствіе на православный народъ, то церковь не потерпѣла бы отъ того никакой существенной утраты. Мы даже думаемъ, что съ размноженіемъ единовѣрческихъ храмовъ побѣда церкви надъ расколомъ была бы вѣрнѣе и полнѣе. Но церковь не можетъ однако быть совершенно равнодушною къ чистотѣ своихъ обрядовъ, знаменій и символовъ. Не естественно ли опасеніе, что благодаря полноправію единовѣрія, въ нашихъ храмахъ можетъ возобладать обрядъ менѣе чистый надъ болѣе чистымъ? Опасеніе напрасное! То чувство раздраженной вынужденіемъ совѣсти, которое было душою

стараго обряда, замиряется въ единовѣрческомъ храмѣ; а затѣмъ, съ теченіемъ времени, съ каждымъ новымъ поколѣніемъ, съ каждымъ новымъ шагомъ просвѣщенія и гражданственности, старый обрядъ можетъ только падать и ослабѣвать, а никакъ не возрастать, никакъ не усиливаться.

№ 67.

Москва, 23-го марта.

Обращаемъ вниманіе читателей на помѣщенную ниже статью „О постройкѣ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи." Она носитъ на себѣ всѣ признаки того, что написана знатокомъ дѣла; она должна содѣйствовать движенію этого важнаго вопроса впередъ. Мы не думаемъ, чтобъ англійская компанія отказалась отъ концессіи, которая для нея чрезвычайно выгодна. Учредители будутъ, вѣроятно, хлопотать объ отсрочкѣ; побужденіемъ къ тому можетъ служить не столько политическое положеніе дѣлъ, сколько состояніе европейскаго денежнаго рынка, которое хотя и начинаетъ поправляться, но все еще носитъ на себѣ слѣды сильнаго отлива звонкой монеты въ Египтѣ и Индіи для уплатъ за полученный оттуда хлопокъ, а потому цѣны свободныхъ капиталовъ все еще сравнительно высоки. Въ такое время неудобно открывать подписку на акціи, и учредителямъ англійской компаніи естественно желать чтобы Россія предоставила имъ свободу относительно срока учрежденія компаніи и начала работъ. Но эта уступка едвали принадлежитъ къ разряду уступокъ возможныхъ если же она не будетъ сдѣлана, то мы полагаемъ, что учрежденіе англійской компаніи непремѣнно послѣдуетъ въ опредѣленный контрактомъ срокъ. Мы высказываемъ это почти съ полною увѣренностью. Было бы рѣшительно непонятно, еслибы владѣльцы концессіи упустили изъ рукъ такую линію какъ Московско-севастопольская, и право на такія условія какія предоставлены имъ по извѣстному контракту. Можно положительно сказать что ни такихъ выгодныхъ условій, ни такой выгодной линіи они не найдутъ нигдѣ на свѣтѣ. Тѣмъ не менѣе однакожь мы не должны полагаться на эти соображенія, не можемъ довольствоваться тѣмъ, что намъ обѣщаетъ англійская компанія. Мы должны имѣть въ виду свои средства, какъ на тотъ случай, если она разстроится, такъ и на тотъ, если она состоится. Пусть Англичане строятъ дорогу на Севастополь. Намъ крайнѣе необходима,—говоря языкомъ М. П. Погодина, намъ во чтобы то ни стало необходима дорога, которая связала бы Москву съ Кіевомъ и далѣе съ Одессой. Это одна изъ тѣхъ потребностей, которыхъ удовлетвореніе не можетъ быть откладываемо безъ самыхъ важныхъ послѣдствій для внутренняго и внѣшняго положенія государства, — одна изъ потребностей не измѣряемыхъ на деньги, потому что нельзя измѣрить деньгами то что обыкновенно покупается цѣной крови. Итакъ состоится ли или не состоится англійская компанія, во всякомъ случаѣ мы должны думать о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ собственными средствами, и вотъ почему статья г. Б., заслуживаетъ особеннаго ихъ вниманія.

Почтенный авторъ говоритъ совершенно вѣрно, что средства на такое дѣло найдутся въ Россіи. Мы почти готовы согласиться даже и съ тѣмъ, что эти средства должны найтись не только въ Россіи вообще, но и спеціяльно въ русскомъ государственномъ бюджетѣ. Строить желѣзныя дороги такъ настоятельно нужно, что въ виду этой необходимости легко можно сократить многіе полезные расходы, а у насъ, при обширномъ развитіи системы покровительства, возбужденія и вмѣшательства, должно оказаться не мало и такихъ расходовъ, которыхъ польза очень и очень сомнительна. Сверхъ того, кто не знаетъ какимъ способомъ расходуются у насъ повсюду казенныя деньги? Нельзя сомнѣваться въ возможности весьма значительныхъ сбереженій по государственному бюджету; усовершенствованіе бюджета составляетъ, безспорно одну изъ главныхъ задачъ предлежащихъ нашимъ государственнымъ людямъ. Впрочемъ никто не будетъ отрицать, что для оцѣнки полезнаго дѣйствія разныхъ казенныхъ издержекъ, а еще болѣе для урѣзыванія бюджета нужно не только много искусства и энергіи, но и много другихъ условій, которыя служили бы опорой для личной энергіи государственнаго человѣка. Очевидно также и то, что обиліе матеріальныхъ средствъ должно зависѣть отъ того, въ какой мѣрѣ государство будетъ пользоваться нравственными средствами и достигать ими своихъ цѣлей. Постройка

желѣзныхъ дорогъ была бы безспорно облегчена всѣмъ тѣмъ, что̀ можетъ содѣйствовать исправленію нашихъ финансовъ и вообще политическому благоустройству Россіи, но и при теперешнемъ положеніи дѣлъ нельзя не считать возможнымъ пріисканіе средствъ для такого полезнаго назначенія, нельзя не быть увѣреннымъ, что необходимыя средства найдутся и безъ той рѣшимости на все,—не только на лотерею, но даже на выпускъ кредитныхъ билетовъ,—которую почтенный авторъ напечатанной ниже статьи одобряетъ вѣроятно только потому, что принимаетъ особенно горячо къ сердцу именно тѣ задачи, которыми ему суждено заниматься.

Средства найдутся, но надобно было бы тысячу разъ отказаться отъ желѣзныхъ дорогъ, еслибы непремѣннымъ условіемъ построенія ихъ былъ выпускъ кредитныхъ билетовъ. Почтенный авторъ рѣшительно не правъ, говоря о 7-мъ займѣ какъ о совершенной потерѣ. Во первыхъ, только часть есть этого займа пошла па размѣнъ, а другая часть израсходована помимо размѣннаго фонда. Эта послѣдняя часть есть стало-быть обыкновенный заемъ. Но и та первая часть отнюдь не потеряна, потому что употреблена на изъятіе кредитныхъ билетовъ, то-есть на платежъ по обязательствамъ государства. Убытокъ состоялъ въ двукратномъ провозѣ золота, изъ-за границы въ С.-Петербургъ и изъ С.-Петербурга за границу, да въ слишкомъ высокомъ курсѣ, по которому нѣсколько времени производили размѣнъ. Если угодно, можно насчитать этого убытка до 8-ми или 9-ти милліоновъ р. с. (по всей операціи размѣна), но убытокъ былъ слѣдствіемъ не изъятія кредитныхъ билетовъ изъ обращенія, а тѣхъ способовъ, которые были для того избраны. Можно также спорить о томъ, что̀ было нужно, возстановленіе ли или просто упроченіе цѣнности кредитнаго рубля. Но во всякомъ случаѣ было необходимо придать кредитному рублю опредѣленную, постоянную, не подвергающуюся колебаніямъ цѣну на звонкую монету, и эта цѣль стоитъ внѣ всякаго спора. Достиженіе этой цѣли гораздо важнѣе построенія желѣзныхъ дорогъ, по той простой причинѣ, что безъ желѣзныхъ дорогъ возможенъ экономическій бытъ и даже возможна цивилизація, а безъ денегъ человѣкъ могъ обходиться только на самыхъ низкихъ ступеняхъ культуры. Бумажныя деньги, которыхъ цѣнность колеблется, не могутъ быть ни вѣрнымъ орудіемъ мѣны, ни правильнымъ мѣриломъ цѣнностей, слѣдовательно не могутъ быть тѣмъ, чѣмъ должны быть деньги. Страна, въ которой вся внутренняя торговля производится на бумажныя деньги, не имѣющія твердой цѣнности, лишена возможности пользоваться тѣмъ удобствомъ, которымъ человѣческое общежитіе обязано изобрѣтенію денегъ. Словомъ, выпускъ кредитныхъ билетовъ, поставилъ бы нашъ экономическій бытъ въ такія условія, въ которыхъ люди жили за нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ. Только тотъ, кто въ состояніи совсѣмъ отрицать важность изобрѣтенія денегъ и утверждать что гражданственность была бы возможна и безъ этого изобрѣтенія, только тотъ можетъ равнодушно смотрѣть на колебанія денежной единицы и не ожидать вреда отъ выпуска бумажныхъ денегъ.

Не только выпускъ кредитныхъ билетовъ, но даже выпускъ новыхъ серій съ цѣлію построенія желѣзныхъ дорогъ нельзя было бы одобрить. Серіи, это такой источникъ, который должно имѣть въ резервѣ на случай непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, когда невозможно прибѣгнуть къ займу: исчерпывать этотъ источникъ крайне опасно, потому что въ случаѣ надобности онъ могъ бы измѣнить, и государству ничего не осталось бы кромѣ выпуска бумажныхъ денегъ. Если нельзя строить желѣзныя дороги на сбереженія, то надобно ихъ строить на занятыя деньги, и тутъ сущность дѣла указываетъ какіе это должны быть займы. Постройка желѣзной дороги ведетъ у насъ къ платежамъ двоякаго рода: платежамъ внутреннимъ за земляныя, каменныя, плотничныя и другія работы, за подушки и т. д., и платежамъ заграничнымъ, за рельсы, локомотивы и пр. Первые платежи должны быть покрыты внутреннимъ займомъ, вторые внѣшнимъ. При такомъ распредѣленіи, ни внутренніе, ни внѣшніе займы не могутъ встрѣтить затрудненія, потому что не поведутъ ни къ малѣйшему перемѣщенію звонкой монеты. Но скажутъ, у насъ не состоится внутренній заемъ, у насъ нѣтъ капиталовъ. Не черезчуръ ли однако много говорятъ и пишутъ о недостаткѣ въ капиталахъ? Если взглянуть на дѣло безъ предубѣжденія, то окажется, что даже теперь, въ эпоху безденежья, не столько въ капиталахъ у насъ недостатокъ, сколько

въ умѣньи употреблять ихъ какъ слѣдуетъ. Всего болѣе основанія жаловаться на недостатокъ капиталовъ имѣетъ сельское хозяйство, пострадавшее отъ крестьянской реформы и отъ прекращенія долгосрочнаго кредита. Но развѣ не находятъ денегъ помѣщики чтобы строить винокуренные заводы чуть не въ двойномъ числѣ противъ потребностей? Стало-быть даже и въ сословіи помѣщичьемъ оказываются капиталы помѣщаемые безъ разчета. Не лучше ли было бы, еслибы хоть часть капиталовъ, безъ толку затраченныхъ на винокуренные заводы, пошла на постройку желѣзныхъ дорогъ.

Что касается до протяженія желѣзныхъ дорогъ, которое мы можемъ строить ежегодно не нарушая обычнаго хода нашей экономической жизни, то хотя оно очень основательно опредѣлено г. авторомъ помѣщенной ниже статьи, но могло бы быть безъ вреда для промышленности увеличено, еслибы система производства земляныхъ работъ посредствомъ войскъ получила удачное примѣненіе. Въ послѣдневышедшемъ нумерѣ *Воскресныхъ Прибавленій* къ *Московскимъ Вѣдомостямъ* мы помѣстили интересную статью г-на Н. Л. о мнимодешевомъ способѣ построекъ Парканской дороги. Статья эта раскрываетъ неосновательность хвастливыхъ извѣстій о результатахъ работъ на Парканской желѣзной дорогѣ. Блистательнаго успѣха въ экономическомъ отношеніи опыты г. Унгернъ-Штернберга, очевидно, пока не достигли, но слѣдуетъ ли изъ этого, что при дальнѣйшихъ опытахъ дѣло не пойдетъ выгоднѣе для казны? У насъ въ Россіи нельзя смотрѣть на работы, производимыя солдатами, какъ на вещь не имѣющую особеннаго значенія для народнаго богатства. Пусть солдаты сдѣлаютъ меньше чѣмъ сдѣлали бы вольные рабочіе, но если бы солдаты не работали, они не сдѣлали бы вовсе ничего въ экономическомъ отношеніи полезнаго, а это тѣмъ чувствительнѣе для народной производительности, чѣмъ большій процентъ рабочихъ силъ отвлеченъ военною службой отъ производительнаго труда. Изъ этого, впрочемъ, нельзя еще заключить, чтобы работу солдата слѣдовало оплачивать дороже работы опытнаго землекопа, какъ повидимому оплачиваетъ г. Унгернъ-Штернбергъ.

№ 68.

Москва, 24-го марта.

А.

Вопросъ о преобразованіи нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній давно уже занимаетъ и правительство, и публику. Много тревогъ и опасеній возбуждено было имъ, много толковъ было вызвано имъ въ печати,—и не безъ основанія: какъ извѣстно, въ Петербургѣ образовалась новая педагогическая школа, которая имѣла серіозное вліяніе на труды предпринятые по этому предмету ученымъ комитетомъ, состоящимъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія. Труды эти не могли не встревожить всякаго, кто сколько-нибудь смыслитъ дѣло и принимаетъ его къ сердцу. Нашему бѣдному просвѣщенію, которое, едва начавшись, уже успѣло испытать печальное паденіе, казалось, угрожалъ послѣдній и рѣшительный ударъ. Петербургская педагогическая школа могла бы и не для нашего просвѣщенія, едва насаженнаго и уже побитаго грозой, но и для старыхъ цивилизацій съ глубокими корнями, исполнить наилучшимъ образомъ назначеніе бича Божія, еслибы гдѣ нибудь капризъ судьбы предоставилъ ей власть распоряжаться и законодательствовать. Предположенія комитета, внушенныя этою школой, понятія и взгляды, высказанные въ его трудахъ, были бы очень забавны, еслибъ они были только игрою молодыхъ умовъ въ серіозное занятіе; но нельзя безъ содроганія подумать, что все это дѣлалось и писалось серіозно, и что въ одно прекрасное утро Россія, дѣйствительно, могла быть покрыта неслыханными ни въ одной цивилизованной странѣ учебными заведеніями. Мы сказали: новая педагогическая школа,—и выразились не совсѣмъ точно. Какой бы юный духъ ни окрылялъ представителей этой школы, она въ сущности есть только вѣнецъ того направленія, которое началось для нашихъ учебныхъ заведеній еще съ 1848 года. Она доканчивала,—и доканчивала безпощадно,—дѣло разрушенія начатое въ то время. Гроза 1849 года поразила въ нашихъ гимназіяхъ едва принимавшееся въ нихъ серіозное ученіе; въ видахъ охранительныхъ, подорванъ въ нихъ духъ науки и внесено начало безсмысленнаго броженія, которое въ

послѣдствіи пышно разразилось цвѣтомъ нигилизма; она создала продолжателей своего дѣла въ лицѣ представителей новой педагогической школы, и проложила имъ пути. Къ счастію, времена теперь иныя; теперь ничего не дѣлается въ торжественномъ безмолвіи, сокровенно, посредствомъ внезапныхъ *coups d'état*; теперь все болѣе или менѣе подвергается гласности, все предварительно выходитъ на дневной свѣтъ, и становится до нѣкоторой степени предметомъ публичнаго обсужденія. Труды ученаго комитета также явились на свѣтъ Божій, и быстро исчезли, исполненныя стыда и смятенія; только голосъ почтеннаго г. Воронова долго еще раздавался сиротливо по разнымъ петербургскимъ газетамъ, оплакивая неудавшіяся педагогическія грезы. Наступилъ мигъ успокоенія, и можно было воздать Богу благодареніе за избавленіе насъ *a furore Normanorum*. Прошла утѣшительная вѣсть, что правительство не только не имѣетъ въ виду осуществлять идеи петербургской педагогической школы, но намѣрено возстановить во всей силѣ то что было подорвано грозою 1849 г., и совершить преобразованіе нашихъ гимназій на классическихъ основаніяхъ и въ духѣ серіозной науки. Стало извѣстно, что министерство народнаго просвѣщенія дѣятельно изготовляетъ новый проектъ. Но вдругъ, среди всеобщаго успокоенія, распространился слухъ, что педагогическая школа нашла способъ заглянуть и въ этотъ новый проектъ. Сказывали, что въ будущее устройство нашихъ гимназій предположено ввести такъ-называемую систему *бифуркаціи*, послѣдствіемъ которой было бы то, что классическое обученіе въ гимназіяхъ превратилось бы въ маску, за которою наша новая педагогическая школа могла бы лишь удобнѣе чинить свой *Unfug*, говоря нѣмецкимъ словомъ. Мы не желали вѣрить этому слуху; но поспѣшили высказаться объ этой системѣ *бифуркаціи*, которая во многихъ отношеніяхъ была бы можетъ-быть еще хуже чѣмъ прямое осуществленіе идей бывшаго ученаго комитета. Наши замѣчанія вызвали сильную статью въ одной изъ петербургскихъ газетъ, въ *Голосѣ*, и въ этой статьѣ явственно послышался замолкнувшій голосъ петербургскихъ педагоговъ; въ ней чинилось нападеніе на классическое образованіе и отстаивалась вышеозначенная система *бифуркаціи*. Въ статьѣ этой слышались, повидимому, самые радикальные элементы школы изъ послѣдней глубины ея,—не тѣ которые клянутся Магеромъ, а тѣ которые божатся Егеромъ. Мы, признаемся, упали духомъ: эта статья убѣждала насъ, что распространившійся слухъ не былъ лишенъ основанія. Что мы только гадательно говорили о новомъ проектѣ, то отстаивалось въ означенной статьѣ какъ совершившійся фактъ.

Скрѣпя сердце, мы отвѣчали—не *Голосу*, а торжествующей педагогической школѣ. Намъ только оставалось сѣтовать на участь, грозившую нашимъ гимназіямъ. Но каково же было наше удивленіе, когда, получивъ на этихъ дняхъ текстъ новаго проекта, мы увидѣли, что въ немъ нѣтъ ничего похожаго на то что воодушевляло педагога пишущаго въ *Голосѣ!* Преобразованіе въ нашихъ гимназіяхъ, по новому проекту, будетъ имѣть чисто-классическія основанія, и въ нихъ не предполагается никакой *бифуркаціи* въ томъ смыслѣ какъ ходили слухи и какъ можно было заключить изъ статьи напечатанной въ *Голосѣ*. О чемъ же горячился педагогъ, вооружившійся въ защиту *бифуркаціи* противъ нашихъ на нее нападеній, и чему обрадовался онъ въ проектѣ, котораго духъ и основанія находятся въ самомъ утѣшительномъ разногласіи съ тенденціями его школы? Къ довершенію нашего удивленія, въ то самое время, когда мы пересматривали проектъ, пришла газета *Голосъ* съ новою педагогическою статьей, также какъ бы въ защиту проекта, хотя этотъ проектъ и не имѣетъ ничего общаго съ великимъ авторитетомъ педагогической школы, съ нѣмецкимъ буршемъ Егеромъ. Мы теперь не имѣемъ ни малѣйшей надобности объясняться съ газетою *Голосъ*. Она зачѣмъ-то желаетъ, чтобы мы высказались опредѣленно объ ея мнѣніяхъ и цитуетъ намъ тѣ нумера свои, въ которыхъ мы можемъ навести надлежащія справки. Но намъ рѣшительно все равно что бы газета *Голосъ* ни думала о томъ или другомъ предметѣ. Мы предоставляемъ ей полную свободу мнѣній; мы предоставляемъ ей и реальныя гимназіи, и *бифуркацію*, и Егера, и „россійскую" педагогическую школу. Обнаруживаетъ ли она вражду или не обнаруживаетъ къ классическому образованію, никому до этого нѣтъ дѣла, а намъ менѣе всѣхъ. Убѣдившись, что между мнѣніями педагоговъ, которыя въ ней высказы-

ваются, и самимъ проектомъ нѣтъ ничего общаго, мы оставляемъ ее въ покоѣ, и спѣшимъ познакомить читателей съ главными основаніями окончательнаго проекта.

Составители новаго проекта, въ ясныхъ и твердыхъ выраженіяхъ, заявляютъ, что принятая въ немъ система „полагаетъ въ „основу всего ученья древніе языки.... ибо „вѣками доказано и дознано, что изуче-„ніе древнихъ языковъ есть лучшее обще-„образовательное средство, развивающее „одновременно разныя способности духа „и тѣмъ самымъ приготовляющее молодаго „человѣка легко усвоивать себѣ всякія „другія знанія, въ которыхъ онъ встрѣ-„титъ надобность въ жизни." Безъ сомнѣнія всякій, принимающій къ сердцу дѣло просвѣщенія, съ глубокимъ сочувствіемъ встрѣтитъ вступленіе нашего школьнаго образованія на истинный путь, указанный опытомъ вѣковъ и народовъ. Нельзя не поблагодарить вѣдомство народнаго просвѣщенія за ту дѣйствительно широкую степень свободы, и гласности, которая была допущена имъ въ сужденіяхъ о разнообразныхъ планахъ реформъ, заготовлявшихся для нашихъ учебныхъ заведеній. Смѣемъ думать, что эта свобода не повредила дѣлу.

Классическое направленіе не новость для нашихъ заведеній: оно было указано имъ уже болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ. Къ сожалѣнію, обстоятельства мало благопріятствовали его успѣхамъ, а реформы начала пятидесятыхъ годовъ нанесли ему рѣшительный ударъ. „Измѣненіе взгляда,—говоримъ словами объяснительной записки новаго устава,—на цѣль и назначеніе гимназіи происшедшее въ 1849 году, дало совершенно другое направленіе учебному курсу гимназій. Мысль приспособить гимназическое ученіе къ практической жизни, получившая въ то время перевѣсъ, была причиною перемѣнъ, имѣвшихъ сильное вліяніе на наши гимназіи: именно въ 1849 году въ учебный курсъ гимназій введенъ былъ новый предметъ, русское законовѣдѣніе и, въ замѣнъ того, латинскому языку положено обучать только въ высшихъ четырехъ классахъ съ освобожденіемъ отъ слушанія его всѣхъ обучающихся законовѣдѣнію; въ 1852 году нанесенъ былъ еще ударъ классическому направленію прекращеніемъ преподаванія греческаго языка и замѣненіемъ его естественною исторіей во всѣхъ гимназіяхъ кромѣ пяти, состоящихъ при университетахъ и четырехъ въ городахъ населенныхъ Греками. (Припоминаемъ съ какимъ негодованіемъ со стороны нашихъ противниковъ, было встрѣчено, во время нашей полемики съ г. Вороновымъ, изложеніе исторіи реформъ пятидесятыхъ годовъ, сдѣланное нами въ томъ самомъ смыслѣ, какъ читаемъ въ объяснительной запискѣ новаго устава.) Вслѣдствіе этихъ распоряженій всѣ наши гимназіи, за исключеніемъ девяти, утратили свой первоначальный классическій характеръ и пришли, въ отношеніи учебнаго курса, къ тому неудовлетворительному состоянію въ какомъ теперь находятся."

Новый проектъ, въ главныхъ чертахъ, возвращаетъ нашимъ гимназіямъ тотъ характеръ, какой они имѣли до реформъ пятидесятыхъ годовъ. Изъ восьмидесяти гимназій, сорокъ предполагается устроить съ преподаваніемъ греческаго и латинскаго языковъ (именно въ такомъ числѣ гимназій преподавался греческій языкъ до введенія естественныхъ наукъ); двадцать съ однимъ латинскимъ языкомъ; и, наконецъ, въ двадцати, кромѣ классическаго курса, предполагается съ шестаго класса устроить реальное отдѣленіе, безъ древнихъ языковъ, но и безъ права поступленія въ университетъ. (Эти-то реальныя отдѣленія и подали, конечно, поводъ къ слухамъ о *бифуркаціи*.)

Итакъ классическое ученіе вновь предполагается положить въ основу нашего гимназическаго образованія. Но не должно забывать, что между благимъ намѣреніемъ и осуществленіемъ его есть разстояніе; не должно забывать, что утвержденіе у насъ прочнаго образованія на мѣсто поверхностнаго пустословія, господствующаго теперь, сопряжено съ величайшими трудностями. Здравый смыслъ родителей говоритъ имъ, что въ нашихъ школахъ учатъ многому, но не выучиваютъ ничему, и что молодежь выходитъ изъ нихъ не приготовленная, а часто и неспособная ни къ какому серіозному дѣлу. Одинъ изъ главныхъ признаковъ развитаго и на собственныхъ ногахъ стоящаго человѣка есть тотъ, что ему ясны границы его знанія и та черта, которая отдѣляетъ въ его умѣ область извѣстнаго и ясно представляемаго отъ области незнакомаго и неяснаго. Этого контроля собственныхъ силъ и знаній не имѣетъ тотъ, у кого въ головѣ господствуетъ хаосъ *мнимыхъ* понятій, ничего въ дѣйствитель-

ности не понимающихъ. Ученье, поднятое на ходули, лишенное простоты—главная причина того недостатка въ дѣльныхъ людяхъ и того обилія фразеровъ, какіе всѣми чувствуется у насъ въ настоящее время. Еще мало признать классическое направленіе, необходимо самый планъ учебныхъ занятій привести къ той простотѣ, при которой классическое ученье сдѣлалось бы дѣйствительнымъ центромъ ученья, какъ мы видимъ въ странахъ опередившихъ насъ на пути просвѣщенія. Въ планѣ классическаго ученья, какъ онъ предлагается въ новомъ проектѣ, есть, къ сожалѣнію, весьма существенные недостатки. Недостаточное число уроковъ древнихъ языковъ, особенно въ низшихъ классахъ; огромное число уроковъ русскаго языка, служащихъ главнымъ поприщемъ фразерства и пустословія въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ; излишнее число уроковъ исторіи; неправильно распредѣленное преподаваніе математики, для которой въ низшихъ классахъ назначено слишкомъ много уроковъ сравнительно съ высшими (не такъ поступаютъ, напримѣръ, во Франціи, гдѣ, безспорно, процвѣтаетъ математическое образованіе и гдѣ въ низшихъ классахъ лицеевъ и коллегій весьма немного отдаютъ времени ариометикѣ, ограничивая ученье почти исключительно древними языками, и только въ высшихъ классахъ значительно усиливая математическое преподаваніе). Естествовѣдѣніе, по новому проекту, изгоняется изъ высшихъ классовъ гимназій и остается только въ низшихъ, повидимому въ смыслѣ простой рекреаціи, хотя потраченное такимъ образомъ время, конечно, съ большею пользою могло бы быть употреблено, напримѣръ, на новые языки. (Замѣтимъ при этомъ, что для пользы заведенія, конечно, было бы лучше имѣть лишняго учителя математики, вмѣсто отдѣльнаго преподавателя естествовѣдѣнія съ физикой). Если желать, чтобы гимназіи наши стали ступенью выше того чѣмъ были онѣ до преобразованій пятидесятыхъ годовъ, и чтобы новая реформа была дѣйствительнымъ шагомъ впередъ, то, по нашему мнѣнію необходимо сдѣлать радикальное измѣненіе въ таблицѣ еженедѣльныхъ уроковъ новаго проекта.

Матеріяльное положеніе учителей значительно улучшается по новому проекту. Вознагражденіе расчислено по количеству уроковъ, и жалованья за двѣнадцать (часовыхъ) уроковъ полагается 900 рубл., а учитель занятый въ заведеніи 22 часа будетъ получать 1.500 руб. Не можемъ не указать на важный, по нашему мнѣнію, недостатокъ какъ нынѣ дѣйствующей системы вознагражденія, такъ и той, какую предполагается ввести новымъ уставомъ. У насъ жалованье преподавателя остается одно и то же съ перваго до послѣдняго дня его службы. Молодой, неопытный, только что начинающій свою дѣятельность преподаватель получаетъ содержаніе наравнѣ съ человѣкомъ, много лѣтъ уже дѣйствующимъ на учебномъ поприщѣ. Обстановка, которую можно назвать роскошною по отношенію къ начинающему, становится неудовлетворительною именно въ ту эпоху дѣятельности преподавателя, когда онъ можетъ быть по преимуществу полезенъ. Въ университетахъ, гдѣ существуетъ нѣсколько разрядовъ профессоровъ, молодой ученый имѣетъ въ виду повышеніе и соединенное съ нимъ увеличеніе оклада; въ иностранныхъ заведеніяхъ, соотвѣтствующихъ нашимъ гимназіямъ, есть также разряды преподавателей. Подобное устройство было бы благотворно и для нашихъ гимназій. Около опытныхъ преподавателей, составляющихъ главный педагогическій корпусъ заведенія и получающихъ вполнѣ обезпечивающее ихъ содержаніе, группировалось бы извѣстное число молодыхъ людей, начинающихъ учебное поприще съ небольшимъ содержаніемъ, но съ надеждою на повышеніе. Служба и опытность получили бы свою цѣну, и самое устройство могло бы быть сдѣлано на весьма экономическихъ началахъ, особенно еслибы содержаніе преподавателей было поставлено въ болѣе близкую, чѣмъ нынѣ, зависимость отъ платы, сбираемой съ учащихся.

Наконецъ, мы затрудняемся понять, почему въ новомъ уставѣ предполагается подвергнуть довольно оригинальному преобразованію пансіоны при гимназіяхъ. Для пансіонеровъ назначается комплектъ: ихъ число не должно превышать восьмидесяти, что очень не выгодно съ экономической стороны, именно для тѣхъ пансіоновъ, которые нынѣ находятся въ наиболѣе удовлетворительномъ состояніи и пользуются довѣріемъ родителей. Далѣе, пансіоны оставляются только для воспитанниковъ низшихъ четырехъ классовъ; а въ старшихъ классахъ предполагается выдавать стипендіи тѣмъ изъ воспитанниковъ, которые со-

держатся на счетъ казны, обществъ или сословій. Не возвести ли ужь и гимназистовъ на степень самостоятельныхъ гражданъ подчиненныхъ общей полиціи, какъ это уже сдѣлано относительно студентовъ? Случалось слышать, что нѣкоторые директоры жаловались на невозможность справиться съ пансіонерами высшихъ классовъ. Не думаемъ, конечно, чтобы подобныя комическія жалобы могли послужить мотивомъ къ предполагаемымъ перемѣнамъ. Полагаемъ, что родители не были бы довольны ими, а ихъ голосъ въ этомъ дѣлѣ, безъ сомнѣнія, имѣетъ значеніе.

Б.

По существовавшимъ законамъ иностранецъ, желавшій оставить русское подданство, былъ обязанъ: 1. продать свое недвижимое имѣніе, буде имѣлъ его въ Россіи; 2. заплатить трехлѣтнюю подать по своему состоянію; 3. заплатить казенныя долги и недоимки; 4. внесть въ казну пошлину за вывозъ движимаго имущества, если платежъ оной не отмѣнялся трактатами съ тою державой, подъ которую онъ возвращался; 5. выѣхать заграницу въ теченіе года со дня исключенія изъ оклада. Первое условіе утратило свою важность съ изданіемъ въ 1860 году закона дозволяющаго иностранцамъ пріобрѣтать въ Россіи недвижимую собственность. Уплата трехлѣтней подати падала только на бѣдныхъ людей приписанныхъ къ податнымъ сословіямъ, и доставляла казнѣ самую незначительную сумму (въ теченіе 10 лѣтъ менѣе 1.000 р.). Вычетъ за перевозъ имущества уже отмѣненъ по договорамъ съ большею частью державъ. Наконецъ годовой срокъ на выѣздъ за границу, не ограждая интереса государственнаго, представлялся излишнимъ стѣсненіемъ. Вслѣдствіе того признано справедливымъ отмѣнить вышесказанныя условія (см. выше, въ офиціяльномъ отдѣлѣ, мнѣніе гос. сов., высочайше утв. 10 февраля).

Съ другой стороны, принятіе русскаго подданства не было, по прежнему закону, ограничено никакими условіями и свободно предоставлялось всякому (кромѣ Евреевъ и дервишей), тогда какъ напротивъ въ иностранныхъ государствахъ такъ-называемая *натурализація* стѣснена исполненіемъ многихъ затруднительныхъ обрядовъ и предварительнымъ разрѣшеніемъ верховной (какъ во Франціи) или министерской власти. Во Франціи и Австріи требуется даже, для принятія въ подданство, десятилѣтнее пребываніе иностранца въ странѣ. Отсюда происходило весьма рѣзкое въ этомъ отношеніи различіе между законами русскимъ и иностранными,—различіе нерѣдко отзывавшееся на практикѣ весьма не выгодно для Россіи. Притомъ, если въ прежнее время, при существованіи рѣзкаго различія между гражданскими правами русскихъ подданныхъ и иностранцевъ въ Россіи, могло быть нѣкоторое основаніе къ облегченію формальностей пріема въ русское подданство, то нынѣ, при расширеніи правъ, дарованныхъ въ Россіи иностранцамъ, естественнѣе заботиться о томъ, чтобы въ отворенныя двери русскаго подданства не набралось къ намъ множество людей неблагонадежныхъ съ одною цѣлью укрыться отъ преслѣдованій своего правительства или уклониться отъ исполненія обязательствъ, заключенныхъ на родинѣ. Для охраненія русскаго достоинства и русскихъ интересовъ нужно было, облегчивъ иностранцамъ выходъ отъ насъ, подчинить пріемъ ихъ въ русское подданство условіямъ, обезпечивающимъ до нѣкоторой степени благонадежность и состоятельность пришельца. Новый законъ постановляетъ, что иностранецъ, желающій быть принятымъ въ русское подданство, долженъ прожить прежде того не менѣе пяти лѣтъ въ предѣлахъ Имперіи. Подавая прошеніе о принятіи въ подданство, онъ долженъ представить свидѣтельство о прибытіи въ Россію, полученное отъ надлежащей русской власти по меньшей мѣрѣ за пять лѣтъ передъ тѣмъ. Пятилѣтній срокъ сокращается по особымъ соображеніямъ для тѣхъ, кто приноситъ съ собою въ Россію особые таланты, либо полезныя изобрѣтенія, или наконецъ въ уваженіе особенныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находится иноземецъ (ст. 11 — 14). Требуется, чтобъ иностранецъ удостовѣрилъ, чѣмъ занимался въ своемъ отечествѣ и какому занятію желаетъ посвятить себя въ Россіи. Наконецъ, постановляется, что принятіе иностранца въ русское подданство или отказъ въ томъ зависитъ во всякомъ случаѣ отъ усмотрѣнія русскаго правительства (министра внутреннихъ дѣлъ), и что принятіе русскаго подданства имѣетъ силу только лично для того, кто его принялъ, и не распространяется на преждерожденныхъ дѣтей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ новый законъ отмѣняетъ постановленія, въ силу коихъ Русскія, вышедшія въ замужество за иностранцевъ, должны были продавать недвижимое имущество въ Россіи, и иновѣрные женихи должны были, вступая въ бракъ съ русскими невѣстами, принимать присягу на подданство: браки иновѣрцевъ съ православными невѣстами разрѣшаются свободно, тогда какъ прежде надлежало каждый разъ испрашивать на такой бракъ высочайшее соизволеніе.

Число случаевъ принятія русскаго подданства иностранцами уже уменьшилось съ 1860 года. Новый законъ будетъ содѣйствовать тому, что оно отнынѣ уменьшится еще болѣе. Побужденій къ принятію подданства еще съ 1860 года стало меньше прежняго, а теперь препятствій становится больше. Слѣдствіемъ этого должно быть увеличеніе числа иностранцевъ проживающихъ въ Россіи съ сохраненіемъ иноземнаго подданства, подъ защитой своихъ миссій и консульствъ.

№ 69.

Москва, 26-го марта.

А.

Теперь, когда намъ предстоитъ коренная реформа въ нашемъ судоустройствѣ, не безполезно обращать вниманіе на особенности судебной практики въ другихъ странахъ. Что препятствуетъ французскому судьѣ сохранять тотъ характеръ достоинства и безпристрастія, который такъ существенно необходимъ ему въ отправленіи его высокой обязанности? Почему онъ не внушаетъ надлежащаго довѣрія къ себѣ? Есть много причинъ, которыя способствуютъ этому. Французскій судья—лицо далеко не въ такой степени независимое и возвышенное по своему положенію какъ судья въ Англіи. Благодаря тому обстоятельству, что въ Англіи судьи объѣзжаютъ страну въ опредѣленные сроки и опредѣленными участками, тамъ не требуется ихъ въ такомъ количествѣ какъ во Франціи, гдѣ въ каждомъ департаментѣ есть особый мѣстный судъ, а потому въ Англіи, гдѣ на всю страну имѣется не болѣе пятнадцати судей, они дѣйствительно представляютъ собою цвѣтъ судебнаго сословія, дѣйствительно лучшіе люди корпораціи. Сверхъ того, въ Англіи нѣтъ государственныхъ обвинителей, по крайней мѣрѣ государственные обвинители не имѣютъ монополіи тамъ гдѣ они есть, какъ въ Шотландіи. Судья такимъ образомъ не находится тамъ какъ во Франціи, между прокуроромъ, какъ агентомъ власти, и частнымъ адвокатомъ, защищающимъ подсудимаго. Судья въ Англіи находится между двумя равносильными партіями; допросы свидѣтелямъ дѣлаются адвокатами обѣихъ сторонъ, и судья не принимаетъ въ нихъ прямаго участія; судья слѣдитъ только за ходомъ допросовъ и преній, наблюдаетъ за ихъ правильностію, и, въ случаѣ уклоненія той или другой стороны, указываетъ имъ законные предѣлы, которыхъ они должны держаться. Предъ судьей такимъ образомъ развертывается процессъ, надъ которымъ онъ возвышается и въ который не вмѣшивается. Во Франціи же судья самъ пускается въ допросы; прежде чѣмъ дѣло успѣло обозначиться и раскрыться, судья уже явно находится на той или другой сторонѣ; онъ является столько же судьей, сколько и преслѣдователемъ, и вотъ почему онъ не отличается тѣмъ характеромъ спокойнаго достоинства, который болѣе всего свойственъ его должности. Въ Англіи судья имѣетъ огромную власть; но онъ поставленъ такъ, что не считаетъ себя обязаннымъ предрасполагать присяжныхъ къ такому или другому рѣшенію; лишь по окончаніи судебныхъ преній онъ суммируетъ ихъ результаты и представляетъ со всевозможнымъ безпристрастіемъ изложеніе дѣла въ его существенныхъ чертахъ, не упуская ничего, что можетъ послужить хоть сколько-нибудь къ пользѣ подсудимаго въ мнѣніи присяжныхъ.

Ниже читатели найдутъ окончаніе краткаго отчета о процессѣ Армана и сводъ разсказовъ и мнѣній о безпорядкахъ въ Монпелье и шумныхъ толкахъ во всей Франціи, возбужденныхъ этимъ процессомъ. Само по себѣ, преступленіе, подавшее поводъ къ процессу, незначительно и ничтожно: то была жалкая комедія тщеславнаго и корыстолюбиваго слуги, которая едва не кончилась очень трагически для ея виновника. Но процессъ важенъ потому что обрисовываетъ характеръ магистратуры въ нынѣшней Франціи. Онъ еще разъ подтверждаетъ, что судебныя пренія во Франціи часто, чтобы не сказать всегда, обращают-

ся въ ожесточенную, почти личную борьбу между государственнымъ обвинителемъ, къ которому склоняется судья, и защитникомъ. Самая обыкновенная аргументація, какъ съ той, такъ и съ другой стороны, личность и частная жизнь подсудимаго. Въ процессѣ Армана г. Жюль Фавръ остановилъ генералъ-прокурора, когда тотъ вздумалъ распространяться о порокахъ подсудимаго, хотя черезъ нѣсколько засѣданій, когда и до него дошла очередь говорить, онъ то же самое сдѣлалъ относительно Мориса Ру, упрекнувъ его, зачѣмъ онъ читаетъ *Reine Margot* и другіе пустые романы, на что президентъ, тоже безъ настоятельной надобности, замѣтилъ, что нельзя же требовать отъ слуги, чтобъ онъ читалъ *Всеобщую Исторію* Боссюэта. Всѣ заботы французскаго прокурора направлены на то, чтобъ отстоять обвинительный актъ. Такой взглядъ очень естественно проистекаетъ отъ зависимаго положенія, въ которое поставлена въ отношеніи къ центральной власти прокурорская іерархія, пользующаяся громаднымъ вліяніемъ на ходъ судопроизводства, а отчасти и на рѣшенія судей. Все это низводитъ судебную власть съ ея высоты и колеблетъ уваженіе къ ней какъ публики, такъ и присяжныхъ, выслушивающихъ не рѣдко слова президента суда безъ особеннаго довѣрія къ его безпристрастію.

Въ настоящемъ случаѣ несогласіе судьи съ присяжными особенно разительно. Дѣло было какъ нельзя болѣе ясно: разсматривался вопросъ, совершено ли было извѣстное дѣяніе, и присяжные, объявивъ, что Арманъ невиненъ, утверждали тѣмъ самымъ, что вовсе *не было* и того факта, изъ котораго возникло все обвиненіе; напротивъ того, ассизный судъ Устьевъ Роны, приговоривъ Армана къ уплатѣ убытковъ, призналъ тѣмъ самымъ, что фактъ *существовалъ*. Тутъ дѣло шло не о преступности или непреступности извѣстнаго дѣянія, а именно о самомъ его существованіи, потому что допустивъ, что оно существовало, вы уже тѣмъ самымъ допускаете и его преступный характеръ: или Арманъ совсѣмъ не сходилъ въ погребъ къ Ру и не наносилъ ему удара, или онъ покушался на его убійство; одно изъ двухъ непремѣнно—середины тутъ нѣтъ. Такимъ образомъ судъ сталъ, своимъ приговоромъ, въ явное противорѣчіе съ присяжными, и очень понятно то волненіе, которое произведено было во французскомъ обществѣ этимъ противорѣчіемъ. Можно даже сказать, не боясь ошибиться, что безпорядки въ Монпелье, которые подробно описаны ниже, были въ значительной степени вызваны приговоромъ ассизнаго суда. Публика, уже предубѣжденная противъ Армана, узнавъ, что судъ, несмотря на вердиктъ присяжныхъ о невинности, постановилъ приговоръ противъ подсудимаго, очень естественно пришла къ заключенію, что должно же быть въ самомъ дѣлѣ совершилъ преступленіе Арманъ, когда судъ рѣшился, хотя и косвенно, пойдти противъ приговора присяжныхъ...

Б.

Вопросъ о конференціи и о международной сторонѣ датско-германскаго вопроса начинаетъ понемногу проясняться. Ту закулисную игру, о которой мы нѣсколько разъ уже упоминали въ Послѣдней Почтѣ предыдущихъ нумеровъ *Московскихъ Вѣдомостей*, Франція по немногу переводитъ на открытую сцену. Вездѣ въ европейскомъ журнальномъ мірѣ согласно утверждаютъ, что политика Франціи по отношенію къ датско-германскому столкновенію вступаетъ въ свой новый фазисъ, и скоро, говорятъ, этотъ новый фазисъ возвѣщенъ будетъ міру правильнымъ дипломатическимъ путемъ. Франція не желаетъ уже держаться оснований Лондонскаго трактата: она желаетъ предоставить рѣшеніе вопроса о цѣлости Датской монархіи волѣ народонаселенія Герцогствъ. Вчера мы приводили любопытныя указанія *Веймарской Газеты* и *Grenzboten*: сегодня приводимъ (подъ рубрикою *Франція*) текстъ заключительныхъ строкъ статьи полуофиціяльной газеты *Constitutionnel*. Замѣчательно, что и германскія державы тоже начинаютъ раскрывать свое истинное намѣреніе. Онѣ распоряжаются территоріей независимаго государства; онѣ передѣлываютъ карту Европы и даже реформируютъ генеалогію Ольденбургскаго дома, очень наивно выражая при этомъ легкое сомнѣніе, охотно ли согласятся съ ними Россія и Ольденбургъ. Телеграфъ сообщаетъ намъ теперь, что австрійская офиціяльная газета *Wiener Abendpost* высказывается нѣсколько иначе. По словамъ ея, великія нѣмецкія державы потребуютъ, чтобъ оба Герцогства, связанныя административно и политически, находились

съ Даніей въ личномъ соединеніи и подлежали какому-то надзору или контролю Германскаго Союза. Тутъ затѣй много, но по крайней мѣрѣ нѣтъ притязанія на территоріальныя перемѣны. Между тѣмъ прусскій министерскій органъ, *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, къ крайнему удивленію, прямо совѣтуетъ предоставить народонаселенію Герцогствъ самому рѣшить вопросъ, хочетъ ли оно оставаться датскимъ или нѣмецкимъ. Это ужь совсѣмъ по наполеоновски. Не достаетъ только, чтобы г. фонъ-Бисмаркъ принялся вводить въ Герцогствахъ всеобщую подачу голосовъ. Та же прусская министерская газета, вмѣстѣ съ франкфуртскою *Europe*, не сомнѣваются въ согласіи Германскаго Сейма на конференцію. Споръ идетъ только о томъ, кому быть представителемъ сейма на этой конференціи. Австрійская сторона выставляетъ гановерскаго министра графа Платена, потому что онъ, своимъ извѣстнымъ усердіемъ въ пользу цѣлости Датской монархіи, по выраженію нѣмецкихъ патріотовъ „поможетъ испортить, въ австрійскомъ духѣ, дѣло Шлезвигъ-Гольштейна"; правительства же, благопріятныя независимости Герцогствъ, колеблются между саксонскимъ министромъ, г. фонъ-Бейстомъ, и баварскимъ, г. фонъ-деръ-Пфордтеномъ. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ, кажется, сомнѣнію, что конференція соберется въ назначенный Англіей день 12-го апрѣля.

№ 70.

Москва, 27-го марта.

А.

Въ Баденѣ принята мѣра, заслуживающая особеннаго вниманія. Мы разумѣемъ новыя постановленія, которыми опредѣляется окружная, или, по нашему, уѣздная юрисдикція. Въ каждомъ округѣ Бадена учреждается совѣтъ, состоящій подъ предсѣдательствомъ коронпаго чиновника изъ наиболѣе уважаемыхъ мѣстныхъ жителей, числомъ отъ 6 до 9. При назначеніи членовъ совѣта выборное начало соединено съ опредѣленіемъ отъ короны. Они назначаются на два года министромъ внутреннихъ дѣлъ, но не иначе какъ изъ числа лицъ избранныхъ обывателями, которые составляютъ списокъ лицъ, достойныхъ по ихъ мнѣнію этой чести и соотвѣтствующихъ постановленнымъ въ законѣ условіямъ. Одно изъ условій—осѣдлость въ предѣлахъ округа. Ценза не назначено, но должность члена совѣта безвозмездная, и слѣдовательно безвозмездность замѣняетъ собой цензъ. Что касается до круга дѣятельности этихъ совѣтовъ, то имъ предоставлена, въ извѣстныхъ предѣлахъ, какъ судебная, такъ и административная часть. Наконецъ, совѣтамъ не придано ни характера присутственныхъ мѣстъ, ни того характера, который имѣютъ во Франціи мѣстные совѣты, собирающіеся по разу въ годъ на короткій срокъ, чтобы поговорить о мѣстныхъ потребностяхъ, но не прикасающіеся къ исполненію дѣлъ и сопряженной съ нимъ отвѣтственности.

Это новое баденское учрежденіе имѣетъ несомнѣнное право на видное мѣсто въ той политической системѣ, которой придается, по примѣру Англіи, названіе *системы самоуправленія*, и которая такъ мало примѣняется, и такъ плохо понимается на материкѣ, благодаря мертвящему вліянію французскихъ понятій о либерализмѣ. Самоуправленіе только тогда имѣетъ надлежащій видъ, когда является органомъ той же самой государственной власти, которая дѣйствуетъ и посредствомъ чиновничества. Вотъ почему самоуправленіе можетъ обходиться даже вовсе безъ выборнаго начала какъ мы и видимъ въ Англіи, гдѣ мировые судьи назначаются отъ короны. Нѣтъ ничего фальшивѣе того мнѣнія, что самоуправленіе будто бы противоположно государственной власти или должно стоять внѣ ея. На основаніи этого мнѣнія считаютъ выборное начало непремѣнною принадлежностью самоуправленія. Но повторяемъ, нѣтъ ничего ошибочнѣе подобныхъ мнѣній. Выборы необходимы для политическаго представительства, но отнюдь не составляютъ существеннаго условія въ самоуправленіи. Тутъ дѣло заключается не въ томъ кѣмъ выбраны или назначены лица управляющія мѣстными дѣлами, а въ томъ къ какому кругу они принадлежатъ, къ мѣстнымъ ли наиболѣе почетнымъ обывателямъ или къ спеціалистамъ государственной службы, ею исключительно занимающимся и въ ней находящимъ средства существованія. Выборное начало нисколько не устраняетъ собой такого устройства, при которомъ всѣ дѣла будутъ находиться въ рукахъ наемниковъ, а съ другой стороны коронному назначенію можетъ

быть дано такое направленіе, что оно будетъ падать исключительно на людей имѣющихъ общественное положеніе и отъ службы не зависящихъ. Въ каждой мѣстности есть люди, которыхъ выдвигаетъ впередъ сама жизнь, люди пользующіеся въ этой мѣстности почетомъ, составляющіе высшій ея кругъ. Если эти люди непоставлены въ антагонизмъ къ другимъ мѣстнымъ жителямъ какою-нибудь сословною организаціей, то всего вѣрнѣе поручить этимъ людямъ веденіе мѣстныхъ дѣлъ. Очень можетъ случиться, что и эти люди будутъ дѣйствовать неудовлетворительно, но гораздо вѣроятнѣе ожидать полезной дѣятельности отъ нихъ чѣмъ отъ людей, которые все свое значеніе заимствуютъ отъ должности, имъ ввѣряемой. Чиновника можно поставить такъ, что онъ будетъ пользоваться еще бóльшимъ почетомъ чѣмъ почетнѣйшіе мѣстные жители, но это положеніе будетъ искусственное; оно будетъ производить насильственную перестановку въ естественномъ ходѣ общественной жизни, и уже по этому одному должно обходиться государству очень дорого. Нѣтъ напримѣръ ничего невозможнаго въ томъ, чтобы сдѣлать изъ исправника нѣчто въ родѣ уѣзднаго губернатора, но вопервыхъ чего это будетъ стоить, а вовторыхъ кто поручится, что уѣздными начальниками будутъ вездѣ люди болѣе способные держать власть и болѣе достойные почета чѣмъ тѣ мѣстные жители, которые своимъ почетомъ обязаны своему общественному положенію, а не какой-либо должности на нихъ возложенной? Общественная жизнь, выдвигающая и распредѣляющая людей, есть сила; на нее безопаснѣе полагаться чѣмъ на искусственную организацію, которая какъ бы ни старалась отдѣлить себя отъ общества, все-таки не можетъ стоять внѣ его и не подчиняться его вліяніямъ. Самоуправленіе можетъ идти въ одномъ мѣстѣ лучше, въ другомъ хуже, но оно будетъ непремѣнно находиться въ соотвѣтствіи съ дѣйствительнымъ состояніемъ общества, между тѣмъ какъ чиновническое управленіе ни въ какомъ случаѣ не можетъ стоять выше того общества, въ которомъ живутъ и изъ котораго берутся чиновники, но очень можетъ не достигать высшаго уровня общественной жизни.

Итакъ не способъ избранія имѣетъ важность для самоуправленія, а тѣ условія, безъ которыхъ лучшіе мѣстные люди не могутъ быть привлечены къ общественной службѣ. Эти условія заключаются преимущественно въ почетной обстановкѣ должности и въ серіозности ея значенія. Почетная обстановка нужна для того, чтобы принятіе должности не было униженіемъ для человѣка, уже пользующагося общественнымъ почетомъ; еслибъ у насъ мировые посредники не были поставлены въ такое же независимое положеніе какъ предводители дворянства, то можно ли было бы ожидать чтобы личный составъ мировыхъ учрежденій былъ удовлетворителенъ? Въ Англіи мировой судья поставленъ высоко, а нѣсколько столѣтій тому назадъ, когда мировой институтъ пускалъ корни въ Англіи мировой судья стоялъ еще выше. Въ знакъ этого особеннаго уваженія къ его сану, мировой судья получилъ наименованіе не *judge*, судья, а *justice*, что можно перевести высшій судья (justitiarius). Но одного почета мало: должность мироваго судьи только тогда будетъ привлекательна для лучшихъ изъ мѣстныхъ людей, когда отправленіе ея будетъ сопровождаться сознаніемъ приносимой ею пользы. У насъ важность крестьянской реформы призвала къ мировой службѣ много такихъ лицъ, который теперь, когда трудное время миновало, уже перестаютъ интересоваться ею и выходятъ въ отставку. Во Франціи есть тоже свои мировые судьи, *juges de paix*, но кругъ ихъ дѣятельности такъ незначителенъ, что никому и въ голову не приходитъ, чтобъ эту должность могли принимать на себя наиболѣе почетные изъ мѣстныхъ жителей. Но какъ увеличить значеніе этой должности? Расширять кругъ судебныхъ дѣлъ, подлежащихъ ея вѣдомству, было бы неудобно, такъ какъ серіозная судебная юрисдикція требуетъ техническихъ познаній, а потому не остается ничего болѣе, какъ соединить съ судебною частію дѣла административныя. Такъ было сдѣлано въ Англіи; такъ дѣлаютъ теперь въ Баденѣ, и такъ принуждены будутъ сдѣлать вездѣ, гдѣ захотятъ прочно водворить мѣстное самоуправленіе, то-есть управленіе мѣстными дѣлами посредствомъ первенствующихъ людей мѣстности.

Б.

Въ *Русскомъ Инвалидѣ*, отъ 18-го марта, въ статьѣ о годовщинѣ вступленія русскихъ и союзныхъ войскъ въ Парижъ, за подписью генерала Богдановича, автора *Исторіи войны 1813 года*, сказано, между

прочимъ, слѣдующее: „Въ настоящее время, тамъ, гдѣ съ торжествомъ проходили „наши воины (въ Парижѣ), встрѣчаются „на каждомъ шагу грандіозные памятники „и другія сооруженія, напоминающія Французамъ мѣста побѣдъ ихъ: Аустерлицъ, „Іену, Альму, Сольферино. Даже Севастополь, ярко отмѣченный въ лѣтописяхъ „войнъ кровью его защитниковъ, украсилъ „своимъ роковымъ именемъ одинъ изъ бульваровъ Парижа. Въ нашихъ столицахъ „нѣтъ такихъ памятниковъ, и только лишь „вражьи знамена, украшающія наши святыни, свидѣтельствуютъ о мужествѣ русскихъ воиновъ. Такъ сохранимъ же въ „душахъ память доблести предковъ, какъ „обычно сохранять память всего добраго „славному русскому народу — благодарность.“

Въ самомъ дѣлѣ, изъ опасенія оскорбить щекотливость другихъ націй, которыя однако не затрудняются оскорблять нашу народную гордость, мы скромно воздерживаемся отъ увѣковѣченія внѣшними знаками славныхъ минутъ нашей исторіи. За то доблестныя воспоминанія, не поддержанныя періодическими народными празднествами, общественными памятниками или какими-либо другими, понятными для народа, внѣшними знаками, мало-по-малу слабѣютъ въ народѣ, и потому понятны невѣжественныя политическія бесѣды жителей города N. у полицеймейстера, этого „всѣмъ извѣстнаго отца и благодѣтеля города“ въ *Мертвыхъ Душахъ* нашего Гоголя. Такъ какъ у насъ нѣтъ, или почти нѣтъ такихъ народныхъ историческихъ памятниковъ, то вотъ почтенный авторъ упомянутой статьи и взываетъ къ обществу о томъ, чтобъ оно хотя въ душѣ своей хранило благодарную память о русской доблести и славѣ.

Во всякомъ случаѣ, смыслъ статьи представляющей собою, вслѣдъ за приведеннымъ приступомъ, оживленный очеркъ событій той славной эпохи, совершенно ясенъ. Каково же было наше изумленіе, когда мы увидѣли, что телеграфъ, передавая иностраннымъ газетамъ содержаніе этой статьи, совершенно переиначилъ ея смыслъ, заставивъ генерала Богдановича говорить то чего онъ не думалъ говорить, и когда иностранная журналистика вывела изъ статьи заключеніе, что *Русскій Инвалидъ* старается смягчить впечатлѣніе произведенное на Европу чисто-военнымъ праздникомъ 19-го марта, бывшимъ въ Петербургѣ, и что русская офиціяльная газета какъ бы оправдывается въ этомъ!

Но въ чемъ намъ оправдываться? Развѣ въ излишней скромности тамъ гдѣ дѣло касается нашей народной чести и дорогихъ воспоминаній нашей исторіи, и развѣ въ томъ, что мы съ непостижимою наивностію твердимъ съ чужаго голоса, что у насъ вовсе не было исторіи?

Итакъ, если намъ и слѣдуетъ оправдываться, то не передъ другими державами, а развѣ передъ самими собою. Однако во Франціи думаютъ не такъ; тамъ полагаютъ, что нашимъ скромнымъ военнымъ праздникомъ мы провинились передъ нею; что подъ этимъ праздникомъ кроются враждебные замыслы и желаніе вызвать почтенную тѣнь Священнаго Союза. Нѣмецкія газеты положительно утверждаютъ, что Парижскій дворъ взволновался, получивъ извѣстіе о торжествѣ 19-го марта, и что будто бы только вышеупомянутая статья въ *Русскомъ Инвалидѣ* успокоила его. *Монитеръ*, отъ 5-го апрѣля, вѣроятно по тому же поводу, считаетъ нужнымъ назидательно указать намъ на то обстоятельство, что въ Англіи ужь не празднуется годовщина Ватерлосской битвы (см. *Послѣднюю Почту*). Пусть такъ; но французская офиціяльная газета не сообщаетъ намъ, перестала ли въ то же время Waterloo-Bridge называться *Ватерлосскимъ мостомъ*, а duc de Malakoff *герцогомъ Малахова Кургана*.... Газета *La France*, въ свою очередь, снисходительно объясняя своимъ читателямъ, что произведенный 19-го числа въ Петербургѣ смотръ гвардейскому корпусу не имѣетъ угрожающаго политическаго характера, въ то же время съ удивительною беззастѣнчивостью утверждаетъ, что подобныя торжества во всякомъ случаѣ составляютъ принадлежность минувшихъ эпохъ, и что въ новой, императорской, цивилизованной Франціи уже нѣтъ ничего подобнаго; что она разорвала въ этомъ отношеніи всякую связь съ прошедшимъ, и уважая себя, умѣетъ щадить и въ другихъ національное чувство! И это говорятъ въ назиданіе намъ—говорятъ въ Парижѣ!... Но въ Парижѣ, что ни шагъ, то какое-нибудь громкое урочище, которое ежеминутно, и постоянно возобновляетъ въ народѣ воспоминаніе, часто оскорбительное для самолюбія другаго народа, и вотъ насъ увѣряютъ будто бы Франція чужда, въ этомъ отношеніи, обычаевъ прежняго времени! А мы едва устроимъ у

себя какой-нибудь военный праздникъ, въ пятидесяти-лѣтнюю годовщину дѣйствительно славнаго событія, какъ уже отъ насъ требуютъ, чтобы мы оправдывались и объяснялись.

Вотъ, однако, текстъ телеграммы, извѣщающей иностранныя газеты о праздникѣ 19-го марта: „31-го марта произведенъ былъ въ Петербургѣ, передъ памятникомъ Александра I, смотръ гвардейскому корпусу, по случаю пятидесятилѣтней годовщины вступленія союзныхъ войскъ въ Парижъ. По этому поводу, въ *Русскомъ Инвалидѣ* сказано: Всякая нація по своему увѣковѣчиваетъ свои славныя воспоминанія. Во Франціи и въ Англіи, памятники, улицы, мосты напоминаютъ побѣды, одержанныя прежними поколѣніями. Въ Россіи, доблестныя дѣянія хранятся въ сердцахъ, *и годовщина ихъ торжествуется смотрами.*“ (Послѣднихъ словъ, напечатанныхъ курсивомъ, вовсе нѣтъ у г. Богдановича).

№ 71.

Москва, 28-го марта.

А.

Наши замѣчанія, въ № 56, о нѣкоторыхъ затрудненіяхъ, возникшихъ между мировыми съѣздами и губернскими присутствіями, по поводу обязательнаго для крестьянъ разверстанія угодій, вызвали въ *Сѣверной Почтѣ* (№ 65) нѣсколько словъ критики. Это побуждаетъ насъ яснѣе обозначить смыслъ нашихъ замѣчаній и тѣмъ устранить все что̀ въ нихъ или въ ихъ тонѣ могло показаться предосудительнымъ.

Сѣверная Почта сожалѣетъ, что статьи наши съ нѣкотораго времени отличаются рѣзкостью, какой прежде въ нихъ не было. „Мы“, говоритъ она, „не можемъ не выразить сожалѣнія на счетъ формъ, которыми *Московскія Вѣдомости* съ нѣкотораго „времени начали облекать свои статьи. Мы „привыкли находить въ нихъ не только „мысль большею частью вѣрную, но и выраженія болѣе или менѣе сдержанныя и „осторожныя, тамъ гдѣ сдержанность и осторожность были умѣстны. Мы не можемъ „признать этихъ достоинствъ за статьей, „которую теперь разсматриваемъ.“ Мы приняли бы безъ протеста укоръ относительно характера нашихъ статей, еслибъ онъ относился къ намъ за все время нашей журнальной дѣятельности; мы не судьи въ собственномъ дѣлѣ, и очень охотно предоставляемъ другимъ, а особенно *Сѣверной Почтѣ*, судить какъ о направленіи, такъ и о формѣ нашихъ статей. Но мы позволяемъ себѣ возразить противъ того ограниченія, съ которымъ *Сѣверная Почта* высказываетъ свою укоризну: мы никакъ не можемъ согласиться, чтобы съ нѣкотораго времени произошла какая-либо перемѣна въ направленіи или тонѣ нашихъ статей. Обстоятельства въ нынѣшнемъ году не тѣ что̀ были въ прошломъ; но мы не измѣнились. А можетъ-быть намъ слѣдовало, съ перемѣною обстоятельствъ, измѣнить тонъ, или даже вовсе умолкнуть по отношенію къ тѣмъ предметамъ, которые прошлаго года были открыты для довольно свободнаго обсужденія? Это другой вопросъ, на который мы не умѣемъ отвѣчать; и потому продолжаемъ нашу дѣятельность въ томъ смыслѣ и духѣ, какъ шла она до сихъ поръ; во всякомъ случаѣ намъ было бы гораздо легче вовсе умолкнуть нежели измѣнить направленіе и характеръ нашихъ сужденій.

Намъ было прискорбно прочесть въ статьѣ *Сѣверной Почты* слѣдующія слова: „*Намъ* „*пишутъ*, говорятъ *Московскія Вѣдомости*; „и на основаніи этого *намъ пишутъ* по„строенъ рядъ обвиненій или нареканій, „направленныхъ не только противъ нѣсколь„кихъ губернаторовъ, поименованныхъ „чрезъ поименованіе ввѣренныхъ имъ гу„берній, но и противъ губернскихъ властей „вообще.“ Мы не можемъ не пожалѣть, что наша статья подала поводъ къ такимъ заключеніямъ: никакихъ обвиненій или нареканій въ ней не высказывается, ни подразумѣвается. *Сѣверная Почта* вызываетъ насъ указать на случаи, въ которыхъ проявилось бы стремленіе губернаторовъ стѣснить самостоятельность мировыхъ учрежденій, въ которыхъ обнаружилось бы неправильное вмѣшательство въ кругъ ихъ дѣятельности, въ которыхъ нарушены были ихъ коренныя основанія, и гдѣ бы подобныя дѣйствія мѣстныхъ начальствъ были одобрены или поддержаны властью высшихъ правительственныхъ инстанцій. Но статья наша, о которой идетъ рѣчь, отнюдь не имѣла въ виду изобличать неправильный образъ дѣйствій губернскихъ властей. Насъ занимали не какіе-либо частные случаи, относящіеся къ мировымъ учрежденіямъ, а

общее положеніе ихъ, и замѣтка наша имѣла своею цѣлію способствовать разъясненію не нами заданнаго вопроса. Мы не говорили, что въ той или другой изъ поименованныхъ нами губерній, губернаторы или губернскія присутствія совершали какія-либо злоупотребленія (обвиненія и нареканія могутъ относиться только къ злоупотребленіямъ); мы говорили лишь о томъ значеніи, которое, по нашему мнѣнію, свойственно мировымъ съѣздамъ, о характерѣ тѣхъ отношеній, въ которыхъ они, по нашему мнѣнію, должны находиться къ губернскимъ присутствіямъ или губернскимъ властямъ. Намъ казалось и кажется, что мировыя учрежденія могутъ приносить пользу только при условіи возможно большей самостоятельности, которую, если мы не ошибаемся, законъ имѣлъ въ виду сообщить имъ. Держась опредѣленнаго взгляда на мировыя учрежденія, мы весьма естественно беремъ его въ основаніе при оцѣнкѣ всякаго вопроса, который ихъ касается. Еслибы все на свѣтѣ дѣлалось *modo geometrico*, то не было бы никакихъ сомнѣній и разногласій. Однако не только по вопросамъ возникающимъ въ жизни, но даже и по вопросамъ математическимъ, сколько-нибудь сложнымъ, могутъ возникать сомнѣнія, и путь къ рѣшенію можетъ представляться различно съ различныхъ точекъ зрѣнія. „Намъ пишутъ“, сказали мы, и на основаніи этого *намъ пишутъ*, изложили въ главныхъ чертахъ возникшій въ трехъ губерніяхъ вопросъ, относительно срока для обжалованія единогласныхъ рѣшеній мировыхъ съѣздовъ по дѣлу обязательнаго разверстанія угодій (не жалобъ допускаемыхъ ст. 127 Полож. объ учрежд.). Болѣе ничего не говорили мы въ нашей статьѣ о дѣйствіяхъ губернаторовъ или губернскихъ присутствій въ трехъ поименованныхъ нами губерніяхъ. Возбужденный вопросъ казался намъ интереснымъ и важнымъ. Онъ давалъ поводъ къ нѣкоторымъ размышленіямъ, и мы считали своимъ долгомъ высказать то что̀ казалось намъ въ этомъ отношеніи полезнымъ. Фактическимъ основаніемъ нашей статьи было не какое либо обвиненіе или нареканіе, а вопросъ дѣйствительно возбужденный тремя губернскими присутствіями; все остальное были наши заключенія и соображенія, вытекавшія изъ этой фактической посылки, ни для кого необязательныя мнѣнія частнаго органа о дѣлѣ, съ которымъ связано столько существенныхъ интересовъ.

Мы искренно сожалѣемъ, если мы подали поводъ полагать, будто бы мы имѣли въ виду давать „назидательные совѣты и губернаторамъ, и членамъ мировыхъ съѣздовъ“. Въ нѣкоторомъ отношеніи, всякое болѣе или менѣе опредѣленное мнѣніе можетъ быть принято за совѣтъ. Но наши взгляды и сужденія допускаютъ возможность множества другихъ взглядовъ и сужденій по одному и тому же предмету; они никого стѣснять не могутъ; ихъ можно отвергать, на нихъ можно не обращать вниманія, не приписывая намъ претензіи давать кому бы то ни было уроки.

Если мы иногда считаемъ нужнымъ усиленно отстаивать самостоятельность мировыхъ съѣздовъ, то это дѣлается нами не потому, чтобы мы предполагали въ лицахъ административныхъ какое-либо недоброжелательство къ нимъ. Совсѣмъ не въ этомъ дѣло; совсѣмъ не это заботитъ людей, которые желали бы возможно болѣе успѣшнаго и болѣе широкаго хода новымъ, возникающимъ у насъ началамъ управленія. Есть обстоятельства, которыя не зависятъ отъ воли и намѣреній людей. Можно имѣть полную увѣренность въ благорасположеніи лицъ, и въ то же время опасаться неблагопріятныхъ условій, болѣе сильныхъ чѣмъ добрая воля людей. Бюрократическій порядокъ господствуетъ у насъ издавна, господствуетъ исключительно; все у насъ дѣлается и движется путемъ бюрократической организаціи; всѣ обычаи и пріемы нашей администраціи — бюрократическаго свойства. Это громадная сила: мудрено ли, что слабые едва нараждающіеся начатки другаго порядка подвергаются безпрерывнымъ опасностямъ посреди всеобъемлющаго круга ея дѣйствій? Всякая сила старается превозмочь и уподобить себѣ то что̀ съ ней разнородно или ей противуположно: не естественно ли, что бюрократическая организація стремится всячески затянуть въ свою сферу начатки другаго рода организаціи, которые едва показываются у насъ въ слабыхъ намекахъ, уподобить ихъ себѣ и наложить на нихъ свою печать? Повторимъ: здѣсь воля, побужденія, и самыя ясныя понятія людей часто оказываются безсильными; борьба и разногласіе идутъ не между людьми, а между началами, такъ что люди наиболѣе расположенные, наиболѣе заинтересованные отстаивать начатки новой организаціи, невольно уступаютъ на практикѣ господствующей организаціи, въ духѣ

которой все построено и все дѣйствуетъ. Новыя учрежденія невольно чувствуются на практикѣ какою-то аномаліей, какимъ-то безпорядкомъ, нарушающимъ общій строй, и невольно возникаютъ побужденія сгладить безпорядокъ и возстановить нарушенное единство общей системы. Мировыя учрежденія у насъ представляютъ собой почти единственное исключеніе изъ бюрократическихъ порядковъ, почти единственный примѣръ управленія не въ бюрократическомъ смыслѣ. А между тѣмъ, что̀ еще такое эти мировыя учрежденія у насъ? До сихъ поръ они имѣютъ значеніе только въ качествѣ временной мѣры, и самая сущность ихъ выразилась въ ихъ организаціи не съ достаточною ясностію и полнотой; все въ нихъ еще слабо, сомнительно, шатко. Вотъ почему невольно приходится дорожить всякимъ, даже повидимому самымъ незначительнымъ обстоятельствомъ, которымъ поддерживается самостоятельность мировыхъ съѣздовъ, всякою чертой, которою типъ этого учрежденія отличается отъ всего что̀ окружаетъ его или надъ нимъ высится. Губернское присутствіе никакъ не можетъ относиться къ одной категоріи съ мировыми съѣздами, хотя губернское присутствіе и называется въ положеніи мировымъ учрежденіемъ; въ губернскомъ присутствіи нѣтъ ни одной черты, которая бы существенно сближала его съ этимъ типомъ учрежденій и отличала бы его отъ повсемѣстной бюрократической организаціи; это обыкновенное коллегіальное присутственное мѣсто, которое пріурочено мировому институту, но существенно отличается отъ него и отнюдь не можетъ составлять съ нимъ одно органическое цѣлое. Всякая расширенная компетенція губернскихъ присутствій всегда будетъ обращаться въ ущербъ мировымъ учрежденіямъ, и если въ томъ или другомъ случаѣ расширеніе это оказывается необходимымъ, то нельзя по крайней мѣрѣ не посѣтовать на эту необходимость и не пожелать устраненія тѣхъ обстоятельствъ, которыя порождаютъ ее.

Независимое мнѣніе и власть—суть двѣ разнородныя сферы, двѣ несоизмѣримыя величины. Слѣдя за какимъ-либо общественнымъ интересомъ, или за ходомъ какого-либо дѣла, независимое мнѣніе, не причастное дѣламъ, ни для кого не обязательное, никогда не можетъ имѣть характеръ навязчиваго назиданія; ошибочное, оно отбрасывается, и его никто не слушаетъ; справедливое и дѣльное, оно принимается къ свѣдѣнію. Сила такого мнѣнія заключается не въ авторитетѣ говорящаго, а въ соотвѣтствіи съ разумѣніемъ дѣла или съ его внутреннимъ интересомъ. Независимое мнѣніе сохраняетъ этотъ характеръ лишь въ той мѣрѣ, въ какой остается независимымъ; напротивъ, мнѣніе, служащее органомъ лицъ, непосредственно участвующихъ въ дѣлахъ, совсѣмъ другаго свойства: оно имѣетъ въ виду множество условій, съ которыми соединяется развитіе дѣла на практикѣ. *Сѣверная Почта* прекрасно характеризуетъ положеніе лицъ, дѣйствующихъ по управленію: они подвержены множеству разнообразныхъ впечатлѣній и вліяній, которыя неизвѣстны людямъ въ дѣлахъ не участвующимъ и которыя однако имѣютъ большую важность; первые должны считаться и вѣдаться со множествомъ такихъ элементовъ, о которыхъ и понятія не можетъ имѣть человѣкъ, не принимающій въ дѣлахъ непосредственнаго участія, и претендующій только на независимость, а отнюдь не на обязательность своего сужденія. Но посреди множества разнообразныхъ вліяній и элементовъ, съ которыми приходится вѣдаться людямъ власти, иногда можетъ быть для нихъ не излишне слышать мнѣніе независимое—не какъ указаніе или даже совѣтъ, но какъ элементъ для соображенія. Часто такое мнѣніе бываетъ непрактично, именно потому что оно не соображено со многими элементами, которые хотя и не находятся въ неразрывной связи съ предметомъ, но тѣмъ не менѣе связаны съ нимъ обстоятельствами; но оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ имѣть оттѣнка докторальности. Докторально судитъ тотъ, кто имѣетъ претензію сдѣлать лучше чѣмъ дѣлаютъ другіе.

Сужденія наши о мѣрахъ принимаемыхъ по разнымъ отраслямъ управленія никогда не имѣли и не могли имѣть силы порицанія. Слѣдя за какимъ бы то ни было общественнымъ интересомъ, мы находимъ, что та или другая мѣра можетъ либо способствовать ему, либо имѣть неблагопріятныя для него послѣдствія. Но мы не можемъ не знать, что въ одно и то же время существуетъ въ государствѣ много другихъ интересовъ, и какъ законодательство, такъ и администрація имѣютъ въ виду всю ихъ совокупность. Когда впервые возникъ вопросъ о сокращеніи мировыхъ участковъ, мы сочли нелишнимъ сказать нѣсколько словъ о томъ,

что эта мѣра болѣе или менѣе неблагопріятна для твердости и самостоятельности мироваго института; мы высказали наши доводы, не считая полезнымъ скрывать то что могло служить къ разъясненію дѣла въ этомъ смыслѣ. Но основательно или неосновательно было наше мнѣніе о неблагопріятномъ дѣйствіи означенной мѣры относительно мировыхъ учрежденій, оно ни въ какомъ случаѣ не клонилось къ порицанію. Мы увѣрены, что были обстоятельства, дѣлавшія принятіе ея необходимымъ и полезнымъ. Но тѣмъ не менѣе мы считали дозволительнымъ посѣтовать на обстоятельства, которыя сложились не совсѣмъ благопріятно для мироваго института. Что казалось намъ неблагопріятнымъ въ этомъ отношеніи, то считали мы нелишнимъ выставить въ чертахъ сколь можно болѣе ясныхъ и даже быть-можетъ рѣзкихъ. Всегда полезно знать, чего стоитъ тотъ или другой дѣлаемый шагъ. Мѣра требовалась обстоятельствами, но очень часто бываетъ, что съ принятіемъ самой необходимой и полезной мѣры можетъ соединяться какая-либо невыгода, какой-либо относительный ущербъ, и цѣну этой невыгоды; мѣру этого ущерба не худо представлять себѣ со всею ясностію для того чтобы въ послѣдствіи возмѣстить ихъ. Если какому-нибудь дѣлу или учрежденію причиняется ущербъ въ силу обстоятельствъ, или по требованію другихъ болѣе настоятельныхъ интересовъ,—то оцѣнка этого ущерба есть какъ бы признаніе долга, который въ свое время подлежитъ уплатѣ. Ущербъ, причиненый дѣлу съ одной стороны, можетъ и долженъ быть возмѣщенъ съ другой, а потому-то лучше давать ему преувеличенное значеніе нежели проходить его молчаніемъ. Точно также судили мы и въ томъ случаѣ, который былъ предметомъ статьи обратившей на себя вниманіе *Сѣверной Почты*. Если губернскія присутствія въ нѣкоторыхъ губерніяхъ находили нужнымъ постановить срокъ для обжалованія окончательныхъ рѣшеній мироваго съѣзда, то ихъ, безъ всякаго сомнѣнія, побуждали къ тому какія-либо серіозныя причины. Вѣроятно, были случаи неправильныхъ рѣшеній при разверстаніи угодій, или были опасенія за подобные случаи. Можетъ-быть эти опасенія были преувеличены,—въ такомъ случаѣ можно было пожелать, чтобы юрисдикція мировыхъ съѣздовъ не подвергалась стѣсненію; но можетъ быть эти опасенія были основательны и неоднократно оправдывались,—въ такомъ случаѣ естественно было посѣтовать на тѣ мировые съѣзды, которые компрометируютъ цѣлое учрежденіе и вмѣстѣ вредятъ связаннымъ съ нимъ интересамъ. Нельзя было притомъ не замѣтить, что губернское начальство имѣетъ законное средство вліянія на дѣла о разверстаніи угодій черезъ членовъ отъ правительства присутствующихъ на мировыхъ съѣздахъ. Вотъ весь смыслъ нашей замѣтки.

Считаемъ не лишнимъ впрочемъ прибавить, что мы написали бы нашу замѣтку нѣсколько иначе, еслибы намъ было извѣстно то что *Сѣверная Почта* сообщаетъ теперь о ходѣ этого вопроса. Мы узнаемъ изъ статьи *Сѣверной Почты*, что дѣло идетъ только о кассаціи единогласныхъ рѣшеній мировыхъ съѣздовъ, и что требуется лишь опредѣлить срокъ для подачи жалобъ, имѣющихъ въ виду эту кассацію. Въ такомъ ограниченномъ видѣ вопросъ, конечно, не можетъ имѣть значенія, какое мы придали ему, понимая выраженія *обжалованіе* и *назначенія сроковъ обжалованія* въ томъ смыслѣ, въ какомъ они употребляются въ Положеніяхъ 19-го февраля 1861 года. Слѣдуетъ ли назначать сроки для подачи жалобъ на основаніи ст. 127 Полож. объ Учрежд., это вопросъ, о которомъ можно разсуждать и въ ту и въ другую сторону. Власти, обозрѣвающей всѣ условія, предстоитъ рѣшить что въ данную минуту лучше и удобнѣе.

Вѣдомство, которому органомъ въ печати служитъ *Сѣверная Почта*, есть самое обширное и центральное; все въ немъ сходится или съ нимъ соприкасается, всѣ разнообразные и часто противоположные интересы громадной страны раскрываются и сталкиваются въ немъ; сюда по преимуществу привлекается общественное мнѣніе съ своими желаніями, заявленіями и сужденіями. Слѣдуетъ при этомъ вспомнить, что никогда еще по внутреннимъ дѣламъ нашимъ не происходило столько измѣненій и преобразованій, никогда не было возбуждено въ нашемъ обществѣ столько могущественныхъ интересовъ, никогда не было столько столкновеній между ними, никогда общественное мнѣніе не было такъ дѣятельно и требовательно, какъ въ настоящее время. . . . .

Общій ходъ управленія по этому столь трудному и столь обширному вѣдомству, особенно въ крестьянскомъ дѣлѣ, не слу-

жить ли лучшимъ свидѣтельствомъ о его духѣ и не даетъ ли лучшій отвѣтъ на всякую возможную критику того или другаго отдѣльнаго случая, той или другой частной мѣры?

Б.

Мы получили нѣсколько писемъ изъ внутреннихъ губерній Россіи отъ разныхъ лицъ, выражающихъ желаніе покупать имѣнія въ западномъ краѣ. Вотъ доказательство, что постоянно заявляемая мысль о привлеченіи въ этотъ край русскихъ помѣщиковъ практически осуществима. Нѣкоторые изъ обращавшихся къ намъ указываютъ на Кіевскую или Подольскую губерніи; другіе предпочитаютъ имѣнія въ Виленской или Ковенской губерніи. Почтенные корреспонденты наши вызываются употребить на это значительныя суммы денегъ, ручающіяся, что ихъ владѣльцы могли бы пріобрѣсть въ новомъ своемъ мѣстожительствѣ видное положеніе. Заявляя намъ о своемъ желаніи, они въ то же время просятъ указать имъ пути для полученія вѣрныхъ свѣдѣній объ имѣніяхъ той мѣстности, въ которой желали бы поселиться. Этой потребности всего лучше удовлетворило бы учрежденіе конторы, куда могли бы адресоваться желающіе пріобрѣтать недвижимую собственность въ западномъ краѣ. Мы съ своей стороны пользуемся всякимъ случаемъ, чтобы указывать на эту мысль пріѣзжимъ изъ западнаго края, и имѣемъ нѣкоторыя основанія думать, что она особенно легко можетъ быть осуществлена въ Кіевѣ. Мы увѣрены, что ея осуществленіе было бы не только патріотическимъ, но и экономически выгоднымъ дѣломъ. Съ окончательнымъ успокоеніемъ края, съ возвращеніемъ его въ нормальное положеніе явится много охотниковъ, благодаря страшному пониженію цѣнъ на имѣнія. Приступить къ устройству подобной конторы очень можетъ частная предпріимчивость, но дѣло это такъ важно и полезно, что, казалось бы, оно имѣетъ право и на поддержку со стороны мѣстныхъ властей.

№ 72.

Москва, 30-го марта.

Быть или не быть у насъ самоуправленію, это въ настоящее время зависитъ всего болѣе отъ судебной реформы и отъ того вліянія, которое она окажетъ на земскія учрежденія. Въ теперешнихъ законодательныхъ совѣщаніяхъ рѣшается вопросъ, долженъ ли усилиться у насъ противъ прежняго чиновническій элементъ, или будетъ допущено противовѣсіе ему въ системѣ мѣстнаго управленія посредствомъ людей взятыхъ изъ общества, служащихъ не изъ жалованья и связанныхъ разнообразными интересами съ тѣмъ дѣломъ, которое имъ ввѣрено. Начатки этой второй системы, дальнѣйшее развитіе которой такъ желательно для нашего отечества, даны въ мировыхъ посредническихъ учрежденіяхъ, и есть основанія надѣяться, что судебная реформа, несмотря на всѣ трудности, съ которрыми сопряжено это великое дѣло, несмотря на тучу недоразумѣній, которыя со всѣхъ сторонъ окружаютъ его, воспользуется результатами сдѣланнаго опыта и не только не устранитъ, но подвинетъ впередъ то устройство, которому крестьянская реформа такъ много обязана своимъ успѣхомъ. Въ этой надеждѣ утверждаютъ нѣкоторыя указанія на руководящія мысли вырабатываемой нынѣ реформы. Должность мировыхъ судей, какъ выражено въ удостоившемся Высочайшаго одобренія мнѣніи нѣсколькихъ членовъ государственнаго совѣта (соед. деп.), „выше и полезнѣе должности нынѣшняго мироваго посредника". Мировые судьи „сохранятъ и ту независимость въ служебныхъ отношеніяхъ и то вліяніе на полицію, которыми пользуются нынѣшніе мировые посредники". Этому взгляду на характеръ должности мироваго судьи совершенно соотвѣтствуетъ то, что одною изъ „самыхъ дѣйствительныхъ мѣръ для поддержанія достоинства и силы мироваго учрежденія" признанъ цензъ. Отъ приведенныхъ мыслей вѣетъ именно тѣмъ духомъ, въ которомъ долженъ быть созданъ институтъ мировыхъ судей, если ему суждено стать органомъ мѣстнаго самоуправленія не въ теоріи законодателя, а въ дѣйствительности. Но эти мысли идутъ до такой степени въ разрѣзъ съ ходячими взглядами, заимствованными отчасти изъ бюрократической практики, отчасти изъ того круга отвлеченныхъ французскихъ понятій, который составляетъ привычную атмосферу для большей части нашихъ образованныхъ людей, что надобно будетъ считать особеннымъ счастіемъ для Россіи и великою заслу-

гой лицъ, имѣющихъ вліяніе на ходъ судебной реформы, если эти плодотворныя мысли найдутъ себѣ достойное осуществленіе.

Было бы неестественно и удивительно, еслибы бюрократическія идеи не стремились подчинить своему вліянію судебную реформу. Эти идеи очень сильны; доселѣ еще преобладаютъ онѣ на практикѣ во всѣхъ государствахъ материка Европы. Онѣ отличаются чрезвычайною способностью прилаживаться ко всѣмъ одностороннимъ политическимъ системамъ, всякимъ политическимъ крайностямъ. Онѣ дружатся съ революціей, съ демократіей, съ соціализмомъ. Съ ними кокетничаютъ, и ихъ готовы поддерживать всѣ утопіи. Во Франціи бюрократія служила равно удобнымъ орудіемъ и для революціи, и для обѣихъ имперій, и для обѣихъ монархій, бурбонской и іюльской. Въ Пруссіи бюрократія служила абсолютизму точно также какъ теперь служитъ прогрессистамъ, составляя главную и почти единственную почву ихъ партіи. Нерѣдко мы видимъ, что чѣмъ болѣе на словахъ ополчаются противъ бюрократической системы, тѣмъ большее поприще предоставляется ей на дѣлѣ. Особенно рѣшительны бываютъ тѣ моменты политической жизни государства, когда неудержимая сила обстоятельствъ видоизмѣняетъ, ослабляетъ или совсѣмъ отмѣняетъ существовавшую дотолѣ сословную организацію. Эта организація вездѣ, гдѣ она существовала, была въ нѣкоторой степени препоной для бюрократіи. Но когда сословныя учрежденія теряютъ свое прежнее значеніе, то должно послѣдовать одно изъ двухъ: или ихъ наслѣдство достанется самоуправленію, очищенному отъ сословнаго характера, или бюрократія займетъ то мѣсто, которое принадлежало сословнымъ учрежденіямъ. Въ Россіи, съ отмѣной крѣпостнаго права, начался именно этотъ процессъ, который, рано ли, поздно ли, не можетъ не привести къ замѣнѣ сословныхъ учрежденій либо бюрократіей, либо земскимъ самоуправленіемъ. Въ первомъ случаѣ чиновничество усилится противъ прежняго; во второмъ случаѣ на ряду съ бюрократіей, какъ однимъ изъ средствъ государственнаго управленія, найдетъ себѣ мѣсто другая система, которая оградитъ политическую жизнь страны отъ односторонняго развитія, причиняющаго въ нашихъ глазахъ величайшія затрудненія и можно сказать бѣдствія въ большей части государствъ материка Европы.

Корень зла сознается теперь весьма многими, и всѣ видятъ главное средство противъ него въ устройствѣ мѣстнаго управленія. Но одного сознанія тутъ недостаточно, и одно разумѣніе безсильно для борьбы съ укоренившимся зломъ. Въ Пруссіи правительство видитъ и чувствуетъ теперь къ чему ведетъ господство чиновничества, но для того чтобъ освободить государство изъ-подъ этой власти потребовался бы *coup d'état*, да и за тѣмъ еще сомнительно оказались ли бы политически-годными тѣ общественныя силы, которыя такъ долго находились въ фальшивомъ искусственномъ положеніи посреди народной жизни. Мы говорили въ № 70-мъ о новомъ баденскомъ постановленіи относительно окружныхъ совѣтовъ. Позволимъ себѣ привести изъ выходящей въ Берлинѣ *Wochenschrift für Gemeinde-Verwaltungswesen* нѣсколько словъ, сказанныхъ по поводу этого постановленія и вызванныхъ тою мыслію, что въ Пруссіи ничто подобное невозможно. Вотъ эти слова или лучше этотъ вопль отчаянія.

„Пруссія передовой боецъ Германіи. Совершенно справедливо! Но въ послѣдніе десять лѣтъ она была болѣе передовымъ бойцомъ нѣмецкаго безразсудства чѣмъ нѣмецкой доблести, болѣе образцомъ того чего надобно избѣгать нежели чему подражать. Именно въ Пруссіи нѣмецкая отвлеченность всего болѣе перешла въ государственную жизнь и вызвала здѣсь бездну безобразія, нелѣпостей и притензій, не въ одномъ какомъ-либо направленіи, а во всѣхъ. До тѣхъ поръ пока этотъ духъ не будетъ изгнанъ изъ Пруссіи, пока страсть къ догмату и формулѣ не будетъ искоренена, пока мы не примемся управлять снизу вверхъ, а не сверху внизъ, пока образованному, равно какъ и необразованному юнкерству не будетъ положенъ предѣлъ, Пруссія останется тѣмъ, что она есть, — предметомъ самаго достохвальнаго состраданія. Нигдѣ какъ въ Пруссіи политическая формалистика не была отстаиваема съ такимъ упорствомъ и рѣзкостью, нигдѣ не достигала такого господства политическая фраза."

Отъ насъ совершенно зависитъ избѣжать тѣхъ политическихъ затрудненій, съ которыми теперь такъ трудно бороться для государствъ развившихъ въ себѣ бюрокра-

тію насчетъ общественныхъ силъ. Но чтобъ избѣжать этихъ затрудненій, надобно ясно представлять себѣ задачу. Дѣло заключается не выборномъ началѣ, которое уже достаточно испытано и нами и другими народами; еще менѣе оно заключается въ раздѣленіи административной и судебной власти, которое имѣетъ значеніе въ высшихъ инстанціяхъ, а относительно мироваго института теряетъ всякій смыслъ. Сущность дѣла заключается въ томъ чтобы мѣстное управленіе находилось въ рукахъ людей, которые шли бы въ должность мироваго судьи не изъ-за жалованья или какой-либо другой поживы. Но что какъ не цензъ можетъ вести къ этой цѣли, особенно если допускается возмездность? Не при этомъ ли одномъ условіи выборное начало можетъ оказаться безвреднымъ, потому что безъ этого условія выборы неминуемо сдѣлались бы поприщемъ для интриги? Если же цензъ необходимъ для мироваго института, то надобно признать эту необходимость съ тою искренностью, которая предписывается достоинствомъ. Вводя цензъ, надобно ввести серіозный цензъ, то-есть по меньшей мѣрѣ тотъ цензъ, который принятъ нынѣ для назначенія въ должность мировыхъ посредниковъ. Если же цензъ будетъ назначенъ низкій, то не для чего окружать почетомъ званіе мироваго судьи. Это будутъ *insani praemia scribae*, надъ которыми и теперь, какъ во времена Горація, можно только смѣяться.

№ 73.

Москва, 31-го марта.

А.

При устройствѣ мѣстнаго самоуправленія — первый и главнѣйшій вопросъ, кому и на какомъ основаніи будетъ сообщаться званіе мировыхъ судей? Безъ всякаго сомнѣнія, мировые судьи должны быть изъ мѣстныхъ осѣдлыхъ жителей, собственниковъ или землевладѣльцевъ; безъ всякаго сомнѣнія также, право быть мировымъ судьею можетъ принадлежать лишь собственникамъ извѣстнаго ценза, и конечно цензъ мироваго судьи не долженъ быть слишкомъ низокъ. Назначить цензомъ для званія мироваго судьи 100 р. ежегоднаго дохода значило было бы вовсе не назначать ценза, что было бы откровеннѣе и проще. Но на какомъ основаніи мѣстные собственники извѣстнаго ценза могутъ становиться мировыми судьями, — на основаніи ли выборовъ, или назначенія отъ правительства? Мы считаемъ послѣдній способъ, вообще говоря, болѣе удовлетворительнымъ, — если только онъ не имѣетъ бюрократическаго характера; но намъ кажется, что въ Россіи на первое время, ни тотъ, ни другой способъ не могъ бы быть съ успѣхомъ примѣненъ къ мировымъ судьямъ. Бюрократическій способъ назначенія мировыхъ судей могъ бы только затруднить правительство, и едва ли бы могъ дать удовлетворительные результаты. Но едва ли также и способъ выборовъ на обыкновенныхъ основаніяхъ могъ бы приводить къ результатамъ лучшаго свойства. Все хорошо на своемъ мѣстѣ и для своего назначенія. Выборные представители, это понятно и это хорошо; но выборные судьи или выборные администраторы, особенно судьи, дѣло иное. Если бюрократическій способъ есть механизмъ самый неудовлетворительный и совершенно несовмѣстный съ характеромъ самоуправленія; то и выборное начало въ такого рода дѣлахъ не всегда можетъ обезпечивать лучшіе результаты; оно также можетъ становиться слѣпымъ орудіемъ всякаго рода недостойныхъ искательствъ. Если должность заключаетъ въ себѣ что-либо привлекательное въ какомъ бы то ни было смыслѣ, то всегда окажутся люди искательные, которые будутъ всячески добиваться ея и, какъ обыкновенно бываетъ, по большей части должность займутъ не столько тѣ, кто лучше и достойнѣе, сколько тѣ, кто искательнѣе. Чѣмъ достойнѣе человѣкъ, тѣмъ менѣе одаренъ онъ свойствомъ искательства, тѣмъ менѣе онъ способенъ къ продѣлкамъ, съ которыми по большей части бываетъ сопряжено стяжаніе благосклонности или популярности. Нельзя ожидать никакого прока отъ учрежденія, которое допуститъ въ широкихъ размѣрахъ элементъ искательства и интриги. Не только самое учрежденіе подвергается коренной и существенной порчѣ: оно и вокругъ распространяетъ заразу. Что общественная среда, гдѣ въ широкихъ размѣрахъ допущено начало искательства, никогда не можетъ быть вполнѣ здоровою, доказательствомъ тому служатъ Соединенные Штаты. Да и можно ли назвать такую систему самоуправленіемъ, гдѣ органами ему служатъ люди не въ силу своего хо-

зяйскаго права, соединеннаго съ извѣстными размѣрами собственности, а въ качествѣ делегатовъ, или уполномоченныхъ? Такое управленіе можетъ быть названо управленіемъ посредствомъ людей выборныхъ, но его нельзя назвать самоуправленіемъ, то-есть такою системой, которой органы дѣйствуютъ не въ качествѣ представителей чьего-либо чужаго права, а вслѣдствіе предоставленнаго имъ самимъ личнаго права управлять мѣстными дѣлами подъ своею личною отвѣтственностью.

Теперь въ Англіи всякій землевладѣлецъ, имѣющій, по цензу и другимъ условіямъ, право быть мировымъ судьей, заявляетъ о своемъ желаніи принять на себя эту должность и тотчасъ же утверждается въ ней короной. Случаи отказа въ утвержденіи встрѣчаются крайне рѣдко, а равно крайне рѣдко корона пользуется своимъ правомъ исключать мировыхъ судей изъ списка. Поэтому право назначенія мировыхъ судей въ Англіи, принадлежащее правительству, превратилось теперь въ формальность, и мировые судьи получаютъ свою власть, собственно говоря, не отъ правительства, а въ силу ценза, дающаго имъ такъ-сказать право считаться хозяевами въ своей мѣстности. Эти хозяева сами вѣдаютъ свои дѣла, и въ этомъ состоитъ самоуправленіе. Но такой порядокъ установился постепенно. Сначала оказывалось необходимымъ не всѣхъ джентльменовъ извѣстнаго ценза допускать въ должность мировыхъ судей, а отбирать изъ ихъ среды болѣе надежныхъ людей. Это было впрочемъ не назначеніе немногихъ изъ числа весьма многихъ, что походило бы на назначеніе чиновниковъ, а простое отдѣленіе всѣхъ сколько-нибудь надежныхъ людей отъ людей очевидно неспособныхъ. Еслибъ эта отборка производилась притязательно, то мировые судьи Англіи легко уподобились бы чиновникамъ, но отъ такой опасности оберегла Англію та удивительная государственная мудрость, которою отличается вся исторія политическихъ учрежденій этой страны. Чтобъ оставить должное значеніе за цензомъ и не дѣлать строгой браковки при утвержденіи мировыхъ судей, но вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечить удовлетворительность ихъ службы, придумано было слѣдующее средство: въ средѣ мировыхъ судей производили еще разъ отборку, и на основаніи этой вторичной отборки дѣлили мировыхъ судей на два разряда: на мировыхъ судей простыхъ и на такъ-называемыхъ *quorum*. Но съ другой стороны, чтобы не унизить и простыхъ мировыхъ судей, не было положено такого различія между ними и *quorum*, вслѣдствіе котораго простые мировые судьи превратились бы, какъ иные предполагаютъ сдѣлать у насъ, либо въ третейскихъ судей (судящихъ только въ томъ случаѣ, когда къ нимъ обратятся обѣ тяжущіяся стороны), либо въ судейскихъ засѣдателей, а вся власть досталась бы мировымъ судьямъ *quorum*. Судьи обоихъ разрядовъ были уравнены между собой, но ихъ единоличному суду были предоставлены лишь самыя маловажныя дѣла, а для рѣшенія дѣлъ болѣе серіозныхъ требовалось участіе двухъ мировыхъ судей, и въ этомъ-то случаѣ однимъ изъ двухъ долженъ былъ непремѣнно быть судья изъ разряда *quorum* (quorum alterum esse volumus, говорилось въ королевской грамотѣ, откуда и терминъ *quorum*). Теперь, какъ извѣстно, въ этомъ дѣленіи на разряды уже не оказывается болѣе надобности, и всѣ мировые судьи утверждаются въ должности на правахъ *quorum*.

Вотъ какъ поступали въ Англіи, и вотъ какому образу дѣйствій Англія обязана тѣмъ, что ея мѣстное управленіе свободно отъ бюрократическаго характера и почти ничего не стоитъ странѣ. Легко замѣтить, что сила обстоятельствъ клонитъ къ введенію у насъ подобнаго же дѣленія мировыхъ судей на два разряда: участковыхъ и почетныхъ. Надобно желать, чтобы наше законодательство извлекло изъ этого дѣленія наибольшую пользу, но для этого два разряда мировыхъ судей должны быть поставлены въ благопріятныя взаимныя отношенія. Въ одной замѣчательной запискѣ по вопросу о судебной реформѣ, мы находимъ слѣдующій взглядъ на почетныхъ мировыхъ судей: „они могутъ ставить рѣшенія по дѣлу только въ томъ случаѣ, если обѣ стороны согласятся предоставить имъ это право; въ противномъ случаѣ, почетный мировой судья разсказываетъ изслѣдованное имъ дѣло въ присутствіи тяжущихся участковому мировому судьѣ и тѣмъ доставляетъ ему возможность постановить рѣшеніе скоро и правильно.“ Очень можетъ-быть, что особенно въ многолюдныхъ городахъ окажется надобность въ судейскихъ помощникахъ такого рода, но трудно понять, зачѣмъ понадобилось бы такимъ

помощникамъ названіе почетнаго мироваго судьи. Въ той же запискѣ мы читаемъ далѣе: „Люди съ большимъ состояніемъ, для которыхъ имѣть должность и пользоваться извѣстнымъ содержаніемъ, или не имѣть ея, не составляетъ чувствительной разницы, едва ли согласятся занять должность участковаго мироваго судьи и жить въ своихъ участкахъ; они скорѣе примутъ званіе почетныхъ мировыхъ судей, въ которомъ они могутъ принести не менѣе пользы, не принимая на себя мелочной и кропотливой работы, соединенной съ большею отвѣтственностью.“ Итакъ въ участковые мировые судьи пойдутъ люди, для которыхъ получить или не получить эту должность составитъ чувствительную разницу, то-есть мелкіе помѣщики, такъ что изъ теперешнихъ посредниковъ не многіе пошли бы въ должность участковаго мироваго судьи: вотъ какъ иные предполагаютъ поставить эту должность. Какъ же согласить съ этимъ тотъ правильный взглядъ, что должность мироваго судьи должна быть еще выше и полезнѣе должности мироваго посредника? Этотъ вопросъ тѣмъ полновѣснѣе, что если теперешніе мировые посредники не пойдутъ въ должность участковаго мироваго судьи, то тѣмъ менѣе пойдутъ они въ должность почетнаго мироваго судьи, поставленную такъ, какъ сказано въ упомянутой выше запискѣ. Мировой судъ, устроенный такимъ образомъ, будетъ стоять въ общественномъ мнѣніи много ниже теперешняго мироваго института, и ужь конечно ни высокое жалованье участковыхъ мировыхъ судей, ни назначеніе ихъ по выбору уѣздныхъ или губернскихъ (земскихъ) собраній, не возвыситъ мировыхъ судей въ глазахъ народа. Прибавится только интригъ на выборахъ,—а мировые судьи будутъ поставлены въ необходимость угождать вліятельнымъ лицамъ, и притомъ даже не въ уѣздѣ, а въ уѣздномъ земскомъ собраніи.

Повидимому есть средства избѣжать этого неудобства. Раздѣленіе мировыхъ судей на участковыхъ и почетныхъ никакъ не можетъ быть предоставлено обыкновеннымъ выборамъ. Тутъ возможно одно изъ двухъ: или вести это дѣло тѣмъ порядкомъ, какъ назначались мировые посредники, или предоставить его самому мировому собранію, что повидимому удобнѣе, потому что въ такомъ случаѣ облегчился бы замѣнъ участковыхъ судей почетными и установилась бы солидарность между ними. Мы не беремся рѣшать, какой изъ этихъ двухъ способовъ лучше, и только настаиваемъ на томъ, что земскому собранію это дѣло не можетъ быть предоставлено безъ серіознаго ущерба мировому институту. За тѣмъ, кажется намъ, нѣтъ никакой надобности ограничивать права почетнаго мироваго судьи. Это значило бы сосредоточить всѣ дѣла у участковыхъ мировыхъ судей и обременить ихъ не по силамъ. Съ другой стороны, это значило бы признать неблагонадежными почетныхъ судей только потому что они служатъ безвозмездно. Наконецъ нѣтъ причины назначать цифру мировыхъ судей уѣзда: чѣмъ ихъ будетъ больше, тѣмъ лучше, потому что тѣмъ легче будетъ имъ самимъ и тѣмъ удобнѣе для населенія. Если мы не ошибаемся, только съ этими ограниченіями, можетъ быть допущено выборное начало при назначеніи мировыхъ судей. Пусть будетъ составленъ списокъ лицъ имѣющихъ право быть мировымъ судьей; пусть изъ этихъ лицъ всѣ тѣ, которые получатъ большинство избирательныхъ голосовъ, считаются выбранными и по законномъ утвержденіи вступятъ въ права мировыхъ судей. Такимъ образомъ число мировыхъ судей каждаго уѣзда опредѣлится сообразно наличному составу землевладѣльческаго класса, и мировой институтъ воспользуется всѣми силами, какія только окажутся въ той или другой мѣстности. Считаемъ впрочемъ нужнымъ оговориться, что такой способъ назначенія мировыхъ судей былъ бы удобенъ только на первый разъ.

Б.

Читатели уже знаютъ, что г. Друэнъ-де-Люисомъ написаны двѣ депеши къ французскому послу въ Лондонѣ по вопросу о конференціи, одна отъ 20-го, другая отъ 28-го марта. Текстъ первой помѣщенъ въ № 71 *Московскихъ Вѣдомостей*; она предлагала принять за основаніе переговоровъ *желаніе населеній*. Такой крутой поворотъ могъ разстроить созваніе конференціи, и Сентъ-Джемскій кабинетъ поспѣшилъ вступить въ переговоры съ Тюльерійскимъ кабинетомъ, чтобы склонить этого послѣдній къ измѣненію его плана. Тогда французское правительство согласилось, что обратиться къ желанію населеній будетъ необходимо *только въ томъ случаѣ*, если переговоры, на основаніи условій Лондонска-

го трактата, не приведутъ къ практическому результату. Именно это и составляетъ, какъ увѣряютъ теперь французскія и нѣмецкія газеты, содержаніе второй депеши г. Друэнъ-де-Люиса. Рѣшимость Франціи во всякомъ случаѣ попробовать переговоры на основаніи условій трактата 1852 г., прежде чѣмъ отстаивать марево всеобщей подачи голосовъ, дѣйствительно улаживаетъ дѣло и устраняетъ препятствія къ открытію конференціи, такъ какъ Данія, зная, что переговоры начнутся на основаніи условій Лондонскаго трактата, не имѣетъ причины отказываться отъ конференціи. Она точно уже изъявила свое согласіе, хотя и твердо рѣшилась ни въ какомъ случаѣ не отступаться отъ условій 1852 года и не допускать до обращеній къ *желанію населеній*. Съ своей стороны, и Германскій сеймъ можетъ согласиться на конференцію, въ надеждѣ, что такъ или иначе, переговоры на основаніи условій Лондонскаго трактата не состоятся, и тогда должно будетъ обратиться къ желанію населеній; телеграмма, помѣщенная во вчерашнемъ нумерѣ *Московскихъ Вѣдомостей*, извѣщаетъ насъ, что сеймъ, кажется, и въ самомъ дѣлѣ рѣшился, наконецъ, выслать на конференцію своего представителя. Французская журналистика придаетъ большое значеніе послѣднимъ переговорамъ между Англіей и Франціей, которые такъ удовлетворительно окончились депешей отъ 28-го марта, и уже вновь торжествуетъ тѣсное сближеніе между обѣими державами.

№ 74.

Москва, 1-го апрѣля.

Близокъ день, когда должна собраться въ Лондонѣ конференція по датскимъ дѣламъ, и невольно рождается вопросъ: къ чему поведетъ эта конференція, и что изъ нея выйдетъ? На томъ основаніи, что не установлена заранѣе программа переговоровъ, *Daily-News* дѣлаетъ предположеніе, что частная конференція легко можетъ обратиться въ общій конгрессъ, и что если императоръ Французовъ обнаружитъ хотя незначительную долю той ловкости, которая обыкновенно ему приписывается, то ему не трудно будетъ доставить себѣ удовольствіе видѣть, какъ его предложеніе будетъ осуществлено тѣми самыми государственными людьми, которые сначала такъ энергически отвергали его. Не раздѣляя ожиданій англійской газеты, нельзя однако за предстоящею конференціей не признать важнаго политическаго значенія. Понятно, что европейская публика очень озабочена ея благополучнымъ исходомъ. А такъ какъ онъ во многомъ зависитъ отъ тѣхъ чувствъ и намѣреній, съ которыми приступятъ къ ней державы, приглашенныя принять въ ней участіе, то начинаетъ пріобрѣтать нѣкоторый интересъ даже нескончаемая дипломатическая переписка по датско-германскому столкновенію. Дипломатическіе документы этихъ послѣднихъ дней, получившіе извѣстность, благодаря нескромности журнальныхъ корреспондентовъ, а равно и документы по датскимъ дѣламъ, обнародованные 1-го апрѣля въ англійской Синей Книгѣ, нѣсколько болѣе прежняго разъясняютъ взаимное положеніе европейскихъ державъ по отношенію къ датско-германскому вопросу.

Данія, само собой разумѣется, крѣпко держится основаній Лондонскаго трактата, обезпечивающихъ ея цѣлость. Боясь, чтобы на конференціи не пренебрегли условіями 1852 года и не перешли къ переговорамъ на иныхъ основаніяхъ, она долго не соглашалась на предложеніе Англіи, и этой послѣдней стоило многихъ усилій склонить ее къ согласію. Пришлось прибѣгнуть даже къ застращиванію. Англія объявила Даніи, что ей не слѣдуетъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, ждать помощи ни отъ Франціи, ни отъ Великобританіи, ни отъ Россіи, ни отъ Швеціи. Англія внушала Даніи, что ей одной не устоять противъ 40 милліоновъ Германцевъ, если упорство Копенгагенскаго кабинета соединитъ противъ себя всѣ силы Германскаго Союза, ни противъ двухъ великихъ германскихъ державъ, ни даже противъ одной Пруссіи, еслибъ и могло случиться, чтобъ Австрія, вслѣдствіе своихъ внутреннихъ безпорядковъ, прекратила военныя дѣйствія. Пруссія, оставленная Австріей, прибавлялъ лордъ Россель, оперлась бы на среднія нѣмецкія государства, которыя гораздо враждебнѣе къ Даніи чѣмъ Австрія. Британское правительство старалось убѣдить Данію, что война уменьшаетъ силу существующихъ трактатовъ, и что побѣжденный, вслѣдъ за неудачною войной, вынужденъ бываетъ въ большей или меньшей степени покориться условіямъ побѣдителя. Данія, одна-

ко, долго не говорила ни *да*, ни *нѣтъ*, умоляя чтобъ ей позволили не давать рѣшительнаго отвѣта. Лишь вслѣдъ за продолжительными переговорами, вопросъ о конференціи упростился согласіемъ Даніи, изъявленнымъ въ депешѣ г. Кваде, отъ 18-го марта. Она согласилась принять конференцію, но заявила при этомъ слѣдующее: „Принимая предложеніе о конференціи, правительство короля предполагаетъ, что условія 1851—52 г. составятъ основаніе для переговоровъ, и ставя свое согласіе въ зависимость отъ этихъ условій, правительство надѣется, что не вызоветъ возраженій.“

Что касается до Австріи съ Пруссіею, то съ ихъ военнымъ пыломъ пришлось бороться не менѣе энергически какъ и съ упорствомъ Даніи. Была минута, когда дѣло могло обойдтись безъ кровопролитія. Данія сама обѣщала постараться объ отмѣнѣ законодательнымъ путемъ этой, какъ выражается лордъ Россель, злополучной ноябрьской конституціи, и только просила для этого шестинедѣльной отсрочки, а Франція съ Англіей и Россіей вызывались даже составить особый протоколъ, который обязалъ бы Данію къ непремѣнному исполненію обѣщаемыхъ ею уступокъ. Но Австрія съ Пруссіей не согласились на отсрочку, и перешли границу даже ранѣе назначеннаго ими самими дня. Всѣмъ извѣстно, что послѣдовало за этимъ; геройская защита Миссунде; отступленіе отъ Данневирке арміи, какъ показываетъ сэръ-Александръ Наджетъ, 50-тысячной; волненіе и почти бунтъ въ Копенгагенѣ, подробно и оживленно разказанные тѣмъ же сэръ-А. Наджетомъ въ его депешѣ отъ 7-го февраля, гдѣ между прочимъ говорится, что 6-го февраля въ Копенгагенѣ часто слышались крики: ***смерть королю***. Общественное мнѣніе въ Англіи взволновалось и лордъ Пальмерстонъ, въ палатѣ общинъ, рѣзко выразился объ образѣ дѣйствій двухъ германскихъ державъ, назвавъ его несправедливымъ. Графъ Рехбергъ счелъ нужнымъ просить по этому поводу объясненій у британскаго правительства, и графъ Россель, въ своей отвѣтной депешѣ, вслѣдъ за лордомъ Пальмерстономъ, доказываетъ, что хотя Данія и нарушила свои обязательства, но война, начатая Австріей и Пруссіей, въ виду обѣщанныхъ Даніею уступокъ, вовсе не была необходима; что начинать войну безъ крайней необходимости значитъ начинать войну несправедливую, и что военное занятіе страны, ради матеріальнаго обезпеченія, когда эту страну приходится завоевывать огнемъ и мечомъ, ничѣмъ не отличается отъ войны въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. „Графу Рехбергу, сказано въ этой же депешѣ британскаго министра, показалось, что лордъ Пальмерстонъ отвергаетъ принципъ, въ силу котораго война упраздняетъ предшествовавшіе ей трактаты. Совершенно напротивъ: такъ какъ война упраздняетъ трактаты, то именно поэтому лордъ Пальмерстонъ и сказалъ, что начинать наступательную войну лишь для того чтобъ уничтожить прежнія обязательства; вести войну лишь для войны и чтобы положить конецъ трактатамъ, значило бы очевидно во зло употреблять этотъ принципъ упраздненія трактатовъ войною.“

Чего же хотѣли великія германскія державы, предпринимая войну безъ надобности? Не разъ уже былъ намъ случай замѣтить, что коль скоро дѣло идетъ о конечныхъ цѣляхъ, то виды Пруссіи расходятся съ видами Австріи, и никакъ нельзя ставить эти державы вмѣстѣ. Въ *Кельнской Газетѣ* было сообщено извѣстіе изъ Берлина, отъ 4-го апрѣля, по которому Пруссія будто бы объявила оффиціяльно, что она согласна въ принципѣ на предложеніе Франціи обратиться къ желаніямъ населеній въ Герцогствахъ. Разница между видами этихъ двухъ державъ заключается лишь въ томъ, что Пруссія имѣетъ прямой интересъ въ территоріональномъ измѣненіи, которое могло бы дать пищу ея притязаніямъ *на море*, тогда какъ Франція, не заинтересованная ничѣмъ собственно въ Герцогствахъ, держится въ этомъ вопросѣ лишь своей общей политики: возбуждая волненіе внѣ своихъ предѣловъ и производя затрудненіе въ Европѣ, питать ими потомъ свою военную славу или пользоваться ими для вліянія на *совѣты* Европы. Ни съ тою, ни съ другою державой не имѣетъ ничего общаго политика Австріи, во всѣхъ вопросахъ заинтересованная сохраненіемъ ***statu quo***. Хотя Австрія не имѣетъ особенной причины доброжелательствовать Даніи, но ея заявленія въ пользу цѣлости Датской монархіи были, какъ видно изъ дипломатическихъ документовъ *Синей книги*, во всякомъ случаѣ несравненно искреннѣе заявленій Пруссіи. Австрія, всегда ревниво слѣдившая за всякимъ усиленіемъ значе-

нія Пруссіи, пошла и теперь съ нею единственно для того чтобы не выпустить дѣла изъ рукъ и не дать возвыситься могуществу Пруссіи. Въ послѣднюю минуту она, по всей вѣроятности, выскажется въ томъ же духѣ какъ Россія и Англія.

О томъ, въ какомъ отношеніи къ датско-германскому вопросу находится Россія, мы не станемъ распространяться. Ея политика начертана исторіей и самою природой вещей. На конференціи дѣломъ Россіи, державы консервативной, будетъ отстаивать силу Лондонскаго трактата, и уваженіе къ существующимъ историческимъ правамъ. Въ сохраненіи цѣлости Датской монархіи, въ отстраненіи притязаній какой бы то ни было линіи Ольденбургскаго дома на какой бы то ни было клочокъ земли, принадлежащей нынѣ Глюксбургской линіи, въ лицѣ короля Христіана и его нисходящаго потомства, заключается не только династическій, но и государственный интересъ Россіи. Надобно полагать, что Россія, стоя за цѣлость Датской монархіи, будетъ имѣть своими союзницами Англію и даже Австрію. По крайней мѣрѣ изъ обнародованной нынѣ депеши лорда Росселя отъ 9-го марта видно, что хотя Англія готова согласиться на измѣненіе обязательствъ 1852 года, сдѣлавшееся необходимымъ при теперешнихъ обстоятельствахъ, то будетъ противодѣйствовать требованіямъ Австріи и Пруссіи относительно присоединенія Шлезвига къ Гольштейну,...

Подъ такими предзнаменованіями соберется конференція въ Лондонѣ. Нельзя поручиться, чтобы не могло возникнуть на ней многихъ затрудненій и несогласій. Затрудненіями и несогласіями исполнено наше время. Въ воздухѣ чувствуется прецвѣстіе событій. Еще громы на сѣверѣ не стихли, а на Востокѣ и Югѣ скопляются новыя тучи. Въ Венгріи сильное волненіе. Вся Италія въ огнѣ; смерть папы ежедневно грозитъ произвести взрывъ. Революціонные агитаторы не дремлютъ, и Мадзини, пользуясь слишкомъ простодушнымъ рыцарствомъ Гарибальди, уже закинулъ на него, кажется, свои сѣти. Положеніе дѣлъ въ Княжествахъ такъ плохо, что ничего представить себѣ невозможно хуже. По дѣлу о посвященныхъ монастыряхъ неизбѣжно серіозное столкновеніе. Турція, говорятъ, вся покрыта революціонными комитетами, *этеріями*, и турецкое правительство совсѣмъ растерялось, такъ что и мудрость совѣтовъ англійскаго посольства подвергается теперь сомнѣнію въ Константинополѣ. Словомъ, время опасное. Мы можемъ порадоваться, что именно вслѣдствіе польскаго возстанія мы теперь болѣе прежняго готовы встрѣтить всякія случайности.

№ 75.

Москва, 2-го апрѣля.

Кіевское *римско-католическое* дворянство представило всеподданнѣйшій адресъ. Мы радуемся этому болѣе всего въ интересѣ самихъ гг. дворянъ римско-католическаго исповѣданія Кіевской губерніи, и расположены принимать въ самомъ серіозномъ и буквальномъ смыслѣ слова адреса: „мы всѣ, проникнутые чувствами любви и долга, присоединяемся къ великой семьѣ русской.“

Исторія не передѣлывается и не идетъ вспять. Русское государство создавалось цѣлое тысячелѣтіе и не исчезнетъ какъ призракъ. Оно можетъ испытать случайныя внутреннія затрудненія, можетъ потерпѣть неудачи въ Европѣ; его могутъ стѣснить и спутать какими-нибудь временными невыгодными трактатами; это великое тѣло могутъ щипнуть здѣсь, оторвать у него клочокъ въ другомъ мѣстѣ: но вычеркнуть его изъ системы европейскихъ державъ и отбросить въ Азію, но разрѣзать его на двое и сочинить для каждой изъ его половинъ какую-то особую спеціальную *миссію*,—это могло пригрезиться только сумасбродамъ. Только въ людяхъ эмиграціи, оторванныхъ отъ всякой почвы, и не имѣющихъ никакого понятія ни о русскомъ народѣ вообще, ни о малороссійскомъ крестьянинѣ въ особенности, еще сколько-нибудь понятны подобныя мечтанія также мало сходныя съ дѣйствительностію, какъ сонныя грезы голоднаго бѣдняка дѣлающія его обладателемъ златоверхихъ дворцовъ и влюбленныхъ въ него принцессъ. Нѣтъ сомнѣнія, что если кіевскіе и иные русскіе дворяне римско-католическаго исповѣданія (большею частію, по самому происхожденію своему, коренные русскіе люди: пусть они вспомнятъ это!) обладаютъ здравымъ смысломъ, то они должны съ величайшею искренностію, безъ всякой затаенной мысли, съ полною доброю волей примкнуть къ великой семьѣ

русской, примкнуть къ ней всѣми своими надеждами.

Есть впрочемъ люди, которые сомнѣваются, слѣдуетъ ли желать чтобы русскій языкъ укоренялся между католическимъ населеніемъ западныхъ губерній, и не пострадаютъ ли интересы наши, если католическое вѣроученіе будетъ преподаваться на русскомъ языкѣ. Эти политики полагаютъ, что католикъ западныхъ губерній непремѣнно долженъ быть Полякомъ.

Церковное единство есть великое благо, но церковное единство отнюдь не можетъ совпадать съ единствомъ національнымъ и политическимъ; *требовать* единства религіи значило бы требовать невозможнаго. Вѣра не отъ міра сего, и разграниченія, существующія между различными христіанскими исповѣданіями, не подчиняются и не могутъ подчиняться ни этнографическимъ признакамъ, ни географическимъ очертаніямъ. Остается языкъ, главное значеніе національнаго единства. Самое прочное изъ всѣхъ завоеваній есть завоеваніе дѣлаемое языкомъ какого-нибудь народа. Гдѣ звучитъ русская рѣчь, гдѣ она связана со всѣми мыслями и чувствованіями людей, тамъ Россія.

Исторія создала нѣсколько языковъ имѣющихъ всемірное значеніе, богатыхъ, разнообразныхъ, способныхъ служить органомъ цивилизаціи, и находить въ себѣ оттѣнки соотвѣтствующіе всѣмъ видоизмѣненіямъ понятій. Къ числу такихъ языковъ принадлежитъ и русскій; ему, безъ сомнѣнія, суждено стать языкомъ всемірнымъ, подобно французскому, англійскому, нѣмецкому. Какъ нація русская, такъ и ея языкъ ждутъ своей будущности, и какъ въ предшествующія 150 лѣтъ наше оружіе и наша политика имѣли свое значеніе на вѣсахъ Европы, такъ современемъ долженъ пріобрѣсть значеніе и нашъ языкъ. Онъ ширится, онъ требуетъ простора, и это можетъ быть самое сильное и самостоятельное требованіе изъ всѣхъ пробудившихся въ Россіи требованій. Будемъ ли противодѣйствовать тому, не дозволяя русскому языку проникать въ разнородныя среды жизни, особенно, когда въ самыхъ этихъ средахъ уже оказывается стремленіе къ русскому языку?

Единство религіозное есть, повторяемъ, великое благо, но возводить его въ политическій догматъ невозможно. Католичество и полонизмъ связаны въ настоящее время, но потому-то самому и должно расторгнуть это пагубное, это столь враждебное намъ сочетаніе.

„Пусть католическіе волки являются въ своей волчьей шкурѣ“, говорятъ иные почтенные охранители русскихъ интересовъ; но вѣдь нѣтъ, однако, никакой возможности запретить католикамъ знать по-русски. Противъ пропаганды могутъ быть принимаемы мѣры и безъ запрещенія католикамъ употреблять русскій языкъ въ дѣлахъ своей вѣры, а съ другой стороны мы знаемъ, что и при этомъ запрещеніи производилась въ западномъ краѣ весьма дѣятельная пропаганда. Мы также знаемъ, что есть русскія народонаселенія въ Австрійской имперіи, окруженныя со всѣхъ сторонъ господствующимъ католицизмомъ и сохраняющія вмѣстѣ съ своимъ языкомъ и свое православіе; мы знаемъ, что и въ эпоху старой Польши, при всемъ фанатизмѣ своемъ, католицизмъ могъ осѣтить православный людъ только посредствомъ уніи, оставлявшей во всей силѣ обрядъ православія, ибо только обрядомъ и могло православіе отличаться въ глазахъ простаго человѣка отъ латинства. Но какимъ образомъ ожидать, что если католики будутъ молиться или учиться въ школахъ своему закону по-русски, то православные будутъ вслѣдствіе того совращаться въ латинство? Не то ли же это, что *baculus in angulo, ergo pluit*?

Можно ли возводить въ какой-то странный принципъ тѣ ограниченія, которыя доселѣ воздвигались въ ущербъ русскому языку и русской народности, и можно ли желать, чтобъ эти ограниченія продолжались, въ виду уже ясно сознаваемаго ущерба и очевидныхъ опасностей? Съ одной стороны русскому языку не дозволялось касаться такихъ-то предметовъ, съ другой воздвигались преграды естественному стремленію разнородныхъ элементовъ примкнуть къ сильнѣйшей и фактически господствующей народности, посредствомъ усвоенія ея рѣчи. Для какихъ народностей, племенъ и мельчайшихъ этнографическихъ обрывковъ не создавалось у насъ школъ? О какой группѣ иновѣрцевъ не пеклись мы, не холили ея, и не старались сохранить до позднѣйшаго потомства ея иноплеменность? Можно ли вслѣдствіе этого ожидать, чтобы съ одной стороны нашъ языкъ и наша народность могли обнаружить

всю свойственную имъ силу, а съ другой чтобы каждый племенной отпрыскъ не стремился сдѣлаться чѣмъ-нибудь во всѣхъ отношеніяхъ самостоятельнымъ? Можно ли не подивиться мысли ограничивать употребленіе русскаго языка въ странѣ, которая называется Россіею, подъ тѣмъ невѣроятнымъ предлогомъ, что на этомъ языкѣ удобнѣе совращать русскаго человѣка въ латинство! Почему же наконецъ не запретить и раскольникамъ говорить по-русски: еслибы сочинить для нихъ особый языкъ, вѣдь тогда православные крестьяне не могли бы понимать ихъ *прелестныя* рѣчи? Не заставить ли и ихъ молиться и учиться по-польски? Вѣдь почти три милліона католиковъ (въ томъ числѣ около трехъ сотъ тысячъ коренныхъ Русскихъ) принуждаются же непремѣнно чувствовать себя Поляками въ силу своей религіи.

№ 76.

Москва, 3-го апрѣля.

Не одна петербургская печать, но точно также и московская посвящаютъ намъ свои досуги. Газета *День* почти въ каждомъ нумерѣ хлопочетъ и о нашихъ мнѣніяхъ, и о насъ самихъ. Давно замолкнувшій въ литературѣ глава такъ-называемаго славянофильскаго кружка, г. Кошелевъ, только для насъ прерываетъ свое молчаніе въ газетѣ *День*; для насъ только прерываетъ свое молчаніе и другой дѣятель того же кружка, г. Ю. Самаринъ. Повидимому, только мы еще и привязываемъ этихъ почтенныхъ отшельниковъ къ жизни, съ ея треволненіями, суетами и вопросами, и не будь насъ и нашихъ мнѣній, публикѣ не удалось бы слышать ихъ руководящаго голоса. За послѣдніе два-три года, помнится, кромѣ насъ, еще только Бюхнеръ произвелъ на г. Самарина нѣкоторое возбуждающее дѣйствіе, такъ что онъ принялся было писать о матеріализмѣ, написалъ нѣсколько строкъ, но остановился на самомъ интересномъ мѣстѣ, успѣвъ доказать лишь относительную пользу матеріализма какъ кислоты очищающей нравственную жизнь, и щелкнуть неразумныхъ противниковъ этой кислоты въ нашей литературѣ. Потомъ еще, помнится намъ, принимался онъ писать что-то, долженствовавшее служить введеніемъ во что-то, и также неожиданно скрылся отъ взоровъ публики. Вообще г. Самаринъ пишетъ кратко, какъ бы не хотя, и никогда не дописываетъ до конца. Перо его разыгрывается только тогда, когда онъ заводитъ рѣчь о насъ, и оно особенно разыгралось въ послѣднее время. Начиная съ прошлаго года мы почему-то дѣйствовали на него чрезвычайно возбудительно, такъ что онъ снова сталъ писателемъ, и о чемъ бы онъ ни заговорилъ, рѣчь его непремѣнно склонится къ намъ. Въ столь краткій промежутокъ времени онъ успѣлъ въ газетѣ *День* взвѣсить всѣ наши мнѣнія, опредѣлить наши свойства, классифировать и конструировать насъ, изучить фазы нашего развитія и разсказать объ открытіяхъ, которыя мы на своемъ вѣку совершили, начиная съ открытія науки и оканчивая открытіемъ Россіи, существовавшей дотолѣ только въ славянофильскомъ кружкѣ. Эти господа очевидно недовольны нами, наша дѣятельность въ это послѣднее время почему-то особенно не нравилась имъ и раздражала ихъ. Все было не по нихъ. Имъ очевидно казалось, что мы вмѣшиваемся въ ихъ спеціяльность и отбиваемъ у нихъ Россію, которую они считаютъ изобрѣтеніемъ и достояніемъ своего кружка, хотя мы нисколько не виноваты, что г. Самаринъ предпочиталъ болѣе заниматься нами нежели Россіей. Они не находятъ ничего язвительнѣе сказать намъ въ укоръ какъ замѣтить, что мы будто бы въ нашихъ мнѣніяхъ сбиваемся на славянофильскій ладъ; и въ то же самое время они гнѣваются на насъ за находимое ими радикальное несогласіе нашихъ мнѣній съ ихъ Кораномъ. Мы смиренно принимаемъ ихъ гнѣвъ въ послѣднемъ случаѣ; но позволяемъ себѣ протестовать противъ ихъ неудовольствія по первому пункту. Мы рѣшительно не заслуживаемъ попрековъ въ славянофильствѣ, которыми они язвятъ насъ. Такъ какъ намъ пришлось заговорить теперь о г. Самаринѣ и о его занятіяхъ нашими мнѣніями, то мы считаемъ своимъ долгомъ успокоить какъ его, такъ и г. Кошелева удостовѣреніемъ, что взгляды наши на нѣкоторые политическіе предметы, — взгляды, показавшіеся имъ похожими на славянофильство, — отнюдь не могутъ претендовать на честь этого титула, и быть-можетъ болѣе чѣмъ что-либо другое не согласны съ ихъ философіей.

Но къ чему мы заговорили о гг. Кошелевѣ и Самаринѣ? Мы не платили имъ взаим-

ностію; мы предоставляли имъ заниматься нами и дѣлать о насъ какія имъ угодно заключенія. Признаемся, намъ не всегда даже удавалось прочесть результаты ихъ изученій по нашей части. Такъ, лишь на дняхъ недавно довелось намъ прочесть статью г. Самарина, напечатанную въ *Днѣ* недѣли двѣ тому назадъ, и написанную по поводу нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ нами въ № 5 ***Московскихъ Вѣдомостей.*** Статейка г. Самарина показалась намъ интересною, и мы считаемъ не лишнимъ поговорить о ней, за неимѣніемъ въ настоящую минуту другаго болѣе серіознаго предмета. Статейка эта интересна во многихъ отношеніяхъ; она интересна также и въ томъ отношеніи, что хорошо знакомитъ съ тактикой и пріемами такъ-называемыхъ славянофиловъ.

Г. Самаринъ, мы совершенно увѣрены въ томъ, исполненъ самаго искренняго желанія поступать въ своихъ публичныхъ дѣйствіяхъ и сужденіяхъ съ полною добросовѣстностію. Доброму желанію нельзя не пожелать исполненія. Мы отъ всей души будемъ радоваться его успѣхамъ по этой части, и готовы способствовать ему, сколько позволяютъ наши средства, въ благомъ начинаніи. Для этой цѣли мы считаемъ полезнымъ, чтобъ онъ свое вниманіе, столь пристально обращенное на насъ, обратилъ на *себя;* мы хотимъ познакомить его съ сущностію его послѣдняго трактата, ускользнувшею отъ его вниманія.

Вотъ въ чемъ дѣло: въ № 51 нашей газеты, говоря объ общемъ положеніи дѣлъ внутри, мы, между прочимъ, сказали: „наши прогрессисты, изъ нелѣпыхъ опасеній вторичнаго пришествія крѣпостнаго права и подъ вліяніемъ смутныхъ идей демократіи и соціализма, рады на вѣки закрѣпостить крестьянъ въ общинномъ землевладѣніи, въ круговой порукѣ, подъ деспотизмомъ мірской сходки и такъ-называемаго крестьянскаго самоуправленія.“ Эти слова наши выписываетъ г. Самаринъ въ началѣ своей статьи, и дѣлаетъ ихъ предметомъ своего критическаго анализа. Онъ выписалъ эти слова, стало-быть онъ прочелъ ихъ; онъ посвящаетъ имъ цѣлую статью, стало-быть, онъ не могъ не видѣть ихъ простаго, не подлежащаго никакому сомнѣнію и спору, смысла. Мы повторяемъ, что есть у насъ люди, которые, подъ вліяніемъ разныхъ смутныхъ идей, рады на вѣки закрѣпостить крестьянъ въ общинномъ землевладѣніи, въ круговой порукѣ, и т. п. Г. Самаринъ, выписавъ эти слова, послѣ нѣкоторыхъ предварительныхъ разсужденій пишетъ: „Перейдемъ къ самому дѣлу и постараемся разобрать филиппику *Московскихъ Вѣдомостей* по пунктамъ. *Крестьяне закрѣпощены на вѣки въ общинномъ землевладѣніи и круговой порукѣ.* Посмотримъ, такъ ли это?... Правительство признало общинное землевладѣніе и круговую поруку въ Великороссіи, какъ признало оно въ западномъ краѣ и Малороссіи подворное, наслѣдственное землевладѣніе и личную отвѣтственность. Такъ ли слѣдовало поступить или иначе? Мы думаемъ, что правительство поступило какъ слѣдовало, иначе и нельзя поступить. Законъ признавалъ общинное землевладѣніе и круговую поруку, но не придалъ ей безусловно-обязательной силы и не сковалъ свободы будущаго развитія.“

Каково это? Рѣчь у насъ шла о мнѣніяхъ нѣкоторыхъ прогрессистовъ, которые желали бы закрѣпостить крестьянъ въ общинномъ землевладѣніи и въ круговой порукѣ, и критикъ нашъ зналъ, что именно объ этомъ шла у насъ рѣчь, онъ самъ выписалъ наши слова. И вотъ съ искусствомъ, которому можно только удивляться, на слѣдующей страницѣ онъ заставляетъ насъ сказать слѣдующее: „*Крестьяне закрѣпощены навѣки въ общинномъ землевладѣніи и въ круговой порукѣ*“, и принимая на себя защиту нашего правительства и нашего законодательства, онъ побѣдоносно опровергаетъ это ложное показаніе. Онъ суровымъ и торжественнымъ тономъ убѣждаетъ насъ, что наше законодательство не закрѣпостило крестьянъ въ общинномъ землевладѣніи и въ круговой порукѣ и не сковало ихъ будущаго развитія. Онъ требуетъ у насъ отчета въ нашихъ необдуманныхъ и незрѣлыхъ словахъ. Онъ требуетъ, подобно девяти гласнымъ, фактическихъ доказательствъ. „Мы желали бы“, говоритъ онъ, „вызвать редакцію на откровенное объясненіе; мы просимъ ее сказать намъ, что именно ей противно въ крестьянскомъ положеніи, почему противно, и чѣмъ бы она полагала замѣнить негодное? При этомъ мы даже не требуемъ отъ нея, чтобъ она не набрасывала тѣни на политическія убѣжденія своихъ противниковъ; мы даемъ ей полную волю предполагать въ *насъ* (!) вліяніе демократическаго соціализма, коммунизма и всевозможныхъ измовъ; пусть только она дастъ

„намъ положительные отвѣты на тѣ вопро-„сы, которые она же возбуждаетъ, расше-„веливаетъ и теребитъ."

Что сказать обо всемъ этомъ? Что сказать объ этомъ неожиданномъ и мгновенномъ превращеніи теорій, принадлежащихъ нѣкоторымъ метафизикамъ нашей литературы, въ существующій фактъ? Что сказать объ этой солидарности г. Самарина съ законодательною властью Россійской Имперіи? Онъ проситъ насъ разобрать крестьянское Положеніе, отмѣтить что въ немъ есть негоднаго и замѣнить негодное лучшимъ. При этомъ онъ, съ удивительнымъ великодушіемъ, предоставляетъ намъ полную волю отыскивать въ немъ, г. Самаринѣ, вліяніе всевозможныхъ *измовъ*.

Всѣмъ извѣстно, что г. Самаринъ и еще нѣсколько другихъ лицъ участвовали въ такъ-называемыхъ редакціонныхъ коммиссіяхъ по крестьянскому дѣлу; всѣ очень хорошо знаютъ и цѣнятъ заслуги этихъ лицъ, но никому до сихъ поръ еще не было извѣстно, что г. Самарину и его друзьямъ Россія обязана закономъ 19-го февраля, и что г. Самаринъ отвѣтствуетъ за него и передъ современниками, и передъ потомствомъ. Вотъ что значитъ посвящать слишкомъ страстное вниманіе другимъ, и не давать себѣ отчета въ движеніяхъ собственной души! Вотъ до чего можно договориться! Г. Самаринъ серіозно вообразилъ себя отвѣтственнымъ за правительство Россійской имперіи, за Положеніе 19-го февраля и за крестьянское дѣло въ его настоящемъ развитіи. Въ какія странности могутъ иногда впадать серіозные люди!

Г. Самаринъ утверждаетъ, что мы относились къ крестьянскому Положенію („къ *на-„шему* крестьянскому Положенію", говоритъ онъ) „какъ-то непрямо и неоткровенно. Конечно", продолжаетъ онъ, „рвануть съ одной стороны, щипнуть съ другой и потомъ „отскочить — гораздо легче, чѣмъ предъ-„явить опредѣлительное возраженіе и при-„нять на себя отвѣтственность за проектъ „улучшенія." Итакъ, г. Самаринъ видитъ въ насъ какихъ-то тайныхъ противниковъ Положенія 19-го февраля и требуетъ отъ насъ новаго проекта. Г. Кошелевъ, въ той же газетѣ, намекалъ даже на то, что мы крѣпостники. Однако, на какомъ же основаніи господа эти полагаютъ, что мы недовольны закономъ 19-го февраля? Всѣ наши мнѣнія по крестьянскому дѣлу высказывались въ печати съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ оно было впервые объявлено и стало предметомъ общественнаго обсужденія. Наши мнѣнія по этому дѣлу довольно извѣстны, и мы ни въ чемъ не отступили отъ тѣхъ оснований, которыя съ самаго начала были нами заявлены. Положеніе 19-го февраля было принято нами какъ великое событіе, полагающее эпоху въ нашей исторіи; мы радостно привѣтствовали его, и въ нашихъ отзывахъ не было ни одного слова, которое могло бы быть принято за протестъ противъ его основаній. Этого мало: съ полною искренностію отдавали мы справедливость трудамъ, которые были положены на это дѣло лицами, принимавшими въ немъ участіе. Относительно редакціонныхъ коммиссій мы выражали только сожалѣніе, что разработка этого вопроса въ печати была затруднена и почти пріостановлена вскорѣ послѣ того какъ эти коммиссіи вступили въ дѣйствіе. Но мы были расположены вѣрить, что и это было сдѣлано изъ самыхъ лучшихъ побужденій. Намъ казалось только не совсѣмъ вѣрнымъ мнѣніе о необходимости или пользѣ пріостановить гласное обсужденіе вопроса. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что благополучное разрѣшеніе вопроса, напротивъ, много зависѣло именно отъ того, что съ самаго начала онъ былъ открытъ для гласнаго и довольно свободнаго обсужденія. Всѣ могутъ засвидѣтельствовать какъ разъяснялся и созрѣвалъ онъ, благодаря этой съ самаго начала сообщенной ему гласности, и мы до сихъ поръ думаемъ, что дѣло ничего не потеряло бы, еслибъ обсужденіе шло до самаго конца также свободно и широко, какъ оно началось.

Вся сила Положенія 19-го февраля, заключается въ томъ, что въ немъ осуществились основанія, предположенныя въ Высочайшихъ рескриптахъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ подробностяхъ этого закона есть можетъ-быть отзвуки нѣкоторыхъ одностороннихъ теорій; есть, какъ и во всякомъ другомъ, свои недочеты и ошибки; но практика и дальнѣйшее движеніе законодательства восполняютъ недостатки и исправляютъ ошибки. Требуется не нарушать закона, требуется развивать его далѣе, преобразуя и улучшая. То самое что подняло противъ насъ г. Самарина что заставило его и его политическаго друга, г. Кошелева, осыпать насъ укорами и сарказмами, — то самое заключается и въ Положеніи 19-го февраля. Г. Самарину нравит-

ся учрежденіе мировыхъ посредниковъ; по крайней мѣрѣ онъ не можетъ отрицать, что учрежденіе это содержится въ Положеніи 19-го февраля. Что было бы съ такъ-называемымъ крестьянскимъ самоуправленіемъ, еслибъ оно не примыкало къ мировому институту, которому основанія положены въ законѣ 19-го февраля? Какъ шло бы это управленіе еслибы не было мировыхъ посредниковъ? Г. Самаринъ въ этой самой статейкѣ своей, о которой мы теперь говоримъ, изображаетъ картину благополучнаго хода принятаго крестьянскимъ дѣломъ на практикѣ. Онъ свидѣтельствуетъ о томъ, съ какою готовностію, съ какимъ смысломъ, съ какимъ довѣріемъ, крестьяне и ихъ выборные люди подчинялись руководству мировыхъ посредниковъ. Но кто же такіе эти мировые посредники? Откуда взялись эти люди, давшіе своимъ руководствомъ смыслъ крестьянскому управленію и своею дѣятельностію благополучный ходъ крестьянскому дѣлу? Изъ какой среды они вышли? Что значитъ то учрежденіе, котораго они члены? И чего наконецъ хотимъ мы, говоря о томъ „новомъ положеніи, которое должны занять наши землевладѣльцы, какъ естественные защитники свободнаго сельскаго люда, какъ представители его интересовъ, какъ надежные хранители земскаго мира?“ Г. Самаринъ съ насмѣшкою и негодованіемъ выписываетъ эти наши слова. Но какъ же онъ отвѣтственный защитникъ закона 19-го февраля, позабылъ, что новое положеніе, о которомъ мы говоримъ, создано для нашихъ землевладѣльцевъ этимъ самымъ закономъ; какъ же онъ не вспомнилъ при этихъ словахъ, о мировыхъ посредникахъ, которые ему такъ нравятся или по крайней мѣрѣ должны нравиться? Онъ упрекаетъ насъ въ какой-то чинимой нами агитаціи: какъ же его добросовѣстность не подсказала ему, что эта агитація есть не что иное какъ желаніе видѣть въ полномъ развитіи тѣ начала управленія, которыя даны закономъ 19-го февраля въ мировомъ институтѣ, и что эта агитація производится въ виду новаго закона, который даетъ Россіи мировыхъ судей, долженствующихъ, по Высочайшему слову, имѣть еще большее значеніе чѣмъ ихъ предвѣстники, мировые посредники?

Но мы боимся, не слишкомъ ли мы серіозно заговорили по поводу куріоза, случившагося въ *Днѣ?* Нашъ критикъ требуетъ, чтобы мы подвергли нещадному разбору дѣйствующій законъ, и представили новый проектъ. Онъ требуетъ настоятельно, онъ прижимаетъ васъ къ стѣнѣ; мрачный и торжественный тонъ не допускаетъ мысли о шуткѣ. Пусть же посудятъ читатели объ аркадскомъ добродушіи нашего критика! Онъ полагаетъ, что есть возможность разбирать критически только что вступившій въ силу законъ, и даже отрицать его основанія! Смѣемъ увѣрить г. Самарина, что еслибы въ настоящее время и была такая возможность, мы отнюдь не подумали бы воспользоваться ею въ тѣхъ видахъ, какіе онъ приписываетъ намъ. Мы пожелали бы только того, къ чему законъ клонится и безъ насъ, вопреки фальшивымъ теоріямъ, которыя хотѣли бы овладѣть имъ, такъ какъ этотъ законъ, по собственному выраженію г. Самарина, „не закрѣпилъ навсегда общиннаго землевладѣнія и круговой поруки, и не сковалъ свободы будущаго развитія.“ Намъ нравятся эти слова г. Самарина, и мы всегда въ этомъ смыслѣ смотрѣли и желаемъ смотрѣть на дальнѣйшее движеніе нашего законодательства. Намъ эти слова нравятся, — но съ полною ли искренностію написалъ ихъ славяно-фильскій мыслитель и законодатель? Законъ 19-го февраля не закрѣпилъ навсегда общиннаго землевладѣнія, не закрѣпилъ навсегда круговой поруки, — это мы знаемъ, и этому мы радуемся. Но что можетъ быть пріятнаго въ этомъ г. Самарину? По ученію славянофильской мудрости, общинное землевладѣніе есть положеніе нормальное, святыня и вѣнецъ нашей народности; по этому ученію, русскій народъ именно долженъ быть на вѣки закрѣпощенъ въ общинномъ землевладѣніи и круговой порукѣ. Что же общаго между тѣмъ смысломъ, какой г. Самаринъ для нашего поученія открываетъ въ дѣйствующемъ законѣ, и мнѣніемъ тѣхъ народолюбцевъ, о которыхъ мы говорили, и которые дѣйствительно были бы рады навѣки закрѣпостить русскій народъ?

Г. Самаринъ основательно полагаетъ, что законъ не могъ обойдти существующаго факта, что общинное землевладѣніе съ круговою порукой есть форма, найденная закономъ въ существующемъ бытѣ. Дѣйствительно, законъ, совершая отмѣну помѣщичьяго права, не могъ за одинъ разъ освободить крестьянъ отъ всякой крѣпости. Мы понимаемъ, что общинное землевладѣ-

ніе съ круговою порукой есть крѣпость, въ которой еще остаются массы нашего народа, и которая ждетъ своей окончательной развязки въ будущемъ. Мы также совершенно согласны съ г. Самаринымъ, что „круговая порука какъ обезпеченіе „исправнаго отбыванія крестьянскихъ по„винностей есть *право помѣщика* и что „на этомъ условіи отведена крестьянамъ „земля въ безсрочное пользованіе.“ Мы какъ нельзя болѣе согласны съ нимъ въ этомъ дѣйствительно, круговая порука есть еще продолженіе крѣпостнаго права; круговая порука въ настоящее время, при теперешнемъ положеніи дѣлъ, требуется интересомъ помѣщика. Но зачѣмъ же г. Самаринъ и его друзья не хотятъ говорить съ полною откровенностію? Почему эти господа, видя въ круговой порукѣ и нераздѣльномъ съ нею общинномъ землевладѣніи, продолженіе крѣпостнаго права и интересъ чисто помѣщичій, въ то же время хотятъ, чтобы другіе видѣли въ этихъ формахъ палладіумъ и святыню русскаго народа, и благодѣяніе для крестьянъ? Зачѣмъ эти господа принимаютъ попечительную о крестьянахъ мину и выдаютъ себя за спеціальныхъ ревнителей ихъ свободы и благосостоянія?

Г. Кошелевъ, въ свою очередь, находитъ, что общинное землевладѣніе съ круговою порукой предохраняетъ народъ отъ пролетаріата и предупреждаетъ необходимость закона о бѣдныхъ. Почтенный предсѣдатель славянофильскаго кружка не сообразилъ, какія невыгодныя послѣдствія вытекаютъ для крестьянъ изъ круговой поруки. Законъ о бѣдныхъ въ Англіи падаетъ на всѣ классы общества, преимущественно на людей богатыхъ и достаточныхъ; но крестьянская круговая порука всею своею тяжестью падаетъ только на крестьянскую общину, на людей бѣдныхъ, живущихъ собственнымъ ежедневнымъ трудомъ, и лучшихъ, работящихъ и добросовѣстнѣйшихъ изъ нихъ приноситъ въ жертву лѣнивцамъ и негодяямъ.

Но мы спѣшимъ окончить это длинное разсужденіе о куріозахъ газеты *День*. Съ какою цѣлію г. Самаринъ написалъ свою статью? Зачѣмъ онъ, на глазахъ читателей, измѣнилъ смыслъ и текстъ нашихъ словъ? Зачѣмъ онъ опровергалъ то чего не было сказано и доказывалъ то что не требовало доказательствъ? Онъ самъ, какъ оказывается, знаетъ, что Положеніе 19 февраля не принимаетъ общиннаго землевладѣнія и круговой поруки за окончательную форму; онъ самъ видитъ важное значеніе мировыхъ учрежденій, созданныхъ этимъ Положеніемъ, открывающихъ нашимъ землевладѣльческимъ классамъ новую будущность. Во всѣхъ этихъ пунктахъ законъ, по собственному толкованію славянофильскаго мыслителя, находится въ противорѣчіи съ истинными убѣжденіями, которыя онъ всегда исповѣдывалъ. Зачѣмъ же онъ приводитъ себя въ солидарность съ нимъ, зачѣмъ же онъ замѣчанія, относящіяся къ нему и его друзьямъ, отнесъ къ закону и объявилъ насъ врагами закона? Г. Самаринъ строго упрекаетъ насъ за то что мы нашею агитаціей будто бы колеблемъ вѣру въ практичность закона. „Чего же ожи„дать отъ будущаго, если эта вѣра по„дорвется и ни чѣмъ опредѣлительнымъ не „замѣнится; если исполнители, отъ низ„шихъ до высшихъ, повѣривъ на слово *Мо„сковскимъ Вѣдомостямъ*, убѣдятся, нако„нецъ, что то чему они такъ усердно слу„жили, никуда не годится, что они сами, „эти ревностные исполнители, трудясь надъ „приведеніемъ въ дѣйствіе крестьянскаго „положенія, были невинными орудіями *идей „демократическаго соціализма*; если нако„нецъ, почувствовавъ необходимость круто „свернуть съ прежней дороги, они не уви„дятъ предъ собою другаго пути и новой „цѣли? Не трудно сказать, чего ожидать — „у всѣхъ опустятся руки, охладѣетъ усер„діе и наступитъ пора полнѣйшаго безу„частія и бездѣйствія. Ни къ чему иному „не могутъ привести голословное порица„ніе, косые взгляды, колкіе намеки и вся „эта журнальная агитація.“ Что все это значитъ? Это можетъ значить только то, что такъ-называемые славянофилы вознамѣрились считать всякое порицаніе ихъ мнѣній за нападеніе на законъ 19 февраля. Г. Самаринъ совершилъ своею статейкой актъ чрезвычайной важности; онъ поставилъ мудрость своего кружка подъ гарантію Россійской Имперіи. Отнынѣ возражать противъ славянофиловъ, обличать односторонность или фальшивость ихъ воззрѣній значитъ подрывать вѣру въ законы колебать Русскую землю.

№ 77.

Москва, 11-го апрѣля.

Читатели не могли не обратить вниманія на странный документъ, заимствованный нами третьяго дня изъ варшавской официяльной газеты. Мы разумѣемъ письмо найденное на тѣлѣ одного изъ повстанцевъ и адресованное на имя ксендза Пшибыловскаго. Въ подлинности этого письма нѣтъ никакого основанія сомнѣваться. Не одно только то обстоятельство, что документъ этотъ напечатанъ въ газетѣ официяльной, но и самое содержаніе его свидѣтельствуетъ о томъ, что оно было дѣйствительно писано изъ Парижа какимъ-то значительнымъ лицомъ польской эмиграціи. Оно носитъ на себѣ отпечатокъ совершенно характеристическій; въ немъ выразился человѣкъ со всѣми особенностями созданнаго современными обстоятельствами положенія. Письмо это стóитъ разсмотрѣть нѣсколько внимательнѣе. Прежде всего бросаются въ глаза нѣкоторыя причудливыя странности въ тонѣ и выраженіяхъ. Оно писано отъ духовнаго лица къ лицу тоже по своему званію духовному. Ни чѣмъ инымъ кромѣ какъ причудливымъ юморомъ нельзя объяснить латинское обращеніе, съ котораго начинается письмо. Титулъ **eminentissime** въ обращеніи къ простому священнику могъ быть употребленъ только въ шутку; и **eruditissime** и **vir** также могутъ имѣть только шуточное или ироническое значеніе въ этомъ обращеніи къ ксендзу предводительствующему шайкой повстанцевъ. Изъ письма видно, что авторъ его принадлежитъ къ числу тѣхъ польскихъ агитатóровъ, которые не одобряютъ вооруженнаго возстанія въ польскомъ краѣ и видятъ въ немъ пагубу своего дѣла. Онъ врагъ Мѣрославскаго и краснаго оттѣнка эмиграціи; онъ болѣе принадлежитъ къ группѣ примыкающей къ князю Чарторыйскому,—но у него свои фантазіи, которыя можетъ-быть раздѣляются многими ему подобными. Онъ повидимому человѣкъ вѣрующій, по крайней мѣрѣ не отрекшійся отъ христіанства, но онъ не принадлежитъ къ числу католиковъ, убѣжденныхъ въ своей церкви и непогрѣшимости папы. Въ немъ сказывается полное чувство упадка и внутренняго разложенія латинской церкви. Онъ свидѣтельствуетъ, что папская власть со всѣми своими притязаніями можетъ разчитывать, какъ на единственный оплотъ и поддержку себѣ въ Европѣ, только на грубость и слѣпоту религіознаго чувства польскихъ населеній. Онъ очень откровенно объясняетъ нынѣшнее бѣдствіе польскаго края римскими вліяніями, которыя въ своихъ видахъ стараются гальванизировать чувство польской національности. Авторъ письма не раздѣляетъ патріотическихъ увлеченій своихъ соотечественниковъ. Отечество, въ его глазахъ, есть анахронизмъ, отжившая идея. Истощать силы и приносить кровавыя жертвы для возстановленія національной независимости и самостоятельности кажется ему безуміемъ. Онъ не хочетъ знать особыхъ индивидуальныхъ странъ и возстановленіе Польши даже въ старыхъ границахъ, какъ особаго государства, какъ отдѣльной страны, ни мало не прельщаетъ его. Онъ находитъ, что Полякамъ, утратившимъ свое отечество и самый народъ свой, остается перенести свои стремленія и помыслы на другой предметъ. **Ubi bene, ibi patria** *) говоритъ онъ, желая тѣмъ выразить, что польскій элементъ, разбросанный по всей Европѣ, вовсе не нуждается въ какой бы то ни было опредѣленной государственной области, которая носила бы его имя, и что элементъ этотъ можетъ продолжать жить и дѣйствовать подъ другими условіями. Полякамъ онъ отводитъ во владѣніе революцію и предлагаетъ имъ вмѣсто индивидуальной страны, вмѣсто отечества, революціонную организацію. Въ революціонной организаціи Поляки, по его ученію, должны группироваться, въ ней находить свое средоточіе и поприще для своихъ стремленій, для своей дѣятельности. Въ каждой странѣ, гдѣ живутъ Поляки, они должны, по ученію этого духовнаго отца, быть революціонною закваской, поддерживать и усиливать все недовольное и подкапываться подъ существующій порядокъ. Они должны забыть о своей старой Польшѣ, отнюдь не задаваться ея возстаніемъ, но чувствовать и знать себя только какъ организованную революціонную силу и здѣсь видѣть польскій духъ, польскую національность, здѣсь видѣть свое государство, свою Польшу. Онъ увѣренъ, что Европа доживаетъ свои послѣдніе дни, и что существующія формы должны пасть подъ напоромъ революціи, и что можетъ-быть въ

---

*) Гдѣ хорошо, тамъ и отечество.

одно прекрасное утро исчезнуть всѣ индивидуальныя страны, всѣ отдѣльныя государства и будетъ „едино стадо и единъ пастырь." Эту нелѣпую, сумазбродную мысль облеченную въ священныя слова, не имѣющія съ нею ничего общаго, онъ излагаетъ довольно серіозно и приглашаетъ ксендза Пшибыловскаго бросить недостойное дѣло кровопролитія въ лѣсахъ Польши, оставить шайку, находившуюся подъ его предводительствомъ, отказаться отъ патріотическихъ увлеченій, отъ старой Польши, и перенести свою дѣятельность и свои способности въ новую Польшу, существующую невидимо въ революціонной организаціи. Польскому элементу во всесвѣтной революціи онъ приписываетъ первенствующее значеніе; въ немъ онъ видитъ ея главную силу, точно также, какъ въ революціи для революціи полагаетъ онъ призваніе оставленное исторіей за Поляками. Онъ рекомендуетъ для революціонныхъ цѣлей систему такихъ мѣръ, такой интриги, которая должна незамѣтно вкрадываться повсюду. Онъ негодуетъ противъ польской эмиграціи, которая компрометтируетъ революціонное дѣло безразсудными и безмозглыми дѣйствіями. Какъ вооруженное возстаніе въ Польшѣ компрометтировало надежды патріотовъ, располагавшихъ достигнуть своей цѣли постепенными и тихими средствами, такъ точно и грубыя революціонныя попытки компрометтируютъ революцію, это новое отечество, отводимое для Поляковъ духовными ихъ учителями, проживающими въ Парижѣ.

Такой взглядъ на вещи, такіе виды и планы могли естественно выработаться въ польской эмиграціи. Люди разсыпанные, лишенные связующей силы, своего народа, уже давно утраченнаго и загубленнаго, легко могутъ приходить въ настоящее время къ такому взгляду на вещи и къ такимъ планамъ. Такъ-называемая польская національность дѣйствительно вся превратилась въ начало революціонное, дѣйствуетъ ли она въ лѣсахъ, собирая повстанцевъ и разсылая шайки жандармовъ-вѣшателей, дѣйствуетъ ли она ловкою, тонкою интригой путемъ администраціи и римско-католической церковной организаціи стремится ли она къ возстановленію Польши, или, какъ возвѣщаетъ авторъ письма, хочетъ быть всесвѣтною революціей. Не есть ли это вопіющая ложь, одуряющая умы и губящая людей, губящая напрасно и безсмысленно? Обрекать себя на то, чтобы служить ядомъ для существующихъ цивилизацій, развивать въ себѣ завѣдомо всѣ инстинкты зла, превращать всѣ благородные дары человѣческой природы въ средства разрушенія, превращать религію въ гнусное злодѣйство, становиться сосудомъ всѣхъ мерзостей обмана и коварства и не имѣть никакой разумной цѣли передъ глазами, ничего дѣйствительнаго, ничего истиннаго, а въ концѣ концовъ быть ни чѣмъ инымъ, какъ игрушкой или орудіемъ въ чужихъ рукахъ, раболѣпнымъ исполнителемъ чужихъ замысловъ, — какая ужасная перспектива! Могутъ ли люди, еще сохранившіе въ себѣ сколько-нибудь чувство собственнаго достоинства признать надъ собой власть подобной національности?

Въ польской эмиграціи могли естественно выработаться подобные планы и виды, но что сказать о церкви, о христіанской церкви, съ которою они дружатся и которая служитъ имъ столь благопріятною средой? Да, по истинѣ печальную картину представляетъ теперь эта, когда-то столь гордая, повелительная и могущественная церковь! Истлѣвшая внутри, поражаемая ежечасно заслуженными ударами извнѣ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе теряющая свою власть и надъ народами и надъ умами, ненавистная въ одномъ мѣстѣ и презираемая въ другомъ, не разбирающая средствъ для достиженія своихъ цѣлей, которыя иногда бываютъ еще хуже чѣмъ средства, становясь сама орудіемъ чуждыхъ и недостойныхъ религіи цѣлей, латинская церковь на нашихъ глазахъ превращается въ какое-то тайное политическое общество, въ какой-то заговоръ. У насъ все еще держится мнѣніе, что католицизмъ можетъ быть опасенъ православію. Напрасно! Римско-католическая организація можетъ быть опасна какъ тайная революціонная сила, а не какъ церковь. Государству можетъ-быть не легко бороться съ нею, но для того чтобы побѣдить ее, надобно поставить ее лицомъ къ лицу не съ государствомъ, а съ церковью. Тогда обличится внутреннее безсиліе, скрывающееся подъ наружностью, еще до сихъ поръ величавою.

№ 78.

Москва, 6-го апрѣля.

Д. П. Шиповъ началъ бесѣду съ нами о томъ, избытокъ ли въ Россіи или недостатокъ въ денежныхъ знакахъ. Первая статья его, напечатанная въ № 2 *Московскихъ Вѣдомостей,* состояла изъ отвлеченныхъ выводовъ и утвержденій, нисколько не подкрѣпленныхъ точнымъ указаніемъ на факты, но такъ какъ почтенный авторъ высказывался въ ней очень рѣшительно противъ теоретиковъ, не хотящихъ знать жизни, а слѣдовательно очевидно отдѣлялъ себя отъ нихъ, то мы, печатая статью его, утѣшали себя надеждой, что дальнѣйшая наша бесѣда съ нимъ перейдетъ на твердую почву разсмотрѣнія и объясненія фактовъ. Вопросъ былъ возбужденъ очень серіозный; ни одинъ патріотъ, сколько-нибудь понимающій дѣло, не можетъ быть равнодушенъ къ вопросу, съ которымъ связана судьба не только нашихъ государственныхъ финансовъ, статьи весьма важной въ политическомъ мірѣ, но и всего народнаго хозяйства. Уже теперь хлѣбъ, главный продуктъ Россіи, во многихъ мѣстахъ обходится производителю дороже существующихъ продажныхъ цѣнъ; это поведетъ или къ сокращенію производства, или по меньшей мѣрѣ къ замѣнѣ болѣе раціональнаго помѣщичьяго хозяйства крестьянскимъ; не ясное ли дѣло, что сельское хозяйство разрушается отъ дороговизны производства и извозовъ, зависящей исключительно отъ домашнихъ причинъ, между тѣмъ какъ цѣны на хлѣбъ въ главныхъ торговыхъ пунктахъ устанавливаются подъ вліяніемъ заграничныхъ цѣнъ и слѣдовательно не могутъ идти неопредѣленно въ гору? Но отъ чего же можетъ зависѣть дороговизна производства и перевозки хлѣба какъ не отъ избытка денежныхъ знаковъ? Кромѣ того, фабричное производство, торговля, наконецъ само сельское хозяйство жалуются на недостатокъ кредита, но какой кредитъ возможенъ, когда монетная единица колеблется? Все хозяйство страны,—не одно сельское хозяйство, къ которому наши протекціонисты чувствуютъ мало состраданія,—находится въ совершенной зависимости отъ состоянія денежной системы. При такомъ положеніи дѣлъ и при такой жизненной важности возбужденнаго вопроса, можетъ ли разномысліе, основанное на дѣйствительномъ убѣжденіи, уклоняться отъ взаимныхъ объясненій? Не слѣдуетъ ли дорожить случаемъ, который даетъ поводъ вникнуть въ тотъ или другой фактъ и взглянуть на него въ иномъ свѣтѣ и подъ инымъ угломъ чѣмъ какъ онъ намъ доселѣ представлялся? Мы съ своей стороны съ жадностью ловимъ всякое указаніе могущее послужить къ провѣркѣ тѣхъ мыслей, за которыя мы принимаемъ на себя отвѣтственность. Мы искренно радовались открывавшимся видамъ на публичную бесѣду съ человѣкомъ, который, заявляя свое разномысліе, въ то же время признавалъ важность дѣла и выражалъ готовность говорить о немъ съ практической точки зрѣнія.

Намъ очень прискорбно было, получивъ вторую статью г. Шипова (помѣщаемую ниже), увидѣть, что почтенный оппонентъ нашъ совершенно иначе смотритъ на дѣло. Не удостоивая ни одного изъ нашихъ замѣчаній разбора, онъ оставляетъ избранную имъ самимъ тему и переходитъ къ другой, какъ будто о предметѣ первой его статьи ужь нечего и говорить. Онъ только повторяетъ, еще съ большею рѣшительностью, какъ бы *ex cathedra*, свое прежнее утвержденіе, что въ денежныхъ знакахъ у насъ недостатокъ; а вмѣсто разумнаго убѣжденія обращается къ разномыслящимъ съ выраженіями, которыя людей робкихъ могутъ совсѣмъ запугать. „Вы-де отвлеченные теоретики, вы все твердите свою заученную тему.“ Это обращеніе тѣмъ страннѣе, что въ числѣ разномыслящихъ имѣетъ честь находиться и редакція той газеты, куда г. Шиповъ прислалъ свою статью для напечатанія. Мы очень благодарны нашему антагонисту за столь высокое мнѣніе о нашей терпимости, но не можемъ скрыть отъ него, что читатели, видя такой способъ защиты, никакъ не составятъ себѣ высокаго мнѣнія о ея успѣшности. Торопливость, съ которою г. Шиповъ уходитъ отъ вопроса о кредитныхъ билетахъ, чтобы поспѣшить къ другому вопросу, бывшему у него въ перспективѣ,—къ вопросу о пересмотрѣ тарифа,—не можетъ произвести выгодное впечатлѣніе именно на такого читателя, который склонялся къ мнѣнію, что мы разсуждаемъ о кредитныхъ билетахъ какъ кабинетные люди и отвлеченные теоретики. Такіе читатели вѣдь должны были ожидать, что г. Шиповъ, практическій знатокъ дѣла, лучше нашего разъ-

яснить его имъ, и никакъ не откажется отъ той гласности, которую мы, въ интересѣ истины, безпристрастно предложили его мыслямъ, несмотря на ихъ разногласіе съ нашими. Такіе читатели должны быть теперь въ большомъ затрудненіи: г. Шиповъ не хочетъ говорить передъ ними о кредитныхъ билетахъ, а въ насъ совѣтуетъ имъ сомнѣваться, какъ въ людяхъ не практическихъ.

По счастію, мы можемъ однакоже содѣйствовать успокоенію этихъ скептиковъ. На дняхъ Д. И. Иловайскій замѣтилъ въ нашей газетѣ очень вѣрно, что всякій расходующій хоть сколько-нибудь денегъ не можетъ не быть практически знакомъ съ вопросомъ о кредитныхъ билетахъ. Мы же, кромѣ того, принуждены ежедневно знакомиться съ нимъ и въ качествѣ производителей. Два періодическія изданія и обширное типографское заведеніе, вѣдь это не одна литература, не одна публицистика, а вмѣстѣ весьма серіозное дѣло въ смыслѣ промышленнаго предпріятія. Мы не только принуждены знакомиться на практикѣ и съ дороговизной и съ безденежьемъ, но даже очень сильно заинтересованы въ вопросѣ о кредитныхъ билетахъ. Если бы напримѣръ было выпущено около ста двадцати милліоновъ кредитныхъ билетовъ или податныхъ марокъ (это все равно), положимъ на постройку южной желѣзной дороги, то кромѣ желѣзной дороги, подарка общаго со всею Россіей, издатели *Московскихъ Вѣдомостей* получили бы нѣсколько спеціальныхъ подарковъ по своему личному адресу. Укажемъ на самый очевидный изъ этихъ подарковъ. За право изданія *Московскихъ Вѣдомостей* платится въ казну около 75.000 рублей ежегодно, и контрактъ заключенъ на 12 лѣтъ. Но еслибы было выпущено новыхъ кредитныхъ билетовъ до ста двадцати милліоновъ, то наша арендная плата въ сущности понизилась бы на 12.000 р. Вслѣдствіе того что къ теперешнимъ 630 милліонамъ рублей кредитныхъ билетовъ прибавилось бы 120 милліоновъ, цѣнность кредитнаго рубля понизилась бы на 16 проц. противъ теперешняго, то-есть всѣ кредиторы, получая номинально ту же сумму, которую ссудили, въ сущности потеряли бы 16 проц. съ своего капитала, и всѣ должники столько же выиграли бы, а такъ какъ казна имѣетъ право взимать съ издателей *Московскихъ Вѣдомостей* 75.000 рублей кредитными билетами, то при упадкѣ цѣнности кредитныхъ рублей на 16 проц., она въ сущности получила бы, по сравненію съ нынѣшнимъ, не 75.000 р., а 63.000 р. Издатели *Московскихъ Вѣдомостей*, какъ видятъ читатели, очень сильно заинтересованы тѣмъ чтобы желѣзныя дороги строились на новые выпуски кредитныхъ билетовъ. Патріотизмъ нашъ радовался бы открытію новыхъ желѣзныхъ дорогъ, а наша касса полнѣла бы отъ пониженія цѣнности арендной платы за *Московскія Вѣдомости*. Денегъ у всѣхъ стало бы много; подписчиковъ было бы у насъ бездна; типографія была бы завалена заказами, и деньги поступали бы безъ малѣйшаго затрудненія. Если бы было удобно занимать читателей подробностями другихъ нашихъ частныхъ дѣлъ, то мы легко могли бы доказать, что и во многихъ другихъ отношеніяхъ выпускъ кредитныхъ билетовъ былъ бы для насъ очень выгоденъ. Мы можемъ помѣряться съ любымъ практическимъ человѣкомъ въ томъ отношеніи, что подобные разчеты не укрываются отъ насъ, и если мы не руководимся ими въ нашихъ разсужденіяхъ о количествѣ обращающихся кредитныхъ билетовъ, если мы не присоединяемся къ хору вопіющему о недостаточности этого количества, то лишь потому что дѣйствовать иначе было бы съ нашей стороны предательствомъ.

Точно-также, покупая печатной и писчей бумаги ежегодно на сумму отъ 60 до 70 тысячъ р. с., мы сильно заинтересованы дешевизной этого товара, а слѣдовательно и дешевизной матеріяла изъ котораго онъ приготовляется,—тряпки. Всѣмъ извѣстно, что эта дешевизна поддерживается довольно высокою пошлиной наложенною у насъ на вывозимую тряпку. Мы заинтересованы сохраненіемъ этой пошлины и могли бы говорить въ своемъ интересѣ очень эффектно,—могли бы очень красиво расписывать какъ пошлина съ тряпья, удешевляя бумагу, удешевляетъ и книги и слѣдовательно дѣлаетъ образованіе болѣе доступнымъ народу. Какихъ великолѣпныхъ фразъ нельзя было бы наговорить на эту тему, а еслибъ эти фразы подѣйствовали, то какъ пріятно отозвалось бы это на выгодныхъ сдѣлкахъ съ бумажными фабрикантами! Между тѣмъ, мы не позволили себѣ поднимать вопль по поводу слуховъ о предполагаемой отмѣнѣ пошлинъ со всѣхъ вывозимыхъ изъ Россіи товаровъ и продуктовъ, а слѣдовательно и съ тряпья. Мы

видимъ, что эта мѣра была бы полезна, и въ качествѣ людей не теоріи, а самой осязательной практики, готовы подчиниться необходимости; почтенныхъ же нашихъ писчебумажныхъ фабрикантовъ просимъ обратить вниманіе на то что̀ говоритъ объ этомъ производствѣ и его усовершенствованіяхъ англійскій министръ финансовъ, г. Гладстонъ, въ приводимыхъ ниже выдержкахъ изъ его рѣчи о бюджетѣ. Фабричное дѣло только тогда стоитъ твердо, не боясь невзгоды, когда не зависитъ отъ измѣнчиваго тарифа. Не на стѣсненіи продавцовъ сурова, а на введеніи усовершенствованій и на бдительности надзора должны быть основаны барыши фабрикантовъ.

Мы впрочемъ не теряемъ надежды, что г. Шиповъ возвратится къ вопросу о кредитныхъ билетахъ. Въ концѣ настоящей статьи онъ обѣщаетъ третью статью, гдѣ надѣется поговорить о новыхъ представителяхъ цѣнности, которыми было бы полезно пополнить недостаточное, по его мнѣнію, количество кредитныхъ билетовъ. Тутъ будетъ поводъ возвратиться къ спорному вопросу, и намъ было бы пріятно, еслибы при этомъ случаѣ появился какой-нибудь другой аргументъ, кромѣ мало-доказательнаго: „я такъ думаю, я убѣжденъ.“

Что же касается до содержанія той статьи г. Шипова, которую читатели найдутъ ниже, то она заключаетъ въ себѣ очень мало указаній, относящихся къ занимающему насъ вопросу. Г. Шиповъ спрашиваетъ: какимъ способомъ увеличить у насъ количество звонкой монеты? Но намъ нѣтъ надобности увеличивать количество находящейся у насъ звонкой монеты. Дѣло вовсе не въ этомъ, а въ томъ чтобы можно было открыть размѣнъ по какой бы то ни было цѣнѣ, но по цѣнѣ прочной, навсегда опредѣленной. До сихъ поръ эта цѣль не была достигнута, потому что вывозъ звонкой монеты за границу, производившійся въ громадныхъ размѣрахъ, воспрепятствовалъ операціи размѣна. Вотъ что сдѣлало звонкую монету предметомъ всеобщихъ толковъ. Спрашивалось, отчего звонкая монета уходитъ за границу, и какія мѣры можно принять противъ того. Г. Шиповъ совѣтуетъ поднять тарифъ и тѣмъ уменьшить привозъ, но привозъ и такъ значительно меньше вывоза, и какъ мы тысячу разъ повторяли, звонкая монета вывозилась за границу не для уплаты разницы по торговому балансу, а для покрытія издержекъ правительства и русскихъ путешественниковъ, да еще для покупки процентныхъ бумагъ, преимущественно облигацій 7-го займа. Неужели не ясно, что возвышеніе татифа не могло бы имѣть ни малѣйшаго вліянія ни на количество казенныхъ заказовъ, ни на сумму пріобрѣтенныхъ облигацій, ни на расходы путешественниковъ? Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что повышеніе тарифа имѣло бы даже обратное дѣйствіе: оно увеличило бы нашу дороговизну и выгнало бы еще больше русскихъ людей за границу. Утверждать, что нынѣшнимъ лѣтомъ звонкая монета уходила за границу вслѣдствіе того, что тарифъ у насъ низокъ, значитъ идти противъ очевидности.

№ 79.

Москва, 7-го апрѣля.

Вопросъ о расколѣ есть въ настоящее время, безъ сомнѣнія, одинъ изъ самыхъ горячихъ и важныхъ вопросовъ; нѣтъ также сомнѣнія, что отъ того направленія, въ которомъ разрѣшится этотъ вопросъ, будетъ зависѣть очень многое въ нашей народной жизни; наконецъ нѣтъ сомнѣнія, что изъ всѣхъ возможныхъ системъ, самая дурная есть система полумѣръ. Полагать, что разомъ можно найдти надлежащую формулу для полнаго разрѣшенія вѣковаго, многосложнаго и труднаго вопроса значило бы ставить себѣ задачу неисполнимую и отвлекаться отъ настоящаго дѣла. Истинная задача состоитъ только въ томъ, чтобы постановить надлежащимъ образомъ вопросъ. Вопросъ правильно постановленный есть вопросъ почти уже разрѣшенный.

Относительно раскола представляются двѣ системы: система стѣсненія и преслѣдованій и система терпимости. Предстоитъ рѣшить, которая изъ двухъ системъ разумнѣе, соотвѣтственнѣе истиннымъ элементамъ дѣла и духу времени, и ведетъ къ лучшимъ результатамъ; предстоитъ рѣшить, которому изъ двухъ противоположныхъ направленій должно послѣдовать. Только это требуется рѣшить, но рѣшить положительно, не оставляя въ дѣлѣ никакой неясности, никакого колебанія и сомнѣнія. Все остальное разовьется само собою изъ рѣшительно принятыхъ и ясно по-

становленныхъ началъ. Но если мы не рѣшимся окончательно въ выборѣ того или другаго направленія, то какія бы мы ни стали придумывать мѣры, всѣ оказались бы безплодными, напрасными и въ сущности вредными, — всѣ оказались бы тѣмъ, что̀ обыкновенно называется полумѣрами. А нѣтъ ничего хуже нерѣшительнаго, колеблющагося дѣйствія. Какое бы ни было принято начало, на полезное и успѣшное дѣйствіе его можно разчитывать только въ томъ случаѣ, когда будетъ предоставлена ему полная возможность дѣйствовать, и когда оно будетъ окружено всѣми благопріятными для него условіями. Система преслѣдованій не можетъ успѣшно дѣйствовать, если она не вооружится всѣми необходимыми для дѣйствія способами. Коль скоро мы рѣшимся возложить надежду на эту систему, коль скоро мы убѣдимся въ ея дѣйствительности и пользѣ, слѣдуетъ дать ей полный ходъ и не парализировать ея дѣйствія никакими малодушными колебаніями. Принявъ эту систему, нельзя уже смотрѣть на расколъ сквозь пальцы. Съ другой стороны принявъ систему терпимости, слѣдуетъ утвердиться въ ней и отнюдь не понимать ее такимъ образомъ, чтобы только вмѣсто серіозныхъ и рѣшительныхъ преслѣдованій свести дѣло на мелкія преслѣдованія, на систему безплодно раздражающихъ стѣсненій и придирокъ. Одно изъ двухъ, но то или другое должно быть понято въ своемъ истинномъ смыслѣ и принято съ полною рѣшимостію.

Система преслѣдованій была уже достаточно испробована и результаты ея оказались неудовлетворительными. Причиною неудовлетворительности, говорятъ, было то, что система эта дѣйствовала не совсѣмъ послѣдовательно, а главное—не имѣла надежныхъ органовъ. „Если прежнія мѣры правительства,“ пишетъ намъ одинъ изъ гнѣвныхъ преслѣдователей раскола, взирающій на него еще суровѣе чѣмъ г. В. К. (см. №№ 65 и 66 *Московскихъ Вѣдомостей*), „не имѣли успѣха, такъ это отъ того, что должностныя лица легко давали подкупать себя раскольникамъ и дѣйствовали уже не противъ нихъ, а заодно съ ними противъ православной церкви, такъ что дѣло искорененія раскола, совершаемое рукой церкви, уничтожалось рукою чиновника.“ Авторъ этихъ строкъ принадлежитъ къ духовенству, и онъ не находитъ достаточно сильныхъ словъ, для того чтобы заклеймить чиновниковъ, которые, подъ видомъ преслѣдованія раскола, собирали съ него дань и потворствовали ему. Авторъ приведенныхъ словъ настаиваетъ на принятіи самой безпощадной и неуклонной системы преслѣдованія. Что-жъ? онъ правъ: если дѣйствовать путемъ преслѣдованій, то надобно желать, чтобы преслѣдованія достигали своей цѣли; надобно желать, чтобы преслѣдованія были дѣйствительныя, а не мнимыя. Всякое дѣло можетъ успѣшно совершаться только изъ свойственныхъ ему источниковъ, только специфическими, ему одному соотвѣтствующими способами. Успѣшно противодѣйствовать какому-либо злу можетъ только та сила, которая къ нему относится, которая отъ него страдаетъ. Почему находятъ, что правительство своими способами не можетъ успѣшно бороться съ тѣмъ или другимъ зломъ, возникающимъ въ нравственной жизни. Именно потому что всякое явленіе относится къ какой-либо опредѣленной сферѣ жизни, и только средствами той сферы, въ которой оно возникаетъ, можетъ оно быть успѣшно развиваемо или стѣсняемо. Только живое, непосредственное, личное участіе въ дѣлѣ можетъ сообщать ему надлежащую силу и обезпечивать его успѣхъ. Дѣятельность *офиціальная*, даже при извѣстной степени добросовѣстности, никогда не коснется сущности дѣла, ни въ положительномъ, ни въ отрицательномъ смыслѣ. Исторія представляетъ нѣкоторые примѣры успѣшнаго дѣйствія религіозныхъ гоненій; но религіозныя гоненія достигали своей цѣли именно тогда, когда носили религіозный характеръ и были исполнены фанатическаго духа. Успѣшно противодѣйствовать ереси или расколу можетъ только сама же церковь, церковь способная къ тому, организованная соотвѣтственно такой системѣ дѣйствій и исполненная сроднаго ей духа. Рѣшиться на систему преслѣдованій по отношенію къ существующему у насъ расколу,—рѣшиться дѣйствительно, рѣшиться съ тѣмъ чтобы достигнуть цѣли,—для этого нѣтъ иного средства, какъ препоясать нашу церковь мечомъ, и сообщить ей такую организацію и такой духъ, которые уподобили бы ее римско-католической церкви. Система религіозныхъ гоненій,—это значитъ церковь вооруженная и организованная какъ государство, это значитъ инквизиція, это значитъ пытки и костры. Или система преслѣдованій есть

только праздное слово, прикрывающее собою безхарактерную и безсмысленную политику придѣпокъ, придирокъ, чиновничьихъ поборовъ, всякаго рода злоупотребленій, возмущающихъ народный бытъ, безплодно раздражающихъ народонасенія, усиливающихъ зло, сѣющихъ повсюду сѣмена недовольства и ненависти, вредящихъ какъ государству, такъ и церкви; или же религіозныя преслѣдованія должны принять вполнѣ соотвѣтственный имъ характеръ и дѣйствовать энергически, мѣтко, истребительно, искоренительно,—дѣйствовать рукою самой церкви, превратившейся въ инквизицію. Но теперь спрашивается, возможно ли допустить, чтобы православная церковь, и притомъ въ настоящее время, могла принять подобный характеръ? Желать чего-либо подобнаго — не безуміе ли и не оскорбленіе ли достоинства и святыни нашей церкви? Никакая ересь, никакой расколъ не могли бы такъ пагубно подѣйствовать на православную церковь, какъ наитіе подобнаго духа, столь ей чуждаго, столь противнаго ея началамъ. Защищать такимъ способомъ единство и чистоту православія, значило бы отравлять его въ собственныхъ источникахъ. Успѣхъ пріобрѣтенный такимъ способомъ, побѣда одержанная такою борьбою, обошлись бы слишкомъ дорого. И можно ли было бы назвать такой успѣхъ успѣхомъ, такую побѣду побѣдой? Побѣда одержанная подобными средствами не была ли бы напротивъ глубокимъ пораженіемъ самой церкви? Успѣхъ купленный такою цѣною не былъ ли бы полнымъ разстройствомъ жизни, упадкомъ народнаго духа и подрывомъ государства? Гдѣ религіозныя гоненія дѣйствовали успѣшно, тамъ они оставляли за собою униженное достоинство церкви, подавленныя силы и убитый народъ.

Но возможно ли серіозно говорить о религіозныхъ гоненіяхъ въ настоящее время? А если невозможно дѣйствовать въ этомъ смыслѣ единственно-годными къ тому способами, то для чего прибѣгать къ способамъ не соотвѣтствующимъ цѣли? Если невозможно и помышлять о дѣйствительныхъ религіозныхъ гоненіяхъ, то къ чему могли бы послужить фальшивыя подражанія имъ? Если невозможна инквизиція, то стоитъ ли возлагать по мелочи ея дѣло на исправниковъ и квартальныхъ надзирателей? Если невозможно примѣнять систему въ ея истинномъ смыслѣ, то какая польза примѣнять ее въ фальшивомъ смыслѣ? Не значило ли бы это оставаться безъ всякой системы, и отказываться отъ серіознаго рѣшенія вопроса? Никакое правительство въ настоящее время не можетъ стать органомъ религіозныхъ преслѣдованій. Еслибы правительство взяло на себя подобную задачу, то оно только поставило бы себя въ ложное положеніе. Да и какой смыслъ имѣла бы подобная политика въ то время, когда все болѣе и болѣе входитъ въ силу начало общественной свободы? Какими законами можно было бы опредѣлить кругъ дѣйствія подобной политики относительно раскола? Гдѣ найдти для нея органы? Наконецъ, можетъ ли правительство дѣйствовать въ явный подрывъ народной жизни, въ явный ущербъ государству, — и безъ всякой пользы для церкви?

Если система гоненій оказывается невозможною, то остается принять политику противоположную. Если ни церковь, ни государство не возьмутся въ настоящее время дѣйствовать мечомъ и огнемъ, — если въ то же время дѣйствовать необходимо, то остается возбуждать въ самой жизни противодѣйствующія злу начала, остается дѣйствовать путемъ умиротворенія. Напрасно вѣтеръ силился сорвать съ путника плащъ, — путникъ только крѣпче укутывался въ него; но поднялось солнце, и полдневные лучи его заставили путника снять съ себя этотъ плащъ, который сталъ ему въ тягость. Такъ гласитъ старинная басня, и ея смыслъ ежедневно оправдывается опытомъ и въ частной, и въ общественной жизни. Политика умиротворенія въ соединеніи съ общимъ возбужденіемъ народной жизни, съ оживленіемъ церкви какъ общественной силы и въ клирѣ и въ мірянахъ, вотъ стало быть единственный путь, который, можетъ повести къ удовлетворительнымъ результатамъ относительно раскола. Стоитъ только принять съ полною рѣшимостію начало, и изъ него сами собою разовьются, въ надлежащей послѣдовательности и постепенности, соотвѣтственныя обстоятельствамъ мѣры.

№ 80.

Москва, 8-го апрѣля.

Лордъ Дерби, въ рѣчи, на которую мы обращаемъ вниманіе читателей сказалъ,

что, по его мнѣнію, революціонные элементы на материкѣ Европы имѣютъ теперь большую силу и совершенно вѣрно замѣтилъ, что датско-германское столкновеніе заключаетъ въ себѣ серіозную опасность именно вслѣдствіе большей зависимости своей отъ революціонныхъ элементовъ, управляемыхъ страстями, нежели отъ разсудительныхъ разчетовъ, которыми руководятся въ своихъ дѣйствіяхъ государственные люди. Вождь англійской консервативной партіи очень хорошо показалъ, какъ въ сущности весь образъ дѣйствій Пруссіи въ датскомъ вопросѣ опредѣляется тѣми самыми демократическими тенденціями и революціонными партіями, съ которыми прусское правительство борется на жизнь и на смерть: Пруссія имѣетъ въ виду подчинить себѣ эти элементы и управлять движеніемъ, которое въ сущности ей враждебно. Можно ли обѣщать успѣхъ этой политикѣ? Удовольствуются ли нѣмецкіе демократы и революціонеры тѣмъ, что Данія будетъ унижена? Успокоятся ли они на лаврахъ, которые теперь такъ нетрудно стяжать прусскому безбородому воинству? Не подѣйствуетъ ли напротивъ вся эта исторія ободрительно на крайнія партіи въ Германіи, не придастъ ли она имъ еще болѣе форсу, не поощритъ ли ихъ на новыя безразсудства? Очень можетъ быть, что намъ придется увидѣть на примѣрѣ Пруссіи какъ опасно бываетъ вступать въ сдѣлку съ революціей. Г. фонъ-Бисмаркъ играетъ въ азартную игру.

Но что̀ г. фонъ-Бисмаркъ и эти куріозные нѣмецкіе революціонеры, состоящіе по большей части на службѣ въ разныхъ канцеляріяхъ и казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ? Не происходитъ ли въ нашихъ глазахъ нѣчто пограндіознѣе въ этомъ же родѣ и притомъ съ дѣятельнымъ участіемъ самого графа Дерби? Не кокетничаетъ ли теперь вся англійская аристократія въ лицѣ Гарибальди со всесвѣтною революціей? Чопорныя англійскія леди не жмутъ ли ту самую руку, которую вчера жалъ Мадзини? Г. Стансфельдъ, какъ оказывается, слишкомъ поспѣшно лишилъ англійскую палату общинъ пикантнаго удовольствія выслушивать панегирики Мадзини отъ члена правительства ея величества королевы Викторіи. Г. Стансфельдъ слишкомъ чувствителенъ; у него нервы слабѣе чѣмъ у англійскихъ герцогинь и маркизъ, соревнующихъ толпѣ разноплеменныхъ эмигрантовъ въ прославленіи „защитника угнетенныхъ народностей."

Нѣтъ спору, въ характерѣ Гарибальди есть своего рода величавость, и величавость симпатичная; его нравственная чистота, хотя и не свободная отъ тщеславія, его популярность и безыскуственность, наконецъ его энтузіазмъ и блестящая воодушевительная храбрость выдвигаютъ его изъ ряда людей обыкновенныхъ. Но Гарибальди дѣйствовалъ съ успѣхомъ и славой только пока былъ орудіемъ въ рукахъ человѣка съ умомъ дѣйствительно геніяльнымъ; репутація Гарибальди тотчасъ же начала падать, какъ только онъ задумалъ дѣйствовать на свою руку; она начала падать еще до Аспромонте, а послѣ этой постыдной катастрофы о Гарибальди говорили не иначе какъ съ пренебреженіемъ тѣ самыя газеты, которыя прежде трубили о немъ всему міру. Онъ совсѣмъ сбился съ толку и сдѣлался игрушкой партіи дѣйствія. Англія, можно сказать, совсѣмъ забыла о немъ. Нужно быть до крайности наивну чтобы принимать за настоящую монету то чествованіе, съ которымъ встрѣчаетъ теперь Англія италіянскаго патріота. Посмотрите что̀ тамъ дѣлается. Министры взбираются на крыши домовъ, чтобы смотрѣть на торжественный въѣздъ „перваго человѣка нашей эпохи"; хозяйки домовъ, которые онъ удостоиваетъ своимъ посѣщеніемъ,—такія хозяйки, гордыя изъ гордыхъ, какъ вдовствующая герцогиня Садерландская,—встрѣчаютъ его въ сѣняхъ; устраиваются банкеты, въ которыхъ принимаютъ участіе первенствующіе государственные люди всѣхъ партій; словомъ, движеніе идетъ очевидно изъ высшихъ сферъ, по которымъ вдругъ словно пробѣжала электрическая искра восторженнаго сочувствія къ „витязю свободы." Преувеличеніе доходитъ до *nec plus ultra* въ подаваемыхъ Гарибальди адресахъ, изъ которыхъ многіе одинъ онъ, сынъ природы, можетъ не принимать за оскорбительную пародію или за попытку вскружить ему голову. Мы имѣемъ подробныя свѣдѣнія лишь о первыхъ трехъ дняхъ пребыванія Гарибальди въ Лондонѣ, и еще не знаемъ, что̀ происходило и какіе адресы были представлены въ субботу и понедѣльникъ, когда предполагалось показывать Гарибальди публикѣ въ хрустальномъ дворцѣ и собирать за то въ субботу по 5 шиллинговъ, а въ понедѣльникъ по 1 шиллингу въ пользу капи-

тала, который будетъ предоставленъ въ безотчетное распоряженіе „героя Италіи.“

Въ Англіи доведено теперь до высокой степени искусство устраивать по командѣ демонстраціи способныя производить сильное впечатлѣніе на Европу. Въ тѣхъ вопросахъ, гдѣ нѣтъ разногласія партій, руководящіе политическіе люди могутъ мгновенно вызвать въ цѣлой странѣ несмѣтное множество совершенно единодушныхъ манифестацій, которыя, глядя со стороны, трудно не принять за выраженіе общественнаго мнѣнія, но которыя въ сущности не что иное какъ дружное исполненіе сигнала даннаго сверху. Минуетъ нужное время, и отъ манифестацій, столь единодушныхъ и восторженныхъ, не останется ни малѣйшаго слѣда. Нѣчто въ этомъ родѣ мы видѣли въ польскомъ вопросѣ. Какъ глубоки были въ англійской публикѣ симпатіи къ польскому дѣлу видно изъ того что теперь онѣ совсѣмъ смолкли, а прошлымъ лѣтомъ насъ запугивали увѣреніемъ что если мы не уступимъ англійскому правительству, то оно будто бы принуждено будетъ уступить напору общественнаго мнѣнія и противъ своей воли объявить войну Россіи. Но тогдашняя комедія была слишкомъ прозрачна. Разыгрываемая теперь гораздо серіознѣе и можетъ сопровождаться болѣе важными послѣдствіями. Угрожать союзомъ съ жондомъ можно было только въ шутку: но союзъ Англіи со всесвѣтною революціей способенъ испугать не на шутку даже людей наименѣе робкихъ.

Англійскія газеты часто называли Наполеона III *great conspirator*, великимъ заговорщикомъ. Британскимъ государственнымъ людямъ вздумалось повидимому соревновать этому титулу. Надобно сознаться что они могутъ дѣлать это съ полною безопасностью. Никогда Англія не была такъ застрахована отъ революціонныхъ движеній какъ теперь. Общее настроеніе господствующее тамъ становится все болѣе и болѣе консервативнымъ. Англія можетъ вступать въ союзъ съ революціей безъ малѣйшаго опасенія какихъ-либо послѣдствій для себя отъ этого союза. Но тѣмъ опаснѣе подобный союзъ для другихъ. Для всеевропейской революціонной партіи очень лестно видѣть, что такая могущественная держава какъ Англія обласкала ее въ лицѣ Гарибальди. Взоры всей партіи дѣйствія обращены теперь на Англію, которая можетъ ожидать съ ея стороны полнаго и чистосердечнаго послушанія. Но это послушаніе не будетъ прочно, если вліяніе Англіи поведетъ только къ пріостановкѣ революціонныхъ стремленій. Революція не будетъ претендовать на то чтобъ Англія шла за нею или по ея указанію, какъ идетъ теперь Пруссія, но будетъ требовать, чтобъ Англія давала направленіе революціоннымъ стремленіямъ Европы; революція будетъ требовать поприща для себя. Чтобъ удержать ее подъ своимъ контролемъ, Англія принуждена будетъ насылать ее то на ту, то на другую страну.

Мы не желаемъ предполагать дурное, но не можемъ не высказать опасенія, что подобное активное руководительство революціей легко можетъ входить уже теперь въ виды англійской политики. Пріемъ, дѣлаемый въ Лондонѣ генералу Гарибальди, не можетъ быть пріятенъ ни тремъ сѣвернымъ дворамъ, ни императору Наполеону III, который считаетъ Гарибальди въ числѣ своихъ личныхъ враговъ. Позволительно сомнѣваться, чтобы политическіе люди Англіи сочли удобнымъ раздражать разомъ всѣ четыре великія державы и доводить до экзальтаціи европейскую партію дѣйствія, если-бы не имѣли въ виду какого-нибудь близкаго полезнаго для своей страны результата. Но гдѣ найдемъ мы цѣль достойную подобныхъ усилій британской политики какъ не въ восточномъ вопросѣ? Если такъ, то можно воскликнуть! *Videant consules!*

№ 81.

Москва, 9-го апрѣля.

А.

Не одно только безпристрастіе побудило насъ дать въ нашей газетѣ мѣсто замѣткѣ г. В. К. о расколѣ; особенно побуждало насъ къ тому соображеніе, что мнѣнія, высказанныя въ этой замѣткѣ, принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыя повторяются въ обществѣ слишкомъ безотчетно и, къ сожалѣнію, слишкомъ успокоиваютъ умы и отвлекаютъ ихъ отъ болѣе серіознаго и плодотворнаго размышленія о дѣлѣ. Мы были очень рады замѣткѣ г. В. К., въ которой ходячее мнѣніе высказалось весьма рѣшительно и въ типической формѣ. Возникающія вслѣд-

ствіе того объясненія не безполезны; они ведутъ къ анализу фактовъ и расшевеливаютъ мысль. Печатая замѣтку г. В. К., мы ограничились общею стороною вопроса; теперь мы возвращаемся къ ней, съ тѣмъ чтобы войдти въ нѣкоторыя подробности.

Нашъ критикъ говоритъ: „Я съ своей „стороны полагаю, что преслѣдованіе, ко„ему лжеученіе (то-есть русскій расколъ) „подвергалось по временамъ у насъ, ослаб„ляло его и препятствовало слишкомъ бы„строму его распространенію, и что самыя „рѣшительныя мѣры, къ коимъ правитель„ство иногда прибѣгало, вызывались имен„но опасными успѣхами раскола въ періо„ды терпимости и послабленія. Это пред„положеніе подтверждается, впрочемъ, какъ „статистическими данными, на сколько онѣ „возможны въ подобномъ дѣлѣ, такъ и здра„вымъ смысломъ."

Статистическія данныя говорятъ совсѣмъ не то что̀ говоритъ г. В. К. Въ прошедшее царствованіе, по словамъ его, были принимаемы строгія мѣры противъ раскола. Это совершенно справедливо. Строгія мѣры начались въ 1827 году, усилились съ 1841 года, а еще болѣе усилились въ 1853 и 1854 годахъ.

Посмотримъ же на статистическія данныя за 1826, 1841, 1853 и 1854 года. Мы пользуемся офиціяльными источниками и сообщеніями людей, которые специяльно изучали расколъ и въ исторіи, и въ современномъ быту.

Возьмемъ губерніи Саратовскую и Самарскую, гдѣ были средоточія раскола, Иргизскіе монастыри, Саратовская и Волжская часовни, обращенныя въ единовѣрческія церкви между 1827 и 1841 годами, при чемъ значительное число особенно упорныхъ раскольниковъ были удалены за Кавказъ и въ Сибирь. Такъ какъ Самарская губернія образована въ 1851 году изъ уѣздовъ Саратовской, Оренбургской и Симбирской губерній, то мы будемъ брать всѣ эти губерніи заодно.

Въ 1826 году раскольниковъ по губернаторскимъ донесеніямъ, было въ Саратовской 50,931, Симбирской 9.378, въ Оренбургской 23.198. Всего 83.507.

Въ 1841 г., въ Саратовской 58,691, Симбирской, 12,714, въ Оренбургской 24,880. Всего 96,285.

Въ 1854 г., въ Саратовской 25.834, въ Самарской 28.750, въ Оренбургской 85.150. Всего 139.734. Не слѣдуетъ забывать, что при этомъ не берется въ разчетъ цѣлая Симбирская губернія въ нынѣшнихъ ея предѣлахъ. Съ нею же цифра достигаетъ до 145.000.

Итакъ, въ юговосточномъ краѣ европейской Россіи раскольниковъ числилось:

Въ 1826	83.000
— 1841	96.000
— 1854	145.000

Но послѣдняя цифра оказалась невѣрною. Когда въ губерніяхъ Саратовской, Самарской, Оренбургской, были, въ 1854 и 1855 годахъ, произведены специяльныя изслѣдованія о расколѣ; тогда оказалось, что ихъ въ Саратовской губерніи 125.000, въ Самарской 85.194, въ Оренбургской 145.000; всего 355.194. Въ Симбирской не было произведено подробныхъ специяльныхъ изслѣдованій, но при поверхностномъ обозрѣніи губерніи оказалось, что въ ней было болѣе 50.000 раскольниковъ.

Итакъ, по четыремъ губерніямъ, Саратовской, Самарской, Оренбургской и Симбирской. Вотъ какъ, на основаніи статистическихъ данныхъ, представляется число раскольниковъ:

Въ 1826 году	83.000,
Въ 1841	96.000,
Въ 1854	405.000.

Возьмемъ теперь Московскую губернію, къ которой прямо относятся слѣдующія слова г. В. К.: „Въ подкрѣпленіе своего, „по сему предмету, мнѣнія, хочу сказать „лишь нѣсколько словъ о настоящемъ по„ложеніи и расположеніи тѣхъ безпоповщинскихъ раскольниковъ, которые въ чис„лѣ 40.000 населяютъ одну извѣстную въ „Россіи мѣстность. По словамъ людей близ„ко изучившихъ предметъ (желательно бы„ло бы знать, кто эти люди?), эта раскольническая агломерація, мѣрами приняты„ми въ послѣдніе годы царствованія Госу„даря Николая Павловича, была доведена „до того, что ей не оставалось другаго ис„хода, какъ отказаться отъ лжеученія и „возвратиться къ православію." Посмотримъ, что̀ скажутъ статистическія данныя объ этой извѣстной въ Россіи мѣстности, то-есть попросту говоря о Москвѣ и вообще о Московской губерніи:

Въ 1826 году	55.835
Въ 1841	69 306
Въ 1850	72.112
Въ 1854	73.485
Въ 1855	73.485

Въ 1855, по специяльнымъ изслѣдованіямъ, оказалось 186.000.

Теперь перейдемъ къ близкимъ отъ Москвы, тремъ верхневолжскимъ губерніямъ: Ярославской, Костромской и Нижегородской.

	Въ Ярославской.	Въ Костромской.	Въ Нижегородской	Всего.
Въ 1826 г.	14.191	26.132	31.701	72.023
— 1841 г.	13.283	26.235	27.088	66.606
— 1862 г.	7.454	26.112	20.246	53.812

Такое значительное уменьшеніе раскола, показываемое начальниками губерній, особенно замѣчательныхъ сильнымъ распространеніемъ раскола, побудило тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ графа Перовскаго произвести въ нихъ особыя специяльныя изслѣдованія. Они производились съ 1852 по 1854, и представили въ результатѣ, что въ Ярославской, Костромской и Нижегородской губерніяхъ, раскольниковъ было не до 54 тысячъ, а болѣе полумилліона, то-есть почти четыре пятыхъ числа раскольниковъ по всей Россіи и Финляндіи, которое показывалось въ 1826 году *).

Въ Ярославской . . .	278.417
— Костромской . . .	105.000
— Нижегородской . .	170.000

Оказалось, что во всѣхъ трехъ губерніяхъ расколъ не уменьшался, а сильно распространился съ 1826 г., цифры же, которыя показывались губернаторами въ отчетахъ, были когда-то написаны на обумъ, а потомъ переходили изъ года въ годъ, съ ежегоднымъ вычетомъ обращавшихся изъ раскола къ церкви.

Первый изъ отчетовъ по специяльнымъ изслѣдованіямъ относился къ Нижегородской губерніи. Министерство усомнилось, увидя, что раскольниковъ показывается слишкомъ въ восемь разъ болѣе цифры представляемой во всеподданнѣйшихъ отчетахъ тамошняго губернатора, и вступило въ сношенія съ святѣйшимъ синодомъ. Святѣйшій синодъ потребовалъ объясненія у епархіальнаго архіерея. Преосвященный дѣйствительно нашелъ ошибку въ вычисленіяхъ: по его изслѣдованіямъ, раскольниковъ оказалось не 170.000, а 233.323.

Пойдемъ теперь на сѣверъ: не найдемъ ли тамъ чего-нибудь въ подтвержденіе словъ г. В. К. Ограничиваемся губерніями Новгородскою и Олонецкою, какъ такими, въ которыхъ были произведены специяльныя изслѣдованія.

	Новгородской.	Олонецкой.	Всего.
Въ 1826 году	15.867	8.382	24 249
Въ 1843 —	13.805	7.144	20.949
Въ 1851 —	8.436	3.850	12.286

Результатъ, какъ видимъ, самый благопріятный. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находятся поморскіе скиты, въ которыхъ особенно сильно развита безпоповщина, число раскольниковъ уменьшилось на половину. Но специяльныя изслѣдованія (по Олонецкой губерніи произведенныя самимъ губернаторомъ) показали то же самое, что и въ трехъ приволжскихъ, то-есть цифры губернаторскихъ отчетовъ писаны безъ всякаго основанія, никогда никѣмъ до того не повѣрялись, и оказалось, что въ Новгородской губерніи раскольниковъ находилось 68.131, въ Олонецкой 18.197, а всего 86.328.

Возьмемъ нѣсколько другихъ губерній на выдержку. Беремъ круглыя цифры.

	въ 1826	въ 1841	въ 1851
Архангельская .	5.000	13.000	16.000
Вологодская . .	3.000	6.000	8.000
Пензенская. . .	6.000	8 000	11.000
Черниговская. .	30 000	45.000	54 000
Виленская . . .	18.000	23.000	28.000 *)
Витебская . . .	37 000	38.000	46.000

Послѣ всего этого кажется позволительно усомниться въ соображеніяхъ г. В. К., будто бы подтверждаемыхъ статистическими данными.

Сверхъ статистическихъ данныхъ, г. В. К. въ подтвержденіе своихъ мнѣній, ссылается еще на здравый смыслъ. „Если гоненіе „недостаточно для того“, говоритъ онъ, „чтобы прекратить расколъ, и направить „фанатиковъ на путь истины, то оно во „всякомъ случаѣ не можетъ привлекать къ „нему и способствовать его расширенію.“ Это, по мнѣнію г. В. К., выводъ здраваго смысла. Однако истинный здравый смыслъ говоритъ совсѣмъ не то, что хотятъ приписать ему. Во всякомъ случаѣ здравый смыслъ отнюдь не противорѣчитъ показаніямъ опыта и свидѣтельствамъ исторіи. А опытъ и исторія говорятъ совсѣмъ не то, чему учитъ г. В. К.

Если можно встрѣтить въ исторіи нѣсколько примѣровъ успѣшныхъ религіозныхъ гоненій, то эти случаи запечатлѣны

*) Въ 1826 г. во всей Имперіи съ Кавказомъ, Землей Войска Донскаго и Уральскаго, съ Сибирью и съ Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ было 827.720.

*) Съ Ковенской.

совершенно исключительнымъ характеромъ и могутъ служить развѣ предостереженіемъ, а не поощреніемъ. Что̀ сдѣлала инквизиція съ Испаніей? Какова участь тѣхъ народовъ, гдѣ, какъ въ Богеміи, папство силою гоненій раздавило реформацію? Но исторія въ громадныхъ размѣрахъ, и почти всегда и повсюду, свидѣтельствуетъ о томъ, какъ могущественно способствуютъ гоненія торжеству гонимаго. Не будемъ говорить о распространеніи самой религіи Христа и о крови мучениковъ, которою ознаменовались ея побѣды надъ міромъ. Не будемъ указывать на торжество православія въ началѣ среднихъ вѣковъ посреди гоненій, воздвигнутыхъ на него сильными тогда аріянами. Не будемъ указывать на торжество иконодуловъ при императрицѣ Иринѣ, которому предшествовали гоненія императоровъ Исаврійской династіи. Не будемъ указывать на костеръ Гусса, на тюрьму Лютера. Обратимся къ отечественной исторіи. Что̀ имѣли въ результатѣ казни новгородскихъ еретиковъ при Іоаннѣ III? Бакшина, Висковатаго, Косаго. Болѣе полутораста лѣтъ не было на русскихъ раціоналистовъ преслѣдованій, и о нихъ слуху не было. Но когда произошли гоненія на Дерюшкина, когда сожгли Ѳому Иванова и другихъ, пошли по Россіи духовные христіане, явились малаканы, духоборцы, общіе... Что наконецъ вознесло и укрѣпило расколъ старообрядцевъ? 12 статей царевны Софіи, мѣры Петра I и людей Елизаветина царствованія.

Когда расколъ особенно распространялся? При Софіи, при Петрѣ, при Елизаветѣ, въ прошлое царствованіе. Когда меньше всего? при Екатеринѣ, Александрѣ I, и, какъ можно смѣло сказать, въ нынѣшнее царствованіе.

Предвидимъ возраженіе. Намъ скажутъ, что въ послѣднее время расколъ усиливался, что православные (то-есть считавшіеся доселѣ православными) цѣлыми селеніями переходятъ въ расколъ, что въ Симбирской напримѣръ губерніи недавно разомъ обратилось въ расколъ двадцать пять тысячъ народа; что въ Псковской, Калужской, Казанской такія же явленія, что изъ разныхъ мѣстъ поступаютъ просьбы о дозволеніи быть въ расколѣ, въ малаканствѣ и т. п.

Все это такъ. Еще въ концѣ 1857 года одинъ изслѣдователь раскола имѣлъ случай заявить правительству, именно покойному министру внутреннихъ дѣлъ графу Ланскому, что все это неминуемо послѣдуетъ, какъ прямой и неизбѣжный результатъ великаго дѣла, тогда начатаго, и совершившагося въ 19 день февраля 1861 года.

Дѣло вотъ въ чемъ. Записанныхъ раскольниковъ, то-есть не значащихся православными, въ Россіи около 800.000, а въ дѣйствительности ихъ не менѣе десяти милліоновъ. Ссылаемся на *Статистическія таблицы Россійской Имперіи*, изданныя въ прошломъ году отъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Исключивъ скопцовъ, хлыстовъ, лазаревщину, лядовъ, монтановъ, милютиныхъ, шелапутовъ, ползуновъ, фарисеевъ, адамитовъ, наполеонистовъ, купидоновъ и пр. и пр., по наружности самыхъ усердныхъ исполнителей православнаго обряда, исключивъ многочисленное Спасово согласіе со всѣми его отраслями, исключивъ самосправщиковъ, перекупановцевъ, кузминовщину и др., совершающихъ въ православныхъ церквахъ только двѣ требы: крещеніе и бракъ,—получимъ около семи милліоновъ раскольниковъ совершенно чуждыхъ церкви, но записанныхъ православными. Главная масса ихъ — бывшіе помѣщичьи крестьяне, состоявшіе на оброкѣ (изъ барщинныхъ весьма рѣдкіе раскольничали). При существованіи крѣпостнаго права многіе помѣщики не позволяли своимъ крестьянамъ раскольничать. Мы можемъ, для примѣра, разсказать, какимъ образомъ, малаканы одного большаго селенія, по приказанію не любившаго шутить помѣщика, были по виду усердными посѣтителями церквей и исполнителями христіянскихъ обязанностей по обрядамъ православія. Вотъ интересная выписка изъ отчета о спеціальныхъ изслѣдованіяхъ, произведенныхъ въ одной изъ вышеупомянутыхъ губерній, назадъ тому десять лѣтъ.

„Въ село N. занесено малаканство и поддерживается посредствомъ сношеній съ малаканами Тамбовской, Воронежской и Саратовской губерній во время поѣздокъ на Урюпинскую ярмарку. Кромѣ того, здѣсь много принадлежащихъ къ Спасову согласію. Еще Св. Димитрій Ростовскій въ своемъ *Розыскѣ* указываетъ на это село какъ на особенно сильное расколомъ. Уменьшился здѣсь расколъ или лучше сказать сдѣлался тайнымъ, только въ продолженіе послѣднихъ 18 или 20 лѣтъ, когда помѣщикъ *** водворился въ немъ на постоянное житье. Для уничтоженія раскола, а осо-

бенно малаканства, онъ завелъ особую полицію для наблюденія за посѣщеніемъ крестьянами церквей. Того, кто не былъ въ церкви сряду три праздника, помѣщикъ призываетъ къ себѣ и говоритъ ему: „Ты что-то въ церковь не ходишь." Послѣ такого замѣчанія крестьянинъ дѣлается усерднѣйшимъ богомольцемъ, ибо знаетъ, что если онъ опять не побываетъ въ церкви въ праздникъ, то его снова призовутъ къ помѣщику, который на этотъ разъ ужь не молвитъ ему ни слова, но укажетъ мѣсто въ экипажѣ рядомъ съ собой и поѣдетъ въ губернскій городъ прямо въ рекрутское присутствіе. Поэтому можно положительно сказать, что въ селѣ N. изъ крестьянъ не достигшихъ 35-лѣтняго возраста нѣтъ раскольниковъ (явныхъ), а оставшіеся принадлежатъ къ числу людей болѣе пожилыхъ. Замѣчательно, что вездѣ женщинъ въ расколѣ больше чѣмъ мущинъ; но нигдѣ это не представляется такъ рѣзко, какъ въ селѣ N, гдѣ изъ 1067 тайныхъ раскольниковъ, — мущинъ 377, а женщинъ 690, то-есть мущинъ едва не вдвое меньше чѣмъ женщинъ, которыхъ въ солдаты отдать нельзя."

Теперь, при упраздненіи крѣпостнаго права, раскольниковъ и малаканъ въ селѣ N болѣе 3.000.

Такъ и въ другихъ мѣстахъ. Но, спрашивается, можно ли считать это распространеніемъ или усиленіемъ раскола? Напротивъ, расколъ въ настоящее время, со дня на день теряетъ ту силу фанатизма, которая необходима ему для пропаганды.

Б.

23-го апрѣля 1564 г. въ Стратфордѣ на Эвонѣ (въ графствѣ Варвикъ) родился Вильямъ Шекспиръ. Въ субботу, 11-го (23-го) апрѣля 1864 г., исполнится *триста* лѣтъ съ этого достопамятнаго дня, и весь цивилизованный міръ готовится, торжественными празднествами, чествовать имя величайшаго изъ драматурговъ всѣхъ временъ и народовъ. Мы говоримъ *весь цивилизованный міръ*, потому что праздникъ Шекспира не ограничится одною Англіей, такъ какъ одною Англіей не ограничивалось вліяніе Шекспирова генія. Такіе поэты, какъ Шекспиръ, не принадлежатъ какой-либо одной странѣ; а Шекспиръ въ особенности носитъ на себѣ всемірный характеръ. Попробуйте пойдти отъ Шекспира вверхъ по теченію столѣтій, — вы нигдѣ не найдете никого равнаго Шекспиру, пока не встрѣтитесь, наконецъ, съ величавою фигурой Софокла. Софоклъ и Шекспиръ — между ними пустыня въ сферѣ драматическаго творчества, едва-едва оживляемая попытками лже-классическаго подражанія, часто даровитыми, иногда геніяльными, но безплодными. Попробуйте идти отъ Шекспира впередъ, къ нашему времени, и вы увидите, что все что́ ни есть лучшаго въ драматическомъ искусствѣ, все, что̀ ни есть въ немъ наиболѣе истиннаго и потрясающаго, все находится въ прямомъ родствѣ съ тѣмъ началомъ творческаго созерцанія, которое внесено въ міръ этимъ великимъ геніемъ.

Въ то время, какъ въ Стратфордѣ на Эвонѣ воздвигаются амфитеатры и готовятся многодневныя великолѣпныя празднества, а въ Лондонѣ и во всѣхъ городахъ и городкахъ Англіи сбираются соперничать съ Стратфордомъ, въ это самое время въ Вѣнѣ организуется Шекспировское общество; во всѣхъ городахъ Европы, гдѣ только есть сцена и актеры, предполагается исполнить 23-го (11-го) апрѣля Шекспировскія піесы; въ Парижѣ литераторы устраиваютъ на этотъ день банкетъ (въ 500 чел.). Даже въ Америкѣ, залитой потоками крови, день 23-го апрѣля будетъ отпразднованъ съ должнымъ торжествомъ.

Россія много имѣетъ причинъ въ особенности дорожить Шекспиромъ и тѣмъ могучимъ и животворнымъ элементомъ творчества, который внесенъ имъ въ поэзію. Значеніе Шекспира не есть что-либо внѣшнее и случайное; Шекспиръ есть новое начало, новый міръ творческаго созерцанія. Творить въ шекспировскомъ духѣ вовсе не значитъ подражать манерѣ Шекспира, а значитъ творить какъ онъ творилъ, то-есть какъ творитъ сама жизнь — истинно, глубоко, до безконечности индивидуально. Литература русская вынесла на себѣ разныя вліянія, но которое изъ нихъ удержалось? Псевдо-классическая теорія владѣла нашею словесностью безусловно; но оставила ли она по себѣ какія-либо продолжающія дѣйствовать начала? Байроновское вліяніе было поддержано такими талантами, какъ Пушкинъ и Лермонтовъ; но не посмѣялись ли надъ нимъ тѣ самые, кто ему поработалъ? Не то съ Шекспиромъ. Въ нашей словесности нѣтъ почти ни одного произведенія, написаннаго собственно въ подражаніе Шек-

спиру; Шекспиръ не имѣлъ подражателей; онъ имѣлъ очень немного переводчиковъ и очень много передѣлывателей и искажателей. А между тѣмъ, есть ли у насъ, со времени Пушкина, хотя одно истинно замѣчательное поэтическое произведеніе (въ какомъ бы то ни было родѣ), гдѣ не чувствовалось бы присутствіе шекспировскаго духа?

Москва, какъ пріятно узнать намъ, не останется безъ отзыва на всеобщее торжество. Университетъ будетъ торжествовать этотъ день публичнымъ засѣданіемъ, которое все будетъ посвящено памяти Шекспира. Нѣмецкій клубъ устраиваетъ въ тотъ же день, по подпискѣ, торжественный обѣдъ въ честь этого всемірнаго генія. Кружокъ Любителей Драматическаго Искусства намѣренъ, какъ мы слышали, собраться вечеромъ, съ пятницы на субботу, въ домѣ графини Морковой, и устроить живыя картины изъ нѣкоторыхъ піесъ Шекспира. Общество Любителей Россійской Словесности предполагаетъ устроить въ воскресенье публичное засѣданіе, на которомъ, какъ мы слышали, также будетъ слово о Шекспирѣ.

№ 82.

Москва, 10-го апрѣля.

Въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* помѣщена статья г. Чечурина объ устройствѣ народныхъ училищъ въ Подольской губерніи. Содержаніе этой статьи слѣдующее: Учрежденіе народныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія въ Кіевской губерніи „встрѣтило огромныя затрудненія со стороны какъ высшихъ, такъ и *сельскихъ лицъ* (?), не желавшихъ выпустить изъ рукъ своихъ народное образованіе и боявшихся всякой новой *и раціональной* инціативы со стороны мало симпатичнаго имъ учебнаго и ученаго вѣдомства“; вслѣдствіе чего не оказалось возможнымъ учредить въ этой губерніи болѣе 20 школъ. Совсѣмъ другаго рода пріемъ сдѣланъ былъ этой раціональной инціативѣ въ Подольской губерніи. Еще годъ тому назадъ, въ *С.-Петербургскихъ же Вѣдомостяхъ*, въ статьѣ очень сходнаго съ настоящею штемпеля, была выражена надежда, что „духовенство Подольской и Волынской губерніи взглянетъ болѣе просвѣщеннымъ и современнымъ взглядомъ (чѣмъ кіевскія *высшія* и *сельскія лица*) на полезную инціативу правительства.“ Нынѣ надежда эта вполнѣ „оправдалась и осуществилась самымъ блистательнымъ образомъ“: въ Подольской губерніи *предположено открыть 27 народныхъ училищъ*... Ну, немногимъ же это больше чѣмъ въ Кіевской, въ которой по крайней мѣрѣ 20 школъ открыто, а тутъ онѣ только *предположены*. Скажутъ: за устройство школъ въ Подоліи принялись недавно; довольно и того, что избрали для нихъ пункты, и сдѣлали съ кѣмъ слѣдуетъ предварительныя сношенія. Съ этимъ нельзя согласиться. Извѣстно, что Высочайшее повелѣніе объ открытіи народныхъ школъ въ западныхъ губерніяхъ послѣдовало 18 января 1862 года,—и что въ началѣ слѣдующаго, то-есть ровно годъ тому назадъ, послѣ фіаско въ Кіевской губерніи, г. Туловъ, главный дѣятель по этому дѣлу, былъ посланъ въ Подольскую губернію. Чтò же сдѣлано имъ въ теченіи года? *Предположено* открыть 27 училищъ. Не слишкомъ ли рано г. Чечуринъ начинаетъ сулить ему безсмертіе? Есть похвалы, которыя ставятъ хвалимаго въ положеніе смѣшное...

Но г. Чечурину мало пропѣть хвалебный гимнъ будущимъ школамъ Подоліи; онъ усиливается доказать, что полное благоденствіе объяло бы Кіевскую губернію, еслибы тамошнія „высшія и сельскія *лица*“ не положили этому преградъ. Тамъ, правда, мало школъ, но какъ онѣ хороши! „Иногда“, говоритъ онъ,

„—въ дорогѣ вы видите огонекъ, сверкающій изъ единственнаго окна, въ небольшой хатѣ, среди пустыннаго поля. Радуются недоброжелатели разумнаго человѣческаго движенія, какъ еще много чернаго мрака кругомъ, такъ что огонекъ какъ будто гаснетъ отъ силы и громадности этого мрака! Но и въ этихъ уединенныхъ школахъ, забытыхъ и пренебреженныхъ всѣми тѣми, кто издалека смотритъ на народную массу, подверженныхъ только неуклюжей ироніи и площаднымъ остротамъ нашей кіевской прессы, основанной на мелкомъ разчетѣ и не всегда благовидной спекуляціи, живетъ чистое и безкорыстное просвѣщеніе, питающее здоровою пищей молодые умы и сердца будущихъ гражданъ нашей земли; тамъ наука не есть пугало, заставляющее ребенка зѣвать и плакать; тамъ нѣтъ ни розги, ни линейки,

ни плетки, какъ орудій поощренія любознательности; тамъ нѣтъ долбленія и забиванія умственныхъ силъ; тамъ нѣтъ крика и не слышно безчестнаго звука рукопашныхъ исправительныхъ мѣръ. Но тамъ, вмѣсто того, мы находимъ молодаго учителя, который оставилъ городъ по влеченію къ новому дѣлу, вполнѣ полезному и глубоко симпатичному. Кругомъ его дѣти, не старше 10 и 12 лѣтъ, веселыя, незапуганныя, послушныя по собственной волѣ, любящія и не боящіяся его. Онъ ихъ учитъ; день его наполненъ; онъ имъ объясняетъ эпизоды священной исторіи по хорошимъ картинкамъ: глаза дѣтей устремлены на него съ жадностію, и онъ видитъ въ нихъ, какъ умственная сфера въ ребенкѣ расширяется. Работать усердно и добросовѣстно въ такомъ слоѣ общества, который самъ работалъ сотни лѣтъ для другихъ слоевъ, это не есть пошлое занятіе; чувства, такимъ трудомъ возбуждаемыя, не унижаютъ сердца, а возвышаютъ его и укрѣпляютъ къ вполнѣ человѣческой дѣятельности. Всѣ, которые видѣли нѣсколько народныхъ училищъ, открытыхъ въ 1862 г. въ Кіевской губерніи, раздѣлятъ и подтвердятъ все здѣсь сказанное; всѣ хвалятъ ихъ почти безусловно.“

Блаженная Кіевская губернія! Но почему она такъ упрямо отказывалась принять предлагаемое ей благодѣяніе? Почему, напротивъ того, Подольская губернія радостно отверзла свои объятія школамъ министерства народнаго просвѣщенія? Странно: изъ смысла всей статьи ясно до очевидности, что сопротивленіе образованію крестьянъ обнаружило кіевское духовенство; между тѣмъ однакоже, извѣстно, что еще за нѣсколько времени до этой „новой и раціональности инціативы“ учебнаго округа, Кіевская епархія особенно заявила себя дѣйствительно, *новою* и, судя по успѣху, дѣйствительно *раціональною* инціативой по части учрежденія школъ для крестьянскихъ дѣтей.

Посмотримъ, какъ приступило учебное кіевское начальство къ устройству школъ въ Подоліи. Объ этомъ мы находимъ весьма пространныя извѣстія въ статьѣ г. Чечурина. Когда не ладилось дѣло въ Кіевской губерніи, тогда рѣшено было командировать г. Тулова съ необходимыми рекомендаціями въ Подольскую губернію. Г. попечитель отнесся къ тамошнему архіепископу, „прося оказать содѣйствіе труду возложенному на г. Тулова.“ Этому послѣднему относительно избранія пунктовъ для учрежденія школъ предписано было „дѣйствовать по взаимному соглашенію съ архипастыремъ и г. начальникомъ губерніи.“ Въ основаніи управленія предполагаемыхъ школъ было положено взаимное содѣйствіе духовнаго и учебнаго начальства: „по важности религіозно-нравственнаго образованія, мѣстному приходскому священнику, кромѣ законоучительства, ввѣрено было, въ званіи блюстителя школы, главное наблюденіе за ходомъ воспитанія въ ней.“ Епархіальному начальству, наконецъ, чрезъ довѣренныхъ и имъ назначаемыхъ лицъ, предоставлено было слѣдить за религіозно-нравственнымъ направленіемъ школъ. Вотъ слѣдовательно какую связь, какое взаимнодѣйствіе между свѣтскою и духовною властію положено было установить въ Подольской губерніи, вотъ какое важное вліяніе на школы было предоставлено мѣстному духовенству. Естественно, что оно съ радостію оказало содѣйствіе начатому такимъ образомъ дѣлу. Но было ли подобное значеніе предоставлено кіевскому духовенству мы сомнѣваемся, мы даже имѣемъ основанія полагать что ничего подобнаго тамъ не было. Удивительно ли что духовенство съ перваго же шага оказалось не слишкомъ благосклоннымъ къ дѣлу начинаемому столь безцеремонно? Надо принять въ разсчетъ, что министерская наука являлась въ среду украинскаго крестьянства, не ранѣе 1862 года, тогда только когда политическія соображенія указали на настоятельную необходимость школъ въ томъ краѣ, между тѣмъ какъ вѣковѣчнымъ и единственнымъ учителемъ народа тамъ было духовенство, — то самое духовенство, которое, кромѣ своего священнаго призванія, около 300 лѣтъ стояло тамъ во главѣ національнаго движенія, которое постоянно играло тамъ высокую и почтенную историческую роль. Развѣ къ такому важному историческому дѣятелю можно относиться съ тою самонадѣянною развязностью, которую любятъ приносить съ собою въ провинціи петербургскіе чиновники, прибывающіе туда съ полномочіемъ отъ высшаго начальства по дѣламъ земской полиціи. Вертѣть земскою полиціей можетъ-быть и можно человѣку облеченному достаточнымъ полномочіемъ; но къ крѣпкой организаціи, имѣющей глубокіе корни въ народной почвѣ и касаю-

щейся своею вершиною самыхъ священныхъ чувствъ и вѣрованій, относиться слѣдуетъ иначе. Можетъ-быть скажутъ, что въ интересѣ края и образованія, мѣстному духовенству слѣдовало бы уступить и не тормозить полезнаго дѣла. Но въ томъ-то и вопросъ, полезно ли дѣло, которое начинается заявленіемъ не уваженія къ тому что̀ имѣетъ право на уваженіе?

Намъ кажется, что устройство народныхъ школъ въ Кіевскомъ округѣ съ перваго шага пошло ложнымъ путемъ. Тамъ предположено было начать съ образованія особаго заведенія для приготовленія сельскихъ учителей: мысль не практичная въ такое время, когда настояла надобность въ открытіи сотенъ сельскихъ школъ разомъ. Несравненно дѣльнѣе поступлено было въ Виленскомъ округѣ, гдѣ, благодаря заботамъ бывшаго попечителя тамошняго круга, князя Ширинскаго-Шихматова, было безъ всякихъ предварительныхъ мѣръ прямо приступлено къ открытію школъ на избранныхъ пунктахъ или къ улучшенію тѣхъ, которыя уже были открыты духовенствомъ; для того же чтобъ имѣть учителей, на первый разъ обратились къ естественному источнику, къ мѣстному духовенству, — и оно поспѣшило съ полнымъ усердіемъ отозваться на сдѣланное ему приглашеніе. Результатомъ такого способа дѣйствій было то, что въ Виленскомъ округѣ, въ теченіи 1862 года, было открыто 111 школъ, а въ Кіевскомъ 20, между тѣмъ какъ на устройство тѣхъ и другихъ, матеріальное пособіе отъ правительства дано было одинаковое, по 10.000 рублей. Продолжая идти по правильно избранному пути, виленское учебное начальство имѣетъ уже до 400 народныхъ школъ, а кіевское, со включеніемъ *предположенныхъ*, только 47. Не мѣшаетъ къ этимъ итогамъ прибавить и то, что дѣло грамотности въ народѣ послужило въ сѣверо-западномъ краѣ новою связью между свѣтскою властію и духовною, а въ юго-западномъ то же самое дѣло послужило къ ихъ печальному разъединенію... Чему же радуется г. Чечуринъ? Что̀ восхваляетъ? Кому плететъ лавровые вѣнки?

№ 83.

Москва, 11-го апрѣля.

Телеграфъ сообщилъ намъ извѣстія о послѣднихъ кровопролитныхъ эпизодахъ дюппельской осады и о паденіи датскихъ укрѣпленій. 4.000 рядовыхъ, при 80-ти офицерахъ, выбыло у Датчанъ изъ строя (убитыми, ранеными и плѣнными), и Датчане, вѣроятно сами разрушивъ свое мостовое укрѣпленіе, укрылись на Альсенѣ. Лордъ Пальмерстонъ и графъ Россель хлопотали о томъ, чтобы конференція предупредила возможное паденіе Дюппеля; г. фонъ-Бисмаркъ хлопоталъ о томъ, чтобы паденіе Дюппеля предупредило конференцію. Г. фонъ-Бисмаркъ побѣдилъ: Дюппель палъ, а конференція еще не собралась.

А между тѣмъ поѣздка графа Кларендона въ Парижъ все еще служитъ предметомъ толковъ и разногласій въ журнальномъ мірѣ. Все болѣе и болѣе устанавливается увѣренность, что между двумя западными державами, благодаря этой поѣздкѣ, произошло нѣкоторое соглашеніе, что будто бы даже рѣшено между ними превратить предстоящую конференцію по датскому вопросу въ конгрессъ, долженствующій имѣть цѣлію конечное разрѣшеніе всѣхъ тяготѣющихъ надъ Европою вопросовъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ всеобщее обезоруженіе и замиреніе. Серіозные умы не будутъ, конечно, придавать никакого значенія этимъ предвозвѣстіямъ золотаго мира, но̀ возобновленіе мысли о конгрессѣ есть дѣло возможное. Извѣстіе, сообщенное въ одной изъ самыхъ солидныхъ вѣнскихъ газетъ отъ 21-го апрѣля и переданное сюда по телеграфу заслуживаетъ нѣкотораго вниманія. Это извѣстіе именно гласитъ, что будто бы предстоящая частная конференція, по разсмотрѣніи датскаго дѣла, имѣетъ превратиться въ общеевропейскій конгрессъ. Итакъ, мысль о конгрессѣ, затертая и заглохшая, снова всплываетъ на верхъ, а вмѣстѣ съ нею поднимаются и всѣ тѣ вопросы, которые еще такъ недавно занимали и тревожили общественное мнѣніе.

Несмотря на измѣнившіяся обстоятельства, конгрессъ, какъ прежде, такъ и теперь, не представляетъ ничего особенно заманчиваго и благопріятнаго для Россіи. Она не имѣетъ никакой надобности, ни-

какого интереса поднимать въ настоящее время какой-либо изъ европейскихъ вопросовъ или желать измѣненія существующаго въ Европѣ международнаго права. Итальянскій вопросъ слишкомъ далекъ отъ нея, а великій восточный вопросъ къ ней слишкомъ близокъ; польскій вопросъ она не можетъ признать европейскимъ и подвергать его обсужденію на конгрессѣ; остается только вопросъ датскій, который уже разыгрывается кровавымъ образомъ на дѣлѣ. Вмѣшательство державъ въ это дѣло, частная конференція, имѣющая своею цѣлію привести воюющія стороны къ перемирію и приготовить основанія для окончательнаго рѣшенія этого вопроса, — все это естественно вытекаетъ изъ условій существующаго международнаго права. Интересы Россіи, не менѣе чѣмъ всякой другой европейской державы, требуютъ возможно скорѣйшаго и удовлетворительнѣйшаго разрѣшенія этого вопроса. Россія можетъ желать частной конференціи по датскому дѣлу; она можетъ настаивать на ея необходимости. Но ея интересы отнюдь не требуютъ конгресса; она не можетъ признать необходимости поднимать въ настоящее время какіе-либо другіе вопросы. Конгрессъ не можетъ входить въ ея планы; онъ не будетъ отвѣтомъ на ея потребности; конгрессъ можетъ быть только навязанъ ей. Еслибы конгрессъ состоялся, то Россія приняла бы въ немъ участіе вовсе не въ силу истинныхъ потребностей своей политики, вовсе не по призыву своихъ интересовъ, а въ силу побужденій совершенно постороннихъ ей, и быть-можетъ враждебныхъ. Всякая новая комбинація, которая могла бы въ настоящее время образоваться въ Европѣ, обратилась бы скорѣе въ ущербъ, нежели въ выгоду русскимъ интересамъ. Искать какихъ-либо союзовъ Россія не имѣетъ надобности. Всякое стараніе съ ея стороны сблизиться съ тою или другою державою въ настоящее время можетъ, какъ кажется, только повредить ей и ослабить ее и внутри, и въ Европѣ. Чѣмъ менѣе будетъ она опираться на союзы, чѣмъ болѣе она будетъ искать опоры для своей политики внутри, тѣмъ благонадежнѣе будетъ ея положеніе.

Опасаться войны нѣтъ никакихъ основаній въ настоящее время, точно также какъ не было основаній опасаться ея и въ прошломъ году, какъ мы были увѣрены, несмотря на коалицію, которая тогда составилась противъ Россіи, несмотря на угрозы, которыя тогда со всѣхъ сторонъ сыпались на нее. Что разбило эту коалицію, что положило конецъ угрозамъ, то самое, и только то, можетъ и въ настоящее время оградить нашу безопасность и обезпечить наши интересы. Обстоятельства таковы, что въ настоящее время самые существенные интересы Россіи требуютъ, чтобъ она не только не допускала явныхъ вмѣшательствъ въ свои дѣла, но умѣла предупреждать и тайныя. Ей всего опаснѣе чужіе совѣты и внушенія, и въ этомъ отношеніи Альбіонъ ни сколько не предпочтительнѣе Франціи. Главная задача нашей политики состоитъ только въ томъ, чтобъ уничтожился по возможности всякій поводъ разчитывать на успѣхъ какой-либо смуты въ нашихъ внутреннихъ дѣлахъ, уничтожилось всякое основаніе надѣяться на какія-либо недоразумѣнія въ нашихъ государственныхъ интересахъ. Неизвѣстные до сихъ поръ способы политической интриги, подвижные элементы скопившіеся въ Европѣ во множествѣ, и составляющіе особую организацію, которою сильная и искусная рука можетъ располагать соотвѣтственно своимъ цѣлямъ, вотъ въ чемъ можетъ быть опасность. Зачѣмъ война, когда можно дѣйствовать революціонными средствами? Сила Англіи заключается главнымъ образомъ въ полной безопасности отъ этихъ элементовъ; напротивъ въ этихъ элементахъ заключается серіозная опасность для государствъ материка.

Эти элементы могутъ быть легко возбуждены повсюду политикою, которая умѣетъ справляться съ ними и давать имъ практическія цѣли, которыхъ сами они не имѣютъ. Мы присутствуемъ теперь при любопытномъ зрѣлищѣ революціи, которая приручается и дрессируется для политическихъ цѣлей. Это зрѣлище дается теперь въ Лондонѣ, куда стеклось великое множество анархическихъ элементовъ всѣхъ странъ, гдѣ бѣдный, добрый Гарибальди пиршествуетъ на аристократическихъ банкетахъ, и гдѣ его показываютъ за пять шиллинговъ съ персоны. Никогда никакая демонстрація не обнаруживала такъ откровенно своего истиннаго смысла и цѣлей, какъ та, которая происходитъ теперь въ Лондонѣ въ честь Гарибальди, въ утѣху революціи и въ досаду Наполеона III, у котораго ее вырываютъ изъ рукъ. Читая описаніе этихъ празднствъ, этихъ сценъ

удивительнаго увлеченія, которое повидимому охватило невольно и внезапно всѣ слои англійскаго общества, начиная съ „верхнихъ десяти тысячъ,“ читая эти восторженные адресы, которые подаются отъ цѣлыхъ корпорацій генералу Гарибальди,—можно было бы подумать, что Англія находится теперь въ разгарѣ самыхъ сильныхъ движеній; а между тѣмъ никогда еще народъ въ этой странѣ не былъ такъ консервативно настроенъ какъ въ настоящее время. На практикѣ ни малѣйшаго сочувствія тѣмъ идеямъ, которыя значатся на революціонныхъ знаменахъ, ни малѣйшаго соотвѣтствія въ дѣлахъ и положеніи этой страны съ тѣми ученіями и стремленіями, которыя являются повсюду символами революціи. Англія, какъ всегда, такъ особенно теперь, есть живое отрицаніе этихъ символовъ,—и вотъ Англія, гдѣ такъ недавно респектабельные люди стыдились произносить имена революціонныхъ героевъ, вдругъ объялась пожаромъ революціонныхъ сочувствій и чествуетъ не только Гарибальди, но даже и Мадзини. Какое огорченіе для русскихъ выходцевъ, которыхъ герцогиня Садерландская не сочла нужнымъ пригласить на свой банкетъ! А только этого еще не доставало для довершенія спектакля!

Такая игра съ революціей возможна только въ Англіи, при той общественной организаціи, которою она гордится предъ всѣми европейскими странами. Благодаря этой организаціи, она можетъ собирать всевозможные революціонные элементы на своей почвѣ, не опасаясь, чтобъ они могли что-нибудь зажечь въ ней, и легко употребляетъ ихъ въ пользу, какъ орудіе своей политики. Интересно при этомъ видѣть, какъ революція, не имѣющая ничего общаго съ духомъ и основаніями англійской общественной организаціи, преклоняется передъ нимъ, покоряется его силѣ и повергаетъ предъ нимъ во прахъ клочки своихъ знаменъ. Гарибальди, этотъ простодушный сынъ природы ставшій революціоннымъ генераломъ и дружески подающій руку всякой революціи, становится теперь на англійской почвѣ органомъ самыхъ положительныхъ монархическихъ идей. Онъ свидѣтельствуетъ о величіи, могуществѣ и безпримѣрной свободѣ Англіи,—Англіи, которая никогда не воодушевлялась отвлеченными идеями равенства, Англіи, страны по преимуществу аристократической. Другъ Мадзини, архиреспубликанца и архиреволюціонера, онъ возвѣщаетъ, что своимъ могуществомъ и свободою Англія обязана непоколебимой преданности своего народа престолу, неразрывной связи, которая соединяетъ въ ней народъ съ верховною властью. Предводитель вольныхъ шаекъ, онъ снимаетъ свою шляпу предъ лондонскими полисменами и восторженно привѣтствуетъ ихъ.

Слова и лозунги ничего не значатъ. Сила революціонныхъ элементовъ заключается не въ нихъ самихъ, а въ той общественной средѣ, которая ихъ порождаетъ. Анархисты одной страны становятся мирными гражданами въ другой; демагоги, свирѣпо требующіе равенства и передѣла полей по сю сторону Британскаго Канала, въ Англіи уразумѣваютъ какъ нельзя лучше значеніе собственности, даже крупной, и восхваляютъ свободу подъ сѣнью монархіи.

Но изъ всего этого нисколько не слѣдуетъ, чтобы можно было довѣряться англійской политикѣ; изо всего этого слѣдуетъ напротивъ, что внушеній ея дипломатовъ, прямыхъ или косвенныхъ, надобно всячески остерегаться, и въ сношеніяхъ съ нею руководствоваться единственно чувствомъ собственныхъ интересовъ.

№ 84.

Москва, 13-го апрѣля.

Пруссаки одержали въ прошлый понедѣльникъ подъ Дюппелемъ не только рѣшительную, но и неожиданно-блистательную побѣду. Ровно въ 10 часовъ утра смолкла канонада съ прусскихъ батарей, и изъ траншей выступили шесть колоннъ, тысячи по двѣ человѣкъ въ каждой,—стрѣлки, піонеры и рабочія роты впереди,—противъ шести датскихъ шанцевъ съ № 1 по № 6. Черезъ пятнадцать минутъ прусское знамя уже развѣвалось со всѣхъ шести шанцевъ. Затѣмъ взяты шанцы №№ 7, 8, 9, а также и вновь построенные шанцы, составлявшіе вторую линію защиты; шанецъ № 10 сдался на капитуляцію. Оставалось мостовое укрѣпленіе, которое никогда еще не было во власти Пруссаковъ. Но и оно пало. Въ четверть перваго оба чрезвычайно-сильные шанцы этого укрѣпленія были взяты штурмомъ. Датчане ретировались на островъ Альсенъ, оставивъ въ рукахъ непріятеля около сотни орудій

и до 4.000 плѣнныхъ. Пруссакамъ помогло превосходство ихъ артиллеріи. Войска предназначавшіяся для штурма были введены въ передовыя траншеи ночью; тутъ они отдыхали, завтракали, привыкали къ своему новому положенію, выслушивали проповѣди своихъ пасторовъ. Между тѣмъ съ 4 часовъ утра начали гремѣть прусскія батареи. Огонь былъ усиленный; съ прусской стороны было въ дѣйствіи 118 орудій. Датчане отвѣчали слабо, или лучше отвѣчали только съ батарей на островѣ Альсенѣ. Они встрѣтили однакоже сильнымъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ колонны шедшія на приступъ, но разстояніе между передовыми траншеями и датскими шанцами было очень малое, и огонь съ датской стороны не попрепятствовалъ Пруссакамъ перейдти это пространство. Когда прусскіе солдаты стояли уже на валу, то Датчанамъ не возможно было оставаться подъ ихъ выстрѣлами въ своихъ рвахъ и ретраншаментахъ. Но какъ не велико было пособіе оказанное Пруссакамъ артиллеріей, всетаки окончательный исходъ этого дѣла бросаетъ неблагопріятную тѣнь на датское войско. Пруссаки свидѣтельствуютъ о его храбрости, но какая-нибудь да была же причина того, что Датчане вовсе не оспаривали побѣды и уступивъ передовые шанцы, не только не пытались взять ихъ снова, но ретировались за вторую линію шанцевъ лишь съ тѣмъ, чтобъ уступить Пруссакамъ и эту линію, и спрятаться за послѣднимъ своимъ укрѣпленіемъ — двумя шанцами служившими вмѣсто *tête-de-pont* на самомъ берегу пролива, и увы! доставшимися также въ руки побѣдителей. Къ чему послужили эти три линіи укрѣпленій, когда онѣ нисколько не задержали шествія непріятеля и не попрепятствовали ему окончить все дѣло въ два часа времени? Вотъ почему мы сказали, что Пруссаки одержали побѣду не только рѣшительную, но и неожиданно-блистательную.

Трудно вообразить себѣ, что̀ должно было произойти въ Копенгагенѣ по полученіи вѣсти объ этомъ страшномъ пораженіи. Читатели помнятъ, какъ тамъ негодовали на сдачу Данневирке безъ выстрѣла. Теперь раздражительные жители Копенгагена узнаютъ, что датское войско отступило и отъ Дюппеля, не безъ выстрѣла, правда, но тоже безъ большой славы. Остается очередь за Фредерицией, куда фельдмаршалъ Врангель уже отправилъ часть своего войска прямо съ поля сраженія при Дюппелѣ. Не много пройдетъ времени, и вся Ютландія будетъ въ рукахъ Австро-Пруссаковъ. Нельзя представить себѣ болѣе жестокаго наказанія за тотъ безразсудный задоръ, которымъ отличались въ послѣднее время дѣйствія копенгагенскихъ демократовъ. Имъ хотѣлось идти впередъ все дальше и дальше. Они настаивали на политикѣ все болѣе и болѣе энергической, и теперь дождались того, что для энергическаго веденія войны датское правительство можетъ располагать лишь средствами 900.000 подданныхъ. Они не хотѣли слышать убѣжденій и были готовы обозвать измѣнникомъ всякаго кто рѣшался говорить противъ заносчивой политики, корую они навязывали странѣ: теперь оказалось кто былъ если не измѣнникомъ отечества, то врагомъ его. Данія никогда еще не находилась въ такомъ положеніи какъ нынѣ, и виноваты въ томъ естественно люди управлявшіе Даніей въ послѣднее время.

Теперь обнаружилось до очевидности, что политическая партія, приведшая Данію къ ея нынѣшнему бѣдственному положенію, совершенно заблуждалась насчетъ средствъ своей страны и даже насчетъ духа и желаній своего народа. Если бы въ датскомъ народѣ былъ на дѣлѣ тотъ духъ, которымъ на словахъ красовались датскія газеты, то никакъ нельзя думать, чтобы дѣла могли имѣть такой ходъ какой мы къ сожалѣнію видимъ. Мы не говоримъ о томъ, что партія управлявшая Даніей грубѣйшимъ образомъ ошиблась въ своихъ сужденіяхъ о европейской политикѣ вообще и въ частности о положеніи Пруссіи: на эти ошибки, не простительныя и колоссальныя, было бы излишне указывать, но нельзя не указать на плачевное несоотвѣтствіе между отвагой копенгагенскихъ политикановъ и датскаго войска. Теперь нельзя сомнѣваться, что въ войскѣ духъ падалъ въ то самое время, когда возрасталъ воинственный пылъ копенгагенскихъ демагоговъ.

На нѣмецкой сторонѣ мы замѣчаемъ такое же разительное несоотвѣтствіе между дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ и тѣмъ видомъ, въ какомъ представляетъ ихъ и какой хотѣла бы навязать имъ демократическая партія. Какъ извѣстно, эта партія производила въ Герцогствахъ сильную агитацію въ пользу наслѣднаго принца Августенбургскаго. Демонстраціи слѣдовали за демонстраціями, одна другой эффектнѣе.

Повидимому всѣ жители Гольштейна и большая половина жителей Шлезвига готовы стоять, какъ одинъ человѣкъ, за принца Фридриха. Въ нѣмецкой печати дѣло претендента нѣсколько времени тому назадъ немного поколебалось, но теперь опять раздаются за него сильные голоса. Можно бы видѣть въ этомъ рѣшительную побѣду принца Фридриха. Но наряду съ этими демонстраціями и этимъ газетнымъ крикомъ, оглущающимъ почтенную европейскую публику, происходитъ другаго рода заявленіе доказывающее самымъ убѣдительнымъ образомъ совершеннѣйшую холодность къ принцу Фридриху тѣхъ самыхъ населеній, которыя, если вѣрить агитаторамъ, не могутъ быть счастливы иначе какъ подъ его скипертомъ. Къ этому заявленію, гораздо болѣе достовѣрному чѣмъ самыя эффектныя демонстраціи, подастъ поводъ подписка на добровольный заемъ, объявленный въ пользу претендента. Этотъ заемъ едва доставилъ до сихъ поръ 100.000 руб., несмотря на всѣ усилія приверженцевъ принца. А между тѣмъ, еслибы хоть какой-нибудь классъ жителей Гольштейна былъ дѣйствительно расположенъ хоть къ какимъ-нибудь жертвамъ въ пользу своего „прирожденнаго законнаго государя,“ то давно была бы собрана для него гораздо болѣе значительная сумма денегъ. Пусть землевладѣльцы не расположены къ претенденту,—это допускаютъ и агитаторы,—но какъ объяснить, что и горожане не принимаютъ участія въ патріотической подпискѣ? Въ Альтонѣ есть много купцовъ, изъ которыхъ каждый легко могъ бы подписаться на ту сумму, которой едва достигла теперь подписка цѣлой „гольштейнской націи“. Не свидѣтельствуетъ ли этотъ прискорбный для принца Фридриха фактъ, что дѣлаемыя въ его пользу демонстраціи не болѣе какъ мыльный пузырь?

Кстати. Кто еще сомнѣвался что гарибальдійскій восторгъ овладѣвшій теперь Лондономъ есть тоже не болѣе какъ мыльный пузырь, пущенный ловкими мастерами своего дѣла, того просимъ обратить вниманіе на свѣдѣнія сообщаемыя ниже о пребываніи Гарибальди въ Лондонѣ. Читателямъ извѣстно, что генерала Гарибальди показывали въ Лондонѣ за деньги. Въ субботу 16-го (4-го) апрѣля платилось за входъ въ Хрустальный дворецъ по 5 шиллинговъ, то-есть слишкомъ по 1 р. 50 к. с., и было посѣтителей около 25 тысячъ. Но Гарибальди человѣкъ народа, герой демократическій; надобно было доставить и простымъ людямъ Лондона возможность наглядѣться на него, а вмѣстѣ съ тѣмъ послушать музыку и посмотрѣть на множество невиданныхъ дотолѣ и очень занимательныхъ церемоній, въ родѣ разговора между генераломъ Гарибальди и народами Европы. Это зрѣлище было назначено на тотъ самый день когда Пруссаки брали Дюппельскіе шанцы—на прошлый понедѣльникъ. Цѣна была положена самая умѣренная—одинъ шиллингъ. И что же? Въ понедѣльникъ оказалось посѣтителей 24 или 25 тысячъ, не болѣе, если не менѣе чѣмъ въ субботу, когда Хрустальный дворецъ наполняла публика обыкновенно посѣщающая разныя зрѣлища. Англійскія газеты всячески стараются замаскировать *фіаско*, но принуждены сознаться, что лондонскій простой народъ рѣшительно обманулъ всеобщія ожиданія. Какъ бы то ни было, дѣло обнаружилось въ его истинномъ видѣ. На другой же день ученые лондонскіе медики нашли, что здоровье Гарибальди не позволяетъ ему оставаться долѣе въ Англіи, куда онъ пріѣзжалъ, какъ увѣряли прежде, только для поправленія своего здоровья. А на третій день утромъ было объявлено въ газетахъ, что Гарибальди отказывается отъ путешествія по Англіи и черезъ два дня уѣзжаетъ обратно на свой островъ Капреру. Рѣшеніе несомнѣнно благоразумное: если въ Лондонѣ при всѣхъ усиліяхъ аристократіи и при всѣхъ приманкахъ, не удалось замаскировать искусственность гарибальдійской комедіи, то что было бы въ другихъ городахъ, гдѣ нѣтъ ни Хрустальныхъ дворцовъ, ни герцоговъ и герцогинь Садерландскихъ?

№ 85.

Москва, 14-го апрѣля.

Съ полнымъ сочувствіемъ перепечатали мы въ № 82 нашей газеты отзывъ *Русскаго Инвалида* на принятый въ финляндскомъ сеймѣ законъ о печати. Мы совершенно раздѣляемъ то чувство негодованія столь естественное, столь понятное, столь благородное во всякомъ мыслящемъ человѣкѣ, чувство, съ которымъ эта газета отзывается о презрительномъ намекѣ на русскій народъ, замѣченномъ ею въ словахъ, сказанныхъ по этому поводу коми-

тетомъ законовъ. „Къ сожалѣнію, говоритъ *Русскій Инвалидъ*, комитетъ законовъ, заботясь о расширеніи этой свободы для Финляндіи, въ то же время, повидимому, хлопочетъ о томъ, чтобъ обратить ее въ исключительную привилегію своего края... Финляндскій комитетъ хорошо знаетъ цѣну этой свободы; тѣмъ не менѣе комитетъ признаетъ необходимость цензуры не въ прошедшемъ, а въ настоящемъ,—но только для націи, стоящей на низкой степени развитія. О какой націи въ этомъ случаѣ идетъ рѣчь,—не можетъ быть сомнѣнія, если мы вспомнимъ, что лишь въ Россіи существуетъ теперь предварительная цензура.“ Замѣчаніе совершенно справедливое. Дѣйствительно, изъ всѣхъ странъ Европы только въ Россіи господствуетъ еще цензура, столь сильно противодѣйствующая, какъ выражается *Русскій Инвалидъ*, дѣлу прогресса. Вездѣ печать подлежитъ болѣе или менѣе твердому закону; вездѣ она болѣе или менѣе вышла изъ того положенія, которое препятствуетъ всякому мнѣнію и направленію доходить до надлежащей ясности, до надлежащаго кризиса, вгоняетъ внутрь нравственныя болѣзни общественнаго организма, приводитъ въ уныніе и обезоруживаетъ честную мысль, между тѣмъ какъ во мракѣ пріобрѣтаетъ силу всякое нечестное, злонамѣренное, тайное дѣло, особенно въ настоящее время, когда революціонныя движенія, организуются правильнымъ образомъ и становятся орудіемъ политическихъ интригъ. Финляндскіе представители, къ которымъ обращаетъ рѣчь свою сочувственная намъ по многимъ вопросамъ петербургская газета, могли бы пожалуй возразить ей, что говоря о націи, стоящей на низкой степени развитія,—націи, для которой, по мнѣнію ихъ, необходима предварительная цензура, — они разумѣли не русскій народъ. Тѣснимые противникомъ и озираясь кругомъ, они пожалуй могли бы еще указать на Турцію и сказать, что подъ этою *низко стоящею* націей, для которой необходима предварительная цензура, они разумѣли не русскій народъ, а Турцію. Но эта отговорка не принесла бы имъ пользы. Турція отказалась бы послужить имъ примѣромъ низко стоящей націи, для которой предварительная цензура *необходима*. Турція не есть исключеніе изъ общаго правила; въ Турціи не господствуетъ исключительно предварительная цензура; тамъ предварительная цензура не считается необходимостію. Правда, Турція все-таки страна варварская, неблагоустроенная, страна магометанскаго правительства, страна, гдѣ господствующее племя лишено будущности, страна справедливо и мѣтко названная *больнымъ человѣкомъ*, страна, гдѣ все находится въ хаотическомъ броженіи, покрытая тайными обществами, поприще всевозможныхъ политическихъ интригъ, наконецъ страна, гдѣ нѣтъ ни правильной администраціи, ни сколько-нибудь правильнаго суда, гдѣ стало-быть, казалось бы, нѣтъ другой возможности контролировать печать, какъ посредствомъ предварительной цензуры; и вотъ, однако же, въ Турціи дѣло можетъ обходиться и безъ предварительной цензуры. Въ Турціи цензура существуетъ, но она не обязательна; въ Турціи существуетъ цензура *факультативная*. По турецкому положенію, всякій, кто рѣшится принять на себя полную отвѣтственность за свое изданіе, освобождается отъ предварительной цензуры, а въ случаѣ проступка, подвергается установленнымъ взысканіямъ и наказаніямъ. Какъ бы ни были плохи законы въ Турціи, какъ бы ни дурно они администрировались, тѣмъ не менѣе всякому предоставляется, въ дѣлѣ печати, нести такую же отвѣтственность за себя, какую обыкновенно несетъ на себѣ всякій взрослый человѣкъ въ собственныхъ дѣйствіяхъ. Самоотвѣтственность великое дѣло. Чувство самоотвѣтственности облагораживаетъ, очищаетъ и отрезвляетъ мысль въ ея источникахъ. Безъ этого чувства ни въ чемъ не можетъ быть ни достоинства, ни зрѣлости.

Русскій Инвалидъ, въ возраженіи своемъ, продолжаетъ такъ: „Развѣ почтеннымъ представителямъ Финляндіи не извѣстно, что подобную же реформу въ законахъ о печати наше правительство давно имѣетъ въ виду и для Россіи: новый цензурный уставъ былъ составленъ въ двухъ коммиссіяхъ, и можно надѣяться, что не далеко то время, когда войдетъ онъ въ силу, образованное общество наше и литература съ нетерпѣніемъ ожидаютъ этой давно желанной минуты.“ Дѣйствительно, вотъ уже болѣе двухъ лѣтъ какъ правительство наше занято мыслію о реформѣ въ положеніи печати, но еще и прежде того оно убѣдилось, что это положеніе отнюдь не можетъ быть признано

нормальнымъ. Мы помнимъ, два года тому назадъ, въ нашей журналистикѣ шли горячіе толки объ этомъ вопросѣ, высказывались противуположныя мнѣнія, и намъ не разъ доводилось въ *Современной Лѣтописи Русскаго Вѣстника* высказываться съ полною откровенностію по этому предмету. Въ журналистикѣ была рѣчь о проектѣ, въ основаніяхъ котораго были согласны всѣ редакціи нашихъ журналовъ, и въ которомъ представлялись на видъ практическія мѣры, какія могли бы быть приняты для улучшенія положенія печати, не дожидаясь коренныхъ преобразованій въ нынѣ существующемъ порядкѣ. По этому простому, самому умѣренному, самому непритязательному проекту, все оставлялось какъ есть; и цензоры, и цензурные комитеты, и цензурное управленіе; отмѣны цензуры не предполагалось, но ей давалось значеніе факультативное, то-есть предоставлялось желающему брать на себя отвѣтственность и обязанность сообразоваться съ установленными правилами. Въ послѣдствіи, нѣкоторыя петербургскія редакціи отпали отъ этого проекта; онѣ пожелали полныхъ гарантій, независимости отъ администраціи, присяжныхъ, и мало ли еще чего? Нѣкоторыя административныя лица раздѣляли это мнѣніе, и находили, что если ужь улучшать положеніе печати, то надобно сдѣлать это наилучшимъ образомъ. Другіе противъ этого мнѣнія возражали,—и возражали, какъ кажется, весьма основательно,—что одно другому мѣшать отнюдь не можетъ, что если правительство признало нужнымъ предпринять болѣе существенную реформу и постановить твердый законъ, который бы съ точностію опредѣлялъ права и повинности печати и подчинялъ бы ее правильной юрисдикціи, то все это можетъ идти своимъ путемъ, и всему этому никакъ не могло бы воспрепятствовать то возможное при настоящемъ порядкѣ улучшеніе, которое предполагалось въ вышеупомянутомъ проектѣ, улучшеніе самое простое, самое удобоисполнимое и тѣмъ не менѣе весьма существенное. Напротивъ, факультативная цензура, которая предполагалась въ вышеупомянутомъ проектѣ, никого не стѣснявшая, никого ни къ чему не обязывавшая, не въ чемъ не ослаблявшая правительственнаго контроля надъ печатью, и въ то же время дозволявшая желающимъ вести свое дѣло самостоятельно, подъ страхомъ серіозной и тяжелой отвѣтственности, могла бы лишь способствовать правильному ходу предполагаемой коренной реформы и послужить переходнымъ состояніемъ въ ожиданіи этой реформы, которая должна была потребовать болѣе или менѣе продолжительныхъ предварительныхъ работъ. Что эти предварительныя работы, дѣйствительно, требовали времени, доказательство тому представляетъ уже сдѣланный опытъ: проектъ новаго устава о печати долженъ былъ пройдти черезъ двѣ коммиссіи, на что потребовалось два года времени, такъ что только теперь онъ приготовленъ окончательно ко внесенію въ государственный совѣтъ. Дай Богъ, чтобы ничто не задержало его хода, и мы присоединяемъ нашъ голосъ къ голосу *Русскаго Инвалида*, который свидѣтельствуетъ о нетерпѣніи, съ какимъ образованное общество наше и литература ожидаютъ закона о печати. Тѣмъ не менѣе все же и при самомъ быстромъ ходѣ дѣла, при полномъ отсутствіи всякихъ относительно его недоразумѣній, при полной рѣшимости правительства совершить эту реформу, которую оно признало необходимою и полезною, реформа эта все-таки потребуетъ нѣкотораго времени; а между тѣмъ ничто не препятствовало бы дать желающимъ возможность, и при существующемъ порядкѣ, увольняться на свой страхъ отъ предварительной цензуры, которая, кромѣ другихъ болѣе существенныхъ неудобствъ, сопряжена для редакцій съ значительною и напрасною тратою времени.

„Какіе доводы, спрашиваетъ *Русскій Инвалидъ*,—какіе доводы могутъ представить, финляндскіе представители что желаемыя реформы въ законѣ о печати болѣе пригодны для Финляндіи нежели для Россіи? Кому изъ людей, хоть сколько-нибудь знакомыхъ съ теперешнимъ положеніемъ общества и публицистики въ Финляндіи, неизвѣстно, что въ настоящее время почти вся финляндская печать находится въ рукахъ одной, весьма не многочисленной партіи, которая и проводитъ беззастѣнчиво свои воззрѣнія, хотя эти воззрѣнія часто вовсе не согласны съ истинными выгодами страны и далеко не раздѣляются большинствомъ народонаселенія? А то ли мы видимъ въ Россіи? Говорить при этомъ случаѣ о русскомъ народѣ совершенно излишне. Всякому извѣстно, что при большомъ развитіи здраваго смысла и смѣтливости, русскій человѣкъ отличается

еще преданностію самымъ положительнымъ вѣрованіямъ, непреклонною готовностію слѣдовать великимъ началамъ, выработаннымъ его исторіей, самымъ стойкимъ консерватизмомъ: при такихъ ли качествахъ не сумѣетъ онъ пользоваться благами свободной печати?"

Ничего не можетъ быть вѣрнѣе и справедливѣе этихъ словъ. Намъ пріятно повторить ихъ, и мы повторяемъ ихъ съ полнымъ убѣжденіемъ: такъ всегда мы думали, такъ всегда мы чувствовали. Мы позволяемъ себѣ произносить объ этомъ дѣлѣ болѣе рѣшительное сужденіе чѣмъ о какомъ-либо другомъ, потому что оно особенно близко намъ, потому что оно во всѣхъ своихъ элементахъ провѣрено нами долговременнымъ опытомъ. Мы убѣждены, что нигдѣ самая полная свобода печати, какъ и вообще всякая свобода, не можетъ быть допущена съ такою безопасностію и сопровождаться такими добрыми послѣдствіями, какъ посреди русскаго народа. И вотъ, однакожь, при всемъ этомъ, мы, заинтересованные въ дѣлѣ люди, считали бы себя счастливыми, если бы русская печать, въ ожиданіи приготовляемаго для нея закона, который долженъ освободить ее вполнѣ, могла въ настоящее время пользоваться преимуществами турецкой печати, для чего не требуется никакихъ реформъ, даже никакого особаго узаконенія. Мы можемъ съ полнымъ убѣжденіемъ свидѣтельствовать, что даже эта малая льгота могла бы поправить положеніе русской печати, и она получила бы возможность дѣйствовать съ большею пользою, и успѣшнѣе бороться со зломъ.

№ 86.

Москва, 15-го апрѣля.

Въ Пруссіи теперь восторгъ неописанный. Это военное и можно сказать армейское государство пятьдесятъ лѣтъ наслаждалось миромъ, и хотя Пруссаки постоянно во время мира обращали усиленное вниманіе на практику военнаго дѣла, и производили дѣятельныя преобразованія въ своей арміи и ея вооруженіи, но всѣ эти мѣры и всѣ эти усилія очень могли оказаться хорошими лишь въ теоріи и не оправдаться на практикѣ. Къ тому же сама прусская армія не могла имѣть твердаго убѣжденія въ ихъ практической удовлетворительности, а отъ этого зависѣла ея вѣра въ свои знамена. Надобно при этомъ замѣтить, что прусскія военныя преобразованія были очень смѣлы. Мы говоримъ не о той реформѣ, которая была предпринята въ самое послѣднее время и состоитъ въ развитіи кадреннаго состава и увеличеніи числа полковъ: эта мѣра, подвергшаяся сильному порицанію со стороны прусской палаты депутатовъ, служитъ въ Пруссіи къ ослабленію вреда причиняемаго краткосрочностью солдатской службы, и повидимому не можетъ вести тамъ къ тѣмъ дурнымъ послѣдствіямъ, какихъ можно было бы ожидать отъ нея, и для военной службы, и для государственныхъ финансовъ, въ другихъ мѣстахъ. Къ тому же Пруссія есть государство искусственное; сила прусской арміи заключается не въ солдатахъ, какъ напримѣръ у насъ, а въ оберъ-офицерахъ и унтеръ-офицерахъ, которыхъ и въ теперешнюю войну, какъ прежде, оказывается особенно много между убитыми и ранеными, стало-быть увеличеніе числа этихъ чиновъ не должно быть тягостью для войска. Но теперь подвергалась испытанію не реорганизація арміи; дѣло шло не о томъ, оправдается ли или не оправдается эта мѣра: дѣло шло о другихъ преобразованіяхъ болѣе техническихъ, въ особенности о прусской системѣ оружія. Хотя Пруссія цѣлое полстолѣтіе не вела войнъ, но она продолжала претендовать на репутацію государства, которое не у другихъ учится, а у котораго другіе учатся военному искусству и всему, что сюда относится. Пруссаки радикально измѣнили свое оружіе согласно новѣйшимъ усовершенствованіямъ, но они не захотѣли держаться ни французской, ни англійской системы. Какъ относительно ружья они не взяли себѣ за образецъ ни Минье, ни Энфильда, такъ и въ устройствѣ пушекъ они придумали свою особенную систему. Вотъ эти-то нововведенія подлежали теперь практическому испытанію, и надобно сказать, что испытаніе выдержано ими съ честью. Прусскій опытъ обошелся гораздо лучше чѣмъ англійскій опытъ въ Китаѣ, гдѣ новомодныя пушки не двигались съ мѣста.

Пруссіи теперь везетъ. Австрійцы были такъ кстати пущены впередъ, чтобы вызвать въ прусскихъ новобранцахъ соревнованіе, такъ ловко было выбрано на долю

прусской арміи трудное дѣло подъ Дюппелемъ и его окончательная развязка подогнана къ самому открытію конференціи, такъ неожиданно затѣяно вслѣдъ за тѣмъ занятіе Ютландіи и такъ смѣло предпринята поѣздка короля въ Шлезвигъ, имѣющая очевидною цѣлію закрѣпить завоеваніе, что нельзя не признать во всемъ этомъ дѣйствіе мастерской руки. Тѣмъ опаснѣе для Европы то выгодное положеніе, которое Пруссія займетъ на конференціи. Органъ г. фонъ-Бисмарка, *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, удивилъ недавно читателей, заговоривъ въ пользу французскаго плана рѣшить спорное дѣло въ Герцогствахъ чрезъ обращеніе къ волѣ населеній. Какъ ни краснорѣчиво доказываютъ жители Гольштейна, а тѣмъ паче жители Шлезвига свое равнодушіе къ принцу Августенбургскому уклоненіемъ отъ участія въ объявленномъ имъ займѣ, но если ихъ будутъ спрашивать то нѣтъ никакого сомнѣнія, что они выскажутся въ пользу этого принца. Органъ г. фонъ-Бисмарка клонитъ стало-быть въ пользу того самаго претендента, который еще недавно подвергался самымъ презрительнымъ отзывамъ со стороны г. фонъ-Бисмарка и его товарищей въ прусской палатѣ депутатовъ. Демократическая печать нападала тогда съ ожесточеніемъ на прусское правительство именно за эту враждебность къ принцу Августенбургскому, который, скажемъ мимоходомъ, попалъ въ *protégé* демократической партіи, въ силу какого-то чуда несмотря на свои всѣмъ извѣстные „архифеодальные“ взгляды, и ужъ не потому ли именно и находилъ себѣ особенно восторженныхъ поклонниковъ между демократами. Но потомъ, видя энергическій образъ дѣйствій Пруссіи, эта партія охладѣла къ своему фавориту, и на демонстраціяхъ, сопровождавшихъ повсюду въ Германіи праздникъ Пасхи, имя принца Фридриха уже не упоминалось. Крайніе демократы гнѣвались на него что онъ сидѣлъ себѣ сложа руки въ Килѣ и никакъ не рѣшался идти на поле брани во главѣ юношей-волонтеровъ, чтобы разомъ энергически противостать и Датчанамъ и Австрійцамъ и Пруссакамъ, воодушевясь святою вѣрой, что сила древле-германской доблести не можетъ не отбить Шлезвигъ-Гольштейна отъ насильственныхъ притязаній воздушнаго нарѣзнаго оружія и жалкихъ армій, деморализуемыхъ служеніемъ деспотизму. Теперь прусскія оппозиціонныя газеты трунятъ надъ этими „шутами“ и стараются увѣрить публику, что серіозная часть прогрессивной партіи вовсе не гнѣвалась на принца Фридриха и сохраняла вѣрность къ нему. Истина состоитъ однакоже въ томъ, что не только крайніе, но и всѣ вообще прогрессисты одно время совсѣмъ было отвернулись отъ принца Фридриха, и что его фонды только теперь по неизвѣстной причинѣ вдругъ стали подниматься. Эта неизвѣстная причина состоитъ повидимому въ несомнѣнной связи съ измѣнившимся тономъ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*. Г. фонъ-Бисмаркъ явился миротворцемъ, между демократами и принцемъ Фридрихомъ. Что̀ бы это могло значить? Газеты, держащія сторону принца Августенбургскаго, заводятъ теперь рѣчь о возможности договора между принцемъ и Пруссіей относительно политическаго положенія новаго шлезвигъ-гольштейнскаго государства. „Это не должно быть отдѣльное государство,“ замѣчаетъ маленькая берлинская газетка *Volks-Zeitung*, имѣющая огромный кругъ читателей и издаваемая однимъ талантливымъ Евреемъ, что̀ не мѣшаетъ ей говорить отъ имени всей прусской націи и нерѣдко противъ прусскихъ государственныхъ интересовъ. Эта газетка играетъ немаловажную роль въ прусской журналистикѣ и служитъ однимъ изъ органовъ такъ-называемой партіи прогресса. Интересно, что теперь *Volks-Zeitung* старается убѣдить принца Августенбургскаго въ необходимости согласиться на нѣкоторую зависимость новаго государства отъ Германіи, подъ чѣмъ нельзя разумѣть ничего другаго кромѣ зависимости отъ Пруссіи, то-есть извѣстнаго вассальнаго отношенія къ ней. Не было ли бы въ самомъ дѣлѣ согласно съ видами г. фонъ-Бисмарка, чтобы Пруссія создала себѣ въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ такое подчиненное государство, которое могло бы потомъ послужить образцомъ для другихъ мелкихъ нѣмецкихъ государствъ при предполагаемомъ подчиненіи ихъ прусской гегемоніи?

Нельзя отрицать, что вопросъ о единствѣ Германіи долженъ какъ-нибудь подвинуться впередъ. Мелкія нѣмецкія государства едва ли долго просуществуютъ въ ихъ теперешнемъ видѣ. Намъ Русскимъ особенно нѣтъ причины опасаться измѣненій въ территоріяльныхъ отношеніяхъ Гер-

маніи, хотя бы они и повели къ расширенію прусскаго вліянія въ Германскомъ Союзѣ. Напротивъ, можно ожидать, что усиленіе Пруссіи положило бы нѣкоторый предѣлъ воинственнымъ замысламъ Франціи, а слѣдовательно уменьшились бы тѣ страшныя вооруженія, которыми Франція истощаетъ не только себя, но и всю Европу, потому что вся Европа принуждена вооружиться въ отвѣтъ на французскія вооруженія. Но все это можетъ быть желательно и полезно только въ томъ случаѣ если Пруссія будетъ усиливаться внутри Германіи, не посягая на сосѣднія государства. На *extension intérieure* можно согласиться. На такое расширеніе, повторяемъ, можно даже смотрѣть съ нѣкоторымъ сочувствіемъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы можно было смотрѣть сквозь пальцы на *extension extériure*. Обкарнать Данію чтобы создать подъ своею рукой вассальное государство, это можетъ быть очень выгодно для Пруссіи, но Европа сдѣлала бы огромную ошибку, еслибы потерпѣла такую затѣю.

Конференція, которая должна была открыться въ Лондонѣ третьяго дня, будетъ повидимому поприщемъ борьбы чрезвычайно сложной. Г. фонъ-Бисмаркъ не такой человѣкъ, чтобы не воспользоваться всѣми выгодами своего положенія, дѣйствительно весьма выгоднаго. Онъ пуститъ въ ходъ всю свою изворотливость и вѣроятно также не поскупится дать образчикъ своей безцеремонности. Никто однакоже на конференціи не можетъ быть расположенъ къ уступкамъ въ одностороннемъ интересѣ Пруссіи, и если, паче чаянія, ей удастся перехитрить всѣхъ, то этимъ она будетъ обязана преимущественно той двусмысленной политикѣ, которой въ послѣднее время сочли нужнымъ держаться политическіе люди Англіи.

№ 87.

Москва, 16-го апрѣля.

Ничего хорошаго не можетъ выйдти изъ недовѣрія къ собственнымъ силамъ, возведеннаго въ правило и организованнаго въ систему. Всякая сила слабѣетъ и теряется отъ бездѣйствія. Уклоняться отъ дѣйствія и борьбы, съ которою оно неразлучно, не значитъ сохранять себя и сберегать свои силы; напротивъ это значитъ зарывать въ землю свой талантъ, это значитъ быть рабомъ лѣнивымъ и невѣрнымъ.

Государственная сила объемлетъ всю совокупность интересовъ общественной жизни, и потому государство можетъ успѣшно вѣдать и охранять каждый изъ интересовъ лишь въ томъ, что всѣ они имѣютъ между собою общаго. Государству подлежатъ только необходимыя условія общественной жизни, только ея всеобщіе, такъ сказать, родовые элементы. Гдѣ дѣйствуетъ только одна эта всеобщая сила, тамъ не можетъ быть жизни въ тѣснѣйшемъ и собственномъ значеніи этого слова, потому что тамъ ни одинъ интересъ не раскрывается въ своей особенности, ни одинъ не живетъ изъ своихъ внутреннихъ источниковъ, ни одинъ не дѣйствуетъ своею собственною энергіею, ни одинъ не обнаруживаетъ своей истинной природы, и все пребываетъ въ состояніи скрытномъ, скудномъ и бездѣйственномъ.

Интересъ религіозный есть, безъ сомнѣнія, величайшій изъ всѣхъ интересовъ человѣческой жизни; но его сила заключается не въ тѣхъ условіяхъ его существованія, которыя общи ему со всевозможными другими интересами; сила его заключается въ томъ, что̀ только ему одному свойственно, что̀ составляетъ его отличительную сущность. Та безразличная, всеобщая, внѣшняя сила, которая находится въ вѣдѣніи государства, никогда не можетъ замѣнить внутреннюю силу, свойственную исключительно тому или другому жизненному интересу, высшему или низшему; никогда не можетъ успѣшно способствовать развитію или охраненію каждаго интереса въ его спеціальности, а тѣмъ менѣе религіознаго въ томъ что̀ составляетъ его существенную сторону.

Мы часто удивляемся и часто сѣтуемъ, находя, что въ нашемъ обществѣ мало жизни, что ни одинъ интересъ не дѣйствуетъ въ немъ съ достаточною энергіею, что даже самый высшій, самый дорогой для цѣлаго народа интересъ,—религія, церковь, — остается непроизводительнымъ и неплоднымъ въ общественной жизни. Мы видимъ наше духовенство въ уничиженіи, религіозное воспитаніе народа и самаго клира въ крайнемъ небреженіи, видимъ цѣлыя области, принадлежащія русскому государству и православной церкви, предан-

ныя запустѣнію; мы замѣчаемъ въ нашемъ свѣтскомъ образованіи не только отсутствіе религіознаго интереса, но часто полное отрицаніе его, видимъ все это, и скорбимъ, и сѣтуемъ, и съ содраганіемъ помышляемъ о будущемъ; мы удивляемся такимъ плачевнымъ признакамъ, умножающимся подъ сильною рукою государства, которое неусыпно заботится объ охраненіи религіознаго интереса и не оставляетъ ни одного сколько-нибудь важнаго отправленія церковной жизни безъ своего пособія, опеки и контроля. Если даже при такой могущественной опекѣ государства,—такъ можемъ мы подумать,—если при такомъ дѣятельномъ участіи охранительной его силы во всемъ что̀ касается церковной жизни, религіозный интересъ у насъ слабъ, церковь наша не обнаруживаетъ никакой энергіи, то что же было бы съ ними, если бы государство призываемое другими заботами, прекратило наконецъ свое неусыпное вмѣшательство въ дѣла религіознаго интереса и оставило безъ своего попечительства нашу церковь? Что̀ было бы?.. И вотъ мы уже готовы сомнѣваться во внутреннихъ силахъ нашей церкви и жизненныхъ началахъ ей присущихъ, между тѣмъ какъ намъ слѣдовало бы убѣдится, что печальные признаки, поражающіе насъ въ дѣйствительности, именно и происходятъ отъ того, что церковь живетъ у насъ не собственными своими силами, религіозный интересъ поддерживается у насъ не собственною своею энергіей, что за нихъ дѣйствуетъ во всемъ государственная сила. Намъ слѣдовало бы убѣдиться, что не въ недостаткѣ попечительства заключается оскудѣніе этой великой силы, а напротивъ въ ея излишествѣ. Мы не достаточно цѣнимъ внутреннія силы нашей церкви и истину ей присущую, потому что мы не видимъ ихъ проявленій, потому что они находятся въ скрытномъ и бездѣйственномъ состояніи.

Не обнаруживаясь въ жизни, не создавая въ обществѣ соотвѣтственнаго себѣ, могущественнаго интереса, который возбуждалъ бы людей къ дѣятельности, церковь не можетъ оказывать достаточной силы отпора, она не одерживаетъ побѣдъ. Ея жизненность подвергается сомнѣнію, потому что за нее во всемъ и вездѣ дѣйствуетъ сила, отнюдь не замѣняющая ея сущности. Въ жизни церковь наша кажется скудною и несильною, потому что въ обществѣ, среди котораго она находится, за все и во всемъ дѣйствуетъ и отвѣтствуетъ одна безразличная государственная сила.

Когда зайдетъ рѣчь объ охраненіи православія, то мы не находимъ лучшаго способа какъ механически отдѣлять его отъ другихъ вѣроисповѣданій. Мы боимся, что при первой встрѣчѣ съ другими вѣроисповѣданіями, особенно съ дѣятельными и одержимыми духомъ завоеванія, каково римско-католическое, наша церковь не выдержитъ состязанія. Возникаетъ ли вопросъ о расколѣ, у насъ на умѣ только мѣры преслѣдованія и гоненія какъ единственное средство возвратить заблудшихся, хотя исторія убѣдительно свидѣтельствуетъ, что именно эти-то самыя мѣры и были причиною заблужденія и упорства въ немъ; возникаетъ ли опасеніе иновѣрной пропаганды, мы ограждаемъ себя отъ совращеній мѣрами полицейской охраны, хотя ежедневный опытъ свидѣтельствуетъ какъ нельзя убѣдительнѣе, что дѣлу религіи такая охрана опаснѣе напасти.

Нѣтъ! не иновѣрная пропаганда, какъ бы ни была она организована, не католическіе ксендзы, не упорствующіе раскольники, могутъ быть опасны истиннымъ интересамъ православной церкви, также какъ не революціонные элементы, откуда бы они ни шли и какими бы средствами ни вооружались, могутъ быть опасны для нашего государства; намъ болѣе всего вредно и опасно излишнее бюрократическое попечительство и излишняя надежда на полицейскую охрану. Наши общественныя силы, предоставленныя самимъ себѣ въ своихъ спеціяльныхъ интересахъ, будутъ несравненно безопаснѣе, сохраннѣе и плодотворнѣе. Кто не ограчивается поверхностію явленій и отдаетъ себѣ какой-либо отчетъ въ ихъ сущности, тотъ не усомнится, что самодѣятельность и самоохраненіе не уронятъ, а возвысятъ наши силы, и что православная церковь, освобожденная отъ излишней опеки и отъ бюрократическаго элемента въ своей организаціи, столь не соотвѣтственнаго ея духу, можетъ выдерживать всякое состязаніе. Католическая пропаганда, несмотря на несчастныя для насъ историческія обстоятельства прежнихъ временъ, несмотря на организацію своихъ воинствующихъ орденовъ, несмотря на неразборчивость въ средствахъ, не много сдѣлала завоеваній у православія; и нѣтъ

сомнѣнія, что православная церковь въ настоящее время, при сколько-нибудь благопріятныхъ обстоятельствахъ, могла бы не потерять, а выиграть отъ свободнаго состязанія съ латинствомъ. Ужъ и теперь богословы другихъ вѣроисповѣданій все болѣе и болѣе обращаются мыслію къ востоку и начинаютъ видѣть въ православной церкви основаніе и залогъ церковнаго единства. Духъ болѣе таящійся, нежели раскрывающійся въ ней, уже и теперь привлекаетъ къ ней религіозное чувство иновѣрцевъ, ищущихъ единенія, хотя ея обстановка отнюдь не обладаетъ притягательнымъ свойствомъ.

Кстати, мы припоминаемъ объ одномъ священникѣ епископальной (англиканской) церкви въ Америкѣ, г. Йонгѣ, изъ Нью-Iорка, который недѣли двѣ тому назадъ былъ въ Москвѣ, одушевленный ревностно желаніемъ ознакомиться ближе съ основаніями и обрядами нашей церкви и вступить въ сношенія съ ея іерархами. Онъ сообщилъ намъ между прочимъ записку, въ которой высказывается взглядъ его единовѣрцевъ на православную церковь. „Не многіе вопросы", сказано въ этой запискѣ, изъ поднимавшихся въ американской епископальной церкви, могутъ состязаться въ важности и значеніи съ вопросомъ о сближеніи съ восточной церковію. Въ послѣднее время съ особенною силою представлялись нашему убѣжденію права восточной церкви. Чѣмъ болѣе изучаемъ мы ея исторію, чѣмъ ближе знакомимся съ нею, тѣмъ слышнѣе становится для насъ голосъ ея авторитета и тѣмъ живѣе стремленія наши къ сближенію съ нею. *Мы были ложно пріучены видѣть въ латинской церкви церковь первоначальную, древнѣйшую по организаціи, главный авторитетъ въ дѣлѣ преданія.* Мы забывали, что римская церковь была лишь отпрыскомъ греческой... Несмотря на страшное потрясеніе, раздвоившее церковь, восточная церковь осталась твердою и вѣрною хранительницею первоначальнаго преданія; она ожидаетъ той поры, когда могущественное движеніе въ христіанскомъ мірѣ начнетъ искать забытыхъ путей, начнетъ искать единенія и мира... Мы съ радостію привѣтствуемъ принятое въ послѣднее время въ нашей конвенціи рѣшеніе заботиться о сближеніи съ восточною церковію... Мы не хотимъ вѣрить, чтобы восточная церковь въ Россіи не могла, по существу, своему, быть независимою относительно государства... Углубляясь въ свою исторію, убѣждаясь въ своей жизненности и въ своихъ судьбахъ, она не можетъ не чувствовать потребности занять то положеніе въ обществѣ и христіанствѣ, на которое даровано ей право."

№ 88.

Москва, 17-го апрѣля.

Нельзя не порадоваться признакамъ самостоятельной жизни, замѣчаемымъ въ нашемъ университетѣ, особенно съ того недавняго времени когда ему была возвращена та доля независимости и самоуправленія, которою онъ пользовался прежде, съ выборнымъ ректоромъ во главѣ. Къ этимъ признакамъ относимъ мы и торжественное собраніе членовъ университета, 11-го апрѣля, въ день Шекспировскаго праздника. Такого акта не требовалось уставомъ университета; онъ не былъ рутиннымъ исполненіемъ оффиціяльной формальности. Такой актъ предполагаетъ живую корпорацію, дѣйствующую по собственной иниціативѣ, стоящую въ уровень съ своимъ призваніемъ и способную принимать дѣятельное участіе въ общихъ интересахъ цивилизаціи. Вслѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ условій нашего общественнаго быта, люди у насъ рѣдко бываютъ способны къ совокупному дѣйствію въ какомъ-нибудь общемъ интересѣ. Бездѣйствіе и апатія, которыми поражена наша общественная жизнь, имѣютъ своимъ послѣдствіемъ-то, что у насъ ни одинъ интересъ не оказывается на столько сильнымъ, чтобы созывать людей и связывать ихъ въ совокупномъ дѣйствіи. У насъ люди сообща дѣйствуютъ только по командѣ, по инструкціи; по данной программѣ, и какъ только этихъ связующихъ и побуждающихъ къ дѣятельности началъ не оказывается, люди разсыпаются какъ песокъ. Иниціатива пугаетъ ихъ, и они дичатся всякаго свободнаго, самопроизвольнаго участія въ общемъ дѣлѣ, какого бы то ни было свойства. Общее дѣло рѣдко бываетъ у насъ достаточно сильно, чтобы подавить мелкія самолюбія, умничанье, интриги. По всему вѣроятію, и въ нашемъ университетѣ есть подобные элементы; но, какъ видно, они незначительны и ничтожны; подобные элементы въ нашей универ-

ситеской корпораціи оказываются безсильными благодаря доброму духу въ ней живущему, благодаря достоинству и здравому-смыслу ея членовъ.

Воспоминаніе о Шекспирѣ въ трехсотлѣтнюю годовщину его рожденія, торжествуемое всѣмъ образованнымъ міромъ, было вполнѣ достойно корпораціи, имѣющей своимъ назначеніемъ блюсти и развивать высшіе умственные интересы. Не могло быть предмета болѣе достойнаго собрать членовъ университетской корпораціи на актъ, о которомъ было въ свое время собщено въ нашей газетѣ, и который удался какъ нельзя болѣе. Заговоривъ объ этомъ праздникѣ, мы не можемъ не выразить благодарности почтенному ректору университета и членамъ совѣта, за принятое имъ отъ лица русской науки участіе въ общемъ праздникѣ, посвященномъ воспоминанію, дорогому для всякаго образованнаго общества, для всякаго просвѣщеннаго и мыслящаго человѣка.

Въ исторіи человѣческаго рода, въ этой несмѣтной, и непрерывно возобновляющейся массѣ чувствующихъ, мыслящихъ и дѣйствующихъ существъ, въ этихъ непрерывно смѣняющихъ одно другое безчисленныхъ поколѣніяхъ людей, выдѣляются лишь нѣсколько человѣкъ, которыхъ имена переходятъ изъ рода въ родъ съ неувядающею славой,—нѣсколько человѣкъ, которые возвышаются въ безспорномъ величіи, могущественные, вѣчно юные, какъ боги Олимпа, предметы общаго поклоненія, сознательнаго или безсознательнаго. Шекспиръ принадлежитъ къ самымъ избраннымъ; въ числѣ этихъ избранныхъ.

Шекспиръ не просто поэтъ или художникъ съ необыкновенными природными дарованіями: этимъ далеко не исчерпывается его значеніе, этимъ не объясняется та великая слава, которая соединяется съ его именемъ. Его имя есть символъ. Онъ не даромъ родился въ XVI столѣтіи, съ котораго начинается новая исторія; онъ не даромъ родился на этомъ островѣ, гдѣ исторія не дѣлается, а выростаетъ, гдѣ прошедшее не изчезаетъ, а живетъ въ настоящемъ и даетъ ему силу, въ странѣ, гдѣ все носитъ на себѣ печать самобытности и индивидуальности, странѣ личной свободы по преимуществу. Шекспиръ раскрылъ для созерцанія великій міръ души человѣческой; онъ приблизилъ его явленія къ нашему взору; онъ овладѣлъ имъ во имя грядущихъ поколѣній. Въ его поэзіи мы признаемъ и чествуемъ мысль созрѣвшую до той высоты, откуда она можетъ созерцать явленія нравственнаго міра, не въ отвлеченныхъ представленіяхъ, не въ отрывочныхъ моментахъ, но въ ихъ реальности, въ полнотѣ ихъ жизни и индивидуальности. Шекспирова поэзія есть именно это внутреннее зрѣніе, созерцающее то, что̀ всего глубже и что̀ всего выше въ жизни, то что̀ изъ мрака слѣпыхъ влеченій восходитъ до свѣта разумѣнія, то въ чемъ заключается тайна жизни и мысли, что̀ не исчерпывается никакимъ понятіемъ, что̀ не есть ни идея, ни родъ, ни видъ, ни качество, ни типъ, но что̀ во всемъ присутствуютъ и все соединяетъ въ себѣ, что̀ характеризуется своими безчисленными проявленіями и отличается отъ всякаго положенія, отъ всякой формы своего существованія, безсмертную личность человѣка. Шекспира называютъ поэтомъ сердцевѣдѣнія,—и дѣйствительно его творчество положило начало этому великому вѣдѣнію, которое своимъ главнымъ органомъ имѣетъ художественное созерцаніе. Шекспира называютъ поэтомъ реализма,—и дѣйствительно міръ души человѣческой является въ его созерцаніи не отвлеченною идеей, но самою несомнѣнною реальностью. Кто скажетъ лицо, тотъ скажетъ свобода, тотъ скажетъ жизнь, тотъ скажетъ знаніе, тотъ скажетъ поэзія, тотъ скажетъ—все. Только чувство индивидуальности создаетъ характеры въ жизни, только чувство личной самостоятельности есть движущая сила жизни; только оно творитъ чудеса предпріимчивости, и только оно опредѣляетъ нравственную цѣну нашихъ дѣйствій; наконецъ только оно можетъ восходить до мудрости самоограниченія, до святости самопожертвованія. И лучшая проба всякой цивилизаціи, вѣрнѣйшая мѣра достоинства народной жизни и гражданскаго общества есть та степень личной самостоятельности, которую они могутъ выносить и которая ими обезпечивается.

Великіе завоеватели, потрясавшіе міръ, люди сильные, люди власти, теряются въ историческихъ воспоминаніяхъ какъ далекіе призраки; а если потомство и торжествуетъ память ихъ, то лишь въ томъ народѣ, среди котораго они дѣйствовали. Геніи мысли, знанія, искусства, въ потомствѣ не умаляются, а растутъ, и принадлежатъ они не тому или другому народу, а всему человѣчеству. Кто могъ бы, во

времена Шекспира подумать, что этотъ бѣднякъ, рожденный въ низкой долѣ, горемыка-лицедѣй, пріобрѣтетъ великую власть надъ всѣмъ образованнымъ міромъ, и что власть эта съ каждымъ столѣтіемъ будетъ не умаляться, а возрастать? Шекспиръ въ прошломъ столѣтіи далеко еще не имѣлъ такого значенія, какое имѣетъ онъ теперь, когда протекло уже триста лѣтъ со дня его рожденія: тогда его знала только Англія, а съ тѣхъ поръ цѣлыя литературы образовались и разцвѣли подъ вліяніемъ его генія, и великіе умы у разныхъ народовъ воспитались на его произведеніяхъ. Вспомнимъ какъ много обязана Шекспиру нѣмецкая литература: мудрено ли, что въ Германіи чествуютъ его память не менѣе чѣмъ въ его отечествѣ?

Вообще теперь иностранныя газеты полны воспоминаніями о Шекспирѣ. Сколько стиховъ, сколько статей и статеекъ, сколько книгъ выходило и выходитъ къ этому юбилею! И г. Викторъ-Гюго, знаменитый французскій поэтъ и политическій изгнанникъ, живущій на островѣ Джерзеѣ, не преминулъ издать цѣлую книгу о Шекспирѣ въ честь его юбилея. И вотъ г. Виктора Гюго выбрали парижскіе литераторы въ президенты банкета, который намѣревались они дать 23-го (11-го) апрѣля въ честь Шекспира. Поэтъ изгнанникъ, конечно, не могъ бы лично присутствовать на этомъ банкетѣ, но для него было бы вѣроятно оставлено за этимъ пиршествомъ мѣсто, какъ для тѣни Банко. По всему вѣроятію, парижскіе литераторы, избравшіе президентомъ политическаго изгнанника, который непоправимо скомпрометтировалъ себя предъ нынѣшнею династіей, не ограничились бы въ настоящее время однимъ этимъ заявленіемъ оппозиціоннаго духа. По крайней мѣрѣ правительство ожидало отъ этого сборища какихъ-нибудь серіозныхъ демонстрацій, которыхъ оно не хотѣло сносить или которыя казались ему опасными. Что демонстраціи предполагались, видно изъ того, что гг. Гизо и Вильменъ, извѣстные цѣнители Шекспира и въ то же время люди не правительственные, отказались отъ участія въ сборищѣ парижскихъ литераторовъ. Итакъ правительство запретило банкетъ; запрещенъ также и шекспировскій спектакль, который долженъ былъ состоять изъ піесъ: *Гамлетъ принцъ Датскій*, и *Сонъ въ лѣтнюю ночь*. Другими словами, празднованіе трехсотлѣтней годовщины Шекспира запрещено Французамъ, и лишь въ видѣ особеннаго снисхожденія разрѣшено Англичанамъ, проживающимъ въ Парижѣ, собраться въ этотъ день для пиршества. Однако разрѣшеніе оказалось только номинальнымъ: вышли какія-то недоразумѣнія, и банкетъ ихъ также не состоялся. Случай куріозный, не лишенный въ настоящее время интереса. Парижскій корреспондентъ *Times* полушутя догадывается, что *Гамлета* еще можно было запретить, потому что датскій принцъ могъ подать поводъ къ какимъ-нибудь манифестаціямъ въ пользу своихъ храбрыхъ соотечественниковъ, но онъ отказывается объяснить, по какимъ соображеніямъ могъ подвергнуться запрету *Сонъ въ лѣтнюю ночь*. Другіе думаютъ, что императорское правительство, запрещая банкетъ и спектакль въ честь Шекспира, имѣло въ виду отвѣчать косвеннымъ образомъ на оваціи генералу Гарибальди въ Англіи, и что эта мѣра не что иное какъ маленькая пика безцеремонной сосѣдкѣ.

Какъ бы то ни было, этотъ неожиданный случай взволновалъ все общество и всю журналистику въ Парижѣ. Газеты поспѣшили перепечатать довольно напыщенное, но безобидное письмо г. Виктора Гюго, гдѣ онъ говоритъ о союзѣ и сліяніи народовъ въ общемъ чествованіи великихъ міровыхъ геніевъ. *Le Temps*, въ статьѣ подъ названіемъ: *Миръ и свобода*, провелъ параллель между запрещеніемъ Шекспировскаго праздника и другими мѣрами французской администраціи за послѣднее время, и вывелъ изъ этого заключеніе для Французовъ, что имъ долго еще придется ждать свободы. За это *le Temps* получилъ на другой же день офиціальное предостереженіе. *La Presse* съ неменьшимъ противъ другихъ опозиціонныхъ газетъ раздраженіемъ доказываетъ, что во Франціи нѣтъ свободы. „Насъ хотятъ утѣшить, сказано въ этой газетѣ, насъ увѣряютъ—и кто же? самъ Викторъ Гюго!—что если у насъ нѣтъ свободы, то есть за то равенство. Какое заблужденіе! Гдѣ нѣтъ свободы, тамъ нѣтъ, тамъ не можетъ быть и равенства. И вотъ доказательство: банкетъ въ честь Суэсскаго канала, на двѣ тысячи человѣкъ, подъ предсѣдательствомъ принца Наполеона, банкетъ, который завѣдомо для всѣхъ долженъ былъ имѣть (и дѣйствительно имѣлъ) политическій характеръ, разрѣшенъ былъ свободно, а банкетъ въ честь

Шекспира, на 500 человѣкъ, праздникъ чисто литературный и отнюдь не политическій, внезапно подвергся запрещенію, безъ объясненія причинъ и поводовъ! Гдѣ же тутъ равенство? На оборотъ, въ Англіи, гдѣ господствуетъ свобода, укажите уголокъ, гдѣ бы не было равенства!“

Положимъ такъ, но оставляя газету *la Presse* при ея толкахъ о свободѣ и равенствѣ, нельзя не замѣтить, что этотъ случай заслуживаетъ особеннаго вниманія въ другомъ отношеніи. Едва ли правительство Наполеона III стало бы такъ безпощадно преслѣдовать всякое воспоминаніе о великомъ англійскомъ поэтѣ, еслибы не имѣло достаточныхъ основаній опасаться даже малѣйшаго волненія въ парижскомъ населеніи. Мѣра, на которую жалуются парижскія газеты,—повидимому очень странная и произвольная,—интересна для насъ какъ несомнѣнное свидѣтельство о томъ, что во Франціи внутреннія дѣла обстоятъ далеко не благополучно. Оппозиціонное движеніе, выразившееся въ парижскихъ выборахъ и уже принявшее въ значительной степени республиканскій и революціонный оттѣнокъ, не могло, конечно, ослабѣть или получить болѣе умѣренное направленіе подъ вліяніемъ демонстрацій происходившихъ въ Англіи въ честь Гарибальди. Эти демонстраціи должны были повсюду поднять духъ революціонной партіи, и война французскаго правительства съ Шекспиромъ говоритъ намъ, что во Франціи этотъ духъ поднятъ теперь высоко.

№ 89.

Москва, 22-го апрѣля.

Уже въ прошломъ году можно было ясно видѣть, что нити европейской политики находятся гораздо болѣе въ рукахъ англійскаго правительства чѣмъ въ рукахъ императора Французовъ. Прошлый годъ былъ годомъ коалиціи противъ насъ. Изо всѣхъ европейскихъ державъ, самое живое участіе въ коалиціи приняла Франція; она шла или, по крайней мѣрѣ, хотѣла идти впереди соединившихся противъ насъ державъ; ея требованія были самыя заносчивыя, ея виды самые воинственные; словомъ, она болѣе всѣхъ скомпрометтировала себя, а потому и болѣе всѣхъ должна была почувствовать неудачу легко отбитыхъ дипломатическихъ приступовъ. Но нельзя упускать изъ виду, что французская заносчивость не совсѣмъ была произвольная: какъ скоро польскій вопросъ былъ раздутъ и получилъ характеръ вопроса европейскаго, Франціи ничего не оставалось болѣе дѣлать какъ броситься впередъ, чтобъ, обогнавъ другихъ, удержать за собой, по крайней мѣрѣ, видъ предводительства и первенства. Это былъ бѣгъ взапуски изъ соревнованія. Правительство Наполеона III не могло притомъ, разумѣется, не вспомнить и наполеоновскихъ преданій, а также не могло не поддаться вліянію того революціоннаго потока, которому оно само обязано своимъ происхожденіемъ. Таковы данныя, которыми должна была опредѣлиться французская политика. Все это повело къ тому, что международная роль Франціи разоблачилась вполнѣ; виды ея по отношенію къ сѣвернымъ державамъ раскрылись съ поразительною ясностью. Но все это случилось, можно сказать, неожиданно для самой Франціи, и когда лордъ Россель написалъ въ своей нотѣ: *finita la comedia*, тогда французская дипломатія очутилась относительно своей страны въ комической роли *enfant terrible*. Она разболтала секреты, а къ осуществленію ихъ ни на шагъ не подвинулась. Проектъ конгресса былъ послѣднею попыткой французской дипломатіи протянуть польскій вопросъ, но лордъ Россель поспѣшилъ подтвердить безпощадно: *finita la comedia*. Франція была очевидно обойдена, и обойдена никѣмъ инымъ какъ Англіей, которой потому и достались всѣ выгоды этого дѣла. Не слѣдуетъ ли уже изъ этого, что и зачинщицей его была вовсе не Франція, а Англія? Припомнимъ, что въ продолженіе января мѣсяца Франція обнаруживала всѣ признаки искренняго доброжелательства къ намъ, между тѣмъ какъ Англія съ самой первой минуты мятежа стала въ положеніе двусмысленное. Она тогда же самымъ вѣрнымъ шагомъ приступила къ разыгрыванію той комедіи, которая стоила намъ такъ много крови и бѣдствій, и только одной Англіи не стоила ровно ничего, а напротивъ доставила значительныя выгоды, совершенно измѣнивъ политическую комбинацію Европы. Неужели это случилось экспромптомъ?

Нынѣшній годъ не чередъ прошлому. Тогда были цвѣтки, теперь, пожалуй, будутъ ягодки. Тогда имѣлось въ виду ус-

троить коалицію; польское возстаніе было для Англіи важно лишь какъ средство ведущее къ этой цѣли. Теперь совсѣмъ не то. Въ положеніи Европы измѣнилось весьма многое; теперь Англія находитъ возможнымъ дѣйствовать на свою руку и надѣется безъ коалицій управлять европейскою политикой. Повидимому она дорожитъ однимъ только союзомъ, — союзомъ съ европейскою революціей.

Это, конечно, догадка, но безъ нея было бы необъяснимо офиціяльное чествованіе Гарибальди въ Англіи. Теперь уже не подлежитъ сомнѣнію, что въ демонстраціяхъ сопровождавшихъ пребываніе Гарибальди въ Лондонѣ, было чрезвычайно много искусственнаго и поддѣльнаго. Это было такое же фальшивое дѣло, какъ и прошлогодняя коалиція трехъ державъ и градъ дипломатическихъ депешъ отъ всѣхъ дворовъ Европы къ нашему правительству, по польскому дѣлу. Гарибальди принимали съ такимъ почетомъ, съ какимъ не принимаютъ коронованныхъ особъ; этотъ почетъ собиралъ вокругъ него толпы зрителей, и эти толпы были соразмѣрны громадности Лондона и популярности, которую пріобрѣло себѣ имя Гарибальди, но собственно народнаго энтузіазма не было. А между тѣмъ Гарибальди являлся какъ человѣкъ изъ народа, какъ вождь народныхъ движеній, какъ герой революціи. Если бы къ нему было неподдѣльное сочувствіе въ Англіи, то оно сосредоточивалось бы не столько въ высшихъ или среднихъ, сколько въ низшихъ классахъ. Гарибальди отзывался съ почтеніемъ объ англійской монархіи, но онъ отнюдь не скрывалъ своихъ связей съ революціей. Еще до пріѣзда въ Лондонъ онъ видѣлся съ Мадзини; въ Лондонѣ онъ имѣлъ нѣсколько разъ свиданія съ нимъ; онъ слонялся по всѣмъ революціонерамъ и эмигрантамъ; говорятъ, заѣзжалъ даже на блины къ г-ну Герцену; наконецъ, онъ прямо заявлялъ, что онъ не только другъ, но и ученикъ Мадзини. Что во всемъ этомъ нашлось сочувственнаго англійской аристократіи? Что побудило королевскую фамилію почтить генерала Гарибальди визитомъ наслѣдника англійскаго престола? Да не подумаютъ читатели, чтобъ эти оваціи, шедшія съ высоты трона, были должною данью генію. Если кто-нибудь считалъ еще Гарибальди геніальнымъ человѣкомъ, тотъ долженъ былъ отложить это мнѣніе послѣ лондонскихъ рѣчей его, въ которыхъ не было ни одного живаго слова и ни тѣни не только геніальности, но даже простой даровитости. Умственная репутація Гарибальди не могла ни отъ чего такъ сильно пострадать какъ отъ этой поѣздки. Оваціи относились не къ геніальности Гарибальди, потому что ея отсутствіе не могло укрыться ни отъ одного образованнаго Англичанина; онѣ относились не къ его заслугамъ передъ Италіей, потому что самъ графъ Кавуръ, конечно, не получилъ бы въ Лондонѣ подобнаго пріема; онѣ относились не къ его италіянскому патріотизму, потому что онъ самъ выставлялъ себя не только италіянскимъ патріотомъ, но и защитникомъ угнетенныхъ народностей, и многіе высоко поставленные люди Англіи, въ томъ числѣ г. Гладстонъ, прямо говорили, что жизнь Гарибальди нужна не одной Италіи, а цѣлому міру. Вотъ къ этому-то всесвѣтному значенію Гарибальди, а не къ чему иному относились лондонскія оваціи и этому-то значенію защитника угнетенныхъ народностей обязанъ повидимому Гарибальди визитомъ принца Вельсскаго продолжавшимся не менѣе часа. Это былъ конгрессъ своего рода, хотя можетъ-быть на немъ и не было ничего постановлено,—конгрессъ двухъ державъ, Англіи и всесвѣтной революціи *Honny soit qui mal y pense*.

Англійскій бюджетъ нынѣшняго года и нѣкоторыя другія обстоятельства дѣлаютъ весьма вѣроятнымъ, что Англія не замышляетъ въ нынѣшнемъ году ничего не добраго и располагаетъ пользоваться новою своею союзницей лишь въ видахъ мирнаго господства надъ положеніемъ дѣлъ. Но эта союзница—существо необузданное, а ставъ на пріятельскую ногу съ Англіей, потолковавъ запросто съ ея будущимъ королемъ, держава Революція должна сдѣлаться еще необузданнѣе прежняго, и это не можетъ не отозваться на внутреннихъ дѣлахъ материка Европы. Ужь есть признаки подземнаго космополитическаго учрежденія, напоминающаго собой карбонаріевъ. Читатели вѣроятно замѣтили въ № 86 *Московскихъ Вѣдомостей*, подъ рубрикой *Италія*, извѣстіе о тайномъ обществѣ, члены котораго будутъ разсѣяны по всей Европѣ и вездѣ будутъ дѣйствовать сообща, какъ братья. Патенты этихъ членовъ будутъ украшены двумя печатями, изъ которыхъ одна будетъ общая для всѣхъ странъ, а другая своя для каждой страны. Такимъ

образомъ составленное, соединенное тайное общество всей Европы съ центральнымъ комитетомъ въ Лондонѣ, можетъ играть весьма важную роль въ политическихъ дѣлахъ, потому что будетъ въ состояніи направлять поочередно свои силы то на одну, то на другую страну. Государствамъ материка будетъ тѣмъ труднѣе бороться съ этою организаціей, что средство, употреблявшееся въ двадцатыхъ годахъ противъ карбонаріевъ, всеобщее соглашеніе между правительствами, теперь невозможно, такъ какъ ни Франція, ни Италія не могутъ участвовать въ подобномъ соглашеніи, а Англія должна даже всячески противодѣйствовать ему, ибо она утратила бы одно изъ орудій своего вліянія, еслибы соглашеніе состоялось. Для успѣшности борьбы надобно будетъ прибѣгать не столько къ внѣшнимъ и матеріальнымъ сколько къ внутреннимъ и нравственнымъ средствамъ.

Куда прежде всего направитъ свои удары всеобщая революція? На Востокѣ скопилось очень много горючихъ матеріяловъ. Мы не говоримъ о мусульманскомъ движеніи въ Тунисѣ, Алжирѣ, Марокко: это движеніе, повидимому, однородно съ тѣмъ, котораго отголоски слышатся и въ другихъ частяхъ мусульманскаго міра. Оно служитъ лишь выраженіемъ страха за будущность ислама и свидѣтельствуетъ объ усиливающейся опасности его положенія вслѣдствіе новой жизни пробудившейся въ подвластныхъ или сосѣднихъ мусульманамъ христіанскихъ населеніяхъ. По поводу алжирскаго возмущенія укажемъ только на связь его съ извѣстнымъ намѣреніемъ императора Наполеона III дать Алжиріи титулъ королевства. Французскія газеты, такъ много толковавшія о польской автономіи, сами теперь говорятъ, что одного этого намѣренія было достаточно, чтобы поднять духъ въ Арабахъ. До такой степени легко всходятъ сѣмена сепаратизма. Во всякомъ случаѣ можно полагать, что европейская революціонная партія не успѣла еще прибрать къ своимъ рукамъ мусульманскій міръ. Но христіанскія племена Турціи легко могутъ попасться въ ея сѣти. Въ Греціи революціонные элементы очень сильны. Недавняя революція, смѣнившая царствующую тамъ династію, была произведена подъ рукой Англіи. Люди, управлявшіе этою революціей, имѣютъ связи по всему Балканскому полуострову и притомъ не только между Греками, но и между Славянами. Какъ въ Далматіи Славяне помирились съ Италіянцами принадлежащими къ радикальной партіи, такъ и въ Европейской Турціи произошло сближеніе между славянскою и греческою молодежью, исполняющею тамъ роль партіи дѣйствія. Болгары и Сербы враждуютъ съ Греками-фанаріотами, ведутъ ожесточенную борьбу съ греческою іерархіей Великой Церкви, но очень хорошо уживаются съ радикальными эмиссарами Греческаго королевства. Вообще молодежь этихъ дѣвственныхъ племенъ легко поддается радикализму и безъ большаго труда можетъ быть употреблена какъ орудіе всякаго движенія, не только противъ Турціи въ интересѣ освобожденія отъ турецкаго ига, но и противъ православной церкви въ интересѣ латинства. Послѣднею возможностью не преминуло уже воспользоваться французское вліяніе и нельзя не упомянуть съ прискорбіемъ, что іерархія Великой Церкви своимъ неразборчивымъ образомъ дѣйствій сама не мало содѣйствуетъ успѣху стремленій подкапывающихъ православіе въ Европейской Турціи. Чего ждать хорошаго, когда на одной сторонѣ мы видимъ грубое и корыстолюбивое властолюбіе, а на другой заносчивость и неопытность? Православіе и будущность славянскихъ племенъ могутъ серіозно пострадать, если всесвѣтная революція направитъ всѣ свои силы на Европейскую Турцію.

Но въ нынѣшнемъ году дѣло до этого, кажется, не дойдетъ. У партіи дѣйствія есть ближайшія цѣли, и между ними на первомъ планѣ—спеціяльное отечество капрерскаго всесвѣтнаго патріота, Италія. Здоровье папы очень плохо, здоровье Виктора-Эммануила также подаетъ поводъ къ серіознымъ опасеніямъ: король Италіи страшно толстѣетъ, несмотря на діету, на охоту, на прогулки въ горахъ. Возможна двойная катастрофа. Тогда само существованіе Италіянскаго королевства подвергнется опасности, и Италія легко можетъ опять сдѣлаться тѣмъ же, чѣмъ она была уже нѣсколько вѣковъ,—яблокомъ раздора между Франціей и Австріей. Упрочить будущность Италіянскаго королевства могло бы только обладаніе Римомъ, и если единству Италіи суждено осуществиться, то девизъ Гарибальди, *Roma o morte* долженъ еще сослужить ей серіозную службу: нельзя не сознаться, что эта цѣль не достижима безъ пособія партіи дѣйствія, поддерживаемой

Англіей. Не такъ ли смотритъ на дѣло и правительство Виктора-Эммануила? Ниже въ Послѣдней Почтѣ мы сообщаемъ слухъ, что Италія намѣрена предложить италіянскій вопросъ на обсужденіе Лондонской конференціи. Этотъ слухъ невѣроятенъ, такъ какъ Италія не участвуетъ въ конференціи. Если онъ оправдается, и если предложеніе Италіи будетъ принято, то французскій планъ превращенія конференціи въ конгрессъ будетъ близокъ къ осуществленію, а передъ Англіей откроется обширное поле для того чтобы извлечь результаты изъ своего короткаго знакомства съ европейскою революціей. Дѣло все-таки дойдетъ до рукъ революціи. Въ виду такого хода дѣлъ остается только желать, чтобы никому не пришлось поплатиться за ту уступку, которую Франція можетъ-быть сдѣлаетъ предводимой Англіей италіянской партіи дѣйствія.

На ряду съ Италіей и повидимому отчасти въ интересѣ Италіи, революція замышляетъ что-то серіозное въ Австріи. Тамъ, точно также какъ и въ Турціи, между славянскими племенами замѣтно расположеніе къ радикальнымъ стремленіямъ, а Венгрія до сихъ поръ остается открытымъ вопросомъ, рѣшеніе котораго даже не предвидится. Замѣна графа Форгача графомъ Зичи въ должности венгерскаго канцлера была политическою необходимостью: графъ Форгачъ управлялъ Венгріей такъ, что она скорѣе отдалялась отъ Австріи чѣмъ сближалась съ нею. Что же касается графа Зичи, то онъ преданъ идеѣ единства Австріи и совершенно согласенъ съ министромъ фонъ-Шмерлингомъ по конституціонному вопросу. Назначеніемъ графа Зичи будетъ внесено единство по крайней мѣрѣ въ правительственныя мѣры, принимаемыя по-сю и по-ту сторону Лейты, но возможно ли думать чтобъ это назначеніе успокоило Венгрію и освободило ее отъ революціонныхъ элементовъ? Никакая правительственная мудрость не въ силахъ теперь умиротворить населенія Австрійской имперіи, которыя австрійскіе императоры такъ любили называть своими „народами." Австріи предстоитъ вынести еще много страданій въ наказаніе за близорукую политику, въ продолженіи многихъ столѣтій предоставлявшую Венгріи привилегированное политическое положеніе и въ то же время державшую коренныя части Имперіи подъ неограниченною властью полиціи. Австріи легко будетъ справиться съ польскимъ жондомъ въ Галиціи, но соединеніе революціонныхъ элементовъ, польскаго, венгерскаго и италіянскаго, потребуетъ напряженія всѣхъ ея силъ. Въ Венгріи, при всемъ наружномъ спокойствіи, происходитъ глухое броженіе; венгерскіе эмигранты безпрестанно переѣзжаютъ съ мѣста на мѣсто и держатся по возможности близко къ австрійскимъ границамъ; на всемъ пространствѣ Австріи производятся таинственные аресты, едва ли объяснимые однимъ галиційскимъ заговоромъ. Обращаемъ вниманіе читателей на два случая скоропостижной смерти арестантовъ, разказанные ниже въ мелкихъ извѣстіяхъ Послѣдней Почты. Одинъ изъ этихъ случаевъ произошелъ въ Зальцбургѣ, на границѣ Тироля, другой въ Вѣнѣ. При послѣднемъ случаѣ, причиной смерти былъ пріемъ стрихнина; отравившій себя арестантъ, купецъ Шембера, былъ уличенъ въ продажѣ оружія польскимъ инсургентамъ. Такъ говорятъ газеты, но неужели дѣло дошло бы до самоубійства, еслибы преступленіе состояло только въ сношеніяхъ съ Поляками, и еслибы тутъ не скрывалось что-нибудь болѣе серіозное? Это одинъ изъ тысячи случаевъ, свидѣтельствующихъ, что Австрію оцѣтилъ заговоръ, имѣющій болѣе широкіе размѣры чѣмъ польская революціонная организація.

№ 90.

Москва, 23-го апрѣля.

Мы хотимъ обратить вниманіе читателей на одно удивительное явленіе, на одну колоссальную нелѣпость. Наше общество часто подвергается упрекамъ въ незрѣлости и необразованности: пусть же посмотрятъ какой сумбуръ, исполненный сумасбродства и невѣжества, можетъ излагаться публично въ нынѣшней Франціи, и приниматься за нѣчто серіозное. Вотъ въ чемъ дѣло: въ Парижѣ явилась на свѣтъ новая историческая школа. Девизомъ ея служитъ счастіе народовъ и умиротвореніе пламенной вражды. Основатель этой школы— „извѣстный въ ученомъ мірѣ", панъ Духинскій; число послѣдователей его увеличивается непрерывно, какъ во Франціи, такъ и въ другихъ государствахъ, если вѣрить свидѣтельству г-на Реньйо, фельетониста *Revue des cours littéraires.*

Новому благотворителю человѣчества нужно было бороться со многими предразсудками и доказать ничтожество многихъ преданій; три года сряду излагалъ онъ свои изслѣдованія, свои *баданія*, въ публичныхъ курсахъ, читанныхъ въ Парижѣ, и въ настоящемъ году, съ похвальною ревностью, онъ принялся въ четвертый разъ проповѣдывать открытыя имъ истины. И вотъ, труды его увѣнчиваются успѣхомъ! По словамъ его критика, всѣ предразсудки и преданія должны пасть предъ неотразимою силой его доказательствъ, и теперь заботы пана Духинскаго направлены уже къ практической цѣли: онъ хлопочетъ о томъ, чтобъ его ученіе введено было въ основу преподаванія всеобщей исторіи въ среднихъ французскихъ школахъ.

И дѣйствительно, ученіе новаго пророка имѣетъ свои соблазнительныя стороны. Французамъ нравится его положеніе, въ силу котораго „миссія исторической науки заключается въ томъ, чтобы служить средствомъ умиротворенія.“ Панъ Духинскій даетъ исторической наукѣ такое направленіе, при которомъ она будетъ способствовать прекращенію племенной вражды, будетъ не только образовывать разумъ учащихся, но и развивать въ юныхъ питомцахъ идеи гуманности.

Въ чемъ же состоитъ сущность новаго ученія?

Панъ Духинскій полагаетъ необходимымъ, для счастія рода человѣческаго, предпосылать преподаванію всеобщей исторіи особую изобрѣтенную имъ науку, которую онъ считаетъ отраслью антропологіи и именуетъ *антропологіей исторіософичною*. Главный результатъ этой антропологіи есть новое дѣленіе рода человѣческаго.

Этотъ профессоръ не оспариваетъ предложенныхъ до настоящаго времени способовъ дѣленія рода человѣческаго; онъ питаетъ глубокое уваженіе къ общепринятому дѣленію, по происхожденію отъ трехъ сыновей Ноя. Онъ самъ прежде принадлежалъ къ числу ученыхъ, принимавшихъ это дѣленіе; но потомъ изслѣдованія привели его къ заключенію, что ни дѣленіе Кювье, ни дѣленія Блюменбаха, Бори де-Сенъ-Венсана Омаліюса д'Аллуа, Латама, Причарда, Катрфажа, и другихъ антропологовъ, не могутъ считаться удовлетворительными для объясненія историческихъ фазъ, относящихся къ жизни народовъ, „съ точки зрѣнія физіологическо-психологической и физіологическо-нравственной.“ Чтобы получить такое объясненіе историческихъ явленій, заключаетъ этотъ удивительный профессоръ, необходимо произвести самое дѣленіе съ означенной точки зрѣнія. Двѣ категоріи признаковъ должны быть положены въ основаніе новаго дѣленія. Къ первой категоріи, физіологическо-психологической, относятся: привязанность къ родинѣ, расположеніе къ земледѣлію, любовь къ отечеству, уваженіе къ женщинѣ, стремленіе къ свободѣ личности, способность къ умственному совершенствованію, и другія подобныя свойства, на которыя совмѣстно вліяютъ и психологія, и физіологія. Въ составъ другой категоріи признаковъ входятъ тѣ средства, какія даны народамъ для обезпеченія самостоятельнаго развитія различныхъ установленій: религіозныхъ, гражданскихъ и политическихъ. Съ точки зрѣнія этого двойнаго ряда признаковъ родъ человѣческій раздѣлился, около четырехъ тысячъ лѣтъ тому назадъ, на двѣ группы, которыя профессоръ обозначаетъ именами Аріевъ и Турановъ.

Результаты новой исторической антропологіи приводятъ къ слѣдующимъ подробностямъ дѣленія рода человѣческаго, согласно потребностямъ народовъ, вытекающимъ изъ ихъ наклонностей физіологическо-психологическихъ и физіологическо-моральныхъ.

Послушаемъ парижскаго учителя: въ чемъ признаки обѣихъ вѣтвей человѣчества:

Отрасль Арійская. Главная цѣль физіологическо-психологическая — *свобода*.

1. Привязанность къ родинѣ; любовь къ земледѣлію ради земледѣлія, а не изъ торговыхъ видовъ; сильное развитіе провинціальной жизни; наслѣдованіе землями личное или семейное; любовь къ отечеству.

2. Индивидуальная самодѣятельность въ развитіи личности и свободы, важность родоваго имени.

3. Меньшая привязанность къ лицамъ чѣмъ къ правамъ.

4. Преобладаніе чувства надъ умствованіемъ, или гармонія между этими двумя проявленіями; творческая мысль сильно развитая, энтузіазмъ.

5. Положеніе женщины въ обществѣ огражденное почетомъ.

Отрасль Туранская. Главная цѣль физіологическо-психологическая *безопасность*.

1. Преобладаніе наклонности къ кочевой жизни, выражающееся или въ дѣйстви-

тельности, или въ учрежденіяхъ; земледѣліе, цѣнимое какъ статья торговли; слабое развитіе провинціяльной жизни, или совершенное отсутствіе такого развитія; наслѣдованіе земель по идеѣ господствующей въ отрасли Арійской, почитается воровствомъ; недостатокъ любви къ отечеству въ арійскомъ значеніи.

2. Индивидуальная самодѣятельность въ развитіи подчиненности; недостатокъ привязанности къ родовымъ фамиліямъ.

3. Бо́льшая привязанность къ лицамъ чѣмъ къ правамъ.

4. Недостатокъ или совершенное отсутствіе чувства; творческая мысль слабо развитая; большая страсть къ метафизикѣ; способность подражанія сильно развитая; фанатизмъ.

5. Положеніе женщины въ обществѣ весьма стѣсненное.

Наклонности народовъ къ обезпеченію нравственности при развитіи свойственныхъ имъ цѣлей.

Отрасль Арійская. Обезпеченіе свободы:

1. Отдѣленіе свѣтской власти отъ духовной; установленіе трехъ или четырехъ сословій въ обществѣ; наслѣдованіе земель.

2. Конституціонализмъ въ образѣ правленія.

3. Провинціализмы и выраженіе ихъ въ національностяхъ, какъ основаніе государствъ; преобладаніе федеративнаго духа даже въ отношеніяхъ между государствами.

Разнообразіе цивилизаціи у народовъ, которые имѣютъ своею цѣлію свободу.

Отрасль Туранская. Обезпеченіе безопасности.

1. Общество не терпитъ дѣленія на классы; общее равенство; единство власти или соединеніе всѣхъ властей въ одной.

2. Патріархальное самовластіе въ правленіи.

3. Матеріальная сила, какъ главная опора государствъ.

4. Характеристическое раздѣленіе на пѣхоту и кавалерію.

Однообразіе характеризуетъ цивилизацію народовъ имѣющихъ своею цѣлію—безопасность.

Вотъ перечень народовъ, распредѣленныхъ по вышеупомянутому дѣленію:

Народы, цѣль которыхъ — свобода: Аріи, или земледѣльцы.

Въ Азіи: Индо-Брамины (бѣлоцвѣтные), Персы, Тадзики—48 милліоновъ. Въ томъ числѣ около 18 милліоновъ Индо-Браминовъ, служащихъ типомъ группъ азіатскихъ Аріевъ.

Въ Европѣ, въ Америкѣ и въ другихъ частяхъ свѣта, Славяно-Германо-Латиновъ 280 милліоновъ.

Всего 328 милліоновъ.

Народы, цѣль которыхъ *безопасность:* Тураны или Кочевники.

1. Монголы, собственно Китайцы, Японцы 520 мил. Аборигены-Индійцы и Негры африканскіе 300 м. Аборигены Америки 7 м. Аборигены Океаніи 1 м.

2. Тураны, Татары и Турки Оттоманскіе 15 м.

3. Казаки (два типа: Киргизскій и Черкесскій, подъ владычествомъ царей Московскихъ; ихъ отъ 8 до 12 м.) всего 20 м.

4. Собственно Москали—30 милліоновъ.

5. Симитическое племя: a) Арабы 15 мил., в) Евреи 5 мил., c) Армяне 5 мил.

Всего 918 милліоновъ.

Переходъ отъ одной группы къ другой, вслѣдствіе смѣшенія крови или географическаго положенія, представляютъ слѣдующія племена.

Въ Азіи: Афганы, Белуджистанцы, Бухарцы, Хивинцы и часть народонаселенія Индіи.

Въ Европѣ: Народъ туранскій въ Финляндіи, Эстляндіи, Мадьяры, Славяне окрестностей Новгорода, Пскова, Смоленска, Малоруссы.

Итакъ Аріевъ — 328 м., Турановъ 918.

„Есть о чемъ подумать", замѣчаетъ французскій критикъ.

Читатели, конечно, замѣтили то почетное мѣсто, которое отведено профессоромъ Москалямъ. Это капитальный пунктъ ученія. Что Москали—Тураны, это не только выводъ науки, но положительная необходимость для того чтобы человѣчество обладало счастіемъ на землѣ. Москали — Тураны съ точки зрѣнія физіологическо-психологической и физіологическо-нравственной, при которой, конечно, не обращается вниманія ни на очертаніе лица, ни на религію, ни на языкъ. Москали связаны полнымъ единствомъ съ Неграми и Китайцами. У нихъ и у Китайцевъ проявляются въ идеяхъ, законодательствѣ, способахъ государственнаго управленія, тѣ же самыя наклонности, которыя обнаруживаются въ быту Негровъ и американскихъ абориге-

новъ. Федеративные элементы Арієвъ, то-есть народовъ латинско-германско-славянскихъ, останавливаются у русла Днѣпра; за этою рѣкой, какъ теперь, такъ и во времена Геродота, обитаютъ народы, которые не имѣютъ въ себѣ никакихъ федеративныхъ элементовъ.

Такимъ образомъ Европа, въ томъ видѣ какъ ее очертили географы, дѣлится на два обширныя пространства, пересѣченныя теченіемъ Днѣпра. Въ каждую сторону отъ этой рѣки начинается особый міръ. Европа оканчивается у Днѣпра; за нимъ начинается Азія, явственными признаками отмѣчающая единство племенъ монгольскаго, китайскаго, татарскаго и Москалей.

Какимъ же образомъ это новое дѣленіе рода человѣческаго послужитъ къ умиротворенію племенной вражды? На это панъ Духинскій отвѣчаетъ умозрѣніемъ, обличающимъ въ немъ преобладаніе чувства надъ разумомъ, то-есть кровнаго Арійца.

Новое дѣленіе необходимо, полагаетъ профессоръ. Принятіе учеными отдѣльной истины, что Москали не Славяне, можетъ послужить только къ усиленію борьбы, и стало-быть не будетъ способствовать цѣли примиренія, которую профессоръ не отдѣляетъ отъ цѣлей науки. Сказать, что Москали не принадлежатъ къ славянскому племени, и не доказать имъ, что ихъ собственное благосостояніе требуетъ, чтобъ они убѣдились въ этой истинѣ, значило бы только побудить ихъ еще упорнѣе признавать себя Славянами, а это повело бы только къ распространенію панславизма. Новое дѣленіе рода человѣческаго одно лишь можетъ успокоить Москалей, ибо оно показываетъ имъ, что предназначеніе Турановъ—столь же почтно, какъ и Аріевъ, хотя болѣе простаго свойства. Такимъ образомъ новое дѣленіе вполнѣ соотвѣтствуетъ высокимъ нравственнымъ цѣлямъ; оно содѣйствуетъ умиротворенію племенной вражды, и освобождаетъ Москалей изъ-подъ ига указовъ, навязывающихъ имъ вѣрованіе въ совершенно противное истинѣ происхожденіе ихъ племени, и тѣмъ препятствующихъ Москалямъ возвратиться къ ихъ народнымъ преданіямъ и обычаямъ.

При чтеніяхъ своихъ панъ Духинскій не преминулъ сообщить, что одинъ изъ первыхъ историковъ Франціи, г. Анри Мартенъ, раздѣляетъ его взгляды, и намѣренъ даже воспользоваться ими въ XVIII томѣ своей *Исторіи Франціи* Въ доказательство, онъ прочелъ на своей лекціи отвѣтъ г. Анри Мартена на его предложеніе относительно введенія его исторической антропологіи въ среднія французскія школы. Вотъ, ради куріоза, этотъ *отвѣтъ*:

„Я вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе, что необходимо при преподаваніи всеобщей исторіи настаивать на первобытномъ единствѣ племени Арійскаго, называемаго неправильно Индо-Европейскимъ, единствѣ доказанномъ всѣми открытіями физіологіи и этнографіи.

„Необходимо внушить ученикамъ, что это единство сохранилось, въ основаніяхъ своихъ, при образованіи различныхъ народностей изъ племенъ происхожденія арійскаго, образующихъ европейское общество, племенъ, которыя нѣкогда должны будутъ образовать европейскую федерацію, присоединивъ къ узамъ нравственнымъ и общественнымъ узы реальныя и политическія устройствомъ международнаго суда и взаимной обороны. Это совсѣмъ не утопія, это не пророческое увлеченіе, это логическое развитіе сущности дѣла, и оно будетъ необходимымъ противувѣсомъ: 1) колоссальному развитію американской федераціи, которая выйдетъ изъ настоящаго испытанія съ могущественною силой, въ нѣсколько разъ умноженною; 2) развитію деспотическаго единства у народовъ туранскихъ (Татаръ, Китайцевъ и т. д.), у народовъ сѣвера и востока, предназначенныхъ по всей вѣроятности къ переходу подъ власть Турановъ. Наконецъ, представляется совершенная необходимость очертить существующее европейское общество въ отношеніяхъ *географическомъ* и *этнографическомъ*. Настоящая Европа ни мало не распространяется до Уральскихъ горъ; она останавливается у равнинъ Днѣпра. Москали (мы отвергаемъ наименованіе Россіянъ, какъ двусмысленное и не обозначающее ни народа, ни племени), Москали, повторяемъ Тураны, по происхожденію и духу своему, совершенно отличны отъ европейскаго общества, вносятъ въ него смуту и анархію, и не будутъ въ немъ никогда элементомъ гармоническимъ; мы вынуждены поддерживать съ ними сношенія, но только внѣшнимъ образомъ; ихъ настоящее мѣсто въ Азіи, и тамъ они могутъ имѣть свое величіе. Пока они не будутъ вынуждены подчиниться этой роли, пока не будетъ навсегда уничтожено извѣстное завѣщаніе Петра Великаго, столь пагубное для чело-

вѣчества, до тѣхъ поръ не будетъ ни мира, ни безопасности, ни порядка въ Европѣ.

„Другъ вашъ
Henry Martin"

4 февраля 1864 г.

Дружеское письмо г. Анри Мартена панъ Духинскій считаетъ „послѣднею отповѣдью „французской науки, данною князю Тру„бецкому, гг. Погодину, Порошину, Шевы„реву, Шницлеру, автору сочиненія *Поль„ша и дѣло порядка*, и другимъ защитни„камъ указовъ Екатерины II, утверждав„шимъ, что Москали суть Славяне, Евро„пейцы и Русскіе."

Чтобъ еще болѣе утвердить легковѣрныхъ Французовъ и Поляковъ въ истинѣ своихъ ученій, панъ Духинскій рѣшился объявить, что онъ особенно счастливъ тѣмъ, что въ самой Москвѣ образовался ученый кружокъ, „который" „говоритъ онъ", „начинаетъ насъ понимать и оказывать намъ сочувствіе." Пріятно было бы узнать, что̀ это за кружокъ.

Но въ этомъ дикомъ и безобразномъ сумбурѣ, заслужившемъ одобреніе французскаго историка, особенно куріозно то что бо̀льшая часть признаковъ, которыми панъ Духинскій характеризуетъ такъ-называемую имъ туранскую вѣтвь, лучше всего прилагаются къ Франціи: всепоглощающая власть, правительство отвѣчающее за все и подавляющее всякую личную энергію и самостоятельность въ обществѣ, законъ *de la sûreté générale*, идея равенства уничтожающая всякую возможность свободы, отсутствіе всякой областной самостоятельности, а наконецъ то что̀ составляетъ дѣйствительное достоинство Франціи, — крѣпкое государственное единство, исключающее все что̀ хотя сколько-нибудь похоже на федерацію. Сословной организаціи въ современной Франціи нѣтъ; во Франціи занятіе земледѣліемъ не есть искусство для искусства, тамъ земледѣліемъ занимаются какъ промышленностію, съ торговыми видами, чего, впрочемъ, ни на островахъ Океаніи, ни въ центральной Африкѣ, ни у краснокожихъ Америки не оказывается. Къ довершенію *туранской* характеристики Франціи служитъ еще то обстоятельство, что именно на французской по̀чвѣ развились *туранскія* ученія, отрицающія начало собственности и провозглашающія его воровствомъ. La propriété c'est le vol,—это было сказано именно во Франціи.

№ 91.

Москва, 24-го апрѣля.

Законоположеніями 19-го февраля н. г. даровано польскимъ крестьянамъ, вмѣстѣ съ поземельною собственностію, и участіе въ мѣстномъ общественномъ управленіи, участіе, которое ни въ какомъ случаѣ не было бы дано, которое не было даже и обѣщано революціоннымъ жондомъ, сулившимъ только земли, и которое, еще болѣе чѣмъ поземельная собственность, должно поднять духъ крестьянъ и, оградивъ ихъ навсегда отъ вѣковаго угнетавшаго ихъ порабощенія, положить конецъ въ царствѣ Польскомъ пагубному вліянію духовенства и шляхты, стоившему этой странѣ столькихъ кровавыхъ жертвъ и бѣдствій. Чтобы сдѣлать невозможнымъ повтореніе тѣхъ смутъ, которыя, какъ небесная кара за грѣхи минувшихъ поколѣній, періодически терзаютъ и губятъ этотъ несчастный край, правительство призвало къ участію въ охраненіи общественнаго порядка то сословіе въ Польшѣ, которому онъ наиболѣе дорогъ, и которое наименѣе способно увлекаться политическими грезами мечтателей, не имѣющими въ его глазахъ ни основанія, ни цѣли. Всѣхъ польскихъ крестьянъ, доселѣ только пользовавшихся, а нынѣ владѣющихъ землею, законъ о новомъ общинномъ устройствѣ признаетъ способными занимать, по избранію общиннаго (гминнаго) схода, должность войта, если только выбранный владѣетъ шестью моргами земли и не опороченъ по судебному приговору. Учредительный комитетъ, на который возложено попеченіе о ходѣ крестьянскаго дѣла въ Царствѣ, принялъ всѣ зависящія отъ него мѣры, дабы при самомъ началѣ реформы, поселяне воспользовались дарованными имъ правами, и чтобы происки людей недовольныхъ ею не обратили ихъ въ мертвую букву. Съ этою цѣлью комитетъ далъ въ руководство военнымъ начальникамъ, обязаннымъ приводить въ дѣйствіе новыя постановленія, особую подробную инструкцію, въ которой имъ было предписано обстоятельно объяснить крестьянамъ дарованныя имъ права, уже извѣстныя имъ въ главныхъ чертахъ изъ прокламаціи намѣстника, и увѣрить ихъ, что выборъ гминныхъ

должностныхъ лицъ зависитъ вполнѣ отъ ихъ усмотрѣнія. Инструкція эта, запрещая всякія принудительныя мѣры, дозволяетъ дѣйствовать на умы только убѣжденіемъ и совѣтомъ. Она поручаетъ военнымъ начальникамъ ознакомить крестьянъ со всѣми обязанностями и преимуществами, сопряженными съ должностію войта, и внимательно наблюдать, чтобы враждебные новому порядку люди не присвоили себѣ какого-либо вліянія на выборы и не смущали неопытныхъ первоизбранниковъ преувеличенными разказами о предстоящемъ имъ трудѣ. Съ этою цѣлью было строжайше запрещено присутствовать на гминныхъ выборахъ прежнимъ войтамъ, офиціалистамъ, духовенству и мѣстнымъ чиновникамъ. Для скорѣйшаго же введенія новаго управленія во всѣхъ 3083 гминахъ Царства, инструкція пригласила военныхъ уѣздныхъ начальниковъ раздѣлить труды по надзору за правильностію выборовъ съ подвѣдомственными имъ участковыми офицерами; но при этомъ вмѣнила первымъ въ обязанность произвести предварительно выборы въ нѣсколькихъ гминахъ въ присутствіи этихъ офицеровъ, дабы они, ознакомившись на практикѣ съ поручаемымъ имъ дѣломъ, могли потомъ продолжать его независимо другъ отъ друга, соблюдая въ своихъ дѣйствіяхъ надлежащее единство.

На основаніи достовѣрныхъ полученныхъ нами свѣдѣній мы можемъ сообщить читателямъ, что устройство новыхъ гминныхъ управленій идетъ успѣшно во всѣхъ частяхъ Царства Польскаго. Въ Августовской губерніи, состоящей подъ ближайшимъ завѣдываніемъ генерала отъ инфантеріи Муравьева, оно введено съ тою быстротой, которою вообще отличается управленіе сѣверо-западнаго края: въ Августовской губерніи выборы начались вскорѣ по обнародованіи новыхъ указовъ и теперь уже окончены. Въ остальныхъ четырехъ губерніяхъ Царства, гдѣ, для введенія въ дѣйствіе новыхъ законоположеній, учредительному комитету предстояло образовать тринадцать коммиссій по крестьянскимъ дѣламъ, выборы начались не много позже, въ концѣ нашего марта. Наши извѣстія говорятъ, что выборы происходили вездѣ въ такомъ порядкѣ, съ такою осмотрительностію и съ такимъ успѣхомъ, которые даютъ выгодное понятіе о польскомъ крестьянствѣ и служатъ къ чести тѣхъ русскихъ офицеровъ, которымъ посчастливилось быть первыми исполнителями благодѣтельныхъ для края предначертаній Государя Императора. Изъ рукъ Москалей, которыхъ вожаки мятежа прокричали чуть не людоѣдами, польскіе хлопы приняли наконецъ свободу, которая такъ упорно не давалась имъ, таясь подъ спудомъ злоупотребленій и неправдъ, даже послѣ того какъ Наполеонъ I объявилъ рабство въ Польшѣ уничтоженнымъ. Этимъ Туранцамъ суждено было оказаться болѣе вѣрными проводниками благопріятныхъ для крестьянской свободы законовъ, чѣмъ отчизнолюбивое польское дворянство и ловкая туземная бюрократія.

Крестьяне встрѣчаютъ вездѣ съ непритворнымъ удовольствіемъ нетерпѣливо ожидаемыхъ вѣстниковъ столь важной перемѣны въ ихъ бытѣ; они радостно приступаютъ къ выборамъ и обыкновенно ставятъ себѣ войтами лучшихъ людей своего сословія: новый глава гмины принимаетъ отъ своего шляхетнаго предмѣстника печать и дѣла и вмѣстѣ съ новыми лавниками (судьями) и солтысами (сельскими старостами) приноситъ передъ олтаремъ присягу въ присутствіи избирателей, которые нерѣдко поютъ потомъ, подъ звуки органа, благодарственный молебенъ. Охраняемые отъ мятежныхъ насилій и подстрекательствъ, польскіе крестьяне пользуются предоставленною имъ свободою безъ заносчивости и желчи: они охотно выбираютъ себѣ начальниковъ изъ своей среды, но выбираютъ и помѣщика, или прежняго войта, въ тѣхъ, къ сожалѣнію, рѣдкихъ случаяхъ, когда онъ умѣлъ пріобрѣсть довѣріе общества, и хлопы убѣждены въ искренности его добраго къ нимъ расположенія. На сходахъ крестьяне высказывали различныя желанія; гмину слишкомъ обширную и многолюдную, съ которою трудно будетъ войту управиться, они просили раздѣлить на двѣ; гмину малую, слабую, они просили соединить съ другою; сельскія школы также обращали на себя ихъ вниманіе, и они озабочивались ихъ улучшеніемъ. Въ нѣкоторыхъ гминахъ, по окончаніи выборовъ, состоялись первыя рѣшенія новыхъ гминныхъ судовъ: многіе мелкіе споры и жалобы крестьянъ были разобраны и удовлетворены на мѣстѣ.

Единственное обстоятельство, которое, на первыхъ порахъ, нѣсколько озабочиваетъ новыя гминныя управленія, есть недостатокъ въ благонадежныхъ и способныхъ писаряхъ. Законъ предвидѣлъ это затрудненіе и разрѣшилъ нанимать одного писаря

для двухъ и болѣе небольшихъ смежныхъ гминъ. Для радикальнаго уменьшенія письмоводства въ сельскихъ управленіяхъ, учредительный комитетъ имѣетъ въ виду опредѣлить особою инструкціей непосредственныя обязанности и порядокъ дѣйствія новыхъ войтовъ. Въ кругъ занятій прежнихъ войтовъ входили такого рода письменные труды и собиранія свѣдѣній, которыя, безъ малѣйшаго ущерба для сельскаго управленія, могутъ быть поручены земской полиціи. Вообще кругъ дѣятельности гминнаго войта можетъ быть ограниченъ съ выгодой для службы, при чемъ можетъ до нѣкоторой степени служить примѣромъ наша должность волостнаго старшины. Мы не хотимъ, впрочемъ, этимъ сказать, чтобы было полезно поставить гминнаго войта въ Царствѣ Польскомъ въ такое же служебное положеніе, въ какомъ находятся наши волостные старшины. Напротивъ, для страны будетъ очень выгодно, если за должностью гминнаго войта останется тотъ почетъ, которымъ она была доселѣ окружена. Само законодательство не хотѣло превращать ее въ должность крестьянскую, какова у насъ должность волостнаго старшины. Даже теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ войтами остались помѣщики. Въ интересѣ польскаго крестьянства надобно желать, чтобъ и впредь подобные выборы могли повторяться, то-есть чтобъ общественное положеніе войта не служило къ тому препятствіемъ; иначе умалилось бы значеніе распространенной на крестьянъ Царства избираемости въ гминные войты. По мысли законодательства 19-го февраля текущаго года, сельскія учрежденія въ Царствѣ Польскомъ должны быть не сословныя крестьянскія, а мѣстныя земскія учрежденія. Мы уже говорили однажды, что въ этомъ соединеніи сословій нельзя не видѣть одного изъ важныхъ преимуществъ порядка вводимаго теперь въ Польшѣ передъ порядкомъ введеннымъ у насъ Положеніями 19-го февраля 1861 года.

Сдѣлаемъ здѣсь кстати замѣчаніе для тѣхъ нашихъ критиковъ, которымъ было угодно перетолковывать наши слова и придавать имъ смыслъ порицанія направленнаго будто бы противъ положеній 19-го февраля 1861 года. Если въ нашихъ словахъ заключалось порицаніе, то оно относилось отнюдь не къ Положеніямъ о русскихъ крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. Самое наименованіе этихъ Положеній, сейчасъ выписанное нами, показываетъ что они относились и могли относиться только къ одному разряду людей, именно къ бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ. Сельское управленіе, введенное этими Положеніями, не только не могло обнимать собой лица всѣхъ сословій, живущія въ извѣстной мѣстности, но оно не обнимало собой даже крестьянъ всѣхъ наименованій. Кому приходило въ голову осуждать за это Положенія? Развѣ не по закрытіи редакціонныхъ коммиссій былъ учрежденъ комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія въ Россіи, и развѣ этотъ комитетъ могъ быть учрежденъ прежде разрѣшенія крестьянскаго вопроса? Порицать Положенія о крестьянахъ за то, что они занимаются крестьянскимъ дѣломъ, крестьянскими обществами и крестьянскими волостями, значило бы сѣтовать на то, что Положенія о крестьянахъ суть Положенія о крестьянахъ, а не Положенія о земскихъ учрежденіяхъ или не общинный законъ. Мы можемъ увѣрить нашихъ критиковъ, что мы далеки отъ подобнаго безразсудства. Если въ нашихъ словахъ заключалось порицаніе, то отнюдь не Положеній 19-го февраля 1861 года, а тѣхъ теоретиковъ-народолюбцевъ, которые полагаютъ, что отдѣльное крестьянское управленіе есть идеалъ, выше котораго нѣтъ ничего на свѣтѣ, а не временная необходимость, какъ полагаютъ близорукіе люди предпочитающіе простой здравый смыслъ превыспреннимъ умозрѣніямъ. Находить, что законъ способенъ къ дальнѣйшему развитію не значитъ еще порицать законъ, а только значитъ не соглашаться съ тѣмъ кто полагаетъ, что законъ долженъ остаться на вѣки безъ измѣненій. Мы полагаемъ, что устройство общинъ территоріальныхъ и принятіе въ нихъ лицъ всякаго состоянія есть образецъ заслуживающій подражанія и въ Россіи, и высказываемъ это тѣмъ съ большею надеждой на согласіе компетентныхъ людей, что кажущійся намъ образцовымъ законъ объ устройствѣ гминъ въ Царствѣ Польскомъ составленъ при дѣятельномъ участіи тѣхъ самыхъ лицъ, которыя засѣдали въ редакціонныхъ коммиссіяхъ по русскому крестьянскому дѣлу. Эти лица стало-быть не вполнѣ раздѣляютъ мнѣніе нашихъ народолюбцевъ, что крестьянъ для ихъ блага слѣдуетъ вѣчно держать въ клѣткѣ сословнаго крестьянскаго управленія. Но возвратимся къ ходу дѣлъ по

новому общинному устройству въ Царствѣ Польскомъ.

Устройство новыхъ гминныхъ управленій замедляется образованіемъ не существовавшихъ до сего времени сельскихъ обществъ и выборомъ солтысовъ (сельскихъ старостъ), который, по данной военнымъ начальникамъ инструкціи, долженъ быть оконченъ прежде созванія гминнаго схода. Польскія деревни вообще очень малолюдны, въ иной гминѣ насчитывается ихъ до 50 и болѣе, а такъ какъ въ каждой изъ деревень нужно выбрать солтыса, то понятно сколько потребно на это времени и труда. Въ Августовской губерніи вся администрація могла принять участіе въ этомъ дѣлѣ, и потому оно шло безпрепятственно, но въ остальныхъ четырехъ губерніяхъ Царства военныя власти должны бороться со многими затрудненіями. Нѣтъ сомнѣнія, что теперь, когда всѣ коммиссіи по крестьянскимъ дѣламъ уже прибыли въ свои округи и объѣзжаютъ ихъ, устройство гминныхъ управленій значительно ускорится, ибо коммиссіи получили отъ учредительнаго комитета, въ данной имъ инструкціи, порученіе оказывать всякое содѣйствіе военнымъ властямъ и, между прочимъ, принять дѣятельное участіе въ производствѣ выборовъ. Вообще отъ этихъ коммиссій, которыя состоятъ исключительно изъ Русскихъ, ожидается многое. Враждебное чувство, съ которымъ почти каждый образованный Полякъ смотритъ на Москаля, есть въ большей части случаевъ не что иное какъ ослѣпленіе, но справедливость требуетъ сказать, что это ослѣпленіе нерѣдко поддерживалось злоупотребленіями, которыми пятналось въ Польшѣ русское имя и которыя приписывались не безконтрольному характеру власти, а русскому народному характеру. Коммиссіи могутъ значительно ослабить то чувство недовѣрія, съ которымъ Поляки смотрятъ на Москалей въ гражданскомъ быту. Это всего вѣрнѣе будетъ способствовать дѣлу примиренія.

№ 92.

Москва, 25-го апрѣля.

Во время церемоніи какой-то канонизаціи, въ полномъ собраніи римской консисторіи, въ присутствіи двухъ лицъ, принадлежащихъ къ владѣтельнымъ домамъ, и четырнадцати кардиналовъ, глава римской церкви, какъ извѣщаетъ телеграфъ, позволилъ себѣ „импровизацію" въ высшей степени не приличную и заносчивую противъ притѣсненій, испытываемыхъ будто бы римскою церковью „въ обширномъ сѣверномъ государствѣ", *потентатъ* котораго „возбудилъ своихъ подданныхъ къ возстанію" для того чтобы потомъ истреблять католическую религію и, „*неслыханное дѣло*!" смѣщать епископовъ, поставленныхъ властію римскаго первосвященника.

Пій IX, конечно, не назвалъ ни „обширнаго сѣвернаго государства", ни царствующаго въ немъ „потентата"; онъ не сказалъ имени тѣхъ „льдистыхъ пустынь", въ которыя отправляются „цѣлыя народонаселенія", но мы будемъ откровеннѣе его и скажемъ, что его слова дошли по адресу. Слова эти громки; они облетятъ весь свѣтъ; сказанныя государемъ и епископомъ, они имѣютъ двоякую силу. Но тѣмъ болѣе слѣдовало бы ему взвѣсить каждое изъ словъ, облеченное такою силой; чѣмъ выше авторитетъ человѣка, тѣмъ менѣе онъ можетъ увлекаться страстію къ импровизаціямъ. Когда французскій газетчикъ, въ угоду своимъ патронамъ, беззастѣнчиво пишетъ одну изъ тѣхъ зажигательныхъ статей, какими наполнялась прошлаго года европейская печать,—дивиться нечему: въ наше время есть кондотьеры пера, какъ бывали нѣкогда кондотьеры шпаги; имъ терять нечего; на нихъ не лежитъ никакой отвѣтственности, кромѣ той, которую возлагаетъ на нихъ болѣе или менѣе сговорчивая совѣсть. Но таково ли положеніе римскаго епископа? Такъ ли легко могутъ сходить ему съ рукъ недостойныя сплетни, которыхъ онъ становится органомъ? Неужели папа Пій IX полагаетъ, что превзойдя принца Наполеона въ неприличіи, онъ успѣшнѣе проведетъ своего нунція въ Россію, чего онъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, очень настойчиво добивался? Неужели онъ думаетъ, что легкомысленно отзываясь о государѣ могущественнаго народа, онъ въ области этого народа лучше обезпечитъ положеніе своего духовенства,—этого духовенства, которое такъ нуждается въ настоящее время въ снисходительности и прощеніи? Знаетъ ли онъ что этотъ народъ имѣетъ старые, длинные счеты съ римскимъ духовенствомъ, и что въ интересѣ этого духовенства лучше бы не пробуждать ни старыхъ, ни слишкомъ

свѣжихъ воспоминаній о ксендзахъ предводительствовавшихъ шайками убійцъ и грабителей, о плебанахъ, которые собственноручно разстрѣливали крестьянъ, не хотѣвшихъ нарушить вѣрноподданнической присяги? Тяжелыя, раздражительныя и крайне невыгодныя для римскаго духовенства воспоминанія импровизаторъ въ тіарѣ вздумалъ будить,—и будить когда же?—когда борьба кончена, и побѣжденные въ рукахъ побѣдителей!

Говоря о злосчастной выходкѣ Пія IX, *Indépendance Belge* справедливо напоминаетъ ему, что онъ видитъ сучецъ въ окѣ ближняго, а не видитъ бревна въ собственномъ. „Правда, говоритъ эта газета, въ Римѣ не ссылаютъ въ Сибирь—и на это имѣется достаточная причина,—но сажаютъ въ *піомбы* протестантовъ, виновныхъ въ распространеніи своихъ библій. Что же сдѣлалъ бы Римскій дворъ, если бы онъ былъ поставленъ въ необходимость бороться противъ возмущенія и революціи возбужденныхъ иновѣрческою сектой?“

Его святѣйшество намекаетъ, кажется, въ своей импровизаціи на нарушеніе конкордата 1847 года. Но ему не мѣшало бы самому обратить вниманіе на статьи XVII, XXII и XXX этого конкордата, которыя требуютъ, чтобы чины католическихъ консисторій, ректоры и профессоры католическихъ семинарій, наконецъ приходскіе ксендзы и плебаны, были изъ числа *непротивныхъ правительству лицъ*,—а таковы ли были всѣ эти лица,—это объясняетъ почти столѣтняя исторія западнаго края подъ русскимъ владычествомъ.

Мы желали бы знать страну, гдѣ подданный, какой бы религіи и какого бы званія онъ ни былъ, можетъ безнаказанно проповѣдывать возмущеніе противъ законнаго правительства, презрѣніе къ господствующей церкви и ненависть противъ кореннаго народонаселенія? Если король Италіи,—страны римско-католической,—увидѣлъ себя вынужденнымъ положить предѣлъ своеволію латинскаго духовенства, если онъ смѣщалъ епископовъ и предавалъ суду аббатовъ, то не было ли бы безумно ожидать большей снисходительности отъ правительства русскаго, вполнѣ свободнаго отъ духовныхъ отношеній къ Риму? Если правительство это имѣло довольно силы, чтобы не дозволять нарушенія государственныхъ законовъ со стороны единовѣрнаго ему духовенства, то неужели оно можетъ потворствовать иновѣрческому? Неужели оно можетъ допустить, чтобы римско-католическое духовенство открыто нарушало государственные законы, проповѣдывало мятежъ и руководило революціей? Неужели оно не въ правѣ и не обязано требовать, чтобы латинскіе ксендзы перестали мечтать о господствѣ въ Россіи, и чтобы, повинуясь Риму во всемъ что̀ касается догмата, они подчинялись законамъ русскимъ и навсегда, безусловно, отреклись отъ всякаго политическаго значенія?

Странное дѣло! На пространствѣ Русскаго царства живутъ и уживаются всевозможныя религіи, отъ всѣхъ существующихъ исповѣданій христіанскихъ до язычества и поклоненія огню,—и ни одна изъ этихъ религій не угнетена, ни одна не жалуется, кромѣ католической. Что̀ же поставило эту послѣднюю въ исключительное и невыгодное для нея положеніе? Отвѣтъ на это мы получимъ, припомнивъ нѣсколько историческихъ фактовъ. Послѣ возвращенія западныхъ губерній, Екатерина ласкала католическое духовенство, оставила за нимъ всѣ его права и привилегіи и, въ заключеніе, одна изъ всѣхъ государей Европы дала пріютъ іезуитамъ изгнаннымъ отовсюду. Вотъ положеніе, которое было съ перваго шага создано католическому духовенству русскимъ правительствомъ. Какъ же католическое духовенство имъ воспользовалось? Оно вознегодовало на духовенство православное, которому удалось возвратить въ лоно своей церкви нѣкоторое число уніятовъ, не задолго передъ тѣмъ отторгнутыхъ у ней насиліемъ и страхомъ. Не ограничиваясь негодованіемъ и жалобами, оно вздумало вступить въ дѣятельную борьбу съ господствующею въ странѣ, съ природною ея церковью... Результатомъ этого перваго, но колоссальнаго безумія, было изгнаніе іезуитовъ, на которое былъ вынужденъ,—весьма впрочемъ благосклонный къ католичеству, Императоръ Александръ I. Постоянно обольщаясь насчетъ собственныхъ силъ и слабости Россіи, католическое духовенство приняло участіе и въ возмущеніи 1831 года. Что̀ же послѣдовало? Его имѣнія были отобраны и замѣнены опредѣленнымъ жалованьемъ; нѣсколько десятковъ монастырей закрыто. Но какъ же иначе? Пій IX взялъ на себя трудъ исчислить послѣдствія нынѣшнихъ въ высшей степени недостойныхъ дѣйствій

своего духовенства. Но онъ исчислилъ не все: онъ не знаетъ можетъ-быть, что еслибы въ настоящую минуту *схизматики* обратились къ крестьянамъ-католикамъ и сказали имъ: „выбирайте между царемъ освободившимъ васъ и ксендзами, которые предавали васъ вѣшателямъ“, то выборъ былъ бы несомнѣненъ.

Никакая церковь не можетъ выиграть отъ союза съ измѣной и тайнымъ убійствомъ. Поэтому несомнѣнно, что и теперь римская церковь не можетъ не понести значительнаго ущерба отъ образа дѣйствій принятаго латинскимъ духовенствомъ въ Царствѣ Польскомъ. Польское возстаніе есть язва для Россіи, но еще бóльшая язва для католицизма. „Импровизація“ папы очевидно была бы невозможна, если бы папа имѣлъ хоть сколько-нибудь вѣрныя свѣдѣнія о происхожденіи польскаго мятежа. Всѣмъ извѣстно, что мятежъ былъ вызванъ уступчивою и примирительною политикой, введеніемъ автономіи, допущеніемъ пропаганды, политической и церковной, противъ Россіи. Но папѣ это, повидимому, неизвѣстно. Папа говоритъ, конечно, по убѣжденію и вѣритъ въ передаваемыя имъ сплетни. Онъ увѣренъ, что русское правительство своими жестокостями вынудило польскій народъ взяться за оружіе. Кѣмъ же Пій IX обманутъ? Не ясное ли дѣло что еслибы польское духовенство не скрывало правды отъ главы своей церкви, то папа Пій IX не могъ бы впасть въ то заблужденіе, на которомъ основана его несчастная рѣчь? И такъ не только нѣтъ правды въ отношеніяхъ польскаго духовенства къ государственной власти; правды нѣтъ и въ отношеніяхъ его къ своей собственной іерархіи. Ложь пущена въ ходъ не только противъ насъ схизматиковъ, но и противъ римскаго первосвященника! Жалкое положеніе римскаго папы! Прискорбное свидѣтельство о внутреннемъ разложеніи римской церкви!

„Я долженъ это высказать, произнесъ папа въ заключеніе своей рѣчи, чтобы верховный судія не вопросилъ меня со временемъ: Зачѣмъ ты безмолвствовалъ?“ Увы! Предшественникъ папы Пія IX во время предшествовавшаго польскаго возстанія тоже не безмолвствовалъ, но слово его не возбуждало страстей, не питало заблужденій, не вносило деморализаціи въ духовенство, а проповѣдывало миръ и охраняло достоинство церкви! Тогда папа самъ по крайней мѣрѣ не содѣйствовалъ гибели своей паствы.

№ 93.

Москва, 27-го апрѣля.

Иностранныя газеты принесли намъ подлинный текстъ папской аллокуціи, о которой говорили мы въ № 92, на основаніи краткаго телеграфическаго извѣстія, — и надобно правду сказать, подлинный текстъ этой аллокуціи, неприличіемъ и рѣзкостію выраженій, далеко превосходитъ то понятіе, которое можно было составить о ней по краткой депешѣ. Ораторъ, вѣнчанный тіарой, говорилъ не намеками: онъ называлъ безъ всякой церемоніи какое государство и какого патентата имѣлъ онъ въ виду.

„Кровь слабыхъ и невинныхъ вопіетъ передъ престоломъ Всевышняго, требуя возмездія тѣмъ, которые ее проливаютъ. И въ наше время не льется ли также невинная кровь въ католической странѣ, въ несчастной Польшѣ, гдѣ такъ жестоко преслѣдуютъ ту самую религію, за которую св. Фиделій отдалъ свою жизнь! Я желалъ бы не говорить объ этомъ предметѣ до будущаго засѣданія консисторіи, но я страшусь своимъ продолжительнымъ молчаніемъ навлечь па себя кару небесную, возвѣщенную пророками тѣмъ людямъ, которые допускаютъ совершеніе беззаконій: *Горе мнѣ умолчавшему!* (*Vae mihi quia tacui!*) Совѣсть заставляетъ меня возвысить мой голосъ противъ того могущественнаго монарха, владѣнія котораго простираются до самаго полюса. Внемлите!

„Вотъ, онъ, этотъ могущественный монархъ, который, оставаясь внѣ лона нашей Святой церкви, дерзаетъ называть себя каѳолическимъ государемъ, и забываетъ, что за злодѣянія свои онъ дастъ отвѣтъ передъ праведнымъ судомъ Божіимъ. Этотъ монархъ съ безчеловѣчною жестокостью преслѣдуетъ польскую націю; онъ предпринялъ беззаконное дѣло—искоренить въ Польшѣ католическую религію и силою ввести въ нее расколъ“.

Итакъ далѣе, и такъ далѣе: чѣмъ дальше, тѣмъ больше лжи и хуленій. Жалкая участь суждена этому бѣдному Пію IX! Вступилъ онъ на престолъ какимъ то неслыханнымъ па папскомъ престолѣ либераломъ-преобразователемъ; онъ искалъ популярности де-

магога; онъ кокетничалъ съ революціей, онъ далъ ей разыграться въ Римѣ, бѣжалъ отъ нея, подвергъ „вѣчный городъ" бомбардировкѣ, спрятался за французскіе штыки, превзошелъ потомъ своихъ предшественниковъ въ тупомъ сопротивленіи самымъ законнымъ требованіямъ гражданскаго благоустройства, потерялъ почти всѣ свои владѣнія за исключеніемъ такъ-называемой вотчины Св. Петра, и еще болѣе чѣмъ достоинство своего свѣтскаго престола уронилъ онъ честь своего духовнаго сана. Никогда Римская церковь не подвергалась такому униженію, никогда такъ явственно не обнаруживалась ея внутренняя несостоятельность какъ въ правленіе этого папы, который теперь, быть-можетъ наканунѣ своей кончины, этою импровизаціей, достойно завершаетъ печальные подвиги своего житія. Гдѣ же достоинство, честь и правда, если представитель одного изъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, чествующій себя намѣстникомъ св. Петра, рѣшается говорить такимъ языкомъ? Онъ объявляетъ, что не хочетъ возжигать революціонныя страсти: — слава Богу! не доставало только того, чтобы глава римской церкви громко сознался предъ цѣлымъ міромъ, что для него всякія средства хороши, и что онъ охотно дастъ свое апостольское благословеніе революціи, какъ давалъ его бурбонскимъ бандитамъ въ Неаполѣ. Однако что же онъ теперь дѣлаетъ какъ не возжигаетъ революцію? Римская курія съ ужасомъ и негодованіемъ отзывалась о козняхъ революціи. Еще такъ недавно гремѣла она противъ короля Виктора-Эммануила, проклинала и отлучала его правительство за революціонныя дѣйствія, и обрекала огненной геенѣ Гарибальди, который съ крикомъ: „Roma o morte!" шелъ выгонять папу изъ Ватикана. А что̀ дѣлаетъ теперь этотъ папа? Онъ подаетъ свою одряхлѣвшую руку этому самому Гарибальди, и повторяетъ—но только съ меньшимъ приличіемъ—слова, которыя Гарибальди, въ качествѣ главы революціи, на этихъ дняхъ сказалъ депутаціи отъ польской шляхты, представлявшейся ему въ Лондонѣ. Если въ теперешнемъ состояніи своего здоровья Пій IX, не могъ вполнѣ взвѣсить значенія произнесенныхъ имъ словъ, то его совѣтники не могли не сообразить что дѣло, въ которомъ римская курія приняла столь живое участіе, есть дѣло революціи, болѣе чѣмъ какое-либо другое. Гг. Гавенъ и Геру, рукоплещущіе папѣ,—вотъ достойная награда ему, вотъ заслуженный позоръ на Ватиканъ, вотъ изобличеніе того лживаго духа, который въ немъ живетъ и который своими дѣйствіями, хуже чѣмъ ученія безвѣрія и атеизма, отрицаетъ и безславитъ дѣло Христовой вѣры.

Пій IX даруетъ свое апостольское благословеніе тѣмъ, кто будетъ молиться за дѣло, исполненное лжи и обмана. Но не всѣмъ извѣстно, что добрый пастырь не оставляетъ и насъ безъ призора, и что въ послѣднее время по римской церкви отданъ ея владыкой приказъ ревностно молиться о насъ, „русскихъ схизматикахъ," какъ насъ чествуютъ въ Римѣ. Не всѣмъ извѣстно, что въ Римѣ учреждена ассоціація молитвъ, во имя безгрѣшнаго зачатія Пресвятой Дѣвы Маріи, объ обращеніи восточныхъ схизматиковъ и преимущественно Русскихъ къ католической вѣрѣ. Сочиненная на этотъ предметъ молитва исполнена удивительной нѣжности къ намъ, и его святѣйшество простеръ свою ревность до того, что даруетъ триста дней индульгенціи за усердное прочтеніе молитвы о нашемъ обращеніи, и полную индульгенцію (indulgence plenière) тѣмъ, кто будетъ читать ее въ продолженіе цѣлаго мѣсяца и потомъ исповѣдуется и причастится. Своимъ бреве отъ 2-го сентября, 1862 года, папа распространилъ индульгенцію по этому предмету и на души чистилища. Въ печатномъ листкѣ, вышедшемъ недавно въ Парижѣ и находящемся теперь передъ глазами у насъ, сказано по этому поводу между прочимъ слѣдующее: „Никогда еще, можетъ-быть, обстоятельства не были такъ благопріятны (для обращенія Русскихъ). Столь торжественный примѣръ ихъ единовѣрцевъ на Востокѣ, особенно Болгаръ, надежда на установленіе дружественныхъ отношеній между С.-Петербургскимъ дворомъ и папскимъ престоломъ и многія другія могущественныя причины легко открывающіяся для всякаго, кто сколько-нибудь знаетъ политическое и религіозное положеніе Россійской Имперіи,—все это сообщаетъ великую вѣроятность желаемому соединенію церквей... Примиреніе русской церкви съ церковью католическою есть и для царя и для московскаго епископства единственный путь спасенія посреди потрясеній, угрожающихъ славянскому обществу."

Не полагаютъ ли совѣтники папы, что его послѣдняя аллокуція есть наилучшее средство къ возстановленію дружелюбныхъ отношеній къ С.-Петербургскому двору? Не полагаютъ ли они, что она подкрѣпитъ молитвы о срединеніи церквей или дастъ силу папскимъ индульгенціямъ, имѣющимъ цѣлію споспѣшествовать обращенію *русскихъ схизматиковъ?* Не полагаютъ ли они, что образъ дѣйствія „любезныхъ сыновъ“ папы Пія IX въ Россіи въ послѣднее время можетъ способствовать, не говоримъ, церковному сближенію, но сохраненію и поддержанію тѣхъ, можетъ-быть излишнихъ, политическихъ правъ, которыми пользуется у насъ латинское духовенство? Теперь болѣе чѣмъ когда-либо возникаетъ вопросъ о будущемъ положеніи римской церкви въ Россіи. Намъ нечего бояться чего-либо худшаго со стороны ксендзовъ. Все что̀ только было возможно, сдѣлано ими. Всѣ силы лжи и злобы были напряжены къ нашей гибели. Послѣ всего того, что̀ мы испытали, уже нѣтъ угрозъ, которыми эта воинствующая церковь могла бы застращать насъ. Оставалась одна опасность: ошибочная надежда что изъ Рима услышится когда-нибудь голосъ, который призоветъ заблудшихъ на путь религіознаго долга. Эта надежда могла бы вести къ нѣкоторой уступчивости, но аллокуція папы пришла во время. Какъ безразсудство красныхъ открыло намъ глаза на то что̀ было замаскировано подъ скромнымъ девизомъ административной автономіи Царства Польскаго, такъ старческая нетерпѣливость папы Пія IX предостерегаетъ насъ теперь отъ того зла, которое готовилось для насъ въ притязаніяхъ латинской церкви на бо̀льшую свободу движенія. Польскій мятежъ въ нашихъ западныхъ предѣлахъ, и римскій папа въ Римѣ дѣлаютъ явнымъ то что̀ могло отъ насъ укрываться. Благодаря имъ, мы имѣемъ всѣ данныя чтобы рѣшить безошибочно вопросъ о томъ, какъ слѣдуетъ намъ поступать относительно тѣхъ льготъ, которыми латинское духовенство пользуется у насъ, и относительно тѣхъ, на которыя оно объявляетъ притязанія. Отношенія бываютъ искреннѣе, когда съ недругомъ мы и для вида не обращаемся какъ съ другомъ. Если нельзя ожидать примиренія, то нѣтъ повода къ уступчивости: чѣмъ меньше будетъ уступокъ, тѣмъ меньше будетъ опасности отъ вражескихъ дѣйствій, и тѣмъ меньше будетъ для нихъ опоры.

На всякія притязанія и требованія со стороны государства, исполненныя силы, должны отвѣчать не уступками, а энергическимъ отпоромъ и соотвѣтственнымъ развитіемъ своихъ внутреннихъ силъ. Всякая уступка наша въ интересѣ какой-либо чуждой державы или въ интересѣ римской церкви, облеченной свѣтскою властью и организованной какъ государство, было бы и признакомъ слабости и новою причиной ослабленія. Не уступчивостію заставила Россія замолкнуть коалицію трехъ державъ, которая тѣснила ее въ прошломъ году, а развитіемъ высокаго патріотическаго духа, который поднялъ ея народъ и придалъ достоинство и силу отвѣтамъ ея правительства. На безчинныя притязанія папства самый вѣрный и самый лучшій отвѣтъ умаленіе того почета и тѣхъ политическихъ льготъ, которыми пользуется его духовенство въ нашихъ предѣлахъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ дѣятельныя мѣры, которыя могли бы измѣнить къ лучшему положеніе нашей православной церкви, возвысить ея служителей, укрѣпить, на точномъ основаніи каноновъ, союзъ клира съ мірянами, и раскрыть наконецъ русскую православную церковь въ ея истинномъ видѣ передъ міромъ, который, не зная ея, считаетъ ее какимъ-то полицейскимъ институтомъ, и на всякое ея торжество смотритъ какъ на ущербъ живой вѣры Христовой.

№ 94.

Москва, 28-го апрѣля.

Недѣли три тому назадъ въ газетѣ *Голосъ* появилась статья, имѣвшая цѣлью вывести насъ изъ заблужденія и исправить погрѣшности будто бы вкравшіяся въ наши показанія объ администраціи сѣверо-западнаго края. Такова была высказанная цѣль статьи, но въ сущности имѣлись въ виду не столько мы, сколько воскреситель русскаго духа въ сѣверо-западномъ краѣ, генералъ отъ инфантеріи М. Н. Муравьевъ. Посредствомъ лживаго изображенія фактовъ, къ счастію всѣмъ извѣстныхъ, газета *Голосъ* старалась доказать, что все дѣйствительно важное было сдѣлано въ сѣверо-западномъ краѣ до прибытія туда генерала Муравьева: и мятежъ подавленъ,

и русскій духъ поднятъ, и народныя школы открыты, и наконецъ даже русская сцена въ Вильнѣ приведена въ блистательное положеніе. Такъ какъ газета *Голосъ* повидимому была весьма озабочена тѣмъ, что̀ скажутъ читатели на подобнаго рода статью, то для вящаго доказательства своей добросовѣстности, она окончила эту куріозную діатрибу слѣдующею не менѣе куріозною тирадой, обращенною къ намъ въ видѣ выговора за то что мы, вмѣстѣ со всею Россіей, отдавали справедливость заслугамъ генерала Муравьева. „Ни одинъ истинно Русскій, писала газета *Голосъ*, не дозволитъ себѣ играть общественнымъ мнѣніемъ Россіи и особенно въ дѣлѣ, съ которымъ такъ тѣсно связаны интересы дорогаго намъ отечества. Сами *Московскія Вѣдомости*, безъ сомнѣнія, не пожелаютъ быть поставленными на одну параллель съ иностранною прессой, которая, не гнушаясь распространяемою ею ложью, справедливо названа московскимъ публицистомъ (то-есть нами) *закупленною печатью*.“ Прочтя эту фразу, читатели сами поймутъ, почему мы оставили безъ возраженія статью газеты *Голосъ*. Презрительное молчаніе казалось намъ умѣстнѣе разсужденій о томъ, что русская газета, не гнушающаяся распространяемой ею ложью въ дѣлѣ, съ которымъ связаны интересы отечества, никакъ не можетъ быть поставлена въ параллель съ закупленною иностранною печатью, лживо разсуждающею о польскомъ дѣлѣ въ ущербъ интересамъ нашимъ, а не своего отечества.

Но почтенный авторъ помѣщенной ниже статьи, подписавшійся псевдонимомъ „Военный“, счелъ нужнымъ обличить лживость показаній газеты *Голосъ* и возстановить истину, по скольку дѣло касается военныхъ дѣйствій. Открывая столбцы нашей газеты для этой статьи съ тѣмъ радушіемъ, котораго она заслуживаетъ, мы сочли не лишнимъ коснуться и съ своей стороны того дѣла, которое она возстановляетъ въ его истинномъ свѣтѣ. Многія соображенія побуждаютъ насъ къ тому.

Споръ идетъ о различіи между временемъ послѣ-майскимъ и до-майскимъ. Газета *Голосъ* не замѣчаетъ этого различія, и тѣмъ кто съ нею не согласится, заранѣе возражаетъ сентенціей, что оцѣнка дѣйствій государственныхъ людей не принадлежитъ современникамъ. Жалкое лицемѣріе! Имъ прикрывается желаніе провести одинъ уровень по всѣмъ государственнымъ людямъ, смотрѣть равнодушно на всякія заслуги, большія и малыя. Но такою нивеллировкой возмущается чувство справедливости.

Мы далеки отъ мысли осуждать людей, управлявшихъ сѣверо-западнымъ краемъ прежде нежели былъ назначенъ туда генералъ Муравьевъ. Мы говоримъ о дѣйствіяхъ, о системѣ. Мы не утверждаемъ, чтобъ и система, вступившая въ силу вмѣстѣ съ назначеніемъ генерала Муравьева, заключала въ себѣ все чего можно было бы желать, но она заключала въ себѣ все возможное при данныхъ обстоятельствахъ. Она имѣла въ виду ясную цѣль и въ рукахъ сильныхъ и способныхъ повела къ немедленнымъ блистательнымъ результатамъ. Весь край преобразился почти мгновенно, и только злоба или зависть могутъ отрицать это. До мая мѣсяца 1863 года, несмотря на то, что край былъ объявленъ въ военномъ положеніи, русскіе мирные граждане ежедневно трепетали за свою жизнь; жены и дѣти ихъ за родную русскую рѣчь и даже за цвѣтное платье, подвергались грубымъ и дерзкимъ оскорбленіямъ; ни полъ, ни возрастъ, ни званіе не спасали отъ этихъ оскорбленій; они наносимы были высшимъ свѣтскимъ и духовнымъ лицамъ въ самомъ Вильнѣ, гдѣ сосредоточивалась главная военная и гражданская власть, среди бѣлаго дня, и проходили безнаказанно... Что же дѣлалось въ уѣздныхъ городахъ, въ деревняхъ, въ глуши? Объ этомъ могутъ разказать тамошніе православные священники, народные учителя и другіе русскіе люди, которые въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ постоянно мѣняли мѣсто своего ночлега... Администрація была тогда въ польскихъ рукахъ; въ присутственныхъ мѣстахъ гнѣздилась измѣна и предательство, такъ что всѣ распоряженія правительства, даже секретныя, подземная власть знала прежде чѣмъ доходили они до мѣста своего назначенія. Учебныя заведенія, столь щедро разсыпанныя по краю, проникнуты были полонизмомъ насквозь; большинство преподавателей состояло изъ Поляковъ; въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ инспекторы и директоры были Поляки, а каково было служить русскому учителю подъ начальствомъ завзятаго Поляка, объ этомъ надобно разузнать отъ тѣхъ, кто испыталъ на себѣ это несчастіе. Русскій элементъ

въ гимназіяхъ игралъ самую жалкую роль: на русскихъ преподавателей и директоровъ писали пасквили, подбрасывали имъ угрожающія письма, въ квартирахъ ихъ били стекла. Нѣкоторыхъ учителей даже выгоняли изъ классовъ. Хотя преподаваніе, по закону, должно было совершаться на русскомъ языкѣ, но учителя и начальники-Поляки съумѣли ввести польскую рѣчь и въ классы и въ педагогическіе совѣты. Оставалось только вытѣснить изъ гимназій немногихъ русскихъ учителей, къ чему уже дѣлались дружныя попытки. Положеніе православнаго духовенства, въ особенности сельскаго, было ужасно: бѣдное, загнанное, преслѣдуемое и притѣсняемое панами и мѣстными властями, живя бокъ-о-бокъ съ хорошо обезпеченными безсемейными латинскими ксендзами, оно являлось здѣсь представителемъ какой-то какъ бы не признанной государствомъ церкви, а не господствующей въ имперіи православной вѣры.

Русскимъ людямъ извѣстно многознаменательное посланіе высокопреосвященнаго Іосифа, митрополита Литовскаго и Виленскаго, отъ 28-го декабря н. г., къ его паствѣ, изъ котораго видно, что даже во многихъ священно-служительскихъ православныхъ семействахъ польскій языкъ былъ до того времени въ употребленія: „имѣя въ виду опасеніе, какъ сказано въ посланіи, чтобъ употребленіе польскаго языка *не уронило самыхъ священно-служителей въ мнѣніи собственныхъ ихъ прихожанъ, искони Русскихъ, говорящихъ русскимъ языкомъ по бѣлорусскому, или малорусскому нарѣчію,* митрополитъ Іосифъ предлагалъ, *дабы въ тѣхъ священно-служительскихъ семействахъ, гдѣ еще въ употребленіи бываетъ польскій языкъ, приложено было самое тщательное стараніе къ изученію языка русскаго.*" Русскимъ людямъ извѣстно также, какъ шли тамъ дѣла по управленію временно-обязанными крестьянами, и кто тамъ были назначены мировыми посредниками. Чтобъ и тутъ не все возлагать на лица, приведемъ признаніе покойнаго графа І. И. Ростовцова, что „Положеніе 19-го февраля не распространило на сѣверо-западныя губерніи тѣхъ облегченій въ крестьянскихъ повинностяхъ, какія сдѣланы для прочихъ мѣстностей Имперіи," и что эта неуравнительность „была слѣдствіемъ того печальнаго обстоятельства, что въ составѣ редакціонныхъ коммиссій не находилось лицъ знающихъ подробно сѣверо-западный край, и не принадлежащихъ въ то же время польской помѣщичьей стихіи."

Итакъ, вопреки всѣмъ показаніямъ свидѣтелей-очевидцевъ *Голоса* состояніе православія и русской народности въ сѣверо-западномъ краѣ до мая 1863 года было самое печальное. Русская власть тамъ опиралась только на войско. Если кто-нибудь думалъ, то кто энергически заботился тогда о томъ, чтобъ ободрить православное духовенство и дать ему то значеніе, какое оно давно уже должно было бы имѣть,—о томъ, чтобы поднять и укрѣпить въ народѣ, подавленномъ польскимъ гнетомъ, сознаніе его русской народности, — чтобы доказать ему на дѣлѣ, что сѣверо-западный край есть исконная русская земля, что польское шляхетство составляетъ тамъ элементъ пришлый? Въ *до-майскія* времена для разрѣшенія этой задачи, въ сущности, ничего сдѣлано не было; только православное духовенство старалось научить крестьянскихъ дѣтей славянскимъ молитвамъ, да бывшимъ попечителемъ Виленскаго учебнаго округа открыто было въ 1862 году 135 русскихъ народныхъ школъ (остальныя школы были открыты имъ позднѣе, именно въ ноябрѣ и декабрѣ прошедшаго 1863 года). Этими 135 школами, учрежденными при содѣйствіи православнаго духовенства, князь Ширинскій-Шихматовъ принесъ краю несомнѣнную услугу. Но вотъ и все! А теперь? Теперь узнать нельзя, тотъ ли это край, въ которомъ годъ томъ назадъ такъ безобразничала и изувѣрствовала латино-польская пропаганда. Не имѣли ли мы полное право сказать, что „русская народность въ краѣ, въ короткое время управленія генерала Муравьева, стала наконецъ правдою, стала дѣйствительностію"? Это видитъ, чувствуетъ и сознаетъ тамъ каждый Русскій.

Нѣтъ надобности подробно исчислять всѣ мѣры, какими ознаменовала себя неусыпная дѣятельность генерала Муравьева въ усмиреніи мятежа и прочномъ водвореніи тамъ русскаго элемента. Достаточно указать на послѣдствія: возстановлено значеніе русскаго правительства и уваженіе къ нему; край успокоенъ; крамола раскрыта; крестьянскому дѣлу данъ твердый ходъ; администрація освобождена изъ польскихъ рукъ и передана въ русскія; въ гу-

бернскихъ городахъ учреждены русскія двуклассныя училища; по деревнямъ и селамъ постоянно открываются новыя школы на мѣстныя средства, и русскій языкъ становится въ странѣ господствующимъ; русскія книги распространяются во множествѣ; въ прошедшемъ году ассигновано 25000 руб. для содѣйствія распространенію въ народѣ русскаго образованія; учреждена русская книжная лавка въ самомъ центрѣ полонизма, въ Вильнѣ, гдѣ до того времени нельзя было купить ни одной русской книги; строятся новые православные храмы, а древніе, претерпѣвшіе многолѣтній позоръ и униженіе, возобновляются. Все русское и православное ожило. И все это совершилось — кто въ силахъ скрыть правду? — благодаря уму, непреклонной энергіи и самоотверженнымъ трудамъ одного человѣка, который въ продолженіи цѣлаго нынѣ истекающаго года, день въ день, безъ устали, съ ранняго утра до глубокой ночи, съ энергіей юноши, работалъ для русскаго дѣла, почтенный высокимъ довѣріемъ Монарха и всеобщимъ восторженнымъ сочувствіемъ русскаго народа.

№ 95.

Москва, 29-го апрѣля.

Недавняя, столь странная аллокуція папы римскаго возбуждаетъ вопросъ о томъ, не слишкомъ ли значительными преимуществами пользовался у насъ этотъ государь, не слишкомъ ли много было сдѣлано ему уступокъ, и не была ли крайняя уступчивость наша передъ притязаніями римской куріи виною этихъ, ни съ чемъ не сообразныхъ, притязаній и тѣхъ важныхъ неудобствъ, которыя мы терпимъ съ этой стороны? Дѣйствительно, сообразивъ всѣ обстоятельства, мы убѣдимся, что никакими уступками не можемъ мы умиротворить и ублажить папство въ его притязаніяхъ. Чѣмъ болѣе съ нашей стороны уступчивости, тѣмъ болѣе будетъ противъ насъ неудовольствій, тѣмъ сильнѣе будутъ разжигаться притязанія, тѣмъ чаще будутъ возникать затрудненія, тѣмъ менѣе, наконецъ, можетъ быть лада между Римомъ и нами. Папство есть начало не насытное; это—жажда, которую можно заставить молчать, но удовлетворить нѣтъ возможности. Папство желаетъ не просто терпимости и свободы, ему нужна власть, и власть ему нужна полная, исключительная, безусловная. Дайте ему свободу, оно потребуетъ власти; дайте ему власть, оно потребуетъ уничтоженія и искорененія всего что́ имѣетъ какую-либо самостоятельность внѣ его власти. А потому чѣмъ менѣе гарантируется за нимъ какихъ-либо правъ, чѣмъ менѣе въ сношеніяхъ съ нимъ имѣется въ виду удовлетворять и ублажать его, тѣмъ лучше, спокойнѣе и миролюбивѣе становится оно само. Для его собственнаго спокойствія и для благосостоянія самихъ римскихъ католическихъ народонаселеній въ государствѣ требуется не угодливость въ отношеніи къ папѣ, а напротивъ строгій и рѣшительный отпоръ всѣмъ его притязаніямъ. Это правило обязательно не только для правительствъ, не находящихся въ церковномъ общеніи съ Римомъ, но и для правительствъ римско-католическаго вѣроисповѣданія. Если государство, гдѣ римско-католическая церковь признается господствующею, желаетъ быть спокойнымъ, то оно заботится о томъ, чтобъ эта церковь въ его предѣлахъ находилась сколько можно въ меньшей зависимости отъ римскаго двора. Ультрамонтанства опасаются правительства странъ, исповѣдывающихъ римско-католическую вѣру, и принимаютъ противъ него самыя дѣятельныя мѣры. Во Франціи, король или императоръ считается старѣйшимъ сыномъ римской церкви и естественнымъ охранителемъ и защитникомъ ея интересовъ; и однакожь во Франціи, несмотря на то, и государство и церковь галликанская всячески ограждаются отъ притязаній папства. Именно по тому самому, что во Франціи господствующая религія есть римско-католическая, полагается невозможнымъ допустить тамъ свободу преподаванія, изъ опасенія чтобъ имъ не овладѣло духовенство. Вслѣдствіе особыхъ свойствъ этого духовенства, только въ римско-католическихъ странахъ и возникаетъ серіозный вопросъ о возможности допустить полную свободу для церкви,—вопросъ, который лишь по крайнему несмыслію и невѣдѣнію можетъ быть примѣняемъ къ нашей церкви. То же самое и еще въ большей степени, видимъ въ Бельгіи и Піемонтѣ; да и въ Австріи, гдѣ конкордатъ предоставляетъ столь широкія льготы ультрамонтанству, съ тѣмъ вмѣстѣ принимаются и мѣры противъ чрезмѣрныхъ притязаній и власто-

любія столь свойственныхъ этому ненасытному властолюбію? Читателямъ извѣстно, что импровизованный мексиканскій императоръ, передъ отплытіемъ въ свои владѣнія, пріѣзжалъ въ Римъ поклониться папѣ, но вотъ обстоятельство, на которое стóитъ при этомъ обратить вниманіе: черезъ нѣсколько дней по прибытіи Максимиліана въ Римъ, явился къ нему кардиналъ Антонелли съ предложеніемъ заключить конкордатъ для Мексики. Бывшій эрцгерцогъ крайне смутился, не зналъ какъ отдѣлаться отъ настойчиваго кардинала, и наконецъ вынужденъ былъ рѣшительно отвергнуть сдѣланное ему предложеніе подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ не можетъ безъ знакомства со страной взять на себя отвѣтственность за подобный шагъ. Онъ далъ почувствовать римской куріи что считаетъ себя обязаннымъ предъ страной, довѣрившею ему свои судьбы, заботиться объ огражденіи ея независимости и самостоятельности въ церковномъ отношеніи, по образцу Бельгія. Это разумѣется, разомъ охладило Ватиканъ къ новому императору; но этимъ, безъ сомнѣнія, онъ предохранилъ и свое новое отечество, и себя самого отъ великихъ затрудненій на будущее время.

Итакъ если римско-католическія правительства стараются оградить себя отъ ультрамонтанства, не соглашаются на уступки его притязаніямъ и отказываютъ папству въ требуемыхъ имъ правахъ и преимуществахъ; то можетъ ли правительство православнаго вѣроисповѣданія основывать свою политику въ отношеніи къ папѣ на уступкахъ его притязаніямъ, и вступать съ нимъ въ какія-либо юридическія условія и обязательства? Страна признающая своимъ закономъ вѣротерпимость не можетъ отказать и римской вѣрѣ въ общемъ покровительствѣ своихъ законовъ; но отъ вѣротерпимости и даже отъ самой полной религіозной свободы, какую только можетъ государство обезпечивать для своихъ гражданъ, еще далеко до предоставленія какихъ-либо правъ и преимуществъ для чуждаго властолюбія, для его воинствъ, для его организаціи, похожей болѣе на заговоръ и тайное общество нежели на христіанскую церковь.

Папа обвиняетъ наше правительство въ гоненіяхъ противъ римско-католической вѣры; папа обвиняетъ наше правительство въ покушеніяхъ истребить католицизмъ въ подвластныхъ ему предѣлахъ. Не есть ли это награда намъ за то, что мы такъ заботливо старались мирволить папству, за то что въ Царствѣ Польскомъ православная церковь недавно находилась въ такомъ положеніи, что не дерзала принять въ свои нѣдра не только обращавшихся къ ней латынянъ, но и Евреевъ, и отсылала ихъ къ церкви господствующей, то-есть латинской? Не есть ли это награда намъ за то, что мы дозволили римской церкви въ послѣднее время уничтожить всякую тѣнь самостоятельности, которую еще удерживала унія въ Царствѣ Польскомъ? Не есть ли это естественное послѣдствіе того ряда уступокъ, которыя мы дѣлали Риму и его духовенству? Не служитъ ли это вѣрнымъ указаніемъ на необходимость измѣнить основанія нашей политики относительно Рима? Послѣдняя выходка папы, и вообще весь образъ дѣйствій его правительства по случаю польскихъ смутъ, не освобождаетъ ли насъ отъ всѣхъ обязательствъ относительно Рима?

Правда, подъ русскимъ скипетромъ живутъ многіе милліоны людей, исповѣдывающихъ христіанскую вѣру по догмату римско-католической церкви; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы Россія была непремѣнно обязана находиться въ правильныхъ дипломатическихъ сношеніяхъ съ римскимъ дворомъ или поддерживать заключенный съ нимъ конкордатъ. Въ этомъ отношеніи не худо взять въ примѣръ Соединенное Королевство: подъ британскимъ скипетромъ живутъ также многочисленныя народонаселенія римско-католическаго вѣроисповѣданія; также какъ у насъ, въ Соединенномъ Королевствѣ есть цѣлая страна, имѣвшая также нѣкогда политическую самостоятельность, какъ и Польша, и гдѣ, какъ въ Польшѣ, большинство народонаселенія принадлежитъ латинской церкви; однако британское правительство не признаетъ папской власти въ своихъ предѣлахъ; этого мало, въ Ирландіи, гдѣ послѣдователей англиканской церкви числится съ небольшимъ полмилліона при четырехъ слишкомъ милліонахъ католическаго народонаселенія, господствующею церковію признается не римская, а англиканская. Не худо взять въ соображеніе еще и то, что въ Англіи, при самой полной религіозной свободѣ, при всевозможныхъ льготахъ и гражданскихъ обезпеченіяхъ, какими пользуются на ея почвѣ всѣ секты, стало-быть и римско-католическое вѣроисповѣданіе, это послѣд-

нее лишено однако нѣкоторыхъ существенныхъ политическихъ правъ; духовныя лица этого вѣроисповѣданія не могутъ быть избираемы въ члены парламента, и есть общественныя должности, къ которымъ не могутъ имѣть доступъ люди исповѣдывающіе эту вѣру. Намъ кажется что для Россіи было бы всего безопаснѣе держаться этого примѣра. Намъ кажется, что не въ уступкахъ папизму, а въ развитіи религіозной свободы должны мы искать средствъ освободиться отъ затрудненій, которыми осѣтила насъ римская церковь. Зачѣмъ стали бы мы ограничивать въ Царствѣ Польскомъ религіозную свободу въ интересахъ римско-католической церкви и затруднять тамъ пропаганду другихъ исповѣданій и сектъ? Не затѣмъ ли чтобы ксендзы, обезпеченные отъ всякой борьбы на полѣ религіозной проповѣди, имѣли болѣе времени заниматься политическими дѣлами?

№ 96.

Москва, 30-го апрѣля.

Постоянное и своею постепенностью свидѣтельствующее о своей правильности пониженіе вексельнаго курса есть явленіе несомнѣнно заслуживающее серіознаго вниманія. Какъ оно важно, всякій можетъ усмотрѣть изъ того, что если курсъ упадетъ еще на одинъ пенни и даже менѣе чѣмъ на полный пенни, то будетъ выгодно вывозить за границу мелкое серебро 72-й пробы. Одинъ пенни на рубль это значитъ три процента. Теперь можно полагать, что нашъ кредитный рубль на всемірномъ рынкѣ цѣнится на 13% дешевле серебрянаго рубля въ звонкой монетѣ. Сто́итъ упасть ему еще на 2%, и онъ уже будетъ имѣть меньшую цѣнность чѣмъ пять двугривенныхъ 72-й пробы. Можно ли этого ожидать? Если припомнить, что послѣ внезапнаго упадка въ ноябрѣ мѣсяцѣ, курсъ успѣлъ понизиться мало-по-малу еще на 4%, то нельзя не сказать, что возможность дальнѣйшаго паденія на 2% отнюдь не за горами, а слѣдовательно не за горами и возможность такого состоянія денежнаго рынка, при которомъ мелкая серебряная монета скроется изъ обращенія.

Спрашивается: такъ ли однакоже великъ избытокъ находящихся въ обращеніи кредитныхъ билетовъ, чтобы вексельный курсъ кредитнаго рубля могъ понизиться на 15% противъ номинальной цѣны, несмотря на благопріятныя обстоятельства, въ которыхъ находятся теперь наши денежныя отношенія къ иностраннымъ государствамъ? Нашъ вывозъ значительно превышаетъ ввозъ, а дешевыя цѣны на отпускной товаръ, при низкомъ вексельномъ курсѣ, даютъ предусматривать, что будущимъ лѣтомъ вывозъ еще усилится, между тѣмъ какъ привозъ долженъ въ весьма значительной степени уменьшиться уже вслѣдствіе одного изнуренія западныхъ областей Русской державы, потреблявшихъ весьма много привозныхъ товаровъ. Казенные заграничные платежи будутъ покрыты большею частію займомъ нынѣшняго года, слѣдовательно не потребуютъ *римессъ* изъ Россіи. Наконецъ ко всѣмъ этимъ условіямъ можетъ присоединиться еще осуществленіе компаніи Московско-Севастопольской желѣзной дороги и слѣдовательно переводъ весьма почтенныхъ суммъ изъ-за границы въ Россію. Итакъ внѣшняя торговля и сношенія съ иностранными государствами будутъ, по всему вѣроятію, болѣе содѣйствовать повышенію чѣмъ пониженію вексельнаго курса. Съ этой стороны нельзя ожидать ни малѣйшей опасности, и если курсъ будетъ падать, то причиной тому будетъ состояніе внутренняго рынка.

Что̀ же мы видимъ на внутреннемъ рынкѣ? Если мы не ошибаемся, то на внутреннемъ рынкѣ очевидны два противоположныя явленія. Съ одной стороны представляются несомнѣнные признаки падающей дороговизны, — естественное послѣдствіе изъятія прошлымъ лѣтомъ около 70 милліоновъ кредитныхъ билетовъ изъ народнаго обращенія. Изъ внутреннихъ губерній доходятъ до насъ почти единогласныя извѣстія о понизившихся на нынѣшнее лѣто цѣнахъ на трудъ, и изъ весьма многихъ губерній пишутъ о видахъ на предстоящій упадокъ цѣнъ на хлѣбъ. Обращаемъ вниманіе читателей въ особенности на заработную плату, такъ какъ она служитъ болѣе вѣрнымъ барометромъ дороговизны нежели цѣна на хлѣбъ. Если заработная плата падаетъ, несмотря на сборъ безсрочныхъ солдатъ и два рекрутскіе набора, то мы въ правѣ заключить о дѣйствительномъ и довольно серіозномъ возвышеніи цѣнности кредитнаго рубля на внутреннемъ рынкѣ. Но это одна сторона медали; другая же сторона показываетъ совершенно на-

оборотъ, что возвышеніе цѣнности кредитнаго рубля, причиненное размѣномъ, было кажущееся, и что его послѣдствія постепенно исчезаютъ. Дома въ Москвѣ и въ Петербургѣ стали дорожать; кредитныя бумаги тоже. Платежи сдѣлались много легче прежняго, и уже опять, какъ прошлымъ лѣтомъ, обнаруживается наклонность денежнаго рынка къ переводу капиталовъ за границу не для уплаты за товары или за издержки путешественниковъ и казны, а для покупки русскихъ или даже заграничныхъ фондовъ. Вотъ явственные признаки не просто избытка, но возрастающаго избытка кредитныхъ билетовъ.

Какъ же объяснить эти два противоположныя показанія? Прежде всего замѣтимъ, что послѣднее изъ этихъ двухъ показаній идетъ изъ торговыхъ центровъ и преимущественно изъ Петербурга, а второе изъ внутреннихъ мѣстностей. Съ перваго взгляда эта противоположность представляется какъ слѣдствіе возстановляющейся равномѣрности въ распредѣленіи денежныхъ знаковъ по пространству Имперіи. Такъ какъ размѣнъ происходилъ въ Петербургѣ, то изъятые размѣномъ 70 милліоновъ рублей кредитныхъ билетовъ были извлечены преимущественно изъ петербургскаго рынка и примыкающихъ къ нему каналовъ. Здѣсь, въ этихъ каналахъ, прежде всего почувствовалась пустота и потому въ торговыхъ центрахъ прежде всего раздались жалобы на безденежье: тогда во внутреннихъ губерніяхъ Россіи почти не было замѣтно признаковъ упадка цѣнъ на продукты человѣческаго труда и на самый трудъ человѣческій. Затѣмъ должно было естественно послѣдовать стремленіе къ возстановленію равновѣсія. Часть денежныхъ знаковъ должна была прилить въ каналы опорожненные размѣномъ; въ Петербургѣ и вообще въ торговыхъ центрахъ должно было прибавиться, а внутри Россіи убавиться денежныхъ знаковъ. Но однимъ этимъ нельзя объяснить себѣ рѣзкую противоположность между двумя явленіями, о которыхъ мы сейчасъ говорили. Если изъятіе 70 милліоновъ кредитныхъ билетовъ произвело довольно сильное дѣйствіе на денежный рынокъ,—такое дѣйствіе какое обнаруживается въ весьма ощутительномъ упадкѣ внутреннихъ цѣнъ,—то нельзя понять, какимъ образомъ вексельный курсъ продолжаетъ падать съ такою правильностію. Этого никакъ нельзя объяснить себѣ возстановленіемъ правильнаго и равномѣрнаго распредѣленія денежныхъ знаковъ между разными мѣстностями Россіи. Паденіе вексельнаго курса и другія упомянутыя нами явленія, указывающія на усиливающійся въ Петербургѣ избытокъ въ денежныхъ знакахъ, свидѣтельствуютъ не о равновѣсіи, а напротивъ о нарушеніи равновѣсія между денежнымъ обращеніемъ въ Петербургѣ и внутреннихъ губерніяхъ.

Вотъ въ чемъ состоитъ сущность дѣла. Прошлымъ лѣтомъ избытокъ денежныхъ знаковъ чувствовался сильнѣе внутри Россіи чѣмъ въ Петербургѣ. Можно полагать, что къ началу зимы установилось равновѣсіе. Теперь равновѣсіе нарушилось въ обратномъ смыслѣ, и въ Петербургѣ избытокъ денежныхъ знаковъ сказывается гораздо явственнѣе чѣмъ внутри Россіи. Эта перемѣна особенно обнаружилась въ мартѣ мѣсяцѣ.

Если сказанное доселѣ вѣрно, то сами собой должны открыться передъ нами и вѣрные способы предотвращенія такого упадка вексельнаго курса, который повлекъ бы за собой бѣгство мелкой серебряной монеты изъ Россіи.

Пониженіе вексельнаго курса получило усиленный ходъ вслѣдствіе нарушеннаго равновѣсія въ распредѣленіи денежныхъ знаковъ. Если такъ, то дабы противодѣйствовать пониженію, надобно дать денежнымъ знакамъ свободу размѣщаться естественно и отнюдь не заботиться о преимущественномъ снабженіи ими Петербурга.

Въ Петербургѣ денежные знаки дешевѣютъ: не надобно по крайней мѣрѣ содѣйствовать тому, чтобъ они дешевѣли. Поэтому не надобно удешевлять учетъ, а напротивъ должно стараться возвысить его; не надобно увеличивать на рынкахъ количество бумагъ замѣняющихъ собой деньги, не надобно напримѣръ развивать систему чековъ, которая очень полезна при правильномъ состояніи денежнаго обращенія, а при избыткѣ денежныхъ знаковъ должна дѣйствовать равносильно новому выпуску бумажныхъ денегъ. Вообще не надобно содѣйствовать ускоренію обращенія, потому что чѣмъ скорѣе обращаются денежные знаки, тѣмъ меньше ихъ нужно, а теперь, до возстановленія нашей денежной системы, невозможно уменьшать потребность въ денежныхъ знакахъ, не причиняя ихъ депреціаціи, то-есть упадка ихъ цѣнности.

Когда была предпринята ликвидація кредитныхъ установленій, то однимъ изъ ос-

нованій ея послужила вѣрная мысль, что при избыткѣ денежныхъ знаковъ надобно по возможности уменьшать количество кредитныхъ бумагъ имѣющихъ свойство платежности. Съ этою цѣлію, какъ извѣстно, прежніе вкладные билеты казенныхъ банковъ переходившіе изъ рукъ въ руки почти какъ деньги были замѣнены свидѣтельствами государственнаго банка и его конторъ, которыя служатъ лишь удостовѣреніемъ въ принятіи вклада, но не могутъ быть употребляемы для расплатъ. Эта мысль была вѣрная, но къ сожалѣнію она не долго оставалась въ силѣ. Теперь нашъ денежный рынокъ преизобилуетъ процентными бумагами, имѣющими свойство платежности еще въ высшей степени чѣмъ прежніе билеты на имя неизвѣстнаго. Кромѣ того теперь допущено много частныхъ облегченій казеннаго кредита, которыя даютъ возможность совершать сдѣлки и безъ употребленія денежныхъ знаковъ. Многое изо всего этого было сдѣлано безъ намѣренія пособить недостатку въ денежныхъ знакахъ, но нерѣдко приходилось слышать, особенно въ послѣднее время, что безденежью, ощущаемому денежнымъ рынкомъ, надобно помогать сильнымъ развитіемъ кредита, дабы возможно большее число торговыхъ сдѣлокъ совершалось безъ употребленія денежныхъ знаковъ. Намъ кажется, что такія заботы были бы похвальны только вслѣдъ за заботами объ упроченіи монетной единицы, а пока еще остается значительный избытокъ бумажныхъ денегъ, до тѣхъ поръ никакъ не слѣдовало уменьшать спросъ на бумажныя деньги, потому что это значило бы раздѣлывать дѣло размѣна. Неужели можетъ быть полезно одною рукой сокращать количество обращающихся денежныхъ знаковъ, а другою рукой въ то же самое время содѣйствовать тому чтобы рынокъ нисколько не чувствовалъ послѣдствій этого сокращенія? Но именно такъ совѣтуютъ поступать тѣ, которые сначала сами одобряли операцію размѣна, а какъ только она оказала свое естественное дѣйствіе, тотчасъ же принялись толковать о мѣрахъ могущихъ парализировать его. Эти мѣры почти столь же вредны какъ искусственная поддержка вексельнаго курса, къ которой онѣ впрочемъ и ведутъ. Но что же на свѣтѣ можетъ быть вреднѣе для народнаго хозяйства чѣмъ искусственная поддержка курса, стѣсняющая вывозъ, искусственно усиливающая привозъ, дѣлающая наконецъ убыточнымъ внутреннее производство даже такихъ необходимыхъ продуктовъ какъ хлѣбъ?

№ 97.

Москва, 1-го мая.

Въ то время когда приближался срокъ закрытія финляндскаго сейма, открывался сеймъ лифляндскій. Сеймъ лифляндскій, конечно, не совсѣмъ то же самое, что сеймъ финляндскій, но также и не то что наши дворянскія собранія въ Москвѣ, Рязани, Тулѣ или Харьковѣ. Лифляндскіе рыцари и землевладѣльцы собираются какъ представители своего края для широкаго и обстоятельнаго обсужденія всѣхъ его интересовъ и потребностей, и заготовляютъ проекты постановленій по всѣмъ частямъ его управленія. Лифляндскій сеймъ есть собраніе не просто сословное, но и представительное: онъ, служитъ органомъ представительства для цѣлаго края. Въ немъ, кромѣ дворянъ и землевладѣльцевъ, представлены въ извѣстной степени города, особенно Рига, какъ главный городъ края. Всевозможные интересы края становятся здѣсь предметомъ полнаго и свободнаго обсужденія. Лифляндскій сеймъ, какъ кажется, пользуется полною иниціативой въ возбужденіи вопросовъ общественнаго интереса.

Лифляндскій сеймъ, какъ англійскій парламентъ въ прошломъ столѣтіи, не имѣетъ публичности, пренія его не оглашаются, и лишь только окончательно выработавшіеся результаты ихъ выходятъ въ послѣдствіи наружу. Мы еще не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о результатахъ лифляндскаго сейма, который уже окончилъ свои засѣданія. Но у насъ теперь передъ глазами слово, сказанное при открытіи этого сейма, 9-го марта, въ церкви Св. Іакова въ Ригѣ, спископомъ, докторомъ Вальтеромъ, лифляндскимъ генералъ-суперинтендентомъ. Слово это, по своему содержанію и характеру,— не просто проповѣдь, но и политическая рѣчь, открывшая пренія и коснувшаяся тѣхъ предметовъ и интересовъ, вокругъ которыхъ пренія сейма долженствовали сосредоточиться. Текстомъ своей проповѣди докторъ Вальтеръ взялъ слова изъ Евангелія „инъ есть сѣяй и инъ есть жняй“. То что у насъ есть, и то что мы имѣемъ—

не все плодъ нашего собственнаго труда, а большею частію наслѣдіе завѣщанное намъ предками, вообще результатъ труда другихъ людей, какъ въ хорошемъ, такъ и въ дурномъ отношеніи. Развивая эту мысль, проповѣдникъ напоминаетъ своимъ слушателямъ, лифляндскимъ рыцарямъ и землевладѣльцамъ, что права и преимущества, которыми они пользуются, творя судъ въ своемъ краѣ, выбирая судей изъ своей среды, облагая податьми земство на содержаніе церкви и школъ, и вообще представляя собою „страну" „какъ внутри такъ и внѣ",—что эти права и преимущества, что это высокое положеніе и сопряженныя съ нимъ великія обязанности на пользу края—не результатъ ихъ личной заслуги, а наслѣдіе завѣщанное имъ предками, плодъ труда другихъ людей. Но съ тѣмъ вмѣстѣ проповѣдникъ напомнилъ своимъ слушателямъ, что въ ихъ крѣпости есть бреши, что на нихъ падаютъ нѣкоторыя справедливыя или несправедливыя нареканія, которыя не были во время предотвращены, что они терпятъ многія неудобства и встрѣчаютъ многія затрудненія, что во всемъ этомъ они должны видѣть долги, которые перешли къ нимъ отъ предковъ, вмѣстѣ съ богатымъ наслѣдіемъ. Затѣмъ проповѣдникъ объясняетъ своимъ слушателямъ, что по уплатѣ долговъ, оставленныхъ имъ предками, на нихъ лежитъ обязанность приготовить для своихъ потомковъ сколь можно лучшую жатву. Онъ наказываетъ имъ помнить крѣпко, что они протестанты по религіи и нѣмцы по происхожденію, и что въ ихъ краѣ господствующею церковію должна быть протестантская, а господствующею народностію должна быть нѣмецкая. Проповѣдникъ полагаетъ ихъ первую и священнѣйшую обязанность передъ родиною, долгъ ихъ совѣсти и долгъ патріотизма, въ огражденіи правъ протестантской церкви и нѣмецкой народности въ Лифляндіи. Проповѣдникъ объясняетъ своимъ слушателямъ, что къ какой бы національности ни принадлежали первоначально предки того или другаго изъ нихъ, въ средѣ лифляндскихъ рыцарей и землевладѣльцевъ, на лифляндской почвѣ, не можетъ и не должно быть другихъ элементовъ кромѣ нѣмецкихъ; между ними нѣтъ ни Эстовъ, ни Латышей, ни Шведовъ, ни Ливовъ, ни *Русскихъ* наконецъ; въ Лифляндіи могутъ и должны быть только нѣмцы. „Дворянство „равно какъ и мѣщанство въ Лифляндіи „чисто нѣмецкія", говорилъ проповѣдникъ, „и если мы нынѣ не можемъ сказать, что „все лифляндское земство есть нѣмецкое, „то въ этомъ главнымъ образомъ виноваты мы сами, потому что мы повинуясь „смутному чувству какого-то сожалѣнія къ „остаткамъ изчезающихъ изъ исторіи племенъ, старались поддерживать ихъ народность. „...Если еще возможно, то да дарусть намъ Богъ достаточную силу любви къ нимъ, чтобы посредствомъ школъ „настигнуть упущенное". Докторъ Вальтеръ убѣждаетъ своихъ слушателей укрѣплять и поддерживать въ себѣ нѣмецкую народность постоянными сношеніями съ германскою народностью въ ея отечествѣ, Германіи, и сближеніемъ между различными слоями нѣмецкихъ элементовъ въ самой Лифляндіи. „Такимъ образомъ," продолжалъ проповѣдникъ, „укрѣпляясь въ своей „нѣмецкой народности, можете вы съ отрадою помышлять о вашихъ потомкахъ, которые войдутъ въ трудъ вашъ, и вы заранѣе можете радоваться, что они въ свое „время съ благодарностію къ вамъ будутъ „радоваться своимъ нѣмецкимъ языкомъ, „нѣмецкимъ образованіемъ, нѣмецкимъ обычаемъ, нѣмецкою вѣрностію, и, если Богу будетъ угодно, своею вполнѣ нѣмецкою родиною".

Итакъ, постоянное возобновленіе нѣмецкой народности въ сношеніяхъ съ Германіей, сближеніе всѣхъ слоевъ нѣмецкой народности въ самой Лифляндіи, дабы въ этомъ краѣ могли раскрыться во всей полнотѣ своей, и во всемъ своемъ разнообразіи, отличительныя свойства германскаго духа, наконецъ постоянная, ревностная германизація всего того что вслѣдствіе прошлыхъ упущеній и недоразумѣній, фальшивыхъ взглядовъ и чувствованій, осталось въ Лифляндіи не нѣмецкимъ, — вотъ, по ученію проповѣдника, главный интересъ и долгъ лифляндскаго дворянства. Докторъ Вальтеръ находитъ, что эта послѣдняя задача, т.-е. окончательная германизація края „есть собственный, живой интересъ инородцевъ, которые еще населяютъ Лифляндію". Германизировать эти остатки ненѣмецкихъ народностей, этихъ аборигеновъ края, Ливовъ, Эстовъ, Латышей, значитъ, какъ объясняетъ докторъ Вальтеръ, „уравнять ихъ по національности и вѣроисповѣданію съ ихъ господами", то-есть съ землевладѣльцами, которые составляютъ силу края и держатъ въ рукахъ своихъ всѣ его интересы.

Наставленіе, которое протестантскій епископъ города Риги давалъ лифляндскимъ дворянамъ и землевладѣльцамъ, примѣняется не къ нимъ однимъ. Текстъ, который онъ приводитъ и примѣненіе которое онъ даетъ ему, могутъ и должны имѣть болѣе обширное значеніе. Потомки пожинаютъ посѣянное предками, и живущія поколѣнія должны усердно заботиться о томъ, чтобы не расточить полученнаго наслѣдія, а пріумножить его и приготовить добрую жатву своимъ потомкамъ: это правило мудрое, и правило общее. Лифляндскому Нѣмцу непріятно видѣть, что его родина, одна изъ губерній Россійской Имперіи, не вполнѣ германизирована, что ея народонаселенія не представлютъ собою полной и сплошной нѣмецкой народности; въ національномъ единствѣ своего края видитъ онъ залогъ его благосостоянія и плодотворнаго развитія въ будущемъ; онъ сѣтуетъ на упущенія предковъ, которые, по небрежности ли, по недостатку ли энергіи, или по неразумному чувству, оставили дѣло германизаціи не доконченнымъ, а край лифляндскій не вполнѣ нѣмецкимъ краемъ; лифляндскому Нѣмцу отрадно помышлять, что упущенія предковъ будутъ восполнены, что послѣдующее время узритъ его родину вполнѣ нѣмецкою страной, въ которой никто не будетъ имѣть права называть себя ни Эстомъ, ни Ливомъ, ни даже Русскимъ, а всѣ будутъ чествовать себя Нѣмцами. Мы не будемъ оспаривать такой точки зрѣнія; напротивъ, мы признаемъ ея силу и сами вполнѣ подчиняемся ей. И русскіе люди пожинаютъ посѣянное потомъ и кровью своихъ предковъ; и русскіе люди всѣмъ что въ нихъ есть, и всѣмъ что они имѣютъ, обязаны труду своихъ предковъ. Русскіе люди также получили наслѣдіе: это наслѣдіе есть Россія, Русское Царство со всѣми его областями; для нихъ имѣетъ по крайней мѣрѣ не меньшую силу то правило, которое напомнилъ финляндскимъ рыцарямъ генералъ-суперитендентъ Лифляндіи,—„правило, что кто наслѣдуетъ имѣніе отца своего, тотъ уплачиваетъ и оставленные имъ долги". На нихъ также лежитъ обязанность настигнуть упущенное, довершить недоконченное, имъ также отрадно помышлять, что они не погубятъ завѣщаннаго имъ наслѣдія, но сохранятъ и пріумножатъ его. Россія, кромѣ русскаго племени, населена еще многими инородными племенами, не только удерживающими свои особенности, которыхъ никто у нихъ не оспаривалъ и оспаривать не будетъ, но и враждующими съ русскою народностію, или по крайней мѣрѣ чуждающимися ея и не желающими носить ея имя. Это упущеніе предковъ, которое должно быть восполнено нынѣ живущими поколѣніями; это долги подлежащіе уплатѣ. Нынѣшнія поколѣнія русскаго народа не могутъ обвинять своихъ предковъ за эти упущенія: предки сдѣлали много, а средства, которыми они располагали, были не такого свойства, чтобы заготовить почву для слiянія всѣхъ разнородныхъ элементовъ входящихъ въ составъ Русскаго государства. Торжество какой-либо народности надъ противными и чуждыми ей элементами не достигается развитіемъ одной внѣшней силы. Обладая внѣшнею силой, господствующая народность должна стать еще силою внутреннею, и въ противныхъ или чуждыхъ ей элементахъ возбуждать интересъ и стремленіе сближаться и сливаться съ нею. Чего не могли сдѣлать предки, которымъ было много своего дѣла, то предстоитъ совершить намъ, ихъ наслѣдникамъ. Лифляндскому Нѣмцу пріятно, что въ средѣ лифляндскаго рыцарства нѣтъ ни Эстовъ, ни Ливовъ, ни Шведовъ, ни Русскихъ, и что всѣ въ немъ именуютъ и чувствуютъ себя Нѣмцами, и онъ считаетъ своею задачею повести дѣло такъ чтобы все земство въ этомъ краѣ было исключительно нѣмецкимъ. Послѣ этого не позволительно ли Русскому желать, чтобы въ предѣлахъ Русскаго государства не было ни Эста, ни Лива, ни Шведа, ни Нѣмца, и чтобы Нѣмецъ въ Россіи, не разучиваясь своему языку (которому мы и сами учимся), и не измѣняя своей вѣрѣ,—тѣмъ не менѣе звалъ себя прежде всего Русскимъ и дорожилъ этимъ званіемъ?

Предки наши, по средствамъ своимъ, не могли совершить внутренняго слiянія разнородныхъ элементовъ, вошедшихъ въ область Русскаго народа, но они создали эту область и утвердили ея государственное единство. Потомки, „вошедшіе въ трудъ ихъ", получившіе ихъ наслѣдіе, довершатъ ли ихъ дѣло, уплатятъ ли ихъ долги, или погубятъ и то, что имъ досталось? Сумѣютъ ли они совершить внутреннее слiяніе, или оставаясь при средствахъ предковъ своихъ, посреди измѣнившихся обстоятельствъ, передъ лицомъ новыхъ требованій, они утратятъ и то единство, которое имъ завѣщано для дальнѣйшаго пло-

дотворнаго развитія? Не грустно ли, не позорно ли было бы нынѣшнимъ поколѣніямъ подумать, что при нихъ, подъ ихъ рукою могутъ не только удержаться, но и развиться сѣмена отчужденія и розни? Не грустно ли видѣть, что именно въ наше время не только иноплеменныя народности, входящія въ составъ Русскаго государства, стремятся къ большему обособленію и отчужденію, но даже можетъ возникать и ласкать себя надеждою мысль о расторженіи единства самой русской народности, о ея раздвоеніи?

Слѣдуетъ серіозно подумать объ этомъ: одни и тѣ же признаки появляются повсюду, и повсюду съ новою силой даютъ одно и то же свидѣтельство,—свидѣтельство о необходимости призвать къ дѣйствію какія-либо новыя условія въ развитіи нашей народности, соотвѣтствующія новымъ потребностямъ и новымъ задачамъ.

№ 93.

Москва, 2-го мая.

Несмотря на успокоительныя извѣстія, сообщаемыя въ *Монитерѣ*, волненіе, возникшее между мусульманскимъ населеніемъ Алжиріи, не уменьшается. Подробности объ этомъ дѣлѣ мы сообщаемъ постоянно подъ соотвѣтствующими рубриками, и здѣсь не мѣсто о нихъ распространяться. Гораздо интереснѣе вопросъ политическій, вопросъ о взглядѣ самого императорскаго правительства на вспыхнувшее возстаніе и объ отношеніяхъ правительства къ арабскому населенію Алжиріи. Характеристическимъ признакомъ служитъ тутъ политика, которой держится французскій офиціальный журналъ, сначала молчавшій объ алжирскихъ событіяхъ, а теперь постоянно смягчающій ихъ значеніе. *Всеобщій Монитеръ* видимо конфузится, да и есть чему: возстаніе только разоблачило ту фальшь, которая лежитъ въ основаніи французскаго господства въ Алжиріи.

Г. Тьеръ, въ рѣчи о бюджетѣ, которую читатели найдутъ ниже подъ рубрикой *Франція*, ужъ слишкомъ безпощаденъ къ нынѣшнему правительству. Какъ бы отвѣчая на слухи, что императоръ Наполеонъ III бываетъ по временамъ занятъ мыслію, что Франція могла бы, для успокоенія Европы и для исправленія своихъ финансовъ, приступить къ обезоруженію или по крайней мѣрѣ къ нѣкоторому сокращенію военнаго и морскаго бюджетовъ, г. Тьеръ выставляетъ парадоксъ, будто французскій бюджетъ есть самый мирный изо всѣхъ бюджетовъ великихъ державъ Европы. Убавлять войско г. Тьеръ никакъ не позволяетъ французскому правительству. Онъ старается, сколько можетъ, поддерживать въ націи воинственный духъ и даже направляетъ его прямо на сосѣдніе острова. Упоминая о пониженіи тарифа, онъ бросаетъ на эту мѣру императорскаго правительства ненавистную тѣнь уступки интересамъ Англіи. Итакъ о мирѣ онъ не очень заботится, но онъ строго-на-строго запрещаетъ воевать съ тою цѣлію чтобы давать блескъ власти и пищу тревожному генію Франціи. Онъ требуетъ, чтобы правительство занимало умы не внѣшнею, а внутреннею политикой, и съ этою цѣлію совѣтуетъ ускорить обѣщанное *увѣнчаніе зданія*,—дарованіе свободы. Читая такую политическую мудрость, нельзя не подумать: странное же назначеніе свободы, когда оказывается нужною преимущественно для того, чтобы занимать охотниковъ до новостей и сенсацій парламентскою борьбой! Нѣтъ сомнѣнія, что внутреннія дѣла Франціи шли бы лучше, если бы французскій народъ обладалъ геніемъ менѣе тревожнымъ и болѣе способнымъ къ мирной свободѣ. Тогда были бы ненужны вооруженія, и конечно не нарушалось бы равновѣсіе бюджета. Тогда французское войско служило бы для огражденія безопасности государства, а не исканія приключеній. Но нельзя согласиться ни съ тѣмъ, что Франція при прежнихъ правительствахъ уже находилась въ обладаніи свободой, ни съ тѣмъ что прежнія правительства, предоставляя Франціи свободу, вовсе не имѣли надобности прибѣгать къ исканію приключеній. Свидѣтельство тутъ на лицо — въ Алжиріи, о которой никто не зналъ никогда, какъ и теперь никто не знаетъ для чего она покорена Франціей, и которая между тѣмъ поглотила ужъ очень много французской крови и французскихъ денегъ. Французы сравниваютъ теперь свою власть въ Алжиріи съ нашею властью въ Польшѣ. Но Польша была для насъ источникомъ постоянной опасности; она боролась съ нами на-смерть; ея присоединеніе обезпечивало насъ отъ враждебныхъ покушеній и въ то же время давало намъ чрез-

вычайно важную стратегическую позицію на Вислѣ. Но какую и противъ кого стратегическую позицію составляетъ Алжирія, и какая была для Франціи опасность оставлять въ покоѣ эти дикія племена, которымъ и теперь, покоривъ ихъ, она сама даетъ волю заниматься даже грабежомъ? Не только съ Польшей, но и съ Кавказомъ нельзя сравнивать Алжирію. Кавказъ, это—ворота къ Закавказью, странѣ богатой и единовѣрной. А Алжирія есть станція на пути въ Сахару и ничего болѣе.

Алжирія—страна завоеванная безъ всякой цѣли; это—завоеваніе для завоеванія. Мудрено ли что французское правительство, ни теперь, ни при іюльской монархіи, не знало что̀ дѣлать съ Алжиріей и какъ ею управлять? Войны съ Абдъ-эль-Кадеромъ и Бу-Мазой должны были привести къ военному управленію въ странѣ. Въ сѣверныхъ частяхъ территоріи вводилось потомъ гражданское управленіе, но правительство постоянно колебалось, что̀ именно предпринять для установленія отношеній между военною и гражданскою властями въ Алжиріи: оно то отмѣняло генералъ-губернаторство, замѣняя его должностью главнокомандующаго арміей и флотомъ, то опять возстановляло званіе генералъ-губернатора. Отсюда возникъ антагонизмъ между обѣими властями, который не прекращается и до сихъ поръ, служа источникомъ многихъ затрудненій для правительства. Въ настоящее время Алжирія, находясь подъ главнымъ управленіемъ генералъ-губернатора, раздѣляется въ административномъ отношеніи на военныя и гражданскія территоріи. Раздѣленіе это соотвѣтствуетъ естественному раздѣленію страны, которая состоитъ изъ Рифа (сѣверной прибрежной полосы), Телля (средней южной полосы) и Сахары (южной полосы оазисовъ). Рифъ населенъ Европейцами и осѣдлыми туземцами (довольно мирными и цивилизованными берберійскими племенами, живущими здѣсь со временъ Моисея), и потому тутъ господствуетъ гражданское управленіе; Телль же и Сахара служатъ мѣстомъ пребыванія кочевыхъ племенъ, Кабиловъ и Арабовъ, и тамъ преобладаетъ военное управленіе. Такимъ образомъ, изъ трехъ алжирскихъ провинцій, Орана, Алжира и Константины, въ каждой есть и Рифъ, и Телль, и Сахара, есть и гражданское и военное управленіе. Гражданское состоитъ изъ генеральныхъ совѣтовъ (для каждой провинціи по одному, изъ префектуръ и т. д.; для общаго управленія гражданскою территоріей при генералъ-губернаторѣ имѣются два совѣта, высшій (supérieur) и совѣщательный (consultatif). Управленіе военною территоріей сосредоточивается въ рукахъ военныхъ начальниковъ и въ такъ-называемыхъ арабскихъ бюро. Необходимость военнаго управленія въ южныхъ областяхъ Алжиріи не подлежитъ сомнѣнію, но и тутъ, и въ этомъ военномъ управленіи, оказывается въ свою очередь цѣлый рядъ колебаній. Военному управленію, мѣрѣ во всякомъ случаѣ стѣснительной и исключительной, былъ присвоенъ чуждый ей характеръ, какого-то искусственнаго примиренія. Арабовъ подвергали всей строгости военнаго управленія, и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлали видъ, что ухаживаютъ за ними. Арабскія бюро стали какимъ-то двусмысленнымъ явленіемъ — подозрительнымъ для однихъ и ненавистнымъ для другихъ. Окруженные со всѣхъ сторонъ арабскими кочевьями, подлежа ихъ вліянію и пополняясь частію изъ ихъ среды, арабскія бюро, стали, съ одной стороны, склонны служить интересамъ арабскихъ вождей и лелѣять мечты ихъ о независимости, а съ другой, служа все-таки органами стѣснительнаго военнаго управленія, не пользовались довѣріемъ Арабовъ, которые, при малѣйшемъ волненіи, мгновенно воспламеняясь отъ фанатическихъ рѣчей одного изъ тысячи „пророковъ“ и „сыновъ судьбы“, первый взрывъ своего священнаго гнѣва обрушивали на арабскія бюро и предавали смерти начальниковъ и членовъ (какъ было, между прочимъ, и въ началѣ нынѣшняго возстанія). Мало того, правительство само поддерживало мечту о независимости въ арабскихъ вождяхъ. Маршалъ Пелисье, нынѣшній генералъ-губернаторъ Алжиріи, какъ только вспыхнуло возстаніе между Арабами и Кабилами, поспѣшилъ успокоить вождей, оставшихся вѣрными, на счетъ сохраненія ими ихъ привилегій. „Настоящія событія и толки, ими возбуждаемые, могутъ встревожить умы вождей и населеній, говоритъ маршалъ въ своей прокламаціи отъ 21-го апрѣля. Есть люди, безпрестанно повторяющіе что народъ арабскій перестаетъ существовать, что близко время, когда совершенно исчезнутъ бачъ-аги, каиды, шейхи и другіе. Слова эти не имѣютъ ни малѣйшаго основанія и нисколько не выра-

жаютъ мысли французскаго правительства. Да успокоятся же вожди и да пребываютъ въ мирѣ племена!“ И точно, племена въ мирное время платятъ подать (весьма не высокую, нужно замѣтить), грабятъ по дорогамъ, ссорятся и перевѣдываются между собою, да изрѣдка тягаются и кляузничаютъ въ арабскихъ бюро. Каждое колѣно почти неограниченно управляется своимъ вождемъ, и такихъ колѣнъ генералъ Алларъ, хорошій свидѣтель въ этомъ дѣлѣ, насчитываетъ до 1.200. Можно ли ожидать хорошихъ результатовъ отъ системы управленія завоеванною страной, гдѣ въ одно и то же время примѣняется къ жителямъ исключительная сила военныхъ законовъ и щадится, даже больше, лелѣется независимость цѣлой тысячи войнолюбивыхъ и не посѣдныхъ племенныхъ вождей.

Въ письмѣ къ маршалу Пелисье, на которое этотъ послѣдній ссылается въ концѣ своей прокламаціи, императоръ Наполеонъ III назвалъ Арабовъ *племенемъ гордымъ*, *умнымъ*, *земледѣльческимъ* и призналъ туземныхъ жителей Алжиріи природными и законными владѣльцами *королевства Арабскаго*. „Я точно также императоръ Арабовъ, какъ и императоръ Французовъ“, выразился императоръ въ заключеніи этого знаменитаго письма. Но то же самое правительство, которое, въ письмѣ императора и въ прокламаціи маршала Пелисье, такъ рѣзко высказывается въ пользу будущей независимости Арабовъ и сохраненія за ними ихъ племеннаго устройства, выражается совершенно иначе, устами своего офиціальнаго коммиссара предъ законодательнымъ сословіемъ. Упомянутый нами генералъ Алларъ въ засѣданіи палаты 23-го января, при преніяхъ объ адресѣ, указывалъ, въ качествѣ коммиссара правительства, на императорскій декретъ отъ 22-го апрѣля 1863 г., по которому часть земель, издавна занимаемыхъ Арабами, отводится имъ въ полную собственность. „Установленіе личной собственности, сказалъ онъ при этомъ, и развитіе сношеній между Европейцами и Арабами, мало-по-малу приведутъ, наконецъ, къ разложенію колѣннаго устройства, которое служитъ величайшимъ препятствіемъ къ введенію просвѣщенія въ Алжиріи“. Такое разногласіе между органами одной и той же власти зависитъ, безъ сомнѣнія, отчасти отъ того, что политику правительства защищаетъ передъ палатой не само правительство, а лица, не принимающія въ немъ участія, но оно ярко отражаетъ на себѣ и неопредѣленность положенія Франціи въ Алжирѣ. Будь эта страна французская колонія, естественно возникшая, правительство лучше бы знало въ чемъ должно состоять его дѣло, и не задавало бы себѣ вопроса, чѣмъ слѣдуетъ быть Алжиріи, Арабскимъ ли королевствомъ или же частью Французской имперіи А теперь можно сказать одно: какъ романическія и рыцарскія похожденія не могутъ подлежать политическому обсужденію, такъ и алжирскій вопросъ не поддается искусству государственныхъ людей.

Смотря на сложныя и двусмысленныя системы управленія въ Алжиріи, нельзя не согласиться съ слѣдующимъ заключеніемъ газеты *Times*, отъ 6-го мая: „При всемъ ихъ могуществѣ и несмотря на всѣ милости и ласки, которыми они осыпаютъ туземныхъ вождей, Французы могутъ назвать *своимъ* въ Алжиріи лишь нѣсколько клочковъ полувспаханной земли вокругъ Алжира и Константины; *пророки* и *сыны судьбы* вѣчно будутъ вызывать ихъ на періодическій бой, и дорого достанется имъ это завоеваніе Орлеанской династіи, равно истощающее самымъ безплоднымъ образомъ силы завоевателей, какъ во время войны, такъ и во время мира.“

№ 99.

Москва, 4-го мая.

А.

Конечно, ни о чемъ такъ много не говорятъ теперь въ Москвѣ, какъ о покупкѣ имѣній въ Западномъ краѣ. Важныя облегченія, дѣлаемыя правительствомъ, сильно заманиваютъ всѣхъ, и не менѣе того заманиваютъ извѣстія о баснословно-дешевыхъ цѣнахъ имѣній. Нѣтъ сомнѣнія, что кто захватитъ дѣло во время, когда конкурренція еще не велика, тотъ будетъ щедро награжденъ за свою предпріимчивость. При покупкѣ съ пособіемъ правительства потребуется въ первое время очень не большой капиталъ чтобы купить значительное имѣніе. На ближайшихъ торгахъ, имѣнія едва ли пойдутъ много выше оцѣнки, и стало-быть приплачивать придется не много,

а оцѣночная сумма будетъ незамѣтно погашена ежегодными платежами. У кого есть капиталъ болѣе значительный и кто захочетъ обойдтись безъ пособія казны, тотъ можетъ за то пріискать имѣнія лучше устроенныя, продаваемыя добровольно, но тѣмъ не менѣе крайне дешево. Цѣны на крупныя имѣнія упали въ однихъ мѣстахъ на 50%, въ другихъ на 40% и на 30%, а надобно замѣтить что въ западныхъ губерніяхъ усадьбы и вообще господское хозяйство устроены очень хорошо. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ мятежа прежнія цѣны непремѣнно возстановятся, и тогда окажется, какъ велики барыши, пріобрѣтенные теперешними покупщиками. По всему вѣроятію, цѣны не только поднимутся до прежней высоты, но и превзойдутъ ее.

Въ средней и сѣверной Европѣ можно принять за общее правило, что земля одинаковаго качества тѣмъ дороже, чѣмъ западнѣе; только Польша и бывшія польскія земли составляютъ исключеніе. Въ южной черноземной части западнаго края цѣны на землю почти вдвое ниже чѣмъ въ ближайшихъ къ Москвѣ черноземныхъ губерніяхъ. Въ сѣверной не черноземной полосѣ западнаго края земля втрое и вчетверо дешевле сравнительно съ подмосковными нечерноземными губерніями. Не беремся объяснять этотъ замѣчательный фактъ; полагаемъ однако что главною причиной сравнительной дешевизны земель въ западномъ краѣ слѣдуетъ признать плохое положеніе крестьянскаго населенія. Получали ли бы владимірскіе и ярославскіе помѣщики высокій оброкъ, если бы владимірскіе и ярославскіе крестьяне были народъ забитый? При крѣпостномъ состояніи говорили, что эти крестьяне платятъ оброкъ, не столько за землю, сколько за свои души. Теперь оброкъ не много пониженъ, но онъ все-таки значительно превышаетъ цѣну не населенной земли отдаваемой внаймы отдѣльно. Тѣмъ не менѣе однако же едвали можно ожидать, чтобы многіе изъ владимірскихъ и ярославскихъ крестьянъ захотѣли воспользоваться правомъ выхода, которое будетъ предоставлено имъ черезъ шесть лѣтъ. Они останутся на мѣстѣ, не ради полей, а ради усадебъ, и оброкъ, который они будутъ платить, будетъ поддерживать цѣнность имѣній и вообще цѣнность земли въ этихъ двухъ промышленныхъ губерніяхъ. Таково вліяніе, оказываемое развитостью крестьянскаго населенія на цѣнность земли. Въ западномъ краѣ, и особенно въ сѣверозападной его части, было обратное вліяніе, и это обстоятельство, вмѣстѣ съ извѣстною неспособностью польской шляхты къ сбереженіямъ и слѣдовательно къ накопленію капиталовъ, должно было сильно дѣйствовать на цѣнность земель. Чѣмъ меньше рукъ и чѣмъ руки менѣе способны, а также чѣмъ меньше капиталовъ въ странѣ, тѣмъ дешевле бываетъ земля: это одно изъ основныхъ экономическихъ положеній. Но если такъ, то съ освобожденіемъ крестьянъ и улучшеніемъ ихъ быта, а также съ уменьшеніемъ расточительности польскихъ помѣщиковъ, экономическое состояніе края должно исправиться, и прежнія неестественно низкія цѣны на землю должны подняться. Вотъ почему мы полагаемъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ мятежа цѣны на землю не только войдутъ тамъ въ прежнюю норму, но и начнутъ восходить выше ея.

Можно предполагать,—и уже есть признаки того,—что западному краю предстоитъ коренное измѣненіе экономическихъ отношеній, измѣненіе тѣмъ болѣе поучительное, что весьма многое въ немъ будетъ слѣдствіемъ силы обстоятельствъ, а не правительственныхъ мѣръ вызванныхъ мятежомъ. Дешевизна имѣній, спросъ на трудъ и капиталъ, уже вызываютъ потокъ переселеній съ востока на западъ. Этимъ переселеніямъ соотвѣтствуютъ другія съ запада на востокъ, переселенія Поляковъ въ Русскую землю. Мы разумѣемъ переселеніе добровольное, а не принудительное, не ссылку. Многія польскія семейства уже выселяются въ русскіе города, чтобъ уйдти отъ гнета своихъ патріотовъ. Это движеніе должно усилиться вслѣдствіе разрыва, происшедшаго, какъ увѣряютъ, между польскою аристократическою и демократическою партіями. Между тѣмъ какъ демократы еще замышляютъ продолженіе мятежа, помѣщики все болѣе и болѣе устраняются отъ революціи, и всѣ ихъ усилія направлены повидимому лишь на то чтобы, по старой привычкѣ, пользуясь неясностью нашего внутренняго положенія, выторговать у Россіи что-нибудь для польскаго дѣла. Но урокъ, полученный нами, такъ свѣжъ, что едва ли они и сами предсказываютъ успѣхъ этимъ попыткамъ. А если стремленія къ сепаратизму не будутъ оживлены надеждой на уступки, то можно ожидать, что въ отношеніяхъ польскихъ помѣщиковъ

къ намъ скоро обнаружится та мягкость и уступчивость, которая всегда обнаруживается послѣ пароксизмовъ враждебнаго чувства. Завзятые польскіе демократы— другое дѣло: эти будутъ продолжать свой безумный способъ служенія своей справѣ. Но каково будетъ тогда житье помѣщикамъ польскаго происхожденія?

Уже и теперь есть слухи (за достовѣрность которыхъ мы впрочемъ не ручаемся), будто нѣкоторые изъ помѣщиковъ-католиковъ перебираются въ Херсонскую губернію, чтобъ уйдти отъ притязательности патріотовъ. По вѣрнымъ свѣдѣніямъ, Одесса переполнена Поляками. Евреи этого края также въ движеніи. Словомъ, если признаки не обманываютъ, то черезъ короткое время физіономія всего западнаго края такъ измѣнится, что его нельзя будетъ узнать. Край несомнѣнно выиграетъ отъ этого, какъ въ политическомъ и соціяльномъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи.

Намъ очень пріятно сообщить читателямъ, въ особенности же тѣмъ изъ нихъ, которые интересуются покупкой имѣній въ югозападномъ краѣ, что по всѣмъ извѣстіямъ, дѣла идутъ тамъ теперь самымъ лучшимъ образомъ. Русскій духъ поднятъ; въ характерѣ администраціи произошли существенныя улучшенія; крестьяне привыкаютъ къ своему новому положенію. Съ другой стороны югозападный край менѣе потерпѣлъ чѣмъ сѣверозападный,—гдѣ и возстаніе было упорнѣе, и нужны были самыя энергическія мѣры, чтобъ оградить будущность крестьянства, гораздо болѣе загнаннаго, отъ прежней неправды. Въ юго-западномъ краѣ исключительное положеніе менѣе тяготѣло надъ мирнымъ населеніемъ; тамъ раззорились только тѣ помѣщики, которые принимали дѣятельное участіе въ мятежѣ и заговорахъ.

Что касается до собиранія свѣдѣній о продающихся имѣніяхъ, то необходимо довольствоваться услугами частныхъ лицъ. Учрежденіе справочныхъ конторъ сопряжено у насъ со многими затрудненіями и проволочками, а потому этого удобства дожидаться нельзя. Всего лучше было бы, кажется, еслибы нѣсколько покупателей собирались вмѣстѣ и посылали отъ себя агента, который могъ бы вступить на мѣстѣ въ сношеніе съ людьми знающими и слѣдящими за продажей имѣній. [illegible]собія подобныхъ лицъ пріѣзжій былъ бы въ состояніи много сдѣлать; по недостатка въ подобныхъ лицахъ не встрѣтится, и отыскать ихъ будетъ не трудно; въ случаѣ надобности мы съ своей стороны готовы указать нѣсколько адресовъ.

Б.

Рѣдко когда-либо журнальная выходка возбуждала такое негодованіе, какое статья № 93 *Голоса* вызвала въ русскихъ людяхъ Сѣверозападнаго края. Мы засыпаны письмами оттуда, исполненными одного и того же чувства и протестующими противъ упомянутой выходки. Съ кѣмъ изъ пріѣзжающихъ оттуда ни случалось намъ говорить, у всѣхъ одно и то же на языкѣ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и *День* въ послѣднемъ нумерѣ. „Мы обязаны занести на „страницы нашей журнальной лѣтописи,“ сказано въ этой газетѣ, „что статья № „93 *Голоса* возбудила сильнѣйшее единодушное негодованіе во всемъ Сѣверозападномъ краѣ (то-есть въ русскомъ его населеніи) и подала поводъ къ протестамъ, „изъ которыхъ одинъ былъ посланъ для „напечатанія въ редакцію *Голоса*, гдѣ наконецъ и помѣщенъ....“

Дѣйствительно, строки нашей газеты, подавшія поводъ къ выходкѣ, не заключали въ себѣ ничего, что̀ могло бы хоть сколько-нибудь оправдывать ее. Мы только заявляли фактъ всѣмъ извѣстный, неоспоримый и несомнѣнный. Кто не помнитъ въ какомъ положеніи были дѣла въ литовскихъ губерніяхъ въ маѣ прошлаго года? Кто не помнитъ того почти отчаяннаго положенія, въ которомъ находился этотъ край, гдѣ сосредоточивалась сила тайной революціонной организаціи, куда направлены были всѣ усилія мятежа и гдѣ приходилось почти снова завоевывать каждый шагъ въ то время, когда мятежники надѣялись на дѣятельное иностранное вмѣшательство и даже на высадку въ близкомъ разстояніи отъ театра событій? Терроръ владычествовалъ повсюду, и въ селахъ, и въ городахъ; все трепетало передъ невидимою властью, вооруженною кинжаломъ и петлей, все приникало долу, и не только польскіе обыватели, но и русскіе должны были не рѣдко повиноваться ея велѣніямъ. Нужна была могущественная рука, чтобы сломить эту силу, настигнуть ее на всѣхъ ея путяхъ и поразить ее наконецъ въ самое сердце. Нужна была крѣпкая, непоколебимая воля, чтобы неуклонно дѣйство-

вать посреди этихъ обстоятельствъ, при крикахъ цѣлой Европы, при сомнительности положенія дѣлъ въ самой Россіи. Нельзя никого обвинять за недостатокъ подобныхъ необыкновенныхъ качествъ, посреди подобныхъ необыкновенныхъ обстоятельствъ; но нельзя же не признать этихъ качествъ въ управленіи генерала Муравьева. Менѣе энергическій дѣятель не выдержалъ бы испытанія и отступилъ бы послѣ отчаянныхъ усилій передъ всемогущею интригой и страшною агитаціей, вопившею тысячами голосовъ. Ничѣмъ наше общество столько не доказало своего зрѣлаго политическаго смысла, какъ поддержкой, оказанною имъ во время генералу Муравьеву, въ его тяжкой борьбѣ, посреди страшныхъ затрудненій, окружавшихъ его со всѣхъ сторонъ.

Мы были далеки отъ всякой мысли бросать тѣнь на дѣятелей прежняго управленія или порочить ихъ. Мы не имѣли никакихъ личныхъ предрасположеній въ ту или другую сторону; мы говорили только то, что̀ думалъ и говорилъ всякій русскій человѣкъ, не лишенный здраваго смысла. Мы были въ тоже время готовы отдать всякую справедливость лицамъ, принадлежавшимъ къ прежнему управленію Литовскаго края; намъ было это тѣмъ пріятнѣе сдѣлать, что нѣкоторыхъ изъ нихъ мы имѣемъ удовольствіе знать лично. Въ отвѣтъ на нѣкоторыя рекламаціи съ этой стороны, мы просили сообщить намъ все что̀ могло бы послужить къ разъясненію дѣла въ благопріятномъ попрежнему управленію смыслѣ. Къ сожалѣнію однако, намъ только давали обѣщанія доставить нужныя объясненія и факты, но ни фактовъ, ни объясненій мы не получали, а между тѣмъ въ вышеупомянутой петербургской газетѣ, вдругъ появилась статейка, такъ возмутившая русское населеніе Литовскаго края, статейка, исполненная очень нехорошаго чувства, очевидныхъ искаженій, неправдъ и столько же безсмысленныхъ, сколько безобразныхъ намековъ. Мы не желали отвѣчать на эту выходку; презрѣніе казалось намъ самымъ приличнымъ отвѣтомъ на это недостойное шипѣніе. Мы и не упоминали объ этой выходкѣ, пока наконецъ не вынуждены были уступить напору. Изъ многихъ статей, полученныхъ нами по этому поводу, мы помѣстили въ № 94 характеристику хода военныхъ дѣлъ въ Сѣверозападномъ краѣ; а изъ другихъ статей, по желанію доставителей, заимствовали нѣкоторыя характеристическія мѣста, рисующія состояніе края при прежнемъ и при нынѣшнемъ управленіи. Авторъ одной изъ этихъ статей, писанной въ защиту высказанныхъ нами мнѣній и оцѣнокъ, помѣстилъ подробное изложеніе своихъ показаній въ послѣднемъ нумерѣ *Дня*. Считаемъ не лишнимъ привести изъ этой статьи нѣсколько строкъ о русскомъ театрѣ въ Вильнѣ:

„Говоря о театрѣ, ловкій авторъ утверждаетъ, что исполненіе русскихъ піесъ на Виленской сценѣ никогда не прекращалось“, что „по волѣ покойнаго Императора Николая Павловича, отпускалось ежегодно, на поддержаніе *русской сцены*, по 3.000 рублей, изъ городскихъ доходовъ“ и „Московскій артистъ Живокини игралъ вмѣстѣ съ Поляками-актерами. Вотъ въ какомъ положеніи (восклицаетъ *Голосъ*) была русская сцена.“ Что и говорить, процвѣтала! Не годится мертвую букву выставлять вмѣсто живаго дѣла; если вы, въ самомъ дѣлѣ, пишете со словъ людей „бывшихъ очевидцами всѣхъ совершавшихся въ краѣ, въ послѣднее время событій“, то вы намѣренно вводите публику въ обманъ, потому что очевидцы наши дожны же знать, что эти 3.000 р. никогда, кромѣ конца прошедшаго и начала настоящаго года, не употреблялись согласно своему назначенію, т.-е. исключительно на поддержаніе русской сцены. Какія русскія піесы ставилъ Виленскій театръ? Изготовлялись ли для нихъ новыя декорація, новые костюмы, выписывались ли русскіе актеры? Ничего этого не бывало; за исключеніемъ двухъ-трехъ большихъ піесъ, которыя давались очень рѣдко, играли, и то не въ каждый спектакль, пустѣйшіе русскіе водевили для разъѣзда пановъ, которые при началѣ ихъ выходили изъ театра, отплевываясь. Не вѣрите — справьтесь въ афишахъ или въ *Виленскомъ Вѣстникѣ*. Беру на удачу эту газету за апрѣль 1860 г. Оказывается, что въ продолженіе этого мѣсяца было въ Вильнѣ 9 спектаклей, изъ нихъ 6 *прошли безъ русскихъ піесъ*, и въ остальные три сыграны были три глупѣйшіе русскіе водевильчика; вотъ вамъ живые-то факты, вотъ какъ поддерживалась здѣшняя русская сцена! Нѣтъ милостивые государи, не на русскую сцену шли эти деньги, а на постановку трескучихъ шляхетскихъ драмъ съ кунтушами да конфедератками, имѣвшихъ цѣлію возбуждать и поддерживать въ польской публикѣ то на-

строеніе, которое разыгралось въ послѣдствіи мятежомъ. Впрочемъ, мы очень благодарны вамъ за эту замѣтку о 3.000 руб.; она даетъ намъ поводъ сообщить вамъ, что нынѣшняя виленская театральная дирекція загладитъ недобросовѣстность прежняго управленія, и воля покойнаго Государя будетъ исполнена въ точности, т. е., эти 3.000 руб. не пойдутъ уже болѣе на кунтуши и конфедератки, но будутъ употреблены исключительно, и *не на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ на поддержаніе Русской сцены въ городѣ Вильнѣ. (День* № 18).

Приводимъ еще нѣсколько характеристическихъ мѣстъ изъ присланной намъ статьи другаго виленскаго жителя:

„Развѣ не извѣстно *Голосу*, что и послѣ разбитія шаекъ Сѣраковскаго и Колышки, бо́льшая часть Ковенской губерніи почти что не принадлежала намъ, что со многими мѣстностями не было даже почтоваго сообщенія, что не было возможности проѣхать въ глубь уѣздовъ безъ конвоевъ? Пусть вспомнитъ эта газета извѣстія, ею же самою въ свое время напечатанныя, и она убѣдится, что эта страшная сила мятежа, эта подземная организація съ своимъ терроромъ, съ своими кознями и адскими ухищреніями, увлекшая и погубившая столько семействъ, господствовала еще довольно долго и послѣ того что̀ *Голосъ* называетъ *раздавленіемъ гидры мятежа*; что при такомъ ужасающемъ и, казалось, почти безвыходномъ положеніи края, когда законная власть пришла въ совершенно нормальное положеніе, когда врагъ угрожалъ вамъ не на одномъ полѣ брани, но изъ-за каждаго угла, когда ваши жены и дочери не могли показаться на улицѣ, чтобы не подвергнуться оскорбленіямъ, — недостаточно было однѣхъ доблестей и мужества войскъ, для этого необходимы были еще административныя мѣры, мѣры мудреныя, сильныя глубоко и зрѣло обдуманныя,—чтобы противопоставить рѣшительный и твердый отпоръ революціонной организаціи, развивавшейся свободно въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Вотъ гдѣ надобно искать дѣйствительнаго начала *раздавленію гидры мятежа*. Такую гидру можно было раздавить не разбитіемъ нѣсколькихъ мятежныхъ шаекъ, изъ коихъ ни одна кажется не превосходила 3 т. человѣкъ, но постепеннымъ возвращеніемъ всего края на путь долга, нравственно завоевывая его почти шагъ за шагомъ, водворяя въ немъ совершенно разрушенный порядокъ и возстановляя довѣріе къ силѣ законной власти. Открыть тайныя типографіи, добраться до состава организаціи, захватить главныхъ дѣятелей, пресѣчь собираніе налоговъ, дотолѣ открыто взимавшихся въ видѣ процентнаго сбора со всякаго имущества, обнаружить всѣ тайные комитеты для формированія шаекъ, привоза оружія, устройства магазиновъ и складовъ, призрѣнія раненыхъ, — прекратить всѣ тайныя сношенія мѣстныхъ жителей съ революціоннымъ жондомъ въ Варшавѣ и заграницею, постоянно присылавшимъ сюда съ своихъ агентовъ съ приказаніями и прокламаціями, кои тысячами экземпляровъ расходились по цѣлому краю,—однимъ словомъ низвергнуть всю адскую машину двигавшую краемъ по своему произволу, вотъ въ чемъ заключалось подавленіе гидры мятежа..."

Говоря о народныхъ школахъ, авторъ этой статьи замѣчаетъ:

„Мы охотно вѣримъ, что многіе мальчики хорошо читали Апостолъ и пѣли на клиросахъ; но это еще не доказываетъ, чтобъ эти школы были въ цвѣтущемъ состояніи, а что преподаваніе въ нихъ прежде шло очень плохо, что число учащихся было не велико, что нѣкоторые изъ учителей не сумѣли снискать уваженіе и довѣріе родителей, — это факты извѣстные здѣсь всѣмъ. Наконецъ, что касается до *русскихъ учителей*, то ихъ и въ настоящее время еще недостаточно; припомнимъ напечатанное въ газетахъ письмо г. главнаго начальника края къ восьми епископамъ великороссійскихъ губерній о приглашеніи воспитанниковъ духовныхъ училищъ для занятія должностей волостныхъ писарей и сельскихъ учителей.

№ 100.

Москва, 5-го мая.

Въ засѣданіи британской верхней палаты 10-го мая лордъ Кампбель завелъ было рѣчь о польскомъ дѣлѣ; нѣсколько словъ сказано было въ отвѣтъ ему графомъ Росселемъ, и едва ли въ палатѣ нашлись два, три человѣка, которые обратили какое-нибудь вниманіе на этотъ значительный разговоръ. Лордъ Кампбель тотчасъ же отказался отъ всякаго продолженія дѣла по этому вопросу, и палата перешла къ

своимъ очереднымъ занятіямъ. Въ журналахъ отозвались объ этомъ такимъ тономъ, какъ будто бы рѣчь шла о допотопномъ событіи. Еслибы лордъ Кампбель возбудилъ въ парламентѣ вопросъ о походахъ Юлія Цезаря, то это отнюдь не показалось бы менѣе умѣстнымъ и своевременнымъ. Впрочемъ, въ сущности вовсе не о польскомъ вопросѣ и была рѣчь. Лордъ Кампбель вкратцѣ изложилъ дипломатическую кампанію прошлаго года, во главѣ которой находилось англійское правительство, и поставилъ ему въ укоръ понесенную имъ неудачу. Графъ Россель, въ свою очередь, также вкратцѣ обозрѣлъ исторію этой кампаніи, и пришелъ къ заключенію, что дѣло приняло совершенно естественный оборотъ, что оно совсѣмъ кончено, что Европа не имѣетъ возможности вмѣшиваться въ это дѣло или снова поднимать о немъ вопросъ, что Поляки должны возложить всѣ свои надежды на Россію, на ея внутреннее политическое развитіе, и отъ ней ожидать удовлетворенія своимъ законнымъ потребностямъ. Вотъ и все. Это очень благоразумно и справедливо, и это же высказано и въ журналахъ. Слово Костюшки: „Finis Poloniae!“ повторено на всѣ лады. Дѣло польское признано мертвымъ, и хоронить его предоставлено мертвымъ. Доказано какъ нельзя убѣдительнѣе, что европейская война изъ-за Польши есть дѣло совершенно невозможное. А въ прошломъ году съ какими усиліями нужно было доказывать эту невозможность! То что̀ теперь такъ очевидно, тогда казалось парадоксомъ, и многіе умные люди не чаяли для Россіи иного избавленія отъ войны какъ путемъ уступчивости, покорности и безпрекословнаго согласія на всѣ требованія, между тѣмъ какъ единственная и весьма серіозная опасность состояла для Россіи именно въ такой уступчивости. Всякая уступка даже въ тонѣ выраженій повела бы неминуемо ко внутреннему ослабленію, котораго послѣдствій нельзя было бы исчислить. Система уступокъ была бы ничѣмъ инымъ, какъ собственноручнымъ исполненіемъ надъ собою смертнаго приговора.

Однако напрасно противники нынѣшняго кабинета въ Англіи упрекаютъ его въ неловкомъ веденіи этого несчастнаго польскаго дѣла: напрасно увѣряютъ они, что англійское правительство въ этомъ случаѣ поступало безъ яснаго сознанія своихъ цѣлей и средствъ. Оно очень хорошо знало что̀ дѣлало; нельзя не отдать ему въ этомъ отношеніи справедливости. Дѣлаемые ему упреки—или обычные маневры оппозиціи, или просто комедія. Политическіе люди въ Англіи не могли съ самаго начала не видѣть откуда шла и куда клонилась политика страны. Забавно читать въ англійскихъ журналахъ эти самопорицанія, эти откровенныя сознанія въ неразуміи, несмотрительности, опрометчивости англійской политики, и въ пораженіяхъ, ею понесенныхъ. Такъ-называемое польское дѣло было возведено на степень европейскаго вопроса англійскою политикою съ весьма опредѣленною и ясно сознаваемою цѣлію, и цѣль эта была достигнута самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Благодаря этому фальшивому вопросу, англійское правительство совершенно измѣнило политическое положеніе Европы. Болѣе полнаго успѣха нельзя было ожидать, потому что требовалось не разрѣшать польскій вопросъ, а только разобщить Францію и Россію, и оградить отъ обѣихъ державъ Востокъ, съ которымъ для Англіи соединяется столько существенныхъ интересовъ. Игра была ведена какъ нельзя удачнѣе, и обнаружила тѣ могущественные способы политической агитаціи, которыми располагаетъ эта страна. Гордясь своею свободой, Англія съ тѣмъ вмѣстѣ можетъ гордиться и своею дисциплиной: политическая свобода — въ сущности одно и то же. Политическія движенія развиваются въ Англіи не случайно, а въ связи съ общею политикой страны и всегда организуются соотвѣтственно ея видамъ. Во главѣ этихъ движеній становятся тамъ не какіе-либо бродячіе элементы, случайные демагоги, создаваемые минутой, отвлеченныя головы, теоретики или фантазеры, журнальные крикуны или адвокаты; во главѣ всѣхъ политическихъ движеній находятся тамъ земскіе классы, представляющіе собою коренныя силы страны, постоянно управляющіе всѣми ея интересами и солидарные въ нихъ между собою. Нельзя сказать, чтобы всѣ эти политическія демонстраціи, которыя дѣлаются въ Англіи, и которыя такъ эффектно разыгрывались въ прошломъ году по поводу польскаго вопроса и въ нынѣшнемъ въ честь Гарибальди, были комедіей, всеобщимъ заговоромъ. Нѣтъ, тысячи и сотни тысячъ людей, въ этихъ политическихъ движеніяхъ и демонстраціяхъ при-

нимали самое живое и искреннее участіе, каждый соотвѣтственно своимъ мнѣніямъ и интерссамъ; но всякое подобное движеніе въ Англіи непремѣнно организуется интеллигенціей страны, направляется, усиливается или погашается ею, соотвѣтственно общимъ политическимъ видамъ страны. Что въ другихъ странахъ предоставляется обыкновенно на волю случая или подчиняется мертвой формалистикѣ административныхъ предписаній и бюрократическихъ инструкцій, то здѣсь, благодаря общественной организаціи, есть дѣло политики, преемственной, постоянной, воспитанной преданіемъ, принадлежащей цѣлому обществу, руководимой его вліятельными классами. Потому-то заявленія общественнаго мнѣнія въ Англіи производятъ такое могущественное дѣйствіе на весь политическій міръ, и отзываются въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ его.

Исходъ польскаго дѣла можно было предвидѣть съ самаго начала. Грустно, что оно было виною столькихъ бѣдствій и напраснаго кровопролитія. Но Поляки должны возлагать отвѣтственность за эту кровь, за эти бѣдствія на самихъ себя, или, лучше сказать, они должны винить тѣ обстоятельства и условія, которыми поддерживается ихъ фальшивое положеніе, потому что люди не всегда могутъ сами собою отказаться отъ того, что поддерживается въ нихъ всѣми условіями ихъ жизни, что связано со всѣми ихъ помыслами и чувствами. Надобно убѣдиться, что польское дѣло, какія бы симпатіи ни привлекало оно къ себѣ, какую бы оно не обнаруживало энергію, не есть дѣло народности, которая добивается своего возстановленія. Польская народность есть болѣе воспоминаніе или фантазія нежели дѣйствительность. Польскій народъ исчезъ изъ исторіи, и скудные остатки его представляютъ собою лишь выраженіе разрушеннаго національнаго единства. Польское дѣло есть дѣло общественнаго класса, который принялъ фальшивое, неорганическое развитіе. Тайна польскаго дѣла, вся сущность его заключается въ стремленіи этой оторвавшейся отъ своего народа и убившей его касты возстановить свое утраченное, свое невозможное значеніе, подъ видомъ возстановленія національности. Польское дѣло свидѣтельствуетъ, съ одной стороны, что каста никогда не можетъ замѣнить собою народъ; но съ другой стороны оно также свидѣтельствуетъ, какою силою, какою живучестію могутъ обладать общественные классы пользовавшіеся нѣкогда свободою и политическимъ значеніемъ, обладать даже тогда, когда они утратили свою народную почву. Инстинкты политической свободы или власти, которые сохранились въ польскихъ панахъ, фальшиво принимаются ими за энергію національнаго чувства, котораго въ нихъ нѣтъ и быть не можетъ, потому что они въ своей исторіи не запомнятъ ни одного момента полной національной жизни. Эти паны нашего западнаго края, окруженные народонаселеніемъ не польскимъ и сами большею частію Русскіе по происхожденію, лишь въ недавнее время ставшіе Поляками и католиками, ошибаются въ чувствахъ своего польскаго патріотизма: вся сила того чувства, которое ихъ одушевляетъ и которому они приносятъ столько жертвъ, заключается главнымъ образомъ въ инстинктахъ политической свободы и политическихъ правъ, которыми польскіе паны не умѣли пользоваться въ своемъ прошедшемъ, и которымъ даютъ фальшивое значеніе въ настоящемъ.

№ 101.

Москва, 6-го мая.

Газовое освѣщеніе—этотъ признакъ цивилизованнаго городскаго хозяйства—начинаетъ распространяться и у насъ въ Россіи. Не говоря о Петербургѣ, Царскомъ Селѣ и Павловскѣ, оно теперь допущено въ Кронштадтѣ, Ревелѣ, Ригѣ, Вильнѣ, Одессѣ, Твери, Орлѣ. Мы говоримъ: *допущено*, потому что оно обходится дешевле чѣмъ всякое другое, и только медлительность или нежеланіе могутъ отсрочивать его введеніе. Въ Москвѣ, къ сожалѣнію, долго дѣйствовали оба эти препятствія. Сперва царствовало нежеланіе, слагавшееся изъ двухъ элементовъ: равнодушія однихъ и нѣжной привычки къ маслу другихъ. Наконецъ нежеланіе было побѣждено. Это случилось слишкомъ года три тому назадъ. Тогда рѣшено было вступить въ переговоры съ предпринимателями и переговоры тогда же начались. Одинъ терпѣливый иностранный агентъ съ тѣхъ самыхъ поръ живетъ въ Москвѣ и все ждетъ отвѣта, — живое доказательство медлительно-

сти, съ которою было ведено это дѣло. Новое городское управленіе возбудило надежду, что и надъ медлительностью будетъ одержана побѣда. Вопросъ заинтересовалъ многихъ, и было много желанія двинуть его впередъ. Общая Дума, черезъ вызовъ въ иностранныхъ газетахъ, пригласила желающихъ явиться къ 1-му декабря съ предложеніями. Явилось нѣсколько фирмъ, весьма извѣстныхъ по этой части: г. Бауэръ изъ Лондона, устроившій газовое освѣщеніе въ 300 городахъ, селеніяхъ и фабрикахъ; г. Ридингеръ, изъ Майнца, устроившій его въ 60 городахъ; гг. Ванъ-деръ-Маде и К° (*Бредіусъ*) изъ Голландіи—въ 43 городахъ; гг. Дитрихъ и К°—въ 30 городахъ. Мы приводимъ имена только тѣхъ уважаемыхъ фирмъ, о которыхъ намъ извѣстно, что онѣ изъявили желаніе вступить въ конкурренцію по устройству газоваго освѣщенія въ Москвѣ, и представили свои предложенія въ назначенный Думой срокъ. Такъ какъ кондиціи не были къ этому времени составлены въ Думѣ, то серіознаго состязанія быть не могло: каждый изъ конкурентовъ предъявилъ свои цѣны, но въ то же время каждый изъ нихъ выставилъ и свои кондиціи, а потому для сравненія предложеній не было твердаго основанія. Затѣмъ было приступлено къ составленію кондицій, или нормальнаго контракта, что̀ происходило въ одной изъ коммиссій Общей Думы. Какъ только эта работа была окончена, кондиціи, еще не утвержденныя Думой, были предъявлены конкуррентамъ и было назначено состязаніе между ними, которое имѣло мѣсто, если мы не ошибаемся, 1-го апрѣля. Повидимому къ этому состязанію *относится* извѣстіе, сообщаемое московскимъ корреспондентомъ *Journal de St.-Pétersbourg*. Этотъ корреспондентъ передаетъ публикѣ что одна англійская компанія (какая?) предлагаетъ освѣщать Москву газомъ по 23 р. съ уличнаго городскаго фонаря въ годъ и по 5 р. съ 1.000 кубическихъ футовъ газа уступаемаго частнымъ лицамъ и разнымъ заведеніямъ, а другая, брюссельская, компанія, въ главѣ которой стоитъ банкиръ Оппенгеймъ, соглашается взять по 21 р. 50 коп. въ годъ съ городскаго уличнаго фонаря и по 6 р. съ 1.000 кубическихъ футовъ газа отпускаемаго въ дома. Корреспондентъ прибавляетъ, что такъ какъ главное дѣло состоитъ въ освѣщеніи городскихъ улицъ, а не частныхъ домовъ и заведеній, то вѣроятно подрядъ останется за бельгійскою компаніей.

Такъ какъ вопросъ о газовомъ освѣщеніи Москвы не былъ предметомъ гласнаго обсужденія, то публикѣ едва ли понятны эти цифры, а между тѣмъ, дѣло это очень серіозное и должно интересовать весьма многихъ. Поэтому мы позволимъ себѣ войдти въ нѣкоторыя объяснительныя подробности. Въ уличномъ фонарѣ предполагается сжигать столько газа и притомъ газа такого качества, чтобы свѣтъ газоваго рожка равнялся свѣту 12 свѣчъ (не ручаемся за эту цифру, хоть полагаемъ, что не ошибаемся въ ней),—свѣчъ бѣлаго воску по 4 свѣчи въ фунтѣ. Нормальнымъ качествомъ газа признается такое качество, при которомъ для доставленія упомянутаго свѣта требуется въ часъ 5 кубическихъ футовъ газа, а такъ какъ каждый городской уличный фонарь долженъ горѣть 2.000 часовъ въ годъ, то на каждый фонарь потребуется газа нормальнаго качества около 10 тысячъ кубическихъ футовъ въ годъ. Слѣдовательно тысяча кубическихъ футовъ газа обходилась бы, по предложеніямъ упоминаемымъ въ *Journal de St.-Pétersbourg*:

По предложенію англійской компаніи—городу 2 р. 30 к., частнымъ лицамъ 5 р.

По предложенію брюссельской компаніи—городу 2 р. 15 к., частнымъ лицамъ 6 р.

Чтобы сравнить и взвѣсить эти предложенія, надобно знать, каково можетъ быть отношеніе между потребленіемъ газа въ уличныхъ фонаряхъ и потребленіемъ его въ домахъ заведеній и частныхъ лицъ. Мы не имѣемъ данныхъ для приблизительно-вѣрнаго отвѣта на этотъ вопросъ, но если мы не ошибаемся, то въ Петербургѣ частное потребленіе больше городскаго чуть не въ десять разъ, а потому предположивъ, что частные дома и заведенія въ Москвѣ будутъ относительно потреблять газа даже вдвое менѣе, чѣмъ въ Петербургѣ, мы можемъ придти къ заключенію, имѣющему за себя нѣкоторую вѣроятность, о количествѣ газа, которое современемъ можетъ сбывать въ Москвѣ домовладѣльцамъ предприниматель газоваго освѣщенія. Мы уже сказали, что уличный фонарь потребуетъ ежегодно около 10 тысячъ кубическихъ футовъ газа; уличныхъ фонарей будетъ на первое время, вѣроятно даже на все первое пятилѣтіе, около трехъ тысячъ; слѣдовательно городское управленіе

будетъ потреблять газа около 30 милліоновъ кубическихъ футовъ. Считая частное потребленіе впятеро, получимъ, что частныя лица будутъ потреблять 150 милліоновъ кубическихъ футовъ. При этихъ цифрахъ упомянутыя въ *Journal de St.-Pétersbourg* условія приведутъ къ слѣдующему результату:

Англійская компанія получитъ съ города 69.000 р., съ частныхъ лицъ и заведеній 750.000 р., итого 819.000 р.

Брюссельская компанія получитъ съ города 64.500 р., съ частныхъ лицъ и заведеній 900.000 р., итого 964.500 или на 145.500 р. больше

Итакъ, при второмъ предложеніи городъ сберегалъ бы 4.500 р., а частныя лица переплачивали бы лишняго 150.000 р. Мы полагаемъ, что городское управленіе не можетъ до такой степени отдѣлять интересы городской казны отъ интересовъ обывателей, чтобъ изъ-за незначительнаго барыша въ пользу городской казны подвергнуть обывателей столь значительному убытку. Предприниматель, получившій право продавать газъ частнымъ домамъ и заведеніямъ по 6 р. за тысячу кубическихъ футовъ, могъ бы, кажется, начиная со втораго пятилѣтія, освѣщать три тысячи фонарей даромъ.

На это безъ сомнѣнія можно возразить, что никто не знаетъ, будетъ ли въ Москвѣ потребляемо внутри домовъ 150 милліоновъ кубическихъ футовъ газа. Дѣйствительно, никто не можетъ этого знать, но что же изъ этого слѣдуетъ? Не то ли, что при такой постановкѣ вопроса торги по газовому освѣщенію становятся дѣломъ въ высшей степени азартнымъ? Предприниматель не можетъ разчитывать правильно: назначая опредѣленную цѣну за уличный фонарь, онъ принимаетъ въ разчетъ наименьшій предполагаемый имъ сбытъ газа частнымъ лицамъ и заведеніямъ; за всякій рискъ съ своей стороны онъ по необходимости заставитъ обывателей заплатить себѣ впятеро. Выгодно ли городу ставить предпринимателя въ такое положеніе?

Скажутъ еще, что цѣна газа, назначаемая для частныхъ домовъ и заведеній, есть лишь предѣльная цѣна, то-есть предприниматель не можетъ идти выше ея, а понижать ее ему не возбраняется: онъ будетъ принужденъ, говорятъ, сообразоваться съ потребностью публики, если не захочетъ повредить себѣ сокращеніемъ потребленія. Это отчасти такъ, но предприниматель будетъ имѣть привилегію, которая оградитъ его отъ конкурренціи. Онъ будетъ понижать цѣну газа только соображаясь съ цѣной другихъ освѣтительныхъ матеріаловъ. При дороговизнѣ газа войдутъ, конечно, въ употребленіе маленькіе рожки. Какой матеріалъ сможетъ соперничать съ ними? Пять кубическихъ футовъ газа даютъ свѣта больше чѣмъ одна стеариновая свѣча, а при цѣнѣ въ 5 р. за тысячу футовъ, пять футовъ стоили бы $2^1/_2$ коп. Вотъ какова дешевизна газа даже при громадной цѣнѣ въ 5 р. за тысячу футовъ! Стало-быть конкурренціи другихъ освѣтительныхъ матеріяловъ текучій газъ не очень будетъ бояться, и предприниматель значительно отступитъ отъ предѣльной цѣны развѣ только въ томъ случаѣ, когда около Москвы откроются источники минеральнаго масла. Пока этого не случится, онъ будетъ брать дань съ развивающагося въ городѣ вкуса къ комфорту. Правильно ли это?

Полемизируя различіе въ цѣнѣ газа для уличнаго и домоваго освѣщенія, мы готовы однакоже признать, что въ Москвѣ до нѣкоторой степени необходимо допустить это различіе. Мы хотимъ только указать на ту экономическую аксіому, что находясь въ необходимости производить состязаніе по предпріятію, котораго барышъ зависитъ отъ двухъ измѣнчивыхъ цѣнъ, надобно для избѣжанія азарта установлять въ кондиціяхъ ту цѣну, которой выгодность менѣе зависитъ отъ случая, а предметомъ состязанія дѣлать цѣну болѣе измѣнчивую и болѣе подлежащую риску. Въ настоящемъ случаѣ торги сдѣлались бы гораздо менѣе азартными, еслибы въ кондиціяхъ была опредѣлена цѣна уличнаго фонаря, а предѣльная цѣна для частныхъ домовъ и заведеній сдѣлалась предметомъ состязанія.

Въ Петербургѣ, сколько намъ извѣстно, частные дома и заведенія покупаютъ газъ по одной цѣнѣ съ городомъ. Это тамъ возможно, потому что тамъ каменный уголь почти на 20 к. с. за пудъ дешевле чѣмъ въ Москвѣ. Въ Москвѣ же это невозможно. Мы совершенно согласны съ тѣмъ положеніемъ, что въ Москвѣ газовое освѣщеніе не должно обходиться городу дороже теперешняго освѣщенія масломъ. Газовое освѣщеніе несравненно лучше, но это комфортъ, которымъ преимущественно воспользуются богатыя части города и бога-

тые обыватели, а городская казна составляется изъ сборовъ платимыхъ всѣми частями города и всѣми обывателями. Дабы не заставлять бѣднаго платить за удобство богатаго, мы полагаемъ, что возвышать теперешній городской расходъ на уличное освѣщеніе не слѣдуетъ, но по всей справедливости не слѣдуетъ и уменьшать теперешній расходъ въ ущербъ тѣмъ обывателямъ, которые будутъ потреблять газъ внутри домовъ. И безъ этой несправедливости, жителямъ отдаленныхъ частей города не на что будетъ жаловаться: перемѣна будетъ состоять въ томъ, что плохое освѣщеніе будетъ замѣнено хорошимъ, но городскіе поборы отъ этого не увеличатся ни на копѣйку. Не всѣ ли будутъ этимъ довольны? Теперь фонарь обходится болѣе чѣмъ въ 26 р.; оставьте эту цѣну неподвижною, внесите ее въ ваши кондиціи, а конкурренціи предоставьте цифру предѣльной цѣны. Тогда вы поступите во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненно, а вмѣстѣ съ тѣмъ будете содѣйствовать важному удобству московской городской жизни, дешевизнѣ освѣщенія нашихъ частныхъ домовъ, нашихъ фабрикъ, магазиновъ, лавокъ и разныхъ публичныхъ мѣстъ. Въ Москвѣ и такъ жить дорого, а удобствъ жизни мало: вы хоть сколько-нибудь поможете устраненію этого недостатка, препятствующаго возрастанію народонаселенія въ первопрестольной столицѣ.

Правда, для достиженія указанной цѣли было бы необходимо произвести нѣкоторое измѣненіе въ проектированныхъ кондиціяхъ, но вѣдь эти кондиціи еще не утверждены Общею Думой, а конкурренты едва ли будутъ жаловаться на то, что Общая Дума воспользуется своимъ несомнѣннымъ правомъ и, прежде утвержденія кондиціи, подвергнетъ ихъ серіозному пересмотру. При этомъ можно бы принять во вниманіе и нѣкоторыя повидимому справедливыя желанія конкуррентовъ объ устраненіи двухъ или трехъ стѣснительныхъ условій, вкравшихся въ кондиціи. Но объ этомъ—до другаго раза.

№ 102.

Москва, 7-го мая.

Въ историческомъ развитіи народовъ бываетъ пора, когда жизнь во всѣхъ своихъ отправленіяхъ подчиняется государственной необходимости, когда общественныя силы не могутъ самопроизвольно дѣйствовать, когда никакое народное начало не можетъ само по себѣ имѣть значенія, и когда за все отвѣчаетъ безразличная, по существу своему, правительственная сила. Бываетъ ли такое состояніе послѣдствіемъ внутренней или внѣшней необходимости, оно во всякомъ случаѣ имѣетъ свой характеръ, свои условія, свои обязанности. Коль скоро государство пріостанавливаетъ самодѣятельность народной жизни и беретъ на себя всѣ заботы объ ея интересахъ, то оно беретъ на себя также и всю отвѣтственность за сохранность ея достояній. Государство можетъ быть могущественно, а народная жизнь можетъ быть скудна и темна, общественныя силы могутъ быть бездѣйственны и безплодны. Государственное могущество не можетъ замѣнить собою производительное развитіе народныхъ силъ, общественную и личную энергію въ разныхъ сферахъ человѣческой жизни и дѣятельности; но пока длится государственная дѣятельность, пока не оказывается возможнымъ, удобнымъ или современнымъ предоставить жизненнымъ силамъ свободу дѣйствовать самостоятельно и охранять себя свойственными каждой способами, то оно должно не ослабѣвать въ тѣхъ способахъ, которые ему свойственны. Если жизнь въ своихъ основныхъ силахъ почему-либо не имѣетъ самостоятельнаго развитія, то государство тѣмъ ревностнѣе должно охранять ее своими средствами. Либерализмъ при такихъ условіяхъ былъ бы весьма жалкимъ и пагубнымъ заблужденіемъ. Либерализмъ при такихъ условіяхъ былъ бы выраженіемъ не силы народной жизни, а безсилія государства.

Либерализмъ вошелъ у насъ въ моду. Никто не осмѣлится сказать у насъ слова безъ либеральной приправы, всякій старается оправдать свои фантазіи либеральными цѣлями. Увы! какъ далеко отъ этого моднаго либерализма, размѣняннаго на мелкую монету, истинное чувство свободы, творящей чудеса, оплодотворяющей жизнь, дающей народу богатство, образованіе, физіономію, и сообщающей ему нравственное вліяніе на всемірную цивилизацію! Правда, мы можемъ утѣшать себя тѣмъ, что фальшивый либерализмъ не у насъ однихъ въ модѣ, что пышныя либеральныя фразы безъ истиннаго смысла свободы раздаются повсюду; однако нельзя не сознаться, что

нигдѣ не могутъ онѣ вести къ такимъ прискорбнымъ недоразумѣніямъ какъ у насъ.

Жизнь есть борьба; въ ней есть и положительныя, и отрицательныя силы; въ ней совершаются и созиданія, и разрушенія. Не хорошъ ли тотъ либерализмъ, который захотѣлъ бы предоставить свободу силамъ отрицанія и разрушенія на счетъ силъ положительныхъ и созидающихъ? Хорошъ ли тотъ либерализмъ, который захотѣлъ бы предоставить свободу, помимо собственныхъ силъ народа, началамъ чуждымъ и враждебнымъ ему? Мы сплошь и рядомъ слышимъ какъ подъ свободною мыслію и свободнымъ дѣйствіемъ разумѣется мысль и дѣйствіе отрицательнаго свойства. Печальный и пагубный софизмъ! Безъ сомнѣнія, гдѣ жизнь, тамъ и отрицательныя начала, враждующія противъ нея. Но можно ли допустить, можно ли здравосмысленно пожелать, чтобы жизнь въ своихъ органическихъ силахъ оставалась связанною, а воля была предоставлена только тому, что ее разрушаетъ и разлагаетъ, и чтобъ она была беззащитно предана дѣйствію этихъ разлагающихъ началъ, и чтобы въ этомъ поставлялась ея свобода? Фальшивый либерализмъ будетъ требовать самоуправленія для дѣтей, которыя, по естественнымъ условіямъ своего возраста, непремѣнно должны находиться подъ опекой; но онъ не пойметъ, что люди взрослые могутъ достойно дѣйствовать въ соотвѣтствующихъ возрасту ихъ сферахъ лишь по мѣрѣ своей самостоятельности и самоотвѣтственности. Фальшивый либерализмъ обойдется съ сѣдовласымъ учителемъ какъ съ мальчишкой, а передъ мальчишкой сконфузится какъ передъ мудрецомъ и передовымъ человѣкомъ. Фальшивый либерализмъ не пойметъ, что право собственности должно быть обезпечено, что оно должно быть уважено, что ему должно быть предоставлено значеніе и вліяніе, и захочетъ напротивъ предоставить и силу, и значеніе тому, что подрываетъ и нарушаетъ это основное право. Онъ окажется равнодушнымъ къ интересамъ честныхъ и мирныхъ людей, къ обезпеченію ихъ отъ обиды и насилія, къ огражденію ихъ чести и жизни; но онъ будетъ сентиментально умиляться передъ грабителемъ и душегубомъ, онъ будетъ заботиться объ ихъ эманципаціи, и желать, чтобы преступникъ былъ обезпеченъ, если не отъ преслѣдованія, то отъ должной кары правосудія.

Пока наши общественныя силы бездѣйствуютъ, пока въ дѣйствіи одна правительственная организація, можно ли желать, чтобъ она ослабѣвала въ охраненіи народнаго достоянія, такъ тяжко собраннаго трудомъ нашей исторіи! Въ составъ Русскаго государства входятъ многія разноплеменныя народности. Нельзя требовать, чтобы правительство свойственными ему способами сливало эти чуждыя начала съ господствующею народностію. Подобныя слiянія можетъ успѣшно совершать только жизнь, при свободномъ и полномъ развитіи своихъ интересовъ. Но съ другой стороны, можетъ ли государство не признавать себя органомъ господствующей народности, и не держать ея знамени надъ всѣми иноплеменными элементами живущими подъ его державой? Можетъ ли въ какой-либо части Русскаго государства какая бы то ни была иноплеменная народность, или даже какой-нибудь общественный классъ, принадлежащій къ чуждой народности, домогаться не только терпимости къ себѣ, но и заботиться о господствѣ и о расширеніи своего господства, о покореніи себѣ другихъ племенъ и народностей, и можетъ ли ему быть предоставлено право считать свою провинцію особымъ государствомъ въ государствѣ?

Мы не можемъ не признать, что столь долго господствовавшая у насъ правительственная система значительно смягчилась. Должны ли мы радоваться этому или желать возвращенія прежняго обаянія государственной силы, которое отечество наше имѣло какъ въ глазахъ иностранцевъ, такъ и въ нашемъ собственномъ мнѣніи? Возвращеніе къ прежнему, еслибы даже и было хоть сколько нибудь желательно, не всегда бываетъ возможно. Но если мы не можемъ или не хотимъ дѣйствовать одними отрицательными средствами для огражденія нашей церкви, правъ нашей народности, нашего политическаго значенія, если наконецъ мы сознаемъ тщету одной внѣшней силы для подавленія опасныхъ и вредныхъ началъ, если мы начинаемъ сознавать цѣну свободы и хотимъ дѣйствовать либеральными средствами, то не слѣдуетъ ли прежде всего пожелать, чтобы господствующая народность вступила въ обладаніе всѣми своими силами, и чтобы смягченіе правительственнаго дѣйствія имѣло своимъ послѣдствіемъ прежде всего пробужденіе нашихъ народныхъ силъ?

№ 103.

Москва, 8-го мая.

Совершеніе предположенной судебной реформы было бы, безъ сомнѣнія, однимъ изъ самыхъ существенныхъ условій нашего благоустройства Реформа задумана на самыхъ широкихъ основаніяхъ и окружена многими благопріятными обстоятельствами. Законодатель имѣетъ предъ собою богатство историческаго опыта всѣхъ цивилизованныхъ народовъ; сила и значеніе каждаго начала судоустройства и судопроизводства раскрываются передъ нимъ не въ теоретическихъ построеніяхъ, а въ дѣйствительныхъ примѣрахъ, въ разнообразныхъ фактахъ, которые представляютъ богатый матеріялъ для наблюденій и соображеній. Пользуясь опытомъ всѣхъ историческихъ народовъ, наше законодательство можетъ провѣрять на дѣлѣ силу каждаго начала и слѣдить за его дѣйствіями при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ. Такого рода изученіе болѣе или менѣе обезпечиваетъ органическое примѣненіе реформы къ дѣйствительнымъ потребностямъ и условіямъ страны. Понятія выработанныя такимъ путемъ находятъ прямой и вѣрный путь къ жизни и могутъ обезпечивать успѣхъ преобразованія. А все же очень трудная задача для законодателя—примѣненіе реформы къ дѣйствительнымъ условіямъ среды, для которой она предназначается. Отдѣльныя части, которыхъ касаются преобразованія, никогда не являются отдѣльными въ дѣйствительномъ быту. Всѣ части народнаго быта неразрывно между собою связаны, и истинный успѣхъ какой бы то ни было части его зависитъ отъ бóльшаго или меньшаго согласія съ разнообразными условіями, часто не находящимися съ нею въ непосредственной связи, но тѣмъ не менѣе дѣйствующими въ томъ же быту. Чтò въ сферѣ понятій совершенно разнородно между собою, то жизнь соединяетъ иногда въ органическую связь сочетаніями неожиданными и плодотворными.

При введеніи новой системы суда одна изъ главнѣйшихъ задачъ состоитъ въ томъ, чтобы сообразить эту часть съ другими соприкосновенными частями: напримѣръ съ земскими учрежденіями, съ разными административными вѣдомствами, съ полиціей. Высочайше утвержденныя основанія судебной реформы не могли имѣть въ виду, а тѣмъ менѣе могли вполнѣ исчерпать подобное соглашеніе; въ нихъ намѣчены главныя черты, обозначены сущность и духъ предпринимаемой реформы. Дальнѣйшая задача законодательства должна состоять въ развитіи этихъ основаній, въ полной и окончательной разработкѣ положенія долженствующаго вступить въ жизнь, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ соглашеніи нѣкоторыхъ существенныхъ элементовъ его съ другими частями, которыя будутъ находиться въ разнообразныхъ соприкосновеніяхъ съ судебною частію. Это совершенно новая задача, которая, повторимъ, не входила и не могла входить въ первоначальное начертаніе основаній реформы. Въ этомъ первоначальномъ начертаніи невозможно было предопредѣлять отношенія судебныхъ мѣстъ и лицъ къ другимъ вѣдомствамъ, равно какъ и многія другія обстоятельства, которыя могутъ быть изучены и оцѣнены надлежащимъ образомъ лишь при окончательной разработкѣ проекта. Первоначальное начертаніе имѣетъ совершенно общій характеръ и не регламентируетъ дальнѣйшаго законодательнаго развитія, которое должно оставаться вѣрнымъ духу основаній и намѣреніямъ въ нихъ выраженнымъ, но не должно рабски держаться ихъ буквы, не должно приносить ей въ жертву живую дѣйствительность, пренебрегая изъ одного формализма новыми или вновь обнаруживающимися потребностями быта. Въ противномъ случаѣ не было бы надобности совершать двѣ отдѣльныя стадіи, и первоначальное начертаніе основаній было бы въ сущности и окончательною разработкой проекта закона.

Особенно важное значеніе въ новомъ судебномъ порядкѣ будутъ имѣть мировые судьи. Мировая юстиція есть начало и корень новаго судоустройства. Она будетъ вѣдать весь нашъ народный бытъ, и на ея широкомъ основаніи должно выситься новое зданіе всей судебной системы. Но съ тѣмъ вмѣстѣ мировая юстиція, по самой сущности своей и по своему положенію, должна служить связующимъ звеномъ между судебною частію и всѣми другими частями. Мировая юстиція должна стать живымъ органомъ нашего новаго свободнаго земства; она должна стать лучшимъ правомъ поземельной собственности; она должна дать новое благотворное значеніе нашимъ землевладѣльческимъ классамъ, если только Богу будетъ угодно благословить

эти начатки. Съ другой стороны, имѣя въ своемъ завѣдываніи ежедневные мелкіе случаи жизни, мировые судьи не могутъ, по самому характеру своего служенія, успѣшно вести свою судебную практику въ разобщеніи со всѣмъ остальнымъ, какъ судебная палата. Судебные интересы по необходимости связаны на практикѣ со всѣми другими земскими интересами. Если дѣятельность мировыхъ судей не можетъ быть вполнѣ удовлетворительна въ искусственномъ разобщеніи съ прочими земскими дѣлами, то съ другой стороны было бы крайне расточительно, совершенно не соотвѣтственно съ нашими средствами и противно интересамъ земскаго дѣла не воспользоваться новыми дѣятелями для всѣхъ соприкосновенныхъ съ ихъ практикой общественныхъ интересовъ, которые всего лучше могутъ преуспѣвать въ ихъ рукахъ, и которые едва ли и найдутъ себѣ другія руки въ цѣломъ земствѣ. Не обращая вниманія на совокупность элементовъ, составляющихъ дѣйствительный бытъ, и на органическую связь его потребностей, слѣдя за каждою частью отвлеченно и порознь, можно настроить много учрежденій на воздухѣ, которымъ на дѣйствительной почвѣ пришлось бы отбивать другъ у друга мѣсто. Природа—великая учительница наша; она изъ немногаго дѣлаетъ многое, и удивляетъ насъ простотою своихъ способовъ. Только то и въ людскомъ быту выходитъ зрѣлымъ и прочнымъ, что̀ отличается этимъ характеромъ. Будемъ надѣяться, что практика сблизитъ и можетъ-быть сольетъ земскія управы съ мировыми съѣздами, которымъ по преимуществу можно прочить будущность и широкое развитіе. Теперь, однако, мы хотимъ сказать нѣсколько словъ о другомъ тоже весьма существенномъ для быта соприкосновеніи мировой юстиціи,—именно о ея соприкосновеніи съ полиціей.

Въ нашей журналистикѣ случалось намъ встрѣчать забавно-брезгливые отзывы о полицейскихъ обязанностяхъ. При нашей крайней неопытности въ дѣлѣ самоуправленія, намъ кажется, что вмѣшиваться въ полицейскія обязанности не джентльменское дѣло, и что будто бы полиція вовсе и входить не должна въ систему самоуправленія. Полицейскія обязанности, съ которыми связаны всѣ интересы общественнаго быта, напротивъ, должны составлять одинъ изъ существеннѣйшихъ элементовъ самоуправленія; безъ нихъ самоуправленіе не можетъ имѣть никакого смысла, никакой силы, никакой дѣйствительности, и превращается въ фантазію для пріятнаго препровожденія времени. Отбрасывать эти обязанности, какъ что-то недостойное, предоставлять эту часть первому встрѣчному, отдавать ее въ исключительное завѣдываніе чуждымъ земству людямъ, значитъ отказываться отъ самоуправленія и оставаться въ зависимости. Всякій, кто способенъ быть органомъ самоуправленія, долженъ нести на себѣ долю этихъ столь важныхъ для общества обязанностей. Мировой судья только тогда и будетъ удовлетворять своему назначенію, когда̀ онъ вмѣстѣ съ своими чисто-судейскими обязанностями будетъ соединять завѣдываніе полицейскою частію.

И дѣйствительно есть мысль подчинить мировому судьѣ, въ сферѣ его дѣятельности, полицейскую часть. Мы не можемъ не порадоваться этой мысли, не можемъ не привѣтствовать ее какъ истинно государственную плодотворную мысль, совершенно согласную съ назначеніемъ мироваго института и тѣмъ развитіемъ, которое онъ долженъ принять, чтобы дѣйствовать съ успѣхомъ и пользой. Въ Основныхъ Положеніяхъ, правда, не упоминается о правѣ мировыхъ судей на разборъ первоначальныхъ обвиненій по уголовнымъ преступленіямъ. Но если тѣмъ, которые пострадали отъ преступленія, или напали на слѣды преступленія, или несправедливо въ преступленіи заподозрѣны, придется выбирать одно изъ двухъ,—обратиться либо къ полиціи, которая близко, либо къ судебнымъ слѣдователямъ и прокурорамъ, которые далеко,—то за становыми приставами непремѣнно останется страшная, опасная для общества власть—подвести подъ уголовное слѣдствіе или отъ него избавить, сохранить слѣды преступленія или дозволить виновному скрыть ихъ, дать ходъ уголовному обвиненію или заранѣе уничтожить его силу. Право арестовать по подозрѣнію есть обширное и безотчетное право; оно обширнѣе обыкновенной судейской власти, ибо распространяется не на арестантовъ, судимыхъ въ преступленіи, а на всѣхъ и каждаго; оно безотчетнѣе власти присяжныхъ, ибо если нельзя опредѣлить правилъ для признанія человѣка виновнымъ, то еще невозможнѣе опредѣлить ихъ для подозрѣнія. Но съ другой стороны отсрочка ареста можетъ испортить все дѣло правосудія, а во время арестовать мировому судьѣ удобнѣе

чѣмъ даже становому приставу. Мы полагаемъ, что тогда только аресты могутъ производиться у насъ правильно, когда право ареста будетъ дано мировому судьѣ. Порядокъ, обезпечивающій дѣйствительность суда и судейскаго покровительства правамъ каждаго, заключается въ томъ чтобы подозрительныя лица приводились предъ самостоятельныхъ мѣстныхъ представителей судебной власти, предъ ними обвинялись, и только по ихъ рѣшенію могли быть подвергнуты аресту или отданы на поруки или избавлены отъ дальнѣйшаго уголовнаго преслѣдованія. Намъ кажется, что если то вѣдомство, которое имѣетъ высшій въ имперіи надзоръ за полиціею, находитъ возможнымъ поставить ее въ положеніе, необходимое для дѣйствительности суда и судебной реформы, то съ точки зрѣнія судебнаго и другихъ вѣдомствъ не можетъ быть никакого затрудненія при допущеніи столь важнаго улучшенія, совершенно согласнаго съ цѣлью Основныхъ Положеній и составляющаго непремѣнное условіе того, чтобы могло сдѣлаться дѣйствительнымъ ихъ примѣненіе.

Къ общимъ соображеніямъ, которыя говорятъ въ пользу подчиненія мѣстной полиціи контролю мировыхъ судей, присоединяются въ настоящую минуту еще другія временныя, но тѣмъ не менѣе чрезвычайно важныя побужденія желать упомянутаго нами улучшенія судебной реформы. Одно изъ самыхъ серіозныхъ, самаго заботливаго вниманія заслуживающихъ явленій нашей сельской жизни безспорно составляетъ теперь значительное размноженіе случаевъ воровства и грабежа. Много причинъ соединилось чтобы вызвать это явленіе: отмѣна крѣпостнаго права, разомъ освободившая изъ-подъ строгой опеки слишкомъ 20 милліоновъ людей; отмѣна откупа, отозвавшаяся усиленіемъ пьянства и, что здѣсь особенно важно, размноженіемъ питейныхъ домовъ; наконецъ отмѣна тѣлеснаго наказанія для уголовныхъ преступниковъ, избавившая испорченныхъ людей отъ того, что ихъ всего болѣе устрашало въ уголовномъ наказаніи. Польза этихъ трехъ мѣръ несомнѣнна, но было бы крайне ошибочно упускать изъ виду, что чѣмъ болѣе ограничивается произволъ и жестокость, и чѣмъ менѣе употребляются они какъ средство къ поддержанію порядка, тѣмъ сильнѣе долженъ дѣйствовать законъ. Эта усиленная дѣятельность закона должна оказать себя какъ можно скорѣе въ нашихъ селахъ: иначе зло успѣетъ пустить корни, и послѣ того съ нимъ будетъ очень трудно бороться. Неурядица сельскаго быта, мы въ томъ увѣрены, заставитъ ускорить введеніе судебной реформы, по крайней мѣрѣ введеніе мироваго суда, и въ то же время принудитъ дать мировому суду то значеніе, тотъ кругъ дѣятельности и ту обстановку, которыя необходимы для огражденія земскаго мира. Нельзя не пожелать, чтобы законодательство предупредило проявленіе суровой силы обстоятельствъ, заранѣе соединивъ въ мировомъ судѣ всѣ условія и средства энергически противодѣйствовать соціальному злу, теперь болѣе и болѣе развивающемуся.

№ 104.

Москва, 11-го мая.

Благодаря гласности, которую военное вѣдомство сообщаетъ своимъ преобразованіямъ, мы получили возможность ознакомиться съ основаніями, принятыми при составленіи проекта *новыхъ началъ военной повинности* въ Россіи. Съ полнымъ вниманіемъ, котораго требуетъ значеніе предположенной реформы, прочли мы рядъ интересныхъ статей *), излагающихъ весьма обстоятельно труды коммиссіи для пересмотра рекрутскаго устава. Мы можемъ теперь говорить съ большимъ убѣжденіемъ о предметѣ, высокое политическое значеніе котораго очевидно для всякаго.

Способъ отправленія военной повинности, — отправленіе натурой или деньгами, посредствомъ набора или посредствомъ вербовки,—обусловливается прежде всего численностію войскъ. Большія, регулярныя арміи, если не вовсе устраняютъ, то въ значительной степени умаляютъ возможность примѣненія системы вербовки; для ихъ комплектованія требуется установленіе обязательной военной службы. И потому избраніе одной или нѣсколькихъ системъ набора войскъ, „приличествующихъ Россіи", непосредственно опредѣляется составомъ воинскихъ силъ.

Статья г. Воловскаго, въ *Revue des deux Mondes*, уже доставила намъ случай сообщить читателямъ главнѣйшія перемѣны,

*) *Военный Сборникъ* №№ 2, 3, 4, 1864 г.

произведенныя въ прошломъ году въ составѣ нашихъ войскъ. Наглядномъ образомъ онѣ представляются въ слѣдующей табличкѣ, помѣщенной въ отчетѣ г. военнаго министра за 1863 годъ:

	Въ началѣ 1863 г. мы имѣли.	Къ веснѣ 1864 г. будемъ имѣть.
I. Подвижныхъ войскъ.		
а) Пѣхоты: дѣйствующихъ дивизій	28	47
баталъйоновъ	361	626
нижнихъ чиновъ	364 422	694.511
б) Кавалеріи: эскадроновъ	226	226
нижнихъ чиновъ	38.366	49.183
в) Артиллеріи: бригадъ пѣшихъ	28	47
конныхъ	8	8
батарей пѣшихъ	112	137
конныхъ	18	18
запряженныхъ орудій	784	1.060
нижнихъ чиновъ	41.734	48 773
г) Саперныхъ батальйоновъ	10½	11
нижнихъ чиновъ	13.413	16 203
Всего въ подвижн. войскахъ	457.875	808 670
Увеличеніе на		350 795
II. Войскъ боевыхъ мѣстныхъ.		
а) Линейныхъ батальйоновъ	87	72½
нижнихъ чиновъ	80.455	74.561
b) Крѣпостныхъ батальйон.	—	23
нижнихъ чиновъ	—	23.472
c) Крѣпостной артилл. ротъ	54	58½
нижнихъ чиновъ	19.830	29.892
	100.285	127 925
Увеличеніе на		27.640
III. Резервовъ войскъ, внутреннихъ и нестроевыхъ.		
1. Резервовъ: батальйоновъ	97	19
эскадроновъ	80	60
батарей	24	20
саперныхъ батальйоновъ	½	½
нижнихъ чиновъ	87.350	38.518
2. Внутренней стражи батал.	50	47
командъ	779	779
нижнихъ чиновъ	129 262	123.161
3. Нестроевыхъ командъ нижнихъ чиновъ	32.399	30.200
4. Жандармовъ, нижнихъ чиновъ	3.994	6.511
5. Учебныхъ войскъ	1.040	990
	254 036	199 380
Уменьшеніе на		54.656
Итого: войскъ полевыхъ	457.875	808.670
мѣстныхъ	100.285	127 925
внутреннихъ нестроевыхъ	254 036	199.380
	812.196	1.135.975
Увеличеніе на		323.779

„Таковой *боевой регулярной силы* мы не имѣли еще доселѣ ни въ одну изъ предшествовавшихъ войнъ".

Но этого мало: увеличеніемъ военныхъ силъ, вызваннымъ тревожными ожиданіями европейской войны въ прошломъ году, военное вѣдомство воспользовалось, чтобы провести въ практику тѣ начала организаціи арміи, которыя въ теченіи послѣднихъ лѣтъ постепенно развивались въ офиціяльной военной журналистикѣ. Эти начала имѣютъ существенное значеніе и для реформы рекрутскаго устава; вмѣстѣ съ численностію войскъ, онѣ существенно ограничиваютъ выборъ между возможными системами военной повинности.

Армія значительно увеличена образованіемъ новыхъ дивизій. Это увеличеніе, вызванное временными обстоятельствами, стало мѣрой постоянною. *Для приведенія арміи на военное положеніе впредь уже не придется формировать какихъ-либо частей*; ибо во всѣхъ нынѣ существующихъ 47 дѣйствующихъ дивизіяхъ будутъ постоянно существовать всѣ штабы: дивизіонные, полковые, батальйонные, эскадронные, батарейные и ротные. До 1863 года существовалъ другой порядокъ: въ семи резервныхъ дивизіяхъ таилась сила, которая при переходѣ на военное положеніе должна была развертываться въ двадцать одну дивизію; полковые штабы принимали на мирное время видъ штабовъ отдѣльныхъ батальйоновъ, наконецъ, ротныхъ штабовъ была только треть того числа, которое должно было получиться при переходѣ на военное положеніе. И потому при прежней системѣ „формированіе" войскъ начиналось „расформированіемъ" резервныхъ дивизій и устройствомъ бóльшаго числа новыхъ частей. За неимѣніемъ постоянныхъ штабовъ оказывался крайній недостатокъ въ офицерахъ, что еще болѣе затрудняло формированіе новыхъ частей, — частей, пополнявшихся большею частію рекрутами. Между тѣмъ резервныя войска требовались для поддержанія ограниченнаго числа дѣйствующихъ, и потому новобранцы поступали въ ряды на походѣ и часто выходили на боевое поприще безъ всякаго строеваго образованія. Наконецъ, на образованіе новыхъ частей изъ резервныхъ требовалось много времени, отъ трехъ до семи мѣсяцевъ. Теперь неудобства эти устранены. Резервныя войска прежней организаціи обращены въ дѣйствующія, а для пополненія послѣд-

нихъ учреждены особыя неподвижныя части, такъ-называемыя рекрутскія депо, исключительное назначеніе которыхъ будетъ состоять въ обмундированіи и обученіи рекрутъ для отправки ихъ въ полки уже въ видѣ солдатъ. Первый опытъ учрежденія рекрутскихъ депо произведенъ, и по отзывамъ военнымъ журналовъ, совершенно удался: двухъ мѣсяцевъ съ половиною было достаточно для образованія изъ рекрутъ хорошо-обученнаго батальйона, способнаго къ отправленію службы дѣйствующаго войска. Такой успѣхъ, скажемъ мимоходомъ считается результатомъ не только учрежденія этихъ рекрутскихъ депо, но и новыхъ правилъ, установленныхъ военнымъ министерствомъ для образованія рекрутъ.

„Но значительное усиленіе арміи не „должно однако повести къ большому об„ремененію государственныхъ финансовъ; „увеличилось только число тактическихъ „единицъ, числительный же составъ ихъ „можетъ быть значительно уменьшенъ на „мирное время, такъ что въ общей слож„ности наличная числительность арміи на „мирномъ положеніи не должна превышать „прежняго размѣра." Для этой цѣли будетъ производено увольненіе значительнаго числа нижнихъ чиновъ въ безсрочный отпускъ, чрезъ что̀ составится, послѣ нѣсколькихъ еще наборовъ, такой запасъ отпускныхъ, который опредѣлится разностію между штатами мирнаго и военнаго времени. Слѣдовательно, если въ мирное время изъ 1.100.000 будутъ состоять на лицо, примѣрно, 700.000 нижнихъ чиновъ, то въ безсрочномъ отпуску ихъ будетъ 400.000. Но наступитъ необходимость,—объявится призывъ безсрочныхъ, и черезъ $1^1/_2$ или два мѣсяца со дня обнародованія призыва, люди, находившіеся въ самыхъ отдаленныхъ губерніяхъ, будутъ уже собраны на назначенномъ мѣстѣ. Такимъ образомъ, безъ особеннаго ущерба въ военномъ отношеніи, улаживается и финансовый вопросъ о содержаніи милліонной арміи и всѣ выгоды новой системы будутъ пріобрѣтены незначительнымъ увеличеніемъ бюджета на содержаніе штабовъ, которые при прежней системѣ упразднялись на мирное время.

Таковы главныя начала новой организаціи войскъ, таковы существенныя преимущества ея въ военномъ отношеніи предъ прежнимъ порядкомъ. Новая система заслуживаетъ дѣйствительно названія системы; нѣкоторыя стороны ея, какъ напримѣръ учрежденіе рекрутскихъ депо (если бы только ихъ назвать иначе!), во всѣхъ отношеніяхъ должны быть признаны раціональными.

Но обратимся къ новымъ началамъ военной повинности, къ трудамъ коммиссіи рекрутскаго устава. Мы уже замѣтили, что эти труды, въ капитальныхъ частяхъ вопроса, были значительно облегчены, можно даже сказать опредѣлены, новыми началами военной организаціи. И дѣйствительно, если эти начала дѣйствуютъ почти безразлично на бюджетъ военнаго министерства, не вызывая въ немъ значительныхъ измѣненій, а равно и не препятствуя имъ, то для набора войска они устанавливаютъ неизмѣнныя обязательства. Какъ бы ни былъ распредѣленъ милліонъ между наличнымъ составомъ и запасомъ безсрочно-отпускныхъ, милліонъ, при извѣстномъ срокѣ обязательной службы, для набора останется милліономъ. Убыль безсрочно-отпускныхъ будетъ пополняться увольненіемъ людей изъ наличнаго числа, убыль наличнаго числа—наборами. А такъ какъ эта убыль въ обыкновенное время не подлежитъ значительнымъ колебаніямъ, то и самые наборы получатъ нѣкоторую *правильность*.

Такимъ образомъ вопросъ „о выборѣ одной или нѣсколькихъ системъ набора" не могъ долгое время затруднять коммиссію; изъ какихъ бы чиновниковъ она не состояла, она имѣла предъ собой одно рѣшеніе: *обязательную военную повинность, и притомъ повинность правильную* (это послѣднее качество имѣетъ особенную важность). Милліонное число—число большое, и число постоянное. *Московскія Вѣдомости* вполнѣ принимаютъ на себя отвѣтственность въ томъ (по мнѣнію г. О., печатающаго въ *Русскомъ Инвалидѣ* статьи полуофиціяльнаго содержанія) *добровольномъ заблужденіи*, которое высказалось въ строкахъ передовой статьи № 1 нашей газеты, относившихся къ реформѣ рекрутскаго устава. Поясненія г. О. ни мало не устранили этого добровольнаго заблужденія", такъ какъ оно основано не на любви „къ прежнимъ наборамъ *временъ крѣпостнаго права*", какъ чрезвычайно остроумно замѣчаетъ г. О., а на выводахъ здраваго разсудка, выводахъ къ которымъ г. О. въ пылу своей, впрочемъ похвальной, ревности, оказываетъ иногда пренебреженіе. Этой рев-

ности прежде всего мы приписываемъ и тотъ оборотъ, посредствомъ котораго г. О. дошелъ до нашей любви *къ временамъ крѣпостнаго права.* Къ крайнему нашему сожалѣнію, даже ревности г-на О. недостаточно, чтобъ отнять у его читателей возможность справиться со взглядами *Русскаго Вѣстника* и *Московскихъ Вѣдомостей* по отношенію къ отмѣнѣ крѣпостнаго права.

Намъ могутъ возразить, что коммиссія занималась однако и подробнымъ разсмотрѣніемъ вербовки, ея выгодъ и недостатковъ, что она постановила даже „допустить вербовку какъ средство побочное, и по мѣрѣ средствъ, стараться расширить ея область". Съ этою цѣлію предполагается установить въ законодательствѣ систему рекрутскихъ наймовъ, въ видѣ ли *права замѣны* между частными людьми, или въ видѣ *приглашенія,* отъ имени правительства, въ войска лицъ, изъявляющихъ желаніе служить, причемъ для увеличеніе числа такихъ лицъ предполагается улучшить положеніе военно-служащихъ и вознаграждать ихъ такъ, „чтобы служба становилась привлекательнѣе". Но едва ли труды коммиссіи въ этомъ отношеніи будутъ въ дѣйствительности имѣть какой-либо результатъ по отношенію къ добровольному поступленію на службу. Не трудно доказать, что вербовка и *правильные* рекрутскіе наборы не совмѣстимы, что эти двѣ основныя системы набора войскъ взаимно исключаютъ другъ отъ друга.

Въ трудахъ коммиссіи находимъ мы тому полное объясненіе. Вотъ какимъ образомъ характеризуются тамъ достоинства и недостатки обѣихъ системъ:

„Главное обвиненіе, которое обыкновенно приводится противъ военной повинности, состоитъ въ томъ, что она чрезмѣрно тягостна и весьма неуравнительна. Призывая на службу людей, которые весьма часто не имѣютъ ни склонности, ни способности къ военной службѣ, и которые могли бы быть полезнѣе государству, предавшись другому занятію, система эта нарушаетъ нормальныя распредѣленія рабочей силы и труда въ обществѣ, и тѣмъ гибельно отзывается на производительности страны. Совершенно въ другомъ видѣ представляется система вербовки. Для комплектованія войска она требуетъ отъ подданныхъ государства только денежныхъ пожертвованій, которыя, вмѣстѣ съ прочими налогами, раскладываются на всѣхъ сообразно съ средствами каждаго и съ тою мѣрою, въ какой онъ пользуется выгодами общественнаго благоустройства. Люди же, дѣйствительно поступающіе въ войско, идутъ по своей волѣ, за вознагражденіе, которое считаютъ достаточнымъ для той жертвы, которую приносятъ добровольно".

„Но остановиться на этомъ нельзя: это только одна сторона дѣла... Система натуральной военной повинности даетъ правительству удобное и во всякое время готовое средство содержать военныя силы въ томъ размѣрѣ, въ какомъ требуютъ обстоятельства, оно дозволяетъ составить армію изъ людей благонадежныхъ, сознающихъ чувство чести и долга къ отечеству. Система вербовки, напротивъ, не только требуетъ отъ страны большихъ, почти невыносимыхъ для нея жертвъ (а сейчасъ было сказано что военная повинность чрезмѣрно тягостна) чтобы сдѣлать военную службу привлекательною, не только заставляетъ открывать ряды арміи для всякаго обращающагося къ военному ремеслу, какъ къ послѣднему исходу безпорядочной и порочной жизни, но, и при этихъ условіяхъ, ставитъ государство въ возможность увеличивать свою силу далѣе извѣстныхъ предѣловъ и соразмѣрять ее съ дѣйствительною потребностію... Вербовка отказываетъ въ своихъ услугахъ именно тогда, когда государство наиболѣе въ нихъ нуждается... Вербовка существовала какъ на западѣ Европы, такъ и у насъ, пока арміи были малочисленны... Съ измѣненіемъ обстоятельствъ, вербовка вскорѣ измѣнилась въ характерѣ, и стала болѣе и болѣе уступать мѣсто обязательнымъ призывамъ на службу. Въ настоящее время она удержалась, въ прежнемъ значеніи, изъ европейскихъ государствъ только въ Великобританіи, гдѣ на 145.000 постояннаго регулярнаго войска и на военные расходы, не считая флота, тратится 15.000.000 фун. стерл. въ годъ, не много менѣе той суммы, которую расходуетъ Россія при милліонѣ войска. ...Ни политическія, ни финансовыя обстоятельства Европы не представляютъ въ настоящее время нужныхъ для исключительнаго примѣненія вербовки условій. Поэтому и надлежитъ облегченія тягости наборовъ искать преимущественно въ лучшемъ устройствѣ народной *военной повинности.*"

Таковыя соображенія, побудившія коммиссію отдать главное мѣсто рекрутскимъ наборамъ, а вербовку считать только побочнымъ средствомъ. Но противоположность требованій этихъ двухъ системъ такова, что развитіе *военной повинности* убиваетъ возможность введенія, даже и въ отдаленномъ будущемъ, *вербовки*. Чтобы народъ не тяготился военною повинностію, приходится сокращать сроки службы: чѣмъ равномѣрнѣе распредѣлена повинность, тѣмъ болѣе сокращены сроки службы, — сокращены иногда до предѣловъ, позволяющихъ сомнѣваться въ достоинствѣ войска; а между тѣмъ и эти сроки считаются еще отяготительными. Припомнимъ борьбу за трехлѣтній срокъ службы, занимавшую прусскія палаты въ теченіе послѣднихъ лѣтъ *). Но чѣмъ короче срокъ, тѣмъ бо̀льшая часть населенія призывается къ отправленію военной службы, тѣмъ болѣе возрастаетъ контингентъ, а при *правильныхъ* наборахъ это увеличеніе дѣлается постояннымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, уменьшается и возможность успѣха вербовки; число лицъ, могущихъ, по своему желанію, поступить въ ряды войскъ, сокращается все болѣе и болѣе. Возможно ли будетъ разсчитывать въ Россіи на вербовку въ томъ случаѣ, когда съ установленіемъ правильныхъ наборовъ *четвертый* человѣкъ изъ достигшихъ 21 года обязательно будетъ поступать въ ряды войска? Далѣе: изъ вниманія къ поступающимъ по наборамъ предполагается сравнить, или по крайнѣй мѣрѣ сблизить, права ихъ съ правами вольноопредѣляющихся, которымъ въ настоящее время предоставлены нѣкоторыя преимущества въ порядкѣ прохожденія службы. Мысль эта совершенно справедливая по отношенію къ лицамъ, взятымъ по набору, должна однако въ примѣненіи своемъ еще болѣе ослабить вѣроятность успѣха вербовки. Для вербовки осталось бы мѣсто развѣ въ какихъ-нибудь спеціальныхъ войскахъ. Мы не намѣрены входить въ дальнѣйшія подробности; дѣло ясно: установленіе *правильной* системы наборовъ есть сильный ударъ, наносимый вербовкѣ нетолько въ настоящемъ, но и въ будущемъ.

Вербовка не въ состояніи пополнить ряды милліонной арміи. Надобно ли стѣсняться соображеніями о большей или меньшей возможности успѣшнаго дѣйствія, когда намъ предстоитъ начертать начала для *правильныхъ* рекрутскихъ наборовъ? Конечно нѣтъ, если въ этихъ началахъ заключается много достоинствъ; конечно да, если въ нихъ кроется бездна несовершенствъ.

Мы приходимъ наконецъ къ оцѣнкѣ системы, изложенной и въ трудахъ коммиссіи, системы такъ-называемыхъ *правильныхъ* наборовъ. Мы имѣли уже случай упомянуть вскользь **) объ этихъ правильныхъ наборахъ. Г. О. написалъ намъ желаніе „попугать публику надеждами министерства, „и внушить ей, что подъ словомъ *правиль-„ные* разумѣются большіе наборы“. Онъ рѣшительно объявилъ, что *Московскія Вѣдомости* находятся въ добровольномъ заблужденіи; но еще нѣсколько строкъ, и г. О. находитъ необходимымъ увеличить ежегодный контингентъ и сдѣлать его постояннымъ. Итакъ *правильные* наборы значатъ таки *большіе* наборы. Нельзя даже сказать, что увеличеніе числа лицъ, подлежащихъ набору, будетъ исключительно зависѣть отъ установленія уменьшенныхъ сроковъ службы,—сроковъ, до сихъ поръ еще ясно не обозначенныхъ въ трудахъ коммиссіи; число рекрутовъ увеличится и отъ постоянства контингента.

Правильные наборы, это—такая система образованія военныхъ силъ, которая устанавливаетъ однородность между наборами, производимыми въ самое разнообразное время. По 100.000 человѣкъ будетъ набираться и тогда, когда положеніе Европы будетъ самое спокойное, по 100.000 будетъ набираться и тогда, когда Россію будетъ пугать коалиція; и наконецъ по сту же тысячъ будетъ набираться, когда Россіи будетъ угрожать дѣйствительная серіозная опасность: этого требуетъ законъ, повелѣвающій, чтобы число безсрочно-отпускныхъ *плюсъ* число людей, состоящихъ на лицо, равнялось милліону. Спрашивается, можно ли назвать правильною системой набора войскъ ту, которая установляется постоянствомъ контингента? Если бы такая система примѣнялась съ 1856 г. по 1863 годъ, то вмѣсто шестилѣтняго отдыха, пришлось бы призвать за это время для поддержанія запаса без-

*) И у насъ напримѣръ проводится мысль о томъ, что необходимо назначать такіе сроки, которые не отрывали бы крестьянина отъ его семьи, чтобы по окончаніи срока онъ не оставался безъ пріюта, и возвращался въ свое общество.

**) № 1-й *Московскихъ Вѣдомостей.*

срочно-отпускныхъ, даже при теперешнихъ срокахъ службы, приблизительно болѣе 150.000, и страна тратилась бы на поставку рекрутъ. Можно ли не принимать этихъ тратъ во вниманіе? Онѣ не падаютъ тяжолымъ бременемъ на государственное казначейство, это правда, но онѣ лишаютъ страну значительной доли народнаго богатства, которая съ большею пользою могла бы быть употреблена и государствомъ на военные расходы въ военное время. Не мѣшаетъ припомнить, что веденіе войны требуетъ не однихъ солдатъ; оно поглощаетъ и огромныя суммы. При настоящемъ положеніи военнаго искусства вести успѣшную войну можетъ только то государство, которое располагаетъ большими денежными средствами.

Но, спрашиваетъ г. О, что̀ считаютъ *Московскія Вѣдомости* болѣе выгоднымъ: „брать ли ежегодно со всего населенія „сперва по $4^1/_2$ человѣка, затѣмъ по 4, и „наконецъ постепенно по 3 человѣка съ „1.000 или нѣсколько лѣтъ не брать ни-„чего, а потомъ въ два-три года (какъ „напримѣръ въ минувшую войну) выбрать „разомъ до 55 человѣкъ съ 1.000.“ Еслибъ „этотъ вопросъ заключалъ въ себѣ что-либо серіозное, то конечно онъ поставилъ бы насъ въ затрудненіе; впрочемъ, во всякомъ случаѣ г. О. получилъ бы нерѣшительный отвѣтъ; все дѣло зависѣло бы отъ того, сколько лѣтъ выбиралось бы по 4 человѣка прежде той катастрофы, которая бы вынудила набрать 55 человѣкъ. Но такъ какъ въ вопросѣ серіознаго ничего нѣтъ, то мы отвѣчаемъ такимъ образомъ: мы увѣрены, что при повтореніи Восточной войны пришлось бы въ два-три года выбрать 55 человѣкъ съ 1.000, несмотря на то сколько бы лѣтъ до этого времени ни производили мы правильныхъ наборовъ. При началѣ Восточной войны численность войскъ съ безсрочно-отпускными доходила до 1.113.000, — до той цифры, которая принимается теперь за постоянную; а при концѣ войны она возрасла до 1.700.000, не считая 35.000 ополченія *). Спрашивается: можно ли будетъ при повтореніи Восточной войны ограничиться постоянною нормой трехъ человѣкъ съ 1.000? Всегда въ годину испытаній населенія приносятъ большія жертвы, и приносятъ ихъ съ большею охотою чѣмъ въ мирное время. Сѣтовать о такой неуравнительности совершенно безполезно. Гораздо производительнѣе будутъ заботы о томъ, чтобы Россія не находилась на условіяхъ періода Восточной войны, когда при многочисленности войска, составъ дѣйствующей арміи былъ ограниченъ, а огромная убыль требовала огромныхъ наборовъ. Реформы, произведенныя военнымъ вѣдомствомъ съ этою цѣлію заслуживаютъ полнаго уваженія. Прочные кадры, обезпеченіе требуемаго числа офицеровъ, устройство резервовъ, быстрое обученіе рекрутъ и другія преобразованія послѣдняго времени, конечно, позволятъ обойдтись безъ того огромнаго запаса безсрочно-отпускныхъ, который дѣлаетъ наборы *правильными* и потому большими. Какая крайность содержать и пополнять запасъ безсрочно-отпускаемыхъ, въ нѣсколько сотъ тысячъ? Единственное неудобство, которое представится съ сокращеніемъ этого запаса, будетъ состоять только въ томъ, что не всѣ дѣйствующія части будутъ пополнены въ $1^1/_2$ мѣсяца со дня повелѣнія о томъ. Но дайте еще три-четыре мѣсяца— и части эти будутъ, при быстротѣ, съ которою теперь производятся наборы и обученіе рекрутъ, доведены до полнаго состава. Пополненіе новобранцами при хорошихъ кадрахъ не должно особенно смущать войска; новобранцы представляютъ въ этомъ отношеніи даже многія преимущества предъ безсрочными. Въ прошломъ году войсковыя начальства неоднократно дѣлали самые дурные отзывы о безсрочно-отпускныхъ и самые хорошіе о рекрутахъ; дурная слава безсрочныхъ укрѣпилась еще болѣе съ прибытіемъ въ Царство Польское, гдѣ былъ случай, что одна изъ пополненныхъ ими частей дѣйствующихъ войскъ занялась во время стычки грабежомъ. Во всѣхъ отношеніяхъ развивать запасъ безсрочно-отпускныхъ невыгодно. Это значитъ заводить въ странѣ бродячее народонаселеніе, особый классъ людей, не имѣющихъ себѣ надежнаго пристанища и постояннаго рода занятій. Не получая содержанія отъ казны, не получая полнаго вознагражденія въ частныхъ работахъ, безсрочные нерѣдко обращаются къ незаконнымъ способамъ присвоенія собственности. Они прибываютъ зимой, когда руки менѣе нужны, и убываютъ лѣтомъ, когда на руки спросъ малъ. Ихъ приливъ и отливъ возмущаютъ

*) Статистическія свѣдѣнія о русской арміи. *Русскій Инвалидъ* 1862 г.

народное хозяйство. Увеличенiе запаса безсрочныхъ отнюдь не желательно ни въ военномъ, ни въ нравственномъ, ни въ экономическомъ отношенiи.

Мы останавливаемся на этихъ соображенiяхъ о главныхъ системахъ, которыя могутъ быть избраны для Россiи. Мы не раздѣляемъ убѣжденiя въ необходимости конскрипцiи. При готовыхъ кадрахъ будетъ полезно устанавливать ежегодно не только наличное состоянiе армiи, но и величину запаса безсрочно-отпускныхъ, устанавливать законодательнымъ порядкомъ въ зависимости отъ положенiя дѣлъ. Тогда опредѣлится и необходимость набора, и размѣръ его. Наборы будутъ не столь правильные, но и не столь большiе, и не будутъ отрывать отъ занятiй большой массы; будутъ и такiе годы, когда производство наборовъ будетъ признано излишнимъ, и такiе годы, особенно послѣ военнаго времени, будутъ возвышать благосостоянiе страны. Въ этито годы вербовка можетъ быть производима съ успѣхомъ. Такъ послѣ Восточной войны Россiя шесть лѣтъ не знала наборовъ, и кто не признаетъ благодѣтельности такого положенiя дѣлъ? Остается только пожалѣть, что законодательство наше не давало возможности воспользоваться этими годами для производства вербовки.

Мы поэтому полагаемъ, что изданiе закона о вербовкѣ и о наймѣ солдатъ, выслужившихъ срокъ, составляетъ насущную потребность страны. Затѣмъ въ рекрутскомъ уставѣ не слѣдуетъ, кажется, вводить ту правильность отправленiя наборовъ, которая привлекательна только съ виду. Рекрутскiй уставъ и безъ того представляетъ широкое поприще для усовершенствованiй, часть которыхъ уже осуществлена, а другая еще только проектирована. Въ мирное время надобно не только щадить руки простаго народа, но даже какъ можно менѣе отвлекать и высшiе классы отъ производительныхъ занятiй и отъ гражданской службы. Вообще надобно по возможности держаться существующаго въ странѣ распредѣленiя занятiй и существующаго закона, а при измѣненiяхъ его не дѣлать безъ крайней необходимости такихъ шаговъ, которые навсегда отдалили бы Россiю отъ весьма возможнаго въ будущемъ соединенiя вербовки для линейнаго войска съ наборомъ для ополченiя.

№ 105.

Москва, 12-го мая.

Усмотрѣть недостатокъ существующаго порядка, конечно, гораздо легче нежели установить новый болѣе соотвѣтствующiй идеямъ и потребностямъ времени. Этотъ общiй законъ имѣетъ у насъ еще особенную силу, потому что идеи у насъ по большей части сознаются смутно, а потребности имѣютъ мало правильныхъ путей, чтобы заявлять себя. Видя недостатки существующаго порядка, мы не только недоумѣваемъ, какъ установить лучшее, но даже не увѣрены, что̀ должно быть за лучшее признано. Эти затрудненiя отражаются во многихъ проектахъ послѣдняго времени; они оказываются и въ трудахъ коммисiи для преобразованiя рекрутскаго устава. Есть вопросы, передъ которыми коммиссiя останавливается; а между тѣмъ въ нихъ-то, по ея собственному убѣжденiю, и главная сила.

Военная повинность, какъ система, имѣетъ тотъ существенный недостатокъ, что уравнительная раскладка ея очень затруднительна. Коммиссiя въ виду современныхъ требованiй, считала самою важною задачей своею уменьшить и ослабить неуравнительность раскладки. Она говоритъ: „Первымъ необходимымъ условiемъ для того „должно быть, чтобы военною повинностью „были одинаково обязаны всѣ подданные „государства, къ какому бы званiю, со„стоянiю и къ какой бы мѣстности они ни „принадлежали“. И вотъ задача, которую коммиссiя считаетъ главною, выражается такимъ образомъ: „разсмотрѣнiе допущен„ныхъ у насъ изъятiй отъ рекрутской по„винности по сословiямъ, мѣстностямъ, се„мейному положенiю и прочимъ случаямъ, „и принятiе изъ нихъ только тѣхъ, кото„рыя справедливы или не могутъ быть от„мѣнены въ настоящее время по другимъ „какимъ-либо уважительнымъ причинамъ“.

Вопросъ этотъ былъ разработанъ коммиссiей преимущественно на основанiи свѣдѣнiй, собиравшихся съ 1847 года, когда состоялось Высочайшее повелѣнiе о представленiи министрами соображенiй относительно привлеченiя къ рекрутской повинности лицъ, отъ оной изъятыхъ. Собиранiе свѣдѣнiй продолжалось отъ 1847 до 1852 года; потомъ Восточная война остановила дѣло, а въ 1861 году министръ

внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министрами военнымъ и государственныхъ имуществъ, полагалъ оставить дѣло безъ послѣдствій. Вотъ причины, которыми мотивировалось это рѣшеніе: неполнота собранныхъ свѣдѣній, по которымъ оказалось всего 700.000 душъ, изъятыхъ отъ повинности; при наборѣ по 5 съ 1.000 поступило бы только 3.500,—цифра весьма незначительная въ сравненіи съ ежегодною потребностію арміи, цифра, которая не въ состояніи облегчить сословія, обязанныя повинностію; а между тѣмъ привлеченіе этого числа потребовало бы нарушенія давнихъ привилегій.

Въ такомъ положеніи было дѣло объ изъятіяхъ, когда оно поступило на обсужденіе коммиссіи. Тутъ, при болѣе подробномъ пересмотрѣ, число изъятій оказалось значительно больше, но не могло быть опредѣлено точнымъ образомъ. Изъ всего мужскаго населенія въ Европейской Россіи (за исключеніемъ Царства Польскаго и Финляндіи), доходящаго, по 10-й ревизіи, до 29.654.202 человѣкъ, отправляютъ рекрутскую повинность 23.588.121 чел., по свѣдѣніямъ военнаго министерства, и 24.285.807, по свѣдѣніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Затѣмъ остается изъятыхъ отъ рекрутства—6.066.081 чел., или 5.368.375 чел., смотря по тому какихъ свѣдѣній будемъ держаться. Слѣдовательно, по выводу коммиссіи „тягость рекрутской повин„ности разлагается только на четыре пя„тыхъ населенія; одна пятая, или 20%, „вовсе не несетъ этой тяжелой повинности".

Устранить такую неравномѣрность, вотъ та цѣль, которую предположила себѣ коммиссія. Но при первомъ шагѣ въ этомъ направленіи она стала лицомъ къ лицу съ сословными привилегіями.

Дѣло въ томъ, что значительная масса изъятій отъ рекрутской повинности падаетъ на сословную организацію. По существующимъ узаконеніямъ о состояніяхъ, свободны отъ повинности 969.350 лицъ. Эта цифра разлагается по сословіямъ слѣдующимъ образомъ:

Сословія.	Численность.
1. Дворянъ потомственныхъ и личныхъ	437.326
2. Купцы, бывшихъ трехъ, а теперь двухъ гильдій	219.935
3. Почетные граждане	9 074
4. Духовенство.	303.015
Итого	969.350

Въ томъ числѣ православнаго исповѣданія священно-и церковно-служителей 125.467; дѣтей ихъ 156.034.

На чемъ основаны эти изъятія? Труды коммиссіи заключаютъ въ себѣ достаточно полную исторію ихъ. Изъятіе отъ повинности, дарованное сословіямъ верховною властію, есть въ Россіи одно изъ существенныхъ политическихъ правъ. Должны ли быть сохранены эти привилегіи, данныя „на вѣчныя времена?" Коммиссія не вошла въ разсмотрѣніе разныхъ способовъ отмѣны привилегій, напримѣръ посредствомъ распространенія привилегіи на непривилегированныхъ или посредствомъ вознагражденія правами полезными для государства за отмѣняемую вредную привилегію. Коммиссія того мнѣнія, что правительство должно считать себя свободнымъ относительно всякаго рода привилегій, ибо „еслибы на разнаго ро„да привилегіи, со времени образованія „гражданскихъ обществъ, смотрѣть какъ „на незыблемое право, то законодатель„ство не могло бы двигаться впередъ, и „не рушилось бы крѣпостное право, быв„шее нѣкогда господствующимъ".

Впрочемъ, коммиссія нашла недостаточнымъ свое положеніе, что несправедливая привилегія не должна считаться „незыблемымъ правомъ"; она сочла еще необходимымъ обратиться къ толкованію смысла и текста тѣхъ узаконеній, которыми различныя сословія избавлены отъ рекрутской повинности.

Въ Сводѣ Законовъ выражено, что дворянскому сословію дарована *навсегда* свобода вступать въ общую службу государственную безъ принужденія къ ней, развѣ бы встрѣтилась особенная надобность. Дворянамъ дозволено также вступать и въ иностранную службу союзныхъ европейскихъ государствъ; но всякій дворянинъ обязанъ, по первому призыву самодержавной власти, не щадить ни труда, ни самой жизни для службы государственной. Дворяне изъемлются отъ личной рекрутской повинности.

Первыя постановленія основаны на грамотахъ 18-го февраля 1762 г. и 21 апрѣля 1785 г.; изъятіе же личное отъ рекрутской повинности основано на высочайше утвержденномъ 29 мая 1814 г. мнѣніи государственнаго совѣта. Грамота Петра III о вольности и свободѣ россійскому дворянству, въ отношеніи къ службѣ дворянъ, содержитъ въ себѣ слѣдующіе пункты:

Пунктъ 1-й. Всѣ находящіеся въ разныхъ службахъ дворяне могутъ оную продолжать сколь долго пожелаютъ и ихъ состояніе имъ дозволитъ; состоящіе въ военной службѣ могутъ просить увольненія или отставки и ожидать резолюціи.

Пунктъ 6-й. Какъ уже никто изъ дворянъ неволею службу продолжать не будетъ, *развѣ особливая надобность востребуетъ,* но то не инаково, какъ за подписаніемъ нашей собственной руки именнымъ указомъ повелѣно будетъ, напротивъ того, въ Петербургѣ и Москвѣ опредѣлено еще указомъ Петра I имѣть по нѣскольку чиновъ изъ отставныхъ дворянъ при сенатѣ и онаго конторѣ, для случающихся надобностей, то повелѣваемъ отнынѣ впредь навсегда съ перемѣною быть при сенатѣ по 30, а при конторѣ онаго по 20, для чего, по пропорціи живущихъ въ губерніи, не въ службѣ находящихся дворянъ, нарядъ чинить, не назначая никого поименно, но самимъ дворянамъ въ губерніяхъ и провинціяхъ между собою выборы чинить.

Далѣе, есть еще въ грамотѣ императора Петра III пунктъ 7, въ которомъ опредѣлено, чтобы дворяне, за коими не болѣе 1000 душъ, подъ тяжкимъ государевымъ гнѣвомъ, объявляли дѣтей своихъ въ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ они будутъ обучаемы „всему, что̀ къ знанію дворянства принадлежитъ".

Таковы постановленія грамоты 18 февраля 1762 года. Грамотой императрицы Екатерины II, обнародованною 21-го апрѣля 1785 года, въ служебныхъ отношеніяхъ дворянства къ правительству подтверждались только прежнія вольности „на вѣчныя времена въ потомственные роды". Въ разбираемомъ вопросѣ обращаетъ на себя вниманіе слѣдующій пунктъ.

Пунктъ 20-й. Но какъ дворянское достоинство пріобрѣтается службою и трудами Имперіи и престолу полезными, и существенное состояніе дворянства зависимо есть отъ безопасности отечества и престола, и для того во всякое таковое россійскому самодержавію нужное время, *когда служба дворянства общему добру нужна и надобна,* тогда всякій дворянинъ обязанъ, по первому позыву отъ самодержавной власти, не щадить ни труда, ни самого живота, для службы государственной.

Но въ манифестѣ императора Александра I, отъ 2-го апрѣля 1801 года, сказано слѣдующее:

„Удостовѣрены въ справедливости, святости и неприкосновенности преимуществъ „дворянства, Мы первою обязанностію себѣ признали симъ торжественно утвердить „ихъ, возстановить и удостовѣрить, утверждая, возстановляя и императорскимъ „словомъ Нашимъ за Насъ и наслѣдниковъ Нашихъ удостовѣряя всѣ права „и преимущества, въ грамотѣ дворянства „содержащіяся, и, напротивъ, отмѣняя, „уничтожая и отлагая все, что̀ противно „оной, или въ ослабленіе ея силы по стеченію обстоятельствъ и времени допущено или постановлено было, повелѣваемъ „всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ признавать и почитать сіе Наше постановленіе „кореннымъ и непрелагаемымъ закономъ „Имперіи".

Разсматривая эти постановленія, коммиссія пришла къ убѣжденію, что грамотой Петра III отмѣнялась древняя поголовная служба дворянства, и отмѣнялась собственно, „какъ мѣра, въ которой правительство не встрѣчало болѣе надобности". Кромѣ того, *требованіе* грамоты объ объявленіи дѣтей въ шляхетскомъ корпусѣ, по мнѣнію коммиссіи, указываетъ „на прежній порядокъ, въ измѣненномъ только видѣ". Въ грамотѣ Екатерины II вниманіе коммиссіи остановилось преимущественно на подчеркнутой строкѣ, что всякій дворянинъ обязанъ нести службу во всякое время, когда служба дворянства общему добру нужна. „Такимъ образомъ", замѣчаетъ коммиссія, „правительство никогда не отказывалось отъ права призывать дворянство на службу, когда надобность того потребуетъ". Вопросъ стало-быть только въ томъ, наступила-ли эта надобность?

Коммиссія находитъ, что привлеченіе въ военную службу купечества, почетныхъ гражданъ и лицъ духовнаго званія далеко не принесло бы той пользы, какую принесла бы служба дворянъ въ рядахъ войскъ наравнѣ со всѣми другими. Признавая такимъ образомъ, что надобность въ обязательной военной службѣ дворянъ наступила, коммиссія задаетъ себѣ другой вопросъ: наступила ли возможность? На это коммиссія отвѣчаетъ словами: *„едва ли".* Это отрицаніе основано на томъ, что въ войскахъ есть много порочныхъ людей, что срокъ службы еще продолжителенъ, что не уничтожены въ войскахъ тѣлесныя наказанія, и потому солдатская служба не

можетъ еще считаться почетною. „Ясно, „что все это должно измѣниться прежде „чѣмъ дворянство будетъ привлечено къ „*личному* отправленію военной повинности".

Купцы, на основаніи дѣйствующихъ узаконеній, не подлежатъ ни натуральной, ни денежной рекрутской повинности до тѣхъ поръ, пока состоятъ въ купеческомъ сословіи. Въ 1776 году они были освобождены отъ натуральной, въ 1807 году и отъ денежной повинности. Одною изъ статей особаго манифеста, внесеннаго въ число коренныхъ государственныхъ уставовъ, было объявлено: „Рекрутскую денежную повинность, въ ознаменованіе нашего благоволенія къ достоинству купеческаго сословія, всемилостивѣйше снимаемъ со всѣхъ трехъ гильдій на вѣчныя времена."

Высочайше утвержденное 1-го января 1864 года положеніе о пошлинахъ удержало во всей полнотѣ прежнюю привилегію. Но, замѣчаетъ коммиссія, въ указѣ сенату, при которомъ распубликовано новое положеніе, сказано: „привесть оное въ „исполненіе съ 1-го іюля 1863 года, „*впредь до общаго пересмотра уставовъ* „*торговыхъ и другихъ, относящихся сюда,* „*узаконеній.*" Слѣдовательно, заключаетъ коммиссія, на новое положеніе слѣдуетъ смотрѣть какъ на временное, могущее измѣниться. И дѣйствительно, мнѣніе коммиссіи направлено къ тому, чтобы произведены были нѣкоторыя перемѣны въ новомъ положеніи, и чтобы купцы были привлечены къ отправленію военной повинности. Въ подкрѣпленіе приводится то, что въ 1847 году значительная часть губернаторовъ была въ пользу такого рѣшенія.

Почетное гражданство также пользуется свободою отъ рекрутской повинности. Учрежденіе этого сословія относится къ 1832 году. Освобожденіе его отъ рекрутской повинности коммиссія считаетъ однимъ изъ самыхъ несправедливыхъ преимуществъ, особенно въ отношеніи къ потомственнымъ гражданамъ, и ходатайствуетъ даже объ отдѣленіи этого вопроса отъ общаго, и объ отмѣнѣ теперь же потомственнаго увольненія почетныхъ граждан отъ рекрутской повинности на будущее время. Личныхъ почетныхъ гражданъ коммиссія дѣлитъ на двѣ категоріи: за кончившими курсъ въ университетахъ, Академіи Художествъ, Технологическомъ Институтѣ и другихъ *высшихъ* учебныхъ заведеніяхъ коммиссія полагаетъ полезнымъ сохранить увольненіе отъ личной повинности; воспитанниковъ остальныхъ учебныхъ заведеній, артистовъ Императорскихъ театровъ, зайсанговъ, служащихъ въ Американской компаніи и жителей городовъ Анапы, Новороссійска и Сухума, коммиссія предлагаетъ подчинить рекрутской повинности, несмотря на то что въ войскахъ есть много порочныхъ людей, что срокъ службы еще продолжителенъ, и что солдатская служба не можетъ еще назваться почетною.

Эти предположенія коммиссіи относятся и до почетныхъ гражданъ западныхъ губерній.

Духовенства православное и римское, какъ бѣлое, такъ и монашествующее, а также и протестантское, по дѣйствующимъ законамъ, освобождены отъ рекрутской повинности. Къ бѣлому православному духовенству отнесены, между прочимъ, протодіаконы, діаконы, иподіаконы и причетники. Дѣти лицъ бѣлаго духовенства причисляются по родителямъ своимъ къ духовному вѣдомству, не подлежа обязанности избирать другой родъ жизни. Такимъ образомъ права, присвоенныя духовному *вѣдомству*, передаются потомственно, даже въ томъ случаѣ, когда происходящія изъ духовнаго вѣдомства лица не занимаютъ никакихъ духовныхъ должностей: статья Свода гласитъ, что лица духовнаго *состоянія* свободны отъ рекрутства. Это дало коммиссіи поводъ показать, что вѣдомство и состояніе—два понятія различныя, выставить на видъ то, что въ прошломъ столѣтіи дѣти бѣлаго духовенства отправляли рекрутскую повинность, и придти къ тому заключенію, что на будущее время слѣдуетъ освободить изъ православнаго бѣлаго духовенства только лицъ дѣйствительно занимающихъ духовныя должности, и тѣхъ, которыя, посвящая себя духовному сану, окончили богословскій курсъ наукъ; остальныхъ же священническихъ дѣтей, равно церковниковъ и ихъ потомство, не причисляя къ духовному состоянію, подчинить дѣйствію общихъ законовъ.

На этомъ же основаніи слѣдуетъ, по мнѣнію коммиссіи, опредѣлить и права протестантскаго духовенства. Затѣмъ не подвергать рекрутству только монашествующихъ, а также римско-католическое духовенство, какъ безбрачное.

Таковы предположенія коммиссіи относительно сословныхъ изъятій отъ военной повинности,—предположенія, кажется, не

получившія дальнѣйшаго хода. Они касаются всего существующаго законодательства о состояніяхъ. Они указываютъ единственный путь къ освобожденію отъ рекрутства—посѣщеніе высшихъ учебныхъ заведеній. Какъ теперь Евреи, на основаніи послѣднихъ постановленій о мѣстѣ жительства ихъ, набиваются въ университеты, такъ въ будущемъ купеческія дѣти стали бы также проходить черезъ университетъ или академію художествъ, въ видахъ уклоненія отъ рекрутской повинности. Мы никакъ не думаемъ, чтобы высшее образованіе отъ этого выиграло.

Нельзя отстаивать привилегій, основанныхъ исключительно на происхожденіи. За особенное несчастіе считаемъ мы то обстоятельство, что политическіе образованные классы избавлены у насъ ходомъ дѣлъ отъ тѣхъ тягостей, которыя несетъ простой народъ. Участіе политическихъ классовъ общества въ этихъ тягостяхъ обезпечиваетъ единственный правильный исходъ всѣхъ преобразованій. Когда высшіе классы поймутъ что̀ такое государственная подать, что̀ такое правильная рекрутская повинность, тогда, и только тогда, мы будемъ имѣть и хорошій законъ о податяхъ, и хорошій законъ о военной службѣ. Но по всему вѣроятію, сословія не стали бы поддерживать своихъ привилегій, въ томъ что̀ онѣ могутъ заключать въ себѣ несправедливаго, или вреднаго для государства. Еще недавно финляндское дворянство, на сеймѣ, по собственному побужденію, почти единогласно рѣшило отказаться отъ нѣкоторыхъ изъ безспорныхъ правъ своихъ. Только свободное отреченіе сословій отъ той доли правъ своихъ, которую они сами найдутъ несостоятельною въ виду высшихъ интересовъ, можетъ быть и справедливо и желательно.

— —

№ 106.

Москва, 13-го мая.

А.

Телеграфъ принесъ намъ сегодня важное извѣстіе. Если вѣрить помѣщаемой ниже депешѣ, то Франція и Англія соглашаются на отторженіе Голштиніи и южнаго (нѣмецкаго) Шлезвига отъ Даніи. Обѣ западныя державы рѣшительно высказываются противъ личнаго соединенія, то-есть противъ соединенія Шлезвигъ-Голштейна съ Даніей въ лицѣ короля. Такое соединеніе представлялось какъ послѣднее средство выйдти изъ столкновенія не нарушивъ европейскаго равновѣсія. Безсмысленная датская демократія, не имѣющая, замѣтимъ кстати, корней въ датскомъ народномъ бытѣ и навязанная ему бумажною конституціей случайно сочиненною, оттолкнувшею отъ дѣлъ все что̀ было способно руководить ими ко благу отечества,—эта нелѣпая демократія раздражила Шлезвигъ-Голштейнцевъ своими притязаніями, а Германію своимъ задоромъ, полагаясь единственно на защиту Европы, которая, по мнѣнію копенгагенскихъ демагоговъ, волей-неволей принуждена покрывать въ интересахъ европейскаго равновѣсія всѣ ихъ безразсудства. Они думали что имъ все сойдетъ съ рукъ и не воображали, какую опасность накликали они на бѣдную Данію. Они довели дѣло до взрыва, послѣ котораго повидимому уже нѣтъ средствъ спасти цѣлость Датской монархіи. Друзья мира должны сожалѣть о такомъ исходѣ заносчивой политики датскихъ демагоговъ, но если дѣйствительно примиреніе между Голштейномъ и Даніей невозможно, то нельзя желать чтобъ европейская дипломатія настаивала на цѣлости Датской монархіи, и нельзя пенять на западныя державы, что онѣ предпочитаютъ распаденіе Датской монархіи искусственной поддержкѣ ея цѣлости посредствомъ *unio personalis* (личнаго соединенія): нѣтъ ничего несовмѣстимѣе съ политическимъ благоустройствомъ, чѣмъ эта средневѣковая форма соединенія нѣсколькихъ государствъ, словно вотчинъ, подъ однимъ скипетромъ.

Итакъ глюксбургская линія потеряетъ право на Гольштейнъ и на южную нѣмецкую часть Шлезвига. Трудно было ожидать такого результата въ началѣ войны! Блистательную услугу, нечего сказать, датская демократія оказала своей подругѣ демократіи нѣмецкой, которая уже тотчасъ по смерти короля Фридриха объявила, что король Христіанъ лишается престола въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ, а въ санъ герцога всемилостивѣйше возводится наслѣдный принцъ Августенбургскій благоразумно отказавшійся отъ сочувствія съ нѣмецкими феодалами. Признаемся, мы не думали, что намъ такъ скоро придется высказываться за этого импровизованнаго кандидата демократіи, а мы

принуждены теперь высказываться за него и желать ему всякаго успѣха въ предстоящей ему борьбѣ съ алчными притязаніями прусскаго правительства. Ужь если невозможно сохранить цѣлость Датской монархіи и предоставить глюксбургской линіи неумаленную корону Фридриха VII, то, конечно, Шлезвигъ-Гольштейнъ долженъ сдѣлаться не провинціей прусскаго государства, а самостоятельнымъ герцогствомъ, независимымъ отъ Пруссіи, съ Августенбургскою, а не Гогенцоллернскою династіей во главѣ. Европа не можетъ выносить завоеваній: она претерпѣваетъ униженіе, когда въ ея предѣлахъ происходятъ захваты, и если она смотритъ на нихъ равнодушно, то это никогда не пройдетъ ей безнаказанно. Савоія и Ницца еще не разъ отзовутся болѣзненно европейской политикѣ; эта капля яда долго будетъ дѣйствовать. Всѣмъ извѣстно, какъ Франція отблагодарила насъ, какъ Англія и Австрія отмстили намъ за нашу уступчивость по дѣлу о Савоіи и Ниццѣ; не ясно ли теперь, что и у Пруссіи горятъ глаза чтобы послѣдовать примѣру Франціи? Пруссія тоже захотѣла воспользоваться обстоятельствами и тоже надѣется на уступчивость. Но если Пруссіи удастся захватить Шлезвигъ-Гольштейнъ, то и Франція потребуетъ себѣ вознагражденія, а вслѣдъ затѣмъ и Англія и Австрія захотятъ улучшить свое положеніе въ Европѣ дабы возстановить равновѣсіе. Дѣло должно будетъ окончиться европейскою войной. Неужели Европѣ надоѣлъ миръ, неужели она желаетъ возвращенія временъ тридцатилѣтней войны?

Мы не хотимъ вѣрить чтобы Европа дозволила Пруссіи присоединить къ себѣ Герцогства, и полагаемъ, что подобный планъ встрѣтилъ бы даже въ Германіи серіозныя препятствія. По всему вѣроятію, сама Пруссія не смотритъ на этотъ планъ серіозно: она должна была бы уже черезчуръ разсчитывать на уступчивость сосѣдей. Но она не захочетъ совсѣмъ выпустить изъ своихъ когтей такъ ловко схваченную добычу. Г. фонъ-Бисмаркъ ужь конечно придумалъ нѣчто среднее между присоединеніемъ Герцогствъ и ихъ самостоятельностью. Для Пруссіи очень важно не только придумать, но и осуществить такую форму протектората или верховенства (suzéraineté), которая могла бы служить образцомъ для дальнѣйшихъ захватовъ внутри Германіи, а наслѣдный принцъ Августенбургскій, такъ скоро вошедшій въ виды постылой ему всегерманской демократіи, еще скорѣе войдетъ въ виды Пруссіи, отъ которой существенно зависитъ корона его. Въ возможности такой сдѣлки заключается серіозная опасность для интересовъ Россіи. Протекторатъ Пруссіи въ Гольштейнѣ, измѣняетъ существенно отношенія Ольденбургскаго дома въ этой коренной части его наслѣдственныхъ владѣній: ни глюксбургская, ни старшая готторпская линіи не будутъ уже имѣть возможности считать за что-нибудь серіозное свои права на Шлезвигъ - Гольштейнъ, состоящій подъ прусскою гегемоніей. Но этого мало: Пруссія въ Килѣ, это значитъ нѣмецкій флотъ въ Балтійскомъ морѣ и рѣшительная необходимость скандинавскаго союза, то есть скандинавскаго флота рядомъ съ флотомъ нѣмецкимъ. Богъ знаетъ сталъ ли бы Петръ Великій строить Петербургъ, еслибы предвидѣлъ что это возможно. Или можетъ быть судьба вынуждаетъ Россію перенести центръ своей тяжести на югъ, туда гдѣ была колыбель Руси, еще не оттѣсненной отъ Европы и обращенной лицомъ къ Цареграду?

Б.

Мы получили возраженіе по поводу сдѣланнаго нами сопоставленія между успѣхами народнаго образованія въ Кіевскомъ и въ Виленскомъ учебныхъ округахъ. Мы не имѣемъ никакого повода отказать г. Чечурину въ помѣщеніи его возраженія въ нашей газетѣ, но надѣемся, что и онъ дозволитъ намъ сказать, что аргументы его не перемѣнили нашего взгляда. Факта, на который мы главнымъ образомъ указывали, не отрицаетъ и г. Чечуринъ: все-таки къ началу 1863 года въ Виленскомъ округѣ было открыто 111 школъ, а въ Кіевскомъ 20; недавно объявлялось, что въ первомъ изъ этихъ округовъ свыше 400, а по свѣдѣніямъ сообщаемымъ самимъ оппонентомъ нашимъ, кромѣ 20 кіевскихъ, открыто въ Подоліи 14 *),—итого 34: разница не бездѣльная!—Оппонентъ нашъ указываетъ на существующее различіе между мѣстными условіями юго-западнаго и сѣверо-западнаго края; онъ замѣчаетъ, что въ Подоль-

*) Этихъ 14 школъ мы не могли считать *открытыми*, такъ какъ въ статьѣ г. Чечурина сказано: „г. Туловъ нашелъ возможнымъ *приготовить все нужное для начинанія ученія* и послать туда учителей.“

ской губерніи, возстаніе овладѣло всѣмъ вниманіемъ начальства и крестьянъ, и что потому именно было не время открывать школы; стало-быть въ Подольской губерніи было возстаніе, была шести-мѣсячная борьба съ шайками, а вокругъ Вильна были тишина и миръ! Въ Кіевской губерніи, говоритъ онъ, успѣху открытія школъ помѣшала „неопредѣленность взаимныхъ отношеній духовнаго и учебнаго вѣдомствъ въ общемъ вопросѣ народнаго воспитанія.“ Но эту-то „неопредѣленность“, или вѣрнѣе напряженность, мы именно и ставимъ въ упрекъ тамошнему ходу дѣлъ. Г. Чечуринъ говоритъ, что со стороны кіевскаго учебнаго начальства дѣланы были „предложенія“ и кіевскому епархіальному начальству, какъ они впослѣдствіи сдѣланы были подольскому. Но каковы были эти предложенія? Могли ли тѣ, кому они дѣлались, принять ихъ, не отрекаясь отъ того значенія, которое духовенство искони имѣло въ томъ краѣ, и отъ того вліянія, которое оно должно имѣть на образованіе народа? Мы имѣемъ очень и очень основательныя причины полагать, что нѣкоторыя изъ лицъ двигавшихъ устройствомъ народныхъ школъ въ юго-западномъ краѣ не ясно понимали свою задачу и свое положеніе. Не сдѣлавъ еще ничего замѣчательнаго не принеся никакихъ жертвъ, и даже не доказавъ своей способности дѣйствовать, они считали себя въ правѣ смотрѣть свысока на духовенство и народъ, какъ будто бы ни тамошнее духовенство, ни тамошній народъ не имѣли исторіи до эпохи открытія 20 школъ кіевскимъ учебнымъ округомъ. Они видѣли въ себѣ что-то безмѣрно высшее и лучшее чѣмъ та среда, которую они хотѣли просвѣщать, развивать и направлять. Понятно, что при такомъ заблужденіи они далеко не сознавали необходимости допустить вліяніе духовенства на народныя школы въ той мѣрѣ, въ какой это рѣшительно необходимо для ихъ успѣха. Не потому ли и на „предложенія“ этихъ лицъ получались, какъ пишетъ г. Чечуринъ, постоянные отказы? Оппонентъ нашъ очень налегаетъ на раціональность, съ которою въ Кіевѣ приступлено было къ дѣлу народнаго образованія и которая состояла въ томъ, что прежде всего открыта была учительская семинарія. Мы съ своей стороны находили и продолжаемъ находить что фабрикація народныхъ учителей большая ошибка. Опасеніе—не найдти въ краѣ потребнаго количества учителей для народныхъ школъ, не имѣетъ никакого основанія, и лучшее доказательство тому опять-таки Виленскій округъ. Если учебное вѣдомство въ Кіевѣ полагало, что та среда, изъ которой казалось естественнымъ почерпать учителей, не удовлетворитъ „современнымъ требованіямъ педагогики“, то и въ этомъ мы видимъ болѣе фразу чѣмъ дѣло. Что знакомство съ педагогическими пріемами полезно для преподавателя — въ этомъ никто спорить не будетъ; но надо имѣть большую дозу доктринерства, чтобы полагать, будто однимъ знакомствомъ съ новыми методами преподаванія, нахватаннымъ въ школѣ и ограничиваются качества, требуемыя отъ преподавателя народной школы. Мы думаемъ поэтому, что духовенство, взятое въ цѣломъ, не взирая на свою педагогическую неподготовленность, все таки было бы полезнѣе во главѣ сельскихъ школъ, нежели 18—20-ти-лѣтніе юноши, которыхъ главная рекомендація для этого важнаго званія заключается въ знакомствѣ съ методами Золотова, Головинскаго и т. п., да въ подчиненіи вѣдомству, котораго училища, несмотря на сравнительно огромныя средства, далеко не процвѣтаютъ даже въ городахъ.

За тѣмъ, если неудачи въ 1862 и 1863 годахъ заставили лицъ, занимающихся народными школами въ Кіевѣ, взглянуть на свое дѣло болѣе серіознымъ и практическимъ образомъ, если они искренно отказались отъ части первоначальной своей самоувѣренности и откровенно подали руку мѣстному духовенству, — намъ ничего не остается болѣе желать имъ, какъ полнаго успѣха ихъ дѣятельности, которая въ такомъ случаѣ несомнѣнно приведетъ ихъ не только къ учрежденію образцовыхъ школъ, но и къ выдачѣ пособій и премій лучшимъ изъ школъ, заведенныхъ духовенствомъ безъ казенной поддержки.

№ 107.

Москва, 14-го мая.

Польскія брошюры и польскія газеты надѣлали намъ много хлопотъ, но онѣ же приносятъ намъ теперь и большую пользу, открывая намъ тайныя пружины великой польской интриги. Передъ нами бро-

шюра г. Таньскаго: *L'entrée des Russes à Paris et l'armée russe* (Вступленіе Русскихъ въ Парижъ и русская армія). Нашъ польскій благопріятель конечно, не преминулъ воспользоваться случаемъ пятидесятилѣтняго юбилея вступленія нашихъ войскъ въ Парижъ, чтобы кольнуть раздражительность французскаго чувства. „La Russie jette un défi à la France", этими словами начинается брошюра, и оканчивается слѣдующею эффектною фразою: „Croyez-vous que sur les bords de la Seine il se trouve des lauriers pour les vaincus d'Alma, d'Inkermann et de Traktir?"

Мы беремся за перо, конечно, не съ тѣмъ, чтобъ отвѣчать на родомонтады Поляка во славу французской арміи. Книжонка его представляетъ намъ совершенно другаго рода интересъ; она содержитъ въ себѣ нѣкоторыя откровенія, которыми не мѣшаетъ намъ воспользоваться. Еще въ началѣ восточной войны, говоритъ г. Таньскій, состоявшій при французской арміи, „плѣнные и перебѣжчики изъ Поляковъ единодушно объявляли намъ, что нашими соотечественниками, находящимися въ московитской арміи, руководитъ какая-то невидимая власть, которой они повинуются". Этотъ руководитель былъ нѣкто Ремеръ. За долго до послѣдней войны онъ служилъ на Кавказѣ волонтеромъ и возвратясь въ Литву (эта фамилія, помнится, есть на Волыни), исключительно занялся революціонною пропагандой, которую онъ велъ съ такимъ успѣхомъ, что во время венгерскаго возмущенія и замысловъ Бема проникнуть въ Подолію, онъ надѣялся поднять весь тотъ край. Замыселъ его однакожь былъ открытъ, вслѣдствіе чего онъ во второй разъ,—и уже непроизвольно,—вступилъ въ военную службу. Это однако не связало рукъ дѣятельному заговорщику; онъ вкрался въ довѣренность къ своему дивизіонному командиру, и во время Крымской кампаніи „ce barbare" поручилъ Ремеру отбирать показаніе отъ непріятельскихъ плѣнныхъ и дезертировъ, что̀ открыло этому послѣднему возможность войдти въ сношенія съ англо-французскимъ лагеремъ и даже посылать туда своихъ коммисаровъ. Въ Крыму, Ремеръ сблизился съ однимъ изъ своихъ земляковъ, капитаномъ Ходасѣвичемъ. Они стали дѣйствовать заодно. Ходасѣвичъ, извѣстный какъ хорошій рисовальщикъ, предложилъ дивизіонному генералу снять планъ непріятельской позиціи подъ Севастополемъ, на что̀, разумѣется, получилъ согласіе и, сверхъ того, въ подарокъ прекрасную зрительную трубу. Само собою разумѣется, что труба эта была наведена на нашъ лагерь, планъ котораго въ одно прекрасное утро польскіе патріоты сами доставили союзнымъ главнокомандующимъ.

Вотъ содержаніе происшествія подробно разказаннаго г. Таньскимъ. Самъ по себѣ разказъ этотъ не представляетъ ничего особенно поразительнаго: въ какой арміи не бываетъ измѣнниковъ и перебѣжчиковъ! Но вотъ слова, которыя не могутъ не навести на размышленія: „Ремеръ и Ходасѣвичъ суть только олицетвореніе всеобщаго настроенія Поляковъ, служащихъ въ московской арміи... На Кавказѣ и въ Сибири, въ Москвѣ и Петербургѣ, они вездѣ носили съ собою *отечество* (то есть старую Польшу). Повинуясь единой идеѣ, они, не взирая на раздѣлявшія ихъ разстоянія, дѣйствовали съ единствомъ свойственнымъ правильному правительству... Можно смѣло сказать, что сильнѣйшій толчокъ нынѣшнему возстанію въ Польшѣ сообщенъ былъ офицерами, воспитанными въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ; они направили первыя шаги революціи, они были первыми жертвами".

Итакъ, вотъ роль, которую, по свидѣтельству г. Таньскаго, играютъ,—мы не скажемъ *всѣ*,—но многіе Поляки въ нашей арміи. Нѣтъ основанія думать, чтобы другіе, вступая въ гражданскую службу, не стремились къ тѣмъ же самымъ цѣлямъ; а когда мы сообразимъ какое громадное количество офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ доставляли намъ многочисленныя гимназіи и дворянскія училища Западнаго края, какія массы голодной шляхты ищутъ пріюта и крова во всѣхъ нашихъ управленіяхъ, то по неволѣ становится жутко. На какомъ волканѣ мы стояли, и какимъ чудомъ мы спаслись! Великъ Богъ земли Русской!.. Кто сомнѣвается въ подлинности польскаго катихизиса, тѣ должны повѣрить по крайней мѣрѣ брошюрѣ напечатанной въ Парижѣ, и украшенной именемъ ея автора.

Соображая по подобнымъ несомнѣннымъ свидѣтельствамъ объ опасности, которая намъ угрожала изъ среды самой нашей администраціи, мы находимся въ положеніи путника, котораго удалый возница промчалъ по зыбкому мостику *брошенному* че-

резъ пропасть, и который, оглянувшись случайно, замираетъ отъ ужаса... Но кто поручится, что подобные мостики не предстоятъ намъ и въ дальнѣйшемъ нашемъ пути? Польская пропаганда есть не болѣе какъ департаментъ того обширнаго управленія, которое называется всесвѣтною революціей,—этого новаго франъ-масонства распространившагося на всю Европу, этого воскресшаго съ дѣятельною силою карбонаризма. Гдѣ же тѣ охранительныя силы наши, которыя должны бороться съ этою такъ-называемою партіей дѣйствія? Бюрократія есть единственная организованная сила въ Россіи: а въ состояніи ли она, бороться съ такою разнообразною по своимъ средствамъ, неуловимою по природѣ своей силою какъ революціонная пропаганда? Мы сомнѣваемся. Въ правѣ ли мы обвинить генерала, который довѣрился Ремеру и Ходасѣвичу? Отнюдь нѣтъ. Революціонный катихизисъ не только дозволяетъ, но предписываетъ лесть, угодничество, обманъ, притворчество, наружное отступничество отъ своей святыни. Ремеръ и Ходасѣвичъ, безъ сомнѣнія, прикидывались самыми горячими русскими патріотами; г. Таньскій разказываетъ, что наканунѣ своего отъѣзда въ непріятельскій лагерь, они устроили пирушку, на которой пили за русскую армію и за Государя... Можно ли требовать отъ каждаго начальника, чтобъ онъ былъ сердцевѣдцемъ? То же самое, и еще въ большей степени, прилагается къ гражданской службѣ.

Бюрократическая машина, какъ бы ни была она совершенна, все-таки есть только машина, и не можетъ замѣнить живую силу человѣка. Она можетъ раздавить неосторожную руку, которая подвернется подъ ея колесо; но ловкія руки могутъ направлять ее соотвѣтственно своимъ цѣлямъ. Тайные враги могутъ пробираться внутрь самой администраціи, овладѣвать ея канцеляріями, пріобрѣтать вліяніе на дѣла...

При тѣхъ трудностяхъ, которыя характеризуютъ наше время и съ которыми намъ предстоитъ бороться, бюрократическая организація не только оказывается недостаточною, но и сама представляетъ серіозныя опасности.

№ 108.

Москва, 15-го мая.

Вѣдомство народнаго просвѣщенія имѣетъ, по самому существу своему, много особенностей сравнительно съ другими, собственно политическими вѣдомствами. Въ Англіи высшія и среднія учебныя заведенія находятся подъ общимъ надзоромъ государственныхъ властей, не входя въ вѣдѣніе какого-нибудь отдѣльнаго министерства или учрежденія; лишь для народныхъ школъ учрежденъ особый департаментъ, *Edicational Board*, который, впрочемъ, завѣдываетъ не столько народными школами, сколько выдаваемыми имъ казенными пособіями; но и этотъ департаментъ примыкаетъ не къ министерству, а къ собственному, или тайному, совѣту королевы, то-есть такому правительственному собранію, которое состоитъ изъ высшихъ сановниковъ всѣхъ партій (изъ всѣхъ такъ-называемыхъ Right Honourables, что мы обыкновенно переводимъ словомъ: *высокочтимые*,) и имѣетъ всегда возможность освободить дѣло народныхъ школъ изъ-подъ односторонняго вліянія господствующей партіи, еслибъ это оказалось нужнымъ. Училищная часть должна быть ограждена отъ реформъ, вызываемыхъ личными взглядами начальствующихъ лицъ и вообще политическихъ людей. Въ управленіи училищною частью, гдѣ считается необходимымъ подобное управленіе, долженъ быть предоставленъ значительный вѣсъ элементамъ консервативнымъ, дабы существующее устройство имѣло достаточный устой противъ преобразовательныхъ увлеченій. Власть главы училищнаго управленія должна дѣйствовать совершенно свободно, когда требуется пресѣчь злоупотребленія, уклоненія отъ закона или бездѣйствіе должностныхъ лицъ, но по части нововведеній, по части вмѣшательства въ положительную сторону училищной жизни, глава управленія долженъ быть гораздо болѣе ограниченъ чѣмъ другіе министры по ихъ частямъ. Эта мысль была довольно ясно сознаваема и у насъ, вслѣдствіе чего Главному Правленію Училищъ было предоставлено болѣе самостоятельности чѣмъ совѣтамъ состоящимъ при другихъ министрахъ. Главное Правленіе Училищъ было поставлено довольно независимо отъ министра народнаго просвѣщенія, такъ что даже при своемъ неудовле-

творительномъ устройствѣ служило нѣкоторою гарантіей противъ нововведеній неосновательныхъ или поспѣшныхъ. Были предположенія дать еще большее значеніе этому учрежденію, введя въ число его членовъ нѣсколько академиковъ и профессоровъ, а также нѣсколько духовныхъ лицъ, но, какъ извѣстно, эти предположенія не состоялись, и Главное Правленіе Училищъ вовсе упразднено, уступивъ свое мѣсто совѣту министра, которое, по своему уставу, не имѣетъ самостоятельности. Намъ невольно припомнился этотъ ходъ реформы нашего училищнаго вѣдомства, когда мы мысленно сравнивали наше прежнее Главное Правленіе Училищъ съ новымъ австрійскимъ училищнымъ совѣтомъ, о которомъ говоритъ подробно печатаемое ниже письмо нашего вѣнскаго корреспондента. Обращаемъ вниманіе читателей на это интересное учрежденіе, которому предстоитъ бороться съ чрезвычайными затрудненіями, но которое, какъ мысль, дѣлаетъ большую честь австрійскому государственному министру, его виновнику.

У насъ весьма важное было бы существованіе подобнаго органа для предварительнаго гласнаго обсужденія педагогическихъ вопросовъ, требующихъ законодательнаго или административнаго рѣшенія. Министерство народнаго просвѣщенія сдѣлало все что̀ отъ него зависѣло, съ цѣлію вызвать обсужденіе составленныхъ имъ проектовъ училищной реформы. Оно разослало эти проекты ко многимъ сотнямъ лицъ и учрежденій, дабы отобрать ихъ мнѣнія; оно издало полученныя имъ замѣчанія, и т. д. Но затѣмъ слѣдовали самыя трудныя задачи: привести въ порядокъ всю эту *rudis indigestaque moles* и наконецъ произнести приговоръ. Эта послѣдняя часть задачи исполняется, если можно такъ выразиться, при закрытыхъ дверяхъ. Тяжба мнѣній о лучшемъ устройствѣ училищъ происходитъ не тѣмъ порядкомъ, который предполагается теперь ввести въ наше судопроизводство. Процессъ идетъ не гласный, не устный, не состязательный. Доказательства тяжущихся сторонъ неисчерпаны; докладъ сдѣланъ не въ ихъ присутствіи, и имъ неизвѣстны мотивы, которые будутъ имѣть вліяніе на приговоръ. Мы говоримъ не о политической, не о финансовой сторонѣ дѣла,—онѣ подлежатъ общему законодательному разсмотрѣнію. Мы говоримъ о той педагогической сторонѣ дѣла, по которой невозможно постановлять приговоры тѣмъ порядкомъ, какой употребителенъ при рѣшеніи законодательныхъ вопросовъ. Если нельзя рѣшить большинствомъ голосовъ вопросъ о происхожденія Руси или о древне-греческомъ произношеніи, то почему же большинство голосовъ будетъ болѣе на мѣстѣ при разрѣшеніи вопроса о томъ, ошибается ли или нѣтъ образованный міръ, считая древніе языки и математику основой высшаго образованія? Мы не хотимъ сказать, чтобы самый этотъ вопросъ подлежалъ рѣшенію педагогическаго собранія, но пренія подобнаго собранія могли бы разъяснить возраженія, дѣлаемыя противъ примѣнимости къ Россіи того что̀ хорошо для другихъ странъ Европы.

Чѣмъ болѣе понимается важность вопроса объ устройствѣ гимназій, тѣмъ тревожнѣе чувство, съ которымъ ожидается рѣшеніе этого вопроса. Мы, говорятъ, находимся въ исключительномъ положеніи; мы стоимъ ниже другихъ европейскихъ народовъ. Переведенныя на языкъ законодательный, эти слова значили бы: мы должны и будемъ оставаться въ исключительномъ положеніи; мы должны и будемъ стоять ниже другихъ европейскихъ народовъ. Если превосходство иностраннаго образованія есть фактъ, то намъ ли узаконивать его? Не слѣдуетъ ли намъ, напротивъ, бороться съ нимъ? Предстоящій къ разрѣшенію вопросъ есть собственно вопросъ о нашемъ взглядѣ на себя, на свое историческое призваніе. Что̀ мы такое? Народъ призванный дѣйствовать наряду съ другими народами, народъ которому суждено принимать самостоятельное участіе въ дѣлахъ образованнаго міра, или народъ обреченный на пассивную роль безплоднаго подражанія и всегдашней зависимости отъ народовъ образованныхъ? Этотъ вопросъ никто, конечно, не можетъ рѣшить кромѣ насъ самихъ. Удастся ли намъ рѣшить его въ нашу пользу, это никто знать не можетъ, но мы чрезвычайно легко можемъ рѣшить его противъ себя. Мы ужь, конечно, не достигнемъ самостоятельности въ кругу образованныхъ народовъ, если заранѣе будемъ считать себя неспособными къ ней. Пускаясь въ бѣгъ, можно отстать отъ другихъ и не добѣжать до цѣли, это правда; но ни въ какомъ случаѣ нельзя достигнуть цѣли, оставаясь на мѣстѣ. Отъ устава гимназій зависитъ, будутъ ли у слѣдующихъ за нами поколѣній русскаго народа подрѣзаны крылья.

Наше положеніе исключительное, говорятъ намъ. Нѣтъ спора, что у каждаго народа есть свое особое положеніе. Нѣмцы не то что̀ Французы, Французы не то что̀ Англичане, мы не то что̀ Нѣмцы. Одни народы поставлены болѣе, другіе менѣе выгодно, и съ теченіемъ времени выгоды постановки измѣняются. Было время когда Голландія стояла впереди Англіи по всемірной торговлѣ; теперь Англія далеко опередила Голландію. Мы пришли на праздникъ послѣ другихъ и потому у насъ больше предшественниковъ, которыхъ труды слѣдуетъ намъ изучить; въ этомъ отношеніи наше положеніе затруднительнѣе. Но съ другой стороны мы имѣемъ передъ собой больше трудовъ уже сдѣланныхъ, которыми можемъ пользоваться, и въ этомъ отношеніи наше положеніе выгоднѣе. Мы вѣримъ въ свое историческое призваніе, но если мы дѣйствительно имѣемъ историческое призваніе, то у насъ, конечно, есть и соотвѣтствующія средства. Русскій образованный человѣкъ долженъ знать однимъ языкомъ больше чѣмъ западные Европейцы, но если русскій человѣкъ способенъ воспринять европейскую цивилизацію, то онъ, конечно, снабженъ способностью изучить этотъ лишній языкъ, и мы дѣйствительно замѣчаемъ что Русскіе имѣютъ особенное дарованіе къ языкамъ. Но положимъ, что исключительность нашего положенія можетъ отстранить насъ отъ европейской цивилизаціи: во всякомъ случаѣ если мы не хотимъ быть отстранены, а напротивъ намѣреваемся принадлежать къ образованной Европѣ, то мы не должны по крайней мѣрѣ сами ссылаться на эту исключительность и извиняясь ею освобождать себя отъ пріобрѣтенія того образованія, которымъ гордятся опередившіе насъ народы образованной Европы. Чтобы быть наравнѣ съ Нѣмцами, Французами и Англичанами, мы непремѣнно должны учиться всему тому, чему учатся Нѣмцы, Французы и Англичане.

Наши умники говорятъ еще, что школы у этихъ народовъ устроены на средневѣковыхъ основаніяхъ и даютъ своимъ питомцамъ одностороннее образованіе. Тутъ ужь дѣло получаетъ обратный видъ: мы являемся порицателями и принимаемъ учительскій тонъ. Не мы стоимъ ниже другихъ европейскихъ народовъ, а другіе европейскіе народы стоятъ ниже того уровня, на которомъ мы хотимъ и очень скоро будемъ стоять. Чтобъ это сбылось, требуется только устроить училища такъ, чтобы въ нихъ по возможности ни чему не учили. Тогда низойдетъ на землю новая цивилизація, передъ которой померкнетъ теперешняя цивилизація Европы, заключающая въ себѣ такъ много средневѣковыхъ элементовъ. Стоитъ ли говорить о подобныхъ фантазіяхъ, или, вѣрнѣе, о подобномъ бредѣ? Смѣшно и безсмысленно загадывать о будущемъ, но если мы дѣйствительно призваны подвинуть впередъ цивилизацію человѣчества, если нашей цивилизаціи суждено стать выше цивилизаціи Западной Европы; то мы все-таки должны сперва усвоить себѣ эту послѣднюю, должны перейдти черезъ ея школу, и только потомъ можемъ надѣяться, что пойдемъ далѣе. Исторія не рядъ случайностей. Всякая историческая цивилизація должна быть основана на цивилизаціи предшествовавшей. Словомъ, даже самое странное національное хвастовство безвѣстнымъ будущимъ не можетъ отрицать потребность усвоенія европейской цивилизаціи въ ея полнотѣ, не только ея вѣтвей, но и ея корней.

Таково общее требованіе. Практическая же сторона вопроса состоитъ въ томъ, что до сихъ поръ основанія всеобщей европейской школьной системы не были у насъ достаточно признаваемы. У насъ учили и древнимъ языкамъ и математикѣ,—математикѣ нѣсколько лучше, чѣмъ древнимъ языкамъ,—но давали слишкомъ мало мѣста даже математикѣ, а древнимъ языкамъ еще меньше. Поэтому классическое преподаваніе не могло принесть у насъ удовлетворительнаго плода. Теперь задача состоитъ въ томъ, чтобы дать большее чѣмъ прежде значеніе этимъ чистымъ началамъ гимназическаго обученія и съ этою цѣлію стѣснить преподаваніе предметовъ, загромождающихъ наши гимназіи къ ихъ величайшему ущербу. Какъ достигнуть этого,—вотъ о чемъ собственно должны бы идти пренія, и вотъ что, надобно сознаться, разъяснено недостаточно, хотя наша школьная практика представляетъ всѣ нужныя данныя для разъясненія этого важнаго вопроса. Эта практика ясно указываетъ на совершенную безполезность преподаванія естественной исторіи, на несоотвѣтствіе преподаванія всеобщей исторіи съ возрастомъ учениковъ, на безнадежную неуспѣшность обученія новымъ языкамъ въ гимназіяхъ, наконецъ на чрезвычайный вредъ, при-

чиняемый юношеству употребительнымъ у насъ преподаванiемъ такъ-называемой русской словесности, превратившейся въ полную науку фразерства. Вотъ какiе предметы должны быть сокращены, чтобы дать нужный просторъ основнымъ предметамъ преподаванiя,—древнимъ языкамъ и математикѣ.

Сердце сжимается, когда подумаешь сколько не разъясненнаго остается по всѣмъ этимъ вопросамъ требующимъ однакоже скораго рѣшенiя. Отъ ошибокъ можетъ спасти одно—уваженiе къ общему голосу образованнаго мiра. Передъ этимъ голосомъ должны смолкнуть не подтвержденныя опытомъ теорiи, какъ бы не были ихъ приверженцы увѣрены въ ихъ исполнимости. Мы предоставляемъ себѣ впрочемъ сказать на дняхъ нѣсколько словъ объ этихъ теорiяхъ.

№ 109.

Москва, 16-го мая.

Мы получили письмо отъ здѣшняго лютеранскаго пастора, г. Фермана, которое помѣщаемъ ниже. Почтенный корреспондентъ, съ которымъ намъ было бы гораздо прiятнѣе соглашаться чѣмъ спорить, не доволенъ нѣкоторыми изъ нашихъ замѣчанiй, вызванныхъ проповѣдью доктора Вальтера, лифляндскаго генералъ-суперинтендента, произнесенною имъ 9-го марта при открытiи засѣданiй лифляндскаго сейма. Г. Ферманъ называетъ замѣчанiя наши критикой, и заявляетъ, что въ нихъ есть нѣчто оскорбительное для его чувства. Но мы не подвергали критикѣ проповѣдь доктора Вальтера; мы напротивъ, безъ всякой критики, соглашались принять ту точку зрѣнiя, которую онъ рекомендуетъ. Принявъ его точку зрѣнiя, мы нашли, что во всѣхъ областяхъ Русскаго государства коренные жители должны чувствовать себя, по преимуществу, Русскими, изъ какого бы племени ни происходили они первоначально. А такъ какъ Лифляндiя есть одна изъ провинцiй Русскаго государства, такъ какъ лифляндская земля есть часть Русской земли, то въ силу основанiй, въ которыхъ утвердилъ насъ епископъ Вальтеръ, мы должны желать, чтобы всѣ обитатели этой части Русской земли были Русскими, и отнюдь не должны желать германизацiи, предлагаемой епископомъ Вальтеромъ.

Г. пасторъ Ферманъ замѣчаетъ это разногласiе, и объясняетъ его „различною точкой зрѣнiя, съ которой обсуживаются одни и тѣ же явленiя.“ Онъ примѣняетъ признаваемое имъ общее правило къ Лифляндiи, но не примѣняетъ его къ Россiи, которой часть есть Лифляндiя. Чтобъ оправдать эту свою точку зрѣнiя, онъ ссылается на то, что германизировать Эстовъ и Латышей въ Лифляндiи побуждаетъ „долгъ гуманности и христiанской любви.“ Гуманность и христiанская любовь! Увы! кто не употреблялъ этихъ звучныхъ словъ? Какому дѣлу не служили они прикрасой! По правдѣ сказать, мы не хорошо понимаемъ, что̀ такое можетъ значить „долгъ христiанской любви?“ Любовь, и особенно любовь христiанская, творитъ свои чудеса не въ силу долга. Гдѣ дѣйствуетъ долгъ, тамъ нѣтъ надобности говорить о любви: это производитъ только путаницу въ понятiяхъ. Любовь только тогда и любовь, когда она раждается, живетъ и дѣйствуетъ сверхъ долга и отъ него независимо. Нашему почтенному совопроснику это должно быть еще лучше извѣстно чѣмъ намъ, и намъ кажется, что дѣло германизацiи, которое его интересуетъ, могло бы обойдтись и безъ ссылки на христiанскую любовь. Онъ находитъ, что сдѣлать Латышей и Эстовъ сынами Германiи, значитъ возвысить и облагородить ихъ; онъ ссылается на своего епископа, который удостовѣряетъ, что сами Латыши и Эсты чувствуютъ неодолимое влеченiе къ германизацiи, что отказывать имъ въ этомъ значило бы отказывать имъ въ удовлетворенiи ихъ собственныхъ потребностей и желанiй. Ахъ, еслибы спросить по секрету эти бѣдныя народонаселенiя латышскiя и финскiя объ ихъ желанiяхъ, не о томъ бы можетъ-быть они заговорили!.. Нашъ почтенный корреспондентъ указываетъ на „сотни и тысячи Латышей и Эстовъ, которые гордятся именемъ Нѣмцевъ на родинѣ, какъ и во всей Россiи, потому только что они говорятъ по-нѣмецки и опередили своихъ соплеменниковъ относительно образованiя.“ Что они говорятъ по-нѣмецки, это дѣло не худое; что они получили образованiе, это еще лучше; но что они, будучи гражданами Русской земли, гордятся именемъ Нѣмцевъ, это дѣло плохое, и въ этомъ несчастномъ обстоятельствѣ не можемъ мы не чувствовать бремени долга, оставленнаго намъ предками нашими, не можемъ

не видѣть въ этомъ упрека себѣ, и не можемъ не ставить себѣ задачею прекращеніе такого ненормальнаго положенія вещей. Г. Ферманъ самъ даетъ намъ это чувствовать, говоря намъ прямо въ лицо, что намъ даже и думать не позволительно, чтобы лифляндскіе уроженцы, то-есть подданные Русскаго государства и граждане Русской земли, могли называть себя прежде всего Русскими и дорожить этимъ названіемъ. Положимъ, что мы заслужили такое презрѣніе, — но что̀ жъ изъ этого слѣдуетъ? Не слѣдуетъ ли намъ постараться, чтобы впредь мы не давали повода говорить намъ то что̀ теперь сказали епископъ Вальтеръ въ Ригѣ и пасторъ Ферманъ въ Москвѣ.

Но г. Ферманъ, удостовѣряя насъ въ существованіи многихъ сотенъ, даже тысячъ, Латышей и Эстовъ, ставшихъ Нѣмцами и не желающихъ считать себя Русскими, сознается однако, что есть лица нѣмецкаго происхожденія и протестантской религіи, которые признаютъ себя Русскими. Что̀ кажется ему несбыточнымъ, то черезъ нѣсколько строкъ заявляется имъ самимъ, какъ существующій фактъ. Мы въ свою очередь подтверждаемъ его показаніе, и заявляемъ, что такихъ лицъ не мало. Мы выражаемъ увѣренность, что и всѣ русскіе граждане нѣмецкаго происхожденія, по совѣсти, признаютъ себя Русскими. Г. Ферманъ говоритъ объ этихъ лицахъ тономъ нѣкотораго презрѣнія, и видитъ въ нихъ дешевую побѣду русской народности, уступая ихъ намъ, какъ онъ выражается, безъ зависти. Благодаримъ за уступку, и спѣшимъ присовокупить, что въ русскомъ чувствѣ гражданъ Русскаго государства, какого бы они ни были происхожденія, какое бы они имя не носили, какую бы вѣру ни исповѣдывали, мы видимъ самый естественный фактъ. Тутъ нѣтъ ни побѣдъ, ни пораженій. Естественно всякому подданному Русскаго государства, всякому гражданину Русской земли, считать Россію своимъ отечествомъ. Только Цыганы не имѣютъ отечества; но и тѣ, остановясь осѣдлыми, начинаютъ его чувствовать. Финляндія не есть часть Германіи; она есть часть Россіи. Жители этой губерніи, какого бы то ни было происхожденія, не могутъ считать своимъ отечествомъ Германію. Какой бы языкъ они преимущественно ни употребляли, какую бы вѣру ни исповѣдывали, они не могутъ не видѣть своего отечества въ Россіи, и стало быть не могутъ не считать себя Русскими. Наша исторія гордится многими дорогими для насъ именами, — русскими, несмотря на свой нѣмецкій звукъ. Вездѣ, на всѣхъ поприщахъ дѣятельности въ нашемъ великомъ отечествѣ, встрѣчаемъ мы этихъ людей, которыхъ бросаютъ намъ съ презрѣніемъ какъ дешевое пріобрѣтеніе. Мы дорожимъ этимъ пріобрѣтеніемъ, и видимъ въ нихъ истинно-русскихъ людей и истинно-честныхъ людей, служащихъ Русской землѣ въ качествѣ ея дѣтей, а не наемниковъ или искателей приключеній. Мы хотимъ думать, что всѣ финляндскіе уроженцы считаютъ себя Русскими. Если многіе изъ нихъ нѐ владѣютъ языкомъ своего отечества, то этому, конечно, радоваться нечего; но мы не можетъ очень сѣтовать на нихъ за это. Увы, какъ часто встрѣчаемъ мы людей носящихъ самыя національныя имена, восходящія до Рюрика, — людей, которые по языку гораздо болѣе Французы нежели Русскіе! Это ужъ наша вина, — и вотъ почему мы ожидаемъ какихъ-либо новыхъ условій въ развитіи нашей народной жизни, которыя пробудили бы дремлющія нравственныя силы въ нашемъ обществѣ.

Зачѣмъ вдругъ понадобилось германизировать народонаселенія Лифляндіи? Епископъ Вальтеръ отправляется отъ той мысли, что Эсты, Ливы и Латыши суть племена лишенныя самостоятельной культуры и историческаго значенія. Мы готовы согласиться съ этимъ, мы понимаемъ, что Эсту или Латышу, получившему образованіе, не ловко оставаться Эстомъ или Латышемъ, что племя, къ которому онъ принадлежитъ, не имѣетъ ни исторіи, ни литературы, ни аристократіи, ни либеральныхъ профессій, что оно никогда не имѣло ни общественной организаціи, ни политической самостоятельности, что племенное чувство этихъ людей служитъ символомъ темной доли, грубаго быта и подчиненнаго положенія, что оно часто исчезаетъ безслѣдно съ перемѣной общественнаго положенія, съ умственнымъ развитіемъ и образованіемъ. Но если школа и образованіе должны выводить этихъ людей изъ тѣсной доли скуднаго племеннаго существованія, и пріобщать ихъ къ какой-либо великой исторической народности, то всего естественнѣе желать, чтобъ они пріобщались къ народности русской. Мы не хо-

тимъ вступать въ споръ объ относительныхъ достоинствахъ нѣмецкой и русской народности; мы безспорно соглашаемся, что культура нѣмецкая несравненно богаче русской, и что нѣмецкій языкъ открываетъ для ума гораздо болѣе широкіе горизонты чѣмъ русскій. Мы знаемъ также, что есть люди, которые и о русской народности имѣютъ мнѣніе не болѣе выгодное чѣмъ о народности Латышей и Эстовъ, и которые были бы готовы, по долгу гуманности, германизировать и насъ еслибъ это было возможно. Но намъ позволительно имѣть объ этомъ предметѣ иное мнѣніе; намъ позволительно думать, что русская народность имѣетъ свои великія судьбы, имѣетъ свое всемірное назначеніе; намъ позволительно имѣть вѣру въ свою народность, крѣпко охранять ея интересы и не бросать позорно того, что стяжали наши предки. Мы думаемъ, что это не только позволительно, но что въ этомъ состоитъ главный долгъ нашъ; и намъ кажется, что Латышамъ и Эстамъ не только не обидно быть частію русскаго народа, но что это самый вѣрный исходъ для нихъ, потому что исторія судила имъ жить въ неразрывной связи съ русскимъ народомъ.

Какую будущность приготовили бы мы этимъ народонаселеніямъ, латышскимъ и эстскимъ, еслибы мы допустили германизировать ихъ en masse? Мы согласны съ епископомъ Вальтеромъ, что ставъ Нѣмцами, они „будутъ крѣпко держаться своей нѣ„мецкой національности какъ Альтенбургцы „въ Германіи, которые принадлежали перво„начально къ славянскому племени.“ Какъ вообще бываетъ съ новообращенными, они, по всему вѣроятію, съ особенною энергіей предадутся чувству своей новой національности. Чтò же будетъ изъ этого края смежнаго съ Германіей, когда германская національность овладѣетъ всею его толщею? Могутъ ли тогда эти народонаселенія, ставшія въ корнѣ нѣмецкими не тяготѣть къ Германіи? А если такъ, то какой источникъ недовольства, подавленныхъ стремленій и смутъ откроется въ этихъ, нынѣ мирныхъ, краяхъ! Вносить въ жизнь сѣмена неудовлетворимыхъ стремленій, значитъ ли готовить для потомковъ добрую жатву?

Suum cuique: у высшихъ классовъ политическое значеніе, богатство, образованіе; но источникъ народности у низшихъ, у простаго народа. Народность идетъ отъ корней, а корни не на вершинахъ, корни въ глубинѣ. Лифляндія, равно какъ и весь балтійскій край, не можетъ назваться краемъ нѣмецкимъ, потому что все нѣмецкое заключается тамъ въ рыцарствѣ и въ городскихъ сословіяхъ. О нѣмецкой народности въ этомъ краѣ не можетъ и не должно быть рѣчи. Въ немъ живетъ большее или меньшее количество людей, говорящихъ преимущественно на нѣмецкомъ языкѣ, исповѣдывающихъ протестантскую вѣру,— и вотъ всѣ отношенія его къ нѣмецкой народности. И въ Москвѣ учатся по-нѣмецки: отчего же тому или другому Латышу и Эсту не выучиться по-нѣмецки? Но отъ народныхъ массъ до отдѣльныхъ людей, получающихъ высшее образованіе, большое разстояніе. Между народными первоначальными школами и высшими учебными заведеніями есть существенная разница. Допускать всеобщую германизацію этого края значило бы, со стороны Россіи, либо заранѣе отрекаться отъ него, либо, какъ замѣчено выше, готовить для его народонаселеній двусмысленное и нестерпимое положеніе въ будущемъ. Образованные и мыслящіе люди изъ высшихъ классовъ, по неволѣ, будутъ чувствовать себя совершенно иначе, когда они вдругъ почувствуютъ подъ собою массу нѣмецкой народности. Чтò теперь можетъ придти въ голову только фантазерамъ и мечтателямъ, то при подобныхъ условіяхъ будетъ самымъ естественнымъ чувствомъ, самою естественною мыслію въ каждомъ мыслящемъ и чувствующемъ человѣкѣ.

Повторимъ, въ остзейскихъ губерніяхъ нѣмецкій элементъ никогда не былъ нѣмецкимъ народомъ; изъ нѣмецкаго элемента состоятъ тамъ лишь верхніе слои, и говорить о нѣмецкомъ народѣ въ этомъ краѣ—совершенно неосновательно. Тѣмъ не менѣе Россія предоставляетъ и, безъ сомнѣнія, будетъ предоставлять всевозможныя льготы нѣмецкому обычаю и нѣмецкой культурѣ въ этихъ мѣстахъ. Боже насъ сохрани желать, чтобы напримѣръ педагогическая система, существующая тамъ на основаніяхъ общихъ всему цивилизованному міру, подверглась какимъ-нибудь вандальскимъ наѣздамъ, чтобъ ихъ гимназіи были подведены подъ жалкій уровень нашихъ учебныхъ заведеній, подвергающихся самымъ случайнымъ вліяніямъ, самымъ неожиданнымъ переворотамъ; чтобы въ нихъ,

какъ недавно заявлялось въ одной петербургской газетѣ, древніе языки поступились мѣстомъ естествовѣдѣнію и другимъ вѣдѣніямъ, по измышленію петербургскихъ прогрессистовъ. Пусть преподаваніе и въ гимназіяхъ, и въ университетѣ производится тамъ на нѣмецкомъ языкѣ: протестовать противъ этого было бы съ нашей стороны дѣйствительно фальшивою національною гордостью, отъ которой мы, слава Богу, совершенно свободны. Но совершенно справедливо и совершенно необходимо обезпечить за русскимъ языкомъ полное право гражданства въ этихъ краяхъ, какъ и вездѣ въ Россіи. Если мы не можемъ требовать, чтобы преподаваніе обязательныхъ предметовъ ученія въ остзейскихъ гимназіяхъ происходило на русскомъ языкѣ, то мы можемъ и должны требовать, чтобы русскій языкъ навсегда оставался въ нихъ однимъ изъ самыхъ обязательныхъ предметовъ ученія.

Что же касается первоначальныхъ или народныхъ школъ, то для Латышей пусть онѣ будутъ латышскія, для Эстовъ финскія. Такъ вообще заведено у насъ, таковъ вообще нашъ обычай. Мы не насиловали и не сманивали ни одно изъ множества народныхъ племенъ живущихъ въ нашемъ отечествѣ. Не всѣ Латыши и Эсты становятся людьми либеральныхъ профессій: масса остается въ низменной долѣ. Мы оставляемъ же за Финнами ихъ языкъ въ Финляндіи и даже даемъ ему политическую полноправность, которою Финны дорожатъ; за что же мы будемъ отказывать въ финской грамотности Финнамъ въ Лифляндіи? Наконецъ, можно ли серіозно думать, чтобы мы, изобрѣтая грамоту для дикихъ инородцевъ въ Сибири и переводя на ихъ грубыя нарѣчія Священное Писаніе, измѣнили этому нашему обычаю въ Лифляндіи въ пользу германской народности, и чтобы мы допустили другихъ дѣлать то, чего не дѣлаемъ сами надъ другими? А между тѣмъ (вотъ къ какому презрительному мнѣнію о себѣ подали мы поводъ!) отъ насъ еще ожидаютъ, чтобы мы лифляндскихъ инородцевъ, обратившихся въ православіе и не умѣющихъ по нѣмецки, германизировали посредствомъ православной литургіи переведенной на нѣмецкій языкъ. Православная литургія—орудіе германизаціи!

И неужели то что не могло совершиться въ темныя времена нашей исторіи, когда русская народность таилась подъ спудомъ, когда русскій народъ не жилъ, а прозябалъ, неужели то должно совершиться теперь, когда русскій народъ, повидимому, пробуждается къ новой жизни? Неужели то, что было трудно и невозможно въ тѣ времена, стало теперь возможнымъ и легкимъ? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, даемъ мы поводъ думать со стороны что эта эпоха, въ которую мы живемъ, есть начало не возрожденія, а упадка, не жизни, а смерти,—*commencement de la fin*! Чѣмъ могли мы возбудить эти обидные помыслы, эти покушенія и надежды? Должно-быть дѣйствительно есть что-нибудь недоброе въ ходѣ нашихъ дѣлъ, и намъ слѣдуетъ серіозно вникнуть въ требованія обстоятельствъ и времени, чтобы немедля вывести наше народное дѣло изъ тумана недоразумѣній, сомнѣній и колебаній.

Г. Ферманъ заключаетъ свое письмо прекрасными словами; но намъ кажется, что они имѣютъ мало отношенія къ возникшему вопросу, тѣмъ болѣе что въ слова эти вкралась ошибка. Въ нихъ выразился не совсѣмъ ясный взглядъ на наше государство. Царственный Домъ, управляющій судьбами Россіи, не есть нѣчто постороннее Русскому народу, не есть внѣшняя связь безразлично соединяющая разныя владѣнія и разныя народности. Царствующій въ Россіи Домъ есть русскій Домъ. Онъ неразрывно соединенъ съ русскимъ народомъ, онъ есть одно съ нимъ, и въ этомъ единствѣ—ихъ могущество и величіе, завѣтъ нашего прошедшаго, залогъ лучшаго будущаго. Малѣйшее разобщеніе между ними было бы величайшею опасностію.

Свободнаго развитія желаемъ мы всѣмъ и каждому, и безъ всякаго ложнаго страха; напротивъ, въ ложномъ страхѣ видимъ мы главнаго врага нашего, главную вину нашей слабости. Но допускать, чтобы Германія совершала мирныя завоеванія въ Россіи и съ помощію русскаго правительства захватывала цѣлыя массы иноплеменныхъ народностей,—развѣ имя этому была бы гуманность или либеральность? развѣ это означало бы свободу развитія и соединеніе „всѣхъ языковъ во единую паству Единаго Пастыря?“

№ 110.

Москва, 18-го мая.

А.

Нельзя новые языки приносить въ жертву древнимъ; къ чему въ жизни пригодятся мертвые языки, между тѣмъ какъ знаніе языковъ живыхъ, французскаго, нѣмецкаго, англійскаго, можетъ быть полезно на каждомъ шагу. Такъ разсуждаютъ у насъ весьма многіе въ публикѣ, и на этомъ основаніи требуютъ, чтобы преподаваніе древнихъ языковъ въ гимназіяхъ было ограничено небольшимъ числомъ уроковъ и отнюдь не расширялось въ ущербъ преподаванію языковъ новыхъ, которые должны непремѣнно оставаться обязательнымъ предметомъ ученья. Но что̀ такое новые языки въ гимназіяхъ? Гдѣ та гимназія, которая выучивала бы новымъ языкамъ до такой степени, чтобы знаніе ихъ могло имѣть для ученика практическое значеніе? Много ли даже такихъ гимназій, гдѣ ученики не разучиваются тѣмъ языкамъ, на которыхъ могли объясняться до поступленія въ заведеніе? Новые языки никогда не были и никогда не будутъ серіознымъ предметомъ ученья въ гимназіяхъ. За это нельзя укорять наши гимназіи, потому что это же самое мы видимъ повсюду. Новымъ языкамъ нельзя учиться безъ живой практики; преподаваніе можетъ служить тутъ только подспорьемъ, а никакъ не главнымъ средствомъ ученія; имъ учатся также какъ языку родному, путемъ темнаго усвоенія, а не путемъ науки: вотъ почему эти языки не считаются образовательнымъ средствомъ, и вотъ почему общественныя учебныя заведенія, ни у насъ, ни заграницей, не бываютъ въ состояніи выучивать новымъ языкамъ мальчиковъ, не учившихся этимъ языкамъ дома. Неудачи, которыми сопровождается преподаваніе новыхъ языковъ въ публичныхъ многолюдныхъ школахъ, навели даже въ недавнее время заграничныхъ прожектеровъ на мысль о такъ-называемыхъ *международныхъ* училищахъ, въ которыя принимались бы дѣти изъ разныхъ націй, и которыя періодически переѣзжали бы изъ страны въ страну. Эта мысль такъ оригинальна что мы скажемъ о ней нѣсколько словъ. Представьте себѣ, что устроено три заведенія съ совершенно одинакимъ планомъ ученья, въ Бельгіи, Германіи и Англіи, и что въ каждомъ изъ этихъ училищъ воспитываются дѣти изо всѣхъ этихъ націй, Французы, Нѣмцы, Англичане. Совмѣстное ученіе дѣтей трехъ націй даетъ уже имъ возможность практиковаться въ иностранныхъ языкахъ. Но для бо́льшаго успѣха предполагается переводить дѣтей изъ одного заведенія въ другое по извѣстной очереди, такъ чтобы каждый мальчикъ одну треть своего учебнаго времени провелъ въ нѣмецкой школѣ, другую треть—въ бельгійской (французской) и третью треть—въ англійской. Еслибы въ этихъ школахъ было шесть классовъ, то каждый изъ учениковъ каждой изъ школъ пробылъ бы въ той школѣ, куда поступилъ, только два года (то-есть два класса), а на остальные четыре года былъ бы переведенъ въ другія двѣ школы, съ тѣмъ чтобъ учиться два года въ одной и два года въ другой. Такимъ образомъ ученики оставались бы два года въ Германіи и въ это время усвоили бы себѣ нѣмецкій языкъ; за тѣмъ они переѣхали бы на два года въ Бельгію, гдѣ учились бы всѣмъ предметамъ по французски, и наконецъ еще два года провели бы въ Англіи, практикуясь въ языкѣ англійскомъ. Вотъ какая сложная система придумана для того, чтобы успѣшно обучать новымъ языкамъ. Но можно ли думать, чтобъ эти путешествующія училища, даже еслибы ихъ курсъ совершенно соотвѣтствовалъ гимназическому, были въ состояніи доставить своимъ ученикамъ хорошее образованіе? Ученики выучились бы, по всему вѣроятію, хорошо говорить на трехъ языкахъ, но общее образованіе должно было бы сильно пострадать отъ того, что преподаваніе производилось поочередно на трехъ языкахъ учителями трехъ различныхъ націй. Ни умственное развитіе, ни нравственное воспитаніе (образованіе характера и т. п.) не могло бы выиграть отъ этого космополитическаго обученія. Школа должна сохранять національный характеръ; мальчикъ, учась иностраннымъ языкамъ, не долженъ разучиваться своему родному языку. Быть полу-Нѣмцемъ, полу-Французомъ, полу-Англичаниномъ, это можетъ быть очень хорошо для конториста, для купеческаго прикащика, для лондинера, для переводчика, но лицамъ высшихъ профессій такое воспитаніе не можетъ быть желательно. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если бы теперешнія училища, существующія въ Западной

Европѣ, были замѣнены училищами международными, устроенными по описанному нами проекту, то общій уровень цивилизаціи долженъ былъ бы значительно понизиться, и это сильно отозвалось бы какъ на государственной жизни, такъ и литературѣ.

Итакъ нѣтъ никакой возможности и даже отнюдь не желательно устроить гимназіи такъ, чтобы практическое обученіе новымъ языкамъ было поставлено одною изъ задачъ гимназій. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Должны ли гимназіи тратить и время и силы, на достиженіе цѣли, которая не достижима, да еслибъ и была достижима, то не соотвѣтствовала бы ихъ назначенію? Должны ли наши гимназіи ради этой не достижимой и даже не желательной цѣли отказываться отъ того характера, который среднія учебныя заведенія имѣютъ во всемъ образованномъ мірѣ? Не должны ли мы напротивъ главною цѣлію гимназій поставить то, что̀ вездѣ признается за ихъ главную цѣль, — изученіе древнихъ языковъ и математики, — и уже сообразуясь съ этою главною цѣлію назначать время для преподаванія другихъ предметовъ, въ томъ числѣ и новыхъ языковъ, хотя бы пришлось отказаться отъ обязательности обоихъ языковъ, французскаго и нѣмецкаго, и сдѣлать обязательнымъ одинъ изъ нихъ, по выбору самихъ учащихся?

Приступая къ рѣшенію вопроса о наилучшемъ устройствѣ гимназій, надобно же дѣйствовать хоть сколько-нибудь практически. Народный здравый смыслъ не велитъ гоняться за двумя зайцами: неужели разумно поставить себѣ задачей исканіе двухъ вещей, съ тѣмъ чтобы ни одной изъ нихъ не найдти? Гимназіи, которыхъ курсъ основанъ на древнихъ языкахъ и математикѣ, намъ извѣстны, и мы знаемъ, что на этомъ устройствѣ гимназій зиждится та европейская цивилизація, которую мы желаемъ усвоить себѣ. Отринемъ ли мы устройство оправданное и прославленное опытомъ образованныхъ народовъ, чтобы вводить у себя устройство нигдѣ еще неиспытанное? И еслибы еще объ этомъ новомъ устройствѣ можно было сказать, что оно нигдѣ не испытано! Оно много разъ испытано, на всѣ лады испытано, и послѣ всѣхъ этихъ опытовъ задача его оказалась до того недостижимою, что повела къ проектированію утопій въ родѣ международныхъ школъ. Но что̀ еще важнѣе, всеобщимъ опытомъ дознано, что изученіе новыхъ языковъ вовсе не дѣйствуетъ образовательно, и что ни одинъ народъ не выработалъ себѣ самостоятельной цивилизаціи посредствомъ изученія современныхъ живыхъ языковъ.

Странное дѣло! Мы очень благодушно и смиренно готовы признавать себя во всемъ незрѣлыми, и неспособными жить и мыслить своимъ умомъ; передъ всѣмъ мы пасуемъ, всему рабски подражаемъ, и во всемъ вредимъ себѣ примѣненіемъ чуждыхъ намъ понятій къ нашему быту; все сомнительное или явно никуда негодное мы съ удивительною ревностію переносимъ къ себѣ; мнѣніе всякаго иностраннаго писаки, хотя бы явно нелѣпое, для насъ великій авторитетъ; мы съ трепетнымъ подобострастіемъ подчиняемся всякимъ сужденіямъ и приговорамъ, лишь бы только они были чужіе; мы готовы передѣлывать нашъ народъ по всякой вновь прочтенной нами французской брошюркѣ: но вдругъ, ни съ того ни съ сего, мы изъявляемъ притязаніе на оригинальность, вдругъ начинаемъ говорить и дѣйствовать такъ, какъ будто бы мы чувствуемъ себя во главѣ всемірнаго прогресса, опытнѣе, и зрѣлѣе, и умнѣе не только каждаго изъ цивилизованныхъ народовъ въ отдѣльности, но и всѣхъ въ совокупности. Мы отказываемся отъ всякой самостоятельности тамъ, гдѣ быть самостоятельнымъ есть долгъ, и вдругъ, передъ лицомъ несомнѣннаго факта, выработаннаго всемірною цивилизаціей, предъ всеобъемлющимъ опытомъ, нигдѣ не подвергающимся серіозному вопросу, предъ свидѣтельствомъ жизни и великихъ умовъ, передъ показаніями теоріи и практики совершенно между собою согласныхъ, мы начинаемъ резонерствовать и подвергаемъ вопросу и спору то, что́ вездѣ стоитъ твердо, что дознано всеобщимъ опытомъ. Ни въ чемъ такъ не былъ бы полезенъ для насъ опытъ цивилизованныхъ народовъ, какъ въ дѣлѣ ученія; но тутъ-то мы и хотимъ отличиться нашею оригинальностью. Мы хотимъ строить наши школы на небывалыхъ основаніяхъ, мы сочиняемъ науки, которыя ни въ какихъ школахъ не преподаются; мы изобрѣтаемъ неслыханныя педагогическія системы, и съ ревностью, достойною лучшаго дѣла, изощряемся въ прісканіи способовъ, какъ лишить наши школы того, что̀ только и могло бы дать имъ жизненную силу; какъ бы обойдти то, что̀ для нихъ всего нужнѣе: мы придумываемъ

всевозможныя комбинаціи чѣмъ бы замѣнить въ нихъ преподаваніе древнихъ языковъ. Нигилисты и консерваторы готовы подать другъ другу руку когда дѣло идетъ о томъ, чтобы подорвать основы нашего образованія или воспрепятствовать ему стать на твердую почву. Не нигилисты же были виною печальнаго упадка нашихъ гимназій, гдѣ вмѣсто древнихъ языковъ водворена жалкая каррикатура естествовѣдѣнія и законовѣдѣнія и откуда выходятъ наши нигилисты! Вмѣсто того, чтобъ учить латинскому языку, скажутъ вамъ пожалуй и теперь иные благочестивые люди, не лучше ли посвятить назначенное для него время славянскому языку? Но импровизованные педагоги выражающіе такое мнѣніе, не отдаютъ себѣ отчета въ томъ, что изученіе славянскаго языка должно входить въ програму русскаго языка, которая безъ него была бы лишена одного изъ самыхъ существенныхъ своихъ элементовъ, что славянскій языкъ никакъ не можетъ быть особымъ предметомъ ученія, что онъ не представляетъ для этого матеріала, что изученіе его есть дѣло нѣсколькихъ уроковъ, что съ изученіемъ его юный умъ ничего не пріобрѣтаетъ и останется не при чемъ. Славянскій языкъ не есть особый, самостоятельный міръ, который бы, шагъ за шагомъ, завоевывался умомъ учащагося въ дѣятельной борьбѣ, развивающей всѣ силы ума и приводящей въ дѣйствіе всѣ направленія мысли, всѣ ея пріемы и способы. Славянскій языкъ можетъ быть предметомъ серіознаго изученія только для лингвиста, но сравнительное языкознаніе есть наука еще гораздо менѣе доступная для дѣтскаго возраста чѣмъ естествознаніе. Занимать гимназистовъ сличеніемъ корней есть великое педагогическое злоупотребленіе.

Б.

Послѣднія извѣстія изъ Америки, какъ переданныя по телеграфу въ Петербургъ, такъ и сообщенныя въ иностранныхъ газетахъ, въ *Монитерѣ*, *Times* и др., даютъ возможность обнять однимъ общимъ взглядомъ обширный планъ генерала Гранта. Пренебрегая неудачами въ Луизіанѣ и на Западѣ, федеральный главнокомандующій обращаетъ все свое вниманіе на главное средоточіе сепаратизма, и къ столицѣ Южной Конфедераціи стягиваетъ всѣ силы, какими только можетъ располагать. Огромными сплошными массами надвигаетъ онъ со всѣхъ сторонъ войска свои на Ричмондъ. Планъ составленъ въ обширныхъ размѣрахъ и приводится въ исполненіе съ тою отвагой, которая вообще характеризуетъ дѣйствія Сѣверянъ. Въ то время какъ самъ генералъ Грантъ съ главными силами идетъ прямо на Ричмондъ и безостановочно тѣснитъ генерала Ли, застилая тѣлами убитыхъ и раненыхъ лѣсистыя и болотистыя пространства между Ченслорсвиллемъ и Майнрономъ, столь роковыя для генерала Гукера, и извѣстныя подъ непривѣтливымъ именемъ *Дикихъ Мѣстъ*, въ это самое время генералъ Ботлеръ грозитъ Ричмонду съ другой стороны, съ востока: одолѣвъ препятствіе, которое встрѣтилъ онъ было со стороны конфедеративныхъ канонирокъ, генералъ Ботлеръ, послѣ удачной диверсіи по рѣкѣ Йорку, вступаетъ съ флотиліей, на которую посаженъ его корпусъ, въ устье рѣки Джемса, высаживаетъ на берегъ войска свои, безъ выстрѣла овладѣваетъ Сити Пойнтомъ и облегаетъ фортъ Дарлингъ, въ какихъ-нибудь десяти миляхъ отъ Ричмонда. На правомъ флангѣ громадной сѣверной арміи дѣйствуютъ, со стороны долины Шенандоа, генералы Сигель, Копкъ, Крукъ и Авериллъ, прерывая сообщенія вергинской сепаратистской арміи съ Атлантою или Аталантою, въ Георгіи, однимъ изъ важнѣйшихъ стратегическихъ пунктовъ Конфедераціи. Непосредственно на Атланту дѣйствуетъ корпусъ одного изъ лучшихъ сѣверныхъ генераловъ Шермана, который долженъ не пропускать подкрѣпленій изъ Георгіи въ Виргинію. По послѣднимъ извѣстіямъ, генералу Шерману удалось уже занять своими войсками Дальтонъ и Безаку, причемъ сепаратисты отступили въ Атланту. Эти, повидимому, отдаленныя отъ главнаго театра войны дѣйствія, въ сущности, направлены къ той же цѣли — къ общему движенію на Ричмондъ, и генералъ Шерманъ, въ случаѣ надобности, и когда стоящій противъ него корпусъ сепаратистовъ не будетъ болѣе опасенъ, можетъ, благодаря фланговой арміи генераловъ Сигеля и К., передвинуть свои войска въ Виргинію и дѣйствовать на Ричмондъ съ юго-запада.

Трудно предсказать навѣрное исходъ этого обширнаго и во всякомъ случаѣ рискованнаго плана. Если самому Гранту благопріятствуетъ пока видимый успѣхъ (послѣ 12-го мая не было новыхъ битвъ), то ге-

нералы Ботлеръ и Сигель, судя по послѣднимъ извѣстіямъ, не такъ счастливы: первый потерпѣлъ неудачу подъ Друри-Блоффомъ, второй въ окрестностяхъ Ньюмаркета. Если генералъ Грантъ безспорно лучшій изъ генераловъ Сѣвера, уже однимъ тѣмъ, что онъ совсѣмъ не хвастливъ и любитъ, чтобы за него говорили дѣла его, то онъ встрѣтилъ себѣ достойнаго противника въ генералѣ Ли, командующемъ главными силами сепаратистовъ въ Виргиніи. Притомъ, генералу Ботлеру пришлось встрѣтиться съ такимъ искуснымъ генераломъ, какъ Борегаръ, который, во главѣ 25000 корпуса, оберегаетъ Ричмондъ съ востока, и отъ котораго онъ получилъ уже урокъ у Друри-Блоффа, а противъ генерала Шермана въ сѣверо-западной части Георгіи дѣйствуетъ не менѣе искусный генералъ Джонстонъ. Итакъ, трудно предвидѣть исходъ нынѣшней кампаніи федералистовъ; но можно съ достовѣрностью сказать, что на поляхъ Виргиніи рѣшается теперь задача всей войны, рѣшается вся будущая судьба Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Обѣ воюющія стороны стянули въ Виргинію весь цвѣтъ своего войска и призвали лучшихъ своихъ генераловъ. Бой, который тамъ теперь загорается, долженъ быть, повидимому, послѣднимъ боемъ. Но на чьей бы сторонѣ ни осталась побѣда, она будетъ куплена страшно дорогою цѣной. Едва начался походъ, едва совершены первыя эволюціи, какъ уже обѣ стороны насчитываютъ по 40.000 человѣкъ выбывшими изъ строя, или вмѣстѣ — 80.000! Какъ ни пріучило насъ американское междуусобіе къ самымъ кровавымъ картинамъ, какъ ни привыкли мы, послѣ каждой новой рѣзни въ Америкѣ, считать убитыхъ не единицами и даже не сотнями, а цѣлыми тысячами, но новыя битвы подъ Ричмондомъ затмятъ, должно-быть, судя по началу, и Бульронъ и всѣ самыя кровавыя воспоминанія американской войны. Самъ генералъ Грантъ, послѣ первыхъ битвъ у Ченслорсвилля, доносилъ, что эти битвы отличались упорствомъ, еще безпримѣрнымъ въ новѣйшія времена.

№ 111.

Москва, 19-го мая.

Минуты слабости не проходятъ даромъ. Миновавшая опасность всегда чего-нибудь стóитъ; всегда остается отъ нея какой-нибудь *минусъ* въ нашихъ дѣлахъ. Чтò въ жизни отдѣльныхъ людей, то и въ жизни цѣлыхъ обществъ, въ системѣ политическихъ тѣлъ. Ослабленіе нашего авторитета въ европейскихъ дѣлахъ имѣло своимъ послѣдствіемъ печальныя событія прошлаго года, а эти событія, каковы бы ни были ихъ дальнѣйшія послѣдствія, уже успѣли создать для насъ новыя затрудненія въ Европѣ, уже грозятъ причинить намъ новый ущербъ, который вполнѣ оцѣнить мы теперь еще не въ состояніи. Чѣмъ слабѣе мы почувствовали себя, тѣмъ сильнѣе стали чувствовать себя наши сосѣди. На сколько они выиграли, на столько мы проиграли, и на столько намъ придется употреблять усилій чтобы возстановить равновѣсіе. Мы подвергались самому оскорбительному обращенію, въ наши дѣла вмѣшивались самымъ нецеремоннымъ образомъ, о нашихъ областяхъ метали жребій, противъ насъ поднялась вся Европа, противъ насъ составилась коалиція; мы были вынуждены готовиться къ вооруженному отпору. Мы однако вышли съ честію изъ этого прискорбнаго положенія; мы не дались въ обманъ, мы не испугались угрозъ, мы отвѣчали съ достоинствомъ и энергіей. Коалиція рушилась, опасность войны миновала, мятежъ подавленъ. Дай Богъ чтобы дѣло не ограничилось подавленіемъ только случайныхъ и временныхъ проявленій зла, чтобы мы могли одержать побѣду и надъ внутренними причинами, которыя породили нашу слабость и окружили насъ опасностями, чтобы мы могли ясно усмотрѣть чего не достаетъ намъ и безошибочно рѣшить куда идти и какъ дѣйствовать! Мы отклонили грозившія намъ опасности, но положеніе наше не стало легче, напротивъ оно теперь труднѣе. Отъ насъ теперь требуется несравненно болѣе условій, для того чтобъ обезпечить благоуспѣшный ходъ нашихъ дѣлъ. Что будетъ, то будетъ, но въ настоящемъ мы уже въ проигрышѣ. Мы вышли изъ затрудненій, но они обошлись намъ не дешево; мы отдѣлались отъ нихъ, но отдѣлались не безъ ущерба. Наше ослабленіе въ Европѣ не осталось безъ послѣдствій, оно выразилось въ измѣнившемся положеніи европейскихъ дѣлъ, и это измѣненіе никакъ не послужитъ элементомъ силы для насъ.

Какъ бы теперь ни пошли наши дѣла, но ослабленіе, которое мы испытали, выразилось фактически въ новыхъ, не совсѣмъ

благопріятныхъ намъ политическихъ сочетаніяхъ. Въ стѣсненномъ положеніи нашемъ, посреди затрудненій, съ которыми мы боролись, и опасностей, которыя намъ угрожали, мы принуждены были допустить многое, чего не могло бы произойдти при другихъ обстоятельствахъ. Мы успѣли выйдти изъ положенія совершенно нестерпимаго, а другіе между тѣмъ пріобрѣли серіозныя выгоды, соединенныя съ соотвѣтственными невыгодами для насъ. Мы подавили возстаніе, мы сохранили цѣлость нашего государства, и поздравляемъ себя съ успѣхомъ, а другіе успѣли возвысить свое политическое значеніе и занять свое положеніе, о какомъ прежде не могли и подумать. Мы удержали нашу позицію на Вислѣ, а Германія очутилась за Эйдеромъ, Скандинавскій союзъ сталъ возможностію, нашему положенію на Сѣверѣ угрожаетъ значительный уронъ, наше морское значеніе, которое покупалось такъ дорого, подвергается новой опасности. На сколько въ Германіи возвысилось національное чувство, на столько оно понизилось у насъ, и это уже отзывается нѣкоторыми не совсѣмъ благопріятными послѣдствіями внутри имперіи.

Пруссія не принимала участія въ прошлогодней демонстраціи противъ насъ; она одна въ цѣлой Европѣ оставалась нейтральною, и вотъ, потому только, что она не требовала отъ насъ того, чего не могли бы допустить ея собственные интересы еще болѣе чѣмъ наши, она пріобрѣла нѣкоторое основаніе надѣяться на нашу уступчивость. Для насъ былъ выгоденъ нѣкоторый разладъ происшедшій между двумя наступавшими на насъ западными державами, но выгода наша была чисто отрицательнаго свойства; Пруссія успѣла извлечь изъ этого хода дѣлъ положительную для себя выгоду: напряженныя отношенія, возникшія между Франціей и Великобританіей, придали ей рѣшимость дѣйствовать, и прежде чѣмъ между великими державами могло произойдти какое-либо соглашеніе относительно датскаго дѣла, Пруссія, въ союзѣ съ Австріей, совершила кампанію, которая отдала имъ въ руки почти весь ютландскій полуостровъ.

Правда, на успѣхи германскаго оружія въ Даніи смотритъ неблагопріятно и Англія, но какой бы исходъ ни имѣло это дѣло, всевозможныя невыгодныя послѣдствія его для Англіи ничто въ сравненіи съ тѣми результатами, которыхъ она достигла на Востокѣ, благодаря поднятому ею польскому вопросу. Всѣ опасности, когда-либо угрожавшія здѣсь ея интересамъ, миновали. Теперь она сильнѣе чѣмъ когда-нибудь. Что еще оставалось сомнительнымъ послѣ парижскаго трактата въ ея интересахъ на Востокѣ, то теперь окончательно уладилось самымъ благопріятнымъ для нея образомъ. На чей же счетъ произошло приращеніе силы у нашихъ соперниковъ? Ни на чей болѣе какъ на нашъ. Мы утратили часть нашего значенія на Сѣверѣ, мы рискуемъ утратить послѣднее наше значеніе на Востокѣ. Что̀ мы утратили, то пріобрѣли другіе. Перемѣны, происшедшія въ положеніи Европы, произошли на нашъ счетъ.

Что̀ прошло, того воротить не возможно; но настоящее и будущее въ нашихъ рукахъ. Искусная, мудрая и энергическая политика можетъ отчасти предотвратить неблагопріятные обороты текущихъ событій, отчасти возвратить другими путями что̀ было утрачено. Предупреждая неблагопріятные для насъ результаты на Сѣверѣ, мы сдѣлаемъ хорошо, если будемъ всѣми способами усиливать и возвышать значеніе нашего Юга. Чѣмъ болѣе будетъ возростать значеніе нашего Юга, тѣмъ сильнѣе мы будемъ и внутри и въ Европѣ. Этимъ путемъ мы не только можемъ вознаградить себя за утраченное, но пріобрѣсти новые элементы могущества.

Мы говоримъ это отнюдь не въ видахъ завоеванія, а въ видахъ обороны или лучше въ видахъ неуязвимости, потому что мы будемъ неуязвимѣе, когда возвысимъ значеніе нашего Юга. Равновѣсіе великихъ державъ, теперь очевидно нарушенное было бы возстановлено, еслибъ польскій вопросъ потерялъ способность возникать періодически, а для этого всего важнѣе, чтобы Кіевъ, сдѣлавшись городомъ несомнѣнно-русскимъ, получилъ бо̀льшую чѣмъ прежде притягательную силу относительно за-днѣпровскихъ губерній. Освободившись отъ опасности заключающейся въ польскомъ вопросѣ, мы могли бы смотрѣть спокойно на совершившееся нынѣ приращеніе силы и возвышеніе духа въ другихъ великихъ державахъ.

Вопросъ о равновѣсіи есть коренной вопросъ политическаго положенія Европы, интересующій не насъ однихъ. Еслибы не было Крымской войны, Французы не были бы въ Савойѣ и Ниццѣ; еслибы не было польскаго возстанія, Австро-Пруссаки не были бы въ Ютландіи. Нельзя не надѣяться, что Европа, наученная опытомъ, взглянетъ

серіозно на угрожающую ей опасность и не дозволитъ захватовъ ни Пруссіи, ни Германскому Союзу. Планы относительно присоединенія Герцогствъ къ Пруссіи теперь повидимому оставлены, но по всему вѣроятію, южный Шлезвигъ придется присоединить къ Гольштейну, и образовать изъ этихъ двухъ странъ одно государство. Еслибъ это новое государство вошло въ составъ Германскаго Союза, то Германія получила бы значительное приращеніе. Неужели это будетъ допущено Европой? Въ утѣшеніе обыкновенно указываютъ на оборонительный характеръ Союза, лишеннаго будто бы средствъ къ нападенію. Но это утѣшеніе крайне сомнительное. Кто поручится, что черезъ нѣсколько времени внутри Германскаго Союза не произойдетъ важныхъ перемѣнъ? Кто поручится что планъ прусской гегемоніи не осуществится? Тогда позиція на Эйдерѣ будетъ принадлежать Пруссіи, а такое приращеніе силы было бы слишкомъ дешево куплено, еслибы всѣ жертвы Пруссіи ограничились военными дѣйствіями нынѣшней весны. Поэтому и справедливость, и интересы европейскаго равновѣсія настоятельно требуютъ чтобы новое государство, которое по всему вѣроятію возникнетъ на Эйдерѣ, получило совершенно независимое существованіе, и чтобы за присоединеніе южнаго Шлезвига къ Гольштейну Европа была вознаграждена со стороны Германскаго Союза освобожденіемъ Гольштейна отъ принадлежности къ Союзу. Шлезвигъ-гольштейнскій вопросъ будетъ удовлетворительно разрѣшенъ только въ томъ случаѣ, если Шлезвигъ-Гольштейнъ будетъ объявленъ государствомъ нейтральнымъ, независимымъ какъ отъ Даніи, такъ и отъ Германскаго Союза. Нейтралитетъ этого новаго государства вполнѣ обезпечилъ бы справедливые интересы Германіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ дозволилъ бы Даніи сохранить свою самостоятельность, не вступая по неволѣ въ Скандинавскій союзъ.

№ 112.

Москва, 20-го мая.

Мы давно уже собирались, но за текущими вопросами не успѣвали, поговорить о засѣданіяхъ петербургскаго собранія сельскихъ хозяевъ, недавно составившагося подъ предсѣдательствомъ князя Г. А. Щербатова. Въ этихъ засѣданіяхъ происходятъ пренія, замѣчательныя и по интересу своего содержанія, и по искусству, съ которымъ они ведутся, и наконецъ по полнотѣ отчетовъ, которые даются о нихъ въ особо выходящихъ брошюрахъ, посвященныхъ отдѣльнымъ засѣданіямъ и живо передающихъ характеръ преній. Мы остановимся на отчетѣ о самомъ первомъ изъ этихъ засѣданій, бывшемъ 10-го марта. Предметомъ разговора былъ чрезвычайно интересный вопросъ о выпискѣ сельскихъ рабочихъ изъ-за границы. Докладчикомъ былъ князь А. И. Васильчиковъ, имѣющій помѣстье въ Ковенской губерніи на прусской границѣ. Для выписки рабочихъ это имѣніе поставлено въ самое выгодное положеніе: нѣкоторые изъ окружныхъ городовъ Восточной Пруссіи лежатъ отъ него въ разстояніи нѣсколькихъ часовъ; многія изъ должностныхъ лицъ имѣнія, экономы, лѣсничіе, уже прежде были изъ природныхъ Пруссаковъ; сбытъ произведеній этого имѣнія въ Пруссіи; наконецъ экономія князя Васильчикова могла предложить иностраннымъ рабочимъ кондиціи, совершенно подобныя условіямъ, которыя они получаютъ въ Пруссіи. Мысль пригласить въ это имѣніе рабочихъ изъ Пруссіи возникла въ 1856 году, но несмотря на всѣ благопріятныя обстоятельства, дѣло шло сначала туго; Пруссаки не нанимались, и пришлось устроить фольварочное хозяйство съ помощію мѣстныхъ жителей жмудскаго племени. Пруссаки имѣли безотчетную боязнь подчиняться порядкамъ страны, гдѣ господствовало крѣпостное право. Но все перемѣнилось, когда сдѣлался извѣстнымъ манифестъ 19 февраля: съ того времени рабочіе стали сами являться, и въ настоящее время половина батраковъ въ этомъ имѣніи состоитъ изъ Пруссаковъ. Каждый прусскій батракъ съ подросткомъ получаетъ въ годъ 30 р. жалованья, очень значительное отсыпное и разныя мелкія льготы; всего же по исчисленію князя Васильчикова прусскій батракъ съ подросткомъ стоитъ до 115 рублей. Такъ какъ дѣло пошло довольно удачно, то черезъ посредство ковенской экономіи Пруссаки были приглашены и въ другое имѣніе князя Васильчикова, находящееся въ Новгородской губерніи. Здѣсь жалованья батраку съ подросткомъ положено 50 р. въ годъ, да отсыпное и разныя льготы цѣнятся въ 90 р. Если считать поденно, то день прус-

скаго рабочаго въ ковенскомъ имѣніи стоитъ помѣщику 19 коп., а въ новгородскомъ $23^1/_2$ коп. Какіе же оказались результаты? При поденной или годовой работѣ, говоритъ князь Васильчиковъ, Нѣмецъ и Русскій работаютъ одинаково лѣниво, съ тою только разницей, что Русскій для отдыха присядетъ или даже приляжетъ, а Нѣмецъ пройдетъ своимъ мѣрнымъ шагомъ всѣ урочные часы и отдыхаетъ на походѣ. Главныя преимущества выписнаго земледѣльца состоятъ въ томъ, что его ровная работа лучше сберегаетъ лошадей, орудія и упряжь, да еще въ томъ, что Пруссаки соблюдаютъ гораздо меньше праздниковъ, чѣмъ мы. Пруссакъ работаетъ 30 лишнихъ дней въ году. Такъ въ новгородскомъ имѣніи работа русскаго батрака обходилась дороже чѣмъ прусскаго: между тѣмъ какъ день прусскаго рабочаго стоилъ $23^1/_2$ коп., русскій рабочій обходится въ день постоянно 34 коп. Баронъ Н. Н. Корфъ къ этому прибавилъ, что въ его имѣніи, состоящемъ въ Петергофскомъ уѣздѣ, находятся уже два года нѣсколько семействъ Нѣмцевъ-работниковъ изъ Помераніи, и что работа этихъ людей особенно выгодна вслѣдствіе ихъ привычки къ усовершенствованнымъ орудіямъ. Такъ напримѣръ, благодаря употребленію большихъ косъ (въ $^1/_4$ аршина длиной), Нѣмцы скашиваютъ по одной десятинѣ клевера на человѣка въ день. Но съ другой стороны, Нѣмцы гораздо труднѣе Русскаго соглашаются употреблять орудія непривычныя имъ и рѣшительно отказываются отъ работы, если нѣтъ такихъ орудій, къ которымъ они привыкли съ дѣтства. Б. М. Маркевичъ разказалъ, что одинъ Нѣмецъ, по фамиліи Крейцеръ, составившій себѣ значительное состояніе льняною торговлею, желая заняться земледѣліемъ, купилъ разомъ двѣ усадьбы, одну въ Костромскомъ уѣздѣ, другую въ Галицкомъ, и устроилъ въ нихъ хозяйство съ вольнонаемнымъ трудомъ. Въ костромское имѣніе онъ выписалъ себѣ Латышей, а для галицкаго привезъ 12 семействъ рабочихъ изъ Мекленбурга. Онъ велъ хозяйство широкою рукой,—выписалъ самыя новыя машины, самыя усовершенствованныя орудія, словомъ, не скупился ни на что. Что же оказалось? Латышами г. Крейцеръ остался доволенъ, а мекленбургскихъ рабочихъ черезъ годъ совсѣмъ разчиталъ, потому что увидѣлъ, что русскіе рабочіе могли производить также точно хорошо всѣ хозяйственныя работы и обращаться съ машинами такъ же успѣшно, какъ и иностранцы, съ тою только разницей, что не такъ упорно какъ Нѣмцы стояли за свою рутину, и что управлять ими гораздо легче чѣмъ Нѣмцами. Теперь г. Крейцеръ нанимаетъ русскихъ работниковъ, которые обходятся ему дешевле, хотя въ тѣхъ мѣстахъ цѣны на работниковъ еще очень высоки.

Такъ представляется дѣло, когда выписываются изъ-за границы хорошіе рабочіе, люди нравственные, вполнѣ знающіе свое дѣло. Но многимъ ли удавалось выбирать такъ удачно? Князь Д. В. Львовъ, занимающійся выпиской рабочихъ изъ-за границы, впрочемъ заявилъ, что хорошихъ рабочихъ достать вовсе не трудно. Потребность переселенія изъ-за границы велика. Къ кн. Львову шли рабочіе по 40 талеровъ въ годъ съ самымъ умѣреннымъ требованіемъ относительно харчей. Это были люди имѣвшіе отъ 1.000 до 1500 р. въ карманѣ, владѣвшіе у себя дома двумя или тремя моргенами земли, но тѣмъ не менѣе они на мѣстѣ никогда не употребляли мяса и отказывали себѣ во всемъ. Они шли въ кабалу на три года въ полной увѣренности, что на нихъ не поступитъ ни одной жалобы отъ хозяина въ теченіи этихъ трехъ лѣтъ. Ихъ привлекала надежда купить по истеченіи контрактнаго срока землю по 50 р. за десятину и сдѣлаться маленькими помѣщиками. Но и такіе иностранные рабочіе могутъ быть выгодны только въ томъ случаѣ, если поручить надзоръ за ними также иностранцу и не заставлять ихъ работать вмѣстѣ съ Русскими,—условіе въ большей части случаевъ невыполнимое. Какъ замѣтилъ баронъ М. Н. Медемъ, даже при выпискѣ отличныхъ рабочихъ, дѣло можетъ кончиться для помѣщика очень дурно. Въ одномъ помѣщичьемъ имѣніи Псковской губерніи, гдѣ хозяйство многопольное, управляющій Нѣмецъ и всѣ условія повидимому особенно благопріятны для водворенія нѣмецкихъ рабочихъ, опытъ оказался однакожь крайне неудачнымъ. Требованіе особой комнаты для каждаго семейства, съ постелью, мебелью и т. д.; отказъ выходить лѣтомъ на работу съ солнцемъ; отказъ работать американскими плужками; отказъ зимой выходить на работу до зари; отказъ рубить зимой дрова въ лѣсу, куда не вела ѣзжалая дорога; наконецъ весною совершенный отказъ отъ работы съ прось-

бой отпустить ихъ къ другимъ помѣщикамъ и съ жалобой на то что русскимъ работникамъ платилось дороже чѣмъ имъ,—все это принудило помѣщика отказаться отъ своего права на двухлѣтнюю службу выписанныхъ имъ на свой счетъ рабочихъ. Баронъ Медемъ заключилъ свои замѣчанія такъ:

„Дѣло въ томъ, что пресловутая нѣмецкая добросовѣстность, вѣроятно, и у насъ сыскала бы себѣ уваженіе, если бы къ намъ переселились изъ Германіи лучшіе люди, но они къ намъ не идутъ. Они придутъ и останутся жить у насъ только въ томъ случаѣ, когда у насъ все будетъ приспособлено къ веденію чисто-нѣмецкаго хозяйства; будетъ и кирка, и пивоваренный заводъ, и если при томъ вы откажетесь отъ введенія улучшеній, съ которыми незнакомы выписанные вами рабочіе. Поэтому, если переселенцы изъ Германіи могутъ намъ принести какую-либо пользу, то только въ томъ случаѣ, если мы станемъ имъ отдавать въ аренду отдѣльные участки, на контрактныхъ условіяхъ, образуя такимъ образомъ несуществующій у насъ классъ фермеровъ. Брать же ихъ въ батраки и вести ими раціональное хозяйство, по моему убѣжденію, не только убыточно, но при существующихъ условіяхъ, даже невозможно *(Рукоплесканія.)*"

Чрезвычайно интересныя замѣчанія были представлены В. А. Полетикой. Онъ сказалъ между прочимъ:

„Наши фабриканты и заводчики давно уже знаютъ, что значитъ выписывать иностранныхъ рабочихъ. Если намъ, заводчикамъ, нужно заимствовать изъ-за границы какой-нибудь новый способъ производства, установить у себя новую систему работъ, намъ еще неизвѣстную, но уже испробованную за границей, то вмѣсто того, чтобы начинать новые опыты и доходить своимъ умомъ до того, до чего давно уже дошли другіе, мы признаемъ безусловно выгоднѣйшимъ выписать мастеровъ или даже артель рабочихъ изъ-за границы и начинать прямо съ того, на чемъ остановились другіе; но этимъ случаемъ и ограничивается для насъ полезность пріобрѣтать иностранныхъ рабочихъ; выписывать же ихъ въ нормальномъ положеніи дѣла, какъ рабочую силу, мы давно уже признаемъ не только невыгоднымъ, но даже просто невозможнымъ. Рабочій, какъ производительное орудіе, прежде всего зависитъ отъ среды, въ которой онъ дѣйствуетъ, и отъ тѣхъ условій, которыми онъ обстановленъ. Англійскій рабочій въ Англіи, вовсе не одно и то же, что англійскій рабочій въ Россіи, и для того, чтобы выровнять его значеніе тамъ и здѣсь, надобно прежде всего выровнять среду, а это невозможно.

„Наши штучные работники постоянно удивляютъ своихъ иностранныхъ мастеровъ, и я могъ бы привести этому много примѣровъ. Ограничусь однимъ. Года четыре тому назадъ мы взялись приготовить на своемъ заводѣ 40.000 пудовъ костылей для Николаевской желѣзной дороги. Мы хотѣли отдать эту работу со штуки, а въ этомъ случаѣ для заводчика важно сразу опредѣлить вѣрную задѣльную плату, такъ какъ рабочіе не терпятъ колебаній въ условіяхъ съ ними однажды сдѣланныхъ. Для опредѣленія рабочей платы мы поручили нашему мастеру, Англичанину изъ Ньюкасля, знающему и опытному человѣку, произвести точный опытъ, сколько хорошій рабочій можетъ сдѣлать въ смѣну костылей на одномъ горну. Опытъ продолжался двѣ недѣли и мастеръ опредѣлилъ, что весьма трудно одному кузнецу сдѣлать въ смѣну болѣе 150 костылей. Поэтому была опредѣлена задѣльная плата. Мы пустили болѣе 100 горновъ и по истеченіи нѣсколькихъ дней валовой работы, между русскими кузнецами выработались уже такіе искусники, которые дѣлали въ смѣну по 450 штукъ. *(Смѣхъ, одобреніе.)* Я разсказывалъ это въ Англіи заводчикамъ; они мнѣ не вѣрили. *(Смѣхъ.)*

„Я привожу этотъ примѣръ къ тому только, чтобы показать, что недостатки нашей производительности происходятъ не отъ рабочихъ, а отъ общаго устройства нашей экономической жизни, которое намъ предстоитъ выработывать, при чемъ наплывъ иностранныхъ рабочихъ едва ли не принесетъ болѣе вреда чѣмъ пользы.

„Мы всѣ знаемъ, что въ Европѣ рабочіе существуютъ при болѣе строгой дисциплинѣ, чѣмъ у насъ. Переходя отъ строгаго порядка къ распущенности, и попробовавши однажды взять деньги и не заплатить ихъ безнаказанно, принять на себя обязательство и не исполнить его безъ взысканія, они естественно отдаются этой новой для нихъ жизни съ большимъ увлеченіемъ и на этомъ новомъ пути скоро обгоняютъ тѣхъ, кого исправлять они призваны. Спросите у любаго англійскаго ма-

стера здѣсь въ Петербургѣ, какой рабочій по національностямъ хуже другихъ. Онъ вамъ непремѣнно отвѣтитъ: обрусѣвшій Англичанинъ; а Нѣмецъ скажетъ: обрусѣвшій Нѣмецъ и т. д. *(Смѣхъ, одобреніе.)* О Французахъ и говорить нечего; перегонять другихъ на кривыхъ дорогахъ—это ихъ спеціальность. *(Смѣхъ.)*"

И такъ, дѣло не въ выпискѣ иностранныхъ рабочихъ, а въ лучшемъ устройствѣ нашей экономической жизни, и преимущественно въ водвореніи у насъ болѣе строгой дисциплины. Иностранный рабочій лучше нашего не по своей натурѣ, а по своей выдержкѣ.

Строгая дисциплина, суровая выдержка,—вотъ чего не достаетъ нашему народу, не только простому, но вообще нашему народу. У насъ нигдѣ и ни въ чемъ не было того дѣятельнаго надзора, того неуступчиваго и неподкупнаго контроля, который оказываетъ воспитательное дѣйствіе и въ жизни отдѣльныхъ людей, и въ жизни народовъ. *Громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится*, вотъ наша народная пословица. Но громъ не можетъ гремѣть постоянно; начальникъ не можетъ ежечасно обрывать своихъ подчиненныхъ; баринъ только по временамъ задавалъ страху своимъ крѣпостнымъ. Какъ гнѣвъ начальника, такъ и барскій гнѣвъ, налеталъ и улеталъ подобно грозѣ, а въ обычное время крѣпостной человѣкъ, точно какъ и подчиненный чиновникъ, могъ на свободѣ дѣлать все что ему было угодно. Настоящей строгости не было нигдѣ. Мудрено ли, что теперь когда мы перестали управлять посредствомъ страха и трепета, и еще не привыкли, а отчасти даже и не хотимъ управлять посредствомъ закона, мудрено ли что теперь обнаруживается, съ большею силой чѣмъ когда-либо прежде, вся несостоятельность нашего общественнаго быта? Отмѣна крѣпостнаго права сокрушила произволъ; дикая жестокость и непредвидимая случайность его вспышекъ принадлежатъ прошедшему. Это великій шагъ, но чтобъ общество могло существовать, на мѣсто взбалмошнаго каприза долженъ быть поставленъ строгій и неумолимый, всегда ровный законъ: иначе распущенность нравовъ поведетъ къ разложенію общества.

Мы должны еще радоваться, что неурядица, сказывающаяся не только въ затруднительности вольнонаемнаго хозяйства, но и въ болѣе частомъ повтореніи случаевъ насилія, въ родѣ описанныхъ ниже въ статьѣ озаглавленной Не-Марево, не ведетъ къ болѣе серіознымъ послѣдствіямъ, чѣмъ тѣ какія мы видимъ. У насъ нѣтъ ни дѣятельной полиціи, ни удовлетворительныхъ судовъ, часто нѣтъ никакой расправы; нѣтъ ни въ чемъ твердыхъ нормъ и обезпеченій; случилась ли у васъ покража, полицейскій чиновникъ благодушно посовѣтуетъ вамъ для собственнаго вашего спокойствія не преслѣдовать вора; полицейская и судебная практика свидѣтельствуетъ вамъ безчисленными примѣрами о полной безнаказанности всякаго рода преступленій: и однако, какъ ни часто приходится намъ жаловаться на нашу неурядицу, на нашу необезпеченность, какъ ни страдаютъ отъ того всѣ дѣла, какъ ни велики наши затрудненія, все же еще есть возможность у насъ существовать какъ-нибудь, тогда какъ въ другомъ народѣ при тѣхъ же обстоятельствахъ общественная жизнь была бы совершенно невозможна. Да, мы должны оцѣнить добрыя свойства нашего народа: что могло бы быть у насъ, при другихъ, сколько-нибудь благопріятныхъ условіяхъ гражданственности, при истинной законности и обезпеченности правъ!

№ 113.

Москва, 21-го мая.

А.

Вчерашняя телеграмма, извѣщающая объ энергическомъ протестѣ Россіи въ пользу своихъ династическихъ правъ на Гольштейнъ, не можетъ не порадовать всякаго Русскаго. Это извѣстіе свидѣтельствуетъ о соотвѣтственномъ достоинству Россіи положеніи, принятомъ ею въ этомъ дѣлѣ. Права нашего царствующаго дома въ этомъ дѣлѣ несомнѣнны, и Россія не можетъ не поддерживать ихъ со всею энергіей, несмотря ни на какія соображенія. Съ этими правами надобно считаться, и какія бы ни произошли перемѣны, этимъ правамъ должна быть отдана ихъ полная доля въ томъ или другомъ видѣ.

Не менѣе важно другое извѣстіе, также сообщенное нами вчера, если только оно подтвердится. Мы говоримъ о соглашеніи, которое, какъ извѣщаютъ, состоялось недавно между Россіей и Англіей на счетъ

Киля. Обѣ державы находятъ невозможнымъ предоставить эту важную гавань Германскому Союзу или Пруссіи,—взглядъ не только вѣрный, но и совершенно справедливый. Не Пруссія и не Австрія начали дѣйствія противъ Даніи, а Германскій Союзъ, но онъ подвергъ союзной экзекуціи Гольштейнъ, не въ завоевательныхъ видахъ, а съ цѣлію для огражденія нѣмецкой національности и другихъ историческихъ правъ въ этомъ герцогствѣ. Пруссія и Австрія расширили вопросъ и къ вопросу о Гольштейнѣ присоединили вопросъ о Шлезвигѣ, но свойство вопроса черезъ это не измѣнилось. Итакъ если нѣмецкій характеръ Гольштейна и соединеннаго съ нимъ южнаго Шлезвига будетъ обезпеченъ полною политическою самостоятельностью этого новаго государства, то ни Германскій Союзъ, ни Пруссія не могутъ по справедливости претендовать ни на что другое. Напротивъ справедливость требуетъ, чтобы Германскій Союзъ, въ интересѣ желательной для него сдѣлки, согласился на нѣкоторую уступку, необходимую для европейскаго равновѣсія и для безопасности Даніи. Данія откажется отъ южнаго Шлезвига, отъ Гольштейна и Лауэнбурга: справедливость требуетъ, чтобъ эти части, отдѣляемыя отъ Даніи, составили отдѣльное цѣлое, и чтобы затѣмъ ни одна изъ нихъ уже не входила въ составъ Германскаго Союза. Есть указанія, что и Франція склонилась бы къ этому взгляду, и нѣтъ повода предполагать, чтобъ Австрія стала сильно противиться ему. Интересы Россіи тутъ совпадаютъ съ интересами Европы и даже съ истинными интересами Германіи, которая скорѣе достигнетъ единства, если не будетъ распространяться въ ширь. Энергическое дѣйствіе нашей дипломатіи можетъ оказать важную услугу дѣлу европейскаго мира.

Что касается до польскаго вопроса, то этотъ метеоръ наконецъ совсѣмъ исчезъ съ европейскаго горизонта. Читатели обратятъ, конечно, вниманіе на парламентскій разговоръ, происходившій въ британской нижней палатѣ, который найдутъ они въ этомъ нумерѣ нашей газеты. Г. Геннесси, ревностный защитникъ польскаго дѣла въ англійскомъ парламентѣ, произвелъ отчаянную попытку гальванизировать это похороненное дѣло. Онъ перебралъ всю польскую исторію и всѣ фазы оставленнаго сю вопроса; онъ говорилъ очень долго и очень красно: здѣсь представлены только его заключенія. Онъ предлагалъ, чтобы палата высказала то что выпустилъ графъ Россель изъ своей заключительной депеши, то-есть чтобъ она заявила объ утратѣ Россіей ея правъ на Царство Польское и вмѣстѣ на тѣ исконныя русскія области, которыя были возвращены ей по раздѣлѣ бывшаго Польскаго королевства, и которыя г. Геннесси ухитрился тоже поставить въ зависимость отъ Вѣнскаго трактата. Но, увы! рѣчь его, при всѣхъ ораторскихъ движеніяхъ, которыми она изобилуетъ, звучала будто изъ другаго міра; ее слушали безъ всякаго вниманія, и ему нужно было употребить величайшія усилія, чтобы взять назадъ свои резолюціи, и спасти ихъ отъ приговора палаты, который высказался бы съ безпощадною недвусмысленностію.

Если этотъ парламентскій разговоръ не лишенъ нѣкоторыхъ забавныхъ сторонъ, то онъ не лишенъ также и нѣкоторой поучительности. Пусть наши читатели припомнятъ какимъ серіознымъ дѣломъ казался польскій вопросъ въ прошломъ году, какъ всѣ были убѣждены въ необходимости со стороны Россіи всевозможныхъ уступокъ для избѣжанія великой, всеобъемлющей европейской войны, какъ всѣмъ казалось опаснымъ допустить какую-либо твердость въ отвѣтахъ Россіи на требованія коалиціи, какъ всякое рѣшительное дѣйствіе власти для прекращенія бѣдственнаго положенія, въ которомъ находился цѣлый край, взятіе подъ арестъ какого-нибудь вліятельнаго члена *жонда* представлялось какъ неизбѣжный *casus belli*. Читатели помнятъ, какъ вопреки всѣмъ этимъ опасеніямъ, всему этому оглушительному шуму, нужно было усиленно доказывать, что война изъ-за Польши есть совершенная невозможность, и что только уступчивость можетъ быть для насъ пагубна. Что же мы слышимъ теперь, когда мистификація кончилась? „Начинать войну изъ-за Польши было бы безуміемъ," подтвердилъ лордъ Пальмерстонъ, отвѣчая г-ну Геннесси.

Вотъ еще одно поучительное обстоятельство, которое подтверждаетъ, какъ можетъ быть опасенъ даже тонъ уступчивости въ дѣлахъ подобнаго рода: лордъ Пальмерстонъ припоминаетъ отвѣтъ Россіи, данный ею послѣ польскаго возстанія въ 1832 году. Россія объявила тогда, что по

прекращенія возстанія, она владѣетъ этимъ краемъ не въ силу Вѣнскаго трактата, а въ силу завоеванія, и тѣмъ самымъ прекратила всякія дипломатическія объясненія. Лордъ Пальмерстонъ признаетъ выгоды, которыя проистекали для Россіи изъ такого взгляда, а въ томъ, что Россія въ прошломъ году допустила объясненія о польскомъ дѣлѣ на основаніи Вѣнскаго трактата, глава англійскаго министерства видитъ съ ея стороны уже уступку ослаблявшую ея положеніе.

Въ заключеніе укажемъ еще на одну, тоже не лишенную интереса, черту. Г. Грантъ-Доффъ заговорилъ было о либеральныхъ учрежденіяхъ, но палата не дала ему говорить криками: *„на раздѣлъ! на раздѣлъ!“* Вотъ какъ радикально измѣняются настроенія хорошо организованныхъ политическихъ собраній, соотвѣтственно обстоятельствамъ! Прошло лишь нѣсколько мѣсяцевъ, и въ той самой палатѣ, гдѣ громогласно, настоятельно, со всевозможными доводами, заявлялась необходимость самыхъ широкихъ государственныхъ реформъ въ Россіи, теперь и слышать не хотятъ объ этомъ, и заглушаютъ запоздалаго оратора криками нетерпѣнія, потому что слушатели стали иначе смотрѣть на вещи, потому что оказались новые элементы, которыхъ прежде они не подозрѣвали. Въ первую половину прошлаго года Россія казалась исполненною революціонныхъ элементовъ, между ея правительствомъ и народомъ предполагался глубочайшій антагонизмъ и разладъ между всѣми ея общественными элементами, и согласно съ этимъ изъявлялось желаніе, чтобы ея общественныя силы такъ или иначе были призваны къ участію въ дѣлахъ государственныхъ; теперь, когда единство между правительствомъ и народомъ въ Россіи не подлежитъ сомнѣнію, когда сталъ извѣстенъ патріотическій духъ ея народонаселеній и великія силы, въ нихъ сокрытыя, палата общинъ при первомъ намекѣ, на что-либо подобное, всѣми своими голосами заглушаетъ оратора.

Б.

Мы получили письмо отъ общества крестьянъ села Яроваго, Кіевской губерніи, и очень сожалѣемъ, что нѣкоторыя совершенно случайныя обстоятельства помѣшали намъ заявить его публикѣ тотчасъ по полученія. Выражая намъ столь дорогое для насъ сочувствіе свое, они объясняютъ, что въ селѣ ихъ находится старинная, а потому особенно драгоцѣнная имъ православная церковь, которая отъ времени пришла въ ветхость, такъ что приходится прекратить въ ней богослуженіе. Если она не будетъ перестроена, то обыватели Яроваго будутъ приписаны къ другой церкви, съ которою ихъ не связываютъ давнія преданія. Они пишутъ:

„Въ такомъ нашемъ горѣ, мы довѣряемся вамъ... Ваше слово, произнесенное къ вашимъ читателямъ, тронетъ честныя и сострадательныя русскія сердца, и братія наша во Христѣ подастъ намъ руку помощи. Великій народъ русскій не дозволитъ намъ остаться безъ душевнаго утѣшенія имѣть на своей землѣ святую церковь, куда христіанскія сердца приносятъ всѣ свои страданія и надежды.

„Съ помощью великодушныхъ и набожныхъ христіанъ, дастъ Богъ, воздвигнется наша святыня! Въ семъ новомъ храмѣ, съ сердцемъ преисполненнымъ счастія и благодарности, мы, общество крестьянъ села Яроваго, съ дѣтьми нашими будемъ возносить ко Всевышнему теплыя молитвы за Царя-Освободителя, за цѣлость и счастіе великаго отечества нашего, за братію нашу, поспѣшившую съ приношеніемъ“.

Никакое слово съ нашей стороны не могло бы усилить впечатлѣніе, производимое этими словами. Здѣсь рѣчь идетъ не объ одолженіи съ одной стороны и благодарности съ другой, но о великомъ общемъ дѣлѣ, одинаково дорогомъ для всѣхъ дѣтей русскаго народа какъ на берегахъ Днѣпра, такъ и въ Москвѣ. Упомянемъ, что жители села Яроваго принадлежатъ къ тому самому округу, который подъ именемъ „Смѣлянщины“ игралъ дѣятельную роль въ грозномъ народномъ движеніи 1768 года. Станція, куда можно адресовать приношенія въ пользу церкви села Яроваго, находится нынѣ въ Смѣломъ. Мы съ радостію будемъ служить посредниками для пересылки пожертвованій. Пусть только читатели вспомнятъ, что рѣчь идетъ о поддержкѣ православнаго храма на землѣ Кіевской, гдѣ русскій народъ крестился и гдѣ православіе и народность русская вели столь долгую, упорную, энергическую борьбу противъ враждебныхъ началъ, и устояли въ борьбѣ...

№ 114.

Москва, 22-го мая.

Возвращаемся къ засѣданіямъ петербургскаго собранія хозяевъ. Второе засѣданіе было посвящено вопросу объ иностранныхъ сельскохозяйственныхъ машинахъ и орудіяхъ. Докладчикомъ былъ Н. В. Черняевъ, высказавшій много интересныхъ замѣчаній, которыя, въ цѣломъ, были направлены къ тому чтобъ отклонить русскихъ хозяевъ отъ пріобрѣтенія иностранныхъ машинъ и орудій. Онъ упоминалъ нѣсколько разъ о храненіи множества выписанныхъ машинъ въ сараяхъ, фактѣ интересномъ, но требующемъ совершенно исключительнаго объясненія Обыкновенно говорятъ, что иностранныя машины вошли у насъ въ моду со времени освобожденія крестьянъ, но это невѣрно. Освобожденіе крестьянъ измѣнило характеръ сельскаго хозяйства и въ то же время уменьшило средства, которыми помѣщики могли располагать. Нельзя думать, чтобы машины купленныя въ это время стояли теперь въ сараяхъ. По всему вѣроятію, въ это время пріобрѣтались лишь вещи нужныя, а ошибки, встрѣчающіяся въ каждомъ дѣлѣ, составляли исключеніе. Дурная слава иностранныхъ машинъ ведетъ свое начало не съ этого разчетливаго и осмотрительнаго времени. Привозъ машинъ получилъ свое первое развитіе послѣ крымской войны, когда, благодаря избытку бумажныхъ денегъ, вся экономическая жизнь Россіи приняла лихорадочный характеръ, и мы съ жадностію хватились за предпріятія, которыя потомъ лопались одно за другимъ. Машины, стоящія въ сараяхъ, не все ли это равно что лопнувшія акціонерныя компаніи? Не свидѣтельство ли это лишь о томъ, что въ ту пору мы брались черезчуръ охотно за дѣла ненужныя и невыгодныя? Но вслѣдствіе того, что мы обожглись на акціонерныхъ компаніяхъ, развѣ можно утверждать, что акціонерныя компаніи вещь безполезная, и если наши помѣщики обожглись на иностранныхъ машинахъ, слѣдуетъ ли изъ этого, что иностранныя машины для насъ не выгодны? Потребность въ машинахъ у насъ чрезвычайная. Вопросъ состоитъ только въ томъ, какія машины болѣе примѣнимы у насъ, машины ли домашняго приготовленія или иностранныя, то-есть преимущественно англійскія. Послѣднія очень дороги; онѣ дороги на мѣстѣ; но эта дороговизна страшно возрастаетъ, по причинѣ громадности конторскихъ расходовъ. Такъ напримѣръ паровая молотилка стоитъ въ Англіи на мѣстѣ около 1.650 руб., а въ Петербургѣ она продается по 2.400 руб., между тѣмъ какъ провозъ ея не можетъ обойдтись дороже 300 р. Г. Черняевъ предлагаетъ поэтому очень полезную вещь. Въ Германіи сельско-хозяйственныя общества устраиваютъ постоянныя выставки сельско-хозяйственныхъ орудій и при нихъ коммиссіонерства для выписки орудій и лучшихъ сѣмянъ. Почему бы и нашимъ обществамъ, а въ особенности петербургскому собранію сельскихъ хозяевъ, не взяться за это дѣло и не освободить помѣщиковъ отъ необходимости платить за выписныя машины и орудія чрезмѣрную цѣну? К. И. Іогансонъ замѣтилъ, правда, что барыши коммиссіонеровъ вовсе не очень велики; этому тѣмъ легче повѣрить, что число конторъ занимающихся выпискою машинъ дошло теперь до 42 (изъ нихъ 20 въ Москвѣ и въ Петербургѣ, остальныя въ Одессѣ, Харьковѣ и другихъ городахъ), и слѣдовательно между ними должна быть живая конкурренція, но тѣмъ не менѣе накидка за провозъ и коммиссію все-таки чрезмѣрно велика и должна сильно препятствовать распространенію иностранныхъ машинъ въ Россіи. Коммисіонерство, учрежденное какимъ-либо Обществомъ Сельскаго Хозяйства, и выписывающее машины не иначе какъ по заказу, могло бы продавать машины на 20 проц. дешевле теперешняго. Въ подтвержденіе этого предположенія упомянемъ здѣсь кстати, что цѣны на типографскія машины и принадлежности выписываемыя изъ-за границы, понизились на 20 и 25 проц., какъ только былъ сдѣланъ нѣкоторыми типографщиками опытъ выписывать нужныя вещи прямо изъ-за границы.

Но этотъ совѣтъ поданъ мимоходомъ, а вообще г. Черняевъ клонилъ свой докладъ преимущественно къ тому, чтобъ убѣдить русскихъ сельскихъ хозяевъ въ большей выгодѣ пріобрѣтенія машинъ въ русскихъ механическихъ заведеніяхъ, нежели въ иностранныхъ. Онъ взялъ для примѣра хозяйство въ 300 десятинъ. Для такого хозяйства, при трехпольной системѣ необходимо пріобрѣсти 20 плуговъ, 12 боронъ и 10 почво-углубителей. 20 плуговъ двухконныхъ Старбука, гогенгеймскихъ или Полторацкаго стоятъ, по 16 руб. за штуку, 320 р.;

12 ромбоидальныхъ боронъ системы Валькура, по 6 р. за штуку, 72 р.; 10 хуторскихъ почво-углубителей (Бажанова), по 7 р. за штуку, 70 р.; итого 482 р. Такова цѣна, которую слѣдовало бы заплатить въ русскихъ механическихъ заведеніяхъ. Тѣ же самыя орудія, купленныя въ торговомъ домѣ Эдерсгейма, торгующемъ издѣліями англійскаго завода Рансона и Симса, обошлись бы 918 р. Плугъ изготовленный на русскомъ заводѣ по образцу плуга (B. F. O.) Рансома и Симса, стóитъ только 9 р., но этотъ же плугъ привезенный изъ-за границы стóитъ 14 р. Сѣялка Гриневицкаго стóитъ 60—65 р.; сѣялка англійская Кемерера—145 р. Сортировка Вараксина стóитъ на заводѣ Мальцова 20 р.; сортировка Рансома и Симса—145 р. Г. Черняевъ, повторяемъ, клонилъ свое изложеніе къ тому, чтобы признать бóльшую примѣнимость въ нашемъ хозяйствѣ тѣхъ машинъ и орудій, которыя производятся въ нашихъ механическихъ заведеніяхъ. Онъ указывалъ не только на дешевизну, но и на приноровленность ихъ къ мѣстнымъ условіямъ и привычкамъ, а также на бóльшую легкость чинить русскую машину, въ которой главнымъ матеріаломъ служитъ дерево и желѣзо, между тѣмъ какъ въ Англіи употребляется преимущественно чугунъ. Нѣкоторые хозяева высказывались напротивъ въ пользу машинъ иностраннаго издѣлія. Дороговизна, говорили они, ничего не значитъ, если вознаграждается на болѣе успѣшной работѣ, и кромѣ того если вы получаете машину прочно построенную. Чугунныя части чинить нельзя, это правда, но за то ихъ можно имѣть въ запасѣ, такъ какъ въ аглійскихъ машинахъ всѣ части перенумерованы и легко приходятся отъ одной машины къ другой. Вообще и съ той и съ другой стороны было приведено много важныхъ доводовъ, такъ что вопросъ, можно сказать, остался не рѣшеннымъ. Его рѣшитъ жизнь и надобно только желать, чтобы рѣшеніе его было предоставлено свободному движенію жизни. Во всякомъ случаѣ ясно одно: иностранныя машины и орудія такъ дороги у насъ, что и теперь введеніе ихъ весьма затруднительно, а всякое стѣсненіе привоза, напримѣръ наложеніе пошлины, повело бы къ необходимости совсѣмъ отказаться отъ ихъ покупки. Съ другой стороны наложеніе пошлины нисколько не нужно даже въ интересѣ покровительства. Произведенія нашихъ механическихъ заведеній легко могутъ конкуррировать съ иностранными машинами и орудіями по своей дешевизнѣ. А что не смотря на эту сравнительную дешевизну, производство сельскохозяйственныхъ машинъ въ Россіи выгодно, видно изъ того, что до 1856 года у насъ было всего пять или шесть механическихъ заведеній (братьевъ Бутеноп, и Вильсона въ Москвѣ, Потемкина въ Кременчугѣ, Шумана, Рихтера), а теперь принадлежности инвентаря сельскохозяйственныхъ орудій приготовляются на 82 заведеніяхъ, и несмотря на такое расширеніе промысла, русскія механическія заведенія не могутъ удовлетворить спросу. При такомъ положеніи этого дѣла есть ли какой-нибудь поводъ стѣснять ввозъ иностранныхъ машинъ назначеніемъ пошлины?

№ 115.

Москва, 23-го мая.

А.

Преобразованіе нашихъ гимназій есть вопросъ особенной важности. Ошибки или недочеты во всякомъ другомъ дѣлѣ не могутъ сопровождаться такимъ вредомъ, какъ въ дѣлѣ воспитанія; здѣсь они губятъ цѣлыя поколѣнія, и вредъ ими причиненный не можетъ быть ни исправленъ, ни окупленъ. Ложное начало, внесенное въ педагогическую систему, не ограничивается настоящимъ; оно простираетъ свое дѣйствіе на будущее. Къ чему послужатъ всѣ наши преобразованія, если общество, въ своихъ подрастающихъ поколѣніяхъ, будетъ заранѣе поражено безсиліемъ или порчею? А между тѣмъ намъ предстоитъ серіозный трудъ во всемъ, намъ теперь особенно нужны крѣпкія силы, способные и дѣльные люди. Никогда пособіе школы не было такъ важно, такъ необходимо для нашей жизни, какъ въ настоящую пору. Прежде мы могли обходиться чужими школами, за недостаткомъ или плохимъ состояніемъ своихъ; мы могли прежде жить и дѣйствовать въ нашемъ отечествѣ, будучи по воспитанію Французами или Нѣмцами. Теперь это становится невозможно. Лѣнь и бездѣйствіе, которыя доселѣ сковывали нашу жизнь, должны уступить мѣсто бодрой и неутомимой дѣятельности; мы уже не можемъ, по прежнему, пребывать въ умственной и прав-

ственной дремотѣ, не можемъ жить чужимъ умомъ и довольствоваться словами вмѣсто понятій, фразами вмѣсто дѣйствій; полно уже намъ лежать на боку или ходить на помочахъ: теперь требуется стоять на своихъ ногахъ; каждый шагъ нашъ отнынѣ будетъ доставаться намъ съ бою, какъ въ хозяйственномъ быту нашемъ, глубоко измѣнившемся съ отмѣной крѣпостнаго права, такъ и во всѣхъ сферахъ гражданской жизни. Намъ не дадутъ теперь даромъ пользоваться тѣмъ великимъ значеніемъ, которое принадлежитъ Россіи какъ великой европейской державѣ; за нами ничего не оставятъ безспорно, на все будутъ требовать у насъ доказательствъ и правъ. Зоркая, ревнивая, неумолимая Немизида не терпитъ въ мірѣ ничего дароваго, ничего случайнаго, незаслуженнаго, неоправданнаго, и всякая сила подвергается испытаніямъ. Намъ нужно готовиться къ испытаніямъ; а гдѣ же вѣрнѣе и благовременнѣе готовиться къ нимъ, какъ не въ школахъ, изъ которыхъ выходятъ дѣятели нашего будущаго? Ошибочная педагогическая система губитъ людей и подвергаетъ опасности общество.

Задача учебныхъ заведеній—давать людей учившихся и знающихъ что-либо не для вида, а на самомъ дѣлѣ. Задача состоитъ не въ томъ, чтобы въ школахъ преподавалось много важныхъ и полезныхъ наукъ, а единственно въ томъ, чтобъ учащіеся выносили изъ преподаванія пользу, чтобъ они чему-нибудь научались вполнѣ, чтобъ умственныя силы ихъ крѣпли, а не слабѣли, не уничтожались. Школа достигла своей цѣли, если она пріучила молодой умъ къ серіозному труду, если она дала ему узнать на дѣлѣ что такое знаніе, изѣдать собственнымъ опытомъ какъ оно пріобрѣтается, если она дала ему почувствовать что̀ значитъ на самомъ дѣлѣ понимать что-либо. Знаніе и понятіе не такія вещи, которыя можно было бы механически вносить въ голову. Самое глубокое знаніе звучитъ пустою фразой, если умъ, которому оно преподается, не содержитъ въ себѣ элементовъ для того чтобы воспроизвести его въ себѣ. Школа удовлетворитъ своей цѣли, когда она сосредочитъ силы учащихся на предметахъ, которыми они могутъ овладѣвать безъ черезмѣрныхъ напряженій, безъ неестественныхъ усилій, шагъ за шагомъ, вполнѣ и въ возможномъ совершенствѣ. Вѣковая практика всего образованнаго человѣчества выработала эти предметы и дала ихъ школѣ. Древніе языки и математика, вотъ испытанныя и несомнѣнныя основанія гимназическаго ученія. Должны ли мы одни быть исключеніемъ? До сихъ поръ мы ничему серіозно не учились; теперь предстоитъ намъ необходимость учиться серіозно, чтобы стать чѣмъ-нибудь. Ужели мы откажемся отъ большой, прямой, изѣданной дороги и отправимся блуждать по дебрямъ и топямъ? Указываютъ на естественныя науки, на ихъ богатство въ современномъ развитіи, на пользу, которую они приносятъ въ практическомъ примѣненіи, на ихъ плодотворный методъ, и на этомъ основаніи иные желали бы ввести ихъ въ наши гимназіи, съ тѣмъ чтобы на нихъ главнымъ образомъ сосредоточить ученіе. Но мало ли на свѣтѣ хорошаго? Всякое знаніе хорошо и полезно: слѣдуетъ ли изъ этого, чтобы можно было съ пользою преподавать всякое знаніе въ гимназіяхъ? Все хорошо только на своемъ мѣстѣ и въ свою пору. Что̀ составляетъ достоинство наукъ, требующихъ зрѣлаго и приготовленнаго ума, что̀ составляетъ ихъ пользу и плодотворность ихъ метода, то, въ большинствѣ случаевъ, пропадетъ даромъ или дастъ противный ожиданію результатъ въ преподаваніи дѣтскимъ умамъ. Науки, возбуждающія живую и плодотворную дѣятельность въ зрѣломъ умѣ, превратятся здѣсь либо въ мертвую схему, либо въ пустую фразу. Именно того-то и не будетъ что побуждаетъ иныхъ желать преподаванія этихъ наукъ въ гимназіяхъ. Вмѣсто положительнаго знанія, вмѣсто навыка въ точныхъ пріемахъ мысли, мы получимъ верхоглядство, фразерство, напыщенность, неспособность отличить понятое отъ непонятаго, узнанное отъ неузнаннаго, ясное отъ неяснаго; вмѣсто здороваго, крѣпкаго, подготовленнаго къ дѣятельности ума, мы получимъ умъ испорченный, подавленный и неспособный къ серіозному труду.

Школьное обученіе, какъ бы оно не ухищрялось, не можетъ наполнить молодой умъ разнообразными свѣдѣніями, для которыхъ еще нѣтъ у него органовъ; назначеніе школьнаго обученія прежде всего состоитъ въ томъ, чтобы развить въ умѣ эти органы. Но ничѣмъ до такой степени и съ такимъ успѣхомъ не могутъ быть развиты умственные органы, необходимые для всякаго знанія, какъ посредствомъ математики съ одной стороны и древнихъ языковъ съ другой.

Безъ науки числа и пространства была бы невозможна власть человѣка надъ природой; безъ этого могущественнаго орудія были бы безплодны всѣ усилія ума въ борьбѣ его съ нею. Съ другой стороны, вся цивилизація, посреди которой мы живемъ, восходитъ, какъ къ своему первоначальному источнику, къ древнему міру, къ древнимъ языкамъ, въ которыхъ онъ кристаллизовался. Языкъ есть начало всего въ человѣческомъ мірѣ; въ немъ всѣ формы человѣческаго мышленія, въ немъ запечатлѣны всѣ основныя отношенія человѣческихъ понятій, точно также какъ въ языкѣ того или другаго народа, сверхъ того, запечатлѣна вся жизнь его и всѣ особенности его генія. Изученіе древнихъ языковъ не только даетъ уму самый вѣрный способъ овладѣть общею логикой, присущею всякому языку, но и всѣмъ тѣмъ великимъ матеріаломъ, который выработанъ древнимъ міромъ, и который послужилъ основаніемъ новому. Изученіе древнихъ языковъ, развивая дѣятельность ума и пріучая его ко всѣмъ пріемамъ, необходимымъ для мысли въ борьбѣ съ даннымъ матеріаломъ, развивая всѣ способы ума, знакомя его на практикѣ со всѣми методами положительнаго знанія, сообщаетъ ему въ то же самое время тѣ основные историческіе элементы, которые вошли въ безконечно-разнообразныя, въ безконечно-сложныя сочетанія новѣйшей цивилизаціи. То общество, которое ведетъ свое образованіе не отъ этихъ элементовъ, никогда не будетъ обладать самостоятельнымъ образованіемъ всегда образованіе его будетъ безжизненно, вяло и безплодно; всегда будетъ оно рабскимъ сколкомъ съ чужаго.

Въ то самое время, когда рѣшается участь нашего образованія, судьба нашихъ гимназій, на другомъ концѣ Европы, на крайнемъ западѣ, въ Англіи, также трактуется вопросъ о системѣ обученія въ среднихъ школахъ. Коммиссія, состоящая изъ многихъ опытныхъ людей, въ томъ числѣ изъ двухъ прелатовъ, архіепископа кантебрійскаго и епископа лондонскаго, подъ предсѣдательствомъ лорда Кларендона, въ продолженіи трехъ лѣтъ изучала этотъ вопросъ. Она имѣла 120 съѣздовъ, и осмотрѣла всѣ существующія въ Англіи учебныя заведенія; она входила въ сношенія со всѣми педагогами и свѣдущими въ дѣлѣ людьми. Богатые матеріялы, собранные ею, результатъ своихъ изученій представила она парламенту, и на этихъ дняхъ въ палатѣ лордовъ была рѣчь объ этомъ предметѣ. Коммиссія подтверждаетъ, что вся сила обученія въ среднихъ школахъ должна состоять въ древнихъ языкахъ и математикѣ; все прочее должно служить только придатками къ этимъ основнымъ и существеннымъ предметамъ. „Мы убѣждены,“ говорятъ коммиссары, „что самые лучшіе „матеріялы для ученія въ этихъ заведеніяхъ составляютъ языки и литература Греціи и Рима. По правильному строю этихъ „языковъ, по логической точности ихъ выраженія, по сравнительной легкости, съ „какою ихъ этимологія возводится къ общимъ законамъ, по строгимъ правиламъ „вкуса и стиля, господствующимъ въ нихъ, „по тому самому факту, что языки эти „суть языки *мертвые* и переданы намъ „изъ періода своего высшаго совершенства, почти нетронутыми неизбѣжнымъ „процессомъ вырожденія и упадка, они, „безъ всякаго сомнѣнія, представляютъ „самые лучшіе образцы для изученія слова человѣческаго.... Кромѣ того, классическая литература оказываетъ могущественное дѣйствіе на образованіе государственныхъ дѣятелей и развитіе политической жизни въ Англіи.“ Точно также судятъ коммиссары и о важности математики.

Всѣ другіе предметы допускаются лишь на столько, на сколько остается времени отъ главныхъ; въ программу коммиссіи входятъ и новые языки, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ одинъ, французскій или нѣмецкій, желала бы она видѣть во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ какъ предметъ обязательный; она допускаетъ въ нѣкоторой степени и естествовѣдѣніе. Но чтобы судить о томъ въ какомъ отношеніи, по соображеніямъ коммиссіи, должны находиться между собою разные предметы преподаванія, мы приведемъ цифры репетиціонныхъ часовъ. Изъ 17 репетиціонныхъ часовъ въ недѣлю предполагаемыхъ коммиссарами, 10 отводятъ они для приготовленія только по предмету классическихъ языковъ, и лишь 2 часа въ недѣлю для приготовленія по новѣйшимъ языкамъ и естествовѣдѣнію вмѣстѣ. Вспомнимъ при этомъ какая широкая доля дается у насъ въ гимназіяхъ (и дается, конечно, по праву) физикѣ какъ основной естественной наукѣ, служащей главнѣйшимъ примѣненіемъ математики къ положительному знанію и открывающей со-

бою рядъ естественныхъ наукъ, какъ ихъ первое звено и основаніе.

Мы говоримъ о нашихъ гимназіяхъ и забываемъ о другой вѣтви нашихъ учебныхъ заведеній, равностепенныхъ съ ними и можетъ-быть еще болѣе важныхъ,—о семинаріяхъ. Вопросъ о гимназіяхъ подлежитъ теперь рѣшенію, — и дай Богъ, чтобы рѣшеніе послѣдовало вполнѣ правильное, чтобъ оно вывело наше образованіе на другую лучшую дорогу! Но когда послѣдуетъ рѣшеніе вопроса о преобразованіи нашихъ семинарій, которыя не могутъ долѣе оставаться въ своемъ совершенно невозможномъ состояніи, семинарій съ ихъ жалкими крохами сельскаго хозяйства и медицины,—семинарій, въ которыхъ убитъ всякій духъ серіознаго ученія и которыя служатъ только къ тому, чтобы въ нихъ самымъ успѣшнымъ образомъ забывалось все пріобрѣтенное въ первоначальныхъ духовныхъ училищахъ? — Когда послѣдуетъ наконецъ правильное рѣшеніе этого вопроса?

Б.

. Разомъ изъ двухъ городовъ, изъ Лондона и изъ Брюсселя принесъ намъ телеграфъ сегодня самыя воинственныя, повидимому, извѣстія о послѣднемъ засѣданіи лондонской конференціи, бывшемъ третьяго дня, въ четвергъ. Вопервыхъ, Данія отвергла посредническое предложеніе, сдѣланное въ прошлую субботу. Предложеніе это сдѣлано было Франціей, поддержано Англіей и состояло въ томъ, чтобы Гольштейнъ, Лауэнбургъ и часть Шлезвига образовали отдѣльное государство (присоединены были къ Германскому Союзу!), а другая часть Шлезвига была неразрывно соединена съ Даніей. Вовторыхъ, при преніяхъ о продолженіи перемирія, Данія объявила, что она не согласна продлить срокъ прекращенія военныхъ дѣйствій болѣе нежели на 15 дней, если до того времени объ основаніяхъ будущаго мира не послѣдуетъ соглашенія, другими словами, если временное прекращенія военныхъ дѣйствій (trêve) не будетъ замѣнено настоящимъ перемиріемъ (armistice). Такъ говоритъ, согласно телеграммѣ, бельгійская газета *Indépendance*; въ телеграммѣ изъ Лондона сказано, что и предложеніе объ этомъ продленіи прекращенія военныхъ дѣйствій на 15 дней принято датскими уполномоченными лишь *ad referendum*, то-есть подъ условіемъ испросить предварительно новыхъ инструкцій отъ своего правительства.

Чѣмъ объяснить такое упорство со стороны Даніи? Не безразсудно ли безусловно отвергать предложеніе, сдѣланное нейтральными державами, въ томъ числѣ и Англіей, столь дружественно расположенною къ Датской монархіи? Не значитъ ли это вооружать противъ себя послѣднихъ изъ друзей своихъ и окончательно убивать всякую надежду на ихъ помощь? Не безуміе ли желать продолженія войны вслѣдъ за цѣлымъ рядомъ претерпѣнныхъ пораженій, вслѣдъ за истощеніемъ и несомнѣнною, кажется, деморализаціей арміи, вслѣдъ за потерей всего материка, важнѣйшихъ укрѣпленныхъ мѣстъ и множества военныхъ припасовъ? Такъ казалось бы на первый взглядъ, но не такъ на самомъ дѣлѣ. Продолженіе войны не страшно для Датчанъ. Война для нихъ можетъ быть теперь гораздо выгоднѣе чѣмъ на первыхъ порахъ. На сухомъ пути сражаться они не станутъ; они не станутъ хлопотать о какомъ-нибудь уголкѣ Ютландіи; но укрывшись на своихъ островахъ, они, благодаря превосходству своего флота, могутъ значительно повредить нѣмецкой торговлѣ, блокируя балтійскіе порты, если только — *conditio sine qua non*—австрійскій флотъ не пройдетъ изъ Нѣмецкаго моря въ Балтійское. Противъ этого послѣдняго возстанутъ повидимому, и Россія, и Англія. Допустить продолженіе войны и въ то же время лишить Данію единственнаго средства бороться съ врагомъ — значило бы вести дѣло къ конечному разрушенію Датской монархіи, чего, безъ сомнѣнія, не могутъ желать ни та, ни другая держава. Не находя возможнымъ, въ виду событій, уладить затрудненія, Англія могла согласиться на уступку, на отдѣленіе Герцогствъ отъ Даніи; съ своей стороны, и интересы Россіи, какъ мы замѣчали въ № 113 *Московскихъ Вѣдомостей*, не противорѣчатъ въ этомъ отношеніи интересамъ Европы; но изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, чтобъ обѣ державы согласились на уничтоженіе Датской монархіи.

Датскій вопросъ дѣйствительно вступилъ въ свой новый фазисъ, и вмѣсто охраненія цѣлости Датской монархіи западныя державы согласны уже на отдѣленіе отъ нея значительной ея части. Спрашивается: чьею искусною рукой вдвинутъ датскій

вопросъ въ этотъ новый фазисъ? кто заставилъ Европу отказаться отъ охраненія цѣлости Датской монархіи? въ угоду чьимъ интересамъ умолкаютъ интересы тѣхъ и другихъ европейскихъ державъ? Мы уже имѣли случай говорить о томъ, какъ тѣсно и логически связаны обстоятельства, возникшія изъ датскаго вопроса, съ недавними событіями другаго порядка, съ крымскою войной и съ польскими дѣлами. Но собственно датскій вопросъ для кого онъ наиболѣе выгоденъ, и кто преимущественно заправляетъ имъ?

У правительствъ, такъ же какъ и у отдѣльныхъ лицъ, есть своего рода тщеславіе: каждому хочется присвоить себѣ честь заправленія общеевропейскою политикой, и въ этомъ отношеніи нѣтъ страны тщеславнѣе Франціи. Франція считаетъ своею спеціальностью изливать свѣтъ цивилизаціи и свободы на весь остальной міръ; Парижъ—центръ вселенной; изъ него излетаютъ молніи, изъ него разбрасываются пальмовыя вѣтви; Парижъ законодатель не только модъ, но и политики; въ Парижѣ изрекаются приговоры танцовщицамъ и заготовляются міровыя событія: призваніе Франціи придумывать идеи, сочинять убѣжденія, хотя бы и утопическія, и потомъ примѣнять ихъ къ дѣлу, навязывать ихъ другимъ народамъ,—сражаться за идеи. Чуть гдѣ-либо возникаетъ какой-нибудь вопросъ, Франція уже суетится и начинаетъ увѣрять міръ, что хотя она и не любитъ вмѣшиваться въ чужія дѣла, но что вопросъ этотъ и событіе являются естественнымъ послѣдствіемъ того порядка идей, который внесенъ въ міръ Франціей, и что затрудненія минуты могутъ разрѣшиться только такимъ-то изобрѣтеніемъ ея политики. Она не смущается тѣмъ, что эти изобрѣтенія и сочиненія ея, какъ напримѣръ недавнее предложеніе конгресса государей, падаютъ нерѣдко въ прахъ; она горячо стоитъ за нихъ и послѣ ихъ паденія, или же въ обстоятельствахъ, возникшихъ въ послѣдствіи, съ самодовольствіемъ указываетъ слѣды французской политики. Она увѣряетъ въ этомъ всѣхъ и каждаго, увѣряетъ до того, что, наконецъ, сама начинаетъ вѣрить въ дѣйствительность своихъ вымысловъ.

Такъ поступаетъ она и теперь въ датскомъ вопросѣ. Полуофиціальные органы ея правительства, *Constitutionnel* болѣе сдержаннымъ, *Pays* болѣе воинственнымъ топомъ, но оба съ равною настойчивостью, вотъ ужь нѣсколько недѣль разглашаютъ, что датскій вопросъ непремѣнно долженъ былъ придти къ тому положенію, въ которомъ онъ теперь находится, и что это положеніе указано было ему Франціей еще въ самомъ началѣ; что Франція всегда стояла за необходимость имѣть въ датско-германскомъ столкновеніи прежде всего въ виду его національную сторону, и лишь изъ уваженія къ остальной Европѣ готова была держаться трактата 1852 г., еслибъ онъ только могъ быть принятъ за основаніе для разрѣшенія возникшихъ затрудненій. Другая газета, болѣе осторожная, но едва ли болѣе независимая *Mémorial diplomatique*, разбирая вопросъ и исторически, и политически, повертывая его и тою, и другою стороной, тоже доказываетъ, что новый фазисъ датскаго вопроса есть дѣло Франціи; что нити всѣхъ переговоровъ въ ея рукахъ, и что если не въ настоящемъ, то въ близкомъ будущемъ она все уладитъ всенепремѣнно,—она и никто другой. Дѣйствуя черезъ журналы, Франція подобнымъ же образомъ дѣйствуетъ и черезъ своихъ дипломатовъ и министровъ. Она дѣйствительно хотѣла бы захватить въ свои руки нити событій, не ею, однако, натянутыя. Она ухаживала и ухаживаетъ за Германскимъ Союзомъ; она готова была ухаживать и за принцемъ Фридрихомъ Августенбургскимъ. Желая получить сколько-нибудь руководствующаго значенія на конференціи, она вступила въ тѣсные переговоры съ представителями Германіи. Г. фонъ-Бейстъ приглашенъ былъ въ Парижъ, и эта поѣздка совершилась съ необыкновеннымъ парадомъ. Впередъ высланъ былъ г. Вицтумъ, условиться на счетъ аудіенціи у императора; потомъ пріѣхалъ самъ г. фонъ-Бейстъ, имѣлъ продолжительную аудіенцію у императора и два еще болѣе продолжительныя совѣщанія съ г. Друэнъ-де-Люисомъ; наканунѣ отъѣзда г. фонъ-Бейста французскій министръ устроилъ было для него обѣдъ, но случилось такъ, что и Наполеону III захотѣлось тоже дать ему обѣдъ въ Тюльери, и г. Друэнъ-де-Люисъ любезно уступилъ его величеству честь угощать представителя высокаго франкфуртскаго сейма; по возвращеніи своемъ въ Лондонъ, этотъ представитель не существующей державы выслалъ въ Парижъ, для дополнительныхъ переговоровъ, втораго своего товарища,

тоже представителя Германіи, г. Кригера. Оба, и императоръ, и г. фонъ-Бейстъ, остались очень довольны другъ другомъ. Императоръ думалъ, вѣроятно, что онъ не только очаровалъ мелкія нѣмецкія государства, но и окончательно овладѣлъ положеніемъ; г. фонъ-Бейстъ полагалъ, что онъ выигралъ дѣло „великаго отечества“ и успѣлъ склонить къ его интересамъ властителя Франціи; но въ сущности легко можетъ статься, что оии оба были лишь исполнителями иныхъ, болѣе тонкихъ предначертаній. Правда, въ датскомъ вопросѣ есть одна очень чувствительная для Франціи сторона—желанія населеній. Императорская Франція поставлена въ такое положеніе, что она должна—*volens nolens*—защищать всюду и всегда тотъ принципъ, на которомъ основана сама имперія. Но точно ли въ настоящемъ вопросѣ этотъ принципъ возбужденъ одною Франціей? Не воспользовалась ли чья-либо чужая рука этою особенностію императорской Франціи, и не управляются ли дѣйствія той послѣдней какимъ-либо инымъ скрытымъ дѣятелемъ? Но кѣмъ-же?

Вѣнская полуофиціяльная *Abendpost* очень близко, кажется, подошла къ истинѣ, когда сказала, что новый фазисъ датскаго вопроса есть вѣнецъ австро-прусской политики. Австрійская газета не отважилась на полное самозакланіе, и присоединила имя своего любезнаго отечества къ имени Пруссіи. По правдѣ, однако, Австрія совсѣмъ не равноправный товарищъ Пруссіи въ датскомъ вопросѣ: она въ рукахъ ея только орудіе, почти жертва. Всѣмъ вопросомъ заправляетъ Пруссія, или точнѣе, ея нынѣшній первенствующій министръ, г. фонъ-Бисмаркъ: онъ источникъ и руководитель всѣхъ событій, связанныхъ съ датскимъ вопросомъ; въ этомъ человѣкѣ кроется разгадка всей германо-датской путаницы. Г. фонъ-Бисмаркъ поставилъ Австрію въ такую дилемму, что ей пришлось, скрѣпя сердце и, несмотря на очевидное свое нерасположеніе ко всякому усиленію значенія Пруссіи, слѣдовать за нею по пятамъ. Франція и Германскій Союзъ дѣйствуютъ какъ нельзя лучше съ точки зрѣнія Пруссіи. Г. фонъ-Бейстъ и теперь ужь показалъ, на сколько онъ подчиняется берлинской политикѣ: въ засѣданіи лондонской конференціи 28-го мая онъ добровольно присоединился къ предложенію великихъ германскихъ державъ.

№ 116.

Москва, 25-го мая.

Мы обѣщали поговорить о нормальномъ контрактѣ по газовому освѣщенію города Москвы. Для читателей не слѣдившихъ за этимъ дѣломъ, припоминаемъ, что подъ нормальнымъ контрактомъ разумѣется проектъ контракта, составленный особою коммиссіей Общей Думы и предъявленный конкуррентамъ. Конкурренты отказались торговаться на основаніи этого нормальнаго контракта; его приняла, впрочемъ также съ просьбой объ измѣненіяхъ нормальнаго контракта и съ обѣщаніемъ дальнѣйшаго пониженія цѣны въ случаѣ если Дума согласится на нѣкоторыя измѣненія, одна только компанія, такъ-называемая англо-русская,—достаточно, кажется, указаніе на неудовлетворительность нормальнаго контракта и на необходимость произвести въ немъ должныя измѣненія. Эти измѣненія необходимы отнюдь не въ интересѣ конкуррентовъ, которымъ, конечно, не слѣдуетъ, уступать ни въ чемъ безкорыстно, а въ интересѣ города, потому что чѣмъ раціональнѣе контрактъ, тѣмъ больше можетъ городъ выиграть на цѣнѣ. Городское управленіе должно столько же заботиться о выгодѣ города, сколько конкурренты заботятся о своей. Но если не слѣдуетъ угождать конкуррентамъ, то очень можно ихъ выслушивать въ интересѣ города. За всякое стѣснительное условіе всякій контрагентъ, кто бы онъ ни былъ, заставитъ заплатить себѣ, а потому если какое-нибудь условіе не настолько выгодно для города, насколько оно убыточно для контрагента, то вносить его въ контрактъ, значитъ возлагать излишнюю тягость на городъ, а не на контрагента, который, повторяемъ, постарается вознаградить себя за всякое возлагаемое на него обязательство, полезное или безполезное для города. Требованіе ненужныхъ и непроизводительныхъ условій есть обыкновенная причина убыточности казенныхъ промышленныхъ предпріятій. Если казна получаетъ иногда отъ своихъ предпріятій вдвое менѣе чѣмъ слѣдуетъ, то это далеко не всегда происходитъ отъ злоупотребленій, и почти никогда не происходитъ исключительно отъ злоупотребленій. Главное дѣло — въ непроизводительности многихъ расходовъ, въ безполезности многихъ тре-

бованій. То же самое бываетъ и съ казенными контрактами. Рѣдкій контрактъ составленъ такъ, чтобы въ немъ заключалось все нужное и не было ничего лишняго. Пробѣлы даютъ контрагенту возможность увертываться отъ отвѣтственности, а излишнія и безплодныя требованія контракта отпугиваютъ многихъ отъ торговъ, и отзываются на цѣнахъ. Нельзя не пожелать, чтобъ Общая Дума поступила иначе, чтобъ она повела свое дѣло по образцу частныхъ людей, вступающихъ въ обязательства, — старалась не требовать ничего излишняго, но и не упустить ничего важнаго. Желать этого тѣмъ позволительнѣе что въ вопросѣ о газовомъ освѣщеніи замѣшаны интересы не только городскаго управленія, но и всѣхъ въ отдѣльности обывателей, предполагающихъ воспользоваться газомъ для освѣщенія своихъ домовъ.

Статья подписанная псевдонимомъ Свѣтлолюбовъ, и помѣщенная въ № 104 *Московскихъ Вѣдомостей*, а также статья помѣщаемая ниже въ нынѣшнемъ нумерѣ, позволяютъ намъ, не вдаваясь въ подробности, остановиться на самой общей и наиболѣе интересной сторонѣ вопроса о московскомъ газоосвѣщеніи. Городъ Москва представляетъ собой въ этомъ отношеніи самый необыкновенный случай. Шестисотверстный провозъ каменнаго угля, до сихъ поръ признаваемаго самымъ выгоднымъ матеріяломъ, значительно возвышаетъ цѣну газа, а такъ какъ городское управленіе не желаетъ, и совершенно справедливо, платить за газовое освѣщеніе дороже того, во что теперь обходится освѣщеніе минеральнымъ масломъ, то предприниматели по необходимости основываютъ всѣ свои разсчеты на сбытѣ газа частнымъ лицамъ. Это обстоятельство придаетъ вопросу о газовомъ освѣщеніи Москвы совершенно оригинальный характеръ. Объ этой-то сторонѣ вопроса мы и считаемъ не безполезнымъ поговорить еще разъ. Она должна очень интересовать обывателей, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ и общій, теоретическій интересъ.

Представимъ себѣ невозможное. Представимъ себѣ, что городъ Москва нашелъ бы такого благодѣтеля, который устроилъ бы газовый заводъ, проложилъ бы газоводныя трубы и т. д., словомъ сдѣлалъ бы все нужное и исполнилъ бы все это самымъ экономическимъ способомъ, и затѣмъ бралъ бы съ города и обывателей только ту цѣну, въ которую обходился бы ему газъ, считая лишь необходимые проценты на затраченный капиталъ и погашеніе. Тогда цѣна газа зависѣла бы преимущественно отъ трехъ обстоятельствъ: отъ цѣны матеріала, изъ котораго добывается газъ, отъ количества газа потребляемаго обывателями и отъ протяженія газоводныхъ трубъ. Чѣмъ дешевле обходился бы матеріалъ, тѣмъ меньше пришлось бы платить за газъ, но еслибы матеріалъ подешевѣлъ на половину, то цѣна газа не могла бы уменьшиться вдвое; уменьшеніе было бы далеко не столь значительное. Отчего это? не отъ того ли что въ цѣну газа входитъ не только цѣна матеріяла, но и издержки его обработки? Конечно да, но тутъ нужна оговорка. Главное дѣло не въ оборотномъ капиталѣ, нужномъ для веденія дѣла сверхъ уплаты за матеріялъ. Главное дѣло не въ содержаніи завода, платѣ служащимъ и т. д., а въ процентахъ и погашеніи того основнаго капитала, который затраченъ на устройство завода, проведеніе трубъ, изготовленіе фонарныхъ столбовъ и т. д. Но эти затраты (весьма значительныя, около 3-хъ милліоновъ рублей) почти однѣ и тѣ же, каково бы ни было потребленіе газа внутри домовъ. Чѣмъ больше будетъ потребляться газа въ домахъ, тѣмъ болѣе увеличится то количество газа, на которое можно будетъ разложить проценты и погашеніе основнаго капитала, и слѣдовательно тѣмъ дешевле будетъ обходиться каждая тысяча кубическихъ футовъ газа. Благодѣтельный предприниматель, котораго существованіе мы предполагаемъ въ фантазіи, сталъ бы сильно понижать цѣну газа, еслибы потребленіе газа въ домахъ возрастало съ такою быстротой, съ какою оно возрастаетъ въ нѣкоторыхъ городахъ западной Европы. Но еслибы городъ захотѣлъ освѣтить газомъ отдаленныя или даже загородныя мѣста, если бы нашему благодѣтельному предпринимателю пришлось класть трубы на сотни верстъ почти исключительно для уличнаго освѣщенія безъ надежды на сбытъ газа въ домахъ, то эти издержки лишили бы городъ возможности воспользоваться тѣмъ пониженіемъ цѣны газа, о которомъ мы сейчасъ говорили. Дѣло имѣло бы такой видъ: Въ людныхъ частяхъ города обывательское потребленіе усилилось, и можно было

бы значительно понизить цѣну газа, но въ то же время увеличились издержки вслѣдствіе проложенія новыхъ трубъ, а изъ новыхъ трубъ не предвидится возможности сбывать газъ въ дома. Возможность пониженія цѣны была бы парализована необходимостью сдѣлать новыя затраты. Предположимъ, что въ людныхъ частяхъ города обыватели стали потреблять газа въ десять разъ болѣе чѣмъ сколько сгараетъ въ уличныхъ фонаряхъ, но вотъ проложены трубы еще на 300 верстъ, и вслѣдствіе того въ общемъ итогѣ газъ сгарающій въ уличныхъ фонаряхъ относится къ газу потребляемому частными лицами и заведеніями уже не какъ 1 къ 10, а какъ 1 къ 3 или 4. Итакъ не только пониженіе цѣны невозможно, но очень можетъ случиться, что цѣна газа должна будетъ возвыситься.

Что̀ же изъ этого слѣдуетъ? Вопервыхъ вотъ что̀: если отъ предпринимателя требовать большаго протяженія газоводныхъ трубъ, то газъ будетъ дороже, чѣмъ болѣе районъ канализаціи будетъ совпадать съ райономъ предполагаемаго наибольшаго потребленія газа внутри домовъ, тѣмъ газъ будетъ дешевле. Наконецъ всего дешевле (на сколько это зависитъ отъ обстоятельства, о которомъ мы говоримъ) будетъ газъ, если городъ предоставитъ самому предпринимателю выборъ мѣстъ гдѣ должно быть устроено газовое освѣщеніе. Самое выгодное для города условіе состоитъ въ томъ, чтобы городъ назначилъ число уличныхъ фонарей, долженствующихъ освѣтиться газомъ и разстояніе между фонарями, но не назначилъ мѣста, гдѣ должны быть поставлены эти фонари, а предоставилъ самому предпринимателю право выбрать мѣста какія онъ найдетъ для себя удобнѣе. Подобное условіе значительно понизило бы цѣну газа. Для Москвы оно имѣетъ болѣе значенія чѣмъ для другихъ городовъ, потому, что въ Москвѣ газъ будетъ сравнительно дороже и сгарать его въ каждомъ фонарѣ будетъ сравнительно больше чѣмъ въ другихъ городахъ. Намъ кажется, что Дума не должна пренебрегать ничѣмъ что̀ можетъ содѣйствовать ослабленію тѣхъ невыгодъ, съ которыми должна мириться Москва вслѣдствіе своего географическаго положенія.

Нашъ второй выводъ заключается въ слѣдующемъ: Неизвѣстность того, какъ велико будетъ количество газа потребляемаго въ домахъ, удерживаетъ предпринимателей отъ скидокъ, на которыя они могли бы рѣшиться, еслибы предвидѣли что-нибудь положительное относительно будущаго развитія этой операціи. Не имѣя въ виду ничего вѣрнаго, они берутъ наименьшее количество частнаго потребленія газа, и на этомъ наименьшемъ количествѣ основываютъ свои разсчеты, дабы ни въ какомъ случаѣ не ошибиться. Вотъ на какомъ основаніи они назначаютъ свои цѣны. Дальнѣйшее развитіе они оставляютъ и, надобно согласиться, должны оставлять въ свою пользу. Удивляться ли, что ихъ требованія очень высоки, что за тысячу кубическихъ футовъ газа для частнаго потребленія назначена невѣроятная цѣна 5 р. сер.? Между тѣмъ при цѣнахъ, теперь объявленныхъ (25 р. за годовую уличную горѣлку и 5 р. за 1.000 футовъ для домовъ), выгоды предпринимателя могутъ дойдти до громадныхъ размѣровъ, если потребленіе газа распространится, въ чемъ нельзя сомнѣваться, даже при 5 р. за 1000 футовъ. Ожидать отъ предпринимателей, чтобы въ виду этой возможности они понизили цѣну, нельзя, но было бы справедливо, еслибы, не разчитывая на эту возможность, или, по крайней мѣрѣ, не принимая ея въ основаніе своихъ разчетовъ, предприниматели и не пользовались ею исключительно. Пусть эта возможность останется и для нихъ какъ приманка, но, пусть же они предоставятъ городу какую-нибудь долю участія въ выгодахъ, не входившихъ въ ихъ разчеты. Намъ кажется, что съ увеличеніемъ потребленія газа въ домахъ монополистъ-предприниматель долженъ быть обязанъ понизить цѣну, которую онъ и будетъ, по предоставленному ему праву, взимать съ частныхъ лицъ.

Цѣна 5 руб. могла бы, если угодно, остаться, пока потребленіе въ домахъ будетъ только въ три раза больше потребленія въ городскихъ уличныхъ фонаряхъ. Валовый доходъ былъ бы тогда съ города за 3.000 фонарей по 25 руб., всего 75 тысячъ рублей, да съ частныхъ лицъ и заведеній за тройное количество газа по двойной цѣнѣ 450 тысячъ рублей, всего 525 тысячъ рублей. Мы не можемъ, къ сожалѣнію, ручаться за правильность показанной нами нормы, но спеціалисты легко могутъ вычислить достаточно ли валоваго дохода въ 525 тысячъ рублей для покрытія

всѣхъ расходовъ и доставленія удовлетворительнаго барыша при правильномъ веденіи дѣла. Если эта цифра вѣрна, то взявъ ее въ основаніе, можно было бы опредѣлить обязательное для предпринимателя пониженіе цѣны газа при возрастаніи частнаго потребленія вчетверо, пятеро, шестеро и т. д. противъ употребленія въ городскихъ фонаряхъ, съ тѣмъ чтобъ это пониженіе продолжалось до тѣхъ поръ, пока цѣны для Думы и для частныхъ лицъ не уравняются. На окончательное достиженіе этого результата, положимъ, нельзя надѣяться въ скоромъ времени, но припомнимъ, что контрактъ заключается на 30 лѣтъ, и что для города было бы выгодно продлить его еще на 10 лѣтъ.

Въ заключеніе еще одно замѣчаніе. Газовый контрактъ предоставляетъ монополію. Имъ будетъ связанъ городъ,—не только городское управленіе, но и всѣ обыватели. Одна изъ существенныхъ потребностей будетъ удовлетворяться на основаніи этого контракта. Въ продолженіи тридцати лѣтъ чувствительная часть расходовъ городскаго управленія и значительной части обывателей будетъ находиться въ зависимости отъ тѣхъ условій, которыя будутъ теперь приняты. По этому никакъ нельзя упускать изъ виду, что лица имѣющія теперь вліяніе на рѣшеніе этого дѣла будутъ нести на себѣ серіозную отвѣтственность передъ городскими жителями. Правда, что это дѣло тянулось долго, и можно пожалѣть о проволочкахъ; но тѣмъ не менѣе излишняя поспѣшность была бы здѣсь не на мѣстѣ. Дѣло идетъ не объ издержкѣ въ 75 т. р., которая для города Москвы не очень значительна. Дѣло идетъ о милліонномъ расходѣ обывателей и о поставленіи ихъ въ зависимость отъ монополіи. Всякое усиліе, клонящееся къ огражденію обывателей, будетъ въ послѣдствіи оцѣнено ими съ благодарностью, а каждое упущеніе подастъ поводъ къ справедливымъ сѣтованіямъ, которыя будутъ продолжаться не менѣе тридцати лѣтъ.

№ 117.

Москва, 26-го мая.

Въ преніяхъ британской верхней палаты, о которыхъ мы упоминали въ передовой статьѣ №115 *Московскихъ Вѣдомостей*, былъ между прочимъ затронутъ вопросъ, имѣющій нѣкоторое, хотя и отдаленное сходство съ возбужденнымъ теперь у насъ вопросомъ о бифуркаціи гимназическаго курса. Королевскіе коммиссары, изслѣдовавшіе состояніе публичныхъ школъ въ Англіи, высказали нѣсколько замѣчаній о необходимости сократить слишкомъ поощряемыя въ нѣкоторыхъ изъ нихъ упражненія въ сочиненіи греческихъ и латинскихъ стиховъ. На эти упражненія идетъ въ Англіи очень много времени. Учениковъ доводятъ иногда до такой ловкости, что они легко переводятъ Шекспира греческими стихами. Это уже не гимнастика, а волтижерство. Коммиссары полагаютъ, что слишкомъ широкое мѣсто представленное упражненіямъ этого рода вредитъ изученію даже древнихъ литературъ. Они полагаютъ, что можно совсѣмъ не дѣлать обязательнымъ писанія греческихъ и латинскихъ стиховъ, и совѣтуютъ ограничиться латинскими сочиненіями въ прозѣ, какъ обязательнымъ для всѣхъ учениковъ упражненіемъ. На этомъ основаніи они предлагаютъ, чтобы въ публичныхъ школахъ было дозволено ученикамъ, съ согласія своихъ родителей и воспитателей, отказываться отъ нѣкоторой части упражненій по древнимъ языкамъ (отъ латинскихъ и греческихъ стиховъ и отъ греческихъ сочиненій), съ тѣмъ чтобы посвящать больше времени новымъ языкамъ, математикѣ и физикѣ. Это была бы весьма умѣренная бифуркація, и притомъ допущенная, надобно признаться, съ чрезвычайною осмотрительностію. Просимъ читателей замѣтить, что воспитанники публичныхъ школъ получили бы право освобождаться отъ нѣкоторыхъ упражненій не по собственной волѣ, какъ нерѣдко бываетъ у насъ, и даже не съ согласія однихъ родителей, что̀ у насъ считается верхомъ осмотрительности, а съ согласія также воспитателей, то-есть тѣхъ лицъ, которыя слѣдятъ за занятіями учениковъ и сами принадлежатъ къ школѣ, — такъ-называемыхъ *туторовъ*. Эти лица, имѣвъ возможность въ продолженіи многихъ лѣтъ узнать способности и наклонности ученика, конечно скорѣе всѣхъ другихъ были бы въ состояніи выбрать для него тѣ занятія, которыя болѣе соотвѣтствуютъ его характеру. Но и при обоюдномъ согласіи какъ воспитателей, такъ и родителей, ученикъ могъ бы быть освобожденъ не вообще отъ древнихъ языковъ (этого и въ голову не

входитъ никому въ Англіи), а только отъ нѣкоторыхъ особенно трудныхъ и малополезныхъ упражненій по древнимъ языкамъ. Что̀, казалось бы, можетъ быть умѣреннѣе и разсудительнѣе? Это не выборъ факультета, предоставляемый четырнадцатилѣтнему мальчику; это не такой актъ, которымъ можетъ быть опредѣлена будущая карьера молодаго человѣка; это не болѣе какъ весьма незначительное измѣненіе въ программѣ ученія, и при томъ измѣненіе не отдаваемое даже на произволъ родителей, которые легко могутъ ошибиться въ своемъ сужденіи по вопросу педагогическому, а допускаемое лишь въ случаѣ согласія между родителями и воспитателями. Значеніе предполагаемой перемѣны уменьшено до такой степени, что нашимъ прогрессистамъ, которымъ море по колѣно, эта перемѣна должна показаться совершенно ничтожною; но тѣмъ не менѣе она окружена всѣми возможными гарантіями въ томъ, что дозволяемый шагъ не будетъ сдѣланъ неосмотрительно. И что же однако? Несмотря на всю ограниченность значенія предложенной мѣры, несмотря на всѣ обезпеченія противъ ошибки, которыми она окружена, она вызвала сильную оппозицію со стороны графа Стангопа, человѣка пользующагося высокимъ авторитетомъ по вопросамъ педагогическимъ.

По англійскимъ понятіямъ, школы должны зависѣть отъ родителей въ томъ отношеніи, что должны содержаться преимущественно на ихъ деньги. Такъ-называемыя публичныя среднія школы, то-есть училища, соотвѣтствующія нашимъ гимназіямъ, не получаютъ въ Англіи отъ государственной казны ни одного пенни. Онѣ содержатся на проценты съ пожертвованныхъ въ разныя времена капиталовъ, но главный источникъ ихъ доходовъ составляетъ плата за ученье. Въ этомъ отношеніи онѣ зависятъ отъ публики, и это очень полезно: плохія школы не могли бы существовать, потому что не имѣли бы воспитанниковъ. Для существованія, и тѣмъ болѣе для процвѣтанія школы, необходимо чтобъ она пользовалась доброю славой. Но на этомъ и останавливается вліяніе родителей на публичныя школы Англіи. Родители не имѣютъ никакого права вмѣшиваться во внутренніе распорядки публичной школы. Въ этомъ преимуществѣ собственно и состоитъ различіе между публичными школами и частными учебными заведеніями. Послѣднія, не имѣя самостоятельности, принуждены исполнять всѣ желанія родителей, разумныя точно также какъ не разумныя. Напротивъ, публичныя школы, благодаря своимъ богатымъ фундушамъ поставленныя независимо, сохраняютъ свободу отъ этихъ минутныхъ вліяній и имѣютъ возможность блюсти изъ вѣка въ вѣкъ педагогическое преданіе. Графъ Стангопъ указалъ на этотъ характеръ англійскихъ публичныхъ школъ и выразилъ опасеніе, что предоставивъ родителямъ хотя и небольшое вліяніе на планъ ученья, парламентъ ослабитъ различіе существующее теперь между публичными и частными школами. Кромѣ того, этотъ перъ указалъ на вредныя послѣдствія бифуркаціи даже въ томъ случаѣ, когда выборъ отдѣла не бываетъ ошибоченъ и вполнѣ соотвѣтствуетъ натурѣ ученика. Эти вредныя послѣдствія состоятъ въ томъ, что ученикъ, зная что впереди предстоитъ ему выборъ отдѣла, невольно дѣлаетъ этотъ выборъ заранѣе въ своихъ мысляхъ, такъ что хотя по закону выборъ и будетъ зависѣть отъ единогласнаго рѣшенія родителей и воспитателей, но на практикѣ, его еще прежде сдѣлаетъ самъ мальчикъ, за нѣсколько лѣтъ до срока допускаемаго закономъ, въ такое время когда никакой опытный педагогъ не въ состояніи еще опредѣлить будущее развитіе и направленіе способностей мальчика. Вообще противъ бифуркаціи графъ Стангопъ высказался такъ: „Ничего не можетъ быть не разумнѣе, какъ начинать занятія, имѣя въ виду что они будутъ прерваны по достиженіи извѣстной мѣры успѣха? Если ученики будутъ останавливаемы въ классическихъ упражненіяхъ въ ту самую минуту когда начнутъ оказывать въ нихъ успѣхи, то не лучше ли вовсе не начинать классическихъ занятій?“ Съ этимъ замѣчаніемъ нельзя не согласиться. Дѣйствительно, лучше вовсе не вводить древнихъ языковъ въ гимназіи, чѣмъ не доводить занятій ими до конца. Что-нибудь одно изъ двухъ: учить древнимъ языкамъ либо полезно, либо безполезно. Если безполезно, то не надобно и начинать ученія. Если же полезно, то нечего выторговывать, нельзя ли какъ-нибудь научить поменьше. Надобно научить какъ слѣдуетъ, то-есть выучить.

Интересны также замѣчанія графа Стангопа о способѣ управленія публичными

школами. Коммиссары предложили, чтобы при главномъ учителѣ, т.-е. по нашему директорѣ школы (head-master), состоялъ совѣтъ изъ учителей (assistant masters), для пособія директору. Такихъ совѣтовъ въ Англіи до сихъ поръ не существовало, и предложеніе коммиссіи встрѣчено многими возраженіями. „Такой совѣтъ, замѣчаетъ графъ Стангопъ, подобно всѣмъ законодательнымъ собраніямъ, скоро раздѣлится на партіи, и когда ученики узнаютъ, — а узнаютъ они непремѣнно, — что такіе-то учители на одной сторонѣ, а другіе на другой, то ихъ довѣріе и уваженіе къ центральному авторитету уменьшится. Епископъ, который былъ много лѣтъ директоромъ одной большой публичной школы, говорилъ мнѣ, что во все продолженіе своего директорства онъ не имѣлъ ни разу неудовольствій ни съ кѣмъ изъ учителей, но что тѣмъ не менѣе, еслибы учрежденіе педагогическихъ совѣтовъ было рѣшено въ понедѣльникъ, то во вторникъ онъ подалъ бы просьбу объ увольненіи. Есть огромное различіе между добровольнымъ совѣщаніемъ директора съ своими помощниками и между подчиненіемъ директора совѣту состоящему изъ его помощниковъ и постановляющему рѣшенія, которымъ онъ обязанъ повиноваться. Теперь нашъ директоръ можетъ быть сравненъ съ монархомъ, котораго власть естественно ограничена. Берегитесь сдѣлать изъ него нѣчто въ родѣ венеціянскаго дожа.“

№ 118.

Москва, 27-го мая.

А.

„Кавказская война окончена,“ пишетъ Великій Князь Намѣстникъ: „отнынѣ не осталось болѣе на Кавказѣ ни одного непокорнаго племени.“ Радостная вѣсть! Новая славная страница въ лѣтописяхъ нынѣшняго царствованія, новый блистательный успѣхъ, которымъ Богъ благословляетъ его!

Припомнимъ, что съ Кавказомъ соединяются древнѣйшія преданія Греціи, начавшей исторію Европы и положившей первыя основанія европейскаго образованія и гражданственности. Припомнимъ также, что съ Кавказомъ же соединяются и нѣкоторыя воспоминанія изъ древнѣйшаго періода русской исторіи, — изъ періода кіевской Руси, когда впервые явился на свѣтъ русскій народъ и Русская земля, Кавказъ, классическая Колхида, страна золотаго руна, куда ходили герои перваго полумиѳическаго предпріятія вступавшей въ историческую жизнь Европы, былъ также знакомъ и нашимъ богатырямъ, которые добирались до него еще на зарѣ нашей исторической жизни. Удалые князья кіевской Руси, намѣтившіе копьемъ своимъ границы Русской земли, не забыли Кавказа. Что̀ было намѣчено кіевскою Русью въ ту первую пору, то все или почти все пріобрѣлъ или возвратилъ себѣ русскій народъ послѣ многихъ невзгодъ и испытаній, въ которыхъ дробилась его область, и самъ онъ разрывался на части и подвергался иноплеменному игу. За Русскою землей утвердился какъ ея неотъемлемая принадлежность, какъ ея кровное достояніе, и Кавказъ. Но какъ продолжительна была борьба за обладаніе этимъ краемъ, обладаніе, которое было для Россіи необходимостію и обязанностію относительно присоединившейся къ ней Грузіи! И только вчерашній день принесъ намъ извѣстіе, что это тяжкое дѣло совсѣмъ окончено, что русское владычество на Кавказѣ нигдѣ уже не оспаривается, что его вершины и долы стали безспорною частію Русской земли.

Завоеваніе Кавказа есть одно изъ тѣхъ историческихъ предопредѣленій, которыя совершаются помимо человѣческихъ разчетовъ, иногда даже вопреки имъ. Задолго до Ольги и Владиміра христіянство принесено было на кавказское прибрежье и въ Закавказье изъ Греціи. На восточномъ берегу Чернаго моря до сего времени еще существуютъ христіанскіе храмы, основанные въ VI вѣкѣ. Съ упадкомъ духовной метрополіи, христіянство слабѣло на Кавказѣ, забывалось среди окружавшаго его язычества и, наконецъ, вовсе исчезло. Оно сохранилось только въ Арменіи и Грузіи, и оно стало первою связью, которая соединила судьбу этихъ странъ съ Россіей. Арменія пала, но Грузія долго сохраняла свою самостоятельность. Окруженная Турками, Персіянами и горскими племенами, страна эта вела самое бѣдственное существованіе. Въ глубинѣ почти непроходимыхъ лѣсовъ Грузіи, гдѣ плющъ и дикій виноградникъ на каждомъ шагу останавливаютъ путника, на верхушкахъ уединенныхъ скалъ, торчатъ развалины старинныхъ ба-

шенъ и монастырей: это убѣжища, въ которыя Грузины спѣшили укрывать свои семейства, когда дикіе Лезгины спускались съ своихъ горъ, или когда налетали съ юга орды Персіянъ и Турокъ. Къ этимъ бѣдствіямъ, приходившимъ извнѣ, присоединялись внутренніе раздоры, отложеніе сильныхъ вассаловъ, Дадіановъ, Эристовыхъ, Гуріелей; государство нѣкогда значительное и обширное, простиравшееся отъ Чернаго до Каспійскаго моря и отъ Аракса до Кубани, распалось на нѣсколько мелкихъ частей.

Тогда-то начинаются первыя сношенія Грузіи съ Россіею. Не имѣя еще возможности оказать ей матеріальную помощь противъ враговъ, цари московскіе высылали богатыя „милостыни" въ ея церкви, а между тѣмъ русскіе выходцы начинали селиться на Терекѣ. „Пятигорскіе Черкасы" принимаютъ участіе въ нашихъ войнахъ, и князья ихъ начинаютъ появляться при московскомъ дворѣ. Время и благопріятныя обстоятельства усиливали наше положеніе на Кавказѣ. На Терекѣ явились царскіе воеводы, и грузинскіе цари уже прямо искали покровительства и помощи Россіи. Во время Дербентскаго похода Грузія предложила Петру свое подданство; благоразуміе заставило однакожь отказаться отъ этого; даже Екатерина II ограничилась только ролью покровителя въ отношеніи къ Грузіи и послала туда небольшой отрядъ подъ начальствомъ генерала Тотлебена. Полное принятіе подданства Грузіи послѣдовало лишь въ 1800 году, по настоянію царя Георгія VIII.

Съ этого же времени начинается почти безпрерывная война наша на Кавказѣ, — война, имѣвшая первоначально цѣлію обезопасить новое пріобрѣтеніе за Кавказомъ, но мало-по-малу, роковымъ образомъ, принявшая болѣе широкіе размѣры, и вынудившая насъ постепенно приводить къ покорности всѣ многочисленныя племена обитающія въ горахъ.

Итакъ, исторія свидѣтельствуетъ, что если сношенія наши съ Кавказомъ окончились завоеваніемъ, то начались они добровольнымъ призваніемъ нашего покровительства. Да, Грузія кажется не имѣетъ никакого повода считать себя завоеванною провинціей. Она протягивала къ намъ руку, — мы ее приняли. Мы вступили въ Тифлисъ, когда подъ стѣнами этого города не было никакой безопасности; теперь во всемъ Закавказьи господствуетъ почти такой же миръ какъ и во внутреннихъ губерніяхъ Россіи. Съ другой стороны, въ рядахъ людей оказавшихъ славныя услуги Россіи, въ рядахъ самыхъ ревностныхъ патріотовъ Русской земли, встрѣчаемъ мы не мало грузинскихъ именъ. Армія наша гордится славными именами Цицianова, Багратіона и другихъ полководцевъ.

Кавказъ умиротворенъ. Дѣло оружія кончено; теперь начинается дѣло гражданственности. Кавказъ долженъ быть связанъ съ прочими владѣніями русскаго царства не одною желѣзною государственною необходимостію, но и золотою цѣпью взаимныхъ интересовъ возникающихъ изъ свободнаго развитія жизни и цивилизаціи.

И теперь, когда война на Кавказѣ окончена, когда ни одного враждебнаго племени уже не гнѣздится въ его ущельяхъ, когда мирному труду и цивилизаціи открывается здѣсь безпрепятственное и безопасное развитіе и когда обладаніе имъ не будетъ уже стоить страшныхъ усилій и кровавыхъ жертвъ, можно смѣло надѣяться, что этотъ благодатный край сполна вознаградитъ Россію за всѣ ея усилія и жертвы. Покоясь между двумя морями, обладая неистощимыми естественными богатствами и климатомъ, соотвѣтствующимъ климату южной Европы, этотъ край, при благопріятныхъ условіяхъ, станетъ однимъ изъ обильнѣйшихъ источниковъ благосостоянія для нашего великаго отечества, однимъ изъ могущественнѣйшихъ элементовъ того всемірнаго значенія, которое должно принадлежать ему.

Окончательное умиротвореніе Кавказа служитъ новымъ предвѣстіемъ, что центръ тяжести Россіи, который вслѣдствіе исторической, уже миновавшей необходимости, былъ перенесенъ на сѣверъ, — теперь, силою новыхъ открывающихся передъ нею судебъ, долженъ будетъ, волею или неволею, передвинуться къ югу, — туда гдѣ онъ былъ первоначально, когда началась русская земля, и когда европейская Россія имѣла почти тѣ же границы что̀ и нынѣ, — туда гдѣ сосредоточены древнѣйшія воспоминанія нашего народа, гдѣ онъ впервые былъ призванъ къ исторической жизни, гдѣ находитъ онъ священные символы своего внутренняго, свободнаго единенія.

Кстати упомянемъ здѣсь о недавнемъ разговорѣ, происходившемъ въ британской палатѣ лордовъ касательно Кавказа. Въ засѣданіи 2-го іюня лордъ Стратфордъ де-

Редклифъ сдѣлалъ запросъ государственному секретарю иностранныхъ дѣлъ о положеніи кавказскихъ горцевъ, рѣшившихся на добровольное выселеніе вслѣдствіе успѣховъ русскаго оружія. Онъ спрашивалъ не можетъ ли правительство сообщить палатѣ какихъ-либо свѣдѣній относительно мѣръ, принятыхъ Россіею для облегченія участи этихъ несчастныхъ, а равно и о распоряженіяхъ турецкаго правительства. Графъ Россель отвѣчалъ, что онъ желалъ бы имѣть возможность сообщить палатѣ всѣ требуемыя свѣдѣнія, но можетъ сказать только то, что подробности относящіяся къ переселенію горцевъ—дѣло весьма печальнаго свойства, и что при этомъ было совершено не мало жестокостей. Графъ Россель ничего не присовокупилъ въ объясненіе, съ чьей стороны произошли эти жестокости, — со стороны ли Россіи, которая облегчала всѣми способами переселеніе этихъ людей, добровольно стремившихся изъ своей родины въ единовѣрную Турцію, или со стороны Турціи, гдѣ эти несчастные дѣйствительно гибнутъ отъ голода и всякихъ бѣдствій. Впрочемъ понятно куда мѣтятъ подобные запросы, и что они значатъ, — и мы бы, въ свою очередь, слѣдуя примѣру, который подаютъ намъ обѣ палаты британскаго парламента, могли бы спросить, въ какомъ положеніи переселяются ежегодно многія тысячи мирныхъ семействъ съ береговъ Ирландіи въ далекую Америку, и отпускаетъ ли британское правительство какія-либо суммы для облегченія участи этихъ невинныхъ людей.

Б.

Засѣданіе здѣшней Общей Думы 11-го мая служитъ наилучшимъ доказательствомъ того, какимъ случайностямъ могутъ подвергаться рѣшенія многочисленнаго собранія, состоящаго изъ разнородныхъ элементовъ, если вопросы подвергающіесе его обсужденію не поставлены надлежащимъ образомъ, и какъ необходимо въ подобномъ собраніи твердое и просвѣщенное руководительство въ преніяхъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что большинство гласныхъ, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ, было одушевлено самыми лучшими желаніями, и, несмотря на то, Дума приняла рѣшеніе, противорѣчащее ея собственнымъ, ею самою заявленнымъ видамъ. Нельзя не пожалѣть, что предсѣдатель счелъ нужнымъ не допускать преній объ общихъ основаніяхъ вопроса и разбилъ его на отдѣльные пункты, изъ которыхъ каждый могъ быть удовлетворительно обсужденъ только въ связи съ другими и въ виду общихъ основаній вопроса; но, съ другой стороны, общее обсужденіе могло бы только безъ пользы затянуть и запутать дѣло, которое предположено рѣшить въ одно засѣданіе, вмѣстѣ съ другими заготовленными къ этому засѣданію дѣлами. При данныхъ обстоятельствахъ вся забота о постановкѣ вопроса падала на большинство коммиссіи, которое представило докладъ; на него падаетъ и отвѣтственность за неудовлетворительное рѣшеніе Думы по дѣлу литературнаго свойства, слишкомъ чуждаго большинству собранія, состоящаго изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ.

Что̀ вышло? Дума предполагала принять мѣру въ интересахъ гласности, а между тѣмъ приняла такую, которая, по самой сущности своей, противна этимъ интересамъ. Она присудила дать монополію сообщенія своихъ официяльныхъ извѣстій частному изданію, а, какъ извѣстно, монополія ведетъ къ ограниченію и стѣсненію, отнюдь не къ расширенію. Дума предполагала дать совершенно отдѣльное существованіе своимъ извѣстіямъ, и вопреки этому предположенію, совершенно связала ихъ съ чужимъ изданіемъ, не имѣющимъ съ Думою ничего общаго.

Туманъ, лежавшій на этомъ вопросѣ для большинства гласныхъ, не помѣшалъ имъ почувствовать неправильность совмѣщенія въ одномъ изданіи двухъ характеровъ,— офиціяльнаго органа общественнаго управленія и независимаго органа частныхъ лицъ. Дума, вслѣдствіе этого, руководствуясь вѣрнымъ инстинктомъ, постановила въ своемъ приговорѣ, чтобъ офиціяльная часть изданія была *совершенно отдѣлена* отъ части неофиціяльной, другими словами, чтобъ офиціяльныя извѣстія по городскому управленію были совершенно отдѣлены отъ „руководящихъ статей“ и прочихъ статей, которыя должны входить въ составъ предполагаемаго въ Москвѣ гг. Щепкинымъ и Корсакомъ *Городскаго Листка*. Совершенно отдѣлить офиціяльныя извѣстія Думы значитъ издавать ихъ отдѣльно по особой подпискѣ, что̀ и предлагали члены меньшинства коммиссіи, и на чемъ весьма основательно настаивали нѣкоторые изъ прочихъ гласныхъ, принимавшихъ участіе въ

преніяхъ. Г. Мильгаузенъ указывалъ на коренную несообразность изданія, которое въ одной своей части служило бы офиціяльнымъ органомъ общественнаго управленія, а въ другой излагало бы собственныя мнѣнія не зависящей отъ Думы редакціи. Г. Гончаровъ представлялъ на видъ необходимость особой подписки для офиціяльныхъ извѣстій. Дѣйствительно, только особая подписка, то-есть возможность полученія извѣстій Думы независимо отъ какой бы то ни было газеты, можетъ дать имъ самостоятельное существованіе и обезпечить *совершенную отдѣльность* ихъ отъ направленій и мнѣній, не находящихся ни въ какой солидарности съ Думою. Но такъ какъ основанія вопроса не были достаточно обдуманы, и вопросъ для собранія гласныхъ не былъ правильно поставленъ, то въ приговорѣ Думы оказывается внутреннее противорѣчіе, которое дѣлаетъ его неудобоисполнимымъ. Дума желаетъ, чтобъ ея офиціяльныя извѣстія были „совершенно отдѣлены" отъ тѣхъ статей, которыя будутъ издавать гг. Щепкинъ и Корсакъ, подъ своею „исключительною отвѣтственностію", и въ то же время Дума постановила ходатайствовать у правительства о разрѣшеніи ей офиціяльно печатать свои документы въ частномъ изданіи гг. Щепкина и Корсака. Въ какое затруднительное положеніе Дума ставитъ правительство! Удовлетворяя одному изъ ея желаній, оно по необходимости должно будетъ отказать ей въ другомъ, потому что оба они несовмѣстимы, и исполненіе одного значитъ неисполненіе другаго. Всякій можетъ понять, что печатать офиціяльные документы городскаго управленія въ предполагаемомъ частномъ изданіи не значило бы *совершенно отдѣлить* ихъ, а напротивъ значило бы *совершенно соединить* ихъ съ нимъ. Линейка, которая разграничиваетъ матеріи печатаемыя въ одномъ и томъ же листкѣ, принадлежитъ къ типографской техникѣ; какъ бы ни была она велика и толста, она не отдѣляетъ въ дѣйствительности одну часть страницы отъ другой, и служитъ только типографскимъ способомъ разграниченія того что на дѣлѣ связано неразрывно. Можно ли допустить, чтобы Дума, постановившая рѣшеніе о совершенномъ отдѣленіи своихъ офиціяльныхъ извѣстій, имѣла въ виду только типографскую линейку? Подобная техническая подробность подразумѣвается сама собою, и отнюдь не требуетъ общественнаго приговора или правительственнаго постановленія.

Чтобы разрѣшить это странное противорѣчіе и согласить желанія Думы, остается толковать приговоръ ея въ томъ смыслѣ, что она предоставляетъ гг. Щепкину и Корсаку право первоначально, изъ первыхъ рукъ, печатать извѣстія, относящіяся къ городскому управленію, но печатать ихъ совершенно отдѣльно, такъ чтобъ они имѣли самостоятельное существованіе, т.-е. могли быть получаемы желающими и отдѣльно отъ неофиціяльнаго листка гг. Щепкина и Корсака. Лишь особая подписка, какъ справедливо замѣтилъ г. Гончаровъ, можетъ отдѣлить офиціяльный отдѣлъ *Городскаго Листка* отъ неофиціяльнаго, и поставить извѣстія Думы въ надлежащую независимость отъ частнаго изданія. Это избавило бы Думу отъ странной возлагаемой на нее роли обязательно распространять мнѣнія, которыя не находятся съ нею ни въ какой связи, и за которыя она не принимаетъ на себя отвѣтственности передъ публикой. Въ самомъ дѣлѣ, какое право имѣетъ Дума навязывать публикѣ мнѣнія и сужденія, и которыя она отказывается признавать своими? Городское управленіе есть общее дѣло; желать знать что происходитъ въ Думѣ и въ разныхъ городскихъ учрежденіяхъ естественно всякому московскому обывателю. Но не всякій непремѣнно обязанъ знать что думаютъ по тому или другому предмету такія-то лица. Всякому должно быть предоставлено право читать или не читать ихъ мнѣнія, получать или не получать ихъ „неофиціяльный отдѣлъ." Документы, относящіеся къ дѣятельности Думы и городскаго управленія, суть факты, которые можно одобрять или не одобрять, но которыхъ нельзя не принимать къ свѣдѣнію. Для многихъ знаніе этихъ фактовъ обязательно и необходимо. Какое же право имѣетъ Дума заставлять городскихъ обывателей или вообще людей интересующихся городскимъ управленіемъ Москвы, читать листокъ, за достоинство и направленіе котораго Дума не отвѣчаетъ, отъ солидарности съ которымъ она отрекается,—и не только читать, но еще платить за него деньги? Направленіе частнаго изданія, мнѣнія, которыя въ немъ высказываются, могутъ быть однимъ пріятны, а другимъ не пріятны,—за что же тѣ, которымъ они непріятны, должны покупать ихъ, и хранить вмѣстѣ съ документами

общественнаго управленія? Не противорѣчитъ ли это самымъ элементарнымъ условіямъ свободы мнѣній и простому чувству справедливости? Всякое порядочное изданіе, находящееся въ рукахъ способныхъ и дѣльныхъ, имѣетъ непремѣнно свой цвѣтъ, свое направленіе: на какомъ же основаніи, по какому праву, общественное управленіе города Москвы будетъ давать форсированный ходъ какому-либо взгляду, какому-либо опредѣленному направленію, за которое оно не принимаетъ на себя отвѣтственности? Гласные Думы обязаны слѣдить за городскимъ управленіемъ; принадлежа къ самымъ разнороднымъ слоямъ общества, не всѣ одинаково приготовленные къ разумѣнію болѣе или менѣе сложныхъ общественныхъ вопросовъ, не всѣ одинаково самостоятельные въ образѣ своихъ мыслей и сужденіяхъ, они принуждены были бы имѣть въ своихъ рукахъ листокъ, гдѣ, выше или ниже поставленной наборщикомъ линейки, имъ пришлось бы читать разныя „руководящія" статьи: не естественно ли, что многіе изъ нихъ, волею или неволею, сознательно или безсознательно, будутъ подчиняться вліянію читаемаго и будутъ подавать свои голоса въ ту сторону, куда укажетъ имъ руководство газеты? Печатное слово имѣетъ огромное вліяніе въ способныхъ рукахъ; это самое могущественное орудіе въ дѣлахъ общественныхъ: пусть же оно дѣйствуетъ своею собственною силой, которая достаточно велика; пусть оно само прокладываетъ себѣ пути и овладѣваетъ умами; оно обладаетъ для этого естественно принадлежащими ему средствами: зачѣмъ же употреблять еще искусственныя или принудительныя средства, для того чтобы давать ему ходъ и форсировать его дѣйствіе? Искусственное преобладаніе, сообщаемое какому-либо мнѣнію или направленію, всегда оказываетъ вредное дѣйствіе: это понятно и для здраваго смысла, и это достаточно доказано историческимъ опытомъ другихъ народовъ, которымъ мы, вступающіе въ новую для насъ сферу общественной жизни, должны пользоваться. Сужденію Думы подлежатъ часто дѣла имѣющія особенную важность,—дѣла, отъ которыхъ зависитъ или благосостояніе города или какіе-нибудь значительные частные интересы: за что же будетъ предоставлена какимъ-либо лицамъ особая привилегія и льгота предрасполагать гласныхъ къ тому или другому рѣшенію какого-либо значительнаго интереса и важнаго общественнаго вопроса?

Листокъ спеціально посвященный городскимъ дѣламъ будетъ естественно имѣть всѣ шансы успѣха въ кругу людей, интересующихся этими дѣлами, если только онъ будетъ находится въ рукахъ трудолюбивыхъ и способныхъ. Пусть же онъ пользуется авторитетомъ, основаннымъ на добросовѣстности, своей редакціи, на достоинствѣ мнѣній, которыя будутъ въ немъ высказываться, на соотвѣтствіи его потребностямъ дѣла и интересамъ публики. Нѣтъ надобности ослаблять этотъ законный и честный авторитетъ сообщеніемъ ему фальшивой обязанности; нѣтъ надобности тянуть его на буксирѣ офиціяльныхъ документовъ, не давая ему идти своимъ естественнымъ ходомъ.

Г. Погодинъ распространялся въ засѣданіи Думы о пользѣ листка съ двойственымъ характеромъ; онъ говорилъ о гласности, о необходимости разработки общественныхъ вопросовъ въ печати, о важности независимыхъ мнѣній, и при этомъ ссылался на англійскій парламентъ и приводилъ въ примѣръ обстоятельства, сопровождавшія въ Англіи отмѣну пошлины на бумагу. Но еслибы ораторъ дѣйствительно желалъ разъяснить вопросъ, то онъ напомнилъ бы слушателямъ; что въ Англіи, на которую онъ ссылался, совершенно невозможно что-либо подобное тому, что защищалъ онъ, что англійскій парламентъ, а также и никакое другое представительное собраніе въ свѣтѣ не имѣетъ и не можетъ имѣть ничего похожаго на такой двусмысленный органъ, который онъ рекомендовалъ Московской Думѣ. Гласность состоитъ не въ томъ, чтобы связать общественное управленіе съ какимъ-нибудь частнымъ предпріятіемъ, а въ томъ, чтобъ открыть для публики всѣ акты управленія и предоставить каждому свободно обсуждать всѣ относящіеся къ нему вопросы, не вмѣшиваясь въ борьбу частныхъ мнѣній, и не поддерживая искусственно одни на счетъ другихъ. Г. Погодинъ почему-то заблагоразсудилъ упомянуть объ отмѣнѣ пошлины на бумагу въ Англіи; онъ возвѣстилъ своимъ почтеннымъ слушателямъ, что эта мѣра круглый годъ обсуждалась въ этой странѣ, гдѣ, какъ извѣстно, нѣтъ *полуофиціяльныхъ* изданій: что жь изъ этого слѣдуетъ? слѣдуетъ ли изъ этого то, чтобы Дума создала полуофиціяльное изданіе? Изъ того, что въ Думѣ есть много членовъ молчащихъ и понимающихъ дѣло,

и есть, наоборотъ, члены не воздержные на слово и не понимающіе дѣла, или понимающіе его криво, слѣдуетъ ли что-нибудь въ пользу защищаемой имъ мѣры, которая клонится къ тому, чтобы на буксирѣ оффиціяльныхъ актовъ проводить частныя мнѣнія?

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что полуофиціяльный городской листокъ не будетъ правильнымъ органомъ общественнаго мнѣнія; что онъ станетъ органомъ нѣкоторыхъ вліятельныхъ людей въ Думѣ или городскомъ управленіи, которые на буксирѣ оффиціяльныхъ извѣстій будутъ преводить по каждому вопросу свое мнѣніе. Ничего дурнаго нельзя видѣть въ томъ, что вліятельные люди, заинтересованные дѣлами, хотятъ поддерживать и усиливать свое вліяніе на дѣла и руководить ихъ въ томъ смыслѣ, который съ ихъ точки зрѣнія кажется наилучшимъ. Но пусть люди, желающіе имѣть вліяніе, пріобрѣтаютъ или поддерживаютъ его собственными усиліями и на собственный счетъ. Въ Англіи, на которую такъ не кстати сослался краснорѣчивый ораторъ Думы, такъ точно и дѣлается. Тамъ каждая партія, каждая группа интересовъ своими средствами, на собственное ождивеніе, содержитъ свои органы и тѣмъ поддерживаетъ свое вліяніе на открытой для всѣхъ аренѣ. Тамъ никому въ голову придти не можетъ блажная мысль проводить свои мнѣнія на общественный счетъ или въ силу чуждаго имъ авторитета. Между лицами, которыя съ особеннымъ усердіемъ поддерживали въ коммиссіи Думы предложеніе гг. Щепкина и Корсака, есть значительные капиталисты, которые могли бы дать прочное обезпеченіе сочувственному имъ предпріятію, войдя къ нему въ долю: кто не согласится, что это было бы во всѣхъ отношеніяхъ несравненно лучше чѣмъ эксплуатировать карманы читателей и захватывать въ свои руки авторитетъ городскаго управленія, благодаря неясности существующихъ у насъ понятій о дѣлахъ печати?

Одинъ изъ гласныхъ сослался въ засѣданіи Думы на примѣръ министерства финансовъ, которое въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ* имѣетъ такой же двусмысленный, или офиціяльно-неофиціяльный органъ, какой большинство коммиссіи пользъ и нуждъ общественныхъ предложило Думѣ. На этотъ же и подобные примѣры ссылается и докладъ коммиссіи, подкрѣпляя авторитетомъ правительственнаго вѣдомства свое предложеніе. Вотъ какъ заразительны примѣры! Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ аргументъ имѣлъ особенную силу во мнѣніи почтенныхъ „молчащихъ“ членовъ, составляющихъ большинство собранія гласныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, о чемъ и толковать, если такъ водится въ правительственныхъ вѣдомствахъ? Но гораздо основательнѣе было бы указать на то, что правительство наше совершаетъ преобразованія, которыя открываютъ новые горизонты для нашей общественной жизни и призываютъ къ дѣйствію новыя, не дѣйствовавшія доселѣ силы; справедливѣе и полезнѣе было бы имѣть въ виду эти новыя лучшія условія предначинаемаго нашимъ правительствомъ порядка, нежели ссылаться на разныя неправильныя явленія, вынужденныя случайными обстоятельствами, которыхъ время проходитъ. Замѣчательно, что въ то самое время, когда въ Думѣ ссылались на *Биржевыя Вѣдомости*, какъ на образецъ, данный общественному управленію самимъ правительствомъ, министерство финансовъ, по свѣденіямъ, дошедшимъ до насъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, рѣшило положить конецъ этому фальшивому и неправильному явленію. Было бы очень жаль, если бы начинающееся у насъ общественное управленіе пошло раковымъ ходомъ, и принялось заводить у себя тѣ порядки, которые отмѣняются правительственными вѣдомствами, какъ несправедливые и неправильные. Теперь вліятельные члены Городской Думы будутъ проводить свои мнѣнія подъ прикрытіемъ офиціяльныхъ извѣстій городскаго управленія; завтра прибѣгнутъ къ тому же способу вліятельные люди въ ожидаемыхъ земскихъ собраніяхъ. Вотъ почему считаемъ мы долгомъ протестовать противъ подобныхъ явленій, вносящихъ фальшивое начало въ начинающееся у насъ дѣло независимой печати и общественнаго мнѣнія. Вотъ почему мы сочли своимъ долгомъ высказаться и въ настоящемъ случаѣ. Само по себѣ препріятіе гг. Щепкина и Корсака не только не могло бы возбудить какой-либо протестъ съ нашей стороны, напротивъ оно было бы, и будетъ, встрѣчено нами съ полнымъ сочувствіемъ. Мы хорошо понимаемъ важность и пользу спеціяльныхъ изданій по предметамъ общественныхъ интересовъ, и совершенно увѣрены въ добросовѣстности и способности обоихъ поименованныхъ лицъ; еще болѣе мы имѣемъ достаточное основаніе думать

что они своими личными качествами и здравыми экономическими началами, которыхъ держатся, могутъ до нѣкоторой степени заставить забыть неправильность того принципа, который полагается въ основаніе задуманному ими изданію. Если допускается какое-либо неправильное и фальшивое начало, то остается желать, чтобъ оно искупалось или умѣрялось личными свойствами людей, чрезъ которыхъ будетъ дѣйствовать. Но при оцѣнкѣ общественныхъ фактовъ, нельзя не обращать вниманія на тѣ начала, которыя находятся въ ихъ основаніи и которыя могутъ сдѣлать ихъ вредными примѣрами для будущаго. Ссылались же теперь въ московской Думѣ на министерство финансовъ и на *Биржевыя Вѣдомости*; другія думы будутъ ссылаться на примѣръ московской, а будущія земскія учрежденія на примѣръ городскаго управленія. Что однажды войдетъ въ обычай, отъ того трудно отдѣлываться.

№ 119.

Москва, 29-го мая.

Въ апрѣльской книжкѣ ежемѣсячнаго изданія *Baltische Monatsschrift* помѣщена интересная корреспонденція изъ Лифляндіи объ устройствѣ и составѣ собраній, носящихъ въ остзейскихъ губерніяхъ названіе *Landtag*, земскій сеймъ (хотя они состоятъ почти исключительно изъ дворянъ). Въ Лифляндіи и Эстляндіи бо́льшая часть членовъ этихъ собраній засѣдаютъ по личному праву, и потому лифляндскій и эстляндскій сеймы довольно многолюдны. Въ Курляндіи, напротивъ, сеймъ состоитъ изъ представителей избираемыхъ дворянами по приходамъ; впрочемъ и сами избиратели имѣютъ право по временамъ собираться въ губернскомъ городѣ и замѣнять собой сеймъ представителей. Это общее собраніе всѣхъ избирателей созывалось только однажды въ нынѣшнемъ столѣтіи, именно въ прошломъ году. Оно носитъ сохранившееся изстари, оригинальное и вмѣстѣ привлекательное имя „братскаго совѣщанія" (brüderliche Conferenz). Корреспондентъ *Baltische Monatsschrift* находитъ, что курляндское устройство гораздо лучше чѣмъ лифляндское и эстляндское, и этимъ объясняетъ сравнительно бо́льшую удовлетворительность совѣщаній курляндскаго сейма. „Каждый непредубѣжденный, сказано въ *Baltische Monatsschrift*, будетъ ожидать лучшей и въ особенности болѣе послѣдовательной дѣятельности отъ собранія менѣе многолюднаго, которое уповательно заключало бы въ себѣ отборныя и наиболѣе зрѣлыя силы нашего дворянства, нежели отъ массы колеблющейся и слишкомъ доступной минутнымъ вліяніямъ. Вмѣсто теперешнихъ непредвидѣнныхъ рѣшеній, въ земской политикѣ будетъ тогда система и преданіе." Лифляндскій корреспондентъ *Baltische Monatsschrift* высказывается въ пользу выборныхъ собраній, какъ регулярнаго средства отправленія дѣлъ, и допускаетъ общее собраніе членовъ подающихъ голосъ по личному праву только въ экстренныхъ случаяхъ, когда предстоитъ не рѣшеніе дѣлъ, а выраженіе мнѣнія объ общихъ началахъ. Отдавая такимъ образомъ преимущество курляндскому устройству, корреспондентъ не совѣтуетъ подражать ему только въ одномъ,—именно въ обычаѣ давать инструкціи представителямъ приходовъ. „Эти инструкціи, или мандаты, даваемые избирателями, говоритъ онъ, усложняютъ дѣло, препятствуютъ живому сближенію мнѣній на сеймѣ и уменьшаютъ значеніе уполномоченнаго, такъ что избиратели не имѣютъ надобности высылать на сеймъ наиболѣе способнаго изъ своей среды человѣка." Отмѣну инструкцій или мандатовъ онъ предлагаетъ также подъ вліяніемъ своего общаго взгляда на предпочтительность выборныхъ собраній. Въ Курляндіи обычныя совѣщанія происходили доселѣ въ двоякихъ собраніяхъ — приходскихъ и губернскихъ; въ первыхъ голосъ былъ основанъ на личномъ правѣ; во вторыхъ — на выборѣ. Но обычай давать инструкціи ставилъ губернскія собранія въ зависимость отъ приходскихъ, то-есть давалъ перевѣсъ собраніямъ личнымъ надъ собраніемъ выборнымъ. Съ отмѣной инструкцій, въ приходскихъ собраніяхъ прекратились бы совѣщанія, и эти собранія сдѣлались бы не болѣе какъ простыми избирательными съѣздами. Выборное начало получило бы бо́льшій чѣмъ нынѣ перевѣсъ надъ началомъ личнымъ, которое осталось бы въ полной силѣ только въ экстренныхъ „братскихъ совѣщаніяхъ."

Таково въ сущности мнѣніе лифляндскаго корреспондента *Baltische Monatsschrift*. Онъ не хочетъ совершенно устранять личное начало; онъ оставляетъ его въ силѣ

для экстренныхъ „братскихъ совѣщаній.“ Но для регулярныхъ собраній онъ предлагаетъ выборное начало и совѣтуетъ дать ему въ остзейскихъ губерніяхъ гораздо большее противъ теперешняго развитіе. Онъ полагаетъ, что Лифляндія и Эстляндія должны заимствовать это начало у Курляндіи, но не довольствуется и этимъ: курляндское выборное начало, распространенное на Лифляндію и Эстляндію, должно быть, по его мнѣнію, еще усилено отмѣной инструкцій.

Какъ ни смѣлы эти предложенія, они все-таки гораздо осмотрительнѣе чѣмъ замыслы нашего ложнаго либерализма совсѣмъ распроститься съ личнымъ началомъ въ мѣстномъ самоуправленіи. Считаемъ нужнымъ указать на это различіе, говорящее въ пользу остзейскаго публициста. Онъ предлагаетъ большую ломку, но все-таки обнаруживаетъ нѣкоторое уваженіе къ существующему. Онъ не стоитъ за сословную исключительность; онъ высказывается въ пользу соединенія дворянства съ горожанами въ общихъ собраніяхъ; онъ заботится объ общемъ представительствѣ *von Stadt und Land*: тѣмъ не менѣе онъ дорожитъ „братскими совѣщаніями“ и предоставляетъ имъ сужденіе о наиболѣе важныхъ *принципіяльныхъ* вопросахъ. Онъ оставляетъ въ силѣ, онъ даже совѣтуетъ еще болѣе расширить ту широкую основу земскихъ собраній, безъ которой невозможно самоуправленіе.

Мы не настолько знакомы съ мѣстными отношеніями въ трехъ остзейскихъ губерніяхъ, чтобы предсказывать, какую судьбу могутъ имѣть тамъ тѣ или другія предложенія. По всему вѣроятію, планъ корреспондента *Baltische Monatsschrift* не встрѣтитъ сочувствія и не будетъ принятъ. Остзейское дворянство, что бы о немъ не говорили, имѣетъ то достоинство, что умѣетъ отстаивать существующій порядокъ вещей. Оно обладаетъ тою почтенною силой устоя, которая есть признакъ жизни, хотя жизнь остзейскаго дворянства можетъ-быть и страдаетъ односторонностью и исключительностью. Какъ мы ни мало имѣемъ свѣдѣній о подробностяхъ остзейскихъ дѣлъ, но мы почти увѣрены, что личное начало удержитъ за собой въ Лифляндіи и Эстляндіи больше значенія, чѣмъ сколько предоставляетъ ему лифляндскій корреспондентъ *Baltische Monatsschrift*. Его корреспонденція уже вызвала сильное возраженіе въ *Dorpater Tagesblatt*, главномъ органѣ тамошнихъ рыцарскихъ интересовъ, и по всему вѣроятію мнѣніе дерптскаго листка окажется господствующимъ. Поэтому мы считаемъ нужнымъ обратить и на него вниманіе нашихъ читателей. Насъ впрочемъ тутъ интересуетъ не столько мѣстная, сколько общая сторона дѣла. Мы оставляемъ внѣ вопроса тѣ сложныя и отчасти таинственныя побужденія, которыми руководятся въ своихъ сужденіяхъ разные органы остзейской печати: тамошняя журналистика очень оживилась въ послѣдніе два года, но при всѣхъ ея достоинствахъ у нея есть одинъ коренной недостатокъ: она не имѣетъ ясныхъ и опредѣленныхъ политическихъ цѣлей и, къ сожалѣнію, слишкомъ явственно отражаетъ на себѣ неопредѣленность нашихъ внутреннихъ дѣлъ. Итакъ, оставляя внѣ вопроса все то въ чемъ заключается *специяльность* взгляда *Дерптскаго Листка*, основанная въ свою очередь на какой-то метафизической „особенности“ Остзейскаго края, на такъ-называемой *baltische Eigenthümlichkeit* (какое куріозное выраженіе!), мы расположены отдавать справедливость всему тому какъ что высказывается дѣльнаго, вообще въ остзейской печати, такъ и въ частности въ упомянутой нами дерптской газетѣ. Кстати, мы можемъ облегчить для этой газеты тяжесть упрековъ, которымъ она подвергается теперь отъ своихъ собратій за оказываемое намъ вниманіе: пусть вспомнятъ ея порицатели, что она посильно содѣйствовала распространенію разныхъ нелѣпыхъ сплетней объ издателяхъ *Московскихъ Вѣдомостей*.

Dorpater Tagesblatt находитъ, что курляндскій порядокъ хуже лифляндскаго и эстляндскаго. Совѣщанія курляндскаго сейма связаны инструкціями, вслѣдствіе чего пренія не имѣютъ должнаго значенія, и рѣшенія сейма бываютъ уже заранѣе сосоставлены. Но гдѣ они составлены? удобное ли для того мѣсто въ приходскихъ собраніяхъ съ ихъ ограниченнымъ горизонтомъ? Если въ послѣднее время результаты совѣщаній курляндскаго сейма были удовлетворительны, то, по мнѣнію дерптской газеты, этимъ онъ обязанъ „братскимъ совѣщаніямъ,“ то-есть собранію, составленному на основаніи личнаго начала. Поэтому *Dorpater Tagesblatt* полагаетъ, что не Лифляндія и Эстляндія должны подражать Курляндіи, а на оборотъ Курлян-

дія должна ограничить значеніе своего сейма, состоящаго изъ уполномоченныхъ, и ввести у себя періодическія собранія „братскихъ совѣщаній.“ Что же касается до неудобства заниматься отправленіемъ мелкихъ дѣлъ во многолюдномъ собраніи, то *Dorpater Tagesblatt* предлагаетъ усилить дѣятельность коммиссій сейма, а также предоставить большій кругъ дѣятельности собранію уѣздныхъ депутатовъ и ландратовъ. Дерптская газета подкрѣпляетъ эти свои предложенія общими соображеніями о преимуществахъ личныхъ собраній передъ выборными. „Личныя собранія, сказано въ *Dorpater Tagesblatt*, могутъ три раза сряду не внимать требованіямъ времени и обстоятельствъ, но когда они въ четвертый разъ вникнутъ въ дѣло и измѣнятъ свой взглядъ, тогда ихъ рѣшеніе, по своей широтѣ и силѣ, далеко превзойдетъ сумму частныхъ, миніатюрно-отмѣренныхъ реформъ произведенныхъ четырьмя сессіями собранія уполномоченныхъ. Эти послѣднія гораздо болѣе потребляютъ нежели производятъ политической мудрости и политической силы. Въ личныхъ собраніяхъ очень можетъ случиться что неразуміе одержитъ верхъ надъ благоразуміемъ, но благоразуміе прилипчиво; оно подъ конецъ пристанетъ и къ неразумію. Политическій успѣхъ вырабатывается въ такихъ собраніяхъ медленно, но прочно. Сознаніе связи отдѣльнаго лица съ цѣлымъ не вымираетъ ни при какихъ обстоятельствахъ; чувство личной отвѣтственности живо сохраняется. Способность къ совокупному дѣйствію остается всегда по крайней мѣрѣ какъ возможность и можетъ обнаружиться когда наступитъ надобность. Личныя собранія съ ихъ широкимъ основаніемъ могутъ вынести гораздо большее давленіе чѣмъ собранія уполномоченныхъ, которыхъ основаніе подобно стеблю.“ Нѣсколькими нумерами прежде *Dorpater Tagesblatt* приводилъ слѣдующія замѣчательныя мысли по тому же вопросу изъ берлинской газеты *Deutsche Gemeindezeitung*, уже знакомой нашимъ читателямъ: „При личномъ правѣ участія каждый членъ хранитъ въ себѣ чувство собственной отвѣтственности и гордое сознаніе, что онъ лично и непосредственно, могуществомъ своего слова и силой своей воли, можетъ оказать рѣшительное вліяніе на счастіе и несчастіе своихъ согражданъ. Это имѣетъ своимъ естественнымъ послѣдствіемъ то, что въ членахъ собранія крѣпнетъ сознательная мужественная сила и порождается благородное честолюбіе, а также становится общѣе и живѣе готовность къ жертвамъ. Съ другой стороны значительно возрастаетъ уваженіе къ общей волѣ и къ постановленіямъ большинства; для ропота остается мало мѣста, когда каждый видитъ, что порицать существующее легче нежели создать что-нибудь лучшее, и что каждому члену собранія доступны всѣ средства содѣйствовать тому, чтобы дѣла измѣнились къ лучшему. Недовольство ходомъ дѣлъ должно превратиться для каждаго въ недовольство самимъ собой, побуждающее къ дальнѣйшему напряженію силъ, или въ безропотную покорность обстоятельствамъ.“ Берлинская *Gemeindezeitung* указываетъ также на жалкія партіи и клики, на мелочныя непріязни и кумовство, которымъ легче гнѣздиться въ малолюдныхъ выборныхъ, чѣмъ въ многолюдныхъ личныхъ собраніяхъ.

Къ этимъ доводамъ считаемъ не лишнимъ прибавить, что члены выборныхъ собраній бываютъ обыкновенно менѣе самостоятельны и смотрятъ на свое занятіе какъ на временное, и что сами собранія, вслѣдствіе частой перемѣны личнаго состава, въ противность мнѣнію лифляндскаго корреспондента *Baltische Monatsschrift*, бываютъ неспособны дѣйствовать послѣдовательно. Въ собраніяхъ людей участвующихъ по личному праву гораздо крѣпче бываетъ духъ и гораздо тверже хранится преданіе. Наконецъ только въ этого рода собраніяхъ каждый членъ можетъ считать себя не повѣреннымъ, а хозяиномъ своего дѣла,—условіе котораго отсутствіе ничѣмъ невознаградимо. Вотъ почему самоуправленіе возможно только тамъ, гдѣ время пощадило эту первоначальную форму политическаго права — личное участіе въ веденіи дѣлъ. Самоуправленіе и управленіе черезъ выборныхъ и повѣренныхъ вещи не совмѣстимыя; однимъ исключается другое. Гдѣ общія дѣла повѣрены выборнымъ, тамъ нѣтъ ни въ комъ хозяйскаго отношенія къ общему дѣлу и слѣдовательно нѣтъ самоуправленія. Въ Англіи, какъ извѣстно, и приходское управленіе и управленіе въ графствахъ основаны на участіи по личному праву. Только въ центральномъ управленіи допущено по необходимости выборное начало, но и тамъ оно уравновѣшивается началомъ личнымъ: надъ палатой общинъ, собраніемъ выбор-

нымъ, стоятъ палата лордовъ и королевскій домъ.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ повторить еще разъ, что высказываясь въ пользу личнаго голоса въ земскихъ собраніяхъ и соглашаясь въ этомъ отношеніи съ *Dorpater Tagesblatt*, мы нисколько не имѣемъ въ виду произносить какое бы то ни было сужденіе о той формѣ этого права, которую мы находимъ въ остзейскихъ губерніяхъ. Нашъ общій взглядъ на дѣло знакомъ читателямъ изъ печатавшихся въ прошломъ году статей нашихъ о проектѣ земскихъ учрежденій. Не говоримъ уже о томъ, что при существованіи вотчинной полиціи и юстиціи претензіи на самоуправленіе есть вопіющая несправедливость, но и вообще сословное начало столь же мало совмѣстимо съ самоуправленіемъ, какъ и начало выборное.

№ 120.

Москва, 30-го мая.

Мы ничего не говорили о полемикѣ, живо занимавшей остзейскую печать во время засѣданій лифляндскаго ландтага. Она была вызвана приговоромъ одного изъ органовъ рижскаго городскаго управленія (Aeltestenbank) относившимся къ предоставленію горожанамъ права пріобрѣтать въ собственность рыцарскія имѣнія. Этотъ приговоръ былъ обнародованъ, по обычаю рижской большой гильдіи, которая печатаетъ всѣ свои приговоры. *Рижская Газета* поддерживала этотъ приговоръ; *Dorpater Tagesblatt* опорочивалъ его. Между тѣмъ, онъ поступилъ на разсмотрѣніе ландтага, получившаго кромѣ того еще нѣсколько адресовъ по тому же предмету. Ландтагъ нашелъ, что желаніе горожанъ Лифляндіи не можетъ быть исполнено *по политическимъ соображеніямъ*. Такъ какъ пренія лифляндскаго рыцарства происходятъ негласно, то и неизвѣстно, какія именно политическія соображенія вызвали упомянутое рѣшеніе. Можно было ожидать разъясненій отъ журнальной полемики, но она скоро перешла въ споръ о вопросѣ совершенно спеціальнымъ,—о значеніи и силѣ одного изъ параграфовъ (§ 20) документа называющагося *Constitutiones Livonicae* и даннаго въ 1582 году польскимъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ, владѣвшимъ тогда Лифляндіей. Нѣкоторыя русскія газеты отозвались иронически объ этомъ антикварномъ спорѣ и получили за то головомойку отъ обѣихъ споривтихъ сторонъ, съ указаніемъ на то, что пренебрегать историческимъ развитіемъ законодательства могутъ только люди не разумѣющіе что̀ такое значитъ стоять на почвѣ цивилизаціи, считающей свою исторію вѣками. Мы съ своей стороны можемъ сказать, что слѣдили за этою полемикой безъ малѣйшаго пренебреженія, но тѣмъ не менѣе видѣли въ ней не болѣе какъ турниръ остроумія, который, при всемъ своемъ литературномъ интересѣ, могъ имѣть въ политическомъ отношеніи только значеніе кулисъ. Стефанъ Баторій далъ горожанамъ право покупать рыцарскія имѣнія. Это было, говорятъ, нарушеніемъ конституціи, *Verfassungsbruch*, деспотическимъ актомъ завоевателя, потерявшимъ силу съ прекращеніемъ польскаго владычества. Правда, что этотъ актъ считался въ числѣ лифляндскихъ законовъ, что онъ отмѣненъ не былъ. Но какое до того дѣло, если онъ былъ забытъ, если онъ не имѣлъ дѣйствительной силы? Былъ ли онъ однакоже забытъ? На это противная сторона отвѣчаетъ: Какъ забытъ? Какъ не имѣлъ силы? Развѣ не въ 1837 году горожане потеряли свое исконное право? Развѣ окончательное устраненіе горожанъ не произошло еще позже, именно въ 1845 году? Отвѣтъ: все это было злоупотребленіе, все это не что иное какъ нарушеніе конституціи. Мы извиняемся, что представляемъ это состязаніе въ видѣ слишкомъ элементарномъ и грубомъ. Оно было ведено тонко, съ большою убѣдительностью, но тѣмъ не менѣе уразумѣть его было трудно, и трудность заключалась въ томъ, что рѣчь шла не объ одномъ историческомъ правѣ, дѣлѣ всегда почтенномъ; тутъ была въ то же время какая-то шарада, подстрекавшая не историческую любознательность, а современное любопытство. Особенно *Dorpater Tagesblatt* сильно раздражалъ въ читателяхъ эту человѣческую слабость. „Мы высказались, говорила эта газета, противъ ссылки на § 20, не потому чтобы мы считали вредоноснымъ (unheilsam) распространеніе права владѣнія имѣніями на горожанъ, но именно потому, что мы считаемъ распространеніе права владѣнія имѣніями на горожанъ дѣломъ полезнымъ (heilsam), мы предостерегали противъ вредоносной (unheilsam) ссылки на § 20." Не правда ли, что это очень похоже на языкъ Пиѳіи?

Между тѣмъ горожане не унимались. *Рижская Газета* продолжала доказывать, что требованіе ихъ законно. Но что̀ законно, то должно быть исполнено, даже независимо отъ воли рыцарства. Не потому ли *Dorpater Tagesblatt* находилъ вреднымъ указаніе на законъ? Онъ продолжалъ говорить намеками, постоянно отказывая въ правѣ, но постоянно поддерживая надежду на милость. 26-го марта была брошена имъ слѣдующая мысль: „Мы тоже желаемъ допущенія горожанъ до владѣнія имѣніями, но одновременно съ этимъ должно быть произведено нѣкоторое измѣненіе въ теперешнемъ политическомъ устройствѣ (Verfassung; лифляндскіе политики любятъ чествовать свою провинціальную автономію этимъ увѣсистымъ словомъ). Если бы оставался одинъ выборъ: либо допущеніе горожанъ безъ перемѣны въ существующемъ устройствѣ, либо отказъ въ допущеніи, то мы были бы затруднены въ нашемъ сужденіи, но тѣмъ не менѣе мы столько же живо симпатизировали бы требованію горожанъ, сколько жива наша антипатія къ адвокатамъ параграфа 20 въ Стефановыхъ *Constitutiones Livoniae*.“ Итакъ, вотъ условіе при исполненіи котораго горожане могутъ получить просимое. Пусть произойдетъ перемѣна въ „устройствѣ“ Лифляндіи. Но одной ли Лифляндіи? *Dorpater Tagesblatt* нѣсколько разъ говорилъ, что для него *выше всего* (замѣтьте это выраженіе, нѣсколько разъ повторенное: *выше всего*!) автономія и сближеніе Остзейскихъ провинцій. Но какъ же горожане Лифляндіи могутъ выполнить это условіе? Развѣ отъ нихъ зависитъ измѣнить политическое устройство хотя бы въ одной Лифляндіи? А тутъ требуется еще общее измѣненіе, распространяющееся и на Эстляндію, даже на Курляндію! Пиѳія говорила очень темно, надобно сознаться. Но она любитъ оставлять просвѣты. Отказывая, она всегда подаетъ надежду. Ставя въ импассъ, она только заставляетъ искать выхода. Послѣдуемъ же за нею далѣе.

„Что вы все говорите о правѣ? Право правомъ, а сила силой. Политическое право основывается на силѣ и ею поддерживается. Докажите свою силу, и вамъ будетъ дано право. Если вы не дѣйствуете съ достаточною энергіей, то сами виноваты, что не получаете права. Рижане по крайней мѣрѣ требуютъ. Что же молчатъ другіе? Когда господствуетъ апатія, то какая польза въ правахъ? Какое употребленіе будетъ сдѣлано изъ правъ? На сколько будутъ дорожить правами тѣ, которые не умѣютъ или не хотятъ ихъ добиваться? Еще разъ: докажите свою силу и вы получите права.“ Намъ нравится этотъ разговоръ защитниковъ рыцарства съ горожанами. Дѣйствительно, политическія права не имѣютъ значенія въ рукахъ безсильныхъ. Бумажныя политическія права вносятъ только фальшь въ политическую жизнь и не пользуютъ ни мало. Кто способенъ къ политическимъ правамъ, тотъ непремѣнно способенъ обнаружить политическую силу. Но, спрашивается, какъ приложить эти истины къ данному случаю. Неужели защитники рыцарства предлагаютъ горожанамъ заявить ихъ силу передъ рыцарствомъ? Это невѣроятно. Рижская *Aeltestenbank* никакого заявленія силы себѣ не позволяла, даже никакой демонстраціи не дѣлала, а просто напечатала свой приговоръ, исполняя свой всегдашній обычай, и тѣмъ не менѣе навлекла на себя жестокій гнѣвъ. Вѣрный органъ рыцарства, *Dorpater Tagesblatt*, говоритъ такъ, обращаясь къ мелкимъ городамъ Лифляндіи: „Держитесь крѣпко между собой. Не цѣпляйтесь за рыцарство. Знайте, что люди мощные не братаются съ несчастными замарашками.“ *Dorpater Tagesblatt* совѣтуетъ мелкимъ городамъ устроить между собой сношенія, завести съѣзды, сначала частнымъ образомъ, а потомъ и офиціально. Припомнимъ условіе допущенія горожанъ къ покупкѣ имѣній. Если горожане Лифляндіи желаютъ быть допущены къ поземельной собственности, они должны желать перемѣны въ тамошнемъ устройствѣ,—желать сильно, какъ можно сильнѣе. При этомъ для недогадливыхъ дѣлается предостереженіе. Агитировать противъ рыцарства не только не нужно, не только не дозволяется вѣжливостью, но не дозволяется и „патріотизмомъ;“ такая агитація была бы измѣной противъ своей земли, *Landes-Verrath*. Если же произойдутъ перемѣны въ существующемъ устройствѣ Остзейскихъ „провинцій,“ то горожане получатъ доступъ не только къ поземельной собственности, но и къ засѣданію въ сеймѣ. Вотъ какая ждетъ ихъ награда за благонравіе! Какъ тутъ горожанамъ не желать перемѣнъ? Но какихъ перемѣнъ возможно-сильнымъ желаніемъ могутъ остзейскіе горожане заслужить эту щедрость, указываемую имъ въ перспективѣ? Послѣ продолжительной игры

въ намеки, 15-го мая подписчики *Dorpater Tagesblatt*, наконецъ, прочли слѣдующее: „Совокупное представительство городовъ и земства, *von Stadt und Land*, могло бы имѣть мѣсто съ одной стороны въ уѣздныхъ съѣздахъ, съ другой стороны *на общемъ сеймѣ трехъ провинцій*.“

Итакъ вотъ что нужно. Вотъ чего должны сильно желать, вотъ о чемъ должны усердно молиться лифляндскіе горожане: соединеніе трехъ губерній въ одно политическое цѣлое.

Но зачѣмъ же понадобилось соединять эти три губерніи? Онѣ всегда существовали порознь; каждая изъ нихъ имѣетъ свои особенности, свои учрежденія. Чтобы соединить эти три губерніи, пришлось бы разрушить многое завѣщанное прошедшимъ, на которое тамошніе политики такъ любятъ ссылаться: зачѣмъ же касаться существующаго и завѣщаннаго исторіей? Изъ тѣхъ губерній постоянно слышались голоса охранительнаго свойства, протестовавшіе противъ всякаго нарушенія исторически образовавшихся тамъ отношеній и обычаевъ. Въ виду коренныхъ преобразованій, которыя совершаются во всей Россійской Имперіи, эти три „провинціи“ постоянно желали остаться въ сторонѣ и ограждались отъ нововведеній. Что же такое вдругъ заставляетъ ихъ помышлять о радикальной реформѣ въ ихъ бытѣ, что можетъ побуждать ихъ броситься въ потокъ нововведеній? Что придаетъ, во мнѣніи тамошнихъ политиковъ, такую цѣнность соединенію трехъ губерній, что они рѣшаются сами нарушить печать неприкосновенности своихъ учрежденій? Соединеніе трехъ губерній было бы большою новостью; это было бы нарушеніемъ существующаго. Нарушеніе права имматрикуляціи, которымъ пользуется лифляндское дворянство, было бы дѣломъ несравненно менѣе значительнаго свойства. Полное приравненіе трехъ губерній къ остальнымъ губерніямъ Россійской Имперіи не было бы большею новостью.

Рыцарство остзейскихъ губерній всегда очень крѣпко отстаивало свои привилегіи; оно не легко даетъ другимъ сословіямъ доступъ къ землѣ. Горожанъ къ землѣ оно и теперь еще не допускаетъ. На лифляндскомъ сеймѣ, кромѣ города Риги, никакой другой не имѣетъ своего прямаго представительства. Но вотъ является мысль о соединеніи трехъ губерній, и органъ рыцарства даетъ нѣмецкимъ бюргерамъ надежду на политическое значеніе, котораго они добиваются. Въ виду соединенія губерній забывается давняя распря, смягчаются сословныя права, и дворянство, крѣпко замкнутое для русскихъ дворянъ, готово, въ виду соединенія трехъ губерній, разомкнуться для нѣмецкихъ мѣщанъ, лишь бы только образовалась общая политическая сила нѣмецкой національности. Такъ по крайней мѣрѣ выходитъ изъ словъ остзейской печати.

Лифляндское дворянство на своемъ послѣднемъ ландтагѣ отказалось отъ приплатъ на содержаніе судовъ въ своей губерніи; но оно изъявило полную готовность на содержаніе высшаго суда, если только онъ будетъ общій для трехъ губерній. Передъ идеей соединенія всѣ неудобства кажутся легкими. Остзейскіе публицисты очень хорошо понимаютъ, напримѣръ, неудобства одной офиціяльной газеты для всѣхъ трехъ губерній; они сами указываютъ на эти неудобства, но не смотря на всѣ неудобства, они тѣмъ не менѣе желаютъ, чтобы для всего Остзейскаго края былъ одинъ офиціяльный органъ, какъ символъ его единства.

Спрашивается для чего же все это? Нѣмецкіе обитатели этихъ трехъ губерній, хотя и малочисленные, но составляющіе въ нихъ высшіе классы, не подвергаются никакой опасности ни въ своемъ языкѣ, ни въ своихъ обычаяхъ, ни въ своей вѣрѣ. Во всякомъ случаѣ, все, чего они могли бы желать въ этомъ отношеніи, не имѣетъ ничего общаго съ мыслію о соединеніи трехъ губерній. Къ тому же, эти губерніи какъ нельзя тѣснѣе соединены между собою, будучи частью одного государства. Между ними нѣтъ таможенныхъ линій, нѣтъ ни малѣйшихъ политическихъ затрудненій въ сообщеніяхъ. Для объясненія на нѣмецкомъ языкѣ, для сохраненія нѣмецкихъ обычаевъ, для процвѣтанія нѣмецкой культуры посреди нѣмецкихъ обитателей трехъ остзейскихъ губерній нѣтъ никакого препятствія. Рѣчь идетъ не о томъ, чтобы ввести въ тамошнихъ гимназіяхъ преподаваніе на нѣмецкомъ языкѣ, не о томъ, чтобы ввести нѣмецкій языкъ въ тамошніе суды, не о томъ, чтобъ основать для нѣмецкихъ жителей этихъ трехъ губерній нѣмецкій университетъ: все это есть. Что же требуется? Требуется, чтобъ эти три губерніи составили одно политическое цѣлое, которое имѣло бы свое *особое* представительство.. Для чего же это нужно, когда это не имѣетъ

никакихъ основаній въ прошедшемъ и никакой цѣли въ будущемъ?...

№ 121.

Москва, 1-го іюня.

При разговорѣ, въ палатѣ лордовъ, о которомъ мы говорили въ передовой статьѣ № 117 *Московскихъ Вѣдомостей*, лордъ Стангопъ, высказавшись противъ всего что́ хотя сколько-нибудь похоже на бифуркацію, замѣтилъ слегка, что скорѣе можетъ-быть слѣдовало бы согласиться на освобожденіе всѣхъ учащихся отъ обязательнаго писанія греческихъ стиховъ. Писаніе латинскихъ стиховъ необходимо оставить въ силѣ, говорилъ онъ; это упражненіе существуетъ въ англійскихъ публичныхъ школахъ болѣе пяти сотъ лѣтъ. Безъ греческихъ прозаическихъ сочиненій тоже нельзя обойдтись, потому что нельзя вполнѣ овладѣть языкомъ, не пріобрѣтя искусства писать на немъ. Но нельзя ли отмѣнить писаніе греческихъ стиховъ какъ упражненіе обязательное для всѣхъ учениковъ? Этотъ вопросъ былъ брошенъ мимоходомъ; онъ не имѣлъ вида предложенія, не былъ представленъ въ формѣ *поправки* къ биллю. По тѣмъ не менѣе слова графа Стангопа навлекли на него сильныя порицанія,—и гдѣ же? не въ консервативныхъ органахъ, не въ педагогическихъ журналахъ, а въ одномъ изъ либеральныхъ изданій (а по нѣкоторымъ вопросамъ даже радикальномъ), въ *Saturday Review*, которое находитъ, что принятіе подобной мѣры ослабило бы изученіе греческаго языка и повело бы къ „пагубнымъ послѣдствіямъ."

Читателямъ должно быть интересно узнать, какъ смотрятъ англійскіе журналы этого рода на значеніе древнихъ языковъ въ системѣ воспитанія высшихъ классовъ. Во многихъ сферахъ *Saturday Review* ратуетъ противъ существующаго, но ея сотрудники — люди умные и образованные, цѣнятъ умственное образованіе, и желаютъ возвышенія, а не пониженія уровня англійской цивилизаціи. Поэтому они возстали даже противъ легкаго, мимоходомъ сдѣланнаго намека на возможность устранить самое изысканное и нигдѣ кромѣ Англіи не существующее упражненіе въ сочиненіи греческихъ стиховъ.

„Знаніе греческаго языка, говоритъ *Saturday Review*, есть сокровище, котораго цѣнность многообразна. Грамматикъ находитъ въ этомъ языкѣ, болѣе нежели въ какомъ другомъ, приближеніе къ совершенству выраженія человѣческой мысли. Натуралистъ заимствуетъ изъ греческаго языка почти всю свою терминологію. Въ медицинѣ великій Іоніецъ есть до сихъ поръ авторитетъ высшаго разряда; въ богословіи на этомъ языкѣ начертаны писанія, слѣдъ которыхъ никогда не изгладится, и въ самомъ строгомъ дедуктивномъ мышленіи *Элементы* Эвклида сохраняютъ свое очарованіе даже для тѣхъ, которые не цѣнятъ *Аналитики* Аристотеля. Но въ литературѣ греческій языкъ превышаетъ всѣ образцы.

Nec viget quicquam simile aut secundum

„Въ поэзіи, философіи, исторіи, въ ораторскомъ искусствѣ, въ тонкости замысла, въ богатствѣ образовъ, въ чистотѣ и обиліи выраженія, въ точности методы и въ этой неимѣющей имени оконченности стиля—греческіе учители имѣютъ все человѣчество своими учениками и не имѣютъ никого своимъ соперникомъ. Спеціально призваны наши университеты признавать и поддерживать эти права греческаго языка, и если въ нашихъ публичныхъ школахъ сердце бьется за одно съ чувствомъ университетовъ, то чрезвычайно мало вѣроятія, чтобы лучшія и испытанныя методы столь благороднаго занятія уступили мѣсто низшимъ и дюжиннымъ."

Спеціально о писаніи греческихъ стиховъ *Saturday Review* говоритъ такъ: „Могущественное вліяніе поэзіи на развитіе способностей, дѣйствующихъ въ союзѣ съ воображеніемъ, едва-ли можетъ быть оцѣнено сверхъ мѣры. Есть другія способности, имѣющія дѣло съ предметами болѣе строгими, но во всѣхъ предметахъ не ограниченныхъ чисто-формальнымъ мышленіемъ или извлеченіемъ общихъ законовъ изъ наблюденія отдѣльныхъ явленій, главное мѣсто принадлежитъ способностямъ нуждающимся въ воображеніи для своего оживленія, а въ развитіи этихъ способностей поэзія есть первостепенный дѣятель. Греческій языкъ отличается такою широтой развитія, которой не достигъ ни одинъ языкъ на землѣ, ни изъ числа живыхъ, ни изъ числа мертвыхъ, и сколько мы можемъ судить, ни одинъ языкъ не въ состояніи достигнуть. Греческая ли-

тература, въ особенности греческая поэзія, по своему царственному богатству и блеску, одна только можетъ оказаться достаточною, чтобы питать и укрѣплять воображеніе всѣхъ слѣдующихъ поколѣній. И все это было въ болѣе тѣсномъ смыслѣ „оригинально,“ чѣмъ всякая другая поэзія, какую только свѣтъ видѣлъ въ послѣдствіи. Доля, принадлежащая поэзіи въ воспитаніи, такъ значительна, что не можетъ быть уменьшена безъ отнятія у души принадлежащей ей пищи. Спору можетъ подлежать только способъ занятія поэзіей, но чтобъ узнать поэта какой другой путь кромѣ изученія его языка, кромѣ усвоенія его манеры выражаться и его оборотовъ, въ которые отливается его мысль, кромѣ изслѣдованія его метрическихъ формъ? А чтобы съ успѣхомъ совершить это, учащійся долженъ подступить къ поэту извнутри, долженъ заговорить съ нимъ его собственнымъ языкомъ. Передача мыслей греческаго поэта на другомъ языкѣ—отечественномъ языкѣ учащагося—недостаточна для этой цѣли.“

Saturday Review высказываетъ сожалѣніе, что въ преніяхъ палаты лордовъ по вопросу объ этихъ поэтическихъ упражненіяхъ не принялъ участія лордъ Литтельтонъ, который, среди своихъ тяжкихъ публичныхъ обязанностей, находитъ время для продолженія любимыхъ школьныхъ занятій, чему доказательствомъ служитъ недавно изданный имъ переводъ Мильтонова *Комуса* греческими ямбическими триметрами. Поводъ къ этому сожалѣнію теперь устраненъ. Въ дальнѣйшихъ преніяхъ бывшихъ по этому вопросу (6-го іюня), лордъ Литтельтонъ высказался. Онъ не совѣтовалъ парламенту вмѣшиваться въ росписаніе предметовъ и часовъ, употребительное въ публичныхъ школахъ Англіи. Юрисдикціи парламента, по его мнѣнію, должно подлежать только устройство управленія этими школами. Что касается до практическихъ упражненій, то онъ замѣтилъ, что Англія въ этомъ отношеніи стоитъ выше другихъ странъ. „Нѣмцы, сказалъ онъ, безъ сомнѣнія очень трудолюбивые ученые, но въ знаніи языковъ они не могутъ поравняться съ учеными англійскими.“ Лорда Стангопа, слишкомъ слегка отозвавшагося о писаніи греческихъ стиховъ, онъ просилъ обратить вниманіе на чрезвычайное удовольствіе, радость и интересъ, которыя находятъ въ греческихъ и латинскихъ сочиненіяхъ ученики имѣющіе нѣкоторую способность къ классическимъ занятіямъ. „Я говорю по опыту, когда свидѣтельствую объ интересѣ, который я и другіе находили, какъ въ Итонѣ, такъ и въ Кембриджѣ, въ греческихъ и латинскихъ сочиненіяхъ. Половина удовольствія, доставляемаго школьною работой, была бы отнята у учениковъ, еслибъ эти упражненія были устранены.“

Да не подумаютъ читатели, что англійскія публичныя школы замучиваютъ своихъ учениковъ. Совсѣмъ напротивъ: нигдѣ ученики не имѣютъ такъ много свободнаго времени для игръ и добровольныхъ занятій какъ въ Англіи. Въ знаменитѣйшей изъ англійскихъ публичныхъ школъ, въ школѣ Итонской, полагается на сонъ 8 часовъ, на обѣдъ, завтракъ и ужинъ 2 часа; изъ остальныхъ 14 часовъ около 8 часовъ въ день дается на игры и добровольныя занятія, и лишь около 6 часовъ назначается на ежедневную общую молитву въ церкви, на уроки и на обязательное приготовленіе къ нимъ. Уроки продолжаются ровно по одному часу; ихъ бываетъ по 20 въ недѣлю, и распредѣленіе ихъ очень просто: 1 часъ на чтеніе Новаго Завѣта, 16 часовъ на древніе языки и 3 часа на математику. Больше ничего не преподается обязательно. Но изъ этого не слѣдуетъ чтобъ ученики ничѣмъ другимъ не занимались. Имѣя много свободнаго времени, они занимаются многимъ, по собственной охотѣ, а не по обязанности, и эти добровольныя занятія идутъ очень успѣшно. „Что вы дѣлаете для французскаго языка?“ спросили однажды у директора Итонской школы. „Мы очень много заботимся объ этомъ предметѣ, отвѣчалъ онъ. Мы почти столько же заботимся о французскомъ языкѣ, какъ объ англійскомъ.“ „Сколько же уроковъ положено у васъ на французскій языкъ?“ „У насъ не положено ни одного урока ни на французскій, ни на англійскій языкъ.“ Это разговоръ оригинальный, но можетъ-быть не менѣе удивится читатель и слѣдующему разговору. Одинъ французскій путешественникъ, посѣтивъ Итонъ, пожелалъ видѣть дѣтскія игры. Онъ смотрѣлъ, какъ ученики гребутъ, какъ играютъ въ крикетъ. „Все это очаровательно, сказалъ онъ, но гдѣ же здѣсь у васъ *surveillance* (надзоръ)?“ „У насъ нѣтъ *surveillance*,“ было отвѣтомъ. Въ Итонской школѣ строго соблюдаются

извѣстныя правила, но въ предѣлахъ этихъ правилъ предоставляется полная свобода, и постояннаго надзора нѣтъ. Въ школьной дисциплинѣ та же система что̀ и въ школьномъ ученьи: обязательнаго немного, но обязательное исполняется съ безукоризненною отчетливостью. Въ этой системѣ заключается воспитательная сила знаменитой школы. За то ученики Итона цѣнятся на всѣхъ поприщахъ. „Въ арміи, сказалъ графъ Де-Росъ въ палатѣ лордовъ, лучшіе полковые командиры постоянно говорили: „дайте намъ ученика изъ Итона.“ Во флотѣ говорили то же самое. Архіепископъ Кантерберійскій, который самъ учился въ Итонѣ, разсказалъ о герцогѣ Веллингтонѣ анекдотъ, что однажды намѣреваясь дать важное порученіе одному изъ своихъ адъютантовъ, онъ спросилъ у него гдѣ онъ воспитывался, и когда тотъ сказалъ ему что въ Итонѣ, то герцогъ зачастилъ съ удовольствіемъ: „Очень хорошо, очень хорошо.“ Извѣстно, что Итонская школа дала Англіи множество знаменитыхъ государственныхъ людей.

№ 122.

Москва, 2-го Іюня.

А.

Мы не можемъ оторваться отъ мысли о нашихъ гимназіяхъ, которымъ предстоитъ теперь преобразованіе. Неизвѣстно, какая судьба ожидаетъ ихъ, или лучше сказать, ожидаетъ Россію, потому что вопросъ объ устройствѣ учебныхъ заведеній, о направленіи, которое будетъ сообщено нашему образованію, о началахъ, которыя положены будутъ въ его основаніе, — вопросъ этотъ, по нашему убѣжденію, теперь важнѣе всякаго другаго вопроса. Его рѣшеніемъ въ томъ или другомъ смыслѣ предопредѣлится наше будущее, и ожиданія наши тѣмъ тревожнѣе, что рѣшеніе этого вопроса будетъ какъ бы знаменіемъ, которое скажетъ намъ, благопріятствуетъ или не благопріятствуетъ судьба, властвующая въ исторіи, развитію русской народности. Способъ рѣшенія этого вопроса, болѣе всякаго другаго, зависитъ отъ воли Провидѣнія, какъ скажетъ вѣрующій, отъ случая, какъ скажетъ невѣрующій. Обыкновенные законодательные способы, каковы бы они ни были, сами по себѣ недостаточны для установленія началъ умственнаго воспитанія; общественное мнѣніе страны, въ которой нѣтъ твердыхъ и непрерывныхъ преданій въ педагогическомъ дѣлѣ, не можетъ дать никакихъ уважительныхъ показаній, не можетъ сказать ничего опредѣленнаго и разумнаго относительно устройства школы. Во всѣхъ другихъ дѣлахъ общественное мнѣніе болѣе или менѣе чутко, и можетъ давать болѣе или менѣе подходящія къ дѣлу показанія о томъ что̀ обществу требуется или чего ему недостаетъ, что̀ его стѣсняетъ, чѣмъ оно страдаетъ; всякій другой интересъ, экономическаго, юридическаго, политическаго свойства, можетъ съ большею или меньшею отчетливостію заявлять себя въ общественномъ мнѣніи. Совсѣмъ иное — интересы педагогическіе. Люди очень умные, съ житейскимъ смысломъ и тактомъ, искусные политики, наконецъ родители искренно заботящіеся о воспитаніи своихъ дѣтей и ничего для этого не жалѣющіе, могутъ жестоко ошибаться въ своихъ педагогическихъ сужденіяхъ и дѣйствіяхъ. Какъ часто встрѣчаются родители, которые изъ самаго пламеннаго желанія блага своимъ дѣтямъ причиняютъ имъ страшный вредъ и безвозвратно губятъ ихъ! Что̀ видимъ мы въ частности, то можетъ представлять собою цѣлое общество, — и къ несчастію разительный примѣръ у насъ предъ глазами. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что всѣ родители у насъ желаютъ, чтобы дѣти ихъ хорошо воспитывались и получали прочное образованіе; нѣтъ сомнѣнія, что и правительство вполнѣ сознаетъ важность этого великаго общественнаго интереса, — и однако что̀ мы видимъ?...

Да, однихъ добрыхъ желаній недостаточно въ этомъ дѣлѣ, недостаточно также и обыкновенныхъ ходячихъ понятій. Педагогическія теоріи принадлежатъ къ области умозрѣнія, очень утонченнаго и не всѣмъ доступнаго. Это область слишкомъ специяльная, а потому никакое общество, изъ какихъ бы оно умныхъ людей не состояло, не можетъ удовлетворительно резонировать о предметахъ педагогическаго свойства, если посреди его нѣтъ давней и безспорной педагогической практики, если нѣтъ въ странѣ педагогическихъ учрежденій установившихся исторически. У насъ же, къ несчастію, педагогическое дѣло не есть историческая, могущественная дѣйствительность, не дозволяющая празднаго

резонерства Мы, къ несчастію, во всѣхъ вопросахъ, относящихся до образованія и науки, стоимъ не на землѣ, а висимъ на воздухѣ. Мы резонерствуемъ, и теоретически доискиваемся началъ, которыя могли бы послужить основаніемъ для нашихъ школъ; мы придумываемъ, чему и какъ учить нашихъ дѣтей, и подвергаемся опасности впадать въ самыя злополучныя и роковыя ошибки. Исторія нашихъ духовныхъ и свѣтскихъ училищъ представляетъ тому грустныя и убѣдительныя доказательства. А между тѣмъ мы съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе чувствуемъ одолѣвающее насъ зло, наши недостатки, нашу несостоятельность; мы сознаемъ, что ничто у насъ не спорится, что этотъ долгій полуторастолѣтній періодъ, протекшій съ тѣхъ поръ какъ мы пошли въ европейскую науку, не привелъ насъ ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, что у насъ до сихъ поръ дѣло науки и образованія не пріобрѣло никакой самостоятельности и ограничивается наружнымъ лоскомъ или жалкимъ лепетомъ съ чужаго голоса, что у насъ доселѣ ни одно знаніе не пустило корней и никакой умственный трудъ не оказалъ производительной силы; что до сихъ поръ наша умственная жизнь не обнаруживаетъ сколько-нибудь явственнаго намека на оригинальную физіономію; что до сихъ поръ образованіе не оплодотворяетъ нашу мысль ни на какую дѣятельность, которою могли бы мы быть сами довольны; что до сихъ поръ мы не видимъ въ нашихъ такъ-называемыхъ образованныхъ людяхъ никакого твердаго умственнаго склада; что до сихъ поръ мы не можемъ обойдтись безъ помощи иностранцевъ въ дѣлахъ требующихъ знанія, образованности, ясности понятій и твердости сужденія; что до сихъ поръ оказывается у насъ страшный недостатокъ въ дѣльныхъ и способныхъ людяхъ, и что мы, народъ состоящій изъ множества милліоновъ, христіянскій, живущій въ Европѣ, считающій у себя болѣе восьмидесяти гимназій и пять чисто-русскихъ университетовъ да еще нѣсколько другихъ высшихъ ученыхъ заведеній, должны выписывать себѣ дѣловыхъ людей изъ чужихъ краевъ, и наполнять нашу администрацію дѣятелями, которые не хотятъ быть Русскими и съ презрѣніемъ или съ враждою относятся къ русской народности. Мы удивились и ужаснулись, когда недавній мятежъ, угрожавшій цѣлости нашего отечества, заставилъ насъ оглянуться вокругъ себя, и обнаружилъ намъ, въ какой зависимости находимся мы отъ людей польскаго происхожденія, къ которымъ мы теряли довѣріе, и которыхъ не знали кѣмъ замѣнить. Когда открылась настоятельная надобность наполнить администрацію въ нашихъ ополяченныхъ западныхъ губерніяхъ способными и дѣльными людьми, несомнѣнно русскаго происхожденія, мы съ отчаяніемъ должны были сознаваться въ нашемъ банкротствѣ, мы должны были употреблять чрезмѣрныя усилія, принимать чрезвычайныя мѣры чтобы выбрать что-нибудь порядочное изъ нашего чиновничества, изъ нашего университетскаго юношества, изъ нашихъ образованныхъ людей. Мы, какъ прокаженные, которымъ любо бередить свои болячки, съ циническимъ самоуслажденіемъ объявляемъ себя ни къ чему негодными, и въ то же время хотимъ чтобы русская народность имѣла какое-нибудь значеніе и оставалась безспорною въ своихъ правахъ. Мы furnishedбередимъ свои болячки, но не помышляемъ о томъ, чтобы принять какія-либо мѣры къ ихъ излѣченію, а еще менѣе помышляемъ о томъ, что мы сами производимъ и поддерживаемъ ихъ; мы презираемъ наше образованіе, нашу жалкую науку, но мы не хотимъ понять, что мы сами виною этого нашего презрительнаго состоянія. Мы унижаемъ себя передъ всѣми народностями, даемъ имъ предпочтеніе передъ своею и не хотимъ понять, что чувствуемая нами наша униженность предъ другими народностями есть слѣдствіе нашего добровольнаго отреченія отъ тѣхъ преимуществъ образованія, которыми пользуются другіе. Мы удивляемся, отчего чиновники изъ Поляковъ оказываются болѣе способными, болѣе дѣльными и толковыми въ разныхъ родахъ службы, и не хотимъ добраться до того простаго факта, что у Поляковъ были классическія школы и что и теперь въ ихъ мѣстахъ не совсѣмъ изсякли преданія крѣпкаго и солиднаго классическаго ученія. Если бы наши духовныя школы, изъ которыхъ выходили Платоны и Филареты, Сперанскіе и Павскіе и столько другихъ замѣчательныхъ людей не подвергались ломкамъ которыя потрясли ихъ греко-римскія основанія, и разрушили начинавшіяся въ нихъ завязи самостоятельнаго умственнаго образованія, еслибъ эти школы развивались, очищались и улучшались на своихъ историческихъ, повсюду установившихся началахъ ученія, то ли бы

зрѣлище представляло теперь наше духовенство, а съ нимъ и весь нашъ умственный и нравственный бытъ? Если бы классическое ученіе въ нашихъ гимназіяхъ удержалось въ нихъ до сегодня, непрерывно усиливаясь и расширяясь, развѣ такое зрѣлище представляла бы теперь наша молодежь, наша литература, наши образованные классы, наша государственная служба?

Двадцать, тридцать лѣтъ значитъ много, очень много въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія. Если бы надъ начинавшимся у насъ педагогическимъ дѣломъ не проносился многократно духъ разрушенія, мы не обрѣтались бы теперь въ плачевномъ состояніи банкротства. Намъ не приходилось бы стыдиться и презирать себя, не приходилось бы безсмысленно роптать на естественныя свойства нашей народности и считать себя низшею породой непризванною къ самостоятельной жизни и способною только подбирать крохи, падающія отъ чужой трапезы. Мы сами искусственно держимъ себя въ этомъ состояніи безплодія и безсилія, — и винимъ невинную въ этомъ дѣлѣ природу нашу. Возьмите дѣтей какого хотите племени, поставьте ихъ въ такія же условія, въ какихъ находятся наши дѣти, посадите ихъ въ наши учебныя заведенія, и посмотрите выйдетъ ли изъ нихъ какой-нибудь прокъ: изъ нихъ выйдутъ тѣ же самые *умные* люди, которыхъ Гоголевскій городничій раздѣлилъ весьма удачно на двѣ категоріи „или пьяница или рожу такую состроитъ, что святыхъ неси вонъ.“

Корень всему въ школѣ. Какова школа, таково и образованіе цѣлаго общества, такова его цивилизація. Если школа построена на пескѣ, то и вся цивилизація народа построена на пескѣ. Спрашивается, зачѣмъ же мы строимъ нашу школу на пескѣ? Отчего же мы не хотимъ построить ее на общихъ всему цивилизованному міру основаніяхъ?

Есть одна всемірная, общечеловѣческая цивилизація, и если мы хотимъ примкнуть къ ней, если мы хотимъ войдти въ нее, то можемъ сдѣлать это не иначе, какъ усвоивъ ея первыя начала и превративъ ихъ въ нашу собственность. Историческія начала цивилизаціи у всѣхъ европейскихъ народовъ одни и тѣ же, и оригинальное развитіе каждой европейской народности условливается самостоятельнымъ усвоеніемъ этихъ началъ. Хотимъ ли мы пріобрѣсти умственную самостоятельность, имѣть свое оригинальное образованіе, свою оригинальную науку, свою оригинальную литературу, хотимъ ли мы занять почетное мѣсто между цивилизованными народами, хотимъ ли мы оправдать наше политическое могущество, которое безъ самостоятельной цивилизаціи и умственной производительности, само можетъ оказаться ненадежнымъ и непрочнымъ? Если хотимъ, то мы должны немедля усвоить нашей школѣ тѣ самые элементы, на которыхъ основана вся европейская цивилизація. Хотимъ ли мы выйдти изъ нашей умственной посредственности, изъ нашей ученической зависимости отъ Запада, хотимъ ли мы сравняться съ нашими учителями? Для этого нѣтъ другаго средства какъ проходить ту же школу, какую проходятъ они. Мы на вѣки вѣковъ останемся безплодными подражателями другихъ европейскихъ народовъ, если будемъ ограничиваться только тѣмъ что̀ получаемъ изъ ихъ рукъ, если наши школы будутъ основаны на результатахъ ихъ труда, а не на томъ, на чемъ основаны ихъ собственныя школы. Всѣ элементы европейской цивилизаціи находятся въ классической древности, и мы до тѣхъ поръ не будемъ народомъ вполнѣ независимымъ отъ другихъ и вполнѣ самостоятельнымъ въ нашей цивилизаціи, пока не дойдемъ до этихъ корней и не поведемъ отъ нихъ нашу школу. Мы до тѣхъ поръ будемъ неизбѣжно вовлекаться въ сферы чуждой намъ жизни, до тѣхъ поръ будемъ оставаться полу-Русскими, полу-Французами или полу-Нѣмцами, пока не освободимъ себя школой, основанною на общихъ элементахъ всей европейской цивилизаціи. Идеи и понятія, которыя мы нахватываемъ изъ новѣйшихъ европейскихъ литературъ, не должно почитать за что-нибудь простое, само изъ себя объяснимое; нѣтъ, все въ современной цивилизаціи есть продуктъ безконечно сложный, и мы никогда ни чѣмъ не овладѣемъ въ дробяхъ и сочетаніяхъ современной цивилизаціи, пока не дойдемъ до единицъ и первоначальныхъ элементовъ. Вся сила состоитъ въ томъ, чтобъ овладѣть этими основными историческими элементами европейской цивилизаціи и отъ нихъ повести наше образованіе, на нихъ основать нашу школу.

Нѣкоторые умные люди, соглашаясь, съ грѣхомъ пополамъ, признать нѣкоторую пользу отъ занятій классическими языками, полагаютъ эту пользу единственно въ томъ, что они могутъ служить формальною

гимнастикой для ума. Взглядъ на изученіе древнихъ языковъ какъ на гимнастику есть крайне односторонній взглядъ. Если вводить древніе языки въ наши школы только въ этомъ смыслѣ, только для этой цѣли и стало-быть въ томъ видѣ и въ тѣхъ размѣрахъ, какіе требуются подобною цѣлію, то лучше не вводить ихъ вовсе. Люди не видящіе въ изученіи древнихъ языковъ ничего кромѣ формальной гимнастики, предлагаютъ, какъ намъ случается слышать, такую сдѣлку: вмѣсто цѣлаго предмета ввести только половину его, вмѣсто обоихъ древнихъ языковъ ввести только одинъ латинскій. Имъ кажется, что еслибъ оставить, какъ говорится, для завода, *на всю Россію, только десять* гимназій (десять, которыя были пощажены при общемъ разгромѣ нашихъ гимназій въ 1849 году) съ греческимъ языкомъ, а остальныя ограничить однимъ латинскимъ, нѣсколько усиливъ его преподаваніе, то классическому образованію была бы отдана вся должная дань. Какъ жестоко ошиблись бы мы въ разчетѣ, еслибы послѣдовали такому плану въ устройствѣ нашихъ школъ! Древніе языки заключаютъ въ себѣ великую образовательную силу; но только вмѣстѣ обладаютъ они этою силой, только вмѣстѣ могутъ они стать надежною основой умственнаго образованія, только на обоихъ классическихъ языкахъ въ неразрывной связи можетъ стоять школа. Взятые порознь, они теряютъ свою силу. Основать нашу школу на одномъ латинскомъ языкѣ значитъ обречь ее на безплодіе. Умственная гимнастика, въ которой иные полагаютъ всю силу изученія древнихъ языковъ, есть послѣднее дѣло; главная сила ихъ состоитъ напротивъ въ томъ жизненномъ содержаніи, въ тѣхъ оплодотворяющихъ началахъ, которыя они даютъ уму учащагося, возбуждая въ немъ самостоятельныя силы. Отдѣльное изученіе латинскаго языка, не приводящее къ греческому, было бы повтореніемъ безплодной схоластики среднихъ вѣковъ; въ наше время это было бы умственнымъ уродствомъ, которое было бы тѣмъ разительнѣе, чѣмъ полнѣе и отчетливѣе овладѣлъ бы учащійся латинскимъ языкомъ безъ всякаго знанія греческаго. Кругъ идей, къ которымъ открываетъ доступъ латинскій языкъ, самъ имѣетъ своимъ первоначальнымъ источникомъ, своимъ корнемъ греческій языкъ, греческую литературу, греческую мысль. Каждою фиброй своею латинская мысль связана съ греческою, и отъ нея заимствуетъ свою жизнь и силу. Латинскій языкъ есть великое педагогическое орудіе; на немъ воспиталось все европейское человѣчество, на немъ выработались всѣ педагогическіе пріемы и методы, безъ него нѣтъ филологіи; безъ него не можетъ обойдтись методическое и основательное изученіе греческаго языка. Безъ пособія латинскаго языка нельзя было бы плодотворно овладѣть этимъ великимъ матеріяломъ. Изученіе же одного латинскаго языка, не примыкающее къ греческому, было бы изученіемъ безъ смысла и безъ цѣли. Да, наконецъ, простительно ли намъ, поставленнымъ исторіей въ ближайшую связь съ Греціей, намъ, которыхъ связываютъ съ греческимъ языкомъ самыя священныя преданія наши, простительно ли намъ обѣгать его, когда именно въ этомъ-то языкѣ таится самая основная и самая живительная сила классическаго образованія? Простительно ли намъ уклоняться отъ него, когда этому языку учатся во всѣхъ классическихъ школахъ Европы? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что основательное и серіозное изученіе этого языка въ нашихъ школахъ, въ какія-нибудь десять лѣтъ, высоко подняло бы уровень нашей умственной жизни. Во всей сферѣ нашего образованія, во всѣхъ родахъ знанія и литературы, скоро почувствовался бы притокъ оплодотворяющей силы, и только тогда могли бы мы и сами узнать, и другимъ показать русскую оригинальную мысль, русское самостоятельное знаніе и творчество. Къ чему послужатъ и что за странныя явленія представятъ изъ себя эти филологическія гимназіи, основанныя на одномъ изъ древнихъ языковъ, при полномъ исключеніи другаго? Для чего воспитаемъ мы этого юнаго филолога, который, выйдя изъ нашей латинской гимназіи, не будетъ знать и азбуки греческой? Къ чему послужитъ ему латынь, какъ бы онъ тщательно ни выучился ей? Развѣ только къ тому, чтобы умѣть щегольнуть латинскою фразой въ разговорѣ,

> Потолковать о Ювеналѣ
> Въ концѣ письма поставить vale.

Нѣтъ, не духъ плодотворнаго филологическаго образованія выйдетъ изъ такихъ школъ, а духъ фанфаронства новаго рода, или мертвая схоластика ни къ чему не-

пригодная! Мы готовы думать, что вмѣсто такихъ, на одномъ латинскомъ языкѣ, основанныхъ гимназій лучше ужъ покрыть все раздолье нашего бѣднаго отечества заведеніями устроенными по плану г. Водовозова. По крайней мѣрѣ это было бы нѣчто характеристическое, нѣчто цѣльное; по крайней мѣрѣ это значило бы мужественно испить до дна всю чашу безсмыслицы и нелѣпости.

Наконецъ, вотъ о чемъ слѣдуетъ намъ подумать серіозно, соображая окружающія обстоятельства и настоятельныя требованія текущей минуты: у насъ нѣтъ учителей; мы терпимъ страшный недостатокъ не только въ порядочныхъ, но и въ какихъ-нибудь педагогическихъ дѣятеляхъ. Педагогическіе дѣятели могутъ выходить только изъ двухъ факультетовъ, филологическаго и математическаго, и главнымъ образомъ изъ перваго. Кромѣ учителей древнихъ языковъ, учитель русскаго языка и учитель исторіи выходятъ только изъ филологическаго факутельтета. Въ филологическій же факультетъ могутъ поступать только тѣ молодые люди, которые обучались обоимъ древнимъ языкамъ. Теперь спрашивается, много ли студентовъ могутъ поступать въ филологическій факультетъ нашихъ университетовъ изъ десяти классическихъ гимназій на всю Россію? Можетъ ли быть обиленъ выборъ педагогическихъ дѣятелей, которыхъ намъ требуется не мало, особенно въ настоящую пору, когда обстоятельства побуждаютъ насъ быть особенно строгими и осторожными въ выборѣ? Вѣдь мы, кажется, хотимъ еще чтобы въ западномъ краѣ всѣ учители были несомнѣнно русскаго происхожденія? А откуда же мы возьмемъ ихъ при той скудости, на которую мы сами добровольно обрекаемъ себя?..

Б.

Г. Погодинъ прислалъ намъ отвѣтъ,— не отвѣтъ на какой-нибудь вопросъ, а разъясненіе того, что̀ говорилъ онъ въ засѣданіи Думы 11-го мая. Изъ этого объясненія явствуетъ, что г. Погодинъ не зналъ о чемъ въ этомъ засѣданіи шла рѣчь. Въ Думѣ рѣшался вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли предоставить привилегію печатанія ея офиціяльныхъ извѣстій частному листку, и сдѣлать, такимъ образовать, одну половину его офиціяльнымъ органомъ Думы съ тѣмъ чтобы другая половина оставалась независимымъ органомъ его издателей, которые могутъ говорить обо всемъ что̀ имъ угодно, лишь бы только въ отзывахъ своихъ о городскомъ управленіи не говорили ничего такого что̀ было бы непріятно вліятельнымъ лицамъ городскаго управленія. Г. Погодинъ ничего не зналъ объ этомъ; онъ говорилъ совсѣмъ другое; онъ толковалъ о предметахъ, не имѣющихъ ни малѣйшаго отношенія къ вопросу; онъ разказывалъ сидѣвшимъ вокругъ него слушателямъ и публикѣ, собравшейся послушать думскаго краснорѣчія, о томъ, какое славное дѣло гласность, и какъ было бы хорошо, еслибъ у насъ было поболѣе разныхъ газетъ, въ которыхъ обсуждались бы разные вопросы, и для этого привелъ въ примѣръ Англію и почему-то особенно полюбившійся ему билль объ отмѣнѣ пошлины па бумагу. Ему казалось, что Дума рѣшаетъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли допустить у насъ гласность; ему представилось, что Дума имѣетъ власть принять какую-либо мѣру, которая можетъ стѣснить или расширить свободу печати въ сужденіяхъ о ея дѣйствіяхъ, и старался настроить ее въ возможно-болѣе либеральномъ смыслѣ; онъ полагалъ, что Думѣ дана власть разрѣшать и не разрѣшать основаніе газетъ и журналовъ, и по весьма похвальному чувству, онъ хотѣлъ предрасположить ее къ щедрому пользованію имѣющеюся у нея властью, хотѣлъ разжать ея руку, чтобъ изъ нея въ изобиліи посыпались патенты на новыя газеты и журналы. Г. Погодинъ—литераторъ, долго подвизавшійся на поприщѣ печати: какъ же требовать, чтобы сидящіе въ Думѣ, разные почтенные обыватели Москвы, никогда не занимавшіеся подобными вопросами, понимали, о чемъ шла рѣчь, и сознательно подавали свой голосъ? Г. Погодину предстояло подать свой голосъ по вопросу о томъ, желательно ли чтобы частному изданію предоставлена была привилегія служить офиціяльнымъ органомъ городскаго управленія, то-есть чтобы всѣ документы городскаго управленія обязательно печатались въ листкѣ, гдѣ гг. Щепкинъ и Корсакъ будутъ высказывать свои *независимыя* мнѣнія, ни въ какой связи и солидарности съ Думой не состоящія. Г. Погодинъ подалъ свой голосъ въ пользу предоставленія такой привилегіи, и весьма ревностно отстаивалъ мнѣніе большин-

ства коммиссіи; но теперь, когда онъ уже подалъ свой голосъ, оказывается, что онъ противъ монополіи, и не желаетъ, чтобы Дума дала одному частному, отъ ней независящему изданію привилегію печатать ея документы и считаться ея офиціяльнымъ органомъ.

№ 122.

Москва, 3-го іюня.

Извѣстія о томъ, что пріостановка военныхъ дѣйствій между германскими державами и Даніей продолжена только на 14 дней (до 26-го іюня) произвели вообще неблагопріятное впечатлѣніе въ Германіи. Прусскія газеты съ воплемъ указываютъ, что морская торговля Пруссіи и Сѣверной Германіи ничего не выиграетъ отъ срока, который не допускаетъ серіозныхъ коммерческихъ предпріятій, и что въ интересахъ Германіи желательно, чтобы война ведена была безостановочно, съ возможно-большею энергіей, и чтобы такимъ образомъ достигнутъ былъ прочный и надежный миръ. Дабы смягчить впечатлѣніе, и съ другой стороны, побудить Данію къ дальнѣйшимъ уступкамъ, *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, органъ г. фонъ Бисмарка, объявляетъ, отъ 9-го іюня, что это—послѣдняя уступка, которую дѣлаетъ Пруссія въ пользу возстановленія мира. „Если въ этотъ 14-дневный срокъ, предоставленный для переговоровъ, не будутъ найдены способы для примиренія разногласій, продолжаетъ министерская газета, повторяя отъ себя то что̀ передъ отсрочкой было сказано Даніей, то Пруссія, давшая уже столько доказательствъ своего миролюбія (!), тѣмъ съ большею энергій пуститъ въ дѣло свой мечъ, за который принудятъ ее снова взяться.“ *Volkszeitung* указываетъ даже, что Пруссія, въ противность парижскому трактату, не замедлитъ выдать каперскія свидѣтельства, въ возмездіе за стѣснительный и противный постановленіямъ парижскаго конгресса способъ блокады, котораго придерживается Данія; сверхъ того, Пруссія будто бы имѣетъ въ виду вести борьбу съ Даніей и на морѣ, и съ этою цѣлью уже купила три панцырныя судна. Нѣмцы, очевидно, расходились. Успѣетъ ли Лондонская конференція воспользоваться краткимъ срокомъ, ей предоставленнымъ, лучше чѣмъ можетъ воспользоваться имъ нѣмецкая морская торговля?

Принципъ раздѣленія Шлезвига между Даніей и Германіей, или вѣрнѣе, между Даніей и Гольштейномъ, какъ извѣстно, допускается всѣми, за исключеніемъ, разумѣется, демократической партіи въ Германіи, органомъ которой, между прочимъ, служитъ и берлинская *Національная Газета*, провозглашающая въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ нумеровъ, что миръ, который состоялся бы на этой основѣ, былъ бы въ одномъ отношеніи удовлетворительнѣе, а въ другомъ—еще позорнѣе, чѣмъ ненавистные этой партіи договоры 1852 г.; но демократія плохо различаетъ возможное отъ невозможнаго. Болѣе разсудительный, уполномоченный отъ Германскаго Союза, г. фонъ-Бейсъ, по свидѣтельству *Новой Франкфутской Газеты*, въ послѣднихъ своихъ донесеніяхъ сейму говоритъ въ пользу раздѣленія Шлезвига. Въ офиціяльномъ *Дрезденскомъ Журналѣ* напечатана, 9-го іюня, длинная статья, подготовляющая общественное мнѣніе къ уступкамъ въ этомъ отношеніи. Въ ней прежде всего указывается на опасности европейской войны, которая будетъ неизбѣжна, коль скоро одна изъ нейтральныхъ державъ вступится за Данію. Права Германіи, говоритъ *Дрезденскій Журналъ*, достаточно ограждаются тѣмъ, что датскія притязанія на Герцогства будутъ отвергнуты. Изъ вниманія къ общеевропейскому миру и къ общему благу, Германія можетъ отказаться отъ одной части того чѣмъ она успѣла завладѣть. Данія, съ своей стороны, готова отказаться отъ Лауэнбурга, хотя вопросъ о правахъ обладанія этимъ герцогствомъ довольно сомнителенъ. Сверхъ того, по мнѣнію этого журнала, въ той части Шлезвига, которая, по рѣшенію конференціи, должна была бы отойдти къ Даніи, необходимо призвать само населеніе къ подачѣ голосовъ, и предоставить меньшинству право выселенія въ то государство, которое оно предпочтетъ. Пруссія, какъ извѣстно, еще прежде предлагала такую же подачу голосовъ, ограниченную только смежными между Ютландіей и Шлезвигомъ округами, на что̀, по увѣренію *Patrie*, отъ 8-го іюня, никакъ не можетъ согласиться Франція. По мнѣнію послѣдней, конференція должна предварительно установить сѣверную границу Шлезвига, а потомъ уже все населеніе этого новаго Шлезвигъ-Гольштейнскаго государ-

ства должно быть спрошено, кого желаетъ оно имѣть своимъ государемъ. Граница будетъ опредѣлена не подачей голосовъ, а средствами старинными — мечомъ армій и перомъ дипломатовъ: подачей голосовъ будетъ рѣшенъ только внутренній вопросъ о правительствѣ,—интересное отступленіе отъ принципа употребленнаго въ дѣло когда присоединялись Ницца и Савоія. Другая французская газета, *Nation*, сообщаетъ слухъ что для опредѣленія этой границы конференція отправитъ отъ себя особыхъ коммиссаровъ въ Шлезвигъ. Наибольшія трудности заключаются именно въ опредѣленія этой границы.

Какъ извѣстила насъ телеграмма изъ Лондона, отъ 10-го іюня, въ засѣданіи 9-го іюня, на которомъ постановлено было продлить пріостановку военныхъ дѣйствій до 26-го іюня, мирное рѣшеніе датско-германской распри нисколько не подвинулось впередъ. Подробныхъ извѣстій объ этомъ засѣданіи не имѣется; но лондонскій корреспондентъ *Кельнской Газеты*, въ письмѣ отъ 7-го іюня, сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о предыдущихъ засѣданіяхъ, ручаясь за ихъ достовѣрность. 28-го мая англійскіе уполномоченные выступили впервые съ своимъ предложеніемъ, текстъ котораго помѣщенъ во вчерашнемъ нумерѣ нашей газеты, о раздѣленіи Шлезвига по линію рѣки Шлей, объ отдѣленіи отъ Даніи Лауэнбурга, о томъ, чтобы всѣ державы поручились за неприкосновенность прочихъ владѣній Даніи и чтобы Германія не строила крѣпостей въ тѣхъ областяхъ, которыя къ ней отходятъ, не вооружала Рендсбурга и не обращала Киля въ военную гавань. Датскіе уполномоченные выжидали, пока это предложеніе не было отвергнуто представителями германскихъ державъ, и когда въ засѣданіи 6 іюня оно было отчасти отвергнуто послѣдними, они приняли его въ полномъ составѣ, объявивъ, что это—послѣдній предѣлъ, далѣе котораго не могутъ простираться уступки Даніи. Корреспондентъ *Кельнской Газеты* прибавляетъ, что объявленіе датскихъ уполномоченныхъ произвело такое сильное впечатлѣніе, что на нѣсколько минутъ въ залѣ конференціи водворилось совершенное молчаніе.

Тѣмъ не менѣе почти во всѣхъ нѣмецкихъ газетахъ высказывается увѣренность, что Данія рѣшится на новыя территоріяльныя пожертвованія. Франція, какъ пишутъ въ *Кельнской Газетѣ*, уже предлагаетъ линію отъ Фленсбурга до Бредштедта, со включеніемъ перваго изъ этихъ пунктовъ въ датскія владѣнія; но это предложеніе не удовлетворяетъ ни Нѣмцевъ, ни Датчанъ: Пруссія, по меньшей мѣрѣ, требуетъ линіи отъ Фленсбурга до Тондерна, какъ видно изъ словъ прусской министерской газеты (*Norddeutsche Allgemeine Zeitung*). Австрія, которая не соглашается на призваніе самого населенія Герцогствъ къ заявленію его желаній, идетъ, въ отношеніи къ сѣверной границѣ Шлезвига, еще далѣе Пруссіи, желая превзойдти ее хоть въ этомъ случаѣ: она настаиваетъ на линіи отъ Апенраде до Тондерна.

Что же касается до дѣйствительной помощи Даніи со стороны нейтральныхъ державъ, то германскія державы, повидимому, ея не опасаются. „Императоръ Французовъ, пишутъ въ *Ostdeutsche Post* изъ Парижа, отъ 4-го іюня, желаетъ мира; министерство же Пальмерстона и Росселя увѣрено, что дни его изочтены, коль скоро конференція разойдется, не успѣвъ возстановить миръ, и сами вожди оппозиціи недавно имѣли свое совѣщаніе не съ тѣмъ, чтобы грозить министерству, а съ тѣмъ, чтобы заставить его склонить Данію къ дальнѣйшимъ уступкамъ.“ Это извѣстіе было бы чрезвычайно важно, еслибъ ему можно было придать полную вѣру. То, что тутъ говорится о вождяхъ оппозиціи, совершенно противорѣчитъ ихъ образу дѣйствій въ парламентѣ. Въ засѣданіи палаты общинъ 6-го іюня оппозиція сдѣлала крайне непріятную сцену лорду Пальмерстону изъза датскаго дѣла. „Характеристическая „черта нашей системы, сказалъ вождь оппозиціи въ этой палатѣ, г. Дизраэли, „черта отличающая ее отъ иноземныхъ попытокъ устроить парламентарное правленіе, есть сдержанность господствующая „въ парламентѣ, когда извѣстно, что правительство Ея Величества занято переговорами, отъ которыхъ можетъ зависѣть „вопросъ о войнѣ и мирѣ. Эта сдержанность есть одна изъ вѣрнѣйшихъ гарантій прочности парламентарнаго правленія. „Но парламентская скромность основана „на томъ условіи, чтобы парламенту были „извѣстны главныя начала, руководящія „переговорами, и чтобы парламентъ одобрялъ общую политику правительства. А „когда мы слышимъ, что путь избранный „правительствомъ прямо противоположенъ „тому, что было возвѣщено этой палатѣ,

„то невозможно ожидать, чтобы мы въ этой „палатѣ, гдѣ популярный элементъ такъ „силенъ, сохраняли величавую безмятеж-„ность и не ожидали отъ министровъ ка-„кого нибудь сообщенія, могущаго про-„свѣтить общественное мнѣніе. Благород-„ный лордъ говорилъ намъ часто, онъ го-„ворилъ намъ постоянно, что политика пра-„вительства Ея Величества заключается „въ поддержкѣ цѣлости и независимости „Даніи. Благородный лордъ принялъ уча-„стіе въ конференціи чтобы поддерживать „эту политику, и только потому палата „общинъ хранила молчаніе. Но если—какъ „говоритъ молва, которой я не могу вѣрить „находя ее черезчуръ невѣроятною—если „теперь все перемѣнилось, если правда, „что правительство, которое пять мѣся-„цевъ тому назадъ дѣлало императору Фран-„цузовъ предложенія, клонившіяся даже къ „возбужденію европейской войны, если прав-„да, что люди, которые слѣдовали тогда „этой чрезвычайно опасной, но по крайней „мѣрѣ чистосердечной политикѣ, теперь, „послѣ того какъ имъ удалось созвать „конференцію, сами довершаютъ разруше-„ніе цѣлости и независимости Даніи (*громкое „одобреніе*), — если все это правда, то я „долженъ сказать, что палата общинъ имѣ-„етъ право ожидать какого-нибудь разъ-„ясненія, и благородный лордъ можетъ быть „увѣренъ, что ни парламентъ, ни страна „не будутъ долго хранить молчаніе при те-„перешнихъ обстоятельствахъ. Если пред-„положеніе, которое я назвалъ бы дикимъ, „когда бы оно не подтверждалось свѣдѣ-„ніями, какъ я опасаюсь, точными,—если „это предположеніе вѣрно, то я долженъ „сказать, что ни одно собраніе на свѣтѣ „не можетъ быть обмануто съ большею пред-„намѣренностью чѣмъ была обманута па-„лата общинъ.“ Лордъ Пальмерстонъ отвѣ-чалъ коротко. Онъ сказалъ, что входить въ подробности дѣла для него невозможно. Онъ просилъ г. Дизраэли изложить въ чемъ должна заключаться политика правитель-ства, и предложить палатѣ рѣшеніе, кото-рое утвердило бы эту политику. Дѣло на этомъ и остановилось, хотя торійскія га-зеты продолжаютъ сильно нападать на лор-да Пальмерстона за его готовность допу-стить, какъ онѣ выражаются, „раздѣлъ Даніи.“ Торійскія газеты говорятъ очень воинственнымъ тономъ, но тѣмъ не менѣе нѣтъ ни малѣйшаго признака, чтобъ Ан-глія намѣревалась серіозно поддерживать програму, защищаемую торійскими газе-тами,—цѣлость и независимость датской монархіи. Англія не дѣлаетъ приготовленій къ войнѣ за Данію; теперь вопросъ со-стоитъ только въ томъ, до какой степени Англія намѣрена выдать Данію, до какого предѣла будутъ идти уступки, которыя Англія согласится сдѣлать Германіи на датскій счетъ. Поэтому-то нѣмецкія дер-жавы говорятъ такимъ высокимъ тономъ. Онѣ не предвидятъ серіознаго столкнове-нія. Прусская *Провинціальная Корреспон-денція* (разсылаемая провинціяльнымъ га-зетамъ для сообщенія имъ вѣрныхъ и пріят-ныхъ правительству свѣдѣній), объявляя, что правительство вовсе не думаетъ о со-званіи палатъ, прибавляетъ, что объ этомъ могла бы возникнуть мысль только въ томъ случаѣ, еслибы наступила вѣроятность но-ваго и бо́льшаго политическаго замѣша-тельства и расширенія театра войны, чего теперь, по словамъ ея, вовсе не ожидается. Итакъ нѣмецкія державы, не смотря на торійскія разглагольствія, надѣются на уступку со стороны Англіи. Вопросъ, повто-ряемъ, состоитъ только въ томъ, какъ далеко пойдетъ эта уступчивость. А такъ какъ въ политикѣ безкорыстныя уступки неизвѣстны, то интересъ сосредоточивается на тѣхъ политическихъ комбинаціяхъ, ко-торыми государственные люди Англіи мо-гутъ вознаградить себя за свою уступчи-вость.

Прямодушнѣе и послѣдовательнѣе всѣхъ другихъ державъ дѣйствовала въ этомъ запутанномъ датско-германскомъ вопросѣ Россія. Пока было возможно, она вмѣстѣ съ другими державами поддерживала Лон-донскій трактатъ, и старалась склонить обѣ враждующія стороны къ примиренію; когда и сама Англія отреклась отъ этого трактата, то Россія взяла назадъ свои уступки, сдѣланныя въ виду этого трак-тата, и уступила свои права наслѣдованія въ Герцогствахъ великому герцогу Ольден-бургскому, который и предъявилъ ихъ кон-ференціи, чрезъ посредство россійскаго посла въ Лондонѣ, барона Бруннова. Этотъ оборотъ дѣла произвелъ сильное впечатлѣ-ніе въ Германіи. По словамъ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, шлезвигъ-гольштейн-скій вопросъ получитъ вслѣдствіе того со-всѣмъ другой видъ. Пруссія и Австрія за-явили конференціи, въ засѣданіи 2-го іюня, когда послѣдовало объявленіе барона Брун-нова, что онѣ съ своей стороны еще не

предрѣшали вопроса о престолонаслѣдіи въ Герцогствахъ. Такимъ образомъ онѣ какъ бы допускали кандидатуру великаго герцога Ольденбургскаго. Послѣднее телеграфическое извѣстіе, отъ 10-го іюня, о томъ, что германскіе уполномоченные подали объявленіе о признаніи Союзомъ принца Августенбургскаго, отчасти опровергается органомъ г. фонъ-Бисмарка.

Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, виды Пруссіи и Австріи рѣшительно расходятся между собою. Пруссія никакъ не хочетъ отказаться отъ надежды воспользоваться обстоятельствами для расширенія своего владычества или, по крайней мѣрѣ, своего вліянія въ сѣверной Германіи, и въ этомъ отношеніи уступка Россіей ея правъ на нѣкоторыя части Шлезвига и Гольштейна великому герцогу Ольденбургскому съ руки для Пруссіи. Это обстоятельство или возбудитъ опасенія въ принцѣ Августенбургскомъ, и сдѣлаетъ его болѣе податливымъ на предложенія Пруссіи, или же въ случаѣ успѣха кандидатуры герцога Ольденбургскаго, послужитъ для Пруссіи поводомъ потребовать отъ послѣдняго въ видѣ вознагражденія за военныя издержки различныхъ территоріяльныхъ уступокъ въ герцогствѣ Ольденбургскомъ. Россія можетъ скорѣе поздравить Пруссію съ Ядe чѣмъ съ Килемъ. Впрочемъ желаніямъ Пруссіи едва ли суждено будетъ осуществиться. За исключеніемъ, можетъ быть, одной Россіи, всѣ другія державы, повидимому, намѣрены рѣшительно имъ противиться, а германскія государства, и во главѣ ихъ Австрія, даже болѣе чѣмъ всѣ другія, и чѣмъ сильнѣе прусскія полуофиціяльныя газеты ратуютъ противъ принца Августенбургскаго, тѣмъ болѣе вступаются за него австрійскія газеты. По словамъ *Ostdeutsche Post*, поддержаніе принца Августенбургскаго стало дѣломъ чести для Австріи, съ тѣхъ поръ какъ онъ отказался стать орудіемъ прусской политики.

Въ такомъ нерѣшительномъ и колеблющемся видѣ представляется теперь датско-германскій вопросъ, ставшій въ послѣднее время центральнымъ вопросомъ всей европейской политики. Отъ дальнѣйшаго его развитія, очевидно, зависятъ миръ и спокойствіе всей Европы. Отрицать важность этого вопроса значитъ ничего не понимать въ современномъ положеніи дѣлъ. Появленіе или непоявленіе англійской эскадры у береговъ Даніи очень можетъ зависѣть отъ будущаго образа дѣйствій Пруссіи и Австріи на отдаленномъ европейскомъ востокѣ и на сѣверномъ берегу Африки, гдѣ уже и теперь происходитъ столкновеніе между великими державами. Князь Куза дѣйствуетъ, очевидно, по внушеніямъ Франціи, и этимъ объясняется долготерпѣніе Турціи. Во *Всеобщую Австрійскую Корреспонденцію* пишутъ, между прочимъ, изъ Константинополя, отъ 2-го іюня, что протестъ Порты противъ образа дѣйствій молдо-валахскаго господаря показался очень неудовлетворителенъ дипломаческимъ агентамъ всѣхъ державъ, за исключеніемъ Франціи. Этотъ протестъ направленъ болѣе противъ формы чѣмъ противъ сущности дѣла. Повидимому, Порта не надѣется на достаточно сильную поддержку своего протеста. Переворотъ 2-го мая, заключающій въ себѣ нарушеніе парижской конвенціи, можетъ пройдти князю Кузѣ такъ же даромъ, какъ и отнятіе имуществъ у греческихъ монастырей. Съ другой стороны, Порта, поддерживаемая Англіей, повидимому, не прочь была бы возстановить свою власть надъ Тунисомъ, и всячески старается противодѣйствовать тамъ вліянію французскаго генеральнаго консула. Несмотря на всѣ его старанія, французскому консулу не удалось ни удалить Хазнадара, ни добиться, въ его отсутствіе, аудіенціи у бея. Франція не безъ особенныхъ видовъ сосредоточиваетъ свои морскія военныя силы въ этихъ мѣстностяхъ.

Будемъ надѣяться, что еслибы суждено было возродиться восточному вопросу, то онъ возродился бы теперь при болѣе благопріятныхъ условіяхъ для Россіи чѣмъ въ пятидесятыхъ годахъ. Но было бы крайнимъ легкомысліемъ утверждать, будто бы Россія должна сама, своимъ образомъ дѣйствій, содѣйствовать возбужденію восточнаго вопроса, и вмѣстѣ съ тѣмъ оставаться совершенно равнодушною къ тому что̀ происходитъ на берегахъ Эйдера или Рейна и что̀ касается общаго равновѣсія Европы. Стоитъ только осмотрѣться кругомъ, чтобъ убѣдиться, желательно ли для Россіи возбужденіе восточнаго вопроса, и съ другой стороны стоитъ только ближе ознакомиться съ политическими вопросами, чтобъ усмотрѣть тѣснѣйшую связь между ними. Оставаясь же равнодушною къ вопросамъ общеевропейскаго равновѣсія, Россія отказывалась бы отъ значенія великой державы.

Положеніе великой державы въ томъ и состоитъ, чтобы во всякомъ европейскомъ дѣлѣ видѣть свое дѣло.

№ 124.

Москва, 4-го Іюня.

Намъ было очень пріятно прочитать пригласительную программу къ акту, имѣющему быть на дняхъ въ частной гимназіи содержимой въ Петербургѣ г. Видеманомъ. Въ этой программѣ излагаются здравые взгляды на воспитаніе и высказано нѣсколько мѣткихъ сужденій о спорныхъ педагогическихъ вопросахъ. Заведеніе г. Видемана есть заведеніе частное и принуждено приноровляться къ измѣнчивымъ вкусамъ и требованіямъ публики. Рядомъ съ классическою гимназіей существуетъ въ этомъ заведеніи реальное отдѣленіе и даже особая коммерческая школа; не отсутствуетъ, разумѣется, ни преподаваніе естественныхъ наукъ, ни куріозное преподаваніе химіи, хотя г. Видеманъ сознается, что рѣшительно не понимаетъ къ чему оно служитъ. Программа г. Видемана свидѣтельствуетъ, что съ его стороны дѣлается все возможное чтобы нейтрализировать послѣдствія заблужденій, которыя лежатъ какъ кошемаръ-душитель на нашихъ училищахъ. Главнымъ ядромъ своего заведенія г. Видеманъ считаетъ гимназію, основанную на изученіи древнихъ языковъ, и употребляетъ съ своей стороны всѣ мѣры убѣжденія, чтобъ удерживать учениковъ отъ перехода въ реальное отдѣленіе. Онъ свидѣтельствуетъ, что это отдѣленіе наполняется обыкновенно слабѣйшими изъ воспитанниковъ, и спрашиваетъ, не слѣдуетъ ли уже изъ одного этого наблюденія, дѣлаемаго и въ другихъ гимназіяхъ, заключить, что древніе языки должны считаться лучшимъ пробнымъ камнемъ зрѣлости къ поступленію въ университетъ, — конечно, прибавляетъ онъ, не въ такой университетъ, куда открытъ доступъ и прекрасному полу и гдѣ галантерейные профессоры въ популярныхъ бесѣдахъ разжижаютъ науку водицей, чтобы развлекать своихъ слушателей. Онъ замѣчаетъ совершенно справедливо: „если и Россіи суждено подняться до общаго высшаго образованія, если русская литература должна освободиться отъ рабства французской литературѣ, то, конечно, волшебный напитокъ долженъ течь и къ намъ изъ Кастальскаго источника классической древности.“

Г. Видеманъ жалуется на чрезмѣрное множество уроковъ, которыми обременены ученики въ нашихъ гимназіяхъ и которыми онъ принужденъ обременять и своихъ воспитанниковъ, такъ какъ частное заведеніе не можетъ бороться съ положеніемъ дѣлъ зависящимъ отъ общаго учебнаго законодательства. Онъ указываетъ на фактъ заслуживающій серіознаго вниманія, что воспитанники петербургскихъ учебныхъ заведеній вообще физически слабѣе чѣмъ воспитанники остзейскихъ училищъ. Мы не успѣваемъ выучить нашихъ учениковъ, но отлично успѣваемъ заучить ихъ. Пора бы серіозно подумать о причинахъ этой превратности; пора бы намъ дать себѣ ясный отчетъ въ коренной изъ этихъ причинъ. Наша общая бѣда, какъ и бѣда нашей учебной части, состоитъ въ той несчастной характеристической чертѣ нашего прогресса, что онъ происходитъ словно въ безвоздушномъ пространствѣ. Наши нововведенія, какъ уже почти всѣ мы начинаемъ понимать, не встрѣчаютъ никакихъ затрудненій именно потому что совершаются на поверхности и не претендуютъ на дѣйствительную жизнь. Намъ черезчуръ легко заводить у себя все то, о чемъ кто-нибудь за границей только заикнется, и мы заводимъ у себя сегодня то, завтра другое. Ко многому, существующему только для вида, отчего не присоединить еще чего-нибудь, что̀ также будетъ существовать для вида? Мы привыкли заботиться не о томъ, какъ что̀ выдетъ въ дѣйствительности, а только о томъ какъ размашистъ и затѣйливъ будетъ сочиненный нами проектъ. Неудобоисполнимость насъ нисколько не смущаетъ, мы привыкли не обращать вниманія на дѣйствительность. Что̀ за бѣда, что гимназисты не выучиваются какъ слѣдуетъ ни одному изъ предметовъ, которымъ по уставу они должны выучиваться? Но мы забываемъ одно: уставъ можетъ быть исполненъ до такой степени формально, что въ результатѣ окажется чрезвычайно мало ученья, а все-таки нѣтъ возможности до такой степени не исполнить устава, чтобъ избавить учениковъ отъ мученья, дѣйствующаго разрушительно на ихъ физическое и нравственное здоровье, даже на ихъ честность, гибнущую въ попыткахъ обманывать наставниковъ дабы удовлетво-

рять неисполнимымъ требованіямъ. Мы смотримъ равнодушно на всѣ эти плоды нашей педагогической дѣятельности. Противъ насъ свидѣтельствуютъ цѣлыя поколѣнія нашихъ питомцевъ, изнуренныя физически, извращенныя нравственно, но мы все еще не отстаемъ отъ привычки не обращать вниманія на сущность дѣла, довольствуясь его внѣшностью. Мы идемъ все далѣе на этомъ пути, — продолжаемъ перенимать лишь то что̀ можно перенять внѣшнимъ образомъ, то-есть самое дурное. Учить какъ слѣдуетъ, учить чтобы научить, этого перенять нельзя. Но учить многому, это относится къ наружности дѣла; это осязательно; это можетъ быть предписано уставомъ: и вотъ мы чувствуемъ влеченіе учить многому, и въ этомъ отношеніи скоро превзойдемъ всѣ народы міра.

Многоученіе есть новость, весьма недавняя, въ нѣмецкихъ гимназіяхъ, и мы съ жаромъ принялись вводить у себя эту новость, не справившись, каковы плоды ея въ самой Германіи. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что нѣмецкія гимназіи зашли слишкомъ далеко въ этомъ отношеніи, что множество предметовъ преподаванія разсѣиваетъ и ослабляетъ силы учащихся, и что они вступаютъ въ жизнь усталые, чувствуя не позывъ къ дѣятельности, какъ слѣдовало бы, а потребность отдохнуть отъ трудовъ школы. Превратность этого направленія, кажется, не должна бы укрываться отъ нась. Насмѣшки надъ нѣмецкимъ филистерствомъ хорошо намъ извѣстны и охотно повторяются нами, особенно въ соединеніи съ насмѣшками надъ неестественнымъ характеромъ нѣмецкаго гелертерства. Мы трунимъ надъ Нѣмцами, и въ то же время, не будучи въ состояніи перенять у нихъ то что̀ скрывается за случайною оболочкой и составляетъ силу нѣмецкой цивилизаціи, мы спѣшимъ перенять именно эту случайную оболочку. Что̀ можетъ быть несообразнѣе этого способа дѣйствій, и чѣмъ можетъ быть объяснена эта несообразность кромѣ вкоренившейся въ насъ привычки интересоваться одною наружностью всякаго дѣла? И мы не просто перенимаемъ: не основываясь ни на чемъ и ничѣмъ не стѣсняясь, мы выступаемъ изъ всякой мѣры и оставляемъ за собою далеко даже ту односторонность которую копируемъ. Нѣмецкія гимназіи чрезмѣрно загромождены предметами, но тѣмъ не менѣе за древними языками, какъ за предметомъ самымъ главнымъ, остается принадлежащее имъ мѣсто, такое мѣсто какого мы для нихъ и требовать не смѣемъ, и существенная часть гимназическаго преподаванія отнюдь не приносится въ жертву многопредметности. А мы готовы совсѣмъ забыть главное, гоняясь за ложно-понятымъ разнообразіемъ и обиліемъ свѣдѣній, которыя мы хотимъ передать гимназистамъ, и которыя, даже еслибы были дѣйствительно переданы, сдѣлали бы изъ нихъ только попугаевъ.

Школа не можетъ научить всему тому что̀ нужно въ жизни; она не можетъ избавить отъ необходимости, она не должна заглушать въ молодомъ человѣкѣ потребность учиться и по вступленіи его въ жизнь. Школа, приготовляющая къ университетскому ученью, должна только ввести учащагося въ міръ всеобщей цивилизаціи, давъ ему возможность овладѣть ея корнями. Ничего другаго нельзя требовать отъ гимназіи. Дальнѣйшее должны дать университетъ и еще болѣе самый трудъ жизни. Мы совершенно сочувствуемъ тому что̀ говоритъ г. Видеманъ о многоученіи, и вмѣстѣ съ нимъ сожалѣемъ, что онъ, по своей зависимости отъ окружающихъ его условій, лишенъ возможности прилагать къ своей школѣ тѣ здравыя педагогическія начала, которыя онъ такъ вѣрно излагаетъ въ своей программѣ.

№ 125.

Москва, 5-го Іюня.

Съ удовольствіемъ печатаемъ мы сегодня письмо барона Гершау, вызванное одною изъ нашихъ статей и имѣющее цѣлію показать въ истинномъ свѣтѣ образъ мыслей лифляндскаго дворянства по отношенію къ нашему общему отечеству. Хотя смыслъ этого письма очень порадовалъ насъ, но мы были нѣсколько удивлены тономъ возраженія, которымъ оно писано. Ни въ той статьѣ нашей, къ которой письмо барона Гершау относится, ни въ другой по тому же предмету, которая вскорѣ за ней послѣдовала, не высказывалось никакихъ неблагопріятныхъ заключеній объ образѣ мыслей и направленіи лифляндскаго дворянства. Намъ рѣдко случалось говорить о дѣлахъ этого края; но мы просимъ барона Гершау, который сѣтуетъ на за-

мѣчаемое имъ натянутое отношеніе русской печати къ прибалтійскимъ губерніямъ, найдти хотя одну строку въ нашихъ изданіяхъ, отъ самаго начала ихъ до нынѣшняго недоразумѣнія, гдѣ бы говорилось что-нибудь не благопріятное о лифляндскомъ или курляндскомъ дворянствѣ. Мы не слѣдили за отношеніями русской печати къ прибалтійскимъ губерніямъ и не можемъ въ точности сказать, въ какой мѣрѣ справедливъ укоръ нашего почтеннаго корреспондента; насъ во всякомъ случаѣ укоръ этотъ касаться не можетъ. Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда намъ доводилось сказать слово о дѣлахъ этого края, мы говорили безъ всякой натянутости, безъ всякаго предубѣжденія или недоброжелательства. Наконецъ, въ этихъ самыхъ статьяхъ нашихъ, вызвавшихъ возраженіе барона Гершау, мы высказывались съ живою симпатіей о тѣхъ лицахъ нѣмецкаго происхожденія, которыя, будучи гражданами Русскаго государства, служатъ ему не какъ наемники или авантюристы, но какъ дѣти Русской земли, и ничѣмъ въ этомъ отношеніи не отличаются отъ природныхъ Русскихъ; мы выражали полную увѣренность, что не только дворянство лифляндское, но и вообще коренные жители этой провинціи чувствуютъ себя Русскими. Ошибались ли мы въ этой увѣренности или нѣтъ, но мы высказывали ее, и могли подать поводъ къ возраженію только тѣмъ, кто иначе смотритъ на дѣло и имѣетъ основаніе полагать, что мы въ нашей увѣренности ошибаемся, — а конечно не тѣмъ, кто смотритъ на дѣло одинаково съ нами и представляетъ доказательства для утвержденія насъ въ этой увѣренности.

Баронъ Гершау совершенно одинаково съ нами понимаетъ отношенія Прибалтійскаго края и тамошняго дворянства къ Россіи; онъ согласенъ съ нами въ сужденіи о томъ, каковы должны быть эти отношенія при естественномъ и правильномъ ходѣ дѣлъ; въ то же время, какъ дворянинъ этого края, онъ является живымъ свидѣтельствомъ въ пользу нашего мнѣнія о дѣйствительномъ характерѣ этихъ отношеній въ настоящее время. Гдѣ же предметъ для возраженія? Гдѣ же основанія для спора? Баронъ Гершау находитъ, что мы придали слишкомъ большое значеніе проповѣди доктора Вальтера. Онъ объясняетъ намъ, что какъ проповѣдь она никакого отношенія къ преніямъ лифляндскаго ландтага не имѣетъ, и что между высказанными въ ней мнѣніями и образомъ мыслей лифляндскаго дворянства нѣтъ никакой солидарности. Но мы ничего не говорили о солидарности между этою проповѣдью и образомъ мыслей лифляндскаго дворянства. Мы не дѣлали никакихъ дальнѣйшихъ заключеній, а только заявили фактъ. Мы ничего не преувеличили, ничего не исказили. Мы выписали нѣкоторыя мѣста изъ этой рѣчи, и высказали нѣсколько внушенныхъ ею мыслей. Какъ великъ авторитетъ доктора Вальтера, въ какой мѣрѣ высказанныя имъ мнѣнія соотвѣтствуютъ общему настроенію умовъ въ Прибалтійскомъ краѣ, какой вѣсъ, какую силу слѣдуетъ придавать его словамъ,— этого мы не касались, этого мы не знали и объ этомъ мы не дѣлали никакихъ догадокъ; мы не выходили изъ предѣловъ даннаго факта: мы говорили только о томъ что̀ прочли въ самой проповѣди. Повторимъ, сущность дѣла не въ томъ, какой авторитетъ имѣетъ эта рѣчь, кѣмъ и по какому случаю она произнесена: интересъ для насъ прежде всего заключался въ мнѣніяхъ, на которыя мы обратили вниманіе. Но, безъ сомнѣнія, интересъ рѣчи не могъ умалиться въ нашихъ глазахъ отъ того, что она была произнесена высшимъ духовнымъ лицомъ, епископомъ, въ торжественномъ случаѣ, передъ цѣлымъ дворянствомъ губерніи, которое собралось для обсужденія мѣстныхъ дѣлъ и интересовъ, и что въ этой рѣчи, имѣвшей, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ бываетъ, характеръ политическій, слушателямъ представлялись на видъ дѣла и интересы, подлежавшіе ихъ обсужденію. И газетная статейка могла обратить на себя вниманіе, тѣмъ болѣе заявленіе такого лица, въ такомъ случаѣ и при такомъ собраніи. Это не была болтовня какого-нибудь празднаго писаки; это было очень толковое, взвѣшенное слово. Не обратить вниманія на такое слово, счесть его вздоромъ, о которомъ не сто̀итъ говорить, было бы безсмысліемъ.

Во всякомъ случаѣ, кто безъ предубѣжденія и съ нѣкоторымъ вниманіемъ прочтетъ нашу статейку, тотъ увидитъ, что чувство горечи, которое въ ней замѣчается, относится не къ кому-либо иному, а къ намъ самимъ. Если русская національность подвергается гдѣ-нибудь вопросу или

отрицанію, то виною тому можетъ быть только она же сама, какой-либо недостатокъ въ ея развитіи, какая-либо неправильность въ ея положеніи. Вотъ къ какому заключенію мы пришли, къ заключенію болѣе огорчительному для насъ Русскихъ нежели для Нѣмцевъ. Подъ вліяніемъ этого чувства, мы выразили мысль о необходимости призвать къ дѣйствію какія-либо новыя условія въ развитіи русской народности, соотвѣтствующія новымъ потребностямъ и новымъ задачамъ русскаго общества, мысль, которую съ сочувствіемъ повторяетъ и почтенный корреспондентъ нашъ. Намъ было истинною отрадой прочесть въ его письмѣ слѣдующія благородныя слова, которыми онъ удостовѣряетъ насъ въ настроеніи умовъ въ Прибалтійскомъ краѣ: „Пробудившаяся, въ послѣднее время, общественная дѣятельность „русскаго общества нашла полное сочувствіе въ Прибалтійскомъ краѣ; онъ отъ „души желаетъ, чтобы господствующая „народность вступила въ полное обладаніе „всѣми своими нравственными силами, несомнѣннымъ результатомъ чего будетъ „постепенное и естественное сближеніе „всѣхъ разнородныхъ элементовъ вошедшихъ въ область Русскаго государства“.

Послѣ этихъ словъ между нами и барономъ Гершау не можетъ быть никакого спора по предмету, котораго коснулись мы, говоря о проповѣди доктора Вальтера. Еслибъ и оказались какія-либо разногласія между нами, то они умолкаютъ передъ этимъ общимъ нашимъ чувствомъ, общимъ нашимъ желаніемъ. Во всякомъ случаѣ, мы видимъ, что баронъ Гершау гораздо болѣе сходится съ нами нежели съ бывшимъ лифляндскимъ генералъ-суперинтендентомъ въ вопросѣ о германизаціи прибалтійскаго края. Докторъ Вальтеръ видитъ важное упущеніе въ томъ, что лифляндское дворянство до сихъ поръ не германизировало этого края; онъ, во имя гуманности, приглашаетъ нынѣшнее поколѣніе уплатить этотъ долгъ, оставленный отцами, и немедленно приняться за дѣло германизаціи Латышей и Эстовъ, чувствующихъ, какъ онъ свидѣтельствуетъ, непреодолимое влеченіе превратится въ Нѣмцевъ. Нашъ корреспондентъ утверждаетъ, напротивъ, что лифляндскіе землевладѣльческіе классы, именно по чувству гуманности, не германизировали этихъ племенъ и не хотятъ германизировать ихъ.

Лифляндское дворянство, дѣйствительно, до сихъ поръ не заботилось о германизаціи этихъ племенъ. Это фактъ несомнѣнный. Мы знаемъ также и то, что лифляндское дворянство подвергается за это сильнѣйшимъ укорамъ. Недѣли три тому назадъ, почти въ одно время съ проповѣдью доктора Вальтера, читали мы въ одной изъ распространеннѣйшихъ нѣмецкихъ газетъ лифляндскую корреспонденцію, гдѣ между прочимъ сказано: „Эти феодалы никогда не заботились о томъ, чтобы распространить нѣмецкій языкъ между „туземцами, чего однако требовала сколько-„нибудь *разумная политика*... Къ нѣмецкому языку господа эти привязаны только по привычкѣ, или, лучше сказать, по „чувству косности; имъ и во снѣ не пригрезится принести нѣмецкому языку какую-„либо жертву; въ противномъ случаѣ весь „сельскій людъ нашъ былъ бы давнымъ-„давно германизированъ...“

Итакъ, ни одинъ докторъ Вальтеръ въ Лифляндіи укоряетъ тамошнее дворянство за то, что Латыши и Эсты не превращены до сихъ поръ въ нѣмецкія народонаселенія, подобно тому какъ обращены въ Нѣмцевъ славянскіе обитатели Альтенбурга.

Мы сейчасъ цитовали одну нѣмецкую газету; укажемъ кстати на другую. Въ *Allgemeine Zeitung* на проповѣдь доктора Вальтера отозвались такими словами: „Докторъ Вальтеръ возобновилъ воспоминанія о *сопринадлежности* Прибалтійскаго края съ Германіей“. Случайно довелось намъ прочесть эти слова въ первый разъ не въ *Allgemeine Zeitung*, а въ одной остзейской газетѣ, гдѣ они были перепечатаны, съ какимъ-то куріознымъ символическимъ восклицаніемъ. Вотъ въ какой связи находятся между собою идеи! Вотъ какъ въ умахъ германизація естественно соприкасается съ *Wiedererinnerung an die Zusammengehörigkeit mit Deutschland*. А еще до германизаціи Латышей и Эстовъ далеко; благодаря образу дѣйствій тамошнихъ земледѣльческихъ классовъ, Латыши и Эсты остаются Латышами и Эстами: но вотъ едва сказалась мысль о возможности превращенія ихъ въ Нѣмцевъ, какъ уже явилась мысль о „сопринадлежности этого края съ Германіей.“

Что лифляндское дворянство дѣйствовало до сихъ поръ не такъ, какъ по мнѣнію доктора Вальтера, оно должно было дѣйствовать, это не подлежитъ сомнѣнію. Но

что въ настоящее время слово генералъ-суперинтендента вовсе не выражаетъ общественнаго настроенія въ Прибалтійскомъ краѣ, что между имъ и земствомъ нѣтъ никакой солидарности, противъ этого есть свидѣтельство,—не наше, (мы въ этомъ дѣлѣ свидѣтелями быть не можемъ),—свидѣтельство самой остзейской печати. Извѣщая объ отставкѣ г. Вальтера, *Dorpater Tagesblatt* говоритъ слѣдующее:

„Страна (*das Land*) будетъ единодушно „сѣтовать на стеченіе, обстоятельствъ, которое лишаетъ ее службы одного изъ достойнѣйшихъ ея представителей, почти „въ ту самую минуту, когда она считала „себя въ правѣ привѣтствовать въ его мужественно сказанныхъ словахъ *вѣрное „выраженіе образа мыслей и направленія, „котораго она держится непоколебимо.*“

Эти строки буквально противорѣчатъ показанію барона Гершау, который свидѣтельствуетъ, „что слово генерала-суперинтендента „*не можетъ служить выраженіемъ „мѣстнаго общественнаго направленія*, что „между земствомъ и докторомъ Вальтеромъ „нѣтъ солидарности.“

Замѣтимъ въ добавокъ, что *Dorpater Tagesblatt* не какая-нибудь пустая, не заслуживающая вниманія газета. Редакція этого листка отличается умомъ, ловкостью и политическимъ смысломъ. Наконецъ, въ своихъ статьяхъ она служитъ органомъ по преимуществу землевладѣльческихъ интересовъ Прибалтійскаго края. Итакъ, органъ лифляндскаго дворянства свидѣтельствуетъ совершенно противное тому что̀ говоритъ баронъ Гершау. Стало-быть не съ нашей стороны противорѣчіе; вотъ стало-быть куда надо обратиться съ возраженіемъ. Слѣдуетъ протестовать не противъ насъ, ничего не говорившихъ отъ имени лифляндскаго дворянства, а противъ остзейской газеты, которая говоритъ отъ имени цѣлаго края и очень рѣзко противорѣчитъ показаніямъ барона Гершау. Кто-нибудь изъ нихъ ошибается. Мы были-бы рады думать, что ошибается *Дерптскій Дневникъ*; но почему же въ *Дерптскій Дневникъ* и *Рижскую Газету* никто не посылаетъ возраженій, тогда какъ насъ совсѣмъ засыпали ими? Во всякомъ случаѣ, если въ средѣ дворянства остзейскихъ губерній есть, что̀ несомнѣнно, много лицъ раздѣляющихъ сочувственный намъ образъ мыслей барона Гершау, то есть должно быть и такіе, которые этого образа мыслей не раздѣляютъ. Иначе какъ могли бы существовать эти газеты, еслибъ онѣ высказывали образъ мыслей совершенно противный мнѣніямъ высшихъ, читающихъ классовъ въ этихъ губерніяхъ? Кто бы сталъ читать ихъ? Для кого бы издавались онѣ?

Остзейскія газеты рѣшительно негодуютъ на насъ за то, что мы позволили себѣ высказаться противъ германизаціи латышскихъ и эстонскихъ народонаселеній Прибалтійскаго края. Онѣ доказываютъ намъ и историческое право, и необходимость германизаціи, на томъ основаніи что „исторія не съ Русскимъ народомъ неразрывно соединила судьбу этихъ народонаселеній, а съ нѣмецкими завоевателями.“ Онѣ настаиваютъ на томъ, чтобы нѣмецкій языкъ преподавался въ народныхъ школахъ, и чтобы русскій не оспаривалъ у него этого права. Всѣ изъявленія нашего уваженія къ нѣмецкому языку и къ нѣмецкой культурѣ бросаютъ они намъ въ лицо съ досадой и негодованіемъ. Мы находили весьма естественнымъ, чтобы граждане Русскаго государства не чуждались Русскаго народа и чувствовали свою живую и неразрывную связь съ нимъ. Только этимъ ограничивались наши скромныя притязанія, но это оказалось ложкой дегтя. Эти господа съ ироніей отвѣчаютъ намъ, что имъ и безъ насъ очень хорошо извѣстно, что страна ихъ подвластна теперь Россійской имперіи, точно также, какъ прежде была она подвластна королевствамъ Шведскому, и Польскому. Они употребляютъ во зло ту деликатность, съ которою желали мы уклониться отъ всякаго спора объ относительныхъ достоинствахъ національностей; нашимъ признаніемъ тѣхъ преимуществъ, которыми отличается нѣмецкая культура, они спѣшатъ воспользоваться какъ орудіемъ противъ насъ же самихъ. Мы сказали, что нѣмецкая культура богаче русской, что нѣмецкій языкъ представляетъ болѣе далекіе горизонты чѣмъ русскій: остзейскіе публицисты, вмѣсто того чтобъ убѣдиться изъ этихъ словъ, какъ свободны мы отъ всякаго непріязненнаго чувства къ тому чѣмъ дорожатъ они, также какъ и отъ національнаго тщеславія, восклицаютъ: „И русская „газета, признавая это, требуетъ, чтобы „тотъ, кто родился Нѣмцемъ, могъ чувствовать себя по преимуществу Русскимъ!... „Она хочетъ оспаривать у нѣмецкой исторіи страну, которая въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій была въ политическомъ

„единенiи съ Германiей, и съ которою она „неразрывно связана всѣмъ что даетъ цѣну „существованiю... И Нѣмцы должны устранять Латышей и Эстовъ отъ языка открывающаго для ума несравненно болѣе далекiе горизонты, съ тѣмъ чтобъ обратить „ихъ къ чужому, скуднѣйшему идiому." Въ своемъ увлеченiи остзейскiе публицисты сообщили намъ даже неслыханную новость о Священномъ Писанiи, переведенномъ на латышскiй и эстонскiй языки задолго прежде чѣмъ русскiй народъ имѣлъ его на своемъ,—русскiй народъ, который имѣлъ Священное Писанiе на родномъ славянскомъ языкѣ задолго прежде чѣмъ даже сами Нѣмцы имѣли Священное Писанiе на своемъ языкѣ, потому что языкъ Ульфилы далеко не въ такомъ отношенiи находится къ нынѣшнему нѣмецкому, въ какомъ языкъ Меѳодiя и Кирилла находится къ тому языку, которымъ мы теперь говоримъ и который въ церковно-славянскомъ нарѣчiи, для всѣхъ Русскихъ и теперь понятномъ, находитъ свое историческое начало.

Мы и теперь не хотимъ пускаться въ споръ объ относительныхъ достоинствахъ той или другой народности, и не отрекаемся отъ своихъ словъ. Да, нѣмецкая культура богаче русской, и нѣмецкiй языкъ представляетъ несравненно болѣе пособiй для умственнаго образованiя нежели русскiй. Но мы напомнимъ нашимъ антагонистамъ, что богатства, которыми они гордятся, есть дѣло наживное, что преимущества, которыми славится теперь нѣмецкiй языкъ, прiобрѣтены имъ не въ какiя-либо незапамятныя времена, а на глазахъ поколѣнiй, весьма недавно сошедшихъ съ земнаго поприща. На какомъ языкѣ писалъ Лейбницъ? Какъ Фридрихъ Великiй отзывался о нѣмецкомъ языкѣ. Давно ли нѣмецкiе люди стыдились своего языка и не находили возможнымъ употреблять его въ порядочномъ обществѣ или выражать на немъ свои лучшiя мысли и чувствованiя? Давно ли жили Шиллеръ и Гете? Да, богатство литературы и цивилизацiи есть дѣло наживное, и при благопрiятныхъ условiяхъ, которыхъ мы ожидаемъ, русскому языку, черезъ нѣсколько десятилѣтiй, можетъ-быть не въ чемъ будетъ позавидовать нѣмецкому.

Что же касается до самой сущности народа, которая не есть дѣло наживное, до его духа, до его призванiя, то русскому народу нечего опасаться какого бы то ни было сравненiя.

Дерптскимъ публицистамъ, безъ всякаго сомнѣнiя, очень хорошо извѣстна Тацитова *Germania;* имъ должна быть не менѣе извѣстна и Геродотова *Мельпомена*. Дика была страна описанная Тацитомъ; но что можетъ сравниться съ ужасающею дичью тѣхъ странъ, которыя носятъ нынѣ имя Россiи? Не нужно и свидѣтельства древнихъ авторовъ, для того чтобы представить себѣ каковы были эти страны въ древнiя времена. Племена, заселившiя Европу, всѣ спѣшили миновать эти страшныя пустыни, ища мѣстъ болѣе гостепрiимныхъ и сподручныхъ человѣку. Только одно изъ индоевропейскихъ племенъ, когда наступила для него историческая пора, смѣло углубилось въ эти мѣста, о которыхъ безъ содроганiя не могли и подумать обитатели странъ болѣе благословенныхъ. Изъ этого племени вышелъ Русскiй народъ. Что долженъ былъ вынести, что долженъ былъ совершить этотъ народъ, о какихъ силахъ, о какой живучести свидѣтельствуетъ борьба его съ этою природою и съ этими полулюдьми, которые гнѣздились въ этихъ мѣстахъ и набѣгали на нихъ? Сила измѣряется тѣми препятствiями, которыя она встрѣчаетъ и надъ которыми торжествуетъ. Какiя же силы должны быть въ томъ народѣ, который являетъ теперь мiру на всемъ этомъ безмѣрномъ пространствѣ христiанское могущественное государство, быстро зрѣющее и въ матерiальныхъ и въ нравственныхъ силахъ, — народѣ, который внесъ крестъ, жизнь и свѣтъ въ эту обитель ужасовъ, мрака и смерти?

Къ этому ли народу обидно присоединиться тѣмъ бѣднымъ племенамъ, которымъ не дано самостоятельнаго историческаго существованiя, и которыя, какъ гласитъ древнѣйшее преданiе нашей исторiи, вмѣстѣ съ нашими предками призывали основателей Русскаго государства и такимъ образомъ, при самомъ началѣ нашей исторiи, связали судьбу свою съ Русскимъ народомъ? Этого ли народа будетъ чуждаться, предъ нимъ ли будетъ кичиться своею нацiональностiю и культурой, горсть нѣмецкихъ зашельцевъ посреди этихъ племенъ?

№ 126.

Москва, 6-го Iюня.

„Вѣрнѣйшiе успѣхи брани," какъ сказалъ однажды знаменитѣйшiй изъ нашихъ

современныхъ духовныхъ проповѣдниковъ, „заготовляются прежде брани“. Въ настоящее время начата „брань“, результатомъ которой должно быть полное, нравственное завоеваніе бывшихъ польскихъ владѣній на Русской землѣ. До сихъ поръ эти владѣнія соединены были съ Россіей только внѣшнимъ образомъ; въ нихъ не только продолжалъ преобладать, но совершалъ новые успѣхи польскій элементъ, теперь дѣло идетъ о томъ, чтобы связать этотъ край съ Россіей неразрывною внутреннею связью, и мы въ правѣ спросить себя: заготовили-ли мы всѣ средства для совершенія такого великаго дѣла, и пользуемся ли мы, по крайней мѣрѣ, вполнѣ тѣми средствами, которыя находятся въ нашемъ распоряженіи?

Безспорно, въ одинъ годъ сдѣлано очень многое въ видахъ обращенія нашего сѣверо-западнаго края въ край чисто русскій. Открытый мятежъ подавленъ; русское крестьянское населеніе поставлено въ независимость отъ польскихъ помѣщиковъ, и повѣрочныя коммиссіи съ самымъ похвальнымъ рвеніемъ заботятся объ огражденіи его отъ неправыхъ притязаній; съ тѣмъ вмѣстѣ, для него, и при собственномъ его содѣйствіи, основаны во множествѣ народныя училища; при нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ мѣстностяхъ наиболѣе населенныхъ, устроены книжные склады для продажи крестьянамъ, по доступной для нихъ цѣнѣ, русскихъ книгъ, православныхъ иконъ, картинъ священнаго и историческаго содержанія; на обезпеченіе быта православнаго духовенства обращено, какъ слышно, самое серіозное вниманіе, и уже ассигнованы съ этою цѣлью, какъ извѣстно, довольно значительныя суммы; неблагонадежные польскіе чиновники замѣнены русскими; русскій языкъ возстановленъ не только въ гимназіяхъ и присутственныхъ мѣстахъ, но и вообще въ мѣстахъ публичныхъ, въ лавкахъ, въ магазинахъ и даже на ихъ вывѣскахъ; польская пропаганда преслѣдуется вездѣ, гдѣ только успѣютъ обнаружить ее, не только въ школахъ и учебникахъ, но даже и въ дѣтскихъ играхъ, которыя съ своей стороны также должны были служить къ распространенію и вкорененію польскаго ученія о границахъ 1771 года; наконецъ, приняты нѣкоторыя мѣры для пополненія состава высшаго землевладѣльческаго класса чисто-русскими людьми, и были предположены мѣры еще болѣе рѣшительныя въ этомъ же смыслѣ, какъ, напримѣръ, продажа русскимъ людямъ имѣній секвестрованныхъ съ выдачею владѣльцамъ этихъ имѣній суммъ, которыя были бы выручены при продажѣ. Словомъ, задача, поставленная намъ исторіей по отношенію къ нашему западному краю, понята совершенно; важность ея сознается, и принимаются мѣры къ ея рѣшенію. Борьба противъ польскихъ захватовъ и противъ польско-католической пропаганды открыта по всей линіи, и пока нынѣшняя система управленія продержится во всей своей силѣ, можно быть вполнѣ увѣрену, что все что̀ можетъ-быть достигнуто одними административными, одними бюрократическими способами, будетъ достигнуто. И это уже чрезвычайно много, но это далеко не все что̀ необходимо для полнаго завоеванія края, нѣкогда отторгнутаго отъ Россіи и почти совершенно ополяченнаго, почти совершенно ушедшаго изъ рукъ Россіи, не смотря на то, что владычество ея тамъ казалось, еще полтора года тому назадъ, несокрушимымъ. Для полнаго и прочнаго завоеванія края необходимы нравственныя силы.

Если бы дѣло шло только о подавленіи открытаго мятежа, объ отраженіи внѣшнихъ враговъ, объ уничтоженіи революціонной организаціи, о пресѣченіи *явныхъ* путей и *явныхъ* способовъ, которыми вздумала-бы дѣйствовать польско-католическая пропаганда, тогда было бы совершенно достаточно правительственной силы и тѣхъ привычныхъ способовъ, которыми располагаетъ администрація. Но въ настоящее время это внѣшнее дѣло уже сдѣлано, и осталась другая важнѣйшая и труднѣйшая задача, которая не подъ силу никакой администраціи, какимъ бы искусствомъ и энергіей она ни отличалась, и хотя бы въ распоряженіи ея были самыя обширныя средства. Дѣйствительно, въ чемъ теперь дѣло? Не въ томъ только, чтобъ оградить внѣшнимъ образомъ православіе и русскую народность отъ латинскихъ и польскихъ захватовъ, а въ томъ, чтобы православіе и русская народность окрѣпли въ самихъ себѣ на столько чтобы не нуждаться ни въ какой внѣшней оградѣ, чтобы собственною своею силою восторжествовать вполнѣ надъ папизмомъ и полонизмомъ и отнять у польской пропаганды всѣ прежнія ея завоеванія въ русскомъ, въ литовскомъ и жмудскомъ, въ еврейскомъ населеніи края. Что̀ можетъ сдѣлать государ-

ство въ этомъ отношеніи? Оно можетъ запретить *явное* совращеніе въ католицизмъ; но содѣйствовать дѣйствительному укорененію православія, не прибѣгая къ тѣмъ способамъ, которые осуждены исторіей и отвергаются духомъ нашего времени, оно рѣшительно не въ состояніи. Оно можетъ изгнать изъ употребленія польскій языкъ въ своихъ школахъ, въ присутственныхъ мѣстахъ, и пожалуй еще, съ грѣхомъ пополамъ, во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ, кофейныхъ, кондитерскихъ, и т. д.: но распространить и водворить русскій языкъ и русскій духъ въ польскихъ или ополяченныхъ семействахъ и въ обществѣ оно рѣшительно не въ состояніи. Только собственное внутреннее преуспѣяніе и процвѣтаніе мѣстной русской церкви и мѣстныхъ русскихъ училищъ, только добровольное усвоеніе русскаго языка и русской литературы, какъ единственнаго средства умственнаго общенія края со всей Россіей, въ связи съ процвѣтаніемъ этихъ силъ въ цѣлой Россіи, могутъ достигнуть такихъ результатовъ. И въ этомъ отношеніи государство можетъ сдѣлать очень многое. Прежде всего оно можетъ освободить русское духовенство и вообще русское общество отъ препятствій и затрудненій, которыя еще встрѣчаетъ у насъ самая благонамѣренная дѣятельность; затѣмъ оно можетъ дать средства для обезпеченія быта русскаго духовенства и русскихъ учителей, для умноженія и улучшенія православныхъ храмовъ, духовныхъ и свѣтскихъ училищъ. Но даже и матеріяльныхъ средствъ, которыми оно располагаетъ въ настоящее время, окажется недостаточно, и необходимо содѣйствіе всего русскаго общества для того чтобы въ западномъ краѣ Россіи наши православные храмы и наше православное богослуженіе могли своимъ благолѣпіемъ и торжественностью поравняться съ храмами и богослуженіемъ римско-католическими. Оно можетъ дать значительныя служебныя преимущества, возвысить оклады, назначить преміи для привлеченія изъ другихъ мѣстъ Россіи въ западный, и особенно въ сѣверо-западный край ея, достойныхъ русскихъ учителей и воспитательницъ; но и тутъ, кромѣ ограниченности средствъ, прошлогодній и отчасти нынѣшняго года опытъ показываетъ, что этихъ однѣхъ приманокъ недостаточно даже для замѣщенія учительскихъ должностей въ гимназіяхъ природными Русскими. Къ 1-му января 1864 г. во всѣхъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія по Виленскому учебному округу (т.-е., въ губерніяхъ Виленской, Ковенской, Минской и Гродненской) изъ 390 начальниковъ и учителей, православныхъ Русскихъ состояло всего 113, т.-е., менѣе одной трети, католиковъ же было 239, остальные—лютеране; въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, взятыхъ въ отдѣльности, изъ 243 учителей—православныхъ Русскихъ было 92, а католиковъ 124, остальные же 27—лютеране. Необходимо воодушевленіе къ дѣлу и извѣстная доля самоотверженія, во имя общей пользы, для того чтобы человѣкъ рѣшился покинуть свою родину, своихъ родныхъ и друзей, и переселился въ чуждый ему край, гдѣ предстоитъ тяжкая борьба противъ всей окружающей образованной общественной среды, а это воодушевленіе не можетъ быть куплено ни деньгами, ни чинами; оно бываетъ возможно только въ такомъ дѣлѣ, которое цѣлымъ обществомъ принимаются особенно близко къ сердцу. Говорить ли еще о томъ, что никакими денежными и служебными преимуществами нельзя вдохнуть въ человѣка рвеніе къ общему дѣлу и готовность служить ему всѣми своими силами, всѣмъ своимъ разумѣніемъ, при всякомъ удобномъ случаѣ,—рвеніе и готовность, въ которыхъ, конечно, нельзя отказать нашимъ противникамъ?

Впрочемъ, попытка обрусить нашъ западный край одними чисто-правительственными способами была уже сдѣлана, въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, въ прошедшее царствованіе, ознаменовавшееся, между прочимъ, возсоединеніемъ уніатовъ съ православною греко-россійскою церковью, и что̀ же оказалось въ результатѣ? По свидѣтельству людей самыхъ свѣдущихъ въ этомъ отношеніи, въ 1832 году, тотчасъ же по подавленіи польской революціи, сѣверо-западный край былъ менѣе ополяченъ чѣмъ по прошествіи 31-го года, когда только-что былъ подавленъ нынѣшній мятежъ. Не поучительно ли это показаніе?

Отрицательными мѣрами, какими по необходимости должна ограничиваться правительственная дѣятельность, нельзя созидать и возбуждать къ жизни. Возьмемъ примѣръ. Положимъ, дѣло идетъ о томъ, чтобы въ западномъ краѣ доставить перевѣсъ русскому элементу надъ польскимъ относительно образованія. Призвавъ все русское общество къ содѣйствію этой вы-

сокой цѣли, поддержавъ воодушевленіе къ вопросу, которое дѣйствительно овладѣло-бы русскимъ обществомъ весною прошлаго года, открывъ всѣ пути и способы дѣйствовать мѣстнымъ и центральнымъ братствамъ, о которыхъ было начали серіозно говорить у насъ и потомъ разомъ почему-то замолкли, можно было бы, дѣйствительно, совершить весьма многое. Но для этого, нужны живыя личныя силы. При недовѣріи же къ нимъ, мы, очевидно, должны предпочитать болѣе сподручные отрицательные способы дѣйствія. Для доставленія перевѣса русскому образованію надъ польскимъ, можно пожалуй, подавлять послѣднее. Вмѣсто того, чтобы всячески, при содѣйствіи живыхъ національныхъ силъ, поднимать духъ и уровень образованія мѣстнаго русскаго населенія, мы принялись бы запрещать и затруднять образованіе для Поляковъ, а польскіе ксендзы легко сумѣли бы обойдти наши запрещенія и завести свои тайныя школы, радуясь, что мы выпустили изъ своихъ рукъ образованіе польскаго юношества.

Дѣйствовать благотворно на польское юношество посредствомъ русскихъ школъ до сихъ поръ дѣйствительно, намъ не удавалось; но почему? Именно потому что общественная среда въ этомъ дѣлѣ имѣетъ гораздо бо̀льшую силу чѣмъ правительственныя мѣры. Полякамъ же удалось ополячить наши русскія гимназіи въ западномъ краѣ и обратить ихъ въ орудія полонизма и католицизма. Замѣчательно, съ какимъ единодушіемъ и съ какимъ искусствомъ они дѣйствовали въ этомъ отношеніи повсемѣстно, а особенно въ Ковенской губерніи. Русское правительство содержало тамъ 4 гимназіи и одну прогимназію, конечно, не съ тѣмъ чтобъ приготовлять ярыхъ себѣ противниковъ ксендзовъ, которыя въ послѣдствіи, стоя по самому своему происхожденію близко къ крестьянамъ жмудскаго племени, возмущали бы ихъ противъ Россіи и русскаго владычества, и однако же, при содѣйствіи мѣстнаго польскаго общества, эти гимназіи были именно обращены въ разсадникъ такого рода дѣятелей. Въ нихъ привлекались крестьянскіе мальчики, которые, готовясь къ богословскому образованію, шли обыкновенно не далѣе 5-го класса, и потомъ переходили въ Виленскую или, еще чаще, мѣстную Ворненскую (близь Тельшъ) римско-католическую семинарію. Конечно, ни въ одной губерніи нѣтъ въ гимназіяхъ такого числа учениковъ изъ крестьянскаго сословія какъ въ Ковенской. По полученнымъ нами свѣдѣніямъ, изъ 820 учениковъ 267 принадлежатъ къ крестьянскому классу. Вотъ что̀ значитъ участіе въ дѣлѣ самого общества! Можно смѣло сказать, что пока мы будемъ противопоставлять польско-католической пропагандѣ только правительственныя силы, а общество будемъ держать въ сторонѣ, пока все русское общество не воодушевится для борьбы за православіе и русскую народность въ краѣ, и не будетъ для этой высокой цѣли жертвовать и личнымъ трудомъ, и капиталами, мы не исхитимъ Литвы, Бѣлоруссіи и юго-западной Украйны изъ рукъ польскихъ ксендзовъ и пановъ.

Повторяемъ еще разъ: въ настоящее время дѣло идетъ о нравственномъ завоеваніи западнаго края Россіи, а это завоеваніе не можетъ быть совершено иначе, какъ при самомъ живомъ, при самомъ дружномъ содѣйствіи со стороны всей Россіи, со стороны всего русскаго общества. Нравственныя силы нашего общества, за отсутствіемъ средствъ къ ихъ упражненію, дѣйствительно, не очень велики, но мы надѣемся, что ихъ хватило бы для этого дѣла, лишь бы только дана была имъ возможность свободно дѣйствовать, порознь и сообща, и лишь бы стремленія къ общеполезнымъ цѣлямъ встрѣчались съ сочувствіемъ, а не съ тревожными и напрасными опасеніями.

№ 127.

Москва, 9-го Іюня.

Свиданія Государя Императора въ Берлинѣ съ королемъ Прусскимъ, въ присутствіи князя Горчакова и г. фонъ-Бисмарка, и въ Киссингенѣ съ императоромъ Австрійскимъ, имѣющимъ прибыть туда въ сопровожденіи графа Рехберга, равно какъ предстоящее въ Карльсбадѣ свиданіе Франца Іосифа и его министра иностранныхъ дѣлъ съ королемъ Вильгельмомъ I и президентомъ его министерства, породили, естественнымъ образомъ, множество толковъ въ европейской журналистикѣ, и дѣло Польши, совсѣмъ было канувшее въ Лету, снова всплыло наружу. Утверждаютъ, съ необыкновеннымъ упорствомъ, будто бы между тремя монархами и ихъ министрами дѣло идетъ объ особомъ трактатѣ, кото-

рымъ они гарантировали бы другъ другу польскія ихъ владѣнія. Въ параллель съ этимъ извѣстіемъ, съ другой стороны сообщаютъ, что Наполеонъ III, при отъѣздѣ нашего посла при Тюльерійскомъ дворѣ, барона Будберга, въ Киссингенъ, выразилъ ему желаніе свидѣться съ Государемъ Императоромъ въ Штутгартѣ, или въ Страсбургѣ, и путемъ личныхъ съ нимъ переговоровъ достигнуть соглашенія насчетъ Польши. Дѣло Польши, на которое мы въ правѣ смотрѣть какъ на свое внутреннее дѣло, и которое уже объявлено таковымъ въ депешахъ князя Горчакова, возводится такимъ образомъ снова въ дѣло общеевропейской политики, требующее будто бы международныхъ совѣщаній и подлежащее будто бы соглашенію государей между собою.

Всѣ эти извѣстія, какъ намъ кажется, лишены всякаго основанія. Какою бы самоувѣренностью ни обладалъ Наполеонъ III, едва ли онъ можетъ обѣщать себѣ, что его голосъ покроетъ собою теченіе событій. Время колебаній, которыя только питали въ Полякахъ безразсудныя притязанія, и которыя привели было ихъ на край погибели, теперь, кажется миновало. Въ Царствѣ Польскомъ предпринята колоссальная реформа крестьянскаго быта, которая не будетъ оставлена на полупути, а потому ни о какихъ совѣщаніяхъ, ни о какомъ соглашеніи съ Франціей насчетъ Польши, очевидно, не можетъ быть рѣчи.

Но съ другой стороны также Россія нисколько не нуждается въ какомъ бы то ни было трактатѣ, въ какомъ бы то ни было ручательствѣ Австріи и Пруссіи за неприкосновенность польскихъ ея владѣній. Самымъ лучшимъ и самымъ надежнымъ для нея ручательствомъ въ этомъ случаѣ служитъ внутренняя сила и крѣпость русскаго народа и разумное направленіе, которое приняла ея политика въ польскомъ вопросѣ и которое, конечно, нуждается въ дальнѣйшемъ развитіи и въ поддержкѣ со стороны русскихъ земскихъ силъ. При такихъ ручательствахъ намъ не только не нужны, но были бы и вредны ручательства Пруссіи и Австріи. Въ польскомъ вопросѣ наши интересы и безъ того сходятся съ интересами этихъ двухъ державъ и по заключеніи особаго трактата нисколько не стали бы ближе или тождественнѣе. Если Австрія, въ прошломъ году, въ угоду Франціи и въ возмездіе за нашу политику въ италіянскомъ вопросѣ, дозволила себѣ потворствовать нѣкоторое время польскому мятежу, то она же и принуждена была принять самыя крутыя мѣры противъ его распространенія въ собственныхъ своихъ владѣніяхъ. Публицисты Австріи и Пруссіи, пожалуй, могутъ доказывать, что трактатъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ бы только въ интересахъ Россіи, и что Австрія и особенно Пруссія и безъ того спокойно обладаютъ своими польскими провинціями, и не опасаются не только ихъ отпаденія, но даже и возстановленія королевства Польскаго въ предѣлахъ, хоть бы и близко подходившихъ къ границамъ 1771 года. Но мы, съ большею правдой, можемъ утверждать наоборотъ, что возникновеніе новаго польскаго королевства, еслибъ оно было возможно, менѣе было бы опасно для насъ чѣмъ для Пруссіи и для Австріи: у насъ стало бы однимъ врагомъ больше на западной границѣ, между тѣмъ какъ Пруссія и Австрія, съ запада и съ востока, были бы поставлены между огнемъ и пламенемъ. Россія уже выдержала опытъ въ этомъ отношеніи: было время, когда полчища Наполеона I могли опереться на великое герцогство Варшавское, и тѣмъ не менѣе Россія устояла въ борьбѣ со всею Европой; мало того, не вразумленная опытомъ, она сама возстановила часть прежняго королевства Польскаго, почти въ совершенной независимости, и Австрія же первая встревожилась этимъ возстановленіемъ. Нѣтъ спора, что эта романтическая политика, направленная къ возстановленію того что̀ было ниспровергнуто и осуждено исторіей, была большою ошибкой со стороны Россіи, за которую она и поплатилась въ 1830, 1831 и въ 1863 годахъ; но тѣмъ не менѣе она доказываетъ, что независимая Польша не до такой степени опасна для Россіи, какъ полагаютъ теперь нѣкоторые нѣмецкіе публицисты. Что же касается до спокойнаго обладанія польскими провинціями, которымъ отъ имени Пруссіи похваляется *Кельнская Газета*, то она же сама говоритъ, что полувѣковой опытъ убѣдилъ Пруссію въ томъ, что Поляки въ Познани могутъ быть сдерживаемы въ покорности только силой оружія, что Пруссія то и дѣло принуждена или подавлять возстанія или бороться противъ тайныхъ приготовленій къ возстанію. То же самое должно сказать и объ Австріи. Притомъ же Поляки, вопреки мнѣ-

нію *Кельнской Газеты*, нисколько не отреклись ни отъ Данцига, ни вообще отъ Западной Пруссіи,—а что сталось бы съ Пруссіей безъ этой ея провинціи? Нѣмецкіе публицисты обманываютъ если не себя, то другихъ, утверждая, будто бы польскій вопросъ опаснѣе для Россіи чѣмъ для Австріи и для Пруссіи. Но именно потому что онъ болѣе опасенъ для этихъ державъ, Россія и не имѣетъ надобности заключать съ ними особый трактатъ насчетъ польскихъ ихъ владѣній: самая природа вещей будетъ всегда побуждать ихъ дѣйствовать въ одномъ смыслѣ съ Россіей въ этомъ отношеніи. Польское дѣло слѣдовало бы кажется, считать окончательно проиграннымъ и навсегда исчезнувшимъ изъ среды вопросовъ, способныхъ занимать европейскую дипломатію.

Крестовая Газета, въ отрывкѣ, помѣщаемомъ ниже, подъ рубрикой „Пруссія," дѣйствительно опровергаетъ всѣ прежнія извѣстія о трактатѣ насчетъ Польши, и говоритъ, что въ Берлинѣ всѣ переговоры между княземъ Горчаковымъ и г-мъ фонъ-Бисмаркомъ насчетъ Польши ограничивались только вопросомъ о свободѣ торговли между этими двумя сосѣдними странами, и такъ какъ, по мнѣнію этой газеты, реформа русскаго тарифа, въ духѣ началъ свободной торговли, дѣло не легкое, то она высказывается въ пользу возстановленія прежней таможенной линіи между Россіей и Царствомъ Польскимъ. Очень не мудрено; что не только *Крестовая Газета*, но и состоящее съ нею въ нѣкоторыхъ связяхъ нынѣшнее правительство Пруссіи готово было бы склонить Россію въ пользу такой мѣры, такъ какъ она, дѣйствительно, могла быть выгодна для Пруссіи. Но выгодно ли это для Россіи? Нѣкоторые полагаютъ, что для Россіи было бы полезно временное разъединеніе между Царствомъ Польскимъ и западнымъ краемъ, въ которомъ вслѣдствіе того усилилось бы тяготѣніе къ центральной Россіи. Мы не отрицаемъ важности вопроса о таможенной линіи между Царствомъ и Имперіей, но полагаемъ однако же, что не таковъ долженъ быть правильный ходъ событій. Теперь едва ли время возстановлять таможни, однажды отмѣненныя. Къ тому же не подлежитъ сомнѣнію, что обособленіе Польши отъ Россіи, въ политическомъ ли, или въ промышленномъ отношеніи; клонилось бы ко вреду для той и для другой страны. Польша должна быть связана съ Россіей единствомъ государственныхъ интересовъ; въ этой связи слѣдуетъ искать обезпеченій противъ тяготѣнія западнаго края къ Царству Польскому. Если же предвидится эта политическая связь, то безъ сомнѣнія желательно, чтобы Польша все болѣе и болѣе притягивалась къ Россіи и своими интересами матеріяльными. Если, какъ полагаютъ нѣкоторые, для Россіи не наступило еще время для дальнѣйшаго шага на пути свободной всемірной торговли, то мы не видимъ, почему бы эти блага непремѣнно долженствовали быть предварительно предоставлены Польшѣ.

№ 128.

Москва, 10-го Іюня.

А.

Печальный результатъ борьбы Россіи съ Польшей, уніатская церковь остается и понынѣ однимъ изъ яблокъ раздора между двумя націями. Оторванные отъ православія, называя православныхъ *схизматиками*, уніаты не пристали однако къ католикамъ, и относятся не совсѣмъ благосклонно къ *латинству*, по ихъ выраженію. Между тѣмъ церковь ихъ далеко не имѣетъ условій нужныхъ для самостоятельной жизни, и не представляетъ въ своихъ обрядахъ чего-либо законченнаго, опредѣленнаго; отъ политическаго положенія Царства Польскаго зависѣло большее или меньшее сближеніе уніатовъ съ католиками или православными. Въ самое послѣднее время, при системѣ маркиза Велепольскаго, католики умѣли внести органы въ уніатскіе храмы, умѣли выхлопотать разрѣшеніе переводить для окончанія курса уніатскихъ семинаристовъ изъ Холмской семинаріи въ Варшавскую католическую духовную академію; монсиньйоръ Фелинскій совершилъ процессію въ варшавскій соборъ Базиліановъ, и наконецъ, подъ вліяніемъ католическаго духовенства, сдѣланъ былъ выборъ главы уніатской церкви въ Царствѣ Польскомъ.

Знакомство съ состояніемъ уніатской церкви не оставляетъ никакого сомнѣнія, что церковь эта въ Царствѣ Польскомъ не пользуется самостоятельностію. Римско-католическое духовенство считаетъ уніатовъ

своею принадлежностію, и трудится надъ тѣмъ чтобы продолжать дѣло совращенія ихъ въ католицизмъ; съ другой стороны, наше православное духовенство не забываетъ того, что уніаты были нѣкогда православными, и если не имѣетъ въ данное время средствъ къ дѣйствію въ пользу возсоединенія уніатовъ съ православіемъ (въ православную церковь въ Холмѣ до сихъ поръ еще, кажется, не назначенъ священникъ), то взамѣнъ бдительно слѣдитъ за работой католической церкви, и по возможности, препятствуетъ ей въ томъ. Самая существенная сторона дѣятельности варшавской православной консисторіи относится, конечно, къ дѣлу уніатовъ. Такимъ образомъ духовенство, и православное и римско-католическое, смотрятъ на уніатовъ каждое съ своей особой точки зрѣнія; но они сходятся въ одномъ: въ непризнаніи самостоятельности уніатской церкви.

Послѣднее слово принадлежитъ, при такомъ положеніи дѣлъ, политической власти. И дѣйствительно, съ возсоединеніемъ, въ 1839 году, уніатовъ Литовскаго края съ православіемъ, послѣдовало и возсоединеніе нѣсколькихъ приходовъ Царства Польскаго. Такіе приходы, за исключеніемъ церквей войсковыхъ и пограничной стражи, составляютъ огромное большинство въ незначительномъ числѣ приходовъ вѣдомства православной консисторіи. Но времена перемѣнились: дворецъ намѣстника наполнился католиками, которые проповѣдывали, пожалуй, и неразрывный союзъ съ Россіей, но вмѣстѣ съ тѣмъ были убѣждены, что уніаты такіе же католики какъ они, только съ небольшимъ различіемъ въ обрядахъ. При такой обстановкѣ, намѣстники, даже расположенные къ поддержанію свободы вѣроисповѣданія, начинали на дѣлѣ помогать католической церкви въ ея стремленіяхъ къ поглощенію уніатской церкви: доказательствомъ тому служитъ тотъ гнетъ, которому подверглись уніаты въ послѣднее время передъ возстаніемъ. Указанія, сообщенія, жалобы уніатовъ, исходившія изъ православной консисторіи, принимались съ крайнимъ неудовольствіемъ, какъ посягательство на свободу вѣроисповѣданія, а между тѣмъ только такимъ путемъ и могъ достигнуть до намѣстника голосъ подавленныхъ чиновничествомъ и ксендзами уніатовъ.

Теперь настаетъ конецъ гнету католической церкви. Латинизаторскимъ наклонностямъ ксендзовъ и заботливости ордена Фелиціянокъ ставится предѣлъ. „Наконецъ нашла „коса на камень“, пишетъ корреспондентъ львовской газеты *Слово* изъ Холма; „этотъ камень,“ продолжаетъ онъ своимъ безыскусственнымъ слогомъ, „есть рос„сійское правительство, которое, смотрѣвъ „долгое время съ сложенными руками на „то, что̀ дѣется на его глазахъ, теперь „выдало до нашего собора возваніе, что„бы каждые три мѣсяца представлялись до„несенія: кто, гдѣ, и по какимъ причинамъ „перемѣнилъ обрядъ. Вотъ первая бѣлая „ластовка, которую я посылаю вамъ.“ Ластовка эта, замѣтимъ кстати, для предостереженія холмскихъ уніатовъ, будетъ бѣлою только до тѣхъ поръ, пока въ Царствѣ будетъ русское управленіе. „Другая ластовка,“ продолжаетъ корреспондентъ, „есть извѣстіе, что правительство наше „начинаетъ думать объ улучшеніи участи „уніатскихъ священниковъ. До настояща„го времени правительство полагало, что „оставляя нашихъ уніатскихъ ксендзовъ въ „крайней нуждѣ, оно приневолитъ ихъ къ „переходу въ православіе. Но, не успѣвъ „въ томъ, и замѣтивъ, что наши, находясь „во многихъ отношеніяхъ въ зависимости „отъ польскихъ помѣщиковъ, пристаютъ къ „ихъ дѣлу, *Россіяне* (sic) выходятъ теперь „на другой путь и подаютъ руку помощи „вопіющей до неба нашей нуждѣ. Съ этою „цѣлію директоръ коммиссіи вѣроисповѣ„даній сдѣлалъ нашему собору сообщеніе, „чтобъ онъ подалъ списокъ наибѣднѣйшихъ „нашихъ приходовъ, священникамъ кото„рыхъ съ 1865 года выплачивалось бы со„держаніе до тѣхъ поръ, пока не послѣ„дуетъ совершенная реорганизація прихо„довъ.“ Списокъ этотъ поданъ; въ немъ на сто съ лишнимъ приходовъ испрашивается 43.000 р. сер. въ годъ.

Этими распоряженіями правительство стремится нѣсколько освободить уніатскую церковь отъ вліянія ксендзовъ и пановъ. Но распоряженія эти не удовлетворяютъ вполнѣ корреспондента львовскаго *Слова*, и онъ особенно указываетъ на неудобство того, чтобы будущіе уніатскіе священники довершали свое образованіе въ Холмѣ, мѣстечкѣ, находящемся въ не русской сторонѣ, не представляющемъ образовательныхъ средствъ, библіотекъ, музеевъ, театровъ и т. п. Но, перечисливъ всѣ неудобства Холма, корреспондентъ отвергаетъ одинаково выборъ Варшавы, Москвы, или Кіе-

ва, гдѣ прежде уніатскіе семинаристы оканчивали свое образованіе, и нейтральное мѣсто находитъ единственно во Львовѣ, сѣдалищѣ украйно-фильства. Чуть ли это не значило бы изъ огня да въ полымя.

Б.

Въ № 169-мъ Аугсбургской *Всеобщей Газеты* появилась новая замѣтка о томъ, что Лифляндія и Германія должны составлять одно цѣлое (Ueber die Zusammengehörigkeit Livlands mit Deutschland), написанная другимъ, также проживающимъ въ Германіи Лифляндцемъ. Первый Лифляндецъ помѣстившій свою замѣтку въ № 157 той же газеты, говорилъ въ пользу „энергическаго стоянія за неприкосновенность дарованныхъ для охраненія германской жизни правъ и преимуществъ", но вмѣстѣ съ тѣмъ допускалъ, что торговыя сношенія все болѣе связываютъ Остзейскія провинціи съ прочими областями Россіи. Вновь выступающій Лифляндецъ протестуетъ противъ этого послѣдняго положенія, опасаясь, что тѣснѣйшія связи могутъ повлечь за собою сліяніе народностей въ ущербъ для слабѣйшей части. Онъ протестуетъ не отъ своего только имени, а „въ духѣ огромнаго большинства своихъ земляковъ", какъ самъ онъ выражается. „Если вѣрность Императору, прибавляетъ онъ, была и будетъ всегда украшеніемъ Лифляндцевъ, то нѣтъ рѣшительно никакой необходимости, чтобъ она влекла за собой постепенное ближайшее присоединеніе или даже и поглощеніе Остзейскихъ провинцій имперіей, такъ далеко отстоящей отъ нихъ по составу своего населенія, по своему образованію, по своимъ законамъ. Высказать это авторъ замѣтки считаетъ себя обязаннымъ предъ собою и предъ своими земляками."

„Землякамъ" этого корреспондента должно быть извѣстно, что остзейскія губерніи не состоятъ къ Императору Всероссійскому въ какихъ-либо особыхъ отношеніяхъ чѣмъ всѣ другія губерніи Россіи. Для нихъ императоръ есть тотъ же Всероссійскій Императоръ, какъ и для всей остальной Россіи, и преданность ему по необходимости есть въ то же время преданность Россіи, интересамъ которой, дѣйствительно, служили и служатъ, вѣрою и правдой, многіе почтенные уроженцы Остзейскаго края. Что они дорожатъ своими правами и преимуществами, это какъ нельзя болѣе понятно; но что нѣкоторые изъ нихъ желали бы постепенно отдаляться отъ русскаго народа, избѣгая даже тѣснѣйшихъ экономическихъ сношеній съ нимъ, — это достойно всякаго удивленія и всякаго порицанія.

Остзейскія провинціи неразрывно связаны съ Россіей; онѣ составляютъ одно цѣлое съ ней, и будущность ихъ населенія, будущность высшихъ ихъ классовъ, зависитъ отъ того, въ какой мѣрѣ ихъ жители будутъ сознавать себя дѣтьми и гражданами Русской земли, и въ какой мѣрѣ они сумѣютъ забыть объ этой мнимой *сопринадлежности своей съ Германіей.*

№ 129.

Москва, 11-го іюня.

А.

Не печальный ли признакъ это отсутствіе у насъ всякихъ преданій и прочныхъ основъ по самымъ существеннымъ частямъ? Не печальное ли явленіе эти быстрые переходы отъ одного взгляда на извѣстный вопросъ къ другому совершенно противоположному, эта готовность во всякую минуту разстаться съ чѣмъ бы то ни было существующимъ и кинуться на встрѣчу новому и неизвѣстному,—только бы новому? Поразительный примѣръ такой измѣнчивости началъ и слабости преданій представляетъ намъ судьба нашего флота. Императоръ Петръ создаетъ флотъ съ страшными усиліями; затѣмъ, до вступленія на престолъ Екатерины II, онъ остается въ пренебреженіи; корабли построенные преобразователемъ гніютъ, и адмиралтействъ-коллегія принуждена занимать деньги у своего президента для покрытія нѣкоторыхъ неизбѣжныхъ расходовъ въ видахъ сохраненія ихъ. При Екатеринѣ сооружается новый флотъ, который совершаетъ громкіе подвиги, но — умираетъ великая государыня, и Чесма и Красная горка предаются забвенію, и созданный Орловымъ и Потемкинымъ флотъ мало-по-малу уничтожается. Онъ возраждается въ третій разъ при императорѣ Николаѣ, и мы были свидѣтелями того, какъ въ третій разъ возбужденъ былъ вопросъ должна ли Россія имѣть флотъ. Люди, считающіеся весьма серіозными, самымъ серіознымъ обра-

зомъ доказывали, что мы должны отказаться отъ значенія морской державы, хотя берега Россіи омываются двумя океанами и нѣсколькими морями, не считая морей внутреннихъ, какъ Аральское и Каспійское.

Люди считающіе себя серіозными говорили, и говорятъ еще до сихъ поръ, что Россія не имѣетъ достаточныхъ матеріяльныхъ средствъ чтобы быть первоклассною морскою державой; что флотъ ея никогда не можетъ выдержать состязаніе съ соединеннымъ французскимъ и англійскимъ, и что по этому лучше вовсе не тратиться на флотъ. Мы не имѣемъ, говорятъ они, торговаго флота: кого же защищать нашимъ военнымъ кораблямъ? Народъ русскій не обнаруживаетъ наклонности къ мореплаванію, зачѣмъ же насиловать его склонности? Мысли, какъ видно, провозглашались во имя экономической науки, не были лишены либеральныхъ приманокъ и, главное, заключали въ себѣ нѣчто противорѣчащее предшествующей системѣ; сколько слѣдовательно данныхъ для успѣха! И онѣ имѣли нѣкоторый успѣхъ. Ихъ вліяніе простиралось даже на законодательство: въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ бюджетъ морскаго министерства былъ сокращенъ почти на 7 милліоновъ рублей. Что же вышло однако? Когда въ началѣ прошедшаго года обнаружилась возможность войны съ Франціей и Англіей, намъ пришлось приняться за усиленныя работы, дѣлать на нихъ усиленныя денежныя ассигновки, и чуть ли не вся сумма, которую урѣзывали въ продолженіе шести лѣтъ, была отпущена единовременно на морское вѣдомство въ видѣ экстраординарнаго кредита. Такимъ образомъ мы не сдѣлали почти никакого сбереженія, а между тѣмъ рисковали начать войну при невыгодныхъ для насъ условіяхъ.

Флотъ создается десятилѣтіями, и въ сокращеніи его надо быть гораздо осторожнѣе нежели въ сокращеніи сухопутной арміи. Эта послѣдняя, при хорошей системѣ резервовъ, при хорошо снабженныхъ арсеналахъ, можетъ быть удвоена въ нѣсколько мѣсяцевъ; но образованіе матросовъ требуетъ много времени, а кораблестроеніе, производимое съ поспѣшностію, не можетъ быть удовлетворительно. Доказательство этому—канонерскія лодки построенныя въ Петербургѣ во время восточной войны.

Мы очень порадовались что специяльныя періодическія изданія по морской части энергически возстали въ послѣднее время противъ легкомысленныхъ мнѣній о безполезности военнаго флота для Россіи. Каждый специалистъ долженъ любить свою часть и настаивать на необходимости ея развитія. Пусть онъ относится къ ней даже съ пристрастіемъ: бѣда была бы еслибъ онъ былъ къ ней равнодушенъ.

Говорятъ, что Россія не можетъ сдѣлаться первостепенною морскою державой. Такъ; но много ли на свѣтѣ первостепенныхъ морскихъ державъ? Первостепенныхъ морскихъ державъ только—одна: это Англія. Ни одна изъ прочихъ державъ не можетъ въ одиночку состязаться съ ея морскими силами, а потому ни одна не можетъ претендовать на значеніе первостепенной морской державы. Но неужели изъ этого слѣдуетъ, чтобы Россіи вовсе не было надобности въ военныхъ корабляхъ? И Турція, и Испанія, даже Австрія и Пруссія,—страны едва прикасающіяся къ морю,—имѣютъ флоты; послѣднія двѣ державы дѣлаютъ огромныя усилія, чтобы пріобрѣсти морское значеніе; а насъ,—хотя мы еще недавно господствовали на двухъ европейскихъ моряхъ, хотя мы владѣемъ нѣсколькими превосходными гаванями на Восточномъ Океанѣ, столь полномъ будущности,—насъ желали бы вычеркнуть изъ числа морскихъ державъ? Нашъ флотъ не можетъ выдержать состязаніе ни съ французскимъ, ни съ англійскимъ, одинъ-на-одинъ, но въ союзѣ съ другимъ онъ можетъ значить не мало на вѣсахъ европейской политики. Даже безъ видовъ на какой-либо союзъ, одно появленіе нашей эскадры въ Атлантическомъ Океанѣ возбудило, какъ помнятъ читатели, серіозное вниманіе англійскихъ государственныхъ людей. Эскадра эта, можетъ-быть, имѣла свою долю въ прекращеніи мистификаціи, которой мы были предметомъ прошлаго года. Вотъ слѣдовательно, польза даже и небольшаго флота. Не будь его, какъ справедливо замѣчаетъ *Морской Сборникъ*, пресловутый „адмиралъ польскаго флота“ Маньянъ въ самомъ дѣлѣ могъ бы явиться съ нѣсколькими рыбачьими лодками и надѣлать тревоги въ нашихъ приморскихъ городахъ.

По мнѣнію нашему, и—что гораздо важнѣе,—по мнѣнію специалистовъ, нѣтъ слѣдовательно и мѣста вопросу о томъ, быть или не быть у Россіи военному флоту. Надобно рѣшить только какое наилучшее употребленіе дать тѣмъ относительно неболь-

шимъ средствамъ, которыя мы можемъ удѣлить на флотъ. Средства эти состояли въ послѣднее время приблизительно въ 20 милліонахъ отпускаемыхъ на морское вѣдомство. Сумма эта незначительна только по отношенію къ безмѣрному протяженію нашихъ морскихъ береговъ, которые при томъ такъ расположены, что флоты различныхъ морей не имѣютъ возможности соединиться между собою въ случаѣ объявленія морской войны. Въ виду этихъ дѣйствительно весьма важныхъ затрудненій, благоразуміе не позволяетъ намъ помышлять о такомъ флотѣ, который бы безъ союзниковъ могъ быть употребленъ для дѣйствій наступательныхъ; но благоразуміе требуетъ чтобы мы имѣли въ нашемъ флотѣ всегда готовое средство обороны, и этой цѣли мы можемъ легко достигнуть, присоединивъ къ нашему теперешнему флоту небольшую, но исправную эскадру броненосныхъ судовъ. „Многочисленные обсерваціонные корпуса", замѣчаетъ *Морской Сборникъ*,—

„Самое обдуманное концентрированіе желѣзныхъ дорогъ на угрожаемыхъ пунктахъ, берега покрытые электрическими телеграфами, — ничто не спасетъ страну съ пространнымъ прибрежьемъ отъ нападенія съ моря, и тутъ не требуется особенныхъ соображеній, чтобы понять всю невозможность воспрепятствовать, напримѣръ 50-ти тысячамъ Французовъ, посаженнымъ на паровыя суда, передвигающіяся со скоростью 200 миль въ сутки, выйдти на берегъ тамъ, гдѣ заблагоразсудится французскому главнокомандующему, т.-е. именно тамъ, гдѣ въ большей части случаевъ менѣе всего будутъ ждать такой высадки. Другое дѣло, если адмиралъ, командующій непріятельскимъ флотомъ, будетъ знать, что въ Кронштадтѣ постоянно содержится въ готовности къ выходу въ море эскадра численностію хотя и слабѣйшая эскадры, предназначенной для прикрытія нападающаго транспортнаго флота, но состоящая изъ отборныхъ судовъ, закованныхъ въ броню, снабженныхъ сильными машинами, грозною артиллеріей, однимъ словомъ, судовъ, вполнѣ соотвѣтствующихъ современнымъ требованіямъ морскаго искусства. Такая эскадра способна разстроить самые глубокообдуманные планы и во всякомъ случаѣ пригодится хотя и на то, что воспрепятствуетъ спокойствію ихъ исполненія. Такая именно эскадра составляетъ идеалъ, къ которому мы должны стремиться, идеалъ осуществимый и прежде, а теперь, благодаря непреложной аксіомѣ, *что введеніе паровыхъ броненосныхъ судовъ въ особенности выгодно второклассным морским державамъ*,— осуществимый въ недалекомъ будущемъ."

Къ осуществленію этого „идеала" уже приступлено. Мы имѣемъ семь броненосныхъ лодокъ или мониторовъ и плавучихъ батарей, спущенныхъ уже на воду, и еще восемь въ петербургскихъ верфяхъ, да сверхъ того два броненосные фрегата. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы всѣ эти суда существовали весной прошлаго года, то наша дипломатія могла бы въ польскомъ вопросѣ съ самаго начала быть тверже, а тонъ депешъ лорда Росселя, безъ сомнѣнія, былъ бы вѣжливѣе.

Матеріяльныя упущенія исправлены или исправляются: но главный, самый желательный успѣхъ состоялъ бы въ томъ, чтобы были устранены эти колебанія, эти переходы отъ одной крайности къ другой во взглядѣ на значеніе нашего флота. Флотъ стóитъ денегъ и большихъ денегъ; но эти деньги не пошли бы въ прокъ, еслибы въ нашихъ морякахъ не крѣпъ, а ослабѣвалъ духъ, еслибы въ нихъ не поддерживалось, а подавлялось ободряющее сознаніе, что страна дорожитъ ихъ службой, цѣнитъ ихъ трудъ и смотритъ съ гордостію на ихъ отвагу и искусство. Мы отнюдь не хотимъ говорить въ пользу значительныхъ новыхъ затратъ. Строить новое слѣдуетъ только въ случаѣ необходимости. Но во всякомъ случаѣ слѣдуетъ беречь старое; чѣмъ меньше бываетъ ломки, тѣмъ меньше требуется и стройки. Нашъ главный недостатокъ заключается въ томъ, что мы не бережемъ построеннаго, и вслѣдствіе того наша, надобно признать это, довольно дѣятельная стройка почти не увеличиваетъ нашего капитала. Съ тѣхъ поръ какъ Петръ I порвалъ нить нашихъ преданій, Россіей овладѣла лихорадка нововведеній; то что дѣлалось вчера, на слѣдующій день ломалось и—замѣчательно— всегда находилось для этого достаточно уважительныхъ причинъ. Это понятно: нѣтъ человѣческаго дѣла столько совершеннаго, чтобы въ немъ не могло оказаться многихъ сторонъ, поддающихся критикѣ, также какъ съ другой стороны нѣтъ столько нелѣпой системы, которой какія-нибудь стороны не представляли бы выгодъ. Но именно потому-то что радикализму всегда и вездѣ есть за что уцѣпиться дабы начать лом-

ку, потому-то самому, говоримъ, и необходима въ человѣческомъ обществѣ сила преданія, которое допускало бы усовершенствованіе существующаго, но крѣпко отстаивало бы его существованіе.

Б.

Послѣ нѣсколькихъ дней отдыха, въ Виргиніи снова закипѣли кровавыя битвы: генералъ Грантъ пробовалъ перейдти черезъ Чикагомини, но непріятель оказалъ упорное сопротивленіе, у федералистовъ выбыло изъ строю до 6.000 человѣкъ. Позиція между рѣками Памонкей и Чикагомини, занимаемая нынѣ генераломъ Ли, имѣетъ уже кровавую извѣстность въ сѣверо-американскомъ междуусобіи: здѣсь, на топяхъ Чикагомини сражался Макъ-Клелланъ; здѣсь отражена была его попытка проложить себѣ дорогу къ Ричмонду, который отстоитъ отсюда не болѣе какъ на одинъ день пути. Взаимное положеніе двухъ армій ранѣе обрисовывалось бы для читателей, еслибы телеграфъ, сообщившій, отъ 1-го іюня, извѣстія изъ Нью-Йорка въ Петербургъ, не перепуталъ тогда собственныхъ именъ, и Чикагомини не назвалъ какимъ-то Хукагонуни (см. № 123 *Московскихъ Вѣдомостей*). Кстати исправимъ еще и другую ошибку телеграфа: въ № 125 нашей газеты приведено было извѣстіе изъ Нью-Йорка, по которому федеральный генералъ Далласъ занялъ Альбону, въ Георгіи. Здѣсь городъ обращенъ въ генерала, и все извѣстіе должно быть возстановлено въ томъ смыслѣ, что генералъ Шерманъ занялъ города Далласъ (къ западу отъ Маріетты) и Аллатуну (на желѣзной дорогѣ къ Атлантѣ). Въ томъ же извѣстіи сообщалось, что одинъ изъ корпусовъ арміи Шермана отраженъ былъ сепаратистами: по дальнѣйшимъ извѣстіямъ это мнимое пораженіе Сѣверянъ не подтверждается, и генералъ Джонстонъ, напротивъ того, стягиваетъ въ отступательномъ движеніи войска свои къ Маріеттѣ (въ 25 миляхъ отъ Атланты). Говорятъ, что Атланта—крайняя цѣль экспедиціи Шермана, и занявъ этотъ городъ, федералисты не пойдутъ далѣе.

Въ извѣстіи о неудачѣ генерала Гранта при Чикагомини, которое сообщено въ „Послѣдней Почтѣ“ вчерашняго нумера нашей газеты сказано также, что этотъ военачальникъ перемѣнилъ планъ своихъ дѣйствій. Если извѣстіе подтвердится, то это ужъ будетъ вторая перемѣна со времени открытія предпринятаго Грантомъ похода. Первою перемѣной было то самое движеніе, которое привело федералистовъ къ позиціи при Чикагомини. Сначала генералъ Грантъ шелъ прямо на проломъ, и послѣднимъ моментомъ этого перваго періода было неудавшееся движеніе на Секстоново-Соединеніе. Грантъ отбросилъ армію Ли за сѣверный рукавъ рѣки Анна, но не тронувъ сепаратистовъ въ ихъ крѣпкой позиціи у Спотсильваніи-Кортъ-Гауса, предпринялъ неожиданно боковое движеніе на юго-востокъ. Можно было подумать, что армія федералистовъ идетъ къ рѣкѣ Джемсу, на соединеніе съ генераломъ Ботлеромъ. Оттуда идетъ главная, можно сказать единственная открытая дорога на Ричмондъ, почти неприступный со всѣхъ другихъ сторонъ, благодаря опоясывающимъ его рѣкамъ, рѣчкамъ, возвышенностямъ, лѣсамъ, болотамъ. Казалось, что генералъ Грантъ хочетъ избрать именно этотъ путь, и широкою, могучею рѣкою, на которой расположена столица Южной Кондеферацiи, идти на Ричмондъ, опираясь на грозную флотилію канонирокъ, словомъ — повторить маневръ, который уже такъ удался ему разъ подъ Виксбургомъ. Но это, какъ видно, не входитъ еще въ планы генерала Гранта, и онъ остановился на пути своемъ у рѣки Памонкея. Боковое движеніе потомакской арміи имѣло другую цѣль. Когда генералу Гранту не удалось его движеніе на Секстоново-Соединеніе и пришлось встрѣтиться съ сильною позиціей конфедералистовъ у Спотсильваніи-Кортъ-Гауса, тогда онъ рѣшился измѣнить свои сообщенія съ Вашингтономъ: желѣзнымъ путемъ чрезъ Фредериксборгъ было уже не удобно пользоваться, и генералъ Грантъ рѣшилъ опереться на водные пути и получать продовольствіе для арміи съ пароходовъ и транспортовъ. Вотъ причина движенія на Памонкей. Это смѣлое движеніе произведено было необыкновенно удачно: генералъ Ли не помѣшалъ ему, ограничившись запоздалымъ и неудачнымъ (какъ, вѣроятно, помнятъ читатели) нападеніемъ на корпусъ генерала Варрена. Бездѣйствіе генерала Ли, упустившаго самый удобный случай повредить непріятелю при его фланговомъ движеніи, всегда представляющемъ опасности, объясняютъ различнымъ образомъ: одни говорятъ, что

конфедеративный главнокомандующій просто не разгадалъ плана своего противника и не разглядѣлъ его движенія; другіе же указываютъ въ этомъ случаѣ на чрезвычайное истощеніе арміи Ли, еще не успѣвшей оправиться послѣ побоищъ въ Дикихъ Мѣстахъ. Во всякомъ случаѣ Ли послѣдовалъ за Грантомъ въ его движеніи, и оба противника находятся теперь лишь въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Ричмонда. Нельзя было и сомнѣваться, что какая-нибудь большая битва должна грянуть между Чикагомини и Рапиданомъ, и она дѣйствительно грянула. Потери федералистовъ огромны, но результатъ сраженія въ точности не извѣстенъ. Еще передъ этимъ сообщено было по телеграфу, что федералисты выбили сепаратистовъ изъ ихъ ретраншаментовъ, и мы еще не знаемъ пока, какъ связать между собою эти два извѣстія. На чьей именно сторонѣ осталось преимущество въ этихъ послѣднихъ битвахъ, и въ чемъ именно состоитъ новый планъ генерала Гранта, и все это покажутъ дальнѣйшія извѣстія.

№ 130.

Москва, 12-го іюня.

А.

Нѣсколько словъ сказанныхъ нами въ заключеніе извѣстія о предположеніи увеличить штаты почтоваго вѣдомства (№ 103 *Моск. Вѣд.*) подали *Биржевымъ Вѣдомостямъ* поводъ къ довольно обширной статьѣ, въ которой эта газета, въ качествѣ органа почтоваго управленія, старается доказать, что почтовая регалія, въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, то-есть собственно перевозка корреспонденціи, приноситъ государственному казначейству значительный доходъ. Въ этомъ послѣднемъ мы не сомнѣвались и не могли сомнѣваться, такъ какъ въ этомъ достаточно убѣждаютъ отчеты публикуемые почтовымъ вѣдомствомъ. Но мы говорили не о почтовой регаліи, а вообще о почтовомъ вѣдомствѣ, котораго предѣлы гораздо шире. Мы замѣтили мимоходомъ, и не болѣе какъ въ десяти словахъ, что съ увеличеніемъ штатовъ почтоваго вѣдомства и съ присоединеніемъ къ нимъ расходовъ земства на почтовую гоньбу, приходъ этого вѣдомства не покроетъ собой его расходовъ. Посмотримъ, что̀ говоритъ на это петербургская газета.

Вотъ аргументація *Биржевыхъ Вѣдомостей:* въ 1860 году, говорятъ онѣ, доходы почтоваго вѣдомства составляли 6.757.890 р. 60 к., а расходы (на управленіе, прогоны и уплату иностраннымъ почтамъ портовыхъ денегъ) 3.242.383 р. 91 к.; въ 1861 году приходъ равнялся 6.923.611 р. 52 к., а расходъ 3.367.619 р. $14^1/_2$ к. Затѣмъ почтовое вѣдомство въ означенные два года сдало въ государственное казначейство слишкомъ $7^1/_2$ милліоновъ рублей. Но для правильности счета слѣдуетъ принять еще въ разчетъ расходы земства на почтовую гоньбу. *Биржевыя Вѣдомости*, имѣя въ виду только почтовую операцію, то-есть перевозку почтъ и эстафетъ, справедливо замѣчаютъ, что весь расходъ земства на почтовую гоньбу не можетъ быть отнесенъ на почтовую операцію. Дѣйствительно, почтовыя лошади возятъ не только почту и эстафеты, но и проѣзжающихъ. Въ 1863 году, по свидѣтельству *Биржевыхъ Вѣдомостей*, выпущено подъ почты 3.897.547 лошадей, а для всѣхъ прочихъ лицъ, служащихъ и частныхъ, 10.552.718 лошадей. *Биржевыя Вѣдомости* считаютъ (не приводя основаній разчета), что изъ общихъ расходовъ земства на гоньбу приходится издержекъ сдѣланныхъ собственно для почтъ въ 1860 году 2.412.410 р. 30 к., въ 1861 году 2.357.862 р. $12^3/_4$ к. Итакъ, если допустить,—это петербургская газета дѣлаетъ въ видѣ уступки,—что часть денегъ отпускаемыхъ государствомъ изъ суммъ земства на содержаніе почтовыхъ лошадей, именно тѣхъ лошадей, которыя были употреблены исключительно подъ почты, должна быть причтена къ расходу по почтовому вѣдомству, то чистый доходъ доставленный имъ казнѣ будетъ составлять за два года (1860 и 1861) 1.839.766 рублей.

Но и эту цифру мы не можемъ принять за безспорную. Для вѣрнаго разчета требовалось бы знать число лошадей выпущенныхъ по разнымъ трактамъ. Есть не мало трактовъ, по которымъ почтовыя лошади употребляются исключительно на возку почтъ; по этимъ трактамъ слѣдовало бы всю земскую приплату поставить на счетъ почтъ. Далѣе есть не мало трактовъ, гдѣ учреждены вольныя почты безъ приплаты земства; лошади выпущенныя по этимъ трактамъ должны быть вовсе исключены изъ счета. Наконецъ есть тракты, на ко-

торыхъ почты платятъ прогоны меньшие чѣмъ публика; тутъ слѣдовательно приплачиваетъ въ пользу почтъ не земство, а публика. Мы полагаемъ, что если считать не для формы, а по сущей справедливости, то окажется, что земство тратитъ на пособіе почтовой операціи не менѣе четырехъ милліоновъ въ годъ, такъ что если приложить ихъ къ почтовымъ расходамъ, то и безъ увеличенія штатовъ доходъ не покроетъ собой расхода. А тутъ надобно еще положить во что-нибудь цѣнность казеннаго имущества, находящагося въ распоряженіи почтоваго вѣдомства, въ особенности цѣнность зданій, занимаемыхъ почтамтами, почтовыми конторами и станціями; проценты съ этой цѣнности и ея погашенія должны, при точномъ бухгалтерскомъ разчетѣ, увеличить собой расходъ почтоваго вѣдомства. *Биржевыя Вѣдомости* сами замѣчаютъ повидимому, что цифра дохода доставленнаго даже по ихъ разчету почтовымъ вѣдомствомъ государственному казначейству, черезъ-чуръ не значительна, а потому предаются размышленіямъ, что было бы весьма справедливо всѣмъ вѣдомствамъ пересылающимъ черезъ почту свою корреспонденцію платить вѣсовыя деньги, чрезъ что почтовый доходъ значительно увеличился бы. Послѣднее замѣчаніе можетъ-быть весьма справедливо и можетъ-быть дѣйствительно привело бы къ уменьшенію офиціяльной переписки, но значеніе почтоваго дохода относительно государственнаго хозяйства отъ этого ни мало не измѣнится. Предположеніе *Биржевыхъ Вѣдомостей* объ уплатѣ за почтовую пересылку со стороны различныхъ частей управленія можетъ быть очень полезно относительно контроля, но въ сущности оно выразилось бы, кромѣ нѣкотораго уменьшенія казенной корреспонденціи, только перекладываніемъ денегъ изъ одного кармана въ другой. Въ финансовомъ и экономическомъ отношеніи гораздо болѣе интереса представляютъ тѣ стороны въ устройствѣ почтовой части, которыхъ измѣненія могутъ преимущественно отозваться ни на книговодствѣ, а на дѣйствительномъ сбереженіи труда и капитала, и когда мы говорили что было бы полезно разъяснить причины несоотвѣтсвія между почтовымъ расходомъ и доходомъ, то мы имѣли въ виду предпочтительно разъясненіе этихъ сторонъ почтоваго дѣла. Но этого пункта нисколько не подвигаетъ впередъ вызванная нашимъ замѣчаніемъ статья *Биржевыхъ Вѣдомостей.* Вмѣсто того, она старается внушить „среднему общественному кругу, гдѣ считаются иногда общепризнанными такія истины, которыя вовсе не истины, а просто заключенія основанныя на совершенномъ незнакомствѣ съ тѣмъ или другимъ предметомъ, съ тою или другою отраслію администраціи",—она старается внушить этому малосмыслящему общественному кругу, что называть *почтовыми* лошадей, которыя находятся на почтовыхъ станціяхъ, вовсе не слѣдуетъ; что названіе *почтовыхъ* имъ присвоено совершенно неправильно, потому что лошади эти возятъ не только почту, но и проѣжающихъ частныхъ людей, лицъ посланныхъ правительствомъ по различнымъ частямъ управленія, и наконецъ офиціяльную переписку всѣхъ вѣдомствъ и служащихъ въ нихъ лицъ Поэтому весьма ошибочно, говоритъ петербургская газета, мнѣніе что эти лошади „принадлежатъ почтѣ," и что расходъ, ассигнуемый на ихъ содержаніе падаетъ на почтовое вѣдомство. „Такъ-называемыя почтовыя лошади принадлежатъ вовсе не почтовому вѣдомству, а всѣмъ вѣдомствамъ; болѣе служатъ онѣ частнымъ лицамъ, потому что на послѣднихъ выходитъ лошадей гораздо болѣе чѣмъ на казну."

Различныя вѣтви нашего государственнаго управленія могутъ быть раздѣлены на двѣ главныя категоріи: на чисто государственныя,—каковы управленіе военными силами, дипломатическими сношеніями, внутренними дѣлами страны и пр., и на управленія по удовлетворенію нѣкоторыхъ общественныхъ потребностей, каковы управленіе путями сообщеній, почтовыми сношеніями, театрами и т. п. Въ строгомъ смыслѣ эти послѣднія вѣдомства суть обширныя хозяйственныя предпріятія, которыя правительство нашло нужнымъ принять въ свое вѣдѣніе. Если ни одному человѣку въ мірѣ не приходило вѣроятно въ голову удивляться, что чиновники театральной дирекціи не занимаютъ всѣхъ мѣстъ въ партерахъ императорскихъ театровъ или что офицеры путей сообщенія оставляютъ мѣсто на завѣдываемыхъ ими дорогахъ для проѣзда партикулярныхъ людей и лицъ посылаемыхъ другими вѣдомствами по казенной надобности, то нисколько не удивительно и то, что почтовыя лошади возятъ не только почталіоновъ, но и другихъ проѣзжающихъ по казенной и част-

ной надобности. Предполагая, что почтовая гоньба находилась бы у насъ въ неудовлетворительномъ состоянiи, на кого должно было бы пасть нареканiе? Какое вѣдомство управляетъ почтовою, или по мнѣнiю *Биржевыхъ Вѣдомостей*, государственною гоньбою? А если вся эта часть зависитъ преимущественно отъ почтоваго вѣдомства, то мы не видимъ причины называть почтовыхъ лошадей и почтовыя станцiи иначе какъ почтовыми, и не можемъ понять почему *Биржевыя Вѣдомости* такъ мало интересуются финансовою стороной почтовой гоньбы, что совсѣмъ отдѣляютъ ее отъ почтовой операцiи.

Устройство почтовой гоньбы есть вопросъ сложный, заключающiй въ себѣ нѣсколько экономическихъ задачъ, которыя представляли бы не мало трудностей даже взятыя порознь, а взятыя въ совокупности требуютъ чрезвычайныхъ усилiй для успѣшнаго разрѣшенiя. Географическое положенiе нашей страны принуждаетъ насъ полагать гораздо болѣе труда на борьбу съ природой чѣмъ полагаютъ народы обитающiе въ мѣстахъ болѣе благопрiятствуемыхъ климатомъ. Много лишняго труда нужно намъ на приготовленiе теплаго платья, на припасенiе топлива, на такую постройку нашихъ домовъ, чтобы въ нихъ можно было находить удовлетворительную защиту отъ непогоды. Но можетъ-быть еще болѣе усилiй требуется отъ насъ для того чтобы побѣждать наши огромныя пространства. Успѣхи цивилизацiи въ значительной степени условливаются у насъ заботами государства о доставленiи и возможно-равномѣрномъ распространенiи средствъ личнаго передвиженiя. Это одинъ изъ тѣхъ видовъ нашей многотрудной борьбы съ природой, которые требуютъ совокупныхъ усилiй, обезпеченныхъ не частными, а нацiональными, то-есть государственными средствами. Вотъ почему мы поступили бы слишкомъ поспѣшно, мы упустили бы изъ виду общiе интересы русской цивилизацiи, если бы не оцѣнили по достоинству того стариннаго, исторически выработавшагося устройства нашей почтовой части, которое основано на соединенiи двухъ операцiй, повидимому совершенно отдѣльныхъ,—перевозки почтъ и перевозки проѣзжающихъ. Не въ стѣсненiи одной изъ этихъ операцiй насчетъ другой должны заключаться, по нашему мнѣнiю, улучшенiя почтовой части, а въ сокращенiи непроизводительнаго труда и непроизводительныхъ расходовъ по обѣимъ изъ этихъ операцiй. Тутъ представляется чрезвычайно много вопросовъ, которые было бы полезно разъяснить. Безъ всякой претензiи исчерпать дѣло, и не касаясь критики системъ содержанiя конныхъ станцiй *), приведемъ лишь для примѣра нѣсколько подобныхъ вопросовъ:

Имѣетъ ли курьерская ѣзда, столь разорительная для почтосодержателей, прежнюю свою важность теперь, при существованiи телеграфовъ?

Есть ли надобность возить тяжелыя почты съ теперешнею скоростью?

Есть ли надобность регулярно перевозить денежную корреспонденцiю и нѣтъ ли возможности хотя отчасти замѣнить ее выдачею переводовъ съ одной почтовой конторы на другую?

Есть ли надобность чтобы каждую почту провожали почтальiонъ и ямщикъ, то-есть чтобы два человѣка были заняты однимъ дѣломъ?

Есть ли надобность въ реестрахъ не страховой корреспонденцiи?

Нѣтъ ли возможности замѣнить для почтъ перекладныя экипажами, хотя бы самыми простыми, но идущими по нѣскольку станцiй?

Нѣтъ ли возможности ввести какъ правило перевозку пассажировъ при легкихъ почтахъ, хотя бы и безъ особеннаго комфорта? и т. д.

Б.

Извѣстiя о томъ, что̀ дѣлается и что̀ замышляется въ Румынiи, къ сожалѣнiю, получаются нами изъ вторыхъ или изъ третьихъ рукъ, чрезъ посредство нѣмецкихъ, французскихъ или англiйскихъ газетъ, въ которыхъ большею частью опускается все то, что можетъ быть интересно только для русскаго читателя. На *Одесскомъ Вѣстникѣ*, какъ органѣ, ближайшемъ къ Дунайскимъ Княжествамъ, лежитъ обязанность восполнять, по возможности, означенные пробѣлы, и мы очень благодарны его редакцiи за помѣщенiе письма г-на Череску,

*) Къ этой критикѣ подаетъ намъ поводъ полученный нами на дняхъ проектъ положенiя объ устройствѣ конныхъ станцiй для провоза почтъ и проѣзжающихъ, представленный въ коммиссiю для изысканiя лучшихъ способовъ устройства почтовой гоньбы членомъ этой коммиссiи В. К. Ржевскимъ.

изъ котораго мы узнаемъ многое такое, чего нельзя было бы и предполагать.

Румынскія газеты: полуофиціяльная—*Бучумулъ* и оппозиціонная—*Романулъ*, какъ оказывается, вздумали направить свои удары противъ русскаго владычества въ Бессарабіи, и надѣялись, во имя румынской національности, найдти сочувствіе своимъ видамъ въ Румынахъ Бессарабіи. Эти газеты старались увѣрить ихъ, что они бѣдствуютъ подъ игомъ русскаго правительства, что они должны присоединиться къ Румыніи, и для этого должны содѣйствовать польскимъ мятежникамъ, такъ какъ возстановленная Польша, по мнѣнію этихъ газетъ, непремѣнно возвратила бы Бессарабію Румыніи. Вотъ какъ далеко простираютъ свои виды румынскіе патріоты! Не даромъ съ нѣкотораго времени всесвѣтная революція перенесла къ нимъ свою дѣятельность.

Мы узнаемъ также, что въ свое время статья французскаго публициста, г. Ипполита Кастиля, о томъ, что на Россію надобно ударить черезъ Румынію, нашла особенное сочувствіе въ газетѣ *Бучумулъ*, и что эта полуофиціяльная газета спѣшила доставить, на случай прохода французскихъ войскъ чрезъ Румынію, точныя свѣдѣнія о цѣнахъ на различные продукты въ этомъ краѣ, и старалась убѣдить бессарабскихъ Румыновъ, чтобъ они встрѣтили Французовъ какъ своихъ освободителей. Легкомысленнымъ румынскимъ публицистамъ все это казалось какъ нельзя болѣе возможнымъ. Г. Череску, отъ имени бессарабскихъ Румыновъ, счелъ своимъ долгомъ, въ письмѣ къ редактору *Бучумула*, разочаровать ихъ, по крайней мѣрѣ, относительно ихъ видовъ на Бессарабію, и вмѣстѣ съ тѣмъ напечаталъ переводъ этого письма въ *Одесскомъ Вѣстникѣ*, заявляя, что „всѣ благонамѣренные Румыны желаютъ, чтобъ истинныя чувства ихъ были извѣстны Русскимъ, искупившимъ своею кровію автономію Княжествъ.“

Прежде всего онъ указываетъ на тѣ блага, которыми пользуются Румыны Бессарабіи въ противоположность тѣмъ бѣдствіямъ, на которыя справедливо жалуются Румыны, подвластные князю Кузѣ. „Мы сохраняемъ свято вѣру нашихъ отцовъ, говоритъ онъ. Наши нравы и обычаи неприкосновенны.“ „Рекрутскаго набора у насъ нѣтъ, — мы и понятія о немъ не имѣемъ. Въ гимназіяхъ и въ уѣздныхъ училищахъ получаютъ воспитаніе, кто только желаетъ, безъ различія сословій. Плата въ гимназіи взимается по 10, а въ уѣздныхъ училищахъ по 3 рубля въ годъ съ ученика. На служебномъ поприщѣ мы, Румыны, восходимъ до высшихъ чиновъ и званій.“

Въ противоположность этому положенію Румыновъ въ Бессарабіи, онъ изобличаетъ политику князя Кузы, направленную, съ тѣхъ поръ какъ онъ подчинился вліянію Франціи, къ тому чтобы сдѣлать Румынію орудіемъ всѣхъ замысловъ этой державы на Востокѣ. Къ чему клонятся усилія князя Кузы, это видно, между прочимъ, изъ того, что какъ только у киріарха (митрополита) отнято было завѣдываніе духовно-учебными заведеніями края, они тотчасъ же начали наполняться наставниками изъ уніатовъ, въ видахъ постепеннаго введенія уніи. Между тѣмъ какъ у всѣхъ православныхъ монастырей были отобраны ихъ имущества, близь церкви Трехъ Святителей въ Яссахъ красуется католическій монастырь, за которымъ по прежнему сохраняются всѣ его богатства. Такимъ образомъ въ Румыніи, подвластной князю Кузѣ, православію, которое во всѣ времена служило оплотомъ для румынской народности, грозитъ въ настоящее время серіозная опасность

Съ другой стороны, на что̀ идутъ всѣ средства края, всѣ суммы, доставляемыя противозаконнымъ взиманіемъ налоговъ, похищенныя у монастырей и изъ сельскихъ кассъ, или добытыя путемъ займовъ? Не на возвышеніе благосостоянія края, а на умноженіе войска, на покупку оружія, на постройку укрѣпленій и крѣпостей. На каждыхъ сто поселянъ, говоритъ г. Череску, роздано по 30 ружей, съ тѣмъ чтобъ они заплатили за каждое ружье по 134 лева 16 паръ. „Не давайте, взываетъ *Бучумулъ*, денегъ ни священнику, ни вдовѣ, ни сиротѣ, ни нищему, а жертвуйте ими на покупку орудій: пушки заставятъ слушать голосъ Румыніи въ Европѣ.“ Гдѣ тотъ врагъ, противъ котораго вы вооружаетесь, спрашиваетъ г. Череску, и справедливо прибавляетъ, что еслибы союзники князя Кузы и восторжествовали, то все-таки они не могли бы доставить Румыніи болѣе того, что̀ ей дано по Парижскому трактату и конвенціи 1858 года.

Политика князя Кузы, направленная противъ православія и враждебная Россіи, вдвойнѣ враждебна всѣмъ интересамъ и всѣмъ историческимъ воспоминаніямъ ру-

мынской народности, и не можетъ разчитывать на сочувствіе или поддержку ни духовенства страны, ни бояръ, ни поселянъ, отличающихся искреннею набожностью и преданностью православію. „Какъ намъ, такъ и вамъ, запрутскіе и замилковскіе *) Румыны, говоритъ г. Череску, благодѣтельствовала одна Россія,“ и прибавляетъ далѣе:

„Кто сложилъ съ насъ и съ васъ турецкое иго, кто избавилъ Румынію отъ назначаемыхъ Портою арендаторовъ-господарей изъ фанаріотовъ, которые въ продолженіи семилѣтней аренды, истощивъ казну, вывозили румынское золото въ Стамбулъ, и которые, продажею должностныхъ мѣстъ, вкоренили начало злоупотребленій въ администраціи? Кто въ 1822 году возстановилъ древнее право избиранія господарей изъ Румыновъ? Кто въ 1829 году, оружіемъ и кровію, исторгъ трактатъ, по которому возвращено Румыніи утраченное представительное управленіе, посредствомъ общаго національнаго собранія?“

Князь Куза, повидимому, не хочетъ знать исторію. Но не такъ забывчивы бываютъ народы, и каковъ бы ни былъ пріемъ, оказанный ему въ Константинополѣ, какъ бы ни была велика поддержка, оказываемая ему Франціей, рано или поздно, безъ всякихъ особыхъ усилій со стороны Россіи, этотъ князь не устоитъ противъ естественнаго теченія событій и въ собственной своей странѣ пожнетъ то что посѣялъ. Россіи нѣтъ надобности ускорять естественный ходъ событій ни въ этомъ случаѣ, ни въ какомъ-либо другомъ на Востокѣ. Изготовившись вполнѣ на всякій случай, она можетъ спокойно выжидать чѣмъ разрѣшится глухая борьба на Востокѣ между политикой Англіи и политикой Франціи. Ни та, ни другая политика не имѣютъ ни малѣйшаго права на ея сочувствіе, или поддержку.

№ 131.

Москва, 13-го іюня.

Обнародованіе указовъ 19-го февраля 1864 года, объ устройствѣ быта польскихъ крестьянъ, возбудило добрыя надежды даже въ нѣкоторой части иностранной журналистики. „Россія,—слышалось тогда,—начала постройку новаго зданія Польши съ самаго фундамента, съ обезпеченія политическаго и хозяйственнаго положенія огромнаго большинства польскаго населенія. До сихъ поръ Польша была не болѣе какъ страною пановъ и ксендзовъ; теперь, подъ знаменемъ Россіи, призывается къ жизни настоящій польскій народъ.“ Словомъ, отъ крестьянской реформы ожидалось тогда возрожденіе Царства Польскаго къ новой, лучшей жизни. Дѣйствительно, крестьянская реформа была здѣсь необходимостью. Это понимали всѣ, но вполнѣ сознавая всю важность законодательныхъ мѣръ 19-го февраля нынѣшняго года, многіе смотрѣли на нихъ выжидательно. Мы Русскіе очень твердо знаемъ, что благотворная сила самыхъ лучшихъ законовъ только тогда оказывается на дѣлѣ, когда исполненіе ихъ вполнѣ соотвѣтствуетъ намѣреніямъ законодателя. Указъ 25-го мая 1846 года, о польскихъ же крестьянахъ, былъ также счастливою мыслію, которая вполнѣ соотвѣтствовала требованіямъ дѣйствительности, и однакоже, что сталось съ этимъ указомъ? Очень скоро по его обнародованіи послѣдовали распоряженія намѣстника Царства Польскаго, покойнаго князя Варшавскаго, и постановленія Совѣта Управленія въ совершенно противномъ указу духѣ и смыслѣ, и потребовались новые указы для огражденія польскихъ крестьянъ отъ панскихъ неправдъ. Не встрѣтятъ ли указы 19-го февраля 1864 года подобныхъ затрудненій? Такъ спрашивали себя съ неудомѣніемъ всѣ въ Россіи.

Эти вопросы и недоумѣнія вызваны вѣрнымъ взглядомъ на рѣзкую противоположность между польскимъ паномъ и русскимъ помѣщикомъ. Русскій помѣщикъ никогда не смотрѣлъ на своихъ крестьянъ съ презрѣніемъ или враждою; никогда не отдѣлялъ онъ ихъ отъ себя въ своемъ народномъ сознаніи; свое народное, свое патріотическое чувство онъ всегда сливалъ съ чувствомъ крестьянина. Онъ былъ готовъ на жертвы во имя отечества. Эти жертвы потребовались для устройства крестьянскаго дѣла, и русскій помѣщикъ принесъ ихъ безъ сопротивленія. Поэтому въ Россіи было легко вводить въ дѣйствіе Положенія 19-го февраля 1861 года. Они введены безъ лицепріятій и торгашества. Исполнители имѣли даже возможность дѣй-

*) Милковъ—пограничныя горы между Молдавіей и Валахіей.

ствовать сурово и иногда безъ нужды раздражали очень понятное и совершенно безвредное чувсто оскорбленнаго самолюбія, сказывавшееся въ помѣщикахъ, когда ихъ трактовали, безъ вины съ ихъ стороны, какъ враговъ крестьянскаго сословія и ослушниковъ Высочайшей воли. Въ Царствѣ Польскомъ другое дѣло. Тамъ вся исторія свидѣтельствуетъ, что помѣщики были дѣйствительно врагами своихъ хлоповъ, а въ продолженіе прошлогодняго мятежа польскіе помѣщики, почти всѣ безъ исключенія ему подчинившіеся, достаточно обнаруживали свои чувства къ верховной власти. Смѣшно было бы думать, что они въ правѣ обижаться сомнѣніями въ ихъ дружелюбіи къ крестьянамъ и готовности исполнить законъ. Что̀ могло оскорбить русскихъ помѣщиковъ гдѣ-нибудь въ Калужской губерніи, то никакъ не должно бы оскорбить польскаго пана. Но именно потому-то съ нимъ и тяжела борьба; именно потому-то и нужна непреклонная энергія для правильнаго исполненія высочайшихъ указовъ 21-го февраля 1864 года.

Можно ли удивляться, что русскіе люди съ тревожнымъ чувствомъ слѣдятъ за документами и извѣстіями, получаемыми въ различныхъ нѣмецкихъ газетахъ, о ходѣ крестьянской реформы въ Польшѣ? Можно ли удивляться, что тягостное впечатлѣніе производятъ слухи,—дай Богъ, чтобъ они оказались неосновательными, — будто бы не только въ самомъ населеніи, но повидимому и въ средѣ двигателей этой реформы, образовались какъ бы два враждебные лагеря, крестьянскій и панскій?

Нѣкоторыя нѣмецкія газеты утверждаютъ, что Учредительный комитетъ и крестьянскія коммиссіи погрѣшили сначала чрезмѣрною угодливостью въ отношеніи къ крестьянамъ и излишнею податливостью на всѣ ихъ просьбы и желанія, вслѣдствіе чего притязанія ихъ стали безмѣрны, а положеніе помѣщиковъ въ высшей степени тягостно. „Во многихъ мѣстахъ,“ пишутъ въ *Wanderer* изъ Варшавы, отъ 14-го іюня, „новые гминные войты, выбранные почти повсемѣстно изъ крестьянъ, требуютъ помѣщиковъ къ своему суду за всякую мелочь, и въ случаѣ сопротивленія употребляютъ надъ ними насиліе. Сельскій людъ предается всякаго рода излишествамъ, проводитъ время въ кабакахъ и трактирахъ, и совсѣмъ не занимается работами. Поденьщики, которые довольствовались прежде полузлотомъ, требуютъ теперь въ шесть разъ больше, и помѣщики, не имѣя возможности платить такія цѣны, оставляютъ свои земли безъ обработки.“ Все это, если только не преувеличено, показываетъ, во сколько разъ выше стояли русскій помѣщикъ и русскій крестьянинъ и во сколько разъ были лучше взаимныя отношенія между ними, даже и при господствѣ крѣпоснаго права. Но если поблажка польскимъ крестьянамъ, дѣлаемая въ противность смыслу закона, заслуживала бы порицанія, то нельзя упускать изъ виду и характеръ закона, вызваннаго не только вѣковыми притѣсненіями, которымъ подвергались польскіе хлопы, но и мѣрами революціоннаго жонда, которымъ безмолвно подчинились и за которые слѣдовательно приняли на себя отвѣтственность польскіе помѣщики. Обстоятельства, при которыхъ были изданы указы 19 февраля 1864 года, лишили ихъ того характера, которымъ они могли бы отличаться, еслибъ имъ было суждено явиться при другой обстановкѣ. Законы 19 февраля 1864 года въ этомъ не виноваты: среди революціи нельзя принимать нормальныя мѣры. Поэтому если то что̀ выставляется на видъ какъ поблажка крестьянамъ основано на самомъ законѣ, а не на произвольномъ нарушеніи его, то нечего сѣтовать. Вмѣстѣ съ закономъ, эта „поблажка“ оправдывается тѣмъ, что не было такого злоупотребленія, котораго бы не дозволяли себѣ польскіе помѣщики въ отношеніи къ своимъ крестьянамъ, и еще болѣе тѣмъ, что сами паны своимъ соучастіемъ въ возстаніи вынудили правительство предпринять крестьянскую реформу въ такое время, когда народныя страсти еще разожжены мятежомъ и революціонными декретами объ освобожденіи крестьянъ отъ чинша.

Даже и въ настоящее время образъ дѣйствій польскихъ пановъ въ отношеніи къ крестьянамъ и въ отношеніи къ правительству далеко не безукоризненный и не искренній. Въ Кельцовскомъ уѣздѣ многіе землевладѣльцы требовали барщинной работы отъ поселянъ, какъ будто бы указовъ 19-го февраля вовсе и не было. Въ Ленчицкомъ уѣздѣ крестьяне вынуждены были жаловаться военному начальнику на кулачные и палочные побои со стороны мелкихъ землевладѣльцевъ, управителей, экономовъ и даже со стороны дочерей помѣщиковъ, какъ прибавляетъ *Всеобщій*

Дневникъ. Въ прежнее время, помѣщики и ихъ управители, какъ гласитъ одно прошеніе поданное въ Учредительный Комитетъ, тѣлеснымъ наказаніемъ и угрозами принуждали крестьянъ отказываться отъ ихъ земельныхъ участковъ, или, какъ значится въ другомъ прошеніи, за долгъ въ 800 злотыхъ, самовольно отбирали участки земли, стоившіе 15.000 злотыхъ и составлявшіе полную собственность земледѣльца. Въ прошломъ году, когда мятежъ былъ во всей силѣ, помѣщики, исполняя волю *народоваго жонда*, не только не взыскивали чиншей и окуповъ съ своихъ поселянъ, но за весьма немногими исключеніями, даже и не жаловались законнымъ властямъ на недоимки. Теперь же, когда указомъ 19-го февраля, крестьяне освобождены отъ платежей помѣщикамъ и никакіе иски о недоимкахъ недозволены, многіе изъ нихъ требуютъ чинша впередъ, а другимъ, дѣйствительно, удалось подвергнуть крестьянъ военной экзекуціи, съ цѣлью собрать съ нихъ недоимки. Вообще, какъ только указы были обнародованы и съ 3-го апрѣля вступили въ силу, усилія польскихъ пановъ какъ бы умышленно были направлены къ тому, чтобъ убѣдить крестьянъ въ ихъ недѣйствительности и въ томъ, что положеніе хлоповъ было лучше и обезпеченнѣе подъ покровомъ декретовъ народоваго жонда. Сборъ недоимокъ и чиншей съ помощью русскаго правительства, посредствомъ военныхъ экзекуцій, сталъ главною ихъ цѣлью. Земское Кредитное Общество, во главѣ котораго нѣкогда стоялъ графъ Андрей Замойскій, первое обратилось, 19-го марта, съ ходатайствомъ о пополненіи недоимокъ, накопившихся на помѣщикахъ, въ количествѣ 2 милліоновъ, посредствомъ взысканія съ крестьянъ чиншей и окуповъ, замѣчая, что въ противномъ случаѣ неисправность плательщиковъ можетъ достигнуть такого размѣра, что кредитъ Общества совершенно будетъ подорванъ. Хорошо было бы положеніе правительства, еслибъ оно по изданіи указовъ 19-го февраля, принялось взыскивать военною силой 2 милліона рублей недоимки съ преданныхъ ему крестьянъ, по желанію бунтовавшихъ пановъ! Ходатайство Земскаго Кредитнаго Общества обратило на себя вниманіе Государя Императора, и еще разъ состоялось Высочайшее повелѣніе, отъ 21-го апрѣля, о томъ, что „ни Кредитное Общество, ни другія учрежденія и частные владѣльцы не имѣютъ никакого права, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, домогаться взысканія съ крестьянъ прежнихъ недоимокъ."

Повторяемъ еще разъ: въ виду всего прошедшаго и настоящаго, въ виду этихъ продолжающихся усилій обратить въ ничто самыя очевидныя положенія указовъ 19-го февраля, можно не только понять, но до нѣкоторой степени и оправдать увлеченіе сторонниковъ крестьянскаго дѣла въ Польшѣ. Но было бы прискорбно и пагубно, еслибы, по несчастію, крестьянская реформа попала на тотъ же путь, какимъ шелъ Совѣтъ Управленія въ отношеніи къ указу 1846 года.

Мы только что привели подлинное выраженіе Высочайшаго повелѣнія, отъ 21-го апрѣля, не признающее ни за учрежденіями, ни за частными владѣльцами никакого права, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, домогаться взысканія съ крестьянъ прежнихъ недоимокъ. Между тѣмъ это дѣло такое, что его легко запутать. Въ десятомъ засѣданіи Учредительнаго Комитета, бывшемъ 2-го мая, на разсмотрѣніе его, въ числѣ многихъ другихъ прошеній о взысканіи недоимокъ, поступило и прошеніе помѣщика Радомской губерніи, графа Велёпольскаго, домогающагося взысканія съ крестьянъ недоимокъ на сумму около 20.000 р., подъ тѣмъ предлогомъ, что крестьяне арендуютъ въ его имѣніяхъ земли на различныхъ условіяхъ и небольшими участками. Учредительный Комитетъ постановилъ рѣшеніе, чтобы подобныя прошенія препровождались въ мѣстныя коммиссіи по крестьянскимъ дѣламъ, для изслѣдованія, накопились ли недоимки по тѣмъ повинностямъ, которыя подлежатъ упраздненію, то-есть, по тѣмъ, которыя уплачивались за земли, поступившія въ полную собственность крестьянъ, или по тѣмъ повинностямъ, которыя возникли изъ контрактовъ, и чтобы въ послѣднемъ случаѣ владѣльцы имѣній взыскивали недоимки обыкновеннымъ гражданскимъ порядкомъ, минуя крестьянскія коммиссіи. Но извѣстно, что по контрактамъ находились иногда въ крестьянскомъ положеніи земли, по которымъ народовый жондъ запрещалъ взысканіе чинша, что и принято во вниманіе законодательствомъ.

Въ засѣданіи Учредительнаго Комитета 22-го апрѣля постановлено „не предоставлять права на открытіе нынѣ исковъ о не-

правильномъ удаленіи изъ участковъ такимъ поселянамъ, кои въ настоящее время уже имѣютъ какой-либо другой участокъ, заключающій въ себѣ не менѣе трехъ морговъ." Но, сверхъ того, предположено заняться разсмотрѣніемъ вопроса: Не представляется ли возможнымъ и справедливымъ признать до нѣкоторой степени удовлетворенными и тѣхъ крестьянъ, которые уже владѣютъ участками меньше трехъ морговъ."

Въ шестомъ засѣданіи Учредительнаго Комитета 14-го апрѣля, было постановлено принимать и передавать на законное распоряженіе мѣстныхъ коммиссій по крестьянскимъ дѣламъ даже и такія прошенія крестьянъ, которыя подлежали бы прямому отказу, какъ, напримѣръ, жалобы на отнятіе у крестьянъ земли, происшедшее до указа 26-го мая 1846 г., „такъ какъ, съ одной стороны, крестьяне не умѣютъ письменно излагать свои жалобы и не всегда можно составить понятіе, по ихъ письменнымъ просьбамъ, чего желаютъ просители и въ чемъ состоитъ дѣло, а съ другой—весьма полезно, чтобы крестьянамъ, даже при отказахъ въ ихъ просьбахъ, мѣстныя власти всегда объясняли тѣ законныя основанія, по которымъ иныя ходатайства не могутъ быть удовлетворены." Но черезъ восемь дней послѣ этого постановленія, 22-го апрѣля, Учредительный Комитетъ уже призналъ полезнымъ ограничить, по возможности, самое число жалобъ, подлежащихъ разбирательству и удовлетворенію, и включилъ въ эту категорію и такіе иски, которые не устранены, и слѣдовательно, дозволены указами 19-го февраля 1864 года. Это явное противорѣчіе указываетъ на колебанія самого Учредительнаго Комитета.

Мы высказываемъ эти опасенія особенно потому что польскіе паны начинаютъ уже громко заявлять торжество свое въ преданныхъ имъ нѣмецкихъ газетахъ. Въ то же время эти газеты оповѣщаютъ, что крестьянское населеніе въ Польшѣ начинаетъ волноваться. Въ селеніи Тромбкахъ, Гостынинскаго уѣзда, какъ разсказываетъ въ письмѣ, отъ 10-го іюня, корреспондентъ *Балтійской Газеты*, сотни крестьянъ, собравшись вмѣстѣ, вопили: „Намъ измѣняютъ! Крестьянская коммиссія подкуплена панами!" и отъ укоровъ перешли къ угрозамъ, отъ угрозъ къ прямымъ нападеніямъ на членовъ коммиссіи, пока не была призвана военная сила, и не разогнала ихъ штыками и прикладами. Предводитель мятежниковъ, Босакъ, взываетъ, отъ 30-го мая, къ польскимъ крестьянамъ, указывая имъ, что они не дождутся ничего путнаго отъ русскихъ властей, внушаетъ имъ не платить за земли выкупныхъ денегъ, и обѣщаетъ, если Россія будетъ требовать этихъ денегъ, призвать всѣхъ ихъ къ оружію.

№ 132.

Москва, 15-го іюня.

Лондонская конференція распущена; сегодня, 15-го (27-го) іюня, война между Даніей и обѣими великими германскими державами должна возобновиться. Такъ гласитъ полученная нами телеграмма изъ Лондона, отъ третьяго дня (субботы, 13-го іюня ст. стиля и 25-го іюня н. ст.), когда конференція имѣла свое послѣднее засѣданіе. Россія и Англія употребили всѣ старанія, чтобы дѣло не дошло вновь до войны. Между тѣмъ какъ Англія, въ засѣданіи 18 іюня, сдѣлала предложеніе предоставить посреднику рѣшеніе вопроса о демаркаціонной линіи въ Шлезвигѣ, россійскій посолъ, баронъ Брунновъ, выступилъ, съ своей стороны, съ предложеніемъ, въ надеждѣ примирить противоположныя стремленія Даніи и Германіи. Гольштейнъ и Шлезвигъ, въ полномъ своемъ объемѣ, въ силу этого предложенія, должны бы быть соединены въ одно цѣлое, самостоятельное государство, которое вошло бы въ составъ Германскаго Союза; съ другой стороны, это государство осталось бы подъ скипетромъ Христіана IX, соединяясь съ Даніей въ лицѣ общаго имъ короля. Такъ, по крайней мѣрѣ, передаетъ, послѣднее предложеніе Россіи лондонскій корреспондентъ *Кельнской Газеты*. Ни англійское, ни русское предложеніе не были прямо отвергнуты; они были приняты уполномоченными для представленія ихъ дворамъ. Англія дѣлала величайшія усилія въ Копенгагенѣ, чтобы произвести тамъ переворотъ въ министерствѣ и тѣмъ подготовить благопріятный пріемъ, какъ проекту о продолженіи перемирія на два мѣсяца, такъ, повидимому, и проекту, предложенному Россіей. Усилія ея не увѣнчались успѣхомъ, и министерство епископа Монрада, оставшись въ полной силѣ, готовитъ, говорятъ, циркуляръ къ своимъ дипломатическимъ агентамъ, о

томъ, что Данія никогда не согласится на личное соединеніе съ Герцогствами и на то, чтобы король ея былъ, по которому-либо изъ Герцогствъ, членомъ Германскаго Союза, и что на этихъ условіяхъ она навсегда отказывается отъ Гольштейна и южнаго Шлезвига до рѣки Шлей.

Предложеніе о посредническомъ рѣшеніи точно также не встрѣтило сочувствія ни въ Копенгагенѣ, ни въ Берлинѣ. Въ Вѣнѣ, напротивъ, оно сначала было принято очень благопріятно. Австрія не заинтересована, такъ непосредственно въ датско-германскомъ столкновеніи, какъ Пруссія; каковъ бы ни былъ исходъ его, она не можетъ обѣщать себѣ никакихъ прямыхъ выгодъ. А между тѣмъ содержаніе 20-тысячнаго корпуса въ Шлезвигѣ подвергаетъ плохіе финансы ея тяжкому испытанію: расширеніе войны и та свобода движенія, которою могъ бы при этомъ воспользоваться Наполеонъ III, грозятъ ей большою опасностью. Почти всѣ австрійскія газеты высказались, поэтому, въ пользу англійскаго предложенія: какъ бы желая заранѣе задобрить Наполеона III, онѣ предлагали его въ посредники и въ третейскіе судьи между Даніей и Германіей. „Въ случаѣ неудачи этого предложенія, говоритъ одна изъ нихъ, именно *Vaterland*, Англіи нѣтъ другаго выбора кромѣ или собственнаго вмѣшательства въ войну, или согласія на общеевропейскій конгрессъ, предложенный въ концѣ прошлаго года Наполеономъ.“ Понятно, что Австріи не улыбается ни война съ Англіей, ни любимая идея Наполеона. По тѣмъ не менѣе страхъ утратить всѣ симпатіи въ Германіи и очистить въ ней путь для прусской гегемоніи, какъ въ началѣ войны, такъ и теперь, превозмогъ всѣ другія опасенія Австріи. Однако на этотъ разъ, повидимому, она поддалась не только этому страху, но и какимъ-нибудь прямымъ обѣщаніямъ со стороны Пруссіи. Дѣло уладилось путемъ личныхъ объясненій между королемъ прусскимъ и императоромъ австрійскимъ, между г. фонъ-Бисмаркомъ и графомъ Рехбергомъ. Императоръ австрійскій остался такъ доволенъ этими объясненіями, что отказавшись отъ разногласій съ Пруссіей по поводу послѣдняго предложенія Англіи, даже забылъ прошлогоднія, враждебныя заявленія г. фонъ-Бисмарка, и наградилъ его орденомъ Св. Стефана большаго креста. Дѣло, очевидно, не обошлось безъ большихъ уступокъ со стороны Пруссіи. „Въ случаѣ, если Австрія рѣшится на продолженіе войны,—пишутъ изъ Вѣны, отъ 20-го іюня, въ *Кельнскую Газету*, — она будетъ настаивать, чтобы Пруссіи не досталось при этомъ никакого особеннаго, преимущественнаго положенія, чтобы весь Германскій Союзъ принялъ участіе въ войнѣ, и чтобы съ этою цѣлью была преобразована военная организація Союза, съ устраненіемъ при этомъ преобразованія всякой возможности прусской гегемоніи на будущее время.“ Рѣчь должна была идти въ Карлсбадѣ и о преобразованіи Германскаго Союза, и о вступленіи Австріи въ Германскій Таможенный Союзъ, встрѣчающемъ препятствія, какъ извѣстно, въ 31-й статьѣ французско-прусскаго торговаго трактата, которою распространяются на Францію всѣ уступки, какія могутъ быть сдѣланы, относительно пошлинъ, въ пользу какой-либо другой державы. Въ которомъ изъ этихъ вопросовъ и сколько уступокъ получила Австрія отъ Пруссіи еще неизвѣстно; но что Пруссія рѣшилась на какія-либо изъ нихъ, это, повидимому, не подлежитъ сомнѣнію. *Крестовая Газета* прямо извѣщаетъ, что Австрія присоединилась къ Пруссіи въ ея требованіи, чтобы посредническій приговоръ не имѣлъ обязательной силы для воюющихъ и чтобы новое перемиріе продолжалось не менѣе двухъ мѣсяцевъ, на что́, какъ извѣстно, не желаетъ согласиться Данія. *Крестовая Газета* прибавляетъ, что это соглашеніе послѣдовало въ Карлсбадѣ только благодаря личному свиданію обоихъ монарховъ и ихъ министровъ. Согласныя между собою предложенія Пруссіи и Австріи были заявлены конференціи въ засѣданіи ея 22-го іюня, а въ послѣднемъ засѣданіи, 25-го іюня, которое, повидимому, имѣло только одно формальное значеніе: оказалось, что конференціи уже нечего болѣе дѣлать и что война должна возобновиться.

Весь вопросъ теперь въ томъ, сохранитъ ли эта война прежніе свои размѣры, или же въ нее вовлечены будутъ Англія, Германскій Союзъ, а можетъ-быть и нѣкоторыя другія государства; будетъ ли эта война, попрежнему, войною между нѣкоторыми отдѣльными державами, или же станетъ войной европейскою?

Англійская публика начинаетъ, какъ изъ всего видно, свыкаться съ мыслію о войнѣ. Даже одинъ изъ самыхъ тугихъ органовъ

Джонъ-Буля, *Times* говоритъ, въ статьѣ отъ 21-го іюня: „Если Англія допуститъ, чтобы датско-германская война началась снова и доведена была до того конца, котораго желаютъ германскія державы, то не найдется ни одного человѣка, сколько-нибудь знакомаго съ событіями, который бы не согласился, что тогда не только совершится великая европейская неправда, но что и законное вліяніе Англіи на дѣла міра въ значительной степени будетъ утрачено... Благоразумно ли, или нѣтъ, тотчасъ же вмѣшаться въ войну, возможно ли, или нѣтъ, съ помощью британскихъ военныхъ силъ освободить Шлезвигъ, или часть его, это вопросы политическіе и военные, требующіе серіознаго разсмотрѣнія. Но пока намъ кажется, что перерывъ дипломатическихъ сношеній долженъ бы быть непосредственнымъ послѣдствіемъ устраненія нашего послѣдняго мирнаго предложенія.“ И дѣйствительно, по извѣстіямъ изъ Берлина, англійскій посолъ при дворѣ прусскаго короля уже дѣлалъ нѣкоторыя приготовленія къ отъѣзду. Ниже, подъ рубрикой: „Шлезвигъ-Гольштейнскій вопросъ“, приведена статья изъ прусской *Провинціяльной Корреспонденціи*, гдѣ прямо сказано, что Англія объявила, что въ случаѣ возобновленія военныхъ дѣйствій, 26-го іюня, она съ своимъ флотомъ станетъ на сторону Даніи.

Впрочемъ, какъ извѣстно, королева Викторія противъ войны съ Пруссіей. Большинство въ англійскомъ министерствѣ, и въ томъ числѣ гг. Гладстонъ и Мильнеръ Гибсонъ, также въ пользу мира, и лордъ Пальмерстонъ, если рѣшится на войну принужденъ будетъ совершенно обновить составъ своего кабинета. Вторая полученная нами сегодня депеша извѣщаетъ, что въ засѣданіи обѣихъ палатъ парламента, которое происходитъ въ эту минуту, когда мы пишемъ эти строки, министры ея британскаго величества дадутъ объясненія мирнаго свойства, безъ сомнѣнія, имѣя въ виду то положеніе, которое можетъ принять Франція, въ случаѣ войны между Англіей и Германіей. Франція, дѣйствительно, стоитъ насторожѣ: она желала бы, въ своемъ интересѣ, чтобъ Англія одна вовлеклась въ войну, но участвовать въ войнѣ вмѣстѣ съ нею она вовсе не желаетъ. Корреспондентъ *Кельнской Газеты* сообщаетъ за достовѣрное, что Лордъ Россель. 18-го іюня, вторично обращался къ Франціи съ запросомъ по этому предмету, и вторично получилъ рѣшительный отказъ. Въ то же время есть извѣстіе, что Франція, съ своей стороны, содѣйствовала неудачѣ послѣдняго предложенія Англіи, что еще болѣе должно возбуждать опасенія англійскихъ государственныхъ людей относительно результатовъ расширенія войны.

Кромѣ войны, для Англіи возможенъ еще одинъ только исходъ, которому будетъ усердно содѣйствовать Франція: это—созваніе предложеннаго послѣднею европейскаго конгресса. Этотъ исходъ возможенъ, но едва ли онъ возможенъ для нынѣшняго англійскаго министерства. Большинство партіи торіевъ, дѣйствительно, высказывало готовность содѣйствовать, по возможности, осуществленію этого любимаго дѣтища Наполеона III. Паденіе министерства Пальмерстона и вступленіе лорда Дерби въ управленіе были бы первымъ шагомъ къ осуществленію европейскаго конгресса. Мысль о немъ теперь снова въ сильномъ ходу. *Вечерній Монитеръ*, отъ 21-го іюня, сообщаетъ письмо изъ Берлина, въ которомъ будто бы увѣряютъ, что въ тамошнихъ политическихъ сферахъ сильно высказываются въ пользу конгресса, и что г. фонъ-Бисмаркъ на дняхъ заявилъ турецкому посланнику, что турецкія дѣла лучше всего могутъ быть улажены на конгрессѣ и что теперь есть надежда, что онъ состоится. Съ другой стороны, увѣряютъ, будто бы и Россія склоняется въ пользу конгресса, и Австрія уже не столько страшится его какъ прежде.

Итакъ, европейская война, или европейскій конгрессъ: вотъ къ какой дилеммѣ неожиданно привелъ насъ запутанный шлезвигъ-гольштейнскій вопросъ. Наполеонъ III разсчитываетъ такимъ образомъ получить удовлетвореніе за гордый отказъ графа Росселя принять участіе въ конгрессѣ.

№ 133.

Москва, 16-го іюня.

Въ петербургскихъ газетахъ возникла полемика, заслуживающая особеннаго вниманія. Явленія этой полемики слѣдуютъ одно за другимъ, правда, медленно; до сихъ поръ было только два: статья Н. Х. Бунге въ *Русскомъ Инвалидѣ* (№ 108, 15-го мая: „Русскія предпріятія основанныя на ино-

странные капиталы") и статья князя Д. В. Л—ва въ *Голосѣ* (№ 159, 11-го іюня: „По поводу статьи: Русскія предпріятія, основанныя на иностранные капиталы"). Но это не мѣшаетъ рости раздраженію съ быстротой, которая, конечно, не соотвѣтствуетъ сложности и важности дѣла, подавшаго поводъ къ полемикѣ. Г. Бунге высказалъ, повидимому, такія общія мысли, которыя, еслибъ онѣ оставались общими мыслями, едва ли встрѣтили бы возраженіе. Г. Бунге указываетъ на невозможность возстановить у насъ металлическое обращеніе, пока курсъ кредитнаго рубля не фиксированъ, и упоминаетъ о малой надеждѣ на фиксацію курса, при существованіи надеждъ на возстановленіе нарицательной цѣнности кредитныхъ билетовъ. Фиксація курса кредитнаго рубля есть иностранный терминъ, который былъ въ свое время употребляемъ графомъ Канкринымъ. Называя это же самое дѣло русскимъ именемъ, мы постоянно говорили о необходимости упрочить курсъ кредитнаго рубля или упрочить нашу денежную единицу, что̀ одно и то же, такъ какъ кредитный рубль сдѣлался теперь нашею денежной единицей. Мы старались убѣдить людей, расположенныхъ вникнуть въ этотъ жизненный для Россіи вопросъ, что теперь невозможно помышлять о возстановленіи первоначальной цѣнности кредитнаго рубля, а надобно желать лишь упроченія такой его цѣнности, которая была бы не далека отъ фактической. Чтобы сдѣлать кредитный рубль совершенно равнымъ по цѣнности цѣлковому рублю, для этого надобно было бы произвести страшное потрясеніе во всей экономической жизни нашей страны. За такою операціей послѣдовало бы самое острое ощущеніе безденежья, гораздо болѣе острое чѣмъ нынѣшнимъ лѣтомъ, длинный рядъ банкротствъ и весьма значительная потеря сознанія для всѣхъ тѣхъ кто обязанъ платить деньги другимъ лицамъ или казнѣ. На подобное дѣло можно было бы рѣшиться только въ томъ случаѣ, еслибъ оно требовалось справедливостью, еслибы напримѣръ цѣной этихъ жертвъ можно было вознаградить лица потерявшія часть своего состоянія отъ упадка цѣнности кредитныхъ билетовъ въ 1856 и 1857 годахъ. Но нѣтъ такого искусства, которое помогло бы намъ отыскать этихъ людей. Что̀ они потеряли, того никто не въ силахъ возвратить имъ. Съ тѣхъ поръ каждый кредитный билетъ успѣлъ многія тысячи разъ перейдти изъ рукъ въ руки, и слѣды этихъ переходовъ совершенно изгладились. Возстановленіемъ цѣнности кредитнаго рубля воспользовались бы теперь тѣ, которые случайно имѣютъ въ настоящую минуту больше претензій нежели обязательствъ. Это была бы даровая премія, нѣчто въ родѣ азартнаго выигрыша, преслѣдуемаго законами благоустроенныхъ государствъ. Нельзя безъ горечи видѣть, что эти простыя истины мало понимаются у насъ, и что равнодушіе къ общему дѣлу лишаетъ насъ способности ясно представить себѣ, какую опасную и пагубную вещь восхваляемъ мы, безсознательно разсуждая о возстановленіи нарицательной цѣнности кредитнаго рубля. Одно было извиненіе—фантастическая надежда, что можно возстановить курсъ кредитнаго рубля, размѣнявъ и изъявъ изъ обращенія не болѣе сотни милліоновъ рублей кредитныхъ билетовъ. Эта надежда основывалась на ошибочной увѣренности, почему-то находившей у насъ чрезвычайно-энергическую поддержку, что наши денежныя затрудненія происходятъ не отъ излишка кредитныхъ билетовъ, а отъ разныхъ другихъ причинъ, которыя и были тщательно придумываемы. Скрывая за собой настоящее дѣло, эти разсужденія доставляли оптимистамъ такое же успокоеніе, какое страусъ находитъ въ томъ что, видя опасность, прячетъ свою голову. Но теперь, когда опытъ сдѣланъ, когда уже предъ его силой, а не предъ силой доводовъ, должны были разсѣяться оптимистическія мечты, и никто, повидимому, не можетъ убаюкивать себя обличенною опытомъ ошибкой, теперь, повторяемъ, нельзя безъ горечи видѣть ту упорную косность, съ которою все еще держится эта зловредная фраза: *возстановленіе цѣнности кредитнаго рубля*, стоящая у насъ поперекъ дороги къ единственной желательной и притомъ несомнѣнно достижимой цѣли, — *упроченію цѣнности кредитнаго рубля*. Тѣмъ пріятнѣе было намъ увидѣть, что экономистъ, какъ г. Бунге, рѣшается высказаться въ пользу упроченія курса кредитнаго рубля. Если еще нѣсколько людей съ вѣсомъ присоединятся къ этой мысли, дѣло будетъ выиграно, и Россія получитъ наконецъ прочную денежную единицу,—это существенное условіе, эту *conditio sine qua non* не только успѣховъ, но даже существованія всякаго хозяйства въ странѣ сколько-нибудь цивилизованной. Но г. Бунге, высказавъ

свое мнѣніе о невозможности возстановить у насъ металлическое обращеніе пока курсъ кредитнаго рубля не будетъ фиксированъ, подалъ поводъ къ желчному возраженію, появившемуся въ *Голосѣ* и уже упомянутому нами.

Г. Бунге, высказывая повидимому общія мысли, въ сущности говорилъ объ одномъ обширномъ коммерческомъ или лучше биржевомъ предпріятіи, задуманномъ въ Петербургѣ. Авторъ напечатаннаго въ *Голосѣ* возраженія прямо замѣчаетъ г-ну Бунге, что онъ указываетъ на это предпріятіе въ своей статьѣ такъ ясно, что не имѣлъ надобности и называть его. Такъ какъ самъ авторъ возраженія еще болѣе усиливаетъ эту ясность, и такъ какъ учредители предпріятія далеки отъ намѣренія держать свое дѣло въ тайнѣ, что мы съ своей стороны можемъ засвидѣтельствовать съ особеннымъ удовольствіемъ, то мы не видимъ причины почему не называть это предпріятіе собственнымъ его именемъ. Рѣчь идетъ о предположеніи учредить *Главное русское общество поземельнаго и промышленнаго кредита*, съ участіемъ иностранныхъ капиталовъ. Сколько намъ извѣстно, инціатива учрежденія этого общества идетъ отъ Русскихъ. Дѣло было почти слажено въ декабрѣ мѣсяцѣ, но затѣмъ встрѣтились разныя препятствія, къ числу которыхъ относится между прочимъ и статья г. Воловскаго о русскихъ финансахъ, появившаяся въ *Revue des deux Mondes*, и лишь въ апрѣлѣ окончательно состоялась первоначальная сдѣлка между главнѣйшими учредителями, изъ которыхъ до сихъ поръ формально заявлены слѣдующіе:

Лондонское Международное Финансовое Общество (International Financial Society).

Торговый домъ Фрюлингъ и Гошенъ, принимающій также участіе въ концессіи севастопольской желѣзной дороги.

Торговый домъ Мастерманъ, Петерсъ Мильдредъ Бербекъ и Ко.

Торговый домъ Бишофсгеймъ, Гольдшмидтъ и Ко.

Банкъ Саксенъ-Мейнингенскій.

Эти учредители предоставляютъ себѣ право въ продолженіи мѣсяца по утвержденіи устава заявить имена и другихъ учредителей; въ числѣ этихъ другихъ несомнѣнно появится нѣсколько русскихъ именъ. Общество выставляетъ главною своею цѣлью поземельный кредитъ. Оно будетъ выдавать ссуды подъ недвижимости звонкою монетой и будетъ имѣть право выпускать на все количество произведенныхъ ссудъ облигаціи, также написанныя на звонкую монету. Проценты какъ по ссудамъ, такъ и по облигаціямъ, оно будетъ назначать по своему усмотрѣнію, но оно не будетъ выдавать ссудъ, а слѣдовательно и выпускать облигацій болѣе нежели на двадцать разъ противъ своего складочнаго капитала. Капиталъ Общества по уставу предполагается въ 25 милліоновъ рублей звонкою монетой; на первый разъ будетъ собрано, и какъ говорятъ, уже собрано 6.250.000 р., слѣдовательно на первый разъ можетъ быть выдано ссудъ на 125 милліоновъ цѣлковыхъ. Складочный капиталъ долженъ служить дополнительнымъ обезпеченіемъ облигацій, сверхъ того обезпеченія, которое будетъ заключаться въ заложенныхъ недвижимостяхъ. Но для усиленія своихъ доходовъ Общество предполагаетъ помѣщать этотъ складочный капиталъ въ разныхъ коммерческихъ и биржевыхъ операціяхъ, — мысль совершенно вѣрная и заслуживающая полнаго одобренія. Этими операціями, которыя вычислены въ уставѣ и, кажется, уже чрезмѣрно разнообразны, Общество думаетъ вознаградить себя за менѣе выгодную операцію поземельнаго кредита. Учредители считаютъ такое вознагражденіе тѣмъ болѣе справедливымъ, что, какъ они выражаются, они не испрашиваютъ для себя ничего похожаго на привилегію (pas la moindre trace d'un privilège). Дѣйствительно, они не испрашиваютъ ни какой *исключительной* привилегіи, то-есть никакой монопольной привилегіи. Предоставляемыя имъ льготы государство будетъ имѣть право распространить и на другихъ. Но если понимать слово *привилегія* въ его первоначальномъ смыслѣ, то-есть въ смыслѣ *закона издаваемаго на частный случай въ отмѣну общаго законодательства*, то учредители испрашиваютъ нѣсколько чрезвычайно важныхъ привилегій, изъ которыхъ иныя могутъ быть распространены на другихъ, а иныя не могутъ, хотя государство и удержало бы за собою формальное право предоставить и другимъ тѣ же привилегіи.

Къ перваго рода привилегіямъ относится освобожденіе отъ закона о ростѣ. Обществу предоставляется назначать проценты по своимъ ссудамъ, какіе оно найдетъ для себя выгодными, между тѣмъ какъ общій законъ воспрещаетъ брать болѣе шести процентовъ. Было бы справедливо отмѣнить

этотъ законъ одновременно для всѣхъ, а не отмѣнять его постепенно посредствомъ выдачи привилегій.

Ко втораго рода привилегіямъ относится право на выпускъ лотерейныхъ облигацій. Хотя это право и не испрашивается въ смыслѣ исключительной привилегіи, но такъ какъ невозможно разрѣшить учрежденіе лотерей всѣмъ желающимъ, то испрашиваемая льгота, не будучи юридически привилегіей, будетъ привилегіей фактически. Учредители поступили бы, кажется, согласно съ своею собственною мыслью и съ общимъ характеромъ своего предпріятія, еслибы не настаивали на лотерейныхъ облигаціяхъ. Англійскіе учредители очень хорошо знаютъ, что этотъ способъ займа не считается правильнымъ. Къ нему прибѣгаютъ лишь въ крайности, но какъ бы ни трунила какая-нибудь англійская газета надъ самонадѣянностью русскаго патріотизма, все-таки мы не имѣемъ еще разумной причины до такой степени отчаиваться за будущность Россіи, чтобы хвататься за эту соломинку утопающаго. Дозволить частному обществу выпускъ лотерейныхъ облигацій значитъ обречь государство на горестную необходимость придавать лотерейный характеръ всѣмъ своимъ послѣдующимъ займамъ. Недавній примѣръ неудавшагося австрійскаго займа показываетъ какъ трудно возвращаться къ регулярнымъ займамъ на такой почвѣ, которая испорчена займами лотерейными.

Ко втораго же рода привилегіямъ должно отнести разрѣшеніе выпускать безпроцентные банковые билеты, если только правы тѣ, которые выводятъ это разрѣшеніе изъ толкованія параграфовъ устава, относящихся къ пріему вкладовъ Подобное право въ интересѣ государства должно составлять привилегію и не можетъ быть распространяемо на желающихъ. Теперь не время ограничивать въ этомъ отношеніи свободу будущаго законодательства.

Наконецъ всего болѣе сюда относится освобожденіе Общества отъ обязательнаго курса кредитныхъ билетовъ. Мы не отрицаемъ важности и временной существенной необходимости этого требованія со стороны учредителей. Мы не отрицаемъ также формальнаго права на подобное требованіе, вытекающаго изъ того обстоятельства, что остзейскому обществу *Церера* удалось заявить это требованіе съ полнымъ успѣхомъ. Лѣтъ шесть или семь тому назадъ, когда еще можно было надѣяться на сохраненіе серебрянаго рубля (цѣлковаго) въ качествѣ денежной единицы, и когда еще предстояло разрѣшеніе крестьянскаго вопроса оправдывавшее экстренныя мѣры, можно было бы ожидать нѣкоторыхъ полезныхъ послѣдствій отъ согласія на подобное требованіе въ видахъ устройства поземельнаго банка. Но теперь кредитный рубль безвозвратно сдѣлался у насъ денежною единицей, и главный интересъ страны состоитъ въ томъ, чтобы цѣнность этой денежной единицы подвергалась возможно меньшимъ колебаніямъ. Представьте же себѣ что поземельный банкъ, выдавъ ссуды звонкою монетой или облигаціями написанными на звонкую монету, получитъ право требовать съ своихъ заемщиковъ въ платежъ процентовъ и погашенія звонкую же монету, а кредитные билеты принимать по добровольному соглашенію. Что изъ этого выйдетъ? Тѣми шестью или даже тѣми двадцатью пятью милліонами звонкой монеты, которые Общество ввезетъ въ Россію въ качествѣ складочнаго капитала (даже если весь складочный капиталъ поступилъ бы звонкою монетой, что не вѣроятно) оно не создастъ у насъ металлическаго обращенія. Ввезенная имъ монета будетъ капля въ морѣ. Она неминуемо уйдетъ за границу, а такъ какъ самъ предполагаемый банкъ будетъ имѣть право торговать благородными металлами, то онъ самъ будетъ содѣйствовать вывозу звонкой монеты за границу, ибо это будетъ для него выгодно. За это никто не будетъ въ правѣ пенять на банкъ, но когда звонкой монеты не будетъ на внутреннихъ рынкахъ, то столь же мало можно будетъ пенять на банкъ, если онъ будетъ продавать звонкую монету по дорогой цѣнѣ. Теперь звонкая монета требуется только для внѣшнихъ сношеній; тогда она будетъ требоваться для платежа процентовъ банку. Спросъ на нее увеличится. Дѣйствуя одновременно и на пограничныхъ биржахъ и на внутреннемъ рынкѣ, банкъ получитъ преобладающее вліяніе и на вексельный курсъ и на цѣну кредитныхъ билетовъ. Директоръ банка, какъ само собой разумѣется, будетъ обязанъ пользоваться этимъ вліяніемъ въ интересѣ своихъ акціонеровъ, и слѣдовательно будетъ обязанъ причинять какъ можно болѣе колебаній вексельнаго курса и связанной съ нимъ цѣнности кредитнаго рубля, нашей узаконенной денежной единицы. Такимъ образомъ мы отдалились отъ

той цѣли, къ которой мы должны стремиться: намъ будетъ труднѣе чѣмъ теперь упрочить цѣнность кредитнаго рубля, потому что съ нами будетъ, по своей обязанности, бороться директоръ поземельнаго банка. Но этого мало: чѣмъ тѣснѣе будетъ кругъ обязательнаго обращенія кредитныхъ билетовъ, чѣмъ болѣе они будутъ получать характеръ податныхъ марокъ, то-есть платежныхъ знаковъ принимаемыхъ только въ подати, тѣмъ меньшее количество ихъ будетъ нужно для обращенія. Если, какъ того требуетъ справедливость, мы будемъ распространять испрашиваемую поземельнымъ и промышленнымъ банкомъ привилегію на другіе банки и на частныя лица, то мы дойдемъ наконецъ до того, что и 300 милліоновъ кредитныхъ билетовъ будетъ слишкомъ много для Россіи. Чтобы наглядно представить себѣ все несоотвѣтстіе подобнаго порядка съ положеніемъ нашихъ дѣлъ, стóитъ только спросить себя возможно ли было бы выхлопотать въ Англіи освобожденіе отъ обязательнаго пріема билетовъ англійскаго банка. Между тѣмъ въ Англіи нѣтъ излишка банковыхъ билетовъ, въ Англіи они ходятъ не ниже, а либо *al pari*, либо нѣсколько выше звонкой монеты, у насъ же есть значительный излишекъ, и кредитные билеты ходятъ на 15% ниже звонкой монеты. Превращая кредитные билеты мало-по-малу въ податныя марки, и не уменьшая вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ количества, мы довели бы дѣло до того, что кредитный рубль стоилъ бы никакъ не болѣе 40 коп. сер. Но какой былъ бы хаосъ во всемъ нашемъ народномъ хозяйствѣ, пока происходилъ бы этотъ процессъ, и въ какое положеніе были бы приведены этимъ процессомъ государственные финансы? Мы спрашиваемъ, слѣдуетъ ли намъ содѣйствовать тому:

1. Чтобы курсъ кредитныхъ билетовъ подлежалъ бóльшимъ чѣмъ теперь колебаніямъ.

2. Чтобъ онъ падалъ ниже чѣмъ при теперешнихъ обстоятельствахъ онъ можетъ упасть.

Мы полагаемъ, что г. Бунге предлагалъ себѣ эти вопросы, когда рѣшился поднять свой голосъ въ интересѣ нашей денежной системы. Изъ его статьи отнюдь не видно, чтобъ онъ менѣе другихъ желалъ учрежденія поземельнаго банка въ Россіи и привлеченія сюда иностранныхъ капиталовъ; его статья получила оттѣнокъ неблагопріятный для новаго предполагаемаго предпріятія всего болѣе потому что, не назвавъ его, онъ не имѣлъ возможности обсудить его со всѣхъ сторонъ. Мы въ этомъ отношеніи находимся въ положеніи болѣе благопріятномъ. Мы изложили въ крупныхъ чертахъ общій планъ предпріятія и можемъ привѣтствовать его безо всякой другой оговорки, кромѣ того условія, которое заявляютъ сами учредители, и которое состоитъ въ томъ, что предполагаемый поземельный и промышленный банкъ не будетъ пользоваться никакою привилегіей, ни явною, ни замаскированною. Единственное важное замѣчаніе, которое мы кромѣ того имѣли бы сдѣлать, заключается въ томъ, что если банкъ хочетъ принимать вклады, то эту операцію слѣдовало бы обезпечить такою долей складочнаго капитала, которая не служила бы въ то же время обезпеченіемъ по облигаціямъ банка.

Мы высказываемъ эти замѣчанія съ единственною цѣлью вызвать разъясненіе дѣла. Судить объ уставѣ такого сложнаго предпріятія чрезвычайно трудно. Отвѣтственность возрастаетъ еще вслѣдствіе того что у насъ, при отсутствіи общаго законодательства по этой части, уставъ каждаго подобнаго учрежденія есть не только контрактъ между акціонерами, но и условіе, заключаемое между ними и правительствомъ. Поэтому при разсмотрѣніи каждаго изъ подобныхъ уставовъ требуется такое же напряженное и всестороннее вниманіе, какое бываетъ нужно при обсужденіи проектовъ законодательныхъ. Въ такомъ положеніи дѣлъ необходимость заставляетъ держаться какъ можно тверже самыхъ безспорныхъ и простыхъ началъ. Эти общія начала представляются намъ въ слѣдующемъ видѣ: Коммерческая сдѣлка бываетъ только тогда безупречна, когда бываетъ основана на конкурренціи открытой и на прямомъ обмѣнѣ услугъ или цѣнностей. Поземельный кредитъ намъ нуженъ, и мы найдемъ слѣдовательно для себя выгоднымъ заплатить за него соотвѣтственно тому, на сколько онъ намъ нуженъ. Прямое вознагражденіе должно быть совершенно достаточно, если только поземельный кредитъ намъ дѣйствительно очень нуженъ. Зачѣмъ же прибѣгать къ вознагражденіямъ косвеннымъ, всегда неправильнымъ и зависящимъ отъ случая? Нѣтъ спора, что при такомъ направленіи дѣла оно встрѣтитъ препятствія въ нашей денежной системѣ, но и эти препятствія

должны быть устранены не косвенными, а прямыми мѣрами, которыя, по счастію, отнюдь не принадлежатъ къ разряду мѣръ, хотя и полезныхъ, но неисполнимыхъ.

№ 134.

Москва, 17-го Іюня.

Вполнѣ понимаемъ и раздѣляемъ сѣтованія почтеннаго автора письма изъ Кіева, которое читатели найдутъ въ этомъ листкѣ нашей газеты. Случай, который вызвалъ эти сѣтованія, можетъ самъ по себѣ показаться незначительнымъ; но для людей способныхъ отдавать себѣ отчетъ въ происходящихъ предъ глазами явленіяхъ, онъ довольно ясно свидѣтельствуетъ о новой фазѣ, въ которую готовится вступить такъ-называемый польскій вопросъ на кіевской почвѣ. Мы, дѣйствительно, самый прогрессивный на свѣтѣ народъ, мы съ неимовѣрною быстротой совершаемъ переходы отъ одного положенія къ другому: вчера мы отстаивали отъ безпримѣрныхъ, по своей наглости, притязаній самую русскую на Руси землю; вчера мы были исполнены негодованія противъ внутреннихъ враговъ нашихъ. столь не разборчивыхъ въ средствахъ; мы съ омерзеніемъ читали польскій катихизисъ, мы съ ужасомъ и съ стыдомъ осматривали подземныя работы, которыми подкапывалась польская шляхта подъ русскую народность и русское государство; мы видѣли какъ весь западный край нашъ, населенный десятью милліонами чисто-русскаго народа, находился въ полномъ обладаніи нѣсколькихъ сотъ тысячъ Поляковъ, которые подъ сѣнью русскаго правительства ополячивали весь этотъ край и съ каждымъ годомъ отчуждали его отъ русскаго корня гораздо глубже и успѣшнѣе чѣмъ въ тѣ времена, когда онъ находился подъ польскимъ правительствомъ; мы усматривали необходимость принимать самыя рѣшительныя мѣры, чтобы положить конецъ такому невозможному порядку вещей; мы желали энергическихъ распоряженій; мы спѣшили измѣнить персоналъ администраціи, переполненной польскимъ элементомъ, и сзывали чиновниковъ со всѣхъ концовъ Россійской Имперіи чтобъ отнять у Поляковъ возможность приводить въ дѣйствіе правила ихъ политическаго катихизиса; мы спѣшили измѣнить персоналъ землевладѣльческихъ классовъ, также переполненныхъ польскимъ элементомъ; мы признавали печальную необходимость строгихъ каръ, которымъ подвергались Поляки именно за то, что, побуждаемые чувствомъ своей національности, движимые духомъ ея преданій, они оказались виновными въ самой тяжкой изъ государственныхъ измѣнъ. Все это происходило вчера; еще не окончены слѣдственныя дѣла по мятежу, еще поддерживаются и даже усиливаются мѣры общественной безопасности, падающія равно на виновныхъ и на невиновныхъ,—мѣры, которыя были вызваны мятежемъ и которыя можетъ-быть надолго потрясли благосостояніе этого края,—и вотъ, сегодня, съ наиріятнѣйшею изъ нашихъ улыбокъ мы уже снова начинаемъ играть примирительную роль, которая кончилась вчерашними бѣдствіями. Мы на славу задаемъ банкеты, и на нихъ, уже съ достодолжнымъ униженіемъ собственнаго достоинства, чествуемъ презирающую и ненавидящую насъ національность, которой вся сущность заключается ни въ чемъ другомъ, какъ только въ отрицаніи русской народности, русскаго государства и русской вѣры.

Въ самомъ дѣлѣ, что̀ такое польская національность и на кіевской почвѣ и во всемъ западномъ краѣ? Здѣсь польская національность есть явленіе, лишенное смысла,—явленіе, съ которымъ невозможна никакая сдѣлка. Національность есть принадлежность народа: но составляютъ ли здѣсь Поляки народъ? Не есть ли польская національность въ этомъ краѣ принадлежность по преимуществу лишь одного общественнаго класса? Не есть ли она символъ элемента пришлаго, завоевательнаго, овладѣвшаго въ смутную пору исторіи чужой землей и чужимъ народомъ? Польская національность не означаетъ ли въ этихъ мѣстахъ чужаго господства, которое имѣло смыслъ, когда существовало Польское государство, дѣйствительно владѣвшее этимъ краемъ, но которое въ настоящую пору ничего другаго не можетъ представлять собою кромѣ позора и безчестія для русской народности, кромѣ постоянной и наглой угрозы Русскому государству? Мириться съ этимъ элементомъ, который въ западномъ краѣ называется польскою національностію,—мириться съ нимъ при данныхъ условіяхъ, при данной обстановкѣ,—не значитъ ли это ратифировать безчестіе русской народности? Признавать какія-либо

права этого элемента на русской почвѣ, не значитъ ли это узаконять государственную измѣну и увѣковѣчивать зло, которое постоянно будетъ препятствовать правильной организаціи и благосостоянію края, и грозить опасностію цѣлой странѣ? Еслибы польская національность жила въ какой-либо части этого края цѣльнымъ, съ верху до низу, народомъ, то характеръ пораждаемаго ею чувства былъ бы совершенно иной, и съ нею были бы возможны всякаго рода сдѣлки, къ ней можно было бы относиться примирительно и сочувственно. Будь Кіевская, Волынская и Подольская губерніи то же самое въ составѣ Русскаго государства что̀ напримѣръ Чехія въ составѣ Австрійской имперіи,—понятно было бы существованіе особой національности въ этомъ краѣ, понятно было бы признаніе за нею извѣстныхъ правъ, съ которыми каждый Русскій могъ бы мириться безъ униженія своего національнаго достоинства и которыя могли бы не быть источникомъ смутъ и бѣдствій для края и опасностію для цѣлаго государства. Или будь польская національность въ этомъ краѣ принадлежностію людей, не имѣющихъ ни осѣдлости, ни общественнаго значенія, будь она чѣмъ-либо въ родѣ національности цыганъ, существованіе ея, какъ бы ни казалось вреднымъ, не могло бы однако грозить серіозною опасностію или быть нашимъ народнымъ и государственнымъ безславіемъ. Но польская національность есть въ этомъ краѣ чувство людей, хотя и составляющихъ незначительное меньшинство, но наполняющихъ собою высшіе общественные классы, владѣющихъ землею и недавно владѣвшихъ, на крѣпостномъ правѣ, русскимъ людомъ этого края. Польская національность есть здѣсь принадлежность организованнаго сословія, пользующагося выгодами высшаго общественнаго положенія и наибольшею полнотой гражданскихъ и политическихъ правъ, обезпечиваемыхъ Русскимъ государствомъ. Спрашивается, возможно ли какое-либо примиреніе, какая-либо сдѣлка съ этою національностію въ этомъ краѣ, при такихъ условіяхъ? Возможно ли допустить, чтобы въ какой-нибудь части своихъ владѣній господствующая народность находилась въ подчиненномъ и униженномъ положеніи, чтобы высшею, общественною силой въ краѣ была чуждая національность, хранящая преданія своихъ захватовъ и своего государства, изъ котораго она произошла, и которому служитъ живымъ символомъ? Это противно всякому смыслу; это не только политическое и нравственное безобразіе,—это логическая нелѣпость. Даже тамъ, гдѣ пришлыя дружины завоевателей становились основателями государства и удерживали за собою верховное владычество, они сливались съ туземною коренною народностію, принимая языкъ ея и полагая въ томъ всю свою силу и значеніе, чтобы не быть посреди ея чуждымъ, элементомъ. Какъ же возможно допустить, чтобы цѣлое сословіе оставшееся въ обладаніи своими землями и пользующееся высшимъ и господствующимъ общественнымъ положеніемъ подъ державой Русскою, было среди русскихъ народонаселеній чуждою національностію?

Одно изъ двухъ: если эти люди хотятъ оставаться Поляками, то имъ нельзя удерживать нынѣшнее общественное и политическое положеніе свое, ибо въ такомъ случаѣ ни край не можетъ имѣть правильной и юридически-твердой организаціи, ни государство не можетъ продолжать спокойно и плодотворно свое развитіе, ни сами эти люди не могутъ жить въ безопасности и обезпеченности, не рискуя подвергаться страшнымъ катастрофамъ, вносящимъ въ ихъ домы раззореніе и трауръ; если же землевладѣльцы этого края должны удерживать свое нынѣшнее общественное и политическое положеніе, должны быть обезпечены въ своихъ правахъ и законныхъ интересахъ, то мы не только не можемъ льстить ихъ польскому національному чувству, но не можемъ и признавать ихъ за Поляковъ; мы не можемъ поддерживать въ нихъ этотъ ядъ отравляющій ихъ собственное существованіе и заражающій цѣлую страну, мы не можемъ допустить чтобы дѣти ихъ воспитывались въ преданіяхъ этой національности, и чтобъ она была для нихъ чувствомъ гордости и чести. Вообще ни о какомъ примиреніи здѣсь не можетъ быть рѣчи. Съ польскою націоальностію землевладѣльческихъ классовъ, входящихъ въ органическій составъ русскаго народа и русскаго государства, мириться нѣтъ возможности; а съ людьми, которые искренно хотятъ быть членомъ того народа, среди котораго живутъ; мириться нѣтъ надобности. О какомъ же примѣреніи *національностей* говорилъ на банкетѣ, данномъ въ Кіевѣ, одинъ изъ распорядителей его г. Новицкій, какъ значится въ подробномъ

описаніи этого банкета въ *Кіевскомъ Телеграфѣ*. Какъ рѣшился упомянутый ораторъ почтить уважаемую виновницу этого праздника столь нелестнымъ титуломъ примирительницы національностей въ Кіевѣ? Примиряться съ польскою національностію въ Кіевѣ, въ лицѣ *русскихъ* дворянъ и землевладѣльцевъ,—на что это похоже? И это теперь, въ настоящую пору, когда такъ явно обнаружилась невозможность существованія польской національности на здѣшней почвѣ, когда такъ очевидно доказано, что признавать польскую національность въ этомъ краѣ значитъ поддерживать начало, столько же пагубное для самихъ Поляковъ, сколько и для всѣхъ мѣстныхъ общественныхъ интересовъ, что признавать эту національность въ этомъ краѣ значитъ узаконять и поощрять государственную измѣну, особенно опасную, когда она дѣйствуетъ тайно, подъ фальшивою личиной примиренія.

Миролюбіе есть прекрасное качество. Похвально мириться съ врагами и прощать имъ нанесенный отъ нихъ вредъ, причиненныя ими оскорбленія. Всякій имѣетъ неотъемлемое право великодушно переносить всевозможныя униженія своей личности; но никто не имѣетъ права унижать въ своемъ лицѣ достоинство своего народа подъ предлогомъ миролюбія или христіанскаго смиренія, точно также какъ никто не имѣетъ права жертвовать чужимъ добромъ въ видахъ благотворенія.

Если желательно, чтобъ этотъ несчастный и столь глубоко потрясенный край наконецъ успокоился, если желательно чтобы въ немъ возстановился прочный порядокъ, укрѣпилась колеблющаяся собственность, и были обезпечены всѣ законные интересы и права, то ни подъ какимъ видомъ нельзя мириться въ немъ съ польскою національностью,—нельзя, повторимъ, уже въ интересѣ тѣхъ самыхъ людей, которые носятъ ея имя.

Припомнимъ, что чуть ли не бо́льшая часть этихъ людей, теперь называющихъ себя Поляками, были когда-то, и еще очень недавно, коренными Русскими, которыхъ предки мужественно боролись за свою народность и вѣру; вспомнимъ, что бо́льшая часть этихъ людей стали заклятыми Поляками въ теченіе нынѣшняго столѣтія, когда этотъ край уже находился подъ Русскою державой; вспомнимъ, что причиною тому, и причиною всѣхъ послѣдовавшихъ затѣмъ бѣдствій, было ложное признаніе въ этомъ краѣ польской національности, какъ элемента кореннаго, чѣмъ оно никогда не было, и искусительная лесть, ей оказанная, и пагубныя преимущества, ей дарованныя.

№ 135.

Москва, 18-го Іюня.

Нѣтъ ничего болѣе невыгоднаго для правительствъ, какъ международные договоры по дѣламъ внутренняго управленія; нѣтъ ничего болѣе стѣснительнаго, болѣе опаснаго, какъ допущеніе иностраннаго покровительства надъ подданными какой-либо страны. Еслибъ о возстановленіи Царства Польскаго не было упомянуто въ международномъ актѣ державъ, договорившихся въ Вѣнѣ,—не было бы и прошлогодней дипломатической бури и, конечно, не было бы польскаго возстанія. Эта простая и очень, кажется, ясная истина не всегда была столь ясно сознаваема, какъ теперь. Въ доказательство неудобствъ возникающихъ изъ подобныхъ международныхъ актовъ, мы позволимъ себѣ указать на конкордатъ 1847 года и его послѣдствія.

Римскіе католики—не новое явленіе въ Русскомъ государствѣ; они были въ Россіи задолго до присоединенія Западнаго края; о нихъ упоминается въ окружныхъ посланіяхъ кіевскихъ митрополитовъ въ X и XII вѣкахъ; въ XV вѣкѣ они имѣли въ Новгородѣ свою церковь. При Годуновѣ и при царяхъ изъ дома Романовыхъ, ихъ должно было находиться не малое число въ нашемъ войскѣ; наконецъ Петръ открылъ свободный доступъ въ Россію всѣмъ иновѣрцамъ, и въ числѣ ихъ римскимъ католикамъ. Во все это время иновѣрцы, а слѣдовательно и римскіе католики, жили у насъ преимущественно въ качествѣ иностранцевъ; но были и такія семейства, въ которыхъ нѣсколько поколѣній родились и умерли въ Россіи, состоя въ русскомъ подданствѣ. Слѣдовательно, когда, въ исходѣ XVIII вѣка, число русскихъ подданныхъ латинскаго вѣроисповѣданія вдругъ увеличилось съ присоединеніемъ отъ Польши нѣсколькихъ воеводствъ, для опредѣленія ихъ отношеній къ русскому правительству имѣлись уже давніе примѣры, изъ которыхъ не открывалось ни ма-

лѣйшихъ основаній для того чтобы подчинять папской юрисдикціи наши отношенія къ пребывающимъ въ Россіи римскимъ католикамъ. Къ несчастію, въ основаніе устройства латинской церкви въ Россіи были приняты примѣры не наши, а польскіе. Императрица Екатерина, не желая производить ломки въ новопріобрѣтенныхъ провинціяхъ, оставила въ нихъ прежнюю церковную администрацію, а съ тѣмъ вмѣстѣ допустила вмѣшательство Римскаго двора въ ея дѣла. Это былъ шагъ, который привелъ, хотя и нельзя сказать чтобы непремѣнно долженъ былъ привести, къ конкордату 1847 года. Конкордатъ этотъ собственно не измѣнялъ прежней формы управленія католической церкви въ Россіи, но договоромъ заключеннымъ съ папою мы *обязались* признавать и охранять нѣкоторыя части этого управленія; кромѣ того мы *обязались* создать одну новую епископскую каѳедру (въ Херсони, откуда потомъ она была пересена въ Саратовъ); мы *обязались* назначить новому епископу содержаніе 4.480 руб., учредить въ новой епархіи семинаріи съ извѣстнымъ числомъ казенныхъ пансіонеровъ, доставить епархіи возможность посылать миссіи изъ Херсона къ закавказскимъ Армянамъ-католикамъ, и даже давать этимъ миссіонерамъ казенное содержаніе.

Не беремся судить, была ли дѣйствительная надобность въ новой епархіи, не слишкомъ ли много было и шести прежнихъ епископовъ въ западныхъ губерніяхъ на католическую часть народонаселенія этого края, которое и теперь не превосходитъ 2,633.456 душъ, то-есть численности двухъ-трехъ православныхъ епархій; не говоримъ объ увеличеніи средствъ содержанія католическихъ епископовъ и содѣйствіи къ посылкѣ миссій въ Закавказье: обо всемъ этомъ разсуждать мы не станемъ, но несомнѣнно то, что правительство наше не нуждалось въ согласіи римскаго первосвященника чтобы сдѣлать по собственному благоизволенію все то что выговорено конкордатомъ. Конкордатъ только поставилъ наше правительство въ обязанность исполнить эти предначертанія, даже еслибъ они оказались несовмѣстными съ государственнымъ интересомъ; онъ давалъ папѣ и всему римскому клиру право наполнять свѣтъ жалобами, если бы мы вздумали уклониться отъ установленныхъ мѣръ, найдя ихъ вредными.

Дѣйствительно, конкордатъ вскорѣ оказался неудобоисполнимымъ, и негодованіе Римскаго двора не замедлило обнаружиться. Очень скоро случилось, что ни одинъ представляемый нами кандидатъ на епископскую каѳедру не получалъ одобренія отъ Римскаго двора, точно также какъ рекомендуемыя папою лица не внушали довѣрія русскому правительству. Кончилось тѣмъ, что въ 1856 году изъ числа семи епископскихъ каѳедръ, существующихъ въ Царствѣ Польскомъ и признанныхъ конкордатомъ, только одна была замѣщена. Очень понятно, что Римская курія не переставала протестовать и жаловаться на несоблюденіе договоровъ съ нашей стороны. Кому же было извѣстно, что въ это самое время пять кандидатовъ, ждали—иные по нѣскольку лѣтъ—папскаго благословенія? Кому могло придти въ голову, что именно существованіемъ конкордата всего болѣе объясняется та несговорчивость, въ которой папа Пій IX далеко превзошелъ своего предшественника?

Вотъ одно изъ тысячи затрудненій, къ которымъ привелъ русское правительство договоръ съ иностраннымъ дворомъ о дѣлахъ не имѣющихъ международнаго характера. Правда, что заключать подобные конкордаты съ папой установлено обычаемъ, но это обычай далеко однакожъ не всеобщій. Англія, напримѣръ, не допускаетъ никакихъ конкордатовъ, хотя въ числѣ подданныхъ англійской королевы исповѣдывающіе римскую вѣру считаются милліонами. Австрія, Франція и другія католическія страны могутъ находить выгоду въ подобныхъ договорахъ съ главою римской церкви, авторитетъ котораго способствуетъ утвержденію въ нихъ законнаго порядка; но у насъ совершенно другое дѣло: при извѣстномъ завоевательномъ духѣ Рима, вмѣшательство его въ наши внутреннія дѣла должно неминуемо вести не къ порядку и миру, а къ антагонизму и враждѣ. Россія, меньше нежели какая-нибудь другая страна, должна была бы, кажется, допускать у себя иностранное покровительство по религіознымъ дѣламъ,—то самое оружіе, которое такъ могущественно дѣйствовало въ ея рукахъ въ нынѣшней Турціи и въ бывшей Польшѣ. Какъ же позволить, чтобъ это страшное оружіе было обращено противъ нея самой! Какой рядъ пораженій нанесъ намъ папа, гдѣ тѣ непобѣдимыя затрудненія, которыя

въ 1847 г. принудили насъ признать законность папскихъ рѣшеній въ нашихъ домашнихъ дѣлахъ? Мы знаемъ, что, напротивъ, никогда политическое положеніе Россіи не было такъ сильно, какъ въ теченіе 25 — 30 лѣтъ передъ Восточною войной.

Въ числѣ жалобъ, представленныхъ Римскимъ дворомъ къ С.-Петербургскому кабинету, въ 1856 году, была жалоба на закрытіе 36 латинскихъ монастырей. Латинскіе монахи пріобрѣли вѣковую репутацію въ Россіи. Еще во времена царей, когда число латинянъ не превосходило у насъ нѣсколькихъ сотенъ или, по самой большой мѣрѣ, нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, францисканцы и доминиканцы особенно іезуиты домогались внѣдриться въ Россіи и папскіе легаты, въ разное время пріѣзжавшіе въ Москву, никакъ не соглашались удовольствоваться допущеніемъ бѣлаго латинскаго духовенства, но настаивали, чтобы мы допустили и монаховъ латинскихъ. Долго эти настоянія оставались безуспѣшными, но наконецъ наступило время когда Россіи пришлось узнать на опытѣ что такое значатъ католическіе монастыри. Они не только сдѣлались убѣжищемъ религіозной пропаганды, но и приняли дѣятельное участіе въ пропагандѣ политической и революціонной. Удивительно ли, что были случаи когда приходилось закрывать нѣкоторые изъ нихъ, какъ, безъ сомнѣнія, былъ бы закрытъ и православный монастырь, еслибъ онъ обратился въ демагогическій клубъ? Но такіе случаи были очень рѣдки, а обыкновенно латинскіе монастыри закрывались на основаніи каноническихъ правилъ самой же римской церкви, именно въ тѣхъ случаяхъ когда число братіи становилось меньше восьми человѣкъ. При несмѣтномъ множествѣ латинскихъ монастырей въ Западномъ краѣ частое повтореніе такихъ случаевъ очень понятно. Вотъ причина закрытія большей части монастырей. Они закрывались, такъ сказать, сами собой. Припомнимъ еще, что по счастію, о латинскихъ монастыряхъ не сказано въ конкордатѣ ни одного слова. На что же и по какому же праву жалуется Римская курія? Разгадка этихъ жалобъ заключается, кажется, въ томъ же характерѣ Римской куріи, благодаря которому конкордатъ 1847 года не облегчилъ, а скорѣе затруднилъ назначеніе епископовъ и другія сношенія наши съ Римомъ. Конкордатъ былъ уступкой, а уступка вызвала притязанія. Не происходятъ ли жалобы Римской куріи на закрытіе монастырей именно вслѣдствіе нашей воздержности въ закрытіи латинскихъ монастырей даже подлежащихъ закрытію по каноническимъ правиламъ? Г. Эртель, въ письмѣ изъ Волынской губерніи, которое читатели найдутъ ниже, упоминаетъ о монастыряхъ, гдѣ живетъ по четыре человѣка. Существованіе такихъ монастырей воспрещается каноническими правилами, и Римская курія должна бы сама понуждать насъ къ ихъ закрытію. Мы не закрывали ихъ по снисхожденію, дабы не тревожить монашествующихъ и дозволить имъ дожить свой вѣкъ въ своей обители. А между тѣмъ можно опасаться, что допуская существованіе такихъ монастырей и ограничиваясь запрещеніемъ принимать въ нихъ новыхъ монашествующихъ, мы навлечемъ на себя, пожалуй, еще нареканіе въ томъ, что употребляемъ косвенныя мѣры враждебныя тѣмъ самымъ монастырямъ, которымъ въ дѣйствительности мы оказываемъ чрезвычайную снисходительность.

№ 136.

Москва, 19-го Іюня.

Въ послѣднее время одинъ изъ вліятельныхъ органовъ шведской журналистики, *Nya Dagligt Allehanda*, не перестаетъ предостерегать Швецію отъ враждебныхъ столкновеній съ Россіей. Сначала въ этой газетѣ помѣщены были дипломатическія депеши по шлезвигъ-гольштейнскому дѣлу, въ которыхъ Россія рѣшительно высказывается противъ всякой попытки осуществить идею скандинавскаго союза; затѣмъ въ ней напечатана была статья, сообщенная въ № 133-мъ *Московскихъ Вѣдомостей*, о совершенной недостаточности средствъ Швеціи и Норвегіи для борьбы съ Россіей. Безъ сомнѣнія, *Nya Dagligt Allehanda* борется не съ вѣтряными мельницами; по свѣдѣніямъ, которыя могла эта газета собрать на мѣстѣ, — въ Швеціи теперь въ большомъ ходу замыслы, направленные на соединеніе скандинавскихъ государствъ въ одинъ политическій союзъ. Доказательствомъ можетъ служить извѣстіе о министерскомъ кризисѣ въ Стокгольмѣ, поводомъ къ которому было явное сочувствіе короля къ этимъ замысламъ.

И дѣйствительно, копенгагенскій корреспондентъ *Кельнской Газеты* называетъ Карла XV ревностнымъ приверженцемъ скандинавизма, а его перваго министра, барона де-Геера, по крайней мѣрѣ склоннымъ къ нему. Онъ разсказываетъ подробно о роли, которую игралъ въ этомъ дѣлѣ частный библіотекарь короля, г. фонъ-Квантенъ, и о которой, отчасти, было сообщено въ № 119-мъ *Московскихъ Вѣдомостей*, подъ рубрикою „Швеція." Этотъ финляндскій уроженецъ, другъ Чарторыйскихъ, жестокій ненавистникъ Россіи, агитировавшій противъ нея въ прошедшемъ году въ Стокгольмѣ, во время затѣй Лапинскаго, Бакунина и др.,—въ мартѣ нынѣшняго года прибылъ въ Копенгагенъ съ цѣлью вызвать со стороны датскаго сейма адресъ, въ которомъ, отъ имени Датчанъ, призывались бы Швеція и Норвегія на помощь противъ германскихъ державъ. Планъ его однакоже не состоялся; онъ встрѣтилъ въ Копенгагенѣ сильное раздраженіе противъ Швеціи, вслѣдствіе ея медлительности и колебаній во все продолженіе датско-германской распри. Но онъ успѣлъ сойдтись со многими вождями датскихъ партій, между которыми корреспондентъ называетъ нынѣшняго датскаго министра внутреннихъ дѣлъ, г. Карльсена, и вмѣстѣ съ ними выработалъ проектъ немедленнаго осуществленія скандинавскаго союза. По этому проекту, Гольштейнъ и нѣмецкая часть Шлезвига выдѣляются изъ предполагаемаго скандинавскаго союза, но за то Швеція и Норвегія должны употребить всѣ свои силы, чтобы сохранить за Даніей скандинавскую часть Шлезвига, границы которой были бы точнѣе опредѣлены въ послѣдующихъ переговорахъ, и, которая, по заключеніи мира, вошла бы совершенно въ составъ Датскаго королевства, наравнѣ съ его другими частями. Швеція, Норвегія и Данія, въ этомъ уменьшенномъ объемѣ, составили бы немедленно союзъ, сохранивъ самостоятельность во внутреннемъ управленіи, но обобщивъ управленіе внѣшними дѣлами и средствами обороны. Съ этою цѣлью былъ бы учрежденъ союзный парламентъ, состоящій изъ верхней палаты,—члены которой, поровну для каждой страны, выбирались бы ихъ представительными собраніями,—и изъ палаты нижней, по выбору самого народа въ каждомъ изъ государствъ и въ числѣ, соотвѣтствующемъ числу жителей каждаго изъ нихъ. Этотъ парламентъ собирался бы ежегодно, и вѣдалъ бы общіе расходы, относящіеся до внѣшнихъ и военныхъ дѣлъ, опредѣлялъ бы количество войска, которое каждая изъ странъ должна поставлять для союза, и т. д. Всѣ министры иностранныхъ дѣлъ, военные и морскіе, въ трехъ государствахъ, были бы отвѣтственны предъ этимъ парламентомъ, и изъ нихъ оба короля, каждый въ своей странѣ, составляли бы свое федеральное министерство. Оба короля заключили бы между собою династическій договоръ, которымъ было бы подготовлено на будущее время соединеніе ихъ коронъ на одной главѣ. Этотъ договоръ подлежалъ бы утвержденію какъ федеральнаго парламента, такъ и отдѣльныхъ представительныхъ собраній въ каждой изъ трехъ странъ. Такому же разсмотрѣнію и утвержденію подлежали бы какъ самый актъ соединенія трехъ странъ въ союзъ, такъ и всѣ дальнѣйшія перемѣны въ этомъ актѣ.

Г. фонъ-Квантену удалось, говорятъ, склонить короля Карла XV въ пользу этого проекта, и въ концѣ апрѣля онъ снова прибылъ въ Копенгагенъ съ двумя письмами отъ короля—къ Христіану IX и къ епископу Монраду. Г. Монрадъ, какъ говоритъ корреспондентъ *Кельнской Газеты*, высказался объ этомъ проектѣ противорѣчивымъ образомъ, но король обнаружилъ къ нему нѣкоторую наклонность; напротивъ, королева была рѣшительно противъ. Въ случаѣ, еслибы Данія склонилась въ пользу этого проекта, предполагалось сообщить его втайнѣ французскому двору, который всегда былъ въ пользу соединенія скандинавскихъ государствъ; Германію надѣялись обезоружить тѣмъ, что ей уступали Гольштейнъ и южную часть Шлезвига, а Англію—тѣмъ, что соединенный флотъ будущаго скандинавскаго союза уравновѣсилъ бы собою на Балтійскомъ и Нѣмецкомъ моряхъ морскія военныя силы, которыми во что бы ни стало желаетъ обзавестись Пруссія и вообще Германія. Оставалась бы одна только Россія, и ея-то справедливо опасается *Nya Dagligt Allehanda*, по поводу всѣхъ этихъ панскандинавистическихъ затѣй.

Россія, какъ замѣчено было въ одной изъ депешъ, сообщенныхъ въ *Nya Dagligt Allehanda*, имѣетъ въ Балтійскомъ морѣ весьма важные интересы, которые она обязана охранять. Вопервыхъ, это море служитъ главнѣйшимъ проводникомъ ея морской торговли; вовторыхъ, это—единствен-

ное европейское море, на которомъ Россія имѣетъ довольно значительный военный флотъ и на которомъ она до сихъ поръ не имѣла равносильнаго себѣ соперника; втретьихъ въ непосредственной связи съ этимъ моремъ находится настоящая столица имперіи. Теперь, на этомъ морѣ, однимъ разомъ и вслѣдствіе одного и того же датско-германскаго столкновенія, возникли бы для нея два соперника: Пруссія съ сѣверною Германіей и Скандинавскій Союзъ,—соперники, у которыхъ между собою, въ будущемъ, могло бы оказаться менѣе поводовъ къ столкновеніямъ и ссорамъ чѣмъ у каждаго изъ нихъ порознь съ Россіей. Россія, правда, велика и могущественна; но вслѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ условій внутренняго своего развитія, она не успѣла еще крѣпко и прочно связать съ собою многія составныя части своихъ владѣній, связать въ такой мѣрѣ, какая требуется господствующимъ теперь направленіемъ политическихъ дѣлъ и учрежденій въ Европѣ, и которая уже успѣшно достигнута многими изъ сосѣднихъ Россіи державъ. Къ этому присоединяется зависимость Россіи отъ Зунда. Между тѣмъ какъ и предполагаемый ральный скандинавскій флотъ, и предполагаемый флотъ германско-прусскій, съ прорытіемъ канала изъ Балтійскаго моря въ Нѣмецкое, имѣли бы въ полномъ своемъ распоряженіи необходимые имъ выходы изъ одного моря въ другое, Россія была бы въ этомъ отношеніи поставлена крайне неблагопріятно, въ особенности неблагопріятно для великой державы. Очевидно, что газета *Nya Dagligt Allehanda* права, предостерегая свою публику отъ идей паскандинавизма. Россія, дѣйствительно, не можетъ потерпѣть такихъ переворотовъ въ положеніи прибалтійскихъ странъ, которые перенесли бы центръ тяжести изъ Петербурга въ Стокгольмъ, или въ Копенгагенъ, или въ Киль. Впрочемъ, о скандинавскомъ союзѣ гораздо легче мечтать, нежели осуществить его на дѣлѣ. Въ концѣ XIV-го столѣтія онъ состоялся было, дѣйствительно, подъ именемъ Кальмарской уніи, но она послужила не къ скрѣпленію узъ между Даніей и Швеціей, а напротивъ ко взаимному ихъ ожесточенію, которое окончилось кровавымъ расторженіемъ ихъ союза, въ первой четверти XVI-го столѣтія. Такимъ образомъ затѣи скандинавистовъ однажды уже осуждены исторіей. Сверхъ того, союзъ не представлялъ бы ни малѣйшей прочности при существованіи двухъ династій и трехъ федеральныхъ министерствъ: въ Даніи, Швеціи и Норвегіи; а за устраненіемъ одной изъ династій, явился бы трудный вопросъ о столицѣ, — вопросъ, которому каждая страна всегда придаетъ большую важность. Наконецъ, въ настоящей борьбѣ Даніи съ германскими державами Швеція не оправдала датскихъ ожиданій, и вслѣдствіе того раздраженіе противъ нея въ Копенгагенѣ такъ велико, что даже въ виду возобновленія военныхъ дѣйствій Данія отослала обратно отрядъ шведскихъ волонтеровъ, состоявшій подъ начальствомъ барона фонъ-Рааба. Поэтому никакъ нельзя сказать, чтобы скандинавскій союзъ составлялъ для насъ серіозную опасность, но Россія имѣетъ всѣ основанія зорко слѣдить за этимъ дѣломъ, преимущественно противъ нея направленнымъ.

№ 137.

Москва, 20-го іюня.

Въ послѣднее время, въ иностранной журналистикѣ, съ необыкновеннымъ упорствомъ держатся слухи о трактатѣ между Россіей, Австріей и Пруссіей, которымъ будто бы скрѣпляются или должны скрѣпиться новыя дружественныя отношенія между ними. Несмотря на опроверженія полуофиціяльныхъ газетъ австрійскихъ и прусскихъ, *Кельнская Газета* возвращается къ этому предмету, и придаетъ своимъ извѣстіямъ самую опредѣленную форму. Россія желала, будто бы, чтобы державы, участвовавшія въ раздѣлѣ Польши, не только взаимно гарантировали другъ другу ихъ польскія владѣнія, но и объявили, какъ это сдѣлала Россія въ прошломъ году, что они признаютъ польскій вопросъ внутреннимъ своимъ вопросомъ, и тѣмъ отняли бы у другихъ державъ всякій поводъ къ какому бы то ни было вмѣшательству. Пруссія, будто бы, тотчасъ же изъявила на это согласіе, но съ тѣмъ чтобы Россія обѣщала ей нравственную и, при случаѣ, даже матеріяльную поддержку въ шлезвигъ-гольштейнскомъ дѣлѣ, на что Россія, съ своей стороны, обнаружила, будто бы, готовность, подъ условіемъ, однакоже, что Пруссія будетъ всячески противодѣйствовать осуществленію скандинавскаго союза. Австрія, въ свою

очередь, предъявила еще дальнѣйшія требованія, а именно—объявила свою готовность приступить къ союзу обѣихъ сѣверныхъ державъ, если онѣ гарантируютъ ей всѣ ея владѣнія, итальянскія и венгерскія. Она, по словамъ *Кельнской Газеты*, признаетъ вполнѣ, какъ важно было бы для трехъ державъ тѣснѣйшее и искреннѣйшее соединеніе, такъ какъ теперь еще болѣе чѣмъ въ 1815 году настоитъ необходимость противодѣйствовать сообща натиску новыхъ идей о правѣ народовъ рѣшать собственную судьбу свою и давать себѣ государей,—идей, представителемъ и поборникомъ которыхъ повсемѣстно является Наполеонъ III. *Кельнская Газета* не утверждаетъ впрочемъ, что формальный союзъ между тремя державами уже состоялся, и только указываетъ на опасныя его послѣдствія. Франція и Англія, говоритъ эта газета, не ограничатся протестомъ противъ такого формальнаго устраненія ихъ отъ польскаго вопроса, но тѣснѣе сблизятся между собою, и новый союзъ между тремя сѣверными державами менѣе всего послужитъ къ упроченію спокойствія Европы.

Несмотря на всю свою опредѣленность и положительность, эти извѣстія, безъ сомнѣнія, представляютъ дѣло въ размѣрахъ фантастическихъ. Одинаковость интересовъ въ польскихъ дѣлахъ повела къ болѣе дружественнымъ отношеніямъ между Россіей и Австріей, чѣмъ какія существовали прежде, со времени Восточной войны,—вотъ единственный достовѣрный фактъ, который лежитъ въ основѣ этихъ извѣстій. Россія не имѣетъ надобности въ ручательствѣ Пруссіи и Австріи за неприкосновенность ея владѣній, нѣкогда принадлежавшихъ Польскому королевству, или по крайней мѣрѣ имѣетъ столько же въ этомъ надобность сколько обѣ германскія державы. Тутъ онѣ связаны съ Россіей общимъ интересомъ; тутъ они могутъ и дѣйствовать подъ вліяніемъ этого общаго интереса. Но за что же Россія стала бы гарантировать всѣ прочія ихъ владѣнія и брать на себя защиту ихъ интересовъ по другимъ европейскимъ дѣламъ, гдѣ только могутъ быть они замѣшаны?

И въ самомъ дѣлѣ, за исключеніемъ вопроса римскаго и вопроса восточнаго, въ программу новаго союза между сѣверными державами, какъ ее выставляетъ *Кельнская Газета*, входятъ почти всѣ европейскіе вопросы. *Кельнская Газета* пугается призрака ни съ чѣмъ несообразнаго, воображая себѣ, что Россія обяжется воевать съ Франціей и Италіей, для того чтобы сохранить за Австріей обладаніе Венеціянскою областью, или поддерживать Пруссію въ ея властолюбивыхъ замыслахъ по шлезвигъ-гольштейнскому дѣлу, обезпечивъ себѣ съ ея стороны, въ вознагражденіе за эти услуги, единственно противодѣйствіе замысламъ скандинавистовъ. Дѣйствительно, Россія не можетъ допустить осуществленія этихъ замысловъ, главнѣйшимъ образомъ направленныхъ противъ нея; но какъ бы ни велика была поддержка, оказываемая имъ втайнѣ со стороны Франціи, имъ еще слишкомъ далеко до осуществленія, если суждено когда-либо осуществиться, и для отраженія этой отдаленной опасности едва ли выгодно намъ послужить орудіемъ въ достиженіи чуждыхъ намъ и также вовсе не желательныхъ для насъ цѣлей. Наконецъ, противодѣйствовать натиску новыхъ идей, представителемъ и поборникомъ которыхъ является Наполеонъ III, Россія также имѣетъ менѣе надобности чѣмъ многія другія державы. Этимъ идеямъ нѣтъ доступа внутрь Россіи, а по всей западной окраинѣ ея онѣ утратятъ всякое практическое значеніе, какъ только внутренняя жизнь Россіи, получивъ большій просторъ, станетъ оказывать бо́льшую притягательную силу.

Итакъ если бы взаимное обязательство трехъ великихъ державъ: Россіи, Австріи и Пруссіи, о которомъ идетъ рѣчь въ иностранныхъ газетахъ, ограничилось только польскимъ дѣломъ, не вовлекая Россію ни въ какія дальнѣйшія одностороннія обязательства, то оно соотвѣтствовало бы видамъ русской политики, и было бы только осуществленіемъ той самой мысли, которую высказалъ князь Горчаковъ, предложивъ признать такъ называемый польскій вопросъ дѣломъ трехъ державъ, непосредственно въ немъ заинтересованныхъ, Россіи, Австріи и Пруссіи, а не Европы, какъ настаивала коалиція. Взаимное обязательство трехъ державъ по этому дѣлу изъяло бы его окончательно изъ числа европейскихъ вопросовъ, оно предотвратило бы на будущее время повтореніе той комедіи, которая разыгрывалась въ прошломъ году и въ которой участвовала Австрія. Но это обязательство теряло бы въ той мѣрѣ свои выгоды для насъ и роняло достоинство нашего положенія въ Европѣ, въ какой ставило бы насъ въ обязанность гарантировать постороннія для насъ интересы Австріи или Прус-

сіи. Все, что мы гарантировали бы этимъ державамъ сверхъ ихъ польскихъ владѣній, было бы для насъ и матеріяльнымъ и нравственнымъ ущербомъ; намъ приходилось бы жертвовать нашими силами въ пользу интересовъ не только намъ чуждыхъ, но и могущихъ придти во враждебное столкновеніе съ нашими. Во всякомъ случаѣ, всякое лишнее обязательство, которое дали бы мы германскимъ державамъ, было бы унизительно для насъ, ослабляло бы нашу политику и вовлекало бы насъ въ серіозныя затрудненія. А потому нѣтъ ни малѣйшаго повода полагать чтобы Россія могла согласиться на что либо подобное тому трактату, о которомъ пишутъ въ *Кельнской Газетѣ*.

Въ настоящее время, когда державы въ своихъ сношеніяхъ руководствуются не какими-либо общими началами, религіозными или политическими, какъ бывало прежде, а самымъ строгимъ разчетомъ своихъ собственныхъ выгодъ, такіе союзы, какимъ былъ нѣкогда Священный Союзъ, стали рѣшительною невозможностью. Сходясь между собою въ однихъ интересахъ, державы рѣшительно расходятся въ другихъ, и между ними постоянно возникаютъ новыя сочетанія, смотря потому, какой вопросъ выдвигается событіями на первый планъ. Такъ, между прочимъ, въ то самое время какъ по Европѣ ходятъ слухи чуть не о возстановленіи прежняго Священнаго Союза, Австрія всячески старается противодѣйствовать Россіи по вопросамъ, возбужденнымъ дѣйствіями князя Кузы.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что всѣ эти извѣстія о новомъ Священномъ Союзѣ между Россіей, Австріей и Пруссіей, принадлежатъ къ области вымысловъ. Но не безполезно вникнуть, изъ какого источника произошелъ этотъ вымыслъ. Если не ошибаемся, въ настоящее время онъ возбужденъ и поддерживается наиболѣе со стороны Англіи. Разчетъ ея въ этомъ случаѣ очевидный. Онъ направленъ столько же къ тому, чтобы возбудить общественное мнѣніе Франціи противъ германскихъ державъ и тѣмъ побудить ея властелина примкнуть попрежнему къ Англіи, сколько и къ тому чтобъ уронить политику г. фонъ-Бисмарка въ глазахъ либеральныхъ партій Германіи, которыя начали уже примиряться съ нею, благодаря ея смѣлости и рѣшительности. *Кельнская Газета*, которая не перестаетъ предостерегать Германію отъ столкновеній съ Англіей, отъ замысловъ Франціи и отъ черезчуръ отважной политики г. фонъ-Бисмарка, въ тоже время является одною изъ главныхъ распространительницъ извѣстія о новомъ крѣпкомъ союзѣ между тремя сѣверными державами.

Для Россіи не столько нужны внѣшніе союзы, сколько скрѣпленіе ея внутренняго государственнаго союза. При этомъ условіи, при дружныхъ усиліяхъ общества и правительства, направленныхъ къ этой цѣли, ей нечего опасаться изолированнаго положенія въ Европѣ, и вліяніе ея на общеевропейскія дѣла окажется тѣмъ значительнѣе и тѣмъ благотворнѣе, чѣмъ менѣе она будетъ заботиться объ искусственномъ поддержаніи его, и чѣмъ большее вниманіе сосредоточитъ на развитіи внутреннихъ силъ своихъ.

№ 138.

Москва, 22-го іюня.

Печальная и необъяснимая загадка—усилія нѣкоторыхъ людей поддерживать и распространять въ обществѣ фальшивыя воззрѣнія на предметы великой практической важности въ то самое время, когда они подвергаются вопросу и обсужденію. Несомнѣнную важность для Россіи имѣетъ въ настоящее время вопросъ объ устройствѣ нашихъ гимназій,—и вотъ, посмотрите какія неутомимыя, достойныя лучшаго дѣла усилія, употребляются нѣкоторыми петербургскими *педагогами*, на то чтобы смущать и сбивать съ толку и безъ того не совсѣмъ ясныя и не совсѣмъ твердыя понятія объ этомъ дѣлѣ въ нашей публикѣ! Эти петербургскіе педагоги являются, какъ бы *ex officio*, въ своемъ обычномъ органѣ, петербургской газетѣ *Голосъ*, каждый разъ какъ только представляется имъ печальный случай повредить дѣлу предстоящей реформы въ нашихъ гимназіяхъ. Имѣя въ виду наши послѣднія статьи о предполагаемомъ преобразованіи гимназій, петербургскіе педагоги стараются въ своей газетѣ внушить публикѣ мысль, что классическое ученіе есть пустая прихоть, дозволительная только богатымъ людямъ, которые и безъ науки могутъ прожить свой вѣкъ съ полнымъ удобствомъ, что изученіе древнихъ языковъ держится по преимуществу въ Англіи, потому что тамъ въ школахъ учатся только дѣти богатыхъ лор-

довъ, еще потому что тамъ остается до сихъ поръ въ силѣ средневѣковое варварство, да еще потому что Англичане, какъ извѣстно цѣлому міру, величайшіе эксцентрики; при этомъ наши педагоги даютъ разумѣть, что въ другихъ странахъ Европы, напримѣръ въ Германіи, которую мы должны брать по преимуществу въ образецъ для организаціи нашего народнаго просвѣщенія, классическія гимназіи уже отжили свой вѣкъ, и что тамъ надъ ними восторжествовали реальныя училища, въ которыхъ обучаются не дѣти роскоши, праздности и богатства, а дѣти бѣдности, долженствующія тяжкимъ трудомъ пролагать себѣ дорогу и потому нуждающіяся въ томъ солидномъ образованіи, какое могутъ давать только эти реальныя училища. Вотъ сущность статьи, напечатанной около двухъ недѣль назадъ въ вышеупомянутой петербургской газетѣ, и на основаніи этихъ-то *положительныхъ* данныхъ авторъ статьи внушаетъ публикѣ, что въ русскихъ гимназіяхъ, гдѣ будто бы учатся по преимуществу люди бѣдные и стало-быть нуждающіеся въ солидномъ образованіи, древніе языки могутъ быть допущены лишь въ самой незначительной степени, только *pro forma*, если не совсѣмъ изгнаны изъ нихъ, какъ остатокъ средневѣковаго варварства, уцѣлѣвшій только въ Англіи, въ этой странѣ всякихъ эксцентричностей.

Главная цѣль статьи состоитъ въ томъ, чтобы заставить читателя подумать будто бы, при имѣющейся у насъ въ виду реформѣ гимназій, защитники классическаго образованія увлекаются англоманіей и будто классическое образованіе и англоманія есть одно и то же явленіе. Авторъ статьи, безъ зазрѣнія совѣсти, утверждаетъ будто бы мы, для устройства учебной части нашихъ гимназій, предлагаемъ въ образецъ Итонскую школу, о которой случайно была рѣчь въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* по поводу недавно происходившаго парламентскаго разговора о ней въ палатѣ лордовъ.— Итонскую коллегію, гдѣ, —*horribile dictu*!— употребляется 16 часовъ въ недѣлю на древніе языки. Читателямъ дается подразумѣвать, что ничего подобнаго не существуетъ въ остальной Европѣ, гдѣ надъ классическими гимназіями возобладали реальныя школы.

Петербургскій педагогъ полагаетъ особенный эффектъ въ этихъ шестнадцати часахъ, употребляемыхъ въ Итонской школѣ на древніе языки. „Заставьте", восклицаетъ онъ, „нашихъ гимназистовъ изъ двадцати часовъ въ недѣлю учиться шестнадцать часовъ однимъ древнимъ языкамъ, „и результатомъ такой системы будутъ (и „то весьма сомнительно: скорѣе учениковъ „вовсе не будетъ) успѣхи въ древнихъ языкахъ, недостаточное знаніе математики, „и совершенное невѣжество во всемъ остальномъ.... .. Къ чему же, послѣ этого, служатъ такія разглагольствованія *Московскихъ Вѣдомостей* о превосходномъ устройствѣ Итонской школы?" (Слѣдуетъ замѣтить, что мы ничего не говорили отъ себя ни о превосходствахъ, ни о недостаткахъ Итонской школы, а передавали только отзывы о ней ея старыхъ воспитанниковъ.) „Не ясно ли до очевидности, что гимназіи, „подобныя итонскимъ школамъ (sic), у насъ „невозможны и немыслимы?.... Классикъ „Тиршъ" (дѣло идетъ о Германіи), говоритъ авторъ въ заключеніе своей статьи, „своими желчными діатрибами противъ реальныхъ училищъ не только не уничтожилъ „эти училища въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, но еще придалъ имъ „не бывалую до тѣхъ поръ крѣпость и „прочность, а все потому, что училища „эти находили могущественную поддержку „въ общественномъ мнѣніи. Твердо вѣримъ, „что такъ будетъ и у насъ, потому что „иначе и быть не можетъ." Такъ заключаетъ петербургскій педагогъ свою статью. Что будетъ у насъ, мы этого не знаемъ, и охотно соглашаемся, что ему извѣстнѣе то что̀ будетъ у насъ, и о чемъ онъ говоритъ съ такою рѣшительностію и увѣренностію. Но зачѣмъ онъ вводитъ публику въ заблужденіе, утверждая что защитники народнаго просвѣщенія у насъ предлагаютъ Итонскую коллегію въ образецъ для нашихъ гимназій, и зачѣмъ онъ выставляетъ своимъ читателямъ, какъ куріозную особенность этой школы то что̀ составляетъ общую принадлежность соотвѣтственныхъ учебныхъ заведеній въ другихъ странахъ Европы?

Мы не будемъ пускаться въ далекія разсужденія, мы не будемъ говорить объ англійской цивилизаціи, которая считается по преимуществу передовою цивилизаціей нашего времени, о богатствѣ и производительности ея литературы, о могуществѣ того вліянія, которое эта страна имѣетъ на развитіе умственныхъ, общественныхъ и экономическихъ движеній въ другихъ

странахъ, о ея практическомъ разумѣ, о громадномъ развитіи ея промышленности и реальныхъ знаній. Мы не будемъ говорить, что въ Англіи въ такъ-называемыхъ „публичныхъ“ и „грамматическихъ“ школахъ учатся не одни богатые, но и бѣдные, которые сами должны пролагать себѣ дорогу тяжкимъ трудомъ, и вообще всѣ кто только учится,—и что богатые люди въ этой странѣ болѣе всего заботятся о доставленіи своимъ дѣтямъ преимуществъ и выгодъ солиднаго образованія, которое упрочиваетъ за англійскими землевладѣльческими классами ихъ высокое политическое значеніе. Мы ограничиваемся Германіей, на которую косвенно указываютъ намъ,—и теряемся въ недоумѣніи о томъ что̀ побуждаетъ этихъ господъ писать о дѣлѣ, которое либо совершенно неизвѣстно имъ, либо умышленно представляется ими въ ложномъ видѣ. Если они дѣйствительно интересуются дѣломъ народнаго просвѣщенія, въ какомъ бы то ни было смыслѣ, то они очень легко могли бы пріобрѣсти всѣ нужныя для нихъ свѣдѣнія: стоило бы только раскрыть любую справочную книгу. Если же они имѣютъ свѣдѣнія объ этомъ интересующемъ ихъ предметѣ, если они имѣютъ нѣкоторое понятіе о народномъ просвѣщеніи въ разныхъ странахъ Европы, то что̀ же побуждаетъ ихъ говорить неправду, искажать факты и вводить въ заблужденіе читателей? Возьмемъ изъ числа читателей человѣка неглупаго и довольно образованнаго, но никогда серіозно не размышлявшаго о педагогическихъ предметахъ и имѣющаго о нихъ самыя смутныя и поверхностныя свѣдѣнія: что̀ можетъ онъ подумать подъ вліяніемъ подобныхъ внушеній? „Конечно,—такъ подумаетъ онъ, если только допустить, что статья петербургскаго педагога, несмотря на свою грубую неправду, произвела на него впечатлѣніе,—конечно, средневѣковое варварство и эксцентричность англійскихъ лордовъ, которые будто бы нарочно отдаютъ своихъ дѣтей въ такія школы, гдѣ они напрасно губятъ золотое время, все это слишкомъ преувеличено, все это конечно сказано только для краснаго словца, все это конечно не болѣе какъ обычная въ полемикѣ уловка, употребляемая съ цѣлію оттѣнить явственнѣе и рѣзче крайность противнаго мнѣнія; но, съ другой стороны, нельзя не согласиться, что намъ трудно заводить у себя такіе порядки по педагогической части, какіе ведутся въ Англіи, странѣ удивительно своеобразной и такъ мало похожей на другія европейскія страны. Англія съ своими учрежденіями,—продолжаетъ размышлять читатель,—совершенный лѣсъ, въ которомъ только теперь ученые люди другихъ европейскихъ странъ начинаютъ мало-по-малу опознаваться: кстати ли же намъ вдругъ примѣнять къ себѣ основанія, на которыхъ держатся англійскія школы? Если въ самомъ дѣлѣ англійскіе лорды, слѣдуя преданіямъ своей старины, продолжаютъ учить своихъ дѣтей такъ, какъ нигдѣ въ Европѣ уже не учатся, употребляя до шестнадцати часовъ въ недѣлю на древніе языки, то какъ намъ отважиться на что-либо подобное у себя? Можетъ-быть такое изученіе древнихъ языковъ и приноситъ свою пользу, но было бы странно, еслибы мы, въ смутномъ предположеніи этой пользы, стали заводить у себя нѣчто въ родѣ Итонской коллегіи, гдѣ употреблялось бы шестнадцать часовъ въ недѣлю на древніе языки, чего не дѣлается ни въ какой другой цивилизованной странѣ Европы. Германія считается по преимуществу страной науки, тамъ процвѣтаетъ филологія, тамъ совершаются громадные труды по этой части, и однакоже въ Германіи ничего подобнаго не водится, иначе авторъ прочитанной мною статьи, повидимому хорошо знающій дѣло, о которомъ разсуждаетъ, и говорящій тономъ нѣкотораго авторитета и самоувѣренности, не сталъ бы удивляться Итонской коллегіи, какъ какому-то допотопному куріозу. Къ тому же мощный духъ новаго времени произвелъ на свѣтъ гимназіи реальныя, гдѣ преподаются предметы болѣе полезные и болѣе соотвѣтствующіе современной цивилизаціи, а классическія гимназіи съ каждымъ днемъ уступаютъ имъ мѣсто и служатъ мѣстомъ обученія только для тѣхъ молодыхъ людей, которые предназначаются для ученой филологической карьеры. Вопросъ о классическихъ и реальныхъ гимназіяхъ есть дѣло уже рѣшенное, и было бы странно, еслибы мы, изъ подражанія англійскимъ лордамъ, вмѣсто реальныхъ гимназій, которыми славится самая ученая страна Европы, стали заводить у себя гимназіи классическія, которыя отжили свой вѣкъ, хотя бы даже и съ меньшимъ на половину противъ англійскихъ коллегій числомъ уроковъ, посвященныхъ древнимъ языкамъ. Наши университеты и гимназіи были первоначально за-

ведены по нѣмецкой, а не по англійской системѣ, а потому мы поступимъ несравненно благоразумнѣе и практичнѣе, если въ нашихъ педагогическихъ преобразованіяхъ будемъ держаться того хода, какой приняло педагогическое дѣло въ этой послѣдней странѣ."

Вотъ впечатлѣнія и размышленія, которыя, безъ сомнѣнія, желалъ произвести въ своихъ читателяхъ петербургскій педагогъ, имѣющій газету *Голосъ* своимъ органомъ. Очень вѣроятно, что многіе такъ и подумаютъ, прочтя эту статью и довѣрившись свѣдѣніямъ, которыя она предлагаетъ.

Но какъ удивится добродушный читатель, если узнаетъ, что его неопытность въ педагогическихъ предметахъ подвергается странной эксплуатаціи изъ какихъ-то непонятныхъ видовъ. Дѣло въ томъ, что въ Германіи, равно какъ и въ остальной цивилизованной Европѣ, не менѣе чѣмъ въ Англіи, понимаютъ значеніе и силу древнихъ языковъ, и что не въ одной Англіи, а столько же и во всей остальной цивилизованной Европѣ, древніе языки составляютъ главное основаніе той системы учебныхъ заведеній, къ которымъ, по своему назначенію, если не по жалкому устройству своему, примыкаютъ наши гимназіи. Между различными странами цивилизованной Европы есть болѣе или менѣе существенныя различія какъ и во всемъ, такъ и въ системѣ народнаго просвѣщенія; но во всѣхъ безспорно основаніемъ и необходимымъ условіемъ высшаго образованія почитаются оба древніе языка.

Петербургскій педагогъ заставляетъ своихъ читателей удивляться шестнадцати часамъ, употребляемымъ въ Итонской коллегіи на древніе языки. Но, какъ нарочно, во всѣхъ прусскихъ гимназіяхъ (а гимназій въ Пруссіи, имѣющей не болѣе 17 милліоновъ народонаселенія, считается почти до полутораста), именно *шестнадцать часовъ* въ недѣлю полагается нормальнымъ числомъ для уроковъ по предмету древнихъ языковъ. Ни Итонская коллегія ничего не заимствовала у прусскихъ гимназій, ни прусскія гимназіи ничего не заимствовали у Итонской коллегіи; а между тѣмъ онѣ почти пунктуально сходятся въ опредѣленіи времени, полагаемаго необходимымъ для преподаванія древнихъ языковъ. Петербургскій педагогъ представляетъ своимъ читателямъ на видъ эксцентричность англійскихъ коллегій; пусть же онъ, человѣкъ новѣйшаго прогресса и высшей цивилизаціи, познакомившись съ устройствомъ учебной части нѣмецкихъ гимназій, представитъ кстати своимъ читателямъ на видъ и нѣмецкое варварство. Замѣтимъ, что нормальный учебный планъ прусской гимназіи былъ составленъ въ 1837 году, и что назадъ тому лѣтъ шесть, въ 1857 году, онъ подвергся еще нѣкоторымъ измѣненіямъ въ смыслѣ усиленія древнихъ языковъ и ослабленія нѣкоторыхъ другихъ предметовъ, въ томъ числѣ даже математики. Вотъ какъ на выворотъ идетъ европейскій прогрессъ! Надо еще замѣтить, что прусскія гимназія раздѣляются на 6 классовъ, и счетъ ихъ идетъ не снизу вверхъ, какъ у насъ, а съ сверху внизъ, такъ что первый классъ нѣмецкой гимназіи соотвѣтствуетъ нашему высшему классу, а шестой нашему первому классу. Преподаваніе латинскаго языка идетъ съ самаго низшаго. Греческій языкъ вводится въ преподаваніе съ 3-го класса (считая снизу). Сколько же часовъ въ недѣлю посвящается латинскому языку въ двухъ низшихъ классахъ? Отечественному языку (на который употребляютъ по 4 часа въ недѣлю), закону Божію (по два часа), ариѳметикѣ (по 4 часа въ недѣлю) исторіи и географіи (по 2 часа). Кромѣ того, не обязательно, но въ случаѣ, если найдется учитель пригодный для такого дѣла, полагается еще описательная характеристика царствъ природы приспособленная къ дѣтскому разумѣнью. Вотъ учебный планъ въ низшихъ классахъ, гдѣ еще не преподается греческій языкъ. Изъ этого плана мы видимъ, что въ низшемъ классѣ употребляется на обязательные предметы (не считая каллиграфіи, рисованія и пѣнія) двадцать два часа, и изъ нихъ десять посвящается латинскому языку. Теперь спрашивается, какъ распредѣляются уроки въ высшихъ классахъ, начиная съ третьяго (то-есть четвертаго по нѣмецкому счету), гдѣ въ число предметовъ преподаванія входитъ греческій языкъ? На латинскій языкъ полагается то же число часовъ какъ и въ первыхъ классахъ, именно 10 (за исключеніемъ послѣдняго класса, гдѣ число латинскихъ часовъ сокращается до 8). Для греческаго же языка во всѣхъ классахъ полагается по 6 часовъ. Итакъ, для обоихъ изъ древнихъ языковъ въ трехъ классахъ полагается *шестнадцать часовъ*, именно та самая цифра, которою петербургскій

педагогъ разчитывалъ смутить своихъ читателей. Какимъ еще предметамъ учатъ въ высшихъ классахъ? Закону Божію (по 2 часа въ недѣлю), отечественному языку (по 2 часа), одному изъ иностранныхъ (по 2 часа), математикѣ (въ послѣднемъ и предпослѣднемъ по 4 часа, а въ остальныхъ по 3), физикѣ (только въ двухъ послѣднихъ классахъ, и въ послѣднемъ 2 часа, а въ предпослѣднемъ 1 часъ), исторіи и географіи (по 3 часа). Сверхъ того, въ двухъ послѣднихъ преподается не обязательно еврейскій языкъ (необходимый только для будущихъ богослововъ и филологовъ). Читатель видитъ что число часовъ посвящаемыхъ на изученіе древнихъ языковъ превосходитъ въ каждомъ изъ четырехъ классовъ число часовъ полагаемыхъ на остальные предметы, изъ которыхъ одна математика доходитъ до 4 часовъ, остальные же довольствуются тремя и двумя, а на физику полагается въ послѣднемъ классѣ два, а въ предпослѣднемъ только одинъ часъ. Наконецъ, слѣдуетъ взять въ соображеніе, что курсъ ученія въ каждомъ изъ трехъ послѣднихъ классовъ продолжается по два года, такъ что воспитанники занимаются латинскимъ языкомъ въ продолженіе девяти лѣтъ по десяти часовъ, а греческимъ въ продолженіе семи лѣтъ по шести часовъ. Мы, конечно, не желали бы ничего лучшаго, если бы хотя сорокъ нашихъ гимназій могли нѣсколько приблизиться къ такому учебному устройству, какое видимъ мы въ этихъ полутораста прусскихъ гимназіяхъ.

Многимъ ли существенно отличаются нѣмецкія гимназія отъ англійскихъ public schools относительно размѣровъ преподаванія древнихъ языковъ? Мы имѣемъ полное право сказать, что несмотря на нѣкоторыя болѣе или менѣе важныя различія, они могутъ считаться совершенно тождественными въ сравненіи съ тѣмъ видомъ, какой представляютъ наши несчастныя карикатуры на гимназіи.

Въ ста сорока трехъ прусскихъ гимназіяхъ, равно какъ и во всѣхъ гимназіяхъ Германіи, учатся дѣти не англійскихъ лордовъ и не богачей, которые по необъяснимому капризу будто бы обрекаютъ на напрасную трату золотое время своихъ дѣтей; въ этихъ заведеніяхъ учатся дѣти изъ всѣхъ общественныхъ классовъ, и зажиточныхъ, и бѣдныхъ. А что̀ такое эти реальныя гимназіи вызванныя мощнымъ духомъ новаго времени, о которыхъ толкуютъ наши петербургскіе педагоги? Кто тамъ учится, чему тамъ учатъ, въ какихъ отношеніяхъ эти реальныя гимназіи находятся къ классическимъ, у которыхъ будто бы онѣ оспариваютъ первенство и мѣсто? Что̀ такое въ самомъ дѣлѣ нѣмецкія реальныя школы, объ этомъ сто̀итъ поговорить подробнѣе, и мы завтра возвратимся къ этому вопросу.

№ 139.

Москва, 23-го іюня.

Въ Германіи есть такъ-называемыя реальныя школы, и изъ нихъ нѣкоторыя повыше называются реальными гимназіями, но между этими реальными гимназіями и гимназіями классическими, то-есть настоящими гимназіями, нѣтъ ничего общаго. Это двѣ совершенно различныя группы учебныхъ заведеній. Такъ-называемыя реальныя школы въ Германіи также заступаютъ мѣсто классическихъ гимназій какъ у насъ, напримѣръ, Коммерческое Училище или Ремесленное Заведеніе могутъ заступать мѣсто гимназій, или какъ Артиллерійское Училище можетъ заступать мѣсто университета. Въ Германіи реальныя училища принадлежатъ къ одной группѣ учебныхъ заведеній съ такъ-называемыми мѣщанскими школами и назначаются для тѣхъ, кто не имѣетъ въ виду университетскаго образованія. Никогда въ Европѣ не было рѣчи о томъ, чтобъ изгнать древніе языки изъ гимназій и превратить эти послѣднія въ реальныя школы. Все это выдумка нашихъ петербургскихъ педагоговъ.

Дѣло вотъ въ чемъ: въ Германіи, нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, возникъ вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли молодымъ людямъ, которые по своему положенію въ обществѣ, по свойству своихъ способностей, по желанію родителей или по другимъ обстоятельствамъ, не предназначаются къ высшимъ сферамъ знанія и дѣятельности, давать образованіе, которое могло бы быть пригодно въ жизни или послужить общею подготовкою къ какимъ-либо спеціальнымъ занятіямъ второстепеннаго значенія. Не всякій же можетъ проходить черезъ университетъ; но не всѣмъ и довольствоваться только тѣмъ что̀ даетъ

элементарная школа. Возможно нѣчто среднее, и притомъ въ разныхъ степеняхъ и видахъ, и вотъ въ чемъ главнымъ образомъ состоитъ вопросъ о такъ-называемыхъ реальныхъ или мѣщанскихъ школахъ въ отличіе отъ гимназій, которыя примыкаютъ къ университету: спрашивалось, слѣдуетъ ли дѣтямъ, которые къ университету не предназначаются, для которыхъ не имѣются въ виду преимущества соединяющіяся съ высшимъ образованіемъ, которые не будутъ ни медиками, ни судьями, ни администраторами, ни священниками, ни учеными по разнымъ сферамъ знаній, и которыхъ ждетъ болѣе скромная доля, но тѣмъ не менѣе полезная, и способная въ свою мѣру быть украшенною дарами цивилизаціи и науки,—слѣдуетъ ли устроить для учащихся этого рода особую группу заведеній, или же проводить и ихъ черезъ ученыя гимназіи, примыкающія къ университету? Объ этомъ были споры, и наконецъ произошли соглашенія и сдѣлки, и дѣйствительно устроились заведенія подъ именемъ реальныхъ и высшихъ мѣщанскихъ школъ (въ Пруссіи реальныхъ училищъ высшаго и низшаго порядка насчитывается до 60), которыя имѣютъ свой особый учебный планъ и составляютъ систему низшаго образованія.

Только гимназіи, — настоящія гимназіи, съ обоими древними языками,—даютъ право на поступленіе въ университетъ и вообще на слушаніе университетскихъ лекцій; реальная же школа права этого не даетъ, и въ этомъ заключается существенное различіе между этими двумя группами учебныхъ заведеній. Съ другой стороны, только университетское образованіе даетъ право на высшія степени государственной службы, и на тѣ профессіи, которыя основываются на факультетскихъ наукахъ. Всякій, богатый ли, бѣдный ли человѣкъ, желающій провести своего сына черезъ университетъ, отдаетъ его въ классическую гимназію; къ какому бы факультету ни предназначался мальчикъ, онъ долженъ пройдти курсъ классической гимназіи. Только успѣшное окончаніе этого курса считается достаточнымъ свидѣтельствомъ умственной зрѣлости (Maturitats-Zeugniss), для занятія факультетскими науками въ университетѣ. Предназначается молодой человѣкъ въ медики, или для него имѣется въ виду духовное званіе, или же родители готовятъ его къ поприщу юриста, или они хотятъ открыть перспективу высшихъ сферъ государственной службы, не говоря уже о собственно ученой сферѣ, по какой бы то ни было части: путь одинъ—университетъ, и одно необходимое приготовленіе къ нему—гимназія, основанная на древнихъ языкахъ. Всѣ отрасли человѣческаго вѣдѣнія сходятся на этой общей для всѣхъ основѣ. И будущій юристъ, и будущій священнослужитель, и будущій естествовѣдъ или математикъ, равно учатся въ гимназіи обоимъ древнимъ языкамъ и считаются достаточно зрѣлыми для университетскаго ученія по всѣмъ факультетамъ не иначе какъ получивъ въ гимназіи основательное филологическое образованіе. Не одни дѣти богатыхъ англійскихъ лордовъ занимаются въ школѣ латинскими и греческими упражненіями, но и бѣдныя дѣти, которыхъ не мало воспитывается въ тѣхъ же самыхъ общественныхъ заведеніяхъ; въ этихъ же упражненіяхъ долженъ былъ показать свою силу, не менѣе англійскихъ эксцентриковъ, и нѣмецкій студентъ, изучающій медицину или права, *als Brodwissenschaften*, и живущій на три талера въ мѣсяцъ. Доказательство умственной зрѣлости необходимой для занятія факультетскими предметами въ университетѣ, состоитъ преимущественно въ древнихъ языкахъ. Только изъ древнихъ языковъ требуется двойной экзаменъ, изустный и письменный, „такъ какъ они, по выраженію устава прусскихъ гимназій, даютъ самое надежное основаніе для того чтобы судить о зрѣлости молодаго человѣка къ продолженію ученія въ университетѣ.“

Но можетъ-быть во Франціи дѣла идутъ иначе? Можетъ-быть во Франціи, странѣ занимающей однако одно изъ первыхъ мѣстъ въ европейской цивилизаціи, древніе языки не считаются необходимымъ элементомъ умственнаго образованія, какъ въ Англіи или Германіи? Во Франціи, конечно, дѣла идутъ не совсѣмъ такъ, какъ въ Англіи и Германіи; каждая изъ этихъ странъ имѣетъ свой типъ, свою физіономію какъ во всемъ, такъ и въ системѣ народнаго просвѣщенія. Но по пункту древнихъ языковъ Франція ни въ чемъ существенномъ не разногласитъ ни съ Германіей, ни съ Англіей. Во Франціи точно также древніе языки считаются необходимымъ основаніемъ для высшаго образованія. Главнымъ условіемъ умственной зрѣлости и способности въ высшей наукѣ полагается какъ въ Ан-

гліи, такъ равно въ Германіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и по всей цивилизованной Европѣ, классическое образованіе, основанное на обоихъ древнихъ языкахъ, и отвергаемое нашими прогрессистами, какъ ни къ чему негодное чудачество, какъ остатокъ средневѣковаго варварства. Значитъ мы одни не варвары, мы одни не сумасброды, мы одни представители цивилизаціи; въ самомъ дѣлѣ, какъ процвѣтаетъ наша цивилизація, какъ высоко стоимъ мы въ нашемъ умственномъ развитіи, какъ плодотворна у насъ наука и жизнь!

Нѣмецкимъ гимназіямъ во Франціи соотвѣтствуютъ лицеи, — и несмотря на кутерьму, которую произвелъ въ устройствѣ лицеевъ, въ 1852 г., руководствуясь ложными политическими воззрѣніями, министръ Фортуль введеніемъ своей бифуркаціи въ высшихъ классахъ, — кутерьму возбудившую сильныя жалобы въ педагогическомъ мірѣ, такъ что принятыя г. Фортулемъ мѣры мало-по-малу отмѣняются его преемниками, — несмотря на эту бифуркацію, французскіе лицеи удерживаютъ во всей силѣ классическую основу. Лицеи французскіе имѣютъ два отдѣленія: низшее и высшее и состоятъ изъ 8-ми классовъ. Въ пяти классахъ перваго отдѣленія главнымъ, почти исключительнымъ предметомъ, служатъ древніе языки. Латинскій языкъ начинается съ 8-го (то-есть съ самаго низшаго) класса, греческій языкъ съ шестаго и преподается обязательно для всѣхъ, въ шестомъ, пятомъ и четвертомъ. Въ высшее отдѣленіе можетъ перейдти только тотъ, кто свободно владѣетъ латинскимъ языкомъ и можетъ объяснять греческихъ авторовъ. Въ высшемъ отдѣленіи, заключающемъ въ себѣ три класса, ученіе, съ 1852 года, раздвоятся (бифуркація), какъ бы два факультета: филологическій и физико-математическій, но такъ однако, что ученики послѣдняго не отстаютъ отъ перваго въ занятіи латинскимъ языкомъ. Чтобы на поступить на медицинскій факультетъ, необходимо быть баккалавромъ словесныхъ наукъ, то-есть совершить курсъ греко-латинской школы. Всѣмъ извѣстно на какой высотѣ стоитъ медицина во Франціи. Неужели французскіе или нѣмецкіе медики губили напрасно золотое время своего отрочества занятіями латинскою и греческою грамматикой и экспозиціей древнихъ авторовъ?... Къ слову: возьмемъ напримѣръ медицинскую часть, и спросимъ себя, отчего мы до сихъ поръ остаемся по этой части, столько же какъ и по всѣмъ прочимъ, робкими учениками иностранцевъ? Отчего у насъ до сихъ поръ нѣтъ ни малѣйшихъ начатковъ самостоятельной разработки какъ этихъ, такъ и другихъ наукъ? Медицинскій факультетъ существуетъ у насъ давно; анатомическіе театры и клиники устроены у насъ блистательно; труповъ и больныхъ у насъ въ изобиліи; всѣ науки, главныя, второстепенныя и побочныя, сгруппированныя въ нашихъ медицинскихъ факультетахъ не безъ нѣкоторой роскоши; всѣ каѳедры заняты; профессоры, ихъ занимающіе доканчивали свое медицинское образованіе въ Германіи и Франціи и слушали тамошнихъ знаменитостей. Между нашими врачами есть безспорно не мало людей высоко талантливыхъ, изощрившихъ свой взглядъ богатою практикой; тѣ же способы какими располагаютъ французскіе и нѣмецкіе ученые врачи, находятся въ распоряженіи и у нашихъ медиковъ, тѣмъ не менѣе у насъ нѣтъ самостоятельной медицинской науки и вообще нѣтъ никакой самостоятельной науки. Наши знаменитости, при всѣхъ своихъ дѣйствительныхъ достоинствахъ, являются робкими учениками предъ лицомъ нѣмецкихъ и французскихъ ученыхъ. Чѣмъ же первыя отличаются отъ этихъ послѣднихъ, если они совершили одно и то же спеціяльное поприще, если одни и тѣ же пособія спеціяльнаго медицинскаго образованія были равно въ распоряженіи у тѣхъ и у другихъ, если даже, какъ часто бываетъ, они проходили одну и ту же медицинскую школу, и пользовались наставленіями однихъ и тѣхъ же знаменитыхъ учителей? Въ какомъ существенномъ недостаткѣ долженъ сознаться каждый изъ нашихъ спеціялистовъ, какъ бы онъ ни былъ даровитъ отъ природы и какъ добросовѣстно и старательно ни занимался своимъ дѣломъ? Въ недостаткѣ того общаго приготовительнаго образованія, которое цивилизованныя страны Европы даютъ своимъ ученымъ, — въ недостаткѣ той умственной зрѣлости, которая поставляется въ Европѣ необходимымъ условіямъ для приступленія къ высшимъ спеціяльнымъ занятіямъ, въ недостаткѣ той крѣпкой школы, на которой держится все европейское образованіе, европейская цивилизація, европейская наука, и отъ которой всѣми неправдами стараются отбить насъ петербургскіе педагоги.

Какъ всѣ спеціяльности знанія имѣютъ въ цивилизованной Европѣ одинъ общій имъ корень—греко-латинскую школу, точно также всѣ народы цивилизованной Европы, какъ бы ни разнились между собою характеромъ своего генія, бытомъ и обычаемъ, политическимъ устройствомъ и нравственною физіономіей, имѣютъ одинъ общій корень своей цивилизаціи,—греко-латинскую школу. Какъ бы они ни разнились между собою, но представители ихъ умственнаго и нравственнаго образованія сходятся на одной общей почвѣ, сходятся какъ равные съ равными. Что же касается до насъ, то при существующихъ условіяхъ нашего народнаго просвѣщенія, какъ бы мы ни изощрялись въ тонкостяхъ французскаго выговора, какъ бы натурально не шипѣли по-англійски, какъ бы ни заслушивались рѣчей Тьера и Гизо, какъ бы ни зачитывались Бокля и Люиса, какъ бы прилежно ни посѣщали курсовъ нѣмецкихъ профессоровъ въ Гейдельбергѣ или Берлинѣ, на насъ все-таки будутъ смотрѣть съ презрительнымъ снисхожденіемъ, какъ на варваровъ, и мы всегда будемъ оставаться чужими людьми въ Европѣ, наши умственныя попытки, кромѣ нѣкоторыхъ разрозненныхъ случайныхъ явленій, всегда будутъ имѣть въ основаніи своемъ ученическій характеръ, пока наша учебная система не станетъ твердо на общую для всей европейской цивилизаціи почву.

Петербургскій педагогъ, тономъ нѣкотораго ожесточенія и какъ бы злорадства, восклицаетъ, что у насъ непремѣнно водворятся реальныя училища, которыя, какъ онъ наивно думаетъ, представляютъ собою какъ бы высшій типъ учебныхъ заведеній, вызванный современною цивилизаціей. Онъ не подозрѣваетъ, что эти училища, которыми онъ желаетъ снабдить Россію, училища соотвѣтствующія нѣмецкимъ реальнымъ школамъ, существуютъ у насъ въ изобиліи, и что никакихъ другихъ заведеній у насъ не имѣется. У насъ нѣтъ ничего соотвѣтствующаго тѣмъ учебнымъ заведеніямъ, которыя въ цивилизованной Европѣ считаются необходимымъ условіемъ умственной зрѣлости для высшихъ университетскихъ занятій, у насъ нѣтъ ничего похожаго на нѣмецкія гимназіи, на французскіе лицеи, на англійскіе *public* и *grammar schools*, на бельгійскіе атенеи. По всѣ наши такъ-называемыя гимназіи, за исключеніемъ десяти (впрочемъ, стоитъ ли ихъ исключать?) совершенно подходятъ подъ типъ нѣмецкихъ такъ-называемыхъ высшихъ мѣщанскихъ, или реальныхъ школъ. Сюда же присоединяются наши кадетскіе корпуса, гдѣ преподаются и естественныя науки, и всѣ тѣ науки, которыя плѣняютъ воображенія гг. Воронова и Водовозова. Программа же нѣмецкихъ мѣщанскихъ школъ (высшаго порядка) совершенно совпадаетъ съ программою нашихъ университетскихъ гимназій, съ тою только разницею, что въ высшихъ изъ нѣмецкихъ реальныхъ школъ, латинскому языку посвящается болѣе времени и преподается онъ несравненно основательнѣе чѣмъ въ нашихъ университетскихъ гимназіяхъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что иной способный ремесленникъ, кончившій курсъ въ хорошей нѣмецкой реальной школѣ, отличается несравненно бо́льшимъ классическимъ образованіемъ, нежели большинство нашихъ студентовъ въ настоящее время послѣ тѣхъ жестокихъ мѣръ, которыя такъ радикально убили у насъ чуть-чуть начинавшуюся, подъ управленіемъ князя Ливена и графа Уварова, европейскую систему народнаго просвѣщенія. Замѣтимъ кстати, что въ прусскихъ реальныхъ школахъ, кромѣ латинскаго языка, закона Божія, отечественнаго языка и двухъ иностранныхъ, математики и физики, исторіи и географіи, преподаются еще основанія химіи и ориктогнозіи. Но изъ этихъ школъ нельзя поступить въ университетъ; преимущества же дарованныя въ Пруссіи этимъ школамъ суть слѣдующія: выдержавшіе успѣшно заключительный экзаменъ (замѣтимъ, что изъ латинскаго языка требуется свободное объясненіе Цезаря, Саллюстія, Ливія, а изъ поэтовъ Овидія и Виргилія) получаютъ право быть допущенными къ испытанію на техническія должности по горному, заводскому и соляному управленію, право быть допущенными къ испытанію на землемѣра, право получить мѣсто по почтовому вѣдомству, право на поступленіе въ королевскій Нейштадтъ-Эберсвальдскій лѣсной институтъ, право на поступленіе въ корпусъ конныхъ фельдъегерей, право на поступленіе въ королевское ремесленное заведеніе, право на вступленіе сверхштатнымъ чиновникомъ по таможеннымъ и акцизнымъ сборамъ.

Итакъ, цвѣтъ русскаго юношества, наши будущіе общественные дѣятели, администраторы, судьи, мужи науки, просвѣтители народа, его будущія очи, разумѣніе

и слово, воспитываются въ тѣхъ самыхъ школахъ, въ которыхъ Пруссія подготовляетъ своихъ конныхъ фельдъегерей, съ тою только разницей, что школы изъ которыхъ выходятъ прусскіе фельдъегери лучше устроены чѣмъ наши, и ученіе въ нихъ производится солиднѣе. Этому ли радуются петербургскіе педагоги?

Петербургскій педагогъ ссылается на общественное мнѣніе. Онъ находитъ, что общественное мнѣніе не требуетъ у насъ классическихъ гимназій. Странно, что онъ, по нѣкоторымъ признакамъ, человѣкъ очень свѣдущій въ дѣлахъ департамента народнаго просвѣщенія, не сообразилъ при этомъ одного обстоятельства: какъ же ожидать, чтобы наши помѣщики, чиновники и торговые люди, посылающіе своихъ дѣтей въ гимназіи, могли требовать для нихъ хорошаго, европейскаго, классическаго обученія, когда этого не требуютъ мужи науки, представители ея высшихъ интересовъ, когда этого не требуютъ профессоры университета, принимающіе въ университетъ молодыхъ людей, которые по своей умственной зрѣлости не годились бы и въ фельдъегери, а не только къ занятію факультетскими науками? Но почему же наука и ея представители не предъявляютъ высшихъ требованій? Потому что наукѣ и ея представителямъ не велѣно предъявлять высшихъ требованій, а не велѣно потому что такъ устроена система нашего народнаго просвѣщенія. Наше народное просвѣщеніе дошло въ настоящее время до такого банкрутства, что даже на филологическій факультетъ предписано принимать молодыхъ людей совсѣмъ безъ греческаго языка (петербургскій педагогъ ошибается, полагая, что это предписаніе не исполняется въ университетѣ Московскомъ). Не окончательное ли это раззореніе и паденіе этого несчастнаго факультета, откуда выходятъ по преимуществу наши педагогическіе дѣятели? Молодые люди вступившіе на филологическій факультетъ съ абсолютнымъ незнаніемъ греческаго языка должны начинать съ азбуки. Спрашивается: многому ли научатся эти молодые люди, вообще не пріобыкшіе къ настойчивому умственному труду, и принужденные приниматься за азбуку греческаго языка на 18-мъ, на 20-мъ году своего возраста? Каково должно быть положеніе профессора, и каковы должны быть результаты такого положенія вещей? Слѣдствіемъ этого между прочимъ оказалось то, что въ Московскомъ университетѣ, со втораго на третій курсъ филологическаго факультета, могъ перейдти теперь всего только одинъ слушатель. И вотъ цѣлый корпусъ преподавателей будетъ въ продолженіе года наставлять этого единственнаго филолога!...

Мы свободны отъ всякихъ предубѣжденій *относительно гг. петербургскихъ педагоговъ; мы желаемъ думать, что ихъ одушевляетъ искренняя любовь къ своему народу* и къ народному просвѣщенію, и что только ошибочный путь, на который они случайно попали, дѣлаетъ ихъ безсознательными врагами того и другаго. Еще болѣе желаемъ мы, чтобъ они одумались, чтобъ они глубже прислушались къ своему чувству, если оно дѣйствительно искренно и что-нибудь говоритъ имъ, чтобъ они глубже вникли въ дѣло, о которомъ рѣшаются судить и тщательнѣе ознакомились съ нимъ: можетъ-быть они прозрѣютъ и поймутъ какое зло заключается въ томъ направленіи, которое съ особенною силою выразилось у насъ послѣ злополучной февральской революціи во Франціи и которому эти господа служатъ теперь столь усердными органами. Нѣтъ ничего благороднѣе, какъ сознаться въ своемъ заблужденіи и освободиться отъ него.

№ 140.

Москва, 24-го Іюня.

Шлезвигъ-гольштейнскій вопросъ, къ которому въ настоящее время сходятся всѣ нити европейской политики, повидимому, готовъ вступить въ новый періодъ своего развитія. Сущность этого вопроса, какъ справедливо замѣчаютъ въ аугсбургской *Всеобщей Газетѣ*, заключается не въ томъ что станется съ Шлезвигъ-Гольштейномъ, достанется ли онъ великому герцогу Ольденбургскому, или принцу Августенбургскому, примкнетъ ли онъ къ Пруссіи, подобно герцогству Саксенъ-Кобургскому, или увеличитъ собою число самостоятельныхъ второстепенныхъ государствъ Германіи. Всѣ эти вопросы, безспорно, имѣютъ значительную важность; но они умаляются предъ другимъ важнѣйшимъ вопросомъ, имѣющимъ европейское значеніе,—вопросомъ: что станется съ остальною частью Датскаго королевства? Будетъ ли въ распоряженіи Даніи

достаточно средствъ для охраненія своей самостоятельности? Не подпадетъ ли она подъ вліяніе Пруссіи, которая, располагая въ то же время Шлезвигъ-Гольштейномъ, легко можетъ пріобрѣсти значительное могущество на Балтійскомъ морѣ, или же остальная часть Даніи примкнетъ къ двумъ другимъ скандинавскимъ странамъ и составитъ съ нимъ союзъ, который будетъ крѣпко держать въ рукахъ своихъ входы и выходы Балтійскаго моря? И тотъ, и другой результатъ нынѣшняго датско-германскаго столкновенія не можетъ быть пріятенъ не только Россіи, но и Англіи, которая тоже не можетъ допустить, чтобы Данія лишена была всѣхъ матеріяльныхъ условій, необходимыхъ для самостоятельнаго государства, и чтобы входы и выходы Балтійскаго моря достались въ руки какой-либо великой европейской державы, или сильнаго союза. Въ этомъ случаѣ интересы Россіи и Англіи совпадаютъ какъ между собою, такъ и съ интересами самой Даніи. Въ самомъ дѣлѣ и на Лондонской конференціи, и въ предшествовавшихъ ей переговорахъ, обѣ великія державы дѣйствовали до извѣстной степени согласно, и употребляли съ своей стороны, усилія, сначала чтобы спасти цѣлость Датскаго королевства, а потомъ, чтобы доставить ему средства къ охраненію его самостоятельности. Тѣмъ не менѣе ни та, ни другая не рѣшились оказать Даніи дѣятельную помощь, и оставили ее одну лицомъ къ лицу съ ея могущественными противниками. Казалось бы, по крайней мѣрѣ, что имѣя одинаковые интересы въ шлезвигъ-гольштейнскомъ вопросѣ, Англія и Россія должны были бы сблизиться между собою. Ничуть не бывало: сближеніе произошло, очевидно, между Россіей, Пруссіей и Австріей, и возникли даже слухи, впрочемъ, весьма мало правдоподобные, что оно скрѣплено положительнымъ союзомъ, и что, въ противоположность ему, произошло сближеніе между Англіей и Франціей.

Эти кажущіяся несообразности объясняются очень просто солидарностью всѣхъ европейскихъ интересовъ. Парижскій корреспондентъ *Indépendance Belge* приписываетъ нашему вице-канцлеру замѣчаніе, что въ настоящее время нѣтъ ни восточнаго, ни польскаго, ни шлезвигъ-гольштейнскаго вопроса, а есть только одинъ вопросъ — *наполеоновскій*. Говорилъ ли что-либо подобное князь Горчаковъ, или нѣтъ, но въ этихъ словахъ какъ нельзя вѣрнѣе выражается настоящее положеніе дѣлъ. Вопросъ наполеоновскій обнимаетъ собою всѣ вопросы. Датско-германское столкновеніе не могло бы повести къ теперешнему положенію дѣлъ, еслибы г. фонъ-Бисмаркъ былъ менѣе увѣренъ въ существованіи и въ силѣ этого наполеоновскаго вопроса, не позволяющаго нейтральнымъ державамъ вступиться за Данію. Вмѣшательство той или другой державы открыло бы просторъ Франціи, сохраняющей за собой свободу дѣйствій. Занявъ, съ самаго начала, двусмысленное положеніе между Даніей и Германіей и готовая каждую минуту перейдти на ту сторону, гдѣ предвидится наиболѣе *вознагражденія*, Франція разомъ примкнула бы къ Пруссіи и Германіи, склонивъ ихъ къ пожертвованіямъ на Рейнѣ и въ другихъ мѣстахъ. Не даромъ французскія полуофиціяльныя газеты раздражаются такимъ негодованіемъ на Англію за ея рѣшеніе не поднимать оружія противъ германскихъ державъ. *Patrie*,—какъ извѣстно, органъ принца Наполеона,—доходитъ даже до того, что отнынѣ почитаетъ Англію какъ бы выбывшею изъ числа великихъ европейскихъ державъ и неспособною впредь участвовать въ рѣшеніи какого бы то ни было европейскаго вопроса, даже и восточнаго. Франція, очевидно, ошиблась въ своихъ разчетахъ. Сначала, на запросы Англіи, она обнаружила готовность дѣйствовать заодно съ нею, но подъ условіемъ, чтобъ ея пожертвованія были вознаграждены возстановленіемъ ея границъ 1814 года, или по крайней мѣрѣ, присоединеніемъ къ ней Саарлуи, Кайзерслаутерна и Ландау, какъ утверждаетъ *Кельнская Газета* и какъ отчасти намекаетъ лордъ Россель въ своей рѣчи 27-го іюня. Англія на это не согласилась. Тогда Франція разчитывала, что Англія неминуемо будетъ вовлечена въ войну, но и этотъ разчетъ не оправдался: Англія осталась въ мирѣ съ германскими державами.

Но наполеоновская политика неистощима на тонкости. Чего не удалось достигнуть ни съ помощью Англіи, ни въ борьбѣ съ нею, того Франція надѣется достигнуть съ помощью злополучной Даніи. Когда въ воскресномъ нумерѣ *Московскихъ Вѣдомостей* наши читатели прочли патетическій конецъ королевскаго посланія, которымъ была открыта сессія датскаго рикcрада, имъ, конечно, не пришло на умъ, на кого мѣтитъ король Христіанъ IX, говоря: „Да тронетъ Господь сердца тѣхъ, которые держатъ въ

своихъ рукахъ судьбу Европы, да внушитъ Онъ *по крайней мѣрѣ въ одномъ мѣстѣ* намѣреніе оказать намъ болѣе сильное содѣйствіе". Теперь, послѣ телеграммы изъ Вѣны, отъ 4-го іюля, оказывается, что король Христіанъ IX разумѣлъ при этомъ Наполеона III, къ которому онъ, если вѣрить этому извѣстію, прямо и лично обратился съ просьбою принять на себя посредничество между Даніей и Германіей и оказать при этомъ покровительство сторонѣ слабѣйшей. Нѣтъ сомнѣнія, что это обращеніе найдетъ радушный пріемъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ; оно и подготовлено было изъ Парижа, какъ можно видѣть изъ помѣщенной ниже парижской корреспонденціи *Кельнской Газеты*. Если, какъ говорятъ, Наполеонъ III отклонилъ отъ себя роль посредника, неофиціяльно предложенную ему Англіей, то отнюдь не потому чтобъ эта роль была ему не по вкусу, а только потому что ей должно было, по его соображеніямъ, предшествовать возобновленіе военныхъ дѣйствій, и что ему не хотѣлось разыгрывать ее предъ такими строгими судьями-зрителями, какъ Россія, Англія и Австрія. Теперь же, съ устраненіемъ Лондонской конференціи, съ возобновленіемъ военныхъ дѣйствій, когда страсти снова въ полномъ разгарѣ, является надежда съ полнымъ успѣхомъ разыграть роль посредника между воюющими сторонами.

Что касается до Пруссіи и Австріи, то онѣ едва ли рѣшатся не принять посредничества Франціи, тѣмъ болѣе что онѣ уже высказались въ пользу посредничества какой-либо нейтральной державы, а приводимый ниже отзывъ *Norddeutsche Zeitung*, органа г. фонъ-Бисмарка, говоритъ прямо въ пользу предоставленія посреднической роли Наполеону III. Если же противъ ожиданія, они отклонили бы *дружественное* предложеніе Франціи, въ такомъ случаѣ она прямо могла бы принять участіе въ войнѣ за Данію, за которую готова вступиться и Англія. Наполеонъ III, очевидно, командуетъ положеніемъ обѣихъ германскихъ державъ.

Но принятіе посредничества Франціи, со стороны Пруссіи и Австріи, не должно ли повлечь за собою немедленное созваніе новой европейской конференціи, разсмотрѣнію и утвержденію которой должны быть подвергнуты всѣ результаты, добытые путемъ посредничества? Повидимому только на этомъ условіи нейтральныя державы могутъ допустить посредничества Франціи, и повидимому только на этомъ условіи можетъ быть рѣчь о соглашеніи между Англіей и Франціей. Совокупное дѣйствіе будетъ достойно и правильно только въ томъ случаѣ, если въ немъ примутъ участіе всѣ три нейтральныя великія державы?

Но такъ ли будетъ? Не поведетъ ли этотъ проектъ о посредничествѣ къ сепаратной сдѣлкѣ между двумя западными державами? Элементы сближенія, или по крайней мѣрѣ мотивы къ сближенію между Франціей и Англіей существуютъ. Этого отрицать нельзя: Францію тревожатъ слухи о приближающемся будто бы возстановленіи Священнаго Союза; Англія очень хорошо знаетъ, что Франція располагаетъ средствами все болѣе и болѣе запутывать шлезвигъ-гольштенскій вопросъ. Въ настоящую минуту еще нѣтъ основанія предполагать возможность скораго сближенія между Англіей и Франціей; но наше время особенно отличается непрочностью и непостоянствомъ взаимныхъ отношеній между великими державами, и между ними стали возможны такія сочетанія, которыя съ перваго взгляда кажутся рѣшительно невѣроятными. То же самое предложеніе, которое сдѣлалъ теперь, по словамъ вѣнской *Presse*, король Христіанъ IX императору Наполеону, и которое, повидимому, должно поставить его въ неблагопріятныя отношенія къ Пруссіи и къ Австріи, и даже къ Англіи и къ Россіи, можетъ напротивъ повести его къ дружественному соглашенію съ тою или съ другою изъ германскихъ державъ, и еще ближе съ Англіей. Императоръ Наполеонъ можетъ принять на себя роль посредника съ предварительнаго согласія Англіи и съ тѣмъ, чтобы рѣшенію его придана была обязательная сила; Англія можетъ склониться на какія-нибудь новыя предложенія его, взамѣнъ прежнихъ предложеній относительно Рейна. Именно потому что наполеоновскій вопросъ есть вопросъ очень мудреный, намъ слѣдуетъ быть насторожѣ.

№ 141.

Москва, 25-го Іюня.

А.

Упадокъ вексельнаго курса, идущаго въ послѣднее время все внизъ съ небольшими

перерывами и колебаніями, вызываетъ въ лицахъ получающихъ товары изъ-за границы и вообще переводящихъ туда деньги, сѣтованія на правительство, что оно допускаетъ такую *депреціацію* русскаго кредитнаго рубля. Лица этого разряда, жалующіяся теперь на упадокъ курса, легко мирятся съ неправильностями нашей денежной системы; они вовсе не желаютъ размѣна, производимаго правильно, то-есть сопровождаемаго уничтоженіемъ кредитныхъ билетовъ, вымѣненныхъ на звонкую монету. Когда кредитные билеты уничтожаются, а звонкая монета выданная за нихъ публикѣ уходитъ за границу, то денежное обращеніе сокращается, внутреннія цѣны понижаются, и вмѣстѣ съ тѣмъ сбытъ привозныхъ товаровъ отчасти ограничивается, отчасти дѣлается менѣе выгоднымъ. Это не нравится контористамъ, хотя это и ведетъ къ повышенію вексельнаго курса, и притомъ ведетъ самымъ правильнымъ образомъ къ самому прочному повышенію. Контористамъ, торгующимъ иностранными товарами, выгодно, чтобы внутреннія цѣны не падали, чтобы число внутреннихъ покупателей не уменьшалось, но чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ вексельный курсъ стоялъ по возможности высоко. Чѣмъ больше бумажныхъ денежныхъ знаковъ внутри, тѣмъ сильнѣе долженъ быть спросъ на продажные предметы,—и это выгодно иностраннымъ торговцамъ, ввозящимъ товары, — но въ то же время тѣмъ ниже долженъ падать вексельный курсъ,—и это имъ не выгодно. Очень естественно, что они желаютъ перваго и не желаютъ втораго. Они не сѣтуютъ на избытокъ денежныхъ знаковъ, но они крайне сѣтуютъ на естественное послѣдстіе избытка — упадокъ вексельнаго курса. Они требуютъ, чтобъ естественный ходъ былъ остановленъ искусственною поддержкой вексельнаго курса.

Такъ какъ не всѣ читатели даютъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, что̀ собственно значатъ и чего добиваются эти требованія, то мы постараемся представить это дѣло въ самомъ понятномъ видѣ.

Вы привозите въ Россію французскую шелковую матерію, на которую оказываются покупатели, охотно дающіе по 2 р. за аршинъ. Чѣмъ больше въ странѣ денежныхъ знаковъ, тѣмъ больше будетъ покупателей, готовыхъ платить эту цѣну, и наконецъ дѣло можетъ дойдти до того, что, пользуясь возрастающимъ спросомъ, вы поднимите цѣну даже сверхъ 2 рублей. Очевидно, что это будетъ для васъ выгодно. Но при естественномъ ходѣ дѣлъ, чѣмъ больше чувствуется въ странѣ избытокъ денежныхъ знаковъ, тѣмъ болѣе падаетъ вексельный курсъ и это паденіе уменьшаетъ наши барыши. При прежнемъ курсѣ, аршинъ этой матеріи обходился вамъ съ доставкой въ Москвѣ 1 р. 75 к.; но если курсъ упадетъ процентовъ на пять, то выписываемая вами шелковая матерія будетъ обходиться вамъ шестью или семью копѣйками за аршинъ дороже; что̀ вы пріобрѣтете на возвышеніи продажной цѣны, то-есть на сколько продажная цѣна станетъ выше двухъ рублей, то̀ вы потеряете на курсѣ. Если же правительство приметъ искусственныя мѣры для поддержки вексельнаго курса, то вы будете освобождены отъ этой потери и воспользуетесь полнымъ барышомъ, происходящимъ отъ внутренней дороговизны, то-есть отъ того, что внутри деньги стали цѣниться меньше прежняго. Какъ же вамъ не желать искусственной поддержки курса?

Съ другой стороны, если правительство приметъ не искусственныя, какихъ вы желаете, а естественныя мѣры къ повышенію вексельнаго курса, то-есть если правительство приведетъ дѣло къ тому, что деньги станутъ и на внутреннемъ рынкѣ цѣниться сравнительно дорого, то хотя вексельный курсъ и повысится, однако вы, продавецъ французской шелковой матеріи, нисколько отъ этого не выиграете. Матерія будетъ вамъ обходиться попрежнему по 1 р. 75 к. за аршинъ, это правда, но за то и продажная цѣна на нее будетъ прежняя. Вы будете пользоваться прежнимъ правильнымъ барышомъ, а дароваго барыша не получите. Какая же вамъ надобность желать естественной поддержки курса?

Итакъ вотъ въ чемъ вашъ интересъ, если вы ввозите въ Россію заграничный товаръ. Вы должны желать, чтобы кредитный рубль имѣлъ двѣ цѣны, чтобы на внутреннемъ рынкѣ онъ цѣнился возможно дешево, а на внѣшнемъ рынкѣ возможно дорого. Съ перваго взгляда это сбивается на чудо, и многіе готовы спросить, какъ же достигнуть такого чуда? Достигается оно очень просто посредствомъ искусственной поддержки вексельнаго курса казенными деньгами. Возьмемъ для примѣра послѣднюю петербургскую биржу. Во вторникъ, 23-го іюня, вексельный курсъ упалъ. Кому изъ петербургскихъ торговцевъ нуженъ былъ вексель

на Парижъ для уплаты тамошнему купцу слѣдующихъ ему за товаръ денегъ, тотъ могъ купить этотъ вексель въ пятницу на прошлой недѣлѣ по $343^1/_2$ франковъ, за 100 рублей, а въ понедѣльникъ, подъ конецъ биржеваго времени, онъ долженъ былъ заплатить 100 рублей уже не за $343^1/_2$ франковъ, а за 336 франковъ, то-есть на ста рубляхъ онъ потерялъ бы $7^1/_2$ франковъ или слишкомъ $2^0/_0$ съ переводимой суммы. Теперь представьте себѣ, что въ эту биржевую сдѣлку вмѣшалось бы правительство. Оно взяло бы сто рублей у торговца и выдало бы ему вексель не въ 336 франковъ, какъ предлагали банкиры, а въ $343^1/_2$ фр. Тогда, конечно, торговецъ былъ бы очень доволенъ, а еслибы правительство стало выдавать такіе же векселя и всѣмъ желающимъ, то упадокъ курса былъ бы невозможенъ, и курсъ удержался бы и во вторникъ точно такой же какой былъ въ пятницу. Но что же бы тогда вышло? Правительство сдѣлалось бы единственнымъ выдавателемъ векселей на Парижъ, то-есть, какъ говорятъ на биржѣ, единственнымъ трассентомъ. Ни одинъ банкиръ не сталъ бы трассировать (то-есть выдавать векселя), а напротивъ сами банкиры стали бы покупать казенные векселя про запасъ и тѣмъ еще увеличили бы казенную трассировку. Въ чемъ состоялъ бы результатъ этой операціи для казны? Она, очевидно, приплатила бы отъ себя по два процента, ко всѣмъ суммамъ переведеннымъ черезъ ея посредство за границу. Но что такое казна какъ не плательщики податей, взятые вмѣстѣ? По этому мы въ правѣ сказать, что въ предположенномъ нами случаѣ плательщики податей выдали бы по $2^0/_0$ приплаты въ пользу всѣхъ лицъ переводившихъ за границу деньги, не получивъ въ замѣнъ того съ ихъ стороны никакого соотвѣтствующаго вознагражденія.

Но дѣло на этомъ еще не могло бы окончиться. Возникли бы послѣдствія еще болѣе важныя, еще болѣе чувствительныя, и въ эти-то послѣдствія мы особенно просимъ вникнуть. Въ нихъ заключается разгадка того стѣсненнаго положенія, въ которомъ находится наше сельское хозяйство.

Предметы нашего сельскохозяйственнаго производства могли бы выдерживать конкуренцію съ продуктами Венгріи, Дунайскихъ княжествъ, Австраліи, Сѣверной Америки, еслибъ обходились нѣсколько дешевле теперешняго для заграничныхъ покупателей. Но именно этому-то и противодѣйствуетъ искусственная поддержка вексельнаго курса. Положимъ, что иностранный купецъ можетъ по своимъ разчетамъ заплатить въ одномъ изъ нашихъ портовыхъ городовъ 20 франковъ за четверть пшеницы. Эта цѣна для него выгодна, но еслибъ ему пришлось платить цѣну болѣе высокую, то онъ предпочелъ бы купить пшеницу въ какой-нибудь другой странѣ. Теперь предположимъ еще, что безъ искусственной поддержки вексельный курсъ былъ бы у насъ такой, какой состоялся въ этотъ вторникъ, то-есть 336 франковъ за 100 рублей. Разчитывая на основаніи этого курса, иностранный покупатель могъ бы заплатить нашему хлѣбному торговцу около 5 р. 95 к. за четверть пшеницы. Но вотъ правительство поднимаетъ курсъ, и вмѣсто 336 фр. за 100 р. дѣлаетъ его въ $343^1/_2$ фр. за 100 р. Тотчасъ же иностранный покупатель нашей пшеницы принужденъ понизить цѣну на нее; онъ уже не можетъ дать 5 р. 95 коп. Въ такомъ случаѣ пшеница обошлась бы ему по 20 фр. 44 сантима, но этихъ 44 сантимовъ лишнихъ онъ не расположенъ платить, потому что можетъ купить пшеницу выгоднѣе въ другомъ мѣстѣ. Итакъ при вексельномъ курсѣ въ $343^1/_2$ франка онъ не дастъ намъ больше 5 р. 82 к. за четверть. Что же мы сдѣлаемъ въ такомъ случаѣ? Если мы будемъ выдерживать цѣну 5 р. 95 к., то потеряемъ покупателей, и пшеница останется у насъ на рукахъ. Но мы производимъ ея больше чѣмъ сколько намъ самимъ нужно; съ излишкомъ пшеницы намъ дѣлать нечего, и мы принуждены будемъ продать пшеницу по 5 р. 82 коп., съ потерей 13 коп. на четверть, хотя бы мы на этой цѣнѣ и понесли убытокъ.

Итакъ, искусственная поддержка есть не только премія платимая изъ податныхъ денегъ въ пользу лицъ переводящихъ деньги за границу; это въ то же время косвенный налогъ на производство всѣхъ тѣхъ предметовъ, которые мы отпускаемъ за границу и на торговлю всѣми этими предметами. Въ этомъ случаѣ интересы торговли привозной и отпускной противоположны. Привозному товару выгодно, чтобы вексельный курсъ поднимался; отпускному выгодно, чтобъ онъ понижался. И наоборотъ: привозному товару выгодно, чтобы въ странѣ господствовала дороговизна, то-есть чтобы дешевы были деньги; отпускному же выгодно, чтобы внутри деньги были дороги,

а предметы покупаемые и продаваемые на деньги, по возможности дешевы. Возвышеніе курса оживляетъ привозъ, паденіе курса оживляетъ отпускъ. Когда нынѣшнею осенью курсъ упалъ, тотчасъ же были сдѣланы значительныя закупки для отпуска за границу; а когда правительство поддерживало курсъ, то послѣдствіемъ того были закупки за границей для привоза разныхъ товаровъ и фондовъ изъ-за границы.

Теперь взглянемъ на дѣло съ точки зрѣнія справедливости. Мы уже показали что искусственное возвышеніе курса даетъ продавцамъ иностранныхъ товаровъ даровую премію, ими не заслуженную. Они пользуются вдвойнѣ,—пользуются и возможностію сбывать свои товары по дорогой цѣнѣ (вслѣдствіе дороговизны отъ избытка денежныхъ знаковъ) и возможностію выгоднаго перевода денегъ за-границу, то-есть возможностію пріобрѣтать товаръ по дешевой цѣнѣ (вслѣдствіе поддержки курса). Наоборотъ, внутренніе производители несутъ двойное бремя—тяжкихъ издержекъ производства и перевозки (вслѣдствіе дороговизны) и низкихъ продажныхъ цѣнъ (вслѣдствіе поддержки курса),—двойное бремя, которое можетъ вести даже къ необходимости сократить производство. О дальнѣйшемъ развитіи сельскаго хозяйства при такомъ положеніи дѣлъ не можетъ быть и рѣчи, а въ странѣ, которой благосостояніе преимущественно зависитъ отъ успѣховъ сельскаго, хозяйства, такое положеніе дѣлъ значитъ всеобщее раззореніе. Итакъ, съ одной стороны мы имѣемъ вотъ что̀: подрывъ главнаго нашего промысла и всеобщее раззореніе единственно изъ-за того чтобы нѣсколько сотенъ человѣкъ привозящихъ иностранные товары и нѣсколько тысячъ человѣкъ иностранныхъ производителей да русскихъ путешественниковъ получали даровую премію за переводъ денегъ изъ русскихъ портовыхъ городовъ въ иностранные. Не вопіющая ли это несправедливость? Съ другой же стороны представляется слѣдующее: если курсъ не будетъ поддерживаться искусственными мѣрами, русскому сельскому хозяйству будетъ дана возможность вздохнуть свободно, сводя концы съ концами, потерпятъ ли какой-нибудь ущербъ тѣ немногія сотни людей, которые привозятъ къ намъ товары изъ-за границы, и будутъ ли въ правѣ жаловаться наши путешественники? Ни того, ни другаго не будетъ. При искусственной поддержкѣ вексельнаго курса русскій туристъ получаетъ изъ Россіи не только свой доходъ, законно ему принадлежащій, но и нѣсколько процентовъ приплаты изъ денегъ, законно принадлежащихъ не ему, а казнѣ, то-есть всѣмъ плательщикамъ податей. Предположимъ такую искусственную поддержку курса, какая была въ минувшемъ августѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ, то-есть поддержку въ 10 проц. Русскій путешественникъ, получавшій изъ Россіи 10.000 р. дохода, стоившихъ тогда въ сущности 36.000 франковъ, получалъ не 36.000 франковъ, а 40.000 франковъ, то-есть онъ получалъ 36.000 франковъ съ своей собственности и 4.000 франковъ казеннаго пособія или преміи. Повышеніе курса, производившееся тогда посредствомъ казенной трассировки, поощряло русскихъ подданныхъ къ проживанію за границей и такъ сказать давало имъ награду за абсентеизмъ, между тѣмъ какъ они имѣютъ право только на представленіе имъ свободы распоряжаться собой и своими деньгами, а отнюдь не на полученіе пособій или премій. Спрашивается, потерпятъ ли они ущербъ въ своемъ правѣ, если курсъ не будетъ поддерживаться искусственно? Очевидно, они не потерпятъ никакого ущерба, если только упадокъ курса будетъ происходить безъ вліянія искусственныхъ мѣръ, которыхъ, впрочемъ, и предполагать невозможно. Естественно устанавливающійся вексельный курсъ выражаетъ собой дѣйствительную, въ данное время существующую цѣну русскаго кредитнаго рубля на всемірномъ рынкѣ. Переводя свои деньги за границу по естественно-установившемуся вексельному курсу, русскій путешественникъ получаетъ полную дѣйствительную цѣну принадлежащей ему суммы русскихъ кредитныхъ рублей. Онъ не получаетъ казенной награды за пребываніе за границей,—вотъ и все; но онъ не теряетъ ни одной копѣйки изъ своего состоянія, потому что еслибъ онъ оставался въ Россіи, то проживалъ бы тѣ же самые малоцѣнные рубли, которые онъ теперь переводитъ за границу, и разница состояла бы только въ томъ, что онъ можетъ-быть не замѣчалъ бы ихъ малоцѣнности, явственно оказывающейся при перечисленіи ихъ на иностранную монету. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о купцѣ привозящемъ въ Россію иностранные товары. Онъ тоже теряетъ только то казенное пособіе, которое заключалось въ выдачѣ ему векселей съ убыткомъ

для казны; онъ только перестаетъ получать премію за сбытъ иностранныхъ товаровъ, но онъ не теряетъ ничего изъ своей собственности и не несетъ никакого ущерба въ томъ, на что̀ имѣетъ законное право. При искусственной поддержкѣ курса, русскій производитель раззоряется, русское сельское хозяйство утрачиваетъ самую возможность существованія. Ничего подобнаго не можетъ случиться съ привозною торговлей, когда правительство отказывается отъ искусственной поддержки курса. Считая на русскія деньги, за иностранные товары приходится платить за границей дороже прежняго, но такъ какъ привозные товары продаются въ Россіи тоже на русскія, а не на иностранныя деньги, то платя за товары дороже, можно дороже и продавать ихъ. Торговля отнюдь не становится невозможною. Если она терпитъ нѣкоторый ущербъ, то только въ той мѣрѣ, въ какой причиняется ущербъ отмѣной покровительства какому бы то ни было промыслу.

Вотъ истинное положеніе дѣла. Искусственная поддержка курса не только поощряетъ привозъ иностранныхъ товаровъ, не только поощряетъ поѣздки заграницу, не только дѣлаетъ все это на счетъ плательщиковъ податей, что̀ уже само по себѣ несправедливо, но причиняетъ еще бо̀льшую несправедливость, стѣсняя и раззоряя русскихъ производителей отпускаемаго за границу суровья. Итакъ да избавитъ насъ Богъ отъ искусственной поддержки курса!

Б.

Въ этомъ же нумерѣ нашей газеты мы сообщаемъ дальнѣйшія извѣстія о предполагаемомъ будто бы союзѣ между Россіей, Австріей и Пруссіей, не съ тѣмъ чтобъ убѣдить нашихъ читателей въ дѣйствительномъ существованіи подобныхъ плановъ, а съ тѣмъ чтобы предостеречь ихъ отъ излишняго довѣрія къ иностранной печати, которая нерѣдко становится служительницей не истины, а различныхъ политическихъ партій, не гнушающихся прибѣгать къ подлогамъ и обманамъ для достиженія своихъ цѣлей.

На этотъ разъ ложь идетъ, очевидно, изъ Англіи. Изъ Лондона сообщены были первыя извѣстія о тройномъ союзѣ и объ его основахъ въ *Кельнскую Газету*; въ лондонскомъ сатирическомъ журналѣ *The Owl (Сова)* они были формулированы въ видѣ проекта и конвенціи между тремя державами, французскій текстъ которой, безъ всякихъ комментаріевъ, былъ тотчасъ же перепечатанъ въ *Times*. Проектъ представленъ тутъ въ каррикатурѣ; во вступленіи къ этой будто бы уже проектированной конвенціи говорится о необходимости противодѣйствовать идеямъ права и свободы; распространяющимся изъ Франціи; тѣмъ не менѣе лондонскій корреспондентъ *Кельнской Газеты* старается увѣрить, что сущность дѣла согласна съ тѣмъ, что̀ въ шутливой формѣ сообщаетъ *The Owl;* наконецъ, тѣ же самыя свѣдѣнія содержатся въ депешахъ г. фонъ-Бисмарка къ прусскому послу въ Парижѣ, г. фонъ-деръ-Гольцу, и прусскаго посланника въ Вѣнѣ, г. фонъ-Вертера, г. фонъ-Бисмарку,—въ депешахъ, впервые обнародованныхъ въ *Morning Post*, отъ 2-го іюня, н. ст.; но на другой же день объявленныхъ въ *Patrie*, со стороны прусскаго посольства, вымышленными. Во всѣхъ этихъ извѣстіяхъ и сообщеніяхъ рѣчь идетъ о признаніи польскаго вопроса тремя державами за вопросъ внутренній; объ обезпеченіи ими другъ другу всѣхъ ихъ владѣній, о нравственной и матеріальной поддержкѣ Пруссіи и Австріи со стороны Россіи, въ случаѣ если противъ нихъ начата будетъ европейская война по поводу шлезвигъ-гольштейнскаго вопроса, и о противодѣйствіи сообща скандинавскому союзу.

Спрашивается: кто и кого тутъ морочитъ?

Вчера упоминали мы о словахъ касательно наполеоновскаго вопроса, приписанныхъ изобрѣтателями газетныхъ слуховъ князю Горчакову. Никому, безъ сомнѣнія, не можетъ придти на умъ, чтобы въ настоящее время въ Европѣ могла идти рѣчь о династіи Наполеона. Въ этомъ смыслѣ, конечно, нигдѣ не могло быть рѣчи о наполеоновскомъ вопросѣ. Франція дала себѣ императора, и признала его власть наслѣдственною. Выиграла ли она, или проиграла отъ своего внутренняго переворота, до этого нѣтъ ни малѣйшаго дѣла другимъ державамъ. Въ этомъ случаѣ Франція сама себѣ единственный законный судья, и воля ея въ этомъ отношеніи всѣми уважается. Наполеоновскій вопросъ не есть вопросъ о наполеоновской Франціи или о наполеоновской династіи, а какъ само собой разумѣется вопросъ о политикѣ императора Французовъ, которую въ Европѣ

обыкновенно называютъ политикой сфинкса. Было бы нелѣпо и говорить о какихъ бы то ни было наступательныхъ планахъ Россіи, Австріи и Пруссіи противъ Франціи или—что тоже—противъ созданной ею династіи. А между тѣмъ газета *Morning Post*, которая, по поводу обнародованныхъ ею подложныхъ депешъ, говоритъ о намѣреніи трехъ державъ возобновить Священный Союзъ, именно впадаетъ въ эту нелѣпость.

Вообще всѣ слухи о соглашеніи между тремя сѣверными дворами подлежатъ сильному сомнѣнію, такъ какъ къ нимъ въ значительной долѣ примѣшался обманъ. Этотъ обманъ разчитанъ, очевидно, не на французское или англійское правительство, такъ какъ они чрезъ своихъ агентовъ имѣютъ всегда возможность удостовѣриться въ истинѣ. Онъ разчитанъ, безъ сомнѣнія, на французскую публику, которую и теперь еще легко можно встревожить призракомъ Священнаго Союза и въ которой этимъ путемъ можно возбудить воинственный пылъ, значительно остывшій; онъ разчитанъ также, вѣроятно, на либеральныя партіи въ самой Германіи и въ другихъ странахъ Европы, такъ какъ Священный Союзъ, нѣкогда сковывалъ свободное развитіе внутренней жизни этихъ странъ.

Впредь до полученія болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній по этому предмету, мы должны полагать, что распространіе слуховъ о предстоящемъ союзѣ между Россіей, Австріей и Пруссіей разчитано на возбужденіе воинственнаго пыла во Франціи и разъединенія въ Германіи, и что оно есть дѣло всесвѣтныхъ революціонеровъ, польскихъ, венгерскихъ, италіянскихъ и другихъ собравшихся въ Лондонѣ и дѣйствующихъ или отъ самихъ себя, или по внушеніямъ изъ Парижа.

№ 142.

Москва, 26-го іюня.

Вчера мы говорили о томъ, что въ интересѣ русскаго производства, и въ особенности русскаго сельскаго хозяйства, а также въ общемъ интересѣ справедливости, нельзя желать чтобы правительство поддерживало вексельный курсъ искусственными мѣрами. Просимъ читателей не выводить изъ этого, чтобы по нашему мнѣнію слѣдовало смотрѣть равнодушно на паденіе вексельнаго курса. Въ продолженіе цѣлаго ряда лѣтъ (не менѣе шести лѣтъ) вексельный курсъ постоянно держался около 10 процентовъ ниже нарицательной цѣны кредитнаго рубля, и сообразно тому цѣнилась звонкая монета: полуимперіялъ, колеблясь въ цѣнѣ, держался по большей части около 5 р. 70 к., цѣлковый рубль около 1 р. 10 к. На основаніи этихъ цѣнъ устраивались всѣ сдѣлки при продажѣ цѣнностей, числящихся на деньги, и опредѣлялись нормы безчисленнаго множества платежей, съ которыми связаны громадные интересы. Стоитъ указать для примѣра на отношеніе между цѣнами фондовъ русскихъ внѣшнихъ займовъ (по которымъ кредиторъ имѣетъ право требовать уплатъ иностранною монетой) и русскихъ пятипроцентныхъ билетовъ, которыхъ количество доходитъ теперь до 300 милліоновъ, или на отношеніе между серіями и четырехпроцентными металлическими билетами государственнаго банка. Серіи имѣютъ нѣсколько преимуществъ передъ металлическими четырехпроцентными билетами и приносятъ дохода по 4 р. 32 к. въ годъ; четырехпроцентные, при десятикопѣечномъ лажѣ на звонкую монету, даютъ дохода 4 р. 40 к. кредитными билетами, то-есть немного болѣе чѣмъ серіи, что совершенно справедливо и основательно, такъ какъ серіи снабжены нѣкоторыми другими цѣнными преимуществами. Но если бы вексельный курсъ понизился на 20 проц., и цѣлковый рубль соотвѣтственно тому стоилъ 1 р. 25 к. кредитными деньгами, то четырехпроцентные металлическіе билеты приносили бы дохода на кредитные билеты уже не 4 р. 40 к., а 5 р., и слѣдовательно владѣльцы металлическихъ билетовъ получили бы незаслуженный ими и стало-быть несправедливый барышъ сравнительно съ владѣльцами серій. Кромѣ того, такой высокій процентъ по металлическимъ билетамъ далъ бы этимъ билетамъ предпочтеніе и передъ пятипроцентными государственными билетами, владѣльцы которыхъ, при десятипроцентномъ лажѣ, получаютъ процентовъ на звонкую монету 4 р. 54½ коп., а при 25-копѣечномъ лажѣ получали бы только 4 р. Эта потеря была бы тѣмъ чувствительнѣе, что по пятипроцентнымъ билетамъ уплата капитала при тиражѣ производится также кредитными билетами, а потому при десятикопѣечномъ лажѣ составляетъ на звонкую монету 90 р. 90 к., но при 25-копѣечномъ лажѣ

составила бы только 80 р. Слѣдовательно *владѣльцы пятипроцентныхъ билетовъ потеряли бы на ежегодныхъ процентахъ по* $54^1/_2$ коп., да на погашеніи по 10 р. 90 к. со ста рублей. Такая несправедливость относительно владѣльцевъ пятипроцентныхъ билетовъ не могла бы остаться безъ послѣдствій для внутренняго кредита и поставила бы правительство въ невозможность заключать столь выгодные для всякаго правительства внутренніе займы. Опасеніе за будущность пятипроцентныхъ билетовъ уже отзывается на ихъ цѣнѣ, которая начала понижаться, несмотря на то что, какъ всякому извѣстно, тиражъ не позволяетъ пятипроцентнымъ билетамъ падать въ цѣнѣ: кто рѣшится продать много ниже ста рублей бумагу, по которой черезъ нѣсколько мѣсяцевъ можетъ выйдти полный платежъ по нарицательной цѣнѣ? Поэтому, если пятипроцентные билеты даже немного падаютъ въ цѣнѣ, то это уже очень много значитъ. Что̀ же мы видимъ теперь? Всѣ фонды и почти всѣ акціи на петербургской биржѣ поднялись въ цѣнѣ, что̀ было слѣдствіемъ значительнаго прилива денежныхъ знаковъ къ Петербургу. Прошлымъ лѣтомъ петербургскій рынокъ и ближайшіе изъ примыкающихъ къ нему каналовъ денежнаго обращенія были опорожнены отъ кредитныхъ билетовъ, которые, какъ извѣстно, были снесены въ размѣнную кассу для обмѣна на золото, немедленно отправлявшееся за границу. Тогда почувствовалось безденежье, и начали падать въ цѣнѣ фонды и акціи. Мы говорили тогда, что ощущеніе безденежья должно быть временное, и что оно прекратится, какъ скоро распредѣленіе кредитныхъ билетовъ по имперіи придетъ въ прежнее равновѣсіе. Это предсказаніе вполнѣ оправдали послѣдствія; дѣйствительно, въ непродолжительномъ времени, денежные знаки опять прилили къ Петербургу, жалобы на безденежье прекратились, и цѣны фондовъ и акцій пошли въ гору. Вмѣстѣ съ тѣмъ поднялись и пятипроцентные билеты съ 95 на 97 и $97^1/_2$. Это общее движеніе биржи къ повышенію продолжается и теперь, въ чемъ читатели могутъ убѣдиться изъ сличенія помѣщенной нами вчера таблицы фондовъ и акцій съ таблицами помѣщенными въ №№ 99 и 100 нашей газеты. Такъ напримѣръ седьмой заемъ, стоившій въ январѣ 95, продавался въ маѣ по $97^1/_2$, а теперь сто̀итъ 99 рублей за 100. Но исключеніе и, почти единственное, составляютъ пятипроцентные билеты, которые понизились съ $97^1/_2$ до 96 р. за 100. Оно и понятно: платя 99 р. за седьмой заемъ, вы пріобрѣтаете право получать процентовъ 5 р. золотомъ, а платя 96 р. за пятипроцентный билетъ, вы пріобрѣтаете право получать процентовъ 5 р. кредитными билетами. Поэтому дальнѣйшее пониженіе курса должно повести къ дальнѣйшему ввозу къ намъ фондовъ седьмаго займа, а такъ какъ для ихъ покупки надобно переводить деньги за границу, переводъ же денегъ за границу долженъ еще болѣе усиливать пониженіе курса, то пониженіе курса будетъ такъ-сказать питать само себя, расширяя дѣйствіе своей собственной причины. Намъ кажется, что этимъ замѣшательствомъ, этимъ своего рода *circulus vitiosus*, только и можно объяснить теперешнее пониженіе вексельнаго курса, — пониженіе очевидно ненормальное. Существенныхъ поводовъ къ нему не видно. Торговый балансъ въ нашу пользу; число русскихъ путешественниковъ за границей скорѣе уменьшилось чѣмъ увеличилось; казенныхъ закупокъ предвидится меньше чѣмъ въ прошломъ году, а число капиталовъ, которые должны быть переведены изъ-за границы въ Россію, ожидается большее, и наконецъ мы еще продолжаемъ сами производить драгоцѣнные металлы въ значительномъ количествѣ. Все это говоритъ скорѣе въ пользу повышенія чѣмъ пониженія вексельнаго курса. Въ противоположномъ смыслѣ дѣйствуетъ, правда, выпускъ новыхъ серій и четырехпроцентныхъ металлическихъ билетовъ, но вопервыхъ эти цѣнности, хотя и замѣняютъ собой денежные знаки, однакоже не могутъ считаться равносильными имъ по обременительному дѣйствію на денежный рынокъ, и вовторыхъ чѣмъ больше приливъ денежныхъ знаковъ къ петербургскому рынку, тѣмъ болѣе должны скрываться въ тамошнемъ обращеніи какъ серіи, такъ и четырехпроцентные билеты, потому что всякій выдаетъ сперва безпроцентные денежные знаки, а процентные оставляетъ въ своей кассѣ, гдѣ они лежатъ безъ обращенія, точно также какъ лежатъ фонды и всякія другія цѣнности не имѣющія характера денегъ, который присвоенъ въ значительной степени серіямъ и металлическимъ билетамъ государственнаго банка. Выпускъ тридцати милліоновъ бумагъ этого рода

не можетъ значительно понизить вексельный курсъ. Если даже преувеличивать значеніе другихъ обстоятельствъ, вліяющихъ на пониженіе курса, какъ напримѣръ того обстоятельства, что государственный банкъ, держась учетнаго процента болѣе низкаго чѣмъ лондонскій и парижскій, а также принимая мѣры къ облегченію обращенія (въ видахъ противодѣйствія безденежью) нѣкоторымъ образомъ содѣйствовалъ пониженію курса, — если, говоримъ, даже преувеличивать силу разныхъ неблагопріятныхъ условій, отъ которыхъ можетъ зависѣть вексельный курсъ, все-таки невозможно думать, чтобы петербургская биржа была въ состояніи выдержать тотъ низкій курсъ, который былъ принятъ въ нынѣшній вторникъ подъ конецъ биржевыхъ часовъ, и нельзя не ожидать нѣкотораго повышенія въ ближайшемъ времени. Но мы уже сказали, что подобныя колебанія сами себя питаютъ, и очень можетъ быть, что движеніе къ пониженію будетъ имѣть еще достаточно силы для того чтобы вытѣснить изъ обращенія серебряную размѣнную монету 72 пробы, уже и теперь получившую небольшой лажъ. А исчезновеніе мелкой серебряной монеты произвело бы чрезвычайно вредное потрясеніе въ народномъ хозяйствѣ.

Но если дѣло до того и не дойдетъ, если вексельный курсъ, какъ мы полагаемъ, возвысится и остановится на 33 пенсахъ (на Лондонъ) и 345 сантимахъ (на Парижъ), то и въ этомъ случаѣ никакъ нельзя будетъ считать положеніе дѣла удовлетворительнымъ. Упомянутый нами курсъ еще такъ низокъ, что если онъ продержится долго, это не останется безъ весьма важныхъ и вредныхъ послѣдствій, которыя прежде всего отзовутся на государственныхъ финансахъ, увеличивъ дефицитъ въ государственномъ бюджетѣ. Государственная казна получаетъ свой доходъ кредитными билетами, и притомъ на половину въ опредѣленномъ размѣрѣ; чѣмъ ниже цѣнность кредитнаго рубля, тѣмъ меньше средствъ должно имѣть государство для покрытія своихъ расходовъ. Подряды и поставки будутъ обходиться дороже прежняго; расходы по государственному долгу значительно возрастутъ; жалованье надобно будетъ увеличивать, а между тѣмъ окладные сборы будутъ поступать въ прежнемъ количествѣ; что же касается до неокладныхъ сборовъ, то и они будутъ возрастать далеко не въ томъ размѣрѣ въ какомъ государственныя потребности. Итакъ придется увеличивать окладные сборы, — а кто не знаетъ какъ это трудно, въ особенности какъ трудно возвышать налоги разомъ? Въ видахъ предотвращенія этого, надобно желать, чтобы вексельный курсъ поднялся надъ указанною выше нормой и приблизился къ своей прежней средней величинѣ отъ 34 до 35 пенсовъ.

Но государство еще можетъ возвысить свои налоги, — а что̀ сказать о помѣщикахъ, которые, уступивъ крестьянамъ землю, получили право на оброки, опредѣленные въ кредитныхъ рубляхъ и не подлежащіе возвышенію въ продолженіе двадцати лѣтъ? Что̀ въ особенности сказать о тѣхъ помѣщикахъ, которые приступили къ выкупу и слѣдовательно безвозвратно промѣняли свою землю на извѣстное количество рентъ, опредѣленное въ кредитныхъ рубляхъ? Если лажъ, вмѣсто десятикопѣечнаго, дойдетъ до 25 копѣекъ на цѣлковый рубль, то это будетъ значить, что доходъ землевладѣльцевъ Имперіи съ предоставленныхъ крестьянамъ земель уменьшенъ приблизительно на одинъ рубль съ каждаго душеваго надѣла.

Когда наши ассигнаціи падали во время войнъ съ Наполеономъ I, то эти катастрофы не имѣли такого обширнаго дѣйствія, какое должна имѣть теперь депреціація кредитныхъ билетовъ. Тогда собственность состояла преимущественно въ недвижимостяхъ и товарахъ; теперешнихъ такъ-называемыхъ движимыхъ цѣнностей, фондовъ, разнаго рода билетовъ и облигацій тогда почти вовсе не было. Вкладчики ввѣрившіе свои деньги опекунскому совѣту потеряли отъ половины до трехъ четвертей своихъ капиталовъ, но вкладчиковъ было тогда мало, и потому случившееся съ ними бѣдствіе не измѣнило всего русскаго общественнаго строя. Но теперь дѣло другое. Теперь съ вопросомъ о цѣнности кредитнаго рубля связаны громадные интересы, имѣющіе право на защиту во всякомъ благоустроенномъ государствѣ.

Вотъ почему въ наше время нельзя безъ тревожнаго опасенія смотрѣть на пониженіе вексельнаго курса. Фискальный интересъ и интересъ народнаго хозяйства, долгъ справедливости, лежащій на всякомъ благоустроенномъ государствѣ, и требованія политическія, которыми ни одно государство не можетъ пренебрегать, все соеди-

няется, чтобы побудить къ усиліямъ, которыя остановили бы происходящее теперь паденіе курса. Но эти усилія должны быть направлены на самое дѣло, а не на его наружность; они должны имѣть въ виду преимущественно внутренній, а не внѣшній рынокъ; ихъ цѣлію должна быть не искусственная поддержка курса, а такое исправленіе нашей денежной системы, при которомъ вексельный курсъ не могъ бы подвергаться у насъ колебаніямъ, влекущимъ за собой измѣненіе въ цѣнѣ кредитныхъ билетовъ относительно звонкой монеты.

№ 143.

Москва, 27-го Іюня.

Толки о предстоящемъ будто бы союзѣ трехъ сѣверныхъ державъ вызвали со стороны газеты *La France* замѣтку, которая во многихъ отношеніяхъ заслуживаетъ вниманія. „Еслибы, говоритъ газета почтеннаго сенатора Франціи, г. де-Лагеронньера, еслибы между Россіей, Австріей и Пруссіей, дѣйствительно, состоялся союзъ, онъ не произвелъ бы никакой перемѣны въ политикѣ Франціи. Франціи нечего желать для самой себя, и сохраняя полное спокойствіе, которое свидѣтельствуетъ о ея силѣ, она вѣрнѣе всего удержитъ за собою однажды пріобрѣтенное ею вліяніе, котораго никто не состояніи отнять у нея.“ Этого спокойствія, этого довольства настоящими своими предѣлами и настоящимъ своимъ положеніемъ въ Европѣ, конечно, желаютъ Франціи, вмѣстѣ съ г. де-Лагеронньеромъ, всѣ друзья мира и всѣ европейскія державы; но, къ сожалѣнію, не трудно было бы доказать, что именно въ этомъ-то настроеніи духа нерѣдко и оказывается у нея недостатокъ.

Не трудно было бы также доказать, вопреки мнѣнію газеты *La France*, что начиная съ 24-го февраля 1848 года Франція, съ несомнѣнно-своекорыстными цѣлями, вновь развернула въ Европѣ знамя, вокругъ котораго старается собрать такъ-называемыя „угнетенныя народности“, и что изъ всѣхъ державъ она наиболѣе содѣйствовала возбужденію такъ-называемаго вопроса о національностяхъ. Она на каждомъ шагу готова эксплуатировать его въ свою пользу, подобно тому какъ нѣкогда она эксплуатировала и какъ теперь еще эксплуатируетъ въ свою пользу интересы католицизма, европейской цивилизаціи, и т. д.

Начало національности, какъ оно теперь постановлено революціонными партіями Европы, направлено противъ всего существующаго порядка вещей, сложившагося въ теченіе долгихъ вѣковъ исторіи: оно требуетъ, съ одной стороны, независимости и политическаго обособленія народностей и племенъ, которыхъ способность къ политическому существованію ничѣмъ не доказана, и съ другой, распаденія такихъ политическихъ тѣлъ, которыя сложились исторически, и которыхъ существованіемъ условливается миръ и слѣдовательно успѣхи человѣческаго общежитія и цивилизаціи въ обширныхъ странахъ. Мы не станемъ распространяться здѣсь, на сколько удобоисполнимы эти требованія, какъ безсмысленны они въ приложеніи ко всѣмъ странамъ съ смѣшаннымъ населеніемъ, какъ несогласны они съ интересами самихъ народовъ, которыхъ желаютъ разъединить, и съ интересами всего человѣчества, благо котораго заключается въ сближеніи и соединеніи людей, а не въ расторженіи тѣхъ соединеній, которыя были плодомъ многотрудныхъ историческихъ процессовъ. Принципъ національности получилъ извѣстную степень обаянія вслѣдствіе успѣха, съ которымъ онъ былъ приложенъ въ Италіи Но здѣсь этотъ принципъ велъ къ расширенію и распространенію существовавшихъ политическихъ соединеній, а не къ раздробленію ихъ. Приложеніе этого принципа въ Италіи было шагомъ впередъ, а не назадъ; оно водворяло успѣхъ, а не посягало на результаты труда исторіи. Но мы не станемъ распространяться объ этой высшей сторонѣ вопроса. Здѣсь мы имѣемъ въ виду только указать на поразительную непослѣдовательность, съ которою примѣняется принципъ національности тѣми самыми державами, которыя имъ пользуются какъ политическимъ орудіемъ. Эти державы, высказывающіяся за обособленіе и освобожденіе національностей въ интересѣ гуманности, равнодушно оставляютъ Болгаровъ, Сербовъ и другихъ христіанъ подъ страшнымъ гнетомъ турецкой магометанской имперіи, и сами еще заботятся объ увеличеніи этого гнета, какъ видно, между прочимъ, изъ недавно-обнародованнаго нами извѣстія о томъ, что Порта предприняла поселеніе Татаръ и Черкесовъ въ Болгаріи по совѣту и по внушеніямъ Англіи. Та же самая Франція, такъ

озабоченная искусственнымъ соединеніемъ Румыновъ и Скандинавовъ, которые по всему вѣроятію не способны ужиться вмѣстѣ, препятствуетъ упроченію политическаго единства италіянской народности, и безъ сомнѣнія, взялась бы за мечъ, еслибы какимъ-нибудь чудомъ готово было скрѣпиться политическое единство Германіи. Выставляемое Франціей начало національности служитъ ей лишь орудіемъ для порожденія замѣшательствъ и для достиженія, съ ихъ помощью, своекорыстныхъ политическихъ цѣлей, и интересы европейскаго мира, конечно, требуютъ энергическаго противодѣйствія интригамъ и проискамъ, повсюду сѣющимъ вражду между народами, соединенными въ нѣдрахъ разныхъ государствъ. Только въ смыслѣ этого охранительнаго противодѣйствія могла быть рѣчь о сближеніи сѣверныхъ державъ между собою.

Но *La France*, съ своей точки зрѣнія, представляетъ это дѣло въ иномъ свѣтѣ. По ея словамъ, дѣло шло какъ будто бы о союзѣ государей и правительствъ противъ подвластныхъ имъ народовъ. „Своею попыткой заключить между собою союзъ, говоритъ она, три державы обнаружили скорѣе свою недовѣрчивость чѣмъ осторожность. У нихъ нѣтъ другихъ противниковъ, кромѣ народовъ, національныя стремленія которыхъ старается подавить ихъ владычество. Истиннымъ ихъ призваніемъ было бы доставить удовлетвореніе этимъ стремленіямъ; если же онѣ соединяются между собою съ тѣмъ, чтобы лучше держать ихъ въ покорности, то онѣ могутъ вызвать противъ себя большія затрудненія, и желая показать свою силу, обнаруживаютъ только свое безсиліе".

Предполагая даже, что извѣстія о соглашеніи между тремя державами вѣрны, по крайней мѣрѣ, въ той части, которая относится до Поляковъ, было бы въ высшей степени несообразно предполагать, вмѣстѣ съ *La France*, что Россія, Австрія и Пруссія обязались помогать другъ другу управляться съ ихъ польскими подданными и общими силами подавлять возможныя съ ихъ стороны возстанія, въ какой бы изъ этихъ отдѣльныхъ странъ они ни случились. Единственное обязательство, которое они *могли* заключить между собою въ этомъ отношеніи, могло имѣть лишь международный характеръ, и заключается, собственно говоря, въ основныхъ началахъ международнаго права. Имѣя въ виду примѣры и случаи прошлаго года, они могли вновь обязаться между собою строго соблюдать правила добраго сосѣдства и не дозволять своимъ подданнымъ содѣйствовать мятежу въ дружественной сосѣдней странѣ. Если подобное обязательство и состоялось, что до сихъ поръ еще весьма сомнительно, то очевидно, что было бы крайне недобросовѣстно выдавать его за союзъ государей противъ собственныхъ подданныхъ. О такихъ нелѣпостяхъ въ наше время не должно бы быть и рѣчи.

Но нельзя не согласиться съ тѣмъ, что на подобныя обязательства, какъ бы ни были они чисты въ правственномъ отношеніи и какъ бы ни соотвѣтствовали они началамъ европейскаго международнаго и государственнаго права, никакъ нельзя полагаться, и современная намъ Россія, конечно, не въ нихъ должна искать себѣ опоры противъ замѣшательствъ, какими ознаменовались прошлый годъ и начало нынѣшняго. Съ другой стороны, она не можетъ вступить, въ отношеніи къ подвластнымъ ей народамъ чуждаго происхожденія, на тотъ путь, или лучше, она не можетъ продолжать идти тѣмъ путемъ, на который услужливо указываетъ ей г. де-Лагеронньеръ.

Прилагать принципъ національности тамъ, гдѣ онъ ведетъ къ разъединенію, было бы противно закону историческаго прогресса, но его должно прилагать вездѣ, гдѣ онъ можетъ скрѣплять политическое единство. Нація не все равно что племя и даже не все равно, что народъ. Нація есть понятіе политическое. Только исторія, только продолжительная политическая жизнь способна вырабатывать націи, и чѣмъ политическая жизнь богаче, тѣмъ крѣпче бываетъ національное единство. Но съ другой стороны никакой политическій успѣхъ невозможенъ, если внутренняя политика государства не имѣетъ національнаго характера. Космополитическихъ государствъ на свѣтѣ быть не можетъ. Они заключаютъ въ себѣ, какъ говорится въ логикѣ, *contradictionem in adjecto.* Скрѣпленіе государственнаго единства, соединеніе племенъ въ политическую націю, гордящуюся своими учрежденіями и ихъ національнымъ характеромъ, вотъ гдѣ настоящее мѣсто для благотворнаго приложенія принципа національности. Въ этой, принадлежащей ему политической сферѣ принципъ національности будетъ не разъединять людей, но

отчуждать ихъ другъ отъ друга, а сближать ихъ и связывать, превышая ихъ политическій духъ и политическое самосознаніе. Вотъ это примѣненіе, которое принципъ національности долженъ получить въ нашей политикѣ; а взгляды, восхваляемые г. де-Лагероньеромъ, могли бы повести русскую исторію только назадъ.

Нельзя сказать, чтобы до сихъ поръ Россію можно было упрекнуть въ излишествахъ національной политики. Въ завоеванныхъ странахъ не только оставлялись во всей ихъ силѣ прежніе законы, учрежденія, религія, языкъ, нравы и обычаи: но эти страны поставлялись даже въ привилегированное положеніе сравнительно съ русскимъ населеніемъ. Народъ, силами котораго раздвигалась государственная территорія, нисколько не возвышался въ своихъ правахъ; народы, вновь присоединенные, напротивъ, могли смотрѣть на него съ гордостью и съ пренебреженіемъ. Подобный порядокъ вещей былъ несомнѣнно одною изъ главнѣйшихъ причинъ того, что русская народность, собственно говоря, не только не дѣлала ни шага впередъ въ этихъ присоединенныхъ къ Россіи областяхъ, а скорѣе наоборотъ проживающему въ нихъ Русскому приходилось перерождаться, чтобы воспользоваться правами и положеніемъ, которыя были имъ предоставлены. Литва, Бѣлоруссія, юго-западная Украйна, подъ нашимъ владычествомъ, стали болѣе польскими областями, чѣмъ они были въ пору владычества польскаго, и еслибы прошлогодній мятежъ и угрозы западныхъ державъ не вывели насъ изъ нашей дремоты,—дай Богъ чтобы мы не впали въ нее снова!—они незамѣтно и сами собою совсѣмъ ушли бы изъ нашихъ рукъ.

Близорукіе петербургскіе умники усиливаются трунить надъ ними, говоря, что наши поиски за сепаратизмомъ доходятъ до смѣшнаго. Но намъ нечего предпринимать какіе бы то ни было поиски въ этомъ направленіи; сущность дѣла сама слишкомъ сильно заявляетъ себя, и мы только не закрываемъ глазъ предъ фактами, и не молчимъ, не потерявъ до сихъ поръ вѣры, что голосъ истины будетъ же когда-нибудь услышанъ. Политика національности, очевидно, начинаетъ грозить нашимъ западнымъ предѣламъ на всемъ ихъ протяженіи, и по несчастію застаетъ насъ почти врасплохъ. Русскій народъ обнаружилъ великую зиждительную силу, соединивъ эту громадную государственную территорію; но онъ не успѣлъ почти ничего сдѣлать, чтобы сплотить прочно всѣ части своего государственнаго организма, и крѣпость его можетъ легко вновь подвергнуться испытанію, въ родѣ прошлогодняго.

Средства къ отвращенію этой опасности, какъ бы отдаленна она ни была, должны быть приняты заблаговременно. Они должны имѣть не отрицательный, а положительный характеръ. Они должны быть направлены не на подавленіе связанныхъ съ нами племенъ чуждаго происхожденія, а на возвышеніе русской народности. Быть полноправнымъ членомъ русской семьи и жить подъ сѣнью общихъ для всей имперіи учрежденій, въ которыхъ сильно выражалось бы политическое единство русской земли, вотъ что должно стать многоцѣннымъ предметомъ желаній для всѣхъ русскихъ подданныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ общественныя и личныя силы русскаго народа должны получить просторъ на разнообразныхъ поприщахъ общественной жизни, и по всѣмъ предметамъ какъ общаго, такъ и частнаго интереса, безъ вредной конкурренціи со стороны государства, безъ не менѣе вредныхъ мѣръ поощренія и привилегій, которыя такъ часто нарушаютъ права наиболѣе способныхъ предпринимателей. Тогда создадутся сами собою крѣпкія матеріяльныя и нравственныя связи, которыя притянутъ самыя отдаленныя и неупроченныя владѣнія наши къ общему центру и устоятъ противъ всякихъ революціонныхъ происковъ, противъ всякой политической интриги и всякой политики національностей,—устоятъ безъ какого бы то ни было содѣйствія и помощи со стороны сосѣднихъ намъ государствъ.

№ 144.

Москва, 30-го іюня.

Офиціозныя французскія газеты, *Pays*, *Constitutionnel*, *France*, спѣшатъ въ одинъ голосъ эксплуатировать въ пользу французской политики призракъ Священнаго Союза, вызванный, какъ надобно думать, общими усиліями всесвѣтной революціи и той партіи во Франціи и въ Англіи, которая желала бы, во что бы то ни стало, возстановить сердечное согласіе между эти-

ми державами. Этимъ газетамъ нѣтъ дѣла до того, что всѣ документы, обнародованные въ *Morning Post*, положительно объявлены подложными, что извѣстія, содержащіяся въ нихъ, опровергнуты, что и безъ всякаго опроверженія нѣтъ ни малѣйшаго вѣроятія, чтобы, напримѣръ, Россія стала дѣйствовать совершенно заодно съ Австріей въ вопросахъ римскомъ и итальянскомъ, и съ Пруссіей—въ вопросѣ датско-германскомъ: эти газеты не удержимо стремятся къ двоякой цѣли. Съ одной стороны французскимъ газетамъ было бы желательно бросить тѣнь на правительства трехъ сѣверныхъ державъ въ глазахъ подвластныхъ имъ народовъ, и возбудить противъ нихъ возможно бо́льшую массу неудовольствія, а съ другой—притянуть Англію къ такому союзу съ Франціей, который позволилъ бы этой послѣдней достигнуть хоть какой-нибудь изъ своихъ завѣтныхъ цѣлей, для чего необходимо распространить замѣшательства на всю Европу.

Въ глазахъ этихъ газетъ, Россія, Австрія и Пруссія преимущественно олицетворяютъ собою въ Европѣ духъ стараго времени, стараго общества, стараго права и деспотизма; во Франціи, напротивъ, господствуетъ духъ прогресса, разумѣніе потребностей времени, стремленіе къ свободѣ, уваженіе къ законнымъ правамъ народовъ. Современной Франціи, говоритъ *Constitutionnel*, чуждъ духъ революціи и завоеваній; напротивъ, онъ присущъ тремъ сѣвернымъ державамъ; онъ находитъ себѣ пищу въ ихъ владѣніяхъ. Духъ завоеваній: его можно видѣть теперь же въ Шлезвигѣ и въ Ютландіи; духъ революціи: онъ проявился въ этихъ обширныхъ организаціяхъ, располагавшихъ и денежными и военными средствами въ Польшѣ, въ Галиціи, въ Познани. Такимъ образомъ, —намекаютъ французскія офиціозныя газеты,—если три державы сблизились между собою, то онѣ имѣютъ завоевательныя цѣли; но еще прежде того онѣ намѣрены вести ожесточенную борьбу съ желаніями своихъ народовъ, и союзъ ихъ, прежде чѣмъ вызоветъ войну европейскую, породитъ войны междуусобныя. Онѣ имѣютъ въ виду начать борьбу противъ всѣхъ современныхъ либеральныхъ идей и учрежденій, представительницами которыхъ въ Европѣ являются Англія и Франція, а потому послѣднія должны скрѣпить союзъ между собою, и тогда онѣ будутъ непреодолимы, а вмѣстѣ съ тѣмъ упрочатъ миръ и свободу человѣчества.

Вотъ что̀ говорятъ французскіе офиціозные органы. Они забываютъ, что современная Франція менѣе всего можетъ служить образцомъ политической свободы и уваженія къ законнымъ правамъ народовъ. Эту свободу и эти права она попрала и попираетъ и у себя дома, и за собственными предѣлами, напримѣръ въ Римѣ, гдѣ ея солдаты до сихъ поръ поддерживаютъ самый чудовищный порядокъ вещей, какой только можно себѣ представить. Еслибы въ настоящее время возможна была такая нелѣпость, какъ союзъ государей противъ ихъ подданныхъ, то въ этомъ союзѣ самое почетное мѣсто, по праву, могло бы принадлежать не Россіи и даже не Австріи, а всего скорѣе Франціи. Если съ чьей-либо стороны грозитъ опасность свободѣ народовъ и основамъ европейской цивилизаціи, то именно со стороны Франціи. Ея политика интригъ и происковъ, внося раздоры и замѣшательства, замедляетъ мирное и спокойное совершеніе реформъ, имѣющихъ цѣлью водвореніе и расширеніе свободы и правъ народныхъ; ея властолюбивые замыслы подвергаютъ спокойствіе Европы безпрестанной опасности. Вмѣсто того чтобы считать Францію за образецъ свободы, мы ничего не желаемъ такъ усердно, какъ того, чтобы наше правительство въ задуманныхъ имъ реформахъ по дѣламъ печати, по дѣламъ судебнымъ и административнымъ, какъ можно менѣе соображалось съ французскими такъ-называемыми либеральными учрежденіями. Офиціозныя газеты могутъ кричать изо всей мочи, что дѣло современной Франціи и дѣло свободы и европейской цивилизаціи одно и то же; но онѣ не успѣютъ убѣдить въ этомъ рѣшительно никого за предѣлами самой Франціи, и если между Россіей, Австріей и Пруссіей произошло дѣйствительное сближеніе, чему мы не вѣримъ и чего отнюдь не желаемъ, то едва ли Англія усмотритъ въ этомъ сближеніи какую-нибудь опасность...

Полное согласіе въ этомъ случаѣ между тремя офиціозными органами служитъ какъ бы указаніемъ, что они говорятъ по внушенію свыше, и что Франція, наскучивъ своимъ одиночествомъ, послѣ дипломатическаго похода за Польшу, ищетъ союза съ Англіей. Опираясь на подложные до-

кументы, французскія газеты стараются убѣдить Англію въ необходимости союза ея съ Франціей и въ необходимости взаимныхъ для этого уступокъ. *La France* прямо указываетъ на примѣръ трехъ сѣверныхъ державъ. Вооружившись фальшивыми документами, фабрикаціи какихъ-нибудь польскихъ бѣглецовъ въ Парижѣ, *la France* прямо провозглашаетъ, что „сближеніе, Россіи, Австріи и Пруссіи представляетъ собою соглашеніе по всѣмъ вопросамъ, послѣдовавшее по поводу какого-либо одного; это — взаимная уступка на частныхъ интересахъ въ пользу общаго имъ всѣмъ. Россія пожертвовала Даніей, чтобъ упрочить безусловное свое владычество надъ Польшей. Австрія пожертвовала Пруссіи своимъ вліяніемъ въ Германіи, чтобы спасти себѣ Венецію и Венгрію. Пруссія подвергаетъ себя возможности возстаніи въ Познани, обязанности дѣйствовать за одно съ Россіей и Австріей на Востокѣ, въ Польшѣ и въ Италіи, но съ тѣмъ чтобъ упрочить свое владычество надъ Герцогствами и создать себѣ флотъ. Вотъ чего, заключаетъ *la France*, Англія, повидимому, не хочетъ понять, хотя она болѣе Франціи заинтересована случайностями, могущими возникнуть вслѣдствіе сближенія трехъ сѣверныхъ державъ. И дѣйствительно, трудно понять, какимъ образомъ Австрія будетъ дѣйствовать заодно съ Россіей въ восточномъ вопросѣ, какимъ образомъ Россія будетъ помогать Пруссіи въ ея попыткахъ снарядить германскій флотъ, въ надеждѣ, что этотъ флотъ когда-нибудь поможетъ намъ, вѣроятно въ случаѣ морскаго нападенія на наши черноморскіе порты. Все это очень трудно понять, а еще труднѣе понять опасность возстанія въ Познани, которая будто бы можетъ грозить Пруссіи именно вслѣдствіе того, что польское дѣло потеряетъ всякіе виды на успѣхъ.

Гораздо доступнѣе пониманію и Англичанъ, и не-Англичанъ, какихъ уступокъ желала бы Франція. Франція, какъ насъ увѣряютъ, предвидѣла всѣ опасности, которыми можетъ угрожать мнимый союзъ трехъ державъ, и спрашивая, какъ далеко согласна Англія идти съ нею вмѣстѣ, она не отказывала ей въ своей помощи, а только обнаруживала свою политическую дальновидность и свой здравый смыслъ. *Pays* въ этомъ случаѣ еще откровеннѣе. „Въ продолженіе войны за Данію, говоритъ эта газета, побѣдоносной Франціи могли представиться многіе благопріятные случаи вознаградить себя за всѣ пожертвованія, которыхъ нельзя требовать отъ Франціи даромъ тамъ, гдѣ ни ея честь, ни ея интересы не замѣшаны. Допустила ли бы ихъ Англія безъ прекословія? Не устрашилась ли бы она въ критическую минуту?“ Вотъ къ какой дальновидной политикѣ, политикѣ взаимныхъ уступокъ, желали бы офиціозныя газеты французскія склонить Англію.

Въ Англіи, безспорно, есть партія въ пользу союза съ Франціей. Органомъ ея служитъ *Morning Post*, представителями въ самомъ кабинетѣ — лордъ Пальмерстонъ, а также лордъ Кларендонъ. На нихъ газета *Pays* и возлагала свои надежды, и когда еще неизвѣстенъ былъ исходъ парламентской борьбы, желала имъ торжества надъ торіями. Желаніе ея исполнилось отчасти. Въ палатѣ общинъ, послѣ четырехъ долгихъ засѣданій (4-го, 5-го, 7-го и 8-го іюля) въ продолженіе которыхъ оппозиція старалась низвергнуть нынѣшній кабинетъ по поводу политики его въ датско-германскомъ вопросѣ, лордъ Пальмерстонъ одержалъ верхъ, и въ пользу миролюбивой поправки г. Кинглека, одобренной министерствомъ, оказалось большинство 18 голосовъ; за то въ верхней палатѣ большинство 9 голосовъ осталось на сторонѣ оппозиціи. Судя по всѣмъ извѣстіямъ, министерство не подастъ въ отставку, и не распуститъ парламента: много, если оно въ угоду верхней палаты пожертвуетъ лордомъ Росселемъ, и замѣнитъ его лордомъ Кларендономъ. Если эта перемѣна состоится, возможность соглашенія съ Франціей станетъ болѣе вѣроятною, но трудно предположить, чтобы какое бы то ни было англійское министерство согласилось предать въ руки Франціи важнѣйшіе интересы Германіи и Европы, съ которыми совпадаютъ существенные интересы самой Англіи. Трудно предположить это, если только нѣмецкія державы не захотятъ чрезъ мѣру воспользоваться своимъ теперешнимъ безспорно выгоднымъ положеніемъ. Дѣло должно зайдти слишкомъ далеко, чтобы можно было думать о чемъ-либо подобномъ. Но если датско-германская распря будетъ все болѣе и болѣе разрастаться, и слѣдовательно нѣмецкія державы будутъ все болѣе и болѣе запутываться въ Наполеоновскихъ сѣтяхъ, то нѣкоторая уступка окажется необходимою,

и нѣмецкія державы будутъ, разумѣется, стараться сдѣлать ее на чужой счетъ. Очень можетъ-быть, что Нѣмцамъ тогда случится еще разъ удивить міръ своею неблагодарностью. За Савойю и Ниццу мы получили въ оплату польскій вопросъ. Нельзя поручиться, чтобы нѣчто подобное не было возможно и со стороны державъ, присоединяющихъ къ Германіи Шлезвигъ.

№ 145.

Москва, 1-го іюля.

Чего вы хотите? къ чему вы клоните? отъ чего вы отпугиваете? Въ одной изъ передовыхъ статей прошлой недѣли вы говорили: „Боже избави насъ отъ искусственной поддержки курса; пусть курсъ лучше падаетъ, чѣмъ поддерживается казенною трассировкой.“ Вы даже приводили доказательства того, что пониженіе курса будетъ выгодно для нашего отпуска. Но вслѣдъ за тѣмъ, въ ближайшемъ нумерѣ вашей газеты, появилась другая передовая статья, гдѣ самыми мрачными чертами изображаются бѣдствія, которыми угрожаетъ Россіи пониженіе курса. Это похоже на игру въ загадки. По вашему, поддерживать курсъ дурно: отъ этого страдаетъ производство. Но допустить упадокъ курса еще хуже: это значитъ произвольно и противозаконно уменьшить цѣну всѣхъ находящихся въ странѣ капиталовъ, считаемыхъ на деньги, и кромѣ того разстроить государственные финансы. Одно дурно, а другое еще хуже, и вы не желаете ни того ни другаго. Какъ же угодить вамъ?

Такіе вопросы, вѣроятно, задавалъ про себя не одинъ изъ нашихъ читателей, и мы даже получили одно письмо съ подобными вопросами. Спѣшимъ отвѣтить, что никакой загадки въ нашихъ словахъ не было, а тѣмъ менѣе было противорѣчія между нашими статьями. Да, говоримъ мы, крайне вредно допускать пониженіе цѣнности кредитнаго рубля; надобно всячески стараться, чтобы цѣнность кредитнаго рубля удерживалась приблизительно на томъ уровнѣ, на которомъ стояла она въ продолженіи большей части времени начиная съ 1857 года. Но искусственная поддержка вексельнаго курса есть самая дурная изъ мѣръ принимаемыхъ для достиженія этой цѣли,— самая дурная потому что она вовсе не ведетъ къ ея достиженію. Древнее сказаніе относило къ числу адскихъ наказаній обязанность Данаидъ лить воду въ бездонныя бочки: въ финансовомъ мірѣ искусственная поддержка курса посредствомъ казенной трассировки нисколько не лучше работы Данаидъ. Вы можете цѣлую вѣчность поддерживать такимъ образомъ курсъ, и у васъ впереди будетъ оставаться все та же самая работа. Вы нисколько не подвинитесь къ вашей цѣли, нисколько не облегчите для себя приближенія къ ней. Ваша работа будетъ еще хуже чѣмъ работа Данаидъ. Египетскія дѣвы наказывали сю только самихъ себя; онѣ не отнимали ни у кого той воды которую лили въ свои сосуды, а искусственная поддержка курса требуетъ большихъ издержекъ, которыя надобно брать изъ податей, и чѣмъ болѣе будетъ длиться ваша мучительная безплодная работа, тѣмъ изнурительнѣе будутъ дѣйствовать эти издержки на все государство. Представьте себѣ огородъ насаженный цѣнными растеніями и заглушенный сорною травой. Какой былъ бы огромный трудъ, еслибы вмѣсто того чтобъ ее выполоть, вы поставили себѣ за правило каждый день вечеромъ бережно срѣзывать ея верхушки. Этихъ верхушекъ не было бы видно, но тѣмъ гуще росла бы сорная трава внизу, и тѣмъ болѣе страдали бы ваши цѣнныя растенія. Вамъ пришлось бы много трудиться, но вашему огороду было бы отъ того еще хуже. То же самое бываетъ со страной при искусственной поддержкѣ курса. Чѣмъ болѣе маскируется дѣйствительное положеніе вещей, тѣмъ опаснѣе оно становится. Болѣзнь нельзя вылѣчить вгоняя ее внутрь.

Вексельный курсъ падаетъ; вы выдаете векселя по болѣе выгодному курсу и тѣмъ поддерживаете его. Но если вы прекратите эту операцію, тотчасъ же дѣйствительность обнаружится въ своемъ настоящемъ видѣ. Чтобы скрыть ее, вы должны продолжать свою операцію безъ устали. Вы будете платить постоянную дань безъ малѣйшей надежды когда-нибудь отъ нея освободиться. Сколько бы десятковъ, сотенъ, тысячъ милліоновъ вы ни потратили на это дѣло, вы не поправите курса и не дождетесь той минуты, когда онъ будетъ въ состояніи держаться безъ вашей помощи. Чтобы ваша работа вела не къ одному изнуренію, чтобы она могла когда-нибудь окончиться, вы должны ясно сознать, что без-

донную бочку нельзя наполнить водой, сколько бы ни ломать голову надъ этою задачей. Когда вы сознаете это, вы приметесь за починку дна бочки и тотчасъ же увидите, что начинаете трудиться не безплодно. Ваша работа можетъ идти медленно, можетъ плохо спориться въ вашихъ рукахъ, но вы будете чувствовать, что она все-таки подвигается впередъ, и что течь уменьшается по мѣрѣ успѣховъ вашей работы.

Гдѣ же *дно бочки* въ вопросѣ насъ занимающемъ? Гдѣ причина паденія курса, гдѣ та причина, надъ устраненіемъ которой можно трудиться съ увѣренностію, что не работаемъ безплатно? Вотъ въ чемъ заключается весь вопросъ. Мы позволимъ себѣ однакожь еще и сегодня не отвѣчать на этотъ вопросъ, а поговоримъ о тѣхъ условіяхъ, отъ которыхъ зависитъ правильный отвѣтъ на него.

Мы Русскіе очень справедливо укоряемъ себя въ недостаткѣ самостоятельнаго сужденія. Мы до того чувствуемъ свою умственную слабость,—это совершенно естественное слѣдствіе нашего жалкаго воспитанія,—что расположены безсознательно подражать всему иностранному и повторять буквально иностранныя мысли. Не будь этого несчастнаго расположенія, мы конечно были бы давно въ состояніи открыть и обсудить причины колебанія нашего курса. Но намъ нужно найдти ихъ въ иностранныхъ книжкахъ, и вотъ мы начинаемъ безъ толку копаться въ политическихъ экономіяхъ и переводить трактаты о вексельномъ курсѣ. Все это очень хорошо, но въ данномъ случаѣ это очень мало ведетъ къ цѣли, потому что иностранные трактаты написаны вовсе не для разъясненія того, что требуетъ разъясненія въ данномъ случаѣ. Наше положеніе совершенно особенное, и ключа къ его пониманію мы не найдемъ въ иностранныхъ книжкахъ, по крайней мѣрѣ не найдемъ такого ключа, который избавилъ бы насъ отъ необходимости самостоятельно подумать о нашемъ положеніи.

Вексельный курсъ зависитъ отъ чрезвычайно многихъ причинъ. Онъ безпрестанно колеблется между Лондономъ и Парижемъ, Амстердамомъ и Гамбургомъ. Экономисты наблюдаютъ эти колебанія, подводятъ ихъ подъ общія категоріи, выводятъ для нихъ законы,—умственный трудъ очень интересный и заслуживающій вниманія любознательныхъ людей. Но этотъ трудъ имѣетъ своимъ предметомъ вексельный курсъ при нормальномъ положеніи денежнаго обращенія, то-есть при такомъ положеніи денежной системы, когда звонкая монета не имѣетъ лажа сравнительно съ ходячими въ странѣ бумажными денежными знаками. Только при отсутствіи у насъ этого послѣдняго условія можно было бы примѣнять къ намъ то что̀ говорится иностранными экономистами о вексельномъ курсѣ. Но въ соединеніи съ этимъ условіемъ природа вексельнаго курса далеко не изучена еще съ должною тщательностію. Поводъ къ такому изученію былъ только въ Австріи, гдѣ взглядъ на дѣло былъ избранъ правильный, но гдѣ практическая сторона его была парализована политическими обстоятельствами, вслѣдствіе чего былъ невозможенъ анализъ, обнимающій всѣ подробности дѣла. Нѣтъ сомнѣнія, что теперешнее состояніе денежнаго обращенія въ Соединенныхъ Штатахъ вызоветъ болѣе обширные и замѣчательные труды по этому предмету. Еслибы наше денежное замѣшательство произошло нѣсколько позже американскаго, то мы могли бы гораздо больше узнать изъ иностранныхъ книгъ относительно того, что̀ у насъ теперь передъ глазами. Но къ сожалѣнію, даже и американскія обстоятельства не совсѣмъ подходятъ къ нашимъ. Ни въ Австріи, ни въ Соединенныхъ Штатахъ вопросъ о денежномъ обращеніи не былъ осложненъ и запутанъ послѣдствіями искусственной поддержки вексельнаго курса. Эти послѣдствія оказываютъ у насъ очень большую силу, потому что поддержка вексельнаго курса дѣйствовала очень долго. У насъ отпускъ долженъ былъ болѣе страдать чѣмъ онъ могъ страдать въ Австріи и можетъ страдать въ Америкѣ. Съ другой стороны, избытокъ денежныхъ знаковъ не могъ быть такъ очевиденъ у насъ, какъ онъ очевиденъ въ Австріи и Соединенныхъ Штатахъ. Нѣкоторыя изъ экономическихъ явленій были общія у насъ съ двумя этими странами, но во многихъ другихъ было существенное различіе. Далѣе, что касается до правительственныхъ мѣръ, которыя слѣдуетъ принять дабы излѣчить болѣзнь, мы находимся въ положеніи совершенно особенномъ сравнительно съ этими двумя странами. У насъ бумажные знаки были выпущены правительствомъ, между тѣмъ какъ въ Австріи от-

части, а въ Соединенныхъ Штатахъ еще болѣе, бумажное денежное обращеніи находится на отвѣтственности банковъ, устроенныхъ на акціонерномъ основаніи, и составляетъ ихъ долгъ. Поэтому, какъ въ Австріи, такъ и въ Соединенныхъ Штатахъ, исправленіе денежной системы должно состоять въ возстановленіи полной цѣнности бумажныхъ денежныхъ знаковъ, а у насъ, напротивъ, нѣтъ никакой надобности, даже была бы большая опасность въ размѣнѣ кредитныхъ билетовъ рубль за рубль на звонкую монету. У насъ нужно не возстановленіе денежной единицы, а ея упроченіе, тогда какъ именно объ упроченіи денежной единицы ни въ Австріи ни Соединенныхъ Штатахъ не можетъ быть рѣчи.

Словомъ, Россія не можетъ сдѣлать ни одного вѣрнаго шага въ этомъ дѣлѣ, если будетъ дѣйствовать на основаніи теорій и правилъ, выработанныхъ въ другихъ странахъ подъ вліяніемъ тамошнихъ обстоятельствъ. Къ Россіи приложимы только общіе законы политической экономіи, но приложеніе ихъ должно быть сдѣлано нами самостоятельно. Вотъ неизбѣжное условіе, отъ котораго зависитъ разрѣшеніе вопроса, чрезмѣрно запутаннаго машинальнымъ повтореніемъ выводовъ экономической науки, относящихся къ иному положенію дѣлъ.

№ 146.

Москва, 2-го іюля.

Въ *Русскомъ Инвалидѣ* положительно опровергаютъ извѣстіе, будто бы Россія намѣревалась заключить особый трактатъ съ Австріей и съ Пуссіей на счетъ польскихъ ихъ владѣній. „Всѣ три державы, сказано въ этой газетѣ, не могутъ избрать лучшаго образа дѣйствій, какъ управляя принадлежащими имъ владѣніями сообразно собственнымъ видамъ, намѣреніямъ и цѣлямъ. Всякія взаимныя между ними обязательства, вмѣсто пользы, принесли бы каждой изъ нихъ только вредъ. Политика Россіи, по крайней мѣрѣ, не замедлила бы получить отъ подобныхъ обязательствъ направленіе, совершенно противное ея интересамъ. Русское правительство и русское общество проникнуты одинаковымъ убѣжденіемъ на этотъ счетъ."

Предполагая, что это заявленіе на счетъ трактата о польскихъ владѣніяхъ сдѣлано на основаніи вѣрныхъ свѣдѣній, мы можемъ только порадоваться его положительности, которая разсѣетъ много напрасныхъ опасеній. Свобода дѣйствій гораздо нужнѣе Россіи, чѣмъ какая бы то ни была поддержка по такому незначительному въ европейскомъ смыслѣ дѣлу, какъ польскій вопросъ. Мы должны идти въ этомъ дѣлѣ своимъ путемъ. Такъ, напримѣръ, по вопросу о положеніи римско-католическаго духовенства, какъ въ Царствѣ Польскомъ, такъ и въ прочихъ нашихъ владѣніяхъ, Австрія никакъ не можетъ поддерживать насъ на томъ пути, который для насъ былъ бы путемъ самымъ вѣрнымъ. У насъ реформа, сюда относящаяся, какъ пишутъ въ иностранныхъ газетахъ, будетъ направлена къ тому, чтобы поставить римско-католическое духовенство въ возможно-бо́льшую независимость отъ Рима и не оставить за нимъ ни малѣйшихъ преимуществъ, ни въ матеріяльномъ, ни въ нравственномъ отношеніи, предъ духовенствомъ православнымъ. Одна изъ берлинскихъ газетъ, именно *Volks-Zeitung*, заходитъ въ этомъ отношеніи такъ далеко, что желаетъ, чтобы Россія вовсе порвала всякія связи между своимъ римско-католическимъ духовенствомъ и римскою куріей, и основала свою независимую католическую церковь. „Подобное событіе, говоритъ *Volks-Zeitung*, имѣло бы всемірно-историческое значеніе: примѣръ Россіи могъ бы найдти подражателей, и внѣшнему, политическому единству римско-католической церкви былъ бы нанесенъ смертельный ударъ." Подобное разрѣшеніе вопроса о римско-католической церкви въ Россіи и въ Польшѣ, безъ сомнѣнія, было бы всего для насъ желательнѣе, и существованіе конкордата 1847 года не могло бы быть въ этомъ отношеніи препятствіемъ, такъ какъ вліяніе, предоставленное имъ папѣ, послужило не въ пользу, а во вредъ римско-католической у насъ церкви, и употреблялось въ видахъ не успокоенія, а раздраженія и возмущенія въ ней умовъ. Въ этомъ смыслѣ конкордатъ 1847 года нарушенъ самимъ папой; онъ дѣйствовалъ вопреки его духу и буквѣ. Конкордаты, заключенные другими державами съ римскимъ дворомъ, точно также не могутъ служить для насъ образцомъ: въ нихъ римскій дворъ болѣе или менѣе умѣлъ выговорить себѣ различныя права,

которыя не могутъ быть за нимъ признаны, послѣ того какъ онъ не только попустилъ, но и поощрялъ ксендзовъ дѣйствовать заодно съ мятежниками. Во всякомъ случаѣ, нельзя не порадоваться, что никакой конвенціи у насъ не будетъ ни съ Пруссіей, ни особенно съ Австріей, и что Россія съ полною свободой можетъ приступить къ рѣшенію какъ этого, такъ и всѣхъ другихъ вопросовъ, вызванныхъ польскимъ мятежомъ.

Что касается до другихъ вопросовъ, по которымъ, на основаніи извѣстныхъ депешъ въ *Morning-Post*, будто бы послѣдовало соглашеніе между тремя державами, то въ *Русскомъ Инвалидѣ* сказано только, что „со стороны Россіи не дѣлаемо было вовсе предположеній въ *томъ смыслѣ*, въ какомъ они выставлены въ этихъ фантастическихъ документахъ“, и затѣмъ обстоятельно объяснены только причины, побудившія Россію къ уступкѣ принадлежащихъ ей правъ на Гольштейнъ. На эту уступку многія газеты тоже смотрѣли какъ на первый шагъ Россіи къ возобновленію такъ-называемаго Священнаго Союза. *Русскій Инвалидъ* говоритъ, что Россія, считавшая неумѣстнымъ воспользоваться принадлежащими ей правами, не могла поступить иначе какъ передать ихъ лицу, обладающему вполнѣ ея довѣріемъ, состоящему въ родствѣ съ Россійскимъ царствующимъ домомъ, имѣющему съ своей стороны права на Гольштейнъ въ качествѣ главы младшей линіи Готторпскаго рода, и представляющему надежныя гарантіи и Германіи, и Европѣ, какъ государь, либерально и разумно управлявшій своимъ теперешнимъ герцогствомъ и не вступавшій ни въ какія сношенія съ революціонными партіями. Впрочемъ, какъ видно изъ помѣщенной ниже (подъ рубрикой „Австрія“) замѣтки, заимствованной нами изъ *Allgemeine Zeitung*, Россія нисколько не намѣревается поддерживать права великаго герцога Ольденбургскаго и предоставляетъ ему самому отстаивать ихъ такъ, какъ онъ пожелаетъ.

Но если призракъ Священнаго Союза, вызванный въ Лондонѣ и взлелѣянный во Франціи, готовъ, повидимому, совсѣмъ исчезнуть, то это не мѣшаетъ французскимъ газетамъ еще больше чѣмъ прежде пугать имъ свою публику.

Если аргументы этихъ газетъ съ каждымъ днемъ все слабѣютъ (чужія мысли, продиктованныя, или, какъ выражаются въ Парижѣ, внушенныя свыше, трудно обставить вполнѣ убѣдительною аргументаціей), то самый тонъ ихъ разглагольствій становится, напротивъ того, все выше и выше: ясное указаніе, что во всѣхъ нынѣшнихъ статьяхъ этихъ газетъ высказывается мысль правительства. Парижскій корреспондентъ *Morning Herald* прямо утверждаетъ, что официозные органы парижской печати получили изъ министерства инструкцію придавать какъ можно больше значенія дипломатическому подлогу *Morning Post* и измѣнить свой тонъ въ отношеніи къ Германіи. *La France*, газета хотя и не официозная, по опредѣленію г-на Руэ, а только преданная, не хочетъ, однако, отстать въ этомъ отношеніи отъ своихъ старшихъ собратій, *Pays* и *Constitutionnel*. По мнѣнію этой *преданной* газеты, текстъ депешъ, обнародованныхъ въ *Morning Post*, можетъ быть и вымышленнымъ, но сущность дѣла отъ того будто бы нисколько не измѣнится. „Вотъ уже болѣе двухъ мѣсяцевъ, говоритъ *la France*, какъ разныя комбинаціи, вырабатываемыя сообща дворами Вѣнскимъ, Берлинскимъ и С.-Петербургскимъ, не составляютъ тайны ни для одного изъ остальныхъ дворовъ. Вездѣ извѣстно, что эти три державы, заглушивъ въ себѣ прежнія разногласія, — болѣе, притомъ, кажущіяся, нежели дѣйствительныя, — сблизились во имя общихъ своихъ интересовъ.“ Любопытнѣе всего въ этой статьѣ тѣ причины, которыми *la France* объясняетъ сближеніе между сѣверными державами. „Напрасно, восклицаетъ эта газета, напрасно проникли къ нимъ, хотя и противъ ихъ воли, идеи современнаго общества: онѣ скрѣпя сердце покорились нѣкоторымъ изъ этихъ идей, но не приняли ни одной изъ нихъ добровольно; онѣ продолжаютъ неутомимо бороться у себя противъ либеральнаго движенія и противъ національныхъ стремленій, которыя такъ могущественно влекутъ Европу къ новымъ судьбамъ ея.“ Одинаковость выдерживаемой ими борьбы, какъ внутри, такъ и извнѣ, противъ національныхъ и либеральныхъ принциповъ, составляющихъ основу правительствъ и учрежденій нашего времени, общность положеній, интересовъ, притязаній, вотъ что́, по словамъ упомянутой газеты, роковымъ образомъ налагаетъ на политику трехъ сѣверныхъ дворовъ однообразный характеръ. Это однообразіе есть реакція! восклицаетъ па-

рижская газета тономъ совершенно утвердительнымъ, достойнымъ болѣе здравомысленнаго показанія. Что̀ отвѣчать на это?

№ 147.

Москва, 3-го Іюля.

Продолжаемъ нашу рѣчь о денежной системѣ *).

Вексельный курсъ зависитъ отъ многихъ причинъ, но если вмѣстѣ съ пониженіемъ вексельнаго курса появляется лажъ на звонкую монету, то пониженіе вексельнаго курса указываетъ преимущественно на избытокъ въ бумажныхъ денежныхъ знакахъ. Таково именно положеніе дѣлъ у насъ: главная причина упадка вексельнаго курса есть избытокъ бумажныхъ денегъ. Но столь общій отвѣтъ еще не достаточенъ. Могутъ быть два вида этого избытка. Бумажныхъ знаковъ можетъ быть слишкомъ много сравнительно съ потребностью въ нихъ публики; это можетъ случиться въ странѣ, которая почему бы то ни было не любитъ бумажныхъ знаковъ и предпочитаетъ употреблять въ обращеніи звонкую монету; въ такой странѣ звонкая монета можетъ получить лажъ, когда количество неразмѣнныхъ бумажныхъ знаковъ превзойдетъ ограниченный спросъ на нихъ, но въ то же время рядомъ съ бумажными знаками можетъ еще оставаться въ обращеніи значительное количество звонкой монеты. Будетъ избытокъ именно только въ бумажныхъ денежныхъ знакахъ, а не вообще въ денежныхъ знакахъ, и лажъ будетъ служить къ тому, чтобы давать премію за ввозъ звонкой монеты изъ-за границы (или, если звонкая монета производится изъ домашняго металла, то премію за то чтобы звонкой монеты не вывозили за границу). Ни внутренней дороговизны, ни вывоза звонкой монеты за границу при этомъ положеніи дѣлъ быть не можетъ. Таковъ одинъ изъ возможныхъ видовъ избытка бумажныхъ денежныхъ знаковъ, очевидно не подходящій къ нашему положенію дѣлъ. Но можетъ быть другой видъ. Бумажныхъ денежныхъ знаковъ можетъ быть выпущено такъ много, что они совершенно займутъ мѣсто звонкой монеты, а ее совершенно вытѣснятъ, и, несмотря на то, все еще окажется избытокъ въ нихъ. Въ этомъ случаѣ количество бумажныхъ денежныхъ знаковъ будетъ выше не только потребности въ этого рода денежныхъ знакахъ, но и потребности вообще въ денежныхъ знакахъ. Тогда послѣдуетъ вотъ что: такъ какъ денежный рынокъ совершенно насыщенъ бумажными знаками, то звонкая монета не будетъ въ состояніи держаться наряду съ ними, и будетъ уходить за границу, несмотря на то что будетъ внутри государства пользоваться лажемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ предметы купли и продажи будутъ дорожать, и промышленностью овладѣетъ лихорадочное волненіе. Увеличивающаяся дешевизна денегъ облегчитъ кредитъ и будетъ побуждать къ предпріимчивости. Возникнетъ множество новыхъ предпріятій, возрастетъ потребленіе, разовьется роскошь. Но всѣ эти обманчивые признаки благосостоянія будутъ существовать только до тѣхъ поръ, пока будутъ продолжаться выпуски бумажныхъ денежныхъ знаковъ, а какъ только выпуски прекратятся, тотчасъ же почувствуется призрачность всѣхъ этихъ лихорадочныхъ начинаній; новыя предпріятія почнутъ лопаться; явится ощущеніе безденежья, и кредитъ будетъ затрудненъ до крайности. Послѣдуетъ кризисъ, сопровождаемый острымъ страданіемъ; если онъ будетъ предоставленъ своему собственному теченію, и если обстоятельства не попрепятствуютъ его скоротечности, то онъ приведетъ къ сокращенію потребленія, изгонитъ роскошь, принудитъ къ бережливости и возстановитъ наконецъ естественное теченіе дѣлъ, причинивъ однакоже крайне несправедливое перемѣщеніе собственности. Явится новая денежная единица, много меньшая прежней, и только сдѣлки заключенныя послѣ этого событія будутъ имѣть прочное основаніе. Если же среди подобнаго положенія дѣлъ будутъ приняты искусственныя мѣры для поддержки вексельнаго курса, то кризисъ затянется, и вмѣсто остраго характера получитъ характеръ хронически-изнурительный. Тогда пострадаютъ не только предпріятія вызванныя лихорадочнымъ движеніемъ, послѣдовавшимъ за выпусками денежныхъ знаковъ, но и все производство страны. Роскошь останется въ прежней силѣ; потребленіе сократится менѣе чѣмъ слѣдовало бы, но взамѣнъ сокращенія потребленія сократится внутреннее производство; въ то же время привозъ предметовъ

*) См. передовыя статьи №№ 141, 142 и 145.

иностраннаго производства расширится соразмѣрно усиліямъ положеннымъ на искусственную поддержку курса. Прочной денежной единицы вовсе не будетъ, и всѣ сдѣлки будутъ подлежать риску. Общество будетъ лишено возможности пользоваться великимъ изобрѣтеніемъ денежныхъ знаковъ, а между тѣмъ будетъ принуждено держаться колеблющейся денежной единицы. Положеніе дѣлъ будетъ гораздо хуже прежняго, но оно будетъ замаскировано, что въ свою очередь еще болѣе затруднитъ врачеваніе. Опасность будетъ укрываться отъ общаго вниманія. Общая человѣческая наклонность къ безпечности и оптимизму породитъ надежду, что дѣло какъ-нибудь обойдется само собой, а эта надежда будетъ питать неисполнимые планы, которые будутъ разрушаться точно также какъ разрушались за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ скороспѣлыя предпріятія, вызванныя промышленною лихорадкой. Между тѣмъ время будетъ течь и течь; народный капиталъ будетъ уменьшаться; сокращеніе производства уменьшитъ народную дѣятельность; уныніе и лѣнь начнутъ оказывать свое пагубное дѣйствіе въ народной жизни. Исторія представляетъ колоссальный примѣръ бѣдственныхъ послѣдствій возникающихъ изъ колебанія и постепеннаго медленнаго пониженія денежной единицы. Римская имперія не столько пострадала отъ набѣговъ варваровъ, сколько отъ изнурительнаго дѣйствія финансовой неурядицы. Постоянное пониженіе монетной единицы, вслѣдствіе того что съ каждымъ годомъ чеканилась монета все худшаго и худшаго достоинства, убило сначала народный капиталъ, а потомъ и народный трудъ, между тѣмъ какъ возраставшіе налоги до крайности уменьшили доходъ съ недвижимой собственности и заставляли собственниковъ отказываться отъ своихъ имуществъ. Знатные декуріоны бросали свои помѣстья и спасались бѣгствомъ отъ фискальныхъ преслѣдованій за недоимки: поразительный примѣръ того, какъ щедро облагодѣтельствованныя природой и высоко-цивилизованныя страны могутъ запустѣть подъ вліяніемъ ошибочной финансовой политики.

Что же хуже, острый ли кризисъ или медленное изнуреніе? Намъ кажется, что тутъ не можетъ быть и вопроса. Острый кризисъ потрясаетъ организмъ, но не лишаетъ его возможности оправиться послѣ потрясенія и потому въ тысячу разъ лучше чѣмъ безъ конца длящаяся изнурительная болѣзнь. Еслибы предстоялъ выборъ одного изъ двухъ, возможно ли было бы колебаться? Въ тысячу разъ лучше предоставить организмъ самому себѣ, нежели поддерживать въ немъ болѣзнь лѣченіемъ.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній о второмъ видѣ избытка денежныхъ знаковъ, обратимся къ теперешнему положенію нашихъ дѣлъ. Во время Восточной войны и въ первые годы по ея окончаніи у насъ были произведены временные выпуски кредитныхъ билетовъ. Затѣмъ послѣдовало временное оживленіе предпріимчивости, усиленное потребленіе и усиленный ввозъ товаровъ, наконецъ звонкая монета исчезла изъ обращенія, вексельный курсъ началъ падать и получилъ лажъ, а акціи новоучрежденныхъ предпріятій потеряли половину своей цѣны. Всѣ стали жаловаться сперва на дороговизну, потомъ на упадокъ кредита, и, наконецъ, на безденежье. Одновременно съ этими явленіями принимались мѣры для искусственной поддержки курса, и вслѣдствіе того внутреннее производство предметовъ заграничнаго отпуска во многихъ мѣстахъ перестало окупаться. Вотъ наше теперешнее положеніе, и вотъ его главныя причины. Первая изъ нихъ—временные выпуски кредитныхъ билетовъ; вторая—искусственная поддержка вексельнаго курса. Вокругъ этихъ причинъ, какъ всегда бываетъ, дѣйствовали многія другія, но эти другія причины не могутъ быть признаны главными. Итакъ, въ приложеніи къ намъ, общій выводъ оказывается слѣдующій:

Хуже всего для насъ теперь искусственная поддержка вексельнаго курса. Пусть лучше избытокъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ выразится вполнѣ на лажѣ звонкой монеты и на соотвѣтствующемъ ему пониженіи вексельнаго курса. Пусть лучше произойдетъ острый кризисъ чѣмъ поддерживается и укореняется болѣзнь.

Таковъ былъ бы отвѣтъ, еслибы предстояло выбирать одно изъ двухъ, либо кризисъ либо искусственную поддержку.

Но вникнувъ въ положеніе нашихъ дѣлъ, легко замѣтить, что эта дилемма не вполнѣ къ намъ примѣнима.

Есть двѣ, сказали мы, главныя причины теперешняго замѣшательства въ нашей экономической жизни: временные выпуски кредитныхъ билетовъ и искусственная под-

держка вексельнаго курса. Вторую изъ этихъ причинъ мы можемъ считать устраненною: само финансовое вѣдомство высказалось осенью 1862 года противъ казенной трассировки, и если осенью 1863 года опять происходила казенная трассировка, то въ этомъ отступленіи надобно видѣть мѣру, составляющую исключеніе; какъ извѣстно, въ ноябрѣ 1863 года казенная трассировка прекращена. Итакъ, по устраненіи этой второй изъ главныхъ причинъ теперешняго замѣшательства, остается одна: временные выпуски или иначе избытокъ кредитныхъ билетовъ. Вотъ противъ чего должны быть направлены наши усилія. Теперь спрашивается, въ чемъ могутъ состоять они. Относительно избытка денежныхъ знаковъ можетъ быть избранъ троякій образъ дѣйствія:

а) Можно предоставить все дѣло собственному его ходу, и тогда по истеченіи извѣстнаго времени цѣна кредитныхъ билетовъ упадетъ на столько, что обнаружившееся вслѣдствіе того безденежье сократитъ потребленіе, уменьшитъ роскошь и либо привлечетъ звонкую монету изъ-за границы, либо заставитъ насъ накопить у себя достаточное количество звонкой монеты, изготовляемой изъ добываемаго у насъ серебра и золота. Но вслѣдствіе особенностей нашего положенія кризисъ не можетъ имѣть у насъ скоротечнаго характера. Нашъ курсъ не можетъ упасть разомъ, именно потому, что у насъ есть свои рудники и розсыпи; прибывающая изъ нихъ звонкая монета будетъ колебать цѣну бумажныхъ денегъ, которая должна будетъ падать въ продолженіи цѣлаго ряда лѣтъ, и въ результатѣ мы получимъ не острый, а изнурительный исходъ болѣзни, что отнюдь не желательно.

б) Можно возстановить первоначальное положеніе дѣлъ, изъявъ изъ обращенія все излишне-выпущенное количество кредитныхъ билетовъ. Тогда же послѣдуетъ кризисъ, но кризисъ острый. Обращеніе сократится на столько, что обнаружится безденежье и затѣмъ послѣдуетъ то же что въ первомъ случаѣ, но во время гораздо болѣе краткое. Съ этой стороны этотъ образъ дѣйствій предпочтительнѣе перваго, но надобно вполнѣ взвѣсить всю тяжесть страданій, которыя вздорожаніе денежной единицы повлечетъ за собой для всей страны, а также всю тяжесть жертвъ, которыхъ этотъ образъ дѣйствій потребовалъ бы отъ государственной казны. Опытъ прошлаго лѣта дастъ возможность предчувствовать, какъ отозвалось бы на насъ и то и другое. Итакъ второй возможный образъ дѣйствій лучше перваго, но и на него рѣшиться трудно.

в) Можно удержать ту цѣну кредитнаго рубля, которая была поддерживаема въ продолженіи многихъ лѣтъ искусственными мѣрами, но удержать ее не посредствомъ казенной трассировки, а посредствомъ изъятія нѣкоторой части излишне-выпущеннаго количества кредитныхъ билетовъ. Эта мѣра смягчила бы по возможности кризисъ, и исправила бы нашу денежную систему посредствомъ наименьшаго возможнаго потрясенія нашего рынка. Эта мѣра есть то *третье наилучшее*, которое отъ насъ зависитъ выбрать. Но объ этомъ стоитъ поговорить особо съ нѣкоторою подробностью.

№ 148.

Москва, 4-го Іюля.

Наши замѣчанія о ходѣ крестьянскаго дѣла въ Царствѣ Польскомъ вызвали два опроверженія. Одно изъ нихъ, напечатанное въ № 146 нашей газеты, относится къ факту, который мы заимствовали изъ *Балтійской Газеты*, и который, по счастію, оказывается теперь совершенно ложнымъ. Въ селеніи Трембковѣ, какъ свидѣтельствуетъ предсѣдатель Влоцлавской коммиссіи по крестьянскимъ дѣламъ, не только не было никакого возмущенія противъ коммиссіи, но сама коммиссія еще не была въ этомъ селеніи; во всѣхъ же другихъ мѣстностяхъ она встрѣчала къ себѣ полное довѣріе и уваженіе со стороны крестьянъ, и имѣла случай убѣдиться, что послѣдніе чувствуютъ себя вполнѣ счастливыми. Менѣе рѣшительно другое опроверженіе, появившееся въ № 145 *Русскаго Инвалида* со стороны, какъ видно изъ самой статьи, одного изъ членовъ Кельцовской по крестьянскимъ дѣламъ коммиссіи, который обозначилъ свою фамилію буквами: *А. Иск.* Его опроверженіе направлено противъ заявленныхъ нами опасеній относительно колебаній самого учредительнаго комитета въ примѣненіи указовъ 19-го февраля 1864 года. Но еслибъ объ этихъ опасеніяхъ вовсе не могло быть рѣчи, то почтенному автору едва ли была бы надобность такъ сильно на-

ставивать на пагубныхъ послѣдствіяхъ неудачи крестьянской реформы въ Царствѣ Польскомъ, и прибавлять о русскихъ дѣятеляхъ этой реформы, что они охотно берутъ на себя всѣ труды и усилія, но только до той поры, пока дѣло будетъ ведено въ томъ духѣ, какъ его начали; „въ противномъ же случаѣ," говоритъ авторъ, „усилія наши были бы тщетны, и мы поторопились бы оставить край, куда завлекла насъ не своекорыстная цѣль."

Почтенный авторъ не находитъ противорѣчія между направленіемъ постановленій учредительнаго комитета, отъ 14-го и отъ 22-го апрѣля, изъ которыхъ въ первомъ опредѣлено принимать и передавать на законное распоряженіе мѣстныхъ коммиссій и такія жалобы крестьянъ на отнятіе у нихъ участковъ земли (до 26 мая 1846 г.), которыя подлежали бы прямому отказу, а во второмъ—не предоставляется имъ права отыскивать даже неправильно (то-есть, вопреки указу 1846 г.) отнятые у нихъ участки, если только они имѣютъ въ настоящее время какой-либо другой участокъ, заключающій въ себѣ не менѣе 3-хъ морговъ земли. „Не предоставлять права крестьянамъ на открытіе исковъ въ ихъ пользу, говоритъ авторъ опроверженія, не значитъ оставлять самый предметъ иска (то-есть, неправильно отобранные помѣщиками участки земли) безъ вниманія." Это дѣйствительно такъ, или можетъ быть такъ; но это во всякомъ случаѣ не совсѣмъ согласно съ статьей 6-й Высочайшаго указа объ устройствѣ крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ, которою всѣмъ крестьянамъ безъ исключенія, имѣющимъ по три морга и не имѣющимъ трехъ морговъ земли, предоставлено право, въ теченіи трехъ лѣтъ, начиная съ 3-го апрѣля 1864 года, отыскивать въ свою пользу земли, которыми они пользовались при изданіи указа 1846 года. Что учредительный комитетъ, въ своемъ постановленіи отъ 22 апрѣля, имѣлъ въ виду именно ограничить число жалобъ и прошеній со стороны крестьянъ, это прямо высказано въ его мотивахъ; но что онъ имѣетъ въ виду, тѣмъ не менѣе, требовать отъ помѣщиковъ возвращенія всѣхъ крестьянскихъ земель, незаконно присвоенныхъ ими послѣ 1846 года, съ тѣмъ чтобы раздѣлить ихъ между крестьянами вовсе безземельными, это не было заявлено въ постановленіи; это пока не болѣе какъ слово автора опроверженія, болѣе или менѣе правдоподобное, судя по большей или меньшей близости его къ этому дѣлу.

Предположимъ однако что слово это столь же твердо, какъ еслибъ оно было сказано въ постановленіи учредительнаго комитета. Подобные виды можетъ-быть не состоятъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ узаконеніями 19-го февраля, но никакъ не вытекаютъ прямо изъ нихъ. Въ этихъ узаконеніяхъ прямо говорится только о правѣ всѣхъ вообще крестьянъ отыскивать поземельные участки, которыми они пользовались при изданіи указа 1846 года и которые потомъ были неправильно у нихъ отняты, но ничего не говорится о надѣленіи этою землей не тѣхъ крестьянъ, которымъ она слѣдуетъ, а крестьянъ вовсе безземельныхъ. Даже, напротивъ, въ статьѣ 7-й указа объ устройствѣ крестьянъ сказано, что земли, произвольно изъятыя изъ пользованія крестьянъ, на которыя они до истеченія трехлѣтняго срока не предъявятъ своего права, *могутъ* быть присоединены къ фольварочнымъ, то-есть, помѣщичьимъ землямъ. Законъ, очевидно, имѣлъ прежде всего въ виду возвратить крестьянамъ и упрочить за ними то чѣмъ они законно пользовались прежде, и въ этомъ случаѣ законодатель руководился уважительными соображеніями. По закону, прежнее пользованіе землею даетъ на нее право, и это право должно быть уважено. Этого требуетъ законъ; но еслибы для кого-нибудь было нужно совершенно излишнее подтвержденіе этого требованія, то можно было бы замѣтить, что того же требуетъ простой разчетъ. Безземельныхъ крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ огромное число, и такъ какъ всѣхъ ихъ невозможно одарить землями, то выборъ между ими былъ бы труденъ, и могъ бы возбудить въ нихъ неудовольствіе и ни на чемъ не основанныя притязанія. Къ тому же право отыскивать землю предоставлено по закону самимъ крестьянамъ: кто же изъ нихъ согласится быть истцомъ и нести сопряженныя съ тѣмъ хлопоты, когда отысканная земля достанется не ему, а кому-нибудь другому? Не лучше ли ему тогда вступить въ сдѣлку съ помѣщикомъ и пойдти съ нимъ на мировую?

Что огромное число безземельныхъ крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ дѣйствительно озабочиваетъ учредительный комитетъ, доказательствомъ тому служатъ его постановленія въ засѣданіи 30-го мая, на кото-

рыя указываетъ намъ г. А. Иск. Мы совершенно согласны, что *пустками*, которыхъ всего на все оказывается 12.500, невозможно обезпечить бытъ этого класса людей. Но въ составѣ 1.338.000 крестьянъ, которыхъ обыкновенно называютъ безземельными, далеко не всѣ были фольварочными работниками, состоящими на денежномъ жалованьи, на содержаніи помѣщиковъ или на довольствіи зерномъ: если не ошибаемся, то бóльшая часть изъ нихъ принадлежитъ къ числу такъ-называемыхъ коморниковъ, огрудниковъ и халупниковъ, которые живутъ въ особыхъ избахъ, отдѣльными семьями или по нѣскольку семействъ вмѣстѣ, и за свою работу на помѣщика пользовались небольшими клочками земли, нерѣдко въ полморга (около $^1/_4$ десятины), или же брали и большее количество земли „съ гною" (изъ навоза), унаваживали ее на свой счетъ и обрабатывали ее для себя, послѣ чего по прошествіи года она снова присоединялась къ фольварочнымъ землямъ, а крестьянамъ отводилась другая земля съ тою же цѣлью удобренія и воздѣлыванія ея. Къ этому разряду не принадлежатъ ни *копяржи*, которымъ предоставлялось получать извѣстное количество копъ хлѣба въ снопахъ, или мѣръ готоваго хлѣба въ зернѣ, ни тѣ, которые пользовались только урожаемъ. Объ этихъ-то низшихъ разрядахъ крестьянъ и шла рѣчь въ засѣданіи учредительнаго комитета 30-го мая, и рѣшенія имъ принятыя строго соображены съ духомъ и съ буквою закона. Принимая въ руководство статью 15-ю, гдѣ говорится о правѣ собственности крестьянъ, владѣющихъ дворами, съ пахатною землею, или съ огородомъ, или и безъ нихъ, комитетъ постановилъ, что всѣ этого рода крестьяне, если они дѣйствительно имѣли свое жилище или даже и часть жилища не на господской землѣ, пріобрѣтаютъ свои мелкіе участки въ полную собственность на тѣхъ же условіяхъ, какъ и всѣ другіе крестьяне. Подъ это рѣшеніе не подходятъ тѣ крестьяне, которые, хотя и пользовались землею на тѣхъ же условіяхъ, но не имѣли своего двора или части двора, а жили въ рабочихъ казармахъ построенныхъ помѣщикомъ. Для удобства помѣщиковъ, въ видахъ избѣжанія чрезполосицы, предоставляется имъ теперь же отводить крестьянамъ, бравшимъ изъ навоза фольварочныя земли, полосы къ одному мѣсту въ томъ же количествѣ, или въ большемъ, если новыя земли окажутся худшаго качества. Этимъ рѣшеніемъ число безземельныхъ крестьянъ будетъ, какъ надобно думать, значительно уменьшено. Оно согласно съ закономъ, и не подаетъ повода къ притязаніямъ со стороны другихъ крестьянъ, такъ какъ не представляетъ собою произвольнаго предпочтенія однихъ другимъ. Что же касается до экономическихъ послѣдствій его какъ для самихъ крестьянъ, такъ и для всей страны, то по всей вѣроятности они будутъ незначительны. Клочки земли, которые достанутся такимъ образомъ крестьянамъ, нисколько не обезпечатъ ихъ быта, и по всей вѣроятности вскорѣ перейдутъ въ руки болѣе зажиточныхъ крестьянъ. Впрочемъ, при обсужденіи всего этого вопроса, не слѣдуетъ, кажется, терять изъ виду, что не всякій крестьянинъ, по личнымъ качествамъ своимъ, можетъ быть самостоятельнымъ хозяиномъ, и что говорить о сельскомъ пролетаріатѣ въ Польшѣ, какъ дѣлаетъ г. А. Иск., едва ли основательно. Отличительная черта пролетаріата, которая дѣлаетъ его опаснымъ для государства и общества, заключается не въ недостаткѣ какого-либо имущества, а въ невозможности, при всей физической и нравственной способности къ труду, обезпечить имъ свой бытъ, и въ духѣ недовольства, вслѣдствіе того, всѣмъ общественнымъ порядкомъ. Пролетаріатъ можетъ развиться только тамъ, гдѣ предложеніе труда значительнѣе чѣмъ спросъ на него. Онъ всегда указываетъ на неправильности въ законодательствѣ, на несправедливое распредѣленіе налоговъ, на стѣсненія экономической свободы. Раздача поземельной собственности не избавитъ отъ пролетаріата; она либо не приведетъ ни къ какимъ послѣдствіямъ, либо послужитъ поводомъ къ прикрѣпленію человѣка къ землѣ.

Главная задача исполнителей законодательства 12-го февраля нынѣшняго года состоитъ, конечно, не въ борьбѣ съ фантомомъ пролетаріата, а въ непреклонномъ осуществленіи реформы въ томъ видѣ, какъ она предначертана закономъ. Намъ кажется, что дѣятели реформы должны строго держаться въ этихъ предѣлахъ, и что такимъ образомъ дѣйствій они всего успѣшнѣе разовьютъ въ польскихъ крестьянахъ чувство законности, столь необходимое имъ теперь, и то уваженіе къ обязательствамъ, которое было, безъ сомнѣнія, сильно потрясено въ нихъ тѣмъ, что вслѣдствіе рас-

поряженій мятежническихъ властей и потворства имъ со стороны помѣщиковъ оказалось необходимымъ вовсе освободить ихъ отъ взноса недоимокъ. Исполненіе закона, твердое, строгое, неуклонное, вотъ что̀ единственно можетъ обезпечить реформу отъ случайныхъ вліяній и отъ всякаго домогательства.

№ 149.

Москва, 6-го Іюля.

Подложные документы, обнародованные въ *Morning Post*, увѣнчались изумительнымъ успѣхомъ; во Франціи, въ Германіи, въ Англіи, продолжаютъ раздаваться голоса, увѣряющіе, что если эти документы и не подлинные, то, по крайней мѣрѣ, они вполнѣ соотвѣтствуютъ настоящему положенію дѣлъ. Теперь не можетъ быть сомнѣнія, что подлогъ шелъ изъ Парижа, и что онъ, какъ мы уже говорили недѣли полторы или двѣ тому назадъ, былъ разчитанъ на то, чтобы произвести извѣстное впечатлѣніе на общественное мнѣніе во Франціи, въ Англіи и въ самой Германіи, чтобы возбудить его противъ трехъ сѣверныхъ державъ и подготовить ко всякаго рода новымъ политическимъ комбинаціямъ, а быть-можетъ даже къ новымъ военнымъ громамъ. Съ того времени какъ въ мартѣ 1861 г. Франція присоединила къ себѣ Ниццу и Савойю, ей не удается выйдти изъ тягостнаго для нея бездѣйствія. Сначала она пыталась вовлечь насъ въ ея интриги на Востокѣ; затѣмъ, не безъ поощренія со стороны Англіи, она увлеклась донкихотскимъ, какъ теперь выражается лордъ Кларендонъ, планомъ вмѣшательства въ польскія волненія. Благодаря сильному возбужденію народнаго чувства въ Россіи, все дѣло окончилось для французской политики рѣшительнымъ дипломатическимъ пораженіемъ: Англія, усердно раздувавшая польское дѣло, тотчасъ же отказалась отъ него, какъ только увидѣла, что Франція уже зарвалась сколько было нужно для совершеннаго разрыва съ Россіей. Не лучшій исходъ имѣло предложеніе общаго европейскаго конгресса: энергическимъ шагомъ Англія вырвала у Франціи это средство выйдти изъ изолированнаго положенія. Оставалась одна надежда—на повсемѣстныя замѣшательства Европы. На Востокѣ нашелся отважный исполнитель замысловъ Франціи въ лицѣ молдовалахскаго господаря; на сѣверѣ Европы возгорѣлась война, вызванная народными страстями Германіи, и своею быстротою предупредившая ея раздѣленіе и сближеніе одной ея части съ Франціей. Тогда всѣ виды послѣдней сосредоточились на томъ, что въ эту войну неминуемо будетъ вовлечена Англія, и что она принуждена будетъ купить себѣ помощь Франціи на чей-либо счетъ. Но и этотъ разчетъ не удался: Англія воздержалась отъ вмѣшательства въ войну между Даніей и германскими державами. Послѣдовалъ мгновенный взрывъ негодованія, которымъ разразились офиціозныя газеты Франціи противъ Англіи; но въ то же самое время внезапно явился призракъ Священнаго Союза, и со стороны Франціи началось заискиванье и въ Англіи, и въ мелкихъ государствахъ Германіи; наконецъ послѣдовало вызванное самою же Франціей обращеніе Даніи за ея совѣтомъ и посредничествомъ. Всѣ три явленія состоятъ, очевидно, въ непосредственной связи между собою, и дополняются новѣйшими извѣстіями о томъ, что Франція выказываетъ большое дружелюбіе къ Пруссіи, которая, благодаря ловкости своего министра-президента, мастерски, хотя уже черезчуръ безцеремонно, пользуется выгодами минуты.

Едва ли можетъ быть однако сомнѣніе, что Франція, при дальнѣйшемъ ходѣ событій, разчитываетъ прежде всего найдти себѣ опору въ группѣ второстепенныхъ и мелкихъ государствъ Германіи, которыя глубоко оскорблены и запуганы самостоятельнымъ образомъ дѣйствій Пруссіи и Австріи въ дѣлѣ, которое получило для всей Германіи національное значеніе, и особенно сближеніемъ ихъ съ Россіей, которое одно можетъ установить между ними единство видовъ, а при этомъ единствѣ мелкимъ государствамъ Германіи дѣйствительно не остается ничего болѣе какъ вполнѣ имъ подчиниться, или броситься въ объятія Франціи. Французскія интриги, направленныя въ эту сторону, нашли уже себѣ выраженіе въ газетѣ, которая служитъ однимъ изъ вліятельнѣйшихъ органовъ политики второстепенныхъ нѣмецкихъ государствъ, именно въ аугсбургской *Всеобщей Газетѣ*. Ниже, подъ рубрикою: „Призракъ Священнаго Союза“, мы приводимъ отзывы ея лондонскихъ и вѣнскихъ корреспондентовъ, которые всѣ говорятъ однимъ и тѣмъ же языкомъ, и клонятъ свою рѣчь

къ одной и той же цѣли,—къ доказательству, что для мелкихъ государствъ Германіи нѣтъ другаго спасенія отъ властолюбія и гнета Пруссіи и Австріи, поддерживаемыхъ Россіей, какъ въ союзѣ съ Франціей и кстати уже съ Англіей, которая въ свою очередь стоитъ на сторонѣ Даніи противъ великихъ нѣмецкихъ державъ. Для плановъ Франціи, очевидно, недостаточно одного разложенія Германскаго Союза, одного привлеченія на свою сторону его третьей группы: необходимо еще сближеніе съ Англіей, и къ этому должны уравнять ей путь второстепенныя нѣмецкія государства.

Что касается до Англіи, то наиболѣе вліятельный органъ ея журналистики провозглашаетъ, что недавнія пренія ея парламента должны стать началомъ новой эры для внѣшней ея политики. „Изъ этихъ преній, говоритъ *Times*, явно вытекаетъ урокъ о безусловной необходимости кореннымъ образомъ измѣнить систему нашей иностранной дипломатіи. Страна, очевидно, желаетъ прежде всего, чтобъ Англія впредь не подвергалась опасности вовлечься въ войну съ цѣлію устраивать къ нашему удовольствію дѣла и отношенія между иностранными государствами; далѣе, она желаетъ, чтобы мы воздерживались отъ угрозъ, которыхъ не думаемъ энергически исполнить, и наконецъ, она желаетъ, чтобы мы довольствовались заявленіемъ нашего мнѣнія въ качествѣ великой державы и избѣгали этой повсюду вмѣшивающейся, хлопотливой дипломатіи, которая обратилась въ нашу привычку,—такъ какъ мы не должны ни грозить, ни воевать, когда непосредственно не замѣшаны въ дѣло собственные наши интересы.“ Этотъ урокъ еще свѣжъ, и можно думать, что усилія Англіи прежде всего будутъ направлены къ тому, чтобы препятствовать осуществленію замысловъ Франціи, не доходя до явнаго съ нею разрыва и не допуская ея до сближенія съ какою-либо изъ континентальныхъ державъ, но съ другой стороны можно также думать, что Англія постарается обезпечить себѣ вліяніе на Францію и съ этою цѣлію, конечно, не упуститъ случая ставить ловушки сѣвернымъ державамъ. Она можетъ тутъ дѣйствовать безъ малѣйшаго для себя риска, какъ и въ польскомъ вопросѣ. *Au pis aller*, другіе поплатятся за игру, а между западными державами возродится дружба какъ фениксъ. Уже и теперь правительственные ораторы Великобританіи дѣлаютъ маленькій оттѣнокъ въ своихъ отзывахъ объ образѣ дѣйствій Россіи и Франціи по шлезвигъ-гольштейнскому вопросу. Россія и Франція, говорятъ они, отказались вступиться за Лондонскій трактатъ и были причиной того, что Англія не могла ничего сдѣлать; но, прибавляютъ они, Франція поступила благоразумно, и на нее пенять нечего, а о Россіи они умалчиваютъ, хотя очень хорошо знаютъ, что она отнюдь не несетъ на себѣ отвѣтственности за продолженіе войны. Такой неопредѣленный, колеблющійся, изворотливый образъ дѣйствій требуетъ чтобъ и Россія оставляла за собой полную свободу дѣйствій. Мы были бы въ очевидномъ проигрышѣ, еслибы наше сближеніе съ Пруссіей и Австріей не умѣряло, а увеличивало ихъ отвагу.

Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія статья *Крестовой Газеты*, отъ 15-го іюля. Она отрицаетъ существованіе и даже возможность какого бы то ни было трактата, конвенціи или союза между тремя державами, но старается доказать, что интересы ихъ тождественны, такъ какъ онѣ непосредственно граничатъ между собою, такъ какъ онѣ болѣе или менѣе состоятъ изъ различныхъ національностей (къ Россіи это можетъ относиться только въ нѣмецкомъ воображеніи), и такъ какъ имъ сообща и постоянно грозитъ опасность съ одной стороны, то-есть со стороны революціонной Франціи. „Пруссія, продолжаетъ *Крестовая Газета*, не нуждалась ни въ какой конвенціи, чтобы начать вмѣстѣ съ Россіей борьбу противъ польскаго мятежа, такъ какъ у нихъ были тутъ одни и тѣ же интересы. Россія, Пруссія и Австрія, по истинѣ, также не нуждаются во взаимныхъ гарантіяхъ, чтобы сохранить наслѣдственныя свои владѣнія. Но онѣ нуждаются во взаимномъ расположеніи, въ фактическомъ соглашеніи и въ одинаковомъ заявленіи мнѣній по вопросамъ, которые грозятъ или могутъ грозить опасностью каждому изъ этихъ государствъ въ отдѣльности. Россія испытала въ Крыму что̀ значитъ, когда Австрія переходитъ на сторону западныхъ державъ; Австрія испытала въ Италіи что̀ значитъ оскорбить Россію, и убѣдилась въ прошломъ году во Франкфуртѣ на Майнѣ, что въ Германіи никто не можетъ идти по ея волѣ, когда того не хочетъ Пруссія. Эти опыты краснорѣчиво говорятъ въ пользу дружественныхъ отношеній какія

подобаютъ добрымъ сосѣдямъ, и еще краснорѣчивѣе говорятъ несомнѣнные и немедленные успѣхи Пруссіи и Австріи, какъ только между ними установилось согласіе по одному предмету... Согласіе между тремя державами дало Германіи сорокъ лѣтъ мира и доставило ей возможность безпримѣрнаго преуспѣянія."

Все это болѣе или менѣе естественно читать въ нѣмецкой газетѣ. Мы не станемъ говорить о томъ что̀ испытала Россія въ Крыму благодаря сперва своей политической ошибкѣ, потомъ своей нерѣшительности, а наконецъ необходимости вести неожиданную войну, къ которой мы не были нисколько готовы. Крымская война была исключеніемъ, которое повторится не можетъ. Обратимся лучше къ обычному ходу дѣлъ. Противъ желательности добраго согласія между сосѣдями никто не станетъ спорить, но было бы въ высшей степени невыгодно для Россіи, если бы, преувеличивая общность своихъ интересовъ съ великими нѣмецкими державами, она стала вступаться за нихъ тамъ, гдѣ она менѣе всего можетъ имъ сочувствовать. Въ настоящее время, когда Пруссія и Австрія, въ сознаніи совершенной ими неправды, могутъ опасаться грозы съ запада, онѣ, разумѣется, не прочь толковать намъ объ одинаковости нашихъ интересовъ и необходимости фактическаго согласія и даже общаго дѣйствія между тремя державами; но нашъ интересъ въ данномъ случаѣ не позволяетъ намъ внимать такимъ рѣчамъ. Они вступили на путь завоеваній на свой собственный рискъ и опасность, и намъ нѣтъ ни малѣйшей надобности брать этотъ рискъ и опасность на свою голову. Напротивъ, мы не могли бы не порадоваться, если бы сила обстоятельствъ или здраваго смысла положила предѣлъ ихъ притязаніямъ. Какъ добрые сосѣди мы можемъ имъ подать одинъ совѣтъ,—чтобъ онѣ воздержались отъ дальнѣйшаго риска, чтобъ онѣ остереглись обманчиваго пепла, подъ которымъ таится огонь,—этихъ

ignes suppositos cineri doloso.

Между державами не можетъ быть рѣчи ни о взаимности, ни о благодарности: всѣ отношенія сходятся и должны сходиться къ самому строгому разчету собственныхъ выгодъ. Союзъ съ Россіей доставилъ Австріи и Пруссіи, по собственному признанію *Крестовой Газеты*, сорокъ лѣтъ мира и безпримѣрнаго преуспѣянія; но Россія не извлекла изъ него для себя ни малѣйшей выгоды, а напротивъ, какъ засвидѣтельствовалъ графъ Нессельроде, приносила ему жертвы, не только матеріальныя, но и нравственныя. Когда же наступилъ часъ расплаты, не то̀лько Австрія, но и сама Пруссія, хотя и съ меньшею откровенностью, перешла на сторону нашихъ враговъ. Мы не винимъ ихъ за это; ихъ интересы не сходятся съ нашими на Востокѣ; но и наши интересы нисколько не требуютъ, чтобы мы стояли за Пруссію въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ и помогали ей противъ враговъ, какихъ она можетъ вызвать своею властолюбивою политикой, или за Австрію, если ей придется вновь выдерживать борьбу за италіянскія ея владѣнія, либо интриговать противъ нашихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ. Вообще же говоря, намъ также какъ и Англіи, нечего мѣшаться въ чужія дѣла; у насъ слишкомъ много собственныхъ дѣлъ, настоятельныхъ, не терпящихъ отлагательства. Намъ нечего заботиться о внѣшнемъ вліяніи; оно придетъ само собой: намъ необходимо прежде всего озаботиться вліяніемъ Россіи, то-есть русскаго въ ней элемента, въ самой Россіи. Намъ нечего полагаться въ какомъ бы то ни было вопросѣ на иностранные союзы: намъ необходимо укрѣпить нашъ внутренній союзъ государственный и упрочить его величіе и благоустройство. Тогда всѣ правильные виды нашей иностранной политики осуществятся сами собою, безъ содѣйствія иностранныхъ державъ—и даже вопреки имъ.

№ 150.

Москва, 7-го іюля.

Въ виду важности, которую имѣетъ вопросъ о вредныхъ послѣдствіяхъ искусственной поддержки вексельнаго курса, мы съ особеннымъ удовольствіемъ помѣщаемъ ниже статью о двойственности курсовъ кредитнаго рубля, полученную нами изъ Южной Россіи. Этотъ край есть главный производитель отпускаемаго за границу хлѣба; онъ болѣе другихъ пострадалъ отъ того, что нашъ отпускъ подвергся стѣсненію по причинѣ несоотвѣтствія между продажной цѣной отпускнаго товара и издерж-

ками нужными для его производства и для его доставки къ порту. Авторъ статьи, на которую мы просимъ читателей обратить вниманіе, г. М. Д. совершенно справедливо замѣчаетъ, что освобожденію крестьянъ никакъ нельзя приписывать оказавшуюся одновременно съ нимъ убыточность сельско-хозяйственнаго промысла. Не менѣе вѣрно и другое замѣчаніе автора, что однимъ избыткомъ кредитныхъ билетовъ невозможно объяснить всѣ тѣ явленія нашей экономической жизни, на которыя слышатся со всѣхъ сторонъ жалобы. Авторъ совершенно основательно видитъ въ избыткѣ кредитныхъ билетовъ главную причину или, какъ онъ выражается, причину причинъ той ненормальности нашего экономическаго хода дѣлъ, которую всѣ чувствуютъ, на которую всѣ жалуются, но въ которой такъ не многіе въ состояніи дать себѣ отчетъ. Но избытокъ кредитныхъ билетовъ можетъ быть признанъ причиной причинъ нашего замѣшательства преимущественно въ томъ смыслѣ, что безъ него не была бы возможна его другая ближайшая причина, та причина, которую авторъ очень мѣтко и вѣрно называетъ двойственностью цѣны кредитнаго рубля, и которая обязана своею силой тому обстоятельству, что вексельный курсъ былъ у насъ искусственно поддерживаемъ. Да, у насъ дѣйствительно кредитный рубль имѣлъ двѣ разныя цѣны. Когда вы издерживали его внутри Россіи, онъ доставлялъ вамъ меньше цѣнностей и удобствъ разнаго рода чѣмъ когда вы переводили его за границу. Нужно было ѣхать вонъ изъ Россіи или выписывать заграничные товары, чтобы реализировать свои деньги выгоднымъ для себя образомъ. Мудрено ли что всѣ, кто только могъ, уѣзжали изъ Россіи, и что привозъ иностранныхъ товаровъ возрасталъ черезъ мѣру? Мудрено ли что иностранные покупатели нашихъ продуктовъ обѣгали наши рынки, находя для себя невыгоднымъ покупать эти продукты на переводимыя изъ-за границы деньги? Чѣмъ выгоднѣе было переводить деньги отъ насъ за границу, тѣмъ не выгоднѣе былъ переводъ ихъ изъ-за границы къ намъ. Вотъ почему иностранные купцы стали покупать у насъ все меньше и меньше товаровъ, и еслибы не американское междуусобіе поднявшее цѣны на хлопокъ и на его суррогаты, ленъ и пеньку, то положеніе нашихъ экономическихъ дѣлъ было бы еще нестерпимѣе. Всѣхъ этихъ затрудненій не могло быть, конечно, еслибы не было произведено временныхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ, еслибы указъ 10-го января 1855 года могъ быть исполненъ, то-есть еслибы временновыпущенные кредитные билеты были изъяты изъ обращенія. Но однимъ избыткомъ кредитныхъ билетовъ нельзя объяснить всѣ эти затрудненія. Избытокъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ въ Австріи не привелъ же къ этимъ затрудненіямъ или по крайней мѣрѣ не привелъ къ нимъ въ такой же степени. Въ Австріи производство предметовъ отпуска не было поставлено въ такое невыгодное положеніе; избытокъ бумажныхъ денегъ выразился на внутренней дороговизнѣ, но въ такой же мѣрѣ онъ выразился и на лажѣ звонкой монеты и на вексельномъ курсѣ; денежная единица имѣла тамъ двойственную цѣну въ продолженіи краткаго времени, а потому ни золото не скрылось совсѣмъ изъ страны, ни отпускъ не подвергся продолжительному стѣсненію. Всему этому было причиной то, что тамъ не принимались искусственныя мѣры къ поддержкѣ курса.

Авторъ помѣщенной ниже статьи, которую мы позволили себѣ рекомендовать вниманію читателей, совершенно правъ и въ томъ, что говоря объ этой пагубной двойственности цѣны кредитнаго рубля и указывая на ея причины, ставитъ въ числѣ ихъ между прочимъ и размѣнъ. Это можетъ показаться страннымъ. Что казенная трассировка признается за мѣру искусственную, это понятно само собою. Но какъ сказать то же о размѣнѣ? Какимъ образомъ можно отнести размѣнъ къ мѣрамъ искусственной поддержки курса? Развѣ не очевидно огромное различіе между казенною трассировкой и размѣномъ? Это различіе дѣйствительно не подлежитъ сомнѣнію, но есть и нѣчто общее между этими двумя операціями. Очень полезно отдать себѣ ясный отчетъ какъ въ ихъ различіи, такъ и въ сходствѣ.

Казенная трассировка есть въ сущности не что иное какъ выдача казеннаго золота по цѣнѣ, которая ниже торговой цѣны золота. Казна вмѣсто золота выдаетъ векселя, но по этимъ векселямъ она должна уплатить за границей золотомъ. Въ этомъ отношеніи казенная трассировка очень похожа на размѣнъ. Частному человѣку все равно, что бы онъ ни получилъ изъ раз-

мѣнной кассы, золото ли или вексель. Но для размѣнной кассы это не все равно. Когда она производитъ размѣнъ, то кредитные билеты вымѣниваемые ею изъемлются изъ обращенія, и слѣдовательно уменьшается размѣръ избытка обращающихся кредитныхъ билетовъ. Только въ томъ случаѣ, еслибы размѣнная касса, выдавая вмѣсто золота векселя, предавала сожженію, получаемые за нихъ кредитные билеты, только въ такомъ случаѣ эта операція была бы совершенно равнозначительна размѣну, и производить эту операцію не значило бы наливать водой бездонныя бочки Данаидъ. Сущность дѣла состоитъ не въ формѣ, а въ томъ, производится ли изъятіе или нѣтъ. Казенная трассировка, какъ она производилась у насъ, не сопровождалась изъятіемъ, и количество обращающихся кредитныхъ билетовъ не было уменьшаемо, а размѣнъ напротивъ имѣлъ своимъ главнымъ основаніемъ уничтоженіе кредитныхъ билетовъ, предъявляемыхъ въ кассу. Вотъ почему казенная трассировка дѣйствовала исключительно въ пользу внѣшней привозной торговли и перевода денегъ за границу, нисколько не улучшая денежной системы, а размѣнъ оказывалъ вмѣстѣ съ тѣмъ вліяніе и на внутренній рынокъ, уменьшая дороговизну.

Таково различіе этихъ двухъ операцій, говорящее въ пользу размѣна. Но, какъ мы сказали, между ними есть и сходство, и г. М. Д. имѣлъ право поставить ихъ такъ-сказать на одну доску, говоря о двойственной цѣнѣ кредитнаго рубля. Что такое размѣнъ? Размѣнъ есть пріемъ однихъ денежныхъ знаковъ, бумажныхъ, и вмѣсто нихъ выдача другихъ денежныхъ знаковъ, металлическихъ. Но если вѣрно то, что̀ мы старались доказать въ одной изъ предыдущихъ статей нашихъ (№ 147), если вѣрно, что временные выпуски кредитныхъ билетовъ произвели у насъ не только избытокъ въ бумажныхъ денежныхъ знакахъ, но и вообще въ денежныхъ знакахъ, то къ чему могъ повести обмѣнъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ на металлическіе? Первые способны только ко внутреннему обращенію, вторые цѣнятся всюду. Если въ странѣ денежные знаки избыточествуютъ, и если въ число ихъ поступаютъ такіе, которые цѣнятся на всемірномъ рынкѣ, то естественнымъ слѣдствіемъ того долженъ быть вывозъ послѣднихъ за границу. Итакъ размѣнъ, при нашихъ обстоятельствахъ, былъ не что иное, какъ выдача звонкой монеты для вывоза за границу. Но чѣмъ болѣе мы вывозимъ звонкой монеты, тѣмъ болѣе долженъ стѣсняться отпускъ обычныхъ предметовъ нашего вывоза, а изъ этого слѣдуетъ, что размѣнъ кредитныхъ билетовъ на звонкую монету долженъ былъ дѣйствовать стѣснительно на нашъ отпускъ и на производство отпускныхъ предметовъ, то-есть на самыя коренныя отрасли нашей промышленности. Въ этомъ отношеніи есть несомнѣнное сходство между размѣномъ и казенною трассировкой. Но этого мало: размѣнъ производился у насъ по курсу заранѣе опредѣленному; была назначена лѣстница повышенія цѣны кредитныхъ билетовъ и пониженія цѣны, по которой выдавалась звонкая монета. Еслибы можно было угадать, какъ пойдетъ размѣнъ, и еслибы притомъ можно было съ точностью опредѣлить количество избытка кредитныхъ билетовъ, то была бы возможность установить параллель между повышеніемъ цѣны кредитнаго рубля, принятой для размѣна, и между тѣмъ повышеніемъ, которое должно было произойдти на внутреннемъ рынкѣ, вслѣдствіе изъятія изъ обращенія кредитныхъ билетовъ предъявляемыхъ къ размѣну. Но этой возможности очевидно нѣтъ, а потому лѣстница повышенія цѣны кредитнаго рубля не могла быть назначена иначе какъ произвольно. Повышеніе цѣнности кредитнаго рубля въ размѣнѣ шло гораздо быстрѣе чѣмъ повышеніе ея на внутреннемъ рынкѣ, которое выражалось въ паденіи дороговизны. Двойственность цѣны кредитнаго рубля не была устранена, и слѣдовательно усиливала поощреніе привоза и перевода капиталовъ за границу, заключавшееся уже въ простой выдачѣ звонкой монеты, которая, какъ мы сказали выше, не могла держаться на внутреннемъ рынкѣ. Вотъ еще одинъ пунктъ сходства между казенною трассировкой и размѣномъ.

Мы въ правѣ сказать, что въ размѣнѣ было дурно то въ чемъ онъ сходствовалъ съ казенною трассировкой, и хорошо то чѣмъ онъ отъ нея отличался. Дурно было, что выдавалась звонкая монета; хорошо было, что извлекались изъ обращенія кредитные билеты. Но если такъ, то что же изъ этого слѣдуетъ?

Несомнѣнно слѣдуетъ вотъ что: изъятіе кредитныхъ билетовъ изъ обращенія не должно было сопровождаться выдачей звонкой монеты. Кредитные билеты было полезно

размѣнивать, но не на звонкую монету, которая была обречена къ вывозу за границу, а на такія цѣнности, которыми денежный рынокъ могъ бы свободно распоряжаться, которыя онъ могъ бы, смотря по надобности, или оставлять внутри государства или вывозить за границу. Только при такомъ размѣнѣ внутренній рынокъ сохранилъ бы свою независимость.

Другими словами. Размѣнивая кредитные билеты на звонкую монету, мы ставили вымѣнивающаго въ необходимость по неволѣ вывозить звонкую монету за границу. Петербургская биржа купила за границей много товару и много облигацій седьмаго займа по цѣнѣ для нея невыгодной, лишь бы вывезти звонкую монету, которой цѣна была искусственно понижена размѣномъ и которую было еще невыгоднѣе оставлять внутри государства. Этого бы не было, еслибы въ замѣнъ кредитныхъ билетовъ публика получила цѣнности, способныя держаться и на внутреннемъ рынкѣ, напримѣръ облигаціи, похожія на облигаціи седьмаго займа, которыя были тогда выписываемы изъ-за границы, Тогда внутренній рынокъ не былъ бы въ зависимости отъ заграничныхъ продавцовъ привознаго товара и облигацій седьмаго займа. Неудобство состояло именно въ этой зависимости. Вывозъ звонкой монеты былъ не выгоденъ не самъ по себѣ, не потому, чтобы слѣдовало во всякомъ случаѣ держаться за звонкую монету и искуственно устраивать торговый балансъ. Думать, такъ значило бы вдаваться въ ошибку меркантилистовъ. Не вывозъ звонкой монеты самъ по себѣ, а то обстоятельство, что внутренній рынокъ былъ принужденъ волей-неволей вывозить звонкую монету, вотъ что было невыгодно.

Еще другими словами. Размѣнъ удешевлялъ цѣну звонкой монеты, дѣлалъ ее самымъ дешевымъ товаромъ, какой только можно было вывозить изъ Россіи; онъ принуждалъ прежде всего вывозить звонкую монету, и только послѣ ея вывоза могъ быть разчетъ въ вывозѣ чего-либо другаго. Это было дурно и неестественно. Но съ другой стороны, размѣнъ уменьшалъ количество обращающихся кредитныхъ билетовъ и возвышая ихъ цѣну на внутреннемъ рынкѣ, понижалъ дороговизну. Это было полезно. Для того чтобы дѣла шли правильно, надобно было устранить первое и удержать второе. Тогда размѣнъ уже не походилъ бы на казенную трассировку.

На какія же цѣнности, кромѣ звонкой монеты, можно размѣнивать кредитные билеты? Очевидно, ни на какія другія кромѣ фондовъ, то-есть бумагъ приносящихъ проценты.

Намъ остается сблизить этотъ выводъ съ тѣмъ выводомъ, къ которому мы пришли въ передовой статьѣ № 147 *Московскихъ Вѣдомостей*. Это мы предоставляемъ себѣ сдѣлать на дняхъ.

№ 151.

Москва, 8-го Іюля.

Русскій Инвалидъ, отъ 7-го іюля, выставляетъ цѣлую программу нашей будущей политики по восточному вопросу. „Искреннее содѣйствіе національнымъ стремленіямъ христіанскихъ племенъ, говоритъ эта газета, вотъ въ чемъ состоитъ существенная задача русской политики на Востокѣ.“ Существующее положеніе дѣлъ на Востокѣ, по мнѣнію этой газеты, можетъ принять троякій исходъ: 1) Или отношенія христіанъ къ Туркамъ сохранятся въ томъ видѣ, какъ они опредѣлены трактатами, и европейская дипломатія будетъ обуздывать противныя тому стремленія; въ такомъ случаѣ „русское правительство, какъ сказано прямо въ газетѣ военнаго министерства, будетъ заботиться, чтобы христіянскія племена сохранили неприкосновенными тѣ гражданскія и политическія права, достиженіемъ которыхъ они обязаны его содѣйствію.“ 2) Или, вслѣдствіе естественнаго хода вещей, христіанскія племена достигнутъ мирнымъ путемъ расширенія своихъ правъ и автономіи, не вступая въ открытую борьбу съ Портой и опираясь на нравственное содѣйствіе Европы: въ такомъ случаѣ русскому правительству придется только радоваться расширенію этихъ правъ, пріобрѣтенному съ обоюднаго согласія Порты и Европы. 3) Или, наконецъ, христіанскія племена Турціи воспользуются замѣшательствами въ Европѣ, чтобы революціонными средствами обезпечить разомъ свою полную независимость: въ такомъ случаѣ русское правительство не сочтетъ себя въ правѣ противиться результату, къ которому издавна направлены всѣ стремленія христіанскихъ племенъ, хотя не будетъ вызывать насильственнаго движенія съ ихъ стороны и постарается смягчить

соединенныя съ этимъ движеніемъ опасности. Существуетъ только одна случайность, продолжаетъ газета военнаго министерства, которую не въ состояніи допустить Россія, а именно, никогда не потерпитъ она, чтобы христіанскія области были лишены пріобрѣтенныхъ ими правъ. Но на такомъ оскорбительномъ для всей Европы предположеніи едва ли нужно останавливаться въ наше время, говоритъ *Русскій Инвалидъ*.

Сочувствуя вполнѣ этой программѣ въ общихъ чертахъ ея и при настоящемъ положеніи дѣлъ на Востокѣ, мы не думаемъ, чтобы всѣ возможныя случайности на Востокѣ ограничились тѣми, на которыя указываетъ эта газета. Въ нынѣшней же *Послѣдней Почтѣ* наши читатели найдутъ еще нѣкоторыя другія указанія. Они прочтутъ подъ этою рубрикой, что палероялисты (партія принца Наполеона) не сводятъ глазъ съ Дунайскихъ Княжествъ, и что императоръ Наполеонъ желалъ бы предоставить рѣшеніе вопроса о престолонаслѣдіи въ Сербіи, по смерти бездѣтнаго князя Михаила, европейскому конгрессу; они припомнятъ прежнія извѣстія о попыткахъ сближенія между бездѣтными князьями Сербіи и Румыніи, и недавнее извѣстіе о порученіи, которое далъ князь Куза полковнику Дмитрію Кречулеско въ Парижъ,— порученіе просить у императора Наполеона какого-нибудь иностраннаго принца на престолъ Румыніи. Они припомнятъ также, что официальныя румынскія газеты простираютъ свои виды и на нашу Бессарабію, а князь Куза явнымъ образомъ старается пріобрѣсти симпатіи сосѣднихъ Болгаръ. Въ этихъ отрывочныхъ извѣстіяхъ, повидимому, заключается очеркъ цѣлаго плана, направленнаго къ образованію самостоятельнаго государства на сѣверѣ Балканскаго полуострова, и притомъ государства съ характеромъ латинскимъ и съ симпатіями къ императорской Франціи. Противъ этого плана ничего не скажетъ и Англія, если получитъ соотвѣтственное удовлетвореніе. Въ одномъ изъ вліятельныхъ органовъ торійской партіи, въ *Morning Herald*, мы сегодня же читаемъ слѣдующее: „Если уже Турецкая имперія распадается на части, то самыя сильныя преграды, какихъ мы могли бы только желать противъ властолюбія континентальныхъ державъ, заключались бы въ возникновеніи независимыхъ христіанскихъ и магометанскихъ властителей, съ владѣніями на столько обширными и округленными, чтобъ они сами могли отстаивать свою независимость“. Если бы не было признаковъ, что подобные планы существуютъ, что осуществить ихъ предполагаютъ въ духѣ враждебномъ не только для Россіи, но и для самаго православія на Востокѣ, то можно было бы вполнѣ одобрить политическую программу, заявленную въ *Русскомъ Инвалидѣ*; но въ предстоящемъ, повидимому, положеніи дѣлъ она окажется недостаточною.

Въ интересахъ и въ преданіяхъ Россіи лежитъ не только содѣйствіе расширенію правъ христіанскихъ племенъ Турціи, но и огражденіе вопервыхъ православія, а вовторыхъ и нашей матеріяльной безопасности. Что теперь происходитъ на Востокѣ, то не вполнѣ согласно съ этими преданіями. Мы желали бы, вмѣстѣ съ *Русскимъ Инвалидомъ*, предположить, что князь Куза сталъ умышленно въ непріязненныя къ намъ отношенія, съ тѣмъ только чтобы заискать расположеніе нашихъ противниковъ, зная, что сопротивленіе расширенію правъ христіанскихъ племенъ на Востокѣ шло всегда не отъ насъ, а отъ западныхъ державъ. Но едва ли возможно увѣрить кого бы то ни было въ справедливости этого предположенія. Самъ же *Русскій Инвалидъ* напоминаетъ, что князь Куза открыто содѣйствовалъ польскимъ выходцамъ, что онъ недавно повторялъ въ Константинополѣ, что Дунайскія Княжества займутъ, вмѣстѣ съ западными державами и съ Портой, передовое мѣсто въ борьбѣ, которая должна начаться съ Россіей, и наконецъ, что официяльный его органъ, *Букарештская Газета* исчисляла еще на дняхъ тѣ силы, которыми располагаетъ Румынія для этой борьбы. Сверхъ того, извѣстно, что князь Куза замышляетъ введеніе уніи въ своихъ владѣніяхъ, и съ этою цѣлью въ духовныхъ училищахъ Румыніи опредѣляетъ учителями уніатскихъ священниковъ. Если ко всему этому присоединить усилившіеся въ послѣднее время толки о предстоящемъ возобновленіи англофранцузскаго союза, главнѣйшею и интересною для Англіи цѣлью котораго можетъ быть только окончательное разрѣшеніе восточнаго вопроса, то мы очутимся лицомъ къ лицу съ такою случайностью, въ виду которой программа, заявленная *Русскимъ Инвалидомъ*, окажется слишкомъ недостаточною.

Недостаточность ея признаетъ, впрочемъ, и самъ *Инвалидъ*. „Нельзя отрицать, говоритъ эта газета, что многіе желали бы для Россіи дѣятельности болѣе блестящей и вліятельной", и затѣмъ указываетъ, что въ наше время каждое государство заботится прежде всего о самомъ себѣ, о своихъ частныхъ интересахъ, и что вліяніе его на общій ходъ дѣлъ условливается его внутреннимъ могуществомъ. „Озаботимся, говоритъ *Русскій Инвалидъ*, всестороннимъ развитіемъ нашихъ силъ, прочнымъ скрѣпленіемъ всѣхъ частей нашего государственнаго союза: остальное придетъ само собою. Отъ успѣшнаго хода этой внутренней работы зависитъ значеніе нашей внѣшней политики, ибо тѣмъ могущественнѣе будетъ раздаваться голосъ Россіи, чѣмъ болѣе живыхъ силъ броситъ она на вѣсы общеевропейской дипломатіи." Все это совершенно справедливо, все это мы сами говорили, и при обыкновенномъ теченіи дѣлъ это была бы программа совершенно удовлетворительная, — разумѣется еслибъ она сопровождалась убѣжденіемъ въ недостаточности нашихъ прежнихъ способовъ и пріемовъ, которые не въ состояніи ни возбудить живыхъ силъ въ странѣ, ни обезпечить имъ правильнаго и свободнаго развитія, ни внутренно объединить всѣ части Россіи. Но теперь европейская политика не течетъ обыкновеннымъ путемъ, и Россіи ежеминутно угрожаютъ такія комбинаціи, которыя могутъ имѣть рѣшительное вліяніе на всю дальнѣйшую ея исторію. Та новая внутренняя работа, о которой говоритъ *Русскій Инвалидъ* и результатомъ которой должно быть всестороннее развитіе нашихъ силъ и прочное скрѣпленіе всѣхъ частей нашего государственнаго организма, требуетъ и новыхъ способовъ, которые могли бы направить на общее дѣло всѣ живыя силы нашей страны, и можетъ быть новаго средоточія нашей государственной жизни. Кто дастъ себѣ трудъ глубже вникнуть въ пагубныя послѣдствія неблагопріятнаго для насъ разрѣшенія восточнаго вопроса, тотъ пойметъ, что судьбы Россіи тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ тѣмъ значеніемъ, которое должно принадлежать нашему юго-западному краю въ силу историческихъ преданій и условій и по требованію великихъ интересовъ національной политики и народнаго хозяйства.

№ 152.

Москва, 9-го іюля.

Мы очень рады, что почтенные петербургскіе педагоги не только отрекаются отъ своихъ мнѣній, которыя высказывали они и въ Ученомъ Комитетѣ, и въ своей газетѣ *Голосъ*, но и не могутъ вспомнить о нихъ безъ досады и огорченія. Имъ стало стыдно, что они еще недавно съ такимъ легкомысліемъ наговорили такъ много фальшиваго по дѣлу народнаго просвѣщенія; они хотятъ чтобы все ими сказанное считалось какъ бы *non avenu*, и осыпаютъ насъ укоризнами за то что мы напомнили публикѣ недавнія внушенія ихъ въ *Голосѣ*. Почтенные петербургскіе педагоги доходятъ до того, что просто-на-просто отпираются отъ своихъ печатныхъ мнѣній и безпощадно называютъ ихъ „нелѣпостями". Они объявляютъ себя теперь сторонниками классическаго образованія. Пріятно узнать объ этомъ, но тѣмъ не менѣе долгъ истины побуждаетъ насъ замѣтить, что какъ вообще бываетъ съ неофитами, они обнаруживаютъ большую смутность и зыбкость въ своихъ новыхъ убѣжденіяхъ. Объявивъ себя партизанами классическаго образованія, они очевидно еще не отдали себѣ отчета что̀ такое классическое образованіе и почему важно изученіе древнихъ языковъ. Они говорятъ объ этомъ артикулѣ своего новаго символа вѣры такъ, какъ сталъ бы говорить слѣпой о краскахъ и глухой о звукахъ. Сколько намъ извѣстно, вопросъ о реформѣ нашихъ гимназій принялъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ благопріятный для нашего народнаго просвѣщенія оборотъ: это обстоятельство вполнѣ удовлетворительно объясняетъ заявляемое петербургскими педагогами уваженіе къ дѣлу классическаго образованія и желаніе предать полному забвенію то что̀ было прежде высказано ими по этому предмету. Но это обстоятельство, хотя и очень могущественное для того чтобъ измѣнить фронтъ петербургскихъ педагоговъ, не обладаетъ однако такою чудотворною силой, чтобы мгновенно пересоздать ихъ образъ мыслей и водворить въ нихъ новыя убѣжденія.

Пусть припомнятъ читатели результаты трудовъ ученаго комитета по реформѣ нашихъ гимназій; пусть они припомнятъ, что результатомъ этихъ совѣщаній было полное отрицаніе классическаго ученія въ гим-

назіяхъ какъ отжившей свой вѣкъ нелѣпости. Горячая полемика, завязавшаяся по этому поводу, и склоненіе правительства къ принятію въ нашихъ гимназіяхъ классической основы, заставили офиціяльныхъ педагоговъ, заявить публично, что они будутъ добросовѣстно радѣть и способствовать этому дѣлу, хотя бы оно получило противную ихъ убѣжденіямъ организацію. Это признаніе, конечно, не могло успокоить людей, принимающихъ живое участіе въ предстоящей реформѣ нашихъ гимназій. Всякій знаетъ, что законъ, каковъ бы онъ ни былъ, не есть даже начало дѣла, что судьба дѣла зависитъ единственно оттого, какъ будетъ примѣняться законъ. Въ педагогическомъ дѣлѣ особенно все зависитъ отъ тѣхъ убѣжденій, которыя одушевляютъ примѣненіе закона. Безъ убѣжденія, яснаго, твердаго и энергическаго въ вѣрности началъ и правильности предпринимаемой реформы, не только нельзя ожидать никакого успѣха, но слѣдуетъ напротивъ ожидать всякаго вреда, какъ бы ни были вѣрны усвоенныя закономъ начала и какъ бы ни была правильна предпринимаемая реформа. Въ то время, когда взглядъ на это дѣло не установился, и вопросъ безпрестанно колебался то въ ту, то въ другую сторону, петербургскіе педагоги употребляли всевозможныя усилія, чтобы запутать вопросъ, съ тѣмъ чтобы разрѣшеніе его вышло по возможности согласно съ ихъ убѣжденіями. Слѣдя за этими колебаніями вопроса и замѣчая эти усилія, мы видѣли необходимость поддерживать полемику съ петербургскими педагогами, на мнѣнія которыхъ при другихъ обстоятельствахъ мы конечно не обратили бы вниманія.

Послѣдняя фаза этой полемики выразилась такимъ образомъ: петербургскіе педагоги находили, что англійскимъ лордамъ, при ихъ богатствѣ и эксцентричности, дозволительно учить своихъ дѣтей древнимъ языкамъ, по 16 часовъ въ недѣлю и что стало быть въ тѣхъ школахъ, гдѣ учатся дѣти бѣдныхъ родителей, желающихъ дать имъ полезное и солидное образованіе, такая безсмысленная трата времени была бы злоупотребленіемъ, что занятія классическими языками должно быть предоставлено только будущимъ ученымъ филологамъ, и что наконецъ сила обстоятельствъ и духъ нашего времени требуютъ теперь развитія другихъ учебныхъ заведеній, такъ-называемыхъ реальныхъ школъ. Мы нашлись вынужденными отвѣчать на это и разъяснить дѣло для нашей публики, которая имѣетъ о немъ, къ сожалѣнію, слишкомъ скудныя и смутныя понятія. Мы сочли своимъ долгомъ возстановить въ ихъ истинѣ факты, съ умысломъ или безъ умысла искаженные петербургскими педагогами. Оказалось, что древніе языки составляютъ главный и преимущественный предметъ занятій не въ одной Итонской школѣ, но и во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ соотвѣтствующихъ нашимъ гимназіямъ въ цѣлой цивилизованной Европѣ, и что шестнадцать часовъ, употребляемые въ Итонской школѣ на древніе языки, и удивившіе нашихъ петербургскихъ педагоговъ, какъ эксцентричность англійскихъ лордовъ,—что именно шестнадцать часовъ посвящаются на это ученіе и въ нѣмецкихъ гимназіяхъ, гдѣ учатся дѣти не англійскихъ лордовъ, что не менѣе времени посвящается на этотъ предметъ и во французскихъ лицеяхъ, гдѣ также занимаютъ латинскою и греческою версификаціей, что наконецъ реальныя школы не имѣютъ ничего общаго съ тѣми учебными заведеніями, которыя въ цивилизованныхъ странахъ Европы служатъ необходимымъ приготовленіемъ къ высшему университетскому образованію по разнымъ факультетамъ.

Теперь петербургскіе педагоги объявляютъ, что считаютъ нелѣпостію все явно заключавшееся въ ихъ словахъ, или явно вытекавшее изъ нихъ; они свидѣтельствуютъ о своемъ уваженіи къ классическому образованію, указываютъ на опытъ образованныхъ странъ Европы, и убѣждаютъ насъ согласоваться съ ними. Но согласоваться съ опытомъ образованныхъ странъ Европы значитъ полагать древніе языки въ основаніе гимназій, и сосредоточивать на нихъ все умственное развитіе учащихся. Вотъ опытъ образованныхъ странъ: въ нѣмецкихъ гимназіяхъ, бо́льшая часть всего времени учащихся въ продолженіи девятилѣтняго курса идетъ на этотъ предметъ; во Франціи восемь лѣтъ лицейскаго ученія точно также преимущественно посвящается древнимъ языкамъ; въ Англіи нѣтъ другихъ среднихъ учебныхъ заведеній кромѣ классическихъ, въ которыхъ почти только одни древніе языки и преподаются какъ предметъ обязательный. Вотъ самыя образованныя страны въ Европѣ, гдѣ развиваются такъ плодотворно и такъ блистательно всѣ роды человѣческаго знанія! Петер-

бургскіе педагоги указываютъ на опытъ образованныхъ странъ: пусть же они испытаютъ свои новыя убѣжденія, точно ли они готовы слѣдовать примѣру этихъ странъ и пользоваться ихъ опытомъ, или же они, попрежнему, въ глубинѣ души своей считаютъ все это сумазбродствомъ, эксцентричностію, средневѣковымъ варварствомъ. О мнѣніяхъ можно спорить, мнѣнія предметъ зыбкій; но факты, употребляя выраженіе петербургскихъ педагоговъ, факты неумолимы; факты не допускаютъ никакого спора. Если петербургскіе педагоги дѣйствительно хотятъ слѣдовать примѣру и опыту образованныхъ странъ Европы, то они должны сдѣлать это съ полнымъ сознаніемъ и измѣнить весь образъ своихъ мыслей; они не должны уже ни колебаться, ни вертѣться, а принять и признать фактъ во всей его силѣ. Или вовсе не нужно европейскаго образованія со всѣми его послѣдствіями, или надобно принять всѣ его условія и во всей ихъ силѣ; ввести древніе языки въ систему нашего народнаго просвѣщенія только для формы, какъ вообще принимаемъ мы все европейское, допустить ихъ только для того чтобъ имѣть право сказать, что и у насъ есть классическія гимназіи, это хуже всего. Всякая фальшь хуже истины. Лучше быть истиннымъ дикаремъ нежели поддѣльнымъ Европейцемъ.

Петербургскіе педагоги, свидѣтельствуя свое уваженіе къ классическому образованію, въ тоже самое время проговариваются, что латинскій языкъ одинъ, безъ греческаго, былъ бы совершенно достаточенъ для этой цѣли. Это одно уже свидѣтельствуетъ, что убѣжденія ихъ въ сущности ни мало не измѣнились.

Чѣмъ отличаются такъ называемыя реальныя школы въ цивилизованныхъ странахъ Европы отъ классическихъ? Тѣмъ, что въ реальныхъ либо вовсе нѣтъ древнихъ языковъ, либо допускается одинъ латинскій. Одинъ латинскій языкъ безъ греческаго есть отличительный признакъ школы, не имѣющей классическаго или университетскаго характера. Вотъ что говоритъ примѣръ цивилизованныхъ странъ, а наши петербургскіе педагоги, ссылаясь на этотъ примѣръ, будутъ увѣрять насъ, что въ школахъ, ведущихъ къ университету, достаточно одного латинскаго языка. Одно изъ двухъ: либо примѣръ цивилизованныхъ странъ никуда не годится и стало-быть ссылаться на него не слѣдуетъ, либо петербургскіе педагоги желали бы снабдить Россію, подъ именемъ классическихъ школъ, такими, которыя вездѣ въ Европѣ являются какъ противуположность и отрицаніе классическаго образованія. Зачѣмъ же это дѣлаютъ петербургскіе педагоги? Опытъ европейской цивилизаціи свидѣтельствуетъ, что въ то время, когда въ школѣ господствовалъ одинъ латинскій языкъ, она была безплодна и мертва, что исключительно латинская школа была школа средневѣковой схоластики, и тогда не существовало того, что̀ въ наше время называется классическимъ образованіемъ, начавшимся съ эпохи Возрожденія, т.-е. возрожденія классической древности въ европейской школѣ, а классическая древность есть Греція и Римъ въ неразрывной связи. Только отъ этой эпохи ведетъ свое начало классическое образованіе цивилизованной Европы, и лишь съ этой эпохи начинается то живое, могущественное, плодотворное развитіе человѣческой мысли во всѣхъ сферахъ знанія, характеризующее наше время. Итакъ вотъ одинъ фактъ: всѣ европейскія школы и учебныя заведенія, называющіяся классическими и служащія основаніемъ высшаго, т.-е. университетскаго образованія, суть школы греко-латинскія; вотъ другой фактъ: конецъ средневѣковой схоластики и начало новой европейской цивилизаціи совпадаютъ съ эпохою основанія этихъ классическихъ школъ, въ которыхъ къ латинскому языку присоединилось то, что̀ ученію латинскому даетъ жизнь и смыслъ—ученіе греческое. Если у насъ по какимъ-либо причинамъ только часть гимназій можетъ получить греческій языкъ, а другая часть останется съ однимъ латинскимъ, то это будетъ значить только то, что лишь одна часть нашихъ гимназій будетъ имѣть характеръ классической школы, а другая, съ однимъ латинскимъ языкомъ, будетъ соотвѣтствовать тому, что̀ въ Германіи называется мѣщанскими или реальными школами, воспитанники которыхъ не считаются зрѣлыми для слушанія университетскихъ лекцій по какому бы то ни было факультету. Пусть эти реальныя школы по мнѣнію петербургскихъ педагоговъ не только не хуже, но еще лучше классическихъ школъ или гимназій, но петербургскіе педагоги не должны вводить въ заблужденіе ни себя ни другихъ, называя ихъ гимназіями да еще классическими.

Петербургскіе педагоги подвергаютъ насъ горькому осмѣянію за то, что мы въ одной изъ статей нашихъ между прочимъ указываемъ на то, какъ плохо спорится у насъ дѣло спеціальныхъ знаній, лишенное прочнаго, подготовительнаго классическаго образованія, и къ слову сравнили состояніе медицинскихъ наукъ у насъ съ процвѣтаніемъ ихъ во Франціи, гдѣ нельзя поступить на медицинскій факультетъ, не выдержавъ экзамена на баккалавра словесности, то-есть не пройдя полнаго курса греко-латинской школы. Петербургскимъ педагогамъ показалась до крайности смѣшною и дикою мысль, что предварительное классическое образованіе можетъ имѣть вліяніе на развитіе такихъ спеціяльныхъ наукъ какъ медицинскія. Они забыли принятую ими на себя роль поклонниковъ классическаго образованія, и явили новое доказательство, что словамъ ихъ вѣрить не должно. Еслибъ они были дѣйствительно убѣждены, что классическія гимназіи нужны и полезны для насъ, то имъ не показалась бы странною мысль, что классическое ученіе, способствуя умственной зрѣлости людей готовящихся къ высшему образованію, оказываетъ благотворное дѣйствіе на ходъ ихъ дальнѣйшихъ занятій и на развитіе наукъ вообще. Зачѣмъ же и нужно классическое образованіе, если оно не способствуетъ, несомнѣнно и могущественно, умственной зрѣлости? А если оно способствуетъ умственной зрѣлости, то можетъ ли оно оставаться безъ вліянія на развитіе наукъ, которыя могутъ развиваться только по мѣрѣ зрѣлости посвящаемыхъ имъ умственныхъ силъ? Петербургскіе педагоги предобродушно хохочутъ надъ нами; но они не подозрѣваютъ, что мнѣніе, которое показалось имъ столь смѣшнымъ, вовсе не наше мнѣніе. Они хотѣли осмѣять и уронить насъ передъ русскою публикой, но осмѣяли и уронили не насъ, а французскихъ ученыхъ медиковъ, этихъ сумасбродовъ и варваровъ, къ которымъ Богъ знаетъ зачѣмъ ѣздимъ мы изъ Россіи учиться и лѣчиться. Въ 1852 году, во Франціи, какъ извѣстно, произведены были министромъ Фортулемъ нѣкоторыя перемѣны въ устройствѣ университетской системы; между прочимъ было постановлено, чтобы для поступленія въ медицинскіе факультеты не было обязательнымъ условіемъ держать экзаменъ на баккалавра словесности, то-есть представить доказательство вполнѣ оконченнаго курса греко-латинской школы. Что же послѣдовало? Медицинскіе факультеты во Франціи не такъ свободны отъ предразсудковъ и не отличаются такимъ просвѣщеннымъ духомъ, какъ медицинская школа въ Константинополѣ или какъ наши медицинскіе факультеты, — и вотъ что послѣдовало: всѣ медицинскіе факультеты во Франціи въ одинъ голосъ потребовали отмѣны этого распоряженія, угрожая въ противномъ случаѣ упадкомъ медицинскихъ наукъ во Франціи, и правительство поспѣшило отмѣнить это распоряженіе и возстановило во всей силѣ классическія требованія для поступленія на медицинскіе факультеты.

Итакъ, профессоры медицины во Франціи, которыми она такъ гордится и которые до сихъ поръ считались повсюду столь важнымъ авторитетомъ въ дѣлѣ медицинской науки, оказываются въ сущности такими же эксцентриками и варварами, какъ и англійскіе лорды. Для чего имъ понадобилось классическое образованіе? Какой смыслъ требовать, чтобы молодые люди, готовящіе себя къ тому чтобы щупать пульсъ у больныхъ и умѣть ловко отхватить переломленную ногу, предварительно проходили греко-латинскую школу, изучали Цицерона, Өукидида, Гомера и Софокла, и даже упражнялись въ латинской и греческой версификаціи, потому что французская школа и въ этомъ сумасбродствѣ не отстаетъ отъ англійской?

Петербургскіе педагоги упрекаютъ насъ въ непониманіи смысла и высокаго призванія реальныхъ школъ; они утверждаютъ, что мы будто бы умолчали злостнымъ образомъ, что въ Германіи такъ-называемыя реальныя школы имѣютъ свои права, приготовляя своихъ воспитанниковъ, если не къ университету, то къ высшимъ реальнымъ заведеніямъ, существующимъ независимо отъ университетовъ. Но почтенные противники или союзники наши взводятъ на насъ напраслину; мы указали всѣ пути, которые открываютъ своимъ воспитанникамъ такъ-называемыя реальныя или мѣщанскія школы въ Пруссіи и руководствовались самымъ вѣрнымъ источникомъ, именно уставомъ прусскихъ учебныхъ заведеній. Мы упомянули о Нейштадтъ-Эберфельдскомъ лѣсномъ институтѣ, о Королевскомъ Промышленномъ Заведеніи въ Берлинѣ, и пр. Сюда можно прибавить еще Королевскую Строительную Академію, так-

же ветеринарныя школы. Мы убѣдительно просимъ ученыхъ петербургскихъ педагоговъ сказать, въ какія еще высшія заведенія поступаютъ воспитанники прусскихъ реальныхъ школъ. Мы ничего не скрыли, и не имѣли надобности ничего скрывать. Мы представили фактъ въ его истинномъ свѣтѣ и со всею точностію. Изъ этого факта ясно, что Германія не уступаетъ въ педагогическихъ нелѣпостяхъ ни Англіи, ни Франціи; воспитаннику реальной школы Германія дозволяетъ учиться, напримѣръ, ветеринарному искусству въ спеціальныхъ заведеніяхъ, но учиться медицинѣ въ университетахъ она дозволяетъ только тѣмъ молодымъ людямъ, которые прошли греко-латинскую школу. Мы вполнѣ понимаемъ, что нашимъ петербургскимъ педагогамъ это должно казаться величайшею нелѣпостью, и мы знаемъ, что не имъ однимъ это такъ кажется. Въ Константинополѣ и Тунисѣ думается и чувствуется совершенно точно также.

Почтенные петербургскіе педагоги немножко напоминаютъ собою Мольерова мѣщанина, когда они говорятъ о реальныхъ школахъ. Имъ кажется, что это что-то такое необыкновенное и новое. Мольеровъ мѣщанинъ не зналъ, что говоритъ прозой, а петербургскіе педагоги, повидимому, не подозрѣваютъ, что ихъ идеалъ давнымъ-давно осуществленъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, и блистательнымъ образомъ явилъ на опытѣ свою плодотворную силу. Идеалъ ихъ осуществленъ не гдѣ-нибудь за моремъ, но въ самой Россіи, и осуществленъ въ такой полнотѣ, которая не оставляетъ желать ничего бóльшаго. У насъ нѣтъ другихъ учебныхъ заведеній, кромѣ такъ называемыхъ реальныхъ школъ. Даже наиотважнѣйшіе планы г. Водовозова осуществлялись у насъ въ весьма удовлетворительныхъ размѣрахъ. Учебное устройство нашихъ кадетскихъ корпусовъ, особенно въ ихъ прежнемъ видѣ, совершенно соотвѣтствуетъ этому идеалу. Въ свою очередь наши гимназіи, которыя неправильно носятъ это названіе, не имѣя ничего общаго съ европейскими гимназіями, въ точности соотвѣтствуютъ, по учебному устройству, такъ-называемымъ реальнымъ училищамъ. Только въ Прибалтійскихъ губерніяхъ сохранились гимназіи, подходящія къ европейскому образцу. Чего же еще хотѣли бы гг. Вороновъ и Водовозовъ? Чего же еще хотѣли бы петербургскіе педагоги? Система, которую они предлагаютъ дѣйствуетъ у насъ давно и господствуетъ исключительно, абсолютно; эта система достаточно испробована, и послѣдствія ея предъ глазами. Если эта система хороша, то зачѣмъ же намъ преобразовывать наши гимназіи? Если эта система хороша, то Россія должна бы въ настоящее время быть жизненнымъ средоточіемъ всѣхъ реальныхъ и техническихъ знаній, Россія должна бы стоять во главѣ современнаго прогресса, потому что нигдѣ въ цѣломъ мірѣ не господствуетъ въ такой силѣ система реальныхъ школъ, которую петербургскіе педагоги считаютъ новостію и предлагаютъ ввести въ Россію. У насъ молодые люди не тратятъ, какъ въ Германіи или Франціи, по восьми и девяти лѣтъ на латинскій и греческій языкъ, посвящая имъ по 16 часовъ въ недѣлю; у насъ молодые люди учатся всѣмъ наукамъ, входящимъ въ програму реальныхъ, или мѣщанскихъ школъ: и исторіи, и географіи, и новѣйшимъ языкамъ, и отечественой словесности, и естествовѣдѣнію, и даже законовѣдѣнію, и прихватываютъ немножко латыни. Изученіе новѣйшихъ языковъ процвѣтаетъ у насъ такъ, какъ нигдѣ въ мірѣ; наши образованные люди умѣютъ говорить по-французски часто не хуже Французовъ, и нерѣдко при томъ обладаютъ въ совершенствѣ языками нѣмецкимъ и англійскимъ. У насъ есть больше чѣмъ гдѣ-нибудь высшихъ учебныхъ заведеній, назначаемыхъ для приготовленія спеціалистовъ и по своимъ правамъ стоящихъ даже выше университетовъ; у насъ есть и технологическія заведенія, и инженерный корпусъ, и лѣсной институтъ, и школы топографовъ, и земледѣльческія академіи, и школа правовѣдѣнія, и пр. и пр. Наши университеты не требуютъ подготовительнаго классическаго образованія даже для филологическаго факультета; наши университеты совершенно довольствуются тою подготовкой, которая въ Германіи считается необходимою для поступленія въ ветеринарныя школы и въ аптекарскія заведенія. При такомъ развитіи системы реальныхъ школъ у насъ въ настоящее время, должны бы процвѣтать реальныя знанія какъ нигдѣ въ Европѣ. Не намъ бы слѣдовало ѣздить въ Европу учиться правамъ, естествовѣдѣнію, медицинѣ, въ университетахъ основанныхъ на предварительномъ классическомъ образованіи, а къ намъ бы

слѣдовало ѣздить оттуда, для того чтобы проникаться духомъ реализма въ нашихъ университетахъ, вполнѣ свободныхъ отъ классическихъ предразсудковъ и основанныхъ на чистѣйшихъ реальныхъ школахъ. Весь обманъ заключается въ словѣ реальное. Развитіе системы такъ-называемыхъ реальныхъ школъ не имѣетъ ничего общаго съ развитіемъ реальныхъ знаній. Наши педагоги думаютъ, что удержаніемъ или распространеніемъ системы школъ, случайно названныхъ въ Германіи реальными, они будутъ способствовать распространенію духа реальныхъ знаній; но реальныя школы вовсе не значатъ школы служащія основаніемъ для реальныхъ знаній. Подготовительнымъ основаніемъ для реальныхъ знаній въ Германіи служатъ гимназіи, въ которыхъ всѣ умственныя силы учащихся сосредоточиваются на изученіи древнихъ языковъ; реальными же училищами называется система учебныхъ заведеній низшаго разряда, не примыкающихъ къ университету, какъ къ средоточію всѣхъ знаній и высшаго умственнаго образованія. Не изъ ветеринарныхъ школъ, не изъ ремесленныхъ заведеній выходили и выходятъ знаменитые ученые по всѣмъ частямъ человѣческаго вѣдѣнія, и химики, и естествоиспытатели, и юристы, и историки, и физики, и физіологи; они выходятъ изъ университета, и всѣ они воспитанники греко-латинской школы, всѣ они убивали золотое время своего отрочества на сумасбродныхъ занятіяхъ обоими древними языками по шестнадцати часовъ въ недѣлю,—занятіяхъ, отъ которыхъ избавлены воспитанники реальныхъ школъ, и отъ которыхъ также всецѣло избавлено наше учащееся юношество.

Петербургскіе педагоги полагаютъ, что мы ошиблись въ показаніи цифры прусскихъ гимназій: мы сказали что въ Пруссіи гимназій считается 143, а они поправляютъ насъ и показываютъ цифру 126. Сто сорокъ три гимназіи—дѣйствительно большая цифра по нашему мнѣнію, даже слишкомъ большая для Пруссіи: но не мы ошиблись, а ошиблись наши почтенные антагонисты. Смѣемъ ихъ увѣрить, что въ Пруссіи дѣйствительно находится въ вѣдѣніи министра народнаго просвѣщенія сто сорокъ три гимназіи: сто двѣ евангелическія, тридцать девять католическихъ и двѣ смѣшанныхъ, итого сто сорокъ три; въ провинціи Прусской двадцать гимназій, въ провинціи Познанской семь, въ Силезской двадцать двѣ, въ Померанской тринадцать, въ Бранденбургской двадцать одна, въ Саксонской двадцать одна, въ Вестфальской шестнадцать, въ Рейнской двадцать три, — итого сто сорокъ три гимназіи. Въ точности нашихъ показаній легко убѣдиться, заглянувъ только въ прусскій учебный календарь. Въ числѣ этихъ ста сорока трехъ гимназій есть одна, на которую мы считаемъ не лишнимъ обратить вниманіе читателей. Говоря о нѣмецкихъ реальныхъ училищахъ, у насъ нерѣдко называютъ ихъ реальными гимназіями, но это не точно: гимназіями въ Германіи называются только тѣ учебныя заведенія, которыя примыкаютъ къ университету, и въ которыхъ оба древніе языка составляютъ главный предметъ ученія. Въ Пруссіи, если не ошибаемся, есть одна реальная гимназія, это такъ называемая Кельнская въ Берлинѣ. Она пользуется правами университетской гимназіи. Но тотъ очень ошибется, кто вообразитъ себѣ, что эта реальная гимназія имѣетъ хоть малѣйшее сходство съ тѣми заведеніями, которыя придумываетъ прогрессивная изобрѣтательность нашихъ петербургскихъ педагоговъ. Еслибы въ нашихъ классическихъ гимназіяхъ преподавались древніе языки въ такой силѣ и степени, какъ въ этой Кельнской реальной гимназіи, то мы могли бы благословить свою судьбу и сказать, что дѣло народнаго просвѣщенія наконецъ у насъ упрочено.

Чтобы судить, какъ мало эта реальная гимназія походитъ на то, что у насъ называютъ реальными гимназіями, нужно знать, что въ ней преподаются обязательно для *всѣхъ* учениковъ оба древніе языка, что преподаванію древнихъ языковъ дано въ ней небольшое число часовъ, что элементъ филологическій въ ней господствуетъ, что ея директоръ-филологъ и учитель латинскаго языка, что на каждомъ классѣ, старшій учитель (ordinarius), завѣдывающій ходомъ цѣлаго класса, есть непремѣнно учитель одного изъ древнихъ языковъ, что наконецъ главные учителя этой школы принадлежатъ къ замѣчательнымъ филологамъ Германіи, какъ гг. Риббекъ, Бенари, Кунъ, Скельманъ, которые безспорно обладаютъ всѣми средствами сдѣлать съ своими учениками въ одинъ часъ то что обыкновенный учитель не сдѣлалъ бы въ три. Нормальное число часовъ употребляемыхъ въ обыкновенныхъ гимназіяхъ на древніе язы-

ки,—шестнадцать, а въ Кельнской реальной гимназіи, при тѣхъ особенныхъ средствахъ, которыми она обладаетъ, на преподаваніе древнихъ языковъ употребляется отъ четырнадцати до одиннадцати. Но за то полный курсъ этой гимназіи не 9, а 10 лѣтъ. Четырнадцать часовъ въ недѣлю на древніе языки въ гимназіи, которая называется реальною! Преподаваніе латинскаго языка начинается съ перваго класса и продолжается всѣ десять лѣтъ. Греческій языкъ начинается съ четвертаго года гимназіальнаго ученія, и преподается въ продолженіи семи лѣтъ. Реализмъ этой гимназіи заключается въ томъ, что тамъ усилено преподаваніе физики, въ нѣкоторыхъ классахъ введено преподаваніе элементарной химіи, технологіи и естественной исторіи; да сверхъ того преподаются два иностранные языка; англійскій и французскій. Еврейскій языкъ, для будущихъ филологовъ и богослововъ, преподается въ ней, какъ и въ другихъ прусскихъ гимназіяхъ. Изъ греческаго языка на высшихъ курсахъ объясняются Демосѳенъ и Ѳукидидъ, и сверхъ того требуются упражненія въ писаніи на греческомъ языкѣ. Изъ латинскаго въ высшихъ классахъ объясняются Цицеронъ, Тацитъ, Виргилій, Горацій, и ученики упражняются въ латинскомъ разговорѣ. Вотъ *реальная* гимназія въ Германіи, пользующаяся правами аттестаціи въ университетъ!

№ 153.

Москва, 10-го Іюля.

Приближающееся окончательное разсмотрѣніе въ здѣшней Общей Думѣ вопроса о газовомъ освѣщеніи побуждаетъ насъ возвратиться къ этому сложному дѣлу и еще разъ обратить вниманіе публики на его главныя основанія, которыя надобно имѣть въ виду, чтобы составить себѣ правильное сужденіе о выгодности того или другаго условія заключаемаго между городомъ и предпринимателями. Кто не знакомъ съ крупными характеристическими особенностями дѣла, тому можетъ показаться очень выгоднымъ то что̀ въ сущности вовсе невыгодно.

Многіе въ публикѣ полагаютъ, что это дѣло касается преимущественно городскаго хозяйства. Управленіе заботящееся о внѣшнемъ благоустройствѣ города должно желать, чтобы городскія улицы освѣщались газомъ, но въ то же время оно должно воздерживаться отъ обремененія городской казны. Изъ того обстоятельства, что Москва до сихъ поръ не вводила у себя газоваго освѣщенія, обыкновенно заключаютъ, что стало-быть оно очень дорого. Поэтому, когда рѣчь зашла объ освѣщеніи улицъ Москвы газомъ, многіе полагали, что эта роскошь тяжело отзовется на городской казнѣ. Никто не могъ повѣрить, что есть возможность освѣщать городскія улицы газомъ, не тратя ни одной лишней копѣйки противъ того что̀ тратилось доселѣ на наши едва мерцающіе городскіе фонари. Вѣсть о существованіи благодѣтельныхъ людей соглашающихся освѣщать газомъ городскія улицы не требуя отъ города ни затраты капитала, ни увеличенія ежегодныхъ расходовъ,—эта вѣсть поразила многихъ своею неожиданностью. Въ выгодности подобнаго предложенія повидимому нельзя было сомнѣваться. Какой эффектъ произвело оно, видно изъ того, что прежде въ разныхъ кружкахъ замышлялась оппозиція проекту освѣщать Москву газомъ, собирались выдвинуть противъ него разнаго рода артиллерію, между прочимъ и патріотическую, но оппозиція смолкла, какъ скоро сдѣлалось извѣстнымъ, что газовое освѣщеніе улицъ не будетъ стоить городу лишнихъ издержекъ. Въ большинствѣ же публики, это извѣстіе рѣшительно произвело всеобщее удовольствіе, и радость, что Москва наконецъ будетъ освѣщаться газомъ, совершенно заглушила всякое расположеніе къ хладнокровному разбору сдѣланныхъ по этому предмету предложеній.

Еслибъ это дѣло было поведено быстро, то предложенныя условія были бы навѣрное приняты. Но нѣтъ худа безъ добра. Проволочка, замедлившая рѣшеніе этого дѣла, можетъ послужить въ пользу городу. Удостовѣрившись въ несомнѣнной возможности ввести въ Москвѣ газовое освѣщеніе улицъ безъ обремененія городской казны, публика теперь способна обсудить это дѣло безъ увлеченія чувствомъ безотчетной радости, и позволительно надѣяться, что это настроеніе общественнаго мнѣнія выразится и въ рѣшеніяхъ Общей Думы. Представители городскихъ интересовъ, конечно, не утвердятъ такого контракта, который былъ бы *притчей во языцѣхъ* для цѣлой Европы.

Дѣло въ томъ, что вопросъ объ освѣщеніи газомъ гораздо болѣе касается частныхъ лицъ нежели городской казны. Уличное освѣщеніе есть незначительная часть того предпріятія, о которомъ теперь идетъ дѣло. Если бы Дума отдавала съ торговъ на 30 лѣтъ освѣщеніе городскихъ улицъ газомъ, она не нашла бы предпринимателей, которые согласились бы брать по 25 рублей въ годъ за фонарь. Весь интересъ предпріятія заключается въ привилегіи на исключительную торговлю текучимъ газомъ съ частными лицами въ извѣстномъ районѣ по извѣстной цѣнѣ и въ продолженіи извѣстнаго (тридцатилѣтняго) срока. Не съ уличныхъ фонарей, а съ этой привилегіи будетъ получаться доходъ, привлекающій предпринимателей къ торгамъ. Вездѣ на свѣтѣ, даже въ самыхъ маленькихъ городкахъ, частное потребленіе газа въ нѣсколько разъ больше чѣмъ потребленіе его въ уличныхъ фонаряхъ, горящихъ на счетъ города. Какъ велико будетъ частное потребленіе газа въ Москвѣ, этого никто предсказать не можетъ: оно будетъ зависѣть отъ цѣны газа. Но какъ бы мало оно ни было, на немъ все-таки будетъ основанъ весь доходъ газовой компаніи. Цѣна уличнаго фонаря, платимая городомъ, можетъ имѣть лишь самое малое, едва осязательное вліяніе на этотъ доходъ. Вотъ почему только при совершенно недостаточномъ знакомствѣ съ характеромъ этого дѣла можно радоваться тому, что предприниматели соглашаются взять съ города умѣренную цѣну за уличный фонарь, вознаграждая себя съ лихвой назначеніемъ чрезмѣрной цѣны для частнаго потребленія.

Если для предпринимателя главное дѣло заключается въ цѣнѣ газа отпускаемаго частнымъ лицамъ, то само собой разумѣется, что при заключеніи контракта, на эту же цѣну должно быть обращено главное вниманіе и со стороны города. Надобно уяснить себѣ что главное дѣло тутъ отнюдь не въ томъ почемъ будетъ платить городъ за уличный фонарь, по 20 р. или по 25 р.; пять рублей разницы на фонарь, при 3.000 фонарей, составитъ всего на все 15.000 р. въ годъ. Главное дѣло въ въ цѣнѣ, которую предприниматель будетъ брать съ частныхъ лицъ и казенныхъ заведеній. Если послѣднее потребленіе будетъ только въ пять разъ больше городскаго, а цѣна газа вдвое больше, то соотвѣтствующая разница составитъ уже не 15.000, а 150.000 рублей. Вотъ стало-быть жизненный пунктъ дѣла, и упускать изъ виду этотъ жизненный пунктъ, утѣшаясь дешевизной уличнаго освѣщенія, значитъ обличать въ себѣ такое незнакомство съ дѣломъ, при которомъ не возможно браться за сужденіе о немъ.

Защитники проектированнаго контракта указываютъ на то, что онъ опредѣляетъ лишь высшую цѣну, которую будущая компанія уполномочивается брать съ частныхъ лицъ, и увѣряютъ, что на дѣлѣ цѣна будетъ ниже, такъ какъ интересъ предпринимателя сопряженъ съ расширеніемъ потребленія, а извѣстно, что чѣмъ дешевле становится вещь, тѣмъ болѣе распространяется ея потребленіе. Эта аргументація, если мы не ошибаемся, производитъ эффектъ на многихъ, но тѣмъ не менѣе она совершенно ошибочна. Г. Свѣтлолюбовъ, въ статьѣ напечатанной ниже, приводитъ въ ея опроверженіе примѣръ виннаго откупа, который, какъ извѣстно, крайне мало пользовался своимъ правомъ понижать продажную цѣну водки, а напротивъ всячески старался, и старался съ удивительнымъ успѣхомъ, поднимать ее даже выше того *maximum*, которое было опредѣлено въ контрактахъ откупщиковъ съ казной. Монополія на продажу питей можетъ-быть не во всѣхъ отношеніяхъ идетъ въ сравненіе съ монополіей на продажу текучаго газа, но что и эта послѣдняя монополія болѣе заинтересована въ удержаніи высокихъ цѣнъ нежели въ замѣнѣ ихъ цѣнами низкими, это несомнѣнно слѣдуетъ изъ цѣлаго ряда находящихся передъ нашими глазами опытовъ.

Въ предыдущемъ нумерѣ *Воскресныхъ Прибавленій* къ нашей газетѣ г. Павловичъ привелъ нѣсколько краснорѣчивыхъ примѣровъ того, какъ упорно газовыя компаніи держали высокія цѣны, пока не являлась конкурренція, и какъ быстро цѣны понижались, когда серіозная конкурренція принуждала ихъ довольствоваться умѣреннымъ барышомъ. Газовые заводы не лопались вслѣдствіе этого пониженія цѣнъ; они продолжали еще давать барышъ: ясное доказательство, что прежнія цѣны были цѣны монопольныя, и что при ихъ назначеніи газовыя компаніи вовсе не руководствовались той аксіомой, на которую намъ теперь указываютъ, — аксіомой что удешевленіе продукта расширяетъ его потребленіе.

Итакъ, вотъ двѣ самыя крупныя черты газоосвѣщенія, какъ коммерческаго предпріятія:

1. Главный интересъ дѣла не въ уличныхъ фонаряхъ, а въ частномъ потребленіи газа.

2. По свойству предпріятія, нельзя ожидать, чтобы предприниматель, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, сталъ добровольно соглашаться на значительное пониженіе цѣнъ выговоренныхъ въ контрактѣ.

Изъ этого слѣдуетъ, что при заключеніи контракта по газоосвѣщенію не слѣдуетъ смотрѣть слегка на цѣны частнаго потребленія: это значило бы слегка смотрѣть на самую существенную сторону дѣла. Далѣе изъ этого слѣдуетъ, что контрактъ долженъ имѣть въ виду монопольный характеръ предпріятія и заботиться о томъ чтобъ интересы предпринимателя были по возможности соглашены съ интересами обывателей.

Читатели найдутъ ниже статью о газоосвѣщеніи подписанную псевдонимомъ *Свѣтлолюбовъ*. Въ этой статьѣ указано нѣсколько измѣненій контракта, желательныхъ въ интересѣ предпринимателей. Нѣкоторыя изъ этихъ измѣненій, повидимому, не противорѣчили бы и интересамъ города. Въ такомъ случаѣ городу было бы выгодно согласиться на нихъ, потому что чѣмъ болѣе вы освобождаете контрагента отъ условій для него тягостныхъ, а для васъ безполезныхъ, тѣмъ бóльшаго пониженія цѣны вы можете ожидать отъ него. Это не будетъ уступкой безкорыстною,—непозволительною въ этомъ случаѣ. Но увеличивая привлекательность предпріятія устраненіемъ стѣснительныхъ условій, городское управленіе должно съ другой стороны обезпечить городу соотвѣтствующее вознагражденіе, принявъ нужныя мѣры противъ неправильнаго исхода торговъ. Мы не имѣемъ основанія предполагать соглашеніе между конкуррентами, но если существуютъ въ городѣ сколько-нибудь основательные толки о чемъ-либо подобномъ, то этого уже достаточно для того чтобъ оправдать крайнюю осторожность въ веденіи этого дѣла. Дума можетъ выставить цифру, съ которой должны начинаться торги, или, что̀ было бы лучше, она можетъ поручить нѣсколькимъ довѣреннымъ лицамъ изъ своей среды назначить секретно ту цѣну, выше которой Дума не намѣрена дать, какъ это дѣлается по военному вѣдомству и обыковенно дѣлается во Франціи; пакетъ съ обозначеніемъ этой секретной цѣны былъ бы вскрытъ по окончаніи торговъ и заключалъ бы въ себѣ рѣшеніе о томъ, состоялись торги или нѣтъ.

Для точнаго опредѣленія этихъ нормальныхъ цѣнъ нужны подробныя смѣты по всей операціи, что̀ вѣроятно уже и сдѣлано коммиссіей Думы, но эти смѣты, какъ само собой разумѣется, не могутъ быть опубликованы до окончанія торговъ. Между тѣмъ публикѣ, вѣроятно, будетъ любопытно узнать предварительно наиболѣе интересныя изъ относящихся сюда данныхъ. Этому любопытству отчасти удовлетворитъ сдѣланное г. Павловичемъ приблизительное вычисленіе нормальныхъ цѣнъ газа, которое читатели найдутъ въ завтрашнемъ нумерѣ *Воскресныхъ Прибавленій* и на которое мы заранѣе обращаемъ ихъ вниманіе.

№ 154.

Москва, 11-го Іюля.

А.

Дерптскій учебный округъ и ближайшимъ образомъ Дерптскій университетъ удостоился новаго преимущества: въ немъ учреждены тридцать стипендій, въ 300 р. каждая, для приготовленія учителей для западныхъ губерній, православнаго или протестантскаго исповѣданій. Это преимущество, можетъ-быть очень прискорбное для дѣятелей и питомцевъ другихъ русскихъ университетовъ, безъ сомнѣнія, основано на очень уважительныхъ соображеніяхъ. Господствующій въ университетахъ духъ и успѣхи учащихся въ нихъ зависятъ отъ гимназическаго подготовленія послѣднихъ, а это подготовленіе въ Дерптскомъ учебномъ округѣ несравненно солиднѣе чѣмъ въ какомъ-либо другомъ учебномъ округѣ Россіи. Тогда какъ мы еще споримъ, какое гимназическое образованіе пригоднѣе для природныхъ Русскихъ, солидное ли, основанное на изученіи обоихъ древнихъ языковъ, или поверхностное, какое дается въ нашихъ *такъ-называемыхъ* гимназіяхъ, прибалтійскіе Нѣмцы давнымъ-давно уже рѣшили этотъ вопросъ въ свою пользу, и теперь хлопочутъ только о томъ, нельзя ли и тѣ немногія реальныя училища или

неполныя гимназіи, какія у нихъ уцѣлѣли, обратить въ настоящія гимназіи классическія. Очевидно, что огромное преимущество должно оказываться на сторонѣ Дерптскаго университета у тѣхъ студентовъ его, которые поступаютъ изъ мѣстныхъ гимназій,—преимущество, которое должно заставить университетскій совѣтъ, при назначеніи стипендій, предпочитать мѣстныхъ уроженцевъ протестантовъ православнымъ Русскимъ, получившимъ образованіе въ русскихъ такъ-называемыхъ гимназіяхъ. Такимъ образомъ воспитаніе молодыхъ поколѣній нашего западнаго края въ духѣ русской народности придется ввѣрить, благодаря жалкому состоянію нашихъ гимназій, преимущественно заботливости нѣмецкихъ и протестантскихъ педагоговъ, которые не даромъ такъ свысока смотрятъ на русскую народность: оказывается, что безъ ихъ помощи и содѣйствія русскій народъ не можетъ обойдтись даже и въ такомъ дѣлѣ, какъ поддержаніе русской національности въ ополяченныхъ областяхъ нашихъ.

Впрочемъ, это не единственная несообразность, какую представляетъ нынѣшнее положеніе нашего народнаго просвѣщенія: въ нашей западной окраинѣ сосредоточены не только наилучшія, но и наибольшія образовательныя средства, доступныя не массѣ населенія, а высшимъ болѣе достаточнымъ классамъ, или прямо враждебнымъ Россіи, или пренебрегающимъ русскою народностью. Изъ нашихъ 80 гимназій на долю Дерптскаго учебнаго округа, то-есть, Эстляндіи, Лифляндіи и Курляндіи, приходится 9 гимназій, въ томъ числѣ три прогимназіи, изъ коихъ двѣ въ Перновѣ и въ Либавѣ предполагалось преобразовать въ полныя гимназіи, и два реальныя училища (въ Ригѣ и въ Митавѣ), о преобразованіи которыхъ въ настоящія гимназіи также идетъ рѣчь. Сверхъ того, частныхъ гимназій считается тамъ три, и изъ нихъ двумъ лифляндскимъ, въ Венденѣ и въ Феллинѣ, предоставлено право давать воспитанникамъ свидѣтельство на поступленіе въ университетъ. Всего 12 гимназій, изъ коихъ 9 казенныхъ нѣмецкихъ, на три губерніи, среднимъ числомъ по 4 гимназіи на каждую губернію. Какая изъ нашихъ внутреннихъ губерній, хотя бы и самыхъ населенныхъ, за исключеніемъ Петербургской и Московской съ столицами всей Имперіи, представляетъ намъ что-либо подобное? Все нѣмецкое и онѣмеченное населеніе этихъ трехъ губерній, для котораго главнѣйшимъ образомъ предназначены эти нѣмецкія гимназіи, простирается до 179.000, что даетъ по одной казенной гимназіи на каждыя 19.000 Нѣмцевъ, тогда какъ на 36.000 Русскихъ, проживающихъ въ Эстляндіи, Лифляндіи и Курляндіи нѣтъ ни одной ни казенной, ни частной русской гимназіи. Мудрено ли, что 25.000 Нѣмцевъ въ Эстляндіи, 94.000 въ Лифляндіи и 60.000 въ Курляндіи могутъ при такихъ могущественныхъ средствахъ онѣмечить не только 36.000 проживающихъ среди нихъ Русскихъ, но и 700.000 Финновъ (Эстонцевъ) въ трехъ губерніяхъ, а также 820.000 народа литовскаго племени?

Но пойдемъ далѣе на югъ по нашей западной окраинѣ. Тутъ, въ Виленскомъ учебномъ округѣ, то-есть въ губерніяхъ Ковенской, Виленской, Гродненской и Минской, представляется намъ опять такая роскошь средствъ къ общечеловѣческому образованію, о которыхъ пока не смѣютъ и мечтать наши чисто-русскія губерніи. 16 казенныхъ гимназій, въ томъ числѣ 3 прогимназіи, на 4 губерніи, итого по 4 казенныя гимназіи на каждую! И эти гимназіи главнѣйшимъ образомъ служатъ интересамъ не русскаго или литовскаго населенія, а ополяченныхъ высшихъ и среднихъ классовъ, которые заключаютъ въ себѣ 382.230 душъ обоего пола, такъ что по одной казенной гимназіи приходится на каждыя 24.000 душъ того населенія, для котораго преимущественно доступно гимназическое образованіе. Вспомнимъ при этомъ, что, за немногими исключеніями, до послѣдняго мятежа, учителями въ этихъ гимназіяхъ были завзятые Поляки, которые отчасти успѣли, а отчасти надѣялись изгнать изъ нихъ русскій языкъ. Изъ нихъ двое пропали безъ вѣсти во время мятежа, шестеро были уволены въ 1863 г. за явную неблагонадежность, а 23 были подъ арестомъ, ученики же ихъ, цѣлыми массами, вступали въ ряды повстанцевъ. Да и послѣ того какъ мятежъ былъ подавленъ и были приняты мѣры къ измѣненію состава учительскихъ совѣтовъ, къ началу нынѣшняго года, изъ 243 учителей было только 92 Русскихъ и 124 Поляковъ. О числѣ учениковъ и распредѣленіи ихъ по происхожденію мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній; но несомнѣнно, что польскій элементъ былъ въ нихъ рѣшительно преобладающимъ. Не знаемъ какъ будетъ впредь,

но до сихъ поръ щедрость нашей казны относительно надѣленія гимназіями этихъ ополяченныхъ губерній служила только къ водворенію и утвержденію здѣсь полонизма и католицизма. Что это именно было такъ, самымъ нагляднымъ тому доказательствомъ служитъ нынѣшнее распредѣленіе казенныхъ гимназій между этими губерніями. Въ Ковенской губерніи, гдѣ наименьшее число православныхъ Русскихъ (а именно всего около 23.000) сосредоточено наибольшее число, а именно 5 гимназій; въ Гродненской же губерніи, гдѣ Русскихъ 671.000, всего 3 гимназіи.

Всѣ эти гимназіи были переполнены учениками не столько потому чтобы Поляки выше Русскихъ цѣнили общее человѣческое образованіе,—хотя мы и должны отдать справедливость дворянству Виленской губерній, которое года два тому назадъ ходатайствовало объ обращеніи тамошнихъ гимназій въ настоящія классическія, зная, какое преимущество пріобрѣтали бы такимъ образомъ ихъ сыновья предъ воспитанниками гимназій въ нашихъ внутреннихъ губерніяхъ, — сколько потому что польская шляхта, гордая и тщеславная, хотя нерѣдко и очень бѣдная, съ пренебреженіемъ смотритъ на торговыя и промышленныя занятія, и стремясь къ преобладанію и господству въ краѣ и въ цѣлой Россіи, спѣшила доставлять своимъ сыновьямъ гимназическое образованіе и тѣмъ открывать имъ широкій путь къ государственной службѣ. И этимъ-то властолюбивымъ видамъ какъ нельзя лучше служили 16 казенныхъ гимназій въ четырехъ наиболѣе ополяченныхъ губерніяхъ.

Такимъ образомъ почти одна треть всѣхъ нашихъ гимназій сосредочены въ семи губерніяхъ, гдѣ господствующій классъ населенія принадлежитъ къ инороднымъ племенамъ. Если и независимо отъ этого обстоятельства такое предпочтеніе однихъ губерній другимъ есть явная несправедливость, то при этомъ дополнительномъ условіи оно получаетъ значеніе политической ошибки, послѣдствія которой уже дали и даютъ себя чувствовать очень сильно. Мы не будемъ говорить о тѣхъ ея послѣдствіяхъ, которыя могутъ выразиться въ отношеніяхъ окраинъ къ цѣлому. Мы укажемъ только на зависимость, въ которой находится отъ этого порядка вещей личный составъ нашего чиновничества, то-есть нашего правительственнаго класса. Намъ сообщали за достовѣрное слѣдующія многознаменательныя въ этомъ отношеніи данныя: не говоря уже о трехъ прибалтійскихъ губерніяхъ, гдѣ почти всѣ должности, за весьма немногими исключеніями, заняты туземцами, въ нашихъ ополяченныхъ западныхъ губерніяхъ, въ общемъ составѣ облеченныхъ властью лицъ, было до послѣдняго мятежа не болѣе $^1/_2$ части лицъ не польскаго происхожденія, а въ остальной Россіи болѣе одной трети (37 проц.) всѣхъ лицъ, имѣющихъ власть, принадлежатъ не къ Русскимъ. Вотъ въ какой значительной мѣрѣ инородцы участвуютъ у насъ въ господствѣ надъ господствующимъ народомъ! Одною относительно-низшею степенью образованности русскаго народа, конечно, нельзя еще объяснить такое въ высшей степени прискорбное и безпримѣрное въ исторіи явленіе: древніе Греки еще болѣе превосходили своимъ образованіемъ Римлянъ чѣмъ наши западные инородцы превосходятъ Русскихъ, и однакоже самые образованные Греки за величайшую честь и счастіе считали для себя быть простыми римскими гражданами, и никогда не становились въ Римѣ ни консулами, ни преторами. Но въ наше время перевѣсъ образованія все болѣе влечетъ за собою перевѣсъ силы, политическаго могущества и преобладанія, и однакоже этотъ перевѣсъ образованія у насъ предоставленъ враждебнымъ или не совсѣмъ доброжелательнымъ къ намъ инородцамъ. Мы сохраняемъ за этими инородцами такія преимущества, въ которыхъ отказываемъ русскому народу какъ необразованному и неразвитому, и однакоже всѣ средства къ образованію наиболѣе щедрою рукой расточаемъ не русскому народу, а живущимъ въ его государственной области инородцамъ...

Можно ли не скорбѣть и не опасаться за будущность русскаго народа въ Россіи, видя съ одной стороны эти преимущества чужеродцевъ относительно средствъ образованія, а съ другой видя, что у русскаго народа русскіе же люди оспариваютъ даже право на солидное образованіе, какое почерпается только въ классическихъ гимназіяхъ?

Б.

Мы надѣемся, что читатели обратили вниманіе на извѣстіе о съѣздѣ священниковъ Гродненской губерніи Брагинскаго благочинія. Это явленіе совершенно новое

у насъ и въ высшей степени замѣчательное.

Двѣнадцать сельскихъ священниковъ, въ назначенный день, собираются въ присутствіи своего благочиннаго и подъ его предсѣдательствомъ, и призвавъ помощь Того, отъ Кого исходитъ всякое благо, приступаютъ къ обсужденію предметовъ по дѣламъ „вѣры, православной церкви и отечества,“ записываютъ свои рѣшенія въ протоколъ и принимаютъ его въ руководство себѣ на будущее время. Вотъ наконецъ люди, которые, не витійствуя и не разсыпаясь въ фразахъ, прямо принимаются за дѣло! И какое дѣло! Вносить въ дома своихъ прихожанъ, въ кругъ ихъ ежедневной жизни, чувство вѣры, обычаи православія, русскую рѣчь, просвѣтлять ихъ умъ, улучшать ихъ нравственность и во всемъ этомъ служить имъ примѣромъ. Вотъ, наконецъ, гдѣ эти „положительныя“ средства къ упроченію за русскимъ народомъ западнаго края, которыя мы такъ часто призывали!... Этого мало: люди, о которыхъ мы говоримъ, кромѣ христіанскаго, достойнаго добрыхъ пастырей дѣла, являютъ доказательство живаго гражданскаго чувства и участія въ интересахъ, хотя и не постороннихъ имъ, но далекихъ: мы говоримъ о Кавказскомъ обществѣ распространенія православія, которому хотятъ удѣлять изъ своихъ крохъ эти сельскіе пастыри, нуждающіеся въ самомъ необходимомъ, совершающіе богослуженіе въ крашенинныхъ ризахъ въ полуразвалившихся храмахъ,—они такъ долго забытые и покинутые нами, къ кому мы такъ не спѣша спѣшимъ на помощь даже и теперь, когда открылась передъ нами вся страшная бездна ихъ положенія, вся опасность нашей народности и вѣры въ этомъ краѣ!..! Какъ умилительна эта лепта, и сколько въ ней горькаго укора для Москвы?

Соборъ этихъ двѣнадцати (апостольское число) священниковъ не можетъ быть явленіемъ случайнымъ: это, безъ сомнѣнія, плодъ давнихъ, не вовсе истребившихся преданій, результатъ иныхъ, мало знакомыхъ намъ условій жизни. Мы должны были бы отодвинуться слишкомъ далеко въ даль вѣковъ, чтобы найдти духъ самопроизвольнаго движенія въ сельскомъ духовенствѣ нашей восточной, московской Руси. Увы! едва ли въ немъ сохранились объ этомъ даже и преданія! Трудно и представить себѣ, чтобы нѣсколько сельскихъ священниковъ какой-нибудь велико-россійской епархіи осмѣлились съѣхаться безъ особаго на то приглашенія, да сомнѣваемся чтобъ и начальство ихъ взглянуло благосклонно на такую новость. Духовенство западныхъ губерній находилось,—какъ видно, еще и теперь находится,—въ иныхъ условіяхъ. Правда оно терпѣло несравненно много бѣдствій и утѣсненій, но эти бѣдствія и утѣсненія были послѣдствіемъ борьбы, а борьба великая школа! Тѣ силы—не силы, которыя не испытали борьбы, которыя не дѣйствовали самопроизвольно, утратили свою упругость, и заглохли отъ бездѣйствія. Вотъ новая причина для насъ дорожить нашею западною Русью, и видѣть въ ней начало необходимыя для дальнѣйшаго развитія русской народности. Посылаемъ вамъ сердечный, исполненный любви и умиленія привѣтъ, безвѣстные бойцы за русское дѣло!...

№ 155.

Москва, 13-го іюля.

Что мы страдаемъ отъ избытка кредитныхъ билетовъ, это можно доказать еще слѣдующимъ образомъ: стóитъ только спросить себя, могъ ли бы упасть нашъ вексельный курсъ до теперешняго своего уровня, еслибы не было произведено временныхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ для покрытія издержекъ Восточной войны? Предположимъ все возможное, въ томъ числѣ и самый невыгодный балансъ по внѣшней торговлѣ, но еслибы всѣ возможныя бѣды приключились намъ до Восточной войны, то вексельный курсъ все-таки не могъ бы упасть до такой степени какъ нынѣ и въ особенности не могъ бы сопровождаться лажемъ на звонкую монету. Тогда кредитный рубль равнялся цѣлковому рублю, а цѣлковый рубль, состоящій изъ такого же добраго серебра, какъ франки, талеры, кроны и т. д., не можетъ ни въ какомъ случаѣ стоить дешевле чѣмъ сколько стóитъ заключающееся въ немъ серебро продаваемое въ ломъ. Но даже и такая дешевизна цѣлковаго рубля относительно звонкой монеты иностранныхъ государствъ не могла бы, при нормальномъ состояніи денежной системы, держаться въ продолженіе значительнаго времени, потому что въ случаѣ такой дешевизны все лишнее количество

цѣлковыхъ рублей было бы вывезено за границу, а когда ихъ стало бы меньше, они вздорожали бы. Теперь часто приходится слышать, что упадокъ вексельнаго курса зависитъ отъ баланса нашей внѣшней торговли, будто бы невыгоднаго для насъ. Отчеты таможеннаго вѣдомства свидѣтельствуютъ о противномъ, но партизаны баланса утверждаютъ, что этимъ отчетамъ нельзя вѣрить, что таможенная оцѣнка товаровъ далеко не совпадаетъ съ тою цѣной, по которой они дѣйствительно бываютъ куплены, и что наконецъ въ таможенные счеты вовсе не входитъ контрабанда производимая въ обширныхъ размѣрахъ не только по сухопутной, но даже и по морской нашей границѣ. Партизаны баланса увѣрены, что нашъ ввозъ больше нашего вывоза, что вслѣдствіе того мы принуждены ежегодно приплачивать значительную сумму звонкою монетой и что въ этомъ будто бы вся наша бѣда. Такіе толки очень часто слышатся и въ печати и въ обществѣ. Между тѣмъ нѣтъ ничего ошибочнѣе какъ предположеніе будто мы можемъ ввозить постоянно больше чѣмъ вывозимъ. Еслибъ это было такъ, мы были бы не въ несчастномъ, а напротивъ скорѣе въ чрезвычайно-выгодномъ положеніи. Какія страны ввозятъ больше чѣмъ вывозятъ? Мы знаемъ только двѣ страны, которыя обыкновенно находятся въ такомъ положеніи. Эти страны—Англія и Голландія. Менѣе богатыя страны Европы отпускаютъ на бо̀льшую сумму чѣмъ получаютъ, и понятно почему. Излишекъ ихъ вывоза, напримѣръ въ Англію, надъ ввозомъ изъ Англіи же, есть какъ бы оброкъ взимаемый съ нихъ Англіей и составляющій ея доходъ съ тѣхъ англійскихъ капиталовъ, которые помѣщены въ этихъ государствахъ. Богатыя страны еще болѣе богатѣютъ отъ того что ввозятъ больше цѣнныхъ вещей чѣмъ сколько вывозятъ; ежегодный излишекъ цѣнныхъ вещей ввезенныхъ надъ цѣнными вещами вывезенными есть ежегодное приращеніе народнаго богатства. Англичане трудятся только на себя; никто не пользуется ихъ трудомъ, потому что Англія никому не должна: какъ нація трудолюбивая, предпріимчивая и бережливая, Англичане, работая много, не потребляютъ всего того, что вырабатываютъ; излишекъ своего производства они вывозятъ и въ замѣнъ его стараются получить отъ другихъ націй разные продукты труда этихъ націй на возможно выгодныхъ для себя условіяхъ. Но кромѣ этихъ продуктовъ иностраннаго труда, получаемыхъ взамѣнъ продуктовъ англійскаго труда, Англичане ввозятъ къ себѣ значительное количество продуктовъ, которыми иностранцы вознаграждаютъ ихъ за то что пользуются ихъ капиталами. Націи, состоящія должниками Англичанъ, принуждены отдавать имъ ежегодно часть продуктовъ своего труда, не получая взамѣнъ ничего равноцѣннаго. Другими словами, тѣ націи, которыя должны Англичанамъ, принуждены трудиться не только на себя, но еще и на Англичанъ, скопляющихъ такимъ образомъ въ своей странѣ не только то что̀ сами выработаютъ, но и нѣкоторую часть того что̀ выработаютъ другіе народы. Вотъ причина почему въ Англіи ввозъ бываетъ больше вывоза, и само собою разумѣется что въ этомъ несоотвѣтствіи между ввозомъ и вывозомъ слѣдуетъ видѣть отнюдь не убытокъ для Англіи, а напротивъ одинъ изъ признаковъ колоссальности англійскаго народнаго капитала. Никому изъ Англичанъ не приходитъ въ голову желать чтобы ввозъ Англіи былъ меньше вывоза; никому не приходитъ въ голову помышлять о такъ-называемомъ выгодномъ торговомъ балансѣ: такъ-называемый выгодный торговый балансъ означалъ бы, что иностранныя государства перестали быть англійскими данниками Что касается до насъ, то наше положеніе слѣдующее: мы можемъ торговать съ иностранными государствами или въ убытокъ или съ выгодой для себя; въ первомъ случаѣ мы отпустимъ цѣнныхъ вещей больше чѣмъ получимъ, и это будетъ для насъ дурно; во второмъ случаѣ получимъ цѣнныхъ вещей больше чѣмъ отпустимъ, и это будетъ для насъ хорошо. Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ къ нашему отпуску должна присоединиться значительная сумма цѣнныхъ вещей, которыми мы уплачиваемъ проценты по нашему государственному долгу, а также по тѣмъ иностраннымъ капиталамъ, которые помѣщены у насъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ. По этому при самомъ нормальномъ ходѣ дѣлъ нашъ отпускъ долженъ заключать въ себѣ болѣе цѣнныхъ вещей чѣмъ нашъ привозъ. Въ чемъ же можетъ состоять нашъ отпускъ? Мы будемъ отпускать разумѣется то, чего у насъ много или что̀ у насъ дешево. Когда у насъ дешева звонкая монета, мы будемъ отпускать звонкую моне-

ту. Если дешевизна звонкой монеты будетъ у насъ явленіемъ, естественнымъ, то отпускъ звонкой монеты будетъ для насъ выгоденъ, и напротивъ еслибы при такомъ положеніи вещей былъ запрещенъ или затрудненъ отпускъ звонкой монеты, то это было бы для нашего народнаго богатства раззорительно. Такъ напримѣръ намъ выгоднѣе покупать у Китайцевъ чай на деньги, чѣмъ отдавать за чай наши фабрикаты по такой дешевой цѣнѣ, по какой сбывали ихъ въ Китай наши кяхтинскіе торговцы. Бывали примѣры что наши фабрикаты, вырабатываемые въ Москвѣ и доставлявшіеся на нашъ счетъ въ Кяхту бывали промѣниваемы нами Китайцамъ на такихъ условіяхъ, что Китайцы могли перевозить ихъ отъ Кяхты до своихъ приморскихъ гаваней и продавать ихъ англійскимъ торговцамъ для обратнаго ввоза въ Европу, гдѣ они были продаваемы по болѣе дешевой цѣнѣ чѣмъ по какой обходятся въ Москвѣ. Просимъ читателя вникнуть въ этотъ фактъ и спросить себя кто въ сущности несъ убытокъ отъ кругосвѣтной перевозки этихъ фабрикатовъ и отъ продажи ихъ, послѣ этой перевозки, ниже фабричной цѣны. Кто какъ не Россія, какъ не русская промышленность? Мы полагали на производство этихъ фабрикатовъ нашъ трудъ и капиталъ, и потомъ промѣнивали эти фабрикаты съ громаднѣйшимъ убыткомъ. Какое же вліяніе могло это имѣть на наше народное хозяйство? къ чему могло это вести, какъ не къ уменьшенію нашего народнаго дохода? Руки наши были заняты выдѣлкой этихъ фабрикатовъ, это правда; но тѣмъ хуже было для насъ: мы упускали работу выгодную и занимались работой невыгодной, а здравый смыслъ говоритъ что не всякая работа хороша, хороша только работа выгодная. Человѣкъ обреченъ на трудъ, доставляющій ему хлѣбъ, а не на толченье воды или на рытье канавъ съ тѣмъ чтобы ихъ тотчасъ же заравнивать какъ дѣлалось въ Парижѣ въ 1847 году для удовлетворенія предъявленнаго рабочими права на трудъ. Производить въ убытокъ не выгодно ни отдѣльному лицу, ни цѣлому народу, но производить въ убытокъ именно и значитъ съ убыткомъ промѣнивать или продавать продуктъ труда. Какъ не всякое производство желательно, а желательно только производство выгодное; точно также не всякій сбытъ товаровъ за границу можетъ быть желателенъ, а только сбытъ выгодный. Мы были бы теперь богаче еслибы не были принуждены въ продолженіи цѣлаго ряда лѣтъ торговать съ Китаемъ въ убытокъ для себя, а что принуждало насъ къ тому какъ не заблужденіе что вывозить товары во всякомъ случаѣ выгоднѣе чѣмъ вывозить звонкую монету? Еслибъ это заблужденіе имѣло хоть тѣнь основанія, то надобно было бы придти къ выводу, что во внѣшней торговлѣ мы во всякомъ случаѣ застрахованы отъ возможности продавать въ убытокъ и во всякомъ случаѣ лишены возможности покупать съ выгодой. Но сказать это значитъ сказать явную нелѣпость. На дѣлѣ иногда можетъ быть выгоденъ для народнаго хозяйства вывозъ товаровъ, а иногда вывозъ звонкой монеты, и наоборотъ никогда не можетъ быть выгодно ни искусственное покровительство вывозу товаровъ (съ стѣсненіемъ отпуска монеты) ни искусственное покровительство вывозу звонкой монеты (съ стѣсненіемъ отпуска товаровъ). Первое значитъ принуждать себя къ убыточной продажѣ, второе — къ убыточной покупкѣ. Другими словами, не выгодна искусственная дешевизна товаровъ, о чемъ мы такъ заботились въ Кяхтѣ, и столь же не выгодна искусственная дешевизна звонкой монеты, надъ чѣмъ мы работали въ послѣдніе годы, не допуская естественнаго вздорожанія звонкой монеты. Неправильность нашего торговаго баланса въ послѣдніе годы заключалась не въ томъ что вывозъ былъ будто бы меньше ввоза, а въ томъ что состояніе нашей денежной системы и мѣры, клонившіяся съ поддержкѣ вексельнаго курса, искусственно покровительствовали вывозу звонкой монеты, стѣсняя вывозъ товаровъ.

Но что же? Если все дѣло состоитъ въ томъ чтобы не было принимаемо искусственныхъ мѣръ ни въ ту ни въ другую сторону, то нѣтъ ничего мудренаго это исполнить. *Laisser faire, laisser passer*, — что̀ можетъ быть легче этого? Но къ несчастію, мы теперь далеко не уйдемъ въ нашей денежной системѣ съ этимъ правиломъ. Оно хорошо для нормальнаго хода дѣлъ, а если нормальный ходъ подвергся пертурбаціи, то надобно устранить сперва ея причины, и только потомъ уже можно будетъ ожидать проку отъ правила: *Laisser faire, laisser passer*. Вотъ напримѣръ обстоятельство, которое для Россіи имѣетъ

значительную важность: мы имѣемъ свои рудники и пріиски, доставляющіе намъ не малое количество драгоцѣнныхъ металловъ. При теперешнемъ положеніи дѣлъ, ни звонкая монета, ни драгоцѣнные металлы въ слиткахъ не могутъ оставаться внутри государства: теперешнее положеніе рынка благопріятствуетъ ихъ вывозу. Но благопріятствовать вывозу звонкой монеты или слитковъ, что̀ одно и то же, значитъ, какъ мы сейчасъ сказали, стѣснять вывозъ товаровъ, а это даетъ внѣшней торговлѣ неестественное направленіе. Почему же звонкая монета и слитки не могутъ держаться внутри Россіи? Не потому ли единственно что на внутреннемъ рынкѣ избыточествуютъ бумажныя деньги, устраняющія всякую потребность въ деньгахъ металлическихъ? Или вотъ другое обстоятельство: намъ было бы выгодно, еслибы притекали въ Россію иностранные капиталы, но въ настоящую минуту ввозъ иностранныхъ капиталовъ дѣйствовалъ бы неблагопріятно на нашъ отпускъ, искусственно увеличивая привозъ. На это мало кто обращаетъ вниманіе, но это не подлежитъ сомнѣнію. Положимъ, что иностранные предприниматели взялись бы строить у насъ на свой капиталъ желѣзныя дороги, и постараемся отдать себѣ отчетъ, въ какомъ видѣ могла бы иностранная компанія ввезти свой складочный капиталъ въ Россію Очевидно, что одну часть складочнаго капитала она ввезла бы въ видѣ рельсовъ, локомотивовъ, вагоновъ и т. д., но другую часть, нужную для платы рабочимъ, покупки земель и т. д., она принуждена была бы ввезти въ видѣ денегъ, то-есть либо въ видѣ звонкой монеты, либо въ видѣ бумагъ равносильныхъ звонкой монетѣ и способныхъ обращаться вмѣсто нея (векселей, фондовъ, акцій и т. д.) Эта послѣдняя часть складочнаго капитала, ввезенная въ Россію, увеличила бы собой массу денежныхъ или подобныхъ имъ знаковъ обращающихся въ Россіи, а такъ какъ денежные знаки и безъ того избыточествуютъ, то ввезенная въ видѣ денегъ часть складочнаго капитала тотчасъ же по ввозѣ въ Россію получила бы стремленіе къ обратному выходу за границу, а ввезенные векселя были бы покрыты товарами, акціями или фондами, отправляемыми въ Россію, либо русскимъ банкирамъ были бы предложены уплаты на иностранныхъ биржахъ, что̀ облегчило бы переводъ денегъ за границу и покупку заграничныхъ товаровъ. Это имѣло бы два послѣдствія: вопервыхъ половина акцій новой компаніи перешла бы по необходимости въ русскія руки, отвлекая русскіе капиталы отъ другихъ предпріятій и лишая насъ половины тѣхъ выгодъ, которыя мы имѣли въ виду при сдачѣ желѣзной дороги иностраннымъ капиталистамъ; вовторыхъ обратный вывозъ за границу денегъ ввезенныхъ къ намъ иностранною компаніей оказалъ бы стѣснительное дѣйствіе на вывозъ нашихъ товаровъ, а облегченіе, доставляемое переводу капиталовъ отъ насъ за границу, поощряло бы привозъ иностранныхъ товаровъ. Итакъ, при теперешнемъ положеніи дѣлъ, должно обращаться въ нашу невыгоду многое такое, что̀ повидимому могло бы поставить насъ, наоборотъ, въ положеніе выгодное, какъ напримѣръ добываніе драгоцѣнныхъ металловъ, или ввозъ въ Россію иностранныхъ капиталовъ.

Для исправленія нашихъ денежныхъ дѣлъ недостаточно воздерживаться впредь отъ мѣръ искусственныхъ, а надобно сверхъ того устранить послѣдствія мѣръ прежде принятыхъ и поставившихъ нашъ денежный рынокъ въ неестественное положеніе. Но въ чемъ же состоитъ естественное положеніе денежнаго рынка какъ не въ томъ что обращающіеся на немъ денежные знаки имѣютъ опредѣленную цѣну, не подлежащую колебаніямъ, и можно ли достигнуть этого какимъ-нибудь другимъ путемъ кромѣ размѣна бумажныхъ денегъ на металлическія?

Итакъ размѣнъ, вотъ что̀ должно быть цѣлью нашихъ желаній. Но мы сами много разъ говорили, что размѣнъ былъ бы теперь опасенъ. Дѣйствительно, если бы теперь открыть размѣнъ, то повторилось бы то же что̀ было прошлымъ лѣтомъ, съ тѣмъ только различіемъ что размѣнная касса, теперь менѣе полная чѣмъ тогда, была бы опорожнена въ самое короткое время, и затѣмъ начались бы опять колебанія вексельнаго курса, а вывезенная за границу звонкая монета искусственно усилила бы привозъ и стѣснила бы отпускъ товаровъ. Какъ же согласить это? Если размѣнъ опасенъ, то можетъ ли онъ быть цѣлію желаній? Это кажется невозможнымъ съ перваго взгляда, но только съ перваго. Размѣнъ долженъ быть въ самомъ дѣлѣ цѣлію желаній, но изъ этого еще не слѣ-

дуетъ чтобъ онъ непремѣнно былъ и желаннымъ средствомъ ведущимъ къ желанной цѣли. Весь безпорядокъ нашей денежной системы происходитъ отъ излишка кредитныхъ билетовъ. Излишекъ долженъ быть изъятъ изъ обращенія, и это изъятіе должно сдѣлать размѣнъ возможнымъ, но само оно должно быть произведено не посредствомъ размѣна, а посредствомъ обмѣна безпроцентныхъ кредитныхъ билетовъ на процентныя облигаціи, то-есть посредствомъ внутренняго займа. Лишь послѣ того какъ это средство будетъ употреблено въ дѣло въ надлежащемъ размѣрѣ и съ надлежащимъ успѣхомъ,—лишь послѣ того можно будетъ открыть размѣнъ, не опасаясь ни опорожненія размѣнной кассы, ни вывоза звонкой монеты, ни стѣсненія отпуска товаровъ, ни искусственнаго покровительства привозу.

Внутренній заемъ есть единственное раціональное средство изъятія излишне выпущенныхъ бумажныхъ денегъ. Какъ въ физическихъ болѣзняхъ сама природа требуетъ извѣстнаго лѣкарства пока оно полезно, такъ и тутъ природа денежнаго рынка обнаруживаетъ сильное стремленіе къ внутреннему займу, пока избыточествуютъ бумажныя деньги. Всякій внѣшній заемъ, заключенный при этихъ обстоятельствахъ, имѣетъ неудержимую наклонность превращаться въ заемъ внутренній: примѣръ тому мы видѣли въ акціяхъ Главнаго Общества Желѣзныхъ Дорогъ и въ облигаціяхъ седьмаго займа. Съ другой стороны чѣмъ больше избытокъ денежныхъ знаковъ, тѣмъ легче внутренній заемъ. Эта мысль, высказанная уже много лѣтъ тому назадъ казалась невѣроятною: возможенъ ли, спрашивали, значительный внутренній заемъ, когда въ Россіи такъ мало капиталовъ? Иностранныя газеты трунили надъ мечтою о внутреннемъ займѣ, приписывая ее фальшивому патріотизму. Но теперь передъ нами разительный примѣръ: въ Соединенныхъ Штатахъ правительство почерпало, какъ извѣстно, средства къ веденію войны, не въ увеличеніи налоговъ, а въ займахъ, и почти всѣ эти займы были внутренніе; они шли сначала туго; находясь въ крайнемъ затрудненіи, правительство рѣшилось на крайнюю мѣру—выпускъ бумажныхъ денегъ; кредитъ правительства былъ сильно потрясенъ этою мѣрой, но что же мы видимъ далѣе? Несмотря на упадокъ кредита, г. Чезъ, тамошній министръ финансовъ, только что сошедшей теперь съ того поприща, на которомъ онъ дѣйствовалъ съ такимъ пагубнымъ успѣхомъ,—г. Чезъ получилъ возможность заключать внутренніе займы съ большею легкостью чѣмъ прежде. Кредитъ правительства стоялъ низко, а между тѣмъ новые займы покрывались безъ затрудненія; охотниковъ подписываться на нихъ было такъ много, что г. Чезъ сталъ даже понижать проценты. Чѣмъ больше онъ выпускалъ бумажныхъ денегъ, тѣмъ выгоднѣе для казны были условія внутреннихъ займовъ. Для многихъ экономистовъ это было неожиданностью; г. Чеза считали за чародѣя. Но ларчикъ просто открывался: избытокъ бумажныхъ денегъ имѣетъ своимъ постояннымъ свойствомъ располагать публику къ внутреннимъ займамъ, потому что во внутреннихъ займахъ дѣйствительно заключается наилучшій способъ его устраненія. Нельзя сомнѣваться, что и у насъ внутренній заемъ весьма возможенъ, несмотря на нашу бѣдность въ капиталахъ; возможность его основана на томъ, что если капиталовъ у насъ мало, то кредитныхъ билетовъ отнюдь не мало. Предъ открытіемъ размѣна можно было заключить у насъ внутренній заемъ на условіяхъ чрезвычайно выгодныхъ для казны. Еще выгоднѣе были бы условія внутренняго займа въ то время, когда происходила акціонерная лихорадка, когда, несмотря на нашу бѣдность въ капиталахъ, мѣста продажи акцій новоучреждаемыхъ компаній подвергались формальному штурмованію со стороны публики. Теперь прошли эти времена, внутренній заемъ уже невозможенъ на такихъ выгодныхъ условіяхъ какъ тогда, но онъ и теперь все еще возможенъ на условіяхъ болѣе выгодныхъ чѣмъ заемъ внѣшній.

Возможность внутренняго займа для изъятія излишка кредитныхъ билетовъ не подлежитъ вопросу; вопросъ можетъ состоять лишь въ томъ какъ великъ долженъ быть внутренній заемъ и въ какихъ размѣрахъ должно быть произведено изъятіе кредитныхъ билетовъ изъ обращенія. Мы уже привели достаточно доказательствъ того, что намъ не слѣдуетъ теперь имѣть въ виду возстановленіе первоначальной цѣнности кредитнаго рубля. Цѣлью нашихъ усилій отнюдь не должна быть возможность открыть размѣнъ рубль за рубль: такой размѣнъ былъ бы возможенъ лишь послѣ чрезмѣрныхъ усилій и потрясеній,

но въ немъ нѣтъ теперь никакой надобности. Намъ нужно не возстановленіе, а упроченіе цѣнности кредитнаго рубля. Говоря иностраннымъ терминомъ, намъ нужна фиксація курса кредитнаго рубля. Какой курсъ долженъ быть фиксированъ, объ этомъ можно много спорить, потому что отвѣтъ зависитъ тутъ отъ весьма сложныхъ соображеній. Всего проще было бы, кажется, довести кредитный рубль до совершеннаго равенства съ прусскимъ талеромъ, а цѣлковому рублю и полуимперіалу предоставить соотвѣтственный лажъ, и съ такимъ лажемъ принимать ихъ въ казенныя кассы. Въ пользу такой фиксаціи говорятъ слѣдующія данныя:

1) Желательность того чтобы внутренній заемъ былъ заключенъ на сумму умѣренную.

2) Желательность того, чтобы теперешняя 72-пробная размѣнная монета могла остаться въ обращеніи.

3) Желательность того, чтобы кризисъ прошелъ по возможности безъ чувствительныхъ измѣненій въ распредѣленіи собственности.

Такъ какъ этотъ заемъ по необходимости былъ бы сопряженъ съ консолидаціей нѣкоторой чатси безсрочныхъ вкладовъ государственнаго банка, то даже и при указанной нормѣ фиксаціи, размѣры его были бы весьма значительные (полагаемъ около 150 милліоновъ р.), а потому взносы капитала должны быть очевидно разсрочены на довольно продолжительное время, но подписка на заемъ должна быть произведена разомъ.

№ 156.

Москва, 14-го іюля.

Противъ первой Французской республики и первой Французской имперіи Англія вела безпощадную, двадцатилѣтнюю борьбу, которая тяжело отзывалась на ея финансахъ и которая не разъ подвергала опасности ея общественное благосостояніе; со второю Французскою имперіей, Англія нашла возможность не только жить въ мирѣ, но и въ добромъ согласіи, и извлекать изъ ея предпріимчивости и войнолюбія всевозможную для себя пользу. Тамъ, гдѣ того требуютъ ея собственные интересы, какъ напримѣръ въ Восточной войнѣ, Англія дѣйствуетъ заодно съ Франціей; тамъ, гдѣ необходимо противодѣйствіе, она почти незамѣтно умѣетъ сдерживать ее, или же даетъ ея усиліямъ и пожертвованіямъ такой исходъ, котораго Франція не только не желала и не ожидала, но который прямо противоположенъ ея видамъ и интересамъ: такъ, между прочимъ, случилось въ италіянскомъ дѣлѣ. Вотъ уже цѣлыхъ десять лѣтъ Англія съ примѣрнымъ искусствомъ ведетъ съ Франціей эту политическую игру, которая во многихъ отношеніяхъ походитъ на игру кошки съ мышью. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что Франція стоитъ во главѣ всей Европы, что она управляетъ всѣми событіями на материкѣ ея, что въ Тюльерійскомъ дворцѣ рѣшаются судьбы государствъ и народовъ: ничуть не бывало; все это не болѣе какъ блестящая мишурная обстановка, которою сосѣдняя держава окружаетъ свою жертву. Въ сущности современная наполеоновская Франція не болѣе какъ мышь, попавшаяся въ лапы ловкой кошки, которая даетъ ей столько свободы въ движеніяхъ, сколько находитъ для себя пріятнымъ, и которая вполнѣ увѣрена, что всегда будетъ имѣть возможность снова захватить ее въ свои лапы.

Восточная война, очевидно, была болѣе въ интересахъ Англіи чѣмъ Франціи, хотя послѣдней предоставлено было самое видное мѣсто, какъ въ предшествовавшихъ переговорахъ, такъ и во время войны и при заключеніи мира. На долю Англіи должны были достаться всѣ дѣйствительныя выгоды; Франціи же оставленъ былъ только внѣшній почетъ въ вознагpаденіе за тяжкія пожертвованія и за совершенно-несогласное съ ея интересами какъ морской державы уничтоженіе нашего Черноморскаго флота. Въ этомъ случаѣ Франція была не болѣе какъ орудіемъ въ рукахъ Англіи.

Франція не замедлила усмотрѣть въ какую зависимость поставила она себя относительно Англіи, и поспѣшила сблизиться съ Россіей. Плодомъ этого сближенія, которое одно въ состояніи доставить ей свободу движеній, была блестящая италіянская компанія. Англія не препятствовала Франціи въ этомъ предпріятіи; но въ ея разсчеты вовсе не входило, чтобъ австрійское вліяніе въ Италіи смѣнилось французскимъ. Англія отчасти вызвала, а отчасти поддержала народныя движенія въ Италіи, составившія изъ нея цѣльное го-

сударство, которое, конечно, не усиливаетъ, а ослабляетъ своимъ существованіемъ сосѣднюю Францію, и будетъ ослаблять ее все болѣе по мѣрѣ своего дальнѣйшаго развитія. Присоединеніе Ниццы и Савоіи, опять совершившееся благополучно лишь благодаря сближенію Франціи съ Россіей, раздражило Англію. Она еще тогда старалась сблизить между собою три сѣверныя державы; но Россія осталась вѣрна союзу съ Франціей, которая благодаря этому и могла пользоваться свободою движеній.

Этой свободы Англія желала лишить ее во что̀ бы ни стало. Мексиканская экспедиція, въ которую она втянула Францію, была недостаточнымъ громоотводомъ; необходимо было разорвать ея союзъ съ Россіей. Эта цѣль достигнута съ помощью польскаго мятежа. Какъ только польскій мятежъ сдѣлалъ свое дѣло, Англія поспѣшила отвернуться отъ революціонной Польши: Польша никогда не была для нея цѣлью, а была только средствомъ разорвать союзъ между Франціей и Россіей, и по возможности ослабить послѣднюю. Чтобъ и на будущее время предотвратить возможность новаго сближенія между Франціей и Россіей, Англія дѣлала еще до окончанія дипломатической переписки о Польшѣ всевозможныя усилія чтобы закрѣпить наши связи съ Пруссіей и съ Австріей, а дабы Франція не могла найдти себѣ какихъ-либо союзниковъ на предложенномъ ею конгрессѣ, Англія поспѣшила сдѣлать его невозможнымъ, отказавшись самымъ рѣзкимъ тономъ отъ всякаго въ немъ участія.

Франціи не оставалось ничего болѣе какъ или осудить себя за бездѣйствіе, которое не замедлило бы вызвать опасныя внутреннія движенія, или снова отдаться Англіи и служить ея политическимъ цѣлямъ, или же наконецъ вступить въ союзъ съ европейскою революціей и произвести въ Европѣ замѣшательства. Союзъ съ Англіей такъ тягостенъ для Франціи, что она рѣшилась на послѣднее. Датско-германская война была результатомъ этого положенія дѣлъ. Съ одной стороны, Франція поджигала народныя страсти въ Германіи, а съ другой, она подстрекала Данію противиться требованіямъ германскихъ державъ. Нѣмцы расходились до такой степени, что у нихъ совсѣмъ зашелъ умъ за разумъ. Изъ-за шлезвигъ-гольштейнскаго патріотизма они были готовы на измѣну своему *Фатерланду;* рѣчь шла серіозно о томъ чтобы мелкія государства Германіи составили особый союзъ (Sonderbund), новую рейнскую конфедерацію, подъ покровительствомъ Франціи. Данія имѣла такую увѣренность въ сторонней помощи, что никакія убѣжденія и предостереженія не могли разувѣрить ее.

Франція имѣла въ виду произвести расколъ въ Германіи, поставивъ ея мелкія государства, менѣе способныя противиться народнымъ страстямъ, во враждебныя отношенія не только къ Даніи, но и къ Пруссіи и Австріи, еслибы связанныя Лондонскимъ трактатомъ 1852 года, обѣ эти державы остались въ бездѣйствіи. Франція тогда поспѣшила бы стать во главѣ второстепенныхъ государствъ Германіи, и возобновились бы времена Рейнскаго союза. Но Пруссія и Австрія, встрѣтивъ сильное сопротивленіе со стороны Даніи, взялись сами за дѣло. Какъ бы то ни было, Франціи удалось возбудить войну, и она разчитывала воспользоваться ею. Казалось, Англія должна будетъ поневолѣ принять участіе въ этой войнѣ, а Франція, удерживая за собою свободу дѣйствій, будетъ командовать положеніемъ дѣлъ. Не тутъ-то было: Англія, недоступная ни внушеніямъ тщеславія, ни подстрекательствамъ, правда, старалась выторговать у Пруссіи и Австріи какъ можно болѣе въ пользу Даніи, но когда это не удалось, преспокойно оставила свой мечъ въ ножнахъ, и, повидимому, нисколько не враждуетъ противъ германскихъ державъ, а напротивъ, если вѣрить нѣкоторымъ извѣстіямъ, благопріятствуетъ ихъ сближенію между собою и съ Россіей, и во всякомъ случаѣ старается запугать этимъ сближеніемъ Францію. И на этотъ разъ усилія Франціи обратились противъ нея самой. Она ожидала для себя большихъ выгодъ отъ возбужденной ею войны между Даніей и нѣмецкими державами,—и что̀ же оказывается въ результатѣ? Она сгубила старую и вѣрную союзницу Наполеона I, Данію, и видитъ передъ собою Германію, усилившуюся присоединеніемъ новой важной области, прекращеніемъ соперничества между Пруссіей и Австріей и наконецъ сближеніемъ ихъ съ Россіей.

И для Россіи, и для Англіи, особенно для первой, послѣдствія датско-германской войны не могутъ не быть чувствительны; усиленіе Германіи ни сколько не требуется интересами Россіи, а морское значеніе, которое можетъ пріобрѣсть Герма-

нія, не представляетъ особенныхъ выгодъ для Англіи, которая постоянно противодѣйствовала нѣмецкимъ попыткамъ устроить у себя флотъ. Но ущербъ Франціи несравненно значительнѣе. Этотъ ущербъ заключается въ усилившемся могуществѣ и значеніи Пруссіи. Въ самой Франціи начинаютъ смотрѣть на датско-германскую войну какъ на дѣло въ высшей степени неблагопріятное для интересовъ Франціи, что̀ конечно не усилитъ, а ослабитъ внутреннее положеніе императорскаго правительства.

Попытка дѣйствовать въ союзѣ съ революціонною партіей и съ помощью замѣшательства въ Европѣ не удалась, и Англія снова привела Францію въ необходимость дѣйствовать заодно съ нею по ея видамъ и указаніямъ. Чтобы еще болѣе усилить эту необходимость, явился на сцену призракъ Священнаго Союза. Есть ли въ этомъ призракѣ что-либо дѣйствительное, и какъ далеко идетъ состоявшееся повидимому сближеніе между Россіей, Австріей и Пруссіей, мы не знаемъ; но знаемъ только, что нѣмецкія газеты съ нѣкотораго времени сильно хлопочутъ о томъ, чтобъ обольстить насъ и подѣйствовать на наше тщеславіе, и знаемъ также, что появленіе призрака Священнаго Союза прежде всего совпадаетъ съ желаніемъ Англіи снова приковать Францію къ своей политикѣ. Еще менѣе можетъ укрываться отъ нашего вниманія, что ближайшая возможность воспользоваться къ своей выгодѣ теперешнею фазой игры Англіи съ Франціей выпадаетъ на долю Пруссіи. Эта держава, до сихъ поръ считавшаяся великою болѣе изъ вѣжливости чѣмъ по ея дѣйствительному вѣсу, пріобрѣтаетъ теперь не бывалое прежде значеніе. Ловко лавируя между Россіей, Франціей и Англіей, и можетъ-быть еще съ большою ловкостью осѣтивъ Австрію, Пруссія надѣется выйдти изъ датской войны въ такомъ видѣ, что ей уже не будетъ надобности держаться своей прежней скромной политики. Читатели замѣтятъ извѣстіе, сообщаемое ниже въ Послѣдней Почтѣ о планахъ Пруссіи по дѣлу о Герцогствахъ. Пруссія начала войну не имѣя согласія своихъ палатъ на военныя издержки; надобно было бы думать, что она будетъ очень озабочена сокращеніемъ причитающихся на ея долю расходовъ. Какъ же не удивиться ея намѣренію уплатить Австріи всю долю расходовъ этой послѣдней по веденію общей войны? Но чѣмъ удивительнѣе это намѣреніе, тѣмъ серіознѣе должны быть виды, его вызывающіе, а эти виды не могутъ заключаться ни въ чемъ другомъ кромѣ захвата Герцогствъ. Пруссія разочтется за Герцогства съ Австріей, которая принуждена будетъ согласиться на принятіе разсчета, не будучи въ состояніи держать въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ свое войско въ Шлезвигѣ, а расплатившись съ Австріей, Пруссія будетъ выбирать свои деньги изъ излишка доходовъ Герцогствъ надъ ихъ расходами. Герцогства пострадали отъ войны. Сочувствіе къ ихъ бѣдѣ не позволитъ Пруссіи возвышать налоги, и такая снисходительность, конечно, вызоветъ въ Герцогствахъ только симпатію къ прусской великодушной снисходительности. Пруссія будетъ жертвовать своими матеріяльными интересами нравственнымъ. Она будетъ взыскивать долгъ по немногу, въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, а между тѣмъ, какъ само собой разумѣется, ея войска будутъ стоять въ Герцогствахъ, и сами Герцогства будутъ находиться подъ прусскимъ управленіемъ. Чѣмъ великодушнѣе будетъ къ нимъ Пруссія, тѣмъ продолжительнѣе будетъ ея *временное* управленіе ими. Нельзя сомнѣваться, что оно продлится до тѣхъ поръ пока произойдетъ въ Европѣ комбинація, которая дозволитъ Пруссіи уравнять права всѣхъ претендентовъ на Шлезвигъ-Гольштейнъ совершеннымъ ихъ устраненіемъ. Тогда Пруссія поддержитъ свое доброе право, основанное на желаніи населеній, уже не одною своею арміей, но и своимъ флотомъ.

Что̀ же скажемъ мы на все это съ русской точки зрѣнія? Мы можемъ отдавать полную справедливость политической игрѣ Англіи или ловкости г. фонъ-Бисмарка, но мы, Русскіе, не имѣемъ ни малѣйшихъ основаній рукоплескать этимъ успѣхамъ. Политическая мудрость и искусство всякаго правительства именно въ томъ и состоитъ, что оно дѣйствуетъ въ смыслѣ своихъ интересовъ, а чужіе интересы — не наши интересы.

Союзъ съ Франціей оказался для Россіи вреднымъ; но едва ли можно сомнѣваться, что всякій другой союзъ для Россіи не менѣе, если не болѣе, вреденъ. Самое приличное, самое достойное и выгодное положеніе для Россіи есть положеніе безъ союзовъ. По особенному свойству

нынѣшняго положенія дѣлъ, по особенному свойству положенія самой Россіи въ настоящее время, она тѣмъ сильнѣе и обезпеченнѣе, чѣмъ менѣе чувствуетъ себя зарученною какимъ бы то ни было союзомъ. Мудрость русской политики въ настоящее время можетъ состоять только въ томъ, чтобы не вступать ни съ одною державой въ болѣе тѣсныя отношенія чѣмъ со всѣми остальными. Ей нѣтъ надобности враждовать противъ Англіи, но нѣтъ также надобности враждовать и противъ Франціи, а тѣснѣйшее сближеніе съ Германіей непремѣнно постановило бы ее въ непріязненныя отношенія къ Франціи, и съ тѣмъ вмѣстѣ лишило бы ее свободы дѣйствій, и въ концѣ концовъ привело бы ее въ положеніе стѣсненное и опасное. Англійская политика расторгла нашъ союзъ съ Франціей, въ который мы вдались слишкомъ неосторожно; но виды англійской политики этимъ не удовлетворяются: въ политической игрѣ, къ которой только она въ настоящее время имѣетъ всѣ нужные способы, англійская политика разчитываетъ посредствомъ нашего сближенія съ Германіей за одинъ разъ подчинить себѣ и Россію и Францію. Россія была бы связана съ Германіей; а Франція была бы вынуждена дѣйствовать заодно съ Англіей въ европейскихъ вопросахъ. Это грозитъ намъ самыми серіозными опасностями. Какъ только совершится и упрочится союзъ обѣихъ западныхъ державъ, Англія, теперь повидимому дружелюбно къ намъ расположенная, не замедлитъ показать намъ другое лицо, а наши нѣмецкіе благопріятели трижды выдадутъ насъ. Равномѣрныя отношенія ко всѣмъ великимъ державамъ, вотъ наилучшая въ настоящее время политика для Россіи. Непріязненныя отношенія къ Австріи способствовали нашему сближенію съ Франціей, что оказалось для насъ невыгоднымъ и опаснымъ; точно также непріязненныя отношенія къ Франціи могутъ только компрометтировать и обезсиливать Россію, и наконецъ подвергнуть ее новымъ и гораздо болѣе серіознымъ опасностямъ... Мы ошиблись, вступивъ въ тѣсный союзъ съ Франціей, но мы ошиблись бы еще болѣе, еслибы дали отнять у себя всякую *возможность* сближенія съ нею. Можно отказываться отъ дѣйствія, но отнюдь не отъ *возможности* дѣйствія.

№ 157.

Москва, 15-го Іюля.

Теперь въ нѣмецкихъ газетахъ то и дѣло приходится намъ читать хвалебные отзывы о русскомъ правительствѣ, о его мудрости, либерализмѣ, гуманности и о его устойчивости въ дѣлѣ прогресса. Онѣ съ восторгомъ говорятъ о нашихъ реформахъ и не находятъ достаточно громкихъ словъ для того чтобы вполнѣ оцѣнить ихъ. Почему Нѣмцы заговорили вдругъ о русскихъ дѣлахъ съ такимъ одушевленіемъ? Почему теперь, въ эту минуту, нѣмецкія газеты становятся трубою нашей славы? Это явленіе не совсѣмъ лишено интереса, и мы хотимъ обратить на него вниманіе нашихъ читателей, по поводу только что прочтенной нами передовой статейки въ *Кельнской Газетѣ*. Тевтоны не только biedere Männer, но съ нѣкоторыхъ поръ имъ еще хочется быть и плутоватыми людьми, и они искушаются въ хитростяхъ политической интриги. *Кельнская Газета* пріобрѣла въ нѣкоторомъ смыслѣ международное значеніе; она получаетъ неизвѣстными путями очень интересныя сообщенія отъ французскаго правительства; нерѣдко въ ея столбцахъ появляются впервые дипломатическіе документы; ей же иногда доставляются свѣдѣнія и изъ нашего Прибалтійскаго края; словомъ, это одна изъ тѣхъ нѣмецкихъ газетъ, которыя наиболѣе приспособлены къ тому, чтобы служить органомъ для политическихъ игроковъ. Намъ было бы очень пріятно прочесть тѣ похвалы, которыми эта газета осыпаетъ наше правительство, еслибы мы не знали, что похвалы изъ иныхъ устъ и при извѣстныхъ условіяхъ могутъ быть гораздо оскорбительнѣе всякихъ порицаній. Похвалы, внушенныя неискреннимъ чувствомъ и разчитанныя на то чтобъ уловить насъ, дѣйствительно оскорбительнѣе всякаго порицанія. Вообще изъявленія сочувствія иностранному правительству никогда не могутъ быть принимаемы за чистую монету. Рѣдко бываетъ такъ, чтобы правительство, дѣйствующее въ интересахъ своей страны, вызывало искреннее сочувствіе въ иноземныхъ политическихъ органахъ. Тѣхъ кто знаетъ истинную цѣну подобныхъ заявленій, они заставятъ только покрѣпче держать свои карманы. Мы можемъ быть вполнѣ увѣрены, что ни въ одной странѣ

Европы, гдѣ есть политическая жизнь и политическіе органы, даромъ не будутъ хвалить насъ, даромъ не будутъ изъявлять намъ сочувствіе. Знающее себѣ цѣну правительство дорожитъ сочувствіемъ только своего народа, и опирается на общественное мнѣніе только своей страны. Оно не даетъ никакого значенія хвалебнымъ или порицательнымъ голосамъ, которые доносятся до него изъ чужихъ странъ. Оно знаетъ, что безпристрастный судъ о его дѣйствіяхъ произнесетъ въ послѣдствіи исторія, а въ сужденіяхъ современниковъ оно слышитъ только интересы, находящіеся въ дѣйствіи и борьбѣ. Русское правительство знаетъ, что если его будутъ хвалить въ Англіи, то это не потому чтобъ англійскіе государственные люди и публицисты прониклись глубоко русскими интересами, а потому что такъ нужно въ видахъ англійской политики, и что если теперь хвалятъ его въ Германіи, то это не потому чтобы нѣмецкіе политики возымѣли платоническую любовь къ нему, а потому что это имъ выгодно, потому что это имъ нужно по ихъ разчетамъ. Дѣло не въ словахъ, дѣло въ тѣхъ побужденіяхъ, изъ которыхъ они проистекаютъ и которыя подъ ними скрываются. Слова сами по себѣ могутъ быть очень пріятны, но побужденія, которыя подъ ними скрываются, система видовъ и цѣлей, съ которыми они произносятся, могутъ давать имъ самое оскорбительное значеніе. Дѣйствія вмѣняются людямъ не по внѣшнему факту, а по тѣмъ нравственнымъ побужденіямъ, которыя въ нихъ выразились; точно также и слова: истинная сила ихъ заключается не въ томъ внѣшнемъ смыслѣ, который слышится въ нихъ, а въ тѣхъ интересахъ, которыя вызвали ихъ. Послѣднія событія показали, что русское правительство стоитъ выше иноземной брани, и стало-быть выше иноземныхъ похвалъ, и что оно не ограничивается тѣмъ поверхностнымъ смысломъ, на который разчитываютъ политическіе интриганы, но умѣетъ проникать во внутреннія побужденія, заставляющія ихъ говорить въ томъ или другомъ смыслѣ. Оно не поколебалось, когда въ прошломъ году со всѣхъ концовъ Европы раздавались противъ него ругательства и клеветы; оно твердо продолжало идти своимъ путемъ, не теряя изъ виду интересовъ и достоинства своей страны и опираясь на сочувствіе своего народа. Нѣмецкіе публицисты хвалятъ теперь русское правительство за его энергію и достоинство и за непоколебимое постоянство въ исполненіи его предначертаній. Отъ всей души желаемъ, чтобъ они не только говорили это, но и дѣйствительно въ этомъ убѣдились; убѣдившись въ этомъ, они можетъ-быть не сочтутъ нужнымъ продолжать свои сладкія рѣчи, и займутся другими дѣлами. Если русское правительство не поколебалось и не измѣнило своего образа дѣйствій вслѣдствіе угрозъ и ругательствъ, то напрасно полагать, что оно будетъ податливѣе на льстивыя похвалы.

Кельнской Газетѣ легко восхвалять внутреннюю политику нашего правительства и высокія качества, отличающія умъ и сердце нашего Государя: для этого стоитъ только отдавать должную справедливость тому что̀ дѣйствительно происходитъ у насъ. Великія преобразованія, которыя уже совершились у насъ, и великія преобразованія, которыя готовятся, — это факты, которыхъ нельзя не видѣть, нельзя не признать. Въ исторіи нѣтъ примѣра бо̀льшаго единства между верховною властью и народомъ, какъ въ настоящее время въ Россіи; нѣтъ примѣра въ исторіи чтобы верховная власть, движимая заботами о благѣ своего народа, совершила столько великаго въ столь короткое время, какъ видимъ мы въ Россіи въ нынѣшнее царствованіе; падаютъ злоупотребленія, связанныя силы освобождаются и призываются къ дѣйствію, создается свободное гражданское общество, учреждается правильный судъ, и власть сама полагаетъ предѣлы произволу своихъ органовъ: все это факты, которыхъ нельзя не видѣть, нельзя не признать. Отчего же нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ никто не хотѣлъ видѣть, никто не хотѣлъ признать этихъ фактовъ, несомнѣнныхъ, очевидныхъ, говорящихъ такъ громко и такъ убѣдительно о духѣ и намѣреніяхъ верховной власти ведущей Россію? Отчего въ прошломъ году, когда Россія была предметомъ недостойной мистификаціи, когда въ нѣдрахъ ея былъ разожженъ безумный мятежъ, никто не хотѣлъ сказать добраго слова о ея правительствѣ и со всѣхъ сторонъ бросали въ него камнями и грязью? Почему *Кельнская Газета*, подобно всѣмъ остальнымъ, наполняла свои столбцы только клеветою или ложью на русское правительство, и ни однимъ словомъ не обмолвилась, — не говоримъ въ похвалу ему, — а въ справедливую оцѣнку событій и дѣлъ,

которыхъ нельзя было не видѣть, нельзя было не признать? Отчего среди этой бури, которая на насъ была воздвигнута и, казалось, грозила разрушеніемъ нашего государственнаго состава, политическіе люди, руководящіе этою газетою и ея нѣмецкіе корреспонденты изъ Россіи, не упомянули ни слова о дѣйствительно прекрасныхъ явленіяхъ характеризующихъ нынѣшнее царствованіе? Рѣчь была только о жестокостяхъ русскаго правительства, о его мрачныхъ свойствахъ, бывшихъ будто бы виною польскаго мятежа и грозящихъ пагубой европейской цивилизаціи. Какой же туманъ застилалъ тогда очи нашимъ нынѣшнимъ нѣмецкимъ хвалителямъ? Что̀ заставляло языкъ ихъ говорить вопреки совѣсти и истинѣ? Теперь оказывается, что они очень хорошо понимали дѣла и очень хорошо знали, что русское правительство одушевлено самымъ лучшимъ духомъ, что оно неутомимо дѣйствуетъ на пользу цивилизаціи и свободы; теперь они видятъ, что не жестокости правительства были виною польскаго мятежа, а напротивъ, какъ *Кельнская Газета* выражается, тѣ „улучшенія," которыя правительство предпринимало въ интересѣ польской національности. Если бы *Кельнская Газета* сказала въ прошломъ году что-нибудь изъ тѣхъ похвалъ русскому правительству, которыя мы теперь читаемъ въ ея столбцахъ, слова ея имѣли бы совершенно иной смыслъ; тогда они могли бы свидѣтельствовать о ея любви къ истинѣ; теперь же они значатъ только то, что *Кельнской Газетѣ* стало выгодно говорить этимъ тономъ, что это требуется видами ея руководителей и корреспондентовъ. Русское правительство пренебрегло заграничными клеветами и ложью; оно оперлось на сочувствіе своего народа, на общественное мнѣніе своей страны, и оно выиграло дѣло, и заняло въ Европѣ положеніе, соотвѣтствующее достоинству и значенію Русской державы. Крики умолкли, и недавніе ругатели являются теперь нашими хвалителями, и щедро одѣляютъ насъ своими благожелательными совѣтами. Прежде фальшиво бранили насъ, теперь столь же фальшиво насъ хвалятъ; прежде надѣялись застращать наше правительство нелѣпыми угрозами, чтобы навести его на ложный путь; теперь расточаютъ ему похвалы и лесть, въ надеждѣ склонить его на тотъ же самый путь. Цѣль одна и та же: разница только въ пріемахъ и способахъ. Брань и похвалы, это одно и то же: подъ тѣмъ и подъ другимъ одна и та же ложь, одно и то же стремленіе воспользоваться нами въ чуждыхъ намъ интересахъ, овладѣть нашею политикой и внести смуту въ наши дѣла.

Еслибы всѣ нѣмецкія газеты, какъ напримѣръ *Крестовая Газета*, своими планами въ честь русскаго правительства только вторили дружелюбнымъ отношеніямъ, которыя установились между нимъ и правительствами германскихъ державъ, то мы ничего не могли бы сказать противъ этого; мы видѣли бы въ этомъ весьма естественное явленіе. Но *Кельнская Газета*, какъ видно изъ ея статьи, не ограничивается этими побужденіями. Она дѣлаетъ внушенія русскому правительству и даетъ ему совѣты, она входитъ въ наши внутреннія дѣла и видимо пытается дать кредитъ нѣкоторымъ существующимъ у насъ кое-гдѣ мнѣніямъ, и поддержать нѣкоторыя существующія у насъ кое-гдѣ направленія.

Главный смыслъ нѣмецкихъ внушеній состоитъ въ томъ, что русскій народъ есть косная масса, глубоко антипатическая дѣлу свободы и прогресса. Намъ очень назидательно говорятъ о прогрессѣ и въ то же время хотятъ возвратить насъ къ тому воззрѣнію, которое представляло народъ и правительство какъ два чуждыя одно другому начала, — народъ какъ завоеванную массу, а правительство какъ дружину завоевателей, — народъ какъ мертвое вещество, а правительство какъ диміурга, впечатлѣвающаго въ эту массу чуждыя и противныя ей идеи. *Кельнская Газета* старается отвлечь насъ отъ того убѣжденія, въ которомъ полагаемъ мы самое лучшее пріобрѣтеніе нашего прогресса, — отъ того убѣжденія, что правительство русское есть *русское* правительство. Поучающая насъ нѣмецкая газета хочетъ чтобы мы забыли недавній опытъ доказавшій намъ, что только въ сознаніи единства русскаго народа съ верховною властію, управляющею его судьбами, заключается истинная сила Россіи, и что всякое правительство можетъ успѣшно дѣйствовать какъ внутри, такъ и внѣ, только при условіи національной политики. Эта газета какъ будто никогда не слыхала, что истинная слава государей и правителей состоитъ единственно въ вѣрномъ и глубокомъ разумѣніи инстинктовъ и потребностей народной жизни, и что они

не могутъ имѣть иныхъ цѣлей, кромѣ ограждения и обезпеченія интересовъ своего народа матеріяльныхъ и нравственныхъ, и что въ этомъ заключается весь смыслъ національной политики, и что никакое правительство, понимающее свое призваніе, не захочетъ признаться въ какой-либо иной политикѣ. *Кельнская Газета* хочетъ вызвать призракъ выдуманной за границею *старой русской партіи*, и тщится бросить тѣнь на то національное движеніе, которое, слава Богу, наконецъ пробудилось въ нашемъ обществѣ, и въ которомъ единственно заключается живая сила прогресса. Въ этомъ національномъ чувствѣ, которое пробудилось въ русскомъ обществѣ, нѣмецкая газета хочетъ видѣть отголосокъ враждебныхъ цивилизаціи и свободѣ инстинктовъ русскаго народа. Нѣмецкая газета не забываетъ и русскую журналистику. О петербургской печати она ничего не говоритъ, и повидимому очень довольна ею, какъ довольна ею и *Рижская Газета*. Совѣты и выговоры нѣмецкой газеты обращаются исключительно къ московской журналистикѣ,—къ *Дню* и *Московскимъ Вѣдомостямъ*. Въ насъ, московскихъ журналистахъ, видитъ она фальшивое и зловредное явленіе, и уличаетъ насъ въ панславизмѣ и завоевательныхъ замыслахъ. За панславизмъ она грозитъ намъ гнѣвомъ и возстаніемъ на насъ цѣлой Европы, и усовѣщеваетъ насъ отказаться отъ завоевательныхъ плановъ дабы заняться дѣломъ мирнаго прогресса. Для отрезвленія русскихъ людей она представляетъ выписку изъ Бальзакова романа *Parens Pauvres*, въ которомъ этотъ глубокій знатокъ людей и народовъ изображаетъ Славянъ какъ племя лишенное солидныхъ качествъ, необходимыхъ для цивилизаціи, призванное служить только мостомъ отъ азіатскаго варварства къ европейской цивилизаціи. Дѣлая эту выписку, *Кельнская Газета* пугается и ставитъ въ скобкахъ вопросительный знакъ при непонятномъ ей выраженіи своей собственной статьи, и тѣмъ доказываетъ, что статья эта прислана въ Кельнъ издалека. *Кельнская Газета* говоритъ: „эти славянофилы (то-есть мы) вращаются только въ безсильномъ отрицаніи и ищутъ скрыть недостатокъ органа для общей человѣческой культуры и для соединеннаго съ нею солиднаго труда подъ пустыми фразами и кокетничаніемъ съ славянскими древностями, не имѣющими никакого отношенія къ настоящему“. „Они (то-есть мы), говоритъ нѣмецкая газета, безпрерывно думаютъ только о томъ, какъ бы обрусить славянскія и не славянскія племена, смотрятъ въ даль и пренебрегаютъ занятіями, которыя должны быть насущнымъ хлѣбомъ русскаго журналиста“.

И она даетъ намъ исполненные мудрости и опредѣленности совѣты, что́ должны дѣлать русскіе журналисты: „они должны вести свой народъ къ культурѣ (къ германизаціи?), обращать вниманіе на препятствія, встрѣчаемыя ея развитіемъ, искать средствъ, какъ бы лучше устранять дурное, и ставить ближайшія цѣли, къ которымъ слѣдуетъ стремиться“. Оказывается, что вмѣсто всего этого, мы проповѣдуемъ національный фанатизмъ, и замышляемъ ославянить всю Европу, и въ то же время обрусить всѣ славянскія племена и Нѣмцевъ.

Постараемся воспользоваться этими благими наставленіями *Кельнской Газеты*, цитующей противъ насъ *Рижскую Газету*, перестанемъ вращаться въ отрицаніи, перестанемъ кокетничать съ славянскими древностями, займемся насущнымъ хлѣбомъ, будемъ вести нашъ народъ къ общечеловѣческой культурѣ, будемъ устранять препятствія и ставить цѣли. Но мы позволимъ себѣ замѣтить нашимъ кельнскимъ наставникамъ, цитующимъ *Рижскую Газету*, что доставленныя имъ указанія и свѣдѣнія не совсѣмъ точны. Мы знаемъ только то, что въ предѣлахъ Русскаго государства была рѣчь о германизаціи и о принятіи дѣятельныхъ мѣръ къ тому; мы знаемъ, что въ нѣкоторыхъ русскихъ областяхъ бываетъ не только не выгодно, но и не безопасно признавать себя Русскимъ; мы знаемъ также, что недавно у насъ въ Россіи была полемика о томъ, позволительно ли желать, чтобы граждане Русскаго государства признавали себя Русскими и полагавшіе что въ этомъ нѣтъ ничего непозволительнаго, кажется, не убѣдили своихъ противниковъ, но сами замолкли, должно быть убѣжденные ихъ доводами...

Но чтобъ оцѣнить весь комизмъ представляемый нѣмецкою газетой, укоряющею русское общество въ національномъ фанатизмѣ и въ завоевательныхъ замыслахъ,—чтобы вполнѣ оцѣнить весь грубый цинизмъ этого явленія, сто́итъ только вспомнить объ этихъ оргіяхъ подъ знаменемъ

національности, которыя разыгрываются въ настоящее время въ Германіи,—стóитъ только вспомнить, что именно въ настоящую минуту, благодаря случайнымъ обстоятельствамъ, происходитъ почти безпримѣрный по своей несправедливости захватъ у слабаго государства его исконной области, потому только что тамъ когда-то поселилось нѣсколько тысячъ выходцевъ изъ Германіи!

№ 158.

Москва, 16-го іюля.

Русскія газеты очень много занимаются въ послѣднее время вопросомъ о сѣти желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, но намъ кажется, что авторы нѣкоторыхъ изъ этихъ разсужденій слишкомъ увлекаются подробностями: подробности, какъ извѣстно, могутъ иногда скрыть за собой главную сущность дѣла, его основныя, широкія черты. Нѣтъ спору что было бы очень желательно еслибы желѣзныя дороги могли быть проведены и тутъ и тамъ; было бы отнюдь не дурно провести ихъ вездѣ гдѣ только есть дороги проселочныя и даже тамъ гдѣ ихъ иногда не бываетъ, напримѣръ вдоль по берегамъ моря. Неудобства отъ этого не было бы никакого, а напротивъ были бы выгоды,—еслибы желѣзныя дороги требовали для своего проведенія столько же труда и капитала какъ дороги проселочныя или даже менѣе. Къ сожалѣнію, въ дѣйствительности мы встрѣчаемся съ иными условіями: каждая верста желѣзнаго пути стоитъ отъ 40 до 80 тысячъ рублей, и построеніе его требуетъ такого громаднаго количества труда, что еслибы разомъ начать построеніе десяти или двадцати желѣзныхъ дорогъ, то не достало бы рукъ, издержки построенія значительно увеличились бы отъ увеличенія заработной платы, и во всемъ народномъ хозяйствѣ произошло бы потрясеніе, котораго не вынесли бы многія отрасли промышленности. Необходимость стало-быть велитъ строить желѣзныя дороги систематически, начиная съ наиболѣе нужныхъ и постепенно расширяя сѣть. Но какъ рѣшить, какая линія наиболѣе нужна? Тутъ надобно взвѣшивать многія данныя, отчасти невѣсомыя, отчасти несоизмѣримыя. Вопросъ чрезвычайно осложняется и становится лабиринтомъ, изъ котораго не выбраться безъ вѣрной путеводной нити. Гдѣ найдти эту нить?

Въ странахъ, выгодно лежащихъ и потому достигшихъ значительной степени развитія и благосостоянія, выборъ первостепенныхъ линій не представляетъ трудности: стóитъ только собрать статистическія свѣдѣнія о движеніи лицъ и товаровъ; на какой линіи движеніе окажется болѣе сильнымъ, ту линію и слѣдуетъ признать за болѣе важную. Россія не находится въ этомъ положеніи. Русскому народу досталась на долю усиленная борьба съ условіями той мѣстности, которую онъ занялъ. Его позднее появленіе на театрѣ исторіи объясняется этою усиленною борьбой. Своимъ теперешнимъ значеніемъ онъ обязанъ тому, что подчинявшись въ продолженіе извѣстнаго времени указаніямъ географическихъ очертаній своей страны, онъ нашелъ потомъ силы идти вопреки этимъ указаніямъ и цѣною жертвъ и лишеній проложилъ себѣ новый путь, не подъ вліяніемъ географическихъ тяготѣній. Волга, наша главная, самая оживленная рѣка, связываетъ центральныя губерніи Россіи съ Востокомъ: таково естественное тяготѣніе всего обширнаго волжскаго бассейна. Обезпечить свою самостоятельность съ этой стороны было первою естественною потребностью русской политической исторіи, но она не остановилась на достиженіи этой цѣли. Начался рядъ усилій, на которыя были положены громадныя средства, чтобъ обезпечить русскую территорію и съ Запада. Тутъ задача была трудная, потому что тутъ исторія русскаго народа не могла пользоваться географическими условіями, а напротивъ должна была идти имъ на перекоръ. Путемъ чрезвычайнаго напряженія, котораго изнурительное дѣйствіе чувствуется еще доселѣ, русскому народу удалось утвердиться на обоихъ ближайшихъ моряхъ, Балтійскомъ и Черномъ, и вступить въ непосредственное сосѣдство съ государствами центральной Европы. Эти результаты стоили ему тяжкой работы, потому что условливались не только побѣдой надъ сосѣдними народами, но и борьбой съ природой своей страны. Мы не имѣли естественныхъ удобствъ для веденія войнъ и открытія сношеній на нашей сѣверозападной и югозападной границѣ: недостатокъ естественныхъ удобствъ былъ уравновѣ-

шенъ лишь избыткомъ всенародной готовности жертвовать настоящимъ будущему. И русскій народъ приносилъ безропотно жертвы гораздо бо̀льшія чѣмъ какой бы то ни было другой изъ историческихъ народовъ. Но несмотря на желѣзную силу обнаруженную русскимъ народомъ въ созданіи своего государства, до сихъ поръ еще остается не побѣжденною рѣзкая противоположность между политическими тяготѣніями Россіи къ Европѣ и тѣми экономическими тяготѣніями ея средоточія, которыя опредѣлены физическимъ устройствомъ бассейна Волги. Будущее Россіи продолжало бы подлежать вопросу, если бы жизнь народовъ и теперь въ прежней мѣрѣ зависѣла отъ направленія великихъ артерій устроенныхъ природой для взаимнаго сношенія людей. Чтобы тяжкая работа, въ которой слагалось русское государство, достигла окончательнаго завершенія, политическое тяготѣніе къ западу должно быть поддержано и закрѣплено экономическимъ тяготѣніемъ въ эту же сторону, ибо только тогда оно потеряетъ свой теперешній характеръ, искусственный и какъ бы временный. Въ прежнее время для этого не было средствъ, но теперь успѣхи цивилизаціи даютъ намъ ихъ въ одной изъ величайшихъ побѣдъ человѣка надъ природой — въ желѣзныхъ дорогахъ. Вотъ какую службу призваны сослужить у насъ желѣзныя дороги, и вотъ какую точку зрѣнія мы должны крѣпко удерживать при сужденіяхъ о ихъ желательномъ направленіи. Наша „матушка Волга,“ естественная артерія Россіи, влечетъ насъ на востокъ; благодаря изобрѣтенію желѣзныхъ дорогъ, отъ насъ зависитъ устроить себѣ другую артерію, которая способна въ такой же мѣрѣ преобразить русскую территорію, какъ еслибы Волга потекла не къ Астрахани, а къ Одессѣ. Наши недоброжелатели имѣютъ нѣкоторое основаніе находить неестественнымъ построеніе русскаго государства. Мы можемъ отчасти согласиться съ ними. Мы можемъ сказать имъ: да, вы правы, связи скрѣпляющія русскую территорію не совсѣмъ естественны, но у насъ есть средства сдѣлать ихъ естественными, и онѣ будутъ естественными.

Чѣмъ благопріятнѣе естественныя условія, въ которыхъ находится какая-нибудь страна, тѣмъ менѣе можетъ быть основанія для того чтобы желѣзныя пути уклонялись отъ направленія прежде существовавшихъ главныхъ путей сообщенія. Въ этихъ случаяхъ желѣзные пути служатъ только подспорьемъ. Но совсѣмъ другое значеніе получаютъ они тамъ, гдѣ отъ нихъ ожидается, какъ у насъ въ Россіи, совершенное преображеніе страны. Тутъ уже никакъ нельзя судить о сравнительной пользѣ той или другой линіи на основаніи статистическихъ данныхъ о теперешнемъ движеніи на этой линіи. Подчинять направленіе желѣзныхъ дорогъ существующимъ неблагопріятнымъ географическимъ условіямъ значило бы отказываться въ желѣзныхъ дорогахъ именно отъ того что̀ даетъ особенную цѣну этому великому изобрѣтенію и дѣлаетъ его однимъ изъ могущественныхъ средствъ освобожденія человѣка отъ препонъ полагаемыхъ его дѣятельности природой.

Желѣзныя дороги имѣютъ способность развивать сношенія до степени неимовѣрной. Ихъ дѣйствіе въ этомъ отношеніи даже сильнѣе дѣйствія рѣкъ. Въ Германіи напримѣръ движеніе товаровъ по желѣзнымъ дорогамъ въ нѣсколько лѣтъ увеличилось въ тридцать разъ. Поэтому не будетъ преувеличенія, если мы скажемъ, что желѣзная дорога способна сдѣлаться такою же артеріей народной жизни какъ большая рѣка. Этому сравненію мы придаемъ особенную важность: къ значенію большихъ рѣкъ въ народной жизни всякій привыкъ; большая рѣка гораздо болѣе говоритъ нашему воображенію чѣмъ желѣзная дорога. Мы споримъ и колеблемся, когда рѣчь идетъ о томъ, какая линія желѣзной дороги для Россіи теперь наиболѣе выгодна, но отвѣтъ нашъ былъ бы твердъ и вѣренъ, — скажемъ болѣе, онъ не могъ бы не быть твердъ и вѣренъ, еслибы мы задали себѣ тотъ же вопросъ въ другой формѣ, еслибы мы спросили себя: что̀ было бы съ Россіей, какое движеніе получила бы русская исторія, еслибы, кромѣ нашей дѣйствительной Волги, по нашей территоріи текла другая Волга отъ Нижняго-Новгорода на Москву и Кіевъ до Одессы, нашего главнаго торговаго порта на Черномъ морѣ? Предложивъ себѣ вопросъ въ этой формѣ, мы поспѣшили бы сейчасъ же отвѣтить, что тогда совсѣмъ преобразилась бы наша государственная территорія, что эта вторая Волга была бы конечно, гораздо болѣе оживлена безчисленнымъ множествомъ судовъ чѣмъ

Волга дѣйствительная, что наши экономическіе интересы пришли бы въ согласіе съ интересами политическими, и что та цѣль, къ которой стремились всѣ великіе государи Россіи, скрѣпленіе и обезпеченіе связей съ западомъ, была бы достигнута прочно, и никому не пришло бы въ голову находить не естественнымъ составъ русской государственной территоріи. При самой малой степени сообразительности, мы были бы въ состояніи увидѣть, что подобнаго вліянія на всю русскую исторію не имѣла бы эта предполагаемая вторая Волга, еслибъ она текла въ направленіи болѣе восточномъ, напримѣръ на Харьковъ и Крымъ.

Воображеніе служитъ сильною подмогой при составленіи сужденій, а потому мы просимъ у читателей позволенія остаться при сравненіи желѣзной дороги съ рѣкой еще для слѣдующихъ соображеній. У насъ сильная мода смотрѣть свысока на политическіе интересы страны и выставлять на первый планъ интересы экономическіе. Съ чьей-то легкой руки мы чувствуемъ влеченіе отдавать предпочтеніе передъ интересами политическими даже стратегическимъ интересамъ, которые въ сущности не могутъ быть отдѣлены отъ нихъ. Словомъ, политическія соображенія у насъ въ загонѣ. Но то что̀ имѣетъ высокое значеніе политическое, не можетъ не быть выгодно и въ смыслѣ экономическомъ и стратегическомъ. Представимъ же себѣ, что счастливый геній Россіи подарилъ намъ вторую Волгу, текущую изъ Нижняго до Одессы черезъ Москву и Кіевъ. Неужели эта вторая Волга будетъ для насъ въ экономическомъ отношеніи меньшимъ благодѣяніемъ чѣмъ Волга текущая изъ Нижняго въ Астрахань? Эта послѣдняя, дѣйствительная Волга соединяетъ центральную Россію съ Каспійскимъ моремъ, черезъ которое мы можемъ торговать только съ Персіей. Вся наша азіятская торговля капля въ морѣ сравнительно съ торговлей по европейской границѣ, а торговлю съ Персіей можно назвать ничтожною. Всѣ эти сотни пароходовъ и десятки тысячъ судовъ, которыми пестрѣетъ Волга, стало-быть служатъ почти исключительно интересамъ внутреннихъ сношеній. Далѣе, объ этихъ внутреннихъ сношеніяхъ мы можемъ очень вѣрно судить по значенію городовъ лежащихъ на теченіи Волги. За исключеніемъ Саратова, который видимо растетъ, и отчасти Самары, приволжскіе города не идутъ въ гору, но даже и Саратовъ было бы безсмысленно равнять съ Москвой, Кіевомъ или Одессой. Москва есть средоточіе русской фабричной промышленности; Кіевъ — естественное средоточіе юго-западнаго края, центральное мѣсто всѣхъ тамошнихъ сдѣлокъ; наконецъ Одесса самый западный и наиболѣе глубоко лежащій портъ Чернаго моря, пріобрѣтшій огромное значеніе и безъ прямаго сообщенія съ центральными губерніями Россіи. Кромѣ Петербурга и Риги, которые уже соединены съ Москвой и Нижнимъ желѣзною дорогой, въ Россіи нѣтъ центровъ, которые были бы важнѣе Нижняго, Москвы, Кіева и Одессы. Если бы эти четыре города были соединены между собой большою рѣкой, то внутренняя торговля на этой рѣкѣ далеко превзошла бы торговлю волжскую. Но къ этой внутренней торговлѣ присоединилась бы торговля внѣшняя, въ тысячу разъ болѣе значительная чѣмъ торговля по Каспійскому морю. Можно ли сомнѣваться во всемъ этомъ? Можно ли придавать серіозное значеніе статистическимъ даннымъ, которыя условливаются именно тѣмъ, что Кіевъ и Одесса не имѣютъ дешеваго сообщенія съ Москвой и Нижнимъ, этимъ общимъ торжищемъ Европы и Азіи?

Таковы данныя экономическія. Въ отношеніи стратегическомъ, то-есть въ интересахъ защиты государства, линія отъ Москвы на Одессу составляетъ также предметъ первой потребности. Еслибы суждено было Россіи выдержать войну на югѣ, то театромъ ея будетъ не Крымъ, куда нашимъ врагамъ теперь идти не зачѣмъ, а юго-западный уголъ Россіи и Закавказье. Послѣднее мы можемъ снабжать людьми, снарядами и провіянтомъ по Волгѣ, и отчасти по Дону, но юго-западный уголъ Россіи въ случаѣ подобной войны находился бы почти въ такомъ же невыгодномъ положеніи, въ какомъ находился Крымъ во время войны Восточной. Дорога на Севастополь мало помогла бы намъ. Она имѣла бы стратегическую важность, пока существовалъ Севастополь и былъ цѣлъ черноморскій флотъ. Теперь же, въ случаѣ войны на югѣ, она будетъ почти безполезна, такъ какъ ея линія будетъ на столько отстоять отъ обоихъ вѣроятныхъ театровъ войны, что быстрое передвиженіе войскъ все-таки не будетъ возможно.

Напротивъ, построивъ желѣзную дорогу изъ Москвы на Кіевъ и Одессу, мы были бы неуязвимы на юго-западѣ, то-есть въ томъ пунктѣ, гдѣ скорѣе всего мы можемъ ожидать серіознаго и опаснаго нападенія.

№ 159.

Москва, 17-го іюля.

Если могли быть какія-либо сомнѣнія относительно нынѣшняго положенія европейской политики, по скольку ее направляетъ Англія, то они должны окончательно разсѣяться послѣ засѣданія палаты лордовъ 22 іюля, въ которомъ лордъ Стратфортъ де-Редклифъ дѣлаетъ министерству запросъ по поводу слуховъ о возрождающемся Священномъ Союзѣ. Ниже представлено, въ возможной полнотѣ, изложеніе этого разговора, а рѣчь лорда Росселя передана почти in extenso, такъ какъ она записана стенографами газеты *Times*. Наши читатели усмотрятъ изъ этого разговора, съ какимъ согласіемъ обѣ партіи, правительственная и оппозиціонная, каждая по своему, дѣлаютъ одно дѣло и создаютъ то политическое положеніе, которое требуется видами Англіи. Пусть слухи о тѣхъ обязательствахъ, въ которыя будто бы вступили между собою сѣверные дворы, не болѣе какъ газетная утка, пусть дипломатическіе документы напечатанные въ одномъ изъ значительнѣйшихъ органовъ англійской печати—подлогъ; пусть, наконецъ, для всякаго политическаго человѣка будетъ совершенно ясно, что въ настоящее время образованіе чего-либо въ родѣ Священнаго Союза есть химера, и пусть такіе глубокіе политики, какъ лордъ Стратфордъ де-Редклифъ, какъ нельзя лучше понимаютъ, что ничего опаснаго для спокойствія Европы, а также ничего опаснаго для англійскихъ интересовъ, три сѣверныя державы не могутъ между собою устроить: пусть все это такъ, но эти газетныя утки и подлоги, эти химеры и нелѣпости становятся тѣмъ не менѣе предметомъ серіознаго обсужденія въ парламентѣ и получаютъ значеніе важнаго европейскаго вопроса долженствующаго дать новое направленіе международной политикѣ. Какъ членъ оппозиціи, котораго мнѣнія не могутъ имѣть офиціяльной силы, лордъ Стратфордъ говоритъ тономъ человѣка близкаго къ убѣжденію, что документы, напечатанные въ *Morning Post*, суть подлинные документы; онъ не понимаетъ, какимъ образомъ въ европейской журналистикѣ, которая пріобрѣла въ настоящее время столь серіозное значеніе, могли бы публиковаться небылицы и подложные документы; онъ не понимаетъ съ какою цѣлію можно бы это дѣлать, и на кого могъ бы разчитывать столь грубый обманъ. Въ самомъ дѣлѣ, подлогъ относится къ событіямъ не какихъ-либо отдаленныхъ эпохъ; рѣчь идетъ о томъ что̀ дѣлается теперь, сію минуту, между правительствами: какъ, повидимому, рѣшиться на публичный подлогъ, который такъ легко изобличить и опровергнуть? Старый, хитрый и непримиримый врагъ Россіи на Востокѣ, знакомый со всѣми тонкостями политической игры, лордъ Стратфордъ держится того мнѣнія, что этими упорными слухами пренебрегать не должно, и что какъ для Европы, такъ и для Англіи возникаетъ великая опасность вслѣдствіе происшедшаго сближенія трехъ сѣверныхъ дворовъ. Онъ указываетъ на весьма основательныя причины опасаться серіозныхъ бѣдствій для Европы вслѣдствіе возстановленія Священнаго Союза; онъ не ограничивается предусмотрѣніемъ опасностей, имѣющихъ произойдти вслѣдствіе успѣха Священнаго Союза,—онъ указываетъ и на опасности въ случаѣ его неуспѣха — опасности одинаково пагубныя для свободы и мирнаго развитія Европы. Восторжествуетъ Священный Союзъ, утвердится и распространится въ Европѣ деспотизмъ; рушатся въ ожесточенной борьбѣ попытки правительствъ возобновить Священный Союзъ,—въ Европѣ восторжествуетъ демократія. Итакъ, опасности грозятъ со всѣхъ сторонъ; политическая мудрость призывается къ тому, чтобы предупредить ихъ, то-есть заранѣе парализировать попытки къ возстановленію Священнаго Союза. Не должна ли Англія обнаружить энергическую готовность къ борьбѣ на случай возможныхъ опасностей? И не требуетъ ли нынѣшнее положеніе Европы, встревоженной зловѣщими признаками, показавшимися на сѣверѣ, тѣснаго сближенія обѣихъ западныхъ державъ?

Лордъ Россель, какъ офиціяльный представитель политики своего двора, считаетъ своимъ долгомъ выразить сомнѣніе въ подлинности документовъ, относящихся къ сближенію трехъ сѣверныхъ державъ. Онъ

не вѣритъ въ подлинность этихъ документовъ, и для успокоенія лордовъ представляетъ доказательства ихъ неподлинности. Но лордъ Россель знаетъ, что въ дѣлахъ людскихъ ложь и истина бываютъ нераспознаваемо смѣшаны, и что въ основаніи самыхъ грубыхъ подлоговъ часто бываетъ нѣкоторая доля правды. Лордъ Россель отвергаетъ подлинность напечатанныхъ документовъ, но онъ тѣмъ не менѣе допускаетъ полную возможность считать содержаніе этихъ подложныхъ документовъ не лишеннымъ основанія. Скорлупу онъ отбрасываетъ, а зерно оставляетъ. Документы по своей формѣ—подлогъ, но ихъ сущность выходитъ почти побѣдоносно изъ скептическаго анализа лорда Росселя. Коммерческіе люди—самый чуткій на свѣтѣ народъ; коммерческіе люди, какъ полагаетъ лордъ Россель, были виновниками подложныхъ документовъ. Знакомыми только имъ однимъ путями провѣдали они о тайнѣ совѣщаній между тремя правительствами, и то что было ими узнано поспѣшили заявить міру въ формѣ дипломатической переписки. Но каковы бы ни были виды и намѣренія сѣверныхъ державъ, британскій министръ отнюдь не думаетъ, чтобы въ настоящее время было возможно возстановленіе Священнаго Союза, или чтобъ это грозило Англіи какою-либо опасностію. Тѣмъ не менѣе, онъ считаетъ не лишнимъ пуститься въ нѣкоторыя подробности о Священномъ Союзѣ и разказать его исторію. Изъ его разказа явствуетъ, что Англіи всегда были противны начала этого союза, и что она всегда протестовала противъ этой враждебной свободѣ и прогрессу комбинаціи; но протестуя, Англія не находила нужнымъ ополчаться войною противъ Священнаго Союза, тѣмъ болѣе, что зловредныя дѣйствія этой комбинаціи не касались интересовъ Англіи и тяготѣли только надъ материкомъ. Англія оставалась въ сторонѣ; но было время, когда французское правительство повиновалось велѣніямъ этой могущественной коалиціи и посылало свои войска въ Испанію для ниспроверженія новаго правительства, возникшаго вслѣдствіе революціи. Время однако текло, совершались событія, Европа измѣнялась, во Франціи произошли двѣ революціи, и Священный Союзъ, прежде столь могущественный, ослабѣлъ. Если протестаціи Англіи противъ него были въ началѣ безсильны, за то въ послѣдствіи, напримѣръ послѣ Вилла-Франкскаго мира, англійское правительство однимъ своимъ словомъ превратило въ ничто дѣйствія Священнаго Союза. Графъ Россель такъ увлекся исторіей Священнаго Союза, что разказываетъ ее даже за то время, когда отъ Священнаго Союза осталось только воспоминаніе въ Европѣ; онъ цитуетъ свои депеши—по италіянскому дѣлу, но не считаетъ нужнымъ напомнить своимъ слушателямъ, что эти протестаціи не могли относиться къ Священному Союзу по той простой причинѣ, что его уже не было на свѣтѣ, и что его депеши были направлены противъ Франціи. Дѣйствительно, протестаціи англійскаго правительства были не безсильны въ италіянскомъ дѣлѣ, и статьи Цюрихскаго договора не пришли въ исполненіе. Но Цюрихскій договоръ былъ ли дѣломъ Священнаго Союза? Не былъ ли Вилла-Франкскій договоръ продиктованъ Франціей и подписанъ Австріей, которая находилась тогда въ самыхъ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Россіи, между тѣмъ какъ Россія сближалась съ Франціей. И такъ, хотя Священный Союзъ уже утратилъ свою силу послѣ 1830 года, хотя отъ Священнаго Союза не осталось и тѣни послѣ 1856 года, хотя во времена Вилла-Франкскаго мира между державами, составлявшими нѣкогда Священный Союзъ, не только не было союза, но была открытая непріязнь, лордъ Россель все-таки продолжаетъ говорить о Священномъ Союзѣ. Достаточно наполнивъ Священнымъ Союзомъ свою рѣчь, лордъ Россель успокоиваетъ палату увѣреніемъ, что никакой серіозной опасности не предвидится, тѣмъ болѣе что почти по всѣмъ европейскимъ вопросамъ, начиная съ шлезвигъ-гольштейнскаго и кончая восточнымъ, Англія и Франція держатся совершенно одной и той же политики, и что если три сѣверные двора сближаются между собою, то и между обѣими западными державами совершенно естественно устанавливается полное сердечное согласіе. Въ заключеніе, графъ Россель не преминулъ заявить о томъ какъ хорошо уладились на Востокѣ возбужденныя княземъ Кузой затрудненія, благодаря согласному дѣйствію Англіи и Франціи, и сослаться на только что полученную имъ депешу г. Друэнъ-де-Люиса, въ которой выражается надежда, что и всѣ дальнѣйшія затрудненія по восточному вопросу могутъ быть также улажены самымъ удовлетворительнымъ образомъ, при пол-

номъ согласіи между обѣими западными державами.

Итакъ *bon gré, mal gré*, правительство императора Наполена III вступаетъ въ „сердечное согласіе“ съ Англіей,—согласіе, изъ котораго наполеоновская Франція такъ усиливалась высвободиться. Франція снова, и болѣе чѣмъ когда-либо, должна теперь дѣйствовать въ согласіи съ политикой Англіи. Что̀ не удалось назадъ тому нѣсколько лѣтъ, посредствомъ варшавскихъ свиданій, то наконецъ удается теперь. Польское дѣло сослужило свою службу. Оно не только разорвало тѣсный союзъ между Россіей и Франціей, но и приковываетъ эту послѣднюю державу къ англійской политикѣ. Наполеоновская Франція не можетъ оставаться безъ внѣшняго дѣйствія: отнынѣ она будетъ дѣйствовать въ полномъ согласіи съ своею соперницей. Средство высвободиться изъ этого вынужденнаго согласія, возможность дѣйствовать на свою руку отнята у ней, потому что единственная держава, на которую она могла бы опереться, находится, какъ утверждаютъ, въ тѣсномъ сближеніи съ германскими державами. Призракъ Священнаго Союза былъ вызванъ не даромъ: онъ также долженъ сослужить службу. Онъ располагаетъ умы во Франціи къ союзу съ Англіей; онъ производитъ то движеніе въ общественномъ мнѣніи, которое должно способствовать новой политической комбинаціи; онъ производитъ то настроеніе въ обществѣ, которое должно и облегчить французскому правительству сближеніе съ Англіей и понудить его къ тому.

Нельзя не радоваться дружелюбнымъ отношеніямъ, которыя могутъ установиться между Россіей и какими бы то ни было европейскими державами; дружелюбныя отношенія безспорно лучше непріязненныхъ и натянутыхъ. Но нельзя не пожалѣть, что добрыя отношенія, которыя устанавливаются между Россіей, Австріей и Пруссіей, подали поводъ къ толкамъ о тѣсномъ Союзѣ между ними.

Союзъ Россіи съ германскими державами не можетъ заключать въ себѣ ни малѣйшей для нея выгоды. Для Россіи этотъ союзъ значитъ только приносить Германіи въ жертву свои интересы, матеріяльные и нравственные, какъ нѣкогда выразился въ одной изъ своихъ депешъ предъ восточною войной покойный вице-канцлеръ, графъ Нессельродъ, котораго вся политика состояла однако въ томъ, чтобы поддерживать и закрѣплять этотъ союзъ Россіи съ германскими державами.

№ 160.

Москва, 18-го іюля.

Наша статья въ № 143 *Московскихъ Вѣдомостей* вызвала *протестъ* со стороны газеты *la France*, въ нумерѣ ея отъ 25-го іюля, подъ заглавіемъ: „О причинѣ волненій въ Европѣ.“ Этотъ протестъ, естественно, не касается существеннаго содержанія нашей статьи, въ которой мы говорили, главнѣйшимъ образомъ, о необходимости національно-русскаго направленія въ нашей внутренней политикѣ, въ противоположность мнѣнію газеты *la France*, которая вмѣняла Россіи въ обязанность возможно-большее удовлетвореніе „національнымъ стремленіямъ“ подвластныхъ русской державѣ инородцевъ. Во Франціи, гдѣ господствуетъ исключительно-національное направленіе и во внутренней, и во внѣшней политикѣ, гдѣ Нѣмцы Эльзаса съ такою гордостью провозглашаютъ, на своемъ полуфранцузскомъ жаргонѣ, что они истые Французы и ничѣмъ такъ не обижаются какъ названіемъ Нѣмца,—во Франціи, безъ сомнѣнія, не вѣрятъ и не могутъ представить себѣ, чтобы въ Россіи было иначе, чтобы въ ней были такіе инородцы, которые бы не только не гордились званіемъ русскихъ гражданъ, но не желаютъ имѣть съ ними ни общихъ правъ, ни общихъ обязанностей. Во всякомъ случаѣ, весьма естественно и весьма благоразумно, что газета *la France* вовсе не касается этого пункта.

Но ограничившись тѣмъ что̀ въ нашей статьѣ относилось къ Франціи, газета почтеннаго г. де-Лагероньера должна бы привести не только то что̀ въ ней было сказано о политикѣ національностей, которой держится Франція, но и то что̀ мы говорили о крайней непослѣдовательности французской политики въ примѣненіи провозглашаемаго ею начала національностей. *La France* удовольствовалась въ своемъ *протестѣ* только доводами, что будто бы не Франція, а сама Россія, съ Австріей и Пруссіей наиболѣе содѣйствовала возбужденію вопроса о національностяхъ, который гро-

зить потрясеніями всей Европѣ, а что Франція только заботится объ умиротвореніи всего современнаго міра. Прислушаемся къ этимъ доводамъ, и посмотримъ, не будемъ ли мы болѣе въ правѣ сказать газетѣ *la France* то что̀ она желала сказать намъ: „Возможно ли болѣе явнымъ образомъ искажать очевидность положеній и истину исторіи?“

Раздѣлъ Польши служитъ для газеты *la France* первымъ обвинительнымъ пунктомъ противъ Россіи и первымъ доказательствомъ, что она возбудила въ Европѣ вопросъ о національностяхъ и создала въ самомъ центрѣ ея „постоянный очагъ смятеній и замѣшательствъ.“ Мы не станемъ распространяться въ доказательствахъ, что первоначально мысль о раздѣлѣ Польши принадлежала вовсе не Россіи, а Пруссіи. Это историческое событіе мы считаемъ вполнѣ разумнымъ и необходимымъ, и энергическое въ немъ участіе Россіи дѣлаетъ честь истинно-русской политикѣ императрицы Екатерины II. Положить конецъ безчинствамъ и насиліямъ средневѣковой Польши, съ ея анархіей, съ ея уродливою шляхтой, въ которой уничтожился народъ и изчезало государство, наконецъ съ ея фанатизмомъ, было великою заслугой предъ цѣлою Европой и предъ судомъ правдивой исторіи. Высвободить милліоны русскихъ людей изъ-подъ невыносимаго матеріяльнаго и нравственнаго гнета нѣсколькихъ тысячъ польскихъ пришельцевъ и ополяченныхъ русскихъ и литовскихъ пановъ и фантастическаго духовенства было совершенно согласно съ началами здравой политики національностей. Было бы и нелѣпо, и безславно, еслибы могущественная Россія оставила навсегда милліоны оторванныхъ отъ нея сыновъ подъ игомъ враждебной и безсильной Польши. Пусть справится газета *la France* съ самыми достовѣрными статистическими данными, и она увидитъ, что въ нынѣшнихъ девяти западныхъ губерніяхъ, которыя отошли къ Россіи отъ Польши, изъ 10.660.000 жителей, Поляковъ (или собственно говоря, ополяченныхъ Русскихъ и Литовцевъ) всего 946.000, или почти 9 процентовъ всего населенія; остальное—все русскій народъ (до семи милліоновъ), посреди котораго, разсѣянные по всему краю, живутъ въ числѣ 1.200.000 Евреи, нигдѣ не составляющіе особой политической національности, и около полутора милліона Литовцевъ, сосредоточенныхъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, и также не имѣющихъ притязанія на политическую самостоятельность. Приступивъ къ раздѣлу Польши, Россія не возбудила противъ себя вопроса о національностяхъ, а напротивъ содѣйствовала, по возможности, удовлетворительному разрѣшенію его въ этой части Европы, и если смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія національностей, то ее можно упрекнуть только въ томъ, что она отдала Галицію Австріи,—Галицію, которая нѣкогда была живымъ членомъ русской земли, чисто-русскимъ великимъ княжествомъ, и въ которой и въ настоящее время бо̀льшая половина всего населенія принадлежитъ къ чисто-русской національности. Съ той же самой „европейской“ точки зрѣнія національностей можно было бы упрекнуть еще Россію въ томъ, что она не только не поспѣшила разомъ положить конецъ соціальному гнету и преобладанію пришлаго польскаго элемента въ возсоединенныхъ съ Россіей девяти губерніяхъ, но и сама еще питала и лелѣяла польскія притязанія, сначала закрѣпивъ сомнительныя права польскихъ помѣщиковъ на населеніе ихъ обширныхъ владѣній, а потомъ возстановивъ отдѣльное политическое существованіе Царства Польскаго и надѣливъ его учрежденіями, которыя, какъ бы ни были несовершенны, все-таки дали ему исключительное положеніе въ сравненіи съ другими частями Имперіи. Наконецъ, можно было бы и еще сдѣлать одинъ упрекъ Россіи, что она включила въ составъ Царства Августовскую и Люблинскую губерніи, нѣкогда принадлежавшія къ русской государственной системѣ, въ которыхъ до сихъ поръ сохранилось въ значительной силѣ чисто-русское населеніе. Вотъ что̀ можно было сказать противъ Россіи съ „европейской“ точки зрѣнія національностей. Еслибы Россія рѣшительно стала на эту точку зрѣнія въ польскомъ вопросѣ, то о немъ давнымъ-давно не было бы и помину. „Этотъ вѣчно-горящій въ центрѣ Европы очагъ смятеній и замѣшательствъ,“ безъ сомнѣнія, не замедлитъ окончательно погаснуть, какъ только Россія вполнѣ усвоитъ себѣ эту самую политику національностей, которою она не совсѣмъ послѣдовательно руководствовалась въ польскомъ вопросѣ. Да и вообще говоря, Россія могла бы усвоить себѣ и внутри, и внѣ своихъ предѣловъ, политику національностей съ большою смѣлостью и съ большею

искренностью чѣмъ какая-либо другая европейская держава, такъ какъ Россія представляетъ собою одинъ изъ самыхъ цѣльныхъ національныхъ организмовъ, чему единственно она обязана своимъ значеніемъ великой державы. Только по западной окраинѣ Россіи встрѣчаются элементы, которые не стремятся къ ассимиляціи съ русскою народностью; но эти элементы: шведскій въ Финляндіи, нѣмецкій въ Прибалтійскомъ краѣ, и польскій въ Царствѣ Польскомъ, не имѣютъ собственно-національнаго значенія, и поглощаются: въ Финляндіи элементомъ финскимъ, въ Прибалтійскомъ краѣ—элементомъ финскимъ же и литовскимъ, а въ Царствѣ Польскомъ—крестьянскимъ сословіемъ, совершенно внѣ того круга, который сами Поляки называютъ польскою націей. Если мы говорили противъ политики національностей, то имѣли при этомъ въ виду лишь то злоупотребленіе началомъ національностей, въ которое безпрерывно впадаетъ Франція.

Другой обвинительный пунктъ, который выставляетъ противъ Россіи *la France*, особенно куріозенъ. Россія, изволите ли видѣть, угрожала сначала унизительнымъ подчиненіемъ, а потомъ прямо насильственнымъ владычествомъ, оттоманской *національности*. Оттоманская національность! Risum teneatis, amici. Какъ бы не преувеличивала газета *la France* значеніе турецкой „цивилизаціи", она не можетъ отрицать, что Оттоманская имперія есть фактъ, противорѣчащій, всѣмъ своимъ существованіемъ принципу національностей. Эти милліоны христіанъ оттоманской національности, искони населяющіе страну, завоеванную Турками, не заслуживаютъ глумленія, заключающагося въ словахъ газеты *la France*, что восточная война была предпринята Франціей въ высшихъ интересахъ справедливости и всеобщей цивилизаціи. Пусть упрекаютъ съ какой угодно точки зрѣнія дѣйствія Россіи по восточному вопросу; несомнѣнно то, что ея политика здѣсь была политикою національностей.

Мы покончили съ обвинительными пунктами газеты *la France* противъ Россіи, и не войдемъ въ разсмотрѣніе ея уликъ направленныхъ на Австрію и Пруссію. „Историческая истина" и статистическія данныя оказываются, такимъ образомъ, на нашей сторонѣ. Ни въ польскомъ, ни въ восточномъ вопросѣ Россія не подавляла чуждыхъ національностей, а напротивъ содѣйствовала освобожденію подавленныхъ національностей. Обратимся теперь къ Франціи.

Установивъ всю правительственную систему внутри государства на комедіи, называемой всеобщею подачей голосовъ, Франція нашла нужнымъ провозглашать, что въ силу новаго принципа, внесеннаго ею въ міръ, населенія могутъ переходить по произволу изъ одной государственной области въ другую. Положительное право, скрѣпленное трактатами, результатъ вѣковыхъ историческихъ процессовъ, въ глазахъ ея почти не существуетъ, и газета *la France*, въ той самой статьѣ, съ которою мы имѣемъ теперь дѣло, повторяетъ въ сотый разъ, развивая идеи, высказанныя въ тронной рѣчи 5-го ноября прошлаго года, что это право теперь уже совсѣмъ устарѣло, и что Франція самымъ легкимъ усиліемъ могла бы потрясти все политическое зданіе Европы, покоящееся на этихъ ветхихъ основахъ, и доставить себѣ полное возмездіе за свои прежнія невзгоды. Послѣднее, замѣтимъ мимоходомъ, не такъ легко, какъ это кажется газетѣ *la France*: на то есть у Французовъ добрые сосѣди за Каналомъ. „Но, прибавляетъ *la France*, Франція заботилась только о томъ, чтобъ умиротворить весь современный міръ". Результатомъ этихъ заботъ было то, что Европа или оглашается шумомъ брани, или приготовляется къ новымъ войнамъ, а Англія создала военную силу, которая начинаетъ тяготѣть надъ всѣмъ міромъ. Огромныя вооруженія, повсюду вызванныя Франціей, никакъ не могутъ считаться умиротворяющимъ элементомъ, и нельзя по меньшей мѣрѣ не согласиться, что Франція взялась слишкомъ неудачно за „умиротвореніе современнаго міра". Если Французскіе журналисты не высказываютъ этого, то французскіе государственные люди очень хорошо понимаютъ, а императоръ Французовъ понимаетъ лучше всякаго другаго, что Франція испытываетъ гнетъ не со стороны сѣверныхъ державъ, а со стороны своей доброй сосѣдки, которая что̀ называется совсѣмъ оборвала ее, и послѣ того привлекаетъ ее къ сердечному согласію съ собой, *надѣясь имѣть въ своихъ рукахъ совершенно послушное орудіе.*

№ 161.

Москва, 20-го іюля.

А.

Въ № 26 *Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостей* (отъ 27-го іюня) напечатано извѣстіе, что въ половинѣ прошлаго мая крестьянинъ деревни Аверинской, Глазовскаго уѣзда, Трифонъ Дебринъ, былъ наказанъ въ волостномъ правленіи розгами за неплатежъ подати. Съ тѣхъ поръ Дебринъ тяжко заболѣлъ и черезъ двѣ недѣли, 31-го мая, умеръ. По офиціяльному донесенію, волостное правленіе опредѣлило наказать Дебрина *только десятью ударами*, но,—не безъ сарказма замѣчаетъ вятская газета,—„видно, столь сильно было усердіе исполнителей этого опредѣленія, что и десяти ударовъ не могла вынести крѣпкая, привычная къ розгѣ, мужицкая натура“... Случайно въ томъ же № *Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостей*, на той же страницѣ, помѣщено извѣстіе о судебномъ приговорѣ другаго рода. Во второй половинѣ іюня, въ Вяткѣ, публично объявленъ судебный приговоръ преступнику, осужденному на каторжную работу за *отцеубійство*. Этотъ случай, какъ всегда бываетъ, привлекъ многочисленную толпу народа на Верхній рынокъ, къ Александровскому собору, гдѣ былъ устроенъ эшафотъ для преступника. Въ массѣ народа было не мало такихъ, которые еще не были твердо увѣрены, что тѣлесное наказаніе уголовныхъ преступниковъ отмѣнено навсегда, и находились въ сомнительномъ ожиданіи, не появятся ли плети, и не будетъ ли душегубецъ наказанъ по старому. Многіе даже недоумѣвали, зачѣмъ взводятъ преступника на эшафотъ, если дѣло обойдется безъ казни, и вообще простой народъ остался крайне недоволенъ тѣмъ, что преступникъ *не былъ наказанъ по старому*. „Вспороть бы его хорошенько“, „вздуть бы ему спину-то,“ и тому подобные возгласы такъ и сыпались вокругъ эшафота и по дорогѣ, на возвратномъ пути осужденнаго. Мѣстная газета видитъ въ въ этихъ возгласахъ признакъ грубости народныхъ нравовъ и лишь нѣсколько оправдываетъ ихъ тѣмъ, что самый видъ преступника ни мало не говорилъ въ его пользу. Но возгласы народные, которые показались столь грубыми вятской газетѣ, могли происходить и изъ источниковъ другаго свойства. Въ нихъ могло сказаться и врожденное человѣку чувство справедливости, которое требуетъ правомѣрности въ наказаніяхъ и возмущается ея нарушеніемъ. Простому человѣку трудно понять, почему съ отцеубійцей слѣдуетъ обращаться „гуманнѣе“ чѣмъ, напримѣръ, съ крестьяниномъ, не уплатившимъ въ срокъ подати, можетъ быть по болѣзни; почему не сѣкутъ отцеубійцу, когда въ волостныхъ правленіяхъ зачастую сѣкутъ порядочныхъ людей за ничтожные проступки и т. д.

Нѣтъ сомнѣнія, что пока розга остается обычнымъ наказаніемъ въ повседневной крестьянской жизни, гуманная отмѣна тѣлеснаго наказанія въ нашемъ уголовномъ кодексѣ останется въ глазахъ народа непонятною мѣрой. Простой народъ въ Вяткѣ былъ не доволенъ тѣмъ, что отъ тѣлеснаго наказанія былъ освобожденъ отцеубійца, и громко заявлялъ свое неудовольствіе. Могло ли быть иначе? Простой человѣкъ не пишетъ проектовъ преобразованія обычнаго строя своей повседневной жизни; но когда передъ нимъ совершается явленіе, въ которомъ онъ не можетъ не видѣть какъ бы предпочтенія, отдаваемаго преступнику, убійцѣ, передъ людьми не утратившими ни стыда, ни совѣсти, ни человѣческаго достоинства, — чувство его невольно возмущается. Масса народа, люди, не совершившіе никакихъ преступленій, не освобождены отъ тѣлеснаго наказанія (и безъ примѣра Дебрина очень хорошо извѣстно, что розга иногда не уступитъ плети); они могутъ подвергаться розгѣ по нѣскольку разъ за такіе мелкіе проступки, отъ которыхъ не всегда можно остеречься, или за неакуратность денежныхъ взносовъ, или даже по злобѣ кого-либо изъ сильныхъ крестьянскаго міра, такъ какъ волостные суды далеко не всегда отличаются справедливостью и самостоятельностью приговоровъ, — и въ то же время ни плеть, ни розга отнюдь не могутъ коснуться извергов, отцеубійцъ! Въ самомъ дѣлѣ, когда орудія тѣлеснаго наказанія изъяты изъ рукъ блюстителей правосудія,—членовъ высшихъ судебныхъ инстанцій, людей болѣе или менѣе образованныхъ, — слѣдуетъ ли оставлять розгу въ рукахъ грубыхъ представителей крестьянскаго управленія? слѣдуетъ ли видѣть только грубость нравовъ въ томъ, что народъ въ Вяткѣ несочувственно отнесся къ

освобожденію отъ тѣлеснаго наказанія отцеубійцы, когда еще въ свѣжей памяти была у него тѣнь несчастнаго Дебрина.

Представителей нашей ультрапрогрессивной и quasi-гуманной печати повидимому нисколько не возмущаетъ печальная необходимость, вслѣдствіе которой розга остается доселѣ орудіемъ полицейской расправы, отъ котораго не обезпеченъ ни честный домохозяинъ, ни почтенный сѣдовласый отецъ семейства, если только принадлежитъ къ мѣщанскому или крестьянскому сословію; но посмотрите, какой гвалтъ поднимутъ они, когда прослышатъ, что въ какой-нибудь школѣ высѣкли мальчишку! А между тѣмъ тѣлесное наказаніе въ дѣтскомъ возрастѣ, въ извѣстныхъ случаяхъ и въ ограниченной мѣрѣ, признается необходимымъ въ цѣломъ мірѣ. Наши самозванные филантропы и не подозрѣваютъ, что тѣлесное наказаніе дѣтей нельзя даже и сравнивать съ тѣлеснымъ наказаніемъ взрослыхъ, что допущеніе перваго нисколько не постыдно и не предосудительно, тогда какъ существованіе втораго въ извѣстныхъ случахъ возмутительно. До какой степени извращенія понятій доходятъ иные прогрессисты по части юридической науки, можно судить по тому, что въ ихъ средѣ, при существованіи тѣлеснаго наказанія въ повседневной жизни податныхъ сословій, иногда слышится мысль о необходимости отмѣны тѣлеснаго наказанія для людей, находящихся на каторгѣ въ случаѣ новыхъ проступковъ и преступленій. Въ то время когда простой полицейскій проступокъ, грубое слово, даже недоимка, могутъ подвергнуть позорному наказанію человѣка принадлежащаго къ гражданскому обществу,—грабитель, душегубецъ, отцеубійца, кровосмѣситель, люди извергнутые изъ общества, опозоренные судомъ и сосланные на каторгу, за совершаемые ими вновь на каторгѣ проступки и преступленія, въ силу этихъ филантропическихъ ученій, должны подвергаться только аресту и другимъ тому подобнымъ наказаніямъ, и лишь за повтореніе каторжникомъ преступленія ведущаго на каторгу онъ долженъ подвергаться — разстрѣлянію, наравнѣ съ дезертиромъ. По роду преступленія, ведущаго къ разстрѣлянію, каторжникъ, въ силу этихъ ученій, долженъ быть поставленъ въ привилегированное положеніе наравнѣ съ воиномъ! По роду наказаній, — ему дается неизмѣримо лучшее положеніе чѣмъ всему народу, состоящему не изъ злодѣевъ и негодяевъ, а изъ честныхъ гражданъ! Такимъ образомъ, совершеніе преступленій и злодѣйствъ должно освобождать преступника отъ тѣлеснаго наказанія, отъ котораго онъ не былъ свободенъ до совершенія преступленія, должно давать ему тѣ же права, какія еще недавно давало только возведеніе въ дворянское достоинство!

Если необходимо оставить тѣлесное наказаніе розгой въ числѣ дисциплинарныхъ наказаній,—при крайне неудовлетворительномъ состояніи нашихъ остроговъ, только портящихъ арестантовъ, то намъ кажется, во всякомъ случаѣ, никакъ не слѣдуетъ предоставлять розгѣ тотъ просторъ, который данъ ей у насъ, никакъ нельзя оставлять ее въ тѣхъ рукахъ, въ которыхъ она теперь находится. Не то возмутительно, что сѣкутъ, а то, кого сѣкутъ, за что, по чьему приговору. Есть грубыя натуры, на которыя уже ничто не дѣйствуетъ, кромѣ тѣлесной боли,—но существованіе подобныхъ натуръ отнюдь не можетъ служить доказательствомъ необходимости розги для всей массы народа, и притомъ за проступки или упущенія, не изобличающія ни дикости, ни разврата. А потому ни подъ какимъ видомъ нельзя оставлять право налагать тѣлесныя наказанія въ рукахъ волостныхъ судей, старшинъ и писарей. Военная дисциплина труднѣе всего могла бы обходиться безъ тѣлеснаго наказанія, но и въ отношеніи къ ней найдено возможнымъ ограничить число случаевъ примѣненія розги, и только перечисленные въ разрядъ штрафованныхъ могутъ подвергаться тѣлесному наказанію. Если такое ограниченіе не вредитъ даже строгой военной дисциплинѣ, то ужъ, конечно, примѣненіе его въ гражданской сферѣ отнюдь не можетъ повести къ вреднымъ послѣдствіямъ. Опредѣленіе закономъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ можетъ быть присуждаемо тѣлесное наказаніе розгой (когда подсудимый, по роду вины, не можетъ быть приговоренъ къ каторжной работѣ или ссылкѣ, а содержаніе въ острогѣ было бы либо недѣйствительно, либо вредно для его нравственности), и предоставленіе права присуждать къ такому тѣлесному наказанію единственно суду, ввѣренному образованнымъ лицамъ, — вотъ истинно либеральныя и гуманныя мѣры, необходимость которыхъ указывается и жиз-

нію, и самимъ ходомъ нашего новѣйшаго законодательства.

Б.

Ниже, подъ рубрикой *Франція*, читатели найдутъ двѣ замѣчательныя статьи, принадлежащія двумъ противоположнымъ органамъ французской журналистики, *le Siècle* и *la France*. Особеннаго вниманія онѣ заслуживаютъ неожиданною перемѣной тона *Le Siècle*, журналъ демократическій, вмѣстѣ съ прочими своими собратіями еще недавно сладко мечтавшій о присоединеніи Рейнскихъ провинцій, возстаетъ теперь противъ этихъ мечтаній и доказываетъ, что увеличеніе Франціи нѣсколькими департаментами ничего не значитъ, и что есть у нея интересы выше и важнѣе: ей всего нужнѣе противодѣйствовать усиленію Пруссіи и Австріи. Давно бы такъ! Но перемѣна совершившаяся съ газетою г. де-Лагероньера, газетою офиціозною или преданною, какъ она сама себя называетъ, есть верхъ неожиданности. Давно ли она ставила польскій вопросъ въ первомъ ряду между вопросами общеевропейскими? Теперь она соглашается, что этотъ вопросъ касается только трехъ державъ раздѣлившихъ Польшу, что для нихъ онъ дѣло домашнее, а для Франціи дѣло совсѣмъ постороннее. Впрочемъ, о европейскомъ значеніи польскаго вопроса газета *la France* говорила нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, это могло и забыться; но вотъ что̀ писала она 23-го іюля, по поводу киссингенскихъ и карлсбадскихъ свиданій: „...Повсюду насиліе заступаетъ мѣсто права; втихомолку составляются союзы, комбинаціи, съ явною цѣлію произвести реакцію противъ принциповъ нашего времени и ихъ представителей.“ И далѣе: „....Когда сѣверныя державы убѣдились, что между Франціей и Великобританіей согласія нѣтъ, то онѣ пріободрились, полагая, что наступило время самое удобное для возстановленія старинныхъ союзовъ, которые, по общему убѣжденію, уже были разрушены навсегда.“ Посмотрите же что̀ говоритъ *la France*, отъ 27-го іюля, черезъ четыре дня, о тѣхъ же свиданіяхъ; она торжественно объявляетъ, что ошибаются тѣ журналы, которые воображаютъ будто бы киссингенскія свиданія имѣли въ виду какіе-либо враждебные замыслы противъ современной Европы и Франціи; она провозглашаетъ что не только польскій вопросъ, но и вопросъ шлезвигъ-гольштейнскій, и даже вопросъ о Венеціи, отнюдь не должны быть считаемы за вопросы европейскіе и отнюдь не касаются ни интересовъ Франціи, ни интересовъ современной цивилизаціи, состоящихъ подъ французскою эгидой. Что̀ бы это могло значить? Какой новый духъ повѣялъ въ Парижѣ съ возвращеніемъ г. Друэнъ-де-Люиса изъ Виши?

№ 162.

Москва, 21-го іюля.

Статейка г. де-Молинари о финансовыхъ предпріятіяхъ г. Ланграна-Дюмонсо подала поводъ къ объясненію, которое мы получили изъ Петербурга и которому съ удовольствіемъ даемъ мѣсто въ столбцахъ нашей газеты. Точно также какъ почтенный авторъ этого объясненія, мы не возьмемъ на себя истолкованія заключительныхъ словъ упомянутой статьи г. де-Молинари: мы не имѣемъ никакого понятія о той формѣ, подъ которою „мысль г. Ланграна-Дюмонсо о поземельномъ кредитѣ проникаетъ въ настоящее время къ намъ въ лицѣ одного изъ ея представителей“. Но зная экономическія воззрѣнія нашего брюссельскаго корреспондента, мы можемъ сказать съ полною увѣренностію, что его предостереженіе ни въ какомъ случаѣ не относится ни къ мысли о поземельномъ кредитѣ, ни къ мысли о перемѣщеніи капиталовъ изъ странъ ими изобилующихъ въ страны терпящія въ нихъ недостатокъ. Съ экономической точки зрѣнія нельзя ничего сказать и противъ операціи, которою пріобрѣли себѣ извѣстность *les bandes noires*, то-есть противъ покупки большихъ имѣній съ цѣлію перепродажи ихъ по частямъ, лишь бы эта демократизація собственности не была поощряема правительственными мѣрами. При строгомъ соблюденіи этого условія раздробленіе крупныхъ владѣній не перейдетъ за предѣлы дѣйствительной потребности и не принесетъ ущерба народному хозяйству. Вообще главное условіе, отъ котораго совершенно зависитъ польза или вредъ финансовыхъ предпріятій въ родѣ предпріятій г. Ланграна-Дюмонсо, заключается въ томъ чтобъ они содѣйствовали естественному развитію экономической жизни, но отнюдь не вносили въ нее насилія. Это условіе достигается очень просто: отсутстві-

емъ привилегій и всякой поддержки со стороны государства. Есть предпріятія, которыя по существу своему не могутъ не имѣть характера привилегіи. Таковы напримѣръ желѣзныя дороги: тутъ привилегія неизбѣжна, а слѣдовательно неизбѣжно и вмѣшательство государства. Вотъ почему даже съ самой строгой экономической точки зрѣнія никакъ нельзя безусловно порицать ни казенную постройку желѣзныхъ дорогъ, ни выдачу казенныхъ пособій (въ видѣ гарантій, субсидій, разныхъ льготъ) для ихъ построенія частными средствами. Но банки совершенно другое дѣло: здѣсь конкурренція возможна, а потому здѣсь было бы не раціонально искать обезпеченія правъ третьихъ лицъ въ чемъ либо другомъ, кромѣ конкурренціи и общаго закона, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что никакія государственныя мѣры, никакія искусственныя комбинаціи не въ силахъ вполнѣ замѣнить благотворное дѣйствіе свободной конкурренціи. Если г. де-Молинари дѣлалъ намекъ, упоминая о „походахъ въ Россію," которымъ иногда оканчиваютъ свое поприще финансисты и завоеватели, ослѣплявшіе міръ блескомъ своихъ побѣдъ, то этотъ намекъ можетъ относиться лишь къ такой искусственной комбинаціи, которая ввела бы новое финансовое предпріятіе на скользкій и обманчивый путь монополій и вознагражденіе за монополіи

Г. де-Молинари говорилъ съ точки зрѣнія прочности предпріятій г. Лангранда-Дюмонсо. Но еще въ большей мѣрѣ слѣдуетъ высказаться противъ банковыхъ привилегій съ точки зрѣнія интересовъ страны, служащей театромъ подобныхъ предпріятій. Статья г. Н., печатаемая нами ниже, указывая на возможность участія государства въ предполагаемомъ поземельномъ банкѣ, имѣетъ въ виду успокоить патріотическія опасенія, вызываемыя мыслію о томъ, что поземельный банкъ, основанный на англійскіе капиталы, дастъ Англичанамъ возможность скупить полъ-Россіи. Г. Н. припоминаетъ по этому случаю журнальные отзывы объ англійской компаніи московско-севастопольской желѣзной дороги. Но это два дѣла совершенно различныя, и было бы нелѣпо высказывать по поводу поземельнаго банка тѣ соображенія и опасенія, которыя представлялись сами собой при вопросѣ о южной желѣзной дорогѣ. Мы никакъ не думаемъ, чтобы нашлись серьезные люди, которые видѣли бы великую бѣду въ устройствѣ поземельнаго банка на иностранныя деньги. Предупредительное средство противъ этой бѣды г. Н. видитъ въ томъ, чтобы правительство само приняло участіе въ предполагаемомъ поземельномъ банкѣ и пошло такъ-сказать съ нимъ въ долю. Но можно сказать съ самою полною увѣренностью, что именно участіе правительства въ поземельномъ банкѣ сдѣлало бы его учрежденіемъ въ высшей степени опаснымъ для поземельнаго кредита и вообще для поземельной собственности въ Россіи. Для банка не можетъ быть большей привилегіи какъ участіе въ немъ правительства; это не только привилегія, но и монополія, и банкъ не замедлитъ воспользоваться этою монополіей дабы пріобрѣсти господство на рынкѣ. Какія же будутъ послѣдствія? Достигнувъ возможности распоряжаться и кредитомъ и установленіемъ цѣнъ на недвижимую собственность, банкъ все-таки останется частнымъ банкомъ, и каковы бы ни были его статуты, каково бы ни было участіе въ немъ правительства, онъ все-таки будетъ прежде всего заботиться объ увеличеніи дивиденда. У насъ много говорили и писали о вредѣ казеннаго кредита, особенно съ тѣхъ поръ какъ правительство рѣшилось на освобожденіе кредита изъ-подъ вліянія казенныхъ банковъ; бо́льшая часть стѣсненій, препятствовавшихъ естественному развитію кредитныхъ операцій, теперь уже устранены, благодаря просвѣщенной дѣятельности нашего финансоваго управленія; изъ числа фискальныхъ стѣсненій остается теперь только одно чувствительное: запрещеніе публичнымъ банкамъ платить по вкладамъ процентъ болѣе высокій чѣмъ тотъ который платится государственнымъ банкомъ,— запрещеніе уменьшающее выгоды бережливости и слѣдовательно противодѣйствующее столь важному для Россіи накопленію капиталовъ. Когда окажется возможнымъ устранить это стѣсненіе, и когда реформа судопроизводства обезпечитъ быстроту и правильность взысканій, кредитъ въ Россіи получитъ прочное основаніе, и наступитъ, конечно, время для справедливой оцѣнки тѣхъ просвѣщенныхъ мѣръ, которыя клонились къ его освобожденію.

Не можемъ не замѣтить здѣсь кстати, что теперешнія жалобы на отсутствіе кредита нѣсколько преувеличены: хорошіе векселя,—обязательства, не обезпеченныя ни-

какимъ вещественнымъ залогомъ, учитаются на вольномъ рынкѣ по 6 и $6^1/_2$ %, и если подъ залогъ имѣній бываетъ трудно найдти денегъ, то это происходитъ не отъ кредитной системы, а отъ недостатка довѣрія къ занимающему и къ средствамъ взысканія. Мы не отрицаемъ того, что бываютъ случаи, когда весьма полезныя предпріятія не приводятся въ исполненіе за невозможностью пріискать нужные для нихъ капиталы, но это случается не столько вслѣдствіе недостаточнаго предложенія капиталовъ, сколько вслѣдствіе довольно общаго нашимъ капиталистамъ неумѣнья выбрать помѣщеніе наиболѣе выгодное: свидѣтельствомъ тому могутъ служить винокуренные заводы, до того размножившіеся въ продолженіи одного года, что теперь работаютъ въ убытокъ; находились же деньги на нихъ сооруженіе, а между тѣмъ иныя выгодныя предпріятія не были пущены въ ходъ за недостаткомъ капиталовъ. Наконецъ, нельзя упускать изъ виду еще и того, что въ послѣднее время казна занимала около 30 милліоновъ рублей въ годъ, и что эти милліоны, взятые изъ народныхъ сбереженій, употреблялись на покрытіе государственныхъ расходовъ (отчасти расходовъ Главнаго Общества по окончанію сооруженныхъ имъ желѣзныхъ дорогъ). Мудрено ли, что было не совсѣмъ легко занимать деньги для частныхъ предпріятій, когда казна, занимая такъ много, являлась конкуррентомъ частныхъ заемщиковъ? Еслибъ этихъ казенныхъ займовъ не было, то каждый годъ могло бы возникнуть новыхъ частныхъ предпріятій на 30 милліоновъ рублей. Неужели кто-нибудь докажетъ, что при прежней банковой системѣ Россія могла употреблять и дѣйствительно употребляла больше сбереженій на производительныя предпріятія? Всѣмъ извѣстно, что нынѣшнее финансовое управленіе весьма озабочено сокращеніемъ казенныхъ расходовъ: надобно только желать чтобъ оно твердо шло тѣмъ же путемъ, какъ доселѣ, и тогда, по устраненіи дефицита, явится возможность производительнаго помѣщенія нашихъ народныхъ сбереженій. Кто вникнетъ въ дѣло безъ раздраженія и духа партій, тотъ долженъ признать, что теперешнія наши затрудненія не усиливаются, а напротивъ смягчаются реформой, произведенною въ банковой системѣ, реформой, которая уже тѣмъ однимъ должна дѣйствовать благотворно, что поощряетъ сбереженія и дастъ владѣльцамъ капиталовъ возможность получать съ нихъ большій противъ прежняго доходъ при одинаково вѣрномъ помѣщеніи. Люди предубѣжденные противъ банковой реформы,— а такихъ къ сожалѣнію не мало,—вѣроятно въ значительной степени измѣнили бы свое о ней мнѣніе, еслибы съ большею строгостью различали двѣ мѣры: пониженіе процентовъ по вкладамъ въ прежніе казенные банки, и ликвидацію казенныхъ банковъ,—двѣ мѣры бывшія дѣломъ двухъ діаметрально противоположныхъ направленій въ нашей финансовой администраціи и лежащія на отвѣтственности совершенно разныхъ правительственныхъ лицъ. На вексельный курсъ и на акціонерную лихорадку имѣла несомнѣнное вліяніе только первая изъ этихъ мѣръ, которая была и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ пагубна; вторая напротивъ вытекла изъ взглядовъ просвѣщенныхъ и правильныхъ и если была встрѣчена публикой неодобрительно, то всего болѣе потому, что не сопровождалась немедленнымъ исправленіемъ денежной системы и законодательства по взысканіямъ. Нѣтъ однакоже сомнѣнія, что не пройдетъ много времени, и новая кредитная система упрочитъ репутацію тѣхъ, кому она обязана своимъ происхожденіемъ. Во всякомъ случаѣ возвращаться теперь къ казенному поземельному кредиту было бы такимъ же шагомъ назадъ, какъ выпускать новые кредитные билеты, вводитъ откупъ, учреждать казенныя фабрики или возвышать тарифъ. Но казенный поземельный кредитъ еще въ тысячу разъ лучше чѣмъ монопольный кредитъ акціонерной компаніи, а къ такой кредитной монополіи пришло бы дѣло, еслибы государство приняло участіе въ подобномъ предпріятіи или предоставило ему какую-либо гарантію.

Скажемъ два слова объ этихъ двухъ видахъ содѣйствія. Гарантія въ данномъ случаѣ могла бы относиться всего скорѣе къ вексельному курсу, по которому былъ бы переведенъ въ Россію капиталъ новой компаніи. Этотъ курсъ можно было бы гарантировать на случай обратнаго перевода того же компанейскаго капитала или части его: условіе, повидимому справедливое, но на практикѣ оно непремѣнно повело бы къ торговлѣ русскою денежною единицей и къ взиманію ежегоднаго пособія съ государственной казны. Впрочемъ гарантировать неизмѣнность денежной единицы для одного

предпріятія, не гарантировавъ ея для другихъ однородныхъ предпріятій, есть уже привилегія убивающая конкурренцію. Еще въ сильнѣйшей степени составило бы привилегію участіе государства въ операціяхъ предполагаемаго банка. Мы уже говорили, что эта привилегія превратилась бы по необходимости въ монополію, пагубную для поземельнаго кредита и даже для поземельной собственности; взглянемъ на это дѣло съ фискальной точки зрѣнія. Казна участвовала бы въ операціяхъ состоящихъ въ выдачѣ ссудъ подъ залогъ и въ покупкѣ имѣній: это значило бы что казна въ извѣстной степени сама выдавала бы ссуды и покупала бы имѣнія. Но развѣ у казны есть и развѣ у нея могутъ быть на это средства? Казна принуждена была бы либо занимать, чтобы выдавать ссуды и покупать имѣнія, либо она должна была бы продавать свои имѣнія: она продавала бы одно, чтобы покупать другое однородное. Раціонально ли дѣлать одною рукой дѣло, а другою рукой раздѣлывать его?

Мы высказываемся не обинуясь и противъ гарантіи и противъ казеннаго участія, въ полной увѣренности что солидное предпріятіе не нуждается въ нихъ, а просвѣщенное финансовое управленіе не допуститъ ихъ. Поземельный кредитъ намъ нуженъ; для иностранныхъ капиталистовъ онъ представляетъ вѣрное обезпеченіе: этихъ элементовъ достаточно, для того чтобы считать удобоисполнимымъ въ Россіи учрежденіе поземельнаго банка по плану сходному съ тѣмъ, который имѣлъ такой успѣхъ въ Австріи. Мы далеки отъ мысли высказываться противъ поземельнаго банка, устроеннаго на здравыхъ экономическихъ началахъ. Намъ было очень пріятно сообщить русской публикѣ свѣдѣнія о финансовыхъ операціяхъ г. Ланграна-Дюмонсо; еще пріятнѣе намъ, черезъ посредство помѣщаемой ниже статьи, передать публикѣ первое извѣстіе о видахъ на учрежденіе въ Россіи поземельнаго банка при содѣйствіи такого опытнаго и счастливаго финансиста какъ г. Ланграна-Дюмонсо. Съ удовольствіемъ будемъ мы сообщать и впредь всѣ тѣ данныя, сюда относящіяся, которыя будутъ доходить до насъ. Наши предыдущія оговорки имѣютъ цѣлію лишь теоретическое разъясненіе дѣла; практическаго значенія мы не придаемъ этимъ оговоркамъ, потому что вовсе не вѣримъ въ возможность того, къ чему онѣ относятся.

№ 163.

Москва, 23-го іюля.

Самая нужная намъ линія желѣзной дороги есть линія изъ Москвы на Кіевъ въ Одессу *). Эта линія—первенствующая потребность Россіи какъ въ политическомъ и стратегическомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи. Всѣ силы русскаго народа будутъ оживлены этою линіей: русское государство будетъ обязано ей незыблемою прочностію и слѣдовательно продолжительнымъ миромъ, столь нужнымъ теперь для Россіи; русская народная жизнь найдетъ элементы широкаго развитія въ сближеніи Москвы съ Кіевомъ. Географическія условія, влекущія насъ на востокъ, будутъ уравновѣшены тѣми тяготѣніями, которыя были создаваемы великими государями Россіи, но которыя могутъ быть упрочены не иначе, какъ проведеніемъ юго-западной линіи. Петръ Великій не даромъ покинулъ первопрестольную Москву: онъ видѣлъ, что государство, сосредоточенное въ бассейнѣ Волги, не можетъ находиться въ живомъ общеніи съ западомъ Европы. За Москвой всегда останется значеніе собирательницы русской земли; московскій кремль будетъ всегда вѣрнѣйшимъ стражемъ государственнаго единства. Но было бы самообольщеніемъ полагать, что Москва обладаетъ нераздѣльнымъ и равномѣрнымъ сочувствіемъ всѣхъ членовъ русской семьи. Въ Россіи есть одинъ только городъ, который равно дорогъ каждому Русскому, и въ которомъ примиряются всѣ противорѣчія нашей исторіи. Этотъ городъ—Кіевъ, соединяющій въ сочувствіи себѣ всѣхъ русскихъ людей отъ Карпатъ до Камчатки. Почва, на которой стоитъ этотъ городъ, есть почва европейская и въ то же время она—колыбель русскаго государства. Съ нею не связано никакихъ антипатій, и она несомнѣнно свободна отъ той косности, которая казалась Петру Великому неотъемлемымъ свойствомъ матушки Москвы. Чтобъ уйдти отъ этой косности, и чтобы приблизиться къ Европѣ, Петръ Великій перенесъ столицу на берега Невы. Этотъ шагъ былъ началомъ новой эры въ русской исторіи, эры ознаменованной великими событіями, но въ то же время тяжко страдавшей разобщеніемъ жизни государственной и народной.

*) См. *Моск. Вѣд.* № 158.

Можно было думать, что устраненію этого недостатка будетъ содѣйствовать сближеніе Москвы съ Петербургомъ. Но вотъ наконецъ была построена Николаевская желѣзная дорога; разстояніе между двумя столицами почти исчезло, а животворнаго взаимнодѣйствія между ними незамѣтно, и ихъ взаимные недостатки еще виднѣе чѣмъ прежде. Не ясное ли это указаніе, что Москва и Петербургъ не исчерпываютъ собой всей Россіи? Россія есть Москва соединенная не только съ Петербургомъ, но и съ Кіевомъ. Послѣ освобожденія крестьянъ ничѣмъ нельзя лучше почтить тысячелѣтіе русской исторіи, какъ построеніемъ желѣзной дороги изъ Москвы въ Кіевъ.

О направленіи этой дороги мы говорить теперь много не будемъ. Можно было бы привести не мало доводовъ въ пользу направленія на Калугу и Черниговъ, но это было бы теперь напрасно. Такъ какъ работы уже начались между Москвой и Орломъ, то эту часть линіи надобно признать дѣломъ рѣшенымъ. Подчиняясь этому рѣшенію, нельзя однакоже не подивиться тому, какъ сильны тяготѣнія принуждающія насъ подаваться на востокъ, и нельзя не пожелать, чтобы мы по крайней мѣрѣ не забирались на востокъ еще далѣе, и чтобы продолженіе желѣзной дороги отъ Орла шло не на Курскъ, а прямо на Глуховъ. Нѣтъ никакого основанія удлиннять путь чтобы сдѣлать Курскъ посредникомъ между Москвой и Кіевомъ. Что же касается до направленія пути на югъ отъ Кіева, то оно не подлежитъ, кажется, спору: Бердичевъ, Брацлавъ, Балта, вотъ приблизительно главные пункты этого пути. Все протяженіе его отъ Москвы до Парканской дороги будетъ не болѣе 1.350 верстъ.

Вотъ путь, который прежде всѣхъ другихъ нуженъ. На всемъ своемъ протяженіи онъ пройдетъ по мѣстностямъ густо населеннымъ, богатымъ произведеніями земли и удобнымъ для фабричнаго дѣла.

Но на юго-востокѣ отъ этого пути останутся два важные торговые пункта: Харьковъ и Ростовъ-на-Дону. Оба эти города быстро богатѣютъ. Особенно разительны успѣхи, которые дѣлаетъ Ростовъ-на-Дону, несмотря на то что донскія гирла до сихъ поръ еще не приведены въ удовлетворительное состояніе. Когда разчистка ихъ будетъ наконецъ приведена въ исполненіе, Ростовъ-на-Дону получитъ еще большее значеніе; онъ сдѣлается Одессой Азовскаго моря. Такой важный пунктъ имѣетъ право на желѣзную дорогу. Необходимость связать этотъ городъ съ Харьковомъ и черезъ Харьковъ съ московско-кіевскою линіей (въ Глуховѣ) станетъ еще очевиднѣе, если мы припомнимъ, что эта юго-восточная линія послужила бы вмѣстѣ съ тѣмъ и каменно-угольною линіей (она прошла бы чрезъ грушевскія и бахмутскія копи) и главнымъ путемъ для торговли и сношеній съ Кавказомъ, ожидающихъ сильнаго развитія отъ его замиренія, и наконецъ военною дорогой, ограждающею безопасность нашего Закавказья на случай войны въ этихъ предѣлахъ Россіи, — войны, мы не должны упускать это изъ виду,—очень возможной. Протяженіе этой линіи, за выключеніемъ уже готоваго участка отъ Аксайской станицы до грушевскихъ копей, было бы никакъ не болѣе 650 верстъ.

Вотъ линія, которая, по своей огромной важности, несомнѣнно заслуживаетъ занять ближайшее мѣсто послѣ линіи московско-одесской. Длина этихъ обѣихъ линій никакъ не превзойдетъ 2000 верстъ, и потому при нѣкоторыхъ усиліяхъ обѣ линіи могли бы быть построены въ пять лѣтъ. Выгоды отъ ихъ построенія будутъ неисчислимы. Когда эти двѣ линіи были бы окончены, то можно быть увѣрену, что вслѣдъ за тѣмъ нашлись бы охотники строить уже *безъ гарантіи*, что̀ очень важно, слѣдующія линіи, которыя сдѣлались бы тогда чрезвычайно прибыльными:

1. Изъ Витебска на Смоленскъ въ Глуховъ, для соединенія Ростова-на-Дону и Харькова съ Ригой и Либавой.

2. Изъ Смоленска въ Москву для соединенія Нижняго съ Либавой.

3. Изъ Харькова на Екатеринославъ въ Александровскъ.

4. Изъ Бердичева на Бѣлостокъ до прусской границы, для соединенія Одессы съ Кенигсбергомъ.

Но что же Севастополь? Признаемся, при всѣхъ усиліяхъ, мы не въ состояніи убѣдиться не только въ настоятельной надобности линіи отъ Александровска до Севастополя, но даже въ ея раціональности. Она совершенно безполезна въ политическомъ и стратегическомъ отношеніи, а увѣренность, довольно распространенная у насъ, что она будетъ выгодна въ торговомъ отношеніи, свидѣтельствуетъ въ нашихъ глазахъ только о томъ, что у насъ не довольно распространены ясныя экономическія

понятія. Можетъ ли быть выгода отъ дороги идущей степью, почти ненаселенною, къ порту, правда превосходному, но находящемуся на одномъ изъ крайнихъ мысовъ полуострова далеко вдающагося въ море? Можетъ ли быть выгода отъ желѣзной дороги къ такому порту, когда по обѣ его стороны, и на западѣ, и на востокѣ, есть портовые города, гораздо глубже лежащіе? Какую бы низкую ни назначить провозную плату, желѣзная дорога ни въ какомъ случаѣ не въ состояніи конкуррировать съ моремъ. Зачѣмъ же намъ вступать въ эту конкурренцію, зачѣмъ искусственно возвышать Севастополь въ ущербъ Одессѣ и Ростову-на-Дону? Зачѣмъ стягивать предметы нашего отпуска въ такой портъ, гдѣ они по необходимости будутъ обходиться дороже чѣмъ въ портахъ служащихъ естественными пунктами для ихъ сбыта? Не лучше ли извлечь всю выгоду изъ счастливаго географическаго очертанія Чернаго и Азовскаго морей? Не лучше ли дать Одессѣ и Ростову-на-Дону возможность принести Россіи всю ту пользу, которую она можетъ получить отъ ихъ выгоднаго положенія?

№ 164.

Москва, 24-го іюля.

Въ послѣднее время состоялся по почтовому вѣдомству цѣлый рядъ мѣръ, вызванныхъ заботливостью этого вѣдомства объ улучшеніи почтовой части въ интересахъ публики. Пониженіе вѣсовой таксы за пересылку книгъ; допущеніе франкированія заграничной корреспонденціи почтовыми марками и установленіе съ этою цѣлію мелкихъ марокъ въ 5, 2 и 1 коп. сер., сверхъ существовавшихъ уже марокъ въ 30, 20 и 10 коп.; упрощеніе порядка отправленія денежной и страховой корреспонденціи чрезъ освобожденіе отправителей отъ обязанности расписываться при этомъ въ особой книгѣ, что̀ было вообще излишнею формальностью, для многихъ отправителей довольно затруднительною и не мало замедлявшею дѣло; разрѣшеніе всѣмъ губернскимъ и уѣзднымъ почтовымъ конторамъ открывать пріемъ корреспонденціи на почтовыхъ станціяхъ, гдѣ есть смотрители, если на то будетъ изъявлено желаніе мѣстныхъ жителей,—все это такія мѣры, за которыя нельзя не благодарить почтовое вѣдомство. Но нѣтъ сомнѣнія, что почтовое вѣдомство, цѣня признаніе его дѣятельности со стороны публики, ожидаетъ отъ нея не столько похвалъ тому что̀ уже сдѣлано, сколько намековъ на то что можетъ быть сдѣлано еще далѣе.

Удешевленіе пересылки книгъ по почтѣ было встрѣчено всѣми съ большимъ сочувствіемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, со стороны многихъ наиболѣе заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ слышатся, по крайней мѣрѣ слышны были въ первое время, жалобы на порядокъ осмотра посылаемыхъ на основаніи новыхъ правилъ книгъ. Нѣкоторые книгопродавцы считали этотъ порядокъ до того стѣснительнымъ, что предпочитали отправлять книги посылками по прежней таксѣ, и даже готовы были отказаться отъ посылки книгъ тѣмъ изъ своихъ покупателей, которые стали бы требовать, чтобы книги пересылались къ нимъ непремѣнно по новой таксѣ. По новымъ правиламъ, книги, отправляемыя въ посылочной задѣлкѣ (подъ бандеролью книги могутъ быть пересылаемы только между городами пользующимися почтовымъ сообщеніемъ по желѣзнымъ дорогамъ), должны быть подаваемы на почту вмѣстѣ съ укупоркою, но въ такомъ видѣ, который представлялъ бы возможность удобнаго досмотра ихъ при самой подачѣ, то-есть еще не задѣланными на-глухо, и почтовымъ мѣстамъ вмѣнено, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ непремѣнную обязанность, при пріемѣ такихъ посылокъ, тщательно досматривать не уложены ли, вмѣстѣ съ книгами, еще и другіе какіе-либо предметы, подлежащіе оплатѣ высшимъ вѣсовымъ сборомъ, по общей посылочной таксѣ. При упаковкѣ нѣсколькихъ книгъ вмѣстѣ, тщательный осмотръ возможенъ только въ томъ случаѣ, если всѣ посылаемыя книги будутъ вынуты и осмотрѣны поодиночкѣ, такъ какъ подъ книгами могутъ находиться и „не книги,“ и въ самыхъ книгахъ могутъ быть вложены письма, а такого рода осмотръ, еслибъ онъ строго производился, потребовалъ бы, со стороны отправителей, вторичной переупаковки книгъ въ самихъ почтовыхъ мѣстахъ, что̀, безъ сомнѣнія, было бы весьма затруднительно. Но стѣснительность и неудобства подобнаго осмотра, какъ для отправителей, такъ и для самихъ почтовыхъ чиновниковъ, уже повели на практикѣ къ тому, что коль скоро почтовые чиновники имѣютъ основаніе полагаться на

лица, съ которыми приходится имъ имѣть дѣло,—осмотръ отправляемыхъ книгъ не производится, и книги представляются на почту запакованными на-глухо. Не лучше ли было бы примѣнить къ пересылкѣ книгъ тотъ же порядокъ, какой принятъ относительно почтовыхъ посылокъ вообще? Отчего бы не замѣнить осмотръ при отправленіи посылокъ осмотромъ ихъ при выдачѣ получателямъ, при чемъ открывающіяся злоупотребленія подвергали бы виновныхъ *опредѣленнымъ* штрафамъ?

Другое замѣчаніе, которое можно высказать по поводу уменьшенной таксы за пересылку книгъ, касается уже не формальной, а существенной стороны дѣла. Нѣтъ сомнѣнія, что распространеніе русскихъ книгъ и періодическихъ изданій за границей весьма желательно по многимъ соображеніямъ. Но для этого необходимо, чтобы книги и газеты могли быть пересылаемы за границу и помимо нашего нѣжнаго опекуна, Берлинскаго почтамта, подъ бандеролью по уменьшенной таксѣ, какъ это заведено по всей Европѣ, а не по той, по какой принимаются у насъ на почтѣ бандерольныя отправленія въ настоящее время, и которая дѣлаетъ посылку за границу русскихъ книгъ и газетъ рѣшительно невозможною. При таксѣ въ одну, много въ двѣ копѣйки за пересылку нумера, русскія газеты могли бы проникнуть въ такія мѣста, гдѣ о нихъ въ настоящее время совсѣмъ не имѣютъ понятія. Конечно, какая-нибудь сотня лишнихъ подписчиковъ не составила бы большаго счета для редакцій русскихъ газетъ, и изъ-за этого не стоило бы, пожалуй, и хлопотать, но лишняя сотня экземпляровъ русскихъ газетъ за границей можетъ имѣть нравственное значеніе, о которомъ стоитъ подумать: противъ Россіи пишется такъ много, что было бы не лишнее еслибы люди, которые несмотря на то намъ сочувствуютъ, имѣли возможность слышать почаще голоса изъ Россіи. Между тѣмъ пониженная такса распространена у насъ только на книги пересылаемыя внутри Россіи и совершенно не относится къ книгамъ и періодическимъ изданіямъ посылаемымъ изъ Россіи за границу. Если, при существованіи у насъ иностранной цензуры, нельзя дозволить пересылку въ Россію, подъ бандеролью, книгъ и журналовъ издаваемыхъ за границей, то нельзя ли по крайней мѣрѣ допустить бандерольную пересылку русскихъ книгъ и журналовъ отправляемыхъ за границу, по цѣнѣ подходящей къ иностраннымъ таксамъ? Теперешній порядокъ отправленія газетъ черезъ Берлинъ могъ бы остаться въ силѣ для годовыхъ и полугодовыхъ подписчиковъ, но редакціи журналовъ получили бы возможность принимать заграничную подписку на болѣе короткіе сроки, а также разсылать свои изданія въ подарокъ и въ обмѣнъ, что теперь почти невозможно, такъ какъ для этого требуется послать вексель изъ Россіи, напримѣръ изъ Москвы, въ Берлинскій почтамтъ и ожидать, пока онъ, получивъ изъ московской редакціи этотъ вексель, обратится къ той же редакціи посредствомъ русскаго почтоваго вѣдомства съ подпиской на ея газету. Вслѣдствіе этого порядка, русскія редакціи лишены возможности отвѣчать на вѣжливость вѣжливостью: намъ посылаютъ изъ-за границы въ подарокъ ту или другую газету, или выражая сочувствіе къ намъ или желая ознакомить насъ съ своимъ изданіемъ, а мы отплатить не можемъ, и поневолѣ нарушаемъ правила приличія.

Кромѣ выше упомянутыхъ мѣръ, принятыхъ почтовымъ вѣдомствомъ, въ немъ, сколько можно заключать изъ циркулярнаго предписанія почтоваго департамента отъ 28 апрѣля за № 12, предполагаются преобразованія имѣющія цѣлію ускореніе и учащеніе почтовыхъ сообщеній между разными пунктами. Почтовый департаментъ обратилъ вниманіе на то, что въ настоящее время многія почты удерживаются въ разныхъ пунктахъ, въ ожиданіи другихъ почтъ, съ которыми онѣ должны слѣдовать на дальнѣйшемъ пути. Въ видахъ устраненія происходящаго отъ того замедленія въ движеніи корреспонденціи, почтовый департаментъ затребовалъ отъ всѣхъ почтовыхъ конторъ свѣдѣнія, между прочимъ, о томъ, какія именно побочныя почты полезно было бы, по ихъ мнѣнію, отправлять не ожидая главныхъ, и до какихъ пунктовъ, и между какими мѣстами ускорится отъ этого сообщеніе и насколько именно. Въ этомъ отношеніи мы считаемъ нужнымъ упомянуть, что движеніе почтъ къ Москвѣ устроено гораздо менѣе удовлетворительно чѣмъ движеніе ихъ къ Петербургу: изъ многихъ мѣстъ южной Россіи Москва получаетъ письма медленнѣе чѣмъ Петербургъ. Точно то же слѣдуетъ сказать и о почтахъ идущихъ изъ

Москвы. Укажемъ для примѣра на Радзивиловскій трактъ, именно на отдѣляющуюся отъ него вѣтвь, отъ Нѣжина къ югу, по которой производятся почтовыя сообщенія между Москвою и городами: Лохвицей, Прилуками, Золотоношей, Пирятиномъ, Переяславомъ, Лубнами, Миргородомъ и Хороломъ. Почта въ означенные города отправляется изъ Москвы два раза въ недѣлю по вторникамъ и пятницамъ, но получается въ этихъ городахъ всего одинъ разъ, хотя почта приходитъ туда по два раза въ недѣлю. Это происходитъ оттого что почты, отправляемыя изъ Москвы по пятницамъ, не поспѣваютъ въ Нѣжинъ къ приходу туда петербургской почты, а потому и остаются въ Нѣжинѣ до слѣдующаго отправленія, вмѣстѣ съ тою почтой, которая идетъ изъ Москвы по вторникамъ. Такая задержка представляетъ большое неудобство въ корреспонденціи Москвы съ названными городами, а между тѣмъ устранить это неудобство можно даже безъ учрежденія особаго отправленія почтъ. Кромѣ вторника и пятницы, почта отправляется изъ Москвы по Радзивиловскому тракту еще по четвергамъ и субботамъ, но идетъ въ эти дни только въ трактовые города. Понятно, что еслибы почта въ вышепоименованные города Полтавской губерніи отправлялась изъ Москвы не по пятницамъ, а по четвергамъ, то, она приходила бы въ Нѣжинъ днемъ раньше и слѣдовательно всегда поспѣвала бы къ приходу петербургской почты. Кстати, укажемъ еще на то обстоятельство, что во Владимірской губерніи, съ устройствомъ желѣзной дороги, почтовое сообщеніе между нѣкоторыми мѣстами стало медленнѣе прежняго. Такъ напримѣръ въ Покровѣ, стоящемъ на шоссе, до устройства желѣзной дороги почта получалась *ежедневно;* теперь же, когда Покровъ остался всего въ трехъ верстахъ отъ желѣзной дороги, покровская почтовая контора посылаетъ за корреспонденціей на станцію желѣзной дороги только *два раза* въ недѣлю. Ковровъ представляетъ еще болѣе странное явленіе: городъ стоитъ на самой желѣзной дорогѣ, а между тѣмъ почта получается и отправляется тамъ только *три раза* въ недѣлю.

№ 165.

Москва, 25-го іюля.

Датско-германская война окончилась. Въ предварительныхъ условіяхъ мирнаго договора, подписанныхъ въ Вѣнѣ хотя и сказано, что Данія только въ принципѣ соглашается уступить Австріи и Пруссіи весь Шлезвигъ, Гольштейнъ и Лауэнбургъ, и что чрезъ шесть недѣль каждая изъ воюющихъ сторонъ можетъ назначить срокъ для возобновленія военныхъ дѣйствій, не дожидаясь истеченія трехмѣсячнаго перемирія; однакоже подобнымъ оговоркамъ нельзя придавать особеннаго значенія: онѣ включаются обыкновенно во всѣ предварительныя условія и во всякую конвенцію о перемиріи. Въ большей части случаевъ это не болѣе какъ формальность; по всей вѣроятности, и на этотъ разъ война уже не возобновится.

Война окончилась безъ особенныхъ потрясеній для цѣлой Европы,—потрясеній, которыхъ одни опасались, другіе выжидали съ большими надеждами. Тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать, чтобъ она не произвела весьма существенной перемѣны въ положеніи европейскихъ государствъ и въ системѣ европейскаго равновѣсія. Возбужденная во имя начала національностей, она правда, окончилась совершеннымъ для него пораженіемъ: къ Германіи отходитъ Шлезвигъ, чисто-датская область, съ рѣшительно-преобладающимъ датскимъ населеніемъ, безъ всякаго спроса его самого, въ силу права завоеванія, и завоеватели уже теперь принимаются за онѣмеченіе шлезвигскихъ Датчанъ, и съ этою цѣлью вводятъ въ мѣстныя гимназіи преподаваніе всѣхъ предметовъ на нѣмецкомъ языкѣ. Такимъ образомъ такъ-называемое современное европейское право, основанное на началѣ національностей, которому Франція, сама впрочемъ не слѣдуя ему, желала бы доставить общее признаніе, здѣсь рѣшительно ниспровергнуто. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ниспровергнуто и положительное историческое право, вписанное въ трактаты. Уничтоженъ не только трактатъ 1852 г., но какъ бы въ возмездіе Франціи за пораженіе на поприщѣ политики національностей и какъ бы въ оправданіе прошлогодней тронной рѣчи императора Наполеона, нанесенъ новый ударъ порядку вещей, установленному Вѣнскими тракта-

тами, и нанесенъ при томъ державами, которыя и по своему положенію, и по своимъ преданіямъ, и по своей внутренней политикѣ, до сихъ поръ считались и были представительницами охранительнаго начала въ Европѣ. Не обратится ли это въ ущербъ для нихъ самихъ и для всей Германіи,—это вопросъ, разрѣшеніе котораго зависитъ, вопервыхъ, отъ того, какъ сумѣютъ онѣ свести свои внутренніе счеты, и вовторыхъ, отъ того, на какихъ условіяхъ окончательно установится начатое теперь сближеніе между Франціей и Англіей. Во всякомъ случаѣ, съ половины тринадцатаго столѣтія, съ самой смерти императора Фридриха II Гогенштауфена, это первая внѣшняя война, изъ которой Германія выходитъ съ полнымъ торжествомъ и значительно расширивъ свои границы. Австріи и Пруссіи, правда, не разъ случалось торжествовать надъ своими врагами и расширять свои предѣлы; но этимъ торжествомъ и этимъ новымъ стяжаніямъ была чужда и непричастна Германія. На ея долю во всякой войнѣ доставались только оскорбленія, уничиженія и потери. И на этотъ разъ, правда, дѣло не совсѣмъ обошлось безъ оскорбленій и униженій для Германіи, или точнѣе, для второстепенныхъ и мелкихъ ея государствъ; но эти оскорбленія шли не извнѣ, а отъ ея собственныхъ великихъ державъ и особенно отъ Пруссіи. Мало того что второстепенныя и мелкія государства были устранены отъ дѣла, за которое они взялись было въ началѣ съ наибольшимъ усердіемъ; мало того что Германскому Союзу не дозволено было имѣть своего уполномоченнаго на Вѣнской конференціи, и Данія согласилась уступить свои три герцогства не ему, а Пруссіи и Австріи, — прусскія полуофиціяльныя газеты прямо объявляютъ, что Пруссія и Австрія распорядятся этими герцогствами, руководствуясь не однимъ рѣшеніемъ сейма, но и своими собственными политическими видами, возвѣщаютъ, что пора Германскому Союзу вывести его экзекуціонныя войска изъ Гольштейна, а прусскій главнокомандующій, какъ бы предваряя это требованіе, уже занялъ Рендсбургъ прусскою бригадой. Такой образъ дѣйствій переполнилъ мѣру терпѣнія, второстепенныхъ государствъ Германіи, и повсюду: въ Саксоніи, въ Ганноверѣ, въ Гессенъ-Дармштадтѣ, въ Баваріи, въ Виртембергѣ, раздаются вопли негодованія противъ Пруссіи, и даже требуется созваніе національнаго германскаго парламента, который предотвратилъ бы съ одной стороны насилія, а съ другой—расторженіе Германскаго Союза. Война датско-германская окончилась, но вслѣдъ за нею и по поводу ея готовы начаться нескончаемыя распри между самими Нѣмцами,—распри, которыя, при нынѣшнемъ настроеніи умовъ и возбужденіи народныхъ страстей въ Германіи, легко могутъ имѣть важныя послѣдствія какъ для нея самой, такъ и для цѣлой Европы. Продлится ли нынѣшнее сердечное согласіе, какимъ-то чудомъ установившееся между Пруссіей и Австріей,—принуждены ли будутъ смолкнуть предъ нимъ второстепенныя государства Германіи, или же разчитывая на содѣйствіе Франціи, они рѣшатся повести свою борьбу до послѣдней крайности, или, наконецъ, призвавъ на помощь революціонныя партіи во всѣхъ государствахъ Германіи, они постараются достигнуть какой-либо существенной реформы въ устройствѣ Германскаго Союза, — во всякомъ случаѣ послѣдствія датско-германской войны будутъ еще нѣкоторое время отзываться внутри Германіи, сосредоточивая на ней вниманіе европейской политики и сдерживая національныя германскія притязанія. Но каковъ бы ни былъ исходъ внутреннихъ нѣмецкихъ бурь и волненій, Россія не можетъ смотрѣть равнодушно на приращеніе могущества сосѣдней Пруссіи, и на морское значеніе, которое пріобрѣтаетъ Германія, и не принимать заблаговременно мѣръ къ усиленію русскаго элемента по балтійскому побережью.

Съ другой стороны, и для Даніи начнется новая пора существованія. Утративъ около трети всѣхъ своихъ владѣній и почти половину всѣхъ своихъ подданныхъ, въ состояніи ли будетъ это малое государство, въ 700 квадратныхъ миль и съ полутора-милліоннымъ населеніемъ, сохранить полную самостоятельность? Не осуществятся-ли современемъ, въ теперешнемъ водоворотѣ событій, затѣи паскандинавистовъ, не возникнетъ ли скандинавскій союзъ? И съ этой стороны, исходъ датско-германскаго столкновенія не можетъ почитаться для насъ благопріятнымъ. Онъ также возлагаетъ на Россію обязанность озаботиться заблаговременно прекращеніемъ всѣхъ тѣхъ условій, которыя могутъ создавать фальшивыя тяготѣнія берегамъ Балтики.

Своими успѣхами Германія обязана союзу между Пруссіей и Австріей и разъединенію между остальными великими державами Европы. Пруссія и Австрія, заключивъ союзъ между собою, умѣли какъ нельзя лучше воспользоваться разъединеніемъ прочихъ державъ Европы, но самымъ успѣхомъ своимъ они побудили Англію и Францію подумать о сближеніи между собою, и это начавшееся сближеніе между ними также принадлежитъ къ числу неблагопріятныхъ для насъ послѣдствій датско-германской войны. Чтобъ уравнить пути для этого сближенія былъ вызванъ, какъ извѣстно, призракъ священнаго союза; но теперь съ полною увѣренностью можно сказать, что это былъ не болѣе какъ призракъ, и что ни о какомъ обязательномъ соглашеніи Россіи съ Австріей и Пруссіей не можетъ быть рѣчи. Ни въ Киссингенѣ, ни въ Карлсбадѣ не было со стороны Россіи ни предложено, не принято никакихъ обязательствъ. Россія осталась также свободна въ своихъ движеніяхъ какъ была и прежде.

Если сближеніе между Франціей и Англіей не приметъ сейчасъ же опаснаго для европейскаго мира характера, то этимъ Европа будетъ болѣе всего обязана тому, что Россія, вопреки всѣмъ толкамъ, сохранила за собою эту свободу своихъ движеній. Въ этой свободѣ заключается одно изъ лучшихъ ручательствъ за сохраненіе мира въ ближайшемъ будущемъ. Россія имѣетъ передъ собою достаточно времени, чтобы достойно приготовиться ко всякаго рода случайностямъ. Настоящая политика Россіи не за границей, а внутри ея самой. Ей предстоитъ великое, многотрудное и многообразное дѣло нравственнаго и матеріяльнаго объединенія всѣхъ частей своихъ. Ей предстоитъ сплотить въ одно прочное, органическое цѣлое всѣ составныя части свои, и на своей территоріи высоко надъ всѣми ея обитателями поднять знамя единой нераздѣльной русской народности. Таковы ближайшія задачи Россіи, и отъ своевременнаго совершенія ихъ зависитъ дальнѣйшая судьба ея.

№ 166.

Москва, 28-го Іюля.

Съ нѣкотораго времени прямыя извѣстія изъ Польши получаются и нами, и другими русскими газетами, все рѣже и рѣже, и по содержанію своему становятся все скуднѣе. Открытый мятежъ подавленъ; послѣднія его жертвы несутъ кару правосудія; опасности европейской войны, которою, казалось, готовы были намъ грозить изъ-за Польши, благополучно устранены; русскій патріотизмъ, который питался извѣстіями изъ Польши и о Польшѣ, своимъ появленіемъ на политическомъ поприщѣ уже успѣлъ сослужить свою службу, и корреспонденты, повидимому, думаютъ, что въ немъ не имѣется больше надобности. Къ чему же было бы теперь утруждать вниманіе русской публики и озабочивать ее тѣмъ что̀ дѣлается въ Польшѣ?

А между тѣмъ то что̀ дѣлается или должно дѣлаться въ этой части владѣній русской короны заслуживаетъ полнаго вниманія русскихъ людей, и нуждается въ сильной поддержкѣ со стороны ихъ патріотизма. Устраненіе русской публики отъ общественныхъ дѣлъ и интересовъ было одною изъ главныхъ причинъ тѣхъ несчастій, которыя постигли польскій край; оно было одною изъ главныхъ причинъ успѣшнаго развитія этой сѣти интригъ, которыя такъ поразительно обличились прошлогоднимъ мятежомъ, и которыхъ сила далеко еще не истощилась. Именно для предотвращенія этихъ бѣдствій, этихъ страшныхъ кровопролитій, этихъ казней, требуется чтобы русскіе люди съ неослабѣвающимъ участіемъ слѣдили за ходомъ польскихъ дѣлъ и громко заявляли неустранимыя требованія русскихъ государственныхъ интересовъ.

На первомъ планѣ стоитъ теперь въ польскомъ краѣ *реформа крестьянскаго быта, основанія которой опредѣлены въ указахъ 19-го февраля 1864 года, но выполненіе которой прежде всего зависитъ отъ мѣстнаго центральнаго управленія и мѣстныхъ дѣятелей.* Эта реформа, вызванная самыми настоятельными потребностями мѣстнаго населенія, совершается—нельзя отрицать того—при обстоятельствахъ неблагопріятныхъ для землевладѣльцевъ. Жалобы ихъ въ этомъ отношеніи громко раздаются въ иностранныхъ газетахъ, но нельзя также отрицать, что по большей части онѣ мало основательны. Такъ, между прочимъ, въ одной корреспонденціи изъ Западной Пруссіи, напечатанной въ *National-Zeitung*, жалуются, что польскіе крестьяне не хотятъ идти въ работники къ

прежнимъ панамъ своимъ. Но что же дѣлать, если паны успѣли такъ возстановить противъ себя прежнихъ своихъ рабочихъ? Наибольшее снисхожденіе, какое могло быть оказано въ этомъ случаѣ помѣщикамъ, заключалось въ дозволеніи со стороны намѣстника Царства Польскаго нанимать солдатъ для земледѣльческихъ работъ. Это дозволеніе уже подѣйствовало на пониженіе платы вольнымъ рабочимъ, которая съ 60 к. разомъ упала до 30 к., то-есть до платы получаемой солдатами. Далѣе этого идти невозможно.

Реформа крестьянскаго быта должна идти своимъ чередомъ, независимо отъ жалобъ и сѣтованій польскихъ землевладѣльцевъ и криковъ заграничной журналистики. Съ успѣшнымъ совершеніемъ ея связана честь русскаго правительства, которое уже не разъ было увлекаемо на ложный путь польскими интригами. Притомъ успѣшное совершеніе этой реформы обѣщаетъ дать преданное Россіи населеніе, простирающееся до $2^1/_2$ милліоновъ, которое должно стать опорой общественнаго порядка. Въ одной нѣмецкой газетѣ, между прочимъ, предсказываютъ, что виды русскаго правительства въ этомъ отношеніи не сбудутся, и что разчеты его на польскихъ крестьянъ окажутся невѣрными: они станутъ въ самомъ скоромъ времени не друзьями, а врагами Россіи, такъ какъ имъ даны права свыше всякой мѣры, и въ будущемъ окажется необходимость не расширять, а ограничивать ихъ. Невозможно не видѣть чрезвычайной серіозности того положенія, въ которомъ находится теперь польское крестьянское дѣло. Требовавшееся обстоятельствами освобожденіе крестьянъ отъ обязанности уплачивать недоимки не могло не оставить по себѣ такихъ впечатлѣній, съ которыми необходимо будетъ бороться. Далѣе, какъ извѣстно, самоуправленіе въ гминахъ попало и не могло не попасть почти исключительно въ руки крестьянъ, мало способныхъ къ этому дѣлу. Вотъ слабыя стороны крестьянской реформы и вотъ ея главныя опасности. Отъ крестьянскаго самоуправленія нельзя вообще ожидать ничего серіознаго, и потому на него отнюдь нельзя нигдѣ полагаться, а въ польскомъ краѣ еще менѣе чѣмъ гдѣ-либо. Недостатки гминнаго самоуправленія должны быть покрываемы дѣятельностью правительства, и преимущественно дѣятельностью крестьянскихъ коммиссій, на которыя между прочимъ возложена обязанность разъяснять крестьянамъ истинный смыслъ указа объ устройствѣ ихъ быта и наблюдать за дѣйствіями сельскихъ солтысовъ и гминныхъ войтовъ. Отъ членовъ коммиссій, а также отъ уѣздныхъ начальниковъ зависитъ ослабить тѣ вредныя впечатлѣнія, о которыхъ упомянуто выше, и дать такое направленіе полицейской административной и судебной дѣятельности новыхъ войтовъ и ихъ помощниковъ, — солтысовъ и лавниковъ,—которое согласовалось бы съ требованіями строгой справедливости и безпристрастія въ отношеніи ко всѣмъ обитателямъ гмины. Всякое недостойное популярничанье, всякое заискиваніе въ крестьянахъ было бы, безъ сомнѣнія, неумѣстно и вредно. Имъ даны важныя льготы и права; надлежитъ отъ нихъ требовать неуклоннаго выполненія ихъ обязанностей въ отношеніи къ казнѣ и къ частнымъ лицамъ. Требуется не потворство, а соблюденіе законности,—соблюденіе строгое, точное, не допускающее ни тѣни произвола въ какую-либо сторону. Вотъ лучшее средство избѣжать всѣхъ опасностей.

Но дѣло не можетъ ограничться одною крестьянскою реформой. Корреспонденты нѣмецкихъ газетъ справедливо указываютъ на то, какое вредное вліяніе можетъ имѣть польское римско-католическое духовенство на этихъ новыхъ полноправныхъ гражданъ. Римская церковь въ польскомъ краѣ и въ западныхъ губерніяхъ требуетъ коренныхъ преобразованій во главѣ и въ членахъ, какъ говорилось въ старину. *Во главѣ:* необходимо измѣнить свойство и форму отношеній русской державы къ власти римскаго первосвященника и вмѣстѣ свѣтскаго государя; *въ членахъ:* самый составъ духовенства долженъ подвергнуться измѣненію и очищенію. Необходимость того и другаго очевидна послѣ извѣстнаго всѣмъ образа дѣйствій римской куріи и того положенія, которое избрало для себя римско-католическое духовенство во время мятежа и предшествовавшей ему агитаціи. Что именно предполагается сдѣлать въ этомъ отношеніи, объ этомъ въ нѣмецкихъ газетахъ сообщаются самыя противорѣчивыя свѣдѣнія. Въ аугсбургской *Всеобщей Газетѣ* недавно писали, будто бы Австріи удалось выхлопотать согласіе русскаго правительства на прибытіе папскаго нунція въ Петербургъ. А съ другой стороны, нѣмец-

кія же газеты, почти хоромъ, сообщаютъ извѣстія имѣющія совершенно противоположный характеръ и согласныя съ ожиданіями общественнаго мнѣнія въ Россіи. Особенно упорно держится слухъ о предстоящемъ закрытіи въ Царствѣ Польскомъ многочисленныхъ монастырей, которые такъ ревностно служили дѣлу мятежа, и объ отобраніи въ казну принадлежащихъ имъ имуществъ. По словамъ *Познанской Газеты*, это уже окончательно рѣшенная мѣра. Изъемлются изъ нея только тѣ монастыри, которые служатъ общеполезнымъ цѣлямъ: уходу за больными, воспитанію юношества, и т. д. Монастырскія зданія и имущества, по словамъ той же газеты, за обезпеченіемъ ежегоднаго дохода на содержаніе монастырскихъ церквей, будутъ употреблены исключительно на дѣло народнаго образованія: на основаніе и содержаніе учительскихъ семинарій и народныхъ училищъ. Газета прибавляетъ, что монахи и монахини, буде окажутся способными, будутъ назначаемы въ учительскія должности, но если правда, что многіе монастыри были главными средоточіями революціонной пропаганды, то это послѣдняя мѣра, какъ намъ кажется, могла бы оказать лишь весьма вредное вліяніе на духъ молодыхъ людей, которые будутъ воспитываться подъ непосредственнымъ вліяніемъ учителей и учительницъ, взятыхъ изъ этихъ разсадниковъ святотатственнаго взгляда на религію, какъ на средство заглушать въ людяхъ нравственный законъ.

Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ дѣло не можетъ быть оставлено въ прежнемъ положеніи Православіе, въ чистомъ его видѣ и въ видѣ уніятства, не будетъ уже, конечно, въ загонѣ въ польскомъ краѣ, какъ было прежде, когда даже вызванные изъ Галиціи уніятскіе священники, русскаго происхожденія, вслѣдствіе гоненій отъ римско-католическаго духовенства, принуждены были возвращаться во-свояси. Настоящее время, какъ намъ случалось слышать отъ людей свѣдущихъ, и ознакомившихся на мѣстѣ съ настроеніемъ умовъ, какъ нельзя болѣе благопріятно для допущенія тамъ свободы вѣроисповѣданій. Насъ увѣряютъ, что римско-католическіе ксендзы, своимъ дѣятельнымъ участіемъ въ шляхетскомъ мятежѣ, такъ уронили себя въ глазахъ католическаго крестьянскаго населенія, что религіозная свобода непремѣнно обратилась бы въ пользу православія. Въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, говорятъ, было очень много случаевъ перехода изъ латинства въ православіе. Бывали ли эти переходы слѣдствіемъ искренняго убѣжденія или разчетовъ, это—дѣло совѣсти каждаго. Со стороны власти было бы достаточно не принуждать и не переманивать католиковъ на сторону православія какими-либо внѣшними преимуществами; но было бы крайне несправедливо и противно интересамъ государства затруднять переходъ въ господствующую церковь. Даже съ чисто-государственной точки зрѣнія, на приращеніе паствы православной церкви никакъ нельзя смотрѣть какъ на дѣло второстепенной важности, если наша внутренняя политика должна имѣть національно-русское направленіе.

Въ системѣ народнаго просвѣщенія въ польскомъ краѣ, по извѣстіямъ тѣхъ же нѣмецкихъ газетъ, также предполагаются важныя и существенныя перемѣны. Въ начальныхъ народныхъ училищахъ, а равно и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ пишутъ нѣмецкіе корреспонденты, предполагается сдѣлать русскій языкъ для всѣхъ обязательнымъ, и нѣмецкіе корреспонденты не сомнѣваются, что, при составѣ администраціи изъ русскихъ чиновниковъ, эта мѣра будетъ сопровождаться полнымъ успѣхомъ. Единоплеменность Русскихъ и Поляковъ и сочувствіе польскихъ крестьянъ къ русскимъ властямъ даютъ, дѣйствительно, право предполагать, что знаніе русскаго языка можетъ быстро распространиться въ польскомъ краѣ. Не надобно притомъ забывать, что довольно значительная часть народонаселенія въ Царствѣ Польскомъ состоитъ изъ Русскихъ и уніятовъ, и что русскій элементъ можетъ найдти себѣ сильную поддержку въ старообрядцахъ, которые, при религіозной свободѣ, получили бы значеніе могущественнаго аванпоста русской народности въ Царствѣ Польскомъ.

№ 167.

Москва, 29-го іюля.

Не взирая на все то, что̀ въ послѣдніе два года писано о дѣлахъ западнаго края, не взирая на всѣ сдѣланныя огла-

шенія тамошнихъ махинацій противъ русской народности, многія частности продолжаютъ открываться еще до сего времени, и мы все болѣе и болѣе узнаемъ какъ мы были слабы и беззащитны въ этомъ краѣ, пока наконецъ очевидная опасность не раскрыла намъ глазъ. Дѣло о сооруженіи и поддержкѣ православныхъ церквей можетъ служить образчикомъ. Извѣстно, что забота объ устройствѣ и поддержкѣ церквей возложена закономъ на самихъ прихожанъ, которые, при недостаточности своихъ средствъ, прибѣгаютъ къ общественной благотворительности, безъ всякаго, въ большинствѣ случаевъ, пособія отъ правительства. На счетъ казны отнесено устройство только тѣхъ церквей, которыя находятся въ исключительныхъ условіяхъ. Законъ этотъ общій для всей Имперіи, но приложеніе его оказалось невозможнымъ въ губерніяхъ западныхъ. Бѣдность сельскихъ церквей въ имѣніяхъ, принадлежавшихъ на крѣпостномъ правѣ, большею частію, иновѣрнымъ помѣщикамъ, до того была велика и такъ повсемѣстна, что еще въ 1831 году правительство было вынуждено нарушить свое невмѣшательство въ дѣла церковнаго благоустройства и рѣшилось принять въ западномъ краѣ особыя мѣры. Вслѣдъ за усмиреніемъ возстанія 1831 года устройство церквей въ казенныхъ имѣніяхъ Кіевскаго генералъ-губернаторства начато было правительственными средствами, а помѣщиковъ того края повелѣно было *пригласить* къ построенію и починкѣ православныхъ церквей. По возсоединеніи уніатовъ это приглашеніе было распространено и на остальныя губерніи западнаго края. Распоряженіе это было принято какъ вопіющее насиліе. Мѣстные помѣщики были, какъ извѣстно, католики: съ какой же стати, говорили они, заботиться имъ о поддержаніи иновѣрческихъ для нихъ церквей? Это было однакожь прямымъ послѣдствіемъ ихъ помѣщичьяго права. Такъ какъ весь трудъ, вся живая сила въ ихъ имѣніяхъ принадлежала имъ, равно какъ и вся выгода отъ этой живой силы, такъ какъ законъ возлагалъ за это на помѣщиковъ и попеченіе о матеріяльныхъ и нравственныхъ нуждахъ подвластныхъ имъ крестьянъ, то кому же какъ не имъ принадлежало и попеченіе о духовныхъ нуждахъ крѣпостнаго сословія? Но помѣщики видѣли въ осуществленіи Высочайшей воли упроченіе въ той странѣ православія и потому не только не отозвались на призывъ Государя, а, напротивъ, старались отклонить отъ себя устройство церквей, подъ разными предлогами, которыя мудрено назвать иначе какъ насмѣшками. Напримѣръ: одинъ значительный по состоянію помѣщикъ въ данной имъ подпискѣ назначилъ на окраску пола своей сельской церкви 8 лѣтъ; другой въ 1839 году обязался исправить въ своемъ имѣніи церковь въ 4 года, съ тѣмъ чтобы начать работы съ 1869 года; нѣкоторые назначали для постройки небольшой деревянной церкви срокъ 25 лѣтъ и т. п. Разумѣется, церкви, оставаясь такимъ образомъ безъ поддержки, годъ отъ года приходили въ бо́льшую ветхость. Крестьяне дѣлали что̀ могли, но велики ли были средства крѣпостныхъ крестьянъ, особенно подъ польскимъ управленіемъ?

Видя безуспѣшность *приглашенія* помѣщиковъ поддерживать разрушающіяся церкви, правительство въ 1852 году вмѣнило имъ эту поддержку въ *обязанность*. Но и эта мѣра имѣла не болѣе успѣха.

Въ двадцатисемилѣтній періодъ времени (съ 1831 по 1858 годъ) безполезнаго убѣжденія и потомъ безуспѣшнаго понужденія помѣщиковъ, пришло въ обветшаніе и наконецъ въ совершенное разрушеніе въ девяти западныхъ губерніяхъ, до 3.000 церквей; было исчислено, что для возстановленія и исправленія всѣхъ этихъ обрушившихся храмовъ потребно было бы до 6.000.000 рублей. Между тѣмъ предпринято было освобожденіе крестьянъ, вмѣстѣ съ которымъ исчезало и самое право требовать отъ помѣщиковъ поддержанія православныхъ церквей. Оставалось одно изъ двухъ: либо, на общемъ основаніи закона, предоставить ихъ окончательному разрушенію, либо поддержать ихъ посредствомъ какихъ-нибудь особыхъ мѣръ. Теперешній завѣдывающій устройствомъ православныхъ церквей въ Западномъ краѣ П. Н. Батюшковъ, лично знакомый съ этимъ краемъ, составилъ въ 1858 году записку, которая изображала картину, для многихъ въ то время совершенно новую и тѣмъ болѣе поразительную. Дѣло было найдено столь серіознымъ, что тогда же, несмотря на финансовыя затрудненія, ассигновано $1^1/_2$ милліона руб. сер. изъ государственнаго казначейства, для возобновленія на первый разъ храмовъ въ Бѣлоруссіи, наиболѣе нуждавшихся въ помощи. Надзоръ

за употребленіемъ ассигнованныхъ суммъ былъ порученъ мѣстнымъ губернаторамъ, и въ помощь имъ даны люди не принадлежавшіе къ губернской чиновной іерархіи, но побуждаемые внутреннимъ чувствомъ содѣйствовать предпринятому дѣлу. Такіе люди выбраны были преимущественно изъ числа офицеровъ генеральнаго штаба и инженеровъ, какъ болѣе или менѣе знакомыхъ съ строительнымъ дѣломъ. Требовалось, чтобъ они лично осмотрѣли всѣ церкви края, ознакомились съ мѣстными условіями и средствами, изыскали способы для возможно болѣе дешеваго и удобнаго заготовленія матеріаловъ и найма рабочихъ. Кромѣ того, необходимо было, чтобъ эти довѣренные люди, своимъ безукоризненнымъ образомъ дѣйствій, умѣли устранить поводъ къ притязаніямъ владѣльцевъ имѣній, гдѣ устраиваются церкви, и избѣжать столкновеній съ лицами, имѣющими прямое или косвенное участіе въ дѣлѣ. Зная лично нѣкоторыхъ изъ выбранныхъ для этого людей, и имѣя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ всѣхъ, мы имѣемъ основанія думать, что сдѣланный выборъ былъ вообще удаченъ. Вотъ въ чемъ состоятъ эти дѣйствія:

По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1859 и 1860 годахъ, офиціальнымъ (свѣтскимъ и духовнымъ) путемъ, православныхъ приходскихъ храмовъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ считалось:

Въ губерніяхъ Сѣверозападнаго края:	
Виленской	106
Гродненской	220
Ковенской	3
Витебской	206
Могилевской	496
Минской	520
	1551
Юго западнаго края:	
Волынской	1.066
Подольской	1.170
Кіевской	1.044
	3.280
а всего	4.831

Всѣ эти церкви слѣдовало осмотрѣть, привести въ извѣстность степень ихъ ветхости и за тѣмъ опредѣлить, которыя изъ нихъ должны быть замѣнены новыми и которыя требуютъ лишь исправленій, болѣе или менѣе значительныхъ. Наконецъ требовалось рѣшить, въ какой мѣрѣ необходимо содѣйствіе правительства при исполненіи этихъ работъ. За этими предварительными развѣдками должны были слѣдовать самыя работы. Результаты этихъ развѣдокъ и работъ были слѣдующіе:

а) По Могилевской губерніи, до 1864 года, осмотрѣно 473 церкви и 311 изъ нихъ предназначены къ возобновленію на счетъ казны. Въ этомъ числѣ предположено возвести новыхъ каменныхъ 17 и деревянныхъ 75; остальныя 219 предположены къ капитальнымъ передѣлкамъ или къ починкѣ. 259 уже отстроены окончательно; но 44 работы должны быть окончены въ текущемъ году.

б) По Витебской губерніи осмотрѣно 183 церкви и осталось осмотрѣть 23. Изъ числа первыхъ предназначено возобновить на счетъ казны 146, въ томъ числѣ построить новыхъ: каменныхъ 3 и деревянныхъ 27, а въ 116 произвести капитальныя передѣлки и исправленія. Въ настоящее время отстроено новыхъ 11 и исправлено 55; по прочимъ работы продолжаются.

в) По Минской губерніи осмотрѣны 191 церковь, остается осмотрѣть 244. Изъ осмотрѣнныхъ церквей предположено устроить новыхъ: каменныхъ 15 и деревянныхъ 58; къ капитальной передѣлкѣ и къ починкѣ назначено 88, всего 161. Изъ этого числа отстроено окончательно 33; по остальнымъ работы производятся.

г) По губерніямъ, собственно такъ называемымъ Литовскимъ, общихъ распоряженій не сдѣлано, за недостаточностью ассигнованнаго капитала (1 1/2 милліона); по частямъ же, въ продолженіи пяти лѣтъ, оказаны въ отдѣльныхъ случаяхъ нѣкоторыя пособія.

Во второй половинѣ 1863 года найдено необходимымъ распространить на счетъ особаго источника правительственныя дѣйствія по постройкѣ церквей и на Юго-западный край, куда въ то же время командированы офицеры генеральнаго штаба. Въ теченіе прошлаго лѣта, они успѣли осмотрѣть въ Подольской губерніи—112 и въ Волынской 155 храмовъ. Нынѣ сдѣланы уже распоряженія къ открытію работъ по устройству этихъ церквей и отпущены необходимыя на то суммы. Что касается до Кіевской губерніи, то въ нее командированъ офицеръ лишь въ недавное время.

Таковы дѣйствія по постройкѣ сельскихъ храмовъ. Независимо отъ того предполагается приступить къ сооруженію Житомірскаго каѳедральнаго собора, обрушившагося въ 1853 году. Будетъ приступлено также и къ устройству тѣхъ соборныхъ уѣздныхъ храмовъ, гдѣ, по различнымъ соображеніямъ, это будетъ признано наи-

болѣе необходимымъ. Если къ этому присоединить многочисленныя постройки, предпринятыя по распоряженію генерала Муравьева, то можно надѣяться, что черезъ нѣсколько лѣтъ западный край не будетъ имѣть причины завидовать въ этомъ отношеніи остальной Россіи. Можетъ ли однако на все это достать ассигнованныхъ изъ государственнаго казначейства суммъ? Очевидно, нѣтъ, и указать на это тѣмъ болѣе необходимо, что возведеніемъ или поновленіемъ церковныхъ построекъ не исчерпываются еще церковныя нужды западнаго края.

Почти всѣ бывшія уніятскія, нынѣ православныя церкви, нуждаются въ утвари и церковныхъ книгахъ. Со времени уніи въ нихъ сохранились образа святыхъ непризнаваемыхъ ею, аллегорическія изображенія и портреты папъ, не причисленныхъ и латинскою церковью къ лику святыхъ; конфессіоналы, баптистеріи, монстранціи, колокольчики въ алтаряхъ. На ряду съ этимъ лишнимъ, ни въ одномъ почти храмѣ до послѣдняго времени не было полной богослужебной утвари и облаченій; въ Волынской губерніи ни одна церковь не имѣла полнаго круга священныхъ книгъ. Вообще въ утвари и другихъ предметахъ нуждаются по свѣдѣніямъ, собраннымъ оффиціяльнымъ путемъ, 2.076 церквей.

Удовлетворить всѣмъ этимъ требованіямъ, даже при помощи значительныхъ суммъ, взысканныхъ съ имѣній замѣшанныхъ въ возмущеніе помѣщиковъ, весьма трудно. Вотъ почему разрѣшенъ былъ, съ Высочайшаго соизволенія, сборъ добровольныхъ приношеній, сперва въ пользу храмовъ бѣлорусскихъ, а потомъ юго-западныхъ и литовскихъ, о чемъ въ свое время было объявлено въ нашей газетѣ. Первыми жертвователями были Государь Императоръ, Государыня Императрица, Наслѣдникъ Цесаревичъ и члены Императорскаго Дома, пожертвовавшіе значительныя суммы на устройство и пополненіе ризницъ. Слѣдуя Царскому примѣру, высшее духовенство, нѣкоторые монастыри и церкви, и частныя лица сдѣлали столь значительныя приношенія, что въ продолженіе трехъ послѣднихъ лѣтъ, наиболѣе нуждавшіеся храмы получили все необходимое для безостановочнаго богослуженія, и многія церкви даже съ избыткомъ надѣлены дорогими иконами и священною утварью, которыя навсегда останутся памятникомъ сочувствія Россіи къ духовнымъ нуждамъ Западнаго края.

Всего оффиціяльнымъ путемъ отправлено по настоящій годъ:

	ДЛЯ ЕПАРХІЙ:					
	Волынской.	Подольской.	Полоцкой.	Могилевской.	Минской.	Литовской.
Чашъ для причастія съ принадлежн.	128	116	60	111	88	499
Ковшиковъ съ блюдцами для теплоты	168	—	18	80	15	15
Крестовъ: напрестольныхъ, запрестольныхъ дароносныхъ и выносныхъ	175	22	70	211	81	158
Евангелій напрестольныхъ	—	34	17	72	59	194
Дарохранительницъ	100	30	20	60	27	155
Мурницъ	260	—	12	36	4	102
Облаченій: напрестольныхъ, священническихъ и діаконскихъ	1.246	243	292	660	382	1628
Иконъ мѣстныхъ и храмовыхъ	417	—	59	29	350	3
Лампадъ къ икон.	—	—	64	245	103	211
Подсвѣчниковъ напрестольныхъ и выносныхъ	415	22	124	270	130	384
Паникадилъ	—	—	22	68	18	1
Кадилъ	58	5	46	53	17	152
Сосудовъ водосвятныхъ, антидорн. и полѣелейныхъ	662	5	180	142	70	12
Плащаницъ	—	4	10	64	31	89
Купелей	754	2	32	36	2	—
Хоругвей	—	—	98	77	22	73
Выносн. фонарей	—	—	—	23	—	—
Брачныхъ вѣнцовъ	184	—	84	64	19	—
Воздуховъ	—	—	—	279	—	103
Дароносицъ	235	—	—	—	—	116
Всенощн. блюдъ	102	3	—	—	—	94
Кропилъ	49	—	—	—	—	11
Кувшиновъ для святой воды	—	—	—	—	—	1
Миней	—	188	—	—	—	
Антидорн. блюдъ	67	—	—	—	—	1

Но эти приношенія имѣли нѣкоторымъ образомъ характеръ частный. Въ нихъ принимали участіе лишь немногія лица. Между тѣмъ дѣло, которое вызвало эти приношенія, должно имѣть значеніе общаго, всероссійскаго дѣла; въ немъ слѣдуетъ принять участіе всему русскому народу. Съ этою цѣлію въ настоящемъ году, какъ нашимъ читателямъ извѣстно, съ Высочайшаго разрѣшенія, сдѣлано по всей Имперіи приглашеніе къ пожертвованіямъ для необезпеченныхъ еще церквей и для устройства находящихся при нихъ поселянскихъ школъ. Какъ откликнулась Россія на это приглашеніе? Мы слышали, что по

1-е іюня на имя г. Батюшкова поступило до 17.000 рублей, независимо отъ пожертвованій, которыя разрѣшено принимать губернаторамъ. Впрочемъ объ всѣхъ поступающихъ тѣмъ или другимъ путемъ пожертвованіяхъ будетъ оглашаемо во всеобщее свѣдѣніе, равно какъ и о данныхъ этимъ пожертвованіямъ назначеніяхъ. Мы съ своей стороны считаемъ нужнымъ упомянуть, что при распредѣленіи суммъ поступающихъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ оно придерживается воли жертвователей и нѣкоторымъ изъ нихъ даетъ назначеніе собственно на церковныя нужды, другія же обращаетъ въ пособіе школамъ, содержимымъ духовными лицами. Такъ, напримѣръ, для бѣднѣйшихъ приходовъ Минской епархіи, оно отпустило въ распоряженіе минскаго преосвященнаго, изъ суммъ, пожертвованныхъ частными лицами, 5.000 руб. Кромѣ того оно отправило въ западный край до 60.000 экземпляровъ книгъ, отчасти пожертвованныхъ Государынею Императрицею и частными лицами, а отчасти пріобрѣтенныхъ на пожертвованныя деньги. Книги эти распредѣлены между 1.029 школами губерній: Гродненской, Минской, Могилевской, Витебской, Ковенской, Подольской и Волынской.

Наконецъ изъ пожертвованныхъ же суммъ выданы значительныя пособія нѣсколькимъ братствамъ Западнаго края, которыя пожелали принять на себя исправленіе своихъ храмовъ. Вообще гдѣ находятся въ числѣ братчиковъ лица, пользующіяся общимъ уваженіемъ и довѣріемъ, тамъ употребленіе пособій и исполненіе строительныхъ работъ и поручается прямо этимъ лицамъ.

Таковъ ходъ и характеръ дѣла, которое, независимо отъ чисто благочестиваго своего значенія, имѣетъ и огромное значеніе политическое. Эти милліоны перешедшіе, и другіе, которые, надѣемся, перейдутъ еще изъ одной половины Россіи въ другую,—самыя крѣпкія узы соединяющія ихъ между собою. Вспомнимъ, что связь религіозная послужила основаніемъ возвращенія западныхъ губерній въ лоно отечества; эта же связь въ настоящее время должна закрѣпить на вѣки единство и цѣлость Россіи.

№ 168.

Москва, 30-го Іюля.

А.

Съ какой бы стороны мы ни разсматривали завоеваніе Кавказа,—въ интересѣ ли утвержденія нашего значенія на Востокѣ, на что недавно указывалъ въ *Днѣ* г. Волковъ, или съ болѣе скромной экономической точки зрѣнія, которую избралъ *Русскій Инвалидъ*, во всякомъ случаѣ это есть великое событіе, „новая славная страница въ исторіи славнаго нынѣшняго царствованія,“ какъ выразился Его Высочество Великій Князь Намѣстникъ. *Русскій Инвалидъ* замѣчаетъ, что окончаніе войны на Кавказѣ дастъ безъ сомнѣнія возможность сократить на цѣлую треть, то есть на 10 милліоновъ, кавказскій бюджетъ, не лишая управленія этого края средствъ заняться его экономическимъ положеніемъ. Десять милліоновъ ежегодно вычеркиваемыхъ изъ числа непроизводительныхъ (съ экономической точки зрѣнія) расходовъ и прибавляемыхъ къ финансовымъ средствамъ Имперіи—это одно уже не маловажный результатъ нашихъ побѣдъ въ Чечнѣ, Дагестанѣ и на берегахъ Чернаго моря; но онъ далеко не единственный. *Русскій Инвалидъ* представляетъ, какъ бы въ туманѣ будущаго, осуществленіе мысли князя Барятинскаго о желѣзной дорогѣ между Чернымъ и Каспійскимъ морями: перваго шага къ осуществленію этой мысли нельзя не видѣть въ устройствѣ Потійскаго порта. Если мы при этомъ припомнимъ тѣ обширныя ирригаціонныя работы, къ которымъ приступлено уже въ Закавказьѣ, и тѣ обезпеченія, которыя высшее кавказское управленіе старается доставить разнымъ отраслямъ мѣстнаго хозяйства и въ ряду которыхъ первое мѣсто принадлежитъ размежеванію, если мы сообразимъ какія богатства скрываетъ въ себѣ этотъ край, то передъ нашимъ воображеніемъ возникнетъ перспектива великой для Россіи и плодотворной для человѣчества будущности.

Да послужатъ прежнія наши ошибки для насъ урокомъ относительно новаго края, волей Провидѣнія вошедшаго нынѣ окончательно въ составъ Русской Имперіи. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, можно было тамъ замѣтить колебанія и частныя примѣненія такихъ началъ, которыя обратясь въ си-

стему могли бы привести къ печальнымъ послѣдствіямъ. Спѣшимъ прибавить, что въ самое послѣднее время тамъ восторжествовала система, сколько мы можемъ судить, совершенно иная; на Кавказъ, кажется, уже не смотрятъ, какъ на страну въ которой долженъ быть русскимъ только личный составъ управленія. Въ самомъ дѣлѣ, до сего времени Кавказъ былъ для Россіи какою-то военною колоніей, куда молодые офицеры наши пріѣзжали послужить, побрать чиновъ и наградъ и потомъ оставляли его. Солдатъ, правда, нерѣдко тамъ поселяли на постоянное жительство, весьма часто впрочемъ противъ воли; но и эта мѣра, при всемъ ея несовершенствѣ, не осталась безъ добрыхъ послѣдствій: всѣ кавказскіе городки разрослись изъ „солдатскихъ слободокъ,“ и сдѣлались центрами русскаго вліянія въ странѣ, а какъ бы усилилось это вліяніе, еслибы допущены были условія необходимыя для того, чтобъ и села могли постепенно наполняться русскими людьми (независимо отъ казаковъ) и притомъ безъ искусственныхъ мѣръ привлеченія, всегда отзывающихся въ послѣдствіи дурно!

Нельзя было не порадоваться извѣстію о выѣздѣ нѣсколькихъ десятковъ семействъ изъ Николаева, отправившихся для водворенія на Кавказскомъ берегу Чернаго моря. Мы замѣтили также, что нѣкоторымъ изъ заслуженныхъ кавказскихъ офицеровъ пожалованы были въ послѣднее время земли въ Ставропольской губерніи. Если это не отдѣльные случаи, а начало систематическаго водворенія русскаго дворянства въ краѣ, то мы не можемъ не признать мѣры этой чрезвычайно важною и полезною. Западныя губерніи представляютъ лучшее доказательство, какая громадная сила принадлежитъ той сторонѣ, у которой въ рукахъ крупная поземельная собственность и всегда съ нею связанный нервъ политической силы и просвѣщенія. Вѣроятно раздача земель русскимъ дворянамъ не ограничится одною Ставропольскою губерніей; эта мѣра не менѣе если еще не болѣе полезна и на Черноморскомъ берегу предназначенномъ природою къ громадному экономическому развитію и къ важному политическому значенію. Не менѣе важна она и въ Закавказскомъ краѣ, гдѣ странно было бы не имѣть представителей русскаго землевладѣльческаго сословія. Между Грузинами, Татарами и нѣкоторыми горскими племенами существуютъ довольно сильные задатки аристократическихъ понятій, а потому крайне прискорбно было бы, еслибы русскій народъ представлялся имъ не иначе какъ въ лицѣ чиновниковъ да казаковъ: мы видѣли какое жалкое положеніе имѣли эти представители русскаго народа въ Западныхъ губерніяхъ, и если тамъ подобное положеніе сложилось изъ предшествующихъ историческихъ условій, то ничто не обязываетъ насъ создавать его на Кавказѣ. Здѣсь выгода наша состоитъ въ томъ, что мы можемъ дѣйствовать постепенно. Въ настоящую минуту было бы неблагоразумно отвлекать на Востокъ русскія силы, когда онѣ такъ нужны для Западнаго края. Съ Кавказомъ спѣшить нѣтъ надобности: нужно только установить правильную систему и твердо ея держаться.

Б.

Не безъ удивленія прочли мы передовую статью въ № 151 *Одесскаго Вѣстника*, въ которой говорится и объ украйнофилахъ, и о перенесеніи государственнаго центра тяжести съ сѣвера на югъ, и о г. Гогоцкомъ, и о другомъ нашемъ сотрудникѣ, и о насъ самихъ. Распутывать всю эту путаницу полусловъ мы, конечно, не станемъ, но остановимся надъ нѣкоторыми отдѣльными пунктами. Одесская газета не вѣритъ въ существованіе украйнофиловъ и считаетъ ихъ пуфомъ: не шутитъ ли она? Или она ничего не видала и не слыхала въ послѣдніе два-три года? Но чѣмъ же вдругъ кольнуло ее? Что она вдругъ спохватилась теперь, и повторяетъ незавидный мотивъ нѣкоторыхъ петербургскихъ газетъ? Если „Одесса славится (?) индифферентизмомъ въ національныхъ вопросахъ,“ и если *Одесскій Вѣстникъ* считаетъ себя органомъ тамошняго общественнаго мнѣнія, то зачѣмъ же и пускается онъ теперь въ дѣло, въ которомъ не чувствуетъ себя компетентнымъ, зачѣмъ не остается въ сферѣ „торговаго космополитизма?“ Съ плѣнительною наивностію *Одесскій Вѣстникъ* объявляетъ, что по увѣренію его корреспондентовъ, ни въ Харьковѣ, ни въ Полтавѣ никто не слыхивалъ ни о чемъ подобномъ, а съ этими корреспондентами „рожденіе и воспитаніе позволило установить редакціи прочныя связи.“

Мы не можемъ понять, откуда взяла одесская газета будто бы противники украйно-

филовъ требовали исключительнаго для великорусскихъ уроженцевъ права покупки земель въ западныхъ губерніяхъ? Кто подшутилъ надъ нею, увѣривъ ее въ этомъ? За то и нельзя безъ улыбки прочесть ея восклицаніе: „Какъ будто уроженецъ Екатеринославской, Полтавской или Херсонской губерніи—не Русскій!“ Смѣемъ увѣрить почтенную газету, что ни мы, ни наши сотрудники никогда не отнимали у Херсонцевъ, Екатеринославцевъ и Полтавцевъ имени Русскихъ, и что идея о „двухъ народностяхъ русскихъ“ пущена въ ходъ отнюдь не нами. Мы никогда не хотѣли знать никакихъ Великоруссовъ и Южноруссовъ; ихъ выдумали именно, тѣ противъ кого мы вооружаемся; для насъ же это не болѣе какъ географическій терминъ. Мы желали бы знать только Русскихъ, дорожащихъ единствомъ и процвѣтаніемъ Россіи. Повидимому и одесская газета того же самаго желаетъ: „Южная Россія, говоритъ она, неразрывно связана съ Сѣверною Россіей и ничего не заявляетъ противъ этой связи: таковъ существующій фактъ.“ Ну, и слава Богу! Но въ такомъ случаѣ желательно бы знать, за что̀ же эта газета прогнѣвалась на насъ и на нашихъ корреспондентовъ? Мы знали и всегда говорили, что южная Россія ничего не заявляетъ противъ своей связи съ сѣверною Россіей, что южная часть нашего народа не желаетъ быть особою національностью и имѣть свой особый литературный и офиціальный языкъ. Но всѣмъ извѣстно, что есть люди, которые усильно и настойчиво хлопотали о томъ, чтобы вопреки интересамъ и собственнымъ желаніямъ южной части русскаго народа превратить ее въ особую національность, и, что̀ всего важнѣе и въ чемъ вся сила дѣла, старались завлечь правительство въ такія мѣры, которыя дѣйствительно должны были бы разорвать русскій народъ на двѣ чуждыя и неизбѣжно-враждебныя одна другой части. Неужели вопросъ о мощеніи одесскихъ улицъ такъ поглотилъ вниманіе одесской газеты, что она не замѣтила въ чемъ заключались истинныя опасности украйнофильскихъ затѣй?

№ 169.

Москва, 31-го іюля.

Читатели слѣдившіе за вопросомъ о газоосвѣщеніи, конечно, уже составили себѣ мнѣніе о рѣшеніи принятомъ по этому дѣлу московскою Общею Думой. Наша газета старалась возстановить этотъ запутанный вопросъ въ его истинномъ видѣ и представить данныя, могущія служить основаніемъ для приблизительно вѣрнаго сужденія о цѣнѣ газа. Еще въ началѣ минувшаго мая, почти три мѣсяца тому назадъ, мы указывали, что вниманіе Думы должно быть сосредоточено на цѣнѣ газа для частнаго потребленія, такъ какъ на этой цѣнѣ основаны всѣ разчеты предпринимателей. Мы указывали также на азартный характеръ, который получило это дѣло вслѣдствіе неправильной постановки его. Все это было ясно какъ день и во всякомъ случаѣ заслуживало опроверженія со стороны лицъ, считавшихъ правильнымъ тотъ путь, котораго неправильность была заявлена такъ утвердительно. Мы были готовы выслушать всѣ возраженія и опроверженія и даже дать имъ мѣсто въ нашей газетѣ, но никакихъ возраженій и опроверженій не послѣдовало. Затѣмъ мы напечатали рядъ статей г. Павловича, въ которыхъ были собраны цифры, относящіяся къ газоосвѣщенію, и представленъ приблизительный разчетъ стоимости газа въ Москвѣ. Эта стоимость была вычислена не только не ниже, но выше того, что̀ должно оказаться въ дѣйствительности, и все-таки выводъ былъ тотъ, что цѣна пять рублей за тысячу кубическихъ футовъ есть цѣна непомѣрная. Мы ожидали возраженій, даже вызывали ихъ, но и тутъ возраженій не послѣдовало: не ясный ли это признакъ, что возражать было довольно трудно? Получивъ однакоже частнымъ путемъ нѣсколько замѣчаній относительно способа избраннаго г. Павловичемъ для вычисленія стоимости газа въ Москвѣ, мы сочли нужнымъ заняться составленіемъ разчетовъ на иномъ основаніи. Такъ какъ разчеты г. Павловича относились къ малому району, то мы взяли районъ болѣе обширный. Мы сдѣлали два разчета,—одинъ на сто верстъ, другой на двѣсти пятьдесятъ верстъ канализаціи, и можемъ сказать утвердительно, не рискуя довѣріемъ публики, которымъ дорожимъ, что пятирублевая цѣна за тысячу кубическихъ футовъ газа есть цѣна слишкомъ высокая даже при двухсотъ-пятидесятиверстной канализаціи. Правда, что предсказывать цифру частнаго потребленія нѣтъ возможности, но именно потому-то и нѣтъ возможности опредѣлять впередъ на тридцать лѣтъ

цѣну газа для частнаго потребленія. Мы не имѣемъ претензіи навязывать кому бы то ни было свои взгляды на потребность города Москвы въ газовомъ освѣщеніи; но мы не обинуясь позволяемъ себѣ высказать увѣренность, основанную на сравненіи Москвы не съ столицами, а съ небольшими городами западной Европы, что при разумной цѣнѣ газа, напримѣръ при цѣнѣ въ 3 руб. 50 коп. за тысячу кубическихъ футовъ частнаго потребленія и 2 р. 30 к. за тысячу кубическихъ футовъ потребленія въ уличныхъ фонаряхъ, городъ Москва, даже при двухсотъ-пятидесяти-верстной канализаціи, черезъ пять-шесть лѣтъ, могъ бы потреблять круглымъ числомъ не менѣе полутора милліона кубическихъ футовъ на версту. Въ такомъ случаѣ газовая компанія получила бы на версту:

За 30 фонарей	690 р.
За частное потребленіе	4.200 —
Итого	4.890 р.

Люди свѣдущіе согласны въ томъ, что при хорошемъ хозяйствѣ газъ можетъ обходиться здѣсь въ Москвѣ заводскою стоимостью около 2 рублей за тысячу кубическихъ футовъ, считая и 10% утечки. Слѣдовательно заводскихъ расходовъ потребовалось бы для доставленія полутора милліона кубическихъ футовъ газа въ рожки около 3.000 р. на версту, и осталось бы около 1.890 р. на вознагражденіе директоровъ, на дивидентъ и на погашеніе капитала затраченнаго въ газовый заводъ и канализацію. Со всей двухсотъ-пятидесятиверстной канализаціи составилась бы общая сумма прибыли 472.500 руб. или около 12% съ четырехъ милліоновъ рублей. Между тѣмъ канализація 250 верстъ должна стоить дешевле двухъ милліоновъ, и то же самое слѣдуетъ еще болѣе сказать о заводѣ; стало-быть еще осталась бы порядочная сумма для оборотнаго капитала. Вотъ почему мы полагаемъ, что черезъ пять-шесть лѣтъ газъ въ Москвѣ могъ бы продаваться для частнаго потребленія около 3 р. 50 к. за 1.000 кубическихъ футовъ, даже еслибы канализація дошла къ этому времени до 250 верстъ, чего, по всему вѣроятію, не будетъ.

Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы предприниматели согласились взять теперь же 3 р. 50 к. за тысячу куб. ф. частнаго потребленія и 23 р. за уличный фонарь *), но изъ этого слѣдуетъ вотъ что:

1. Предприниматели могутъ теперь же, на торгахъ, понизить пятирублевую цѣну, и слѣдовательно нѣтъ смысла отнимать у нихъ эту возможность; нѣтъ причины принимать отъ нихъ только пониженіе цѣны уличнаго фонаря. Дабы не обременять городскихъ обывателей увеличеніемъ издержекъ, слѣдовало бы взять для уличнаго фонаря ту цѣну во что онъ теперь среднимъ числомъ обходится при способахъ освѣщенія менѣе совершенныхъ, и затѣмъ учредить торги для опредѣленія цѣны газа продаваемаго частнымъ лицамъ. Тогда нельзя было бы сказать, что жителямъ глухихъ частей города придется платить лишній налогъ для доставленія дешеваго газа магазинамъ Кузнецкаго Моста. Обыватели платили бы на освѣщеніе улицъ ту самую сумму, которую теперь платятъ, и имѣли бы ту выгоду что многія улицы города были бы освѣщены гораздо лучше теперешняго; въ то же время частные потребители газа платили бы цѣну состоявшуюся на торгахъ, а не цѣну произвольно предписанную рѣшеніемъ Думы.

2. Если при улучшеніи уличнаго освѣщенія Дума непремѣнно хотѣла имѣть въ виду сокращеніе городскихъ расходовъ на счетъ будущихъ частныхъ потребителей газа (что само по себѣ уже не правильно), то и справедливость и разчетъ требовали, чтобы на торгахъ было допущено пониженіе обѣихъ цифръ,—разумѣется пониженіе равномѣрное, безъ чего торги не представляли бы нужной ясности. Слѣдовало начать торги напримѣръ съ 23 р. за уличный фонарь (то-есть съ 2 р. 30 к. за тысячу куб. футовъ) и съ 4 р. 60 к. за тысячу кубическихъ футовъ частнаго потребленія, и принимать равномѣрное пониженіе обѣихъ цифръ, при чемъ цѣна частнаго освѣщенія превышала бы всегда вдвое цѣну уличнаго, и слѣдовательно взаимно соотвѣтствовали бы цифры:

уличный фонарь	тысяча футовъ частнаго потребленія
22 р. 75 к.	4 р. 55 к.
22 „ 50 „	4 „ 50 „
22 „ 25 „	4 „ 45 „
22 „ — „	4 „ 40 „ и т. д.

3. Такъ какъ нѣтъ возможности опредѣлить одну цѣну газа на тридцать лѣтъ

*) Уличный фонарь будетъ потреблять въ Москвѣ 10.000 куб. фут. газа того достоинства, которое опредѣлено въ контрактѣ.

впередъ, не принуждая предпринимателей къ назначенію цѣны непомѣрно высокой, то необходимо постановить правиломъ, что цѣны объявленныя на торгахъ должны понижаться съ каждымъ шестилѣтіемъ на извѣстную сумму, напримѣръ на 10 коп. съ тысячи кубическихъ футовъ для частныхъ потребителей и на 50 коп. съ уличнаго фонаря, а для обезпеченія компаніи можно было бы постановить, что она освобождается отъ обязательной сбавки, если потребленіе не возвысится въ продолженіе шестилѣтія на извѣстную норму.

Вотъ главныя изъ условій, которыя могли бы освободить это предпріятіе отъ азартнаго характера, препятствующаго установленію правильныхъ цѣнъ. Что можно сказать основательнаго противъ этихъ условій? Чѣмъ они могли бы повредить городу или стѣснить предпринимателей? Что же попрепятствовало Думѣ подвергнуть эти условія обстоятельному разсмотрѣнію?

Мы должны указать еще на другую слабую сторону дѣлопроизводства по газоосвѣщенію. Дума вызвала конкуррентовъ къ 1-му декабря прошлаго года, не заготовивъ съ своей стороны условій, на основаніи которыхъ должны были происходить торги. Поэтому торги не могли состояться 1-го декабря, а состоялось нѣкоторое подобіе торговъ, остроумно называемое репетиціей. Такое же подобіе торговъ или такая же репетиція повторялась еще разъ, 10-го апрѣля. Конкурренты получили право претендовать на городъ Москву, а городъ поставленъ въ необходимость не допускать къ дѣйствительнымъ торгамъ, имѣющимъ послѣдовать въ сентябрѣ, тѣхъ конкуррентовъ, которые не явились къ 1-му декабря прошлаго года. Такимъ образомъ сентябрскіе торги будутъ происходить въ замкнутомъ кругѣ, а это конечно не будетъ содѣйствовать ихъ правильному исходу. Конкурренты, въ сознаніи замкнутости своего круга, уже нѣсколько разъ принимали относительно Думы тонъ довольно грозный. Они не могутъ не знать что Дума находится въ зависимости отъ нихъ, и кто въ правѣ пенять на нихъ, если они надѣются воспользоваться выгодами своего положенія хоть бы въ награду за долгое ожиданіе? Очень возможно, что незначительность пониженія цѣнъ будетъ слѣдствіемъ соглашенія, для котораго было предоставлено столько удобствъ....

Кого же винить во всѣхъ этихъ неправильностяхъ московскаго дѣлопроизводства о газоосвѣщеніи? Винить ли гласныхъ Думы и въ ихъ лицѣ всѣхъ обывателей, которые избрали ихъ своими представителями? Не думаемъ, и непремѣнно поговоримъ объ этомъ, потому что это подаетъ поводъ къ интереснымъ соображеніямъ.

№ 170.

Москва, 1-го августа.

Послѣ подписанія въ Вѣнѣ предварительныхъ условій мира между Даніей и великими германскими державами, въ европейской политикѣ наступило время затишья, которое, по всей вѣроятности, продолжится до заключенія окончательнаго мира и до рѣшенія будущей судьбы Шлезвига, Гольштейна и Лауэнбурга. Но состоится ли этотъ миръ и не подадутъ ли повода притязанія Германіи, и особенно Пруссіи, къ возобновленію кровопролитія, а вмѣстѣ къ раздорамъ въ самой Германіи, которыми не замедлятъ воспользоваться другія державы? Съ тѣхъ поръ какъ германскія державы вступили на путь завоеваній, нѣмецкія притязанія растутъ не по днямъ, а по часамъ. Въ настоящее время въ нѣмецкихъ газетахъ идетъ рѣчь уже о томъ, чтобъ ограбить Данію не только въ ея поземельныхъ владѣніяхъ, но и въ ея финансахъ и ея флотѣ. Нѣмецкіе финансисты, какъ читатели увидятъ ниже, разчитываютъ, что на долю Герцогствъ должны пасть не 35 милліоновъ датскаго долга, а много-много если одна десятая часть этой суммы. Они стараются, сверхъ того, доказать, что Герцогствамъ должна достаться еще третья часть датскаго флота. Если эти притязанія найдутъ поддержку со стороны Пруссіи и Австріи, то нѣтъ сомнѣнія, что заключеніе мира замедлится и затруднится, и бытьможетъ, Франція приметъ грозное положеніе. Это тѣмъ возможнѣе, что въ такомъ случаѣ ей придется кстати принять подъ свою защиту и второстепенныя государства Германіи, самолюбію которыхъ грозятъ какимъ-то новымъ, еще неизвѣстнымъ оскорбленіемъ. По словамъ *Крестовой Газеты*, они могутъ безопасно существовать въ своей отдѣльности, но отношенія между государствами Германскаго

Союза должны опредѣляться ихъ дѣйствительною силой, и министры малыхъ государствъ дожны подчиняться волѣ могущественныхъ монарховъ Пруссіи и Австріи. „Заявляемая дѣлами энергія“ г. фонъ-Бисмарка собирается вразумить ихъ какъ на этотъ счетъ, такъ и *на счетъ историческаго призванія германской націи.*

Если и съ этой стороны миръ Европы еще очень мало обезпеченъ, то, быть-можетъ, еще бóльшія опасности грозятъ ему съ другихъ сторонъ. Въ помѣщаемой ниже корреспонденціи франкфуртской газеты *l'Europe* передается очень интересный разговоръ между графомъ Росселемъ и прусскимъ посломъ въ Лондонѣ, графомъ Бернсторфомъ. Въ этомъ разговорѣ графъ Россель будто бы высказалъ опасеніе, что тяжкія условія мира, которыя принужденъ будетъ принять король Даніи, могутъ возбудить противъ него національное чувство его народа и произвести революціонное движеніе въ Даніи, которое снова подвергнетъ опасности миръ Европы. Это предположеніе само по себѣ довольно вѣроятно, было ли оно высказано графомъ Росселемъ или нѣтъ. Датчанамъ очень трудно помириться съ тяжкими потерями, которыя они понесли въ борьбѣ противъ сильнѣйшаго непріятеля, особенно если къ территоріяльнымъ потерямъ будутъ присоединены еще новыя денежныя пожертвованія и уступка части флота. Не мудрено, что въ такомъ случаѣ въ Копенгагенѣ произойдетъ движеніе, и что панскандинависты постараются воспользоваться имъ для осуществленія своихъ плановъ. Какъ бы въ объясненіе опасеній графа Росселя, *Корреспонденція Гаваса* сообщаетъ изъ Лондона, будто бы въ Кессингенѣ уже состоялось на этотъ предметъ соглашеніе, и будто бы Россія, Австрія и Пруссія заключили между собою конвенцію, съ цѣлью поддержать, даже силою оружія, престолъ Христіана IX и воспротивиться осуществленію скандинавскаго союза *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* поспѣшила объявить это извѣстіе умышленною ложью, имѣющею извѣстную политическую цѣль, и допуская, что для Россіи было бы непріятно осуществленіе скандинавскаго союза, высказала сомнѣніе въ томъ, чтобы Россія рѣшилась на вмѣшательство въ это дѣло, — вмѣшательство, которое, по мнѣнію этого органа г. фонъ-Бисмарка, могло бы имѣть очень серіозныя послѣдствія. Извѣстно, что мысль о скандинавскомъ союзѣ очень улыбается Франціи; не менѣе извѣстно и то, что ни въ Киссингенѣ, ни въ Карлсбадѣ со стороны Россіи не было ни предложено, ни принято никакихъ обязательствъ ни путемъ словесныхъ сообщеній, ни при посредствѣ какихъ-либо письменныхъ документовъ. Извѣстіе *Корреспонденціи Гаваса,* очевидно, вымышленно, точно такъ же какъ, по всей вѣроятности, все то что разказывается въ берлинской корреспонденціи газеты *l'Europe.* Вымыслы эти имѣютъ, безъ сомнѣнія, ту же цѣль и то же происхожденіе, какъ и пресловутые документы *Morniug Post,* создавшіе на время призракъ новаго Священнаго Союза.

Между тѣмъ какъ Нѣмцы обираютъ бѣдную Данію и ссорятся между собою, Англія не перестаетъ хлопотать о возстановленіи *сердечнаго согласія* съ Франціей, то-есть, о подчиненіи этой военной націи политическимъ видамъ Англіи. Усилія ея до сихъ поръ, повидимому, еще не увѣнчались полнымъ успѣхомъ, но средства ея политики неистощимы. Такъ какъ выведенный было на сцену призракъ Священнаго Союза благополучно и повидимому безслѣдно разсѣялся, то потребовались новые вымыслы, чтобъ окончательно раздражить Францію противъ Россіи, Австріи и Пруссіи, убѣдить ее въ существованіи между ними различныхъ соглашеній, направленныхъ противъ ея политики, и тѣмъ заставить ее примкнуть къ Англіи. Прежде пугали Францію преимущественно Россіей, по возможности щадя Австрію; теперь рѣшаются выставить на первый планъ Австрію. Въ дальнѣйшей бесѣдѣ своей съ графомъ Бернсторфомъ графъ Россель вдругъ обратился будто бы къ нему съ запросомъ, правда ли, что Пруссія гарантировала Австріи негерманскія владѣвія и прежде всего Венецію. На этотъ запросъ онъ получилъ въ послѣдствіи отъ Берлинскаго кабинета отвѣтъ скорѣе утвердительный чѣмъ отрицательный, съ замѣчаніемъ, что Берлинскій кабинетъ обязанъ взвѣсить, не требуютъ ли интересы Германіи и самой Пруссіи, чтобъ Австрія сохранила свое нынѣшнее положеніе на Адріатическомъ морѣ и на линіи Минчіо. Такимъ образомъ до свѣдѣнія Франціи вновь доводится, что Австрія обезпечила себя отъ нея, со стороны Италіи, крѣпкимъ союзомъ съ Пруссіей, и что сверхъ того

обѣ державы состоятъ еще въ союзѣ съ Россіей, по крайней мѣрѣ, противъ панскандинавскихъ стремленій, улыбающихся Франціи и могущихъ опять перессорить ее съ Россіей.

Дѣйствительно ли Пруссія гарантировала Австріи ея италіянскія владѣнія, или только обнаружила готовность дѣйствовать съ нею заодно и по этому вопросу, это неизвѣстно; но не можетъ быть сомнѣнія, что безъ этихъ видовъ Австрія не стала бы дѣйствовать такъ уступчиво относительно Пруссіи по германскимъ дѣламъ. Вѣнскій корреспондентъ *Allgemeine Zeitung*, изъ письма котораго мы приводимъ ниже нѣсколько отрывковъ, очень вѣрно объясняетъ причины нынѣшняго *сердечнаго согласія* между обѣими нѣмецкими державами. Австріи не оставалось другаго выбора, послѣ того, какъ Англія, возбудивъ польскій вопросъ, обнаружила слишкомъ явно свое намѣреніе эксплуатировать Австрію и противъ Франціи, и противъ Россіи. Съ одной стороны, Англія подстрекала Австрію противъ Россіи, съ тѣмъ чтобъ увлечь какъ можно далѣе Францію и окончательно разорвать ея связи съ Россіей, а съ другой, когда эта цѣль была достигнута, та же самая Англія старалась сблизить Австрію съ Россіей, чтобъ изолировать Францію и принудить ее къ союзу съ собою,—союзу, который тоже никакъ не можетъ быть особенно пріятенъ и успокоителенъ для Австріи.

Что̀ же заставляетъ Англію такъ долго и такъ усердно хлопотать о союзѣ съ Франціей? Если вникнуть въ то что̀ происходитъ въ настоящее время на Востокѣ, въ предѣлахъ Турецкой имперіи, то намѣренія Англіи уяснятся сами собою. Англія тамъ отнюдь не бездѣйствуетъ, и отнюдь не уступаетъ передовой роли Франціи, какъ думаютъ нѣкоторые изъ нашихъ петербургскихъ политиковъ. Дѣйствительно, и здѣсь она старается окружить будущую свою союзницу и блескомъ, и почетомъ, и выставляетъ ее впередъ; но подъ этимъ прикрытіемъ сама она энергически работаетъ надъ внутреннимъ разложеніемъ не только Турецкой имперіи, но и надъ привлеченіемъ на свою сторону православныхъ христіанскихъ племенъ, входящихъ въ ея составъ. Недавно только міръ пораженъ былъ неожиданнымъ открытіемъ, что англиканскіе миссіонеры успѣли обратить въ христіанство болѣе 3.000 Турокъ въ Константинополѣ, принадлежащихъ къ достаточнымъ классамъ мусульманскаго населенія. Но уступчивость, обнаруженная Турціей по дѣлу объ англиканскихъ миссіонерахъ, можетъ служить вѣрнымъ указаніемъ на существованіе многаго такого что̀ лишь въ послѣдствіи должно сдѣлаться предметомъ неожиданныхъ открытій. Напечатанная ниже константинопольская корреспонденція нашей газеты сообщаетъ, что англиканскіе миссіонеры еще съ бо̀льшимъ успѣхомъ ведутъ на Востокѣ борьбу противъ православія чѣмъ противъ ислама, а корреспондентъ *Indépendance belge*, по словамъ редакціи этой газеты, въ ненапечатанномъ еще письмѣ, высказываетъ убѣжденіе, что подъ покровомъ религіознаго прозелитизма тутъ скрывается политическая пропаганда, виды которой простираются очень далеко. Въ самомъ дѣлѣ, еслибъ англиканскіе миссіонеры ограничивались обращеніемъ въ христіанство однихъ Турокъ, то нѣтъ сомнѣнія, что сэръ-Генри Бульверу не удалось бы такъ легко склонить Порту на открытіе закрытыхъ было миссіонерскихъ заведеній и на дозволеніе миссіонерамъ продолжать ихъ проповѣдь и продавать библіи. По всей вѣроятности, англійскій посолъ указалъ и имѣлъ фактическую возможность указать Али-пашѣ, что миссіонеры еще съ бо̀льшимъ рвеніемъ обращаютъ въ протестантизмъ православныхъ, и что такимъ образомъ они ослабляютъ тѣ связи между христіанскимъ населеніемъ Турціи и Россіи, которыми англійская дипломатія издавна пугаетъ турецкое правительство. Далѣе тотъ же Али-паша, не безъ внушеній, конечно, со стороны Англіи, старается, какъ намъ пишутъ изъ Константинополя, о возбужденіи и усиленіи вражды Болгаръ къ греческому духовенству. Онъ уговаривалъ представителей болгарскаго народа не соглашаться на рѣшенія Константинопольскаго патріарха и синода, и обратиться съ своими жалобами на нихъ къ Портѣ. Англія пользуется роковымъ положеніемъ дѣлъ, вызывающимъ раздоръ въ нѣдрахъ православной церкви, и между тѣмъ какъ Болгары, подстрекаемые самою Портою, отовсюду изгоняютъ своихъ греческихъ епископовъ и даже собственныхъ болгарскихъ епископовъ, когда они соглашаются подчиниться константинопольскому патріарху, англиканскіе миссіонеры появляются среди Болгаръ и привлекаютъ ихъ къ своей церкви. Въ союзѣ

съ Франціей, Англія, при рѣшеніи восточнаго вопроса въ одностороннемъ своемъ интересѣ, можетъ серіозно опасаться только сочувствія православныхъ христіанъ Турціи къ православной Россіи, и вотъ пользуясь огромными нравственными силами своей страны и нравственнымъ упадкомъ и безсиліемъ греческаго духовенства, она вноситъ и распространяетъ религіозную рознь въ средѣ христіанскаго населенія Турціи.

№ 171.

Москва, 3-го августа.

У насъ найдутся какъ-разъ люди готовые воспользоваться всякимъ неудачнымъ рѣшеніемъ городской думы, чтобы поднять толки о незрѣлости и неспособности нашего общества къ дѣламъ публичнаго интереса. Вотъ вамъ и самоуправленіе, вотъ вамъ и представительство! готовы кричать эти господа съ непонятнымъ злорадствомъ. Они не замѣчаютъ, какъ безсмысленно сравнивать городскую думу, составленную изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ, часто буквально не понимающихъ одинъ другаго, собирающуюся отъ времени до времени по распоряженію своего предсѣдателя, и трактующую о дѣлахъ, которыя могутъ быть вполнѣ извѣстны лишь членамъ городскаго управленія, а членамъ думы по большей части очень мало знакомы,—сравнивать городскую думу съ политическими представительными собраніями, заключающими въ себѣ цвѣтъ страны, засѣдающими ежедневно въ продолженіи цѣлыхъ сессій, и разсуждающими о дѣлахъ, на которыя многіе изъ ихъ членовъ смотрятъ какъ на дѣло своей жизни и потому посвящаетъ имъ всѣ свои силы и дарованія. Есть ли смыслъ дѣлать какія-либо выводы на основаніи такого сравненія?

Городскія многолюдныя думы, по своему происхожденію въ Германіи, были не болѣе какъ суррогатами политическаго представительства, съ которыми онѣ не имѣютъ и не могутъ имѣть ничего общаго. Въ практическомъ отношеніи онѣ имѣютъ вездѣ, сравнительно съ городскимъ управленіемъ, значеніе второстепенное, значеніе подмоги и пособія, а вовсе не средоточія. Причина этого понятна. Можно ли было, напримѣръ, ожидать, что большинство гласныхъ московской Общей Думы, рѣшавшее вопросъ о газоосвѣщеніи, примется серіозно за изученіе этого вопроса? Можно ли было думать, что эти почтенные люди, принадлежащіе къ самымъ разнороднымъ сферамъ дѣятельности и образованія, найдутъ способы собрать и усвоить себѣ всѣ данныя, необходимыя для правильнаго взгляда на такое сложное дѣло какъ вопросъ о контрактѣ по газоосвѣщенію? А если ни того ни другаго нельзя было ни думать, ни ожидать, то справедливо ли возлагать на гласныхъ отвѣтственность за рѣшеніе, которое они постановили только потому, что требовалось постановить какое-нибудь рѣшеніе? Справедливо ли въ особенности обвинять ихъ за случайный характеръ ихъ рѣшеній, если принять въ соображеніе, какія гарантіи считаются необходимыми въ политическихъ многолюдныхъ собраніяхъ дабы предотвратить случайныя рѣшенія? Еслибы, напримѣръ, въ англійскомъ парламентѣ билли разсматривались и голоса о нихъ собирались однократно, и еслибъ однократное рѣшеніе считалось окончательнымъ, то можно поручиться, что и въ англійскомъ парламентѣ происходила бы не рѣдко порядочная чушь. Въ предотвращеніе этой возможности тамъ установилась практика, чтобы каждый билль читался по три раза, съ болѣе или менѣе значительными промежутками между засѣданіями отъ одного рѣшенія до другаго, и чтобы лишь послѣ троекратныхъ преній происходила окончательная подача голосовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ англійскомъ парламентѣ принято за правило, чтобъ утвержденіе отдѣльныхъ параграфовъ не заручало палаты, и чтобы послѣ принятія всѣхъ параграфовъ порознь, билль подлежалъ еще разъ подачѣ голосовъ о принятіи его или непринятіи въ цѣломъ. Но и когда билль окончательно принятъ, онъ можетъ подвергнуться въ той же палатѣ новому разсмотрѣнію по требованію другой палаты, и это новое разсмотрѣніе можетъ повести къ совершенному перерѣшенію дѣла.

Возможно ли принять такой порядокъ дѣлопроизводства въ смиренной городской думѣ? Разумѣется, невозможно. Но что̀ же изъ этого слѣдуетъ? Не слѣдуетъ ли заключить, что тѣ гарантіи, которыя считаются необходимыми въ великихъ политическихъ собраніяхъ и которыя въ городской думѣ были бы неумѣстны и безсмысленны, должны быть чѣмъ-нибудь за-

мѣнены, дабы дѣла шли удовлетворительно? Но чѣмъ же замѣнить ихъ какъ неотвѣтственностію лицъ городскаго управленія и преимущественно городскаго головы, которому принадлежитъ руководство думы?

Разработка городскихъ дѣлъ въ коммиссіяхъ спеціяльно для того выбранныхъ тоже далеко не представляетъ нужныхъ гарантій, если лица городскаго управленія держатся въ сторонѣ при назначеніи этихъ коммиссій. Въ такомъ случаѣ городской голова внѣ отвѣтственности за свойство трудовъ коммиссіи. Предсѣдатель ея подчиняется большинству, а большинство составляется случайно. Онъ опирается, правда, на избраніе думы. Но можетъ ли дума нести не формальную, а дѣйствительную отвѣтственность за избраніе именно тѣхъ, а не другихъ членовъ въ ту или другую коммиссію? Чтобы выборъ происходилъ раціонально, для этого руководители думы должны предварительно согласиться на счетъ состава той или другой коммиссіи, а дума утвердить этотъ составъ по довѣрію къ нимъ. Только въ такомъ случаѣ выборъ въ коммиссіи происходилъ бы раціонально, и были бы люди, отвѣчающіе за него. Но гдѣ найдетъ дума такихъ руководителей, и кто возьметъ на себя отвѣтственность такого руководительства, кромѣ офиціяльныхъ лицъ городскаго управленія? Упомянемъ кстати, что члены парламентскихъ коммиссій не выбираются палатами, а обыкновенно назначаются руководителемъ палаты (первымъ лордомъ казначейства, либо канцлеромъ казначейства), по соглашенію съ вождемъ оппозиціи, которые и несутъ полную отвѣтственность за удачный составъ коммиссій.

Въ думахъ не можетъ быть организованныхъ партій, а могутъ быть только болѣе или менѣе случайныя стачки. Кромѣ офиціяльныхъ лицъ, тутъ не можетъ быть и руководителей отвѣчающихъ за дѣйствія своихъ сочленовъ. Наконецъ официяльныя лица избираются тутъ на срокъ и не могутъ смѣняться сообразно настроенію большинства: имъ предоставлена значительная доля самостоятельности. Все это ставитъ голову и старшинъ въ положеніе совершенно особенное относительно гласныхъ и было бы большою ошибкой, еслибъ они не придавали должнаго значенія этой особенности своего положенія. Городской голова долженъ быть отвѣтственнымъ руководителемъ думы; онъ отнюдь не въ правѣ видѣть въ себѣ лишь пассивнаго исполнителя ея приговоровъ. Это былъ бы, въ сущности, столь намъ знакомый бюрократическій взглядъ, дающій возможность умывать руки, но отнюдь не обезпечивающій хорошаго хода дѣлъ, который невозможенъ безъ серіозной личной отвѣтственности. Равнымъ образомъ значило бы бюрократически смотрѣть на дѣло, еслибъ однократное рѣшеніе думы во всякомъ случаѣ считалось за нѣчто неприкосновенное и священное. Думскій приговоръ нельзя ровнять съ судебнымъ приговоромъ вошедшимъ въ законную силу; это не *res judicata*, не *chose jugée*. Нужна чрезвычайная натяжка, нужна огромная доза бюрократическаго формализма, чтобы считать спорное дѣло безспорнымъ, какъ скоро голоса о немъ случайно поданы гласными думы. Дѣло не въ томъ, что голоса поданы, а въ томъ какъ они поданы. Дѣло не въ томъ, чтобы тотъ или другой вопросъ мы были формально въ правѣ почислить рѣшеннымъ, а въ томъ чтобы вопросъ былъ рѣшенъ какъ слѣдуетъ, сообразно съ интересами города. Лучше пусть будутъ неправильности по формальной части дѣлопроизводства; эти неправильности тотчасъ же будутъ забыты и никто не поставитъ ихъ въ серіозную вину лицамъ городскаго управленія. Бояться надобно лишь неправильностей существенныхъ, отъ которыхъ можетъ нести ущербъ городъ и которыя могутъ служить поводомъ къ нареканіямъ и сѣтованіямъ серіознымъ и продолжительнымъ. Всего же вреднѣе было бы допускать неправильности существенныя дабы избѣжать формальныхъ.

Мало будетъ толку отъ новаго городскаго управленія, если сущность дѣла будетъ приноситься въ жертву формѣ, а форма будетъ служить ширмами, за которыми никто не въ состояніи различить отвѣтственныя лица. У насъ очень много говорится и пишется о бюрократической администраціи. Наши новыя учрежденія вызываются на свѣтъ съ цѣлію ограничивать ея предѣлы. А потому надобно всячески остерегаться, чтобы въ эти новыя учрежденія не вторгался бюрократическій духъ, столь распространенный въ нашей атмосферѣ, а этотъ духъ обозначается двумя словами: *формализмъ* и *отсутствіе личной отвѣтственности*. Вотъ въ чемъ можетъ заключаться слабая струна нашихъ

новыхъ учрежденій, гораздо болѣе чѣмъ въ недостаткѣ людей: каждый человѣкъ становится въ тысячу кратъ способнѣе и полезнѣе, когда чувствуетъ на себѣ серіозную личную отвѣтственность.

№ 172.

Москва, 4-го августа.

„Народы, говорилъ недавно архіепископъ парижскій на праздникѣ лицея (гимназіи) *Louis le Grand*, становятся тѣмъ чѣмъ дѣлаетъ ихъ воспитаніе, и будущій гражданинъ обнаруживаетъ или заявляетъ себя уже въ ученикѣ. Что̀ вы теперь, продолжалъ онъ, обращаясь къ воспитанникамъ лицея, тѣмъ же будете вы, съ небольшими перемѣнами, и въ послѣдствіи, по достиженіи вами зрѣлаго возраста, то-есть, вы будете или людьми способными къ самообладанію, къ самопожертвованію, къ дѣятельному и любвеобильному участію въ общихъ дѣлахъ или наоборотъ, и во всякомъ случаѣ почти всегда творцами собственнаго благополучія или виновниками собственнаго несчастія.“ Если, читая эти слова вспомнить о нынѣшнемъ состояніи нашихъ воспитательныхъ и образовательныхъ заведеній, то по истинѣ станетъ и страшно, и больно за Россію и за воспитывающееся въ нихъ теперь поколѣніе. Духъ дисциплины, такъ необходимый для пріученія къ самообладанію, исчезъ изъ нихъ почти совершенно; о серіозныхъ занятіяхъ наукою нѣтъ почти и помину; благодаря господствующей системѣ поверхностнаго и безплоднаго многоученія и сообщенія взглядовъ и идей вмѣсто положительныхъ познаній, молодые умы пріучаются къ верхоглядству и къ самой пагубной заносчивости; безпрерывныя колебанія въ образѣ дѣйствій и въ правилахъ, которыми должны руководствоваться начальствующія лица и въ тоже время искать популярности въ ученикахъ, совершенно подрываютъ и разрушаютъ въ самомъ зародышѣ дѣло воспитанія. Твердыхъ преданій по учебной и воспитательной части у насъ не выработалось, а общія теоретическія начала, не говоря уже объ ихъ шаткости у насъ, безпрерывно отступаютъ назадъ предъ требованіями такъ-называемаго общественнаго мнѣнія, за которое принимаются обыкновенно случайныя заявленія отдѣльныхъ лицъ.

Общихъ улучшеній по этой части можно ждать только тогда, когда въ несомнѣнныхъ заявленіяхъ истиннаго общественнаго мнѣнія будетъ найдена твердая опора для веденія нашего образовательнаго и воспитательнаго дѣла; но уже и теперь сдѣланъ очень важный и рѣшительный шагъ впередъ: какъ слышно, вопросъ о серіозномъ или поверхностномъ ученіи въ нашихъ гимназіяхъ рѣшенъ, въ принципѣ, въ пользу серіознаго ученія, то-есть, ученія основаннаго на изученіи обоихъ классическихъ языковъ. Это рѣшеніе будетъ имѣть самыя благотворныя послѣдствія, если только общее начало, имъ принятое, будетъ вполнѣ осуществлено во всѣхъ подробностяхъ учебнаго плана нашихъ гимназій; если этому плану будетъ соотвѣтствовать исполненіе. Умственныя силы нашихъ учениковъ, такимъ образомъ, не были бы впредь ослабляемы этимъ несчастнымъ, ничему не научающимъ многоученіемъ; онѣ перестали бы теряться и разсѣиваться между множествомъ предметовъ, а напротивъ стали бы сосредоточиваться на серіозномъ усвоеніи основныхъ элементовъ всемірной цивилизаціи, на изученіи древнихъ языковъ съ ихъ литературами, и это изученіе, проходя широко черезъ всѣ классы, давало бы ученикамъ ту умственную зрѣлость и сосредоточенность, которыя необходимы и для самостоятельной дѣятельности въ жизни, и для плодотворной дѣятельности въ сферѣ какой бы то ни было науки. Какъ только краеугольнымъ камнемъ всего гимназическаго курса у насъ станутъ оба древніе языка въ своей неразрывной органической связи, тотчасъ же можетъ-быть окажется сокращеніе въ числѣ лицъ, способныхъ поступить въ университеты; но за то и наша наука, и наша литература, и наша гражданственность приняли бы болѣе серіозное и болѣе самостоятельное направленіе, и углубивъ въ своей почвѣ корни общеевропейскаго образованія, мы сами стали бы способны быть его двигателями.

Между тѣмъ какъ противники классическаго образованія у насъ старались увѣрить публику, что это образованіе уже отжило свой вѣкъ, и что оно еще держится въ видѣ исключенія изъ общаго правила, заодно со многими средневѣковыми предразсудками и учрежденіями, посмотрите какъ разсуждаютъ объ этомъ предметѣ въ Европѣ. 8-го августа, въ старомъ парижскомъ дворцѣ Сорбонны, подъ предсѣда-

гельствомъ министра народнаго просвѣщенія и въ присутствіи архіепископа парижскаго, маршала Маньяна и членовъ всѣхъ парижскихъ факультетовъ, Французской академіи и всего высшаго управленія народнаго просвѣщенія во Франціи, происходило ежегодное торжество раздачи наградъ за лучшія сочиненія ученикамъ столичныхъ и департаментскихъ гимназій (лицеевъ). На нынѣшній разъ торжество было торжествомъ классическаго образованія, благодаря прекрасной рѣчи, произнесенной министромъ народнаго просвѣщенія г-мъ Дюрюи, столь извѣстнымъ многими сочиненіями и учебными руководствами по части исторіи. Эта рѣчь имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что, по словамъ министра, она представляетъ собою „отчетъ странѣ, въ тѣхъ усиліяхъ, которыя сдѣланы, и въ тѣхъ, которыя слѣдуетъ сдѣлать, чтобъ оправдать довѣріе верховной власти и всей Франціи."

Что же говоритъ французскій министръ народнаго просвѣщенія въ этомъ своемъ отчетѣ предъ лицомъ великой страны, которая вмѣстѣ съ Англіей и Германіей стоитъ во главѣ европейской цивилизаціи? Временный упадокъ классическаго образованія, бывшій слѣдствіемъ системы, извѣстной подъ именемъ *бифуркаціи*, по словамъ его, „грозилъ преобразить великія классическія школы Франціи,—въ которыхъ дитя становится человѣкомъ, въ которыхъ умъ развертывается и возвышается вслѣдствіе своего соприкосновенія съ лучшими произведеніями человѣческой мысли и искусства, преобразить—во что-то безвѣстное, во что-то безъ чести и безъ имени." Вотъ какъ назвалъ бы французскій министръ народнаго просвѣщенія то что̀ мы величали до сихъ поръ гимназіями,—не реальными, а классическими гимназіями! Эти наши гимназіи, безъ греческаго языка и съ самыми жалкими остатками языка латинскаго, по его энергическому выраженію—школы безъ чести и безъ имени. Теперь намъ не такъ больно отнести эту обидную квалификацію къ нашимъ гимназіямъ, потому что уже рѣшено ихъ преобразованіе, которое дастъ имъ и честь, и имя.

Во Франціи эта *бифуркація*, которою такъ еще недавно плѣнялись нѣкоторые педагоги у насъ, которая, по словамъ французскаго министра, „поставляла юношей еще колеблющихся и малосвѣдущихъ въ необходимость дѣлать безвозвратный выборъ между науками внѣшняго и науками внутренняго міра и которая осуждала слишкомъ молодые умы на безплодныя въ этомъ незрѣломъ возрастѣ занятія естественными науками",—во Франціи эта система имѣла самыя пагубныя послѣдствія. Въ своей рѣчи г. Дюрюи говоритъ, что онъ полюбопытствовалъ сравнить сочиненія, заслужившія наградъ въ Сорбоннѣ, начиная съ 1830 г. Эти сочиненія распредѣлены были по своему содержанію, между различными коммиссіями, и что же оказалось? Всѣ коммиссіи сошлись въ слѣдующемъ заключеніи: съ 1830 по 1840 г. происходили колебанія то вверхъ, то внизъ; съ 1841 по 1851 г. замѣтно значительное возвышеніе успѣховъ гимназическаго образованія по всѣмъ отраслямъ знанія; но съ 1852 по 1859 г., въ періодъ *бифуркаціи*, проявился общій упадокъ и не только по предметамъ, имѣющимъ прямое отношеніе къ древнимъ языкамъ, но и по естественнымъ наукамъ, которыя думали особенно развить стѣсненіемъ классическаго образованія. Такъ справедливо, что для процвѣтанія самихъ естественныхъ наукъ необходима та умственная зрѣлость, которую даетъ серіозное классическое образованіе въ гимназіяхъ.

Эта система *бифуркаціи*, введенная въ 1852 г., окончательно и безвозвратно осуждена во Франціи: она пала, какъ выразился министръ, при всеобщихъ рукоплесканіяхъ. Въ прошломъ году она была уничтожена уже въ шестомъ (считая снизу) классѣ гимназій, и осталось только для двухъ высшихъ; въ нынѣшнемъ году ожидаются свѣдѣнія отъ генеральныхъ инспекторовъ о томъ, не слѣдуетъ ли уничтожить ее и для втораго класса, а министръ народнаго просвѣщенія самымъ энергическимъ образомъ высказался вообще противъ нея и въ пользу возможно-большаго упрощенія гимназическаго ученія и экзаменовъ на степень баккалавра (соотвѣтствующихъ нашимъ выпускнымъ изъ гимназіи экзаменамъ). „Что касается до меня, сказалъ г. Дюрюи, я желалъ бы свести всѣ установленныя испытанія на эту степень къ одному: ученики должны удостовѣрить экзаменаторовъ только въ томъ, что они съ успѣхомъ изучали древніе языки. Декретъ 1808 года ничего болѣе и не требовалъ. Можетъ-быть, продолжалъ министръ, у насъ было бы меньше баккалавровъ, что̀ вовсе не было бы зломъ; но за то они были бы гораздо лучше, что̀ было бы великимъ благомъ, и различныя управленія, для поступ-

ленія въ которыя требуется этотъ дипломъ, имѣли бы въ немъ полное для себя обезпеченіе. Каждый такой дипломъ свидѣтельствовалъ бы, что училищное вѣдомство даровало обществу умъ широко развернувшійся, который будетъ для него новою силой и новымъ богатствомъ.“

На счетъ многоученія, которымъ такъ страдаютъ и наши гимназіи, г. Дюрюи высказался такъ: „Нѣкоторые умы, добросовѣстно изыскивавшіе истину, желали бы, чтобы воспитанникамъ нашихъ лицеевъ (гимназій) преподавали все что въ природѣ или въ мірѣ промышленности представляется интереснаго, начиная съ привлекательныхъ подробностей нѣкоторыхъ наукъ и кончая любопытными пріемами нѣкоторыхъ отраслей производства. Но это требованіе обнаруживаетъ непониманіе возвышеннаго характера гимназическаго образованія. Въ дѣлѣ обще-человѣческаго образованія слѣдуетъ избѣгать безплоднаго многоученія, и идти гораздо болѣе въ глубину чѣмъ въ ширину. Будемъ тщательно устранять отъ нашихъ лицеевъ (гимназій) тѣ занятія, которыя имѣютъ дѣло только съ памятью или удовлетворяютъ только любопытству, оставляя умъ въ томъ же положеніи, въ какомъ они нашли его.“

Въ нынѣшнемъ году, по всему вѣроятію, *бифуркація* будетъ отмѣнена въ предпослѣднемъ классѣ лицеевъ. *La Presse* порицаетъ министра за излишнюю постепенность въ этой реформѣ. Къ спеціяльнымъ школамъ, требуемымъ преимущественно военною службою, молодые люди могли бы подготовляться въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а училищное вѣдомство должно имѣть въ виду только образованіе будущихъ людей науки. Неизвѣстность, когда же наконецъ исчезнутъ послѣдніе остатки *бифуркаціи*, по словамъ *la Presse*, тяготитъ отцовъ семействъ. Послѣдній срокъ ей наступитъ повидимому въ 1866—67 учебномъ году. Министръ въ своей рѣчи предвозвѣстилъ ея конецъ. Наша Франція, сказалъ г. Дюрюи, не хочетъ приникнуть долу какъ Китай, гдѣ матеріяльная цивилизація получила высокое развитіе, но гдѣ нѣтъ духа чистаго знанія. „Она хочетъ смотрѣть вверхъ, а потому мы сохранимъ за нашимъ *классическимъ* лицеемъ духъ чистаго знанія, служащій къ образованію возвышенныхъ и могущественныхъ умовъ, въ которыхъ нуждается наша страна, чтобъ идти впередъ, а прикладныя свѣдѣнія мы предоставимъ особымъ школамъ, въ которыхъ будутъ получать образованіе промышленники, земледѣльцы и торговцы.“ Слава Богу, что наконецъ и у насъ будутъ настоящія *классическія* гимназіи, такъ какъ и мы, не менѣе, если не болѣе Франціи, нуждаемся въ умахъ возвышенныхъ и могущественныхъ, чтобы дѣйствительно идти впередъ, а не празднословить о прогрессѣ.

Но есть ли хоть одна цивилизованная страна въ Европѣ, которая не нуждалась бы въ такихъ умахъ и въ классическомъ образованіи, такъ могущественно содѣйствующемъ ихъ развитію? Кстати вотъ недавнее циркулярное предписаніе прусскаго министра народнаго просвѣщенія. Въ немъ вмѣняется въ обязанность директорамъ гимназій въ отчетахъ за 1862, 1863 и 1864 годы обратить особенное вниманіе на то, въ какой мѣрѣ въ высшихъ классахъ гимназій развито чтеніе греческихъ и латинскихъ классиковъ, которое, по словамъ министра, не должно быть отрывочное, а должно живо вводить учащееся юношество въ духъ классической древности. Придавая надлежащую цѣну медленному (статарному) чтенію и критическому толкованію древнихъ авторовъ, а также и писанію греческихъ сочиненій, министръ желалъ бы съ тѣмъ вмѣстѣ, чтобы воспитанники высшихъ классовъ какъ можно больше прочитывали изъ древнихъ классическихъ сочиненій.

Будемъ твердо надѣяться, что и для нашихъ дѣтей наступитъ, наконецъ, пора серіознаго, классическаго образованія, которое несомнѣнно окажетъ на нихъ благотворное вліяніе и въ нравственномъ отношеніи.

№ 173.

Москва, 5-го августа.

Кіево-Одесская дорога считалась уже дѣломъ рѣшеннымъ, когда вторично возникъ вопросъ, не слѣдуетъ ли связать Одессу прежде съ Кременчугомъ и Харьковомъ чѣмъ съ Кіевомъ. Въ ряду возраженій противъ соединенія Одессы съ Кіевомъ особенное вниманіе обращено было на то, что Кіевъ отнюдь не желательно связывать съ Одессой, пока онъ не связанъ съ Москвой. Въ пользу этого соображенія было указываемо не только на политическіе, но и на экономическіе интересы. Дѣйствительно нельзя отрицать, что

желѣзная дорога изъ Кіева въ Одессу вызвала бы новыя тяготѣнія въ юго-западномъ краѣ, и что эти тяготѣнія повели бы къ ослабленію связей его съ центральною Россіей. Существующія теперь торговыя сношенія Кіева съ Москвой почти совсѣмъ прекратились бы и въ послѣдствіи, когда была бы проведена желѣзная дорога изъ Кіева въ Москву, пришлось бы возстановлять эти связи, а это не обошлось бы безъ потерь для торговли, которой вообще чрезвычайно невыгодно мѣнять свои привычные пути. Все это совершенно вѣрно, но все это имѣетъ силу только относительно того вывода, что Кіевъ долженъ быть одновременно связанъ и съ Москвой, и съ Одессой. Если же на этихъ соображеніяхъ основывать заключеніе, что Одессу слѣдуетъ связать прежде всего не съ Кіевомъ, а съ Буковиной на западѣ и съ Харьковомъ на востокѣ, то эти соображенія утрачиваютъ всю свою силу. Правильная политика, а также и правильный экономическій разчетъ равно требуютъ, чтобы соединеніе Кіева съ Москвой и съ Одессой произошло одновременно, ибо иначе послѣдовало бы неблагопріятное для Россіи перемѣщеніе тяготѣній, которыми мы обязаны дорожить. По какими умозаключеніями можно изъ этого вывесть, что Кіевъ долженъ остаться внѣ сѣти, осуществимой въ ближайшее время? Кіевъ есть твердыня Россіи, коренной русскій городъ, который никогда не перестанетъ быть русскимъ городомъ и главною опорой Россіи въ югозападномъ краѣ. Возвышеніе Кіева именно потому и нужно, что это городъ безспорно русскій и что въ тоже время къ нему безспорно тяготѣетъ весь югозападный край. Связать такой городъ съ Москвой значитъ усилить въ немъ то что уже и безъ того сильно, что уже и теперь составляетъ силу Россіи,—значитъ придать Россіи новое могущество. Есть ли смыслъ оставлять такой городъ внѣ сѣти желѣзныхъ дорогъ, изъ опасенія, чтобъ онъ не утратилъ того характера, которымъ теперь отличается? Русскіе люди не дорожили бы такъ Кіевомъ, еслибы сомнѣвались въ томъ, что принадлежность его Россіи есть нѣчто нераздѣльное съ существованіемъ русскаго народа. Свяжите Кіевъ съ Одессой прежде нежели съ Москвой, Россія потеряетъ много въ своемъ могуществѣ и благосостояніи, но будьте увѣрены, что она не потеряетъ Кіева. Нѣтъ той силы и нѣтъ той интриги, которыя могли бы вырвать Кіевъ у Россіи, пока существуетъ на свѣтѣ русскій народъ. Повторяемъ: только потому что русскіе люди такъ смотрятъ на Кіевъ, только потому онъ и дорогъ имъ. Не изъ опасенія за Кіевъ не слѣдуетъ связывать его съ Одессой прежде чѣмъ съ Москвою, а изъ того опасенія, что въ такомъ случаѣ Россія лишила бы себя возможности вполнѣ воспользоваться значеніемъ Кіева, этого несокрушимаго оплота ея на юго-западѣ

Представимъ себѣ, что Одесса будетъ связана не съ Кіевомъ, а съ Харьковомъ. Что тогда будетъ? Вопервыхъ желѣзная дорога на Харьковъ пошла бы отъ Балты до Елизаветграда степью почти не населенною. Затѣмъ она направилась бы на Кременчугъ, Полтаву и Харьковъ. Много ли бы выигралъ отъ этого Харьковъ? Полагаемъ, что очень мало. Этотъ городъ есть въ сущности не болѣе какъ рынокъ Москвы. Теперешнее значеніе его связано съ нашимъ покровительственнымъ тарифомъ. Интересы такого города требуютъ, чтобы въ виду этого искусственнаго условія его благосостоянія было обращаемо преимущественное вниманіе на тѣ естественныя условія, которыми онъ пользуется, и которыя не могутъ быть отняты у него безъ какихъ-нибудь искусственныхъ мѣръ. Такія естественныя условія есть въ Харьковѣ: они заключаются въ промежуточномъ положеніи его между Кіевомъ съ одной стороны и азовскими портами съ другой. Теперь для Харькова портомъ служитъ не Одесса, а Таганрогъ и Ростовъ-на-Дону. Отвлекать Харьковъ отъ этихъ городовъ и искуственно притягивать его къ Одессѣ, значитъ нарушать естественныя условія его существованія,—нарушать ихъ безъ всякой нужды и пользы. Еще можно было бы ожидать выгоды отъ дороги изъ Харькова въ Одессу, если бы торговля его съ Таганрогомъ и Ростовомъ-на-Дону условливалась теченіемъ какой-нибудь большой рѣки; тогда можно было бы сказать, что желѣзная дорога проложитъ новый путь къ порту болѣе выгодному. Но, какъ извѣстно, никакой рѣки не течетъ изъ Харькова къ Азовскому морю, и потому невозможно полагать, чтобы для Харькова оказалось выгоднѣе торговать съ Одессой чѣмъ съ азовскими портами. Эта выгодность можетъ быть только временная, искусственно вызванная проведеніемъ желѣзной дороги изъ Харькова

на Кременчугъ и Балту, но нѣтъ сомнѣнія, что эта дорога должна будетъ сильно пострадать въ послѣдствіи когда будетъ построена дорога изъ Харькова къ Ростову. Въ результатѣ получится только временное перемѣщеніе торговыхъ сношеній, перемѣщеніе, какъ сказано выше, всегда раззорительное для торговли. Въ интересахъ Харькова прежде всего желательна дорога къ Ростову, за тѣмъ дорога къ Александровскому на югъ и наконецъ дороги на западъ въ сторону Ромна по направленію къ Кіеву. Если что можетъ упрочить будущность Харькова, то именно эти три дороги; даже путь на Москву менѣе нуженъ, такъ какъ изъ Москвы идутъ въ Харьковъ товары не громоздкіе, и такъ какъ Харьковъ уже соединенъ съ Москвой шоссейнымъ путемъ.

Взглянувъ на одесско-харьковскую дорогу съ точки зрѣнія Одессы, мы также придемъ къ заключенію о существенныхъ неудобствахъ этой линіи. Она ни въ какомъ случаѣ не можетъ имѣть такого значенія, какъ путь изъ Одессы къ австрійской черновицкой желѣзной дорогѣ, путь, которымъ медлить никакъ нельзя, если мы не хотимъ уступить значительную часть одесской торговли Галацу. Мы вправѣ поэтому полагать, что вѣтвь отъ Одессы къ Буковинѣ должна быть построена въ скоромъ времени. Но въ такомъ случаѣ несомнѣнно, что Одесса будетъ гораздо тѣснѣе связана съ Буковиной нежели съ Кременчугомъ, куда желѣзная дорога пойдетъ по мѣстностямъ мало населеннымъ. Того ли слѣдуетъ желать для Одессы? Защитники направленія на Балту и Кременчугъ выставляютъ на видъ необходимость соединить Одессу съ центральною Россіей, но предлагая путь на востокъ, по которому движеніе должно быть сравнительно слабо, и вмѣстѣ съ тѣмъ зная что кромѣ этого пути непремѣнно долженъ быть построенъ другой путь изъ Одессы на западъ, по которому движеніе должно быть весьма сильно, какъ не замѣчаютъ они, что результаты ихъ предложенія должны идти прямо поперекъ ихъ цѣли? Если Одесса будетъ имѣть двѣ дороги, одну къ Буковинѣ, другую къ Кременчугу, то нѣтъ сомнѣнія, что значеніе первой изъ этихъ двухъ дорогъ будетъ гораздо важнѣе чѣмъ значеніе второй, и что Одесса будетъ имѣть гораздо болѣе дѣлъ съ Днѣстромъ и Буковиной чѣмъ съ Днѣпромъ и внутреннею Россіей. Нѣтъ, желѣзная дорога соединяющая Одессу съ внутреннею Россіей, должна идти не новороссійскими степями, а богатыми, благословенными мѣстностями Подольской и Кіевской губерніи, захватывая на пути и Бердичевъ, какъ весьма важный торговый пунктъ.

Но не въ этомъ еще заключается главное неудобство линіи на Балту и Кременчугъ. Предпринять ея построеніе было бы потому особенно пагубно, что это значило бы отстрочить на неопредѣленное время соединеніе Кіева съ Москвой и Харьковомъ. Разсуждая о сѣти желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, прежде всего надобно имѣть въ виду, что нельзя разомъ браться за нѣсколько линій. Выбирая линію менѣе важную, вы тѣмъ самымъ отстрочиваете построеніе линіи болѣе важной. Проводя дорогу по степямъ между Балтой и Елизаветградомъ, вы тѣмъ самымъ лишаете себя возможности своевременно провести дорогу по мѣстностямъ населеннымъ и богатымъ произведеніями природы. Пока мы будемъ строить дорогу изъ Москвы на Харьковъ, а изъ Харькова на Кременчугъ и Балту къ Одессѣ, намъ невозможно будетъ и помышлять о желѣзной дорогѣ, соединяющей Орелъ съ Кіевомъ. Еще болѣе: тогда придется совсѣмъ отказаться отъ этой мысли, и рѣшиться на соединительную вѣтвь между Курскомъ и Кіевомъ, которая отдалитъ Кіевъ отъ Москвы, Нижняго и Петербурга на сто верстъ,—то-есть придется рѣшиться на такое соединеніе Москвы съ Кіевомъ, отъ котораго нельзя ожидать значительныхъ послѣдствій. Но и этого мало. Прежде нежели окажется возможность приступить къ построенію этой мало привлекательной вѣтви изъ Курска въ Кіевъ, нельзя будетъ не соединить Кіевъ хоть съ Днѣстромъ, если не съ Одессой. Ужь теперь рѣчь идетъ о дорогѣ изъ Кіева въ Ямполь, а пройдетъ нѣсколько лѣтъ, и жалобы Кіевской губерніи на недостатокъ сбыта принудятъ къ сооруженію этой дороги. Такимъ образомъ окажется необходимость вести изъ Кіева дорогу на югозападъ, не дожидаясь того времени, когда можно будетъ приняться за построеніе вѣтви изъ Кіева къ Москвѣ.

Что̀ можетъ быть хуже такого исхода? Одесса привязанная къ Буковинѣ, Кіевъ прицѣпленный къ Ямполю!

Повторяемъ; не можетъ быть спора, что Кіевъ слѣдуетъ связать съ Москвой не

позже чѣмъ съ Одессой. Но изъ этого безспорнаго положенія есть единственный вѣрный выводъ: надобно строить дорогу изъ Москвы на Орелъ въ Кіевъ, и надобно торопиться этою постройкой; вмѣстѣ съ тѣмъ надобно строить дорогу изъ Одессы на Бердичевъ въ Кіевъ. Только такимъ образомъ можно избѣжать несомнѣнныхъ неудобствъ соединенія съ Одессой Кіева, еще не связаннаго съ Москвой. Другаго не только выгоднаго, но даже безвреднаго исхода не представляется.

№ 174.

Москва, 7-го августа.

И французскіе, и нѣмецкіе публицисты преподаютъ намъ уроки политической мудрости. Кое-что имъ не нравится, кое-что имъ очень нравится у насъ: своими похвалами и своими порицаніями, они повидимому желали бы проложить наилучшее русло теченію нашей политики. Нельзя достойно возблагодарить нашихъ доброжелателей за ихъ заботы о нашихъ дѣлахъ. Въ самомъ дѣлѣ, намъ, новичкамъ въ европейской цивилизаціи, не худо прислушиваться къ урокамъ политической мудрости, выработанной европейскими народами и составляющей силу ихъ цивилизаціи. Мы не можемъ не принять къ полному свѣдѣнію такого могущественнаго факта какъ Европа съ ея цивилизаціею и системою ея государствъ,—Европа, въ составъ которой входитъ и Россія какъ одна изъ ея великихъ державъ; мы, конечно, всячески должны стараться ввести этотъ фактъ въ кругъ нашихъ понятій и овладѣть имъ. Но для этого намъ вовсе не требуется прислушиваться къ тому что̀ говорятъ о насъ извѣстные или неизвѣстные господа на европейскихъ рынкахъ; вообще намъ требуется знать не столько то что̀ говорится въ Европѣ, сколько то что̀ въ ней дѣлается. Мало ли что̀ говорится на свѣтѣ, а особенно въ Европѣ гдѣ все говоритъ и все говорится? Если полезно отдавать себѣ отчетъ въ томъ что̀ дѣлается на свѣтѣ и особенно въ вомъ что̀ дѣлается въ странахъ стоящихъ во главѣ цивилизаціи; если полезно и достойно изучать условія и законы существующаго, если такимъ изученіемъ просвѣщается и обогащается разумъ и пріобрѣтается мудрость: то, на оборотъ, прислушиваться къ чужимъ толкамъ и подчиняться совѣтамъ, которые подаются кѣмъ попало со стороны, и опасно, и недостойно. О томъ чего стоятъ подобные совѣты сложенъ старый апологъ о крестьянинѣ, который выѣхалъ на рынокъ на ослѣ, а кончилъ тѣмъ, что взвалилъ себѣ осла на плечи.

Итакъ, намъ нечего знать что̀ думаетъ такой-то господинъ Французъ или такой-то господинъ Нѣмецъ о наилучшей возможной политикѣ въ Россіи; но намъ, безъ сомнѣнія, интересно знать, какой политики слѣдуетъ въ своихъ дѣлахъ, напримѣръ, Франція или Пруссія. Французъ или Нѣмецъ, желающій поучать насъ, пусть укажетъ намъ на Францію, пусть укажетъ намъ на Пруссію. Слова сами по себѣ не имѣютъ никакой силы; слова почерпаютъ свою силу въ дѣлѣ. Поучительны не слова, поучителенъ примѣръ. Итакъ, пусть Французъ укажетъ намъ на Францію, пусть Нѣмецъ укажетъ намъ на свои германскія государства: мы можетъ-быть въ томъ или другомъ не согласимся съ ними, но мы поймемъ и оцѣнимъ ихъ искренность, мы поймемъ и оцѣнимъ честность ихъ слова. Впрочемъ, быть-можетъ, иностранный мудрецъ предлагающій намъ совѣты недоволенъ ходомъ дѣлъ въ своей странѣ? Быть-можетъ, путемъ свободнаго мышленія этотъ Французъ или этотъ Нѣмецъ дошли до такихъ воззрѣній, которыя несогласны съ ходомъ дѣлъ въ ихъ *респективныхъ* отечествахъ? Въ такомъ случаѣ, тотъ и другой поступятъ разумно, если прежде обратятся съ своими уроками къ собственному народу, и прежде попытаются переиначить политику собственной страны, а потомъ уже отнесутся къ краямъ отдаленнымъ и чуждымъ. Въ самомъ дѣлѣ, не безсмысленно ли предполагать, чтобы Нѣмецъ сталъ хлопотать объ улучшеніи внутренней политики въ чужой странѣ, которой онъ не знаетъ и въ дѣлахъ которой не можетъ принимать непосредственное участіе, между тѣмъ какъ въ его собственномъ отечествѣ, тамъ гдѣ онъ живетъ и дѣйствуетъ, гдѣ его слово можетъ имѣть практическое значеніе и силу, господствуетъ именно то самое что̀ ему не нравится? Статочное ли дѣло, чтобы какой-нибудь нѣмецкій публицистъ, убѣжденный въ несостоятельсти и негодности національной политики вообще, сталъ ополчаться противъ ея развитія въ Россіи и оставался

безмолвнымъ зрителемъ этого бѣдствія въ своемъ отечествѣ? Если же Нѣмецъ не только терпитъ, но и признаетъ за благо національную политику въ Германіи, а вооружается противъ примѣненія этой политики въ Россіи, то что же можетъ значить это какъ не то, что нашимъ совѣтчикамъ желательно или выгодно, чтобы дѣла у насъ шли какъ можно хуже?

Какъ идутъ дѣла во Франціи, какъ идутъ дѣла въ Пруссіи? Обѣ эти страны, безспорно, принадлежатъ къ самымъ цивилизованнымъ, и примѣръ ихъ во всякомъ случаѣ очень интересенъ. Возможное ли дѣло, чтобы во Франціи или въ Пруссіи инородцы, вошедшіе въ государственную область этихъ странъ, оставались чужды господствующему народу, гордились этимъ отчужденіемъ и не желали имѣть съ нимъ ничего общаго? Извѣстно, что во Франціи есть цѣлыя области, присоединенныя мечомъ и искони заселенныя народомъ иного племени: такъ Лотарингія была страною искони нѣмецкою, но извѣстно также, что во всей Франціи въ настоящее время нѣтъ народонаселенія болѣе французскаго, какъ потомки нѣмецкихъ обитателей Лотарингіи. Извѣстно, что Франція въ настоящее время владѣетъ значительной окраиной, сплошь и рядомъ заселенною Нѣмцами и также присоединенною силою меча, — мы говоримъ объ Эльзасѣ, — и извѣстно также, что хотя въ этой части Франціи еще держится въ простомъ народѣ искаженная нѣмецкая рѣчь, однако во Франціи нѣтъ болѣе ревностныхъ Французовъ какъ эти эльзасскіе Нѣмцы, которыхъ ничѣмъ такъ нельзя оскорбить какъ названіемъ Нѣмцевъ. Любопытно вникнуть, почему эльзасскіе Нѣмцы такъ гордятся званіемъ Французовъ, такъ стараются быть Французами, и дѣйствительно составляютъ живую и неотъемлемую часть французскаго народа. Не потому ли это, что обѣ народности, и французская, и нѣмецкая, слишкомъ родственны между собою, слишкомъ созвучны по своему характеру? Нѣтъ, мы знаемъ, что это двѣ самыя антипатическія между собою народности, и что между французскимъ и нѣмецкимъ языками нѣтъ ничего общаго, также какъ нѣтъ ничего общаго между французскимъ и нѣмецкимъ обычаемъ, какъ нѣтъ ничего созвучнаго между французскимъ и нѣмецкимъ характеромъ. Но можетъ-быть инородческій элементъ здѣсь принадлежитъ къ національности слабой и темной, къ племени лишенному культуры? Нѣтъ, нѣмецкая народность есть народность образованная и прогрессивная; своею культурой она не только не уступаетъ французской, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и превосходитъ ее. Быть-можетъ, порядки во Франціи были очень хороши и привлекательны? Нѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ этотъ край присоединенъ къ Франціи, порядки въ ней измѣнялись безпрерывно: значитъ не были хороши и привлекательны. Быть-можетъ французское общество, движимое личною и коллективною энергіей, употребляло всевозможныя усилія, чтобы ассимилировать этотъ чуждый элементъ? Нѣтъ, французское общество никогда не отличалось самодѣятельностію, частною предпріимчивостію и силою колонизаціи; во Франціи, какъ извѣстно, все поглощалось правительственною организаціей, всегда и за все отвѣчало правительство, всегда и все дѣлалось правительственными способами. Въ фактѣ усвоенія нѣмецкихъ элементовъ французскому народу нисколько не участвовало то что называется свободною общественною дѣятельностію, въ отличіе отъ дѣятельности правительственной. Что же было виною этого полнаго сліянія съ французскимъ народомъ присоединенныхъ къ нему нѣмецкихъ народонаселеній? Что причиною тому, что эльзасскій Нѣмецъ изъ всѣхъ силъ бился и изъ всѣхъ силъ бьется, чтобъ уподобиться Французу, и быть истымъ Французомъ? Причиною тому лишь одно обстоятельство, именно то, что нѣмецкія народонаселенія, вошедшія въ государственную область французскаго народа, должны были естественно почесть своимъ отечествомъ Францію, должны были естественно признать себя Французами. Нѣмецкія народонаселенія, входя въ государственный составъ Франціи eo ipso становились французскими, и правительство Франціи ничего другаго не дѣлало какъ только признало этотъ фактъ во всей его истинѣ и силѣ. Къ своимъ новымъ подданнымъ оно отнеслось какъ къ Французамъ, и его новые подданные поспѣшили сравняться съ Французами. Французское правительство не имѣло надобности притѣснять или насиловать ихъ: оно только не ставило ихъ въ исключительныя отношенія къ себѣ, и они сами собою стали Французами. Во Франціи смѣнялись всевозможныя формы правленія; Франція была и аб-

солютною монархіей, и республикой, и военною диктатурой подъ именемъ имперіи, и конституціонною монархіей съ династіей навязанною иностраннымъ вмѣшательствомъ, и конституціонною монархіей съ династіей вышедшею изъ революціи, и снова стала военною диктатурой; въ теченіе этого короткаго времени она пережила много переворотовъ, видѣла много торжествъ и паденій; но никогда, ни въ какомъ случаѣ, ни въ какомъ положеніи, ни при какой перемѣнѣ, французское правительство въ чьихъ бы рукахъ оно ни находилось, не переставало быть французскимъ; какъ бы оно ни дѣйствовало въ другихъ отношеніяхъ, оно всегда дѣйствовало какъ правительство французское, и никогда не было ни бретонскимъ, ни эльзасскимъ, и т. п., и не было также отвлеченнымъ не имѣющимъ никакой національности принципомъ власти. Оно считало бы для себя безславіемъ, еслибы въ томъ или другомъ положеніи оно могло показаться не французскимъ. И потомокъ Людовика Святаго на тронѣ Франціи, и счастливый солдатъ овладѣвшій французскою короной, и демагогъ, и конституціонный министръ, и каждый органъ власти сверху до низу правительственной іерархіи,—все что во Франціи имѣло какую-нибудь силу и долю вліянія, все всегда чувствовало себя французскимъ, все держало высоко знамя французской національности. А потому, и изъ новоприсоединенныхъ элементовъ все что хотѣло получить значеніе, все что хотѣло дѣйствовать и имѣть силу, старалось прежде всего о томъ, чтобы стать несомнѣнно французскимъ. Инородецъ здѣсь не хочетъ быть инородцемъ; онъ гордится званіемъ Француза, и чувствуетъ себя оскорбленнымъ и униженнымъ ужь конечно не тогда, когда его приравниваютъ къ господствующей народности, а напротивъ, когда между имъ и Французомъ дѣлается различіе. Въ своихъ новопріобрѣтенныхъ владѣніяхъ Франція не принимала какихъ-либо насильственныхъ мѣръ для искорененія или подавленія инородческихъ національностей, не запрещала говорить и писать на нѣмецкомъ языкѣ въ Эльзасѣ, какъ не запрещаетъ говорить и писать на италіянскомъ языкѣ въ Ниццѣ, какъ не запрещаетъ говорить и писать на какомъ угодно языкѣ во всѣхъ пунктахъ своей территоріи. Но за то она сама не хочетъ знать иного языка кромѣ французскаго, то-есть ея правительство не признаетъ на всей ея землѣ никакой другой народности кромѣ французской, ибо языкъ и народность одно и то же. Въ ея судахъ, въ ея администраціи, въ школахъ содержимыхъ правительствомъ, господствуетъ одинъ языкъ—французскій, то-есть, одна народность—французская. Только тѣмъ, что правительство французское всегда было несомнѣнно и исключительно французскимъ, объясняется эта могущественная сила уподобленія, которую французскій народъ оказывалъ на всѣ чуждые элементы, входившіе въ его государственную область. Въ этомъ неизмѣнномъ національномъ свойствѣ французскаго правительства заключается корень величія и славы этой страны, корень ея цивилизаціи и развитія. Этимъ свойствомъ искупаетъ она все то что въ другихъ отношеніяхъ внутренняя политика ея представляла или представляетъ дурнаго и недостаточнаго. Эта неизмѣнная національность французскаго правительства, въ чьихъ бы рукахъ оно ни находилось, спасала Францію отъ всѣхъ бѣдъ; оно сообщило французской націи ея несокрушимость. Франціи не нужно обнажать мечъ для того чтобъ удерживать за собою ту или другую область, какимъ бы племенемъ ни была заселена она первоначально. Франція, благодаря національности своей политики и полному уравненію предъ собою всѣхъ народонаселеній своей земли, никогда не знала язвы сепаратизма; при всѣхъ потрясеніяхъ и смутахъ, которымъ она подвергалась въ борьбѣ за власть между разными партіями, ни одна часть ея владѣній не стремилась отторгнуться отъ ней, никогда на ея окраинахъ не обнаруживалось ни малѣйшихъ признаковъ разложенія. Что бы ни подвергалось спору въ этой странѣ, никогда ни въ одной ея части, не подвергалась спору французская національность. Французскіе порядки не всегда были хороши, и они часто измѣнялись при большихъ или меньшихъ потрясеніяхъ; но ни одна часть французскихъ владѣній не стремилась пріобрѣсти какое-либо исключительное отношеніе къ французскому правительству, и тѣмъ отдѣлиться отъ французскаго народа. Обитатели Эльзаса, точно также какъ обитатели Бретони или Нормандіи, участвовали во всѣхъ событіяхъ, постигавшихъ Францію, во всѣхъ переворотахъ, которые она испытывала; но вездѣ и всегда участвовали они

какъ Французы, въ интересахъ цѣлаго. Никто не скажетъ чтобы Франція поступала жестоко относительно инородческихъ элементовъ, которые она присоединяла къ себѣ: напротивъ, она не дѣлала между ими и собою никакого различія, она принимала ихъ какъ своихъ дѣтей, и тѣмъ дѣйствительно дѣлала ихъ навсегда своими вѣрными дѣтьми. Новыя народонаселенія, входя органически въ составъ господствующаго народа, и совершенно усвояясь ему, вносили съ собою новые творческіе элементы въ его жизнь, новые особенности въ его геній, и такимъ образомъ служили къ обогащенію великой исторической національности, а съ тѣмъ вмѣстѣ къ обогащенію всемірнаго прогресса. Съ другой стороны, эти присоединившіяся къ Франціи иноплеменныя народонаселенія, вступивъ разъ навсегда въ полное органическое единство съ французскимъ народомъ, ставъ дѣтьми французской земли, ставъ Французами, избавились отъ того двусмысленнаго положенія, въ какомъ неизбѣжно должны находиться области механически присоединенныя къ государству, удерживающія свою инородческую національность, связанныя съ господствующимъ народомъ общею властію, но внутренно чуждыя ему, и обреченныя на мучительное чувство неполнаго существованія,—существованія отравленнаго, раздраженнаго, озлобленнаго. Всякой народности болѣе или менѣе свойственно стремленіе къ самостоятельному политическому существованію; всякая народность хочетъ имѣть свое правительство, свою власть, свое государство. Принадлежать къ государству другаго народа, не сливаясь съ нимъ внутренно и удерживая свою инородческую особенность, — такое состояніе столько же мучительно для инородцевъ, сколько опасно для государства, къ которому они механически примкнуты. Историческій жребій, присудившій одной національности войдти въ государственную область другой, совершается хорошо, когда совершается рѣшительно; въ противномъ случаѣ, онъ превращается въ источникъ проклятій, страданій и бѣдствій. Если бы присоединеніе одной народности къ государственной области другаго народа было сопряжено для нея съ страданіемъ и чувствовалось какъ бѣдствіе въ поколѣніи застигнутомъ катастрофой, то ни съ какой точки зрѣнія невозможно желать чтобъ эти страданія увѣковѣчились и простерлись на всѣ грядущія поколѣнія. Если жребій исторіи рѣшилъ присоединеніе какихъ-либо инородческихъ народонаселеній къ другому государству, то столько же въ интересѣ государства, сколько и въ интересѣ этихъ присоединенныхъ элементовъ, а равно и въ интересѣ человѣчества, требуется чтобы соединеніе было полное и искреннее. Живая историческая національность ни изъ чего другаго такъ не познается, какъ изъ силы органическаго уподобленія элементовъ вступающихъ въ сферу ея дѣйствія. Эта сила уподобленія, свойственная живой національности, главнымъ образомъ знаменуется національностію правительства, національностью его политики, которая не дѣлаетъ различія между какими-либо инородческими элементами и господствующимъ народомъ.

Главною причиною того рода бѣдствій, которыя испытала Ирландія былъ духъ религіозной вражды, примѣшавшійся къ политикѣ, та ожесточенная и упорная борьба, которую выдерживалъ въ Англіи протестантизмъ противъ папизма. Ирландія страдала, потому что, вслѣдствіе религіозныхъ причинъ, ее упорно держали въ униженномъ и отчужденномъ состояніи. Но антагонизмъ ослабѣвалъ и терялъ значеніе по мѣрѣ того какъ исчезало различіе между подданными одной короны, призванными жить одною историческою жизнію. Призракъ особой національности пораждался въ Ирландіи не воспоминаніями ея прошлой независимости; напротивъ, эти воспоминанія сами гальванизировались тѣмъ неполноправіемъ и униженнымъ состояніемъ, въ которомъ держала ее Англія, не давая ей слиться съ собою. Здѣсь мы видимъ примѣръ пагубной поддержки національнаго чувства въ присоединенной странѣ уничиженіемъ ея предъ господствующею народностію; въ другихъ мѣстахъ мы можемъ видѣть примѣры подобной поддержки въ силу преимуществъ, получаемыхъ предъ господствующею народностію присоединенными къ ея государственной области обрывками другихъ національностей. И та и другая система, полагая рознь между господствующею народностію и присоединенными къ ней элементами, вредны и пагубны, съ тою только разницей, что система уничиженія представляетъ менѣе неблагопріятную перспективу въ будущемъ: она есть только выраженіе политики до излишества національной, и какъ все доведенное до

излишества, наносящей вредъ самой себѣ; будучи злоупотребленіемъ религіозной страсти, какъ это было въ протестантской Англіи по отношенію къ католической Ирландіи, такое положеніе дѣлъ подлежитъ исправленію, и съ умиротвореніемъ возбужденныхъ страстей для угнетеннаго края наступаютъ лучшія времена.

Мы говорили о національной политикѣ Франціи; взглянемъ теперь на Германію. Въ Германіи національное чувство было ничтожно до той поры, пока ея государства не возобладали надъ иноплеменными элементами, и не усвоили ихъ германской народности. Пруссія главнымъ образомъ состоитъ изъ народонаселеній не германскаго племени, но ставшихъ безвозвратно нѣмецкими. Не только Восточная и Западная Пруссія, не только Силезія, но и Померанія и Бранденбургъ, гдѣ стоитъ столица Прусскаго королевства, все это было когда-то заселено разными славянскими и литовскими племенами, и самое имя Пруссіи есть имя той вѣтви литовскаго племени, которая нѣкогда жила въ восточныхъ частяхъ этого королевства. Теперь этихъ славянскихъ и литовскихъ племенъ почти не существуетъ въ Пруссіи. Самая Познань, недавнее пріобрѣтеніе Пруссіи, стала уже почти нѣмецкимъ краемъ, и была бы окончательно нѣмецкимъ, еслибы не сосѣдство съ созданнымъ Россіей Царствомъ Польскимъ. Гдѣ дѣвались эти племена, заселявшія нѣкогда страны, составляющія нынѣшнее Прусское королевство? Были ли тѣ иноплеменные люди, которые обитали въ этихъ мѣстахъ, посѣчены мечомъ или изгнаны жестокими побѣдителями? Нѣтъ, всѣ эти народонаселенія остались на своихъ мѣстахъ, но власть, которая водворилась здѣсь, была власть нѣмецкой народности, и она оставалась такою не только въ отношеніи къ собственно нѣмецкимъ народонаселеніямъ, водворившимся вмѣстѣ съ нею въ этихъ странахъ, но равно и къ племенамъ славянскимъ и литовскимъ, сидѣвшимъ тутъ изначала. Мы не знаемъ въ какой мѣрѣ было тяжело этимъ племенамъ подчиниться чуждой, водворившейся между ними власти; но мы знаемъ, что массы нынѣ живущихъ потомковъ этихъ племенъ видятъ въ ней свою родную власть и чувствуютъ себя вполнѣ нѣмецкими. Въ цѣлой Германіи нѣтъ, безъ сомнѣнія, элементовъ болѣе нѣмецкихъ, чѣмъ обитатели Помераніи, Бранденбурга и другихъ провинцій королевства Прусскаго, которыя въ прежнія времена были заселены не германскими народностями. Пусть взглянутъ на области самого Прусскаго королевства и сравнятъ духъ обитателей ея восточныхъ областей усвоенныхъ Германіи, съ духомъ обитателей ея западныхъ предѣловъ, искони германскихъ: въ этихъ послѣднихъ, на Рейнѣ, чувство германской народности несравненно слабѣе чѣмъ въ первыхъ,— и, конечно, не на Рейнѣ находится центръ тяжести германскаго могущества. Обитатели лѣваго берега Рейна были не далеки отъ того чтобы сдѣлаться Французами, а въ тѣхъ частяхъ Пруссіи, гдѣ германская національность доказала свою энергію уподобленіемъ себѣ чуждыхъ племенъ, преимущественно развился тотъ духъ, который далъ германской народности высшее политическое значеніе. Еслибы на окраинахъ Германіи, въ силу уподобленія чуждыхъ элементовъ, не развился этотъ духъ, то германская народность оставалась бы въ томъ безсильномъ состояніи, лишенномъ чести и достоинства, о которомъ исторія даетъ еще столь недавнее свидѣтельство. Такъ справедливо, что сила органическаго уподобленія (которою въ высокой степени обладаетъ русскій народъ, о чемъ свидѣтельствуетъ его до-Петровская исторія), условливаетъ достоинство національности и даетъ ей мѣсто во всемірно-историческомъ развитіи!

Теперь спрашивается, что было бы съ этими окраинами нынѣшней Германіи, которыя въ прежнія времена были заселены чуждыми нѣмецкому корню племенами,— что было бы съ этими странами, еслибы водворившееся въ нихъ германское начало не обладало достаточною ассимилирующею силой, другими словами, если бы политика германской власти въ этихъ мѣстахъ не была достаточно національною? Сила ли была бы въ этихъ мѣстахъ, или напротивъ жалкое безсиліе, пагубное для Германіи и мучительное для чуждыхъ племенъ, захваченныхъ ею, но неусвоенныхъ ея духу и ея языку? Не представляли ли бы эти мѣста позорище безславія и страданій, позорище событій, которыя обращались бы въ скорбь человѣчеству, въ ущербъ цивилизаціи, въ проклятіе для безчисленныхъ поколѣній людей? Попытайте теперь какого-нибудь *Herrn Wilkow*, то-есть г. Волкова, родомъ откуда-нибудь изъ Помераніи, то-есть изъ давняго славянскаго *По-*

морья: вы найдете въ немъ кореннаго германца, и ни въ одномъ изгибѣ его души вы не встрѣтите тѣни иной національности, которая отравляла бы его существованіе, а съ тѣмъ вмѣстѣ отравляла бы и существованіе государства, къ которому онъ принадлежитъ. За симъ спрашивается: лучше ли было бы, еслибы въ этихъ людяхъ прозябало чувство иной національности лишенной независимаго существованія и подчиненной чуждому правительству? Лучше ли было бы для живущихъ поколѣній, еслибъ они сохранили какую-нибудь связь съ народностями, которымъ не было суждено существовать въ этихъ мѣстахъ самостоятельною жизнію? Лучше ли было бы, если бы люди этихъ мѣстъ вели существованіе тѣней Ахеронта, и томились жаждою ускользающей жизни? Лучше ли было бы, еслибы здѣсь всходила обильная жатва ненависти и измѣны явной или тайной? Лучше ли было бы это и для людей, и для государства? Могло ли бы это государство имѣть силу и процвѣтать? Было ли бы возможно въ немъ правильное и плодотворное развитіе гражданственности?

Въ Пруссіи признается только одна нація. Въ Австріи, напротивъ, мы видимъ изобиліе народовъ, и австрійскій императоръ, обращаясь въ торжественныхъ случаяхъ къ своимъ подданнымъ, также какъ и въ дипломатическихъ актахъ своего правительства, говоритъ не о народѣ своемъ, какъ императоръ Французовъ, или король Прусскій, а о „народахъ". Но австрійскій императоръ дорого бы далъ, чтобъ имѣть возможность употреблять въ этомъ случаѣ единственное число вмѣсто множественнаго. Множественность націй составляющихъ государство есть элементъ его слабости, а отнюдь не силы. Австрія составилась изъ многихъ цѣльныхъ государствъ, которыя соединились въ теченіе времени подъ одною династіей, государствъ, когда-то бывшихъ могущественными и цвѣтущими; но не смотря на это и на то что германскій элементъ въ Австріи, сравнительно малочисленный, имѣетъ дѣло со многими иноплеменными государствами, несмотря на то, что Австрійская имперія считаетъ въ себѣ около тридцати пяти милліоновъ жителей, германскій элементъ, едва превосходящій семь милліоновъ, остается господствующимъ, объединяющимъ и на все налагающимъ свою печать. Несмотря на то что въ составъ Австріи входятъ, всею своею цѣлостію, такія государства, какъ королевство Венгерское, королевство Чешское, Венеція, бывшая когда-то славною республикою, и многія другія страны, которыя выработали и сохранили свою историческую индивидуальность, австрійское правительство употребляетъ всѣ усилія, и употребляетъ ихъ не безъ успѣха, къ объединенію этихъ народностей въ духѣ и смыслѣ народности германской. Мы, Русскіе, вовсе не обязанные доброжелательствовать Пруссіи или Австріи, можемъ съ своей точки зрѣнія желать, чтобъ эти усилія не увѣнчались успѣхомъ, и чтобы Германія не водворилась окончательно во всѣхъ подвластныхъ ей странахъ; но германское правительство Австріи не безъ основанія видитъ въ этомъ главное условіе для прочнаго существованія и развитія нынѣшней Австрійской имперіи. Оно заботится не о томъ, чтобы дать каждой изъ народностей, входящихъ въ составъ имперіи, возможно болѣе отдѣльное отъ нѣмецкой положеніе; напротивъ, всѣ усилія его направлены къ тому, чтобы собрать всѣ эти разнородные элементы по возможности воедино и сосредоточить ихъ вокругъ малочисленной, но господствующей національности германской. И можетъ-быть, скажемъ не безъ нѣкотораго невольнаго чувства сожалѣнія, это удастся ему, и императоръ Австрійскій не будетъ въ печальной для него необходимости говорить о „своихъ народахъ".

Мы говорили о государствахъ европейскихъ, посмотримъ, какою политикой руководствовались и руководствуются правительства варварскія, и какъ идутъ дѣла въ государствахъ лишенныхъ внутреннихъ элементовъ силы и жизни. Когда-то мы сами были народностію угнетенною, завоеванною, находившеюся подъ чуждою властію. Когда-то надъ русскимъ народомъ тяготѣло иго Монголовъ. Какою политикой руководствовалось правительство Золотой Орды? Оно высылало тучи саранчи на подвластныя ей страны; ея баскаки наѣзжали для собиранія дани; оно требовало внѣшней покорности, и карало ослушныхъ; оно принимало поклоны и приношенія вассальныхъ князей: но оно и понятія не имѣло о живыхъ силахъ національности; оно оставляло подвластные народы при ихъ особыхъ властяхъ, при ихъ языкѣ, при всѣхъ условіяхъ ихъ особеннаго быта; оно не помышляло о національной политикѣ въ отношеніи къ нимъ, потому что оно не знало

и не понимало значенія какой бы то ни было національности, а того менѣе монгольской, потому что монгольскій народъ въ его рукахъ былъ только бичомъ Божіимъ; оно не чувствовало себя органомъ живой національности призванной къ созиданію и къ совершенію какого-нибудь историческаго призванія. Для нась такое свойство монгольскаго правительства было обстоятельствомъ счастливымъ. Наши предки, подъ игомъ Монголовъ, не утратили своей народной самостоятельности, а напротивъ искусно пользуясь этою грубою и дикою силой, успѣли крѣпче сплотиться и собрать воедино свою разрозненную землю. Наши князья искусно вели свои дѣла, и временно покоряясь варварской ордѣ, улещая хановъ и его совѣтниковъ, изъявляя имъ свою преданность и покорно исполняя всѣ ихъ прихоти, въ тоже время собирали свои силы и готовили паденіе варварскаго царства, которое надъ ними тяготѣло.

Мы видимъ какъ въ цивилизованныхъ государствахъ Европы правительства стараются болѣе всего объединять свои владѣнія въ смыслѣ главной народности, и полагаютъ свое достоинство и торжество въ національности своей политики; но прогрессъ турецкій—иного свойства. „Больной человѣкъ," какъ мы видимъ, разлагается на свои составныя части, которыя были въ немъ механически связаны. Въ то время какъ могущественныя, призванныя къ жизни христіанскія государства Европы представляютъ себою цѣльныя индивидуальности, Турецкая Имперія является осуществленіемъ того идеала, о которомъ восторженно мечтаютъ нѣкоторые изъ нашихъ прогрессистовъ и къ которому хотѣли бы склонить насъ разные доброжелатели наши. Оттоманское правительство въ настоящее время служитъ лишь внѣшнею связью, соединяющею совершенно самостоятельныя государства.

Сила ли Турецкой имперіи выразилась въ томъ, что на ея окраинахъ образовались независимыя государства? Прогрессъ ли ея создалъ сначала Греческое королевство, а потомъ Сербское княжество и Румынію? Могущество ли оттоманской цивилизаціи и присущія ея правительству свойства великодушія, либеральности и гуманности выразились въ этой особаго рода ленной системѣ, въ этой особаго рода федераціи разныхъ государствъ, которыхъ все отношеніе къ Оттоманской имперіи состоитъ лишь во временномъ подчиненіи отвлеченному символу власти въ лицѣ великаго падишаха?

Къ какой же категоріи націй и государствъ хотѣли бы отнести насъ заграничные совѣтователи наши, радѣющіе о нашихъ пользахъ? Къ которому изъ этихъ двухъ прогрессовъ они хотѣли бы сопричислить насъ? Пусть они не разсчитываютъ на наше слабоуміе и не говорятъ намъ о великодушіи, либеральности, гуманности и прогрессѣ; пусть они примутъ болѣе прямой способъ выраженія, который привыкли мы слышать отъ открытыхъ враговъ нашихъ, и просто скажутъ намъ: вы нація, непризванная къ жизни, вы не нація, а орда; готовьтесь же уступить ваше мѣсто другимъ.

Но мы полагаемъ, что какъ друзья, такъ и болѣе откровенные враги наши, ошибаются въ своихъ предположеніяхъ и сужденіяхъ. Ихъ вводятъ въ заблужденіе нѣкоторыя обстоятельства нашего недавняго прошедшаго, того громаднаго переворота, который совершился у насъ въ началѣ прошедшаго столѣтія, въ смыслъ котораго они не имѣютъ побужденій вникнуть, и который оставилъ за собою множество недоразумѣній, еще висящихъ туманомъ надъ нашею жизнію. Но туманъ начинаетъ рѣдѣть, и съ каждымъ новымъ историческимъ мгновеніемъ мы все болѣе и болѣе освобождаемся отъ недоразумѣній, которыя вводятъ въ заблужденіе и своихъ, и чужихъ. Цѣли нашей внутренней политики обозначаются яснѣе, и она, на зло нашимъ совѣтодателямъ, будетъ принимать, съ Божіею помощію, все болѣе и болѣе національный, то-есть все болѣе и болѣе европейскій характеръ......

№ 175.

Москва, 8-го августа.

Въ №№ 119 и 120 *Московскихъ Вѣдомостей* (отъ 30-го и 31-го мая) мы обратили вниманіе нашихъ читателей на полемику нѣмецкихъ газетъ въ нашемъ Прибалтійскомъ краѣ о составѣ тамошнихъ сеймовъ,—полемику, въ которой *Dorpater Tagesblatt* (прекратившійся съ 20-го іюля вслѣдствіе недостаточнаго числа подписчиковъ, что, скажемъ кстати, не свидѣтельствуетъ о сочувствіи къ его направленію),

высказался, наконецъ, въ такомъ смыслѣ, что „совокупное представительство городовъ и земства, *von Stadt und Land*, могло бы имѣть мѣсто, съ одной стороны, въ уѣздныхъ съѣздахъ, а съ другой, на общемъ сеймѣ трехъ провинцій.“ Хотя мысль объ общемъ сеймѣ трехъ прибалтійскихъ губерній уже не появлялась болѣе въ столбцахъ тамошнихъ нѣмецкихъ газетъ, тѣмъ не менѣе полемика о составѣ сеймовъ, и ближайшимъ образомъ лифляндскаго, продолжается съ прежнимъ жаромъ; какъ намъ кажется, она не лишена существеннаго интереса и для нашихъ читателей.

Земскіе сеймы губерній Курляндской, Эстляндской и Лифляндской, какъ съ этимъ согласна и *Рижская Газета*, далеко не то что дворянскія собранія въ нашихъ коренныхъ русскихъ губерніяхъ, также далеко не то чѣмъ предположено быть нашимъ будущимъ губернскимъ земскимъ собраніямъ. Вотъ какъ *Рижская Газета* опредѣляетъ значеніе лифляндскаго сейма: „Лифляндскій сеймъ, вмѣстѣ съ городомъ Ригой (имѣющимъ свое особое устройство и самоуправленіе), одинъ является представителемъ провинціи передъ лицомъ правительства; онъ—хранитель тѣхъ привилегій, которыя обезпечиваютъ нашу провинціяльную самостоятельность, и органъ основанной на этихъ привилегіяхъ автономіи и самоуправленія. Участвующему на немъ дворянству предоставлена такая полнота верховныхъ правъ государства, какая не сохранилась ни въ какой другой странѣ.“ Само собою разумѣется, что *Рижская Газета* ратуетъ не противъ „этой полноты государственныхъ правъ,“ предоставленныхъ провинціяльному сейму, а только противъ исключительно дворянскаго состава этого сейма, и желаетъ сдѣлать причастными „этой полнотѣ государственныхъ правъ“ и горожанъ Лифляндіи. Какъ ни мало сочувствуетъ эта газета привилегіямъ дворянства, однакоже повидимому онѣ дороги ей. Она порицаетъ нынѣшнее судебное устройство страны, такъ какъ судьи избираются дворянскимъ сеймомъ и изъ числа дворянъ; но это право дворянъ, „въ связи съ тѣмъ что можетъ занять его мѣсто“ (то-есть, сравнительно съ назначеніемъ судей отъ короны?), по словамъ ея, „есть дорогая, охраняющая и другія сословія, часть провинціяльной самостоятельности“ Лифляндіи (то-есть Лифляндской губерніи).

Вопросъ о составѣ сеймовъ, по словамъ этихъ газетъ, возбужденъ прежде всего важностью вопросовъ предстоящихъ теперь ихъ рѣшенію. Не только судебныя и полицейскія должности, не только управленіе всѣми земскими и церковными дѣлами и народными училищами зависятъ отъ сеймовъ; но имъ предоставлено еще значительное участіе въ рѣшеніи законодательныхъ вопросовъ. Въ настоящее время, на очереди стоитъ прежде всего вопросъ о судебной реформѣ, проектъ которой уже былъ представленъ собиравшемуся въ нынѣшнемъ году лифляндскому сейму, и для предварительнаго обсужденія которой уже назначена особая коммиссія съ участіемъ депутатовъ отъ городовъ; затѣмъ слѣдуетъ проектъ реформы городскаго устройства Риги, который уже выработанъ особою коммиссіей и теперь подлежитъ дальнѣйшему обсужденію сейма; наконецъ, вопросъ о податяхъ платимыхъ рыцарствомъ, и на дальнѣйшемъ планѣ, вопросъ объ отмѣнѣ натуральныхъ повинностей, которая дѣйствительно окажется необходимою, если только нынѣшніе крестьяне-арендаторы обратятся въ землевладѣльцевъ.

Всѣ эти вопросы, касающіеся общихъ интересовъ губерніи, по мнѣнію прибалтійскихъ газетъ, представляютъ большія трудности для такихъ сеймовъ какъ эстляндскій и лифляндскій, на которыхъ засѣдаютъ не выборные отъ дворянства, а всѣ члены его по личному праву. Притомъ же является, весьма естественно, опасеніе, что въ вопросахъ, въ которыхъ равно замѣшаны интересы и дворянства, и остальныхъ классовъ населенія, первое не будетъ достаточно безпристрастно, и потому мнѣнія, высказываемыя въ пользу перемѣны въ нынѣшнемъ устройствѣ сеймовъ Лифляндіи и Эстляндіи, клонятся, собственно говоря, въ пользу дарованія горожанамъ права участія на сеймахъ; а это возможно не иначе какъ съ устраненіемъ личнаго права дворянъ быть членами сейма и со введеніемъ выборнаго начала. Реформа эта была бы весьма значительна: сеймы прибалтійскихъ губерній утратили бы свой сословный характеръ. Сохраненіемъ особыхъ правъ и преимуществъ, которыя предоставлены этимъ сеймамъ, были бы заинтересованы не одни дворяне, но вмѣстѣ съ ними и города. Реформа, по мнѣнію ея защитниковъ, послужила бы къ упроченію особыхъ правъ и

преимуществъ прибалтійскихъ губерній въ общемъ составѣ Россійской Имперіи. Эту же сторону дѣла имѣютъ въ виду и защитники нынѣшняго порядка вещей, и онъ кажется имъ въ этомъ отношеніи гораздо удовлетворительнѣе. Прислушаемся къ доводамъ тѣхъ и другихъ.

Нынѣшняя, старинная форма сеймовъ, говорятъ ея защитники, должна быть дорога рыцарству. Она поддерживаетъ въ немъ сознаніе общей и на каждаго въ отдѣльности падающей отвѣтственности и возбуждаетъ въ каждомъ патріотизмъ (то есть мѣстный?). Благодаря нынѣшней формѣ сеймовъ, продолжаютъ ея защитники, рыцарство является какъ одно цѣлое и тѣмъ получаетъ большее значеніе и можетъ разчитывать на большую готовность подчиняться его рѣшеніямъ со стороны отдѣльныхъ его членовъ. Нынѣшняя форма сеймовъ сохраняетъ согласіе въ дворянствѣ и возвышаетъ его *государственное значеніе* (erhöht seine *staatliche* Bedentung). Консерваторы желаютъ только, чтобы постановленія сеймовъ были обнародываемы, что и рѣшено уже бывшимъ въ нынѣшнемъ году лифляндскимъ сеймомъ, и чтобы всѣ предложенія и мнѣнія предварительнаго совѣщательнаго дворянскаго собранія или конвента (Adelsconvent) были заранѣе печатаемы, что можетъ быть легко достигнуто, если между закрытіемъ конвента и открытіемъ сейма будетъ установленъ промежутокъ отъ двухъ до трехъ недѣль.

Напротивъ, реформаторамъ нынѣшняя форма сеймовъ кажется особенно неудовлетворительною для настоящаго времени, которое они называютъ временемъ переходнымъ, временемъ политическихъ преобразованій и государственнаго обновленія. *Dorpater Tagesblatt*, который прежде, повидимому, отличался такимъ консервативнымъ направленіемъ, подъ конецъ своего существованія открылъ полный просторъ мнѣніямъ нововводителей. Одинъ изъ нихъ, за подписью—*n*, говоритъ въ этой газетѣ: „Какъ только дѣло идетъ о защитѣ учрежденій, о мужественномъ и упорномъ отстаиваньи ихъ, способность къ этому общихъ дворянскихъ собраній (Massenlandtage) оказывается, какъ видно изъ бывшихъ опытовъ, очень сомнительною. Сравните только, продолжаетъ онъ, текстъ нашихъ, основанныхъ на договорахъ, правъ съ тѣми отступленіями, которыя пріобрѣли фактическую силу, припомните, какъ часто мы безпрекословно дозволяли отнимать у себя то что намъ принадлежало, и вы составите себѣ настоящее понятіе о способности земскихъ и городскихъ собраній, гдѣ присутствуютъ не выборные, а имѣющіе личное на то право члены, охранять ихъ наслѣдіе." „Если, говоритъ онъ далѣе, такія собранія гораздо менѣе надежны чѣмъ собранія выборныхъ людей даже и тамъ, гдѣ дѣло идетъ только о сохраненіи, то они еще менѣе способны сами собою, по собственной инищіативѣ, приниматься за реформы и за политическія нововведенія," а между тѣмъ, по словамъ г.—*n*, „только немногіе изъ членовъ сейма остались свободны отъ болѣе или менѣе яснаго предчувствія предстоящихъ реформъ въ нашемъ политическомъ устройствѣ (Verfassungsreformen): дѣло преобразованія нашихъ политическихъ отношеній, очевидно, все ближе къ намъ подходитъ." За это дѣло могутъ приняться только собранія выборныхъ, въ которыхъ имѣли бы своихъ представителей и города, и земство (т. е. рыцарство). Г—*n* разсуждаетъ и объ отношеніяхъ этихъ выборныхъ къ ихъ избирателямъ. Онъ не желаетъ, чтобы выборные были стѣснены инструкціями отъ своихъ избирателей, и говоритъ, что въ случаѣ еслибы во время засѣданій сейма возникли вопросы, которыхъ нельзя было предвидѣть, то выборный можетъ самъ обратиться къ избирателямъ, чтобъ узнать ихъ желанія, или они сами заявятъ ихъ посредствомъ адресовъ. Онъ указываетъ еще на распущеніе сейма и на значеніе новыхъ выборовъ какъ на средство привести мнѣнія депутатовъ въ соотвѣтствіе съ мнѣніемъ страны. Это право распускать сеймъ и назначать новые выборы онъ желаетъ предоставить не правительству, а коллегіальному губернскому правленію (Landrathscollegium), члены котораго были бы на всю жизнь избираемы дворянствомъ и изъ среды дворянства.

Статьи г.—*n* нашли полное сочувствіе въ *Рижской Газетѣ*; но противъ нихъ ополчился кто-то въ *Dorpater Tagesblatt*. „Говорить въ пользу народнаго представительства страны, сказано здѣсь, значитъ рѣшительно считать ее безъ хозяина, такъ какъ въ странѣ нѣтъ народа, въ современномъ смыслѣ слова, и есть только сословія; и избирать выборныхъ изъ другихъ сословій значило бы измѣнять кон-

ституцію страны, а этотъ вопросъ слѣдуетъ разсматривать въ связи съ другими вопросами политическаго свойства." Консервативный авторъ указываетъ, что сеймъ и теперь можетъ восполнить недостатокъ специяльныхъ свѣдѣній въ своихъ членахъ, такъ какъ онъ можетъ совѣщаться съ свѣдущими „патріотами" изъ другихъ сословій, специяльныя же коммиссіи, наряжаемыя сеймомъ, могутъ вступать въ правильныя сношенія съ непринадлежащими къ сейму спеціялистами.

Возраженіе на эту статью не замедлило: оно появилось въ *Рижской Газетѣ*, и существенно заключается въ указаніи на примѣръ королевства Саксонскаго, гдѣ, по словамъ автора, 15 лѣтъ тому назадъ господствовала такая враждебность въ отношеніяхъ между сословіями, о какой Лифляндцы и понятія не имѣютъ, и гдѣ, однакоже, своевременно введенныя новыя учрежденія положили конецъ сословному антагонизму. „Что случилось, говоритъ авторъ, послѣ печальныхъ дрезденскихъ событій, не могло ли то случиться и прежде?.. Зачѣмъ предоставлять устройство наступающихъ отношеній болѣе или менѣе отдаленной будущности? Зачѣмъ оставлять слѣдующему за нами поколѣнію пути еще болѣе непроходимые чѣмъ тѣ, которыми мы сами насилу пробираемся? Зачѣмъ заслуживать ихъ проклятіе, а не благодарность? За что нашимъ потомкамъ достанется удѣлъ не лучшій чѣмъ намъ, когда сами мы, благодаря политическому достоянію, завѣщанному намъ предками, низошли до рѣдкаго ничтожества и безсилія?"

Мы имѣемъ причины не входить въ разборъ этихъ мнѣній. Не высказывая своего сужденія объ интересной полемикѣ происходящей въ прибалтійскихъ газетахъ, мы довольствуемся тѣмъ, что знакомимъ читателей съ ея ходомъ и направленіемъ.

№ 176.

Москва, 10-го августа.

Въ №№ 22, 23 и 24-мъ Прибавленій къ *Русскому Инвалиду* былъ помѣщенъ рядъ статей г. Обручева о сѣти желѣзныхъ дорогъ, необходимой для Россіи, и о средствахъ къ ея построенію. Сѣть предложенная г. Обручевымъ во многомъ различается отъ сѣти проектированной главнымъ управленіемъ путей сообщенія и обнародованной имъ для публичнаго обсужденія. Нынѣ въ № 173 *Русскаго Инвалида* напечатана статья г. В. Радецкаго, защищающая въ главныхъ чертахъ проектъ главнаго управленія, но въ то же время предлагающая два существенно-важныя дополненія къ нему, а именно: вѣтвь отъ Витебска до Орши и продолженіе Кіевской вѣтви на Калугу до Серпухова для прямаго соединенія Москвы съ Кіевомъ. Припомнимъ, что главнымъ управленіемъ проектированы слѣдующія линіи:

Московско-Севастопольская.

Отъ Саратова на Тамбовъ, Елецъ, Орелъ, Брянскъ, Смоленскъ и Витебскъ.

Изъ Риги въ Либаву.

Отъ Одессы въ Кіевъ.

Изъ Кіева до средняго пункта Орловско-Витебской линіи (западнѣе Брянска).

Отъ Екатеринослава до Грушевскихъ копей.

Отъ Тамбова до Ряжска.

Всего въ этой сѣти исчислено 4.303 вер.

Г. Радецкій прибавляетъ къ ней двѣ вышеупомянутыя вѣтви, увеличивающія сѣть приблизительно на 450 верстъ, такъ что общее протяженіе сѣти будетъ не меньше 4.750 верстъ. Нельзя не видѣть, что дополненная такимъ образомъ сѣть становится удовлетворительнѣе прежняго. Линія изъ Серпухова на Калугу и Черниговъ въ Кіевъ есть самая лучшая линія для соединенія Москвы съ Кіевомъ. Если мы предлагали вести дорогу на Кіевъ изъ Орла, *) то лишь вслѣдствіе того, что имѣли въ виду открытіе работъ между Орломъ и Москвой, а на одновременное проведеніе отъ Серпухова двухъ линій, одной въ Харьковъ на Орелъ, другой въ Кіевъ на Калугу, не могли надѣяться. Но еслибы правительство нашло средства вести обѣ эти линіи разомъ, то дѣло получило бы совершенно иной видъ. Впрочемъ и въ этомъ случаѣ сѣть главнаго управленія дополненная г. Радецкимъ имѣетъ нѣсколько неудобствъ, изъ которыхъ мы укажемъ въ особенности на слѣдующія:

1. Харьковъ не будетъ имѣть прямаго и выгоднаго соединенія съ устьями Дона, и не будетъ положено удобнаго основанія для будущей Кавказской желѣзной дороги.

2. Соединеніе Тамбова съ Ригой и Либавой, куда онъ можетъ сбывать свои произведенія только въ исключительныхъ случаяхъ, не доставитъ тѣхъ выгодъ, кото-

*) См. передовыя статьи №№ 158, 163 и 173.

рыя получились бы отъ соединенія Тамбова съ Харьковомъ и черезъ Харьковъ съ Александровскомъ, лежащимъ на Днѣпрѣ ниже пороговъ, а также съ Кіевомъ и Бердичевомъ.

3. Мѣстность знаменитыхъ украинскихъ ярмарокъ (Роменъ, Кролевецъ, Сумы), а также мѣстность славящаяся хлѣбородствомъ, но страдающая недостаткомъ сбыта (Роменъ, Гадячъ, Лохвица), остались бы совсѣмъ безъ желѣзной дороги.

4. Кіевъ имѣлъ бы сообщеніе съ Харьковомъ на Брянскъ и Орелъ, то-есть другими словами былъ бы совершенно лишенъ возможности вести съ Харьковомъ торговлю по желѣзной дорогѣ.

5. Харьковъ, вслѣдствіе того же самаго, не имѣлъ бы сообщенія по желѣзной дорогѣ съ Бердичевомъ (нужно было бы дѣлать крюкъ на Орелъ и Брянскъ).

6. Наконецъ Москва и Нижній остались бы безъ прямаго сообщенія съ Ригой и Либавой.

Таковы главные недостатки этой сѣти, тѣмъ болѣе чувствительные что протяженіе ея доходитъ до 4.750 верстъ. При этомъ надобно еще замѣтить, что проектъ г. Радецкаго (т.-е. проектъ главнаго управленія имъ дополненный) долженъ потерять весьма значительную долю своихъ достоинствъ отъ неединовременнаго исполненія. За исключеніемъ линіи отъ Орла на Тамбовъ въ Саратовъ и вѣтви отъ Тамбова въ Ряжскъ (всего 820 верстъ), всѣ линіи этого проекта хороши только взятыя въ совокупности. Это большое неудобство: нельзя ожидать, чтобы безъ малаго четыре тысячи верстъ могли быть построены разомъ.

Г. Обручевъ, подвергнувшій критикѣ проектъ главнаго управленія съ точки зрѣнія значительно отличающейся отъ нашей, нашелъ его также недостаточнымъ, и съ своей стороны предложилъ проектъ слѣдующей сѣти:

Линія Московско-Севастопольская.
Линія Одесско-Кіевская (на Бердичевъ).
Линія изъ Бердичева на Брестъ, Бѣлостокъ до прусской границы.
Линія отъ Кіева на Черниговъ, Могилевъ и Оршу до Витебска.
Линія отъ Витебска на Калугу, Тулу, Ряжскъ и Тамбовъ до Саратова.
Линія отъ Кіева на Глуховъ до Курска.
Линія отъ Риги до Либавы.
Линія отъ Екатеринослава до окрестностей Бахмута (исключительно для каменнаго угля, и потому, не въ 5 футовъ ширины между рельсами, а въ $3^1/_2$ фута).

Всего въ этой сѣти г. Обручевъ считаетъ 5.000 верстъ, то-есть на 250 верстъ больше чѣмъ въ сѣти г. Радецкаго, причемъ надобно еще принять въ соображеніе, что измѣренія г. Обручева сдѣланы по картѣ, а не на основаніи разысканій, и потому должны быть, для вѣрнаго разсчета, увеличены по меньшей мѣрѣ 250 верстами, а это даетъ излишекъ предъ сѣтью г. Радецкаго въ 500 верстъ. Но много ли лучше стала сѣть вслѣдствіе такой значительной надбавки? Вообще говоря, ни мало. Напротивъ, еслибы надобно было выбирать между сѣтью г. Обручева и сѣтью г. Радецкаго (то-есть сѣтью главнаго управленія, дополненною г. Радецкимъ), то мы склонились бы скорѣе на сторону послѣдней, такъ какъ она превосходно удовлетворяетъ первенствующей потребности прямаго соединенія Москвы съ Кіевомъ, и такъ какъ она въ то же время свободна отъ тѣхъ недостатковъ сѣти г. Обручева, которыя съ большою убѣдительностію указаны г. Радецкимъ. Но выборъ не ограниченъ этими двумя сѣтями, а потому мы считаемъ полезнымъ упомянуть и о преимуществахъ сѣти г. Обручева передъ сѣтью г. Радецкаго. Эти преимущества заключаются съ нашей точки зрѣнія въ слѣдующемъ.

1. Она если не захватываетъ ярмарочной украинской мѣстности, то все-таки проходитъ близъ нея.

2. Кіевъ получаетъ хотя не вполнѣ выгодное, но все-таки болѣе выгодное сообщеніе съ Харьковомъ, и торговля Харькова съ Бердичевомъ хотя отчасти облегчается (крюкъ на Курскъ, Глуховъ и Кіевъ меньше нежели крюкъ на Орелъ, Брянскъ и Кіевъ).

3. Москва и Нижній соединяются съ Либавой болѣе прямымъ путемъ (на Калугу и Смоленскъ, слѣдовательно, однакожь, не безъ крюка).

4. Наконецъ Кіевъ получаетъ довольно прямое сообщеніе съ Варшавско-Петербургскою дорогой въ Бѣлостокѣ, представляющее важныя стратегическія удобства, впрочемъ, какъ намъ кажется, преувеличиваемыя г. Обручевымъ. (Въ случаѣ европейской войны мы нашли бы достаточную помощь въ дорогахъ петербургско-варшавской и московско-кіевско-одесской; что же касается до возстанія въ западномъ краѣ или Царствѣ Польскомъ, то подобныя событія не могутъ повторяться часто. Во

всякомъ случаѣ стратегическія удобства линіи кіевско-бѣлостокской не могутъ идти въ сравненіе съ стратегическою важностью путей изъ Кіева въ Одессу и изъ Харькова къ устьямъ Дона и Кавказу).

Но указывая на эти относительно-выгодныя стороны проекта г. Обручева, не можемъ не сдѣлать противъ него слѣдующихъ замѣчаній:

1. Мысль о коммерческой потребности въ желѣзной дорогѣ изъ Саратова въ Либаву рѣшительно не можетъ выдержать серіозной критики, а потому линія изъ Тамбова на Ряжскъ, Тулу и Калугу въ Смоленскъ и Витебскъ едва ли можетъ состояться въ скоромъ времени; если же предположить, что построеніе этой линіи не осуществится въ ближайшемъ будущемъ, то Москва и Нижній, при сѣти г. Обручева, будутъ хуже соединены съ Либавой чѣмъ при сѣти главнаго управленія. Эта послѣдняя сѣть связываетъ Москву и Нижній съ Либавой черезъ Орелъ, Брянскъ и Смоленскъ, между тѣмъ какъ по плану г. Обручева придется дѣлать крюкъ изъ Москвы на Курскъ, Черниговъ и Могилевъ, чтобы добраться до Витебска и Либавы. Для избѣжанія этого неудобства надобно было бы соединить по крайней мѣрѣ Тулу черезъ Калугу и Смоленскъ съ Витебскомъ, но эта линія мало выгодна, и безъ продолженія къ Тамбову теряетъ всякій смыслъ.

2. Г. Обручевъ предлагаетъ соединить Москву съ Кіевомъ черезъ Курскъ, что̀ лишаетъ это соединеніе значительной доли его пользы и портитъ линію, съ которою ни одна другая, по колоссальной важности, сравниться не можетъ. Именно по этой линіи требуется возможно прямое соединеніе, если мы желаемъ чтобъ она принесла нашему отечеству всю ту неоцѣнимую пользу, которую мы въ правѣ ожидать отъ нея.

3. Наконецъ, что̀ не менѣе важно, г. Обручевъ предлагаетъ вести каменноугольную вѣтвь изъ Екатеринослава не до грушевскихъ копей, а только до Бахмута и притомъ съ шириной не 5 футовъ, а $3^1/_2$ футовъ между рельсами. Такимъ образомъ г. Обручевъ совершенно жертвуетъ видами на соединеніе Харькова съ устоями Дона и на продолженіе этого пути далѣе къ Кавказу.

Мы не говоримъ о другихъ мелкихъ неудобствахъ, и укажемъ только на то, что и эта сѣть требуетъ одновременнаго построенія весьма многихъ линій. Можно было бы отложить только слѣдующія линіи:

Отъ Тулы на Тамбовъ до Саратова—640 вер.
Отъ Бердичева до прусской границы—617 вер.

Всего 1.257 верстъ, и слѣдовательно надобно было бы предпринять разомъ построеніе четырехъ тысячъ верстъ, то-есть такого же количества, какъ и при проектѣ главнаго управленія.

Построить четыре тысячи верстъ желѣзнаго пути разомъ,—можно ли серіозно загадывать что-либо подобное? Намъ кажется, что только за тою сѣтью можетъ быть признано практическое значеніе, которая допускаетъ послѣдовательную стройку и притомъ такъ разчитана, чтобы выгоды расширенія сѣти возрастали по мѣрѣ успѣховъ въ ея построеніи. Но этихъ условій нельзя достигнуть, если уклониться отъ путей указанныхъ всею совокупностью интересовъ экономическихъ, политическихъ и стратегическихъ, которые въ живой дѣйствительности бываютъ соединены нераздѣльно. Главное управленіе путей сообщенія оказало огромную заслугу, вызвавъ публичное сужденіе не объ отдѣльныхъ линіяхъ, а о цѣлой сѣти: только съ точки зрѣнія совокупности всѣхъ первостепенныхъ интересовъ страны можно судить о сравнительной важности отдѣльныхъ линій, но вмѣстѣ съ тѣмъ сто̀итъ только стать на эту общую точку зрѣнія и, какъ намъ кажется, дѣло тотчасъ же придетъ въ полную ясность.

Изучивъ со всевозможнымъ вниманіемъ сѣть проектированную главнымъ управленіемъ путей сообщенія и тщательно вникнувъ въ ея измѣненія предложенныя въ брошюрѣ статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ, въ трудѣ г. Обручева, появившемся въ *Русскомъ Инвалидѣ*, и въ вышеупомянутой статьѣ г. Радецкаго, а также принявъ къ соображенію другіе проекты, которыхъ мы не разбираемъ теперь, только потому что не желаемъ, осложняя дѣло, затруднять читателей, мы пришли къ заключенію о чрезвычайной важности и рѣшительной необходимости одновременнаго разрѣшенія вопроса о сѣти русскихъ желѣзныхъ дорогъ и вопроса о послѣдовательности въ ея построеніи.

Намъ казалось, что связь этихъ двухъ вопросовъ недостаточно оцѣнена въ почтенныхъ трудахъ обнародованныхъ доселѣ, и что для успѣшной обработки проекта сѣ-

ти необходимо сосредоточить все вниманіе на вопросѣ о томъ въ какой послѣдовательности должно строить желѣзныя дороги въ Россіи. Этимъ отличается нашъ приступъ къ дѣлу, и въ этомъ заключается объясненіе того, что результаты нашего труда значительно отличаются отъ тѣхъ проектовъ, изученіемъ которыхъ они были вызваны. Задача, которую мы себѣ поставили, заключалась не только въ томъ, чтобы размѣстить главныя линіи будущихъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ въ пространствѣ, но еще въ томъ чтобы распредѣлить ихъ построеніе во времени. Соединеніе этихъ двухъ задачъ оказалось чрезвычайно полезнымъ, потому что, послужило средствомъ къ повѣркѣ представлявшихся рѣшеній.

Въ результатѣ нашего труда получилась не сѣть желѣзныхъ дорогъ, а нѣсколько сѣтей, преемственно дополняющихъ одна другую. Вотъ ихъ очеркъ:

ПЕРВАЯ СѢТЬ.

(Около 2.000 верстъ).

Линія первѣйшей необходимости — изъ Москвы на Орелъ, Глуховъ, Нѣжинъ, Кіевъ, Бердичевъ въ Одессу.

Линія вслѣдъ за тѣмъ наиболѣе необходимая — отъ Ростова на Дону черезъ грушевскія копи на Бахмутъ, Изюмъ и Харьковъ до Глухова (или нѣсколько южнѣе — на Роменъ, что можетъ быть даже выгоднѣе).

ВТОРАЯ СѢТЬ.

(Около 2.000 верстъ).

Отъ мѣста соединенія Харьковской линіи съ линіей Кіевско-Московской на Смоленскъ до Витебска, съ вѣтвію къ Оршѣ (если мѣстомъ соединенія будетъ Глуховъ; если же мѣсто соединенія будетъ южнѣе, и дорога изъ Харькова пойдетъ на Роменъ, то и продолженіе ея можетъ идти западнѣе и направиться прямо на Могилевъ, Оршу и Витебскъ, мимо Смоленска).

Отъ Харькова до Александровска, съ вѣтвію къ Полтавѣ.

Отъ Москвы на Гжатскъ до Смоленска (или прямо на Витебскъ, если путь на югъ пойдетъ не изъ Смоленска, а изъ Витебска).

Отъ Бердичева на Брестъ до Бѣлостока.

Отъ Риги до Либавы.

ТРЕТЬЯ СѢТЬ.

(Не много болѣе 2.500 верстъ).

Отъ Рязани на Тамбовъ до Саратова.

Отъ одесской линіи (Балты) на Елисаветградъ до Кременчуга и оттуда до Полтавы.

Отъ Тамбова на Воронежъ и Бѣлгородъ до Харькова (по прямой линіи на встрѣчу пути кременчугскому).

Отъ Бѣлгорода на Курскъ до Кромъ на орловско-кіевской линіи (для болѣе прямаго сообщенія сѣвера Россіи съ Кавказомъ).

Отъ Аксая до подножія Кавказа.

Отъ Александровска до Севастополя.

Мы приводимъ только главныя линіи и не упоминаемъ о мелкихъ соединительныхъ вѣтвяхъ, какъ напримѣръ отъ Одессы и Бердичева къ австрійскимъ дорогамъ.

Представляя на судъ публики эти три сѣти, считаемъ нужнымъ повторить высказанное уже прежде замѣчаніе, что вторая сѣть можетъ возникнуть сама собой, *безъ гарантіи правительства*, лишь только первая сѣть будетъ окончена. Гарантія или содѣйствіе правительства потребуется только для третьей сѣти. Затѣмъ останется сосредоточить усилія на сооруженіи желѣзнаго пути черезъ кавказскія горы, а также пути отъ тамбовской линіи на Уфу къ Уралу.

№ 177.

Москва, 11-го августа.

Вчера подъ рубрикою: „Данія", мы сообщили содержаніе дипломатической корреспонденціи, которую вели датскіе посланники въ Лондонѣ и въ Парижѣ, въ іюлѣ нынѣшняго года, съ своимъ правительствомъ. Для насъ эта корреспонденція преимущественно интересна тѣмъ, что она касается вопроса о союзѣ трехъ сѣверныхъ державъ и о сближеніи между Англіей и Франціей. Датскій посланникъ въ Парижѣ считаетъ возобновленіе союза трехъ сѣверныхъ державъ, расторгнутаго послѣднею восточною войной, почти совершившимся фактомъ, и полагаетъ, что бездѣйствіе Франціи по датскому вопросу объясняется опасеніями, которыя внушаетъ ей эта коалиція. Онъ высказываетъ это свое убѣжденіе въ очень рѣзкой формѣ самому г. Друэнъ-де-Люису, и не хочетъ вѣрить его доводамъ, что Франція нисколько не тревожится союзомъ трехъ сѣверныхъ державъ. Г. Мольтке-Гвитфельдтъ, конечно, имѣлъ не мало средствъ узнать истину, но едва ли онъ обнаружилъ въ этомъ случаѣ достаточную наблюдательность или особенный даръ политическихъ соображе-

ній. Повидимому, можно сказать съ достовѣрностію, что бездѣйствіе Франціи объясняется не опасеніями не существующей коалиціи, а только тѣмъ, что императоръ Наполеонъ не желалъ дѣйствовать въ видахъ англійской политики въ датско-германскомъ столкновеніи, не выговоривъ согласія Англіи на соотвѣтствующее вознагражденіе. Этого согласія Франція добивалась еще 14-го іюня, какъ писали въ свое время въ *Gazette de France* и какъ на это намекалъ лордъ Россель въ своихъ объясненіяхъ въ палатѣ лордовъ; объ этихъ же усиліяхъ Франціи рѣчь идетъ и въ приведенной нами вчера депешѣ датскаго посланника въ Лондонѣ, отъ 6-го іюля. Но Англія, какъ сказано въ этой депешѣ, неблагосклонно приняла это предложеніе, и Франція снова облеклась въ безмолвіе и въ бездѣйствіе. Безмолвіе и бездѣйствіе, однакоже, находятся въ противорѣчіи съ самою сущностью наполеонизма. По справедливому замѣчанію аугсбургской *Всеобщей Газеты*, политическая свобода должна быть предметомъ непрерывнаго заграничнаго отпуска для наполеоновской Франціи, или иначе внутри ея не въ состояніи будетъ держаться диктатура. Англійскимъ политическимъ людямъ это очень хорошо извѣстно, а потому они могутъ быть увѣрены, что Франція не ускользнетъ у нихъ изъ рукъ. Слухи о новомъ Священномъ Союзѣ были пущены какъ нельзя болѣе кстати для того чтобы поощрить попытки Франціи къ сближенію съ Англіей. И дѣйствительно датскій посланникъ пишетъ изъ Парижа, отъ 14-го іюля, что эти попытки увѣнчались полнымъ успѣхомъ, но только не въ интересахъ Даніи. Датско-германскій вопросъ, въ которомъ Англія никакъ не можетъ предоставить дѣятельной роли Франціи, на тѣхъ условіяхъ, на которыхъ она хотѣла бы, былъ повидимому совершенно отстраненъ Англіей, и не вошелъ во взаимное соглашеніе ихъ между собою. Съ этимъ послѣднимъ совершенно согласны помѣщаемыя ниже новѣйшія извѣстія *Всеобщей Корреспонденціи изъ Австріи*. Но въ одномъ, какъ намъ кажется, эта полуофиціальная газета рѣшительно ошибается,—въ выводѣ, который она дѣлаетъ изъ того несомнѣннаго факта, что Франція желала бы вмѣшаться въ датско-германское дѣло, а Англія рѣшительно противится тому. По мнѣнію *Всеобщей Корреспонденціи*, это доказываетъ, что попытки сближенія между обѣими державами рушились совершенно, а намъ сдается, согласно съ показаніемъ датскаго посланника въ Парижѣ, что напротивъ сближеніе состоялось или по крайней мѣрѣ готово состояться во всякое время, хотя и не по вопросамъ, въ которыхъ замѣшены Данія и Германія.

Если послѣдствія сближенія еще не оказались, то только потому что Франція выжидаетъ, чѣмъ разрѣшится датско-германскій вопросъ. Онъ можетъ разрѣшиться распаденіемъ Германскаго Союза, если среднія и мелкія нѣмецкія государства отважатся во что бы ни стало отстаивать свое самостоятельное значеніе отъ прусско-австрійскаго союза: въ такомъ случаѣ они неминуемо попадутъ подъ руку Франціи. На этотъ случай Франція, повидимому, не прочь заготовить возможность дружественныхъ отношеній къ Россіи, такъ какъ отъ Англіи нельзя ожидать, чтобъ она одобрила вмѣшательство Франціи въ дѣла Германіи. Въ видахъ сближенія съ Россіей, какъ пишутъ во *Всеобщей Корреспонденціи*, Франція воздерживается отъ всякихъ дѣйствій направленныхъ на осуществленіе скандинавскаго союза. Но это воздержаніе ея столько же пріятно Англіи, сколько и Россіи, и потому отнюдь не устраняетъ возможности тѣснаго сближенія ея съ первою изъ этихъ державъ. Тѣми же видами сближенія съ Россіей можно объяснять, что князь Куза, находящійся, какъ извѣстно, подъ рукой Франціи, выпроводилъ изъ Румыніи польскихъ эмигрантовъ. Интересно было бы знать, столько ли же это пріятно Англіи, сколько Россіи.

Не надобно упускать изъ виду, что датско-германскій вопросъ, благодаря примирительному образу дѣйствій Австріи, можетъ и не повести къ распаденію Германскаго Союза. Въ такомъ случаѣ, Франція не замедлитъ примкнуть къ Англіи, чего послѣдняя такъ давно и такъ усильно добивается, частію для того чтобы парализировать, а частію для того чтобъ эксплуатировать въ свою пользу воинственный пылъ Франціи. Противъ кого же можетъ быть направлена эта эксплуатація? Этотъ вопросъ имѣетъ особенное значеніе для Россіи. Со времени послѣдней восточной войны внѣшнія обстоятельства измѣнились не въ нашу пользу. На сѣверѣ Европы возникла возможность скандинавскаго союза; въ центрѣ ея Пруссія пріобрѣла та-

кое самостоятельное значеніе, что о прежней зависимости ея отъ Россіи не можетъ уже быть рѣчи; она такъ незадержимо стремится къ осуществленію своихъ властолюбивыхъ видовъ, что въ будущемъ скорѣе можно предполагать переходъ ея на сторону нашихъ враговъ чѣмъ искренній союзъ съ нами или даже тотъ полунедоброжелательный нейтралитетъ, какого она держалась въ послѣднюю восточную войну. Наконецъ, на юго-востокѣ Европы та роль, которую прежде играла Россія въ Турціи, все болѣе переходитъ въ руки Франціи, благодаря честолюбію новаго государства, отдавшагося совершенно подъ ея покровительство. На Австрію ни въ какомъ случаѣ разчитывать нельзя, за исключеніемъ развѣ одного только польскаго вопроса. Словомъ Россія чрезвычайно заинтересована тѣмъ, чтобы сближеніе Англіи съ Франціей повело къ обузданію французской воинственности, а не къ употребленію ея какъ средства въ спеціяльныхъ видахъ англійской политики. Миръ Европы и наше благосостояніе зависятъ отъ того, чтобъ Англія сдерживала Францію, не извлекая выгодъ для себя изъ ея безпокойнаго нрава.

Но какъ достигнуть этого? Чѣмъ подѣйствовать на направленіе англійской политики? Мы увѣрены, что это совершенно зависитъ отъ Россіи, какъ отъ нея зависѣло допустить или не допустить возникновеніе польскаго вопроса. Только увѣренность въ слабости Россіи можетъ вызывать враждебныя противъ нея попытки. Мы разумѣемъ не ту кажущуюся внѣшнюю слабость, которую иные видятъ въ недостаткѣ надежныхъ союзниковъ. Для Россіи въ настоящее время никакіе внѣшніе союзы невыгодны. Союзъ съ Пруссіей и съ Австріей, который недавно еще такъ горделиво предлагала намъ *Крестовая Газета*, указывая, что роль Россіи въ этомъ союзѣ была бы теперь только второстепенною, и что интересы Германіи, или лучше Пруссіи, стояли бы на первомъ планѣ,— этотъ союзъ могъ бы вовлечь насъ въ тысячу затрудненій, и не принесъ бы намъ ни малѣйшей пользы въ томъ вопросѣ, въ которомъ намъ могла бы понадобиться чужая помощь. Союзъ съ Франціей точно также противенъ существеннымъ нашимъ интересамъ, пока между нами и Франціей находится такъ-называемый польскій вопросъ, который своимъ происхожденіемъ и существованіемъ болѣе всего обязанъ преданіямъ наполеоновской политики. Союзъ съ Англіей, можетъ-быть, еще менѣе возможенъ: было бы крайне странно ожидать особенной искренности со стороны державы, такъ откровенно сочувствовавшей и системѣ маркиза Велёпольскаго, когда она подкапывала положеніе Россіи въ Царствѣ Польскомъ, и польскимъ головорѣзамъ, когда они рѣшились на возстаніе (просимъ читателей припомнить вчерашнюю выписку изъ статьи г. Садерланда-Эдвардса въ *Times*), и наконецъ такъ гнѣвающейся теперь на то, что намъ удалось окончить войну на Кавказѣ. Ни тому, ни другому, ни третьему союзу Россія не можетъ заручить свои силы и свою будущность. Но оставаясь такимъ образомъ свободною отъ обязательствъ, она въ случаѣ прямыхъ и очевидныхъ выгодъ, естественно, можетъ сближаться попеременно то съ тою, то съ другою, то съ третьею стороной. Въ этомъ заключается великое преимущество той свободы движеній, которую, какъ мы увѣрены, сохранила за собою Россія, не смотря на весь шумъ, надѣланный потсдамскимъ и киссингенскимъ свиданіями. Этою свободой мы должны дорожить и въ будущемъ: она можетъ послужить намъ оплотомъ противъ множества могущихъ возникнуть затрудненій. Нынѣшними своими успѣхами Пруссія наиболѣе обязана этой свободѣ. Что она сохранила ее въ отношеніи даже къ Австріи, очевидно изъ всего ея образа дѣйствій по вопросу таможенному и еще болѣе изъ опасеній Австріи, что она можетъ вступить въ союзъ съ Франціей; со стороны Англіи и Россіи она еще болѣе свободна, такъ какъ знаетъ, что первая, безъ всякаго союза и договора, не допуститъ Францію напасть на Рейнъ, а вторая не допуститъ подвергнуть вопросу польскія владѣнія Пруссіи. Такимъ образомъ, пользуясь полною свободой, Пруссія, руководимая г. фонъ-Бисмаркомъ, смѣло стремится къ достиженію цѣлей, которыя считаетъ своимъ историческимъ призваніемъ. Отсутствіе обязательныхъ союзовъ составляетъ теперь силу Пруссіи.

Итакъ, не въ недостаткѣ надежныхъ союзниковъ можетъ заключаться слабость Россіи. Чтобы разорвать нескончаемую цѣпь замысловъ нашихъ доброжелателей, намъ нужно одно: крѣпость внутренняго государственнаго союза Россіи должна стать несомнѣннымъ фактомъ какъ для собствен-

ныхъ ея подданныхъ, такъ и для всѣхъ иностранныхъ державъ; для ея друзей и недруговъ должно сдѣлаться очевиднымъ, что въ основѣ ея внѣшней и ея внутренней политики лежатъ исключительно интересы русской народности, имѣющей незыблемое, основанное и на исторіи, и на характерѣ народонаселенія и на огромномъ численномъ превосходствѣ, право на самое полное признаніе въ русскомъ государствѣ. Когда эти интересы признаны единственными интересами русскаго государства тотчасъ же всѣ цѣли и задачи нашей внѣшней и особенно нашей внутренней политики уясняются сами собою, и оказываются несравненно болѣе достижимыми чѣмъ обыкновенно полагаютъ. Въ противномъ же случаѣ неизбѣжны колебанія и кажущаяся слабость такъ искусительно дѣйствующая на иностранныя державы. Мы должны быть сильны внутри, чтобы не подвергаться притязаніямъ извнѣ. Но гдѣ же условія нашей внутренней силы какъ не въ національномъ и патріотическомъ характерѣ нашей политики, какъ не въ томъ, чтобы единственною основой нашей политики были интересы русской народности, вполнѣ совпадающіе съ интересами русскаго государства? Только безусловное примѣненіе этого общаго начала ко всѣмъ вопросамъ внѣшней и внутренней политики можетъ скрѣпить нашъ внутренній государственный союзъ и закалить его противъ всѣхъ внѣшнихъ бурь и не менѣе опасныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ происковъ.

№ 178.

Москва, 12-го августа.

Экономическая цѣль, имѣющаяся въ виду при начертаніи сѣти желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, обозначена въ проектѣ главнаго управленія путей сообщенія такъ: *открыть нашимъ произведеніямъ кратчайшіе пути для сбыта къ главнымъ портамъ Балтійскаго, Чернаго и Азовскаго морей.* Посмотримъ, въ какой мѣрѣ проектированная сѣть удовлетворяетъ этой цѣли относительно портовъ Азовскаго моря. Единственная линія, ведущая къ нимъ, есть линія изъ Екатеринослава къ Грушевскимъ копямъ. Можетъ ли эта линія усилить подвозъ къ Ростову-на-Дону при существованіи желѣзной дороги изъ Екатеринослава въ Александровскъ и, далѣе, въ Севастополь? Конечно, нѣтъ. Напротивъ, все пространство между Бахмутомъ и Екатеринославомъ было бы потеряно для азовскихъ портовъ; оно тянуло бы къ Александровску, и отчасти къ Севастополю. Изъ Бахмута было бы ближе до Александровска чѣмъ до Ростова-на-Дону; точно также и изъ Орѣховскаго уѣзда было бы уже невыгодно везти хлѣбъ въ Бердянскъ. Въ Александровскѣ нужна, правда, перегрузка, но и азовскіе порты по причинѣ мелководья въ Керченскомъ проливѣ не могутъ грузить окончательно; Днѣпръ мелокъ между Александровскомъ и Никополемъ, но и гирла Дона не могутъ похвалиться глубиной. Мы въ правѣ поэтому сказать, что подвозъ къ портамъ Азовскаго моря скорѣе уменьшится чѣмъ увеличится вслѣдствіе построенія желѣзныхъ дорогъ изъ Харькова на Екатеринославъ въ Севастополь и изъ Екатеринослава на Бахмутъ къ Грушевскимъ копямъ. Теперь и къ ростовскому и къ бердянскому порту примыкаетъ гораздо большій районъ чѣмъ какой будетъ примыкать послѣ построенія этихъ линій, а между тѣмъ раціональное проведеніе желѣзныхъ дорогъ должно расширять, а не стѣснять районъ каждаго порта. Вотъ причина, почему дорогу отъ Грушевскихъ копей выгоднѣе вести черезъ Бахмутъ не на Екатеринославъ, а на Харьковъ. Другая выгода этого послѣдняго направленія заключается въ томъ, что путь проходилъ бы мѣстами болѣе заселенными и болѣе нуждающимися въ средствахъ для сбыта. Если провести черту отъ Бахмута къ Екатеринославу, то можно сказать, что страна, лежащая на югъ отъ этой черты, достаточно снабжена удобными рынками, каковы: Таганрогъ, Маріуполь, Бердянскъ, Александровскъ. Районъ во сто и въ полтораста верстъ, прилегающій къ этимъ городамъ, никакъ не можетъ жаловаться на недостатокъ сбыта. Вести желѣзную дорогу вдоль по сѣверной окраинѣ этого района совершенно безполезно. Въ видахъ открытія кратчайшихъ путей для сбыта нашихъ произведеній къ азовскимъ портамъ необходимо взять изъ Бахмута сѣвернѣе и вести путь на Харьковъ. Тогда районъ ростовскаго рынка дѣйствительно расширится, между тѣмъ какъ Таганрогъ, Маріуполь, Бердянскъ, нисколько не потеряютъ въ своемъ теперешнемъ значеніи. Такъ представляется дѣло съ точки зрѣнія об-

щихъ торговыхъ интересовъ. Что жь касается до подвоза каменнаго угля, то направленіе каменно-угольной вѣтви отъ Грушевскихъ и Бахмутскихъ копей не на Харьковъ, а на Екатеринославъ было бы выгодно только для желѣзной дороги идущей изъ Екатеринослава на югъ и для пароходства на нижнемъ Днѣпрѣ. Но при развитіи каменно-угольнаго промысла будетъ выгоднѣе доставлять каменный уголь для нижне-днѣпровскихъ пароходовъ не по желѣзной дорогѣ, а моремъ. Тоже самое слѣдуетъ сказать и объ Одессѣ, а въ нѣкоторой степени даже о желѣзной дорогѣ изъ Севастополя до Екатеринослава. Если теперь грушевскій уголь почти нейдетъ моремъ, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ онъ не могъ идти моремъ въ послѣдствіи. Какъ бы то ни было, нельзя жертвовать важною линіей единственно въ видахъ доставленія топлива линіи гораздо менѣе важной, тѣмъ болѣе что и для каменноугольнаго промысла было бы выгоднѣе направленіе пути на Харьковъ чѣмъ на Екатеринославъ. А насколько это было бы важно для окрестностей Харькова! При вѣтви на Харьковъ донецкій уголь могъ бы идти верстъ на пятьсотъ на сѣверъ, сохраняя лѣса столь нужные для защиты нашего юга отъ засухъ. Употребленіе его легко распространилось бы вездѣ гдѣ онъ обходился бы не свыше 20 коп. за пудъ. Итакъ, всѣ ближайшія экономическія соображенія говорятъ противъ линіи отъ Грушевскихъ копей въ Екатеринославъ и требуютъ направленія каменноугольной вѣтви на Харьковъ. Но слѣдуетъ обратить вниманіе и на экономическія соображенія болѣе обширныя. Россія торжествуетъ теперь замиреніе Кавказа, блистательный результатъ той системы веденія войны, которая была такъ раціонально задумана и такъ блистательно приведена въ исполненіе. Долины Кавказа заключаютъ въ себѣ великія богатства; южный склонъ его и Закавказье скоро будутъ названы сокровищницей Россіи. Этотъ край очень можетъ получить то великое торговое значеніе, которое онъ имѣлъ въ древности. Но для этого необходимо, чтобы мы привязали Кавказъ къ центральной Россіи и Европѣ; а чѣмъ можемъ мы лучше достигнуть этой цѣли какъ не проведеніемъ такой желѣзной дороги, которая по возможности приближала бы Кавказъ и къ нашей западной границѣ, и къ Москвѣ и къ Либавѣ? И какая линія можетъ удовлетворить этимъ тремъ условіямъ, какъ не линія изъ Георгіевска на Ставрополь, Аксай и Харьковъ? Впрочемъ, мы не будемъ въ правѣ загадывать о будущемъ процвѣтаніи Кавказскаго края, если не обезпечимъ ему мира и безопасности, и если въ то же время не освободимъ его отъ изнурительной необходимости содержать на всякій случай большое войско. А можно ли достигнуть и того, и другаго безъ проведенія желѣзной дороги къ Кавказу? До крымской кампаніи можно было бы разчитывать на подвозъ войска въ Закавказье Чернымъ моремъ. Но теперь Черное море, въ случаѣ войны, будетъ самымъ слабымъ мѣстомъ Россіи, и на него невозможно возлагать никакихъ надеждъ. Если не будетъ удобнаго сухопутнаго подвоза къ Кавказу, то въ случаѣ серіозной войны за Кавказомъ,— а война тамъ, если когда-нибудь будетъ, будетъ несомнѣнно серіозная,—мы очутимся въ положеніи еще худшемъ, чѣмъ то, въ какомъ привелось намъ быть въ Крыму. Вотъ причины убѣждающія въ необходимости линіи между Харьковомъ и Аксаемъ. Эта вѣтвь соединяетъ въ себѣ слѣдующія условія:

1. Политическія — важность сближенія самой южной изъ нашихъ окраинъ съ центромъ.

2. Стратегическія — облегченіе подвоза войскъ и снарядовъ къ кавказской военной дорогѣ.

3. Экономическая—расширеніе района, имѣющаго Ростовъ-на-Дону своимъ естественнымъ рынкомъ, улучшеніе коммерческаго положенія устьевъ Дона, этой мѣстности столь важной, что Петръ Великій думалъ даже основать здѣсь столицу, и только послѣ неудачи подъ Азовомъ обратился на сѣверъ; наконецъ снабженіе южныхъ желѣзныхъ дорогъ и всего харьковскаго района каменнымъ углемъ изъ Бахмутскихъ и Грушевскихъ копей.

Можно ли колебаться на счетъ того, какая линія нужнѣе: эта ли линія изъ Харькова къ Новочеркаску и Ростову-на-Дону, или линія изъ Харькова въ Севастополь? Взглянемъ еще на денежный пунктъ. Такъ какъ съ линіей на Севастополь связана необходимость особенной каменноугольной вѣтви изъ Екатеринослава къ Грушевскимъ копямъ, то различіе въ издержкахъ выйдетъ огромное: расходовъ потребуется почти втрое болѣе чѣмъ при линіи нами предполагаемой, а между тѣмъ всѣ интересы,

и экономическіе, и стратегическіе, и политическіе, будутъ удовлетворены гораздо менѣе.

Итакъ, мы считаемъ дѣломъ не подлежащимъ спору, что на первый разъ въ тысячу разъ выгоднѣе строить дорогу изъ Харькова къ устьямъ Дона (менѣе 400 верстъ) чѣмъ изъ Харькова въ Севастополь (съ каменноугольною вѣтвью около 1.100 верстъ).

Затѣмъ остается вопросъ: какъ выгоднѣе направить продолженіе харьковско-ростовской на сѣверъ? Должно ли оно идти прямо на сѣверъ къ Орлу или уклониться на западъ? Отвѣтъ на эти вопросы зависитъ отъ рѣшенія вопроса о московско-кіевской линіи. Если принять за вѣрное то, что̀ наиболѣе вѣроятно, если предположить, что путь на Кіевъ пойдетъ изъ Орла, то окажется несомнѣнно выгоднымъ вести дорогу изъ Харькова не къ Орлу, а на сѣверо-западъ, либо на Сумы, либо на Роменъ для соединенія съ орловско-кіевскою линіей. Выгода западнаго направленія этой соединительной вѣтви состоитъ въ томъ, что въ такомъ случаѣ Харьковъ будетъ связанъ не только съ Москвой, но и съ Кіевомъ, а также съ центральнымъ райономъ украинскихъ ярмарокъ (Роменъ, Сумы, Кролевецъ), что̀ для Харькова чрезвычайно важно. Сношенія съ Москвой будутъ немного дороже; на пути между Харьковомъ и Москвой придется дѣлать крюкъ отъ 100 до 150 верстъ. Но для пассажировъ это будетъ потеря небольшая, а товары, идущіе изъ Москвы въ Харьковъ, имѣютъ ту особенность, что имъ приходится странствовать по украинскимъ ярмаркамъ, и Харьковъ служитъ для нихъ только складочнымъ пунктомъ. Они дѣлаютъ кругъ между Харьковомъ, Сумами, Кролевцомъ и Ромномъ (отчасти Курскомъ и Елисаветградомъ, но эти пункты менѣе важны). Для торговли нѣтъ никакого различія, везти ли товары изъ Москвы прямо въ Харьковъ и оттуда на сѣверо-западныя ярмарки, или сначала на сѣверо-западныя ярмарки и оттуда въ Харьковъ. Торговля можетъ быть заинтересована только тѣмъ, чтобы по возможности бо̀льшая доля этого обязательнаго для товаровъ пути шла рельсами, а въ этомъ отношеніи линія изъ Харькова на сѣверо-западъ выгоднѣе чѣмъ линія на Орелъ. Товары шли бы изъ Москвы по орловско-кіевскому пути до Кролевца, откуда они направились бы также по желѣзной дорогѣ на Сумы, либо на Роменъ (смотря по тому какое направленіе будетъ избрано для желѣзной дороги), и наконецъ по желѣзной же дорогѣ прибыли бы въ Харьковъ. Вся перевозка ярмарочныхъ товаровъ совершалась бы по рельсамъ, а это было бы огромнымъ облегченіемъ для торговли. Курскъ остался бы, правда, внѣ сѣти, но торговля немного потеряла бы отъ этого. Извѣстно, что Коренная ярмарка находящаяся, впрочемъ, не въ самомъ Курскѣ, а въ 27 верстахъ отъ него на сѣверо-востокъ, постепенно падаетъ; извѣстно также, что московскіе товары и теперь по большей части идутъ въ Харьковъ, минуя Курскъ: обычная торговая дорога идетъ изъ Москвы въ Харьковъ на Тулу, Ефремовъ, Ливны и Бѣлгородъ, такъ-называемомъ *муравскимъ шляхомъ*, минующимъ Курскъ. Если разумная причина требовать, чтобы Курскъ былъ непремѣнно введенъ въ самую первую сѣть южныхъ дорогъ, и чтобы ему были принесены въ жертву всѣ остальные ярмарочные пункты Украйны, не исключая и Харькова, для корораго чрезвычайно важно получить разомъ рельсовое сообщеніе и съ Москвой и съ Кіевомъ? Къ тому же интересы Курска уже отчасти удовлетворены шоссейнымъ путемъ, связывающимъ его съ Орломъ и Харьковомъ, и наконецъ, онъ остался бы внѣ сѣти лишь на самое первое время: для сокращенія московско-харьковской линіи скоро оказалась бы потребность въ прямомъ пути между Орломъ и Харьковомъ, и этотъ путь не могъ миновать Курска.

Вотъ почему мы находимъ, что изъ Харькова слѣдуетъ прежде всего вести два пути: одинъ на юго-востокъ къ Грушевскимъ копямъ, другой на сѣверо-западъ на Сумы или Роменъ къ орловско-кіевской линіи. Но къ этому присоединяются еще другія соображенія. Дорога изъ Харькова на сѣверо-западъ идетъ по направленію къ Рижскому заливу; какъ скоро эта дорога будетъ построена, она тотчасъ же будетъ продолжена до Витебска для соединенія съ дорогой Рижско-динабурго-витебской. Такимъ образомъ получится довольно прямой путь отъ Рижскаго залива къ самому глубокому заливу Азовскаго моря. Важность этого пути будетъ неисчислима.

Тутъ мы позволимъ себѣ сдѣлать одно полемическое замѣчаніе. Обыкновенно полагаютъ у насъ, что чрезвычайно выгод-

но соединить Тамбовъ и черезъ него Саратовъ съ Ригой. На это предположеніе смотрятъ почти какъ на аксіому. Отсюда произошелъ въ проектѣ главнаго управленія планъ линіи отъ Саратова на Тамбовъ, Орелъ, Брянскъ, Смоленскъ и Витебскъ, а въ проектѣ г. Обручева планъ линіи отъ Саратова на Тамбовъ, Ряжскъ, Тулу, Калугу, Смоленскъ и Витебскъ. Между тѣмъ, не говоря уже о Саратовѣ, разстояніе отъ Тамбова до Риги такъ велико, что перевозка девяти-пудовой четверти обошлась бы не менѣе 3 руб. сер.,—цѣна, конечно, не чрезмѣрная сравнительно съ теперешними цѣнами доставки, но все-таки столь значительная, что когда изъ другихъ болѣе близкихъ къ портамъ мѣстностей Россіи будетъ отправляться туда хлѣбъ, то Тамбову будетъ трудно конкуррировать съ ними. Путь на Ригу вовсе не есть для Тамбова „кратчайшій путь“ къ порту. Тамбову всего удобнѣе сбывать хлѣбъ черезъ Саратовъ по Волгѣ и Дону, въ Ростовъ-на-Дону. Затѣмъ ближайшій и наиболѣе выгодный для него портъ есть Петербургъ; наконецъ онъ лежитъ даже къ Одессѣ ближе чѣмъ къ Ригѣ, не говоря уже о Либавѣ. Между тѣмъ, что̀ же мы видимъ? Въ сѣти главнаго управленія надъ всѣмъ господствуютъ двѣ линіи изъ Москвы въ Севастополь и изъ Тамбова въ Ригу. Точно то же мы видимъ и въ сѣти г. Обручева. И та и другая сѣть приносятъ существенные и несомнѣнные интересы Россіи въ жертву этимъ двумъ невѣрнымъ линіямъ.

Сомнѣваясь въ пользѣ соединенія Тамбова съ Витебскомъ, мы не отрицаемъ значенія линіи отъ Витебска на Орелъ и Елецъ, но полагаемъ, что невозможно придавать этой линіи первостепенное значеніе, нельзя ставить ее на ряду съ линіей, которая соединила бы Витебскъ, а черезъ него Ригу съ Харьковомъ и прошла бы черезъ плодороднѣйшія части Харьковской, Полтавской, Черниговской и отчасти Курской губерній теперь гораздо болѣе лишенныя сбыта чѣмъ Орелъ или Елецъ, и пересѣкла бы торговую мѣстность украинскихъ ярмарокъ, а также весьма промышленную мѣстность, населенную такъ-называемыми слободскими старообрядцами Черниговской губерніи. По этой линіи могъ бы идти въ Ригу хлѣбъ изъ такихъ мѣстъ, гдѣ онъ гораздо дешевле чѣмъ въ Орлѣ и которыя находятся отъ Риги на одинаковомъ съ Орломъ разстояніи.

№ 179.

Москва, 13-го августа.

Ниже мы помѣщаемъ отчетъ о процессѣ познанскихъ Поляковъ, съ 1-го по 19-е августа. Въ этомъ процессѣ самое видное мѣсто до сихъ поръ принадлежитъ рѣчи адвоката Янецкаго, въ засѣданіи 17-го августа. Главную причину послѣдняго польскаго мятежа онъ видитъ въ томъ, что въ Полякахъ, подвластныхъ Россіи, были возбуждены надежды, которыя никакъ не могли осуществиться. Эти надежды, по собственному его сознанію, направлены были не на водвореніе политической свободы въ Царствѣ Польскомъ; напротивъ, по словамъ его, Поляки Царства сами добровольно отказывались отъ этой свободы, которую будто бы готова была предоставить имъ Россія, лишь бы они отреклись отъ своихъ притязаній на Литву, на Бѣлоруссію и на юго-западную Украйну. Не политической свободы хотѣли они для себя, а господства надъ этими русскими областями; они надѣялись, сначала мирными способами, а потомъ и съ оружіемъ въ рукахъ, оттягать эти области отъ Россіи и присоединить ихъ къ Царству Польскому. Адвокаты познанскихъ подсудимыхъ стараются доказать, что этимъ и ограничивались всѣ надежды и всѣ желанія Поляковъ, нисколько не простираясь на Познать и на Галицію. Берлинскій судъ, безъ сомнѣнія, разсмотритъ, въ какой мѣрѣ эти ихъ увѣренія справедливы; но для насъ важно то, что сами защитники Поляковъ нисколько не думаютъ отрицать ихъ притязаній на русскія области и въ этихъ притязаніяхъ видятъ главную и даже единственную причину возстанія. Поляки, по сознанію самихъ защитниковъ своихъ, вполнѣ виноваты передъ Россіей, и они настаиваютъ только на томъ, что Поляки невинны передъ Пруссіей и Австріей.

Но можемъ ли мы винить ихъ однихъ въ томъ, что они еще не отказались отъ своихъ притязаній на русскія области и все еще надѣются оттѣснить Россію къ Уралу? Нѣтъ, мы безспорно сами подавали и подаемъ имъ поводъ къ подобнымъ притязаніямъ и надеждамъ. Если, какъ говоритъ г. Янецкій, нація, и лишившись своей по-

литической самобытности, долгое время не перестаетъ еще быть націей и составлять одну семью, члены которой, хотя бы и расторгнутые, все еще стремятся къ соединенію; то что же сказать о націи, для которой искусственно создается особый, болѣе или менѣе самостоятельный политическій центръ, которой указана впереди возможность притянуть къ этому центру принадлежавшія ей прежде области, которой предоставляются способы укрѣплять и усиливать въ этихъ областяхъ свою національность, подавляя коренное русское населеніе, и въ пользу которой на всемъ пространствѣ прежнихъ ея владѣній выговариваются въ международномъ актѣ особыя національныя учрежденія? Можно ли ожидать отъ такой націи, чтобъ она воздержалась отъ стремленія къ возстановленію полной своей политической самобытности на всемъ пространствѣ прежнихъ своихъ владѣній, чтобъ она убѣдилась въ несбыточности своихъ надеждъ и перестала питаться воспоминаніями прошедшаго? Когда въ 1815 году Россія выступила на Вѣнскомъ конгрессѣ съ предложеніемъ возстановить Царство Польское, въ предѣлахъ великаго герцогства Варшавскаго, и обезпечить національность Поляковъ подвластныхъ какъ ей, такъ и другимъ двумъ державамъ, то она изумила всю Европу, долгое время подозрѣвавшую въ ней властолюбивые замыслы. Лишь въ послѣдствіи европейскія державы могли убѣдиться въ совершенномъ безкорыстіи императора Александра I, но убѣдившись въ этомъ, онѣ должны были естественно позаботиться объ извлеченіи возможныхъ для себя выгодъ изъ этого безкорыстія. Удивляться ли, что европейская дипломатія получила возможность пользоваться польскимъ вопросомъ, какъ средствомъ для своихъ цѣлей, и что теперь, по прошествіи почти пятидесяти лѣтъ послѣ Вѣнскаго трактата, роли наконецъ измѣнились, и наше тогдашнее безкорыстіе сдѣлалось поводомъ къ вмѣшательству не Россіи въ дѣла Пруссіи и Австріи, а наоборотъ, всякой желающей изъ великихъ державъ въ дѣла Россіи, — къ вмѣшательству, стоящему намъ столькихъ жертвъ и причиняющему столько бѣдствій польскому краю, а нашимъ сосѣдямъ, какъ напримѣръ Пруссіи, доставляющему возможность съ такимъ успѣхомъ осуществлять свою національную политику, отнюдь уже не страдающую безкорыстіемъ?

Предотвратить на будущее время все то зло, которое надѣлали и Полякамъ и Русскимъ, Вѣнскіе трактаты, возможно не иначе какъ сознавъ ясно весь вредъ политики, выразившейся въ этихъ актахъ, какъ бы нарочно придуманныхъ для того, чтобы лишать Поляковъ возможности стать мирными гражданами тѣхъ государствъ, въ которыя ввела ихъ исторія.

Если Поляки поспѣшаютъ на помощь другъ къ другу, въ какомъ бы изъ государствъ ни произошло возстаніе, если они жертвуютъ и жизнію, и имуществомъ, для интересовъ, которые чужды и даже противоположны интересамъ государства, считающаго ихъ въ числѣ своихъ подданныхъ, то въ этомъ прежде всего виноватъ порядокъ вещей, установленный въ 1815 году. „Грустно подумать, сказалъ г. Янецкій, что такой ненормальный порядокъ вещей возможенъ еще въ благоустроенныхъ государствахъ; но виноваты въ этомъ не Поляки, а Вѣнскіе трактаты.“ Въ этомъ случаѣ сама истина говорила устами прусскаго адвоката.

Г. Янецкій совершенно вѣрно выражаетъ сущность польскаго дѣла, утверждая, что оно имѣетъ своимъ корнемъ не вопросъ о политической свободѣ, даже не вопросъ о польской національности, а вопросъ о польскомъ господствѣ въ западномъ краѣ. Не польская національность дорога польскимъ патріотамъ, а власть надъ русскимъ народомъ. Вотъ въ чемъ заключается вся тайна польскаго вопроса. Это кажется не вѣроятнымъ, но въ этомъ, и только въ этомъ вся сущность, все жизненное начало польскаго движенія. Оно сейчасъ потеряетъ все свое значеніе, какъ скоро заглохнутъ польскія притязанія на западный край. Гдѣ же корень этихъ притязаній? Всякій разумный человѣкъ видитъ, что они несбыточны и въ то же время всякій безпристрастный наблюдатель дивится ихъ живучести, а многіе весьма разумные люди недоумѣваютъ, какъ объяснить ее. Горсть шляхты, не имѣвшей ни силы ни воли сохранить свое государство, когда оно существовало, эта горсть столько разъ испытывавшая тщету своихъ усилій возстановить это государство послѣ его паденія, не теряетъ однакожь надежды на побѣду надъ народомъ, успѣвшимъ создать одну изъ могущественнѣйшихъ великихъ державъ Европы. Явленіе непонятное, явленіе сверхъестественное! Въ немъ сказы-

вается какая-то таинственная вѣра въ будущее, не подчиняющаяся естественнымъ законамъ историческаго хода дѣлъ, и дѣйствительно польскіе патріоты, наблюдая характеръ своего патріотизма, приходятъ къ убѣжденію въ его сверхъестественной силѣ и мистически именуютъ его мессіанизмомъ. А между тѣмъ тутъ все объясняется очень просто и очень естественно. Вся тайна заключается въ политикѣ, гальванизирующей польскія притязанія. Во время присоединенія западнаго края, никто не помышлялъ тамъ о сепаратизмѣ. Не только низшіе классы населенія, но даже помѣщики, отчасти польскаго происхожденія, отчасти совершенно ополяченные, радовались факту присоединенія и видѣли въ немъ ручательство въ прекращеніи неурядицы, изнурявшей этотъ край. Русская національность была тогда въ положеніи несравненно лучшемъ нежели теперь, и даже храмы имѣли видъ менѣе печальный. Разложеніе польской шляхты было полное, и мысль о возстановленіи Рѣчи Посполитой не имѣла почвы. Но все измѣнилось какъ скоро явилась увѣренность въ равнодушіи русской политики къ русскимъ національнымъ интересамъ. Въ польскихъ патріотахъ возникли сначала попытки, потомъ опредѣленныя стремленія дѣйствовать соотвѣтственно ихъ понятіямъ о характерѣ русской политики. Они начали помышлять то объ отложеніи отъ Россіи, то о пріобрѣтеніи внутри Россіи преимуществъ передъ русскою народностью. Они основывали свои разсчеты не на своихъ силахъ, а на космополитизмѣ и внутренней безхарактерности Русскаго государства, способнаго, по ихъ мнѣнію, дѣйствовать лишь внѣшними средствами и совершенно лишеннаго живой національной силы. Вотъ естественный источникъ той живучести польскихъ притязаній, которой мы Русскіе удивляемся нисколько не менѣе чѣмъ сами Поляки, и того ихъ убѣжденія въ непрочности русскаго государства, отъ котораго никакія бѣдствія не въ состояніи освободить польскихъ патріотовъ, пока они не увидятъ на дѣлѣ не нашу способность подавлять ихъ возстанія, имъ хорошо извѣстную, а нашу неспособность къ уступкамъ, клонящимся къ ущербу русской національности и къ торжеству, въ предѣлахъ Русской державы, другихъ національностей надъ національностью русскою, ее создавшею. Свою силу почерпаютъ польскія притязанія не въ себѣ, а въ насъ, и въ способахъ нашего государства. Вотъ почему она должна либо казаться сверхъестественною, какъ она представляется польскимъ мистикамъ. либо возбуждать грусть, высказанную г. Янецкимъ, что подобный порядокъ вещей возможенъ еще въ благоустроенныхъ государствахъ Европы.

№ 180.

Москва, 14-го августа.

Замѣтка г. Б., которую читатели найдутъ ниже, касается такого живаго вопроса, что мы не можемъ не сказать по ея поводу нѣсколькихъ словъ. Г. Канановъ, авторъ статьи помѣщенной въ № 22 *Воскресныхъ Прибавленій* къ *Московскимъ Вѣдомостямъ* и вызвавшей Замѣтку г. Б., высказалъ, по нашему мнѣнію, мысль полезную, весьма заслуживающую вниманія. Опустѣвшія горы западнаго Кавказа ожидаютъ пришельцевъ, которые заселили бы ихъ. Этими пришельцами будутъ отчасти Русскіе, но намъ кажется, что въ настоящую минуту отнюдь не желательно поощрять какими-нибудь особенно энергическими мѣрами переселеніе русскихъ на Кавказъ. Пусть оно идетъ своимъ чередомъ, пусть не полагается ему препятствій; пусть даже оказывается нѣкоторое покровительство русскимъ колонистамъ. Но въ настоящую минуту болѣе нежели когда-нибудь слѣдуетъ, кажется, соблюдать мѣру въ этомъ покровительствѣ: поступать иначе значило бы оттягивать русскіе элементы отъ западнаго края, гдѣ они всего болѣе нужны; а надобно замѣтить, что по стеченію разныхъ географическихъ и политическихъ условій, въ Россіи и такъ замѣтно болѣе сильное тяготѣніе на востокъ чѣмъ на западъ. Великорусское племя отличается однакожь и промышленнымъ характеромъ и предпріимчивостью. Въ малороссійскихъ губерніяхъ по лѣвому берегу Днѣпра почти вся торговля находится въ рукахъ лицъ переселившихся изъ Московской, Владимірской и окрестныхъ губерній. Если это движеніе останавливается на берегахъ Днѣпра, то причины тому болѣе политическія чѣмъ естественныя, и въ настоящую минуту всего болѣе можно ожидать устраненія этихъ причинъ. Но преграды, положенныя продолжительнымъ вре-

менемъ, переступаются не легко; для этого нужны сильныя побужденія, и вотъ между прочимъ одно изъ соображеній, заставляющихъ желать возможно скораго проведенія желѣзной дороги изъ Москвы въ Кіевъ. Эта великая мѣра, въ соединеніи съ облегченіями при покупкѣ частныхъ и казенныхъ имѣній западнаго края русскими людьми, и съ тщательнымъ устраненіемъ всѣхъ искусственныхъ средствъ могущихъ содѣйствовать удержанію тамошней поземельной собственности въ рукахъ нынѣшнихъ владѣльцевъ содѣйствовавшихъ мятежу,—должна привести къ значительному измѣненію національныхъ отношеній въ западномъ краѣ. Можетъ-быть именно въ этихъ интересахъ было бы важно допустить выселеніе оттуда нѣкоторой части еврейскаго населенія; при желѣзной дорогѣ въ Кіевъ, главнымъ препятствіемъ, которое встрѣтили бы въ западномъ краѣ торговцы изъ великорусскихъ губерній, была бы скученность еврейскаго населенія доводящая тамъ торговую конкурренцію до крайнихъ предѣловъ. Нельзя упускать ни одного средства изъ тысячи возможныхъ средствъ, чтобы достигнуть усиленія русскаго элемента въ западномъ краѣ. Это дѣло такъ важно, и вмѣстѣ такъ трудно, что чѣмъ разнообразнѣе будутъ пути дѣйствія и чѣмъ большею энергіей оно будетъ отличаться, тѣмъ будетъ лучше. Нѣтъ средства, столь незначительнаго, чтобы мы были въ правѣ пренебрегать имъ, если только оно можетъ служить этому дѣлу. Но если такъ, то тѣмъ болѣе должны мы воздерживаться отъ дѣйствій, которыя могли бы повредить его ходу. Въ настоящую минуту было бы, очевидно, несогласно съ ближайшею задачей русской исторіи искусственно привлекать русскія силы куда бы то ни было кромѣ западнаго края. Вотъ почему переселеніе Русскихъ на Кавказъ необходимо предоставить естественному ходу экономическихъ отношеній, всячески воздерживаясь отъ энергическихъ поощреній, къ которымъ мы такъ готовы прибѣгать кстати и не кстати, и которыя были бы въ этомъ случаѣ и неумѣстны и излишни. Такой благодатный и дѣвственный край привлечетъ со временемъ русскихъ переселенцевъ собственною притягательною силой. Искусственно переманивать туда Русскихъ тѣмъ менѣе нужно, что первенствующее за Кавказомъ грузинское племя состоитъ въ живомъ единеніи съ русскимъ народомъ. Обязанность администраціи поддерживать это единеніе, содѣйствовать водворенію русскаго языка въ Закавказьѣ и вообще заботиться о закрѣпленіи связей соединяющихъ его съ Россіей; съ этою цѣлію необходимо ускорить сооруженіе желѣзной дороги направленной изъ центральной Россіи къ Кавказу; съ этою же цѣлію надобно принять всѣ мѣры, чтобы главное условіе процвѣтанія края, а слѣдовательно и привязанности его къ Россіи,—огражденіе личной и имущественной безопасности — было въ Кавказскомъ краѣ осуществлено какъ можно полнѣе. Хорошая администрація и хорошіе пути сообщенія сдѣлаютъ, что этотъ край будетъ тянуть къ Россіи, еслибы даже русское населеніе и не тянуло туда. Но тутъ является слѣдующій вопросъ: Кавказскій край, очевидно, нуждается въ нѣкоторой прибавкѣ къ его теперешнему населенію, и притомъ въ такой прибавкѣ, которая могла бы оживить тамошнюю промышленность и торговлю; нуждаясь въ колонистахъ, онъ особенно нуждается въ колонистахъ, располагающихъ нѣкоторыми средствами. Если на русскихъ колонистовъ нельзя много разчитывать, и если во всякомъ случаѣ, изъ Россіи можно ожидать преимущественно колонистовъ земледѣльческаго класса, то-есть людей не только не денежныхъ, но даже нуждающихся въ пособіи, то при такомъ положеніи дѣлъ неужели не желательно привлечь въ Кавказскій край людей, почти единовѣрныхъ намъ, уже имѣющихъ связи въ краѣ и могущихъ принести съ собой довольно значительные капиталы скопленные вѣковою торговлей почти во всѣхъ странахъ Азіи? Мы говоримъ не специяльно о зейтунскихъ Армянахъ, по поводу которыхъ писалъ г. Канановъ, но вообще объ Армянахъ, и полагаемъ, что еслибы нѣкоторая часть Армянъ, разсѣянныхъ по Передней Азіи, избрала своимъ пристанищемъ Кавказскій край, то Россія нисколько не потеряла бы отъ этого, а напротивъ много выиграла бы. Эти промышленные люди, имѣющіе въ своихъ рукахъ значительную долю азіятской торговли, очень тяготятся тѣмъ, что лишены такого пріюта, гдѣ ихъ собственность и личность были бы вполнѣ обезпечены. Нѣтъ сомнѣнія, что они стали бы охотно перевозить свои сбереженія въ русскіе предѣлы, еслибы получили увѣренность, что имъ будетъ тутъ и безопасно и привольно. Мы отнюдь

не намѣрены говорить въ пользу искусственнаго привлеченія Армянъ къ переселенію въ Россію; мы далеки отъ мысли о тратѣ казенныхъ денегъ на издержки ихъ переселенія или о дарованіи имъ льготъ, въ родѣ нахичеванскихъ, которыя могли бы быть употреблены во зло. Но намъ кажется, что и безъ траты казенныхъ денегъ, и безъ подобныхъ неправильныхъ льготъ, можно было бы привлечь Армянъ, и преимущественно достаточныхъ, которыхъ переселеніе особенно желательно; намъ кажется, что для этого достаточны упомянутыя сейчасъ общія условія, обезпечивающія безопасность и ограждающія отъ униженія,—и вотъ съ этой-то стороны, по нашему мнѣнію, заслуживаютъ вниманія слова г. Кананова о тѣхъ предубѣжденіяхъ, которыя дѣлаютъ жизнь за Кавказомъ не совсѣмъ привольною для Армянъ. Г. Б., возражая г. Кананову, указываетъ на образъ дѣйствій администраціи, свидѣтельствующій о ея безпристрастіи относительно Армянъ. Но г. Б. не можетъ отрицать, что вообще говоря Армяне находятся за Кавказомъ въ положеніи униженномъ, и что администрація, дающая всему тонъ, очень могла бы оказать нѣкоторое вліяніе на улучшеніе общественнаго положенія Армянъ въ томъ краѣ. Тутъ требуются не какія-либо мѣры, не льготы или пособія; требуется только измѣненіе въ тонѣ обращенія, ничего никому не стóящее и ни въ чемъ никому не вредящее.

№ 181.

Москва, 17-го августа.

Недавнее колебаніе вексельнаго курса, теперь повидимому оканчивающееся, а также нѣкоторыя возраженія появившіяся въ печати противъ нашихъ статей о русскомъ денежномъ вопросѣ, побуждаютъ насъ возвратиться къ этому предмету. Мы не знаемъ отчего произошло пониженіе курса на биржахъ 4-го и 7-го августа; по всему вѣроятію, тутъ участвовали не только извѣстія о неудовлетворительномъ урожаѣ во многихъ мѣстностяхъ Россіи, но и какія-нибудь не сбывшіяся надежды. Намъ кажется, что это пониженіе было искусственное, и что даже курсъ состоявшійся въ прошлую пятницу, подъ конецъ биржи, а именно $31^7/_8$ пенни за кредитный рубль, или 16% ниже пари, удержаться не можетъ. Извѣстія, заслуживающія довѣрія, говорятъ единогласно объ окончательномъ заключеніи сдѣлки между правительствомъ и извѣстною англійскою компаніей относительно построенія южной желѣзной дороги. Деньги на сооруженіе начатой желѣзной дороги отъ Москвы до Орла будутъ доставлены правительству англійскою компаніей, которая возьметъ, кромѣ того, прямо на себя построеніе небольшаго дальнѣйшаго участка на югъ отъ Орла, отказавшись отъ остальной линіи. Какъ извѣстно, срокъ концессіи, которая была предоставлена этой компаніи, истекъ 1-го іюля, но былъ продолженъ правительствомъ до 1-го ноября. Къ этому времени будетъ, конечно, собранъ капиталъ на построеніе южной линіи въ размѣрѣ сокращенномъ согласно состоявшейся сдѣлкѣ, и какую бы систему компанія ни приняла относительно перевода этого капитала въ Россію, во всякомъ случаѣ эта операція должна дать вексельному курсу, нынѣшнею осенью, серіозную наклонность къ повышенію. Правда, что въ интересѣ компаніи будетъ сдерживать повышеніе. Правда и то, что заинтересованные въ этомъ дѣлѣ банкирскіе дома располагаютъ значительными средствами для огражденія своихъ интересовъ, требующихъ, чтобы собранный капиталъ былъ переведенъ въ Россію по курсу возможно низкому. Очень можетъ быть, что и для торговыхъ домовъ предпринявшихъ учрежденіе въ Петербургѣ биржеваго банка съ капиталомъ на первый разъ въ пять милліоновъ рублей окажется прибыльнымъ держать курсъ низко, дабы выгодно перевести сюда ту часть складочнаго капитала, которая будетъ получена ими изъ-за границы. Но съ другой стороны на петербургской биржѣ есть много интересовъ, которые будутъ бороться за себя въ противномъ смыслѣ. Какъ бы ни были живы усилія клонящіяся къ пониженію, дѣло рѣшительно невозможное, чтобы переводъ довольно значительныхъ капиталовъ въ Россію не подѣйствовалъ на курсъ благопріятно. Вотъ почему, если нельзя ожидать очень большаго повышенія курса, то нельзя также ожидать, чтобы теперешній низкій курсъ могъ устоять. Впрочемъ въ настоящемъ случаѣ именно умѣренный ходъ дѣлъ и желателенъ. Нѣтъ ничего хуже какъ быстрыя и неожиданныя колебанія вексельнаго курса, парализирующія всякій

коммерческій разчетъ по заграничной торговлѣ и сильно отзывающіяся на положеніи внутренняго рынка, цѣны котораго находятся въ большой зависимости отъ хода сдѣлокъ по предметамъ привоза и отпуска. Было бы очень печально, еслибы вексельный курсъ поднялся высоко чтобы вслѣдъ затѣмъ упасть ниже прежняго. Гораздо лучше небольшое повышеніе, но способное продержаться.

У насъ очень много разсуждаютъ о бѣдственномъ положеніи русской промышленности и русскаго сельскаго хозяйства. Но люди, которые дѣйствительно принимаютъ къ сердцу это бѣдственное положеніе, должны бы, кажется, внимательнѣе другихъ вникать въ его причины. Они никакъ не должны бы смотрѣть слегка на тотъ фактъ, что наши деньги не имѣютъ теперь того свойства, которое именно дѣлаетъ деньги деньгами,—свойства постоянной цѣнности. Чего ожидать отъ промышленности пользующейся и принужденной пользоваться такими деньгами? Желанія человѣческія не ограниченны; человѣкъ не довольствуется ничѣмъ и всегда стремится къ лучшему: въ этомъ источникъ прогресса. Но дѣло мудрости различать между множествомъ желаній и ставить на первомъ планѣ желанія наиболѣе существенныя. Почему не желать поземельнаго кредита? Но поземельный кредитъ менѣе желателенъ чѣмъ кредитъ вообще, а кредитъ вообще менѣе желателенъ чѣмъ возможность производить цѣнности и сберегать часть продуктовъ производства, превращая ее въ капиталъ. Къ чему кредитъ, когда производство въ убытокъ,—къ чему какъ не къ окончательному раззоренію? А теперь во многихъ мѣстахъ Россіи производство въ убытокъ и по сельскому хозяйству и по нѣкоторымъ другимъ отраслямъ промышленности. Иные приписываютъ это освобожденію крестьянъ, но здравый смыслъ говоритъ, что освобожденіе крестьянъ могло повести къ дороговизнѣ произведеній земли, а не къ такимъ цѣнамъ на нихъ, при которыхъ не окупается производство. Освобожденіе крестьянъ могло уменьшить доходы помѣщиковъ; оно могло понизить капитальную цѣнность имущества оставшагося за помѣщиками; но здравый смыслъ говоритъ ясно, что оно не можетъ быть причиной того положенія, въ которомъ находится теперь не только помѣщичье, но вообще сельское хозяйство. Причина тутъ другая, и она заключается въ томъ, что наши деньги, какъ мы сейчасъ сказали, не имѣютъ того свойства, которое именно дѣлаетъ деньги деньгами,—свойства постоянной цѣнности. У насъ нѣтъ денегъ.

По поводу нашихъ разсужденій о кредитѣ, одна газета, довольно часто выражавшая сочувствіе намъ, укоряла насъ недавно въ равнодушіи къ интересамъ помѣщиковъ. Но если намъ дороги интересы Россіи, то можемъ ли мы относиться хладнокровно ко всему тому, что̀ близко касается первенствующаго класса нашей страны, отъ дальнѣйшихъ судебъ котораго зависятъ и ея судьбы? Если мы не считаемъ нужнымъ безплодно раздражать помѣщиковъ, разрисовывая мрачными красками ихъ положеніе, то это отнюдь не происходитъ отъ равнодушія. Сколько позволяли обстоятельства, мы неослабно трудились надъ разъясненіемъ условій, которыя могли бы положить прочное основаніе улучшенію ихъ хозяйственнаго, гражданскаго и государственнаго быта въ согласіи съ общимъ преуспѣяніемъ отечества. Теперь по истинѣ не время для апатіи. Не всѣ можетъ-быть ясно сознаютъ сколь многое рѣшается въ переживаемую нами минуту, но кто не чувствуетъ ея высокой, торжественной серіозности? Восточная война, освобожденіе крестьянъ и наконецъ польскій вопросъ привели Россію къ Геркулесову перекрестку. Пойдетъ ли она вправо или пойдетъ влѣво? — этимъ опредѣлится дальнѣйшій путь ея. Никогда еще въ русской исторіи не было подобной минуты; никогда еще не раскрывалось предъ нею столь блестящей перспективы, и никогда еще не возникалъ съ такою силой вопросъ, удержитъ ли она за собой право на эту блестящую перспективу. Вопросъ идетъ не объ одномъ русскомъ землевладѣльческомъ классѣ; вопросъ идетъ о всей русской націи, но землевладѣльческій классъ стоитъ впереди ея, представляетъ ее собой и раздѣляетъ ея судьбы. Его воспитаніе, его общественное положеніе, его государственное служеніе и неразрывно со всѣмъ этимъ связанная его имущественная обезпеченность, все это вопросы, которыми предопредѣляется будущность Русской націи и Русскаго государства. Кому дорого отечество, тотъ не способенъ смотрѣть на эти вопросы апатическими глазами.

Но именно серіозный взглядъ на дѣло несовмѣстенъ съ легкомысленными или лихорадочными сужденіями. Никто не споритъ что кредитъ важное пособіе для всякаго производства, а слѣдовательно и для помѣщичьяго хозяйства. Но кто напримѣръ утверждаетъ, что поземельный кредитъ „нужнѣе всего," и нуженъ сію же минуту, тотъ не говоритъ серіозно. Въ имущественномъ отношеніи нужнѣе всего обезпеченіе права собственности, устройство такого сподручнаго суда, который бы ограждалъ его съ полнымъ успѣхомъ (такимъ, скажемъ мимоходомъ, можетъ быть только мѣстный судъ, чинимый мировыми судьями, не одними участковыми,—ихъ будетъ мало,—но и почетными, и разумѣется чинимый на правѣ обыкновеннаго узаконеннаго, а не третейскаго суда, къ которому никакимъ краснорѣчіемъ не удастся заманить ни одного мошенника), и наконецъ правильная система взысканій. Кредитъ нуженъ лишь во-вторыхъ, что̀ впрочемъ отнюдь не мѣшаетъ одновременному появленію и кредитныхъ и судебныхъ учрежденій. Но тутъ дѣло въ томъ, что всякое кредитное предпріятіе размѣровъ болѣе обширныхъ чѣмъ какое-нибудь городское кредитное общество или губернскій поземельный банкъ, и въ особенности всякое кредитное предпріятіе, разчитывающее на помѣщеніе закладныхъ листовъ заграницей, непремѣнно либо окажется чистымъ пуфомъ, либо возложитъ на страну тяжесть неудобоносимую, пока не фиксирована денежная единица, то-есть пока закладные листы, написанные на русскіе рубли, могутъ измѣнять свою цѣнность съ каждою биржей и притомъ на нѣсколько процентовъ разомъ, безо всякой вины со стороны кредитнаго учрежденія. Вотъ почему вопросу о кредитѣ долженъ предшествовать вопросъ о денежной системѣ. Эта преемственность, требуемая самою сущностью дѣла, такъ непреложна, что къ несчастію никакое желаніе доставить кредитъ помѣщикамъ, какъ бы оно ни было свободно отъ равнодушія, не можетъ преодолѣть ее.

Предложенная нами и, какъ намъ пріятно замѣтить, уже многими теперь раздѣляемая мысль о необходимости упрочить цѣну кредитнаго рубля, не возстановляя первоначальной цѣнности его, встрѣтила на-дняхъ возраженіе въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*. Автору этого возраженія, г. Головачеву, показалось, что эта мысль противорѣчитъ нашему прежнему взгляду на положеніе русскихъ финансовыхъ дѣлъ и на его причины. Смѣемъ увѣрить почтеннаго оппонента, что его недоумѣніе произошло лишь отъ невниманія къ тому, что̀ мы довольно подробно развивали. Мы говорили и не перестаемъ говорить противъ возстановленія цѣнности кредитнаго рубля, какъ противъ мѣры не приносящей никому справедливой пользы, а между тѣмъ для весьма многихъ совершенно раззорительной. Но говорить противъ возстановленія цѣнности кредитнаго рубля отнюдь не значитъ говорить противъ ея упроченія. Что до насъ касается, то мы высказывались въ пользу послѣдняго именно съ того самаго 1860 года, на который указываетъ г. Головачевъ. Тогда мы только употребляли другой терминъ и имѣли на то свои основанія. Доказывая безвредность и даже пользу банкрутства приблизительно на 10%, мы хотѣли назвать защищаемую нами мѣру самымъ неблагопріятнымъ именемъ и такъ-сказать заранѣе показать себя нечувствительными къ одному изъ аргументовъ, которые могли быть приведены противъ нея. Но банкрутство на 10% и упроченіе цѣны кредитнаго рубля на 10% ниже пари, то-есть ниже первоначальной цѣны, это два термина, обозначающіе одно и то же дѣло. Въ 1858 году, когда было сожжено 60 милліоновъ рублей и когда вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ курсъ началъ было поправляться,—тогда мы считали возможнымъ возстановить первоначальную цѣнность кредитнаго рубля, но изъ этого слѣдуетъ только то, что тогда обстоятельства были другія, и что каждый день имѣетъ свою заботу.

Г. Головачевъ полагаетъ, что не должно ни возстановлять, ни упрочивать цѣнности кредитнаго рубля. По его мнѣнію, сто̀итъ только разрѣшить заключеніе сдѣлокъ на цѣлковые рубли, и дѣло будетъ въ шляпѣ. Нѣтъ ничего легче какъ издать такое постановленіе и стало-быть выйдти изъ всѣхъ затрудненій. Что̀ же мѣшаетъ этому? Неужели одно непониманіе дѣла или одно нежеланіе облагодѣтельствовать Россію почеркомъ пера? Что-то невѣроятно! Нѣтъ ли тутъ можетъ быть хотя нѣкоторой доли уваженія къ существующимъ обязательствамъ, и даже къ землевладѣльческимъ интересамъ? Въ самомъ дѣлѣ, отмѣните обязательную цѣнность кредитнаго рубля,

поставьте наши ассигнаціи въ положеніе билетовъ Французскаго банка (билеты Англійскаго банка обязательны въ пріемѣ), и тотчасъ же спросъ на нихъ упадетъ, даже если вы откроете размѣнъ (поэтому во Франціи, при размѣнѣ не подлежащемъ ни малѣйшему сомнѣнію, обращается, сравнительно съ Англіей, очень мало банковыхъ билетовъ). Но вы не хотите ни размѣна, ни поддержки курса. Во сколько же разъ болѣе долженъ упасть спросъ на кредитные билеты, еслибъ осуществилась предлагаемая вами мѣра? Кредитные билеты упадутъ въ цѣнѣ на 50, 60, можетъ-быть на 70 и болѣе процентовъ. Но по вашему же мнѣнію уплата звонкою монетой будетъ обязательна только по сдѣлкамъ, вновь заключаемымъ на цѣлковые рубли, а по прежнимъ сдѣлкамъ проценты и капиталъ должны быть уплачиваемы кредитными билетами. Каково же пришлось бы помѣщикамъ, еслибы всѣ оброки и всѣ проценты по выкупнымъ свидѣтельствамъ платились рублями, стóящими не дороже двугривеннаго или четвертака? Не было ли бы это громаднѣйшею споліаціей, когда-либо виданною на бѣломъ свѣтѣ?

Наша денежная единица теперь не цѣлковый, а кредитный рубль. Отъ этой денежной единицы, безъ величайшихъ потрясеній, мы отдѣлаться не въ состояніи, а потому цѣнность кредитнаго рубля не можетъ быть предоставлена случаю. Цѣнность кредитнаго рубля должна быть упрочена, дабы оказалось самое элементарное изъ условій поземельнаго и всякаго кредита.

Предлагая фиксировать кредитный рубль наравнѣ съ прусскимъ талеромъ, мы имѣли въ виду удобство международныхъ сношеній. Но можно избрать и другую норму, лишь-бы она была не ниже внутренней цѣны пяти двугривенныхъ 72 пробы (что дало бы цѣлковому рублю приблизительно цѣну въ 1 руб. 15 коп.). Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ необходимо имѣть въ виду размѣнъ, а для того чтобы размѣнъ сдѣлался возможнымъ, необходимо изъятіе нѣкотораго количества кредитныхъ билетовъ, посредствомъ внутренняго займа. Мы предлагали внутренній заемъ приблизительно въ 150 милліоновъ съ разсрочкой вносовъ по меньшей мѣрѣ на годъ и съ правомъ представлять вмѣсто вноса не только кредитные билеты, но и безсрочныя свидѣтельства государственнаго банка по вкладамъ. Намъ возражаютъ, что такой заемъ отнялъ бы у промышленности оборотные капиталы. Но онъ отнялъ бы только излишекъ кредитныхъ билетовъ; нужные для оборотовъ кредитные билеты остались бы въ обращеніи: вмѣсто нихъ были бы внесены свидѣтельства государственнаго банка по безсрочнымъ вкладамъ. Кредитные билеты, поступившіе въ казну по этому займу, были бы преданы сожженію и списаны со счета безпроцентнаго долга государственному банку, состоящаго на государственномъ казначействѣ; внесенныя свидѣтельства были бы также уничтожены, а въ замѣнъ государственный банкъ списалъ бы съ долга государственнаго казначейства соотвѣтствующую сумму. Положеніе денежнаго рынка и положеніе государственнаго банка улучшились бы разомъ, а о положеніи государственнаго банка уже пора серіозно подумать. Наконецъ, если принять норму фиксаціи ниже прусскаго талера, то можно было бы соотвѣтственную часть займа (считая на каждую копѣйку нормы по шести милліоновъ рублей) опредѣлить на пополненіе дефицита въ предстоящемъ 1865 году, такъ-какъ для приведенія денежной системы въ порядокъ необходимо прекратить выпускъ серій и металлическихъ билетовъ банка. Но для успѣшности дѣла сумма идущая въ пособіе государственному казначейству должна быть заранѣе въ точности опредѣлена; употребленіе остальной суммы займа согласно ея назначенію должно быть достаточно гарантировано (совѣтъ государственныхъ кредитныхъ установленій, учрежденный для подобной цѣли императоромъ Александромъ I, заключаетъ въ себѣ зародыши дальнѣйшаго развитія). Это дѣло требуетъ неизмѣнной точности исполненія и безповоротной рѣшимости: чѣмъ больше будетъ гарантій въ этомъ отношеніи, тѣмъ будетъ лучше. Одновременно со всѣмъ этимъ слѣдовало бы открыть пріемъ звонкой монеты въ казенныхъ кассахъ по установленной, навсегда упроченной цѣнѣ, а размѣнная касса могла бы начать свою службу черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ сожженія послѣдней вырученной займомъ партіи кредитныхъ билетовъ, если въ продолженіи этихъ мѣсяцевъ курсъ будетъ стоять близко къ *пари*, и если политическія обстоятельства будутъ благопріятны: надобно имѣть въ виду, что время открытія размѣна считается самымъ благопріятнымъ вре-

менемъ для нападеній на оправляющееся государство. Императоръ Французовъ произнесъ свою знаменитую рѣчь въ первый день 1859 года, когда Австрія открыла размѣнъ; точно также и у насъ открытіе размѣна совпавшее съ польскимъ движеніемъ не мало послужило къ оживленію тѣхъ симпатій, которыя это движеніе такъ неожиданно и такъ милостиво вызвало въ иностранныхъ правительствахъ.

№ 182.

Москва, 18-го августа.

Насъ спрашиваютъ, какимъ образомъ могла ликвидація казенныхъ банковъ содѣйствовать смягченію денежнаго кризиса, въ которомъ теперь находится Россія. Отвѣчать на это весьма не трудно. Нынѣшній кризисъ есть слѣдствіе излишка кредитныхъ билетовъ, а этотъ излишекъ выразился преимущественно въ двухъ явленіяхъ: съ одной стороны въ лихорадочныхъ порывахъ къ разнымъ предпріятіямъ, чтобы помѣстить въ нихъ капиталы, съ которыми публика не знала что̀ дѣлать; съ другой стороны, въ неправильномъ усиленіи потребленія и развитіи роскоши. Но капиталы, искавшіе помѣщенія, были капиталы кажущіеся, — кажущіеся не по отношенію къ частнымъ лицамъ, въ чьихъ рукахъ они находились, а по отношенію къ народному достоянію. Это послѣднее не могло возрасти вслѣдствіе восточной войны; напротивъ, оно должно было въ значительной степени уменьшиться, такъ какъ война потребовала множества лишнихъ рукъ и сопровождалась истребленіемъ значительнаго числа людей, рабочаго скота, цѣнныхъ сооруженій и разныхъ предметовъ произведенныхъ русскимъ трудомъ. Не ясное ли дѣло, что если непосредственно вслѣдъ за войной явился такой избытокъ капиталовъ, какого никогда не знавали прежде, то эти капиталы не могли быть дѣйствительными капиталами? Народное богатство сократилось, но выпускъ кредитныхъ билетовъ сдѣлалъ то, что судя по наружности надобно было придти къ заключенію о весьма значительномъ приращеніи народнаго богатства. Мы знаемъ, что наружность была тутъ обманчива, и многіе очень хорошо понимали это еще во время войны. Но для частныхъ лицъ, которыя имѣли въ своихъ рукахъ эти обманчивые капиталы, наружность не была обманчива; для нихъ эти капиталы были дѣйствительными цѣнностями, которыхъ нельзя было не пускать въ оборотъ, — и вотъ почему отъ частныхъ лицъ нисколько не зависѣло уберечься отъ пагубныхъ послѣдствій той лихорадки, которой они поддавались невольно. Самый проницательный экономистъ, имѣя въ рукахъ значительную сумму денегъ, и очень хорошо понимая, что эти деньги, съ точки зрѣнія народнаго хозяйства, не болѣе какъ призракъ, не могъ, однакоже, держать ихъ въ своемъ портфелѣ, не извлекая изъ нихъ никакой выгоды или никакого удобства для себя. Онъ получилъ эти деньги за дѣйствительныя цѣнности: могъ ли онъ отказаться отъ полученія съ нихъ дохода? Чтобъ избавить страну отъ призрака, надобно было уничтожить его, надобно было сжечь деньги, обманчиво казавшіяся капиталами. Но еслибы кто-нибудь изъ частныхъ людей вздумалъ жечь свои деньги, то онъ уничтожилъ бы то, что для него было не призракъ, а свой капиталъ. Частныя лица были стало-быть неспособны для борьбы съ призракомъ Она могла быть ведена только государствомъ, которое, уничтожая призрачныя деньги, уничтожало бы то что̀ не стоило ему никакого труда или капитала, кромѣ издержекъ на печатаніе кредитныхъ билетовъ. Такъ какъ никто кромѣ государства не былъ въ подобномъ положеніи относительно кредитныхъ билетовъ, то только о государствѣ можно сказать, что оно не было безсильно для борьбы съ призракомъ, обольщавшимъ страну. Публика была совершенно безсильна. Она принуждена была бросаться на самыя ненужныя предпріятія, и если она увеличила потребленіе, то была также принуждена къ тому. Чѣмъ дороже капиталы, тѣмъ больше бываетъ премія для людей ихъ сберегающихъ. Но когда наступаетъ такая пора, что нѣтъ возможности найдти для капиталовъ разумное помѣщеніе, а между тѣмъ доходовъ получается гораздо больше прежняго, то можно ли винить публику, если она начинаетъ жить шире, проживая весь доходъ и не думая о составленіи сбереженій? У насъ дѣйствительно роскошь развилась послѣ Восточной войны, вслѣдствіе того что увеличились доходы и сдѣлалось легко зарабатывать деньги. Съ точки зрѣнія народнаго достоянія эти доходы не были доходами; въ увеличившихся издержкахъ публики таялъ на-

родный капиталъ, но для частныхъ лицъ такой ходъ дѣлъ былъ не замѣтенъ, и никакая бухгалтерія не могла обнаружить его, потому что частныя лица дѣйствительно потребляли свой доходъ, а не свой капиталъ. Такимъ образомъ частныя лица не виноваты въ томъ, что послѣ войны, когда нужна была особенная бережливость, у насъ напротивъ развилась роскошь, столько же непомѣрная, сколько и несвоевременная. Но этого мало. Излишекъ кредитныхъ билетовъ оставался въ обращеніи такъ долго, что роскошь обратилась въ привычку. Въ этомъ также нельзя винить публику, но это также фактъ несомнѣнный. Теперь безденежье чувствуется сильно, но Россія все-таки продолжаетъ жить роскошнѣе чѣмъ жила до Восточной войны.

Спрашивается, въ какомъ же отношеніи находится ликвидація казенныхъ банковъ къ этому положенію дѣлъ! Что было ея послѣдствіемъ? Бо́льшая чѣмъ прежде трудность получать въ займы деньги и бо́льшая чѣмъ прежде легкость получать за деньги хорошій процентъ,—вотъ ближайшія слѣдствія ликвидаціи казенныхъ банковъ. Пусть же каждый взглянетъ на это дѣло безпристрастно и самъ отвѣтитъ себѣ, не содѣйствовала ли ликвидація двумъ вещамъ, — ограниченію средствъ къ потребленію и усиленію побужденій къ бережливости. Повторяемъ, мы не винили и не винимъ никого въ расточительности и небережливости; вина во всемъ этомъ лежитъ на положеніи дѣлъ. Но нельзя отрицать, что все противодѣйствующее расточительности и все поощряющее бережливость должно содѣйствовать смягченію кризиса, и что стало-быть ликвидація казенныхъ банковъ содѣйствовала тому. Вотъ смыслъ нашихъ словъ, показавшихся одной петербургской газетѣ слишкомъ жесткими. Не слова наши были жестки; жестко положеніе дѣлъ, изображенное въ нашихъ словахъ.

Ликвидація казенныхъ банковъ, взятая сама по себѣ, была мѣрой несомнѣнно правильною и потому никакъ не можетъ быть поставлена на ряду съ пониженіемъ банковаго процента, вытѣснившимъ изъ казенныхъ банковъ упомянутые нами призрачные капиталы и увеличившимъ ихъ вліяніе на денежномъ рынкѣ. Пониженіе банковаго процента усилило акціонерную лихорадку, ослабило бережливость, содѣйствовало расточительности. Дѣйствіе ликвидаціи было совершенно противоположное. Если можно находить въ ней недостатки, то эти недостатки заключаются не въ самой мѣрѣ ликвидаціи, а въ обстоятельствахъ ей сопутствовавшихъ. Противъ правильности ея говорить невозможно; можно говорить только противъ ея благовременности, можно сожалѣть о томъ, что она совпала съ освобожденіемъ крестьянъ. Но никто не можетъ сказать, чтобы мы когда-нибудь говорили въ пользу этой стороны ликвидаціи. Она была уже дѣломъ рѣшеннымъ, когда еще не было извѣстно въ какомъ смыслѣ будетъ рѣшенъ крестьянскій вопросъ. Къ тому же гласное обсужденіе текущихъ вопросовъ по внутреннимъ дѣламъ не имѣло тогда въ Россіи тѣхъ размѣровъ, которые оно получило въ послѣдствіи.

По обнародованіи Положеній 19-го февраля сдѣлалось ясно, что помѣщичьи хозяйства будутъ нуждаться въ кредитѣ, но такъ какъ эти Положенія постановили норму денежныхъ повинностей и сильно содѣйствовали переводу натуральныхъ повинностей въ денежныя, то главная потребность землевладѣльческаго класса, возникшая изъ этихъ Положеній, состояла все-таки не въ кредитѣ, а въ прочности денежной единицы, служащей нормою при опредѣленіи денежныхъ повинностей. Положеніе о выкупѣ еще болѣе усилило эту потребность, такъ какъ при выкупѣ помѣщики предоставляютъ безвозвратно крестьянамъ землю за бумаги, которыхъ цѣнность зависитъ отъ цѣнности кредитнаго рубля. Землевладѣльческій классъ пострадалъ, правда, отъ недостатка въ кредитѣ, затруднявшаго замѣну барщины вольнонаемнымъ хозяйствомъ. Но это неудобство было временное и касалось далеко не всѣхъ помѣщиковъ: теперь обнаружилось на дѣлѣ, что вольнонаемное хозяйство въ большей части случаевъ должно уступить мѣсто сдачѣ земли крестьянамъ или другимъ съемщикамъ на разныхъ условіяхъ, которыя и вырабатываются практикой. Въ тысячу разъ важнѣе для землевладѣльческаго класса, чтобы цѣнность денежныхъ повинностей и выкупныхъ бумагъ не подвергалась значительному пониженію. Итакъ, если смотрѣть на дѣло даже съ исключительной точки зрѣнія землевладѣльческихъ интересовъ, къ которой мы будто бы равнодушны, то отсутствіе кредита есть зло, никакъ не могущее идти въ сравненіи съ тѣмъ зломъ, которое было бы причинено этому классу упадкомъ цѣнности денежной единицы.

Но исправленіе нашей денежной системы было бы невозможно безъ ликвидаціи казенныхъ банковъ. Говорящіе противъ ликвидаціи, указываютъ обыкновенно на продолжительное существованіе казенныхъ банковъ и утверждаютъ, что они могли бы просуществовать еще нѣсколько лѣтъ, не подвергаясь особенной опасности. Но казенные банки не переживали никогда того опыта, который предстоялъ имъ при исправленіи денежной системы. Было ли бы это исправленіе произведено посредствомъ размѣна, или правительство рѣшилось бы на внутренній заемъ, во всякомъ случаѣ, казенные банки подверглись бы набѣгу вкладчиковъ, и противъ этого набѣга было бы одно средство — выпускъ новыхъ кредитныхъ билетовъ. Ликвидація казенныхъ банковъ предшествовала, какъ извѣстно, мѣрамъ относившимся къ денежной системѣ, по тѣмъ не менѣе она потребовала новыхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ. Мы согласны, что это отчасти зависѣло отъ условій принятыхъ для ликвидаціи, но все-таки этотъ опытъ свидѣтельствуетъ, что состоятельность прежнихъ казенныхъ банковъ условливалась возможностью выпуска кредитныхъ билетовъ, то-есть, что прежняя банковая система была несовмѣстна съ исправленіемъ денежной системы.

Повторяемъ, если смотрѣть на ликвидацію казенныхъ банковъ съ исключительной точки зрѣнія землевладѣльческихъ интересовъ, то она окажется мѣрой, въ сущности болѣе полезною для нихъ чѣмъ вредною. Вредна она была помѣщикамъ въ томъ отношеніи, что лишила ихъ удобнаго и привычнаго кредита; полезна въ томъ отношеніи, что сдѣлала возможнымъ упроченіе денежной единицы, то-есть упроченіе цѣнности всѣхъ тѣхъ повинностей и платежей, на которые они получили право по Положеніямъ 19-го февраля.

№ 183.

Москва, 19-го августа.

Такъ какъ вопросъ о поземельномъ кредитѣ теперь въ ходу, и такъ какъ отъ практическаго разрѣшенія этого вопроса ожидается, повидимому, очень много благихъ послѣдствій для русскаго сельскаго хозяйства, такихъ послѣдствій, ради которыхъ можно рѣшаться „на всякія жертвы,“ то для общей пользы теперь особенно необходимо безпристрастное и разностороннее разсмотрѣніе всего того что̀ къ нему относится или съ нимъ соприкасается. Чтобы не обмануться въ ожиданіяхъ, надобно короче ознакомиться съ дѣйствительностью. Мы намѣрены указать сегодня на самую крупную характеристическую черту, которую представляетъ намъ осуществленіе этого дѣла въ дѣйствительности,—на ту черту что поземельный кредитъ наименѣе развитъ въ тѣхъ странахъ гдѣ въ сельское хозяйство затрачивается наибольшая масса капиталовъ, и имѣетъ особенно успѣшный ходъ тамъ, гдѣ капиталы въ наименьшей сравнительно степени бываютъ употребляемы на улучшеніе почвы и на прочныя сельско-хозяйственныя сооруженія. Этотъ фактъ заслуживаетъ серіознаго вниманія. Онъ заставляетъ сомнѣваться въ экономическомъ значеніи поземельнаго кредита.

Подъ поземельнымъ кредитомъ обыкновенно разумѣется долгосрочный кредитъ, состоящій въ томъ, что землевладѣлецъ разомъ получаетъ взаймы извѣстную долю цѣнности своей земли съ тѣмъ чтобъ уплачивать долгъ по малымъ частямъ, разсроченнымъ на значительное число лѣтъ, на 30, на 40, даже на 50 лѣтъ. Заложивъ свое имѣніе, землевладѣлецъ обязывается вносить ежегодно не только проценты за ссуженный ему капиталъ, но и небольшой процентъ на погашеніе долга. Подобный способъ займа неудобенъ для пополненія оборотнаго капитала; онъ вовсе не соотвѣтствуетъ потребности во временномъ краткосрочномъ подспорьѣ оборотному капиталу: для этого нужны займы краткосрочные. Сельское хозяйство, какъ промышленность, нуждается въ долгосрочномъ поземельномъ кредитѣ только для затратъ дѣлаемыхъ на многіе годы, а именно на обзаведеніе хозяйства, на улучшеніе почвы, преимущественно на ея дренажъ, и вообще на увеличеніе основнаго капитала. Только въ такомъ случаѣ сельское хозяйство можетъ съ выгодой воспользоваться долгосрочнымъ кредитомъ. Но весьма странно то, что именно въ той странѣ, которая отличается громадностью основнаго капитала потребнаго для извлеченія выгодъ изъ сельскаго хозяйства, что именно въ Англіи долгосрочный поземельный кредитъ почти не существуетъ. Поземельныхъ банковъ тамъ вовсе нѣтъ; закладные листы тамъ

неизвѣстны, и единственное примѣненіе поземельнаго кредита было сдѣлано тамъ съ совершенно специяльною цѣлію доставить землевладѣльцамъ возможность дренировать свои поля. Во Франціи въ сельскомъ хозяйствѣ затрачено несравненно менѣе основнаго капитала чѣмъ въ Англіи и какъ бы въ соотвѣтствіе тому мы во Франціи уже находимъ поземельный кредитъ (crédit foncier), но онъ и во Франціи далеко не такъ процвѣтаетъ, какъ въ Германіи, гдѣ основный капиталъ сельскаго хозяйства еще менѣе значителенъ. Далѣе и въ Германіи мы замѣчаемъ такую же постепенность: въ западныхъ частяхъ ея поземельная собственность вбираетъ въ себя болѣе капиталовъ, а поземельный кредитъ дѣйствуетъ слабѣе чѣмъ въ восточныхъ частяхъ Германіи, гдѣ капиталы почти вовсе не влагаются въ землю. Наконецъ Царство Польское, стоящее, въ отношеніи къ количеству затратъ поглащаемыхъ поземельною собственностью, еще ниже восточной Германіи, является тою мѣстностью въ Европѣ, гдѣ учрежденія поземельнаго кредита наиболѣе процвѣтаютъ. Повторяемъ, это такой фактъ въ дѣлѣ поземельнаго кредита, на который необходимо обратить вниманіе, чтобы вѣрно судить объ условіяхъ осуществимости поземельнаго кредита и о послѣдствіяхъ его осуществленія.

Указанный нами фактъ можно выразить такъ: поземельный долгосрочный кредитъ не находитъ для себя удобной почвы именно тамъ, гдѣ сельское хозяйство требуетъ особенно много долгосрочныхъ затратъ. Или, другими словами, гдѣ сельское хозяйство нуждается въ большихъ долгосрочныхъ затратахъ основнаго капитала, тамъ оно не охотно обращается къ поземельному долгосрочному кредиту. Мы не будемъ останавливаться сегодня на объясненіи этого факта; мы только выставляемъ его на видъ, чтобы сдѣлать изъ него выводъ. Въ чемъ же будетъ состоять этотъ выводъ? Сельское хозяйство, какъ промышленность, можетъ нуждаться либо въ краткосрочныхъ, либо въ долгосрочныхъ затратахъ, то-есть либо въ оборотномъ, либо въ основномъ капиталѣ. Для краткосрочныхъ затратъ поземельный кредитъ неудобенъ; тутъ нуженъ кредитъ коммерческій, эластичный. Поземельный кредитъ соотвѣтствовалъ бы потребности въ долгосрочныхъ затратахъ подходящихъ подъ категорію основнаго капитала, но опытъ показываетъ, что сельское хозяйство неохотно прибѣгаетъ къ нему для этой цѣли. Итакъ, ни въ одномъ изъ случаевъ, въ которыхъ сельское хозяйство можетъ нуждаться въ кредитѣ, поземельный кредитъ, какъ показываетъ опытъ не приноситъ ему большихъ услугъ.

Спрашивается, при какихъ же обстоятельствахъ возникаетъ такая потребность въ поземельномъ кредитѣ, что онъ находитъ для себя удобную почву? Чтобъ отвѣчать на этотъ вопросъ, мы также не будемъ вдаваться въ теорію, а обратимся къ практикѣ. Когда возникъ поземельный кредитъ въ Германіи? Онъ возникъ послѣ Семилѣтней войны. Какой потребности удовлетворялъ онъ въ то время? Онъ далъ задолжавшимъ землевладѣльцамъ возможность расплатиться съ долгами, накопившимися на ихъ имѣніяхъ во время войны. Далѣе мы видимъ, что поземельный кредитъ сдѣлалъ значительные успѣхи послѣ войнъ съ Наполеономъ, когда онъ былъ учрежденъ между прочимъ и въ Царствѣ Польскомъ. Тутъ также онъ былъ вызванъ необходимостью разчета землевладѣльцевъ съ ихъ многочисленными кредиторами. Это видно вездѣ, но всего болѣе видно на польскомъ поземельномъ кредитѣ, который заслуживаетъ упоминанія еще въ другомъ отношеніи. Особенность погибшаго польскаго государства состояла въ томъ, что тамъ общіе государственные интересы постоянно приносились въ жертву интересамъ шляхетскимъ. Когда императоръ Александръ I рѣшилъ возстановить Царство Польское, то самъ собой возродился тамъ и старинный духъ Рѣчи Посполитой. Ближайшимъ стремленіемъ политическихъ людей, называвшихъ себя государственными людьми Царства Польскаго, сдѣлалось тогда принять мѣры къ поддержкѣ интересовъ польской шляхты. Общіе интересы края для этихъ патріотовъ почти вовсе не существовали: польское дѣло, дѣло польскаго государства, было въ ихъ глазахъ не что иное, какъ дѣло польской шляхты. На чемъ же прежде всего остановилась ихъ патріотическая мысль? Шляхта была тогда что называется въ долгу какъ въ шелку, и вотъ польскій патріотизмъ породилъ изъ себя чрезвычайно характеристическую государственную мѣру. Было учреждено Земское Кредитное Общество. Оно выдало помѣщикамъ такъ-называемые заставные листы, а законъ предоставилъ помѣщикамъ право расплатиться этими ли-

стами по нарицательной цѣнѣ съ кредиторами. Это была споліація, недостойная европейской цивилизаціи XIX вѣка, но она ярко характеризуетъ тотъ порядокъ вещей, который былъ возстановленъ вмѣстѣ съ возстановленіемъ Царства Польскаго. Кредиторы польскихъ шляхтичей получили, вмѣсто денегъ, на которыя имѣли неотъемлемое право, заставные листы Кредитнаго Общества, которые въ первое время невозможно было сбыть. Но стоило ли останавливаться передъ этимъ насиліемъ, когда того требовало благо отчизны, то-есть благо шляхты? Итакъ, эта мѣра состоялась въ XIX столѣтіи. Кредитное Общество съ перваго же разу сдѣлало громадный оборотъ, а такъ какъ казна Царства оказала ему въ добавокъ пособіе изъ податныхъ денегъ, то мудрено ли что оно процвѣло? Но кто рѣшится сказать, что оно возникло изъ мирныхъ экономическихъ интересовъ сельскаго хозяйства? Заставные листы были выпущены не для затратъ по сельскому хозяйству, а для уплаты долговъ накопившихся на шляхтѣ; интересъ тутъ былъ вовсе не экономическій, не развитіе производства страны, не улучшеніе его способовъ, а просто-на-просто имѣлось въ виду спасти шляхту раззорившуюся вслѣдствіе Наполеоновскихъ войнъ и покушеній противъ Россіи,— спасти ее цѣной раззоренія ея кредиторовъ. Вотъ истинный ходъ и истинный мотивъ этого дѣла, которое теперь прославляютъ какъ мѣру, оказавшую благотворное дѣйствіе на польское сельское хозяйство.

Самый общій и самый крупный выводъ изъ исторіи поземельнаго кредита въ разныхъ странахъ Европы заключается въ томъ что онъ легко водворялся не тамъ, гдѣ требовались затраты капитала для сельскаго хозяйства, тамъ, гдѣ землевладѣльцы затруднялись платежомъ своихъ долговъ. Практическою цѣлію при учрежденіи поземельнаго кредита было обыкновенно не желаніе улучшить земледѣліе, а необходимость раздѣлаться съ кредиторами. Вотъ та атмосфера, въ которой до сихъ поръ поземельный кредитъ находилъ выгодныя условія для своего водворенія. Но если такъ, то правильно ли будетъ говорить, что поземельный кредитъ нуженъ для поддержки сельскаго хозяйства? Не слѣдуетъ ли сказать прямо, что онъ желателенъ не столько въ интересахъ сельскаго хозяйства, сколько въ интересахъ землевладѣльческаго класса, и стало-быть болѣе въ политическихъ чѣмъ въ экономическихъ интересахъ? Только такой взглядъ будетъ согласенъ съ исторіей поземельнаго кредита, и мы только тогда будемъ въ состояніи правильно судить о поземельномъ кредитѣ, когда будемъ судить о немъ съ политической точки зрѣнія.

№ 184.

Москва, 20-го августа.

Вопросъ о поземельномъ кредитѣ, сказали мы вчера, есть вопросъ гораздо болѣе политическій нежели экономическій. Историческій опытъ показываетъ, что поземельный кредитъ ведетъ не столько къ поддержкѣ сельскаго хозяйства, сколько къ охраненію землевладѣнія. Сельское хозяйство въ нѣкоторомъ смыслѣ даже страдаетъ отъ поземельнаго кредита: онъ спасаетъ задолжавшаго землевладѣльца отъ необходимости продать свое имѣніе, а такъ какъ всегда болѣе вѣроятности, что покупатель будетъ въ состояніи лучше хозяйничать чѣмъ продавецъ, то спасая имѣнія отъ продажи поземельный кредитъ оставляетъ ихъ въ такихъ рукахъ, о которыхъ можно предполагать, что онѣ менѣе способны и менѣе снабжены средствами къ хорошему веденію хозяйства чѣмъ тѣ руки, въ которыя имѣніе поступило бы, если бы было продано. Конечно, тутъ бываютъ исключенія, но вообще говоря производимое поземельнымъ кредитомъ противодѣйствіе продажѣ недвижимыхъ имуществъ и переходу ихъ изъ рукъ людей нуждающихся въ руки людей денежныхъ, не можетъ имѣть полезныхъ послѣдствій для процвѣтанія сельскаго хозяйства какъ промысла и для возрастанія народнаго богатства. Никакъ нельзя согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, что поземельный кредитъ нуженъ Россіи для разработки богатствъ ея почвы и вообще для экономическаго преуспѣянія нашей страны. Тутъ поземельный кредитъ многаго не сдѣлаетъ, а отчасти даже повредитъ успѣху. Если онъ намъ нуженъ, то только въ качествѣ такой экономической мѣры, которая могла бы быть желательна съ политической точки зрѣнія, именно въ видахъ поддержки существующаго распре-

дѣленія поземельной собственности, въ видахъ огражденія землевладѣльческаго класса и воспособленія ему среди трудныхъ для него обстоятельствъ. Вотъ съ какой точки зрѣнія надобно смотрѣть на вопросъ о поземельномъ кредитѣ, чтобы судить о немъ правильно.

Что же изъ этого слѣдуетъ? Не ясно ли, что поземеньнаго кредита нельзя желать безусловно, и что онъ желателенъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда политическія соображенія побуждаютъ желать поддержанія землевладѣнія въ его данномъ видѣ? Не ясно ли наоборотъ, что въ тѣхъ случаяхъ и въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ съ политической точки зрѣнія не требуется поддерживать личный составъ землевладѣльцевъ въ его данномъ видѣ, поземельный кредитъ оказался бы мѣрой не только не раціональною, но можетъ быть даже вредною? Возьмемъ напримѣръ нашъ западный край. Мѣры принимаемыя тамъ относительно продажи имѣній, или по крайней мѣрѣ постановленія утвержденныя по этой части, имѣютъ цѣлію облегчить переходъ поземельной собственности изъ рукъ политически неблагонадежныхъ въ руки благонадежныя. Исполненіе этихъ постановленій зависитъ отъ мѣстной администраціи, отъ бóльшаго или меньшаго усердія ея служить великимъ интересамъ государства, отъ котораго она учреждена. Но намѣренія правительства высказаны въ этихъ постановленіяхъ ясно: оно признало, что западный край долженъ выйдти изъ своего двусмысленнаго положенія, что русская народность въ немъ, коренная и изначальная, не должна подвергаться спору, и что слѣдовательно примирительная политика тутъ не можетъ состоять въ снисходительности къ сепаратистическимъ притязаніямъ. Въ этой рѣшимости русскаго правительства заключается все, потому что все польское дѣло находится въ исключительной зависимости отъ того какъ будетъ смотрѣть на него русское правительство. Нашъ житомірскій корреспондентъ, въ письмѣ напечатанномъ ниже, говоритъ о стачкѣ польскихъ помѣщиковъ, клонящейся къ тому чтобы не продавать имѣнія русскимъ покупателямъ. Подобныя же извѣстія мы получаемъ и другими путями: польскіе помѣщики передаютъ свои имѣнія Евреямъ въ аренду за ничтожныя деньги, надѣясь извернуться въ послѣдствіи, лишь бы только они не перешли теперь въ русскія руки. Эти надежды основаны на увѣренности, что польскія притязанія на западный край найдутъ себѣ въ будущемъ какую-нибудь опору, и что подпольная организація восторжествуетъ наконецъ надъ русскимъ народомъ. Но если сепаратистическія притязанія польской шляхты въ западномъ краѣ не будутъ встрѣчать снисходительной терпимости со стороны Россіи, то всѣ эти надежды падутъ сами собой, и та стачка, о которой теперь такъ много говорятъ, окажется безсильною, а мѣры, предположенныя правительствомъ, будутъ все болѣе и болѣе достигать своей цѣли. По направленію этихъ мѣръ совершенно противорѣчило бы поощреніе, оказываемое водворенію въ томъ краѣ поземельнаго кредита,— поощреніе которое совершенно остановило бы покупку поземельной собственности въ западномъ краѣ русскими людьми, то-есть воспрепятствовало бы тому, что̀ правительство теперь поощряетъ и чему ни въ какомъ случаѣ русское правительство не имѣетъ повода противодѣйствовать.

Но даже и въ тѣхъ случаяхъ когда политическіе интересы государства требуютъ поддержанія существующаго землевладѣнія политическая предусмотрительность должна воздерживать отъ искусственнаго поощренія кредита. Оказывая землевладѣльческому классу временную поддержку, поземельный кредитъ подкапываетъ его будущность. Онъ облегчаетъ бремя долговъ, лежащее на землевладѣльцахъ, но въ то же время облегчаетъ и дальнѣйшее задолжаніе. Представимъ же себѣ двѣ страны, изъ которыхъ въ одной бóльшая часть поземельной собственности заложена, а въ другой землевладѣніе чисто отъ долговъ. Въ которой изъ этихъ двухъ странъ будетъ крѣпче землевладѣльческій классъ? Въ которой изъ нихъ будетъ сильнѣе его политическое значеніе? Въ политическомъ отношеніи землевладѣльцы обыкновенно противопоставляются капиталистамъ; первые считаются хранителями народныхъ правовъ, преданій, патріотизма; вторые рѣдко бываютъ расположены къ самоотверженію и обыкновенно вносятъ въ политику меркантильные взгляды. Но чѣмъ болѣе поземельная собственность мобилизируется посредствомъ поземельнаго кредита, тѣмъ болѣе вторгаются меркантильные элементы въ землевладѣльческій классъ. Дѣло можетъ дойти наконецъ до того, что землевладѣльцы будутъ нѣчто въ родѣ ферме-

ровъ на землѣ принадлежащей владѣльцамъ закладныхъ листовъ. Но эти послѣдніе не что иное какъ капиталисты и въ политическомъ отношеніи никакъ не могутъ замѣнить собой независимыхъ землевладѣльцевъ. Земледѣльческую страну подвергшуюся подобной метаморфозѣ можно было бы назвать Римомъ превратившемся въ Кароагенъ.

Чрезмѣрное развитіе, которое получилъ поземельный кредитъ въ Царствѣ Польскомъ, уже отчасти оказало на этотъ край подобное дѣйствіе. Такъ какъ имѣнія заложенныя въ Кредитномъ Обществѣ продаются съ переводомъ долга, то переходъ недвижимой собственности въ Царствѣ Польскомъ очень облегченъ и помѣстья безпрестанно мѣняютъ своихъ владѣльцевъ. Съ 1846 года, когда были составлены престаціонныя табели, весьма многія помѣстья по нѣскольку разъ перешли изъ рукъ въ руки. Члены крестьянскихъ коммиссій, привыкшіе къ ходу дѣлъ въ Россіи, не могутъ надивиться этому коловратному движенію, происходящему съ поземельною собственностью въ Царствѣ Польскомъ. Можно ли сомнѣваться что эти непрестанныя измѣненія въ личномъ составѣ землевладѣльческаго класса должны лишать его тѣхъ свойствъ, которыми условливается все его значеніе въ политической жизни народа?

Если внимательно вникнуть въ политическія послѣдствія подобнаго порядка вещей, то нельзя не сказать, что мобилизація поземельной собственности, причиняемая поземельнымъ кредитомъ, есть такое дѣло, надъ которымъ можно призадуматься въ интересахъ того самаго землевладѣльческаго класса, которому она повидимому оказываетъ такія услуги. Давая ему временную поддержку, она, какъ мы сказали, подкапываетъ его будущность.

№ 185.

Москва, 21-го августа.

Основанія и цѣли прусско-австрійскаго союза начинаютъ обозначаться все съ большею и большею ясностью. Пруссія не требуетъ отъ Австріи ни того, что она *прямо* содѣйствовала округленію ея государственной территоріи, хотя и признаетъ, что это было бы наилучшею реформой Германскаго Союза, ни даже того, чтобъ она содѣйствовала развитію ея могущества въ сѣверо-западной Германіи и распространенію Таможеннаго Союза, на основаніи прусско-французскаго торговаго трактата; она отвергаетъ также мысль о раздѣлѣ Германіи между Пруссіей и Австріей по теченію Майна, считая эту мысль, вопервыхъ, несбыточною и способною породить общеевропейскую войну, а вовторыхъ, не желая нисколько допускать Австрію къ участію въ какомъ бы то ни было раздѣлѣ Германіи. Она изъявляетъ готовность удовольствоваться только тѣмъ, чтобъ Австрія не препятствовала выполненію призванія Пруссіи въ Германіи. Въ чемъ же заключается это призваніе, по мнѣнію полуофиціяльныхъ органовъ г. фонъ-Бисмарка. По отношенію къ сѣверо-западной Германіи, оно заключается въ подчиненіи Пруссіи всѣхъ государствъ ся, начиная съ вновь учреждаемаго Шлезвигъ-Гольштейна, въ отношеніяхъ морскомъ, военномъ и даже дипломатическомъ, а по отношенію ко всей остальной внѣ-австрійской Германіи,—въ подчиненіи ея Пруссіи же въ торгово-политическомъ отношеніи, въ присоединеніи ея къ Таможенному Союзу, во главѣ котораго стоитъ Пруссія. Пруссія перестала бы быть полновластною распорядительницей этого союза, еслибъ она теперь же допустила вступленіе въ него Австріи, и потому она упорно отмалчивается на всѣ ея запросы объ этомъ предметѣ, хотя очень охотно соглашается на возобновленіе съ нею февральскаго торговаго трактата и даже на включеніе въ него нѣкоторыхъ благопріятныхъ для австрійской промышленности и торговли условій. Пруссія такъ крѣпко держится начала равноправности всѣхъ державъ, заключающихъ или имѣющихъ впредь заключить торговые трактаты съ Таможеннымъ Союзомъ, что Австрія, повидимому, принуждена будетъ отказаться отъ надежды выговорить себѣ какія-либо преимущества предъ Франціей и удовольствуется тѣмъ, что ей предлагаютъ, а именно измѣненіями тарифа въ прусско-французскомъ торговомъ трактатѣ,—измѣненіями, которыя обезпечили бы сбытъ австрійскихъ продуктовъ въ предѣлахъ Таможеннаго Союза наравнѣ съ продуктами французскими. Пруссія надѣется склонить Францію къ этимъ измѣненіямъ, тѣмъ болѣе что Франціи нечего бояться австрійской конкуренціи. Но далѣе этого Пруссія, повидимому, не пойдетъ; и Ав-

стрія, слишкомъ отставшая отъ прочей Германіи въ дѣлѣ промышленности, останется за чертою Таможеннаго Союза, въ которомъ по прежнему нераздѣльно будетъ первенствовать Пруссія.

Но для германскаго призванія Пруссіи еще важнѣе второй пунктъ, именно объединеніе подъ ея морскимъ, военнымъ и дипломатическимъ предводительствомъ всей сѣверо-западной Германіи, начиная съ Шлезвигъ-Гольштейна. Этому процессу было уже положено начало присоединеніемъ войскъ герцогства Саксенъ-Кобургъ-Готскаго къ войскамъ прусскимъ; но это начало было еще слишкомъ незначительно и незамѣтно. Теперь дѣло идетъ о возобновленіи этого процесса въ отношеніи къ Шлезвигъ-Гольштейну, которому вся Германія справедливо придаетъ большое значеніе. По присоединеніи военныхъ силъ этого государства,—морскихъ и сухопутныхъ,—къ Пруссіи, по занятіи крѣпостей его прусскими войсками, и послѣ того какъ прусскіе полномочные министры, въ Германіи и за границей, будутъ дѣйствовать по указаніямъ берлинскаго кабинета и въ дѣлахъ Шлезвигъ-Гольштейна,—будущій государь этой страны, по справедливому замѣчанію *Ostdeutsche Post*, сдѣлается не болѣе какъ наслѣдственнымъ оберъ-президентомъ, въ родѣ тѣхъ, которые стоятъ во главѣ прусскихъ провинцій, а Шлезвигъ-Гольштейнъ будетъ почти провинціей Пруссіи. На этотъ счетъ Австрія нисколько не обманываетъ себя, точно также какъ вѣнскіе публицисты нисколько не ошибаются въ томъ, что только первый шагъ бываетъ особенно труденъ, и что какъ только Пруссія восторжествуетъ надъ всѣми затрудненіями въ отношеніи къ Шлезвигъ-Гольштейну, она не замедлитъ поставить къ себѣ въ тѣ же вассальныя отношенія саксонскія и ангальтскія герцогства, а за ними курфиршество Гессенское, и т. д. Второстепенныя и мелкія государства Германіи не даромъ тревожатся образомъ дѣйствій Пруссіи въ шлезвигъ-гольштейнскомъ дѣлѣ; это—*начало конца* ихъ политической автономіи, между тѣмъ какъ отважной политикѣ г. фонъ-Бисмарка Пруссія, повидимому, будетъ обязана своею игемоніей въ цѣлой Германіи.

Но дѣйствительно ли Австрія отреклась отъ своего обычнаго противодѣйствія властолюбивымъ замысламъ Пруссіи относительно Германіи? Всѣ признаки и многія прямыя показанія говорятъ въ пользу этого предположенія. Такъ, изъ Вѣны пишутъ, отъ 26 августа, въ *Кельнскую Газету*, что г. фонъ-Бисмаркъ, не желая допустить Германскій Союзъ къ участію во временномъ управленіи Шлезвигомъ, предпочелъ вовсе отказаться отъ мысли объ установленіи общаго временнаго правленія въ обоихъ этихъ герцогствахъ, и Австрія тотчасъ же отказалась отъ своего прежняго плана. Она надѣялась, по крайней мѣрѣ, ускорить этимъ окончательное сформированіе новаго государства и склонить Пруссію къ признанію принца Августенбургскаго. Не тутъ-то было. Пруссія настояла, чтобы до времени полнаго обезпеченія обѣихъ державъ, относительно вознагражденія ихъ за военныя издержки, по крайней мѣрѣ Шлезвигъ не былъ сданъ тому государю, права котораго на Гольштейнъ будутъ признаны Германскимъ сеймомъ. Шлезвигъ останется, такимъ образомъ, въ рукахъ Пруссіи орудіемъ, съ помощью котораго она въ состояніи будетъ совсѣмъ подчинить себѣ новаго государя. Тотъ же корреспондентъ рѣшительно повторяетъ то что̀ мы уже сообщили вчера изъ аугсбургской *Всеобщей Газеты*, а именно, что оба монарха — Прусскій и Австрійскій—самымъ торжественнымъ образомъ обязались въ отношеніи другъ къ другу дѣйствовать по германскимъ дѣламъ и особенно во всемъ что̀ касается до Германскаго Союза не иначе какъ сообща. Въ настоящемъ положеніи дѣлъ это значитъ что Австрія отказалась отъ всякаго противодѣйствія видамъ Пруссіи, послѣдняя же взамѣнъ этой существенной уступки, быть-можетъ, обязалась только соблюдать бо́льшую умѣренность и бо́льшія церемоніи въ своихъ сношеніяхъ съ второстепенными государствами Германіи, или какъ выражается офиціяльная *Провинціальная Корреспонденція*, „водворить въ Германскомъ Союзѣ искреннія союзническія отношенія.“ Съ этою цѣлью, повидимому, прусскій король и г. фонъ-Бисмаркъ имѣли свиданіе съ королемъ Баварскимъ.

Ни г. фонъ-Бисмаркъ, въ бытность свою въ Вѣнѣ, ни преданный его видамъ баронъ Шеель-Плессенъ, призванный въ Вѣну для совѣщаній по финансовымъ дѣламъ герцогствъ, нисколько не скрываютъ отъ австрійскихъ государственныхъ людей, чего именно хотятъ они достигнуть въ шлезвигъ-гольштейнскомъ вопросѣ и вообще въ вопросахъ германской политики. *Ostdeuts-*

che Post передаетъ объ этомъ весьма интересныя подробности. Одинъ изъ австрійскихъ государственныхъ людей выразилъ свое удивленіе барону Шеель-Плессену, что прелаты и рыцарство Шлезвига такъ рѣшительно высказываются въ пользу присоединенія къ Пруссіи. „Это единственная цѣль, которой можно желать, возразилъ баронъ, и я отъ всей души сочувствую прелатамъ и рыцарству.“—Но, замѣтилъ его собесѣдникъ, вѣдь это значитъ вступить въ вассальныя отношенія къ Пруссіи, а эта политическая форма признается въ настоящее время самою негодною. „Что же дѣлать? отвѣчалъ баронъ: мы охотно бы пошли гораздо далѣе этого, если бы только было возможно“. И тѣмъ не менѣе Австрія согласилась допустить этого барона къ участію въ совѣщаніяхъ по финансовымъ вопросамъ, которые предстоитъ теперь уладить съ Даніей.

Г. фонъ-Бисмаркъ былъ еще откровеннѣе и еще смѣлѣе. Одинъ изъ первыхъ министровъ Австріи (повидимому, г. фонъ-Шмерлингъ) въ разговорѣ съ нимъ упомянулъ объ извѣстной его депешѣ отъ 18-го января 1863 г., въ которой шла рѣчь о томъ, что политическій центръ Австріи долженъ находиться не въ предѣлахъ Германіи, не въ Вѣнѣ, а въ Пештѣ, и что ей по возможности слѣдуетъ воздерживаться отъ вмѣшательства въ германскія дѣла. Прусскій министръ-президентъ нисколько не смутился этимъ напоминаніемъ, и съ полною откровенностью сказалъ, что мнѣнія его на этотъ счетъ нисколько не измѣнились и что теперь онъ думаетъ тоже что и тогда. Тѣмъ не менѣе въ полуофиціяльную французскую газету *Pays* телеграфируютъ изъ Вѣны, и, какъ кажется, на основаніи достовѣрныхъ извѣстій, что „вслѣдствіе личнаго свиданія короля Вильгельма I и императора Франца Іосифа, между ними установилось самое полное и сердечное согласіе“. „Прусскій король пожаловалъ орденъ Чернаго Орла графу Рехбергу, продолжаетъ полуофиціяльная телеграмма; притязанія герцога Ольденбургскаго на Шлезвигъ-Гольштейнъ находятъ все большее признаніе; Пруссія не отступится отъ Шлезвигъ-Гольштейна, не обезпечивъ себѣ территоріяльныхъ пріобрѣтеній, или по крайней мѣрѣ важныхъ политическихъ и военныхъ выгодъ. Австрійское правительство уже не противится болѣе этимъ притязаніямъ.“

Что же могло побудить Австрію къ такому самоотреченію по германскимъ дѣламъ? Приведенная нами вчера полуофиціяльная статья (подъ рубрикой: „Прусско-австрійскій союзъ“) заключаетъ въ себѣ полный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Телеграмма, передающая содержаніе статьи *Провинціальной Корреспонденціи*, придаетъ еще бóльшую силу заявленіямъ берлинскаго *Публициста*. Если Австрія не противится распространенію могущества Пруссіи въ Германіи, за то Пруссія готова отстаивать неприкосновенность италіянскихъ, венгерско-славянскихъ и польскихъ областей ея не только противъ внутреннихъ враговъ, не только противъ революціонныхъ партій и противъ предводительницы ихъ, Франціи, но даже и противъ Россіи. Этого мало: Пруссія готова доставить Австріи возможность содержать какъ можно меньше войска въ неспокойныхъ восточныхъ областяхъ ея и при случаѣ употребить ея военныя силы въ интересахъ Германіи на нижнемъ Дунаѣ и вообще на Востокѣ. Извѣстно, что завладѣніе всѣмъ теченіемъ Дуная и нѣкоторыхъ его притоковъ считается дѣломъ согласнымъ не только съ частными интересами Австріи, но и съ общими интересами Германіи. Такимъ образомъ, союзъ съ Пруссіей сулитъ Австріи не только внутреннее спокойствіе и внѣшнюю безопасность отъ Франціи и даже отъ Россіи, но и возможность въ будущемъ поживиться насчетъ Турціи и вассальныхъ государствъ ея, точно также, какъ союзъ съ Австріей сулитъ Пруссіи огромное приращеніе ея могущества на сушѣ и на морѣ.

Если и нельзя согласиться съ *Крестовою Газетой*, что отнынѣ судьбы міра будутъ рѣшаться не въ Лондонѣ и въ Парижѣ, а въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ; то съ другой стороны, нельзя и отрицать, что прусско-австрійскій союзъ въ тѣхъ видахъ, въ какихъ онъ установился, принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ событіямъ нашего времени, и что ему суждено, повидимому, оказать не малое вліяніе на общія дѣла Европы.

Въ какое же отношеніе можетъ стать Россія къ тѣмъ послѣдствіямъ прусско-австрійскаго союза, которыя благопріятны для Пруссіи, и къ тѣмъ, которыми при случаѣ можетъ воспользоваться Австрія? И тѣ, и другія находятся въ явномъ противорѣчіи съ нашими существенными интересами въ Балтійскомъ морѣ и на Во-

стокѣ. Тѣмъ не менѣе, имѣя твердо въ памяти политику графа Нессельроде, Пруссія и Австрія были бы, повидимому, не прочь дать и намъ мѣстечко въ своемъ нѣмецкомъ союзѣ, подъ условіемъ, разумѣется, чтобы мы дѣйствовали исключительно въ ихъ интересахъ. Но Россія, конечно, не попадетъ снова въ эти сѣти. Положимъ, что интересы ея сходятся съ интересами Австріи и Пруссіи въ сопротивленіи революціоннымъ планамъ, какіе приписываются Франціи. Но эти планы никакъ не могутъ быть прямо направлены противъ насъ, особенно еслибы національнымъ развитіемъ нашей внутренней политики былъ упраздненъ вопросъ польскій. Во всякомъ случаѣ противъ революціонныхъ замысловъ, откуда бы они ни исходили, можно защититься не внѣшними союзами, а мѣрами внутренняго благоустройства и благоуправленія.

Но если Россіи нечего добиваться *чести* быть въ союзѣ съ великими нѣмецкими державами, то нѣтъ ей надобности искать союза и съ Франціей. На всякій случай мы должны сохранять возможность равномѣрнаго сближенія съ каждою изъ трехъ группъ, на которыя распалась теперь Европа; но сами должны устремлять всѣ свои помыслы и всѣ свои силы къ внутреннему преуспѣянію Россіи. Въ настоящее время, какъ говорили мы не разъ, всѣ политическія задачи Россіи сосредоточены въ ней самой, а отнюдь не въ ея внѣшнихъ отношеніяхъ.

№ 186.

Москва, 22-го августа.

Въ № 184 *Московскихъ Вѣдомостей* напечатано Высочайше утвержденное, 14-го іюля сего года, Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ. Этимъ положеніемъ окончательно разрѣшенъ вопросъ, который въ свое время сильно занималъ нашу періодическую печать—вопросъ о томъ кому должно быть ввѣрено попеченіе о первоначальномъ народномъ образованіи, государственной ли администраціи (то-есть, министерству народнаго просвѣщенія), церкви ли (то-есть, православному духовенству), земству или наконецъ особому вѣдомству, въ родѣ вѣдомства Человѣколюбиваго Общества. Почти одновременно подобный вопросъ подвергался разсмотрѣнію и въ баденской палатѣ депутатовъ, которая посвятила ему цѣлый рядъ засѣданій, длившихся нерѣдко по пяти и шести часовъ. Въ главныхъ чертахъ своихъ оба положенія, — и наше, и баденское — сходятся между собою: и то, и другое ввѣряютъ попеченіе о первоначальномъ народномъ образованіи, особымъ училищнымъ совѣтамъ, но участіе въ этихъ совѣтахъ предоставляютъ и органамъ администраціи, и церкви, и земства.

Для Россіи, при рѣшеніи этого вопроса, дѣло шло только объ интересахъ народнаго образованія; въ Баденѣ, гдѣ двѣ трети населенія принадлежатъ къ церкви римско-католической, слѣдовало еще обратить вниманіе на права и притязанія этой церкви, которая въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія всегда стремилась къ рѣшительному преобладанію надъ государствомъ. Баденскіе законодатели думали удовлетворить ея требованіямъ, допустивъ въ мѣстныхъ училищныхъ совѣтахъ участіе мѣстнаго католическаго или лютеранскаго священника, или и того и другаго, тамъ гдѣ школы посѣщаются учениками того и другаго вѣроисповѣданія, при чемъ министръ внутреннихъ дѣлъ г. Ламей, во время преній въ палатѣ представителей, не разъ обѣщалъ, что въ предсѣдатели училищныхъ совѣтовъ правительство будетъ назначать присутствующихъ въ нихъ католическихъ священниковъ. Тѣмъ не менѣе баденскій училищный законъ подалъ поводъ къ столкновенію: архіепископъ фрейбургскій въ пастырскомъ посланіи, отъ 19-го іюля, которое было прочитано съ церковныхъ каѳедръ, въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ возсталъ противъ намѣренія правительства подчинить народныя школы вѣдѣнію государства, и даже предостерегалъ родителей отъ посѣщенія ихъ дѣтьми школъ не исключительно католическихъ. Въ этомъ спорѣ принялъ участіе и самъ папа, высказавшійся рѣшительно въ пользу мнѣній и образа дѣйствій фрейбургскаго архіепископа. По счастію, такого рода столкновенія по поводу изданнаго у насъ Положенія невозможны: хотя въ статьѣ 6-й Положенія о народныхъ училищахъ и сказано, что въ нихъ могутъ быть принимаемы дѣти безъ различія вѣроисповѣданія, однакоже изъ указа о приведеніи въ дѣйствіе Положенія видно, что оно будетъ имѣть силу только въ мѣстностяхъ заселенныхъ православными людьми. Но это-

му въ Положеніи исключительно имѣются въ виду училища православнаго вѣроисповѣданія, и слѣдовательно религіозно-нравственное образованіе, которое признается главнѣйшею цѣлью этихъ училищъ, будетъ сообщаемо въ духѣ и по ученію православной церкви. Въ дѣло первоначальнаго народнаго образованія вносится такимъ образомъ, въ самомъ началѣ, въ самомъ принципѣ, положительный вѣроисповѣдный характеръ, что̀ особенно важно, такъ какъ народныя училища, лишаясь вѣроисповѣднаго характера, по необходимости бываютъ безсильны давать религіозно-нравственное образованіе и превращаются въ простыя школы грамотности. Учреждаемые теперь правительствомъ училищные совѣты обязаны слѣдовательно имѣть попеченіе объ открытіи новыхъ и объ улучшеніи прежнихъ училищъ только для православнаго населенія. Старообрядцамъ, раскольникамъ, протестантамъ, католикамъ, Евреямъ, и т. д., живущимъ въ тѣхъ частяхъ Россіи, на которыя простирается дѣйствіе Положенія, по всей справедливости, могло бы быть предоставлено либо пользоваться этими училищами по предметамъ преподаванія, кромѣ вѣроученія, либо самимъ заботиться объ учрежденіи отдѣльныхъ первоначальныхъ училищъ, въ каковомъ случаѣ надзоръ за ихъ училищами могъ бы принадлежать вообще училищному и губернскому начальствамъ, а не вновь учреждаемымъ училищнымъ совѣтамъ. Что таковы именно виды законодателя, въ этомъ насъ убѣждаютъ: 17-я статья Положенія, въ которой сказано, что „наблюденіе за религіозно-нравственнымъ направленіемъ во всѣхъ начальныхъ народныхъ и воскресныхъ училищахъ возлагается на мѣстнаго приходскаго священника,“ которому предоставляется, въ случаѣ надобности, сообщать свои замѣчанія учителю и лицамъ завѣдывающимъ училищемъ, а еслибы его замѣчанія не были приняты, то доносить о томъ уѣздному училищному совѣту;— статья 19-я, которая въ составъ этого совѣта вводитъ члена только отъ духовнаго вѣдомства православнаго вѣроисповѣданія, а въ составъ губернскаго училищнаго совѣта—епархіальнаго архіерея, въ качествѣ первенствующаго члена,—и наконецъ, Высочайшій указъ, при которомъ Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ препровождено въ Правительствующій Сенатъ и въ которомъ сказано, что оно приводится въ дѣйствіе по предварительному сношенію министра народнаго просвѣщенія съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, а также и съ оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Сѵнода.

До самаго послѣдняго времени, первоначальное народное образованіе было у насъ въ такомъ пренебреженіи, какъ, можетъ-быть, нигдѣ въ Европѣ. Число приходскихъ и народныхъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія простиралось въ 1862 г. всего до 1.200, вѣдомства министерства государственныхъ имуществъ—до 6.367, и наконецъ вѣдомства министерства удѣловъ до 1.697,— всего 9.264 училища, что̀ приблизительно даетъ по одному училищу на 6.236 человѣкъ, тогда какъ въ бѣдной въ этомъ отношеніи Австріи приходится по одному училищу на 1.200 человѣкъ обоего пола. Въ послѣднее время значительно размножились школы при церквахъ, а также возникли школы въ обществахъ временно-обязанныхъ крестьянъ, состоящія въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ. Попеченіе объ увеличеніи числа школъ должно быть главнымъ дѣломъ новыхъ училищныхъ совѣтовъ. Средства, которыми могутъ располагать они въ этомъ случаѣ, будутъ на первое время чисто-нравственныя: они заключаются лишь въ собственныхъ ихъ усиліяхъ возбудить ревность и духъ инціативы въ мѣстномъ духовенствѣ, въ мѣстныхъ обществахъ, а также и въ частныхъ лицахъ. Если 100.000 рублей, которые, въ силу Высочайшаго повелѣнія отъ 14-го іюля, должны быть распредѣлены между губернскими училищными совѣтами, будутъ употреблены ими исключительно на выдачу пособій учителямъ, учительницамъ и училищамъ, то все-таки ни число, ни размѣры этихъ пособій не могутъ быть столь значительны, чтобы благодаря этой матеріальной поддержкѣ можно было ожидать размноженія училищъ. Въ этомъ отношеніи законы 14-го іюля не измѣняютъ существенно настоящаго положенія дѣлъ; но за то они, при хорошемъ выполненіи, могутъ отчасти устранить другое зло, которое господствовало у насъ въ дѣлѣ первоначальнаго народнаго образованія. Это зло заключалось въ томъ, что каждое изъ вышеупомянутыхъ вѣдомствъ (духовное и министерства народнаго просвѣщенія, государственныхъ имуществъ, удѣловъ и внутреннихъ дѣлъ) дѣйствова-

ло въ этомъ отношеніи само по себѣ, безъ содѣйствія и поддержки со стороны другихъ вѣдомствъ и безъ общаго плана, а иногда даже вступало въ антагонизмъ съ школами другихъ вѣдомствъ. Отъ новаго закона можно ожидать нѣкоторыхъ улучшеній въ этомъ отношеніи. Не вводя никакихъ новыхъ элементовъ въ дѣло, онъ соединяетъ, въ предположенныхъ имъ совѣтахъ, губернскихъ и уѣздныхъ представителей различныхъ вѣдомствъ, въ распоряженіи которыхъ состоятъ теперь народныя училища, присоединяя къ нимъ еще по два выборныхъ на каждый уѣздъ и на каждую губернію отъ уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраній. Отъ единодушія и отъ рвенія къ дѣлу членовъ этихъ совѣтовъ будутъ во многомъ зависѣть успѣхи народнаго образованія. За исключеніемъ развѣ выборныхъ отъ земскихъ собраній, въ этихъ совѣтахъ не будетъ лицъ, которыя были бы призваны трудиться исключительно на пользу народныхъ школъ и которыя не отвлекались бы отъ этого важнаго дѣла болѣе или менѣе значительнымъ количествомъ другихъ служебныхъ обязанностей. Баденскій законъ предпочелъ прибѣгнуть въ этомъ случаѣ къ особымъ чиновникамъ, на которыхъ возлагается надзоръ за училищами въ ихъ округѣ и которымъ назначается относительно высокое содержаніе, по 1.900 гульденовъ въ годъ каждому; но за то въ Баденѣ всего 11 округовъ. Надзоръ за успѣхами училищъ въ Баденѣ будетъ, безъ сомнѣнія, лучше чѣмъ у насъ; но съ другой стороны нельзя не одобрить, что мы избѣгаемъ излишнихъ издержекъ на управленіе училищами и излишняго развитія бюрократическихъ вліяній: при столь ограниченныхъ суммахъ назначенныхъ на поддержку народныхъ училищъ, необходимо воздерживаться отъ косвенныхъ расходовъ, тѣмъ болѣе что, при нашемъ недостаткѣ въ людяхъ, эти косвенные расходы были бы, по всему вѣроятію, употреблены непроизводительно.

Что касается до надзора за училищами и до попеченія объ нихъ, то баденскіе законодатели предпочли заинтересовать имъ жителей въ каждой мѣстности отдѣльно: дѣятельность баденскихъ училищныхъ совѣтовъ, по составу своему напоминающихъ наши совѣты, ограничивается училищами лишь одной городской и сельской общины, а училища цѣлаго округа ввѣряются вѣдѣнію особаго должностнаго лица, назначаемаго отъ правительства. У насъ наоборотъ: постояннаго мѣстнаго надзора, если не считать наблюденія мѣстныхъ священниковъ за религіозно-нравственнымъ направленіемъ училищъ, не установлено никакого, а общій надзоръ за училищами цѣлаго уѣзда ввѣренъ коллегіальному учрежденію, съ подчиненіемъ его еще высшему коллегіальному же учрежденію—губернскому училищному совѣту. Будетъ ли этотъ надзоръ дѣйствителенъ, въ состояніи ли будутъ члены училищныхъ совѣтовъ обозрѣвать ввѣренныя имъ училища и внимательно слѣдить за ихъ состояніемъ, все это покажетъ только время и опытъ.

Соединеніе вѣдомствъ, допущенное въ новыхъ училищныхъ совѣтахъ, не идетъ выше губернскихъ учрежденій. Въ порядкѣ высшей администраціи народныя училища подчинены преимущественно министерству народнаго просвѣщенія, хотя и вѣдомство православнаго исповѣданія будетъ, конечно, имѣть на нихъ нѣкоторое вліяніе. Но эти два вѣдомства будутъ дѣйствовать по прежнему порознь, независимо и отдѣльно одно отъ другаго. Укажемъ для примѣра на распредѣленіе учебныхъ пособій и руководствъ, изъ коихъ одни одобряются министерствомъ народнаго просвѣщенія, а другія—духовнымъ вѣдомствомъ, между тѣмъ какъ наблюденіе за нравственно-религіознымъ направленіемъ училищъ, которое очень много зависитъ отъ свойства учебныхъ пособій и руководствъ, какъ сказано, возлагается на лица духовнаго вѣдомства. Хорошо, если виды министерства и его органовъ будутъ совпадать съ видами духовенства. Въ противномъ же случаѣ можно ожидать разлада, который не замедлитъ отозваться и на дѣлѣ народнаго образованія. Впрочемъ, нельзя не признать, что вообще говоря, успѣхи этого дѣла зависятъ не столько отъ болѣе или менѣе удачно-придуманной организаціи учрежденій, которымъ ввѣряется высшее завѣдываніе училищами, сколько отъ доброй воли и усердія тѣхъ дѣятелей, на которыхъ возлагается ближайшее попеченіе о нихъ.

№ 187.

Москва, 24-го августа.

Ближайшимъ полезнымъ послѣдствіемъ новоутвержденнаго Положенія о народныхъ

училищахъ будетъ, кажется, сближеніе между училищами разныхъ вѣдомствъ. Теперь часто случается, что въ границахъ не только одного уѣзда, но даже одного мироваго участка, существуютъ училища ничего не знающія одно о другомъ и слѣдовательно не испытывающія того живительнаго взаимодѣйствія, и того соревнованія, напрягающаго энергію, которыя такъ естественно возникаютъ между людьми занятыми однимъ и тѣмъ же дѣломъ вблизи другъ отъ друга. Народныя школы разныхъ вѣдомствъ были у насъ до сихъ поръ какъ бы особыми областями взаимно недоступными и другъ для друга не существующими. Иная школа шла прекрасно и могла бы служить образцомъ для окрестныхъ школъ, но объ ней никто не зналъ, и кругъ ея полезнаго дѣйствія ограничивался тѣснымъ околоткомъ. Въ школахъ каждаго вѣдомства были свои обычаи и свои порядки; общей жизни не было и не могло быть. Новое Положеніе, соединяя всѣ народныя школы уѣзда подъ общимъ вѣдѣніемъ уѣзднаго училищнаго совѣта, можетъ имѣть въ училищномъ дѣлѣ такое же благотворное вліяніе, какое имѣла въ общей народной жизни отмѣна внутреннихъ таможенъ. Когда изсякнетъ источникъ искусственнаго взаимнаго отчужденія, долженъ явиться общій духъ и общій обычай, и народныя училища будутъ подчиняться ему столь же охотно, какъ вообще всякій охотно подчиняется общественному обычаю и даже модѣ. Это будетъ законъ живой, установившійся самъ собой и дѣйствующій сильнѣе закона писаннаго.

Мы говоримъ тутъ, конечно, не о преподаваніи грамоты, не о его методахъ. Это дѣло второстепенное. Мы говоримъ о внутреннемъ порядкѣ училища, о дисциплинѣ, о надзорѣ за взаимнымъ обращеніемъ учениковъ, за ихъ привычками, за ихъ опрятностью и т. д. Еслибы все, что ожидается отъ народныхъ школъ ограничивалось скорою выучкой грамотѣ, то было бы легко довести народныя школы до совершенства. Улучшенныя методы учить чтенію и письму дѣло не мудреное; распространить ихъ было бы не трудно, и если не всѣ учителя, то значительная часть учителей усвоили бы ихъ себѣ очень скоро. Но здравомыслящіе люди требуютъ отъ народныхъ школъ не одной грамотности, которая сама по себѣ приноситъ еще мало пользы, а иногда даже причиняетъ вредъ. Не даромъ въ нашей литературѣ слышались голоса противъ грамотности, и эти голоса шли никакъ не отъ однихъ обскурантовъ или крѣпостниковъ. Это были иногда голоса серіозные людей искренно-доброжелательныхъ, и вызываемы они были не страхомъ просвѣщенія, а страхомъ того умственнаго мрака, который сильнѣе гнететъ невѣжественнаго грамотѣя, чѣмъ столько же невѣжественнаго безграмотнаго. Нельзя не порадоваться, что въ новомъ Положеніи не употребляется терминъ, который совсѣмъ-было вошелъ въ употребленіе у нашихъ офиціяльныхъ педагоговъ для обозначенія первоначальныхъ школъ: ихъ стали у насъ называть школами грамотности. Если въ устраненіи этого термина видѣть символъ направленія, принятаго нынѣ дѣломъ народнаго обученія, то это символъ чрезвычайно важный: нѣтъ взгляда бездушнѣе и пошлѣе, какъ тотъ взглядъ, по которому народная школа есть не что иное, какъ школа грамотности. Само собой разумѣется, что народная школа непремѣнно должна выучивать свободно читать и писать: это условіе нельзя обойдти, но не въ этомъ условіи заключается цѣль народнаго училища, та цѣль, ради которой благотворительные люди жертвуютъ деньги и полагаютъ труды на учрежденіе школъ, какъ на дѣло богоугодное. Нельзя быть хорошимъ солдатомъ не обучившись стрѣльбѣ и маршировкѣ, но чтобы быть хорошимъ солдатомъ надобно нѣчто большее: надобно умѣть повиноваться и умирать за отечество, а передъ этимъ *нѣчто* искусство стрѣлять и маршировать превращается въ ничто. Въ народныхъ школахъ это *нѣчто*, несоизмѣримо большее чѣмъ грамотность, есть именно нравственность, которую народная школа должна развивать и утверждать въ ученикахъ не только посредствомъ прямыхъ наставленій, но и посредствомъ всей школькой обстановки. Строгая выдержка съ одной стороны, а съ другой стороны возбужденіе живаго религіознаго чувства, возвышающаго людей надъ земными радостями и заботами,—вотъ та цѣль, которую должна поставить себѣ всякая народная школа, желающая принести истинную пользу народу. Для этого не требуется ни учености, ни денегъ; для этого нужна прежде всего любовь къ дѣлу, основанная на увѣренности, что это дѣло богоугодное. Вотъ почему, между прочимъ, изо всѣхъ классовъ народа духовенство наибо-

лѣе призвано взять на себя дѣло народнаго образованія. Но тутъ мало того, чтобы преподавать катихизисъ: все ученье должно быть запечатлѣно религіозно-нравственнымъ характеромъ. Тутъ мало и одного ученья: необходимо, чтобъ ученью помогала нравственная выдержка учениковъ, достигаемая разумнымъ примѣненіемъ дисциплины. Не въ методахъ обученію грамотѣ, а въ методахъ веденія школы заключается тайна успѣха, и вотъ та сторона этого дѣла, гдѣ недостаточно одной любви къ нему, а нуженъ примѣръ и вырабатывающійся изъ примѣровъ школьный обычай. Какъ лучше учить грамотѣ, это можетъ быть изложено даже въ предписаніи, присылаемомъ по начальству, но предписанія безсильны для того, чтобъ установился разумный и твердый школьный обычай. Тутъ успѣхъ зависитъ не отъ регламентовъ, а отъ путей, которыми пойдетъ живое дѣло. Правильности же этихъ путей должно, повидимому, содѣйствовать общеніе, установляемое между народными школами новымъ Положеніемъ.

Обученіе простаго народа, по существенному своему характеру, есть дѣло богоугодное. Оно только тогда можетъ идти успѣшно, когда трудящійся ищетъ награды себѣ въ своей совѣсти. Начальническаго надзора, побуждающаго къ дѣятельности, тутъ быть не можетъ, а результаты дѣятельности подлежатъ повѣркѣ только своею формальною стороной. Можно испытать мальчиковъ хорошо ли они читаютъ, пишутъ, дѣлаютъ четыре ариѳметическія дѣйствія; можно замѣтить, по внѣшнему виду школы и учениковъ, соблюдаются ли въ школѣ опрятность и наружный порядокъ. Но далѣе этого контроль идти не можетъ. Все остальное, все наиболѣе важное остается на совѣсти учащихъ и приходскаго священника, обязаннаго наблюдать за религіозно-нравственнымъ направленіемъ школы. Тутъ дѣятельность укрывается отъ людской оцѣнки и единственная человѣческая благодарность, которою можетъ быть награжденъ воспитатель народа, есть благодарность его учениковъ, когда они возмужаютъ и оцѣнятъ его труды. Но какъ ни возможно заплатить деньгами за трудъ народнаго воспитанія, тѣмъ не менѣе, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда этотъ трудъ беретъ на себя приходское духовенство, необходимо чтобы трудящемуся была дана матеріяльная возможность трудиться. Если напримѣръ священнослужители принуждены работать въ полѣ для того чтобъ убирать хлѣбъ съ церковной земли, то невозможно чтобъ они одновременно работали и въ школѣ. Если положеніе священнослужителя такъ стѣснено, что онъ не можетъ доставить необходимаго своимъ дѣтямъ, то можетъ ли онъ и, скажемъ болѣе, имѣетъ ли онъ право отдавать бо́льшую часть своего времени на обученіе дѣтей своихъ прихожанъ, вмѣсто того чтобы заботиться о своемъ домашнемъ хозяйствѣ? Онъ дѣлаетъ великую услугу прихожанамъ, обучая ихъ дѣтей; эта услуга такого рода что ее деньгами оцѣнить нельзя, но слѣдуетъ ли изъ этого, чтобы прихожане не были обязаны отплатить ему если не равнозначительною, то хоть какою-нибудь услугой? Теперь когда сдѣлалось извѣстнымъ, что казенное пособіе будетъ состоять на будущій 1865 годъ изъ суммы въ 100.000 р. для всей Россіи за исключеніемъ западнаго края, теперь пріобрѣтаетъ особенное значеніе вопросъ о вознагражденіи духовенства за его даровые труды по обученію народа. Чтобы дѣло народныхъ школъ подвигалось впередъ, ему необходимо матеріяльное основаніе; въ противномъ случаѣ нельзя ожидать ничего болѣе какъ движенія назадъ. Но гдѣ найдти это матеріяльное основаніе, откуда взять средства, которыми можно было бы хоть сколько-нибудь вознаградить духовенство за его жертвы? Прежде всего представляется вопросъ, не могутъ ли священно-и церковнослужители, занимающіеся обученіемъ крестьянскихъ дѣтей, получать какую-нибудь плату съ ихъ родителей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, они и получаютъ плату, но это плата ничтожная, недостаточная, и вовторыхъ для того чтобъ она взималась необходимъ всетаки общественный приговоръ. Сколько намъ извѣстно, эта плата можетъ быть всего удобнѣе взимаема зерновымъ хлѣбомъ,—четверика по два, по три за ученика. Это мало, но крестьяне еще не на столько цѣнятъ ученье, чтобы согласиться на болѣе значительное пожертвованіе. Остается стало-быть желать, чтобы, кромѣ вознагражденія, даваемаго каждымъ крестьяниномъ за обученіе его дѣтей, причтъ получалъ какое-нибудь вознагражденіе отъ цѣлаго крестьянскаго общества. Для этого послѣдняго вознагражденія самая практическая форма заключалась бы, кажется, въ общественномъ приговорѣ, опредѣляющемъ, что-

бы церковная земля была воздѣлываема и убираема прихожанами. Пожертвовать однимъ днемъ въ году или даже одною половиной дня крестьяне охотно согласятся въ каждомъ приходѣ, чтобъ отблагодарить причтъ за приходскую школу. Надобно только, чтобы кто-нибудь взялъ на себя трудъ растолковать имъ всю пользу такого приговора, и разчесть, какъ незначителенъ будетъ трудъ, который достанется на долю каждаго изъ нихъ. Кто же можетъ сдѣлать это лучше и удобнѣе чѣмъ мировой посредникъ? Въ подмосковныхъ губерніяхъ опытъ уже показалъ, какъ бываютъ успѣшны усилія по учрежденію сельскихъ школъ, когда священникъ съ одной стороны, а мировой посредникъ съ другой, искренно расположены къ этому дѣлу. Мірскіе приговоры составляются въ этомъ случаѣ легко, и крестьяне оказываютъ готовность даже на болѣе значительныя пожертвованія нежели тѣ, о которыхъ мы говоримъ.

Зная такой ходъ дѣлъ, нельзя не пожалѣть, что мировые посредники оставлены въ сторонѣ новоизданнымъ Положеніемъ. Причины того впрочемъ очевидны. Положеніе относится ко всему населенію уѣзда, а мировымъ посредникамъ подвѣдомственны только бывшіе помѣщичьи и удѣльные крестьяне. Но въ скоромъ времени мѣсто мировыхъ посредниковъ будетъ занято мировыми судьями, которыхъ вѣдѣнію будутъ подлежать не только крестьяне всѣхъ вѣдомствъ, но и вообще лица всѣхъ состояній. Тогда будетъ устранено теперешнее затрудненіе, и тогда откроется полная возможность воспользоваться пріобрѣтеннымъ теперь опытомъ, что мировая власть есть самый надежный двигатель въ дѣлѣ устройства народныхъ училищъ безъ значительнаго пособія со стороны казны.

Какое же участіе могутъ принять въ этомъ дѣлѣ земскія учрежденія? Не находясь въ живомъ общеніи съ народомъ, они не могутъ содѣйствовать упомянутымъ нами общественнымъ приговорамъ, но они могли бы назначить съ своей стороны денежныя пособія для постройки училищныхъ домовъ и денежныя награды лицамъ занимающимся обученіемъ народа. Желательно только, чтобъ эти награды выдавались не слу-случайно и не произвольно, а на основаніи экзамена. Всего приличнѣе было бы, кажется, назначить денежную награду за каждаго мальчика и за каждую дѣвочку, которые на экзаменѣ докажутъ, что обучены, какъ слѣдуетъ, Закону Божію, чтенію, письму и четыремъ правиламъ ариѳметики. При этомъ, дабы поощрить обученіе дѣвочекъ, можно было бы назначить за нихъ награду, нѣсколько возвышенную. Въ такомъ случаѣ казенное пособіе могло бы выдаваться школамъ, особенно отличающимся передъ другими всею совокупностью даваемаго въ нихъ религіозно-нравственнаго воспитанія.

№ 188.

Москва, 25-го августа.

Скептики спрашиваютъ, не сдѣлаются ли будущіе уѣздные училищные совѣты тѣмъ же, чѣмъ сдѣлались разные комитеты положенные въ уѣздахъ по закону, но существующіе только на бумагѣ и ни разу въ годъ не собирающіеся. Отвѣчать на такой вопросъ значило бы предсказывать будущее Но нельзя не указать, что Положеніе о народныхъ училищахъ установило порядокъ засѣданій въ уѣздныхъ училищныхъ совѣтахъ, который въ извѣстной степени долженъ ограждать ихъ отъ печальной судьбы безчисленныхъ уѣздныхъ комитетовъ, имѣющихъ лишь призрачное существованіе. Этотъ порядокъ заключается въ томъ, что уѣздные училищные совѣты засѣдаютъ не круглый годъ, а собираются ежегодно два раза въ двухнедѣльныя сессіи. Такого рода періодическія собранія представляютъ всегда гораздо болѣе интереса чѣмъ случайныя засѣданія разбросанныя по цѣлому году. Для примѣра можно указать на мировые съѣзды, которые по необходимости созываются чаще чѣмъ будутъ созываться уѣздные училищные совѣты, но тѣмъ не менѣе посѣщаются усердно. Съ другой стороны надобно впрочемъ сказать и то, что мировые посредники получаютъ жалованье, и потому имъ неловко уклоняться отъ присутствія на съѣздахъ, а предводитель дворянства, жалованья не получающій, занимаетъ на съѣздѣ лестное мѣсто предсѣдательствующаго члена. Одна періодичность засѣданій уѣзднаго училищнаго совѣта, конечно, не представляетъ еще достаточныхъ ручательствъ въ томъ, что они будутъ интересовать всѣхъ его членовъ. Главнымъ условіемъ тутъ слѣдуетъ признать хорошій составъ

уѣзднаго совѣта. Только въ томъ случаѣ можно будетъ ожидать отъ училищныхъ совѣтовъ усердной и плодотворной дѣятельности, если въ ихъ члены поступятъ лица дѣйствительно интесующіяся дѣломъ народнаго воспитанія. Это самый важный пунктъ для успѣха этого дѣла, пунктъ требующій особенной заботливости со стороны тѣхъ властей, которымъ поручено назначеніе членовъ: Положеніе предоставляетъ этимъ властямъ широкую свободу. Духовное вѣдомство можетъ назначить любаго изъ благочинныхъ, а другія вѣдомства не ограничены даже кругомъ подвѣдомственныхъ имъ лицъ. Прежде напримѣръ предполагалось, что отъ вѣдомства народнаго просвѣщенія будетъ засѣдать въ училищномъ совѣтѣ штатный смотритель уѣзднаго училища. Но въ Положеніи сказано, что на штатнаго смотрителя обязательно возлагается лишь дѣлопроизводство по училищному совѣту. Изъ этого почти слѣдуетъ, что штатный смотритель едва ли будетъ назначаться въ члены совѣта, если не окажется къ тому особенно уважительныхъ побужденій, и что попечители учебныхъ округовъ, назначающіе въ училищный уѣздный совѣтъ члена отъ вѣдомства народнаго просвѣщенія, могутъ дѣлать выборъ изъ всѣхъ жителей уѣзда. Столь же неограниченный выборъ предстоитъ и губернаторамъ, на которыхъ возложена обязанность назначить членовъ отъ вѣдомства внутреннихъ дѣлъ. Можно надѣяться, что въ тѣхъ уѣздахъ гдѣ есть лица, оказавшія несомнѣнныя заслуги народному воспитанію, эти лица будутъ назначены отъ того либо другаго вѣдомства въ члены училищныхъ совѣтовъ. При соблюденіи этого условія, можно надѣяться, что сессіи училищныхъ совѣтовъ не только не будутъ собираться лишь номинально, но каждый разъ будутъ оставлять по себѣ живую память въ успѣхахъ совершаемыхъ дѣломъ ввѣреннымъ ихъ попеченію.

Нельзя съ другой стороны не упомянуть, что періодическія сессіи уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ представляютъ одно важное неудобство. Положеніе даетъ имъ право разрѣшать открытіе народныхъ училищъ и утверждать назначеніе учителей и учительницъ, между тѣмъ какъ закрытіе училищъ и устраненіе учащихъ лицъ поставлены внѣ компетенціи уѣздныхъ совѣтовъ и входятъ въ кругъ правъ совѣтовъ губернскихъ; такимъ образомъ отъ уѣздныхъ совѣтовъ не будетъ зависѣть пресѣченіе злоупотребленій или вредныхъ уклоненій, но они будутъ имѣть полную возможность задерживать полезныя начинанія отсрочкой своего разрѣшенія. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ, заключается существенное неудобство, въ послѣднемъ случаѣ тѣмъ болѣе разительное, что устраненіе его даже не зависитъ отъ доброй воли уѣздныхъ совѣтовъ. Такъ какъ они собираются въ опредѣленные сроки, то въ промежутки между сессіями они не имѣютъ возможности разрѣшать открытіе школъ или опредѣленіе учителей и учительницъ. Предсѣдатель совѣта, правда, уполномоченъ закономъ созывать совѣтъ и чаще чѣмъ два раза въ годъ. Но неужели онъ долженъ пользоваться этимъ правомъ каждый разъ когда представится случай открытія новаго училища или опредѣленія новаго учителя и новой учительницы? Созывая совѣтъ слишкомъ часто, не уменьшитъ ли онъ значеніе его сессій, а слѣдовательно и интересъ сопряженный съ ними для членовъ совѣта? Не поведетъ ли это къ тому, что въ дѣйствительности совѣтъ не будетъ собираться, а только будутъ разсылаться протоколы для подписи къ его членамъ? Но если заведется такой обычай, то что станется съ уѣздными совѣтами? Не сойдутъ ли они на одну степень съ уѣздными комитетами упомянутыми выше.

Таково, сколько намъ кажется, главное неудобство, которое не замедлитъ представиться, особенно въ тѣхъ уѣздахъ гдѣ дѣло народныхъ училищъ пойдетъ живо. Не забѣгая впередъ, мы не позволимъ себѣ ничего предлагать въ устраненіе этого неудобства. Но считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о томъ взглядѣ, что предоставленное уѣзднымъ совѣтамъ право разрѣшать открытіе училищъ и опредѣленіе въ нихъ учителей и учительницъ не можетъ причинить существенныхъ неудобствъ. Говорятъ, что повременить открытіемъ училища какіе-нибудь полгода ничего не значитъ, а учителя и учительницы въ народныхъ училищахъ не могутъ смѣняться часто. Говорятъ еще, что гораздо легче отказать въ утвержденіи человѣку мало достойному, нежели устранить его отъ должности, когда онъ уже занялъ ее. Но на дѣлѣ очень часто должно оказываться совершенно противное. Устранить утвержденнаго

учителя труднѣе чѣмъ не утвержденнаго, а еще труднѣе входить объ устраненіи съ представленіемъ, которое можетъ-быть не будетъ уважено. Не менѣе трудно отказать въ утвержденіи человѣку еще не показавшему себя на дѣлѣ, особенно когда нѣтъ другихъ охотниковъ занять должность. При теперешнихъ обстоятельствахъ, отъ уѣзднаго совѣта невозможно требовать строгой разборчивости при утвержденіи учителей, а между тѣмъ учитель, утвержденный совѣтомъ, будетъ какъ бы на его отвѣтственности. Если онъ окажется дуренъ, то будетъ значить, что совѣтъ ошибся давъ ему утвержденіе. Представляя губернскому совѣту объ устраненіи дурнаго учителя, уѣздный совѣтъ будетъ какъ бы виниться въ ошибочномъ утвержденіи его. Итакъ для противодѣйствія недостаткамъ сельскихъ училищъ этотъ порядокъ едва ли окажется удобнымъ, а между тѣмъ онъ можетъ несомнѣнно затруднять ходъ дѣла. Сколько можетъ встрѣтиться случаевъ, когда школа, которая могла бы осуществиться, еслибы была открыта безъ замедленія, будетъ отложена *ad calendas graecas* изъ-за нежеланія просить разрѣшенія? Если на учрежденіе школъ надобно смотрѣть какъ на пожертвованіе, то на жертвователей нельзя смотрѣть какъ на героевъ, готовыхъ бороться съ препятствіями. Это замѣчаніе имѣетъ особенную силу у насъ, гдѣ общественную иниціативу надобно вызывать, и иногда съ большими усиліями, а отнюдь не сдерживать. Что касается до мнѣнія, что учителя въ народныхъ школахъ обыкновенно остаются по нѣскольку лѣтъ, то и тутъ нельзя не замѣтить, что русскимъ народнымъ училищамъ надобно пользоваться всякимъ случаемъ для увеличенія своего персонала. Нельзя полагать, чтобы напримѣръ дочери или жены помѣщиковъ смотрѣли благопріятно на необходимость испрашивать разрѣшенія уѣзднаго совѣта на свое участіе въ школьномъ преподаваніи; но кто скажетъ, что это участіе не желательно? Было бы не трудно привести много примѣровъ въ этомъ родѣ, еслибъ это было нужно.

№ 189.

Москва, 27-го августа.

А.

Вчерашній высокоторжественный день былъ ознаменованъ открытіемъ желѣзной дороги отъ Коломны до Рязани. Читатели найдутъ ниже нѣсколько словъ о праздничномъ поѣздѣ, посѣтившемъ Рязань и въ тотъ же день, хотя и поздно ночью, возвратившемся въ Москву. Не много болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ, 20-го іюля 1862 года, былъ открытъ первый участокъ этой дороги, отъ Москвы до Коломны. Тогда дорога называлась еще Московско-Саратовскою, хотя акціонерное общество, ее строившее, не имѣло уже никакой надежды довести ее до Саратова. Его ходатайство объ освобожденіи отъ обязанности продолжать стройку дороги повело къ соглашенію, на основаніи котораго уступленная Обществу линія ограничена Рязанью, желѣзная дорога получила наименованіе Московско-Рязанской, а для сооруженія участка отъ Коломны до Рязани выпущены пятипроцентныя облигаціи, помѣщенныя за границей очень успѣшно,—если не ошибаемся, по 89 за сто. Такимъ образомъ капиталъ занятъ съ небольшимъ по $5\frac{1}{2}$ %. Употребленіе его въ дѣло шло повидимому еще успѣшнѣе. При построеніи участка отъ Москвы до Коломны расходы были очень велики. Проведеніе дороги городомъ Москвой, нѣкоторые инженерные промахи, въ особенности неудачная дамба на Нерлѣ, наконецъ значительные общіе расходы по управленію легли большою тяжестію на этотъ участокъ. Для продолженія пути условія были благопріятнѣе; опытность, которую пріобрѣло компанейское управленіе, дало ему возможность строить гораздо экономнѣе, и въ участкѣ между Коломной и Рязанью верста обошлась вдвое дешевле чѣмъ между Коломной и Москвой. Она обошлась бы еще дешевле, если бы не мостъ чрезъ Оку, который будетъ стоить около 800 тысячъ рублей. Постройка этого моста поручена на хозяйственномъ основаніи г-ну Струве, инженеру, имя котораго почетно называлось уже при построеніи участка отъ Москвы до Коломны; все даетъ право надѣяться, что мостъ будетъ сооруженъ дешево, прочно и къ тому же ранѣе назначеннаго срока; какъ полагаютъ, дви-

женіе по немъ будетъ открыто съ 1-го января.

Нельзя не порадоваться успѣшному ходу работъ по участку, нынѣ открытому; нельзя не поздравить Москву съ новымъ рельсовымъ путемъ, примыкающимъ къ ней. Но открытый нынѣ участокъ указываетъ на необходимость дальнѣйшаго продолженія линіи, если не до Тамбова, то по крайней мѣрѣ до Козлова, или если не до Козлова, то хоть до Ряжска. Безъ этого продолженія путь изъ Коломны до Рязани не имѣетъ значенія. Онъ идетъ вдоль по теченію Оки; пока онъ останавливается въ Рязани, онъ только дѣлаетъ конкурренцію Окѣ и преимущественно у ней отбиваетъ работу. Такой ли у насъ избытокъ въ путяхъ сообщенія, чтобы строить желѣзныя дороги для конкурренціи съ рѣками? А между тѣмъ не одинъ участокъ отъ Коломны до Рязани подходитъ подъ это замѣчаніе. Вся дорога изъ Риги въ Витебскъ идетъ вдоль по теченію Западной Двины, связывая мѣстности, которыя и такъ уже были достаточно связаны. Подобные пути могутъ пріобрѣсти важное значеніе для народнаго хозяйства только въ томъ случаѣ, если выйдутъ изъ бассейна рѣки, которой теченію слѣдуютъ, и свяжутъ съ нимъ мѣстности лишенныя удобствъ воднаго сообщенія. Какъ рижско-витебская дорога требуетъ продолженія въ глубь центральныхъ губерній, такъ точно и дорога московско-рязанская самымъ существованіемъ своимъ приглашаетъ къ проведенію рельсоваго пути далѣе на юго-востокъ по направленію къ Тамбову.

Можно ли однако желать скорѣйшаго построенія желѣзныхъ дорогъ въ этихъ двухъ направленіяхъ? Увы! настоятельная необходимость велитъ отложить исполненіе этихъ желаній, до будущаго времени. Намъ предстоитъ прежде построить линіи гораздо болѣе важныя, остававшіяся не начатыми вслѣдствіе стеченія разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Пока мы строили пути вдоль рѣкъ, пути, которыми особенно спѣшить не было необходимости, нашъ югъ и юго-западъ, самые благословенные края Россіи, которыхъ процвѣтанію препятствуетъ только отсутствіе удобныхъ путей сообщенія, оставались безъ желѣзныхъ дорогъ. Виной тому были, какъ сказано, случайныя обстоятельства, но очевидно, что по крайней мѣрѣ теперь намъ непозволительно медлить далѣе.

Привѣтствуя открытіе вѣтви примыкающей къ Москвѣ съ юго-востока, нельзя безъ глубокой горести вспомнить, что судьба благопріятствовала доселѣ лишь соединенію Москвы съ сѣверомъ и востокомъ. Московско-рязанская линія есть прямое продолженіе Николаевской дороги. На востокъ отъ этой линіи идутъ двѣ вѣтви, одна — весьма значительная во Владиміръ и Нижній-Новгородъ; другая — долженствовавшая идти въ Ярославль и дошедшая только до Сергіевскаго посада. Но вся западная дуга Москвы, обращенная къ Европѣ, не выпустила отъ себя ни одной ни вѣтви, ни даже вѣточки рельсоваго пути. Съ одной стороны четыре дороги, съ другой — ни одной. Не поразительная ли это параллель? Можно продолжить эту параллель еще далѣе. Ярославль и Саратовъ, города восточные, входили въ сѣть по крайней мѣрѣ по имени; существовало также наименованіе московско-ѳеодосійской, какъ теперь существуетъ наименованіе московско-севастопольской дороги, но московско-кіевская дорога не существовала даже по имени! Мудрено ли что польское подземное правительство помѣстило въ своемъ гербѣ кіевскаго Михаила архангела, когда мы сами такъ мало сознавали потребность связать Кіевъ съ остальною Русью? Удивляться ли польскимъ притязаніемъ на юго-западный край, когда мы сами не придавали важности тому чтобъ онъ тѣснѣе соединился съ нами? Взгляните на австрійскую сѣть желѣзныхъ дорогъ и посмотрите потомъ на русскую: васъ поразитъ различіе взглядовъ, въ нихъ высказывающееся. Но оставьте даже въ сторонѣ высшія соображенія, основанныя на историческихъ интересахъ и цѣляхъ русской народности и русскаго государства, и бросьте взглядъ на изданныя центральнымъ статистическимъ комитетомъ министерства внутреннихъ дѣлъ свѣдѣнія о распредѣленіи населенія въ Россіи. Не правда ли что наиболѣе населенныя мѣстности наиболѣе нуждаются въ путяхъ сообщенія, и что желѣзныя дороги съ своей стороны нуждаются въ доходѣ, а наиболѣе доходны бываютъ когда проходятъ мѣстами густо-населенными? Что́ же мы видимъ? Какія части Россіи населены гуще другихъ? Это именно губерніи, лежащія отъ Московской до Подольской полукругомъ, обращеннымъ своею дугой къ югу:

Московская, Тульская, Орловская, Курская, Полтавская, Кіевская, Подольская. Сама народная жизнь, исторически развивавшаяся, образовала этотъ поясъ, связывающій Москву съ древнею колыбелью Руси. Не ясно ли, что это тотъ поясъ, которымъ само собою обозначается направленіе желѣзной дороги, имѣющей для Россіи первостепенное значеніе,—первостепенное уже потому одному что ею воспользовались бы губерніи наиболѣе населенныя? Россія не *tabula rasa;* у нея есть исторія и у ея исторіи есть результаты. Имѣемъ ли мы основанія упускать изъ виду эти результаты и не пользоваться ими? Желѣзныя дороги великая сила; онѣ могутъ вызвать новыя связи, создать новые центры, но не должны ли онѣ дѣйствовать еще могущественнѣе, когда соединяютъ центры уже существующіе и скрѣпляютъ связи уже созданныя исторіей?

Эти вопросы напрашиваются сами собой по поводу ведущагося въ нашей періодической печати спора о дальнѣйшемъ направленіи желѣзной дороги, строимой между Одессой и Балтой. Первоначальное предположеніе состоитъ въ томъ, чтобы вести эту дорогу далѣе на сѣверъ черезъ Подольскую губернію къ Кіеву, съ тѣмъ чтобъ изъ Кіева строилась одновременно дорога въ Москву. Въ послѣдствіи возникла мысль, не слѣдуетъ ли оставить въ сторонѣ Кіевскую и Подольскую губерніи и вести дорогу изъ Балты на Кременчугъ, для ближайшаго соединенія Одессы съ этимъ послѣднимъ пунктомъ, лежащимъ на Днѣпрѣ выше пороговъ; при этомъ предполагалось, что одесско-кременчутская линія могла бы потомъ примкнуть къ московско-харьковской. Повидимому голоса раздѣлились между этими двумя предположеніями, но, признаемся, намъ очень трудно понять какъ это могло случиться. Линія изъ Кременчуга въ Балту, нѣтъ спора, очень полезная линія; но она не имѣетъ ни одного условія линіи первоклассной. Она идетъ отъ Балты до Елисаветграда степью, и притомъ степью, которая въ южной своей части уже имѣетъ удобный водный путь въ Бугѣ. Она не касается ни одного хоть сколько-нибудь замѣчательнаго города, и даже послѣдній пунктъ ея, Кременчугъ, не имѣетъ особеннаго значенія. Говорятъ, что Кременчугъ важенъ какъ пунктъ лежащій надъ порогами, и что потому дорога соединяющая Кременчугъ съ Одессой приближаетъ къ этому порту все верхнее теченіе Днѣпра. Но съ этимъ нельзя согласиться безусловно. Днѣпръ между Кіевомъ и Кременчугомъ отнюдь не можетъ быть названъ рѣкой удобною для судоходства. На этомъ пространствѣ онъ изобилуетъ отмелями, которыя будутъ препятствовать судоходству, пока не будутъ прочищены пороги, а когда это случится, то вмѣстѣ съ тѣмъ Кременчугъ потеряетъ то значеніе, ради котораго теперь думаютъ предпочесть его Кіеву. Линію на Кременчугъ невозможно и издалека сравнивать съ линіей на Кіевъ, а между тѣмъ если мы начнемъ строить дорогу изъ Балты въ Кременчугъ, то этимъ самымъ отсрочимъ на неопредѣленное время соединеніе Кіева съ Одессой и даже съ Москвой, потому что едва ли примемся за московско-кіевскую линію прежде нежели откроется возможность приступить къ построенію линіи кіевско-одесской. Неужели мы не ошиблись бы, поступивъ такимъ образомъ? Неужели намъ позволительно обнаружить такое равнодушіе къ Кіеву и всему юго-западному краю? Неужели это позволительно не только съ политической или стратегической, но и съ экономической точки зрѣнія? Довольно уже, черезчуръ довольно жались мы до сихъ поръ на востокъ,—не по собственной волѣ, а вслѣдствіе стеченія случайныхъ обстоятельствъ. Теперь отъ насъ зависитъ исправить эти невольныя ошибки и возстановить равновѣсіе. Достигнуть этого мы можемъ, связавъ съ Москвой не только Одессу, но и юго-западный край, а для этого рельсовый путь изъ Балты долженъ идти не на Кременчугъ, а, согласно первоначальному предположенію, черезъ Подольскую губернію въ Кіевъ.

Б.

Приходящія одно за другимъ извѣстія о страшныхъ пожарахъ то въ томъ, то въ другомъ городѣ начинаютъ серіозно тревожить публику. Изъ частныхъ случайностей, пожары становятся общимъ явленіемъ; обстоятельства многихъ пожаровъ невольно заставляютъ задумываться и тревожно оглядываться вокругъ себя. Для блага нашихъ городовъ надобно желать, чтобъ они усилили осторожность и бдительность. Этой цѣли предназначенъ служить нижеслѣдующій краткій, едва ли полный переченъ пожаровъ, о которыхъ приходилось намъ извѣщать читателей въ послѣдніе четыре мѣсяца.

Какъ бы введеніемъ къ длинной эпопеѣ пожаровъ служитъ пожаръ въ Вязникахъ, бывшій 27 апрѣля. 29 апрѣля сгорѣло 54 дома на Полотняномъ Заводѣ, въ Калужской губерніи. 4-го мая вспыхиваетъ пожаръ въ Оханскѣ, и изъ 204 домовъ города сгораетъ 60, въ лучшей части города, и въ томъ числѣ церковь, уѣздное казначейство, казенный соляной магазинъ и оптовые винные склады. 5-го мая—значительный пожаръ въ Сарапулѣ Вятской губерніи. 13-го мая истребленъ пожаромъ Сердобскъ Саратовской губерніи, и только благодаря внезапно пошедшему проливному дождю и помощи окрестныхъ поселянъ, уцѣлѣло отъ пожара не болѣе пятой части города; между сгорѣвшими зданіями (всего 561 домъ) были и дума, и магистратъ, и почтовая контора, и больница, и приходское училище; при быстромъ распространеніи пламени жители не имѣли даже времени спасать свое имущество; 6 человѣкъ при этомъ сгорѣло и 33 обожжено. Этотъ страшный пожаръ начался съ нежилаго и отдѣльно стоящаго строенія, именно съ крытой соломою риги, во время сильнаго вѣтра по направленію на городъ, и когда все населеніе участвовало въ крестномъ ходѣ. Въ ночь съ 22-го на 23-е мая пожаръ истребилъ половину города Мозыря Минской губерніи; причину пожара голосъ жителей приписываетъ поджогу, указывая на подметныя письма. 28 мая сгорѣла бóльшая и лучшая половина Мологи; огонь обнаружился въ часъ по полудни на дворѣ, гдѣ были сложены сѣно и солома, и обратилъ въ пепелъ между прочимъ гостиный дворъ съ большимъ количествомъ разнаго товара, зданія присутственныхъ мѣстъ съ архивами, и слишкомъ 200 домовъ, нанеся милліонные убытки. 4-го іюня сгорѣли до тла, за ничтожными исключеніями, всѣ ярмарочныя строенія Нижегородской ярмарки; на пространствѣ трехъ четвертей квадратной версты, погибло 40 деревянныхъ рядовъ съ 1.514 (въ томъ числѣ 139 каменныхъ) лавками и 148 отдѣльныхъ зданій; замѣтимъ, что употребленіе огня въ сгорѣвшихъ зданіяхъ было совершенно и строжайше воспрещено. Съ 4-го по 23-е іюня въ Петровскѣ Саратовской губерніи было шесть пожаровъ, отъ которыхъ сгорѣли цѣлые кварталы. 16-го іюня случился взрывъ на Охтенскомъ пороховомъ заводѣ, и въ тотъ же самый день происходитъ пожаръ на Казанскомъ пороховомъ заводѣ. 30-го іюня—сильный пожаръ въ Ригѣ, истребившій 20 домовъ и множество товаровъ, а въ слѣдующую ночь другой пожаръ тамъ же, причемъ огонь показался около полуночи, разомъ въ двухъ мѣстахъ, изъ крышъ давно уже не жилыхъ и закрытыхъ казармъ; пожаръ этотъ истребилъ между прочимъ канатную фабрику Леша. 1-го и 2-го іюля, большой пожаръ истребилъ въ Оренбургѣ болѣе 600 домовъ, т.-е. почти третью часть города, населенную бѣднѣйшими классами, такъ что двѣ или три тысячи семействъ остались безъ пристанища. 4-го іюля сгорѣло въ Варнавинскомъ уѣздѣ Костромской губерніи богатое село Баки, а черезъ день въ самомъ Варнавинѣ вспыхнулъ пожаръ, угрожавшій цѣлому городу; гостиный дворъ загорѣлся разомъ въ двухъ мѣстахъ, и сама мѣстная полиція видитъ причину пожара въ поджогѣ. 11-го іюля—сильный пожаръ въ Архангельскѣ на лѣсопильномъ заводѣ, не распространившійся на большое пространство только благодаря тихой погодѣ. 13 и 14-го іюля, одинъ за другимъ, два страшные пожара въ Тюмени обращаютъ въ пепелъ лучшіе кварталы и до 1.500 строеній; тюменьскіе пожары, а равно и значительный пожаръ въ другомъ городѣ Тобольской губерніи, Курганѣ, мѣстные жители приписываютъ поджогамъ. 26-го іюля—четыре почти одновременные большіе пожара въ Петербургѣ. Въ текущемъ августѣ, почти на дняхъ, цѣлый рядъ пожаровъ (шесть, если не болѣе, съ 13-го по 22-е число) истребилъ Симбирскъ. Одновременно съ симбирскими пожарами, 18-го августа, сгорѣло 17 домовъ въ Серпуховѣ, и наконецъ въ августѣ же чуть было не сгорѣлъ Ярославль.

„Красный пѣтухъ“ гуляетъ не по однимъ городамъ, вмѣстѣ съ ними повсюду пылаютъ и села. Изъ Спасскаго уѣзда Рязанской губерніи намъ сообщали, отъ 28-го іюня, что тамъ ежедневно бываетъ два-три пожара, ходятъ слухи о поджогахъ, и на избахъ крестьянъ находятъ надписи, въ родѣ слѣдующей: „твой дворъ сей сгар...“ Г. Новичковъ писалъ намъ отъ 1-го іюля, что села вокругъ Петровска горятъ каждый день; на дняхъ мы напечатали другое письмо изъ Петровскаго уѣзда, извѣщавшее, что тамъ не проходитъ дня чтобы не было трехъ, четырехъ пожаровъ, и что одну деревню поджигали два раза. Петровскій уѣздъ не составляетъ исключенія: петербургскія газеты, на основаніи полученныхъ изъ Саратовской губерніи извѣстій, сооб-

щаютъ, что тамъ происходятъ безпрестанные пожары, то въ одномъ селеніи, то въ другомъ, почти во всѣхъ уѣздахъ, за исключеніемъ Хвалынскаго, и что нѣсколько большихъ селеній совершенно выгорѣло. Вокругъ Шуи во Владимірской губерніи выгорѣло до двадцати деревень; въ селѣ Каймарахъ, близь Казани, сгорѣло 120 домовъ и пр. и пр.

Лѣсные пожары нынѣшняго лѣта также выходятъ изъ ряда обыкновенныхъ. Такъ большой лѣсной пожаръ близь Сарапула (Вятской губерніи) истребилъ всю Энейскую дачу, простирающуюся на 29.300 десятинъ. Въ Екатеринбургскомъ заводскомъ округѣ изъ 700.000 десятинъ лѣсу выгорѣло 130.000 десятинъ; между прочимъ въ окрестностяхъ Екатеринбурга, въ одной частной заводской дачѣ пожаръ прошелъ на 30 верстъ въ длину и отъ 10 до 15 верстъ въ ширину, т.-е. на пространствѣ 300—450 квадратныхъ верстъ. Ниже, въ „Послѣдней Почтѣ,“ читатели найдутъ извѣстія о безпрестанныхъ лѣсныхъ пожарахъ въ Костромской губерніи: лѣсныя дачи вспыхиваютъ заразъ въ шести мѣстахъ, и полицейское управленіе не находитъ этимъ пожарамъ другаго объясненія, кромѣ поджоговъ.

Такова неполная лѣтопись пожаровъ за какіе-нибудь четыре мѣсяца. А между тѣмъ у многихъ еще въ свѣжей памяти и пожары предшествовавшіе послѣдней трети года. Въ апрѣлѣ получались извѣстія о чрезвычайно частыхъ пожарахъ въ Могилевѣ на Днѣпрѣ, и намъ писали, что этихъ пожаровъ нельзя относить къ одной случайности. Припомнимъ пожаръ красныхъ рядовъ въ Угличѣ съ 9-го на 10-е апрѣля, ночной пожаръ (съ 14-го на 15-е марта) Егорьевской слободы въ Зарайскѣ, загорѣвшейся съ двухъ концовъ; пожаръ 30 января на Александровскомъ пушечномъ заводѣ въ Петрозаводскѣ.

Какое же впечатлѣніе должна производить такая печальная картина? Тысячи, десятки тысячъ семействъ лишаются средствъ къ существованію и остаются безъ пристанища. Множество отцовъ семействъ, скопившіе себѣ подъ старость небольшія средства и думавшіе провести въ скромномъ довольствѣ остатокъ дней своихъ и дать воспитаніе дѣтямъ, въ одинъ день становятся нищими. Горожане вывозятъ имущество и семейства за городъ, покидая уцѣлѣвшіе отъ огня дома.... Удивляться ли и толкамъ о поджогахъ, когда обстоятельства пожаровъ представляютъ столько явныхъ на нихъ указаній, когда пожары вспыхиваютъ одновременно въ нѣсколькихъ мѣстахъ, въ нежилыхъ строеніяхъ, повторяются по нѣскольку разъ къ ряду въ теченіе короткаго промежутка времени, и когда напримѣръ въ мѣстечкѣ Свержнѣ, Минской губерніи и уѣзда (гдѣ въ теченіи трехъ весеннихъ мѣсяцевъ текущаго года было шесть пожаровъ, и въ томъ числѣ три весьма значительныхъ), на чердакѣ одного изъ обывательскихъ домовъ найдены были курящіеся угли, напитанные, какъ оказалось по свидѣтельству мѣстной полиціи, горючимъ составомъ, такъ что ихъ нельзя было залить водою, а въ другомъ мѣстечкѣ, Монастырищѣ, Мстиславскаго уѣзда Могилевской губерніи, въ теченіи іюня прошедшаго года было девять или десять поджоговъ, изъ которыхъ поджогъ 18-го іюня былъ произведенъ одновременно въ нѣсколькихъ мѣстахъ? Не удивительно также, что многіе приписываютъ вышеисчисленнымъ пожарамъ политическое значеніе. Одновременные пожары на Охтенскомъ и Казанскомъ пороховыхъ заводахъ, пожаръ Александровскаго пушечнаго завода въ Петрозаводскѣ, сопровождавшійся какими-то непонятными обстоятельствами взрывъ пороха на Зерентуевскомъ серебряномъ заводѣ, пожаръ 1-го февраля текущаго года въ нижнемъ этажѣ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ въ Вильнѣ, причемъ огонь былъ вброшенъ черезъ окно, все это такіе случаи, которые невольно располагаютъ къ мнительности. А если уже зародилась мысль о поджогахъ, сами собою являются и догадки о поджигателяхъ...

Еще одно замѣчаніе. Общество не равнодушно смотритъ на пожары, да было бы и странно, еслибъ оно хладнокровно принимало ихъ къ свѣдѣнію, но въ то же время почти повсемѣстно, оно остается совершенно безучастнымъ къ введенію взаимнаго страхованія. Многіе видятъ въ этомъ противорѣчіе, но точно ли взаимное страхованіе можетъ возмѣщать пожарные убытки въ чрезвычайныхъ случаяхъ, подобныхъ настоящимъ? Какъ бы, напримѣръ, вознаградили другъ друга симбирскіе домовладѣльцы? Даже еслибы всѣ города Симбирской губерніи взаимно застраховали другъ друга, къ какимъ результатамъ повело бы такое застрахованіе? Не есть ли это доказательство того, что страховыя компаніи не могутъ быть вполнѣ замѣнены взаим-

нымъ страхованіемъ? Впрочемъ, не страхованіе составляетъ теперь существенную потребность, а предупрежденіе пожаровъ и ведущія къ тому соотвѣтственныя обстоятельствамъ мѣры предосторожности. Другая потребность минуты состоитъ въ томъ, чтобы тѣ города, которые устереглись отъ бѣдствія, поспѣшили помощью погорѣвшимъ. Всего болѣе нужна помощь Симбирску.

№ 190.

Москва, 28-го августа.

Въ послѣднее время въ иностранныхъ газетахъ то-и-дѣло появляются извѣстія о томъ, что въ управленіи Царствомъ Польскимъ предстоятъ значительныя перемѣны: военное положеніе будто бы будетъ снято; учрежденія, которыя предположены были въ 1862 году, будутъ не только возстановлены, но и получатъ дальнѣйшее развитіе, основанное на самомъ широкомъ признаніи автономіи. Но изъ сообщаемыхъ тѣми же газетами извѣстій видно, что Царство Польское находится пока вовсе не въ нормальномъ состояніи, и что отмѣнить въ немъ военное положеніе въ настоящее время значило бы тотчасъ же предать большинство его населенія въ руки всесвѣтной революціи и новыхъ шаекъ мятежниковъ и жандармовъ-вѣшателей. Какая же тутъ возможна автономія?

Притомъ въ настоящее время въ Польшѣ предпринятъ цѣлый рядъ преобразованій, которыя должны измѣнить самый составъ общества и взаимныя отношенія различныхъ его классовъ. Эти преобразованія коснулись пока только крестьянъ и помѣщиковъ; но, какъ слышно, они будутъ распространены и на духовенство—бѣлое и черное, и на городское населеніе. Мятежъ 1863 г. обнаружилъ, въ какомъ ненормальномъ положеніи находятся всѣ классы польскаго общества. Одно оно въ цѣлой Европѣ почти неизмѣнно сохраняло всѣ особенности средневѣковаго быта, по крайней мѣрѣ, всѣ худыя его стороны. Масса крестьянскаго населенія оставалась почти безъ правъ, подъ двойнымъ гнетомъ патримоніяльнаго суда и конфессіонала. Если паны пользовались своими государственными правами для борьбы противъ русскаго государства, то члены римской іерархіи, къ сожалѣнію на всѣхъ ступеняхъ, отъ низшей до высшей, именемъ религіи мира и любви возбуждали ненависть къ нему, а римско-католическіе монастыри обратились изъ мѣстъ молитвы въ склады оружія для мятежниковъ и въ убѣжища для душегубцевъ. Матеріяломъ же для безумнаго движенія послужилъ тотъ элементъ польскаго общества, который Поляки, по характерическому недоразумѣнію, называютъ польскимъ народомъ, — многочисленное населеніе городовъ и мѣстечекъ, составляющее наибольшую оригинальность польскаго края. Этотъ классъ такъ-называемыхъ обывателей и служащихъ получилъ тамъ развитіе, нисколько не соотвѣтствующее состоянію промышленности и торговли,—развитіе, объясняющееся тѣмъ, что города и мѣстечки служатъ предпочтительнымъ мѣстомъ жительства низшаго дворянства, или польской шляхты, составлявшей нѣкогда вооруженные отряды и свиту ясновельможныхъ пановъ, а теперь совершенно обнищавшей, но все-таки гордой своимъ происхожденіемъ и съ пренебреженіемъ взирающей на деревню и на ея обитателей хлоповъ, то-есть на настоящій польскій народъ. Это городское населеніе, со включеніемъ промышленной его части, то-есть 600 тысячъ Евреевъ, простирается до 1.200 000 человѣкъ, составляя болѣе одной трети всего населенія въ Царствѣ Польскомъ, — явленіе, которому подобнаго не находимъ нигдѣ въ Европѣ, за исключеніемъ одной Великобританіи, съ ея изумительнымъ развитіемъ всѣхъ отраслей городской промышленности и торговли. Понятно, что при низменномъ состояніи городскихъ промысловъ въ Польшѣ, значительная часть этой трети всего населенія края представляетъ собою классъ истыхъ паразитовъ, который, не имѣя никакихъ положительныхъ интересовъ, служитъ самымъ удобнымъ орудіемъ для всякаго рода отрицательныхъ и разрушительныхъ дѣйствій. Не представляя надежной опоры ни для одной изъ партій, боровшихся за власть въ революціонной организаціи, этотъ классъ былъ однакоже почти единственнымъ разсадникомъ всѣхъ мятежническихъ полчищъ, и всѣхъ наемныхъ убійцъ и жандармовъ-вѣшателей, которыми опозорился польскій край во время послѣдняго мятежа. Если припомнить еще, что въ Польшѣ считается до 1.318.000 безземельныхъ крестьянъ, то надобно будетъ сознаться, что революція распола-

гаетъ тамъ столь же значительными способами, сколько ничтожны тѣ способы, которыми можетъ располагать польская національная администрація, какому бы политическому направленію она ни слѣдовала.

Что будетъ предпринято русскимъ правительствомъ, сверхъ крестьянской реформы, въ виду такого ненормальнаго состоянія польскаго общества, и на сколько его предпріятія въ этомъ направленіи увѣнчаются успѣхомъ, мы не знаемъ. Не споримъ, впрочемъ, что успѣшность соціальныхъ реформъ много облегчила бы окончательное разрѣшеніе польскаго вопроса, хотя и не согласны съ тѣми, по мнѣнію которыхъ разрѣшенія его слѣдуетъ искать только путемъ соціальныхъ реформъ, не придавая особеннаго значенія политическимъ отношеніямъ и политическому быту страны. Польша, говорятъ они, важна для Россіи не сама по себѣ, а по притязаніямъ ея свѣтской и духовной аристократіи на обладаніе исконно-русскими областями. Какъ только путемъ соціальныхъ реформъ значеніе этихъ аристократическихъ классовъ будетъ умалено, городской и сельскій пролетаріатъ, если не вовсе уничтоженъ, что невозможно, но много уменьшенъ, и основою всего польскаго общества станетъ здоровый, не зараженный властолюбивыми, враждебными русскому народу и государству стремленіями, многочисленнѣйшій классъ мелкихъ землевладѣльцевъ-земледѣльцевъ, а въ самой западной Россіи польскіе помѣщики принуждены будутъ или продать свои земли, или признать себя Русскими, тогда въ какихъ бы политическихъ отношеніяхъ Польша ни стояла къ Россіи, она перестанетъ быть вѣчною угрозой для спокойствія и неприкосновенности западныхъ ея предѣловъ.

Заключеніе это само по себѣ можетъ быть вѣрно; но предположенія, изъ которыхъ оно вытекаетъ, несравненно труднѣе осуществить чѣмъ самыя смѣлыя политическія мѣры. Свѣтская и еще болѣе духовная аристократія не могутъ быть на столько ослаблены, чтобъ они перестали быть самыми значительными и самыми вліятельными классами польскаго населенія: для этого была бы нужна политика тамерлановская. Два милліона безземельныхъ и ничего не имущихъ горожанъ (не считая Евреевъ) и поселянъ никогда не могутъ быть надѣлены землею или какою бы то ни было собственностью, и стало-быть въ ихъ средѣ всегда будетъ значительное число людей, которыхъ можно будетъ привлечь къ любымъ политическимъ замысламъ. Наконецъ, классъ крестьянъ, облагодѣтельствованныхъ Россіей, стоявшій до сихъ поръ въ антагонизмѣ съ помѣщиками, отдѣлявшійся отъ нихъ цѣлою пропастью, можетъ теперь, и именно вслѣдствіе крестьянской реформы, вслѣдствіе предстоящаго вскорѣ прекращенія всѣхъ счетовъ съ панами, легко къ нимъ примкнуть въ борьбѣ, которой постараются придать значеніе не только національное, но и религіозное: онъ легко можетъ быть отравленъ въ политическомъ и національномъ отношеніяхъ, благодаря естественному на него вліянію римско-католическаго духовенства и крупныхъ землевладѣльцевъ. Всякій согласится, что эти предположенія ничуть не менѣе правдоподобны, не говоря уже о томъ, что успѣхъ и окончательные результаты соціальныхъ реформъ всегда сомнительнѣе чѣмъ успѣхъ и результаты реформъ политическихъ. Послѣднія указываются обстоятельствами и изъ нихъ вытекаютъ; первыя пытаются создать нѣчто новое, никому неизвѣстное.

Какъ кажется, въ Царствѣ Польскомъ всего необходимѣе теперь такая политика, которая касалась бы не столько соціяльныхъ отношеній, сколько политическаго быта страны и ея отношеній къ Имперіи. Настоящее время въ высшей степени благопріятно для мѣръ подобнаго рода. Мы слышали отъ достовѣрныхъ очевидцевъ, что польскіе крестьяне съ самымъ полнымъ довѣріемъ и сочувствіемъ внимаютъ русской рѣчи членовъ коммиссій, и предпочитаютъ документы, утверждающіе ихъ права на русскомъ языкѣ, заявляя, что они вовсе не нуждаются въ польскомъ ихъ переводѣ. Своихъ прежнихъ пановъ они называютъ Поляками, польскихъ чиновниковъ, страннымъ образомъ, Москалями, а русскихъ членовъ коммиссій съ большимъ сочувствіемъ величаютъ Русскими. Какой можемъ мы имѣть интересъ отталкивать этихъ добрыхъ хлоповъ отъ сближенія и общенія съ русскимъ народомъ? Еслибы спросить ихъ теперь, какой грамотѣ желаютъ они учиться въ своихъ школахъ, если спросить ихъ не черезъ польскаго чиновника или ксендза, то, какъ увѣряютъ, девять человѣкъ изъ десяти выскажутся въ пользу русской, а не польской грамо-

ты. Почему намъ не воспользоваться этимъ настроеніемъ? Многіе славянисты мечтали о введеніи общаго алфавита для всѣхъ славянскихъ народовъ и видѣли въ томъ могущественное средство племеннаго общенія. Если когда-нибудь можно было сдѣлать первый шагъ на этомъ пути, то конечно теперь, когда введеніе кириллицы вмѣсто латинскаго алфавита было бы принято въ польскихъ народныхъ школахъ съ большою радостью. Это мысль не новая; многіе даже между Поляками готовы привѣтствовать ее, какъ шагъ впередъ. Нѣтъ разсудительнаго человѣка, который не видѣлъ бы, что звуки польскаго языка несравненно проще и естественнѣе могутъ быть переданы русскими нежели употребительными теперь латинскими буквами. А между тѣмъ подобная мѣра стоила бы въ политическомъ отношеніи нѣкоторыхъ соціяльныхъ реформъ, причиняющихъ несчетныя бѣдствія и потрясающихъ край до основанія, но не выводящихъ польскую національность изъ того фальшиваго положенія, которое ее мучитъ и терзаетъ, отравляя и губя ея лучшія силы.

Теперь такое время, что всякая реформа въ политическихъ отношеніяхъ Царства Польскаго, освобождающая его жителей отъ гнетущаго ихъ кошемара неосуществимыхъ надеждъ, можетъ быть совершена легко и удобно, по крайней мѣрѣ, безъ серіозныхъ препятствій. Со стороны польскаго революціоннаго жонда эти препятствія невозможны, а европейскія державы не могли не убѣдиться, что статьи Вѣнскаго трактата, относящіяся къ Польшѣ, рѣшительно не осуществимы, и что существованіе этихъ статей только порождаетъ въ Полякахъ смутныя и вѣчно-тревожныя ожиданія, которыя разрѣшаются для нихъ безплоднымъ кровопролитіемъ и нескончаемыми бѣдствіями. Къ чему питать эти надежды на отдѣльное политическое существованіе, когда надъ ними состоялся неотразимый приговоръ исторіи? Не лучше ли открыть жителямъ Царства Польскаго пути къ трезвой и полезной дѣятельности, огражденной справедливымъ и доброжелательнымъ, но неуступчивымъ относительно политическаго сепаратизма закономъ?

№ 191.

Москва, 31-го августа.

Въ послѣднее время мы получили изъ Юго-западнаго края нѣсколько извѣстій весьма печальныхъ. Письма оттуда исполнены жалобъ на возникающія между Русскими разногласія, тогда какъ лица намѣревающіяся оставаться Поляками и дѣйствовать въ польскихъ видахъ на русской почвѣ держатся согласнѣе чѣмъ когда-либо и какъ одинъ человѣкъ слѣдуютъ лозунгу, даваемому имъ неизвѣстно откуда. Совокупность усилій направленныхъ къ одной цѣли не можетъ не увѣнчаться успѣхомъ, если не встрѣтитъ соотвѣтственнаго отпора, а какой отпоръ можетъ дать общество дробящееся на круги и кружки взаимно другъ другу недовѣряющіе и даже другъ противъ друга ратующіе? Вотъ отъ чего, пишутъ намъ, Русскими овладѣваетъ тамъ уныніе, и они недоумѣваютъ къ чему все это должно привести. Пишущіе съ горестью обвиняютъ русскихъ людей въ неспособности бороться съ польскою шляхтой тѣми же общественными средствами, которыми она дѣйствуетъ такъ успѣшно; причину этой неспособности они видятъ въ разъединеніи и спрашиваютъ, не есть ли это разъединеніе коренная слабость русскаго общества, дѣлающая его безсильнымъ передъ обществомъ польскимъ.

Удивительное явленіе! Польская Рѣчь Посполитая погибла отъ совершеннаго отсутствія единодушія; польская эмиграція остается вѣрною этому національному характеру; въ Царствѣ Польскомъ, по возстановленіи его императоромъ Александромъ I, тотчасъ же явились раздоры, и Чарторыйскимъ опротивѣли всѣ дарованныя Царству политическія льготы, только потому что во главѣ управленія былъ поставленъ Зайончекъ; въ самое послѣднее время, на нашихъ глазахъ, повторились эти раздоры въ степени нисколько не меньшей чѣмъ прежде. Изъ брошюры графа Лубенскаго, вышедшей весной прошлаго года, мы знаемъ какою цѣной могло быть куплено сближеніе графа Андрея Замойскаго съ маркизомъ Велёпольскимъ; для этого великаго событія Россія должна была уступить Царству Польскому Литву, Бѣлоруссію и Заднѣпровскую Малороссію и учредить общій сеймъ для всего этого края; тогда, гово-

ритъ графъ Лубенскій, Замойскій могъ бы протянуть руку Велёпольскому: какія же чудеса должны были бы совершиться на свѣтѣ, чтобы маркизу Велёпольскому подалъ руку генералъ Мѣрославскій? Такова бездна лежащая между претензіями, которыя мы до сихъ поръ такъ неразумно чествуемъ общимъ именемъ польскаго патріотизма.

О русскомъ народѣ напротивъ всякій изъ нашихъ недруговъ долженъ сказать, что его сила въ единодушіи, и что онъ всегда умѣлъ стоять какъ одинъ человѣкъ когда дѣло шло объ интересахъ отечества. Внутреннія несогласія всегда смолкали, всякій ропотъ стихалъ, коль скоро требовалось дружно поддержать власть, защищающую національные интересы. Пусть русскому народу отказываютъ въ другихъ достоинствахъ; но въ этомъ достоинствѣ отказать ему невозможно. Какой хаосъ господствовалъ въ нашемъ обществѣ передъ взрывомъ послѣдняго польскаго возстанія! Какіе явные были признаки разложенія, какъ было все повидимому отравлено взаимнымъ недовѣріемъ и недовольствомъ! И какое величественное зрѣлище представилъ воспрянувшій народный духъ въ незабвенное лѣто прошлаго года! Гдѣ въ исторіи есть примѣръ большей силы и вмѣстѣ большей чистоты всенароднаго одушевленія? Если чего не доставало намъ для торжества надъ всѣми препятствіями, то ужь, конечно, не единодушія общества.

Таковъ русскій національный характеръ, заявленный неоднократно и несомнѣнно. Какъ же объяснить, что въ Юго-западномъ краѣ роли повидимому перемѣнились? Какъ понять то, что̀ теперь тамъ происходитъ и приводитъ русскихъ людей въ уныніе? Гдѣ корень этой изумительной силы польскихъ притязаній и интригъ, и гдѣ корень того пагубнаго разъединенія, которымъ причиняется тамъ кажущееся безсиліе русскаго общества?

Въ отвѣтѣ на эти вопросы, кажется намъ, не можетъ быть сомнѣнія. Существенная черта, опредѣляющая собою характеръ всѣхъ фазъ польской агитаціи, заключается въ ея неосуществимости. Поэтому, чѣмъ ближе польское движеніе къ своему осуществленію, тѣмъ менѣе въ немъ бываетъ условій успѣха, и наоборотъ чѣмъ далѣе отодвигается цѣль, тѣмъ единодушнѣе оказывается движеніе. Въ Юго-западномъ краѣ положеніе польскаго дѣла теперь не имѣетъ никакой собственной силы, но надежды на благопріятный поворотъ дѣлъ, основанныя на неизвѣстности относительно будущаго рѣшенія польскаго вопроса, еще далеко не исчезли. Сознаніе слабости внушаетъ согласіе, а надежды на успѣхъ вселяютъ энергію: вотъ элементы, изъ которыхъ выростаетъ эта сила польскаго единодушія въ Юго-западномъ краѣ, которая изумляетъ русскихъ наблюдателей и которая однакоже есть не что иное какъ сила безсилія. Ея поприще ограничивается тайною интригой. На другихъ поприщахъ она безсильна, но нельзя скрывать отъ себя, что тутъ она можетъ причинить неисчислимое зло, если не встрѣтитъ соотвѣтственнаго отпора.

Почему же русскій элементъ не даетъ ей этого отпора? Отчего русскіе люди позволяютъ ей опутывать себя? Отъ равнодушія ли къ интересамъ отечества? Отъ недостатка ли способности подать другъ другу руку когда миновала явная опасность? Не думаемъ. Апатію и разъединеніе нельзя принимать за причину; это не болѣе какъ признаки неопредѣленнаго положенія дѣлъ. Поляки дѣйствуютъ согласно и дальновидно не потому чтобъ они стояли выше Русскихъ въ политической зрѣлости; не потому чтобъ они были всѣ до единаго одарены проницательностью, зорко усматривающею тотъ путь, по которому слѣдуетъ идти чтобы достигнуть вѣрнаго успѣха. Ничего подобнаго у Поляковъ нѣтъ. Ихъ политическія дарованія достаточно обличаются ихъ невѣроятными политическими ошибками; политической проницательности у нихъ такъ мало, что можно напротивъ изумляться ея совершенному отсутствію во всѣхъ ихъ предпріятіяхъ, которыя переходятъ изъ сферы интригъ въ открытую сферу политическихъ дѣйствій. По части вѣрнаго взгляда и здраваго сужденія намъ нечего имъ завидовать. Если они превосходятъ насъ кажущеюся энергіей и твердостью, то только потому что мы сами гальванизируемъ ихъ національность; если они начинаютъ одерживать надъ нами верхъ своимъ единодушіемъ, то только потому что у нихъ есть программа дѣйствій,—программа ясная и для всѣхъ понятная. Вотъ то чего не достаетъ у насъ, и вотъ почему русскіе люди въ Юго-западномъ краѣ впадаютъ въ уныніе и не въ состояніи противодѣйствовать возникающему между ними разногласію. Дайте имъ

ясную національную программу, и тотчасъ же со всею силой скажется въ нихъ способность къ дружному дѣйствію, составляющая отличительную черту русскаго характера.

Но, скажутъ Поляки выработали же себѣ программу дѣйствій: почему не выработаютъ ее себѣ и Русскіе живущіе въ Юго-западномъ краѣ? Поляки пришли же къ соглашенію: почему Русскіе идутъ въ розпь? Не есть ли это признакъ слабости?

Дѣлающіе такой выводъ упускаютъ изъ виду, что между составленіемъ русской и польской программы дѣйствій есть огромное различіе. Польской націи нѣтъ, и польскій патріотизмъ—не что иное какъ заговоръ; лозунгъ, которому подчиняются Поляки, исходитъ изъ тайнаго источника. Можетъ ли быть что-нибудь подобное съ русской стороны? Единственная организація, въ которой можетъ дѣйствовать русскій человѣкъ вступающій въ борьбу съ польскими притязаніями, есть русское государство. Русское общество не можетъ приходить къ соглашенію тѣми путями которыми достигается соглашеніе между Поляками. Оно можетъ дѣйствовать только по программѣ опредѣляемой общимъ настроеніемъ внутренней политики своего государства, и сила національныхъ надеждъ, его одушевляющихъ, зависитъ отъ того насколько эта внутренняя политика вызываетъ эти надежды. Сила русской народности можетъ обнаружиться въ Западномъ краѣ только послѣ того какъ польскій вопросъ будетъ рѣшенъ въ русскомъ національномъ смыслѣ.

№ 192.

Москва, 1-го сентября.

Иностранныя газеты, особенно нѣмецкія, отъ времени до времени, возвращаются къ такъ-называемому польскому вопросу, и стараются уяснить себѣ результаты послѣдняго польскаго мятежа. Всѣ они, — а вмѣстѣ съ ними и общественное мнѣніе всей Европы, — глубоко убѣждены, что Поляки послѣднимъ своимъ возстаніемъ нанесли послѣдній ударъ не только призраку Польши какъ особаго государства, созданнаго на Вѣнскомъ конгрессѣ личною волей императора Александра I, но и призраку польской національности, которая, какъ извѣстно, нигдѣ не сохранилась въ такой силѣ, какъ подъ русскимъ скипетромъ, и нигдѣ не находила себѣ такой пищи, какъ въ собственныхъ предѣлахъ Россіи, въ ея западныхъ и юго-западныхъ областяхъ, такъ какъ здѣсь она питалась всѣми соками русскаго народа, здѣсь были главнѣйшія матеріяльныя ея средства, здѣсь же нашла она себѣ и выразителя въ поэтѣ Мицкевичѣ, художественныя произведенія котораго дышатъ фанатическою ненавистью къ русскому имени, — ненавистью, которая считаетъ всѣ средства дозволенными для достиженія своей цѣли, — вотъ естественный и ближайшій результатъ, котораго ожидаетъ Европа. „Польша, говоритъ австрійская газета *Ostdeutsche Post*, была до сихъ поръ ахиллесовой пятой Россіи, то-есть, мѣстомъ, въ которое враги ея могли смертельно уязвить ее; отнынѣ ей суждено, повидимому, стать передовымъ постомъ русской народности, выдвинутымъ въ самое сердце Европы, и даже орудіемъ нападенія на нее.“ Убѣжденіе это такъ распространено, что прусскія полуофиціяльныя газеты считаютъ обрусѣніе Польши какъ бы совершившимся фактомъ, и стараясь приковать Австрію къ союзу съ Пруссіей, находятъ возможнымъ указывать ей на то, что ей можетъ понадобиться военная помощь со стороны Пруссіи для охраненія Галиціи отъ захватовъ Россіи.

Это неминуемое внутреннее сліяніе польскаго элемента съ русскимъ *Ostdeutsche Post* приводитъ въ связь съ пробужденіемъ національнаго и политическаго сознанія самихъ Русскихъ, которое, по словамъ этой газеты, было также слѣдствіемъ послѣдняго польскаго мятежа и обстоятельствъ, его сопровождавшихъ. И подлинно, еслибы національное и политическое сознаніе самихъ Русскихъ пріобрѣло большую бодрость, неминуемымъ слѣдствіемъ того было бы не подавленіе, не истребленіе польской національности, а полное сліяніе ея съ русскою народностью, и напротивъ, какъ только слабѣетъ и засыпаетъ русское народное чувство, тотчасъ же начинаетъ оживляться и укрѣпляться польская національность, которая, какъ сказано, питается соками русскаго народа и въ стремленіи къ господству надъ нимъ имѣетъ свой корень и свое основаніе. Возстановленіе политическаго существованія польской національности и предположеніе раздвинуть предѣлы этого возстановленнаго государства внутрь Россіи па-

ходились въ прямомъ противорѣчіи несомнѣннымъ историческимъ правамъ русской народности.

Способы, которыми, по представленію иностранныхъ газетъ, совершится сліяніе польскаго элемента съ русскимъ, естественно, заимствуются ими изъ богатой опытами и примѣрами этого рода исторіи и современности государствъ Европы. Обрусѣніе Польши, читаемъ мы въ иностранныхъ газетахъ, будетъ произведено en bloc, въ цѣломъ составѣ ея; съ этою цѣлью громадныя имущества продаются всякому, кто пожелаетъ: Русскому, Нѣмцу, Еврею, лишь бы не Поляку; населеніе цѣлыхъ мѣстечекъ и деревень препровождается въ Россію и замѣняется русскими колонистами; могущество свѣтской и духовной аристократіи совершенно сокрушается, и въ довершеніе всего вводится во всѣхъ школахъ русскій языкъ, который тѣмъ легче можетъ водвориться въ Польшѣ, что оба языка близко родственны между собою.

Какъ ни преувеличена эта картина, какъ ни мало соотвѣтствуетъ она дѣйствительности, однакоже и съ нею совершенно примиряется общественное мнѣніе въ Европѣ. „Какъ бы ни обливалось кровью сердце,— говоритъ *Ostdeutsche Post*,—при воспоминаніи о героическихъ усиліяхъ Поляковъ, которые, впрочемъ, сами сгубили себя и свою страну, однакоже политикъ долженъ прежде всего заботиться о томъ, чтобы вѣрно сводить свои счеты и не туманить себѣ взоровъ никакою сентиментальностью: кровь, пролитая въ Польшѣ, потушила (?) пожары въ Россіи, утвердила дѣло освобожденія крестьянъ и распространила благодѣянія этой мѣры на самоё Польшу, гдѣ она должна не только приковать крестьянъ къ русскому правительству, но и содѣйствовать полному обрусѣнію Поляковъ.“

Оставимъ въ сторонѣ всѣ другія мѣры политическаго и соціальнаго свойства, которыхъ естественно ожидаетъ отъ Россіи общественное мнѣніе Европы по отношенію къ Польшѣ, и остановимся только на одной изъ нихъ: на введеніи русскаго языка во всѣ школы и училища въ этомъ краѣ. Какимъ образомъ могло бы общественное мнѣніе въ Европѣ не только протестовать противъ этой мѣры, не только не примиряться съ нею, но даже не ожидать ея отъ Россіи? Россія считается государствомъ европейскимъ; Россія, какъ всѣмъ хорошо извѣстно, слѣдуетъ европейскимъ образцамъ и примѣрамъ. Что же видимъ мы въ Европѣ? Не говоримъ уже о Познани и о Галиціи, гдѣ нѣтъ теперь ни одного Поляка, получившаго хотя какое-нибудь школьное образованіе, который бы не говорилъ и по меньшей мѣрѣ не понималъ по-нѣмецки, гдѣ и въ народныхъ училищахъ учатъ нѣмецкому языку; но вотъ страна только вчера завоеванная Пруссаками и Австрійцами: мы разумѣемъ сѣверный Шлезвигъ, заселенный почти исключительно Датчанами. Что же дѣлаютъ въ немъ Пруссаки? Они на другой же день послѣ завоеванія принялись вводить въ немъ свой нѣмецкій языкъ и въ богослуженіе, и въ школы. *Berlingske Tidende*, полуофиціяльная газета копенгагенская, горько жалуется на это, какъ на актъ насилія; она сообщаетъ, что всѣ природные Датчане и расположенные къ Даніи Нѣмцы исключены изъ государственной службы въ Шлезвигѣ, что въ судахъ тамъ введенъ исключительно нѣмецкій языкъ, что единственное высшее учебное заведеніе для датскаго населенія, именно гимназія въ Гадерслебенѣ, обращено въ чисто-нѣмецкое училище, что всѣ газеты на датскомъ языкѣ прекращены, и что только за недостаткомъ желающихъ, не всѣ духовныя должности ввѣрены природнымъ Нѣмцамъ. Указывая на эти факты, копенгагенская газета требуетъ, чтобы въ мирномъ договорѣ нѣмецкія державы обязались уважать права датской національности въ этой такъ недавно еще датской области; но *National-Zeitung*, берлинскій органъ партіи прогрессистовъ, ничего не хочетъ и слышать о подобныхъ обязательствахъ. Германія дорожитъ мирнымъ и несомнѣннымъ обладаніемъ этою областью; она желаетъ доставить прочное спокойствіе ея населенію, и поэтому старается заранѣе отнять у него всякій поводъ думать, что оно можетъ отпасть отъ Германіи и снова соединиться съ Даніей.

Отнюдь не изъ ненависти къ Полякамъ, а напротивъ изъ самаго искренняго желанія отвратить отъ нихъ въ будущемъ всѣ тѣ бѣдствія, которыя постигали ихъ въ прошедшемъ, и освободить ихъ отъ яда, который отравляетъ ихъ существованіе, необходимо, чтобъ и Россія въ отношеніи къ нимъ послѣдовала той же прямой, откровенной и рѣшительной политикѣ, какой слѣдуютъ въ подобныхъ случаяхъ вездѣ въ Европейскомъ мірѣ. Возможно ли, чтобы Поляки, оставаясь Поляками и сохраняя хотя

бы тѣнь политической самобытности, на основанiи и подъ покровомъ Вѣнскихъ трактатовъ, отказались отъ своихъ притязанiй на русскiя области? Нѣтъ. Возможно-ли, чтобы Россiя когда-нибудь и въ какомъ бы то ни было видѣ, въ какой бы то ни было степени, согласилась удовлетворить этимъ притязанiямъ? Нѣтъ: скорѣе можно ожидать погибели всей Русской земли, чѣмъ ея добровольнаго согласiя на это. Что же слѣдуетъ изъ этого сопоставленiя двухъ невозможностей? Одно изъ двухъ: или нескончаемая борьба, въ которой слабѣйшая часть—Поляки—будетъ физически истреблена сильнѣйшей,—борьба среди взаимной безпощадной ненависти и ожесточенiя, которыя потрясутъ всѣ основы общества и государства; или же обращенiе Поляковъ въ русскихъ гражданъ прекращенiемъ всѣхъ тѣхъ условiй, которыя поддерживаютъ въ нихъ неосуществимыя надежды. Будетъ ли это нравственною кончиной польской нацiональности? *Да*, въ тѣхъ ея началахъ, которыя дѣлаютъ ее непримиримымъ врагомъ русской народности, и *нѣтъ*, въ тѣхъ ея элементахъ, которые способны къ слiянiю съ близко-родственною, одноплеменною русскою семьей. При этомъ слiянiи симпатическiя черты польскаго характера привьются къ русской натурѣ, и во всякомъ случаѣ Поляки выиграютъ въ соцiальномъ и въ политическомъ отношенiи все то что̀ они потеряютъ въ отношенiи нацiональномъ.

Настоящее время какъ нельзя болѣе благопрiятно для сближенiя Поляковъ съ русскою народностью на всемъ пространствѣ владѣнiй русской державы. Еслибы вопросъ этотъ могъ быть рѣшенъ всеобщею подачей голосовъ, то прежде всего въ самомъ Царствѣ Польскомъ огромное большинство голосовъ высказалось бы въ пользу политическаго и нацiональнаго слiянiя съ Россiей. Спросите у крестьянъ: желаютъ ли они быть русскими подданными, принадлежать къ Русскому государству, или быть польскими подданными, принадлежать къ Польскому королевству, и они вамъ скажутъ, что они хотятъ быть русскими подданными, и что они вполнѣ вѣрятъ только Русскимъ, а не Полякамъ (то-есть, панамъ) и не своимъ *москалямъ* (то-есть польскимъ чиновникамъ). Въ этой массѣ польскаго населенiя, которая состояла на положенiи рабочаго скота, еще не развилось ни чувство, ни сознанiе особой польской нацiональности, враждебной къ нацiональности русской, и при разумной заботливости съ нашей стороны, она охотно усвоила бы себѣ теперь, въ предполагаемыхъ правительствомъ школахъ, и русскую грамоту, и русскую рѣчь, тогда какъ въ послѣдствiи можно навѣрное ожидать, что и въ ней подъ неотразимымъ влiянiемъ крупныхъ землевладѣльцевъ, ксендзовъ и горожанъ-шляхтичей, и при благопрiятныхъ матерiяльныхъ обстоятельствахъ, которыя будутъ слѣдствiемъ крестьянской реформы, при политической особности Польши, неминуемо разовьется нацiональное польское чувство, такъ враждебное къ Россiи. Легко упустить благопрiятное время, но невозможно воротить его.

Этого мало. Мы получаемъ письма отъ самихъ Поляковъ, которые, понимая пользы края и своихъ соплеменниковъ лучше такъ-называемыхъ польскихъ патрiотовъ, лишь въ обрусѣнiи польскихъ крестьянъ видятъ дѣйствительное разрѣшенiе польскаго вопроса. Первымъ шагомъ къ тому они считаютъ введенiе въ будущихъ польскихъ народныхъ школахъ русской грамоты, русскаго шрифта вмѣсто нынѣшняго латинскаго, гораздо менѣе приспособленнаго къ звукамъ польскаго языка.

Наконецъ, мы можемъ сослаться на варшавскаго корреспондента *Крестовой Газеты*, свидѣтельство котораго никто не заподозритъ въ пристрастiи къ интересамъ Россiи и русской народности, такъ какъ онъ приписываетъ высшей мѣстной администрацiи Царства непреклонно-твердое рѣшенiе не допускать слiянiя польскаго элемента съ русскимъ, — рѣшенiе, которое, по словамъ его, стало уже непреложнымъ правиломъ во всѣхъ правительственныхъ сферахъ въ Польшѣ. По словамъ корреспондента, непреложнымъ правиломъ въ правительственныхъ сферахъ въ Польшѣ стало то, чтобъ о ея сближенiи съ русскою народностью не было и рѣчи, и чтобы какъ въ школѣ, такъ и въ администрацiи, строго различались и признавались всевозможныя нацiональности: прежде всего польская, потомъ нѣмецкая, литовская, еврейская, не исключая впрочемъ и русской. Корреспондентъ восхищается вавилонскимъ столпотворенiемъ, которое онъ рисуетъ въ своей фантазiи, и заранѣе мечтаетъ о нѣмецкихъ училищахъ и даже о нѣмецкихъ гимназiяхъ для горсти нѣмецкихъ обитателей края.

Но чѣмъ болѣе восторгается онъ своими фантазіями, тѣмъ искреннѣе и правдивѣе должно быть его свидѣтельство о томъ, чего въ этомъ отношеніи ожидали отъ русскаго правительства сами Поляки. Оказывается, что и они ожидали того же, чего ожидала европейская публика, не говоря уже о публикѣ русской. Онъ говоритъ:

„Высокая важность училищной реформы такъ была очевидна, что она давно уже составляла предметъ всеобщихъ разговоровъ въ публикѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ подавала поводъ ко множеству различныхъ предположеній, основывавшихся большею частью на правѣ возмездія, *jus talionis*, которое народъ, благодаря развитому въ немъ, всетаки, чувству справедливости, считалъ самымъ естественнымъ правомъ восторжествовавшаго надъ революціей правительства. Если два года тому назадъ, при Велёпольскомъ, вся система народнаго образованія, начиная съ низшихъ училищъ и до высшихъ, разчитана была на господство польскаго элемента во всѣхъ классахъ здѣшняго населенія, съ устраненіемъ всѣхъ другихъ, то теперь естественно можно было ожидать того же самаго въ пользу русскаго элемента. Дѣйствительно, общественное мнѣніе ожидало, что новое училищное устройство будетъ имѣть исключительною цѣлью обрусить Польшу и нельзя не сознаться, что противъ этого предполагаемаго направленія никто не роптал; большею же частію Поляки находили, что такой образъ дѣйствія подразумѣвается самъ собою, что иного нельзя и ожидать“.

Такимъ образомъ, усилія русскаго правительства къ распространенію русскаго языка въ польскомъ краѣ соотвѣтствовали бы ожиданіямъ не только русской и европейской, но и самой польской публики; они удовлетворили бы несомнѣннымъ желаніямъ большинства польскаго населенія; они были бы согласны съ интересами Россіи, съ интересами самихъ Поляковъ, съ задачами поставленными для насъ исторіей, и наконецъ съ видами человѣколюбія. Неужели еще мало принесено было жертвъ и пролито крови въ угоду политики, которою поддерживались и питались въ Полякахъ несбыточныя мечты и притязанія? Кого называютъ Поляки своими монгольскими притѣснителями и кого наиболѣе они ненавидятъ: Нѣмцевъ ли Пруссіи и Австріи, которые не задумались съ самаго начала употребить всѣ усилія къ внутреннему сближенію ихъ съ собою, или насъ, Русскихъ, которые искусственно, почти цѣлое столѣтіе, продолжаемъ мучительную агонію польской національности? Неужели же мы и теперь, какъ думаетъ варшавскій корреспондентъ *Крестовой Газеты*, добровольно откажемся отъ совершенія задачи, въ которой заключается разрѣшеніе всего польскаго вопроса и дождемся, чтобы вся Европа снова обратилась къ намъ съ упреками, что мы питаемъ въ самомъ сердцѣ ея вѣчное пламя революціонныхъ движеній, и что Польшѣ подъ нашимъ владычествомъ суждено лишь испытывать періодическія потрясенія?

№ 193.

Москва, 2-го сентября.

Польскій вопросъ, очень простой въ Царствѣ Польскомъ, становится чрезвычайно сложнымъ на русской почвѣ, въ Западномъ краѣ, особенно въ его южной части. Тутъ онъ уже перестаетъ быть польскимъ вопросомъ и совсѣмъ превращается въ вопросъ русскій, отражая въ себѣ, какъ въ вѣрномъ зеркалѣ, слабыя стороны Россіи. Народъ тамъ надеженъ; онъ столько же храбръ, сколько памятливъ; онъ даже прозорливъ и находчивъ, какъ показали весеннія событія прошлаго года. Онъ твердъ въ своей вѣрности отечеству. Колебанія и шаткость появляются не на той почвѣ, которую можно по праву назвать народною почвой; они сказываются не въ тѣхъ сферахъ дѣятельности, въ которыхъ русское общество Юго-Западнаго края способно дѣйствовать, не при исполненіи тѣхъ задачъ, которыя ему доступны. Россію называютъ колоссомъ съ глиняными ногами: не можетъ быть сравненія болѣе превратнаго; у русскаго колосса ноги изъ желѣза и гранита. Еще говорятъ, что польскій край есть Ахиллесова пята Россіи; прошлогоднія событія показали какъ ошибочно это мнѣніе: Ахиллесова пята Россіи вовсе не въ польскомъ краѣ, а въ томъ, что въ самой Россіи есть не національнаго. Въ эту-то Ахилессову пяту и мѣтятъ теперь враги Россіи; около этой же пяты ся хлопочутъ теперь и польскіе националы, чтобы, выждавъ время, тѣмъ смертельнѣе уязвить ее. И нельзя не видѣть, что съ этой стороны Россія легко уязви-

ма. Космополитическіе, лишенные національнаго чувства элементы нашего общества—легкая добыча для нашихъ враговъ. Что такое космополитизмъ въ политикѣ? Космополитическихъ государствъ на свѣтѣ быть не можетъ; отвлеченная политика есть отсутствіе политики, есть нескончаемая перспектива отступленій возведенныхъ въ систему; мудрено ли, что космополитизмъ стараются навязать намъ тѣ, которые безсильны принудить Россію къ отступленію и могутъ войдти въ силу только въ томъ случаѣ, если Россія сама пойдетъ путемъ отступленій? Тутъ нѣтъ ничего мудренаго, но то, что въ Россіи возможна невозможная ни въ одномъ государствѣ на свѣтѣ рѣчь о политикѣ отвлеченной, въ этомъ заключается дѣйствительно очень мудреная сторона русскаго общества и русскаго государства. Польскіе патріоты не даромъ стараются доказать, что русскаго народа не существуетъ: съ увѣренностію въ существованіи русскаго народа были бы не совмѣстны надежды на водвореніе въ Россіи космополитизма или на участіе русскихъ людей въ заговорахъ направленныхъ противъ единства Россіи. Поляки—да и не одни Поляки—потому именно и обманываются насчетъ Россіи, что не могутъ повѣрить въ совмѣстимость этихъ двухъ вещей,—что существуетъ на свѣтѣ живой русскій народъ, и что тѣмъ не менѣе антинаціональныя стремленія находятъ себѣ поборниковъ между русскими людьми. Необычайность того, что эти двѣ несовмѣстимыя вещи существуютъ у насъ рядомъ, чего нѣтъ нигдѣ на свѣтѣ кромѣ Россіи, служитъ объясненіемъ ошибочныхъ понятій о Россіи, распространенныхъ въ западной Европѣ, и вмѣстѣ живучести польскихъ надеждъ, несмотря на ихъ очевидную несбыточность. Поляки только тогда сдѣлаются изъ враговъ нашими друзьями, когда убѣдятся, что не Россія есть сновидѣніе, а русскій космополитизмъ, не позволяющій имъ вѣрить въ дѣйствительное существованіе русскаго народа.

Поляки Юго-Западнаго края ознакомились на дѣлѣ съ тѣмъ народомъ, среди котораго живутъ; имъ очень хорошо извѣстно, что это, вопервыхъ, народъ дѣйствительно живой, а вовторыхъ, народъ враждебный ихъ замысламъ. Но съ польской точки зрѣнія уже и прежде дѣлалось различіе между этимъ отнюдь не космополитическимъ русскимъ народомъ Юго-Западнаго края и между народомъ *россійскимъ*, который не имѣетъ и не можетъ имѣть никакой національности, потому-де что созданъ не исторіей, а указомъ императрицы Екатерины II, переименовавшей Монголовъ въ Русскихъ. Русской публикѣ должно казаться, что эта куріозная теорія есть верхъ нелѣпости; она и въ самомъ дѣлѣ есть верхъ нелѣпости. Но съ польской точки зрѣнія она выставляется очень серіозно, и мы очень ошиблись бы, если бы полагали, что разсуждая о различіи между Русью и Россіей, польскіе патріоты только обманываютъ и ублажаютъ себя. Многіе изъ нихъ очень хорошо знаютъ, что въ дѣйствительности подобнаго различія нѣтъ; но они твердо увѣрены что современемъ оно осуществится, войдетъ въ силу и поведетъ къ разложенію Русскаго государства. На чемъ же основана эта увѣренность, и отъ кого могутъ ожидать исполненія подобные виды? Отъ кого, какъ не отъ тѣхъ элементовъ въ *россійскомъ* государствѣ, которые болѣе расположены къ космополитизму, чѣмъ юго-западный русскій народъ? Эти элементы пригодны на все что̀ можетъ вредить русскому національному дѣлу; всякая пригрезившаяся мечта, всякое дѣтское опасеніе способны увлекать эти элементы сильнѣе чѣмъ не существующій для нихъ интересъ національнаго дѣла. Люди, которые очень могли бы дѣйствовать съ пользой, становятся въ политическомъ отношеніи совершенно безпомощными, когда не имѣютъ въ себѣ живаго чувства своей національности. Они не могутъ не сдѣлаться орудіемъ въ рукахъ всякой политической интриги; они даже вызываютъ интригу тѣми колебаніями и тою безхарактерностью, отъ которыхъ для нихъ нѣтъ спасенія, пока они остаются безразличны въ національномъ отношеніи, и пока это безразличіе лишаетъ ихъ способности распознавать что̀ полезно и что̀ вредно для того государства, къ которому они принадлежатъ.

Изъ этихъ вѣчно колеблющихся, безпомощныхъ и безразличныхъ элементовъ могутъ возникать самыя противоположныя явленія. Изъ нихъ между прочимъ возникло и въ нихъ нашло сочувствіе себѣ украйнофильство, которымъ теперь особенно интересуется польская интрига въ Юго-Западномъ краѣ. Земскихъ корней это

призрачное явленіе не имѣетъ. Занесенное на берега Днѣпра съ берегомъ Невы и Вислы, оно всѣмъ своимъ значеніемъ обязано этой встрѣчѣ, повидимому неожиданной, но повторявшейся и при другихъ случаяхъ, а потому заслуживающей самаго серіознаго вниманія. Какъ можетъ быть важно украйнофильство для польскаго дѣла, это понятно само собой: нѣтъ лучшаго средства чтобъ изолировать отъ Россіи этотъ русскій народъ Юго-Западнаго края, который такъ безпощадно разрушилъ польскія мечты о принадлежности русской Украйны къ великому польскому государству. Распространяться объ этомъ нѣтъ надобности; гораздо полезнѣе обратить вниманіе на тѣ сужденія объ украйнофильствѣ, которыя могутъ возникать въ разныхъ слояхъ русскаго общества, болѣе или менѣе страдающихъ національнымъ индифферентизмомъ. Шаткость взглядовъ, происходящая отъ естественнаго въ подобныхъ слояхъ колебанія между крайностями, можетъ вести къ сужденіямъ совершенно противоположнымъ, но равно ошибочнымъ,—съ одной стороны къ отрицанію опасности, заключающейся въ украйнофильствѣ, а съ другой стороны къ ея преувеличенію. Эти два противоположныя сужденія должны выразиться на практикѣ въ двухъ способахъ дѣйствій, столь же противоположныхъ, съ одной стороны въ излишней терпимости, а съ другой стороны въ излишней нетерпимости. И тотъ и другой способъ дѣйствій былъ бы крайне вреденъ, потому что поддерживалъ бы явленіе, которое, не имѣя корней въ народной почвѣ, можетъ держаться только поощреніями или преслѣдованіями. Еслибъ украйнофильство не было явленіемъ совершенно искусственнымъ, то оно было бы опаснѣе польскихъ притязаній; къ борьбѣ съ польскими притязаніями оно присоединило бы внутреннюю междуусобную борьбу въ нѣдрахъ русскаго народа. Можно ли покровительствовать подобному явленію? Можно ли искусственно придавать ему силу, которой оно само по себѣ не имѣетъ? Ради какихъ благъ стали бы мы уменьшать его естественную слабость и снабжать его средствами, которыя могутъ наконецъ укоренить его въ почвѣ, отказывающей ему въ своихъ здоровыхъ сокахъ? Между тѣмъ еще недавно шла у насъ рѣчь о правительственномъ содѣйствіи украйнофильству какъ дѣлу безвредному,—о переводѣ Священнаго Писанія и государственныхъ актовъ на малороссійское нарѣчіе, объ обязательномъ введеніи этого нарѣчія въ народныя школы, о ревностномъ распространеніи въ народѣ книгъ писанныхъ на этомъ нарѣчіи, книгъ иногда составленныхъ въ духѣ враждебномъ русской народности, и объ исполненіи всего этого государственными средствами и на казенныя деньги. Что подобныя затѣи находили себѣ сочувствіе у насъ въ нѣкоторыхъ сферахъ, этимъ вполнѣ изобличилось до какой степени слабо въ этихъ сферахъ сознаніе русскихъ національныхъ интересовъ. Но можетъ-быть не менѣе ошибочно было бы вдаваться въ противоположную крайность и видѣть серіозную опасность въ украйнофильствѣ, не поддерживаемомъ мѣрами правительства. Это можетъ-быть было бы всего болѣе въ интересѣ польской интриги, которой должно быть равно желательно чтобъ украйнофильство усиливалось и чтобы въ то же время украйнофилы подвергались сколь возможно тяжкимъ преслѣдованіямъ. Во всякомъ случаѣ это было бы не согласно съ тою увѣренностью въ несокрушимомъ единствѣ русскаго народа, которая можетъ слабѣть въ русскихъ людяхъ только по мѣрѣ ослабѣванія въ нихъ русскаго народнаго чувства. Истинно-національная политика не страдаетъ подозрительностью или мнительностью; она не только способна допустить въ широкихъ размѣрахъ великое начало общественной свободы,—она къ нему стремится, его требуетъ и только въ немъ находитъ себѣ полное выраженіе и прочное осуществленіе. Недовѣріе къ здоровымъ силамъ народной жизни обличаетъ у насъ тотъ же самый національный индифферентизмъ, на который наши враги теперь очевидно мѣтятъ какъ на Ахиллесову пяту Россіи.

—

№ 194.

Москва, 3-го сентября.

Г. Головачевъ отвѣчаетъ намъ *) на нѣсколько словъ сказанныхъ нами въ № 181 нашей газеты по поводу помѣщенныхъ имъ въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 179) возраженій противъ защищаемой нами мысли о необходимости упрочить цѣну

*) *С.-Петербургскія Вѣдомости № 192.*

кредитнаго рубля. Г. Головачеву показалось тогда, что эта мысль противорѣчитъ нашему прежнему взгляду на положеніе русскихъ финансовыхъ дѣлъ и на его причины. Мы сочли нужнымъ привести доказательства того, что мы отнюдь не противорѣчили своимъ прежнимъ взглядамъ, высказываясь въ пользу упроченія, нашей денежной единицы. Теперь г. Головачевъ не настаиваетъ па нашей невѣрности нашимъ прежнимъ взглядамъ, но высказываетъ сужденіе еще болѣе неблагопріятное: по его мнѣнію, въ нашихъ теперешнихъ взглядахъ есть внутреннее противорѣчіе. Отказаться отъ прежнихъ взглядовъ и перейдти къ новымъ—дѣло встрѣчающееся часто, особенно когда рѣчь идетъ о вопросахъ практическихъ. Но совсѣмъ иное дѣло высказывать въ одно и то же время двѣ мысли находящіяся въ противорѣчіи: это уже не послѣдовательность логическая отнимающая всякое значеніе у того что̀ высказывается Мы очень благодарны г. Головачеву за его возраженіе дающее намъ поводъ очистить себя отъ подобнаго обвиненія: тутъ вопросъ идетъ о важномъ общественномъ интересѣ, а не объ одной только нашей твердости или нетвердости по части логики.

„Цѣнность нашего кредитнаго рубля упала и возстановленіе этой цѣнности невозможно безъ особенно вредныхъ послѣдствій; противъ этого ни съ той, ни съ другой стороны возраженій нѣтъ.“ Такъ говоритъ г. Головачевъ, и мы подтверждаемъ его слова. Г. Головачевъ продолжаетъ: „Слѣдствіемъ такого упадка цѣнности кредитнаго рубля, между прочимъ, было исчезновеніе звонкой монеты съ нашего рынка и то обстоятельство, что нашею денежною единицей сдѣлался не серебряный, а кредитный рубль.“ Въ этомъ мы тоже согласны съ г. Головачевымъ. О кредитномъ рублѣ г. Головачевъ говоритъ вѣрно, что его цѣна подвергается колебаніямъ, и что эти колебанія выражаются въ цѣнахъ на всѣ предметы и на звонкую монету. Противъ этого невозможно спорить. Но на этихъ же первыхъ словахъ является поводъ къ разногласію, происходящій отъ неточности выраженій, употребляемыхъ г. Головачевымъ: онъ говоритъ, что кредитный рубль не имѣетъ внутренней цѣны, и даетъ этимъ словамъ такой смыслъ, какъ будто бы кредитный рубль вовсе не имѣетъ цѣны. Употребивъ такое слишкомъ общее и потому неточное выраженіе, г. Головачевъ спрашиваетъ: можетъ ли быть названъ нормальнымъ такой порядокъ вещей, при которомъ монетная единица не имѣетъ внутренней цѣнности? Вслѣдъ затѣмъ онъ пишетъ: „Надѣемся, что *Московскія Вѣдомости* будутъ отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно также какъ и мы: несмотря на это онѣ предлагаютъ какое-то *упроченіе кредитнаго рубля*, чего, признаемся, мы не понимаемъ,—не понимаемъ какъ можно упрочить цѣнность того, что не имѣетъ внутренней цѣнности.“ Все недоразумѣніе основано здѣсь на предположеніи, будто бы и по нашему мнѣнію и въ самой дѣйствительности кредитный рубль вовсе не имѣетъ внутренней цѣнности. Но такъ ли это? Что разумѣть подъ этимъ выраженіемъ: *внутреняя цѣнность?* Когда говорится о внутренней цѣнности звонкой монеты, то разумѣется содержаніе благороднаго металла въ ней заключающагося. Въ этомъ смыслѣ кредитный рубль не имѣетъ никакой цѣнности, и можно сказать, что его внутренняя цѣнность не соотвѣтствуетъ даже его стоимости, то-есть тому, во что обходятся казнѣ издержки на бумагу и печать, нужныя для изготовленія кредитнаго билета. Такой внутренней цѣнности, какую имѣетъ звонкая монета, кредитный билетъ не имѣетъ вовсе; но слѣдуетъ ли изъ этого чтобы кредитный рубль не имѣлъ никакой внутренней цѣнности? Онъ имѣетъ цѣнность какъ обязательство казны, имѣющее при томъ ту особенность, что сила его признается не только казною, но и всею публикой, и наконецъ признается не добровольно, а по закону. Казна принимаетъ кредитный рубль во всѣхъ платежахъ, и всѣ частныя лица, живущія въ предѣлахъ Имперіи обязаны принимать его тоже во всѣхъ платежахъ. Вотъ на чемъ основана внутренняя цѣнность кредитнаго рубля. Она упала, это правда; но никакъ нельзя сказать чтобъ она превратилась въ ничто. Выражаясь правильно, надобно сказать, что кредитный рубль не имѣетъ прочной цѣнности. Изъ этого можно вывести правильное заключеніе, что нельзя назвать нормальнымъ порядокъ вещей, при которомъ монетная единица не имѣетъ прочной цѣнности, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы нельзя было упрочить цѣнность того что̀ не имѣетъ прочной цѣнности.

Не въ видахъ возмездія, а по необходимости мы принуждены замѣтить, что г.

Головачевъ самъ противорѣчитъ себѣ, говоря (въ томъ смыслѣ, въ которомъ онъ говоритъ), что кредитный рубль не имѣетъ цѣнности. Въ той же самой статьѣ, нѣсколько ниже, онъ старается доказать, что кредитный рубль ни въ какомъ случаѣ не можетъ упасть такъ низко какъ мы предполагаемъ. Онъ говоритъ о равновѣсіи, которое всегда устанавливается по истеченіи извѣстнаго времени между количествомъ денежныхъ знаковъ и денежныхъ оборотовъ, совершающихся въ странѣ. Онъ даже слегка укоряетъ насъ за то, что намъ неугодно было обратить вниманіе на высказанное имъ замѣчаніе объ этомъ равновѣсіи. Мы очень рады исправить этотъ недосмотръ, тѣмъ болѣе что много разъ высказывали относящееся сюда замѣчаніе г. Головачева. Дѣйствительно, сколько бы ни выпустить обязательныхъ къ пріему денежныхъ знаковъ, между ихъ количествомъ и количествомъ денежныхъ оборотовъ, совершающихся въ странѣ, непремѣнно, по истеченіи извѣстнаго времени, установится равновѣсіе. Но что же это значитъ? Положимъ, что количество денежныхъ оборотовъ Россіи требуетъ 500 милліоновъ рублей звонкой монеты; положимъ далѣе, что выпущено въ обращеніе вдвое болѣе, чѣмъ нужно, денежныхъ знаковъ, называющихся рублями. Что тогда будетъ? Звонкая монета исчезнетъ изъ обращенія; какъ на всемірномъ рынкѣ (по отношенію къ звонкой монетѣ), такъ и на внутреннемъ рынкѣ (по отношенію ко всѣмъ предметамъ купли и продажи) бумажный рубль будетъ стоить ровно вдвое дешевле своей номинальной цѣны, и эта дѣйствительная цѣна будетъ оставаться въ своей силѣ, пока не будетъ выпущено новыхъ денежныхъ знаковъ, или пока не будетъ ввезено изъ-за границы звонкой монеты, или наконецъ пока не уменьшится количество денежныхъ оборотовъ (во всѣхъ этихъ трехъ случаяхъ цѣна бумажнаго рубля упадетъ еще ниже чѣмъ на 50%). Неразмѣнный бумажный рубль не будетъ имѣть прочной цѣнности, но онъ несомнѣнно будетъ имѣть цѣнность основанную на общемъ законѣ предложенія и спроса, цѣнность зависящую отъ количества бумажныхъ рублей (предложеніе) и количества оборотовъ, для которыхъ нужны денежные знаки (спросъ). Это пунктъ существенный въ вопросѣ о бумажныхъ деньгахъ; пока они обязательны къ пріему, до тѣхъ поръ ихъ цѣна зависитъ не отъ степени довѣрія къ нимъ какъ обязательству казны, а отъ соотношенія между ихъ количествомъ и потребностью страны въ денежныхъ знакахъ. Нѣкоторые изъ писавшихъ у насъ о кредитныхъ билетахъ упускали этотъ пунктъ изъ виду и вслѣдствіе того приходили къ ложнымъ заключеніямъ. Такъ какъ публика имѣетъ самое полное довѣріе къ кредитнымъ билетамъ, говорили они, то нечего затрудняться ихъ избыткомъ и даже нѣтъ причины воздерживаться отъ ихъ дальнѣйшаго выпуска на пользу общую. Инымъ это довѣріе къ кредитнымъ билетамъ казалось характеристическою чертой русскаго народа, слѣдствіемъ его безусловнаго довѣрія къ правительству. Въ самомъ же дѣлѣ тутъ нѣтъ ничего особеннаго; то же самое довѣріе мы видимъ теперь въ Соединенныхъ Штатахъ и увидимъ вездѣ, гдѣ только правительство будетъ выпускать бумажныя деньги съ обязательнымъ курсомъ. Вездѣ ихъ будутъ принимать въ платежи на внутреннемъ рынкѣ по номинальной цѣнѣ, но вездѣ дѣйствительная ихъ цѣна будетъ тотчасъ же выражаться въ цѣнахъ на всѣ предметы купли и продажи (и также въ цѣнѣ на звонкую монету, если правительство не будетъ выдавать звонкую монету по уменьшенной цѣнѣ для поддержки вексельнаго курса). Россія въ этомъ отношеніи ничѣмъ не отличается отъ другихъ странъ; между обращеніемъ кредитныхъ билетовъ и русскимъ патріотизмомъ нѣтъ ничего общаго, и вексельный курсъ отнюдь не соотвѣтствуетъ повышенію или пониженію патріотическаго чувства.

Но возвратимся къ г. Головачеву. Ненормальность нашего положенія дѣлъ состоитъ не въ томъ что кредитный рубль не имѣетъ никакой внутренней цѣны, а въ томъ, что онъ не имѣетъ прочной цѣны. Для того чтобы возстановить нормальное положеніе дѣлъ, требуется стало-быть *упроченіе цѣны кредитнаго рубля*. Таково единственное заключеніе допускаемое правильною послѣдовательностью мыслей.

Другой вопросъ, какъ это сдѣлать. Тутъ г. Головачевъ также указываетъ на важную погрѣшность съ нашей стороны. Вотъ его слова: „*Московскія Вѣдомости* говорятъ, что необходимо пониженіе курса ассигнацій; мы утверждаемъ то же самое. Разница состоитъ только въ слѣдующемъ: редакція московской газеты предполагаетъ

понизить курсъ на 10%; мы же не беремъ на себя смѣлость *угадывать* отношеніе между цѣнностью кредитнаго рубля и звонкою монетой.“ Тутъ есть неточность; мы вовсе не предлагали понизить курсъ на 10%; о 10% мы говорили только для примѣра, предлагали же понизить курсъ рубля до равенства съ прусскимъ талеромъ, что меньше 10%. Дѣлая это предложеніе, мы не брали на себя смѣлость *угадывать* что-либо, а основывались на среднемъ вексельномъ курсѣ существовавшемъ въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ. Этотъ средній курсъ есть данная не гадательная, а совершенно положительная. Наша мысль состояла въ томъ, чтобъ упрочить существующее, избѣгая обѣихъ крайностей, то-есть не допуская дальнѣйшаго паденія цѣнности кредитнаго рубля и не причиняя значительнаго возвышенія ея. И то и другое произвело бы потрясеніе на денежномъ рынкѣ и имѣло бы слѣдствіемъ несправедливое перемѣщеніе цѣнностей.

Итакъ мы не опредѣляли курса кредитнаго рубля гадательно: мы держались средняго курса, существовавшаго на рынкѣ. Но мы очень хорошо знали, что этотъ курсъ не проченъ, и что одно узаконеніе его не придастъ ему прочности. Вотъ почему мы считали и считаемъ нужнымъ внутренній заемъ для упроченія курса кредитнаго рубля. Цѣлію займа должно быть извлеченіе нѣкоторой (избыточествующей) части кредитныхъ билетовъ изъ обращенія, послѣ чего можно было бы открыть размѣнъ, который придалъ бы курсу кредитнаго рубля окончательную прочность. Говоря о внутреннемъ займѣ, мы должны были опредѣлить его размѣры. Вслѣдствіе разныхъ весьма сложныхъ соображеній мы пришли къ цифрѣ 150 милліоновъ. Г. Головачевъ замѣчаетъ намъ, что эта цифра опредѣлена гадательно. Онъ утверждаетъ, что по его мнѣнію изъятіе 150 милліоновъ повело бы къ полному возстановленію цѣнности кредитнаго рубля. Доказать это невозможно, но тѣмъ не менѣе онъ признаетъ свое утвержденіе на столько несомнѣннымъ, что заключаетъ такъ: „Изъ предыдущаго видно, что редакція *Московскихъ Вѣдомостей*, проповѣдуя противъ возстановленія цѣнности кредитнаго рубля, въ сущности требуетъ этого возстановленія.“ Было бы очень легко возражать противъ доводовъ, имѣющихъ гадательное значеніе, доводами такого же свойства. Мы могли бы представить соображенія, которыя вѣроятно заслужили бы вниманіе нашего оппонента и изъ которыхъ оказалось бы, что изъятіе 150 милліоновъ кредитныхъ рублей изъ обращенія едва ли можетъ возстановить первоначальную цѣнность кредитнаго рубля, такъ какъ для этой цѣли было бы необходимо ввести на денежный рынокъ довольно значительное количество звонкой монеты. Но на этотъ разъ нѣтъ надобности въ подобныхъ соображеніяхъ, которыя при всей своей основательности, все-таки имѣли бы лишь гадательное значеніе. Еслибы г. Головачеву было угодно обсудить предлагаемую нами мѣру съ тою внимательностью, которая необходима для правильнаго сужденія о дѣлѣ довольно сложномъ, то онъ замѣтилъ бы, что мы вовсе не предлагали изъятія 150 милліоновъ рублей изъ обращенія. Съ нашей стороны было бы крайне не разсудительно предлагать серіозную мѣру, основывая ее на данныхъ хотя и правдоподобныхъ, но все-таки гадательныхъ. Это значило бы придавать своимъ догадкамъ безошибочный характеръ. Подобнаго притязанія мы не имѣли. Мы не брали на себя смѣлости опредѣлять то, что можетъ быть безошибочно опредѣлено только самимъ денежнымъ рынкомъ. Предлагаемая нами мѣра именно такъ разчитана, чтобы самъ денежный рынокъ имѣлъ возможность опредѣлить, сколько кредитныхъ билетовъ должно быть изъято изъ обращенія, дабы упрочилась средняя существовавшая доселѣ цѣнность кредитнаго рубля. Съ этою цѣлію тотъ внутренній заемъ въ 150 милліоновъ, о которомъ мы говорили, долженъ быть, по нашей мысли, приспособленъ къ двумъ операціямъ; извлеченію избытка кредитныхъ билетовъ и консолидаціи безсрочныхъ вкладовъ государственнаго банка. Соединеніе этихъ двухъ операцій обезпечило бы денежный рынокъ отъ чрезмѣрнаго изъятія кредитныхъ билетовъ, такъ какъ денежному рынку было бы предоставлено опредѣлить, какая доля займа пошла бы на изъятіе кредитныхъ билетовъ и какая на консолидацію безсрочныхъ вкладовъ, въ которой, скажемъ еще разъ мимоходомъ, государственный банкъ крайне нуждается. Г. Головачевъ не пришелъ бы къ своему заключенію о нашемъ предложеніи, еслибъ обратилъ вниманіе на эту существенную его сторону.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ замѣтить, что сложные вопросы требуютъ

сложныхъ мѣръ. Г. Головачевъ считаетъ возможнымъ возстановить нормальное положеніе денежнаго рынка чрезвычайно простою мѣрой которая можетъ быть принята однимъ почеркомъ пера. По его мнѣнію, стòитъ только разрѣшить заключеніе сдѣлокъ на цѣлковые рубли и дѣло будетъ въ шляпѣ По именно то обстоятельство, что для предлагаемой имъ мѣры нуженъ только одинъ почеркъ пера, должно внушать недовѣріе къ ней. Слѣдящіе, хотя бы и издали, за ходомъ нашихъ финансовыхъ постановленій, очень хорошо знаютъ, что подобное разрѣшеніе дано остзейскому обществу *Церера*. Кому также неизвѣстно, что законоположеніе 19-го февраля 1861 года не распространяются на остзейскій край, и что вслѣдствіе того этотъ край менѣе другихъ заинтересованъ въ поддержаніи цѣнности кредитнаго рубля? Нельзя не радоваться тому, что точка зрѣнія акціонеровъ общества *Церера* не примѣняется къ вопросамъ, касающимся денежныхъ отношеній всей Имперіи. На этомъ замѣчаніи мы теперь остановимся, предоставляя себѣ въ другой разъ заняться разборомъ предложенія г. Головачева.

№ 195.

Москва, 4-го сентября.

Мы должны наконецъ сообщить нашимъ читателямъ извѣстіе о весьма интересномъ явленіи возникшемъ на политическомъ горизонтѣ Европы: это явленіе—мы. Съ нѣкоторыхъ поръ мы стали предметомъ вниманія, изученія и агитаціи, гласной и не гласной, — предметомъ корреспонденцій и передовыхъ статей въ заграничной печати, наконецъ предметомъ книгъ. Удивительныя легенды появлялись о насъ въ серіозныхъ заграничныхъ журналахъ; европейской публикѣ сообщалось, напримѣръ, что въ отдаленной и хладной Россіи народился драконъ. которому имя *Herr Katkoff*, что онъ сидитъ въ Москвѣ и оттуда производитъ свои опустошительные набѣги, что цѣлая страна изнываетъ подъ его желѣзнымъ игомъ, и слезно молитъ, да изведетъ ее Богъ изъ этой тѣсноты, и да явится изъ-за моря Святый Георгій поразить это чудище и на радость и ликованія русскаго народа. Читатели могутъ подумать, что мы шутимъ; мы серіозно увѣряемъ ихъ, что подобныя легенды появлялись въ заграничныхъ журналахъ Мы не передаемъ ихъ въ буквальномъ переводѣ, единственно по крайнему неудобству сдѣлать это, такъ какъ наше имя является тутъ въ самыхъ невозможныхъ сопоставленіяхъ. Наше имя ничего не значитъ; безъ всякаго затрудненія, неудобства и неприличія оно можетъ быть употребляемо во всякаго рода пасквиляхъ и пуфахъ, изъ какого бы источника они ни происходили; но есть имена, предъ которыми долженъ бы остановиться всякій, даже самый безсовѣстный интриганъ и которыми нельзя помыкать даже въ заграничной печати. Мы читали эти сказанія со смѣхомъ, поскольку они касались насъ, но и не безъ прискорбнаго чувства—не за себя; мы молчали объ этихъ сказаніяхъ, потому что вѣкъ ихъ былъ не долгъ; день приносилъ ихъ и день уносилъ.

Но вотъ, въ Брюсселѣ, является большая книга, плодъ долгаго и усидчиваго труда, сочиненная остроумнымъ авторомъ многихъ книжекъ, скрывающимъ себя подъ куріознымъ псевдонимомъ Скедо-Феротти (какъ слѣдуетъ произносить судя по италіянской структурѣ этого имени), или Шедо-Ферроти (если слѣдовать нѣмецкому выговору, которому слѣдуетъ и самъ авторъ). Еще за нѣсколько недѣль предъ симъ заграничные друзья наши извѣстили насъ о появленіи этой книги и сообщили намъ нѣкоторыя выписки изъ нея. Теперь незримая рука разбрасываетъ ее по Россіи, и мы наконецъ успѣли ознакомиться съ ней ближе.

Книга, о которой идетъ рѣчь, принадлежитъ къ цѣлому ряду этюдовъ, которые авторъ посвящаетъ будущему Россіи (*Etudes sur l'avenir de la Russie*). Но своимъ объемомъ она чуть ли не превосходитъ всѣ прежніе этюды этого автора,— и совершенно естественно: въ прежнихъ этюдахъ своихъ этотъ авторъ развивалъ свои идеи объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи и о другихъ реформахъ, которыя въ ней совершаются; послѣдній же трудъ его о будущности Россіи, имѣющій своимъ специяльнымъ заглавіемъ вопросъ: *что сдѣлаютъ съ Польшей*? трактуетъ о предметѣ несравненно болѣе важномъ: предметъ этотъ мы. Вопросъ о будущности Россіи и судьбахъ Польши подчиняется вопросу о нашей особѣ. Герой обширнаго трактата, излагающаго соображе-

нія политическаго писателя, герой наполняющій собою всю книгу и неотлучно присущій мысли автора, есть все тотъ же народившійся въ Москвѣ драконъ М. Katkoff или *M. Kotkoff*, какъ иногда изображаетъ это имя, впрочемъ, весьма искусная рука корректора этой книги, вѣроятно затѣмъ, чтобы будущіе историки могли поспорить между собою даже о буквахъ имени этого знаменитаго персонажа господствующаго надъ будущностію Россіи и судьбами Польши.

Возведенные такимъ образомъ въ политическій сюжетъ о первоклассной важности, мы не можемъ конечно не заинтересоваться собой; нѣтъ никакого сомнѣнія, что и вся читающая публика не можетъ теперь не заинтересоваться нами. Нашъ изслѣдователь оцѣниваетъ насъ со всѣхъ сторонъ. Онъ исчисляетъ сумму сдѣланнаго нами добра и, какъ слѣдуетъ мыслителю, всесторонне и глубоко изучающему свой предметъ, исчисляетъ также и сумму зла, которое мы причинили. Онъ знаетъ что все въ нашемъ земномъ мірѣ имѣетъ свои хорошія и свои дурныя стороны; но онъ еще лучше знаетъ правило ловкости, предписывающее показывать нѣкоторое безпристрастіе къ тому предмету, на который долженъ пасть сокрушительный ударъ. Собственною задачею автора было раскрыто причиняемое нами зло. Практическая цѣль его труда именно состоитъ въ томъ, чтобъ убѣдить всѣхъ, кому вѣдать о томъ надлежитъ въ нашемъ пагубномъ дѣйствіи и освободить отъ насъ міръ, который мы тяготимъ своимъ существованіемъ. Наши добрыя стороны, при такой цѣли, вовсе не входятъ въ планъ изученія г. Шедо-Ферроти; но онъ посвящетъ и имъ нѣсколько строкъ чтобъ успокоить тѣхъ изъ своихъ читателей, которые могли слышать о насъ кое-что не съ дурной стороны. Шедо-Ферроти воздаетъ намъ хвалу за пораженіе, нанесенное г. Герцену, за то что мы, какъ онъ описываетъ, сокрушили его господство надъ умами русской молодежи и овладѣли ея воображеніемъ, показавъ ей вмѣсто Россіи *идеальной*, которую показывалъ ей Герценъ, Россію *осязательную*, чѣмъ положенъ конецъ революціонному настроенію, которое у насъ господствовало. Но совершивъ этотъ подвигъ и плѣнивъ воображеніе молодежи осязательною Россіей, мы вступили въ новый періодъ нашей дѣятельности, — дѣятельности зловредной и пагубной, которая еще продолжается, но которой, какъ нашъ историкъ надѣется, скоро будетъ положенъ конецъ. Наша заслуга относится къ прошедшему; но зло, которое мы причиняемъ, длится теперь, и потому въ настоящее время требуется, чтобы всѣ благонамѣренные люди соединили противъ насъ свои усилія. Изслѣдователь будущности Россіи и судебъ ожидающихъ Польшу пришелъ къ убѣжденію, что самое пагубное развитіе приняла наша дѣятельность въ прошломъ году по польскому вопросу. Мы оказались *виновными* въ самомъ тяжкомъ преступленіи, которое г. Шедо-Ферроти называетъ ультрапатріотизмомъ; мы неистовствовали, мы безумствовали, мы говорили постыдныя нелѣпости дышавшія вредомъ и пагубой, въ насъ развились при этомъ всѣ дурные инстинкты человѣческой природы. Тутъ оказалось до какой степени мы дурны, и въ какой мѣрѣ можемъ быть опасны и вредны.

Обвинитель не дозволяетъ намъ опереться на русское общественное мнѣніе, котораго самое существованіе онъ отрицаетъ. Онъ хочетъ чтобы вся отвѣтственность пала на наши слабыя плечи. Онъ не хочетъ допустить, чтобы тѣ мнѣнія, которыя мы высказывали по польскому дѣлу, хотя въ какой-нибудь степени соотвѣтствовали дѣйствительнымъ чувствованіямъ по крайней мѣрѣ нѣкоторой части русскихъ людей. Однимъ изъ главныхъ пунктовъ обвиненія противъ насъ ставится то, что мы, съ адскимъ искусствомъ, увѣрили всѣхъ и каждаго будто бы служимъ въ польскомъ вопросѣ, по случаю прошлогоднихъ событій, органомъ общественнаго мнѣнія. Мы выдумывали и сочиняли, и потомъ успѣвали увѣрить всю глупую русскую публику, что и она точно также думаетъ, и производили такимъ образомъ фантасмагорію какого-то русскаго общественнаго мнѣнія, котораго будто бы мы служили органомъ. Обвинитель нашъ съ чувствомъ прерываетъ свою рѣчь, и обращается къ правительству Россіи съ назидательнымъ замѣчаніемъ быть впередъ осторожнѣе и не даваться въ обманъ, столь пагубный и бѣдственный.

Но, думали мы, когда получили первыя свѣдѣнія объ этой странной книгѣ, — прежде чѣмъ искать преступника, — въ чемъ же преступленіе? гдѣ corpus delicti? Прежде чѣмъ звать кого-нибудь къ

отвѣту за общественный вредъ и бѣдствія, — гдѣ вредъ и бѣдствія? Пусть мы высказывали самыя неразумныя мнѣнія, пусть мы подавали самые зловредные совѣты, пусть мы обманывали публику, увѣряя ее, что писали наши статьи подъ ея диктовку, и вводили въ заблужденіе правительство, заставивъ его думать, что мнѣнія, которыя мы высказывали, произошли путемъ поголовной подачи голосовъ, которые мы собирали ходя по дворамъ,— положимъ, что мы дѣйствительно творили всѣ эти чудеса и что вся Россія была обманута нами такимъ безпримѣрнымъ образомъ, — положимъ, что все это такъ, — но прежде всего, гдѣ же бѣдствія, гдѣ вредъ?

Мы съ ужасомъ озирались вокругъ, съ трепетомъ припоминали недавнее прошедшее.

Историкъ нашихъ дѣяній, какъ выше замѣчено, придаетъ чудотворное значеніе нашей статейкѣ о г. Герценѣ. Онъ полагаетъ, что этимъ походомъ на г. Герцена мы совершенно уничтожили всѣ вредныя сѣмена въ нашей молодежи и воодушевили ее лучшаго свойства энтузіазмомъ, такъ что была разомъ прекращена болѣзнь изнурявшая нашъ общественный организмъ, портившая наши общественныя силы и готовившая столь печальныя послѣдствія въ будущемъ. Много чести, но это не вѣрно. Нашъ походъ на г. Герцена не имѣлъ такихъ послѣдствій. Напрасно историкъ нашъ приписываетъ и г. Герцену такое значеніе, что будто онъ былъ главнымъ виновникомъ той пагубы, которой подвергалась наша молодежь, будто онъ былъ источникомъ той болѣзни, которая внѣдрялась и распространялась въ нашей общественной жизни. Нѣтъ, это несправедливо. Г. Герценъ былъ не столько причиной болѣзни, сколько ея симптомомъ. Положеніе вещей, которое нашло себѣ столь яркое выраженіе въ немъ, было создано не имъ; оно создано было причинами несравненно болѣе могущественными. Печальный комизмъ агитаціи, производившейся г. Герценомъ именно и заключается въ томъ, что онъ счелъ себя причиной и силой, тогда какъ онъ былъ только послѣдствіемъ и орудіемъ. Г. Шедо-Ферроти находитъ, что этотъ агитаторъ, въ началѣ своего поприща, отличался совсѣмъ иными свойствами чѣмъ въ послѣдствіи; онъ находитъ, что г. Герценъ, въ первый періодъ своего *Колокола*, дѣйствовалъ прекрасно и плодотворно, и изъявляетъ ему за то время свое полное сочувствіе; лишь въ послѣдствіи, по его мнѣнію, г. Герценъ испортился. Изъ показаній г. Шедо-Ферроти слѣдуетъ, что еслибы г. Герценъ продолжалъ издавать свой *Колоколъ* въ томъ направленіи и духѣ, въ какомъ его началъ, то онъ продолжалъ бы оказывать великія услуги своему отечеству. Значитъ не измѣнись г. Герценъ въ образѣ своихъ мыслей или дѣйствій, его *Колоколъ*, съ точки зрѣнія г. Шедо-Ферроти, могъ бы еще долго благовѣстить, воспитывать юныя поколѣнія русскаго народа и служить полезнымъ орудіемъ для извѣстныхъ цѣлей. Но каковъ бы ни былъ г. Герценъ, и какова бы ни была его дѣятельность, несомнѣнно то, что онъ сохраняетъ неизмѣнную вѣрность своимъ воззрѣніямъ. Какъ прежде, такъ и послѣ, онъ полагалъ всю силу своего символа вѣры въ полнѣйшемъ отрицаніи всѣхъ основъ человѣческаго общежитія,— религіи, государства, собственности, семейства. Но тѣ же самыя идеи проповѣдывалъ онъ съ несравненно большею рѣзкостію и фанатизмомъ именно въ тотъ періодъ времени, когда г. Шедо-Ферроти находилъ его заслуживающимъ полнаго сочувствія и содѣйствія, а напротивъ въ послѣдствіи онъ нѣсколько очеловѣчился и даже вступилъ въ нѣкоторыя сдѣлки съ ненавистными для него принципами.

Г. Герценомъ пользовались многіе. Извѣстный документъ Мѣрославскаго, который попался въ руки варшавской полиціи и появился потомъ въ газетахъ, очень хорошо свидѣтельствуетъ о томъ, какъ нужно было плодить *герценистовъ* въ интересѣ напримѣръ польскаго дѣла. Плодить ихъ было выгодно въ интересѣ всякаго дѣла, имѣющаго цѣлію раздробить русское государство и отнять его у русскаго народа.

Писанія г. Герцена расходились въ страшномъ множествѣ по всей Россіи, и имя его было у всѣхъ на языкѣ; но не возможно было подумать о томъ, чтобы произнести его имя въ печати. Для молодыхъ, и даже не для молодыхъ умовъ, съ этимъ именемъ соединялось обаяніе какой-то таинственной силы, а между тѣмъ люди не менѣе чѣмъ г. Шедо-Ферроти, понимавшие весь сумбуръ ученій, которыя проповѣдывалъ этотъ мыслитель, отдавали ему въ негласныхъ сферахъ, гдѣ онъ властвовалъ, такой же почетъ, какой отданъ ему этимъ

остроумнымъ писателемъ въ печатномъ письмѣ къ нему, хотя письмо это и долженствовало имѣть характеръ полемическій. Г. Шедо-Ферроти, какъ у насъ выражаются, стоитъ на почвѣ дѣйствительности; гдѣ ему надобно, тамъ онъ безпощадно издѣвается надъ нашими безбородыми преобразователями и поклонниками идей г. Герцена. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что такой здравомыслящій и цивилизованный человѣкъ, какъ напримѣръ г. Шедо-Ферроти, никакъ не счелъ бы возможнымъ говорить почтительно о заслугахъ г. Герцена посреди общества, которое онъ уважаетъ; невозможно представить себѣ напримѣръ, чтобъ онъ позволилъ себѣ сказать финляндской или лифляндской публикѣ, еслибы г. Герценъ представлялъ какой-нибудь интересъ для этихъ публикъ, что его изданія заслуживаютъ сочувствія, что они исполнены патріотизма. Мы вполнѣ увѣрены, что участь, которою грозитъ польскій патріотъ Мѣрославскій нашимъ герценистамъ въ будущемъ польскомъ государствѣ, еслибъ они вздумали показаться въ немъ, грозила бы имъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ не требуется дѣйствовать орудіями разрушенія. То же самое, что и Мѣрославскій, думали про себя разные другіе *дѣятели,* имѣвшіе надобность поддерживать въ русскомъ обществѣ, особенно въ молодежи, кредитъ идей составляющихъ вѣроученіе нигилизма, и возвышать обаяніе именъ, служащихъ для нихъ символомъ. Г. Шедо-Ферроти предварилъ насъ своимъ объясненіемъ съ г. Герценомъ. Читая его извѣстное письмо, изданное по-французски и по-русски, мы подивились той ловкости, съ которою оно написано. Божество должно было остаться божествомъ для поклонниковъ; нужно было только ущипнуть его, чтобъ оно не забывалось и не считало себя чѣмъ-либо само собою существующимъ и своею силой дѣйствующимъ. Г. Герценъ, въ то время какъ писалъ къ нему краснорѣчивое посланіе г. Шедо-Ферроти, дѣйствительно вообразилъ себя самостоятельнымъ и могущественнымъ дѣятелямъ, и началъ вступать въ разныя практическія сдѣлки, и оказывать терпимость къ нѣкоторымъ предразсудкамъ цивилизаціи. Но этого не требовалось, и г. Герцену данъ былъ урокъ, долженствовавшій возвратить его къ первоначальной чистотѣ его идей, къ тому періоду его дѣятельности, когда онъ безкорыстно занимался великою задачей пересозданія мозговъ человѣческихъ, — и имѣлъ другихъ корреспондентовъ. Полезное дѣйствіе г. Герцена должно было состоять въ развитіи чистаго нигилизма, отравою котораго онъ дѣйствовалъ на молодые умы, дѣлая ихъ ни къ чему негодными и отнимая ихъ у русскаго народа; онъ былъ хорошъ, когда, безъ всякихъ дальнѣйшихъ цѣлей, способствовалъ только къ подрыву въ русскомъ обществѣ тѣхъ основъ, на которыхъ держится и развивается цивилизація. Посланіе г. Шедо-Ферроти, къ г. Герцену, изданное въ Брюсселѣ, было впущено въ Россію. Брошюрка, озаглавленная именемъ не изглаголаннымъ въ русской печати, появилась въ окнахъ магазиновъ, и это имя въ крупныхъ буквахъ запестрѣло въ газетныхъ объявленіяхъ. Всякій могъ законнымъ образомъ пріобрѣсти эту брошюрку, напечатанную по-французски и по русски, и всякій могъ законнымъ образомъ читать въ ней о томъ, какое важное значеніе имѣетъ этотъ мыслитель и патріотъ, пребывающій въ изгнаніи, и какія великія заслуги оказалъ онъ оттуда Россіи, хотя онъ въ послѣдствіи и испортился, перейдя въ другія руки, — перемѣнивъ своихъ корреспондентовъ, какъ тонко выразился г. Шедо-Ферроти. Эти изысканно-почтительныя объясненія съ г. Герценомъ на французскомъ и русскомъ діалектахъ, въ то время когда русская печать не смѣла произнести его имя, производили странное впечатлѣніе. Г. Шедо-Ферроти, кажется, думаетъ, что въ 1862 году было разрѣшено писать о г. Герценѣ въ Россіи. Это не совсѣмъ точно. Въ Россіи пропущена была его брошюрка изъ-за-границы, но по внутренней цензурѣ не было сдѣлано никакого распоряженія о томъ чтобы пропускать что-либо относящееся къ этому предмету. Тѣмъ не менѣе, когда эта брошюрка появилась въ русскихъ книжныхъ лавкахъ, мы сочли и себя въ правѣ заговорить. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, цензоръ нашъ (вскорѣ затѣмъ получившій другое назначеніе) пропустилъ статью, которая хотя и произвела нѣкоторое дѣйствіе, но вовсе не то, какое приписываетъ ей г. Шедо-Ферроти. Мы отнюдь не обращались къ молодежи, отнюдь не дѣйствовали на ся воображеніе. Какъ въ этомъ случаѣ, такъ и постоянно, мы обращались только къ здравому смыслу и разумѣнію людей зрѣлыхъ. Фальшивое обаяніе соединявшееся съ именемъ издателя *Колокола*

было разрушено, потому что съ нимъ заговорили не какъ съ полубогомъ и даже не какъ съ важною особой, но какъ съ простымъ смертнымъ, безъ всякой пощады для его поддѣльнаго авторитета. Вотъ все что̀ было сдѣлано; но, повторяемъ, мы не разчитывали плѣнить этимъ воображеніе учащагося юношества. Имя г. Герцена, дѣйствительно, утратило то странное, почти мистическое значеніе, которое было сообщено ему обстоятельствами; но настроеніе молодыхъ умовъ мало отъ того улучшилось. Мы были засыпаны пасквилями, съ бранью и угрозами, и противъ насъ озлобились не одни наивные поклонники г. Герцена, а еще болѣе тѣ, кто понималъ нелѣпость его идей, но пользовался ими для разныхъ своихъ цѣлей. Противъ насъ началась тогда глухая агитація, которую мы не скоро могли выразумѣть; принимались разныя мѣры чтобы насъ компрометтировать, затруднить, запугать, привести въ уныніе; распускались слухи, что мы подкуплены, и какъ бы въ подтвержденіе этихъ клеветъ г. Герценъ въ своемъ *Колоколѣ* возвѣстилъ объ одобреніи, которое статья наша о немъ заслужила въ высшихъ сферахъ, что̀, по разчетамъ интригановъ, должно было непремѣнно уронить насъ во мнѣніи общества и особенно молодежи. Въ русскихъ журналахъ начали появляться противъ насъ ожесточенныя выходки. Въ печать проскользали даже такія статейки, въ которыхъ изъявлялось негодованіе на невѣжливый тонъ, съ которымъ мы позволили себѣ говорить о г. Герценѣ.

Итакъ, если кумиръ былъ разбитъ, то поклонники остались, остались и жрецы, и они усугубили свою дѣятельность, чтобы поддерживать въ русскомъ обществѣ то настроеніе, которое было нужно для ихъ цѣлей; а потому въ началѣ прошлаго года наша молодежь была нисколько не въ лучшемъ положеніи чѣмъ прежде. Въ это время съ особенною силой распространялось сочувствіе къ польскому дѣлу въ русскомъ обществѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ распространялась мысль о раздѣленіи Россіи на многія отдѣльныя государства, какъ о чемъ-то въ высшей степени необходимомъ въ интересѣ прогресса. Что̀ говорилось въ разныхъ мѣстахъ открыто, то появлялось, только въ другомъ тонѣ, въ подметныхъ листкахъ. Люди честные и здравомыслящіе приходили въ уныніе, и заговорить въ то время противъ польскихъ притязаній казалось дѣломъ не только самымъ непопулярнымъ, но и опаснымъ...

Что̀ же мы видимъ въ началѣ прошлаго года? Мятежъ, кровопролитіе, тайныя политическія убійства, казни, безславіе и позоръ, униженіе, какого Россія не запомнитъ; русское имя преданное всеобщему поруганію; вопросъ поднятый о самомъ существованіи русскаго государства и русскаго народа; удушливая атмосфера будто передъ грозою; самое несбыточное казавшееся возможнымъ, самое очевидное казавшееся недѣйствительнымъ. Всѣмъ казалось дѣломъ легкимъ заставить русское правительство дѣлать все что̀ ему предпишутъ къ подрыву всѣхъ основъ своего государства. Люди самые серіозные, глубокіе политики, правители государствъ, считали возможнымъ обмануть насъ комедіей торжественныхъ заявленій цѣлой Европы и угрозами самой несбыточной европейской войны. Мы припоминаемъ, что была увѣренность съ одной стороны, было тягостное опасеніе съ другой въ неблагонадежности нашей военной молодежи...

Вотъ въ какомъ положеніи находились русскія дѣла за первые мѣсяцы прошлаго года. Въ какомъ положеніи находятся они теперь? Мятежъ прекращенъ не только въ западныхъ губерніяхъ, но и въ Царствѣ Польскомъ. Фантасмагорія революціи носившаяся надъ Россіей исчезла, исчезли также и призрачныя опасенія европейской войны изъ-за Польши. Съ самой Крымской войны Россія не занимала такого выгоднаго положенія въ Европѣ, и не пользовалась такимъ уваженіемъ, какъ нынѣ. Не только всѣ крики противъ нея умолкли, но ея союза ищутъ тѣ самыя державы, которыя въ прошломъ году считали возможнымъ издѣваться надъ ней. Можно подумать, что цѣлое столѣтіе отдѣляетъ насъ отъ тѣхъ возмутительныхъ словъ сказанныхъ во Французскомъ сенатѣ, которыя такъ болѣзненно отозвались въ нашемъ отечествѣ. Мы не скажемъ, чтобы въ настоящее время все въ нашихъ дѣлахъ обстояло благополучно, но вѣрно то, что правительство можетъ безъ всякихъ опасеній совершать то что̀ оно сочтетъ за благо, и что отъ него, единственно отъ него, зависитъ счастливый или несчастливый исходъ всѣхъ нашихъ задачъ, вопросовъ и затрудненій.

Итакъ, гдѣ же зло? Былъ мятежъ, и мятежъ подавленъ: неужели это зло? Была

фантасмагорія революціи, были призрачныя опасенія войны, этого нѣтъ въ настоящее время: неужели это зло? Россія казалась при послѣднемъ издыханіи, теперь она является сильною: неужели это вредъ? Гдѣ же пагубныя перемѣны происшедшія въ положеніи нашего отечества за тотъ краткій промежутокъ времени, который такъ заботитъ брюссельскаго публициста? Перемѣнъ къ худшему мы не видимъ; видимъ только перемѣны къ лучшему.

Слѣдовательно, какъ бы ни была дурна какая-нибудь газета въ Россіи, какъ бы ни было зловредно ея существованіе, она, слава Богу, не помѣшала счастливымъ перемѣнамъ въ положеніи дѣлъ. Зачѣмъ же привлекать насъ такъ торжественно на судъ современниковъ и потомства? Мало ли на свѣтѣ дурнаго? Мало ли на свѣтѣ нелѣпостей? Почему же на насъ остановился выборъ изслѣдователя судебъ Россіи и Польши?

Мы, разумѣется, допускаемъ только одну точку зрѣнія для оцѣнки нашей общественной дѣятельности,—точку зрѣнія исключительно русскую. Со всякой другой точки зрѣнія, порицаніе было бы для насъ не порицаніемъ, а честью. Но прежде чѣмъ рѣшать въ какой мѣрѣ приносятъ намъ честь порицанія Шедо-Ферроти, мы хотимъ припомнить, не было ли съ нашей стороны какихъ-нибудь умышленныхъ или неумышленныхъ попытокъ повредить русскому дѣлу, попытокъ, хотя и безсильныхъ, но во всякомъ случаѣ постыдныхъ.

Что̀ главнымъ образомъ произвело перемѣну къ лучшему въ русскихъ дѣлахъ?—не народное ли русское чувство, не патріотическое ли одушевленіе пробудившееся повсюду, вверху и внизу, заговорившее тысячами голосовъ со всѣхъ концовъ русской земли? не оно ли разсѣяло туманъ недоразумѣній, не оно ли разоблачило наши опасности, освѣтило намъ путь нашъ? не оно ли пресѣкло тайную интригу, которая подкапывалась подъ основанія Русскаго государства внутри? не оно ли положило конецъ мистификаціи, которой подвергались мы извнѣ? не оно ли возвратило намъ уваженіе Европы? Благодатныя минуты! скоро прошли онѣ, но кто испыталъ ихъ, тотъ не забудетъ, а ихъ испытала вся Русская земля. Мы знаемъ силу ихъ по себѣ: мы помнимъ какъ подъ ихъ вліяніемъ все въ нашей мысли очищалось и укрѣплялось. Впервые на памяти живущихъ людей все отъ мала до велика сходилось въ русскомъ чувствѣ, каждый Русскій энергически чувствовалъ себя живымъ членомъ своего народа, каждый чувствовалъ его въ своемъ сердцѣ. Подъ дѣйствіемъ этого чувства исчезали разногласія, его благотворное дѣйствіе освѣжило нашу молодежь, и нанесло ударъ нигилизму, который только теперь, когда это чувство замолкаетъ и наше общество возвращается къ своей обычной дремотѣ, только теперь начинаетъ снова поднимать свою голову, и снова начинаютъ выходить на свѣтъ Кукшины, Базаровы, Аркадіи Кирсановы. Тогда не смѣла бы появиться книга подобная книгѣ г. Шедо-Ферроти, которая, какъ мы надѣемся показать мало разнится отъ тѣхъ издѣлій подземной печати, которыя еще въ началѣ прошлаго года разлетались изъ Петербурга по Россіи. Это было великое благотворное движеніе народнаго духа, которое имѣло только то несчастіе, что было недовольно продолжительно, и что Россія не успѣла имъ воспользоваться должнымъ образомъ для своего будущаго. Теперь спрашивается: въ то время какъ пробуждалась и развивалась эта сила, которой мы обязаны столь разительною перемѣною къ лучшему въ русскихъ дѣлахъ,—мѣшаемъ ли мы, на нашемъ посту, этому движенію? старались ли мы прямыми или косвенными способами ослабить и охладить это чувство, пытались ли мы подавить его въ обществѣ? Нѣтъ, этого никто не скажетъ. Стало-быть въ этомъ пунктѣ, самомъ главномъ, мы не причинили никакого вреда.

Опытъ показалъ, что система уступокъ передъ польскимъ мятежомъ грозившихъ раздробить государство, также какъ и передъ иностранными требованіями, былъ путь самый опасный. Говорили ли мы прямо или косвенно въ пользу этого пути?

Опытъ показалъ также, что всякая система возбуждающая польскіе національные инстинкты есть система несовмѣстная съ безопасностію Русскаго государства и пагубная для народонаселеній этого края. Но развѣ мы говорили что-нибудь въ пользу этой системы, развѣ мы поддерживали ее, развѣ мы старались всякими софизмами оправдать ее и приписывали ея неуспѣхъ случайности, между тѣмъ какъ онъ неизбѣженъ по самой ея сущности?

Опытъ показалъ, что система, первоначально принятая для подавленія мятежа, не только не подавляла, но еще болѣе раз-

жигала его. Развѣ мы говорили что-нибудь въ пользу этой системы? Развѣ мы съ полною искренностію, какъ прилично честнымъ людямъ, которымъ позволено было говорить въ дѣлѣ столь важнаго общественнаго интереса, не высказали откровеннаго мнѣнія о томъ что̀ представлялось намъ съ полною ясностію, и что̀ должно было представляться всякому, на основаніи фактовъ доходившихъ до общаго свѣдѣнія? Развѣ мы говорили что-нибудь въ пользу системы управленія края посредствомъ польскихъ чиновниковъ въ то время, когда край находился подъ властію подземнаго правительства и когда эти самые чиновники были въ то же время и агентами тайной организаціи.

Опытъ показалъ, что всякія мѣры, какого бы онѣ ни были свойства, принимаемыя для подавленія мятежа, не могутъ быть дѣйствительны, если оставляютъ въ силѣ его внутреннюю организацію, а падаютъ только на людей, которые волею или неволею служатъ ей. Развѣ мы когда-нибудь говорили, что надобно щадить внутреннюю организацію мятежа, и не устраняя тѣхъ условій, которыя благопріятствуютъ ему, поражать его жертвы? Развѣ мы выражали удовольствіе при чтеніи этихъ потрясающихъ бюллетеней, изъ которыхъ мы узнавали, что въ такомъ-то лѣсу, при такой-то встрѣчѣ, со стороны войскъ убито два нижнихъ чина, а мятежниковъ полегла тысяча? Развѣ мы изъявляли удовольствіе читая о томъ, какъ толпы несчастныхъ повстанцевъ, согнанныхъ въ лѣса жандармами-вѣшателями, бросали оружіе и на колѣнахъ просили пощады, при встрѣчѣ съ войсками? Развѣ мы могли безъ содраганія читать показанія этихъ бѣдняковъ передъ слѣдственными коммиссіями о тѣхъ страшныхъ насиліяхъ, которыми они привлекались къ участію въ бандахъ! Развѣ эти сцены ужаса и крови радовали насъ? Развѣ онѣ могли кого-нибудь радовать? Развѣ не вырывалось у насъ невольное восклицаніе: нѣтъ, лучше бросить этотъ несчастный край, лучше вывести изъ него войска!... Читая въ *Журналѣ военныхъ дѣйствій* извѣстія о томъ, что такого-то числа, въ такое-то мѣсто, отправлялся отрядъ войскъ для приведенія крестьянъ въ повиновеніе ихъ помѣщику, въ то время когда всѣ или почти всѣ помѣщики-Поляки волею или неволею должны были способствовать мятежу, развѣ мы радовались этому? Развѣ мы старались поддерживать то заблужденіе, которое выгодно было распространять польскимъ патріотамъ, что дѣло ихъ есть народное дѣло? Развѣ мы доказывали, что польскіе крестьяне симпатизируютъ дѣлу польскаго патріотизма, что они чувствуютъ себя Поляками, жаждутъ возстановленія польской національности и враждебно расположены къ Россіи? Развѣ мы выражали увѣренность, что въ средѣ даже пановъ, чиновниковъ и городскихъ обывателей, все само собою пламенѣло мятежомъ, что въ объятыхъ имъ классахъ не было множества людей совершенно равнодушныхъ къ національнымъ и политическимъ вопросамъ, и что всѣ они дѣйствовали по собственному побужденію, а не подъ страхомъ тайной организаціи и ея жандармовъ?

Послѣдствія доказали несомнѣнно, что призракъ войны, которою намъ угрожали, былъ только выраженіемъ нашего собственнаго мнѣнія о нашей слабости. Брюссельскій публицистъ полагаетъ, что русское правительство могло принять рѣшительный тонъ относительно западныхъ державъ, и измѣнить систему въ Царствѣ Польскомъ не прежде какъ изготовившись къ войнѣ, которая была въ противномъ случаѣ неизбѣжна. Не знаемъ, дѣйствительно ли она казалась ему неизбѣжною въ то время, но надобно много отваги, чтобъ утверждать это даже теперь, когда по окончаніи піесы, сами актеры, снявъ съ себя маску, объявили, что никакой войны не имѣлось въ виду, что война была невозможна. Что̀ жь? Развѣ мы говорили, что война была возможна, и что опасность наша заключается въ чемъ-либо другомъ кромѣ уступокъ и неувѣренности въ своихъ силахъ? Развѣ мы пугали правительство и публику европейской войной въ то время, когда наступавшія на насъ державы не только не увеличивали, но сокращали свой военный бюджетъ? Развѣ мы говорили, что при такомъ положеніи дѣлъ въ теченіе прошлаго года могли начаться непріятельскія дѣйствія, какой бы мы ни дали отвѣтъ тремъ державамъ, и какія бы мѣры ни стали мы принимать въ Царствѣ Польскомъ? Г. Шедо-Ферроти отыскалъ въ нашей газетѣ нѣсколько словъ о томъ, что Россія передъ лицомъ составившейся противъ нея коалиціи могла бы принять положеніе наступательное, и онъ поздравляетъ правительство, что оно не послѣдо-

вало нашему совѣту. Мы очень рады, что не послѣдовало тому что̀ никогда не было совѣтомъ,—что̀ было только выраженіемъ увѣренности, что для Россіи было бы несравненно выгоднѣе принять наступательное положеніе, нежели безъ войны подвергнуться всѣмъ послѣдствіямъ войны самой бѣдственной.

Итакъ, приведя на память прошлое, мы убѣждаемся, что съ нашей стороны не произошло ничего такого въ чемъ можно было бы видѣть умышленную или неумышленную попытку воспрепятствовать направленію къ лучшему, которое принимали дѣла въ нашемъ отечествѣ. Мы можемъ стало-быть остаться спокойными въ нашей совѣсти. Но направленіе къ лучшему находится весьма естественно въ ожесточенной борьбѣ съ направленіемъ къ худшему. Еслибы не было двухъ противоположныхъ направленій, то не было бы ни вопросовъ, ни затрудненій, ни опасностей. Итакъ, если мы можемъ оставаться спокойными, что ничему хорошему въ русскихъ дѣлахъ не воспрепятствовали и не пытались воспрепятствовать, то это не можетъ послужить къ нашему оправданію съ точки зрѣнія противнаго направленія. Оно тѣмъ менѣе можетъ быть довольно нами, чѣмъ преувеличеннѣе представляетъ себѣ значеніе нашей дѣятельности. Полагая что мы особенно способствовали развитію народнаго чувства, оно весьма естественно сосредоточиваетъ на насъ все свое неудовольствіе,—и вотъ выходитъ книга, въ которой мы являемся героями судебъ Россіи и Польши, а съ тѣмъ вмѣстѣ и самымъ ненавистнымъ началомъ, которое когда-либо на Руси появлялось.

Но прежде всего мы желали бы вывести свою особу изъ того трагикомическаго положенія, въ которое ставятъ ее. Мы не заслуживаемъ той массы непріязни, которою чествуютъ насъ противники русскаго дѣла. За собою лично мы не признаемъ никакой особенной заслуги, а также никакого особеннаго повода къ враждѣ, и стало-быть не видимъ, почему именно на насъ должна сосредоточиваться ненависть противной стороны. Нельзя видѣть особенную заслугу въ томъ что̀ дѣлается по простой обязанности. Мы были обязаны дѣйствовать такъ, какъ мы дѣйствовали, говорить то что̀ говорили; еслибы мы дѣйствовали и говорили иначе, то мы не могли бы не презирать себя и заслуживали бы призрѣніе всякаго честнаго человѣка, какой бы то ни было партіи, изъ какого бы то ни было лагеря. Значеніе, которое намъ приписываютъ наши противники, есть ошибка, нѣчто въ родѣ оптическаго обмана, происходящаго вслѣдствіе обстоятельствъ совершенно случайныхъ. Какая важность въ томъ, что Французъ чувствуетъ себя Французомъ? Какая важность въ томъ, что Нѣмецъ чувствуетъ себя Нѣмцемъ? Теперь спрашивается, какая же важность можетъ быть въ томъ, что Русскій чувствуетъ себя Русскимъ?

Въ насъ видятъ какую-то уродливую случайность, а вся бѣда состоитъ только въ томъ, что мы чувствуя себя въ глубинѣ души Русскими, нераздѣльно съ тѣмъ и также глубоко чувствуемъ свою связь съ европейскою цивилизаціей Намъ простили бы, если бы чувство русской народности было у насъ темнымъ фанатизмомъ, дикою страстью, или тѣмъ что̀ называется кваснымъ патріотизмомъ. На насъ не обратили бы вниманія, еслибъ это чувство развивалось у насъ въ фантазіи и вопреки здравому смыслу. Но намъ не могутъ простить то, что въ нашихъ понятіяхъ русское дѣло есть дѣло цивилизаціи и человѣчества, что мы въ то же время остаемся въ предѣлахъ здраваго смысла и на землѣ. Такое сочетаніе кажется крайне неудобнымъ для всѣхъ нашихъ сепаратистовъ; оно является досадною неожиданностью. Допускается имѣть какіе угодно идеалы и цѣли; но отнюдь не можетъ быть допущено живое, искреннее и толковое убѣжденіе, что истинный прогрессъ въ Россіи возможенъ только на основаніи русской народности, что русское государство можетъ сохранить свою силу и пріобрѣсти желаемое благоустройство только въ качествѣ русскаго государства, что политика русскаго правительства можетъ не иначе вести ко благу, не иначе удовлетворять своему назначенію, какъ принимая все болѣе и болѣе національный характеръ.

Нѣтъ, не въ личности нашей дѣло,—мы не такъ малодушны чтобы польститься тѣмъ значеніемъ, которое хотятъ придать намъ. Мы не считаемъ себя въ правѣ гордиться тою ненавистію, которую повидимому возбуждаемъ противъ себя. Наше имя употребляется съ цѣлію вовсе не лестною для нашего самолюбія; оно служитъ только средствомъ для того чтобъ умалить значеніе новой силы, которая не имѣлась въ

виду и съ которою однако приходится считаться: эта сила — пробуждающееся чувство русской народности, и возникающая на Руси гласность независимаго мнѣнія. Въ прошломъ году впервые русскимъ людямъ не имѣющимъ никакого политическаго или офиціяльнаго значенія стало возможно принимать серіозное участіе въ дѣлахъ общаго интереса. Не къ намъ лично относится ненависть, но вообще къ русскому человѣку, къ русской мысли, къ русскому чувству, получившему голосъ. Это кажется и страннымъ, и невозможнымъ, и досаднымъ; и этого досаднаго факта не хотятъ признать, съ нимъ не хотятъ примириться. Все употребляется въ дѣло чтобъ обезсилить его. Ему хотятъ насильно придать значеніе чисто личное, хотятъ представить его какимъ-то уродливымъ исключеніемъ, и въ то же время стараются всячески заподозрить и образъ мыслей, и образъ дѣйствій тѣхъ лицъ, съ которыми хотятъ насильно связать его.

№ 196.

Москва, 6-го сентября.

Возвращаемся къ книгѣ г. Шедо-Ферроти, о которой говорили вчера.

Чего добиваются наши противники, избравъ насъ предметомъ аттаки? Увы, дѣло совсѣмъ не въ насъ! — аттака направлена противъ нашего правительства. Тактика этихъ господъ состоитъ въ томъ, чтобы поставить русское правительство между двухъ противоположныхъ системъ, и одну изъ нихъ истолковать какъ такую, къ которой оно само клонится, другую же истолковать какъ систему навязанную ему и противную его собственному влеченію. Цѣль ихъ возвратить русскія дѣла въ ту фазу, изъ которой они были выведены прошлогодними событіями. Они хотятъ, чтобы правительство сдѣлало теперь то, къ чему не могли вынудить его ни мятежъ, ни угрозы, и замышляютъ повторить въ маломъ видѣ что̀ дѣлалось въ прошломъ году en grand. Въ чемъ, думаютъ они, не успѣлъ открытый разбой, то удастся ловкой продѣлкѣ. Наша особа служитъ только средствомъ для того чтобъ уронить систему правительственныхъ дѣйствій, которая не соотвѣтствуетъ ихъ видамъ и которую они хотятъ объяснить какъ нѣчто вынужденное у правительства въ силу самаго жалкаго заблужденія. Весь смыслъ агитаціи заключается въ томъ, чтобъ устыдить правительство мыслію, что оно дѣйствуетъ вопреки собственному влеченію, по внушенію Богъ-знаетъ кого и Богъ-знаетъ для чего.

Г. Шедо-Ферроти дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ совершенно по одному плану съ г. Герценомъ, такъ что онъ могъ бы предоставить этому послѣднему вести задуманное дѣло, еслибы листки *Колокола* теперь еще читались кѣмъ-нибудь. Какъ въ этихъ листкахъ, такъ и въ книгѣ брюссельскаго публициста, цѣль одна — отождествить съ нашею особой дѣйствія правительства, и приписать ихъ нашему вліянію. Разница только въ томъ, что издатель *Колокола* дѣйствуетъ въ этомъ смыслѣ съ грубымъ цинизмомъ, а г. Шедо-Ферроти поступаетъ искусно и тонко.

Мы говоримъ: искусно и тонко; но это не значитъ, чтобы г. Шедо-Ферроти имѣлъ слишкомъ большое уваженіе къ здравому смыслу своихъ читателей. Весь разсчетъ его основанъ на томъ, что книга его будетъ читаться бѣгло, что читатель не будетъ останавливаться ни на одномъ изъ его показаній, не будетъ сводить ихъ между собою, и вынесетъ то впечатлѣніе, которое требуется видами автора. Его памфлетъ весь состоитъ изъ показаній не только просто невѣрныхъ, но завѣдомо невѣрныхъ, уничтожающихъ одно другое. Но онъ старался размѣстить ихъ такъ, чтобы каждое изъ нихъ въ отдѣльности не бросалось читателю въ глаза своею нелѣпостію, и чтобы читатель, переходя къ дальнѣйшему, сохранялъ только смутное впечатлѣніе, которое въ сложности съ другими такими же впечатлѣніями, должно отозваться въ общемъ эффектѣ книги. При этомъ г. Шедо-Ферроти старается соблюдать такое правило, чтобы тѣ изъ неблагопріятныхъ ему событій, которыя явно порочить невозможно, потому что это заставило бы всякаго сразу бросить его книгу, онъ не порочитъ, и даже какъ бы восхваляетъ ихъ, но такъ что только самое грубое разумѣніе можетъ повѣрить искренности его хвалы. Онъ готовъ признать, что народное движеніе прошлаго года было дѣломъ полезнымъ; онъ готовъ признать, что одушевленіе, которое овладѣло всѣми классами, было можетъ-быть сильнѣе того, какимъ ознаменовался 1812 годъ; онъ скажетъ даже нѣ-

сколько громкихъ фразъ по этому дѣлу, но онъ не упуститъ, въ надлежащемъ мѣстѣ своей книги, изобразить русскій народъ такими чертами, что народное движеніе, которое имѣло такія благотворныя послѣдствія для Россіи и было уважено Европой, теряетъ всякій смыслъ. Русскій народъ изображается какъ грубая масса, въ которой едва найдется два-три десятка людей способныхъ къ зрѣлому сужденію.

Г. Шедо-Ферроти соглашается, что русское правительство одержало дипломатическую побѣду. Не можетъ же онъ сказать, что русское правительство поступило дурно, сохранивъ достоинство Россіи и кончивъ свои переговоры съ тремя державами рѣшительнымъ отказомъ на ихъ требованія? Онъ даже хвалитъ наши дипломатическіе акты, — но, какъ бы думалъ читатель, за что онъ главнымъ образомъ хвалитъ ихъ?—онъ поздравляетъ русское правительство съ тѣмъ, что въ своихъ дипломатическихъ депешахъ оно не копировало статей изъ *Московскихъ Вѣдомостей*. Онъ очень радъ, что дипломатическія депеши князя Горчакова написаны такъ, какъ пишутся дипломатическія депеши, а не какъ пишутся передовыя статьи въ газетѣ: вотъ похвала, которую получило русское правительство отъ изслѣдователя будущихъ судебъ Россіи. Вотъ все существенное, вотъ наилучшее что̀ было сдѣлано русскимъ правительствомъ, и сдѣлано благодаря тому, что въ этомъ случаѣ оно не обращало вниманіе на газетныхъ болтуновъ, которые неистовствовали и говорили нелѣпости.

Изъ слѣдующихъ примѣровъ читатели могутъ судить объ отвагѣ, съ которою г. Шедо-Ферроти писалъ свою книгу: на стр. 66 и 68 онъ доказываетъ, что изъ трехъ сотъ представителей польской шляхты, собравшихся въ Варшавѣ, въ домѣ Замойскаго, въ 1862 году для составленія адреса о присоединеніи западнаго края къ Царству Польскому, ни одинъ серіозно не думалъ говорить объ этомъ, что всѣ эти депутаты рѣшились на заявленіе случайно по минутному увлеченію, для того чтобы понравиться дамамъ, изъ свойственной Полякамъ излишней боязливости показаться слишкомъ боязливыми. Въ этомъ мѣстѣ книги требовалось такъ для произведенія извѣстнаго эффекта. Но авторъ, краснорѣчиво свидѣтельствуя объ этомъ фактѣ, самъ лучше всякаго знаетъ, что это не правда: въ другомъ мѣстѣ на стр. 287 требуется иначе подѣйствовать на умъ читающаго, и тутъ уже говорится, съ благородною откровенностію, что сколько г. Шедо-Ферроти ни встрѣчалъ польскихъ дворянъ, ни одинъ не отказывался отъ мысли о возстановленіи Польши въ границахъ 1772 года.

Но вотъ удивительный пуфъ, разказанный такъ, что вниманіе читателя, спѣша далѣе, можетъ легко скользнуть по немъ, удержавъ однако произведенное имъ впечатлѣніе, которое должно главнымъ образомъ способствовать общему эффекту книги: чтобы показать какое давленіе производила въ прошломъ году печать на правительство, брюссельскій публицистъ свидѣтельствуетъ, что генералъ Муравьевъ былъ назначенъ на свой постъ въ Вильно не кѣмъ-либо,—а нами! Всѣ толковали о чудовищныхъ выдумкахъ, которыя распространяли въ прошломъ году польскія и закупленныя Поляками газеты: мы спрашиваемъ, было ли что̀ подобное этому? А между тѣмъ г. Шедо-Ферроти какъ-то причисляетъ себя къ Русскимъ, и говоря о русскихъ дѣлахъ, называетъ ихъ своими. Цѣль очевидная: нужно было разомъ компрометтировать и правительственное лицо, и въ то же время поставить предъ Европой въ неловкое положеніе самую власть, которая въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ назначеніе главнаго правителя цѣлой области, дѣйствовала по вынужденію той или другой газеты. Съ отвагой, которой нѣтъ имени, авторъ положительно извѣщаетъ европейскую публику, что генералъ Муравьевъ былъ отправленъ въ Вильно патріотическими газетами, которыя вслѣдствіе того и стараются всячески превозносить и поддерживать его какъ свое созданіе. Въ правительственныхъ сферахъ, конечно, выдумка эта не можетъ имѣть успѣха, потому что тамъ извѣстно, какимъ образомъ произошло назначеніе генерала Муравьева; но публика, читая это показаніе, сдѣланное самымъ положительнымъ тономъ, можетъ до нѣкоторой степени повѣрить ему. Не всякій вдругъ сообразитъ, что дѣло такого рода есть совершенная невозможность; не всякій будетъ припоминать или справляться, не было ли въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* по крайней мѣрѣ какого-нибудь намека на генерала Муравьева въ то время, когда

правительство затруднилось въ пріисканіи лица для управленія сѣверо-западнымъ краемъ, находившимся подъ властью революціонной организаціи. Но хуже всего то, что г. Шедо-Ферроти самъ знаетъ, что этого не было и не могло быть. Онъ знаетъ, что этого не было, потому что листки нашей газеты были у него подъ рукою; но онъ знаетъ также, что этого и быть не могло. Дѣло вотъ въ чемъ: онъ ставитъ іюнь мѣсяцъ роковымъ предѣломъ, послѣ котораго мы стали пріобрѣтать ту нелѣпую силу, которую онъ намъ приписываетъ; до іюня мѣсяца, по его собственному сказанію, дѣла шли довольно сносно; ультра-патріотизмъ еще не разыгрывался, и наши мнѣнія не имѣли никакого серіознаго дѣйствія; въ іюнѣ получили мы приглашеніе отправить нашихъ корреспондентовъ въ Варшаву, но въ іюнѣ же мѣсяцѣ, какъ извѣстно, получилъ свое назначеніе и генералъ Муравьевъ. Непристойная выдумка, пущенная о русскомъ правительствѣ въ европейскую публику, свидѣтельствуетъ о крайней неразборчивости въ средствахъ. Можно однако спросить, не было ли со стороны какихъ-нибудь общественныхъ круговъ, если не въ печати, то негласными путями, какой-нибудь агитаціи въ пользу назначенія генерала Муравьева? Всѣмъ извѣстно, что ничего такого не было. Что же касается до насъ, въ качествѣ патріотической газеты привлеченныхъ такимъ страннымъ образомъ къ участію въ этомъ назначеніи, то мы никогда, ни прежде ни послѣ, не находились въ личныхъ сношеніяхъ съ М. Н. Муравьевымъ, не имѣли и до сихъ поръ не имѣемъ чести быть съ нимъ лично знакомы и ничего не знали о его взглядѣ на событія. Вообще наши государственные люди большею частію неизвѣстны публикѣ, ихъ имена не соединяются ни съ какими опредѣленными представленіями; въ публикѣ о нихъ ведутся разговоры на основаніи апокрифическихъ извѣстій и сплетенъ. Только въ самое послѣднее время туманъ скрывавшій отъ общества правительственныхъ дѣятелей, сталъ нѣсколько рѣдѣть, и имена нѣкоторыхъ изъ нихъ пріобрѣли болѣе опредѣленное значеніе для публики. Какъ не имѣемъ мы чести знать лично М. Н. Муравьева, такъ точно не было намъ ничего извѣстно о способѣ дѣйствій, который онъ намѣревался принять, когда верховная власть призвала его къ новой дѣятельности. Мы считали долгомъ русской печати поддерживать его на этомъ столь отвѣтственномъ, столь трудномъ постѣ, какъ считали бы долгомъ поддерживать всякаго другаго, потому что этотъ постъ не былъ какою-либо великолѣпною синекурой, требовалъ тяжкихъ трудовъ, гражданскаго мужества и самоотверженія. Во всякомъ случаѣ, сила заключалась не въ выборѣ того или другаго лица, а въ перемѣнѣ системы принятой для подавленія мятежа. Здравый смыслъ русскаго общества не могъ не привѣтствовать рѣшеніе правительства, когда передъ нимъ обозначилось положеніе дѣлъ. Всѣмъ было ясно, что рѣшительныя мѣры противъ тайной организаціи были столько же мѣрами государственной необходимости, сколько и требованіями человѣколюбія. Дѣйствительно, государственная необходимость и человѣколюбіе, которыя такъ часто расходятся между собою, здѣсь говорили одно и то же. Разумѣется, для организаторовъ мятежа, стремившихся во что бы то ни стало достигнуть своей цѣли, такая система не могла быть пріятною; имъ было конечно лучше, чтобы лилась кровь, которою они домогались достигнуть своихъ цѣлей, имъ было лучше чтобы правительство изнемогало въ борьбѣ и чтобы мятежъ казался непобѣдимымъ; имъ было лучше, чтобы правительство роняло себя безплодными усиліями, стоившими страшнаго кровопролитія. Но кто осмѣлится сказать, что въ интересѣ человѣчества было предпочтительнѣе длить кровавую драму нежели прекратить ее такъ или иначе? Одно изъ двухъ: или уступить мятежу, или подавить его. Уступить притязаніямъ мятежа не предполагалось; войска преслѣдовали шайки и били ихъ на повалъ; вожди, попадавшіеся въ плѣнъ, подвергались казни; стало-быть предполагалось подавить мятежъ. Если же предполагалось подавить мятежъ, то требовались именно такія мѣры, которыя имѣли бы своею цѣлію обезсилить тайную организацію и лишить ее духа и средствъ дѣйствовать.

Какъ назначеніе генерала Муравьева было совершенно свободнымъ дѣйствіемъ верховной власти, такъ равно и мѣры принятыя для прекращенія мятежа въ западномъ краѣ ни кѣмъ не подсказывались правительству, а принимались имъ по собственному усмотрѣнію, весьма не рѣдко вопреки мнѣніямъ, которыя высказывались

въ печати получившей тогда нѣкоторую свободу въ обсужденіи дѣла, и преимущественно вопреки мнѣніямъ, которыя высказывались въ нашей газетѣ. Мы говорили то что̀ намъ представлялось за лучшее, но мы не имѣли притязанія дѣйствовать на рѣшенія власти, которая имѣетъ въ виду множество обстоятельствъ ускользающихъ отъ вниманія простыхъ наблюдателей. Намъ казалось, что въ западномъ краѣ не было надобности прибѣгать къ такимъ мѣрамъ, какъ напримѣръ общая контрибуція; мы думали что даже можно было бы обойдтись безъ распространенія обязательнаго выкупа на Бѣлоруссію, и говорили это неоднократно; быть-можетъ мы ошибались, но таково было наше мнѣніе. Какъ же поступаетъ нашъ біографъ? Онъ идетъ не смущаясь впередъ; заставивъ насъ назначить генерала Муравьева въ Вильнѣ, онъ заставляетъ насъ рекомендовать и поддерживать тѣ самыя мѣры, принятыя впрочемъ не въ одномъ Виленскомъ генералъ-губернаторствѣ, но и въ цѣломъ западномъ краѣ,—мѣры, противъ которыхъ мы одни въ русской печати позволили себѣ сдѣлать нѣсколько возраженій.

Такъ какъ мы, благодаря труду г. Шедо-Ферроти, попали въ исторію,—то, взирая на его трудъ, мы можемъ сказать: вотъ какъ сочиняется исторія! Покойный графъ Уваровъ написалъ статью о достовѣрности исторіи: какой обильный матеріялъ представилъ бы ему памфлетъ г. Шедо-Ферроти! Говоря о нашихъ злонамѣренныхъ выходкахъ въ іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ прошлаго года и о томъ вредномъ вліяніи, которое мы производили на всю нашу печать, онъ замѣчаетъ, что въ послѣдствіи одна газета, увлеченная нашимъ примѣромъ, дошла до того, что воскликнула: *законность насъ убиваетъ!* Эти слова были сказаны въ *Journal de Saint-Pétersbourg* въ февралѣ мѣсяцѣ въ защиту мѣры принятой варшавскимъ управленіемъ, и надѣлавшей столько шума,—именно рекрутскаго набора,—слова не только не внушенныя нами, а напротивъ подвергшіяся въ нашей газетѣ нѣкоторымъ протестаціямъ.

Читатели вѣроятно помнятъ о подлогѣ, который, въ прошломъ году, появился въ парижской газетѣ *Opinion Nationale*, по поводу сообщеннаго въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* извѣстія объ отравленныхъ кинжалахъ найденныхъ въ Варшавѣ. Мы намѣревались начать процессъ противъ *Opinion Nationale*, но должны были отказаться отъ этого намѣренія по причинамъ отъ насъ не зависѣвшимъ. Мы однако достигли того, что эта газета нашлась вынужденною напечатать въ своихъ стобцахъ правильный переводъ нашего текста, который она исказила чудовищнымъ образомъ, заставивъ насъ сказать, будто отравленные кинжалы были употребляемы не заговорщиками, а полицейскими агентами. Въ своихъ объясненіяхъ по этому предмету французская газета оправдывалась тѣмъ, что она сама была жертвой обмана, и намекала на какихъ-то русскихъ агентовъ чуть ли не въ Брюсселѣ, будто бы подославшихъ ей этотъ фальшивый переводъ. Жаль во всякомъ случаѣ, что не могъ состояться процессъ который раскрылъ бы подробности этого куріознаго дѣла. Мы невольно вспомнили объ этой поддѣлкѣ, которая ввела въ заблужденіе французскую газету: въ книгѣ брюссельскаго публициста мы встрѣчаемъ примѣры сочиненій еще болѣе отважныхъ чѣмъ эта поддѣлка. Историкъ нашъ ни передъ чѣмъ не останавливается. Свидѣтельствуя, что мы опираемся на купеческое сословіе въ Россіи, онъ разказываетъ, что мы, дабы польстить фантазіямъ этихъ почтенныхъ людей, предлагаемъ обрусить—не Ригу, Вильно, либо Варшаву,—что̀ иностранной публикѣ показалось бы вовсе не страннымъ,—но цѣлый міръ, le monde, со включеніемъ Франціи и Англіи. По остроумной догадкѣ этого писателя, русскимъ купцамъ очень улыбается мысль быть въ Парижѣ и Лондонѣ какъ у себя дома, и вотъ за тенденцію нашу обрусить цѣлый міръ, которая льститъ воображенію русскаго купеческаго сословія, оно поддерживаетъ насъ, и мы черезъ это пріобрѣтаемъ такую силу, которая становится опасною для правительства и для спокойствія Имперіи. Мы спрашиваемъ, что̀ значитъ вышеупомянутый подлогъ, появившійся въ *Opinion Nationale* въ сравненіи съ подобнымъ гомерическимъ сказаніемъ?

Но этимъ сказаніемъ не исчерпывается изобрѣтательность г. Шедо-Ферротти. Негодуя на насъ за ту дурную дѣятельность, кото̀рою мы ознаменовали себя во вторую половину прошлаго года, онъ находитъ, что чѣмъ далѣе мы писали о польскомъ вопросѣ, тѣмъ хуже становились наши

мнѣнія и наконецъ дошли ad adsurdum, до нелѣпости, которой онъ и посвящаетъ нѣсколько страницъ своей книги. Это капитальный пунктъ обвиненія взведеннаго противъ нашихъ бѣдныхъ мнѣній передъ судомъ современниковъ и потомства. Авторъ истощаетъ всю силу своей діалектики и все свое краснорѣчіе на развитіе этого пункта. Когда мы еще не имѣли книги г. Шедо-Ферроти передъ собою и знали объ ней по слухамъ, мы не могли догадаться въ чемъ дѣло. Намъ писали, что насъ торжественно обвиняютъ въ томъ, будто мы предлагаемъ ввести въ западномъ краѣ инквизицію. Мы никакъ не могли объяснить себѣ, что̀ могло подать поводъ въ нашихъ писаніяхъ къ такому обвиненію, и въ чемъ должна состоять инквизиція, которую мы намѣрены ввести въ западный край. Намъ писали, что рѣчь идетъ о какомъ-то надзорѣ за молитвами въ нѣдрахъ семействъ и даже надъ внутреннею молитвой людей римско-католическаго вѣроисповѣданія. Мы ломали себѣ голову, и ничего не могли понять. Что̀ же оказалось? Читатели можетъ-быть помнятъ, какъ въ нашей газетѣ неоднократно высказывалась мысль о необходимости раздѣлить вопросъ религіозный отъ вопроса національнаго, римскій католицизмъ отъ полонизма. Этого требуетъ сколько свобода совѣсти, столько и интересъ государства. Мы разсматривали этотъ предметъ и съ той, и съ другой точки зрѣнія. Нѣтъ ни малѣйшаго разумнаго основанія отождествлять римскій католицизмъ съ польскою національностію и возводить такимъ образомъ національное дѣло въ предметъ религіозный. Мы указывали на многія сотни тысячъ людей чисто-русскаго народонаселенія въ западномъ краѣ, исповѣдывающихъ римско-католическую вѣру и вслѣдствіе того обязанныхъ учиться догматамъ своей вѣры и слушать проповѣди на польскомъ языкѣ, и такимъ образомъ чувствовать себя Поляками въ самомъ главномъ интересѣ своей нравственной жизни; мы указывали и на высшіе общественные классы въ томъ краѣ, которые не имѣютъ никакого основанія считать себя польскими, хотя и принадлежатъ къ римской церкви. Мы находили, что правительство не можетъ прибѣгать къ какимъ либо мѣрамъ для привлеченія людей другихъ вѣроисповѣданій къ православной церкви, но что оно точно также не можетъ отчуждать отъ русскаго народа людей только потому, что они не принадлежатъ къ православію. Не можетъ же оно сдѣлать не Русскими старообрядцевъ и раскольниковъ всѣхъ сектъ; точно также не можетъ оно, безъ явной несправедливости и безъ крайняго вреда для государства, отталкивать отъ русскаго народа людей русскихъ не исповѣдывающихъ римско-католическую вѣру. Если правительственныя школы въ западномъ краѣ суть русскія школы, и всѣ предметы въ нихъ преподаются на русскомъ языкѣ, то нѣтъ ни малѣйшаго основанія преподавать въ нихъ римское вѣроученіе на польскомъ, а не на русскомъ языкѣ. Вотъ мысли, которыя мы излагали и которыхъ мы держимся. И вотъ изъ этого-то г. Шедо-Ферроти сумѣлъ сочинить свою инквизицію, которая будто бы должна прислушиваться ко внутренней молитвѣ человѣка! „Наилучшій другъ Польши“ оказался проницательнѣе тѣхъ ревнителей чистоты русской народности, которые слышать не хотятъ о различеніи національнаго вопроса отъ вопроса религіознаго, тогда какъ въ этомъ заключается самый главный способъ къ разрѣшенію тяжкаго вопроса, висящаго надъ западнымъ краемъ; точно также какъ въ этомъ соединеніи двухъ силъ заключается та фальшивая живучесть, которою отличается польская національность въ этомъ совершенно не принадлежащемъ ей краѣ. Было время, когда само дворянство нѣкоторыхъ губерній этого края желало, чтобы дѣти его воспитывались вполнѣ какъ Русскіе, и чтобы догматы религіи преподавались въ школахъ, какъ и всѣ прочіе предметы, на русскомъ языкѣ. Намъ сообщали, что въ архивѣ Виленскаго попечительства хранятся дѣла по этому предмету, изъ которыхъ явствуетъ, что мы сами отталкивали отъ русской народности людей искренно присоединявшихся къ ней, и сами хотѣли чтобъ они оставались чужими русскому народу, и стало-быть врагами Русскаго государства, дѣйствующими противъ него то подкопами, то мятежомъ. Неужели мы и теперь будемъ хотѣть того же? Но во всякомъ случаѣ, неужели это имѣетъ что-нибудь общее съ *инквизиціей*, которую сочинило игривое мышленіе г. Шедо-Ферроти?

Для того чтобъ отдѣлить религіозный вопросъ отъ національнаго, надобно допустить свободу пользоваться русскимъ языкомъ и въ вѣроученіи, и въ богослу-

женіи другихъ религій? Почему же не допустить? Неужели русскій языкъ можетъ оскверниться отъ того, что на немъ будетъ преподаваемо католическое вѣроученіе, или будетъ сказываться протестантская проповѣдь? Вопросъ только въ этомъ. Г. Шедо-Ферроти очень хорошо понимаетъ, что это и вполнѣ законно, и вполнѣ либерально. Противъ введенія русскаго языка въ религіозное преподаваніе и въ общественное богослуженіе протестовать было бы неудобно, а потому, чтобы придать этому дѣлу ненавистный характеръ, онъ прибѣгаетъ къ маневру и старается доказать, что мы считаемъ полезнымъ *запретить* всѣмъ обитателямъ западнаго края обращаться къ Богу на другомъ языкѣ кромѣ русскаго. Г. Шедо-Ферроти называетъ это руссификаціей всѣхъ религій и покушеніемъ на религіозную свободу, показывая видъ, будто ему совершенно неизвѣстно, что на нѣмецкомъ, французскомъ и всякомъ другомъ европейскомъ языкѣ можетъ исповѣдываться всякая религія, что въ этомъ полагается одно изъ самыхъ существенныхъ условій гражданственности и одно изъ самыхъ дорогихъ правъ человѣческой совѣсти.

Итакъ, вотъ наши дѣянія и замыслы: назначеніе генерала Муравьева въ Вильно, будто бы вынужденное ультрапатріотическою печатью, руссификація всѣхъ народовъ міра, которая особенно нравится русскому купечеству, и наконецъ руссификація всѣхъ религій міра посредствомъ инквизиціи, чѣмъ завершается помраченіе нашего ума, и послѣ чего остается только связать насъ по рукамъ и по ногамъ.

Вотъ тѣ положительныя данныя, вотъ тѣ факты, на которыхъ основано заключеніе нашихъ противниковъ. Плѣняя съ одной стороны воображеніе юношества, съ другой, увлекая добрыхъ и не хитрыхъ людей безсмысленными фантазіями, мы создаемъ изъ нихъ себѣ партію, которая устрашаетъ правительство и вырываетъ у него рѣшенія, противныя его видамъ и намѣреніямъ. Свергнувъ г. Герцена съ престола, мы заняли его мѣсто. Лондонскую лиру смѣнила московская *балалайка*. Но мы гораздо опаснѣе г. Герцена, и противъ насъ надобно принимать болѣе серіозныя мѣры. Г. Шедо-Ферроти возымѣлъ благую мысль открыть глаза правительственнымъ лицамъ и убѣдилъ ихъ, что сила, на которую мы опираемся, ничего не значитъ, и что съ нами церемониться нечего. Онъ приглашаетъ обойдти селенія и деревни обширной Россійской Имперіи, и разспросить добрыхъ мужичковъ, знаютъ ли они имя издателя *Московскихъ Вѣдомостей*. Каждый изъ нихъ навѣрное скажетъ: nie slichiali, batiouschka. Отсюда ясно слѣдуетъ, говоритъ г. Шедо-Ферроти въ успокоеніе и ободреніе колеблющихся, что сила этого демагога не страшна, такъ же какъ и сила лондонскаго агитатора. Надобно только собраться съ духомъ, ободриться: очарованіе само собою исчезнетъ, *et la liberté du vote sera rétablie*.

И вотъ до какой арлекинады мы дожили!

Впрочемъ, не только правительство, но и русская печать находится подъ гнетомъ московскаго демагога. Г. Шедо-Ферроти объясняетъ, что петербургскіе журналы, которые обнаруживали въ началѣ прошлаго года самый лучшій духъ, потомъ очень опустились и были принуждены измѣнить свой языкъ. Московскій агитаторъ принудилъ ихъ къ тому своими кулаками. Напрасно газета *Голосъ* и нѣкоторыя другія петербургскія изданія пытались противиться: они должны были послѣдовать за патріотическимъ знаменемъ, они принуждены были подлаживаться подъ тонъ *Русскаго Инвалида* и *Московскихъ Вѣдомостей*, вопреки своимъ искреннимъ убѣжденіямъ... Какой комплиментъ петербургскимъ газетамъ!..

Итакъ, г. Шедо-Ферроти торжественно возводитъ насъ на тронъ, столь достославно отбитый нами у г. Герцена. Изслѣдователь будущихъ судебъ Россіи уже знаетъ и предвѣщаетъ наши дальнѣйшія дѣянія. Намъ остается, въ уваженіе оказанныхъ заслугъ, теперь же пригласить къ себѣ г. Шедо-Ферроти на службу.

Но возводя насъ на столь высокую чреду, напрасно г. Шедо-Ферроти такъ низко ставитъ нашу публику,—нашу партію, какъ онъ выражается, — тѣхъ лицъ, которыя насъ читали и не находили наши мнѣнія нелѣпыми, не видѣли въ насъ вредныхъ агитаторовъ и заговорщиковъ, и прощали намъ нашу претензію обращаться только къ здравому смыслу, къ ясному разумѣнію и къ народному чувству своихъ читателей. Г. Шедо-Ферроти съ насмѣшкою отзывается объ изъявленіяхъ сочувствія, которыя мы получали въ прошломъ году.

Мы не думаемъ, чтобъ они были такъ презрительны, какъ ему кажутся. Нѣкоторыя изъ этихъ изъявленій имѣли общественное значенie, и мы не должны были утаивать ихъ про себя. Но кромѣ этихъ изъявленій, имѣвшихъ значенie общественное, мы получали еще множество искреннихъ выраженій сочувствія отъ лицъ, образованie которыхъ г. Шедо-Ферроти, конечно, оспаривать не будетъ, отъ лицъ стоящихъ высоко по своему положенію. Мы хранимъ ихъ письма; намъ пріятно вспомнить объ нихъ теперь, когда насъ объявляютъ такимъ вреднымъ и опаснымъ существомъ и предаютъ поруганію наше направленie. Намъ особенно пріятно вспомнить теперь письмо, полученное нами въ прошломъ году отъ г. министра народнаго просвѣщенія, который предлагалъ намъ собрать статьи наши по польскому вопросу изъ *Московскихъ Вѣдомостей* и изъ *Русскаго Вѣстника* (гдѣ высказаны всѣ главныя основанія взглядовъ столь противныхъ г. Шедо-Феротти), и вызывался пріобрѣсть большое число экземпляровъ этой книги для разсылки по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ. Мы не могли воспользоваться этимъ благосклоннымъ предложеніемъ; но мы высоко оцѣнили полное сочувствie, изъявленное въ этомъ письмѣ нашимъ воззрѣніямъ на польскій вопросъ и именно патріотическому направленію нашихъ статей. Выраженія письма такъ лестны, что скромность не позволила бы намъ привести ихъ; но сказаннаго достаточно чтобъ убѣдить г. Шедо-Ферроти, какъ неосновательно онъ судитъ о характерѣ нашей публики и о значеніи тѣхъ лицъ, которыя насъ читали и намъ сочувствовали.

Кстати объ учебныхъ заведеніяхъ. Мы слышали, что книга г. Шедо-Ферроти особенно распространяется въ учебныхъ заведеніяхъ. Юношеству предстоитъ убѣдиться изъ этой книги, какъ вредно и опасно наше направленie, какъ безплодно и безсмысленно русское народное чувство, и какъ слѣдуетъ оберегаться его. Изъ книги г. Шедо-Ферроти молодые умы усмотрятъ, какъ низко стоитъ ихъ русская народность, какъ мало она заслуживаетъ любви и уваженія, и сколько, напротивъ, силы и достоинства въ польской націи, сколько блеска въ этихъ людяхъ „изъ гранита и желѣза.“ Изъ этой книги они узнаютъ, что сила прогресса превратитъ Россійскую Имперію въ отдѣльныя государства, которыя должны быть чужды другъ для друга, и особенно для русскаго народа. Читая эту книгу, они будутъ созерцать въ близкой будущности на мѣстѣ Россійской Имперіи, новую, доселѣ неслыханную, *гуманитарную* имперію, изъ которой будетъ изгнанъ ненавистный духъ патріотизма. Они узнаютъ изъ нея многое, о чемъ поговоримъ мы въ послѣдствіи.

№ 197.

Москва, 7-го сентября.

Прошлый годъ былъ во многихъ отношеніяхъ славнымъ для Россіи годомъ; онъ, безъ сомнѣнія, составитъ блестящую страницу въ исторіи царствованія Императора Александра II. Если въ 1812 г. Россія отразила вторженie почти цѣлой Европы, то въ 1863 г. она съ величайшею твердостью и рѣшимостью выдержала не менѣе опасный дипломатическій напоръ всѣхъ европейскихъ правительствъ, за весьма немногими исключеніями, и въ добавокъ еще— напоръ общественнаго мнѣнія цѣлой Европы. Она устояла противъ этого двойственнаго давленія, и вышла изъ борьбы побѣдительницей. Въ виду всѣхъ требованій, настояній и даже угрозъ, она, сильная рѣшимостью своего народа, не приняла на себя никакихъ обязательствъ передъ лицомъ Европы. Державы разчитывали на то, что Россія, еще не вполнѣ оправившись отъ бѣдствій Восточной войны, не рѣшится на энергическій отпоръ ихъ требованіямъ, но онѣ ошиблись въ своихъ разчетахъ: Россія ни въ чемъ имъ не уступила, и обнаружила готовность на всѣ опасности и пожертвованія, лишь бы не допустить надъ собою опеки иностранныхъ государствъ по вопросу, который она справедливо признаетъ своимъ внутреннимъ вопросомъ и притомъ однимъ изъ самыхъ существенныхъ. Своею твердостью и рѣшимостью Россія снова заняла то высокое мѣсто въ средѣ европейскихъ государствъ, которое она имѣла до послѣдней Восточной войны. Таково было, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ общее въ Россіи убѣжденie, и вся Россія привѣтствовала горячимъ сочувствіемъ депеши князя Горчакова, видя въ нихъ полное выраженie державной воли своего Государя.

Но вотъ съ разныхъ концовъ, и въ иностранныхъ, и въ русскихъ газетахъ, начинають насъ увѣрять, что это не такъ, что Россія передъ лицомъ всей Европы приняла на себя обязательства относительно Польши, и что она не вольна болѣе дѣйствовать въ отношеніи къ ней, по собственному разумѣнію, согласно съ ея собственными и своими интересами, а обязана выполнить обѣщанія, торжественно высказанныя передъ лицомъ Европы; словомъ, что она поставила себя по дѣламъ Польши въ обязательныя же отношенія къ европейскимъ державамъ. Остроумный брюссельскій публицистъ (къ которому мы еще возвратимся и которому придаемъ значеніе только потому что его произведенія разсылаются теперь по университетамъ, какъ бы въ замѣнъ предложенной намъ въ прошломъ году, но нами отклоненной разсылки сборника нашихъ статей по польскому вопросу *), доходитъ даже до того, что прямо говоритъ о трехъ покровительствующихъ Польшѣ державахъ, какъ будто бы онѣ уже успѣли взять насъ подъ свою опеку, подобно тому, какъ взята подъ опеку Турція. Чѣмъ же гордилась такъ Россія въ прошлогоднихъ депешахъ своего правительства и почему она видѣла въ нихъ выраженіе твердой воли Государя, проникнутаго сознаніемъ высокаго достоинства своего великаго отечества? Еслибы вслѣдствіе прошлогодней дипломатической переписки Россія, дѣйствительно, не вольна была дѣйствовать въ Польшѣ, какъ сама найдетъ лучшимъ, съ полною свободой рѣшенія, это значило бы, что она уступила требованіямъ европейскихъ державъ, приняла на себя обязательстваа предъ ними, допустила до извѣстной степени ихъ контроль и опеку надъ собою; это значило бы, что вся Россія, страннымъ образомъ, введена была въ заблужденіе насчетъ блестящаго исхода прошлогодней дипломатической борьбы съ Европой, и не только Россія, но и сама Европа, государи и правители которой не разъ указывали публично предъ законодательными палатами своихъ странъ, что путемъ дипломатическихъ представленій, сдѣланныхъ Россіи, они не достигли никакихъ результатовъ, а на войну съ нею они не могли или не хотѣли рѣшиться. Но въ томъ-то и дѣло, что заблуждаются не Россія и не Европа, а петербургскіе корреспонденты иностранныхъ газетъ.

На что же ссылаются они въ подтвержденіе своего ошибочнаго мнѣнія? Единственное мѣсто изъ прошлогодней дипломатической корреспонденціи, которое они приводятъ въ свою пользу съ нѣкоторымъ видомъ основательности, находится въ меморандумѣ, приложенномъ къ отвѣту Россіи на депешу и на меморандумъ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ. Въ этомъ мѣстѣ сказано: „Его Величество, Августѣйшій нашъ Государь, даровалъ Польшѣ учрежденія, которыя основываются на началахъ административной автономіи и представительства чрезъ выборныхъ... Государь Императоръ сохраняетъ эти учрежденія, и предоставляетъ себѣ дальнѣйшее развитіе ихъ.“ Содержится ли въ этихъ словахъ обѣщаніе или обязательство сохранить на будущее время и во что бы ни стало тѣ учрежденія, которыя даны Польшѣ, или же въ нихъ просто заявляется фактъ, который и оставался бы фактомъ, пока ходъ событій и указанія самаго опыта не потребовали бы его измѣненія? Если въ отношеніи къ дарованнымъ Польшѣ учрежденіямъ въ меморандумѣ князя Горчакова категорически заявленъ только фактъ сохраненія ихъ, безъ всякаго обязательства насчетъ неизмѣняемости этого факта, то въ отношеніи къ дальнѣйшему развитію этихъ учрежденій высказано еще менѣе, а именно что Государь Императоръ *предоставляетъ себѣ* развить ихъ далѣе. Очевидно, что ни въ той, ни въ другой части этихъ словъ нѣтъ ни тѣни какого-либо обязательства или обѣщанія, торжественно высказаннаго предъ лицомъ Европы. Мало того: подобное обязательство вовсе не согласовалось бы со всѣми заявленіями въ тѣхъ же отвѣтныхъ депешахъ князя Горчакова. Въ нихъ сказано было, между прочимъ, что Россія принимаетъ на себя всю отвѣтственность за прочное умиротвореніе Польши, и слѣдовательно, будетъ стремиться къ достиженію этой цѣли тѣми способами, какіе сама признаетъ лучшими, не стѣсняясь никакими предварительно данными обѣщаніями и обязательствами. Далѣе прибавлено: „Нашъ Августѣйшій Государь воодушевленъ самыми благосклонными намѣреніями въ отношеніи къ Польшѣ... Благосостояніе его подданныхъ всякаго происхожденія и всѣхъ религій составляетъ долгъ, который Его Ве-

*) См. *Моск. Вѣд.* № 196, передовая статья.

личество возложилъ на себя передъ Богомъ.... Государь Императоръ посвящаетъ всю свою заботливость выполненію этого долга." Еслибы сохраненіе за Польшею учрежденій, основанныхъ на началѣ административной автономіи ея, по указанію самого опыта, оказалось несовмѣстнымъ съ благосостояніемъ ни самихъ Поляковъ, ни Русскаго народа, то не было ли бы оно въ противорѣчіи съ тѣмъ долгомъ, о которомъ такъ торжественно говоритъ князь Горчаковъ въ своихъ депешахъ, и возможно ли предположить, что оно могло быть предметомъ какого бы то ни было предварительнаго обѣщанія или обязательства? Учрежденія и законы существуютъ не сами по себѣ, а для блага народовъ, и по самой натурѣ вещей сохраняются до тѣхъ поръ, пока того требуетъ благо самихъ заинтересованныхъ народовъ. Обѣщаніе сохранять какія-либо учрежденія во что бы то ни стало не имѣетъ никакого смысла: оно не было и не могло быть дано и въ прошломъ году по отношенію къ Польшѣ.

Итакъ, несмотря на усилія какихъ бы то ни было публицистовъ, Россія едва ли повѣритъ, что вслѣдствіе прошлогодней дипломатической корреспонденціи она поставила себя по отношенію къ автономіи Польши въ то же положеніе къ Европѣ, въ какомъ стоитъ Турція по отношенію къ автономіи Сербіи или Румыніи.

Что касается до Вѣнскихъ трактатовъ, при заключеніи ихъ императоръ Александръ I находился подъ вліяніемъ великодушныхъ увлеченій, которыя не согласовались ни съ интересами государства, ни съ приговорами исторіи, ни, какъ оказалось на опытѣ, съ благомъ самихъ Поляковъ. Вѣнскіе трактаты создали порядокъ вещей, который менѣе чѣмъ въ полстолѣтіе уже двоекратно ознаменовался всѣми бѣдствіями революціи и междуусобной войны. Пока этотъ порядокъ вещей будетъ продолжаться въ главныхъ чертахъ своихъ, нѣтъ никакихъ основаній думать, что эти бѣдствія не будутъ періодически возобновляться.

Въ Вѣнскихъ трактатахъ, Польшѣ выговорены Императоромъ Александромъ I не только политическая и административная автономія, — ограниченная, впрочемъ, туманнымъ выраженіемъ, что эта страна будетъ связана съ Россіей своею конституціей,—но и такое распространеніе ея предѣловъ внутрь Россіи, какое императоръ найдетъ умѣстнымъ. Нѣтъ никакихъ основаній полагать, что Поляки могутъ удовольствоваться выполненіемъ со стороны Россіи первой половины этихъ обѣщаній и когда-либо откажутся отъ выполненія второй, болѣе существенной. Даже напротивъ, чѣмъ точнѣе будетъ Россія выполнять условія относительно политико-административной автономіи Польши, тѣмъ легче и тѣмъ съ большею, повидимому, основательностью могутъ возникать надежды, что и обѣщанное распространеніе предѣловъ Польши внутрь Россіи, наконецъ, осуществится. Невозможно и не въ натурѣ человѣка отказаться отъ одной части своихъ надеждъ, когда другая, тѣсно связанная съ нею, дѣйствительно осуществляется. Мы можемъ кричать сколько душѣ угодно, что западныя наши области—край русскій, но намъ не будутъ вѣрить. При совершенной невозможности дать Польшѣ то распространеніе внутрь Россіи, какое имѣлось въ виду въ 1815 г., мы нисколько не успокоимъ и не удовлетворимъ Поляковъ никакою автономіей Царства Польскаго, не только административною, но даже политическою, а напротивъ, по мѣрѣ расширенія ея, будемъ все болѣе и болѣе тревожить ихъ воспоминанія, и возбуждать ихъ притязанія на русскую землю. Мы не умиротворимъ Поляковъ, а только раздразнимъ ихъ и подготовимъ новое ихъ возстаніе. Всѣми бѣдствіями, которыми сопровождаются для нихъ эти возстанія, они обязаны Вѣнскимъ трактатамъ, и если бо́льшая часть статей этихъ трактатовъ, вслѣдствіе естественнаго хода событій, исчезли сами собою (вспомнимъ Бельгію, Италію, династію Бонапартовъ во Франціи, Краковъ), то почему же Россія, во зло себѣ и на бѣду Полькому краю, должна до сихъ поръ еще, послѣ столькихъ опытовъ, сохранять и поддерживать самыя неудобоисполнимыя ихъ постановленія? Благо Россіи и благо самихъ Поляковъ требуетъ фактической отмѣны этихъ постановленій, и чѣмъ скорѣе она послѣдуетъ, тѣмъ будетъ лучше.

№ 198.

Москва, 9-го сентября.

30-го августа въ Югенхеймѣ, близь Дармштадта, подписаны помѣщенный выше вы-

сочайшій рескриптъ на имя графа Берга и высочайшіе указы, относящіеся къ народному обученію въ Царствѣ Польскомъ; текстъ ихъ полученъ нами сегодня и будетъ напечатанъ въ ближайшихъ нумерахъ нашей газеты. Въ этихъ указахъ, по выраженію одной петербургской газеты, наше правительство является представителемъ просвѣтительнаго начала въ Польшѣ. Они примыкаютъ, какъ сказано въ высочайшемъ рескриптѣ, къ законамъ по этому предмету, изданнымъ въ 1862 году, но еще болѣе они примыкаютъ къ указамъ 19-го февраля сего года и отъ нихъ заимствуютъ свое направленіе. Уставъ, выработанный маркизомъ Велёпольскимъ въ 1862 г., поручалъ учрежденіе сельскихъ школъ и управленіе ими мѣстнымъ ксендзамъ и помѣщикамъ; нынѣшніе указы призываютъ къ этому важному дѣлу гминные и сельскіе сходы съ ихъ войтами, лавниками и солтысами, подъ надзоромъ начальниковъ учебныхъ дирекцій. Уставъ 1862 г. подчинялъ гимназіи клерикальному вліянію, поручая всю училищную дисциплину ксендзу-законоучителю, съ титуломъ префекта; нынѣшніе указы сосредоточиваютъ педагогическую и дисциплинарную часть въ вѣдѣніи свѣтскаго директора и педагогическихъ совѣтовъ, какъ заведено и въ самой Россіи. Уставъ 1862 г. оставлялъ все женское воспитаніе въ рукахъ женскихъ монастырей; изъ семи, существовавшихъ тогда женскихъ училищъ для приходящихъ дѣвицъ, теперь уцѣлѣло только одно, въ Варшавѣ, хотя самъ маркизъ Велёпольскій публично признавалъ, что въ этихъ училищахъ образованіе было и дешевле, и лучше, чѣмъ въ монастырскихъ школахъ. Въ настоящее время опредѣлено вновь учредить на счетъ казны женскія гимназіи въ городахъ Люблинѣ, Радомѣ, Плоцкѣ, Сувалкахъ и Калишѣ и открывать ихъ и въ другихъ городахъ, гдѣ представится возможность обезпечить ихъ существованіе.

Но кромѣ „просвѣтительнаго“ начала, представителемъ котораго явилось русское правительство въ указахъ 30-го августа, насъ интересуютъ еще и выразившіяся въ нихъ начала политическія и національныя. Устройство учебной части въ краѣ со смѣшаннымъ населеніемъ,—въ краѣ, навсегда связанномъ съ русскимъ государствомъ своею конституціей, какъ сказано въ заключительномъ актѣ Вѣнскаго конгресса, всегда касается множества вопросовъ и интересовъ политическихъ и національныхъ. Австрійцы и Пруссаки, напримѣръ, не будучи вовсе людьми близорукими, начинаютъ въ сѣверномъ Шлезвигѣ съ того что вводятъ тамъ въ гимназіяхъ и народныхъ училищахъ нѣмецкій языкъ, поставляютъ тамъ нѣмецкихъ учителей, и почитаютъ такой образъ дѣйствій не только за справедливый, но и за согласный съ правилами разумной политики и человѣколюбія, такъ какъ иначе датское населеніе края невольно тяготѣло бы къ Даніи, подчинялось бы возбужденіямъ изъ Даніи, возставало бы противъ германскаго владычества и тѣмъ навлекало бы на себя величайшія бѣдствія. Мы, съ своей стороны, считали также и желательнымъ и возможнымъ — не покончить разъ навсегда съ польскимъ языкомъ, съ польскою національностью, съ польскими училищами, какъ намекаетъ одна петербургская газета,—нѣтъ, до этого далеко,— но принять такія мѣры, которыя бы въ интересахъ и Россіи, и польскаго населенія, повели мало-по-малу къ сближенію массы польскихъ крестьянъ, совершенно чуждыхъ польскому патріотизму и даже не называющихъ себя Поляками, съ русскимъ народомъ, а не полагать между ними преграды. Спѣшимъ замѣтить, не входя еще въ подробное разсмотрѣніе указовъ 30-го августа, что въ нихъ есть нѣкоторыя черты, сближающія польскій край съ Россіей. Варшавскій университетъ, въ который опредѣлено преобразовать Главную Школу, будетъ пользоваться тѣми же правами и преимуществами, какія дарованы общимъ уставомъ русскихъ университетовъ; управленіе мужскихъ гимназій устраивается по тому же типу, какой представляютъ русскія гимназіи; наконецъ, женскія гимназіи учреждаются прямо, какъ сказано въ самомъ указѣ, по образцу существующихъ въ Имперіи училищъ такого рода. Далѣе, во всѣхъ начальныхъ училищахъ постановлено обучать, между прочимъ, основнымъ правиламъ ариѳметики, съ понятіями о мѣрахъ, вѣсахъ и деньгахъ, употребляемыхъ, какъ въ Россіи, такъ и въ Царствѣ Польскомъ. Наконецъ, по желанію самихъ обществъ, къ обязательнымъ для обученія предметамъ можетъ быть прибавлено еще чтеніе и письмо порусски. Но затѣмъ законодатель преимущественно принялъ во вниманіе только общее начало равноправности всѣхъ національностей, въ силу котораго слѣдуетъ озаботиться образова-

ніемъ отдѣльныхъ училищъ для каждой народности, а въ школахъ общихъ, особенно же низшихъ, ввести обученіе на природномъ языкѣ большинства населенія, тоесть, или на польскомъ, или на русскомъ, или на нѣмецкомъ, или на литовскомъ, смотря по мѣстности и происхожденію жителей.

Прежде всего тутъ представляется вопросъ о Евреяхъ, которыхъ въ Царствѣ Польскомъ считается слишкомъ 600.000 человѣкъ. На природномъ своемъ, древнееврейскомъ, языкѣ они теперь уже не говорятъ, и только немногіе ученые изъ этого народа могутъ излагать на немъ свои мысли. Обиходнымъ для нихъ языкомъ служитъ устарѣвшее и испорченное нѣмецкое нарѣчіе, которое употребляется еще въ такъ-называемыхъ хедерахъ, но отъ котораго всячески стараются отдѣлаться сами Евреи, сколько-нибудь образованные, и котораго они сами отнюдь не допускаютъ въ сколько-нибудь благоустроенныя свои школы, а таковыя, безъ сомнѣнія, имѣются въ виду въ указахъ 30-го августа. Вездѣ, гдѣ только законодательство не полагаетъ тому преградъ, Евреи стремятся усвоить себѣ господствующій языкъ той страны, гдѣ они живутъ. Въ 1861 и 1862 г., и въ русской Польшѣ они обнаружили сильнѣйшее влеченіе стать Поляками, и по языку, и по чувству: они начали вводить польскій языкъ въ свои школы, основали свой журналъ на польскомъ языкѣ *(Jutrzenka)*, и заключили тѣсный союзъ съ польскими патріотами,—союзъ, который былъ менѣе всего въ интересахъ Россіи и ея правительства. Будетъ ли этотъ порядокъ вещей продолжаться и теперь? Указы 30-го августа сами по себѣ не препятствуютъ этому. Польская агитація можетъ оказывать гнетъ на Евреевъ, принуждая ихъ прибавлять къ предметамъ преподаванія чтеніе и письмо по-польски. Но въ такомъ случаѣ безпристрастіе въ отношеніи къ языкамъ будетъ уже нарушено, и одинъ изъ нихъ, именно польскій, станетъ языкомъ не однихъ только Поляковъ, но еще и Евреевъ. Или, можетъ-быть, по близости еврейскаго жаргона къ нѣмецкому языку, въ еврейскихъ школахъ введенъ будетъ послѣдній? Въ такомъ случаѣ опять-таки будетъ оказано явное пристрастіе къ нѣмецкому языку, что вовсе не желательно въ краѣ, состоящемъ подъ властью Россіи, но сосѣднемъ съ нѣмецкими областями и имѣющемъ многіе общіе съ ними матеріальные интересы.

Но сверхъ того, въ указѣ о начальныхъ училищахъ сказано: „Если училище посѣщается дѣтьми, принадлежащими къ разнымъ племенамъ, то преподаваніе производится на языкѣ большинства учениковъ и ученицъ.“ Мы не знаемъ, много ли гминъ въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ бы населеніе не было смѣшанное, гдѣ бы жили по крайней мѣрѣ сплошными массами одни Русскіе, одни Литовцы, или одни Нѣмцы и Евреи, безъ болѣе или менѣе значительной и даже преобладающей примѣси Поляковъ. Въ большей части училищъ въ мѣстностяхъ съ смѣшаннымъ населеніемъ не станетъ ли учебнымъ языкомъ языкъ польскій, который и будетъ все болѣе и болѣе распространяться въ ущербъ языку русскому, литовскому и даже нѣмецкому?

Для избѣжанія ополяченія, Русскимъ, Литовцамъ, Нѣмцамъ и Евреямъ, тамъ гдѣ они не составляютъ большинства населенія, предоставлено, правда, заводить собственныя училища, или въ общихъ училищахъ содержать своего учителя для преподаванія своего языка и закона своей вѣры; но этимъ дозволеніемъ не легко будетъ воспользоваться какъ по недостатку средствъ, такъ и по весьма вѣроятному противодѣйствію со стороны большинства населенія. Цѣлое сельское общество можетъ еще найдти средства для учрежденія школы и содержанія учителя, но часть общества едва ли будетъ на то способна.

Можно опасаться, что теперь усилія Поляковъ будутъ направлены къ тому, чтобъ отклонять сельскія общества польскихъ крестьянъ отъ желанія учиться чтенію и письму по-русски, и напротивъ, чтобы понуждать Русскихъ, Литовцевъ и др. учиться по-польски. Польской пропагандѣ былъ бы открытъ широкій просторъ, еслибы русскія власти въ краѣ упустили изъ виду общій духъ указа 30-го августа и вмѣсто того чтобы противодѣйствовать этой пропагандѣ и склонять общества польскихъ крестьянъ въ пользу чтенія и письма по-русски, предоставили ей поле дѣйствія въ ущербъ установленной указомъ равноправности. Вся надежда въ этомъ отношеніи на дѣятельность русскихъ властей въ польскомъ краѣ.

№ 199.

Москва, 10-го сентября.

Намъ было чрезвычайно пріятно получить помѣщаемое ниже возраженіе г. Детлова на указанные нами въ № 189 *Московскихъ Вѣдомостей* доводы въ пользу защищаемаго нами направленія юго-западной желѣзной дороги (на Кіевъ, а не на Кременчугъ). Мы имѣли въ виду практическій вопросъ о томъ куда слѣдуетъ вести желѣзную дорогу изъ Балты, на Кіевъ ли, какъ предполагалось прежде или на Кременчугъ, какъ теперь предлагается нѣкоторыми весьма почтенными и знающими лицами. Это послѣднее предложеніе показалось намъ крайне опаснымъ преимущественно потому, что проведеніе желѣзной дороги изъ Балты въ Кременчугъ оставило бы Кіевъ надолго внѣ сѣти желѣзныхъ дорогъ: вотъ почему мы такъ горячо взялись за дѣло. Еслибы правительство отдало предпочтеніе Кременчугу передъ Кіевомъ при разрѣшеніи вопроса о продолженіи дороги Одесско-Балтской, то непремѣннымъ слѣдствіемъ того была отсрочка построенія той линіи, которая предполагается для соединенія Кіева съ Москвой Кіевъ, оставленный безъ рельсоваго соединенія съ Одессой, былъ бы неминуемо, и весьма надолго, оставленъ безъ рельсоваго соединенія съ цетральною Русью. Надобно было бы спѣшить окончаніемъ линіи ведущей изъ Москвы на Харьковъ и Кременчугъ къ Одессѣ; затѣмъ оказалось бы необходимымъ спѣшить построеніемъ каменноугольной вѣтви, соединяющей южную дорогу съ бахмутскими и грушевскими копями, и наконецъ строители динабурго-витебской дороги настаивали бы на продолженіе своей линіи по направленію къ дорогѣ южной, что для нихъ особенно важно. Такимъ образомъ главная услуга, которую могутъ оказать Россіи желѣзныя дороги, была бы отстранена ею самою, и можетъ-быть на цѣлое десятилѣтіе, если не болѣе. Между тѣмъ событія, текущія теперь съ небывалою прежде быстротой, не замедлили бы сложиться такъ, что мы были бы принуждены испытать на тяжкомъ дѣлѣ, какой ущербъ причиняется Россіи отсутствіемъ рельсовыхъ путей въ западной части Имперіи. Чтобы предвидѣть это, нѣтъ надобности въ особой предусмотрительности. Неотвлеченныя соображенія (патріотическія, какъ удостоиваютъ называть ихъ иные, или звонкая идея *), какъ выразился недавно одинъ харьковскій корреспондентъ газеты *Кіевлянинъ*, встрѣтившій впрочемъ, какъ и слѣдовало ожидать серіозный отпоръ въ этой газетѣ), а скорѣе отсутствіе увлеченій, основанныхъ на преувеличенной вѣрѣ въ русскую звѣзду, побуждаетъ желать, чтобы мы перестали, наконецъ, надѣяться на то, что наши упущенія будутъ сходить намъ съ рукъ даромъ. Фридрихъ Листъ, конечно не заслуживающій имени идеолога и писавшій о желѣзныхъ дорогахъ еще въ 1837 году, когда ихъ великое значеніе болѣе предчувствовалось нежели сознавалось изъ опыта обращалъ вниманіе германскихъ правительствъ на то обстоятельство, что каждая лишняя миля рельсоваго пути, построенная въ государствѣ, дастъ этому государству такой шагъ впередъ, который можетъ быть искупленъ лишь самыми тяжкими пожертвованіями. Предостереженія Фридриха Листа вполнѣ оправдались на Австріи, которая, несмотря на даровую поддержку со стороны Россіи, дорого поплатилась за неудовлетворительность своихъ путей сообщенія, хотя нельзя не отдать ей полной справедливости въ томъ, что она и до 1848 года неослабно заботилась о построеніи желѣзныхъ дорогъ. Мы были свидѣтелями того, какъ Австрія принуждена была отступить передъ Франціей: теперь она отступаетъ передъ Пруссіей и уже почти готова отказаться отъ своего мѣста въ Германскомъ союзѣ. Она обращаетъ свои взоры туда, гдѣ состязаніе легче; она надѣется вознаградить себя на Востокѣ, причемъ вѣроятно разчитываетъ на поддержку со стороны Пруссіи и Англіи. Направленіе политики двухъ великихъ германскихъ державъ стало до очевидности яснымъ: за усиленіемъ Пруссіи должно послѣдовать усиленіе Австріи, но кто не видитъ, что захватъ на Балтійскомъ морѣ можетъ быть уравновѣшенъ только другимъ захватомъ на Черномъ морѣ? Кто не видитъ, что мы должны быть особенно озабочены нашимъ юго-западомъ? Имѣя въ виду подобный ходъ дѣлъ, будемъ ли мы возлагать свои надежды единственно на готовность русскаго народа

*) Харьковскіе корреспонденты имѣютъ обычай говорить звонко: въ одной петербургской газетѣ писали на дняхъ изъ Харькова, что мы напримѣръ *говоримъ вздоръ* и т. п.

жертвовать всѣмъ для огражденія неприкосновенности Русской державы? Мы живемъ въ такое время, когда борьба между государствами ведется не однимъ пролитіемъ крови. Есть много другихъ элементовъ входящихъ въ область матеріяльной и умственной цивилизаціи, которые рѣшаютъ исходъ борьбы даже прежде нежели онъ будетъ запечатлѣнъ кровью. Самый сильный двигатель цивилизаціи нашего времени, какъ матеріяльной, такъ и умственной,—желѣзныя дороги. Онѣ служатъ могущественными проводниками образованія; онѣ удесетеряютъ предпріимчивость во всѣхъ сферахъ человѣческой жизни; онѣ привлекаютъ къ себѣ и матеріяльныя и умственныя силы. Замѣчено, что въ какой мѣрѣ богатѣетъ, и матеріяльно и умственно, край прорѣзанный желѣзною дорогой, въ такой же мѣрѣ бѣднѣютъ и глохнутъ края сосѣдніе съ нимъ. То же самое и съ государствами. Чѣмъ больше строится желѣзныхъ дорогъ въ сосѣдственныхъ намъ государствахъ, тѣмъ болѣе должна сравнительно отставать отъ нихъ Россія, и не только отставать отъ нихъ, но и отдавать имъ свои силы. Каждая лишняя миля, повторимъ вслѣдъ за Фридрихомъ Листомъ, строимая Пруссіей и Австріей, безъ построенія соотвѣтствующей мили въ Россіи, есть торжество этихъ государствъ надъ нами, есть ихъ усиленіе, а наше ослабленіе, и это относится не только къ случаямъ войны, но и къ тому постоянному состязанію между государствами, которое происходитъ посредствомъ искусствъ мира.

Россія соприкасается съ этими государствами не своимъ востокомъ, не своими центральными губерніями. Чтобы хоть сколько-нибудь выдерживать состязаніе, чтобы не совсѣмъ отказаться отъ охраненія существующей теперь мѣры въ соотношеніи силъ, Россія должна озаботиться снабженіемъ своего западнаго края желѣзными дорогами, которыя дали бы ему во время мира способы соперничать съ сосѣдними краями иноземныхъ государствъ, а въ случаѣ войны облегчили бы намъ его защиту. Вотъ почему самые существенные интересы Россіи требуютъ, чтобы для линій ея желѣзныхъ дорогъ всегда предпочиталось направленіе болѣе западное направленію болѣе восточному. Тутъ общій интересъ государства совпадаетъ съ интересомъ западнаго края. Если по какому-то странному ослѣпленію, мысль о необходимости связать западъ Россіи съ ея центромъ не встрѣчаетъ у насъ должнаго сочувствія, то простая справедливость къ западному краю должна бы, кажется, громко говорить въ пользу западнаго направленія нашихъ желѣзныхъ дорогъ. Въ какомъ несчастномъ положеніи находился бы этотъ край, какому упадку и застою былъ бы онъ обреченъ, еслибы онъ очутился между центральною Европой, обильно снабженною путями сообщенія, и центральною Россіей, снабженною ими если не столько же обильно, то по крайней мѣрѣ въ значительной степени? Всѣ силы были бы отвлечены отъ него; всѣ средства къ преуспѣянію были бы у него отняты. Его будущность состояла бы въ томъ, чтобы все болѣе и болѣе глохнуть.

Центръ западнаго края есть Кіевъ. Оставляя его внѣ сѣти желѣзныхъ дорогъ, мы отступали бы не только передъ польскими притязаніями; мы отступали бы, что важнѣе, передъ Германіей и усиливали бы значеніе Австріи, какъ политическое, такъ и коммерческое. Галиція одержала бы тогда рѣшительный верхъ на юго-западною Россіей. Путь изъ Балты на Кременчугъ можетъ оказать пользу лишь Одессѣ, но онъ поведетъ еще къ большему упадку западнаго края; онъ будетъ отвлекать отъ него силы. Восколько онъ повыситъ цѣну земель въ степи между Кременчугомъ и Балтой, на столько же онъ понизитъ цѣну земель въ Кіевской и Подольской губерніяхъ: такъ всегда дѣйствуютъ желѣзныя дороги. Напротивъ путь изъ Балты на Кіевъ, не менѣе полезный для Одессы, оживилъ бы весь юго-западный край и поставилъ бы его на равную ногу съ сосѣднею Галиціей; онъ усилилъ бы Россію не въ одной Одессѣ, а на всемъ юго-западѣ. Сверхъ того путь изъ Балты на Кременчугъ служилъ бы преимущественно для внѣшней торговли, но кто не знаетъ, какой незначительный процентъ составляетъ повсюду внѣшняя торговля сравнительно съ торговлей внутреннею? Выгодность пути изъ Балты на Кіевъ состоитъ въ томъ, что оказывая отпускной торговлѣ не меньшія услуги, чѣмъ путь на Кременчугъ, онъ въ то же время можетъ сильно служить интересамъ и торговли внутренней.

Таковъ нашъ взглядъ на необходимость Кіевско-Одесской дороги. Но если мы при-

даемъ рельсовому соединенію Кіева съ Одессой, то еще большую важность имѣетъ въ нашихъ глазахъ возможно прямое соединеніе Кіева съ Москвой, и если между Днѣпромъ и Одессой мы предпочитаемъ направленіе западное (на Кіевъ) направленію восточному (на Кременчугъ), то тѣмъ болѣе предпочли бы направленіе болѣе западное для пути между Кіевомъ и Москвой. Мы много разъ высказывались въ пользу пути на Калугу и Черниговъ, защищаемаго г. Детловымъ. Еще недавно, по поводу замѣчаній г. Радецкаго на сѣть г. Обручева *), мы заявили, что линія изъ Серпухова на Калугу и Черниговъ въ Кіевъ есть самая лучшая линія для соединенія Москвы съ Кіевомъ. Мы говорили съ своей стороны о дорогѣ въ Кіевъ на Орелъ, только подчиняясь *совершившемуся факту*. Послѣ начатія работъ на линіи между Москвой и Орломъ, мы не видѣли возможности надѣяться на скорое построеніе линіи болѣе западной, идущей на Калугу и Черниговъ, но еслибъ открылись надежды на такое счастливое для Россіи событіе, мы, конечно, обрадовались бы ему столько же какъ г. Детловъ, съ замѣчаніями котораго, отъ перваго ихъ слова до послѣдняго, мы совершенно согласны Теперь же, пока подобныхъ надеждъ не открывается, необходимость велитъ стоять хоть за линію изъ Орла въ Кіевъ (мы никогда не высказывались въ пользу линіи изъ Курска въ Кіевъ, вовсе не соотвѣтствующей цѣли), отстаивать ее противъ проектовъ предпочитающихъ направленіе еще болѣе восточное.

Это дѣло имѣетъ слѣдующій видъ: всего лучше было бы направленіе самое западное; оно было бы выгоднѣе во всѣхъ отношеніяхъ, и въ политическомъ и въ экономическомъ. Но если оно устранено, то ничего болѣе не остается какъ держаться направленія не совсѣмъ жертвующаго юго-западнымъ краемъ и не совсѣмъ забывающаго о великомъ значеніи драгоцѣннаго всякому Русскому златоверхаго Кіева, тѣмъ болѣе что это направленіе имѣетъ за себя не только политическія и экономическія данныя, вообще не легко уловимыя, но и такіе осязательные доводы какъ цифры народонаселенія. Если Россіи не суждено видѣть въ ближайшемъ будущемъ линію соединяющую Кіевъ съ Москвой черезъ Калугу и Черниговъ, линію проходящую мѣстностями населенными народомъ особенно предпріимчивымъ и дѣятельнымъ, каковы Калужане и Слободжане (Черниговской губерніи), то по крайней мѣрѣ желательно, чтобы желѣзный путь не уклонился еще далѣе на востокъ и не обошелъ мѣстностей густонаселенныхъ, чтобы предпочесть имъ край столько же малопромышленный, сколько и малолюдный.

*) См. № 176 *Моск. Вѣд.* 1864 годъ.

№ 200.

Москва, 11-го сентября.

Годъ тому назадъ въ западной Европѣ только и было рѣчи что о польскомъ возстаніи; всѣ газеты трубили о немъ; многочисленные митинги высказывали сочувствіе польскому дѣлу, а законодательныя палаты повидимому старались еще превзойдти уличную публику въ клеветахъ на Россію и превознесеніи героевъ польскаго мятежа какъ мучениковъ цивилизаціи. Если голосъ общественнаго мнѣнія западной Европы высказывался когда-нибудь громко и единодушно, то именно прошлымъ лѣтомъ по польскому дѣлу. Можно было въ самомъ дѣлѣ повѣрить, что вся либеральная Европа готова на крестовый походъ противъ варваровъ Московитовъ, что раздраженіе дошло до послѣдней степени, и что правительствамъ будетъ трудно устоять противъ напора высоко поднявшихся волнъ народнаго чувства. Какъ же могло случиться, что по польскому вопросу теперь наступило такое полное затишье, что онъ такъ безпощадно преданъ забвенію и совсѣмъ вычеркнутъ изъ числа вопросовъ интересующихъ европейскую публику? Не свидѣтельствуетъ ли это равнодушіе самымъ непрекаемымъ образомъ, что прошлогодняя агитація была дѣломъ искусственнымъ? Но если такъ, то ея колоссальные размѣры не раскрываютъ ли такихъ закулисныхъ тайнъ европейской политики, которыя до сихъ поръ можно было лишь предугадывать и которыя вышли теперь наружу болѣе чѣмъ когда-либо прежде? Если теперь очевидно, что прошлымъ лѣтомъ европейскія правительства вовсе не имѣли надобности сдерживать порывы общественнаго мнѣнія, если теперь несомнѣнно, что эти порывы, казавшіеся, однакожь, столь грозными, служили въ сущности только вы-

годнымъ фономъ для дипломатическаго дѣйствія, и тотчасъ же улеглись, какъ скоро это дѣйствіе прекратилось, то нельзя не подивиться могуществу тѣхъ сферъ, откуда, дается тонъ и направленіе общественному мнѣнію, этому загадочному существу, которое нерѣдко кажется самобытною силой, когда въ дѣйствительности служитъ лишь послушнымъ орудіемъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не нужно особенной сообразительности для того чтобъ, имѣя все это въ виду, придти къ заключенію, что теперешнее затишье очень можетъ быть такимъ же искусственнымъ явленіемъ, какимъ была прошлогодняя агитація. Къ этому заключенію даже необходимо придти, если принять во вниманіе, что теперешнее затишье никакъ не можетъ быть слѣдствіемъ совершеннаго отреченія отъ цѣли, имѣвшейся въ виду при прошлогодней агитаціи. Отреченіе отъ цѣли всегда сопровождается чувствомъ досады: виновники прошлогодней комедіи не имѣли бы никакого повода скрывать это чувство, еслибы не намѣревались продолжать игру, перемѣнивъ только средства, но удерживая цѣль. Въ прошломъ году насъ старались ошеломить и запугать; теперь насъ ублажаютъ смиреннымъ безмолвіемъ. Если прошлогодній азартъ былъ средствомъ, то почему бы не могло быть средствомъ и нынѣшнее смиреніе? Не имѣя никакого умысла, можно ли такъ притаиться, какъ притаились теперь антипатіи къ Россіи? Вотъ практическій вопросъ, котораго нельзя не сдѣлать, смотря на разительный контрастъ между нынѣшнимъ и прошлымъ годомъ, и который въ свою очередь заставляетъ насъ спросить себя: что же для насъ опаснѣе, поддѣльный ли азартъ или фальшивое смиреніе?

Между тѣмъ какъ все въ Европѣ притихло, оставался еще одинъ пунктъ, откуда доносился до насъ прежній суровый, а потому и менѣе опасный голосъ. Этотъ пунктъ былъ Римъ. Папа Пій IX, не болѣе какъ четыре мѣсяца тому назадъ, осыпалъ насъ такими любезностями, что повидимому совсѣмъ исчезала для насъ опасность услышать изъ вѣчнаго города голосъ способный вызвать какую нибудь уступчивость съ нашей стороны. Но увы! общій токъ европейской политики такъ силенъ, что и святой отецъ увлеченъ имъ. Когда ксендзы польскаго края потеряли физическую возможность предводительствовать бандами и воодушевлять кинжальщиковъ, вѣрные докладчики папы Пія IX нашли благовременнымъ довести наконецъ до его свѣдѣнія, что латинское духовенство этого края дѣйствительно злоупотребляло религіей и заслуживаетъ за то строгаго апостолическаго порицанія. Папа не можетъ смотрѣть равнодушно на подобное нечестіе, коль скоро оно сдѣлается ему извѣстнымъ, и вотъ римскій епископъ, какъ извѣстилъ насъ вчерашній телеграфъ, собирается писать къ польскимъ епископамъ, чтобъ они поспѣшили призвать заблудшихъ на путь религіознаго долга. Въ непродолжительномъ времени мы вѣроятно прочтемъ папское посланіе, въ которомъ будетъ сказано, что папа порицаетъ революцію. Едвали однакоже это посланіе произведетъ на насъ чистое впечатлѣніе радости: можно поручиться, что въ немъ будутъ сдѣланы намеки на несчастное состояніе латинской церкви въ предѣлахъ русской державы. И та, и другая часть посланія будутъ, конечно, исполненіемъ пастырской обязанности. Это несомнѣнно. Но столько же несомнѣнно и то, что первая часть теперь не можетъ оказать ни малѣйшаго практическаго дѣйствія, такъ какъ революція, порицаемая папой, уже подавлена безъ его пастырскаго содѣйствія. Тѣмъ важнѣе будетъ значеніе той части посланія, которая послужитъ на практикѣ открытіемъ наступательнаго похода противъ Россіи. Пастырская дѣятельность римскаго епископа до насъ не касается: это дѣло его совѣсти, проникать въ которую мы не имѣемъ никакого права. Мы можемъ смотрѣть на образъ дѣйствій римской куріи только съ государственной точки зрѣнія, можемъ относиться къ ней только какъ государство къ государству. Но съ этой точки зрѣнія самъ собой возникаетъ вопросъ о взаимности, безъ которой международныя сношенія не имѣли бы смысла. Что же намѣрена теперь предложить намъ римская курія? Какую можетъ она оказать намъ услугу? Какую пользу извлечетъ для себя Русское государство изъ того шага, который намѣренъ теперь сдѣлать папа? Этотъ шагъ, на сколько онъ могъ бы быть выгоденъ для насъ, на сколько онъ могъ бы быть полезенъ для внутренняго мира въ предѣлахъ нашей державы, будетъ шагомъ запоздалымъ. Онъ будетъ сдѣланъ, очевидно, не въ нашемъ интересѣ. Дастъ ли онъ римской куріи ка-

кое-либо право ожидать взаимности съ нашей стороны? Если римская курія хоть сколько-нибудь испортила свое дѣло чрезмѣрною медлительностью въ исполнении того чего мы были въ правѣ ожидать отъ нея, и что она сама считаетъ своею обязанностью, то не должна ли она еще болѣе испортить свое дѣло тою нетерпѣливостію, съ которою она, кругомъ виноватая передъ нами, спѣшитъ требовать отъ насъ того что не мы сами, а только она считаетъ нашею обязанностью? Не слишкомъ ли рано для римской куріи обращаться къ намъ теперь къ какими бы то ни было,—не скажемъ требованіями, но даже просьбами?

Прежде всего римской куріи должно быть желательно привести въ прежній видъ дипломатическія сношенія съ Россіей. Но какую получимъ мы отъ того выгоду? Развѣ посредничество нашего дипломатическаго агента нужно римскому престолу для того чтобы выказывать намъ свое дружелюбіе? Развѣ замышляемое папой Піемъ IX посланіе не дойдетъ до польскихъ епископовъ и прежде возстановленія нашей миссіи въ Римѣ, разумѣется если будетъ написано въ искреннемъ духѣ мира, и развѣ не дойдетъ оно до нихъ законнымъ путемъ черезъ посредство министерства внутреннихъ дѣлъ? Развѣ нуждающіеся въ диспензіяхъ, абсолюціяхъ, индульгенціяхъ, не имѣютъ средствъ получать ихъ и теперь? Развѣ не проще и естественнѣе, чтобы подобныя ходатайства имѣли характеръ частной просьбы, а не были предметомъ дипломатическихъ сношеній и не казались ходатайствами Русскаго государства передъ иностраннымъ государемъ? А между тѣмъ просьбы о церковныхъ актахъ такого рода составляли главный предметъ занятій русской миссіи въ Римѣ.

Даже назначеніе епископовъ могло бы повидимому происходить сообразнѣе съ достоинствомъ государства, еслибы римская курія изъявляла свое согласіе или отказывала въ немъ не русской дипломатіи, а римско-католическимъ капитуламъ, которые должны были бы сами пріискивать кандидата равно угоднаго и русскому правительству, и римской куріи. Вліяніе правительства на выборъ епископа было бы то же самое, но форма сношеній съ Римомъ измѣнилась бы къ лучшему. Римской куріи это не могло бы, правда, понравиться, но какое право имѣетъ римская курія ожидать, чтобы мы желали ей нравиться? Не обязаны ли мы напротивъ дѣйствовать по отношенію къ ней на основаніи закона взаимности? Въ личныхъ сношеніяхъ злопамятство есть порокъ; въ дипломатическихъ сношеніяхъ оно добродѣтель, потому что—обязанность. Мы не въ правѣ забывать папскую аллокуцію, какъ не въ правѣ забывать прошлогоднюю дипломатическую комедію, стоившую намъ многихъ милліоновъ рублей.

—

№ 201.

Москва, 13-го сентября.

Указы 30-го августа — объ устройствѣ учебной части въ Царствѣ Польскомъ— служатъ естественнымъ дополненіемъ предпринятой въ этомъ краѣ реформы крестьянскаго быта. Какъ эта реформа полагаетъ конецъ всемогуществу свѣтской аристократіи: такъ точно указы 30-го августа должны вести къ освобожденію массы польскаго народа изъ-подъ безконтрольной власти римско-католическаго духовенства. Съ незапамятныхъ временъ, какъ въ пору политической самостоятельности Польши, такъ и въ періодъ русскаго владычества, народное просвѣщеніе въ этомъ краѣ почти исключительно находилось въ рукахъ духовенства. Это было бы хорошо, еслибы римско-католическое духовенство въ Польшѣ было вѣрно своему религіозному характеру, а не превратилось въ вредное политическое общество, какъ наконецъ засвидѣтельствовалъ и самъ глава римской церкви. Такому духовенству государство не можетъ ввѣрить дѣло народнаго воспитанія, и теперь оно по возможности устраняется отъ этого дѣла. Начальныя народныя училища, которымъ предполагается посвятить наибольшее вниманіе и заботы, ввѣряются ближайшему попеченію гминныхъ и сельскихъ сходовъ, въ которыхъ ксендзамъ не дозволяется вовсе участвовать,—и подчиняются непосредственному вѣдѣнію гминныхъ войтовъ, солтысовъ или особыхъ смотрителей, въ должности которыхъ также не могутъ быть выбраны клирики. Какъ рѣшителенъ этотъ шагъ, видно изъ того, что даже въ 1833 г., когда были закрыты мѣстные комитеты, или *дозоры*, завѣдывавшіе элементарными училищами, правительство постановило, чтобы каждое училище было

въ завѣдываніи опекуна, а чтобъ опекуномъ назначался преимущественно мѣстный приходскій священникъ или викарій. Уставомъ 8-го мая 1862 г., который былъ составленъ въ общемъ духѣ всей системы маркиза Велёпольскаго, ксендзамъ предоставлялось и учреждать училища, и назначать въ нихъ учителей, даже и тамъ, гдѣ училища были основаны не ими; ксендзы же назначались главными предсѣдательствующими членами въ возстановленныхъ дозорахъ, состоявшихъ, кромѣ нихъ, еще изъ помѣщика, войта или бургомистра и двухъ или трехъ мѣстныхъ жителей. Теперь выборъ учителей поручается гминнымъ и сельскимъ сходамъ съ ихъ должностными лицами, и подчиняется утвержденію начальниковъ учебныхъ дирекцій долженствующихъ вообще замѣнить собою прежніе *дозоры*, такъ какъ имъ порученъ общій надзоръ за начальными училищами и ближайшее попеченіе объ ихъ направленіи и преуспѣяніи. Устраняя польское римско-католическое духовенство вообще, и монашествующее въ особенности, отъ дѣла народнаго образованія, правительство беретъ его въ свои собственныя руки и призываетъ къ содѣйствію себѣ сельскія гмины и общества. Главными органами его въ этомъ отношеніи должны стать эти 10 директоровъ и 1 инспекторъ (въ Варшавѣ), между которыми распредѣляется все пространство польскаго края. Крестьяне, предоставленные самимъ себѣ, были бы безпомощны. Весь успѣхъ предпринятой учебной реформы, все направленіе народныхъ училищъ будутъ преимущественно зависѣть отъ дѣятельности и благонамѣренности директоровъ: поэтому-то Высочайшій рескриптъ особенно указываетъ на важность выбора свѣдущихъ и добросовѣстныхъ исполнителей указовъ 30-го августа и возлагаетъ ближайшее попеченіе, по отношенію къ начальнымъ училищамъ, на учредительный въ Царствѣ Польскомъ комитетъ.

Принимаясь за какое-нибудь дѣло, не слѣдуетъ скрывать отъ себя его трудностей и опасностей. Римско-католическое духовенство, которое всегда и вездѣ было до крайней степени ревниво къ своей власти и особенно къ своему вліянію на народное образованіе, по всей вѣроятности, и тутъ не уступитъ безъ борьбы, и борьбы самой энергической, хотя бы и не явной. Безъ величайшей бдительности со стороны начальниковъ учебныхъ дирекцій, безъ дружнаго содѣйствія имъ со стороны всѣхъ Русскихъ въ краѣ, и особенно со стороны поставленныхъ такъ близко къ крестьянамъ коммиссій по ихъ дѣламъ, очень легко можетъ случиться, что клерикальное вліяніе на училища, вслѣдствіе указовъ 30-го августа, не исчезнетъ, а только сокроется, и изъ явнаго станетъ тайнымъ и тѣмъ болѣе опаснымъ. Всѣмъ русскимъ властямъ въ краѣ предстоитъ несомнѣнная борьба съ этими темными вліяніями,—борьба, которую можно вести лишь съ русскимъ знаменемъ въ рукахъ. Польскіе паны и ксендзы, и вообще польскіе патріоты, безъ сомнѣнія, примутся отклонять крестьянъ и горожанъ, Поляковъ, Литовцевъ и Евреевъ отъ введенія въ ихъ школы русскаго языка и русской грамоты; эти усилія польской пропаганды не должны бы имѣть успѣхъ, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ крестьянамъ, такъ какъ Русскому Царю и безпристрастію русскихъ властей крестьяне обязаны всѣми своими правами и соблюденіемъ всѣхъ своихъ интересовъ, и такъ какъ въ этомъ сознаніи они не разъ уже и въ очень многихъ мѣстахъ заявляли явное предпочтеніе къ русскимъ людямъ и къ русской грамотѣ. Усердіе польскихъ крестьянъ въ этомъ отношеніи было бы явнымъ признакомъ, что вліяніе ксендзовъ и пановъ устранено нами не только на бумагѣ, но и на самомъ дѣлѣ, и что предпринятыя теперь преобразованія, дѣйствительно, ведутъ къ полному обновленію гражданскаго быта Польши, ставя крестьянъ въ положеніе независимое и освобождая ихъ отъ того страха предъ панами и ксендзами, въ которомъ они воспитались и жили.

Въ нашихъ сужденіяхъ о временахъ недавно-прошедшихъ мы нерѣдко смѣшиваемъ цѣль и средства, которыми предполагалось ея достигнуть, и порицаніе, котораго могутъ заслуживать послѣднія, часто переносимъ на первую. Въ тридцатыхъ и въ сороковыхъ годахъ имѣлось въ виду „сблизить Поляковъ съ русскою стихіей и искоренить въ нихъ незамѣтнымъ образомъ старыя ихъ понятія и предубѣжденія,“ какъ сказано во всеподданнѣйшей запискѣ 1843 года бывшаго министра народнаго просвѣщенія, графа С. С. Уварова. Мысль эта была вполнѣ разумная, основательная и гуманная; но средства къ ея осуществленію были отчасти недостаточныя, отчасти не сочувственныя. Почти всѣ мѣры, которыя принимались для ея осуществленія, бы-

ли отрицательнаго свойства, и получали въ глазахъ не только польскаго, но и русскаго общества, характеръ гоненія. Всѣ онѣ примыкали къ системѣ, которая въ подавленіи жизни искала обезпеченія противъ ея ложныхъ направленій. Такъ, въ 1831 г. Варшавскій университетъ, основанный въ 1816 г. императоромъ Александромъ I, былъ закрытъ, и въ продолженіе 25 лѣтъ въ Царствѣ Польскомъ не было ни одного высшаго учебнаго заведенія, ни общеобразовательнаго, ни спеціяльнаго, а молодые люди отправлялись въ русскіе университеты, въ которыхъ, при общемъ въ то время господствѣ отрицательнаго направленія, при отсутствіи живительнаго духа науки, при крайне невыгодной общественной обстановкѣ, они еще болѣе утверждались въ своей враждѣ къ Россіи. Разобщеніе нашихъ казенныхъ училищъ съ живыми началами русскаго народнаго сознанія было такъ велико, во всей окружающей школу средѣ было такъ мало привлекательнаго и воодушевительнаго, что не Поляки могли становиться Русскими, а напротивъ, Русскіе могли быть переманиваемы въ польскій лагерь, какъ это большею частью и бывало. Гимназіямъ въ Царствѣ Польскомъ также не было пощады: въ 1830 г. ихъ было 15, въ 1833 г.—11, а въ концѣ сороковыхъ годовъ ихъ осталось всего 7, со включеніемъ варшавскаго благороднаго института. Управленіе гимназіями было предоставлено людямъ выбраннымъ случайно и нерѣдко считалось синекурой. Сверхъ того, начиная преимущественно съ 1845 г., значительная часть среднихъ учебныхъ заведеній лишена была своего общеобразовательнаго характера, и усвоила себѣ узкое, утилитарное направленіе. Уѣздныя училища (прогимназіи) обращены были изъ классическихъ въ реальныя, изъ коихъ однимъ придана была спеціяльность коммерческая, другимъ—техническая, третьимъ—агрономическая. Гимназіи, въ свою очередь, въ высшихъ своихъ классахъ раздѣлены были на отдѣленія историко-филологическое и физико-математическое, и одни изъ нихъ предназначены для образованія чиновниковъ и юристовъ, другія—для образованія техниковъ, третьи—спеціялистовъ по горной части, и т. д. Въ довершеніе всего право поступать въ гимназіи было предоставлено единственно дѣтямъ дворянъ и чиновниковъ. Одновременно со всѣмъ этимъ погромомъ въ гимназіи введено было преподаваніе русскаго языка и словесности и русской исторіи, которая вмѣстѣ со всеобщею исторіей ввѣрялась русскому преподавателю, при чемъ учителямъ было предписано внушать ихъ ученикамъ сознаніе первенства Россіи между славянскими народами. Преподаваніе ихъ съ самаго начала получало, такимъ образомъ, тенденціозный характеръ, возбуждавшій къ себѣ сильнѣйшее недовѣріе: удивляться ли что казенное сближеніе польскаго народа съ русскимъ не имѣло успѣха? Надъ этою системой состоялся уже приговоръ исторіи, и она, по счастію, рушилась; но изъ общаго крушенія должны быть спасены тѣ здравыя мысли, которыя лежали въ ея основѣ и не нашли себѣ успѣшнаго осуществленія только потому, что примѣнялись формально, и были со всѣхъ сторонъ обставлены произволомъ и злоупотребленіями. Историческій опытъ положительно и невозвратно осудилъ всю эту систему управленія посредствомъ страха и гоненій на всякое проявленіе самобытной жизни; онъ показалъ, что подобная система не только не предотвращаетъ революціонныхъ потрясеній, а скорѣе вызываетъ ихъ. Но было бы въ высшей степени несправедливо сказать, что опытъ осудилъ, напримѣръ, попытки распространять знаніе русскаго языка между Поляками. Если въ системѣ сороковыхъ годовъ было что-либо хорошее и полезное, такъ это именно усилія, направленныя къ этой цѣли, и если тотъ или другой Полякъ можетъ чувствовать себя чѣмъ-либо обязаннымъ ей, такъ это именно знаніемъ русскаго языка.

Причины ненависти къ этой системѣ заключаются отнюдь не въ ея стремленіи сблизить Поляковъ съ Русскими, а въ формальномъ и мертвомъ характерѣ мѣръ, въ которыхъ она выражалась и къ которымъ примыкала. Ни одинъ, сколько-нибудь разумный Полякъ не скажетъ, что ему нѣтъ надобности знать русскій языкъ и Россію. Уставъ 1862 г. составленъ былъ въ исключительно-польскомъ духѣ, и однакоже, и въ немъ русскому языку отведено было довольно видное мѣсто не только въ гимназіяхъ, гдѣ съ 3-го класса все преподаваніе этого предмета должно было вестись уже по-русски, но и въ уѣздныхъ училищахъ (прогимназіяхъ), какъ педагогическихъ (то-есть въ учительскихъ семинаріяхъ) и общихъ, такъ и въ спеціяльныхъ (съ реальными курсами), и даже въ са-

мыхъ элементарныхъ одноклассныхъ училищахъ.

Польша навсегда соединена съ Россіей. Съ теченіемъ времени, какъ можно думать, политическія, соціальныя и торговыя связи между ними, къ обоюдному ихъ благу, будутъ становиться все многочисленнѣе и тѣснѣе, и все ощутительнѣе будетъ для всѣхъ классовъ населенія Польши потребность знать русскій языкъ, какъ органъ единенія съ великимъ государствомъ. Сознаніе этой потребности, при нормальномъ ходѣ дѣлъ, не можетъ не возбудиться во всѣхъ классахъ польскаго населенія и, какъ мы уже сказали, будетъ самымъ вѣрнымъ признакомъ того, что тамошнія дѣла приняли нормальный ходъ.

№ 202.

Москва, 15-го сентября.

Послѣ затишья, продолжавшагося слишкомъ мѣсяцъ, мы встрѣчаемся наконецъ въ европейской политикѣ съ фактомъ первоклассной важности. Между Франціей и Италіей состоялась, 15-го сентября, конвенція по одному изъ важнѣйшихъ и труднѣйшихъ европейскихъ вопросовъ. Содержаніе этой конвенціи въ точности еще неизвѣстно, и по всей вѣроятности, не будетъ извѣстно до 5-го октября, когда соберется италіянскій парламентъ, которому, безъ сомнѣнія, прежде всего будетъ представленъ этотъ важный дипломатическій актъ. Судя, однакоже, по всѣмъ извѣстіямъ, въ этомъ актѣ заключается не разрѣшеніе римскаго вопроса, а только первый шагъ на пути къ этому результату. Франція, занимавшая Римъ, въ продолженіе пятнадцати лѣтъ, своими войсками, обязывается мало-по-малу, въ теченіе не болѣе двухъ лѣтъ, вывести ихъ изъ Вѣчнаго Города, давъ папѣ возможность устроить собственную армію, которая, впрочемъ, какъ слышно, не должна превышать 12.000 человѣкъ. Въ то же время Италія обязывается не нападать и не допускать нападеній на Римъ, и принять на себя часть римскаго долга, падающаго на долю отошедшихъ къ ней провинцій. Затѣмъ обѣ державы обязываются взаимно не допускать никакого посторонняго вмѣшательства въ дѣла Папской Области. Накопецъ, къ конвенціи, говорятъ, приложено секретное соглашеніе, въ силу котораго въ первую половину 1865 г. столица Италіи должна быть перенесена во Флоренцію.

Прежде всего въ этомъ трактатѣ поражаетъ то, что касаясь ближайшимъ образомъ интересовъ папы и папства, онъ былъ заключенъ безъ малѣйшаго участія съ его стороны.

Очевидно, что „христіаннѣйшій" властелинъ Франціи, старшій сынъ римско-католической церкви, считаетъ себя въ правѣ трактовать главу ея, безъ малѣйшихъ церемоній, какъ несовершеннолѣтняго, который будетъ принужденъ согласиться на всѣ распоряженія, состоявшіяся отъ его имени. Далѣе заслуживаетъ вниманія то, что одинъ изъ важнѣйшихъ европейскихъ вопросовъ улаживается здѣсь такъ, какъ бы онъ былъ вопросомъ чисто-италіянскимъ и касался только интересовъ двухъ державъ, заключившихъ между собою конвенцію. Если справедливо, что Франція и Италія взаимно обязались не допускать никакого посторонняго вмѣшательства въ дѣла Папской Области, то онѣ присвоили себѣ право, которое должно бы, кажется, принадлежать всей католической Европѣ. Вся трудность римскаго вопроса заключается въ свѣтской власти папы. Присоединеніе Рима и римской области къ Италіянскому королевству нисколько не нарушило бы политическаго равновѣсія Европы и не встрѣтило бы ни съ какой стороны противодѣйствія, еслибы вмѣстѣ съ тѣмъ не былъ ниспровергнутъ десятивѣковой порядокъ вещей и не подверглась опасности независимость главы римско-католической церкви. Еслибы все церковное управленіе странъ католическихъ не сосредоточивалось въ рукахъ папы, еслибы въ каждой изъ нихъ римско-католическая церковь была церковью вполнѣ національною, примыкая къ римской куріи только по догматическимъ дѣламъ, а не по дѣламъ церковнаго управленія, тогда вопросъ о свѣтской власти папы не имѣлъ бы никакого значенія, и могъ бы быть легко разрѣшенъ согласно съ разумными требованіями. Но при настоящемъ устройствѣ римско-католической церкви, этотъ вопросъ имѣетъ огромную важность для тѣхъ государствъ, которыя между своими подданными считаютъ значительное число католиковъ. Тѣмъ болѣе удивительно, что Франція и Италія сочли себя въ правѣ отстранить напередъ всякое вліяніе другихъ государствъ на будущія судьбы папства. Если,

дѣйствительно, цѣль конвенціи 15-го сентября заключается въ томъ, чтобы предоставить папу самому себѣ, то не трудно предсказать, какая судьба ожидаетъ свѣтскую власть его: нѣтъ сомнѣнія, что черезъ два года, когда и послѣдній Французъ удалится съ римской почвы, Римляне не замедлятъ свергнуть съ себя невыносимое иго папской власти, и присоединятся къ Италіянскому королевству.

Судя, однакоже, по равнодушію, съ какимъ повидимому принялъ папа свѣдѣнія, сообщенныя ему французскимъ посланникомъ объ этой конвенціи, судя по торжествующимъ отзывамъ почти всѣхъ клерикальныхъ газетъ, можно думать, что приняты какія-нибудь мѣры благопріятныя для папства. Такою мѣрой было бы отреченіе Италіи отъ Рима какъ будущей своей столицы. И дѣйствительно, часть газетъ, увѣряетъ, что Италія обязалась сдѣлать окончательною своею столицей Флоренцію. Вопросъ о столицѣ, собственно говоря, не можетъ быть предметомъ международнаго акта, и если въ конвенцію 15-го сентября внесено условіе о будущей столицѣ Италіи, то, безъ сомнѣнія, италіянское правительство желало этимъ замаскировать свое дѣйствительное или только мнимое отреченіе отъ Рима, и можетъ-быть оба правительства разчитывали успокоить и обезоружить этимъ, по крайней мѣрѣ на время, могущественную клерикальную партію.

Въ стратегическомъ отношеніи Флоренція имѣетъ большія преимущества передъ Туриномъ. Она прикрыта отъ внѣшнихъ нападеній теченіемъ рѣки По, крѣпостями Феррарой, Піаченцей и Алессандріей, и что еще важнѣе, Апеннинскимъ хребтомъ. Сверхъ того, она представляетъ удобства болѣе центральнаго положенія въ Италіи. Но тѣмъ не менѣе перенесеніе столицы изъ Турина во Флоренцію можетъ сопровождаться весьма неблагопріятными послѣдствіями для Италіи. Передъ Туриномъ временно могли преклоняться и Миланъ, и Флоренція, и Неаполь, такъ какъ изъ него вышло освобожденіе Италіи; Риму всѣ города ея готовы были уступить первенство; но противъ Флоренціи можно ожидать сильнѣйшаго взрыва провинціяльныхъ притязаній, и дѣйствительно—одинъ слухъ о предстоящемъ перенесеніи столицы во Флоренцію уже причинилъ кровавые безпорядки въ Туринѣ. Когда это событіе состоится, то едва ли оно послужитъ къ упроченію единства и внутренняго порядка въ Италіи. Впрочемъ, если Италія рѣшилась на эту мѣру, если она согласилась конвенціей съ Франціей связать себѣ на нѣкоторое время руки по римскому вопросу, то нѣтъ сомнѣнія, что при этомъ она имѣла въ виду одно изъ двухъ: или приблизиться къ Риму и современемъ завладѣть имъ, или открыть себѣ возможность завладѣть Венеціей при содѣйствіи со стороны Франціи.

Переговоры, сопровождавшіе заключеніе конвенціи 15-го сентября, и самое содержаніе ея такъ еще мало извѣстны, что трудно вывести заключеніе о видахъ и намѣреніяхъ Франціи и о положеніи, какое думаетъ она принять относительно другихъ державъ Европы. Повидимому, эта конвенція знаменуетъ собою намѣреніе Франціи выйдти изъ пассивнаго положенія, въ какое она заключилась послѣ неудачъ, понесенныхъ ею въ ея дипломатическомъ походѣ за Польшу и въ предложеніи европейскаго конгресса. При этомъ, очевидно, она желаетъ опереться на Италію что можетъ быть ей нужно главнымъ образомъ для борьбы съ Австріей. Всѣ извѣстія согласны въ томъ, что между Австріей и Франціей установились въ послѣднее время самыя холодныя отношенія, и что въ самой Австріи съ большимъ безпокойствомъ слѣдятъ за отношеніямъ Франціи къ Италіи, къ Англіи, къ Пруссіи и даже къ Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однакоже, увѣряютъ, что во время переговоровъ съ Италіей, Франція особенно настаивала на томъ, чтобъ она не нападала сама на Венеціянскую область, и обѣщала ей помощь только въ томъ случаѣ, если она, безъ всякаго вызова съ своей стороны, подвергнется нападенію отъ Австріи,—нападенію, о которомъ Австрія, повидимому, нисколько не думаетъ.

Съ другой стороны, безконечное занятіе Рима французскими войсками было одною изъ причинъ отчужденія между Франціей и Англіей. Конвенція 15-го сентября устраняетъ эту причину, и отнынѣ сближеніе между западными державами становится болѣе возможнымъ.

Въ то же время, мы видимъ, что Франція поддерживаетъ самыя дружественныя сношенія съ Пруссіей, которая въ послѣднее время возбудила противъ себя, по шлезвигъ-гольштейнскому дѣлу, сильнѣйшее неудовольствіе въ Англіи. Наконецъ, съ Россіей Франція успѣла, повидимому, возстановить добрыя отношенія, какъ отчасти вид-

но изъ посѣщенія императрицы Евгеніи Государемъ Императоромъ,—посѣщенія, которому австрійскія газеты придаютъ такое политическое значеніе что видятъ въ немъ шагъ къ осуществленію старинной идеи г. фонъ-Бисмарка о союзѣ между Россіей, Пруссіей и Франціей, и полагаютъ, что въ виду возможности подобнаго союза, Англія желаетъ тѣснѣе сблизиться съ Австріей, и съ этою цѣлью отправляетъ въ Вѣну одного изъ значительнѣйшихъ государственныхъ людей своихъ, лорда Кларендона.

Такимъ образомъ актъ, которымъ Франція выступила изъ своего бездѣйствія, будучи самъ-по-себѣ довольно нерѣшителенъ, нисколько не уясняетъ и не измѣняетъ существенно положенія дѣлъ Европы. Въ примѣненіи къ Россіи и теперь можетъ быть сказано все тоже что̀ имѣло силу мѣсяцъ тому назадъ. Какъ тогда, такъ и теперь, для нея невозможенъ никакой союзъ, который бы вовлекъ ее въ чуждые ей интересы, или который бы побудилъ ее къ какимъ бы то ни было уступкамъ въ польскомъ вопросѣ, или который бы, косвеннымъ образомъ содѣйствовалъ сближенію западныхъ державъ между собою и скорѣйшему разрѣшенію во̀сточнаго вопроса. Попрежнему, вся политика Россіи заключается въ ней самой, въ разрѣшеніи внутреннихъ ея вопросовъ, и даже осуществленіе блестящей идеи г. фонъ-Бисмарка о союзѣ между Россіей, Пруссіей и Франціей можетъ принести пользу только Пруссіи и Франціи, а отнюдь не Россіи.

№ 203.

Москва, 16-го сентября.

Народъ югозападныхъ губерній заявилъ себя русскимъ народомъ; это заявленіе было торжественно и всеобще; если оно имѣетъ силу,—а не имѣть силы оно не можетъ,—то югозападный край надобно считать русскимъ. Мѣстная русская печать, представительница администраціи, также объявляетъ во всеуслышаніе, что это край русскій, и признаетъ это свое объявленіе за аксіому неоспоримую, которая разумѣется сама собой. А между тѣмъ каждый шагъ къ тому, чтобъ этотъ край дѣйствительно становился русскимъ,встрѣчаетъ непреодолимыя препятствія, выростающія неизвѣстно откуда. Что̀ же мѣшаетъ этому краю быть дѣйствительно русскимъ?

Если это край русскій, то почему русскимъ людямъ нѣтъ тамъ возможности покупать имѣнія? Почему столь естественная и спокойно высказываемая мысль о необходимости соединить этотъ край желѣзною дорогой съ Москвой приводитъ многихъ въ тревогу, раздраженіе, чуть не въ бѣшенство? Почему на этотъ бѣдный русскій народъ югозападнаго края, оказавшій такія заслуги русскому дѣлу, сыплются всяческія клеветы, сопровождаемыя притязаніями, чтобы русскія власти, щадя измѣнниковъ, только съ нимъ обращались безпощадно? Если это край русскій, то кто можетъ ожидать отъ ру̀сскихъ властей подобнаго образа дѣйствій, кто можетъ встрѣчать негодованіемъ мысль, еще весьма далекую отъ осуществленія, о Московско-Кіевской желѣзной дорогѣ, или видѣть какихъ-то кровопійцъ въ людяхъ пріѣзжающихъ пріобрѣтать имѣнія въ Кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ,—пріѣзжающихъ не съ ножомъ, а съ деньгами въ рукахъ? Почему, покупая имѣніе у раззорившагося помѣщика въ Рязанской губерніи, вы не подвергаетесь нареканію въ преступленіи, а если вздумаете торговать имѣніе въ Подольской губерніи, то васъ, пожалуй, назовутъ извергомъ? Почему Поляку у Поляка купить имѣніе не грѣшно, а Русскому грѣшно? Почему—если въ самомъ дѣлѣ это край русскій?

Что̀ же мѣшать однако этому краю сдѣлаться русскимъ? Онъ населенъ русскимъ народомъ, и народъ этотъ умѣетъ стоять за себя; онъ находится подъ русскою державой, и держава эта могущественна. Что̀ же можетъ быть причиной тому, что онъ все-таки не дается намъ въ руки, и что ни громадное превосходство силъ, ни полная готовность положить всѣ силы за неприкосновенность Русской земли, не обезпечиваютъ намъ мирнаго обладанія этимъ краемъ?

Если югозападный край имѣетъ намѣреніе когда-нибудь отложиться отъ Россіи, то понятно, что „всеобъемлющимъ желаніемъ“ его должно быть совершенное устраненіе русскихъ людей отъ покупки тамъ имѣній. Но еслибы мы хоть сколько-нибудь уважили это желаніе, то не показали ли бы мы, что допускаемъ и тѣ намѣренія, изъ которыхъ оно истекаетъ?

Еслибъ этимъ намѣреніямъ предстояло осуществиться, то нельзя было бы и намъ самимъ ожидать особенной пользы, напримѣръ, отъ проведенія желѣзной дороги изъ Кіева въ Москву; предлагающіе эту мысль могли бы казаться праздными фантазерами и, если угодно, подвергаться нареканію за то что хотятъ мѣшать правильному теченію событій, хотя нельзя не замѣтить, что даже и съ этой точки зрѣнія не было бы повода къ ожесточенію противъ идеологовъ. Мысль о пинской желѣзной дорогѣ, пущенная въ ходъ въ 1862 году, клонилась очевидно къ отвлеченію Волыни отъ Россіи; варшавскія газеты придавали этой мысли чрезвычайную важность и посвящали ей статью за статьею; многія петербургскія газеты высказывали сочувствіе ей столько же рѣшительно, какъ теперь выражаютъ свое несочувствіе къ мысли о дорогѣ Московско-Кіевской. Во всякомъ случаѣ эта мысль не принадлежала къ области идеологіи, а имѣла практическіе виды на осуществленіе. Въ Москвѣ эта мысль была оцѣнена по достоинству и не нашла поддержки; но развѣ въ Москвѣ нападали на нее съ ожесточеніемъ? Развѣ возраженіе не ограничивалось замѣчаніемъ, что подобную дорогу нельзя строить на средства Русскаго государства (то-есть съ его гарантіей)? Ожесточеніе есть признакъ слабости; оно лучше всего свидѣтельствуетъ что мысль о желѣзной дорогѣ изъ Москвы въ Кіевъ не есть праздная фантазія, и что она гораздо естественнѣе чѣмъ мысль о принадлежности юго-западнаго края къ будущей Рѣчи Посполитой. Но отчего же мы Русскіе такъ холодны къ этой мысли?

Взглянемъ еще на обвиненія взводимыя на русскій народъ въ югозападномъ краѣ. Развѣ онъ запятналъ себя тѣми неистовствами, которыя были совершены въ Галиціи? Развѣ онъ самовольно учреждалъ сельскія стражи? Развѣ не понесъ онъ на себѣ всей тягости подавленія мятежа, и развѣ его пожертвованія временемъ и трудомъ не превосходятъ тѣхъ денежныхъ сборовъ, которымъ подверглись помѣщики того края? Откуда же эта заклятая злоба, теперь направленная на южнорусскій народъ? Не заключается ли въ ней чего-нибудь побольше чѣмъ защита землевладѣльческихъ интересовъ и даже чѣмъ простое мщеніе? Эта злоба была бы непонятна, еслибы юго-западный край считался русскимъ краемъ, еслибы въ немъ не гнѣздилась измѣна, и еслибы въ то же время тамошняя измѣна не чувствовала своей слабости и своего ничтожества.

Да, благодаря твердости и энергіи русскаго народа въ югозападномъ краѣ, измѣна сознаетъ тамъ свою слабость и свое ничтожество, но въ то же время она не теряетъ надежды на случайный успѣхъ въ будущемъ и разчитываетъ на пособниковъ, сознательныхъ и несознательныхъ, которые помогутъ ея пропавшему дѣлу. Вотъ почему она не можетъ успокоиться и вотъ почему ея озлобленіе возрастаетъ подъ наружнымъ видомъ смиренія. Но гдѣ же можетъ она найдти себѣ этихъ пособниковъ какъ не въ нашей средѣ? Кто виноватъ, если она до сихъ поръ, несмотря на всѣ событія, не разочаровалась въ своихъ надеждахъ?

Что обезоружить измѣну надо, въ этомъ всѣ, повидимому, согласны. Но какъ? — вотъ вопросъ, на который слышатся разные отвѣты. Разногласіе происходитъ главнымъ образомъ отъ того, что къ борьбѣ съ измѣной иные безсознательно примѣняютъ правила, имѣющія силу только относительно личныхъ отношеній между людьми. Щадить слабаго есть дѣло гуманное, когда относится къ людямъ; но оказывать пощаду направленіямъ, которыхъ господство мы допустить не хотимъ и не можемъ, значитъ плодить эти направленія и приготовлять въ будущемъ новую борьбу съ ними, борьбу, которая по необходимости будетъ сопряжена съ новою гибелью людей. Въ борьбѣ съ людьми примиреніе возможно, но въ борьбѣ съ идеями, какъ справедливо замѣчаетъ г. Юзефовичъ въ статьѣ помѣщаемой ниже, не можетъ быть мира: ихъ надобно упразднять до конца; съ ними надобно бороться пока не исчезнетъ послѣдній слѣдъ ихъ.

Что̀ какъ не враждебное русскому народу прятязаніе заключается въ требованіи, чтобы со стороны Россіи было оказано снисхожденіе не къ людямъ, замышлявшимъ ей пагубу, а къ тому ихъ чувству, которое побуждало ихъ и не можетъ не побуждать ихъ къ враждѣ противъ Россіи и русскаго народа? Этому чувству нанесенъ тяжкій ударъ, но никакъ нельзя сказать, что оно исчезло. Въ какое же отношеніе должны мы стать къ нему. Должны ли мы усугубить усилія, чтобы совершенно искоренить его, или намъ слѣдуетъ сжалиться

надъ нимъ, смягчиться и снова дать ему силу? Но если намъ жаль этого чувства, то не придется ли намъ сожалѣть и о несчастіи, имъ испытанномъ, о томъ ударѣ, который нанесенъ ему русскимъ населеніемъ югозападнаго края? Въ такомъ случаѣ не должны ли мы гнѣваться на этотъ русскій народъ за его патріотизмъ, за его вѣрность престолу? Не должны ли мы совсѣмъ перейдти на польскую точку зрѣнія, и щадя польское чувство въ югозападномъ краѣ, отказать въ пощадѣ русскому чувству, одушевляющему огромное большинство тамошняго населенія? Еслибъ этотъ край находился во власти чужеземнаго правительства, то и тогда подобный образъ дѣйствій былъ бы несправедливъ, но съ русской стороны, въ предѣлахъ Русскаго государства, какое найдти ему оправданіе? Средняго пути тутъ быть не можетъ: всякое потворство оказываемое здѣсь польской національности есть предательство относительно національности русской.

Эти мысли внушила намъ замѣчательная статья г. Юзефовича, на которую читатели, конечно, обратятъ должное вниманіе. Положеніе дѣлъ въ югозападномъ краѣ чрезвычайно серіозно, и г. Юзефовичъ совершенно вѣрно замѣчаетъ что главная опасность заключается въ такъ-называемомъ примирительномъ направленіи. Польскіе замыслы не имѣютъ тамъ сами по себѣ никакой силы; они должны мгновенно исчезнуть, если не будутъ почерпать силу въ насъ самихъ или лучше въ неясности нашихъ понятій. Мы повторяемъ на всѣ лады, что югозападный край есть русскій край. Но если это наше убѣжденіе серіозно, то мы не можемъ мириться тамъ съ Поляками иначе какъ на томъ условіи, чтобъ и они смотрѣли на югозападный край также какъ мы и совершенно отказались отъ мысли, что это край не русскій, а польскій. Это *conditio sine qua non* примиренія; изъ этого условія невозможно сдѣлать ни малѣйшей уступки, если мы не хотимъ принимать на себя отвѣтственность въ возбужденіи и распространеніи между Поляками того духа вражды и измѣны, который дѣлаетъ съ ихъ стороны невозможнымъ искреннее примиреніе съ нами.

№ 204.

Москва, 17-го сентября.

Неудача польскихъ замысловъ въ юго-западномъ краѣ имѣла огромное вліяніе на ходъ польскаго возстанія и на отношенія къ нему европейской дипломатіи: этимъ Русское государство обязано энергіи южнорусскаго народа. Ей же обязаны и тамошніе помѣщики тѣмъ, что заговоръ обошелся имъ легче чѣмъ въ сѣверо-западномъ краѣ, и что ихъ благосостояніе пострадало сравнительно не такъ сильно. Болѣе мягкій образъ дѣйствій, принятый въ Кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ, былъ бы невозможенъ, еслибы тамъ приходилось бороться съ открытымъ мятежомъ, еслибъ онъ получилъ тамъ такое же развитіе, какъ въ Литвѣ, и принялъ такой же угрожающій характеръ. Кого же какъ не южнорусскій народъ должны благодарить помѣщики юго-западныхъ губерній за мягкость правительственныхъ мѣръ, которая могла тамъ удержаться и такъ рѣзко отдѣлила этотъ край отъ края сѣверо-западнаго? Кого долженъ благодарить весь этотъ край, кого должна благодарить вся Россія за то, что тамъ почти не было пролито крови, и что издержки на подавленіе мятежа были тамъ незначительны?

Между тѣмъ въ какомъ положеніи находится теперь народъ юго-западныхъ губерній? Въ немъ сильно сознаніе что онъ служилъ русскому Царю вѣрой и правдой, и что русскій Царь смотритъ на него съ благоволеніемъ. Съ другой стороны ему коротко извѣстны всѣ происки революціонеровъ; онъ знаетъ гораздо лучше всякой полиціи какъ дѣйствовалъ тотъ или другой изъ помѣщиковъ или чиновниковъ въ то время когда усилія революціи были прямо направлены на *быдло*. Вѣрность Царю и ненависть къ врагамъ Царя есть господствующее въ немъ чувство,—то чувство, которымъ онъ гордится и въ которомъ сознаетъ свою силу. Энергическое проявленіе этого чувства весною прошлаго года и разительный успѣхъ, которымъ было увѣнчано это проявленіе, оставили глубокій слѣдъ въ душѣ каждаго крестьянина и значительно возвысили народное настроеніе противъ прежняго. Въ этомъ высоко-поднятомъ народномъ настроеніи заключается элементъ нашей государственной силы, и оно-то подвергается теперь тяжкому испы-

танію. Польской интригѣ должно быть всего желательнѣе понизить и подавить это настроеніе и по возможности направить его такъ чтобъ оно вело къ замѣшательствамъ и если не угрожало въ самомъ дѣлѣ, то казалось угрожающимъ спокойствію края. Въ русскихъ интересахъ напротивъ желательно, чтобъ эта драгоцѣнная сила не оскудѣвала, и огонь народнаго чувства поддерживался,—конечно, чтобъ онъ поддерживался въ его первоначальной чистотѣ. Боже насъ сохрани отъ такой уступчивости какимъ бы то ни было настояніямъ, которая можетъ вести къ оскорбленію и раздраженію народнаго чувства въ самой глубинѣ его. Но съ другой стороны нельзя упускать изъ виду, что безъ доброжелательнаго и бережнаго руководства, въ такую критическую минуту какъ теперь, народъ юго-западныхъ губерній едвали будетъ въ силахъ удержаться на прямомъ пути. Обязанность руководительства лежитъ преимущественно на духовенствѣ и на мировыхъ учрежденіяхъ; ея исполненіе и то направленіе, въ которомъ она исполняется, зависитъ отъ общаго характера администраціи. Трудность этой обязанности возрастаетъ отъ той недовѣрчивости, которая вслѣдствіе продолжительнаго вліянія неблагопріятныхъ историческихъ условій, сдѣлалась, можно сказать, второю натурой южнорусскаго народа. Онъ твердо вѣритъ въ Царя, но смотритъ подозрительно на всѣхъ исполнителей. Винить ли въ этомъ южнорусскій народъ? Сожалѣть ли объ этомъ его свойствѣ? Какъ бы ни были велики затрудненія проистекающія для мѣстной администраціи изъ этой оригинальной черты южнорусскаго народнаго характера, нельзя однакоже не видѣть, что эта черта ограждала до сихъ поръ южнорусскій народъ отъ унынія: среди всяческихъ угнетеній и несправедливостей, которымъ онъ подвергался, его поддерживали эти надежды на Царя, эта увѣренность что Царь не можетъ желать ничего кромѣ блага своему народу. Нельзя также не видѣть, что полагаемое южнорусскимъ и вообще русскимъ народомъ различіе между верховною властью и администраціей отнюдь не есть признакъ низкой степени народныхъ понятій о государствѣ: это различіе признается основнымъ началомъ государственнаго устройства у самыхъ зрѣлыхъ въ политическомъ отношеніи монархическихъ народовъ. Итакъ сожалѣть тутъ не о чемъ, какъ не въ чемъ тутъ и винить южнорусскій народъ. Надобно только имѣть въ виду эту его особенность и потому обращаться съ нимъ какъ можно бережнѣе, избѣгая такихъ дѣйствій, которыя увеличивали бы недовѣріе къ администраціи и слѣдовательно усугубляли бы ея затрудненія.

Чтобы твердою рукою удерживать народъ на правильномъ пути, для этого руководящіе должны сами держаться твердыхъ началъ. Эти начала всѣмъ извѣстны. Это вопервыхъ законъ, прилагаемый безъ всякой примѣси произвола, и во вторыхъ справедливость смягчающая строгое примѣненіе закона во всѣхъ тѣхъ случаяхъ гдѣ смягченіе закона требуется обстоятельствами и можетъ быть допущено безъ нарушенія законныхъ правъ третьихъ лицъ. Строгое право всегда нуждается въ этомъ смягчающемъ элементѣ, въ этой *aequitas* которою должно всюду сопровождаться *strictum jus* и которая отнюдь не есть произволъ, а напротивъ необходимое условіе дѣйствительнаго осуществленія законности. Народный инстинктъ требуетъ справедливости отъ закона, и народный инстинктъ не ошибается. Въ данномъ случаѣ было бы напримѣръ несомнѣнно справедливо, чтобы послѣдствія возстанія, подавленнаго народомъ юго-западныхъ губерній, не увеличивали собой лежащихъ на немъ тягостей. Подавить возстаніе нельзя было безъ пожертвованій и усилій: справедливость требуетъ чтобъ эти пожертвованія и усилія были зачтены южнорусскому народу. Если поведеніе его предотвратило пролитіе крови, сберегло казенныя деньги и спасло край отъ раззоренія, то государство по всей справедливости должно вознаградить его за эти пожертвованія и усилія. Формальный законъ долженъ быть согласенъ съ этимъ долгомъ справедливости. Формальный законъ требуетъ полнаго взноса всѣхъ повинностей, какъ прежде установленныхъ, такъ и возникшихъ отъ обязательнаго выкупа. Относительно этихъ послѣднихъ повинностей формальный законъ требуетъ чтобъ онѣ были внесены сполна, хотя бы основанія, принятыя въ уставныхъ грамотахъ и оказались въ послѣдствіи подлежащими исправленію. Взысканіе должно быть производимо со всею строгостію предписанною въ законѣ, безъ послабленій. Нашъ законъ давно уже отмѣнилъ взысканіе недоимокъ посредствомъ правежа; онъ воспрещаетъ подвергать недоимщиковъ тѣлес-

ному наказанію, но допускаетъ мѣры, въ достаточной степени обезпечивающія успѣшность взысканія. Итакъ по строгому формальному закону, въ юго-западныхъ губерніяхъ должны быть взысканы всѣ повинности безъ вниманія къ тому, что вслѣдствіе возстанія обычныя тягости народа были увеличены службой сельской стражи, что недоимки возрасли вслѣдствіе фактической пріостановки взысканій въ продолженіе смутнаго времени, что тѣ данныя, на которыхъ основано вычисленіе выкупныхъ платежей, еще не вполнѣ повѣрены, и что наконецъ взносъ чрезмѣрнаго оброка гораздо труднѣе для крестьянина чѣмъ отбываніе чрезмѣрной барщины. Несмотря на все это, формальный законъ уполномочиваетъ взыскивать съ должною строгостью всѣ повинности, какъ прежде лежавшія на крестьянахъ юго-западныхъ губерній, такъ и вновь установленныя въ силу обязательнаго выкупа, и взыскивать ихъ въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ онѣ назначены уставными грамотами. Не было ли бы однакоже высокимъ дѣломъ государственной справедливости, не было ли бы самымъ сочувственнымъ и вмѣстѣ практически-полезнымъ проявленіемъ благороднѣйшей стороны въ призваніи администраціи, еслибъ она, не довольствуясь формальнымъ исполненіемъ закона; вникла въ дѣйствительное положеніе дѣлъ и пріискала пути и средства для такого образа дѣйствій, который показалъ бы крестьянамъ юго-западныхъ губерній, и передалъ благодарной памяти народа, что ихъ похвальное поведеніе во время возстанія оцѣнено было правительствомъ какъ заслуга, и отозвалось не увеличеніемъ, а облегченіемъ тягостей на нихъ лежавшихъ. Вина въ томъ, что возстаніе было возможно, лежитъ на всемъ государствѣ, а потому все государство по справедливости можетъ взять на себя тотъ излишекъ тягостей, отъ котораго слѣдуетъ освободить крестьянъ юго-западныхъ губерній. Мы не позволимъ себѣ входить въ подробности по этому дѣлу, но не можемъ не высказать что подобный актъ высшей государственной справедливости рѣшительно необходимъ теперь, чтобы освободить народъ юго-западнаго края и тамошнюю мѣстную администрацію отъ того неестественнаго положенія, которымъ могутъ воспользоваться всѣ элементы враждебные законному порядку.

№ 205.

Москва, 18-го сентября.

Назадъ тому нѣсколько недѣль, одна изъ петербургскихъ газетъ съ какимъ-то страннымъ торжествомъ объявляла намъ, что мы ошиблись, сказавъ въ одномъ изъ нумеровъ нашей газеты, что правительство наше совершило весьма важный и рѣшительный шагъ впередъ, принявъ въ принципѣ классическую систему для русскихъ гимназій. Эта газета сообщала намъ, что только одна часть русскихъ гимназій приметъ классическій характеръ, и не безъ нѣкотораго, непонятнаго намъ, злорадства давала намъ чувствовать горечь будто бы понесеннаго нами такимъ образомъ пораженія. Можно подумать, что эти почтенные господа играютъ въ дѣтскія игры, и воображаютъ насъ въ качествѣ заинтересованныхъ лицъ, которымъ отказано въ ихъ прошеніи. Смѣемъ увѣрить ихъ, что съ судьбою нашихъ гимназій не соединяется для насъ никакого личнаго интереса; дѣтей своихъ ни въ какомъ случаѣ не пошлемъ мы учиться въ наши гимназіи; отъ правильнаго устройства нашихъ учебныхъ заведеній у насъ лично ничего не прибудетъ, точно также какъ отъ неправильнаго ничего не убудетъ. Съ другой стороны, этотъ вопросъ не можетъ ни въ какой степени быть вопросомъ нашего самолюбія; мы не участвуемъ ни въ администраціи, ни въ законодательствѣ ни по какимъ вопросамъ; мы не несемъ на себѣ никакой отвѣтственности, ни предъ людьми, ни предъ своею совѣстью, за какія-либо мѣры, отъ которыхъ можетъ зависѣть будущность великой страны; точно также мы не можемъ претендовать ни на какую долю чести въ рѣшеніи подобныхъ вопросовъ. Не мы поднимаемъ, не мы рѣшаемъ ихъ. Мы только пользуемся общимъ, всякому предоставленнымъ правомъ сказать свое слово въ разъясненіе дѣла на сколько мы понимаемъ его, сознаемъ его важность, и можемъ сообразить благопріятныя и неблагопріятныя условія, среди которыхъ оно рѣшается или приводится въ исполненіе. Никакой посторонній человѣкъ, имѣющій совѣсть, не можетъ оставаться равнодушнымъ при видѣ очевидной ему ошибки, грозящей роковыми послѣдствіями для другихъ людей или цѣлаго общества, — не можетъ тѣмъ менѣе, чѣмъ яснѣе видны тѣ печальныя недора-

зумѣнія, отъ которыхъ ошибка происходитъ. Если мы, смотря на сцену или читая вымыселъ, принимаемъ живое участіе въ раскрывающейся предъ нами интригѣ, не безъ волненія слѣдимъ за переплетеніемъ ея нитей, и невольно порываемся указать дѣйствующимъ лицамъ опасность, которой они подвергаются и которая имъ не видна, то еще естественнѣе и глубже должно быть то чувство, съ какимъ всякій, хотя бы и совершенно посторонній человѣкъ, слѣдитъ за развитіемъ дѣйствительныхъ событій, которыхъ смыслъ, по разнымъ случайностямъ, можетъ быть не ясенъ для лицъ наиболѣе заинтересованныхъ въ ихъ благопріятномъ исходѣ. Не кто-либо потеряетъ или выиграетъ что-либо отъ устройства нашихъ учебныхъ заведеній, потеряетъ или выиграетъ Россія, русское правительство, русское общество, русскій народъ. Не имѣя никакого прикосновенія къ дѣлу, мы не могли бы говорить о немъ съ такою настойчивостью и съ такою можетъ быть излишнею горячностію, въ которой упрекаютъ насъ, еслибы мы не были убѣждены въ важности этого дѣла, еслибы не видѣли какъ много зависитъ для русской народности отъ его благопріятнаго рѣшенія. Окажется ли какой-либо недостатокъ въ той или другой финансовой мѣрѣ, окажется ли оплошность въ предпринимаемомъ устройствѣ судовъ или другихъ какихъ-либо государственныхъ учрежденій, жизнь не замедлитъ отозваться въ ту же минуту, повѣрка не замедлитъ послѣдовать за рѣшеніемъ задачи, и какъ бы ни былъ великъ вредъ причиненный ошибкою, онъ ограничится настоящимъ; онъ можетъ быть взвѣшенъ, оцѣненъ, вознагражденъ; но ошибка, которая вкрадется въ рѣшеніе педагогическаго вопроса, не такого свойства; она не такъ очевидна, и сущность причиненнаго ею вреда не такъ легко розыскать и оцѣнить. Педагогическое дѣло есть сѣяніе, и жатва его восходитъ лишь по прошествіи многихъ лѣтъ. Время и силы погибшія вслѣдствіе какой-либо ошибки, вкравшейся въ основанія педагогическаго дѣла, ничѣмъ не вознаградимы. Съ другой стороны, чѣмъ менѣе представляется серіозныхъ затрудненій и препятствій для правильнаго рѣшенія дѣла, чѣмъ повидимому благопріятнѣе минута для истиннаго удовлетворенія великой національной потребности, чѣмъ благопріятнѣе обстоятельства, чѣмъ благорасположеннѣе власть къ дарованію необходимыхъ льготъ для развитія внутреннихъ силъ народа, во главѣ котораго она поставлена, тѣмъ тяжеле и прискорбнѣе видѣть какъ разныя случайности и недоразумѣнія препятствуютъ дѣлу выйдти на прямой путь.

Намъ говорятъ, что мы поторопились заявить о преобразованіи нашихъ гимназій въ классическомъ смыслѣ. Намъ говорятъ, что гимназій классическихъ, то-есть такихъ, которыя существуютъ во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ Европы для приготовленія молодыхъ людей къ высшему университетскому ученію, будетъ лишь самое ограниченное число, а все остальное, какъ и теперь, будетъ соотвѣтствовать тѣмъ низшаго разряда школамъ, которыя въ Германіи носятъ названіе реальныхъ, мѣщанскихъ, также латинскихъ школъ, и которыя лишены университетскихъ правъ. Мы не знаемъ, что̀ будетъ, но сколько намъ извѣстно изъ источниковъ достовѣрныхъ, у насъ, какъ и вездѣ, правительствомъ принятъ вполнѣ принципъ классическаго образованія, основаннаго на обоихъ древнихъ языкахъ. Сколько намъ извѣстно, наше правительство признало классическую систему не только за лучшую, но за единственно-возможную систему для гимназій. Наши оппоненты не отрицаютъ этого, но они присовокупляютъ, что не смотря на то наши гимназіи все-таки будутъ устроены на иныхъ основаніяхъ. Мы рѣшительно не понимаемъ что̀ можетъ это значить. Если существуетъ только одна система для гимназій, принятая вездѣ, и если эта система принята также и нашимъ правительствомъ; то что̀ же можетъ воспрепятствовать осуществленію ея на дѣлѣ? что̀ можетъ явиться между словомъ и дѣломъ? въ силу чего устройство нашихъ учебныхъ заведеній не будетъ на дѣлѣ соотвѣтствовать тому, что̀ въ принципѣ признано правительствомъ за лучшее? Какимъ же образомъ русское образованіе будетъ лишено классическихъ основаній, именно потому что эти основанія признаются за лучшія русскимъ правительствомъ?

Постараемся привести вопросъ въ ясность. Въ *европейской системѣ образованія*, къ которой мы примыкаемъ и повидимому желаемъ еще тѣснѣе примкнуть, *университетъ* занимаетъ центральное мѣсто; но подъ университетскою системой слѣдуетъ разумѣть не только тѣ спеціяльные факультеты, въ которые принимаются мо-

лодые люди достаточно зрѣлые и достаточно приготовленные, а также и тѣ учебныя заведенія, въ которыхъ эти молодые люди, съ дѣтскихъ лѣтъ, приготовляются къ высшимъ спеціяльнымъ факультетскимъ занятіямъ. Эти учебныя заведенія называются у насъ, какъ и въ Германіи, гимназіями; во Франціи они называются лицеями, въ Англіи—общественными и грамматическими школами. Университетъ опирается на гимназіи; гимназіи на университетъ. Внѣ этой системы могутъ быть еще разныя группы учебныхъ заведеній, изъ которыхъ каждая имѣетъ свой, особый, только ей свойственный типъ. Есть первоначальныя народныя школы, есть разнаго рода ремесленныя заведенія, есть разныхъ степеней техническія училища. Вопросъ теперь идетъ у насъ объ университетской системѣ, о гимназіяхъ имѣющихъ своимъ назначеніемъ приготовлять молодыхъ людей къ университету. Пусть будутъ у насъ какія угодно учебныя заведенія внѣ университетской системы, вопросъ теперь не въ нихъ,—вопросъ только въ томъ, на какихъ основаніяхъ должны быть устроены учебныя заведенія, служащія приготовленіемъ къ университету; другими словами: какая система умственнаго воспитанія должна быть принята для приготовленія къ высшимъ факультетскимъ занятіямъ? Въ цѣломъ образованномъ мірѣ, вездѣ гдѣ только существуетъ система университетская, гимназіи имѣютъ одинаковый, общій имъ всѣмъ типъ. Знанія развѣтвляются въ факультетахъ университета, а въ гимназіи совершается то воспитаніе ума, которое равно необходимо для всѣхъ спеціяльностей знанія. Предполагается, что ребенокъ девяти или десяти лѣтъ не можетъ избрать себѣ спеціяльность; предполагается также, что прежде всякой спеціяльности требуется воспитать умъ и развить въ немъ тѣ основныя стихіи, которыя служатъ существеннымъ условіемъ для всякаго умственнаго дѣла. Это предуготовительное умственное воспитаніе, начинающееся съ девяти- или десяти-лѣтняго возраста и постепенно вводящее ребенка въ силу юноши, вмѣстѣ съ его физическимъ развитіемъ, имѣетъ вездѣ одинъ и тотъ же характеръ; вездѣ оно основано на обоихъ древнихъ языкахъ и математикѣ. И будущій филологъ, и будущій юриспрудентъ, и будущій математикъ и будущій естествоиспытатель, и будущій богословъ, и будущій государственный человѣкъ, получаютъ вездѣ одно и то же предварительное умственное воспитаніе, соотвѣтствующее какъ естественнымъ, такъ и исторически установившимся условіямъ педагогическаго дѣла

Итакъ, если у насъ принятъ принципъ классическаго образованія, то это не можетъ значить, что предполагается основать нѣсколько гимназій съ греческимъ языкомъ, которыя готовили бы молодыхъ людей къ филологическому факультету (и готовили бы крайне дурно, еслибы въ нихъ была пренебрежена математика,—другой необходимый элементъ умственнаго воспитанія). У насъ и теперь есть нѣсколько такихъ гимназій, гдѣ съ грѣхомъ пополамъ молодые люди приготовляются къ филологическому факультету. Вопросъ заключается совсѣмъ не въ томъ, нужно ли проходить греко-римскую школу для того чтобы поступить въ филологическій факультетъ;—вопросъ заключается не въ филологическомъ факультетѣ, а вообще въ университетѣ. Принять систему классическую значитъ принять ее какъ общее приготовленіе для всѣхъ факультетовъ безъ различія. Если же наши гимназіи будутъ раздѣляться на двѣ или на три группы, изъ которыхъ одна, и притомъ самая малая, будетъ приписана къ филологическому факультету, а другая, соотвѣтствующая тому что̀ въ Пруссіи называется реальною или латинскою школой, будетъ приписана къ прочимъ факультетамъ, и наконецъ пожалуй еще третья, которая будетъ приписана исключительно къ математическому факультету, потому что въ ней будетъ введено преподаваніе химіи (преподаваніе, которое оказалось столь плодотворнымъ въ нашихъ нынѣшнихъ семинаріяхъ и кадетскихъ корпусахъ, и приготовила намъ столько Либиховъ и Бунзеновъ), то выйдетъ что всякій сколько-нибудь свѣдущій человѣкъ скажетъ, что слухи были дѣйствительно несправедливы, и что нашимъ законодательствомъ не только не принятъ, но рѣшительно отвергнутъ принципъ классическаго образованія. Принятіе классической системы означало бы, что всѣ факультеты университета будутъ равно требовать одного и того же умственнаго воспитанія, которое оказывается равно необходимымъ для всѣхъ родовъ знанія и дѣятельности. Если же должны образоваться нѣсколько группъ гимназій съ разнымъ учебнымъ устройствомъ, и лишь нѣкоторая часть ихъ по-

лучить кое-какое классическое устройство для того чтобы не совершенно опустѣлъ филологическій факультетъ, то это значило бы, что классическая система, принятая нашимъ законодательствомъ въ принципѣ какъ наилучшая система умственнаго воспитанія, будетъ рѣшительно отвергнута на дѣлѣ. Но такъ ли это? Нѣтъ ли тутъ какого-нибудь недоразумѣнія? Одна газета, сообщавшая намъ это извѣстіе, объявляетъ, что она нисколько не радуется такъ-называемымъ реальнымъ школамъ (чему же и радоваться? это и не новость: всѣ наши нынѣшнія гимназіи суть реальныя школы); но она радуется тому, что педагогическое дѣло устроится не такъ какъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* находили лучшимъ, а вопреки имъ. Мы счастливы, что доставляемъ кому бы то ни было поводъ къ столь невинному удовольствію; но смѣемъ увѣрить тѣхъ почтенныхъ господъ, которые радуются тому, что педагогическое дѣло приметъ у насъ оборотъ, хотя и къ худшему, да за то вопреки мнѣніямъ, которыхъ *Московскія Вѣдомости* были органомъ,—смѣемъ увѣрить ихъ, что есть много людей, которые порадуются неблагопріятному обороту педагогическаго дѣла въ нашемъ отечествѣ по другимъ, гораздо болѣе серіознымъ причинамъ. Такому результату порадуются всѣ тѣ, кому не желательно, чтобы русская народность вошла въ силу, и которые съ часу на часъ ждутъ ея банкротства.

У насъ многіе совершенно неправильно понимаютъ вопросъ о такъ-называемомъ классическомъ образованіи, полагая, что тутъ идетъ рѣчь о преимуществахъ однѣхъ наукъ надъ другими. Нѣтъ, это вовсе не споръ между факультетами, вовсе не споръ между филологическими науками и науками естественными. Реальныя школы вовсе не значатъ школы, которыя способствуютъ развитію естественныхъ наукъ, точно также какъ классическія гимназіи вовсе не значатъ такія учебныя заведенія, гдѣ воспитываются только будущіе филологи. Хотя и желательно, чтобы филологическій факультетъ, преимущественно поставляющій дѣятелей по педагогической части, вышелъ у насъ изъ того жалкаго состоянія, въ которомъ онъ теперь находится,—но не въ этомъ сила. Требуется не того, чтобъ у насъ расплодилось много ученыхъ филологовъ; требуется того, чтобы поднялся уровень нашего умственнаго образованія, и чтобы вообще наука пустила корни въ нашей почвѣ. Умственное воспитаніе, которое дается въ классическихъ учебныхъ заведеніяхъ Европы, важно не только для поприща дѣятеля политическаго, или юриста, или ученаго врача, или естествоиспытателя; оно признается необходимымъ условіемъ и для высшаго развитія технической дѣятельности. Но лучше предоставимъ говорить человѣку, который пользуется безспорнымъ авторитетомъ въ дѣлѣ высшаго техническаго образованія: мы приведемъ отзывъ столь извѣстнаго своими заслугами по дѣлу техническаго образованія, во Франціи, генерала Морена, нынѣшняго президента Парижской академіи наукъ и директора Консерваторіи искусствъ и ремеслъ:

„Тѣ изъ молодыхъ людей, обрекающихъ „себя промышленному образованію, которые имѣютъ средства и не стѣснены временемъ, сдѣлаютъ всего лучше, если начнутъ съ университетской школы (съ классической гимназіи) и 18 или 20 лѣтъ „поступятъ въ Центральную Школу искусствъ и мануфактуръ, или въ какое-нибудь другое подобное заведеніе. Молодые люди, которые терпѣливо подчинятся „разчитанной медленности университетской „системы, составляющей гордость Франціи, всегда будутъ имѣть великое преимущество передъ другими. Они, одни они, „будутъ находиться въ полномъ обладаніи „наукой. Имъ будетъ принадлежать первенство во всѣхъ положеніяхъ, и чувство умственнаго удовлетворенія будетъ сопровождать ихъ на всемъ ихъ поприщѣ. Это „путь самый вѣрный, и потому всякій долженъ избирать его, если только не воспрепятствуютъ тому какія-либо обстоятельства. Какъ бы ни была заманчива „быстрота всякаго другаго пути, не должно уклоняться съ этой большой дороги, „если только она не преграждена какою-нибудь непреодолимою причиной.

„Классическое ученіе, образующее умъ „и душу, науки физико-математическія, „укрѣпляющія судительную силу и приготовляющія къ практическимъ примѣненіямъ, наконецъ техническое ученіе, открывающее предѣлы дѣйствительнаго могущества человѣка и снабжающее его новыми средствами къ изслѣдованію: что „можетъ быть полнѣе этого преемства ученій, не только нужныхъ, но необходимыхъ для инженера, какъ для врача, какъ

„наконецъ, для всѣхъ, кто въ общественной жизни призванъ способствовать вещественному или нравственному прогрессу человѣчества." *)

№ 206.

Москва, 19-го сентября.

Въ высочайшемъ рескриптѣ, отъ 30-го августа, на имя Намѣстника Царства Польскаго, сказано, что „задача Россіи въ отношеніи къ Царству Польскому должна заключаться въ полномъ безпристрастіи ко всѣмъ составнымъ стихіямъ тамошняго населенія." Въ слѣдующихъ затѣмъ указахъ эта мысль развита въ примѣненіи къ народнымъ училищамъ Царства Польскаго; дальнѣйшее примѣненіе ея къ гимназіямъ и къ университету края, безъ сомнѣнія, предоставлено дальнѣйшимъ правительственнымъ постановленіямъ. Пока эти постановленія еще не состоялись, мы позволимъ себѣ обратить вниманіе нашихъ читателей на помѣщаемую ниже замѣтку, присланную намъ *уроженцемъ Царства Польскаго.* Онъ указываетъ на то, что русское населеніе Царства Польскаго нуждается въ болѣе сподручныхъ средствахъ къ общему гимназическому образованію чѣмъ гимназія, учреждаемая въ Варшавѣ. Если безпристрастіе къ составнымъ стихіямъ населенія Царства Польскаго признается главнымъ основнымъ началомъ русской политики въ этомъ краѣ, то изъ этого начала, по необходимости, слѣдуетъ, что средства къ образованію, предоставляемыя русскому населенію въ краѣ, не должны ограничиваться одними народными училищами, ибо въ такомъ случаѣ русскій человѣкъ, желающій получить дальнѣйшее образованіе, былъ бы принужденъ учиться на польскомъ языкѣ въ противность своей волѣ, и такимъ образомъ русская національность не пользовалась бы равноправностью. Вотъ почему, именно на основаніи принципа безпристрастія къ національностямъ, можно желать, чтобы не всѣ 36 прогимназій (уѣздныхъ училищъ) и гимназій, предположенныхъ въ уставѣ 1862 г., были отданы исключительно польскому элементу и чтобы Бѣлорусъ или Малорусъ, уроженцы губерній Августовской и Люблинской, имѣли возможность возвышаться надъ уровнемъ земледѣльческаго класса, не превращаясь по необходимости въ Поляковъ. Если все высшее образованіе было бы въ Царствѣ исключительно польское, то тѣмъ самымъ русская національность была бы тамъ унижена, и русскій языкъ оставался бы тамъ по прежнему языкомъ хлоповъ.

Далѣе, въ силу начала равноправности національностей позволительно желать, чтобъ и въ будущемъ университетѣ Варшавскомъ дано было мѣсто русскому элементу, и чтобы преподаваніе происходило тамъ не только на польскомъ, но и на русскомъ языкѣ, или, говоря иначе, чтобы при замѣщеніи въ немъ каѳедръ русскіе профессоры допускались наравнѣ съ польскими.

Но еще важнѣе въ этомъ отношеніи то, чтобы языкомъ правительственнымъ, языкомъ администраціи и судовъ, не былъ исключительно языкъ польскій, а чтобы за русскимъ языкомъ признаны были равныя права съ языкомъ польскимъ: иначе, русская составная стихія въ населеніи Царства Польскаго будетъ поставлена въ крайне невыгодное положеніе сравнительно съ стихіей польскою. Необходимо, чтобы мѣры и распоряженія правительства были обнародываемы и вносимы въ *Дневникъ Законовъ* не иначе какъ на обоихъ языкахъ, и чтобы русскимъ людямъ было дозволено защищать себя и свои интересы передъ судомъ и передъ администраціей на русскомъ языкѣ, словомъ чтобы русскій языкъ былъ поставленъ хотя въ такое положеніе относительно языка польскаго, въ какое поставленъ недавними законами въ Финляндіи языкъ финскій относительно языка шведскаго, вслѣдствіе чего въ Царствѣ Польскомъ ни въ какія должности не могли быть опредѣляемы лица не знающія по-русски.

Нельзя не пожелать, чтобы русская народность была вообще не менѣе всякой другой надѣлена въ русскомъ царствѣ средствами къ общему образованію. Вопросъ этотъ, который мы уже разсматривали однажды (№ 154), сравнивая коренную Русь съ сѣверо-западнымъ и съ прибалтійскимъ ея краями, имѣетъ первостепенную важность. Отъ рѣшенія его зависитъ между прочимъ и бóльшая или мень-

*) Exposition universelle de Londres de 1862. Rapports des membres de la section française du jury international. Tome VI p. 226.

шая годность инородцевъ, сравнительно съ Русскими, къ государственной службѣ и слѣдовательно, дѣйствительное ихъ превосходство и преобладаніе надъ Русскими. Уставъ 1862 г., выработанный главнѣйшимъ образомъ маркизомъ Велёпольскимъ, давалъ значительный перевѣсъ Царству Польскому надъ всѣми прочими частями Имперіи (за исключеніемъ Прибалтійскаго края). Тогда какъ въ Имперіи (не считая Финляндіи и Прибалтійскаго края) всего 75 прогимназій и гимназій или по одному среднему учебному заведенію на каждыя 715 тысячъ человѣкъ, въ Царствѣ Польскомъ предположено было уставомъ 1862 г 15 гимназій, не считая Люблинскаго лицея, 5 педагогическихъ уѣздныхъ училищъ (или, иначе, учительскихъ семинарій), 8 спеціальныхъ уѣздныхъ училищъ, которыя въ высочайшемъ рескриптѣ 30-го августа предположено преобразовать въ семиклассныя реальныя гимназіи, и 10 общихъ уѣздныхъ училищъ которыя переименовываются теперь въ прогимназіи, всего съ Люблинскимъ лицеемъ 37 среднихъ учебныхъ заведеній на населеніе 4.800.000 человѣкъ, или по одному на каждыя 132 тысячи. Такимъ образомъ, относительно количества населенія, Польскій край будетъ имѣть слишкомъ въ 5 разъ бо́льшее число общеобразовательныхъ училищъ чѣмъ тѣ части Имперіи, которыя заселены русскимъ народомъ, и Россіи, чтобы поравняться въ этомъ отношеніи съ Польшею, надлежало бы имѣть не 75, а 400 среднихъ учебныхъ заведеній.

Но этого мало: дѣло не въ одномъ количествѣ, а еще болѣе въ качествѣ. Маркизу Велёпольскому удалось безъ шума, безъ усилій, безъ споровъ, однимъ разомъ доставить торжество солидному классическому образованію надъ поверхностнымъ, такъ-называемымъ, реальнымъ. Всѣ 13 гимназій, имъ предположенныхъ, должны были стать классическими гимназіями. Правда, за недостаткомъ полныхъ университетскихъ факультетовъ, въ нихъ предполагалось ввести множество предметовъ преподаванія, усвоеніе которыхъ было бы не подъ силу учащимся; но вполнѣ серіозный, вполнѣ солидный характеръ этихъ гимназій ясно видѣнъ изъ того, какое мѣсто дано въ нихъ математикѣ и древнимъ классическимъ языкамъ. Уже отъ поступающихъ въ первый классъ гимназій, по программамъ 1862 г., требуется нѣкоторое знаніе латинскаго языка; начиная съ 5-го класса ученики должны уже читать Ливія, Цицерона, Тацита, Виргилія и Горація; ученики 6-го и 7-го классовъ слушаютъ полатыни римскія древности и исторію римской литературы и сами пишутъ латинскія сочиненія на данныя учителемъ темы. Съ 4-го класса начинается преподаваніе греческаго языка во всѣхъ гимназіяхъ, безъ исключенія, и знаніе греческаго языка должно быть усвоено въ продолженіе гимназическаго курса на столько, чтобъ ученики могли переводить съ польскаго на греческій и сами писать греческія сочиненія. Курсъ математики обширенъ, такъ что преподаваніе оканчивается аналитическою геометріей, которая у насъ преподается только въ университетѣ. Можетъ ли быть какое-нибудь сравненіе между этими настоящими гимназіями и нашими, которымъ безъ всякаго на то права придается это почетное имя?

Никто не пожелаетъ, чтобы Польша была лишена тѣхъ средствъ къ образованію, которыя были заготовлены для нея заботливою рукою маркиза Велёпольскаго, или чтобы взамѣнъ настоящихъ гимназій получила нѣчто въ родѣ нашихъ гимназій съ однимъ латинскимъ языкомъ, едва доводимымъ до чтенія Цицерона. Но нельзя не желать, чтобы блага и преимущества солиднаго образованія были по возможности распредѣлены равномѣрно между всѣми подданными государства. Было бы несправедливо, еслибъ и впредь русская народность была поставлена въ худшія условія чѣмъ всякая иноплеменная, враждебная ей или ея чуждающаяся народность. Поляки отнюдь не отказались отъ мысли о борьбѣ и о владычествѣ надъ коренною русскою землею; эта борьба, какъ во всеуслышаніе заявляютъ и князь Черторыйскій, и клерикально-аристократическая партія, должна быть впредь ведена въ сферѣ умственной и нравственной, путемъ дѣятельной пропаганды. „Надобно умѣть терпѣливо ждать", писалъ недавно князь Владиславъ Чарторыйскій къ князю Адаму Сапѣгѣ: „борьба противъ врага должна ограничиться лишь чисто-нравственными и умственными сферами, гдѣ дѣятельная пропаганда, недоступная никакому мечу, можетъ принести чрезвычайную пользу". Къ этой же борьбѣ приготовляются бѣжавшіе въ Римъ юноши, бывшіе въ шайкахъ повстанцевъ, въ учреждаемой тамъ для нихъ семинаріи.

Желательно чтобы русская народность не лишилась по крайней мѣрѣ средствъ къ оборонѣ, не предпочтенія, а только равенства, вотъ чего приходится просить русской народности въ Русскомъ государствѣ.

№ 207.

Москва, 21-го сентября.

Мы говорили на дняхъ о непонятномъ и прискорбномъ равнодушіи нашего общества къ мысли о московско-кіевской желѣзной дорогѣ. Вскорѣ послѣ того мы получили нѣсколько заявленій внушенныхъ живымъ сочувствіемъ къ этой мысли и полнымъ сознаніемъ ея важности. Мы напечатаемъ нѣкоторыя изъ этихъ заявленій, если окажется возможность къ тому, но къ сожалѣнію должны сказать, что дѣло все-таки остается въ прежнемъ видѣ. Если польскій вопросъ уяснился для публики на столько, что по крайней мѣрѣ въ теоріи западный край во всемъ его объемѣ—не только сѣверо-западный, но и юго-западный—принимается всѣми за неотъемлемую часть Русской земли, то еще далеко нельзя того же сказать о практическихъ мѣрахъ ведущихъ къ осуществленію этого теоретическаго положенія. Отвыкавъ очень долго и дѣйствовать и даже говорить по вопросамъ общаго интереса, русская публика, конечно, не можетъ разомъ отдѣлаться отъ привившейся къ ней безпечности по дѣламъ общественнымъ и политическимъ. Первымъ шагомъ къ лучшему мы обязаны главному вопросу нашей внутренней политики, вопросу польскому. Патріотическое чувство, пробужденное этимъ вопросомъ, высказалось не поддѣльно и сильно, но судьба не хотѣла чтобъ оно перешло изъ области слова въ область дѣла. Движеніе не выразилось въ какомъ-либо общемъ народномъ актѣ, способномъ на вѣки запечатлѣть его, и потому остановилось въ отвлеченной сферѣ чувства и мысли. Мы узнали, что мы единодушны въ общемъ взглядѣ на дѣло,—это уже очень много значитъ,—но мы ни на шагъ не подвинулись въ навыкѣ дѣйствовать. Мы говоримъ что западный край—русскій, и говоримъ это съ полнымъ убѣжденіемъ и твердою рѣшимостью не останавливаться ни передъ какими жертвами, нужными для открытой борьбы на жизнь и смерть за дѣло, съ которымъ, какъ всѣ мы ясно видимъ, связана судьба русскаго народа. Мы вѣримъ въ эту судьбу; мы знаемъ несомнѣнно, что русскій народъ выйдетъ побѣдителемъ изъ всѣхъ испытаній, и еслибы ему вторично пришлось собирать Русскую землю и пробиваться до своихъ двухъ морей, то онъ соберетъ ее, какъ собралъ прежде, и закрѣпитъ за собой свои прежнія пріобрѣтенія, связывающія его съ Европой. Но когда дѣло идетъ не о томъ чтобы подставлять свои лбы подъ вражескія пули и ядра, когда дѣло идетъ не о борьбѣ съ опасностью уже явно представшею, а о предупрежденіи опасности приближающейся или грозящей въ будущемъ болѣе или менѣе отдаленномъ, то насъ повидимому покидаютъ всѣ наши силы, мы теряемъ всякую способность употреблять ихъ въ дѣло и принимаемъ такой безпомощный и апатическій видъ что наши враги невольно пріобрѣтаютъ увѣренность въ успѣхѣ ихъ замысловъ. Они видятъ передъ собой только правительство, а народа вовсе не видятъ. Причина этого заключается въ томъ, что наше общество, представляющее собой русскій народъ въ буднишнее время исторіи государства, что наши высшіе классы, которые въ подобное время одни могутъ дѣйствовать, еще не привыкли смотрѣть на общее дѣло какъ на свое кровное. Нашъ патріотизмъ еще не простирается до заботливости о тѣхъ сложныхъ подробностяхъ, изъ которыхъ слагается правильно развивающаяся жизнь государства, о тѣхъ разнообразныхъ мѣрахъ, которыми предупреждаются крайнія народныя жертвы. Сфера подобныхъ мѣръ недоступна простому народу, но значеніе высшихъ классовъ въ томъ именно и состоитъ, чтобы дѣйствовать въ этой сферѣ. Когда дѣло доходитъ до поголовнаго возстанія и выступаетъ народъ всею своею массой, высшіе классы теряются въ ней: долгъ умирать за отечество уравниваетъ всѣхъ сыновъ его. Политическое призваніе высшихъ классовъ не ограничивается исполненіемъ этого общаго долга. Умѣя умирать за отечество, они должны умѣть и жить для него. Они призваны ежедневно блюсти его интересы, принимать ихъ живо къ сердцу, вникать въ нихъ серіозною мыслію, предусматривая опасность, еще издалека наступающую, и напрягать усилія къ предотвращенію ея отъ націи. Только при такой чуткости высшихъ классовъ къ націо-

нальнымъ интересамъ, всенародная готовность жертвовать всѣмъ за спасеніе отечества, способна вести къ процвѣтанію государства. Но обладаемъ ли мы этою чуткостію? стараемся ли мы развивать ее въ себѣ? не конфузимся ли мы, не дичимся ли мы ея случайныхъ проявленій? не совсѣмъ ли мы теряемся, когда надобно сдѣлать какой-нибудь шагъ, ничего никому не стóящій, ни съ какимъ рискомъ и ни съ какою опасностью не сопряженный, если только этотъ шагъ имѣетъ практическое значеніе и общеполезный характеръ? Никто не хочетъ тогда быть выскочкой, никто не хочетъ выставлять себя, и всѣ прячутся по своимъ норамъ, стыдясь заявить о своемъ интересѣ къ общему дѣлу, словно о какомъ-нибудь дикомъ чудачествѣ или позорномъ порокѣ. А покамѣсть благомыслящіе усердно работаютъ надъ подавленіемъ въ себѣ всякаго возникающаго добраго желанія, поле дѣйствія легко можетъ остаться за людьми, которыхъ все достоинство заключается въ меньшей скромности, голосъ этихъ людей легко можетъ быть принятъ за выраженіе общественнаго мнѣнія. Вотъ почему истинное общественное мнѣніе бываетъ слышно у насъ только въ минуту великой народной опасности, а въ обыкновенное спокойное время мы кажемся совсѣмъ безсовѣстными. Естественно, что число нашихъ враговъ увеличивается по мѣрѣ того какъ мы заявляемъ свою безпомощность.

Борьба съ польскимъ заговоромъ не прекратилась вслѣдствіе того что возстаніе подавлено. Эта борьба продолжается; она продолжаетъ быть борьбой на жизнь и смерть за существованіе русскаго народа. Но поприще борьбы измѣнилось. Гулъ оружія замолкаетъ; состязаніе переходитъ, какъ выразился князь Чарторыйскій, въ сферу умственную и нравственную, недосягаемую мечу. Средства этой борьбы намъ извѣстны: это — интрига, какъ Протей мѣняющая свой образъ. Ея цѣль — полонизація западнаго края. Условіе ея успѣха — наша безпечность и безпомощность, благодаря которымъ передъ нею открываются тысячи путей. Многіе изъ этихъ путей сами по себѣ нисколько не предосудительны и совершенно законны; есть и такіе, на которыхъ мы можемъ даже привѣтствовать мѣстныя силы края. Таковы напримѣръ усилія возвысить уровень просвѣщенія, улучшить пути сообщенія, снабдить край желѣзными дорогами. Развитіе этихъ усилій желательно въ интересѣ края и слѣдовательно въ интересѣ государства съ которымъ онъ неразрывно связанъ. Но они могутъ оказаться крайне вредными для этого государства, если не будутъ уравновѣшены соотвѣтственными усиліями въ чисто-русскихъ частяхъ государства, ибо въ такомъ случаѣ измѣнилось бы распредѣленіе силъ и увеличились бы на одной сторонѣ, а на другой уменьшились бы средства той народной борьбы на жизнь и смерть, которая все еще имѣется въ виду. Мы читаемъ напримѣръ, что построеніе желѣзной дороги изъ Варшавы въ Брестъ-Литовскій есть дѣло рѣшеное. Эта дорога пойдетъ почти берегомъ Западнаго Буга. Нѣтъ сомнѣнія, что какъ скоро она будетъ построена, тотчасъ же окажется надобность продолжать ее далѣе. Это все тоже что дорога московско-рязанская или рижско-динабургская: безъ дальнѣйшаго продолженія она не имѣетъ смысла. Въ какую же сторону будетъ направлено это дальнѣйшее продолженіе? Возможны двѣ линіи: одна на Пинскъ, другая на Луцкъ. Но въ томъ и другомъ случаѣ слѣдующимъ пунктомъ будетъ Бердичевъ. Черезъ Пинскъ на Бердичевъ или черезъ Луцкъ на Бердичевъ, но во всякомъ случаѣ эта дорога подойдетъ къ Кіеву. Предположимъ же себѣ, что мы отказались отъ московско-кіевской дороги: что тогда будетъ? Какъ только состоится соединеніе Одессы съ Харьковомъ черезъ Кременчугъ и Полтаву, тотчасъ же въ Подольской и Кіевской губерніяхъ поднимутся жалобы, и жалобы справедливыя, на затруднительное положеніе дѣлъ, на застой сельскаго хозяйства и промышленности, на невозможность конкуррировать въ Одессѣ съ продуктами прибывающими туда черезъ Кременчугъ. По всему вѣроятію, къ этимъ жалобамъ присоединится и сама Одесса, которой очень важно удержать за своимъ портомъ значеніе рынка для всего юго-западнаго края. Наконецъ дорога между Кіевомъ, Бердичевомъ и Балтой имѣетъ важное стратегическое значеніе, которое ляжетъ тяжело на вѣсы. Все это вмѣстѣ вынудитъ приступить какъ можно скорѣе, и не ожидая построенія вѣтви изъ Курска въ Кіевъ, къ сооруженію желѣзной дороги между Балтой, Бердичевомъ и Кіевомъ, а на встрѣчу къ этой дорогѣ уже подойдетъ къ тому времени дорога варшавско-брестская. Такимъ

образомъ Подолія, Волынь и самый Кіевъ будутъ связаны съ Варшавой, не имѣя рельсоваго пути соединяющаго ихъ съ центральными русскими губерніями. Образуются могущественныя тяготѣнія, съ которыми тѣмъ труднѣе будетъ бороться, что самъ юго-западный край, и при томъ всѣ слои его населенія, будутъ заинтересованы въ ихъ поддержкѣ. Можно даже спросить, куда въ этомъ случаѣ будетъ болѣе тяготѣть сама Одесса, къ Варшавѣ ли или къ Москвѣ, и нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ. Но этого мало: отказавшись отъ прямаго соединенія Москвы съ Кіевомъ, мы откажемся тѣмъ самымъ и отъ дороги, соединяющей Москву съ областью производства пеньки и промышленною частью Черниговской губерніи, а между тѣмъ въ эту область будетъ все болѣе и болѣе углубляться продолженіе дороги рижско-динабургской, связывая ее съ двинскимъ бассейномъ и отрѣзывая ее отъ бассейна Волги. Нужно ли говорить о неизбѣжныхъ послѣдствіяхъ такого двухсторонняго отвлеченія силъ отъ центральныхъ губерній и на сѣверо-западѣ и на юго-западѣ? Не будетъ ли это раскрѣпленіемъ связей, выработанныхъ исторіей, тѣхъ связей на которыхъ зиждется русская народная жизнь? Не только Кіевъ, но и Смоленскъ, Брянскъ, Черниговъ, будутъ совсѣмъ отрѣзаны отъ сердца Россіи. Неужели нужна особенная прозорливость чтобы видѣть всю опасность совершающагося въ такихъ размѣрахъ перемѣщенія тяготѣній? Неужели значитъ дѣлать изъ мухи слона, если сказать, не говоря уже объ интересахъ политическихъ, что громадные экономическіе интересы, имѣющіе все право на защиту и охраненіе, подверглись бы тогда несправедливому ущербу? Рига поспѣшила построеніемъ дороги въ Динабургъ: она опасалась предполагавшейся прямой дороги на Либаву и оградила себя отъ этого опаснаго ей соперничества. Почему же Москвѣ и подмосковнымъ губерніямъ не стоять за свои интересы и смотрѣть сложа руки, какъ отъ нихъ будетъ отходить сначала полоса пеньки, а потомъ и полоса табака? Варшава притягиваетъ къ себѣ Волынь и черезъ нее весь юго-западный край. Неужели сердце Россіи не должно чувствовать боль такого отторженія?

Но какъ же поправить дѣло? Препятствовать ли сооруженію предполагаемыхъ линій, отъ которыхъ можетъ жестоко пострадать центральная Россія во всѣхъ своихъ интересахъ, или уравновѣсить это сооруженіе, предваривъ его проведеніемъ линіи московско-кіевской въ возможно прямомъ направленіи, — если не на Калугу и Черниговъ, то по крайней мѣрѣ на Орелъ, Глуховъ, Кролевецъ и Нѣжинъ? Вотъ средство безобидное, мирное, благотворное, и въ то же время могущественное. Не было ли бы оно достойнѣе человѣчества чѣмъ борьба мечомъ и силой мышцъ? Оно можетъ не нравиться только враждебнымъ Россіи замысламъ, но съ русской стороны смотрѣть на него пренебрежительно можетъ, кажется, только тотъ, чей патріотизмъ ничего не хочетъ знать, кромѣ слѣпой вѣры въ русскую звѣзду.

№ 208.

Москва, 22-го сентября.

10-го сентября въ Дерптѣ послѣдовало открытіе засѣданій центральной коммиссіи по вопросу о судебной реформѣ въ трехъ губерніяхъ — Эстляндской, Лифляндской и Курляндской. Читатели наши были извѣщены объ этомъ телеграммою какъ о событіи особенной важности. И дѣйствительно, важности этого событія отрицать невозможно. Много у насъ было различныхъ коммиссій и комитетовъ, на которые правительство возлагало составленіе проектовъ по тому или другому вопросу государственнаго благоустройства; и по вопросу о судебной реформѣ также наряженъ былъ въ Петербургѣ комитетъ, къ которому, между прочимъ, были приглашены, въ качествѣ свѣдущихъ людей, нѣкоторыя лица и не принадлежащія къ центральнымъ правительственнымъ вѣдомствамъ. Но центральная коммиссія трехъ вышепоименованныхъ губерній, по своему характеру и составу, существенно отличается отъ всѣхъ этихъ коммиссій и комитетовъ. Въ послѣднихъ засѣдали лица по назначенію отъ правительства; въ центральной дерптской коммиссіи засѣдаютъ лица по выбору политически-организованныхъ корпорацій края. Тамъ были лица назначенныя администраціей, здѣсь засѣдаютъ довѣренныя лица общества; тамъ выборъ падалъ на людей болѣе или менѣе спеціяльныхъ; здѣсь города и дворянство трехъ губерній и острова Эзеля, избрали

своихъ представителей, которые были бы способны, какъ сказано въ статьѣ, *сообщенной* въ *Рижскую Газету*, „выразить передъ правительствомъ особенное юридическое убѣжденіе, присущее этимъ провинціямъ и коренящееся въ ихъ особыхъ учрежденіяхъ (die in den eigenthümlichen Institutionen wurzelnde besondere Rechtsüberzeugung dieser Provinzen der Staats-Regierung zu übermitteln).“ Нѣкоторую аналогію съ этою центральною прибалтійскою коммиссіей представляютъ бывшіе губернскіе комитеты по крестьянскому дѣлу. Но и тутъ тотчасъ же оказываются существенныя различія. Тамъ дѣло шло о реформѣ, которая, правда, имѣетъ величайшее государственное значеніе, но которой придавался съ самаго начала по преимуществу сословный характеръ; здѣсь дѣло идетъ о реформѣ чисто-политическаго свойства, которая касается не какихъ-либо сословій, а всѣхъ и каждаго, о реформѣ судовъ и судопроизводства; тамъ имѣло своихъ представителей только дворянство, здѣсь же—и города, и полноправное земство, то-есть, рыцарство; тамъ совѣщались между собою представители дворянства каждой губерніи порознь; здѣсь же призваны къ совѣщаніямъ представители городовъ и земства трехъ губерній, какъ одного политическаго цѣлаго. Наконецъ, губернскимъ комитетамъ по крестьянскому дѣлу было поручено разсмотрѣніе не законодательной стороны этого дѣла, а примѣненіе началъ уже установленныхъ къ мѣстнымъ условіямъ, и притомъ по указанію программы доходившей до мельчайшихъ подробностей; здѣсь же дѣло идетъ о самыхъ началахъ, какъ видно изъ приведенной выше цитаты, и притомъ вовсе не о началахъ права, а о началахъ судопроизводства и судоустройства, то-есть о вопросахъ политическихъ, имѣющихъ очень мало связи съ „юридическими убѣжденіями“ трехъ провинцій“. Такимъ образомъ, не по своимъ размѣрамъ, а по принципамъ, которые послужили для нея основаніемъ, дерптская центральная коммиссія представляетъ собою явленіе важное и почти не бывалое у насъ, могущее идти въ сравненіе развѣ только съ Екатерининскою коммиссіей, которая не была однакоже учрежденіемъ мѣстнымъ. Замѣчательно при этомъ, что это важное преимущество—преимущество высказать передъ правительствомъ чрезъ своихъ выборныхъ представителей желанія и убѣжденія народонаселеній по одному изъ важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ—досталось на долю трехъ прибалтійскихъ губерній совершенно случайно, порядкомъ административнымъ, безъ участія общей государственной власти, какъ и сказано въ статьѣ *Рижской Газеты*. Дѣло это поведено было слѣдующимъ образомъ.

Въ 8-й статьѣ высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта о приведеніи въ исполненіе основныхъ положеній относительно преобразованія судебной части въ Россіи было сказано, что эти положенія должны быть сообщены главнымъ начальникамъ тѣхъ губерній и областей, которыя состоятъ на особомъ положеніи, съ тѣмъ чтобъ они высказали свое мнѣніе о тѣхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ, которыя потребуются для приведенія въ исполненіе судебной реформы во ввѣренныхъ имъ губерніяхъ. Потребность судебной реформы давно уже сознавалась въ прибалтійскихъ губерніяхъ точно также какъ и въ цѣлой Россіи; но тогда какъ въ дворянскихъ собраніяхъ многихъ губерній высказывались по этому предмету лишь общія неопредѣленныя желанія, рижская городская дума, пользуясь болѣе выгоднымъ положеніемъ своимъ, уже нарядила особую коммиссію для составленія проекта реформы городскаго судопроизводства. Но не прежде обнародованія основныхъ положеній 8-го сентября 1862 г. и приведенной сейчасъ статьи мнѣнія Государственнаго Совѣта, убѣдилось рыцарство трехъ поименованныхъ губерній, что предположенная для всей Россіи судебная реформа должна коснуться и этого края. Тогда только начало оно серіозно заниматься этимъ вопросомъ, а между тѣмъ послѣдовало и офиціяльное предложеніе, отъ 2-го апрѣля 1863 г., на имя главнаго начальника прибалтійскихъ губерній, сообщить свѣдѣнія о примѣненіи общихъ положеній къ этимъ губерніямъ. 26-го апрѣля главное начальство края уже обратилось къ депутатскимъ собраніямъ дворянства губерній Лифляндской, Курляндской, Эстляндской и острова Эзеля, а также и къ магистратамъ Риги, Митавы и Ревеля, съ предложеніемъ обсудить мысль о созваніи центральной коммиссіи для составленія общаго тремъ губерніямъ (и слѣдовательно впервые соединяющаго ихъ какъ отдѣльное отъ Имперіи цѣлое) про-

екта основныхъ положеній для судебной реформы въ этомъ краѣ. „Главное начальство, сказано въ *сообщенной* статьѣ *Рижской Газеты*, было вполнѣ убѣждено, что предложенія его найдутъ самый радушный пріемъ со стороны чиновъ (то-есть, со стороны рыцарства и городовъ); но тѣмъ не менѣе оно должно было предоставить собственному свободному рѣшенію ихъ — принять или не принять предложенное имъ участіе въ дѣлѣ, такъ какъ къ этому участію они призывались не общею государственною властью и не были обязаны закономъ.“

Говорить ли о томъ, что это предложеніе было принято съ полною готовностью всѣми четырьмя депутатскими собраніями,—впрочемъ съ тѣмъ чтобъ окончательное рѣшеніе, а равно и выборъ уполномоченныхъ въ центральную коммиссію были предоставлены соотвѣтствующимъ сеймамъ? Оставалось только выбрать членовъ: по два отъ курляндскаго, лифляндскаго и эстляндскаго дворянства, и одного отъ эзельскаго, согласно съ предложеніемъ главнаго начальника края, что и было въ свое время исполнено.

Но города далеко не съ такимъ единодушіемъ одобрили проектъ главнаго начальника прибалтійскаго края. Съ ихъ стороны сдѣлано было не мало возраженій—не противъ основной мысли созванія центральной коммиссіи для составленія общаго тремъ губерніямъ проекта новыхъ основныхъ положеній для судебной реформы края, но противъ состава предположенной коммиссіи, который болѣе обезпечивалъ интересы рыцарства чѣмъ интересы городовъ, такъ какъ въ числѣ 15 членовъ коммиссіи 7 должны были быть по выбору рыцарства и только 5 по выбору городовъ (по одному отъ Риги, отъ Митавы и отъ Ревеля, и двое отъ остальныхъ городовъ), изъ остальныхъ же трехъ—два профессора юридическаго факультета Дерптскаго университета, по назначенію попечителя, и третій, президентъ коммиссіи по назначенію генералъ-губернатора, изъ числа президентовъ и вице-президентовъ высшихъ провинціяльныхъ судебныхъ мѣстъ. Такимъ образомъ, большинство голосовъ заранѣе обезпечивалось за рыцарствомъ, особенно же еслибъ и самъ президентъ принадлежалъ къ этому сословію, какъ это дѣйствительно и случилось. Всѣ города, поэтому, сошлись въ желаніи, чтобы число представителей отъ малыхъ городовъ было увеличено. Такъ, Либава просила особаго представителя себѣ, и за тѣмъ по одному представителю отъ малыхъ городовъ каждой изъ трехъ губерній; число городскихъ представителей возрасло бы такимъ образомъ до семи. Рига была въ этомъ случаѣ еще дальше, и предлагала кромѣ троихъ представителей отъ большихъ городовъ и троихъ же отъ малыхъ городовъ, еще по одному представителю отъ Либавы, Пернова и Нарвы, такъ какъ ихъ судебное устройство имѣетъ нѣкоторое отличіе: число уполномоченныхъ отъ городовъ дошло бы такимъ образомъ до 10, и поравнялось бы съ числомъ всѣхъ остальныхъ членовъ коммиссіи. Малые города, сверхъ того, желали избрать отъ себя избирателей, которые назначили бы сообща уполномоченныхъ въ центральную коммиссію. 13-го февраля 1864 г. генералъ-губернаторъ принялъ окончательное рѣшеніе, которое мало согласовалось съ желаніями городовъ. Число уполномоченныхъ отъ нихъ осталось прежнее—и измѣнено было лишь распредѣленіе ихъ по губерніямъ, причемъ на долю городовъ Эстляндской губерніи достался только одинъ уполномоченный, избираемый Ревелемъ; на долю Лифляндской и Курляндской—по два отъ Риги и Пернова, отъ Митавы до Либавы); но магистратамъ всѣхъ городовъ предоставлено снабдить ихъ особыми инструкціями. Отъ Нарвы будетъ приглашенъ только экспертъ, безъ права голоса. Засимъ оставалось рѣшить вопросъ о мѣстѣ засѣданій коммиссіи, и тутъ уже рѣшеніе предоставлено самимъ чинамъ, которые и высказались въ пользу Дерпта, тѣмъ болѣе что только въ такомъ случаѣ къ коммиссіи могли быть прикомандированы два профессора. Издержки, которыя повлечетъ за собою коммиссія, временно приняло на себя рыцарство трехъ губерній. Такимъ образомъ состоялась эта центральная коммиссія трехъ прибалтійскихъ губерній по вопросу о судебной реформѣ, и засѣданія ея открылись 10-го сентября.

Чтобы понять сущность этого дѣла, надобно вникнуть въ тѣ соображенія, которыми руководилось при этомъ главное начальство края. Эти соображенія изложены съ достаточною ясностью въ *сообщенной* статьѣ *Рижской Газеты*. Въ офиціяльномъ предложеніи отъ 2-го апрѣля 1863 г. былъ поставленъ вопросъ только объ

измѣненіяхъ и дополненіяхъ, какія могли бы потребоваться въ основныхъ положеніяхъ 8-го сентября 1862 г. для примѣненія ихъ къ тремъ прибалтійскимъ губерніямъ. Задача эта была распространена; начальство края возымѣло желаніе „передать правительству особенное юридическое убѣжденіе присущее тремъ губерніямъ и коренящееся въ ихъ особыхъ учрежденіяхъ.“ До обнародованія основныхъ положеній для судебной реформы, только Рига нарядила особую коммиссію по этому предмету; теперь принято было въ соображеніе, что чины уже взялись за это дѣло самостоятельно, что останавливать начатыя ими работы не слѣдуетъ, и имъ было только рекомендовано ускорить доставленіе проектовъ реформы *туземнаго* судопроизводства (въ такую форму облеклось первоначальное туманное выраженіе: Rechtsüberzeugung). Не основныя, высочайше утвержденныя 8-го сентября и обнародованныя 17-го сентября 1862 г., положенія для судебной реформы, предположенной для цѣлой Россіи, послужатъ стало-быть основаніемъ работъ центральной дерптской коммиссіи, а эти проекты *туземнаго* судопроизводства и инструкціи, которыми города снабдили своихъ уполномоченныхъ. Такимъ образомъ судебная реформа не сблизитъ прибалтійскаго края съ остальною Россіей, а напротивъ, соединивъ его губерніи между собой, еще усилитъ разобщеніе ихъ съ Имперіей, между тѣмъ какъ единство судовъ и одинаковость формъ судопроизводства были бы особенно важны въ настоящее время, когда благодаря желѣзнымъ дорогамъ можно предвидѣть чрезвычайное усиленіе сношеній и всякаго рода промышленныхъ и торговыхъ дѣлъ между прибалтійскимъ краемъ и остальною Россіей, не говоря уже о томъ, что основныя положенія 8-го сентября, по самому духу своему, имѣли особенное право на сочувствіе и прибалтійскихъ губерній, такъ какъ собственные ихъ судебные порядки не могутъ быть даже и сравниваемы съ тѣми, которые теперь предположены для всей Россіи.

Но при созваніи центральной коммиссіи было принято во вниманіе еще то, что провинціяльное устройство состоитъ въ неразрывной связи съ судебною организаціей, и что рано или поздно провинціяльнымъ сеймамъ пришлось бы принять участіе въ обсужденіи предположенной судебной реформы. Какъ бы мы ни цѣнили высоко участіе самой страны въ собственныхъ ея дѣлахъ, однакоже никакъ нельзя согласиться, чтобы провинціяльныя собранія могли имѣть право голоса въ общемъ государственномъ законодательствѣ по такимъ вопросамъ какъ судопроизводство и судоустройство. „Юридическія убѣжденія“ могутъ быть различны въ разныхъ краяхъ одного и того же государства, а потому въ нѣкоторыхъ государствахъ допускается существованіе мѣстныхъ законовъ и обычаевъ относящихся къ области гражданскаго права, но это различіе не имѣетъ ничего общаго съ реформой процесса и судоустройства. Что же касается до связи провинціяльнаго устройства трехъ прибалтійскихъ губерній съ судебною организаціей, то та же связь существуетъ и во всѣхъ остальныхъ губерніяхъ Россіи: вездѣ дворянскія собранія избираютъ предсѣдателей палатъ, засѣдателей и судей, купеческія и мѣщанскія общества избираютъ своихъ засѣдателей, и однакоже нигдѣ выработанный правительствомъ проектъ судебной реформы не поступалъ на разсмотрѣніе дворянскихъ собраній и городскихъ обществъ. Далѣе, какъ только придуманная въ прибалтійскомъ краѣ центральная коммиссія выработаетъ общій проектъ этой реформы, то предлагается представить его на обсужденіе сеймовъ и городскихъ корпорацій; съ ихъ рѣшеніями онъ снова поступитъ для окончательной редакціи въ центральную коммиссію, послѣ чего уже, съ замѣчаніями губернаторовъ и генералъ-губернатора, будетъ препровожденъ въ С.-Петербургъ. Такимъ образомъ центральная коммиссія, очевидно, понадобилась не вслѣдствіе связи провинціяльнаго устройства съ судебною организаціей, а по другимъ соображеніямъ. Она должна была послужить, во-первыхъ, средствомъ и первымъ опытомъ соединенія городовъ и рыцарства въ общемъ политическомъ дѣлѣ, а во-вторыхъ — первою попыткой политическаго объединенія трехъ прибалтійскихъ губерній. При этомъ, проектъ особой судебной реформы для трехъ прибалтійскихъ губерній, будучи проведенъ чрезъ столько инстанцій, долженъ, конечно, пріобрѣсти особенный авторитетъ въ глазахъ правительства. Все это высказано въ слѣдующихъ нѣсколько замысловатыхъ выраженіяхъ *сообщенной* статьи *Рижской Газеты*: „Центральная коммиссія возвы-

шаетъ вопросъ о судебной реформѣ на степень вопроса, обнимающаго всѣ три провинціи, и тѣмъ соотвѣтствуетъ какъ однородности политическихъ ихъ учрежденій, такъ и давнишнему стремленію законодательства къ возможно большему ихъ сближенію между собою. Но въ то же время она совмѣщаетъ въ себѣ сословную инниціативу, которая иначе могла бы заявлять свои права передъ правительствомъ только разрозненно. Вмѣстѣ съ тѣмъ она въ состояніи дать *общее* выраженіе юридическимъ убѣжденіямъ, основаннымъ на общемъ развитіи права."

Обращаемъ вниманіе на слова: „Давнишнее стремленіе законодательства къ возможно-большему сближенію трехъ прибалтійскихъ губерній между собою." Мы не знаемъ, въ чемъ выразилось это стремленіе законодательства, кромѣ учрежденія одного общаго для нихъ генералъ-губернаторскаго управленія, какое установлено и для всѣхъ окраинъ Россіи, въ томъ числѣ, напримѣръ, и для новороссійскихъ губерній съ Бессарабскою областью, что не мѣшаетъ послѣдней состоять на особомъ положеніи; мы знаемъ, что напримѣръ Курляндская губернія состоитъ на общемъ положеніи не съ Лифляндскою губерніей, а съ другими губерніями Россіи. Что новоучрежденная коммиссія представляетъ собою нововведеніе, и нововведеніе большой важности, это признаетъ и сама *сообщенная* статья *Рижской Газеты*. „Высшее начальство края, сказано въ ея заключеніи, созваніемъ центральной коммиссіи сдѣлало *первый* опытъ совмѣщенія инниціативы чиновъ, и если этотъ опытъ удастся, то вліяніе его распространится и за предѣлы судебной реформы, и останется не безъ значенія для будущаго веденія дѣлъ, имѣющихъ общій интересъ для всѣхъ трехъ провинцій." Вотъ почему *Рижская Газета* такъ торжественно привѣтствовала открытіе ея засѣданій. „Сегодня, сказано въ этой газетѣ, центральная коммиссія для реформы нашихъ судебныхъ порядковъ начала свои работы, и вмѣстѣ съ тѣмъ она стала средоточіемъ самаго всеобщаго участія въ Лифляндіи, Курляндіи и Эстляндіи. Давнишнее и общее желаніе, чтобы дѣло, равно важное для всѣхъ частей прибалтійскаго края, было ввѣрено органу, въ которомъ различные чины и корпораціи имѣли бы своихъ представителей *отчасти* исполнилось; *впервые* по прошествіи цѣлыхъ столѣтій, снова дана тремъ провинціямъ давно желанная возможность сообща изыскивать самимъ способы къ собственному ихъ устройству." Три года тому назадъ, продолжаетъ *Рижская Газета*, было еще очень сомнительно, чтобы когда-либо наступило такое событіе; но въ короткій промежутокъ времени положеніе дѣлъ измѣнилось въ этомъ желанномъ направленіи.

Мы имѣемъ причины не разбирать того, какъ совершилось это измѣненіе, а *Рижская Газета* имѣетъ въ свою очередь причины радоваться тому, что мы не можемъ подать нашего „диктаторскаго голоса," какъ она выражается, слѣдуя тактикѣ брюссельскаго публициста, г. Шедо-Ферроти.

№ 209.

Москва, 23-го сентября.

А.

Интересамъ Харькова должно быть несомнѣнно дано важное мѣсто при вопросѣ о первой сѣти русскихъ желѣзныхъ дорогъ. Но въ чемъ состоятъ эти интересы, и чего они требуютъ? По части мануфактурныхъ товаровъ Харьковъ есть рынокъ Москвы. Въ этомъ отношеніи значеніе его не имѣетъ, правда, прочнаго основанія, потому что совершенно зависитъ отъ покровительнаго тарифа; мы, однакоже, не станемъ разсуждать теперь о томъ, въ какой мѣрѣ и черезъ сколько времени предвидится у насъ возможность пониженія ввозныхъ пошлинъ. Мы возьмемъ дѣло какъ оно есть, и примемъ въ соображеніе то передвиженіе мануфактурныхъ товаровъ, которое совершается теперь подъ вліяніемъ нынѣ существующаго тарифа. Мы видимъ что Харьковъ все болѣе и болѣе становится складочнымъ пунктомъ для мануфактурныхъ товаровъ, расходящихся оттуда на украинскія ярмарки. Оригинальность этой торговли состоитъ въ томъ, что товары, находящіеся на складѣ въ Харьковѣ, а также идущіе прямо изъ Москвы, дѣлаютъ ежегодный кругъ, крайніе пункты котораго обозначаются Курскомъ, Кролевцемъ, Ромномъ и Елисаветградомъ; въ серединѣ этого круга лежатъ Полтава и Сумы. Вотъ главные ярмарочные города, между которыми круглый годъ странству-

ютъ товары, переѣзжая съ одной ярмарки на другую. Чего же требуютъ интересы этой торговли? Они требуютъ очевидно двухъ вещей: во-первыхъ, чтобы одинъ изъ этихъ ярмарочныхъ городовъ былъ связанъ желѣзною дорогой съ Москвой, и во-вторыхъ, чтобы сообщенія ихъ между собою улучшились. Въ какой изъ нихъ пойдетъ прямая желѣзная дорога изъ Москвы, это для ярмарочной торговли все равно, лишь бы былъ выбранъ городъ, имѣющій довольно значительную ярмарку; но особенно выгодно было бы для торговли, если бы этотъ городъ былъ соединенъ желѣзною дорогой съ нѣкоторыми другими изъ числа ярмарочныхъ городовъ. Что̀ же болѣе согласно съ интересами этой торговли, что̀ болѣе желательно въ ея видахъ, соединеніе ли съ Москвой только Харькова и Курска, или соединеніе Кролевца, Ромна и Харькова? Такъ какъ двѣ роменскія ярмарки, оставшіяся въ силѣ послѣ перенесенія одной изъ трехъ прежнихъ таможенныхъ ярмарокъ, Ильинской, въ Полтаву, уже сами-по-себѣ несравненно значительнѣе Коренной ярмарки, происходившей въ окрестностяхъ Курска, и такъ какъ перевозка товаровъ изъ Харькова въ Роменъ затруднительнѣе чѣмъ перевозка изъ Харькова въ Курскъ, то ярмарочная торговля гораздо болѣе выиграла бы отъ Харьково-Роменской, чѣмъ отъ Харьково-Курской желѣзной дороги. Къ этому присоединяются еще два важныя обстоятельства: желѣзная дорога изъ Курска въ Харьковъ не соединитъ Харькова съ привычнымъ мѣстомъ Коренной ярмарки, отстоящимъ отъ Курска около 20 верстъ, а потому и не поддержитъ Коренной Ярмарки, которая все болѣе и болѣе падаетъ, между тѣмъ дорога, идущая въ Харьковъ черезъ Кролевецъ и Роменъ, оставивъ въ сторонѣ мѣстность Коренной ярмарки (остающуюся впрочемъ, какъ мы сейчасъ сказали, въ сторонѣ и при линіи Курско-Харьковской), ввела бы въ свѣтъ еще одинъ важный ярмарочный пунктъ, Кролевецъ, и такимъ образомъ соединила бы три ярмарочные города. Еще разъ: дорога на Курскъ и Харьковъ, оказывая очень малую услугу Коренной ярмаркѣ, служила бы только для перевозки товаровъ въ Харьковъ, а дорога на Кролевецъ, Роменъ и Харьковъ облегчила бы перевозку товаровъ не къ одинъ, а въ три ярмарочные города. Благодаря этой послѣдней дорогѣ, Роменъ и Кролевецъ выиграли бы чрезвычайно много; Харьковъ же не утратилъ бы ни одного изъ удобствъ, доставляемыхъ его ярмарочной торговлѣ линіей на Курскъ. Измѣнилось бы только направленіе въ движеніи товаровъ: теперь они идутъ большею частію изъ Харькова въ Роменъ; тогда они шли бы изъ Ромна въ Харьковъ, но для купцовъ и фабрикантовъ это было бы все равно, такъ какъ и въ Ромнѣ, и въ Харьковѣ, торгуютъ одни и тѣ же люди. Потери для торговцевъ не было бы ни малѣйшей, а выгоды были бы огромныя, потому что линія на Кролевецъ, Роменъ и Харьковъ освободила бы торговцевъ отъ дорогой и чрезвычайно вредной для товаровъ перевозки ихъ между тремя весьма важными ярмарочными пунктами.

Таково положеніе дѣла съ точки зрѣнія ярмарочныхъ интересовъ. Ссылаемся на каждаго фабриканта и торговца; пусть каждый изъ нихъ скажетъ, что̀ для нихъ желательнѣе дорога ли на Курскъ и Харьковъ, или дорога на Кролевецъ, Роменъ и Харьковъ.

Но интересы Харькова не ограничиваются торговлей мануфактурными товарами. Харьковъ ведетъ весьма серіозную торговлю продуктами сельскаго хозяйства, и преимущественно шерстью. Что же нужно для процвѣтанія этой торговли. Тутъ также не можетъ быть сомнѣнія въ отвѣтѣ: потребности этой торговли очевидны. Весьма значительное количество шерсти идетъ изъ Харькова на западъ. Еслибы было можно, то Харьковъ долженъ бы желать въ этомъ отношеніи двухъ желѣзныхъ путей, одного на сѣверъ въ Москву, другаго на западъ въ Кіевъ. Но если выбирать одинъ изъ двухъ путей, то производители шерсти по всему вѣроятію предпочли бы путь западный. Все же основательнѣе, конечно, согласить обѣ потребности и избрать путь средній, не прямо на сѣверъ и не прямо на западъ, а на сѣверо-западъ, именно по направленію къ Ромну. Этотъ путь служилъ бы Харькову и для торговли съ Москвой и для торговли съ днѣпровскимъ бассейномъ, то-есть для отпуска шерсти на польскія и заграничныя фабрики. Замѣтимъ при этомъ, что шерсть труднѣе переноситъ издержки перевозки чѣмъ товары мануфактурные, а потому для харьковской шерсти чрезвычайно важно по возможности прямое сообще-

ніе съ Кіевомъ: оно для шерсти гораздо важнѣе чѣмъ прямое сообщеніе съ Москвой для мануфактурныхъ товаровъ.

Въ пользу пути изъ Харькова на Роменъ говоритъ такъ много соображеній, что для обстоятельнаго изложенія ихъ потребовалась бы цѣлая книга. Роменъ имѣетъ и самостоятельную торговлю шерстью, табакомъ и другими продуктами сельскаго хозяйства. На югъ отъ Ромна лежитъ край, который изо всей Малороссіи наиболѣе нуждается въ желѣзной дорогѣ, край богатый произведеніями земли, но не имѣющій сбыта. Этотъ край лежитъ неудобно; онъ далекъ отъ портовыхъ городовъ, для его процвѣтанія нужно чтобъ онъ былъ соединенъ не только съ Днѣпромъ, но и съ центральными губерніями, а также съ бассейномъ Двины. Всѣ эти потребности были бы удовлетворены желѣзною дорогой отъ Москвы въ Кіевъ, съ вѣтвію, идущею на Роменъ къ Харькову, и другою ея вѣтвію идущею на Витебскъ. Мы уже показали, что тѣ же самыя линіи были бы всего выгоднѣе и для Харькова: торговлѣ мануфактурными товарами онѣ были бы болѣе полезны чѣмъ линія на Курскъ и Харьковъ, потому что облегчили бы движеніе этихъ товаровъ не только въ Харьковъ, но и въ Кролевецъ и Роменъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ оказали бы величайшую услугу и той торговлѣ Харькова, которая не зависитъ отъ случайностей тарифа и слѣдовательно болѣе упрочиваетъ коммерческую будущность Харькова, чѣмъ торговля мануфактурными товарами. Кто желаетъ процвѣтанія Харькова, и кто желаетъ чтобъ это процвѣтаніе было обезпечено отъ случайностей, тотъ долженъ желать, чтобы Харьковъ былъ соединенъ желѣзнымъ путемъ не только съ Москвой, но и Кіевомъ. Мы не говоримъ теперь о желѣзномъ пути изъ Харькова къ устьямъ Дона; эта линія одобряется повидимому всѣми. Не говоримъ также о линіи на югъ къ Екатеринославу. Присоединясь къ упомянутымъ сейчасъ линіямъ, онѣ довершатъ осуществленіе всѣхъ тѣхъ условій, которыя могутъ быть желательны для того чтобы Харьковъ возрасталъ въ своемъ коммерческомъ значеніи еще съ большею быстротой чѣмъ доселѣ.

Вотъ краткое разъясненіе тѣхъ экономическихъ данныхъ, которыя привели насъ къ мысли, что линія изъ Орла на Курскъ въ Харьковъ не должна бы входить въ первую сѣть русскихъ желѣзныхъ дорогъ. Къ этимъ экономическимъ даннымъ присоединяются еще данныя топографическія: мѣстность между Орломъ и Курскомъ такая пересѣченная, что не можетъ не представить значительныхъ техническихъ затрудненій. Сколько намъ извѣстно, результаты предварительныхъ изысканій совершенно подтвердили это предположеніе, и дорога проектирована съ огромными извилинами. Вотъ еще одно изъ основаній въ пользу такого начертанія линій, которое однимъ разомъ соединило бы Харьковъ и съ Москвой и съ Кіевомъ.

Б.

Мы знаемъ какъ поступаютъ Нѣмцы въ только что завоеванномъ и еще не присоединенномъ къ Германіи Шлезвигѣ; а вотъ и образъ дѣйствій Французовъ въ Эльзасѣ, гдѣ все населеніе принадлежитъ по своему происхожденію къ нѣмецкому племени. Вотъ что̀ пишетъ въ *Allgemeine Zeitung* изъ Страсбурга, отъ 14-го сентября, поселившійся тамъ, какъ видно, еще недавно, природный Нѣмецъ:

„Вчера, по случаю какой-то, къ сожалѣнію, неизвѣстной мнѣ замѣтки, помѣщенной въ *Börsenhalle*, французскій журналъ *Siècle* разразился рѣзкою статьею противъ „нѣмецкихъ притязаній на Эльзасъ,“ и эта статья, исполненная ненависти и насмѣшекъ надъ Германіей, нашла въ здѣшнихъ (эльзасскихъ) журналахъ живѣйшее одобреніе.

„Въ Эльзасѣ нѣтъ нѣмецкой національ„ности, а есть только Французы, которые „умѣютъ говорить и по французски и по„нѣмецки,“ восклицаетъ г. Леонъ Пле въ газетѣ *Siècle*. И дѣйствительно, онъ почти правъ, если подъ словомъ *національность* разумѣть патріотическое чувство. Проѣзжайте по всей провинціи вдоль и поперекъ, спросите у людей высшихъ и низшихъ сословій, и вы увидите, что, за исключеніемъ ничтожнаго числа, всѣ стоятъ за Францію, всѣ съ пыломъ истинныхъ прозелитовъ восклицаютъ: „Мы Французы!“ Но тѣмъ не менѣе въ Эльзасѣ существуетъ еще нѣмецкая національность. И теперь еще нашъ народъ въ своихъ нравахъ и обычаяхъ, въ своихъ наклонностяхъ и чувствахъ, и въ основныхъ чертахъ своего характера насквозь проникнутъ нѣмецкимъ элементомъ. Онъ—

Нѣмецъ въ своихъ добрыхъ качествахъ и недостаткахъ, въ своихъ трудахъ и забавахъ, въ своихъ вѣрованіяхъ и образѣ мышленія, въ своей вѣрности предержащимъ властямъ, — Нѣмецъ даже по недостатку нѣмецкаго патріотизма! Хотя многіе у насъ стыдятся своего нѣмецкаго происхожденія, имени и характера, однакожь есть также многіе, которые любятъ свою нѣмецкую національность, блюдутъ ее; многіе отцы семействъ ведутъ нѣмецкій образъ жизни въ домашнемъ быту, многіе художники воспроизводятъ въ своихъ произведеніяхъ нѣмецкія особенности нашего народа, во многихъ кружкахъ въ чести нѣмецкіе напѣвы.

„Но языкъ есть самое жизненное проявленіе національности, источникъ и вѣнецъ ея жизни. Хотя *Siècle* и говоритъ: „Нѣмецкій языкъ безпрепятственно существуетъ въ Эльзасѣ; однакоже, развѣ нѣмецкій языкъ пользуется въ Эльзасѣ равноправностью съ языкомъ французскимъ? развѣ признана за нимъ эта равноправность? „Въ школахъ преподается же нѣмецкій языкъ,“ отвѣчаетъ *Siècle*. Да, преподается, но только также какъ въ самыхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ западной Франціи, то-есть какъ иностранный языкъ, не имѣющій права гражданства. Въ городскихъ школахъ ему посвящаютъ много что два часа въ недѣлю, а съ другой стороны такъ настаиваютъ на совершенномъ знаніи французскаго языка, что молодые люди большею частью пренебрегаютъ нѣмецкимъ языкомъ, какъ ненужнымъ и вскорѣ совсѣмъ забываютъ его. Поэтому въ образованныхъ классахъ нѣмецкій языкъ быстро исчезаетъ; студенты, природные Эльзасцы, уже не могутъ читать нѣмецкой книги безъ словаря. Въ народныхъ же школахъ противъ нѣмецкаго языка ведется истинная война: всячески заставляютъ дѣтей, чтобъ они употребляли въ разговорѣ только французскій языкъ. По деревнямъ немногіе часы, въ которые преподается нѣмецкій языкій, назначены въ послѣобѣденное время, то-есть въ такое когда школы большею частію почти не посѣщаются. Школы и учители здѣсь, какъ извѣстно, плохіе, но всѣ наперерывъ хвалятъ ихъ за успѣхи французскаго языка.“

Эта картина очень интересна. Она показываетъ, какое значеніе имѣютъ народныя школы въ рукахъ національнаго правительства. Вся сила заключается въ національности французскаго правительства, которое остается французскимъ по отношенію ко всѣмъ элементамъ, входящимъ въ предѣлы его государства, какого бы племени они ни были. Національность правительства, вотъ вся тайна могущественнаго усвоенія чуждыхъ элементовъ. Вслѣдствіе національности французскаго правительства, нѣмецкое населеніе Эльзаса легко проникается французскимъ чувствомъ и не только не протестуетъ противъ своего сближенія съ французскою народностію, а напротивъ *съ пыломъ истинныхъ прозелитовъ* восклицаетъ: „мы Французы!“ И даже самые горячіе нѣмецкіе националы, въ родѣ приведеннаго нами корреспондента *Allgemeine Zeitung*, утѣшаются лишь тѣмъ, что нѣмецкая національность все еще уцѣлѣла въ нравахъ, въ обычаяхъ, въ домашнемъ быту, въ характерѣ эльзасскаго населенія. Кто бы и въ Россіи сталъ протестовать противъ сохраненія въ ея предѣлахъ какой бы то ни было національности, понятой въ такомъ смыслѣ? Напротивъ разнообразіе и даже противоположность элементовъ, входящихъ въ составъ великой національности, есть одно изъ самыхъ главныхъ условій богатаго и плодотворнаго историческаго развитія.

№ 210.

Москва, 24-го сентября.

Въ законодательныхъ распоряженіяхъ относящихся къ устройству народнаго просвѣщенія въ польскомъ краѣ заявлено, что на почвѣ этого края, въ устройствѣ начальныхъ школъ, правительство намѣрено соблюдать всевозможное безпристрастіе относительно населяющихъ его народностей. Такъ какъ въ Царствѣ Польскомъ есть русскія народонаселенія, то въ силу принятаго такимъ образомъ начала, эти русскія народонаселенія получаютъ возможность оставаться русскими въ своихъ первоначальныхъ школахъ. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли требовать, чтобы русское правительство стало способствовать къ искорененію русской народности и русскаго языка гдѣ бы то ни было? Можно ли допустить мысль, чтобы верховная власть русскаго народа, составляющая съ нимъ одно цѣлое, — верховная власть, въ которой народъ видитъ свое выс-

шее выраженіе,—захотѣла гдѣ бы то ни было отречься отъ русской народности, отдать ее, пожертвовать ею, хотя бы дѣло шло не болѣе какъ о нѣсколькихъ десяткахъ тысячъ людей русскаго языка? Еслибы судьба осудила какую-либо часть русскаго народонаселенія войдти въ составъ иноплеменнаго государства, на которое не простирается русская верховная власть, то можно было бы спокойно видѣть какъ эти люди переходили бы, напримѣръ, въ Нѣмцевъ. Весьма естественно, чтобы народонаселеніе, какого бы племени ни было оно первоначально, входя въ органическій составъ государства другаго языка, становилось въ своемъ образованіи частію народа, которому принадлежитъ верховная власть. Участь національности, живущей подъ иноплеменною властію и удерживающей свою особенность, не завидна. Лишенная правильной жизни, служа началомъ недовольства и раздраженія въ людяхъ носящихъ ея имя, національность находящаяся подъ верховною властью другаго народа, можетъ успокоиться только тогда, когда освободится изъ-подъ нея и создастъ свою собственную власть, или когда сроднится съ господствующею народностью. И такъ, мы могли бы безъ всякаго прискорбнаго чувства, нисколько не испытывая униженія и упадка нашего народнаго духа, видѣть превращеніе многихъ десятковъ и сотенъ тысячъ людей русскаго племени въ народность другаго государства, среди котораго имъ довелось бы жить. Совсѣмъ иное дѣло, еслибы вслѣдствіе какихъ бы то ни было недоразумѣній и случайностей, верховная власть народа сама стала отрывать отъ него живыя части его и усвоять ихъ другимъ народностямъ: это было бы самоубійствомъ, въ какихъ бы размѣрахъ ни происходило подобное явленіе. Итакъ, весьма естественно, что русская власть обратила вниманіе на русскія народонаселенія живущія въ польскомъ краѣ, и пожелала оградить ихъ національность при устройствѣ народныхъ школъ. Какъ извѣстно, относящіеся сюда указы произвели довольно благопріятное впечатлѣніе за границей, и если вѣрить слухамъ, они были приняты хорошо даже въ парижскихъ офиціяльныхъ сферахъ. Всякій судитъ по своему. Нѣкоторые, быть-можетъ, полагаютъ, что принятыя въ Царствѣ Польскомъ мѣры не помѣшаютъ развитію польскаго дѣла. Думая такимъ образомъ, тѣ или другіе изъ иностранныхъ политиковъ могутъ выражать свое удовольствіе; за то другіе, болѣе откровенные или болѣе рѣшительные въ своихъ видахъ и досадующіе на всякую задержку въ ихъ совершеніи, могутъ быть недовольны тѣмъ, что по ихъ мнѣнію является нарушеніемъ правъ польской національности. Эти послѣдніе, съ своей точки зрѣнія, и жалуются, и негодуютъ на то, что русская власть въ краѣ пріобрѣтенномъ русскою кровью, неоднократно завоеванномъ силою русскаго оружія, не отрекается отъ своего русскаго характера, и заботится о томъ, чтобъ оградить въ этомъ краѣ права своей народности. Еслибы русская власть дѣйствовала въ Царствѣ Польскомъ точно также, какъ дѣйствуетъ Пруссія въ Познани, или какъ Австрія въ Галиціи, или какъ Франція въ Эльзасѣ, или опять какъ Пруссія въ Шлезвигѣ, только что захваченномъ ею,—то и тогда была бы она въ полномъ своемъ правѣ, и никто не посмѣлъ бы оспаривать у ней это право. Но нѣкоторые иностранные публицисты негодуютъ на русскую власть за то что она вспомнила о русскихъ народонаселеніяхъ живущихъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя нѣкогда были коренною рускою землей, въ давнюю пору были захвачены Польшею и случайно вошли въ составъ искусственно созданнаго, такъ-называемаго, Царства Польскаго. Они негодуютъ на русскую власть за то что она предписываетъ заводить для русскихъ людей въ Царствѣ Польскомъ русскія школы. Вотъ что пишутъ во французской газетѣ *Le Temps*, въ № отъ 1-го октября: „Польскія школы „не уничтожаются, но онѣ будутъ находиться подъ надзоромъ русскихъ властей, „и вмѣстѣ съ ними создаются еще школы „для всѣхъ языковъ, нарѣчій и говоровъ, „какіе только могутъ оказаться въ Царствѣ „Польскомъ: будутъ различныя школы для „каждаго вѣроисповѣданія, гдѣ будутъ преподаваться языки литовскій, русскій, нѣмецкій, и гдѣ польскій языкъ преподаваться не будетъ. Въ указѣ о начальныхъ училищахъ, есть въ этомъ отношеніи одинъ по истинѣ замѣчательный пунктъ: „*Если училище*, сказано въ одномъ изъ параграфовъ статьи 46, „*посѣщается дѣтьми принадлежащими къ различнымъ племенамъ, то преподаваніе производится „на языкѣ большинства учениковъ или учениць.*“ Что сказали бы во Франціи о законодательствѣ, которое предписывало бы „преподаваніе нижне-бретонскаго, овень-

„скаго и басскаго языковъ въ училищахъ, „гдѣ на которомъ-либо изъ этихъ языковъ говорить большинство дѣтей посѣщающихъ „школу? Подъ видомъ фальшиваго либерализма, очевидно, этою мѣрой посягаютъ „на польскую національность, на ея единство.“

Итакъ, французскій критикъ сѣтуетъ на русскую власть за то, что она не чувствуетъ себя польскою, за то что она не слѣдуетъ польской національной политикѣ? Будемъ ли мы въ свою очередь сѣтовать на французскаго критика за его сужденіе? Сужденіе его по отношенію къ данному случаю несправедливо; но оно вполнѣ соотвѣтствуетъ точкѣ зрѣнія, принятой критикомъ. Съ своей точки зрѣнія критикъ судитъ послѣдовательно и правильно. Польская власть, еслибы существовала самостоятельная польская власть, должна была бы поступать такъ какъ желаетъ французскій критикъ. Но кто же виноватъ, что польская національность оказалась не способною выработать изъ своихъ нѣдръ начало прочное верховной власти или не умѣла сохранить его? Кто виноватъ, что польская національность, утративъ почти весь кровный народъ свой, превратившійся большею частію въ Нѣмцевъ, живетъ надеждою на возстановленіе своего господства надъ иноплеменными элементами? Кто виноватъ, что самостоятельнаго польскаго государства не существуетъ, и что стало-быть нѣтъ смысла требовать польской національной политики въ краѣ находящемся подъ русскою верховною властью? Неужели французскій ревнитель польской народности можетъ ожидать, что верховная власть составляющая почти все достояніе русскаго народа, созиданію и утвержденію которой онъ жертвовалъ всѣмъ и которой сила заключается въ его силѣ,—чтобы русская верховная власть, могла быть органомъ какой-нибудь другой политики, кромѣ русской, чтобъ она могла быть органомъ польско-національной политики, и забыть даже то, что польская политика никогда не была и никогда не можетъ быть чѣмъ-либо инымъ, какъ лишь прямымъ отрицаніемъ русской народности и русскаго государства? Со стороны его понятно желаніе, чтобы верховная власть, простирающаяся на польскій край, была чисто польскаго свойства; точно также какъ со стороны его было бы понятно и желаніе, чтобы на мѣстѣ русскаго государства явилось польское. Но не наивно ли было бы ожидать, чтобы русское правительство стало осуществлять подобныя желанія?

Но если нѣтъ на свѣтѣ польской верховной власти, то есть русская верховная власть, есть русское государство, которое создавалось трудомъ цѣлаго тысячелѣтія. Чтó французскій публицистъ желаетъ видѣть въ не существующемъ польскомъ правительствѣ, то безспорно можетъ относиться къ правительству русскому, которое не есть миѳъ. Французскій публицистъ понимаетъ очень хорошо, что національная власть имѣетъ своимъ призваніемъ охранять интересы и права своей народности; онъ понимаетъ, что правительство какой-либо страны не можетъ допустить въ своихъ владѣніяхъ пропаганду чужой народности въ ущербъ своей; онъ откажется вѣрить въ возможность такой политики, которая имѣла бы цѣлію раздробить народность, расколоть ее и искусственно организовать изъ нея двѣ чуждыя и неизбѣжно-враждебныя одна другой народности. Но если спросить у него, желаетъ ли онъ чтобы русское правительство въ Русской Имперіи дѣйствовало такимъ образомъ: онъ, по всему вѣроятію, найдетъ это весьма желательнымъ. Чтó въ его глазахъ было бы безумствомъ не имѣющимъ имени, еслибы рѣчь шла о Франціи, то по всему вѣроятію найдетъ онъ совершенно естественнымъ, справедливымъ и должнымъ, если рѣчь будетъ идти о русскомъ государствѣ или о русскомъ народѣ. Чтó называетъ онъ лжелиберализмомъ по отношенію къ польской національности, то по всему вѣроятію привѣтствовалъ бы онъ какъ истинный либерализмъ по отношенію къ русской, и сталъ бы рекомендовать его русскому правительству, какъ нѣчто весьма гуманное и прогрессивное. Въ примѣръ вопіющей нелѣпости, которая поразила бы всю Францію, онъ предполагаетъ невозможную тамъ мѣру, которая предписывала бы преподаваніе нижне-бретонскаго языка, или овернскаго *patois*. Но чтó сказалъ бы онъ о предположеніи устроить посреди русскаго народа казенныя школы, гдѣ преподаваніе должно было бы производиться на мѣстныхъ нарѣчіяхъ? Что сказалъ бы онъ, еслибы русское правительство стало приводить такую мысль въ исполненіе? Похвалилъ ли бы онъ такую политику,— и если бы похвалилъ, то въ какомъ смыслѣ должны были бы принять его похвалу?

Вспомнимъ, къ какимъ тягостнымъ и мучительнымъ объясненіямъ нужно было при-

бѣгать у насъ для доказательства того что нигдѣ не можетъ подлежать ни малѣйшему вопросу; вспомнимъ, какой опасности подвергалась русская народность вслѣдствіе затѣй, которыя сами по себѣ были совершенно ничтожны и безвредны, но которыя стали бы виною страшнаго и непоправимаго зла, еслибъ облеклись въ правительственную силу? Какая другая мысль можетъ таиться въ планахъ создать изъ одной русской народности двѣ или три,—какая другая мысль кромѣ той, которая теперь тонкимъ ядомъ распространяется повсюду, принимая въ разныхъ средахъ разныя формы, приспособляясь и прилаживаясь къ самымъ разнороднымъ сферамъ идей,—какая другая мысль кромѣ мысли о раздробленіи русскаго государства тихимъ, незамѣтнымъ, постепеннымъ процессомъ,—посредствомъ правительственныхъ распоряженій и мѣръ?

№ 211.

Москва, 25-го сентября.

Каковъ бы ни былъ текстъ франко-италіянской конвенціи, который тщательно скрываютъ отъ глазъ непосвященныхъ, очевидно однакоже, что Италія не согласилась бы заключить ее, еслибы Франція не приняла на себя серіознаго обязательства вывести свои войска изъ Рима. Куда бы ни перенесла Италія свою столицу, сколько бы ни ручалась она за неприкосновенность владѣній папы, предоставленнаго собственнымъ своимъ силамъ, какими бы грозными объявленіями ни старалась Франція оградить эту неприкосновенность, крайне сомнительно, чтобъ Италія искренно и навсегда, или даже надолго отреклась отъ Рима, или чтобы Наполеонъ III имѣлъ въ виду серіозно принудить ее къ такому отреченію: въ такомъ случаѣ мало было бы для Италіи пользы въ выводѣ французскихъ войскъ изъ Рима, и не было бы никакого разчета рѣшаться на такое важное пожертвованіе какъ перенесеніе столицы изъ Турина во Флоренцію. Всѣ эти ручательства и предстоящія еще впереди объявленія разчитаны только на то, чтобъ успокоить по возможности клерикальную партію во Франціи и въ цѣлой Европѣ, и сдѣлать папу по возможности сговорчивѣе; въ сущности же, какъ кажется, свѣтская власть папы окончательно обречена погибели, или по крайней мѣрѣ значительному дальнѣйшему стѣсненію. Но что могло побудить Францію къ такому пожертвованію какъ выводъ войскъ изъ Рима? Пребываніе ихъ въ сердцѣ Италіи, очевидно, дѣлало Францію властительницею судебъ полуострова и отчасти властительницею интересовъ всего римско-католическаго міра. Рѣшиться на такое пожертвованіе безъ всякихъ видовъ на большее вознагражденіе Франція, очевидно, не могла. Что̀ же имѣла она въ виду, заключая конвенцію 15-го сентября?

Ближайшимъ образомъ эта конвенція должна быть разчитана на тѣснѣйшій союзъ съ Италіей. Но всякій союзъ есть только средство, и не можетъ быть цѣлью самъ по себѣ. Союзъ съ Италіей можетъ быть для Франціи только средствомъ на случай войны съ Австріей, и дѣйствительно, въ конвенціи 15-го сентября Австрія усмотрѣла вызовъ себѣ. Австрія, связавшая себя по рукамъ и ногамъ конкордатомъ 1855 г., особенно заинтересована тѣмъ, чтобы папа оставался независимъ, и чтобы вопросъ о будущей его независимости не былъ рѣшенъ безъ ея участія; а между тѣмъ случилось именно такъ, что она и до сихъ поръ едва ли въ точности знаетъ, какое принято на этотъ счетъ рѣшеніе между Франціей и Италіей. Сверхъ того, до сихъ поръ Франція ни разу еще не отрекалась формально отъ цюрихскаго трактата, въ силу котораго, при извѣстныхъ условіяхъ, великій герцогъ Тосканскій долженъ былъ быть возстановленъ на своемъ престолѣ; теперь же Франція разрываетъ этотъ трактатъ на части, сама указывая на Флоренцію какъ на будущую столицу Италіи: новое оскорбленіе для Австріи, и тѣмъ болѣе тяжкое, что при этомъ выборѣ столицы особенно принимаются въ разчетъ стратегическія преимущества мѣстности на случай борьбы съ нею. И дѣйствительно, извѣстіе о конвенціи 15-го сентября было принято въ Вѣнѣ какъ оскорбленіе и какъ угроза: нашлись достаточно воинственные люди въ высшихъ офиціяльныхъ сферахъ ея, которые теперь же желали бы открыть кампанію противъ Италіи, чтобы предупредить соединеніе ея войскъ съ войсками французскими, такъ какъ война во всякомъ случаѣ кажется имъ неизбѣжною. Еслибы дѣйствительно конвенція повела къ войнѣ съ Австріей, Франція, вѣроятно, была бы очень довольна такимъ результатомъ. Эта война

или уничтожила бы разомъ теперешній загадочный союзъ между Австріей и Пруссіей, или—что̀ было бы еще желательнѣе для Франціи, но что̀ не очень вѣроятно, судить по отзывамъ прусскихъ полуофиціяльныхъ газетъ,—принудила бы и Пруссію взяться за оружіе, а слѣдовательно открыла бы для Франціи доступъ къ Рейну. Но подобныя послѣдствія не могутъ входить въ разчеты ни Пруссіи, ни Англіи. И Пруссія и Англія, съ своей стороны, не пожалѣютъ усилій, чтобы дать дѣлу другой оборотъ, болѣе согласный съ ихъ интересами Въ чемъ же сходятся интересы этихъ двухъ державъ по отношенію къ Австріи? Англія, какъ всѣмъ извѣстно, чрезвычайно дорожитъ могуществомъ Австріи; она будетъ всячески заботиться о сохраненіи и даже развитіи этого могущества. Въ этомъ интересы Англіи и Пруссіи противоположны. Но для Англіи нѣтъ никакой надобности въ томъ, чтобъ Австрія оставалась при своихъ прежнихъ отношеніяхъ къ Германіи и Италіи. Англія дорожитъ Австріей преимущественно по отношенію къ восточному вопросу; она должна желать чтобы тяготѣнія австрійской политики обратились на Востокъ, и вотъ тотъ пунктъ гдѣ англійскіе интересы соприкасаются съ интересами прусскими. Достигнуть этого не легко; такому историческому государству, какъ Австрія, трудно разстаться съ преданіями, и очень естественно, что въ высшихъ офиціяльныхъ сферахъ Вѣны нашлись люди, которые не хотятъ отступать съ западныхъ пунктовъ австрійской позиціи. Но Австріи трудно бороться противъ напора съ четырехъ сторонъ, тѣмъ болѣе что главнымъ борцомъ былъ бы въ этомъ случаѣ ея Брутъ — Англія. Не даромъ же лордъ Кларендонъ очутился въ Вѣнѣ тотчасъ послѣ того какъ тамъ было получено извѣстіе о франко-италіянской конвенціи, и 1-го октября уже отправился оттуда черезъ Туринъ и Парижъ обратно въ Лондонъ. *Цейдлерова Корреспонденція* (полуофиціяльное берлинское изданіе) говоритъ по этому поводу: „Конвенція съ Италіей была заключена императоромъ Наполеономъ при соучастіи Англіи. Въ связи съ этимъ находится миссія лорда Кларендона и то хорошее впечатлѣніе, которое онъ, повидимому, произвелъ въ Вѣнѣ. Тѣмъ не менѣе Пруссія можетъ чувствовать себя принужденною взвѣшивать вопросъ, не предстоитъ ли ей въ извѣстныхъ случаяхъ выполненіе какихъ-либо обязанностей.“ Какъ бы то ни было, лорду Кларендону удалось, повидимому, расположить Австрію миролюбиво, и послѣдствіемъ конвенціи 15-го сентября не будетъ разрывъ ея ни съ Франціей, ни съ Италіей.

Повторимъ еще разъ въ чемъ состоитъ теперешнее положеніе Австріи. Въ виду конвенціи 15-го сентября Австріи приходится волею-не-волею выйдти изъ того нерѣшительнаго положенія относительно италіянскаго вопроса, на какое она осудила себя послѣ несчастной кампаніи 1859 г. Ей приходится или начать открытую борьбу противъ порядка вещей, вновь подтвержденнаго и скрѣпленнаго франко-италіянскою конвенціей, или же примириться съ нимъ и чрезъ то сблизиться съ Франціей отказавшись навсегда отъ своей вѣковой позиціи на Апеннинскомъ полуостро̀вѣ. Первый путь исполненъ слишкомъ великихъ опасностей, и притомъ отъ него постараются отклонить Австрію и Пруссія, и Англія, которымъ, какъ выше сказано, особенно выгодно принудить ее къ перемѣнѣ фронта въ ея европейскомъ положеніи. Миролюбивые совѣты этихъ двухъ державъ должны найдти себѣ не малую опору и во внутреннихъ дѣлахъ Австріи. Продолженіе прежняго вооруженнаго мира между Австріей и Италіей невозможно ни для той, ни для другой, по разстроенному состоянію ихъ финансовъ, и можно думать, что одною изъ главныхъ побудительныхъ причинъ къ заключенію конвенціи была со стороны Италіи именно необходимость выйдти изъ этого двусмысленнаго положенія, которое не было ни прочнымъ миромъ, ни войною съ ея опасностями, но вмѣстѣ и съ ея благопріятными шансами. Мы не говоримъ о другихъ обстоятельствахъ, стеченіе которыхъ такъ сильно, что Австрія принуждена будетъ покориться своей новой судьбѣ. Ей теперь почти не остается ничего иного какъ примириться съ Италіей и сблизиться съ Франціей, цѣною, быть-можетъ, отреченія даже отъ Венеціянской области.

Франція, дѣйствуя въ этомъ случаѣ, какъ слѣдуетъ *несомнѣнно* полагать, заодно съ Англіей, и притомъ сохраняя во главѣ своихъ иностранныхъ дѣлъ такого министерства какъ г. Друэнъ-де-Люисъ, который всегда особенно дорожилъ добрыми отношеніями къ Австріи, Франція, конечно, ожидаетъ, что конвенція 15-го сентября поведетъ къ мирному разрѣше-

нію италіянскаго вопроса и къ возстановленію тѣхъ отношеній къ Австріи, которыя уже образовались въ прошломъ году по поводу польскаго вопроса. И вотъ благодаря усиліямъ Пальмерстоновской политики, самымъ вѣроятнымъ результатомъ конвенціи 15-го сентября будетъ возстановленіе прошлогодней коалиціи трехъ державъ, такъ наступательно дѣйствовавшихъ противъ насъ въ польскомъ вопросѣ. Главнѣйшимъ образомъ только италіянскій вопросъ разъединялъ Австрію съ Франціей и даже съ самою Англіей; какъ только этотъ вопросъ будетъ порѣшенъ такъ или иначе, между ними возможно соглашеніе по всѣмъ другимъ вопросамъ, и вѣнская журналистика уже заранѣе привѣтствуетъ дружнымъ хоромъ эту возможность.

Подобная коалиція, безъ сомнѣнія, не останется праздною и бездѣйственною, и Австрія, съ своей стороны, не рѣшится на уступки, не потребовавъ себѣ за нихъ вознагражденія. Вознаграждена она можетъ быть только насчетъ турецкихъ владѣній, и коалиція, если она состоится, будетъ имѣть своимъ предметомъ только восточный вопросъ, и будетъ обращена только противъ Россіи. Малѣйшая уступка по шлезвигъ-гольштейнскому и связанному съ нимъ общему германскому вопросу, заставитъ и Пруссію тотчасъ же отдалиться отъ Россіи, которая останется тогда лицомъ къ лицу съ коалиціей, состоящею изъ Англіи, Франціи, Австріи, Италіи и по всему вѣроятію еще Пруссіи. Очень можетъ быть, что ходъ событій замедлится, и что эта коалиція состоится не къ будущей веснѣ, а чрезъ годъ, чрезъ два; но что она подготовляется въ настоящее время, въ томъ не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Коалиція противъ Россіи! Какъ бы ни была она прочно составлена и какими бы силами она ни располагала, ея задача была бы не легкая, еслибъ имѣлось въ виду начать прямо войной. Благоразумные политическіе люди едва ли рѣшатся на такой шагъ. Не имѣется ли въ виду предварительно ослабить Россію болѣе дешевыми средствами съ тѣмъ чтобы потомъ окончательно распорядиться ею?

Если сообразить что всѣ прошлогоднія дипломатическія усилія Европы въ пользу Польши были побѣдоносно отражены Россіей, что вслѣдъ за тѣмъ она приняла рѣшительныя мѣры для подавленія мятежа и, несмотря на всѣ колебанія, вполнѣ въ томъ успѣла, что сверхъ того ею предприняты преобразованія съ явною цѣлью предотвратить на будущее время самую возможность революціонныхъ движеній въ Польшѣ, то нельзя не подивиться, что послѣ всѣхъ прошлогоднихъ криковъ и воплей противъ Россіи, вся Европа, и офиціяльная и неофиціяльная, вдругъ не только присмирѣла передъ ней, не только не оскорбляетъ ея патріотическаго чувства, но и расточаетъ ей похвалы, очень похожія на лесть и ласкательство. Послѣ понесеннаго ими урона, коалиціонныя державы не только не начали противъ насъ борьбы, не только не чувствуютъ противъ насъ никакого раздраженія, но напротивъ всячески ублажаютъ насъ. Чѣмъ объяснить себѣ такое непонятное смиреніе и добродушіе? Но полно, такъ ли? Точно ли эти державы отказались отъ борьбы противъ Россіи? Не ведется ли борьба съ прежнею безпощадностью, только другимъ орудіемъ, менѣе грубымъ и виднымъ, но за то тѣмъ болѣе опаснымъ и смертельнымъ? Не продолжается ли въ другихъ видахъ прошлогодняя исторія? Не есть ли это новый актъ той же комедіи, грозящей перейти въ трагедію? Грозныя настоянія Европы не только не подѣйствовали на Россію и не ослабили ея, но напротивъ возвысили и укрѣпили ее, вызвавъ наружу такое единодушіе между всѣми частями ея населенія и верховною властью, какого, по правдѣ сказать, не ожидали ни враги, ни даже друзья ея. Въ этомъ совершенномъ единодушіи верховной власти и народа русскаго обнаружилась такая сила и крѣпость, передъ которою принуждена была мгновенно отступить коалиція, поспѣшивъ прекратить всякіе переговоры о Польшѣ и предавъ забвенію все что было сказано объ этомъ щекотливомъ для русскаго національнаго чувства предметѣ. Ближайшимъ послѣдствіемъ этого общаго патріотическаго воодушевленія, объявшаго всѣхъ и каждаго, отъ Царя до бѣднѣйшаго простолюдина, должно было стать непреклонно-національное направленіе всей политики Россіи, и внѣшней, и внутренней, и это-то естественное послѣдствіе прошлогодней дипломатической борьбы не могло не устрашить нашихъ противниковъ. Европа готова признать и допустить въ своей системѣ Россію какъ внѣшнюю силу, какъ извѣстную

государственную машину, но подъ условіемъ, чтобъ эта сила оставалась слѣпою и механическою и безсознательно служила чужимъ, постороннимъ цѣлямъ. Таковъ и былъ жребій Россіи со смерти Петра Великаго до новѣйшаго времени, за немногими перерывами, въ числѣ которыхъ самымъ блистательнымъ и самымъ продолжительнымъ было славное царствованіе Императрицы Екатерины II, когда Россія держалась вполнѣ національной, вполнѣ русской политики. Теперь, при Александрѣ II, все показывало, что готовъ открыться новый періодъ нашей исторіи, долженствующій ознаменовать возрожденіемъ русской народности. И вотъ всѣ усилія, всѣ козни нашихъ враговъ, и внѣшнихъ и внутреннихъ устремляются къ тому, чтобы воспрепятствовать Россіи стать живымъ государственнымъ организмомъ, чтобы разрознить народъ съ верховною властію и вынудить и сообщить всей нашу политику, и внѣшнюю, и внутреннюю, принять направленіе, не русское, не національное, которое единственно возможно для нея, а нарочно сочиняемое для насъ космополитическое, *гуманитарное*. Съ этою цѣлью, между прочимъ, создана особая теорія Русскаго государства, у котораго отрицаютъ всякое право быть живымъ, цѣльнымъ организмомъ, и которое желаютъ низвести на степень механическаго сопоставленія различныхъ національностей, чуждыхъ и неизбѣжно враждебныхъ другъ другу. Въ эту же сторону направлены и усилія болѣе благоразумныхъ польскихъ патріотовъ. Они не считаютъ себя побѣжденными; они не утратили видовъ на возобновленіе борьбы и надѣются продолжать ее при другихъ, болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. Въ своихъ новѣйшихъ заявленіяхъ они становятся на сторону порядка противъ революціонныхъ партій; они стараются прикинуться невинными жертвами революціонныхъ страстей, внушить къ себѣ довѣріе, склонить къ уступкамъ въ свою пользу, и этимъ путемъ не только спасти разлагающуюся польскую національность, но и разрушить нынѣшнее русское государство.

Никакая европейская коалиція не страшна для Россіи, коль скоро ея политика стоитъ на твердой почвѣ русской народности; во всякомъ случаѣ никакая европейская коализація не можетъ разсчитывать на то, чтобы легко справиться съ Россіей или заставить ее измѣнить своимъ интересамъ, коль скоро голосъ и чувство русскаго народа вполнѣ слышны его Государю. А потому, пока еще коалиція только что подготовляется европейскія державы спѣшатъ уже дать сообразное съ ихъ цѣлями и интересами направленіе политикѣ Россіи. Чего не достигли они путемъ настояній и угрозъ, того надѣются достигнуть путемъ прельщеній.

№ 212.

Москва, 28-го сентября.

А.

Съ самой войны за независимость, въ исторіи Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ не было такой важной минуты какъ та минута, которую переживаютъ они теперь. Отпаденіе конфедераціи Южныхъ Штатовъ въ 1860 году, поведшее къ кровавому междуусобію, не имѣло такого важнаго, такого рѣшительнаго значенія для этой федеральной республики, какъ предстоявшіе выборы президента Тогда отпаденіе нѣсколькихъ штатовъ казалось простымъ возмущеніемъ, требовавшимъ лишь нѣкоторыхъ жертвъ, людьми и деньгами, для своего низложенія, но еще не грозившимъ будущности Союза. Теперь, отъ ноябрьскихъ выборовъ зависитъ вся дальнѣйшая судьба Соединенныхъ Штатовъ. Вотъ почему и Сѣверъ и Югъ напрягаютъ всѣ усилія, чтобъ упредить выборы какимъ-нибудь рѣшительнымъ военнымъ дѣломъ.

Телеграфъ извѣщаетъ насъ, что Южане вторглись въ Миссури. Такого рѣшительнаго шага трудно было ожидать при теперешнемъ положеніи войны. Южане не разъ вторгались въ штаты ближе лежащіе, въ Кентукки и Теннесси; но побѣды ихъ не приносили имъ пользы, и успѣхи ихъ всегда были непродолжительны. Чего могутъ достигнуть они въ Миссури, когда ихъ столицѣ угрожаетъ самая серіозная опасность? Отчаянная попытка генерала Эрли пробиться изъ долины Шендоа на подкрѣпленіе къ генералу Ли доказываетъ, что сепаратисты сами ожидали уже для себя того роковаго удара въ Виргиніи, который намѣрены нанести имъ два союзные корпуса, направившіеся, какъ извѣщаетъ телеграфъ, къ Ричмонду, столицѣ Южной Конфедераціи. Но

Южане не падаютъ духомъ: изъ той же телеграммы, полученной нами сегодня, мы узнаемъ, что президентъ Южной Конфедераціи призываетъ подъ знамена даже пятнадцатилѣтнихъ людей. Южанамъ, очевидно, нужно такъ или иначе дотянуть борьбу до выборовъ, которые очень могутъ состояться въ ихъ пользу. Они развертываютъ въ этой неравной борьбѣ непреоборимую энергію; они вполнѣ увѣрены въ своей будущей побѣдѣ. Они заставляли Сѣверянъ терпѣть страшныя пораженія, терять ужасающія массы людей и денегъ. Сѣверяне съ своей стороны энергически пользовались превосходствомъ средствъ. Разъ овладѣвъ какимъ-нибудь пунктомъ, они уже не упускали его изъ рукъ. Такъ очистили они отъ сепаратистовъ Кентукки и Теннесси; такъ овладѣли они Западною Виргиніей; такъ взяли они Новый Орлеанъ, Виксбургъ на Миссисипи, взяли или почти взяли Мобиль въ Аламабѣ; такъ не покидаютъ они осады Чарльстона; такъ совершился удивительный походъ генерала Шермана въ глубину Георгіи. Паденіе Атланты разрѣзываетъ Конфедерацію въ самомъ сердцѣ, и вмѣстѣ съ паденіемъ Мобиля, если оно подтвердится, отрѣзываетъ часть *Георгіи* и *Алабамы*, *всю Луизіану*, *весь Миссисипи*, отъ центральнаго правительства Южанъ. „Чтобы вполнѣ оцѣнить все, что сдѣлано республиканскою партіей Соединенныхъ Штатовъ менѣе чѣмъ въ четыре года, надобно припомнить,—справедливо замѣчаетъ г. Форкадъ въ политическомъ обозрѣніи *Revue des deux Mondes*, отъ 15-го сентября,—надобно припомнить, въ какомъ разстроенномъ положеніи были дѣла, когда власть переходила въ руки этой партіи. Послѣднее время президенства г. Бьюкенана было настоящею измѣной противъ Союза; самыя значительныя правительственныя должности заняты были лицами, которыя потомъ стали предводителями сепаратизма. Эти люди предвидѣли президентскую побѣду республиканской партіи и заранѣе подготовляли и облегчали отдѣленіе; они лишили Сѣверъ всѣхъ необходимыхъ элементовъ, которые дали бы ему возможность, немедленнымъ употребленіемъ силы, не допустить до распаденія Республики. Вступая въ управленіе, республиканская партія не имѣла ни арміи, ни флота; все, что потомъ, въ самый разгаръ войны, сдѣлано ею въ этомъ отношеніи, столь чудесно, что за исключеніемъ развѣ войнъ Французской республики, въ военной исторіи нѣтъ примѣровъ такой импровизаціи средствъ и силъ. Соединенные Штаты дали такое понятіе о своей жизненности и о своемъ могуществѣ, какое никогда не перестанетъ поражать воображеніе.“ Но не есть ли это послѣдній величественный подвигъ Соединенныхъ Штатовъ? Рѣшительный ударъ на полѣ военныхъ дѣйствій, повидимому, уже близокъ, и однакоже теперь болѣе чѣмъ когда-либо возникаетъ вопросъ: возстановится ли такъ предательски, дѣйствіемъ такой явной интриги разорванный Союзъ? Возможно ли ожидать его возстановленія на почвѣ упитанной столькими потоками еще дымящейся крови? Если будутъ побѣждены арміи Южанъ, то будетъ ли побѣждено населеніе? Если оно будетъ побѣждено, то какія будутъ пріисканы средства чтобъ управлять имъ? Есть ли какія-нибудь хотя слабые виды на то, что федеральное устройство Союза, какъ оно существовало доселѣ, будетъ соотвѣтствовать новому положенію вещей? Южане очень хорошо знаютъ это, и потому не унываютъ, несмотря на всѣ успѣхи совершаемые болѣе могущественными противниками ихъ. Что бы ни дѣлалъ Сѣверъ, ему не удастся возстановить федерацію, которой непрочность такъ поразительно обнаружилась въ нынѣшнемъ междуусобіи. Не мятежъ, такъ интрига, — не интрига, такъ мятежъ, — но раздробленіе совершится. Югъ только потому и непобѣдимъ, что въ этомъ твердо увѣренъ.

На ряду съ борьбой между Югомъ и Сѣверомъ, въ нѣдрахъ Сѣвера происходитъ теперь ожесточенная борьба между его партіями. Демократическая партія на народномъ конвентѣ въ Чикаго выставила своимъ кандидатомъ въ будущіе президенты республики генерала Макъ-Клеллана, одного изъ бывшихъ главно-командующихъ потомакской арміи. При этомъ было обнаружено рѣдкое единодушіе, и подраздѣленіе демократической партіи, стоявшее прежде за войну, подчинило свои желанія меньшинству партіи — демократамъ мира. Въ виду такого единодушія, и республиканская партія развернула всѣ свои силы. Чтобы не дѣлить голосъ, генералъ Фремонъ отказался отъ предложенной ему кандидатуры, и по послѣднимъ извѣстіямъ, республиканцы штатовъ Вермонта и Мена, имѣющихъ обыкновенно самое рѣшительное вліяніе на выборы, выставили уже своимъ

кандидатомъ нынѣшняго президента Соединенныхъ Штатовъ, г. Линкольна. Такимъ образомъ избирательная борьба поставлена между двумя лицами: Макъ-Клелланомъ и Линкольномъ. Въ послѣдствіи въ средѣ демократической партіи произошелъ опять расколъ: генералъ Макъ-Клелланъ, принимая кандидатуру, отступилъ отъ нѣкоторыхъ условій програмы конвента въ Чикаго, и часть демократовъ въ свою очередь отъ него отступилась; впрочемъ есть извѣстіе, что согласіе вторично возстановлено.

Желанія демократовъ выразилось въ ихъ такъ называемой *платформѣ*. „Справедливость, человѣколюбіе, свобода и общественное благосостояніе, сказано въ этомъ заявленіи,—требуютъ, чтобы были немедленно употреблены *всевозможныя усилія къ прекращенію военныхъ дѣйствій*, рѣшеніемъ верховнаго конвента всѣхъ штатовъ, *или иными мирными средствами*, съ тою цѣлію чтобы въ первую благопріятную минуту *миръ былъ возстановленъ*, на основаніи *федеральнаго союза штатовъ*." Но *федеральный союзъ* тутъ чуть ли не фраза. Можно доказать, что демократическая партія, или по крайней мѣрѣ значительная часть ея, не только согласна на признаніе независимости Южной Конфедераціи, но что она даже желаетъ его. Мы сказали, что въ ея средѣ произошелъ расколъ, и часть демократовъ отказывалась поддерживать кандидатуру генерала Макъ-Клеллана. Чѣмъ же не угодилъ ей этотъ послѣдній, и съ какими условіями ея программы вышелъ у него разладъ? Принимая кандидатуру, г. Макъ-Клелланъ объявилъ, между прочимъ, что онъ будетъ стоять за Союзъ *во что бы то ни стало*. Это именно и послужило яблокомъ раздора. Но почему? Потому ли, что филантропическое настроеніе демократовъ замѣтило въ этихъ словахъ чрезмѣрную воинственность генерала? Совсѣмъ не потому; не добрыя пожеланія въ пользу мира, а добрыя пожеланія въ пользу распаденія Союза, вотъ что поражено было въ демократахъ словами г. Макъ-Клеллана. Дѣйствительно, этотъ послѣдній вовсе не за войну; онъ вовсе не прочь отъ мира, но только желаетъ заключенія его на началахъ возстановленнаго Союза, допуская затѣмъ въ пользу Южныхъ Штатовъ всевозможныя уступки. Онъ точно также, какъ и большинство демократовъ, согласенъ вновь узаконить невольничество:—слова генерала, въ письмѣ его къ избирателямъ, не оставляютъ въ этомъ отношеніи ни малѣйшаго сомнѣнія. „Возстановленіе Союза во всей его цѣлости, говоритъ г. Макъ-Клелланъ, должно быть необходимымъ условіемъ всякаго соглашенія. Какъ только очевидно, или хоть вѣроятно станетъ, что наши нынѣшніе противники готовы заключить миръ на основаніяхъ Союза, мы должны будемъ истощить всѣ усилія политики, чтобъ упрочить миръ, возстановить Союзъ и *обезпечить на будущее время конституціонныя права* каждаго изъ штатовъ. Союзъ—вотъ *единственное* условіе мира: *мы не требуемъ болѣе никакихъ*." Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что на такой почвѣ мирные переговоры были бы весьма возможны, хотя г. Джеферсонъ Девисъ и объявлялъ что сражается только за независимость. Но дѣло въ томъ, что миролюбивыя идеи не составляютъ дѣйствительныхъ стремленій демократической партіи: подъ ними скрываются совсѣмъ иныя намѣренія, намѣренія сепаратистическія, скрывается интрига, въ родѣ той, которая четыре года тому назадъ повела къ нынѣшнему междуусобію. Въ англійской газетѣ *Economist* совершенно справедливо замѣчаютъ, что демократическая партія всегда была за Югъ. Всѣ англійскія газеты, которыя отличаются своими рѣзкими симпатіями къ Югу, а такихъ много, и *Times* во главѣ ихъ, — всѣ высказывались и высказываются съ необыкновенною энергіей *противъ* г. Линкольна и *за* кандидата демократической партіи, кто бы таковъ онъ ни былъ Демократическая партія не пользовалась бы такимъ сочувствіемъ англійскихъ газетъ, еслибы политика ея не клонилась въ сущности къ раздробленію Союза, столь желательному для его соперницы, Англіи.

Энергія, съ которою съ сихъ поръ была ведена война, есть дѣло республиканской партіи, имѣющей во главѣ своей г. Линкольна. Только объ этой партіи можно сказать, что она стоитъ за Союзъ *во что бы то ни стало*, но федеральное устройство и для нея сдѣлалось уже чисто-абстрактнымъ предметомъ поклоненія. Она хочетъ возстановить единство Союза, но именно вслѣдствіе того, въ случаѣ своего успѣха, она должна будетъ отказаться отъ его прежняго федеральнаго устройства, которое уже никакъ не можетъ быть возстановлено въ возстановленномъ Сѣверо-Американскомъ союзѣ. Это устройство окончательно осуж-

дено событіями. Допуская государственную отдѣльность штатовъ, оно было безсильно оградить Союзъ отъ распаденія. Несмотря на двѣ общія палаты, несмотря на общее войско, на общіе финансы, общее иностранное представительство, несмотря на сплошное національное единство населеній, оно питало въ отдѣльныхъ штатахъ такія сепаратистическія наклонности, поддерживало между ними такое политическое состязаніе, такую взаимную зависть и ревность, что рано или поздно долженъ былъ послѣдовать разрывъ. Южане покорялись Союзу, пока Сѣверъ, составлявшій большинство, соглашался предоставлять имъ управленіе дѣлами Союза, но какъ скоро Сѣверъ задумалъ воспользоваться своимъ добрымъ правомъ, тотчасъ же Югъ поднялъ знамя сепаратизма, и ненависть къ Сѣверу развилась до того, что Югъ не жалѣетъ никакихъ жертвъ, лишь бы отбиться отъ Союза. Убѣдительнѣйшее доказательство той политической истины, что федеральное устройство, даже при совершенномъ единствѣ національности, носитъ въ самомъ себѣ сѣмена розни, неизбѣжно ведущей къ распаденію федераціи. Пусть же взглянутъ на этотъ примѣръ наши русскіе сбитые съ толку и совсѣмъ омороченные федералисты. Теперь для Сѣверной Америки остаются два исхода: или учрежденіе государственнаго единства съ отмѣной федераціи не только на Югѣ, но и на Сѣверѣ, или распаденіе Союза на жалкія республики въ родѣ южно-американскихъ. Такъ какъ первое невозможно, то нельзя не предвидѣть послѣдняго. Во всякомъ случаѣ благосостояніе Штатовъ утрачено навсегда.

Положимъ, что цѣною независимости Юга и возстановленія рабства, купленъ будетъ дорогой миръ для Сѣвера. Но кто можетъ тогда ручаться, что миръ этотъ будетъ проченъ и продолжителенъ? „Допустимъ, что состоялось рѣшительное раздѣленіе Союза, — сказано весьма основательно въ *Journal des Débats*, отъ 16-го сентября,— допустимъ, что это раздѣленіе признано и узаконено: не миръ начался бы тогда для Сѣвера, а неизбѣжная и непрерывная война. Не только Соединенные Штаты, государство самое цвѣтущее и наименѣе воинственное, какое, когда-либо существовало въ мірѣ, вынуждено было бы покориться общеевропейскому злу содержанія постоянныхъ армій и должно было бы охранять огромную искусственную пограничную линію, которой нигдѣ для него не начертала сама природа, но и новая Конфедерація, съ своей стороны, ставъ игралищемъ иноземныхъ интригъ и точкой опоры для европейскихъ государствъ, ищущихъ вліянія въ Новомъ-Свѣтѣ, была бы самымъ несноснымъ, самымъ безпокойнымъ, самымъ опаснымъ изъ сосѣдей. И сколько источниковъ было бы для новыхъ раздоровъ и ссоръ! Навигація по Миссисипи, напримѣръ, причемъ верховье рѣки было бы въ рукахъ у Сѣвера, а устье у Юга? или вопросъ о невольничествѣ, существующемъ по одну сторону границы и воспрещенномъ по другую? или колонизація въ юго-западныхъ штатахъ и территоріяхъ, гдѣ безпрестанно встрѣчались бы между собою Сѣверяне и Южане съ оружіемъ въ рукахъ? Въ цѣломъ мірѣ не было еще подобной утопіи— заставить Сѣверъ и Югъ, раздѣлившись, жить въ мірѣ между собою!“ Но этого мало. Что тогда остановитъ Западъ потребовать своего отдѣленія отъ Сѣвера? почему и Калифорніи не составить отдѣльной республики? почему и каждому штату не поднять знамени независимаго существованія? Какъ только духъ сепаратизма одержитъ на Югѣ рѣшительную побѣду, Союзъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ пойдетъ дробиться, и скоро великой американской націи совсѣмъ не станетъ на свѣтѣ.

Б.

Миѳическія сказанія петербургскихъ корреспондентовъ, высылаемыя въ иностранныя газеты, по истинѣ замѣчательны, а для насъ тѣмъ болѣе, потому что мы занимаемъ въ нихъ особенно видное мѣсто. Въ *Indépendance belge* (въ № отъ 4-го октября) пишутъ изъ Петербурга отъ 23-го (11-го) сентября, какъ о весьма важномъ симптомѣ нынѣшняго положенія дѣлъ, что „съ нѣкотораго времени“ одно правительственное лицо стало предметомъ особенной предупредительности со стороны своихъ товарищей, которыя до сихъ поръ держались къ нему въ холодныхъ отношеніяхъ, между тѣмъ какъ „со стороны *Московскихъ Вѣдомостей* оно стало предметомъ открытыхъ нападеній....“

Мы не знаемъ, въ какой мѣрѣ справедливы сообщенія корреспондента о томъ что происходитъ въ высшихъ сферахъ петербургскаго общества; но мы считаемъ себя въ полномъ правѣ подать голосъ въ на-

шемъ личномъ дѣлѣ и протестовать противъ той части показанія корреспондента, которая касается насъ. Мы рѣшительно не понимаемъ о какихъ сообщается европейской публикѣ личныхъ и, открытыхъ нападеніяхъ будто бы учиненныхъ нами около того числа, которымъ датировано петербургское письмо въ *Indépendance belge*. Намъ пришлось упомянуть объ одномъ правительственномъ лицѣ, но отнюдь не въ смыслѣ нападенія, а въ видахъ обороны отъ нападеній, которыхъ предметомъ были мы сами. Въ памфлетѣ, извѣстномъ публикѣ, о которомъ говорили мы въ №№ 195 и 196 нашей газеты, мы представлены полудикими демагогами опирающимися въ своихъ мнѣніяхъ на сочувствіе малограмотныхъ и безсмысленныхъ слоевъ русскаго общества. Такъ какъ этотъ памфлетъ, впрочемъ болѣе оскорбительный для русскаго народа и для русскаго правительства, нежели для насъ лично, распространялся по учебнымъ заведеніямъ, то мы позволили себѣ сослаться на полученныя нами въ прошломъ году изъявленія сочувствія отъ правительственнаго лица стоящаго во главѣ управленія учебными заведеніями,—лица, которое приглашало насъ издать сборникъ нашихъ статей по польскому вопросу, и вызывалось взять за себя значительное количество экземпляровъ этого сборника для разсылки ихъ по учебнымъ заведеніямъ. Почему же корреспондентъ видитъ въ этомъ оправдательномъ объясненіи какое-то нападеніе? Мы не приняли сдѣланнаго намъ предложенія; но въ виду распространяемаго теперь по учебнымъ заведеніямъ памфлета, направленнаго противъ насъ и нашихъ мнѣній, мы были въ правѣ сослаться на упомянутое обстоятельство, тѣмъ болѣе что сочувствіе изъявленое намъ правительственнымъ лицомъ, на которое мы сослались, не было случайнымъ и мимолетнымъ, а поддерживалось и подтверждалось въ продолженіе всего прошлаго года, — именно въ ту самую пору, когда по свидѣтельству памфлета, дѣятельность наша будто бы была особенно зловредна. Направленіе *Московскихъ Вѣдомостей* не измѣнялось съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ онѣ поступили въ наши руки до сего дня; характеръ нашей дѣятельности, какъ въ началѣ прошлаго года, такъ и въ концѣ его, а равно и въ настоящее время остается тотъ же самый; въ нашихъ воззрѣніяхъ на польское дѣло мы не измѣнялись; при всѣхъ измѣненіяхъ въ ходѣ этого дѣла, открывавшихъ новыя стороны его, мы оставались и остаемся вѣрны однимъ и тѣмъ же началамъ, убѣждаясь и утверждаясь въ нихъ все болѣе и болѣе. Но автору памфлета почему-то было нужно провозгласить, что съ іюня мѣсяца прошлаго года наша дѣятельность стала особенно зловредною, а высказываемыя въ нашей газетѣ мнѣнія особенно нелѣпыми и не заслуживающими вниманія просвѣщенныхъ людей. Поэтому намъ было очень кстати сослаться на вниманіе, котораго мы были предметомъ со стороны лицъ безспорно просвѣщенныхъ. Предложеніе о сборникѣ было сдѣлано намъ въ тотъ самый мѣсяцъ, который указываетъ авторъ памфлета, именно 7-го іюня. Лестный отзывъ о нашихъ статьяхъ былъ повторенъ 27-го іюня. 16-го августа, въ самый разгаръ нашей зловредной дѣятельности, мы имѣли честь получить письмо, которое еще въ большей степени чѣмъ прежнія заявленія свидѣтельствовало о вниманіи, сочувствіи и довѣріи къ намъ со стороны того же лица. Несмотря на то что мы по непростительной неакуратности, вынуждаемой множествомъ заботъ и дѣлъ, были всегда плохими корреспондентами, и потому не успѣли отвѣчать на лестное письмо отъ 16-го августа, мы еще нѣсколько разъ въ концѣ прошлаго года получали отъ того же лица доказательства вниманія къ намъ, чего безъ сомнѣнія не было бы, если бы мы въ самомъ дѣлѣ были глашатаями безсмысленныхъ мнѣній и трибунами непросвѣщенной черни, какъ свидѣтельствуетъ памфлетъ.

Къ слову объ этомъ памфлетѣ. По поводу его, мы получаемъ съ разныхъ сторонъ заявленія; но по нѣкоторымъ причинамъ мы затруднены печатаніемъ ихъ, хотя они исполнены самаго лучшаго духа и иныя изъ нихъ вполнѣ заслуживаютъ быть доведенными до свѣдѣнія публики. Съ тѣмъ вмѣстѣ, особенно изъ провинціи, получаемъ мы запросы отъ многихъ почтенныхъ лицъ, встревоженныхъ извѣстіемъ о распространеніи этого памфлета по учебнымъ заведеніямъ. Они спрашиваютъ насъ, совершенно ли вѣренъ этотъ слухъ. Къ сожалѣнію, мы должны отвѣчать утвердительно*). Эк-

*) До насъ доходятъ также слухи, что авторъ этого памфлета странствуетъ теперь по Россіи, съ спеціяльною цѣлію обозрѣвать учебныя заведенія и вѣроятно за тѣмъ чтобы вслѣдъ за экземплярами своей книги наблюдать за ея дѣйствіемъ.

земпляры этой книжки, дѣйствительно, разсылались по университетамъ и гимназіямъ, и притомъ какъ мужскимъ, такъ и женскимъ. Какъ мы слышали, многіе директоры гимназій крайне смущены этимъ даромъ, и не знаютъ что съ нимъ дѣлать; Московскій же университетъ, учрежденіе болѣе самостоятельное, единогласно постановилъ въ своемъ совѣтѣ возвратить, по принадлежности, экземпляры этой книги, какъ памфлета „оскорбительнаго для русскаго народнаго чувства и очевидно принадлежащаго перу враждебному Россіи.“ Такое единогласное постановленіе совѣта достаточно для того чтобъ успокоить родителей за духъ и направленіе старѣйшаго изъ русскихъ университетовъ.

№ 213.

Москва, 29-го сентября.

За послѣдніе два года внѣшняя политика Франціи ознаменовалась цѣлымъ рядомъ неудачъ, изъ которыхъ одна была тяжелѣе другой. Нѣтъ сомнѣнія, что и послѣ блестящей италіянской компаніи 1859 года и послѣдовавшаго за нею присоединенія Ниццы и Савоіи, Франція имѣла важныя причины дорожить союзомъ съ Россіей, которому она была такъ много обязана этими успѣхами своими; но Англіи удалось расторгнуть этотъ союзъ, вызвавъ на сцену какъ-называемый польскій вопросъ. Этотъ вопросъ, въ свою очередь, представлялъ много благопріятныхъ шансовъ для Франціи; но благодаря высокому патріотизму Русскаго Государя, разомъ уничтожившему всякую надежду на какія-либо добровольныя уступки, несогласныя ни съ честью русской державы, ни съ интересами русскаго государства, этотъ вопросъ разрѣшился для Франціи дипломатическимъ пораженіемъ, и только подготовилъ сближеніе трехъ сѣверныхъ державъ, которое было опять въ видахъ Англіи для того чтобы привлечь на свою сторону Францію. Предложеніе о конгрессѣ, съ помощью котораго Франція надѣялась возвратить себѣ утраченное положеніе, имѣло также печальный исходъ; датско-германскимъ столкновеніемъ, разгару котораго Франція не мало содѣйствовала, ей не удалось воспользоваться, потому что Англія согласилась лучше видѣть раздробленіе Датской монархіи чѣмъ появленіе французскихъ войскъ за Рейномъ. Затѣмъ вдругъ послѣдовали дружественныя свиданія въ Потсдамѣ, въ Киссингенѣ, въ Карлсбадѣ, и повидимому готовъ былъ состояться союзъ трехъ сѣверныхъ державъ. Въ виду всѣхъ этихъ событій легко можно было смутиться Наполеону III и войти въ виды англійской политики. Для этого про запасъ оставалось средство—Римъ и связанныя съ его судьбою судьбы Италіи, папства и даже самой Австріи Если польскій вопросъ былъ вызванъ Англіей, для того чтобы расторгнуть союзъ между Франціей и Россіей, то франко-италіянская конвенція, въ свою очередь, закрѣпила сближеніе между Франціей и Англіей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она, очевидно, предназначена произвести рѣшительную перемѣну въ нынѣшнемъ сочетаніи политическихъ силъ въ Европѣ, и въ этомъ заключается чуть ли не главнѣйшее ея назначеніе.

Искусная рука, держащая нити европейской политики, успѣла расположить ихъ такъ, что для Австріи наступило теперь критическое время. Оставаться въ пассивномъ положеніи ей невозможно. Между тѣмъ какъ на сѣверѣ европейскія державы рѣшились пожертвовать Даніей и тѣмъ допустили совершенное преобладаніе Пруссіи въ Германскомъ Союзѣ, конвенція 15-го сентября тѣснитъ Австрію и на югѣ. Этою конвенціей, заключенною подъ условіемъ перенесенія столицы изъ Турина во Флоренцію, Франція фактически отвергаетъ Цюрихскій трактатъ, за который Австрія держится какъ за единственно-твердую въ Италіи почву; сверхъ того своею пассивностью Австрія предаетъ опасности свѣтскую власть и будущую независимость римскихъ папъ, и какъ бы отрекается отъ качества великой католической державы, не ограждая нисколько своего владычества въ Венеціи и не избавляясь отъ раззорительной необходимости содержать огромное войско. Затѣмъ остается одно изъ двухъ: или воспротивиться осуществленію конвенціи 15-го сентября, или вступить на путь сдѣлокъ съ Франціей. Но какъ воспротивиться? Этотъ путь, согласный съ требованіями чести и съ настроеніемъ самыхъ вліятельныхъ лицъ въ Вѣнѣ, представляетъ слишкомъ большія опасности, и Австрія рѣшилась бы вступить на него, только будучи вполнѣ увѣрена въ содѣйствіи Пруссіи и вообще Германіи, и въ томъ что Россія тѣмъ временемъ будетъ сохранять доброжелатель-

ный къ ней нейтралитетъ. Послѣднее, конечно, возможно, но при теперешнемъ положеніи дѣлъ въ Европѣ, въ особенности же при положеніи, принятомъ Англіей относительно конвенціи 15-го сентября, со стороны Австріи было бы безуміемъ разчитывать на Пруссію и Германію въ случаѣ столкновенія съ Франціей. Волей-неволей Австрія принуждена будетъ согласиться на признаніе Италіянскаго королевства, и только попытается развѣ выговорить себѣ, чтобы Франція поручилась за неприкосновенность Венеціянской области и нынѣшнихъ папскихъ владѣній. Но и этого она на врядъ ли добьется. Еслибы Франція, дѣйствительно руководилась только желаніемъ уладить италіянскія дѣла и имѣла при этомъ миролюбивые виды, то подобная сдѣлка была бы возможна; но съ такимъ настроеніемъ несогласны обстоятельства, сопровождавшія заключеніе конвенціи 15-го сентября: устраненіе Австріи отъ предварительныхъ переговоровъ; предшествовавшее охлажденіе между Австріей и Франціей; тайна, въ которой такъ долго содержался отъ нея текстъ конвенціи; обвиненіе высказанное будто бы французскимъ посломъ въ Вѣнѣ противъ Австріи по поводу датско-германскаго столкновенія и нынѣшней Вѣнской конференціи. Словомъ есть признаки, что виды Франціи относительно Австріи далеко не такъ миролюбивы, и что она, можетъ-быть, не удовольствуется и простымъ, безусловнымъ признаніемъ Италіянскаго королевства, а потребуетъ еще уступки Венеціи, и за освобожденіе ея даже не прочь будетъ не много повоевать, ибо при этомъ представился бы прекрасный случай прирѣзать къ Франціи либо часть Піемонта, либо островъ Сардинію съ Эльбой, о чемъ была уже рѣчь и прежде. Впрочемъ, этого не желала бы, вѣроятно Англія, хотя это допустить ей легче, чѣмъ дать Франціи волю на Рейнѣ, а потому англійскіе государственные люди—лордъ Кларендонъ, непоименованный „другъ Австріи въ англійскомъ парламентѣ“, адресовавшій свое письмо въ вѣнскую газету *Botschafter* приняли на себя роль совѣтодателей, стараясь всячески склонить Австрію въ пользу добровольнаго признанія Италіянскаго королевства и уступки ему Венеціянской области. Еслибъ Австрія послушалась этихъ совѣтовъ, то Франція лишилась бы повода къ наступательнымъ дѣйствіямъ, а слѣдовательно и къ расширенію своей территоріи, и была бы принуждена остаться ни при чемъ. Цѣль Англіи была бы достигнута самымъ выгоднымъ образомъ, а со стороны Австріи это былъ бы верхъ либерализма, за который ее прославила бы вся европейская печать. Но какъ побудить Австрію къ такому „либеральному“ образу дѣйствій? Указаніемъ на славу не заманишь австрійскихъ государственныхъ людей; надобно, чтобъ они видѣли серіозную опасность, и вотъ дѣло устроилось такъ, что дѣйствительно оказывается возможнымъ столкновеніе Австріи съ Франціей. Пугая Австрію этимъ столкновеніемъ и ничего не дѣлая, чтобъ его устранить, а напротивъ даже вызывая его, „друзья“ Австріи совѣтуютъ ей добровольныя уступки и указываютъ ей въ такомъ случаѣ на возможности союза съ Франціей и съ Англіей и на всѣ выгоды *предпріимчивой* политики. Гдѣ же можетъ проявить Австрія свою предпріимчивость, въ союзѣ съ Англіей и съ Франціей? Отъ Италіи ее отрѣзываютъ; въ Германіи съ ея предпріимчивостью не замедлила бы враждебно встрѣтиться еще бóльшая предпріимчивость г. фонъ-Бисмарка. Гдѣ же можетъ проявиться австрійская *предпріимчивая* политика какъ не на Востокѣ, какъ не въ предѣлахъ Турецкой имперіи, которая и такъ уже покрыта австрійскими консульствами и австрійскими почтовыми конторами? Вѣдь предлагалъ же Австріи императоръ Наполеонъ въ апрѣлѣ 1863 г. отречься отъ Венеціи и Галиціи и содѣйствовать возстановленію Польскаго королевства, представляя ей, въ вознагражденіе за это, величавые планы перестройки европейскаго юго-востока. Австрія отказалась въ то время отъ этихъ предложеній; но ничто не ручается за то, чтобы въ нынѣшнемъ затруднительномъ своемъ положеніи, если Россія и Пруссія совсѣмъ отстранятся отъ нея, она не приняла ихъ. Въ этой комбинаціи, на которой повидимому наиболѣе настаиваетъ Англія, заключается единственная опасность всего этого дѣла для Россіи.

Эта опасность можетъ быть и велика и мала, смотря потому какъ мы будемъ дѣйствовать. Если лондонскіе „друзья“ Австріи совѣтуютъ ей предпріимчивую политику, которая гораздо болѣе согласна съ видами Англіи чѣмъ съ интересами и настроеніемъ Австріи, то ни одинъ другъ Россіи не посовѣтуетъ намъ предпріимчивости въ дѣлахъ внѣшней политики, а пожелаетъ, чтобы мы употребили *все свое вліяніе*

въ Европѣ на охраненіе настоящаго порядка вещей отъ интригъ, его подкапывающихъ, и *всѣ силы свои* направили на такое разрѣшеніе внутреннихъ своихъ вопросовъ, которое обезпечило бы за русскимъ народомъ возможность правильнаго, свободнаго и всесторонняго развитія. Интересы Россіи требуютъ, очевидно, совершеннаго консерватизма въ вопросахъ внѣшней политики, между тѣмъ какъ наша внутренняя политика должна быть направлена на то, чтобы возвысить русскій народъ въ собственномъ его мнѣніи и во мнѣніи Европы, оградить Россію отъ неправыхъ притязаній, разчитанныхъ на запутанность ея внутреннихъ дѣлъ, упрочить ея финансы, развить ея матеріальное и нравственное благосостояніе и вообще дать полный ходъ ея силамъ. Для достиженія этихъ цѣлей нужны большія усилія, это правда, — но только цѣной усилій направленныхъ къ этимъ цѣлямъ можемъ мы выйдти изъ того положенія, при которомъ всякій европейскій вопросъ такъ легко превращается въ вопросъ о Россіи.

Итакъ съ интересами Россіи было бы несогласно, еслибы въ настоящее время она не приняла положенія благопріятнаго для охраненія нынѣшняго порядка вещей въ Европѣ. Тогда Австріи не осталось бы ничего болѣе какъ броситься въ объятія Франціи и Англіи, и усвоить себѣ ту „предпріимчивую", политику которую ей рекомендуютъ. Видя нѣкоторые признаки сближенія Пруссіи и Россіи съ Франціей, въ Вѣнѣ уже поднимаютъ голосъ въ пользу союза съ западными державами и даже въ пользу европейскаго конгреса. Въ прошломъ году конгресъ былъ отвергнутъ Англіей; теперь повидимому Англія начинаетъ смотрѣть на него болѣе благопріятно, — конечно вслѣдствіе увѣренности, что Франція будетъ принуждена дѣйствовать въ ея видахъ. Конвенція 15-го сентября была заключена съ ея вѣдома и согласія; какъ слышно отовсюду, конвенція эта разчитана на измѣненіе политическихъ отношеній въ Европѣ посредствомъ европейскаго конгреса. Итакъ Англія не отвергаетъ уже этой идеи. Но замѣчательно, что и въ самой Австріи оказывается къ ней нѣкоторое расположеніе, какъ къ лучшему изъ худшаго. Неужели австрійскіе государственные люди поддадутся на эту удочку? Только несчастная увѣренность въ нашей внутренней слабости можетъ заманить Австрію на этотъ путь, столько же рискованный, сколько и безславный для нея.

№ 214.

Москва, 30-го сентября.

О желѣзной дорогѣ изъ Варшавы въ Брестъ-Литовскій говорятъ какъ о дѣлѣ окончательно рѣшенномъ. Концессія будетъ дана акціонерному обществу, во главѣ котораго стоитъ г. Кронебергъ, варшавскій негоціянтъ ведущій обширныя дѣла преимущественно съ казной Царства Польскаго. Правительство гарантируетъ 5% и семидесятипятилѣтнее погашеніе капитала дѣйствительно издержаннаго, который не долженъ однакожь превышать 53.000 р. на версту. Гарантія дается на звонкую монету на такомъ же основаніи какъ она дана Главному Обществу Русскихъ Желѣзныхъ Дорогъ. Срокъ построенія—пять лѣтъ начиная съ октября сего года, слѣдовательно всѣ работы должны быть окончены къ осени 1869 г., но участокъ до Сельца долженъ быть готовъ къ маю 1868 года. Капиталъ будетъ собранъ на половину акціями и на половину облигаціями. Таковыя главныя основанія устава новой компаніи. Что касается до направленія дороги, то она пойдетъ изъ Варшавы на Сельце, а далѣе предполагается вести ее не прямо на Брестъ-Литовскій, но съ изгибомъ на югъ, черезъ Луковъ. Въ объясненіе этого изгиба указываютъ на два обстоятельства: вопервыхъ на то что мѣстность между Сельцемъ и Брестомъ болотистая, и вовторыхъ на намѣреніе воспользоваться этою линіей для позднѣйшаго соединенія Варшавы съ юговосточнымъ угломъ Царства Польскаго посредствомъ вѣтви, которая направилась бы изъ Лукова на Устилугъ и могла бы быть продолжена потомъ черезъ Волынь къ Кіеву. О первомъ изъ указанныхъ обстоятельствъ мы не можемъ судить за неимѣніемъ топографическихъ данныхъ. Болота между Сельцемъ и Брестомъ дѣйствительно означаются на нѣкоторыхъ картахъ, но они не помѣшали, однакоже, проведенію шоссе, идущаго, какъ извѣстно, изъ Сельца прямо на Брестъ. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибъ оказалась возможность, то было бы удобнѣе и выгоднѣе избѣжать эту извилину, не жертвуя дорогой на Брестъ отдаленнымъ видамъ на дорогу въ Устилугъ,

которая едва ли и состоится. Мѣстность между Сельцемъ и Устилугомъ не принадлежитъ къ богатымъ мѣстностямъ Царства Польскаго; безъ правительственной гарантіи рельсовый путь черезъ эту мѣстность едва ли будетъ продолженъ, а можно ли ожидать чтобы правительство дало гарантію линіи, которой главная цѣль состояла бы въ томъ, чтобы привязать Волынь къ Варшавѣ?

Вѣтвь изъ Лукова на Устилугъ есть политическая примѣсь, искажающая общеполезный характеръ Варшаво-Брестской дороги. Но если устранить эту примѣсь, и если имѣть увѣренность, что рельсы будутъ непремѣнно положены до Бреста (то-есть собственно до Буга подъ Брестомъ), то нельзя не привѣтствовать проектъ Варшаво-Брестской дороги: она пройдетъ по мѣстности обильной лѣсомъ, довольно населенной и плодородной, приблизитъ къ Варшавѣ брестскій коммиссаріатъ и брестскіе склады, улучшитъ бытъ населеній между Сельцемъ и Брестомъ, крайне нуждающійся въ улучшеніи, и, наконецъ, дастъ занятіе рабочему классу въ Царствѣ, что̀ послѣ мятежа особенно важно. Насъ извѣщаютъ, что на этомъ предпріятіи не остановится дѣло построенія дорогъ въ Царствѣ Польскомъ. Вскорѣ ожидается еще другая концессія, о которой уже хлопочетъ одна русская компанія,—именно концессія линіи изъ Варшавы на Новогеоргіевскъ и Млаву къ прусской границѣ для соединенія съ желѣзною дорогой уже проводимою оттуда на встрѣчу къ этой линіи. Такимъ образомъ есть надежда, что въ Царствѣ Польскомъ оживится экономическая дѣятельность, всегда направляющая людей къ цѣлямъ практически-полезнымъ и осуществимымъ. Можно было бы только желать, чтобы при дальнѣйшихъ концессіяхъ, именно для правильнаго возбужденія предпріимчивости по части сооруженія желѣзныхъ дорогъ, система гарантій, лишающая акціонерныя компаніи многихъ преимуществъ компанейскаго хозяйства передъ казеннымъ, уступила мѣсто другой, болѣе совершенной системѣ пособій со стороны правительства и мѣстностей, по которымъ должна проходить предполагаемая желѣзная дорога. Сосѣдняя Пруссія можетъ служить въ этомъ отношеніи хорошимъ примѣромъ. Она совсѣмъ отказалась теперь отъ системы гарантій и ограничивается пособіями такого свойства, которыя не снимаютъ съ акціонеровъ заботы объ экономическомъ построеніи дороги и о разчетливой эксплуатаціи ея. Дѣло построенія желѣзныхъ дорогъ стояло бы у насъ безъ всякаго сомнѣнія лучше, еслибы система правительственной гарантіи была прилагаема въ меньшихъ размѣрахъ и меньше пріучила бы акціонеровъ къ беззаботности, а строителей къ тратѣ денегъ, почти безотчетной.

Мы не будемъ однакоже на этотъ разъ останавливаться на вопросѣ о гарантіи, требующемъ обстоятельнаго разсмотрѣнія, и возвратимся къ вопросу о сѣти желѣзныхъ дорогъ въ Царствѣ Польскомъ, чтобъ извлечь изъ этого дѣла полезный для себя урокъ. Еще до возстанія разрабатывался тамъ проектъ желѣзной дороги изъ Варшавы на Устилугъ; были даже произведены инженерныя развѣдки по этой линіи. Она должна была идти на Сельце и Луковъ; нынѣ составляющаяся акціонерная компанія намѣрена воспользоваться прежними развѣдками на линіи отъ Варшавы до Лукова. Готовыя развѣдки, если мы не ошибаемся, были однимъ изъ побужденій допустить упомянутую нами извилину на Луковъ. Планъ захватить Луковъ и провести оттуда вѣтвь на Устилугъ есть такимъ образомъ только осуществленіе прежняго намѣренія, которому придавалось большое значеніе въ политическомъ отношеніи. Одновременно съ этимъ намѣреніемъ, также слишкомъ за годъ до возстанія, въ Литвѣ возникъ планъ желѣзной дороги, которая, отправившись отъ Бѣлостока, прорѣзала бы Бѣловѣжскую пущу и направилась бы черезъ Пинскъ къ Кіеву. Предприниматели надѣялись, что обѣ эти желѣзныя дороги, притягивающія Волынь и Кіевъ къ сѣверозападу, будутъ сооружены въ непродолжительномъ времени и притомъ съ казенною гарантіей. Только возстаніе помѣшало осуществленію этихъ надеждъ. Таковы были планы, задуманные съ политическою предусмотрительностью въ интересѣ польскаго дѣла. Обнаружили ли мы Русскіе хоть тѣнь подобной предусмотрительности? Если нѣтъ, то сознаемъ ли мы по крайней мѣрѣ теперь свою вину передъ отечествомъ и заботимся ли о томъ, чтобы впредь не впадать въ нее? Всѣ говорятъ, что польское возстаніе открыло намъ глаза, но дѣйствительно ли такъ? Возстаніе пріостановило многія мѣры, задуманныя въ видахъ сосредоточенія польскихъ силъ и усиленія польскихъ тяготѣній въ западномъ краѣ,

но еслибъ оно дѣйствительно открыло намъ глаза, еслибъ оно дѣйствительно побудило насъ смотрѣть на свое положеніе съ тою же проницательностью, съ какою польскіе националы смотрѣли на свое, то было ли бы возможно то упорное легкомысліе, съ которымъ большинство нашей періодической печати отклоняетъ, какъ нелѣпость, всякую мысль о необходимости связать Кіевъ съ Москвой? Слѣпота наведенная на нашихъ публицистовъ повидимому ничѣмъ неизлѣчима. Если они не хотятъ взять на себя тяжкій трудъ серіознаго размышленія о дѣлѣ, за которое льются потоки крови, то хоть руководствовались бы они сужденіями публицистовъ польскихъ, хоть положились бы на ихъ политическій взглядъ. Тѣ придаютъ особенную важность соединенію Волыни и Кіева съ Царствомъ Польскимъ: не слѣдуетъ ли изъ этого, что мы должны придавать особенную важность соединенію Волыни и Кіева съ Москвой? Неужели это не ясно какъ день? Какимъ волшебствомъ нужно быть околдовану, чтобы даже этого не видать? А между тѣмъ многіе изъ нашихъ публицистовъ не видятъ этого.

Враждебные Россіи памфлеты признаютъ, что русскій народъ единодушно высказался за неприкосновенность Русской земли, и что это заявленіе народной воли и народнаго чувства должно быть уважено, а потому Царство польское должно отказаться отъ притязаній на западный край. Люди желающіе раздробленія Россіи соглашаются что западный край долженъ быть русскимъ краемъ, а у насъ въ центрѣ Россіи то и дѣло приходится слышать, что нѣтъ никакой необходимости спѣшить соединеніемъ западнаго края съ Москвой посредствомъ желѣзной дороги! Чѣмъ же спѣшить какъ не этимъ, если только западный край долженъ быть русскимъ краемъ? Желѣзная дорога, говорятъ, не поможетъ достиженію этой цѣли. Но если не поможетъ даже желѣзная дорога, то что же поможетъ? И почему Москвѣ она не поможетъ притянуть къ себѣ западный край, а Варшавѣ поможетъ? Если принадлежность западнаго края къ Россіи дѣло до такой степени безнадежное, то зачѣмъ же стоять за это дѣло, зачѣмъ проливать за него кровь? А если мы хотимъ стоять за принадлежность западнаго края Россіи, то откуда берется въ насъ нежеланіе закрѣпить эту принадлежность проведеніемъ желѣзной дороги? Невольно приходится спросить: ужь полно открыло ли намъ глаза польское возстаніе?

№ 215.

Москва, 2-го октября.

Въ № 210-мъ *Московскихъ Вѣдомостей* намъ пришлось доказывать всю неосновательность порицаній, которыя газета *le Temps* расточаетъ указамъ 30-го августа за то, что русская верховная власть, при устройствѣ учебной части въ Польскомъ краѣ, не отреклась отъ живущаго тамъ русскаго народонаселенія и предначертала для него способы, которыми оно можетъ охранить свой языкъ и свою вѣру; теперь намъ приходится имѣть дѣло съ похвалами, которыя воздаютъ тѣмъ же указамъ нѣмецкія и французскія газеты, и которыя, по своему значенію, чуть ли не хуже всякихъ порицаній.

Обыкновенно во всѣхъ этихъ отзывахъ фигурируютъ *Московскія Вѣдомости*. Такъ, между прочимъ, петербургскій корреспондентъ, въ № 274 газеты *le Nord*, съ особеннымъ удовольствіемъ заявляетъ, будто бы указы 30-го августа вполнѣ разочаровали *Московскія Вѣдомости* въ ихъ ожиданіяхъ и даже будто бы вызвали съ нашей стороны „горькую, хотя и сдержанную критику“, которая однакоже, по словамъ корреспондента, должна служить для этихъ указовъ наилучшею похвалой.

Итакъ, въ нѣкоторыхъ сферахъ, самый тонъ мнѣній *Московскихъ Вѣдомостей* служитъ основаніемъ для оцѣнки законодательныхъ мѣръ! Что̀, по сужденію этихъ господъ, не должно нравиться *Московскимъ Вѣдомостямъ*, то стало-быть и хорошо, тому стало-быть и нужно рукоплескать. Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* видятъ они органъ русской партіи, которой противополагаютъ партію французскую, какъ мы сейчасъ прочли въ газетѣ *France*. Французская партія въ Россіи, въ русскихъ дѣлахъ! Вотъ до чего мы дожили! Но объ этомъ поговоримъ мы послѣ, а теперь возвратимся къ русской партіи, которой органомъ мы, конечно, не можемъ не быть. Въ русскомъ интересѣ, для всѣхъ честныхъ русскихъ людей, можетъ быть только одна цѣль, одно направленіе; но средства и способы къ достиженію одной и той же цѣли могутъ съ разныхъ точекъ зрѣ-

нія представляться разные. Что касается до насъ, то мы прежде всего цѣнимъ общее направленіе законодательныхъ мѣръ, сочувствуемъ всему что предпринимается въ интересѣ русскаго дѣла, хотя бы то или другое средство, тотъ или другой путь казались намъ болѣе соотвѣтствующими цѣли. Лица, на отвѣтственности которыхъ лежитъ принятіе и исполненіе правительственныхъ мѣръ, ближе стоятъ къ дѣлу и могутъ лучше судить о различныхъ обстоятельствахъ, которыя его окружаютъ, и съ которыми слѣдуетъ соображаться для успѣшнаго дѣйствія. Въ данномъ случаѣ намъ не было надобности сдерживать себя, потому что не было никакого повода къ „горькой критикѣ“, а былъ поводъ къ соображеніямъ относительно силы указовъ 30-го августа и также относительно дальнѣйшихъ распоряженій по этой части. Не съ указами 30-го августа расходятся воззрѣнія русскихъ людей, къ которымъ мы не можемъ не причислять себя, а съ тѣми истолкованіями этихъ указовъ, на которыя такъ щедры разные петербургскіе корреспонденты иностранныхъ газетъ и сами эти газеты. Напримѣръ, упомянутый корреспондентъ газеты *Le Nord*,—которая основана на русскія деньги и продолжаетъ свое существованіе благодаря ежегоднымъ пособіямъ изъ Россіи,—восхваляетъ указы 30-го августа въ томъ предположеніи, что они будто бы провели новую черту раздѣленія между Польшей и Россіей, и признали нераздѣльно и исключительно права только польскаго населенія въ *Конгрессовкѣ*. Корреспондентъ даже подшучиваетъ надъ тѣмъ, что мы какъ будто бы опасаемся, чтобы Поляки не ополячили Польшу: такъ несомнѣнно кажется ему, что и 500.000 Русскихъ, и 300.000 Нѣмцевъ, и 215.000 Литовцевъ, и 600.000 Евреевъ должны стать неминуемо Поляками. Съ точки зрѣнія корреспондента, въ *Конгрессовкѣ* нѣтъ никого кромѣ Поляковъ; но съ точки зрѣнія указовъ, тамъ есть еще и Русскіе, и Нѣмцы, и Литовцы. Мы упомянули еще о Евреяхъ, о языкѣ которыхъ ничего не сказано въ указахъ, и которые, какъ извѣстно, уже болѣе тысячи лѣтъ утратили въ этомъ отношеніи свою національность: неужели желательно, чтобы русское правительство дѣлало ихъ à toute force Поляками? Неужели также желательно, чтобы подъ русскою державой, и при столь значительномъ русскомъ народонаселеніи по сю сторону Вислы, не была признана равноправность русскаго языка съ польскимъ въ законодательствѣ, въ администраціи, въ судахъ, въ учебныхъ заведеніяхъ? Мы полагаемъ, что выраженіе этихъ столь естественныхъ желаній не только не представляетъ собою „горькой критики“ на указы 30-го августа, но напротивъ, касаясь ихъ примѣненія, входитъ въ кругъ воззрѣній, которыя легли имъ въ основу, и въ этомъ смыслѣ наша „горькая критика“ можетъ быть дѣйствительно названа наилучшею похвалой указамъ 30-го августа, потому что мы старались показать, какъ широко и полезно можетъ быть ихъ примѣненіе. Но для этого, конечно, необходимо стать на точку зрѣнія не петербургскаго корреспондента газеты *le Nord*, а на точку зрѣнія законодателя, и не предполагать, что онъ имѣлъ въ виду провести новую черту раздѣленія между Польшей и Россіей, и что ему будто бы нисколько не дороги ни сохраненіе русской народности, ни естественные успѣхи русскаго языка въ краѣ находящемся подъ русскою державой.

Впрочемъ не всѣ петербургскіе корреспонденты иностранныхъ газетъ смотрятъ глазами корреспондента *Le Nord*. Вотъ что, между прочимъ, читаемъ мы въ письмѣ изъ Петербурга, напечатанномъ въ *Morning Herald*, отъ 5-го октября:

„Если Польшѣ суждено навсегда быть соединенною съ Россіей, то можно надѣяться, что узы, долженствующія связать между собою обѣ націи, станутъ со временемъ тѣснѣе, и конечно, интересъ самихъ Поляковъ требуетъ, чтобъ они научились по-русски. Говорятъ, что во многихъ мѣстахъ сельское народонаселеніе выразило желаніе ввести русскій языкъ въ элементарныя школы, и еслибы народъ принялъ его добровольно, это было бы первымъ шагомъ къ дѣйствительному соединенію двухъ націй и къ уничтоженію раздѣляющей ихъ преграды.“

Едва ли было бы согласно съ указами 30-го августа, еслибъ училищные директоры и мѣстныя власти въ Царствѣ Польскомъ полагали преграды подобнымъ влеченіямъ, или не заботились объ устраненіи преградъ, которыя несомнѣнно будутъ полагаться имъ съ другой стороны. Точно также едва ли было бы согласно съ указами, еслибы директоры терпѣли въ народныхъ училищахъ или въ гимназіяхъ учителей, внушающихъ ненависть къ русско-

му народу и русскому языку, и не отличали бы тѣхъ изъ нихъ, которые, пользуясь близкимъ сродствомъ обоихъ языковъ, въ преподаваніи самой польской грамоты заботились бы объ ознакомленіи своихъ учениковъ съ русскою рѣчью, указывая имъ до какой степени близка она къ рѣчи польской. Выражая желаніе многихъ славянистовъ, въ томъ числѣ самихъ Поляковъ, мы говорили между прочимъ, какъ было бы легко и удобно ввести теперь же въ польскихъ народныхъ училищахъ кириллицу, вмѣсто несвойственнаго славянскимъ звукамъ латинскаго алфавита, который теперь употребляется для польскаго языка. Почему же все это „горькая критика!“

Прислушаемся еще къ тому, что̀ говоритъ объ этомъ предметѣ *Крестовая Газета*. Отзывъ ея собственно оригиналенъ. Она склоняется къ тому мнѣнію что указы 30-го августа скорѣе будутъ вредны чѣмъ полезны. „Никакъ нельзя сказать,—читаемъ мы въ передовой статьѣ этой газеты, отъ 9-го октября,—чтобы нынѣшнее положеніе Польши дѣлало ее способною теперь же выдержать подобный училищный уставъ. Онъ идетъ такъ далеко въ признаніи идеи національности какъ только возможно, и тѣмъ самымъ легко можетъ породить новыя утопическія желанія въ Полякахъ“. Но это было бы справедливо только тогда, когда бы въ самыхъ указахъ и въ сопровождающемъ ихъ высочайшемъ рескриптѣ не было очевидныхъ признаковъ того, какъ дорожитъ законодатель сохраненіемъ русской народности въ польскомъ краѣ,—безъ сомнѣнія, въ тѣхъ видахъ, чтобъ она послужила связующимъ звеномъ между этимъ форпостомъ Руси и ея материкомъ,—и если изъ многихъ пунктовъ, сближающихъ училищную систему въ Польшѣ съ училищною системой въ Россіи, нельзя было заключать, что начало равноправности польскаго и русскаго языковъ будетъ въ польскихъ губерніяхъ примѣнено во всей силѣ. Въ такомъ случаѣ указы 30-го августа не возбудятъ „утопическихъ желаній“ въ Полякахъ, а напротивъ проложатъ путь къ естественному сближенію двухъ вѣтвей одного племени,—сближенію, къ которому, повидимому, такъ склоненъ не початый исторіей народъ польскихъ крестьянъ. *Крестовая Газета* считаетъ особенно опаснымъ обѣщанное преобразованіе Главной Школы въ Варшавскій университетъ, котораго, какъ она припоминаетъ, никакъ не хотѣлъ допустить императоръ Николай I. Не рѣшаемъ въ какой мѣрѣ эти опасенія основательны. Но интересно то, что *Крестовая Газета* считая указы 30-го августа, опасными для Россіи и Польши, однакоже почла своимъ долгомъ восхвалять ихъ. За что̀ же? Извѣстно, что *Крестовая Газета* менѣе всего славится либерализмомъ своего направленія, и однакоже она восхваляетъ указы 30-го августа именно за ихъ „истый либерализмъ“. Только-что высказавшись противъ возбужденія въ Полякахъ „утопическихъ желаній,“ она спѣшитъ вывести изъ законовъ 30-го августа заключеніе, къ которому они не подаютъ повода. „Должно-быть, говоритъ *Крестовая Газета*, Императоръ рѣшился идти еще далѣе впередъ на этомъ пути уступокъ въ пользу самостоятельной польской національности“. Мало того: *Крестовая Газета* приводитъ указы 30-го августа въ безсмысленное и оскорбительное сочиненіе съ доктринами памфлета, о которомъ было столько рѣчи: „Que fera-t-on de la Pologne?“

Неужели предположенія, которыя въ отношеніи ко всякой другой политикѣ, были бы въ высшей степени оскорбительны, должны считаться похвалою по отношенію къ политикѣ русской? Мы понимаемъ, что есть много партій, которыя порадовались бы раздробленію или уничиженію Россіи, но мы не понимаемъ той наглости, съ которою онѣ приписываютъ подобные виды русской политикѣ. Мы понимаемъ, что эти партіи желали бы подавить въ самомъ зародышѣ русское національное чувство, такъ чтобъ о немъ не было болѣе ни слуху, ни духу. Но мы не можемъ понять, какъ могла какая бы то ни было газета дозволить себѣ сказать, что верховная власть въ Россіи „совершенно порвала связи съ идеями всей многочисленной партіи русскихъ патріотовъ?“ Или, по мнѣнію *Крестовой Газеты*, въ Россіи можетъ быть какой-нибудь другой, не-русскій, патріотизмъ, и могутъ быть другіе, не-русскіе, патріоты? И почему русскіе патріоты въ Россіи составляютъ только партію, хотя бы и многочисленную? Неужели же прошедшій годъ не убѣдилъ этихъ господъ, что партію, о которой они толкуютъ, составляетъ весь русскій народъ. Многіе, конечно, отъ всей души желали бы

видѣть разрывъ между русскою верховною властью и русскимъ народомъ; но утверждать, что это желаніе исполнилось, что этотъ разрывъ произошелъ, и утверждать это по поводу указовъ 30-го августа, это верхъ безсмыслицы.

Въ послѣднее время, какъ бы по данному сигналу, противъ *Московскихъ Вѣдомостей* открытъ непрерывный огонь по всей линіи иностранной журналистики. *Indépendance Belge*, *Le Nord*, *La France*, *Кельнская*, *Крестовая Газета*, и пр., напрягаютъ свои силы, чтобы поразить насъ на смерть, или представить пораженными. Мы очень хорошо понимаемъ, что дѣло идетъ тутъ не о насъ и не о нашей газетѣ. Аттака направлена противъ русскаго національнаго дѣла, которое, лишь въ видахъ удобства, хотятъ локализировать въ нашей газетѣ. Будемъ надѣяться, что побѣда останется не за французскою или нѣмецкою партіей въ русскихъ дѣлахъ, а за „русскую партіею,“ къ которой принадлежитъ весь русскій народъ съ Вѣнценоснымъ Вождемъ своимъ во главѣ.

№ 216.

Москва, 3-го октября.

Насъ занимаетъ исторія одной мысли. Въ то время когда шумно совершаются событія, тихо и незамѣтно зрѣетъ мысль, переходя изъ одной фазы въ другую. Мало слѣдить за ходомъ событій; надобно умѣть приглядываться и къ метаморфозамъ сопутствующей имъ идеи, въ которой заключается ихъ существенный смыслъ. Мысль порождаетъ событія, событія порождаютъ мысль. Время, въ которое мы живемъ, въ высшей степени поучительно. Наблюдатель поставленъ самымъ благопріятнымъ образомъ: онъ можетъ видѣть и то что̀ происходитъ на сценѣ, и то что̀ происходитъ за кулисами; онъ видитъ и маски, и то что̀ подъ масками. Впрочемъ, хотя это и поучительно, однако нельзя сказать чтобъ это было пріятно; гораздо пріятнѣе сидѣть зрителемъ въ партерѣ и испытывать рядъ впечатлѣній, производимыхъ творческимъ вымысломъ и игрой лицедѣевъ.

Насъ, какъ сказано, занимаетъ исторія одной мысли, которая развивалась и созрѣвала подъ шумъ событій. Мы переносимся воображеніемъ къ началу прошлаго года. На дворѣ стоитъ февраль; мятежъ въ Польшѣ только что вспыхнулъ, ея лѣса наполняются шайками; подземное правительство издаетъ декреты; подъ легкимъ, исчезающимъ какъ февральскій снѣгъ въ тѣхъ мѣстахъ, покровомъ законнаго порядка, обрисовалось Польское королевство временъ Люблинской уніи. Вся Европа въ страшномъ волненіи; открывается спектакль увлекательный и потрясающій... Въ это время Россія имѣла видѣніе: передъ нею неожиданно явился господинъ весьма почтеннаго вида, хорошаго тона, нѣсколько старомодный въ оборотѣ своихъ мыслей и въ складѣ своей рѣчи; говорилъ онъ по-французски не весьма изящно, не удобопонятно. Рѣчь его дышала благочестіемъ, любовію къ порядку и законности, и ненавистью къ революціи и демагогіи. Онъ отрекомендовалъ себя самымъ доброкачественнымъ польскимъ патріотомъ. Онъ скорбѣлъ по случаю открывшагося мятежа, и съ горечью отзывался о мятежникахъ. Онъ упрекалъ ихъ въ томъ, что они соединяютъ польское дѣло съ замыслами европейской демагогіи, что они лишены истиннаго гражданскаго мужества и не умѣютъ вести дѣло съ соблюденіемъ должныхъ приличій; онъ упрекалъ ихъ въ томъ, что они не умѣютъ цѣнить государственныхъ мужей, которые съ большимъ искусствомъ управляютъ ходомъ польскаго дѣла, и которымъ они только мѣшаютъ. Онъ говорилъ объ опасностяхъ, которыми угрожаетъ революція современному обществу. Россіи, продолжалъ онъ, не избѣжать революціи: она закипѣла въ Польшѣ, она доберется и до Москвы; въ Польшѣ она еще не такъ ужасна, потому что тамъ нравы мягче, но въ Москвѣ она будетъ ужасна. Есть одно средство предотвратить зло и пресѣчь ему пути. Пора еще не ушла, но надобно торопиться. Хотите ли вы, говорилъ онъ, чтобы маркизъ Велёпольскій подалъ руку графу Замойскому? Хотите ли вы, чтобы мятежъ въ Польшѣ прекратился и чтобъ изъ предѣловъ Россіи была на вѣки изгнана революція? Это возможно только „при согласіи Императора съ Поляками“. „Неужели,“ спрашивалъ достопочтенный польскій патріотъ, „невоз„можно соглашеніе между Россіей и Поль„шей? Напротивъ, по моему мнѣнію, это „самое легкое дѣло, коль скоро приняться „за него серіознымъ образомъ. Если пра„вительство захочетъ удовольствоваться

„подавленіемъ возстанія, то, безъ сомнѣ„нія, оно успѣетъ въ этомъ, но что поль„зы? Дѣло попрежнему останется не рѣ„шеннымъ, въ ожиданіи новаго и скораго „взрыва неудовольствія. Что же можетъ „сдѣлать Императоръ для удовлетворенія „законнаго желанія Поляковъ? Умѣренная „партія уже отвѣчала на этотъ вопросъ. „Великій Князь Константинъ спросилъ у „графа Андрея Замойскаго, человѣка об„леченнаго довѣріемъ страны: какія у По„ляковъ желанія, и при какихъ условіяхъ „граждане, не принадлежащіе къ револю„ціонерамъ, могутъ искренно поддерживать „правительство? Графъ собралъ у себя мно„гочисленныхъ друзей и отвѣчалъ, что „Царство *прежде всего* желаетъ соединенія „съ областями Литвы, Бѣлоруссіи и Мало„россіи. Дворянство этихъ самыхъ губер„ній, лежащихъ за Бугомъ и Нѣманомъ, „выразило то же желаніе, требуя своего „присоединенія къ Царству Польскому.“

Польскій патріотъ-джентльменъ съ улыбкой предоставлялъ ученымъ разбирать вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ эти области были колыбелью русской народности; онъ съ улыбкою соглашался, что огромное большинство народонаселенія этихъ областей — не Поляки. При этомъ онъ въ самыхъ лучшихъ выраженіяхъ отзывался о нынѣ царствующемъ Государѣ Императорѣ, и подкрѣплялъ свою мысль слѣдующимъ соображеніемъ: „Представьте себѣ,“ говорилъ онъ, „что къ землевладѣльцу, у „котораго сто деревень, жители двадцати „изъ этихъ деревень приходятъ просить „его чтобъ онъ поставилъ ихъ подъ одно „управленіе, отдѣленное отъ остальныхъ „земель этого крупнаго землевладѣльца. „Они получаютъ отъ него слѣдующій от„вѣтъ: хорошо, лишь бы только мое бо„гатство и мои доходы отъ того не потер„пѣли, а увеличились .. Императоръ Все„россійскій и Царь Польскій потерпитъ „ли ущербъ въ своемъ могуществѣ, если „часть этихъ Всѣхъ Россій будетъ тѣс„нѣе соединена съ Польшей? Напротивъ „онъ станетъ могущественнѣе, потому что „будетъ богаче... Какое могущество и ка„кое счастіе для императорскаго прави„тельства! Императорское правительство „будетъ имѣть тогда смиренныхъ, предан„ныхъ и покорныхъ подданныхъ.“

Затѣмъ онъ обращался къ нашимъ государственнымъ людямъ. „Позвольте“, говорилъ онъ, „русскіе государственные му„жи, открыть вамъ средство управлять „польскими провинціями.“ И вотъ, этотъ почтенный господинъ, врагъ демагогіи и революціи, чтитель дворянскихъ привилегій, предложившій присоединить къ Царству Польскому весь западный край Имперіи, потому только что дворянство въ немъ по преимуществу польское, совѣтуетъ русскимъ государственнымъ мужамъ подсѣчь дворянство въ польскихъ провинціяхъ и опереться на крестьянъ. Для этой цѣли онъ предлагаетъ учредить въ распространенномъ такимъ образомъ Царствѣ Польскомъ представительный образъ правленія съ двумя камерами, и при томъ такъ чтобъ представители народа выбирались поголовною подачей голосовъ. Онъ съ удовольствіемъ помышляетъ, какъ въ варшавской палатѣ представителей будутъ засѣдать въ овчинныхъ тулупахъ мужички изъ Малороссіи и Бѣлоруссіи. „Такимъ способомъ“, говорилъ онъ, „все было бы устроено какъ „нельзя лучше. Польское дворянство все„гда было анархическихъ свойствъ... Бо„гатые часто предаются причудамъ често„любиваго воображенія. Если богатому „труднѣе войдти въ Царство Небесное, „чѣмъ верблюду пройдти чрезъ игольныя „уши, то по той же причинѣ богатому „трудно имѣть на политическіе предметы „вѣрное воззрѣніе... Дворянство, какъ бо„гатое такъ и бѣдное, часто забываетъ „законность своего дѣла, ищетъ самоубій„ственнаго оружія въ арсеналѣ револю„ціонныхъ идей. Если“, говорилъ онъ, „Царство Польское раздвинетъ свои пре„дѣлы за Бугъ и за Нѣманъ, и бѣлорус„скіе и малорусскіе крестьяне будутъ за„сѣдать въ варшавскомъ сеймѣ, то импе„раторское правительство найдетъ себѣ въ „этомъ великую опору. Чѣмъ обширнѣе „будетъ Польша, тѣмъ стало быть больше „будетъ въ ней элементовъ русскихъ. Безъ сомнѣнія“, заключалъ онъ, „всѣ эти мѣры „не дадутъ вѣчнаго союза между Россіей „и Польшей: въ мірѣ семъ нѣтъ ничего „вѣчнаго. Но коль скоро мѣры эти бу„дутъ приняты, то маркизъ Велёпольскій „можетъ подать руку графу Замойскому.“

Таково было знаменіе въ первые дни февраля мѣсяца прошлаго года. Знаменіе это вышло брошюркой, изданно въ Лейпцигѣ подъ заглавіемъ: *L'Armistice entre les Russes et les Polonais proposé par le comte Edouard Lubienski le 2 fevrier 1863.* Желающихъ ознакомиться съ этимъ явле-

ніемъ ближе мы отсылаемъ къ февральской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* за прошлый годъ, гдѣ въ статьѣ, подъ заглавіемъ: *Русскій Вопросъ*, идетъ рѣчь о вышеупомянутой брошюркѣ. Брошюрка эта могла показаться не заслуживающею вниманія, однако она заслуживала вниманія серіознаго. Она показываетъ, какое имѣли тогда мнѣніе о насъ. Наши дѣла находились въ такомъ градусѣ, что считалось возможнымъ говорить съ нами какъ съ дѣтьми и уловлять насъ самыми патріархальными сѣтями. Брошюрка эта показала намъ, съ какою добродушною откровенностію могъ быть поставленъ вопросъ, который еще не появлялся въ дипломатіи, хотя онъ въ послѣднее время у всѣхъ на умѣ,—вопросъ *русскій*, вопросъ о существованіи русскаго государства. Мы обратили на эту брошюрку надлежащее вниманіе. Нѣкоторые изъ читателей удивлялись этому, точно также какъ стали бы удивляться серіозной критической статьѣ посвященной плохому роману, писанному для самыхъ невзыскательныхъ читателей; но мы не ошиблись, отличивъ именно эту брошюрку во множествѣ всякой всячины, печатавшейся тогда по польскому дѣлу. Только теперь стало извѣстно что въ цѣлой Россіи обрѣтается нѣсколько человѣкъ обладающихъ самостоятельнымъ сужденіемъ; это мы узнали изъ поучительнаго памфлета, о которомъ говорено было недавно въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* (№№ 195 и 196) памфлета, вышедшаго въ Брюсселѣ подъ псевдонимомъ Шедо-Ферроти. Въ то время не было еще сдѣлано этого открытія, и потому досточтимый графъ Лубенскій полагалъ, что въ цѣлой Россіи не найдется ни одного человѣка, котораго не могла бы прельстить мудрость его политики. Онъ былъ въ положительной увѣренности, что имѣетъ дѣло съ ордой Чингисхана, и что ему не было никакой надобности прибѣгать къ какимъ-нибудь искуснымъ пріемамъ и изворотамъ.

Но, вотъ, прошло нѣсколько мѣсяцевъ дѣла значительно измѣнились; мятежъ, давно уже подавленный въ западномъ краѣ, издыхалъ и въ Варшавѣ. Россія вышла побѣдительницей изъ дипломатическаго состязанія, и агитація европейская прекратилась. Русскій народъ обнаружилъ духъ, смыслъ и силу, какихъ не подозрѣвали въ немъ европейскіе политики и польскіе патріоты. Блестящіе замыслы разлетѣлись, дѣйствительность вступала въ свои права Почтенный, благочестивый и обильный мудрыми совѣтами патріотъ титулованный землевладѣлецъ, предлагавшій Русскимъ перемиріе съ Поляками, на столь выгодныхъ для обѣихъ сторонъ условіяхъ, пропалъ безъ вѣсти; на горизонтѣ не оставалось и слѣда отъ февральскаго знаменія; брошюрка, вышедшая въ Лейпцигѣ, канула въ Лету. Въ то время явилось новое знаменіе… *Tuzes:lartmianar scenach mojego widzenia…* Явился въ оборванной одеждѣ, изнуренный, на деревяшкѣ, благороднаго вида повстанецъ, испытавшій всѣ бѣдствія лѣсной войны и еще болѣе испытавшій горечь разочарованія, погрузившаго въ скорбь его душу. Взоръ его исполненъ смиренія и покорности Провидѣнію, но унынія въ немъ незамѣтно; онъ изнуренъ, но еще бодръ; онъ разочарованъ, но не утратилъ надежды. Онъ сталъ опытнѣе, онъ понялъ, что наступила пора интриги, тонкой, осмотрительной, снабженной средствами подѣйствовать на разумѣніе людей немножко болѣе разборчивыхъ чѣмъ та публика, которую воображалъ передъ собою графъ Лубенскій. Интересный повстанецъ понялъ, что обстоятельства отнюдь не дозволяютъ дѣлать такія предложенія и совѣты, какія дѣлалъ польскій патріотъ въ февралѣ мѣсяцѣ. Онъ простеръ свою заботливость даже до того, что захотѣлъ обратиться къ публикѣ на хорошемъ французскомъ языкѣ. Онъ счелъ при этомъ приличнѣе адресоваться не прямо къ русскимъ государственнымъ мужамъ, но къ мужамъ подземнаго жонда. Онъ пишетъ письмо членамъ тайнаго польскаго правительства засѣдающаго въ Варшавѣ; но онъ желаетъ, чтобы письмо его не осталось тайною для свѣта, онъ желаетъ, чтобы письмо его было прочтено всѣми, и безъ всякаго сомнѣнія онъ желаетъ, чтобъ оно было прочтено русскими государственными мужами. И вотъ мы видимъ, какъ этотъ меланхолическій повстанецъ ковыляетъ на своей деревяшкѣ якобы изъ Лемберга въ Брюссель, гдѣ живетъ наилучшій и истинный другъ Польши. Этотъ истинный другъ Польши есть нѣкто г. Шедо-Ферроти, причисляющій себя къ Русскимъ. Повстанецъ обращается къ нему съ просьбой облечь его смыслъ въ возможно лучшую французскую рѣчь и пустить въ свѣтъ. Возвратившійся изъ лѣсу повстанецъ, не менѣе чѣмъ титулованный польскій землевладѣлецъ, негодуетъ на ро-

волюціонеровъ, которые привели Польшу на край гибели. При всемъ должномъ почтеніи къ достоинству правительственныхъ лицъ, руководившихъ мятежомъ, правдивый повстанецъ не щадитъ ихъ и изобличаетъ плутовство и ложь, которыя были его главными орудіями Храбрый воинъ, потерявшій ногу на полѣ битвы, онъ говоритъ съ достоинствомъ: я сражался за родину, но лгать за родину не буду! Но, странно, изъявляя глубокую антипатію ко лжи и ко всякаго рода недобросовѣстнымъ дѣйствіямъ и интригамъ, онъ сѣтуетъ на вождей мятежа собственно не за то что они лгали, а только за то что они не умѣли лгать съ толкомъ. Вся бѣда въ томъ что они лгали не правдоподобно и плутовали неловко. Онъ хвалитъ ихъ тамъ, гдѣ они дѣйствовали ловко и успѣшно; но онъ негодуетъ на нихъ за то, что они не сумѣли до конца выдержать свою роль. Онъ проситъ ихъ кинуть игру, въ которой они оказались такими плохими артистами; но онъ не довольствуется простымъ урокомъ и хочетъ показать имъ собою примѣръ какъ поступать въ виду извѣстныхъ обстоятельствъ. Настаивать, какъ настаивалъ титулованный землевладѣлецъ въ началѣ февраля, на немедленное соединеніе Волыни и Подоліи *и пр. пр.* къ Царству Польскому было бы теперь глупо. Если это не удалось въ февралѣ мѣсяцѣ, то какъ могло бы это удасться въ сентябрѣ, когда мятежъ потерялъ всѣ свои надежды? Надобно, напротивъ, показать видъ, что польскій патріотизмъ отрезвился, что онъ вошелъ въ самые скромные предѣлы, что онъ не желаетъ болѣе ничего какъ сохраненія за польскою національностью того клочка земли, который находится теперь въ двусмысленномъ положеніи подъ именемъ Царства Польскаго. На этомъ клочкѣ земли польская національность должна возродиться къ новому существованію; но для этого ей слѣдуетъ порвать всякую связь съ своимъ прошедшимъ. А такъ какъ духъ старой Польши заключается главнымъ образомъ въ польскомъ дворянствѣ, то надобно опереться на крестьянство. Крестьянъ бѣлорусскихъ и малорусскихъ созвать на варшавскій сеймъ оказывается теперь совершенно невозможнымъ, а потому надобно заявить, что всѣ здравомыслящіе польскіе патріоты согласны удовольствоваться одною Конгресовской, но на томъ условіи, чтобъ она, оставаясь подъ Русскою державой, получила полнѣйшую политическую самостоятельность, и конституцію несравненно болѣе сильную чѣмъ конституція 1815 года, съ сеймомъ многочисленнымъ, составленнымъ на основаніи самаго низкаго ценза или даже поголовщины, стало-быть преимущественно на основаніи крестьянскихъ выборовъ; наконецъ, чтобы сеймъ этотъ засѣдалъ въ продолженіе восьми мѣсяцевъ въ году, и управлялъ всѣми дѣлами края. Поймите, безмозглые—таковъ былъ смыслъ рѣчи, которую обращалъ онъ къ своимъ компатріотамъ,—поймите всю важность этого плана! Сосредоточьте на немъ всѣ ваши усилія; направьте всѣ ваши обманы въ эту сторону. Если вы не будете разбѣгаться въ сторону, если вы примѣните къ политическимъ предметамъ педагогическое правило *non multa, sed multum*, то вы навѣрное достигнете цѣли. Употребляйте всѣ усилія къ тому чтобъ успокоить Россію относительно вашихъ притязаній на ея западный край; твердите, что присоединеніе этого края не только не желательно для васъ, но даже противно вашимъ видамъ. При такой съ вашей стороны благонравности, русское правительство будетъ очень радо способствовать вамъ къ перерожденію Польши на новыхъ основаніяхъ. Оно не можетъ не знать, что польское крестьянство не сочувствуетъ мятежу и революціи, что оно исполнено антипатіи къ панамъ и шляхтѣ, что оно совершенно предано Царю. Изъявите же желаніе, чтобы будущее устройство Польши было основано на крестьянствѣ. Правительство русское убѣдится изъ этого въ вашей искренности, и, если вы будете умно поступать, приметъ вашъ планъ и положитъ самое надежное основаніе дѣлу, которому вы служите и которому такъ вредите.

Вотъ смыслъ длинной и занимательной рѣчи, которую велъ польскій патріотъ, возвратившійся изъ лѣсовъ, устами человѣка, который, по мнѣнію этого повстанца, по преимуществу заслуживаетъ названіе „истиннаго друга Польши.“ Этотъ человѣкъ, plus Polonais que les Polonais eux-mêmes, есть, по странному стеченію обстоятельствъ, нѣкто г. Шедо-Ферроти, причисляющій себя къ Русскимъ. Мы сейчасъ говорили о брошюркѣ, изданной въ половинѣ прошлаго года, въ Брюсселѣ, подъ заглавіемъ: *Lettre d'un patriote polonais au gouvernement national de la Pologne* avec une préface et quelques notes explicatives par M.

Schédo-Ferroti. Bruxelles 1863. Желающихъ ближе познакомиться съ этимъ знаменіемъ, или припомнить его подробности, мы отсылаемъ къ *Московскимъ Вѣдомостямъ*, за прошлый годъ (№№ 225, 227, 228 и 229). Мы заключили тогда нашъ отзывъ объ этомъ явленіи слѣдующими словами: „Дались же однако крестьяне польскимъ патріотамъ! Еще въ началѣ возстанія графъ Лубенскій, котораго цитуетъ и г. Питкевичъ, предлагалъ устроить въ Варшавѣ парламентъ, гдѣ засѣдали бы въ овчинныхъ тулупахъ наши мужички изъ Кіевской, Волынской, Минской и другихъ губерній. Планъ этотъ не удался, и вотъ теперь, передъ послѣднимъ издыханіемъ мятежа, другой польскій патріотъ, въ посланіи писанномъ къ таинственнымъ властямъ *жонда* и публикованномъ для свѣдѣнія Россіи, поневолѣ обрѣзываетъ планъ графа Лубенскаго и соглашается удовольствоваться обдѣлкой крестьянъ одного Царства Польскаго....“

Однако, кто же этотъ г. Шедо-Ферроти, съ которымъ такъ таинственно связано польское дѣло? Что̀ онъ такое? Мы сейчасъ видѣли какъ относится къ нему польскій патріотъ. Онъ не Полякъ, онъ причисляетъ себя къ Русскимъ: почему же польскій патріотъ, который бѣгалъ *долясу*, пожертвовалъ Польшѣ частію своей ноги, въ трудную минуту, когда дѣло его казалось почти совсѣмъ проиграннымъ, обращается къ нему какъ къ самому надежному охранителю и двигателю этого польскаго дѣла? „Я“, говоритъ польскій патріотъ, обращаясь къ г-ну Шедо-Ферроти, „прочиталъ множество „сочиненій, касающихся Польши и ея нынѣшняго состоянія; авторы этихъ сочиненій, защищая ея дѣло каждый съ своей „точки зрѣнія, конечно доказали въ нихъ „патріотизмъ и преданность Польшѣ, и однако я не задумаюсь сказать, что изъ „нихъ нѣтъ ни одного, который бы въ такой мѣрѣ былъ истиннымъ другомъ Польши какъ вы.“ Странно! Польскій патріотъ и повстанецъ объявляетъ, что сколько ни встрѣчалъ онъ польскихъ патріотовъ, онъ не знаетъ ни одного кто бы такъ радѣлъ польскому дѣлу, какъ этотъ таинственный господинъ вовсе не принадлежащій къ Полякамъ. Какъ объяснить это? Понятно, что Полякъ, въ которомъ возбуждено національное чувство, хлопочетъ о польскомъ дѣлѣ; понятно, что ему можетъ быть оно дорого; понятно, наконецъ, что польскій патріотъ знаетъ въ чемъ состоитъ его дѣло и чего онъ хочетъ: но рѣшительно непонятно какимъ образомъ человѣкъ посторонній и чужой, не имѣющій никакого призванія служить этому дѣлу, не чувствующій его въ своей душѣ, можетъ знать его лучше чѣмъ самые преданные ему люди, проникнутые его интересами, и притомъ лучше чѣмъ самые просвѣщенные и благоразумные изъ нихъ.

И однако мы должны признать фактъ, признать его въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ онъ выдается. Мы должны повѣрить, что есть элементы, вовсе не проникнутые польскимъ чувствомъ и чуждые его дѣлу,—элементы и причисляющіе себя даже къ Русскимъ, но на которыхъ польскій патріотизмъ возлагаетъ свои надежды гораздо болѣе чѣмъ на польскихъ патріотовъ. И мы вѣримъ этому. Вникая въ дѣло, мы убѣждаемся, что такъ дѣйствительно и должно быть. Въ самомъ дѣлѣ, былъ ли бы возможенъ польскій патріотизмъ, еслибы въ русскихъ дѣлахъ не было ничего сомнительнаго? Польскій патріотизмъ не могъ бы возникнуть; ему не было бы ни почвы, ни пищи, еслибы въ русскихъ дѣлахъ, какъ и во всякихъ дѣлахъ, не было своихъ слабыхъ сторонъ, своихъ уязвимыхъ мѣстъ. Не присоедини къ себѣ Россія въ 1815 году герцогства Варшавскаго, подъ титуломъ Царства Польскаго, или присоедини она его къ своимъ владѣніямъ на другихъ основаніяхъ,—гдѣ былъ бы теперь польскій патріотизмъ, гдѣ была бы польская идея? Все что̀ не доброжелательствуетъ русскому народу или государству, съ какой бы то ни было точки зрѣнія и въ какомъ бы то ни было интересѣ, все то есть корень и сила нынѣшняго польскаго патріотизма. Этотъ патріотизмъ не есть что-нибудь положительное, онъ—явленіе отрицательнаго свойства. Польской національности никому не нужно, никто о ней серіозно не заботится; весь вопросъ заключается въ русской національности, и всякій элементъ клонящійся къ ея ослабленію, униженію или раздробленію,—элементъ внутренній или внѣшній,—долженъ казаться въ глазахъ польскаго патріота наилучшимъ и надежнѣйшимъ изъ всѣхъ элементовъ его дѣла.

И вотъ, теперь, когда повидимому все кончилось, но когда *по истинѣ* все только что начинается, передъ нами новое, третіе знаменіе. Передъ нами не польскій графъ,

не повстанецъ, возвратившійся изъ лѣсу— передъ нами безличная личность, въ которой нѣтъ ничего положительно-польскаго, но въ которой оказывается все отрицательно-русское, и польское, и лифляндское, и финляндское, и украинофильское, и, если угодно, черкесское. Эта отрицательная величина обращается къ Россіи на хорошемъ французскомъ діалектѣ. Всѣ пріемы оратора отличаются полнѣйшею самонадѣянностію. Онъ повидимому совершенно увѣренъ, что публика, на которую нужно ему подѣйствовать, легко дается ему въ руку,—и никогда еще, сколько мы знаемъ, интрига не была такъ дерзка и такъ безсовѣстна, никогда аргументы *ad hominem* не были такъ оскорбительны. Нѣтъ и тѣни той наивности, съ какою почтенный польскій графъ въ февралѣ прошлаго года обращался къ Россіи, воображая ее себѣ подъ видомъ монгольской орды; нѣтъ и тѣни того плутоватаго смиренія, которымъ украсилъ себя повстанецъ на деревяшкѣ. Передъ нами господинъ совершенно отложившій всякую надежду убѣдить кого-нибудь изъ людей способныхъ къ самостоятельному сужденію; передъ нами господинъ рѣшившійся на отважное дѣло говорить въ глаза противъ всякой очевидности съ полною увѣренностію въ успѣхѣ. Онъ поступаетъ какъ фокусникъ, который очень хорошо знаетъ, что среди его публики есть нѣсколько человѣкъ, у которыхъ нельзя отвести глаза, но которые ни мало не помѣшаютъ ему обаять остальную публику.

Онъ говоритъ какъ бы такимъ образомъ: въ русскомъ народѣ, въ русскомъ обществѣ наберется лишь безконечно малое число людей (peu, infiniment peu), способныхъ къ самостоятельному сужденію, которыхъ можно было бы сравнить съ молодыми людьми, кончившими университетское образованіе. Но я вовсе не хочу считаться съ ними; я говорю въ ихъ присутствіи, но не обращаю на нихъ никакого вниманія и не опасаюсь ихъ возраженій. Я не сдѣлаю ни одного шага, я не скажу ни одного слова, для того чтобы замаскировать мое дѣло. Мнѣ не нужно ни убѣждать, ни обманывать умныхъ людей; я имѣю въ виду подѣйствовать только на людей, у которыхъ въ головѣ все развинчено и которые не могутъ отличить бѣлаго отъ чернаго; а таковы почти всѣ господа Русскіе, и потому голосъ здраваго смысла не можетъ подѣйствовать на ту среду, въ которой я оперирую. Я буду явно издѣваться надъ здравымъ смысломъ, и всякій, кто вздумалъ бы поднять голосъ на защиту его, останется со стыдомъ. Пусть уличаютъ меня: всякаго, кто заговоритъ съ точки зрѣнія здраваго смысла, я ославлю сумашедшимъ; всякаго, кто въ Россіи скажетъ слово въ интересѣ Россіи, я объявлю опаснымъ человѣкомъ и мятежникомъ. Я такъ увѣренъ въ скудоуміи среды, къ которой я обращаюсь, что не имѣю ни малѣйшаго сомнѣнія въ моемъ успѣхѣ. Вотъ вамъ для примѣра блистательный фокусъ, который я сейчасъ покажу, и который всего лучше можетъ засвидѣтельствовать вамъ о моей отвагѣ и о моей увѣренности. Вотъ, смотрите, я подхожу къ человѣку больному, или мнимо-больному, и говорю ему: „Любезный другъ! Есть два средства, которыя тебѣ предлагаютъ: одно — добрая порція крѣпкаго яда, которая сразу переселитъ тебя въ вѣчность; другое—хлѣбъ и прочія съѣдобныя вещества, которыя могутъ возстановить твои силы. Оба эти средства заслуживаютъ нѣкотораго вниманія, но и то, и другое едва-ли годятся тебѣ; и то, и другое—крайности, съ тою однако разницей, что первое средство гораздо благороднѣе и возвышеннѣе, между тѣмъ, какъ другое слишкомъ грубо и вещественно. Ты, конечно, не рѣшишься на первое средство; ты не захочешь принять чистаго яду и отправиться разомъ на тотъ свѣтъ. Я понимаю твое сопротивленіе, и не буду принуждать тебя къ такому акту; но ты отнюдь не долженъ прибѣгать и ко второй, гораздо болѣе грубой, крайности. Всего лучше избрать средину и примирить обѣ противоположности. Это удовлетворитъ всѣмъ требованіямъ, и это будетъ дѣйствіемъ истинно философскимъ. Возьми мышьяку, который предлагаютъ тебѣ съ одной стороны, и вкушай его съ хлѣбомъ, который предлагаютъ тебѣ съ другой: ты незамѣтно избавишься отъ всѣхъ золъ и исцѣлишься“. Что жъ? какъ вы думаете? Субъектъ мой послѣдуетъ, непремѣнно послѣдуетъ, моему совѣту. Я обращаюсь къ Россіи, и говорю ей: „Передъ тобою двѣ партіи; вотъ съ одной стороны люди революціи, которые хотятъ уничтожить тебя; вотъ съ другой такъ-называемые патріоты, которые хлопочутъ о твоемъ единствѣ, о твоей цѣлости, о твоемъ процвѣтаніи; и та, и другая партія имѣютъ кое-что сказать въ свою пользу; и та и другая не лишены

нѣкотораго основанія; однако и та и другая — не болѣе какъ крайности, съ тою только разницей, что партія, которая желаетъ разрушить тебя, отличается образомъ мыслей болѣе возвышеннымъ чѣмъ партія противоположная. „Точка зрѣнія „лондонскаго публициста возвышеннѣе чѣмъ „та, на которую становятся московскіе пат„ріоты. Вдохновляясь идеей гуманитарною, „г. Герценъ желалъ бы достигнуть рѣше„нія соціяльной задачи для цѣлаго міра. „Онъ дѣлаетъ отвлеченіе отъ очертанія „границъ, обозначающихъ территоріальное „протяженіе государствъ, онъ желаетъ до„ставить *благосостояніе всѣмъ;* для этой „цѣли онъ предлагаетъ Россіи приступить „къ политическому самоубійству" *). Что̀ же касается до такъ-называемыхъ патріотовъ, то они желаютъ твоего сохраненія. Ты, конечно, будешь съ яростію отбиваться отъ нападенія; ты, конечно, не согласишься съ тѣми, которые откровенно скажутъ тебѣ: умирай. Я признаю за тобою инстинктъ самосохраненія, какъ не могу не признать его и за устрицей; но что̀ воспретитъ тебѣ инстинктъ самосохраненія, то, я увѣренъ, исполнишь ты очень охотно по твоему слабоумію, которому я легко дамъ въ твоихъ глазахъ цѣну великодушія и мудрости. Ты не дашь раздробить себя, но ты повѣришь, непремѣнно повѣришь, что тебѣ грѣшно заботиться о своемъ единствѣ и блюсти свою цѣлость. Ты не поймешь того, что раздробить государство и разрушить его единство одно и то же; ты еще менѣе поймешь, что раздробить тебя можно всего вѣрнѣе и успѣшнѣе постепеннымъ и незамѣтнымъ процессомъ, такъ что ты и сама не почувствуешь, какъ ты улетучишься въ человѣчество, и какъ различныя группы, на которыя ты разложишься, войдутъ въ составъ другихъ государствъ. Ты непремѣнно повѣришь мнѣ, когда я скажу тебѣ, что сохраненіе твоего единства есть дѣло невеликодушное и негуманное, что слѣдовать внушеніямъ твоего русскаго патріотизма значитъ идти ad absurdum, то-есть до нелѣпости. Тебѣ предлагаютъ съ одной стороны раздробиться, съ другой стороны тебѣ совѣтуютъ укрѣпить твое единство и собрать твои силы для жизни и развитія. Перваго ты не хочешь, втораго ты не должна хотѣть. Послушайся же меня: соедини мышьякъ съ хлѣбомъ, и раздробись подъ видомъ мнимаго единства, которое не замедлитъ улетучиться, и ты незамѣтнымъ образомъ отыдешь отъ міра сего".

Ни графъ Лубенскій, ни повстанецъ Питкевичъ на волю русскаго народа не ссылались, они обращались къ правительству русскому прямо или косвенно, и предлагали ему свои совѣты. Новый устроитель судебъ Польши вооружается волею русскаго народа въ подкрѣпленіе своихъ совѣтовъ. Изобразивъ русскій народъ какъ безсмысленную массу, на которую не сто̀итъ обращать вниманія и съ которою можно поступать какъ угодно, онъ тѣмъ не менѣе возвѣщаетъ мнѣнія этой массы дикарей и истолковываетъ ихъ какъ непреложный приговоръ. До сихъ поръ, говоря объ обязательствахъ русскаго правительства относительно Польши, всѣ ссылались на Вѣнскій трактатъ, а новый ораторъ ссылается ужь и на волю русскаго народа. Что Польша неразрывно соединена съ Россіею,—это, говоритъ ораторъ, свято, это непреложно; такъ пожелала орда, называемая русскимъ народомъ; въ своихъ комиціяхъ она поголовно постановила, что Польша неразрывно соединена съ Россіей. Зачѣмъ бы кажется понадобилась этой массѣ дикарей Польша, присоединенная къ Россіи? Зачѣмъ нужно справляться съ мнѣніями этой орды? Фокусникъ лукаво улыбается; онъ совершенно убѣдился, что всего благопріятнѣе для польскаго дѣла, всего выгоднѣе въ интересахъ враждебныхъ цѣлости Русскаго государства, — удержаніе Царства Польскаго подъ Русской державой въ качествѣ особаго политическаго организма. А потому, утвердивъ за русскимъ престоломъ, на основаніи торжественнаго *плебисцита* дикарей, то право, котораго никто не оспаривалъ и которое по одному изъ враждебныхъ Россіи интересовъ нѣтъ ни малѣйшей выгоды оспаривать въ настоящее время, превративъ это право въ обязанность для русскаго правительства, онъ въ тоже время настаиваетъ на другой священной обязанности русскаго правительства — даровать Царству Польскому положеніе чуждое и неизбѣжно-враждебное относительно Россіи. Онъ непремѣнно хочетъ, чтобы Россія оставалась въ неразрывномъ соединеніи съ врагомъ, не принимая никакихъ мѣръ ни къ тому чтобъ обезоружить его, ни къ тому чтобъ отдѣлаться отъ него. Съ неисто-

*) *Que fera-t-on de la Pologne?* Стр. 208.

щимою изворотливостію ябедника, онъ подыскиваетъ все что̀ могло бы компрометировать русское правительство въ этомъ смыслѣ. Съ бо̀льшимъ усердіемъ чѣмъ лордъ Россель или г. Друэнъ де-Люисъ въ своихъ депешахъ, съ бо̀льшею ревностью чѣмъ всѣ благоразумные и неблагоразумные польскіе патріоты, старается онъ растолковать каждое слово русскаго правительства въ смыслѣ наиболѣе для Россіи неблагопріятномъ, наиболѣе связывающемъ свободу ея дѣйствій. И текстъ Вѣнскихъ трактатовъ, и прошлогодняя дипломатическая переписка, и высочайшіе рескрипты, и наконецъ воля русскаго мужичка, заявленная въ такой формулѣ: „*poust jivout po svoétou sakonou*", все употребляется для этой цѣли. Какъ бы ни было неопредѣленно какое-нибудь выраженіе, онъ непремѣнно истолковываетъ его въ одномъ опредѣленномъ смыслѣ, и о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствій русскаго правительства относительно Польши говоритъ какъ о дѣлѣ безповоротно рѣшенномъ, и всякое слово высказанное не въ ту сторону. въ какую ораторъ непремѣнно хочетъ склонить русское правительство, выставляетъ какъ бунтъ, и виновныхъ въ томъ ставитъ передъ одну судную коммиссію съ жандармами-вѣшателями. Или вы должны принять програму повстанца Питкевича, говоритъ онъ, посматривая вокругъ, или вы мятежники, и съ вами будетъ поступлено по законамъ.

Положивъ начала, онъ и развиваетъ ихъ. Онъ сравниваетъ польскій народъ съ русскимъ и приходитъ къ заключенію, что обѣ національности не могутъ быть устроены на однихъ и тѣхъ же политическихъ основаніяхъ, не могутъ быть одною и тою же политическою націей. Русскій народъ есть громадное сборище простодушнѣйшихъ дикарей, которымъ все равно какъ бы ими ни управляли; имъ все равно какая бы власть ни простиралась надъ ними, хотя бы польская, хотя бы нѣмецкая, хотя бы татарская. Нужды нѣтъ что русскій народъ имѣлъ тысячелѣтнее политическое существованіе, что его свойства созданы долговременнымъ и труднымъ государственнымъ развитіемъ, что его склонности и инстинкты не случайность, также не первобытная наивность, а великій фактъ, съ которымъ слѣдуетъ считаться всякому просвѣщенному уму ищущему правды и истины; нужды нѣтъ, что русскій народъ находится не подъ какою-нибудь чуждою властію, а подъ своею собственною верховною властію, которую онъ свято соблюлъ и которую утвердилъ и возвеличилъ съ величайшими пожертвованіями; нужды нѣтъ что русскій народъ есть крѣпко организованное государство, что къ русскому народу принадлежитъ и русское правительство, что русскій народъ прежде всего есть стоящая во главѣ его верховная власть... Но ловкій фокусникъ не опасается этихъ возраженій: такъ увѣренъ онъ въ податливости своей публики. Онъ продолжаетъ развивать свою тему. На сколько русскій народъ негоденъ или незрѣлъ въ политическомъ отношеніи, на столько годенъ и зрѣлъ народъ Польскій. Для Россіи онъ беретъ мѣркою понятія и взгляды не людей знакомыхъ съ правительственнымъ дѣломъ, также не тѣхъ общественныхъ классовъ, которые имѣютъ политическое значеніе, а массы простодушныхъ людей, которые въ случаѣ войны съ Французами, говорятъ: „французскій Нѣмецъ бунтуетъ"; мѣркою же того, что должно быть сдѣлано съ Польшей, беретъ онъ не понятія или желанія большинства населяющаго деревни Царства Польскаго—людей, которыхъ еще надобно прежде обратить въ Поляковъ, потому что они не хотятъ называть себя этимъ именемъ и менѣе всего довѣряютъ польскимъ патріотамъ, а понятія и желанія князей Чарторыйскихъ, графовъ Замойскихъ и Лубенскихъ, или повстанцевъ Питкевичей. Онъ не хочетъ знать, что въ Польскомъ краѣ, менѣе чѣмъ гдѣ-нибудь, и несравненно менѣе чѣмъ въ Россіи, можетъ быть согласіе въ желаніяхъ и чувствованіяхъ всѣхъ элементовъ народонаселенія. Онъ утверждаетъ, что верховная власть должна непремѣнно стать въ другія отношенія къ народу въ Царствѣ Польскомъ чѣмъ къ русскому народу. Если русскій народъ, какъ объясняетъ онъ, по невѣжеству, или по какимъ-нибудь другимъ причинамъ, довѣряетъ верховной власти, то польскій народъ имѣетъ причины не довѣрять ей, какъ потому что онъ просвѣщеннѣе русскаго, такъ и потому что агенты власти въ Царствѣ Польскомъ вели себя не хорошо и ознаменовали себя злоупотребленіями. Ему нужды нѣтъ, что горсть умныхъ людей можетъ возразить ему, что агенты власти могли ознаменовать себя злоупотребленіями не въ одномъ Царствѣ Польскомъ, но и посреди кореннаго русскаго народа, что въ администраціи Имперіи насчитывается напримѣръ слиш-

комъ 30 000 мѣстъ занимаемыхъ людьми польскаго происхожденія, которые менѣе внушаютъ къ себѣ довѣріе народу, нежели польскимъ крестьянамъ русскіе чиновники, въ которыхъ они видятъ въ настоящее время единственную свою надежду и оборону отъ ксендзовъ и шляхты, всегда составлявшей особую націю.

Удержаніе Царства Польскаго при Россіи нужно вовсе не въ исполненіе воли русскаго народа, вовсе не въ интересѣ Россіи. Нечего тутъ ссылаться на волю русскаго народа. Какою безсмысленною ордой ни казался бы кому-нибудь русскій народъ, нельзя ожидать чтобъ онъ могъ кипѣть патріотизмомъ по отношенію къ краю, совершенно ему чуждому и враждебному. При тѣхъ условіяхъ, въ какія хотятъ польскіе патріоты поставить эту область относительно русской державы, ея удержаніе можетъ быть полезно только какъ принципъ разложенія Россіи. Существованіе особаго польскаго государства подъ одною съ Россіей державой должно неизбѣжно оказывать разлагающее дѣйствіе на весь ея составъ, и прежде всего на тѣ губерніи, которыя нѣкогда составляли Западную или Литовскую Русь и входили въ составъ старой Польши. Относительно западнаго края есть двѣ программы: одна требуетъ немедленнаго соединенія его съ Царствомъ Польскимъ и черезъ то возможно полнѣйшаго возстановленія границъ Рѣчи Посполитой на востокъ, если не на западъ. Подъ вліяніемъ этой программы, подольское дворянство подавало свой адресъ въ 1862 году; эту программу предъявляли тѣ польскіе землевладѣльцы, которые въ томъ же году собирались у графа Замойскаго въ Варшавѣ; эту программу излагалъ въ своей брошюрѣ графъ Лубенскій. Программа эта соотвѣтствуетъ преимущественно настроенію польскаго чувства въ юго-западномъ краѣ. Но въ то самое время, когда дѣлались попытки къ соединенію западныхъ губерній съ Конгрессовкой, въ сѣверо-западномъ краѣ предъявлялась другая программа, которая находилась въ прямомъ соотвѣтстіи съ планомъ маркиза Велёпольскаго. Рядомъ съ автономіей Царства Польскаго, эта программа ставитъ автономію западнаго края подъ титуломъ Великаго Княжества Литовскаго. Событія прошлаго года отняли всякую возможность у польскихъ патріотовъ настаивать на немедленное осуществленіе юго-западной программы; эти событія заставили также притаиться и программу сѣверо-западную. Но, притаившись, она не исчезла. Повстанецъ Питкевичъ, требовавшій особаго государственнаго устройства для Конгрессовки, великодушно отказывался отъ западнаго края; но онъ не счелъ нужнымъ скрыть, что желаетъ сохраненія польской національности въ этомъ краѣ. „Истинный другъ Польши,“ явившійся въ то время, когда повидимому все кончилось, но когда въ сущности все только что начинается,—также великодушно отказывается отъ этого края. Но онъ не скрываетъ насмѣшливой улыбки, называя этотъ край русскимъ; онъ очень хорошо знаетъ, что хотя бы не три раза, а три тысячи разъ сряду провозгласить его русскимъ, край этотъ ни на волосъ не станетъ отъ этого русскимъ. И въ этомъ пунктѣ также, оно охотно ссылается на священную волю русскаго народа, которую эта орда поголовно заявила въ своихъ комиціяхъ. Но ничего не можетъ быть коварнѣе той уловки, съ которою онъ цитуетъ какую-то программу какой-то русской патріотической партіи относительно западнаго края, какъ будто бы въ самомъ дѣлѣ существуетъ организованная патріотическая партія, которая установила для себя общую программу. Онъ цитуетъ записку одного русскаго писателя, въ которой предлагается выселить Поляковъ изъ западнаго края въ Конгрессовку, а съ тѣхъ, которые захотятъ остаться, взять честное слово, что они будутъ сидѣть смирно. Онъ цитуетъ эту программу, какъ будто кто-нибудь вѣрилъ въ ея дѣйствительность, и ни слова не говоритъ, что̀ было сказано въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* по поводу подобныхъ добродушныхъ плановъ очистить западный край отъ польскихъ элементовъ. Послѣ всего этого, говоритъ онъ, можно считать вопросъ о западномъ краѣ окончательно рѣшеннымъ, и затѣмъ успокоиться за его участь. Но отзываясь такъ спокойно и дружественно о планахъ очищенія западнаго края посредствомъ выселенія Поляковъ, онъ съ величайшимъ азартомъ возстаетъ противъ всякой мѣры, которая имѣетъ не шуточный характеръ, а дѣйствительно направлена къ водворенію русской народности въ этомъ краѣ. Все что̀ вполнѣ законнымъ образомъ, и при томъ безъ всякихъ потрясеній и насилій, могло бы способствовать этой цѣли, онъ торжественно провозглашаетъ нелѣпостью, безуміемъ и мятежомъ. Кто-то сказалъ, что

національный вопросъ въ этомъ краѣ можетъ быть разобщенъ съ религіознымъ, и вотъ онъ употребляетъ неестественныя усилія, чтобъ эту простую мысль превратить въ какую-то безсмысленную инквизицію.

Если Конгрессовка должна быть отдѣльнымъ государствомъ подъ общей съ Россіей державой, то почему же не явиться на свѣтъ другимъ подобнымъ государствамъ, подъ тою же державой? Допустить принципъ, значитъ допустить и послѣдствія. Рядомъ съ Царствомъ Польскимъ долженствующимъ состоять на особомъ государственномъ положеніи, нѣтъ причины не быть и Великому Княжеству Литовскому на особомъ государственномъ положеніи, до тѣхъ поръ пока обстоятельства не дозволятъ имъ слиться. Какъ Царство Польское, такъ и Лифляндія, (которую фокусникъ имѣлъ нахальство назвать русскою Вандеей!) должна быть для русскаго народа землею чужестранною, terre étrangère. Точно также и Кавказъ долженъ быть для русскаго народа землею чужестранною. Этого мало: третіе знаменіе, обнаруживающее сокровенный смыслъ польскаго вопроса, — третіе знаменіе состоящее изъ всѣхъ отрицательно-русскихъ элементовъ, касается и того вопроса, который былъ недавно такъ дерзко брошенъ въ самую среду русскаго народа. Ораторъ третьяго и послѣдняго знаменія настойчиво говоритъ о *московитскомъ* нарѣчіи, которое должно быть чуждо малороссійскому краю; онъ свидѣтельствуетъ, что благосостояніе Малороссіи требуетъ развитія въ ней совершенно особой народности, которая неминуемо должна сдѣлать этотъ край чужестраннымъ для русскаго народа. Несогласныхъ съ этимъ онъ громитъ какъ людей болѣе опасныхъ чѣмъ всѣ революціонеры.

И вотъ такимъ-то образомъ русскому народу, а съ нимъ неизбѣжно и Русскому государству, отводятся предѣлы стараго Московскаго царства, какимъ оно было до временъ царя Алексѣя Михайловича! Вотъ перспектива, которую представляетъ намъ будущность Россіи, — вотъ цѣль, къ которой манитъ насъ истинный другъ Польши, — вотъ существенный смыслъ того памфлета, который наглостью своихъ разсчетовъ превосходитъ всякое вѣроятіе и который такъ справедливо названъ произведеніемъ „пера враждебнаго Россіи."

№ 217.

Москва, 5-го октября.

Говоривъ довольно много о направленіи желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, мы еще вовсе не касались вопроса о средствахъ ихъ построенія. Къ чему всѣ толки о линіяхъ, когда не имѣется въ виду средствъ построенія? Въ западной Европѣ капиталы дорожаютъ, и нельзя предвидѣть чтобы движеніе биржъ въ эту сторону скоро остановилось. Напротивъ, весьма вѣроятно, что оно будетъ еще усиливаться или по крайней мѣрѣ распространяться. Оно обнаружилось прежде всего въ Англіи, что̀ и естественно: Англія центръ всемірной торговли и потому должна раньше другихъ странъ указывать на измѣненія происходящія въ коммерческихъ дѣлахъ вселенной. Теперь деньги особенно вздорожали только въ Англіи, но установившійся тамъ высокій учетъ привлекаетъ туда свободные капиталы отовсюду, — даже отъ насъ, гдѣ ихъ такъ мало, но гдѣ поддерживается болѣе низкій учетъ чѣмъ въ Англіи. Вслѣдствіе этого передвиженія свободныхъ капиталовъ въ Англію, гдѣ деньги теперь такъ дороги, должно усилиться вздорожаніе денегъ и на материкѣ Европы, гдѣ онѣ покамѣстъ еще сравнительно дешевы. Можно ожидать, что въ скоромъ времени сдѣлается очень трудно находить за границей деньги для предпріятій, даже болѣе выгодныхъ чѣмъ русскія желѣзныя дороги при ихъ теперешней обстановкѣ. Гдѣ тогда будемъ мы брать средства для осуществленія нашихъ предположеній относительно сооруженія сѣти желѣзныхъ дорогъ въ Россіи? Если за границей будетъ трудно находить деньги, не будетъ ли еще труднѣе находить ихъ дома? Можно ли даже серіозно думать о томъ, чтобы наша публика была въ состояніи взяться за это дѣло? Она и такъ уже очень много потеряла на акціяхъ тѣхъ желѣзныхъ дорогъ, которыя начали строиться во время акціонерной лихорадки, причиненной избыткомъ кредитныхъ билетовъ и пониженіемъ банковаго процента. Она привыкла къ вѣрнымъ помѣщеніямъ капитала и сверхъ того любитъ, чтобъ онъ могъ скоро высвобождаться; она привыкла къ высокимъ процентамъ, которые доставляетъ у насъ капиталъ въ рукахъ сколько-нибудь способныхъ. Что же остается дѣлать? На что возлагать надежды? Прибѣгнуть ли къ по-

строенію дорогъ казной? Это повидимому всего сподручнѣе и вѣрнѣе. Но откуда и казнѣ взять денегъ? Когда нѣтъ видовъ на составленіе акціонерныхъ компаній, то должно быть немногимъ больше видовъ и на заключеніе займовъ. Когда деньги дороги и за границей и дома, то и на займы плохая надежда. А тутъ еще оказывается настоятельная надобность въ займахъ для исправленія монетной системы и баланса государственныхъ доходовъ и расходовъ. При такомъ неблагопріятномъ стеченіи обстоятельствъ мы невольно попадаемъ на мысль о возвышеніи податей для спеціяльной цѣли построенія желѣзныхъ дорогъ. Но гдѣ на свѣтѣ видано чтобы желѣзныя дороги строились на подати? Если же этого нигдѣ не видано на свѣтѣ, то кольми паче это должно казаться неудобоисполнимымъ у насъ, гдѣ сравнительно съ народнымъ доходомъ подати выше чѣмъ въ какой-либо другой странѣ. Русскіе финансы, имѣютъ, правда, въ своемъ распоряженіи весьма эластическій налогъ—акцизъ съ питей, но онъ уже увеличенъ на 25% въ прошломъ году; кромѣ частныхъ мѣръ (относительно перекура, патентовъ и т. п.) невозможно желать новыхъ измѣненій въ этомъ налогѣ; надобно дать этому дѣлу время хоть сколько-нибудь установиться и упрочиться; нельзя безпрестанно теребить его и производить въ немъ ежеминутныя потрясенія.

Гдѣ же взять денегъ на желѣзныя дороги? А деньги, и деньги весьма значительныя, нужны даже въ томъ случаѣ, если казна будетъ строить желѣзныя дороги посредствомъ солдатъ; этою мыслью пренебрегать не слѣдуетъ, но и она избавляетъ только отъ незначительнѣйшей части расходовъ, которые необходимо покрывать деньгами.

Что́ же намъ дѣлать? Неужели отказаться отъ дѣла, котораго необходимость такъ живо чувствуется всѣми и безъ котораго дѣйствительно невозможенъ серіозный успѣхъ въ Россіи? Вездѣ вокругъ насъ улучшаются средства сообщенія. Европа покрыта желѣзными дорогами. Пройдетъ немного времени и ими покроется Азія отъ Азіятской Турціи до Китая. Суждено ли намъ остаться позади всѣхъ, и примиримся ли мы съ такою судьбой? Мы, которымъ желѣзныя дороги гораздо нужнѣе чѣмъ какой-либо другой странѣ? Другіе могутъ думать о другихъ побѣдахъ надъ природой; намъ всего нужнѣе побѣдить наши громадныя разстоянія. Упадемъ ли мы духомъ въ виду этой задачи и трудностей ее окружающихъ? Трудности велики, но велика и потребность бороться съ ними. Такъ или иначе, но мы должны найдти средства выйдти изъ затрудненій.

Когда средствъ мало, и они слабы, надобно соединить ихъ и извлекать изъ каждаго изъ нихъ все возможное. Надобно связать ломкіе прутья, чтобы они не ломались.

За границей деньги дороги, но чѣмъ дороже деньги, тѣмъ дешевле бываетъ товаръ и тѣмъ труднѣе сбытъ товара. Будемъ же занимать за границей не деньгами, а предметами нужными для построенія желѣзныхъ дорогъ. Будемъ заказывать рельсы, локомотивы и т. д. на томъ условіи, чтобы вмѣсто денегъ платить облигаціями. Охотниковъ на такую сдѣлку мы найдемъ не мало при томъ застоѣ, а можетъ быть и кризисѣ, который ожидаетъ Европу вслѣдствіе вздорожанія звонкой монеты. Поступая такъ, мы воспользуемся дороговизной денегъ и найдемъ возможность уменьшить сумму, въ которой будемъ нуждаться для построенія рельсовыхъ дорогъ. Мы обратимъ самое затрудненіе въ пользу себѣ.

Далѣе. У нашей публики дѣйствительно отбита охота покупать акціи желѣзныхъ дорогъ. Но если мы посмотримъ, какъ это дѣло идетъ въ другихъ странахъ, то вездѣ, кромѣ Англіи, замѣтимъ почти такой же застой какъ у насъ. Предпріятіе желѣзныхъ дорогъ тѣмъ отличается отъ другихъ предпріятій, что доходъ съ него непрерывно возрастаетъ, начинаясь съ долей весьма незначительныхъ. Никакъ нельзя сказать, чтобъ это предпріятіе было невыгодно, — совсѣмъ напротивъ, но по вышесказанному свойству его оно не можетъ быть привлекательно для большинства публики. Кто хочетъ облагодѣтельствовать свое потомство, тотъ долженъ покупать акціи желѣзныхъ дорогъ и держать ихъ въ своемъ сундукѣ, но кто хочетъ получать доходъ съ своихъ денегъ съ тѣмъ чтобы проживать его, тотъ предпочтетъ какое-нибудь другое помѣщеніе. Желѣзныя дороги награждаютъ только долготерпѣливыхъ акціонеровъ. Онѣ награждаютъ иногда щедро. Въ прошломъ году напримѣръ дорога изъ Магдебурга въ Гальберштадтъ дала $22^3/_8$% дивиденда. Это доходъ блистательный, но это награда за долгое терпѣніе: въ первые годы эта дорога давала

не болѣе 3 процентовъ, а открыта она была двадцать лѣтъ тому назадъ. Дорога изъ Магдебурга на Потсдамъ въ Берлинъ дала въ прошломъ году 14% дивиденда; это тоже доходъ весьма не дурной, но посмотрите, что она давала въ первые годы послѣ своего открытія! Движеніе по ней началось въ 1847 году. Въ первый годъ она дала 4%, во второй 4%, въ третій 0%, въ четвертый 3%, въ пятый 3½%, въ шестой 4%, въ седьмой тоже 4%. Кто изъ акціонеровъ продалъ свои акціи въ первые года, тотъ потерялъ часть капитала; только терпѣливые награждены тѣмъ, что ихъ капиталъ теперь удвоился. Но въ числѣ акціонеровъ всегда оказывается много нетерпѣливыхъ или неимѣющихъ возможности терпѣть; такіе продаютъ свои акціи и потому акціи почти всѣхъ желѣзныхъ дорогъ въ первые годы продаются ниже нарицательной цѣны. Вотъ между прочимъ одна изъ причинъ, почему капиталисты повсюду уклоняются отъ подписки на акціи желѣзныхъ дорогъ. Они предпочитаютъ выждать время, когда акціи упадутъ въ цѣнѣ когда можно будетъ скупить ихъ съ большею выгодой. Это всеобщій фактъ. Предвидя его и у насъ, мы еще не имѣемъ повода приходить въ отчаяніе. Мы должны только примѣнять къ нему тѣ же средства, какія примѣняются въ другихъ странахъ, и разумѣется должны приспособлять эти средства къ нашему положенію дѣлъ.

Гарантія тутъ недостаточна. Она въ сущности не что иное какъ государственный заемъ, съ тою только разницей, что правительство выпускаетъ изъ своихъ рукъ распоряженіе занятыми деньгами, и отказывается отъ барышей, которые могутъ быть доставлены предпріятіемъ въ послѣдствіи. Въ виду гарантіи компанія строитъ дорогу, не имѣя особеннаго интереса заботиться объ экономической стройкѣ. Открывъ дорогу, компанія хозяйничаетъ, но тоже почти не заинтересована тѣмъ, чтобы хозяйство шло удовлетворительно. Гарантія уменьшаетъ заботливость компаніи при построеніи дороги и при эксплуатаціи. Обезпечивая компанію отъ послѣдствій ошибокъ и даже злоупотребленій, она уменьшаетъ навсегда доходность дороги и тѣмъ роняетъ въ глазахъ публики все дѣло желѣзныхъ дорогъ, какъ коммерческое предпріятіе. Убивая такимъ образомъ предпріимчивость вообще по дѣлу желѣзныхъ дорогъ, гарантія еще болѣе затрудняетъ образованіе компаній по такимъ линіямъ, гдѣ правительство почему-либо не намѣрено давать гарантіи. На ряду съ дорогами гарантированными, дороги негарантированныя совершенно утрачиваютъ привлекательность для публики. Вредъ системы гарантій заключается особенно въ томъ, что державшись долго этой системы, правительство не можетъ отказаться отъ нея, если не хочетъ причинить застоя въ дѣлѣ построенія желѣзныхъ дорогъ. Гарантія дается по линіямъ болѣе нужнымъ и слѣдовательно въ большей части случаевъ болѣе выгоднымъ. Но если для линій выгодныхъ оказывалась надобность въ гарантіи, то во сколько разъ бо̀льшая надобность въ гарантіи должна оказаться для линій менѣе выгодныхъ? Чѣмъ дальше идетъ правительство по этому пути, тѣмъ труднѣе ему остановиться. Итакъ, гарантія не достигаетъ цѣли. Ужь если принимать рискъ на государство, то лучше строить дороги казенными инженерами, или выдавать частнымъ компаніямъ субсидіи *à fonds perdu*, съ правомъ казны на участіе въ дивидендѣ, послѣ того какъ онъ дойдетъ до извѣстной нормы.

Мы не будемъ входить сегодня въ подробности дѣла; мы намѣрены сдѣлать лишь общій обзоръ главнѣйшихъ его пунктовъ, и потому коснемся ихъ только слегка. Государство можетъ строить желѣзныя дороги отчасти на внѣшній заемъ (уплачивая за рельсы и подвижной составъ процентными облигаціями), отчасти на заемъ внутренній, отчасти на подати. Заемъ внутренній можетъ быть двухъ родовъ: прямой заемъ по публичной подпискѣ на процентныя бумаги, и заемъ косвенный, черезъ выдачу процентныхъ бумагъ подрядчикамъ вмѣсто платежа, по предварительному о томъ условію при торгахъ. Заемъ перваго рода не можетъ теперь выходить изъ самыхъ ограниченныхъ размѣровъ; заемъ втораго рода долженъ также держаться предѣловъ, допускаемыхъ нашимъ денежнымъ рынкомъ. Поэтому внутренніе займы не могутъ удовлетворить всѣ потребности, и нѣкоторая часть расходовъ должна по необходимости пасть на подати. Въ этомъ-то пунктѣ и оказывается главное затрудненіе. Необходимость заставляетъ искать налога, который могъ бы быть установленъ для построенія желѣзныхъ дорогъ.

Строгая справедливость не допускаетъ, чтобы государство несло всю тяжесть со-

оруженія желѣзныхъ дорогъ. Какъ ни важно это дѣло для всего государства, но равномѣрность—главное условіе справедливаго налога—нарушается тѣмъ что плательщики податей всего государства участвуютъ въ несеніи тяжести доставляющей имъ далеко неравномѣрную выгоду. Возьмемъ напримѣръ Николаевскую дорогу. Отъ сооруженія ея несомнѣнно выиграло все государство, но всего болѣе выиграли окрестные жители. Подати, которыми покрываютъ проценты съ капитала затраченнаго въ Николаевскую дорогу, идутъ отчасти на увеличеніе средствъ всего государства, но отчасти онѣ идутъ на увеличеніе цѣнности недвижимой собственности прилежащей къ этой дорогѣ. Это послѣднее нисколько не заслужено собственниками и куплено цѣной податей, вносимыхъ жителями другихъ мѣстностей. Кромѣ того, не подлежитъ сомнѣнію, что цѣнность собственности не можетъ возвыситься (даровымъ образомъ) въ одномъ районѣ, не причинивъ упадка цѣнъ на недвижимую собственность въ другихъ районахъ государства. Такимъ образомъ эти другіе районы несутъ двойную тягость. Во-первыхъ они платятъ подати для покрытія издержекъ на желѣзной дорогѣ; вовторыхъ они терпятъ отъ того; что въ ихъ предѣлахъ поземельная рента или болѣе падаетъ, или менѣе возрастаетъ сравнительно съ тѣмъ, что было бы, еслибы рента въ районѣ Николаевской желѣзной дороги не возвышалась. Мы только указываемъ на это несомнѣнное свойство поземельной ренты, не доказывая его, чтобъ идти далѣе. Не будетъ ли справедливо, если поземельная собственность прилежащая къ Николаевской дорогѣ подвергнется по возможности легкому налогу на тотъ даровой прибавокъ ренты, который достался на ея долю вслѣдствіе пожертвованій, сдѣланныхъ всѣми плательщиками податей въ государствѣ? Вотъ, кажется, справедливый источникъ налога, могущаго служить для расширенія сѣти желѣзныхъ дорогъ. Проведенныя доселѣ желѣзныя дороги создали вокругъ себя даровыя цѣнности; эти цѣнности могли бы быть привлечены къ налогу для того, чтобъ и другія мѣстности сдѣлались причастны выгодамъ доставляемымъ желѣзными дорогами.

Мы принуждены ограничиться здѣсь этимъ намекомъ, развитіе котораго предоставляемъ себѣ въ послѣдствіи. Спѣшимъ прибавить, что на ряду съ казенною стройкой желѣзныхъ дорогъ должна, въ интересѣ самаго дѣла, идти частная предпріимчивость. Но тутъ успѣхъ возможенъ только въ томъ случаѣ, если дѣлу будетъ дано направленіе, обезпечивающее дивидентъ, по крайней мѣрѣ, для нѣкоторой части акціонеровъ. Большихъ капиталовъ мы собрать не можемъ: мы должны озаботиться собираніемъ капиталовъ маленькихъ, и собирать ихъ должны всѣми возможными путями. До сихъ поръ у насъ были въ ходу два средства—акціи и облигаціи. Намъ необходимо ввести подраздѣленіе акцій на два отдѣла: на *пріоритеты*, пользующіеся дивидендомъ преимущественно передъ остальными акціями, и на коренныя акціи, получающія дивидендъ только въ томъ случаѣ, когда онъ уплаченъ въ извѣстной мѣрѣ владѣльцамъ пріоритетовъ. При дальнѣйшихъ дѣлежахъ барыша коренныя акціи могли бы въ свою очередь пользоваться нѣкоторыми преимуществами предъ пріоритетами. На эти коренныя акціи стали бы подписываться города и земства желающія, чтобы мимо ихъ прошла желѣзная дорога.

Къ капиталу такимъ образомъ собранному должна была бы присоединиться казенная субсидія (рельсы и подвижной составъ), а также пособіе со стороны ближайшихъ къ дорогѣ жителей. Справедливость требуетъ, чтобъ и тутъ тяжесть субсидіи не падала сполна на всѣхъ плательщиковъ податей въ государствѣ, но ложилась отчасти и на тѣхъ собственниковъ, которые должны получить отъ желѣзной дороги даровыя выгоды. Въ Пруссіи есть законъ, по которому мѣстные жители обязаны нести всѣ расходы по пріобрѣтенію земель отходящихъ подъ желѣзныя дороги. Этотъ законъ былъ бы полезенъ у насъ, но онъ у насъ недостаточенъ. Онъ возлагалъ бы на мѣстныхъ жителей такое содѣйствіе компаніи, которое было бы значительно только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ цѣны земель высоки и населеніе густо; но именно въ такихъ мѣстахъ дорога выгоднѣе и слѣдовательно менѣе нуждается въ субсидіяхъ чѣмъ въ мѣстахъ малонаселенныхъ, гдѣ она однакоже должна причинить сравнительно большее возвышеніе ренты. Поэтому кромѣ помянутаго прусскаго закона, у насъ требовался бы еще другой законъ, обязывающій окрестныхъ жителей къ взносу ежегодной дополнительной субсидіи въ пользу компаніи, на условіяхъ, которыя могутъ быть опредѣлены напередъ такъ, чтобъ и компанія была обезпечена

въ своихъ интересахъ, и окрестные жители не были вѣчными оброчниками ея, а напротивъ переходили изъ оброчниковъ въ акціонеры.

Мы останавливаемся на этихъ намекахъ, въ которыхъ мы коснулись только самыхъ главныхъ пунктовъ подлежащаго разсмотрѣнію сложнаго вопроса о средствахъ къ построенію желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Мы указали далеко не на всѣ средства. При болѣе подробномъ разсмотрѣніи отдѣльныхъ сторонъ этого вопроса окажутся сами собой разныя частности, которыхъ перечень затруднилъ бы наше сегодняшнее общее обозрѣніе.

№ 218.

Москва, 6-го октября.

Европейская политика начинаетъ принимать оборотъ не совсѣмъ обыкновенный. Конвенція 15-го сентября, касаясь судебъ Рима и косвенно выдвигая впередъ вопросъ о Венеціи, должна была бы, повидимому, прежде всего окончательно разстроить отношенія Австріи и Франціи, и внести разладъ въ отношенія между Пруссіей и Франціей; такъ какъ по общему убѣжденію и согласно съ продолжающимися еще и теперь полуофиціяльными заявленіями со стороны Пруссіи, послѣдняя не можетъ остаться равнодушною, въ случаѣ еслибы дѣйствительно угрожала опасность австрійскимъ владѣніямъ въ Италіи. Между тѣмъ въ дѣйствительности оказалось совсѣмъ противное: послѣ перваго смущенія и послѣ нѣкоторыхъ колебаній на первыхъ порахъ, Австрія не только не протестуетъ противъ конвенціи 15-го сентября, не только не опасается войны за Венецію, но напротивъ спѣшитъ воспользоваться этимъ международнымъ актомъ какъ прямымъ поводомъ къ уменьшенію своей арміи, а полуофиціяльная *Всеобщая Корреспонденція изъ Австріи* съ нѣкоторою горячностью, вовсе ей непривычною, опровергаетъ показаніе одного вѣнскаго журнала, будто бы графъ Рехбергъ высказался въ совѣтѣ министровъ противъ соглашенія съ Франціей. Съ своей стороны, и французскія полуофиціяльныя газеты спѣшатъ успокоить Австрію увѣреніями, что о Венеціи не должно быть и помину, и что въ конвенціи 15-го сентября она вовсе не имѣлась въ виду. Въ доказательство того Франція, какъ говорятъ, готова даже сама склонять Италію къ уменьшенію ея арміи, что̀ впрочемъ не очень уменьшитъ ея боевую силу, такъ какъ ея военное устройство позволяетъ уменьшать и увеличивать ея армію въ самое короткое время.

Пруссія точно также не только не почувствовала ни малѣйшей досады ни на вызовъ, сдѣланный Австріи, ни на то, что она сама поставлена въ необходимость высказаться на счетъ своихъ намѣреній относительно Венеціи, ни даже на то, что Австрія, рѣшившись на сближеніе съ Франціей, можетъ уйдти изъ ея объятій, прежде чѣмъ шлезвигъ-гольштейнскій вопросъ будетъ рѣшенъ согласно видамъ г. фонъ-Бисмарка. Напротивъ, самъ г. фонъ-Бисмаркъ почти тотчасъ же послѣ заявленій о заключеніи конвенціи 15-го сентября поспѣшилъ черезъ Парижъ въ Біарицъ, съ тѣмъ чтобы на возвратномъ пути снова прожить нѣсколько дней въ Парижѣ и личнымъ присутствіемъ скрѣпить дружественныя связи съ Франціей, которыми, повидимому, такъ дорожатъ теперь въ Берлинѣ.

По истинѣ, золотой вѣкъ наступаетъ для Европы: Австрія и Италія добровольно обезоруживаются; Франція и Австрія сближаются между собою; миръ съ Даніей послѣдуетъ на дняхъ; г. фонъ-Бисмаркъ не поѣхалъ бы въ Парижъ безъ видовъ на выгодное для Пруссіи сближеніе съ Франціей; наконецъ, подозрительная Англія, которая всегда съ такою удивительною ревностью слѣдитъ за всѣми перемѣнами въ политическихъ отношеніяхъ Франціи,— Англія, которая еще недавно такъ тревожилась каждымъ шагомъ Франціи и Россіи на встрѣчу другъ къ другу, и била въ набатъ при малѣйшемъ признакѣ дѣйствительнаго сближенія между ними, — Англія въ настоящее время остается совершенно спокойною при встрѣчѣ двухъ могущественнѣйшихъ монарховъ въ свѣтѣ, которые безгранично располагаютъ силами подвластныхъ имъ великихъ народовъ, и какъ бы вовсе не замѣчаетъ событія такой чрезвычайной важности.

> Redeunt saturnia regna...
> Nec magnos metuent armenta leones.

Но во вторую половину XIX столѣтія какъ-то не вѣрится наступленію золотаго

вѣка, и невольно сдается, что подъ оболочкою внезапнаго всеобщаго дружелюбія скрываются отнюдь не дружественные замыслы. Особенно подозрительными кажутся это совершенное равнодушіе и безпечность Англіи, газеты которой ни слова не проронили до сихъ поръ о предстоящемъ свиданіи двухъ могущественнѣйшихъ монарховъ, да и вообще въ послѣднее время, повидимому, не слышатъ и не видятъ того что̀ происходитъ въ окружающемъ мірѣ. Припомнимъ, что Англія была единственною изъ всѣхъ державъ, которую императоръ Наполеонъ счелъ за должное предварительно увѣдомить о своемъ намѣреніи заключить конвенцію съ Италіей, и что эта конвенція гораздо болѣе совпадаетъ съ видами Англіи нежели съ интересами Франціи, для которой не было никакого разчета отказываться отъ своей позиціи въ Римѣ. Все это заставляетъ думать, что конвенція 15-го сентября выражаетъ собой согласіе Франціи съ видами англійской политики. Припомнимъ еще, что въ самое время заключенія этой конвенціи лордъ Кларендонъ, введенный въ составъ нынѣшняго англійскаго министерства въ видахъ сближенія съ Франціей, очутился въ Вѣнѣ, и что съ его пребываніемъ тамъ связаны первые толки о необходимости перемѣны въ политикѣ Австріи, о необходимости сближенія ея съ Франціей и съ Англіей и обращенія фронта ея политики съ юго-запада на юго-востокъ, и о европейскомъ конгрессѣ, и наконецъ, о рѣшимости ея уменьшить свою армію. Ко всему этому присоединяются еще извѣстія, что идея европейскаго конгресса начинаетъ находить сочувствіе въ самомъ лордѣ Росселѣ, который въ прошломъ году такъ рѣзко отвергъ ее, — идея, съ которою, повидимому, вполнѣ уже освоились и въ Вѣнѣ, и въ Берлинѣ. Принимая къ свѣдѣнію всѣ эти обстоятельства, мы невольно приходимъ къ заключенію, что обѣ западныя державы дѣйствуютъ теперь въ полномъ согласіи между собою, при чемъ Франціи, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, предоставлена самая видная, а Англіи самая выгодная роль.

Что̀ же имѣется въ виду въ этихъ дѣйствіяхъ? Прежде всего, повидимому, конвенція 15-го сентября должна увѣрить Европу на счетъ безкорыстія, самоотверженія и миролюбія Франціи. Въ такомъ именно смыслѣ поручено теперь полуофиціяльнымъ журналамъ объяснять ее по отношенію къ Австріи. Когда эта цѣль будетъ отчасти достигнута; когда Франціи сверхъ того удастся увѣрить въ своемъ дружелюбіи и Россію, тогда можно будетъ выдвинуть впередъ планъ европейскаго конгресса, а пожалуй и съѣзда европейскихъ государей въ Парижѣ. *La France* уже возвѣщаетъ о предстоящемъ будто бы торжествѣ *французской* (!) партіи въ Россіи, а *Journal des Débats* съ неистовствомъ нападаетъ на указы о польскихъ крестьянахъ, стараясь доказать, что они внушены *молодою русскою партіей* (le jeune parti russe), преданною идеямъ коммунизма и соціализма, и на указы объ училищахъ въ Польшѣ, которые, по словамъ этой газеты, направлены къ тому, чтобы разорвать будто бы единую до сихъ поръ польскую націю. Вмѣстѣ съ тѣмъ *Journal des Débats* ябеднически подбираетъ всѣ выраженія въ высочайшихъ рескриптахъ и въ прошлогоднихъ депешахъ, которыя можно истолковать, разумѣется съ величайшими натяжками, въ смыслѣ обязательства принятаго на себя Россіей, сохранить и развить политическую самобытность Польши дарованіемъ ей отдѣльнаго государственнаго устройства.

Надобно полагать, впрочемъ, что если императоръ Наполеонъ и сочтетъ нужнымъ настаивать на созваніе европейскаго конгресса, то онъ позаботится о томъ, чтобы польскій вопросъ не былъ поставленъ въ его программѣ на первомъ планѣ, и даже чтобъ онъ былъ вовсе исключенъ изъ программы. Мало ли есть другихъ вопросовъ, способныхъ занять вниманіе европейскихъ государей? Такъ какъ безъ Россіи европейскій конгрессъ не возможенъ, да и не могъ бы никого интересовать, то главное заключалось бы въ томъ, чтобы склонить насъ въ пользу конгресса.

Политика можетъ тутъ дѣйствовать съ тою бережностью, образчикъ которой мы видѣли на дняхъ въ англійской печати по поводу вопроса скандинавскаго. Газетѣ *Times* привелось какъ-то невзначай проговориться по этому щекотливому вопросу. „Нельзя ли, было сказано въ передовой статьѣ этой газеты отъ 4-го октября, — нельзя ли чего-нибудь сдѣлать чтобы соединить эти скандинавскія племена, которымъ, что̀ бы тамъ ни говорили, человѣчество такъ многимъ обязано, въ цѣльное

государство, способное, при содѣйствіи бурныхъ морей, холодныхъ зимъ и пустынныхъ границъ, успѣшно защищать себя отъ великихъ военныхъ государствъ, которымъ Европа повидимому намѣрена подчиняться?“ Эти слова мѣтили намъ не въ бровь, а прямо въ глазъ. Они могли потревожить наше миролюбивое настроеніе, и вотъ двѣ англійскія газеты, изъ которыхъ одна, *Daily News*, считается органомъ лорда Росселя, а другая, *Morning Post*, органомъ лорда Пальмерстона, спѣшатъ поправить промахъ своего собрата. Обѣ, какъ бы сговорившись между собою, возвѣщаютъ, что Англія рѣшительно противъ скандинавскаго союза, такъ какъ „Россія ни за что не допуститъ его осуществленія.“ Вотъ до чего доходитъ внимательность къ намъ англійскихъ газетъ, представляющихъ интересный контрастъ съ безцеремонностью газетъ французскихъ.

Состоится ли европейскій конгрессъ, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ нельзя не видѣть, что взаимныя отношенія европейскихъ державъ значительно измѣнились противъ прошлаго года вслѣдствіе датской войны и конвенціи 15-го сентября. Въ прошломъ году Пруссія держалась въ сторонѣ отъ коалиціи европейскихъ державъ. Тогда она нуждалась въ Россіи для исполненія своихъ плановъ относительно Даніи. Теперь, въ чемъ г. фонъ-Бисмаркъ могъ опасаться противодѣйствія Россіи, то уже сдѣлано: война съ Даніей окончена. Теперь, чтобы воспользоваться результатами этой войны, нужно купить снисходительность западныхъ державъ, и мы уже видимъ, что Пруссія прилѣпляется къ нимъ. Такимъ образомъ, если въ прошломъ году оказалась возможною только коалиція трехъ державъ, то теперь со всѣхъ сторонъ подготовлено полное соглашеніе всѣхъ четырехъ державъ, изъ которыхъ, вмѣстѣ съ Россіей, состоитъ Европа. Съ измѣненіемъ констелляціи европейскаго неба, измѣняется и способъ ея дѣйствій на Россію. Въ прошломъ году европейскія державы соединились противъ насъ для того чтобы запугать насъ своими настояніями и угрозами; но онѣ вызвали только патріотическій отпоръ со стороны русскаго царя и русскаго народа; теперь намъ никто не грозитъ, теперь даже устраняются всѣ непріятные для насъ вопросы. Способъ дѣйствія измѣнился, но есть ли какая-нибудь возможность думать, чтобъ измѣнилось и самое дѣйствіе.

№ 219.

Москва, 7-го октября.

Конвенція 15-го сентября, ставящая римскаго епископа въ такое затруднительное положеніе, естественно наводитъ на мысль объ отношеніяхъ Россіи къ римскому престолу. Эти отношенія сдѣлались крайне тягостны вслѣдствіе образа дѣйствій принятаго римскою куріей. Папы много разъ вели борьбу съ свѣтскими государями римско-католическими и не римско-католическими; борьба эта бывала ожесточенная; почти всегда отличалась она притязательностью и неуступчивостью. Но всегда она была ведена съ достоинствомъ. Говорить сегодня одно, а завтра другое, съ тѣмъ чтобы послѣ завтра возвращаться къ тому что̀ было сказано за день передъ тѣмъ,—это не было въ обычаяхъ римской куріи, славившейся постоянною ровностью тона и необычайнымъ искусствомъ маскировать необходимые извороты. Въ сношеніяхъ съ нами римская курія повидимому совсѣмъ забыла объ этихъ преданіяхъ, придававшихъ такой авторитетъ ея актамъ.

21-го сентября, во всѣхъ французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ газетахъ появилась телеграмма изъ Марсели *отъ 20-го числа*, о томъ что въ Римѣ 17-го сентября *было роздано кардиналамъ* окружное посланіе папы къ польскому духовенству, и что въ этомъ посланіи начертывалась картина преслѣдованій, которымъ будто бы подвергается католицизмъ въ Россіи, а на русское правительство призывалась кара Божія. Вскорѣ послѣ того полученъ былъ въ Европѣ и длинный текстъ этого посланія, исполненнаго клеветъ на русское правительство и подстрекательствъ противъ него, но гдѣ, въ весьма немногихъ впрочемъ словахъ, папа выражалъ и неодобреніе свое польскому возстанію. Это посланіе оказалось энцикликескимъ, то-есть окружнымъ. Оно было разослано, по увѣренію газетъ, ко всѣмъ римско-католическимъ епископамъ. Ему была придана самая торжественная форма; это уже не аллокуція, а документъ подписанный папой. Неизвѣстно только почему замедлилось его обнародованіе. Посланіе было обнародовано 17-го

сентября, а надписано оно такъ: *30-е іюля, Кастель-Гандольфо*.

Между тѣмъ въ Россіи была получена изъ Рима, *отъ 20-го же сентября*, телеграмма слѣдующаго содержанія:

„Присутствующія здѣсь польскія духовныя лица отправили къ папѣ депутацію съ просьбой о томъ чтобы въ ближайшей аллокуціи онъ упомянулъ и о польскомъ дѣлѣ. Папа далъ имъ вчера (19-го числа) аудіенцію, и отвѣчалъ: „Мнѣ очень пріятно, что я имѣю случай поговорить объ „этихъ вопросахъ при затворенныхъ дверяхъ и высказать откровенно мое мнѣніе. „Не хочу скрывать отъ васъ, что вовсе „не одобряю вашего и вашихъ братій образа дѣйствій. Я знаю, что вы пользовались религіей для поддержанія революціи, „*проповѣдывали возмущеніе, благословляли мятежныя шайки, освящали кинжалы и пистолеты, сами съ крестомъ Спасителя въ рукахъ становились во главѣ „бунтовщиковъ*. Это дерзновенное злоупотребленіе религіей я горько оплакиваю. „Я не буду говорить въ аллокуціи о вашей „землѣ, *чтобъ опять не подать повода къ „недоразумѣніямъ*, но *буду писать къ вашимъ епископамъ* и подвергну революцію „порицанію."

Получивъ эту телеграмму, мы было подумали, что вышеупомянутое окружное посланіе было исполненіемъ этихъ словъ папы къ польскимъ ксендзамъ въ Римѣ. Но когда пришелъ текстъ посланія, столь противорѣчащій приведеннымъ въ телеграммѣ словамъ папы, и когда извѣстно стало число, которымъ посланіе датировано, тогда пришлось убѣдиться, что въ двухъ упомянутыхъ телеграммахъ рѣчь шла о двухъ совершенно различныхъ заявленіяхъ, римскаго престола.

Чѣмъ же объяснить это явное противорѣчіе между содержаніемъ окружнаго посланія папы и строгимъ тономъ его словъ къ польскимъ ксендзамъ въ Римѣ,—словъ повидимому не подлежащихъ сомнѣнію, несмотря на извѣстное нашимъ читателямъ отверженіе ихъ *Римскою Корреспонденціей?* Мы едва ли нашли бы объясненіе этому непонятному факту, еслибы намъ не помогъ предшествовавшій тому случай подобнаго же противорѣчія въ дѣйствіяхъ римской куріи. Мы имѣемъ основаніе полагать, что римскій корреспондентъ *Morning Post* не ошибся (см. № 198 *Московскихъ Вѣдомостей*), и что дней черезъ шесть послѣ подписанія окружнаго посланія отъ 30-го іюля, папа дѣйствительно изъявилъ, черезъ г. Одо Росселя, желаніе видѣть нашего повѣреннаго въ дѣлахъ барона Мейендорфа, который, получивъ на то разрѣшеніе отъ своего министра, тотчасъ же отправился въ Кастель-Гандольфо, гдѣ и получилъ частную аудіенцію у папы 9-го августа. Разговоръ происходившій при этомъ отчасти извѣстенъ нашимъ читателямъ; онъ отличался необыкновенною оживленостью и вмѣстѣ дружелюбіемъ. На десятый день послѣ подписанія окружнаго посланія, столь оскорбительнаго для Россіи, папа уже высказывалъ, говорятъ, увѣренность въ добромъ расположеніи Государя Императора къ Его римско-католическимъ подданнымъ, и чуть не выражалъ сожалѣнія, что говорилъ прежде такъ рѣзко въ пользу Польши. Такимъ образомъ между 30-мъ іюля и 9-мъ августа произошла явная перемѣна въ намѣреніяхъ папы по отношенію къ Россіи. Эта перемѣна получаетъ особенный интересъ, если припомнить что она какъ разъ совпадаетъ съ переговорами о франко-italiянской конвенціи, которые въ это самое время велъ генералъ Менабреа въ Парижѣ. Приближавшаяся гроза со стороны Франціи и Италіи могла естественно навести папу на мысль, что было бы кстати смягчить дѣйствіе, произведенное его окружнымъ посланіемъ, и завязать съ Россіей дипломатическую переписку.

Спрашиваемъ однакожь, есть ли какое-нибудь достоинство въ подобномъ образѣ дѣйствій? Добросовѣстно ли бросить обвиненіе въ какое-либо правительство и потомъ начинать съ нимъ переговоры, которыхъ цѣлію могло быть не что иное какъ разъясненіе дѣйствительнаго положенія дѣлъ, то-есть удостовѣреніе въ основательности или неосновательности брошеннаго обвиненія? Если римская курія считала основательными нападки высказанныя въ окружномъ посланіи, то она должна была бы подождать что скажетъ на нихъ русское правительство; ни въ какомъ случаѣ она не могла бы забѣгать окольными путями и заманивать русскую дипломатію въ переговоры. Въ окружномъ посланіи сказано, что папа въ своихъ обвиненіяхъ опирается „на свидѣтельства вполнѣ достойныя вѣры, на свѣдѣнія полученныя изъ несомнѣннаго источника". Такъ сказано въ документѣ, подъ которымъ папа Пій IX поставилъ

свое имя. Что же мы должны подумать о римской куріи, обращающейся вслѣдъ за симъ, къ источнику дѣйствительно несомнѣнному, — къ даннымъ имѣющимся въ распоряженіи русскаго правительства,—за разъясненіемъ дѣла, о которомъ папа такъ торжественно говорилъ, какъ о дѣлѣ несомнѣнномъ? Стало-быть римскій престолъ не вполнѣ былъ увѣренъ въ справедливости и основательности того, что̀ папа провозглашалъ на весь міръ? Но если такъ, то стало-быть папа завѣдомо клеветалъ на русское правительство и первосвященническими руками возжигалъ угасавшее въ польскомъ краѣ пламя мятежа и измѣны?

Но какъ бы то ни было, неожиданный шагъ сдѣланъ; баронъ Мейендорфъ приглашенъ въ Кастель - Гандольфо; святой отецъ принимаетъ его въ частной аудіенціи, которая сама по себѣ есть уже *pater peccavi;* переговоры завязываются,— переговоры долженствующіе усилить расположеніе римской куріи къ покаянію; кардиналъ Антонелли получаетъ возможность писать разныя *промеморіи,* въ которыхъ онъ однакоже по существу дѣла едва ли можетъ высказать иначе какъ въ формѣ вопроса то, что̀ было утвердительно высказано въ актѣ снабженномъ подписью самого папы. Что же мы видимъ далѣе? Канцеляріи начинаютъ работать надъ опроверженіемъ этого акта, а между тѣмъ 17 сентября обнародывается этотъ самый актъ. Въ своемъ ослѣпленіи римская курія думаетъ произвести на насъ эффектъ этою выходкой, но черезъ день послѣ того, 19 сентября, въ смягченіе нашего законнаго негодованія, Пій IX говоритъ келейно нѣсколько словъ, которыя слѣдовало бы сказать годъ назадъ, и о которыхъ къ тому же *Римская Корреспонденція* отзывается, что они вовсе не были сказаны! Могутъ ли эти слова, почти апокрифическія, и во всякомъ случаѣ сказанныя, какъ выразился самъ папа, при затворенныхъ дверяхъ, перевѣсить силу акта торжественно обнародованнаго и распространеннаго по всему міру? Не въ правѣ ли мы сказать, что они ничего не заглаживаютъ, никакого значенія не имѣютъ и могутъ служить развѣ свидѣтельствомъ того, въ какой степени двуличны дѣйствія папскаго престола относительно Россіи? Какъ послѣ 17-го, такъ и послѣ 19-го сентября, достоинство Россіи остается равно оскорбленнымъ и слѣдовательно дальнѣйшій размѣнъ мыслей съ Римомъ равно невозможенъ.

Римскій престолъ постоянно считается теперь, что̀ называется, безъ хозяевъ. Не сегодня, такъ завтра конвенція 15-го сентября окажетъ свое дѣйствіе на положеніе папы какъ свѣтскаго государя. Разрывая дипломатическія сношенія съ нами, онъ только предупреждаетъ естественный ходъ дѣлъ и даетъ намъ превосходный случай воспользоваться теперь же тѣми выгодами, которыя должны быть слѣдствіемъ предстоящихъ въ скоромъ будущемъ измѣненій въ сношеніяхъ всѣхъ государствъ съ Римомъ. Не пройдетъ много времени, и всѣ эти буллы, всѣ эти *breve,* которыя еще недавно были такъ грозны, превратятся въ газетныя полемическія статьи, если римская курія не будетъ соблюдать въ нихъ того духа и того тона, безъ которыхъ государственная власть нигдѣ не можетъ признавать ихъ за буллы и *breve,* то-есть за церковные акты. Мы должны благодарить римскую курію за то, что она даетъ намъ поводъ прежде другихъ державъ материка Европы стать къ римскому епископу въ единственно выгодныя для насъ отношенія,—въ отношенія подобныя тѣмъ, въ которыхъ стоитъ къ нему Англія.

Какая намъ надобность придавать государственное значеніе сношеніямъ римско-католическихъ подданныхъ Русскаго государства съ римскимъ престоломъ и слѣдовательно дѣлать эти сношенія обязательными? Частныхъ сношеній мы преградить не можемъ; мы можемъ надзирать только за офиціальными. Но надзирая за ними, мы отчасти облегчаемъ, отчасти узакониваемъ ихъ. Ни о томъ, ни о другомъ мы не имѣемъ ни малѣйшей причины заботиться. Какимъ бы путемъ ни дошелъ въ Россію тотъ или другой актъ римскаго епископа, съ насъ совершенно достаточно, чтобъ онъ не могъ быть обнародованъ въ Россіи безъ разрѣшенія государственной власти. Сколько бы епископскихъ каѳедръ римскій епископъ ни учреждалъ въ Россіи, и кого бы онъ ни назначалъ въ епископы на эти каѳедры, всѣ они останутся только въ спискахъ римской куріи и будутъ числиться въ нихъ подобно титулярнымъ каѳедрамъ *in partibus infidelium,* пока государственная власть не заблагоразсудитъ признать ихъ. Дарованіе юрисдикціи, а также лишеніе ея будетъ тогда самымъ простымъ и совершенно свободнымъ дѣломъ

свѣтской власти. Можетъ ли быть что-нибудь удобнѣе этого для государства, и вмѣстѣ съ тѣмъ не выиграетъ ли отъ этого и религіозное значеніе римско-католической церкви? Она перестанетъ тогда быть государствомъ въ государствѣ и получитъ то право на свободу, котораго она теперь не имѣетъ и не можетъ имѣть ни въ какомъ благоустроенномъ государствѣ.

№ 220.

Москва, 8-го октября.

Помѣщенная ниже замѣтка г. Аммосова въ пользу города Александрова, по поводу предположеній о дальнѣйшемъ направленіи Московско-Троицкой желѣзной дороги, побуждаетъ насъ возвратиться къ недавно затронутому нами вопросу объ участіи мѣстныхъ жителей въ построеніи желѣзныхъ дорогъ. Предполагается продолжать Московско-Троицкую желѣзную дорогу до Переславля, держась по возможности того направленія, которое, какъ наикратчайшее, было избрано для ярославскаго шоссе. Если это предположеніе состоится, то Александровъ останется въ сторонѣ, и безъ всякаго сомнѣнія начнетъ глохнуть. Всѣ жители Александрова, а въ особенности мѣстные фабриканты и помѣщики, должны быть сильно заинтересованы тѣмъ, чтобы желѣзная дорога коснулась Александрова. Сколько они выиграли бы противъ теперешняго, еслибы дорога пошла на Александровъ, столько же они потеряютъ, — и при томъ потеряютъ также противъ теперешняго, — когда желѣзная дорога минуетъ ихъ городъ. Въ первомъ случаѣ ихъ положеніе улучшилось бы, а во второмъ оно ухудшится сравнительно съ теперешнимъ. Какъ же имъ оставаться равнодушными? Г. Аммосовъ указываетъ на то, что мѣстность на пути чрезъ Александровъ удобнѣе, что около Александрова желѣзная дорога нашла бы дешевое топливо въ тамошнемъ торфѣ, что наконецъ этотъ городъ, по всему вѣроятію, уступитъ безплатно мѣсто для станціи желѣзной дороги. Послѣднее предположеніе имѣетъ нѣкоторый вѣсъ, хотя нельзя не сказать, что теперь едвали найдется на Руси городъ, который рѣшился бы повторить безумную попытку Коломны прижать компанію Московско-Рязанской желѣзной дороги запросомъ громадной цѣны подъ станцію. Теперь всякій уѣздный городокъ, въ какомъ бы захолустьѣ онъ ни стоялъ, пойметъ что ему выгодно содѣйствовать, а не противодѣйствовать проведенію черезъ него желѣзной дороги и устройству въ немъ станціи. Выгоды тутъ такъ велики, что повсюду не города прижимаютъ строителей желѣзныхъ дорогъ, а наоборотъ строители торгуются съ городами и предлагаютъ имъ иногда тяжелыя условія, чтобы не обойдти ихъ. Въ особенности слѣдуетъ сказать это о маленькихъ городахъ, которые лежатъ на пути предполагаемыхъ желѣзныхъ дорогъ и находятся совершенно во власти компаній, принимающихся за постройку ихъ. Въ данномъ случаѣ тѣ лица, которыя заинтересованы тѣмъ, чтобы Ярославская желѣзная дорога прошла через Александровъ, всего скорѣе могутъ достигнуть цѣли своихъ желаній, если примутъ участіе въ складочномъ капиталѣ. Этимъ они всего лучше докажутъ, что дѣйствительно убѣждены въ выгодности направленія желѣзной дороги черезъ Александровъ. Такъ поступаютъ мѣстные жители вездѣ въ Западной Европѣ, такъ должны они поступать и у насъ, если понимаютъ какія огромныя выгоды доставляетъ желѣзная дорога тѣмъ мѣстностямъ, черезъ которыя проходитъ.

У насъ понятія насчетъ этихъ выгодъ еще не достаточно распространены, и вина въ томъ падаетъ на нашихъ статистиковъ и экономистовъ. Очень часто слышатся у насъ отвлеченныя разсужденія о связи науки съ жизнію, а между тѣмъ самыя практическія изъ наукъ остаются у насъ безъ серіознаго примѣненія къ интересамъ жизни. Мы охотно толкуемъ о теоріи Мальтуса; насъ такъ и тянетъ къ самымъ труднымъ и сложнымъ вопросамъ политической экономіи, каковъ напримѣръ вопросъ о рентѣ. А то, что̀ у насъ подъ рукой, что̀ само навязывается на изученіе освѣщенное ясными понятіями науки, то остается не тронутымъ и даже не замѣченнымъ. Не заключается ли въ этомъ влеченіи къ труднымъ и отдаленнымъ вопросамъ и въ этомъ обѣганіи вопросовъ ближайшихъ и легкихъ признакъ того, что мы не придаемъ серіознаго значенія нашимъ занятіямъ наукой? Молодой человѣкъ, предпринимающій „изслѣдованіе“ по одному изъ труднѣйшихъ вопросовъ своей науки, едва ли можетъ самъ надѣяться, что ему удастся сказать что-нибудь самостоятельное. Са-

мостоятельно разработать какой-нибудь трудный вопросъ значитъ сдѣлать важный шагъ въ наукѣ: многимъ ли мыслителямъ и ученымъ удавалось начинать такимъ шагомъ свое поприще? Откуда же берется у нашихъ молодыхъ людей такая самоувѣренность? Не есть ли это только призракъ, за которымъ скрывается совершенная неувѣренность въ своей способности сдѣлать что-нибудь серіозное? А сколько самыхъ привлекательныхъ, самыхъ благодарныхъ темъ представляется у насъ человѣку, занимающемуся политическою экономіей и статистикой? Мы упомянули выше о рентѣ подъ вліяніемъ дошедшихъ до насъ слуховъ, что наша литература въ непродолжительномъ времени обогатится нѣсколькими диссертаціями по этому важному вопросу Теоретическая сторона вопроса о рентѣ до такой степени далека отъ примѣненія къ практическимъ вопросамъ, ожидающимъ у насъ разъясненія отъ политической экономіи и статистики, что можетъ быть почти отнесена къ задачамъ для насъ совершенно безплоднымъ. Но тотъ же вопросъ представляетъ много практическихъ сторонъ, которыя именно въ настоящее время получаютъ у насъ особенное значеніе. Поземельная рента подвергается теперь въ Россіи разнообразнымъ измѣненіямъ. Одни изъ этихъ измѣненій трудно поддаются изслѣдованію: таковы напримѣръ тѣ, которыя происходятъ вслѣдствіе освобожденія крестьянъ и непрочности нашей денежной системы. Но есть другія измѣненія, которыя ждутъ изслѣдователя, чтобы тотчасъ же вознаградить его за трудъ. Къ этимъ послѣднимъ относятся измѣненія, причиняемыя въ рентѣ желѣзными дорогами. Въ Англіи, въ Германіи, отчасти и во Франціи, уже собраны данныя, ясно показывающія, какое вліяніе имѣютъ желѣзныя дороги на возвышеніе ренты земель, мимо которыхъ онѣ проходятъ Эти данныя служа къ разъясненію теоретической стороны вопроса о рентѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣютъ чрезвычайно полезное практическое примѣненіе. Онѣ показываютъ землевладѣльцамъ, чего *по меньшей мѣрѣ* могутъ ожидать они отъ проведенія желѣзной дороги вблизи ихъ имѣній. Распространеніе этихъ свѣдѣній оживляетъ интересъ къ дѣлу построенія желѣзныхъ дорогъ, увеличиваетъ число людей, готовыхъ поддерживать это дѣло, содѣйствовать ему и даже приносить ему временныя жертвы посредствомъ подписки на акціи. У насъ ничего подобнаго нѣтъ, а чего бы кажется, стоило собрать подобныя свѣдѣнія напримѣръ по Николаевской желѣзной дорогѣ? Для этого было бы достаточно раза два проѣхать по этой дорогѣ, останавливаясь на ея станціяхъ и разузнавая о цѣнахъ на недвижимыя имущества въ городахъ и уѣздахъ. Нужна была бы только точность развѣдки; сложныхъ вопросовъ тутъ не представилось бы вовсе Слѣдовало бы сдѣлать различіе между тѣми мѣстностями, гдѣ Николаевская дорога пролегаетъ близь шоссе, и между тѣми, гдѣ она значительно уклоняется отъ него: въ первыхъ мѣстностяхъ возвышеніе цѣнъ должно быть слабѣе чѣмъ во вторыхъ. Затѣмъ слѣдовало бы отличать цѣны теперешнія отъ цѣнъ стоявшихъ до освобожденія крестьянъ, ибо иначе нельзя было бы опредѣлить въ какой мѣрѣ рента измѣнилась вслѣдствіе вліянія желѣзной дороги, независимо отъ вліянія другихъ причинъ. Повторяемъ, такое изслѣдованіе не представило бы большихъ трудностей, а принесло бы неисчислимую пользу, и усилія на него положенныя оставили бы видный слѣдъ какъ въ ученой литературѣ, такъ и въ практической жизни. Еслибы подобныя изслѣдованія были сдѣланы и по другимъ желѣзнымъ дорогамъ, то всякій землевладѣлецъ имѣлъ бы возможность составить себѣ основательное сужденіе о томъ, чего можетъ онъ ожидать отъ проведенія желѣзной дороги вблизи его имѣнія, и слѣдовательно чѣмъ онъ можетъ съ выгодой для себя пожертвовать, если осуществленіе желѣзной дороги потребуетъ отъ него какихъ-нибудь, хотя бы и временныхъ жертвъ.

Дѣло желѣзныхъ дорогъ не можетъ развиваться успѣшно пока будетъ всею своею тяжестью ложиться на государство. Есть дороги, которыя надобно вести во что бы то ни стало, въ виду тѣхъ интересовъ государственнаго единства и государственной безопасности, за которые народы, заслуживающіе политической самостоятельности, не задумываются проливать свою кровь. Если интересы этого порядка могутъ быть хоть сколько-нибудь обезпечены имущественнымъ пожертвованіемъ, то нѣтъ никакой возможности останавливаться передъ нимъ. Таковы напримѣръ великіе интересы ожидающіе своего огражденія отъ рельсоваго пути изъ Мос-

квы въ Кіевъ. Важность этого дѣла для всей Русской земли такъ велика, что въ случаѣ крайности оно могло бы быть совершено даже по національной подпискѣ. Многіе навѣрное подписались бы на значительныя суммы; ни одинъ русскій человѣкъ не уклонился бы отъ взноса нѣсколькихъ копѣекъ, изъ которыхъ однакоже составились бы милліоны. Русскій народъ былъ готовъ не на такія жертвы, когда дѣло шло о единствѣ Русской земли, а вопросъ о Московско-Кіевской желѣзной дорогѣ есть не что иное какъ вопросъ о самомъ вѣрномъ и могущественномъ средствѣ соединенія юго-западной Руси съ Русью срединною. Такая дорога есть дѣло патріотическое, и чѣмъ болѣе оно подвергается сомнѣнію, тѣмъ съ большею энергіей должна сказываться потребность въ ней во всемъ русскомъ народѣ. Но такихъ дорогъ не много. Бо́льшая часть остальныхъ должны быть дѣломъ разчета со стороны лицъ заинтересованныхъ въ ихъ проведеніи, а чтобъ эти лица не ошиблись въ разчетѣ, передъ ихъ глазами должны быть данныя, на основаніи которыхъ они могли бы сдѣлать приблизительно-вѣрное вычисленіе выгодъ предстоящихъ имъ отъ проведенія желѣзной дороги. Для того чтобы дѣло желѣзныхъ дорогъ получило правильный ходъ, прежде всего необходимы два условія: съ одной стороны необходимо, чтобъ образовался у насъ классъ предпринимателей и строителей, пользующихся довѣріемъ капиталистовъ, а съ другой стороны необходимо, чтобы возникла конкурренція между мѣстностями, нуждающимися въ желѣзной дорогѣ. Классъ предпринимателей уже возникаетъ; желательно только, чтобъ они не оставались безъ дѣла и не распускали своихъ штабовъ; конкурренція между ними всего вѣрнѣе приведетъ къ удешевленію постройки желѣзныхъ дорогъ. Но никакого успѣха не будетъ, пока интересъ къ этому дѣлу не начнетъ живѣе сказываться въ мѣстныхъ жителяхъ.

№ 221.

Москва, 9-го октября.

Въ Европѣ есть много вопросовъ, имѣющихъ большее или меньшее значеніе, возникшихъ изъ хода событій или поднятыхъ искусственно. Есть вопросъ римскій, есть вопросъ шлезвигъ-гольштейнскій, есть вопросъ восточный; можно набрать еще много другихъ вопросовъ, о которыхъ трактовали и трактуютъ въ дипломатическомъ мірѣ и въ политическихъ кругахъ. Но есть вопросъ, который еще не былъ ясно высказанъ, и который однако серіознѣе всего что только можетъ имѣть въ Европѣ значеніе вопроса. Этотъ скрытный, невысказанный вопросъ, господствуетъ надъ всѣмъ; онъ болѣе или менѣе присутствуетъ во всѣхъ политическихъ соображеніяхъ; онъ у всѣхъ на умѣ. Поднять его въ собственномъ его смыслѣ и во всей его силѣ—трудно, невозможно; но онъ поднимается по частямъ и подъ другими формулами. Въ прошломъ году онъ былъ скрытнымъ образомъ поднятъ подъ именемъ вопроса польскаго. Этотъ таинственный вопросъ—мы должны наконецъ назвать его прямо—есть вопросъ *русскій*. Давно уже виситъ онъ надъ Европой,—съ тѣхъ самыхъ поръ какъ Россія стала первоклассною европейскою державой. Ея громадные размѣры, ея могущественный ростъ, ея крѣпкое государственное единство съ одной стороны; мракъ господствовавшій внутри ея, совершенное отсутствіе всякихъ признаковъ, которые могли бы свидѣтельствовать о характерѣ и значеніи той народности, которой имя носитъ это государство, давно уже занимаютъ и пугаютъ всѣхъ. Вотъ держава, входящая въ составъ европейскихъ государствъ, оказывающая однимъ своимъ присутствіемъ громадное вліяніе на ходъ европейскихъ дѣлъ, и въ то же время вотъ народъ, Богъ знаетъ что̀ заключающій въ себѣ и Богъ знаетъ къ чему предназначенный. Вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ своей исторіи, русская народность была менѣе знакома образованному міру чѣмъ китайская или японская; все относящееся къ русскому народу было долгое время предметомъ не меньшаго баснословія чѣмъ для древнихъ географовъ занимаемыя имъ нынѣ, гиперборейскія страны. Но съ другой стороны, этотъ неизвѣстный, этотъ таинственный народъ, въ которомъ все казалось такъ безтолково, такъ непонятно, въ которомъ все было такъ темно, дѣйствовалъ въ лицѣ своего правительства и могущественно отзывался въ ходѣ всемірныхъ дѣлъ. Почти совершенное отсутствіе всякихъ видимыхъ проявленій общественной и нравственной энергіи, кромѣ государственной службы, которую несъ

съ тяжкими усиліями весь народъ, не могло быть причиной пріязни и довѣрія къ нему. Если въ лицѣ своего правительства русскій народъ находился въ постоянномъ взаимодѣйствіи съ европейскими государствами и былъ однимъ изъ значительнѣйшихъ звеньевъ въ системѣ общаго равновѣсія, то во всѣхъ другихъ отношеніяхъ онъ почти не находился ни въ какомъ общеніи съ Европой. Между Россіей и остальнымъ міромъ, кромѣ отношеній правительственнаго порядка, не было, или почти не было, никакихъ живыхъ связей ни экономическаго, ни нравственнаго свойства. Вотъ почему Россія была въ одно и то же время и такъ близка къ Европѣ, и такъ далека отъ нея, такъ чужда ей; вотъ почему она должна была обращать на себя усиленное вниманіе, и въ то же время возбуждать противъ себя глубокую непріязнь и недовѣріе: вотъ почему къ тѣмъ элементамъ розни и антагонизма, которые могутъ возникать между всякими государствами, присоединяются по отношенію къ Россіи причины недоброжелательства, въ которыхъ всѣ другія государства солидарны. Есть политика Франціи относительно Англіи, есть политика Англіи относительно Франціи, и есть также политика каждаго европейскаго государства по отношенію къ этой послѣдней державѣ, есть общая политика всѣхъ европейскихъ государствъ.

Все политическое искусство европейскихъ правительствъ по отношеніи къ Россіи состояло въ томъ, чтобы вовлекать ея правительство въ такія положенія и сочетанія, которыя наименѣе соотвѣтствовали бы ея собственнымъ интересамъ и въ которыхъ она служила бы постороннимъ для нея цѣлямъ, сколь можно болѣе въ ущербъ себѣ. Такая политика, повидимому, обезпечивала Европу до той поры, пока вопросъ о дальнѣйшемъ значеніи Россіи еще не возможно было считать вполнѣ созрѣвшимъ; такая политика служила какъ бы палліативнымъ средствомъ останавливая развитіе того что̀ казалось зломъ, и по возможности употребляя это зло въ пользу. Тамъ, гдѣ хоть сколько-нибудь выступалъ наружу русскій интересъ въ европейскихъ дѣлахъ, можно было съ увѣренностію ожидать, что всѣ правительства станутъ противъ насъ за одно. Не могла быть допущена никакая комбинація выгодная для Россіи, не могъ быть поднятъ никакой вопросъ, который хотя бы отдаленнымъ образомъ обѣщалъ разрѣшиться въ русскомъ смыслѣ. Русская политика въ Европѣ могла что-нибудь значить только въ той мѣрѣ, въ какой она отреклась отъ своего національнаго характера; она казалась напримѣръ сильною въ то время, когда Россія была членомъ Священнаго Союза и когда она, по собственному сознанію, жертвовала всѣми своими интересами въ пользу германскихъ правительствъ, усиливая тѣмъ ненависть къ ней народовъ. Такимъ образомъ, постоянною политикой относительно Россіи было по возможности изолировать русское правительство отъ его страны, отъ его народа, поддерживать и даже усиливать его дѣйствіе въ интересахъ чуждыхъ, и тѣмъ существенно ослаблять его. Но такое положеніе вещей не можетъ же продолжаться вѣчно. Съ теченіемъ времени, при большемъ знакомствѣ съ положеніемъ дѣлъ въ Россіи, русскій вопросъ созрѣвалъ и становился яснѣе; онъ освобождался отъ тѣхъ миѳическихъ элементовъ, которые соединялись съ нимъ прежде; Россія перестала пугать воображеніе ордами дикарей, ожидающихъ только сигнала, чтобы вторгнуться въ Европу и покрыть ее развалинами. Но недоброжелательство къ Россіи не утратило своей силы,—напротивъ, оно стало опредѣленнѣе, и потому опаснѣе. Болѣе отчетливое знакомство съ положеніемъ дѣлъ внутри Россіи указало ея слабыя стороны, ея уязвимыя мѣста, указало пути для политической интриги.

Русскій вопросъ,—говоримъ это не безъ тяжелаго чувства, потому что вопросу подвергается только сомнительное, какъ напримѣръ свѣтская власть папы въ римскомъ вопросѣ, или какъ существованіе Турціи въ восточномъ,—русскій вопросъ въ настоящую пору считается созрѣвшимъ.

Восточная война, несмотря на ея несчастливый для Россіи исходъ, не потрясла ея основаній, но она значительно измѣнила ея европейское положеніе. Размѣры ея иностранной политики сократились; Россія стала устраняться отъ дѣятельнаго участія въ европейскихъ вопросахъ, и потому прежніе пріемы обращенія съ нею оказываются недостаточными. Все вниманіе европейской политики перенеслось на наши внутреннія дѣла, и никогда еще не были они предметомъ столь тщательнаго и заботливаго изученія, входящаго во всѣ

подробности дѣйствующаго у насъ правительственнаго механизма, общественныхъ настроеній и личныхъ элементовъ. Теперь или никогда: политика, имѣющая цѣлію внести смуту въ наши дѣла, поколебать и разстроить ихъ, обставлена очень выгодно и находится въ обладаніи самыми разнообразными способами, дѣйствія, заговоромъ интригой, революціей, искусственнымъ возбужденіемъ общественнаго мнѣнія; а съ другой стороны, переходное время, которое переживаетъ теперь Россія и которое уже никогда не повторится, представляетъ самыя благопріятныя условія для дѣйствія...

Русскому народу предстоитъ въ наши дни выдержать послѣдній и можетъ-быть самый трудный искусъ въ своей исторіи; но мы не колеблемся въ вѣрѣ, что русскій народъ выйдетъ съ торжествомъ изъ своего послѣдняго испытанія. Какъ ни тщательно изучаютъ насъ, какъ ни тонко ведутъ свои разчеты политическіе мудрецы нашего времени, они все-таки обочтутся, отъ нихъ все-таки ускользнутъ тѣ самые элементы, въ которыхъ вся сила.

№ 222.

Москва, 10-го октября.

Если вѣрить показаніямъ парижскихъ корреспондентовъ аугсбургской *Всеобщей Газеты* и *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* Франція, увѣряя Австрію, Пруссію и вообще германскихъ государей въ своихъ миролюбивыхъ намѣреніяхъ, распускала изъ-подъ руки слухъ, будто бы сама Россія искала сближенія съ нею и насилу успѣла достигнуть его. Разчетъ очевиденъ: онъ направленъ къ тому, чтобъ убѣдить нѣмецкія государства въ томъ, что имъ нечего надѣяться на дружбу съ Россіей, и что единственное ихъ спасеніе въ союзѣ съ Англіей и съ Франціей. Что обѣ западныя державы дѣйствуютъ заодно между собою, доказательствомъ служитъ желаніе Англіи привлечь Австрію къ союзу съ Франціей. Подъ условіемъ союза съ западными державами, Англія готова даже выручить Австрію изъ финансовыхъ затрудненій, и обѣщаетъ способствовать ей къ заключенію займа въ 100 милліоновъ гульденовъ на лондонскомъ рынкѣ. Пруссія, какъ теперь несомнѣнно, уже находится на сторонѣ западныхъ державъ.

Изолированное положеніе само по себѣ нисколько не было бы въ тягость Россіи, еслибъ оно и не прикрывалось какъ въ настоящее время, дружественными отовсюду заявленіями. Враждебные Россіи замыслы устремлены къ тому, чтобы въ ся внутреннихъ дѣлахъ произвести роковыя недоразумѣнія и замѣшательства. Сигналъ поданъ, — и вотъ нѣтъ иностраннаго журнала, сколько-нибудь распространеннаго и пользующагося извѣстностью, который не старался бы клеветать на русскій народъ и на такъ-называемую русскую партію. Въ настоящее время всѣмъ хорошо извѣстно, что и сама всесвѣтная революція находится въ услуженіи политическихъ чародѣевъ западной Европы или лицъ, къ нимъ близкихъ, и что агенты ея, среди которыхъ столько Поляковъ, направляются ими туда, гдѣ нужно имъ произвести смуты и народныя бѣдствія. Но надобно дать видъ, что эти бѣдствія причиняются не силами чуждыми и враждебными русскому народу, а имѣютъ будто бы у насъ свой домашній источникъ, и вотъ иностранная печать усиливается въ настоящее время изобразить русскій народъ въ самыхъ мрачныхъ красках, исполненнымъ безпощадной ненависти ко всѣмъ основамъ государственнаго и общественнаго порядка, вполнѣ преданнымъ революціонному движенію, и готовымъ, въ своей дикости и фанатизму, на всевозможныя злодѣянія, а въ противоположность этой картинѣ, которую будто бы представляетъ самая глубь Россіи, она указываетъ на ея окраины, съ господствующимъ шведскимъ, нѣмецкимъ или польскимъ населеніемъ, какъ на русскую Вандею, готовую пролить потоки крови за законную власть.

Въ послѣднее время такія изображенія господствуютъ преимущественно въ нѣмецкой журналистикѣ и въ тѣхъ именно органахъ ея, которые ратуютъ въ пользу союза Австріи съ Франціей и съ Англіей. Особенно занимательна въ этомъ отношеніи статья газеты *Wanderer*, отъ 15-го октября. Съ самаго начала и до конца она старается провести черту раздѣленія между „Россіей царя“, какъ она выражается, и „Россіей русскаго народа.“ Со вступленіемъ на престолъ Александра II, по словамъ упомянутой газеты, въ Россіи началась новая эпоха, эпоха „Россіи русскаго народа“, и тотчасъ же ознаменовала себя „дикостью, фанатизмомъ, кото-

рый только въ сценахъ ужасовъ и звѣрства находитъ себѣ удовлетвореніе". Продолжительное угнетеніе, въ которомъ находился народъ, будто бы породило въ немъ такія свойства, которымъ чужды идеи нравственности и которыя дѣлаютъ его особенно доступнымъ ученію коммунизма и соціализма. Освобожденіе крестьянъ нисколько будто бы не удовлетворило ихъ: въ неволѣ они смотрѣли на помѣщичьи земли какъ на свою собственность, — а теперь вдругъ они должны уважать ихъ какъ исключительную собственность ихъ господъ! Къ этому присоединились еще усилія европейски-образованныхъ русскихъ либераловъ или революціонеровъ, продолжаетъ *Wanderer*, и Русскому царству несомнѣнно предстоитъ потрясеніе. „Мы, къ сожа„лѣнію, не имѣемъ," говоритъ эта газета, „болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній о пред„стоящемъ Россіи переворотѣ, но что кри„зисъ приближается, доказательствомъ слу„жатъ отовсюду приходящія извѣстія о по„жарахъ".

Botschafter повторяетъ тѣ же обвиненія на русскій народъ, на русскихъ крестьянъ, которые будто бы въ дикой ненависти къ помѣщикамъ поджигаютъ ихъ дома и истребляютъ ихъ имущества. „Со„ціальное броженіе," прибавляетъ эта газета, „достигло въ Россіи крайней степе„ни, и распространяется во всѣхъ провин„ціяхъ. Повсюду въ Имперіи организуют„ся тайныя общества. Секта Русскихъ Ры„царей, основанная нѣкогда графомъ Ма„моновымъ, насчитываетъ множество при„верженцевъ, а Ассоціація Общественнаго „Блага отличается еще болѣе революціон„нымъ духомъ. Поляки, набранные въ рус„скія войска, — которымъ впрочемъ напрас„но приписываютъ всѣ пожары, — состави„ли нѣчто въ родѣ пороховаго заговора, „и Русскіе, принадлежащіе къ тайному об„ществу, называемому *Нигилисты*, присо„единились къ этимъ Полякамъ, и намѣ„реваются сжечь всѣ города и селенія въ „приволжскихъ губерніяхъ."

Иностранные публицисты, очевидно, не щадятъ красокъ, чтобы представить въ самомъ ужасающемъ видѣ духъ всепожирающей, дикой, фанатической, дѣйствующей пожарами революціи, будто бы объявшей русскій народъ и преимущественно русскихъ крестьянъ, и хотя при словѣ о пожарахъ и упоминаютъ о Полякахъ, но стараются по возможности выгородить ихъ, сваливая всю вину главнѣйшимъ образомъ на крестьянъ, „недовольныхъ своимъ осво„божденіемъ, питающихъ ненависть къ по„мѣщикамъ, преданныхъ идеямъ соціализ„ма и коммунизма".

Бѣдный русскій народъ, и особенно бѣдные русскіе крестьяне! Они и страдаютъ отъ пожаровъ, и ихъ же за то стараются представить въ самомъ ненавистномъ свѣтѣ передъ лицомъ цѣлой Европы! Однакоже всему есть мѣра, и есть клеветы, которыя превосходятъ всякую мѣру вѣроятія. Это такая наглая и ни съ чѣмъ несообразная ложь, что ее не стоило бы и опровергать; но мы живемъ въ такое трудное время, когда всякая ложь, какъ бы нелѣпа она ни была, можетъ, хотя бы и мгновенно, произвести свое дѣйствіе, и когда мнимое, лишь воображаемое зло можетъ легко породить зло дѣйствительное.

„Весь русскій народъ", говорятъ намъ, „объятъ духомъ революціи." Въ чемъ же проявился этотъ духъ революціи? Въ томъ ли, что крестьяне сами ловили людей распространявшихъ въ ихъ средѣ такъ-называемыя „золотыя грамоты" и предавали ихъ въ руки законныхъ властей? Въ томъ ли, что въ западномъ краѣ Россіи они вязали польскихъ бунтовщиковъ и приводили ихъ къ начальствамъ, и потомъ, будучи призваны къ тому самою властью, составили изъ себя сельскія стражи? Въ томъ ли, наконецъ, что въ духѣ всеобщаго патріотическаго одушевленія, они отовсюду слали письма къ Царю, заявляя ему свою преданность и готовность на всѣ жертвы для спасенія отечества отъ угрожавшихъ ему непріятелей? Это ли народъ, объятый духомъ революціи? Среди ли этого народа можетъ, хотя бы и мгновенно, возникнуть мерзкая мысль о какой-то русской Вандеѣ на окраинѣ Русскаго царства?

Много было обстоятельствъ и много было условій, какъ бы нарочно придуманныхъ для того чтобы раздражить высшій землевладѣльческій классъ противъ правительства, — и однакоже что́ оказалось въ прошломъ году? Не дворянство ли подало первый голосъ народнаго чувства и государственнаго разума? Мы не говоримъ о купечествѣ, которое даже и враждебные Россіи публицисты не позволяютъ себѣ заподазривать въ революціонномъ духѣ. Гдѣ же русскіе элементы для революціи въ Россіи? Разчитывали на старообрядцевъ, но и тѣ посрамили людей, питавшихъ такіе раз-

четы, и оказались вполнѣ преданными сынами Россіи. Весь настоящій русскій народъ представляетъ собою самый здоровый, самый крѣпкій организмъ. Но эту-то крѣпость и старается сокрушить политическая интрига, поселяя духъ недовѣрія между верховною властью и народомъ. На народъ стараются подѣйствовать съ помощью революціонныхъ эмиссаровъ, съ помощью произведеній революціонной печати, наконецъ, путемъ народныхъ бѣдствій, такъ какъ всѣ другія революціонныя попытки сокрушались о здравый смыслъ народа. На дальнѣйшемъ еще планѣ стоятъ разчеты на то уныніе и отчаяніе, которыя овладѣли бы народомъ, еслибы удалось дѣйствительно разрознить его съ верховною властью....

Нѣтъ, если есть у насъ дурные элементы, то они не изъ нѣдръ народа происходятъ, а *насильно навязываются* ему— всѣмъ извѣстно какими путями....

Впрочемъ газета *Wanderer* не сумѣла вполнѣ скрыть тѣ разчеты и побужденія, которые заставили ее клеветать на русскій народъ и заподазривать его отношенія къ верховной власти и къ основамъ общественнаго и государственнаго порядка. „Россію, говоритъ *Wanderer*, „уже и „потому можно считать великою державой, „что всѣ другія великія державы, въ томъ „числѣ и Англія, съ самыми напряженными „усиліями слѣдятъ за развитіемъ ея могущества и стараются постоянно противопоставлять ей преграды.... Еще могущественнѣе чѣмъ Россія царя кажется „намъ Россія русскаго народа. Но много „пройдетъ времени, прежде чѣмъ Россія „русскаго народа станетъ дѣйствительностью.“

Иностранная печать старается такимъ образомъ раздѣлить Русскаго царя и русскій народъ, и надѣется что Россія русскаго народа не скоро еще станетъ дѣйствительностью. Но великъ Богъ Русской земли, и козни враговъ ея обратятся въ ничто. Между Россіей царя и Россіей народною не будетъ различія...

№ 223.

Москва, 12-го октября.

Въ прошломъ году Россію пугали войной. О серіозности этихъ угрозъ были различныя мнѣнія. Для однихъ было очевидно,—и мы постоянно высказывались въ этомъ смыслѣ — что опасаться войны нечего, и что европейской агитаціи могъ быть положенъ конецъ однимъ заявленіемъ русскаго общественнаго мнѣнія и народнаго чувства. По мнѣнію другихъ, слѣдовало бы готовиться къ серіозной войнѣ и только серіозными приготовленіями можно было предотвратить ее. Относительно настоящей минуты подобнаго разногласія быть не можетъ, и въ этомъ заключается сравнительная выгодность нашего теперешняго положенія. Австрія обезоруживается, Франція отказывается отъ сбора значительной части своихъ резервовъ, и даже Италія распустила нижнихъ чиновъ въ отпускъ. Ни одна изъ европейскихъ державъ не скрываетъ заботъ о поправленіи своихъ финансовъ. Всѣ утомились вооруженіями, истощающими силы даже такихъ богатыхъ странъ какъ Франція. Всѣ ясно сознаютъ, что нѣсколько лѣтъ подобныхъ усилій могутъ лишить любую державу способности къ успѣшному дѣйствію въ случаѣ надобности.

Итакъ Россія можетъ быть съ этой стороны совершенно спокойна. Внѣшней опасности не предвидится ни откуда. Каждое государство можетъ сосредоточить свои силы на своихъ внутреннихъ дѣлахъ, и конечно, кто изъ нашихъ сосѣдей воспользуется этою рѣдко случающеюся минутой затишья для поправленія своихъ финансовъ, тотъ значительно увеличитъ свое могущество. Россія въ этомъ отношеніи поставлена еще благопріятнѣе чѣмъ другія державы. Счастливо окончившаяся кавказская война освобождаетъ стотысячную армію и слагаетъ съ государственнаго казначейства издержку по меньшей мѣрѣ въ 15 милліоновъ рублей, то-есть приблизительно весь дефицитъ по бюджету прошлаго года. Кавказъ покоренъ, польскій мятежъ подавленъ, прошлогодняя дипломатическая интрига раскрыта во всѣхъ ея нитяхъ, а съ другой стороны крестьянское дѣло окончательно установилось, народное сознаніе уяснилось и окрѣпло, вѣрное направленіе внутренней политики обрисовывается яснѣе чѣмъ когда-либо прежде,—какое соединеніе условій можетъ быть выгоднѣе этого для правильнаго развитія всѣхъ государственныхъ силъ, не только для исправленія финансовъ!

Но у всякаго дня есть своя забота, и день нынѣ переживаемый Россіей не сво-

боденъ отъ заботъ тяжкихъ. Великая держава не можетъ совершенно отдѣлить свою внутреннюю политику отъ политики внѣшней. Эти двѣ стороны государственной жизни, повидимому разнородныя, находятся однакоже въ безпрерывномъ взаимнодѣйствіи между собой. Россія обставлена нынѣ условіями чрезвычайно благопріятными, но самая новизна пути нужнаго для того чтобы ими воспользоваться, есть уже не малое затрудненіе, а международныя отношенія, по самому существу своему, не могутъ облегчать насъ въ этомъ затрудненіи. Каждая изъ четырехъ великихъ державъ, остающихся въ Европѣ кромѣ Россіи, всячески старается осуществлять свои интересы; какъ ни переплетены эти интересы, но ни порознь взятые, ни въ своей совокупности, они не могутъ совпадать съ интересами Россіи. Въ этомъ отношеніи Россія не только находилась въ одинаковомъ положеніи съ другими державами, но, какъ мы недавно имѣли случай замѣтить, она поставлена еще менѣе выгодно чѣмъ любая изъ нихъ. Возьмите интересы Россіи, Англіи, Франціи и Пруссіи, сложите ихъ вмѣстѣ, и въ результатѣ вы, разумѣется, никакъ не получите интересовъ Австріи; вы сейчасъ же увидите, что Австріи нужно много такого, въ чемъ остальныя четыре державы нисколько не нуждаются. Но хотя въ нашемъ счетѣ окажется пробѣлъ, вы не замѣтите однакоже чтобы всѣмъ помянутымъ четыремъ великимъ державамъ было выгодно соединиться для общаго дѣйствія совершенно противнаго интересамъ Австріи. Вотъ почему Австрія возраждалась послѣ всѣхъ приключавшихся ей напастей, и притомъ возраждалась несмотря на искусственность своего государственнаго состава. Она необходимое колесо въ машинѣ европейскаго равновѣсія, и пока это равновѣсіе не пошатнулось, до тѣхъ поръ Австрія можетъ разчитывать на поддержку той или другой державы, которая ее въ случаѣ крайности выручитъ. Положеніе Россіи въ европейскомъ равновѣсіи совершенно иное. Она вступила въ число великихъ державъ собственными усиліями; своимъ мѣстомъ въ Европѣ она обязана не потребностямъ европейскаго равновѣсія; ея участіе въ европейскихъ дѣлахъ можетъ быть желательно той или другой державѣ только въ томъ случаѣ, когда на нее можно смотрѣть какъ на поддержку или орудіе для какихъ-либо чуждыхъ ей видовъ. Такова оригинальность положенія Россіи въ Европѣ несомнѣнно составляющая одно изъ важныхъ затрудненій не только нашей внѣшней, но отчасти и внутренней политики.

Что Россія своимъ значеніемъ обязана лишь самой себѣ, въ этомъ нельзя не видѣть залоговъ прочности русскаго государства. Сила его основана на его собственныхъ средствахъ. Оно сложилось не вслѣдствіе искусственныхъ комбинацій; его ростъ былъ труденъ потому именно, что это былъ ростъ естественный. Оно никому кромѣ себя не обязано тѣмъ, что теперь способно стоять твердо. Мы дѣйствительно видимъ, что внѣшнія войны не вредили Россіи, а напротивъ въ окончательномъ результатѣ усиливали ея могущество. Такъ всегда бывало, когда только обстоятельства вызывали на сцену исторіи русскую народную силу. Вотъ почему самая опасная внѣшняя война намъ не опасна. Но мы должны сами сознаться передъ собой, что до сихъ поръ не имѣли еще самостоятельной политики для мирнаго времени. Всего продолжительнѣе былъ миръ послѣдовавшій за низложеніемъ Наполеона I. Положеніе Россіи было тогда сравнительно выгодное, но обнаружили ли мы тогда дѣйствительную самостоятельность въ нашей политикѣ? Не имѣемъ ли мы въ извѣстной депешѣ графа Нессельроде неоспоримаго свидѣтельства, что во время Священнаго Союза мы жертвовали въ пользу германскихъ державъ своими интересами, и матеріяльными, и нравственными? Въ сущности мы поддерживали ихъ политику, и имъ предоставляли иниціативу, а сами только слѣдовали за ними. Германскія державы дорожили нами, потому что опирались на насъ. Князь Меттернихъ былъ душой тогдашней политики; имъ выработана та дипломатическая рутина, которая сдѣлалась привычною колеей политики сѣверныхъ державъ. Много злобы навлекло это на насъ, преимущественно въ самой Германіи; но нельзя не видѣть, что нашъ выборъ былъ тогда сдѣланъ сравнительно вѣрно. Если уже не имѣть самоятельной политики, если примыкать къ чужимъ интересамъ, то намъ было несомнѣнно выгоднѣе усвоить себѣ интересы двухъ германскихъ державъ чѣмъ интересы Франціи или Англіи. Священный Союзъ связывалъ Францію, онъ ставилъ ее въ невозможность дѣйствовать и потому былъ терпимъ Англіей, которая была

такимъ образомъ обезпечена въ такъ-называемой *ententé cordiale* съ Франціей временъ Лудовика Филиппа. Франція была припуждена тогда сидѣть смирно; робкая попытка г. Тьера прервать обычный ходъ дѣлъ тотчасъ же отозвалась четвернымъ союзомъ, *quadraple alliance*, и Франція была съ позоромъ отведена въ границы. Пока дѣло не касалось восточнаго вопроса, или вѣрнѣе пока оно не касалось его серіозно, до тѣхъ поръ Англія доброжелательствовала дружбѣ трехъ сѣверныхъ державъ; европейская политика не выходила изъ своей колеи, а мы продолжали блюсти совокупность интересовъ Пруссіи и Австріи и своимъ вліяніемъ поддерживали миръ между ними. Намъ не было надобности заботиться о выборѣ пути, самостоятельно обсуждать положеніе дѣлъ и приспособлять свои дѣйствія къ обстоятельствамъ. Эта забота лежала на германскихъ державахъ. Мы давали имъ свою вещественную силу и не чувствовали потребности въ развитіи другаго элемента международныхъ отношеній, — элемента мнѣнія. По этой части мы были слабы, и обстоятельства не требовали отъ насъ, чтобы мы по этой части становились сильнѣе.

Таково было положеніе дѣлъ до восточной войны. Съ тѣхъ поръ и въ особенности съ италіянской войны оно совсѣмъ измѣнилось. Теперь, еслибы мы и хотѣли примкнуть къ нашимъ прежнимъ союзникамъ, это было бы невозможно для насъ уже потому, что эти союзники не находятся болѣе въ союзѣ между собой. Пруссія и Австрія теперь не имѣютъ общей политики. Каждая изъ нихъ дѣйствуетъ на свою руку, и если не совершится чего-нибудь неожиданнаго въ Европѣ, между ними рано или поздно должно послѣдовать столкновеніе. Такимъ образомъ единственныя державы, въ интересѣ которыхъ мы могли дѣйствовать съ наименьшимъ для себя ущербомъ, не имѣютъ уже общаго интереса, который бы связывалъ ихъ, и который мы могли бы поддерживать. Сила обстоятельствъ вынуждаетъ, чтобы мы начали наконецъ дѣйствовать самостоятельно, чтобы мы сами, по собственному усмотрѣнію, избирали свой путь и соображали его исключительно съ интересами своего государства. Эта необходимость, въ сущности благодѣтельная для насъ, заключаетъ въ себѣ главное затрудненіе настоящей минуты.

На свою судьбу мы не можемъ жаловаться; наша звѣзда счастливая. Кто могъ ожидать чтобы крестьянская реформа кончилась такъ успѣшно? Кто могъ надѣяться, чтобы запутанный польскій вопросъ раскрылъ намъ съ такою ясностію всѣ свои сокровенные изгибы? Кто наконецъ имѣлъ чаяніе столь счастливаго окончанія кавказской войны? Судьба несомнѣнно благопріятствуетъ намъ. Принуждая насъ измѣнить характеръ своей внутренней и внѣшней политики, она окружаетъ насъ такими условіями, которыя значительно облегчаютъ намъ эту трудную задачу. Но тѣмъ не менѣе задача предстоящая намъ велика. Она велика и сама по себѣ, а еще болѣе потому, что мы несомнѣнно должны ожидать притомъ самаго серіознаго противодѣйствія со стороны всѣхъ до одной великихъ державъ, — противодѣйствія посредствомъ именно тѣхъ элементовъ и вліяній, съ которыми мы никогда еще не боролись успѣшно. Чѣмъ же условливается для насъ побѣда надъ теперешними затрудненіями? Не тѣмъ ли единственно, чтобы мы усилили въ себѣ тотъ невещественный элементъ мнѣнія, на аренѣ котораго будетъ происходить борьба?

№ 224.

Москва, 13-го октября.

Въ *Сѣверной Почтѣ* напечатано на дняхъ *) письмо г. Н. Пузанова изъ Курска, имѣющее цѣлію доказать настоятельную потребность въ проведеніи желѣзной дороги изъ Орла на Курскъ въ Харьковъ. Такъ какъ это письмо направлено противъ тѣхъ лицъ, которыя предлагаютъ оставить Курскъ внѣ сѣти желѣзныхъ дорогъ, и такъ какъ къ числу этихъ лицъ почтенный авторъ письма относитъ насъ, то мы считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ въ разъясненіе дѣла, съ цѣлію освободить себя отъ упрека въ недоброжелательствѣ къ Курску и въ недостаточной оцѣнкѣ того, въ какой мѣрѣ желѣзная дорога была бы полезна для Курской губерніи. Сельско-хозяйственнаго значенія Курской губерніи мы никогда не отрицали, и увѣрены, что ей предстоитъ въ этомъ отношеніи блестящая будущность, особенно если

*) № 221.

въ ней будетъ поболѣе такихъ хозяевъ, какимъ показалъ себя на нынѣшней выставкѣ г. Н. Пузановъ, доставившій обильную и чрезвычайно-замѣчательную коллекцію продуктовъ своего щигровскаго хозяйства. Эта коллекція есть одно изъ украшеній выставки; мы съ величайшимъ удовольствіемъ любовались ею, и очень рады случаю поблагодарить г. Пузанова за это удовольствіе. Еще болѣе, повторяемъ, порадовались бы всѣ друзья русскаго сельскаго хозяйства, и еще болѣе была бы вмѣстѣ съ тѣмъ упрочена будущность Курской губерніи, еслибы многіе другіе ея помѣщики столь же хорошо пользовались тѣми благопріятными условіями, которыми она надѣлена и которыя дали г. Н. Пузанову возможность довести свое хозяйство до блистательной степени засвидѣтельствованной на нынѣшней выставкѣ. Но въ статьяхъ нашихъ, вызвавшихъ возраженіе со стороны г. Н. Пузанова, мы говорили не объ этихъ условіяхъ и не о потребности Курской губерніи въ желѣзной дорогѣ. Наша рѣчь шла объ условіяхъ и потребностяхъ цѣлой Россіи; вопросъ состоялъ въ томъ, какая желѣзная дорога въ настоящую минуту *всего нужнѣе* для Россіи. Мы имѣли тысячу основаній высказаться въ пользу московско-кіевской линіи. Мы отнюдь не отрицали той пользы, которую можетъ доставить дорога московско-харьковская; мы отрицали и отрицаемъ только то, чтобъ эта послѣдняя линія превосходила своею важностью *всѣ другія*. Мы указывали вопервыхъ на политическія соображенія, требующія наискорѣйшаго сооруженія московско-кіевской линіи; мы указывали далѣе на соображенія стратегическія, дѣлающія эту линію, вмѣстѣ съ линіей кіевско-одесской, самою настоятельною потребностью России. Мы упоминали далѣе, что линія, въ такой мѣрѣ удовлетворяющая условіямъ политическимъ и стратегическимъ, если только эти условія дѣйствительно вѣрно поняты, должна имѣть огромное значеніе и въ экономическомъ отношеніи, но въ то же время мы сдѣлали замѣчаніе, что объ экономическомъ значеніи той или другой желѣзной дороги въ Россіи никакъ нельзя судить по теперешнему движенію товаровъ. Этому замѣчанію мы придаемъ особенную важность и полагаемъ, что правильное сужденіе о сѣти русскихъ желѣзныхъ дорогъ рѣшительно невозможно, если не имѣть въ виду этого замѣчанія. Чтобы придти въ этомъ дѣлѣ къ вѣрному заключенію, для этого необходимо принять въ соображеніе не только теперешнее положеніе экономическихъ дѣлъ, но и то положеніе, которое должно быть слѣдствіемъ проведенія предполагаемой желѣзной дороги. Но кто станетъ на эту двойную точку зрѣнія, отъ того не укроется, что главнѣйшіе изъ товаровъ, которые перевозятся по московско-харьковскому тракту и составляютъ предметъ торга между Курскомъ и Харьковомъ, могутъ сдѣлаться предметомъ торга и между Москвой и Кіевомъ. Если теперь подобнаго торга нѣтъ, если коммерческое значеніе Кіева теперь крайне не велико, то изъ этого отнюдь не слѣдуетъ чтобы то же самое должно было остаться въ силѣ и при желѣзной дорогѣ изъ Кіева въ Москву. Кто хочетъ доказать, что путь изъ Москвы въ Харьковъ болѣе важенъ въ экономическомъ отношеніи чѣмъ путь въ Кіевъ, тотъ долженъ указать на цѣлые разряды товаровъ, которые составляютъ теперь предметъ торга между Харьковомъ и Москвой, и которые не могутъ быть предметомъ торга между Москвой и Кіевомъ, даже послѣ того какъ эти два города будутъ соединены желѣзною дорогой. Мы тщательно просматривали статистическія свѣдѣнія о харьковской торговлѣ и пришли къ тому выводу, что большею частію товаровъ, которыми Харьковъ торгуетъ съ Москвой, можетъ торговать съ Москвой и Кіевъ. Вотъ основанія, которыя побудили насъ считать московско-кіевскую дорогу за дорогу весьма выгодную не только относительно пассажирскаго (что несомнѣнно, такъ какъ эта самая народная дорога въ Россіи), но и относительно товарнаго движенія.

Имѣя все это въ виду, мы должны были признать, что въ настоящую минуту слѣдуетъ отдать московско-кіевской линіи предпочтеніе передъ всѣми другими. Оставалось рѣшить вопросъ о ея направленіи. Еслибы рѣшеніе наше было свободно, мы не задумались бы высказаться въ пользу направленія на Калугу и Черниговъ. Но, какъ извѣстно, линія между Москвой и Орломъ уже сооружается. Этотъ фактъ долженъ быть принятъ во вниманіе, а потому мы рѣшились говорить въ пользу дальнѣйшаго направленія этой линіи изъ Орла прямо на Кіевъ. На мысли о соединеніи Кіева съ Москвой черезъ Курскъ никакъ нельзя было остановиться: такой крюкъ отда-

дилъ бы Кіевъ на сто верстъ отъ Москвы, Петербурга и Нижняго, и парализировалъ бы значеніе этой дороги. Вотъ почему мы сочли необходимымъ предложить направленіе дороги изъ Орла на Глуховъ и Кролевецъ. Г. Пузановъ говоритъ, что это направленіе будетъ пріятно и полезно только какому-то одному глуховскому хлѣбному торговцу-милліонеру. Мы не знаемъ есть ли въ Глуховѣ милліонеры, но намъ хорошо извѣстно, что Глуховъ ведетъ обширную хлѣбную торговлю и притомъ преимущественно хлѣбомъ Курской губерніи. Это послѣднее обстоятельство было однимъ изъ элементовъ нашего плана; мы думаемъ, что дорога идущая на Глуховъ будетъ въ значительной степени полезна и для сельскаго хозяйства Курской губерніи, по крайней мѣрѣ западныхъ ея уѣздовъ.

Предполагая далѣе, что желѣзная дорога изъ Орла на Глуховъ и Кролевецъ въ Кіевъ построена, мы должны были естественно придти къ вопросу о наивыгоднѣйшемъ направленіи той ея вѣтви, которая должна соединить ее съ Харьковомъ. Этотъ городъ, послѣ Кіева, имѣетъ несомнѣнно ближайшее право на желѣзную дорогу, какъ по своему торговому значенію, такъ и потому что онъ стоитъ на естественномъ пути изъ Москвы къ устьямъ Дона и Кавказу. О направленіи дороги на югъ отъ Харькова не можетъ быть спору. Наше указаніе на важность соединенія бахмутскихъ и грушевскихъ копей не съ Екатеринославомъ, а съ Харьковомъ, было встрѣчено, повидимому, всеобщимъ одобреніемъ. Но спору подлежало какое было бы всего выгоднѣе избрать направленіе для вѣтви, долженствующей соединить Харьковъ съ московско-кіевскою дорогой. Вести ли эту вѣтвь прямо на Орелъ и, слѣдовательно, черезъ Курскъ? Но тогда соединеніе Харькова съ Москвой было бы принесено въ жертву не менѣе важному для Харькова соединенію его съ Кіевомъ и Бердичевомъ. Мы смотрѣли на этотъ вопросъ съ точки зрѣнія не Москвы, для которой, разумѣется, выгоднѣе прямое соединеніе черезъ Курскъ, а съ точки зрѣнія Харькова. Его выгоды несомнѣнно требуютъ чтобъ онъ былъ соединенъ не только съ Москвой, но и съ Кіевомъ, а также съ Ромномъ и Кролевцомъ. Вотъ интересы Харькова. Имѣя ихъ въ виду, мы предложили провести изъ Харькова соединительную вѣтвь къ московско-кіевской желѣзной дорогѣ такъ чтобъ эта вѣтвь примыкала къ ней въ среднемъ пунктѣ между Орломъ и Кіевомъ и равно служила для соединенія Харькова съ Москвой и съ Кіевомъ. Такъ возникъ нашъ взглядъ на направленіе двухъ наиболѣе необходимыхъ для Россіи линій, — взглядъ, который мы сочли нужнымъ представить на публичное обсужденіе.

Если Курскъ остался внѣ этой первой сѣти, то это было допущено нами по необходимости, а отнюдь не потому чтобы мы не придавали должнаго значенія интересамъ Курской губерніи. Эти интересы велики, но они не больше интересовъ требующихъ соединенія напримѣръ Полтавы и Екатеринослава съ Харьковомъ, или Тамбова съ Москвой. Въ виду первостепенной потребности цѣлаго государства, намъ казалось необходимымъ, чтобъ удовлетвореніе интересовъ Курска, Полтавы, Екатеринослава и Тамбова было отсрочено на нѣкоторое время (для Курска это тѣмъ легче, что онъ стоитъ на шоссейномъ пути). Было бы всего пріятнѣе связать желѣзными дорогами всѣ важнѣйшіе города Россіи, и сдѣлать это однимъ разомъ, чтобы никому не было обидно; но къ сожалѣнію необходимость велитъ идти въ этомъ дѣлѣ постепенно и удовлетворять города одинъ за другимъ. Поэтому едва ли справедливо пенять на проектъ *первой* сѣти, если онъ оставляетъ въ сторонѣ тотъ или другой городъ, дѣйствительно нуждающійся въ желѣзной дорогѣ.

Къ этому общему объясненію прибавимъ нѣсколько отдѣльныхъ замѣчаній на возраженія сдѣланныя намъ г. Н. Пузановымъ. Онъ приводитъ слѣдующія цѣны продуктовъ Курской губерніи: пшеница за четверть 3 и 4 р., ржаная мука 20 к. Но вотъ цѣны, стоявшія нынѣшнею зимой вокругъ Ромна: пшеница 2 р. 50 к., ржаная мука 15 коп. Къ этимъ цѣнамъ надобно еще прибавить цѣну табака упавшую до 60 коп. за пудъ. Не слѣдуетъ ли изъ этого что предлагаемая нами соединительная вѣтвь на Гадячь и Роменъ еще болѣе нужна чѣмъ вѣтвь на Курскъ? Г. Пузановъ указываетъ на курское садоводство, но развѣ ему неизвѣстно, что въ Гадячскомъ уѣздѣ созрѣваютъ на воздухѣ волошскіе орѣхи, абрикосы и виноградъ? Этотъ край, конечно, не менѣе нуждается въ желѣзной дорогѣ чѣмъ Курская губернія. Населенъ онъ тоже не менѣе густо.

Г. Пузановъ замѣчаетъ далѣе что товары на всѣ украинскія ярмарки, кромѣ

Кролевецкой, идутъ изъ Москвы на Курскъ, и отрицаетъ наше показаніе, что многіе изъ нихъ минуютъ Курскъ. Но развѣ прекратилось движеніе по старинному торговому тракту на Ливны? Чтобы вѣрно судить объ этомъ дѣлѣ надобно справиться съ постоялыми дворами не только на Харьковскомъ шоссе, но и на Ливенскомъ трактѣ.

Наконецъ, самъ г. Пузановъ совершенно основательно высказывается въ пользу того, чтобы Коренная ярмарка оставалась на своемъ старинномъ мѣстѣ. Съ этимъ мнѣніемъ невозможно не согласиться: для Коренной ярмарки будетъ весьма полезно, если сдѣлается извѣстнымъ, что правительство отказалось отъ мысли о перенесеніи ея въ Курскъ. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Развѣ орловско-курская желѣзная дорога коснулась бы ярмарочной мѣстности? Развѣ она могла бы принесть ей ту пользу, которую должна предлагаемая нами линія принести ярмаркамъ въ Кролевцѣ и Ромнѣ?

Словомъ, безпристрастное обсужденіе дѣла, по нашему мнѣнію, несомнѣнно приводитъ къ слѣдующему заключенію: дорога на Курскъ принадлежитъ къ числу дорогъ необходимыхъ, но она менѣе необходима чѣмъ дорога изъ Орла въ Кіевъ и также менѣе необходима чѣмъ соединительная вѣтвь отъ этой послѣдней дороги къ Харькову на Роменъ и Гадячь.

№ 225.

Москва, 14-го октября.

А.

Увольненіе графа Рехберга отъ должности австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ есть, безспорно, важное событіе въ европейской политикѣ. Прежде всего оно свидѣтельствуетъ объ охлажденіи между Пруссіей и Австріей, и еслибь это охлажденіе только ограничило слишкомъ далекіе замыслы г. фонъ-Бисмарка, то Европа не имѣла-бы причины сожалѣть о немъ. Завоеваніе Шлезвигъ-Гольштейна совершилось легко и успѣшно благодаря лишь тому, что остальныя три державы находились между собой въ напряженныхъ отношеніяхъ. Предвидя успѣхъ дѣла, затѣяннаго г. фонъ-Бисмаркомъ, Австрія принуждена была пойдти на буксиръ Пруссіи; иначе она возбудила бы противъ себя антипатіи въ Германіи. Обезпечивъ себѣ содѣйствіе Австріи и увѣренный въ дружелюбномъ расположеніи Россіи, г. фонъ-Бисмаркъ смѣло взялся за дѣло, которое, при другой обстановкѣ, никогда не удалось бы Пруссіи. Но теперь, когда первая часть предпріятія совершена, и Герцогства окончательно отторгнуты отъ Даніи, предстоитъ другая труднѣйшая задача—дать Герцогствамъ устройство согласное съ видами Пруссіи. Нѣтъ сомнѣнія, что на эту задачу будетъ положено еще болѣе искусства со стороны Пруссіи, и что если только это возможно, то г. фонъ-Бисмаркъ превзойдетъ себя въ беззастѣнчивости, такъ ярко характеризующей всю его политическую дѣятельность. Телеграфъ уже извѣстилъ насъ, что чины герцогства Лауэнбургскаго высказались въ пользу присоединенія къ Пруссіи. Въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ, конечно, будутъ приняты всѣ мѣры къ возбужденію агитаціи въ томъ же смыслѣ, и если счастіе будетъ улыбаться Пруссіи, то эти мѣры очень могутъ увѣнчаться успѣхомъ. Поддержка со стороны Австріи имѣла бы тутъ рѣшительное вліяніе. Но повидимому дѣло разстраивается. Попытка Пруссіи сблизиться съ Франціей заставила Австрію быть на сторожѣ, и главный представитель союза съ Пруссіей въ австрійскомъ кабинетѣ долженъ былъ выйдти въ отставку. Этимъ рѣшительнымъ шагомъ австрійское правительство развязываетъ себѣ руки по отношенію къ Пруссіи. Оно получаетъ возможность дѣйствовать въ вопросѣ объ устройствѣ судьбы Герцогствъ на основаніи собственныхъ интересовъ, не позволяющихъ ей смотрѣть благопріятно на усиленіе Пруссіи. Этого усиленія, въ сущности, не можетъ имѣть въ виду и Франція, которой ни въ какомъ случаѣ не будетъ выгодно могущество ея рейнскаго сосѣда. Объ интересахъ Россіи нечего и говорить: они прямо противоположны всему тому, что̀ составляетъ теперь политику г. фонъ-Бисмарка; но даже Англія, повидимому съ такимъ олимпійскимъ спокойствіемъ взирающая на метущіеся народы материка Европы, не была бы въ состояніи смотрѣть равнодушно на прусскій флагъ въ Килѣ. Интересы всѣхъ четырехъ державъ сходятся въ томъ, чтобы были положены предѣлы притязательной политикѣ г. фонъ-Бисмарка, и каждая изъ нихъ имѣетъ теперь средства содѣйствовать съ своей стороны огражденію европейскаго права отъ

нарушеній опасныхъ для европейскаго равновѣсія. Отдѣляясь отъ Пруссіи, Австрія оказываетъ существенную услугу дѣлу мира, всего болѣе потрясаемому территоріяльными измѣненіями, происходящими посредствомъ мирныхъ переговоровъ. Шлезвигъ и Гольштейнъ пріобрѣтены Пруссіей вкупѣ съ Австріей. Они могли бы перейдти подъ верховную власть Пруссіи лишь вслѣдствіе сдѣлки съ Австріей, которая уступила бы ихъ ей за „соотвѣтствующее вознагражденіе." Но именно подобныя мировыя сдѣлки всего опаснѣе для европейскаго равновѣсія, и нельзя не радоваться тому, что сдѣлка между Австріей и Пруссіей не состоялась.

Но отдѣляясь отъ Пруссіи, Австрія съ другой стороны ставитъ въ выгодное положеніе императора Наполеона III. Еще недавно Франція была повидимому совершенно изолирована, и лишь невозмутимое спокойствіе ея императора давало возможность заключать, что эта изолированность только кажущаяся. Теперь эти гадательныя заключенія оправдались на дѣлѣ. За Франціей всѣ ухаживаютъ, и отставка графа Рехберга еще усиливаетъ ея вліяніе не европейскія дѣла. Она можетъ склоняться къ кому хочетъ, и конечно не преминетъ воспользоваться въ своихъ интересахъ этою свободой, если окажутся виды на достиженіе того безъ войны. По счастію, въ настоящую минуту, война была бы рѣшительно не популярна во Франціи, и въ этомъ расположеніи умовъ во Франціи заключается предѣлъ для ея притязаній и замысловъ. Ихъ успѣхъ совершенно зависитъ отъ готовности другихъ державъ на мирныя уступки, и вотъ причина, почему Франція должна желать теперь конгресса и почему конгрессъ былъ бы теперь несообразенъ съ интересами державъ, желающихъ сохраненія *statu quo* въ Европѣ. Онъ не предотвращалъ бы войны, которая и не имѣется въ виду; онъ могъ бы имѣть единственно ту цѣль, чтобы безъ войны достигнуть результатовъ войны. Вѣрить ли въ осуществленіе подобнаго предпріятія?

Роль Англіи во всемъ этомъ дѣлѣ особенно интересна и поучительна. Если лордъ Кларендонъ склонялъ Австрію къ уступчивости относительно Франціи, и еще болѣе, если Англія не отвращается отъ мысли о конгрессѣ, то нѣтъ сомнѣнія, что французскіе планы въ этомъ случаѣ пользуются одобреніемъ британскаго правительства. Но Англія, входящая въ виды о перемѣнѣ карты Европы,—что бъ это могло значить? Телеграфъ принесъ намъ сегодня краткое извѣстіе о какой-то повидимому весьма куріозной статьѣ французской газеты *la France*. „Венеціянскій вопросъ, говоритъ эта статья, представляетъ затрудненія, которыя могутъ быть устранены только посредствомъ широкихъ уступокъ". Это сказано по поводу слуховъ о соглашеніи между Франціей и Австріей. Но если для этого *соглашенія* требовалось вести рѣчь о венеціянскомъ вопросѣ, и если Австрія для того чтобы вступить въ подобное соглашеніе потребовала *широкихъ уступокъ*, то, спрашивается, какія могли бы быть предложены со стороны Франціи широкія уступки для вознагражденія Австріи за потерю богатой провинціи и за отказъ отъ военной позиціи въ знаменитомъ четыреугольникѣ? Австрія, конечно, высчитаетъ полную цѣну той уступки, которой отъ нея просятъ; она конечно, будетъ требовать со стороны Франціи уступки еще большей, дабы вознаградить себя и за потерю и за постыдный характеръ потери. Если слабая Италія за пріобрѣтеніе обширныхъ областей заплатила Франціи Савоіей и Ниццей, то-есть небольшимъ департаментомъ, то какимъ же громаднымъ расширеніемъ предѣловъ Австріи можно купить у нея отказъ отъ Венеціи съ придачей четыреугольника? Гдѣ найдетъ Франція такое вознагражденіе? Гдѣ какъ не въ Турціи? Но могла ли бы идти объ этомъ рѣчь между Франціей и Австріей, еслибы Франція говорила съ ней только отъ своего имени?

Что восточный вопросъ имѣется въ виду при теперешнихъ политическихъ комбинаціяхъ, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Взаимныя отношенія европейскихъ державъ были бы рѣшительно непонятны безъ этого предположенія. Со времени низверженія короля Отона, политика Англіи по отношенію къ Турціи совершенно измѣнилась. Съ того же времени начинаютъ показываться признаки какого-то таинственнаго соглашенія между Англіей и Франціей, и отношенія этихъ двухъ державъ къ Россіи начинаютъ принимать видъ мистификаціи. Къ тому же времени относятся усилія западныхъ державъ привлечь Австрію къ союзу съ собой. Если эти указанія недостаточно явственны, то какихъ еще болѣе явственныхъ указаній ожидать въ политикѣ? Но съ другой стороны не менѣе ясно

и то, что ни одна изъ европейскихъ державъ не *расположена* теперь приниматься за разрѣшеніе какого бы то ни было вопроса посредствомъ оружія. Конгрессъ— другое дѣло: онъ ничего не стòитъ, и успѣхъ его довольно вѣренъ, если Англія будетъ держать въ своихъ рукахъ Францію, а ей позволитъ держать въ своихъ рукахъ Австрію и Пруссію. Побужденій къ единомыслію оказалось бы больше чѣмъ въ прошломъ году.

Не нужно ли однако быть слишкомъ большимъ сангвиникомъ чтобы думать, что за разрѣшеніе такого вопроса, какъ восточный, можно приниматься сидя за зеленымъ столомъ? Шлезвигъ-гольштейнскій вопросъ совсѣмъ казался чернильнымъ вопросомъ, но и тотъ потребовалъ крови, а когда возвратится къ своему первоначальному характеру, то пожалуй какъ разъ ускользнетъ изъ рукъ Пруссіи. Какая же чародѣйная сила въ состояніи мирно совершить то, для чего, какъ еще не давно говорилось въ англійскомъ парламентѣ, потребовалась бы война не тридцатилѣтняя, а столѣтняя? Нѣтъ, друзья мира должны желать, чтобы никто въ Европѣ не увлекался обманчивою надеждой разрѣшить какимъ-нибудь фокусомъ вопросъ подобный восточному.

Б.

Сегодня въ здѣшней Распорядительной Думѣ происходили торги на освѣщеніе Москвы газомъ. Отъ Думы было напередъ объявлено, что торги не состоятся, если предложенныя цѣны будутъ выше 2 рубл. 30 коп. за 1.000 куб. футовъ газа для уличныхъ фонарей и 5 р. за 1.000 куб. футовъ газа для частнаго потребленія. Изъ этихъ двухъ цѣнъ было дозволено понижать на торгахъ только первую. Въ объясненіе этой мѣры указывалось на то, что цѣна 5 р. за газъ частнаго потребленія весьма умѣренная, что не стòитъ допускать пониженіе цѣны, которая не можетъ быть значительно понижена. Читатели помнятъ, что мы оспаривали это мнѣніе цѣлымъ рядомъ доводовъ, но наши доводы по какому-то странному стеченію обстоятельствъ были встрѣчены съ непонятнымъ раздраженіемъ, и притомъ не со стороны предпринимателей, чтò было бы еще понятно, хотя можетъ-быть и не совсѣмъ благоприлично, и со стороны мнимыхъ защитниковъ Общей Думы и даже всего города Москвы. Теперь исходъ торговъ подтвердилъ наши доводы самымъ блистательнымъ образомъ. На торгахъ состоялась цѣна 1 р. 45 к за 1.000 куб. футовъ газа для уличныхъ фонарей. Эта цѣна (предложенная г-мъ Букье) слишкомъ вдвое дешевле того, во чтò газъ будетъ обходиться предпринимателю. Убытки, которые онъ понесетъ на этой цѣнѣ, должны быть покрыты излишкомъ барыша отъ продажи газа для частнаго потребленія. А изъ этого несомнѣнно слѣдуетъ, что цѣна назначенная Думой за газъ для частнаго потребленія вовсе не отличалась чрезвычайною умѣренностію, какъ силились утверждать наши оригинальные защитники городскихъ интересовъ. Надобно еще замѣтить, что убытокъ на городскихъ фонаряхъ составляетъ цифру опредѣленную, а барышъ съ частнаго потребленія не можетъ быть напередъ вычисленъ по неизвѣстности размѣровъ будущаго потребленія, и потому предприниматель могъ уступить на уличныхъ фонаряхъ только то количество барыша отъ частнаго потребленія, на которое онъ могъ *по меньшей мѣрѣ* разчитывать; другими словами, онъ могъ уступить на уличныхъ фонаряхъ только незначительную часть того барыша, который онъ будетъ получать отъ монопольной продажи газа частнымъ лицамъ.

Уличный фонарь будетъ обходиться городу 14 р. 50 к. въ годъ,—цѣна чрезвычайно выгодная. Но эта дешевизна куплена тѣмъ, что частные потребители газа будутъ принуждены выплачивать предпринимателю гораздо болѣе лишнихъ денегъ чѣмъ сколько онъ уступилъ городу. Они будутъ терять гораздо болѣе чѣмъ сколько будетъ выигрывать городъ. Въ этомъ состоитъ главная и теперь неоспоримая неправильность того контракта, на основаніи котораго были сегодня произведены торги.

Еще одно замѣчаніе: наши оппоненты, изображавшіе себя защитниками Общей Думы, всячески старались доказать, что Москва—городъ крайне невыгодный для газовой компаніи. Г. Букье, хотя и иностранецъ, вѣрнѣе оцѣнилъ нашу Москву; онъ понялъ, что нельзя сомнѣваться въ будущности центральной русской столицы, узла пяти желѣзныхъ дорогъ. Сегодняшніе торги—комплиментъ Москвѣ, который пріятно занести въ ея лѣтопись.

№ 226.

Москва, 15-го октября.

Политическое положеніе Европы представляетъ въ настоящую пору довольно благопріятные для насъ признаки. Партіи не доброжелательствующія русскому дѣлу, внутри или внѣ Россіи, не имѣютъ ни малѣйшаго основанія радоваться и поднимать голову. Русская политика не теряетъ того положенія, которое всего болѣе можетъ соотвѣтствовать интересамъ нашего отечества. Нынѣшнее положеніе дѣлъ таково, что Россія можетъ держаться вполнѣ соотвѣтственно своему достоинству и безъ ущерба для своихъ истинныхъ интересовъ только при условіи полной свободы своихъ дѣйствій. Всякая комбинація, которая связала бы Россію съ какою-либо державою или группою державъ въ Европѣ, могла бы только ослаблять ее, вредить ей и грозить ей опасностями. Призракъ Священнаго Союза, который недавно былъ вызванъ на сцену, исчезъ окончательно. Дружелюбныя свиданія Монарха Россіи съ государями великихъ германскихъ державъ только разсѣяли остатокъ недоразумѣній и неудовольствій возникшихъ во взаимныхъ отношеніяхъ между тремя сѣверными дворами, вслѣдствіе событій, которыя разорвали ихъ долговременный крѣпкій союзъ,—союзъ столь мало соотвѣтствовавшій истиннымъ пользамъ Россіи. Отношенія эти очистились, но новаго союза, который попрежнему подчинилъ бы Россію чуждой ей политикѣ и связалъ бы ея движенія, — не образовалось. Россія уже не возбуждаетъ опасеній Австріи, на случай какихъ-либо европейскихъ потрясеній; Австрія уже не имѣетъ основанія, какъ имѣла весьма недавно, опасаться, въ случаѣ нападенія съ запада, непріязненныхъ дѣйствій или непріязненнаго нейтралитета со стороны Россіи. Но Австрія не имѣетъ также основанія разчитывать непремѣнно на какое-либо дѣятельное вмѣшательство въ ея пользу со стороны Россіи. Призракъ Священнаго Союза разсѣялся, и оказалось, что Россія не вступала ни въ какія крѣпкія обязательства съ германскими державами. Но, тѣмъ не менѣе, Австрія чувствуетъ себя обезпеченною въ томъ отношеніи, что Россія не имѣетъ относительно ея недоброжелательныхъ видовъ, что Россія не находится, какъ было недавно, въ какомъ-либо сепаратномъ соглашеніи съ Франціей, и что если между сѣверными дворами нѣтъ никакихъ обязательствъ, то также не предвидится никакихъ опасныхъ обязательствъ между Франціей и Россіей, не предвидится между этими державами возобновленіе союза, который такъ сильно тревожилъ Европу до событій прошлаго года, происшедшихъ главнымъ образомъ именно вслѣдствіе этого слишкомъ тѣснаго сближенія нашего съ Франціей. Самообладаніе нашей политики обнаруживается въ томъ, что возстановляя добрыя отношенія къ обѣимъ великимъ германскимъ державамъ, она не приковываетъ себя къ ихъ правительствамъ, не становится желѣзнымъ звеномъ между ними, и въ доказательство того возстановляетъ столь же дружелюбныя, но и столь же мало обязательныя отношенія къ Франціи. Обстоятельства расположились такъ, что послѣ германскихъ свиданій должно въ настоящее время послѣдовать свиданіе въ Ниццѣ. Это послѣднее свиданіе, возбуждавшее, быть-можетъ, много ожиданій и много опасеній, послужитъ, какъ должно надѣяться, только доказательствомъ сохраняемой нашимъ отечествомъ свободы дѣйствій и признакомъ того положенія, которое всего болѣе приличествуетъ ему въ Европѣ. Свиданія съ германскими государями непремѣнно оставили бы тѣнь въ отношеніяхъ Россіи къ Франціи, какъ шагъ тѣснаго сближенія между сѣверными дворами; но Ницца какъ бы возстановляетъ равновѣсіе, — и вотъ Россія, послѣ тѣхъ недружелюбныхъ, близкихъ къ разрыву отношеній, въ которыхъ находилась она ко всей Европѣ въ прошломъ году, является теперь въ отношеніяхъ равномѣрно дружелюбныхъ ко всѣмъ и равномѣрно далекихъ отъ обязательнаго соглашенія съ тою или другою стороною. Изъ всѣхъ сообщеній явствуетъ, что свиданіе между монархами Россіи и Франціи въ Ниццѣ, если оно теперь воспослѣдовало, еще менѣе можетъ быть истолковано въ смыслѣ какого-либо обязательнаго соглашенія нежели свиданія Киссингенскія. Оно, какъ сообщается со всѣхъ сторонъ, не поведетъ ни къ какимъ предрѣшеніямъ европейскихъ вопросовъ. Важнымъ признакомъ того, что свиданіе это не должно вести къ какимъ-либо обязательнымъ соглашеніямъ служитъ то, что при немъ не предположено присутствіе министровъ. Стало-быть, оно не можетъ возбудить даже и тѣхъ призрачныхъ тревогъ какія были возбуждены свиданіями въ Германіи, которыя сопровождались переговорами министровъ.

При первыхъ случаяхъ о возможности дружелюбной встрѣчи между монархами Россіи и Франціи, у многихъ безъ сомнѣнія, возникало желаніе истолковать ее въ смыслѣ неблагопріятномъ для русскаго дѣла, для русскихъ интересовъ. Многіе находили сбыточнымъ, что Россія вступитъ въ какую-либо комбинацію, которая въ своихъ послѣдствіяхъ оказалась бы для нея опасною, и во всякомъ случаѣ могла бы направить ея политику въ ущербъ ея истиннымъ интересамъ. Но каковы бы ни были разныя непріязненныя намъ ожиданія и замыслы, мы можемъ сохранить убѣжденіе, что русское дѣло не потерпитъ ущерба и убережется отъ сѣтей. Если мы, въ прошломъ году, національною политикой, принятою нашимъ правительствомъ, разстроили лживую коалицію, которая противъ насъ составилась, то эта же политика охранитъ насъ и отъ лживыхъ союзовъ, въ которые, можетъ-быть, многимъ желалось бы вовлечь насъ, и которые дѣйствительно оказались бы намъ опаснѣе всякихъ разрывовъ. Та же рука держитъ и въ нынѣшнемъ году судьбы нашего отечества,—рука, столь же твердая и непоколебимая въ совершеніи, сколько заботливая и осторожная въ начинаніи.

Есть полное основаніе надѣяться, что свиданіе между обоими монархами въ Ниццѣ не только не причинитъ никакого ущерба русскому дѣлу, но напротивъ обратится въ несомнѣнную пользу ему. Это свиданіе можетъ окончательно разсѣять тѣ сомнѣнія и недоразумѣнія, которыя еще носятся надъ русскимъ дѣломъ; оно можетъ послужить доказательствомъ сознательной твердости и неуклонности принятаго Россіей образа дѣйствій. Сохранить самообладаніе и самостоятельность не только въ непріязненныхъ, но и въ дружелюбныхъ отношеніяхъ — вотъ признакъ истинной силы. Россія есть сила, въ этомъ мы сомнѣваться не можемъ.

А самообладаніе и самостоятельность тѣмъ нужнѣе для русской политики въ настоящее время, что близятся къ разрѣшенію важные въ Европѣ вопросы. Ниже, въ интересной рѣчи лорда Станлея, читатели найдутъ замѣчательныя соображенія относительно близкаго разрѣшенія этихъ вопросовъ. Нельзя не видѣть знаменательнаго явленія въ томъ рѣшительномъ тонѣ, какимъ говорятъ теперь въ Англіи о неизбѣжной и близкой развязкѣ восточнаго вопроса. Въ ожиданіи великихъ событій, ничто не можетъ быть такъ полезно намъ, ничто не можетъ такъ предохранять насъ отъ опасностей, какъ удержаніе полной свободы дѣйствій и соединенное съ этою свободой, рѣшительное развитіе національной политики внутри и внѣ. Только при этомъ условіи можемъ мы видѣть вещи въ ихъ истинномъ свѣтѣ, слѣдить за ними въ ихъ истинномъ смыслѣ, и принимать рѣшенія соотвѣтствующія нашимъ истиннымъ интересамъ. Мы не можемъ не придавать важности и тѣмъ перемѣнамъ, которыя готовятся въ Германіи. Здѣсь также всего вѣрнѣе охранитъ наши интересы полная независимость нашего положенія.

№ 227.

Москва, 16-го октября.

А.

Сегодня телеграфъ доноситъ намъ первыя извѣстія о пребываніи Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Ниццѣ. Вчера Ихъ Величества предпринимали морскую прогулку въ сосѣднюю Виллафранку, гдѣ находится наша эскадра; вчера же долженъ былъ прибыть въ Ниццу императоръ Французовъ, а двумя часами прежде его король Бельгійцевъ. Присутствіе короля Леопольда въ Ниццѣ имѣетъ особенное значеніе. Мы видѣли какъ мало тревожилась всегда столь чуткая Англія въ виду предстоявшаго свиданія между монархами Россіи и Франціи. Англійское правительство было увѣрено, что это свиданіе не послужитъ началомъ франко-русскому союзу, который относительно Англіи имѣлъ бы не менѣе вызывающій характеръ, чѣмъ имѣло бы такой характеръ относительно Франціи тѣсное сближеніе трехъ сѣверныхъ дворовъ. Однако личное свиданіе столь могущественныхъ монарховъ, при всевозможныхъ гарантіяхъ со стороны французскаго правительства, не могло бы не внушить Англіи серіозныхъ опасеній. Какое бы не существовало сердечное согласіе между обѣими западными державами, Англія никогда вполнѣ не довѣрится императору Наполеону, никогда ни на минуту не поставитъ своихъ интересовъ въ зависимость отъ какой бы то ни было случайности. Но Англія была спокойна, зная что въ Ниццу вмѣстѣ съ императоромъ Наполеономъ, для свиданія съ Монархомъ Россіи, прибудетъ еще третій монархъ, который всегда былъ надеж-

нымъ посредникомъ въ ея интимныхъ сношеніяхъ съ Франціей и лучше чѣмъ кто-либо можетъ понимать вещи съ точки зрѣнія англійской политики. Присутствіе короля Бельгійцевъ совершенно обезпечиваетъ Англію, а съ тѣмъ вмѣстѣ служитъ убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ, что свиданіе съ императоромъ Наполеономъ Русскаго Императора, уже находящагося въ наилучшихъ отношеніяхъ къ государямъ германскимъ, не заключаетъ въ себѣ ничего опаснаго для европейскаго мира.

Б.

Конвенція 15-го сентября отчасти уже сдѣлала свое дѣло въ отношеніи къ Австріи: она заставила ее сдѣлать шагъ впередъ на пути къ сближенію съ Франціей и шагъ назадъ отъ союза съ Пруссіей. Въ послѣднемъ отношеніи особенно важно заявленіе, помѣщенное въ полуофиціяльной *Всеобщей Корреспонденціи изъ Австріи*. Пруссія, какъ извѣстно, желала бы какъ можно скорѣе выпроводить изъ Гольштейна находящіяся тамъ саксонскія и гановерскія союзныя войска, и уже прежде было объявлено во всѣхъ ея газетахъ, что какъ только состоится миръ съ Даніей, Пруссія вмѣстѣ съ Австріей сдѣлаетъ Германскому сейму направленное къ этой цѣли предложеніе. Теперь изъ заявленія *Всеобщей Корреспонденціи* оказывается, что эти извѣстія были ложныя и что цѣлью ихъ было только отклонить отъ Австріи дружественныя съ нею правительства среднихъ германскихъ государствъ. Австрія, такимъ образомъ, расходится съ Пруссіей въ этомъ важнѣйшемъ для нея пунктѣ, и дѣлая шагъ впередъ на встрѣчу къ Франціи, въ то же время становится на сторону среднихъ германскихъ государствъ противъ Пруссіи.

Со стороны Пруссіи, впрочемъ, замѣтно желаніе удержать Австрію въ союзѣ съ собою; отсюда новыя колебанія ея по вопросу объ обезпеченіи за Австріей права на будущее вступленіе въ Таможенный Союзъ, а также и самыя дружественныя заявленія полуофиціяльныхъ берлинскихъ корреспондентовъ *Кельнской* и аугсбургской *Всеобщей Газеты*. Почти въ одинъ голосъ восклицаютъ они: „Какой другой союзъ можетъ доставить Австріи бóльшія выгоды?“—и стараются доказать, что Австрія отнюдь не была на буксирѣ у Пруссіи за все это время, что она не можетъ пенять на то, что желанія ея по таможенному вопросу не были вполнѣ удовлетворены, что союзъ съ Пруссіей никакъ не можетъ повредить ея внутреннему конституціонному развитію, и что Пруссія не только не думала о томъ, чтобы разстроить начинающіяся добрыя отношенія между Франціей и Австріей, а напротивъ, наиболѣе заинтересована ихъ поддержаніемъ и мирнымъ разрѣшеніемъ италіянскаго вопроса. „Еслибы Австрія вознамѣрилась принять воинственное положеніе въ виду конвенціи 15-го сентября, тогда бы только, — говоритъ корреспондентъ *Кельнской Газеты*,—Пруссія должна была вступиться между обѣими державами; но рѣшительно не понятно съ какой стати стала бы Пруссія противодѣйствовать нынѣшнему миролюбивому настроенію Вѣнскаго кабинета.“ Корреспондентъ старается отклонить Австрію не столько отъ союза съ Франціей сколько отъ союза съ Англіей и особенно съ средними германскими государствами. Но всѣ эти усилія будутъ, повидимому, напрасны, и другой берлинскій корреспондентъ той же газеты радуется, что г. фонъ-Бисмаркъ всегда совѣтовалъ королю Вильгельму I держать на всякій случай наготовѣ возможность соглашенія съ Франціей. Эта возможность, которая теперь еще болѣе усилится вслѣдствіе личныхъ объясненій г. фонъ-Бисмарка съ императоромъ Наполеономъ, дастъ Пруссіи, по словамъ корреспондента, достаточную крѣпость и силу для достиженія ея цѣлей. Можно надѣяться, впрочемъ, что Пруссіи не удастся увлечь за собою Россію въ свой тройственный союзъ, который съ давнихъ поръ былъ любимою мечтой г. фонъ-Бисмарка.

Что Пруссія не думаетъ отказаться отъ своихъ видовъ на Герцогства, доказательствомъ служитъ недавнее рѣшеніе рыцарей и земства Лауэнбурга,—рѣшеніе, которому прусскія полуофиціяльныя газеты придаютъ большое значеніе. Оно было принято 21-го октября большинствомъ 14 голосовъ противъ 4, при чемъ сеймъ высказалъ, впрочемъ, желаніе, чтобы за Лауэнбургомъ сохранена была самостоятельность какъ особаго герцогства съ особою конституціей. Такъ какъ для Пруссіи важно притянуть къ себѣ мелкія государства Германіи какими бы то ни было цѣпями, то на первое время, нѣтъ сомнѣнія, она удовольствуется даже и такою

дурною формой политическаго соединенія, лишь бы только она обезпечивала единство управленія военными силами и не совсѣмъ походила на личное соединеніе, (тоесть, соединеніе двухъ государствъ только въ лицѣ государя). Въ Гольштейнѣ и въ Шлезвигѣ, между тѣмъ, въ пользу присоединенія къ Пруссіи сильно начинаетъ дѣйствовать одинъ изъ богатѣйшихъ землевладѣльцевъ края, г. фонъ-Шеель-Плессенъ, президентъ собранія гольштейнскихъ чиновъ, и нѣтъ ничего мудренаго, что и это собраніе выскажется также, какъ Лауэнбургскіе чины. *Кильская Газета*, такъ долго враждовавшая противъ Пруссіи, теперь говоритъ, что самая природа вещей указываетъ Герцогствамъ на необходимость прусской гегемоніи, и желаетъ только, чтобы въ Берлинѣ была придумана самая легкая и не притязательная форма этой гегемоніи. Чтобы сильнѣе подѣйствовать на принца Августенбургскаго и на великаго герцога Ольденбургскаго и расположить ихъ къ уступчивости, прусская министерская *Провинціяльная Корреспонденція* высказываетъ убѣжденіе, что ни тотъ, ни другой кандидатъ не будутъ въ состояніи доказать свои права на весь Гольштейнъ и на весь Шлезвигъ, и что слѣдовательно рѣшеніе вопроса будетъ зависѣть отъ политическихъ соображеній.

При противодѣйствіи со стороны Австріи, Пруссіи, безъ сомнѣнія, понадобится сильное содѣйствіе Франціи, чтобы притянуть къ себѣ Герцогства. Какою цѣной можетъ она купить это содѣйствіе,—вотъ вопросъ, который представляетъ для насъ наибольшій интересъ.

Что касается до Англіи, то *Morning Post* сильно порицаетъ лорда Станлея (см. рѣчь его во вчерашнемъ № *Московскихъ Вѣдомостей*) не только за то что̀ имъ высказано о предстоящемъ паденіи Турецкой имперіи, но еще болѣе за то что онъ говорилъ противъ среднихъ и второстепенныхъ германскихъ государствъ. Г. фонъ-Бисмаркъ, говоритъ *Morning Post*, знаетъ теперь, что бывшій англійскій министръ по дѣламъ Индіи даетъ ему полное право запрятать Гановеръ и Саксонію въ прусскіе карманы. Этотъ бывшій министръ прилагаетъ мѣрку полезности къ вопросу о существованіи государствъ и объ ихъ границахъ. Такимъ образомъ, еслибы Пруссія сочла безполезнымъ существованіе Саксоніи и Гановера, а Австрія—существованіе Баваріи и Виртемберга, то что̀ помѣшало бы Франціи признать существованіе Бельгіи и Голландіи не только безполезнымъ, но даже и вреднымъ? Жалкая участь постигла бы тогда слабыя государства. Это была бы всеобщая борьба сильныхъ противъ слабыхъ". Впрочемъ, Англія несравненно менѣе Россіи заинтересована тѣмъ, чтобы Пруссія не пріобрѣла слишкомъ значительнаго могущества, и если ея органы вступаются за второстепенныя государства Германіи, то они руководствуются въ этомъ случаѣ опасеніями, чтобъ эти государства не примкнули къ Франціи и не поставили себя подъ ея протекторатъ, тогда какъ для насъ осуществленіе властолюбивыхъ замысловъ Пруссіи само по себѣ было бы событіемъ крайне не благопріятнымъ, такъ какъ оно тѣснило бы насъ на Балтійскомъ морѣ и могло бы породить, при дальнѣйшемъ развитіи политическихъ интригъ, самыя вредныя стремленія въ нашихъ окраинахъ.

№ 228.

Москва, 17-го октября.

Патентъ, которымъ императоръ Францъ-Іосифъ созвалъ на 12-е ноября свой имперскій совѣтъ, произвелъ нѣкоторое смущеніе въ партіи либеральныхъ централистовъ Австріи. Дѣло въ томъ, что еще впервые имперскій совѣтъ созывается въ качествѣ полнаго совѣта, съ прямымъ указаніемъ, что онъ долженъ ограничить кругъ своихъ занятій тѣми предметами, которые исчислены въ § 10 уложенія 26-го февраля 1861 г., и которые относятся къ правамъ, обязанностямъ и интересамъ всѣхъ странъ Австріи, подвластныхъ какъ имперской, такъ и королевской венгерской коронѣ (къ послѣдней категоріи, какъ извѣстно, принадлежатъ сама Венгрія съ Сербскою Воеводиной и Темешскимъ Банатомъ, Трансильванія и Кроація съ Славоніей). Это ограниченіе полуофиціяльная *Wiener Abendpost*, съ свойственною полуофиціяльнымъ заявленіямъ темнотою, истолковываетъ тѣмъ, что при созваніи имперскаго совѣта въ нынѣшнемъ году прежде всего имѣлись въ виду общіе всѣмъ областямъ и королевствамъ Австріи права, обязанности и интересы, а именно установленіе общаго бюджета на 1865 годъ, разрѣшеніе

связанныхъ съ этимъ дѣломъ финансовыхъ проектовъ и другія важныя дѣла, не терпящія никакого отлагательства. Сверхъ того, продолжаетъ *Wiener Abendpost*, правительство желало имѣть возможность созвать сеймы въ восточной половинѣ имперіи (то-есть, въ Венгріи и въ Кроаціи съ Славоніей), послѣ того какъ полный имперскій совѣтъ покончитъ свои занятія и тѣсный совѣтъ будетъ вновь *формально* созванъ для разрѣшенія ему подлежащихъ вопросовъ, что, какъ полагаетъ вѣнскій корреспондентъ *Крестовой Газеты*, послѣдуетъ не прежде февраля 1865 года.

Эти заявленія полуофиціяльной вѣнской газеты знаменуютъ собою такой же поворотъ во внутренней политикѣ Австріи, какой произошелъ во внѣшней ея политикѣ вслѣдствіе конвенціи 15-го сентября. Въ этомъ отношеніи они заслуживаютъ особеннаго вниманія и нашихъ читателей.

По конституціи 26-го февраля 1861 г., палата депутатовъ полнаго имперскаго совѣта Австріи должна состоять изъ 343 членовъ; но до сихъ поръ не только полный, но и тѣсный совѣтъ (послѣдній предназначенъ для дѣлъ всѣхъ областей Австріи, за исключеніемъ странъ, подвластныхъ венгерской коронѣ) ни разу еще не могъ собраться въ полномъ своемъ составѣ, и опредѣленія австрійской конституціи относительно состава народнаго представительства имперіи остаются пока только мертвою буквой. Нынѣшнему полному имперскому совѣту, для дѣйствительной полноты его, не достаетъ 85 депутатовъ отъ Венгріи, и 9 отъ Кроаціи и Славоніи, такъ какъ эти страны до сихъ поръ упорно отказывались отъ высылки своихъ депутатовъ въ Вѣну. Все различіе между нынѣшними полнымъ и тѣснымъ совѣтами имперіи заключается въ томъ, что въ первомъ должны присутствовать, а во второмъ отсутствовать 26 депутатовъ, которыхъ какъ въ прошломъ, такъ и въ нынѣшнемъ году рѣшилась выслать въ Вѣну Трансильванія. Но сверхъ того и самъ тѣсный совѣтъ всегда страдалъ неполнотой. Такъ, конгрегаціи Ломбардо-Венеціянскаго королевства ни разу еще не присылали своихъ 20-ти депутатовъ; Далмація, тяготѣющая къ Кроаціи и Славоніи и нѣкогда составлявшая съ ними вмѣстѣ такъ-называемое Тріединое королевство, только въ нынѣшнемъ году посылаетъ въ Вѣну своихъ 5 депутатовъ; чешскіе (славянскіе) депутаты отъ Богеміи въ прошломъ году выступили изъ совѣта, и въ нынѣшнемъ году точно также не намѣрены въ немъ участвовать; наконецъ, польскіе депутаты отъ Галиціи и Кракова точно также повидимому не явятся на совѣтъ, вслѣдствіе того что обѣ эти области состоятъ теперь на военномъ положеніи (хотя телеграфъ и извѣщалъ объ ожидаемомъ присутствіи польскихъ депутатовъ въ имперскомъ совѣтѣ). Но Богемія и Галиція съ Краковомъ, по крайней мѣрѣ, во всякомъ случаѣ будутъ имѣть своихъ представителей въ совѣтѣ: первая—выборныхъ отъ нѣмецкаго и еврейскаго населенія, а вторая—отъ русскаго или, какъ его, не безъ политическихъ намѣреній, называютъ въ Австріи, *руссинскаго* племени.

Въ такомъ положеніи, встрѣчая непреодолимыя препятствія къ полному осуществленію февральской конституціи, австрійское правительство до сихъ поръ почти не дѣлало различія между полнымъ и тѣснымъ имперскимъ совѣтомъ, и охотно соглашалось на то, что послѣдній присвоивалъ себѣ право обсуждать общія дѣла имперіи,—что особенно раздражало венгерскія коронныя земли. Теперь, повидимому, правительство желаетъ устранить эту причину раздраженія, конечно въ надеждѣ, что Венгрія пойдетъ на сдѣлку. Вотъ почему австрійское правительство полагаетъ теперь самимъ способомъ созванія формальное различіе между полнымъ и тѣснымъ совѣтомъ.

Патентъ о созваніи имперскаго совѣта и объясненія къ нему со стороны *Wiener Abendpost* служатъ несомнѣннымъ свидѣтельствомъ, что Вѣнскій кабинетъ разчитываетъ на возможность соглашенія съ Венгріей. Это соглашеніе, разумѣется, было бы невозможно, еслибы ни вѣнскій кабинетъ, ни Венгрія не обнаружили никакой уступчивости. Но все дѣло состоитъ въ томъ, съ чьей стороны уступчивость будетъ больше. Присутствіе г. фонъ-Шмерлинга въ вѣнскомъ кабинетѣ, и преобладающее вліяніе, которое онъ долженъ получить тамъ вслѣдствіе выхода графа Рехберга въ отставку, ручается за то, что Венгрія должна будетъ ограничить свои притязанія и удовольствоваться лишь нѣкоторыми измѣненіями въ февральскихъ узаконеніяхъ. На первомъ планѣ тутъ будетъ стоять вопросъ объ участіи Венгріи въ общемъ представительствѣ монархіи,—объ участіи, которое г. фонъ-Шмерлингъ

не можетъ не сдѣлать главнымъ условіемъ соглашенія. Предстоящее (по закрытіи засѣданій полнаго имперскаго совѣта) созваніе венгерскаго сейма нисколько не говоритъ противъ того. Напротивъ оно должно входить въ виды г. фонъ-Шмерлинга, которому нужны двѣ вещи: вопервыхъ сплотить какъ можно тѣснѣе тѣ земли, которыя представлены въ тѣсномъ имперскомъ совѣтѣ, и вовторыхъ соединить съ ними венгерскую корону въ полномъ имперскомъ совѣтѣ. И то, и другое равно важно для Австріи; ни отъ того, ни отъ другаго г. фонъ-Шмерлингъ отступиться не можетъ, и вопросъ состоитъ только въ томъ, какъ удастся ему согласить оба требованія. *Neue Freie Presse* признаетъ, повидимому, до такой степени невѣроятнымъ отреченіе г. фонъ-Шмерлинга отъ надежды притянуть Венгрію къ общему правительственному средоточію чрезъ посредство имперскаго совѣта, что говоритъ даже, будто бы настоятельное требованіе графа Зичи, венгерскаго придворнаго канцлера, о скорѣйшемъ созваніи венгерскаго сейма можетъ породить новый министерскій кризисъ, и принудить г. фонъ-Шмерлинга къ просьбѣ объ увольненіи; но болѣе свѣдущій корреспондетъ *Allgemeine Zeitung* утверждаетъ, что ничуть не бывало, что именно г. фонъ-Шмерлингъ настаивалъ на созваніи венгерскаго сейма, а вѣнскій корреспондентъ *Крестовой Газеты* прибавляетъ, что этотъ министръ предложитъ февральскую конституцію на пересмотръ венгерскому и кроатскому сеймамъ, и готовъ допустить нѣкоторую отдѣльность земель венгерской короны лишь бы спасти тѣсный имперскій совѣтъ и провести вполнѣ централизацію всѣхъ другихъ областей Эта-то готовность на уступки по венгерскому вопросу и смущаетъ вѣнскихъ централистовъ. Правительство австрійское, очевидно, желаетъ, чтобы напередъ были порѣшены всѣ дѣла, подлежащія вѣдѣнію полнаго имперскаго совѣта, такъ чтобы законное значеніе послѣдняго не подвергалось болѣе никакому сомнѣнію, и затѣмъ уже созоветъ сеймы Венгріи и Кроаціи; съ этою цѣлію правительство уже не предлагаетъ сеймамъ Венгріи и Кроаціи выслать своихъ депутатовъ въ полный имперскій совѣтъ; такъ какъ это предложеніе было бы неминуемо отвергнуто, то не оставалось бы ничего болѣе какъ распустить эти сеймы, подобно тому какъ это и было въ 1861 году. Смыслъ новаго императорскаго патента и объясненій къ нему со стороны *Wiener Abendpost* заключается именно въ томъ, что правительство желаетъ избѣжать всякаго повода къ новымъ столкновеніямъ съ венгерскимъ и кроатскимъ сеймами, не жертвуя имъ, однакоже, идеей полнаго совѣта. Вѣнскій корреспондентъ *Крестовой Газеты* сомнѣвается, впрочемъ, въ томъ, чтобы подобныя усилія увѣнчались успѣхомъ. Съ прусской точки зрѣнія, на которой, безъ сомнѣнія, стоитъ упомянутый корреспондентъ, было бы желательнѣе, чтобъ Австрія со всѣмъ отреклась отъ своего политическаго единства и обратилась въ федерацію государствъ, при чемъ центръ тяжести естественно былъ бы перенесенъ изъ Вѣны на востокъ, въ Пештъ. Программа, начертанная для Австріи ловкою рукой г. фонъ-Бисмарка, тогда вполнѣ осуществилась бы. Для Австріи, по мнѣнію корреспондента *Крестовой Газеты*, нѣтъ другаго исхода изъ нынѣшней путаницы какъ образовать самостоятельныя группы государствъ, каждую съ своимъ особымъ сеймомъ, связанныя между собою только въ лицѣ общаго имъ государя. Къ первой группѣ принадлежали бы земли венгерской короны, ко второй — Галиція, Лодомирія, Краковъ и Буковина, къ третьей—Богемія, Моравія и Силезія, и наконецъ, къ четвертой, за устраненіемъ итальянскихъ земель, всѣ прочія области Австріи.

Успѣетъ ли Австрія, тѣми или другими способами, упрочить свое политическое единство, или же ей и въ самомъ дѣлѣ предстоитъ распаденіе на особыя политическія группы, до поры до времени кое-какъ связанныя между собою, — это вопросъ, разрѣшеніе котораго принадлежитъ будущему; для насъ особенно интересно слѣдить за этою борьбой, происходящею въ ея нѣдрахъ и вызванною ея ненормальнымъ и въ высшей степени затруднительнымъ положеніемъ. Это для насъ тѣмъ интереснѣе что нѣкоторые публицисты, причисляющіе себя къ Русскимъ, дозволяютъ себѣ проводить параллель между Австріей и Россіей и отъ всей души желали бы пригласить Россію на тотъ путь, на который и Австрія вступить не хочетъ, и который прямо повелъ бы ее къ политическому распаденію. Въ плохо-прикрываемыхъ замыслахъ своихъ, эти публицисты не хотятъ знать ни настоящаго, ни прошедшаго, ни статистики, ни исторіи этихъ двухъ импе-

рій. Въ Австріи мы напрасно стали бы отыскивать одинъ господствующій народъ. Въ дѣйствительности господствуютъ тамъ Нѣмцы; но Нѣмцевъ въ общемъ составѣ населенія считается съ небольшимъ одна пятая часть. Славянскія племена, въ своей совокупности, составляютъ слишкомъ двѣ пятыхъ всего населенія (около 16 милліоновъ), но за то они распадаются на шесть вѣтвей, отличныхъ другъ отъ друга по языку, по вѣроисповѣданію и разрозненныхъ въ пространствѣ; австрійское правительство не упускаетъ ничего, чтобы поддерживать эту рознь, и въ этихъ видахъ ловко пользуется принципомъ національностей. Затѣмъ слѣдуютъ Мадьяры или Венгры, которыхъ около 5 милліоновъ, и которые были сильны политическими льготами, имъ исключительно предоставлявшимися, но которые принуждены теперь понести на себѣ всю тяжесть полнаго примѣненія принципа равноправности національностей. Словомъ, тогда какъ въ Россіи въ политическомъ отношеніи по политическому значенію есть только одинъ народъ русскій,—въ которомъ ничтожными группами разбросаны разнообразнѣйшіе и чужные другъ другу инородческіе элементы,—въ Австріи существуютъ многія разрозненныя, несогласныя и даже враждебныя между собою націи. Но этого мало: разноплеменность населенія, входящаго въ составъ какого-либо государства, сама по себѣ еще не можетъ грозить опасностью политическому его единству. Даже и во Франціи, которая благодаря своему неизмѣнно-національному правительству, славится однородностью своего населенія, есть около 3 милліоновъ (или $^{1}/_{12}$) инородцевъ; въ Пруссіи, которая близко подходитъ въ этомъ отношеніи къ Франціи, $^{1}/_{7}$ всего населенія или около 2.800.000 состоитъ изъ инородцевъ, и однако же обѣ страны отличаются самымъ сильнымъ политическимъ единствомъ. Дѣло въ томъ, что въ Австріи главнѣйшія ея національности имѣли долгое время свое особое самобытное политическое существованіе, которымъ онѣ продолжаютъ дорожить и въ настоящее время; области входящія въ составъ Австрійской имперіи, это—цѣлыя королевства, изъ которыхъ каждое имѣетъ свою особую болѣе или менѣе славную исторію: какъ, напримѣръ, Венгрія съ ея тысячелѣтнимъ государственнымъ устройствомъ, во многомъ напоминающимъ устройство Англіи, Венгрія, опередившая бо́льшую часть европейскихъ государствъ въ дѣлѣ развитія общественныхъ вольностей;—какъ Венеція, столь славная и могущественная въ продолженіе среднихъ вѣковъ и въ началѣ новаго времени, или королевство Богемское, въ которомъ Чехи такъ долго и такъ энергически боролись противъ напора германскаго элемента и первые въ Европѣ выступили противъ гнета и злоупотребленій средневѣковой римско-католической церкви. Притомъ же всѣ эти государства, за исключеніемъ Венеціи и Галиціи съ Краковомъ, подпали подъ власть австрійскихъ Габсбурговъ не вслѣдствіе внутренняго своего упадка или неспособности отстоять съ оружіемъ въ рукахъ свою политическую самобытность, а вслѣдствіе различныхъ родственныхъ и преимущественно брачныхъ связей, благодаря которымъ распространялась власть Габсбурговъ, не нарушая на первыхъ порахъ самостоятельности подчинявшихся имъ странъ. Извѣстно родившееся вслѣдствіе того привѣтствіе: „Tu, felix Austria, nubis!“ Имѣетъ ли что-нибудь общаго это случайное сцѣпленіе между собою государствъ самостоятельныхъ съ органическимъ, правильнымъ ростомъ Русскаго государства? Не говоря уже о разсѣянныхъ по лицу Русской земли отдѣльныхъ чудскихъ племенахъ, о Евреяхъ, о Башкирахъ, Киргизахъ, Калмыкахъ и Татарахъ, которые или никогда не составляли особыхъ государствъ на мѣстахъ ими занимаемыхъ въ предѣлахъ Россіи, или не имѣли никогда сколько-нибудь правильнаго государственнаго быта, даже и такіе инородцы, какъ Поляки въ отрывкахъ старой Польши, присоединенныхъ къ Россіи и составлявшихъ большею частію ея исконное достояніе, какъ прибалтійскіе Нѣмцы, какъ Шведы и Финны въ Финляндіи, не могутъ идти въ сравненіе съ тѣми національно-политическими организмами, изъ соединенія которыхъ составилась Австрійская имперія.

Несмотря, однакоже, на всю ложь сближеній подобнаго рода между Австріей и Россіей, намъ не перестаютъ проповѣдывать необходимость искусственнаго раздѣленія Россіи на такія же политическія группы, изъ какихъ состоитъ Австрія. Прежде всего этимъ любителямъ русскаго народа хотѣлось бы какъ можно болѣе обособить отъ Россіи, въ политическомъ отношеніи, наши западныя окраины. Допустивъ прин-

ципъ политическаго обособленія въ отношеніи къ этимъ областямъ, по необходимости пришлось бы допустить и дальнѣйшія его послѣдствія, до тѣхъ поръ пока отъ Россіи, великой, цѣльной и единой, осталось бы лишь одно воспоминаніе.

№ 229.

Москва, 19-го октября.

Въ продолженіе съ небольшимъ одного года Австрія испробовала всевозможныя комбинаціи во внѣшней своей политикѣ. За импровизированнымъ съѣздомъ нѣмецкихъ государей во Франкфуртѣ-на-Майнѣ послѣдовало полное отреченіе отъ всякой мысли о реформѣ Германскаго Союза; рѣзкое соперничество съ Пруссіей замѣнилось совершеннымъ согласіемъ съ ея видами и цѣлями въ шлезвигъ-гольштейнскомъ вопросѣ; постоянная заботливость объ охраненіи самостоятельности и о поддержаніи значенія второстепенныхъ и мелкихъ государствъ Германіи была, повидимому, готова уступить мѣсто такой же пренебрежительной къ нимъ политикѣ, какой давно слѣдуетъ Пруссія; послѣ недавняго совокупнаго дѣйствія съ Франціей и съ Англіей по польскому вопросу, Австрія обнаружила готовность сблизиться съ Россіей и возстановить союзъ трехъ сѣверныхъ державъ, и напослѣдокъ, графъ Рехбергъ снова пытался сблизиться съ Франціей, и по поводу вызывающей конвенціи 15-го сентября, принялъ положеніе, которое должно было совсѣмъ обезоружить Тюльерійскій кабинетъ. Съ своей стороны онъ сдѣлалъ все, если не для предотвращенія отъ Австріи внѣшнихъ опасностей, то по крайней мѣрѣ для того, чтобы при всѣхъ перемѣнахъ ея внѣшней политики оставаться ея безсмѣннымъ министромъ по иностраннымъ дѣламъ. И однакоже онъ палъ, и на его мѣсто назначенъ графъ Менсдорфъ-Пульи.

Нельзя не поговорить еще разъ объ этой перемѣнѣ. Сколько можно судить, она знаменуетъ собою измѣненіе не только въ германской политикѣ Австріи, но и въ системѣ европейскихъ союзовъ ея, и даже въ недавнихъ еще стремленіяхъ ея къ сближенію съ Франціей. Еслибъ эти стремленія увѣнчались успѣхомъ, то, по увѣренію какъ вѣнской газеты *Presse*, такъ и вѣнскаго корреспондента *Кельнской Газеты*, графъ Рехбергъ остался бы на своемъ мѣстѣ; если же онъ долженъ былъ уступить свое мѣсто графу Менсдорфу, то стало-быть попытка сближенія съ Франціей на основаніи конвенціи 15 сентября не удалась. Франція начала говорить съ Австріей болѣе дружественнымъ языкомъ, но этимъ и ограничиваются всѣ результаты, добытые послѣдними усиліями графа Рехберга, а для полнаго соглашенія между Франціей и Австріей, какъ заявила недавно *la France*, отъ Австріи потребовались бы весьма обширныя уступки. Франція не удовольствовалась бы ни признаніемъ Италіянскаго королевства въ нынѣшнемъ его видѣ, ни предоставленіемъ Венеціи провинціяльной самостоятельности, а развѣ только полнымъ отъ нея отреченіемъ Австріи, или, какъ говоритъ парижскій корреспондентъ *Allgemeine Zeitung*, рѣшимостью Австріи принять на себя иниціативу въ созваніи европейскаго конгресса, съ тѣмъ чтобы подчинить его приговору венеціянскій вопросъ.

Тогда какъ между Франціей и Австріей дѣло, повидимому, не совсѣмъ уладилось, г. фонъ-Бисмаркъ напротивъ остался вполнѣ доволенъ какъ пріемомъ императора Наполеона, такъ и своими объясненіями съ г. Друэнъ-де-Люисомъ. Эти объясненія, если вѣрить *St.-Petersburger Zeitung*, касались трехъ пунктовъ: франко-прусскаго торговаго трактата, конвенціи 15-го сентября и шлезвигъ-гольштейнскаго вопроса. Что̀ было говорено относительно послѣдняго, самаго интереснаго для Пруссіи пункта, осталось неизвѣстнымъ; но относительно конвенціи, было будто бы сообщено г. фонъ-Бисмарку, что императоръ Наполеонъ вовсе не противъ того, чтобъ Италія сдѣлала Римъ своею столицей, но что въ такомъ случаѣ онъ потребуетъ для Франціи уступки острова Сардиніи; наконецъ, въ торговомъ трактатѣ, Франція согласна сдѣлать, по желанію Пруссіи, нѣкоторыя перемѣны въ пользу Австріи. Такимъ образомъ, сближаясь между собою отнюдь не въ благопріятномъ для Австріи смыслѣ, ни Пруссія, ни Франція не желаютъ, однакоже, до поры до времени разрывать добрыя отношенія къ Австріи. Какъ сильно это желаніе въ Пруссіи, видно изъ статьи министерской *Провинціяльной Корреспонденціи*, отъ 27 октября. Въ ней сказано, между прочимъ: „Чѣмъ менѣе придастъ Прус-

сія непосредственнаго и фактическаго значенія внесенію въ новый торговый договоръ съ Австріей ея надеждъ на будущее вступленіе въ Таможенный Союзъ, тѣмъ добросовѣстнѣе должно взвѣсить наше правительство, не будетъ ли какая-либо уступка желаніямъ Австріи оправдываться дружественными къ ней отношеніями, которыя въ сферѣ политической повели уже къ такимъ отраднымъ результатамъ, причемъ само собою разумѣется, что за Таможеннымъ Союзомъ должна быть обезпечена полная свобода и самостоятельность во всѣхъ другихъ его переговорахъ." Пруссія предпочла бы достигнуть своихъ цѣлей въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ съ помощью Австріи; но такъ какъ послѣдняя, очевидно, желаетъ перейдти во враждебный ей лагерь второстепенныхъ нѣмецкихъ государствъ, то г. фонъ-Бисмаркъ спѣшитъ запастись новымъ могущественнымъ союзникомъ — Франціей, и пока дѣйствуетъ, повидимому, съ большимъ успѣхомъ. Съ своей стороны и Австрія, пользуясь нерѣшительностью положенія европейскихъ дѣлъ, старается лавировать съ возможною ловкостью. Назначеніе графа Менсдорфа-Пульи въ министры иностранныхъ дѣлъ объясняютъ желаніемъ Австріи сблизиться въ особенности съ Англіей, чтобы нейтрализировать вѣроятные результаты сближенія Пруссіи съ Франціей. Графъ Менсдорфъ пріобрѣлъ себѣ, во время исполненія своихъ дипломатическихъ обязанностей въ С.-Петербургѣ, общее тамъ сочувствіе; но онъ пользуется еще бо́льшимъ довѣріемъ и расположеніемъ въ Англіи, такъ какъ онъ, по связямъ своимъ съ Кобургскимъ домомъ, состоитъ въ родствѣ съ королевой Викторіей. Для скрѣпленія союза съ Англіей нельзя было сдѣлать выбора болѣе удачнаго; но по мнѣнію *Ostdeutsche Post*, отъ союза съ Англіей въ настоящее время ни одна держава на материкѣ Европы не можетъ ожидать себѣ дѣятельной помощи, до тѣхъ поръ, конечно, пока интересы Англіи на юговостокѣ Европы не будутъ прямо замѣшаны. Настоящее время отличается крайнею нерѣшительностью и двусмысленостью положенія. Изъ сопоставленныхъ нами извѣстій ясно только то, что дни прусско-австрійскаго союза изочтены, что Пруссія ищетъ союза съ Франціей и, повидимому, не безъ успѣха, что успѣху подобныхъ же стремленій Австріи препятствуетъ обладаніе Венеціей, отъ которой она пока никакъ не хочетъ отречься, и что поэтому она старается найдти себѣ опору преимущественно въ Англіи и отчасти во второстепенныхъ государствахъ Германіи.

Но не одно сближеніе Пруссіи съ Франціей заботитъ Австрію: въ Вѣнѣ идутъ сильные толки о возможности дѣйствительнаго сближенія между Франціей и Россіей. Если вѣрить, однакоже, газетнымъ извѣстіямъ, то опасенія Австріи, возникающія изъ этихъ толковъ, какъ намъ кажется, дожны быть признаны совершенно неосновательными. Изъ Парижа пишутъ, правда, что 22-го октября собирался тамъ совѣтъ министровъ, который, между прочимъ, занимался докладомъ генарала Флёри, сопровождавшаго Императора Александра II въ Ниццу, и что этотъ докладъ произвелъ весьма благопріятное впечатлѣніе. Правда также, что вѣнская газета *Wanderer*, получающая иногда дипломатическія сообщенія, съ особеннымъ удовольствіемъ спѣшитъ сообщить, отъ 24-го октября, что по извѣстіямъ полученнымъ ею изъ надежнаго источника, въ Ниццѣ будетъ идти рѣчь о конгрессѣ европейскихъ государей въ Парижѣ, приглашеніе къ которому послѣдуетъ одновременно отъ Императора Александра II и императора Наполеона и который въ такомъ случаѣ, дѣйствительно, могъ бы легко состояться. Правда, что въ соотвѣтствіи съ этимъ извѣстіемъ вѣнскія газеты, и въ томъ числѣ *Vaterland*, говорятъ о выходѣ въ отставку князя Горчакова и о замѣнѣ его барономъ Будбергомъ. Но оставляя на ихъ отвѣтственности всѣ эти извѣстія, мы укажемъ на приведенный въ *Indépendance belge*, разговоръ герцога де-Грамона съ графомъ Рехбергомъ, о томъ что свиданіе въ Ниццѣ не имѣетъ политическаго значенія и во всякомъ случаѣ можетъ послужить только къ упроченію мира. Хотя это извѣстіе и опровергается вѣнскимъ корреспондентомъ *Кельнской Газеты*; но тотъ же самый корреспондентъ съ своей стороны утверждаетъ, что Австрія не считаетъ настоящаго положенія дѣлъ опаснымъ для себя. Во вторыхъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія, что Англія повидимому, также нисколько не опасается сближенія между Россіей и Франціей. Англійскія газеты прямо говорятъ, что свиданіе обоихъ монарховъ нисколько не тревожитъ и не можетъ тревожить Англію. Не слѣдуетъ ли изъ этого, что въ Европѣ отнюдь не предвидится

возможность сепаратнаго сближенія между Россіей и Франціей? Просимъ читателей заглянуть въ помѣщенную ниже, подъ рубрикой „Англія“, статью англійской торійской газеты *Morning Herald*, которая очень правильно разсуждаетъ о совершенной невѣроятности сепаратнаго сближенія между Россіей и Франціей, и весьма справедливо указываетъ на польскій вопросъ, лежащій между ними.

Тотъ же самый выводъ слѣдуетъ сдѣлать и изъ тона французскихъ газетъ, вовсе не разчитаннаго на то, чтобы способствовать сближенію. За нѣсколько дней до свиданія, имѣвшаго совершиться на французской почвѣ между Государемъ Императоромъ и императоромъ Наполеономъ, французскія газеты разныхъ оттѣнковъ еще наполнялись недостойными діатрибами о русской политикѣ по польскому вопросу, а нѣкоторыя изъ парижскихъ газетъ, какъ напримѣръ *Opinion Nationale*, позволили себѣ даже привѣтствовать въѣздъ Государя Императора въ предѣлы Франціи самыми оскорбительными выходками, дающими невыгодное понятіе о благовоспитанности публицистовъ въ родѣ г. Геру. Мы не будемъ, разумѣется, приводить этихъ выходокъ, но не можемъ не сдѣлать маленькаго замѣчанія по поводу одной изъ нихъ. Государь Императоръ изволилъ въѣхать во Францію черезъ Мюльгаузенъ, нѣмецкій городъ, присоединенный къ Франціи лишь 66 лѣтъ тому назадъ. Этотъ городъ извѣстенъ теперь своимъ экзальтированнымъ французскимъ патріотизмомъ, и газета *Opinion Nationale* указываетъ на этотъ городъ въ контрастъ къ Царству Польскому, которое Россія не успѣла нисколько ассимилировать. Въ объясненіе того, что Мюльгаузенъ сдѣлался вполнѣ французскимъ городомъ, газета *Opinion Nationale* указываетъ на „совершенное равенство“, которое Франція даруетъ всѣмъ составнымъ частямъ своего государства. Мы можемъ принять это указаніе въ полной силѣ его и обратить его въ свою пользу. Да, если бы не было политическаго неравенства между составными частями русской державы, то восхваляемая *Opinion Nationale* ассимиляція была бы дѣйствительно возможна. Но дѣло въ томъ, что Царству Польскому было предоставлено исключительное положеніе, что ему были дарованы льготы и преимущества, которыми не пользовались коренныя части Имперіи. Вотъ что̀ препятствовало ассимиляціи. Да и теперь, развѣ иностранное вмѣшательство прошлаго года, развѣ французскія газеты вчерашняго и нынѣшняго дня требуютъ равенства съ Русскими для Поляковъ подданныхъ Россіи, а не привилегій и льготъ, имѣющихъ цѣлію ограждать и искусственно возбуждать политическую сторону польской національности? При такихъ условіяхъ какая возможна ассимиляція? Все показываетъ однакоже, что недоброжелательные совѣты не будутъ услышаны, что дѣла пойдутъ иначе чѣмъ шли прежде, и русская политика будетъ все болѣе и болѣе принимать національный характеръ. Если эти надежды осуществятся, и въ особенности если внутреннія коренныя части Россіи получатъ тѣ же средства къ образованію, которыми пользуются западныя окраины государства, то пройдетъ не много лѣтъ, и французскія газеты не будутъ имѣть уже права укорять Россію за то, что она не умѣла упрочить единство своего государственнаго состава. Тогда, но только тогда русское государство покажетъ какъ велика его способность ассимилировать инородцевъ, не употребляя никакихъ средствъ насилія.

№ 230.

Москва, 20-го октября.

Въ газетѣ *Голосъ* появились на дняхъ двѣ статьи о русскихъ желѣзныхъ дорогахъ, разсматривающія этотъ вопросъ очень бѣгло, но очевидно имѣющія одну практическую цѣль: именно намекнуть на то, что московско-кіевская желѣзная дорога дѣло хотя и полезное, но такое, которымъ можно и повременить безъ особенныхъ потерь для государства, тогда какъ до проведенія московско-севастопольской желѣзной дороги намъ будто бы „невозможно выйдти изъ того невыносимаго финансоваго положенія, въ которомъ мы находимся, а въ случаѣ войны съ первоклассными морскими державами безъ этой желѣзной дороги мы будемъ еще беззащитнѣе чѣмъ во время крымской кампаніи“. Мы нарочно выписали послѣднія строки—заключительныя строки второй изъ двухъ статей — чтобъ остановить на нихъ бездоказательности вниманіе читателей. Что̀ такое разумѣетъ газета *Голосъ* подъ „невыносимымъ финан-

совымъ положеніемъ, въ которомъ мы находимся"? Вексельный ли курсъ? Но неужели онъ такъ-таки и не поднимется, пока не задымятся локомотивы на всемъ пути въ полторы тысячи верстъ отъ Москвы до Севастополя? Или застой внутренней торговли? Но половина Россіи успѣетъ превратиться въ одичалую степь, если намъ нельзя будетъ выйдти изъ „невыносимаго" финансоваго положенія, пока не соорудится эта желѣзная дорога. Сколько лѣтъ нужно для окончанія московско-севастопольской дороги? Англійская компанія бралась построить ее въ семь лѣтъ: мы сами, по всему вѣроятію, будемъ строить еще медленнѣе. Пройдетъ лѣтъ восемь, можетъ-быть десять, прежде чѣмъ она будетъ открыта на всемъ своемъ протяженіи. Неужели газета *Голосъ* серіозно сулитъ намъ десять лѣтъ застоя внутренней торговли и столько же лѣтъ колебаній вексельнаго курса? Убійственнѣе ничего не можетъ быть сказано. Но такія безпощадныя вещи не говорятся бездоказательно. Чтобы кто-нибудь серіозно повѣрилъ имъ, надобно подкрѣпить ихъ хоть чѣмъ-нибудь. А есть ли какая-нибудь возможность разумнымъ образомъ доказать, что наше финансовое положеніе не можетъ улучшиться пока не будетъ открыта московско-севастопольская линія? Повторяемъ, для чего говорить подобныя вещи, и на какихъ читателей можно производить эффектъ фразами этого рода? Еще куріознѣе увѣреніе, что въ случаѣ войны съ морскими державами мы совсѣмъ пропадемъ безъ севастопольской желѣзной дороги. Лучше было бы объяснить что мы будемъ дѣлать съ севастопольскою желѣзною дорогой въ случаѣ войны съ морскими державами. Или газета *Голосъ* думаетъ, что онѣ по старой памяти опять пойдутъ на Севастополь, забывъ, что тамъ уже нѣтъ русскаго флота? Нужно большое остроуміе для того чтобъ изобрѣсти такой случай, когда севастопольская дорога могла бы оказать услугу въ стратегическомъ отношеніи. На югѣ возможны теперь два театра войны: Закавказье и Бессарабія. Мы готовы насказать тысячу комплиментовъ тому остряку, который укажетъ пользу севастопольской дороги для веденія войны на одномъ изъ этихъ театровъ. Севастопольская дорога могла бы имѣть важное стратегическое значеніе, еслибы была построена до крымской войны. Теперь она не имѣла бы рѣшительно никакого.

Газета *Голосъ* мимоходомъ подсмѣивается надъ публицистами, считающими новороссійскія степи за другую Сахару. Никто ихъ за Сахару не считаетъ, но тѣмъ не менѣе онѣ все-таки степи, и заселены онѣ все-таки крайне рѣдко. Пусть Ногайская степь въ состояніи прокормить всю Европу, но это дѣло будущаго, а въ настоящемъ нѣтъ никакого разчета предпочитать Ногайскую степь заселеннымъ мѣстностямъ Россіи. Крымъ современемъ можетъ-быть также измѣнитъ свой видъ, но теперь онъ безспорно пустынный островъ, а Геническая коса, по которой предполагается вести желѣзную дорогу, останется и на всегда безъ населенія. Какимъ же образомъ можетъ быть выгоднѣе вести желѣзную дорогу по такимъ мѣстамъ чѣмъ по населенной мѣстности, лежащей между Кіевомъ и Москвой? Но, говорятъ, Севастополь — единственный портъ въ мірѣ. Въ этомъ нѣтъ спору, но у него есть маленькое неудобство, которымъ однакоже тутъ рѣшается все. Онъ такъ далеко вдался въ море, что, напримѣръ, пшеница будетъ, даже при желѣзной дорогѣ, обходиться тамъ 50—70 коп. дороже чѣмъ въ Одессѣ, а фрахтъ будетъ едва ли и на 20 коп. дешевле. По морю пройдти, сто ли верстъ, двѣсти ли,—это совершенно все равно, а по желѣзной дорогѣ каждыя сто верстъ прибавляютъ на пудъ по меньшей мѣрѣ $2^1/_2$ коп. Вотъ почему торговля отыскиваетъ портовые города въ глубинѣ заливовъ, врѣзывающихся далеко въ материкъ. Вотъ почему торговля предпочла и будетъ предпочитать „сквернѣйшій" одесскій портъ превосходному севастопольскому.

Но вотъ является новый аргументъ. Историческое развитіе русской народной жизни—теперь, какъ извѣстно, модная фраза. Трудно было, однакоже, придумать, какъ бы удалось пріурочить ее къ вопросу о севастопольской желѣзной дорогѣ, но газета *Голосъ* беретъ свою крѣпость штурмомъ. Она просто-на-просто увѣряетъ, что провести желѣзную дорогу изъ Москвы въ Кіевъ,—эту самую народную изъ возможныхъ въ Россіи желѣзныхъ дорогъ—значитъ „нарушить порядокъ установленный русскою народною жизнью". Вы не вѣрите, читатель? Извольте заглянуть на 3 столбецъ 2 страницы въ № 287 *Голоса*. Народная жизнь, изволите ли видѣть, непремѣнно требуетъ севастопольской дороги и будетъ совсѣмъ подавлена и убита до-

рогой кіевскою. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, по мнѣнію газеты *Голосъ*, стоитъ только обратиться къ преданіямъ русской исторіи, и тогда тотчасъ же окажется, что древніе пути вели изъ Кіева только въ Псковъ, а никакъ не въ Москву, Москва же была всегда связана только съ городами лежащими въ направленіи Севастопольской желѣзной дороги, а съ Кіевомъ оживленныхъ сношеній не имѣла. Въ Россіи, по этому куріозному ученію, есть два древніе тракта: бѣлорусскій и замосковскій. Первый соединяетъ Петербургъ, Псковъ и Кіевъ. Послѣдній идетъ изъ Москвы на Тулу, Орелъ, Курскъ, Бѣлгородъ и Харьковъ. „Тракты эти создались не предписаніями, а самою народною жизнію." Откуда однакоже взяла всѣ эти фантазіи газета *Голосъ?* Если обращаться къ старинѣ, то мы никакого южнаго тракта не отыщемъ, а найдемъ два тракта, одинъ юго-восточный, изъ Москвы на Тулу въ Воронежъ, другой юго-западный, изъ Москвы на Калугу въ Кіевъ. Связи съ Кіевомъ были встарину такъ сильны, что даже изъ Тулы, стоящей на воронежскомъ трактѣ, отдѣлялась торная дорога на Кіевъ. Вслѣдствіе того главная улица въ Тулѣ до сихъ поръ называется Кіевскою, и харьковское шоссе идущее изъ Тулы на Орелъ слыветъ въ народѣ не харьковскимъ, а кіевскимъ. Путь въ Орелъ и теперь еще иначе не называется въ Тулѣ какъ большою кіевскою дорогой Вотъ показанія народной жизни, и если кто хочетъ ихъ уважить, тотъ не можетъ говорить въ пользу какого-либо другаго направленія южной желѣзной дороги, кромѣ направленія на Кіевъ.

Изобрѣтательный публицистъ *Голоса* не ограничивается впрочемъ своею неудачною ссылкой на русскую народную жизнь. Ему никакъ не хочется, чтобы Кіевъ былъ соединенъ съ Москвой прямымъ путемъ; онъ настаиваетъ на томъ, чтобы на этомъ пути непремѣнно было колѣно, т.-е. чтобы дорога изъ Москвы въ Кіевъ дѣлала крюкъ. Дабы представить это свое желаніе въ благоприличномъ свѣтѣ, онъ изощряется доказать, будто во всей Европѣ прямыя желѣзныя дороги сооружаются только въ направленіи съ сѣвера на югъ,—въ направленіи сѣверо-южномъ, какъ онъ выражается,—а линіи съ востока на западъ будто бы повсюду дѣлаютъ значительные изгибы и будто бы эта ихъ оригинальность условливается общимъ очертаніемъ Европы. Европа, по его словамъ, не что иное какъ полуостровъ, далеко вдающійся въ Океанъ и омываемый съ двухъ сторонъ морями, Средиземнымъ и Чернымъ на югѣ, Нѣмецкимъ и Балтійскомъ на сѣверѣ. Такое очертаніе Европы, продолжаетъ онъ, имѣетъ своимъ естественнымъ слѣдствіемъ, что главные европейскіе пути идутъ съ сѣвера на югъ: ихъ назначеніе—соединять южныя моря съ сѣверными. Поэтому-то, заключаетъ онъ, мы и видимъ, что главныя европейскія желѣзныя дороги идутъ довольно прямыми линіями съ сѣвера на югъ, а поперечныя дороги, направляющіяся съ востока на западъ, имѣютъ значеніе только соединительныхъ вѣтвей и образуютъ большія колѣна. Такова особенность всей Европы, и стало-быть если мы хотимъ быть Европейцами, мы должны провести прямыя линіи желѣзныхъ дорогъ не иначе какъ только съ сѣвера на югъ. Одна изъ этихъ дорогъ пусть идетъ отъ Пскова на Могилевъ къ Кіеву и далѣе къ Одессѣ, другая — отъ Москвы на Харьковъ къ Севастополю. Эти двѣ линіи будутъ имѣть направленіе почти параллельное и слѣдовательно сохранятъ за собой европейскій характеръ. Что же касается до дорогъ идущихъ съ востока на западъ, то онѣ должны, какъ сказано выше, считаться соединительными поперечными вѣтвями, и если будутъ дѣлать большія колѣна, то это будетъ совершенно по-европейски.

Вотъ теорія, излагаемая въ упомянутыхъ статьяхъ газеты *Голосъ*. Примѣнивъ ее къ дѣлу, авторъ этихъ статей, рѣшился впрочемъ допустить прямую линію для соединенія Москвы и Нижняго съ Либавой; онъ высказывается въ пользу проведенія дороги изъ Смоленска не въ Орелъ и не въ Тулу, какъ предполагали другіе, а въ Москву. „Дорога эта, говоритъ онъ, соединяясь съ московско-нижегородскою, была бы единственнымъ довольно прямымъ путемъ Европы въ Азію." Тутъ авторъ снисходителенъ къ путямъ „довольно прямымъ," хотя бы цѣлью этихъ путей и было связывать востокъ съ западомъ. Жаль только, что этимъ милостивымъ разрѣшеніемъ не скоро придется Россіи воспользоваться. Теперь практическую важность имѣетъ не вопросъ о дальнѣйшемъ продолженіи рижско-витебской дороги, а вопросъ о томъ строить ли дорогу изъ Москвы въ Кіевъ, и если строить, то въ ка-

комъ направленіи, въ прямомъ ли или въ колѣнчатомъ. Но тутъ душевное расположеніе автора совершенно измѣняется. Обнаруживъ терпимость къ прямолинейному направленію дороги, которая ни въ какомъ случаѣ не будетъ очень скоро строиться, онъ считаетъ себя за то уже въ полномъ правѣ откровенно и рѣшительно высказаться противъ прямолинейнаго и въ пользу колѣнчатаго направленія дороги имѣющей соединить Москву съ Кіевомъ. Откровенность его доходитъ до того, что онъ даже и колѣнчатую дорогу не совѣтуетъ строить сейчасъ же. Хотя дурно, но она все-таки соединила бы Москву съ Кіевомъ, а этого вовсе ненужно: этимъ можно и должно повременить. Тутъ нѣтъ ужь ссылки и на европейскіе нравы; единственный аргументъ состоитъ въ томъ что авторъ пугаетъ насъ бѣдствіями, съ которыми мы будто бы никакъ не раздѣлаемся прежде нежели соединимъ Москву съ Ногайскими степями, Геническою косой, голою равниной Крыма и превосходнымъ, но не торговымъ севастопольскимъ портомъ.

Противъ этого аргумента, пока онъ представленъ въ такомъ неукрашенномъ видѣ, нечего сказать кромѣ того, что онъ не можетъ быть разчитанъ на разумныхъ читателей. Если европейскіе нравы велятъ, чтобы дорога изъ Москвы въ Кіевъ шла колѣномъ, то давайте строить эту дорогу по-европейски, то-есть не откладывая ея въ долгій ящикъ.

Посмотримъ однакоже, въ самомъ ли дѣлѣ въ Европѣ принято строить желѣзныя дороги съ сѣвера на югъ прямо, а съ востока на западъ колѣнами. Самъ авторъ дѣлаетъ исключеніе для Франціи. Тамъ, говоритъ онъ, центральное положеніе Парижа заставило отступить отъ общаго закона. Итакъ, оставимъ Францію въ покоѣ, и взглянемъ на Германію. Возьмемъ ея главные города, и вопервыхъ Вѣну. Съ Мюнхеномъ, лежащимъ на западѣ, съ Пештомъ, лежащимъ на востокѣ, она соединена прямѣе чѣмъ съ Берлиномъ, который въ свою очередь связанъ съ нею менѣе прямымъ путемъ чѣмъ съ Парижемъ на западѣ и съ Кенигсбергомъ на востокѣ. Даже центральная нѣмецкая дорога, связывающая Магдебургъ, Лейпцигъ, Нюрнбергъ и Мюнхенъ, имѣетъ менѣе прямолинейное направленіе чѣмъ дорога, идущая изъ Бреславля на Дрезденъ, Лейпцигъ, Веймаръ, Готу и Кассель. Но всего интереснѣе для автора статей, помѣщенныхъ въ *Голосѣ*, будетъ взглянуть на путь проходимый желѣзной дорогой соединяющей Нѣмецкое море съ Адріатическимъ. Дорога, ведущая изъ Гамбурга въ Тріестъ, должна бы всего болѣе осуществлять вымышленный авторомъ законъ, но, увы! именно она-то и дѣлаетъ самые большіе зигзаги.

Нѣтъ, чѣмъ прибѣгать къ подобнымъ доводамъ, ужь лучше, вмѣстѣ съ *Биржевыми Вѣдомостями*, отрицать пользу московско-кіевской желѣзной дороги на томъ основаніи, что юго-западный край есть край русскій, русскій, русскій, и что дѣла находятся тамъ въ превосходномъ положеніи.

Б.

Въ *Wanderer* сообщаютъ, отъ 26-го октября, что въ дипломатическихъ сферахъ все опредѣлительнѣе становятся слухи о циркулярѣ, только-что разосланномъ изъ Парижа по всемъ французскимъ посольствамъ, и о приложенныхъ къ нему инструкціяхъ, относящихся къ вѣроятнымъ послѣдствіямъ предстоявшаго въ то время свиданія монарховъ Россіи и Франціи. Свиданію, говорятъ, предшествовало соглашеніе между г. Друэнъ-де-Люисомъ и барономъ Будбергомъ относительно меморандума, въ которомъ доказывается необходимость созванія тѣснаго европейскаго конгресса. Франція, прибавляетъ по поводу этихъ слуховъ *Wanderer*, ищетъ себѣ союза не съ Австріей, а противъ нея.

Гораздо успокоительнѣе извѣстія, сообщаемыя вѣнскими корреспондентами *Allgemeine Zeitung*. Одинъ изъ нихъ пишетъ, что на депешу свою, отъ 12-го октября, по поводу конвенціи 15-го сентября, Австрія получила вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ отъ Франціи, и что князь Меттернихъ, прибывшій въ Вѣну за новыми инструкціями, не замедлитъ возвратиться къ своему посту въ Парижъ. Одновременное призваніе въ Вѣну пословъ Австріи въ Лондонѣ, въ Парижѣ и въ Римѣ имѣетъ цѣлью установить въ главныхъ чертахъ программу будущей политики Австріи, которой они должны придерживаться въ сношеніяхъ съ иностранными дворами. Надежные наблюдатели политическаго горизонта, по словамъ другаго вѣнскаго корреспондента той же газеты, полагаютъ, что до истеченія двухлѣтняго срока нельзя и думать о возможности войны

въ Европѣ. Даже выполненіе конвенціи 15-го сентября подвергается сомнѣнію. Парижскій корреспондентъ вѣнской газеты *Vaterland* пишетъ, что онъ имѣлъ случай разговаривать съ генераломъ Монтебелло передъ отъѣздомъ его въ Римъ, и генералъ необинуясь высказалъ, что судя по тому обороту, какой принимаютъ дѣла, французскія войска попрежнему останутся въ Римѣ на неопредѣленное время для охраненія свѣтской власти папы.

Съ своей стороны, *Neue Freie Presse* съ большими подробностями передаетъ тѣ же извѣстія о взаимныхъ отношеніяхъ Россіи и Австріи, которыя мы сообщили изъ *Кельнской Газеты* въ № 226 *Московскихъ Вѣдомостей.* Упомянутая вѣнская газета утверждаетъ даже, что въ Киссингенѣ между Австріей и Россіей состоялось письменное соглашеніе, въ силу котораго Австрія молча отреклась отъ програмы шести пунктовъ по польскому вопросу и даже формально отъ 4-го ея пункта (объ отмѣнѣ стѣсненій для римско-католической церкви). Точно также всѣ три державы (Россія, Пруссія и Австрія) согласились считать польскій вопросъ не европейскимъ, а касающимся лишь ихъ однихъ. Въ послѣдствіи, говоритъ *Neue Freie Presse,* Австрія не могла, между прочимъ, согласиться ни на формальную нравственную поддержку тѣхъ мѣръ, которыя предполагала принять Россія относительно римско-католической церкви въ Польшѣ, ни на доставленіе Россіи извѣстнаго числа уніятскихъ духовныхъ лицъ, такъ какъ Австрія сама имѣетъ въ нихъ большую нужду. Вотъ почему, желая примириться до нѣкоторой степени съ папою, русское правительство будто бы обратилось къ посредничеству не Австріи, а Пруссіи, и уже послѣ того какъ папское посланіе къ польскимъ епископамъ было подписано, баронъ Мейендорфъ, въ обществѣ прусскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, представлялся папѣ, и получилъ отъ него обѣщаніе, что впредь папа будетъ избѣгать публичнаго и торжественнаго заявленія своихъ мнѣній о польскихъ дѣлахъ, такъ какъ, по замѣчанію барона Мейендорфа, подобныя заявленія могутъ только затруднить русскому правительству снисходительный образъ дѣйствій его въ отношеніи къ Польшѣ. Въ заключеніе, *Neue Freie Presse,* на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, утверждаетъ что русское правительство отнюдь не высказывалось въ смыслѣ неблагопріятномъ для папства въ Римѣ. Такимъ образомъ, по словамъ вѣнской газеты, между Россіей и Австріей нѣтъ болѣе никакой преграды къ сближенію, и конвенція 15-го сентября скорѣе должна ихъ соединить нежели разрознить.

Что̀ *Neue Freie Presse* выдаетъ за фактъ и за непреложное рѣшеніе Россіи, то *Крестовая Газета,* отъ 29-го октября, излагаетъ въ формѣ желанія и совѣта. Предоставить, говоритъ она, римскую курію на произволъ судьбы, безъ посторонней помощи и совѣта, значило бы предать ее совсѣмъ въ руки Франціи. Папа, лишенный свѣтской власти, сталъ бы дѣйствовать самымъ безцеремоннымъ образомъ по отношенію къ некатолическимъ державамъ, имѣющимъ однакоже католическихъ подданныхъ Уже и теперь Россія испытала что̀ значитъ зависимость папы отъ Франціи, такъ какъ несомнѣнно, что польское римско-католическое духовенство дѣйствовало въ послѣдній мятежъ подъ ея вліяніемъ и въ ея интересахъ *Крестовая Газета* намекаетъ, что категорическія заявленія Россіи, Пруссіи и Австріи обратили бы въ ничто конвенцію 15-го сентября.

Въ противоположность извѣстіямъ, которыя переданы были изъ Парижа въ *Allgemeine Zeitung,* — будто бы докладъ генерала Флери возбудилъ надежду на успѣхъ какого-нибудь ходатайства со стороны Франціи по польскому дѣлу, — парижскій корреспондентъ *Кельнской Газеты* сообщаетъ, отъ 26-го октября, за достовѣрный и несомнѣнный фактъ, что одному высоко-поставленному дипломату, проѣзжавшему черезъ Женеву, гдѣ въ то время находился князь Горчаковъ, было поручено съ русской стороны расположить императора Наполеона къ тому, чтобы при свиданіи въ Ниццѣ о Польшѣ не было вовсе и помину, „такъ какъ Русскій Государь не можетъ принять никакого разговора по этому предмету.“ (Этотъ дипломатъ, очевидно, не кто иной какъ маркизъ Пеполи, родственныя отношенія котораго къ императору Наполеону сдѣлали для него возможнымъ выполненіе такого деликатнаго порученія.) Императоръ Наполеонъ, продолжаетъ тотъ же корреспондентъ, не скрылъ ни на одну минуту, какъ непріятно было ему такое сообщеніе; но тѣмъ не менѣе свиданіе состоялось.

— —

№ 231.

Москва, 21-го октября.

А.

Европейская политика запутывается. По шлезвигъ-гольштейнскому вопросу Пруссія ожидала серіозныхъ затрудненій со стороны Австріи; предвидя ихъ, г. фонъ-Бисмаркъ, только что возвратившись изъ поѣздки во Францію, поспѣшилъ въ Вѣну. Въ Италіи палатамъ предложенъ проектъ закона о перенесеніи столицы во Флоренцію, свидѣтельствующій о намѣреніи италіянскаго правительства держаться конвенціи 15-го сентября, но въ то же время герцогъ Монтебелло успокоиваетъ папское правительство относительно видовъ во Франціи, а телеграфъ извѣщаетъ насъ сегодня, что всѣ папскія войска, за исключеніемъ жандармовъ, будутъ распущены. Эта рѣшимость папскаго правительства дѣлаетъ почти невозможнымъ исполненіе конвенціи 15-го сентября Ею опредѣлено, что французскія войска будутъ выступать изъ Рима по мѣрѣ того какъ папскія войска будутъ формироваться. А теперь оказывается, что папа не только не намѣренъ формировать новыя войска, но распускаетъ даже и старыя. Отказываясь отъ самосохраненія, римское правительство отдаетъ себя въ руки католическихъ державъ и всю заботу о себѣ возлагаетъ на нихъ. Но Франція не допуститъ, конечно, никакого иностраннаго гарнизона въ Римѣ, кромѣ своего, а потому рѣшимость папы распустить свое войско даетъ Франціи самый удобный предлогъ уклониться отъ исполненія конвенціи, которая, и сама по себѣ, не можетъ ей особенно нравиться. Можно стало-быть полагать, что французскія войска останутся въ Римѣ по меньшей мѣрѣ два года.

Вмѣстѣ съ тѣмъ улучшается положеніе Австріи. Не разрывая еще покамѣсть тягостнаго для нея союза съ Пруссіей, она ставитъ себя въ независимое отношеніе къ ней и въ тоже время, съ другой стороны, получаетъ надежды на фактическое упраздненіе конвенціи 15-го сентября, направленной противъ нея еще болѣе чѣмъ противъ свѣтской власти папы. Въ виду такого поворота дѣлъ можетъ казаться вѣроятнымъ, что теперь она охотнѣе чѣмъ прежде изъявитъ согласіе на конгрессъ, который въ концѣ прошлаго года встрѣтилъ главное препятствіе къ своему осуществленію не въ одной Англіи, но также и въ Австріи. Вѣроятность такого измѣненія во взглядѣ Австріи на вопросъ о конгрессѣ была, какъ надо думать, поводомъ къ ходящимъ теперь по Европѣ толкамъ о возможности конгресса,—толкамъ повидимому преувеличеннымъ. Рѣчь идетъ теперь о предстоящемъ будто бы тѣсномъ конгрессѣ,—тѣсномъ потому, что въ немъ не приняла бы участія Англія. Но о чемъ могли бы быть ведены съ пользой переговоры на этомъ тѣсномъ конгрессѣ? Всѣ согласны въ томъ, что о польскомъ вопросѣ не можетъ быть и помину въ общихъ совѣщаніяхъ европейской дипломатіи. Этотъ вопросъ есть наше домашнее дѣло, о которомъ, какъ уже и высказано нашимъ правительствомъ, Россія можетъ вступать въ соглашенія развѣ только съ Пруссіей и Австріей. Что касается до конвенціи 15-го сентября, то трактовать о ней тоже нѣтъ никакого повода: перенесеніе столицы Италіянскаго королевства изъ Турина во Флоренцію есть внутреннее распоряженіе не подлежащее международному контролю, хотя оно и вызвано дипломатическимъ актомъ; выходъ французскихъ войскъ изъ Рима сама конвенція ставитъ въ зависимость отъ постепеннаго формированія папской арміи, и если папа рѣшительно отказывается отъ всякой мысли о собственномъ войскѣ, то и выступленіе французскихъ войскъ по необходимости отсрочивается до того времени, когда, согласно съ конвенціей, Римъ долженъ быть совсѣмъ очищенъ, то-есть на два года, и только тогда можно будетъ вести о томъ серіозные переговоры. Наконецъ шлезвигъ-гольштейнскій вопросъ, дѣйствительно, требовалъ бы совокупнаго дѣйствія нейтральныхъ державъ, но вопервыхъ лондонскія конференціи уже показали, что соглашеніе состояться не могло. когда оно было бы особенно полезно, а вовторыхъ еслибъ оно и сдѣлалось теперь возможнѣе чѣмъ прежде, то все-таки въ немъ непремѣнно должна была бы участвовать и Англія, которая однакоже, какъ всѣ говорятъ, уклоняется отъ конгресса. Таковы всѣ главные европейскіе вопросы, могущіе подлежать разсмотрѣнію конгресса,—всѣ за исключеніемъ лишь вопроса восточнаго. Но неужели можно поднимать, его на тѣсномъ конгрессѣ, и неужели какой бы то ни было европейской державѣ, кромѣ развѣ Анг-

ліи, можетъ быть желательно, чтобъ онъ былъ возбужденъ въ настоящую минуту? Повторяемъ, сколько мы можемъ судить, слухи о конгрессѣ возникли и французскія надежды на его возможность оживились преимущественно вслѣдствіе измѣненій произведенныхъ въ международномъ положеніи Австріи, съ одной стороны шлезвигъ-гольштейнскимъ дѣломъ, съ другой стороны конвенціей 15-го сентября. Измѣненія эти такого рода, что Австрія дѣйствительно должна быть теперь болѣе расположена къ участію въ конгрессѣ чѣмъ годъ тому назадъ, хотя нѣтъ сомнѣнія, что и теперь она не пойдетъ на него охотно.

Полученная нами сейчасъ телеграмма сообщаетъ, что по увѣренію прусской полуофиціяльной *Провинціяльной Корреспонденціи* согласіе между Пруссіей и Австріей возстановилось, и что обѣ державы сдѣлаютъ въ скоромъ времени общее предложеніе германскому сейму о выводѣ союзныхъ войскъ изъ Герцогствъ. Это извѣстіе показываетъ, что г. фонъ-Бисмаркъ былъ столько же счастливъ и въ Вѣнѣ какъ въ Парижѣ. Съ каждымъ успѣхомъ г. фонъ-Бисмарка серіозность шлезвигъ-гольштейнскаго дѣла для интересовъ европейскаго равновѣсія несомнѣнно возрастаетъ. Тѣмъ не менѣе однакожь это дѣло нельзя еще считать созрѣвшимъ для европейскаго вмѣшательства. Если Европа не остановила военныхъ дѣйствій и допустила раздробленіе Даніи, то теперь она принуждена обождать, что̀ скажетъ германскій сеймъ въ дѣлѣ о Герцогствахъ. Лишь вслѣдъ за рѣшеніемъ сейма можетъ опять наступить минута, когда вмѣшательство Европы будетъ благовременно.

Итакъ въ настоящую минуту остается только одинъ дѣйствительный европейскій вопросъ,—вопросъ о свѣтской власти папы. Затронутый конвенціей 15-го сентября, онъ получаетъ новое значеніе вслѣдствіе рѣшимости папскаго правительства распустить свои войска. Это вопросъ несомнѣнно важный для всей Европы, особенно же для католическихъ державъ ея; несомнѣнно также и то, что онъ видимо созрѣваетъ. Съ нимъ связано много интересовъ, но онъ такъ поставленъ исторіей, что каждая изъ великихъ державъ имѣетъ къ нему свое особенное отношеніе, сложившееся вѣками. Мы, Русскіе, можемъ быть спокойными зрителями игры этихъ отношеній. Мы имѣемъ всѣ средства поставить себя относительно римскаго престола такъ, что намъ будетъ совершенно все равно, удержится ли или падетъ свѣтская власть папы. Мы не имѣемъ ни малѣйшаго интереса ни ограждать ее, ни подкапываться подъ нее. Мы должны дорожить только свободой своихъ дѣйствій. Каковы бы ни были дальнѣйшія судьбы папскаго престола, онѣ не могутъ помѣшать принятію необходимыхъ мѣръ для успокоенія Польскаго края. Эти необходимыя мѣры, насколько онѣ касаются римско-католическаго чернаго и бѣлаго духовенства въ Польскомъ краѣ, не могутъ быть ни въ какомъ случаѣ пріятны ни первосвященнику-государю, ни лишенному свѣтской власти римскому епископу, но это ни на волосъ не уменьшаетъ ихъ необходимости и нашей обязанности принять ихъ.

Б.

Выходка газеты *Opinion Nationale* противъ Россіи, упомянутая въ передовой статьѣ *Московскихъ Вѣдомостей* (№ 229), должна была подѣйствовать непріятно на всѣхъ порядочныхъ людей во Франціи, и ея правительство не могло не почувствовать себя нѣсколько компрометтированнымъ ею. Г. Геру не ограничился тѣмъ, что написалъ подобную статью: онъ простеръ свою наглость до того, что вырѣзавъ ее изъ газеты, разослалъ ее, съ надписью: *de la part du rédacteur en chef*, ко многимъ лицамъ изъ свиты Его Императорскаго Величества. Фактъ этотъ сообщаетъ специяльный корреспондентъ газеты *Nord* въ Ниццѣ, прибавляя, впрочемъ, что выходка эта вѣроятно сдѣлана не самимъ г-мъ Геру, а какимъ-нибудь негодяемъ, оказавшимъ издателю этой газеты медвѣжью услугу. Тотъ же корреспондентъ говоритъ, что статья *Opinion Nationale* произвела на французское общество въ Ниццѣ самое непріятное впечатлѣніе. „Г. Геру очень ошибся, продолжаетъ корреспондентъ, если полагаетъ что онъ въ настоящемъ случаѣ выразилъ общественное мнѣніе. Національное чувство Франціи, всегда столь деликатное, вѣжливое, рыцарское, глубоко возмущено такимъ наглымъ нарушеніемъ приличій.“ Заговорили было даже (извѣстіе это было пущено въ публику газетой *la France centrale*), что правительство пригласило редакцію *Opinion Nationale* воздержаться отъ своихъ выходокъ во время пребыванія Государя

Императора во Франціи; но *Opinion Nationale* объявила, что она подобнаго приглашенія ни отъ кого не получала.

Мудрено ли, впрочемъ, что французская газета, и притомъ такого свойства какъ *Opinion Nationale*, высказывается оскорбительнымъ для Россіи образомъ? Мудрено ли, что она гнѣвается на Россію за подавленіе польскаго мятежа, и укорительно выставляя ей въ образецъ Францію, забываетъ, какъ правительство этой великодушной Франціи, республиканской и императорской, прибѣгало, для подавленія мятежа, къ средствамъ, въ тысячу кратъ болѣе кровавымъ чѣмъ тѣ, совершенно необходимыя дѣйствія, которыя употреблялись въ Западномъ краѣ? Не естественно ли, съ точки зрѣнія той партіи и тѣхъ интересовъ, которымъ служитъ перо г. Геру, отзываться враждебно о Россіи? Можемъ ли мы оскорбляться шипѣніемъ этой безсильной злобы, обманутой въ своихъ ожиданіяхъ,—можемъ ли мы удивляться этому шипѣнью? Грубое извращеніе логики, искаженіе факта, тонъ открытой и нахальной непріязни,—все это, повторимъ, есть дѣло совершенно естественное съ точки зрѣнія тѣхъ интересовъ, которымъ служитъ *Opinion Nationale*, все это естественно встрѣтить въ статьѣ, за подписью г. Геру, явившейся по случаю свиданія Монарховъ Россіи и Франціи,—свиданія, которое своими результатами отнюдь не могло удовлетворить желаніямъ враждебной русскому дѣлу партіи.

Но что ни мало не удивительно со стороны людей, пишущихъ подъ сѣнью Палерояля и открыто признающихъ себя органомъ самыхъ враждебныхъ Россіи интересовъ, то не имѣло бы имени со стороны какого-либо публициста пишущаго изъ Петербурга, въ качествѣ русскаго корреспондента, въ иностранную газету. И однако же выходка г. Геру блѣднѣетъ передъ строчками, которыя мы почти въ одно время прочли въ *Indépendance belge* (въ № отъ 25-го октября), въ письмѣ ея петербургскаго корреспондента, помѣченномъ 17-мъ октября. Этотъ корреспондентъ причисляетъ себя къ Русскимъ; говоря о русскихъ дѣлахъ, онъ говоритъ „наши дѣла"; но нѣтъ сомнѣнія, что и самъ г. Геру, еслибъ онъ былъ присланъ корреспондентомъ въ Россію, не могъ бы писать въ болѣе дурномъ смыслѣ и тонѣ о русскихъ дѣлахъ чѣмъ этотъ русскій корреспондентъ, на котораго обратилъ недавно мѣткое вниманіе *Русскій Инвалидъ*, заодно съ авторомъ пресловутаго памфлета, г-мъ Шедо-Ферроти. Что въ нашей средѣ находятся такіе элементы,—это бы еще ничего, но видѣть что они дѣйствуютъ, что они находятъ себѣ опору, читать въ писаніяхъ этого корреспондента какъ онъ хвалится своими источниками и сношеніями, это гораздо серіознѣе выходокъ г. Геру и его сотрудниковъ.

Пусть сличатъ статейку г. Геру съ вышеупомянутою корреспонденціей въ бельгійской газетѣ, датированною изъ Петербурга. Она касается отчасти того же предмета,—свиданія въ Ниццѣ,—который занималъ и французскаго публициста, служащаго ревностнымъ защитникомъ польской партіи въ Парижѣ и получающаго свои внушенія изъ Палерояля. Сходство разительное,—съ тою только разницей, что всѣ выгоды сравненія остаются на сторонѣ г. Геру. Въ этой корреспонденціи говорится и о томъ, что Россія еще недостойна того, чтобъ ей могла подать руку Европа, олицетворенная *par l'élu du suffrage universel* (избранникомъ поголовной подачи голосовъ); въ ней говорится и о дикой политикѣ, которую съ прошлаго года приняла Россія относительно Польши и объ ультра-русской партіи, которая склоняетъ правительство къ этой политикѣ и находится теперь въ силѣ, и о томъ что эта партія исполнена самаго зловреднаго и реакціоннаго духа, и о томъ что она готовитъ инквизицію въ Россіи, отъ которой спасъ было ее г. Герценъ, и что эта инквизиція,—неслыханное въ наше время дѣло!—уже совсѣмъ на-мази, и непремѣнно водворится въ Россіи, если только дѣла будутъ идти все тѣмъ же ходомъ, какимъ идутъ теперь, и если ультра-русская партія удержится въ силѣ.

Лучшаго союзника г. Геру, конечно, не могъ бы пожелать себѣ! И случилось такъ, что статья въ *Opinion Nationale* и сказанія о русскихъ дѣлахъ изъ Россіи въ бельгійской газетѣ, столь близкія другъ другу по духу и содержанію, вышли въ свѣтъ въ одно и то же время, такъ что иностранная публика могла читать въ письмѣ бельгорусскаго корреспондента подтвержденія и доказательства мнѣній рояльскаго публициста.

Русскій корреспондентъ бельгійской газеты съ настойчивостью распространяется объ этой инквизиціи, которая имѣетъ свою

цѣлію истребить въ Россіи всѣ иновѣрческія религіи, убить въ странѣ всякую свободу мысли и погрузить ее во мракъ. Излагая это извѣстіе, онъ проситъ всю иностранную печать какъ можно болѣе огласить его: „Надобно, говоритъ онъ, чтобъ иностранная печать дала какъ можно большую гласность этой новости, которую, повторяю еще разъ, почерпнулъ я изъ достовѣрнаго источника“. И тутъ же, какъ бы забывшись, онъ говоритъ о безчестныхъ нападеніяхъ на Россію въ иностранной журналистикѣ. Становясь органомъ самаго враждебнаго русскому дѣлу направленія и обращаясь съ безчестною клеветой на Россію къ иностранной публикѣ, онъ въ то же время сѣтуетъ на иностранное вмѣшательство, находя, что черезъ него получила силу ультра-русская партія, что имъ было возбуждено національное чувство, которое эксплуатируютъ „одержимые бѣсомъ“ (sic) московскіе публицисты, и которое задержало осуществленіе самыхъ лучшихъ плановъ....

№ 232.

Москва, 23-го октября.

Свиданіе въ Ниццѣ состоялось, Г. фонъ-Бисмаркъ, послѣ продолжительной аудіенціи у императора Наполеона и многодневныхъ переговоровъ съ г. Друэнъ-де-Люисомъ, возвратился въ Берлинъ, и тамъ имѣлъ продолжительные переговоры съ рускимъ вице-канцлеромъ княземъ Горчаковымъ, переговоры, которымъ *Крестовая Газета*, можетъ-быть умышленно, даетъ торжественное имя конференціи. Тѣмъ временемъ въ Австріи совершился министерскій кризисъ, послѣ не совсѣмъ удавшихся попытокъ сближенія съ Франціей, и имя ея новаго министра иностранныхъ дѣлъ таково, что нѣтъ великой державы въ Европѣ, которой оно не сулило бы возможности сближенія съ Австріей. Послѣдствія всѣхъ этихъ событій, свиданій и переговоровъ еще не выяснились, и положеніе европейскихъ дѣлъ остается также двусмысленно и неопредѣленно, какъ и прежде. Такъ какъ оно опредѣлится только тогда, когда кончатся колебанія Австріи, то наибольшій интересъ въ настоящее время представляютъ извѣстія о послѣднихъ попыткахъ графа Рехберга и предначертаніяхъ его преемника графа Менсдорфа, на которыя мы и обратимъ теперь вниманіе нашихъ читателей.

Вѣнскій корреспондентъ *Allgemeine Zeitung* передаетъ вкратцѣ содержаніе депеши графа Рехберга, отъ 12-го октября, къ Тюльерійскому кабинету, ручаясь за достовѣрность, хотя и не за полноту сообщаемыхъ имъ свѣдѣній. Ссылаясь на заявленія герцога де-Грамона, французскаго посла въ Вѣнѣ, относительно соображеній, которыми руководилось французское правительство при заключеніи конвенціи 15-го сентября, графъ Рехбергъ объявлялъ, что хотя Вѣнскій кабинетъ очень сожалѣетъ о томъ, что не было приступлено къ совѣщаніямъ съ самою Римскою куріей еще до заключенія конвенціи, однакоже онъ съ съ истиннымъ удовольствіемъ принимаетъ увѣренія, что Франція имѣла въ виду только обезпеченіе и упроченіе папской власти. Въ томъ, что Франція утвердила конвенцію своею подписью, Австрія усматриваетъ гарантію для папской власти, такъ какъ обязательства, которыя принимаетъ на себя Италія, вовсе не представляютъ такой гарантіи, судя по тому какъ она до сихъ поръ нарушала самыя торжественныя свои обѣщанія. Когда бы и послѣдній французскій солдатъ покинулъ римскую почву, Франція все-таки будетъ имѣть полную возможность своимъ вліяніемъ ограждать папскія владѣнія. Впрочемъ какъ папѣ, такъ и всякой другой державѣ, не связанной конвенціею, графъ Рехбергъ выговариваетъ полную свободу рѣшенія, и какъ папа, въ случаѣ если ему будетъ грозить опасность, имѣетъ полное право обратиться къ покровительству католическихъ державъ, такъ ровно и католическія державы сохраняютъ за собою право оказать ему это покровительство въ границахъ политическаго благоразумія и сообразуясь съ требованіями обстоятельствъ. Въ подобномъ случаѣ, прибавляетъ графъ Рехбергъ, Европа, безъ сомнѣнія, можетъ надѣяться, что Франція и Австрія будутъ стоять подъ однимъ и тѣмъ же знаменемъ.

Въ той ли же самой депешѣ, или при послѣдующихъ объясненіяхъ между обоими кабинетами, графъ Рехбергъ высказался и насчетъ венеціянскаго вопроса, предложивъ Франціи, что Австрія формально откажется отъ постановленій Цюрихскаго трактата, но подъ условіемъ, чтобы Франція гарантировала ей италіянскія ея владѣнія. По поводу этого предложенія газе-

та *Temps*, отъ 28-го октября, въ дипломатической замѣткѣ говоритъ, что „Австрія требуетъ невозможнаго. Нельзя и помыслить о такомъ рѣшеніи италіянскаго вопроса, чтобы Франція гарантировала Австріи Венецію. Если таковы именно виды Австріи, то можно съ увѣренностью сказать, что имъ не суждено осуществиться". Та часть депеши, которая относится къ римскому вопросу, точно также не могла удовлетворить Францію, потому что Австрія формально выговариваетъ папѣ право просить помощи у католическихъ державъ, а себѣ оказать ее, выражая лишь надежду, что Франція въ этомъ случаѣ будетъ заодно съ нею. Въ Парижѣ, впрочемъ, было распространено мнѣніе, что графъ Рехбергъ, по отношеніямъ своимъ къ Римской куріи, никакъ не могъ бы отказать ей въ содѣйствіи, еслибъ она вознамѣрилась противиться конвенціи 15-го сентября, и что это обстоятельство, при невозможности поддерживать папу противъ Франціи, и было главною причиною его увольненія. Впрочемъ, выборъ его преемника или не произвелъ никакого впечатлѣнія въ Парижѣ, или же произвелъ дурное, особенно въ кругахъ примыкающихъ къ принцу Наполеону. Хотя *Mèmorial diplomatique*, органъ австрійскаго посольства въ Парижѣ, и указываетъ на то, что графъ Менсдорфъ-Пульи въ 1856 г. сопровождалъ эрцгерцога Максимиліана (нынѣшняго императора Мексики) въ Парижъ, и во время пребыванія его въ Сенъ-Клу вступилъ въ самыя искреннія отношенія къ Императору Наполеону; однакоже во Франціи опасаются, что онъ прежде всего будетъ въ пользу союза съ Россіей. *Opinion Nationale*, извѣстный органъ Палерояля, говоритъ даже, что назначеніе графа Менсдорфа-Пульи есть истинное бѣдствіе для Австріи, и что „Вѣна съ этой поры станетъ не болѣе какъ губернскимъ городомъ Императора Всероссійскаго".

Самая противоположность толковъ, которые возбудило назначеніе графа Менсдорфа министромъ иностранныхъ дѣлъ Австріи, служитъ лучшимъ указаніемъ на колеблющееся, нерѣшительное положеніе Австріи и всей вообще современной европейской политики. *Крестовая Газета*, отъ 1-го ноября, лучше всего опредѣляетъ характеръ министерскаго кризиса въ Австріи, говоря, что это ни есть только перемѣна лицъ, вызванная будто-бы нервнымъ раздраженіемъ графа Рехберга, но и не есть *еще* перемѣна системы: этимъ актомъ Австрія лишь обезпечиваетъ себѣ полную свободу движеній и дѣлаетъ весьма понятный запросъ какъ той, такъ и другой сторонѣ, какъ Франціи, такъ и Пруссіи,—запросъ о томъ, какую тяжесть намѣрены онѣ бросить на вѣсы Австріи, чтобы склонить ихъ окончательно въ ту или другую сторону.

Мнѣніе *Крестовой Газеты* почти вполнѣ подтверждается извѣстіями изъ Вѣны, отъ 28-го октября, сообщенными какъ въ *Кельнской Газетѣ*, такъ и въ *Allegemine Zeitung*. Политика Австріи, пишутъ въ послѣдней газетѣ, прежде всего будетъ клониться къ тому, чтобы, во первыхъ, установить болѣе дружественныя отношенія ко всѣмъ вообще европейскимъ державамъ, безъ всякаго, однакоже, ущерба для своей чести, а во-вторыхъ къ тому, чтобъ упрочить и укрѣпить свое положеніе въ Германіи и отнять у Франціи всякій поводъ къ подозрѣніямъ и недовѣрію. О поворотѣ изъ одной стороны въ другую также мало идетъ рѣчь, какъ и о заключеніи какихъ-либо опредѣленныхъ союзовъ. Австрія отказалась отъ реставраціонной политики въ Италіи, и будетъ строго держаться политики невмѣшательства во всѣхъ направленіяхъ. Какъ графъ Рехбергъ, такъ и графъ Менсдорфъ равно убѣждены, что время политики союзовъ миновало; только въ примѣненіи этого убѣжденія къ дѣлу можетъ между ними оказаться существенное различіе.

Развивая ту же мысль подробнѣе, корреспондентъ *Кельнской Газеты* сообщаетъ, что въ переговорахъ, которые предшествовали вступленію графа Менсдорфа въ должность, было установлено, что онъ будетъ всячески заботиться о сохраненіи и развитіи союза съ Пруссіей, но въ то же время и о примиреніи второстепенныхъ государствъ Германскаго Союза съ обѣими великими германскими державами, такъ чтобы Германія составила одну могущественную центральную силу въ Европѣ, способную внушить къ себѣ уваженіе всѣмъ другимъ европейскимъ государствамъ и содѣйствовать къ упроченію европейскаго мира. Всѣмъ реформамъ Германскаго Союза, направленнымъ къ этой цѣли, Австрія будетъ всячески содѣйствовать. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эта германская политика графа Менсдорфа не устраняетъ собою заботъ объ улучшеніи отношеній къ Франціи, такъ какъ оно было бы въ состояніи подавить въ за-

родынѣ всѣ замыслы ея какъ противъ Германіи, такъ и противъ самой Австріи. По отношенію къ Римскому вопросу онъ думаетъ твердо держаться основаній, изложенныхъ въ депешѣ графа Рехберга. Другой вопросъ, въ состояніи ли будетъ Австрія дѣйствительно оказать помощь папѣ, въ случаѣ если онъ ея потребуетъ, или нѣтъ: это будетъ зависѣть отъ оборота, какой вообще примутъ дѣла въ Европѣ. Полагаютъ, что графъ Менсдорфъ примется за осуществленіе этой программы съ твердостью и съ искусствомъ.

Что виды Австріи, пока самые примирительные, доказательствомъ тому служатъ, съ одной стороны, заявленіе вѣнской *Военной Газеты*, обращенное, очевидно, къ Франціи, что императоръ Францъ-Іосифъ приказалъ произвести дальнѣйшее сокращеніе арміи, такъ чтобы съ произведеннымъ уже прежде оно уменьшало составъ австрійскихъ войскъ на 100 тысячъ—предполагая, что ходъ событій будетъ мирный; а съ другой — переданное намъ по телеграфу извѣстіе *Провинціяльной Корреспонденціи*, что Вѣнскій кабинетъ поспѣшилъ извѣстить Пруссію о томъ, что онъ по прежнему будетъ заботиться о сохраненіи союза съ нею. Такимъ образомъ, и Франція, и Пруссія могутъ быть на первое время вполнѣ спокойны. Удастся ли графу Менсдорфу удержать Австрію въ этомъ равновѣсіи, это вопросъ, практическое разрѣшеніе котораго представитъ немаловажныя трудности. Положеніе министра иностранныхъ дѣлъ въ Австріи особенно затруднительно въ настоящее время, такъ какъ ему приходится сводить весьма запутанные счеты съ такими первостатейными политиками, какъ императоръ Наполеонъ, какъ лордъ Пальмерстонъ, какъ г. фонъ-Бисмаркъ, изъ которыхъ каждый тянетъ Австрію въ свою сторону. Графъ Менсдорфъ не замедлитъ обнаружить и свою программу, и свои политическія способности среди обстоятельствъ, характеръ которыхъ опредѣлится послѣдствіями недавнихъ свиданій и переговоровъ. Замѣтимъ пока, что напечатанная въ № 231 *Московскихъ Вѣдомостей* берлинская телеграмма оказывается не совсѣмъ точно намъ переданною. *Провинціяльная Корреспонденція* высказываетъ не фактъ, а только увѣренность свою, что Австрія и Пруссія должны одни занимать своими войсками уступленныя имъ Даніей герцогства. Пойдетъ ли на это графъ Менсдорфъ и какъ согласитъ онъ требованіе, чтобы Саксонія и Гановеръ вывели свои войска изъ Гольштейна, съ примирительнымъ характеромъ, который онъ желаетъ придать своей политикѣ относительно второстепенныхъ государствъ Германіи, это еще неизвѣстно.

Ясно только то, что уклоненіе отъ союзовъ—самая выгодная политика для Россіи—дѣлается теперь общимъ явленіемъ въ Европѣ. Недавно еще французскія газеты провозглашали, что Франція не нуждается въ союзахъ. Теперь ту же систему вынуждена усвоить себѣ и Австрія. Этотъ порядокъ не обезпечиваетъ, конечно, прочность международныхъ отношеній; онъ требуетъ отъ министровъ иностранныхъ дѣлъ чрезвычайной бдительности и ловкости. Но отступить отъ этого порядка теперь никому безъ ущерба для себя невозможно.

№ 233.

Москва, 24-го октября.

Дѣло о преобразованіи гимназій близится къ рѣшенію. Классическое начало, какъ извѣстно, признано краеугольнымъ камнемъ предполагаемаго устройства этихъ заведеній, въ настоящее время лишенныхъ всякой жизненной силы, основанныхъ на мнимомъ реальномъ началѣ, но въ сущности безконечно далекихъ отъ всего реальнаго и серіознаго. Остается послѣдній и труднѣйшій шагъ — окончательное обсужденіе проекта устава въ нашемъ высшемъ законодательномъ учрежденіи. Отъ этого шага будетъ зависѣть судьба русскаго образованія; имъ разрѣшится тревожный вопросъ, суждено ли на дѣлѣ осуществиться у насъ тому, что̀ кажется торжественно признаннымъ въ принципѣ. „Высоко и важно призваніе тѣхъ, въ чьихъ рукахъ находятся заботы о преобразованіи учебныхъ заведеній, говорилъ знаменитый англійскій писатель Юэллъ по поводу вопроса о преобразованіи англійскихъ университетовъ:—это великое, можно сказать, святое дѣло. Тѣ, отъ кого оно зависитъ, должны дѣйствовать какъ люди, которые строятъ для вѣчности.“ Что̀ значитъ признать въ принципѣ классическое образованіе? Это значитъ требовать такого устройства гимназій, при которомъ классическіе языки получили бы первенствующее мѣсто въ ряду преподаваемыхъ предметовъ, какое они имѣютъ по-

всюду, гдѣ ученье зиждется на классической основѣ, то-есть во всѣхъ странахъ образованнаго міра, и какое необходимо для того чтобъ они могли приносить истинную пользу. Если бы на долю древнихъ языковъ выпало недостаточное число уроковъ, такъ что основательное изученіе ихъ сдѣлалось бы невозможнымъ, то указанная и признанная цѣль не была бы достигнута, и вмѣсто серіозныхъ школъ мы вновь имѣли бы притоны поверхностнаго ученія, разслабляющіе юношество вмѣсто того чтобъ укрѣплять его свѣжія силы: признанное въ принципѣ оказалось бы отвергнутымъ на дѣлѣ.

Признать классическую систему значитъ положить ее въ основаніе того общаго образованія, которое необходимо для всякаго, кто желаетъ продолжать ученіе въ университетѣ, по какой бы то ни было спеціяльной отрасли. Классическія гимназіи и университетъ, это одна неразрывная, цѣльная система образованія. Университетъ безъ классическихъ гимназій далеко не уйдетъ. Безъ этой основы ученіе въ университетахъ не можетъ имѣть университетскаго характера; слабость нашего теперешняго университетскаго образованія всего болѣе происходитъ отъ того, что наши гимназіи до сихъ поръ еще не имѣли настоящей классической основы, не были тѣмъ, чѣмъ должны быть университетскія гимназіи. Вотъ почему такъ-называемыя реальныя училища нигдѣ не принадлежатъ къ университетской системѣ. Открыть у насъ доступъ въ университетъ чрезъ реальныя гимназіи значило бы въ корнѣ наложить руку на классическое образованіе, и признавъ его въ принципѣ, самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергнуть на дѣлѣ. Къ счастію, сколько намъ извѣстно, рѣчь идетъ только о превращеніи нѣкотораго числа изъ существующихъ нынѣ гимназій въ заведенія, приготовляющія къ высшимъ спеціяльнымъ школамъ и не дающія права вступленія въ университетъ. При такомъ ограниченіи существованіе реальныхъ гимназій не можетъ быть вредно университетамъ. Впрочемъ и тутъ нельзя не сдѣлать одного замѣчанія. Къ какимъ высшимъ спеціяльнымъ школамъ будутъ готовить эти особыя заведенія? Если дѣло идетъ объ инженерномъ или горномъ и подобныхъ училищахъ, то какое можетъ быть лучшее для нихъ приготовленіе, какъ не тѣ же общія классическія гимназіи, если въ нихъ математикѣ будетъ дано надлежащее мѣсто? Вѣдь служатъ же эти гимназіи, и въ Германіи и во Франціи, и въ Англіи, наилучшимъ приготовленіемъ къ высшему политехническому ученію. Не такъ давно мы приводили слова генерала Морена, одного изъ первыхъ двигателей техническаго образованія во Франціи. По мнѣнію этого знаменитаго ученаго, классическій курсъ лицея, то-есть классической гимназіи, есть лучшій путь для молодаго человѣка, стремящагося къ высшему техническому образованію въ спеціяльныхъ заведеніяхъ. Что касается до нуждъ низшаго техническаго образованія или до распространенія образованія въ среднихъ и ремесленныхъ классахъ общества, то для этого требуются вовсе не семиклассныя гимназіи съ неопредѣленнымъ курсомъ какого-то общаго реальнаго образованія, а простыя, но хорошія школы безъ большихъ затѣй и претензій. Для развитія образованія въ среднихъ и ремесленныхъ классахъ общества, желательно болѣе всего улучшеніе и умноженіе уѣздныхъ училищъ, устройство нѣсколькихъ прогимназій, наконецъ практическое техническое ученіе посредствомъ системы *волонтерства*, развитіе и поощреніе которой составляетъ теперь самую чувствительную изъ нашихъ потребностей. Различныя отрасли промышленности, наше сельское хозяйство, компаніи, дороги, почты, телеграфы нуждаются въ людяхъ съ порядочнымъ практическимъ образованіемъ, какихъ вовсе не доставляютъ наши реальныя гимназіи. Дадутъ ли ихъ и будущія реальныя гимназіи съ ихъ новоизобрѣтеннымъ *общимъ* реальнымъ образованіемъ.

Признать классическое образованіе, значитъ признать его въ его истинномъ смыслѣ, какъ образованіе общее и неодностороннее. Нельзя не сознаться, что въ нашихъ педагогическихъ кружкахъ ходятъ весьма неясныя понятія объ истинномъ значеніи классическаго образованія. Для однихъ, это образованіе филологическое, готовящее людей намѣревающихся спеціяльно посвятить себя языкознанію; другіе считаютъ классическое образованіе общимъ литературнымъ образованіемъ, въ которомъ математическія знанія могутъ занимать малое мѣсто. Противополагая классическому образованію реальное, подъ послѣднимъ обыкновенно разумѣютъ обученіе наукамъ естественнымъ. Но совершенно ошибочно думать, будто бы система классическаго образованія остается безплодною для той области знанія, благодаря которой силы

природы покорены волѣ человѣка. Основа и сила естествовѣдѣнія есть математика, а математика входитъ какъ одинъ изъ основныхъ предметовъ въ систему ученія классическихъ гимназій, достойныхъ этого почетнаго имени. Только тогда будемъ мы имѣть истинно классическое образованіе и серіозную школу, когда въ нашихъ заведеніяхъ, рядомъ съ серіознымъ изученіемъ древнихъ языковъ, будетъ идти серіозное изученіе математики. Математика есть великое орудіе изученія природы, истинный ключъ естествовѣдѣнія,—не того, конечно, естествовѣдѣнія,—во имя котораго ратуютъ на страницахъ нѣкоторыхъ петербургскихъ изданій наши распространители знаній въ массахъ, такъ неожиданно почувствовавшіе себя естествоиспытателями, — клянущіеся Боклемъ, наивно перефразирующіе Дарвина, воображающіе Люиса первымъ авторитетомъ по физіологіи, не считающіе для себя обязательнымъ знаніе ариѳметики, полагающіе милліардъ равнымъ милліону милліоновъ, не знающіе что̀ значитъ процентъ и на основаніи своего поразительнаго невѣдѣнія, съ одобренія редакціи, печатающіе, что въ Англіи теперь 80 милліоновъ жителей; утверждающіе, что Кеплеръ былъ великій практическій астрономъ, первый давшій точныя наблюденія движенія планетъ, простирающіе свое уваженіе къ астрономіи до наивной увѣренности, будто бы разстоянія неподвижныхъ звѣздъ извѣстны съ точностію одной версты; дошедшіе наконецъ, подобно Гоголевскому судьѣ своимъ умомъ до сотворенія міра. Отъ вторженія духа этого *вѣдѣнія* въ наши новыя гимназіи да охранитъ ихъ Богъ: это значило бы остаться на старомъ. Но математикѣ должно быть дано почетное мѣсто въ учебномъ планѣ гимназій, приготовляющихъ къ университету. За то было бы полезно сократить время, назначенное нынѣ на такіе предметы, которыхъ преподаваніе, какъ показалъ опытъ, не приноситъ въ гимназіяхъ существенной пользы, а напротивъ нерѣдко причиняетъ большой вредъ. Въ ряду этихъ предметовъ самое видное мѣсто занимаетъ такъ-называемая *русская словесность*, то-есть не русскій и не церковно-славянскій языки, которыми гимназисты должны серіозно заниматься и которымъ они и теперь учатся съ пользой, а тотъ сборъ жалкихъ отрывковъ изъ эстетики, исторіи литературы и журнальныхъ критическихъ статей, который составляетъ истинный крестъ для всякаго порядочнаго учителя, а молодыхъ людей только пріучаетъ къ фразерству и верхоглядству. Имѣя въ виду, что во многихъ гимназіяхъ учители исторіи пользуются предоставленными имъ часами для того чтобы *читать* свой предметъ по университетски, мы считаемъ себя въ правѣ утверждать, что и преподаваніе исторіи, по крайней мѣрѣ въ среднихъ гимназическихъ классахъ, можетъ быть сокращено съ большою пользой для учениковъ. Вотъ сподручныя средства для того чтобы доставить необходимый просторъ преподаванію древнихъ языковъ и математики, изъ которыхъ первые, по меньшей мѣрѣ, нуждаются въ 12 урокахъ, а вторая въ 4 урокахъ въ недѣлю, дабы преподаваніе ихъ могло идти удовлетворительно въ высшихъ классахъ гимназій.

№ 234.

Москва, 26-го октября.

А.

Какое вліяніе имѣютъ на наше народное хозяйство расходы русскихъ путешественниковъ проживающихъ заграницей? Этотъ вопросъ служитъ теперь предметомъ частыхъ толковъ и нерѣдко разрѣшается такъ что было бы не худо, еслибы правительство наложило на заграничные паспорты значительную пошлину. Нельзя не оплакивать того явленія, что тысячи и десятки тысячъ Русскихъ бѣгутъ за границу. Въ томъ числѣ есть безумцы, ищущіе случая бросать деньги; есть эгоисты, удаляющіеся отъ семейныхъ и общественныхъ обязанностей. Но многіе уходятъ просто отъ дороговизны и отъ безчисленныхъ неудобствъ, вещественныхъ и нравственныхъ, которыми обставлена наша жизнь. Не мало есть и такихъ случаевъ, когда абсентизмъ (absenteeism) бываетъ необходимостью и даже исполненіемъ долга: укажемъ на временное переселеніе за границу для воспитанія дѣтей при тамошнихъ болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, въ заведеніяхъ, изъ которыхъ иныя уже приспособлены для русскихъ воспитанниковъ. Пока наша училищная часть не улучшена, пока главныя независящія отъ частныхъ лицъ условія огражденной и цивилизованной жизни отсутствуютъ, пока наконецъ экономи-

ческое положеніе не установилось, справедливо ли сѣтовать не только на самое дѣло, въ высшей степени безотрадное, но и на людей испытывающихъ на себѣ его силу? Справедливо-ли требовать стѣсненія личной свободы простирающагося на всѣхъ, и правыхъ и виноватыхъ? Главнымъ побужденіемъ къ требованіямъ этого послѣдняго рода служитъ забота о вексельномъ курсѣ. Полагаютъ что поѣздки за границу въ значительной степени содѣйствуютъ упадку курса. Но это мнѣніе совершенно ошибочно. Курсъ падаетъ отъ другихъ причинъ. Затрудненіе выѣзда за границу ему не поможетъ.

Постараемся представить въ возможной ясности экономическую сторону вопроса о путешествіяхъ за границу. Какъ же отзываются на нашемъ народномъ хозяйствѣ громадныя деньги тратимыя русскими путешественниками за границей? Прежде всего спрашивается: что такое значитъ тратить деньги? Это значитъ брать деньги получаемыя за разные продукты хозяйства и обмѣнивать эти деньги на предметы потребленія, т.-е. въ сущности потреблять разные продукты. О насъ говорятъ, что мы тратимъ деньги, когда мы проживаемъ ихъ; если же мы расходуемъ деньги на поддержку или расширеніе производства, то говорится, что мы затрачиваемъ деньги, а не тратимъ. Въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о проживаемыхъ деньгахъ; слѣдовательно не затрачиваемыхъ, а тратимыхъ. Объ этихъ деньгахъ можно съ совершенною точностью сказать, что онѣ представляютъ собой потребляемые продукты. Какое же правило для потребленія предписывается интересами народнаго хозяйства? Всякій отвѣтитъ не задумавшись: чѣмъ меньше народъ потребляетъ изъ того что̀ производитъ, тѣмъ болѣе онъ сберегаетъ, и слѣдовательно тѣмъ болѣе онъ богатѣетъ, потому что тѣмъ болѣе возрастаетъ народный капиталъ, который есть не что иное какъ сумма народныхъ сбереженій, заключающаяся въ произведенныхъ, но не потребленныхъ цѣнностяхъ. Итакъ бережливость тутъ главное дѣло. Но что такое бережливость какъ не заботливость о будущемъ? Только тотъ народъ можетъ быть богатъ, въ которомъ поколѣнія живущія трудились и трудятся для поколѣній слѣдующихъ. Вотъ почему народное богатство всегда свидѣтельствуетъ о народной нравственности. Человѣкъ можетъ жить для своего потомства, и въ такомъ случаѣ онъ увеличиваетъ народное достояніе; или онъ можетъ жить безъ пользы, но и безъ ущерба для своего потомства, — въ такомъ случаѣ онъ хотя не увеличиваетъ, но и не уменьшаетъ народнаго достоянія; или наконецъ человѣкъ можетъ проживать доставшійся ему капиталъ, то-есть жить на счетъ своего потомства: въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ расточаетъ народное достояніе. Всѣ эти три вида расходованія денегъ равно возможны и для человѣка живущаго въ своей странѣ и для человѣка за границей. Какъ тутъ, такъ и тамъ можно расточать свое имущество, можно ограничиваться проживаніемъ своего дохода, наконецъ можно проживать только извѣстную часть дохода, а остающееся присовокуплять къ капиталу и тѣмъ увеличивать его. Гдѣ бы вы ни жили бережливо, дома или за границей, вездѣ вы увеличиваете свое достояніе, которое есть часть народнаго достоянія, а слѣдовательно увеличиваете и послѣднее. И наоборотъ, живя не по средствамъ, все равно дома ли или за границей, вы съѣдаете свой капиталъ, а такъ какъ вашъ капиталъ есть часть народнаго капитала, то вы этимъ самымъ истребляете, на сколько это въ вашихъ рукахъ, и капиталъ того народа, къ которому принадлежите. Тутъ все зависитъ не отъ того, гдѣ вы проживаете свои деньги, а отъ того, сколько и что̀ вы проживаете, доходъ ли или капиталъ. Вы вредите народному хозяйству когда живете въ долгъ, вы приносите ему пользу, если сберегаете изъ своихъ доходовъ. Когда какой-нибудь Англичанинъ ѣдетъ на материкъ Европы, чтобъ уклониться отъ расходовъ требуемыхъ въ Англіи его положеніемъ, и когда онъ благодаря тому поправляетъ свое состояніе, то выигрываетъ отъ этого не материкъ Европы, а Англія, которой народное богатство вслѣдствіе того возрастаетъ, между тѣмъ какъ народное богатство той страны, гдѣ жилъ этотъ Англичанинъ, не увеличивается ни на одну копѣйку. Нѣтъ народа, который путешествовалъ бы болѣе чѣмъ Англичане, а между тѣмъ мы видимъ, что Англія нисколько не бѣднѣетъ отъ того. Она бѣднѣла бы только въ томъ случаѣ, еслибъ англійскіе путешественники жили за границей не по своимъ средствамъ, или еслибъ они совсѣмъ переселялись за границу и переводили туда сбереженные въ Англіи капиталы.

Что же слѣдуетъ изъ этого? Можно ли видѣть ущербъ нашего народнаго хозяйства въ томъ одномъ, что столько-то Русскихъ живетъ за границей? Въ политическомъ отношеніи отсутствіе значительной доли образованныхъ людей, принадлежащихъ къ высшимъ классамъ, несомнѣнно вредно, но это вопросъ другой, и тутъ трудно сказать что̀ отъ чего зависитъ, слабость ли политической жизни отъ абсентіизма, или абсентіизмъ отъ того что дома нѣтъ интересовъ, оказывающихъ на человѣка притягательную силу. Во всякомъ случаѣ врачеваніе абсентіизма въ значительной степени условливается успѣхами политической жизни въ данной странѣ. Но съ чисто-экономической точки зрѣнія, дѣло получаетъ иной видъ: проживаніе за границей вредно, когда сопряжено съ расточительностью. Теперь спрашивается какихъ людей, бережливыхъ ли или расточительныхъ, можетъ удержать пошлина отъ поѣздокъ за границей? Не ясно ли, что чѣмъ кто болѣе проживаетъ, чѣмъ кто менѣе дорожитъ деньгами, тѣмъ кто менѣе посмотритъ на пошлину, взимаемую съ заграничныхъ паспортовъ? Люди расточительные стѣснены не будутъ; вся тягость этой мѣры падаетъ на людей бережливыхъ и разумно пользующихся пребываніемъ за границей.

Но, говорятъ, теперь рѣчь идетъ не о народномъ капиталѣ, не о народной бережливости или расточительности, а о международномъ балансѣ. Однако что такое этотъ балансъ, на который такъ часто ссылаются? Упадокъ вексельнаго курса былъ причиной тому, что слово *балансъ* пріобрѣло въ понятіяхъ нашей публики какую-то магическую силу. Русская экономическая литература не проходила черезъ тиски теоріи меркантелистовъ: что̀ въ исторіи политической экономіи есть теорія давно опровергнутая, то является у насъ съ колоритомъ новости и можетъ даже приниматься за несомнѣнную истину. Говорить теперь у насъ о балансѣ довольно трудно: иные читатели составили себѣ объ этомъ предметѣ такое твердое мнѣніе, что не считаютъ даже нужнымъ вникать въ сужденія не подходящія къ ихъ взглядамъ. Они затыкаютъ уши и закрываютъ глаза, въ полной увѣренности, что не увидятъ и не услышатъ ничего заслуживающаго ихъ вниманія. Но изъ такого отношенія къ дѣлу могутъ возникать только предразсудки и ослѣпленіе,—то-есть именно то, чѣмъ мы и страдаемъ по вопросу о балансѣ.

Пусть не предубѣжденный читатель самъ вникнетъ въ дѣло, не полагаясь на авторитеты: въ сущности это дѣло простое. Представьте себѣ, что изъ Россіи выѣхало сто тысячъ человѣкъ, издерживавшихъ въ Россіи сто милліоновъ рублей и что эти сто тысячъ человѣкъ проживаютъ тѣ же самые сто милліоновъ за границей. Что изъ этого выйдетъ? Прежде всего банкиры переведутъ сто милліоновъ за границу,—если всѣ эти сто тысячъ человѣкъ запасутся векселями. Если же они отчасти предпочтутъ взять съ собой звонкую монету, то эта звонкая монета будетъ вывезена ими самими безъ посредства банкировъ, а банкиры выдадутъ имъ векселя на остальную сумму. По этимъ векселямъ будутъ уплачены нашимъ путешественникамъ заграничныя деньги заграничными банкирами, а банкиры русскіе будутъ обязаны покрыть эти векселя какими бы то ни было цѣнностями, то-есть либо отпускными товарами, либо звонкою монетой, которая въ такомъ случаѣ будетъ отправлена за границу русскими банкирами. Такова наружная сторона дѣла, которая собственно и служитъ поводомъ къ ходячей теоріи о вредѣ, проистекающемъ для торговаго баланса отъ проживанія Русскихъ за границей, какъ бы они тамъ ни жили, бережливо ли или расточительно.

Но заглянемъ немного далѣе наружности дѣла; постараемся живо представить себѣ его сущность. Мы предположили, что сто тысячъ Русскихъ, проживавшихъ въ Россіи сто милліоновъ рублей, выѣхали за границу съ тѣмъ чтобы проживать тамъ ту же самую сумму денегъ. Мы нарочно взяли такой примѣръ, при которомъ не предполагается увеличенія ни расточительности ни бережливости, и слѣдовательно различіе состоитъ только въ томъ, *гдѣ* проживаются деньги, а не въ томъ *сколько* ихъ проживается. Теперь спрашивается, что дѣлали эти люди съ своими деньгами въ Россіи. Мы уже сказали, что они не держали ихъ въ своихъ сундукахъ, а проживали ихъ. Какъ же они ихъ проживали? Разумѣется покупая на нихъ разные предметы, отчасти отечественнаго, отчасти иностраннаго производства. Положимъ, что первыхъ они потребляли на 50 милліоновъ, вторыхъ тоже на 50 милліоновъ. Цифры тутъ ничего не значатъ; можно взять любыя; резуль-

татъ выйдетъ одинъ и тотъ же. Какое же измѣненіе произойдетъ въ народномъ хозяйствѣ? У насъ въ Россіи останется на 50 милліоновъ отечественныхъ продуктовъ не потребленныхъ и на 50 же милліоновъ Россія убавитъ привозъ иностранныхъ товаровъ. Послѣднее ясно само собой, но что будетъ дѣлать Россія съ оставшимися у нея отечественными продуктами па 50 милліоновъ рублей? Всего вѣроятнѣе, что она ихъ вывезетъ, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ значительную часть ихъ. Итакъ, что же получится въ результатѣ? Привозъ во всякомъ случаѣ уменьшиться; вывозъ по всему вѣроятію увеличится, но ни въ какомъ случаѣ не уменьшится. Гдѣ же тутъ не выгодное вліяніе на торговый балансъ.

На это, конечно, скажутъ: это такъ, но откуда же возьмутъ банкиры средства для покрытія выданныхъ ими векселей? Мы представили однакоже закулисную исторію дѣла; если она вѣрна, то и наружная исторія того же самаго дѣла должна ей соотвѣтствовать. Выше сказано, что привозъ въ данномъ случаѣ долженъ уменьшиться на 50 милліоновъ рублей; тѣ цѣнности, которыя шли прежде на покрытіе привоза, теперь уменьшившагося, пойдутъ на покрытіе 50 милліоновъ векселей; сдѣлка будетъ та же самая какъ прежде, съ тою только разницей что иностранные негоціанты вмѣсто того чтобы присылать къ намъ своихъ товаровъ на 50 милліоновъ рублей, заплатятъ 50 милліоновъ рублей деньгами русскимъ путешественникамъ. Итакъ, первые 50 милліоновъ покрыты; чѣмъ будутъ покрыты вторые? Мы сказали, что часть отечественныхъ продуктовъ, которые были бы потреблены выѣхавшими русскими гражданами, будетъ отпущена за границу, этимъ будетъ покрыта извѣстная доля вторыхъ 50 милліоновъ. Затрудненіе представится только относительно покрытія векселей, соотвѣтствующихъ той части продуктовъ остающихся за отъѣздомъ путешественниковъ, которая не будетъ вывезена за границу. Интересно уяснить себѣ изъ какихъ продуктовъ будетъ состоять эта часть, и по какимъ побужденіямъ можетъ Россія оставить за собой эти продукты. Это будутъ либо продукты намъ самимъ нужные, и въ такомъ случаѣ ущерба намъ не будетъ; но это могутъ быть также продукты, продающіеся у насъ дорого и по этой причинѣ не могущіе идти за границу. Только эти послѣдніе могутъ быть намъ въ тягость, но это будутъ исключительно продукты такого рода, которыхъ производство поддерживается у насъ искусственнымъ покровительствомъ. Тѣ ситцы и холстинки, которые потребили бы наши путешественники, еслибы не выѣзжали изъ Россіи дѣйствительно останутся у насъ на рукахъ и производство ихъ можетъ-быть сократится; противъ этого дѣйствительно нѣтъ никакого другаго средства, какъ держать потребителей на привязи около фабрикъ покровительствуемыхъ тарифомъ Товаровъ этого разбора нельзя будетъ выслать за границу, и соотвѣтствующую имъ долю векселей надобно будетъ покрыть чѣмъ-нибудь другимъ. Но и эту долю нѣтъ необходимости покрывать непремѣнно звонкою монетой; вмѣсто звонкой монеты можно выслать другія цѣнности, если только въ странѣ нѣтъ дороговизны. Лишь въ случаѣ дороговизны, то есть лишь въ случаѣ избытка денежныхъ знаковъ, можетъ оказаться болѣе выгоднымъ высылать звонкую монету чѣмъ товары. Но при избыткѣ денежныхъ знаковъ невозможно никакими силами ни удержать въ странѣ звонкую монету, ни спастись отъ упадка вексельнаго курса. Выводъ стало-быть получается слѣдующій: поѣздки за границу могутъ требовать доплатъ звонкою монетой только въ томъ случаѣ, если звонкая монета и безъ того имѣетъ наклонность выходить изъ страны.

Б.

Судя по извѣстіямъ, сообщаемымъ въ *Цейдлеровой Корреспонденціи*, соглашеніе съ Франціей будетъ не легкимъ дѣломъ для Австріи. Франція, какъ пишутъ въ этой газетѣ, сообщала конфиденціяльнымъ образомъ Вѣнскому кабинету основанія, на которыхъ возможно между ними соглашеніе въ итальянскомъ вопросѣ. Кромѣ признанія Итальянскаго королевства, для этого будто бы еще требуется даровать Венеціянской области полную самостоятельность, законодательную и административную, съ тѣмъ чтобы расположенныя въ ней войска были не иначе какъ изъ туземцевъ, и чтобы въ таможенномъ отношеніи Венеція составляла одно цѣлое съ Италіей *National-Zeitung* справедливо замѣчаетъ, что Франція такимъ образомъ желала бы поставить Венецію въ такое же невозможное отношеніе къ Австріи, въ какое Польша, въ силу Вѣнскихъ трактатовъ, поставлена къ

Россіи. На это Австрія никогда не согласится, по мнѣнію либеральной берлинской газеты, такъ какъ это значило бы рано или поздно, во всякомъ случаѣ утратить Венецію, и въ то же время внести принципъ разложенія въ государственный организмъ Австріи.

Вотъ какъ судитъ общественное мнѣніе въ Европѣ, когда рѣчь идетъ не о томъ, чтобъ уловить въ сѣти наше простодушіе! Царство Польское, какъ особое государство соединенное съ Россіей, есть „принципъ разложенія": стало-быть не мы одни такъ думаемъ; такъ думаютъ,—и не могутъ иначе думать въ Европѣ политическіе люди всѣхъ оттѣнковъ. Разница только въ томъ, что мы съ своей стороны, не имѣемъ ни малѣйшей причины радоваться этому обстоятельству, а другимъ желательно навязывать Россіи всѣми способами начала разложенія и гибели.

№ 235.

Москва, 27-го октября.

Въ настоящее время Государь Императоръ снова находится среди своего вѣрнаго и преданнаго ему народа. Съ чувствомъ общей всѣмъ Русскимъ гордости, вспоминая о непоколебимой твердости Его Величества во все продолженіе прошлогодней дипломатической борьбы съ Европой по вопросу, который имѣетъ такое великое значеніе для будущихъ судебъ Россіи, мы можемъ утвердительно сказать, что всѣ толки и предположенія, къ которымъ подали поводъ свиданія въ Киссингенѣ, въ Берлинѣ и особенно въ Ниццѣ, были лишены основанія. Личныя объясненія между государями, безъ сомнѣнія, устранили тѣнь взаимнаго раздраженія, которая могла остаться отъ прошлыхъ лѣтъ; но они не связали ни внѣшней, ни внутренней политики Россіи, и не сообщили ей направленія, которое было бы не согласно съ интересами и съ чувствами Русскаго народа. Вопреки всѣмъ политическимъ разчетамъ и соображеніямъ, русская политика нисколько не станетъ ни французскою, ни прусскою, ни австрійскою, а останется политикой вполнѣ русскою. Національная политика не значитъ, что Россія будетъ безучастною зрительницей событій, которыя совершаются или заготовляются въ Европѣ; но это значитъ, что при всякомъ новомъ оборотѣ въ ходѣ событій, она, не заручивъ себя ни интересамъ Франціи или Англіи, ни интересамъ Пруссіи или Австріи, можетъ принимать каждый разъ такое положеніе, какое требуется ея собственными интересами, и входить въ такія политическія сочетанія, которыя наиболѣе сообразны съ ея собственными цѣлями; это значитъ, что во всякомъ европейскомъ вопросѣ она можетъ имѣть свою собственную самостоятельную политику, какъ подобаетъ великой европейской державѣ, и не будетъ подчинять свой образъ дѣйствій въ одномъ вопросѣ отдаленнымъ видамъ относительно другаго вопроса,—видамъ, которымъ, какъ мы знаемъ по опыту, по большей части не суждено бываетъ осуществляться.

Въ настоящее время, на первомъ планѣ стоитъ римскій вопросъ и связанный съ нимъ, внѣшнимъ и внутреннимъ образомъ, вопросъ венеціянскій. Несмотря на увѣренія иностранныхъ газетъ, будто бы Россія особенно дорожитъ дружественными отношеніями къ папѣ и расположена поддерживать свѣтскую власть его, мы не усматриваемъ никакихъ причинъ, почему бы она могла дорожить болѣе чѣмъ сомнительною дружбой римскаго первосвященника, и еще менѣе—что могло бы побудить ее поддерживать его свѣтскую власть. *Крестовая Газета*, какъ мы имѣли уже случай говорить, старается увѣрить, что для умиротворенія нашего Польскаго края необходимо чтобы папа былъ вполнѣ независимъ отъ вліянія и власти Франціи, и по интересамъ свѣтскаго своего владѣнія былъ болѣе или менѣе склоненъ къ примирительному образу дѣйствій въ отношеніи къ некатолическимъ державамъ, имѣющимъ, въ числѣ своихъ подданныхъ, католиковъ. Но та же самая цѣль еще вѣрнѣе и еще лучше можетъ быть достигнута другими способами. На благосклонность и дружелюбіе папы Россіи нельзя разчитывать: несравненно было бы надежнѣе навсегда обезопасить себя отъ его вражды и отъ враждебныхъ замысловъ, орудіемъ которыхъ онъ можетъ стать и, дѣйствительно, не разъ уже становился. Это можетъ быть достигнуто, какъ намъ кажется, предоставленіемъ римско-католической церкви въ предѣлахъ Русской державы собственной судьбѣ ея, безъ всякаго посредничества между ею и папой, безъ всякой заботы о ея особыхъ интересахъ со стороны Русскаго государ-

ства, и лишь съ неослабнымъ наблюденіемъ за тѣмъ чтобы дѣйствія мѣстнаго римско-католическаго духовенства не клонились ко вреду для государства или для гражданскаго порядка, а въ этомъ отношеніи государство всегда имѣетъ достаточныя средства.

Что касается до венеціянскаго вопроса, то Россія непосредственно не заинтересована тѣмъ, потеряетъ ли Австрія или сохранитъ Венецію за собою; но она не могла бы допустить, чтобы вопросъ о Венеціи былъ непосредственно связанъ съ вопросомъ о вознагражденіи Австріи насчетъ турецкихъ владѣній, какъ того между прочимъ опасается *Daily News*, предполагая, что Россія въ этихъ именно видахъ можетъ войдти въ тройственный союзъ съ Австріей и съ Франціей. Подобныя опасенія, какъ намъ кажется, лишены основанія уже по тому одному, что, сколько намъ извѣстно о расположеніи умовъ въ славянскихъ областяхъ Европейской Турціи, присоединеніе этихъ областей къ Австріи встрѣтило бы въ нихъ энергическое сопротивленіе.

Есть еще въ Европѣ вопросъ, который въ настоящее время быстрыми шагами подвигается къ своему разрѣшенію и въ которомъ интересы Россіи сходятся съ интересами Австріи. Это—вопросъ шлезвигъ-гольштейнскій, который почти окончательно разрѣшенъ между Даніей и Германіей, но который теперь только еще будетъ рѣшаться между самими германскими государствами. Пруссія настаиваетъ на томъ, чтобы рѣшеніе это состоялось въ ея пользу; но ни Австрія, ни второстепенныя германскія государства не могутъ сочувствовать ея властолюбивымъ видамъ. Присоединеніе Шлезвига и Гольштейна къ Пруссіи, хотя бы только въ военномъ, морскомъ и дипломатическомъ отношеніяхъ, было бы первымъ шагомъ не только къ утвержденію рѣшительной гегемоніи Пруссіи надъ цѣлою Германіей, но и къ расширенію прусской гегемоніи даже на страны, по существующимъ трактатамъ, не входящія въ составъ Германскаго Союза. Подобные планы ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть согласны съ интересами Россіи, и въ этомъ отношеніи она смѣло можетъ подать руку Австріи.

Мы не говоримъ о скандинавскомъ вопросѣ, потому, что въ настоящее время онъ стоитъ еще на весьма далекомъ планѣ. Но еслибъ онъ былъ выдвинутъ впередъ, то общіе въ этомъ отношеніи интересы Россіи, Пруссіи, а отчасти и Англіи могли бы сблизить ихъ между собою.

Время постоянныхъ, глухихъ союзовъ, на всѣ возможные случаи, невозвратно миновало для Европы, и если всѣ другія европейскія державы предоставляютъ себѣ сближаться между собою по требованіямъ своихъ выгодъ, то для Россіи подобная политика еще болѣе удобна чѣмъ для всякой другой державы.

Наибольшаго вниманія съ ея стороны требуютъ теперь не внѣшніе, а внутренніе ея вопросы. Вопросы иностранной политики никогда не должны преобладать надъ вопросами внутренней политики и затмѣвать ихъ собою, какъ это не рѣдко случалось въ Австріи къ большому для нея ущербу. Въ то время, когда еще предстояло свиданіе въ Ниццѣ, французскія газеты, въ томъ числѣ даже *la France*, предвѣщали торжество въ Россіи какой-то *французской* партіи. Подобнымъ надеждамъ не суждено было осуществиться. Сами государи, при своихъ свиданіяхъ съ Русскимъ Царемъ, несомнѣнно должны были убѣдиться, что имѣютъ дѣло съ Государемъ великаго народа. Новѣйшіе отзывы иностранныхъ журналовъ служатъ самымъ лучшимъ доказательствомъ, что всѣ разчеты иностранныхъ публицистовъ на такое измѣненіе русской политики въ польскомъ вопросѣ, которое соотвѣтствовало бы ихъ недоброжелательнымъ къ Россіи видамъ, разлетѣлись въ прахъ. Пока эти разчеты еще поддерживались Богъ знаетъ на какихъ основаніяхъ, польское дѣло было какъ бы совсѣмъ позабыто въ Европѣ, и ни одинъ серіозный журналъ не рѣшался затрогивать его. Теперь, когда эти разчеты оказались неосновательными, серіозные журналы—*Revue des deux Mondes* и *Times*, одинъ въ статьѣ Шарля де-Мазада: „Le lendemain de la victoire en Pologne", другой въ передовой статьѣ отъ 3-го ноября—снова расточаютъ Россіи самыя гнѣвныя порицанія за ея политику въ польскомъ вопросѣ. Особенно замѣчателенъ поводъ къ ожесточенной филиппикѣ, появившейся на столбцахъ англійскаго журнала. Празднованіе годовщины спасенія графа Берга отъ опасности, грозившей его жизни, совершилось въ Варшавѣ 7-го (19-го) сентября, и вотъ по прошествіи болѣе чѣмъ полутора мѣсяца *Times* обращается къ этому скромному торжеству, чтобъ излить всю желчь свою на образъ

дѣйствій Россіи въ Польшѣ. Надобно сознаться, что не мало времени понадобилось англійскому публицисту для того чтобы въ немъ вновь созрѣло сочувствіе къ „самой героической въ Европѣ націи“ и отвращеніе отъ „русской наглости“. Еслибы можно было еще надѣяться, что Россія послѣдуетъ англо-французскимъ внушеніямъ въ польскомъ вопросѣ, то нѣтъ сомнѣнія, что газета *Times* совсѣмъ воздержалась бы отъ такихъ оскорбительныхъ выходокъ; но теперь, считая дѣло иностранныхъ публицистовъ въ польскомъ вопросѣ совершенно проиграннымъ, она не могла не высказать всей своей досады.

Г. де-Мазадъ еще находитъ возможнымъ указывать на то, будто бы политика русскаго правительства въ польскомъ вопросѣ противна многимъ, какъ онъ говоритъ, просвѣщеннымъ Русскимъ; но странно, что къ числу Русскихъ, которымъ политика русскаго правительства противна, относитъ онъ лица принадлежащія къ правительственнымъ сферамъ. По его мнѣнію, извѣстный памфлетъ Шедо-Ферроти вполнѣ отвѣчаетъ тому движенію, которое обнаруживается въ общественномъ мнѣніи самой Россіи и которому онъ противополагаетъ другое мнѣніе, „выдающее себя за національно-русское“ и будто бы насильно навязываемое русскому правительству. Это точь въ точь по книжкѣ вышеозначеннаго публициста. Впрочемъ, все предвѣщаетъ что вскорѣ иностранные опекуны наши будутъ принуждены свыкнуться съ тою мыслію, что политика Россіи можетъ быть впредь только русскою политикой, то-есть, политикой, согласною съ интересами и чувствами русскаго, а не французскаго, не англійскаго, не нѣмецкаго народа. Чѣмъ несомнѣннѣе будетъ это убѣжденіе, тѣмъ конечно болѣе возвысится Россія въ глазахъ всей Европы.

№ 236.

Москва, 28-го октября.

Конвенція 15-го сентября, послѣдовавшій за нею выходъ графа Рехберга въ отставку, созваніе имперскаго совѣта на новыхъ основаніяхъ послужили поводомъ для европейской журналистики ко всестороннему обсужденію положенія и политики Австрійской имперіи. Будущее ея направленіе начинаетъ теперь все болѣе разъясняться. „Новому министру Австріи, — пишутъ изъ Вѣны, отъ 30-го октября, въ *Allgemeine Zeitung*, — было бы не трудно удовлетворить всеобщимъ ожиданіямъ австрійскихъ подданныхъ: они были бы благодарны и за то, еслибъ онъ по возможности былъ воздерженъ въ вопросахъ внѣшней политики. Искреннія отношенія къ государствамъ южной Германіи, дружественныя отношенія ко всѣмъ державамъ, безъ исключенія, перенесеніе центра тяжести всей нашей политики изъ сферы внѣшнихъ политическихъ интересовъ въ область внутренняго переустройства имперіи и особенно въ область народнаго хозяйства,—вотъ желанія, которыми мы, Австрійцы, привѣтствуемъ новаго министра.“ Корреспондентъ справедливо замѣчаетъ, что въ послѣдній годъ Австрія снова попала въ ту колею, которою она шла до 1848 г., когда о ея государственныхъ людяхъ говорили, что они вращаются только въ вопросахъ иностранной политики, и когда ею опредѣлялось и направленіе политики внутренней. Послѣднее оказалось особенно неудобнымъ. Въ настоящее время внѣшняя политика представляетъ собою безпрерывные переходы и колебанія: соотвѣтствующія имъ колебанія въ политикѣ внутренней могутъ надѣлать бездну зла. Корреспондентъ полагаетъ, что Австрія должна искать разрѣшенія всѣхъ преслѣдующихъ ее трудностей путемъ возможно большаго развитія такъ-называемыхъ матеріяльныхъ интересовъ, которые, однако-же, по тѣсной связи своей съ благосостояніемъ семействъ, для девяноста девяти изо ста человѣкъ имѣютъ высокое нравственное значеніе. Нельзя не согласиться, что для Австріи политика, направленная на развитіе матеріяльныхъ интересовъ, имѣетъ особенную важность. Въ вѣроисповѣдномъ отношеніи населеніе Австріи страдаетъ сильною разрозненностью; о національномъ единствѣ, которое въ другихъ государствахъ служитъ самою надежною основой единства политическаго, въ Австріи не можетъ быть и рѣчи; остаются одни лишь матеріяльные интересы, общіе для всѣхъ народовъ и для всѣхъ вѣроисповѣданій, вошедшихъ въ составъ имперіи, которой единство, опредѣленное преимущественно теченіемъ Дуная, есть единство чисто-географическое и, слѣдовательно, матеріяльное. Никакими юридическими доводами нельзя привлечь Венгрію къ единой Австрійской имперіи; но

работы, предпринятыя съ цѣлью дополненія сѣти желѣзныхъ дорогъ, регулированія Дуная, разведенія лѣсовъ и орошенія полей въ степныхъ частяхъ Венгріи, облегченіе въ производствѣ табаку, и т. д., могутъ послужить могущественнымъ рычагомъ въ этомъ дѣлѣ. Распространеніе образованія и развитіе матеріяльнаго благосостоянія, — вотъ что̀ можетъ сдѣлаться самою надежною связью для всѣхъ областей Австріи, вотъ что̀ можетъ упрочить ея общій парламентъ, такъ-называемый полный имперскій совѣтъ, а въ этихъ видахъ ей прежде всего необходимо сохраненіе мира. *L'Autriche se recueille* („Австрія сосредоточивается въ самой себѣ"), вотъ девизъ, который, по словамъ корреспондента, долженъ усвоить себѣ новый министръ ея. Мы, съ русской точки зрѣнія, можемъ пожелать только успѣха такому направленію.

Но надобно сознаться, что ни для одной державы подобная политика воздержанія и сосредоточенія всѣхъ силъ государства внутри его не представляетъ такихъ трудностей какъ для Австріи, благодаря ея центральному положенію въ Европѣ и политической безсвязности ея владѣній. Волей-неволей ей придется теперь сводить весьма запутанные счеты съ Пруссіей, по шлезвигъ-гольштейнскому вопросу, и съ Франціей, по вопросамъ, возбужденнымъ конвенціей 15-го сентября. Австрія, очевидно, не желаетъ ни съ тою, ни съ другою стороной, ни разрыва, ни полнаго соглашенія, потому что послѣднее потребовало бы отъ нея значительныхъ уступокъ или по германскимъ, или по италіянскимъ дѣламъ, а она не желала бы рѣшиться ни на тѣ, ни на другія. Еще графъ Рехберхъ, по увѣренію *Neue Freie Presse*, старался отдѣлаться отъ всѣхъ обязательствъ по отношенію къ Пруссіи, и объявилъ, что они имѣютъ силу лишь на время войны съ Даніей, а что во Франкфуртѣ, на Германскомъ сеймѣ, Австрія предоставляетъ себѣ полную свободу дѣйствій. Это объясненіе, по словамъ вѣнской газеты, не понравилось въ Берлинѣ до такой степени, что г. фонъ-Бисмаркъ продлилъ свое пребываніе во Франціи, отправился въ Парижъ, и тамъ будто бы увѣрилъ императора Французовъ, что Австрія не можетъ опереться ни на Пруссію, ни на Россію, слѣдствіемъ чего было заявленное въ *la France* требованіе обширныхъ уступокъ со стороны Австріи по венеціянскому вопросу, если она желаетъ достигнуть соглашенія съ Франціей. Чрезъ два дня послѣ этого заявленія графъ Рехберхъ вышелъ въ отставку. Но, какъ видно изъ новѣйшихъ извѣстій, Австрія не потеряла надежды на возможность соглашенія съ Франціей, и дѣлаетъ новые шаги на этомъ пути, хотя несомнѣнно что эти шаги должны быть для Австріи крайне тягостны.

Съ другой стороны усилія Австріи направлены къ тому, чтобы не разрывая пока дружественныхъ отношеній съ Пруссіей, возстановить вполнѣ довѣріе, которымъ она прежде пользовалась у второстепенныхъ государствъ Германіи. Съ этою цѣлью, говоритъ вѣнская *Presse*, Австрія должна, вопервыхъ, дѣйствовать въ полномъ согласіи съ народнымъ нѣмецкимъ чувствомъ, какъ оно обнаруживается внѣ сферы прусскаго вліянія, и вовторыхъ, не выступать ни съ какими планами реформы Германскаго Союза, для осуществленія которыхъ необходимо согласіе Пруссіи. И Австрія, по примѣру Пруссіи, должна заботиться о сближеніи нѣмецкихъ государствъ между собой, о военныхъ конвенціяхъ между ними, но не съ тѣмъ, чтобы самой въ нихъ участвовать и самой что-либо изъ этого выгадывать, а съ тѣмъ, чтобы противодѣйствовать захватамъ Пруссіи. Второстепенныя государства Германіи только тогда будутъ въ состояніи избѣжать участи Неаполя, Тосканы, Папской области и т. д., когда, при содѣйствіи Австріи, сумѣютъ составить изъ себя одну или нѣсколько вполнѣ согласныхъ и тѣсно связанныхъ между собой группъ; въ противномъ случаѣ, они несомнѣнно и въ непродолжительномъ времени станутъ жертвой притязательной политики г. фонъ-Бисмарка.

Еще знаменательнѣе заявленія газеты *Botschafter*, считающейся органомъ г. фонъ-Шмерлинга. Австрія, говоритъ эта газета, готова позабыть насильственный характеръ прусской политики по германскимъ дѣламъ, и вновь испытать, способна ли Пруссія усвоить себѣ болѣе безкорыстный образъ дѣйствій. Она желаетъ сохранить искреннее согласіе съ Пруссіей, но съ тѣмъ, чтобъ это согласіе не влекло за собой насилій противъ Германскаго Союза и отдѣльныхъ членовъ его, не вынуждало Австрію отказываться отъ германской федеративной системы или снисходить къ прусскимъ захватамъ и превышеніямъ принадлежащихъ Пруссіи правъ. Если же „искреннее согласіе съ

Пруссіей" должно имѣть подобное значеніе, то „мы, — говоритъ органъ г. фонъ-Шмерлинга,—будемъ всегда его противниками, нисколько не опасаясь въ этомъ случаѣ разойдтись съ видами новаго министра иностранныхъ дѣлъ Австріи." Эти заявленія тѣмъ болѣе важны, что въ послѣднее время, вопреки ожиданіямъ берлинской *Цейдлеровой Корреспонденціи*, въ управленіи политическою журналистикой Австріи произошла важная перемѣна въ такомъ смыслѣ, который показываетъ полное согласіе между г. фонъ-Шмерлингомъ и графомъ Менсдорфомъ. Прежде, какъ государственное министерство, такъ и министерство иностранныхъ дѣлъ имѣли своихъ особыхъ руководителей политической печати, которые, правда, нерѣдко совѣщались между собою, но нерѣдко дѣлали журналистику и орудіемъ министерскихъ интригъ. Государственное министерство (то-есть г. фонъ-Шмерлингъ), говорятъ, сильно вредило популярности графа Рехберга, пользуясь для этой цѣли казенными субсидіями, находившимися въ его распоряженіи для раздачи журналистамъ. Теперь руководительство политическою печатью сосредоточено въ рукахъ одного лица, назначаемаго отъ государственнаго министра (г. Фидлера).

Впрочемъ, какъ пишутъ изъ Вѣны, отъ 30-го октября, въ *Кельнскую Газету*, самъ императоръ Францъ-Іосифъ усерднѣйше желаетъ сохраненія союза съ Пруссіей, и еще недавно высказался въ этомъ смыслѣ предсѣдательствуя въ совѣтѣ министровъ. Въ офиціяльныхъ сферахъ прямо утверждаютъ, что союзъ съ Пруссіей будетъ сохраненъ, но прибавляютъ къ этому: „на сколько то допускается постановленіями федеральнаго германскаго права", то-есть, другими словами, на сколько Пруссія готова будетъ подчиняться, по германскимъ вопросамъ, рѣшеніямъ большинства на Германскомъ сеймѣ. Можетъ-быть, Австрія повела бы и далѣе свою уступчивость въ отношеніи къ Пруссіи, но для этого было бы необходимо, чтобы Пруссія приняла на себя нѣкоторыя формальныя обязательства, напримѣръ, гарантировала Австріи всѣ ея владѣнія. На это прямо намекаетъ *Botschafter*, сѣтуя на то, что въ отношеніяхъ между Пруссіей и Австріей нѣтъ ничего прочнаго. Въ отвѣтъ на это *Цейдлерова Корреспонденція* говоритъ, что „желаніе Австріи поставить союзъ съ Пруссіей на болѣе твердыя и точнѣе опредѣленныя основанія не можетъ считаться неблагопріятнымъ для Пруссіи, и въ виду настоящаго положенія дѣлъ должно быть признано совершенно основательнымъ. Такъ какъ Пруссія ясно сознаетъ ту германскую цѣль, къ которой сама стремится, то она можетъ безо всякаго затрудненія дать этой цѣли новую гарантію путемъ дипломатической сдѣлки." Выражаетъ ли въ этомъ случаѣ *Цейдлерова Корреспонденція* желанія только феодальной партіи въ Пруссіи, которой она служитъ органомъ, или же виды самого правительства, къ которому находится въ близкихъ отношеніяхъ, это еще не можетъ быть пока опредѣлено. Австрія стоитъ между двухъ огней—Франціей и Пруссіей, и старается всячески избѣжать обжога какъ съ той, такъ и съ другой стороны, или по большей мѣрѣ, отдѣлаться наименьшимъ обжогомъ съ одной стороны.

Особенно итересно для насъ то, что англійскія газеты желали бы, съ своей стороны, уравнять для Австріи путь къ сближенію съ Франціей. *Daily News* прямо говоритъ, что для Англіи былъ бы желательнѣе дѣятельный союзъ Франціи съ Австріей (лишь бы въ этомъ союзѣ не участвовала Россія), чѣмъ съ Пруссіей. Парижскіе корреспонденты *Morning Post* и *Globe* (впрочемъ обѣ эти газеты находятся подъ французскимъ вліяніемъ) прямо указываютъ графу Менсдорфу на сближеніе съ Франціей и съ Италіей какъ на ближайшую его задачу, и считаютъ его вполнѣ способнымъ разрѣшить эту задачу. *Morning Post*, въ передовой статьѣ отъ 3-го ноября, считаетъ назначеніе графа Менсдорфа весьма удовлетворительнымъ событіемъ, потому что онъ сочувствуетъ англійскимъ и саксенъ-кобургскимъ воззрѣніямъ, и самое вступленіе его въ министерство, по мнѣнію *Morning-Post*, знаменуетъ собою похвальное намѣреніе Австріи не противодѣйствовать упроченію новаго Италіянскаго королевства. Можно надѣяться прибавляетъ *Morning Post*, что впредь внѣшняя политика Австріи будетъ болѣе согласоваться съ видами Франціи и Италіи. Сверхъ того, извѣщаютъ, что лордъ Кларендонъ возвратился въ Лондонъ вполнѣ довольный политическими результатами своей поѣздки. Но какъ бы ни было велико удовольствіе благороднаго лорда, невозможно повѣрить, чтобъ Австрія бросилась въ объятія Франціи съ большимъ удовольствіемъ: только уступая какому-нибудь сильному гнету съ разныхъ сторонъ,

Австрія можетъ рѣшиться на шагъ означающій для нея отреченіе отъ ея вѣковаго положенія въ Европѣ. Австрія, конечно, скорѣе пожертвуетъ свѣтскою властью папы чѣмъ Венеціей.

№ 237.

Москва, 29-го октября.

Съ самаго окончанія восточной войны, начался въ Россіи рядъ перемѣщеній значительныхъ массъ ея населенія изъ обязательныхъ формъ быта въ другія, болѣе допускающія свободное избраніе занятій. Значительное сокращеніе арміи, и сопряженное съ нимъ увольненіе въ отставку и безсрочный отпускъ, расформированіе ополченія, крестьянская реформа и упраздненіе сословія дворовыхъ людей, закрытіе казенныхъ фабрикъ, освобожденіе населенія горныхъ заводовъ, и другія мѣры запечатлѣнныя тѣмъ же духомъ, вотъ тотъ длинный и непрерывный рядъ законодательныхъ рѣшеній, которыя вызывали извѣстную часть народонаселенія къ избранію отчасти новаго состоянія, новаго рода жизни, отчасти новыхъ условій труда, и притомъ къ избранію болѣе или менѣе произвольному. Въ жизни народа совершилось колоссальное передвиженіе; этому передвиженію было открыто нѣсколько путей, дотолѣ не существовавшихъ, и по этимъ путямъ были приняты различныя мѣры для облегченія перехода къ добровольно избранному роду жизни или труда. Такимъ образомъ, начало свободы труда все болѣе и болѣе допускалось на русской почвѣ, и увеличивалось число людей избирающихъ себѣ занятія безъ принужденія.

Только одинъ путь оставался почти совершенно чуждымъ громадному, совершавшемуся въ Россіи экономическому преобразованію и мало привлекалъ къ себѣ охотниковъ, выставляя имъ на видъ тѣ суровыя стороны свои, подчиняться которымъ большинство рѣшается только по опредѣленію закона. Это былъ путь къ опредѣленію нижнихъ чиновъ въ военную службу.

Время послѣдовавшее за окончаніемъ войны, памятное русскому народу льготой отъ рекрутскихъ наборовъ, было повидимому особенно выгодно для увеличенія числа охотниковъ вступать въ военную службу, но условія вступленія были крайне не выгодныя, и потому охотниковъ оказывалось очень мало. На приглашеніе ополченцевъ въ ряды войскъ отозвалось, изъ 360.000 призванныхъ на службу, только 1.835; отставнымъ нижнимъ чинамъ не было даваемо дѣйствительныхъ преимуществъ при поступленіи на вторичную службу, и число ихъ, не превосходившее, съ 1850 до 1854 г., ста человѣкъ, возросшее во время войны до 6.800 (въ 1856 году), снова упало въ послѣдующіе годы. Наконецъ, въ 1859 году, былъ проектированъ рядъ преимуществъ за отказъ отъ отставки, а 28-го сентября настоящаго года сводъ правилъ сюда относящихся удостоился высочайшаго утвержденія. Назначены двойные, тройные и четверные оклады жалованья, смотря по числу трехлѣтій, выслуженныхъ сверхъ обязательнаго срока, съ обращеніемъ этихъ окладовъ въ пенсію; назначена прибавка полугодоваго оклада жалованья за отказъ отъ безсрочнаго отпуска. Въ этомъ состоитъ сущность правилъ, съ которыми мы намѣрены сегодня познакомить нашихъ читателей.

По предположеніямъ военнаго министерства относительно организаціи нашихъ войскъ, отпуски нижнихъ чиновъ являются однимъ изъ существенныхъ ея элементовъ. Изъ сообщеній военной журналистики слѣдуетъ, что на будущее время, какъ мирное, такъ и военное, цифра нашей арміи будетъ постоянная, опредѣляемая штатнымъ положеніемъ, что годовая убыль будетъ пополняться ежегодными наборами, и что все различіе военнаго положенія отъ мирнаго будетъ состоять въ томъ, что въ случаѣ войны совсѣмъ не будетъ отпусковъ, и отпускные будутъ призываемы на службу, а въ мирное время отпуски будутъ разрѣшаемы, и болѣе или менѣе значительная, смотря по обстоятельствамъ, часть арміи будетъ распускаема по домамъ съ обязательствомъ явиться на службу по первому призыву. Такимъ образомъ, военное вѣдомство будетъ постоянно располагать милліонною арміей, но въ мирное время только часть солдатъ будетъ на дѣйствительной службѣ, — другая же будетъ выслуживать свой срокъ, находясь въ отпускахъ кратко-временныхъ, временныхъ и безсрочныхъ.

Правомъ на безсрочный отпускъ, за нѣкоторыми исключеніями, пользуются всѣ

нижніе чины, не состоящіе въ разрядѣ оштрафованныхъ, по истеченіи извѣстнаго, опредѣленнаго закономъ, срока службы. Срокъ этотъ двоякій: для нижнихъ чиновъ, поступившихъ въ рекруты до 8-го сентября 1859 года, онъ—*пятнадцатилѣтній*, для поступившихъ послѣ 8-го сентября 1859 года — *двѣнадцатилѣтній*. Выслуживъ эти сроки нижніе чины увольняются въ безсрочный отпускъ ежегодно, впрочемъ не ранѣе 1-го августа, по окончаніи сборовъ войскъ, по особымъ высочайшимъ повелѣніямъ.

Во временный отпускъ увольняются тѣ изъ нижнихъ чиновъ, которые еще не выслужили узаконенныхъ лѣтъ для полученія безсрочнаго отпуска, но по усердію и безпорочной службѣ достойны увольненія временно на родину. Увольненіе въ отпуски временные производится на основаніи высочайшихъ повелѣній по разчетамъ инспекторскаго департамента, изъ чего видно, что увольненіемъ во временный отпускъ будетъ уменьшаема до извѣстнаго предѣла наличная численность арміи въ томъ случаѣ, если для этой цѣли будетъ недостаточно уволить выслужившихъ право на безсрочный отпускъ, и на оборотъ ряды войскъ будутъ пополняемы временно-отпускными въ тѣхъ случаяхъ, когда число выслужившихъ безсрочный отпускъ, превысивъ норму, могъ бы повлечь за собою уменьшеніе наличнаго состава ниже предположенной численности его.

Въ кратковременные отпуски, отъ одного года до шести мѣсяцевъ, нижніе чины увольняются, если заслуживаютъ того по поведенію. Временемъ увольненія въ кратковременные отпуски опредѣляется 1-е сентября.

Нижніе чины, увольняемые въ безсрочный и временный отпускъ, имѣютъ право избирать мѣста для своего жительства по собственному желанію въ предѣлахъ Имперіи, за исключеніемъ Закавказскаго края и земель казачьихъ войскъ; территорія послѣднихъ остается запрещенною даже для отставныхъ. При увольненіи въ отпускъ нижніе чины снабжаются одеждой и получаютъ кормовыя деньги; изъ нихъ составляются команды или они пересылаются этапнымъ порядкомъ. Затѣмъ войска исключаютъ ихъ изъ списковъ, и они переходятъ въ завѣдываніе земскихъ полицій и вновь учрежденныхъ губернскихъ воинскихъ начальниковъ, обязанныхъ вести отпускнымъ учетъ. Временно-отпускные, выслуживъ въ отпуску срокъ, перечисляются въ безсрочные, а безсрочные увольняются въ отставку. Это перечисленіе производится въ январѣ каждаго года.

Какова бы ни была относительная численность отпускныхъ нижнихъ чиновъ и наличнаго состава арміи, убыль въ войскахъ, какъ въ мирное, такъ и въ военное время, будетъ пополняться по ихъ штатному составу, и размѣръ рекрутскихъ наборовъ въ мирное время будетъ разчитанъ по убыли, происходящей въ неизмѣнной постоянной цифрѣ штатнаго состава арміи, разчитаннаго на военное время. Таковы предположенія военнаго совѣта. Вслѣдствіе того и устанавливаются постоянные наборы, которые принято называть правильными. Въ постоянствѣ штатной цифры арміи лежитъ ключъ къ объясненію сочетанія двухъ такихъ явленій, какъ усиленный наборъ рекрутъ и одновременное съ тѣмъ увольненіе въ разнаго рода отпуски изъ рядовъ арміи. Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* уже не разъ указывалось на то, что новая организація арміи потребуетъ рекрутскихъ наборовъ значительнаго размѣра. Умешьшать тягость этой самой тяжелой изъ повинностей военное вѣдомство можетъ лишь усиленіемъ вербовки охотниковъ, какъ въ средѣ молодежи, не служившей въ войскахъ, такъ и особенно между нижними чинами, окончившими обязательный срокъ дѣйствительной службы или выслужившими право на безсрочный отпускъ. Мѣры этого рода, постепенно развиваемыя, будутъ полезны не только потому что могутъ нѣсколько сократить размѣры постоянныхъ рекрутскихъ наборовъ, но еще и потому что будутъ удерживать подъ знаменами людей, отвыкшихъ отъ гражданскихъ промысловъ и составляющихъ обременительное для общества кочевое населеніе.

Въ видахъ привлеченія на службу нижнихъ чиновъ имѣющихъ право на увольненіе или уволенныхъ въ безсрочный отпускъ и отставку, сводъ новыхъ правилъ подтверждаетъ преимущества установленныя еще въ 1859 году. Вотъ перечень ихъ: за отказъ отъ безсрочнаго отпуска нижніе чины вознаграждаются: 1) шеврономъ изъ серебрянаго галуна и 2) прибавочнымъ жалованьемъ въ размѣрѣ полугодоваго оклада штатнаго жалованья, если полный штатный окладъ не превышаетъ 34 р. $28^1/_2$ коп., а въ противномъ случаѣ изъ

сего послѣдняго; жалованье это производится до того времени, когда они пріобрѣтутъ право на отставку. За отказъ отъ отставки и за поступленіе изъ отставки, по добровольному желанію, на вторичную службу, нижніе чины вознаграждаются: 1) серебряною медалью на Анненской лентѣ, съ надписью: „за усердіе"; 2) шеврономъ изъ золотаго галуна, и 3) прибавочнымъ жалованьемъ: въ первое трехлѣтіе—въ размѣрѣ одного оклада, во второе—въ размѣрѣ двухъ, въ третье — въ размѣрѣ трехъ, и въ четвертое трехлѣтіе въ размѣрѣ четырехъ окладовъ штатнаго жалованья, если оклады сіи не превышаютъ 34 руб. 28½ коп. сер., а въ противномъ случаѣ по сему послѣднему окладу.

Всѣмъ нижнимъ чинамъ, которые, по выслугѣ обязательныхъ сроковъ, откажутся отъ отставки или поступятъ изъ отставки на вторичную службу, назначаются при увольненіи отъ оной пенсіи въ слѣдующихъ размѣрахъ: прослужившимъ одно трехлѣтіе—въ размѣрѣ одного оклада, два трехлѣтія — въ размѣрѣ двухъ окладовъ, три трехлѣтія — въ размѣрѣ трехъ, и четыре трехлѣтія — въ размѣрѣ четырехъ окладовъ штатнаго жалованья, если оно не превышаетъ 17 руб. 14 коп., если же окладъ болѣе, то пенсія назначается въ размѣрѣ половиннаго оклада, но съ тѣмъ чтобы слѣдующая за одно трехлѣтіе пенсія была не менѣе 17 р. 14 к. и не болѣе 34 р. 28½ к. сер. въ годъ.

Всѣ означенныя преимущества назначаются: 1) для отказавшихся отъ безсрочнаго отпуска—со дня, въ который сдѣлана о томъ надпись на послужныхъ спискахъ; 2) отказавшимся отъ отставки — со дня пріобрѣтенія правъ на отставку; 3) поступившимъ изъ отставки—медаль и шевронъ при самомъ вступленіи на службу, а прибавочное жалованье въ послѣдствіи по особому удостоенію начальства; срокъ выслуги на пенсіи также будетъ считаться только со времени разрѣшенія производства этого прибавочнаго жалованья.

Желающіе поступить изъ отставки должны обращаться къ губернскимъ воинскимъ начальникамъ, причемъ могутъ, за немногими ограниченіями, поступить съ согласія начальниковъ въ тѣ части, въ которыя пожелаютъ. Отказавшіеся отъ отставки, или поступившіе на вторичное служеніе, не обязываются сроками, и могутъ выходить изъ службы во всякое время кромѣ военнаго.

Таковъ первый шагъ, сдѣланный нашимъ военнымъ законодательствомъ для усиленія въ русской арміи, по разряду нижнихъ чиновъ, элемента добровольнаго служенія. Говоримъ: *первый*, потому что его значеніе ограничится нынѣ небольшимъ кругомъ людей. Денежныя награды за отказъ отъ отпуска или отставки соразмѣряются, какъ читатели видѣли, съ штатнымъ окладомъ, а кто не знаетъ, какъ малы эти оклады? Унтеръ-офицеръ кавалеріи получаетъ 4 руб. 80 коп., унтеръ-офицеръ пѣхоты, старшій—4 р. 80 коп., младшій—4 р. 05 коп., рядовые старшаго оклада кавалерійскихъ полковъ 3 р. 45 к., ефрейторы пѣхотныхъ полковъ 2 р. 85 к. Послѣднимъ, за отказъ отъ безсрочнаго отпуска, приходится прибавки къ жалованью 1 р. 42½ коп. Опытъ послѣднихъ пяти лѣтъ показалъ, что охотниковъ на эту награду оказывается весьма мало, но и безъ этого опыта само по себѣ ясно, что иначе и быть не можетъ, особенно при недостаткѣ рукъ и легкости заработковъ въ Россіи.

№ 233.

Москва, 30-го октября.

По поводу вопроса о преобразованіи нашихъ гимназій въ смыслѣ классической системы, который такъ много обсуждался въ нашей газетѣ, мы получили не такъ давно письмо, въ которомъ просятъ насъ разъяснить по возможности, въ силу чего изученіе древнихъ языковъ можетъ имѣть столь важное приписываемое ему дѣйствіе на развитіе и образованіе ума. Эти лица, пожелавшія остаться неизвѣстными, пишутъ, что бо́льшая часть аргументовъ въ пользѣ классической системы основывается на примѣрѣ другихъ странъ и на авторитетѣ иностранныхъ ученыхъ и педагоговъ; а имъ хотѣлось бы получить болѣе внутреннее убѣжденіе въ пользѣ классической системы, имъ хотѣлось бы заглянуть въ тайну того процесса, какимъ она дѣйствуетъ въ воспитаніи умственныхъ силъ. Мы понимаемъ и цѣнимъ потребность такого убѣжденія, но здѣсь, какъ и во всякомъ дѣлѣ, пріобрѣсти вполнѣ отчетливое, сознательное, внутреннее убѣжденіе, можно не вслѣдствіе нѣсколькихъ строкъ прочтенныхъ въ журналѣ какъ бы ни были онѣ убѣдитель-

ны, и даже не вслѣдствіе прочтенія цѣлой книги по этому предмету, а изъ живаго опыта, или по крайней мѣрѣ изъ внимательнаго и серіознаго изученія всѣхъ условій педагогическаго дѣла. Въ числѣ людей совершенно убѣжденныхъ и готовыхъ поклясться въ томъ, что не солнце обращается вокругъ земли, а земля вокругъ солнца, многіе ли дѣйствительно имѣютъ такое совершенно отчетливое, опредѣленное и ясное понятіе объ этомъ предметѣ, какое желали бы получить наши неизвѣстные корреспонденты о педагогическомъ дѣйствіи классическихъ языковъ? Физическіе законы и всякаго рода аксіомы, на которыхъ мы смѣло основываемъ наши сужденія и умозаключенія, суть дѣйствительное умственное достояніе только тѣхъ, кто знаетъ путь, какимъ они найдены въ наукѣ, и можетъ шагъ за шагомъ прослѣдить этотъ путь. Точно то же слѣдуетъ разумѣть и относительно аксіомъ нравственнаго міра. Вопросы педагогическіе принадлежатъ къ области высшаго умозрѣнія и даются не легко. Никто не можетъ требовать ни отъ себя, ни отъ другихъ вполнѣ удовлетворительныхъ, совершенно опредѣленныхъ и ясныхъ, специяльныхъ понятій обо всѣхъ предметахъ входящихъ тѣмъ не менѣе въ кругозоръ всякаго образованнаго человѣка. Въ оцѣнкѣ многихъ вещей люди довольствуются общими соображеніями и руководствуются просвѣщеннымъ тактомъ, смѣтливостію и прозорливостію, уловляя различные признаки, хотя и не характеризующіе дѣло въ его внутренней сущности, но болѣе или менѣе наводящіе на его истинный слѣдъ.

Примѣръ цѣлыхъ странъ и авторитетъ умовъ просвятившихъ себя специяльному изученію дѣла и извѣдавшихъ всѣ глубины его, это немаловажно. Это не можетъ не послужить сильнымъ средствомъ убѣжденія для людей дѣйствительно желающихъ убѣдиться, дѣйствительно ищущихъ истины и дѣйствительно понимающихъ важность вопроса. Не формулы, не голословныя аргументаціи могутъ научать людей какъ въ частной жизни, такъ и во всякомъ общественномъ дѣлѣ, а живой примѣръ и могущественное краснорѣчіе фактовъ. Примѣръ другихъ странъ: но какихъ странъ? и въ чемъ примѣръ? Примѣръ въ дѣлѣ образованія и науки, подаваемый странами, гдѣ по преимуществу процвѣтаетъ наука во всѣхъ своихъ развѣтвленіяхъ, откуда она распространяетъ свой свѣтъ повсюду, и откуда мы сами заимствуемъ все что у насъ имѣется по этой части. Если мы завели у себя университеты и гимназіи, если мы изучаемъ и перелагаемъ на свой языкъ иностранныя руководства по всѣмъ наукамъ, если мы выписываемъ къ себѣ иностранныхъ педагоговъ, если мы отправляемъ нашихъ ученыхъ для усовершенствованія въ заграничные университеты, если мы съ справедливою скромностію сознаемъ себя по всѣмъ частямъ лишь робкими учениками и подражателями иностранцевъ, если мы съ несправедливымъ и безсмысленнымъ злорадствомъ объявляемъ себя вслѣдствіе того неспособными къ умственной самостоятельности и производительности, и попрекаемъ себя незначительностію оказанныхъ нами успѣховъ въ теченіи болѣе нежели полутораста лѣтъ со времени нашего возвращенія въ Европу; то слѣдуетъ подумать серіозно, въ чемъ существенно заключаются условія того образованія, которое мы именуемъ европейскимъ и къ которому находимся въ столь странныхъ и двусмысленныхъ отношеніяхъ. Возвращеніе въ Европу стоило намъ страшно дорого; оно было куплено цѣной величайшихъ усилій, какія когда-либо совершалъ историческій народъ въ борьбѣ съ внутренними затрудненіями и внѣшними препятствіями; оно было сопряжено съ величайшими пожертвованіями, какія когда-либо приносились народами по призыву историческихъ судебъ. Если же возвращеніе въ Европу стоило намъ такъ дорого и имѣетъ столь важное значеніе въ нашей исторіи, то не затѣмъ же оно совершилось, чтобы мы вѣчно оставались учениками чуждой намъ науки и подражателями чуждой намъ цивилизаціи; если возвращеніе на европейскую почву стоило намъ такъ дорого, то весьма естественно желать, чтобы мы твердо стали на этой почвѣ, крѣпко овладѣли ею, жили, дѣйствовали и чувствовали себя на ней не переряженными варварами, не карикатурными подобіями Французовъ или Нѣмцевъ, а самими собою, и чтобы дѣло цивилизаціи, образованія, науки, не было у насъ дѣломъ заимствованнымъ, пришлымъ, чуждымъ, а нашимъ собственнымъ, чтобы европейское значеніе, котораго мы добивались, было для насъ не иноземною стихіей, а живою производительною силой нашего собственнаго народнаго существованія, чтобы мы чувствовали себя Европейцами не въ качествѣ фальшивыхъ и потому никуда негодныхъ Французовъ или

Нѣмцевъ, а въ качествѣ Русскихъ. Что такое эта европейская почва, на которой мы неизбѣжно хотѣли, неизбѣжно хотимъ, неизбѣжно должны стóить, объ этомъ стóитъ подумать. Но прежде чѣмъ пускаться въ глубь, не худо повнимательнѣе осмотрѣть явленія, которыя представляются намъ на поверхности.

Въ продолженіе полутораста лѣтъ насъ загоняютъ въ европейскія школы, насъ заставляютъ учиться у европейскихъ наставниковъ: весьма естественно спросить, каковы тѣ европейскія школы, въ которыхъ мы учимся и дѣйствительно ли мы учимся въ европейскихъ школахъ. Мы видимъ, мы откровенно сознаемся, что отъ нашего ученія въ такъ-называемыхъ европейскихъ школахъ выходитъ мало толку. Наше образованіе подвергается обидному сомнѣнію; мы положительно недовольны состояніемъ искусствъ и наукъ въ нашемъ любезномъ отечествѣ; мы съ прискорбіемъ чувствуемъ во всемъ нашу безпомощность, наше ученичество; мы съ горестію видимъ что и въ нашихъ собственныхъ дѣлахъ мы не обходимся безъ чужой помощи, безъ посторонняго руководства. Что же тому причиной? естественно спрашиваемъ мы самихъ себя. Неужели въ самомъ дѣлѣ мы какая-то обиженная порода людей, что несмотря на всѣ наши старанія и усилія овладѣть наукою и образованіемъ, мы должны оставаться только учениками, безъ всякихъ видовъ стать мастерами? Учатся не для того чтобъ оставаться на вѣкъ учениками, а для того чтобы сравняться съ учителями и, если можно, превзойдти ихъ. Только при такомъ взглядѣ на ученіе, можетъ имѣть оно смыслъ; только при такой увѣренности могли мы пойдти въ науку къ чужимъ людямъ; только въ такихъ видахъ могли мы такъ дорого заплатить за возможность и право учиться въ европейскихъ школахъ. Лишь злонамѣренность или круглая глупость могутъ утверждать, что вина неудовлетворительныхъ результатовъ нашего ученія заключается въ какихъ-либо недостаткахъ или недочетахъ русской природы. Самые недоброжелательные наблюдатели русскаго народа должны сознаться, что по своимъ природнымъ свойствамъ онъ ни въ чемъ не уступаетъ ни одной изъ самыхъ богатыхъ образованіемъ и наукой народностей европейскихъ. Нѣтъ, напротивъ, при всей скудности результатовъ нашего ученія въ европейскихъ школахъ, мы видимъ въ нашемъ народѣ самыя несомнѣнныя проявленія могущественныхъ природныхъ силъ, которыя обѣщаютъ блистательное развитіе всякаго умственнаго дѣла при благопріятныхъ условіяхъ. Во всякомъ случаѣ было бы нелѣпо думать, чтобы люди изъ нашей среды, воспитанные, образованные и развитые умственно при одинаковыхъ условіяхъ, въ одной и той же школѣ съ людьми какихъ бы то ни было другихъ народностей, могли отличаться отъ нихъ чѣмъ-либо существенно. А потому самъ собою возникаетъ вопросъ: нѣтъ ли какого существеннаго различія въ способѣ образованія, въ устройствѣ школы? Насъ загоняли въ европейскія школы,—но точно ли въ европейскія? Насъ отдавали въ науку иностранцамъ,—но точно ли иностранцы учили насъ такъ какъ учились сами, и какъ вообще люди, призываемые къ высшимъ умственнымъ сферамъ, учатся въ Европѣ? Пользуемся ли мы всею полнотой тѣхъ условій, благопріятствующихъ воспитанію умственныхъ способностей, безъ которыхъ невозможно живое, плодотворное, самостоятельное развитіе науки? У насъ есть гимназіи, у насъ есть университеты и академіи; но, въ сущности, не учатся ли наши дѣти въ тѣхъ самыхъ школахъ, которыя въ Европѣ не считаются годными для цѣлей высшаго образованія,—въ тѣхъ школахъ гдѣ сообщается полировка людямъ не предназначающимъ себя для высшихъ умственныхъ сферъ,—купеческимъ прикащикамъ и аптекарскимъ гезоллямъ? Считая себя на европейской почвѣ и въ обладаніи способами европейскаго образованія, не воспитываемъ ли мы своихъ дѣтей въ тѣхъ школахъ, которыя хотя и европейскою цивилизаціей устраиваются, но устраиваются ею для варваровъ, ищущихъ только наружнаго лоска цивилизаціи? Не окажется ли, что та мнимая европейская школа, гдѣ мы воспитываемъ цвѣтъ своего юношества, принадлежитъ въ сущности къ одной категоріи со школой турецкой или японской, гдѣ чуждымъ Европѣ дѣтямъ сообщаютъ нѣкоторые полезные результаты ея цивилизаціи, но не сообщаютъ той силы, которою эти результаты добыты? Въ самомъ дѣлѣ, и Турки, и Японцы тоже учатся въ европейской школѣ, пріобрѣтая свѣдѣнія по части разныхъ наукъ развивающихся въ Европѣ; извѣстно что Японцы уже давно и очень успѣшно обучались у Голландцевъ

и математикѣ и физикѣ, и астрономіи, но никому неизвѣстно, чтобъ эти и вообще какія бы то ни было знанія плодотворно процвѣтали въ Японіи, и чтобъ японскіе ученые, *хотя бы и образовавшіеся подъ* руководствомъ европейскихъ ученыхъ, могли что-нибудь значить въ сравненіи съ ними.

Итакъ, возникаетъ вопросъ, нѣтъ ли какихъ существенныхъ отличій въ устройствѣ нашей школы и устройствѣ той, гдѣ Европа воспитываетъ и приготовляетъ къ наукѣ и жизни свои лучшія умственныя силы? Сличая, мы находимъ дѣйствительно большую разницу между истинною европейскою школой и тою, въ которой воспитывается цвѣтъ нашего юношества. Мы находимъ, что именно въ тѣхъ странахъ Европы, которыя стоятъ во главѣ цивилизаціи и отличаются преимущественно передъ всѣми плодотворнымъ развитіемъ искусствъ и знаній есть одинъ надъ всѣми господствующій предметъ, котораго нѣтъ, или почти нѣтъ, въ нашей школѣ. Только въ глазахъ людей предзанятыхъ или не чувствующихъ живаго побужденія вникнуть въ дѣло, обстоятельство это не представится существенно важнымъ. Но всякій, кто ищетъ убѣжденія, кто ищетъ истины, невольно остановится передъ этимъ фактомъ и подумаетъ о немъ серіозно. Вотъ три страны, три народности, равно европейскія, равно славящіяся цивилизаціей, наукой, искусствами, плодотворною техническою дѣятельностью, развитіемъ торговли и промышленности, и въ то же время рѣзко и глубоко отличающіяся одна отъ другой своимъ геніемъ, своимъ характеромъ, бытомъ, религіей, учрежденіями, отличающіяся до мельчайшихъ подробностей во всѣхъ родахъ своей дѣятельности и своихъ произведеній, во многомъ крайне антипатическія одна другой, и несмотря на то полагающія въ основаніе своего высшаго умственнаго образованія, почти въ одинаковой степени и силѣ, одно и то же ученіе, котораго именно не достаетъ нашей школѣ. Неужели это обстоятельство не заслуживаетъ серіознаго вниманія? Неужели оно не дастъ основанія для заключеній? Неужели оно не наводитъ насъ ни на какія соображенія? Мы видимъ, что у этихъ народовъ дѣло высшаго образованія и науки спорится; мы видимъ, что оно у насъ не спорится; мы находимъ, что при всей противоположности въ характерѣ и развитіи этихъ народовъ, при всемъ различіи въ ихъ умственномъ складѣ, при всей характеристической особенности умственнаго творчества и способовъ разработки знанія у каждаго изъ нихъ, — наконецъ при всемъ разнообразіи ихъ педагогическихъ системъ, есть одинъ равно общій имъ признакъ, который бросается въ глаза, и который не можетъ быть простою случайностью. Съ другой стороны, мы находимъ, что наша школа, во всемъ повидимому сходствующая съ европейскою, лишена именно этого признака; мы видимъ, что въ нашей школѣ есть все, за исключеніемъ только того въ чемъ почти исключительно сходствуютъ, при всемъ ихъ разнообразіи, школы всѣхъ европейскихъ народовъ, въ чемъ стало-быть состоитъ главная характеристическая черта европейской школы.

Какая же это характеристическая черта европейской школы, не находимая нами у себя? Что это за элементъ, который почти въ равной силѣ господствуетъ вездѣ въ истинно-европейской школѣ, и который отметается нами какъ ненужный, безполезный и безсмысленный? Характеристическая черта истинно-европейской школы, есть то что на педагогическомъ языкѣ называется *концентрація*, сосредоточеніе, собираніе умственныхъ силъ; а тотъ элементъ, посредствомъ котораго совершается это дѣло концентраціи, — элементъ нами отвергаемый въ качествѣ безплоднаго и безсмысленнаго, суть древніе классическіе языки, греческій и латинскій. Истинно-европейская школа, какъ мы видимъ, и видимъ не въ теоріи, а на дѣлѣ, есть школа попреимуществу, греко-римская; вотъ единственное, характеристическое отличіе европейской школы отъ той, которая заведена у насъ подъ этимъ именемъ.

Оставимъ пока въ сторонѣ вопросъ о свойствахъ того предмета, посредствомъ котораго совершается въ школѣ самое существенное педагогическое дѣло, — дѣло сосредоточенія; посмотримъ прежде въ чемъ оно состоитъ, для чего оно нужно: уяснивъ себѣ этотъ вопросъ, мы лучше потомъ можемъ судить о томъ, какими способами и на какомъ предметѣ оно можетъ всего успѣшнѣе совершаться.

Школа имѣетъ цѣлію воспитаніе ума; она имѣетъ дѣло съ первыми начатками умственной организаціи, и ея призваніе состоитъ въ томъ чтобы воспитать и возра-

стить эти начатки. Она беретъ человѣческое существо тотчасъ по выходѣ его изъ младенчества и возводитъ его, шагъ за шагомъ, параллельно съ его физическимъ возростаніемъ, въ силу и зрѣлость готоваго къ самостоятельной жизни ума. Въ школѣ не науки разрабатываются, не изслѣдованія совершаются, не открытія творятся, также не лекціи читаются,—въ школѣ воспитываются дѣти, для того чтобъ они вмѣстѣ съ своимъ физическимъ возрастаніемъ созрѣвали и умственно, и могли стать способными какъ для науки, такъ и для всякой серіозной умственной дѣятельности. Но для такого воспитанія необходимо сосредоточеніе всѣхъ умственныхъ способностей и развитіе ихъ на одномъ трудѣ, который зрѣлъ бы изъ года въ годъ въ продолженіи всего отрочества. Воспитывать не значитъ развлекать, раздроблять, разслаблять; воспитывать значитъ собирать, сосредоточивать, усиливать и вводить въ зрѣлость. Школа дѣйствуетъ противно цѣлямъ воспитанія, если она ставитъ себѣ задачей поровну раздѣлять предоставленное ей время между многими разнородными науками, съ тѣмъ чтобы сообщать младенческимъ, только что народившимся умамъ разныя свѣдѣнія, которые покажутся ей интересными и важными. Вмѣсто знаній, она внесетъ въ эти юные умы, ввѣренные ея попеченію, лишь неудобосваримый хламъ словъ и формулъ; вмѣсто приготовленія ихъ къ серіозной дѣятельности, она сдѣлаетъ ихъ неспособными къ ней; она не разовьетъ, не возбудитъ умственныхъ силъ, но замутитъ, разстроитъ и разслабитъ тѣ начатки умственной организаціи, которые поступаютъ къ ней прямо изъ рукъ матери. Оттого-то и выходитъ, что если добрая школа приноситъ великую пользу, то школа дурная не только не приноситъ пользы, но и причиняетъ положительный вредъ. Оттого-то такъ часто бываетъ, что простой человѣкъ, не прошедшій чрезъ педагогическую школу, оказывается зрѣлѣе, здравомысленнѣе, тверже умомъ и во всѣхъ отношеніяхъ почтеннѣе воспитанниковъ школы не понимающей своего призванія и дѣйствующей вопреки ему.

Умственное воспитаніе требуетъ, чтобы надъ всѣми предметами, которые входятъ въ составъ школьнаго ученія, непремѣнно господствовалъ одинъ предметъ, или группа однородныхъ предметовъ, которой была бы посвящена бóльшая часть школьнаго времени и къ которой воспитанники возвращались бы ежедневно, въ продолженіи цѣлаго ряда лѣтъ, до конца своего воспитанія, т.-е. во весь періодъ своего отрочества. Если такого предмета или такой группы однородныхъ предметовъ не окажется въ школѣ,—если все школьное время будетъ раздроблено поровну, или почти поровну, между многими разнородными предметами, то воспитанія не будетъ, а будетъ порча. Что же мы видимъ въ дѣйствительной европейской школѣ? Мы видимъ, что тамъ надъ всѣми предметами ученія господствуетъ одинъ предметъ, которому посвящается гораздо болѣе учебнаго времени чѣмъ всѣмъ остальнымъ въ совокупности, и къ которому юные зрѣющіе умы возвращаются ежедневно, въ продолженіи цѣлыхъ восьми и девяти лѣтъ. Какой бы ни былъ этотъ предметъ, дѣло въ томъ что въ европейской школѣ есть одинъ господствующій предметъ, которому посвящается до шестнадцати часовъ изъ двадцати четырехъ и даже двадцати двухъ всего учебнаго времени въ недѣлю. Вотъ поразительный фактъ, которому мы не находимъ ни малѣйшаго соотвѣтствія въ нашей школѣ. Чего не преподается въ нашей школѣ? Загляните въ программу нашихъ гимназій, нашихъ кадетскихъ корпусовъ, нашихъ семинарій: чего въ нихъ нѣтъ, какихъ наукъ въ нихъ не преподается, и какая безобидная равномѣрность въ распредѣленіи занятій! Какой пантеонъ знаній! И естествовѣдѣніе и законовѣдѣніе, и географія, и исторія отъ сотворенія міра по сіе число, и русская словесность, въ которой отражается земля и небо, и упоминается обо всемъ, начиная отъ санскритскаго языка до послѣдней модной повѣсти, до послѣдней журнальной рецензіи включительно; есть и математика и физика съ космографіей, есть и латынь по три часа въ недѣлю; есть въ семинаріяхъ еще и химія, и медицина, и сельское хозяйство съ геодезіей; наконецъ, всего не перечтешь, что преподается въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ! И все это сообщается юнымъ умамъ въ продолженіе какихъ-либо семи лѣтъ, отъ девятилѣтняго до шестнадцатилѣтняго возраста! Сколько знанія должны были бы, кажется, разливать наши столь богатыя учебныя заведенія въ нашемъ обществѣ! Какое сравненіе, напримѣръ, съ тѣми скудными школами, гдѣ воспитывается цвѣтъ англійскаго народа, почти исключительно на латинской и гре-

ческой грамматикѣ и на разборѣ классическихъ писателей!

Нельзя ли объяснять плохіе результаты нашихъ школъ не столько ихъ устройствомъ, сколько тѣмъ что программа положенная въ основаніе этого устройства плохо исполняется, тѣмъ что у насъ нѣтъ хорошихъ учителей, которые понимали бы свое дѣло и вели бы его какъ слѣдуетъ? Положимъ, что такъ; но отчего же нѣтъ у насъ хорошихъ учителей, которые понимали бы свое дѣло и умѣли бы вести его какъ слѣдуетъ? Отчего же мы послѣ нашихъ полуторасталѣтнихъ занятій по части всѣхъ наукъ, составляющихъ европейскую мудрость, остаемся только въ ученикахъ и не можемъ образовать изъ среды своей хорошихъ учителей? Во всякомъ случаѣ, если мы не имѣемъ въ достаточной мѣрѣ хорошихъ учителей при томъ множествѣ разнообразныхъ наукъ, которыя преподаются въ нашихъ школахъ, зачѣмъ же мы вводимъ столько предметовъ въ наши школы, зачѣмъ не ограничимъ ихъ числа, зачѣмъ мы не послѣдуемъ правилу, понятному и безъ помощи науки для всякаго здраваго смысла, что лучше пріобрѣсти немногое нежели хвататься за многое и не схватить ничего?

Прямая и главная цѣль школы, повторимъ, есть воспитаніе ума, и сосредоточеніе занятій есть необходимое средство для этой цѣли. Школа отрочества должна хлопотать не о томъ чтобы сообщить своимъ воспитанникамъ побольше разнообразныхъ свѣдѣній, которыхъ сущность неизбѣжно ускользаетъ отъ юныхъ субъектовъ, оставляя имъ на долю только шелуху и хламъ; нѣтъ, ея забота пріучить юныя силы мало-по-малу, безъ напряженія и надрыва, къ серіозному и сосредоточенному труду, вызвать всѣ способности необходимыя для полной умственной организаціи, развить ихъ по возможности равномѣрно, укрѣпить и умножить ихъ, утвердить въ умѣ лучшіе навыки, которые должны стать для него второю природой, поселить въ немъ здоровые инстинкты, ознакомить его со всѣми процессами и пріемами человѣческой мысли не на словахъ, а на дѣлѣ, на собственномъ трудѣ, вкоренить въ молодомъ умѣ чувство истины, чувство положительнаго знанія, чувство яснаго понятія, такъ чтобъ онъ во всемъ могъ явственно и живо различать дознанное отъ недознаннаго, понятое отъ непонятаго, усвоенное отъ неусвоеннаго. Понимая такимъ образомъ свою задачу, школа сама становится дѣломъ жизни; она не толчетъ воду, но дѣлаетъ дѣло, и если дѣлаетъ хорошо, то получитъ хорошіе результаты, которыхъ она никогда не достигнетъ, если будетъ заниматься *полиисторствомъ*. Умъ воспитанный и окрѣпшій, самъ, безъ помощи учителей, легко пріобрѣтетъ всѣ разнообразныя свѣдѣнія, какія ему понадобятся. Поэтому-то въ европейской школѣ, поставляющей свою главную цѣль въ воспитаніи ума, сообщеніе разныхъ свѣдѣній, полиисторство, есть дѣло второстепенное, на которое отводится лишь столько времени, сколько остается его отъ главнаго дѣла.

Но почему европейская школа беретъ для цѣли умственнаго воспитанія именно древніе языки, и на нихъ сосредоточиваетъ учебныя занятія? Отчего непремѣнно древніе языки, отчего не другой какой предметъ, котораго польза была бы болѣе очевидна, который ближе былъ бы къ потребностямъ текущей жизни? Греческій и латинскій языки—для чего они нужны, какая надобность сосредоточивать воспитаніе на этомъ отжившемъ мірѣ, отъ котораго осталось только воспоминаніе, и который не находится ни въ какихъ практическихъ связяхъ съ живою современною дѣйствительностію? Не лучше ли было бы взять что-либо изъ современной дѣйствительности, и на такомъ предметѣ сосредоточить занятія школы для воспитанія юныхъ умственныхъ силъ?

Но прежде чѣмъ пускаться въ поиски за какимъ-либо другимъ предметомъ, не худо однакожь отдать себѣ отчетъ, почему въ тѣхъ самыхъ странахъ, которыя по преимуществу отличаются живымъ развитіемъ всѣхъ интересовъ современной дѣйствительности, почему въ тѣхъ странахъ гдѣ процвѣтаютъ всѣ отрасли человѣческаго вѣдѣнія, гдѣ одерживаются всѣ тѣ побѣды человѣческаго ума надъ природой, которыми гордится наша современная цивилизація, почему въ этихъ образованныхъ, и по преимуществу практическихъ странахъ, избранъ для умственнаго воспитанія именно тотъ самый предметъ, на который, по нашему мнѣнію, было бы неразчетливо и безполезно тратить золотое время школы? Чѣмъ безплоднѣе и безполезнѣе кажутся намъ занятія древними языками, тѣмъ поразительнѣе выдается тотъ фактъ, что въ европейскихъ школахъ на этотъ предметъ

тратятъ такую гибель времени въ ущербъ всѣмъ другимъ предметамъ ученія. Разсуждая такимъ образомъ, мы должны убѣдиться, что европейскія школы хуже всевозможныхъ школъ на свѣтѣ. Разсуждая такимъ образомъ, не придемъ ли мы весьма естественно къ необходимости воскликнуть: ахъ, въ какомъ жалкомъ положеніи находится дѣло науки въ Европѣ, гдѣ школа употребляетъ на безплодный предметъ восемь и девять лѣтъ невозвратимаго времени въ жизни своихъ дѣтей, приготовляемыхъ ею къ сферамъ высшей умственной дѣятельности! Но мы, безъ сомнѣнія, согласимся, что нѣтъ серіозныхъ основаній скорбѣть такимъ образомъ объ участи науки въ Европѣ, по крайней мѣрѣ сравнительно съ другими частями свѣта. Мы должны будемъ согласиться и въ томъ, что какимъ бы безплоднымъ предметомъ ни казались намъ древніе языки они тѣмъ не менѣе приносятъ великую неоспоримую пользу, служа въ европейскихъ школахъ для педагогической концентраціи умственнаго труда.

Теперь спрашивается, какому иному предмету могли бы мы дать предпочтеніе передъ древними языками для той цѣли, которой они служатъ въ европейскихъ школахъ? На какомъ другомъ предметѣ могли бы мы сосредоточить учебныя занятія въ той степени и силѣ, въ какой это оказывается необходимымъ въ интересѣ надлежащаго умственнаго воспитанія? Можемъ ли мы призвать для этой цѣли, напримѣръ, математику, которая прежде всего представляется нашему вниманію? Математика есть безспорно необходимый элементъ въ дѣлѣ умственнаго воспитанія; математикѣ безспорно должно принадлежать почетное мѣсто въ программѣ школы. Математика не есть сумма свѣдѣній; математика есть способность, органъ, сила; безъ надлежащаго развитія этой способности воспитаніе не достигнетъ своей цѣли, а потому не можетъ быть и вопроса о томъ, слѣдуетъ ли математикѣ предоставить столько учебнаго времени въ школѣ, сколько необходимо для правильнаго и полнаго развитія этой великой умственной силы Но возможно ли хотя на минуту поддерживать мысль, что математика можетъ исполнить то самое назначеніе, какое древніе языки исполняютъ въ европейской школѣ? Есть ли возможность сосредоточить умственный трудъ дѣтей въ продолженіе цѣлаго ряда лѣтъ, отъ девятилѣтняго до шестнадцатилѣтняго возраста, преимущественно на математикѣ, такъ чтобъ они каждый день возвращались къ ней и употребляли на нее отъ десяти до шестнадцати часовъ въ недѣлю? Было ли бы желательно это, еслибъ это и оказалось возможнымъ? Получили ли бы мы при такого рода концентраціи учебнаго времени тѣ результаты, которые должны составлять цѣль умственнаго воспитанія? Математика есть необходимый предметъ, но она не соотвѣтствуетъ всей умственной организаціи человѣка. Сосредоточивая преимущественно на ней учебныя занятія, мы оставимъ въ небреженіи самыя существенныя силы, нарушимъ психическое равновѣсіе и сообщимъ развитію молодыхъ умовъ ввѣренныхъ попеченіямъ школы одностороннее, уродливое, неестественное направленіе. Мы обезсилимъ и изнуримъ нашихъ воспитанниковъ, и въ концѣ концовъ, за немногими исключеніями, сдѣлаемъ ихъ неспособными къ самой математикѣ. Не естествовѣдѣніе ли взять для этой цѣли, ботанику, зоологію, физіологію, химію? Не превратить ли намъ наши гимназіи въ химическія лабораторіи и въ анатомическіе театры? Оставляя въ сторонѣ вопросъ, полезно или безполезно вводить до нѣкоторой степени въ программу школы назначенной для отроческаго возраста, преподаваніе естественныхъ наукъ, мы не можемъ въ здравомъ умѣ допустить мысль о томъ, чтобы концентрировать на этомъ предметѣ учебное устройство школы? Естественныя науки тѣсно связаны между собою; серіозное занятіе ими требуетъ болѣе или менѣе зрѣлаго ума. Для дѣтей отъ десяти до шестнадцатилѣтняго возраста свѣдѣнія изъ естественныхъ наукъ могутъ быть предметомъ лишь самаго поверхностнаго занятія; но могутъ ли занятія поверхностныя служить главною сосредоточивающею силой въ дѣлѣ воспитанія и соотвѣтствовать его цѣлямъ? Исторія почти вездѣ болѣе или менѣе вводится въ учебный планъ школы; но можно ли вообразить себѣ чтобъ этотъ предметъ когда-нибудь занялъ то мѣсто, какое въ европейскихъ школахъ предоставлено древнимъ языкамъ? Можно ли серіозно допустить мысль чтобы дѣти, въ продолженіи семи, восьми или девяти лѣтъ своего школьнаго времени, возвращались ежедневно къ этому предмету и сосредоточивали на немъ свои занятія? Что̀ стали бы они дѣлать съ исторіей, употребляя на нее не только шестнадцать или десять, но даже по три часа

въ недѣлю въ продолженіе восьми и девяти лѣтъ? Въ какіе источники будутъ погружаться эти двѣнадцатилѣтніе изслѣдователи жизни народовъ и каузальной связи событій, эти юные и уже столь глубокомысленные цѣнители политическихъ учрежденій: историческихъ движеній и двигателей? Но не дать ли и господствующую роль изученію новѣйшихъ языковъ, знаніе которыхъ можетъ оказать практическую пользу для жизни? Не пожелать ли намъ, чтобы въ продолженіе шестнадцати часовъ, воспитанники нашихъ школъ тараторили съ своимъ учителемъ по-французски, по-нѣмецки или по-англійски? Пусть кто хочетъ представитъ себѣ такую школу, и спроситъ себя, что̀ вынесутъ изъ нея ея воспитанники? При хорошемъ успѣхѣ они пріобрѣтутъ навыкъ объясняться на иностранныхъ языкахъ, и при наилучшемъ превратятся нравственно въ иностранцевъ. Наконецъ, не пожелать ли намъ, чтобы педагогическое сосредоточеніе умственнаго труда совершалось на изученіи роднаго языка? Родной языкъ, какъ пріятно звучитъ это! Но кто серіозно ищетъ истины, тотъ легко пойметъ, что отечественный языкъ отнюдь не можетъ служить тѣмъ педагогическимъ орудіемъ, какимъ служатъ древніе языки въ европейскихъ школахъ. Вездѣ есть отечественный языкъ, вездѣ учатъ дѣтей правильному употребленію ихъ отечественнаго языка, но нигдѣ не помышляютъ о томъ, чтобы посвящать ему для высшихъ педагогическихъ цѣлей то количество времени, которое считается для этихъ цѣлей необходимымъ. Нигдѣ не помышляютъ о томъ, чтобы сдѣлать отечественный языкъ предметомъ такого изученія и анализа, какіе возможны лишь по отношенію къ языкамъ мертвымъ. Нѣтъ ничего труднѣе какъ изучать и анализировать живой предметъ, и притомъ такой, который есть одно съ нами. Дѣти могутъ учиться своему природному языку только для того чтобы регулировать его практическое употребленіе; но никогда не удастся возвести его для ихъ разумѣнія въ предметъ плодотворнаго теоретическаго изученія. Можно ли вынуть изъ устъ дѣтей живое слово, непосредственно понятное имъ и неразрывно связанное съ ихъ жизнію, и представить имъ его какъ нѣчто для нихъ внѣшнее, чуждое, требующее постояннаго ежедневнаго ученія? Что̀ вынесутъ они изъ такого труда? Умѣнье правильно и хорошо писать на своемъ языкѣ? Но они могутъ достигнуть этого результата и безъ такого труда. Напротивъ, можно утвердительно сказать, что еслибъ они стали посвящать на изученіе своего языка излишнее количество времени и труда, то они всего менѣе достигли бы желаемаго результата. Своему языку учиться имъ нечего; они всосали его съ молокомъ матери, его грамоту они усвоили себѣ прежде чѣмъ поступили въ школу, которая должна воспитать ихъ умственныя силы. Правильному употребленію отечественной рѣчи они могутъ выучиться, полагая на этотъ предметъ въ продолженіе школьнаго времени весьма ограниченное число часовъ, въ которые учитель будетъ занимать ихъ практическими упражненіями и чтеніемъ образцовыхъ писателей. На какую же сторону повернетъ школа отечественный языкъ для того чтобы сосредоточить на немъ умственный трудъ своихъ воспитанниковъ? Будетъ ли она на формахъ отечественнаго языка раскрывать законы человѣческаго разума, насколько они отпечатлѣлись въ строеніи языка? Будетъ ли она водить дѣтскіе умы по лабиринту сравнительнаго языкознанія, которое, какъ наука, родилось на свѣтъ только вчерашняго числа, и какъ предметъ серіозныхъ занятій доступно только для спеціальныхъ ученыхъ? Будетъ ли она слѣдить съ своими воспитанниками за историческими измѣненіями ихъ отечественнаго языка, посвящать ихъ въ спеціяльности, которыя не представятъ для дѣтей ни интереса, ни смысла?

Не даромъ лишь европейская школа могла успѣшно примѣнить то великое педагогическое начало, которое требуетъ сосредоточенія учебныхъ занятій; не даромъ лишь въ европейской школѣ оказался удобный для этого предметъ. Европейская школа не есть школа нѣмецкая, или французская, или англійская; европейская школа есть школа греко-римская. Европейская почва не значитъ та или другая изъ нынѣшнихъ европейскихъ народностей, или всѣ въ совокупности; европейская почва, это – почва нейтральная, общая для всѣхъ народностей, это тотъ міръ, который называется классическою древностію, міръ который навѣки вѣковъ и всецѣло совершилъ циклъ своего развитія, міръ съ началомъ и концомъ. Только европейская цивилизація имѣетъ прошедшее; только она владѣетъ завѣщаннымъ ей капиталомъ, только она получила наслѣдство. Отказываясь отъ древ-

нихъ языковъ, наша школа не только отказалась бы отъ наилучшаго, вѣрнѣе сказать, отъ единственнаго средства для полнаго умственнаго воспитанія, но и отказалась бы за нашу народность отъ прямаго участія въ этомъ великомъ наслѣдствѣ. Устраняясь отъ прямаго участія въ завѣщанномъ классическою древностію капиталѣ, мы тѣмъ самымъ лишили бы себя той европейской почвы, на которой желаемъ основаться, и на которую имѣемъ не меньшее чѣмъ другіе право.

Не какая-либо случайность положила классическіе языки въ основаніе европейской школы. Напрасно иные хотятъ объяснить этотъ многознаменательный фактъ тѣмъ, будто народы центральной и западной Европы находятъ практическіе поводы къ изученію древнихъ языковъ. Напрасно указываютъ на употребленіе латинскаго языка въ римско-католической церкви; напрасно также указываютъ на римское право, вошедшее въ жизнь нѣкоторыхъ европейскихъ народовъ, въ Англіи римское право почти не дѣйствовало; ни въ Англіи, ни въ протестантской Германіи латинскій языкъ не имѣетъ богослужебнаго значенія. Наконецъ, ни одинъ изъ европейскихъ народовъ не имѣетъ историческихъ преданій, которыя сближали бы его съ Греціей, по крайней мѣрѣ ни одинъ болѣе нашего. Древніе классическіе языки положены въ основаніе европейской школы силою вещей и тѣмъ разумомъ, который господствуетъ въ исторіи. Только эти языки, въ ихъ неразрывномъ единствѣ, обладаютъ всѣми тѣми свойствами, которыя дозволяютъ сосредоточить на нихъ трудъ юныхъ зрѣющихъ умовъ, и щедро вознаграждаютъ ихъ за этотъ трудъ. Эти языки не только соединяютъ въ себѣ всѣ необходимыя условія для правильнаго и здороваго упражненія умственныхъ силъ, но и вносятъ въ нихъ съ тѣмъ вмѣстѣ богатое содержаніе. Усвоивая себѣ логику отпечатлѣвшуюся въ организаціи этихъ языковъ, юные умы шагъ за шагомъ овладѣваютъ сверхъ того цѣлымъ историческимъ міромъ, исполненнымъ неистощимыхъ богатствъ, тѣмъ міромъ, который лежитъ въ основѣ современной цивилизаціи. Изучая эти языки, и все то къ чему они даютъ ключъ, юная мысль зрѣетъ, знакомясь на практикѣ со всѣми пріемами серіозной умственной дѣятельности, со всѣми способами борьбы съ фактомъ, со всѣми методами изслѣдованія и познанія. Здѣсь невозможно поверхностное обращеніе съ дѣломъ, здѣсь невозможна никакая опредѣленность и неточность, никакое двусмысліе; здѣсь узнанное съ рѣзкою явственностію отличается отъ неузнаннаго, понятое отъ непонятаго, усвоенное отъ неусвоеннаго. Здѣсь юный умъ, трудомъ собственной жизни, знакомится со всѣми родовыми оттѣнками человѣческой мысли, со всѣми родами человѣческаго творчества въ ихъ первоначальныхъ, простыхъ и чистыхъ линіяхъ. Здѣсь вызываются и приводятся въ игру всѣ способности духовной организаціи человѣка, и всѣ равномѣрно воспитываются, усиливаются и развиваются. Наконецъ, благодаря этимъ занятіямъ, юные умы пріобрѣтаютъ то историческое чувство, тотъ смыслъ дѣйствительности, который составляетъ главное отличіе умственной благовоспитанности. Учебники исторіи никогда не сообщатъ имъ этого чувства исторіи; учебники исторіи дадутъ имъ только ряды словъ и чужихъ воззрѣній, которыя коснутся ихъ лишь поверхностно. Но усвояя шагъ за шагомъ букву и духъ древнихъ языковъ, учащіеся самолично входятъ въ міръ исторіи и овладѣваютъ первоначальными источниками историческаго вѣдѣнія. Они усвояютъ себѣ исторію на самомъ дѣлѣ, всѣми своими способностями и инстинктами. Они овладѣваютъ дѣйствительно бывшимъ, а не заучиваютъ чужія разсказы и разсужденія въ учебникѣ переложенномъ съ нѣмецкаго.

Но мы никогда бы не кончили, еслибы стали развивать эту тему. Въ заключеніе мы припомнимъ одинъ многознаменательный фактъ изъ исторіи нашего собственнаго народнаго образованія. Съ чего началась исторія нашей новой литературы, съ чего начался нашъ нынѣшній литературный языкъ? Кто далъ намъ грамматику нашего языка? Кто вышколилъ нашъ языкъ въ латинскомъ періодѣ? Кто далъ намъ русскую прозу и русскій стихъ? Кто первый внесъ въ нашу народность духъ науки, и коснулся рукою мастера почти всѣхъ специяльныхъ знаній своего времени, и физико-математическихъ, и естественныхъ, и филологическихъ? Архангельскій рыбакъ воспитавшійся въ греко-латинской школѣ. Вотъ съ чего началась исторія русскаго образованія на европейской почвѣ; вотъ откуда пошла наша литература, наша наука! Мальчикъ выхваченный судьбою изъ самой глубины русскаго народа и приведенный ею въ греко-

латинское училище, вотъ кто первый у насъ сталъ на почву европейской науки. Вотъ многознаменательный символъ и примѣръ взятый изъ нашей собственной исторіи. Ломоносова одушевляла мысль:

Что будетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать.

Увы, эта надежда, одушевлявшая Ломоносова, до сихъ поръ сбывается плохо! Не потому ли это, что мы погнавшись за европейскою цивилизаціей, потеряли ту почву, на которой только и возможно сравняться съ Европой и на которой стоялъ нашъ крестьянинъ изъ Архангельска?

№ 229.

Москва, 31-го октября.

Свиданіе въ Ниццѣ,—замѣчаетъ газета *Wanderer*,—не осталось безъ нѣкоторыхъ благотворныхъ послѣдствій для Поляковъ: по возвращеніи Наполеона III въ Парижъ, тотчасъ же послѣдовало распоряженіе о производствѣ нуждающимся польскимъ выходцамъ содержанія, по 25 франковъ ежемѣсячно. Конечно, продолжаетъ вѣнская газета, не такихъ послѣдствій ожидали Поляки и друзья ихъ отъ свиданія въ Ниццѣ; но какъ бы то ни было, эти 25 франковъ имѣютъ бóльшую цѣнность чѣмъ извѣстныя депеши съ тождественными предложеніями, отправлявшіяся въ прошломъ году въ Петербургъ. Дѣйствительно, судя по всѣмъ извѣстіямъ, никакихъ другихъ послѣдствій въ отношеніи къ польскому дѣлу свиданіе въ Ниццѣ не имѣло. Россія не стѣснила своей свободы дѣйствій никакими обѣщаніями, не заручила себя никакой чужой политикѣ. Внѣшнимъ своимъ положеніемъ, своими отношеніями къ иностраннымъ державамъ она можетъ быть вполнѣ довольна, и отъ нея самой зависитъ извлечь изъ настоящихъ обстоятельствъ наибольшую для себя пользу. Съ другой стороны, и въ польскомъ ея краѣ, и въ западныхъ губерніяхъ, повидимому, все смирно, и тихо, и спокойно: мятежническихъ шаекъ нигдѣ уже нѣтъ, за исключеніемъ развѣ шайки ксендза Бжозко, неизвѣстно какъ укрывающейся; слѣды революціонной организаціи также исчезли, или скрылись; открытаго сопротивленія никто болѣе не оказываетъ, и вездѣ господствуетъ законная власть. Повидимому, повсюду достигнуты самые удовлетворительные результаты.

Однакоже, кто рѣшится сказать, что дѣйствительно побѣждены всѣ тѣ опасности, которыя такъ рѣзко выступили наружу въ прошломъ году, что мы раздѣлались съ польскими притязаніями и разрѣшили такъназываемый польскій вопросъ, который справедливѣе было бы назвать русскимъ вопросомъ, потому что польскій вопросъ нашелъ себѣ единственно-возможное рѣшеніе въ концѣ прошедшаго столѣтія, въ царствованіе императрицы Екатерины II?

Кто вообразилъ бы себѣ, что польско-русскій вопросъ рѣшенъ, или, по крайней мѣрѣ, близокъ къ своему рѣшенію, тотъ жестоко ошибся бы. Кто бы сталъ утверждать, что польскіе націоналы сознаютъ себя окончательно побѣжденными, что они считаютъ борьбу свою противъ Россіи невозможною и несообразною съ здравымъ смысломъ, и отказались или готовы отказаться отъ надежды побѣдить ее, отобрать у нея ея значительнѣйшія области и отбросить ее въ Азію, тотъ погрѣшилъ бы противъ самыхъ очевидныхъ фактовъ. Передъ верховнымъ государственнымъ судомъ въ Берлинѣ, подсудимые познанскіе Поляки, правда, утверждаютъ, что борьба противъ Пруссіи и даже противъ Австріи кажется имъ нелѣпостью; но они прямо говорятъ, что съ Россіей надѣются совладать. Правда, польскіе патріоты раздѣляются на разныя партіи, и каждая изъ этихъ партій въ средѣ своей представляетъ еще нѣсколько оттѣнковъ; но всѣ эти партіи согласны между собою въ томъ, что борьба противъ Россіи должна быть неослабно продолжаема, въ той увѣренности, что рано ли, поздно ли, она увѣнчается полнымъ успѣхомъ. Разница заключается въ томъ, что такъ-называемая красная, или демократическая партія, примыкающая за границей къ Мѣрославскому, какъ видно изъ ея манифеста недавно напечатаннаго въ *Patrie*, и изъ ея продолжающихся попытокъ, настаиваетъ на томъ, чтобъ эта борьба была ведена открыто, съ оружіемъ въ рукахъ, посредствомъ вооруженныхъ шаекъ,—которыя отъ времени до времени вербовались бы въ самой Польшѣ, или вторгаясь въ нее изъ сосѣднихъ странъ, препятствовали бы установленію въ ней прочнаго порядка вещей,—и посредствомъ водворенія

системы устрашенія, которая освободила бы Польшу, независимо отъ Европы и вопреки ей; тогда какъ партія клерикальная и партія аристократическая переноситъ эту борьбу въ сферу духовную и нравственную. Читателямъ, безъ сомнѣнія, еще памятны недавнія заявленія въ этомъ смыслѣ князя Чарторыйскаго, князя Льва Сапѣги, *Ойчизны*, и т. д. Особенно знаменательны слова князя Сапѣги въ письмѣ его къ князю Чарторыйскому. Совершенно согласно съ показаніемъ доктора Нѣголевскаго, предъ берлинскимъ судомъ, князь Сапѣга, въ освобожденіи крестьянъ и въ признаніи равноправности всѣхъ классовъ и всѣхъ вѣроисповѣданій видитъ важнѣйшія и наиболѣе благопріятныя, съ польской точки зрѣнія, послѣдствія прошлогодняго возстанія. Такимъ образомъ, говоритъ онъ, Польша пріобрѣтаетъ болѣе широкія основы для своей дѣятельности и болѣе способовъ для сосредоточенія всѣхъ силъ своихъ въ борьбѣ противъ Россіи. Усилія Поляковъ, по словамъ его, должны быть направлены, съ одной стороны, къ тому чтобы связать всѣ классы польскаго населенія общими интересами, а съ другой — къ тому чтобы, минуя европейскія правительства, дѣйствовать на другія силы европейскаго общества, которыя увлекли бы правительства за собою въ борьбу за польское дѣло противъ Россіи. Усилія эти уже начались: мы видимъ, сверхъ того, обширныя приготовленія къ будущей дѣятельности въ Римѣ, гдѣ предполагается основать польскую римско-католическую семинарію, въ которой, подъ руководствомъ патера Семененка, молодые польскіе выходцы воспитывались бы въ духѣ фанатической ненависти къ Россіи и русскому православію, и въ Парижѣ, гдѣ съ тою же цѣлью основывается польская римско католическая ассоціація, имѣющая въ виду составить свой собственный капиталъ, учредить свои семинаріи и направить всѣ эти закаленныя въ ненависти къ Россіи силы противъ нашего отечества.

Одинъ изъ способовъ борьбы, къ которому, согласно съ програмой Льва Сапѣги, уже обратились польскіе патріоты и ревностные друзья ихъ, выдающіе себя, впрочемъ, за „благожелателей русскаго народа," заключается въ томъ, чтобы безпощадно клеветать на Россію, всячески чернить ее въ глазахъ Европы, возбуждать противъ нея общественное мнѣніе всѣхъ образованныхъ народовъ міра. Съ этою цѣлью шлются въ наиболѣе распространенныя газеты, какъ напримѣръ, въ *Indépendance belge*, датируемыя изъ С.-Петербурга корреспонденціи — авторомъ этихъ корреспонденцій *Allgemeine Zeitung* прямо называетъ знакомаго нашимъ читателямъ Шедо-Ферроти — корреспонденціи, въ которыхъ „благожелательный" авторъ рисуетъ картины будущей русской инквизиціи, объ учрежденіи которой будто бы хлопочетъ старая русская партія, или вдругъ, для развлеченія читателей среди этихъ ужасовъ, разказываетъ имъ до мельчайшихъ подробностей сцену ограбленія помѣщика въ Орлѣ орловскимъ полицеймейстеромъ, который, при этомъ былъ будто бы застрѣленъ, что̀ не помѣшало однако этому послѣднему протестовать противъ этой грубой лжи: Европа должна была узнать что̀ за порядки господствуютъ въ этой Россіи, отъ которой отбивается Польша. Въ послѣднее время подлоги, имѣющіе цѣлью сбить съ толку общественное мнѣніе, стали особенно часто появляться въ иностранныхъ газетахъ. Въ нѣмецкой *Познанской Газетѣ*, а вслѣдъ за нею и во многихъ другихъ нѣмецкихъ газетахъ, появилась на дняхъ, въ доказательство того какою свободой печати пользуется у насъ „старая русская партія," выписка, будто бы сдѣланная изъ газеты, преданной этой партіи, — выписка, гдѣ въ рѣзкихъ выраженіяхъ порицается то, что Россія въ настоящее время будто бы заискиваетъ въ тѣхъ правительствахъ, которыя она едва рѣшалась признавать при Николаѣ I. Мы желали бы, чтобы *Познанская Газета* указала тотъ русскій журналъ, гдѣ было напечатано хотя что-либо близко подходящее къ этому порицанію. Или въ *Public Opinion*, между выписками изъ текущихъ газетныхъ извѣстій и сужденій, приведено, безъ всякаго объясненія, мѣсто, заимствованное будто бы изъ *Московскихъ Вѣдомостей*, и рѣзко угрожающее Англіи въ ея остъ-индскихъ владѣніяхъ, на которыя наша газета будто бы совѣтуетъ Россіи сдѣлать — въ настоящую минуту! — нападеніе, чтобъ отмстить въ Калькуттѣ за двусмысленную политику англійскаго министерства по польскому дѣлу.

Но намъ скажутъ, что вся эта агитація производится за границей немногими интриганами, пользующимися денежною поддержкой со стороны тамошнихъ друзей польскаго дѣла, а что въ предѣлахъ Русской

державы Поляки вполнѣ присмирѣли, и если внутренно не примирились съ Россіей, то по крайней мѣрѣ самимъ опытомъ убѣдились въ невозможности борьбы за возстановленіе Польши въ ея прежнихъ предѣлахъ. Ничуть не бывало: что за границей дѣлается и подготовляется болѣе или менѣе явно, то въ Россіи совершается путемъ подземныхъ интригъ и негласныхъ агитацій. Прислушайтесь къ толкамъ польскихъ круговъ, въ Вильнѣ, въ Кіевѣ, въ Одессѣ, и вы убѣдитесь, что тамъ еще не отказались ни отъ одной изъ своихъ прежнихъ надеждъ. Напротивъ, именно теперь эти надежды еще оживляются.

Въ самомъ дѣлѣ не радостныя извѣстія приходятъ къ намъ изъ западнаго края. Въ юго-западной Руси сѣется духъ глубокаго взаимнаго недовѣрія между тамошними властями и крестьянскимъ населеніемъ, которое мѣстами, какъ насъ увѣряютъ очевидцы, начинаетъ оказывать явное сопротивленіе законнымъ требованіямъ, не хочетъ сдавать оружія выданнаго ему въ прошлогодній мятежъ, уходитъ въ лѣса, и даже помышляетъ о совершенномъ выселеніи изъ Россіи. Православное духовенство, которое служитъ самою надежною оградой для русской народности въ западномъ краѣ, нерѣдко встрѣчаетъ преграды тамъ, гдѣ было бы въ правѣ ожидать полнѣйшаго сочувствія и содѣйствія. Какъ не радоваться врагамъ Россіи такому обороту событій, который разъединяетъ и парализируетъ живыя русскія силы? Если ксендзы въ своей польско-католической пропагандѣ встрѣчаютъ препятствія со стороны русскихъ властей, то эти препятствія нисколько не приводятъ ихъ въ уныніе, а напротивъ, еще болѣе возбуждаютъ ихъ ревность; но еслибы, чего избави Боже! наши священники, въ своей дѣятельности на возвышеніе русской народности въ нѣкогда польскихъ областяхъ, стали подвергаться административнымъ стѣсненіямъ, подозрѣніямъ, придирчивому и ревнивому надзору, то весьма естественно, что они не были бы въ состояніи продолжать съ прежнимъ рвеніемъ свое общеполезное дѣло. Если мы не будемъ довѣрять живымъ общественнымъ и личнымъ силамъ, если мы не призовемъ ихъ на помощь въ дѣлѣ огражденія западнаго края Россіи отъ римско-католической пропаганды и отъ польскихъ козней, то можно смѣло сказать, что изъ той борьбы, которую польская организація ведетъ теперь и которую она заготовляетъ въ будущемъ еще въ бо́льшихъ размѣрахъ, мы выйдемъ нравственно побѣжденными, и это нравственное пораженіе не замедлитъ обнаружиться въ послѣдующихъ матеріяльныхъ невзгодахъ.

Время не терпитъ; враги приготовляютъ всѣ средства къ нравственной борьбѣ противъ Россіи, и будутъ дѣйствовать съ единодушіемъ, съ полнымъ довѣріемъ другъ къ другу; останется ли побѣда за нами, когда на нашей сторонѣ будетъ только внѣшняя сила и полнѣйшее недовѣріе ко всякому свободному движенію жизни, связанное съ недовѣріемъ и недоброжелательствомъ другъ къ другу? Еслибъ однѣми военно-полицейскими мѣрами, направленными на подавленіе польской національности, возможно было упрочить русское владычество въ Польшѣ и оградить навсегда отъ польскихъ притязаній западный край Россіи, то это дѣло давно уже было бы сдѣлано: за прежнее время не было недостатка въ энергическихъ мѣрахъ этого рода; обличившаяся на дѣлѣ несостоятельность ихъ служитъ наилучшимъ доказательствомъ, что впредь надежды, главнѣйшимъ образомъ, должны быть возложены на силы нравственныя, на тотъ духъ, въ которомъ будутъ дѣйствовать власти, чтобы поднимать эти силы и давать имъ просторъ въ русскомъ обществѣ.

Съ перваго взгляда, можетъ показаться безуміемъ, что Поляки, отказываясь, — по крайней мѣрѣ, на словахъ, — отъ всякой борьбы противъ Пруссіи и Австріи, похваляются однакоже тѣмъ, что будутъ въ состояніи совладать съ Россіей, повидимому несравненно болѣе могущественною. И однакожь, если вникнуть въ дѣло, не трудно открыть, на чемъ основаны подобныя надежды. Въ Пруссіи и въ Австріи нѣтъ польскаго вопроса, потому что самое существованіе его тамъ не признается. Мы получили сейчасъ изъ Петербурга телеграмму передающую содержаніе рѣчи, которую вчера произнесъ бывшій посолъ Ея Британскаго Величества при Императорскомъ Дворѣ, лордъ Непиръ, прощаясь съ англійскою колоніей въ Петербургѣ. Благородный лордъ приписываетъ сохраненіе европейскаго мира воздержности и твердости англійскихъ министровъ, которые въ своихъ рѣшеніяхъ, не поддались впечатлѣнію временнаго зла происходившаго предъ ихъ глазами. Не въ томъ ли состоитъ это зло,

что у насъ допускается существованіе польскаго вопроса? Мы не понимаемъ, какое временное зло въ прошломъ году могло бы своимъ видомъ подѣйствовать на рѣшенія министровъ британской короны, и въ чемъ эти рѣшенія способствовали сохраненію мира. Въ прошломъ году, мы знаемъ, противъ Россіи воздвигался Вѣнскій трактатъ,— этотъ трактатъ потерявшій силу почти во всѣхъ своихъ пунктахъ. Туманнымъ строкамъ его, касающимся Царства Польскаго, была вдругъ придана магическая сила грозившая нарушить миръ въ Европѣ. Россія поставлена была къ отвѣту за несоблюденіе этихъ строкъ Вѣнскаго трактата, несмотря на то что Россія, вновь завоевавъ этотъ край, возымѣла на него право не зависящее отъ условій Вѣнскаго трактата, что̀ и было ею тогда же объявлено. Дѣйствительно во все продолженіе прошлаго царствованія русское правительство дѣйствовало по отношенію къ польскому краю, не заботясь ни о разъясненіи, ни о приведеніи въ дѣйствіе условій Вѣнскаго трактата относительно Царства Польскаго. Ни объ автономіи, ни о національной администраціи не было и рѣчи; польскій вопросъ въ сущности не былъ рѣшенъ, но европейская дипломатія считала его рѣшеннымъ. Въ послѣдніе годы произошла нѣкоторая перемѣна: Царство Польское получило полную національную автономію, которая буквально соотвѣтствовала условіямъ Вѣнскаго трактата; польская національность въ этомъ краѣ была признана на самыхъ широкихъ основаніяхъ; его администрація стала отличительно польская; было даже исполнено условіе относительно національнаго польскаго представительства, котораго политическій характеръ и размѣры предоставлены Вѣнскимъ трактатомъ выразительно благоусмотрѣнію русскаго правительства. Прямымъ послѣдствіемъ этихъ перемѣнъ, дѣйствительно, были, какъ извѣстно, сначала глухія, а потомъ, явныя волненія, польскій вопросъ, мятежъ, дипломатическая кампанія на Россію. Это ли то временное зло, о которомъ говорилъ лордъ Непиръ, обращаясь къ своимъ соотечественникамъ въ С.-Петербургѣ?..

—

№ 240.

Москва, 2-го ноября.

Въ *Wanderer*, отъ 8-го ноября, пишутъ, что по слухамъ Россія приняла на себя неофиціяльное посредничество между Австріей и Франціей въ римскомъ вопросѣ, что русскій посланникъ, графъ Штакельбергъ, по возвращеніи своемъ изъ Берлина, гдѣ онъ имѣлъ счастіе представляться Государю Императору, предложилъ Вѣнскому кабинету содѣйствіе Россіи въ томъ, чтобы склонить Римскій дворъ къ принятію конвенціи 15-го сентября, чего именно ожидаетъ Франція отъ усилій Австріи и безъ чего соглашеніе между этими державами не было бы возможно. Графу Штакельбергу, какъ говоритъ *Wanderer*, удалось преодолѣть первыя препятствія на этомъ пути, и между имъ и графомъ Менсдорфомъ рѣшено, что предварительно слѣдуетъ условиться обо всемъ съ французскимъ посломъ, герцогомъ де-Граммономъ.

Передавая эти слухи, мы не ручаемся, конечно, за ихъ достовѣрность, но не можемъ не замѣтить, что если русская политика не хочетъ относиться пассивно къ вопросу о франко-италіянской конвенціи 15-го сентября, что̀ было бы едва ли и удобно для политики великой державы, то ей дѣйствительно не представляется иного направленія, кромѣ того, которое приписываетъ русской дипломатіи газета *Wanderer*. Если Франція настаиваетъ передъ Австріей на одобреніе относящагося къ Риму пункта конвенціи 15-го сентября, то въ этомъ нельзя видѣть ничего опаснаго не только для европейскаго равновѣсія, но даже для интересовъ самой Австріи. Примыкая къ конвенціи, Австрія должна рѣшиться на коренное измѣненіе въ своей политикѣ относительно папскаго престола, — это правда. Но въ этомъ случаѣ она можетъ разчитывать на всеобщее сочувствіе. Когда Франція и ея императоръ, старшій сынъ римской церкви, не находятъ болѣе возможнымъ поддерживать дурное управленіе въ папскихъ владѣніяхъ, кто будетъ стоять за свѣтскую власть папы, кто не встрѣтитъ привѣтствіемъ того шага, которымъ Австрія облегчитъ совершеніе готовящагося великаго событія? Газетные толки о томъ, что Пруссія будто бы высказывается въ пользу свѣтской власти папы, требуютъ еще подтвержденія; но еслибъ

они и подтвердились, то изъ нихъ можно было бы вывести лишь заключеніе о намѣреніяхъ Пруссіи разъединить Австрію и Францію: свѣтской власти папы Пруссія не можетъ искренно сочувствовать; ссылаясь на нес, она пользуется ею только какъ средствомъ для осуществленія своихъ видовъ, въ той борьбѣ соревнованія и соперничества, которую она ведетъ съ Австріей. Римской куріи это должно быть очень хорошо извѣстно; она чувствуетъ себя оставленною и возлагаетъ всѣ свои надежды единственно на Австрію. Но есть ли для Австріи какой-нибудь разчетъ поддерживать дѣло, совсѣмъ лишившееся искренныхъ союзниковъ? И еслибы даже былъ разчетъ, то была ли бы надежда на успѣхъ подобной изолированной поддержки? Австрія ничуть не обязана быть болѣе римско-католическою державой чѣмъ Франція, и если Франція рѣшилась заключить конвенцію 15-го сентября, то на чемъ основывалась бы обязанность Австріи сопротивляться этой конвенціи и полагать всю себя на защиту папы какъ свѣтскаго государя? Это не было бы дѣломъ разчета, это не было бы и исполненіемъ долга; это было бы лишь вѣрностью рутинѣ.

Итакъ, если Россія совѣтовала Австріи высказаться въ Римѣ въ пользу конвенціи 15-го сентября, то въ этомъ Австрія можетъ видѣть лишь искренное доброжелательство. Въ данномъ случаѣ Австрія должна бы, повидимому, тѣмъ вѣрнѣе положиться на это доброжелательство, что оно совершенно согласно съ интересами Россіи. Послѣдствія конвенціи 15-го сентября могутъ развиваться въ двухъ направленіяхъ: смотря по тому направленію, которое они примутъ, они могутъ оказаться неблагопріятными либо для свѣтской власти папы, либо для Австріи. Другими словами, конвенція должна вызвать одно изъ двухъ: либо римскій, либо венеціянскій вопросъ. Но интересы Россіи совершенно сходятся съ интересами Австріи въ томъ отношеніи, чтобы направлять конвенцію къ римскому, а не къ венеціянскому вопросу.

Такъ какъ конвенція несомнѣнно заключена съ одобренія, а можетъ-быть даже по настоянію Англіи, и такъ какъ Англія показываетъ такой видъ, какъ будто совсѣмъ выпускаетъ это дѣло изъ своихъ рукъ, то мы въ правѣ предполагать, что съ ея намѣреніями равно согласны и тотъ и другой изъ двухъ возможныхъ исходовъ. Изъ этого одного уже слѣдуетъ, что Австрія не должна разчитывать на поддержку Англіи, если станетъ противъ Франціи на сторону папы. Не можетъ быть сомнѣнія, что Англія увидитъ съ удовольствіемъ паденіе свѣтской власти папы; но съ такимъ же можетъ-быть удовольствіемъ или по меньшей мѣрѣ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ она будетъ смотрѣть и на отпаденіе Венеціи отъ Австріи. Ни папа въ Римѣ, ни Австрія въ Венеціи не найдутъ себѣ сочувствія на британскихъ островахъ; союзница папы, Австрія будетъ выдана Франціи и англійскою дипломатіей и англійскимъ общественнымъ мнѣніемъ: это можно считать за вѣрное. Что касается до Франціи, то и ей можетъ-быть было бы выгоднѣе, еслибъ австрійская политика дала ей поводъ оставить Римъ въ сторонѣ и направить стрѣлы на Венецію. Разрѣшеніе римскаго вопроса должно рано или поздно привести къ окончательному объединенію Италіи; Италіянское королевство дотолѣ не будетъ прочно, пока папскія владѣнія будутъ отдѣлять югъ Италіи отъ сѣвера; самыя маловажныя столкновенія будутъ вызывать духъ сепаратизма въ Неаполитанской области, и возможность отложенія ея будетъ Дамокловымъ мечомъ висѣть надъ Италіей. Не долженъ ли именно такой ходъ дѣла улыбаться Франціи, которая никогда искренно не желала и не можетъ искренно желать италіянскаго единства? Для Италіи лучше, чтобы теперешнее Италіянское королевство окрѣпло въ своемъ полномъ составѣ, хотя бы и безъ включенія Венеціи, нежели пріобрѣсти Венецію и распасться на части. Но съ точки зрѣнія Франціи дѣло представляется въ иномъ видѣ. Какъ бы ни увѣряло французское правительство въ противномъ, но ни съ интересами, ни съ преданіями французской политики не было бы вполнѣ согласно, если бы власть Виктора-Эммануила упрочилась во всемъ теперешнемъ Италіянскомъ королевствѣ. А не пускать Италію въ Римъ, не лучше ли это средство противъ упроченія этого государства выросшаго такъ неожиданно подъ рукой Франціи? Вотъ почему, если Франція когда-нибудь уступитъ Римъ Италіи, то заставитъ себѣ заплатить за него очень дорого. Напротивъ присоединить Венецію къ Италіи, особенно къ Италіи, обреченной на распаденіе, это и громко, и для Франціи безвредно. Безъ политическаго единства эта страна не будетъ имѣть и политическую

самостоятельность; она совершенно выйдетъ изъ-подъ вліянія австрійскаго только для того чтобы перейдти подъ вліяніе французское, и въ то же время Франція исполнитъ обѣщаніе данное ея императоромъ въ началѣ компаніи 1859 года: „освободить Италію до Адріатическаго моря.“ Словомъ, во всѣхъ отношеніяхъ Франціи должно быть и выгоднѣе и пріятнѣе давать ходъ венеціянскому, а не римскому вопросу, и если она требуетъ теперь отъ Австріи содѣйствія по римскому вопросу, оставляя въ сторонѣ вопросъ венеціянскій, то Австріи слѣдовало бы, кажется, какъ можно скорѣе воспользоваться такимъ расположеніемъ. Скажутъ можетъ-быть, что Австрія ни въ какомъ случаѣ не должна содѣйствовать упроченію италіянскаго единства, а слѣдовательно не должна съ своей стороны ничего дѣлать и для ускоренія развязки римскихъ дѣлъ. Эта развязка желательна для Италіи; она усилитъ ее, а чѣмъ сильнѣе будетъ Италія, тѣмъ сомнительнѣе должно становиться для Австріи обладаніе Венеціей. Но почему сомнительнѣе? Можетъ ли одна Италія угрожать Австріи, и притомъ угрожать въ такой позиціи какъ четыреугольникъ? Конечно, нѣтъ; на войну съ Австріей Италія не рѣшится не имѣя союзниковъ, а гдѣ она возьметъ ихъ? Франція ужь конечно не будетъ въ ихъ числѣ, послѣ того какъ разрѣшеніе римскаго вопроса дастъ прочную основу италіянскому единству. Съ той минуты какъ будущность Италіянскаго королевства перестанетъ подвергаться вопросу, отношенія къ нему Франціи сейчасъ же измѣнятся. Сама Франція будетъ хлопотать о томъ, чтобы присоединеніе Венеціи не придало сосѣдней Италіи новыхъ силъ и не устранило причинъ вражды между Италіей и Австріей,—вражды, ставящей Италію въ зависимое положеніе отъ Франціи и слѣдовательно для Франціи весьма желательной.

Такъ представляется это дѣло съ точки зрѣнія Австріи; для нея выгодно, чтобы конвенція 15-го сентября коснулась своими послѣдствіями не Венеціи, а Рима. Точно того же слѣдуетъ желать и въ интересѣ Италіи, для которой Римъ есть жизненный вопросъ, между тѣмъ какъ безъ Венеціи она очень легко можетъ обойдтись и даже найдти въ этомъ лишеніи на первое время источникъ силы: патріотическое чувство и чувство національнаго единства будутъ живѣе поддерживаться по всей Италіи, пока Венеція находится подъ австрійскимъ владычествомъ.

Наконецъ, для общаго историческаго хода дѣлъ было бы чрезвычайно важно, еслибы римско-католическая церковь освободилась отъ свѣтской власти папы,—этой неестественной примѣси, искажавшей ея характеръ въ продолженіе цѣлаго тысячелѣтія. Свѣтская власть вмѣшивала эту столь значительную каѳедру христіанскаго міра въ мірскіе интересы политической борьбы. Она уже усиливала ея притязанія на господство въ христіанской церкви и была главною причиной раздѣленія церквей. Въ политическомъ отношеніи отмѣна свѣтской власти не только не нарушитъ равновѣсія, а напротивъ еще упрочитъ его. Присоединеніе Рима къ Италіи освободило бы римскаго первосвященника изъ-подъ вліянія Франціи, которое, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, можетъ дать ей обременительный для другихъ державъ перевѣсъ, дѣлая Западную Церковь орудіемъ достиженія политическихъ цѣлей самой властолюбивой и завоевательной изъ великихъ державъ Европы. Россія отчасти уже испытала это на себѣ по польскому дѣлу: не можетъ быть сомнѣнія, что еслибы не вліяніе Франціи на Римъ, то римская курія дѣйствовала бы въ польскомъ дѣлѣ согласнѣе съ своими архипастырскими обязанностями.

Россія, и какъ держава имѣющая римскихъ католиковъ въ числѣ своихъ подданныхъ, и какъ великая держава, сильно заинтересована тѣмъ, чтобы римскій первосвященникъ былъ свободенъ отъ вліянія какой бы то ни было другой великой державы. Но интересы Россіи по вопросу о конвенціи на этомъ не останавливаются. Конвенція 15-го сентября, по скольку она угрожаетъ Австріи, состоитъ въ несомнѣнной связи съ вопросомъ, имѣющимъ колоссальное значеніе какъ вообще для интересовъ европейскаго равновѣсія и мира, такъ и спеціяльно для существеннѣйшихъ интересовъ Россіи, могущихъ потребовать отъ нея самыхъ тяжкихъ усилій и самыхъ дорогихъ жертвъ. Мы говоримъ о восточномъ вопросѣ. Австрія уступила бы свою почти неприступную позицію въ четыреугольникѣ не иначе какъ за весьма цѣнное вознагражденіе. Даже въ томъ случаѣ, еслибъ она была выбита силой изъ этой позиціи, она могла бы твердо надѣяться на поддержку Англіи,—не для того, конечно, чтобъ

опять завладѣть Венеціей, а для того чтобы возстановить свое прежнее значеніе великой державы. Англія не можетъ допустить, чтобъ австрійское могущество умалилось; англійская политика никогда не примирится съ такимъ положеніемъ Австріи, которое отняло бы у нея теперешнее мѣсто ея въ европейскомъ равновѣсіи. Добровольно ли уступитъ Австрія Венецію, или потеряетъ ее вслѣдствіе войны, Австрія будетъ искать вознагражденія. Но гдѣ можетъ Австрія получить вознагражденіе за утрату Венеціи какъ не въ предѣлахъ Турціи? Вотъ почему конвенція 15-го сентября такъ близко соприкасается съ этимъ жгучимъ восточнымъ вопросомъ, который можетъ надолго нарушить миръ Европы, столь, повидимому, желаемый всѣми державами, и вотъ почему Россіи, очевидно выгодно сдѣлать всѣ шаги, отъ нея зависящіе, чтобы конвенція 15-го сентября не затрогивала венеціянскаго вопроса. Мы уже сказали выше, что доброжелательное содѣйствіе Россіи въ этомъ направленіи должно быть встрѣчено довѣрчиво со стороны Австріи, которая не можетъ не видѣть, что Россія побуждается къ тому не только общими интересами Европы, но и своими собственными, весьма важными интересами.

Лордъ Непиръ говорилъ въ своей прощальной рѣчи къ англійской факторіи въ Петербургѣ о сдержанной политикѣ Россіи по восточному вопросу, какъ объ одномъ изъ условій дружелюбныхъ отношеній между Россіей и Великобританіей. Сдержанная политика,—это очень хорошо, это очень согласно съ характеромъ Русской державы и настроеніемъ Русскаго народа, который, что бы ни говорили о немъ за границей, все таки народъ не властолюбивый, не тщеславный. Но сдержанность не значитъ уступчивость. Можно имѣть сдержанную политику по восточнымъ дѣламъ и въ тоже время не допускать австрійскихъ или чьихъ-либо иныхъ захватовъ на турецкой территоріи. Сдержанная политика не значитъ также политика равнодушія и апатіи къ племенамъ, которымъ мы не можемъ не сочувствовать. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что при обоюдномъ желаніи сохранить миръ и дѣйствовать добросовѣстно, Россія и Англія могутъ сойдтись въ политикѣ относительно Турціи. Россія не менѣе чѣмъ Англія заинтересована сохраненіемъ въ настоящую пору Турецкой имперіи. Съ другой стороны, Англія не менѣе чѣмъ Россія должна сознавать теперь, что поддерживать турецкое владычество въ ущербъ христіанскимъ населеніямъ и заставлять эти населенія платиться своими бѣдствіями за взаимное недовѣріе европейскихъ державъ,—противно не только справедливости, но также интересамъ европейскаго мира, требующимъ сохраненія Турецкой Имперіи. Что же изъ этого слѣдуетъ, какъ не то, что европейская политика должна по возможности заботиться объ освобожденіи христіанъ Турціи изъ-подъ турецкаго дурнаго управленія и гнета, безъ освобожденія ихъ однакоже изъ-подъ верховной власти султана? Кто не вѣритъ въ турецкую національность—а кто теперь вѣритъ въ нее?—тотъ долженъ желать для Турціи той самой программы, которую наши услужливые друзья недавно предлагали Россіи, дабы заготовить ея распаденіе. Но что для Россіи, націи исполненной жизни и силы, есть безсмыслица, то для Турціи есть единственное условіе существованія въ европейской политической системѣ. Европейская дипломатія изберетъ самый справедливый и самый безопасный путь, если будетъ содѣйствовать автономіи христіанскихъ населеній, входящихъ въ составъ европейской Турціи. Пусть Болгарія, пусть Боснія, получатъ мало-по-малу такое же положеніе какое уже имѣютъ Дунайскія Княжества, Сербія, Египетъ и т. д. Пусть власть султана все болѣе и болѣе теряетъ свой національный характеръ и получаетъ значеніе отвлеченное,- если угодно, *гуманитарное*,—и пусть эта власть, постепенно слабѣющая ради блага христіанскихъ населеній, ревниво и добросовѣстно охраняется Европой отъ всякаго внѣшняго покушенія. Тогда восточный вопросъ перестанетъ быть больнымъ мѣстомъ Европы, взаимное недовѣріе державъ не будетъ имѣть пищи въ дѣлахъ Востока, и европейскій миръ стольже мало будетъ подвергаться опасности какъ и европейское равновѣсіе.

Вотъ, по нашему мнѣнію, программа той сдержанной политики по восточному вопросу, на которой Англія, если хочетъ, можетъ очень легко сойдтись съ Россіей. Но кто требуетъ сдержанности отъ другаго, тотъ и самъ долженъ поступать сдержанно. А сдержанною никакъ нельзя было бы назвать напримѣръ такую политику, которая, выталкивая Австрію съ одной стороны изъ Германіи, съ другой изъ Венеціи,

принуждала бы ее искать вознагражденія себѣ на Востокѣ.

№ 241.

Москва, 3-го ноября.

Два вопроса господствуютъ въ настоящее время надъ всѣми другими вопросами общеевропейской политики, и ждутъ въ ближайшемъ будущемъ окончательнаго разрѣшенія. Одинъ изъ нихъ выдвинутъ впередъ франко-италіянскою конвенціей 15-го сентября, другой — датско-германскимъ столкновеніемъ и заключившимъ его мирнымъ трактатомъ 30-го октября. Вчера мы старались показать, что согласно съ одинаковыми въ этомъ случаѣ интересами Россіи и Австріи надобно желать, чтобы конвенція 15-го сентября была направлена исключительно на рѣшеніе римскаго вопроса, съ устраненіемъ вопроса венеціянскаго; сегодня мы обратимъ вниманіе нашихъ читателей на нынѣшнее положеніе шлезвигъ-гольштейнскаго вопроса, который представляетъ собою только одну часть болѣе обширнаго вопроса германскаго. Здѣсь мы увидимъ также, что въ данный моментъ интересы Россіи сходятся съ интересами Австріи.

И со стороны Пруссіи, и со стороны Австріи, слышатся теперь, полуофиціяльныя и офиціяльныя увѣренія, что между ними продолжаютъ существовать самыя дружественныя отношенія, несмотря на происшедшій въ Австріи министерскій кризисъ, и что эти державы какъ нельзя болѣе близки къ полному соглашенію между собою по всѣмъ нѣмецкимъ вопросамъ. Хотя эти увѣренія нашли себѣ отголосокъ даже въ тронной рѣчи *императора Франца-Іосифа* (см. телеграмму изъ Вѣны во вчерашнемъ нумерѣ *Московскихъ Вѣдомостей*), но тѣмъ не менѣе, и можетъ-быть именно потому, на нихъ нельзя очень полагаться.

Не задолго предъ тѣмъ, вѣнская газета *Botschafter*, съ своей стороны, заявляла, что Австрія какъ нельзя болѣе дорожитъ дружбой Пруссіи, и нисколько пока не думаетъ вступать въ тѣснѣйшій союзъ противъ нея съ второстепенными государствами Германіи, но при этомъ особенно настаивала на томъ, чтобы Пруссія отказалась отъ своего прежняго образа дѣйствій въ отношеніи къ Германскому Союзу, или — что̀ все равно — въ отношеніи къ его слабѣйшимъ членамъ. Графъ Рехбергъ, продолжаетъ та же газета, противился насиліямъ Пруссіи, и однакоже что̀ сталось теперь съ Германскимъ Союзомъ! какъ низко упалъ онъ въ глазахъ Европы и въ глазахъ нѣмецкаго народа! Правда, онъ еще не уничтоженъ какъ въ 1848 и 49-мъ годахъ, но онъ глубоко потрясенъ, и задача Австріи теперь та же самая что̀ и въ 1850 и 51-мъ годахъ; ей предстоитъ возстановить значеніе Германскаго Союза, и укрѣпить самостоятельность всѣхъ его членовъ. Склонить къ этому самоё Пруссію, вотъ ближайшая цѣль, которую должна имѣть въ виду Австрія. Только въ томъ случаѣ, еслибъ оказалась невозможность достигнуть этой цѣли, Австрія принуждена была бы войдти въ особыя отношенія къ второстепеннымъ государствамъ Германіи, въ отпоръ Пруссіи. Развивая ту же самую мысль, полуофиціяльный вѣнскій корреспондентъ *Allgemeine Zeitung* пишетъ: „Не помимо, не противъ Германскаго Союза, но въ пользу его долженъ дѣйствовать во внутреннихъ нѣмецкихъ дѣлахъ союзъ прусско-австрійскій. Исходною точкой и основой этого союза должны быть тѣ связи, которыя соединяютъ ихъ въ нѣдрахъ Германскаго Союза. Хранить и развивать эту основу должны обѣ державы: вотъ истинный смыслъ ихъ союза между собою. Это — простая истина, прибавляетъ корреспондентъ, но не худо теперь же заявить, что этою истиной, повидимому, особенно сильно проникнутъ графъ Менсдорфъ". Очевидно, что Австрія дорожитъ сохраненіемъ Германскаго Союза, основаннаго на самостоятельности каждаго изъ его отдѣльныхъ членовъ, заботится объ огражденіи его отъ захватовъ Пруссіи, и ужь конечно по доброй волѣ никакъ не согласится, чтобы Пруссія вытолкнула ее вонъ изъ Германіи, или ослабила ея значеніе въ Германскомъ Союзѣ, и если императоръ Францъ-Іосифъ съ похвалою высказался о согласіи между Австріей и Пруссіей, то безъ сомнѣнія въ той лишь увѣренности, что Пруссія войдетъ во всѣ эти виды австрійской политики.

Судя, однакоже, по тѣмъ извѣстіямъ и полуофиціяльнымъ заявленіямъ, которыя мы имѣемъ въ настоящее время подъ рукой, Пруссія еще очень далека отъ подобнаго соглашенія съ Австріей, основаннаго на поддержкѣ существующаго порядка вещей. Разногласіе между ними касается, главнѣй-

шимъ образомъ, слѣдующихъ пунктовъ. Австрія, какъ извѣстно, желала бы, чтобы въ новомъ торговомъ трактатѣ съ нею была опять высказана надежда на ея будущее вступленіе въ Таможенный Союзъ, какъ это было сдѣлано въ торговомъ трактатѣ 1853 г. Пруссія же, какъ говоритъ *Провинціяльная Корреспонденція*, держится того мнѣнія, что дѣло не дойдетъ до вступленія Австріи въ Таможенный Союзъ до тѣхъ поръ, пока она совершенно не измѣнитъ всѣхъ основъ своей торговой политики, и что было бы несообразно съ цѣлью внести въ новый договоръ положеніе, которое на долгое время должно было бы остаться простою фразой безъ всякаго дѣйствительнаго значенія и безъ всякихъ послѣдствій. Но, продолжаетъ берлинская министерская корреспонденція, такъ какъ Австрія, повидимому, особенно дорожитъ заявленіемъ означенной надежды, то при нынѣшнихъ дружественныхъ отношеніяхъ между обѣими державами и въ виду безпрерывныхъ нападеній, которымъ подвергается за эти отношенія австрійское министерство, Пруссія обязана показать и въ этой сферѣ какъ дорожитъ она союзомъ съ Австріей, и удовлетворить ея желанію, оградивъ вмѣстѣ съ тѣмъ полную автономію Таможеннаго Союза. Изъ этого можно заключить, что Пруссія готова на нѣкоторыя уступки, но по увѣренію берлинскаго корреспондента *Кельнской Газеты*, она еще не заявляла офиціяльно этой готовности, по крайней мѣрѣ, до 9-го ноября. По всему вѣроятію, она и не заявитъ ея до тѣхъ поръ, пока Австрія, съ своей стороны, не сдѣлаетъ ей существенныхъ уступокъ по другимъ пунктамъ разногласія. Эти пункты касаются вопросовъ о выводѣ войскъ Саксоніи и Гановера изъ Гольштейна, о будущихъ отношеніяхъ уступленныхъ Даніей Герцогствъ къ Пруссіи и о престолонаслѣдіи въ этихъ герцогствахъ.

Виды Пруссіи, какъ извѣстно, устремлены къ тому чтобы присоединить къ себѣ эти герцогства, въ той или другой формѣ. Пребываніе федеральныхъ коммиссаровъ и федеральныхъ войскъ въ Гольштейнѣ, очевидно, парализируетъ усилія, направленныя къ этой цѣли; вслѣдствіе того Пруссія настаиваетъ на ихъ немедленное удаленіе послѣ обмѣна ратификацій мирнаго трактата съ Даніей Федеральные коммиссары и войска, говорятъ прусскіе полуофиціяльные органы, находятся въ Гольштейнѣ въ силу рѣшенія Германскаго сейма, которымъ была установлена экзекуція противъ короля Датскаго въ тѣхъ видахъ, чтобы побудить его отказаться отъ политическаго слиянія Шлезвига съ прочими частями Датскаго королевства. Цѣль эта — и гораздо больше того — въ настоящее время достигнута, и экзекуція не можетъ болѣе имѣть мѣста. Для того чтобы федеральныя войска продолжали и впредь занимать Гольштейнъ, понадобилось бы новое постановленіе сейма; но это постановленіе было бы оскорбленіемъ для Пруссіи и Австріи, потому что послѣ обмѣна ратификацій Гольштейнъ становится прусско-австрійскимъ владѣніемъ, въ которомъ никакія другія войска, кромѣ ихъ собственныхъ, не должны находиться. 2-го ноября вопросъ этотъ, по словамъ *Цейдлеровой Корреспонденціи*, обсуждался со всѣхъ сторонъ въ совѣтѣ прусскихъ министровъ, и было принято рѣшеніе, твердое и непоколебимое, согласное съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ и съ постановленіями федеральнаго права. Рѣшеніе это заявлено въ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* въ слѣдующемъ видѣ: по обмѣнѣ ретификацій Пруссія и Австрія вступаютъ во всѣ права Даніи въ отношеніи къ Герцогствамъ, а именно представляютъ ихъ въ сношеніяхъ съ иностранными державами и на Германскомъ сеймѣ, а также принимаютъ на себя всѣ правительственныя права и обязанности въ отношеніи къ населенію Герцогствъ. Пруссія, Австрія, Саксонія и Гановеръ должны тотчасъ же заявить сейму, что цѣль экзекуціи, которая поручена имъ сообща, достигнута, и два послѣднія правительства, какъ не имѣющія никакихъ дальнѣйшихъ отношеній къ Гольштейну, должны безъ замедленія вывести изъ него свои войска. Съ подобнымъ предложеніемъ Пруссія уже обратилась къ Саксоніи и къ Гановеру въ депешѣ отъ 5-го ноября, гдѣ между прочимъ было указано, что дальнѣйшее пребываніе ихъ войскъ въ Гольштейнѣ было бы вопіющимъ посягательствомъ на права уступленныя Пруссіи вмѣстѣ съ Австріей мирнымъ трактатомъ 30-го октября. Подобное же сообщеніе было одновременно сдѣлано и въ Вѣну, но было тамъ принято холодно, между тѣмъ какъ Саксонія и Гановеръ, ободряемыя надеждою на поддержку со стороны Австріи, нисколько не обнаружили готовности уступить прусскимъ требованіямъ. Затѣмъ из-

вѣстія разногласятъ: по увѣренію вѣнскихъ корреспондентовъ *Allgemeine Zeitung*, *Leipziger Zeitung* и другихъ,—увѣренію, которое относится къ 7-му ноября,—Пруссія рѣшилась будто бы пойти на сдѣлки, а именно согласилась съ Австріей, чтобъ экзекуція была отмѣнена Германскимъ сеймомъ, но чтобы федеральныя войска были оставлены въ Гольштейнѣ впредь до окончательнаго разрѣшенія вопроса о престолонаслѣдіи, такъ какъ этимъ вопросомъ заинтересованъ весь Германскій Союзъ. Но берлинскій корреспондентъ *Кельнской Газеты*, въ письмѣ отъ 9-го ноября, говоритъ, что эта сдѣлка составляетъ пока еще предметъ желаній для Австріи, которая, дѣйствительно, недѣли три тому назадъ предлагала въ Берлинѣ неофиціальнымъ образомъ, чтобы въ Гольштейнѣ, кромѣ прусскихъ войскъ, были расположены австрійская бригада и федеральныя войска, хотя бы и въ уменьшенномъ противъ прежняго числѣ, но что Пруссія до сихъ поръ еще не отвѣчала на это предложеніе, хотя быть можетъ ей и придется на него согласиться. Полуофиціяльныя заявленія съ прусской стороны, повидимому, подтверждаютъ извѣстія *Кельнской Газеты*. Такъ, въ *Провинціяльной Корреспонденціи*, отъ 10-го ноября, мы читаемъ: „Пруссія и Австрія не могутъ потерпѣть, чтобы другія нѣмецкія государства, подъ ничтожнымъ предлогомъ экзекуціи, дозволяли себѣ вмѣшиваться въ дѣла Герцогствъ. Точно также не можетъ быть это допущено и подъ прикрытіемъ нерѣшеннаго еще вопроса о престолонаслѣдіи. Нельзя и сомнѣваться, прибавляетъ министерская корреспонденція, что Австрія будетъ готова съ такою же рѣшительностью защищать свои права, какъ и Пруссія". Приверженцы энергическаго образа дѣйствій относительно второстепенныхъ государствъ Германіи, засѣдающіе въ совѣтѣ министровъ Пруссіи, уже и теперь говорятъ, что неблагопріятное для Пруссіи рѣшеніе сейма по этому вопросу повлечетъ за собою выходъ ея изъ состава Германскаго Союза, и слѣдовательно, разложеніе послѣдняго.

На дальнѣйшемъ планѣ, какъ сказано, стоитъ опредѣленіе отношеній Герцогствъ къ Пруссіи. Лауэнбургъ, какъ извѣстно, высказался въ пользу личнаго соединенія съ Пруссіей. Относительно того, возможно ли будетъ удовлетворить желаніямъ этого герцогства, Пруссія, говоритъ *Провинціяльная Корреспонденція*, прежде всего должна войти въ соглашеніе съ Австріей, которая, какъ надѣется эта корреспонденція, не замедлитъ и въ этомъ отношеніи обнаружить свое благорасположеніе къ Пруссіи. Но вѣнскій корреспондентъ *Allgemeine Zeitung* очень сомнѣвается, чтобъ Австрія въ настоящее время согласилась на присоединеніе Лауэнбурга къ Пруссіи, потому что примѣръ этого герцогства можетъ сильно подѣйствовать на Гольштейнъ и Шлезвигъ. Увѣряетъ же франкфуртскій корреспондентъ *Morning Herald*, что населеніе обоихъ этихъ герцогствъ вполнѣ расположено послѣдовать примѣру Лауэнбурга. Самыя вліятельныя лица увѣряли его, въ бытность его въ Герцогствахъ, что эта страна болѣе дорожитъ силой чѣмъ свободой, или, лучше сказать, что она желаетъ войти въ составъ сильнаго государства, чтобы потомъ въ его парламентѣ дѣйствовать въ интересахъ внутренней политической свободы Корреспондентъ англійской газеты совершенно одобряетъ подобныя наклонности; но едва ли они заслужатъ такое же одобреніе со стороны Австріи.

Возможность разногласія съ Австріей, по всѣмъ этимъ вопросамъ, конечно, не разъ уже представлялась вниманію Берлинскаго кабинета. Во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, по словамъ корреспондента *Morning Herald*, свѣдующіе люди смѣются надъ предположеніемъ, что Пруссія когда-либо откажется отъ Герцогствъ или когда-либо передастъ ихъ въ руки государя, назначеннаго сеймомъ. По словамъ *Крестовой Газеты*, Пруссія никогда не согласится на такое устройство дѣлъ въ Герцогствахъ, которое придало бы новую силу системѣ политическаго разъединенія Германіи. Въ случаѣ сопротивленія со стороны Австріи, она, основываясь на мирномъ трактатѣ съ Даніей, до тѣхъ поръ не выступитъ изъ Герцогствъ, пока не послѣдуетъ соглашеніе между ею и Австріей. По нѣкоторымъ, наконецъ, извѣстіямъ, Пруссія разчитываетъ выиграть свое дѣло съ помощью европейскаго конгресса и потому особенно расположена въ его пользу. По увѣренію лондонскаго корреспондента *Allgemeine Zeitung*, въ англійскихъ правительственныхъ сферахъ ожидаютъ присоединенія Герцогствъ къ Пруссіи, и смотрятъ на это весьма благопріятно; со стороны Франціи, какъ увѣряли его свѣдующіе люди,

также не было бы сдѣлано, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, никакого возраженія. *Saturday Review* прямо заявляетъ, что возрастаніе могущества Пруссіи можетъ устрашать Австрію и быть даже не совсѣмъ пріятно для Франціи, но что Англія не имѣетъ основанія противиться подобному измѣненію въ политическомъ равновѣсіи,—измѣненію, которое было бы въ полномъ согласіи съ лучшими политическими преданіями Англіи.

Повидимому, Пруссія разчитываетъ также и на содѣйствіе Россіи. Но имѣетъ ли она основанія разчитывать на это содѣйствіе? Можетъ ли быть согласно съ интересами Россіи возрастаніе могущества Пруссіи и политическое объединеніе, подъ ея знаменемъ, хотя бы только сѣверной Германіи, притомъ съ придачей Шлезвига? Такъ какъ завоеваніе Шлезвига совершилось, то не желательнѣе ли для Россіи чтобы Герцогства получили своего государя отъ Германскаго сейма? Не желательнѣе ли для Россіи вообще поддержаніе Германскаго Союза въ нынѣшнемъ его видѣ и сохраненіе въ немъ равновѣсія между Пруссіей и Австріей? Въ эту лишь сторону, какъ кажется, могутъ клониться интересы Россіи.

Косвеннымъ поводомъ къ развитію и рѣшительному обнаруженію властолюбивыхъ намѣреній Пруссіи послужилъ польскій мятежъ. Возбужденіе національныхъ польскихъ стремленій ввергло Польшу въ неисчислимыя бѣдствія, но оно же отразилось и раздробленіемъ Датскаго королевства, и возрастаніемъ могущества Пруссіи. Польское дѣло ничего не выиграло: выиграла лишь Пруссія, въ пользу которой и прежде Поляки усердно работали, и теперь обращается всякое возбужденіе польской національности. Не будь польскаго мятежа, Пруссія не рѣшилась бы дѣйствовать такъ быстро и энергически въ шлезвигъ-гольштейнскомъ вопросѣ. Но нельзя же ожидать отъ Россіи, чтобъ она вопреки своимъ интересамъ, продолжала поддерживать Пруссію во всѣхъ ея властолюбивыхъ планахъ изъ-за того только что она связана съ нами общимъ интересомъ въ польскомъ вопросѣ, которому давнымъ давно пора бы перестать быть вопросомъ.

№ 242.

Москва, 4-го ноября.

Мы перепечатываемъ съ особеннымъ удовольствіемъ изъ *Кіевлянина* статью г. В. К. указывающую на выгоды желѣзной дороги изъ Одессы въ Кіевъ и изъ Кіева въ Москву. Намъ это тѣмъ пріятнѣе что одновременно съ этимъ мы прочли въ *Одесскомъ Вѣстникѣ* правда бездоказательную, но выражающуюся чрезвычайно рѣшительно филиппику противъ этой линіи и противъ тѣхъ „восторженныхъ статей", которыя были писаны въ ея защиту. Ревность, съ которою *Одесскій Вѣстникъ* ратуетъ за проведеніе желѣзной дороги изъ Балты не на Бердичевъ и Кіевъ, а на Кременчугъ,—ревность не доходящая впрочемъ до прінсканія удобопонятныхъ доказательствъ,—есть явленіе весьма интересное, такое явленіе надъ объясненіемъ котораго можно поломать себѣ голову. Тутъ говорятъ очевидно не интересы Одессы, которой гораздо выгоднѣе и нужнѣе соединеніе съ мѣстностями производящими главный отпускной товаръ ея, пшеницу, чѣмъ съ елисаветградскою степью, и для которой также должно быть желательно соединеніе съ Москвой болѣе краткимъ путемъ на Кіевъ чѣмъ на Харьковъ. Тутъ не можетъ также говорить и то довольно часто выставляемое на видъ убѣжденіе *Одесскаго Вѣстника*, что польскій мятежъ окончательно подавленъ въ юго-западномъ краѣ, что это край несомнѣнно русскій, что сомнѣваться въ его русскомъ характерѣ могутъ только подозрительные пессимисты, и что потому нѣтъ надобности связывать этотъ край съ центральною Русью. Подобное убѣжденіе можетъ вести къ желанію льготъ для юго-западнаго края, — но чего бы кажется льготнѣе какъ желѣзная дорога проведенная во всю длину края? Съ точки зрѣнія *Одесскаго Вѣстника* или съ точки зрѣнія польскихъ претензій надобно ратовать противъ желѣзной дороги изъ Кіева въ Москву, а противъ Кіево-Одесской дороги говорить никакъ не слѣдовало бы. Какой же мѣстный интересъ могъ расположить редакцію *Одесскаго Вѣстника* въ пользу кременчугской линіи. Ничего больше не остается какъ ревнивое желаніе, чтобы желѣзная дорога строилась и деньги слѣдующія на нее расходовались въ предѣлахъ новороссійскаго, а не въ предѣлахъ

сосѣдняго кіевскаго генералъ-губернаторства. Это желаніе понятно, но столько же должно быть понятно и то, что вопросъ о направленіи линіи желѣзной дороги не можетъ рѣшаться съ подобной точки зрѣнія. Надобно помнить, что рѣчь идетъ о томъ какая линія наиболѣе нужна для всей Россіи и наиболѣе выгодна сама по себѣ. Государственная польза дороги и ея доходность,—вотъ главные элементы, на которыхъ долженъ быть основанъ выборъ линіи заслуживающей предпочтенія. Но ни въ томъ, ни въ другомъ отношеніи линія кременчугская не можетъ спорить съ линіей кіевскою.

Авторъ перепечатанной ниже статьи *Кіевлянина*, г. В. К., очень основательно разобралъ доводы въ пользу кременчугской и противъ кіевской линіи, изложенные въ брошюрѣ: *Нѣсколько статистическихъ данныхъ о направленіи желѣзныхъ дорогъ въ юго-западной Россіи.* Было бы весьма желательно, чтобъ *Одесскій Вѣстникъ*, повидимому такъ глубоко убѣжденный въ выгодности кременчугской линіи, подвергъ замѣчанія г. В. К. обстоятельному разбору, а не ограничивался голословными завѣреніями, что „восторженныя статьи въ пользу кіевской линіи вертятся на политической почвѣ, недоступной его разумѣнію. Мы съ своей стороны скажемъ не обинуясь, что никакъ не въ состояніи смотрѣть равнодушно на политическую сторону вопроса о сѣти желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Политическіе интересы цѣнятся такъ высоко всѣми народами, имѣющими право на независимое существованіе, что за нихъ проливается кровь, и жертвуются деньги, какія только потребуются, до совершеннаго истощенія государственной казны и до самаго тяжкаго увеличенія бремени государственнаго долга. Какъ же не имѣть этихъ интересовъ въ виду при рѣшеніи вопроса о направленіи желѣзныхъ дорогъ? Но было бы несправедливо сказать, будто защитники московско-кіевской и кіевско-одесской желѣзной дороги ссылались исключительно на интересы политическіе. По крайней мѣрѣ это не можетъ быть по справедливости сказано о *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Мы старались въ особенности выставить на видъ экономическую выгодность той линіи, въ пользу которой мы высказывались. Политическая важность рельсоваго пути связывающаго Одессу и юго-западный край черезъ Кіевъ съ Москвой не подлежитъ спору: слѣпой долженъ видѣть, что если какая-либо линія можетъ быть нужна Россіи въ политическомъ отношеніи, то эта линія есть именно московско-кіевско-одесская. Столь же очевидна и стратегическая важность этой линіи, идущей параллельно съ австрійскою границей, распространяющей на всемъ этомъ направленіи стратегическое значеніе Кіева, главной крѣпости юго-западнаго края, и соединяющей эту крѣпость съ обѣими столицами и съ центральными губерніями государства. Съ стратегической точки зрѣнія невозможно не сказать того же что̀ и съ точки зрѣнія политической: въ Россіи нѣтъ линіи болѣе важной чѣмъ московско-кіевско-одесская. Но именно потому что политическій и стратегическій пункты этого вопроса не могутъ быть предметомъ сомнѣній, мы и старались выставить на видъ его экономическую сторону. Это было тѣмъ необходимѣе что̀ вслѣдствіе разныхъ случайныхъ обстоятельствъ въ нашей публикѣ довольно распространено мнѣніе, будто бы московско-кіевская дорога невыгодна въ экономическомъ отношеніи. Мы этого мнѣнія отнюдь не раздѣляемъ и притомъ вовсе не по увлеченію политическими и стратегическими соображеніями, а на основаніи несомнѣнныхъ и совершенно убѣдительныхъ экономическихъ данныхъ.

Возьмемъ двѣ линіи, московско-кіевско-одесскую и московско-харьковско-одесскую и сличимъ ихъ экономическую выгодность.

Пассажирское движеніе будетъ гораздо больше на первой изъ нихъ чѣмъ на второй. Цифра пассажировъ ѣдущихъ изъ Москвы до Одессы и обратно была бы на той и другой линіи одинаковая, еслибы цѣна провоза была одинаковая, но такъ какъ первая линія короче второй и такъ какъ слѣдовательно переѣздъ по первой линіи долженъ обходиться дешевле, то на первой линіи скорѣе можно ожидать увеличенія числа пассажировъ, ѣдущихъ по всему пути взадъ и впередъ. Взаимное сообщеніе между Орломъ, Тулой и Москвой будетъ одно и то же на обѣихъ линіяхъ. Затѣмъ вторая линія прошла бы черезъ Курскъ, Харьковъ и Полтаву, то-есть черезъ три значительные города; а первая только черезъ два, Кіевъ и Бердичевъ. Но въ первыхъ трехъ городахъ число жителей доходитъ только до 110 тысячъ, тогда какъ въ послѣднихъ двухъ оно переходитъ за 125 тысячъ. Сверхъ того, надобно принять въ

соображеніе чрезвычайно важный элементъ пассажирскаго движенія — богомольцевъ, стекающихся въ Кіевъ десятками тысячъ человѣкъ со всѣхъ концовъ Россіи; желѣзныя дороги изъ Кіева въ Москву и Одессу въ значительной степени усилили бы этотъ элементъ. Какъ онъ важенъ, можно судить потому, что московско-сергіевская дорога почти имъ однимъ и существуетъ. Далѣе, нельзя не взять въ разсчетъ, что дорога отъ Кременчуга до Балты шла бы степью, почти безлюдною, между тѣмъ какъ дорога изъ Балты на Кіевъ на всемъ своемъ протяженіи пролегала бы мѣстностью густо населенною. Наконецъ, особеннаго вниманія заслуживаетъ обстоятельство, что путь на Кіевъ былъ бы для Москвы и всей центральной Россіи не только путемъ въ Одессу, но и путемъ въ Австрію. Бердичевъ и теперь ведетъ оживленныя сношенія съ Бродами; путь между этими городами и теперь люденъ, а когда онъ будетъ снабженъ рельсами, то движеніе по немъ быстро усилится, и московско-кіевская дорога должна будетъ много отъ того выиграть. Этого преимущества вовсе не имѣетъ линія кременчугская, ведущая только къ Черному морю и не могущая служить посредницей для сношеній центральной Россіи съ Австріей.

Въ такомъ видѣ представляется вопросъ о пассажирскомъ движеніи. Посмотримъ теперь на движеніе товарное. Главнаго отпускнаго продукта, пшеницы, кременчугская линія никогда не дастъ столько, сколько кіевская. Уже теперь, замѣчаетъ г. В. К., идетъ въ Одессу изъ Кіевской и Подольской губерніи до 2 милліоновъ четвертей пшеницы ежегодно. Если положить, что каждая четверть заплатила бы желѣзной дорогѣ кругомъ только 75 коп., мы получимъ 1.500.000 руб. валоваго дохода, или около 2.500 р. на версту всего протяженія линіи. Кременчугская линія тутъ соперничать не можетъ. Пойдемъ далѣе. Линія направляющаяся изъ Кіева на Орелъ захватитъ мѣстность совершенно лишенную сбыта. Хлѣбъ въ Ромнѣ, Конотопѣ, Глуховѣ дешевле чѣмъ въ Курскѣ, Харьковѣ или Кременчугѣ. Вообще хлѣбъ едва ли гдѣ въ Россіи такъ дешевъ, какъ въ среднѣ разстоянія между Харьковомъ и Кіевомъ. Отсюда можно будетъ возить хлѣбъ и въ Одессу и въ Петербургъ, съ большею выгодой чѣмъ изъ Курска или Харькова, а когда будетъ продолжена внутрь Россіи Витебская желѣзная дорога, то сбытъ хлѣба изъ этой мѣстности въ Ригу и Либаву представитъ еще бо́льшія сравнительныя выгоды. Но эта мѣстность производитъ не одинъ хлѣбъ. Тутъ преимущественно воздѣлывается табакъ, производство котораго теперь такъ стѣснено. Наконецъ путь изъ Орла въ Кіевъ проходитъ близъ области производящей лучшую въ Россіи пеньку и облегчитъ сбытъ этого важнаго продукта. Неужели этихъ элементовъ недостаточно для обезпеченія товарнаго движенія по кіевской линіи? Но и этими элементами далеко не исчерпывается дѣло. Югозападный край будетъ отпускать въ Москву сахаръ, и удешевленіе провозной цѣны, платимой этимъ продуктомъ, поддержитъ многочисленные, теперь раззоряющіеся свеклосахарные заводы. Съ востока этимъ же отчасти путемъ пойдетъ шерсть, направляющаяся въ Царство Польское и Австрію. Что же касается московскихъ фабрикатовъ, то ихъ сбытъ въ юго-западномъ краѣ былъ бы вполнѣ обезпеченъ, еслибы не контробанда между Бродами и Бердичевымъ. Но значительный упадокъ таможенныхъ сборовъ, начинающій тяжело отзываться на нашемъ бюджетѣ, побудитъ, конечно, администрацію къ искорененію этого зла, мѣрами отъ нея зависящими, и тогда Кіевъ, Бердичевъ и Одесса станутъ покупать у Москвы по крайней мѣрѣ столько же товаровъ, сколько покупаетъ ихъ Харьковъ. Принявъ все это вмѣстѣ во вниманіе, мы считаемъ себя въ правѣ сказать съ увѣренностью, что надобно ожидать гораздо бо́льшаго товарнаго движенія по линіи московско-кіевско-одесской чѣмъ по линіи московско-харьковско-кременчугской.

Въ заключеніе не лишнее будетъ упомянуть что мостъ въ Кременчугѣ стоилъ бы громадныхъ денегъ, а переправа вагоновъ на паромахъ представила бы чрезвычайныя неудобства, между тѣмъ какъ великолѣпный кіевскій мостъ могъ бы быть легко приспособленъ къ конной желѣзной дорогѣ, для перевозки тяжестей черезъ Днѣпръ безъ ихъ перегрузки.

№ 243.

Москва, 5-го ноября.

А.

Бывшій британскій посолъ при Императорскомъ Дворѣ, лордъ Непиръ; выѣхалъ 2-го ноября изъ С.-Петербурга къ своему новому назначенію, оставивъ по себѣ искреннія сожалѣнія и самыя лучшія воспоминанія не только въ дипломатическомъ корпусѣ, котораго онъ былъ украшеніемъ, или въ англійской факторіи, но и въ русскомъ обществѣ, гдѣ такъ цѣнили его личныя качества и гдѣ онъ имѣетъ такъ много дружескихъ связей и знакомствъ. Обладая умомъ просвѣщеннымъ и тонкимъ, отлично знакомый со всѣми условіями политической жизни обществъ, лордъ Непиръ принадлежитъ къ числу тѣхъ дипломатовъ, которые не ограничиваются дѣятельностію въ офиціяльныхъ сферахъ, но полагаютъ свое существенное призваніе также и въ томъ чтобы вникать во всѣ жизненныя явленія и особенности страны, гдѣ приходится имъ дѣйствовать. Лордъ Непиръ обращалъ зоркое вниманіе на русскія дѣла, и во всемъ что̀ ихъ касается принималъ живое участіе. Конечно, не простое любопытство побуждало его къ тому; но убѣжденіе, что внутреннія дѣла той страны, гдѣ довелось ему представлять свое правительство, не могли быть для него предметомъ чуждымъ и безразличнымъ. Мы, съ своей стороны, можемъ только радоваться тому серіозному вниманію, которое иностранные дипломаты обращаютъ на наши внутреннія дѣла, особенно такому зоркому и бдительному участію, съ какимъ присматривался къ нимъ лордъ Непиръ. Но, могутъ сказать намъ, иностранный дипломатъ приглядывается къ нашимъ дѣламъ и изучаетъ ихъ вовсе не въ нашемъ интересѣ. Такъ, — но не странно ли возлагать на кого-либо, кромѣ насъ самихъ, обязанность изучать наши дѣла въ нашемъ интересѣ? Иностранный дипломатъ пріѣзжаетъ къ намъ не за тѣмъ чтобы помогать намъ въ нашихъ затрудненіяхъ, а чтобы служить интересамъ своей страны. Мы можемъ желать только того, чтобы вниманіе которое со стороны обращается на наши дѣла, было вниманіе серіозное, и чтобъ оно одушевлялось дѣйствительнымъ интересомъ, который побуждалъ бы изучающаго не останавливаться на поверхности, но вникать глубже въ явленія и настойчивѣе допскиваться истины. Изъ какихъ бы источниковъ не происходилъ этотъ интересъ, намъ все равно, лишь бы только въ результатѣ оказывалась истина. Намъ нечего бояться изученія, съ какой бы точки зрѣнія оно ни предпринималось, лишь бы только оно было основательно и добросовѣстно; а за добросовѣстность изученія всего болѣе можетъ ручаться хорошо понятый, собственный интересъ изучающаго. Сожалѣть намъ остается только о томъ, что наши дѣла доселѣ не легко даются изученію, и что, несмотря на всѣ усилія сторонняго наблюдателя, онъ на каждомъ шагу подвергается опасности ошибиться. Причинъ тому много. Нигдѣ въ такой мѣрѣ мнимое не перемѣшивается съ дѣйствительнымъ, нигдѣ не встрѣчается такихъ разительныхъ несоотвѣтствій между понятіемъ и вещью, какъ у насъ, и повѣрка для иностраннаго дипломата тѣмъ труднѣе, что пунктомъ наблюденія служитъ ему наша сѣверная столица, которая ни по своему происхожденію, ни по своему характеру, не можетъ считаться жизненнымъ средоточіемъ страны. Общественное мнѣніе живетъ у насъ главнымъ образомъ въ элементѣ частныхъ разговоровъ, и не имѣетъ никакой правильной организаціи, а потому нигдѣ не появляется столько блудячихъ огоньковъ, которые сбиваютъ съ толку не только людей заѣзжихъ, но и самихъ туземцевъ. Наконецъ, ни одна страна не окружена такимъ туманомъ предубѣжденій и фальшивыхъ толкованій, какъ Россія. Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ своихъ, англійская газета *Morning Herald*, приводя недавно сдѣланное нами замѣчаніе о томъ, что Китай и Японія во многихъ отношеніяхъ извѣстнѣе Европѣ нежели Россія, объясняетъ это тѣмъ, что нѣтъ такихъ партій, которыя имѣли бы интересъ сбивать съ толку общественное мнѣніе по отношенію къ столь отдаленнымъ странамъ какъ Китай и Японія, между тѣмъ какъ есть интересы, упорно старающіеся о томъ, чтобы распространять ложныя свѣдѣнія о Россіи и производить невыгодныя для нея впечатлѣнія. Это замѣчаніе совершенно справедливо. Вспомнимъ при этомъ о западныхъ окраинахъ Русской державы, которыя до сихъ поръ чуждаются русскаго народа и хотя участвуютъ во всѣхъ его дѣлахъ, но вовсе не заинтересованы тѣмъ чтобы дѣла у него шли хорошо, или пра-

вильно оцѣнивались, и еще менѣе заботятся о томъ чтобы служить вѣрною связью между Россіей, которой онѣ принадлежатъ, и Европой, отъ которой онѣ отдѣляютъ ее.

Нѣтъ сомнѣнія, однако, что лордъ Непиръ болѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ могъ ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ въ нашей странѣ, и способствовалъ своему правительству въ надлежащей оцѣнкѣ ихъ.

Ничего не можетъ быть лучше прямыхъ и откровенныхъ отношеній. Только такого рода отношенія и можно назвать честными, каковы бы ни были ихъ другія свойства. Что бы ни было, дружба или вражда, согласіе или рознь интересовъ, во всякомъ случаѣ желательны отношенія правдивыя, какъ въ частной жизни людей, такъ и въ политическомъ мірѣ. Нѣтъ надобности желать, чтобы взаимныя отношенія государствъ между собою отличались преизбыткомъ дружелюбныхъ чувствованій; но надобно желать, чтобъ отношенія между ними основывались на дѣйствительныхъ интересахъ, и чтобы въ характерѣ и тонѣ этихъ отношеній была правда. И вотъ, въ такихъ-то, какъ намъ кажется, совершенно правдивыхъ и, стало-быть, въ наилучшихъ отношеніяхъ, находятся въ настоящее время Россія и Англія. Лордъ Непиръ прекрасно характеризуетъ эти отношенія въ своемъ отвѣтѣ на поднесенный ему отъ англійской факторіи адресъ,—въ отвѣтѣ, котораго англійскій текстъ имѣемъ мы теперь передъ глазами. „Политическія отношенія Англіи къ Россіи", сказалъ онъ, „не представляютъ основанія для исключительной или постоянной близости; но „они могутъ давать много случаевъ ко „взаимнымъ добрымъ услугамъ." Онъ откровенно указываетъ на возможность столкновенія между интересами и стремленіями двухъ великихъ державъ, которыя „почти „соприкасаются между собою въ различ-„ныхъ пунктахъ на границахъ ихъ обоюд-„ной дѣятельности." Можетъ ли и быть иначе? Можно ли ожидать, чтобы во взаимныхъ отношеніяхъ могущественныхъ государствъ между собою была исключена возможность болѣе или менѣе серіозныхъ столкновеній? Но слѣдуетъ желать, чтобъ эта возможность не прикрывалась никакою фальшивою примѣсью, и чтобы напротивъ она была постоянно въ виду. Только при этомъ условіи можетъ образоваться истинная дружба между націями, потому что только при этомъ условіи можетъ установиться между ними равновѣсіе ихъ взаимныхъ интересовъ. Дружба между государствами, которая основывается на какихъ-либо личныхъ чувствованіяхъ и впечатлѣніяхъ, всего хуже и опаснѣе: при такой дружбѣ всегда, съ той или другой стороны, теряется какой-либо дѣйствительный интересъ, и возникаетъ положеніе двусмысленное и ложное. Пожертвованіе дѣйствительными интересами одной страны въ пользу другой отнюдь не упрочитъ добрыхъ отношеній между ними; напротивъ, только руководствуясь яснымъ и чуткимъ сознаніемъ своихъ дѣйствительныхъ интересовъ, а также благоразуміемъ и осмотрительностію, которымъ такое сознаніе всего лучше учитъ, государство столько же выигрываетъ въ своемъ внутреннемъ развитіи, сколько и въ добрыхъ отношеніяхъ къ другимъ, съ которыми оно соприкасается въ своихъ интересахъ.

Б.

Въ полученномъ сегодня нумерѣ *Сѣверной Почты* прочли мы нѣсколько замѣчаній на нашу передовую статью о вліяніи денежныхъ тратъ производимыхъ русскими путешественниками за границей на русскій торговый балансъ и русскій вексельный курсъ. Мы всегда благодарны за замѣчанія, высказываемыя въ интересѣ дѣла и ведущія къ его разъясненію, и потому спѣшимъ воспользоваться статьей *Сѣверной Почты* для дополненія того, что было нами сказано въ № 234 *Московскихъ Вѣдомостей.* Почтенная газета излагаетъ нашу аргументацію не только въ „сжатой", но—позволимъ себѣ прибавить—и въ игривой формѣ. Мы имѣли въ виду доказать, что проживаніе Русскихъ за границей не можетъ имѣть того вліянія на торговый балансъ, которое считается неблагопріятнымъ, то-есть не можетъ нарушать равновѣсіе между привозомъ и отпускомъ въ пользу перваго; намъ кажется, что это положеніе не допускаетъ возраженій. *Сѣверная Почта* требуетъ отъ насъ доказательства, что обороты международной торговли находятся въ *прямой* зависимости отъ мѣстопребыванія нѣсколькихъ тысячъ путешественниковъ. Этого доказать нельзя, да еслибъ это и было возможно, то не повело бы ни къ чему, потому что надобно было бы доказать, что вексельный курсъ находится въ свою очередь въ прямой за-

висимости отъ оборотовъ международной торговли даже при неразмѣнности бумажныхъ денегъ, а доказать подобное положенiе, конечно, не удастся ни одному смертному. Россiя выпускала ассигнацiи въ началѣ нынѣшняго столѣтiя, и курсъ падалъ; Австрiя дѣлала тогда же тоже самое, и курсъ ея тоже падалъ; Англiя прекратила размѣнъ, и также послѣдовалъ упадокъ курса. На нашихъ глазахъ повторились тѣ же самыя явленiя въ Австрiи, въ Россiи и въ Соединенныхъ Штатахъ. Вотъ примѣры объясняющiе истинную причину того, что вексельный курсъ нашъ падаетъ. Какъ бы то ни было желательно сокращенiе числа Русскихъ путешествующихъ за границей, но это обстоятельство тутъ пособить не можетъ: поднять курсъ можно не иначе какъ сокращенiемъ количества обращающихся бумажныхъ денегъ. Намъ очень жаль, что указанiе на этотъ серiозный пунктъ кажется почтенной газетѣ, возражающей намъ, какимъ-то чудачествомъ, чуть не какою-то манiей съ нашей стороны; но мы не будемъ объ этомъ спорить съ ней, и обратимъ вниманiе на сущность ея возраженiя. Эта сущность состоитъ въ слѣдующемъ: расходы лицъ, уѣзжающихъ заграницу, совершенно справедливо замѣчаетъ *Сѣверная Почта*, дѣлались въ Россiи не только на статьи привознаго или отпускнаго торга; между этими расходами были статьи третьей категорiи, которыя не выписываются изъ-за границы и никакою таможней за границу не могутъ быть отпущены. Таковы, напримѣръ, расходы на квартиру, на ея отопленiе и освѣщенiе, на личныя услуги, наконецъ на разныя мелкiя потребности жизни, въ совокупности составляющiя далеко не мелкую часть общаго итога. Если же все это не будетъ потреблено дома и не можетъ быть отъ насъ вывезено, то, спрашиваетъ *Сѣверная Почта*, неужели не произойдетъ отъ того никому никакого ущерба? Отвѣчаемъ: ущербъ можетъ произойдти, но отъ этого ущерба не можетъ пострадать ни торговой балансъ, ни вексельный курсъ именно по скольку эти цѣнности не могутъ имѣть влiянiя на международную торговлю. Интересно однакоже разсмотрѣть, какого рода ущербъ можетъ произойдти отъ уменьшенiя спроса на эти цѣнности. Возьмемъ сперва цѣны квартиръ. Очевидное дѣло, что если за выѣздомъ за границу многихъ жителей Петербурга уменьшился бы тамъ спросъ на квартиры, то слѣдствiемъ того было бы пониженiе цѣнъ на квартиры и можетъ-быть даже пониженiе ренты, приносимой городскими имуществами. Еслибы пониженiе цѣнъ ограничилось большими квартирами, то домовладѣльцы принуждены были бы дробить большiя квартиры на мелкiя, но доходъ, приносимый домами въ Петербургѣ, могъ бы и не пострадать: увеличились бы только удобства съемщиковъ мелкихъ квартиръ; открылась бы для нихъ возможность жить въ домахъ, хорошо устроенныхъ и лежащихъ въ лучшихъ частяхъ города, а эти удобства привлекли бы въ Петербургъ или удержали бы въ этомъ городѣ такихъ людей, которые безъ того принуждены были бы отказать себѣ въ удовольствiи жить тамъ. Но безспорно возможенъ и такой случай, что уменьшившiйся спросъ на большiя квартиры отразился бы не только на цѣнѣ большихъ квартиръ, но и вообще на цѣнѣ квартиръ; въ такомъ случаѣ, какъ выше сказано, понизилась бы рента приносимая домами или въ цѣломъ городѣ, или въ нѣкоторыхъ частяхъ его. При небольшомъ пониженiи, дѣло ограничилось бы тѣмъ, что прiостановилась бы стройка новыхъ домовъ и затрата капиталовъ на перестройку домовъ старыхъ; капиталы, для того предназначавшiеся, прiискали бы себѣ другое помѣщенiе, болѣе выгодное, въ такихъ предпрiятiяхъ, которыя особенно нуждаются въ капиталахъ. При пониженiи болѣе значительномъ, домовладѣльцы понесли бы несомнѣнный ущербъ, но съемщики квартиръ несомнѣнно выиграли бы. Съ точки зрѣнiя домовладѣльцевъ нельзя было бы не жалѣть о томъ, но съ точки зрѣнiя народнаго хозяйства, взятаго въ совокупности, ущербъ домовладѣльцевъ былъ бы уравновѣшенъ выгодой съемщиковъ; въ Петербургѣ сдѣлалось бы жить дешевле, и вслѣдствiе того увеличилась бы привлекательная сила этого города. Это была бы побѣда надъ дороговизной, составляющею явленiе неестественное, и слѣдовательно этимъ возобновлялся бы естественный порядокъ вещей. Изъ этого не слѣдуетъ, конечно, чтобы можно было радоваться пониженiю домовладѣльческой ренты, или чтобы въ немъ можно было видѣть признакъ правильнаго хода дѣлъ: для устраненiя дороговизны есть средства болѣе справедливыя, менѣе сопряженныя съ ущербомъ частныхъ лицъ. Рента всего бо-

лѣе зависитъ отъ общаго благоустройства и процвѣтанія. Ея пониженіе во всякомъ случаѣ плохой признакъ, но тѣмъ не менѣе это признакъ, а не причина плохаго хода дѣлъ.

Останавливаясь на рентѣ, нельзя не замѣтить, что рента не только съ городской, но и съ сельской недвижимой собственности, у насъ теперь падаетъ. Это явленіе крайне прискорбно, но не само по себѣ, а по своимъ причинамъ. Само по себѣ взятое, оно ведетъ къ возвышенію цѣны капитала: чѣмъ больше въ странѣ капиталовъ, и чѣмъ слѣдовательно капиталы дешевле, тѣмъ болѣе возрастаетъ рента, и наоборотъ пониженіе ренты увеличиваетъ цѣнность капитала и чрезъ то поощряетъ бережливость. При теперешнемъ экономическомъ положеніи Россіи, причиненномъ чрезмѣрною растратой капиталовъ, все что содѣйствуетъ бережливости должно быть особенно полезно. Пониженіе ренты главнѣйшимъ образомъ причинено растратой капиталовъ; поскольку оно служитъ приманкой къ ихъ накопленію, оно должно приносить пользу въ общей системѣ экономической жизни страны. Тутъ дѣйствуетъ логика силы обстоятельствъ, возстановляющая нарушенное равновѣсіе. Но само собой разумѣется, что было бы лучше, еслибы равновѣсіе не было нарушено, и еслибы вовсе не оказывалось потребности въ его возстановленіи.

Взглянемъ теперь на личныя услуги. Не можетъ быть спора, что если число Русскихъ проживающихъ за границей увеличилось противъ прежняго, напримѣръ, на 50 тысячъ человѣкъ, то ремесленники, на нихъ работавшіе, и люди, имъ служившіе, понесли отъ того ущербъ. Но съ точки зрѣнія народнаго хозяйства, которая единственно занимала насъ въ указанной выше передовой статьѣ, надобно прежде всего спросить что дѣлаютъ теперь эти люди. Если они сидятъ сложа руки, то народное производство отъ этого страдаетъ; если же они продолжаютъ трудиться, то для народнаго хозяйства можно скорѣе ожидать выгоды нежели ущерба. Трудиться они могутъ или за тѣмъ же дѣломъ, которымъ занимались прежде, или перейдя отъ прежняго занятія къ какому-либо другому. Въ первомъ случаѣ ихъ услугами пользуются тѣ живущія въ Россіи лица, для которыхъ прежде эти услуги были не доступны, а это значитъ что пользованіе удобствами жизни, заключающимися въ этихъ услугахъ, расширилось въ странѣ, и слѣдовательно многимъ стало жить удобнѣе чѣмъ прежде: сдѣлалось, стало быть, легче пріискать хорошаго портнаго, сапожника, слугу. Во второмъ случаѣ, когда вслѣдствіе уменьшенія спроса на то или другое занятіе, сократилось число людей посвящающихъ себя этому занятію, отъ этого должны были выиграть другія занятія, и хотя переходъ къ этимъ другимъ занятіямъ могъ быть тягостенъ для людей, принужденныхъ къ тому, но лишь бы только избраніе новаго занятія было сдѣлано свободно, надобно предполагать, что новое занятіе если не всегда окажется болѣе выгоднымъ, то по крайней мѣрѣ будетъ обезпечивать болѣе вѣрный доходъ. Нѣтъ никакой причины опасаться, чтобы народная производительность, въ цѣломъ своемъ составѣ, понесла отъ того ущербъ: для народнаго хозяйства всего выгоднѣе когда люди занимаются такимъ дѣломъ, которое наименѣе зависитъ отъ случайностей. И тутъ также слѣдуетъ сказать, что переходъ отъ одного занятія къ другому самъ по себѣ не причиняетъ вреда народному хозяйству, а напротивъ долженъ содѣйствовать болѣе правильному распредѣленію труда, но что съ другой стороны частые переходы отъ одного занятія къ другому, эти безобразныя кочеванія, которыя происходятъ на нашихъ глазахъ въ Россіи, свидѣтельствуютъ о неправильномъ положеніи дѣлъ. На долю путешественниковъ тутъ приходится мало вины: тутъ можетъ пособить только бо́льшая свобода труда, большее обезпеченіе въ пользованіи его результатами и наконецъ меньшее искусственное вмѣшательство въ эту область народной жизни.

Прискорбный фактъ нашего абсентизма вызванъ причинами не экономическаго свойства. Въ сферѣ же экономическихъ отношеній ему всего болѣе содѣйствовала дороговизна. Но дороговизна должна естественно уменьшаться вслѣдствіе выѣзда значительнаго числа семействъ за границу. Остающимся въ Россіи потребителямъ должно быть въ экономическомъ отношеніи привольнѣе чѣмъ прежде. Такъ свободное движеніе экономической жизни само собой врачуетъ ся болѣзни. Государственныя мѣры врачеванія могутъ быть полезны только подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ ими не былъ стѣсняемъ этотъ естественный способъ врачеванія. Онѣ могутъ быть съ пользой направлены только на источникъ болѣзни, ес-

ли онъ имъ доступенъ, а не на ея наружное проявленіе. Что касается до дороговизны и до застоя всѣхъ нашихъ хозяйственныхъ дѣлъ, то источникъ этихъ болѣзней несомнѣнно доступенъ государственнымъ мѣрамъ. Онъ заключается въ ненормальности нашего денежнаго обращенія: это—*caeterum censeo*, къ которому, дѣйствительно, сходятся всѣ основательныя разсужденія, вызываемыя вопросомъ о вексельномъ курсѣ.

№ 244.

Москва, 6-го ноября.

Согласно принятому нами обычаю представляя сегодня сводную таблицу счетовъ государственнаго банка за истекшіе шесть мѣсяцевъ, считаемъ нужнымъ обратить на нее особенное вниманіе нашихъ читателей. Она гораздо интереснѣе таблицы за предшествующее полугодіе помѣщенной въ № 102 *Московскихъ Вѣдомостей*. Въ продолженіе того полугодія банкъ велъ обычную дѣятельность; новаго тогда не было ничего кромѣ полученнаго банкомъ права выпустить 12 милліоновъ четырехпроцентныхъ металлическихъ билетовъ въ добавокъ къ прежнимъ 48 милліонамъ (уменьшившимся, вслѣдствіе тиражей, ко времени выпуска новаго 12-ти милліоннаго разряда, до 46.761.600 р.), но сперва банкъ выпускалъ эти билеты мало-по-малу, и денежный рынокъ испытывалъ лишь умѣренное дѣйствіе этихъ выпусковъ Благодаря бережности банка, вексельный курсъ, этотъ барометръ денежнаго обращенія, падалъ медленно, не много болѣе чѣмъ на $^1/_2{}^0/_0$ въ мѣсяцъ. Въ началѣ февраля курсъ на Парижъ (мы беремъ курсы на Парижъ, какъ болѣе понятные читателямъ), состоялъ 360 сантимовъ за серебряный рубль, а въ концѣ мая, то-есть черезъ четыре мѣсяца курсъ былъ 350 сантимовъ. Слѣдовательно паденіе курса за четыре мѣсяца не превышало $2^1/_2\%$. Но съ тѣхъ поръ пониженіе пошло быстрѣе Въ началѣ августа курсъ былъ уже 330 сантимовъ, въ сентябрѣ онъ дошелъ до 320 сантимовъ и спускался иногда даже за 320 сантимовъ (312 сантимовъ на биржахъ 22-го сентября и 6-го октября). Въ настоящую минуту, повидимому, курсъ остановился около 320 сантимовъ, а потому теперь будетъ, кажется, своевременно обозрѣть исторію пониженій курса въ связи съ исторіей банка, записанной въ его отчетахъ.

У насъ до сихъ поръ еще, на перекоръ очевидности, оспаривается мнѣніе, что русскій вексельный курсъ зависитъ преимущественно отъ денежнаго обращенія. Несомнѣнный фактъ избытка орудій денежнаго обращенія все еще подвергается сомнѣнію, и все еще въ жалобахъ на безденежье многіе расположены видѣть жалобы на недостатокъ не капиталовъ, а денежныхъ знаковъ, и потому желаютъ, чтобы сдѣланъ былъ опытъ увеличенія количества орудій обращенія. Мы постоянно слышали отъ этихъ охотниковъ до производства опытовъ, что на теорію полагаться нельзя, что теорія дѣло кабинетное, и что вопросъ о нашемъ денежномъ обращеніи должна рѣшить сама жизнь. „Что вы навязываете намъ свою политическую экономію? твердили намъ наши оппоненты. Мы на теорію не сдадимся; мы хотимъ внимать только голосу жизни, и только къ жизни питаемъ уваженіе“. Добрые люди не замѣчали, что уваженіе къ жизни должно вести скорѣе къ бережному обхожденію съ жизнію, чѣмъ къ употребленію жизни для испытанія вѣрности законовъ политической экономіи, въ чѣмъ можно удостовѣриться посредствомъ простаго изученія, не тревожащаго жизни. Но какъ бы то ни было, эти поклонники жизни постоянно провозглашали, что они сдадутся, если жизнь убѣдитъ ихъ въ избыткѣ нашихъ денежныхъ знаковъ и въ невозможности увеличивать ихъ количество, не причиняя тѣмъ пониженія вексельнаго курса. Вексельный курсъ, по ихъ мнѣнію, зависитъ отъ торговаго баланса. Если торговый балансъ не измѣнится къ нашей невыгодѣ, то увеличеніе количества обращающихся денежныхъ знаковъ не поведетъ къ паденію курса. Такъ было говорено много разъ, и мы ловимъ нашихъ антагонистовъ на этихъ словахъ. Пусть же они внимаютъ теперь голосу жизни.

Что мы теперь видимъ? Измѣнился ли нашъ торговый балансъ къ нашей невыгодѣ? Уменьшился ли отпускъ и усилился ли привозъ? Никто не скажетъ: да. Напротивъ, привозъ сократился до степени весьма чувствительной для таможенныхъ доходовъ казны, а отпускъ, поощряемый пониженіемъ курса, возросъ противъ прежняго. И однакоже вексельный курсъ падаетъ, сперва онъ падалъ довольно медленно, а съ іюня мѣсяца очень быстро.

Но вотъ съ другой стороны исполнилось желанie не вѣрившихъ въ избытокъ орудiй обращенiя на русскомъ денежномъ рынкѣ. Количество этихъ орудiй восросло въ значительной степени, миллiоновъ на 60. Теорiя утверждаетъ, что слѣдствiемъ того должно быть пониженiе курса, и курсъ дѣйствительно понизился.

Итакъ, одно мнѣнiе опровергнуто самою жизнiю, другое самою жизнiю подтверждено. Будетъ ли и послѣ того продолжаться споръ? Будутъ ли требовать еще дальнѣйшихъ опытовъ чтобъ убѣдиться въ такой истинѣ, которая и сама по себѣ ясна какъ день?

Орудiя обращенiя состоятъ у насъ изъ слѣдующихъ элементовъ:

1. Звонкая монета, которой почти вовсе нѣтъ, за исключенiемъ мѣди и низкопробнаго серебра, теперь впрочемъ исчезающаго.

2. Кредитные билеты.

3. Билеты государственнаго казначейства, такъ-называемыя серiи.

4. Четырехпроцентные металлическiе билеты, обращающiеся преимущественно въ Петербургѣ.

Счеты государственнаго банка, обнародываемые для свѣдѣнiя публики, показываютъ движенiе только по двумъ изъ этихъ элементовъ, — по кредитнымъ билетамъ и по четырехпроцентнымъ металлическимъ билетамъ. Хотя и остальные два разряда занимаютъ въ общемъ итогѣ значительное мѣсто, и хотя въ особенности выпуски значительнаго количества серiй должны выражаться на рынкѣ пониженiемъ вексельнаго курса, но такъ какъ мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣнiй о времени выпуска размѣнной монеты и серiй, то ограничимся лишь указанiемъ на соотвѣтствiе между увеличенiемъ количества обращающихся въ публикѣ кредитныхъ и четырехпроцентныхъ металлическихъ билетовъ и пониженiемъ вексельнаго курса.

Сколько же обращалось кредитныхъ билетовъ 1-го февраля, когда курсъ былъ 360 сантимовъ за рубль, и сколько обращается ихъ теперь, по послѣднему отчету государственнаго банка? Чтобы вычислить въ точности количество обращающихся кредитныхъ билетовъ, для этого надобно взять означенную въ пассивѣ государственнаго банка цифру кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ въ обращенiе, и вычесть изъ нея другую цифру, находящуюся въ активѣ банка и показывающую сколько кредитныхъ билетовъ лежитъ въ оборотной кассѣ банка. Примѣняя этотъ способъ вычисленiя, мы найдемъ, что состояло въ дѣйствительномъ обращенiи кредитныхъ билетовъ:

1-го февраля	625.683.758
2-го ноября	639.875.657

Примѣняя этотъ же способъ вычисленiя къ четырехпроцентнымъ металлическимъ билетамъ, увидимъ, что ихъ находилось въ дѣйствительномъ обращенiи:

1-го февраля	38.153.400
2-го ноября	63.910.200

Сложивъ эти цифры, получимъ, что общее количество кредитныхъ и четырехпроцентныхъ металлическихъ билетовъ, находившихся въ дѣйствительномъ народномъ обращенiи, составляло:

1-го февраля	663.837.158
2-го ноября	703 785.457

Увеличенiе за 9 мѣсяцевъ—39.948.299 р., то-есть около 6%. Вексельный курсъ упалъ за эти 9 мѣсяцевъ не на 6%, а на 10%, но для объясненiя этого надобно принять во вниманiе два обстоятельства, вопервыхъ, что за это время увеличилось количество не только кредитныхъ и четырехпроцентныхъ билетовъ, но и размѣнной монеты и серiй, что также имѣло влiянiе на удешевленiе денегъ и слѣдовательно на вексельный курсъ, и вовторыхъ, что вексельный курсъ отражаетъ собой преимущественно состоянiе петербургскаго денежнаго рынка, и выпуски новыхъ орудiй обращенiя, производимые преимущественно въ Петербургѣ, должны оказывать именно тамъ свое главное дѣйствiе. Вотъ почему никакъ нельзя удивляться, что вексельный курсъ на петербургской биржѣ понизился за послѣднiе 9 мѣсяцевъ на 10%.

Съ какою точностью вексельный курсъ слѣдуетъ за умноженiемъ орудiй обращенiя, это самымъ разительнымъ образомъ показываетъ сличенiе счетовъ государственнаго банка.

Въ февралѣ курсъ почти не падалъ; онъ держался на 360 и 358 сантимахъ за рубль. Онъ начинаетъ падать въ мартѣ; 10 марта онъ понижается до 354, 24 апрѣля до 352, 22 мая до 350, 23 iюня до 340, 4 августа до 330. Что же происходитъ за это время въ банкѣ? Банкъ занятъ помѣщенiемъ вновьвыпущенныхъ четырехпроцентныхъ металлическихъ билетовъ. Успѣхи этой дѣятельности видны изъ того, сколько этихъ билетовъ оставалось въ оборотной кассѣ

банка, то-есть сколько ихъ не было еще помѣщено на рынкѣ. Взглянемъ же на цифры. Въ оборотной кассѣ банка лежало четырехпроцентныхъ билетовъ:

1 апрѣля	20.923.500
1 мая	20.897.700
1 іюня	14.935.500
1 іюля	11.830.700
1 августа	4.031.600
1 сентября	298 200

Итакъ съ перваго апрѣля по первое октября слишкомъ 20 милліоновъ четырехпроцентныхъ билетовъ было помѣщено на рынкѣ. Самое большое помѣщеніе было въ маѣ и въ іюлѣ, и оно отозвалось на курсѣ слѣдующихъ за маемъ и іюлемъ мѣсяцевъ, то-есть на курсѣ іюньскомъ и августовскомъ. Въ іюнѣ и августѣ курсъ понижается особенно сильно. Но этого мало: съ іюля мѣсяца начинаетъ возрастать и количество обращающихся кредитныхъ билетовъ. Ихъ значится по счетамъ банка выпущенными въ народное обращеніе:

къ 1-му іюля	631.255.174
„ 1-му августа	634.613.343
„ 1-му сентября	640.195.023
„ 1-му октября	642 091.264
„ 1-му ноября	643.794 256

Изъ того числа въ оборотной кассѣ банка находилось:

къ 1-му іюля	4 931.122
„ 1-му августа	3.392.608
„ 1-му сентября	3.499.826
„ 1-му октября	3.098.761
„ 1-му ноября	3.918.599

Слѣдовательно въ дѣйствительномъ обращеніи было:

къ 1-му іюля	626.324.052
„ 1-му августа	631.220.735
„ 1-му сентября	636.802.397
„ 1-му октября	638 995.503
„ 1-му ноября	639.875.657

Увеличилось количество находящихся въ дѣйствительномъ обращеніи кредитныхъ билетовъ:

Въ продолженіе іюля на	4.896.683
„ августа „	5.581.662
„ сентября „	2.193.106
„ октября „	880.154

Самые большіе выпуски кредитныхъ билетовъ были въ іюлѣ и въ августѣ. Въ іюлѣ, какъ читатели помнятъ, было и самое большое помѣщеніе четырехпроцентныхъ билетовъ. Вотъ почему въ началѣ августа такъ сильно упалъ вексельный курсъ. На биржѣ 31-го іюля курсъ былъ 338, на биржѣ 4-го августа 330, на биржѣ 7-го августа 325, но это пониженіе было чрезмѣрное, и какъ скоро отлили изъ Петербурга новые кредитные и четырехпроцентные билеты, то курсъ сталъ поправляться: на биржѣ 11-го августа онъ дошелъ опять до 330, на биржѣ 18-го августа даже до 343, впрочемъ на биржѣ 21-го августа опять упалъ до 330 и на этой цифрѣ стоялъ почти три недѣли.

Но вотъ что странно: наибольшіе выпуски кредитныхъ билетовъ были въ іюлѣ и августѣ; въ сентябрѣ и октябрѣ они были сравнительно незначительны. Отъ чего же по преимуществу въ сентябрѣ курсъ такъ колебался? 11-го сентября онъ упалъ до 325, 18-го сентября до 320, 22-го сентября до 312. По крайней мѣрѣ тутъ не замѣшался ли какъ-нибудь торговый балансъ? Но увы! и тутъ дѣло объясняется изъ счетовъ банка, а не департамента внѣшней торговли. Количество кредитныхъ билетовъ, находящихся въ дѣйствительномъ народномъ обращеніи, возрастало за эти мѣсяцы мало,—это правда, но вотъ что мы видимъ: въ продолженіе сентября мѣсяца предоставлено банку выпустить 6 милліоновъ новыхъ четырехпроцентныхъ билетовъ, то-есть третью ихъ серію. Читатели помнятъ, что до марта мѣсяца этихъ билетовъ было 48 милліоновъ; въ мартѣ прибавлено еще 12 милліоновъ, и банкъ помѣщалъ ихъ на рынкѣ вплоть до 1-го сентября. Къ этому дню ихъ оставалось въ оборотной кассѣ банка всего на 298.200 руб., но въ продолженіе сентября къ этому числу прибавлено 6 милліоновъ новыхъ билетовъ, и въ продолженіе одного сентября мѣсяца банкъ помѣстилъ ихъ почти всѣ; къ 1-му октября въ кассѣ банка оставалось ихъ только на 977.100 руб., то-есть въ продолженіе мѣсяца помѣщено на 5.321.100 руб. Вотъ объясненіе сентябрьскихъ колебаній курса. Но въ октябрѣ выпуски новыхъ орудій обращенія производились въ ограниченномъ размѣрѣ: кредитныхъ билетовъ выпущено на 880.154 р., четырехпроцентныхъ металлическихъ на 500.000 р., и соотвѣтственно тому мы видимъ, что курсъ становится тверже.

Такъ блистательно подтверждается самымъ дѣломъ или, какъ у насъ любятъ выражаться, самою жизнію, тотъ простой экономическій законъ, что чѣмъ больше выпускается орудій обращенія, тѣмъ дешевле они должны становиться и тѣмъ бо-

лѣе долженъ падать вексельный курсъ, то-есть ихъ оцѣнка на всемірныя деньги.

№ 245.

Москва, 7-го ноября.

Недавно дошли до насъ съ юга Россіи два извѣстія прямо-противоположнаго другъ другу характера по одному и тому же предмету. Въ *Кіевлянинѣ*, отъ 13-го октября, писали въ *сообщенной* статьѣ, что изгнаніе жившихъ въ Кіевѣ, въ числѣ 8 тысячъ человѣкъ, Евреевъ, возвѣщенное лѣтомъ прошлаго года и производившееся съ большою энергіей съ марта нынѣшняго года, будетъ неослабно продолжаемо, такъ что и изъ двухъ тысячъ Евреевъ, остающихся теперь въ Кіевѣ, весьма многіе будутъ удалены по истеченіи разрѣшенныхъ имъ сроковъ пребыванія. Первоначально имѣлось въ виду разомъ очистить Кіевъ отъ этой *заразы*, и 21-го декабря всѣ они были обязаны подпиской покинуть городъ черезъ три дня; но по поданной ими просьбѣ главный начальникъ края отсрочилъ ихъ удаленіе до марта. Напротивъ, въ *Одесскомъ Вѣстникѣ*, отъ 13-го же октября, писали изъ Харькова, что дворянство Харьковской губерніи, въ своемъ собраніи по случаю выборовъ, сознавая пользу, какую Евреи могутъ принести губерніи, рѣшило просить въ вѣрноподданнѣйшемъ адресѣ о дозволеніи имъ жительствовать въ Харьковской губерніи, и вручило этотъ адресъ, для поднесенія Государю Императору, бывшему въ то время въ Харьковѣ г. министру внутреннихъ дѣлъ. Въ то же время отставные солдаты изъ Евреевъ подали г. министру прошеніе объ оставленіи ихъ въ Харьковѣ, и его высокопревосходительство, принявъ прошеніе, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы до полученія отвѣта изъ Петербурга просителей не тревожили.

Итакъ въ числѣ русскихъ подданныхъ есть до двухъ милліоновъ лицъ, родившихся и воспитавшихся на Русской землѣ, призываемыхъ къ защитѣ ея въ рядахъ нашего храбраго войска, несущихъ на себѣ всѣ государственныя и земскія повинности, и не имѣющихъ права считать *всю* Россію своимъ отечествомъ. На какомъ же основаніи мы не хотимъ признавать этихъ уроженцевъ русской земли русскими гражданами, не хотимъ дать отечество которое они могли бы любить не изъ страха, а по влеченію сердца, и желаемъ во что бы ни стало держать ихъ въ исключительномъ положеніи? Еслибъ это было на основаніи религіозныхъ чувствъ и соображеній, то нашъ образъ дѣйствій могъ бы еще быть понятенъ. Но нѣтъ; религіозныя соображенія и чувства не объясняютъ этого явленія. Еслибы мы точно были убѣждены, что своимъ присутствіемъ, напримѣръ въ Кіевѣ, Евреи оскорбляютъ эту колыбель нашего православія и тамошнюю святыню, на поклоненіе которой стремятся русскіе люди со всѣхъ концевъ Русской земли,—въ такомъ случаѣ тамъ не было бы дозволено селиться ни Евреямъ купцамъ двухъ первыхъ гильдій, ни Евреямъ, дѣти которыхъ желаютъ обучаться въ тамошнихъ заведеніяхъ учебныхъ, ремесленныхъ, фабричныхъ и заводскихъ, ни самимъ этимъ дѣтямъ, и однакоже всѣмъ имъ дано это право законоположеніями 1859 — 61 г. Мало того: мы лишаемъ Евреевъ права жить въ Россіи, гдѣ они пожелаютъ, и въ то же время мы готовы ставить ихъ начальниками надъ христіянами повсемѣстно, подъ однимъ лишь условіемъ, чтобъ эти Евреи пріобрѣли себѣ высшее научное образованіе. Мы лишаемъ ихъ низшаго изъ гражданскихъ правъ,—права жить гдѣ пожелаютъ, и даемъ имъ права, которыя у насъ достаются на долю лишь немногихъ привилегированныхъ лицъ,—права почетной государственной службы. Мы не считаемъ ихъ даже гражданами Русской земли, и однакоже полагаемъ, что нѣкоторые изъ нихъ могутъ быть облечены въ ней властію, могутъ быть ея администраторами и просвѣтителями юношества. Очевидно, что мы руководствуемся не религіозными мотивами въ нашемъ образѣ дѣйствій относительно Евреевъ. Какими же?

Говорятъ, что Евреи—язва и зараза того края, гдѣ они поселены. Но вотъ дворянство Харьковской губерніи, находящееся въ сосѣдствѣ губерній Екатеринославской и Полтавской, гдѣ дозволено жить Евреямъ, совершенно напротивъ считаетъ ихъ полезнымъ классомъ населенія. Въ *сообщенной* статьѣ *Кіевлянина* мы также читаемъ, что незаконному проживательству ихъ въ Кіевѣ способствовала и нѣкоторая часть домовладѣльцевъ. Такимъ образомъ и коренное кіевское населеніе не считало ихъ такими зловредными людьми. Тѣмъ не менѣе мы готовы согласиться, что Евреи

дѣйствительно язва юго-западнаго края России; но слѣдуетъ ли изъ этого, что этотъ край навсегда долженъ страдать этою язвой? Евреямъ, проживающимъ въ этихъ мѣстахъ, поставляютъ въ вину, что въ ихъ рукахъ монополія всего тамошняго промышленнаго и торговаго движенія, и что они крайне злоупотребляютъ сю во вредъ всѣмъ другимъ классамъ населенія. Но не объясняется ли эта монополія самымъ составомъ и положеніемъ тамошняго населенія, какъ оно вышло изъ рукъ Польши, рѣзко раздѣленнаго на польскихъ пановъ и шляхту, пренебрегающихъ всякимъ полезнымъ промысломъ, и на забитыхъ, загнанныхъ хлоповъ, которые естественно не могли ни въ чемъ конкуррировать съ Евреями и должны были стать ихъ жертвой? Возможно ли думать, чтобъ Евреи явились съ этимъ характеромъ монополистовъ и во внутреннихъ губерніяхъ Россіи? Примѣръ Одессы, да и всей Новороссіи, несмотря на рѣдкость ея великорусскаго населенія, рѣшительно говоритъ противъ этого предположенія?

Обвиняютъ Евреевъ бывшаго польскаго края въ ихъ готовности на всѣ плутни и въ крайней неразборчивости средствъ для наживы; но и въ этомъ случаѣ значительнѣйшая доля вины падаетъ на то положеніе, въ которомъ они находятся. Перерожденія этой темной массы людей, изъ которыхъ одна часть погружена въ жизнь созерцательную, и питается воспоминаніями отдаленной древности, надеждами на будущее возстановленіе Іерусалимскаго царства и талмудическими тонкостями и словопреніями, а другая, наибольшая, живетъ изо дня въ день, напрягая всѣ свои силы, чтобъ обезпечить себѣ кусокъ хлѣба въ страшной конкурренціи другъ съ другомъ, которая превосходитъ всякую степень вѣроятія въ населенныхъ Евреями городахъ и мѣстечкахъ западнаго края, — перерожденія этой массы людей въ полезныхъ и честныхъ гражданъ можно ожидать только тогда, когда имъ будутъ открыты пути къ выходу изъ той неестественной атмосферы, которая питаетъ въ нихъ и расположеніе къ религіозной замкнутости, и привычку пользоваться всякимъ средствомъ къ стяжанію.

Наконецъ, Евреевъ называютъ язвой западнаго края Россіи и съ національно-русской точки зрѣнія. Дѣйствительно, и въ послѣднемъ польскомъ мятежѣ они не обнаружили особенной преданности Россіи, и во многихъ случаяхъ принимали сторону польскихъ мятежниковъ не изъ сочувствія къ ихъ дѣлу, совершенно имъ чуждому, а изъ разчета и въ невѣдѣніи на чьей сторонѣ окончательно останется побѣда. Но удивляться ли въ Евреяхъ отсутствію русскаго патріотизма, когда они почти исключительно сосредоточены въ краѣ, который на ихъ глазахъ все болѣе и болѣе проникался польскимъ духомъ? Однакоже, тѣмъ не менѣе, болѣе образованные Евреи несомнѣнно обнаружили желаніе стать Русскими по языку и по гражданскому чувству. Въ ту самую пору, когда Поляки замышляли свое дѣло, въ Вильнѣ выходилъ еврейскій журналъ *Га-кармель*, на древнееврейскомъ языкѣ; но еженедѣльныя приложенія къ нему издавались не на польскомъ, а на русскомъ языкѣ. Въ Одессѣ точно также издавался еврейскій журналъ на русскомъ языкѣ, сначала подъ именемъ *Разсвѣта*, а потомъ *Сіона*, и этотъ журналъ имѣлъ своею цѣлью распространеніе русскаго языка и чисто-русскаго, патріотическаго духа въ еврейскомъ населеніи. Доказательствомъ можетъ служить его энергическая полемика противъ *Основы*, которая укоряла Евреевъ, что они не увлекаются украйнофильствомъ. Этотъ журналъ пользовался сочувствіемъ между Евреями. Да и теперь, вотъ что читаемъ мы въ только-что полученномъ здѣсь *Западно-Русскомъ Мѣсяцесловѣ на 1865 годъ:*

„Одновременно съ улучшеніемъ положенія приходскихъ училищъ, приняты мѣры къ основанію народныхъ школъ русской грамотности для Евреевъ и къ исправленію учебнаго курса въ казенныхъ еврейскихъ училищахъ 1-го разряда. Исправленіе это заключается въ томъ, что нѣкоторые еврейскіе предметы, именно: Хаіеадамъ и Маймонидъ, по безполезности своей исключены изъ учебнаго курса и замѣнены уроками русскаго языка. На мѣсто бывшихъ въ Вильнѣ и Ковнѣ двухъ перворазрядныхъ училищъ открыты въ Ковнѣ три, а въ Вильнѣ восемь двухъ-классныхъ народныхъ еврейскихъ училищъ, на что, въ дополненіе къ 2.700 руб., отпускаемыхъ изъ министерства народнаго просвѣщенія на два училища 1-го разряда въ поименованныхъ городахъ, назначено г. военнымъ генералъ-губернаторомъ къ ежегодному отпуску 9.664 р. с.

„Открытіе начальныхъ училищъ для обученія русской грамотѣ встрѣтило въ ев-

ройскомъ народѣ полное къ себѣ сочувствіе. Отовсюду отъ еврейскихъ обществъ поступаютъ просьбы о преобразованіи казенныхъ училищъ 1-го разряда въ двухъклассныя народныя. Въ Пружанскомъ уѣздѣ, еврейскія общества города Пружанъ и мѣстечекъ Мальчи, Ширшова, Сельца и Картузской Березы подали прошенія о разрѣшеніи имъ открыть на ихъ собственный счетъ народныя училища, на что Евреи жертвуютъ ежегодно отъ 150 до 200 руб. на жалованье учителю, и даютъ сверхъ того помѣщеніе. При извѣстномъ практическомъ умѣ Евреевъ и при ясномъ сознаніи ими пользы усвоенія русскаго языка, нельзя сомнѣваться, что примѣру пружанскихъ Евреевъ послѣдуютъ многіе. Какъ ученіе въ народныхъ школахъ кончается въ полдень, и затѣмъ классныя комнаты остаются свободными, то почти во всѣхъ еврейскихъ народныхъ училищахъ есть двойной комплектъ учениковъ, съ особыми для каждой смѣны наставниками изъ кончившихъ курсъ и хорошо знающихъ по-русски воспитанниковъ Виленскаго раввинскаго училища".

Мѣры, принимаемыя противъ Евреевъ въ Кіевѣ, вызваны, конечно, огромнымъ наплывомъ Евреевъ въ этотъ городъ, при чемъ естественно конкурренція ихъ должна была значительно стѣснить дѣятельность русскихъ купцовъ. Конечно, вовсе не желательно, чтобы въ Кіевѣ скоплялось еврейское населеніе; но этого и не могло бы быть, еслибы Евреи не были стѣснены въ выборѣ себѣ мѣста жительства.

Освобожденіе евреевъ отъ стѣсненій, совершенное теперь уже во всей христіанской Европѣ, за исключеніемъ одной лишь Испаніи и Папской области, идетъ у насъ путемъ, какъ кажется, не совсѣмъ нормальнымъ. Если въ такомъ дѣлѣ необходимо соблюденіе постепенности, то эта постепенность должна соблюдаться не сверху внизъ, а снизу вверхъ. Во всѣхъ другихъ странахъ Европы, гдѣ только была соблюдаема эта постепенность, сначала были отмѣняемы стѣсненія тяготѣвшія на жизни Евреевъ, и имъ были предоставляемы общія человѣческія и гражданскія права, какъ напримѣръ право всеобщаго мѣстожительства, а потомъ уже, въ концѣ концовъ, было открываемо для нихъ и поприще почетной государственной службы; у насъ же, какъ мы уже замѣчали, наоборотъ не дозволено еще Евреямъ вообще жить повсюду въ Россіи, не дозволено даже ветеранамъ изъ Евреевъ, выслужившимъ отставку, снискивать себѣ пропитаніе на всемъ пространствѣ Имперіи, а тѣмъ изъ Евреевъ, которые пріобрѣтутъ высшее научное образованіе, дозволено вступать въ государственную службу, занимать должности, и пріобрѣтать власть надъ христіанами, съ которыми ихъ единовѣрцамъ не дозволяется даже и проживать въ сосѣдствѣ. Единственныя послѣдствія такой мѣры начинаютъ уже обнаруживаться. Евреи искусственно привлекаются въ наши университеты, потому что этимъ путемъ они могутъ достигнуть не только общихъ, но и почетныхъ гражданскихъ правъ. Въ Петербургѣ тамошніе Евреи—банкиры, купцы 1 гильдіи, и т. д. — образовали изъ себя особое общество, средства котораго, главнѣйшимъ образомъ, будутъ идти, конечно, на приготовленіе молодыхъ людей изъ Евреевъ къ университету и на содержаніе ихъ во время студенчества. Какъ мы слышали уже въ настоящее время во всѣхъ русскихъ университетахъ насчитывается до 500 студентовъ-Евреевъ и въ томъ числѣ въ одномъ Московскомъ университетѣ до 120 человѣкъ. Такимъ образомъ, очень скоро или наши присутственныя мѣста должны будутъ переполниться Евреями, и они будутъ имѣть въ своихъ рукахъ значительную долю власти надъ христіянскимъ населеніемъ, или же Евреямъ, кандидатамъ университетовъ, будутъ отказывать въ отыскиваемыхъ ими должностяхъ на томъ основаніи, что они Евреи,—что уже и случается въ самомъ дѣлѣ,—и тогда эти Евреи, искусственно извлеченные изъ своей среды, оторванные отъ промысловъ своихъ отцовъ, принесшіе многія жертвы для достиженія указанной имъ цѣли, могутъ, ставъ въ ряды недовольныхъ сознательно и безсознательно увеличить собою элементы разложенія, которые съ нѣкоторыхъ поръ заготовляются и усиливаются у насъ разными искусственными способами. Это предметъ, на который нельзя не обратить серіознаго вниманія.

Еврейскій вопросъ есть вопросъ весьма сложный, и мы отнюдь не имѣемъ претензіи предрѣшать его изложенными выше бѣглыми замѣчаніями. Особенное вниманіе должно быть, кажется, обращено на еврейскую замкнутость и ея причины. Теперь Евреи составляютъ у насъ какъ бы обще-

ство въ обществѣ и государство въ государствѣ. Эта замкнутость въ нѣкоторыхъ случаяхъ поддерживается у насъ даже государственнымъ закономъ, подчиняющимъ Евреевъ особымъ еврейскимъ властямъ. Разрѣшеніе еврейскаго вопроса должно бы, кажется, начаться съ отмѣны узаконенной организаціи еврейскихъ обществъ и съ освобожденія Евреевъ отъ деспотизма еврейскихъ властей, поддерживающаго между ними духъ замкнутости. Но къ этому предмету мы предоставляемъ себѣ возвратиться въ послѣдствіи.

№ 246.

Москва, 9-го ноября.

Все на свѣтѣ имѣетъ своихъ враговъ. Нѣтъ такой скромной, малой, ничтожной жизни, которой не угрожали бы смертельныя опасности. И устрица имѣетъ своихъ враговъ: можетъ ли не имѣть ихъ такое громадное и могущественное государство, какъ Россія? Мы можемъ допустить это a priori; можемъ допустить также и то, что Русское государство имѣетъ враговъ тѣмъ болѣе многочисленныхъ, чѣмъ оно могущественнѣе и значительнѣе; мы можемъ допустить, что есть множество интересовъ всякаго рода, радикально враждебныхъ существованію Россіи. Допустивъ это, мы можемъ спросить себя: какой путь должны были бы избрать эти враждебные русскому государству интересы, еслибъ они оказались въ дѣйствительности? Мы еще не говоримъ, что такіе интересы дѣйствительно существуютъ: мы только дѣлаемъ предположеніе. Въ этомъ предположеніи, мы спрашиваемъ себя: что могло бы съ точки зрѣнія этихъ интересовъ казаться наиболѣе желательнымъ? Допуская существованіе такихъ интересовъ, мы хотимъ допустить еще и то, что они здравомыслены, разсудительны, опытны, что они понимаютъ ясно чего хотятъ и умѣютъ согласовать средства съ своими цѣлями. Итакъ, что было бы желательно съ точки зрѣнія радикальной, но въ то же время умной вражды относительно Русскаго государства? Желательно ли было бы пойдти на Россію войною, возбудивъ противъ нея всѣ антипатіи? Нѣтъ, умная вражда этого не пожелаетъ; только безуміе и глупость могли бы мечтать о томъ, чтобъ одною блестящею кампаніей потрясти и разрушить такое государство, какъ Россія. Умная вражда пойметъ, что такой путь ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть желателенъ, и что онъ не можетъ быть предметомъ здравыхъ политическихъ разчетовъ. Война стòитъ дорого; тяжесть войны падаетъ на обѣ стороны; война сопряжена съ рискомъ. Вредъ ожидаемый отъ войны можетъ быть купленъ слишкомъ дорогою цѣной и въ результатѣ можетъ еще оказаться не вредомъ, а пользой. Русское государство выдержало страшныя войны; но онѣ не только не разрушили его, а напротивъ способствовали его усиленію. Война возбуждаетъ народныя силы, вызываетъ народное чувство, которое тѣснѣе и крѣпче связываетъ всѣ элементы государственнаго организма и всѣ части народонаселенія. Что можно представить себѣ громаднѣе той войны, которую выдержала Россія въ 1812 г.? Но чѣмъ же кончился этотъ крестовый походъ противъ нея всей Европы, предводимой великимъ завоевателемъ? Было ли разрушено Русское государство? была ли раздроблена его государственная область? понесло ли оно какой-нибудь ущербъ? ослабѣло ли оно внутри или въ своемъ европейскомъ положеніи? Нѣтъ, этотъ крестовый походъ, въ которомъ соединились всѣ силы Европы противъ Россіи, кончился полнымъ торжествомъ ея; никогда не была она такъ могущественна какъ послѣ этой войны; патріотизмъ народной войны послужилъ къ обновленію общества и положилъ начало болѣе самостоятельному развитію его нравственныхъ силъ. Въ послѣднюю, Восточную, войну противъ Россіи соединились также силы почти всей Европы; война была ведена при самыхъ неблагопріятныхъ для Россіи условіяхъ; она не имѣла народнаго характера; исходъ ея былъ очень несчастливъ для Россіи; Россія понесла значительный ущербъ, она потеряла свой черноморскій флотъ, лишилась своего лучшаго морскаго заведенія; ея значеніе было ослаблено, обаяніе военной силы, которое давало ей такой великій вѣсъ въ европейскихъ союзахъ и совѣтахъ, померкло; но за то какихъ усилій, какого напряженія, какихъ жертвъ, стоило противной сторонѣ достиженіе этого результата! И что же однако? Какъ ни былъ чувствителенъ уронъ понесенный Россіей, подвергъ ли онъ опасности ея существованіе? Мы видимъ, что даже тѣ невыгоды, которыя были слѣдствіемъ Восточной войны, стали об-

ращаться мало-по-малу ей въ пользу. Россія вошла внутрь себя; она предприняла цѣлый рядъ преобразованій, которыя при благопріятномъ исходѣ должны были бы поставить ее гораздо выше, чѣмъ стояла она когда-либо. Итакъ, послѣдствія даже самой несчастной для Россіи войны оказались благодѣтельными для нея.

Но предположимъ возможность такой войны, въ которой русское государство совершенно изнемогло бы подъ ударами враговъ; предположимъ войну, въ которой удалось бы разрушить его. Паденіе такого громаднаго государства покрыло бы цѣлый міръ своими обломками, и Европа была бы потрясена въ своихъ основаніяхъ. Желать такой всеобъемлющей, всепотрясающей катастрофы не можетъ ни одинъ здравомыслящій политическій человѣкъ, и только самая необузданная фантазія допуститъ возможность разрушенія Русскаго государства посредствомъ войны.

Итакъ, предполагая, что есть интересы, которые враждуютъ противъ самаго существованія Русскаго государства, предполагая съ тѣмъ вмѣстѣ, что эти интересы руководятся благоразуміемъ, мы приходимъ къ заключенію, что война есть дѣло наименѣе желательное съ точки зрѣнія этихъ интересовъ. Гораздо желательнѣе было бы найдти внутри Россіи элементы разложенія, которые могли бы привести ее къ смутамъ и распаденію. Нѣтъ сомнѣнія, что всякое революціонное движеніе въ Россіи встрѣтило бы сочувствіе съ точки зрѣнія непріязненныхъ ей интересовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эти интересы должны благопріятствовать всему что̀ можетъ порождать смуты и недоразумѣнія внутри Россіи; всему что можетъ поселять раздоръ между началами ея общественной организаціи, всему что̀ можетъ ослаблять въ ней основы человѣческаго общежитія, что̀ можетъ отклонять движеніе ея жизни отъ правильнаго пути, что̀ можетъ отнимать у народа его молодыя и свѣжія силы, губить ихъ и обращать ихъ противъ него. Враждебные интересы естественно будутъ пользоваться всякою неясностію, всякою ошибкой, всякимъ дурнымъ элементомъ въ нашей жизни, чтобъ употреблять ихъ въ дѣло. Однако ни политическое благоразуміе, ни простой здравый смыслъ не могутъ желать продолжительнаго дѣйствія подобныхъ факторовъ, продолжительнаго развитія ядовитыхъ міазмовъ разрушенія.

Какъ война, такъ и внутреннія смуты могутъ служить только вспомогательными средствами; но ни то, ни другое не можетъ быть благоразумно избрано въ орудіе разрушенія громаднаго и сильнаго государства; и то и другое угрожало бы потрясеніемъ цѣлому міру; и то и другое было бы катастрофой, которая никакъ не можетъ входить въ разчеты благоразумной политики, и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть ей пріятна.

Что̀ же могло бы быть желательно въ интересахъ политики самой радикальной относительно Русскаго государства, но въ то же время благоразумной? Нѣтъ сомнѣнія, что всего желательнѣе было бы безъ усилій, безъ пожертвованій, безъ рисковъ, безъ всякихъ опасностей и потрясеній произвести то что̀ могло бы быть слѣдствіемъ только самой бѣдственной войны, или самыхъ разрушительныхъ внутреннихъ смутъ; нѣтъ никакого сомнѣнія, что мирное, тихое, постепенное, незамѣтное дѣйствіе было бы предпочтительнѣе и разгрома, и продолжительнаго разложенія нравственныхъ основъ общества. Торжествомъ политики клонящейся къ разрушенію могущественнаго и громаднаго тѣла, политики благоразумной и здравомысленной, было бы замутить его душу и убѣдить ее въ томъ, что она совершитъ наилучшее дѣло, если сама постепенно и въ видахъ прогресса раздробитъ и разрушитъ его.

Ни война, ни революція не страшны для Русскаго государства; никакой серіозной опасности не могутъ представлять для него сепаративныя наклонности, которыя обнаруживаются въ нѣкоторыхъ владѣніяхъ русской державы. Сами по себѣ всѣ дурные элементы разложенія и отложенія не имѣютъ и не могутъ имѣть силы; но чего не можетъ сдѣлать война, чего не могутъ произвести никакія внутреннія потрясенія и смуты, то было бы прямымъ и естественнымъ послѣдствіемъ систематическаго разъединенія верховной власти съ народомъ.

Давно уже пущена въ ходъ одна доктрина, нарочно сочиненная для Россіи и принимающая разные оттѣнки, смотря по той средѣ, гдѣ она обращается. Въ силу этого ученія, прогрессъ Русскаго государства требуетъ раздробленія его области по-національно на многія чуждыя другъ другу государства, долженствующія тѣмъ не менѣе оставаться въ тѣсной связи между собой. Эта мысль можетъ проникать во все-

возможныя трущобы; она же, перемѣнивъ костюмъ, можетъ замѣнять мѣсто въ весьма благоприличномъ обществѣ, и люди самыхъ противоположныхъ міровъ, сами не замѣчая того, могутъ черезъ нее подавать другъ другу руку, она возбуждаетъ и усиливаетъ всѣ элементы разложенія, какіе только могутъ оказаться въ составѣ Русскаго государства, и создаетъ новые. Людямъ солиднымъ она лукаво шепчетъ о громадности Россіи, о разноплеменности ея народонаселенія, объ удобствахъ управленія; будто бы требующаго не одной административной, но и политической децентрализаціи; людямъ либеральныхъ идей она съ лицемѣрною услужливостью объявляетъ, что въ Россіи невозможно политическое благоустройство иначе какъ въ формѣ федераціи; для молодыхъ, неокрѣпшихъ или попорченныхъ умовъ она соединяется со всевозможнымъ вздоромъ взятымъ изъ революціоннаго арсенала.

Припомнимъ, что воззванія къ революціи, какія появлялись у насъ, прежде всего требовали раздѣленія Россіи на многіе отдѣльные государственные центры. Еще въ прошломъ году, въ маѣ мѣсяцѣ, въ то самое время, когда началось въ обществѣ патріотическое движеніе, появился подметный листокъ, въ которомъ чья-то искусная рука сумѣла изложить эту программу такъ что въ ней нашлось мѣсто и для идеи царя, и для самаго нелѣпаго революціоннаго сумбура. Первое мѣсто въ этой программѣ будущаго устройства Россіи, занимаетъ, конечно, Польша, сверхъ того, кромѣ Финляндіи, помнится призывались такимъ же образомъ къ отдѣльной жизни Прибалтійскій край, Украйна, Кавказъ. Въ другихъ программахъ появлялась еще Сибирь.

Но достигнуть осуществленія этихъ программъ мятежомъ или революціей было бы трудно. Польскій мятежъ, при всѣхъ благопріятныхъ условіяхъ, оказался безсильнымъ; революція оказалась фантасмагоріей, которая исчезла при первомъ движеніи здоровыхъ общественныхъ силъ. Осталась надежда воспользоваться нашими собственными недоразумѣніями, и въ нашихъ собственныхъ рукахъ повернуть нашъ прогрессъ въ эту сторону; остается надежда, что мы сами спокойно и подъ видомъ прогресса совершимъ надъ собою то что̀ могло бы быть только слѣдствіемъ сокрушительнаго удара нанесеннаго намъ извнѣ, или какого-либо страшнаго взрыва. И вотъ намъ представляютъ перспективу Россіи превращенной изъ одной могущественной націи въ собраніе многихъ націй, которыя нужно еще для этой цѣли сдѣлать. Передъ нашимъ воображеніемъ развертываютъ картину многихъ, совершенно отдѣльныхъ и чуждыхъ другъ другу государствъ подъ сѣнію одной державы; насъ плѣняютъ изображеніемъ этой державы, возносящейся надъ цѣлымъ сонмомъ народовъ и государствъ, какъ бы надъ особымъ человѣчествомъ.

О тѣхъ доводахъ, которые могутъ улыбаться умамъ совершенно незрѣлымъ или испорченнымъ, говорить не стоитъ. Но любопытны тѣ аргументы, которые употребляются для совращенія людей солидныхъ, съ одной стороны консервативнаго, а съ другой—либеральнаго образа мыслей.

Россія, – такъ говорятъ проповѣдники новой доктрины, нарочно сочиненной во исполненіе будущихъ судебъ нашего отечества,—Россія занимаетъ слишкомъ громадное пространство; она представляетъ собою цѣлый міръ, въ которомъ живетъ не одинъ какой-нибудь народъ, а цѣлыхъ двадцать.

Итакъ, громадное протяженіе Русской Имперіи съ одной стороны, и страшное множество народностей населяющихъ ея неизмѣримое пространство съ другой,—вотъ главные аргументы, которыми хотятъ уловить нашу мудрость и направить ее къ предустановленной цѣли. Но русская територія, по своимъ естественнымъ условіямъ, не можетъ не быть громадна; она не можетъ служить поприщемъ для самостоятельной и сильной государственной жизни иначе какъ въ тѣхъ размѣрахъ, которые были намѣчены съ точностію при самомъ рожденіи Русскаго государства. Попытайтесь мысленно раздѣлить то пространство, которое нынѣ занимаетъ Русская Имперія, такъ чтобы на ея мѣстѣ образовалось нѣсколько особыхъ государствъ способныхъ къ самостоятельному и могущественному развитію, и вы сейчасъ же убѣдитесь, что это дѣло невозможное. Територія Русскаго государства на всемъ своемъ протяженіи запечатлѣна характеромъ нераздѣльности и единства. До такой степени нынѣшнія границы Русскаго государства необходимы ему, что оно до тѣхъ поръ не могло успокоиться и войдти въ себя, пока не пріобрѣло или не возвратило ихъ себѣ,

пока не возстановило цѣлости своей земли предназначенной ему Провидѣніемъ. Вся энергія народа, весь разумъ его правительства, весь геній его государственныхъ дѣятелей, были направлены къ этому необходимому результату, достиженіе котораго должно было предшествовать развитію гражданственности, свободы и всѣхъ искусствъ мира. Только съ возстановленіемъ своихъ естественныхъ границъ, и стало-быть съ занятіемъ всего огромнаго протяженія своей территоріи, Русское государство могло успокоиться, замириться и открыть возможность для свободнаго развитія человѣческой жизни. Въ чемъ состоялъ смыслъ неугомонныхъ движеній нашихъ князей въ эпоху кіевской Руси? Въ чемъ смыслъ той великой, почти безпримѣрной колонизаціонной силы, которую обнаружилъ нашъ Новгородъ? Чего добивалась, о чемъ съ такими усиліями заботилась Москва съ тѣхъ поръ, какъ въ ней сосредоточилась жизненная сила Русскаго государства, послѣ понесеннаго имъ разгрома? Не въ собраніи ли Русской земли заключалось все призваніе Москвы? Изъ чего она билась и съ Ливонскимъ орденомъ, и съ польскою Рѣчью Посполитой? На что̀ было положено столько труда, для чего было пролито столько крови? Что̀ придаетъ колоссальное величіе и силу образу Петра, и что̀ миритъ русскій народъ съ жестокостію и насиліемъ его преобразованій? Не то ли, что онъ возстановилъ нашу связь съ Западомъ, что онъ добился до нѣкоторыхъ изъ нашихъ западныхъ окраинъ, что онъ добрался до русскаго моря, что онъ положилъ начало возстановленію Руси въ ея западныхъ границахъ? Не то ли придало безсмертный блескъ царствованію Екатерины II, что она довершила начатое Петромъ, и приблизительно возстановила первоначальную грань Русской земли въ ея протяженіи на западъ, и что она овладѣла другимъ русскимъ моремъ? И вотъ теперь, когда это великое многотрудное дѣло стольких вѣковъ, стольких усилій, стольких жертвъ, совершилось,—намъ говорятъ, что Русская земля черезъ мѣру обширна, что мы обязаны отречься отъ нашей исторіи, признать ее ложью и призракомъ и принять всѣ зависящія отъ насъ мѣры, чтобъ обратить въ ничто великій результатъ добытый тяжкимъ трудомъ стольких поколѣній. Намъ говорятъ, что именно теперь, когда первая часть нашего историческаго дѣла совершена и когда вслѣдствіе того для нашей народности открывается новый періодъ существованія, въ который намъ предстоитъ оправдать трудъ нашихъ предковъ и достойно воспользоваться его плодами,—намъ говорятъ, что обширное протяженіе русской территоріи и тягостно и неудобно, и что оно должно быть снова раздроблено, — раздроблено de gaieté de coeur, раздроблено нашими собственными руками; намъ говорятъ, что съ нашей стороны и невеликодушно, и нелиберально занимать столь большое пространство; намъ говорятъ, что мы должны возгнушаться громадностію нашей государственной области, что ты должны отдѣлить отъ нея преимущественно ея западныя окраины, возвращеніе которыхъ стоило такъ дорого, возвращеніе которыхъ составляетъ весь смыслъ и московскаго, и петербургскаго періода нашей исторіи. Намъ говорятъ, что мы должны, хотя и съ другими видами и въ другой формѣ, раздѣлить Русскую землю, какъ раздѣлили ее, тоже въ видахъ удобства, старые кіевскіе князья. Намъ говорятъ, что Русская земля по своимъ громаднымъ размѣрамъ, не можетъ служить территоріей одному цѣльному государству. Нѣтъ, этого мало: намъ говорятъ это въ ту самую пору, когда пространство и время, благодаря телеграфамъ, желѣзнымъ дорогамъ и другимъ пособіямъ науки и гражданственности, почти исчезаютъ передъ человѣкомъ. Каково это? Русское государство не тяготилось громадностію своей территоріи въ тѣ времена, когда эта громадность дѣйствительно могла казаться тягостною, и должно изнемочь подъ ея бременемъ теперь, когда при условіяхъ современной цивилизаціи, обширность сплошной территоріи освобождается отъ всѣхъ своихъ неудобствъ и становится самымъ несомнѣннымъ элементомъ государственнаго благоустройства и народнаго процвѣтанія. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, Русь не чувствовала тягости быть „всею Русью"; а вотъ теперь, когда мысль и слово почти въ одно мгновеніе ока передаются изъ Петербурга на Кавказъ, и когда въ какихъ-нибудь двое-трое сутокъ можно съ устьевъ западной Двины или съ береговъ Вислы очутиться на берегахъ Волги, теперь намъ говорятъ, что громадность нашей территоріи отяготительна для насъ, и что мы должны какъ можно скорѣй отдѣлаться отъ нея.

Заставляя насъ помышлять съ ужасомъ о громадности нашей государственной области, насъ приготовляютъ къ покушенію на самоубійство еще мыслію о страшной разноплеменности народонаселеній Русской державы. Передъ нашею смущенною мыслію воздвигаютъ цѣлыхъ двадцать народовъ, населяющихъ нашу государственную область. Намъ говорятъ, что каждая изъ этихъ двадцати націй, насильственно связанныхъ въ одно государство, требуетъ особаго для себя государства, и что Россія непремѣнно должна удовлетворить этому требованію. Россія есть не что иное какъ химера; въ дѣйствительности же существуютъ двадцать націй, которымъ эта химера, называемая Россіею, препятствуетъ жить, и развиваться самостоятельно. Двадцать народовъ! Да это болѣе чѣмъ сколько можно насчитать полныхъ народовъ въ цѣлой Европѣ! Каково это! А мы и не знали, что обладаемъ такимъ богатствомъ: подъ обаяніемъ химеры, мы все думали, что подъ русскою державой есть только одна нація, называемая русскою, и что мало государствъ въ Европѣ, гдѣ отношенія господствующей народности ко всѣмъ обитающимъ въ ея области инородческимъ элементамъ были бы такъ благопріятны во всѣхъ отношеніяхъ какъ въ Русскомъ государствѣ!

Недавно одна французская газета, въ оскорбительной и наглой выходкѣ противъ Россіи, попрекнула ее цѣльностію и однородностію французской націи.

„Вотъ городъ Мильгаузенъ“, сказано въ укоръ намъ въ *Opinion Nationale*: „Мильгаузенъ былъ вольный городъ, принадлежалъ потомъ Австріи, былъ присоединенъ „къ Франціи въ 1798 г., то-есть только „66 лѣтъ тому назадъ. Языкъ его обитателей также какъ и всѣхъ обитателей „Эльзаса, еще явственно изобличаетъ его „германское происхожденіе; и однакожъ „нѣтъ города болѣе французскаго, чѣмъ „Мильгаузенъ, нѣтъ провинціи, гдѣ чувство французской національности держалось бы на такой высотѣ, какъ въ Эльзасѣ. Франція во все время *какъ прежде* „такъ и послѣ 1759 года, обладала дивнымъ даромъ употреблять себѣ, сливать „въ своемъ симпатическомъ единствѣ самыя разнообразныя племена, и дѣлать своими по сердцу. —

„Des enfants qu'en son sein elle n'a
point portés“

„Этотъ драгоцѣнный даръ, которому она „обязана своею однородностію, своею силой и этимъ могущественнымъ единствомъ, „дозволившимъ ей въ продолженіе двадцати лѣтъ держаться со славой противъ „цѣлой Европы, происходитъ, конечно, отъ „того, что послѣ каждаго завоеванія, Франція, влагая въ ножны мечъ, открывала „свои объятія для своихъ новыхъ подданныхъ и ставила ихъ относительно своихъ „старшихъ дѣтей, въ положеніе полнѣйшаго равенства. Народонаселенія Лотарингіи, Эльзаса, Франшконте, Прованса, „Руссильйона, всѣ промѣняли свое имя на „это великое дѣло Французовъ, которымъ „они гордятся.“

Но тутъ еще не всѣ перечислены инородческіе элементы; разныхъ инородческихъ народонаселеній наберется еще болѣе и на сѣверѣ, и на западѣ и на югѣ Франціи. Скажемъ болѣе; весь французскій народъ, подъ тѣмъ могущественнымъ единствомъ, которое дѣйствительно должно быть за нимъ признано и которое связываетъ его неразрывно въ одномъ чувствѣ французской національности, таитъ въ себѣ множество элементовъ, изъ которыхъ каждый могъ бы стать основаніемъ особой народности, еслибы національность Французскаго государства хотя нѣсколько ослабѣла или гдѣ-нибудь измѣнила себѣ. Всѣ эти элементы, рѣзко обозначенные и крайне разнородные, дѣйствительно сливаются въ одну цѣльную націю, которая высится надъ этимъ міромъ разнородныхъ элементовъ упавшихъ на степень провинціялизмовъ. Дѣйствительно, французская нація можетъ гордиться своею однородностію. Но чему же Франція обязана тѣмъ, что безчисленное множество разноплеменныхъ и взаимно отталкивающихъ другъ друга элементовъ сливаются въ столь могущественное единство? Чему иному какъ неизмѣнному характеру своего правительства, которое сознавало себя головою и рукою единственно только французскаго народа, которое жило, двигалось, существовало единство только въ элементѣ французской національности, и которое во всей Франціи признавало единственно только французскую народность? Еслибы французское правительство было въ Бретани бретонскимъ, или въ Эльзасѣ нѣмецкимъ, а въ сѣверо-восточномъ углу своей территоріи фламандскимъ, въ юго-восточномъ углу своемъ италіянскимъ, въ юго-западномъ—басскимъ и т. д., и т. д.,

то гдѣ была бы тогда Франція; гдѣ было бы ея могущественное единство, гдѣ была бы ея цивилизація, гдѣ было бы ея историческое призваніе, гдѣ былъ бы тотъ элементъ, который вноситъ она въ общую жизнь человѣчества? Всякій во Франціи хочетъ быть Французомъ; но почему это? Потому что во Франціи признаются только Французы; инородческіе элементы, присоединявшіеся къ Франціи, никогда, въ качествѣ инородцевъ, не пользовались равенствомъ съ элементомъ французскимъ. Они не только не ставились рядомъ съ французскою національностію,—они вовсе не признавались. Франція принимала ихъ въ свое лоно, но лишь въ качествѣ Французовъ, и они сами собою уподоблялись общей для всѣхъ неизмѣнно равной, всѣхъ равно принимавшей, все покрывавшей собою національности Французскаго государства.

Что касается до Россіи, то въ новѣйшій періодъ ея исторіи она, вслѣдствіе извѣстныхъ историческихъ обстоятельствъ, не была вполнѣ національною въ своей политикѣ. Напротивъ, часто совершенно независимо отъ воли и сознанія лицъ стоявшихъ во главѣ Русскаго государства, правительство ея уклонялось отъ своего народа, въ силу роковаго сцѣпленія нѣкоторыхъ обстоятельствъ неизбѣжно послѣдовавшихъ за реформой Петра. Образовавшаяся у насъ система заключалась въ томъ, чтобы правительственными мѣрами разобщать и, такъ сказать, *казировать* разнородные элементы, вошедшіе въ составъ Русскаго государства, развивать каждый изъ нихъ правительственными способами не только по племенамъ, но и по религіи. Мы распространяемъ магометанство между Киргизами, которые не хотятъ быть магометанами, мы возсоздаемъ, укрѣпляемъ и возводимъ въ силу остатки ламайства между Бурятами, мы беремъ на себя обязанность блюсти дисциплину и чистоту всѣхъ сектъ и вѣроисповѣданій. Извѣстно также, что мы пріобрѣли безсознательную склонность давать не только особое положеніе инородческимъ элементамъ, но и сообщать имъ преимущества надъ русскою народностью, и тѣмъ развивать въ нихъ не только стремленіе къ отдѣльности, но и чувство гордости своею отдѣльностію; мы пріобрѣли инстинктивную склонность унижать свою народность. Но естественныя условія, въ которыхъ находится русская народность, такъ благопріятны, что всѣ эти искусственныя причины, клонящіяся къ тому, чтобъ обезсилить ее, до сихъ поръ не могли значительно повредить ей. Почти нѣтъ другаго примѣра, чтобы народность, объемлющая собою почти шестьдесятъ милліоновъ людей, представляла такое единство, какъ народность русская: такъ велика ея природная сила. Самыя рѣзкія противоположности языка и обычая русской народности какія оказываются, напримѣръ, между великорусскою, малороссійскою и бѣлорусскою частями ея, покажутся сплошнымъ единствомъ, въ сравненіи съ тѣми безчисленными рѣзкими контрастами, на которые распадается народность нѣмецкая или французская и которыя сдерживаются въ національномъ единствѣ только лишь силою національнаго государства.

Естественныя условія, въ которыхъ находится русская народность, такъ благопріятны, что даже и наиболѣе спорный, наиболѣе значительный своею численностію и наиболѣе стремящійся къ отторженію инородческій элементъ, съ нею связанный,—элементъ польскій, гораздо родственнѣе по своему языку, которому въ вопросѣ національности принадлежитъ первое мѣсто, нежели французскіе или нѣмецкіе провинціализмы въ отношеніи другъ къ другу. Русскій крестьянинъ изъ Ярославля, или Полтавы, съ помощію своего языка, можетъ удобно исходить весь польскій край, ни мало не затрудняясь въ сношеніяхъ съ его жителями; между тѣмъ какъ во Франціи или въ Германіи чуть ли не съ каждымъ приходомъ мѣняется народный языкъ, и до такой степени, что люди различныхъ мѣстностей не могли бы понимать другъ друга, еслибы каждый не былъ болѣе или менѣе знакомъ съ языкомъ государственнымъ, не рѣдко не имѣющимъ ничего общаго съ мѣстными нарѣчіями.

Итакъ, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ политической системы, клонящейся къ тому, чтобы выдѣлять инородческія населенія, поддерживать и развивать правительственными способами чуждые русской народности элементы, встрѣчающіеся на ея громадной территоріи, и наконецъ въ этой искусственной отдѣльности возвышать ихъ надъ русскою народностью,—несмотря на все это, нигдѣ, скажемъ мы опять, отношенія господствующей народности ко всѣмъ инородческимъ

элементамъ, такъ не благопріятны какъ въ Россіи. Это говоримъ мы, Русскіе; но это же скажетъ и свѣдующій иностранецъ, скажетъ даже Французъ, который по справедливости гордится единствомъ и цѣльностію своей народности. Мы приведемъ сейчасъ мнѣніе человѣка вполнѣ добросовѣстнаго, какъ нельзя болѣе свѣдущаго во всемъ что̀ касается статистики Русскаго государства,—притомъ Француза, носящаго нѣмецкое имя. Мы разумѣемъ г. Шницлера. Перебравъ народонаселенія всего Русскаго государства, вотъ что̀ говоритъ онъ въ своемъ послѣднемъ статистическомъ трудѣ *) „Предыдущее служитъ „отвѣтомъ на вопросъ, однородно ли рус-„ское народонаселеніе. На первый взглядъ „оно можетъ, въ самомъ дѣлѣ, показать-„ся неоднороднымъ; но нѣсколько мгнове-„ній размышленія дадутъ понять, что нѣтъ „на свѣтѣ національности болѣе цѣльной „и однородной, какъ эти пятьдесятъ шесть „милліоновъ Русскихъ, составляющихъ гро-„мадное большинство населенія Имперіи и „заключающихъ въ себѣ истинный центръ „ея тяжести. Эта національность одарена „большою расширительною силой; она за-„хватываетъ и уподобляетъ себѣ мало-по-„малу чуждые ей элементы, изъ которыхъ „только польскій имѣетъ еще нѣкоторое „значеніе, между тѣмъ какъ другіе пред-„ставляютъ собою малыя доли, и изъ нихъ „самая значительная едва превышаетъ три „милліона, а остальные, слѣдуя въ „ни-„сходящемъ порядкѣ, теряются въ самыхъ „ничтожныхъ цифрахъ“.

Инородческаго народонаселенія, взятаго въ совокупности, насчитывается въ Россіи отъ четырнадцати до девятнадцати милліоновъ, — съ Сибирью, съ Кавказомъ и Закавказьемъ, съ Киргизскими степями, съ Финляндіей, съ Прибалтійскими губерніями, наконецъ съ Царствомъ Польскимъ Девятнадцать милліоновъ, правда, это почтенная цифра. Численность народонаселенія всего Прусскаго королевства почти не превышаетъ этой цифры. Съ нею было бы можно посчитаться, еслибъ она представляла собою что-нибудь дѣйствительное; но она при малѣйшемъ вниманіи разлетится какъ призракъ, и передъ нами окажется множество элементовъ до такой степени ничтожныхъ, что ихъ ни въ какой счетъ ставить невозможно, или же окажутся такіе элементы которыхъ ни въ какое соображеніе нельзя взять при вопросѣ о политескихъ національностяхъ. Г. Шницлеръ замѣчаетъ, что кромѣ польскаго элемента, изъ остальныхъ самый значительный едва простирается свыше трехъ милліоновъ. Онъ считаетъ эту цифру неважною; мы сочли бы ее довольно значительною, еслибы таковая оказалась въ дѣйствительности; но такой не окажется. Вотъ напримѣръ, почтенная цифра 3.700.000, полагаемая на такъ-называемую чудскую, или финскую національность. Но что представляетъ она собою? Она представляетъ собою не что-либо дѣйствительное, а этнографическую отвлеченность Предметъ, который ею обозначается, существуетъ только въ понятіи ученаго, логическимъ путемъ группирующаго элементы разрозненные и чуждые другъ другъ въ дѣйствительности. Подъ эту цифру подходятъ народонаселенія болѣе чуждыя другъ другу чѣмъ многія изъ нихъ относительно русской народности; подъ эту цифру подходятъ народонаселенія разрозненныя между собою огромными пространствами, чуждыя другъ другу и бытомъ и религіей, и языкомъ. Сюда относятся и собственно такъ-называемые Финны въ Финляндіи, и Эсты въ Лифляндіи и Эстляндіи, и Пермяки и Чуваши, Черемисы и Мордва по Волгѣ, и Вогулы и Остяки въ Сибири. Не только Черемисъ совершенно не пойметъ обитателя Суоміи, или Финляндія, но Эстонецъ, который ближе къ этому послѣднему не въ состояніи понимать его. Это разбросанные обломки послѣ взрыва. Точно также взорвано, разбросано, и лишено всякой связи племя татарское. Племя Литовское, очень близкое къ Славянскому, представляетъ собою до такой степени разнородныя группы, что онѣ лишь въ этнографической росписи могутъ быть собраны воедино: сюда относится Литва въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, Жмудь и Латыши, чуждыя другъ другу, какъ и Финскія племена, и по образу жизни, и по религіи, и по языку, распавшемуся на взаимно непонятныя нарѣчія. Не взять ли племя Европейское котораго въ предѣлахъ Имперіи числится почти до двухъ милліоновъ? Не для него ли требуется особая политическая организація — племя разбросанное по цѣлому міру, живущее отдѣльными группами среди христіанскихъ народонаселеній?

*) „L'Empire des Tsars au point actuel de la cience.“ Par. M. I. H. Schnitzler. Paris 1862. Tom. II p. 280.

Не взять ли для соображенія Кавказъ съ Закавказьемъ, гдѣ этнологъ и лингвистъ теряется въ безднѣ мелкихъ племенъ и языковъ, совершенно разнородныхъ, и гдѣ самая значительная группа, грузинская, намъ единовѣрная, своею численностію едва достигаетъ девяти сотъ тысячъ, и притомъ сама распадается на особыя группы? Не нѣмецкая ли національность есть одна изъ тѣхъ двадцати націй, живущихъ въ Россіи, которые должны послужить основаніемъ для отдѣльныхъ государствъ? Въ Россійской Имперіи всего на все числится до трехъ сотъ семидесяти тысячъ Нѣмцевъ, съ колоніями по Волгѣ, въ Новороссіи и на Кавказѣ, и съ Прибалтійскими губерніями, гдѣ нѣмецкаго элемента считается до ста семидесяти тысячъ. Сто семьдесятъ тысячъ и притомъ не народа, который долженъ представлять собою полную организацію общественныхъ классовъ,—а лишь землевладѣльцевъ и горожанъ! Вотъ особая нація и особое государство! Или взять Шведовъ, которые играютъ господствующую роль въ Финляндіи и которыхъ числится до двухъ сотъ тысячъ? или Румыновъ, которыхъ считается до пяти сотъ тысячъ? или Армянъ, которыхъ наберется до трехсотъ тысячъ или Грековъ, которыхъ числится до пятидесяти тысячъ? или Цыганъ, которыхъ считается столько же? или Алеутовъ, которыхъ считается до двухъ тысячъ? Вотъ націи, таящіяся въ нѣдрахъ Россіи! Вотъ тотъ міръ народовъ и государствъ, на которыя она должна распасться, дабы превратиться въ *гуманитарную* державу!

Но для чего же, въ какихъ видахъ, Россія должна раздробить свою государственную область, которая такъ дорого ей стоила, и за неимѣніемъ націй, между которыми бы должна подѣлить ее, нарочно сдѣлать изъ себя множество отдѣльныхъ націй, — нарочно сдѣлать Нѣмцевъ изъ Латышей и Эстонцевъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, чтобы тамъ была компактная нѣмецкая національность, нарочно сдѣлать Русскихъ живущихъ въ Финляндіи Финнами, или Финновъ Шведами, нарочно дать сдѣлать милліоны Русскихъ въ западной Россіи — Поляками, а польскія, такъ родственныя намъ народонаселенія въ конгрессовкѣ, окончально разобщить съ русскимъ народомъ, и подготовить ихъ къ той судьбѣ, которая уже постигла всю остальную часть когда-то многочисленной польской націи, то-есть сдѣлать ее легкою добычей германизаціи? Въ какихъ видахъ должна Россія устраивать новую Біармію, или Царства Казанское и Астраханское? Въ какихъ видахъ Россія должна нарочно сдѣлать Кавказъ, котораго почти каждый утесъ облитъ русскою кровью, чуждымъ для русскаго народа съ государствомъ? Въ какихъ видахъ должна она расторгнуть и сдѣлать чуждыми и стало-быть враждебными другъ другу, части своей собственной природной національности? Чѣмъ хотятъ подѣйствовать на наше воображеніе, чѣмъ хотятъ заманить насъ къ совершенію подобныхъ неслыханныхъ операцій? Объ этомъ стоитъ поговорить особо.

№ 247.

Москва, 10-го ноября.

Дипломатическая корреспонденція, которая такъ неожиданно возникла въ послѣднее время между Франціей и Италіей, и еще болѣе замѣчательныя рѣчи гг. Висконти-Веносты, Ламарморы и Пеполи въ Туринской палатѣ депутатовъ, вполнѣ уяснили смыслъ конвенціи 15-го сентября и то направленіе, которое желала бы сообщить ей Франція. Что прежде высказывали мы только на основаніи соображеній, то теперь можемъ подтвердить заявленіями главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ этой развивающейся предъ нами драмѣ. Римъ—Римомъ: очень можетъ быть, что императоръ Наполеонъ былъ бы не прочь увѣковѣчить славу своего царствованія и упрочить свою династію удовлетворительнымъ для всѣхъ сторонъ, вполнѣ мирнымъ рѣшеніемъ римскаго вопроса, которое, не возбуждая противъ него католиковъ, привлекло бы къ нему сочувствіе всѣхъ либеральныхъ партій въ Европѣ и утвердило бы за нимъ благоволеніе протестантской Англіи, столь важное для дальнѣйшихъ видовъ его политики; нѣтъ сомнѣнія, что Италія предпочла бы Римъ Венеціи, потому что только обладаніе Римомъ упрочило бы ея единство и предохранило бы ее отъ распаденія на сѣверную и южную половины; но и самъ генералъ Ламармора, въ своихъ *признаніяхъ* передъ Туринскою палатой, въ засѣданіи 12-го ноября, не могъ не высказать сомнѣнія, можетъ ли когда-нибудь совершиться встрѣча италіянскаго короля и папы въ Ри-

мѣ, и тутъ же, какъ нарочно выразилъ увѣренность, что императоръ Наполеонъ поможетъ Италіи въ разрѣшеніи венеціянскаго вопроса. Такимъ образомъ, съ согласія самого императора Наполеона, какъ утверждаютъ парижскіе корреспонденты иностранныхъ газетъ, италіянскій министръ-президентъ офиціяльно указалъ на то, что конвенція 15-го сентября, каковы бы ни были ея послѣдствія по римскому вопросу, должна пригодиться Италіи по вопросу венеціянскому. Въ такихъ указаніяхъ, хотя и менѣе торжественныхъ и офиціяльныхъ, не было недостатка и прежде. „Невольно вспомнишь, пишутъ въ *Wanderer*, игру кошки съ мышью: Франція сдѣлаетъ едва замѣтный шагъ впередъ, и потомъ вдругъ останавливается, прислушивается и озирается кругомъ, не грозитъ ли ей съ той или съ другой стороны какая-нибудь опасность. Почти въ самый день подписанія конвенціи, *la France* какъ бы невзначай обронила слова, что въ ней только для вида идетъ дѣло о Римѣ, въ сущности же о Венеціи. Затѣмъ снова наступило молчаніе, прерванное лишь бѣглымъ замѣчаніемъ газеты *Constitutionnel*, что чрезъ два года нигдѣ въ Италіи болѣе не останется чужестранныхъ войскъ кромѣ Венеціи. И опять длинная пауза, нарушенная снова категорическимъ объявленіемъ въ *la France*, что соглашеніе между Австріей и Франціей невозможно безъ обширныхъ уступокъ со стороны первой изъ нихъ по венеціянскому вопросу. Наконецъ, всѣ эти легкіе звуки были покрыты громогласнымъ заявленіемъ генерала Ламарморы, въ засѣданіи 12-го ноября.“

Осторожность Франціи въ этомъ случаѣ объясняется многими соображеніями. Главное изъ нихъ заключается въ томъ, что Австрія въ настоящее время далеко не такъ изолирована въ Европѣ, какъ была въ 1859 г. Теперь во всякомъ случаѣ возможенъ вопросъ, не найдетъ ли она существенной поддержки себѣ какъ со стороны Пруссіи, такъ и со стороны Россіи. Англія не высказывалась еще рѣшительно въ пользу того или другаго направленія франко-италіянской конвенціи: оба направленія равно благопріятны для ея видовъ,—одно, именно на Римъ, какъ способное скрѣпить единство Италіи и уравновѣсить вліяніе Франціи, другое, на Венецію, какъ способное притянуть Австрію къ союзу западныхъ державъ въ вопросѣ, которому Англія придаетъ особенную важность, именно въ вопросѣ восточномъ. Во всякомъ случаѣ Англія желала бы спасти Австрію отъ новаго погрома и отъ новаго истощенія ея силъ, и прежде чѣмъ дѣло дойдетъ до разрыва, Франція, изъ вниманія къ Англіи, употребитъ всѣ усилія, чтобъ исторгнуть Венецію изъ рукъ Австріи мирными способами. Участіе Англіи въ этихъ усиліяхъ, послѣ приведенной вчера рѣчи маркиза Пеполи, не можетъ подлежать болѣе сомнѣнію. Эта рѣчь особенно замѣчательна по содержащимся въ ней указаніямъ на значеніе франко-италіянской конвенціи въ общеевропейской политикѣ.

„Партія европейскихъ національностей, „рѣшительно восторжествовавшая послѣ „Восточной войны,—сказалъ маркизъ Пеполи, — съ тѣхъ поръ снова потерпѣла „пораженіе въ Польшѣ и въ вопросѣ о датскихъ герцогствахъ, вслѣдствіе того что „не состоялся предположенный императоромъ Наполеономъ европейскій конгрессъ. „Угроза образовать коалицію не была пустою угрозой со стороны трехъ великихъ „сѣверныхъ державъ, и италіянское правительство уразумѣло необходимость тѣснѣе примкнуть къ Франціи и проложить „путь къ новому соглашенію между западными державами. Римскій вопросъ, или „лучше, занятіе Рима французскими войсками могло быть препятствіемъ къ образованію новаго союза между либеральными государствами, а съ другой стороны, „чувство чести не дозволяло императору Наполеону покинуть папу на произволъ судьбы, и сверхъ того необходимо было успокоить весь римско-католическій міръ. „Этимъ объясняется содержаніе конвенціи „и протокола, въ которомъ говорится о перенесеніи столицы. Конвенція, продолжалъ „маркизъ Пеполи, освобождая Францію отъ „отвѣтственности за реакціонную политику „въ Римѣ, въ то же время возстановляетъ „значеніе партіи угнетенныхъ національностей въ Европѣ, и если Россія и Германія порѣшили между собою вопросы „польскій и датско-германскій, то и Франція, заодно съ Италіей, также одна взялась за рѣшеніе римскаго вопроса. Конвенція возстановитъ довѣріе между Франціей и Англіей, нарушенное устраненіемъ „мысли о конгрессѣ. Задача Италіи состоитъ особенно въ томъ, чтобы содѣйствовать образованію и поддержанію этого „союза, въ которомъ заключается единст-

„венное ручательство за торжество либе-„ральныхъ идей въ Европѣ.“

За исключеніемъ обязательной, хотя и неумѣстной, прибавки объ угнетенныхъ національностяхъ и о либеральныхъ идеяхъ, нельзя было точнѣе и вѣрнѣе выразить смыслъ и общее политическое значеніе конвенціи 15-го сентября, возобновляющей союзъ между западными державами, и привлекающей Австрію къ этому союзу. Мы уже имѣли случай высказать нашъ взглядъ на этотъ предметъ въ № 240 *Московскихъ Вѣдомостей*, и подробно объяснили, почему съ интересами Россіи было бы согласнѣе, еслибы конвенція 15-го сентября, минуя Венецію, направлена была исключительно на разрѣшеніе римскаго вопроса.

Дѣла, сколько можно судить по отрывочнымъ и несовсѣмъ согласнымъ между собою извѣстіямъ, принимаютъ оборотъ, соотвѣтствующій этимъ видамъ Россіи. *Князь Меттернихъ*, говорятъ, заявилъ г. *Друэнъ-де-Люису*, что Австрія готова сдѣлать Франціи всевозможныя уступки въ римскомъ вопросѣ, но что она не признаетъ даже и существованія вопроса венеціянскаго. Судя по отзывамъ англійскихъ газетъ, какъ консервативныхъ, такъ и либеральныхъ, Австрія своимъ образомъ дѣйствій возбуждаетъ сильное неудовольствіе въ Англіи: лучшій знакъ, что разчеты обѣихъ западныхъ державъ относительно ея до сихъ поръ оказываются ошибочными. *Morning Herald*, здраво обсуждая настоящее положеніе дѣлъ, нехотя сознается, что Австрія можетъ разчитывать въ настоящее время изъ всѣхъ державъ только на Россію. О взаимныхъ симпатіяхъ или антипатіяхъ тутъ не можетъ быть рѣчи; тутъ дѣло идетъ о разчетѣ, объ интересахъ: но несомнѣнно, что интересы Австріи совпадаютъ съ интересами Россіи какъ въ вопросахъ, возбужденныхъ франко-италіянскою конвенціей, такъ и въ вопросахъ вызванныхъ властолюбіемъ Пруссіи, и что для европейскаго мира было бы весьма полезно, еслибъ это единство интересовъ было обоюдно сознано съ надлежащею ясностью.

Отъ великаго до смѣшнаго, говорятъ, одинъ только шагъ. Мы рѣшаемся на этотъ шагъ, и разомъ переходимъ отъ великихъ вопросовъ общеевропейской политики къ забавнымъ замѣткамъ по ихъ поводу въ петербургской газетѣ *Голосъ*. *Голосъ* отказывается имѣть собственное мнѣніе о томъ что̀ согласно или несогласно съ пользами Россіи во внѣшней ея политикѣ, или, какъ выражается эта газета, отказывается „сочинять собственныя свои предположенія о политикѣ Россіи“. Въ этомъ случаѣ означенная газета совершенно права. Мы готовы были бы даже похвалить ее за такую рѣдкую у насъ скромность; но къ сожалѣнію, похвала была бы преждевременна, потому что *Голосъ*, не имѣя собственнаго мнѣнія, считаетъ себя однако въ правѣ разбирать чужія и при случаѣ передавать ихъ въ самомъ искаженномъ видѣ. Петербургская газета Богъ знаетъ откуда взяла, будто бы мы хлопочемъ о сохраненіи мира въ Европѣ во что бы то ни стало. Забывая, что она же сама и „политическіе друзья ея“ обвиняютъ насъ въ томъ, будто бы въ прошломъ году мы вызывали всю Европу на борьбу съ Россіей, она чуть ли не причисляетъ насъ теперь къ членамъ общества друзей вѣчнаго мира. Какъ Россія, такъ и другія европейскія державы, въ настоящее время болѣе чѣмъ когда либо заинтересованы сохраненіемъ мира въ Европѣ, и однакоже, кромѣ мечтательныхъ „друзей вѣчнаго мира“ и еще можетъ-быть, кромѣ невинныхъ петербургскихъ публицистовъ, не найдется ни одного серіознаго человѣка, который не понималъ бы, что миру Европы могутъ грозить разныя опасности. При всѣхъ усиліяхъ своихъ Россія была бы не въ состояніи оградить миръ Европы отъ всѣхъ опасностей, и при всемъ миролюбіи своемъ она не могла бы принять на себя эту невозможную задачу; но она очень можетъ употребить свое вліяніе въ Европѣ на поддержаніе тѣхъ условій, которыя могутъ до нѣкоторой степени оградить миръ. Такъ напримѣръ, не пугая Австрію неизвѣстностью своихъ видовъ относительно ея, въ случаѣ какого-либо столкновенія, Россія можетъ направить силу франко-италіянской конвенціи на Римъ и отсрочить на неопредѣленное время рѣшеніе венеціанскаго вопроса. Этимъ образомъ дѣйствій она не установитъ прочнаго мира въ Европѣ, она не водворитъ дружбы между Австріей и Франціей, между Италіей и Австріей; но она вовсе и не обязана заботиться о дружбѣ между ними; этого вовсе и не требуютъ ея интересы. Пусть между ними будетъ продолжаться разладъ: вина падетъ на нихъ же самихъ, а не на Россію, и Россія отъ ихъ разлада нисколько не будетъ хуже, а напротивъ, ея интересы подверглись бы немаловажной опасности,

еслибы, миновавъ римскій вопросъ и порѣшивъ наскоро вопросъ венеціанскій, западныя державы заодно съ Австріей и съ Италіей принялись тотчасъ же за рѣшеніе восточнаго вопроса. Отъ Россіи немедленно потребовались бы такія жертвы, на которыя, безъ сомнѣнія, она нашла бы въ себѣ достаточно патріотической готовности; но тѣмъ не менѣе нельзя не пожелать, чтобъ ей удалось разумною внѣшнею и внутреннею политикой устранить или по крайней мѣрѣ отсрочить необходимость этихъ жертвъ.

Если намъ не удалось убѣдить петербургскаго публициста, что такою политикой для Россіи можетъ быть въ настоящее время совокупное до извѣстной степени дѣйствіе съ Австріей, то намъ пріятно заявить, что въ вопросахъ о внутренней политикѣ государствъ петербургская газета начинаетъ смотрѣть нашими глазами, къ сожалѣнію, впрочемъ, пока только въ примѣненіи къ Турціи, а отнюдь не къ самой Россіи. Въ № 240 *Московскихъ Вѣдомостей* было высказано, что Россія никакъ не менѣе Англіи заинтересована сохраненіемъ въ настоящую пору Турецкой имперіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и смягченіемъ турецкаго владычества надъ христіанскими племенами. „Пусть власть султана, сказано было въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, все болѣе и болѣе теряетъ свой національный характеръ, и получаетъ значеніе отвлеченное,—если угодно, *гуманитарное* (петербургскій публицистъ страннымъ образомъ не замѣчаетъ, что это выраженіе взято изъ брошюры г. Шедо-Ферроти; въ наивности своей публицистъ газеты, высказавшейся въ пользу этой брошюры, не можетъ довольно надивиться, какъ это власть мусульманскаго государя можетъ стать *гуманитарною*, и думаетъ, что *гуманитарная* значитъ *гуманная*); но пусть вмѣстѣ съ тѣмъ эта власть, постепенно слабѣющая ради блага христіанскихъ населеній, ревниво и добросовѣстно охраняется Европой отъ всякаго внѣшняго покушенія." Петербургская газета поспѣшила истолковать нашу мысль: „Другими словами, говоритъ она, нужно, чтобы власть султана пала сама собою, и изъ его владѣній возникла федерація турецкихъ христіанъ. И это, прибавляетъ *Голосъ*, называется сохраненіемъ Турецкой имперіи!" Да, это называется сохраненіемъ Турецкой имперіи въ наилучшей и наиудобнѣйшей для Турецкой имперіи формѣ.

Впрочемъ не о Турецкой имперіи идетъ теперь рѣчь. Ниже, подъ рубрикою: „Турція", наши читатели найдутъ статью, изъ которой они убѣдятся, что турецкіе государственные люди хорошо понимаютъ, что политическое обособленіе отдѣльныхъ частей государства, хотя и съ сохраненіемъ надъ ними общей верховной власти, равносильно разложенію государства, и что съ своей стороны, они стараются принимать мѣры противъ этого процесса,—мѣры, которыя, мы не сомнѣваемся въ томъ, окажутся безплодными, потому что Турція уже принуждена была допустить принципъ своего разложенія въ Сербіи, въ Румыніи, въ Египтѣ; а допустивъ его, она не въ состояніи будетъ предотвратить и дальнѣйшія его послѣдствія въ примѣненіи къ Босніи и Герцеговинѣ, къ Болгаріи, если ходъ европейскихъ дѣлъ не рѣшитъ иначе участь той или другой изъ этихъ областей. Къ тому же турецкая національность не только не имѣетъ живучести въ себѣ, но даже и физически вымираетъ. Она ни въ какомъ случаѣ не можетъ претендовать на объединеніе своихъ христіанскихъ областей въ духѣ Корана, и никто ея до этого не допустить. Но не объ этомъ дѣло. Насъ наиболѣе занимаетъ теперь вопросъ, почему въ примѣненіи къ Турціи газета *Голосъ* понимаетъ, что принципъ политическаго обособленія отдѣльныхъ областей долженъ, рано или поздно, повлечь за собою паденіе этой имперіи, и почему эта же самая газета оказывается рѣшительно не способною понять эту простую истину въ примѣненіи къ Россіи. Политическое обособленіе Болгаріи, Босніи, Герцеговины, при сохраненіи надъ ними верховной власти султана, кажется публицистамъ *Голоса* постепеннымъ паденіемъ Турецкой имперіи; но политическое обособленіе Польши, Финляндіи, Прибалтійскаго края, Кавказа, какое отчасти существуетъ, а отчасти рекомендуется Россіи для дальнѣйшаго развитія „благожелательными публицистами", находитъ въ петербургской газетѣ сочувствіе до такой степени, что въ нумерѣ отъ 8-го ноября, она поставляетъ намъ въ вину мнѣнія, которыя должны были бы быть общимъ достояніемъ русской журналистики, точно какже какъ они несомнѣнно коренятся въ общемъ убѣжденіи всѣхъ русскихъ людей. Въ фельетонѣ этого же нумера *Голоса*, мы, несмотря на пріобрѣтенную уже нами привычку не изумляться ни

чему встрѣчающемуся въ нѣкоторыхъ петербургскихъ изданіяхъ, не безъ изумленія прочли слѣдующее:

„Не безызвѣстно вамъ, что *Московскія Вѣдомости* страдаютъ сепаратизмоманіей: ратуя противъ сепаратизма, онѣ и слышать не хотятъ ни о какой автономіи, которая давала бы бóльшія политическія права гражданамъ какой-либо присоединенной къ Россіи провинціи, нежели тѣ, которыми пользуется коренная Русь: все это ведетъ къ сепаратизму."

Петербургская газета находитъ, что со всѣмъ этимъ безусловно согласиться нельзя, на томъ основаніи, что нельзя проповѣдывать смѣшеніе интеллигенціи (то-есть привилегированныхъ инородцевъ) съ невѣжественною массой (то-есть съ кореннымъ русскимъ населеніемъ). Она выписываетъ наши слова, сказанныя по поводу абсентіизма, печатаетъ курсивомъ, повторяетъ на всѣ лады и всячески выставляетъ на видъ своихъ читателей, что, по нашему мнѣнію, русская жизнь обставлена безчисленными неудобствами вещественными и нравственными. Она ловитъ насъ на этихъ словахъ и заставляетъ насъ обращаться къ привилегированнымъ инородцамъ съ слѣдующею рѣчью: „Живите, молъ, всѣ такъ, какъ мы живемъ, а потомъ бѣгите тоже за границу. Какъ это игриво, и какимъ уваженіемъ это проникнуто къ русской публикѣ, къ русскому народу, наконецъ къ Русскому государству! Если суды у насъ неудовлетворительны, если собственность у насъ не достаточно ограждена, если училища у насъ плохи (это послѣднее газета *Голосъ* не любитъ перепечатывать даже и курсивомъ), то изъ этого слѣдуетъ, что Русское государство должно заботиться о снабженіи не всей Россіи, а привилегированныхъ провинцій хорошими судами, школами и т. д.!

Можно ли найдти во всей европейской журналистикѣ что-либо болѣе безобразное чѣмъ это заявленіе готовности на расширеніе политическихъ привилегій въ пользу инородцевъ и въ ущербъ коренному и основному населенію своего государства въ связи съ заявленнымъ по отношенію къ Турціи сознаніемъ, что подобное политическое обособленіе отдѣльныхъ областей государства ведетъ къ несомнѣнному его паденію? Газета *Голосъ* не можетъ даже сослаться на то, что благоговѣетъ передъ такъ-называемыми благопріобрѣтенными историческими правами той или другой провинціи, присоединенной къ Россіи. Прогрессивная газета говоритъ не о сохраненіи, а о расширеніи и притомъ не правъ, а привилегій. Но положимъ рѣчь шла бы о существующихъ правахъ. Не долженъ ли состоять прогрессъ въ ихъ согласованіи съ общими потребностями государства? Обращаемъ особенное вниманіе нашихъ читателей на исполненныя истины и глубокаго смысла слова президента палаты депутатовъ австрійскаго имперскаго совѣта. Они увидятъ, какъ смотрятъ политическіе люди въ западной Европѣ на историческія права отдѣльныхъ областей, даже и такихъ какъ Венгрія, какъ Богемія, которыя были нѣкогда вполнѣ самостоятельными государствами „Различные могутъ быть виды и формы государственной власти," говорилъ между прочимъ г. Газперъ; „но та форма, при которой власть, принадлежащая цѣлому государству, была бы раздроблена и предоставлена отдѣльнымъ его частямъ, была бы рѣшительнымъ отрицаніемъ государства... Основное начало современнаго государственнаго права заключается въ томъ, что государству принадлежатъ безусловныя, какъ бы прирожденныя права. Стремленія ограничить эти права во имя историческихъ правъ отдѣльныхъ областей обличаютъ совершенно превратное пониманіе этихъ историческихъ правъ." Вотъ здравое и современное политическое ученіе, которое надо было бы усвоить нѣкоторымъ изъ нашихъ петербургскихъ публицистовъ и научиться примѣнять его не только къ Турціи, а также и къ своему отечеству—Россіи.

№ 248.

Москва, 11-го ноября.

На дняхъ мы получили отчетъ Московскаго Городскаго Кредитнаго Общества за первый годъ его существованія. Это общество, организованное по образцу такого же петербургскаго, было утверждено въ октябрѣ 1862 года; 12-го февраля 1863 года оно имѣло свое первое общее собраніе, а выдачу ссудъ открыло съ 1-го сентября 1863 года. Поэтому первый годъ операцій Общества окончился 1-го сентября нынѣшняго года; къ этому-то финансовому году относится обнародованный нынѣ отчетъ, ко-

торый, какъ первый, заслуживаетъ вниманія и незаинтересованной въ этомъ дѣлѣ публики. Мы остановимся лишь на главныхъ его данныхъ и сличимъ ихъ съ соотвѣтственными данными изъ отчетовъ Петербургскаго Кредитнаго Общества.

Выдачѣ ссудъ въ Москвѣ, какъ и въ Петербургѣ, предшествовала подписка, къ участію въ которой были приглашены всѣ желающіе заложить свои городскія имущества. Къ началу іюля прошлаго года число подписавшихся дошло до 575 лицъ, а стоимость предъявленныхъ ими къ залогу имуществъ достигла 6.256.228 р. по городской оцѣнкѣ. Изъ числа этихъ лицъ дѣйствительно воспользовались ссудой: при первомъ выпускѣ облигацій 112 обывателей, при второмъ выпускѣ—91 обыватель, всего 203 человѣка. Сумма ссудъ облигаціями перваго выпуска составила 1.200.700 руб. и облигаціями втораго выпуска 1.334.300 р., а всего 2.535.000 руб., слѣдовательно въ два съ половиной раза меньше сравнительно съ первоначальною подпиской. Въ Петербургскомъ Обществѣ не было такого различія между цифрами подписки и первоначальныхъ ссудъ Это Общество утверждено въ іюлѣ 1861 года, слишкомъ годомъ ранѣе Московскаго. Число первоначально подписавшихся было 461, слѣдовательно меньше чѣмъ въ Москвѣ, но за то цѣнность предъявленныхъ ими къ залогу имуществъ простиралась, по городской оцѣнкѣ, свыше семнадцати милліоновъ рублей. Выдача ссудъ открыта, сравнительно со временемъ утвержденія Общества, нѣсколько раньше чѣмъ въ Московскомъ Обществѣ, именно черезъ 8 мѣсяцевъ послѣ утвержденія, тогда какъ въ Московскомъ Обществѣ прошло между этими двумя сроками 10 мѣсяцевъ: эта лишняя проволочка объясняется тѣмъ, что Московское Общество дожидалось образованія новаго городскаго управленія здѣшней столицы, устроившагося лишь къ веснѣ 1863 г. Но между открытіемъ дѣйствій правленія и первою выдачей ссудъ протекло въ Петербургѣ $4^1/_2$ мѣсяца, а въ Москвѣ только два. Ссудъ выдано въ первый годъ существованія Петербургскаго Общества: облигаціями перваго выпуска 8.706.600 р., и облигаціями втораго выпуска 4.444.800 р., всего 13.151.400 руб., изъ чего слѣдуетъ, что спросъ на ссуды былъ гораздо живѣе въ Петербургѣ чѣмъ въ Москвѣ. Въ продолженіе втораго года дѣятельности Петербургскаго Общества выдано новыхъ ссудъ: облигаціями третьяго выпуска 5.741 600 р., и облигаціями четвертаго выпуска 3.900.000 р., всего 9.641.600 р., что вмѣстѣ съ ссудами перваго года, составляетъ сумму 22.794.000 руб. Такова сравнительно громадная сумма ссудъ выданныхъ Петербургскимъ Обществомъ. Она выдана подъ залогъ 704 имуществъ, изъ чего слѣдуетъ что круглымъ числомъ на каждое заложенное имущество приходится по 32.377 рублей. Въ Москвѣ характеръ ссудъ оказывается совершенно иной тутъ 2.335.000 р. выдано подъ 193 имущества, слѣдовательно на каждое имущество приходится круглымъ числомъ по 13.000 руб., то-есть изъ заложенныхъ имуществъ каждое петербургское получило среднимъ числомъ въ $2^1/_2$ раза болѣе ссуды чѣмъ каждое московское: указаніе на малые размѣры московскихъ домовъ сравнительно съ петербургскими. Интересно было бы также для характеристики двухъ нашихъ столицъ сличить отношеніе заложенныхъ каменныхъ зданій къ деревяннымъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Въ числѣ 193 имуществъ заложенныхъ въ Московскомъ банкѣ заключается каменныхъ зданій 76, деревянныхъ 57, смѣшанныхъ 57 и 3 земли. Но въ отчетахъ Петербургскаго Общества мы не находимъ указаній по этой части.

Читателямъ, конечно, извѣстно, что ни Петербургское, ни Московское Кредитное Общество не выдаютъ ссудъ наличными деньгами. Заемщики получаютъ пятипроцентныя облигаціи, которыя они должны уже сами обращать въ деньги. Такимъ образомъ выгодность или невыгодность займа совершенно зависятъ отъ курса облигацій, на которомъ поэтому и сосредоточивается главный интересъ всего дѣла. Отъ чего же зависитъ въ свою очередь курсъ облигацій? Говоря вообще, тутъ представляются два условія: степень довѣрія публики къ Кредитному Обществу и общее состояніе денежнаго рынка. Такъ облигаціи Петербургскаго Общества сначала стояли выше 90 р. за 100, а потомъ упали до 85. Наоборотъ, цѣны московскихъ облигацій, сначала очень низкія, представляютъ почти непрерывное повышеніе, и теперь почти сравнялись съ цѣнами облигацій Петербургскаго Общества. Пониженіе цѣны петербургскихъ облигацій объясняется состояніемъ денежнаго рынка; повышеніе цѣны облигацій московскихъ—возрастающимъ довѣріемъ публики къ Московскому Обществу.

Повидимому, есть всѣ необходимые элементы для того чтобъ это довѣріе возрастало. Прежде всего, довѣріе къ мѣстному Кредитному Обществу того или другаго города условливается характеромъ этого города, задатками прочнаго благосостоянія, которыми этотъ городъ обладаетъ. Въ этомъ отношеніи наша древняя столица можетъ поспорить съ любымъ городомъ. Московскія городскія имущества представляютъ несомнѣнно одно изъ самыхъ вѣрныхъ обезпеченій на свѣтѣ. Москва—городъ существующій самобытно: она не потеряла своего значенія послѣ перенесенія столицы въ Петербургъ, а напротивъ подолжала еще возрастать. Искусственными поддержками она почти вовсе не пользуется. Она ничего не утратитъ, а еще много выиграетъ отъ того экономическаго и политическаго возвышенія, на которое югъ Россіи имѣетъ всѣ основанія разчитывать въ будущемъ. Она останется естественнымъ средоточіемъ и главнымъ рынкомъ внутреннихъ губерній Россіи. Пять желѣзныхъ дорогъ, сходящихся къ Москвѣ, еще болѣе обезпечиваютъ ея будущность. Вотъ почему, какъ мы сказали, на свѣтѣ мало такихъ вѣрныхъ обезпеченій какъ московскія городскія имущества. Съ этой стороны облигаціи Московскаго Кредитнаго Общества могутъ разчитывать на высокій курсъ. Но довѣріе, которое внушаетъ къ себѣ городъ Москва, тутъ еще не все. Надобно чтобы рядомъ съ нимъ шло довѣріе къ Кредитному Обществу, а это зависитъ отъ двухъ условій: отъ правильности оцѣнки, служащей основаніемъ кредита, и отъ существованія въ Кредитномъ Обществѣ запаснаго капитала обезпечивающаго незамедлительную уплату процентовъ по облигаціямъ. О томъ, въ какой мѣрѣ Московское Кредитное Общество будетъ удовлетворять этимъ двумъ условіямъ, по первому году судить еще нельзя. Посмотримъ однакоже какъ представляются эти два пункта уже теперь.

Правильность оцѣнки всего лучше повѣряется публичною продажей заложенныхъ и просроченныхъ имуществъ. Если на публичныхъ торгахъ въ продолженіе многихъ лѣтъ будутъ постоянно оказываться значительные излишки суммъ выручаемыхъ отъ продажи надъ тѣми суммами, которыя были выданы въ ссуду подъ проданныя имущества, то въ публикѣ укоренится убѣжденіе что оцѣнка, дѣлаемая Обществомъ, заслуживаетъ довѣрія. До сихъ поръ еще не было случая аукціонной продажи имуществъ заложенныхъ въ Московскомъ Кредитномъ Обществѣ, а потому публика и не имѣетъ еще средствъ для провѣрки его дѣйствій. Теперь сужденіе можетъ быть составлено только на основаніи данныхъ не имѣющихъ обязательной для всякаго убѣдительности: именно на основаніи отношенія между выданною ссудой и оцѣночною суммой опредѣленною агентами Общества. Вотъ эти данныя: залоги, предъявленные Обществу, подвергаются съ его стороны двоякой оцѣнкѣ, матеріяльной и подоходной. Сверхъ того, каждое закладываемое имущество должно быть застраховано отъ огня, въ цѣнѣ, которая должна быть выше ссуды, но которой размѣры опредѣляются по соглашенію между вотчинникомъ и страховымъ обществомъ. Каковы же отношенія этихъ трехъ оцѣнокъ къ размѣру ссудъ, выданныхъ Московскимъ Обществомъ? Изъ отчета видно, что въ общемъ итогѣ каждый рубль выпущенныхъ облигацій гарантированъ 1 р. 95 к. матеріяльной цѣнности залога, 1 р. 41 к. цѣнности его по доходу и 1 р. 71 к. той суммы, въ которой заложенное имущество застраховано отъ огня. Обращаясь для сравненія къ Петербургу, мы находимъ, что въ тамошнемъ Кредитномъ Обществѣ каждый рубль выпущенныхъ облигацій гарантированъ 2 р. 16 к. матеріяльной цѣнности, 1 р. 55 к. цѣнности по доходу и 1 р. 69 к. суммы страхованія. Эти цифры оказываются изъ послѣдняго отчета Петербургскаго Кредитнаго Общества. Если же взять предыдущій отчетъ, то тамъ мы найдемъ цифры менѣе благопріятныя: къ концу перваго финансоваго года Петербургскаго Кредитнаго Общества каждый рубль выпущенныхъ облигацій былъ гарантированъ 2 р. 5 к. матеріяльной цѣнности, 1 р. 47 к. цѣнности по доходу и 1 р. 60¾ к. суммы страхованія. Эти данныя менѣе благопріятны чѣмъ данныя втораго года, когда въ этомъ отношеніи оказался успѣхъ; желательно, чтобъ и въ Московскомъ Обществѣ дѣла приняли такой же ходъ къ большому обезпеченію владѣльцевъ облигацій. Впрочемъ, повторяемъ, что эти цифры не могутъ вести къ какому-либо обязательно-убѣдительному заключенію: тутъ все зависитъ отъ того, какъ производится оцѣнка. Если оцѣнка строга, то эти цифры имѣютъ большое значеніе; если она снисходительна, эти цифры утрачиваютъ свою силу. Только оцѣнка, дѣлаемая съ цѣлью страхованія имуществъ,

заслуживаетъ повидимому нѣкотораго вниманія во всякомъ случаѣ. Она внушаетъ довѣріе къ себѣ уже по самому своему свойству, и намъ пріятно замѣтить, что въ этомъ отношеніи данныя, относящіяся къ Московскому Обществу, уже теперь благопріятны. Между тѣмъ какъ въ Петербургѣ на одинъ рубль облигацій приходилось въ первый годъ дѣйствій тамошняго Общества только 1 р. 60³/₄ к. суммы страховскія,—цифра повысившая во второмъ году до 1 р. 69 к.,—въ Московскомъ Обществѣ соотвѣтствующая цифра, оказывается уже въ первомъ году выше не только петербургской цифры перваго, но даже втораго года: въ Московскомъ Обществѣ на одинъ рубль облигацій приходится, какъ уже сказано, 1 р. 71 к. той суммы, въ которой заложенное имущество застраховано отъ огня.

Остается вопросъ о запасномъ капиталѣ. Согласно уставу, онъ образуется изъ экономіи по управленію Обществомъ и изъ случайныхъ доходовъ. За первый годъ дѣйствій Московскаго Общества, экономіи не оказалось; операціи его разрѣшились дефицитомъ въ 11.271 руб., который былъ покрытъ займомъ изъ городскихъ суммъ. Справедливость требуетъ впрочемъ замѣтить, что дефицитъ былъ неизбѣженъ. Расходы Общества начались еще въ январѣ 1863 года; они производились въ продолженіе одного года и 8 мѣсяцевъ, а для покрытія ихъ имѣлся въ виду лишь двѣнадцатимѣсячный сборъ. Къ тому же на первый разъ должны были понадобиться расходы, которые не повторятся въ послѣдствіи. Наконецъ, при незначительности общаго итога ссудъ выданныхъ въ продолженіе перваго финансоваго года Московскимъ Обществомъ, полупроцентный ежегодный сборъ и единовременная полупроцентная премія могли доставить лишь ограниченныя средства для покрытія расходовъ Общества. О бережливости правленія Московскаго Общества свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что оно сдѣлало экономію по всѣмъ статьямъ расхода противъ суммъ, ассигнованныхъ общимъ собраніемъ. Сравнивая въ этомъ отношеніи Московское Общество съ Петербургскимъ, мы находимъ, что расходы Московскаго Общества простирались за первый отчетный періодъ до 32.000 р., а расходы Петербургскаго Общества превысили 115.000 руб., и что изъ городскихъ суммъ заимствовано Московскимъ Обществомъ 12.000 р., а Петербургскимъ 150.000, изъ числа которыхъ хотя черезъ нѣсколько дней и было возвращено въ городскую казну 80.000, но 70.000 р. оставались въ долгу до исхода перваго отчетнаго періода. Впрочемъ, столь значительное различіе объясняется размѣрами операцій того и другаго Общества, вслѣдствіе чего, несмотря на сравнительную огромность расходовъ Петербургскаго Общества, по счетамъ его уже за первый годъ оказался избытокъ, подлежавшій зачисленію въ запасный капиталъ и простиравшійся слишкомъ до 20.000 р. Надобно желать, чтобы Московское Общество успѣло въ текущемъ финансовомъ году уплатить свой долгъ городской казнѣ и обезпечить образованіе необходимаго ему запаснаго капитала. Тогда, можно надѣяться, будетъ вполнѣ упроченъ курсъ его облигацій, и если только русская монетная система будетъ исправлена и русскій ходячій рубль получитъ неизмѣнную цѣнность, то облигаціи Московскаго Кредитнаго Общества несомнѣнно найдутъ себѣ хорошій пріемъ и на иностранныхъ биржахъ.

№ 249.

Москва, 12-го ноября.

Недавно мы получили письмо изъ Оргѣева, въ Бессарабіи, которое произвело на насъ оригинальное впечатлѣніе. Въ началѣ письма корреспондентъ говорилъ о мѣстныхъ надеждахъ на скорое сооруженіе желѣзной дороги, имѣющей соединить Кишиневъ съ Черновицами въ Буковинѣ. За тѣмъ почти все письмо наполнено жалобами на изолированное положеніе Бессарабіи относительно Россіи, на совершенное отсутствіе удобныхъ сообщеній съ Москвой и Петербургомъ, на крайнюю затруднительность для жителей Бессарабіи поѣздокъ въ Москву, которыя были бы для многихъ изъ нихъ очень желательны и очень выгодны. Мы ожидали, что корреспондентъ перейдетъ къ мысли о желѣзной дорогѣ, соединяющей Кишиневъ съ Москвой. Каково же было наше удивленіе, когда въ концѣ письма мы прочли слѣдующія слова: „Всѣ эти неудобства будутъ устранены, коль скоро осуществится планъ сооруженія желѣзной дороги изъ Кишинева въ Черновицы: тогда оживятся сношенія здѣшняго края съ нашими столицами; мы бу-

демъ имѣть самое легкое и дешевое сообщеніе съ Петербургомъ и Москвой черезъ Краковъ и Варшаву!" Корреспондентъ говорилъ это безъ задней мысли; онъ высказывалъ чистосердечную радость, что получитъ возможность побывать въ Москвѣ. Но, признаемся, эта радость больно кольнула насъ. Русскій край, сносящійся съ русскими столицами черезъ Австрію: неужели это въ порядкѣ вещей?

Это письмо напомнило намъ, что заграницей можно встрѣтить многихъ жителей южной и юго-западной Россіи, не Поляковъ, а природныхъ русскихъ, которые никогда не бывали въ Москвѣ и Петербургѣ. Они ѣздятъ за границу черезъ черноморскіе портовые города, и всего болѣе черезъ Кіевъ. Какъ изъ подмосковныхъ губерній помѣщики съѣзжаются на зиму въ Москву или Петербургъ, такъ изъ того края ѣздятъ за границу. Есть семейства которыя почти каждый годъ пользуются этимъ развлеченіемъ. Можно ли ихъ винить за то? Можно ли считать эту ихъ привычку за что-либо предосудительное? Но съ другой стороны можно ли оставлять безъ вниманія положеніе дѣлъ, обнаруживающее такую полную разобщенность южной Россіи съ столицами Русскаго государства и принуждающее ея жителей искать въ иностранныхъ столицахъ того, чего они съ бо́льшимъ удовольствіемъ стали бы искать въ нашихъ столицахъ, гдѣ они чувствовали бы себя дома?

Разобщенность южной, лучшей въ экономическомъ отношеніи половины Россіи съ ея сѣверною половиной есть фактъ заслуживающій самаго серіознаго вниманія. Было бы крайнею близорукостью смотрѣть равнодушно на эти неестественныя тяготѣнія нашего южнаго края къ иностраннымъ государствамъ. *Одесскій Вѣстникъ* очень часто говоритъ объ Одессѣ, что этотъ городъ все болѣе и болѣе принимаетъ космополитическій характеръ. Не заключается ли въ этихъ отзывахъ самое горькое обличеніе того печальнаго хода дѣлъ, который доселѣ разрознивалъ насъ съ нашимъ югомъ?

Мы до сихъ поръ почти вовсе не пользовались самыми благословенными частями Русской земли. Послѣ того какъ съ успѣхами государственнаго благоустройства пресѣкалась возможность образованія вольнаго казачества, экспансивная сила русскаго народа не находила для себя правильнаго исхода. Крѣпостное право еще давало помѣщикамъ возможность переселять крестьянъ въ мѣста болѣе выгодныя, но свободныя податныя сословія, и въ особенности государственные крестьяне, были почти совсѣмъ лишены свободы передвиженія. Они тѣснились на тѣхъ мѣстахъ, къ которымъ были приписаны и откуда могли отлучаться только на время, по паспортамъ. Они являлись въ южный край какъ кочевые люди и приносили съ собою туда всѣ недостатки кочеваго населенія. Работа ихъ была плоха, поведеніе еще хуже. Слѣдствіемъ того были дороговизна труда и необезпеченность всего быта. Съ другой стороны покровительственный тарифъ налагалъ на южный край тягости, тѣмъ болѣе чувствительныя, что сообщенія съ сѣверными фабричными губерніями были крайне неудобны. Можно сказать, что только естественныя преимущества южнаго края дѣлали тамъ возможнымъ сельское хозяйство, но, какъ само собой разумѣется, эта главная промышленность края, обставленная такъ неблагопріятно, не могла доставлять Россіи все то, что̀ по естественнымъ условіямъ было бы возможно. Въ послѣднее время дѣла несомнѣнно измѣнились не къ лучшему. Освобожденіе крестьянъ нигдѣ въ Россіи не дало такъ почувствовать недостатокъ рукъ, какъ въ южномъ краѣ. Свеклосахарная промышленность, хоть сколько-нибудь распространявшая на южный край выгоды покровительственнаго тарифа, начала падать. Наконецъ, отмѣна откуповъ, столь благодѣтельная въ центральной Россіи, для юга была сопряжена съ увеличеніемъ налога платимаго государству. Винокуреніе не могло не потерпѣть отъ того; оно еще болѣе потерпѣло отъ ажіотажа послѣдовавшаго за возвышеніемъ акциза въ началѣ нынѣшняго года. Все то, чѣмъ югъ былъ отчасти вознаграждаемъ за стѣсненіе свободы личнаго передвиженія и невыгодность своего отношенія къ системѣ покровительственнаго тарифа, все это теперь потеряло силу. Удивляться ли, что экономическое положеніе края отражаетъ на себѣ всѣ эти невзгоды, и что колебанія нашей денежной системы, сдѣлавшія вездѣ въ Россіи производство не выгоднымъ, всего болѣе отозвались на производствѣ нашего юга?

Можно ли, имѣя въ виду такое положеніе дѣлъ, говорить въ пользу государственной гарантіи по какой бы то ни было новой линіи желѣзныхъ дорогъ на сѣверѣ

Россіи, прежде нежели будетъ сооружена московско-кіевская и кіевско-одесская линія, съ вѣтвью на Харьковъ и оттуда до Грушевской желѣзной дороги? Что такое государственная гарантія, какъ не налогъ на все государство? Но югъ Россіи уже участвовалъ въ доставленіи средствъ на построеніе Николаевской желѣзной дороги; онъ участвуетъ въ платежѣ гарантій по дорогамъ Главнаго Общества и другимъ дорогамъ сѣверной Россіи, которымъ дана гарантія. Есть ли справедливость требовать, чтобы сверхъ того онъ несъ напримѣръ тяжесть гарантіи по желѣзной дорогѣ изъ Петербурга въ Балтійскій портъ? Эта дорога теперь проектируется, и разумѣется, съ видами на гарантію или иное пособіе со стороны государства; притомъ, во уваженіе мѣстныхъ интересовъ, предполагается понизить на этой дорогѣ таксу перевозки сельско-хозяйственныхъ продуктовъ противъ теперешней, установленной для русскихъ желѣзныхъ дорогъ, весьма низкой нормы въ $2\frac{1}{2}$ коп. съ пуда за сто верстъ. Это послѣднее предположеніе можетъ показаться съ перваго взгляда общеполезнымъ; можно полагать, что оно будетъ содѣйствовать лишь усиленію вывоза русскихъ продуктовъ. Но допустить пониженіе таксы по дорогѣ гарантированной правительствомъ значило бы уменьшить валовой доходъ съ нея, то-есть, что̀ все равно, еще болѣе усилить значеніе государственной гарантіи. Въ пользу пониженія таксы за перевозку хлѣба намъ привелось слышать ссылку на то, что военные припасы перевозятся же по уменьшенной таксѣ. Но эта ссылка нисколько нейдетъ къ дѣлу. Военные припасы и войска перевозятся для защиты государства, а государственная опасность, на какомъ бы пунктѣ государства она ни оказалась, равно чувствительна всему государству, и должна быть отражаема всѣми его средствами. Тягости, возникающія изъ государственной опасности, по всему праву должны быть возлагаемы на всѣхъ гражданъ государства; при этомъ никогда не принимается въ разчетъ близость или отдаленность того или другаго края отъ угрожаемаго пункта. Тутъ господствуетъ и должна господствовать безусловная круговая порука между жителями всѣхъ частей государства. Но совсѣмъ другое дѣло экономическіе интересы, какъ напримѣръ сбытъ продуктовъ сельскаго хозяйства. Облегчать сбытъ этихъ продуктовъ на сѣверѣ и производить это облегченіе на общій государственный счетъ значитъ покровительствовать производству хлѣба въ сѣверныхъ губерніяхъ на счетъ южныхъ производителей хлѣба, а это не можетъ быть оправдано никакимъ справедливымъ доводамъ и совершенно противно экономическимъ интересамъ государства, такъ какъ на югѣ производство хлѣба выгоднѣе чѣмъ на сѣверѣ.

Сѣверная Россія уже пользуется многими желѣзными дорогами, которыя не могли бы быть сооружены безъ пожертвованій со стороны всего государства. Теперь очередь за югомъ, и пока югъ не получитъ крайне необходимыхъ для него желѣзныхъ дорогъ къ Одессѣ и устьямъ Дона, до тѣхъ поръ справедливость воспрещаетъ употреблять общія государственныя средства на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ въ сѣверной части Россіи или на пониженіе провозной таксы съ произведеній сѣвернаго сельскаго хозяйства. Этого требовала бы справедливость, еслибы югъ Россіи и не подвергался тѣмъ исключительнымъ, неблагопріятнымъ для него обстоятельствамъ, о которыхъ упомянуто выше. А теперь дѣло идетъ не о простой очереди по сооруженію желѣзныхъ дорогъ; теперь дѣло идетъ о томъ, чтобы вознаградить югъ за упадокъ свеклосахарной и винокуренной промышленности; наконецъ, теперь дѣло идетъ о томъ, чтобы въ интересахъ всего государства положить конецъ тому печальному разобщенію, въ которомъ находится югъ Россіи относительно ея центральныхъ губерній.

Пусть мѣстные жители строятъ на свой счетъ желѣзныя дороги гдѣ имъ желательно въ Россіи, но они имѣютъ права расчитывать на общія государственныя средства; которыя по всей справедливости слѣдуетъ обратить теперь только на сооруженіе южныхъ линій.

№ 250.

Москва, 13-го ноября.

Упомянутый нами вчера проектъ желѣзной дороги изъ Петербурга, или собственно изъ Ораніенбаума, въ Балтійскій Портъ, если читатели помнятъ, былъ предметомъ обсужденія въ собраніи эстляндскаго рыцарства, происходившемъ нынѣшнимъ лѣтомъ. Послѣ долгихъ преній рыцарство

опредѣлило, что беретъ этотъ проектъ подъ свое покровительство и намѣрено поддерживать его всѣмъ своимъ вліяніемъ. Контрагентомъ оно избрало г. Мандельштама, черезъ котораго оно нынѣшнимъ же лѣтомъ заключило заемъ для выдачи ссудъ эстляндскимъ землевладѣльцамъ, а также тамошнимъ крестьянамъ, желающимъ выкупать свою землю по добровольнымъ договорамъ съ помѣщиками. Заемъ заключенъ на слѣдующихъ условіяхъ: рыцарство выдаетъ г. Мандельштаму облигаціи, приносящія 4 проц. въ годъ; какъ проценты, такъ и погашеніе выплачиваются по этимъ облигаціямъ звонкою монетой. Г. Мандельштамъ, принимая эти облигаціи, выдаетъ за нихъ рыцарству кредитными билетами по 90 коп. за номинальный рубль. Такимъ образомъ, при теперешнемъ курсѣ, рыцарству придется платить за 90 рублей капитала 5 руб. процентовъ, или съ небольшимъ $5^1/_2$ проц. На этихъ условіяхъ г. Мандельштамъ уже принялъ отъ рыцарства облигацій на милліонъ рублей, и, какъ слышно, всѣ онѣ помѣщены въ сентябрѣ мѣсяцѣ на петербургской биржѣ по 92 коп. за рубль. Сумма займа будетъ увеличена, послѣ того какъ г. Мандельштамъ получитъ концессію на желѣзную дорогу въ Балтійскій Портъ. Въ капиталахъ на это предпріятіе недостатка не предвидится, если будетъ дана государственная гарантія, соотвѣтственная теперешней цѣнѣ капиталовъ въ Европѣ, то-есть гарантія довольно высокая. Тогда Эстляндія получитъ желѣзную дорогу, а эстляндское рыцарство ссуду, которая будетъ простираться въ общемъ итогѣ, если не ошибаемся, до 6 милліоновъ рублей.

Мы приводимъ это дѣло, ставшее публичнымъ, чтобы задать себѣ вопросъ: почему же въ другихъ губерніяхъ Россіи, гдѣ полученіе ссуды было бы не менѣе нужно чѣмъ въ Эстляндіи, а проведеніе желѣзныхъ дорогъ несомнѣнно представило бы еще больше выгодъ,—почему же въ другихъ губерніяхъ Россіи иниціатива мѣстныхъ землевладѣльцевъ такъ слаба что тамъ нечего и помышлять о подобномъ привлеченіи капиталовъ для служенія интересамъ губернскаго дворянства или земства? Неужели это происходитъ только отъ апатіи равнодушія къ дѣлу, только отъ того что дворянство чисто-русскихъ губерній не способно напримѣръ понять всю выгоду получаемую губерніей отъ проведенія черезъ нее желѣзной дороги? Петербургскія прогрессивныя газеты, находящія особенное удовольствіе въ томъ, чтобы топтать въ грязь русское общество, пожалуй, отвѣтятъ утвердительно на эти вопросы. „У насъ, скажутъ онѣ, никто не захочетъ ничѣмъ пожертвовать на общественное дѣло; мы не прочь толковать о желѣзныхъ дорогахъ за какимъ-нибудь публичнымъ обѣдомъ, — обѣды, особенно обѣды съ рѣчами и тостами, такъ рѣдкіе у насъ, словно бѣльмо на глазу у иныхъ ревнителей русской общественной жизни— а когда дѣло дойдетъ до кармана, то ужъ извините, не дадимъ ни копѣечки. На западныхъ окраинахъ совсѣмъ другое дѣло: тамъ иначе смотрятъ на общественные интересы.“ Посмотримъ однакоже на западныя окраины, напримѣръ хоть кстати на Эстляндію. Мы отнюдь не намѣрены укорять этимъ эстляндское рыцарство, но должны сказать, что, сколько намъ извѣстно, оно не изъявило ни малѣйшей готовности принести какую-либо *жертву* для проведенія желѣзной дороги въ Балтійскій Портъ. Оно одобрило это предпріятіе, обѣщало ему свое покровительство, но мы не слыхали, чтобъ оно дало на него хоть одну копѣйку: напротивъ, оно само заключило еще заемъ. Оно заботилось о своихъ интересахъ, что, спѣшимъ прибавить, совершенно естественно, и за что пенять на него никто не въ правѣ; но тѣмъ не менѣе мы въ правѣ сказать, что, какъ намъ извѣстно самымъ вѣрнымъ образомъ, землевладѣльцы и купечество многихъ нашихъ внутреннихъ, особенно южныхъ губерній, съ большою радостью согласились бы на существенныя пожертвованія, лишь бы прошла по ихъ губерніямъ желѣзная дорова. Тутъ стало-быть дѣло не въ недостаткѣ пониманія пользы желѣзныхъ дорогъ и не въ недостаткѣ готовности къ посильнымъ пожертвованіямъ? Въ чемъ же тутъ недостатокъ? Петербургскіе прогрессисты, произносящіе приговоръ надъ бѣднымъ русскимъ обществомъ, имѣютъ, конечно, весьма мало понятія объ условіяхъ русскаго губернскаго быта, а то они знали бы что при всемъ желаніи жители не привилегированныхъ губерній не имѣютъ никакой возможности браться за дѣла подобныя тѣмъ, которыя были рѣшены нынѣшнимъ лѣтомъ въ собраніи эстляндскаго рыцарства. Кто могъ бы взять у насъ на

себя инициативу подобнаго дѣла? Кто могъ бы вступить въ переговоры съ банкиромъ? Губернскій предводитель дворянства? Но гдѣ его полномочіе? Первенствующіе дворяне губерніи, случайно съѣхавшіеся въ губернскомъ городѣ? Но какъ знать, одобрило ли бы ихъ дѣйствія дворянство на общемъ губернскомъ съѣздѣ? Остается губернскій съѣздъ, но какое серіозное дѣло можно начать и кончить въ продолженіе двухнедѣльныхъ засѣданій губернскаго съѣзда, состоящаго притомъ изъ людей, которые собираются вмѣстѣ по одному разу въ три года и слѣдовательно мало знаютъ другъ друга и вовсе не привычны къ веденію дѣлъ? Наконецъ, еслибы собравшееся на съѣздѣ дворянство обнаружило такое искусство и такую неимовѣрную ловкость, что успѣло бы окончательно устроить въ двѣ недѣли напримѣръ дѣло о губернскомъ займѣ для ссудъ, то это дѣло пошло бы на утвержденіе высшаго начальства, и замѣчанія высшаго начальства подлежали бы обсужденію на слѣдующемъ съѣздѣ, то-есть черезъ три года. Какой же банкиръ согласился бы ждать весь этотъ длинный срокъ, и не пришлось ли бы черезъ три года передѣлывать сызнова всѣ условія сдѣлки? Дѣло объ эстляндскомъ займѣ обсуждалось, сколько извѣстно по газетамъ, на нѣсколькихъ съѣздахъ тамошняго рыцарства, а съѣзды бываютъ тамъ по два раза въ годъ. Оно было рѣшено на съѣздѣ, который засѣдалъ нѣсколько мѣсяцевъ сряду. Наконецъ, успѣшности переговоровъ не могло не содѣйствовать и то обстоятельство, что эстляндское рыцарство имѣло право окончательно утвердить условія займа. Вотъ гдѣ, а не въ крикахъ объ апатіи и неспособности русскаго общества, слѣдуетъ искать элементовъ отвѣта на тотъ вопросъ, который мы задали себѣ выше.

Будемъ надѣяться, что новоучреждаемыя земскія собранія нѣсколько улучшатъ условія, въ которыя поставлена у насъ мѣстная инициатива по общеполезнымъ дѣламъ.

—

№ 251.

Москва, 14-го ноября.

Время, въ которое мы живемъ, богато всякаго рода интригами: интригами революціонныхъ партій всѣхъ странъ Европы, интригами партій политическихъ, наконецъ, интригами вліятельнѣйшихъ и значительнѣйшихъ правительственныхъ лицъ въ Европѣ. Въ такое время нельзя пренебрегать никакими газетными извѣстіями и слухами, какъ бы они съ перваго взгляда ни казались сомнительными. Политическая журналистика стала теперь однимъ изъ главныхъ орудій политики, и конкуррируетъ съ обычными дипломатическими способами. Сила дипломатическихъ объясненій нерѣдко или увеличивается, или уменьшается сопровождающими ихъ заявленіями полуофиціальныхъ газетъ; эти заявленія,—какъ случилось, между прочимъ, и съ конвенціей 15-го сентября,—даже предваряютъ прямыя дипломатическія объясненія между державами, и даютъ имъ то или другое направленіе. Такъ *Constitutionnel* первый довелъ до свѣдѣнія и папы, и Австріи, о существованіи акта величайшей для нихъ важности, о которомъ они ничего или почти ничего не знали изъ прямыхъ офиціяльныхъ источниковъ. Одни изъ газетныхъ заявленій непосредственно предшествуютъ дѣлу, и подготовляютъ публику къ тому что̀ вскорѣ должно стать совершившимся фактомъ; другія имѣютъ значеніе лишь такъ-называемыхъ *ballons d'essai*, то-есть, предназначены вызвать наружу мнѣніе публики и офиціяльныхъ сферъ о томъ или другомъ предположеніи, о томъ или другомъ планѣ, съ тѣмъ чтобы потомъ, когда дѣло дойдетъ до исполненія, болѣе или менѣе сообразоваться съ ихъ настроеніемъ; наконецъ, третьи имѣютъ значеніе только потому, что въ нихъ выражаются стремленія какихъ-либо политическихъ и революціонныхъ партій и дѣятелей.

Мы сочли не лишнимъ предпослать эти замѣчанія разбору страннаго извѣстія, сообщеннаго въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ газеты *Wanderer*. Хотя многія изъ показаній этой газеты не разъ подтверждались послѣдующими фактами, однакоже тѣ изъ нихъ, которыя относятся къ Россіи, должны быть принимаемы съ большою осмотрительностью: большею частью они идутъ изъ враждебнаго Россіи польскаго лагеря, и только въ томъ отношеніи и заслуживаютъ вниманія что по нимъ можно до нѣкоторой степени судить, чего въ данный моментъ наиболѣе желаютъ люди этого лагеря, и на что̀ они наиболѣе разчитываютъ въ своихъ интересахъ. Извѣстіе, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, сообщено въ *Wan-*

derer по телеграфу изъ Берлина, отъ 16-го ноября. „Пруссія, по словамъ этой телеграммы, намѣревается возвратиться къ идеямъ 1848 года, и раздѣлить великое герцогство Познанское на двѣ части: нѣмецкую и польскую. По этому поводу, сегодня (то-есть, 16-го ноября) начались переговоры между г. фонъ-Бисмаркомъ и г. д'Убри, русскимъ посланникомъ въ Берлинѣ, на основаніи пунктовъ, предварительно условленныхъ между прусскимъ министромъ-президентомъ и княземъ Горчаковымъ, въ бытность послѣдняго въ Берлинѣ. Переговоры начались обмѣномъ полномочій."

На другой день *Wanderer*, въ передовой статьѣ, поясняетъ эту телеграмму слѣдующимъ образомъ. Извѣстно, что февральская революція въ Парижѣ нашла себѣ отголосокъ не только въ Вѣнѣ, въ Берлинѣ, но и въ Познани. Въ то самое время какъ престолъ Фридриха Вильгельма IV былъ сильно потрясенъ событіями въ Берлинѣ, въ Познанской провинціи дѣло дошло почти до явнаго возстанія: законныя власти были изгнаны, все народонаселеніе было призвано къ оружію, былъ учрежденъ національный польскій комитетъ, который занялся организаціей вооруженныхъ полчищъ, сборомъ налоговъ для революціонныхъ цѣлей и т. д. Въ обычное время прусское правительство съ свойственною ему энергіей, не замедлило бы положить конецъ всѣмъ этимъ затѣямъ; но глубоко потрясенное революціей въ самомъ Берлинѣ, оно не имѣло возможности дѣйствовать и вступило въ этотъ разъ на путь уступокъ: въ королевскомъ рескриптѣ отъ 24-го марта 1848 г. было обѣщано преобразованіе Познанской провинціи; на ту пору требованія Поляковъ еще не простирались далѣе этого пункта. Но какъ только была сдѣлана одна уступка, они тотчасъ начали возвышать свои требованія, и дошли, наконецъ въ своихъ желаніяхъ до совершеннаго отторженія Познани отъ Прусскаго королевства. Желанія ихъ встрѣтили, однакоже, отпоръ въ нѣмецкомъ населеніи Познани, которое просило, чтобъ обѣ національности были раздѣлены пограничною чертой, и чтобы только польская часть провинціи была подвергнута преобразованію. Правительство усвоило себѣ этотъ планъ; генералъ Виллизенъ, назначенный королевскимъ коммиссаромъ, заключилъ даже конвенцію съ познанскими инсургентами, что̀ было причиной продолжительной немилости, въ которую онъ впалъ при дворѣ короля Фридриха Вильгельма IV. Въ этой конвенціи была обозначена пограничная черта между окончательно германизованною частью Познани и тою, гдѣ польскій элементъ еще оставался въ силѣ, и этой послѣдней части былъ обѣщанъ собственный сеймъ, свои національные суды, администрація, обученіе, и т. д. Находясь тогда въ тревогѣ и крайности, прусское правительство соглашалось на эти уступки, вслѣдствіе которыхъ неонѣмеченная часть Познани получила нѣкоторую автономію; но за то, съ другой стороны, Пруссія надѣялась вполнѣ вознаградить себя включеніемъ онѣмеченной части Познани, вмѣстѣ съ Западною и Восточною Пруссіями, въ составъ Германскаго Союза. И дѣйствительно, это включеніе состоялось, и депутаты отъ этихъ областей, не входившихъ прежде въ Союзъ, явились во Франкфуртскомъ національномъ парламентѣ. Но познанскіе Поляки, какъ и слѣдовало ожидать, оказались недовольными, и настоятельно потребовали расширенія предоставленной имъ территоріи насчетъ Западной Пруссіи, которая также входила нѣкогда въ составъ Польскаго королевства. Словомъ, здѣсь случилось то же чего слѣдовало бы ожидать отъ Поляковъ по отношенію ко всей западной Руси, еслибы Царству Польскому, дѣйствительно, была предоставлена та автономія, которой для него желаютъ разные заграничные публицисты. Между тѣмъ, прусское правительство, временно ослабленное берлинскою революціей, вновь окрѣпло, Поляки были усмирены силой оружія, сдѣланныя имъ уступки были взяты назадъ, раздѣлительная черта между польскою и нѣмецкою частью Познани исчезла, и вся Познань съ обѣими Пруссіями оказалась включенною въ Германскій Союзъ, изъ котораго эти три области были вновь выключены лишь въ 1851 году, когда Австрія, ссылаясь на примѣръ Пруссіи, потребовала включенія въ Германскій Союзъ всѣхъ своихъ негерманскихъ владѣній.

Какой же смыслъ имѣетъ намѣреніе, приписываемое Пруссіи въ настоящее время, разграничить вновь нѣмецкое и польское населеніе Познани? Желаетъ ли Пруссія облегчить тѣмъ включеніе трехъ восточныхъ областей своихъ въ составъ Германскаго Союза? Пруссія очень мало по-

лагается на силы Германскаго Союза, но для нея все-таки имѣютъ существенную важность преобразованіе его и введеніе въ него возможно-большей части ея владѣній, чтобъ увеличить ихъ безопасность со стороны Россіи, а также чтобъ усилить свое вліяніе въ Германскомъ Союзѣ. Всего лучше было бы для Пруссіи вступить всѣмъ составомъ своихъ владѣній въ Германскій Союзъ. Отдѣленіе польской части Познанскаго великаго княжества можетъ быть предпринято Пруссіей лишь въ виду Франціи и Австріи, согласіе которыхъ необходимо для измѣненія предѣловъ Германскаго Союза. Такъ какъ согласіе Россіи не менѣе необходимо, то этимъ можно было бы объяснить открытіе предварительныхъ переговоровъ съ Россіей,—даже такихъ торжественныхъ и офиціяльныхъ переговоровъ, которымъ, какъ утверждаетъ берлинская телеграмма газеты *Wanderer*, предшествовалъ обмѣнъ полномочій. Особыя полномочія для веденія переговоровъ о какомъ-либо предметѣ даются лишь въ томъ случаѣ, когда имѣется въ виду дѣло большой важности, какъ напримѣръ, заключеніе взаимно-обязательнаго договора, и т. д. Расширеніе предѣловъ Германскаго Союза есть дѣло очень близко касающееся интересовъ Россіи.

Не останавливаясь на этомъ повидимому наиболѣе естественномъ объясненіи, австрійская газета однакоже останавливается на предположеніи, не имѣетъ ли въ виду г. фонъ-Бисмаркъ уступить польскую часть Познани Россіи для присоединенія ея къ Царству Польскому, съ тѣмъ чтобы при содѣйствіи Россіи, которая могла бы быть польщена расширеніемъ своихъ предѣловъ, а также Франціи, для которой планы косвенно клонящіяся къ возстановленію Польши, могутъ быть только пріятны, вознаградить себя за эту уступку Шлезвигъ-Гольштейномъ и Лауэнбургомъ.

По всему вѣроятію, извѣстіе сообщенное въ *Wanderer*, лишено фактическаго основанія: изъ надежныхъ прусскихъ источниковъ, какъ напримѣръ изъ *Крестовой Газеты*, мы узнаемъ только то, что прусскія войска, расположенныя на границѣ Познани съ Польшей, выводятся внутрь государства, и что около 16-го ноября въ Берлинѣ ожидали прибытія оберъ-президента Познанской провинціи, г. Горна, для обсужденія дальнѣйшихъ порядковъ въ этой провинціи и для рѣшенія вопроса о распредѣленіи въ ней прусскихъ гарнизоновъ. Тѣмъ не менѣе, однакоже, на это извѣстіе, въ связи съ предположеніями, высказанными въ *Wanderer*, можно смотрѣть или какъ на вызовъ, сдѣланный общественному мнѣнію въ Европѣ вообще, а въ Австріи и Россіи въ особенности, со стороны прусскаго министра-президента, или какъ на заявленіе желаній извѣстной польской національной партіи, — желаній, которыя, какъ теперь оказывается, могутъ даже разчитывать на полное сочувствіе такихъ *русскихъ* публицистовъ, каковы напримѣръ публицисты *Голоса*.

Шлезвигъ-гольштейнскій вопросъ все болѣе запутывается, и можетъ повести къ серіознымъ столкновеніямъ. Какъ замѣчаетъ *St.-Petersburger Zeitung*, Герцогства находятся въ настоящее время въ такомъ положеніи, что при менѣе спокойномъ характерѣ населеній, дѣло давно уже дошло бы до возмущеній, которыя, при нынѣшнихъ отношеніяхъ между нѣмецкими государствами, могли бы имѣть самыя серіозныя послѣдствія. Въ Килѣ, рядомъ съ коммиссарами Германскаго Союза, которые ни въ чемъ несогласны съ прусскимъ и австрійскимъ коммиссарами въ Шлезвигѣ, водворилось еще частное управленіе принца Августенбургскаго съ формально-организованнымъ министерствомъ, такъ что Гольштейнъ имѣетъ въ настоящее время три правительства, Лауэнбургъ — два (считая въ обоихъ случаяхъ Пруссію и Австрію), и только Шлезвигъ наслаждается преимуществомъ единой власти, если только можно считать таковою власть коммиссаровъ отъ державъ столь мало согласныхъ между собою, какъ Австрія и Пруссія. Наша петербургская нѣмецкая газета, при всемъ желаніи казаться безпристрастною, клонитъ однакоже свою рѣчь въ пользу прусской программы, то-есть, ближайшимъ образомъ въ пользу удаленія федеральныхъ войскъ и коммиссаровъ изъ Гольштейна и предоставленія Пруссіи и Австріи полнаго простора относительно Герцогствъ: только въ такомъ случаѣ ожидаетъ она порядка въ веденіи правительственныхъ дѣлъ во всѣхъ трехъ герцогствахъ; въ противномъ же случаѣ, если Германскій Союзъ согласится съ Австріей, и Пруссія не порветъ всей этой путаницы силой, *St.-Petersburger Zeitung* опасается, что даже этотъ предварительный вопросъ о федеральныхъ войскахъ въ Гольштейнѣ затянется до будущаго лѣта,

а между тѣмъ къ веснѣ, по словамъ ея, очевидно, подготовляются весьма важныя событія, и „Богъ вѣсть, въ какомъ положеніи будутъ тогда европейскія дѣла, замѣчаетъ вышеупомянутая газета, если до того времени какой-либо конгрессъ не отодвинетъ на задній планъ жгучій вопросъ настоящей минуты.“

Каковы бы ни были нынѣшнія отношенія Пруссіи къ Россіи, къ Австріи, къ второстепеннымъ государствамъ Германіи, одно лишь несомнѣнно, что руководимая г. фонъ-Бисмаркомъ, она пойдетъ на всѣ возможныя для себя сдѣлки съ Франціей, охотно пожертвуетъ ей еще не онѣмеченною частицей Познани, лишь бы при ея помощи не выйдти съ пустыми руками изъ шлезвигъ-голштейнской путаницы. Что̀ значитъ ей выдѣлить изъ своей государственной территоріи, болѣе для вида и для примѣра Россіи и Австріи, и отчасти для устрашенія и затрудненія послѣдней, какой-нибудь ничтожный клочекъ бывшей польской земли, если цѣною такого пожертвованія она будетъ въ состояніи достигнуть своихъ цѣлей въ Герцогствахъ? Если принять еще во вниманіе внезапную поѣздку г. фонъ-Бисмарка во Францію и дружественные его переговоры, съ г. Друэнъ-де-Люисомъ и съ самимъ Наполеономъ, то въ отношеніи къ Пруссіи извѣстіе газеты *Wanderer* представляетъ нѣкоторую долю вѣроятности.

Но за то тѣмъ болѣе становится оно невѣроятно въ отношеніи къ Россіи, и можно только дивиться, что *Wanderer*, приводя между прочимъ относящіеся сюда факты изъ 1848-го года, серіозно останавливается на упомянутыхъ выше предположеніяхъ. Чтобъ усмотрѣть всю ихъ несостоятельность, достаточно сообразить, что, вопервыхъ, осуществленіе замысловъ Пруссіи по шлезвигъ-гольштейнскому вопросу рѣшительно противорѣчитъ интересамъ Россіи, которая никакъ не можетъ желать, чтобы рядомъ съ нею и смежно съ ея прибалтійскими, въ значительной степени подвергающимися онѣмеченію, губерніями, возникла сильная морская нѣмецкая держава, располагающая великолѣпными стоянками для большаго флота въ Балтійскомъ морѣ и подручнымъ выходомъ изъ него, черезъ предполагаемый шлезвигъ-гольштейнскій каналъ, въ открытое Сѣверное, или Нѣмецкое море,—держава, способная при такихъ благопріятныхъ условіяхъ пріобрѣсти рѣшительный перевѣсъ на Балтійскомъ морѣ. Если Россія не можетъ желать такого результата датско-нѣмецкой войны для Пруссіи, то еще менѣе можетъ она сама способствовать ей въ достиженіи этого результата какими бы то ни было средствами. Безъ прошлогодняго польскаго мятежа, вызвавшаго на сцену польскій вопросъ, и безъ тѣхъ отношеній, которыя онъ породилъ между европейскими державами, дѣло никогда не дошло бы до раздробленія датской монархіи, и шлезвигъ-гольштейнскій вопросъ надолго, а можетъ-быть, и навсегда остался бы поприщемъ, на которомъ изощрялось бы глубокомысліе нѣмецкихъ ученыхъ и дипломатовъ. Только благодаря польскому мятежу и его ближайшимъ послѣдствіямъ, Пруссія, вмѣстѣ съ Австріей, могла исторгнуть Герцогства изъ рукъ Даніи, и вступить на путь, который грозитъ опасностью нынѣшнему устройству Германіи и политическому равновѣсію Европы. Было бы, какъ кажется, слишкомъ легкомысленно предполагать, что Россія дозволитъ Пруссіи снова воспользоваться польскимъ вопросомъ для осуществленія ея властолюбивыхъ замысловъ въ Шлезвигъ-Гольштейнскихъ дѣлахъ.

Интересно то средство, которымъ будто бы думаетъ воспользоваться Пруссія съ этою цѣлью. Не будемъ останавливаться на несбыточномъ предположеніи газеты *Wanderer*, будто бы Россія согласится отдѣлить отъ себя свой польскій край, то-есть, свое Царство Польское: подобное предположеніе принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя, какъ было высказано въ передовой статьѣ № 246 *Московскихъ Вѣдомостей*, пускаются въ ходъ лишь въ видѣ опыта. Но и другое предположеніе точно также совершенно неосновательно,—предположеніе, что Россія можетъ согласиться на присоединеніе къ Царству Польскому Познани, подъ условіемъ полной политической автономіи Польши. Самъ же *Wanderer* разсказываетъ, какъ было встрѣчено Императоромъ Николаемъ I подобное предложеніе, когда оно было сдѣлано ему въ 1848 году, отъ имени познанскихъ Поляковъ, варшавскою депутаціей, во главѣ которой стоялъ графъ Красинскій. Даже простое, безусловное присоединеніе Познани къ Польшѣ, при сохраненіи за послѣднею только административной автономіи, въ настоящую минуту вновь взволновало бы всѣхъ Поляковъ, и дало бы новую пищу ихъ надеждамъ на возсоединеніе всѣхъ частей бывшаго польскаго королев-

ства. И внутри, и внѣ оно возбудило бы съ новою силой такъ-называемый польскій вопросъ, тогда какъ самые существенные интересы Россіи требуютъ возможно-скорѣйшаго и окончательнаго упраздненія этого вопроса, хотя бы только для того чтобъ онъ пересталъ входить какъ составной элементъ въ различныя неблагопріятныя для Россіи политическія комбинаціи и порождать невѣроятныя извѣстія и предположенія, въ родѣ тѣхъ, на которыхъ такъ охотно останавливается газета *Wanderer*. Скорѣйшее упраздненіе этого польскаго вопроса было бы желательно и въ интересѣ самихъ Поляковъ. Можно себѣ представить. какое смущеніе въ ихъ средѣ и какое безпрерывное колебаніе между надеждами и неминуемымъ разочарованіемъ должны производить эти безконечные толки о предстоящихъ перемѣнахъ въ управленіи и въ будущемъ устройствѣ Царства Польскаго!

№ 252.

Москва, 16-го ноября.

Люди, не желающіе понять въ чемъ дѣло, или желающіе замаскировать его, обыкновенно глумятся надъ словомъ *сепаратизмъ*. „Гдѣ у насъ сепаратизмъ, какой у насъ сепаратизмъ? восклицаютъ они: сами Поляки, по крайней мѣрѣ благоразумнѣйшіе изъ нихъ, вовсе не думаютъ отдѣляться отъ Россіи,—по крайней мѣрѣ въ настоящее время. А также можно ли давать серіозное значеніе фантазіямъ какихъ-нибудь горячихъ головъ въ Финляндіи или Лифляндіи, если тамъ кто-либо думаетъ о возможности отторженія отъ Русской державы? Равно и повсюду въ Россіи, гдѣ замѣчается стремленіе пріобрѣсти отдѣльное государственное положеніе, или организовать политически особую національность, нѣтъ рѣчи о томъ чтобъ отложиться отъ Россіи, и появиться въ мірѣ отдѣльною державой.“

Вотъ такими-то фокусами ловкіе мастера своего дѣла морочатъ у насъ людей, которые мыслятъ болѣе словами нежели понятіями, или которымъ недосугъ серіозно подумать о вопросѣ! Сепаратизмъ, отсутствіемъ котораго насъ утѣшаютъ, есть несравненно меньшее зло чѣмъ тотъ сепаратизмъ, присутствіемъ котораго насъ тоже, кажется утѣшаютъ. Государство можетъ лишиться какой-либо части своей территоріи безъ потрясенія своихъ основаній, и даже безъ особеннаго ущерба. Но несравненно серіознѣе всякаго внѣшняго отложенія было бы для государства внутреннее разложеніе его территоріи или его народа. Сепаратизмъ, въ смыслѣ отторженія какой-либо части, гораздо менѣе страшенъ нежели сепаратизмъ въ смыслѣ внутренняго расторженія. Война или возстаніе,—во всякомъ случаѣ дѣло отторженія рѣшается жребіемъ битвъ. Нѣтъ государства, которое бы ни разу на своемъ вѣку не понесло какой-либо утраты, и нерѣдко также случалось, что государство, послѣ утраты, набиралось внутри новыхъ силъ, которыми въ послѣдствіи съ избыткомъ вознаграждалось утраченное. Но начало разложенія внесенное внутрь государства есть положительное зло, есть несомнѣнная пагуба. Мы видимъ теперь въ Сѣверной Америкѣ кровопролитную борьбу: великая нація не щадитъ ничего для возстановленія нарушенной цѣлости своего государства. Вторичный выборъ Авраама Линкольна на президента свидѣтельствуетъ, что три года кровопролитной борьбы не утомили этого народа, не лишили его энергіи, не склонили его къ уступчивости,—и онъ будетъ биться за цѣлость своего государства пока есть у него силы, до послѣдняго доллара, до послѣдней капли крови. Вотъ какъ великіе народы цѣнятъ святыню государственной цѣлости! Вотъ какія жертвы приносятъ они для ея спасенія или возстановленія! А между тѣмъ, кажется, какое бы дѣло этимъ милліонамъ людей, изъ которыхъ у каждаго есть свои личныя заботы и семейныя дѣла,—какое дѣло до того, будутъ ли граждане Южныхъ Штатовъ высылать своихъ представителей въ одно и то же политическое собраніе съ Штатами Сѣверными, и управляться однимъ и тѣмъ же верховнымъ закономъ!.. Но, теперь, предположимъ вотъ какой случай: вообразимъ себѣ, что вмѣсто временнаго выборнаго правителя, во главѣ Штатовъ, появился бы наслѣдственный монархъ, и вообразимъ себѣ, что граждане Южныхъ Штатовъ, изнуренные войной, но еще не побѣжденные, рѣшились бы положить оружіе на томъ условіи чтобы во главѣ ихъ находилось одно и то же верховное лицо, что и во главѣ Сѣверныхъ Штатовъ, но такъ чтобы въ этомъ лицѣ строго различалось верховенство надъ Южными Шта-

тами отъ верховенства надъ Сѣверными, то-есть чтобы въ одномъ лицѣ этого государя соединялись два государя, и чтобы въ силу того территорія Южныхъ Штатовъ была государствомъ чужестраннымъ для Сѣверныхъ Штатовъ. Принимая въ соображеніе ту энергію, съ которою граждане Сѣверныхъ Штатовъ борются за возстановленіе нарушенной цѣлости своего государства,—принимая въ соображеніе ту страшную цѣну, какую они даютъ политическому единству всѣхъ частей своей территоріи, — можемъ ли мы сомнѣваться въ смыслѣ отвѣта, который дали бы они на подобное предложеніе? Можемъ ли сомнѣваться, что они отвергли бы его съ негодованіемъ какъ вражескую насмѣшку, и заставили бы своихъ противниковъ либо снова взяться за оружіе, либо войдти безусловно въ составъ одного государственнаго цѣлаго? Нельзя также сомнѣваться, что еслибы возстановленіе этого государственнаго цѣлаго оказалось невозможнымъ, то граждане Сѣверныхъ Штатовъ предпочли бы остаться при одной части разрушеннаго цѣлаго, лишь бы только оно было единымъ государствомъ, нежели быть частію разломленнаго цѣлаго и находиться въ фальшивомъ сдиненіи съ государствомъ чужимъ, — сдиненіи столько же оскорбительномъ, сколько опасномъ и пагубномъ во всѣхъ отношеніяхъ. Недавно, когда у несчастной Даніи былъ отнятъ Шлезвигъ германскими державами, и когда нѣкоторыя изъ державъ нейтральныхъ, отчасти въ предупрежденіе дальнѣйшихъ затруднительныхъ вопросовъ о судьбѣ этого герцогства, отчасти изъ желанія сохранить за Датскимъ королевствомъ тѣнь прежняго государственнаго состава, предложили ему удержать за собою какъ Шлезвигъ, такъ и Гольштейнъ на правѣ личнаго соединенія, то главное препятствіе къ тому оказалось въ самой Даніи: гражданское чувство народа этой маленькой монархіи было болѣе оскорблено и взволновано этимъ предложеніемъ нежели исходомъ несчастной войны, отнявшей у нея столь значительную часть ея территоріи. Безъ сомнѣнія, Датчане отказались бы отъ такого предложенія даже и въ томъ случаѣ, еслибъ оно простиралось не только на Шлезвигъ, но и на весь Ютландскій полуостровъ.

Насъ успокоиваютъ, что у насъ нѣтъ рѣчи о сепаратизмѣ, и въ то же время, съ удивительною безсовѣстностью, тѣ же самые голоса только и ведутъ рѣчь о раціональности, прогрессивности и гуманности такого хода дѣлъ, который имѣлъ бы своимъ результатомъ приведеніе той или другой части Русскаго государства въ совершенно сепаратное положеніе относительно цѣлаго. Намъ говорятъ, что у насъ нѣтъ и рѣчи о сепаратизмѣ, и въ то же время съ неслыханною наглостью перебираютъ одну за другою разныя части Русскаго государства, которыя должны стать особымъ государствомъ, чуждымъ Русскому народу на основаніи особой національности, хотя бы для этой цѣли пришлось искусственно выдѣлывать годныя къ тому національности, и даже употреблять части самого русскаго народа матеріяломъ для такихъ созиданій. Никто не сомнѣвается, что ни одна изъ окраинъ Русской державы не будетъ въ силахъ оторваться отъ нея вооруженнымъ возстаніемъ; никто не опасается европейской войны, которая могла бы оторвать у Россіи Царство Польское, или Финляндію, или Прибалтійскія губерніи, никто не опасается раздробленія Россіи посредствомъ войны или иноплеменнаго мятежа. Но опасаться этого нѣтъ основаній только теперь, то-есть пока Россія остается еще Россіей, пока внутри Русской державы еще не данъ полный ходъ началу разложенія, пока еще дѣло остается при однихъ начаткахъ, пока еще русскій народъ не приучился отдѣлять себя въ своемъ чувствѣ отъ Русской державы, пока еще онъ не изо всѣхъ ея окраинъ выгнанъ, какъ выгнаны турки изъ Сербіи или изъ Молдо-Валахіи. А когда бы все это могло совершиться, когда бы внутренній сепаратизмъ окончательно сдѣлалъ свое дѣло, тогда и вовсе не потребовалось бы войны для того, чтобъ отторгнуть отъ Русской державы ту или другую часть ея, тогда она распалась бы сама, безъ малѣйшаго толчка со стороны. И не то для Россіи было бы опасно, не то было бы для нея пагубно, если бы какія-либо обстоятельства оторвали отъ нея, напримѣръ, Царство Польское или Финляндію. Каковъ бы ни былъ ущербъ для Россіи вслѣдствіе отторженія нѣкоторой части ея государственной области, онъ не могъ бы потрясти ея основаній; оставаясь въ существѣ своемъ нетронутою, она легко могла бы вознаградить себя за всякій ущербъ; оставаясь здоровымъ и могущественнымъ организмомъ, она могла бы легко заживить вся-

кое поверхностное уязвленіе. Итакъ, не этого рода сепаратизмъ страшенъ для Россіи, еслибъ и дѣйствительно, въ составѣ Русской державы оказались цѣльныя націи достаточно сильныя для того, чтобъ оторваться отъ нея собственною внутреннею силой. Мы знаемъ, что такихъ націй нѣтъ въ государственномъ составѣ Россіи, пока еще сами мы не надѣлали ихъ искусственными способами; но еслибъ у насъ и оказалось что-нибудь въ этотъ родѣ и еслибы что-нибудь въ этомъ родѣ возымѣло силу отложиться и возвратить свою самостоятельность, то это не могло бы глубоко взволновать и встревожить чуткій народный духъ, не могло бы коснуться болѣзненно самаго существованія великой націи.

Нѣтъ, не этотъ сепаратизмъ можетъ быть опасенъ для насъ. Опасенъ, напротивъ, тотъ внутренній сепаратизмъ, въ духѣ котораго было, въ 1815 году, присоединено Царство Польское. Въ этомъ сепаратизмѣ— вся сила; этотъ сепаратизмъ есть та внутренняя язва, которая въ своемъ развитіи могла бы стать неизлечимымъ недугомъ. Есть два года въ русской исторіи, два роковые года, когда Россія торжествовала свои блистательнѣйшія побѣды, и когда въ упоеніи торжества она получила первыя уязвленія того внутренняго сепаратизма, который всего опаснѣе и который еще не проявилъ всѣхъ своихъ послѣдствій. Это начало подкралось извнѣ, и ядъ его сначала былъ сладокъ. Русская держава повидимому увеличивалась и возвышалась; но это было самое коварное обольщеніе. Правдивый историкъ скажетъ, что для Россіи было бы лучше утратить въ тѣ дни побѣдъ, какую-либо часть своей территоріи нежели пріобрѣсти новыя части въ томъ смыслѣ какъ было пріобрѣтено, напримѣръ, герцогство Варшавское по Вѣнскому трактату. За русскую кровь, пролитую въ эту годину, за тяжкія жертвы принесенныя Россіей въ борьбѣ со всемірнымъ завоевателемъ за великія услуги оказанныя ею въ то время всему цивилизованному міру, она была бы въ правѣ ожидать себѣ много, и она была бы вознаграждена несравненно лучше, еслибъ осталась безъ всякаго вознагражденія, съ однимъ чувствомъ сдѣланнаго дѣла. Ея могущественная и цѣльная народность, передъ которою разсыпаются въ прахъ всѣ инородческіе элементы, захваченные ея громадною территоріей, крѣпкіе завѣты ея исторіи столь тягостно устанавливавшей единство Русской земли, не допускали возможности зародиться началу внутренняго сепаратизма изъ ея собственныхъ нѣдръ: надобно было привить его извнѣ, въ видѣ новыхъ придатковъ къ ея территоріи. И въ тѣ роковые годы оно было привито къ ней извнѣ: вопросъ теперь въ томъ, будетъ ли оно развивать свои дальнѣйшія дѣйствія, или же обратится въ ничто, побѣжденное дальнѣйшимъ развитіемъ жизни въ Русскомъ государствѣ. Середины быть не можетъ: либо это начало, прокрадываясь темными путями, совершитъ дѣло разрушенія во всемъ составѣ нашего отечества; либо оно потеряетъ свое дѣйстіе и въ тѣхъ частяхъ, черезъ которыя оно впервые къ намъ проникло.

Спросимъ, себя, что̀ могло бы заставить желать чтобы подъ фальшивымъ видомъ одного государства находились въ дѣйствительности многія, чуждыя одно другому государства? Почему можетъ быть желательно видѣть, на мѣстѣ нынѣшней Россіи, нѣсколько государствъ раздѣленныхъ по-національно?

Слѣдуетъ замѣтить, что въ основаніе всѣхъ тѣхъ особыхъ государственныхъ группъ, на которыя, въ видахъ прогресса, предлагается раздѣленіе Россіи, полагается національность. Раздѣленіе должно быть произведено по-національно, и за неимѣніемъ готовыхъ, пригодныхъ къ тому національностей, таковыя должны быть всякими искусственными способами нарочно для этой цѣли устроены или развиты. Ни Германскій Союзъ, ни союзъ Сѣверо Американскихъ Штатовъ не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ, что̀ предлагается подъ видомъ федераціи для Россіи. Оба упомянутые союза сами не имѣютъ между собою ничего общаго: Германія есть совокупность отдѣльныхъ государствъ, изъ которыхъ каждое имѣетъ свою верховную власть и во внутреннихъ дѣлахъ своихъ не зависитъ отъ другаго; что же касается до сѣвероамериканской федераціи, то она по сущности своей есть одно государство, съ одною верховною властью и съ обязательнымъ для всѣхъ штатовъ законодательствомъ. Но при всемъ радикальномъ различіи своемъ и Германскій Союзъ и Сѣверо-Американскіе Штаты въ томъ однако существенно сходствуютъ, что какъ тамъ, такъ и тутъ господствуетъ одна націона-

ность и не допускается принципа разныхъ національностей. Государства входящія въ составъ Германскаго Союза суть государства германскія; каждое изъ нихъ имѣетъ свою верховную власть, каждое изъ нихъ самостоятельно; но всѣ они представляютъ собою одну націю, и на этомъ основаніи образуютъ неразрывный союзъ и стремятся къ тѣснѣйшему соединенію. Въ этомъ отношеніи, Германія есть нѣчто діаметрально противоположное тому виду, какой должна принять Россія еслибъ осуществились програмы, сочиняемыя для ея прогресса. Германія есть одна нація, раздѣленная на многія государства, и господствующее въ ней стремленіе къ государственному единству, которое соотвѣтствовало бы ея національному единству; Россія, наоборотъ, должна представлять собою совокупность государствъ, которыя главнымъ образомъ отличались бы между собою по національностямъ, для чего таковыя и должны быть искусствено организованы: стало быть въ этомъ конгломератѣ, въ этой кучѣ государствъ, должно господствовать непреодолимое, инстинктивное стремленіе къ обособленію, ко взаимному отчужденію, къ отдаленію. Въ свою очередь, Американскіе Штаты, какъ Сѣверные, такъ и Южные, представляютъ собою одну національную стихію, и если, несмотря на то, все-таки въ нихъ возникъ тотъ антагонизмъ, котораго послѣдствія мы видимъ теперь, то онъ самымъ убѣдительнымъ образомъ свидѣтельствуетъ, что федеративная форма, даже и при національномъ единствѣ, не представляетъ залоговъ прочности: что же было бы, еслибы къ этой неизбѣжной розни, проистекающей изъ самаго свойства федеративной формы, которая представляетъ слишкомъ значительныя атрибуціи государственной самостоятельности отдѣльнымъ частямъ государства,—присоединилось еще начало племенной розни, самое могущественное изъ всѣхъ, — потому что самое инстинктивное и самое слѣпое? Могли бы Соединенные Штаты при своемъ федеративномъ устройствѣ, просуществовать не только семьдесятъ лѣтъ съ блескомъ и славой, но и семь лѣтъ со всевозможнымъ позоромъ и безславіемъ, еслибы въ ихъ нѣдрахъ, ко всѣмъ другимъ элементамъ сепаратизма, присоединилась слѣпая страсть разныхъ національностей?

А намъ хотятъ навязать такое устройство, которое было бы именно основано на національной розни, и въ которомъ между частями чудовищнаго цѣлаго не было бы и того общенія, которое условливается федеральными связями, какъ бы ни были онѣ слабы. Всякая федерація—потому только и федерація что имѣетъ общее, обязательное для всѣхъ ея членовъ, общенаціональное учрежденіе, въ которомъ всѣ они должны принимать прямое и дѣятельное участіе въ интересѣ цѣлаго. Стало-быть федерація требуетъ, какъ необходимаго условія, чтобъ ея члены были, при всемъ разнообразіи ихъ мѣстныхъ особенностей и интересовъ, дѣтьми одной національности, принимая это слово въ его обширнѣйшемъ и самомъ общемъ значеніи. Необходимо, чтобы части одного Союза не разнились между собою основнымъ элементомъ національности, самымъ необходимымъ органомъ общенія и связи людей между собою,—языкомъ.

Отдѣльныя націи могутъ находиться между собою въ дипломатическихъ отношеніяхъ какъ разныя державы. Вся Европа представляетъ въ извѣстномъ смыслѣ союзъ государствъ. Съ какой-либо абсолютной точки зрѣнія, все человѣчество можетъ быть разсматриваемо какъ одно органическое цѣлое. Но никому не можетъ придти въ голову считать не только человѣчество, но и Европу, съ ея кодексами международнаго права, за одну державу или за одинъ политическій составъ. Система самостоятельныхъ государствъ, въ какихъ бы отношеніяхъ ни находились они между собою, представляетъ собою отрицаніе государственнаго единства, а отнюдь не образецъ тѣхъ отношеній, въ какихъ могутъ находиться между собою части одного государственнаго цѣлаго. Сказать, что Россія должна представлять собою подобіе человѣчества, долженствующаго состоять изъ разныхъ націй, организованныхъ въ чуждыя одно другому государства, какъ въ настоящемъ человѣчествѣ,—не значитъ ли это сказать, что Русское государство должно прекратить свое существованіе? И не оскорбительнѣе ли подобная доктрина тѣмъ, что она имѣетъ видъ наглой насмѣшки? Что можно сказать враждебнѣе по отношенію къ существующему государству какъ сказать, что надобно покончить съ его существованіемъ? Что можетъ быть съ тѣмъ вмѣстѣ оскорбительнѣе, какъ облечь эту простую сентенцію въ фразу гласящую, что государ-

ство, о которомъ идетъ рѣчь, должно улетучиться въ человѣчество, и для этой цѣли превратиться въ нѣсколько одно другому чуждыхъ государствъ? Не все ли это равно, что замахиваясь ножемъ на человѣка, съ любезною улыбкой привѣтствовать переселеніе его въ горнія обители?

Устраивать какое-либо государство такъ чтобъ оно походило на человѣчество или на систему государствъ, какъ Европа, значитъ разлагать и разрушать его. Всякая мѣра, принятая въ этомъ смыслѣ, была бы мѣрой разрушенія. Всякій шагъ въ этомъ направленіи былъ бы шагомъ къ разрушенію.

Намъ говорятъ, что раздѣленіе Россіи на чуждыя одно другому государства должно тѣмъ не менѣе оставаться дѣломъ внутреннимъ и не нарушать единства Русской державы. Превращая Россію въ человѣчество, насъ плѣняютъ возвышеніемъ верховной власти, долженствующей простираться надъ этимъ импровизованнымъ человѣчествомъ, и соединять его. Но монархъ можетъ находиться лишь во главѣ государства; а во главѣ человѣчества никогда никого не было и не будетъ кромѣ Бога. Надъ системой чуждыхъ другъ другу государствъ, какова напримѣръ Европа, невозможно и въ фантазіи поставить какую-либо общую верховную власть. Властолюбивыя попытки основать всемірную монархію были направляемы не къ поддержанію существовавшихъ государствъ и народовъ, а къ подавленію и уничтоженію ихъ. Совокупность чуждыхъ другъ другу государствъ и единство верховной власти, долженствующей простираться надъ ними и связывать ихъ, есть абсурдъ, внутреннее противорѣчіе, невозможность. Одно изъ двухъ: или верховная власть, силой своего существованія, дѣйствительно соединитъ подвластныя ей части, и совокупность государствъ превратитъ въ одно цѣльное государство, совокупность націй въ одну цѣльную политическую націю; или же верховная власть, взносясь надъ совокупностію народовъ и государствъ, утратитъ всякое дѣйствительное значеніе, и упразднится какъ символъ ничего не означающій.

Нѣчто подобное тому, во что желаютъ превратить Россію, отчасти существуетъ въ настоящее время подъ образомъ Турціи, гдѣ власть султана дѣйствительно высится надъ многими государствами и народами чуждыми другъ другу: и надъ Румыніей, и надъ Сербіей, и надъ Египтомъ, и надъ иными; но возносясь въ заоблачную высоту, не является ли власть великаго падишаха только символомъ умирающей и исчезающей изъ исторіи оттоманской народности? Нѣчто подобное существовало въ древнія времена подъ образомъ восточныхъ всемірныхъ монархій, каковы: Ассирійская, Персидская и проч. Мы знаемъ какую цѣну имѣетъ могущество этихъ *гуманитарныхъ* монархій древняго Востока, которыя также быстро рушились, какъ и возникали, и исторія повѣтствуетъ намъ, какъ несмѣтныя силы Ксерксовыхъ армій и флотовъ обращались въ ничто передъ горстію Грековъ. Но и эти монархіи могли образоваться лишь въ силу одной господствующей національности, сообщавшей свое имя цѣлому.

Мы не будемъ останавливаться на крайнихъ терминахъ; между крайними терминами мы возьмемъ середину. Мы возьмемъ верховную власть на полупути между ея истиннымъ назначеніемъ быть живымъ выраженіемъ одной государственной націи, и тѣмъ призракомъ, въ который она должна превратиться, становясь символомъ человѣчества. Верховная власть, относящаяся безразлично ко многимъ націямъ, не утратитъ ли живой связи съ каждою изъ нихъ порознь, не станетъ ли для каждой предметомъ недовѣрія и опасеній, не станетъ ли олицетвореннымъ знаменіемъ взаимной ненависти и вражды народовъ, которые еще могли бы находиться между собою въ дружелюбныхъ отношеніяхъ, еслибъ, отдѣлившись одинъ отъ другаго, жили подъ разными державами, а находясь подъ одною державой, неизбѣжно будутъ злоумышлять другъ противъ друга, то домогаясь своего, то опасаясь чужаго преобладанія? Не будетъ ли союзъ между ними союзомъ вражды и злобы, и то чѣмъ держится этотъ союзъ, тотъ единственный символъ, которымъ онъ знаменуется, не не станетъ ли неизбѣжно предметомъ ихъ общей ненависти? Не будутъ ли эти націи внутренно соединены между собой только общимъ чувствомъ ненависти къ тому что держитъ ихъ вмѣстѣ?

Каждой политически-организованной національности свойственно стремленіе имѣть свою собственную верховную власть, которая увѣнчиваетъ національную независимость и сообщаетъ ей полноту государственнаго существованія. Нація политически-организованная и въ то же время под-

чиненная чуждой верховной власти неизбѣжно будетъ чувствовать себя угнетенною и подавленною, и неизбѣжно будетъ развиваться въ ней стремленіе пріобрѣсти полную независимость. Но верховная власть безразлично относящаяся ко многимъ національностямъ, не окажется ли чужою для каждой, и не очутится ли „entre deux chaises“ какъ говорятъ французы?

Что значитъ существованіе многихъ государствъ въ одной связи? Если связь долженствующая соединять эти государства, окажется достаточно сильною, чтобы между ними образовалось дѣйствительное единеніе, то дѣло очевидно будетъ направлено къ тому, чтобъ отдѣльныя государства превратились въ простыя части одного государства. Всякая федерація, существующая въ такомъ смыслѣ и развивающаяся въ такомъ направленіи есть стремленіе стать цѣльнымъ государствомъ; но для этого требуется, чтобы въ ея организацію не было принято начало національной розни. Также, всякое государство состоящее изъ иноплеменныхъ государствъ будетъ клониться къ совершенному распаденію, если между этими отдѣльными государствами не окажется преобладающаго элемента, которому по преимуществу принадлежала бы верховная власть, и который крѣпко связывалъ бы всѣ части государственнаго цѣлаго и уподоблялъ бы ихъ себѣ. Если такой элементъ есть, то въ немъ сосредоточивается сила государственнаго цѣлаго, и отъ судебъ этого господствующаго элемента, отъ его дальнѣйшаго развитія, будетъ зависѣть судьба цѣлаго. Какъ федераціи, такъ и монархіи состоящія изъ многихъ отдѣльныхъ государствъ, суть по своей сущности государства не полныя, не совершенныя; это организаціи не готовыя, переходныя, случайныя, находящіяся въ положеніи сомнительномъ и зависящемъ отъ всякихъ случайностей. Въ такомъ положеніи находилась Русская земля въ удѣльный періодъ своего существованія, кончившійся ея расторженіемъ и паденіемъ; въ такомъ критическомъ положеніи находилось Русское государство, когда оно сосредоточившись въ Москвѣ, только еще собирало мало-по-малу Русскую землю и утверждало ея единство. Изъ этой борьбы за свое существованіе Русская земля вышла съ торжествомъ, благодаря первоначальному единству своей національности, благодаря утвердившемуся единству своей верховной власти, благодаря наконецъ неразрывному единству ея національности съ ея верховною властью. Австрійская имперія составилась изъ отдѣльныхъ государствъ, имѣвшихъ нѣкогда самостоятельное историческое существованіе и вошедшихъ въ нее всею полнотой своихъ территорій и народонаселеній, — государствъ разнящихся и національностію, и внутреннимъ устройствомъ. Но къ чему всегда была направлена внутренняя политика этой имперіи? Къ тому ли чтобъ усилить особое государственное значеніе каждой изъ ея частей, или къ тому, напротивъ, чтобы связать ихъ интересами общаго государства, усилить ихъ единеніе, и изъ многихъ данныхъ государствъ создать цѣльное государство! Австрійская имперія не сдѣлала разныхъ государствъ изъ цѣльнаго государства, разныхъ націй изъ одной націи; напротивъ, разныя націи, разныя государства были даны ей, а она своимъ существованіемъ болѣе или менѣе дѣлаетъ ихъ цѣльнымъ государствомъ, одною націей. Что Австрія состоитъ изъ многихъ государствъ подлежащихъ объединенію, въ этомъ заключается не сила этой имперіи, а слабость. На сколько это объединеніе еще встрѣчаетъ себѣ препятствій, на сколько оно далеко отъ совершенства, на столько Австрійская имперія слаба и ея существованіе подвержено случайностямъ. Вслѣдствіе того что Австрійская имперія не есть вполнѣ цѣльное государство, что единство этой имперіи не есть совершенное единство, она несмотря на громкій титулъ своей династіи, несмотря на величавыя преданія, соединяющіяся съ ея короной, не смотря на естественныя богатства своихъ владѣній, несмотря на многочисленность своихъ народонаселеній, почти равняющуюся численности народонаселеній Франціи, есть безспорно изъ всѣхъ великихъ державъ Европы самая слабая и наиболѣе зависящая отъ внѣшнихъ условій. Правда, ея арміи многочисленны и принадлежатъ къ наилучшимъ въ Европѣ и по вооруженію, и по дисциплинѣ, и по военной доблести; но исторія Австрійской имперіи всего лучше свидѣтельствуетъ какъ недостаточны самыя лучшія во всѣхъ отношеніяхъ арміи безъ высокаго національнаго духа, какъ недостаточны не только наступательныя, но и оборонительныя силы государства безъ общаго патріотическаго духа его народонаселеній. Исторія Австрій-

ской имперіи свидѣтельствуетъ въ какомъ постоянно критическомъ положеніи находятся эти сборныя державы, пока не утвердилась въ нихъ, безспорно и могущественно, одна національность какъ главное условіе прочности государственнаго состава, и вмѣстѣ какъ главное условіе внутренняго процвѣтанія и развитія. Пруссія, по численности своего народонаселенія, вдвое слабѣе Австріи, Пруссія есть государство недавняго происхожденія, лишенное того историческаго обаянія и величія, которыя соединяются съ императорскою династіей Габсбурговъ; но пусть скажутъ, которая изъ этихъ двухъ германскихъ державъ представляетъ болѣе залоговъ прочности и прогресса: сборная ли Австрійская держава находящаяся въ трудномъ, еще далеко не конченномъ, процессѣ объединенія своихъ частей, или Пруссія, которой при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ уже удалось совершить это первое дѣло государственной необходимости, и которая на своей территоріи не имѣетъ надобности признавать иныя національности, кромѣ одной германской?

Раздѣлить государство не значитъ ли раздѣлить и верховную власть, которою увѣнчивается государство? Пусть не говорятъ, что верховная власть раздѣляемаго государства будетъ оставаться единою, если во главѣ многихъ государствъ будетъ находиться одно лицо: единство лица не воспрепятствуетъ раздробленію самаго принципа верховной власти, коль скоро вмѣсто одного государства должно появиться нѣсколько государствъ. Въ какой мѣрѣ, въ какой силѣ произошло бы раздѣленіе одного государства на многія, въ той самой мѣрѣ, въ той самой силѣ произошло бы раздробленіе и самаго начала верховной власти. Какъ государство, подвергшееся внутреннему сапаратизму, пришло-бы въ состояніе сомнительное и двухсмысленное, такъ точно пришло бы въ сомнительное и двусмысленное положеніе и начало верховной власти. Государство и верховная власть, это одно и то же. Область получающая основаніе и право считать себя особымъ государствомъ тѣмъ самымъ получаетъ основаніе и право желать своей особой верховной власти, и если она находится въ личномъ соединеніи съ другимъ государствомъ, то получаетъ право желать чтобы верховное лицо, посредствомъ котораго она соединяется съ другимъ государствомъ, было не однимъ государемъ, а совокупно двумя, тремя, четырьмя, смотря по числу государствъ. Дѣло, конечно, не въ титулѣ, а въ томъ чтобы титулъ имѣлъ существенное значеніе, чтобъ онъ былъ истинною, чтобъ онъ былъ дѣйствительностію. Потребуется, чтобы монархъ соединяющій въ себѣ верховныя права разныхъ государствъ долженствующихъ находиться въ полнѣйшемъ внутреннемъ разобщеніи между собою, разобщалъ ихъ точно также и въ своемъ лицѣ; потребуется, чтобы въ немъ верховная власть представляла собою совокупность чуждыхъ одна другой верховныхъ властей. Но такъ какъ особыя государства имѣютъ и особые интересы, которые могутъ между собою сталкиваться и должны неизбѣжно сталкиваться при ихъ сосѣдствѣ и тѣхъ отношеніяхъ недовѣрія и опасенія, которыя естественно должны развиваться изъ ихъ взаимнаго положенія; то верховная власть, чтобы служить истиннымъ выраженіемъ такого положенія вещей, должна быть сама поприщемъ развитія всѣхъ этихъ взаимно чуждыхъ и непріязненныхъ интересовъ, въ ней самой должна безпрерывно происходить эта внутренняя, глухая борьба.

Какъ ни страннымъ, какъ ни чудовищнымъ покажется такое заключеніе, но къ нему естественно должна клониться исторія, тамъ гдѣ вводится начало разныхъ государствъ въ одномъ государствѣ, или гдѣ многія части одной державы клонятся къ тому чтобы стать особыми государствами.

Но націи долженствующія находиться между собою въ такомъ соединеніи могутъ быть неравносильны. Возьмемъ напримѣръ Россію. Въ ней числятся пятьдесятъ шесть милліоновъ цѣльной чисто-русской народности: какая другая народность можетъ соперничать съ ней въ составѣ Русскаго государства? Возьмемъ ли мы три милліона польскихъ народонаселеній въ Царствѣ Польскомъ, или сто семьдесятъ тысячъ лицъ нѣмецкаго языка въ прибалтійскихъ губерніяхъ, или двѣсти тысячъ Шведовъ въ Финляндіи, — все это и порознь, и вмѣстѣ, совершенное ничтожество въ сравненіи съ русскимъ народомъ. Могутъ ли эти элементы оспаривать у русскаго народа Русскую державу? Если эти элементы должны каждый составлять особое государство въ связи съ Русскою державой, то могутъ ли они держаться собственною внутреннею силой? Не

будутъ ли они весьма естественно и весьма основательно чувствовать опасеніе за свое существованіе, и не должны ли они будутъ употреблять всевозможныя съ своей стороны усилія, чтобъ ослаблять русскую національность, а съ тѣмъ вмѣстѣ и Русское государство? Не будетъ ли интересъ ихъ состоять въ томъ, чтобы политика русскаго правительства была сколь-можно менѣе запечатлѣна національнымъ характеромъ какъ внутри, такъ и внѣ? Не будутъ ли менѣе сильные элементы, не тѣмъ такъ другимъ путемъ домогаться преимуществъ, которыя дали бы имъ господствующее положеніе въ общемъ составѣ? Спрашивается, какъ должна была бы соразмѣрять верховная власть свои отношенія къ разнороднымъ и столь неравносильнымъ государствамъ, которыя должны развиваться въ возможно болѣе полномъ внутреннемъ разобщеніи между собою и въ то же время внѣшнимъ образомъ составлять одну державу?

№ 252.

Москва, 17-го ноября.

А.

Возвращеніе Государя Императора изъ заграничнаго путешествія, послѣдовавшее 26-го октября, ознаменовалось новымъ законодательнымъ актомъ относительно Польши, который мы помѣщаемъ въ этомъ же нумерѣ *Московскихъ Вѣдомостей*, именно Высочайшимъ указомъ о римско-католическихъ монастыряхъ въ Царствѣ Польскомъ, который былъ подписанъ Его Величествомъ 27-го октября. Этотъ актъ имѣетъ великую важность во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ знаменуетъ собою неизмѣнно-твердую волю Государя Императора спасти Польскій край отъ преобладавшихъ въ немъ и губившихъ его силъ и тѣмъ упрочить въ немъ законный порядокъ.

Римско-католическіе монастыри въ Царствѣ Польскомъ были однимъ изъ главныхъ орудій послѣдняго мятежа, а монахи принадлежали къ числу самыхъ дѣятельныхъ двигателей и пособниковъ его. Въ монастырскихъ церквахъ впервые стали раздаваться революціонныя польскія пѣсни; тамъ продавались цѣлые печатные томы этихъ пѣсней, а равно и портреты наиболѣе враждебныхъ Россіи вождей прежнихъ революцій; оттуда исходили всѣ религіозно-политическія демонстраціи; тамъ собирались деньги для „польской справы,“ и сверхъ того монахи нищенствующихъ орденовъ, ходя изъ края въ край, повсюду собирали такъ-называемую „офяру народову“ (то-есть, народныя пожертвованія) для революціонныхъ цѣлей. Еще съ осени 1861 г. начались многолюдные съѣзды монаховъ и бѣлаго латинскаго духовенства, цѣлью которыхъ было содѣйствовать организаціи мятежа, распространеніемъ ся на все духовенство, а также обезпечить средства къ мятежу денежными сборами, и побудить сельскихъ ксендзовъ, еще колебавшихся, къ участію въ революціонномъ движеніи. Особенно важенъ былъ въ этомъ отношеніи съѣздъ Подлясскаго духовенства, который 13-го ноября 1862 г., при участіи депутатовъ отъ другихъ епархій, рѣшилъ споръ между шляхетскимъ (аристократическимъ, бѣлымъ) комитетомъ и центральнымъ (демократическимъ, краснымъ) въ пользу послѣдняго, подчинившись распоряженіямъ его, избравъ для сношеній съ нимъ въ каждой епархіи одно духовное лицо и призвавъ къ такой же организаціи и такому же подчиненію духовенство всѣхъ епархій какъ „Конгрессовки, такъ и другихъ провинцій *единой и нераздѣльной Польши.*“ Затѣмъ монахи предводительствовали навербованными ими шайками при нападеніи ихъ на спящихъ русскихъ солдатъ, вербовали шайки для вооруженной борьбы, обучали ихъ стрѣльбѣ въ цѣль, укрывали ихъ въ монастыряхъ, держали у себя склады оружія, — въ томъ числѣ въ монастырѣ ксендзовъ-Бернардиновъ, въ Варшавѣ, 9-го (21-го) сентября 1863 г. найдено было 100 отравленныхъ кинжаловъ, предназначавшихся для вооруженія жандармовъ-кинжальщиковъ. Многіе изъ монаховъ сами предводительствовали вооруженными шайками, другіе участвовали въ нихъ, третьи благословляли жандармовъ-вѣшателей и кинжальщиковъ на ихъ подвиги; наконецъ, были и такіе, которые собственноручно умерщвляли мирныхъ крестьянъ, и потомъ зажигали ихъ дома за то, что они не хотѣли бунтовать противъ законнаго правительства. Наконецъ, мѣра долготерпѣнія переполнилась, и указъ 27-го октября 1864 г., какъ можно надѣяться, навсегда оградитъ Польскій край отъ неистовствъ монаховъ, равно измѣнявшихъ и долгу пастырей, и долгу подданныхъ.

И въ этомъ отношеніи, какъ во всѣхъ другихъ, положеніе Царства Польскаго было въ высшей степени ненормальное. На 3.805.000 душъ обоего пола, римско-католическаго вѣроисповѣданія тамъ состояло до сихъ поръ 197 монастырей (155 мужскихъ и 42 женскихъ) съ 2184 монашествующими лицами (1635 мужескаго пола и 549 женскаго), не считая не признанныхъ закономъ конгрегацій, братствъ, архибратствъ и обществъ фелиціанокъ, особенно размножившихся въ послѣднее время и отчасти захватившихъ въ свои руки начальное народное образованіе. Всѣ эти монастыри и конгрегаціи располагаютъ болѣе или менѣе значительными недвижимыми имуществами, капиталами и доходами, и до сихъ поръ, подчиняясь орденскимъ генераламъ, провинціяламъ и т. д. почти не подлежали ни контролю свѣтской власти, ни надзору епархіяльныхъ начальствъ. Многіе изъ нихъ существовали вопреки каноническому правилу, которымъ постановлено, чтобы въ каждой обители было не менѣе 8 монашествующихъ лицъ. Такихъ монастырей оказывается теперь 75 (въ томъ числѣ мужскихъ 71, въ коихъ въ общей сложности находилось 304 монаховъ и 4 женскихъ, въ коихъ 14 монахинь); всѣ они, въ силу указа 27-го октября, должны быть безотлагательно упразднены. Сверхъ того, немедленно же закрываются еще 39 римско-католическихъ монастырей съ 674 монахами, какъ уличенные въ явномъ, судебно-доказанномъ участіи въ мятежѣ. Всего пока закрываются 114 монастырей заключающихъ въ себѣ въ общей сложности до 992 монашествующихъ лицъ. Остающіеся за тѣмъ 83 монастыря раздѣляются на штатные, которыхъ полагается 35 (25 мужскихъ съ 360 монахами и 10 женскихъ съ 140 монахинями), и нештатные, то-есть, подлежащіе упраздненію, коль скоро число монаховъ въ которомъ-либо изъ нихъ окажется меньше 8.

Сверхъ того, весьма важно то, что зависимость какъ штатныхъ, такъ и нештатныхъ монастырей отъ ихъ орденскихъ генераловъ и провинціяловъ прекращается, и воспрещаются всякія съ ними сношенія, а подчиняются монастыри исключительно общему епархіяльному начальству, то-есть римско-католическимъ епископамъ. Въ послѣднемъ мятежѣ чуть ли не дѣятельнѣе всѣхъ другихъ монастырей участвовали монастыри ордена миссіонеровъ, и это, несомнѣнно, проистекало отъ того, что орденскій генералъ, которому они подчинялись, имѣетъ свое мѣстопребываніе въ Парижѣ, откуда такъ усердно поддерживалось такъ-называемое *національное* польское возстаніе.

Твердости законодателя въ отношеніи къ самимъ учрежденіямъ, такъ далеко уклонившимся отъ первоначальной своей цѣли, соотвѣтствуетъ всевозможное снисхожденіе къ лицамъ, находившимъ въ нихъ пріютъ.

Монашествующимъ лицамъ въ упраздняемыхъ или закрываемыхъ монастыряхъ, буде они не окажутся виновными въ преступленіяхъ и мятежныхъ дѣйствіяхъ, предоставляется или продолжать монашескую жизнь въ другихъ монастыряхъ Царства Польскаго, и въ такомъ случаѣ въ пособіе этимъ монастырямъ выдается отъ казны ежегодно до 40 рублей на каждаго такого монаха или монахиню, или отправиться за границу для всегдашняго тамъ пребыванія, при чемъ до границы они перевозятся на казенный счетъ, для дальнѣйшаго пути имъ выдается по 25 р., а затѣмъ каждому лицу производится черезъ посредство русскихъ заграничныхъ миссій пожизненная пенсія въ 150 р. въ годъ до тѣхъ поръ пока эти лица не будутъ принимать ни какого участія во враждебныхъ русскому правительству замыслахъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, церкви при упраздняемыхъ или закрываемыхъ монастыряхъ сохраняются, и приняты всѣ мѣры, чтобы въ нихъ безъ всякаго перерыва происходило богослуженіе. Необходимость этого постановленія видна, между прочимъ, изъ того, что въ Варшавѣ, напримѣръ, всего 6 костеловъ и 18 монастырскихъ церквей, съ болѣе или менѣе значительными приходами. Богоугодныя заведенія: богадѣльни и больницы, состоявшія при упраздняемыхъ монастыряхъ, сохраняются, но поступаютъ въ вѣдѣніе правительственной коммиссіи внутреннихъ дѣлъ; начальныя училища— также, но переходятъ немедленно въ вѣдѣніе правительственной коммиссіи народнаго просвѣщенія, которая въ отношеніи къ нимъ руководствуется указами 30-го августа; семинаріи конгрегацій ордена миссіонеровъ поступаютъ въ завѣдываніе епархіяльныхъ начальствъ, и соединяются съ семинаріями епархіяльными.

Къ числу важнѣйшихъ мѣръ, принятыхъ указомъ 27-го октября, принадлежитъ секуляризація всѣхъ монастырскихъ иму-

ществъ въ Царствѣ Польскомъ, безъ исключенія, какъ недвижимыхъ, такъ и капиталовъ, то-есть, поступленіе ихъ въ вѣдѣніе казны. Подобныя мѣры относительно монастырскихъ имуществъ давно уже приняты почти повсемѣстно въ римско-католическихъ государствахъ западной Европы. Воля жертвователей и право собственности въ этомъ случаѣ вполнѣ уважены и ограждены тѣмъ, что всѣ доходы, за вычетомъ 10 процентовъ на управленіе монастырскими имуществами, опредѣляются согласно съ первоначальнымъ ихъ назначеніемъ, какъ это указано въ статьѣ 21-й, и слѣдить за этимъ ихъ употребленіемъ предоставляется присоединяемымъ съ этою цѣлью къ коммиссіи погашенія долговъ Царства Польскаго нѣсколькимъ членамъ изъ среды римско-католическаго духовенства. Въ немногихъ странахъ, даже состоящихъ подъ властью римско-католическихъ государей, оказывалось въ подобныхъ случаяхъ такое вниманіе къ римско-католическому духовенству. Въ политическомъ отношеніи особенно важно назначеніе части этихъ доходовъ на улучшеніе быта приходскаго духовенства и тѣхъ членовъ его, которые окажутъ особенныя услуги церкви и государству, и на поддержаніе и развитіе народнаго образованія, особенно же народныхъ училищъ.

Впрочемъ, правительство предоставляетъ себѣ продать въ частныя руки всѣ тѣ недвижимыя монастырскія имущества, казенное завѣдываніе которыми окажется невыгоднымъ или неудобнымъ, а также употребить свободныя монастырскія земли для надѣленія ими беззамельныхъ крестьянъ, предназначая во всякомъ случаѣ выручаемый такимъ образомъ доходъ въ пользу монастырей, римско-католическаго духовенства, благотворительныхъ и учебныхъ заведеній. Извѣстно, что монашеское управленіе имуществами способно извлекать изъ нихъ наименьшую пользу; казенное управленіе, хотя оказывается обыкновенно лучшимъ, все-таки далеко уступаетъ управленію и хозяйничанью частныхъ лицъ въ собственномъ ихъ интересѣ.

Въ двоякомъ еще отношеніи указъ 28-го октября представляетъ большую важность. Въ 1817 году, когда были составлены правительственною коммиссіей духовныхъ дѣлъ Царства Польскаго предположенія объ упраздненіи нѣкоторыхъ монастырей, эти предположенія были предметомъ продолжительныхъ переговоровъ съ Римскимъ дворомъ, вслѣдствіе которыхъ издана была особая папская булла. Въ настоящее время мѣра несравненно большей важности принята безъ всякаго предварительнаго соглашенія съ папою, путемъ внутренняго государственнаго законодательства. Это очень важный и, какъ намъ кажется, многознаменательный шагъ впередъ.

Б.

Въ послѣднемъ письмѣ *петербургскаго* корреспондента *Indépendance belge*, помѣченномъ 14-го (2-го) ноября,—того петербургскаго корреспондента, который, по случаю свиданія въ Ниццѣ, находилъ, что Россія не достойна пожатія руки избранника всеобщей подачи голосовъ, мы встрѣтили новый куріозный намекъ, не только уже на этотъ разъ изобрѣтательный, сколько наивный. Корреспондентъ съ комическою важностью сообщаетъ читателямъ бельгійской газеты (а также и тѣмъ изъ нихъ, которые живутъ въ Петербургѣ), будто бы о свиданіи въ Ниццѣ между Государемъ Императоромъ и императоромъ Французовъ свободно говорить могутъ только *Московскія Вѣдомости* да *Русскій Инвалидъ*; остальныя же газеты (петербургскія), которыя почему-то названы въ письмѣ корреспондента *независимыми* (вѣроятно потому, что не получаютъ субсидій и не имѣютъ обязательныхъ подписчиковъ?), встрѣчаютъ будто бы затрудненія въ выраженіи своихъ взглядовъ насчетъ этого свиданія. Любопытно было бы знать, какіе именно разумѣются взгляды и чего не могутъ, если только дѣйствительно не могутъ, повѣдать міру эти „независимыя“ петербургскія газеты“. Ничего особеннаго, какъ извѣстно, *Московскія Вѣдомости* не говорили о свиданіи въ Ниццѣ. Онѣ заявили только фактъ дѣйствительнаго положенія Россіи относительно европейской политики; они представляли на видъ только то, что̀ каждая изъ европейскихъ державъ признаетъ разумнымъ относительно себя, а именно, что Россія имѣетъ весь интересъ и всю возможность сохранить за собою полную свободу дѣйствій и не принимать на себя никакихъ обязательствъ на будущее. Россія, какъ извѣстно, не приняла на себя въ Ниццѣ никакихъ обязательствъ. Ужъ не это ли не нравится корреспонденту *Indépendance belge* и тѣмъ изъ русскихъ газетъ

(то-есть изъ газетъ, издаваемыхъ на русскомъ языкѣ), которыя онъ величаетъ „независимыми?“

№ 254.

Москва, 18-го ноября.

Мы знаемъ, что подъ Русскою державой нѣтъ многихъ націй, которыя заслуживали бы этого названія, а есть только одна нація—Русская. Но въ составѣ Россійской имперіи есть одинъ элементъ, который можетъ претендовать на названіе націи, — это элементъ польскій. Въ какомъ смыслѣ польскій элементъ можетъ претендовать на значеніе собой политической національности? Когда рѣчь идетъ о политической національности, то имѣются въ виду не племенныя, этнографическія особенности, которыми характеризуется то или другое народонаселеніе, и которыхъ во всякомъ государствѣ бываетъ множество, и особенно много напримѣръ во Франціи, по преимуществу гордящейся своимъ національнымъ единствомъ. Итакъ, не въ мѣстныхъ и племенныхъ особенностяхъ сила, не онѣ принимаются въ соображеніе, когда рѣчь идетъ о польской національности. Напротивъ, если принимать въ соображеніе племя и языкъ, то между польскою и русскою національностями есть гораздо болѣе основаній къ сближенію и единенію нежели къ антагонизму и разобщенію. Съ точки зрѣнія этнографической, польскій элементъ, столь ничтожный своею численностію въ сравненіи съ единоплеменнымъ ему русскимъ народомъ, никакъ не могъ бы являться началомъ разложенія Русскаго государства, а напротивъ долженъ былъ бы усиливать собою его единство. Національное единство не есть однообразіе. Чѣмъ могущественнѣе и плодотворнѣе должна развиваться жизнь цѣлаго, тѣмъ болѣе, при основномъ и незыблемомъ единствѣ, требуется разнообразія элементовъ входящихъ въ составъ государства. При единствѣ національно-политической жизни, которая предстоитъ Россіи какъ еще не початая будущность, не только не требуется, чтобы всѣ особенности быта, обычая, нравственной физіономіи, умственнаго склада, общественнаго строя, были сглажены; напротивъ, желательно, чтобы всѣ подобныя особенности сохранялись, дѣйствовали въ свою мѣру и силу, взаимно уравновѣшивались и вступали между собою въ новыя сочетанія, и такимъ образомъ способствовали полнотѣ и богатству цѣлаго. Но нація не есть просто какой-либо этнографическій элементъ. Признать какой-либо элементъ въ качествѣ націи, это совсѣмъ не то, что предоставить тѣмъ или другимъ населеніямъ, тѣмъ или другимъ людямъ, свободу жить по своему обычаю, исповѣдывать свою вѣру, и т. д. Это дѣло свободы, и чѣмъ безспорнѣе единство государства, тѣмъ болѣе выигрываетъ дѣло свободы. Именно въ томъ интересѣ, чтобы государство могло безопасно расширять сферу личной и общественной свободы, которая всегда служитъ наилучшимъ выраженіемъ государственной прочности, именно въ этомъ интересѣ свободы, о которой такъ много говорятъ всуе и такъ часто употребляютъ ея имя во зло, требуется чтобы не было государствъ въ государствѣ, требуется чтобы государство было едино и нераздѣльно, чтобъ оно было неразрывно соединено съ одною безспорною національностію. Итакъ, признать какой-либо элементъ въ качествѣ особой націи не значитъ предоставить ему свободу, но дать ему власть, сообщить ему обязательную силу. Въ признаніи націи рѣшается вопросъ о власти, о правительствѣ, о государствѣ. Признать польскій элементъ въ качествѣ націи, это все равно что признать его въ качествѣ польскаго владычества, польскаго государства. А польское государство не есть что-либо новое, неизвѣстное, вновь создаваемое. Это очень хорошо извѣстный историческій фактъ. Государство не на воздухѣ, а на землѣ; оно не можетъ быть равнодушно къ границамъ своей территоріи; мы видимъ, напротивъ, какое великое значеніе оно придаетъ имъ; мы видимъ какія страшныя жертвы приносятся для ихъ расширенія, сохраненія или возстановленія. Коль скоро государство вступаетъ въ силу, то мы не должны удивляться, если съ тѣмъ вмѣстѣ въ чувствѣ и помыслахъ людей ему служащихъ, вступаютъ въ силу и всѣ его притязанія, вступаетъ въ силу вся его исторія. Съ признаніемъ польской націи неразрывно соединяется мысль о польскомъ владычествѣ глубоко внутрь русской земли и русскаго народа. Это такъ вѣрно, что когда въ Вѣнскомъ трактатѣ, въ туманныхъ параграфахъ, возстановлялась тѣнь Польскаго королевства, въ такихъ же туманныхъ выра-

женіяхъ слѣдовалъ неизбѣжный королларій о его расширеніи внутрь Имперіи. Польская національность, повторимъ, не есть какая-либо этнографическая особенность, это цѣлый міръ воспоминаній и притязаній. Поднять эту національность, значитъ поднять весь этотъ міръ воспоминаній и притязаній. Нынѣшнее Царство Польское есть случайный отрывокъ Польши. Съ признаніемъ верховныхъ правъ польской національности въ этомъ краѣ непосредственно соединяется вопросъ о западной Руси. Съ точки зрѣнія этнографической или исторической, нѣтъ рѣзкой черты разграниченія между нынѣшнимъ Царствомъ Польскимъ и Русскою землей. Бо́льшая часть собственно польскимъ племенемъ заселенной земли германизирована, и вошла въ составъ Пруссіи и Австріи. Пруссія преимущественно стоитъ на прежнихъ польскихъ земляхъ, въ которыхъ ничего или почти ничего не осталось польскаго, за исключеніемъ небольшой части Познанскаго княжества. Что́ же касается до нынѣшняго Царства Польскаго, то въ его составъ входятъ земли, на которыя Польша имѣетъ ни больше ни меньше правъ въ племенномъ отношеніи чѣмъ на области всей западной Руси или бывшаго великаго княжества Литовскаго, — земли искони принадлежащія къ этой части Руси, и заселенныя русскимъ и литовскимъ людомъ. Еслибы вопросъ ограничивался только одною Конгрессовкой или тѣми ея частями, которыя заселены собственно польскимъ племенемъ (хотя польскаго племени, въ тѣснѣйшемъ смыслѣ этого слова, очень мало даже въ самомъ Царствѣ Польскомъ, потому что Мазуры, напримѣръ, не только въ племенномъ отношеніи разнятся отъ чисто-польскаго элемента, но и въ историческомъ, ибо Мазовія была нѣкогда самостоятельнымъ государствомъ), то никакого польскаго вопроса не могло бы возникнуть, и не было бы надобности поднимать польскую націю или создавать Польское государство. Кому нужно это Польское государство? Народонаселеніямъ ли польскаго языка, живущимъ въ Конгрессовкѣ, этому люду, который такъ легко переходитъ въ Нѣмцевъ и съ такою готовностію отказывается отъ названія Поляковъ? Нѣтъ; какъ извѣстно этому люду также мало требуется особое Польское государство, какъ и литовскимъ народонаселеніямъ требуется особое государство литовскаго языка; а въ противномъ случаѣ пришлось бы и Мазурамъ въ Польшѣ дать особое государственное положеніе. Кому же требуется Польское государство? Оно требуется тѣмъ общественнымъ классамъ, которые во времена старой Польши имѣли все польское государство въ своихъ рукахъ. Польское государство требуется польской шляхтѣ и польскимъ магнатамъ, изъ которыхъ каждый въ былыя времена былъ кандидатомъ на тронъ. А эта шляхта и эти магнаты, несравненно болѣе чѣмъ въ самой Конгрессовкѣ, находятся въ тѣхъ частяхъ старой Польши, которыя либо безвозвратно онѣмечены, либо возвращены русскому народу. Сила всѣхъ притязаній польской національности сосредоточена главнымъ образомъ въ этихъ русскихъ земляхъ, гдѣ польская національность почувствовала и доселѣ чувствуетъ себя господствующею. Отнимите у польской національности эти земли, лишите ее всякой надежды на обладаніе ими, и вы полагаете конецъ польской національности въ государственномъ смыслѣ этого слова. Ни одинъ польскій шляхтичъ не захочетъ возстановленія польской національности безъ надежды на возстановленіе восточной границы ея территоріи; но ни одинъ польскій шляхтичъ въ то же время не откажется отъ этихъ надеждъ, пока гдѣ-нибудь или въ какой-либо мѣрѣ польскій элементъ будетъ признанъ въ качествѣ политической націи и будетъ имѣть хоть тѣнь своего государства. Итакъ, польская нація, выставляемая противъ русской, есть или призракъ, или самъ же русскій народъ разломленный на части и возвращаемый государству, которое давно пало, котораго народъ и территорія давно растеряны, и котораго вся сила остается только въ его притязаніяхъ на тѣ области, безъ которыхъ Россія не можетъ быть Россіей, а русскій народъ не можетъ удерживать свое европейское значеніе. Возстановленіе польской націи въ томъ смыслѣ и силѣ, какъ ей требуется, есть возвращеніе русской націи въ предѣлы стараго Московскаго государства.

Но намъ услужливо подскажутъ, что нѣтъ надобности, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, отрывать отъ Русской державы тѣ части, на которыя польская національность или, что́ все то же, польское владѣльчество предъявляетъ свои притязанія. Оба государства, возстановленное поль-

ское и умаленное Русское, оставаясь подъ одною державой, не измѣнили бы ея объема и вида снаружи, требуется только произвести иное внутреннее распредѣленіе, требуется только раздѣлить территорію Русской державы на двѣ половины, восточную и западную, изъ которыхъ первая соотвѣтствовала бы старому Московскому царству, а другая Польско-литовскому королевству. А въ послѣдствіи, скажутъ намъ въ утѣшеніе, можно будетъ положить конецъ этому раздвоенію: утвердить центръ тяжести въ польской, ближайшей къ Европѣ половинѣ, и такимъ образомъ на мѣсто Русскаго государства поставить одно государство Польское. Этого рода утѣшеніе уже было на дняхъ предложено намъ г. Гнейстомъ въ адвокатской рѣчи его, сказанной въ берлинскомъ верховномъ судѣ. Подобные виды несомнѣнно существуютъ. Говорилъ же намъ одинъ изъ польскихъ патріотовъ, графъ Лубенскій, что чѣмъ больше русскихъ элементовъ войдетъ въ составъ Польши, тѣмъ будетъ лучше. Подъ этимъ условіемъ, русскій народъ, которому и свои и чужіе наперерывъ отказываютъ въ качествахъ политической націи, вдругъ оказался до такой степени зрѣлымъ, что даже простымъ русскимъ крестьянамъ было обѣщано почетное мѣсто въ варшавскомъ парламентѣ.

Но оставляя въ сторонѣ эти фантастическіе виды на возстановленіе старой Польши или на перемѣщеніе центра тяжести нынѣшней Русской державы, ограничимся зрѣлищемъ тѣхъ мелкихъ государствъ, которыя могли бы окончательно организоваться по западной окраинѣ Русской державы, въ ожиданіи дальнѣйшаго разложенія ея территоріи. Кто не пойметъ какую цѣну имѣетъ западная окраина для Русской державы? Кому не извѣстно, какою великою цѣной она была пріобрѣтена? Кто не знаетъ, что со всею этою окраиной соединяется европейское значеніе Русской державы? Но укрѣпятся ли эти окраины за Русскою державой, если Русскій народъ будетъ оттѣсненъ отъ нихъ, и онѣ станутъ для него чужими странами? Нигдѣ не требуется въ такой степени крѣпость Русской державы какъ съ этой стороны: будутъ ли увеличиваться залоги этой крѣпости при большемъ отчужденіи этихъ краевъ отъ Русскаго народа, и при внутреннемъ упадкѣ русской національности, который былъ бы неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого отчужденія?

Есть старинный политическій пріемъ, къ которому прибѣгаетъ политика во имя государственной пользы. Этотъ пріемъ выражается формулой: *divide et impera* (дѣли и дроби, для того чтобы крѣпче была власть). Не съ точки ли зрѣнія этого правила было бы полезно образованіе въ Русской державѣ разныхъ національностей государственно-организованныхъ, и такимъ образомъ радикально отчужденныхъ одна отъ другой? Но дѣлять то что̀ въ государствѣ является особымъ государствомъ, или то что̀ можетъ принять такой характеръ, и тѣмъ угрожать единству власти или единству государственному, что̀ одно и то же. Австрійское правительство пыталось раздробить Венгрію принципомъ національностей, признавая права каждаго племени, каждаго языка въ ея предѣлахъ, и такимъ образомъ разлагая и обезсиливая мадьярскую національность, на которой основывается объединеніе Венгерскаго королевства. Но никто никогда не помышлялъ о томъ, чтобы въ интересахъ утвержденія или усиленія власти создавать государства въ государствѣ. Если всякая сила общественная, принимающая въ государствѣ подобіе особаго государства, признается опасною и вредною, то какже съ точки зрѣнія государственной пользы можно объяснить образованіе многихъ дѣйствительныхъ государствъ въ государствѣ?

Обратимъ вниманіе на одно весьма важное обстоятельство. Если допускать существованіе государствъ въ государствѣ, то естественно спросить въ какихъ отношеніяхъ должны находиться подданные каждаго изъ этихъ государствъ относительно другаго, или, лучше сказать, относительно подданныхъ цѣлаго государства. Возьмемъ примѣръ, чтобы не оставаться въ отвлеченностяхъ: въ какомъ отношеніи должны находиться напримѣръ подданные тѣхъ государствъ, которыя выросли бы по западнымъ окраинамъ Русской державы, къ Русскому народу, оттѣсненному далѣе отъ этихъ окраинъ? Каждое изъ этихъ государствъ весьма естественно должно быть заинтересовано преимущественно тѣмъ чтобы сколь можно болѣе оградить и обезпечить свою отдѣльность. Мы знаемъ, что уже и теперь, въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ западныхъ окраинъ, русскій подданный не имѣетъ права гражданства. Русскій дворянинъ. для того чтобы, съ пріобрѣтеніемъ поземельной собственности въ Финляндіи, поль-

зоваться тамъ правомъ гражданства, долженъ прежде всего просить финляндское правительство о переименовании его въ *финляндскіе подданные* (!), а не дворянинъ долженъ для этого предварительно прожить въ Финляндіи шесть лѣтъ; но и удостоившись чести стать финляндскимъ „подданнымъ", онъ все еще будетъ далекъ отъ того чтобы пользоваться полнотой гражданскихъ правъ финляндскаго подданнаго. Мы не говоримъ уже о томъ что если онъ не обладаетъ знаніемъ шведскаго или финскаго языка, то онъ все таки останется чужестранцемъ въ этомъ краѣ, что ни въ судъ, ни къ администраціи не можетъ онъ обратиться съ своимъ русскимъ языкомъ, котораго существованіе на финляндской почвѣ не признается, и котораго каѳедра при Гельсингфорскомъ университетѣ, существовавшая еще недавно, теперь упразднена; объ этомъ мы уже не говоримъ; но вотъ въ чемъ дѣло: если этотъ Русскій человѣкъ, искони живущій на финляндской почвѣ или поступившій въ финляндскіе подданные, не имѣетъ счастія исповѣдывать лютеранскую вѣру, а остается вѣренъ своей православной церкви, то онъ лишенъ возможности пользоваться полнотой политическихъ правъ финляндскаго гражданина. Хотя ему и было бы предоставлено право выбирать представителей въ законодательный сеймъ; однако, въ качествѣ православнаго, онъ не можетъ быть самъ выбранъ, не можетъ быть допущенъ въ финляндскій сеймъ, не можетъ участвовать въ обсужденіи и рѣшеніи дѣлъ этого своего „отечества." Вотъ область составляющая часть Русскаго государства, и такъ огражденная отъ русской народности, какъ не многія изъ государствъ Европы, не находящихся ни въ какой связи съ Русскою державой! Если русскій подданный натурализуется въ Германіи или во Франціи, то по крайней мѣрѣ его православная вѣра не послужитъ ему препятствіемъ пользоваться тамъ полнотой политическихъ правъ, между тѣмъ какъ на финляндской почвѣ, составляющей нераздѣльную часть Русскаго государства, онъ и все его потомство должны отказаться отъ политической полноправности, доколѣ будутъ сохранять вѣрность своей церкви, доколѣ будутъ удерживать эту единственную и послѣднюю связь свою съ Русскимъ народомъ. А между тѣмъ извѣстно, что всякій финляндскій дворянинъ пользуется во всей остальной Россіи (за исключеніемъ лишь другой привилегированной окраины по берегамъ Балтійскаго моря) всею полнотой гражданскихъ правъ, не нуждаясь въ натурализаціи и нисколько ни въ чемъ не стѣсняясь своимъ лютеранскимъ вѣроисповѣданіемъ. Будемъ ли мы сѣтовать на Финляндію за ту замкнутость, которою она ограждаетъ себя со стороны русскаго народа? Коль скоро этотъ край находится въ такомъ положеніи, что можетъ считать себя особымъ государствомъ, то всѣ усилія его естественно должны клониться къ отчужденію отъ Россіи, и къ тому, чтобы сохранить и обезпечить свое отдѣльное, привилегированное положеніе.

Мы часто слышимъ отъ многихъ почтенныхъ лицъ изъ прибалтійскихъ губерній, что этотъ край всегда отличался и отличается искреннею преданностію царствующему въ Россіи дому. Это справедливо; справедливо также и то что преданность государю не можетъ быть отдѣльна отъ преданности государству. Служить государю значитъ служить государству, сохранять вѣрность государю значитъ съ тѣмъ вмѣстѣ радѣть о государственной пользѣ. „Государственная польза" входитъ въ формулу нашей присяги: одно съ другимъ не раздѣльно. Служить государю значитъ служить государству; вѣрность государю значитъ вѣрность государству, и наоборотъ. Но государство точно также невозможно отдѣлять отъ націи. Господствующая въ государствѣ нація есть само государство. Государственная польза не можетъ быть отдѣлена отъ пользы той націи, въ которой заключается вся сила Русскаго государства, и стало быть все величіе вѣнчающей его верховной власти. Одно съ другимъ нераздѣльно, и вполнѣ вѣрное служеніе государству требуетъ, чтобы мы не чуждались той націи, на которой основана вся его сила. Справедливо, что уроженцы прибалтійскихъ губерній всегда служили вѣрой и правдой Русскому царю, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Русскому государству. Но почему это? Потому ли, что эти провинціи составляли особое государство? Нѣтъ, а потому что, несмотря на нѣкоторыя особенности и даже привилегіи, которыя въ силу историческихъ обстоятельствъ были имъ предоставлены, онѣ тѣмъ не менѣе считались провинціями цѣлаго и нераздѣльнаго Русскаго государства. Пока дѣла остаются въ такомъ положеніи, въ какомъ они были доселѣ, не было бы основаній опасаться какихъ-либо неблагопрі-

ятныхъ результатовъ. Но еслибы возникъ вопросъ о томъ, чтобы при дальнѣйшемъ ходѣ дѣлъ, вести этотъ край не къ сближенію съ остальною Россіей, которая вступаетъ въ новую и высшую фазу своего историческаго существованія, а о томъ чтобы вести его къ отчужденію отъ ней, и сообщить ему форму особаго нѣмецкаго государства на окраинѣ Русской державы,— то чего же еще ожидать хуже этого? Обращаемъ вниманіе читателей на печатаемый ниже отрывокъ изъ любопытнаго документа вышедшаго, какъ значится въ книгѣ, откуда мы заимствовали его, изъ-подъ пера нѣкоего Курляндца, г. Ф.... Книга, гдѣ этотъ документъ напечатанъ, вышла въ Лейпцигѣ въ 1862 году и носитъ заглавіе: „Крестьянскія отношенія въ Лифляндіи съ точки зрѣнія современной Россіи“. Этотъ документъ есть письмо г-на Ф. адресованное изъ Брюсселя въ Курляндію. Авторъ старается запугать курляндскихъ дворянъ общимъ ходомъ дѣлъ въ Россіи, возбуждаетъ въ нихъ опасенія, которыхъ сущности мы не имѣемъ даже возможности передать нашимъ читателямъ, и указываетъ, какъ на единственный путь къ спасенію, на соединеніе трехъ прибалтійскихъ губерній, такъ чтобъ онѣ въ общемъ своемъ составѣ получили такую же самостоятельность и такую же отдѣльность отъ Россіи, какая уже предоставлена Царству Польскому и Великому Княжеству Финляндскому. Еслибъ осуществились фантазіи этого барона; если бы три губерніи составили окончательно одно цѣлое, съ одною администраціей и общимъ сеймомъ, еслибы народонаселенія этого края подверглись германизаціи, вмѣсто того что были бы окончательно разобщены съ Русскимъ народомъ, еслибъ исполнились тѣ предположенія, которыя высказывались и высказываются въ остзейской печати, и о которыхъ, какъ недавно было замѣчено въ *Рижской Газетѣ*, за три года передъ симъ никто ни думалъ, ни гадалъ; то дѣла въ этой части Русской державы безспорно измѣнились бы самымъ неблагопріятнымъ для нея образомъ. Намъ скажутъ, что и при такихъ измѣненіяхъ все-таки не было бы серіозныхъ основаній для опасенія; намъ скажутъ, что порукой за благонадежность какихъ бы то ни было измѣненій въ этомъ краѣ служитъ испытанная вѣрность дворянства всего прибалтійскаго края; намъ скажутъ, что даже предоставленіе полной государственной автономіи этому краю нисколько не поколеблетъ вѣрноподданническихъ чувствованій и преданности одушевляющей дворянство этого края въ отношеніи къ Русскому Царю, а стало-быть и къ Россіи. Но на свѣтѣ нѣтъ человѣка, который могъ бы ручаться за будущее; за то, всякій мыслящій человѣкъ легко пойметъ, что съ измѣненіемъ условій существованія измѣняется и характеръ существованія, измѣняются интересы и чувствованія людей. Что совершенно вѣрно при нынѣшнемъ положеніи вещей и относительно нынѣ живущихъ поколѣній, то можетъ оказаться крайне-ошибочнымъ разчетомъ въ виду иного порядка вещей и посреди новыхъ поколѣній, которыя возрастутъ и воспитаются при иныхъ условіяхъ. Намъ говорятъ о вѣрности и преданности остзейскаго дворянства; кто же сомнѣвался въ этомъ? Но осуществленіе тѣхъ плановъ, которые высказывались въ послѣднее время, не должно ли неизбѣжно вызвать въ этомъ краѣ и новыхъ дѣятелей кромѣ дворянства, и новые элементы въ нѣдрахъ самого дворянства?

Впрочемъ, зачѣмъ разсуждать о чувствованіяхъ, зачѣмъ подвергать анализу такой щекотливый предметъ? Мы только споримъ о томъ будетъ ли Россія крѣпче владѣть побережьемъ своего Балтійскаго моря, которое такъ необходимо для нея, и котораго она добивалась съ такими усиліями, когда вмѣсто трехъ провинцій появилось бы здѣсь довольно значительное по своему объему нѣмецкое государство, только номинально соединенное съ Россіей и граничащее съ Пруссіей, этимъ передовымъ постомъ германской національности, невольно въ своемъ расширеніи тяготѣющей къ Востоку?

Но это не все, и не въ этомъ еще самая серіозная опасность. Начатки особыхъ государствъ въ государствѣ—тѣла чужеядныя, и развитіе ихъ есть развитіе внутренней болѣзни цѣлаго состава. Пусть они недостаточно сильны, чтобы пріобрѣсть и полную самостоятельность или преобладаніе; пусть всѣ явныя попытки ихъ къ отложенію еще могутъ быть легко подавлены; но отъ этого не легче, и такое положеніе вещей не можетъ казаться удовлетворительнымъ ни съ какой стороны. Мало того, что оно не можетъ казаться удовлетворительнымъ въ интересѣ верховной власти и государства; но оно точно также не можетъ казаться

удовлетворительнымъ и съ точки зрѣнія разныхъ національностей, осужденныхъ на танталовскую жажду. Оно еще менѣе можетъ показаться удовлетворительнымъ съ точки зрѣнія человѣчества, которому не было бы ни малѣйшей причины радоваться при видѣ великой страны лишенной возможности правильнаго существованія и плодотворнаго развитія, при видѣ великаго народа пожираемаго мелкими чужеядными тѣлами, при видѣ государства находящагося въ постоянной внутренней опасности и постоянно вынуждаемаго прибѣгать къ мѣрамъ государственной необходимости. Національный антагонизмъ есть спасительная сила, когда онъ обращенъ ко внѣшнему дѣйствію и когда дѣло идетъ объ охраненіи государства отъ внѣшнихъ опасностей. Но что можетъ быть ужаснѣе того зла, которое должно развиваться изъ національнаго антагонизма, обращеннаго внутрь и принятаго въ нѣдра одного и того же государственнаго состава? Что для человѣчества можетъ быть оскорбительнѣе тѣхъ темныхъ, безчестныхъ и безнравственныхъ дѣйствій, въ которыхъ неизбѣжно выражается этотъ внутренній антагонизмъ, разливая свой ядъ во всѣхъ сферахъ человѣческаго существованія, подкапывая всѣ основы общежитія, губя лучшія силы въ безславной и безплодной борьбѣ, задерживая и извращая развитіе самыхъ дорогихъ для человѣчества интересовъ?

Каждое особое государство въ государствѣ непремѣнно должно имѣть и свои особыя необходимости, и свои особыя пользы. У гражданъ сепаратнаго государства не можетъ не быть своей сепаратной государственной необходимости, своей сепаратной государственной пользы. Предположимъ, что совѣсть ихъ умѣла бы до нѣкоторой степени согласить пользу ихъ особаго государства съ пользою цѣлаго государства, но такое соглашеніе, ограниченное и условное, зависѣло бы отъ обстоятельствъ, которыми всегда могутъ быть вызваны самые существенные элементы разногласія. Даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, государственная польза цѣлаго будетъ дѣломъ чужимъ для гражданъ особаго государства; и во многихъ случаяхъ ихъ особая государственная польза неизбѣжно потребуетъ, чтобы дѣла въ цѣломъ государствѣ шли не къ лучшему, а худшему. При такомъ положеніи дѣлъ естественно возникаетъ вопросъ, могли ли бы граждане особыхъ государствъ пользоваться полнотой гражданскихъ правъ въ цѣломъ государствѣ? Могутъ ли они быть безопасно допускаемы къ участію въ общихъ дѣлахъ государства? Можетъ ли быть не только полезно, но даже и безопасно, чтобы подобные элементы, пользуясь политическою полноправностью, могли проникать во всѣ сферы правительственной организаціи, и имѣть вліяніе на дѣла націи, къ которой они не хотятъ принадлежать и съ которою они имѣютъ разные счеты? Принятіе чистыхъ иностранцевъ на государственную службу и сообщеніе имъ политической полноправности представляетъ менѣе затрудненій и опасностей. Иностранецъ, переселяясь въ Россію и становясь ея подданнымъ, становится гражданиномъ одного государства и видитъ въ немъ свое второе отечество. Во всякомъ случаѣ, здѣсь рѣчь можетъ идти только объ отдѣльныхъ лицахъ; но совсѣмъ иное дѣло — граждане особыхъ государствъ въ государствѣ. Состоя на службѣ цѣлаго государства, они въ тоже время не могутъ не служить интересамъ своего особаго отечества, не могутъ не отзываться на призывъ его необходимостей и пользъ; они существа двойственныя, ихъ положеніе двусмысленное, а стало-быть, волею или неволею, должны они и дѣйствовать болѣе или менѣе двусмысленно.

№ 255.

Москва, 19-го ноября.

Какъ видно изъ вчерашней телеграммы *Московскихъ Вѣдомостей*, второстепенныя государства Германіи не вполнѣ еще склонились передъ Пруссіей, и въ своемъ сопротивленіи ея видамъ, безъ сомнѣнія, продолжаютъ еще разчитывать на поддержку Австріи. Саксонія, владѣнія которой соприкасаются съ прусскими, должна была первая отступить въ виду угрожающаго положенія, принятаго этимъ королевствомъ; но отдаленная Баварія не побоялась, вопреки энергическимъ протестамъ Пруссіи, предложить и настоять на сеймѣ, чтобы генералъ Гаке, главнокомандующій экзекуціоннымъ отрядомъ въ Гольштейнѣ, оставался въ прежнихъ своихъ позиціяхъ. Телеграфъ не извѣстилъ насъ, какое положеніе принялъ на сеймѣ Гановеръ, противъ котораго непосредственно направлена

военная демонстрація Пруссіи: одновременно съ приказомъ прусскимъ войскамъ въ Гольштейнѣ оставаться, впредь до дальнѣйшаго распоряженія, на прежнихъ ихъ мѣстахъ и подъ главнымъ начальствомъ принца Фридриха Карла, отданъ былъ приказъ, чтобы 13-я прусская дивизія, достигнувшая на пути своемъ въ Берлинъ, Минденскаго округа Вестфаліи, остановилась тамъ и была сосредоточена возлѣ Миндена. *National-Zeitung* видитъ въ этомъ прямую угрозу Ганноверу, владѣнія котораго прилегаютъ съ сѣвера и съ востока къ Минденскому округу. Въ то же время другія прусскія войска придвигаются къ границѣ Саксоніи. Такимъ образомъ въ третій уже разъ въ нынѣшнемъ году шлезвигъ-гольштейнскій вопросъ грозитъ разразиться междуусобною войной въ самой Германіи, и должно сознаться, что теперешнее положеніе дѣлъ несравненно серіознѣе и опаснѣе въ этомъ отношеніи, чѣмъ то, когда саксонско-ганноверскія войска, повидимому, готовились преградить Пруссакамъ путь въ Альтону и въ Шлезвигъ, или то, которое наступило вслѣдъ за рендсбургскимъ столкновеніемъ.

Хотя вѣнскій корреспондентъ *Allgemeine Zeitung*, въ письмѣ отъ 24-го ноября, и увѣряетъ будто бы умышленно распространяемое изъ Берлина извѣстіе о томъ, что Пруссія во второй разъ отвергла предложеніе Австріи—согласиться на дальнѣйшее пребываніе саксонскихъ и ганноверскихъ войскъ въ Гольштейнѣ — лишено всякаго основанія, и что, напротивъ, она въ принципѣ согласилась на это и рѣчь идетъ теперь о подробностяхъ дѣла и о томъ какъ это рѣшеніе на франкфуртскомъ сеймѣ мотивировать; хотя берлинскій корреспондентъ той же газеты, въ письмѣ отъ 23-го ноября, и говоритъ, что въ тамошнихъ офиціяльныхъ сферахъ горько жалуются на интриги Австріи, которыя легко могутъ нарушить добрыя отношенія ея къ Пруссіи, и въ то же время, впадая въ уныніе, начинаютъ убѣждаться въ необходимости признать принца Августенбургскаго самостоятельнымъ герцогомъ Шлезвигъ-Гольштейна и отказаться отъ присоединенія этой страны къ Пруссіи; однакоже, ни новѣйшія военныя демонстраціи съ ея стороны, ни заявленія полуофиціяльныхъ ея *Военныхъ Листовъ* о времени пребыванія прусскихъ войскъ въ Герцогствахъ и о необходимости ввѣрить прусскимъ генераламъ и офицерамъ какъ организацію шлезвигъ-гольштейнской арміи, такъ и начальство надъ нею, нисколько не обнаруживаютъ въ ней ни унынія, ни расположенія отречься отъ прежнихъ ея замысловъ. Въ приведенныхъ извѣстіяхъ корреспондентовъ *Allgemeine Zeitung*, очевидно, высказываются лишь желанія Австріи и второстепенныхъ государствъ Германіи, и эти извѣстія, безъ сомнѣнія, разчитаны на то, чтобы внушить послѣднимъ бо́льшую смѣлость. Дѣло приближается къ кризису, и то или другое разрѣшеніе его будетъ зависѣть отъ общаго положенія дѣлъ въ Европѣ и въ особенности отъ отношеній Австріи къ другимъ великимъ европейскимъ державамъ.

Берлинскій корреспондентъ *Кельнской Газеты* пишетъ, отъ 25-го ноября, что Австрія дѣлаетъ самыя невѣроятныя усилія для того, чтобы сблизиться съ Франціей, и чтобы по возможности изгладить въ ней глубокое недовѣріе, возбужденное измѣнчивою австрійскою политикой во время прошлогоднихъ переговоровъ по польскому вопросу. Между прочимъ, выходъ въ отставку графа Рехберга выставляется въ видѣ ручательства за непреложное желаніе Австріи достигнуть соглашенія съ Франціей; князь Меттернихъ вмѣстѣ съ тѣмъ увѣряетъ, что Австрія старается о примиреніи между папой и Италіей, и на сколько отъ нея зависитъ, поддерживаетъ направленныя къ этой же цѣли усилія графа Штакельберга, русскаго посланника, бывшаго прежде въ Туринѣ и потомъ переведеннаго оттуда въ Вѣну. Старанія австрійскаго посольства въ Парижѣ, повидимому, не остаются безъ нѣкотораго успѣха: туринскій корреспондентъ *Allgemeine Zeitung* пишетъ, отъ 21-го ноября, что въ угоду Франціи и пренебрегая неистовыми возгласами со стороны партіи дѣйствія, италіянское правительство не только обезоруживаетъ банды, желавшія вторгнуться въ Венеціянскую область, и водворяетъ ихъ людей частію въ Миланѣ, частію въ Алессандріи, но и производитъ значительное уменьшеніе въ составѣ своей арміи, такъ что съ 1-го декабря будутъ уволены въ безсрочный отпускъ Неаполитанцы, которые въ 1859 г. достигли возраста, опредѣленнаго для поступленія въ военную службу, всѣ Піемонтцы и Ломбардцы 1832 и 1833 г., и наконецъ, солдаты изъ Пармы и Модены набора 1856 г. Впрочемъ, до соглашенія между Австріей и Франціей еще очень далеко, и какъ пишутъ въ *Wande-*

rer, отъ 25-го ноября, князю Меттерниху, вслѣдствіе переговоровъ его съ г. Друэнъ-де-Люисомъ, уже оказались нужными новыя инструкціи изъ Вѣны, несмотря на недавность пребыванія его въ австрійской столицѣ, и эти инструкціи уже отправлены къ нему съ особымъ курьеромъ.

Упомянутый выше берлинскій корреспондентъ *Кельнской Газеты* обращаетъ вниманіе на усилившіеся въ послѣднее время слухи о европейскомъ конгрессѣ, къ которому будто бы расположена въ настоящее время Англія вслѣдствіе своего неудовольствія на политику Австріи во время датско-германскаго столкновенія, и отъ котораго будто бы не прочь и сама Россія. Что касается до Пруссіи, то корреспондентъ утверждаетъ, что она совершенно нерасположена къ конгрессу, который занялся бы прежде всего шлезвигъ-гольштейнскимъ вопросомъ, и если полуофиціяльныя газеты охотно останавливаются на идеѣ императора Наполеона, то въ этомъ случаѣ онѣ только разчитываютъ произвести нѣкоторое давленіе на Австрію. Въ одномъ прусскомъ дипломатическомъ донесеніи было замѣчено, что всѣ толкуютъ о конгрессѣ, но никто не вѣритъ, чтобъ онъ могъ состояться, и въ дипломатическихъ сферахъ Берлина гораздо болѣе занимаются, съ 24-го ноября, разрѣшеніемъ загадки, заданной недавно газетой *Constitutionnel*, чѣмъ вопросомъ о конгрессѣ.

Въ самомъ дѣлѣ загадка эта не легко разрѣшима. Изъ Франкфурта-на-Майнѣ получено полуофиціяльною французскою газетой извѣстіе, за точность котораго ручается ея корреспондентъ,—извѣстіе, что французскому правительству предложено пріобрѣсти на самыхъ выгодныхъ для него условіяхъ каменноугольныя копи болѣе обширныя чѣмъ саарбрюкенскія и бельгійскія, и что съ пріобрѣтеніемъ ихъ Франція освободится отъ всякой зависимости, въ этомъ отношеніи, отъ Бельгіи и Англіи, и будетъ имѣть снабженную каменнымъ углемъ стоянку для своихъ военныхъ судовъ въ такомъ морѣ, гдѣ Франція имѣетъ великіе интересы. Дальнѣйшихъ свѣдѣній *Constitutionnel* не сообщаетъ, чтобы не повредить переговорамъ, которые ведутся объ этомъ предметѣ. Догадкамъ предоставляется обширное поле, и противники Пруссіи не замедлятъ вовлечь ее въ кругъ своихъ предположеній, основываясь особенно на томъ, что извѣстіе идетъ изъ Франкфурта-на-Майнѣ.

Въ виду общаго положенія дѣлъ въ Европѣ, интересы Россіи уясняются сами собою, если обратить вниманіе на то, что съ одной стороны, чѣмъ бо́льшія опасности будутъ грозить Австріи со стороны Италіи и Франціи, тѣмъ бо́льшія уступки расположена она будетъ сдѣлать Пруссіи, чего никакъ нельзя пожелать съ русской точки зрѣнія, и съ другой стороны на то, что чѣмъ бо́льшія уступки расположена она будетъ сдѣлать Франціи по венеціянскому вопросу, тѣмъ менѣе благопріятное для Россіи положеніе приметъ она по восточнымъ и даже быть-можетъ по польскимъ дѣламъ.

№ 256.

Москва, 20-го ноября.

Европейская революціонная партія, о которой такъ много было рѣчи въ прошлогоднихъ депешахъ князя Горчакова, которой приписывалось начало всѣхъ революціонныхъ движеній въ Царствѣ Польскомъ, и которая, повидимому, снова начинаетъ волноваться, сама по себѣ не имѣетъ никакой силы, никакого значенія. Партію эту составляютъ выходцы изъ всѣхъ странъ Европы, преимущественно Поляки, Италіянцы, Венгерцы, средоточіями которыхъ служатъ Лондонъ, Парижъ, Туринъ съ Генуей и съ Капрерой, отчасти Женева, и въ новѣйшее время Молдо-Валахія. За ними нельзя признать не дѣйствительной нравственной силы, ни силы матеріяльной. Они не представляютъ собою какой-либо одной великой положительной идеи, и даже не связаны между собою единствомъ видовъ, цѣлей и намѣреній. За исключеніемъ русскихъ выходцевъ, у которыхъ никогда не было дѣйствительной почвы подъ ногами, которые не представляютъ никого и ничего, кромѣ самихъ себя, и вступали въ заговоры съ отъявленными врагами своего народа, всѣ другіе являются представителями партій, на сторонѣ которыхъ, въ ихъ собственномъ отечествѣ, не оказалось ни большинства, ни перевѣса силы, и которыя были принуждены признать себя побѣжденными. Какъ разрозненны сами эти партіи, также разобщены между собою и ихъ представители за границей. Достаточно вспомнить о трехъ или четырехъ партіяхъ въ нѣдрахъ польской эмиграціи. Въ одномъ лишь отношеніи всѣ эти выходцы болѣе

или менѣе сходятся между собою—во враждѣ къ существующему политическому и отчасти также соціяльному порядку вещей въ Европѣ, и въ желаніи какими бы то ни было происками и насиліями упразднить его, безъ всякаго яснаго представленія чѣмъ бы онъ могъ быть замѣненъ въ послѣдствіи, въ случаѣ успѣха ихъ замысловъ.

Но и эта исключительно-отрицательная сила всесвѣтной революціи можетъ быть опасна для той или другой страны только при двухъ условіяхъ: вопервыхъ, чтобы въ самой странѣ, и именно въ правительствѣ ея, вслѣдствіе ли существующаго въ ней порядка вещей, или вслѣдствіе случайныхъ внутреннихъ недоразумѣній, были сочувственные или согласные съ ней элементы, какъ напримѣръ Либоріо Романо въ покойномъ Неаполитанскомъ королевствѣ, и вовторыхъ, чтобы въ своихъ усиліяхъ, направленныхъ на ту или другую страну, эта революціонная партія была руководима и поддерживаема какимъ-либо иноземнымъ правительствомъ. Безъ перваго условія, никакія усилія ни самой революціонной европейской партіи, ни покровительствующихъ ей правительствъ не могутъ имѣть ни малѣйшаго успѣха. Такъ, напримѣръ, Англія, благодаря своему политическому и соціальному быту, ограждена вполнѣ отъ всѣхъ попытокъ всесвѣтней революціи. Но точно также и въ другихъ странахъ при честности и правильномъ дѣйствіи законныхъ властей, всѣ усилія всесвѣтной революціи могутъ быть уничтожены въ самомъ зародышѣ. Такъ, въ 1860 г. Гарибальди могъ предпринять и отчасти совершить завоеваніе королевства Обѣихъ Сицилій, благодаря содѣйствію съ одной стороны Туринскаго правительства, а съ другой измѣнникамъ въ правительствѣ самого Франциска I, но когда въ 1862 г. тотъ же Гарибальди вздумалъ, самъ собою и пользуясь лишь сочувствіемъ массъ народныхъ, завладѣть Римомъ, послѣдствіемъ его попытки было пораженіе при Аспромонте. Всесвѣтная революціонная партія стала сама теперь покорнымъ и раболѣпнымъ орудіемъ въ рукахъ ловкихъ политиковъ, и этимъ орудіемъ умѣютъ очень искусно пользоваться въ Лондонѣ, въ Парижѣ, и по ихъ примѣру и наставленію, въ Туринѣ. Польскій мятежъ 1863 г. служитъ самымъ убѣдительнымъ тому доказательствомъ. Берлинскій прокуроръ Меттельштедтъ, въ рѣчи, которую мы приведемъ на дняхъ, совершенно справедливо утверждаетъ, что польская эмиграція была посредницей между мечтавшими о возстановленіи прежней Польши Поляками и могущественными державами, отъ которыхъ они надѣялись получить помощь. Безъ этого посредничества и безъ этихъ надеждъ да безъ содѣйствія самой польской администраціи, которая была наполнена измѣнническими элементами, не было бы никакого движенія въ Польшѣ противъ русскаго владычества.

Въ настоящее время всесвѣтная революціонная партія, повидимому, вновь призывается къ дѣятельности, и усилія ея, главнѣйшимъ образомъ, направляются одною искусною и опытной рукой. Прежде всего направляются они противъ Австріи, а потомъ, можетъ-быть, и противъ Россіи. Въ послѣднихъ нумерахъ *Московскихъ Вѣдомостей* (особенно въ № 252, подъ рубрикою; „Венеціянскій вопросъ и европейская партія дѣйствія“) собрано не малое число фактовъ, сюда относящихся. Изъ этихъ фактовъ видно, что приготовленія дѣлаются какъ въ Италіи, такъ и на сѣверныхъ окраинахъ Балканскаго полуострова, и что по желанію руководителей, пожаръ долженъ прежде всего начаться здѣсь, а отсюда уже охватить, если возможно, южныя области Австріи и юго-западныя Россіи.—Партія дѣйствія вошла въ сношенія и въ дружбу съ Черногорцами и съ княземъ Кузой, котораго довольно мѣтко прозвали префектомъ Франціи по нижнему теченію Дуная. Нѣкоторое время полагали, что сербскій князь Михаилъ будетъ дѣйствовать заодно, но эти разчеты были невѣрны. Въ Молдавіи, тѣмъ не менѣе снова сосредоточиваются и организуются шайки польскихъ и венгерскихъ революціонеровъ; туда направляются изъ Галиціи транспорты особенныхъ пистоновъ, прилаженныхъ къ американскимъ ружьямъ и взрывной хлопчатой бумаги, неизвѣстно для какого употребленія (см. въ № 253 *Московскихъ Вѣдомостей* корреспонденцію *Allgemeine Zeitung* изъ Львова); наконецъ, даже въ Польскій край прибыло изъ Парижа, въ концѣ октября, 10 революціонныхъ эмиссаровъ, которые старались вновь взволновать страну, обѣщая къ веснѣ помощь 30 000 вооруженныхъ Венгерцовъ. Мы въ правѣ сказать, что революціонные происки направляются съ новою силой противъ австрійскихъ и русскихъ владѣній, и — что особенно замѣчательно - операціонною ли-

ніей для этихъ происковъ преимущественно избрана сѣверная полоса Балканскаго полуострова.

Впрочемъ, послѣ перваго взрыва, послѣдовавшаго было въ предѣлахъ Венеціянской области, революціонное движеніе было какъ бы пріостановлено въ угоду Франціи усиліями самого италіянскаго правительства. Изъ этого очевидно, что революціонные происки разчитаны прежде всего не на серіозный взрывъ, а только на то чтобы встревожить и смутить Австрію, а отчасти и Россію, и расположить ихъ къ разнаго рода уступкамъ въ вопросахъ, которыми заинтересованы какъ Франція, такъ и Англія. На первомъ планѣ стоитъ вопросъ венеціянскій, къ разрѣшенію котораго, судя по нѣкоторымъ извѣстіямъ, склоняется теперь и послѣдняя изъ упомянутыхъ державъ.

Франція поднявъ римскій вопросъ, вовсе не была намѣрена приняться за окончательное его разрѣшеніе, и даже, какъ говорятъ, успѣла теперь вынудить у Италіи отреченіе отъ Рима. Папство еще необходимо для наполеоновской Франціи; она еще надѣется обратить его въ свое покорное орудіе, особенно если ей удастся, по смерти нынѣшняго папы, которая ожидается въ непродолжительномъ времени, возвести на римскій престолъ преданнаго ей кардинала ди-Пьетро (Римлянина, родившагося въ 1806 г.). Съ помощью папы и имѣя въ своихъ рукахъ Римъ, Франція можетъ еще производить различные политическіе опыты, въ родѣ тѣхъ, поприщемъ которыхъ стала Польша въ 1863 г. и въ которыхъ такое значительное участіе принадлежало латинскому духовенству. Такимъ образомъ можно ожидать, что римскій вопросъ вскорѣ исчезнетъ съ политическаго горизонта. Но, исчезая, онъ не можетъ оставить за собою пустоту. Въ Италіи снова возбуждены національныя страсти. Она не могла даромъ, въ угоду лишь императору Наполеону, принести тяжкія жертвы, связанныя съ вопросомъ о перенесеніи ея столицы, и едва ли удовольствуется, если въ награду за то ей будетъ доставлено только признаніе со стороны Австріи, Баваріи и Испаніи. Исходомъ для возбужденнаго италіянскаго патріотизма можетъ послужить только Венеція, и вотъ, по новѣйшимъ извѣстіямъ, между Франціей и Англіей ведутся дѣятельные переговоры, и Англія будто бы все болѣе склоняется къ тому, чтобы Венеція досталась окончательно Италіи.

Если это дѣйствительно такъ, то уже одно сосредоточеніе революціонныхъ происковъ въ предѣлахъ турецкихъ владѣній указываетъ на желаніе западныхъ державъ связать разрѣшеніе венеціянскаго вопроса съ вопросомъ восточнымъ Повидимому, однакоже, желаніе это встрѣчаетъ пока дружный отпоръ съ стороны и Австріи, и Россіи. Судя по всѣмъ извѣстіямъ, ихъ дипломатическіе агенты дѣйствуютъ согласно на востокѣ, стараясь образумить князя Кузу и остановить его на томъ скользкомъ пути, на который онъ вступилъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они уже успѣли отклонить князя Сербіи отъ революціонныхъ союзовъ. Въ то же время мы встрѣчаемъ снова извѣстіе, будто бы русскій посланникъ въ Вѣнѣ, графъ Штакельбергъ принялъ на себя посредничество между Италіей и Австріей исключительно по римскому вопросу. Это подаетъ поводъ предполагать полное согласіе между обѣими державами относительно того направленія, которое желательно дать конвенціи 15-го сентября. Дѣйствительно, интересы обѣихъ державъ до извѣстной степени одинаковы въ виду происковъ, средоточіемъ которыхъ стараются сдѣлать Молдавію и которые отсюда могутъ быть направлены равно и противъ австрійскихъ и противъ русскихъ владѣній, а также и въ виду властолюбивыхъ замысловъ Пруссіи, которые она, повидимому, намѣрена приводить въ исполненіе всѣми способами, сподручными беззастѣнчивому г. фонъ-Бисмарку.

Въ послѣднее время обстоятельства сложились такъ, что Австрія и Россія, въ своей внѣшней политикѣ, каждая въ собственныхъ своихъ интересахъ, побуждаются идти до извѣстной степени однимъ и тѣмъ же путемъ. Однакоже, очевидно, что во всѣхъ возбужденныхъ теперь вопросахъ, интересы Австріи гораздо прямѣе и болѣе замѣшаны чѣмъ интересы Россіи, а потому естественно было бы, чтобы наибольшія заботы пали на ея долю, чтобъ она дѣйствовала на первомъ планѣ, находя себѣ лишь опору въ Россіи. Государственные люди Австріи, конечно, не преувеличиваютъ своихъ ожиданій въ этомъ отношеніи, и знаютъ хорошо, что кровь и достояніе сыновъ Россіи исключительно принадлежатъ самой Россіи, и что менѣе всего могутъ они разчитывать на Россію въ разрѣшеніи внутреннихъ затрудненій, которыми такъ сильно страдаетъ сложившаяся изъ многихъ го-

сударствъ и не преодолѣвшая еще этого политическаго многообразія Австрійская имперія. Внѣшняя политика Россіи и Австріи можетъ быть одинакова въ виду развивающихся замысловъ Франціи и Англіи, въ виду властолюбивыхъ стремленій Пруссіи, и наконецъ, въ виду начавшихся съ новою силой происковъ всесвѣтной революціи; но затѣмъ пусть Австрія разв͏ѣдывается сама какъ знаетъ и какъ можетъ съ подвластными ей Италіянцами, Венгерцами и Поляками: какіе бы внутренніе перевороты ни предстояли Австріи, они не могутъ причинить Россіи существеннаго вреда, если только сама Россія своевременно позаботится объ устраненіи вредныхъ условій національной розни, какіе существуютъ теперь въ ея предѣлахъ. Въ настоящее время удары государствамъ наносятся не только съ помощью военныхъ силъ, но и съ помощью интригъ подыскивающихъ элементы внутренней измѣны.

№ 257.

Москва, 23-го ноября.

Вопросъ о томъ, куда слѣдуетъ вести желѣзную дорогу изъ Балты, на Кременчугъ или на Кіевъ, продолжаетъ занимать нашу журналистику. Къ *Одесскому Вѣстнику*, высказывавшемуся, впрочемъ безъ достаточныхъ доказательствъ, въ пользу перваго изъ этихъ двухъ направленій, присоединяются теперь и *С.-Петербургскія Вѣдомости.* Вступаясь за *Одесскій Вѣстникъ*, онѣ пеняютъ на насъ, что мы недоумѣвали о побужденіяхъ заставляющихъ эту послѣднюю газету такъ ревностно ратовать за линію на Кременчугъ. Насъ поразила и продолжаетъ поражать эта ревность, необъяснимая съ точки зрѣнія интересовъ города Одессы, для котораго гораздо важнѣе соединеніе съ Москвой черезъ Кіевъ чѣмъ черезъ Кременчугъ, уже по тому одному что желѣзная дорога прорѣзывающая большую часть юго-западнаго края будетъ доставлять къ одесскому порту пшеницу самаго лучшаго сорта, чего никакъ нельзя сказать о линіи кременчугской, хотя она и захватитъ нѣкоторую часть подольской пшеницы. Если это соображеніе вѣрно, а мы полагаемъ, что оно не подлежитъ спору, то нельзя не придти къ заключенію, что интересы города Одессы не руководятъ видами *Одесскаго Вѣстника*. Остается слѣдовательно единственное предположеніе, что одесская газета руководствуется только желаніемъ, чтобы предполагаемая желѣзная дорога проходила болѣе въ предѣлахъ новороссійскаго, нежели кіевскаго генералъ-губернаторства. Но какъ мы позволили себѣ замѣтить, такого рода желанія неумѣстны, когда дѣло идетъ о вопросѣ имѣющемъ важность для всей Россіи, которой равно принадлежатъ оба генералъ-губернаторства. Ничего болѣе не заключалось въ сказанныхъ нами словахъ, и если авторъ передовой статьи №270 *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* особенно заинтересовался нашими словами, то конечно потому что ему было угодно понять ихъ не въ буквальномъ, а въ иносказательномъ смыслѣ. Къ подобному толкованію наши слова не подавали повода, и оборотъ очевидно даваемый имъ въ № 270 *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* мы тѣмъ болѣе считаемъ неумѣстнымъ, что постоянно показывали самое полное безпристрастіе къ спорамъ о способѣ сооруженія одесско-парканской желѣзной дороги. Мы не имѣли и не имѣемъ до сихъ поръ достаточно данныхъ чтобы составить себѣ сужденіе объ этомъ дѣлѣ, достойное чести явиться передъ публикой, и были бы, разумѣется, чрезвычайно благодарны *С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ* или *Одесскому Вѣстнику*, еслибъ эти изданія серіозно взялись за разъясненіе этого дѣла возбуждающаго живѣйшій интересъ во всѣхъ кто только принимаетъ къ сердцу дѣло построенія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Поводовъ къ такому разъясненію много; ихъ нечего отыскивать въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* посредствомъ искусственнаго толкованія. Мы не можемъ не указать между прочимъ на корреспонденцію изъ Бессарабіи въ № 549 (отъ 23 ноября) берлинской *National-Zeitung*. Въ этой корреспонденціи говорится, будто смѣтное назначеніе по одесско-парканской дорогѣ не превосходило 15.000 р. на версту, дѣйствительные же расходы дошли уже до 40.000 р. на версту, а для окончательной отстройки потребуется еще не менѣе 21.000 р. на версту, и все это несмотря на то что поперечины и рельсы были даны казной безплатно изъ числа матеріяловъ заготовленныхъ Главнымъ Обществомъ для ѳеодосійской дороги. Мы не упоминаемъ о другихъ разительныхъ пунктахъ этой корреспонденціи, на которые, за неимѣніемъ дан-

ныхъ, мы возражать не можемъ, и позволимъ себѣ только замѣтить, что это дѣло требуетъ разъясненія не только въ личномъ, но и въ общемъ интересѣ.

Во всякомъ случаѣ вопросъ о способахъ сооруженія желѣзной дороги, повѣренной г. Унгернъ-Штернбергу, не долженъ имѣть ничего общаго съ вопросомъ о направленіи желѣзной дороги отъ Балты. Этотъ послѣдній вопросъ есть прежде всего вопросъ о будущности Кіева и о соединеніи юго-западнаго края съ Москвой. Вотъ главная точка зрѣнія на это дѣло, и *С.-Петербургскія Вѣдомости* впадаютъ въ односторонность, когда указываютъ преимущественно на отпускную торговлю. Мы уже упомянули выше, что и для отпуска кіевская линія важнѣе кременчугской; мы указали на превосходное качество пшеницы юго-западнаго края. Но главное дѣло все-таки не въ отпускѣ. Внѣшняя торговля имѣетъ несомнѣнную важность, но она исчезаетъ какъ капля въ морѣ сравнительно съ торговлей внутреннею. Дѣло извѣстное, что только тѣ линіи желѣзныхъ дорогъ приносятъ хорошій доходъ, которыя служатъ артеріями внутренней торговли и внутреннихъ сношеній, и вотъ почему гораздо выгоднѣе вести желѣзную дорогу по мѣстамъ сравнительно людным чѣмъ по незаселеннымъ степямъ. Если въ Сѣверной Америкѣ строятся желѣзныя дороги по странамъ пустыннымъ, то только потому что тамъ нѣтъ выбора: гдѣ населеніе густо, тамъ уже давно построены желѣзныя дороги. Мы еще далеки отъ такого положенія дѣлъ: намъ предстоитъ еще широкое поле для выбора, и здравый смыслъ говоритъ, что главную линію желѣзной дороги, предназначаемой для соединенія Москвы съ Чернымъ моремъ, мы должны вести по мѣстамъ имѣющимъ наиболѣе густое населеніе. Можно было бы еще колебаться въ выборѣ направленія, еслибы линія слѣдующая по этимъ мѣстамъ была длиннѣе другой линіи, идущей по мѣстамъ менѣе населеннымъ. Но тутъ и этого повода къ колебанію не представляется. Линія идущая изъ Москвы на Орелъ и Кіевъ въ Одессу короче линіи идущей изъ Москвы на Орелъ, Харьковъ и Кременчугъ въ Одессу. Мы не можемъ въ точности вычислить на сколько она короче; для этого было бы нужно знать результатъ развѣдокъ. Авторъ статьи, которую мы перепечатали изъ *Кіевлянина* въ № 242-мъ *Московскихъ Вѣдомостей*, утверждаетъ, что кіевская линія будетъ короче кременчугской на сто верстъ. Мы не имѣемъ данныхъ, чтобы ручаться за эту цифру, но находимъ ее весьма вѣроятною и можемъ только подивиться наивной аргументаціи, посредствомъ которой *С.-Петербургскія Вѣдомости* стараются убѣдить насъ, что напротивъ кременчугская линія будетъ на 79 верстъ короче. Весь секретъ этого фокусъ-покуса состоитъ въ томъ, что *С.-Петербургскія Вѣдомости* берутъ для кременчугской линіи прямое направленіе и по этому направленію высчитываютъ разстоянія, а для кіевской линіи принимаютъ какъ нѣчто неизбѣжное тотъ зигзагъ, который должна была дѣлать желѣзная дорога между Москвой и Кіевомъ по проекту обнародованному главнымъ управленіемъ путей сообщенія. При этомъ зигзагѣ желѣзная дорога соединяющая Орелъ съ Кіевомъ должна имѣть 610 верстъ протяженія, а отъ Москвы до Кіева должно выйти 972 версты, между тѣмъ какъ всѣмъ извѣстно, что отъ Москвы до Кіева считается съ небольшимъ 800 верстъ. Чтобы придать своей шуткѣ обязательное для насъ значеніе, *С.-Петербургскія Вѣдомости* говорятъ, что правительство *держится* проекта обнародованнаго главнымъ управленіемъ путей сообщенія; и тономъ бюрократическаго удивленія спрашиваютъ насъ, неужели нашъ разчетъ основанъ на тѣхъ только гадательныхъ предположеніяхъ о направленіи желѣзныхъ путей, которыя разновременно появлялись въ нашихъ газетахъ. Добрыя *С.-Петербургскія Вѣдомости*! Онѣ не знаютъ, что главное управленіе путей сообщенія обнародовало проектъ желѣзныхъ дорогъ для всеобщаго свободнаго обсужденія, и что еслибы правительство имѣло намѣреніе *держаться* этого проекта, то во первыхъ не для чего было бы вызывать о немъ публичныя разсужденія, а во вторыхъ не могло бы быть и рѣчи о кременчугской линіи, такъ какъ въ проектѣ предположена желѣзная дорога изъ Балты не на Кременчугъ, а на Кіевъ. Когда правительство обращается къ публикѣ съ тѣмъ или другимъ вопросомъ, то печать *обязана* обсуждать этотъ вопросъ со всѣхъ сторонъ. Въ томъ что печать исполнитъ требованіе правительства, никакъ нельзя видѣть неуваженія къ правительству или намѣренія противорѣчить ему. Напротивъ неуваженіемъ было бы и намѣренію правительства противорѣчило бы еслибы печать уклонилась

отъ исполненія своей обязанности или исполнила ее не серіозно и не ревностно. Въ проектѣ, который былъ обнародованъ главнымъ управленіемъ путей сообщенія, линія изъ Москвы на Кіевъ въ Одессу имѣетъ значеніе второстепенной линіи, главною же линіей признается линія изъ Москвы въ Севастополь. Защитники кременчугской линіи позволяютъ же себѣ дѣлать коренное измѣненіе въ этомъ проектѣ; они отказываютъ московско-севастопольской линіи въ томъ значеніи, которое придаетъ ей проектъ; они замѣняютъ Севастополь Одессой; по ихъ предложенію, наша главная южная линія должна идти на Кременчугъ и Одессу. Но если они считаютъ это для себя позволительнымъ, то они не могутъ не дозволить, чтобы защитники кіевской линіи считали свою линію также за главную, а коль скоро кіевская линія будетъ разсматриваться какъ главная, то тѣмъ самымъ будетъ устранено всякое основаніе вести ее зигзагомъ.

С.-Петербургскія Вѣдомости хотятъ явиться во всеоружіи статистической учености. Онѣ говорятъ: „возьмемъ для этого статистическіе сборники, составленные и изданные центральнымъ статистическимъ комитетомъ, взглянемъ на сельско-хозяйственные атласы, справимся съ статистическими описаніями губерній, составленными офицерами нашего генеральнаго штаба, наконецъ провѣримъ движеніе транспортовъ, отправляющихся на Кремунчугъ, Елисаветградъ и Ольвіополь“ и т. д. Но за этимъ приступомъ слѣдуетъ лишь нѣсколько строчекъ, изъ которыхъ трудно что-нибудь уловить, потому что онѣ только высчитываютъ, и то далеко неполна, указанія сдѣланныя нами и возражаютъ на каждое изъ нихъ не болѣе какъ двумятремя словами. Такъ серіозныя дѣла не разсматриваются при сколько-нибудь *ревнивомъ желаніи* содѣйствовать ихъ разъясненію. Къ тому же самыя возраженія исполнены внутреннихъ противорѣчій. Вотъ нѣсколько образцовъ. Мы упомянули о табачномъ производствѣ въ окрестностяхъ Ромна. Этотъ табакъ, возражаютъ *С.-Петербургскія Вѣдомости*, составляетъ (sic!) ничто въ сравненіи съ табачнымъ производствомъ въ Бессарабіи, ожидающей сближенія черезъ Кременчугъ съ центральною Россіей“ Но говорить подобныя вещи незначитъ ли ужь черезчуръ разсчитывать на простодушіе публики? Неужели найдется много такихъ читателей, которые не въ состояніи будутъ догадаться, что предлагаемая нами кіевская дорога будетъ содѣйствовать сбыту бессарабскаго табака точно также какъ кременчугская, но сверхъ того будетъ содѣйствовать сбыту и табака роменскаго? Бессарабскій табакъ ни на волосъ не будетъ обиженъ, а роменскій выиграетъ, и гибнущее теперь, производство, гораздо болѣе бессарабскаго нуждающемся въ поддержкѣ, будетъ спасено: чѣмъ же это хуже, и гдѣ же тутъ возраженіе? Не менѣе куріозно стараніе доказать, что кременчугская линія будетъ полезна свеклосахарному производству. Кто въ этомъ сомнѣвается? Но то ли требовалось доказать? Не слѣдовало ли доказать, что кременчугская линія будетъ болѣе полезна свеклосахарному производству чѣмъ кіевская? А есть ли возможность доказать это? Или возьмемъ тонкорунное овцеводство. Въ Харьковской и Екатеринославской губерніяхъ оно болѣе развито чѣмъ въ Кіевской, но что же изъ этого слѣдуетъ для кременчугской линіи? Куда идутъ главныя массы шерсти? Куда какъ не на сѣверъ и на сѣверозападъ? Но развѣ Кременчугъ лежитъ на сѣверъ или сѣверо-западъ отъ Харькова? Наконецъ возьмемъ пеньковое производство Черниговской губерніи. *С.-Петербургскія Вѣдомости* замѣчаютъ, что оно (то-есть вѣроятно не оно, а его продукты) направляется не къ югу, а къ балтійскимъ портамъ. Относительно внѣшняго хода торговли, это вѣрно, но что же изъ этого слѣдуетъ въ пользу кременчугской линіи? Развѣ при кіевской линіи не будетъ въ тысячу разъ выгоднѣе продолжать желѣзную дорогу изъ Витебска, чѣмъ при линіи кременчугской?

Вотъ какъ у насъ обращаются съ публикой, принимая на себя видъ серіозныхъ практическихъ людей, занимающихся дѣломъ „безъ предвзятыхъ мыслей“!

Намъ остается сказать два слова о кіевскомъ мостѣ. Нѣкоторые авторитеты дѣйствительно высказываются въ пользу сооруженія особеннаго моста для желѣзной дороги нѣсколько ниже Кіева, но изъ этого слѣдуетъ только то, что такой мостъ очень желателенъ и доставилъ бы большія удобства. Чтобы кто-нибудь считалъ *невозможнымъ* передвигать грузы по кіевскому мосту, съ соблюденіемъ, разумѣется, нужныхъ предосторожностей,—это намъ покамѣсть неизвѣстно.

№ 258.

Москва, 24-го ноября.

Одна великая мѣра слѣдуетъ за другою: на прошлой недѣлѣ печатали мы высочайшій указъ объ упраздненіи римско-католическихъ монастырей, который будетъ имѣть неисчислимыя послѣдствія, а сегодня печатаемъ высочайшій указъ о великомъ коренномъ преобразованіи, которому подвергается наше судебное устройство, и на которое, вмѣстѣ съ Монархомъ, каждый Русскій всѣмъ сердцемъ своимъ призоветъ „благословеніе Всевышняго." Мы возвратимся къ этому великому событію нашей государственной жизни: съ небольшимъ черезъ недѣлю будетъ обнародованъ полный текстъ всѣхъ относящихся сюда законоположеній. А теперь спѣшимъ обратить вниманіе читателей на нѣкоторые признаки новаго настроенія общественнаго мнѣнія въ Европѣ вызванные принятою нашимъ правительствомъ политикой въ польскомъ дѣлѣ.

Вслѣдъ за обнародованіемъ высочайшаго указа объ упраздненіи и закрытіи большей части римско католическихъ монастырей въ Царствѣ Польскомъ, по всей Европѣ распространилось извѣстіе о намѣреніи русскаго правительства безотлагательно отмѣнить военное положеніе въ тѣхъ частяхъ края, гдѣ это будетъ признано возможнымъ, и на основаніи всеобщей подачи голосовъ со стороны мѣстнаго населенія, окончательно соединить Польскій край въ одно цѣлое съ Россіей. Мы не знаемъ, изъ какого источника вышло это извѣстіе. Но интересно то, что общественное мнѣніе Европы не только не взволновалось и не возбудилось противъ Россіи, а напротивъ какъ бы еще болѣе успокоилось въ ожиданіи, что Россія, напослѣдокъ, твердо рѣшилась разъ навсегда покончить съ смутами, которыя болѣе или менѣе отражаются и на состояніи не только сосѣднихъ странъ, но и цѣлой Европы. Ни въ одной сколько-нибудь серіозной иностранной газетѣ мы не встрѣтили какихъ-либо возраженій противъ окончательнаго слiянія Польши съ Россіей, ни даже какихъ-либо сомнѣній относительно достовѣрности этого извѣстія: означенный въ немъ результатъ кажется общественному мнѣнію Европы самымъ простымъ, самымъ естественнымъ послѣдствіемъ всѣхъ предшествовавшихъ событій и всѣхъ мѣръ, принятыхъ въ нынѣшнемъ году русскимъ правительствомъ. Ссылаемся въ этомъ отношеніи на помѣщенную ниже статью газеты *Times*, которая, какъ извѣстно, вѣрнѣе всѣхъ другихъ англійскихъ газетъ отражаетъ собою настроеніе общественнаго мнѣнія Англіи, а послѣднее направляетъ и опредѣляетъ собою общественное мнѣніе цѣлой Европы. Главная англійская газета какъ бы привѣтствуетъ окончательное включеніе Польши въ составъ Русской имперіи, и въ этомъ видитъ единственно-возможное рѣшеніе такъ-называемаго польскаго вопроса.

Дѣйствительно, это единственный исходъ, какого можно желать въ интересахъ Россіи, самихъ Поляковъ и европейскаго мира, спокойствія и порядка. Конечно, не въ видахъ сохраненія мира и спокойствія Европы, было создано Наполеономъ I, въ 1807 году, послѣ несчастной для Пруссіи и Россіи войны, герцогство Варшавское, изъ котораго образовалось нынѣшнее Царство Польское. Какъ извѣстно, желанію Императора Александра I образовать отдѣльное Царство Польское первоначально противились всѣ великія державы, за исключеніемъ одной Франціи, и лишь въ послѣдствіи Англія стала благопріятствовать этой административно-политической отдѣльности Польши, въ надеждѣ постоянно ослаблять посредствомъ нея Россію. Для Австріи и для Пруссіи этотъ порядокъ вещей, созданный Наполеономъ I и довершенный на Вѣнскомъ конгрессѣ, сталъ источникомъ періодически повторяющихся смутъ и замѣшательствъ въ ихъ собственныхъ нѣкогда польскихъ владѣніяхъ. И замѣчательно, что всѣ другія созиданія Наполеона I въ Европѣ, повидимому, болѣе прочныя, болѣе близкія къ Франціи, болѣе способныя разсчитывать на ея поддержку, рушились съ его паденіемъ, а уцѣлѣло это одно, внушенное ему, очевидно, замыслами враждебными Россіи, Пруссіи и Австріи. Являясь продолженіемъ дѣла Наполеона I, имѣя свои особыя учрежденія и тѣнь нѣкоторой политической самостоятельности, придавая до нѣкоторой степени политическое значеніе польской національности, Царство Польское самымъ существованіемъ своимъ не переставало и не перестаетъ возбуждать и питать во всѣхъ Полякахъ; подвластныхъ Россіи, Пруссіи и Австріи, націо-

нально-политическія притязанія и надежды, направленныя къ возстановленію Польши въ ея прежнихъ предѣлахъ. Эти притязанія и надежды ставятъ Поляковъ въ самое невыносимое по своей двусмысленности положеніе, не дозволяя имъ быть вполнѣ гражданами тѣхъ государствъ, которымъ они подвластны, и отъ времени до времени, при благопріятствующихъ условіяхъ, увлекая ихъ на путь явной государственной измѣны и явнаго вооруженнаго возстанія, подготовляемаго обыкновенно заранѣе всѣми способами тайной измѣны. И въ этихъ случаяхъ Поляки, подвластные всѣмъ тремъ государствамъ, дѣйствуютъ заодно между собою, и зло, обнаружившееся въ одномъ изъ государствъ, болѣе или менѣе распространяется и охватываетъ оба другія. Главнѣйшимъ образомъ, эти явныя попытки возстановленія прежней Польши шли до сихъ поръ изъ Царства Польскаго, въ немъ начинались и сосредоточивались, и изъ него распространялись на другія нѣкогда польскія области. Царство Польское, по выраженію одной изъ прошлогоднихъ французскихъ депешъ, стало очагомъ, вѣчно поддерживающимъ пламя возстанія во всѣхъ Полякахъ. Причина заключается отнюдь не въ томъ, чтобы Царство Польское пользовалось меньшими правами чѣмъ Познань и Галиція: по крайней мѣрѣ въ 1830 г. Царство Польское, объявившее тогда войну Россіи, обладало такими правами, о которыхъ Поляки Галиціи и Познани и помыслить не могли; причина, очевидно, заключается въ томъ, что нашъ Польскій край пользуется въ большей степени политическо-административною отдѣльностью, тогда какъ Галиція и Познань уравнены со всѣми другими областями Австріи и Пруссіи. Но не только Россія, Австрія и Пруссія непосредственно заинтересованы устраненіемъ этой главнѣйшей причины всѣхъ польскихъ смутъ; спокойствіе и законный порядокъ въ цѣлой Европѣ много выиграли бы еслибъ административно-политическая особность Царства Польскаго исчезла, а вмѣстѣ съ нею сами собою пали бы національно-политическія притязанія Поляковъ. Достаточно вспомнить, какое бремя почти для всѣхъ государствъ Европы составляютъ польскіе выходцы (въ одномъ Парижѣ ихъ насчитывается до $5^1/_2$ тысячъ), которые въ такой значительной степени усиливаютъ собою всесвѣтную революціонную партію и которые въ 1848 году, напримѣръ, были дѣятельными участниками, а нерѣдко начинателями почти всѣхъ тогдашнихъ политическихъ переворотовъ.

Если Европа, до нѣкоторой степени, въ правѣ ожидать, что Россія приметъ наконецъ мѣры, которыя прекратили бы навсегда самый источникъ польскихъ мятежей, то для Россіи этотъ вопросъ имѣетъ значеніе вопроса о самомъ существованіи ея въ качествѣ великой, единой и нераздѣльной европейской державы. Обыватели Царства Польскаго, по Своду Законовъ (см. приложеніе къ статьѣ 195 IX тома), признаются состоящими въ томъ же подданствѣ, какъ и всѣ Русскіе; первая статья основной грамоты, данной Императоромъ Николаемъ Царству Польскому, 14-го февраля 1832 г., гласитъ, что это Царство составляетъ *нераздѣльную часть Русской имперіи.* Тѣмъ не менѣе однакоже этой нераздѣльной части Русской имперіи предоставляется, до извѣстной степени, административно-политическая автономія, и тѣмъ самымъ эти обыватели, состоящіе въ томъ же подданствѣ, какъ и всѣ Русскіе, признаются, до нѣкоторой степени, въ качествѣ особой политической націи, такъ что въ Русской имперіи существуютъ рядомъ другъ съ другомъ двѣ особыя политическія націи. Допущеніе такого начала можетъ имѣть и дѣйствительно имѣетъ самыя пагубныя послѣдствія. Этимъ только объясняется постоянное стремленіе Поляковъ западнаго края Россіи примкнуть къ той политической націи, съ которою они состоятъ въ наибольшемъ сродствѣ, и которая признается въ составѣ самой Русской имперіи. Если польская національность пользуется политическимъ значеніемъ въ шести губерніяхъ, соединенныхъ подъ общимъ именемъ Царства Польскаго, то Поляки западнаго края Россіи не побуждаются ли тѣмъ самымъ къ надеждѣ, что то же самое значеніе достанется и на ихъ долю, тѣмъ болѣе что и они состоятъ въ томъ же самомъ подданствѣ? Признавать Поляковъ въ качествѣ особой политической націи (то-есть, въ качествѣ народа, составляющаго особое, до нѣкоторой степени самостоятельное государство) въ одной части Русской имперіи (именно, въ Царствѣ Польскомъ) и не признавать ихъ въ другой части той же имперіи значитъ держать ихъ въ самомъ ненормальномъ положеніи. Непослѣдова-

тельность эта тѣмъ болѣе опасна, что Россія признала Поляковъ (впрочемъ въ самыхъ неясныхъ и неопредѣленныхъ выраженіяхъ) за особую политическую націю въ тѣхъ же самыхъ актахъ, въ которыхъ она дала и надежды на распространеніе предѣловъ Царства Польскаго внутрь Россіи. Въ понятіяхъ Поляковъ то и другое, естественно, самымъ тѣснымъ образомъ связывается между собою, и опыты 1861—63 годовъ показали, что чѣмъ болѣе обособляется Царство Польское отъ Россіи въ административно-политическомъ отношеніи, чѣмъ, слѣдовательно, болѣе признаются Поляки въ качествѣ особой націи въ Царствѣ Польскомъ, тѣмъ болѣе обнаруживается въ нихъ стремленіе распространить это признаніе на ихъ соплеменниковъ въ западномъ краѣ Россіи, въ которыхъ, въ свою очередь, возникаетъ подобное же стремленіе обособиться отъ Россіи и присоединиться къ тому государству, которое, состоя подъ одною верховною властью съ Россіей, является особымъ польскимъ государствомъ. Національно политическія притязанія Поляковъ на западный край Россіи, въ которыхъ преимущественно проявляется такъ-называемый польскій духъ, никогда не исчезнутъ, пока этотъ духъ будетъ питаемъ признаніемъ Поляковъ въ качествѣ особой политической націи со стороны самой же Россіи и въ предѣлахъ самой Русской имперіи, въ тѣхъ областяхъ ея, которыя соединены въ особое политическое цѣлое подъ именемъ Царства Польскаго. Призракъ самостоятельной Польши, сохраняющійся подъ видомъ Царства Польскаго, долженъ напередъ исчезнуть, и только тогда Полякамъ на всемъ пространствѣ Русской имперіи дана будетъ возможность слиться воедино съ близко-родственнымъ русскимъ народомъ, причемъ нѣтъ ни малѣйшей надобности желать, какъ сказано въ *Times*, искорененія всѣхъ особенностей ихъ характера, по скольку они не враждебны Россіи. До того же времени положеніе ихъ не перестанетъ быть двусмысленнымъ и колеблющимся, влекущимъ ихъ то къ тайной, то къ явной измѣнѣ; они не перестанутъ мечтать о борьбѣ противъ Россіи и подготовлять къ ней всѣ возможные способы и средства. Отъ борьбы противъ Австріи или противъ Пруссіи подвластные имъ Поляки рѣшительно отрекаются, по крайней мѣрѣ на словахъ, но съ Россіей они имѣютъ еще въ виду продолжать борьбу, и на-дняхъ еще французско-польскій центральный комитетъ въ Парижѣ, взывая о пожертвованіяхъ въ пользу польскихъ выходцевъ, провозгласилъ, что борьба Поляковъ противъ Россіи только отсрочена, но не оставлена совсѣмъ. Надежды на возможность и на успѣшный исходъ подобной борьбы поддерживаются только особымъ политико-національнымъ существованіемъ Поляковъ въ предѣлахъ Русской имперіи.

Въ самой тѣсной связи съ этимъ вопросомъ находится чрезвычайно важный въ практическомъ отношеніи вопросъ объ опредѣленіи Поляковъ въ почетную государственную службу въ Россіи. Въ этомъ отношеніи законъ не полагаетъ никакого различія между природными Русскими и Поляками не только западнаго края Россіи, но и Царства Польскаго. Польскіе дворяне, сравнительно чрезвычайно многочисленные и притомъ имѣющіе подъ рукою больше средствъ къ образованію, при опредѣленіи ихъ въ русскую службу, признаются наравнѣ съ дворянами русскими. Если бы Поляки сдѣлались вполнѣ гражданами Русской земли и перестали быть наполовину гражданами воображаемаго Польскаго королевства, возстановить которое они стремятся на развалинахъ Россіи, еслибы между ими и русскимъ народомъ не стоялъ призракъ Польши, мѣшающій имъ жить одною общею жизнію и служить одному и тому же дѣлу съ русскимъ народомъ, среди котораго они очутились, утративъ почти всѣ свои народныя массы, еслибы нигдѣ въ предѣлахъ Русской имперіи они не составляли особаго политическаго цѣлаго, въ такомъ случаѣ примѣненіе этого закона, уравнивающаго польскихъ дворянъ съ русскими дворянами, не представляло бы никакой опасности, и могло бы быть допускаемо въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Но національныя стремленія польской шляхты, поддерживаемыя въ Россіи признаніемъ ея въ качествѣ особой политической націи, и столь враждебныя Россіи, направленныя къ совершенной ея погибели, объясняютъ, съ одной стороны, то недовѣріе, которое русскій человѣкъ поневолѣ питаетъ къ Поляку, хотя бы онъ и состоялъ на русской государственной службѣ, и съ другой стороны, тѣ опасенія, вслѣдствіе которыхъ въ послѣднее время все чаще и чаще преграждаются Полякамъ пути къ почетной и вліятельной государственной

службѣ. Замѣчательно, что законъ допускаетъ дворянъ Царства Польскаго вступать въ русскую государственную службу наравнѣ съ дворянами русскими, и въ то же время значительно затрудняетъ разными условіями и формальностями простое перечисленіе изъ Царства Польскаго въ другія части имперіи, и обратно. Чтобы поступить на службу Россіи обывателю Царства Польскаго достаточно быть дворяниномъ, но чтобы перечислиться на постоянное жительство въ другія части имперіи (или наоборотъ), необходимо представить напередъ свидѣтельство, что пріобрѣтено уже въ имперіи или въ Царствѣ недвижимое имущество, и исполнить различныя другія болѣе или менѣе стѣснительныя формальности. Такимъ образомъ политическія границы между остальною Россіей и Царствомъ Польскимъ исчезаютъ для желающихъ пользоваться тамъ или здѣсь правами и преимуществами государственной службы, но онѣ тотчасъ же возстановляются для желающихъ водвориться въ той или другой части этихъ русскихъ владѣній и пользоваться присвоенными ихъ гражданамъ правами. И притомъ, если не ошибаемся, порядокъ и обряды перечисленія изъ прочихъ частей имперіи въ Царство Польское гораздо затруднительнѣе и тяжеле чѣмъ обратно. Эти затрудненія, очевидно, объясняются тѣмъ, что безусловное перечисленіе изъ другихъ частей имперіи въ Царство Польское вслѣдствіе правъ предоставленныхъ тамъ польской національности, почти незамѣтно повлекло бы за собою умноженіе числа его подданныхъ, насчетъ западнаго края Россіи. Въ интересахъ Россіи и Польши было бы возможно-большее сближеніе и взаимнодѣйствіе между причисленными къ нимъ лицами; но при крайней ненормальности ихъ отношеній, по необходимости, пришлось полагать преграды этому сближенію. Въ такомъ ненормальномъ положеніи трудно оставаться дѣламъ и извѣстіе, распространяемое иностранными газетами объ окончательномъ изъятіи Польскаго края изъ международнаго вѣдомства, если еще и преждевременно, то вытекаетъ изъ самой сущности вещей, и чѣмъ скорѣе наступитъ это время, тѣмъ будетъ лучше для Россіи, для Поляковъ и для всей Европы.

№ 259.

Москва, 25-го ноября.

Торговый Сборникъ разсуждаетъ о возможныхъ послѣдствіяхъ внутренняго займа и старается показать, въ какихъ случаяхъ эти послѣдствія будутъ и въ какихъ они не будутъ тягостны для народнаго хозяйства. Все дѣло состоитъ, по мнѣнію этой газеты, въ томъ чтобы сроки поступленія суммъ по внутреннему займу были соображены съ сроками расходованія этихъ суммъ. Такъ напримѣръ еслибы въ январѣ мѣсяцѣ по внутреннему займу поступило десять милліоновъ рублей и еслибъ эти десять милліоновъ въ январѣ же мѣсяцѣ были израсходованы казной, то никакого стѣсненія для торговли не могло бы произойдти. Впрочемъ, прибавляетъ *Торговый Сборникъ*, даже въ случаѣ невозможности израсходовать полученную по займу сумму непосредственно вслѣдъ за поступленіемъ ея въ казенныя кассы, было бы не трудно пособить бѣдѣ: стоило бы только тѣ деньги, которыя поступятъ по займу и не будутъ тотчасъ же израсходованы, выдавать изъ государственнаго банка и его конторъ въ краткосрочныя ссуды. Такимъ образомъ была бы достигнута та цѣль, что денежный рынокъ не почувствовалъ бы тягостныхъ послѣдствій отсутствія денежныхъ знаковъ.

Это разсужденіе теоретически вѣрно съ банковой или лучше сказать съ банкирской точки зрѣнія. Но если бы признать за нимъ общее значеніе, то изъ него слѣдовало бы вотъ что: можно заключать внутренніе займы одинъ вслѣдъ за другимъ на произвольныя суммы, лишь бы тотчасъ же возвращать денежному рынку изъ казенныхъ кассъ поступившія въ нихъ суммы. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ, что казна займетъ въ январѣ мѣсяцѣ на внутреннемъ денежномъ рынкѣ десять милліоновъ; вслѣдствіе того, на денежномъ рынкѣ убудетъ денежныхъ знаковъ; ихъ станетъ десятью милліонами менѣе, и рынокъ почувствуетъ стѣсненіе, котораго степень будетъ соотвѣтствовать размѣрамъ суммы, ссуженной государственному казначейству и исчезнувшей съ рынка. Но вотъ государственное казначейство тотчасъ же расходуетъ эти занятые имъ десять милліоновъ; они опять поступаютъ на рынокъ, который опять чувствуетъ себя попрежнему. Стало-быть какъ только деньги, полученныя по займу, из-

расходованы или вообще выданы изъ казенныхъ кассъ, можно занимать снова, и такъ далѣе въ безконечность: сколько бы разъ ни повторялся заемъ, рынокъ не почувствуетъ стѣсненія. Такъ выходитъ по этой теоріи. Но не говоритъ ли здравый смыслъ, что такъ не можетъ быть на дѣлѣ? Въ дѣйствительности денежные знаки суть только представители капиталовъ, и казна, открывая внутренній заемъ, обращается къ народному капиталу, то-есть къ народнымъ сбереженіямъ. Но народный капиталъ имѣетъ опредѣленныя границы; у одного народа капиталъ больше, у другаго меньше, и состоитъ онъ не въ денежныхъ знакахъ, а въ цѣнностяхъ, которыя были произведены народомъ, но которыхъ народъ не потребилъ, предоставляя себѣ пользоваться ими для разныхъ цѣлей въ будущемъ. Когда рѣчь идетъ о народномъ хозяйствѣ, нельзя составить себѣ вѣрнаго сужденія ни по одному вопросу, не имѣя въ виду этого различія между денежными знаками и капиталомъ. Въ частномъ хозяйствѣ, деньги—капиталъ; чѣмъ больше у васъ денегъ, тѣмъ вы богаче. Но въ народномъ хозяйствѣ деньги служатъ только средствомъ обмѣна цѣнностей. Не тотъ народъ богатъ, у котораго есть богатые рудники, а тотъ который много производитъ и много сберегаетъ цѣнностей разнаго рода. Народный капиталъ есть совокупность сбереженныхъ народомъ цѣнностей, и этотъ-то народный капиталъ служитъ источникомъ, изъ котораго могутъ быть почерпаемы займы. Они поступаютъ въ казну въ видѣ денежныхъ знаковъ, но это только форма, а вещество займа есть народный капиталъ. Денежные знаки, которые поступятъ въ казну, могутъ быть тотчасъ же возвращены денежному рынку, то-есть израсходованы, но долгъ казны отъ этого не уменьшится, а она останется должникомъ на всю занятую сумму. Возвращая денежному рынку денежные знаки, она не возвратитъ еще долга. Занятая сумма будетъ возвращена заимодавцамъ лишь посредствомъ погашенія долга. Кто не понимаетъ этого? А если такъ, то не ясное ли дѣло, что послѣдствія займа, заключаемаго казной на внутреннемъ рынкѣ, зависятъ не только отъ того какъ заемъ подѣйствуетъ на количество обращающихся въ публикѣ денежныхъ знаковъ, но гораздо болѣе и неизмѣримо болѣе отъ того какъ заемъ подѣйствуетъ на народный капиталъ, — на эту сокровищницу, изъ которой можно черпать, пока въ ней есть содержаніе, но которую, какъ говоритъ здравый смыслъ, очень можно исчерпать. Повторимъ еще разъ: количество обращающихся денежныхъ знаковъ исчерпано быть не можетъ, но количество капиталовъ никакъ нельзя считать неисчерпаемымъ, а потому послѣдствія внутренняго займа зависятъ не столько отъ времени расходованія занятыхъ суммъ, то-есть отъ времени возвращенія денежному рынку полученныхъ отъ него денежныхъ знаковъ, сколько отъ способ арасходованія занятой суммы и отъ ея отношенія къ количеству народныхъ сбереженій.

Взглянемъ же на экономическое положеніе Россіи. Съ тѣхъ поръ какъ выпускъ кредитныхъ билетовъ на покрытіе издержекъ Восточной войны усилилъ въ Россіи потребленіе и понизилъ цѣну капиталовъ, наша главная болѣзнь заключается въ томъ, что потребляя повидимому свои доходы, мы въ сущности потребляемъ народный капиталъ, вслѣдствіе чего народное богатство значительно уменьшается. Излѣчить эту болѣзнь можно только усиленіемъ бережливости и устраненіемъ тѣхъ условій (излишка денежныхъ знаковъ), которыя до сихъ поръ еще обманываютъ каждаго изъ насъ на счетъ дѣйствительнаго размѣра тѣхъ средствъ, которыми мы можемъ располагать, не касаясь своего капитала. Все то что может поддерживать насъ въ заблужденіи насчетъ нашихъ капиталовъ; все что́, какъ напримѣръ низкій учетъ, искусственно понижаетъ цѣну капиталовъ и дѣлаетъ ихъ болѣе сподручными чѣмъ должно быть по естественному ходу дѣлъ; все что́ собираетъ наши капиталы для того чтобы расходовать ихъ и слѣдовательно ведетъ къ потребленію народныхъ сбереженій, въ настоящее время итакъ скудно образующихся,—все это противодѣйствуетъ врачеванію болѣзни, происходящей преимущественно отъ убыли капитальнаго достоянія русскаго народа. Въ этомъ смыслѣ внутренній заемъ, особенно если онъ шелъ бы не на капитальныя сооруженія, а на покрытіе текущихъ расходовъ, былъ бы тяжелъ для страны. Такъ и должно быть на дѣлѣ, но тѣмъ не менѣе вѣрно то, что внутренній заемъ въ настоящую минуту, несмотря на недостатокъ капиталовъ, можетъ состояться безъ особенныхъ затрудненій и принести пользу. Какъ объяснить это противорѣчіе?

Мы очень много говорили о внутреннемъ займѣ. Мы оспаривали мнѣніе тѣхъ скептиковъ, которые считаютъ внутренній заемъ дѣломъ невозможнымъ и въ подтвержденіе своего мнѣнія ссылаются на недостатокъ капиталовъ въ Россіи. Съ послѣднимъ мы совершенно согласны, но при недостаткѣ въ капиталахъ, у насъ вовсе нѣтъ недостатка въ денежныхъ знакахъ, а при избыткѣ денежныхъ знаковъ внутренній заемъ во всѣхъ странахъ идетъ очень успѣшно. Мы высказывали эти взгляды еще задолго до операцій г. Чеза въ Соединенныхъ Штатахъ; теперь мы можемъ сослаться на эти операціи, а также на ту легкость, съ которою нашъ государственный банкъ помѣщалъ серіи, четырехпроцентные металлическіе билеты, и тѣ пятипроцентные билеты, которые были выпущены для воспособленія его оборотамъ. Наше указаніе на избытокъ обращающихся въ Россіи денежныхъ знаковъ подтверждено и ходомъ размѣнной операціи, и послѣдовавшимъ за тѣмъ упадкомъ вексельнаго курса, въ точности соотвѣтствовавшимъ состоянію денежнаго обращенія; наше мнѣніе, что безденежье, на которое у насъ жаловались, происходитъ отъ недостатка не въ денежныхъ знакахъ, а въ капиталахъ, доказано теперь для всякаго желающаго видѣть дѣла въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, — доказано застоемъ нашей торговли и въ то же время повышеніемъ цѣнъ на весьма многія биржевыя бумаги, въ томъ числѣ на бо́льшую часть акцій, въ чемъ легко убѣдиться изъ сравненія биржевыхъ извѣстій за послѣднее время, и чего не могло бы быть, еслибы у насъ былъ недостатокъ въ денежныхъ знакахъ. Было бы смѣшно съ нашей стороны придавать какое-нибудь особенное значеніе всѣмъ этимъ безчисленнымъ подтвержденіямъ экономическихъ истинъ, которыя мы излагали, и если мы упоминаемъ объ этихъ подтвержденіяхъ, то единственно потому что нашимъ возражателямъ угодно выдавать несомнѣнныя, всѣми экономистами на свѣтѣ признаваемыя, на неоспоримой логикѣ основанныя истины, за наши кабинетныя выдумки, за пункты нашего помѣшательства, наконецъ за такія нелѣпости, которыя со стороны людей свѣдущихъ и здравомысленныхъ, будто бы не заслуживаютъ ничего кромѣ смѣха. Оригинальность нашего положенія среди экономистовъ-самоучекъ этого разбора возлагаетъ на насъ обязанность, въ интересѣ истинъ экономической науки, которыми нельзя пренебрегать безнаказанно, возобновлять время отъ времени наши взгляды въ памяти публики, дабы она могла судить о ихъ вѣрности или невѣрности по событіямъ. Пусть всякій соглашается съ нами или не соглашается, какъ ему угодно: мы никому не навязываемъ даже самыхъ несомнѣнныхъ истинъ, и только излагаемъ ихъ, сопровождая нужными доказательствами, для тѣхъ кому угодно въ нихъ вникнуть. Но мы, въ интересѣ дѣла, очень дорожимъ тѣмъ, чтобы намъ не приписывали того, чего мы не думали и не говорили. Высказываясь о возможности внутренняго займа, мы никогда не опирались на мнѣніе объ избыткѣ у насъ капиталовъ. Мы постоянно говорили только объ избыткѣ денежныхъ знаковъ, который и указываетъ назначеніе внутренняго займа, требующееся экономическими обстоятельствами. Наша первая потребность, говорили мы, есть упроченіе денежной единицы. Подъ упроченіемъ мы не разумѣли возстановленія первоначальной цѣнности кредитнаго рубля; мы указывали на то, что полное возстановленіе ея было бы сопряжено съ чрезмѣрнымъ и притомъ несправедливымъ потрясеніемъ всѣхъ экономическихъ отношеній въ странѣ. Но еще менѣе справедливо было бы, по нашему мнѣнію, оставлять вексельный курсъ въ его теперешнемъ видѣ, не содѣйствуя его возвышенію по меньшей мѣрѣ на 10% противъ теперешняго. Мы утверждали далѣе, что возвышать курсъ нельзя ни посредствомъ трассировки, ни посредствомъ размѣна, и что для этого есть единственное правильное средство—изъятіе излишка кредитныхъ билетовъ черезъ внутренній заемъ. Въ этомъ мы видѣли главное назначеніе внутренняго займа. Кромѣ того, мы замѣчали, что внутренній заемъ по необходимости долженъ пойти отчасти и на консолидацію безсрочныхъ вкладовъ, внесенныхъ въ государственный банкъ и его конторы частными лицами съ правомъ обратнаго полученія по востребованію. Наконецъ, такъ какъ во время срочныхъ платежей по внутреннему займу, было бы невозможно выпускать серіи, то извѣстную часть внутренняго займа, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы опредѣлить на покрытіе государственнаго дефицита и на необходимые внутренніе расходы по сооруженію желѣзныхъ дорогъ, между тѣмъ, какъ

расходы внѣшніе по этому послѣднему дѣлу могли бы быть покрыты выдачей поставщикамъ, вмѣсто денегъ, процентныхъ бумагъ. Но мы всегда говорили, что какъ ни настоятельна для Россіи потребность въ тѣхъ или другихъ полезныхъ предпріятіяхъ, главная надобность заключается всетаки въ упроченіи денежной единицы. Вотъ наши *idées fixes*; мы отъ нихъ не отказываемся, но только за нихъ желаемъ нести отвѣтственность.

№ 260.

Москва, 26-го ноября.

А.

Первый актъ новой драмы, разыгрывающейся теперь въ Германіи по поводу шлезвигъ-гольштейнскаго вопроса, — первый актъ, начавшійся со времени обмѣна ратификацій мирнаго договора съ Даніей, окончился самымъ полнымъ и рѣшительнымъ торжествомъ Пруссіи, и это фактъ такой великой важности, что общеевропейская политика, повидимому устанавливавшаяся подъ вліяніемъ франко-италіянской конвенціи и ожиданій возбужденныхъ вступленіемъ графа Менсдорфа въ австрійское министерство, должна будетъ, по необходимости, принять новый оборотъ. Та полная свобода дѣйствій, которую, какъ можно надѣяться, удержала за собою Россія, пригодится ей и въ настоящемъ случаѣ какъ нельзя болѣе. Но напередъ постараемся вникнуть въ сущность и въ ходъ самаго дѣла.

Wiener Abendpost, конечно, съ умысломъ, не придастъ никакого другаго значенія вопросу возбужденному Пруссіей о дальнѣйшемъ пребываніи или удаленіи саксонско-гановерскихъ войскъ и коммиссаровъ въ Гольштейнѣ, кромѣ значенія чисто-теоретическаго. Между тѣмъ очевидно, что отъ рѣшенія этого вопроса зависѣла вся будущая судьба Герцогствъ, ихъ отношенія къ Пруссіи, и на дальнѣйшемъ планѣ— или сохраненіе за второстепенными и мелкими государствами Германіи самостоятельности и значительной доли вліянія въ Союзѣ, или же торжество замысловъ Пруссіи, направленныхъ къ полному преобладанію въ Германіи. При дальнѣйшемъ участіи германскаго сейма въ управленіи и и военномъ занятіи Гольштейна, къ прусскому и австрійскому коммиссарамъ неминуемо присоединился бы третій коммиссаръ отъ всѣхъ остальныхъ германскихъ государствъ, а такъ какъ Шлезвигъ и Гольштейнъ должны быть соединены теперь между собою, то власть этого коммиссара въ извѣстной степени простиралась бы и на Шлезвигъ, еще не входящій въ составъ Германскаго Союза. Въ этой правительственной коллегіи, коммиссары австрійскій и федеральный, безъ сомнѣнія, дѣйствовали бы за одно между собою, и стѣсняли бы прусскаго во всѣхъ его сепаратныхъ начинаніяхъ. Таковы были виды второстепенныхъ государствъ Германіи, и ихъ сторону въ этомъ случаѣ долго и упорно держала Австрія, со времени вступленія графа Менсдорфа въ министерство и до 1-го декабря, или по меньшей мѣрѣ, до 30-го ноября.

Австрія соглашалась съ Пруссіей, что федеральная экзекуція въ Гольштейнѣ уже неумѣстна, но она стояла на томъ, чтобы федеральные коммиссары и войска продолжали оставаться въ этой области въ видахъ охраненія правъ Германскаго Союза и соблюденія интересовъ различныхъ претендентовъ. Императоръ Францъ-Іосифъ самъ писалъ, въ этомъ смыслѣ, собственноручное письмо къ королю Вильгельму I, которое было вручено ему 20-го ноября; въ то же время австрійскій посланникъ въ Берлинѣ, графъ Кароли, чтобъ окончательно обезоружить г. фонъ-Бисмарка, указывалъ ему на возможность уступки со стороны Австріи принадлежащихъ ей правъ въ Гольштейнѣ Германскому Союзу, и ближайшимъ образомъ Саксоніи и Гановеру. Пруссіи пришлось одной требовать отъ этихъ государствъ удаленія ихъ войскъ и коммиссаровъ, что̀ и было предметомъ конфиденціальныхъ переговоровъ между Берлиномъ, Дрезденомъ и Гановеромъ, продолжавшихся до 24-го ноября; но такъ какъ Австрія, хотя и въ самыхъ вѣжливыхъ формахъ, положительно отказалась присоединиться къ требованіямъ берлинскаго кабинета, то Пруссія встрѣтила рѣшительный отпоръ, особенно со стороны Саксоніи. Тогда Пруссія рѣшила дѣйствовать. 24-го ноября она пріостановила выходъ своихъ войскъ изъ Гольштейна, и произвела извѣстныя военныя демонстраціи противъ Саксоніи и Гановера. Между тѣмъ, по предварительному соглашенію между обѣими великими германскими державами, 1-го де-

кабря слѣдовало представить германскому сейму заключенный съ Даніей мирный трактатъ: Австрія настаивала, чтобы при этомъ доведено было до свѣдѣнія сейма, какъ думаютъ дѣйствовать обѣ державы для рѣшенія дальнѣйшей судьбы Герцогствъ; но Пруссія не соглашалась на это предложеніе. Теперь, встрѣтивъ сопротивленіе со стороны Гановера и особенно Саксоніи, и не желая тотчасъ же довести дѣло до крайности, Пруссія рѣшилась ускорить офиціяльное заявленіе сейму, и потому на 29-е ноября было назначено чрезвычайное засѣданіе его. Въ тотъ же день посланники Пруссіи въ Гановерѣ и Дрезденѣ передали тамошнимъ правительствамъ двѣ тождественныя ноты. Требуя въ той и другой удаленія ихъ войскъ и коммиссаровъ изъ Гольштейна, въ одной изъ нихъ Пруссія подкрѣпляла свои требованія соображеніями, основанными на германскомъ федеральномъ правѣ и на уставѣ объ экзекуціи, а въ другой она говорила уже какъ великая европейская держава, которой, вмѣстѣ съ Австріей, Данія уступила свои Герцогства, и заявляла, что только она и Австрія имѣютъ право управлять ими и занимать ихъ своими войсками, съ устраненіемъ всѣхъ постороннихъ военныхъ силъ и всякаго посторонняго авторитета. Срокъ для отвѣта не былъ опредѣленъ въ самихъ нотахъ; но Дрезденскому кабинету было сообщено на словахъ, что если отвѣтъ не будетъ данъ въ 24 часа, то подобное молчаніе будетъ принято за отказъ. Въ отношеніи къ Гановеру такое рѣзкое требованіе было излишне: Гановеръ и безъ того уже склонялся на предложеніе Пруссіи и готовъ былъ усвоить себѣ прусскія воззрѣнія на экзекуцію и дальнѣйшее пребываніе федеральныхъ войскъ и коммиссаровъ въ Гольштейнѣ, какъ это и было заявлено въ офиціяльной *Гановерской Газетѣ*. Но Саксонія упорствовала въ несомнѣнной надеждѣ на поддержку Австріи. Какъ была сильна эта надежда, видно изъ того, что Саксонія нисколько не устрашилась военныхъ демонстрацій Пруссіи, и сама готовилась къ открытой съ нею борьбѣ: 10.000 безсрочно-отпускныхъ получили приказаніе немедленно присоединиться къ своимъ полкамъ; гражданскимъ начальствамъ были отданы приказанія на случай вторженія Пруссаковъ; таможенныя, почтовыя и лотерейныя кассы уже 30-го ноября были препровождены, для большей безопасности, въ Дрезденъ и оттуда въ Кенигштейнъ. Въ то же время велѣно было коммиссарамъ въ Гольштейнѣ потребовать отъ мѣстныхъ властей выдачи остаточныхъ суммъ этой страны (въ количествѣ 320.000 талеровъ) въ полное ихъ распоряженіе, что̀, между прочимъ, побудило всѣхъ членовъ управленія этого герцогства подать въ отставку. Очевидно, что Саксонія нисколько не думала уступать Пруссіи, и надѣялась при этомъ найдти энергическую поддержку со стороны Австріи. Предлагая на рѣшеніе сейма, въ засѣданіи его 29-го ноября, достигнута ли цѣль экзекуціи и должны ли быть выведены саксонско-гановерскія войска изъ Гольштейна, Саксонія разчитывала несомнѣнно на то, что и Австрія, и большинство членовъ Германскаго Союза, станутъ на ея сторону. Надежда на Австрію была высказана въ самомъ предложеніи Саксоніи сейму: въ этомъ предложеніи, между прочимъ, было указано, что тогда какъ Пруссія самымъ настоятельнымъ образомъ требуетъ удаленія войскъ, Австрія, имѣющая равныя съ нею права въ Герцогствахъ, никоимъ образомъ не довела еще подобнаго желанія до свѣдѣнія саксонскаго правительства.

И въ самомъ дѣлѣ Саксонія, повидимому, въ правѣ была разчитывать на поддержку со стороны Австріи. О намѣреніяхъ Австріи, за послѣднее время, можно судить по слѣдующимъ газетнымъ заявленіямъ и извѣстіямъ. Въ *Allgemeine Zeitung* писали изъ Вѣны, отъ 28-го ноября, что Австрія препроводила въ Берлинъ депешу, въ которой выговаривала Германскому Союзу, по меньшей мѣрѣ, равенство съ великими германскими державами относительно участія въ рѣшеніи дальнѣйшей судьбы Герцогствъ. Въ *Bostchafter*, органѣ г. фонъ-Шмерлинга, отъ 29-го ноября, было заявлено въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ, что Австрія никогда не согласится, чтобъ у Германскаго Союза было отнято законное участіе въ рѣшеніи вопроса о престолонаслѣдіи въ Герцогствахъ. Наконецъ, въ самомъ засѣданіи сейма, 29-го числа, представивъ вмѣстѣ съ Пруссіей текстъ трактата, заключеннаго съ Даніей, Австрія заявила, что будутъ сдѣланы въ непродолжительномъ времени дальнѣйшія сообщенія и предложенія относительно окончанія федеральной экзекуціи, и прибавила, что на основаніи 3-й статьи мирнаго трактата идутъ переговоры съ

Пруссіей о рѣшеніи шлезвигъ-гольштейнскаго вопроса согласно съ правами и интересами Германскаго Союза,—переговоры, отъ которыхъ, какъ сказалъ австрійскій уполномоченный на сеймѣ, можно ожидать благопріятнаго результата. Напрасно прусскій уполномоченный тутъ же объявилъ, что его правительство не допуститъ никакого другаго устройства военныхъ дѣлъ Гольштейна и Лауэнбурга кромѣ скорѣйшаго удаленія изъ нихъ федеральныхъ войскъ и коммиссаровъ, и возлагалъ отвѣтственность за могущія произойти въ противномъ случаѣ послѣдствія на тѣхъ, кто нарушитъ уставъ объ экзекуціи: Баварія высказалась заранѣе въ пользу дальнѣйшаго пребыванія федеральныхъ войскъ въ Герцогствахъ, и по ея же предложенію было опредѣлено, большинствомъ 8 голосовъ противъ 7, чтобы впредь до дальнѣйшаго распоряженія генералъ Гаке удержалъ за федеральными войсками прежнія ихъ позиціи. Полуофиціяльный *Дрезденскій Журналъ* уже приписывалъ своему правительству полную дипломатическую побѣду надъ Пруссіей, замѣчая впрочемъ, что если окончательное рѣшеніе сейма и будетъ согласно съ видами Пруссіи, то во всякомъ случаѣ тяжкая отвѣтственность за послѣдствія падаетъ не на Саксонію, а на весь Германскій Союзъ. Но не прошло и двухъ дней, какъ дѣла приняли совершенно иной оборотъ.

1-го декабря, въ засѣданіи сейма, Австрія заодно съ Пруссіей предложила, чтобы сеймъ призналъ экзекуцію оконченною и пригласилъ Саксонію и Гановеръ вывести ихъ войска изъ Герцогствъ и отозвать ихъ коммиссаровъ. При этомъ австрійскій уполномоченный, правда, вновь повторилъ, что съ Пруссіей ведутся переговоры о согласномъ съ правами и интересами Германскаго Союза рѣшеніи шлезвигъ-гольштейнскаго вопроса,—переговоры, отъ которыхъ Австрія ожидаетъ благопріятнаго результата; но прусскій уполномоченный ссылаясь на это объявленіе и какъ бы желая объяснить его смыслъ и значеніе, „въ дополненіе къ нему присовокупилъ отъ имени своего правительства, что съ заключеніемъ мира оказывается возможность, *путемъ переговоровъ обѣихъ великихъ германскихъ державъ между собою и съ претендентами, достигнуть окончательнаго рѣшенія спорныхъ вопросовъ*"; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ замѣтилъ, что Пруссія до тѣхъ поръ будетъ оставлять безъ послѣдствій начатые переговоры, пока не будетъ положенъ конецъ экзекуціи, а потому для устраненія могущихъ произойдти замѣшательствъ, она проситъ сеймъ о скорѣйшемъ рѣшеніи по поводу сдѣланнаго ею вмѣстѣ съ Австріей предложенія. Баварія попыталась было потребовать, чтобъ это предложеніе было препровождено въ комитетъ, но сеймъ рѣшилъ не допускать этой проволочки, и въ засѣданіи 5-го декабря, какъ извѣстилъ насъ телеграфъ, было рѣшено, большинствомъ 9 голосовъ противъ 6 (въ меньшинствѣ были Баварія, Саксонія, Виртембергъ, Гессенъ-Дармштадтъ, 12-я и 13-я куріи; Луксембургъ не подавалъ голоса) удалить изъ Герцогствъ какъ войска, такъ и коммиссаровъ Союза; при чемъ Пруссія и Австрія объявили, что ихъ коммиссары, назначенные для управленія Шлезвигомъ, будутъ впредь управлять и Гольштейномъ. Впрочемъ, послѣ 1-го декабря Пруссія такъ была увѣрена въ этомъ результатѣ, что по извѣстіямъ изъ Гамбурга, отъ 3-го декабря, тогда уже войска ея снова начали выходить изъ Герцогствъ, потому что на смѣну имъ должны вскорѣ придти другія прусскія дивизіи.

Такимъ образомъ Пруссія восторжествовала вполнѣ надъ сопротивленіемъ какъ Австріи, такъ и второстепенныхъ государствъ: ей удалось не только удалить войска и коммиссаровъ Германскаго Союза изъ Герцогствъ, но и устранить сеймъ отъ участія въ окончательномъ рѣшеніи спорныхъ вопросовъ по шлезвигъ-гольштейнскому дѣлу: это было заявлено,—очевидно, съ согласія Австріи,—прусскимъ уполномоченнымъ въ засѣданіи 1-го декабря.

Спрашивается, какимъ образомъ Пруссіи удалось снова склонить Австрію въ пользу своихъ видовъ и снова заставить ее измѣнить второстепеннымъ государствамъ Германіи, вопреки всѣмъ офиціяльнымъ и полуофиціяльнымъ ея заявленіямъ, которыя сопровождали вступленіе графа Менсдорфа въ министерство? Нѣкоторыя указанія на этотъ предметъ мы находимъ въ *Ostdeutsche Post*, въ отчетѣ о засѣданіи адресной коммиссіи, 1-го декабря, гдѣ графъ Менсдорфъ Пульи, желая отклонить возвѣщенные на слѣдующій день запросы по шлезвигъ-гольштейнскимъ дѣламъ въ палатѣ депутатовъ, сообщилъ конфиденціально, что еще въ засѣданіи сейма 29-го ноября Австрія была

готова предложить сейму признать экзекуцію оконченною, но не требовать при этомъ удаленія федеральныхъ войскъ изъ Герцогствъ, на что, однакоже, прусскій уполномоченный рѣшительно не согласился. Послѣдовавшую за тѣмъ перемѣну, которая обнаружилась въ засѣданіи 1-го декабря, графъ Менсдорфъ, по словамъ *Ostdeutsche Post*, объяснилъ будто бы только тѣмъ, что Австріи нельзя было настаивать на дальнѣйшемъ пребываніи федеральныхъ войскъ въ Гольштейнѣ, когда и самъ Ганноверъ рѣшился вывести оттуда свой отрядъ.

Очевидно, что приведенный графомъ Менсдорфомъ мотивъ самъ по себѣ слишкомъ незначителенъ для объясненія такого крутаго поворота въ германской политикѣ Австріи. Должно думать, что онъ состоитъ въ прямой связи съ пребываніемъ князя Гогенцоллерна въ Вѣнѣ. Австрія могла рѣшиться выдать Пруссіи своихъ естественныхъ союзниковъ въ Германіи и поколебать вновь свое въ ней положеніе не иначе какъ выговоривъ себѣ отъ Пруссіи какія-нибудь существенныя выгоды по другимъ вопросамъ, и ближе всего, по вопросу венеціянскому. Извѣстія о томъ, что между Пруссіей и Австріей въ послѣднее время велись дѣятельные переговоры не только о шлезвигъ-гольштейнскомъ вопросѣ, но и объ истолкованіи той статьи заключительнаго акта Вѣнскаго конгресса, которая относится къ оказанію помощи члену Германскаго Союза въ случаѣ нападенія на негерманскія владѣнія его, самымъ очевиднымъ образомъ указываютъ, какого рода обязательства могла принять на себя Пруссія для того чтобы склонить Австрію въ свою пользу по шлезвигъ-гольштейнскому вопросу. Соображая, что незадолго еще передъ тѣмъ въ австрійскихъ полуофиціяльныхъ органахъ заявлялось, что союзъ между Австріей и Пруссіей не проченъ, потому что онъ не скрѣпленъ никакими формальными обязательствами, можно полагать, что теперь Пруссія рѣшилась принять на себя формальное обязательство содѣйствовать съ своей стороны тому, чтобы Германскій Союзъ, въ случаѣ нападенія на Австрію въ италіянскихъ ея владѣніяхъ, оказалъ ей дѣятельную помощь, и что Австрія, въ свою очередь, обязалась не противодѣйствовать видамъ Пруссіи въ шлезвигъ-гольштейнскомъ вопросѣ. Всѣ факты клонятся въ пользу этого предположенія, и если оно справедливо, то отнынѣ шлезвигъ-гольштенскій вопросъ неразрывно связывается съ вопросомъ венеціянскимъ, а эта связь сообщаетъ совершенно новый видъ политическому положенію Европы.

Пока Пруссія, съ одной стороны, заискивая очевиднымъ образомъ расположенія Франціи стремилась вытѣснить Австрію, по возможности незамѣтнымъ образомъ, изъ Германіи, а Франція, съ своей стороны, обнаруживала явное желаніе вытѣснить ее изъ Италіи, такъ что при успѣшности этихъ стремленій Австрія была бы принуждена искать себѣ вознагражденій на востокѣ,—до тѣхъ поръ интересы европейскаго равновѣсія заставляли желать чтобъ Австрія нашла себѣ въ Европѣ поддержку противъ замысловъ Франціи и Пруссіи. Но какъ только Австрія рѣшается снова примкнуть къ Пруссіи и подчиниться ея видамъ по германскимъ дѣламъ, съ тѣмъ чтобы силами ея и Германскаго Союза при случаѣ вести борьбу противъ Италіи и Франціи за обладаніе Венеціей, то очевидно, что европейскія дѣла принимаютъ иной оборотъ. Австрія есть необходимое звено въ системѣ европейскаго равновѣсія; политика, желающая сохраненія равновѣсія, должна желать и сохраненія Австріи. Но Австрія, опирающаяся на Пруссію и съ этою цѣлію помогающая ей нарушать европейское равновѣсіе, это—уже совсѣмъ другая политическая система, и вступая въ эту систему Австрія теряетъ всякое право на поддержку со стороны политики, заинтересованной охраненіемъ европейскаго равновѣсія. Если Австрія сама отказывается отъ своего положенія въ Германіи и переходитъ на сторону Пруссіи, ищущей преобладанія, то съ русской, а также съ общеевропейской точки зрѣнія, можно только желать, чтобы властолюбивые замыслы Пруссіи встрѣтили нѣкоторый отпоръ со стороны другихъ державъ. Чтобы склонить Англію и Францію въ свою пользу, Пруссія, какъ утверждаютъ нѣкоторые корреспонденты иностранныхъ газетъ, обѣщаетъ имъ, съ одной стороны, созвать тотчасъ же чины Шлезвига и Гольштейна и предоставить имъ высказаться на счетъ будущей ихъ судьбы, а съ другой, въ случаѣ присоединенія Герцогствъ къ прусской территоріи, отказаться въ пользу Даніи отъ сѣверной, датской,—по населенію,—части Шлезви-

га. Можетъ-быть, Англія и пойдетъ на эту сдѣлку, но Франція, повидимому, скорѣе будетъ противъ нея, если только Пруссія будетъ стоять заодно съ Австріей въ венеціянскомъ вопросѣ. Во всякомъ случаѣ, констеллація европейскихъ державъ должна будетъ измѣниться, и тогда Россія можетъ воспользоваться тою свободою движенія, которую она удержала за собой, и съ своей стороны содѣйствовать возстановленію политическаго равновѣсія въ Европѣ.

Б.

Въ передовой статьѣ № 250 *Московскихъ Вѣдомостей* было сказано, что эстляндское рыцарство заключило заемъ въ 1 милліонъ рублей „для выдачи ссудъ эстляндскимъ землевладѣльцамъ, а также тамошнимъ крестьянамъ желающимъ выкупать „свою землю по добровольнымъ договорамъ съ помѣщиками." Кромѣ того, въ той же передовой статьѣ мы упоминали, что эстляндское рыцарство взяло подъ свое покровительство проектъ желѣзной дороги изъ Ораніенбаума въ Балтійскій портъ, что оно намѣрено поддерживать этотъ проектъ всѣмъ своимъ вліяніемъ и избрало контрагентомъ г. Мандельштама, черезъ котораго оно нынѣшнимъ лѣтомъ заключило вышеупомянутый заемъ. Въ № 254 *Сѣверной Почты* мы находимъ цѣлый рядъ поправокъ на извѣстія и указанія этой передовой статьи *Московскихъ Вѣдомостей*. Почтенная газета замѣчаетъ, что заемъ сдѣланъ вовсе не для построенія желѣзной дороги, а для облегченія выкупа крестьянской земли въ Эстляндіи, но, какъ читатели видятъ, мы сказали именно то же самое: мы никогда не говорили, чтобы цѣлью займа было сооруженіе желѣзной дороги, и рѣшительно не понимаемъ какимъ образомъ могло показаться *Сѣверной Почтѣ*, будто мы разсуждали, какъ она выражается, „о заключенномъ эстляндскимъ дворянствомъ займѣ на устройство желѣзной дороги." Мы сказали о проектѣ желѣзной дороги то же самое что̀ говоритъ *Сѣверная Почта*. Различіе выраженій, употребленныхъ нами и этою газетой, относительно проекта желѣзной дороги, состоитъ только въ томъ, что по нашему показанію, эстляндское рыцарство взяло этотъ проектъ подъ свое покровительство и намѣрено поддерживать его всѣмъ своимъ вліяніемъ, а *Сѣверная Почта* нашла возможнымъ сказать, что эстляндское рыцарство приняло на себя „ходатайство" по этому дѣлу. Что касается до займа, то различіе между нашимъ показаніемъ и показаніемъ *Сѣверной Почты* повидимому болѣе существенно: мы говорили о займѣ рыцарства; *Сѣверная Почта* утверждаетъ, что это заемъ не рыцарства, а кредитной кассы, состоящей при эстляндскомъ рыцарствѣ. Но это различіе имѣло бы важность, еслибы *Сѣверная Почта* не упомянула сама, что заемъ гарантированъ рыцарствомъ. Мы полагаемъ, что въ этомъ случаѣ гарантирующая корпорація можетъ быть разсматриваема какъ занимающая сторона. Впрочемъ еслибъ этотъ взглядъ и былъ ошибоченъ, то эту ошибку раздѣляетъ съ нами сама *Сѣверная Почта*, которая въ № 125 нынѣшняго года выразилась объ эстляндскомъ займѣ точно также какъ мы. Въ этомъ, 125-мъ нумерѣ *Сѣверной Почты* помѣщена интересная статья: „О выкупѣ крестьянами арендныхъ участковъ въ Эстляндіи", и въ этой статьѣ, которую мы преимущественно и имѣли въ виду, сказано слѣдующее: „Эстляндское *дворянство* вошло въ сношеніе съ однимъ заграничнымъ банкиромъ, который, какъ „говорятъ, соглашается ссудить *дворянство*, подъ обезпеченіе выкупныхъ земель и подъ круговое ручательство *всего* „дворянства, капиталомъ до одного милліона рублей серебромъ, считая по курсу „на золото. Изъ этого капитала дворянство полагаетъ выдавать ссуды на разные сроки, собственно помѣщикамъ, продавшимъ крестьянамъ арендные участки, „подъ залогъ закладныхъ листовъ." Изъ этого изложенія, сколько мы знаемъ, совершенно вѣрнаго, слѣдуетъ, что крестьяне будутъ получать подъ свои участки закладные листы и этими листами будутъ уплачивать помѣщикамъ часть суммы слѣдующей за выкупные участки, а помѣщики, подъ залогъ этихъ закладныхъ листовъ, будутъ получать изъ кассы рыцарства ссуды наличными деньгами; средства для этихъ ссудъ и заключаются въ томъ милліонѣ рублей, который занятъ рыцарствомъ подъ бумаги, которыя мы назвали не закладными листами (Pfandbriefe), какъ дѣлаетъ *Сѣверная Почта*, а облигаціями только потому что хотѣли отличить ихъ отъ тѣхъ закладныхъ листовъ, которые будутъ получать помѣщики отъ крестьянъ. Эти послѣдніе листы не по-

ступятъ на биржу. Цѣль всей операціи, прекрасно задуманной, состоитъ именно въ томъ, чтобы помѣщики получили возможность закладывать эти листы и слѣдовательно не были принуждены продавать ихъ по низкой цѣнѣ. Въ этомъ состоитъ оригинальность системы придуманной въ Эстляндіи и преимущество эстляндскаго выкупа передъ лифляндскимъ, идущимъ очень туго. Повторяемъ, прежнее изложеніе *Сѣверной Почты*, сколько намъ извѣстно, было совершенно вѣрно, между тѣмъ какъ въ теперешнемъ изложеніи *Сѣверной Почты* есть нѣкоторое противорѣчіе. Поправляя насъ, эта газета говоритъ, что заемъ заключенъ не рыцарствомъ, а эстляндскою земскою кредитною кассой (Credit-casse), Высочайше утвержденною въ 1802 году; но нѣсколько ниже та же газета упоминаетъ, что бумаги по этому займу выданы эстляндскою ссудною кассой (Vorschusscasse). Почему же не сказано и выше, что заемъ заключенъ ссудною кассой? Вообще объясненіе данное *Сѣверною Почтою*, что ссудная касса есть отдѣленіе кредитной кассы, учрежденной въ 1802 году, крайне неудовлетворительно. Ссудная касса есть учрежденіе новое и самостоятельное, въ высшей степени интересное по своимъ основаніямъ, и если мы не ошибаемся, то соединеніе этого учрежденія съ кредитною кассою опредѣлено лишь 27-го іюня с. г. Такъ по крайней мѣрѣ извѣщала *Ревельская Газета*. Заключеніе займа едва ли не предшествовало этому постановленію. Мы думаемъ такъ особенно потому что едва ли займы заключенные для ссудной кассы эстляндскимъ рыцарствомъ будутъ когда-нибудь смѣшиваться съ займами кредитной кассы, и едва ли кредитная касса, по своему устройству, можетъ заключать займы подобные заключенному нынѣ. Объ этомъ послѣднемъ займѣ всего точнѣе, кажется, сказать, что онъ заключенъ рыцарствомъ для ссудной кассы. Выражаясь кратко, можно сказать, что онъ заключенъ эстляндскимъ дворянствомъ или рыцарствомъ (какъ сказали мы), но утверждать (какъ утверждаетъ теперь *Сѣверная Почта*), что онъ заключенъ кредитною кассой, значитъ, если мы сколько-нибудь понимаемъ это дѣло, выражаться совсѣмъ неточно.

Признаемся, мы не безъ удивленія прочли въ *Сѣверной Почтѣ* длинный рядъ возраженій на наши показанія, основанныя главнѣйшимъ образомъ на показаніяхъ *Сѣверной же Почты*. Мы были еще болѣе удивлены тѣмъ, что эта газета, поправляя насъ, приписала намъ не только то, чего мы никогда не говорили, но прямо противное тому что́ нами было сказано. Изъ девяти пунктовъ возраженія *Сѣверной Почты* мы можемъ воспользоваться только однимъ замѣчаніемъ. Въ передовой статьѣ № 250 *Московскихъ Вѣдомостей* сказано, что эстляндское дворянство занималось вопросомъ о займѣ нѣсколько мѣсяцевъ сряду. Выраженіе *сряду* было употреблено не точно; между собраніями эстляндскаго дворянства были перерывы, какъ и намъ самимъ было очень хорошо извѣстно, и какъ замѣчаетъ, въ этомъ случаѣ совершенно вѣрно, *Сѣверная Почта*. Тѣмъ не менѣе мы были въ полномъ правѣ замѣтить, что эстляндское дворянство собирается чаще и засѣдаетъ долѣе чѣмъ дворянство внутреннихъ губерній Россіи. Это видно изъ практики, и объясняется тѣмъ, что дворянскія собранія имѣютъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ гораздо болѣе аттрибуцій. Дѣло о займѣ можетъ служить тому доказательствомъ. Мы впрочемъ упоминали объ этомъ дѣлѣ отнюдь не съ тѣмъ чтобы порицать его. Совершенно напротивъ, мы считаемъ его дѣломъ полезнымъ и очень хорошо обдуманнымъ. Цѣлью нашихъ указаній было только очистить дворянство внутреннихъ губерній отъ обвиненія въ неспособности и апатіи, которое такъ часто слышится въ нашей журналистикѣ, и притомъ не остзейской, а петербургской.

Не можемъ не упомянуть въ заключеніе о журнальномъ куріозѣ, къ которому подали поводъ разобранныя нами теперь возраженія *Сѣверной Почты*. Они были перепечатаны въ разныхъ петербургскихъ газетахъ. *Народное Богатство* приводитъ ихъ въ доказательство того, что „разсужденія, сообщаемыя нами дѣлаются большею частію на скорую руку.“ *Биржевыя Вѣдомости* ссылаются на *Сѣверную Почту* въ доказательство неосновательности всего того, что́ мы писали о вредѣ сепаратизма. Но эти логическіе скачки еще далеко не такъ интересны, какъ то обстоятельство, что всѣ эти газеты, приходя въ восторгъ отъ пораженія, нами понесеннаго, не потрудились заглянуть въ *corpus delicti*, въ нашу передовую статью въ № 250. *Сѣверной Почтѣ* могло слу-

чайно показаться, что мы говорили о займѣ для желѣзной дороги. Но когда тотъ же случай повторяется съ другими газетами, то недосмотръ дѣлается очень куріознымъ.

№ 261.

Москва, 27-го ноября.

Открытъ внутренній заемъ на громадную цифру ста милліоновъ рублей серебромъ. Успѣхъ его можно считать вполнѣ обезпеченнымъ. Одною изъ главныхъ цѣлей этого займа объявлено построеніе желѣзной дороги, долженствующей соединить Москву съ Чернымъ моремъ. Первый вопросъ теперь, въ какомъ направленіи пойдетъ эта дорога,—вопросъ громадной важности, вопросъ, отъ рѣшенія котораго зависитъ гораздо болѣе чѣмъ многимъ можетъ казаться. Напрасно иные думаютъ, что въ какую бы сторону ни пошла эта дорога, долженствующая соединить Москву съ Чернымъ моремъ, Россія будетъ всетаки въ значительномъ выигрышѣ. Нѣтъ, отъ выбора направленія будетъ зависѣть выигрышъ или проигрышъ. Мы говоримъ это по глубокому убѣжденію, съ полнымъ и отчетливымъ сознаніемъ того что говоримъ. Какъ богатыри нашихъ сказокъ, мы стоимъ теперь на распутіи, и дорога, которую мы должны теперь выбрать, есть дорога будущаго Россіи.

Какое направленіе будетъ избрано для соединенія Москвы съ Чернымъ моремъ? Поведемъ ли мы желѣзный путь въ Крымъ или къ Одессѣ? Рѣшеніемъ этого вопроса будетъ опредѣленъ надолго весь ходъ нашихъ экономическихъ и политическихъ дѣлъ.

Одесса или Крымъ? Дѣло было бы очень просто, еслибы можно было сказать: и Крымъ и Одесса. Тогда не о чемъ бы и спорить, хотя впрочемъ и тогда могъ бы придти на память еще третій пунктъ, не лежащій правда на Черномъ морѣ, но имѣющій значительную важность, устья Дона. Вполнѣ можно было бы удовлетвориться только этими тремя конечными пунктами желѣзныхъ дорогъ идущихъ изъ Москвы на югъ Россіи. Но теперь мечтать и о томъ и о другомъ и о третьемъ значитъ увлекаться и только портить дѣло. Теперь надобно выбрать ту линію, которая наиболѣе нужна и наиболѣе выгодна, какъ въ экономическомъ, такъ и въ политическомъ отношеніи, которая наиболѣе соотвѣтствуетъ всѣмъ потребностямъ народной жизни. Такая линія можетъ быть только одна, и эта линія безспорно есть линія московско-кіево-одесская.

Взглянемъ на карту. Одесса лежитъ въ заливѣ глубоко вдающемся въ материкъ. Одесса есть ближайшій къ Балтійскому морю пунктъ черноморскаго берега. Одесса есть также тотъ пунктъ этого берега, который всего ближе къ мѣстамъ производства пшеницы лучшихъ сортовъ, главной отпускной статьи нашего юга. Одесса—портъ правильно возникшій; его будущность обезпечена. Никакой другой портъ русскаго берега на Черномъ морѣ не отобьетъ у Одессы международной торговли, еслибы намъ даже вздумалось подрывать Одессу искусственными мѣрами. Напротивъ того, что видимъ мы въ Крыму? Тамъ есть превосходныя гавани, севастопольская и феодосійская, но ни одна изъ этихъ гаваней не могла получить доселѣ хоть какое-нибудь коммерческое значеніе. Говорятъ, что обстоятельства были неблагопріятны, что Крымъ еще недавно подъ русскимъ скипетромъ, что тамъ нѣтъ путей сообщенія. Но много ли прежде Крыма сдѣлалась Одесса русскимъ достояніемъ? Можно ли обвинить русскую администрацію въ пренебреженіи къ Крыму? Не во сто ли разъ лучше дороги въ Крыму чѣмъ въ окрестностяхъ Одессы? Далѣе, развѣ ничего не значитъ, что Севастополь былъ стоянкой черноморскаго флота? Развѣ и послѣ Восточной войны Общество Пароходства и Торговли не оказывало услугъ крымскимъ портамъ? Нѣтъ, если крымскіе порты не имѣютъ торговаго значенія, то причины того лежатъ глубже, онѣ заключаются въ условіяхъ, не зависящихъ отъ человѣческой воли,—въ условіяхъ географическихъ. Крымскія гавани врѣзались въ море, а никакая гавань на краю полуострова врѣзывающагося въ море, не можетъ выдержать конкурренціи съ гаванью лежащею въ глубинѣ залива. Переберите всѣ торговые порты на свѣтѣ, вы вездѣ найдете подтвержденіе этого географическаго закона, основаннаго на томъ, что лишнія сто верстъ моремъ ничего не значатъ для издержекъ перевозки, а каждая лишняя верста по сухому пути сказывается на цѣнѣ товара, доставляемаго въ гавань. Какъ бы мы ни старались о крымскихъ

портахъ, хлѣбъ всегда будетъ въ нихъ дороже чѣмъ въ Одессѣ, и иностранные корабли будутъ охотнѣе искать груза въ одесской гавани. Укажемъ еще для примѣра на Керчь, въ пользу которой сдѣлано очень много, но что такое Керчь сравнительно съ Бердянскомъ, Таганрогомъ, Ростовомъ-на-Дону? Еслибъ у насъ не было гаваней лежащихъ выгодно для торговли, то нечего было бы дѣлать: всячески усиливаясь пользоваться крымскими гаванями, мы поступали бы благоразумно. Но мы, слава Богу, владѣемъ Одессой. Зачѣмъ же мы будемъ по доброй волѣ наносить сами себѣ тяжкій ущербъ, пренебрегая тѣмъ что намъ дано и вступая въ борьбу съ географическими условіями, для насъ невыгодными, когда благоразуміе совѣтуетъ прежде этой борьбы воспользоваться тѣми выгодными географическими условіями, которыми не надобно только пренебрегать, чтобы почерпнуть изъ нихъ пользу? Но этого мало. Еслибъ Одесса была теперь такимъ же незначительнымъ въ торговомъ отношеніи мѣстечкомъ какъ Севастополь или Ѳеодосія, то и тогда благоразумная предусмотрительность побуждала бы насъ вести желѣзную дорогу не въ крымскіе порты, а въ Одессу. А что мы видимъ? Одесса уже процвѣтаетъ. Искусственныя мѣры поддержки, которымъ можно было прежде приписывать это процвѣтаніе, нынѣ устранены; порто-франко не существуетъ, а отпускная торговля Одессы все болѣе и болѣе развивается. Неужели мы до того будемъ пренебрегать всѣмъ тѣмъ что естественно и самобытно, неужели мы до того будемъ не внимательны къ существующимъ интересамъ, и до того будемъ вѣрить во всемогущество искусственныхъ, наперекоръ природѣ идущихъ мѣръ, что процвѣтающей Одессѣ предпочтемъ такія гавани, которыя намъ придется еще доводить до процвѣтанія продолжительными, дорого стоящими и подрывающими Одессу усиліями? А вести дорогу въ Крымъ, чтобы создавать тамъ новые отпускные порты, это именно значитъ подподрывать Одессу. Мы должны ясно представлять себѣ задачу. Двухъ дорогъ мы не можемъ вести разомъ къ Черному морю. Отдавъ Крыму предпочтеніе передъ Одессой, мы свяжемъ себя на долго. Крымская дорога можетъ быть построена въ послѣдствіи. Для нея придетъ время, и это время не заставитъ долго ждать себя, если мы возьмемся за сооруженіе желѣзныхъ дорогъ раціонально. Но начинать съ крымской линіи невозможно. Взятая въ цѣломъ, она вовсе не будетъ такъ выгодна, какъ многіе утверждали: англійская компанія едвали бы отказалась отъ нея, еслибъ она сулила большія выгоды. На значительной части своего южнаго протяженія она пройдетъ степью почти безлюдною, но почти на всемъ своемъ протяженіи она пройдетъ по мѣстностямъ безлѣснымъ. Недостатокъ лѣса, а отчасти и камня возвыситъ издержки сооруженія, но этого мало: еще сильнѣе будетъ чувствоваться дороговизна топлива, и это обстоятельство заставитъ по неволѣ приняться какъ можно скорѣе за сооруженіе вѣтви изъ Харькова на Бахмутъ, а Бахмутъ будетъ уже очень странно не соединить съ грушевскою дорогой. Очень можетъ быть, что доведя дорогу до Харькова, придется поворотить на Бахмутъ, прежде чѣмъ идти на Екатеринославъ и далѣе. Словомъ, всего тутъ будетъ работы слишкомъ на десять лѣтъ.

Но неужели во все это время интересы Одессы совсѣмъ останутся въ забвеніи? Есть ли возможность ожидать этого? Не доказало ли правительство самымъ дѣломъ свою заботливость объ участи этого города? Отъ Одессы уже строятся дороги къ Парканамъ и Балтѣ. Волей-неволей придется продолжать ихъ, даже взявшись за сооруженіе дороги въ Крымъ съ вѣтвью къ Грушевкѣ. Каковы же будутъ послѣдствія этой необходимости какъ не то, что мы совсѣмъ запутаемся? Наши силы будутъ раздѣлены; наши средства, итакъ очень небольшія, будутъ идти разомъ на три дѣла. Мы будемъ строить три линіи, и стало быть всѣ три линіи будемъ строить медленно. Задача наша состоитъ въ томъ, чтобъ изъ двухъ линій выбрать одну, болѣе выгодную, дабы построить ее какъ можно скорѣе, а мы, прямо наоборотъ, возьмемся за три дѣла разомъ. Когда же доживемъ мы наконецъ до той минуты, которая откроетъ намъ виды на соединеніе Москвы съ Кіевомъ? Когда же получитъ Москва тотъ кратчайшій путь къ Черному морю, который ведетъ въ Одессу черезъ Кіевъ? Когда будетъ сооружена эта самая выгодная изо всѣхъ линій русскихъ желѣзныхъ дорогъ, идущая отъ начала до конца по мѣстностямъ густонаселеннымъ, наиболѣе производительнымъ и нуждающимся только во взаимномъ сближеніи что-

бы процвѣла русская народная жизнь? Много утечетъ воды, пока это событіе совершится, если мы захотимъ прежде построить крымскую линію и найдемъ себя вынужденными строить одновременно съ нею и каменноугольную вѣтвь и дорогу кіево-балтскую. Не будетъ ли къ тому времени продолжена брестская дорога изъ Царства Польскаго на Волынь? Не успѣетъ ли весь нашъ юго-западный край слиться въ экономическомъ отношеніи съ австрійскою Галиціей? Не будутъ ли и Кіевъ и Одесса отрѣзаны отъ русскихъ столицъ и прицѣплены къ австрійскимъ желѣзнымъ дорогамъ, которыя соединятъ ихъ съ Краковомъ и уже черезъ Краковъ и Варшаву съ Петербургомъ и Москвой? Какъ-то разъ, говоря о русской сѣти желѣзныхъ дорогъ, мы сказали: „Свяжите Кіевъ съ Одессой прежде нежели съ Москвой, Россія много потеряетъ въ своемъ могуществѣ и благосостояніи." Не можемъ не повторить: да, она потеряетъ много, очень много. Намъ возражаютъ въ послѣднемъ *Воскресномъ Прибавленіи къ Русскому Инвалиду*, что связать Кіевъ съ Одессой прежде чѣмъ съ Москвой нисколько не опасно, потому что Одесса русскій городъ, и польскихъ элементовъ тамъ мало. Пусть будетъ такъ, хотя съ другой стороны насъ увѣряютъ, что въ Одессѣ живутъ теперь чуть не 10.000 Поляковъ. Но дѣло не въ этомъ. Развѣ желѣзная дорога изъ Одессы въ Кіевъ не прорѣжетъ всего нашего юго-западнаго края въ самыхъ богатыхъ его частяхъ? Положимъ даже, что и этотъ край по щучьему велѣнью *Одесскаго Вѣстника* сдѣлался чисто-русскимъ краемъ съ той минуты, какъ представилась надобность избрать дальнѣйшее направленіе для одесско-балтской дороги. Положимъ, что польскія притязанія на юго-западный край исчезли какъ дымъ, и вся польская шляхта въ этомъ краѣ превратилась въ призракъ. Но во всякомъ случаѣ Австрія не призракъ. Гдѣ же, въ какихъ чувствахъ и въ какихъ соображеніяхъ найдемъ мы побужденіе желать, чтобы нашъ юго-западный край примкнулъ къ Австріи? Въ другихъ дѣлахъ мы любимъ руководиться чужими примѣрами: гдѣ же на свѣтѣ видано, чтобы какое-нибудь государство само связывало свой пограничный край съ иностраннымъ государствомъ прежде нежели съ своимъ собственнымъ центромъ? Мы не говоримъ уже о спорныхъ пограничныхъ краяхъ, къ числу которыхъ, несмотря на оптимизмъ *Одесскаго Вѣстника*, къ кровной скорби русскихъ людей, все еще принадлежитъ нашъ юго-западный край, къ числу которыхъ онъ будетъ принадлежать и впредь, пока желѣзная дорога не свяжетъ его съ восточною Русью.

Судьбы Россіи рѣшались не во время дипломатической борьбы съ тремя державами, ополчившимися на насъ въ прошломъ году. Это ополченіе было не что иное какъ комедія. Судьбы Россіи рѣшаются теперь, когда предстоитъ выборъ направленія желѣзной дороги, имѣющей связать Москву съ Чернымъ моремъ. Теперь рѣшается вопросъ о юго-западномъ краѣ, гдѣ польскія притязанія всего намъ опаснѣе, гдѣ средоточіе такъ-называемаго польскаго вопроса. Теперь рѣшается вопросъ и о средствахъ нашей обороны въ случаѣ европейской войны. Иные увѣряютъ что Крымъ будто бы самая уязвимая часть Россіи. Но нужно ли быть глубокимъ политикомъ, чтобы предусматривать единственный возможный театръ будущей европейской войны? Есть ли возможность не видѣть, что Дунай, и только Дунай, будетъ мѣстомъ столкновенія, если суждено послѣдовать столкновенію? Есть ли возможность не видѣть, что серіозная война съ нами теперь не имѣла бы никакой цѣли безъ участія Австріи? Есть ли наконецъ возможность не видѣть, что если что нибудь можетъ быть сдѣлано съ нашей стороны для того чтобы затруднить и предотвратить осуществленіе этого событія, то это что-нибудь есть именно желѣзная дорога московско-кіево-одесская, которая усилитъ Россію въ юго-западномъ краѣ, удесятеритъ значеніе кіевской крѣпости и пройдетъ параллельно австрійской границѣ?

№ 262.

Москва, 28-го ноября.

Въ сферѣ иностранной политики наибольшій интересъ представляютъ въ настоящее время пренія объ адресѣ въ австрійской палатѣ депутатовъ. Тронная рѣчь и эти пренія объ отвѣтномъ на нее адресѣ, которыми начинается дѣятельность законодательныхъ палатъ, представляютъ собою обмѣнъ мыслей и желаній между правительствомъ и страной, по всѣмъ вопросамъ внутренней

и внѣшней политики. Такимъ образомъ, путемъ этихъ преній, уясняется настоящее положеніе государства.

Нынѣшнее положеніе Австріи можетъ быть названо весьма печальнымъ. Коренное зло, которымъ страдаетъ эта имперія, которое непомѣрно затрудняетъ развитіе внутренняго благоустройства ея, которое безплодно истощаетъ ея средства и заставляетъ ее безпрестанно колебаться, извнѣ—между Франціей и Пруссіей, внутри — между началами государственной централизаціи и полной автономіи отдѣльныхъ областей,— это коренное зло заключается единственно въ томъ, что Австрія есть сборное государство, сложившееся изъ нѣсколькихъ цѣльныхъ государствъ и состоящее изъ народовъ, которые еще не слились въ одну политическую линію. Разноплеменность населенія какого-либо государства сама-посебѣ не была бы еще такимъ значительнымъ зломъ: племена, входящія въ составъ какого-либо государства, могутъ, безъ вреда для цѣлаго, сохранять свою вѣру, свои нравы и обычаи (не возводя ихъ только въ государственную силу, то-есть не придавая имъ обязательности), и это разнообразіе даже обусловливаетъ собою богатство и многосторонность развитія цѣлаго государства. Вредъ и зло начинаются лишь тогда, когда въ средѣ того или другаго изъ этихъ племенъ возникаетъ стремленіе стать особою политическою націей, или—что то же—быть особымъ, болѣе или менѣе самостоятельнымъ государствомъ, хотя бы и въ составѣ какого-либо другаго высшаго государственнаго союза,— когда общая верховная власть принуждена колебаться между многими политическими націями.

На примѣрѣ Австріи можно видѣть, съ какими трудностями приходится бороться государству, которое сложилось изъ нѣсколькихъ политическихъ націй, и пренія въ австрійской палатѣ депутатовъ, особенно въ засѣданіи 1-го декабря (см. № 260 *Московскихъ Вѣдомостей*) очень поучительны въ этомъ отношеніи. Надобно по неволѣ отдать справедливость австрійскому правительству, что оно понимаетъ трудности своего положенія, и чтобы найдти выходъ изъ него, употребляетъ съ своей стороны всѣ усилія—создать изъ подвластныхъ ему народовъ одну политическую націю подъ знаменемъ господствующей народности, нѣмецкой. Австрійское правительство, даже и по отношенію къ Венгріи,—не говоря уже о другихъ областяхъ,— остается по возможности нѣмецкимъ правительствомъ; языкомъ правительства вездѣ служитъ попреимуществу языкъ нѣмецкій, и много-много если рядомъ съ нимъ допускаются мѣстные языки; намѣстникъ Галиціи или Богеміи не считаетъ нужнымъ прибѣгать къ посредству какого-либо чужаго языка для офиціяльныхъ объясненій съ Поляками, Русскими или Чехами, и онъ смѣло заговоритъ съ ними языкомъ нѣмецкимъ,—языкомъ правительства, въ томъ предположеніи, что этотъ языкъ долженъ быть равно всѣмъ понятенъ. Между тѣмъ какъ изученіе нѣмецкаго языка во всѣхъ казенныхъ училищахъ Австріи обязательно, центральное правительство до сихъ поръ еще не рѣшилось признать преподаваніе чешскаго языка обязательнымъ въ училищахъ содержимыхъ правительствомъ въ Богеміи, несмотря на то что въ этомъ смыслѣ въ прошломъ году состоялось постановленіе областнаго сейма этой страны.

Такимъ образомъ, благодаря національно-нѣмецкой политикѣ австрійскаго правительства, нѣмецкій языкъ служитъ средствомъ общенія между всѣми народами Австріи, и дѣлаетъ возможныя общія законодательныя собранія ихъ представителей. Съ другой стороны, надобно отдать справедливость и народамъ Австріи: за исключеніемъ, можетъ-быть, Поляковъ и Италіянцевъ (въ Ломбардо-Венеціянскомъ королевствѣ), всѣ они проникнуты монархическимъ духомъ, и отличаются глубокою преданностью своему царственному роду; не даромъ говорятъ, что родъ Габсбурговъ служитъ главнымъ связующимъ звеномъ для областей королевствъ Австрійской имперіи. Сами Венгры славятся своею преданностью царствующему дому, и не разъ выручали его изъ бѣды въ трудныя минуты. Рыцарскій духъ ихъ въ этомъ отношеніи недавно еще былъ засвидѣтельствованъ въ австрійской палатѣ государственнымъ министромъ фонъ-Шмерлингомъ. И однакожъ когда дѣло дошло до пожертвованія, въ интересахъ единства Австрійской имперіи, своею политическою отдѣльностію, то они крѣпко ухватились не только за свою тысячелѣтнюю конституцію, но даже и за новые льготные для нихъ законы 1848 г., и рискуя распаденіемъ

Австрійской монархіи, хотятъ оставаться особою политическою націей. Особыя политическія права и преимущества, которыми долгое время пользовались Венгры безъ соучастія коренныхъ частей имперіи, стали источникомъ величайшихъ затрудненій и опасностей для Австріи. Тысячелѣтняя политическая обособленность Венгровъ служитъ главнѣйшимъ препятствіемъ къ установленію, упроченію и дальнѣйшему развитію новаго порядка вещей, начавшагося для Австріи съ 1860 г.

При всемъ стремленіи своемъ къ объединенію государства на основаніи нѣмецкой національности, австрійское правительство было вынуждено признать тысячелѣтнюю политическую самобытность Венгерскаго королевства, а потомъ, до нѣкоторой степени, и стремленія къ подобной же самобытности въ другихъ разноплеменныхъ областяхъ — стремленія, впрочемъ, коренящіяся въ ихъ прошедшемъ. Этимъ опредѣлился характеръ австрійской конституціи 1861 года, которая отчасти сама узаконяваетъ политическое раздѣленіе австрійскихъ владѣній на двѣ равноправныя и равносильныя половины: венгерскую и италіяно-славяно-нѣмецкую, часть которой (Галиція съ Краковомъ и Буковина) отдѣлена отъ главной массы земель этого рода владѣніями венгерской короны. Каждая изъ этихъ половинъ составляетъ какъ бы особое государство, съ своими особыми представительными собраніями, высшею единицей для которыхъ должна служить общая или полная имперская дума. До сихъ поръ Венгры не хотятъ и знать эту имперскую думу. Но допустимъ, что правительству удалось бы побудить венгерскій сеймъ отправлять ежегодно въ имперскій совѣтъ 85 его членовъ: послѣдствія того, что въ Австріи громоздится конституція на конституціи и одно представительное собраніе на другомъ, тѣмъ не менѣе были бы очень неблагопріятны для ея дальнѣйшаго политическаго развитія. Тѣ права, которыя въ другихъ странахъ, гдѣ существуетъ только одна политическая нація, предоставляются одному представительному собранію, хотя бы и раздѣленному на двѣ законодательныя палаты, здѣсь раздѣлены между общею имперскою думой, съ одной стороны, и венгерскимъ сеймомъ и тѣсною думой, съ другой: обсуждать законы, — кромѣ тѣхъ, которые касаются податей и налоговъ, военной повинности, денежной, кредитной, монетной системы, торговыхъ интересовъ и главныхъ началъ почтоваго вѣдомства, телеграфнаго и вѣдомства желѣзныхъ дорогъ, — предоставлено тѣсной имперской думѣ и венгерскому сейму порознь, а обсуждать и назначать бюджетъ, и установлять новые налоги и подати для венгерскихъ и невенгерскихъ земель вмѣстѣ предоставлено полной имперской думѣ. Вслѣдствіе этого раздѣленія, самое значительное политическое право — право обсуждать бюджетъ и финансовыя мѣры — теряетъ большую долю своей цѣны. Сверхъ того, такое раздѣленіе двухъ отраслей законодательной дѣятельности, какое мы видимъ въ Австріи, въ случаѣ разлада между министерствомъ и представительствомъ, лишаетъ правительство возможности тотчасъ же устранить этотъ разладъ и возстановить согласіе. Примѣръ представляетъ, между прочимъ, засѣданіе 3-го декабря, о которомъ мы отдаемъ отчетъ читателямъ ниже, подъ рубрикой: „Австрія", и на которое считаемъ не лишнимъ обратить особенное ихъ вниманіе, такъ какъ происходившія въ немъ пренія уясняютъ революціонную организацію Поляковъ въ Галиціи, и показываютъ, что австрійское правительство и теперь еще опасается за спокойствіе этого края. Правительство имѣло бы возможность тотчасъ же положить конецъ обнаружившемуся разладу по вопросу объ объявленіи Галиціи на военномъ положеніи, представивъ проектъ закона для всѣхъ подобныхъ случаевъ. Но такъ какъ подобнаго рода законы для невенгерскихъ земель подлежатъ вѣдѣнію тѣснѣйшей думы, а для Венгріи — венгерскому сейму, то правительство должно ожидать, когда будутъ созваны эти собранія, а тѣмъ временемъ давать усиливаться возникшему противъ него раздраженію. Подобныхъ случаевъ, и притомъ болѣе важныхъ въ практическомъ отношеніи, безъ сомнѣнія, не мало еще представится въ нынѣшней австрійской думѣ при обсужденіи бюджета.

Но и славяно-италіяно-нѣмецкая половина Австріи, составляющая какъ бы особое государство съ своимъ сеймомъ (тѣснѣйшею думой), есть въ свою очередь сборное государство: въ силу старинныхъ историческихъ правъ, отдѣльнымъ областямъ ея предоставлена своего рода автономія, выходящая до нѣкоторой степени за предѣлы административной децентрализаціи,

мѣстнаго самоуправленія,—автономія, органами которой являются областные сеймы и избираемые ими постоянные комитеты. Такъ, между прочимъ, имъ предоставляется право обсуждать и постановлять предложенія относительно общихъ законодательныхъ мѣръ и учрежденій въ разсужденіи особеннаго ихъ вліянія на благо той или другой области, и съ другой стороны требовать изданія общихъ для имперіи законовъ и введенія общихъ учрежденій, согласно съ интересами той или другой области. Такимъ образомъ, при совпаденіи областнаго дѣленія съ извѣстными національностями, общіе законы и учрежденія нерѣдко подвергаются обсужденію съ какой-либо исключительно-національной точки зрѣнія, которая можетъ легко сдѣлаться господствующею въ областномъ сеймѣ, и хотя эти сеймы въ Австріи не могутъ постановлять окончательныя рѣшенія по этимъ вопросамъ, но принятыя ими рѣшенія становятся какъ бы нравственно-обязательными для ихъ области, и могутъ возраждать разладъ между ею и органами общаго законодательства.

Одинъ изъ весьма существенныхъ недостатковъ устройства Австріи заключается въ томъ, что не самому земству въ областяхъ предоставленъ выборъ депутатовъ въ имперскую думу, а областнымъ сеймамъ. Въ засѣданіи 1-го декабря г. Кайзерфельдъ справедливо замѣтилъ, что вслѣдствіе того никто изъ членовъ палаты депутатовъ не можетъ считать себя политическимъ представителемъ своей страны. И дѣйствительно, въ австрійской думѣ засѣдаютъ представители не земства, а областныхъ сеймовъ; они выражаютъ духъ, мнѣнія и желанія не земства, а своихъ областныхъ сеймовъ и партій, на которыя эти сеймы распадаются. Въ каждой корпораціи, въ каждомъ собраніи, неминуемо заводится свой особый духъ, который нерѣдко не имѣетъ ничего общаго съ духомъ народа, и выразители котораго въ общемъ политическомъ собраніи менѣе всего могутъ быть способны служить органомъ для истинныхъ потребностей страны.

№ 263.

Москва, 30-го ноября.

Прошло уже три мѣсяца съ тѣхъ поръ какъ потрясающая вѣсть о цѣломъ рядѣ послѣдовательныхъ пожаровъ превратившихъ Симбирскъ въ груду пепла (сопровождавшаяся множествомъ подобныхъ, хотя и менѣе разительныхъ, извѣстій, изъ другихъ мѣстъ) облетѣла Россію,—и до сихъ поръ на этихъ событіяхъ, возбудившихъ всеобщую тревогу, попрежнему лежитъ покровъ таинственности, и общественное мнѣніе остается въ потемкахъ. Для всѣхъ очевидно, что пожары истекшаго лѣта, и по своей повсемѣстности и по своимъ размѣрамъ, имѣютъ характеръ общественнаго бѣдствія, происшедшаго не отъ какихъ-либо случайныхъ, а отъ общихъ причинъ; но въ чемъ преимущественно заключаются эти общія причины,—это и до сихъ поръ остается загадкой, хотя отрывочныя и сбивчивыя извѣстія о разныхъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ нѣкоторые пожары, заставляютъ видѣть въ поджогахъ главную причину этой эпидеміи. Это доказывается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что пожары во многихъ городахъ слѣдовали одинъ за другимъ съ самыми незначительными промежутками времени; на это указываетъ также появленіе множества подметныхъ писемъ, которыми, иногда съ поразительною вѣрностью, предсказывались пожары въ той или другой мѣстности; наконецъ о томъ же свидѣтельствуютъ извѣстія объ исполненіи военно-судныхъ приговоровъ надъ поджигателями. По кѣмъ и съ какою цѣлью дѣлались поджоги въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ пожары были несомнѣннымъ слѣдствіемъ поджоговъ,—объ этомъ до сихъ поръ ходятъ самые смутные толки и мнѣнія, изрѣдка и вскользь высказываемыя по этому вопросу въ печати, основываются большею частію не столько на фактическихъ данныхъ, сколько на соображеніяхъ. Народная молва, въ мѣстностяхъ особенно пострадавшихъ отъ пожаровъ, указываетъ, какъ на виновниковъ общественнаго бѣдствія, на Поляковъ той категоріи, изъ которой выходили кинжальщики и жандармы-вѣшатели. Основательно или неосновательно, многіе находили и находятъ прямую связь между появленіемъ во внутреннихъ губерніяхъ множества Поляковъ, высланныхъ изъ Царства Польскаго и Западнаго края, и начавшимися, одновременно съ тѣмъ, повсемѣстными пожарами. Другіе видятъ главную общую причину пожаровъ въ неслыханномъ размноженіи кабаковъ, развившемъ страшное пьянство, и увеличившемъ число людей, готовыхъ на всякое

преступленіе. Среди этихъ осадковъ общества, — говорятъ третьи, — злонамѣренные люди легко и за дешевую цѣну могли находить исполнителей своихъ преступныхъ замысловъ и, достигая такимъ образомъ своихъ цѣлей, оставаться при этомъ въ сторонѣ отъ всякой отвѣтственности даже въ томъ случаѣ, когда на орудія ихъ плановъ падаетъ строгая кара закона... Такія и тому подобныя мнѣнія ходили, и ходятъ до сихъ поръ, а между тѣмъ печать молчитъ, не сообщая публикѣ никакихъ данныхъ, которыя могли бы сколько-нибудь разъяснить темный вопросъ, и не исполняетъ такимъ образомъ своей прямой обязанности — содѣйствовать образованію правильнаго общественнаго мнѣнія, основаннаго не на предвзятыхъ сужденіяхъ или симпатіяхъ и антипатіяхъ, а на возможно точномъ и всестороннемъ знаніи положенія дѣлъ. Наша печать, разбирающая различныя тонкости всевозможныхъ вопросовъ, не исключая даже „собачьяго", повидимому и знать не хочетъ о существованіи серіозно занимающаго общество вопроса о пожарахъ. Такое молчаніе печати, безъ сомнѣнія, имѣетъ свои причины, и въ интересѣ дѣла мы находимъ не лишнимъ подвергнуть теперь обсужденію одно изъ тѣхъ соображеній, которыя могли сдерживать дѣятельность печати въ этомъ печальномъ вопросѣ.

Одинъ изъ главнѣйшихъ аргументовъ противъ гласности въ дѣлѣ пожаровъ тотъ, что она могла бы повредить матеріяльнымъ интересамъ погорѣльцевъ. Говорятъ, что еслибъ открылась цѣлая корпорація поджигателей, то страховыя общества (при этомъ преимущественно разумѣются иностранныя компаніи, у которыхъ русскія страховыя общества перестраховываютъ взятыя ими на страхъ имущества) получили бы вслѣдствіе того право не вознаграждать пожарныхъ убытковъ. Правда, говорятъ, что истину ни въ какомъ случаѣ и ни чему не слѣдуетъ приносить въ жертву и что поэтому не позволительно было бы и здѣсь преднамѣренно нарушать справедливость по отношенію къ акціонерамъ какъ иностранныхъ, такъ и русскихъ страховыхъ обществъ, въ интересѣ, хотя бы и сочувственномъ, погорѣльцевъ застраховавшихъ свои имущества. Но раскрытіе истины есть дѣло слѣдствія, а частное обнародованіе извѣстій, еще не подтвержденныхъ слѣдствіемъ и могущихъ однакоже, къ невыгодѣ погорѣльцевъ, усилить притязанія страховыхъ компаній, съ которыми погорѣльцамъ было бы трудно тягаться, во всякомъ случаѣ было бы дѣломъ лишнимъ и неблаговременнымъ. Такова аргументація, говорившая повидимому противъ гласности въ дѣлѣ пожаровъ, особенно симбирскихъ. Вникая однако же въ эту аргументацію, всякій легко замѣтитъ, что она можетъ имѣть силу только въ томъ случаѣ, когда за страховыми компаніями дѣйствительно есть право отказываться отъ платежа пожарныхъ убытковъ. Слѣдовательно, прежде всего надобно рѣшить вопросъ, имѣли бы или не имѣли бы иностранныя и русскія страховыя компаніи право отказываться отъ уплаты пожарныхъ убытковъ въ томъ случаѣ, еслибъ открылись цѣлыя организованныя общества поджигателей?

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что при перестраховкѣ имуществъ русскими компаніями въ иностранныхъ, послѣднія обязуются во всемъ подчиняться уставамъ дѣйствующихъ въ Россіи страховыхъ обществъ; этого мало: иностранныя компаніи не входятъ даже въ разсмотрѣніе того, соблюдены ли всѣ формальности необходимыя для признанія законными правъ страхователя на полученіе вознагражденія, и безпрекословно уплачиваютъ падающую на нихъ часть пожарныхъ убытковъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда законность правъ страхователя признана русскими компаніями, и когда вслѣдствіе того русскія компаніи принимаютъ на себя участіе въ платежѣ пожарныхъ убытковъ. Таково взаимное обязательство русскихъ и иностранныхъ страховыхъ обществъ, по взаимной перестраховкѣ (имѣющей цѣлью разравнять вѣроятность убытковъ): когда иностранная компанія платитъ своимъ страхователямъ, ей безпрекословно помогаетъ въ извѣстной долѣ компанія русская, и наоборотъ, когда русская компанія признаетъ себя обязанною платить, то иностранная компанія обязана приплачивать свою долю, не входя въ разбирательство дѣла. Такимъ образомъ вопросъ упрощается; остается имѣть дѣло только съ русскими компаніями, уставы которыхъ во всемъ существенномъ сходны между собою.

Что касается до этихъ компаній, то не было примѣра, чтобъ онѣ отказывались отъ платежа пожарныхъ убытковъ на томъ только основаніи, что пожаръ произошелъ

не отъ какой-либо несчастной случайности, а отъ поджога, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда причиной пожара былъ злонамѣренный умыселъ со стороны самого страхователя. Безпрекословно уплачиваются пожарные убытки и симбирскимъ погорѣльцамъ; почти всѣ они уже получили вознагражденіе, кромѣ развѣ тѣхъ, которые еще не представили требуемыхъ уставами страховыхъ обществъ засвидѣтельствованій мѣстнаго начальства. Все, что могло подать поводъ къ толкамъ объ отказѣ будто бы страховыхъ обществъ отъ уплаты пожарныхъ убытковъ въ Симбирскѣ, заключается въ томъ, что страховыя компаніи желали имѣть своего депутата при производствѣ слѣдствія о симбирскихъ пожарахъ; но и тутъ компаніи не настаивали на своемъ домогательствѣ.

Указываютъ еще на тотъ параграфъ уставовъ русскихъ страховыхъ обществъ, гдѣ неопредѣленно сказано что страховое общество обязывается платить, до послѣдняго истощенія своихъ капиталовъ, „за всякій ущербъ, *отъ неумышленнаго пожара* произойдти могущій“. Но этотъ параграфъ неясенъ только взятый отдѣльно: смыслъ употребленнаго въ немъ неопредѣленнаго выраженія вполнѣ разъясняется находящимся во всѣхъ уставахъ русскихъ страховыхъ обществъ подробнымъ исчисленіемъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ общество освобождается отъ обязанности вознаграждать пожарные убытки. Эти случаи суть слѣдующіе:

„a) Когда пожары произойдутъ чрезъ непріятельское нападеніе, воинскою силою, возмущеніемъ, гражданскими смутами, чрезъ землетрясеніе, или отъ урагановъ, или отъ взорванія пороховыхъ мельницъ или магазиновъ; пожаръ же, происшедшій отъ молніи, вознаграждается.

„b) Когда пожаръ произойдетъ отъ злаго и доказаннаго умысла со стороны отдавшаго на страхъ свое имущество“.

О томъ чтобы пожарные убытки не вознаграждались въ какихъ-либо другихъ случаяхъ, кромѣ вышеприведенныхъ, въ уставахъ нѣтъ ни слова. Что симбирскіе и многіе другіе изъ пожаровъ истекшаго лѣта произошли отъ поджоговъ—это почти несомнѣнно; но ни одно изъ обстоятельствъ, которыя могли бы лишить страхователей права на вознагражденіе, помимо ихъ собственной вины, не имѣло мѣста ни при одномъ изъ этихъ пожаровъ. Не было въ Симбирскѣ ни землетрясеній и ураганов, ни взорванія пороховыхъ мельницъ и магазиновъ, хотя можетъ-быть и были взрывы малыхъ количествъ пороха. Не было произведено на Симбирскъ и непріятельскаго нападенія; этотъ городъ не былъ сожженъ *воинскою силою*, дѣйствующею открыто: нѣсколько солдатъ не въ строю было бы нелѣпо называть воинскою силой. Никакой нѣтъ также возможности сказать, что симбирскіе пожары произошли *вслѣдствіе* возмущенія или *гражданскихъ смутъ*.

Допустимъ, что та огненная полоса, которая прошла по Россіи и которой главною жертвой былъ Симбирскъ, есть дѣло цѣлой организованной шайки, и что эта шайка имѣетъ какой-нибудь политическій характеръ; допустимъ во всей силѣ, что эта организованная шайка, дѣйствуя поджогами, имѣла своею цѣлію произвести возмущенія или гражданскія смуты въ странѣ; допустимъ все это, и спросимъ себя: что же изъ этого слѣдуетъ? Слѣдуетъ ли изъ этого, что страховыя компаніи могутъ отказываться отъ платежа пожарныхъ убытковъ на томъ основаніи, что виною пожаровъ были какія-либо тайныя общества иностраннаго или туземнаго происхожденія, которыя имѣли цѣлію произвести въ странѣ возмущенія или гражданскія смуты? Очевидно, нѣтъ. Компаніи не обязаны оплачивать только тѣ пожарные убытки, которые произошли *вслѣдствіе* возмущенія или гражданскихъ смутъ. Пожары могутъ быть слѣдствіемъ гражданскихъ смутъ; пожары могутъ также вести къ гражданскимъ смутамъ. Отъ уплаты за пожарные убытки, причиненные гражданскими смутами, компаніи увольняются; но ни въ какомъ случаѣ онѣ не могутъ быть освобождены отъ платежа убытковъ, причиненныхъ поджогами, имѣвшими цѣлію произвести смуты. Возможенъ случай, что народонаселенія, лишенныя крова и всего необходимаго, вслѣдствіе пожаровъ, какъ умышленныхъ, такъ и неумышленныхъ, сами въ отчаяніи произвели бы смуты; мало ли какія могутъ быть послѣдствія общественныхъ бѣдствій? Но возможныя послѣдствія пожаровъ отнюдь не освобождаютъ компаній отъ уплаты за причиненные страхователямъ убытки, если только сами страхователи не были злостными поджигателями своихъ домовъ. Итакъ, существованіе какого-либо тайнаго общества, которое имѣло бы цѣлію произвести посредствомъ поджоговъ граждан-

скія смуты въ странѣ, отнюдь не можетъ быть подведено подъ категорію возмущеній и гражданскихъ смутъ. Возмущенія и гражданскія смуты суть дѣйствія открытыя; это мятежъ, это междуусобная война. Недавній мятежъ въ Царствѣ Польскомъ—вотъ возмущеніе, вотъ гражданскія смуты. Пожары происходящіе среди вооруженнаго возстанія то же что пожары вслѣдствіе нашествія непріятельскаго; въ томъ и другомъ случаѣ страховыя компаніи отъ платежей освобождаются. Злоумышленники старались во время рѣшенія крестьянскаго вопроса поднять у насъ сельскія массы и произвести пугачевщину. Еслибы замыслы ихъ могли увѣнчаться успѣхомъ, еслибы произошли замѣшательства, среди которыхъ были бы обращены въ пепелъ усадьбы и города, то безъ всякаго сомнѣнія, и въ этомъ случаѣ, въ силу устава, страховыя отъ огня компаніи были бы освобождены отъ платежей за пожарные убытки. Но на всемъ протяженіи линіи пожаровъ, въ нынѣшнемъ году ничего подобнаго не было. Не было ни малѣйшихъ признаковъ ни возмущенія ни гражданскихъ смутъ; не было ни мятежей ни бунтовъ. Глубочайшій миръ царствовалъ въ городахъ и селахъ, когда начались пожары. Земскій миръ не былъ нарушенъ даже страшными бѣдствіями, которымъ подверглись цѣлыя народонаселенія вслѣдствіе этихъ пожаровъ. Стало-быть, нѣтъ не только основанія, но ни малѣйшаго предлога для страховыхъ обществъ уклоняться отъ платежей, еслибы даже и оказалось, что виною пожаровъ были какіе-нибудь злоумышленники, желавшіе произвести потрясеніе и смуты, или наказать жителей Симбирска за патріотическій духъ, которымъ ознаменовалъ себя этотъ городъ въ прошломъ году.

Нигдѣ на свѣтѣ *тайные* поджоги, изъ какихъ бы мотивовъ они ни происходили, не освобождаютъ страховыхъ обществъ отъ платежа пожарныхъ убытковъ, если только въ поджогахъ не замѣшаны сами страхователи. Съ этой стороны право симбирскихъ погорѣльцевъ твердо, и, какъ уже сказано, страховыя компаніи не оспаривали его.

№ 264.

Москва, 1-го декабря.

С.-Петербургскія Вѣдомости продолжаютъ вести полемику противъ московско-кіевской желѣзной дороги, которой польза впрочемъ, по ихъ мнѣнію, неоспорима. Онѣ, или собственно г. Н. О. пишущій въ нихъ адвокатскія статьи за линію кременчугскую, выражаютъ свое неудовольствіе на то, что мы будто бы ихъ попрекаемъ *шутками* и *фокусъ-покусами* за полное ихъ безпристрастіе (къ чему?) и уваженіе къ печатному слову. Мы не стоимъ за слова; очень можетъ быть что то что заключается въ статьяхъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* слѣдовало назвать не шутками и не фокусъ-покусами, а какимъ-нибудь другимъ именемъ. Выборъ имени мы охотно предоставляемъ публикѣ, а за собой считаемъ только обязанность доводить до свѣдѣнія читателей факты характеризующіе то „уваженіе къ печатному слову", которымъ хвалятся *С.-Петербургскія Вѣдомости*. Вотъ образчики изъ двухъ самыхъ послѣднихъ статей этой газеты, сѣтующей на насъ за „попреки" шутками и фокусъ-покусами.

Въ № 242 *Московскихъ Вѣдомостей* мы перепечатали изъ *Кіевлянина* прекрасную статью г. В. К. въ пользу московско-кіево-одесской дороги. Мы перепечатали эту статью, сопровождая ее благопріятнымъ о ней отзывомъ, и кромѣ того приводили изъ нея разныя данныя въ нашихъ передовыхъ статьяхъ. Но черезъ нѣсколько дней, прочитавъ какой-то нумеръ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, мы разомъ будто бы сознались, что не имѣемъ данныхъ для того чтобы ручаться за цифры *Кіевлянина*. Такъ повѣствуютъ *С.-Петербургскія Вѣдомости*. Какъ же было дѣло въ дѣйствительности? Статья *Кіевлянина*, нами перепечатанная, обильна цифрами. Если нельзя вѣрить ея цифрамъ, то вся она теряетъ значеніе. Заявивъ свое недовѣріе къ ея цифрамъ, мы тѣмъ самымъ осудили бы ее окончательно. Въ этомъ-то и хотятъ увѣрить *С.-Петербургскія Вѣдомости* своихъ читателей. Но дѣло вотъ въ чемъ. Въ статьѣ *Кіевлянина* было, между прочимъ, сказано, что московско-кіево-одесская дорога была бы на сто верстъ короче дороги московско-кременчуго-одесской. Это аргументъ сильный, и *С.-Петербургскія Вѣдомости* очень хорошо поняли, что его не-

обходимо устранить. Какъ же онѣ поступили? Протяженіе линіи кременчугской онѣ высчитали по наикратчайшему направленію, какое только допускаютъ ея неизбѣжные зигзаги. Еслибы *С.-Петербургскія Вѣдомости* искали истины, онѣ должны бы вычислить и протяженіе кіевской линіи на такомъ же основаніи, то-есть также по наикратчайшему возможному направленію. Но тогда оказалось бы, что кіевская линія дѣйствительно короче. Къ какому же фокусъ-покусу,—виноваты, къ какому же средству прибѣгли *С.-Петербургскія Вѣдомости?* Высчитавъ по кременчугской линіи прямыя разстоянія, онѣ присчитали 150 верстъ крюку къ линіи кіевской на томъ основаніи, что въ проектѣ сѣти, изданномъ отъ главнаго управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій для обсужденія, а не для исполненія, было предположено вести дорогу изъ Москвы въ Кіевъ не по прямому направленію, а съ большимъ зигзагомъ, о которомъ однакоже никакъ нельзя сказать, чтобъ онъ былъ неизбѣженъ, какъ неизбѣжны зигзаги кременчугской линіи. Такимъ образомъ къ удовольствію *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* оказалось, что кременчугская линія будетъ короче кіевской на 70 верстъ. Мы не могли оставить безъ упоминанія этотъ оригинальный способъ доискиваться истины въ такомъ важномъ для Россіи вопросѣ какъ вопросъ о направленіи южной желѣзной дороги. Съ своей стороны мы повторили свое прежнее утвержденіе, что кіевская линія, если ее вести безъ зигзаговъ, будетъ короче кременчугской, но прибавили, что, не имѣя въ виду точныхъ развѣдокъ, не можемъ, конечно, поручиться, чтобъ она была короче именно на сто верстъ, какъ сказано въ *Кіевлянинѣ.* Еслибы провести ее на Калугу и Черниговъ, то она была бы много короче чѣмъ на сто верстъ. Повторяемъ: такъ какъ развѣдокъ еще не сдѣлано, да и самое направленіе кіевской дороги еще не рѣшено окончательно, то мы не стали бы спорить, еслибы кто-нибудь сказалъ, что она будетъ короче кременчугской не на 100 верстъ, а на 120 или на 80. Вотъ что мы думали и вотъ что мы сказали. Вотъ о какой цифрѣ *Кіевлянина* шла у насъ рѣчь, и вотъ откуда *С.-Петербургскія Вѣдомости* почерпнули свое сказаніе, будто мы теперь уже и вообще не ручаемся за цифры *Кіевлянина!* Не правда ли что пускать въ публику подобныя сказанія значитъ обнаруживать примѣрное уваженіе къ печатному слову?

Вотъ другой образчикъ. *С.-Петербургскія Вѣдомости,* приводя доказательства въ пользу кременчугской и противъ кіевской линіи, въ числѣ этихъ доказательствъ выставляли на видъ и то, что по кременчугской линіи пойдетъ бессарабскій табакъ. Довѣрчивый читатель долженъ былъ изъ этого заключить, что стало-быть бессарабскій табакъ по кіевской линіи не пойдетъ. На дѣлѣ же бессарабскій табакъ пойдетъ какъ по той, такъ и по другой линіи, но ему, разумѣется, будетъ все-таки удобнѣе идти по линіи болѣе краткой, то-есть по кіевской. Слѣдовательно, для бессарабскаго табаку кіевская линія выгоднѣе чѣмъ кременчугская. Зачѣмъ же было дѣлать черное бѣлымъ? Указывая на эту странную игру въ жмурки съ публикой, мы прибавили, что кромѣ бессарабскаго табака въ Россіи есть еще табакъ роменскій, для котораго будетъ огромная польза отъ линіи кіевской, а отъ кременчугской линіи не будетъ никакой пользы. Не слѣдуетъ ли изъ этого что для табачнаго производства, очевидно имѣющаго въ Россіи будущность, была бы важна не кременчугская, а именно кіевская линія? Это очевидно для всякаго, у кого глаза не завязаны, но *С.-Петербургскія Вѣдомости* должно-быть твердо увѣрены, что никто не развяжетъ глазъ ихъ читателямъ, а потому нисколько не конфузясь, онѣ проходятъ мимо существенной части нашего замѣчанія, и игриво отдѣлываются тѣмъ, что желаютъ всего лучшаго роменскому табаку, получающему отъ нихъ почетное имя махорки. Для вида онѣ возражаютъ намъ что онъ не пойдетъ на югъ. Какъ будто мы когда-нибудь говорили, что роменскій табакъ пойдетъ въ Бессарабію! Далѣе *С.-Петербургскія Вѣдомости* упоминаютъ, что съ юга идетъ въ Москву преимущественно бессарабскій табакъ, а роменскій будетъ направляться на Витебскъ. Этимъ онѣ даютъ своимъ читателямъ поводъ подумать, будто роменскій табакъ вовсе не идетъ въ Москву. Но это не вѣрно. Роменскаго табаку доставляется въ Москву не менѣе 300.000 пудовъ ежегодно, что потребовало бы почти по два вагона въ день, а желѣзная дорога легко утроила бы это количество. Цѣны за провозъ отъ Ромна до Москвы, теперь отъ 65 до 70 к. за пудъ, мало содѣйствуютъ развитію этой торговли, тѣмъ болѣе что значи-

тельной части роменскаго табака (около 100.000 пудовъ) предстоитъ дальнѣйшее путешествіе изъ Москвы на Ирбитъ. Можно ли отрицать, что московско-кіево-одесская дорога будетъ гораздо полезнѣе для бессарабскаго и роменскаго табаку чѣмъ кременчугская? Можно ли отрицать, что *С.-Петербургскія Вѣдомости*, своимъ разсужденіемъ о бессарабскомъ табакѣ, услужили не кременчугской, а кіевской линіи? Но онѣ и теперь въ этомъ не сознаются: онѣ, видите, заговорили о бессарабскомъ табакѣ при соображеніяхъ о кременчугской линіи только потому что черезъ Кременчугъ Бессарабія получала бы прямымъ путемъ нужные ей русскіе продукты. Итакъ когда шла рѣчь о бессарабскомъ табакѣ, то надобно было разумѣть не бессарабскій табакъ, который направлялся бы внутрь Россіи, а какіе-то русскіе продукты, которые будутъ направляться извнутри Россіи въ Бессарабію болѣе прямымъ путемъ на Кременчугъ, нежели на Кіевъ. Желательно было бы знать какіе это такіе русскіе продукты? *С.-Петербургскія Вѣдомости* указываютъ что они пойдутъ въ Бессарабію изъ Харьковской и Полтавской губерній, но изъ этого указанія нельзя еще уразумѣть о какихъ русскихъ продуктахъ шла рѣчь подъ иносказательнымъ именемъ бессарабскаго табака. Не подлежитъ спору, что если пройдетъ дорога на Кременчугъ, то Бессарабія будетъ соединена ею съ Харьковомъ и Полтавой, а не съ Кіевомъ. Но изъ одной этой несомнѣнной истины еще не видно что̀ для Бессарабіи лучше. Намъ кажется, что такъ какъ кіевская линія прямѣе кременчугской, то она и должна быть выгоднѣе для сношеній между Бессарабіей и внутреннею Россіей.

Но всего разительнѣе слѣдующій третій образчикъ уваженія *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* къ печатному слову. Онѣ хватаются за одну нашу фразу, на которую ссылались недавно и другіе, и къ которой мы сами имѣли на дняхъ случай возвратиться. Это фраза слѣдующая: „свяжите Кіевъ съ Одессой прежде нежели съ Москвой, и Россія много потеряетъ въ своемъ могуществѣ и благосостояніи.“ *С.-Петербургскія Вѣдомости* выписываютъ эту фразу и принимая за несомнѣнное, что Кіевъ не можетъ быть теперь же связанъ съ Москвой, приходятъ къ заключенію, что Кіева не слѣдуетъ связывать и съ Одессой, и стало-быть дорогу изъ Балты надобно вести не на Кіевъ, а на Кременчугъ. Такъ-де выходитъ изъ словъ самихъ *Московскихъ Вѣдомостей.* Но почему же Кіевъ не можетъ быть связанъ съ Москвой? Гдѣ тому непреоборимое препятствіе? Развѣ не о томъ и толки теперь, какое направленіе избрать для южной линіи? И если для южной линіи правительство выберетъ направленіе на Кіевъ и Одессу, то развѣ Москва не будетъ соединена съ Кіевомъ въ то же самое время, когда Кіевъ будетъ связанъ съ Одессой? Все дѣло въ томъ и состоитъ, чтобы рѣшить какая изъ возможныхъ южныхъ линій всего нужнѣе. Подъ южными линіями разумѣется линіи идущія отъ Москвы къ Черному морю. Такихъ линій можетъ быть три: одна изъ Москвы къ одному изъ Крымскихъ портовъ, другая изъ Москвы къ Одессѣ на Кременчугъ и третья изъ Москвы къ Одессѣ на Кіевъ. Какое же надобно имѣть понятіе о логикѣ своихъ читателей, чтобы ссылаться на вышеприведенныя наши слова въ доказательство превосходства кременчугской линіи передъ кіевскою?

Но этого мало.

Мы твердо вѣримъ, умозаключаютъ *С.-Петербургскія Вѣдомости*, что Кіевъ не будетъ связанъ съ Москвой желѣзною дорогой. А связать Кіевъ съ Одессой прежде чѣмъ съ Москвой значитъ причинить ущербъ русскому могуществу и благосостоянію: такъ сказано и въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ.* Ergo: не будемте строить желѣзную дорогу изъ Балты въ Кіевъ; повернемте дорогу изъ Балты на право, повернемте ее даже не подъ прямымъ угломъ на право, а подъ острымъ, то-есть поведемте ее немножко назадъ, лишь бы не связать Кіева съ Одессой прежде чѣмъ съ Москвой. Въ этомъ силлогизмѣ пригодились *Московскія Вѣдомости.* Но вотъ предполагается, что дѣло обдѣлано, и дорога поведена на Кременчугъ. Что же тогда, читатель? Если было опасно связывать Кіевъ съ Одессой прежде чѣмъ съ Москвой, то не во сто ли разъ опаснѣе связывать Кіевъ и съ Одессой и съ Варшавой прежде нежели съ Москвой? Ни чуть не бывало. *С.-Петербургскія Вѣдомости*, не переводя духа, въ той же самой статьѣ гдѣ ссылались на *Московскія Вѣдомости*, предаются мечтамъ о важномъ значеніи желѣзной дороги изъ Кіева въ Брестъ-Литовскій, куда уже строится желѣзная дорога изъ Варшавы. Связать Кіевъ съ Брестомъ будетъ очень полезно въ

стратегическомъ отношеніи, и тогда, тогда все измѣнится. Кіевъ опасно связывать съ Одессой пока онъ не связанъ съ Москвой. Но свяжите Кіевъ съ Брестомъ, и тогда будетъ полезно вести изъ Кіева рельсовой путь къ Балтѣ, на соединеніе съ Одессой, хотя бы и не поспѣла тогда желѣзная дорога изъ Кіева въ Москву.

Кіевъ можетъ быть благовременно связанъ съ Москвой только въ томъ случаѣ, когда для южной желѣзной дороги будетъ избрано направленіе на Кіевъ. Если вы для того не хотите связывать Кіевъ съ Москвой чтобы связать его съ Брестомъ-Литовскимъ и Варшавой, то дѣйствительно оказывается невозможнымъ называть вашу аргументацію просто шуткой или фокусъ-покусомъ.

Серіозное преніе идетъ теперь о томъ, какое направленіе должно быть избрано для южной желѣзной дороги, имѣющей соединить Москву съ Чернымъ моремъ. Изъ многихъ линій предстоитъ избрать одну, такую, которая удовлетворила бы главнымъ потребностямъ Россіи и имѣла бы значеніе первоклассной линіи, lignemère. Такая линія должна идти по возможности прямо; она не должна дѣлать зигзаговъ подъ острыми углами, какъ проектируемая кременчугская. Но идя по возможности прямо, она должна касаться возможно бо́льшаго числа значительныхъ городовъ (мы продолжаемъ придавать значеніе этому условію) и пролегать по мѣстностямъ населеннымъ, не имѣющимъ недостатка въ топливѣ. Всѣ эти условія соединяетъ въ себѣ линія московско-кіевско-одесская, гораздо болѣе чѣмъ какая-либо другая. Она имѣетъ всѣ данныя, чтобы стоять на первомъ мѣстѣ въ очереди сооруженія русскихъ желѣзныхъ дорогъ. Но съ другой стороны изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы послѣ ея сооруженія не было желательно сооруженіе и другихъ линій на югѣ. Если совокупность преимуществъ представляемыхъ московско-кіевско-одесскою линіей несравненно больше, то и за другими линіями, есть такія преимущества, которыхъ нѣтъ за линіей кіевскою. Этого никто не отрицаетъ. Отрицаютъ только то, чтобы по совокупности преимуществъ какая-либо изъ южныхъ линій могла спорить съ кіевскою. Вотъ въ чемъ все дѣло, и вотъ о чемъ надобно вести пренія, если хотѣть, чтобы они были серіозны.

№ 265.

Москва, 2-го декабря.

Кѣмъ бы ни было пущено въ ходъ извѣстіе о томъ, что въ непродолжительномъ времени военное положеніе будетъ снято въ нѣкоторыхъ частяхъ Польши и она будетъ окончательно поставлена подъ одно управленіе съ остальными частями Русской имперіи, несомнѣнно, что оно послужило въ пользу русскому дѣлу. Россія могла вполнѣ убѣдиться, что общественное мнѣніе Европы или сочувствуетъ этому единственно-возможному рѣшенію такъ-называемаго польскаго вопроса, или по меньшей мѣрѣ, остается къ нему равнодушно. Особенно интересно въ этомъ отношеніи приведенное въ № 262 *Московскихъ Вѣдомостей* свидѣтельство *Daily News*, что въ Англіи самое либеральное мнѣніе видитъ въ полномъ соединеніи Польскаго края съ Россіей счастливѣйшій жребій, какого можетъ пожелать себѣ Польша, тѣмъ болѣе что Россія вступаетъ теперь въ новую лучшую пору своего существованія.

Варшавскій Дневникъ опровергъ это извѣстіе въ томъ что̀ было въ немъ, очевидно невѣрнаго и вымышленнаго, какъ-то немедленное снятіе военнаго положенія и распоряженіе будто бы сдѣланное правительствомъ о поданіи адреса съ просьбой о полномъ сліяніи Царства Польскаго съ прочими областями Русской Имперіи. Но въ замѣчательной какъ по содержанію такъ и по изложенію статьѣ недавно появившейся въ *Варшавскомъ Дневникѣ* (русскомъ), которую перепечатываемъ ниже, сказано между прочимъ:

„......Эта идея, противъ которой мы боролись желѣзомъ и боремся теперь духомъ реформы, есть идея отдѣльной, самостоятельной Польши, идея, которая, въ продолженіе почти столѣтія, тревожитъ польское народонаселеніе, находящееся подъ властію трехъ раздѣлившихъ Польшу державъ, идея, которая составляетъ постоянно открытую язву этихъ державъ и служитъ одною изъ главныхъ помѣхъ къ утвержденію прочнаго мира въ Европѣ......

„Всякая мысль со стороны какой-либо группы этихъ гражданъ объ отдѣльной самостоятельности не можетъ быть признана ничѣмъ инымъ какъ вредною мечтой, а попытка къ ея осуществленію — какъ

„преступленіемъ. Политическая и граждан„ская жизнь Царства Польскаго неразрыв„но связана съ политическою и граждан„скою жизнію всего государства Русскаго, „и дальнѣйшее развитіе того и другаго не „можетъ совершаться иначе какъ сово„купно".

Въ настоящее время, когда по свидѣтельству австрійскаго министра полиціи, всесвѣтная революціонная партія имѣетъ въ виду направить всѣ свои удары па Австрію, и избрать свою главную операціонную линію въ нашемъ сосѣдствѣ—въ Галиціи, когда крестьянская реформа въ Царствѣ Польскомъ, послѣ долгихъ, слишкомъ затянувшихся приготовительныхъ работъ, вступаетъ еще въ первый свой періодъ,—періодъ, когда правительству придется сводить счеты и съ помѣщиками, и съ крестьянами,—когда школьная и монастырская реформы и еще предстоящая реформа латинскаго духовенства, безъ сомнѣнія, возбудили всю злобу его противъ Россіи, въ настоящее время невозможно было ожидать, чтобы правительство рѣшилось снять военное положеніе. Но не будутъ же военное положеніе и военно-полицейская диктатура вѣчною формой правленія въ Польшѣ: можно надѣяться, что несмотря на возбужденія извнѣ, страсти мало-помалу улягутся, предпринятыя реформы будутъ до извѣстной степени осуществлены и принесутъ краю добрые плоды, общественный порядокъ будетъ установленъ на прочныхъ основаніяхъ, и тогда мы снова встрѣтимся лицомъ къ лицу съ вопросомъ: „Что намъ дѣлать съ Польшей? Въ какія отношенія слѣдуетъ поставить ее къ остальнымъ частямъ Россіи?" Вопросъ этотъ теоретически долженъ быть рѣшенъ уже въ настоящее время, съ тѣмъ чтобы когда наступитъ время, возможно было привести въ исполненіе принятое рѣшеніе безъ малѣйшихъ колебаній; къ тому же отъ того или другаго рѣшенія его зависитъ въ настоящее время и то или другое направленіе предпринятыхъ въ Польскомъ краѣ реформъ.

Впрочемъ, этотъ вопросъ уже предрѣшенъ отчасти самимъ ходомъ событій, и не измѣняя своему историческому призванію, не отрекаясь отъ своего прошедшаго, не впадая въ крайнюю непослѣдовательность, Россія не можетъ идти въ этомъ вопросѣ другимъ путемъ, кромѣ того, на который какъ бы насильно, какъ бы вопреки собственной ея волѣ, наводятъ ее событія. Въ 1815 г. изъ частей великаго герцогства Варшавскаго было искусственно создано Царство Польское, почти только въ личномъ соединеніи съ Россіей. Интересы Россіи были въ этомъ случаѣ ограждены лишь немногими условіями: а именно, право объявлять войну и заключать какіе бы то ни было трактаты и конвенціи было предоставлено конституціей 1815 г. исключительно Царю Польскому (ст. 40); отношенія по внѣшней политикѣ объявлены общими для Царства Польскаго со всею Россійскою Имперіей (ст. 8), хотя, впрочемъ, и у Польши не было отнято право непосредственныхъ сношеній съ иностранными государствами, и на сколько эти сношенія касаются одной Польши, они ввѣрялись состоявшему при особѣ Государя министру статсъ-секретарю Царства Польскаго (ст. 81); Государь предоставлялъ исключительно себѣ одному право опредѣлять мѣру участія Польши въ войнахъ Россіи, а равно и въ мирныхъ или торговыхъ ея договорахъ, впрочемъ съ тѣми ограниченіями, что польская армія не могла быть употребляема внѣ Европы (ст. 9 и 10). Но за этими немногими исключеніями, Польша была вполнѣ самостоятельнымъ государствомъ, имѣла свое особое войско, свою администрацію, представительныя учрежденія, правда, весьма неудовлетворительныя и поставленныя въ ложное положеніе къ верховной власти, но тѣмъ не менѣе предоставлявшія этому краю важное преимущество: общественныя должности, гражданскія и военныя, не могли быть замѣщаемы иначе какъ Поляками (ст. 29), и всѣ публичныя дѣла: административныя, судебныя и военныя должны были вестись, *безъ всякаго исключенія*, на польскомъ языкѣ, такъ что русскій языкъ въ этомъ краѣ, присоединенномъ къ Россіи силой русскаго оружія, русскій языкъ лишенъ былъ всякихъ правъ гражданства. Впрочемъ, если Русскій пріобрѣтетъ помѣстье и право гражданства въ Царствѣ Польскомъ и преобразится въ Поляка, то дозволялось допускать его къ публичнымъ должностямъ, требуя, впрочемъ, чтобъ онъ прожилъ пять лѣтъ въ новомъ своемъ отечествѣ, и былъ безукоризненнаго поведенія (ст. 33). Вотъ въ какое положеніе поставлялись въ Царствѣ Польскомъ уроженцы той самой Россіи, которая, съ своей стороны, въ то же время не полагала никакого различія меж-

ду коренными русскими дворянами и дворянами польскаго, нѣмецкаго и шведскаго происхожденія, и всѣхъ съ равною охотой принимала къ себѣ въ почетную государственную службу. Наконецъ, при самомъ зарожденіи этого новаго польскаго государства, ему дано было обѣщаніе, правда неопредѣленное, распространить его предѣлы на счетъ истинно-русской земли

Противоестественное положеніе, которое было создано въ 1815 г., не замедлило принести свои плоды: Поляки подняли свое оружіе противъ той же самой верховной власти, которой были обязаны возстановленіемъ и своего національнаго имени, и своей политической самобытности. Россія снова покорила эту страну силой своего оружія, и императоръ Николай I, въ манифестѣ отъ 14-го февраля 1832 г., заявилъ свою твердую державную волю „установить будущія судьбы Царства Польска„го на прочныхъ основаніяхъ, сообразно „съ потребностями и съ благосостояніемъ „всей Русской Имперіи, такъ чтобы Цар„ство Польское было лишь одною изъ со„ставныхъ частей Всероссійской имперіи, „и чтобъ обитатели Царства Польскаго „впредь составляли одну націю съ Русски„ми.“ Эта мысль высочайшаго манифеста получила почти полное развитіе въ сопровождавшей его основной грамотѣ Царства Польскаго. Въ силу этой грамоты Царство Польское объявлялось навсегда присоединеннымъ къ Русской имперіи и составляющимъ нераздѣльную часть ея (ст. 1), должно было въ извѣстной пропорціи участвовать въ общихъ издержкахъ и нуждахъ имперіи (ст. 14), имѣть общую съ ней армію, безъ различія въ ней русскихъ и польскихъ войскъ (ст. 20), при чемъ всѣ законодательныя мѣры и другія мѣры великой важности, которыя должны быть предварительно соглашены съ законами, дѣйствующими въ другихъ частяхъ имперіи и съ общимъ благомъ, должны были впредь подвергаться предварительному разсмотрѣнію государственнаго совѣта имперіи. Почему при немъ и былъ учрежденъ департаментъ польскихъ дѣлъ, съ назначеніемъ членовъ его какъ изъ Русскихъ, такъ и изъ Поляковъ (ст. 31). Въ послѣдствіи, 6-го сентября 1841 г., государственный совѣтъ Царства Польскаго и особый верховный судъ были вовсе упразднены и замѣнены двумя варшавскими департаментами правительствующаго сената имперіи.

Какъ мы уже имѣли случай замѣтить однажды, разсуждая о системѣ народнаго образованія, господствовавшей въ Царствѣ Польскомъ въ царствованіе императора Николая I, въ сужденіи о временахъ недавнихъ мы очень наклонны смѣшивать цѣль съ средствами, употребленными для ея достиженія, и осужденіе послѣднихъ распространять и на первую. Цѣль, заявленная въ манифестѣ 14-го февраля 1832 г., была по истинѣ высокая: она внушена была русскимъ патріотическимъ чувствомъ и истинно государственнымъ умомъ, и была согласна съ общимъ благомъ и Россіи и Польши. Но по несчастію, средства, употребленныя для ея достиженія, не вполнѣ ей соотвѣтствовали, и должны были поселить между Русскими и Поляками не духъ братскаго единенія, какъ сказано было въ манифестѣ, а чувства, раздѣляющія обыкновенно притѣснителей и притѣсненныхъ. Принявъ въ основаніе, что Царство Польское есть только часть Русской имперіи, и что въ Русской имперіи можетъ быть только одна политическая нація—русская, основная грамота 1832 года, съ одной стороны, останавливалась на половинѣ пути, а съ другой, была примѣняема въ духѣ рѣшительнаго недовѣрія къ свободному теченію жизни и къ силамъ общественнымъ. Политическому слиянію Польши съ Россіей много препятствовала ея административная отдѣльность. Прекращая политическую самобытность ея, Императоръ Николай I сохранилъ за нею очень близко подходящую къ ней самобытность административную, по всѣмъ отраслямъ управленія, и особую отъ имперіи казну, причемъ перечисленіе изъ Россіи въ Польшу и обратно было затруднено, и русскому языку не были даны по крайней мѣрѣ равныя съ языкомъ польскимъ политическія права: послѣдній остался официяльнымъ языкомъ въ Царствѣ Польскомъ для всѣхъ дѣлъ административныхъ, военныхъ и гражданскихъ (ст. 16 и 34 основной грамоты). Недостаточное вниманіе къ живымъ общественнымъ силамъ обнаружилось, между прочимъ, и въ томъ, что рука законодателя, до самаго указа 1846 г. (о крестьянахъ въ Царствѣ Польскомъ), нисколько не коснулась крайне ненормальныхъ общественныхъ отношеній въ этомъ краѣ.

Для исполненія той великой задачи, которая имѣлась въ виду въ 1832 году, для объединенія Русскихъ и Поляковъ, для со-

зданія изъ нихъ одной политической націи, настоящее время располагаетъ совсѣмъ другими, несравненно бо́льшими и лучшими способами. Послѣ недавняго тяжкаго опыта, который еще разъ убѣдилъ какъ невозможно предоставлять Полякамъ какую бы то ни было самобытность въ политической сферѣ, Россія вступила на путь преобразованій въ Царствѣ Польскомъ, завершеніемъ которыхъ можетъ быть только окончательное включеніе этого края въ общій составъ Русской Имперіи. Крестьянская реформа, которая въ этомъ отношеніи имѣетъ наибольшее значеніе, только въ такомъ случаѣ не обратится противъ Россіи, если крестьяне Царства Польскаго будутъ считать себя не Поляками, а гражданами Русскаго государства и стало-быть Русскими, но для этого необходимо, чтобы губерніи Польши считались составными частями Русской Имперіи, на общемъ положеніи со всѣми русскими губерніями. Въ противномъ случаѣ, разобщенные съ Россіей и призванные къ новой общественной жизни, польскіе крестьяне могутъ стать опорой не правительства законнаго и русскаго, а національныхъ польскихъ притязаній, пока будетъ оставаться хоть тѣнь особаго польскаго государства. Въ настоящее время въ польскихъ крестьянахъ еще не возникло чувство польской національности; но неужели можно думать, что мы въ состояніи создать изъ нихъ совсѣмъ другую польскую національность, взамѣнъ той, которая существуетъ въ наличности и отличительный признакъ которой есть ничѣмъ незамиримая враждебность къ Россіи?

Впрочемъ направленіе, въ которомъ совершается крестьянская реформа въ Польскомъ краѣ, идетъ теперь согласно съ интересами Россіи: она служитъ естественнымъ проводникомъ русскаго языка въ польскихъ населеніяхъ. Ликвидаціонные проекты и табели должны быть составляемы на русскомъ и польскомъ языкахъ вмѣстѣ; просьбы и жалобы участковымъ коммиссарамъ и крестьянскимъ коммисіямъ могутъ быть равно приносимы на русскомъ и польскомъ языкахъ; надписи на тѣхъ билетахъ, которые служатъ отличительнымъ признакомъ новыхъ гминныхъ войтовъ, точно также сдѣланы на обоихъ языкахъ; наконецъ высочайшіе указы и постановленія учредительнаго комитета печатаются въ оффиціяльной польской газетѣ на обоихъ языкахъ, и правительство считаетъ нужнымъ имѣть свою газету и на русскомъ языкѣ. Русская рѣчь послышалась польскимъ крестьянамъ одновременно съ вѣстью объ ихъ освобожденіи. Будемъ же надѣяться, что близко то время, когда польскій вопросъ навсегда будетъ изъятъ изъ международнаго вѣдомства съ большею рѣшительностью чѣмъ это было сдѣлано въ 1832 г., и что онъ будетъ вовсе упраздненъ внутри самой Русской имперіи: ближайшій и надежнѣйшій путь къ тому указанъ исторіей...

№ 266.

Москва, 3-го декабря.

Одно изъ самыхъ существенныхъ и глубокихъ отличій хода дѣлъ въ Англіи есть то, что законодательныя мѣры никогда не условливаются тамъ какими-либо отвлеченными соображеніями или законодательствомъ другихъ странъ. Въ Англіи, законодатель отправляется отъ даннаго положенія дѣлъ, на которое простирается его дѣятельность, и имѣетъ въ виду измѣнить его лишь по тѣмъ мотивамъ, которые представляются въ самомъ же этомъ положеніи дѣлъ. Ему нѣтъ надобности до того, что во Франціи и Германіи есть по такому-то предмету такой-то законъ; ему надобно только знать, требуется ли и въ какой мѣрѣ, въ какомъ смыслѣ, требуется измѣненіе въ существующемъ положеніи вещей. Законъ имѣетъ своею единственною цѣлью опредѣлить и устроить возможно удовлетворительнѣйшимъ способомъ дѣйствительно существующія въ данной средѣ отношенія; онъ имѣетъ своимъ назначеніемъ вѣдать данное положеніе вещей и опредѣлять ту или другую сферу общественной дѣятельности; а потому въ немъ не должно быть ни общихъ мѣстъ, которыя къ дѣлу не относятся,—безсильныхъ и незрячихъ отвлеченностей,—ни случайныхъ заимствованій изъ чужихъ законодательствъ. Такъ, впрочемъ, исторически развивалось законодательство не въ одной Англіи, но и во всѣхъ странахъ на свѣтѣ. Только лишь начиная съ нынѣшняго столѣтія образовался на европейскемъ материкѣ навыкъ законодательствовать по отвлеченнымъ понятіямъ и по чужимъ образцамъ. Начинаютъ не съ того что̀ дано въ подлежащей законодательству средѣ, а съ какой-либо отвлеченной а́ксіомы и вниманіе

главнымъ образомъ обращаютъ не на то что дано въ отношеніяхъ подлежащихъ законодательству, а на готовыя законоположенія другихъ странъ. Французскій законодатель смотритъ прямо или искоса на англійскіе законы, и прилаживается къ нимъ, а нѣмецкій къ французскимъ, и т. д. Съ тѣмъ вмѣстѣ, въ континентальной Европѣ, развилась склонность къ такого рода законодательнымъ мѣрамъ, которыя являлись бы на свѣтъ какъ Минерва изъ головы Юпитера, и которыхъ главное достоинство заключалось бы не въ томъ чтобъ уловлять жизненный нервъ существующаго положенія дѣлъ, а чтобы представлять собою возможно болѣе симметрическую систему главъ и параграфовъ.

Когда возникъ у насъ вопросъ о необходимости измѣненія тѣхъ условій, въ которыхъ находится наша печать, то мы высказались въ пользу такихъ мѣръ, которыя, отправляясь отъ даннаго положенія, имѣли бы въ виду не столько систематическій, все предусматривающій и предопредѣляющій кодексъ, сколько рядъ частныхъ законоположеній, которыя на самой практикѣ развивались бы и дополнялись бы одно изъ другаго. Рядъ частныхъ законодательныхъ мѣръ имѣетъ то неоцѣненное преимущество, что онъ ведетъ послѣдовательно, шагъ за шагомъ, къ уразумѣнію истинныхъ потребностей и къ вѣрнѣйшей оцѣнкѣ существующихъ отношеній. Частныя законодательныя мѣры, удовлетворяющія каждый разъ ясно сознанной потребности, явственно обозначаютъ какія правила могутъ имѣть силу, какія не могутъ и какія окажутъ на практикѣ дѣйствіе совершенно противное мысли законодателя. Рядъ частныхъ мѣръ избавляетъ отъ необходимости приглядываться къ чужимъ законодательствамъ, съ намѣреніемъ заимствовать изъ нихъ готовыя положенія для пополненія пробѣловъ искусственно-созидаемой системы, и такимъ образомъ проектировать для существующаго у насъ положенія вещей правила, часто не имѣющія у насъ никакого примѣненія, ни изъ чего не вытекающія, представляющія формулы отношеній принадлежащихъ совершенно иной средѣ. Могутъ ли, напримѣръ, соотвѣтствовать положенію печати у насъ постановленія французскаго законодательства по этому предмету, которыя слагались путемъ столькихъ революцій, и которыя часто носятъ на себѣ случайныя отпечатки борьбы столькихъ партій, столькихъ династій, столькихъ формъ правленія? Или, можетъ ли, въ какой бы то ни было мѣрѣ, послужить намъ образцомъ исторія законодательства, по дѣламъ печати въ Германіи, при той громадной общественной разнородности, какую представляетъ, въ сравненіи съ Россіей, эта страна книгодѣлія, университетовъ и профессоровъ. Еще не такъ давно въ Пруссіи журналистика не имѣла почти никакого значенія и подлежала строгой предварительной цензурѣ, въ то время какъ книжная литература по всѣмъ частямъ пользовалась почти неограниченною свободой. Въ Германіи теоретическое мышленіе поглощало всѣ лучшія умственныя силы общества; интересы этой сферы господствовали надъ всѣмъ; политической жизни не было, и общественные интересы группировались главнымъ образомъ вокругъ университетовъ. При жалкомъ состояніи журналистики книжное дѣло развивалось въ громадныхъ размѣрахъ. При такомъ положеніи дѣлъ весьма естественно произошло законодательство, которое рѣзко отличило книгу посвященную отвлеченному изслѣдованію, отъ журналистики и литературныхъ явленій вызванныхъ текущимъ моментомъ. Законодатель, съ одной стороны, имѣлъ предъ собой страшное плодородіе книгъ, преимущественно научнаго содержанія, въ которыхъ выражалась главнымъ образомъ вся производительность націи, а съ другой—ничтожную, не имѣющую никакого значенія журналистику; и потому онъ весьма естественно пришелъ къ распоряженію, предоставившему полную свободу сочиненіямъ посвященнымъ теоретическому изслѣдованію, которыя онъ сгруппировалъ посредствомъ внѣшняго признака *книги въ двадцать листовъ*. Законодатель былъ увѣренъ, что эта группа представитъ собою главнымъ образомъ ту дѣйствительную силу, которая въ Германіи уже издавна пользовалась полнымъ и безпрепятственнымъ развитіемъ, и которая въ своемъ развитіи приняла громадныя размѣры, такъ что законодательство сформулировало только то, что уже было признано въ принципѣ и существовало на практикѣ. Но теперь спрашивается, могла ли бы прямо соотвѣтствовать существующему у насъ положенію дѣлъ подобная формула, заимствованная изъ исторіи прусскаго законодательства? Оказалось ли бы что-нибудь опредѣлен-

ное, изъ дѣйствительности взятое, въ законодательной формулѣ, которая отличила бы сочиненія заключающія въ себѣ не менѣе 20-ти листовъ и изъяла бы ихъ отъ цензуры преимущественно передъ всѣми прочими явленіями печатнаго дѣла? Гдѣ у насъ ученые и мыслители, которые, зарывшись въ своемъ кабинетѣ, пишутъ многотомныя книги? Гдѣ у насъ тотъ особый классъ книгоиздателей, *ферлегеровъ*, которые въ Германіи сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ, все книгопечатаніе, такъ что мимо ихъ тамъ почти ничего не печатается и печататься не можетъ? Книга о двадцати листахъ есть признакъ совершенно случайный; но въ Германіи законодателю онъ бросался въ глаза и какъ бы навязывался ему, — а у насъ бросается ли этотъ признакъ въ глаза, характеризуетъ ли онъ что-нибудь? Руководствуясь этимъ признакомъ, можетъ ли законодательство разчитывать на достиженіе какой-либо опредѣленней цѣли? Будетъ ли оно имѣть въ виду цѣли охранительныя или цѣли либеральныя, во всякомъ случаѣ оно можетъ пройдти какъ мимо тѣхъ, такъ и мимо другихъ? У насъ книга въ двадцать листовъ не представляетъ собою явленія характеристическаго. Для того чтобы выпустить въ свѣтъ книгу о двадцати листахъ не требуется непремѣнно быть солиднымъ ученымъ или серіознымъ мыслителемъ: у насъ для этого чаще всего требуется быть недоучившимся школьникомъ, маракующимъ по-французски или по-нѣмецки настолько чтобы перевести съ того или съ другаго языка, съ грѣхомъ пополамъ и полуграмотно, книгу какого-нибудь односторонняго мыслителя, подходящаго подъ какой-либо извѣстный цвѣтъ, напечатать ее на дешевой бумагѣ и крупнымъ шрифтомъ, который бы разогналъ ся содержаніе на 20 листовъ, и потомъ сдать ее ярмарочнымъ книгопродавцамъ. Развѣ не расходятся у насъ во множествѣ переводныя сочиненія, которыя либо вовсе не имѣютъ серіознаго значенія у себя на родинѣ, либо уравновѣшиваются тамъ множествомъ капитальныхъ сочиненій по той же части, среди которыхъ онѣ имѣютъ значеніе весьма скромное? Не поражаетъ ли у насъ на каждомъ шагу прекуріозное явленіе, представляемое людьми малограмотными, которые въ дикомъ сумбурѣ вычурныхъ словъ будутъ цитовать вамъ, напримѣръ, Бокля, извѣстнаго у себя на родинѣ лишь въ литературно-образованныхъ кругахъ, не говоря уже о другихъ странахъ Европы. Если сообразить появляющіяся у насъ книги, то окажется, что несравненно бо́льшая часть состоитъ изъ переводовъ, которые дѣлаются не столько въ интересѣ науки, сколько въ угоду какому-либо случайно возникшему среди пишущей братіи повѣтрію, и назначаются вовсе не для спеціальной и даже не для образованной публики, а для людей по большей части совершенно неприготовленныхъ къ чтенію, которое имъ предлагается. Что же касается до сочиненій серіозныхъ, на которыя полагается капиталъ умственнаго труда, то окажется весьма немного такихъ, которымъ законъ о 20 листахъ окажетъ подобающее уваженіе. Выгодой этого закона главнымъ образомъ воспользуется трудъ переводчика, большею частію поверхностный, несамостоятельный, ученическій. Серіозный ученый или писатель пользующійся извѣстностью въ обществѣ, если пожелаетъ издать свою книгу экономнѣе, подвергнется предварительной цензурѣ какъ скоро его книга не дойдетъ до 20 листовъ, а переводъ сдѣланный по заказу какимъ-либо борзописцемъ, и въ случаѣ надобности разогнанный на 20 листовъ типографскими средствами, будетъ пользоваться привилегіею безконтрольнаго выхода въ свѣтъ. Во всякомъ случаѣ, намъ кажется, что не было бы опасности выдавать лицамъ, уже извѣстнымъ въ наукѣ и литературѣ, или занимающимъ извѣстное общественное положеніе, разрѣшеніе на безцензурный выпускъ ихъ трудовъ, безъ опредѣленія числа листовъ.

Во французскомъ кодексѣ относительно книгопечатанія находимъ мы законъ, которымъ поставляется въ обязанность журналу печатать отвѣтъ всякаго лица, названнаго или обозначеннаго въ томъ журналѣ, и при томъ такъ чтобы помѣщеніе отвѣта послѣдовало въ теченіе трехъ дней, а въ противномъ случаѣ издатель подвергается пенѣ отъ 50 до 500 франковъ; отвѣтъ же, который такимъ образомъ долженствуетъ быть напечатанъ, можетъ своимъ объемомъ превосходить вдвое, первоначальную статью, въ которой названъ либо обозначенъ авторъ этого отвѣта. Мы не будемъ входить въ изслѣдованіе тѣхъ обстоятельствъ, которыя заставили французскаго законодателя прибѣгнуть къ подобной мѣрѣ; но извѣстно, что на практикѣ, благодаря существованію сильной преданіями и авторитетомъ судебной власти, ко-

торая регулируетъ примѣненіе закона, благодаря также вліянію сильнаго общественнаго мнѣнія, мѣра эта смягчается на практикѣ и становится почти нечувствительною для французской журналистики. Спрашивается, есть ли у насъ такого рода обстоятельства, которыя вызывали бы законодателя на подобную мѣру? Можно ли въ какомъ-либо существенномъ интересѣ пожелать чтобы всякое лицо, котораго коснется статья журнала, могло явиться въ его редакцію съ требованіемъ немедленно напечатать отвѣтъ въ томъ же отдѣлѣ, тѣмъ же шрифтомъ, и притомъ въ размѣрахъ вдвое превосходящихъ первоначальную статью? Можетъ ли законъ, постановляя у насъ такое правило, не оградить ничѣмъ издателя журнала отъ произвола глупости, наглости, дерзости и всякаго рода интриги, въ особенности если журналъ имѣетъ политическій характеръ? У насъ политическая журналистика только что нараждается; у насъ журнальное дѣло, если вести его порядочно, добросовѣстно и честно, требуетъ самыхъ тяжкихъ усилій, нравственныхъ и физическихъ; а такое положеніе не отобьетъ ли порядочныхъ людей отъ журналистики? Не окажется ли подобная мѣра столько же излишнею для огражденія частныхъ лицъ, которыя всегда могутъ разчитывать на принятіе добросовѣстнаго объясненія во всякомъ честномъ журналѣ, пользующемся довѣріемъ и уваженіемъ публики, сколько пагубною для печати невисимой и честной? Еслибы какая-либо мѣра въ этомъ родѣ оказалась нужною, то не требуется ли сформулировать ее такъ чтобы она не оставляла мѣста ни для какой недобросовѣстной придирки и лжетолкованій? Рецензія книги касается также какого-либо лица, называетъ, обозначаетъ его. При неопредѣленности закона не сочтетъ ли себя каждый обиженный авторъ вправѣ требовать помѣщенія его отвѣта? Въ передовой статьѣ газеты рѣчь можетъ коснуться того или другаго лица, въ какомъ бы то ни было смыслѣ: неопредѣленность закона, скопированнаго съ французскаго образца, не подастъ ли поводъ недобросовѣстному человѣку и интригану требовать помѣщенія въ томъ же отдѣлѣ, тѣмъ же шрифтомъ, статьи вдвое обширнѣе первоначальной, хотя бы въ этой послѣдней заключалось лишь нѣсколько словъ, которыя относились бы къ автору возраженія? Не послужила ли бы эта неопредѣленность удобнымъ предлогомъ для вражды политической или личной принуждать редакцію къ печатанію мнѣній противныхъ направленію журнала? Не слѣдуетъ ли по крайней мѣрѣ обозначить, въ самыхъ опредѣленныхъ выраженіяхъ, случаи, которые могутъ давать право на обязательное помѣщеніе рекламацій отъ частныхъ лицъ въ журналѣ? Не слѣдуетъ ли ограничить право возраженія лишь поправкою фактической невѣрности? Опозореніе и поруганіе подлежитъ разбирательству уголовнаго суда. Но и во всякихъ другихъ случаяхъ, когда кто-либо считаетъ себя недовольнымъ или обиженнымъ, законодательство не должно предоставлять всякому быть судьею въ своемъ дѣлѣ и развѣдываться самоуправно. Сколько мы знаемъ, новый уставъ о книгопечатаніи не имѣетъ въ виду упразднять цензурные комитеты; а потому, еслибы потребовалось ввести въ наше законодательство право возраженія,—конечно, несравненно опредѣлительнѣе формулированное чѣмъ французское законоположеніе, — то нѣтъ никакой надобности отсылать возражателя непосредственно въ редакцію журнала. Управленіе по дѣламъ книгопечатанія и его комитеты могутъ служить естественными посредниками между обѣими сторонами, и они, на основаніи закона и по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, могли бы рѣшать должно ли, и въ какой мѣрѣ должно быть удовлетворено желаніе лица считающаго себя въ правѣ рекламировать.

Кстати, мы припоминаемъ, что въ одномъ изъ проектовъ новаго устава предоставляется цензурному комитету цѣлый годъ сроку для извѣщенія прокурора объ обнаруженныхъ преступленіяхъ или проступкахъ, учиненныхъ печатью. Мы позволяемъ себѣ замѣтить, что обстоятельства отнюдь не требуютъ предоставленія цензурнымъ комитетамъ столь долгаго срока для исполненія этой существенной, возлагаемой на нихъ обязанности. Нѣтъ никакой надобности оставлять Дамокловъ мечъ въ продолженіе цѣлаго года надъ журналомъ, между тѣмъ какъ для исполненія вышеозначенной обязанности съ избыткомъ достаточно шестинедѣльнаго срока или двухъ мѣсяцевъ.

Еще стѣснительнѣе и тягостнѣе трехлѣтній срокъ для подачи жалобы на оскорбленіе печатью, который предполагался въ проектѣ новаго устава. Три года! Но въ три года и журналъ можетъ прекратить

свое существованіе, и умереть его издатель! Не понятно, для чего могъ бы требоваться столь долгій срокъ для вчинанія иска по личному оскорбленію совершенному путемъ печати. Личное оскорбленіе въ печати дѣйствуетъ только тогда, когда оно еще въ свѣжей памяти у читателей, а не въ то время когда книга уже гніетъ на заднихъ полкахъ библіотекъ, а листокъ газеты можетъ быть и вовсе не существуетъ на свѣтѣ. При нынѣшнихъ средствахъ сообщенія, человѣкъ проживающій въ Америкѣ можетъ въ теченіе двухъ, трехъ мѣсяцевъ самымъ льготнымъ образомъ освѣдомиться объ оскорбленіи, нанесенномъ ему печатью въ Россіи, и выслать довѣренность на начатіе судебнаго иска. Мы полагаемъ, что и одного года съ избыткомъ достаточно на начатіе судебнаго иска за личное оскорбленіе учиненное путемъ печати.

№ 267.

Москва, 4-го декабря.

А.

Шлезвигъ-гольштейнскій вопросъ снова сталъ теперь средоточіемъ всей европейской политики. Франція, очевидно, желаетъ имъ воспользоваться какъ средствомъ чтобы разъединить Пруссію и Австрію, и имѣетъ въ виду до тѣхъ поръ не направлять конвенціи 15-го сентября противъ послѣдней, пока не достигнетъ этой ближайшей цѣли. Въ ожиданіи того какъ разрѣшится вопросъ шлезвигъ-гольштейнскій, будетъ покоиться и вопросъ венеціянскій и связанный съ нимъ вопросъ римскій. Къ этому заключенію приходитъ, между прочимъ, и англійскій журналъ *Saturday Review*, который, въ статьѣ отъ 10-го декабря, говоритъ, что французская дипломатія, судя по всѣмъ признакамъ, систематически поддерживаетъ Пруссію въ ея властолюбивыхъ притязаніяхъ, но что Тюльерійскій кабинетъ при настоящемъ возбужденіи національнаго чувства въ Германіи, очевидно, разсчитываетъ не на возможность „исправленія" границъ Франціи по Рейну, или образованія новаго Рейнскаго Союза, подъ покровительствомъ Франціи, а единственно на то, чтобъ уединить Австрію отъ Пруссіи и противъ первой направить всѣ удары своей политики какъ въ Венеціи, такъ можетъ-быть и въ Венгріи. Осуществленіе подобныхъ видовъ много будетъ зависѣть отъ того, въ какой мѣрѣ Пруссія заблагоразсудитъ упорствовать въ своихъ властолюбивыхъ замыслахъ, и въ какой мѣрѣ Австрія готова будетъ дѣлать ей уступки во избѣжаніе еще большихъ опасностей со стороны Франціи и Италіи.

Состоявшееся между Пруссіей и Австріей соглашеніе ближайшимъ образомъ простиралось только на вопросъ объ удаленіи федеральныхъ войскъ изъ Гольштейна. Австрія рѣшилась въ этомъ случаѣ на уступку, но какъ пишутъ изъ Вѣны въ *Лейпцигскую Газету*, съ тѣмъ вмѣстѣ она разослала циркулярную депешу ко всѣмъ германскимъ дворамъ, въ которой она просила ихъ вполнѣ положиться на нее въ томъ, что она сумѣетъ со всею рѣшительностью оградить права Германскаго Союза въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла, и въ то же время въ депешѣ, отъ 4-го декабря, препровожденной въ Берлинъ, представила проектъ общаго предложенія, которое должны сдѣлать Пруссія и Австрія германскому сейму по вопросу о престолонаслѣдіи. Замѣчательно при этомъ, между прочимъ, еще то, что благопріятное для Пруссіи заявленіе офиціяльной *Wiener Abendpost*, которое мы привели вчера въ „Послѣдней Почтѣ", тотчасъ же вызвало упрекъ со стороны полуофиціяльной вѣнской газеты *Botschafter*, считающейся органомъ г. фонъ-Шмерлинга, за то что *Abendpost* совершенно перешла на точку зрѣнія прусскихъ министерскихъ газетъ. Съ своей стороны *Abendpost* тотчасъ же поспѣшила заявить, что она считала излишнимъ дополнить свои разсужденія замѣчаніемъ, которое подразумѣвается само собою, но которое она теперь принуждена сдѣлать для успокоенія газеты *Botschafter*, — именно замѣчаніемъ, что она нимало не склоняется на сторону прусской присоединительной политики. По вопросу о союзѣ съ Пруссіей, разладъ, повидимому, все еще господствуетъ въ офиціяльныхъ сферахъ Австріи, несмотря на устраненіе графа Рехберга.

Что же касается до Пруссіи, то теперь и вѣнскіе корреспонденты различныхъ газетъ соглашаются, что она не сдѣлала Австріи никакихъ уступокъ въ вопросѣ о престолонаслѣдіи въ Герцогствахъ, и только обѣщала не медлить началомъ перего-

воровъ объ этомъ предметѣ. Дѣйствительно, около 9-го декабря, въ Вѣнѣ былъ, говорятъ, полученъ отвѣтъ изъ Берлина на австрійскую депешу отъ 4-го декабря, но отвѣтъ, въ которомъ Берлинскій кабинетъ отвергаетъ австрійскій проектъ общаго предложенія сейму, и обѣщаетъ представить на обсужденіе Вѣнскому кабинету свой собственный, который вызоветъ, безъ сомнѣнія, замѣчанія и исправленія, такъ что дѣло неминуемо затянется на долгое время. Впрочемъ, какъ пишутъ въ *Кельнскую Газету* изъ Берлина, отъ 10-го декабря, переговоры между Вѣной и Берлиномъ касаются только въ самыхъ общихъ чертахъ вопроса о престолонаслѣдіи, и главнѣйшимъ образомъ сосредоточиваются на вопросѣ о временномъ управленіи Герцогствами, которое еще не очень скоро будетъ установлено окончательно. Пруссія, продолжаетъ тотъ же корреспондентъ, пока держитъ про запасъ свои наслѣдственныя права на Шлезвигъ и Гольштейнъ, и они служатъ ей средствомъ къ тому, чтобы сдѣлать другихъ претендентовъ уступчивѣе къ ея требованіямъ; она вовсе и не предъявитъ ихъ офиціяльно, если какая-либо другая сдѣлка окажется возможною. Сами эти требованія Пруссіи могутъ быть только тогда формулированы со всею точностью, когда напередъ будутъ установлены военныя и морскія отношенія между Герцогствами и Пруссіей, а для этого необходимы мѣстныя изслѣдованія и дознанія, которыя потребуютъ времени. Необходимо также напередъ порѣшить вопросъ о каналѣ между Балтійскимъ и Нѣмецкимъ морями, направленіе котораго должно зависѣть, главнѣйшимъ образомъ, отъ стратегическихъ соображеній, и издержки на устройство котораго (приблизительно отъ 36 до 40 милліоновъ талеровъ) могутъ быть покрыты только займомъ, а заемъ можетъ состояться не иначе, какъ въ силу рѣшенія шлезвигъ-гольштейнскихъ чиновъ и за ручательствомъ Пруссіи, созваніе же чиновъ само по себѣ не можетъ послѣдовать такъ скоро, какъ того желаютъ въ Герцогствахъ. Словомъ, очевидно, что Пруссія не торопится окончательнымъ устройствомъ Герцогствъ, и надѣется выиграть свой процессъ съ Австріей, замедливъ какъ можно болѣе его рѣшеніе. При этомъ также очевидно, что она столько же почти дорожитъ присоединеніемъ къ себѣ Герцогствъ въ военномъ, морскомъ и дипломатическомъ отношеніяхъ, какъ и непосредственнымъ включеніемъ ихъ въ свой государственный составъ, понимая, какъ замѣчаетъ *Saturday Review*, что и въ первомъ случаѣ Герцогства будутъ весьма полезны для возрастанія ея могущества, а между тѣмъ этотъ видъ присоединенія ихъ не встрѣтитъ такихъ затрудненій и препятствій, и можетъ быть достигнутъ ею даже въ согласіи съ Австріей.

Этому согласію наиболѣе препятствуетъ теперь взаимное раздраженіе между Пруссіей и второстепенными государствами Германіи, и должно правду сказать, Пруссія, съ своей стороны, какъ бы умышленно употребляетъ всѣ усилія, чтобъ увеличить это раздраженіе. Такъ, между прочимъ, едва лишь состоялось рѣшеніе сейма, отъ 5-го декабря, о выводѣ федеральныхъ войскъ изъ Гольштейна, какъ вечеромъ того же дня изъ Берлина дано было знать саксонскому правительству, чтобъ оно поспѣшило вывести свои войска, съ тѣмъ чтобъ избѣжать дальнѣйшихъ столкновеній, а саксонское правительство, съ своей стороны, предписало своимъ войскамъ длинный маршрутъ на Гановеръ, Кассель и Гофъ, чтобы только обойдти прусскія владѣнія. Заявляя объ этомъ, *Дрезденскій Журналъ* выражаетъ надежду, что это взаимное раздраженіе не будетъ продолжительно; тѣмъ не менѣе онъ считаетъ не лишнимъ замѣтить, что когда споръ еще не былъ рѣшенъ, и Саксонія принялась за приготовленія къ войнѣ, она разсчитывала при этомъ не на свои только силы, но и на дѣятельную помощь другихъ членовъ Германскаго Союза, для полученія которой было необходимо принять всѣ мѣры къ своей оборонѣ.

Между тѣмъ какъ Франція поддерживаетъ властолюбивые замыслы Пруссіи, въ надеждѣ разъединить ее съ Австріей, а англійскіе государственные люди, какъ увѣряетъ *Saturday Review* вслѣдъ за лондонскимъ *Экономистомъ*, не могутъ не сочувствовать объединенію Германіи, къ которому стремится г. фонъ-Бисмаркъ, въ Берлинѣ пущены слухи, будто бы и Россія готова согласиться на прямое присоединеніе Герцогствъ къ Пруссіи, съ тѣмъ чтобы сѣверная часть Шлезвига была возвращена Даніи. Такая комбинація, конечно, лучше полнаго присоединенія Герцогствъ во всемъ ихъ составѣ. Равнымъ

образомъ, если Пруссіи ужъ суждено достигнуть осуществленія своихъ неправыхъ замысловъ, то очевидно лучше чтобъ она достигла своихъ цѣлей съ помощью Австріи нежели съ помощью Франціи. Но неужели можно думать, чтобы дѣла находились въ такомъ крайнемъ положеніи, и чтобы Пруссіи удалось присоединить къ себѣ Гольштейнъ и значительную часть Шлезвига, не столкнувшись ни съ одною изъ великихъ державъ и ничѣмъ не поплатившись?

Б.

Назадъ тому нѣсколько времени, въ иностранныхъ газетахъ, появилось извѣстіе будто бы мы, предвидя запрещеніе, которому должны были подвергнуться нѣкоторыя изъ нашихъ статей, заранѣе посылали въ цензурный комитетъ штрафныя деньги. Послѣ былъ распущенъ слухъ, будто бы мы отказываемся платить падающіе на насъ штрафы за несоблюденіе цензурныхъ правилъ. И то, и другое—выдумка, которую мы считаемъ своимъ долгомъ опровергнуть. Мы никогда не имѣли намѣренія, ни побужденія печатать что-либо противное существующимъ цензурнымъ правиламъ, которыя въ точности соблюдали, стало-быть не могли и ожидать, что подвергнемся штрафу, а тѣмъ менѣе посылать штрафъ заранѣе. Когда же цензурный комитетъ отнесся къ полиціи о взысканіи съ насъ штрафовъ за нѣкоторыя изъ статей помѣщенныхъ въ нашей газетѣ, то мы даже не воспользовались законными основаніями для отклоненія отъ себя этого распоряженія. Мы могли желать, чтобы на основаніи высочайшаго постановленія, дѣло предварительно подверглось судебно-полицейскому разбирательству, но встрѣтивъ нѣкоторыя затрудненія, не настаивали и на этомъ, а по предъявленному намъ отъ отъ Московской управы благочинія требованію цензурнаго комитета сполна уплатили сумму, которая была на насъ насчитана: въ № 212 за передовую статью по поводу брошюры Шедо-Ферроти (и за статью г. Маслова); въ № 216 за передовую статью по поводу брошюры Шедо-Ферроти (и за статью г. Лонгинова, а также за письмо въ редакцію за подписью „Русскій“); въ № 250 за передовую статью объ эстляндскомъ дворянствѣ; въ № 254 за передовую статью о сепаратизмѣ (и также за статьи: агитація въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, за перепечатанный отрывокъ изъ письма курляндско-бельгійскаго публициста Ф., и за перепечатанные изъ кіевскихъ газетъ, съ значительными, впрочемъ, выпусками, отзывы о брошюрѣ Шедо-Ферроти).—Всего въ сложности пятьсотъ пятьдесятъ рублей серебромъ.

№ 268.

Москва, 5-го декабря.

Въ № 265-мъ *Московскихъ Вѣдомостей* мы согласились въ передовой нашей статьѣ на замѣчательную по своему содержанію и изложенію статью *Варшавскаго Дневника* (русскаго), которую и перепечатали въ томъ же нумерѣ почти сполна. Въ этой статьѣ было, между прочимъ, „сказано: Идея, противъ которой мы боролись желѣзомъ и „боремся теперь духомъ реформы, есть идея „*отдѣльной, самостоятельной* Польши... „Политическая и гражданская жизнь Царства Польскаго неразрывно связана съ „политическою и гражданскою жизнію всего государства Русскаго, и дальнѣйшее „развитіе того и другаго не можетъ совершаться иначе какъ совокупно. *Чѣмъ скорѣе и чѣмъ полнѣе уничтожатся всякая „между ними рознь и всякое раздѣленіе, „тѣмъ будетъ лучше для обоихъ*“. И вотъ черезъ нѣсколько дней, въ № 49-мъ той же самой газеты, мы встрѣчаемъ статью, гдѣ доказывается, что единство Царства Польскаго съ Русскою Имперіей есть нелѣпость, и говорится между прочимъ слѣдующее по поводу другаго слуха пущеннаго въ газетѣ *Wanderer* о предполагающемся будто бы разграниченіи національностей въ Познанской провинціи Прусскаго королевства:

„Планъ этотъ, на сколько извѣстно изъ журнальныхъ толковъ, есть не что иное, какъ проектъ новаго раздѣла или передѣла Польши, о которомъ такъ шумѣли, въ началѣ этого года, разные польскіе и не польскіе журналы въ то время, когда Августовская губернія, въ видахъ военно-административныхъ, была на время отдана въ управленіе главнаго начальника западнаго края. Предоставляя себѣ въ свое время сказать еще словцо объ этомъ проектѣ раздѣла, какъ процессѣ, который уже съ XVI-го вѣка повисъ, словно Дамокловъ мечъ, надъ Польшею, мы обратимся“ и т. д.

Позволяемъ себѣ обратить вниманіе почтенной редакціи *Варшавскаго Дневника* на то, съ какою осторожностью слѣдуетъ принимать и печатать въ ея газетѣ, издаваемой въ Варшавѣ,—городѣ, еще исполненномъ враждебныхъ чувствъ къ Россіи, — статьи случайныхъ сотрудниковъ. Въ настоящемъ случаѣ обманувшій ея довѣріе писака только того повидимому и добивался, чтобы компрометтировать первую русскую газету, которую постановило издавать русское правительство въ Царствѣ Польскомъ, и доказать своимъ соплеменникамъ, что въ арганъ правительства, издаваемый на русскомъ языкѣ въ Варшавѣ, можно пробраться съ статьей, въ которой сквозятъ воззрѣнія, напоминающія прошлогодній краковскій *Часъ* или въ нынѣшнемъ году *Ойчизну*, *Гласъ Вольный*, и т. д. Если требуется осторожность и осмотрительность даже въ частномъ изданіи, которое никого не компромметтируетъ кромѣ самихъ издателей и ихъ сотрудниковъ, то во сколько разъ она необходимѣе въ изданіи правительственномъ, которое къ тому же выходитъ въ свѣтъ въ центрѣ края, гдѣ еще такъ недавно кипѣло открытое возстаніе?

Въ самомъ дѣлѣ что̀ читаемъ мы въ № 49 этой газеты? Мы читаемъ, что раздѣлъ, словно Дамокловъ мечъ, еще съ XVI столѣтія повисъ надъ Польшей. Какая это Польша? Польша XVI столѣтія обнимала собою, сверхъ многихъ другихъ областей принадлежащихъ теперь Пруссіи и Австріи, сверхъ Царства Польскаго, еще весь западный край Россіи и въ добавокъ всю Малороссію. Всѣ знаютъ въ какомъ положеніи была тогда Россія и могла ли она висѣть, какъ мечъ Дамокловъ, надъ этою бѣдною, ни въ чемъ неповинною Польшей, надъ этою жертвою вражды своихъ сосѣдей.

Польша XVI вѣка! Умные Поляки клянутся всѣми святыми, что и не помышляютъ объ этой Польшѣ XVI вѣка. Даже подземный жондъ ограничивалъ свою Польшу предѣлами 1771 года. Послѣ недавней кровавой развязки дѣла затѣяннаго польскимъ мятежомъ, самые завзятые изъ польскихъ націоналовъ отрекаются отъ притязанія подземнаго жонда на Кіевъ и на нѣкоторую часть сѣверозападныхъ губерній. Наиболѣе ловкіе защитники польской справы всячески стараются увѣрить насъ, что вовсе не помышляютъ о западномъ краѣ и считаютъ весь этотъ край русскимъ, а хлопочутъ только объ отдѣльномъ существованіи Конгрессувки. Многимъ Русскимъ всегда казалось, что на подобныя завѣренія должно смотрѣть съ скептицизмомъ. Нельзя было лучше оправдать эту недовѣрчивость какъ тѣмъ что̀ написала неумѣлая рука автора статьи въ № 49 *Варшавскаго* (русскаго) *Дневника*. Этотъ писатель неумышленно приподнялъ завѣсу съ той системы мыслей, которая составляетъ внутренне *credo* подобныхъ ему защитниковъ „господствующей“ въ Царствѣ Польскомъ народности. Предполагаемую мѣру прусскаго правительства, мы не знаемъ „нелѣпую“ или лѣпую, но во всякомъ случаѣ мѣру, которая можетъ относиться только въ Познанской провинціи Прусскаго королевства, онъ называетъ новымъ раздѣломъ Польши. Итакъ познанская провинція — Польша. Но если Познань—Польша, то и Могилевъ—Польша. Признавая Познань за Польшу, вы сами сознаетесь, что надъ вашею мыслью влавствуетъ тотъ самый призракъ, который борется съ Россіей и мятежомъ и интригой, но въ дѣйствительность котораго мы не можемъ вѣрить, пока вѣримъ въ дѣйствительность Россіи. Вотъ какъ наивно вы обнаружили то, что̀ другіе стараются замаскировать. Вы заговорили о политической отдѣльности Царства Польскаго; вы хотѣли заявить, что тѣснѣйшее соединеніе Царства Польскаго съ прочими частями Имперіи, хотя и „возможно“, но „немыслимо“ (куріозное заявленіе о немыслимости того что̀ возможно!). Но вы проговорились, и Польша, которую вы ограждаете отъ „нелѣпыхъ слуховъ“, оказалась Польшей 1771 года, а отъ Польши 1771 года вы незамѣтно перешли и къ Польшѣ XVI вѣка. Вотъ оно это сцѣпленіе мыслей, какъ нельзя яснѣе показывающее куда ведетъ признаніе политическаго значенія за польскою національностью въ какомъ бы то ни было маленькомъ уголку старой Польши, окончившей свое политическое существованіе, не возстановимой никакими силами, и мучащей живыхъ людей только потому, что мы не рѣшаемся лишить ихъ надеждъ, которыхъ осуществленія мы ни въ какомъ случаѣ не допустимъ.

Мысль о единствѣ Царства Польскаго съ Русскою Имперіей—мысль вовсе не новая, и провозглашена она не газетчиками и журнальными глашатаями, а Императоромъ Николаемъ I.

Основнымъ актомъ для Царства Польскаго попрежнему остается грамота Императора Николая I, отъ 14-го февраля 1832 г., съ тѣми немногими измѣненіями, которыя были сдѣланы въ ней въ послѣдствіи. Значеніе и направленіе этого акта указаны въ Высочайшемъ манифестѣ отъ того же числа. Вотъ подлинныя слова его:

„Желая съ тѣмъ вмѣстѣ, чтобы подданные Наши Царства Польскаго продолжали пользоваться всѣми выгодами, кои нужны для счастія каждаго изъ нихъ и для общаго благоденствія края, чтобъ уваженіе къ личной безопасности и собственности, свобода совѣсти и всѣ мѣстныя гражданскія права и преимущества были ненарушимо охраняемы, чтобы Царство Польское, имѣя особое соотвѣтствующее потребностямъ его управленіе, не переставало быть нераздѣльною частію Имперіи Нашей, и чтобъ отнынѣ жители онаго составляли съ Россіянами единый народъ согласныхъ братій, Мы на сихъ основаніяхъ начертали и постановили, въ новой, въ сей же день изданной Грамотѣ, новый порядокъ Управленія и Образованія Нашего Царства Польскаго“.

Основная мысль новаго порядка управленія, состоявшая въ томъ чтобы Царство Польское „не переставало быть нераздѣльною частью Русской Имперіи“ и чтобы „жители его составляли съ Россіянами единый народъ“, а не особую политическую націю,—эта мысль должна быть признана высокою и мудрою мыслію, и мы смѣло можемъ пригласить *Варшавскій Дневникъ* и всѣхъ его сотрудниковъ, русскихъ и нерусскихъ, указать намъ, гдѣ и когда русская верховная власть отреклась отъ этой основной мысли съ тѣхъ поръ, какъ она была такъ вразумительно выражена. Намъ укажутъ, быть-можетъ, на высочайшіе указы 14-го марта и 24-го мая 1861 года; но эти указы заключаются вполнѣ въ предѣлахъ актовъ 1832 года, такъ что государственный совѣтъ Царства Польскаго былъ собственно только возстановленъ въ 1861 году, въ томъ самомъ видѣ и съ тѣми же правами, какъ это обозначено въ грамотѣ 1832 года, только съ точнѣйшимъ опредѣленіемъ, изъ кого будутъ назначаемы верховною властью члены, засѣдающіе въ одномъ лишь общемъ собраніи государственнаго совѣта; установленные этими указами городскіе, уѣздные и губернскіе совѣты соотвѣтствуютъ прежнимъ собраніямъ дворянскимъ, окружнымъ, и совѣтамъ воеводствъ, съ тою лишь разницей, что въ прежнихъ собраніяхъ голосъ предоставлялся всѣмъ по личному праву, а въ новыхъ совѣтахъ, такъ же какъ въ прежнихъ совѣтахъ воеводствъ, предоставляется по избранію. Предположенія грамоты 1832 г. шли въ нѣкоторомъ отношеніи даже далѣе, потому что въ ней предположено, хотя и не было никогда приведено въ исполненіе, созваніе областныхъ чиновъ для разсужденій о дѣлахъ, относящихся къ общимъ пользамъ края (ст. 53).

Авторъ статьи *Варшавскаго Дневника* ссылается на указы 30-го августа о народныхъ училищахъ въ Царствѣ Польскомъ, въ доказательство, что о сліяніи Царства Польскаго съ Русскою Имперіей не должно быть и рѣчи. Но эта ссылка не удачна. Указы 30-го августа дѣлаютъ значительный шагъ впередъ въ направленіи основной мысли манифеста 1832 г., и мы не видимъ, какимъ образомъ на основаніи признанной въ этихъ указахъ равноправности языковъ въ Польскомъ краѣ, русскому языку можетъ быть впредь отказано въ офиціальномъ характерѣ. И дѣйствительно, по крайней мѣрѣ въ дѣлѣ крестьянской реформы, онъ совершенно уравненъ съ языкомъ польскимъ.

Но основная мысль минифеста и грамоты 1832 г. о томъ, чтобы Царство Польское стало нераздѣльною частью Русской имперіи, и чтобы жители его составляли съ Русскими одинъ народъ, не могла быть осуществлена на практикѣ, отчасти по несоотвѣтсвію употребленныхъ въ дѣло средствъ, а отчасти потому что отмѣняя всякую политическую самобытность Царства Польскаго, грамота 1832 г. сохранила за нимъ близко подходящую къ политической самобытности отдѣльность административную, въ томъ предположеніи, что это особое управленіе Царства Польскаго соотвѣтствуетъ его потребностямъ. Въ настоящее время весь вопросъ заключается только въ томъ, соотвѣтствуетъ ли особое управленіе потребностямъ Царства Польскаго? Но вопросъ этотъ можетъ считаться рѣшеннымъ. Если считать потребностью Царства Польскаго безпрерывные, періодически-повторяющіеся мятежи, направленные на отторженіе отъ Россіи не только этого края, но и всего западнаго края Россіи, въ такомъ случаѣ, конечно, административная отдѣльность Царства Польскаго, его осо-

бое польское управленіе, вполнѣ соотвѣтствуетъ этимъ потребностямъ.

Царство Польское уже не находится на европейской картѣ; оно — нераздѣльная часть Русской Имперіи; но за Царствомъ Польскимъ было сохранено его особое управленіе въ томъ предположеніи, что оно соотвѣтсвуетъ его потребностямъ, а главное по памяти объ извѣстныхъ параграфахъ Вѣнскаго трактата, параграфахъ, которые изо всего трактата почти только одни и остались въ силѣ, — и что̀ же оказалось? Въ мирную пору это особое управленіе обратило указъ 1846 г., вездѣ, гдѣ только могло, въ мертвую букву, а въ пору смутъ оно, наравнѣ съ ксендзами и монахами, содѣйствовало вооруженному мятежу и водворенію въ странѣ системы устрашеній. Что̀ же изъ этого слѣдуетъ? Желательно ли сохраненіе этого особаго управленія за Польскимъ краемъ, или чтобъ онъ былъ поставленъ въ совершенно одинаковое положеніе со всѣми другими частями Имперіи? Дѣло до такой степени ясно, что выборъ можетъ быть предоставленъ всякому простому человѣку, одаренному лишь здравымъ смысломъ.

Опасеніемъ, что полнымъ соединеніемъ съ собою Царства Польскаго Россія „вгонитъ себѣ Польшу внутрь, привьетъ себѣ гангрену“ и т. д., и выпискою изъ одной московской газеты лукавый авторъ *Варшавскаго Дневника* заключаетъ свою статью. Что̀ это значитъ: „вогнать Польшу себѣ внутрь, привить себѣ гангрену, наводнить Россію новыми милліонами политическихъ пролетаріевъ, и допустить Поляка въ его качествѣ Русскаго, съ его полноправностью русскаго гражданина, въ такія должности и на такія мѣста, куда бы никогда не допустили Поляка какъ Поляка?“ Что̀ значитъ этотъ потокъ словъ, безвредный въ частной газетѣ, но едва ли умѣстный въ столбцахъ офиціальной русской газеты Польскаго края? Кому неизвѣстно, что и при отдѣльности Царства Польскаго, по закону и на практикѣ, не дѣлалось никакого различія, при опредѣленіи въ русскую государственную службу, между русскими и польскими дворянами, все равно будь они уроженцами Царства Польскаго, или западнаго края Россіи? Кому неизвѣстно, что благодаря безпрерывнымъ возбужденіямъ изъ призрака національной самостоятельности Царства Польскаго, польскій духъ еще гораздо сильнѣе и опаснѣе въ Полякахъ западнаго края Россіи, чѣмъ въ шляхтѣ самого Царства, но что въ настоящее время онъ вовсе не развитъ въ польскихъ крестьянахъ, которые не питаютъ еще ненависти къ Россіи и не чуждаются русскаго народа? Кому неизвѣстно, что русская армія набирается изъ жителей Царства Польскаго, какъ изъ остальныхъ частей Россіи, и что еслибъ и былъ польскимъ дворянамъ затрудненъ доступъ къ гражданскимъ должностямъ внутри Россіи, то они тѣмъ не менѣе могли бы достигать самыхъ высокихъ почетныхъ и вліятельныхъ должностей путемъ военной службы? Неужели же лучше принимать ихъ въ эту службу въ качествѣ Поляковъ, со всею ихъ ненавистью къ Россіи, со всѣми надеждами разрушить ее и создать на ея мѣстѣ Польшу, чѣмъ принимать ихъ въ качествѣ русскихъ гражданъ, у которыхъ не было бы польской почвы подъ ногами и польскихъ мечтаній въ головѣ?

Дѣло не въ томъ, чтобы полное сліяніе Царства Польскаго съ Россіей совершилось сейчасъ-же, безъ подготовленія къ тому этого края. Вопросъ касается только направленія мѣръ и духа, въ которомъ онѣ принимаются: слѣдуетъ ли желать чтобы принимаемыя мѣры клонились къ отчужденію еще нетронутыхъ исторіей народонаселеній польскаго края, къ дальнѣйшему отчужденію отъ русской національности, отъ Россіи, или напротивъ къ сближенію?

№ 269.

Москва, 7-го декабря.

Желѣзная дорога—превосходное дѣло. Гдѣ бы ни шла желѣзная дорога, вездѣ она будетъ приносить пользу, вездѣ окажется благодѣяніемъ. Это справедливо, противъ этого нельзя спорить. Протяните желѣзную дорогу по Киргизскимъ степямъ, протяните ее отъ Москвы до Архангельска, покройте сѣтью желѣзныхъ дорогъ Амурскій край: вездѣ окажутся послѣдствія, вездѣ оживятся существующіе интересы и народятся новые. Стало-быть,—такъ казалось бы,—въ какую сторону ни пошла бы дорога долженствующая соединить Москву съ Чернымъ моремъ, вопросъ можетъ быть только о большей или меньшей суммѣ выгодъ. Пойдетъ ли дорога направо, пойдетъ ли дорога налѣво,—выгоды, такъ казалось

бы, и тамъ и тутъ будутъ значительныя. Размышляя такимъ образомъ, мы весьма естественно придемъ къ заключенію, что ошибка въ выборѣ направленія желѣзной дороги, какъ бы ни была чувствительна, не можетъ сопровождаться никакими вредными послѣдствіями. При худшемъ выборѣ вся бѣда ограничится только тѣмъ, что Россія пріобрѣтетъ менѣе выгодъ чѣмъ при лучшемъ выборѣ (какъ будто и это, само по себѣ, не большая бѣда), а всетаки,—такъ казалось бы,—Россія должна пріобрѣсти громадныя выгоды, въ какомъ бы направленіи ни пошла дорога. Хорошее можно повторить дважды и трижды, сказалъ одинъ изъ мудрецовъ древности. Можно дважды и трижды сказать, что всякая желѣзная дорога есть дѣло отличное. Если-бы желѣзныя дороги строились по манію волшебнаго жезла, то не было бы затрудненія въ выборѣ, не было бы вовсе и надобности въ выборѣ; всѣ пункты Россіи могли бы мы связать разомъ безъ всякаго труда и безъ всякой затраты. Потрясая волшебнымъ жезломъ, мы щедро сыпали бы выгоды рельсовыхъ путей по всѣмъ направленіямъ и вдоль, и поперекъ, и соединяли бы для бо̀льшаго удобства одни и тѣ же пункты разными дорогами. Но, къ сожалѣнію, желѣзныя дороги строятся не по манію волшебнаго жезла. Постройка желѣзныхъ дорогъ обходится дорого; на постройку желѣзныхъ дорогъ идутъ народныя сбереженія и требуется время. И капиталъ, и время—величины подлежащія измѣриванію и счету, величины конечныя. Капиталъ создающій одну дорогу уже не можетъ создать другую, какъ могла бы сдѣлать та тросточка феи. Сдѣлать одну дорогу, значитъ eo ipso не сдѣлать другой. Въ этомъ дѣлѣ, плюсъ значитъ вмѣстѣ и минусъ. Если мы построимъ дорогу отъ А до В, то это значитъ что изъ тѣхъ самыхъ средствъ, которыя пойдутъ на эту дорогу, мы не построимъ дороги отъ А до С. Если же окажется, что проложеніе рельсовъ отъ А до С есть дѣло первой необходимости для Россіи, то кладя имѣющіеся у насъ въ рукахъ рельсы въ другую сторону, мы тѣмъ самымъ упустимъ дѣло первой для Россіи необходимости. Мы построимъ дорогу не въ пользу, а во вредъ, потому что необходимость прежде всякой пользы, потому что всякая польза, купленная цѣною необходимаго, окажется въ сущности вредомъ. Спросите прошедшее, осмотритесь въ настоящемъ, подумайте о будущемъ,—отвлекитесь, по крайней мѣрѣ мысленно, отъ всѣхъ другихъ интересовъ, какого бы то ни было свойства, кромѣ общаго интереса Россіи,—и вы убѣдитесь, что въ настоящее время желѣзная дорога изъ Москвы на Кіевъ до Одессы есть для Россіи дѣло первой необходимости. Можетъ-быть скажутъ: хуже не будетъ, если имѣющіяся у насъ въ рукахъ рельсы мы положимъ, напримѣръ, между Москвою и Харьковомъ, и на время оставимъ Москву и Кіевъ при ихъ нынѣшнихъ сообщеніяхъ; оттого, что Москва соединится прежде съ устьями Дона или съ крымскими портами, юго-западные пункты отъ Москвы не отодвинутся. Отодвинутся! Для того чтобы вполнѣ оцѣнить дѣло, мы должны измѣрить всю глубину его. Тѣснѣйшее соединеніе одного пункта съ другимъ, посредствомъ желѣзной дороги, есть не только соединеніе, но и разобщеніе,—разобщеніе съ другимъ пунктомъ. Московско-харьковская дорога, проложенная прежде линіи на Кіевъ до Одессы, не только соединитъ Москву съ Харьковымъ, что̀ было бы хорошо, но и отдалитъ Москву отъ юго-западнаго края, что̀ едва ли хорошо. Для того чтобы разобщить Москву съ Кіевомъ, нѣтъ надобности перекапывать лежащую между ними столбовую дорогу; нужно только соединить Москву рельсовымъ путемъ съ Харьковомъ и черезъ Харьковъ съ Чернымъ моремъ. Рельсовый путь дастъ могущественное направленіе существующимъ интерессамъ и создаетъ новые. Если Москва будетъ соединена съ нашимъ югомъ и съ портами Чернаго моря черезъ Харьковъ, то вся сила экономическихъ интересовъ, которые сосредоточиваются въ Москвѣ, стягивающей въ себѣ всю восточную половину Русскаго царства,—вся сила этихъ интересовъ устремится туда куда будетъ открытъ ей наилучшій изъ всѣхъ возможныхъ путей сообщенія, и народная жизнь, волею или неволею, потечетъ этимъ русломъ отвлекаясь отъ другихъ путей. Еслибы Москва и Кіевъ уже издавна были между собою въ живыхъ сообщеніяхъ, то и тогда желѣзная дорога отъ Москвы къ Черному морю мимо Кіева вскорѣ дала бы почувствовать себя ослабленіемъ связи между Москвой и Кіевомъ, и дала бы почувствовать тѣмъ скорѣе, чѣмъ большею становилась бы она связью между Москвою и Чернымъ моремъ, и чѣмъ стало-быть живѣе пошло бы движеніе по

ней. А въ чемъ заключается главная задача русской исторіи? Въ чемъ величайшая необходимость Россіи въ настоящее время? Для кого прошедшее Россіи не мертвая буква, кто вникалъ въ него сердцемъ и мыслію,—тотъ пойметъ, что тѣснѣйшая связь между Москвой и Кіевомъ, между восточною половиной Россіи и ея западною половиной есть исполненіе самаго настоятельнаго завѣта Русской исторіи. Кто, освободившись отъ всѣхъ постороннихъ соображеній и интересовъ, представитъ себѣ съ полною ясностію и живостью современное положеніе дѣлъ, тотъ пойметъ, что вся будущность Россіи зависитъ отъ тѣснѣйшаго соединенія ея восточной половины съ западною, которая такъ долго была отъ нея оторвана, которая и теперь у нея оспаривается и которая нуждается въ усиленномъ притокѣ всѣхъ народныхъ интересовъ какъ нравственнаго, такъ и экономическаго свойства, чтобы выйдти изъ своего двусмысленнаго положенія и стать органическою частью цѣлаго. Если на всемъ пространствѣ отъ Москвы до Чернаго моря можно какую-либо линію назвать *магистральною*, имѣя при этомъ въ виду общій національный и государственный интересъ Россіи, то линія эта есть Московско-Кіево-Одесская. Только въ виду этой линіи могутъ правильно распредѣлиться дальнѣйшіе пути движенія народныхъ интересовъ; только эта линія, не ослабитъ ничего и ничего не подвергая опасности, можетъ послужить къ укрѣпленію и оживленію всего организма Россіи. Васъ заботитъ Харьковъ? Не бойтесь, онъ ничего не потеряетъ отъ линіи кіевской; Харьковъ есть центръ особой системы, которая пріобрѣтетъ тѣмъ большее значеніе и развитіе, чѣмъ лучше, тѣснѣе и плодотворнѣе соединится Москва съ юго-западнымъ краемъ. Вы интересуетесь превосходными портами Крыма? Будьте увѣрены, они только тогда и пріобрѣтутъ свое значеніе, когда будетъ удовлетворена самая настоятельная потребность Россіи, когда Россія почувствуетъ себя вполнѣ укрѣпленною и оживленною въ своемъ государственномъ составѣ, когда ея государственный составъ получитъ свою первѣйшую, истинно національную артерію. Все тогда обозначится и опредѣлится съ твердостью и точностью здороваго жизненнаго инстинкта, и сѣть желѣзныхъ дорогъ разбросается по указанію жизни. Необходимѣйшая изъ всѣхъ линія обозначается тремя пунктами: Москва, Кіевъ, Одесса. Все что можетъ замедлить или уклонить эту линію относительно того или другаго изъ этихъ трехъ пунктовъ, будетъ истиннымъ вредомъ для Россіи. Чѣмъ прямѣе пойдетъ эта линія, чѣмъ кратче она будетъ, тѣмъ будетъ лучше,—лучше не для кого другаго, а для Россіи. Всякій зигзагъ, всякій уклонъ будетъ ущербомъ, вычетомъ, минусомъ. Всего лучше было бы идти на Кіевъ, не переступая на правый берегъ Оки, прямо черезъ Калугу и Черниговъ. Въ государственномъ отношеніи прямѣйшее и ближайшее направленіе было бы предпочтительнѣе; но уклоненіе на Тулу и Орелъ не произведетъ вредныхъ послѣдствій, и оно вознаграждается нѣкоторыми выгодами, связывая Кіевъ съ Москвою черезъ центральныя губерніи. Что же касается до Харькова, то уже соединенный съ Москвою шоссейнымъ путемъ, онъ гораздо болѣе нуждается теперь въ соединеніи съ Азовскими портами, къ которымъ онъ тянетъ. Всегда успѣется соединить Харьковъ съ Москвою посредствомъ желѣзной дороги, и соединеніе это окажется наилучшимъ и выгоднѣйшимъ для Россіи, когда уже будетъ въ ходу линія Кіевская. Сама жизнь покажетъ тогда гдѣ Харькову будетъ лучше примкнуть къ этой линіи.

Вообразимъ себѣ (а вообразить это не трудно), что есть кругъ интересовъ, которымъ было бы не желательно соединеніе Москвы съ Кіевомъ или восточной Россіи съ западною. Вообразимъ себѣ, что интересы непріязненные этому соединенію дѣятельны и сильны, и что люди, проникнутые такими интересами, живо и ясно понимаютъ всю важность этого пути сообщенія для русскаго дѣла,—понимаютъ такъ, какъ слѣдовало бы намъ самимъ понимать эту важность. Спрашивается что̀ стала бы дѣлать эта противодѣйствующая сила? Сначала, весьма естественно она стала бы отрицать не только необходимость, но и всякое значеніе кіевской линіи, стала бы осыпать и насмѣшками, и бранью тѣхъ, кто позволилъ бы себѣ поднять за нее голосъ: мы уже видѣли это въ нашей печати. Потомъ, когда бы убѣжденіе въ необходимости соединенія Москвы съ Кіевомъ распространилось и усилилось; когда бы эта необходимость стала для всѣхъ очевидностью, — эта противодѣйствующая сила разсыплется мелкимъ бѣсомъ. Она сумѣетъ подкрасться къ людямъ самымъ почтен-

нымъ и сумѣетъ расположить ихъ такъ, что они сами того не замѣчая, будутъ говорить и дѣйствовать въ ея смыслѣ: у однихъ онъ затронетъ самолюбіе; другихъ заставитъ съ усиленною живостью помышлять о выгодахъ и удобствахъ крымскихъ портовъ; третьихъ поймаетъ даже на патріотическомъ чувствѣ, и нашепчетъ имъ много всякой всячины объ опасностяхъ соединенія Одессы съ Кіевомъ. Дѣйствительно, есть какая-то неуловимая сила, которая отводитъ глаза самымъ лучшимъ умамъ, и сбиваетъ ихъ съ толку. Вотъ мы теперь почти отъ всѣхъ слышимъ, что линія Московско-Кіевская есть линія въ высшей степени необходимая для Россіи. Чего же лучше? Казалось бы, при такомъ убѣжденіи всѣхъ и каждаго, можно было бы считать вопросъ поконченнымъ и дѣло выведеннымъ изъ всякаго спора. Не тутъ-то было! Увы, такое общее признаніе необходимости Кіевской дороги не только не приближается къ дѣйствительности, а напротивъ еще удаляетъ!

Намъ говорятъ, что и кіевская и харьковская дороги равно необходимы, и стало-быть должны быть ведены съ равнымъ усердіемъ въ одно время. Но гдѣ же мы возьмемъ средствъ для того чтобы вести двѣ линіи разомъ—двѣ линіи для соединенія Москвы съ Чернымъ моремъ, потому что въ Высочайшемъ указѣ о внутреннемъ займѣ соединеніе Москвы съ Чернымъ моремъ признано тою линіей, которую правительство должно вести само, не дожидаясь частныхъ компаній, какъ дѣло государственной необходимости по преимуществу? На это сейчасъ же явится отвѣтъ: надобно вести линію какъ можно далѣе въ прямомъ направленіи на югъ, на Курскъ, пожалуй еще далѣе, и затѣмъ уже произвести бифуркацію,—одну вѣтвь пустить въ Харьковъ, другую въ Кіевъ. Но вѣдь это значитъ просто-на-просто вести Харьковскую линію. Зачѣмъ же намъ себя обманывать? зачѣмъ прельщать себя вѣтвію на Кіевъ изъ Обояни или изъ Бѣлгорода? Вѣдь это значитъ просто-на-просто рѣшить вопросъ противъ Кіевской линіи.

Намъ говорятъ: Кіевская линія есть дѣло величайшей необходимости, и въ то же время предлагаютъ повернуть круто подъ острымъ угломъ желѣзную дорогу изъ Балты на Кременчугъ, чтобы только не пошла она на Кіевъ. Но вѣдь это значитъ въ одно и то же время признавать необходимость соединенія Москвы съ Кіевомъ, и дѣлать это соединеніе безплоднымъ. Когда рѣчь идетъ о необходимости соединенія Кіева съ Москвою, то имѣется въ виду не то, чтобы предоставить желающимъ возможность прокатиться изъ Москвы въ Кіевъ и обратно по желѣзной дорогѣ. Кіевская дорога можетъ удовлетворять требованіямъ государственной необходимости только въ томъ случаѣ, если она будетъ не случайнымъ отпрыскомъ, а главною артеріей между Москвой и Чернымъ моремъ. Московско-Кіевская дорога можетъ удовлетворять своему назначенію только въ томъ случаѣ, если она будетъ Московско-Кіево-Одесскою. Взять какой-нибудь пунктъ на Московско-Харьковской дорогѣ, какъ только можно поюжнѣе, то-есть подалѣе отъ Москвы, и провести изъ него вѣтвь на Кіевъ съ тѣмъ чтобы тутъ и бросить ее,—это не значитъ связывать Москву съ Кіевомъ, не значитъ удовлетворять самой главной національной потребности, самой первой государственной необходимости Россіи. Это значитъ, напротивъ, сдѣлать все возможное для того чтобъ эта потребность не была удовлетворена, для того чтобъ эта необходимость не получила осуществленія.

Намъ говорятъ: у насъ теперь мало средствъ, и мы не можемъ приняться за постройку цѣлой сѣти желѣзныхъ дорогъ. Это справедливо, — но что же изъ этого слѣдуетъ? Изъ этого слѣдуетъ, что надобно взять одно, наиболѣе необходимое, направленіе, и на немъ сосредоточить всѣ имѣющіяся у насъ средства, и начавъ одну линію, довести ее до конца, который дастъ ей смыслъ. Нѣтъ не то; намъ говорятъ: такъ какъ средствъ мало, то надобно начать постройку желѣзныхъ дорогъ вдругъ въ четырехъ пунктахъ, и вопервыхъ вести фантастическую линію отъ Балты на Кременчугъ, а вовторыхъ, въ то же самое время для того чтобъ очистить дѣло со стороны патріотизма, національной потребности и государственной необходимости, немедленно начать линію изъ Кіева на Курскъ. Но этимъ какъ нельзя вѣрнѣе предотвратимъ мы истинное и полезное для Россіи соединеніе Москвы съ Кіевомъ. Коль скоро теперь же началась бы постройка Кіево-Курской дороги, то вопросъ о соединеніи юго-западнаго края съ Москвою, былъ бы рѣшенъ отрицательно, и всякій возвратъ на это рѣшеніе сталъ бы невозможенъ. Можетъ быть, къ тому времени когда желѣз-

ная дорога подошла бы къ Орлу, дѣло стало бы яснѣе, мы бы надумались, и дорога изъ Орла быть-можетъ пошла бы на Кіевъ, съ тѣмъ чтобъ упереться въ Одессу. Но начавъ теперь же строить кременчугскую линію, и съ тѣмъ вмѣстѣ кіево-курскую, мы самымъ основательнымъ образомъ устраняемъ на будущее время возможность связать Москву съ Кіевомъ полезнымъ и плодотворнымъ для русскихъ интересовъ способомъ.

Перейдемъ теперь къ Одессѣ. Для нея соединеніе съ Кіевомъ есть средство къ кратчайшему соединенію съ Москвой. Съ точки зрѣнія Одессы надобно желать не балто-кременчугской, а балто-кіевской линіи. Одесса всегда высказывалась въ пользу послѣдней изъ этихъ двухъ линій. *Одесскій Вѣстникъ* постоянно до самаго недавняго времени былъ органомъ желаній Одессы въ этомъ отношеніи. Что же побуждаетъ его теперь говорить иначе? Мы рѣшительно отказываемся понять это. Статистическія данныя *Одесскаго Вѣстника* ничего не доказываютъ. Если кто-нибудь изъ нашихъ читателей поддался кажущейся убѣдительности этихъ данныхъ, то мы просимъ такого читателя заглянуть въ статьи г. Чижова въ № 48 *Дня* и г. Обручева въ № 271 *Русскаго Инвалида* и увѣрены, что очарованіе совершенно исчезнетъ.

Въ чемъ заключается вопросъ? Не въ томъ ли чтобы рѣшить, что выгоднѣе, строить ли желѣзную дорогу отъ Балты до Кіева или отъ Балты до Кременчуга? Вотъ какіе два участка надобно сравнивать; зачѣмъ же вы сравниваете участокъ отъ Балты до Кіева не съ участкомъ отъ Балты до Кременчуга, а съ цѣлою линіей отъ Одессы до Кременчуга? Участокъ отъ Одессы до Балты построенъ или почти построенъ; остается только приспособить его къ перевозкѣ грузовъ. Сколько для этой цѣли понадобится денегъ, мы не знаемъ; изъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* можно заключать, что денегъ, сверхъ 40.000 р. на версту, не потребуется и что стало-быть, къ общему удовольствію, шутники, называющіе одесско-паркано-балтскую дорогу салонною игрушкой, заслуживаютъ лишь серіознаго порицанія. Но во всякомъ случаѣ о выгодахъ ожидаемыхъ отъ этого участка нельзя говорить при обсужденіи вопроса о дальнѣйшемъ его продолженіи. Ихъ нельзя присчитывать къ выгодамъ кременчугскаго участка. Онѣ сами по себѣ, а вопросъ о дальнѣйшемъ направленіи линіи самъ по себѣ. Куда же идти изъ Балты, идти ли впередъ, на Кіевъ, краемъ благодатнымъ, гдѣ желѣзный путь будетъ золотымъ путемъ, или удариться въ сторону? Чтобъ убѣдить въ послѣднемъ, *Одесскій Вѣстникъ* прибѣгаетъ къ оригинальной аргументаціи.

Еслибы по открытіи желѣзной дороги въ Коломну, кто-нибудь посовѣтовалъ намъ продолжать ее не въ Рязань, а напримѣръ въ Серпуховъ на томъ основаніи что рязанскіе грузы не уйдутъ-де отъ Коломенской дороги въ какую бы сторону мы ни продолжали ее, а если мы поведемъ ее изъ Коломны на Серпуховъ, то она перейметъ всѣ грузы идущіе къ Москвѣ по каширскому и серпуховскому трактамъ и кромѣ того по множеству мелкихъ проселочныхъ дорогъ направляющихся къ Москвѣ на всемъ пространствѣ между Коломной и Серпуховомъ: кто согласился бы съ аргументаціей такого оригинальнаго мыслителя? А *Одесскій Вѣстникъ* прибѣгаетъ какъ разъ къ такой же аргументаціи въ пользу балто-кременчугской линіи. Споръ между балто-кіевскою и балто-кременчугскою линіей сводится именно къ вопросу о томъ, какое направленіе для желѣзной дороги лучше, то ли, которое совпадаетъ съ движеніемъ грузовъ, или то, которое пересѣкаетъ его. Мы готовы согласиться, что спорить о подобныхъ вещахъ совѣстно. Съ точки зрѣнія интересовъ Одессы этотъ споръ потерялъ бы свой дѣтскій характеръ только въ томъ случаѣ, еслибы защитники балто-кременчугской линіи были про себя убѣждены, что кременчугская линія не помѣшаетъ сооруженію линіи балто-кіевской. Тогда дѣйствительно было бы согласно съ интересами Одессы желать сооруженія балто-кременчугской линіи, но тогда совершенно измѣнился бы видъ всего дѣла. Вполнѣ соглашаясь, что Одессѣ выгоднѣе имѣть двѣ желѣзныя дороги, чѣмъ одну, мы должны были бы тогда спросить имѣетъ ли Одесса право на эти двѣ дороги.

Мы крѣпко стоимъ за Одессу, какъ за тотъ пунктъ на Черномъ морѣ который прежде другихъ пунктовъ долженъ быть соединенъ съ Москвой. Ни одинъ изъ нашихъ южныхъ портовъ не имѣетъ права оспаривать у Одессы первенство, но слѣдуетъ ли изъ этого, чтобы Россія отказалась отъ своего несомнѣннаго права пользоваться и другими своими портами? Одес-

ская гавань имѣетъ много неудобствъ; она замерзаетъ; ея очистка требуетъ большихъ издержекъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ господствовало мнѣніе, что надобно совсѣмъ пожертвовать Одессой и перенесть ея торговлю въ крымскіе порты. Такой взглядъ былъ несправедливъ и не вѣренъ; надобно радоваться, что онъ утратилъ прежнюю силу. Теперь всѣ поняли, что пренебрегать такимъ городомъ какъ Одесса значитъ наносить ущербъ Россіи. Теперь стали смотрѣть на Одессу правильнѣе: теперь видятъ въ ней единственную гавань юго-западнаго края, слѣдовательно гавань, которой значеніе упасть никогда не можетъ. Не на этомъ ли основано несомнѣнное расположеніе общественнаго мнѣнія къ тому чтобы первая южная желѣзная дорога соединила Москву съ Одессой? Но было бы великою ошибкой впадать въ другую крайность и искусственно притягивать къ Одессѣ всю южную Россію и ея средоточіе, Харьковъ. Всякому свое: Одесса должна быть гаванью для югозападнаго края, а не для Харькова, не для Полтавы, не для Екатеринослава. Кромѣ Одессы у насъ есть азовскіе порты, лежащіе выгоднѣе чѣмъ Одесса для торговли съ Харьковомъ. У насъ есть наконецъ крымскіе порты, которыми мы должны же когда-нибудь воспользоваться, — порты хотя и отдаленные отъ главныхъ внутреннихъ торжищъ материка, но за то представляющіе множество драгоцѣнныхъ удобствъ. Мы сдѣлали бы колоссальную ошибку, еслибы упустили изъ виду эти порты при начертаніи сѣти желѣзныхъ дорогъ.

Пусть же читатели живо представятъ себѣ нераціональность слѣдующаго образа дѣйствій:

Одесса естественная гавань юго-западнаго края и его главнаго пункта, Кіева; не будемъ же связывать ее съ Кіевомъ

Харькову всего ближе до азовскихъ портовъ; свяжемъ же его съ Одессой, и притомъ не въ прямомъ направленіи, а зигзагомъ на Балту, который еще болѣе дастъ Харькову почувствовать отдаленность отъ Одессы.

Самыя лучшія изъ нашихъ южныхъ гаваней—крымскія; забудемъ же объ нихъ существованіи, какъ недавно мы забывали объ Одессѣ.

Вѣроятно ли однакоже, чтобы мы удержались на подобномъ пути? Кіева нельзя будетъ не связать съ Одессой; *интеллигенція* пожелаетъ этого. Харькова нельзя будетъ не связать съ грушевскою дорогой: этого потребуетъ топливо. Дорога изъ Харькова и Полтавы въ Кременчугъ, то-есть къ днѣпровскимъ порогамъ, безсмыслица: надобно будетъ провести дорогу изъ Полтавы до Александровска, ниже пороговъ. Наконецъ постоянныя жалобы на одесскую гавань заставятъ подумать о Ѳеодосіи или Севастополѣ, а отъ Александровска до этихъ портовъ будетъ недалеко. Что же тогда станется съ участкомъ между Полтавой и Балтой, съ этимъ участкомъ, на который иные предлагаютъ употребить первыя деньги, полученныя посредствомъ перваго въ Россіи лоттерейнаго займа? Что будетъ перевозиться тогда по этому участку? для чего будетъ служить этотъ колоссальный мостъ черезъ Днѣпръ въ Кременчугѣ, мостъ, который постоитъ одинъ порядочной желѣзной дороги? По этому мосту и по этой дорогѣ будетъ меньше движенія чѣмъ по какой бы то ни было другой желѣзной дорогѣ въ Россіи! И все это предлагаютъ строить подъ именемъ желѣзной дороги наиболѣе нужной для всего государства! Гораздо лучше совсѣмъ не строить желѣзныхъ дорогъ, чѣмъ приниматься за желѣзную дорогу изъ Балты въ Кременчугъ. Ужь если находятся средства на двѣ линіи, то въ выборѣ этихъ двухъ линій нельзя колебаться: надобно строить линію Московско-Кіевско-Одесскую и линію Харьковско-Грушевскую, соединивъ ее съ первою гдѣ окажется выгоднѣе, въ Орлѣ или южнѣе Орла—это вопросъ второстепенный. А если нѣтъ денегъ на обѣ линіи, то грѣшно было бы думать теперь о какой-нибудь другой линіи, кромѣ Московско-Кіево-Одесской.

№ 270.

Москва, 8-го декабря.

Передовая статья въ № 254-мъ *Московскихъ Вѣдомостей* не понравилась *Рижской Газетѣ*. Сообщивъ изъ нея въ довольно вѣрномъ переводѣ то мѣсто, которое относится къ Прибалтійскому краю, упомянутая газета сочла за должное, въ предпосланномъ этому переводу толкованіи, извратить ея смыслъ и значеніе, и вывести изъ нея заключенія, противъ которыхъ мы должны рѣшительно протестовать.

Въ № 254 *Московскихъ Вѣдомостей* было сказано: „Справедливо, что уроженцы прибалтійскихъ губерній всегда служили вѣрой и правдой Русскому Царю, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Русскому государству.“ Это категорическое заявленіе нисколько не успокоило *Рижской Газеты*, и она говоритъ, что мы возвели на уроженцевъ прибалтійскихъ губерній уголовное обвиненіе въ сепаратизмѣ. Спохватившись, она спѣшитъ прибавить, что мы обвиняемъ только будущія поколѣнія въ возможной измѣнѣ Русскому государству. Обвиненіе (Anklage) людей еще не родившихся! Какими, однако, дураками считаютъ насъ эти господа Рижане! Не обвинять кого бы то ни было и въ чемъ бы то ни было, а излагать факты въ настоящемъ, хотя и значительно смягченномъ ихъ видѣ и указывать на возможныя ихъ послѣдствія, вотъ что мы считали своею обязанностью, и статья, такъ не понравившаяся *Рижской Газетѣ*, вполнѣ заключается въ предѣлахъ этой обязанности. Если нашъ тонъ, крайне сдержанный, никому неоскорбительный, вызываетъ раздраженіе, то въ этомъ мы, къ сожалѣнію, не можемъ видѣть хорошій признакъ.

Приписываемое намъ *Рижскою Газетой* „худшее изъ обвиненій, которыя когда-либо были возводимы на уроженцевъ прибалтійскихъ губерній, есть въ то же время, по словамъ ея, и самое легкомысленное.“ Легкомысліе наше заключается въ томъ, что мы будто бы основали наши сужденія о томъ что происходитъ въ губерніяхъ не на фактахъ и дѣйствіяхъ, а на приведенномъ въ томъ же № 254-мъ *Московскихъ Вѣдомостей* отрывкѣ письма курляндско-бельгійскаго публициста Ф*.

Письмо это не было, и не могло быть новостью для *Рижской Газеты*, такъ какъ оно нами было заимствовано изъ вышедшей въ Лейпцигѣ книги: *Die Zustände des freien Bauernstandes in Kurland nach dem Gesetze und nach der Praxis im Lichte des modernen Russlands* dargestellt von einem Patrioten (заглавіе этой книги было неточно передано нами въ № 254-мъ, и мы благодаримъ *Рижскую Газету* за поводъ привести его сполна). *Рижская Газета* не отрицаетъ его длинности, и упрекаетъ насъ только за то, что мы не сообщили письма въ цѣломъ его объемѣ, хотя и сама знаетъ, что сообщить его вполнѣ не было никакой возможности: мы исключили изъ него только тѣ мѣста, которыя невозможно было напечатать, и дѣйствовали въ этомъ случаѣ вовсе не по свободному выбору. Хотя *Рижская Газета* и называетъ идеи курляндско-бельгійскаго публициста „фантазіями Курляндца“, „продуктомъ встревоженной фантазіи“, и указываетъ, съ одной стороны, на то, что *Baltische Monatsschrift* недѣли четыре тому назадъ отреклась отъ этого письма, а съ другой, на то, что самъ авторъ письма говоритъ, что онъ поверхностно знаетъ дворянскія учрежденія Остзейскихъ провинцій (а не Остзейскія провинціи и ихъ дворянскія учрежденія, какъ передаетъ это мѣсто *Рижская Газета*); тѣмъ не менѣе однакоже она до нѣкоторой степени беретъ это письмо подъ свою защиту. По словамъ ея, оно вызвано было нѣкоторыми опасеніями, состоявшими въ связи съ событіями 1862 г., и прибавляетъ только, будто бы высказанныя въ немъ стремленія давно уже исчезли вмѣстѣ съ самими опасеніями. Далѣе, онъ говоритъ, что все-таки Курляндецъ мечталъ о единой провинціи, которая образовалась бы изъ трехъ прибалтійскихъ губерній, а вовсе не о настоящемъ государствѣ, которое изъ нихъ составилось бы, какъ будто бы г. Ф* не мечталъ объ одномъ общемъ для нихъ парламентѣ, о совершенномъ ихъ изолированіи отъ всей остальной Россіи, о полномъ усвоеніи ихъ нѣмецкою національностью и о поставленіи ихъ въ тѣ двусмысленныя отношенія къ Россіи, въ какихъ стоятъ къ ней Польша и Финляндія.

Впрочемъ, какъ бы ни относилась *Рижская Газета* къ идеямъ курляндско-бельгійскаго публициста, во всякомъ случаѣ, въ письмѣ его мы не нашли для себя ничего новаго. Въ немъ нѣтъ ничего такого что, съ его легкой руки, не высказывалось бы тысячу разъ въ разныхъ органахъ нѣмецкой прибалтійской печати, и въ разныхъ статьяхъ прибалтійскихъ публицистовъ. Письмо это послужило какъ бы камертономъ, или темой для варіацій въ остзейской печати. *Рижская Газета* ошибается, если надѣется кого бы то ни было увѣрить, что наши сужденія о томъ движеніи, которое происходитъ теперь въ Прибалтійскомъ краѣ, основываются не на фактахъ и дѣйствіяхъ, а только на идеяхъ, высказанныхъ въ письмѣ г. Ф*. Считаемъ не лишнимъ здѣсь же указать, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторые изъ этихъ фактовъ и

соотвѣтствующихъ имъ надеждъ и стремленій. Въ *Nordische Revue*, за іюль нынѣшняго года, въ статьѣ г. Эдуарда фонъ-Германа: *Aus der Vergangenheit und Gegenwart der Ostseeprovinzen Russlands*. („Изъ прошедшаго и настоящаго прибалтійскихъ губерній Россіи“) мы читаемъ между прочимъ:

„Живымъ выраженіемъ этого чувства (чувства нѣмецкаго патріотизма) и вмѣстѣ свидѣтельствомъ окрѣпшаго стремленія къ единству всѣхъ трехъ провинцій, которыя, несмотря на многоразличные поводы къ разъединенію, чувствуютъ себя членами *единаго* тѣла, послужило состоявшееся въ 1861 году въ Ригѣ празднество прибалтійскихъ пѣвцовъ. Изо всѣхъ трехъ провинцій на это празднество собралось множество гостей; концерты и пиры слѣдовали одинъ за другимъ, и вмѣсто многихъ признаковъ зависти, господствовавшей прежде между провинціями, эти дни приняли характеръ празднества братскаго между ними единенія, на которомъ было дозволено даже пѣть нѣмецкій національный гимнъ: *Was ist des Deutschen Vaterland?* („Какая страна есть отечество Нѣмцевъ?„)

„Годы съ 1861 по 1864 отличаются движеніемъ журналистики, безпрерывно возрастающимъ. *Baltische Monatsschrift*, *Revaler-Zeitung*, *Rigasche Zeitung* и наконецъ три дерптскія газеты безпрерывно вовлекали въ кругъ своихъ сужденій болѣе и болѣе вопросовъ. Затронули право землевладѣнія, обсуждали формы городоваго уложенія, заявили желаніе всѣхъ трехъ провинцій имѣть одно общее устройство, общій высшій судъ, общій синодъ, и т. д.

„Весной 1862 года, которая была обильна разнаго рода надеждами и стремленіями, въ тогдашнемъ финляндскомъ сеймѣ одинъ патріотъ представилъ четыре предложенія, которыя всѣ имѣли видъ уступки со стороны дворянства (рыцарства), и которыя какъ признаніе съ его стороны стремленія къ объединенію трехъ провинцій, повсюду возбудили живѣйшее сочувствіе, и были разнесены по всей странѣ телеграммами и письмами. Однакожъ эти предложенія были переданы для обсужденія въ наряженную для того коммиссію; этимъ и порѣшилась ихъ судьба. Впрочемъ, кто видѣлъ тогда въ Ригѣ распущенный образъ жизни дворянства, особенно, его младшаго поколѣнія, тотъ невольно приходилъ къ увѣренности, что съ его стороны нельзя ожидать никакой серіозной общей помощи, и потому не могъ не пожелать, чтобы скорѣе настало время, когда въ ганзейскомъ городѣ собрались бы болѣе достойные представители всѣхъ трехъ провинцій, снабженные опредѣленными инструкціями отъ своихъ избирателей...

„Неизвѣстно, можно ли будетъ, путемъ соглашенія относительно распространенія политическихъ правъ на города и личныхъ льготъ на ихъ гражданъ; но во всякомъ случаѣ послѣ многихъ неоправдавшихся надеждъ, лучше довести до конца борьбу, которой результатъ не подлежитъ сомнѣнію. Полууступки не соотвѣтствовали бы ни важности дѣла, ни послѣдствіямъ принципа, который повсюду расторгъ замкнутыя формы и явилъ себя способнымъ образовать изъ разсѣянныхъ атомовъ новые организмы, одушевленные новымъ духомъ.

„Политическіе успѣхи, точно также, какъ умственные и нравственные, невозможны безъ борьбы и пожертвованій. Только въ то время, когда каждый частный человѣкъ имѣетъ духъ бросить на вѣсы всю силу своей личности, только тогда можно ожидать дѣлъ, которыя по средствамъ своимъ будутъ человѣческія, а по цѣлямъ—божественныя.“

Дѣло, очевидно идетъ, здѣсь объ уравненіи политическихъ правъ всѣхъ классовъ *нѣмецкаго* или *онѣмеченнаго* населенія, объ усиленіи нѣмецкаго элемента новыми, свѣжими притоками изъ Германіи, объ обращеніи въ Нѣмцевъ по крайней мѣрѣ высшихъ слоевъ крестьянскаго, то-есть, эстонскаго и латышскаго населенія, о политическомъ соединеніи трехъ губерній въ одно цѣлое съ общимъ представительнымъ сеймомъ, пользующимся политическими правами, то-есть, въ послѣднемъ результатѣ, объ образованіи, подъ общею съ Россіей верховною властью, новаго нѣмецкаго государства—Лифляндскаго (именемъ Лифляндіи, по мнѣнію автора, слѣдуетъ обозначить всѣ три губерніи: Лифляндскую, Курляндскую и Эстляндскую). Мѣстный патріотизмъ лифляндскихъ мечтателей можетъ почитать эти цѣли божественными; но можетъ ли быть желательно для Россіи такое политическое обособленіе одной изъ ея составныхъ частей? можетъ ли быть желательно для нея, чтобы такимъ путемъ на западной ея окраинѣ, кромѣ вопроса польскаго, кромѣ

вопроса скандинавскаго (или собственно, финляндскаго), возникъ еще вопросъ лифляндскій, который, при возрастающемъ могуществѣ и предпріимчивости Пруссіи, представилъ бы несравненно бо́льшія и скорѣйшія опасности чѣмъ вопросъ скандинавскій и даже польскій?

Но это далеко не единственные факты и заявленія, которые имѣли и имѣемъ въ виду при нашихъ сужденіяхъ о ходѣ дѣлъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Вотъ что̀ читаемъ мы въ 81-мъ выпускѣ (за 1864 г.) извѣстнаго *Deutsches Staats-Wörterbuch von Bluntschli*, въ статьѣ г. Вульмеринка объ остзейскихъ провинціяхъ.

„Если отдѣльныя сословія внутри каждой провинціи и всѣ три провинціи захотятъ и будутъ въ состояніи соединиться для общихъ учрежденій и цѣлей, то настанетъ для нихъ новая эра развитія, и *дѣло германской колонизаціи* будетъ продолжаться достойнымъ образомъ. Признаки такой перемѣны уже существуютъ; но для того чтобъ осуществить эту перемѣну, нужна не одна добрая воля нѣсколькихъ дѣятельныхъ патріотовъ; для этого должно все общество придти въ движеніе, *дабы вновь преобразовать провинціи собственными силами*. Если *старая* Лифляндія должна сдѣлаться *новою* Лифляндіей, то для этого *старые Лифляндцы* должны сдѣлаться *новыми* Лифляндцами, должны исчезнуть различныя названія: Лифляндцы, Курляндцы, Эстляндцы и уступить мѣсто общему названію: *Прибалтійскіе Нѣмцы*."

Но къ чему намъ заходить такъ далеко? Въ самой *Рижской Газетѣ* заявляются всѣ тѣ же стремленія и надежды относительно соединенія трехъ губерній и наконецъ, относительно совершеннаго онѣмеченія этого края. Статья, „сообщенная" въ № 207 *Рижской Газеты*, такъ объясняетъ значеніе недавно-устроенной общей для всѣхъ трехъ губерній центральной юстицъ-коммиссіи:

„Центральная юстицъ-коммиссія возвышаетъ вопросъ о судебной реформѣ на степень вопроса обнимающаго всѣ три провинціи, и идетъ на встрѣчу издавна существующему стремленію законодательства къ возможно-большему сближенію этихъ провинцій. Но сверхъ того центральная юстицъ-коммиссія соединяетъ *иниціативу всѣхъ сословій*, которая до сихъ поръ могла въ отношеніи къ правительству являться только отдѣльно, одиночно, и вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ дать *общее, совокупное* выраженіе юридическимъ убѣжденіямъ, зиждущимся на общемъ, совокупномъ развитіи права (и коренящимся въ особыхъ учрежденіяхъ этого края, какъ было сказано выше въ той же самой статьѣ). Она впервые дѣлаетъ истинно-возможнымъ участіе сословій въ дѣлѣ реформы, на сколько это дѣло должно обнимать совокупность провинцій."

„Высшее гражданское управленіе, сказано далѣе, водворяя центральную юстицъ-коммиссію, сдѣлало первую попытку *соединенія сословной иниціативы*, попытку, значеніе которой, если она будетъ удачна, выходитъ за предѣлы судебной реформы, и можетъ остаться не безъ вліянія на будущее завѣдываніе дѣлами, имѣющими общій интересъ для всѣхъ трехъ провинцій."

Эта центральная юстицъ-коммиссія и сопровождающее ее официяльное заявленіе представляютъ собой уже не одни простыя слова, надежды и стремленія, а и самое начало ихъ осуществленія. Здѣсь точно также выразилось стремленіе соединить всѣ сословія нѣмецкаго населенія и призвать всѣ три провинціи къ одному общему политическому дѣлу, къ одной общей политической жизни. Это уже не фантазіи, какъ выражается *Рижская Газета*, курляндско-бельгійскаго публициста, а сама дѣйствительность. Приведемъ, напослѣдокъ, въ самомъ точномъ переводѣ, подлинныя слова, которыми *Рижская Газета* привѣтствовала открытіе центральной юстицъ-коммиссіи и которымъ теперь она старается придать совсѣмъ другой смыслъ и значеніе. Вотъ эти слова:

„Давно питаемое, съ разныхъ сторонъ высказанное желаніе, чтобы дѣло (судебной реформы), имѣющее для всѣхъ частей Остзейскихъ провинцій одинаковое значеніе, было ввѣрено одному органу, въ которомъ *различныя* сословія и корпораціи имѣли бы своихъ представителей, отчасти осуществилось: по прошествіи нѣсколькихъ столѣтій, тремъ провинціямъ снова предоставленъ давно желанный случай сообща помочь самимъ себѣ.

„Ужели же мы не сумѣемъ помочь самимъ себѣ тамъ, гдѣ правительство ожидаетъ этого самовспомоществованія, которое оно поручило чинамъ нашего края?

„Три года назадъ на этотъ вопросъ отвѣчали бы утвердительно, и усомнились бы только въ возможности предположенія, изъ

котораго онъ проистекаетъ. Краткій промежутокъ между тѣмъ временемъ и теперешнимъ измѣнилъ *обстоятельства* въ желаемомъ направленіи, но значительно ослабилъ нашу самоувѣренность, и едва ли найдется теперь хотя бы одинъ мыслящій человѣкъ, который бы сталъ утверждать, что достаточно дозволенія правительства для того чтобы сословными силами совершить необходимыя реформы въ Лифляндіи, Курляндіи и Эстляндіи."

Мы спрашиваемъ любаго изъ нашихъ читателей, въ возможности чего именно, по словамъ *Рижской Газеты*, три года тому назадъ сомнѣвались уроженцы Прибалтійскихъ губерній? *Рижская Газета* увѣряетъ теперь, что сомнѣвались въ возможности судебной реформы въ предѣлахъ Русской Имперіи; мы же утверждаемъ, что въ половинѣ 1861 года въ этомъ не могло уже быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Сомнѣніе, какъ ясно выражено въ приведенныхъ выше словахъ *Рижской Газеты*, могло относиться только къ тому, будетъ ли предоставлена судебная реформа въ Остзейскомъ краѣ собранію, въ которомъ различные чины и корпораціи имѣли бы своихъ представителей и въ которомъ всѣ три провинціи участвовали бы какъ одно цѣлое. То что три года тому назадъ, по словамъ *Рижской Газеты*, казалось едва ли возможнымъ, то теперь сбылось, и правительство не установило для Остзейскаго края общихъ со всей имперіей судовъ и судебныхъ порядковъ, а дозволило прибалтійской центральной юстицъ-коммиссіи заняться дѣломъ особой судебной реформы для трехъ Прибалтійскихъ губерній. Вотъ чего въ половинѣ 1861 г. никакъ не ожидали въ этихъ губерніяхъ и вотъ чему они особенно радуются въ настоящее время. Съ другой стороны тогда болѣе надѣялись на свои силы, а теперь желаютъ, чтобы само правительство своими способами постаралось устранить ихъ несогласія и устроило для нихъ сепаратную государственную организацію. Нигдѣ въ нашихъ статьяхъ мы не навязывали *Рижской Газетѣ* того чего она не говорила и сказать не могла; нигдѣ не объясняли мы вышеприведенныхъ ея словъ въ томъ смыслѣ, будто бы три года тому назадъ никто въ Остзейскихъ губерніяхъ не думалъ объ отпаденіи отъ Россіи, а только за послѣдніе три года возникли подобные планы. Мы никогда не говорили ничего подобнаго, и сослались на нее только въ доказательство, что центральная юстицъ-коммиссія была нововведеніемъ для Прибалтійскихъ губерній, на которое они три года тому назадъ вовсе и не разчитывали: *Рижская Газета* могла бы освободить себя отъ труда искажать наши слова и давать превратное толкованіе своимъ собственнымъ. Отпаденія Прибалтійскихъ губерній отъ Россіи, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, никто не опасается и не можетъ опасаться и едва ли найдется тамъ хотя бы одинъ безумецъ, въ которомъ бы подобные планы возникли въ совершенно ясной формѣ. Но *Рижская Газета*, конечно, не рѣшится отрицать, хотя бы изъ опасенія, что мы обличимъ ее собственными же ея словами, что въ Прибалтійскихъ губерніяхъ и особенно въ средѣ городскаго ихъ нѣмецкаго населенія, въ послѣднее время чрезвычайно усилилось стремленіе, съ одной стороны, къ германизаціи этого края, а съ другой—къ политическимъ нововведеніямъ, которыя въ результатѣ своемъ могутъ только усилить этотъ нѣмецкій элементъ на окраинѣ Россіи въ значеніи особой государственно-устроенной національности. Уже и въ настоящее время, когда три прибалтійскіе губерніи еще раздѣлены, когда между крестьянами и рыцарствомъ, между крестьянами и горожанами, между горожанами и рыцарствомъ проходитъ почти цѣлая бездна, раздѣляющая ихъ другъ отъ друга, уже и въ настоящее время, 180 тысячъ Нѣмцевъ и онѣмеченныхъ Латышей и Эстонцевъ считаютъ себя какъ бы особою политическою націей, и ссылаясь на свои документально изложенныя права и привилегіи, противополагаютъ себя остальной Россіи. Такъ, въ *Рижской* же *Газетѣ* мы безпрестанно читаемъ о „политической задачѣ сеймовъ" (въ № 181), о томъ, что лифляндское дворянство вступило на путь движенія къ дальнѣйшему политическому развитію" (№ 263); о томъ, что „случаи, въ которыхъ, по недоразумѣнію, пытались примѣнять общіе законы Имперіи къ Остзейскимъ провинціямъ, лишь обнаруживали съ большею очевидностью всю особенность ихъ быта" (№ 262), и наконецъ, встрѣчаемъ въ № 269-мъ такое истолкованіе 2-й статьи первой части свода Мѣстныхъ узаконеній Остзейскихъ Губерній, которое никакъ не можетъ быть допущено, и которое только свидѣтельствуетъ о желаніи отдѣлаться отъ примѣненія общихъ законовъ Имперіи къ этимъ ея губерніямъ, а именно будто бы

въ силу этой статьи законъ, общій для всей Имперіи, только въ томъ случаѣ отмѣняетъ или измѣняетъ какія-либо мѣстныя узаконенія этихъ губерній, когда въ немъ прямо обозначено, что эта отмѣна или перемѣна распространяется прямо и на Остзейскія губерніи, тогда какъ упомянутая статья, совершенно наоборотъ, гласитъ: „Сіи (то-есть, мѣстныя) узаконенія простираются на тѣ только губерніи и области, коимъ они особенно предоставлены, и объясняютъ тѣ только случаи, на кои именно постановлены, какъ изъятіе изъ общихъ правилъ. Во всѣхъ другихъ случаяхъ дѣйствіе общихъ законовъ Имперіи сохраняетъ и въ сихъ губерніяхъ и областяхъ полную свою силу.“ Что же было бы, еслибы прибалтійскимъ новаторамъ дѣйствительно удалось достигнуть предположенныхъ „божественныхъ цѣлей?“

Мы охотно согласимся съ *Рижскою Газетой* и съ политическими нововводителями въ остзейскихъ губерніяхъ, что бытъ этого края и взаимныя отношенія различныхъ классовъ его населенія требуютъ коренныхъ преобразованій. Но мы никакъ не можемъ согласиться съ слѣдующими ихъ положеніями, которыя выписываемъ прямо изъ *Рижской Газеты* и которыя вызваны замѣчаніями *Русскаго Инвалида*, возбудившими ихъ желчь: „Если устройство городовъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ плохо, говоритъ *Рижская Газета*, то изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что въ нихъ должно быть введено общее городовое устройство Имперіи“ (№ 262); „устройство этихъ городовъ развилось на нѣмецкой основѣ; почему же *Русскій Инвалидъ* не хочетъ согласиться, чтобъ и дальнѣйшее его развитіе совершалось на той же основѣ?“ (№ 269), и въ заключеніе: „Пусть предоставятъ собственной инициативѣ провинцій,—какъ это и случалось не разъ въ послѣднее время и сопровождалось самымъ счастливымъ успѣхомъ,—находить путь и направленіе для необходимыхъ реформъ, и пусть съ другой стороны, дадутъ новымъ формамъ ихъ устройства ту же массу правъ, тѣ же размѣры автономіи и самоуправленія, какіе были обезпечены намъ нашими старинными средневѣковыми учрежденіями.“ Другими словами *Рижская Газета* уже въ настоящее время желала бы присвоить различнымъ чинамъ прибалтійскихъ губерній, или какому-нибудь общему ихъ органу, въ родѣ вновь придуманной юстицъ-коммиссіи, право законодательства во всѣхъ важнѣйшихъ политическихъ вопросахъ, и притомъ въ тѣхъ видахъ, чтобъ они воспользовались этимъ правомъ не для тѣснѣйшаго соединенія съ Россіей, а напротивъ, для возможно-большаго обособленія и для дальнѣйшихъ успѣховъ германизаціи края.

Эти и подобные имъ многіе другіе факты мы имѣли въ виду, когда въ № 254-мъ высказали наши соображенія относительно того вреда, какой могъ бы произойдти отъ образованія особаго нѣмецкаго государства на окраинѣ Россіи и въ личномъ соединеніи съ нею.

Замѣчательно, что наши слова подали поводъ *Рижской Газетѣ* къ заключенію, которое рѣшительно ни съ чѣмъ не сообразно, и которое вновь обличаетъ совершенно ненормальное настроеніе этой остзейской газеты. Мы сказали, что уроженцы прибалтійскихъ губерній всегда служили вѣрой и правдой Русскому государству, потому что эти губерніи считались провинціями цѣлаго и нераздѣльнаго Русскаго государства, не смотря на нѣкоторыя предоставленныя имъ привилегіи и особенности, а *Рижская Газета* спѣшитъ вывести странное заключеніе, что эти-то особенности и привилегіи мы и считаемъ необходимымъ условіемъ вѣрности уроженцевъ прибалтійскихъ губерній. Глубоко ошибается въ этомъ отношеніи *Рижская Газета*: мы имѣемъ, очевидно, гораздо высшее чѣмъ она понятіе о вѣрности и преданности Русскому Царю и Россіи нынѣшнихъ уроженцевъ прибалтійскихъ губерній; мы думаемъ, что эта вѣрность и преданность ихъ Россіи безусловны, и что они сами были бы готовы отречься отъ такихъ изъ особенностей своего устройства, которыя когда-нибудь оказались бы несовмѣстимыми съ пользою Россіи которой они дѣти.

№ 271.

Москва, 9-го декабря.

Мы получили нѣсколько писемъ, указывающихъ на пользу, которую можно ожидать отъ продолженія московско-рязанской желѣзной дороги на Воронежъ. Печатая ниже одно изъ этихъ писемъ, считаемъ не лишнимъ возобновить въ памяти читателей замѣчанія высказанныя въ № 220 *Московскихъ Вѣдомостей* въ пользу направленія

этой дороги не на Ряжскъ, а на Пронскъ и Скопинъ, лежащіе западнѣе Ряжска. Интересно упомянуть также, что на дальнѣйшемъ протяженіи этой линіи оказывается подобная же необходимость склонить ее на западъ, именно на Козловъ. Нельзя дѣйствительно не обратить вниманія на эту силу вещей, которая притягиваетъ на западъ продолженіе московско-рязанской линіи. При ближайшемъ разсмотрѣніи коммерческихъ интересовъ этого края, оказывается что чѣмъ болѣе линія идущая на югъ отъ Рязани отклонится къ западу, тѣмъ выгоднѣе будетъ для нея и тѣмъ бо̀льшую важность она получитъ для цѣлаго государства. Еслибъ удалось сдѣлать Донъ болѣе удобнымъ для судоходства, то соединеніе Рязани съ Воронежемъ принесло бы уже и само по себѣ огромную пользу нашей торговлѣ. Оно уже само по себѣ, независимо отъ продолженія дороги за Воронежъ, соединило бы нашъ сѣверъ съ нашимъ югомъ. Но тутъ намъ припоминается указаніе сдѣланное г. фонъ-Дервизомъ, директоромъ московско-рязанской дороги, въ № 95 *Биржевыхъ Вѣдомостей* (7-го апрѣля). Это указаніе заключалось въ томъ, что если вести желѣзную дорогу изъ Рязани на Козловъ, а оттуда повернуть ее къ Харькову, то соединеніе Москвы съ Харьковомъ по этой линіи будетъ лишь на сорокъ съ небольшимъ верстъ длиннѣе соединенія этихъ городовъ черезъ Тулу, Орелъ и Курскъ. Г. фонъ-Дервизъ замѣтилъ при этомъ, что если московско-севастопольской дорогѣ не суждено осуществиться въ томъ видѣ, какъ назначено по концессіи данной г. Гопу, то правительство можетъ воспользоваться предложеніемъ капиталистовъ, соглашающихся дать деньги на постройку 600 верстъ желѣзнаго пути за Рязань въ *томъ направленіи, которое правительство найдетъ удобнѣйшимъ.* Этихъ 600 верстъ стало бы для того чтобы соединить Рязань съ Харьковомъ желѣзною дорогой, которая могла бы идти или на Козловъ или на Воронежъ, при чемъ въ первомъ случаѣ Козловъ, а во второмъ Воронежъ были бы соединены съ паровозною желѣзною дорогой желѣзно-коннымъ путемъ, и кромѣ того какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ желѣзно-конный путь направился бы отъ Козлова къ Моршанску. Противъ подобной комбинаціи можно было бы возразить и дѣйствительно возражали только то, что сдѣланное г. фонъ-Дервизомъ вычисленіе разстояній не вѣрно; но положеніе, занимаемое г. фонъ-Дервизомъ, даетъ публикѣ право ожидать, что онъ разъяснитъ это дѣло и подтвердитъ свои слова. Если же въ самомъ дѣлѣ линія московско-рязанско-харьковская будетъ лишь на незначительное разстояніе длиннѣе линіи московско-орловско-харьковской, то вопросъ, возбужденный г. фонъ-Дервизомъ, есть серіозный вопросъ, и мысль имъ предложенная можетъ весьма пригодиться дѣлу русскихъ желѣзныхъ дорогъ. Нѣтъ никакой возможности ожидать, чтобы казенными средствами удалось построить нѣсколько линій желѣзныхъ дорогъ. Для Россіи будетъ великое счастье, если всѣ казенныя средства сосредоточатся на сооруженіи одной линіи, московско-кіево-одесской, и если эта главная національная желѣзная дорога, сооружаемая энергически, поспѣетъ въ возможно-скоромъ времени. Трудностей, въ особенности финансовыхъ трудностей встрѣтится еще не мало, и надобно приберечь значительный запасъ силъ, чтобы преодолѣть ихъ. Вотъ почему было бы чрезвычайно желательно, чтобы на ряду съ казенною желѣзною дорогой на Кіевъ и Одессу строилась другая дорога на Харьковъ частными средствами. Предложеніе г. фонъ-Дервиза имѣетъ въ нашихъ глазахъ большой интересъ еще и потому, что оно дало бы возможность вести московско-кіевскую линію по самому прямому и кратчайшему направленію, столь необходимому для линіи долженствующей сдѣлаться главною артеріей Россіи. Кривизны, предлагаемыя для московско-кіевской линіи, предлагаются преимущественно съ тою цѣлію, чтобы, соединяя Москву съ Кіевомъ, облегчить соединеніе Москвы съ Харьковомъ. Если же эта послѣдняя цѣль будетъ достигнута инымъ путемъ, то всѣ голоса противъ прямаго направленія московско-кіевской линіи сами собой смолкнутъ, и наша главная желѣзная дорога не будетъ испорчена. Можно ли разчитывать на этотъ иной путь? Другими словами, можно ли разчитывать, что найдутся капиталы для рязанско-харьковской дороги? Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ они находились. Г. фонъ-Дервизъ просилъ съ казны за 600 верстъ по 67 тысячъ рублей за версту и указывалъ англійскихъ капиталистовъ, готовыхъ дать весь потребный капиталъ въ 40 милліоновъ рублей въ ссуду правительству съ тѣмъ чтобы построенная желѣзная дорога поступила тотчасъ же въ

собственность казны. Капиталъ былъ пріисканъ черезъ посредство гг. Капгера и К°, которые, какъ главные акціонеры московско-рязанской желѣзной дороги, сильно заинтересованы ея продолженіемъ на югъ, сулящимъ значительное увеличеніе ея доходовъ. Въ самомъ дѣлѣ доходность московско-рязанской дороги была бы обезпечена самымъ блистательнымъ образомъ, еслибъ удалось продолжить ее до Харькова и сдѣлать изъ нея путь соединяющій сѣверъ Россіи съ ея югомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что лица заинтересованныя въ московско-рязанской дорогѣ сдѣлаютъ все возможное чтобы способствовать столь выгодному для нихъ дѣлу. Равнымъ образомъ нѣтъ также сомнѣнія что строители коломенско-рязанскаго участка съ своей стороны не могутъ не желать продолженія работъ, оконченныхъ ими съ успѣхомъ. Какъ тѣ, такъ и другіе уже предлагали правительству условія болѣе выгодныя чѣмъ тѣ, которыя были предоставлены по московско-севастопольской концессіи. Мы готовы согласиться, что и эти условія были тяжелы, но ничто не мѣшаетъ поторговаться. При измѣненіи направленія дороги могутъ измѣниться и цѣны; новыя цѣны будутъ основаны на новыхъ развѣдкахъ. Банкирскія условія не сегодня, такъ завтра могутъ тоже измѣниться къ нашей выгодѣ. Главный вопросъ въ томъ, можно ли рѣшиться на удлинненіе линіи соединяющей Москву съ Харьковомъ, чтобъ избѣжать удлинненія линіи московско-кіевской. Намъ кажется, что не только можно, но даже должно. Г. фонъ-Дервизъ утверждаетъ что на харьковской линіи удлинненіе будетъ не многимъ больше 40 верстъ. Еслибы мы ровно столько же верстъ сберегли на линіи кіевской, то и тогда была бы выгода, такъ какъ кіевская линія важнѣе харьковской и будетъ тѣмъ полезнѣе для Россіи чѣмъ будетъ прямѣе. Но сбереженіе на кіевской линіи будетъ гораздо болѣе сорока верстъ, оно дойдетъ можетъ-быть и до 100 верстъ, если вести дорогу изъ Орла прямо на Кіевъ, не дѣлая крюка на Курскъ; оно дошло бы до 150 верстъ, еслибы кіевскую дорогу вести на Калугу. Мало того: сбереженіе окажется не въ одномъ протяженіи. Не менѣе важно, что избѣгая зигзага на Курскъ, мы обойдемъ множество техническихъ затрудненій, которыя должны встрѣтиться на пути между Орломъ и Курскомъ и между Курскомъ и Глуховомъ. Оба эти участка очень трудны. Для орловско-курскаго уже есть данныя; о курско-глуховскомъ можно судить, бросивъ взглядъ на любую карту и обративъ вниманіе на теченіе Сейма.

Вотъ почему намъ кажется, что мысль о продолженіи московско-рязанской желѣзной дороги до Харькова заслуживаетъ серіознаго вниманія. Прибавимъ еще что Харьковъ почти не торгуетъ съ Орломъ и Тулой. Онъ ведетъ торгъ почти исключительно съ Москвой, и притомъ уже теперь онъ торгуетъ съ Москвой отчасти черезъ Воронежъ, гдѣ перемывается получаемая изъ Харькова шерсть и откуда она отправляется въ Москву. Въ коммерческомъ отношеніи Харьковъ нисколько не пострадаетъ отъ того что будетъ соединенъ съ Москвой не черезъ Орелъ, а черезъ Рязань. Онъ даже выиграетъ тѣмъ, что получитъ болѣе прямое сообщеніе съ Нижнимъ и всею волжскою системой. Наконецъ въ государственномъ отношеніи было бы вовсе немаловажно направить въ Харьковъ токъ изъ губерній Воронежской, Тамбовской и Рязанской, съ тѣмъ чтобы вся сила губерній Орловской и Тульской могла направиться безраздѣльно на югозападный край.

№ 272.

Москва, 10-го декабря.

Сколько преобразованій, — и какихъ, — и въ какое короткое время! Сколько новыхъ началъ внесенныхъ въ нашу жизнь, которыхъ дѣйствіе еще не можетъ быть оцѣнено теперь во всей силѣ, и плоды которыхъ окажутся только въ послѣдствіи! Сколько сторонъ нашего быта приведено и приводится въ ясность, благодаря новой возникающей у насъ силѣ, — силѣ публичности, которая мало-по-малу распространяется повсюду и связываетъ людей въ одномъ великомъ общемъ дѣлѣ! Не имѣемъ ли мы права сказать, что Россія совершенно обновляется, что она вступаетъ въ новый періодъ своего историческаго существованія, который раскроетъ и приведетъ въ дѣйствіе доселѣ еще невѣдомыя силы нашей народной жизни, который оправдаетъ наше прошедшее, какъ близкое, такъ и дальнее, вызоветъ всѣ уснувшія стихіи его, и дастъ почувствовать внутреннее единство всѣхъ частей нашего народа и живую связь съ нимъ тѣхъ иноплеменныхъ элементовъ, ко-

торымъ судьба судила примкнуть къ нему чтобы войдти въ его жизнь и способствовать полнотѣ и равновѣсію ея развитія. И вотъ теперь, когда въ нашей газетѣ еще только начато печатаніе обширнаго текста новаго закона, который даетъ Россіи правый судъ и на самыхъ широкихъ и либеральныхъ основаніяхъ,—теперь когда рѣшается вопросъ о продолженіи великаго національнаго пути сообщенія, которымъ обозначится вся Россія не только въ главныхъ пунктахъ своего пространства, но и въ главныхъ моментахъ своей исторіи, — пути, который столько же будетъ желѣзнымъ путемъ государственной необходимости, сколько и золотою цѣпью торговли,— пути который свяжетъ непрерывною линіей главные центры нашей цивилизаціи, главные разсадники нашего университетскаго образованія,—теперь печатаемъ мы въ столбцахъ нашей газеты новый важный законъ,— уставъ новаго устройства гимназій. Въ ряду блистательныхъ реформъ, которыми ознаменовалось нынѣшнее царствованіе, преобразованіе среднихъ учебныхъ заведеній, долженствующихъ служить приготовленіемъ къ университету, какъ бы теряется; въ сравненіи со всѣмъ что̀ сдѣлано и что̀ дѣлается, оно можетъ показаться незначительнымъ; обозрѣвающая мысль можетъ скользнуть по этому новому пріобрѣтенію Россіи, не придавая ему особенной важности. Но мы смѣло можемъ сказать, что эта скромная по своимъ размѣрамъ реформа, не громкая и малозамѣтная, окажется въ своихъ послѣдствіяхъ однимъ изъ плодотворнѣйшихъ дѣлъ нынѣшняго царствованія и будетъ его славой, если то̀лько начала положенныя въ основаніе этой реформы получатъ надлежащее развитіе и силу. Реформа эта тѣмъ болѣе будетъ оцѣнена въ послѣдствіи, что педагогическій вопросъ, менѣе чѣмъ какой-либо другой, былъ приготовленъ у насъ къ правильному рѣшенію, и что̀ надъ нимъ носилась туча недоразумѣній, которыя ежеминутно могли дать его рѣшенію направленіе фальшивое, такъ что наше народное просвѣщеніе могло не приблизиться къ своимъ истиннымъ цѣлямъ, а отойдти отъ нихъ еще далѣе и на долго, въ то самое время когда русскій народъ болѣе чѣмъ когда-нибудь нуждается въ правильномъ и плодотворномъ развитіи своихъ умственныхъ силъ. Новый уставъ о гимназіяхъ впервые и съ полною рѣшимостію призналъ начала классической системы, долженствующей стать отнынѣ основаніемъ нашего университетскаго образованія. Разныя соображенія воспрепятствовали единовременному примѣненію полной классической системы во всѣхъ нашихъ гимназіяхъ; но довольно и того, что она принята теперь, и принята впервые во всей силѣ нашимъ законодательствомъ. Великій шагъ совершенъ. Отнынѣ, начала истинно европейскаго образованія становятся нашимъ народнымъ достояніемъ; отнынѣ, эти начала не будутъ уже подвергаться вопросу, не будутъ уже подлежать спору. Дальнѣйшія задачи могутъ касаться только ихъ развитія и примѣненія.

Итакъ, повторимъ, начала классической системы признаны новымъ уставомъ во всей силѣ и съ полною рѣшимостію. Хотя въ числѣ нашихъ гимназій новый уставъ обозначаетъ особую группу такъ-называемыхъ реальныхъ гимназій, гдѣ древніе языки преподаваемы не будутъ; но эти училища, составляющія особую группу, новымъ уставомъ лишены университетскихъ правъ. Въ университеты могутъ поступать лишь воспитанники классическихъ гимназій. Подъ классическими гимназіями уставъ разумѣетъ гимназіи основанныя на обоихъ древнихъ языкахъ, и даетъ преподаванію ихъ то значеніе концентрирующей и воспитывающей молодые умы силы, какое имѣютъ они въ школѣ истинно европейской. Въ гимназіяхъ съ однимъ латинскимъ языкомъ уставъ видитъ организацію неполную; онъ удерживаетъ ихъ какъ положеніе переходное и временное, и министру народнаго просвѣщенія предоставляется съ теченіемъ времени превращать эти латинскія школы, смотря по требованію мѣстныхъ условій, либо въ полныя классическія гимназіи, либо въ реальныя гимназіи, которыя лишены университетскихъ правъ, и типъ которыхъ въ сущности мало разнится отъ нынѣ-существующій гимназій. Такъ какъ поступленіе въ университетъ есть главная цѣль гимназическаго ученія, и такъ какъ во всѣхъ тѣхъ губерніяхъ гдѣ существуетъ только по одной гимназіи, безъ сомнѣнія, потребуется гимназія классическая, для того чтобъ ея воспитанники могли имѣть доступъ въ университетъ, то надобно полагать, что большинство существующихъ нынѣ гимназій пріобрѣтетъ характеръ классическій, то-есть университетскій.

Въ гимназіяхъ съ полною классическою програмой преподаваніе греческаго язы-

ка, начиная съ третьяго класса, восходитъ въ послѣднихъ трехъ классахъ до шести часовъ въ недѣлю, такъ что на трехъ послѣднихъ классахъ обоимъ языкамъ въ сложности будетъ посвящаться до одиннадцати часовъ въ недѣлю. Взыскательный европейскій педагогъ найдетъ не совсѣмъ достаточнымъ для цѣли надлежащаго умственнаго воспитанія число часовъ посвящаемыхъ уставомъ преподаванію древнихъ языковъ на нѣкоторыхъ классахъ; мы отнюдь не будемъ съ нимъ спорить, однако думаемъ, что можно довольствоваться и тѣми размѣрами, которые даны классическому преподаванію въ нашихъ новыхъ гимназіяхъ, предоставляя времени и практикѣ уяснить и пополнить недостающее, равно какъ и устранить излишнее. Время и раціональная педагогическая практика, при дальнѣйшемъ разъясненіи и развитіи педагогическихъ началъ, обнаружитъ, что каждый излишній часъ полагаемый на нѣкоторые предметы не только безполезенъ, но и положительно вреденъ, превращая преподаваніе въ болтовню и фразерство, что очень часто случается съ такъ-называемою русскою словесностью, или въ чтеніе и безсмысленныхъ въ гимназіи лекцій, что приключается исторіи широковѣщательныхъ, при излишествѣ времени, отведеннаго на ея преподаваніе. Во всякомъ случаѣ, можно съ увѣренностію сказать, что при дѣятельномъ, усердномъ и добросовѣстномъ примѣненіи началъ положенныхъ въ основу новыхъ гимназій, надобно ожидать отъ нихъ благихъ послѣдствій и плодотворныхъ результатовъ.

Главнымъ затрудненіемъ законодателя въ примѣненіи классической системы къ нашимъ гимназіямъ,—затрудненіемъ побудившимъ его удержать болѣе или менѣе значительное число ихъ на положеніи переходномъ, былъ недостатокъ учителей классическихъ языковъ, особенно греческаго, который несчастною мѣрой 1849 года былъ почти совершенно искорененъ изъ системы нашего народнаго просвѣщенія. Затрудненіе дѣйствительно важное, но едвали непобѣдимое. Слѣдуетъ взять въ разчетъ, что уставъ вводитъ преподаваніе греческаго языка съ третьяго класса; слѣдовательно, и при одновременномъ введеніи полной классической системы во всѣ университетскія гимназіи правительство имѣло бы два года въ запасѣ для пріисканія и приготовленія учителей греческаго языка. На первый разъ потребовалось бы лишь по одному учителю на каждую гимназію, и въ два года, нѣтъ сомнѣнія, можно было бы, при энергіи и усердіи, пріобрѣсти, изъ разныхъ источниковъ, требуемое количество хорошихъ учителей, которые положили бы прочное основаніе классическимъ языкамъ въ нашихъ гимназіяхъ. Вопервыхъ, мы можемъ обратиться къ Дерптскому университету. Не даромъ же этотъ нѣмецкій университетъ на руской землѣ пользовался привилегіей, благодаря которой онъ удержалъ за собою европейскія основы науки, въ то время какъ дѣло русскаго народнаго просвѣщенія подвергалось всевозможнымъ невзгодамъ. Вотъ долгъ, который лежитъ на нашихъ прибалтійскихъ согражданахъ, и вотъ оправданіе тѣхъ преимуществъ, которыми они пользовались: то что они уберегли и что развилось у нихъ подъ охраною этихъ привилегій, должны они сполна внести въ капиталъ той націи, которой часть они составляютъ. При выгодахъ старой европейской цивилизаціи и науки, которыми пользуются уроженцы этихъ провинцій, они могутъ приносить теперь истинную пользу русскому дѣлу, искренно признавая его своимъ роднымъ. Дерпскій университетъ можетъ дать намъ нѣсколько хорошихъ преподавателей по части древнихъ языковъ. Еслибы стипендіи были назначены заблаговременно, то по истеченіи двухъ лѣтъ порядочное число воспитанниковъ этого университета могло бы изготовиться настоящимъ образомъ къ преподаванію своего предмета и съ тѣмъ вмѣстѣ усовершенствоваться въ русскомъ языкѣ, который и безъ того долженъ бы быть хорошо знакомъ имъ. Мы можемъ обратиться также въ нѣкоторыя изъ славянскихъ странъ, гдѣ процвѣтаетъ германская наука, напримѣръ къ Чехамъ или къ Лужичанамъ, откуда часто выходятъ ученые, служащіе украшеніемъ германскихъ университетовъ. По своему образованію, филологи изъ Славянъ ничѣмъ не разнятся отъ нѣмецкихъ, но для насъ они имѣютъ то преимущество, что могутъ въ самомъ скоромъ времени усвоить себѣ русскій языкъ. Двухъ лѣтъ слишкомъ для этого достаточно. Приведемъ въ примѣръ профессора Ламбля, изъ Чеховъ, который преподаетъ теперь въ Харьковскомъ университетѣ микроскопическую анатомію: въ самое короткое время онъ настолько овладѣлъ русскимъ языкомъ, что могъ преподавать на немъ съ университетской ка-

ѳедры. Наконецъ, наши внутренніе, чисто-русскіе университеты, если заблаговременно будутъ устроены при нихъ семинаріи со стипендіями и преміями, могутъ выставить, въ свою очередь, въ теченіе тѣхъ же двухъ лѣтъ, вполнѣ удовлетворительныхъ преподаватей. Но для этого, повторимъ, нужно устройство семинарій (съ стипендіями и преміями); что же касается до такъ называемыхъ педагогическихъ курсовъ, то они равно никакой пользы не приносятъ и приносить не могутъ.

№ 273.

Москва, 11-го декабря.

Пруссія сдѣлала еще шагъ впередъ съ цѣлью присоединенія къ себѣ Герцогствъ: дѣла, которыя въ прошломъ году были общими для Герцогствъ и Даніи, мало-помалу поступаютъ въ непосредственное ея завѣдываніе. Телеграфное и почтовое вѣдомства, въ силу распоряженія, отъ 11-го декабря, гражданскихъ коммиссаровъ Пруссіи и Австріи, изъяты изъ предметовъ общаго управленія Герцогствъ, подчинены особымъ прусскимъ чиновникамъ, и устраиваются теперь по прусскому образцу. Въ то же время, полуофиціяльныя прусскія газеты, какъ напримѣръ *Berliner Revue* въ своей послѣдней тетради, продолжаютъ оспаривать и осмѣивать притязанія принца Августенбургскаго на Герцогства, и коронные синдики, къ которымъ теперь обратилось прусское правительство, чтобы составить себѣ точное мнѣніе о правахъ различныхъ претендентовъ, вѣроятно, подадутъ свой голосъ въ пользу Гогенцоллернскаго дома. Должно-быть, принцъ Августенбургскій оказался недостаточно податливъ. Въ берлинскую *Торговую Газету* пишутъ изъ Вѣны, что принцъ изъявилъ готовность на всѣ уступки въ общихъ интересахъ Германіи, даже съ пожертвованіемъ нѣкоторою частью правъ верховной власти, но рѣшительно отказался вести объ этомъ переговоры исключительно съ одною Пруссіей.

Очень куріозны извѣстія, которыя сообщаетъ *Hamburger Börsen Halle* въ письмѣ изъ Петербурга, отъ 12-го декабря. По этому письму, Россія будто бы руководится въ своей политикѣ относительно шлезвигъ-гольштейнскаго вопроса исключительно опасеніемъ взрыва всесвѣтной революціи въ Европѣ и властолюбивыхъ замысловъ Франціи, и желала бы, въ видахъ сохраненія общаго мира, поддержать доброе согласіе между Пруссіей и Австріей. Съ этою цѣлью она старается будто бы склонить великаго герцога Ольденбургскаго переуступить Пруссіи уступленныя ему права въ Герцогствахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ расположить и Вѣнскій кабинетъ въ пользу прямаго присоединенія Герцогствъ къ Пруссіи. Съ этою цѣлью будто бы обѣщана даже помощь Австріи въ случаѣ нападенія съ какой бы то ни было стороны на ея области. Корреспондентъ какъ бы не замѣчаетъ, что возрастаніе могущества Пруссіи нисколько не нужно въ интересахъ Россіи, и что потому Россіи нѣтъ ни малѣйшаго повода хлопотать о немъ. Для Россіи было бы несравненно выгоднѣе и лучше, еслибы въ вопросѣ шлезвигъ-гольштейнскомъ Австрія дѣйствовала за-одно съ второстепенными государствами Германіи. Въ этомъ отношеніи, мы не можемъ не выразить нашего сочувствія заявленіямъ *St.-Petersburger Zeitung*, отъ 9-го (21-го) декабря. Петербургская нѣмецкая газета совѣтуетъ великимъ нѣмецкимъ державамъ осторожность и осмотрительность и указываетъ на опасности, какія могутъ произойдти въ случаѣ, если второстепенныя государства будутъ доведены до послѣдней крайности. Она не считаетъ невозможнымъ открытаго съ ихъ стороны сопротивленія, которымъ, конечно, не замедлила бы воспользоваться Франція. Увѣщанія ея прежде всего обращаются къ Австріи. Еслибы, говоритъ *St.-Petersburger Zeitung*, еслибы внутри Германіи дѣло дошло до серіозныхъ столкновеній, то при настоящихъ отношеніяхъ къ Франціи и къ Италіи, надъ Австріей тотчасъ же разразилась бы гроза на всемъ протяженіи южныхъ ея границъ. Могла ли бы въ такомъ случаѣ спасти ее Пруссія, это еще вопросъ. Подобная задача была бы тѣмъ болѣе затруднительна для нея, что Датчане пожелали бы воспользоваться случаемъ и возвратить себѣ Герцогства; а Франція, заодно съ второстепенными государствами Германіи, поспѣшила бы принять участіе въ этой борьбѣ. Что же касается до Пруссіи, то *St.-Petersburger Zeitung* считаетъ возможнымъ и даже вѣроятнымъ, что Пруссія не разъ договаривалась съ Франціей относительно вопросовъ шлезвигъ-гольштейн-

скаго, германскаго, италіянскаго и восточнаго, и даже вступила съ нею въ соглашеніе на нѣкоторые возможные случаи; но нѣмецкая петербургская газета считаетъ своимъ долгомъ предостеречь и Пруссію на случай внутреннихъ столкновеній въ Германіи. Если только она не рѣшится добровольно уступить Франціи нѣкоторыя изъ своихъ областей, то для Франціи будетъ выгоднѣе дѣйствовать заодно не съ нею, а съ группою второстепенныхъ и мелкихъ государствъ Германіи.

Всѣ эти увѣщанія довольно вразумительны, но едва ли имъ соотвѣтствуетъ то, что *St.-Petersburger Zeitung* говоритъ въ пользу тѣснаго союза между Пруссіей и Австріей. Прежде всего сомнительно, чтобы Пруссія, имѣя на своей сторонѣ Австрію, рѣшилась сдѣлать какія бы то ни было уступки второстепеннымъ германскимъ государствамъ въ шлезвигъ-гольштейнскомъ вопросѣ. Съ большею вѣроятностію можно было бы ожидать этихъ уступокъ, еслибъ Австрія стала рѣшительно на сторону второстепенныхъ государствъ. Какъ ни отважна политика г. фонъ-Бисмарка, но нельзя же вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, предполагать, чтобы Пруссія рискнула вступить въ революціонный союзъ съ Франціей.

Австрія, повидимому, и въ самомъ дѣлѣ не остается равнодушна къ раздраженію второстепенныхъ государствъ въ Германіи, которое дошло теперь до необыкновенныхъ размѣровъ. Вскорѣ послѣ засѣданія германскаго сейма, 5-го декабря, молодой король баварскій обратился съ собственноручнымъ письмомъ къ королю ганноверскому. Въ этомъ письмѣ онъ указывалъ на то, что второстепенныя государства Германіи должны соединиться между собою для охраненія своихъ правъ въ Германскомъ Союзѣ противъ великихъ державъ этого Союза и для рѣшенія шлезвигъ-гольштейнскаго вопроса въ интересахъ не Пруссіи, а цѣлой Германіи. Самъ онъ,—гласитъ далѣе письмо, какъ увѣряетъ ганноверскій корреспондентъ *Allgemeine Zeitung*,—твердо рѣшился употребить всѣ усилія для достиженія этой цѣли, и знаетъ, что въ этомъ случаѣ всѣ подданные его будутъ съ нимъ заодно. Въ заключеніе письма король баварскій проситъ, чтобы Гановеръ присоединился къ другимъ нѣмецкимъ государствамъ, въ ихъ усиліяхъ достигнуть, съ помощью сейма, благопріятнаго рѣшенія шлезвигъ-гольштейнскаго вопроса. Письмо это, говорятъ, вызвало вполнѣ сочувственный отвѣтъ со стороны короля гановерскаго. Въ этой перепискѣ справедливо видятъ первую серіозную попытку второстепенныхъ государствъ Германіи составить тѣсный между собою союзъ, направленный противъ союза Пруссіи и Австріи. Судя по телеграфическому извѣстію изъ Вѣны, отъ 16-го декабря, эти начинанія уже обратили на себя вниманіе Пруссіи, и вызвали со стороны короля Вильгельма I собственноручное письмо, политическаго содержанія, къ королю Саксонскому, такъ какъ Саксонія считается душою всего этого движенія.

Что касается до Австріи, то ея полуофиціяльная журналистика старается всячески успокоить второстепенныя государства. Такъ *Wiener Abend-Post*, отъ 15-го декабря, говоритъ, что разногласіе между великими и второстепенными государствами Германіи вовсе не такъ велико, и что главнѣйшимъ образомъ оно касается не цѣли, а только средствъ къ ея достиженію, и увѣщеваетъ полуофиціяльную *Баварскую Газету* изъ-за такого несущественнаго разногласія не увеличивать взаимнаго раздраженія, которое можетъ надѣлать много зла Германіи. *Botschafter*, органъ г. фонъ-Шмерлинга, отвѣчая феодальной вѣнской газетѣ *Vaterland*, которая провозгласила необходимость основать на развалинахъ Германскаго Союза двѣ великія военныя германскія монархіи,—въ свою очередь, замѣчаетъ, что Австрія и по праву, и по обязанности, и по чувству чести и по своимъ интересамъ, должна не содѣйствовать, а всячески противодѣйствовать подобнымъ стремленіямъ, потому что они направлены къ тому, чтобъ исключить Австрію изъ Германіи, и лишить ее нѣмецкаго наслѣдія, безъ котораго самое существованіе ея было бы непрочно, и вся цивилизація ея была бы поставлена въ вопросъ.

По словамъ вѣнскаго корреспондента *Лейпцигской Газеты* въ настоящее время между Пруссіей и Австріей идутъ переговоры о способѣ изслѣдованія и оцѣнки правъ различныхъ претендентовъ, и корреспондентъ считаетъ вѣроятнымъ, что обѣ державы поручатъ это дѣло особой конференціи, которая состояла бы изъ дипломатовъ и юристовъ, и что на основаніи предложеній этой конференціи обѣ державы примутъ одно общее рѣшеніе, при чемъ

Австрія желала бы предложить его на разсмотрѣніе сейму, а Пруссія желала бы только довести его до свѣдѣнія сейма. Что въ Пруссіи и даже въ цѣлой Германіи общественное мнѣніе все болѣе склоняется въ пользу прямаго присоединенія Герцогствъ къ Пруссіи, объ этомъ свидѣтельствуетъ даже *Кельнская Газета*, всегда стоявшая за принца Августенбургскаго. По словамъ ея, дѣла приняли теперь такой оборотъ, что кто выступаетъ противъ Пруссіи, тотъ какъ будто бы высказывается въ пользу политики второстепенныхъ и мелкихъ государствъ и въ пользу политическаго разъединенія Германіи, противъ котораго, по самому своему назначенію, всегда такъ ратовало Германское Національное Общество. Тѣмъ не менѣе, однакоже, настроеніе Австріи, очевидно, благопріятно для второстепенныхъ государствъ Германіи, и при извѣстныхъ условіяхъ, можно было бы разчитывать, что Австрія охотно перейдетъ на ихъ сторону въ шлезвигъ-гольштейнскомъ вопросѣ. Опасность, что Пруссія въ такомъ случаѣ бросится въ объятія Франціи, кажется болѣе чѣмъ сомнительною, и поэтому мы увѣрены, что время для противодѣйствія властолюбивымъ замысламъ Пруссіи еще далеко не ушло.

№ 274.

Москва, 12-го декабря.

Въ четырехъ нумерахъ *Русскаго Инвалида*, начиная съ 260-го, напечатанъ отчетъ о ходѣ крестьянскаго дѣла въ Царствѣ Польскомъ, основанный на офиціяльныхъ данныхъ. Онъ появился какъ нельзя болѣе кстати, потому что въ послѣднее время даже наименѣе пристрастные къ Полякамъ органы иностранной печати, какъ напримѣръ *Крестовая Газета*, начали громко вопіять противъ способовъ, которыми приводится въ исполненіе крестьянская реформа въ Царствѣ Польскомъ.

Надобно сказать правду, что дѣло это, по необыкновенной многосложности и запутанности поземельныхъ отношеній въ Царствѣ Польскомъ, и при ненормальныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ теперь находятся всѣ классы тамошняго народонаселенія, представляло и представляетъ величайшія затрудненія. Съ самаго начала уже понадобилось значительно усилить личный составъ тѣхъ 14-ти коммиссій, по крестьянскимъ дѣламъ, между которыми распредѣлено въ этомъ отношеніи все Царство Польское. Въ настоящее время число ихъ членовъ простирается до 133 человѣкъ. Поспѣшимъ прежде всего отдать полную справедливость усердію и самоотверженію этихъ призванныхъ исключительно изъ Россіи дѣятелей. Имъ приходится дѣйствовать среди величайшей ненависти, съ одной стороны, и чрезмѣрныхъ надеждъ, съ другой, и пользоваться содѣйствіемъ только военныхъ начальниковъ края, тогда какъ туземныя гражданскія власти долгое время дѣйствовали такъ, какъ будто бы высочайшихъ указовъ 19-го февраля 1864 г. вовсе не было. Помѣщики, большею частію, противопоставляютъ имъ тупое, пассивное сопротивленіе, и не справляясь съ указами, заваливаютъ ихъ просьбами о взысканіи всякаго рода недоимокъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ стараются замедлить и затруднить ихъ дѣйствія всякаго рода жалобами на участковыхъ коммиссаровъ и на самы коммиссіи. Даже тѣ изъ нихъ, которые принимаютъ личину миролюбія, заботятся при этомъ болѣе всего о томъ, чтобы подорвать къ нимъ довѣріе въ крестьянахъ, и съ этою цѣлью во время разбора жалобъ въ присутствіи крестьянъ, нерѣдко заговариваютъ съ ними на французскомъ языкѣ, или расточаютъ имъ любезности, приглашая ихъ къ себѣ, приготовляя для нихъ, въ мѣстахъ самаго разбирательства жалобъ и на глазахъ у крестьянъ, угощенье, завтраки, и т. д., или стараются по меньшей мѣрѣ проскользнуть въ комнату, гдѣ члены коммиссій собираются для совѣщаній, чтобы заранѣе вселить въ крестьянъ предубѣжденіе противъ изготовляющихся рѣшеній. Но члены коммиссій не поддаются ни на какія приманки, и предпочитаютъ неудобства и лишенія кочевой жизни такому своекорыстному гостепріимству сословія, которое доказало свою враждебность къ Россіи. Съ другой стороны, по свидѣтельству самого „Отчета", многіе изъ крестьянъ ожидали гораздо большаго чѣмъ то что имъ предоставлено новымъ закономъ, и предполагали даже, что въ наказаніе за мятежъ, всѣ земли будутъ отобраны отъ бунтовавшей шляхты и розданы имъ. Нерѣдко крестьянскія громады, во время предварительнаго объѣзда страны коммиссіями, провожали ихъ отъ

одной деревни до другой, и не давали имъ покою ни днемъ, ни ночью, умоляя поскорѣе выдать имъ *децизію* (рѣшеніе) на ихъ просьбы. Многіе изъ крестьянъ простирали, а нѣкоторые изъ нихъ и теперь простираютъ претензіи на земли и угодія давно и безвозвратно перешедшія отъ нихъ въ руки помѣщиковъ, и при этомъ не различаютъ того что было до указа 1864 г. и того что совершилось въ послѣдствіи, въ нарушеніе этого указа. На первыхъ порахъ притязанія предъявлялись даже на помѣщичьи строенія и земли, никогда не бывшія въ пользованіи крестьянъ. Достаточно сказать, что число крестьянскихъ жалобъ, поступившихъ къ военнымъ властямъ въ короткій срокъ по обнародованіи указовъ и до пріѣзда коммиссій на мѣста ихъ дѣятельности, простиралось свыше 50.000, да съ того времени по 3-е октября поступило болѣе 20.000 прошеній, такъ что общее число ихъ доходитъ до 74.557, изъ коихъ 22.405 получили рѣшеніе. При этомъ разбирательство споровъ между крестьянами и помѣщиками рѣдко когда обходится безъ самыхъ непріятныхъ сценъ. Такъ, между прочимъ, въ присутствіи келецкой коммиссіи, когда помѣщикъ на всѣ жалобы крестьянъ кротко отвѣчалъ, что онъ всегда былъ ихъ отцомъ и благодѣтелемъ, послѣдніе пришли въ величайшее негодованіе, и тутъ же принялись обличать его, что онъ отрѣзывалъ языки ихъ братьямъ и закапывалъ ихъ живыми въ землю. Коммиссіи не оставалось болѣе ничего, какъ передать *человѣколюбиваго* пана въ руки правосудія. Нерѣдко случалось, что члены коммиссій почти успѣвали склонить того или другаго помѣщика къ добровольному соглашенію съ крестьянами; но какое-нибудь неосторожное слово крестьянъ тотчасъ же выводило помѣщика изъ себя и заставляло его дѣйствовать вопреки собственнымъ его интересамъ: помѣщики никакъ не могутъ примириться съ мыслію о какихъ бы то ни было добровольныхъ уступкахъ въ пользу людей, которыхъ они привыкли считать и называть не иначе какъ *быдломъ* (скотомъ).

Еще менѣе примирятся они съ новымъ крестьянскимъ и гминнымъ самоуправленіемъ. До сихъ поръ помѣщики имѣли патримоніальную власть надъ крестьянами, и могли сами наказывать ихъ розгами, хотя и не свыше 16-ти ударовъ; но теперь имъ пришлось разстаться съ этою властью и подчиниться *хлопскому жонду*, какъ они называютъ новое гминное управленіе. Мелкая же шляхта, изъ которой прежде брались большею частью гминные войты, съ новымъ устройствомъ лишилась значительной части своихъ матеріяльныхъ выгодъ. Когда дѣло шло объ избраніи новыхъ войтовъ, съ этой стороны были употреблены всѣ усилія, чтобы народъ выбиралъ прежнихъ войтовъ. Усилія эти не увѣнчались, однакоже, успѣхомъ, и по свѣдѣніямъ, доставленнымъ изъ 34 уѣздовъ, изъ крестьянъ было выбрано 2.027 войтовъ, изъ шляхты 120, а изъ другихъ классовъ 155. „Отчетъ“ говоритъ съ большою похвалой о гминныхъ войтахъ, выбранныхъ изъ числа крестьянъ. Какъ великъ въ этомъ отношеніи переворотъ совершенный указами 19-го февраля, видно изъ того, что „Отчетъ“ счелъ не лишнимъ упомянуть, что крестьяне, облеченные званіемъ войтовъ, тотчасъ же бросали общую всѣмъ польскимъ крестьянамъ привычку поминутно кланяться въ ноги панамъ, и что они, выслушивая показанія бывшаго своего помѣщика, дѣлаютъ возраженія большею частью съ тактомъ и вѣжливостью. По свидѣтельству военно-уѣздныхъ начальниковъ, гминные войты изъ крестьянъ, при разбирательствѣ взаимныхъ жалобъ, нерѣдко налагаютъ бо́льшіе штрафы на крестьянъ чѣмъ на помѣщиковъ, и вообще нынѣшнее гминное управленіе отличается быстрою и точною исполнительностію, неизвѣстною прежде. Съ этими показаніями не совсѣмъ согласно то, что мы читаемъ въ *Крестовой Газетѣ*. По словамъ ея, въ польскихъ селеніяхъ въ настоящее время господствуетъ почти совершенная анархія: крестьянскій скотъ пасется безразлично на хлѣбныхъ поляхъ и лугахъ помѣщиковъ; помѣщичьи лѣса расхищаются, свиньи бѣгаютъ свободно повсюду и взрываютъ землю. Власть новыхъ гминныхъ войтовъ совершенно безсильна, чтобы держать крестьянъ въ порядкѣ. За такого рода попытки, крестьяне, которые обыкновенно каждый вечеръ держатъ свои сходки въ шинкѣ, приговариваютъ своего войта къ наказанію, и тутъ же съ нимъ расправляются. Показанія *Крестовой Газеты*, безъ сомнѣнія, преувеличены, хотя и нѣтъ ничего мудренаго, что на первыхъ порахъ, въ нынѣшнее переходное время, крестьяне дозволяютъ себѣ безпорядки, и неохотно нанимаясь въ работники къ прежнимъ своимъ панамъ, про-

водятъ свое время въ праздности и пьянствѣ. Нечего и говорить, какъ желательно во всѣхъ отношеніяхъ, чтобы власть новыхъ гминныхъ войтовъ оказалась вполнѣ дѣйствительною какъ въ отношеніи къ крестьянамъ, такъ и въ отношеніи къ прочимъ классамъ населенія.

Дѣятельность коммиссій, по жалобамъ крестьянъ на неправильное отобраніе у нихъ помѣщиками участковъ, возбуждаетъ еще наименьшее неудовольствіе со стороны послѣднихъ. Въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, крестьянскія учрежденія Царства Польскаго дѣйствуютъ съ большою осторожностью, и участковые коммиссары только въ такомъ случаѣ постановляютъ сами рѣшеніе, когда справедливость жалобъ подтверждается престаціонными табелями или контрактами. Въ другихъ же случаяхъ дѣло восходитъ или на разсмотрѣніе цѣлой коммиссіи, или даже и самого учредительнаго комитета. Подъ покровомъ особыхъ правительственныхъ учрежденій, которыми до сихъ поръ пользовалось Царство Польское, указъ 1846 года о неприкосновенности крестьянскихъ участковъ и о неувеличеніи крестьянскихъ повинностей былъ нарушаемъ сплошь и рядомъ. Теперь нерѣдко оказывается, что цѣлыя деревни, записанныя въ престаціонныя табели 1846 года, уже вовсе не существуютъ: крестьяне были прогнаны изъ своихъ усадьбъ, строенія ихъ сняты, а мѣсто, гдѣ была прежде деревня, запахано и даже продано въ третьи и въ четвертыя руки. Вообще же, по 10-е октября открыто коммисіями 3.755 цѣльныхъ крестьянскихъ участковъ, величиною отъ 3-хъ до 30-ти морговъ, и сверхъ того разныхъ крестьянскихъ земель, неправильно присоединенныхъ къ помѣщичьимъ, 30.648 морговъ, изъ которыхъ 2.351 участокъ и 18.646 морговъ розданы 7.395 крестьянамъ, преимущественно безземельнымъ.

Главнѣйшія жалобы иностранной журналистики, или — что тоже — польскихъ помѣщиковъ, направлены противъ раздачи земель такъ-называемымъ огородникамъ, халупникамъ, копяржамъ, и другимъ малоземельнымъ или вовсе безземельнымъ крестьянамъ. Они жалуются въ этомъ случаѣ не столько на утрату своего имущества, за которое имъ, впрочемъ, назначается вознагражденіе, сколько на потерю работниковъ, обязавшихся работать на нихъ по самой умѣренной цѣнѣ, а также на утрату строеній, въ которыхъ они могли бы пріютить новыхъ рабочихъ, и на увеличеніе черезполосицы отъ предоставленія крестьянамъ ничтожныхъ участковъ земли, которые большею частью разбросаны во многихъ мѣстахъ, хотя въ устраненіе этой черезполосицы помѣщикамъ и предоставляется право требовать немедленнаго разверстанія этихъ участковъ къ одному мѣсту. Помѣщики утверждаютъ, что вредъ, наносимый такимъ образомъ ихъ хозяйству, несравненно значительнѣе чѣмъ польза доставляемая крестьянамъ чрезъ надѣленіе ихъ такими ничтожными клочками земли, или чрезъ предоставленіе имъ *чворокъ* и *осьморокъ* (то есть, зданій, въ которыхъ поселены четыре, восемь и болѣе крестьянскихъ семействъ). Съ экономической точки зрѣнія въ этомъ случаѣ помѣщики, можетъ-быть, и правы, но это служитъ только доказательствомъ, что на указы 19-го февраля и на ихъ выполненіе отнюдь не слѣдуетъ смотрѣть съ исключительно экономической точки зрѣнія. Цѣлью этихъ указовъ было не развитіе сельско-хозяйственной промышленности въ Царствѣ Польскомъ, а возстановленіе крестьянскаго права, нарушеннаго панами, и вообще водвореніе въ Царствѣ спокойствія и гражданскаго порядка. Надѣленіе возможно бо́льшаго числа крестьянъ хотя бы незначительною собственностью стало необходимостью въ виду обѣщаній бывшаго „народоваго жонда“ и продолжающихся еще и теперь усилій польскихъ революціонеровъ обратить безземельныхъ крестьянъ въ орудіе для борьбы противъ русскаго правительства. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, всего признано поземельными собственниками изъ числа халупниковъ, коморниковъ, — копяржей и другихъ 20.316 хозяевъ.

Столь же сильныя жалобы раздаются и противъ возвращенія крестьянамъ обмѣненныхъ ими, какъ будто бы добровольно, земель, а также и противъ возстановленія ихъ правъ на сервитуты, то-есть на пользованіе господскими пастбищами и валежникомъ въ лѣсахъ. Въ этихъ и во многихъ другихъ случаяхъ польскіе помѣщики и ратующіе за нихъ иностранные журналы кричатъ, что русское правительство нарушаетъ законно-состоявшіеся контракты. Но контракты контрактамъ рознь, и значительное число тѣхъ добровольныхъ договоровъ, на которые ссылаются помѣщики

и по которымъ крестьяне будто бы отказались отъ права на сервитуты или согласились на обмѣнъ своихъ земель, состоялись не только безъ согласія, но даже и безъ вѣдома крестьянъ. Это произошло вслѣдствіе того, что особые гражданскіе законы, которыми пользуется Царство Польское, не требуютъ, чтобы безграмотные, при заключеніи договоровъ, сами ихъ подписывали или поручали подписывать довѣреннымъ отъ нихъ лицамъ, а требуютъ только, чтобы договоръ былъ скрѣпленъ двумя полноправными свидѣтелями и утвержденъ нотаріусомъ, или даже и гминнымъ войтомъ. Вслѣдствіе того договоры объ обмѣнѣ земель и объ отреченіи отъ права на сервитуты заключались нерѣдко одними помѣщиками безъ вѣдома крестьянъ. По 10-е октября коммиссіи возвратили крестьянамъ неправильно обмѣненныя у нихъ земли въ 226 имѣніяхъ, и возстановили сервитуты пастбищные въ 1908 имѣніяхъ и сверхъ того на 12.400 дворовъ, а лѣсные въ 1660 имѣніяхъ и сверхъ того на 11.384 двора.

Нѣтъ сомнѣнія, что право на угодья въ господскихъ лѣсахъ и пастбищахъ несовмѣстно съ раціональнымъ хозяйствомъ. Но по объясненію „Отчета", безъ этихъ правъ крестьянское хозяйство положительно невозможно въ Царствѣ Польскомъ, и рѣдко можно встрѣтить тамъ имѣніе, въ которомъ крестьяне, пока они состояли на барщинѣ, не пользовались бы сервитутами, хотя бы права на нихъ и не были записаны въ престаціонныя табели. Что же касается до обмѣна земель, въ видахъ устраненія чрезполосицы, то законъ 19-го февраля указываетъ въ будущемъ на окончательныя правила о принудительномъ разверстаніи.

Сверхъ того, крестьяне почти повсемѣстно жаловались на тяжесть десятины, платимой въ пользу духовенства. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ латинское духовенство заставляло крестьянъ вносить ему десятину рожью, которой тамъ не сѣютъ, и которую приходилось покупать за двойную цѣну. Нѣкоторые крестьяне, сверхъ десятины въ пользу своего приходскаго ксендза, обязаны были платить десятину духовенству другихъ, нерѣдко очень отдаленныхъ, приходовъ. Высочайшимъ повелѣніемъ платежъ десятины представленъ теперь доброй волѣ крестьянъ, и впредь взиманіе ея экзекуціоннымъ порядкомъ запрещено.

Для крестьянъ Царства Польскаго началась новая пора существованія. Всѣ они освобождены теперь отъ произвольной и крайне тяжкой власти помѣщиковъ, а бо́льшая половина ихъ до нѣкоторой степени обезпечена въ матеріяльномъ своемъ бытѣ. Въ настоящее время они чувствуютъ, какъ велики благодѣянія, оказанныя имъ Россіей. По словамъ „Отчета", крестьяне благодарятъ Царя не только за благодѣтельные его указы, но и за то, что они приводятся въ исполненіе русскими, а не польскими чиновниками. „Наконецъ, восклицаютъ они, и до насъ, хлоповъ, дошла царская правда." Россія должна быть благодарна дѣятелямъ крестьянской реформы въ Царствѣ Польскомъ за то, что они успѣли внушить такое полное довѣріе крестьянамъ къ правдивости и безпристрастію русскихъ людей, и тѣмъ несомнѣнно облегчили окончательное соединеніе Царства Польскаго съ Россіей. Вотъ та цѣль, къ которой должна естественно вести крестьянская реформа, и безъ которой она едва ли окажется полезною въ политическомъ отношеніи. На вѣчную благодарность польскихъ крестьянъ разчитывать невозможно: считать ихъ могущественною консервативною силой было бы совершенно ошибочно, потому что польскіе крестьяне не были постоянно связаны съ своею землей, а были большею частію наемниками, то-есть бродячимъ населеніемъ, которое никогда не отличается консервативнымъ духомъ. Польскимъ революціонерамъ, правда, не удавалось до сихъ поръ увлекать за собою крестьянъ, но только потому, что революціонеры принадлежали къ шляхтѣ, а шляхта и крестьяне составляли какъ бы двѣ особыя породы людей. Теперь шляхтѣ нанесенъ смертельный ударъ, и она не замедлитъ переродиться. Крестьяне, въ свою очередь, не останутся прежними крестьянами: въ нихъ неминуемо разовьется гражданское чувство, и призванные къ новой для нихъ гражданской жизни, они почувствуютъ себя или Русскими, или Поляками, то-есть, или преданными Россіи и настоящими подданными Русскаго Царя, или же ненавистниками русскаго имени и гражданами мечтательной Польши. Нѣтъ нужды, что въ Польшѣ, когда она дѣйствительно существовала, не было имъ мѣста и не признавались за ними никакія права: не трудно убѣдить ихъ, что какъ они сами стали другими людьми, такъ и новая Польша будетъ совсѣмъ дру-

гая. Предполагать, что польскіе крестьяне послужатъ матеріяломъ для созданія какой-то новой національности, ни польской, ни русской, это значило бы быть не болѣе какъ мечтателемъ. Весь вопросъ заключается теперь только въ томъ, что̀ одолѣетъ: враждебное ли Россіи вліяніе пановъ, шляхты и латинскаго духовенства, или же вліяніе русскаго государственнаго начала, проводниками котораго могутъ быть только русскіе люди и общія съ Россіей государственныя учрежденія. Настоящее время особенно важно, но по счастію, дѣятели крестьянской реформы въ Царствѣ Польскомъ, повидимому, понимаютъ всю его важность, и умѣютъ имъ пользоваться ко благу и Россіи, и ея польскаго края.

№ 275.

МОСКВА 14-го декабря.

Человѣка наблюдательнаго не можетъ не поражать странное явленіе представляемое теперь вопросомъ о желѣзной дорогѣ, долженствующей соединить Москву съ Чернымъ моремъ. Проводились и проектировались у насъ желѣзныя дороги въ разныхъ направленіяхъ, и никогда не замѣчалось признаковъ чего-либо похожаго на ту суету, которая происходитъ теперь, и происходитъ—ради чего?—ради только того, чтобы дорога, долженствующая соединить Москву съ Чернымъ моремъ, не шла на Кіевъ, а круто повернула изъ Балты и продолжала идти къ предѣламъ новороссійскаго генералъ-губернаторства на Кременчугъ! Назадъ тому года три, значитъ въ то время когда уже организовалась польская *справа*, которая должна была увѣнчаться прошлогоднимъ мятежомъ, проектировалась желѣзная дорога для соединенія Кіева и всего югозападнаго края съ Варшавой. Мы помнимъ, проектъ этой дороги съ жаромъ обсуждался и рекомендовался польской публикѣ въ варшавскихъ газетахъ: въ русскомъ же обществѣ дѣло это не возбуждало ни малѣйшаго движенія; въ разныхъ офиціяльныхъ сферахъ и въ печати находили, что эта дорога будетъ весьма полезна главнымъ образомъ въ стратегическомъ отношеніи, и потому заслуживаетъ правительственнаго пособія и гарантіи; никому не приходило въ голову возбудить вопросъ о томъ, нѣтъ ли другаго, въ экономическомъ отношеніи болѣе выгоднаго направленія для желѣзной дороги, требовавшей отъ правительства гарантіи и и пособія. Русскіе капиталы спали тогда сномъ безмятежной невинности; польскіе капиталы въ то время составляли тѣсную организацію повиновавшуюся внушеніямъ тайнаго правительства. Русскіе люди иного правительства не имѣютъ кромѣ явнаго, а русское правительство въ то время еще не призывало ни прямо, ни косвенно капиталовъ на какое-либо предпріятіе въ національномъ смыслѣ. Все молчало, все оставалось спокойно, и о томъ чтобы соединить Москву съ Кіевомъ и вообще восточную Русь съ западною никому не приходило въ голову или приходило только путемъ фантазіи; никому также не приходило въ голову, что соединеніе югозападнаго края съ Варшавой посредствомъ улучшенныхъ путей сообщенія, которые составляютъ преимущество нынѣшней цивилизаціи, и которые оказываютъ столь могущественное вліяніе на жизнь народовъ и государствъ, можетъ быть великимъ ущербомъ для русскаго дѣла, однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ началъ разложенія русскаго народа и государства. Главное общество начинало строить свои сѣти, и также никакихъ особенныхъ хлопотъ относительно направленія линій не замѣчалось нигдѣ; не являлись лица безкорыстно заинтересованныя въ экономическихъ видахъ того или другаго направленія; не развивались ряды офиціяльныхъ статистическихъ цифръ, долженствующихъ убѣдить въ торговыхъ преимуществахъ одной линіи передъ другою. (Какую цѣну имѣютъ эти цифры читатели могли видѣть изъ замѣтки „конотопскаго помѣщика" въ № 271 *Моск. Вѣд.* и могутъ имѣть ниже въ сегодняшнемъ № изъ показаній г. Глуховскаго предводителя дворянства). Проектировалась дорога отъ Москвы до Севастополя, и никто не являлся съ настойчивыми доказательствами въ пользу линіи изъ Харькова на Кременчугъ, на Балту до Одессы. Но вотъ желѣзная дорога изъ Одессы дошла до Балты, съ тѣмъ чтобы идти къ Кіеву, и вдругъ изъ самыхъ разнородныхъ сферъ возстаютъ одинъ за другимъ защитники экономическихъ интересовъ, которые будто бы ничѣмъ такъ не могутъ оживиться какъ линіей изъ Балты на Кременчугъ. Вдругъ оказывается, что если Харьковъ не будетъ соединенъ съ Одессой, и при-

томъ безотлагательно, со всевозможною поспѣшностью, то Россія очутится на краю гибели. Язвительныя насмѣшки, просто ругательства, сыпались на тѣхъ кто дерзалъ молвить слово въ пользу кіевской дороги; всѣ способы самыхъ недобросовѣстныхъ уловокъ употреблялись на то чтобы заглушить это дѣло, и отвлечь отъ него вниманіе публики. До этихъ поръ въ Одессѣ никто не помышлялъ о Кременчугѣ, никому въ голову не приходило о соединеніи Одессы съ Харьковомъ. Одесса полна торговымъ людомъ, чуткимъ къ выгодѣ, Одесса давно ждетъ желѣзной дороги, давно ея требуетъ, и что же?—никогда въ этомъ городѣ мѣстные торговые интересы даже не намекали на Кременчугъ и Харьковъ. Устраивалась въ Одессѣ компанія для проведенія желѣзной дороги въ Кіевъ, но никому не грезилось о дорогѣ на Харьковъ. Теперь когда правительство рѣшилось на казенный счетъ приступить къ постройкѣ желѣзной дороги, вдругъ какъ будто бы пелена упала съ глазъ, вдругъ оказалась страшная необходимость соединить Одессу съ Харьковомъ, вдругъ оказалось въ высшей степени полезнымъ обойдти именно тѣ мѣста, которыя наиболѣе нуждаются въ сбытѣ своихъ продуктовъ чрезъ Одесскій портъ и никуда кромѣ этого порта тянуть не могутъ; вдругъ оказалось, что Харьковъ, который естественно тяготѣетъ къ азовскимъ портамъ, и которому предстоитъ въ будущемъ еще соединеніе съ крымскими портами, долженъ быть непремѣнно и со всею поспѣшностью соединенъ съ Одессой. Польскій мятежъ сдѣлалъ свое дѣло: онъ возбудилъ въ нашемъ обществѣ чуткость къ русскому дѣлу. О чемъ нельзя было завести и рѣчи года два-три тому назадъ, то теперь у всѣхъ на умѣ, у всѣхъ на языкѣ. Мысль о важности кіевской дороги для Россіи не можетъ казаться очевидною для всякаго Русскаго. Было бы крайнею неразчетливостью слишкомъ рѣшительно оспаривать эту мысль и идти наперекоръ общему мнѣнію, общему чувству. Пріемы простаго отрицанія въ настоящее время неудобны, и могли бы повести къ результатамъ противоположнымъ; надобно прибѣгнуть къ комбинаціи болѣе сложной и болѣе тонкой; надобно, наконецъ, допустить возможность желѣзной дороги изъ Москвы на Кіевъ, но такъ однако, чтобы дорога эта имѣла сколь можно менѣе значенія и силы. Надобно угодить требованію народнаго чувства и въ то же время поставить на своемъ. Можно допустить соединеніе Москвы съ Кіевомъ, но такъ чтобъ оно не производило никакого дѣйствія и и оставалось безплоднымъ. Въ самомъ дѣлѣ, какую силу имѣла бы вѣтвь на Кіевъ отъ Курска, а безъ продолженія къ Одессѣ черезъ югозападный край, между тѣмъ какъ изъ Курска же шла бы прямая линія на Харьковъ и отъ него повертывала бы чрезъ Кременчугъ и Балту на Одессу? Построилась ли бы или нѣтъ боковая вѣтвь чрезъ Курскъ на Кіевъ, дѣло во всякомъ случаѣ было бы проиграно. Всѣ жизненные интересы центральной Россіи, которые нуждаются въ дѣятельномъ сообщеніи съ Чернымъ моремъ, все движеніе къ югу устремилось бы естественно по дорогѣ черезъ Харьковъ. Что требуется въ смыслѣ русскаго дѣла? Требуется, чтобы центральная Россія была соединена съ своею югозападною окраиной,— но послѣдуетъ ли желаемое соединеніе въ силу только того, что отъ Москвы до Кіева можно будетъ проѣхать по желѣзной дорогѣ? Соединеніе можетъ послѣдовать только въ томъ случаѣ, если эта дорога будетъ оживлена движеніемъ. Коль скоро мы, строя вѣтвь въ Кіевъ, уладимъ дѣло такъ чтобы вѣтвь эта представляла какъ можно менѣе выгодъ, чтобъ она какъ можно менѣе привлекала къ себѣ движенія, то мы навсегда компрометтируемъ сообщеніе между Москвой и Кіевомъ и отнимемъ у Россіи надежду когда-либо связать интересы ея восточной половины съ интересами западной. Въ самомъ дѣлѣ, когда съ теченіемъ времени всѣ главные пункты Россіи будутъ связаны плодотворными путями сообщенія, окажется что только пункты ея западнаго края не будутъ связаны съ ея центромъ. Благодаря тѣмъ комбинаціямъ, которыя какъ будто нарочно направлены къ тому чтобъ отклонить значительные русскіе пути сообщенія отъ западнаго края, и благодаря въ тоже время желѣзнымъ дорогамъ, которыя будутъ пролагаться повсюду, лишь бы только не на западный край,— этотъ край, который такъ настоятельно требуетъ живаго, быстраго, дѣятельнаго сообщенія съ центральными частями Россіи для того чтобы войти въ ея жизнь и быть для нея не затрудненіемъ и опасностію, а напротивъ могущественнымъ элементомъ благосостоянія и развитія, окажется болѣе разобщеннымъ съ центральною Россіей чѣмъ

когда-либо. Мы и теперь жалуемся на недостаточно дѣятельное движеніе народныхъ силъ въ ту сторону чтобы помочь западному краю войти въ живую связь съ остальною Россіей. Что же будетъ въ ту пору когда народное движеніе удесятерится во всѣхъ другихъ направленіяхъ, и всѣ жизненные интересы потекутъ въ другія стороны съ усиленною энергіей? Итакъ, дѣло вовсе не въ томъ чтобы можно было доѣхать изъ Москвы до Кіева по желѣзной дорогѣ, а въ томъ, что-бы по московско-кіевской дорогѣ направилось какъ можно болѣе интересовъ, чтобъ эта дорога была главнымъ путемъ сообщенія между центральною Россіей и югомъ, между Москвою и Чернымъ моремъ. Когда правительство проложитъ на государственныя средства другой путь сообщенія между Москвою и Одессой, оставивъ Кіевъ и весь югозападный край въ сторонѣ, тогда торговые интересы очень естественно воспользуются этимъ путемъ, а потомъ частные капиталы уже не пойдутъ на постройку еще другой, излишней, дороги отъ Москвы до Одессы, чтобы сдѣлать то чего не сдѣлало правительство. Проложеніе дороги черезъ Харьковъ и Кременчугъ на Одессу, кромѣ того что затратитъ казенныя деньги, которыя могли бы пойти на проложеніе дороги отъ Москвы на Одессу черезъ Кіевъ,— будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ еще то, что отниметъ возможность проложенія этой дороги на частные капиталы; оно не только не дастъ Россіи той дороги, которая требуется ея интересами самыми дорогими и самыми существенными, но и подорветъ всѣ выгоды постройки этой дороги въ будущемъ. Вредъ ошибки не ограничится настоящимъ; онъ поразитъ будущее.

Представимъ себѣ, что желѣзная дорога отъ Москвы черезъ Кіевъ на Одессу готова и открыта: въ три-четыре года, прежде чѣмъ успѣло бы установиться какое-либо другое сообщеніе Москвы съ Чернымъ моремъ, вся Россія прошла бы по этой дорогѣ. Православный людъ, для котораго кіевскія святыни сохранили все свое значеніе, торговый капиталъ и промышленный, трудъ, досугъ и дѣло, — все пошло бы изъ сѣверной, восточной, центральной Россіи по этой дорогѣ. И не только тѣ, кому понадобится быть въ томъ или другомъ пунктѣ на протяженіи этой линіи, не только тѣ кому будетъ дѣло до Кіева или до Одессы, но и все движеніе на Крымъ, даже на Кавказъ пошло бы этою линіей, какъ самымъ удобнымъ и кратчайшимъ путемъ, потому что пароходное сообщеніе изъ Одессы было бы естественнымъ сообщеніемъ со всѣми пунктами Крыма и даже Закавказья. И намъ однако говорятъ, что такая дорога не послужила бы къ установленію желаемой связи между центральною Россіей и югозападнымъ краемъ; намъ говорятъ, что такая дорога была бы идеей; намъ говорятъ, что желѣзная дорога здѣсь ни къ чему не послужитъ, и что для соединенія югозападнаго края съ остальною Россіей требуются какіе-то другіе способы. Мы желали бы знать какіе еще другіе способы могутъ оказаться дѣйствительными, когда мы пренебрежемъ этотъ простой, элементарный, столь мало идеальный, столь очевидный, столь существенный?

Недавно мы гдѣ-то прочли, что при постройкѣ желѣзной дороги, изъ Москвы къ Черному морю слѣдуетъ соображаться, „съ русскою дѣйствительностію, а не съ польскими призраками". Увы! польскіе призраки принадлежатъ именно къ русской дѣйствительности. Прошлый годъ доказалъ намъ это очень убѣдительно. Того, что было истрачено нами въ прошломъ году на „польскіе призраки", было бы съ избыткомъ достаточно для постройки той самой желѣзной дороги, о которой идетъ теперь рѣчь...

Но что бы ни вышло, къ счастію, мы можемъ сказать съ гордостію, что русское общественное мнѣніе вышло съ торжествомъ изъ опыта, которому оно подвергалось. Доказательствомъ тому служатъ блистательныя пренія происходившія въ прошлый понедѣльникъ въ статистическомъ отдѣленіи Географическаго Общества, отчетъ о которыхъ былъ напечатанъ въ № 273 нашей газеты.

Чтобы судить о неутомимости и безцеремонности, съ какими дѣйствуютъ нѣкоторые защитники кременчугской линіи, достаточно привести слѣдующій характеристическій фактъ: засѣданіе статистическаго отдѣла происходило публично; въ немъ присутсвовало множество лицъ; происходившее въ этомъ засѣданіи не могло не огласиться немедленно по всему Петербургу; отчетъ объ этихъ засѣданіяхъ появился въ газетахъ; лица участвовавшія въ преніяхъ принадлежатъ безспорно къ числу самыхъ компетентныхъ судей по вопросу о желѣзныхъ дорогахъ; это — лица изъ разныхъ сферъ, смотрѣвшія на дѣло съ разныхъ

точекъ зрѣнія: они приносили въ засѣданіе плодъ своихъ изученій и соображеній. *С.-Петербугскія Вѣдомости* принуждены были извѣстить, что изъ 13 человѣкъ принимавшихъ участіе въ преніяхъ (гг. Левшинъ, Палибинъ, Гельмерсенъ, Дельвигъ, Джуричъ, Семеновъ, Бушенъ, Марченко, Рафаловичъ, Обручевъ, Вернадскій, Фелькнеръ, Ламанскій) только двое оказались въ пользу кременчугской дороги. Эти двое, гг. Семеновъ и Бушенъ, — начальникъ и подчиненные—должны собственно считаться за одно лицо. Всѣ спеціяльные знатоки дѣла высказались рѣшительно въ пользу Кіевской линіи, и рѣчи ихъ покрывались рукоплесканіями собравшейся публики: вотъ фактъ который нельзя было скрыть и о которомъ извѣщали *С.-Петербургскія Вѣдомости*. И что же? на другой же день, въ этой же самой газетѣ, въ № 290, сказано слѣдующее: „Такъ какъ главнымъ образомъ во имя идей и подъ впечатлѣніемъ польскихъ призраковъ *Московскія Вѣдомости* ратовали за кіевскую линію, то это мнѣніе осуждено безповоротно; въ общественномъ же мнѣніи оно давно уже не находило себѣ ни малѣйшей поддержки, такъ какъ все что не отъ *Московскихъ Вѣдомостей*, то-есть огромное большинство нашихъ органовъ общественнаго мнѣнія, весьма рѣшительно и доказательно высказалось въ пользу линіи кременчугской". Первокласные авторитеты инженернаго дѣла, гг. Дельвигъ, Марченко, Палибинъ, и такія лица какъ гг. Левшинъ, Обручевъ, Вернадскій, Ламанскій (и сверхъ того князь Голицынъ и гг. Безобразовъ и Кояловичъ, говорившіе въ первое засѣданіе) говорятъ энергически въ пользу кіевской линіи и приводятъ множество самыхъ убѣдительныхъ доказательствъ въ подтвержденіе своего мнѣнія. *С.-Петербургскія Вѣдомости* знаютъ это, сами печатаютъ объ этомъ, и въ то же время не затрудняются пройти мимо такого разительнаго заявленія общественнаго мнѣнія и утверждаютъ будто Кіевская линія есть не что иное какъ капризъ фантазіи *Московскихъ Вѣдомостей*. *С.-Петербугскія Вѣдомости* ссылаются на огромное большинство органовъ русскаго общественнаго мнѣнія высказавшееся весьма рѣшительно и *доказательно* въ пользу линіи Кременчугской. Подъ этими органами могутъ разумѣться только петербургскія газеты; въ Москвѣ, какъ извѣстно, газета *День*, въ статьяхъ г. Чижова, высказалась весьма рѣшительно и весьма доказательно противъ Кременчугской линіи. Итакъ, рѣчь идетъ о газетахъ издающихся въ С.-Петербургѣ. Но если эти газеты способны быть органами русскаго общественнаго мнѣнія, то почему же никто изъ ихъ представителей не явился въ засѣданіе статистическаго отдѣла и не помѣрилъ своихъ силъ съ несомнѣнными представителями русскаго общественнаго мнѣнія по вопросу о желѣзныхъ дорогахъ, поддерживавшими кіевскую линію въ этомъ засѣданіи? Зачѣмъ никто изъ этихъ господъ, *доказательно* высказывавшихся за Кременчугскую линію, не захотѣлъ вступить въ открытый споръ съ нашими первѣйшими авторитетами, которые *доказывали* превосходство линіи Кіевской? И послѣ такого всенароднаго признанія своей слабости, они имѣютъ дерзость увѣрять публику, что побѣда въ въ общественномъ мнѣніи осталась за ихъ кременчугскою линіей!

Но вотъ еще куріозный фактъ, который также очень хорошо свидѣтельствуетъ о присутствіи въ этомъ дѣлѣ неутомимой, ничѣмъ не пренебрегающей, все употребляющей въ дѣло заботы. Нѣсколько дней спустя послѣ засѣданія 7-го декабря, получили мы письмо изъ Петербурга, на трехъ большихъ почтовыхъ листахъ, тщательно и мелко исписанныхъ, письмо анонимное, за подписью: „Вашъ почитатель." Письмо это дѣлаетъ на насъ приступъ со стороны патріотизма и національнаго чувства; писавшій свидѣтельствуетъ, что у него сердце трепещетъ при одномъ имени России Но онъ недоволенъ засѣданіемъ статистическаго отдѣла Географическаго Общества; онъ скорбитъ о томъ, что говорившіе не были достаточно подготовлены къ сужденію о направленіи южной дороги, и въ доказательство неприготовленности ихъ поставляетъ на видъ то, что каждый изъ нихъ смотрѣлъ на дѣло съ своей особой точки зрѣнія, между тѣмъ какъ имъ всѣмъ слѣдовало бы сосредоточить совокупно свое вниманіе на предложенномъ планѣ Кременчугской линіи, который этотъ таинственный и исполненный патріотизма корреспондентъ почему-то называетъ *правительственнымъ планомъ*, не долженствовавшимъ по этому самому быть предметомъ спора, такъ что лицамъ принимавшимъ участіе въ преніяхъ слѣдовало только оцѣнивать достоинства этого плана. Таинственный корреспондентъ относится къ намъ съ

лестнымъ для насъ сочувствіемъ, и относится какъ къ людямъ, которые въ душѣ своей готовы стать защитниками Кременчугской линіи. Онъ не хочетъ знать того что̀ нами было писано по этому предмету; но ссылаясь на одну изъ послѣднихъ статей нашихъ, соглашается, что есть какая-то *сила* противодѣйствующая соединенію Москвы съ Кіевомъ посредствомъ желѣзной дороги. Эта тайная сила, по мнѣнію нашего безвѣстнаго корреспондента, очень велика, и состоитъ „изъ Поляковъ, русскихъ Нѣмцевъ и нѣмецкихъ Русскихъ“, какъ онъ выражается. Но онъ полагаетъ, что мы недостаточно серіозно смотримъ на эту силу, недостаточно беремъ въ разчетъ тѣ зловредныя дѣйствія, которыя она можетъ оказать. „Вы, пишетъ онъ, шутите съ этою силой, а я нѣтъ.“ И вотъ анонимный корреспондентъ всячески убѣждаетъ насъ ухватиться за мысль высказанную въ первомъ засѣданіи статистическаго отдѣла Географическаго Общества правительственнымъ лицомъ (генералъ-губернаторомъ Новороссійскаго края) о необходимости соединенія Москвы съ Кіевомъ въ патріотическихъ видахъ. Надобно прибавить, что та же самая неизвѣстная рука, и также за подписью „вашъ почитатель“, сообщала намъ краткій отчетъ о первомъ засѣданіи и приводила сказанныя по этому предмету слова въ подробности, такъ какъ бы они были записаны стенографомъ. Убѣждая насъ въ великой важности сдѣланнаго такимъ образомъ заявленія о необходимости соединенія Москвы съ Кіевомъ боковою вѣтвію, корреспондентъ совѣтуетъ намъ принять къ сердцу это заявленіе, а съ тѣмъ вмѣстѣ и планъ линіи, долженствующей идти изъ Балты на Кременчугъ, съ тѣмъ чтобъ изъ Курска была пущена боковая вѣтвь на Кіевъ. „Я боюсь“, пишетъ онъ, „вотъ чего: въ случаѣ принятія доводовъ г. Чижова въ № 48 *Дня*“ (таинственный корреспондентъ нашъ, повидимому, рѣшительно не хочетъ знать, что мы совершенно согласны съ доводами г. Чижова) „дорогу довели бы отъ Балты „до Кіева, что̀ было бы прекрасно и по „моему мнѣнію.—Но изъ Кіева *сила* по„ведетъ дорогу уже не на Орелъ или на „Курскъ, — а на Бердичевъ, Лембергъ, „Брестъ-Литовскъ, Варшаву и разныя Ли„бавы, Митавы и Пернавы. Тутъ помогутъ „и стратегія, и возгласы о необходимости „*прежде всего* соединиться съ Европой. „Тогда прощай *всѣ* ваши, наши и мои на„дежды! Когда-то еще соберутся со сред„ствами чтобы строить дорогу отъ Москвы „куда-нибудь! Эту дорогу тогда надо бу„детъ брать мольбами и приступомъ, а те„перь она дается (то-есть дорога на Кре„менчугъ, и боковая вѣтвь на Кіевъ) безъ „усилій. Мое мнѣніе то, что коль скоро „какой-либо сильный органъ правительства „выговорилъ убѣжденіе о необходимости „соединить Кіевъ съ Москвой нынѣ же,— „нужно вслѣдствіе именно присутствія *си„лы*, какъ говорятъ, prendre au mot, prend„re acte, скорѣе согласиться, скорѣе за„писать объ этомъ золотыми буквами на „всѣхъ перекресткахъ, и прикинуться та„кою радостью, чтобы не рѣшались ее на„рушить. Воля ваша, а выходитъ, что вы „съ *силою* шутите, а я нѣтъ. Не забудь„те, что система г. Чижова позволяетъ „*силѣ* согласиться теперь на все, довести „дорогу до Кіева, а съ этой станціи какъ „будто неожиданно и наивно возбудить во„просъ, не лучше ли идти на лѣво и на „сѣверъ?“

Итакъ, вотъ до какихъ ухищреній могутъ доходить интересы противодѣйствующіе проведенію самой необходимой для Россіи линіи. Этотъ неизвѣстный корреспондентъ писалъ даже не для печати, — онъ не могъ знать, что статей отъ неизвѣстныхъ авторовъ редакція газеты ни въ какомъ случаѣ печатать не можетъ. Онъ стало-быть, трудился для нашего личнаго убѣжденія. Послѣ всего что̀ нами было высказано могло ли быть хоть какое-либо сомнѣніе въ нашихъ взглядахъ на всѣ стороны этого дѣла, и однако же вотъ господинъ, который тратитъ цѣлый длинный вечеръ или цѣлое длинное утро времени чтобы мелко исписать до трехъ круглыхъ листовъ (что̀ въ печати составило бы до четырехъ столбцовъ нашей газеты), имѣя въ виду безконечно-малую долю вѣроятія, если не склонить въ пользу интересующаго его плана газету, которая самымъ не двусмысленнымъ образомъ высказалась противъ этого плана, то по крайней мѣрѣ привести ее въ нѣкоторое колебаніе, или заставить ее высказаться въ слѣдующей статьѣ своей менѣе рѣшительнымъ тономъ. Пусть читатели сообразятъ все ничтожество того результата, на который могъ разчитывать нашъ неизвѣстный корреспондентъ, замыслившій сбить съ толку людей не имѣющихъ никакого значенія въ практическомъ

рѣшенія вопроса, и пусть они подумають къ какимъ неистощимымъ уловкамъ должны прибѣгать люди, подобно ему заинтересованные въ томъ же планѣ, для того чтобы подѣйствовать на расположеніе силъ имѣющихъ практическую важность для рѣшенія вопроса!

№ 276.

Москва, 15-го декабря.

Мѣсяцъ тому назадъ въ Берлинѣ появилась брошюра подъ заглавіемъ *Die Allianzen* („Союзы"). Въ этой брошюрѣ, которой приписывають офиціяльное происхожденіе, доказывалось, между прочимъ, что въ настоящее время только двѣ державы Европы могутъ дѣйствовать: Пруссія и Франція, которыя въ случаѣ, еслибы пробудился восточный вопросъ, могли бы пріобщить къ себѣ Россію. Брошюра возвращается такимъ образомъ къ любимой идеѣ г. фонъ-Бисмарка о союзѣ между тремя военными монархіями Европы: Россіей, Пруссіей и Франціей. Идею эту г. фонъ-Бисмарку удалось уже отчасти осуществить, но только отчасти. Благодаря прошлогоднему польскому мятежу и ближайшимъ вліяніямъ его на взаимныя отношенія между европейскими державами, Пруссіи удалось занять чрезвычайно выгодное положеніе между Россіей и Франціей, и она спѣшитъ воспользоваться имъ для осуществленія своихъ видовъ въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ и вмѣстѣ въ цѣлой Германіи. По мнѣнію нѣкоторыхъ публицистовъ, г. фонъ-Бисмаркъ даже умышленно возвелъ польскій мятежъ на степень европейскаго вопроса заключивъ съ Россіей знаменитую конвенцію 8-го февраля. Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что Пруссія пожинаетъ всѣ плоды прошлогоднихъ польскихъ смутъ, и что она послѣ Франціи—единственная въ настоящее время держава, которая держитъ Европу въ тревогѣ, и препятствуетъ установленію въ ней прочнаго мира: безъ шлезвигъ-гольштейнскаго вопроса и безъ конвенціи 15-го сентября вниманіе европейскихъ народовъ было было бы исключительно обращено на дѣла внутренняго ихъ преуспѣянія. Шлезвигъ-гольштейнскій вопросъ выдвинулся теперь такъ впередъ, что успѣлъ совсѣмъ оттѣснить собою вопросы римскій и венеціянскій, возбужденные конвенціей 15-го сентября. Въ виду того движенія, которое происходитъ въ Германіи, Франція рѣшилась повременить возмездіемъ, которое она приготовила для Австріи за ея политику въ польскомъ вопросѣ и въ вопросѣ о предполагавшемся парижскомъ конгрессѣ европейскихъ государей.

Франція находится еще подъ гнетомъ неудачъ, понесенныхъ ею въ этихъ обоихъ вопросахъ; она надѣялась высвободиться изъ-подъ этого гнета и открыть себѣ широкій путь къ дѣтельности съ помощью конвенціи 15-го сентября, именно обративъ ее не противъ Рима, а противъ Австріи. Но и тутъ встрѣтились серіозныя препятствія; помѣхой между прочимъ, оказался тотъ самый шлезвигъ-гольштейскій вопросъ, который Франція еще недавно надѣялась обратить въ свою пользу. Этотъ вопросъ вступилъ теперь въ тотъ періодъ своего развитія, когда Пруссіи наиболѣе понадобилась искренняя помощь Австріи,—помощь, которая требуетъ отъ нея, впрочемъ, не какихъ-либо усилій, а только бездѣйствія. Пока Пруссія имѣетъ такого рода нужду въ Австріи, Австрія, очевидно, можетъ легко пріобрѣсти себѣ ея содѣйствіе въ венеціянскомъ вопросѣ и не можетъ почитаться совершенно беззащитною. Чтобы совладать съ обѣими великими нѣмецкими державами и съ цѣлою Германіей, для этого оказалось бы мало одного союза Франціи съ Италіей и пришлось бы поднять противъ Австріи всѣ революціонные элементы Европы. Франція остановилась въ виду такого риска, и въ послѣднее время употребляетъ всѣ свои усилія, чтобъ изолировать Австрію отъ Пруссіи и отъ Россіи. Съ этою цѣлью Пруссіи дѣлаются намеки, что она можетъ достигнуть своихъ цѣлей въ Герцогствахъ и вообще въ Германіи съ помощью Франціи. Съ другой стороны, изъ Парижа распространяются слухи, будто бы Австрія ужъ совсѣмъ готова завладѣть нижнимъ теченіемъ Дуная до впаденія въ Черное море. Но эти происки не достигаютъ своей цѣли, и только облегчаютъ для Пруссіи выполненіе ея властолюбивыхъ замысловъ. Послѣ нѣкоторыхъ нерѣшительныхъ попытокъ принять сторону второстепенныхъ государствъ Германіи, Австрія повидимому, убѣдилась, что въ такомъ случаѣ Пруссія перейдетъ на сторону Франціи, и съ сжатымъ сердцемъ рѣшилась дѣйствовать заодно съ своею соперницей въ Германіи. Такимъ образомъ, благодаря грозѣ француз-

скаго вмѣшательства, Пруссія надѣется вскорѣ, такъ или иначе, завладѣть Герцогствами и дать Германіи почувствовать всю силу своего преобладанія.

Подобные результаты нисколько, однакоже, не входили въ планы и въ соображенія Франціи; ей нужно было не склонить Австрію къ уступчивости относительно требованій Пруссіи, не водворить миръ и согласіе между ними, а напротивъ, разъединить ихъ между собою. Въ настоящее время Франціи не осталось болѣе ничего, какъ обратить въ свою пользу крайнее раздраженіе второстепенныхъ нѣмецкихъ государствъ противъ Австріи и особенно противъ Пруссіи. То движеніе, которое началось теперь въ Германіи и которому ниже мы посвящаемъ особую статью подъ рубрикой: *Шлезвигъ-Гольштейнскій вопросъ*, несомнѣнно пользуется сочувствіемъ и поддержкой со стороны Франціи. Безъ этой поддержки Баварія никогда не задумала бы составить особую германскую конфедерацію, и г. фонъ-деръ-Пфордтенъ, ея министръ иностранныхъ дѣлъ, никогда не рѣшился бы намекнуть въ приписываемой ему депешѣ, что Баварія не нуждается въ охранѣ Германскаго Союза и можетъ найдти себѣ опору за его предѣлами, то-есть другими словами, во Франціи. Въ этомъ отношеніи *S.-Petersburger Zeitung* справедливо предостерегала Австрію и Пруссію противъ чрезмѣрно раздражительнаго образа дѣйствій въ отношеніи къ второстепеннымъ государствамъ Германіи. Это предостереженіе, главнѣйшимъ образомъ, относилось къ Австріи. Пруссія зашла уже слишкомъ далеко, и едва ли рѣшится отступить назадъ, но Австрія могла бы еще принять сторону второстепенныхъ государствъ Германіи, воспрепятствовать образованію особой нѣмецкой конфедераціи и воспротивиться властолюбивымъ видамъ Пруссіи. Впрочемъ, по свидѣтельству берлинскихъ корреспондентовъ, самая опасность, которую готовитъ Австріи образованіе особой нѣмецкой конфедераціи, подъ покровительствомъ Франціи, заставляетъ ее искать спасенія въ объятіяхъ Пруссіи. Пруссія еще не можетъ выдержать соединенные удары Франціи и второстепенныхъ государствъ, и даже съ теченіемъ времени поладить съ Франціей въ ущербъ для нихъ; но Австріи, при стольких элементахъ разложенія внутри ея, не выйдти цѣлою и здравою изъ столкновенія, которое произошло бы въ Германіи: ей пришлось бы неминуемо переродиться въ славянско-венгерское государство, и эта-то опасность заставляетъ ее теперь крѣпко держаться за Пруссію.

Къ новому году Европа возвращается почти къ тому же положенію, въ которомъ находилась въ началѣ нынѣшняго: снова Франція разчитываетъ ловить рыбу въ мутной нѣмецкой водѣ, снова Пруссія и Австрія въ дружбѣ между собою и почти въ открытой враждѣ съ второстепенными государствами. Если польскій вопросъ сошелъ уже окончательно со сцены и замѣнился вопросами римскимъ и венеціянскимъ, то идея о конгрессѣ еще не совсѣмъ оставлена, и какъ полагаютъ въ офиціяльныхъ сферахъ въ Берлинѣ, для осуществленія ея императоръ Наполеонъ старается прежде всего воспользоваться замѣшательствами въ Германіи. Сопротивленіе второстепенныхъ государствъ, поддерживаемое Франціей, разчитано отчасти на осуществленіе этой идеи. Австрія несомнѣнно попрежнему выскажется противъ нея, Пруссія точно также мало расположена повергнуть свои властолюбивые замыслы на судъ Европы, хотя, по увѣренію полуофиціяльнаго берлинскаго корреспондента *Кельнской Газеты*, въ случаѣ надобности,—она готова явиться и на конгрессъ съ своими притязаніями, разчитывая на возможность сдѣлки съ Франціей и на возможность склонить въ свою пользу Россію предложеніемъ пересмотра Парижскаго трактата. Тотъ же берлинскій корреспондентъ извѣщаетъ, что на Востокѣ и безъ того предвидятся большія замѣшательства. Остается вопросъ о томъ, какое положеніе приняли бы теперь Россія и Англія относительно конгресса европейскихъ государей въ Парижѣ.

Отношенія между Англіею и Франціею за истекающій годъ едва ли улучшились: Англія могла вновь убѣдиться въ своекорыстіи Франціи во время датско-германскаго столкновенія; конвенція 15-го сентября не могла вполнѣ примирить двѣ западныя державы; къ прочимъ причинамъ неудовольствія присоединяется еще столкновеніе въ Тунисѣ и новѣйшая попытка Франціи создать иберійскій вопросъ, то-есть, вопросъ о присоединеніи Португаліи къ Испаніи, на который Англія никакъ не можетъ смотрѣть благопріятно, потому что до сихъ поръ Португалія находилась подъ нераздѣльнымъ ея вліяніемъ. Чтобы внушить Англіи довѣріе къ себѣ и расположить ее

въ пользу европейскаго конгресса, Франція выдвинула впередъ мысль о всеобщемъ разоруженіи. Эта мысль была предложена на разсмотрѣніе Лондонскаго кабинета не прямо Франціей, а черезъ посредство италіянскаго правительства; но запросъ, который былъ сдѣланъ Англіи изъ Турина говорятъ, подалъ уже поводъ къ переговорамъ между графомъ Росселемъ и г. Друэнъ-де-Люисомъ. Результатъ этихъ переговоровъ еще не извѣстенъ, но, повидимому, Англія смотритъ очень подозрительно и на это мирное предложеніе Франціи. Къ такому заключенію приводитъ насъ, по крайней мѣрѣ, замѣчательная передовая статья газеты *Times*, отъ 20-го декабря, въ отвѣтъ на статью въ *Journal des Débats* въ пользу всеобщаго разоруженія, о которой въ свое время мы упоминали въ нашей *Послѣдней Почтѣ*. „Французскія войска при Фонтенуа, какъ говорятъ, предложили своимъ врагамъ начать сраженіе; теперь Франція, напротивъ, предлагаетъ всѣмъ обезоружиться и поставить себя въ такое положеніе, чтобы ей было удобнѣе нападать на ея непріятелей,"—такъ начинается упомянутая статья *Times*. Англичане, продолжаетъ органъ Лондонскаго Города, не могутъ не сочувствовать идеѣ всеобщаго разоруженія; но, по несчастью, они усматриваютъ опасности и на другой сторонѣ, которыхъ, повидимому, не примѣчаютъ публицисты *Journal des Débats*. Со времени переворота, совершившагося во Франціи, огромное количество политическаго горючаго матеріяла было припасено Франціей въ самомъ центрѣ Европы, и сосѣди невольно чувствуютъ безпрерывную возможность взрыва. *Journal des Débats* поочередно говоритъ о тяжкихъ вооруженіяхъ каждой страны, умалчивая только о вооруженіяхъ самой Франціи. Италія нуждается въ уменьшеніи своей арміи, и съ этою цѣлью будто бы заключена была конвенція 15-го сентября; но страннымъ образомъ мысль о перенесеніи столицы во Флоренцію внушена была опасеніемъ, что Туринъ во всякое время можетъ быть занятъ французскими войсками. Австрія, говорятъ также тяготится своею громадною арміей; но, безъ сомнѣнія, еще многіе Австрійцы помнятъ, что привѣтствіе, сказанное въ новый годъ, было предвѣстникомъ сраженій при Маджентѣ и Сольферино. Пруссіи парижскія брошюры то и дѣло напоминаютъ о необходимости передѣлать карту Европы. Эти брошюры во многомъ отличаются другъ отъ друга, но всѣ сходятся въ томъ, что рейнскія провинціи должны принадлежать Франціи. Испаніи, повидимому, нѣтъ особенной надобности увеличивать ея военныя силы, но среди всеобщей тревоги Испанія также вспоминаетъ, что Людовикъ XIV нѣкогда провозгласилъ: „Нѣтъ болѣе Пиренеевъ", и что подчиненіе Испаніи было также наполеоновскою идеей." *Times* отыскиваетъ причину этой всеобщей тревоги, и высказываетъ при этомъ основною идею англійской политики. „Европа, говоритъ *Times*, находится въ состояніи вооруженной защиты, потому что всякій чувствуетъ, что миръ или война зависятъ отъ воли одного человѣка. Одинъ умъ направляетъ политику французской націи, и пока этотъ порядокъ вещей не измѣнится, до тѣхъ поръ Франція не можетъ быть спокойна, и сосѣди ея не могутъ чувствовать себя безопасными. Одинъ народъ можетъ вполнѣ довѣряться другому народу, но несравненно труднѣе положиться на постоянство одного лица. Кто можетъ положиться на слова и увѣренія тамъ, гдѣ торжественное заявленіе: „Имперія есть миръ", сопровождалось цѣлымъ рядомъ войнъ?" И дѣйствительно, пока Франція управляется одною волею, не встрѣчающею на своемъ пути никакихъ преградъ, и притомъ волею, которую или трудно разгадать, или невозможно одобрить, до тѣхъ поръ Европа не можетъ сложить съ себя оружіе, и всѣ мирныя предложенія, выходящія отъ Франціи, будутъ естественно встрѣчаться всеобщимъ недовѣріемъ. Можно почти съ увѣренностью сказать, что и теперь дѣло не дойдетъ до конгресса.

Россіи стало-быть не понадобятся услуги Пруссіи по вопросу о пересмотрѣ Парижскаго трактата, а по дѣламъ польскимъ мы не нуждаемся ни въ чьихъ постороннихъ услугахъ. Положеніе наше таково, что мы повидимому очень можемъ, не рискуя ничѣмъ, употребить силу своего нравственнаго вліянія въ Европѣ, чтобы съ одной стороны, воздержать Пруссію, а съ другой, не допустить столкновеній въ Германіи. Нынѣшнее положеніе Россіи въ отношеніи къ нравственному ея вліянію много благопріятнѣе прежняго. Великія реформы, которыя въ ней совершаются, открываютъ ей виды на счастливую и мирную будущность, и эта будущность внушаетъ къ себѣ довѣріе европейскимъ дер-

жавамъ и народамъ. Въ былое время взятіе нѣсколькихъ крѣпостей въ Коканѣ возбудило бы самые недружелюбные толки и подозрѣнія въ Англіи; теперь эти толки, правда, возникли было въ англо-индійской печати, но они не нашли себѣ отголоска въ самой Британіи, и *Saturday Review* оканчиваетъ свою статью о новыхъ успѣхахъ русскаго оружія въ Азіи заявленіемъ увѣренности, что Россія усвоиваетъ себѣ общеевропейскій государственный типъ, и чувствуя тяжкое бремя заботъ по дѣламъ внутренняго правленія, едва ли можетъ имѣть влеченіе къ дѣлу завоеванія. Мы можемъ прибавить, что какъ Англія не имѣетъ причинъ опасаться Россіи, такъ и Россія, при внутреннемъ благоустройствѣ, при полномъ довѣріи между правительствомъ и народомъ, не имѣетъ причины опасаться революціонной политики французскаго правительства, которая не можетъ быть опасна для Россіи. Осуществленіе властолюбивыхъ замысловъ Пруссіи было бы гораздо неблагопріятнѣе для Россіи, чѣмъ всѣ явно-революціонныя попытки Франціи, а потому, какъ кажется, нѣтъ никакого основанія вѣрить слухамъ, постоянно распространяемымъ изъ Берлина, будто бы Россія поддерживаетъ Пруссію во всѣхъ ея начинаніяхъ.

№ 277.

Москва, 16-го декабря.

Вопросъ о направленіи южной желѣзной дороги самъ по себѣ очень простъ. Надобно только ясно представить себѣ дѣло, и оно даже перестанетъ быть вопросомъ; оно сдѣлается очевидностью, о которой нѣтъ возможности спорить. Что̀ собственно требуется? Требуется соединить Москву съ Чернымъ моремъ. Этотъ пунктъ надобно считать твердымъ: онъ прямо обозначенъ въ высочайшемъ указѣ о займѣ. Это вопервыхъ. Вовторыхъ требуется выполнить заявленную въ высочайшемъ указѣ задачу съ наименьшею тратой средствъ; южная желѣзная дорога будетъ строиться на казенныя деньги, а состояніе нашихъ финансовъ предписываетъ крайнюю бережливость въ расходованіи казенныхъ денегъ. Еслибы заключеніе займовъ, внѣшнихъ и внутреннихъ, было дѣломъ совершенно легкимъ, еслибы государственные расходы вполнѣ покрывались доходами, еслибы не требовалось экстренныхъ усилій на приведеніе въ порядокъ нашей денежной системы, то можно было бы загадывать многое по вопросу о направленіи желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Тогда было бы больше свободы, а слѣдовательно могло бы быть больше и колебаній. Но теперь положеніе дѣлъ обрисовалось ясно. Удобоисполнимаго предстоитъ немного; выборъ стѣсненъ. Казенныя деньги могутъ идти лишь на удовлетвореніе самой вопіющей потребности. Строгій голосъ необходимости велитъ сосредоточить всѣ усилія на возможно-скромномъ исполненіи главной задачи.

Итакъ вотъ что̀ требуется: соединить Москву съ Чернымъ моремъ, израсходовавъ возможно менѣе денегъ. Вотъ та ясная точка зрѣнія, съ которой слѣдуетъ смотрѣть на предлагаемые проекты линій. Что касается до этихъ проектовъ, то въ этомъ отношеніи дѣло тоже значительно разъяснилось. Двѣ-три недѣли тому назадъ можно было совсѣмъ запутаться въ множествѣ предположеній. Трудно было овладѣть всѣмъ разнообразіемъ противорѣчивыхъ мнѣній, вызванныхъ вопросомъ о направленіи южной желѣзной дороги. Но теперь дѣло приняло совсѣмъ иной видъ. Изо всѣхъ предположеній остались на аренѣ спора только два; прочія уже утратили практическое значеніе. Вопросъ очистился; онъ видимо созрѣлъ для практическаго рѣшенія. Передъ нами только два проекта, о которыхъ можетъ идти теперь серіозная рѣчь.

Одинъ изъ этихъ проектовъ немногосложенъ; это собственно не проектъ, кѣмъ-либо изобрѣтенный, а указаніе, дѣлаемое самою силой вещей. Дорога отъ Одессы до Балты уже почти готова; она была задумана съ тѣмъ чтобы продолжать ее въ направленіи къ Кіеву, и производимыя въ этомъ участкѣ развѣдки свидѣтельствуютъ, что это намѣреніе не оставлено. Съ другой стороны начата постройкой желѣзная дороги изъ Москвы въ Серпуховъ. Эту дорогу можно продолжать какъ угодно: ее можно вести либо какъ начало предполагавшейся прежде крымской дороги, либо на Кіевъ. Еслибы въ средствахъ былъ избытокъ, то колебанія между тѣмъ и другимъ направленіемъ имѣли бы нѣкоторое основаніе. Одни находили бы, что московско-крымскою линіей нельзя пожертвовать; другіе отдавали бы предпочтеніе линіи московско-кіево-одесской. Нельзя было бы отказать и тому и другому мнѣнію въ серіоз-

ности, и рѣшеніе спора между ними очень могло бы состоять въ томъ, что было бы найдено полезнымъ строить разомъ обѣ линіи. Но теперь для подобныхъ колебаній нѣтъ мѣста. Изъ доступныхъ публикѣ свѣдѣній о состояніи нашихъ финансовъ всякій внимательный человѣкъ очень легко можетъ сдѣлать тотъ выводъ, что теперь никакъ нельзя предпринимать строеніе двухъ линій отъ Москвы къ Черному морю, то есть около двухъ тысячъ верстъ. Не нужно быть посвящену въ государственныя тайны, чтобы видѣть, до какой степени необходимъ выборъ *одной* линіи отъ Москвы къ Черному морю, и притомъ такой линіи, которая потребовала бы возможно меньшихъ издержекъ. Линія московско-кіево-одесская имѣетъ для Россіи колоссальное значеніе, и экономическое, и политическое, и стратегическое. Но если даже закрыть глаза на всѣ обстоятельства, связывающія съ этою линіей, можно сказать безъ преувеличенія, всю дальнѣйшую судьбу Россіи, то одни уже денежныя соображенія, одна очевидность нашего финансоваго положенія должны бы поставить внѣ всякаго вопроса необходимость продолжать серпуховскую дорогу для встрѣчи съ дорогой балтскою по кратчайшему направленію на Кіевъ. Между Серпуховомъ и Балтой по этому направленію остается всего построить около 1.000 верстъ; ни на какомъ другомъ пути постройкой этого количества верстъ нельзя достигнуть цѣли обозначенной въ высочайшемъ указѣ — соединенія Москвы съ Чернымъ моремъ.

Таковъ одинъ проектъ. Другой проектъ состоитъ въ слѣдующемъ: изъ Балты вести дорогу не на Кіевъ, какъ предполагалось прежде, и какъ теперь еще предполагается въ инженерномъ мірѣ, а на Кременчугъ и далѣе на Харьковъ, изъ Харькова же двѣ вѣтви, одну въ Лисичанскъ (Бахмутъ), другую въ Курскъ и наконецъ изъ Курска въ Кіевъ. Всего въ этихъ четырехъ линіяхъ выйдетъ слишкомъ 1.200 верстъ. Посмотримъ же, чего мы достигнемъ и чего мы не достигнемъ построеніемъ этихъ четырехъ линій. Прежде всего мы не достигнемъ главной цѣли, уже установленной высочайшею волей: мы не соединимъ Москвы съ Чернымъ моремъ. Чтобъ устранить это неудобство, отнимающее у всего дѣла главную его цѣль и ставящее его въ противорѣчіе съ высочайшимъ указомъ, надобно было бы построить еще безъ малаго 400 верстъ между Серпуховомъ и Курскомъ, но при такомъ дополненіи втораго проекта онъ обнималъ бы собой уже 1600 верстъ, то-есть на цѣлыхъ 600 верстъ болѣе чѣмъ первый. Мы говоримъ рѣшительно, не боясь опроверженій, что такое протяженіе было бы не по средствамъ казны и чрезвычайно затруднило бы ее, а финансовыя затрудненія отозвались бы на медленности работъ. По всему вѣроятію, дѣло остановилось бы на линіи балто-харьковской; во всякомъ случаѣ соединеніе Москвы съ Курскомъ было бы отложено до неопредѣленнаго будущаго. Полной линіи отъ Москвы и слѣдовательно отъ обширной системы желѣзныхъ дорогъ, примыкающихъ къ Москвѣ, до Чернаго моря Россія не получила бы долго. Были бы только отдѣльныя вѣтви, disjecta membra poetae, и легко представить себѣ, какое значеніе имѣли бы эти вѣтви. Курскъ былъ бы связанъ съ Кіевомъ, но какіе интересы могли бы воспользоваться этою связью? Свяжите Кіевъ не съ Курскомъ, а съ Москвой, но остановите желѣзную дорогу въ Кіевѣ, не пуская ее далѣе до Одессы, и вы не получите удовлетворительнаго движенія: какая же жалость будетъ смотрѣть на эту вѣтвь отъ Кіева не до Москвы, а только до Курска? За то, скажутъ, Харьковъ будетъ соединенъ съ Одессой. Но самъ *Одесскій Вѣстникъ*, защитникъ кременчугской линіи, развѣ не свидѣтельствуетъ, что одесскихъ товаровъ идетъ въ Харьковъ ежегодно не болѣе какъ на 600.000 рублей? Спрашивается, какая же будетъ польза отъ того, что мы проведемъ желѣзную дорогу между Харьковомъ и Одессой, почти не ведущими взаимнаго торга, прежде нежели между Харьковомъ и Москвой, которыхъ взаимная торговля доходитъ уже теперь до громадныхъ размѣровъ? Харьковъ вовсе не нуждается въ соединеніи съ одесскимъ портомъ; онъ тяготѣетъ къ портамъ азовскимъ; отвлекать его отъ нихъ уже значитъ дѣлать насиліе жизни и причинять безплодное потрясеніе въ торговлѣ Можно ли безъ изумленія смотрѣть на планъ, который главнѣйшимъ образомъ основанъ на мысли, что Харьковъ надобно соединить прежде всего съ Одессой, потомъ съ Москвой и наконецъ съ азовскими портами? Какая будетъ Харькову польза отъ того, что изъ него пойдутъ двѣ вѣточки: одна въ Курскъ, другая въ Лисичанскъ (Бахмутъ), и кромѣ того длиннѣй-

шая дорога въ Одессу? Въ обѣ стороны, куда направлены торговыя сношенія Харькова, маленькія вѣточки, а большая дорога въ такую сторону, съ которою Харьковъ наименѣе торгуетъ! Что можетъ быть противоестественнѣе этого? И пусть читатели припомнятъ, что эти блистательные результаты будутъ куплены не просто цѣной отреченія отъ дороги московско-кіевоодесской, а цѣною значительной передержки. Еслибы мы рѣшились строить московско-кіево-одесскую линію, то намъ пришлось бы тратиться на одну тысячу верстъ. Если же мы предпочтемъ этой линіи звѣзду изъ упомянутыхъ выше четырехъ вѣтвей втораго проекта, то должны будемъ нести расходы на сооруженіе слишкомъ 1.200 верстъ. Съ одной стороны полная линія, удовлетворяющая цѣли обозначенной въ высочайшемъ указѣ, и работъ не болѣе чѣмъ на тысячу верстъ; съ другой стороны, звѣздообразное соединеніе ничтожнѣйшихъ по своему значенію вѣтвей, и работъ слишкомъ на 1.200 верстъ. Вотъ между чѣмъ предстоитъ теперь выборъ.

Такова ясная и по своей ясности неумолимая проза этого дѣла. Первый проектъ (линія московско-кіево-одесская) вполнѣ соотвѣтствуетъ и цѣли установленной высочайшею волей, и крайней необходимости беречь казенныя деньги. Второй проектъ (звѣзда изъ четырехъ линій) не соотвѣтствуетъ ни тому, ни другому условію.

Для полнѣйшаго разъясненія дѣла, мы готовы отъ этой прозы перейдти и къ поэзіи. Увлекаясь фантазіей, мы переносимся въ то отдаленное отъ насъ будущее, когда курская вѣтвь дойдетъ до Серпухова, а лисичинская до Азовскаго моря. Что тогда будетъ? Тогда разительнымъ образомъ окажется, что изъ числа построенныхъ линій хороши и доходны двѣ: одна отъ Балты до Одессы и другая отъ Москвы на Харьковъ (съ вѣтвію въ Полтаву) до Азовскаго моря. Остальныя двѣ окажутся самыми несчастными. Кіевская дорога, доходящая изъ Москвы только до Кіева, не будетъ давать удовлетворительнаго дохода, а политической пользы она будетъ приносить еще меньше. Участокъ изъ Балты до Полтавы начнетъ глохнуть, какъ только Харьковъ соединится съ азовскими портами. Если же въ интересѣ доходности, а также въ политическомъ интересѣ правительство рѣшится соединить Кіевъ съ Балтой, то участокъ отъ Балты до Полтавы перестанетъ быть даже путемъ соединенія Москвы съ Чернымъ моремъ. Лишь въ послѣдствіи, когда на югѣ Россіи разовьется экономическая жизнь, этотъ участокъ получитъ то значеніе, которое можетъ имѣть соединительная вѣтвь, идущая между двумя оживленными желѣзными путями. Но покамѣсть это случится, мы будемъ уже достаточно наказаны за то, что начали съ того, чѣмъ слѣдовало кончить и положили въ основаніе сѣти линію, которая должна и можетъ имѣть только значеніе соединительной вѣтви. Вотъ неизбѣжныя послѣдствія принятія втораго изъ разбираемыхъ нами проектовъ. Но этимъ дѣло, конечно, не ограничится. Отсрочка въ сооруженіи кіево-балтскаго участка отсрочитъ сближеніе югозападнаго края съ центральною Россіей, а это отзовется на всемъ ходѣ нашихъ внутреннихъ дѣлъ, отзовется сильно даже въ томъ случаѣ, если, что не вѣроятно, Волынь и не будетъ тѣмъ временемъ связана съ Варшавой или Львовомъ.

№ 278.

Москва, 18-го декабря.

Одна фраза, какъ-то разъ сказанная нами, удостоилась чести многократнаго упоминанія въ разныхъ статьяхъ по вопросу о направленіи южной линіи. Ее приводятъ цѣликомъ, на нее ссылаются, ею пользуются, — пользуются въ спорѣ за кременчугскую линію противъ линіи кіевской. Вотъ эта фраза, какъ она напечатана въ № 173 *Московскихъ Вѣдомостей*: „Свяжите Кіевъ съ Одессой прежде нежели съ Москвой,— Россія потеряетъ много въ своемъ могуществѣ и благосостояніи.“ На эти слова указываютъ какъ на свидѣтельство о признаваемой *Московскими Вѣдомостями* опасности продолженія работъ на участкѣ между Балтой и Кіевомъ. Въ такомъ смыслѣ принялъ эти слова г. А. Л. въ *Русскомъ Инвалидѣ*; въ такомъ смыслѣ принимаетъ ихъ теперь также г. Семеновъ; наконецъ они были приводимы и въ засѣданіяхъ Статистическаго Отдѣла Географическаго Общества какъ аргументъ противъ линіи московско-кіево-одесской. Это побуждаетъ насъ возстановить тотъ смыслъ, въ которомъ они были сказаны, и который прямо противоположенъ смыслу находимому въ нихъ защитниками кременчугской линіи.

Передовая статья № 173 *Московскихъ Вѣдомостей*, гдѣ эти слова сказаны, написана въ защиту московско-кіево-одесской линіи и противъ линіи кременчугской. Въ ней говорится о необходимости связать Кіевъ одновременно съ Москвой и Одессой, причемъ выраженіе: *одновременно* не могло, конечно, значить: *въ одинъ и тотъ же мѣсяцъ*, или *въ одинъ и тотъ же годъ*. Мы указывали на неблагопріятное для Россіи перемѣщеніе экономическихъ и политическихъ тяготѣній, которое произошло бы, еслибы Кіевъ, связанный съ Одессой, оставался безъ рельсоваго соединенія съ Москвой. Но для того чтобы могло произойдти перемѣщеніе тяготѣній, нужны не мѣсяцы и даже не два или три года, а цѣлый рядъ лѣтъ. Еслибы напримѣръ кіево-балтская желѣзная дорога была открыта въ 1867 году, и въ то же время успѣшно строилась московско-кіевская линія, то открытіе этой послѣдней не въ 1867, а въ 1869 году не было бы причиной ни малѣйшаго перемѣщенія тяготѣній. Опасность возникла бы только въ случаѣ построенія кіево-балтской дороги, не какъ части московско-кіево-одесской линіи, а какъ линіи самостоятельной. Впрочемъ, прибавляли мы, и въ этомъ случаѣ вредъ заключался бы въ ослабленіи связей юго-западнаго края съ центральною Россіей и въ искусственномъ усиленіи связей Кіева съ Одессой въ ущербъ сношеніямъ его съ Москвой, но отнюдь не въ томъ, чтобы Кіевъ пересталъ быть городомъ безспорно-русскимъ, твердыней Россіи. Въ политическомъ отношеніи вредъ былъ бы не положительный, а отрицательный. Польскій элементъ въ юго-западномъ краѣ не усилился бы ни на волосъ вслѣдствіе проведенія кіево-одесской желѣзной дороги. Рельсовый путь—въ томъ убѣждаетъ насъ повсемѣстный опытъ—приноситъ сравнительно болѣе пользы большинству населенія чѣмъ высшимъ классамъ. Послѣдніе много выигрываютъ, но гораздо болѣе выигрываютъ массы отъ проложенія желѣзной дороги въ той или другой мѣстности. Кіево-одесская желѣзная дорога улучшила бы положеніе помѣщиковъ польскаго происхожденія,—чего не желать мы не имѣемъ причины,—но въ то же время она высоко подняла бы русскій православный людъ этого края, и окончательный выигрышъ былъ бы на сторонѣ этого послѣдняго элемента. Положительнаго вреда для русскаго дѣла не было бы; напротивъ, была бы польза. Вредъ былъ бы отрицательный, и заключался бы въ томъ, что Россія упустила бы, средство, находившееся въ ея рукахъ, окончательно закрѣпить связь юго-западнаго края съ Россіей продолженіемъ кіевской дороги до Москвы. Вотъ въ чемъ былъ бы ущербъ Россіи; но почти такой же ущербъ оказался бы и въ томъ случаѣ, еслибы желѣзная дорога соединила Кіевъ съ Москвой и не пошла бы далѣе по юго-западному краю къ Одессѣ. Связать Кіевъ съ Москвой, не связывая его съ юго-западнымъ краемъ, было бы полезно только въ томъ случаѣ, еслибы мы опасались за самый Кіевъ. Цѣлью нашей передовой статьи въ № 173 именно и было указать на безспорно-русскій характеръ Кіева и на совершенную неосновательность опасеній за этотъ городъ. Мы говорили, что Россія, должна воспользоваться Кіевомъ, какъ своею твердыней, какъ своею главною опорой въ юго-западномъ краѣ. Мы говорили, что въ интересахъ русскаго могущества и благосостоянія надобно желать возвышенія Кіева, а возвысить Кіевъ нельзя проведеніемъ желѣзной дороги, оканчивающейся въ Кіевѣ, съ какой бы стороны она ни подошла къ нему. Въ политическомъ отношеніи соединеніе Кіева съ Москвой лучше чѣмъ соединеніе Кіева съ Одессой, но ни кіево-московская, ни кіево-одесская линіи, взятыя отдѣльно, не могли бы имѣть важное для цѣлой Россіи значеніе. Въ общемъ интересѣ Россіи нужно, чтобы Кіевъ былъ соединенъ рельсами и съ Москвой и съ Одессой,—нужна дорога московско-кіево-одесская. Только вся эта линія въ совокупности способна возвысить и Кіевъ, и въ то же время возвысить могущество и благосостояніе всей Россіи Вотъ въ чемъ состояла наша мысль, и мы позволимъ себѣ припомнить читателямъ какъ мы выразили ее. Въ передовой статьѣ № 173 сказано:

„Возвышеніе Кіева именно потому и нужно, что это городъ безспорно-русскій и что въ то же время къ нему безспорно тяготѣетъ весь юго-западный край. Связать такой городъ съ Москвой значитъ усилить въ немъ то что уже и безъ того сильно, что уже и теперь составляетъ силу Россіи,—значитъ придать Россіи новое могущество Есть ли смыслъ оставлять такой городъ внѣ сѣти желѣзныхъ дорогъ, изъ опасенія, чтобъ онъ не утратилъ того

характера, которымъ теперь отличается? Русскіе люди не дорожили бы такъ Кіевомъ, еслибы сомнѣвались въ томъ, что принадлежность его Россіи есть нѣчто нераздѣльное съ существованіемъ русскаго народа. Свяжите Кіевъ съ Одессой прежде нежели съ Москвой, — Россія потеряетъ много въ своемъ могуществѣ и благосостояніи, но будьте увѣрены, что она не потеряетъ Кіева. Нѣтъ той силы и нѣтъ той интриги, которыя могли бы вырвать Кіевъ у Россіи, пока существуетъ на свѣтѣ русскій народъ. Повторяемъ только потому что русскіе люди такъ смотрятъ на Кіевъ, только потому онъ и дорогъ имъ. Не изъ опасенія за Кіевъ не слѣдуетъ связывать его съ Одессой прежде чѣмъ съ Москвой, а изъ того опасенія, что въ такомъ случаѣ Россія лишила бы себя возможности вполнѣ воспользоваться значеніемъ Кіева, этого несокрушимаго оплота ея на юго-западѣ."

Вотъ что мы говорили, и вотъ въ какой связи сказаны были тѣ слова, на которыя теперь указываютъ защитники кременчугской линіи. Мы имѣли тогда въ виду, что дорога кіево-балтская ближе къ своему осуществленію нежели дорога кіево-московская; съ другой стороны тогда еще имѣлось въ виду сооруженіе дороги московско-севастопольской. Намъ представлялась возможность такого хода дѣлъ, при которомъ Москва была бы связана съ Крымомъ, а Кіевъ съ Одессой. Вотъ почему мы сочли нужнымъ высказаться о настоятельной необходимости соединенія Кіева не только съ Одессой, но и съ Москвой. Въ пользу линіи изъ Москвы на Кіевъ въ Одессу мы высказывались издавна. Еще въ 1862 году, болѣе чѣмъ за полгода до польскаго мятежа, печатая замѣтку г. Щ. о несостоявшемся предположеніи князя М. С. Воронцова провести желѣзную дорогу изъ Одессы въ Ольвіополь (лежащую прямо на сѣверъ отъ Одессы), мы сказали въ передовой статьѣ № 27 *Современной Лѣтописи*, выходившей при *Русскомъ Вѣстникѣ:*

„Воронцовскій проектъ одесско-ольвіопольской желѣзной дороги, о которомъ напоминаетъ нашимъ читателямъ напечатанная выше замѣтка г. Щ., вылежалъ что называется подъ сукномъ достаточный срокъ времени—цѣлое десятилѣтіе. Пора извлечь его изъ архива. Во всякомъ случаѣ онъ заслуживаетъ по крайней мѣрѣ столько же вниманія и сочувствія русской печати, сколько тотъ проектъ Бѣлостоко-Пинской желѣзной дороги, о которомъ съ недавняго времени такъ много разсуждается въ *Сѣверной Пчелѣ*. Одесса, нашъ главный черноморскій портъ, одинъ изъ лучшихъ перловъ русской короны, есть тотъ пунктъ Россіи, который наиболѣе нуждается въ желѣзномъ пути. Легкомысленно обойденная проектомъ московско-ѳеодосійской дороги, Одесса одно время была совсѣмъ почти предана забвенію. Мы думали о проведеніи желѣзной дороги по степямъ почти необитаемымъ, о созданіи новаго порта въ Ѳеодосіи, которая теперь не что иное какъ маленькій уѣздный городъ. Привыкши не цѣнить существующаго, мы готовы были пожертвовать тѣми капиталами, которые положены на одесскія сооруженія; мы какъ бы забывали, что должны дорожить всякимъ затраченнымъ капиталомъ, всякимъ трудомъ, положеннымъ на какое-либо дѣло; мы какъ бы забывали, что слѣдовъ труда, которыми могло бы пользоваться нѣсколько поколѣній, еще очень мало разсѣяно по русской почвѣ. Было даже предположеніе лишить Одессу не только надежды на желѣзную дорогу, но и того, что въ ней уже есть, — ея лицея, составляющаго завѣщаніе одного изъ главныхъ виновниковъ одесскаго городскаго благосостоянія. Недавнее высочайшее повелѣніе, что предполагаемый Новороссійскій университетъ былъ устроенъ не въ Николаевѣ, а въ Одессѣ, возвращаетъ Одессѣ ея права на первенство въ Новороссійскомъ краѣ, и можно надѣяться, что не далеко то время, когда осуществится и другое право Одессы—право на желѣзную дорогу. Нѣтъ сомнѣнія, что мѣстные землевладѣльцы и промышленники примутъ живое участіе въ этомъ общеполезномъ дѣлѣ. Равнымъ образомъ нѣтъ сомнѣнія, что и правительство не откажется съ своей стороны сдѣлать все возможное, чтобы привлечь капиталистовъ къ этому важному предпріятію. При теперешнемъ положеніи дѣлъ необходимо предоставить капиталистамъ виды на хорошую прибыль; удовлетворяя ихъ самолюбію, дѣло должно быть заманчиво и въ денежнемъ отношеніи. До насъ доходятъ положительные слухи, что лица, составлявшія проектъ питейнаго агентства, намѣрены серіозно взяться за устройство желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Многіе изъ нихъ думаютъ совсѣмъ отказаться отъ *кабацкаго дѣла*, и

употребить капиталы, которые въ мартѣ мѣсяцѣ освободятся изъ откупныхъ дѣлъ, а равно свои дарованія и силы множества способныхъ людей, служившихъ по ихъ операціямъ, на предпріятіе болѣе соотвѣтствующее достигнутому ими общественному положенію. Говорить вмѣстѣ съ ними, что желѣзныя дороги нужны намъ *во что бы то ни стало*, значитъ говорить неосмотрительно, или даже просто говорить фразу. Но можно и должно сказать, что южная желѣзная дорога есть наша первѣйшая потребность въ экономическомъ и въ политическомъ отношеніи, и что прежде всѣхъ другихъ дорогъ должна быть построена желѣзная дорога изъ Москвы на Кіевъ въ Одессу."

Ничего сильнѣе этого не могли бы мы сказать и теперь, а это было сказано нами въ іюлѣ 1862 года. Приводимъ это мѣсто какъ по тому, что наше сочувствіе лицамъ высказывающимся за московско-кіево-одесскую линію, иные объясняютъ теперь страхомъ польскихъ призраковъ (въ 1862 году этихъ призраковъ еще не было), такъ отчасти и потому что на Воронцовскій проектъ одесско ольвіопольской дороги указываютъ какъ на нѣчто тождественное съ новосочиненнымъ проектомъ балто-кременчугской линіи. Г. Семеновъ. въ № 279 *Русскаго Инвалида*, говоритъ, что князь Воронцовъ проектировалъ дорогу изъ Одессы въ Кременчугъ, и что этотъ проектъ былъ окончательно утвержденъ въ прошлое царствованіе. Изъ замѣтки г. Щ. въ № 27 *Современной Лѣтописи* 1862 года, видно, что проектъ былъ составленъ только для дороги изъ Одессы въ Ольвіополь. Г. Семеновъ полагаетъ, что проектъ дороги изъ Одессы въ Кременчугъ былъ утвержденъ правительствомъ, а по г. Щ. даже проектъ дороги изъ Одессы въ Ольвіополь утвержденъ не былъ.

Обращаемъ вниманіе читателей на перепечатываемую нами въ сегодняшнемъ нумерѣ изъ *Кіевлянина* статью г. Краинскаго въ защиту кіевской линіи отъ *Одесскаго Вѣстника*, который адвокатствуетъ за линію кременчугскую. Просимъ также читателей не упустить изъ виду помѣщеннаго ниже краткаго извлеченія изъ статьи г. Радецкаго въ № 179 *Русскаго Инвалида*, разъясняющей значеніе цифръ приводимыхъ въ пользу кременчугской линіи.

№ 279.

Москва, 18-го декабря.

Въ какихъ видахъ сооруженъ кіевскій мостъ черезъ Днѣпръ? Кто скажетъ, что въ торговыхъ, а не въ стратегическихъ? Кто не согласится, что еслибы въ Кіевѣ не было крѣпости, то не было бы и моста черезъ Днѣпръ? Будь избранъ Кременчугъ мѣстомъ для крѣпости, мостъ черезъ Днѣпръ былъ бы построенъ не въ Кіевѣ, а въ Кременчугѣ. Что же побудило строить крѣпость не въ Кременчугѣ, а въ Кіевѣ? Очевидно, что за Кіевомъ признается значеніе наиболѣе важнаго стратегическаго пункта въ юго-западной части Россіи.

Изобрѣтеніе желѣзныхъ дорогъ значительно измѣнило способы веденія войны. Теперь базисомъ операцій служатъ не только крѣпости, но и линіи желѣзныхъ дорогъ. Американская война показала наглядно какую огромную стратегическую важность имѣютъ желѣзныя дороги. Что же изъ этого слѣдуетъ? Не то ли что желѣзная дорога должна помогать крѣпости, и на оборотъ крѣпость помогать желѣзной дорогѣ? Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли быть съ стратегической точки зрѣнія желательно, чтобы желѣзная дорога уменьшала силу крѣпости, давая напримѣръ непріятелю возможность обойдти ее? Можетъ ли быть съ стратегической точки зрѣнія желательно, чтобы желѣзная дорога была проведена въ такомъ направленіи, которое не позволяло бы арміи, защищающей ее, прямо ретироваться къ укрѣпленіямъ, а принуждало бы ее дѣлать значительный обходъ и на этомъ обходномъ пути еще переправляться черезъ большую рѣку въ такомъ мѣстѣ гдѣ переправа не защищена укрѣпленіями? А именно это—впрочемъ не одно это—будетъ ожидать русскую армію, защищающую югозападныя границы Имперіи, если будетъ построена не кіево-балтская, а балтско-кременчугская линія.

Первая изъ этихъ линій была бы аванпостомъ кіевской крѣпости на всемъ томъ пространствѣ, для котораго Кіевъ служитъ операціоннымъ базисомъ. Армія, дѣйствующая на любомъ пунктѣ этого пространства, могла бы очень легко и скоро, при пособіи кіево-балтской желѣзной дороги, получать всѣ запасы и снаряды изъ кіевской крѣпости, а въ случаѣ нужды укрыться подъ ея выстрѣлами. Въ этомъ послѣднемъ

случаѣ всѣ военныя силы были бы сосредоточены на одномъ пунктѣ; къ этому же пункту можно было бы направлять всѣ подкрѣпленія извнутри Россіи, чему должна способствовать желѣзная дорога подходящая къ Кіеву съ тыла: мы могли бы вполнѣ воспользоваться удобствами прикрытой переправы черезъ Днѣпръ и возможностью держать главныя массы нашихъ силъ въ одномъ пунктѣ къ ущербу непріятеля, для чего собственно и построена кіевская крѣпость. Но то ли было бы при кременчугской линіи? Кіевская крѣпость есть *tête de pont*, огромное предмостное укрѣпленіе. Она стоила громадныхъ денегъ; можно сказать,—и уже было сказано—что она построена не изъ земли и камня, а изъ золота. Ее сооружали, конечно, не съ тѣмъ чтобъ бросить; ее надобно будетъ защищать. Но въ то же время надобно будетъ защищать и кременчугскую переправу, и притомъ силами тѣмъ болѣе значительными, что эта переправа не прикрыта укрѣпленіемъ. Кто возьмется сказать, во что можетъ обойдтись Россіи такое развлеченіе силъ? Кто поручится что ловкій полководецъ не пройдетъ черезъ кременчугскій мостъ на плечахъ отступающей русской арміи? Въ такомъ случаѣ онъ будетъ имѣть передъ собой обширное пространство внутреннихъ губерній, на которомъ нѣтъ ни одной крѣпости, и на которомъ онъ будетъ въ состояніи пользоваться желѣзною дорогой изъ Кременчуга въ Харьковъ. Американская война удостовѣряетъ, что это очень можетъ случиться, пока въ Кременчугѣ нѣтъ крѣпости Но положимъ даже что крѣпость будетъ тамъ построена. Какъ само собой разумѣется, это должна быть обширная крѣпость. Мы спрашиваемъ, выгодно ли имѣть на разстояніи двухъ сотъ пятидесяти верстъ двѣ крѣпости, требующія огромныхъ армій для своей защиты? Не жалуются ли опытные военные люди на то, что наши крѣпости въ Царствѣ Польскомъ слишкомъ велики, и что ихъ тамъ слишкомъ много? Не идетъ ли рѣчь о томъ, чтобы срыть Замостьскую крѣпость! Въ стратегическомъ отношеніи очевидно невыгодно защищать двѣ переправы черезъ Днѣпръ. Во время преній въ Статистическомъ Отдѣлѣ Географическаго Общества было упомянуто, что въ случаѣ необходимости мы можемъ ретироваться на лѣвый берегъ Днѣпра и предоставить Кіевъ непріятелю. Но это значило бы то же самое что предоставить непріятелю Бобруйскъ и ретироваться на лѣвый берегъ Березины, то-есть спасаться изъ крѣпостей въ открытое поле. Такой случай какъ сдача Кіева—дѣло невѣроятное, почти невозможное. Если ему суждено когда-нибудь приключиться, то это можетъ быть слѣдствіемъ лишь необходимости раздѣлить силы для защиты двухъ переправъ,—иначе, это можетъ быть слѣдствіемъ лишь сооруженія кременчугской линіи и кременчугскаго моста. Безъ этого условія о сдачѣ Кіева не можетъ быть и рѣчи.

Мы не пишемъ стратегическаго трактата и ограничиваемся указаніемъ на немногія черты дѣла имѣющаго огромную важность. Мы сочли нужными эти указанія только потому что на стратегическія соображенія у насъ въ публикѣ слишкомъ мало обращаютъ вниманія. Война, говорятъ, событіе исключительное, а желѣзныя дороги строятся для постояннаго употребленія; ихъ проводить слѣдуетъ въ видахъ экономическихъ, а не стратегическихъ. Внутри государства, да; но на окраинахъ, въ районѣ крѣпостей, нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ. Война—событіе исключительное; но опасность войны, но приготовленія къ войнѣ, это—явленія постоянныя. Имѣйте въ виду экономическіе интересы; это очень разумно, но развѣ они не страдаютъ отъ опасности войны, и развѣ эту опасность, даже въ экономическихъ интересахъ, не слѣдуетъ устранять всѣми возможными мѣрами? Развѣ не выгоднѣе затратить деньги на стратегическую желѣзную дорогу чѣмъ на другія военныя приготовленія? Развѣ европейскія государства не строятъ желѣзныхъ дорогъ въ видахъ стратегическихъ? Развѣ не въ этихъ видахъ построила напримѣръ Пруссія свою *Rhein-Nahe-Bahn?*

Россія, въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, поставлена судьбой чрезвычайно выгодно. То, что намъ нужно въ видахъ стратегическихъ, то же самое болѣе всего другаго требуется и нашими интересами экономическими. На основаніи совершенно безпристрастнаго, никакими побужденіями кромѣ раскрытія истины неруководимаго изученія мы пришли къ рѣшительному и твердому убѣжденію, что изо всѣхъ возможныхъ линій въ настоящее время линія московско-кіево-одесская будетъ наиболѣе полезна общимъ экономическимъ интересамъ Россіи. Тѣ, которые признаютъ большее значеніе за линіей кремен-

чугскою чѣмъ за кіевскою, смѣшиваютъ двѣ вещи: то что безспорно полезно—соединеніе Полтавы и Харькова съ сѣверомъ—и то что очень мало полезно—соединеніе этихъ городовъ съ Балтой посредствомъ линіи, которую г. Краинскій очень мѣтко назвалъ соединительною линіей между линіями еще не существующими. Первое всѣ одобряютъ; второе одобрить невозможно, потому что Полтаву и Харьковъ гораздо нужнѣе соединить на югѣ съ азовскими и крымскими портами чѣмъ съ Одессой, до которой отъ Харькова черезъ Балту будетъ по меньшей мѣрѣ 700 верстъ. Съ другой стороны смѣшиваютъ выгоды, проистекающія отъ несомнѣнно полезнаго участка между Одессой и Балтой съ выгодами отъ участка между Кременчугомъ и Балтой, котораго польза слишкомъ малозначительна, для того чтобъ отнести его къ линіямъ, превосходящимъ по своей важности всѣ другія. Построеніе желѣзныхъ дорогъ въ Россіи получитъ правильный ходъ только въ томъ случаѣ, если мы начнемъ дѣло съ линіи дѣйствительно наиболѣе нужной и проведемъ ее такъ, какъ указываетъ необходимость. Тогда окажется выгоднымъ строить другія линіи, примыкающія къ главной или совершенно самостоятельныя. Соедините Кіевъ съ Москвой и Одессой,—повѣрьте, не пройдетъ много времени и вы увидите, что изъ Харькова построятся дороги въ Москву и въ ближайшіе къ Харькову азовскіе порты. Мысль г. фонъ-Дервизъ о соединеніи Харькова съ Москвой черезъ Воронежъ и Рязань, подкрѣпленная его указаніями, напечатанными въ №276 *Московскихъ Вѣдомостей*, имѣетъ много привлекательнаго и можетъ-быть пригодится еще къ дѣлу. Труденъ первый приступъ, а когда иностранные капиталисты увидятъ, что кіевская линія строится, они не замедлятъ явиться съ своими предложеніями для другихъ линій: кому извѣстны нити, которыми коммерческія предпріятія связываются съ политикой, тотъ хорошо знаетъ это. Капиталъ бѣжитъ отъ нуждающагося и слабаго; онъ напрашивается къ тому, кто самъ хорошо заботится о себѣ. Содѣйствовать усиленію Россіи иностранные капиталы отнюдь не желаютъ; Россія усиливающаяся будетъ имѣть ихъ къ своимъ услугамъ, но Россія ничѣмъ такъ не можетъ усилиться, какъ проведеніемъ московско-кіево-одесской линіи. Эта линія укрѣпитъ за Россіей югозападный край, а кто не знаетъ, что безъ видовъ на югозападный край польское дѣло теряетъ интересъ въ глазахъ самихъ Поляковъ? Ослабленіе польскихъ претензій подорветъ и всѣ вообще сепаратистическія фантазіи. Государственное единство Россіи, конечно, можетъ окрѣпнуть не отъ однѣхъ желѣзныхъ дорогъ, для этого несомнѣнно важны и другія условія, и многія изъ этихъ другихъ условій гораздо важнѣе проведенія желѣзныхъ дорогъ. Но тѣмъ не менѣе желѣзныя дороги имѣютъ огромную важность для государственнаго единства. Въ одной изъ статей, вызванныхъ вопросомъ о направленіи желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, было недавно указано на примѣръ Соединенныхъ Штатовъ, которые изрѣзаны во всѣхъ направленіяхъ желѣзными дорогами, и тѣмъ не менѣе распадаются. Но вслѣдствіе чего они распадаются? Они распадаются вслѣдствіе того, что федеративное начало господствуетъ въ ихъ конституціи, что это начало давало просторъ сепаратизму, и что правительство, предшествовавшее правительству г. Линкольна, само дѣйствовало измѣннически въ духѣ сепаратизма, заготовляя отложеніе. Правительство г. Бюканана поощряло сепаратизмъ; все государственное устройство питало сепаратизмъ. Мудрено ли, что желѣзныя дороги не могли ему воспрепятствовать? И развѣ даже въ Соединенныхъ Штатахъ желѣзныя дороги не облегчили борьбы съ мятежомъ, несмотря на то, что при ихъ сооруженіи не брались вовсе въ разсчетъ стратегическія соображенія? Полезное политическое дѣйствіе желѣзныхъ дорогъ совершенно безсильно для противодѣйствія сепаратистическимъ стремленіямъ правительства, точно также какъ крѣпости не могутъ ни къ чему служить при измѣнѣ военачальниковъ. Примѣры подобной измѣны мы тоже видѣли въ Соединенныхъ Штатахъ, но развѣ кому-нибудь приходило вслѣдствіе того въ голову отрицать необходимость крѣпостей?

Можно однакоже согласиться, что политическіе и стратегическіе виды, смотря по обстоятельствамъ, могутъ имѣть одинъ разъ большее, другой разъ меньшее значеніе при обсужденіи вопроса о направленіи желѣзныхъ дорогъ. Есть эпохи, когда эти виды могутъ отступать на задній планъ, но есть другія эпохи, когда они выдвигаются впередъ. Московско-кіево-одесская была бы при всякихъ обстоятельствахъ полезна Россіи и въ экономическомъ, и въ

политическомъ, и въ стратегическомъ отношеніяхъ, но никогда они не имѣли такой политической и стратегической важности какъ теперь, и потому крайне странно видѣть, что находятся русскіе люди, которые не даютъ себѣ труда вникнуть въ это дѣло. Европейская политика такъ сложилась, что серіозная война противъ насъ невозможна безъ соучастія въ ней Австріи. Во время крымской кампаніи эта держава сохраняла непріязненный нейтралитетъ; по поводу польскаго возстанія, она уже совсѣмъ примкнула къ западнымъ державамъ, и такимъ образомъ сдѣлала еще шагъ впередъ въ своей новой политикѣ. Дальнѣйшимъ шагомъ можетъ быть только участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ насъ. Желаемъ ли мы, чтобы при этомъ весьма возможномъ шагѣ своемъ Австрія пользовалась своими желѣзными дорогами, расположенными стратегически, и имѣла громадный перевѣсъ надъ нами? Такъ будетъ если мы не построимъ московско-кіево-одесской желѣзной дороги, и чѣмъ болѣе мы будемъ медлить дѣломъ, тѣмъ легче будетъ для Австріи этотъ весьма возможный для нея шагъ. Мы должны спѣшить построеніемъ линіи, ограждающей насъ отъ Австріи; очень можетъ быть, что насъ постараются застать врасплохъ, пока невыгода еще на нашей сторонѣ, то-есть пока эта линія будетъ еще строиться. Напротивъ, можно полагать съ увѣренностью, что какъ только эта линія будетъ сооружена, у Австріи отпадетъ охота вступать въ борьбу съ нами, а безъ Австріи, повторяемъ, серіозное дѣйствіе западныхъ державъ противъ Россіи состояться никакъ не можетъ.

№ 280.

Москва, 19-го декабря.

Извѣстіе, будто бы дворянство Харьковской губерніи ходатайствовало о дозволеніи Евреямъ селиться въ предѣлахъ этой губерніи, оказалось ложнымъ. Харьковскій корреспондентъ *Одесскаго Вѣстника*, скрѣпившій это показаніе подписью своего имени, былъ, по всей вѣроятности, самъ введенъ въ заблужденіе. Тѣмъ не менѣе, однакоже, соображенія, высказанныя нами по поводу этого извѣстія въ № 245 *Московскихъ Вѣдомостей*, нисколько не теряютъ своей силы. Дѣло не въ томъ, высказалось ли дворянство или земство той или другой губерніи въ пользу предоставленія Евреямъ права повсемѣстнаго жительства въ Россіи: вопросъ этотъ, имѣя значеніе общегосударственное, можетъ быть разрѣшенъ только на основаніи общихъ государственныхъ, а не какихъ-либо мѣстныхъ соображеній. Вопросъ этотъ имѣетъ большую важность особенно для западнаго края Россіи, а потому мы охотно возвращаемся къ его обсужденію.

Въ девяти губерніяхъ западно-русскаго края, въ составѣ 10.660.000 жителей считается 1.180.000 Евреевъ, или слишкомъ 11 процентовъ всего населенія. Значительность этого племени для тамошняго края увеличивается еще отъ того, что почти вся торговля и почти всѣ оборотные капиталы края сосредоточиваются въ его рукахъ. При такихъ условіяхъ, для Россіи не можетъ быть безразлично, въ какихъ къ ней отношеніяхъ стоятъ Евреи, и смотрятъ ли они на себя какъ на ея гражданъ, или же какъ на людей чужихъ, которые, соображаясь только съ своими временными интересами, могутъ переходить на ту или другую сторону, то-есть или на сторону русской, или на сторону польской народности. Чтобы воспитать и усилить въ этихъ обитателяхъ Россіи русское гражданское чувство, необходимо даровать имъ возможность считать своимъ отечествомъ всю Россію, а не одни лишь окраины ея. Къ тому же при дальнѣйшемъ развитіи нашего экономическаго быта, при устройствѣ желѣзныхъ путей, которые, быть-можетъ, свяжутъ юго-западный край съ сердцемъ Россіи, ограниченія, тяготѣющія на Евреяхъ, относительно мѣста ихъ жительства, будутъ оказываться все болѣе несоотвѣтствующими общимъ интересамъ.

Но, какъ замѣтили мы въ упомянутой выше статьѣ посвященной еврейскому вопросу, при разрѣшеніи вопроса о мѣстѣ жительства Евреевъ слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на внутреннюю общественную организацію Евреевъ и на особыя отношенія къ нимъ государственной власти.

До 1844-го года Евреи жили отдѣльными общинами (кагалами), и въ своихъ общественныхъ дѣлахъ управлялись собственными выборными, такъ-называемыми кагальными, на которыхъ они, хотя и безъ законнаго основанія, привыкли смотрѣть, какъ на своихъ властителей и защитниковъ, и къ которымъ, между прочимъ, въ 1827 го-

ду, при введеніи рекрутской повинности, они обратились даже съ требованіемъ объ ея отмѣнѣ. Хотя Положеніемъ 19-го декабря 1844 года кагальное устройство и было отмѣнено, и Евреи были подчинены общему порядку управленія и считаются въ городахъ, гдѣ они приписаны, членами тамошнихъ обществъ, однакоже за ними сохранено нѣсколько особенностей, которыя дѣлаютъ изъ нихъ особое общество въ составѣ цѣлаго городскаго общества. Такъ, Евреи, въ качествѣ особаго городскаго общества и изъ собственной среды своей избираютъ членовъ въ разныя судебныя и хозяйственныя надъ ними управленія; точно также изъ своей среды избираютъ они особыхъ рекрутскихъ старостъ, особыхъ сборщиковъ податей и ихъ помощниковъ, имѣютъ свои особыя рекрутскія очереди, подлежатъ нѣкоторымъ особымъ налогамъ, а именно такъ-называемому коробочному сбору (съ кошернаго мяса), отдаваемому обыкновенно на откупъ, и свѣчному сбору (со свѣчъ, зажигаемыхъ по субботамъ). Достаточно этихъ однихъ узаконеній для того чтобъ изолировать Евреевъ отъ всѣхъ другихъ классовъ городскаго населенія и составить изъ нихъ особое общество съ особыми интересами и цѣлями. Въ 1844 г. русское законодательство сдѣлало очень важный шагъ впередъ, отмѣнивъ кагальное устройство, но оно не дошло въ этомъ направленіи до конца, и сохранило до сихъ поръ много узаконеній, которыя искусственно обособляютъ Евреевъ отъ всѣхъ другихъ классовъ населенія.

Но еще важнѣе то, что государство, признавая Евреевъ въ качествѣ особаго гражданскаго общества, вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ ихъ въ качествѣ религіознаго общества, и въ этомъ отношеніи налагаетъ на себя обязанность заботиться о благоустройствѣ еврейскихъ религіозныхъ обществъ и даже о чистотѣ и единствѣ еврейской вѣры. Относительно еврейской религіи, какъ и вообще относительно всякаго иновѣрія возможна только терпимость, но оказывать покровительство еврейскому религіозному закону или придавать ему обязательную силу для членовъ еврейскаго общества, это значитъ уже выходить за предѣлы вѣротерпимости. Между тѣмъ, что мы видимъ на дѣлѣ? Еврейскіе раввины утверждаются въ своемъ званіи губернскимъ начальствомъ, которое вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаетъ и договоры, заключаемые ими съ еврейскими обществами. Раввинъ, утверждаемый въ своей должности правительствомъ, становится черезъ то и самъ какъ бы правительственнымъ лицомъ, не говоря уже о томъ, что законъ вмѣняетъ ему въ обязанность наблюдать, чтобы въ общественномъ богослуженіи и обрядахъ вѣры были сохраняемы установленныя правила, вразумлять Евреевъ въ истинномъ смыслѣ еврейскаго религіознаго закона и вести по всему своему вѣдомству метрическія книги. Неудобства такого порядка вещей давно уже даютъ себя чувствовать. Одно изъ двухъ: или раввинъ, получившій утвержденіе отъ правительства, пріобрѣтаетъ черезъ то особый авторитетъ въ средѣ своихъ единовѣрцевъ,—авторитетъ, который при смѣшеніи гражданскихъ и религіозныхъ предписаній въ еврейскомъ законѣ, очень легко переносится и на гражданскія отношенія Евреевъ въ ущербъ единенію ихъ съ прочими классами населенія: или же несмотря на утвержденіе правительствомъ, Евреи не признаютъ никакого авторитета за своимъ *казеннымъ* раввиномъ и помимо его избираютъ другихъ раввиновъ. Въ такомъ случаѣ подвергается ущербу авторитетъ правительственной власти. Притомъ же Евреи распадаются въ настоящее время на нѣсколько сектъ или нѣсколько религіозныхъ направленій. Давая утвержденіе одному раввину, и еще болѣе, предписывая изъ какого круга лицъ должны быть избираемы раввины, правительство тѣмъ самымъ становится на сторону одного направленія, и возбуждаетъ противъ себя крайнее неудовольствіе всѣхъ Евреевъ, принадлежащихъ къ другому направленію. Такъ, между прочимъ, въ апрѣлѣ прошлаго года намъ писали изъ Вильна, что тамошніе Евреи только потому вовсе не дѣйствовали противъ польской измѣны, что они принуждены были избрать своимъ раввиномъ лицо, которое не пользовалось ихъ сочувствіемъ по своему религіозному направленію.

Заботы правительства о религіозныхъ интересахъ Евреевъ не ограничиваются избраніемъ и утвержденіемъ раввиновъ въ ихъ должности; до нѣкоторой степени оно беретъ на себя обязанность заботиться о сохраненіи единства религіозныхъ еврейскихъ обществъ и о соблюденіи чистоты ихъ вѣроученія. Этимъ обществамъ дозволяется, правда, раздѣляться на нѣсколько новыхъ обществъ, въ случаѣ возникновенія въ са-

комъ-либо мѣстѣ различныхъ религіозныхъ сектъ или толковъ, но учрежденіе особаго религіознаго общества, по Положенію 1835 года, дозволяется не иначе, какъ съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, послѣ изслѣдованія разности толка отъ обыкновеннаго ученія еврейской вѣры, что можетъ быть дѣлаемо только самими же Евреями, которыхъ показанія въ этомъ отношенія служатъ болѣе или менѣе основаніемъ для правительственныхъ мѣръ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что государство обязано прекращать всѣ дѣйствія, пагубныя для нравственности и общественнаго спокойствія; но этими общими заботами и ограничивается его обязанность, и оно могло бы совершенно освободить себя отъ всякаго другаго вмѣшательства въ религіозныя еврейскія дѣла, и въ особенности отъ всѣхъ усилій поддерживать внѣшнимъ образомъ дисциплину и единомысліе въ еврейской средѣ. Но, къ сожалѣнію, на дѣлѣ выходитъ не такъ: мѣстныя правительственныя власти нерѣдко преслѣдуютъ, по указанію раввиновъ, такъ-называемыхъ *цадиковъ* („праведниковъ", которымъ, вопреки духу еврейской религіи, секта хасидовъ приписываетъ чудотворную силу, даже силу отмѣнять талмудическія и другія постановленія), запрещаютъ преподаваніе однимъ еврейскимъ законоучителямъ (меламдамъ), дозволяютъ другимъ, и дѣйствуютъ въ этомъ отношеніи такъ, какъ будто бы правительство было обязано блюсти единство и чистоту еврейскаго вѣроученія. Съ этою цѣлью, между прочимъ, въ казенныхъ еврейскихъ училищахъ установлены извѣстныя правила для преподаванія еврейскаго закона, опредѣлены для этого особыя, одобренныя министерствомъ народнаго просвѣщенія руководства, установлены особыя еврейскія училищныя коммиссіи, которыя испытываютъ желающихъ получить званіе учителей еврейскаго закона. На раввиновъ и ихъ помощниковъ возложена обязанность строго наблюдать, чтобы никто, не имѣющій свидѣтельства на званіе меламда, не занимался обученіемъ дѣтей Евреевъ предметамъ еврейскаго закона, и чтобъ эти лица въ частномъ своемъ преподаваніи строго сообразовались съ руководствами и программами, утвержденными училищнымъ начальствомъ. Кругъ власти раввиновъ, такимъ образомъ, значительно расширяется, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сама еврейская религія становится на степень не только терпимой въ государствѣ, но и ограждаемой всѣмъ авторитетомъ государственной власти. Между тѣмъ очевидно для каждаго, что только религія большинства населенія можетъ имѣть значеніе религіи государственной, и только ея интересы важны для цѣлаго государства. Покровительство же, оказываемое какимъ бы то ни было вѣроисповѣданіямъ меньшинства (а особенно религіямъ не-христіанскимъ) никакъ не можетъ входить въ кругъ обязанностей правительства, и подвергаетъ его двоякой опасности: или нарушить свободу совѣсти иновѣрцевъ черезъ вмѣшательство въ ихъ религіозныя дѣла и интересы, или же придать иновѣрію тотъ характеръ признаваемаго государствомъ вѣроисповѣданія, который можетъ быть свойственъ только вѣроисповѣданію цѣлаго народа, религіи національной. Русское правительство, естественно, можетъ быть только православнымъ правительствомъ; свои заботы, матеріяльныя и нравственныя средства, которыми оно располагаетъ, оно можетъ употреблять только на пользу православной церкви; всѣ же другія вѣроисповѣданія, а въ особенности нехристіанскія религіи, могутъ быть только терпимы, могутъ пользоваться свободою и обезпеченіемъ гражданскихъ правъ ихъ послѣдователей, но безъ всякаго охраненія ихъ религіозныхъ интересовъ. Было бы желательно вообще, чтобы религіозныя дѣла и интересы католиковъ, протестантовъ, а тѣмъ болѣе Евреевъ и Магометанъ, были предоставлены исключительно собственной судьбѣ ихъ, и чтобы въ этомъ отношеніи государство, отказавшись отъ всякаго блюстительства и вмѣшательства съ своей стороны, наблюдало только за соблюденіемъ общихъ государственныхъ постановленій и правилъ, не поддерживая своими средствами внутренней дисциплины въ иновѣрческихъ обществахъ, и не допуская возникать въ нихъ никакой обязательной для послѣдователей силы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по отношенію къ Евреямъ мы не видимъ, почему бы они не могли относительно сбора податей и налоговъ, относительно отправленія рекрутской повинности и т. п. входить въ составъ цѣлаго городскаго общества и отдѣльныхъ его классовъ, по сословіямъ, не составляя своего особаго общества.

Какъ только исчезла бы эта особая организація еврейскихъ обществъ, и Евреи распредѣлились бы по тѣмъ городскимъ

классамъ, къ которымъ они принадлежатъ по своему разряду, какъ только религіозныя ихъ дѣла и интересы предоставлены были бы исключительно собственному ихъ завѣдыванію, переставъ быть предметомъ заботливости для правительства, нѣтъ сомнѣнія, что Евреи вышли бы изъ той замкнутости, въ которой ихъ теперь упрекаютъ. Въ религіозномъ отношеніи они распались бы на многое множество отдѣльныхъ обществъ; раввины ихъ утратили бы значительную долю своего авторитета, и затѣмъ не оказалось бы ни малѣйшаго препятствія къ дарованію Евреямъ права повсемѣстнаго жительства въ Россіи.

№ 281.

Москва, 21-го декабря

„Сколько риторики и желчи израсходовано въ пользу Кіева!“ читаемъ въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, перепечатывающихъ эту фразу изъ *Сѣверной Почты* и заявляющихъ своимъ читателямъ, что вполнѣ раздѣляютъ мнѣнія этой газеты. Мы тоже принадлежимъ къ говорившимъ „въ пользу Кіева,“ и въ своемъ дѣлѣ не судьи. Если все что̀ мы говорили — риторика, то виновато не наше желаніе, виноваты наши силы: чѣмъ богаты, тѣмъ и рады. Во всякомъ случаѣ виноваты мы, а не дѣло, которое заслуживаетъ того, чтобы его защищали люди способные сказать дѣльное и сильное слово. Если такихъ людей не оказывается въ русской печати, то дѣло все-таки не должно потерпѣть,—потерпѣть должна только репутація русской печати. Но не одна „риторика“ израсходована въ пользу Кіева: израсходовано еще много „желчи“. Почему же однако именно въ пользу Кіева расходуется желчь? Что за причина того, что желчь накипаетъ въ защитникахъ Кіева? Отстаивая желѣзную дорогу изъ Москвы на Кіевъ въ Одессу, руководятся ли они какими-нибудь личными видами? Хлопочутъ ли они за строителей дороги, или за подольскихъ и волынскихъ землевладѣльцевъ? И какъ они хлопочутъ? Забѣгаютъ ли они къ кому-нибудь, стараются ли они на кого-нибудь подѣйствовать косвенными средствами, пишутъ ли они анонимныя письма? Можно ли уличить ихъ въ какой-нибудь интригѣ? Они обращаются къ „здравому смыслу и патріотическимъ чувствамъ:“ но развѣ кому-нибудь ставилось это въ вину, и развѣ лучше обращаться къ глупости или къ корыстнымъ побужденіямъ? Они провозглашаютъ себя „защитниками истины и проповѣдниками правды:“ но развѣ кто-нибудь, даже въ петербургской журналистикѣ, провозглашалъ себя защитникомъ лжи и проповѣдникомъ неправды? Они монополизируютъ здравый смыслъ и патріотическія чувства: *но развѣ можно отстаивать* дѣло здраваго смысла или дѣло патріотическое, не имѣя убѣжденія, что противоположное дѣло противорѣчитъ здравому смыслу и не соотвѣтствуетъ патріотическому чувству? Безъ этого убѣжденія, нечего бы и спорить или надобно было бы перенести споръ на другую почву. И почему позволяется сказать, что здравый смыслъ требуетъ кременчугской линіи, а сказать что здравый смыслъ требуетъ кіевской линіи не позволяется? Намъ говорятъ, что много желчи расходуется защитниками *золотыхъ верховъ* Кіева: откуда же однако можетъ браться эта желчь? Не *золотые* же *верхи* Кіевской Лавры располагаютъ своихъ защитниковъ къ желчному расположенію духа! Мы высказывались въ пользу московско-кіево-одесской дороги уже въ 1862 году; другая московская газета, *День*, высказывалась въ пользу московско-кіевской дороги еще въ 1861 году. И *День* и мы высказывались спокойно, и точно также продолжали высказываться, пока не посыпались на насъ нападки за наше безкорыстное желаніе служить русскому дѣлу. Съ нами почти не спорили; насъ оспаривали, издѣваясь надъ публикой и сбивая ее съ толку такими доводами, какъ напримѣръ увѣреніе, что кременчугская линія короче кіевской, что она пройдетъ мѣстностями болѣе населенными, что она будто бы нужна для сбыта бессарабскаго табака, и тому подобныя шутки, разчитанныя на несообразительныхъ читателей. То провозглашали, что вся русская печать, за исключеніемъ *Московскихъ Вѣдомостей*, стоитъ за кременчугскую линію, тогда какъ, по собственнымъ словамъ г. Семенова, одного изъ главныхъ защитниковъ кременчугскаго направленія, это направленіе имѣетъ за себя лишь меньшинство органовъ русской гласности. То утверждали, что общественное мнѣніе всей Россіи требуетъ кременчугской линіи, и утверждали это не гдѣ-нибудь въ Китаѣ или Японіи, а передъ тою

же самою Россіей, которая очень хорошо должна была оцѣнить правдивость подобнаго заявленія, и вмѣстѣ узнать на опытѣ, до какой степени эти такъ-называемые органы гласности разобщены съ дѣйствительнымъ общественнымъ мнѣніемъ Россіи. Вѣрна или нѣтъ мысль о желѣзной дорогѣ изъ Москвы на Кіевъ въ Одессу, но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что нѣтъ мысли болѣе популярной на всемъ пространствѣ Россіи, отнюдь не исключая и Петербурга, какъ показали засѣданія Статистическаго Отдѣла Географическаго Общества. Можно ли было смотрѣть равнодушно, когда не только искажались факты извѣстные не всѣмъ, но взводились явныя небылицы на русскую журналистику и на русское общественное мнѣніе? Весь этотъ споръ останется характеристическою чертой современнаго положенія дѣлъ; онъ имѣлъ бы въ глазахъ будущаго историка смыслъ признака чрезвычайно не благопріятнаго, еслибъ образъ дѣйствій нѣкоторыхъ защитниковъ кременчугской линіи не встрѣтилъ всеобщаго отпора въ русскомъ общественномъ мнѣніи.

За примѣрами этого образа дѣйствій ходить далеко не нужно; ихъ доставляетъ въ изобиліи тотъ самый № *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей,* который укоряетъ защитниковъ Кіева словами *Сѣверной Почты.*

Приведемъ два-три изъ этихъ примѣровъ. Г. Туманскій, предводитель дворянства Глуховскаго уѣзда, представилъ въ нашей газетѣ нѣсколько статистическихъ данныхъ, за которыя принималъ на себя личную отвѣтственность. Эти данныя произвели впечатлѣніе. Ихъ надобно было либо опровергнуть, либо принять къ свѣдѣнію. Напасть на г. Туманскаго можно было бы только въ томъ случаѣ, еслибъ его данныя оказалось неосновательными. Что же дѣлаютъ противники кіевской линіи? Не опровергая ни одного изъ показаній г. Туманскаго, они позволяютъ себѣ поминать его имя съ непозволительнымъ пренебреженіемъ: „нѣкто г. Туманскій,“ „статистика гг. Туманскихъ,“ а надъ его показаніями просто издѣваются. Это ли называется исканіемъ истины, отсутствіемъ раздраженія, увѣренностью въ правотѣ своего дѣла?

Но не только на лица,—противники Кіева стараются бросить ненавистную тѣнь даже на самое дѣло сближенія югозападнаго края съ Москвой: московско-кіево-одесская линія „нужна для укрѣпленія русско-московскаго духа въ Кіевѣ и кіевскомъ краѣ,“ „русское чувство нашего югозападнаго края не нуждается въ московской опекѣ: оно сильно само собой.“ Такъ говорятъ они въ означенномъ № 297 *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей. Русско-московскій духъ, московская опека,*— не прямой ли это переводъ съ польскаго? Чего хотѣли польскіе агитаторы, какъ не антагонизма между югозападнымъ русскимъ народомъ и этою ненавистною Москвой, которую они даже не удостоивали писать съ прописной буквы? Мы далеки отъ мысли придавать какое-нибудь значеніе подобнымъ выходкамъ защитниковъ кременчугской линіи, избравшихъ своимъ органомъ *С.-Петербургскія Вѣдомости.* Единственное заключеніе, которое мы выводимъ изъ этихъ выходокъ, состоитъ въ томъ, что ихъ авторы въ своей ревности къ кременчугской линіи дошли до той степени раздраженія, на которой человѣкъ уже самъ не знаетъ что городитъ. Намъ оставалось бы поздравить кременчугскую линію съ подобными защитниками, еслибы долгъ вѣжливости не побуждалъ насъ прибавить, что только къ подобнымъ защитникамъ кременчугской линіи относится приводимое *Сѣверною Почтой* древнее правило: кто сердится, тотъ не правъ. Не сердиться иногда нельзя, видя нахальную ложь или явное издѣвательство надъ публикой, но въ интересѣ праваго дѣла никакъ нельзя сердиться до потери сознанія.

Отъ великаго до смѣшнаго, говорятъ, одинъ шагъ. Отъ русско-московскаго духа и московской опеки *С.-Петербургскія Вѣдомости* переходятъ къ изложенію своего взгляда на безвредность ошибокъ въ офиціяльной статистикѣ. Онѣ допускаютъ ошибки въ данныхъ офиціяльной статистики; относящихся къ мѣстностямъ, по которымъ должны проходить линіи кременчугская и кіевская. Но, замѣчаютъ онѣ, эти данныя были собираемы однимъ и тѣмъ же способомъ, стало-быть ошибки въ этихъ данныхъ должны быть одинаковыя, и слѣдовательно на ошибочныхъ данныхъ очень можно основать вѣрное заключеніе. Г. Туманскій напримѣръ доказываетъ, что фабричная и заводская производительность Глуховскаго уѣзда показана въ офиціяльныхъ данныхъ въ восемь разъ меньше противъ дѣйствительности. Но такъ какъ во всѣхъ уѣздахъ Россійской Имперіи статистическія

данныя собираются тѣмъ же самымъ путемъ какъ и въ Глуховскомъ уѣздѣ, то, по логикѣ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, мы должны придти къ заключенію, что и во всѣхъ уѣздахъ Россійской Имперіи фабричная и заводская производительность показана въ восемъ разъ меньше противъ дѣйствительности. Вы улыбаетесь такому умозаключенію, читатель; вы скажете, что оно противно здравому смыслу: вамъ прочтутъ отеческое наставленіе, что вы присвоиваете себѣ монополію на здравый смыслъ.

Вотъ еще образчикъ: спрашивается, можетъ ли быть большое движеніе по московско-кіевской линіи. На это мы отвѣчаемъ: не можетъ быть, если эта линія не будетъ продолжена до Одессы; если же Москва будетъ связана черезъ Кіевъ съ Чернымъ моремъ и Австріей, то движеніе будетъ огромное. Какъ же намъ возражаютъ *С.-Петербургскія Вѣдомости?* Онѣ совсѣмъ отбрасываютъ послѣднее, самое существенное условіе. Онѣ берутъ не московско-кіево-одесскую, а московско-кіевскую дорогу, то-есть не дорогу, а тупикъ. Позиція выгодная, но какъ же ею пользуются безпристрастныя *С.-Петербургскія Вѣдомости?* Требуется доказать, что Кіевъ имѣетъ мало сношеній съ Москвой, а *С.-Петербургскія Вѣдомости* любятъ доказывать цифрами. Къ какимъ же цифрамъ онѣ прибѣгаютъ? „Существуетъ шоссе кіевское, говорятъ онѣ, по которому главнымъ образомъ совершается торговое движеніе между Кіевомъ и *центральною Россіей;* существуетъ другое шоссе изъ Москвы на Харьковъ.“ Затѣмъ слѣдуютъ поразительныя цифры показывающія различіе между шоссейнымъ сборомъ по этимъ двумъ трактамъ. Читатель долженъ быть ошеломленъ этими цифрами, если не припомнитъ одной малости для своего успокоенія. Эта малость заключается въ томъ, что кіевское шоссе связываетъ Кіевъ вовсе не съ *центральною Россіей,* а съ Могилевомъ и Островомъ на Петербурго-Варшавской желѣзной дорогѣ!!!!

Вотъ какъ ведутся у насъ пренія о такомъ важномъ дѣлѣ какъ направленіе желѣзной дороги, долженствующей соединить Москву съ Чернымъ моремъ. Въ какомъ расположеніи духа естественно быть, видя себя въ необходимости, ради важности дѣла, вести пренія съ подобными спорщиками? И не должно ли казаться рѣзкимъ обвиненіемъ одно уже разоблаченіе ихъ продѣлокъ? Кто же виноватъ въ этой рѣзкости, авторы ли продѣлокъ или тѣ, кто указываютъ на нихъ? Защитниковъ кіевской линіи *Сѣверная Почта* обвиняетъ въ раздраженіи, гнѣвѣ, подозрѣніяхъ и т. д. Мы позволимъ себѣ спросить, писались ли въ защиту кіевской линіи анонимныя письма, всегда подающія естественный поводъ къ подозрѣніямъ, и было ли въ многочисленныхъ статьяхъ защитниковъ кіевской линіи что-нибудь хотя издалека подходящее къ приведеннымъ нами образчикамъ защиты кременчугской линіи? А если ничего подобнаго не было, то почему же спица въ глазу защитниковъ кіевской линіи болѣе замѣтна чѣмъ бревно въ глазу сторонниковъ линіи кременчугской? Какъ согласить это съ тѣмъ безпристрастіемъ, которое приписываетъ себѣ *Сѣверная Почта* въ ясномъ и простомъ вопросѣ о лучшемъ направленіи южной линіи? *Сѣверная Почта*, осыпая защитниковъ кіевской линіи кучей самыхъ изысканныхъ комплиментовъ и самыхъ краснорѣчивыхъ статистическихъ цифръ, сама заявляетъ въ то же время, что „продолжаетъ уклоняться отъ участія въ полемикѣ между сторонниками московско-харьковской и московско-кіевской линіи къ Черному морю.“

Совершенно согласно съ *Сѣверною Почтой*, „мы не думаемъ, чтобы кому-нибудь въ „Россіи принадлежало право всегда и во „всемъ провозглашать себя ex cathedra „защитникомъ истины и проповѣдникомъ „правды“; мы позволяемъ себѣ думать, что даже сама *Сѣверная Почта* не обладаетъ этимъ правомъ. И вотъ причина нашей рѣшимости сказать въ заключеніе два слова и этой газетѣ.

Южная дорога будетъ строиться на счетъ государства. Возможно ли, при такомъ условіи, основывать выборъ направленія дороги исключительно на коммерческихъ соображеніяхъ? Мы убѣждены, и убѣждены на основаніи болѣе несомнѣнныхъ данныхъ чѣмъ цифры офиціяльной статистики, что линія московско-кіево-одесская и въ коммерческомъ отношеніи имѣетъ величайшую важность;—но возможно ли допустить, что въ Россіи нѣтъ другихъ государственныхъ интересовъ, кромѣ коммерческихъ? *Сѣверная Почта* находитъ это возможнымъ, она желала бы, чтобъ этотъ вопросъ разбирали такъ какъ будто дѣло шло о постройкѣ желѣзной дороги не въ Россіи, а въ

какомъ-нибудь мелкомъ нѣмецкомъ владѣніи и какъ бы рѣшали его въ своихъ кабинетахъ банкиры-предприниматели.

Но нельзя ожидать, что всѣ русскіе люди будутъ держаться такой точки зрѣнія. Русскіе люди не могутъ забыть,—событія 1863 года еще такъ свѣжи,— что кромѣ интересовъ экономическихъ существуютъ интересы политическіе. Они не могутъ забыть, что бываютъ періоды, когда вольныя или невольныя ошибки внѣшней или внутренней политики приводятъ къ внѣшнимъ войнамъ въ родѣ Восточной, и къ внутреннимъ возстаніямъ въ родѣ возстанія 1863 года; они не могутъ забыть, что въ такіе періоды быстро разстраивается экономическое положеніе государства и разстраивается въ такой степени, что десятки лѣтъ недостаточны для его исправленія. Вотъ чего никакъ не могутъ забыть русскіе люди, когда имъ приходится обсуждать такой первостепенный вопросъ, какъ вопросъ о постройкѣ на счетъ государства главной линіи русскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Г. Бушенъ протестуетъ противъ сдѣланнаго въ нашей газетѣ замѣчанія, что онъ и его начальникъ, г. Семеновъ, при преніяхъ за кременчугскую линію, должны быть въ сущности считаемы за одно лицо. Съ удовольствіемъ печатая этотъ протестъ, не можемъ однакоже не указать, что въ помянутомъ замѣчаніи высказался обыкновенный взглядъ на отношенія подчиненныхъ къ начальникамъ. Изъ протеста г. Бушена видно, что онъ и г. Семеновъ пришли къ одинаковому взгляду своеобразными путями; но это случай исключительный. Обыкновенно бываетъ иначе, и потому одинаковость взгляда между начальникомъ и его подчиненными обыкновенно объясняютъ служебными отношеніями, чѣмъ впрочемъ не отрицается, что начальникъ нерѣдко принимаетъ и отстаиваетъ взглядъ своего подчиненнаго. Къ тѣмъ инженерамъ, на которыхъ указываетъ г. Бушенъ, это относиться не могло, потому что ихъ взаимное положеніе, сколько извѣстно, иное.

№ 282.

Москва, 22-го декабря.

Въ прошлое воскресенье вся западная Европа праздновала уже наступленіе новаго 1865 года. По этому случаю коронованныя особы принимали поздравленія, и отвѣчая на нихъ, естественно коснулись предмета постоянной своей заботы—интересовъ своихъ государствъ. Во всѣхъ рѣчахъ, содержаніе которыхъ было намъ передано вчера по телеграфу, и особенно въ рѣчи императора Наполеона обнаруживается большое миролюбіе. Императоръ увѣряетъ даже, что въ сношеніяхъ своихъ съ иностранными народами онъ будетъ стараться о томъ, чтобы руководствоваться всегда чувствами уваженія, миролюбія и справедливости. Римскій папа,—который незадолго предъ тѣмъ обнародовалъ документы, явно враждебные Франціи и отвергающіе самыя основы ея государственнаго быта, какъ-то: признаніе верховныхъ правъ народа, заявляющаго свою волю путемъ всеобщей подачи голосовъ, независимость государства отъ церкви и необходимость правительственнаго дозволенія на обнародованіе папскихъ буллъ,—папа въ свою очередь преисполнился духомъ мира, и излилъ благословенія на всю французскую націю, ея императора, императрицу и всю императорскую фамилію, прибавивъ, впрочемъ желаніе, да озаритъ ихъ Господь благопотребнымъ свѣтомъ истины Своей. Новый годъ начинается такимъ образомъ, повидимому, при самыхъ благопріятныхъ предзнаменованіяхъ: враги какъ бы становятся друзьями, и нарушители мира—проповѣдниками миролюбія, справедливости и уваженія къ правамъ ближняго.

Но точно ли миръ Европы обезпеченъ теперь болѣе прежняго, и покоится ли онъ на болѣе прочныхъ основаніяхъ? Въ мирѣ и спокойствіи, безъ сомнѣнія, равно нуждаются всѣ народы стараго и новаго свѣта. Миръ необходимъ для поправленія финансовъ, разстройствомъ которыхъ, болѣе или менѣе, страдаютъ Франція и Австрія, Италія и Церковная Область, Испанія и Россія, не говоря уже о Турціи и Греціи, и только Пруссія и Англія могутъ похвалиться относительнымъ благостояніемъ финансовымъ. Миръ необходимъ и для облегченія бремени податей, которое тяжко чувствуетъ бо́льшая часть народовъ. Еще необходимѣе онъ для преуспѣянія народовъ въ дѣлахъ промышленности и торговли и въ дѣлѣ ихъ внутренняго государственнаго благоустройства. Потребность мира сознается теперь всѣми, и тамъ гдѣ общественное мнѣніе есть дѣйствительная сила, какъ, напримѣръ, въ Англіи, тамъ въ этой общей потребности мира заключается серіоз-

ное ручательство за его ненарушимость. Но со стороны Франціи сохраненіе мира зависитъ не столько отъ настроенія общества, сколько отъ личныхъ видовъ императора Наполеона, и еслибъ онъ и принадлежалъ къ числу самыхъ миролюбивыхъ государей Европы, то все-таки на миролюбивыя увѣренія, высказанныя имъ сегодня, нельзя было бы положиться на долгое время. Впрочемъ, парижскіе корреспонденты увѣряютъ, что каково бы ни было дѣйствительное настроеніе его въ настоящее время, однакоже, по мѣрѣ того какъ будетъ длиться миръ, будутъ возрастать и препятствія къ его нарушенію. Они увѣряютъ, что въ тронной рѣчи, которою откроются законодательныя палаты Франціи, будутъ выражены желанія въ пользу сохраненія мира, всеобщаго разоруженія и созванія конгресса для разрѣшенія мирнымъ путемъ вопросовъ, волнующихъ Европу. Корреспондентъ *Indépendance belge* говорилъ даже, что Франція и Англія сообща обратились самымъ дружественнымъ образомъ къ Австріи, и успѣли склонить ее къ значительному сокращенію ея арміи въ Венеціянской области. Извѣстіе это оказалось, впрочемъ, преждевременнымъ или даже и просто вымышленнымъ, и офиціяльная *Wiener Abendpost* объявила уже, отъ 28-го декабря, что австрійскому правительству ничего неизвѣстно о подобномъ предложеніи со стороны Англіи и Франціи. Во всякомъ случаѣ недостаточно, чтобъ Англія и Франція заявляли свою любовь къ миру только добрыми совѣтами; необходимо, чтобъ онѣ въ этомъ отношеніи дѣйствовали прежде всего собственнымъ добрымъ примѣромъ, и пока Франція не приступитъ сама къ разоруженію, до тѣхъ поръ никто не повѣритъ искренности ея миролюбія.

Нынѣшнее миролюбіе Франціи легко можетъ объясниться желаніемъ выждать чѣмъ разрѣшатся распри волнующія Германію. Въ этой центральной европейской странѣ скопилось въ настоящее время наиболѣе горючаго матеріяла. По окраинамъ ея хотя вездѣ, болѣе или менѣе, возстановилось спокойствіе, но отъ времени до времени обнаруживаются признаки будущихъ движеній. Такъ, между прочимъ, со стороны Италіи раздаются неожиданно полуофиціяльныя заявленія, что не слѣдуетъ терять времени, которымъ Австрія можетъ легко воспользоваться для мирнаго разрѣшенія венгерскаго вопроса, и что съ другой стороны слѣдуетъ воспользоваться раздраженіемъ Франціи противъ папы, по случаю его недавняго окружнаго посланія. Изъ славянскихъ областей Турціи, отъ тамошнихъ австрійскихъ консуловъ, получаются въ Вѣнѣ также тревожныя извѣстія, такъ что возникаютъ опасенія относительно новыхъ замѣшательствъ на Востокѣ. Въ нѣкогда польскихъ областяхъ есть еще не мало безумцевъ, готовыхъ стать орудіемъ всесвѣтной революціи, которая въ свою очередь служитъ только орудіемъ въ рукахъ властолюбивыхъ правительствъ западной Европы. Но средоточіемъ тревожныхъ движеній стала теперь по преимуществу Германія; и самымъ жгучимъ европейскимъ вопросомъ сталъ вопросъ шлезигъ-гольштейнскій. Ниже мы посвящаемъ ему особую статью. Изъ этой статьи читатель усмотритъ, что Пруссія почти не владѣетъ собою и во что бы ни стало рѣшилась не выпускать Герцогствъ изъ своихъ рукъ. Дѣло подходитъ теперь къ кризису. Пруссія или выиграетъ свой процессъ въ Германіи, и за тѣмъ должна будетъ свести свои счеты только съ великими европейскими державами, которыя не такъ непосредственно заинтересованы въ дѣлѣ, какъ Австрія и весь Германскій Союзъ, — счеты, которые вслѣдствіе того не представятъ для Пруссіи такихъ трудностей; или же она проиграетъ свой процессъ въ Германіи, и въ такомъ случаѣ можно ожидать, не только разрыва ея съ Австріей, но даже и открытой борьбы со всѣмъ Германскимъ Союзомъ. Этого-то критическаго момента и выжидаетъ теперь Франція, завѣряя всѣхъ въ своемъ миролюбіи и безкорыстіи. Въ случаѣ открытой борьбы внутри самой Германіи, Франціи легко можетъ представиться возможность придвинуть свои границы къ Рейну, вступивъ въ союзъ или съ Пруссіей или съ ея противниками. Положеніе Пруссіи въ этомъ случаѣ не такъ еще затруднительно и опасно, какъ положеніе Австріи, тѣмъ болѣе что Пруссія заранѣе обезпечила себѣ возможность дѣйствовать сообща съ Франціей, тогда какъ Австрія, не жертвуя Венеціей, лишена этой возможности, и можетъ разсчитывать, до извѣстной степени, только на поддержку со стороны Россіи. Положеніе австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ въ настоящее время принадлежитъ къ числу самыхъ тягостныхъ и затруднительныхъ. Задачи, которыя ему поставлены, частію общимъ

положеніемъ европейскихъ дѣлъ и самой Австріи, частію преданіями австрійской политики и волею императора, прямо противорѣчатъ другъ другу, и тѣмъ не менѣе онѣ должны быть разрѣшены почти одновременно. Въ одно и то же время долженъ быть сохраненъ союзъ съ Пруссіей, упроченъ и укрѣпленъ Германскій Союзъ, успокоены второстепенныя государства Германіи; вмѣстѣ съ тѣмъ должно быть устранено все то что могло бы нарушить общеевропейскій миръ, и однакоже, не должны быть измѣнены отношенія къ Италіи, которыя Австрія опредѣляетъ на основаніи Цюрихскаго трактата. Немудрено, что графъ Менсдорфъ-Пульи тяготится своимъ положеніемъ, не чувствуетъ своихъ силъ въ уровень съ его трудностями, и желаетъ отказаться отъ своей должности. Самъ онъ болѣе склоняется въ пользу союза съ Пруссіей, и слѣдовательно, въ пользу уступокъ ей по шлезвигъ-гольштейнскому вопросу. Но г. фонъ-Шмерлингъ желалъ бы противодѣйствовать Пруссіи, и очень можетъ быть, что онъ одержитъ верхъ въ совѣтѣ императора, и что дѣла внѣшней политики Австріи будутъ ввѣрены нынѣшнему послу ея при французскомъ дворѣ, князю Меттерниху. Въ такомъ случаѣ не мудрено, что Австрія рѣшится на уступки въ пользу Франціи, и тогда общее положеніе европейскихъ дѣлъ существенно измѣнится, и притомъ едва ли въ пользу Россіи. Но такъ какъ эта перемѣна предполагаетъ отреченіе Австріи не только отъ Цюрихскаго трактата, но и отъ Венеціи, то очень можетъ статься, что она предпочтетъ пойдти на сдѣлку съ Пруссіей, и въ такомъ случаѣ Пруссія достигнетъ своихъ цѣлей безъ тяжкихъ потрясеній для Германіи. Второстепенныя германскія государства сами по себѣ почти не могутъ входить въ разчетъ: силы ихъ слишкомъ ничтожны для открытой борьбы съ Пруссіей; броситься въ объятія Франціи онѣ не рѣшатся въ виду того негодованія, которое возбудила бы подобная политика не только въ Германіи, но и въ цѣлой Европѣ: со стороны Россіи онѣ могутъ разчитывать только на нравственную поддержку. Одна Австрія могла бы еще придать силу ихъ сопротивленію, но Австрія, очевидно, уже колеблется, и въ самомъ ея правительствѣ въ ту минуту, когда слѣдовало бы дѣйствовать рѣшительно, замѣчаются явныя разногласія. Пруссія имѣетъ въ этомъ отношеніи огромный перевѣсъ: она знаетъ, чего хочетъ, и незадержимо стремится къ одной опредѣленной цѣли. Правительство ея дѣйствуетъ съ полнымъ единодушіемъ и безъ малѣйшихъ колебаній; оно не пользуется популярностью во внутренней своей политикѣ, но оно сознаетъ, что весь цѣльный народъ ея стоитъ на его сторонѣ въ этомъ вопросѣ о будущемъ могуществѣ и величіи Пруссіи. Можно ли ожидать, что разрозненное, несогласное, преслѣдующее противоположныя другъ другу цѣли правительство австрійское устоитъ противъ напора несомнѣнно твердой и рѣшительной прусской воли и множества затруднительныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ? Сверхъ того, Пруссія очень искусно припасла себѣ заранѣе возможность дружественныхъ отношеній и къ Россіи, и къ Франціи. Въ Англіи, правда, еще замѣчаются нѣкоторые слѣды раздраженія противъ нея, и однакоже, одинъ за другимъ всѣ органы общественнаго мнѣнія высказываются въ пользу увеличенія могущества Пруссіи. Такъ, между прочимъ, за послѣднее время *Daily News* сознается, что Англія не можетъ ничего возразить противъ усиленія Пруссіи, и желала бы только, чтобъ ея правительство дѣйствовало не одними военными способами, но и позаботилось о томъ, чтобы призвать самое страну къ дѣятельному и дѣйствительному участію въ дѣлахъ правленія: въ такомъ случаѣ *Daily News* нисколько не сомнѣвается, что вся сѣверная Германія, или, по крайней мѣрѣ, бóльшая часть ея сама собою и мало по малу присоединилась бы къ Пруссіи.

Что касается до Россіи, то и безъ увѣреній петербургскихъ корреспондентовъ въ *Journal des Débats*, нѣтъ сомнѣнія, что политика г. фонъ-Бисмарка въ шлезвигъ-гольштейнскомъ вопросѣ строго осуждается Петербургскимъ кабинетомъ, и что Россія очень далека отъ желанія потворствовать возрастанію могущества Пруссіи на Балтійскомъ морѣ. Вопреки увѣреніямъ большей части берлинскихъ корреспондентовъ, политика Россіи въ шлезвигъ-гольштейнскомъ вопросѣ была съ самаго начала совершенно послѣдовательна. Пока было возможно, Россія твердо держалась Лондонскаго трактата; въ послѣдствіи, уступивъ свои права въ Герцогствахъ великому герцогу Ольденбургскому, она противопоставила одного претендента другому не въ тѣхъ видахъ, чтобы Пруссіи легче было склонить принца

Августенбургскаго къ уступкамъ, но скорѣе потому что герцогъ Ольденбургскій могъ лучше противиться властолюбивымъ притязаніямъ Пруссіи, будучи уже членомъ Германскаго Союза и имѣя возможность незначительными уступками въ принадлежащей ему территоріи отчасти удовлетворить и прусскому честолюбію. Эти разчеты имѣли свои основанія, и нельзя не видѣть важной ошибки со стороны Австріи и другихъ нѣмецкихъ правительствъ въ томъ, что они не рѣшились склониться въ пользу герцога Ольденбургскаго. Можетъ-быть, время къ тому еще не ушло, и въ виду нынѣшнихъ замѣшательствъ въ Германіи и готовности Пруссіи къ насиліямъ, Австрія и другія нѣмецкія правительства окажутся болѣе склонными, чѣмъ прежде, внять голосу Россіи. Въ всякомъ случаѣ выставленная Россіей кандидатура великаго герцога Ольденбургскаго нисколько не обратилась ей во вредъ, такъ какъ и безъ нея Пруссія имѣла полную возможность противопоставить наслѣдственнымъ правамъ принца Августенбургскаго права своего собственнаго царственнаго дома. Для Россіи было бы желательно укрѣпить Австрію въ противодѣйствіи властолюбивымъ видамъ Пруссіи, но въ то же время дать ей возможность обойдтись безъ союза съ Франціей и безъ пожертвованія въ угоду ей Венеціей. Вмѣстѣ съ тѣмъ она несомнѣнно заинтересована сохраненіемъ общеевропейскаго мира. Въ этомъ смыслѣ, по всему вѣроятію, и дѣйствуетъ она въ Берлинѣ, стараясь внушить Берлинскому кабинету умѣренность и миролюбіе, а равно въ Вѣнѣ и въ столицахъ второстепенныхъ государствъ Германіи.

№ 283.

Москва 23-го декабря.

A.

Одною изъ главныхъ причинъ нашего неуспѣха по многимъ дѣламъ бываетъ то что мы любимъ увлекаться широкими планами. Скромная, но вѣрная дѣятельность, твердо идущая впередъ шагъ за шагомъ и всегда соображающая ближайшую цѣль съ подручными средствами, насъ не манитъ къ себѣ. Мы, русскіе, такъ мало привыкли дѣйствовать, что насъ гораздо менѣе интересуетъ осуществимость того или другаго проекта нежели его притязательность. Мы хотимъ достигнуть всего разомъ, а такъ какъ всего разомъ достигнуть можно только въ проектѣ, а не въ дѣйствительности, то составленіе проектовъ занимаетъ насъ гораздо болѣе нежели ихъ исполненіе. Исполненіе, это—проза жизни, приводящая насъ въ апатію похожую на то, что медики называютъ атоніей, въ противуположность лихорадочной возбужденности. Сколько предпріятій нашихъ погибло только потому что они были задуманы слишкомъ широко! Не слѣдуетъ ли намъ всего болѣе остерегаться этого недостатка, когда предстоитъ какое-нибудь важное дѣло, исполненіемъ котораго мы особенно дорожимъ?

Вопросъ о южной желѣзной дорогѣ совершенно ясно поставленъ въ Высочайшемъ указѣ о займѣ: рѣчь должна идти о желѣзной дорогѣ соединяющей Москву съ Чернымъ моремъ, и притомъ объ одной дорогѣ, а не о многихъ. Эта задача была съ полною точностью объяснена г. Ламанскимъ передъ началомъ преній въ Статистическомъ Отдѣлѣ Географическаго Общества. Г. Ламанскій прибавилъ, что средства имѣются въ виду только для построенія одной дороги отъ Москвы къ Черному морю. Въ устахъ г. Ламанскаго, товарища управляющаго Государственнымъ банкомъ эти слова имѣютъ особенное значеніе. Наконецъ роспись нашихъ государственныхъ доходовъ и расходовъ публикуется во всеобщее свѣдѣніе, а потому знакомство съ финансовымъ положеніемъ Россіи обязательно для всякаго, кто берется говорить объ исполненіи какого бы то ни было предпріятія на казенныя средства. Мало ли что можетъ быть желательно, но не велитъ ли благоразуміе соразмѣрять свои желанія съ средствами? *Man will was man kann*, вотъ правило, котораго по необходимости держатся всѣ практическіе люди, дѣйствующіе съ успѣхомъ. Но если и желать можно только того что возможно, то переходя отъ желанія къ его исполненію, нельзя совершенно разчитывать даже на все возможное; надобно предполагать самыя неблагопріятныя обстоятельства и давать дѣлу такіе размѣры, чтобы во всякомъ случаѣ можно было довести его до конца.

Обстоятельства уже теперь не очень благопріятны для построенія южной дороги. Чтобъ обезпечить это дѣло отъ всякихъ случайностей, надобно имѣть въ виду, что обстоятельства могутъ еще болѣе испор-

титься. Брать въ разчетъ эту возможность не значитъ впадать въ пессимизмъ и уныніе; это значитъ дорожить дѣломъ и ограждать его отъ остановокъ на полъ-дорогѣ, что бы не было повода впадать въ пессимизмъ и уныніе Иные полагаютъ, что Россія имѣетъ средства построить на казенный счетъ 1600 верстъ желѣзныхъ дорогъ; если не ошибаемся, то это мнѣніе основано на предположеніи, что желѣзныя дороги могутъ обходиться намъ по 40.000 р. за версту: что же станется съ этимъ планомъ, если въ дѣйствительности дорога обойдеся по 60.000 р. за версту?! Тогда потребуется въ полтора раза болѣе капитала, и пока этотъ капиталъ не будетъ пріисканъ, затѣянныя дороги не будутъ открыты для движенія. А какую пользу можетъ приносить неоткрытая желѣзная дорога? Пользы никакой, дохода никакого, а между тѣмъ надобно платить проценты съ капитала затраченнаго на построеніе дороги. Сангвиническія надежды — злѣйшій врагъ человѣка въ практической жизни. Когда рѣчь шла объ открытіи размѣна, многіе считали возможнымъ возстановленіе цѣнности кредитнаго рубля; другіе оспаривали эту возможность и предлагали ограничиться упроченіемъ существовавшей въ среднемъ вексельномъ курсѣ цѣнности кредитнаго рубля. Эта послѣдняя задача была осуществима; ей не помѣшалъ бы и польскій мятежъ. Теперь на дѣлѣ оказалось, какое мнѣніе было въ практическомъ отношеніи предпочтительнѣе. Размѣну, говорятъ, помѣшалъ польскій мятежъ, но развѣ построенію желѣзныхъ дорогъ не можетъ помѣшать война? Чѣмъ бо́льшимъ числомъ верстъ мы зададимся тѣмъ продолжительнѣе будетъ стройка, и тѣмъ болѣе вѣроятности что намъ встрѣтится какая-нибудь помѣха. На одинъ и на два года, можно еще предусматривать политическія событія, но кто, особенно при теперешнемъ состояніи Европы, возьмется предусмотрѣть ихъ на пять или на шесть лѣтъ? Еслибы не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію, что Россія при всякой случайности можетъ казенными средствами построить 1600 верстъ желѣзныхъ дорогъ, расходуя по 40.000 рублей на версту, то и тогда надобно было было на случай передержки ограничиться 1200 верстами. Что же, если самая возможность затраты 64.000.000 р. оказывается дѣломъ сомнительнымъ? Благоразумно ли въ такомъ случаѣ будетъ выпрашивать у правительства, чтобъ оно взялось разомъ за постройку 1600 верстъ и расширило свой планъ, заявленный въ Высочайшемъ указѣ о займѣ? Не будетъ ли напротивъ патріотическимъ дѣломъ отстаивать тѣ болѣе скромные размѣры этого дѣла, которые уже указаны правительствомъ!

Задача состоитъ въ томъ, чтобы соединить Москву съ Чернымъ моремъ. Избирая для этой цѣли линію московско-кіево-одесскую, правительство избѣгаетъ необходимости расширять свой планъ. Еслибы правительство предпочло линію кременчугскую, то одновременно съ этой линіей, которая и сама по себѣ длиннѣе кіевской, оно должно было бы приступить къ построенію вѣтви въ Кіевъ, въ необходимости которой согласны всѣ наиболѣе серіозные защитники кременчугской линіи. Задача расширилась бы; она потребовала бы и больше денегъ и больше времени, а время въ этомъ случаѣ можетъ-быть еще важнѣе нежели деньги. Довести дѣло до конца было бы гораздо труднѣе; вѣроятность успѣшнаго совершенія его уменьшилась бы и вслѣдствіе увеличенія необходимой затраты денегъ и вслѣдствіе увеличившейся возможности встрѣтить непредвидѣнныя препятствія. Какія же соображенія могутъ быть достаточны чтобы побудить къ подобному риску?

Главная выгода кременчугскаго направленія состоитъ въ томъ, что Харьковъ и Полтава будутъ соединены съ Одессой. Но эти города къ Одессѣ не тянутъ, и употреблять въ трудное для финансовъ время огромныя усилія, чтобы притянуть эти города къ одесскому порту, едва ли будетъ сообразно съ государственнымъ интересомъ. Но этого мало. Харькову нужно соединеніе съ азовскими портами, и рано или поздно онъ будетъ соединенъ съ ними: тогда кременчугская линія потеряетъ значительную долю своей важности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и уменьшится доходъ съ нея; она будетъ въ тягость государству. Вотъ новый рискъ обремененія казны. Но и этого мало. Вѣтвь, останавливающаяся въ Кіевѣ, тоже не будетъ имѣть значенія, ни въ коммерческомъ ни въ политическомъ отношеніи: въ коммерческомъ потому, что будетъ служить только для сношеній между Москвой и Кіевомъ; въ политическомъ, потому, что свяжетъ съ центральною Русью только Кіевъ, а не югозападный край, тогда какъ линія московско-кіево-одесская, направивъ на Кіевъ и на югозаданый край все торговое

и пассажирское движеніе между Москвой, Чернымъ моремъ и Австріей, связала бы съ Москвой гораздо тѣснѣе и самый Кіевъ, и кромѣ того связала бы съ ней весь юго-западный край. Вѣтвь отъ харьковско-московской дороги въ Кіевъ, доходящая только до Кіева, была бы тупикомъ сравнительно съ линіей кременчугскою и какъ всякій тупикъ не могла бы имѣть оживленнаго движенія, а слѣдовательно не могла бы и приносить достаточный доходъ. Вотъ еще одинъ финансовый рискъ, который былъ бы въ добавокъ купленъ цѣной отреченія отъ важнѣйшей изъ политическихъ выгодъ ожидаемыхъ отъ проведенія южной желѣзной дороги на Кіевъ.

Таково это дѣло въ его простомъ видѣ. Заявленный правительствомъ планъ состоитъ въ проведеніи *одной* линіи отъ Москвы къ Черному морю. Не расширяя этого плана, невозможно избрать никакой другой линіи кромѣ кіевской. Расширять его, среди теперешнихъ трудныхъ обстоятельствъ, можно было бы ради какихъ-нибудь огромныхъ выгодъ. Но этихъ огромныхъ выгодъ кременчугская линія съ вѣтвью къ Кіеву не представляетъ. Единственнымъ положительнымъ послѣдствіемъ ея будетъ искусственное привлеченіе Харькова и Полтавы къ одесскому порту, а отрицательныхъ послѣдствій будетъ много: кіевская вѣтвь лишится своего политическаго значенія, и по своей малой доходности, сдѣлается бременемъ для государства; линія отъ Харькова до Балты будетъ также угрожать государственной казнѣ значительнымъ уменьшеніемъ своей доходности въ случаѣ сооруженія желѣзной дороги отъ Харькова къ Азовскому морю. Такая линія, которая, подобно кременчугской, можетъ значительно пострадать, а не значительно выиграть отъ сооруженія другихъ линій, никакъ не можетъ годиться въ главныя линіи государства. Взгляните на линію московско-кіево-одесскую: сколько бы вы ни настроили дорогъ въ Россіи, ни отъ одной изъ нихъ она не потерпитъ. Она потому и главная, что не боится никакой конкуренціи. Взгляните теперь на линію кременчугскую: рано или поздно Харьковъ будетъ соединенъ съ Азовскимъ моремъ, а Кіевъ съ Балтой, представьте же себѣ, что дорогу отъ Балты до Харькова строила не казна, а частная компанія,—не ясно ли, что эта компанія сочла бы для себя раззореніемъ соединеніе Балты съ Кіевомъ и черезъ Кіевъ съ Москвою, не сказала ли бы она, что это соединеніе отнимаетъ у нея движеніе между центральною Россіей и Чернымъ моремъ, не стала ли бы она еще болѣе жаловаться на пагубныя для нея послѣдствія отъ проведенія желѣзной дороги между Харьковомъ и Азовскимъ моремъ, и не стала ли бы она просить какъ милости, чтобы по крайней мѣрѣ не проводили желѣзной дороги изъ Харькова къ Александровску и далѣе въ Крымъ? Пусть всякій самъ отвѣчаетъ на эти вопросы и пусть всякій скажетъ годится ли подобная линія для того чтобъ имѣть притязаніе на значеніе главной русской линіи отъ Москвы на югъ. Пусть всякій скажетъ можно ли желать чтобы ради проведенія такой линіи правительство подвергало себя риску расхода, который очень легко можетъ оказаться не по средствамъ казны, а дѣло сооруженія южной линіи—риску всяческихъ задержекъ, которыя даже нельзя предвидѣть. А мы еще и не говорили о стратегическомъ неудобствѣ, возникающемъ вслѣдствіе того, что при построеніи кременчугской линіи надобно было бы защищать отъ непріятеля двѣ переправы черезъ Днѣпръ.

Мы убѣдительно просимъ защитниковъ кременчугской линіи взглянуть на дѣло, не увлекаясь преувеличенными понятіями о неистощимости средствъ Россіи. Средства Россіи дѣйствительно неистощимы, но только въ одномъ случаѣ: когда надобно отстаивать цѣлость государства, его честь и его значеніе какъ великой державы. Это долженъ признать самый трезвый взглядъ на Россію. Но то сужденіе было бы очень далеко отъ трезвости, которое прилагало бы понятіе о неистощимости къ вопросамъ финансовымъ, каковъ вопросъ о сооруженіи желѣзныхъ дорогъ, и въ особенности дорогъ, подобно кременчугской, не имѣющихъ политическаго значенія. Если бы, паче чаянія, случайныя обстоятельства остановили сооруженіе кіевской дороги, то призывъ къ патріотизму русскаго народа — нѣтъ сомнѣнія въ этомъ — доставилъ бы правительству нужныя средства для ея окончанія. Но было бы странно ожидать подобнаго одушевленія въ пользу линіи кременчугской, не соединяющейся въ понятіяхъ массъ ни съ какимъ дорогимъ для нихъ именемъ.

Мы упомянули о патріотизмѣ, но патріотизмъ является на выручку только въ крайнихъ случаяхъ. Онъ не можетъ входить

въ правильные разчеты даже и по сооруженію московско-кіево-одесской линіи. Нельзя не желать, чтобъ это дѣло было обезпечено правильными финансовыми средствами, и притомъ обезпечено ими съ избыткомъ. Такъ какъ излишнее обезпеченіе повредить не можетъ, то было бы всего лучше, еслибы пріискалась частная компанія для постройки кіево-балтскаго участка: это дало бы возможность сосредочить казенныя средства на участкѣ кіево-московскомъ, за который въ такомъ случаѣ можно было бы приняться съ двухъ концовъ. Протяженіе кіево-балтскаго участка не велико; доходность его не будетъ подлежать сомнѣнію, при существованіи желѣзныхъ дорогъ кіево-московской и одесско-балтской. Очень вѣроятно, что пріискалась бы частная компанія, которая взяла бы на себя кіево-балтскій участокъ. Нѣтъ причины предполагать, что эта компанія не нашла бы возможнымъ воспользоваться для земляныхъ работъ при его сооруженіи тѣмъ отрядомъ штрафныхъ солдатъ, который сформированъ для работъ барона Унгернъ-Штернберга, и теперь, по всему вѣроятію, уже достаточно пріученъ къ землянымъ работамъ.

На дняхъ напечатанъ въ *Сѣверной Почтѣ* отчетъ г. Унгернъ-Штенберга о работахъ по ввѣренной ему желѣзной дорогѣ. Мы замедлили упоминаніемъ объ этомъ отчетѣ, потому что предполагали посвятить ему обстоятельный разборъ. Съ этою цѣлью мы перечитали извѣстную статью г. Селиванова въ *Библіотекѣ для Чтенія*, и принуждены сказать, что сличивъ съ нею отчетъ г. Унгернъ-Штеернберга, не могли придти къ какому-либо серіозному заключенію. Для этой цѣли очевидно былъ бы нуженъ отчетъ подробный, а не выборка общихъ цифръ, сообщенная г. Унгернъ-Штернбергомъ. На обнародованіе этой выборки можно смотрѣть съ удовольствіемъ только какъ на первый шагъ къ разъясненію дѣла, и нельзя не желать чтобы за этимъ первымъ шагомъ послѣдовали шаги дальнѣйшіе.

Еслибы ближайшее разсмотрѣніе дѣла доказало его выгодность или по крайней мѣрѣ возможность избѣжать въ будущемъ тѣхъ ошибокъ, которыя могли быть сдѣланы при первомъ опытѣ (въ этой послѣдней возможности мы почти не сомнѣваемся), то было бы жаль обрекать этотъ отрядъ расформировкѣ. Еще болѣе было бы жаль, конечно, тратить дорогія деньги на постройку желѣзныхъ дорогъ только съ цѣлію занимать этотъ рядъ, но неужели нельзя было бы избѣжать такой крайности? Выше указана возможность исполненія этимъ отрядомъ земляныхъ работъ на кіево-балтскомъ участкѣ: компанія, которая взяла бы этотъ участокъ приняла бы, по всей вѣроятности, на свой счетъ и одесско-балтійскій участокъ съ возвращеніемъ казнѣ израсходованныхъ суммъ. Что же касается до парканскаго участка, то онъ могъ бы быть сданъ той компаніи, которая, какъ слышно, уже предлагаетъ свои услуги для постройки желѣзной дороги отъ Парканъ до Черновицъ, главнаго города австрійской Буковины. Эта компанія также могла бы воспользоваться отрядомъ штрафныхъ солдатъ для земляныхъ работъ.

Б.

Въ иностранныя газеты было сообщено по телеграфу, что въ Константинополѣ обнародованъ новый законъ о печати, освобождающій ее какъ отъ предварительной цензуры, такъ и отъ системы *предостереженій* (avertissements). До сихъ поръ въ Турціи печать находилась въ положеніи переходномъ, то-есть было допущено *факультативное* освобожденіе отъ предварительной цензуры, такъ что желавшіе подчинялись системѣ административныхъ *предостереженій* и проистекавшимъ отъ того послѣдствіямъ, а не желавшіе могли оставаться подъ цензурой предварительною. Новый законъ совершенно измѣняетъ положеніе печати. Константинопольскій корреспондентъ газеты *Times*, отъ 17-го декабря, сообщаетъ слѣдующія интересныя подробности относительно новаго закона о печати въ Турціи:

„На дняхъ мнѣ передали черновую т[...] радъ новаго положенія, составленнаго м[...]нистерствомъ и одобреннаго султаномъ. [...] положеніе касается свободы печати въ Ту[р]ціи, и въ скоромъ времени появится [въ] офиціяльномъ журналѣ, и будетъ обнаро[до]вано во всей странѣ. Такая мѣра б[ыл]а въ высшей степени необходима, если пр[и]нять въ соображеніе то обстоятельство, [что] до сихъ поръ журналистика находи[лась] болѣе или менѣе въ зависимости отъ пр[о]извола правительства, или, лучше сказ[ать], отъ произвола каждаго изъ его член[овъ], которому вздумалось бы оскорбиться [...]

кимъ-нибудь намекомъ. Прежнія уставы основывались на самыхъ произвольныхъ началахъ. Новое положеніе отмѣняетъ нѣкоторыя изъ прежнихъ ограниченій, и при добросовѣстномъ исполненіи того же устава можно надѣяться, что мѣстной журналистикѣ будетъ предоставлена несравненно большая свобода. Читателямъ, быть-можетъ, интересно будетъ познакомиться съ краткимъ очеркомъ новаго *Положенія*. Что касается до права изданія какой-либо новой газеты, оно предоставлено всѣмъ безъ изъятія, какъ туземцамъ, такъ и иностранцамъ, и не ограничивается никакими стѣснительными условіями, могущими повлечь за собою отказъ или задержку. Газеты уже существующія утверждаются, а неудобства, съ которыми онѣ боролись вслѣдствіе сдѣланныхъ имъ *предостереженій*, безъусловно отмѣняются. Жаль, что прекрасная цѣль этого документа до нѣкоторой степени парализована оговоркою, въ которой запрещается распространеніе всякихъ иностранныхъ изданій, заключающихъ въ себѣ статьи враждебныя правительству (dans un but d'aggression et d'hostilité contre le gouvernement). Въ примѣчаніи, сдѣланномъ къ этой оговоркѣ, сказано впрочемъ, что она относится только „къ систематическимъ нападкамъ“; истолкованіе этой оговорки оставляетъ широкое поле для разныхъ ухищреній. Далѣе, въ очень строгой статьѣ воспрещаются, подъ страхомъ тюремнаго заключенія и штрафа, всякія „оскорбительныя“ выходки противъ султана и его *фамиліи*. И здѣсь также нельзя не пожалѣть о неопредѣленности выраженія; но вѣроятно, подобная неопредѣленность есть неизбѣжное условіе господствующей въ имперіи системы. Не совсѣмъ ясно и то, можно ли будетъ вполнѣ свободно разсуждать о политическихъ дѣйствіяхъ правительства, такъ какъ тутъ употреблено неопредѣленное выраженіе „проступокъ.“ Но какъ бы то ни было, весьма утѣшительно, по крайней мѣрѣ, что подобные проступки будутъ сначала обсуждаемы коммиссіей, а потомъ передаваемы на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. Это уже значительный шагъ впередъ въ сравненіи съ прежнею системой, въ силу которой существованіе журнала зависѣло исключительно отъ произвола какого-нибудь мелкаго чиновника, часто не имѣвшаго ясныхъ понятій о требованіяхъ справедливости. Вообще говоря, новое Положеніе далеко не соотвѣтствуетъ законнымъ надеждамъ лицъ, заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ; но если сравнить его съ произвольною и раздражающею процедурой, то должно сознаться, что уступка, сдѣланная въ настоящее время, есть уже значительный шагъ впередъ.“

№ 284

Москва, 24-го декабря.

Вопросъ о направленіи желѣзной дороги, имѣющей соединить Москву съ Чернымъ моремъ, приблизился къ рѣшенію. Тѣмъ пріятнѣе намъ, предъ заключеніемъ преній, помѣстить подоспѣвшую къ намъ сегодня статью г. Липина по этому вопросу. Г. Липинъ умѣлъ найдти въ дѣлѣ, повидимому совершенно исчерпанномъ, нѣсколько новыхъ соображеній въ пользу кіевской линіи. Читатели прочтутъ съ интересомъ эти соображенія, которыхъ убѣдительность разительна. Повторяемъ, намъ очень пріятно, что мы успѣли помѣстить статью г. Липина до праздниковъ. Она пополняетъ оканчивающіяся пренія. Обязанность печати заключалась въ томъ, чтобы разъяснить отданный обсужденію вопросъ во всѣхъ его элементахъ. Въ настоящую торжественную минуту, когда дѣло печати оканчивается и предстоитъ правительственное рѣшеніе первостепеннаго вопроса русской внутренней политики, русская печать можетъ съ удовольствіемъ сказать что исполнила свою обязанность шире и удовлетворительнѣе чѣмъ удавалось ей по другимъ вопросамъ, не исключая даже вопроса польскаго, по которому осталось еще довольно много не досказаннаго. Въ вопросѣ о направленіи южной линіи разъяснены не только всѣ его элементы, но разъяснены и нити, связывающія его съ смежными вопросами и интересами; наконецъ пренія по этому вопросу дали русской публикѣ возможность составить себѣ довольно ясное понятіе о внутреннемъ состояніи самой печати. Вообще эти пренія будутъ живою и много-говорящею страницей въ исторіи русской публичной жизни.

Г. Липинъ очень хорошо замѣчаетъ, что рѣчь никакъ не можетъ идти о такой желѣзной дорогѣ, которая послужила бы для всей южной Россіи путемъ и заграничнаго сбыта ея произведеній, и сношеній съ центральными губерніями и обѣими столицами

Имперіи. Такая дорога—физическая невозможность, уже потому одному, что южная Россія занимаетъ пространство имѣющее въ длину не менѣе тысячи верстъ. Столь обширный край нуждается въ нѣсколькихъ путяхъ, которые пересѣкали бы его съ сѣвера на югъ. Направленіе этихъ путей не подлежитъ вопросу. Идя съ запада на востокъ, эти пути представляются въ слѣдующемъ порядкѣ: изъ Кіева въ Одессу, изъ Харькова и Полтавы въ Александровскъ и далѣе къ крымскимъ портамъ, наконецъ изъ Харькова черезъ Лисичанскъ къ устьямъ Дона. Каждый изъ этихъ путей будетъ имѣть большую важность; ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть замѣненъ другимъ, и потому всѣ они должны имѣться въ виду при разрѣшеніи предстоящей теперь задачи, которая состоитъ единственно въ томъ, чтобъ опредѣлить, съ котораго изъ этихъ путей надобно начать дѣло ихъ сооруженія Направленіе каждаго пути дано самою природой; измѣнять естественное направленіе этихъ путей нельзя, не дѣлая насилія естественному ходу дѣлъ, съ которымъ борьба была бы безплодна. Вопросъ состоитъ не въ томъ, какъ направить тотъ или другой изъ этихъ трехъ путей, а въ томъ, который изъ нихъ избрать чтобы строить его прежде другихъ. Такъ какъ всѣ согласны въ томъ что прежде всего надобно связать съ Москвой Одессу, то этимъ самымъ, какъ мѣтко указываетъ г. Липинъ, уже разрѣшенъ вопросъ въ пользу Кіева. Просимъ читателей обратить вниманіе на замѣчанія этого уважаемаго специялиста. Г. Липинъ касается и вопроса о топливѣ, которому сторонники кременчугской линіи придавали такое чрезмѣрное значеніе. Топливо составляетъ одинъ изъ самыхъ маловажныхъ расходовъ по эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ. Баронъ Дельвигъ доказалъ это разительными цифрами. На перевозку одного пуда клади на разстояніи ста верстъ требуется топлива такъ мало, что при высокихъ цѣнахъ топлива въ окрестностяхъ Москвы издержка составляетъ *одну пятнадцатую долю копѣйки*. То же самое, другими доводами, подтвердилъ г. Чижовъ, директоръ Московско-Ярославской желѣзной дороги. Наконецъ г. Розенталь указалъ на дешевизну дровъ въ окрестностяхъ Кіева, гдѣ они продаются вдвое дешевле чѣмъ въ окрестностяхъ Москвы, именно отъ 6 до 7 рублей за кубическую сажень. Изъ этого слѣдуетъ, что при кіевской цѣнѣ дровъ для провоза одного пуда клади на разстояніи ста верстъ потребуется израсходовать на топливо *одну тридцатую копѣйки*, между тѣмъ какъ за самый дешевый разрядъ клади (хлѣбъ, уголь и т. д.) взимается у насъ на желѣзныхъ дорогахъ 2 ½ к., то-есть въ *семьдесятъ пять разъ болѣе* расхода на топливо сжигаемое для перевоза этого пуда. Неужели въ видахъ уменьшенія такого микроскопическаго расхода можно требовать отклоненія южной дороги на востокъ для сближенія ея съ лисичанскимъ рудникомъ?

Но довольно. Вопросъ о направленіи первой южной линіи русскихъ желѣзныхъ дорогъ разъясненъ окончательно. Скажемъ лучше нѣсколько словъ о другомъ проектѣ, упоминаемомъ въ статьѣ г. Липина,—о проектѣ линіи, имѣющей соединить Парканы съ львовско-черновицкою желѣзною дорогой, строящеюся въ Австріи. Нельзя не согласиться съ замѣчаніемъ г. Липина, что принять на этой линіи австрійское разстояніе рельсовъ было бы весьма опасно; это значило бы дать Австріи огромный перевѣсъ надъ нами въ случаѣ войны. Но тѣмъ не менѣе проектъ бессарабской желѣзной дороги, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ вниманія.

Этотъ проектъ—дѣло серіозное. Въ немъ заинтересована компанія львовско-черновицкой желѣзной дороги, колеблющаяся теперь между двумя проектами,—проектомъ продолженія дороги черезъ Бессарабію къ Одессѣ и проектомъ продолженія дороги черезъ Молдавію къ Галацу. Нѣтъ сомнѣнія, что отъ выбора того или другаго направленія во многомъ зависитъ будущность Одессы и даже транзитнаго торга черезъ Закавказье. Въ интересахъ Россіи весьма желательно, чтобъ Одесса сдѣлалась портомъ для Галиціи и Буковины. Бессарабская желѣзная дорога связала бы Одессу съ Австріей и Германіей и скоро сдѣлалась бы важнымъ торговымъ путемъ изъ Гамбурга къ Черному морю. Товарамъ, идущимъ въ Азію, было бы тогда удобнѣе направляться не въ Трапезундъ, какъ теперь, а черезъ русскія закавказскія владѣнія, особенно еслибы тому способствовало улучшеніе тамошнихъ дорогъ и устройство порта на устьѣ Ріона. Съ нашимъ отпускомъ эти товары не могли бы ни въ чемъ конкуррировать, и потому направленіе ихъ черезъ русскій портъ послужило бы только

къ нашей выгодѣ. Немаловажный выигрышъ заключался бы и въ томъ, что развитіе торговыхъ сношеній упрочило бы миръ между Австріей и Россіей: отпуская значительную часть своихъ продуктовъ черезъ одесскій портъ, Австрія была бы поставлена въ нѣкоторую зависимость отъ насъ — въ зависимость нисколько не опасную для нея (такъ какъ и мы принуждены были бы дорожить торговыми сношеніями съ Австріей), но тѣмъ не менѣе обезпечивающую миръ по крайней мѣрѣ противъ такихъ нарушеній, которыя не оправдывались бы существенными интересами Австріи, а одно это уже было бы очень важно для Россіи, — державы, что бы ни говорили наши недоброжелатели, по существенному своему характеру не завоевательной. Наконецъ, при сооруженіи этой желѣзной дороги мы вступили бы въ ближайшія сношенія съ Австріей черезъ Буковину, наиболѣе православную изъ австрійскихъ провинцій. Итакъ, желательность для насъ бессарабской желѣзной дороги не можетъ, кажется, подлежать сомнѣнію. Но все это имѣетъ силу только въ томъ случаѣ, если въ то же время Одесса получитъ желѣзную дорогу въ Кіевъ и Москву, и если австрійская компанія, которая предлагаетъ намъ теперь свои услуги, не будетъ настаивать на тѣхъ крайне тяжкихъ для насъ условіяхъ, на которыя намекаетъ г. Липинъ. Если мы не ошибаемся, то самой этой компаніи должно быть желательнѣе продолжать галицко-буковинскую дорогу черезъ Россію чѣмъ черезъ Дунайскія княжества, сдѣлавшіяся очагомъ революціи, и продолжать ее къ Одессѣ, морскому порту, а не къ Галацу, который, при всѣхъ его достоинствахъ, все-таки не болѣе какъ рѣчной портъ. Это тѣмъ болѣе должно быть желательно галицко-буковинской компаніи, что одинъ участокъ будущей дороги — отъ Парканъ до Одессы — уже готовъ. Имѣя въ виду эти обоюдные интересы, можно, кажется, надѣяться на возможность соглашенія. Мы никакъ, впрочемъ, не расположены отрицать, что еслибы г. Офенгеймъ, представитель австрійской компаніи, напримѣръ пожелалъ гарантировать расходы въ 120.000 р. на версту въ одинъ путь или потребовалъ гарантію чистаго дохода въ $2^1/_2$ милліона съ дороги имѣющей съ небольшимъ 400 верстъ протяженія, то о соглашеніи не могло бы быть и рѣчи. Къ невозможностямъ мы не задумываясь причислили бы и предложеніе предоставить компаніи *исключительное* право разыскиванія и разработки каменнаго угля въ Бессарабіи и Херсонской губерніи или дозволить компаніи проложеніе *въ предѣлахъ Россіи, на четырехсотверстномъ протяженіи*, пути австрійской ширины (1 ф. 8 д.), по которому не могли бы двигаться наши паровозы и вагоны, устраиваемые для ширины пути въ 5 футовъ.

№ 285.

Москва, 28-го декабря.

Миролюбивыя увѣренія императора Наполеона, въ первый день новаго года, какъ оказывается, не совсѣмъ убѣдили общественное мнѣніе Англіи въ прочности нынѣшняго европейскаго мира. „Въ послѣднія десять или двѣнадцать лѣтъ, говоритъ *Daily News*, начало каждаго новаго года возбуждаетъ смутныя и тревожныя ожиданія какихъ-нибудь случайностей, способныхъ съ наступленіемъ весны нарушить миръ Европы. Есть ли это слѣдствіе того, что вторая Французская имперія, возникшая вопреки Вѣнскимъ трактатамъ, въ самомъ существѣ своемъ и всѣми условіями своего бытія, представляетъ собою элементъ всѣхъ возможныхъ перемѣнъ и переворотовъ въ Европѣ, возбуждая революціонныя надежды и страсти и поощряя всякое противозаконное властолюбіе? Или же всеобщія опасенія проистекаютъ изъ убѣжденія, что управлять французскою націей невозможно, не давая ей или свободы, или славы, а что такое государство, какъ вторая Французская имперія, не можетъ ужиться съ свободой?“ Очевидно, что Англія не успокоится и не будетъ почитать миръ Европы упроченнымъ до тѣхъ поръ, пока во Франціи не измѣнится внутренній порядокъ вещей и пока всѣ силы и средства ея будутъ исключительно зависѣть отъ воли одного лица, миролюбіе котораго не внушаетъ къ себѣ полнаго довѣрія.

Прошедшій годъ, однакоже, могъ бы, повидимому, убѣдить въ миролюбіи какъ Франціи, такъ и другихъ державъ Европы, за исключеніемъ развѣ одной только Пруссіи. Датско-германская война могла легко обратиться въ войну общеевропейскую, и однакоже, ни одна изъ державъ не восполь-

зовалась этимъ удобнымъ случаемъ для достиженія, среди всеобщихъ замѣшательствъ, какихъ-либо своекорыстныхъ цѣлей. Франція, нѣтъ сомнѣнія, имѣла къ тому сильнѣйшее расположеніе, но и она принуждена была отступить въ виду коалиціи, которая не замедлила бы образоваться изъ Австріи, Пруссіи, Англіи и можетъ-быть, даже и самой Россіи. Ни польскаго мятежа въ 1863 году, ни датско-германской войны въ 1864 году Франціи не удалось употребить въ дѣло для потрясенія цѣлой Европы и для передѣлки ея карты въ интересахъ французскаго властолюбія; оставался италіянскій вопросъ, какъ наиболѣе удобный и сподручный. Къ нему и обратилась Франція, но и то съ большими предосторожностями, за неизвѣстностью, въ какихъ взаимныхъ отношеніяхъ состоятъ между собою Пруссія и Австрія и даже Россія. Эти предосторожности все увеличивались, и италіянскій вопросъ готовъ былъ временно сойдти со сцены, какъ вдругъ самъ папа Пій IX возбудилъ его съ новой силой своимъ окружнымъ посланіемъ отъ 8-го декабря.

Безъ этого посланія, какъ справедливо замѣчаетъ *Ostdeutsche Post*, 1864-й годъ закончился бы спокойно и не возбуждая никакихъ тревогъ; но папское посланіе создало для Франціи и для другихъ европейскихъ державъ совершенно новое положеніе, которое легко можетъ повести къ замѣшательствамъ и столкновеніямъ. Положеніе, въ которое поставлена Франція, далеко не изъ самыхъ пріятныхъ: въ папскомъ посланіи заключается прямой ей вызовъ, котораго нельзя отвергнуть молча, и который неминуемо найдетъ болѣе или менѣе сильный отголосокъ въ самой странѣ. Повидимому, значительная часть высшаго французскаго духовенства, и во главѣ его архіепископъ Парижскій стоятъ въ этомъ случаѣ на сторонѣ свѣтской власти, и готовы содѣйствовать ей въ отраженіи ударовъ папы; тѣмъ не менѣе въ нѣдрахъ самого духовенства и французской клерикальной партіи можетъ произойдти взрывъ неудовольствія, вслѣдствіе самаго уже запрещенія оглашать папское посланіе съ церковныхъ каѳедръ и дѣлать его предметомъ истолкованій въ пастырскихъ посланіяхъ. А между тѣмъ духовенство было одною изъ надежныхъ опоръ императорской власти во Франціи, тѣмъ болѣе значительною, что оно оказывало не малое вліяніе на результаты всеобщей подачи голосовъ, особенно со стороны поселянъ. Для Франціи было бы особенно важно склонить самого папу къ большему миролюбію и къ косвенному отреченію отъ заявленныхъ имъ стремленій. Въ этихъ видахъ была, дѣйствительно, отправлена въ Римъ депеша г. Друэнъ-де-Люиса, содержаніе которой было намъ передано въ свое время по телеграфу. Но разчетъ оказался невѣренъ: папа отнюдь не смягчился, а скорѣе напротивъ, какъ это видно изъ его отвѣта на привѣтствіе священной коллегіи сказанное въ новый годъ. Вотъ подлинныя слова папы, вкратцѣ сообщенныя нами прежде:

„Мы находимся передъ новымъ идоломъ, и имѣемъ поводъ вспомнить слова знаменитаго и премудраго папы Святаго Льва: „Вооружается двоякимъ оружіемъ человѣкъ алчный къ золоту и враждебный къ истинѣ: алчностью для похищенія золота „и нечестіемъ для восхищенія самого Христа“. Такое зрѣлище, продолжалъ папа, представляется намъ въ настоящее время. У насъ похищаютъ священнѣйшія блага, и еслибы было возможно, то похитили бы и самаго Христа изъ нашихъ сердецъ. Какъ долго будетъ длиться это страшное испытаніе—этого мы не знаемъ; но еслибы мнѣ суждено было видѣть расторженіе цѣпей, которыми хотятъ оковать преемника Святаго Петра, и обращеніе этихъ цѣпей въ узы любви и уваженія къ святому римскому престолу, еслибы мнѣ суждено было извѣдать торжество истины и справедливости, о, тогда я воскликнулъ бы вмѣстѣ съ Симеономъ: „Нынѣ отпущаеши раба Твоего.“

Очевидно, что г. Друэнъ-де-Люису нисколько не удалось склонить папу къ миролюбію. Тѣмъ важнѣе было бы для Франціи, еслибъ она могла противопоставить гнѣву папы общее согласіе всѣхъ католическихъ державъ относительно осужденія его посланія. Къ этой цѣли, повидимому, направлены теперь усилія французской дипломатіи; но едва ли и они увѣнчаются успѣхомъ. Положеніе Австріи и въ этомъ случаѣ оказывается наиболѣе затруднительнымъ и непріятнымъ. Въ силу конкордата 1855 года она не въ правѣ даже воспрепятствовать оглашенію и истолкованіямъ папскаго посланія католическими епископами. Замѣчательно, что *Botschafter*, органъ г. фонъ-Шмерлинга, даже похва-

ляется передъ Франціей этою большею свободой, какая предоставлена въ Австріи католическому духовенству. Въ какомъ бы духѣ ни дѣйствовалъ баронъ Бахъ, австрійскій посолъ въ Римѣ, однакоже, очевидно, что Австрія не можетъ присоединиться къ Франціи въ мѣрахъ, какія она сочтетъ за должное принять противъ папскаго посланія. Для умиротворенія Франціи, въ данномъ случаѣ, ей не осталось ничего болѣе; какъ заявить въ своей офиціяльной *Вѣнской Газетѣ*, что въ папскомъ посланіи она видитъ только оглашеніе мнѣній римскаго престола, не способныхъ нисколько поколебать ея государственные законы и учрежденія. Папское посланіе вдвойнѣ неблагопріятно для Австріи. Вопервыхъ, оно уничтожаетъ всѣ надежды на обѣщанное г. фонъ-Шмерлингомъ измѣненіе въ конкордатѣ,—измѣненіе, котораго настоятельно требуетъ провозглашенное въ Австріи начало равенства всѣхъ вѣроисповѣданій: этихъ измѣненій предположено было достигнуть путемъ переговоровъ съ папою, а въ папскомъ посланіи самое мнѣніе о необходимости равенства всѣхъ вѣроисповѣданій въ государствѣ названо заблужденіемъ. Вовторыхъ, извнѣ папское посланіе съ новою силой возбуждаетъ италіянскій вопросъ, который, по сознанію газеты *Botschafter*, есть по преимуществу вопросъ римскій, вопросъ о свѣтской власти папы, и сверхъ того, оно способно еще болѣе охладить отношенія между Франціей и Австріей и довести ихъ почти до совершеннаго разрыва. Сознаніе этого рода опасности было, безъ сомнѣнія, причиною, что австрійское правительство, продолжая успокоивать, по возможности второстепенныя государства Германіи, въ то же время въ полуофиціяльномъ своемъ изданіи— *Wiener Abendpost* снова возглашаетъ о необходимости тѣснаго союза съ Пруссіей для охраненія интересовъ обѣихъ великихъ нѣмецкихъ державъ, цѣлой Германіи и обще-европейскаго мира и спокойствія. При такомъ настроеніи Вѣнскаго кабинета, Пруссія можетъ смѣло ожидать разрѣшенія шлезвигъ-гольштейнскаго вопроса въ свою пользу, и *Провинціяльная Корреспонденція* извѣщаетъ уже, что въ Берлинѣ наряжены теперь коммиссіи, состоящія изъ спеціялистовъ, избранныхъ изъ различныхъ министерствъ, для точнѣйшаго опредѣленія и изложенія требованій Пруссіи, относительно присоединенія къ ней Шлезвигъ-Гольштейна по дѣламъ военнымъ, морскимъ и дипломатическимъ.

Если папское посланіе начинаетъ, не совсѣмъ благопріятно для интересовъ Россіи, отражаться на развитіи шлезвигъ-гольштейнскаго вопроса, то, по свидѣтельству вѣнской газеты *Botschafter*, оно послужило уже поводомъ къ сближенію Франціи съ Россіей. Римскій вопросъ, дѣйствительно, представляетъ собою ту почву, на которой Россія и Франція могутъ сойдтись между собою въ видахъ уничтоженія свѣтской власти папы и особенно ослабленія духовнаго его авторитета надъ католическими ихъ подданными. Впрочемъ, Россія не имѣетъ особенной надобности въ содѣйствіи Франціи для совершенія тѣхъ реформъ, которыя оказались необходимыми какъ въ устройствѣ, такъ и въ положеніи римско-католической церкви въ предѣлахъ Польскаго ея края и въ западныхъ ея губерніяхъ. Еслибы папа, оказывая нравственную поддержку бывшему польскому мятежу, и не разорвалъ самъ заключеннаго съ нимъ въ 1847 году конкордата, то и тогда Россія имѣла бы полное право позаботиться о необходимыхъ въ этой сферѣ реформахъ. Теперь же образъ дѣйствій папы и всего мѣстнаго польскаго духовенства явно указалъ, въ какомъ направленіи должны быть совершены эти реформы. Неудовольствіе, возбужденное въ цѣлой Европѣ послѣдними актами папы, послужитъ Россіи въ пользу только въ томъ отношеніи, что устранитъ возможность ложнаго и враждебнаго истолкованія дальнѣйшихъ мѣръ русскаго правительства. Папская власть оказалась непримиримымъ врагомъ современнаго государственнаго и общественнаго порядка вещей, и чѣмъ какая-либо страна имѣетъ менѣе отношеній къ этой власти, тѣмъ для нея лучше. Положеніе Россіи можетъ быть въ этомъ отношеніи такъ выгодно, какъ она сама того пожелаетъ. Напротивъ, Австріи, которая связала свои интересы съ интересами Римскаго двора и всей латинской іерархіи, безъ сомнѣнія, придется не разъ еще сожалѣть о томъ, что она не обезпечила себѣ полной свободы дѣйствій въ этомъ отношеніи.

№ 286.

Москва, 29-го декабря.

Какая судьба ожидаетъ новый гимназическій уставъ? Поблагопріятствуютъ ли обстоятельства тому, чтобы плодотворныя начала, положенныя въ его основаніе, оказали свое полезное дѣйствіе? Какъ свершится великое дѣло исполненія? Вотъ вопросы, которые въ настоящее время, естественно, занимаютъ всякаго кому дорого дѣло воспитанія, находящееся нынѣ въ столь безотрадномъ состояніи въ нашихъ школахъ, съ ихъ разслабляющею атмосферой. Къ счастію, новый уставъ, по отношенію къ системѣ университетскихъ гимназій, носитъ всѣ задатки удачнаго исполненія, если только исполнители честно поймутъ свою не легкую задачу, приступятъ къ дѣлу съ искреннимъ убѣжденіемъ въ пользѣ предстоящаго преобразованія и съ твердою послѣдовательностью поведутъ его къ указанной цѣли; если, наконецъ, дѣло не остановится на половинѣ дороги, и всѣ университетскія гимназіи сдѣлаются классическими въ истинномъ смыслѣ этого слова.

Уже въ третій разъ въ теченіе нынѣшняго столѣтія преобразуются уставы нашихъ учебныхъ заведеній; не мало разнообразныхъ опытовъ производилось надъ нашимъ образованіемъ; но еще въ первый разъ рѣшаемся мы сдѣлать простѣйшій изъ нихъ и вступить на путь общій всѣмъ образованнымъ народамъ; еще въ первый разъ нашимъ воспитателямъ придется имѣть дѣло съ планомъ ученья простымъ и яснымъ, соединеннымъ съ очевидными практическими трудностями и очевидною возможностію ихъ побѣдить. Планъ неисполнимый, — чрезъ то самое освобождающій отъ необходимости выполненія, — планъ съ широкими затѣями, требующій отъ исполнителей не труда, а взглядовъ и прогрессивныхъ убѣжденій самаго послѣдняго изданія, конечно, болѣе улыбнулся бы, своими радужными красками, извѣстному классу нашихъ педагоговъ; но нѣтъ сомнѣнія, что только строгая простота учебнаго плана и неуклонное слѣдованіе по пути классическаго ученья, составляющаго основу европейской школы, въ состояніи положить конецъ поверхностному пустословію нашихъ школъ и послужить великому дѣлу самобытнаго развитія умственной жизни въ нашемъ отечествѣ. Опыты прошедшаго не должны быть забыты, а эти опыты уже, конечно, не говорятъ въ пользу поверхностнаго многоученія, которымъ до сихъ поръ страдали наши гимназіи.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, со вступленіемъ на престолъ Императора Александра, началось обширное преобразовательное движеніе въ нашемъ отечествѣ, коснувшееся, между прочимъ, и важнаго дѣла народнаго образованія. Учреждено министерство просвѣщенія, учебное управленіе раздѣлено на округи, основаны новые университеты, начертаны уставы среднихъ и низшихъ заведеній. Плодами преобразовательныхъ заботъ правительства прежде всего воспользовались западныя окраины нашего отечества. Въ декабрѣ 1802 года вышло постановленіе объ учрежденіи университета въ Дерптѣ, а въ апрѣлѣ слѣдующаго года подписанъ „актъ утвержденія для императорскаго университета въ Вильнѣ.“ Уставы этихъ двухъ университетовъ послужили оригиналомъ для болѣе слабыхъ копій, какими явились, въ концѣ слѣдующаго года, уставы университетовъ: Московскаго и двухъ новыхъ—Казанскаго и Харьковскаго. Дерптскій университетъ получилъ прочное корпоративное устройство, и забота объ охраненіи этого устройства выразилась въ самомъ уставѣ, гдѣ въ § 27 (не вошедшемъ въ уставы другихъ университетовъ) сказано: „Совѣтъ, представляя собою весь университетъ, управляетъ онымъ, дѣйствуетъ по его правамъ и сіи защищаетъ.“ Въ матеріяльномъ отношеніи самымъ богатымъ былъ въ то время Виленскій университетъ, имѣвшій на свое содержаніе болѣе ста тысячъ рублей серебромъ. На Дерптскій университетъ отпускалась приблизительно та же сумма, какая опредѣлялась для внутреннихъ русскихъ университетовъ (130 тысячъ рублей ассигнаціями); но дерптскіе профессора были сравнительно въ лучшемъ положеніи, такъ какъ пользовались платою отъ слушателей (содержаніе Дерптскаго университета было значительно усилено въ 1817 году, когда жалованье профессоровъ было возвышено до той цифры, до какой въ остальныхъ университетахъ оно достигло только съ уставомъ 1835 года).

Отъ университетовъ зависѣли гимназіи. Если сравнить устройство, какое было дано гимназіямъ Дерптскаго округа, вопервыхъ, съ устройствомъ гимназій Виленскаго округа, а потомъ съ гимназіями прочихъ

округовъ, то легко замѣтить въ высшей степени любопытную градацію. Гимназіи Дерптскаго округа были устроены на общеевропейскихъ началахъ. Классическое образованіе полагалось въ основу ихъ устройства. „Языки и творенія классической древности (такъ сказано въ уставѣ этихъ гимназій, въ главѣ объ учебномъ планѣ) всегда признаваемы были за истинное основаніе всякой учености, за лучшее средство не токмо къ изощренію и укрѣпленію душевныхъ силъ юноши, но и къ приготовленію его ко всякому другому ученію и къ открытію ему хода къ каждой наукѣ. Посему основательное и соотвѣтственное цѣли ученіе симъ языкамъ, вмѣстѣ съ математикою, составляетъ самую первую и существенную часть учебнаго плана гимназіи.“ Въ пяти классахъ, изъ которыхъ состояли тогдашнія гимназіи Дерптскаго округа, на преподаваніе латинскаго языка было назначено 38 часовъ, на преподаваніе греческаго—24 часа въ недѣлю, 19 на математику и только 12 на нѣмецкій языкъ; французскому языку обучались внѣ обычнаго класснаго времени. Это раціональное устройство принесло свои плоды: всѣмъ извѣстно, на сколько нынѣ гимназіи Дерптскаго округа превосходятъ гимназіи остальныхъ частей нашего отечества. Переходя къ уставу заведеній Виленскаго округа, мы видимъ, что онъ значительно разнился отъ Дерптскаго, и уже значительно отступалъ отъ общеевропейскаго образца. Греческій языкъ,—за исключеніемъ заведеній, которыя, какъ Волынская гимназія (переименованная потомъ въ лицей) и Полоцкая іезуитская академія, должны быть причислены къ высшимъ,—не преподавался въ гимназіяхъ обширнаго Виленскаго округа, обнимавшаго тогда весь западный край, съ нынѣшними девятью его губерніями; но латинскій языкъ изучался серіозно по 38 часовъ въ семи классахъ гимназіи (онъ преподавался также и въ уѣздныхъ училищахъ, тогда какъ въ Дерптскомъ округѣ эти заведенія имѣли болѣе реальный характеръ). Вмѣстѣ съ тѣмъ въ учебномъ планѣ гимназій Виленскаго округа было замѣтно стремленіе къ многоученію. Въ числѣ учебныхъ предметовъ встрѣчаемъ и законовѣдѣніе, и политическую экономію, и пятиклассный курсъ естественной исторіи; преподаваніе новыхъ языковъ выдвинуто на болѣе видный планъ. Наконецъ, еще несравненно далѣе отъ простоты плана классическаго ученія отступалъ учебный планъ остальныхъ русскихъ гимназій. Всѣ отрасли человѣческаго знанія нашли мѣсто въ этомъ широкомъ планѣ. Здѣсь мы встрѣчаемъ и эстетику, и всеобщую грамматику, и политическую экономію, и технологію, и естественныя, и коммерческія науки, и право естественное, и право народное;—и все въ четыре года ученья. Реальное направленіе стоитъ, повидимому, на первомъ планѣ; о греческомъ языкѣ нѣтъ помину, латинскій преподается по немногу лишь въ трехъ классахъ; за то учитель математики „показываетъ на прогулкахъ различные роды мельницъ, гидравлическихъ машинъ и другихъ механическихъ предметовъ; учитель естественной исторіи и технологіи собираетъ травы, различные роды земель, камней; въ зимнее время осматриваетъ въ городѣ, мануфактуры и мастерскія художниковъ.“ Программа, какъ видимъ, обширная, шестьюдесятью годами опередившая фантазіи нашихъ новѣйшихъ педагоговъ, но принесшая лишь жалкіе плоды. Въ 1819 году попечитель Московскаго учебнаго округа, князь Оболенскій, донося министру о состояніи своего управленія, писалъ, „что во всѣхъ почти гимназіяхъ число учащихся весьма не велико, а высшіе классы въ нѣкоторыхъ и вовсе пусты, отчего и число студентовъ въ университетѣ значительно быть не можетъ; въ гимназіяхъ обучаются дѣти или однихъ бѣдныхъ губернскихъ чиновниковъ, или купцовъ и мѣщанъ: ни тѣ, ни другіе не оканчиваютъ всего курса наукъ.“ Попечитель предлагалъ имѣть въ каждой гимназіи по десяти казенныхъ воспитанниковъ, обязавъ ихъ службою въ вѣдомствѣ училищнаго начальства.

Между тѣмъ въ Виленскомъ округѣ кипѣла дѣятельность. Значительная часть дѣлъ министерства народнаго просвѣщенія за первую эпоху его существованія относится къ управленію Виленскимъ округомъ: устраивались новыя заведенія, ревниво охранялись и увеличивались богатыя средства уже существующихъ; польскій элементъ торжествовалъ, и въ лицѣ Чарторыйскихъ и Чацкихъ пользовался правительственною властью (о Чацковъ въ уставѣ Волынской гимназіи сказано, что онъ „своимъ усердіемъ, любовью къ отечеству и дарованіями пріобрѣлъ довѣренность согражданъ своихъ, и явилъ благоуспѣшные опыты стараній своихъ о приведеніи въ дѣйствіе намѣреній правительства, пекущагося о успѣ-

хахъ народнаго просвѣщенія"). Польское кіевское дворянство, слѣдуя, какъ оно говорило, примѣру Волынскаго, ходатайствовало въ 1806 году объ учрежденіи въ Кіевѣ гимназіи, и давало значительный капиталъ, разчитанный по числу крестьянскихъ ревизскихъ душъ и слѣдовательно, собиравшійся съ православнаго русскаго люда, но постановляло при этомъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы преподаваніе происходило на польскомъ языкѣ. Оно утверждало, что „число дворянства въ Кіевской губерніи, употребляющаго Польскій языкъ (замѣтимъ: не польскаго происхожденія, *употребляющаго польскій языкъ*) 43.000, россійскаго же съ безпомѣстными чиновниками только 1.170." Оно забывало при этомъ, что живетъ въ исконно-русскомъ краѣ и подъ русскою державой. Впрочемъ, русскій элементъ не признавался на пространствѣ Виленскаго округа. Заботливое управленіе этого округа исходатайствовало въ 1807 г. уставъ для приходскихъ училищъ Волынской, Подольской и Кіевской губерній. Уставъ, упоминающій о пожертвованіяхъ и стараніяхъ дворянства и католическаго духовенства, приложенъ, очевидно, къ училищамъ этого исповѣданія, и въ одномъ изъ параграфовъ своихъ заботливо упоминаетъ: „Гдѣ есть приходская церковь, тамъ дѣти римско-католическаго исповѣданія вмѣстѣ съ учителемъ во время литургіи должны бывать въ оной". О православномъ народѣ и православномъ духовенствѣ нѣтъ и помину. Въ „предначертаніи объ устроеніи училищъ въ округѣ Виленскаго университета" 1804 г. однажды упоминается впрочемъ о православномъ духовенствѣ, по случаю училища въ Пинскѣ: именно, говорится о помѣщеніи училища въ поiезуитскомъ домѣ, отданномъ „грекороссійскому архимандриту, который за отдѣленную подъ учителей и училище очень невыгодную часть онаго требуетъ въ годъ 100 рублей изъ эдукаціоннаго фундуша". Въ томъ же „предначертаніи" говорится и о „россійскихъ народныхъ школахъ", но относительно ихъ найдено необходимымъ подождать, пока визитаторъ соберетъ обстоятельныя свѣдѣнія, а пока было предложено „оставить ихъ на прежней степени".

Болѣе полувѣка прошло съ тѣхъ поръ, какъ такимъ образомъ устроилось дѣло русскаго просвѣщенія на русской землѣ. Многое измѣнилось съ тѣхъ поръ; но значительный перевѣсъ въ средствахъ для общаго образованія до сихъ поръ еще остался на сторонѣ областей, входящихъ въ составъ Дерптскаго и Виленскаго учебныхъ округовъ, сравнительно съ внутренними областями Россіи, и знаменательные факты, приведенные здѣсь, еще не потеряли своего поучительнаго значенія.

№ 287.

Москва 30-го декабря.

Botschafter,—какъ извѣстно, органъ государственнаго министра Австріи, г. фонъ-Шмерлинга,—отдавая отчетъ о положеніи общеевропейскихъ дѣлъ за прошлый годъ, съ самодовольствомъ заявляетъ, что нѣтъ не только вообще австрійскаго, но даже и венгерскаго вопроса на общеевропейской политической сценѣ. Мы же съ большею скромностью, но за то и съ большею правдой, должны сознаться, что даже и 1864 годъ, окончательно сокрушившій польскую революціонную организацію и положившій начало важнѣйшимъ соціальнымъ преобразованіямъ въ польскомъ краѣ Россіи, не успѣлъ, однакоже, вполнѣ упразднить такъ-называемый польскій, или—что то же русскій вопросъ, и не уничтожилъ слѣпой вѣры Поляковъ въ возможность возстановленія Польскаго королевства въ предѣлахъ 1771 года. Въ виду значительныхъ реформъ, совершающихся въ Россіи вообще, и въ польскомъ ея краѣ въ особенности, реформъ такъ быстро слѣдующихъ одна за другою, европейское общественное мнѣніе, очевидно, озадачено; не менѣе озадачены и ошеломлены сами Поляки. Россія, которой до сихъ поръ приписывали одну матеріяльную силу, оказывается теперь силой мыслящею, нравственною, способною не только разрушать и подавлять, но и создавать. Политическая важность реформъ, предпринятыхъ въ Царствѣ Польскомъ, болѣе или менѣе понимается и Поляками, и европейскимъ общественнымъ мнѣніемъ, несмотря на убѣжденіе страннымъ образомъ укоренившееся въ Европѣ, будто польская крестьянская реформа имѣетъ по преимуществу соціалистическій характеръ. При этомъ совершенно упускаются изъ виду два существенныя условія этой реформы, а именно, что польскіе помѣщики получаютъ узаконенное вознагражденіе за земли, которыя отъ нихъ отходятъ (и

на которыхъ они еще съ 1846 года не имѣютъ полнаго права распоряженія, не говоря уже о всеобщемъ согласіи помѣщиковъ уступить ихъ крестьянамъ въ силу декретовъ подземнаго жонда), и что эти земли раздаются польскимъ поселянамъ съ обязанностью платить за нихъ вновь установленный съ этою цѣлью налогъ. Такимъ образомъ обвиненіе въ соціалистическомъ направленіи, очевидно, не можетъ быть по справедливости отнесено къ крестьянской реформѣ въ Царствѣ Польскомъ. Но политическое ея значеніе несомнѣнно обнаружилось бы съ полною силой только въ томъ случаѣ, еслибъ, обставленная другими мѣрами, она могла повести къ дѣйствительному упраздненію польскаго вопроса.

По отношенію къ реформамъ, совершающимся въ польскомъ краѣ Россіи, какъ между самими Поляками, такъ и въ европейскомъ общественномъ мнѣніи и даже, какъ увѣряютъ, въ убѣжденіяхъ самихъ европейскихъ правительствъ замѣчается двоякое настроеніе. Одни рѣшительно отказываются вѣрить чтобы русское правительство довело предпринятыя имъ реформы до ихъ естественнаго результата, именно до полнаго слиянія Поляковъ въ одну политическую націю съ Русскими, или говоря иначе, до совершеннаго упраздненія административно-политической отдѣльности Царства Польскаго. Они полагаютъ, что русское правительство, по какимъ бы то ни было соображеніямъ или причинамъ, будетъ еще колебаться въ этомъ вопросѣ, что оно способно по собственной своей доброй волѣ остановиться на полудорогѣ, или даже пойдти назадъ. Только существованіемъ такого предположенія возможно объяснить себѣ то, что польскій вопросъ еще продолжаетъ существовать, что онъ не сошелъ еще съ общеевропейской политической сцены, что онъ еще входитъ въ различные политическіе разчеты и соображенія иностранныхъ государствъ, особенно Франціи, и состоитъ даже въ связи съ вопросами ихъ внутренней политики. Такъ, мы читаемъ въ газетѣ *Botschafter*, что Франція желала бы въ настоящее время сближенія, съ Россіей, съ тѣмъ чтобы сближеніе это ознаменовалось со стороны Россіи какою-либо существенною перемѣной въ ея внутренней политикѣ,—перемѣной, которую можно было бы представить законодательнымъ палатамъ Франціи въ видѣ уступки прошлогоднимъ ея требованіямъ по польскимъ дѣламъ.

Съ другой стороны, мы читаемъ въ приведенныхъ ниже извѣстіяхъ иностранныхъ газетъ, что въ средѣ польской эмиграціи, несмотря на всѣ раздоры въ ея нѣдрахъ, жива еще вѣра въ возможность борьбы съ Россіей и даже побѣды надъ нею. Болѣе умѣренная партія, органомъ которой служитъ *Ойчизна*, желаетъ пока дѣйствовать въ тиши, давъ, однакоже, твердую организацію разсѣяннымъ по всей Европѣ польскимъ эмигрантамъ, но партія дѣйствія считаетъ возможнымъ возобновить борьбу съ Россіей будущею весной, и если вѣрить показаніямъ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, изготовляетъ уже средства къ тому. При этомъ она увѣрена, что предпринятыя Россіею реформы, не будучи еще доведены до естественнаго своего конца, послужатъ только въ пользу „польской справы„. Такимъ образомъ, и эти замыслы, главнѣйшимъ образомъ, основываются на предположеніи, что русское правительство остановится на полудорогѣ, и не рѣшится довершить начатое имъ дѣло.

Но, какъ сказано, далеко не всѣ въ западной Европѣ и среди самихъ Поляковъ держатся такого оскорбительнаго для Россіи предположенія: многіе начинаютъ уже замѣтнымъ образомъ болѣе прежняго вѣрить въ послѣдовательность русскаго правительства, и при враждебномъ настроеніи къ Россіи, не безъ смущенія ожидаютъ въ ближайшемъ уже времени такихъ мѣръ съ ея стороны, которыя окончательно упразднятъ такъ-называемый польскій вопросъ и дадутъ Россіи новую силу и несравненно большее чѣмъ прежде вліяніе въ цѣломъ славянскомъ мірѣ. Эти опасенія особенно часто высказываются въ органахъ австрійской печати. Мы не можетъ поручиться за достовѣрность сообщаемыхъ ими извѣстій о предполагаемыхъ Россіею мѣрахъ; но для насъ не безинтересно ознакомиться ближе съ ихъ воззрѣніями на этотъ предметъ, и указать на то, какія мѣры, по ихъ мнѣнію, способны поддержать въ Полякахъ и какія способны уничтожить въ нихъ надежду на возможность возстановленія самобытной Польши въ прежнихъ ея предѣлахъ. Въ этомъ отношеніи особенно поучительно письмо варшавскаго корреспондента газеты *Wanderer*, писанное отъ 31-го декабря.

Этотъ корреспондентъ, явно преданный польскимъ національнымъ притязаніямъ,

сравниваетъ, между прочимъ, правительственную систему, которою руководствовалась Россія относительно Польши послѣ мятежа 1830—31 года, съ тою, которую она усвоила себѣ въ настоящее время, и съ своей точки зрѣнія отдаетъ предпочтеніе первой изъ нихъ. „Правленіе князя Паскевича, пишетъ онъ, все-таки до нѣкотой степени потворствовало польскому дворянству, и воздерживаясь отъ мѣръ, направленныхъ къ окончательному включенію Царства Польскаго въ составъ Имперіи, тѣмъ самымъ давало дворянству возможность пользоваться привилегированнымъ положеніемъ его для приготовительныхъ работъ, имѣвшихъ цѣлью полное возрождеденіе Польши; нынѣшняя же система направлена прямо противъ этого дворянства, съ его національными историческими преданіями, прямо противъ поборниковъ польской аристократической Рѣчи Посполитой и къ полному сліянію польскаго элемента съ русскимъ". Обезкураженный поборникъ этой soidisant аристократической, а въ сущности только шляхетской Рѣчи Посполитой взываетъ къ помощи западной Европы, которая, однакоже, по собственному его сознанію, совершенно стала равнодушна къ польскому дѣлу, и которая, конечно, не обратитъ никакого вниманія на его призывъ. Но намъ, Русскимъ, не худо принять къ свѣдѣнію, что даже среди величайшихъ строгостей правленія князя Паскевича, Поляки, по собственному ихъ признанію, находили возможность заготовлять средства къ возрожденію Польши, потому только что русское правительство не рѣшилось тогда на полное присоединеніе Царства Польскаго къ Имперіи и сохраняло за нимъ его административную отдѣльность. Напротивъ, теперь они начинаютъ убѣждаться въ невозможности для нихъ такого образа дѣйствій, замѣчая, что въ настоящее время реформы русскаго правительства въ Царствѣ Польскомъ клонятся къ упраздненію административно политической его отдѣльности и къ сліянію польскаго элемента съ русскимъ.

Въ послѣднемъ отношеніи было бы особенно важно, еслибъ оказалось достовѣрнымъ сообщаемое иностранными газетами извѣстіе о намѣреніяхъ русскаго правительсва относительно реформъ въ организаціи и въ положеніи римско-католической церкви какъ польскаго края, такъ и западной Россіи. Такъ, между прочимъ, въ *Botschafter* пишутъ изъ Львова, отъ 31-го декабря, что лишь только вполнѣ уяснятся отношенія Франціи къ папству, и въ отпоръ ученіямъ, содержащимся въ недавнемъ окружномъ посланіи папы, опредѣлится точнѣе независимость Галликанской церкви отъ Римскаго престола, тотчасъ же и Россія объявитъ римско-католическую церковь въ подвластныхъ ей странахъ независимою отъ папы, и ввѣритъ ея управленіе особому синоду; власть епископовъ вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ ограничена: раздача приходовъ будетъ у нихъ отнята, и предоставлена гминнымъ и сельскимъ сходамъ, подъ надзоромъ и съ утвержденія правительства; церковныя наказанія будутъ назначаемы епископами также не иначе какъ съ утвержденія правительства; наконецъ, что особенно важно, богослужебнымъ языкомъ станетъ, вмѣсто латинскаго, равно понятный всѣмъ славянскимъ племенамъ древне-славянскій, такъ называемый церковно-славянскій языкъ, употребительный въ нашемъ православномъ богослуженіи и уже допускаемый въ нѣкоторыхъ случаяхъ римскою церковью. Осуществленіе всѣхъ этихъ реформъ, по мнѣнію корреспондента, не встрѣтило бы въ настоящее время никакого противодѣйствія со стороны народа и низшаго духовенства, и только высшее духовенство и высшее дворянство стали бы имъ противиться.

Повторяемъ, что мы нисколько не ручаемся за достовѣрность этого извѣстія, и приводимъ его только какъ указаніе, какихъ мѣръ ожидаютъ отъ Россіи съ точки зрѣнія ея интересовъ. Но еслибъ изложенный здѣсь планъ оказался, дѣйствительно удобоисполнимымъ, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ какъ нельзя болѣе содѣйствовалъ бы осуществленію той высокой цѣли, которую Россія имѣла въ виду еще въ 1832 г. именно, сліянію Русскихъ и Поляковъ „въ одинъ народъ согласныхъ братій" и прекращенію вѣковой вражды между ними, еще болѣе пагубной для Поляковъ, нежели для Русскихъ. Усилія русскаго правительства, направленныя къ этой цѣли, если бы только имъ соотвѣтствовали и самыя средства, какъ того можно ожидать въ настоящее время, нашли бы полное себѣ оправданіе и заслуженную хвалу предъ безпристрастнымъ судомъ исторіи; очень можетъ быть, что даже современная Европа, при своемъ недоброжелательствѣ къ Россіи, не отказала бы имъ въ сочувствіи. Нѣтъ ни одной

образованной страны въ Европѣ, гдѣ просвѣщенное правительство не заботилось бы объ устраненіи племенной розни между членами одного и того же государства, и не принимало бы рѣшительныхъ мѣръ въ тѣхъ видахъ, чтобы различныя по происхожденію и языку племена могли образовать изъ себя одну политическую націю, пользующуюся одними и тѣми же правами. Пруссія въ недавнее еще время сдѣлала въ этомъ направленіи одинъ новый шагъ впередъ по отношенію къ своимъ польскимъ подданнымъ. Въ началѣ нынѣшняго декабря, какъ пишутъ изъ Маріенвердера въ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, прусское правительство вмѣнило въ обязанность всѣмъ духовнымъ лицамъ и учителямъ, состоящимъ при католическихъ школахъ, чтобы польскій языкъ былъ употребляемъ въ преподаваніи только въ низшемъ классѣ, и притомъ только съ цѣлью подготовить польскихъ дѣтей къ пониманію нѣмецкаго языка и къ успѣшному усвоенію предметовъ, которые въ двухъ высшихъ классахъ должны быть преподаваемы исключительно на языкѣ нѣмецкомъ. Франція, которая является такою поборницей такъ-называемаго начала національностей, тѣмъ не менѣе не признаетъ, по дѣйствующему еще и теперь школьному закону 1832 г., никакого другаго языка языкомъ училищъ кромѣ французскаго. Училищные инспекторы въ Эльзасѣ и въ Лотарингіи, какъ пишутъ въ *Allgemeine Zeitung*, отъ 1-го января, съ съ величайшею строгостью слѣдятъ за выполненіемъ этого закона, и не дозволяютъ духовнымъ лицамъ преподавать священную исторію и катихизисъ дѣтямъ, природный языкъ которыхъ есть нѣмецкій, иначе какъ по-французски. Почему бы Россія должна была, вопреки интересамъ своихъ подданныхъ русскаго и польскаго происхожденія, способствовать сохраненію племенной между ними розни и вражды, когда по самому своему происхожденію и языку они такъ близки между собою и когда Поляку усвоить себѣ русскій языкъ несравненно легче чѣмъ языкъ нѣмецкій, или чѣмъ Нѣмцу усвоить себѣ языкъ французскій? Посредствующимъ звеномъ между обоими языками: русскимъ и польскимъ, дѣйствительно, могъ бы какъ нельзя лучше послужить языкъ церковно-славянскій. Самая Римская курія согласилась на то, чтобы въ хорватскихъ и словинскихъ католическихъ храмахъ богослуженіе совершалось на славянскомъ языкѣ. Впрочемъ, если справедливо показаніе львовскаго корреспондента газеты *Botschafter*, что самое низшее духовенство въ польскомъ краѣ склонилось бы въ пользу этихъ реформъ, то очевидно, что они могли бы совершиться легко и безъ всякаго насилія.

